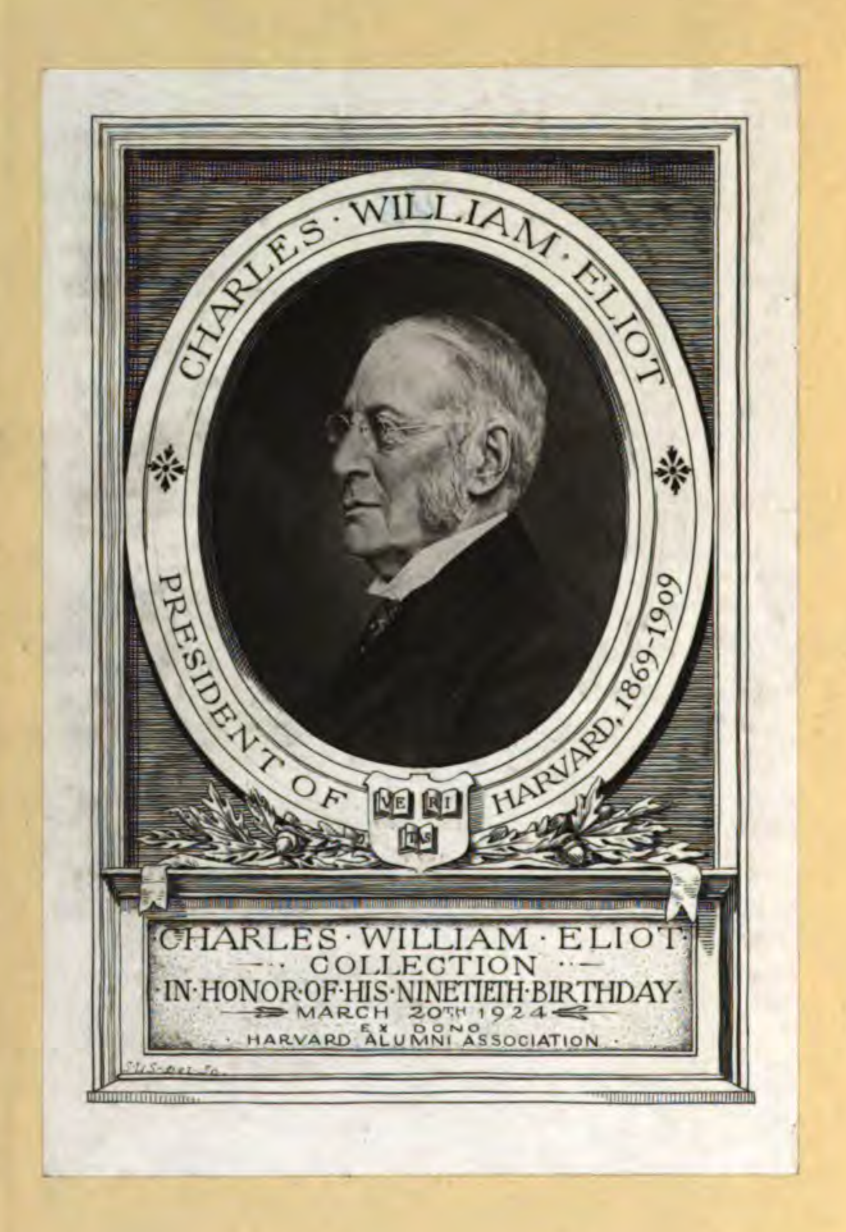

CHARLES · WILLIAM · ELIOT
PRESIDENT OF HARVARD, 1869-1909
VE RI TAS
CHARLES · WILLIAM · ELIOT
COLLECTION
IN · HONOR · OF · HIS · NINETIETH · BIRTHDAY
MARCH 20TH 1924
EX DONO
HARVARD ALUMNI ASSOCIATION

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805—1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

нашихъ разсказовъ было писано еще при существованіи университетскаго устава 1863 года. О немъ авторъ говоритъ, какъ объ уставѣ дѣйствующемъ; вторая половина этой первой части была писана въ то уже время, когда для русскихъ университетсвъ начался новый историческій періодъ какъ во внутренней ихъ организаціи, такъ и въ самомъ содержаніи и направленіи ихъ научной дѣятельности. При изложеніи фактовъ прошедшаго, для сравненія и объясненія, случалось брать доказательства изъ настоящаго, но въ теченіе десяти лѣтъ это настоящее измѣнилось и вотъ источникъ тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя можетъ быть замѣтитъ читатель. Такъ между прочимъ не разъ авторъ упоминаетъ о семидесяти годахъ существованія Казанскаго университета, тогда какъ онъ недавно праздновалъ 82-ю годовщину своей жизни, со времени высочайшаго утвержденія его перваго устава (1804 г.). Противорѣчія эти впрочемъ не существенны.

Не измѣнилась однако та точка зрѣнія, которую высказалъ авторъ на первыхъ страницахъ предлагаемой книги (3—8), какъ на значеніе и исторію нашихъ университетовъ, такъ и на характеръ работы, посвященной первымъ годамъ Казанскаго университета. Авторъ глубоко убѣжденъ въ достоинствахъ европейской университетской науки, которой и самъ онъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ увѣренъ, что никакой другой и быть не можетъ въ нашихъ высшихъ школахъ, такъ какъ историческій ходъ науки всегда и вездѣ одинъ и тотъ же. Но совершая свое переходное движеніе по разнымъ странамъ и государствамъ, на вѣчной службѣ человѣческому прогрессу, наука необхо-

димо должна подчиняться государственнымъ и общественнымъ, временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, которыя сильно вліяютъ на нее, видоизмѣняютъ ее. Эта, независимая отъ науки, временная обстановка ея и составляетъ предметъ исторіи образованія той или другой страны. По нашему мнѣнію такая исторія образованія, или исторія одного котораго либо нашего университета, и весьма любопытна, и крайне поучительна для будущаго. Она важна еще и тѣмъ, что совершенно оправдываетъ тѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ исторически сложившіяся формы и содержаніе университетской науки въ Европѣ, которыя были перенесены къ намъ. Неуспѣхъ или извращеніе зависѣли не отъ нея, а отъ совершенно побочныхъ и чуждыхъ ей обстоятельствъ.

Писать однако такую исторію образованія, какъ мы убѣдились личнымъ опытомъ, не совсѣмъ легко. Для нея необходимо особенное богатство архивныхъ документовъ и живыя преданія. И тѣмъ и другимъ мы могли пользоваться, на сколько позволяли намъ собственныя силы и побочныя обстоятельства. Какъ уже было говорено на вступительныхъ страницахъ этой книги, наши разсказы не имѣютъ ничего общаго съ тѣми оффиціальными университетскими исторіями, которыя составляются и печатаются къ юбилеямъ университетовъ. Мы хотѣли правды, какова бы она ни была, желали показать то, что было въ самой дѣйствительности, не руководясь при этомъ заднею мыслію. Очень можетъ быть, что не совсѣмъ пріятныя картины прошедшей жизни стараго университета являются на нашихъ страницахъ, но мы не выбирали ихъ. Могутъ упрекнуть

насъ и въ томъ, что мы долго разсказывали о личностяхъ, которыя и сами по себѣ не стоятъ разсказа, что мы передавали и разные анекдоты некрасиваго свойства, останавливались на мелочахъ, на скандалахъ профессорской жизни, на интимныхъ исторіяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ... Скажутъ, что все это *мелочи,* незаслуживавшія вниманія, но и жизнь складывается изъ мелочей; онѣ обрисовываютъ жизнь, служатъ ей окраской. А жизнь провинціальнаго русскаго университета, по разнымъ причинамъ, особенно богата этими мелочами. При томъ онѣ сохранились въ оффиціальныхъ актахъ, какъ по всей вѣроятности сохранятся потомъ и мелочи настоящаго. Не поучительно ли это обстоятельство для современниковъ, именно въ провинціальномъ городѣ, гдѣ въ особенности извѣстна всѣмъ самая интимная жизнь лица и характеръ его общественныхъ отношеній? Не напоминаетъ ли оно имъ и о будущей исторіи, когда, несмотря на необходимость молчанія въ настоящемъ, по словамъ латинскаго гимна—

Quidquid latet—apparebit,
Nil inultum remanebit—

и о завѣтѣ великаго русскаго поэта:

«Служенье музъ не терпитъ суеты»...

Это *служенье музамъ,* т. е. уваженіе къ наукѣ, какъ она сложилась вѣковыми усиліями европейскаго человѣчества, есть единственное условіе власти надъ жизнію и историческаго успѣха всякой страны. Сознаніе этой мысли особенно важно въ наше время...

По исключительно мѣстному характеру своему, наша книга едва-ли найдетъ читателей (она и выходитъ

поэтому въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ), хотя, казалось намъ, общее ея содержаніе, т. е. судьба европейской науки у насъ, должна интересовать тѣхъ, для которыхъ дорога послѣдняя. Надѣемся однако, что въ 1904 году, когда Казанскій университетъ будетъ праздновать свою столѣтнюю годовщину, устроители праздника вспомнятъ о нашей книгѣ. Авторъ не можетъ быть собственнымъ судьею, но если эта первая часть найдетъ сочувствіе въ людяхъ интересующихся судьбою нашего образованія, онъ не откажется отъ продолженія труда. Вторая часть заключаетъ въ себѣ дальнѣйшую исторію развитія университетской жизни въ Казани, біографіи многихъ профессоровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, открытіе университета, при полномъ введеніи въ дѣйствіе устава 1804 года, преподаваніе и научную дѣятельность того времени и наконецъ ревизію Магницкаго. Авторъ такъ долго служилъ Казанскому университету, столь много обязанъ ему, что трудъ этотъ доставлялъ и доставляетъ ему большое наслажденіе, особенно контрастомъ печальнаго прошлаго нашего просвѣщенія съ мечтою о лучшемъ будущемъ...

Декабрь, 1886 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

I.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО И САЛТЫКОВА

(1804—1819 г.).

Глава I.

Общій характеръ изслѣдованія. Уставъ 1804 года и его значеніе. Біографія перваго Казанскаго Попечителя Румовскаго.

Если наука и высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ, со времени великаго дѣла Петрова, составляютъ историческую необходимость пробужденной и развивающейся жизни, то даже до самыхъ послѣднихъ годовъ нельзя утверждать, чтобы стремленіе къ нимъ было свободнымъ актомъ самаго общества. Въ главѣ всѣхъ научныхъ и образовательныхъ учрежденій Россіи должна быть поставлена необходимо державная воля. Она пробуждаетъ дремлющія общественныя силы, она указываетъ цѣли, она и требуетъ высшаго научнаго образованія отъ подданныхъ для цѣлей своихъ, государственныхъ. Эти послѣднія указали на необходимость высшаго образованія еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что и было тогда причиною учрежденія Московскаго университета. Правда, при такомъ значеніи въ нашемъ отечествѣ науки и высшаго научнаго образованія, въ нихъ замѣчается еще мало своей, внутренней жизни; наши университеты не похожи на заграничные, считающіе существованіе свое вѣками, тѣсно слитые со всею духовною и историческою жизнью страны, посреди которой они выросли много вѣковъ тому назадъ. У насъ не можетъ быть той *свободной науки*, которая составляетъ необходимое условіе европейскихъ университетовъ, науки не зависящей отъ мѣняющихся направленій власти, отъ вѣяній времени, науки, въ самой себѣ почерпающей жизнь и развитіе и стремящейся къ собственнымъ, а не извнѣ указаннымъ ей цѣлямъ. Наши университеты не исторически-народныя, а государственныя учрежденія, наша наука только въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ не на жалованьи; ея произведенія—по большей части или курсы, преподаваемые въ университетахъ, или сочиненія, написанныя для полученія ученыхъ степеней. Но, несмотря на

*

этотъ невыгодный характеръ нашей университетской науки, оправдываемый множествомъ историческихъ и необходимыхъ причинъ, для жизни русской и для ея историческаго хода впередъ, наши молодые университеты принесли столько добра, столько пользы, столько нравственныхъ и образовательныхъ силъ, что существованіе ихъ и дальнѣйшее развитіе вполнѣ упрочены и масса слушателей ихъ растетъ прогрессивно. Пусть покуда двери ихъ отворены для тѣхъ главнымъ образомъ молодыхъ людей, которые видятъ въ наукѣ тамъ преподаваемой средства для будущей жизни, для извѣстной профессіи, но если сама уже жизнь требуетъ образованныхъ и прошедшихъ университетскую школу дѣятелей, то придетъ время, надѣемся, что не долго ждать его будущимъ поколѣніямъ, когда у насъ будетъ и независимая наука, которая сама, спокойно и гордо, поставитъ созданныя и выработанныя ею требованія для той же жизни, которая теперь ее подавляетъ.

Вотъ почему на университеты наши надобно смотрѣть скорѣе какъ на зародыши будущаго духовнаго развитія и будущей самостоятельной научной дѣятельности, чѣмъ на историческіе памятники прошлаго. Ихъ молодая жизнь еще впереди, хотя каждому изъ нихъ, въ теченіе непродолжительнаго сравнительно существованія своего, пришлось пережить внутри себя достаточно треволненій, вызываемыхъ и столкновеніями съ обществомъ, ихъ окружающимъ, и общимъ историческимъ положеніемъ страны; каждый изъ нихъ долженъ былъ четыре, пять и даже иногда больше разъ измѣнять свой внѣшній видъ и внутреннее направленіе. Дѣйствительная наука не терпитъ такихъ метаморфозъ; она страдаетъ и глохнетъ при такихъ условіяхъ. И жизнь нашихъ университетовъ, естественно вдвинутыхъ въ общій строй государственной жизни, шла такимъ образомъ неровно, скачками, то впередъ, то назадъ; вмѣстѣ съ наукою, обстоятельства подавляли и личности; немного свѣтлыхъ именъ можно насчитать въ прошлой жизни нашихъ университетовъ, но тѣмъ они ярче, тѣмъ они болѣе заслуживаютъ уваженія со стороны общества. И происхожденіемъ своимъ, и обстоятельствами развитія наши университеты никогда не были самостоятельными учрежденіями въ странѣ, а потому многія изъ падавшихъ на нихъ обвиненій относились къ нимъ несправедливо и должны быть сняты безпристрастной исторіей.

Причины и обстоятельства такой измѣнчивой судьбы нашихъ университетовъ довольно извѣстны въ литературѣ. Общія черты ихъ развитія и даже нѣкоторыя болѣе характерныя подробности не разъ обсуждались печатнымъ образомъ. Вопросъ кажется исчерпанъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы позволяемъ

себѣ думать, что нѣсколько полная картина всей жизни одного какого-либо высшаго научнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ, какъ это видно изъ имѣющихся въ нашей литературѣ исторій нѣкоторыхъ академій и университетовъ, представляетъ весьма значительный общій интересъ не только для бывшихъ питомцевъ ихъ, естественно связанныхъ съ своею alma mater сердечными узами воспоминаній, но и для всѣхъ образованныхъ людей страны. Въ исторіи человѣческаго развитія конечно на первомъ мѣстѣ стоятъ вопросы культуры и науки, такъ какъ въ нихъ заключаются высшіе интересы человѣчества, а у насъ, гдѣ наука еще такъ молода, такъ долго была въ загонѣ и въ презрѣніи, исторія ея медленнаго роста, посреди различнаго рода препятствій, представляетъ еще болѣе поучительную картину. Многое при подробномъ и безпристрастномъ изученіи историческихъ обстоятельствъ получаетъ совершенно неожиданное освѣщеніе; воззваніе къ прошлому, чтобъ опорочить неудовлетворяющее настоящее или восхваленіе этого послѣдняго, при чемъ все прошлое топчется въ грязь, составляютъ, какъ всѣмъ извѣстно, увлеченія людей, плохо знакомыхъ съ исторіей. Пусть они вспомнятъ судьбу всякаго зерна въ нашемъ печальномъ сѣверномъ климатѣ и тѣ могущественныя препятствія, которыя приходится преодолѣть ему, чтобъ пустить свой жалкій ростокъ.

Предпринявъ изложеніе исторіи Казанскаго университета, существованіе котораго продолжалось уже семьдесятъ лѣтъ, мы руководились именно этимъ, высказаннымъ нами впереди уваженіемъ къ университетской наукѣ. Намъ казалось, что весьма любопытно будетъ прослѣдить, шагъ за шагомъ, въ лицѣ ея разнообразныхъ представителей и питомцевъ, судьбы этой университетской науки въ самой глухой изъ русскихъ провинцій, ея значеніе для окружающей жизни и ея столкновенія съ нею. Въ самомъ дѣлѣ: ни одинъ русскій университетъ не отодвинутъ такъ далеко на востокъ, какъ Казанскій, а мы убѣждены, что такое восточное положеніе науки столь же невыгодно для нея, какъ восточная долгота для болѣе нѣжныхъ западныхъ растеній. Если Московскій университетъ выросъ посреди старинной и коренной русской жизни, былъ окруженъ великими историческими воспоминаніями, если Кіевскому университету возможно продолжать собою народную академію Петра Могилы и казаковъ, то университетъ Казанскій не окружали никакія историческія воспоминанія, кромѣ татарскихъ, а татарская среда и до сихъ поръ живетъ въ понятіяхъ временъ Тохтамыша. За рѣкою, составляющею границу между Европой и Азіей, вдали даже отъ русскихъ столицъ, въ весьма печальныхъ климатическихъ условіяхъ, онъ былъ поставленъ всѣмъ этимъ въ самыя невыгодныя отноше-

нія. Глубокое невѣжество, печальные нравы и грубый произволъ всякаго рода, произволъ, увеличиваемый отдаленіемъ, окружали его со всѣхъ сторонъ. Зато тѣмъ болѣе прекрасное и свѣтлое призваніе выпало ему на долю въ окружавшемъ его мракѣ. Какъ устоялъ онъ (а насильственное прекращеніе существованія не разъ грозило ему), что онъ вынесъ въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, что онъ сдѣлалъ для государства и общественной жизни, въ какомъ видѣ и какого рода преподавалась въ немъ университетская наука,—вотъ вопросы, на которые будетъ обращено главное вниманіе въ теченіе этого разсказа о его судьбѣ. Распространеніе высшаго образованія, согласно только одной волѣ правительства, въ краю глухомъ и невѣжественномъ, гдѣ не сознавалась къ тому вовсе надобность, гдѣ не было ничего къ тому приготовлено, представитъ намъ любопытную картину нравовъ и общественной жизни, въ которой и самыя подробности будутъ интересны. Пользоваться мы будемъ преимущественно подлинными дѣлами архивовъ, не оставляя безъ вниманія всего того, что сдѣлано было нашими предшественниками для исторіи университета, и того, что сохранилось въ воспоминаніяхъ современниковъ. Мы лично, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ и жизнью, поставлены въ весьма благопріятныя условія къ предмету нашего разсказа. Намъ доводилось слышать воспоминанія еще живыхъ свидѣтелей первыхъ годовъ университета; всѣ остальные, сколько нибудь замѣчательные дѣятели, прошли передъ нашими глазами; многое придется черпать изъ собственной памяти, особенно въ характеристикѣ личностей. Къ сожалѣнію воспоминаніями питомцевъ университета, особенно для средняго періода его исторіи, мы вовсе небогаты въ печати. Людская память коротка въ нашемъ обществѣ, привыкшемъ жить впечатлѣніями минуты, а потому, несмотря на непродолжительный, казалось бы, семидесятилѣтній возрастъ университета, многое въ его исторіи представляется темнымъ, хотя и живы тѣ, которые знали первыхъ свидѣтелей и выслушивали ихъ разсказы. Въ дальнѣйшемъ поколѣніи мы все меньше и меньше встрѣчаемъ разсказовъ. Причины этого равнодушія, кажется намъ, надобно искать въ томъ разладѣ, который давно у насъ существуетъ между университетомъ и жизнью общественною (т. е. въ смыслѣ дѣятельнаго служенія обществу), особенно въ нашей провинціи, гдѣ такъ часто приходилось намъ наблюдать это печальное явленіе разлада. Если и теперь, весьма нерѣдко, попадаются намъ личности, даже изъ молодыхъ, которыя въ нѣсколько лѣтъ теряютъ отпечатокъ университетскаго образованія и весьма скоро становятся неузнаваемыми, то прежде естественно такіе примѣры встрѣчались чаще. Забывая скоро все то,

чѣмъ они обязаны университету, они сохраняютъ и мало воспоминаній. Виною этого равнодушія не можетъ быть одинъ университетъ и совершенно возможные и объяснимые недостатки преподаванія въ немъ и ничтожное вліяніе его на жизнь его окружающую; надобно оставить что нибудь на долю и самой этой жизни и ея тлетворнаго вліянія. Вотъ почему простая и правдивая исторія университета, написанная безъ увлеченія, на основаніи положительныхъ фактовъ и документовъ, слышаннаго и видѣннаго, будетъ заключать въ себѣ не одну внутреннюю исторію этого высшаго учрежденія для науки, но и цѣлую исторію духовнаго развитія всего края. Въ нашемъ изложеніи, если когда либо обстоятельства позволятъ намъ довести его до конца, мы не скроемъ ни темныхъ, ни свѣтлыхъ сторонъ въ судьбѣ учрежденія, насъ занимающаго, въ какихъ бы близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ мы лично ни находились къ нему, какъ бы много ни были обязаны ему. Мы не станемъ класть гуще черную краску тамъ, гдѣ безъ того уже есть темное пятно, не будемъ и иллюминовать свѣтлыя стороны, а постараемся сдѣлать разсказъ нашъ вполнѣ безпристрастнымъ, насколько это намъ доступно. Этотъ разсказъ нашъ будетъ походить больше на простую хронику, чѣмъ на оффиціальную исторію; характеръ его очень далекъ отъ того, какой получаетъ подобное сочиненіе въ виду напримѣръ приближающагося юбилея заведенія. Передъ нами нѣтъ такой цѣли, но мы можемъ завѣрить нашихъ читателей, если только такіе окажутся, въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ тому, чему университетъ служитъ органомъ. Безъ этого чувства невозможна справедливая исторія университета и его жизни.

---

5 ноября 1804 года Императоръ Александръ I подписалъ въ С.-Петербургѣ составленный Главнымъ Правленіемъ Училищъ уставъ Казанскаго университета и съ этого дня университетъ ведетъ свое счисленіе, поминая его ежегодно въ своихъ публичныхъ собраніяхъ. Въ § 1 устава положительно высказано опредѣленіе университета и та цѣль, которая имѣлась въ виду у правительства, при его учрежденіи: «Императорскій Казанскій университетъ, говорится здѣсь, есть вышнее *ученое сословіе*, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы». Такимъ образомъ университетъ является правительственнымъ учрежденіемъ; онъ служитъ государственнымъ цѣлямъ. Уставъ этотъ, подвергаясь конечно съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ, просуществовалъ однако болѣе тридцати

лѣтъ и въ общихъ чертахъ своихъ, снятый съ подобныхъ историческихъ учрежденій Германіи, сохранился и въ послѣднемъ университетскомъ уставѣ, составители котораго, какъ извѣстно, обратились къ широкимъ началамъ и представленіямъ о народномъ просвѣщеніи вообще, существовавшимъ въ первые свѣтлые годы царствованія Императора Александра I. Внѣ преподаванія членамъ университетскаго сословія особенно рекомендовалась чисто научная дѣятельность: «Къ особливому достоинству университета, говорится въ § 9 устава, отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes)». Къ той же цѣли клонился и § 53 устава, по которому университетъ могъ ежегодно предлагать задачу, «служащую къ распространенію наукъ», съ извѣстною наградою за удовлетворительное ея рѣшеніе по всѣмъ четыремъ факультетамъ по очереди. Это не была исключительно тема для студенческихъ работъ и писать на нее могъ всякій; на рѣшеніе ея полагалось два года. Уставъ призывалъ «благотворителей просвѣщенія» назначать содержаніе неимущимъ студентамъ; а университету вмѣнялось «употребить способы отъ него зависящіе для изъявленія должной благотворителямъ признательности предъ лицемъ общества». Недовольствуясь общественной благотворительностью, уставъ полагалъ опредѣленное число студентовъ на казенномъ содержаніи.

Дѣленіе университета на факультеты или отдѣленія соотвѣтствовало тогдашнему состоянію университетской науки и тому, что было принято въ этомъ отношеніи въ нѣмецкихъ университетахъ. Факультетовъ было четыре: 1) *Отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ*, соотвѣтствующее настоящему юридическому факультету, но въ числѣ главныхъ предметовъ его находилась «умозрительная и практическая философія», которая въ настоящее время не входитъ въ составъ юридическаго образованія; 2) *Отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ*, въ наше время представляющее два разряда; 3) *Отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ*, въ которомъ былъ только одинъ профессоръ *скотолѣченія*, потребовавшаго въ настоящее время существованія отдѣльныхъ ветеринарныхъ институтовъ или факультетовъ; 4) *Отдѣленіе словесныхъ наукъ* или нынѣшній историко-филологическій факультетъ, въ которомъ между прочимъ полагался и одинъ профессоръ восточныхъ языковъ. Эта профессура, съ первыхъ лѣтъ существованія Казанскаго университета, удачно занятая дѣйствительно учеными нѣмцами, которыхъ влекла близость города къ мусульманскому востоку

и возможность познакомиться въ немъ съ живыми восточными нарѣчіями, положила основаніе тому *восточному отдѣленію*, которое, какъ извѣстно, получило широкое развитіе въ университетскомъ уставѣ 1835 года и прославило Казанскій университетъ, какъ центръ орьентализма.

По всѣмъ четыремъ отдѣленіямъ назначено было 28 каѳедръ; самое большее число ихъ (9) опредѣлено для отдѣленія физико-математическихъ наукъ; на долю отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ досталось 7 каѳедръ; въ остальныхъ двухъ отдѣленіяхъ было по 6 каѳедръ. Кромѣ профессоровъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, полагалось 12 адъюнктовъ и шесть лекторовъ и учителей языковъ и искусствъ. Щедрость правительства не ограничивалась этимъ широкимъ для того времени распредѣленіемъ университетской науки: § 23 устава предоставлялъ совѣту университета «ежели онъ будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго ученіемъ мужа, или ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрятъ, что съ пользою университета могутъ занять мѣсто адъюнкта»—пріобщать ихъ къ университету и для опредѣленія ихъ представлять только министру народнаго просвѣщенія, чрезъ попечителя округа. Университету дано было естественное право удостоивать учеными степенями; правила возведенія въ университетское достоинство, заключающіяся въ §§ 93—105 устава были почти тѣже, что и нынѣ (на степень доктора экзаменъ требовался, что отмѣнено теперь) и только диспуты магистерскіе и докторскіе должны были происходить на латинскомъ языкѣ; впрочемъ и здѣсь отдѣленію, «по причинамъ, до учености касающимся», дозволялось производить ихъ на языкѣ русскомъ. Преподаваніе, какъ и слѣдовало ожидать, не пользовалось полной свободой. Для чтенія лекцій профессоръ обязанъ былъ избрать «книгу своего сочиненія, или другаго извѣстнаго ученаго мужа»; сочиненіе это должно быть разсмотрѣно совѣтомъ, который имѣлъ право сдѣлать въ немъ измѣненія.

Для современнаго состоянія науки распредѣленіе и число каѳедръ было вполнѣ достаточно. Образцомъ въ этомъ отношеніи служили нѣмецкіе университеты, которые были богаче только богословскими своими факультетами, невозможными у насъ, по разнымъ историческимъ условіямъ, и въ настоящее время. Но за то германскіе университеты были неизмѣримо выше нашихъ, существовавшихъ только in spe, въ проэктѣ, наличными умственными силами; тамъ возможенъ былъ выборъ между конкуррентами на каѳедру, у насъ

же приходилось довольствоваться первымъ предложеніемъ, если только оно было. Всѣ мѣры для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ правда были предвидѣны и опредѣлены уставомъ 1804 года; мѣры эти тѣже, что существуютъ и въ послѣднемъ университетскомъ уставѣ, но въ то время, за семьдесятъ лѣтъ до нашего, онѣ еще меньше приносили пользы, чѣмъ теперь, когда такъ часто, и по большей части несправедливо, раздаются упреки университетамъ въ незамѣщеніи вакантныхъ каѳедръ. Была впрочемъ одна мѣра, которая будучи дѣйствительнѣе прочихъ, позволила скоро только что основаннымъ университетамъ нашимъ собственными средствами пріобрѣтать преподавателей и давать имъ приготовленіе. То былъ *педагогическій институтъ* при нихъ, организація котораго составляетъ одну изъ лучшихъ сторонъ университетскаго устава 1804 года. Онъ составлялъ одно цѣлое изъ профессоровъ, выбраннныхъ совѣтомъ и находился подъ управленіемъ одного изъ нихъ, съ названіемъ директора (§ 122)). Назначеніемъ института было образованіе учителей для гимназій и училищъ округа, для чего предназначалось опредѣленное число казенныхъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ, обязанныхъ прослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Кандидаты, съ успѣхомъ проведшіе три года въ педагогическомъ институтѣ и потомъ подвергшіеся особому экзамену, получали или степень магистра или опредѣлялись учителями. Магистры и старшіе учителя гимназій, прослужившіе по крайней мѣрѣ три года, производились въ адъюнкты, а самые лучшіе изъ нихъ, двое по выбору совѣта, чрезъ каждые два года, могли быть отправлены на казенный счетъ за границу для усовершенствованія. Этотъ педагогическій институтъ, какъ мы увидимъ, дозволилъ Казанскому университету, уже чрезъ три года послѣ его учрежденія, замѣщать мѣста адъюнктовъ лицами, приготовленными собственными средствами.

Что касается до внутреннаго управленія университета, то его функціи: ректоръ и деканы, совѣтъ и правленіе имѣли почти тотъ же кругъ дѣйствій, какой опредѣленъ и послѣднимъ уставомъ. Но ректоръ и деканы выбирались только на одинъ годъ, при чемъ уставомъ (§ 20) требовалось, какъ это въ обычаѣ въ нѣмецкихъ университетахъ и въ настоящее время, чтобы прежній ректоръ, слагая въ себя это званіе, и новый, принимая его, говорили въ торжественномъ собраніи университета рѣчи, приличныя случаю. Секретарь совѣта выбирался изъ ординарныхъ профессоровъ; онъ велъ переписку отъ лица совѣта съ частными лицами и «потому долженъ быть искусенъ въ россійскомъ и иностранныхъ языкахъ» (§ 68); къ обязанности его принадлежало составленіе исторіи университета.

Къ особенностямъ университетскаго устава 1804 года, въ которомъ проглядывало желаніе дать университетамъ извѣстную долю самоуправленія, былъ «университетскій судъ» (§§ 143—159), отчасти возстановленный и уставомъ 1863 года, хотя совершенно въ иномъ видѣ и съ другою цѣлью. Ректоръ является въ должности судьи и составляетъ первую судебную инстанцію университета. Онъ могъ вести дѣла и словесно и письменно. Въ послѣднемъ случаѣ его совѣтниками были непремѣнный засѣдатель и синдикъ университета, а письменнымъ производствомъ занимался секретарь правленія. Ректорскій судъ простирался только на чиновниковъ университета. Онъ приговаривалъ безаппелляціонно по денежнымъ искамъ не свыше 15-ти рублей и по проступкамъ и оскорбленіямъ, за которые по университетскимъ законамъ виновные подвергаются выговору или заключенію подъ стражу на три дни. Высшую инстанцію суда составляло правленіе университета, которое въ сомнительныхъ и важныхъ случаяхъ, могло приглашать двухъ профессоровъ правъ. Въ правленіе можно было подавать жалобы и на ректора. Его вѣдѣнію подлежали иски не свыше 50-ти рублей, проступки студентовъ, за которые слѣдуетъ двухнедѣльное заключеніе подъ стражу, жалобы на университетскихъ чиновниковъ и служителей. Въ теченіи восьми дней недовольный рѣшеніемъ правленія могъ принести на него аппелляціонную жалобу въ университетскій совѣтъ. На рѣшенія послѣдняго не могло быть аппелляціи и приговоры его приводились въ исполненіе немедленно. Онъ рѣшалъ окончательно дѣла по искамъ не свыше 500 рублей и могъ приговаривать къ денежной пенѣ не свыше 100 рублей. Въ другихъ случаяхъ, недовольные рѣшеніемъ университетскаго совѣта могли приносить на него жалобу только въ Правительствующій Сенатъ, для чего положенъ былъ также восьмидневный срокъ. Замѣчательно, что правленіе университета завѣдывало раздѣломъ наслѣдственнаго имущества между членами университета и лицами, отъ него зависящими, дѣла же о недвижимомъ имуществѣ шли въ общія учрежденія судебныя. Само собою разумѣется, что судъ университета не распространялся также и на дѣла уголовныя, но правленіе имѣло право дѣлать первоначальное изслѣдованіе о преступленіи и препровождало виновнаго въ подлежащее присутственное мѣсто съ своимъ мнѣніемъ.

Самое главное отличіе устава 1804 года отъ настоящаго, придававшее университету новый и даже чуждый ему характеръ, состояло въ зависимости отъ него всѣхъ казенныхъ училищъ округа. Попеченіе объ успѣхѣ этихъ училищъ и главное — заботы о снабженіи ихъ достойными преподавателями—возлагались уставомъ непосредственно на университеты. «Университетъ, говорится здѣсь

(§ 160), имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями, и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ неослабно». Вслѣдствіе такого отношенія университета ко всѣмъ училищамъ округа, ему предоставлено было выбирать губернскаго директора училищъ и назначать учителей гимназіи, смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ. Такое, отчасти чуждое университетской главной цѣли, т.-е. преподаванію наукъ занятіе, возлагалось на особенный *училищный комитетъ*, состоящій, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, выбираемыхъ ежегодно совѣтомъ. Комитету этому предоставлено было, подъ контролемъ университетскаго совѣта, не только попеченіе объ образовательной и воспитательной части гимназій и училищъ, но и полное административное завѣдываніе ими во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что самъ попечитель округа находился какъ бы вдали отъ этого дѣла. Но какъ завѣдываніе гимназіями и училищами необходимо требовало личнаго и непосредственнаго знакомства съ ними, а такое знакомство невозможно было изъ далекаго университетскаго города, то уставомъ возлагалась на совѣтъ обязанность ежегодно отправлять въ одну или двѣ губерніи такъ называемыхъ *визитаторовъ*. Штатъ опредѣлялъ особыя путевыя деньги для нихъ, которыя въ казанскомъ округѣ должны были быть значительнѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ онъ былъ громадныхъ размѣровъ, заключая въ себѣ не только все Поволжье отъ Нижняго, съ существовавшими тогда по теченію Волги губерніями, но и примыкающія къ нему губерніи: Пензенскую и Тамбовскую на З. на С. и СВ. губерніи Вятскую и Пермскую, всю Сибирь, которая дѣлилась тогда на двѣ губерніи: Тобольскую и Иркутскую, а на В. и Ю. губерніи Оренбургскую и Кавказскую [1]).

Мы разскажемъ потомъ дѣйствія училищнаго комитета при Казанскомъ университетѣ, распространявшіяся въ такихъ широкихъ границахъ и увидимъ какого рода пользу и сколько ея могъ приносить университетъ въ этомъ отношеніи; здѣсь же замѣтимъ только, что такая дѣятельность университетскаго сословія, совершенно почти неизвѣстная университетамъ нѣмецкимъ, послужившимъ образцами для нашихъ и заимствованная, какъ можно думать, изъ плана

---

[1]) Сборникъ Постановленій по Министерству Народнаго просвѣщенія. Т. I. № 7. стр. 22.

эдукаціонной коммиссіи Рѣчи Посполитой, вытекала изъ самаго положенія вещей въ то время, когда только-что начиналось у насъ просвѣщеніе: Кому было поручить это зачинавшееся просвѣщеніе какъ не такимъ лицамъ, которыя по своимъ занятіямъ дѣломъ науки и по научному образованію своему были единственными способными судьями въ немъ; знатоки университетскаго вопроса въ то время въ Европѣ, какъ напр. Мейнерсъ, именно съ этой точки зрѣнія одобряли такую мѣру нашего Главнаго Правленія Училищъ [1]). Правда, поѣздки въ отдаленные края округа требовали много времени, должны были отвлекать нѣкоторыхъ профессоровъ отъ преподаванія, но съ другой стороны онѣ были весьма полезны и водворенію просвѣщенія въ мѣстахъ глухихъ и заброшенныхъ, и самому университету. Поѣздкамъ визитаторовъ посвящалось вакаціонное время, самое удобное для нихъ и потому большаго ущерба для преподаванія отъ нихъ не было. Образованныхъ чиновниковъ, въ родѣ настоящихъ окружныхъ инспекторовъ училищъ при попечителѣ, въ то время не было и замѣнить университетскихъ визитаторовъ было некѣмъ. Они одни были способны, являясь въ отдаленную глушь, окружить себя тѣмъ необходимымъ для того времени внѣшнимъ декорумомъ, который входилъ въ общіе правительственные планы по народному просвѣщенію и долженъ былъ располагать къ нему коснѣющее и невѣжественное общество, вызывая, напр. его на пожертвованія въ пользу училищъ и просвѣщенія вообще. Значительная масса этихъ пожертвованій, о которыхъ министерство народнаго просвѣщенія доводило до всеобщаго свѣдѣнія путемъ печати и вызывало ихъ, можно полагать, возникала по большей части вслѣдствіе просвѣщенныхъ усилій этихъ университетскихъ визитаторовъ. Выигрывала и наука. Въ сношеніяхъ университета съ различными подчиненными училищами весьма часто на первомъ планѣ стояли любознательныя цѣли. Директоры и учителя гимназій, смотрители и учителя училищъ не были только чиновниками, у которыхъ главное дѣло администрація, охраненіе порядка, исполненіе предписаній начальства. Желая угодить университету, отъ котораго они зависѣли, эти лица невольно втягивались въ болѣе высшую сферу понятій и служили дѣлу науки. По вызову университета, а иногда и вполнѣ самостоятельно, они доставляли ему описаніе особенностей часто весьма отдаленнаго, мало извѣстнаго и интереснаго края, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ. Они присылали метеорологическія, стати-

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи просвѣщенія Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Ст. I. стр. 117.

стическія и всякаго рода другія свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ интересныя, которыя послужили матеріаломъ для первыхъ нашихъ университетскихъ изданій. Наконецъ и эти лица, и сами университетскіе визитаторы, служили прямо и непосредственно дѣлу начинающихъ университетовъ собираніемъ разнообразныхъ предметовъ для зараждавшихся университетскихъ коллекцій и музеевъ. Въ этомъ отношеніи было особенно благопріятно положеніе Казанскаго университета: его округъ заключалъ въ себѣ чрезвычайное богатство предметовъ естественно-историческихъ и этнографическихъ.

Студенты и ихъ положеніе въ университетѣ и обществѣ дали немного параграфовъ уставу 1804 года и это происходило отъ того, что число ихъ въ то время было весьма ограниченно; ихъ нужно было еще приготовить. Жгучіе студенческіе вопросы, вызванные въ послѣдующее время развитіемъ университетской жизни и увеличеніемъ числа слушателей, тогда еще не существовали; не было и надобности въ кодификаціи множества правилъ, опредѣляющихъ колеблющіяся отношенія. Въ уставѣ говорилось только объ отношеніи студентовъ къ наукамъ, преподаваемымъ въ университетѣ. Уставъ требовалъ отъ нихъ главнымъ образомъ образованія общаго и только тотъ, кто «прослушалъ науки пріуготовительныя» (§ 109), т.-е. общія, «которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству», только тотъ «можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію», т.-е. къ спеціальнымъ лекціямъ по опредѣленному факультету. Ни возрастъ студента, ни плата за слушаніе университетскихъ лекцій, уставомъ не опредѣлялись. Для надзора за ними, и то собственно за казенными студентами, избирался совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ *инспекторъ казенныхъ студентовъ*, какъ «блюститель порядка и благочинія сего общества». Между этимъ лицемъ и казенными студентами, жившими въ самомъ зданіи университета, стояли два его помощника, выбираемые также совѣтомъ изъ числа кандидатовъ или магистровъ; они жили вмѣстѣ съ студентами и пользовались общимъ казеннымъ столомъ, наблюдая за поведеніемъ и образомъ жизни студентовъ, доводя о всякомъ поступкѣ, нарушающемъ установленныя правила благочинія, до свѣдѣнія инспектора и записывая дѣяніе или поступокъ студента въ особую для того заведенную книгу, справки съ которою имѣли значеніе при годовомъ испытаніи. Совѣтъ университета долженъ былъ составить особыя правила благочинія студентовъ, безъ сомнѣнія сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, и представить ихъ на утвержденіе начальства. Вся забота устава была направлена на общія цѣли и главнымъ образомъ на развитіе студентовъ, для

чего онъ требовалъ нѣкотораго рода сближенія ихъ съ профессорами. «Желательно,—говорится въ уставѣ (§ 119), чтобы профессоры нѣкоторыхъ наукъ, особливо словесныхъ, философическихъ и юридическихъ, учредили бесѣды со студентами, въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія, и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли...»

Въ отношеніи къ умственной дѣятельности всего края, къ которому принадлежалъ университетъ, уставъ 1804 года сближалъ его съ нею посредствомъ цензуры. Благодѣяніями послѣднихъ, современныхъ намъ законовъ о печати, какъ извѣстно, провинція не имѣетъ права пользоваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ она лишена и установленной цензуры, что безъ сомнѣнія должно парализовать умственную дѣятельность провинціи. Уставъ 1804 года, написанный людьми искренно расположенными къ дѣлу русскаго просвѣщенія, предвидѣлъ такое невыгодное положеніе умственнаго труда и старался предупредить его учрежденіемъ при университетѣ особаго *цензурнаго комитета*, состоящаго изъ декановъ всѣхъ факультетовъ. Они собственно были предсѣдателями комитета, но цензорами были всѣ профессоры, адъюнкты и магистры, которымъ давалось на просмотръ представленное въ цензуру сочиненіе. Въ случаяхъ сомнительныхъ, рѣшеніе участи сочиненія предоставлено было большинству голосовъ комитета, недовольные же рѣшеніемъ могли жаловаться въ Главное Правленіе Училищъ. Дѣйствія этого цензурнаго комитета простирались на всѣ губерніи, составляющія округъ, но цензурѣ не подлежало все то, что университетъ печаталъ отъ своего имени и книги духовнаго содержанія. Университету и *профессорамъ порознь* (и это находилось только въ уставѣ 1804 года) предоставлено было право выписывать «безпрепятственно всѣ сочиненія, какого бы они содержанія ни были». Въ этомъ сказывалось полное довѣріе власти къ представителю науки.

Уставъ Казанскаго университета, общій въ главныхъ чертахъ своихъ съ уставомъ Харьковскаго, учрежденнаго одновременно съ нимъ и преобразованнаго Московскаго, удовлетворялъ вполнѣ современному состоянію университетской науки въ Германіи и принадлежалъ, вмѣстѣ съ другими правительственными актами, къ лучшимъ мѣрамъ для водворенія въ народѣ просвѣщенія, которыя составляли стремленіе первыхъ лучшихъ просвѣтительныхъ годовъ царствованія Императора Александра I. Какъ ни много враговъ было у всѣхъ реформъ, ознаменовавшихъ эту замѣчательную эпоху русской исторіи, а въ томъ числѣ и у молодыхъ нашихъ университетовъ, встрѣченныхъ, какъ извѣстно, самыми неодобрительными

отзывами людей, державшихся стараго порядка, люди образованные по-европейски, люди, смотрѣвшіе впередъ, считали тогда университеты необходимостью и такое мнѣніе о значеніи ихъ скоро было доказано дѣйствительными фактами. Русская жизнь того времени, съ множествомъ неблагопріятныхъ условій для дальнѣйшаго развитія университетовъ, ставила имъ величайшія затрудненія, но было бы въ высшей степени несправедливо, на основаніи этихъ временныхъ затрудненій, упрекать царствованіе Александра I за его широкій планъ народнаго просвѣщенія и за тѣ же денежныя затраты, которыя были необходимы для его существованія. Желчные упреки Карамзина Александру, въ его «Запискѣ о древней и новой Россіи», за то что онъ «употребилъ милліоны для основанія университетовъ, гимназій, школъ», въ чемъ онъ видитъ «болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества» [1]), — лишены правды и давно опровергнуты какъ самою жизнью, такъ и лучшими людьми современности, смотрѣвшими дальше историка государства россійскаго. Карамзинъ не хотѣлъ понять необходимости университетовъ для правильнаго осуществленія плановъ народнаго просвѣщенія, не хотѣлъ согласиться, что безъ нихъ невозможны были и гимназіи и другія, низшія училища, потому что правительство нуждалось въ образованныхъ помощникахъ и дѣятеляхъ, и что дѣло правильнаго распространенія просвѣщенія въ народѣ надобно было начать именно сверху, съ университетовъ. Поклонникъ царствованія Императрицы Екатерины II, Карамзинъ забывалъ, что и при ней, ея «коммиссіею объ учрежденіи училищъ», въ 1787 году, предполагалось открыть нѣсколько университетовъ, слѣдовательно и тогда уже признана была государственная потребность этихъ высшихъ органовъ просвѣщенія [2]). Эта государственная цѣль видна и изъ распредѣленія предполагаемыхъ Екатерининскихъ университетовъ по русскимъ городамъ, при чемъ назначались центры въ разныхъ концахъ государства, въ пропорціональномъ разстояніи другъ отъ друга: Псковъ, Черниговъ, Пенза. Въ Казани, не смотря на похвалы этому городу въ письмахъ Екатерины къ Н. И. Панину, и на ея какъ бы отдѣльный и своеобразный историческій и этнографическій міръ, университета не предполагалось открывать. При Александрѣ потребность въ высшемъ образованіи сознавалась и больше и яснѣе, но и тогда въ выборѣ Казани руководствовались не представленіями о городѣ съ своеобразными особенностями, а такимъ же выборомъ географическихъ пунктовъ, по возможности въ пропорціо-

---

[1]) Русск. Арх. 1870 г. стр. 2294—2296.

[2]) Сухомл. Матеріалы. I, 49.

нальныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Это видно изъ намѣренія правительства, послѣ открытія новыхъ университетовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, открыть въ послѣдствіи времени еще три: въ Кіевѣ, Тобольскѣ и *Устюгѣ-Великомъ* (!)

Попеченіе о благоустройствѣ всѣхъ училищъ въ округѣ, открытіе только-что учрежденнаго университета, однимъ словомъ, какъ говорилось въ «Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія»: «заботы о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ мѣстахъ ему ввѣренныхъ», возлагались на извѣстное лицо—*попечителя* университета и его округа. Всѣ попечители округовъ, вмѣстѣ съ другими лицами, назначаемыми Высочайшею волею, составляли въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Главное Правленіе Училищъ, на которое возлагались заботы о распространеніи просвѣщенія во всей имперіи. Согласно замѣчаніямъ нѣмецкихъ знатоковъ университетскаго дѣла, попечителю не вмѣнялось въ обязанность жить постоянно въ округѣ и вблизи университета, съ цѣлью постояннаго личнаго наблюденія за послѣднимъ. Напротивъ было постановлено, чтобы попечитель, какъ членъ Главнаго Правленія Училищъ, имѣлъ пребываніе свое въ столицѣ и только разъ въ два года обязанъ былъ лично посѣщать всѣ училища ввѣреннаго ему округа. Это казалось необходимымъ тогда потому, что попечитель, живя вблизи университета и постоянно вращаясь въ кругу университетскомъ, легко могъ подчиниться, какъ это въ самомъ дѣлѣ и бывало потомъ не разъ въ исторіи нашихъ университетовъ, вліянію той или другой неизбѣжной университетской партіи и своимъ личнымъ участіемъ, при значительномъ объемѣ ввѣренной ему власти, нарушить свободное развитіе университета [1]. Понятно однако, что въ ту пору первоначальнаго созданія и развитія нашихъ университетовъ, когда личная воля должна была одна только дѣйствовать, не имѣя при себѣ помощниковъ, приготовленныхъ университетскимъ развитіемъ, отъ личности попечителя зависѣло весьма много, даже самый созидающійся университетъ долженъ былъ по необходимости получить то или другое направленіе, согласно характеру и личнымъ вкусамъ своего попечителя. Если въ первоначальной исторіи Харьковскаго университета мы замѣчаемъ непосредственное вліяніе, живое участіе и даже личныя ученыя наклонности такой высоко-почтенной личности, какою былъ образованный, ученый и богатый польскій вельможа графъ Северинъ Потоцкій, искренно преданный дѣлу ввѣреннаго ему университета и могшій, по своему положенію въ свѣтѣ,

[1]) Тамъ же, стр. 42.

импонировать обществу, окружавшему университетъ, то въ первыхъ шагахъ Казанскаго Университета мы увидимъ присутствіе другой, совершенно не похожей на первую личности, болѣе скромной по своему происхожденію и положенію въ обществѣ, съ другими направленіями и вкусами, съ иными научными цѣлями и стремленіями. Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 20 іюня 1803 года, вмѣсто совершенно неизвѣстнаго графа Мантейфеля, Попечителемъ Казанскаго университета былъ назначенъ Вице-Президентъ Академіи Наукъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, лицо уже весьма извѣстное своими многолѣтними учеными трудами. Опредѣленный за полтора года до Высочайшаго утвержденія устава Казанскаго университета, Румовскій, какъ членъ Главнаго Правленія училищъ, безъ сомнѣнія принималъ участіе въ составленіи этого устава и ввелъ въ него нѣкоторыя особенности, отличающія его отъ уставовъ другихъ университетовъ того времени. Такъ въ физико-математическомъ факультетѣ Казанскаго университета, по желанію Румовскаго, прибавлена была лишняя девятая каѳедра по наукѣ, которой онъ посвятилъ такъ много лѣтъ своей жизни—каѳедра теоретической астрономіи. Румовскому, при назначеніи его попечителемъ Казанскаго университета, было уже за семьдесятъ лѣтъ; по лѣтамъ онъ былъ современникомъ перваго директора казанскихъ гимназій во времена Императрицы Елизаветы Петровны М. И. Веревкина, родившись съ нимъ почти въ одинъ годъ, но не смотря на эту замѣчательную старость, въ теченіи девятилѣтняго управленія своего Казанскимъ учебнымъ округомъ, онъ успѣлъ сдѣлать многое для новорожденнаго университета и дать ему на нѣсколько лѣтъ, до радикальнаго переворота въ его исторіи, извѣстное, опредѣленное направленіе. Мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться на біографичесикхъ подробностяхъ этого перваго Казанскаго попечителя, прежде разсказа о его дѣйствіяхъ при осуществленіи устава.

Румовскій родился въ 1732 или 1734 году, 29 октября [1]), въ селѣ Дубовскомъ, въ 13 верстахъ отъ Владиміра, въ семьѣ священ-

---

[1]) Годъ 1732 показанъ въ „Словарѣ свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія, но вѣрнѣе принять именно 1734 годъ, потому что онъ находится въ біографической статьѣ о Румовскомъ, помѣщенной въ *Zach,* Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd und Himmelskunde, Gotha, 1800. Erster B. März. S. 281—291 и составленной, какъ это можно видѣть изъ нея самой, на основаніи собственныхъ указаній Румовскаго, который доставилъ Цаху и портретъ свой. Литографія съ него приложена къ книжкѣ астрономиче-

ника. Получивъ первоначальное образованіе въ семинаріи Владимірской, онъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской Невской семинаріи, гдѣ вскорѣ любимымъ предметомъ занятій его сдѣлались математическія науки. Для наполненія классовъ академической гимназіи, члены академіи наукъ набирали учениковъ изъ семинарій, на основаніи 37 пункта академическаго регламента 1747 года. Въ 1748 году, 6 апрѣля, Браунъ и Ломоносовъ экзаменовали для этой цѣли учениковъ Невской семинаріи и изъ класса піитики и реторики выбрали шесть лучшихъ; въ числѣ ихъ былъ и Румовскій [1]). Съ этихъ поръ, почти до конца жизни, дѣятельность Румовскаго тѣсно связывается съ С.-Петербургскою академіею наукъ и посреди ученыхъ нѣмцевъ, составлявшихъ ее, Румовскій является однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые пробились впередъ въ ученыя степени, не смотря на неблагосклонность и вражду, ихъ окружавшія, только благодаря своему уму, способностямъ и любви къ наукѣ.

Здѣсь, въ академической гимназіи, любовь Румовскаго къ занятіямъ математикою должна была найти болѣе удовлетворенія, чѣмъ въ семинаріи Александро-Невскаго монастыря. Мы не имѣемъ однако положительныхъ свѣдѣній, какъ и у кого могъ онъ учиться тамъ математикѣ. Единственнымъ наставникомъ Румовскаго въ этой наукѣ былъ извѣстный больше своими мемуарами о физикѣ нѣмецкій ученый и академикъ Рихманъ, павшій жертвою при своихъ электрическихъ опытахъ, которыми онъ хотѣлъ повѣрить теорію Франклина о громоотводахъ въ 1753 году. До этого времени Румовскій посѣщалъ и химическія лекціи Ломоносова, который свидѣтельствуетъ о немъ, что онъ лучше другихъ отвѣчаетъ на задаваемые ему вопросы по химіи [2]). Въ 1753 году Румовскій получилъ уже званіе адъюнкта.

Вскорѣ послѣ смерти Рихмана любовь Румовскаго къ математикѣ нашла полное удовлетвореніе въ самой лучшей тогда въ Европѣ математической школѣ, у знаменитаго берлинскаго академика Лео-

---

скаго журнала. Тотъ же 1734 годъ находится и въ рукописной біографіи Румовскаго, которую мы нашли въ дѣлахъ Казанскаго университета. Она составляетъ переводъ статьи Цаха, съ нѣкоторыми неважными дополненіями, но къ сожалѣнію не кончена.

[1]) *Билярскій.* Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 100. Едва-ли однако справедлива здѣсь замѣтка автора, что Румовскому было тогда 12 лѣтъ.

[2]) *Билярскій.* Мат. стр. 190. Послѣ строгихъ экзаменовъ въ началѣ 1750 года, Румовскій былъ признанъ, въ числѣ пяти другихъ, отличнѣйшимъ изъ студентовъ. Его товарищами были и будущіе профессоры Московскаго университета: Барсовъ и Поповскій. См. сборн. Ст. по Отд. русск. яз. и слов. т. II, № 4, стр. 33.

нарда Эйлера. Это былъ величайшій ученый своего времени, не только по одной математикѣ. Съ Петербургскою академіею наукъ Эйлеръ былъ давно въ близкихъ сношеніяхъ. Еще въ 1733 году онъ сдѣлался ея членомъ по каѳедрѣ математики послѣ отъѣзда Даніила Бернулли въ Швейцарію. Въ Петербургѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ, но политическая жизнь Россіи того времени не внушала ему никакихъ симпатій; для его ума и убѣжденій она стала вскорѣ невыносимою, и вслѣдъ за паденіемъ Бирона, онъ поспѣшилъ переѣхать въ Берлинъ по приглашенію молодаго прусскаго короля Фридриха II, покровителя наукъ и друга современной философіи. Фридрихъ II основалъ тогда въ Берлинѣ академію и Эйлеръ сдѣлался однимъ изъ первыхъ ея членовъ. Впослѣдствіи времени, по вступленіи на престолъ Екатерины II, Эйлеръ, уже лишенный зрѣнія, какъ бы примирился съ страною, изъ которой бѣжалъ, съ страною, гдѣ, по его словамъ, «нельзя говорить, чтобы не погибнуть» и по приглашенію императрицы снова воротился въ 1766 году въ С.-Петербургъ въ качествѣ члена академіи наукъ. Потеря зрѣнія не мѣшала его занятіямъ и, по словамъ его біографовъ, это насильственное удаленіе Эйлера отъ предметовъ внѣшняго міра еще болѣе развило энергію его ума. До самой смерти Эйлера, въ 1783 году, Румовскій былъ близкимъ къ нему человѣкомъ и пользовался его наставленіями.

Въ берлинскій промежутокъ своей жизни геніальный математикъ не прерывалъ сношеній съ академіею наукъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1752 году къ нему явился присланный академіею, по его собственному вызову, первый русскій ученикъ Котельниковъ, извѣстный потомъ, какъ членъ академіи и писатель по математикѣ. Котельниковъ и жилъ у Эйлера и пользовался его семейнымъ столомъ. Въ 1754 году академія снова прислала къ нему двухъ молодыхъ русскихъ воспитанниковъ своихъ, произведенныхъ ею въ адъюнкты, сочиненія которыхъ были одобрены Эйлеромъ: Софронова и Румовскаго. Первый изъ нихъ, не смотря на свои прекрасныя дарованія и чрезвычайное прилежаніе, о чемъ Эйлеръ не разъ съ участіемъ писалъ къ академику Миллеру, былъ однако большой пьяница и великій математикъ, видя, что всѣ употребляемыя имъ для исправленія средства, не привели ни къ какому результату, просилъ взять его въ Петербургъ обратно на другой же годъ. Румовскій и Котельниковъ оставались еще съ годъ у Эйлера и жили въ домѣ его въ Шарлоттенбургѣ. Это были любимые ученики Эйлера и онъ съ похвалами отзывался о нихъ въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, ставя ихъ гораздо выше тѣхъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ академія желала вызвать изъ Германіи на свободныя мѣста акаде-

миковъ [1]). Денежныя отношенія помѣшали болѣе продолжительному пребыванію Румовскаго у Эйлера. Шумахеръ, управлявшій тогда самолично академіею, скупо высылалъ въ Берлинъ условленную плату за содержаніе студентовъ; нѣсколько разъ съ неудовольствіемъ писалъ Эйлеръ о томъ въ Петербургъ; жаловались и молодые люди съ своей стороны, что профессоръ неохотно уже занимается съ ними, и потому Котельниковъ и Румовскій лѣтомъ 1756 года были отозваны въ Петербургъ. Ихъ способностями и успѣхами Эйлеръ былъ вполнѣ доволенъ, но боялся ихъ рекомендовать академіи, зная, какъ писалъ онъ къ секретарю ея Миллеру, что «академія кажется очень равнодушна, выучились ли они чему нибудь или нѣтъ?» [2]). Для Румовскаго двухлѣтнее пребываніе въ домѣ Эйлера, въ теченіи котораго онъ тѣсно сдружился съ сыномъ его, столь же извѣстнымъ математикомъ, какъ и отецъ и впослѣдствіи нашимъ академикомъ въ Петербургѣ, было въ высшей степени плодотворно. Леонардъ Эйлеръ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей того времени; онъ внушалъ своимъ ученикамъ самую живую и горячую привязанность къ себѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда въ Берлинъ Румовскаго, оттуда уѣхалъ астрономъ Лаландъ, который съ увлеченіемъ, и на старости лѣтъ, говорилъ о томъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Эйлеру, а Румовскій писалъ о томъ же чувствѣ къ нѣмецкому ученому: «Воспоминаніе о благодѣяніяхъ моего несравненнаго учителя исчезнетъ изъ души моей только съ послѣднимъ моимъ вздохомъ» [3]). По возвращеніи въ Петербургъ, Румовскій не прервалъ сношеній съ Эйлеромъ и нѣкоторыя письма его къ нему, напечатанныя Пекарскимъ [4]), свидѣтельствуютъ о томъ. Они любопытны въ особенности по тому взгляду, какой составилъ себѣ Румовскій о научныхъ открытіяхъ и заслугахъ своего славнаго учителя въ академіи — Ломоносова. Взглядъ этотъ основывался на строгой наукѣ. Румовскій вообще не высокаго мнѣнія объ этихъ открытіяхъ, о знаменитой *ночезрительной трубѣ* отзывается почти насмѣшливо и проситъ Эйлера разъяснить разныя его недоумѣнія по поводу имѣющагося появиться въ свѣтъ разсужденія Ломоносова, которымъ онъ «намѣревается ниспровергнуть все, что до сихъ поръ успѣли открыть», именно тѣ математическія начала, на основаніи которыхъ самъ Эйлеръ сдѣлалъ величайшія открытія (въ небесной механикѣ). Такіе отзывы конечно стали скоро извѣстны впечатлительному и подо-

---

[1]) *Пекарскій*. Исторія Академіи Наукъ. I. стр. 275.
[2]) Тамъ же, стр. 277.
[3]) Zach. M. C. I, S. 283.
[4]) Исторія Ак. Н. II. 599--602.

зрительному Ломоносову, а у многочисленныхъ враговъ его въ академіи Румовскій только выигрывалъ ими.

На Румовскаго, по возвращеніи его въ Петербургъ, возложена была обязанность преподаванія математики академическимъ студентамъ. Преподаваніе должно было происходить по-русски, а русскаго математическаго учебника въ то время не существовало въ печати, кромѣ сочиненія Николая Муравьева, первая часть котораго появилась въ 1752 году, подъ названіемъ «Начальное основаніе математики». Румовскій является такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ нашихъ писателей по чистой математикѣ. Учебникъ его носитъ слѣдующее заглавіе: «Сокращенія математики; часть первая, содержащая: начальныя основанія ариѳметики геометріи и тригонометріи». СПБ. 1760, 8°. Подробностей однако о математическомъ преподаваніи Румовскаго мы не имѣемъ. Намъ извѣстно только, что скоро сталъ онъ заниматься исключительно астрономіей и эта наука сдѣлалась для него любимою. Еще въ 1757 году, въ журналѣ Миллера «Ежемѣсячныя Сочиненія» помѣщено его «Разсужденіе о кометахъ», безъ подписи имени автора (Іюль, стр. 40—53). Вскорѣ онъ сдѣлался присяжнымъ астрономомъ академіи наукъ.

Съ конца 1759 года въ ученомъ мірѣ Европы заговорили о предстоящемъ въ 1761 году прохожденіи Венеры чрезъ дискъ солнца. Парижская академія наукъ для наблюденій этого явленія намѣревалась отправить въ Восточную Индію своего астронома Жантиля, и наша академія, съ своей стороны, считала тоже своею обязанностію участвовать въ общемъ научномъ дѣлѣ всего образованнаго міра. Секретарь академіи Миллеръ представилъ о томъ президенту графу Разумовскому, доказывая необходимость ученой экспедиціи и ученыхъ наблюденій въ предѣлахъ Россіи, подъ руководствомъ русскаго астронома. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ Парижѣ нашлось частное лицо желавшее, сдѣлать путешествіе въ Сибирь на русскія деньги для наблюденія рѣдкаго и важнаго для науки астрономическаго явленія. То былъ извѣстный аббатъ Шаппъ, сдѣлавшій потомъ дѣйствительно путешествіе въ Сибирь и описавшій его въ книгѣ, надѣлавшей у насъ столько шума въ концѣ прошлаго вѣка. Академіи наукъ надобно было предупредить непрошеннаго француза и сдѣлать наблюденіе собственными средствами. Это она хорошо понимала. «Такое намѣреніе французской академіи наукъ, писалъ 23 октября 1760 года въ академическую канцелярію графъ Разумовскій объ экспедиціи Шаппа, показалося мнѣ для санктъ-петербургской Ея Императорскаго Величества академіи весьма предосудительнымъ, чего ради не меньше совершенная польза въ мореплаваніи и другихъ по астрономіи объ-

ясненіяхъ, какъ честь и слава академіи санктъ-петербургской требуетъ того, чтобъ сіе произвести дѣломъ самимъ, безъ помощи французскихъ астрономовъ» [1]). Но у нашей академіи въ то время не было достаточныхъ научныхъ средствъ для снаряженія астрономической экспедиціи. Академикъ по астрономіи Гришевъ или Гришау былъ тяжко боленъ; онъ и умеръ еще въ 1760 году, указавъ, какъ кажется, на Румовскаго, который бы могъ его замѣстить. Дѣйствительно ордеромъ президента 23 окт. 1760 года онъ былъ и назначенъ въ экспедицію для наблюденія. Но Румовскій до тѣхъ поръ не дѣлалъ никакихъ астрономическихъ наблюденій и академіи наукъ, чтобъ не уронить себя въ глазахъ ученой Европы, приходилось спѣшить. Приготовить Румовскаго къ наблюденію надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце поручено было профессору Эпинусу, который и самъ, если вѣрить Ломоносову «по астрономіи весьма малъ въ разсужденіи практики». Ломоносовъ увѣрялъ потомъ, что Эпинусъ былъ только два года въ Берлинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного хорошаго инструмента и только одинъ *заржавелый* квадрантъ и что онъ видѣлъ только одни инструменты въ Петербургѣ у Гришева. Какъ бы то ни было, но Румовскій занимался у Эпинуса астрономическою практикою въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и Ломоносовъ удивлялся, что онъ въ такое короткое время «можетъ сдѣлать обсервацію, которой и славные астрономы не безъ осторожности ожидаютъ». «Коль легкая и подлая наука астрономія!—прибавляетъ онъ: плоше сапожнаго дѣла!» [2]). Мы уже говорили о возможныхъ причинахъ непріязненныхъ отношеній Ломоносова къ Румовскому. Явились и другія. Въ 1759 году, по жалобѣ на пьянство своего цензора, адъюнкта Попова, Сумарокову назначили при изданіи имъ журнала «Трудолюбивая Пчела» новыхъ цензоровъ: Румовскаго и Котельникова и тогда въ «Пчелѣ» стали появляться статейки, принимаемыя Ломоносовымъ за злобныя противъ него выходки. Вражда къ Румовскому усиливалась еще и тѣмъ, что онъ былъ вообще близокъ съ академическими врагами Ломоносова. По рекомендаціи одного изъ нихъ, и самаго сильнаго, Тауберта, Румовскій сдѣлался учителемъ дѣтей президента академіи графа Разумовскаго и даже жилъ въ его домѣ. Это обстоятельство въ особенности способствовало успѣхамъ Румовскаго.

Академія наукъ снарядила двѣ экспедиціи, крайними пунктами которыхъ были города Нерчинскъ и Якутскъ. Начальниками этихъ экспедицій были назначены Поповъ и Румовскій. Они отправились

---

[1]) Билярскій, 468—469. Пекарскій, Ист. А. Н. II. 696—697.

[2]) Билярскій, стр. 493.

въ январѣ 1761 года, за мѣсяцъ до пріѣзда Шаппа въ Петербургъ. Изъ письма Румовскаго къ Ломоносову, отъ 4 іюня 1761 года изъ Селенгинска, въ которомъ онъ страннымъ образомъ увѣряетъ его теперь, что содержитъ въ твердой памяти всѣ его отмѣнныя къ нему милости, видно, что экспедиція не удалась; онъ не доѣхалъ до Нерчинска и остановился въ Селенгинскѣ, этомъ «наихудшемъ всей Сибири городѣ», гдѣ не зналъ что дѣлать дальше. День 26 мая, когда должно было происходить рѣдкое небесное явленіе, въ Селенгинскѣ, куда онъ поѣхалъ по совѣту губернатора Соймонова, и гдѣ, по его увѣренію, въ эту пору года небо бываетъ всегда ясно, выдался ненастный, и онъ не былъ въ состояніи наблюдать [1]). Впрочемъ это обстоятельство не помѣшало однако потомъ Румовскому въ его разсужденіи «О солнечномъ параллаксѣ» утверждать, что ему удалось сквозь облака примѣтить при выходѣ «наиважнѣйшее дѣло сего явленія, т. е. внутреннее прикосновеніе края Венерина до краю солнечнаго». Въ Тобольскѣ Румовскій видѣлся каждый день съ Сибирскимъ губернаторомъ Соймоновымъ, гидрографическія сочиненія котораго печатались въ академическомъ журналѣ Миллера. Этотъ замѣчательный подвижникъ Петра В., наказанный кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей, по дѣлу Артемія Волынскаго, и проведшій нѣсколько лѣтъ въ каторгѣ, прощенный Елизаветою и сдѣланный ею Сибирскимъ губернаторомъ въ 1757 году, повидимому сильно обрадовался, найдя въ заѣзжемъ астрономѣ собесѣдника, какихъ онъ давно не видалъ [2]).

Мы не знаемъ никакихъ другихъ подробностей объ этой первой научной экспедиціи Румовскаго; намъ неизвѣстенъ и путь его. Видно только, что онъ астрономически опредѣлялъ долготу нѣкоторыхъ мѣстностей и писалъ въ академію обстоятельные рапорты, которые должны находиться въ ея архивахъ. Шаппъ, бранившій все русское въ своей книгѣ, отзывается о Румовскомъ съ похвалою [3]). Неудача, постигшая Румовскаго въ этомъ первомъ его опытѣ астрономическихъ наблюденій тѣмъ болѣе должна была казаться ему тяжелою, что неминуемо вызывала новыя и сильныя на него и на партію, къ которой онъ принадлежалъ, нападенія со стороны Ломоносова, становившагося годъ отъ году все рѣзче и раздражительнѣе. Наблюденіе въ самомъ Петербургѣ дало поводъ къ новымъ раздражительнымъ спорамъ между Ломоносовымъ и Эпинусомъ [4]). Самъ Ломоносовъ сильно интересовался имъ и писалъ о томъ же явленіи и заранѣе

[1]) Билярскій, стр. 525—526; стр. 685.
[2]) Чтенія Общ. Ист. 1865 г. т. III. стр. 190.
[3]) Осмнадцатый вѣкъ, IV. 429,
[4]) Пекарскій, II, 730.

и послѣ него [1]). Извѣстно даже, что Ломоносовъ одинъ изъ первыхъ говорилъ о существованіи атмосферы вокругъ Венеры.

По возвращеніи Румовскаго изъ его неудачной поѣздки въ Селенгинскъ, онъ продолжалъ свои практическія занятія на обсерваторіи академіи наукъ. Непріязненныя отношенія его къ Ломоносову кончились только смертью послѣдняго: знаменитый русскій ученый. какъ извѣстно, былъ неуступчивъ. Не смотря однако на вражду Ломоносова, отчетъ Румовскаго о его экспедиціи и его исчисленія солнечнаго параллакса были одобрены академіей, и въ 1763 году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ астрономіи. Теперь становится онъ въ болѣе самостоятельное отношеніе къ Ломоносову. Въ томъ же году, на торжественномъ собраніи академіи наукъ, на которомъ въ первый разъ присутствовала Императрица Екатерина II съ наслѣдникомъ престола, Румовскій читалъ по-русски «исторію о началѣ и приращеніи оптики». Въ этой рѣчи между прочимъ онъ затронулъ Ломоносовскую теорію о цвѣтахъ, не раздѣляя ея положеній Ломоносовъ обидѣлся и хотя говорилъ, что «одобреніе Румовскаго въ сей матеріи не важно и охуленіе неопасно, какъ отъ человѣка въ физикѣ незнающаго», но въ сердцѣ хранилъ сильную досаду. Плодомъ этого новаго раздраженія Ломоносова было его представленіе въ канцелярію академіи наукъ отъ 4 марта 1764 года, гдѣ между прочимъ говорится о дурномъ состояніи обсерваторіи. Ломоносовъ указываетъ на безпрерывныя и ненужныя, на одной только прихоти основанныя въ ней передѣлки, жалуется на то, что нѣкоторые наблюдатели, которые при прежнихъ астрономахъ Делилѣ и Гришевѣ, имѣли свободный доступъ на обсерваторію, теперь туда не допускаются, а тѣ, «коимъ она поручена (т. е. Румовскій), производятъ ли что въ пользу астрономіи, мнѣ неизвѣстно» [2]) Румовскому было приказано отъ президента дать объясненіе по поводу этихъ обвиненій, и въ своемъ отвѣтѣ на доносъ Ломоносова [3]), онъ весьма подробно объясняетъ нисколько отъ него независящее дурное состояніе старой академической обсерваторіи и дѣйствительно частыя передѣлки въ ней, только крайнею необходимостью, говоритъ

---

[1]) „Явленіе Венеры на солнцѣ" Соч. изд. Смирдина. ч. II стр. 257—274 и „Показаніе пути Венерина" у *Будиловича,* Ломоносовъ, какъ писатель, стр. 281—284. Наблюденія петербургскія, сдѣлавшись извѣстными за границею, признаны были тамъ вообще неудовлетворительными. Объ астрономѣ на академической обсерваторіи, въ которомъ весьма легко видѣть Румовскаго („толстое горло„—ясный намекъ на него) упоминается и въ сатирѣ Ѳ. Эмина „Сонъ видѣнный въ 1765 году", сторонника Ломоносова. См. Русск. Арх. 1873 г. т. II, стр. 1913, 1923—1924.

[2]) Билярскій, стр. 631.

[3]) Тамъ же, стр. 681—686.

далѣе, что наблюденія, дѣланныя астрономами, которыхъ хвалитъ Ломоносовъ, напр. Кургановымъ и Красильниковымъ, не имѣли никакихъ результатовъ и произвели только смѣхъ въ Европѣ, въ отвѣтъ же на упрекъ Ломоносова, что на обсерваторіи академіи наукъ не дѣлается никакихъ наблюденій, онъ доказываетъ, что ежедневныя наблюденія и невозможны, по плохому состоянію обсерваторіи и потому что квартира его далека отъ нея. Въ доказательство своей дѣятельности, онъ ссылается на свой журналъ, изъ котораго видно, что не было ни одного сколько нибудь замѣчательнаго небеснаго явленія, къ наблюденію котораго онъ не предпринималъ бы мѣръ съ своей стороны, но сдѣлать это наблюденіе мѣшала часто неблагопріятная погода. Что онъ работалъ по своей наукѣ, можно доказать и сочиненіями его за эти годы: двумя рѣчами, читанными въ публичныхъ собраніяхъ, тремя напечатанными диссертаціями, изъ которыхъ въ одной говорилось о наблюденіяхъ его въ Селенгинскѣ, а въ двухъ о солнечномъ параллаксѣ; кромѣ того онъ критически разобралъ ошибки наблюденій, сдѣланныхъ надъ прохожденіемъ Венеры въ С.-Петербургѣ (Курганова и Красильникова) и Иркутскѣ (Попова); въ 1763, 1764, 1765 годахъ онъ сочинялъ календари (этимъ дѣломъ онъ занимался потомъ, въ теченіи тридцати лѣтъ), а для адмиралтейской коллегіи собралъ изъ разныхъ книгъ способы, какъ находить долготу мѣста на морѣ посредствомъ луны. Въ объясненіе этого надобно прибавить, что сочиненіе календарей поручено было въ 1763 году Румовскому самою академіею наукъ, которая нашла невѣрности въ прежнихъ, составленныхъ адъюнктомъ Красильниковымъ.

Какъ бы мы ни смотрѣли на частыя, иногда рѣзкія и видимо пристрастныя нападенія Ломоносова, къ которымъ увлекала его неугомонная натура, нельзя не видѣть съ другой стороны, что его зоркій глазъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ академіи, во всѣхъ ея отдѣлахъ, и, указывая на дѣйствительные, а иногда и мнимые недостатки, онъ шевелилъ жизнь академическую, которая, какъ это весьма часто и было въ ней въ XVIII вѣкѣ, наполнялась хозяйственными вопросами, личными спорами и превращалась легко въ самодовольную спячку. По проэкту Ломоносова, поданному президенту академіи въ 1764 году, Румовскій долженъ былъ участвовать въ задуманныхъ и предложенныхъ имъ географическихъ экспедиціяхъ для составленія подробнаго атласа Россіи. Ломоносовъ и здѣсь утверждалъ, что Румовскій больше принесетъ пользы въ экспедиціи, чѣмъ на академической обсерваторіи, гдѣ «дѣло его отправлять есть кому и не такъ нужно», но послѣдній рѣшительно отказался, ссылаясь на состояніе своего здоровья, разстроеннаго недавнимъ

путешествіемъ въ Восточную Сибирь и доказывая безполезность опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, и въ особенности долготы ихъ, употребляемыми тогда способами (тогда только дѣлались опыты надъ хронометромъ Гаррисона). Румовскій питаетъ вообще недовѣріе къ этой экспедиціи, задуманной однимъ только Ломоносовымъ и не надѣется отъ нея успѣха, въ особенности потому, что въ распоряженіи академіи нѣтъ достаточнаго числа астрономовъ; при этомъ онъ дѣлаетъ намекъ, что самъ Ломоносовъ не участвуетъ въ экспедиціяхъ, тогда какъ «въ другихъ академіяхъ предлагающія подобныя предпріятія особы, сами оныхъ не только отправлять не отрекаются, но и примѣромъ своимъ поощряютъ трудовъ своихъ самопроизвольныхъ сообщниковъ» [1]). Это обстоятельство и то, что онъ называетъ «принужденное учрежденіе экспедицій», а вовсе не плохое здоровье, которымъ Румовскій отличался до глубокой старости, были причиною его отказа. Но тутъ же онъ напоминалъ академіи, что въ 1769 году снова будетъ явленіе прохожденія Венеры чрезъ солнце, что важность этого явленія извѣстна всѣмъ, что лучше бы заранѣе прикоммандировать къ нему (т. е. Румовскому), для обученія астрономическимъ наблюденіямъ, двухъ или трехъ студентовъ, которые могли бы съ пользою отправиться въ новую экспедицію; въ ней и онъ вызывается съ своей стороны участвовать. Этотъ отказъ Румовскаго, который вѣроятно былъ причиною почему академія наукъ не дала дальнѣйшаго хода проэкту Ломоносова о географическихъ экспедиціяхъ, долженъ былъ усилить еще его враждебное отношеніе къ прежнему ученику. И въ дѣлѣ Шлецера, омрачившемъ послѣдніе дни Ломоносова, Румовскій былъ тоже не на его сторонѣ. Въ 1765 году, не задолго до смерти Ломоносова, Румовскій принужденъ былъ даже жаловаться на притѣсненія его своему знаменитому учителю Эйлеру и писать ему въ Берлинъ. Это вызвало въ самомъ дѣлѣ заступничество Эйлера. Въ письмѣ къ исторіографу Миллеру, которое онъ просилъ довести до свѣдѣнія канцлера, онъ говоритъ о Румовскомъ въ весьма для него лестныхъ выраженіяхъ, выставляетъ его прекрасный умъ, приносящій честь русскому народу и высказываетъ сожалѣніе, что его притѣсняютъ его же собственные единоземцы. Эйлеръ рекомендовалъ сверхъ того Румовскаго и молодому графу Воронцову. Заступничество великаго ученаго привело Ломоносова, не задолго до его смерти, въ чрезвычайное раздраженіе, свидѣтельствомъ котораго могутъ служить энергическія до грубости выраженія въ отвѣтѣ его Эйлеру. Здѣсь называетъ онъ Румовскаго «Таубертовой комнатной со-

---

[1]) Билярскій, стр. 691.

бачкой» [1]). Только смерть Ломоносова, послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого письма, положила конецъ враждѣ его къ Румовскому, начавшейся съ самаго того времени, какъ онъ воротился изъ-за границы. Нельзя сравнивать обѣ эти личности, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣть, изъ всего нами разсказаннаго, что въ дѣйствіяхъ Румовскаго положительно не замѣтенъ элементъ личный, который всегда мѣшалъ ясному сужденію великаго борца за русскую науку. Румовскій исключительно занятъ вопросами научными и личность его нигдѣ не выдвигается.

Со смертью Ломоносова, для біографіи котораго собрано такъ много матеріаловъ, прекращаются и наши болѣе подробныя свѣдѣнія о Румовскомъ; матеріалъ становится скуднѣе и отрывочнѣе, но Румовскаго по прежнему мы постоянно встрѣчаемъ въ ученомъ и административномъ кругу академіи наукъ. Въ первые годы своего царствованія, посвященные реформамъ, Екатерина обратила вниманіе и на академію, куда вскорѣ призвала она изъ Берлина знаменитаго Эйлера, съ которымъ любила бесѣдовать. Разстройство академіи, матеріальное и духовное, было ей хорошо извѣстно. Для приведенія ея въ лучшее состояніе была образована коммиссія изъ академиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и Румовскій, подъ предсѣдательствомъ новаго *директора* академіи графа Владиміра Орлова. Этой коммиссіи поручены были исключительно дѣла хозяйственныя, изъ за которыхъ главнымъ образомъ и ссорились академики. Теперь Румовскому пришлось встать противъ Тауберта. Имъ изготовлялись доклады коммиссіи, которая вела свое дѣло по французски, и переводились на русскій языкъ. Но личность его мало выдается въ тогдашней исторіи академіи. Исключительно, какъ кажется, занятъ онъ вопросами чисто научными. Академическая обсерваторія, плохое состояніе которой было уже замѣчено Ломоносовымъ, обратила на себя главное вниманіе Румовскаго; но въ теченіи всего царствованія Екатерины ему не удалось выстроить новую, соотвѣтствовавшую болѣе развитію науки и пришлось довольствоваться старымъ, неудобнымъ зданіемъ, требовавшимъ по прежнему частыхъ поправокъ. Въ латинскихъ мемуарахъ академіи наукъ съ 1765 по 1783 годъ помѣщено довольно много мелкихъ статей Румовскаго, состоящихъ изъ разныхъ астрономическихъ наблюденій небесныхъ явленій, математическихъ выкладокъ и опредѣленій географическаго положенія многихъ мѣстъ Россіи [2]). Съ самаго начала задуманнаго Екатериною преобразованія

---

[1]) Пекарскій, II. 873.

[2]) Указанія содержанія этихъ статей Румовскаго можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Бакмейстера: Russische Bibliothek, B-de I—XI, 1772—1789.

нашей академіи наукъ, она обратила особенное вниманіе на изученіе огромной и еще мало извѣстной страны, съ которою хотѣла познакомиться и устроить ее согласно современнымъ идеямъ. То было блестящее время «Наказа», коммиссіи для составленія законовъ и задуманнаго съ тою же цѣлью путешествія по Волгѣ. Географическій отдѣлъ академіи порученъ былъ президентомъ ея графомъ Орловымъ старому Эйлеру и Румовскому. Послѣдній конечно съ радостью работалъ вмѣстѣ съ прежнимъ уважаемымъ учителемъ своимъ. На долю его выпало изданіе географическаго атласа Россійской Имперіи и всѣ подробности этого дѣла. Близость съ Эйлеромъ, то уваженіе, которое оказывала Императрица знаменитому ученому, дали Румовскому поводъ въ 1768 году начать переводъ на русскій языкъ извѣстнаго сочиненія Эйлера, изданнаго имъ по возвращеніи въ С.-Петербургъ: «Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ». Первая часть этого перевода, посвященнаго Румовскимъ Екатеринѣ, которой онъ былъ уже лично извѣстенъ, вышла въ томъ же 1768 году, вторая и третья въ 1771 и 1774 годахъ. Содержаніе этой книги весьма извѣстно и русское общество получало въ переводѣ ея большой образовательный матеріалъ, за что Румовскій заслуживаетъ полной благодарности. Въ прошломъ вѣкѣ переводъ этотъ имѣлъ четыре изданія.

Между тѣмъ приближалось снова вѣковое небесное явленіе. На этотъ разъ оно уже не застало въ расплохъ нашихъ ученыхъ, какъ было въ 1761 году, и мы видѣли, что Румовскій уже тогда сталъ готовиться къ нему. Еще въ мартѣ 1767 года, т. е. болѣе чѣмъ за два года до явленія, въ то время, когда Екатерина открывала въ Москвѣ свою законодательную коммиссію, она выражала письмомъ графу Орлову, директору академіи, о своемъ желаніи, чтобъ академія сдѣлала самыя тщательныя наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце. Она требовала указать и выбрать мѣста имперіи, удобныя для наблюденій, чтобы можно было заранѣе принять всѣ мѣры и въ случаѣ, если въ академіи нѣтъ достаточнаго числа астрономовъ-наблюдателей, она указывала на необходимость выбрать ихъ изъ моряковъ и приготовить ихъ. Академія тотчасъ же донесла о выборѣ ею четырехъ мѣстъ для наблюденій; въ каждое изъ нихъ она назначала по наблюдателю и его помощнику, и кромѣ того, въ каждое мѣсто посылала особаго естествоиспытателя. Этимъ положено было начало извѣстнымъ ученымъ экспедиціямъ, которыя сдѣлали такъ много для изученія русскихъ провинцій въ царствованіе Екатерины. Академія требовала покупки нѣкоторыхъ необходимыхъ инструментовъ и книгъ, представила планы временныхъ обсерваторій и

проч. На издержки Екатерина дала шесть тысячъ рублей, болѣе чѣмъ просила сама академія. Она чрезвычайно интересовалась этимъ дѣломъ и съ своей волжской галеры писала еще письма къ Орлову, спрашивая о ходѣ приготовленій. Академія дѣятельно принялась за нихъ и Румовскій здѣсь былъ главнымъ лицомъ. Инціатива принадлежала теперь Россіи, именно Екатеринѣ. Первое письмо ея, опубликованное въ иностранныхъ газетахъ, было причиною того, что многіе изъ европейскихъ ученыхъ изъявили желаніе принять участіе въ нашихъ экспедиціяхъ, сами вызывались въ наблюдатели; это прибавило много ученыхъ силъ къ академіи для задуманныхъ ею географическихъ путешествій. Указомъ Сенату, всѣ лица участвовавшія въ экспедиціяхъ получили двойное содержаніе и прогоны, а Высочайшее повелѣніе губернаторамъ вызывало ихъ на содѣйствіе наблюдателямъ. Астрономы, отправляясь въ экспедиціи, представлялись Императрицѣ и Великому Князю Наслѣднику.

Самое важное изъ всѣхъ наблюденій (экспедиціи отправились на сѣверъ и югъ Россіи) принадлежитъ Румовскому. Онъ наблюдалъ явленіе въ Колѣ, а подчиненные ему астрономы изъ иностранцевъ находились въ сосѣднихъ мѣстахъ: Поноѣ и Умбѣ, на берегахъ Бѣлаго моря. Результаты этого наблюденія академія издала сначала, какъ и донесенія всѣхъ астрономовъ, отдѣльно (Observationes spectantes transitum Veneris per discum solis et eclipsin solarem die 23 Mai (3 Iuni) Kolae in Lapponia institutae a Stephano Rumovski. Petrop. 1769. 4°. 22 p.), а потомъ всѣ вмѣстѣ, и въ XIV томѣ своихъ латинскихъ комментаріевъ. Это было сдѣлано для ученой Европы; для русской публики Румовскій приготовилъ особое изданіе: «Наблюденія явленія Венеры въ солнцѣ въ Россійской Имперіи въ 1769 году учиненныя, съ историческимъ предувѣдомленіемъ». Спб. 1771. Здѣсь разсказана вся исторія русскихъ наблюденій и показано значеніе ихъ для науки [1]). Замѣтимъ кстати, что квадрантъ, который служилъ Румовскому для наблюденій въ Колѣ, былъ привезенъ въ Казань, гдѣ онъ до сихъ поръ находится въ обсерваторіи университетской.

Въ 1774 году графъ В. Орловъ сложилъ съ себя званіе директора академіи наукъ и на его мѣсто начначенъ былъ камергеръ Домашневъ. Нѣсколько лѣтъ его управленія не принадлежатъ къ лучшимъ въ исторіи нашей академіи. Его отношенія къ коммиссіи, въ которой уже не было обоихъ Эйлеровъ, отца и сына, дали поводъ къ новымъ столкновеніямъ и ссорамъ между академиками; неудовольствія проникли даже и въ ученыя изданія академіи. Румовскій былъ близокъ къ Домашневу; вся переписка директора съ враждебной ему коммиссіей, всѣ жалобы, просьбы, оправданія, отвѣты послѣдней до-

---

[1]) Bacmeister, Russ. B. I. 40—59.

водились до свѣдѣнія Екатерины. Извѣстно, что академія, зависѣвшая прежде отъ Сената, перешла теперь въ личное завѣдываніе Императрицы; она входила во всѣ мелочи, но нельзя сказать, чтобъ у ней доставало всегда время и дѣлу это вредило. Румовскій одинъ составлялъ тогда всѣ доклады Домашнева по управленію академіей; это конечно сильно отвлекало его отъ занятій научныхъ, но приблизило къ Екатеринѣ. Въ 1777 году напечатанъ былъ въ С.-Петербургѣ «Планъ объ учрежденіи гимназіи для чужестранныхъ одновѣрцевъ» и тогда же возникла эта гимназія, обязанная существованіемъ своимъ тѣмъ политическимъ планамъ, которые занимали въ это время Екатерину и Потемкина. Въ гимназіи этой должны были воспитываться Греки; двѣсти мальчиковъ привезены были на нашихъ корабляхъ изъ Греціи и Архипелага; всякій желающій могъ заявлять о томъ русскому посланнику и его тотчасъ же отправляли въ Петербургъ. Общій курсъ ученія продолжался четыре года и устройство преподаванія, согласно плану, поручалось особому инспектору, отъ котораго требовалось и значительное образованіе и высокая нравственность. Такимъ инспекторомъ назначенъ былъ Румовскій, уже хорошо извѣстный Екатеринѣ. Въ первый разъ онъ вступалъ на педагогическое поприще, но намъ впрочемъ совершенно неизвѣстна его дѣятельность въ этомъ родѣ, а равно и то долго ли онъ пробылъ инспекторомъ греческой гимназіи. Во всякомъ случаѣ назначеніе на это мѣсто, хотя оно отрывало Румовскаго отъ научныхъ занятій свидѣтельствуетъ о томъ, что Екатерина знала и цѣнила его. Она любила астрономію; еще въ 1769 году она желала сама наблюдать въ Петербургѣ явленіе Венеры. Не задолго до ея кончины, англійскій король прислалъ ей въ подарокъ десятифутовой телескопъ Гершеля. Румовскій долженъ былъ поставить его и научить употребленію. По цѣлымъ часамъ случалось ему бесѣдовать съ нею въ Царскомъ Селѣ объ астрономіи. «Разговоръ нашъ касался по большей части предметовъ астрономическихъ, писалъ онъ въ Германію къ Цаху [1]), и меня въ высшей степени удивляли тѣ познанія, которыя выказывала монархиня въ своихъ разговорахъ и сужденіяхъ. Часто ея сомнѣнія и вопросы, ею предлагаемые о формѣ земли, о теченіи луны, объ ея неровностяхъ, о движеніи кометъ, ихъ возвращеніи и т. п., приводили меня въ крайнее затрудненіе». Екатерина удостоила тогда Румовскаго и весьма щедраго подарка.

Въ 1782 году директоромъ академіи наукъ сдѣлана была княгиня Дашкова; управленіе этой замѣчательно умной женщины было лучшимъ временемъ для академіи въ XVIII вѣкѣ. Она прекратила

---

[1]) Monatl. Corresp. 1800. I. S, 290.

недоразумѣнія и пререканія, такъ сильно отвлекавшія академиковъ отъ занятій научныхъ, и только этихъ послѣднихъ требовала отъ нихъ. Она задумала нѣсколько періодическихъ изданій, въ которыхъ академики могли бы дѣлиться съ русскимъ обществомъ своими научными свѣдѣніями и дѣйствовать на него литературнымъ образомъ. Она оживила замолкнувшую было переводческую дѣятельность при академіи. Румовскій принужденъ былъ отказаться отъ своего инспекторскаго мѣста въ греческой гимназіи и исключительно наукѣ посвятить свое время. Астрономическія наблюденія его печатаются въ латинскихъ комментаріяхъ академіи, хотя нельзя сказать, чтобъ было ихъ особенно много. По указаніямъ «Словаря митрополита Евгенія», статьи Румовскаго помѣщались въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова» [1]), но тамъ почти вовсе нѣтъ статей ученаго содержанія, а тѣ, какія есть, весьма немногія, напечатаны безъ подписи Въ другомъ журналѣ, задуманномъ также княгинею Дашковою, «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» (1786—1796 г.), въ которомъ по плану издателей должны были помѣщаться такія «сочиненія, которыя бы для всякаго рода читателей были понятны и привлекали бы къ себѣ ихъ то пользою своего содержанія, то остротою мыслей или отмѣннымъ ихъ содержаніемъ», Румовскій въ первыхъ книжкахъ его помѣстилъ три небольшія статьи. Кажется, что онъ былъ и редакторомъ этого журнала [2]). По указанію же Дашковой начатъ былъ въ 1789 году переводъ одной изъ знаменитыхъ книгъ прошлаго вѣка, конченный печатаніемъ уже въ 1808 году. Въ переводѣ, вмѣстѣ съ Лепехинымъ, Озерецковскимъ и другими извѣстными русскими академиками, принималъ участіе и Румовскій. Это была «Всеобщая и частная естественная исторія графа де Бюффона», Спб. 10 частей. Какъ велико было участіе въ этомъ переводѣ Румовскаго мы не знаемъ.

При открытіи Россійской Академіи, задуманной Екатериною и Дашковою, въ первомъ торжественномъ ея собраніи, происходившемъ 21 октября 1783 года, въ числѣ тридцати четырехъ ея членовъ, имена которыхъ принадлежали іерархамъ церкви, вельможамъ и русскимъ людямъ того времени, извѣстнымъ въ наукѣ и литературѣ, было провозглашено и имя Румовскаго [3]). Въ теченіи всего перваго періода академіи, во время президентства Дашковой, Румов-

---

[1]) Словарь Свѣтск. Пис. II, 158 См. также сочиненія Добролюбова, изд. 1862 ч. I, стр. 16 и 19.

[2]) *А. Н. Неустроевъ*: Библіограф. указатель академ, журнала „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія". Спб. 1874. стр. 4.

[3]) *М. И. Сухомлинова* Исторія Россійской Академіи. Спб. 1874, вып. I, стр. 17.

скій былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ этого учрежденія. Первымъ и главнымъ дѣломъ академіи было составленіе словаря русскаго языка. Трудъ былъ раздѣленъ между членами по отдѣламъ и Румовскій значится въ отдѣлѣ *объяснительномъ* [1]). Онъ взялъ на себя объясненіе всѣхъ словъ, относящихся къ звѣздословію. Въ 1788 году Румовскій участвуетъ и *въ издательномъ* отдѣлѣ [2]). За эти труды по составленію словаря, Румовскій въ засѣданіи 21 декабря 1790 года былъ удостоенъ, вмѣстѣ съ княгинею Дашковою, золотой медали. Въ спискѣ членовъ, составленномъ по окончаніи словаря, съ засвидѣтельствованіемъ академіи о трудахъ каждаго, о Румовскомъ говорится, что «при составленіи всѣхъ шести частей онаго, опредѣлялъ слова, въ звѣздословіи и отчасти математикѣ употребительныя, и почти всегдашнимъ присутствіемъ въ собраніяхъ академіи много вспомоществовалъ въ ея трудахъ своими на оные примѣчаніями» [3]).

Въ царствованіе императора Павла Румовскій, не смотря на свою старость, не оставлялъ ни астрономическихъ наблюденій, ни науки. Снова, черезъ длинный періодъ времени, онъ кромѣ того является преподавателемъ. Русское адмиралтейство, по приказанію Павла должно было послать нѣсколько морскихъ офицеровъ въ Бѣлое и Ледовитое моря для мореходныхъ и географическихъ наблюденій, вообще для практики. Офицеры эти, въ теченіи зимы 1798 года и лѣтомъ 1799 года, учились у Румовскаго астрономіи. Онъ научилъ ихъ употребленію отражательнаго инструмента, искусственнаго горизонта и другихъ инструментовъ, необходимыхъ въ предстоящей имъ дѣятельности. Къ этому роду занятій относится и переводъ Румовскаго сочиненія Ѳ. Шуберта: «Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ». Спб. 1803. Въ 1800 году Румовскій сдѣланъ былъ Вице-Президентомъ академіи наукъ. Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Румовскаго, надъ которымъ онъ работалъ уже въ глубокой старости, будучи попечителемъ Казанскаго университета, былъ переводъ Тацитовыхъ Лѣтописей, изданный вмѣстѣ съ подлинникомъ Россійской Академіею въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1806—1809. Въ своемъ трудѣ Румовскій пользовался однако въ значительной степени французскими переводами. Ему было тогда уже около восьмидесяти лѣтъ, но онъ сохранилъ, какъ свидѣтельствуетъ его академическій некрологъ [4]), всѣ свои физическія и умственныя способ-

---

[1]) *А. Красовскій.* Первый періодъ Имп. Росс. Академіи. Спб. 1849. стр. 14.
[2]) Тамъ же, стр. 32.
[3]) Тамъ же, стр. 93.
[4]) Mémoires de l'Académie de SPB. Tome V. 1815, p. 6.

ности, благодаря чрезвычайно трезвому и правильному образу жизни. Румовскій всегда оставался холостымъ.

Мы считали необходимымъ изложить здѣсь въ связномъ разсказѣ эти немногія, къ сожалѣнію, и съ разныхъ сторонъ собранныя нами біографическія свѣдѣнія о первомъ казанскомъ попечителѣ. Въ исторіи Казанскаго университета, кажется намъ, настоящее ихъ мѣсто. И въ наше время, при значительномъ самоуправленіи русскихъ университетовъ, но при извѣстномъ характерѣ нашей научной дѣятельности, въ общей жизни университета весьма важное значеніе получаетъ личность попечителя; съ нею, во многихъ отношеніяхъ, связана на цѣлые годы судьба университета, характеръ и направленіе высшаго образованія въ цѣломъ краѣ. Свѣтлыя и темныя краски университетской жизни очень часто получаютъ тоны отъ той же личности. Тѣмъ болѣе она имѣла значенія при самомъ началѣ университетской жизни, когда ей приходилось дѣйствовать съ гораздо большими полномочіями и создавать новое такъ сказать изъ ничего. Выборъ попечителей въ первые годы царствованія Александра былъ въ полной мѣрѣ удаченъ; до сихъ поръ они остаются почти недостижимыми идеалами въ этомъ отношеніи. Очевидно, что этимъ выборомъ направляли высшія, чистыя цѣли; онъ свидѣтельствовалъ о глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ наукѣ, къ просвѣщенію, о желаніяхъ создать университетскую жизнь на началахъ широкихъ, соотвѣтствовавшихъ стремленіямъ времени и мечтамъ о преобразованіяхъ, которымъ былъ сердечно преданъ Императоръ Александръ и его ближайшіе совѣтники. Попечители принадлежали вообще къ высшимъ, широкимъ сферамъ жизни гражданской или умственной. Являясь создателями и охранителями ввѣренныхъ имъ университетовъ посреди мѣстнаго общества, они могли занять въ немъ первое мѣсто и этимъ способствовать развитію уваженія къ университетской наукѣ, значеніе которой мало сознавалось. Тутъ были кураторы съ государственными способностями и взглядами, какъ Новосильцевъ, князь Чарторысскій и Муравьевъ, всѣ трое близкіе къ государю люди (послѣдній еще съ замѣчательнымъ литературнымъ талантовъ), или люди высокаго происхожденія, но съ самою идеальною преданностью къ наукѣ, какъ графъ Потоцкій, или поэты и извѣстные писатели, какъ Клингеръ, или ученые, всю жизнь обращавшіеся съ наукою, какъ Румовскій. Этотъ послѣдній, указанный какъ кажется Императору Александру Новосильцевымъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ составлялъ регламентъ академіи наукъ, имѣлъ свои типическія особенности сравнительно съ другими. У него не было ни высокаго происхожденія и богатства, которыя бы много значили въ провинціальной

глуши, ни государственныхъ взглядовъ. Своимъ положеніемъ въ свѣтѣ Румовскій обязанъ былъ только себѣ, труду и долгой жизни. Но за нимъ была наука, сдѣлавшая имя его почтеннымъ и уважаемымъ и въ Европѣ. Онъ былъ почти современникомъ началу нашей умственной дѣятельности; его выбралъ изъ семинаристовъ великій начинатель Ломоносовъ; онъ учился у Эйлера; онъ бесѣдовалъ съ Екатериною и княгинею Дашковою; вся умственная жизнь наша XVIII вѣка прошла передъ глазами Румовскаго и онъ былъ въ ней не маловажнымъ участникомъ. Но Румовскій былъ старъ, а старость имѣетъ свои естественные недостатки. Всѣ эти особенности личности перваго казанскаго попечителя не могли не отразиться на мѣрахъ, предпринятыхъ имъ къ осуществленію устава Казанскаго университета и на первыхъ шагахъ этого учрежденія, вступающаго въ жизнь.

Къ разсказу о тѣхъ и другихъ мы переходимъ теперь.

Глава II.

Причины замедлившія полное открытіе университета. Казанскія гимназіи. Директоръ И. Ѳ. Яковкинъ. Основаніе университета. Первые профессоры: русскіе и иностранцы. Постройки и помѣщеніе университета.

Дѣйствительное открытіе Казанскаго университета, съ отдѣленіями, указанными въ уставѣ 1804 года и съ выборными представителями университетскаго самоуправленія, произошло не вдругъ и въ этомъ отношеніи онъ отсталъ значительно отъ своего современника Харьковскаго университета (уставы Виленскаго и Дерптскаго были утверждены за полтора года до Казанскаго). Въ продолженіи девяти лѣтъ, хотя въ немъ и происходило преподаваніе нѣкоторыхъ университетскихъ предметовъ, явилось нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ, раздавались университетскія ученыя степени и постепенно возрастало число студентовъ, однимъ словомъ, хотя въ немъ и видимъ мы зародыши университетской жизни, хотя онъ и носитъ названіе университета, но того, чего требовалъ уставъ 1804 года, передъ нами нѣтъ. Казанскій университетъ тѣсно слитъ еще съ гимназіею; они и живутъ вмѣстѣ, помѣщаясь въ одномъ домѣ; они находятся въ одномъ управленіи, подъ властію и распоряженіемъ одного лица, которому слѣпо довѣрился Румовскій въ тѣ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ былъ попечителемъ Казанскаго университета и его округа.

Причины этой продолжительной запоздалости и неполнаго развитія университетской жизни въ Казани были двоякаго рода: и общія и частныя. Съ одной стороны ихъ надобно искать въ самой новости дѣла, въ недостаткѣ лицъ, которыя могли бы съ честію занять университетскія каѳедры и начать преподаваніе въ рамахъ предположенныхъ уставомъ отдѣленій. Единственный до тѣхъ поръ существовавшій въ Россіи Московскій университетъ былъ еще слишкомъ бѣденъ духовными силами, чтобы достало ихъ на новооткры-

тые университеты; другой источникъ—Екатерининскія педагогическія учрежденія—могъ дать также немного выработавшихся уже впослѣдствіи профессоровъ; всего этого было мало конечно и потому по необходимости пришлось обратиться за помощью въ Европу. Главный контингентъ профессоровъ въ началѣ существованія Александровскихъ университетовъ былъ доставленъ нѣмецкими университетами, но изъ иностранцевъ немногіе принесли дѣйствительную пользу молодымъ русскимъ университетамъ; нуженъ былъ осмотрительный и строгій выборъ. Правда недостатка за охотниками переселиться въ Россію на сравнительно лучшее тогда жалованье нашего профессора не было, особенно изъ Германіи, гдѣ университетская наука была давно уже въ полномъ развитіи и гдѣ ищущихъ мѣстъ было довольно. Политическая жизнь этой страны въ то время, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, напоминавшая собою всеобщій разладъ временъ религіозныхъ войнъ, много способствовала этому выселенію интеллигенціи въ страну, которая гостепріимно раскрывала свои объятія для науки и давала спокойный пріютъ ея представителямъ. Нѣсколько честныхъ профессоровъ, людей дѣйствительной науки, для которой не существуетъ узкихъ національныхъ рамокъ, ученыхъ, которые составили потомъ себѣ славное имя въ наукѣ, Россія дѣйствительно пріобрѣла въ эти годы; но вмѣстѣ съ ними было довольное число и такихъ людей, для которыхъ на первомъ планѣ стоялъ только денежный интересъ. Эти иностранные профессоры встали тогда лицомъ къ лицу съ русскимъ обществомъ, которое почти вовсе не сознавало значенія и пользы науки и посылало дѣтей своихъ учиться единственно изъ за тѣхъ правъ служебныхъ, которыя могло дать имъ образованіе; между тѣмъ трудность и продолжительность университетскаго курса задерживали на нѣсколько лѣтъ полученіе этихъ вожделѣнныхъ правъ. «Открытые университеты едва дышатъ о сію пору, замѣчаетъ свидѣтель первыхъ шаговъ нашихъ университетовъ [1]). Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія. Ктожъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ еще наукахъ твердятъ Ипократово слово: Ars longa, vita brevis etc. Родимся же мы на свѣтъ не умствовать, а дѣйствовать». Правда, современникъ этотъ не былъ вообще расположенъ къ новымъ преобразованіямъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, видѣлъ въ нихъ больше фразъ,

---

[1]) Митроп. Евгеній въ письмахъ къ другу своему Македонцу. Русск. Арх. 1871 г. стр. 838.

чѣмъ сущности, но вышеприведенныя слова его выражали дѣйствительность. Это положеніе вещей еще ярче должно было представляться въ нашей удаленной казанской провинціи.

Здѣсь къ общимъ причинамъ медленнаго развитія университета и неполнаго его открытія, присоединились и свои, домашнія, частныя причины. Прежде всего передъ нами полное равнодушіе казанскаго общества и передового сословія его—дворянства къ зарождающемуся по волѣ Императора Александра университету. Высочайше утвержденныя «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», въ послѣднемъ параграфѣ своемъ, вызывали мѣстную администрацію «споспѣшествовать исполненію намѣреній правительства не понудительными средствами, но благоразуміемъ и дѣятельностью» и этимъ могли они обратить на себя «отличное его вниманіе». Они вызывали также и «всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, которые при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей, и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшее и утвердить на предбудущее время благосостояніе и славу отечества». Этотъ благородный вызовъ правительства, свидѣтельствующій о его глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ народному просвѣщенію, только у насъ, въ Казани, не нашелъ отвѣта и встрѣченъ былъ, и со стороны мѣстной администраціи, и со стороны мѣстнаго общества, гробовымъ молчаніемъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь не только какого либо существеннаго пожертвованія, но и вообще никакого сочувственнаго заявленія. Университетъ падалъ съ неба; всѣ сторонились отъ него съ уваженіемъ или вѣрнѣе сказать съ недоумѣніемъ. Конечно страна наша еще далека отъ тѣхъ сознательныхъ и изумительныхъ пожертвованій въ пользу науки и просвѣщенія, которыми отличаются страны англо-саксонскаго племени, съ поразительнымъ развитіемъ частной инициативы, но и у насъ, въ эпоху основанія нашихъ университетовъ, почти вездѣ на вызовъ власти откликалось тогда общество. Вспомнимъ о знаменитыхъ пожертвованіяхъ Демидова, харьковскаго дворянства для своего университета, значительныхъ приношеній со стороны общества губерній западныхъ и остзейскихъ. Все это свидѣтельствовало о возможности тамъ болѣе быстраго развитія университетскаго образованія, все это говорило, что наука пользуется тамъ сочувствіемъ и скорѣе получитъ гражданскія права; въ Казани встрѣчаемъ мы только тупое восточное равнодушіе.

Безъ сомнѣнія основаніе Казанскаго университета согласно Высочайше утвержденному уставу, являлось такимъ образомъ лишь

исполненіемъ правительственныхъ предначертаній. Исполнители, не находя сочувствія и отзыва, должны были, кажется намъ, охладѣвать въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ ими, съ какимъ бы уваженіемъ сами они ни смотрѣли на порученное имъ дѣло. Вѣроятно, опираясь на сочувствіе окружавшаго его общества, и по своимъ собственнымъ побужденіямъ, попечитель Харьковскаго университета, еще за полтора года до утвержденія устава, уже выбралъ для него профессоровъ, которые тогда же были утверждены въ должности Главнымъ Правленіемъ Училищъ изъ немногочисленныхъ въ то время русскихъ людей, способныхъ занять каѳедру, и изъ иностранныхъ ученыхъ [1]). Тоже самое было въ Дерптѣ. Въ первый годъ основанія Виленскаго университета мы уже находимъ тамъ донесенія нѣсколькихъ молодыхъ адъюнктовъ, отправленныхъ для усовершенствованія въ чужіе края. Конечно все это, и въ Дерптѣ и Вильнѣ, свидѣтельствовало объ историческомъ и давнемъ существованіи тамъ науки: это была нѣмецкая или польская наука, не новость въ тѣхъ мѣстахъ, но въ Харьковѣ энергическія и раннія мѣры для открытія университета и замѣщенія каѳедръ надобно, какъ кажется, отнести исключительно къ личности попечителя графа Потоцкаго; это было уже его дѣло. Казанскій попечитель Румовскій, мы видѣли, былъ очень старъ; характеръ его науки и ученыхъ трудовъ, его дѣятельность въ кругу академиковъ, были слишкомъ далеки отъ общества; съ его живыми потребностями едва ли онъ и встрѣчался близко. Дѣлу, которому онъ призванъ былъ служить, Румовскій не могъ сочувствовать въ той степени, какъ прочіе его товарищи, члены Главнаго Правленія Училищъ. Изъ его дѣйствій, медленныхъ не столько по осторожности и обдуманности, сколько изъ весьма понятной старческой апатіи, мы легко можемъ заключить, что онъ былъ далекъ отъ того, чтобъ положить въ это дѣло свою душу, а между тѣмъ все отъ него зависѣло; онъ одинъ долженъ былъ явиться дѣйствующимъ лицомъ. Какъ человѣкъ Екатерининскаго вѣка, притомъ не изъ тѣхъ людей этого вѣка, которыхъ мысль созрѣла въ ея тогдашнихъ порывахъ и тревогахъ, человѣкъ далекій вообще отъ всего современнаго общественнаго движенія въ Россіи, Румовскій не могъ имѣть передъ собою государственныхъ цѣлей, раздѣляемыхъ другими попечителями. Напротивъ, кажется намъ, онъ не довѣрялъ реформамъ, ознаменовавшимъ новое царствованіе, а потому могъ быть на своемъ мѣстѣ только исполнителемъ, но исполнителемъ холоднымъ, безстрастнымъ. Недовѣріе къ новымъ стремленіямъ выразилось въ немъ съ одной стороны недо-

[1]) Періодич. Сочин. о успѣхахъ Народн. Просв. 1803 г. № I, стр. 68.

вѣрчивымъ отношеніемъ къ людямъ болѣе молодымъ, а съ другой—довѣріемъ къ лицамъ, которыя умѣли найти въ немъ слабую струну, и, окружая его лестію, успѣвали все дѣлать изъ старика. Такимъ образомъ первые шаги университетской науки въ Казани запутываются съ самаго начала въ личныя отношенія и къ сожалѣнію эти личныя отношенія, которымъ провинціальная среда необходимо придаетъ вообще непривлекательный оттѣнокъ, будутъ сопровождать университетъ до самаго позднѣйшаго времени: ясное доказательство того значенія нашихъ университетовъ въ общемъ строѣ русской жизни, о которомъ мы упомянули на первыхъ страницахъ нашего разсказа.

Если препятствія къ скорому открытію и быстрому развитію Казанскаго университета заключались и въ несочувствіи къ нему мѣстной среды, и въ самомъ характерѣ его перваго попечителя, то съ другой стороны нельзя не видѣть, что главное препятствіе состояло въ томъ, что у Румовскаго не было подъ руками достаточнаго количества людей, способныхъ занять университетскія каѳедры и немедленно положить основаніе полному университету. Мы говорили уже, что онъ былъ предупрежденъ другими въ этомъ отношеніи; ему оставалось довольствоваться только тѣми средствами, какія были вблизи, а пріискиваніе другихъ отложить на болѣе неопредѣленное время или руководствоваться случайностью. Въ утвердительной грамотѣ Казанскаго университета говорилось о существовавшей съ 1758 года въ Казани и зависѣвшей прежде отъ Московскаго университета гимназіи. Это заведеніе, судьба котораго въ теченіи прошлаго вѣка недавно достаточно уяснена [1]), испытало до-

[1]) См. Сочиненіе, написанное къ столѣтнему юбилею Императорской Казанской гимназіи, празднованному въ январѣ 1868 года, недавно умершимъ учителемъ *В. В. Владиміровымъ*: „Историческвя Записка о 1-й Казанской Гимназіи", Части I—III. Казань. 1867—1869, и въ особенности статьи также недавно умершаго, достойнаго воспитанника нашего университета *А. И. Артемьева*; „Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи". Ж. М. Н. П. 1874 г. май (стр. 32—98), іюль (стр. 5—52) и ноябрь (стр. 1—67), которыя во многомъ дополняютъ и исправляютъ изслѣдованіе Владимірова. Имя А. И. Артемьева, одной изъ скромныхъ, безпритязательныхъ, но искренно преданныхъ умственнымъ интересамъ личностей, какъ мѣстнаго изслѣдователя, не разъ будетъ встрѣчаться на страницахъ этого повѣствованія: ни одинъ изъ казанскихъ ученыхъ не сдѣлалъ такъ много для исторіи края и нашего университета. Нравственный обликъ этого прекраснаго человѣка живымъ стоитъ въ нашей памяти; не мимолетныхъ словъ заслуживаетъ онъ въ исторіи умственной жизни Казани; но здѣсь не мѣсто говорить о немъ. Довольно подробное перечисленіе статей Артемьева, касающихся исторіи Казани, можно найти въ некрологѣ его, составленномъ г. *Петровымъ*. См. Древняя и Новая Россія. Иллюстрированный Сборникъ, 1875 г. № 1, стр. 86—94.

вольно переворотовъ, совпадавшихъ съ различными реформами, предпринимаемыми правительствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, но во всякомъ случаѣ оно было историческимъ учрежденіемъ, пустившимъ корни въ мѣстную жизнь и пользовавшимся сочувствіемъ мѣстнаго общества. Екатерининская коммиссія народнаго просвѣщенія, задавшаяся мыслью содержать училища въ провинціяхъ на ихъ собственныя средства, съ помощью учрежденныхъ тогда приказовъ общественнаго призрѣнія, нанесла такой сильный ударъ Казанской гимназіи, изъявъ ее изъ вѣдѣнія Московскаго университета, что существованіе ея по необходимости прекратилось. Преподаваніе въ Казанской гимназіи должно было тогда измѣниться въ объемѣ и соотвѣтствовать тому, который указанъ въ Высочайше утвержденномъ уставѣ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи 5 августа 1786 года. Объемъ этотъ былъ нѣсколько тѣснѣе гимназическаго, хотя по плану Екатерининской коммиссіи главное народное училище замѣняло собою совершенно гимназію, исчезало только самое слово, и ученики, кончившіе въ немъ курсъ, могли переходить въ университеты, основаніе которыхъ было тогда предположено. Въ 1786 году открыто въ Казани это главное народное училище, куда естественно должны были перейти ученики гимназіи. На него явились тотчасъ же пожертвованія и со стороны дворянства и со стороны купечества, присоединившіяся къ отпускаемому изъ приказа содержанію, а гимназія перестала существовать фактически въ 1788 году [1]). По словамъ казанскаго историка, это училище могло

---

[1]) *Артемьевъ.* Казанскія Гимназіи Ж. М. Н. П. 1874 г. Ноябрь. стр. 66. Вопросъ о томъ однако почему, какъ и въ какое опредѣленное время закрылась гимназія не рѣшенъ окончательно, безъ сомнѣнія за недостаткомъ подлинныхъ актовъ, ни въ книгѣ Владиміровa, ни въ статьяхъ Артемьева; онъ вызвалъ даже полемику въ казанской печати. Дѣло въ томъ, что года два и гимназія и училище существовали въ одно время и потомъ уже первая закрылась по недостатку средствъ (приказъ понятно не могъ отпускать ихъ на два равнозначущія училища). Почтенный авторъ статьи „Нынѣшній университетскій кварталъ во второй половинѣ XVIII столѣтія" (Справочный Листокъ города Казани 1867 г. № 82) справедливо выставляетъ нѣкоторыя свои недоумѣнія въ этомъ вопросѣ. Онъ не можетъ согласить именный указъ Сенату 27 августа 1785 года (Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16249) о подчиненіи Казанскихъ гимназій (впрочемъ съ ученіемъ въ нихъ, соображеннымъ съ правилами, утвержденными для прочихъ народныхъ школъ) Приказу Общественнаго Призрѣнія съ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній перестальъ отпускать на ихъ суммы, когда было открыто училище. Хотя Владиміровъ (Спр, Л. № 85) и старался не видѣть тутъ сомнѣній и недоумѣній, но не убѣдилъ отвѣтомъ. Намъ кажется вопросъ разрѣшается очень просто: Екатерининскій уставъ 1786 года естественно отмѣнялъ предшествовавшее временное распоряженіе 1785 года и если, со времени открытія

замѣнить собою прежнюю гимназію, «было единственнымъ разсадникомъ для образованія юношей свѣтскаго званія и славилось какъ обширными свѣдѣніями въ наукахъ своихъ наставниковъ (одинъ изъ нихъ, Чернявскій, былъ опредѣленъ профессоромъ россійской словесности въ Виленскій университетъ), которые были присылаемы сюда первоначально изъ Педагогическаго Института, такъ и превосходило прочія учебныя заведенія по обширности преподаваемыхъ въ немъ предметовъ» [1]).

Но какъ бы ни было хорошо обставлено главное народное училище, какъ ни обширно было въ немъ преподаваніе разныхъ предметовъ, все же оно не могло замѣнить для Казани, и въ особенности для ея дворянства, прежней университетской гимназіи, которая въ теченіи всего XVIII вѣка воспитала много дворянскихъ дѣтей и постоянно старалась угождать не только сословному чувству, сильному въ то время, отдѣленіемъ дворянскихъ дѣтей отъ разночинцевъ, но и вкусу дворянства заботами о языкахъ, о наружности и формахъ, о свѣтскихъ манерахъ и проч. Ничего этого не было въ народномъ училищѣ, гдѣ сливались сословія, преподавался только одинъ, и къ тому же нѣмецкій языкъ, и ни одного изъ предметовъ, приготовлявшихъ къ главному служебному поприщу дворянскаго сословія — военному. Екатерининская коммиссія училищъ, какъ извѣстно, дѣйствовала въ общихъ идеяхъ, управлявшихъ тѣмъ вѣкомъ и думала не о сословномъ, а объ общемъ гражданскомъ воспитаніи; она опередила въ этомъ отношеніи русское общество. Этимъ причинамъ надобно приписать возстановленіе въ царствованіе Императора Павла закрывшейся Казанской гимназіи, съ прежнимъ раздѣленіемъ сословій въ ней и съ особенною цѣлью приготовленія въ ней молодыхъ людей къ службѣ гражданской и военной, но не «къ состоянію, отличающему ученаго человѣка» [2]). Уставъ этой гимназіи, утвержденный Павломъ въ первый разъ 21 декабря 1797 года, а во второй во время посѣщенія имъ Казани, 29 мая 1798, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, представляетъ намъ училище съ весьма широкимъ объемомъ преподаванія и съ науками, которыя имѣли и обще-образовательный характеръ, и приготовляли людей для самыхъ разнообразныхъ родовъ служебной дѣятельности. Это была уже не гимназія, а скорѣе высшее училище, нѣчто въ родѣ послѣдующихъ

училища, года два продолжала еще существовать и гимназія, то это происходило частію отъ того, что ученикамъ, начавшимъ обученіе въ гимназіи, надобно было и окончить въ ней курсъ, а частію отъ недоразумѣнія губернскихъ властей.

[1]) *Рыбушкинъ,* Исторія Казани, ч, II, стр. 34.

[2]) Владиміровъ, Истор. Зап. II, 5.

лицеевъ. Кромѣ первоначальныхъ и общихъ предметовъ гимназическаго ученія, здѣсь преподавались изъ языковъ: латинскій, французскій, нѣмецкій и, въ угожденіе мѣстнымъ потребностямъ, какъ это было и въ Елизаветинской гимназіи—татарскій; изъ философскихъ наукъ: логика и практическая философія; изъ физико-математическихъ: геометрія и тригонометрія, механика, гидравлика, физика, химія, натуральная исторія, землевѣдѣніе (т. е. землемѣріе) и гражданская архитектура; изъ юридическихъ: практическое законоискусство; изъ военныхъ: артиллерія, фортификація, тактика и наконецъ изъ искусствъ: рисованіе, музыка, фехтованіе и танцы. Изъ этого объема преподаванія видно, что Павловская гимназія, которую и тогда уже называли Императорскою, приготовляла къ жизни и службѣ людей разносторонне образованныхъ и соотвѣтствовала болѣе вкусамъ и потребностямъ сословій привилегированныхъ. Говорить о томъ, какую пользу дѣйствительно принесла она обществу мы не имѣемъ надобности, тѣмъ болѣе, что и періодъ ея существованія былъ весьма непродолжителенъ: новая реформа просвѣщенія въ началѣ царствованія Александра I, новыя гимназіи съ другими цѣлями и назначеніемъ и университетъ, основанный въ Казани, задержали ея развитіе весьма скоро послѣ ея учрежденія. Мы упомянули о ней только потому, что къ ней примкнуло преподаваніе молодого Казанскаго университета, что первыми профессорами въ немъ сдѣлались ея преподаватели въ высшихъ классахъ, преимущественно изъ питомцевъ Московскаго университета, что первыми студентами вообще были только ея ученики, что ея старинная библіотека, коллекціи и пособія послужили основаніемъ для библіотеки, музеевъ и кабинетовъ университета. Наконецъ съ личностію пятаго директора этой гимназіи (они быстро смѣнялись другъ другомъ) Ильи Ѳеодоровича *Яковкина* на нѣсколько лѣтъ сливается первоначальная исторія университета.

Какъ Людовикъ XIV въ извѣстныхъ словахъ соединялъ въ своей личности представленіе о цѣломъ государствѣ и являлся полнымъ его выразителемъ, такъ точно и Яковкинъ, въ теченіи слишкомъ девяти лѣтъ, пока не было допущено въ Казанскомъ университетѣ самоуправленіе по смыслу устава 1804 года, могъ съ полнымъ сознаніемъ произнести подобную же знаменательную фразу: «университетъ — это я!» И въ самомъ дѣлѣ, въ его словахъ и заявленіяхъ, которыя такъ часто подхватывались безчисленными врагами директора, слышится такое же гордое сознаніе; оно ясно видится и во всѣхъ его дѣйствіяхъ по гимназіи и университету, самовластныхъ и рѣшительныхъ, полныхъ присутствія твердой и не-

ограниченной воли. Христіаннѣйшій король, продолжимъ немного употребленную нами параллель, имѣлъ надъ собою только Бога въ небѣ; ему только онъ былъ обязанъ отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ личныхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію Франціей; контроль съ этой точки зрѣнія становится невозможнымъ; совѣсть самодержца не судима. И Яковкинъ отдавалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному богу; этотъ богъ на берегахъ Невы для него былъ Румовскій; но тутъ уже являются чисто земныя отношенія; дѣйствіе происходитъ не въ глубокихъ извилинахъ человѣческой совѣсти, а на бумагѣ; сохранились слѣды этихъ отношеній и поздній историкъ долженъ явиться судьею: людская совѣсть выносливѣе бумаги, если согласиться съ словами русской пословицы, что послѣдняя терпитъ все. Это давало другой видъ положенію Яковкина посреди управляемаго имъ университета; знаменитая фраза самодержавнаго короля должна была здѣсь нѣсколько смягчиться въ своемъ содержаніи. Яковкинъ зависѣлъ отъ другой живой личности. Конечно онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ ней; онъ самъ управлялъ ею, но долженъ былъ скрываться за нее и призывать ея имя. «Моя мысль есть мысль попечителя» [1])—часто говорилъ онъ, прибавляя къ этому, что онъ можетъ сдѣлать счастливымъ или несчастнымъ того и того—и аргументъ этотъ перевѣшивалъ силу всякихъ другихъ.

Мы имѣемъ дѣло съ началомъ водворенія въ нашемъ краѣ высшаго образованія и университетской науки; мы высоко ставимъ ихъ значеніе и важность, а потому необходимость заставляетъ насъ, и будетъ заставлять, вдаваться въ такія подробности, которыя могутъ показаться и мелкими. Намъ дорога вообще умственная жизнь провинціи, а впереди ея конечно стоитъ университетъ и отсюда, если все совершалось личностями, то мы не имѣемъ права пренебрегать ими: личность Яковкина, соединенная съ судьбою университета, невольно влечетъ къ себѣ. Этотъ старикъ съ своими дѣйстіями, окруженный множествомъ преданій, теперь уже почти исчезнувшихъ въ живыхъ устахъ, съ одной стороны воспоминаніями учениковъ очень неясными, но вообще благопріятными, съ другой—преслѣдуемый постоянною ненавистью и сильною враждою всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, за весьма малыми исключеніями, стоитъ того, чтобъ объяснить его.

Сила и самовластіе Яковкина зависѣли отъ той неограниченной довѣренности, которою онъ пользовался у Румовскаго, но и самъ онъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Его умъ, его житейская

---

[1]) Письмо проф. Каменскаго къ Румовскому отъ 10 іюля 1806 г.

ловкость, его знаніе человѣческаго сердца, какъ это видно изъ подлинныхъ документовъ времени, — поразительны. Окруженный или своими креатурами, имъ воспитанными съ ученической скамейки, людьми вполнѣ ему обязанными и чувствовавшими это, потому что они зависѣли отъ него и потомъ, или иностранцами, незнавшими языка и условій незнакомой имъ жизни, Яковкинъ былъ головою выше всего, что стояло рядомъ съ нимъ. Въ педагогическомъ провинціальномъ мірѣ нерѣдко встрѣчаются подобныя личности, которыя, опираясь на свои способности, на умѣнье подслуживаться начальству и на полную безгласность и зависимость отъ нихъ подчиненныхъ, весьма скоро развиваютъ въ себѣ самовластныя замашки и неограниченный деспотизмъ. Будучи нѣсколько времени директоромъ гимназіи, гдѣ онъ распоряжался произвольно, Яковкинъ легко могъ перенести и перенесъ такія привычки въ болѣе широкую университетскую сферу.

Мы говорили уже о тѣхъ причинахъ, которыя препятствовали дать Казанскому университету съ самаго его основанія полное самоуправленіе и коллегіальное устройство, требовавшееся уставомъ; оно могло бы тотчасъ создать настоящую и спокойную университетскую жизнь. Управленіе университетомъ и гимназіею, составлявшими изъ себя какую-то амфибію, было придумано Румовскимъ и Яковкинымъ вмѣстѣ и утверждено Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Эта система послужила, какъ мы увидимъ, главнымъ источникомъ тѣхъ внутреннихъ смутъ, которыя наполнили собою первые годы Казанскаго университета, сильно вредили ему въ общемъ мнѣніи и отвлекали профессоровъ отъ ихъ прямой обязанности и занятій научныхъ. Эта система управленія, противная Высочайше утвержденному уставу, поставившая во главѣ университета «человѣка, не видавшаго организма университетовъ», какъ говорили его противники, создала ему множество враговъ, между которыми мы встрѣтимъ весьма почтенныя въ наукѣ имена. Ненависть и озлобленіе къ Яковкину доходили иногда до крайняго раздраженія, возбуждаясь періодически: противники употребляли всѣ средства въ своей борьбѣ съ нимъ, гдѣ весьма часто общій вопросъ смѣшивался съ частными побужденіями, но Яковкинъ, сильный довѣріемъ высшаго начальства, всегда являлся побѣдителемъ, пока наконецъ допущенное самоуправленіе университета не положило конецъ его власти и гордынѣ. Были для него тяжелыя минуты, можетъ быть онъ и сознавалъ иногда, что не въ состояніи побѣдить и сладить съ врагами, что они одолѣютъ его въ борьбѣ, но сильный довѣріемъ начальства, онъ снова оживалъ, и укрѣплялся для новой борьбы. «Неисповѣдимыя судьбы всеуправляющаго Провидѣнія, писалъ однажды Яков-

кинъ къ Румовскому, послѣ цѣлаго ряда бурныхъ совѣтскихъ засѣданій (11 декабря, 1806 года), кончившихся удаленіемъ отъ должности двухъ самыхъ главныхъ противниковъ его, и прозорливое начальство, прекращая буйственное своевольство, снабдѣваютъ истинное усердіе и чистую ревность новыми силами къ достойному прохожденію возложенныхъ должностей, хотя многоглавая адская гидра и старается еще употреблять всѣ мѣры къ спасенію себя отъ конечной погибели». Описавъ происки враговъ своихъ, эти «послѣднія усилія издыхающей гидры», Яковкинъ заключаетъ сравненіемъ, показывающимъ полное его самодовольство: «Я, смотрѣвшись въ зеркало, заключаетъ онъ, подобно императору Константину Великому не нашелъ, по милости Господней, никакихъ язвъ, ниже пятенъ на лицѣ моемъ». Но это торжество и очищеніе милостью начальства, какъ крещеніемъ, не мѣшало тутъ же Яковкину ввести въ письмо самую ядовитую инсинуацію противъ враговъ своихъ.

Соединяя въ себѣ двѣ главныя должности: директора гимназіи, что давало ему право предсѣдательствовать въ совѣтѣ профессоровъ и инспектора казенныхъ студентовъ, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики россійскаго государства, держа въ рукахъ своихъ всю хозяйственную часть, гдѣ немаловажное значеніе имѣли разнообразныя постройки для начинающагося университета, Яковкинъ поражаетъ насъ своею дѣятельностію. Его доставало на все и вездѣ онъ оставилъ слѣдъ этой дѣятельности. Это сознаніе своего вездѣприсутствія и необходимости еще болѣе развивали въ немъ самоувѣренность и гордость. Яковкинъ принадлежалъ къ числу здоровыхъ, энергическихъ и чрезвычайно подвижныхъ русскихъ натуръ, какія уже не встрѣчаются, но какими еще изобиловалъ нашъ XVIII вѣкъ; такія только натуры годятся въ піонеры цивилизаціи и такихъ требовало тогда время. Но Яковкинъ былъ скорѣе практическою, чѣмъ теоретическою натурою; наука съ ея идеальными требованіями давно была забыта имъ; она и невозможна была въ то время въ нашей провинціи. Если мы порой и встрѣчаемъ въ Яковкинѣ кое-какія научныя поползновенія, то они имѣютъ чисто практическій характеръ или являются только изъ приличія. Яковкинъ весь преданъ администраціи; въ дѣйствительности онъ только одинъ управляетъ университетомъ и слова Яковкина въ письмахъ его къ Румовскому, отправляемыхъ еженедѣльно (почта ходила тогда въ Петербургъ разъ въ недѣлю) для попечителя — verba magistri. Румовскій или самъ разрѣшаетъ частное представленіе Яковкина, или сдѣлавъ выписку изъ письма его, вноситъ ее на разрѣшеніе Главнаго Правленія Училищъ. Это конечно патріархально, но другого управленія не было и совѣтъ,

состоявшій изъ профессоровъ, очень часто не зналъ того, о чемъ ходатайствовалъ директоръ. Эти письма Яковкина, въ которыхъ онъ говоритъ о самыхъ мелкихъ подробностяхъ университетской жизни, о каждомъ изъ профессоровъ, о себѣ и своихъ отношеніяхъ, письма, существованіе которыхъ не подозрѣвалось до сихъ поръ, любопытны во многихъ отношеніяхъ. При обрисовкѣ минувшей жизни Казанскаго университета они послужатъ намъ главнымъ матеріаломъ и придадутъ разсказу колоритъ времени.

Въ преданіяхъ университетскихъ и городскихъ, имя Яковкина соединяется однако съ фактомъ значительной растраты казенныхъ и экономическихъ суммъ, безотчетнаго и въ свою пользу распоряженія ими, фактомъ того, однимъ словомъ, что на оффиціальномъ языкѣ называется «казнокрадствомъ». Кто изъ старожиловъ казанскихъ не слыхалъ четверостишія, обыкновенно приписываемаго извѣстному мѣстному остроумцу, учителю словесности въ гимназіи и первому основателю въ Казани общества любителей россійской словесности, Н. М. Ибрагимову, личность котораго такъ симпатично обрисована въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Аксакова [1])? Разсказываютъ, что на веселой попойкѣ, устроенной Яковкинымъ по случаю полученія имъ какого-то ордена, Ибрагимовъ на-веселѣ, подошелъ къ виновнику торжества и въ присутствіи всѣхъ, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

Господи Іисусе Христе!
Спасъ ты вора на крестѣ;
Теперь тебѣ другое горе:
Спаси крестъ на ворѣ!

Такъ говоритъ преданіе, но формулировать его въ прямое обвиненіе невозможно. Магницкій, вслѣдствіе ревизіи котораго Яковкинъ долженъ былъ оставить службу въ Казанскомъ университетѣ, могъ обвинить его только въ безпорядочности веденія дѣлъ и въ запутанности отчетовъ [2]); еслибъ была возможность обвинить Яковкина формальнымъ образомъ, то конечно Магницкій не остановился бы ни передъ какими соображеніями, но онъ самъ ходатайствовалъ о монаршемъ милосердіи къ Яковкину и говорилъ о его бѣдности и долгахъ. На своемъ мѣстѣ мы разберемъ правду и ложь того, что говорилъ пресловутый ревизоръ Казанскаго университета въ своемъ отчетѣ. Здѣсь мы скажемъ только объ отношеніяхъ Яковкина къ казенному интересу, на сколько оно выяснилось предъ нами изъ

---

[1]) Семейная хроника и воспоминанія. Изд. 4-е. М. 1870, стр. 314—316.

[2]) См. донесеніе Магницкаго, заключающее отчетъ по обозрѣнію Казанскаго университета 9 апрѣля, 1819 года, и Владимірова. Историч. Зап. I, 33—34.

изученія тогдашнихъ обстоятельствъ. Спору нѣтъ, Яковкинъ былъ мастеръ собирать крохи, падающія съ роскошнаго стола казны, крохи въ видѣ дровъ и кирпичей, экономически оставшихся отъ подрядовъ, уступокъ казенныхъ подрядчиковъ при собственныхъ заказахъ (у Яковкина былъ впослѣдствіи небольшой деревянный домъ и дача гдѣ-то на берегу Казанки), запасовъ къ общему столу гимназистовъ и студентовъ и т. п., однимъ словомъ тѣ крохи, которыми не брезгали люди въ положеніи Яковкина въ гораздо позднѣйшіе годы, ссылаясь на семейное положеніе свое, но мы имѣемъ право сказать объ Яковкинѣ одно то, что онъ умѣлъ только пользоваться своимъ положеніемъ. Собираніе крохъ съ казеннаго стола не было его цѣлью. Люди въ педагогическомъ мірѣ провинціи въ то время и въ положеніи Яковкина, могутъ быть раздѣлены, по нашимъ наблюденіямъ, на двѣ категоріи. Съ одной стороны мы видимъ типъ людей осторожныхъ, робко-осмотрительныхъ, вкрадчивыхъ, заискивающихъ въ каждомъ, въ комъ ими чувствуется какая-нибудь сила и раболѣпныхъ предъ начальствомъ, которое они, даже въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся личностей, ловко умѣютъ обработать въ свою пользу; для этого типа администраторовъ-педагоговъ, казенныя крохи постепенно выростаютъ въ дома, земельки, процентныя бумаги и проч. Пріобрѣтенное закрѣплено твердо. Другой типъ олицетворяетъ собою русскую поговорку, что они не пронесутъ только мимо рта чарку. Яковкинъ принадлежалъ къ этому послѣднему типу. Онъ не пропускалъ того, что попадалось подъ руку, умѣлъ кстати пожаловаться на стѣсненныя обстоятельства, выпросить у начальства денежную награду, соединить для себя двѣ-три доходныя должности и т. п. Но это была широкая натура, и по уму, и по здоровью, и по требованіямъ отъ жизни. Онъ любилъ общество, но не искалъ нисколько въ представительныхъ домахъ окружавшаго его общества губернскаго города, относился къ нему самостоятельно и независимо, желая, подобно Юлію Цезарю, быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ, и предпочитая кружокъ людей близкихъ, веселыхъ и молодыхъ. Въ воспоминаніяхъ В. И. Панаева Яковкинъ является непремѣнно или съ стаканомъ пунша или съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ. Старикъ, разсказывали его современники, любилъ выпить, и чуть ли не каждый день, но это не мѣшало ему съ самаго ранняго утра уже являться на разнообразныхъ постройкахъ созидающагося университета, осмотрѣть все, забѣжать всюду и вездѣ бросить свой зоркій, начальническій глазъ. О немъ въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что Яковкинъ не жалѣлъ себя. Онъ весь вполнѣ отдавался своему служебному призванію, которое страстно любилъ, и нажить медленнымъ,

мелкимъ скопидомствомъ, подъ старость, свое «тихое пристанище» онъ не могъ, не былъ въ состояніи.

Отечески добрыми представляются намъ отношенія Яковкина къ поколѣнію, воспитывавшемуся подъ его наблюденіемъ. За то онъ пользовался искреннею его любовью. Въ воспоминаніяхъ Аксакова, Веригина, Панаева можно найти достаточно свидѣтельствъ этой любви молодыхъ людей къ своему директору и профессору. Семья Яковкина, въ которой было нѣсколько красивыхъ, подростающихъ дочерей, была привѣтливымъ центромъ, куда охотно стремились молодые люди, особенно изъ семействъ помѣщичьихъ. Яковкинъ былъ добрый семьянинъ; глубокая скорбь о потерѣ единственнаго сына отозвалась даже въ письмахъ его къ начальству; но участникомъ семейной жизни онъ дѣлалъ многихъ и преимущественно молодыхъ людей университета. Тутъ, въ этомъ соединеніи семьи директора и студентовъ университета было что-то патріархальное. Студентовъ было немного; по большей части то были люди со средствами или студенты на казенномъ иждивеніи, вполнѣ зависѣвшіе отъ своего директора, а потому подобныя патріархальныя отношенія въ то время были совершенно возможны. Не смотря на шпагу, которая была свидѣтельствомъ для молодого человѣка извѣстнаго, хотя и скромнаго ранга въ гражданскомъ обществѣ, и раздавалась торжественно при удостоеніи званіемъ студента, были случаи, что профессоръ ставилъ студента въ уголъ въ аудиторіи, а потому понятны вполнѣ эти добродушно семейныя отношенія. Тѣ-же семейныя отношенія Яковкинъ думалъ было внести и въ общество профессоровъ и адъюнктовъ, которое старался сгруппировать вокругъ себя. И въ этомъ отношеніи онъ представлялъ патріархальный типъ начальника въ XVIII вѣкѣ, но здѣсь, при пестротѣ національностей, образованія, науки, характера и убѣжденій, уже сложившихся, Яковкину не удалось его намѣреніе. Подозрительная вражда и ненависть постоянно смущали его дѣятельно-спокойную жизнь.

Понятно, что эти добродушныя отношенія, въ соединеніи съ тѣмъ здоровымъ юморомъ, которымъ владѣлъ Яковкинъ, какъ мы слышали, въ значительной степени, сильно располагали къ нему молодыя сердца. Онъ самъ не разъ говоритъ объ особенной привязанности къ нему студентовъ. Этотъ старикъ XVIII вѣка, воспитанный въ гуманной педагогической школѣ Бецкаго, былъ виртуозомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ настоящимъ, здравымъ воспитателемъ юношества, какихъ становится у насъ все меньше и меньше. Не сухія, абстрактно придуманныя правила вносилъ онъ въ свои отношенія къ молодому поколѣнію, а индивидуальный взглядъ. Юноша былъ передъ нимъ не отвлеченною

единицею въ ряду другихъ, а живою личностью. Какъ умѣлъ Яковкинъ понять и оцѣнить натуру каждаго, подмѣтить ея особенности, направить ихъ, указать имъ полезную дѣятельность, хлопотать о юношѣ предъ начальствомъ! При этомъ намъ необходимо отрѣшиться отъ позднѣйшихъ взглядовъ на университетское преподаваніе, чтобъ лучше понять отношенія Яковкина къ молодежи.

Студентовъ было такъ немного, что всѣ они, за весьма развѣ малыми исключеніями, составляли такъ сказать семью директора, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ ихъ. Каждый былъ ему вполнѣ извѣстенъ. Яковкинъ до того заботился о нихъ, что расположилъ напр. помѣщеніе казенныхъ студентовъ окнами на дворъ, чтобъ «удалить ихъ отъ взиранія на сцены, происходящія случайно на улицѣ» (23 мая, 1805 г.). Яковкинъ зналъ домашнія средства каждаго, зналъ семейныя отношенія. Съ какою заботливостью, представляя на утвержденіе Попечителя студентовъ на учительскія мѣста въ гимназіяхъ, онъ входитъ въ малѣйшія подробности семейныхъ отношеній, которыя заставляютъ ихъ взять мѣсто въ одной, а не въ другой гимназіи или училищѣ. Учителю Ляпунову напр. удобнѣе изъ Оренбурга «подавать помощь престарѣлой своей матери съ семействомъ», а Петрову—оттуда же «благодѣтелю своему и воспитателю престарѣлому дѣдушкѣ Чистопольскому протопопу»; Балясниковъ назначается въ Тамбовъ «для призрѣнія сиротѣющихъ двухъ малолѣтнихъ своихъ сестеръ», а Перевощиковъ въ Пензу «для присмотру близь находящейся маленькой наслѣдственной деревушки» (17 іюля, 1806 года). Но за то, когда тотъ же Балясниковъ вздумалъ было хлопотать о томъ, чтобъ его оставили при университетѣ въ званіи кандидата, Яковкинъ оказалъ неуступчивость: «жесткость его характера и примѣтная даже нынѣ напыщенность, необходимо требуютъ, писалъ онъ къ Румовскому, чтобъ его хорошенько выполировали самыя обстоятельства общежительныя въ губернскомъ училищѣ» (27 ноября, 1806 года). Яковкинъ располагалъ къ себѣ студентовъ и заступничествомъ своимъ за нихъ передъ профессорами, оказавшимися черезъ-чуръ строгими. Подвергается, напр. особому экзамену студентъ Графъ, но экзаменаторамъ «вмѣсто потребнаго поощренія и одобренія, по особливымъ и имъ только извѣстнымъ намѣреніямъ, пишетъ Яковкинъ, что-то заблагоразсудилось нарочно его сбивать, такъ что милой сей молодой человѣкъ впадаетъ въ уныніе, не взирая на мои отечественныя и начальническія увѣщанія и увѣренія» (23 октября, 1806 г.). Онъ оставляетъ этого Графа при университетѣ «по тихому и скромному его характеру», что считаетъ онъ важнѣе его достаточныхъ познаній въ наукахъ и искусствахъ.

Всѣ подобныя отношенія были совершенно возможны въ то блаженное время, когда молодого человѣка влекло въ университетъ идеальное стремленіе, не къ наукѣ и знанію конечно въ ихъ строгомъ смыслѣ, а къ общему образованію. Тутъ никакъ не могло быть тяжелыхъ и очерствляющихъ человѣка заботъ о кускѣ хлѣба, о желаніи узнать ту или другую спеціальность, которая вслѣдствіе требованій развивающейся государственной жизни, обезпечитъ ему въ будущемъ этотъ желанный кусокъ хлѣба, для достиженія котораго всѣ средства иногда являются хорошими. Жизнь не ставила еще тяжелыхъ требованій, которымъ нужно было удовлетворить такъ или иначе, а самъ Яковкинъ не имѣлъ никакого понятія объ университетской наукѣ и жизни. Это былъ исключительно педагогъ; дальше гимназіи онъ не шелъ. Она, по его мнѣнію, была «камнемъ испытанія и искушенія для педагога; въ ней можно было только испытать на педагогѣ латинскую поговорку: Hic Rhodos, hic salta!» (4 сент. 1806 г.). На университетъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія, возможной только въ то время и въ его положеніи: онъ былъ увѣренъ, что университетъ долженъ дать молодому человѣку, въ него вступившему, общее образованіе или представленіе о всемъ кругѣ человѣческаго знанія. «Дабы студентамъ нашимъ доставить хотя краткое познаніе о всецѣломъ ходѣ наукъ, писалъ Яковкинъ къ Румовскому (14 авг. 1806 года), не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству *пригласить какого добраго энциклопедиста*, поелику даже и сами студенты меня просили представить о семъ на начальственное благоусмотрѣніе». Впрочемъ Яковкинъ имѣлъ основаніе: нѣчто подобное читалось въ XVIII вѣкѣ въ Московскомъ университетѣ.

Преподаваніе носило весьма неопредѣленный характеръ; о какой-либо спеціальности и думать было нечего, при слишкомъ незначительномъ числѣ профессоровъ на первыхъ порахъ существованія университета. Съ лекціи, гдѣ разбирались стилистическія красоты Ломоносовской оды, студенты шли слушать теорію гальванизма; отъ объясненій на Овидія переходили къ тригонометрическимъ задачамъ, съ германскаго права шли на ботаническія лекціи. Студенты «учились по немногу, чему нибудь и какъ нибудь». Когда нѣкоторые нѣмецкіе профессоры, пріѣхавшіе въ Казань изъ страны, гдѣ и въ нравахъ общественныхъ давно существовало строгое отношеніе къ наукѣ, заявили было и у насъ болѣе серьезныя требованія,—они не нашли сочувствія и ничего не добились. Легкій взглядъ на университетскую науку господствовалъ всюду и нельзя думать, чтобъ Яковкинъ съ своимъ заступничествомъ за студентовъ, съ глядѣньемъ сквозь пальцы на ихъ успѣхи, слѣдовалъ только заранѣе составленной системѣ и искалъ такими средствами популярности и любви

между молодежью. Жизнь давалась тогда гораздо легче чѣмъ теперь; карьера служебная составлялась легко, незначительными средствами. И образованіе вообще носило характеръ эстетическій, почему и самые нравы молодежи были гораздо мягче и податливѣе. Существовавшія тогда историческія условія общественной жизни съ своей стороны благопріятствовали этому внѣшнему эстетическому лоску; извѣстно, что и въ Америкѣ рабовладѣльческие штаты отличались передъ другими внѣшнимъ лоскомъ и изящностью, любовью къ искусству и вообще къ красивымъ формамъ жизни. И у насъ, въ ту пору, юноши щеголяли внѣшнею изящностью, манерами и свѣтскостью. Пастораль напоминаютъ эти нравы. Наука принимала невинныя формы: считалось научнымъ занятіемъ веселое бѣганье за бабочками или жучками по лугамъ, окружающимъ Казань или писанье наивно-дѣтскихъ стиховъ, составлявшихъ потомъ репутацію молодого человѣка. Интересы искусства являлись въ видѣ сценическихъ представленій, которыя всегда, за неимѣніемъ другихъ, высшихъ, такъ заманчиво увлекаютъ молодежь и вообще людей мало развитыхъ, въ видѣ немудренаго исполненія легкой музыкальной пьесы, русской пѣсни, романса. Жилось весело и безпритязательно. Яковкинъ, посреди этой наивной молодежи, являлся чѣмъ-то въ родѣ патріарха, отцемъ между дѣтьми (онъ самъ писалъ къ Румовскому, что жена его питаетъ материнскія чувства къ студентамъ). Любилъ онъ устраивать тутъ, въ кругу этой молодежи, незатѣйливые праздники: «23 числа февраля, какъ приснопамятный день основанія университета, пишетъ онъ, въ вечеру студенты, въ той-же самой залѣ, въ коей они за годъ отдѣлены отъ учениковъ, *составили домашній патріаршій концертъ*, на который приглашены были и университетскіе чиновники, а студенты угощаемы были чаемъ и нѣкоторыми не столь дорогими закусками»; «12-й же день марта (день восшествія на престолъ), какъ начало всемилостивѣйшихъ монаршихъ щедротъ и благотвореній къ просвѣщенію народа, нужнымъ я почелъ также почтить съ вечера всенощною, а въ тотъ день въ вечеру *концертомъ* же, на который билетами приглашены были всѣ университетскіе чиновники, также академическіе и народныхъ училищъ начальники, а изъ постороннихъ званы только статскій совѣтникъ *Геркенъ* съ женою, предсѣдатель уголовной палаты *Сокольской*, подполковникъ *Страховъ* и гвардіи прапорщикъ *Есиповъ*, какъ любители, защитники и споспѣшествователи учености и полезныхъ знаній» (письмо 13 марта, 1806 г.). День 30 августа празднуется тоже «домашнимъ патріаршескимъ концертомъ и раздачею студентамъ и питомцамъ нѣкоторыхъ не дорогихъ овощей, арбузовъ и яблоковъ» (письмо 4 сентября 1806 г.).

День коронаціи празднуется также «концертомъ съ домашнею вокальною музыкою» и раздачею овощей (письмо 18 сент. 1806 г.). Въ Троицынъ день, въ саду Тенищевскомъ (принадлежащемъ къ одному изъ домовъ, вошедшихъ въ составъ университетскаго зданія и теперь уже не существующемъ) Яковкинъ «собственною музыкою и своими охотниками пѣвчими» устроилъ студентамъ *серенады*, на которыя приглашались и университетскіе чиновники (письмо 8 мая, 1806 года).

Особенною торжественностью обставлена была церемонія раздачи воспитанникамъ гимназіи шпагъ, съ чѣмъ соединялось и полученіе званія студента. Она напоминала собою обряды посвященія въ рыцари. Въ первый разъ шпаги розданы были студентамъ въ день открытія университета самимъ Румовскимъ, съ особеннымъ торжественнымъ обращеніемъ къ молодымъ людямъ, произнесеннымъ по этому случаю Яковкинымъ. На другой годъ нѣкоторые изъ профессоровъ не желали было дѣлать изъ этой раздачи шпагъ особеннаго торжества и предлагали просто выдать ихъ студентамъ въ залѣ совѣта; но Яковкинъ любилъ парадъ и торжественность обстановки. «Я намѣренъ настоять, писалъ онъ къ попечителю (12 іюня 1806 г.), чтобъ обрядъ сей учинить въ публичномъ собраніи, чѣмъ онъ будетъ важнѣе и величественнѣе». Вотъ почему Яковкинъ всегда старался какъ можно краснорѣчивѣе описывать свои торжественныя собранія въ письмахъ къ Румовскому. Не разъ встрѣчаемъ мы въ этихъ описаніяхъ знаменитую стереотипную фразу: «Многіе изъ соприсутствовавшихъ, даже и изъ мущинъ, проливали слезы радости» (письмо 11 іюля 1805 года). Правда Яковкинъ иногда жалуется что «публика казанская на посѣщенія столько скупа, что кажется и не заботится, каково обучаются и успѣваютъ дѣти и родственники» (письмо 20 іюля 1805 года), но на простыя и непосредственныя натуры того времени, инстинктивно привыкшія смотрѣть на ученіе и науку съ уваженіемъ сердечнымъ, наивная торжественность публичныхъ актовъ гимназіи и университета дѣйствовала возбуждающимъ образомъ. Такъ книгопродавецъ *Акоховъ*, «бывши у насъ на концертѣ, пишетъ Яковкинъ (13 марта 1806 года), столько былъ растроганъ успѣхами учащихся, что объявилъ мнѣ намѣреніе прислать въ Казанскій университетъ разныхъ учебныхъ и нравственныхъ книгъ въ переплетѣ на 300 рублей, что и сегодня подтвердилъ, и я увѣренъ, что онъ сдержитъ свое слово». Намъ неизвѣстно, сдержалъ ли Акоховъ свое слово, но это было единственное въ первые годы существованія университета пожертвованіе въ его пользу, или по крайней мѣрѣ искреннее сочувствіе къ нему.

Въ такихъ разнообразныхъ, по большей части житейскихъ отно-

шеніяхъ, представляется намъ личность перваго и самаго главнаго дѣятеля въ Казанскомъ университетѣ. Мы сказали, что съ дѣятельностью Яковкина на нѣсколько лѣтъ сливается совершенно первоначальная судьба этого учрежденія и не разъ еще, въ теченіе нашего повѣствованія, придется имѣть съ нимъ дѣло, не разъ станемъ мы касаться его въ высшей степени живой натуры, особенно въ его отношеніяхъ къ профессорамъ сослуживцамъ. Посмотримъ теперь, какъ попалъ Яковкинъ въ профессоры. Единственная возможность русскому ученому въ ту пору сдѣлаться удовлетворительнымъ профессоромъ, такимъ, которому не чужда была бы организація университетовъ и значеніе науки, въ ней преподаваемой, заключалась въ томъ, чтобъ пройти школу Московскаго университета. Яковкинъ былъ лишенъ этого пути; его образованіе и развитіе шло совершенно по другой дорогѣ; онъ вовсе не понималъ университетской науки и былъ приготовленъ къ другому, именно къ педагогическому поприщу. Этому непониманію требованія университетской жизни, при самоувѣренности, развитой въ немъ исключительнымъ положеніемъ и довѣріемъ начальства, надобно приписать по большей части всѣ столкновенія его съ членами университетскаго совѣта и его легкій взглядъ на университетъ.

Яковкинъ родился въ 1764 году въ селѣ Богоявленскомъ бывшаго Обвенскаго заказа или уѣзда (городъ Обвинскъ, нынѣ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи, переименованный такъ въ 1781 году изъ села Язвенскаго при рѣчкѣ Язвѣ, впадающей въ Обву, уже въ царствованіе Александра I сдѣлался заштатнымъ). Яковкинъ называлъ себя поэтому пермякомъ и постоянно поддерживалъ сношенія съ родиною; какъ пермякъ, онъ былъ лично извѣстенъ и богатому владѣльцу тѣхъ мѣстъ графу Строганову. Управляющій послѣдняго былъ родственникомъ Яковкину и чрезъ него онъ выписывалъ на соляныхъ и желѣзныхъ Строгановскихъ судахъ, для начинающагося ботаническаго сада въ университетѣ, кедры, тополи, лиственницы съ своей родины (письмо къ Румовскому 30 окт. 1806 года). Будучи сыномъ священника, и обучившись первоначально грамотѣ у дяди своего, игумена Соликамскаго Вознесенскаго монастыря, Яковкинъ 8 лѣтъ поступилъ въ ученики Вятской семинаріи, гдѣ оставался въ теченіе 10 лѣтъ, до 1782 года, пройдя съ большимъ успѣхомъ весь богословскій курсъ [1]). Хотя въ семинаріи но-

[1]) *Владимірова*, Истор. Зап. II, 28. *Сухомлиновъ*, Матер. I, 83. Послѣдній авторъ пользовался біографіею (по всей вѣроятности автобіографіею) Яковкина, доставленною митрополиту Евгенію графомъ Хвостовымъ и хранящеюся въ рукописныхъ матеріалахъ для Словаря Евгенія въ Императорской Публичной Библіотекѣ. См. Сборн. Статей по русск. яз. и слов. V, 273.

вые языки не преподавались, какъ видно изъ аттестата, выданнаго Яковкину, но молодой пермякъ, отличавшійся любознательностью, успѣлъ собственными средствами довольно основательно познакомиться съ языками французскимъ и нѣмецкимъ. Плодомъ этого знакомства, еще въ Вяткѣ, былъ сдѣланный имъ переводъ французской книги, который былъ имъ напечатанъ потомъ: «Исторія Роберта, Герцога Нормандскаго, прозваннаго дьяволомъ; переводъ съ французскаго И. Я. Спб. 1785. 8». (Сопиковъ № 4883). Тотчасъ по окончаніи курса въ Вятской семинаріи, Яковкинъ въ ней же сдѣлался учителемъ грамматики россійской, славянской и латинской и географіи, но учительство его продолжалось очень не долго и вскорѣ представилась ему возможность получить болѣе широкое образованіе. На другой годъ, вслѣдствіе Синодскаго указа, онъ былъ вытребованъ въ С.-Петербургъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семинаристовъ изъ разныхъ епархій, въ только-что въ 1783 году учрежденное главное народное училище, при которомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Янковича, существовало съ самаго начала педагогическое отдѣленіе, образовавшееся въ 1786 году въ учительскую семинарію [1]). Въ этомъ главномъ народномъ училищѣ и потомъ въ семинаріи Яковкинъ пробылъ шесть лѣтъ, то слушая уроки у разныхъ лицъ и приглашенныхъ академиковъ: математики и физики у Головина, естественной исторіи у Зуева, всеобщей и русской исторіи и географіи у Гакмана (семинарія имѣла два отдѣленія: физико-математическое и историческое), то преподавая въ училищѣ исторію, географію, русскую грамматику и латинскій языкъ. Въ теченіе этого времени, именно въ 1786 году, Яковкинъ, по экзамену, получилъ званіе *учителя высшихъ разрядовъ*. Съ 1787 года Яковкинъ является преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ придворномъ Пѣвческомъ корпусѣ, а съ 1789 и въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ преподаетъ сверхъ того языки французскій, нѣмецкій и естественную исторію. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ до самаго переселенія Яковкина въ Казань и это преподаваніе въ такихъ видныхъ учебныхъ заведеніяхъ доставило ему извѣстность и связи въ педагогическомъ мірѣ столицы. Очень возможно, что въ теченіе этого времени узналъ Яковкина лично и будущій его начальникъ по университету.

Къ шестнадцатилѣтнему періоду петербургской жизни Яковкина относится и его первоначальная литературная дѣятельность, состоявшая въ учебникахъ по предметамъ, имъ преподаваемымъ, и вызван-

---

[1]) См. *А. Вороновъ*, Историко - статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Округа. Спб. 1849, стр. 20 и 55.

ная его связью съ педагогическими учрежденіями Екатерины. Учебники эти имѣли много достоинствъ для того времени; они указывали въ составителѣ ихъ большую практическо-педагогическую опытность, но не имѣли ничего общаго съ наукою, которая требуется на университетской каѳедрѣ. Яковкинъ и не приготовлялся къ профессурѣ; онъ могъ быть превосходнымъ учителемъ, но не годился въ университетскіе преподаватели, для чего нужны совершенно иныя условія. Но Яковкинъ все-таки жилъ въ умственныхъ интересахъ, пока оставался въ Петербургѣ; въ Казани онъ пошелъ по другой дорогѣ и все время его здѣсь поглощено исключительно административными заботами. Потомъ, когда ревизія Магницкаго лишила его мѣста въ университетѣ и средствъ къ жизни, уже подъ старость, Яковкинъ снова обращается къ умственному труду, снова печатаетъ: доказательство, что мы имѣемъ дѣло съ живою, крѣпкою натурою, въ которой не заглушены были интересы ума. Въ составленіи учебниковъ руководителемъ Яковкина былъ извѣстный педагогъ Екатерининскаго времени Янковичъ де Мирьево; онъ и разсматривалъ и редактировалъ руководства, составляемыя для народныхъ училищъ при педагогической семинаріи. Первый учебникъ Яковкина по географіи: «Зрѣлище свѣта или всемірное землеописаніе, Спб. 1789. 12°». Это былъ собственный трудъ Яковкина, краткій учебникъ географіи. Потомъ, какъ руководство для народныхъ училищъ, онъ передѣлывался нѣсколько разъ [1]). По исторіи всеобщей и русской Яковкинъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на хронологію и труды его въ этомъ родѣ представляются таблицами, печатанными въ листъ: «Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ» (Спб. 1794, 3 л.), тоже древней всемірной исторіи (Спб. 1798, 6 л.) и наконецъ—Россійской исторіи (Спб. 1798, 2 л.). Послѣднія двѣ таблицы изданы были въ томъ же году отдѣльною книжкою, которая удостоилась въ 1802 году нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго Шлецеромъ. Это весьма ясное и точное, хотя и краткое, обозрѣніе событій русской исторіи, законченное царствованіемъ Екатерины. Шлецеръ и выбралъ его, какъ точный учебникъ, любопытный для нѣмецкой публики, и хвалитъ его во многихъ отношеніяхъ [2]). Послѣдній учебникъ Яковкина былъ посвященъ новымъ языкамъ: «Словарь французскихъ реченій первообразныхъ и такихъ, коихъ начала во французскомъ языкѣ нѣтъ, или кои отъ своего первообразнаго весьма отдалены, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и рос-

---

[1]) См. тамъ-же. стр. 68. Тутъ-же указанъ и трудъ Яковкина по всемірной исторіи, но на сколько онъ принималъ въ немъ участіе—неизвѣстно.

[2]) Сухомлиновъ, Матер. I, 84—85.

сійскимъ переводами и съ показаніемъ грамматическихъ принадлежностей». Спб. 1796. 8°. Трудъ этотъ, въ которомъ авторъ имѣлъ въ виду дѣтей и иностранцевъ, показываетъ въ составителѣ правильное понятіе о филологіи. Яковкинъ предполагалъ издать еще три части для остальныхъ трехъ языковъ, но предпріятіе не пошло далѣе этой книжки.

Намъ неизвѣстны тѣ обстоятельства, которыя заставили Яковкина оставить педагогическую карьеру въ Петербургѣ и искать мѣста въ провинціи. Вѣроятно причины этого переѣзда имѣли личный характеръ: увеличеніе семейства и дороговизна столичной жизни, и затѣмъ и перспектива повышенія. Возстановляемая гимназія въ Казани имѣла кромѣ того значительныя преимущества, сравнительно съ главными народными училищами Екатерининской коммиссіи и другими тогдашними учебными заведеніями. Въ началѣ 1799 года Яковкинъ получилъ мѣсто учителя историческихъ и географическихъ наукъ въ Казанской гимназіи и съ тѣхъ поръ его педагогическая карьера быстро пошла впередъ. Умѣя заслужить благорасположеніе нѣсколькихъ попечителей гимназіи, тогдашнихъ казанскихъ губернаторовъ, которые въ Павловское время такъ быстро смѣнялись одинъ другимъ, будучи и опытнѣе и умнѣе и директоровъ и своихъ сослуживцевъ, Яковкинъ вскорѣ сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гимназіи. Въ 1802 году онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ и почти постоянно исправляя должность главнаго надзирателя и директора, онъ назначенъ былъ, по увольненіи Лихачева, 16-го ноября 1804 года правящимъ должность директора гимназіи, но при этомъ, соединяя въ себѣ три или даже четыре должности: главнаго надзирателя, инспекторскую въ гимназіи, а потомъ и инспекторскую надъ казенными студентами и директорскую, Яковкинъ долженъ былъ отказаться отъ учительства. «Четыре нынѣшнія мои должности неминуемо требуютъ особеннаго развлеченія по разнымъ частямъ ихъ, писалъ онъ Румовскому (21-го ноября 1804 года);— тягостнѣе всего мнѣ должность главнаго надзирателя, обязывающая, какъ возможно чаще осматривать комнаты и посѣщать питомцевъ, между тѣмъ какъ должность директорская требуетъ видѣться съ ними рѣже для надлежащаго внушенія имъ уваженія къ сему званію»... Но увольненіе отъ должности учителя было не совсѣмъ пріятно Яковкину и «привычка бесѣдовать съ образуемымъ юношествомъ» заставила его просить Румовскаго дозволить ему остаться и учителемъ. Надобно думать, что Яковкинъ въ этомъ случаѣ былъ искрененъ и не одна забота о сохраненіи лишняго оклада руководила имъ; денежныя награды получалъ онъ и въ это время и потомъ довольно часто.

Былъ ли Яковкинъ лично извѣстенъ въ Петербургѣ Румовскому— мы не знаемъ, но въ Казанской гимназіи въ началѣ іюня 1804 года произошло событіе, хотя и весьма обыкновенное въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, но по послѣдствіямъ своимъ и по принадлежности нѣкоторыхъ пострадавшихъ тогда воспитанниковъ къ лучшему казанскому обществу, надѣлавшее шуму не только въ Казани, но и въ Петербургѣ. То были безпорядки, произведенные старшими воспитанниками, или, какъ выражается историкъ гимназіи, «возмущеніе», кончившееся увольненіемъ отъ должности тогдашняго директора Лихачева. Источникъ этихъ безпорядковъ лежалъ прежде всего въ неумѣлости начальства, допустившаго въ гимназіи такія явленія, которыя необходимо должны были возмутить чувства и сердца лучшихъ воспитанниковъ; ни въ чемъ нельзя обвинить ихъ, кромѣ благороднаго порыва молодого сердца, хотя и выраженнаго въ нѣсколько рѣзкой формѣ [1]). Инспекторъ Яковкинъ своими дѣйствіями и распоряженіями въ то время, какъ директоръ Лихачевъ совершенно растерялся и постыдно, заднимъ ходомъ, бѣжалъ изъ гимназіи, уже тогда заслужилъ особенное вниманіе начальства. «Не могу преминуть, писалъ Румовскій въ совѣтъ гимназіи (14-го іюля 1804 года, № 108), чтобы г. инспектору Яковкину не изъявить особливой благодарности, который, какъ усматриваю изъ слѣдствія, наиболѣе споспѣшествовалъ благоразуміемъ своимъ къ успокоенію волнующихся воспитанниковъ». Тогда же, по общему согласію всѣхъ членовъ совѣта, поручена была Яковкину и должность главнаго надзирателя гимназіи, вмѣсто уволеннаго слабаго и стараго нѣмца фонъ-Фишера. Яковкинъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ. Умѣлъ онъ заслужить благорасположеніе и любовь воспитанниковъ не только своею доступностью и педагогическимъ тактомъ, но даже заботами о столѣ гимназистовъ. Къ числу разныхъ, по большей части странныхъ нововведеній Лихачева, должно отнести и постный столъ, введенный имъ даже въ лѣтніе посты. Яковкинъ, тотчасъ же по вступленіи въ должность директора, представилъ по начальству о дозволеніи возвратиться къ прежнему мясному столу. «Казань, почитаемая вообще рыб-

---

[1]) Событіе довольно подробно описано Аксаковымъ. См. Семейная хроника и Воспоминанія, стр. 343—347. Старческая память писателя удивительно вѣрно сохранила образы и воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ. Познакомившись съ подлиннымъ дѣломъ о безпорядкахъ, мы можемъ сказать, что за исключеніемъ именъ множества дѣйствовавшихъ тогда лицъ, общій характеръ и содержаніе происшествія переданы вполнѣ точно. Владиміровъ не читалъ подлиннаго дѣла; это видно изъ того, что главнаго виновника происшествій, квартермистра Михайлова онъ называетъ Волковымъ (Ист. Зап. I, 44) и ограничивается только пересказомъ того, что записалъ Аксаковъ.

нымъ мѣстомъ,—писалъ онъ Румовскому (21-го ноября 1804 года) лѣтомъ и осенью столько бываетъ бѣдна рыбою (разумѣя живую, свѣжую и для воспитанія дѣтей здоровую), что часто, за недостаткомъ ея, принуждены бывали кормить питомцевъ кушаньями изъ фруктовъ, и особливо изъ черносливу». Умѣлъ Яковкинъ внушить къ себѣ довѣріе начальства заботами о сохраненіи казеннаго интереса и тѣми энергическими и настойчивыми дѣйствіями, которыми онъ принуждалъ своего предшественника по директорству Лихачева, запутавшаго экономическую часть гимназіи и вообще счеты, къ формальной сдачѣ должности, что длилось почти два года. Жалуясь на трудность возложенныхъ на него должностей, Яковкинъ умѣлъ вообще ловко выказать предъ начальствомъ свою разнообразную и въ самомъ дѣлѣ пеструю дѣятетьность и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь на порядки, существовавшіе до него. «Слабость прежнихъ начальниковъ, писалъ онъ (29-го мая 1805 года) весьма много разстроила должную подчиненность и повиновеніе»; или «разстроиваемая должная подчиненность и оказываемое къ тому одобреніе опровергнутъ за собою и весь законный порядокъ» и проч. Эти и подобныя имъ фразы, такъ часто встрѣчающіяся въ письмахъ Яковкина, выставляли его передъ начальникомъ человѣкомъ твердой воли и необходимымъ. «Великое благодѣяніе, сіятельнѣйшій графъ, писалъ Румовскій изъ Казани, куда онъ пріѣхалъ для основанія университета, къ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому, оказать изволили избраніемъ Яковкина къ правленію должности директорской; желалъ бы я, чтобъ всѣ директоры училищъ толико достойны были званія. Для большаго его уваженія осмѣлился я провозгласить его директоромъ гимназіи и имѣю причину ласкать себя надеждою, что сіе переименованіе, къ пользѣ гимназіи клонящееся, не вмѣнится мнѣ въ дерзновеніе, поелику онъ по всей справедливости достоинъ сего названія и оно не принесетъ ни малѣйшаго казнѣ ущерба». Пребываніе Румовскаго въ Казани и личное знакомство его съ Яковкинымъ еще болѣе усилило значеніе послѣдняго и придало ему нѣкотораго рода полномочіе. Въ декабрѣ же 1804 года, такъ какъ съ начала будущаго года предполагалось непремѣнно открыть Казанскій университетъ, и сумма на содержаніе его была уже ассигнована Государственнымъ Казначействомъ, Яковкинъ, по представленію Румовскаго, назначенъ былъ профессоромъ исторіи, географіи и статистики Россійской Имперіи, какъ «оказавшій знанія свои изданными сочиненіями, до сего предмета касающимися». Какъ старшій профессоръ университета и директоръ гимназіи, онъ становился такимъ образомъ въ главѣ обоихъ учрежденій, дѣлался предсѣдателемъ совѣта и конторы, завѣдывающихъ учебною и эко-

номическою частію обоихъ, слитыхъ въ одно учрежденій, а, какъ пользующійся довѣріемъ начальства, становился вполнѣ самовластнымъ распорядителемъ всего.

Въ половинѣ января 1805 года Румовскій далъ предписаніе конторѣ Казанской гимназіи объ очищеніи и о протапливаніи надлежащимъ образомъ въ нижнемъ этажѣ гимназическаго дома комнатъ, означенныхъ на планѣ № 8 и кладовой № 7. Онъ ѣхалъ основывать университетъ и въ Казани, конечно главнымъ образомъ только между лицами принадлежащими къ педагогическому міру и между учащеюся въ гимназіи молодежью, появились различныя неопредѣленныя надежды и ожиданія. Аксаковъ передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ молодыя чувства, которыя волновали его и его товарищей, ждавшихъ, что передъ ними раскроется вдругъ, какъ бы по знаку волшебника, безконечный міръ науки и знанія и та свободная, полная молодого пыла и восторговъ, товарищеская жизнь студентовъ, гдѣ рядомъ съ полнотою жизни, стоятъ идеальныя, чистыя стремленія. «Прекрасное, золотое время! говоритъ онъ, время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!» [1]). Не съ такими чувствами ѣхалъ конечно старикъ Румовскій; его поѣздка была для него исполненіемъ служебнаго долга. Почти сорокъ лѣтъ не выѣзжалъ онъ изъ Петербурга и не видалъ внутренней Россіи со времени своихъ поѣздокъ для астрономическихъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ прошло два царствованія; перемѣны въ народномъ бытѣ, выдержавшемъ нѣсколько историческихъ испытаній, должны были быть значительными и Румовскій замѣтилъ ихъ, но къ сожалѣнію съ исключительной только точки зрѣнія. «Дважды отъ академіи отправляемъ я былъ въ путешествія для наблюденія Венеры въ солнцѣ, писалъ онъ изъ Казани графу Завадовскому, въ первый разъ въ 1761 году въ Селенгинскъ, а другой разъ въ 1769 году въ Колу; въ первое путешествіе точно слѣдовалъ тѣмъ путемъ, которымъ нынѣ слѣдовалъ, но по причинѣ избитой дороги и *перемѣны мыслей народа* испыталъ я несравненно большія въ пути затрудненія, нежели въ 1761 году, такъ что одну повозку долженъ бросить на дорогѣ, а здѣсь принужденнымъ себя нахожу купить новыя, отчего *путевые расходы такъ увеличились, что едва въ состояніи буду исправиться пожалованными на путешествіе мое деньгами.* Сверхъ того, на пути за малѣйшую починку долженъ я былъ платить неимовѣрную плату; за приколачиваніе каждаго гвоздя нужда заставляла меня платить по десяти копѣекъ, а числа оныхъ, поспѣ-

[1]) Сем. Хрон. и Воспом. стр. 352.

шая путемъ, и вспомнить не могу и за одинъ только входъ въ крестьянскую избу, во время перемѣны лошадей, должно было хозяину дѣлать воздаяніе, чего въ прежнія путешествія и слышать мнѣ не случалось. Толь великая въ гостепріимствѣ народа послѣдовала перемѣна!»

Основаніе университета совершилось довольно просто, безъ особеннаго торжества. Румовскій пріѣхалъ въ Казань 13-го февраля, и на другой день созвалъ въ собраніе тѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые были или назначены прежде или услыхали о назначеніи своемъ въ этомъ самомъ собраніи. Секретарь совѣта и учитель гимназіи, Левицкій привѣтствовалъ попечителя рѣчью, текстъ которой не дошелъ до насъ. Вслѣдъ за этимъ Румовскій прочиталъ собранію утвердительную грамоту университета, передалъ ее, вмѣстѣ съ подлиннымъ уставомъ для храненія, и объявилъ о назначеніи Яковкина профессоромъ, а четырехъ учителей гимназіи адъюнктами по разнымъ предметамъ. «Все собраніе, говорится въ оффиціальномъ описаніи основанія университета [1]) приведено было въ восхищеніе безпримѣрными щедротами монарха и *неожидаемымъ* (напеч. особеннымъ) благорасположеніемъ начальства къ награжденію знаній и заслугъ». Яковкинъ говорилъ отъ лица собранія благодарственную рѣчь и затѣмъ, по приказанію попечителя, прочелъ изъ устава статьи о должностяхъ профессоровъ и адъюнктовъ, которые тогда же приведены были Румовскимъ къ присягѣ на новую службу университету. За тѣмъ собраніе закрыто. Такъ положено было начало основанію (но не открытію, которое послѣдовало чрезъ девять лѣтъ) Казанскаго университета и день 14-го февраля долго поминался въ немъ торжественными собраніями, какъ начало университетской дѣятельности.

Чрезъ недѣлю, въ теченіе которой происходилъ не по экзамену однако, а на основаніи прилежанія, выборъ желающихъ и достойныхъ носить званіе студента изъ учениковъ гимназіи, наводились разныя справки и велась переписка съ родителями о ихъ согласіи, 22-го фавраля, въ присутствіи попечителя, въ большой гимназической залѣ, Яковкинъ, какъ правящій должность директора, вызвалъ по списку назначенныхъ ученикокъ, прочелъ имъ изъ грамоты и устава статьи объ обязанностяхъ студентовъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые должны составлять педагогическій институтъ, и о ихъ привиллегіяхъ, и привѣтствовалъ какъ ихъ, такъ и оставшихся въ гимназіи учениковъ, которымъ ставилъ первыхъ въ примѣръ,

---

[1]) Період. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XII, стр. 523. Тоже описаніе, съ нѣкоторыми дополненіями и различіями, сохранилось въ современномъ листкѣ, напечатанномъ въ Казани.

краткою рѣчью. Онъ призывалъ «со временемъ возблагодарить отечеству знаніями и добрыми сердцами: монарху — воздать достойнымъ и непостыднымъ служеніемъ; общежитію — всѣми похвальными гражданскими добродѣтелями». Нѣкоторые изъ выбранныхъ въ студенты показали при этомъ случаѣ свои таланты: Кондыревъ и А. Панаевъ привѣтствовали Румовскаго стихами, Перевощиковъ поднесъ ему свои упражненія въ стихахъ, а Поповъ— опыты искусства рѣзьбы на кости. Попечитель былъ очень доволенъ и въ заключеніе самъ сказалъ студентамъ наставленіе, объясняя имъ цѣль воспитанія и обязанности. Всего выбранныхъ студентовъ было 33, изъ которыхъ 26 человѣкъ были казенными воспитанниками; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ нимъ прибавилось еще 8 человѣкъ [1]). Студенты были помѣщены въ отдѣльныя отъ учениковъ гимназіи комнаты; ихъ одѣли иначе и пищу стали давать другую. Лекціи должны были начаться 24-го февраля. Румовскій тотчасъ же возвратился въ Петербургъ. Такъ, въ небольшомъ зародышѣ, возникалъ новый молодой міръ студентовъ, безъ сомнѣнія полный искренняго рвенія и свѣтлыхъ надеждъ, какъ все свѣжее и живое въ тогдашнемъ возбужденномъ обществѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Самое слово университетъ соединяло съ собою широкую перспективу для ума и жизни; радугой рябило въ глазахъ.

Познакомимся теперь съ тѣми, на долю которыхъ выпалъ завидный и высокій жребій удовлетворить надеждамъ юношей и ихъ въ ту пору безкорыстнымъ порывамъ къ знанію.

Первымъ, по времени опредѣленія, профессоромъ Казанскаго университета является ученый иностранецъ *Цеплинъ* (русское имя его было Петръ Андреевичъ). О первоначальной его жизни, а равно и о томъ была ли у него какая-либо ученая и литературная дѣятельность до переѣзда въ Россію, къ сожалѣнію мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, за недостаткомъ, почти только въ отношеніи къ нему, подлинныхъ документовъ. Извѣстно только, что Цеплинъ былъ мекленбургскій уроженецъ, что учился онъ въ университетахъ Ростокскомъ и Геттингенскомъ, что въ 1801 году онъ получилъ степень доктора философіи, но печатнаго сочиненія его по этому поводу не знаемъ. Цеплинъ былъ принятъ на службу Румовскимъ

[1]) Списки этихъ первыхъ студентовъ, кромѣ современнаго листка, напечатаны: 1) въ Період. Соч. № XII, стр. 521. 2) у Аксакова, стр· 353 и 3) у Владимірова. II, 7—8. Въ настоящее время (мартъ 1875 года) мы знаемъ, что есть еще въ живыхъ единственный изъ этого списка: это престарѣлый членъ Академіи наукъ Д. М. Перевощиковъ.

еще въ февралѣ 1804 года для преподаванія всеобщей исторіи въ Казанскую гимназію, съ тѣмъ условіемъ, что онъ по открытіи университета, перейдетъ въ него ординарнымъ профессоромъ этого предмета. По основаніи университета, Цеплинъ настаивалъ на своемъ старѣйшинствѣ и требовалъ, чтобъ имя его, въ спискѣ чиновъ, стояло первымъ; этому онъ давалъ большое значеніе. По-русски онъ зналъ весьма немного; мнѣнія его и бумаги, подаваемыя въ совѣтъ, а равно и письма его къ Румовскому, по разнымъ случаямъ, были писаны имъ по латыни или по нѣмецки. Яковкинъ свидѣтельствуетъ, что посѣщая историческій классъ Цеплина въ гимназіи неоднократно, по отвѣтамъ учениковъ и по «партикулярнымъ» разспросамъ его самаго, онъ убѣдился, что ученики Цеплина понимаютъ его хорошо; на сколько справедливы были его слова въ этомъ случаѣ—намъ неизвѣстно [1]).

Если мы ничего не знаемъ объ ученыхъ заслугахъ Цеплина и о его преподаваніи, кромѣ программъ, то личность его, какъ человѣка и какъ члена совѣта раждающагося университета, намъ довольно подробно извѣстна по сохранившимся архивнымъ документамъ. Это былъ самый непримиримый, ожесточенный врагъ Яковкина, столкнувшійся съ нимъ на первыхъ засѣданіяхъ совѣта и надѣлавшій ему въ первые два года службы своей въ университетѣ очень много непріятностей. Но и Яковкинъ не пропускалъ ни одного, даже самаго пустого повода, чтобъ выставить Цеплина въ неблагопріятномъ свѣтѣ передъ начальствомъ. «Съ особеннымъ сердечнымъ прискорбіемъ замѣтилъ я, пишетъ онъ къ попечителю, да и наибольшая часть публики взяла на замѣчаніе, что г. Цеплинъ пришелъ уже въ собраніе (университетскій актъ) подъ конецъ большой нѣмецкой рѣчи, спустя два часа послѣ назначенныхъ къ началу собранія четырехъ часовъ по полудни» (11-го іюля 1805 года). Онъ доводитъ до свѣдѣнія начальства и о томъ, что Цеплинъ въ высокоторжественный день 30-го августа протѣснился напередъ всѣхъ въ соборѣ въ сюртукѣ и имѣлъ по этому поводу непріятное столкновеніе съ вице-губернаторомъ; что вычетъ изъ жалованья одного процента на госпиталь «сопровождается крайнѣйшимъ со стороны гг. Цеплина и Германа роптаніемъ»; «прискорбно ему также слышать разносимые по городу гг. Цеплинымъ и Германомъ особливо *слухи о военныхъ, особенную грусть наводящихъ, происшествіяхъ* (по времени письма эти слухи относились къ пораженію при Аустерлицѣ), о коихъ будто

[1]) Замѣчательно, что въ воспоминаніяхъ Аксакова не сохранилась ни личность, ни уроки Цеплина. Онъ упоминаетъ только его имя (стр. 350) и ошибается, что Цеплинъ и Германъ пріѣхали въ Казань вмѣстѣ съ Румовскимъ. Первый пріѣхалъ раньше, а второй—послѣ основанія университета.

бы, послѣднему пишутъ прямо изъ Берлина... Я опасаюсь,—заключаетъ Яковкинъ, что рано или поздно кто-нибудь здравомыслящій, услышавъ таковыя новости и засвидѣтельствовавъ о нихъ присутствующимъ, нанесетъ многія непріятности, законами предписываемыя за несправедливыя разглашенія», и проч. По какимъ-то причинамъ, весьма темнымъ, мальчикъ, служившій по найму у Цеплина бѣжалъ отъ него; Цеплинъ требуется для объясненія въ совѣстный судъ; университетъ, хотя и основанъ, но не открытъ еще, а потому Яковкинъ полагаетъ, что Цеплинъ не можетъ пользоваться привилегіями, дарованными уставомъ профессору, т.-е. правомъ суда университетскаго, и посылаетъ его въ общій судъ. По словамъ Яковкина—Цеплинъ «главный, высокій крикунъ» въ совѣтѣ, человѣкъ «безпокойнаго и дерзкаго характера», «споры его безпрерывны, крикъ нестерпимъ»; «поборники его надѣются на него, какъ на каменную стѣну» и Яковкинъ настаиваетъ и утверждаетъ передъ начальствомъ, что «потребная тишина и порядокъ дотолѣ въ совѣтѣ не водворятся, доколѣ Цеплинъ будетъ въ немъ имѣть голосъ» (27-го ноября 1806года). Кажется, что эта бурная совѣтская дѣятельность, содержаніемъ которой была борьба съ самовластіемъ Яковкина и съ которой мы познакомимся при дальнѣйшемъ изложеніи, поглощала все время Цеплина въ первые полтора года существованія университета. Никакихъ слѣдовъ, кромѣ простыхъ указаній на пройденное изъ его предмета, не осталось и отъ преподаванія Цеплина; лекціи его вполнѣ неизвѣстны. Борьба съ Яковкинымъ кончилась, однако, для Цеплина весьма неудачно: въ концѣ уже 1806 года онъ былъ не только удаленъ изъ совѣта, по настоянію Яковкина, но и принужденъ былъ выдти въ отставку. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1813 году, при другомъ попечителѣ, Цеплинъ снова поступилъ въ Казанскій университетъ профессоромъ по другой каѳедрѣ, а именно дипломатики и политической экономіи; въ 1814 году, по открытіи университета, Цеплинъ былъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ.

Казанская гимназія, при самомъ основаніи университета, доставила ему четырехъ преподавателей-адъюнктовъ, трехъ русскихъ: Карташевскаго, Левицкаго и Запольскаго (всѣ трое воспитанники Московскаго университета) и одного нѣмца, Эриха. Всѣ они болѣе или менѣе, и въ жизненныхъ своихъ отношеніяхъ, и какъ преподаватели, обрисованы въ воспоминаніяхъ Аксакова. Кромѣ того, они извѣстны намъ и изъ другихъ источниковъ: Румовскій, передъ самымъ основаніемъ университета, обратился къ Яковкину за свѣдѣніями о всѣхъ четырехъ, ему, какъ директору, конечно, хорошо извѣстныхъ въ качествѣ преподавателей, и тотъ сообщилъ эти свѣ-

дѣнія «со всѣмъ должнымъ безпристрастіемъ», увѣряя Румовскаго, что имъ «довѣренность начальства почитаема была всегда, яко священный залогъ, исполняема пребудетъ съ благоговѣйною правотою, дабы въ противномъ случаѣ не быть безотвѣтну передъ Сердцевѣдцемъ, вся сокровенная испытующимъ, и не подпасть проклятію, которое назначается творящему дѣло Божіе съ небреженіемъ». Отзывы Яковкина, мы убѣдились въ томъ, вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности.

Григорій Ивановичъ *Карташевскій*, воспитанникъ Московскаго университета, весьма подробно и съ разныхъ сторонъ, какъ въ высшей степени привлекательная личность и по уму, и по характеру, и по образованію общему и научному, изображенъ въ воспоминаніяхъ Аксакова, сообщившаго о немъ обстоятельныя свѣдѣнія [1]). Не одна привязаность ученика къ любимому учителю, не одно родственное чувство (Карташевскій женился потомъ на сестрѣ Аксакова) водили перомъ его. Не говоря о внутренней правдѣ, которая невольно чувствуется во всей характеристикѣ Аксакова, мы имѣемъ подтвержденіе этой правды и въ другихъ современныхъ документахъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Карташевскаго во время его, къ сожалѣнію, весьма кратковременнаго служенія Казанскому университету. Возьмемъ сухой, оффиціально-канцелярскій отзывъ Яковкина, человѣка потомъ лично не расположеннаго къ Карташевскому и бывшаго главною причиною почему онъ уже въ концѣ 1806 года принужденъ былъ оставить свою службу въ университетѣ. «Г. Карташевскій, пишетъ онъ къ Румовскому, въ знаніи всѣхъ частей математики, а особливо чистой высшей, отличенъ какъ по счастливымъ дарованіямъ своимъ, такъ и по продолжаемому всегда старанію усовершать все оное чтеніемъ и опытностію, въ чемъ свидѣтельствуюсь представленными отъ него, какъ уповаю, Вашему Превосходительству на благоразсмотрѣніе основаніями математики, преподаваемой имъ въ здѣшней гимназіи съ самаго ея открытія донынѣ чрезъ пять лѣтъ съ половиною всегда съ неослабнымъ прилежаніемъ; поведеніе его донынѣ было благородно. Языки знаетъ хорошо латинскій, французскій и нѣмецкій». Хотя мы не имѣемъ ни одного печатнаго сочиненія Карташевскаго, но изъ вышеприведенныхъ словъ Яковкина и другихъ свидѣтельствъ, видно, что онъ составилъ свой собственный курсъ математики. Онъ вообще страстно любилъ свой предметъ; преподаванію его въ университетѣ (въ первый годъ онъ читалъ ариѳметику, геометрію и тригонометрію по руководству Шульца) онъ отдался съ полнымъ жаромъ и для этого

[1]) Сем. Хроника стр. 331—335 и во многихъ мѣстахъ сочиненія.

даже отказался отъ преподаванія въ гимназическихъ классахъ, чего не сдѣлали его товарищи, съ цѣлью сохранить лишній окладъ жалованья. Карташевскій достойно положилъ основаніе математическому преподаванію въ Казанскомъ университетѣ, высотою котораго онъ всегда отличался. Уже въ первые два года, при Карташевскомъ, изъ университета вышелъ такой извѣстный впослѣдствіи математикъ, какъ академикъ Д. М. Перевощиковъ. Сверхъ преподаванія, Карташевскій выдавался впередъ большимъ общимъ образованіемъ и прекрасно развитымъ эстетическимъ вкусомъ. Личныя свойства Карташевскаго внушали къ нему общее уваженіе и дозволили ему имѣть вліяніе на товарищей.

Но независимый характеръ Карташевскаго, чувство собственнаго достоинства и возвышенный взглядъ на университетъ, на преподаваніе въ немъ вообще, на необходимость для развитія университетской жизни предоставить университету полное самоуправленіе, что все, конечно, онъ могъ вынести только изъ школы Московскаго университета, поставили его тотчасъ же по основаніи университета въ непріязненныя отношенія къ самовластительному директору. Назначеніе Яковкина прямо ординарнымъ профессоромъ было не совсѣмъ пріятно молодымъ адъюнктамъ. Яковкинъ былъ только директоръ, начальникъ; его профессорскія достоинства казались имъ сомнительными. Конечно, такого рода отзывы доходили до Яковкина, а тотъ съумѣлъ высказывающихъ ихъ выставить заносчивыми и вредными передъ начальствомъ. Имя Карташевскаго, какъ главнаго дѣйствующаго лица, поэтому безпрестанно упоминается въ бурныхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ первыхъ двухъ лѣтъ. Онъ вызвалъ къ себѣ самое сильное нерасположеніе начальства; онъ и долженъ былъ пасть въ неравной борьбѣ.

На первыхъ порахъ своей университетской дѣятельности Карташевскій весь полонъ восторга отъ предстоящихъ ему впереди новыхъ занятій. Личность Румовскаго произвела на него сильное впечатлѣніе. «Никогда въ жизни моей, писалъ онъ къ нему (20-го марта, въ подлинникѣ ошибочно 20-го февраля, 1805 года), такія почтенныя лѣта не представлялись въ такомъ почтенномъ образѣ. Добродѣтель, Геній, Музы соединились, чтобъ ихъ украсить. Достойно, чтобъ предъ симъ Мужемъ, ознаменовавшимъ себя дѣятельною ревностію чрезъ такое пространство времени, которое вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый обыкновенный вѣкъ человѣческій, — чтобъ предъ Нимъ приносить обѣты свои Отечеству; и я обѣщаюсь свято употребить себя, приложить труды къ трудамъ, чтобъ отвѣчать назначенію своему и вниманію столь благомыслящаго начальства». Письмо это представляетъ намъ и характеръ, и содержаніе научныхъ занятій Карта-

шевскаго: «три раза обращался уже полный курсъ чистой математики въ гимназіи; я имѣлъ случай осмотрѣть свой предметъ въ довольной подробности, и время прочесть хорошихъ новѣйшихъ писателей въ сей наукѣ. Смѣю сказать, что могу упражняться въ ней съ успѣхомъ и что не лишенъ дара изъяснять, немаловажнаго въ каждомъ учащемъ. При чистой математикѣ я никогда не оставлялъ и прикладной; для удовлетворенія любопытства занимался критическою философіею, которая стоила мнѣ многаго времени; иностранная словесность была также предметомъ моихъ часовъ отдохновенія. Пріуготовивъ себя такимъ образомъ, намѣренъ соискать высшей степени по своей части». Въ письмѣ проглядываетъ далѣе желаніе быть профессоромъ; Карташевскій проситъ помощи у Румовскаго въ этомъ случаѣ; онъ не хочетъ терять времени: «меня и природа не такъ сложила, пишетъ онъ, чтобъ виды относить вдаль». Румовскій указалъ ему единственный путь къ профессорству: представить печатныя сочиненія по своему предмету на судъ академіи наукъ. Карташевскій, какъ видно изъ другого письма его (26-го апрѣля 1805 года), намѣренъ былъ издать на свой коштъ курсъ всей чистой математики и, присоединивъ къ нему какой-нибудь трактатъ подвергнуть себя суду академіи, такъ какъ не предполагалось скораго открытія университета. Но Карташевскій боялся, что пока онъ будетъ собираться издавать свое сочиненіе, мѣсто профессора чистой математики въ Казани будетъ уже занято, «а это, писалъ онъ, положитъ предѣлъ всѣмъ моимъ надеждамъ» и просилъ отсрочки назначенія термина. Опасенія его вполнѣ оправдались.

Уже при назначеніи особаго инспектора гимназіи, когда Яковкинъ сдѣлался инспекторомъ казенныхъ студентовъ, не былъ выбранъ ни одинъ изъ молодыхъ адъюнктовъ, какъ бы слѣдовало ожидать, потому, по словамъ Яковкина, чтобъ «не подать имъ чрезъ то вящій поводъ возмечтать о себѣ болѣе надлежащаго». Такъ смотрѣлъ Яковкинъ, а его глазами и Румовскій. Съ апрѣля 1805 года Яковкинъ настаиваетъ передъ начальствомъ о необходимости другого преподавателя математики, хотя основательныхъ причинъ этой необходимости и не высказываетъ, выражаясь весьма неопредѣленно «судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ», но причины эти ясно видны въ беззастѣнчивыхъ словахъ его: «дабы противопоставить преграду молодому высокоумію» (письмо 16-го мая, 1805 года), и тутъ же выставляетъ Карташевскаго искателемъ инспекторской должности. Термина, просимаго Карташевскимъ для напечатанія сочиненій, Румовскій не назначилъ, отвѣчалъ ему, вѣроятно подъ вліяніемъ навѣтовъ Яковкина, весьма сухо, тогда же повелъ переговоры съ швейцарскимъ ученымъ Бартельсомъ о назначеніи его профессоромъ въ

*

Казань и вдобавокъ, когда было рѣшено въ совѣтѣ о томъ, чтобы адъюнкты университета продолжали преподаваніе и въ гимназіи, за окладъ въ двѣ трети университетскаго, Румовскій предписалъ, чтобъ изъ тригонометріи, преподаваемой Карташевскимъ, не дѣлать отдѣльнаго класса, потому что «она не составляетъ особливой науки и заключается только въ четырехъ задачахъ». Эти частные поводы присоединились къ тѣмъ общимъ вопросамъ и причинамъ, которые заставили Карташевскаго, почти тотчасъ же по основаніи университета, повести борьбу въ совѣтѣ противъ самовластныхъ распоряженій Яковкина и ратовать за университетское самоуправленіе, ненавидимое директоромъ. Борьба эта для Карташевскаго кончилась также неудачно, какъ и для Цеплина, и Казанскій университетъ потерялъ въ немъ достойнаго преподавателя.

Другимъ адъюнктомъ изъ учителей Казанской гимназіи, по прикладной математикѣ, былъ другъ Карташевскаго, землякъ его по Малороссіи и товарищъ по Московскому университету, Иванъ Ипатовичъ *Запольскій*. Лицо это столь же извѣстно по воспоминаніямъ Аксакова, какъ и Карташевскій, но нравственная и умственная физіономія его очень не похожа на первую. У него жилъ Аксаковъ и въ памяти читателя весьма опредѣленно рисуется эта личность съ ея слабодушіемъ, безтактностью въ педагогическомъ отношеніи, положительнымъ отсутствіемъ въ немъ высшихъ умственныхъ интересовъ и съ своею домашнею жизнью, полною грязи и безпорядочности, какая разумѣется, встрѣчалась, тогда во всякомъ помѣщичьемъ семействѣ средней руки. И Яковкинъ, съ своей стороны, дѣлаетъ о Запольскомъ отзывъ, только подтверждающій вѣрность, съ какою сохранила старческая память Аксакова лица и характеры, окружавшіе его въ дѣтствѣ, подтверждающій художественность его изображеній: «Г. Запольскій,—пишетъ онъ, въ преподаваніи опытной физики хорошъ, хотя и мало видно старанія его о пріобрѣтеніи новыхъ открытій и между прочимъ о чудесномъ и благотворномъ гальванизмѣ, о коемъ ученикамъ своимъ едва поверхностное познаніе дать въ состояніи. О раздѣленіи и различіи газовъ онъ первый здѣсь преподавать началъ, и похвально. Въ знаніи смѣшанной математики весьма посредственъ, хотя и прочиталъ курсъ ея съ здѣшними учениками по сокращенному Вольфію. Женившись на здѣшней дворянкѣ (Елагиной) и прилѣпившись къ экономіи, къ должности своей сдѣлался менѣе старателенъ, по коварному же своему характеру не любимъ безпристрастными людьми. Изъ языковъ знаетъ хорошо латинскій и французскій». Надобно замѣтить, что Румовскій требовалъ вообще знанія языка латинскаго и европейскихъ. Это было тогда необходимостью.

Запольскій, родившійся въ 1773 году, происходилъ изъ духов-

наго званія, учился сначала въ Сѣвской, потомъ въ Бѣлгородской семинаріи; высшее образованіе получилъ въ Кіевской академіи и наконецъ въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь принадлежалъ онъ къ числу лучшихъ студентовъ и въ теченіе курса за успѣхи былъ награжденъ два раза золотою медалью и одинъ разъ серебряною. Это обѣщало въ Запольскомъ хорошаго преподавателя, но, какъ видно изъ всего, казанская жизнь и казанскія отношенія погубили въ немъ скоро и любовь къ наукѣ и желаніе совершенствовать себя. Слѣдовъ его умственной дѣятельности, кромѣ изобрѣтенія солнечныхъ весьма сложныхъ астрономическихъ часовъ, поставленныхъ имъ во дворѣ гимназическомъ [1]), за что произведенъ онъ былъ въ титулярные совѣтники, мы не находимъ. Свои лекціи читалъ онъ по учебникамъ Гиляровскаго, Бриссона, а смѣшанную математику по Вольфу, котораго онъ переводилъ. «Коварный характеръ» его, замѣченный Яковкинымъ, можетъ быть, выказался въ томъ, что въ борьбѣ съ директоромъ, Запольскій сталъ въ ряды его враговъ, за что и былъ удаленъ вмѣстѣ съ другими отъ присутствія въ засѣданіяхъ совѣтскихъ въ концѣ 1806 года. Кажется, что и со стороны тогдашнихъ студентовъ, Запольскій не пользовался уваженіемъ. По свидѣтельству Яковкина, студенты его не любили за то, что онъ о всѣхъ ихъ дурно отзывался въ разныхъ домахъ по городу, а разъ позволилъ себѣ даже въ аудиторіи студенту Балясникову «приказывать стать въ уголъ за то, что тотъ невинно улыбнулся». Студенты, разумѣется, наговорили ему грубостей, а Запольскій побѣжалъ жаловаться начальству. Яковкинъ не далъ дѣлу дальнѣйшаго хода: заставилъ студентовъ просить прощенія, а Румовскій, по письму его прислалъ неодобреніе Запольскому (письма 30-го октября и 4-го декабря, 1806 года).

Третьимъ адъюнктомъ, по наукамъ философскимъ, былъ Левъ Семеновичъ *Левицкій*, товарищъ первыхъ двухъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился первоначально въ Рязанской семинаріи; въ 1790 году поступилъ въ разночинскую гимназію при Московскомъ университетѣ, а въ 1791 году произведенъ въ студенты. Въ университетѣ слушалъ съ успѣхомъ больше науки математическія и философскія, за что въ 1793 году получилъ серебряную медаль. Въ Казанскую гимназію учителемъ высшаго россійскаго класса, логики и нравоученія поступилъ въ 1799 году. Въ университетѣ онъ читалъ преимущественно логику по руководству Рижскаго и практическую философію—по Сори. Аттестація, сдѣланная ему Яков-

---

[1]) Описаніе см. въ Період. Сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1803 г. № I, стр. 88—90.

кинымъ, состоитъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Г. Левицкій въ россійскомъ слогѣ успѣлъ довольно хорошо, особливо отъ опытности и чтенія авторовъ, въ философическихъ познаніяхъ, кажется, слабъ и болѣе, мнится, по тучному его тѣлосложенію, натурально воспрещающему заниматься умозрительностію; къ должности своей всегда былъ прилеженъ, въ поведеніи и чувствованіяхъ благороденъ. Изъ языковъ знаетъ хорошо латинскій, французскій и нѣмецкій».

Это «тучное тѣлосложеніе» было болѣзненнаго свойства и Левицкій не долго служилъ университету. Послѣ вакаціи 1805 года онъ заболѣлъ и хворалъ долго; однако поправился, читалъ лекціи, исправлялъ должность секретаря совѣта, въ которомъ принадлежалъ къ числу сторонниковъ Яковкина. Въ концѣ 1806 года, Левицкій вслѣдъ за простудною горячкою получилъ водяную въ животѣ и, несмотря на операцію выпущенія воды, сдѣланную Фуксомъ и Эвестомъ, 25 января 1807 года «обновилъ мать земнородныхъ первымъ адъюнктомъ Казанскаго университета» [1]), по выраженію Яковкина (письмо 29 января, 1807 года). Директоръ, любившій вообще торжественность обстановки, сочинилъ и прислалъ Румовскому подробный церемоніалъ дежурствъ при гробѣ, выноса и погребенія. Лекціи Левицкаго по философіи временно поручены были по его распоряженію еще не кончившему курса студенту Порфирію Безобразову.

Послѣдній изъ учителей Казанской гимназіи, произведенный въ адъюнкты университета по каѳедрѣ латинскаго и греческаго языка (потомъ онъ дослужился и званія ординарнаго профессора), былъ довольно пожилой нѣмецъ, давно уже жившій въ Россіи—Иванъ Ивановичъ *Эрихъ*. Былъ онъ уроженцемъ Эрфуртскимъ, учился, судя по аттестатамъ его, въ университетахъ: Эрфуртскомъ, Іенскомъ и Геттингенскомъ, имѣлъ степень кандидата теологіи, но печатнымъ образомъ не заявилъ своихъ занятій. Мы не знаемъ, когда переселился онъ въ Россію; кажется, первоначально Эрихъ былъ домашнимъ учителемъ въ разныхъ мѣстностяхъ, а въ 1794 году поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Нижегородское главное народное училище, откуда 1799 году перешелъ въ Казанскую гимназію, гдѣ преподавалъ въ разныхъ классахъ языки французскій, нѣмец-

---

[1]) Первымъ покойникомъ изъ студентовъ Казанскаго университета былъ единственный сынъ Яковкина. Владиміровъ, найдя въ оградѣ Кизическаго монастыря плиту съ надписью: „здѣсь погребено тѣло умершаго перваго студента“ и проч., не понялъ ея смысла и говоритъ: „Нѣтъ ничего удивительнаго, что сынъ Яковкина считается первымъ студентомъ; отецъ могъ записать сына первымъ въ спискѣ студентовъ“ и пр. См. Истор. Зап. II, 34.

кій и латинскій. Яковкинъ рекомендуетъ его начальству въ слѣдующихъ словахъ: «Г. Эрихъ, по глубокому и основательному его знанію языковъ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго, англійскаго, итальянскаго, также по хорошему свѣдѣнію греческаго и россійскаго, по отличной своей памяти и чтенію авторовъ, и какъ по полученнымъ еще въ иностранныхъ университетахъ, что видно изъ иностранныхъ его аттестатовъ, такъ и по пріобрѣтеннымъ отъ времени и опытности многолѣтней знаніямъ, достойно почитается здѣсь вообще многоязычникомъ, а между пріятелями оракуломъ; въ должности своей всегда былъ пунктуозенъ, какъ истый нѣмецъ (благоволите великодушно простить сіе справедливое выраженіе); въ поведеніи благороденъ; въ чувствованіяхъ безпристрастенъ. Можно по всей справедливости сказать, что онъ сдѣлаетъ честь всякому мѣсту, въ которомъ будетъ находиться; но особеннаго сожалѣнія достойно, что при отличныхъ его знаніяхъ произношеніе его не совершенно ясно, какъ по лѣтамъ его (слишкомъ 50 лѣтъ), такъ и по недостатку зубовъ переднихъ». И Аксаковъ, вспоминая, что Эрихъ заставлялъ переводить въ классѣ съ русскаго повѣсти Карамзина, называетъ его «большимъ лингвистомъ» [1]). Въ университетѣ, до назначенія другого профессора, Эрихъ объяснялъ болѣе легкихъ латинскихъ авторовъ, но первые студенты, какъ мы увидимъ, были плохіе латинисты. Въ отношеніяхъ своихъ къ сослуживцамъ, во время первыхъ бурныхъ совѣтскихъ засѣданій, Эрихъ, по свидѣтельству Яковкина, отличался своимъ безпристрастіемъ и директоръ не разъ имѣлъ въ немъ посредника для сношеній съ ними.

Почти одновременно съ основаніемъ университета былъ по представленію Румовскаго назначенъ и первый профессоръ медицины *Протасовъ* [2]), операторъ и штабъ-лѣкарь, служившій въ Пермской врачебной управѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Пермской же семинаріи, а медицинское, по всей вѣроятности, въ Московскомъ университетѣ; сверхъ того изъ представленія о немъ Румовскаго министру, видно, что Протасовъ, служа на Пермскихъ горныхъ заводахъ, познакомился тамъ съ ботаникою и вообще съ естественною исторіею, почему и предполагалось предоставить ему мѣсто учителя этихъ предметовъ въ Казанской гимназіи; въ университетѣ же онъ долженъ былъ преподавать патологію, терапію и клинику. Сочиненія, представленныя имъ въ медицинскую коллегію, были ею одобрены; кромѣ нихъ, Протасовъ имѣлъ нѣсколько свидѣтельствъ о достоинствѣ своего преподаванія (откуда—не

---

[1]) Сем. Хрон. и Воспом., стр. 332.
[2]) Період. сочин., № XII, стр. 516.

знаемъ). Румовскій, зная его лично, поручилъ Протасову подробно обревизовать главное народное училище въ Перми и произвести даже экзаменъ его директору, но предписаніе его о томъ не застало въ живыхъ Протасова, который умеръ, не выѣзжая изъ Перми, 10 апрѣля 1805 года. Преподаваніе медицинскихъ предметовъ началось еще не скоро въ Казани.

Въ такомъ незначительномъ составѣ научныхъ и преподавательскихъ силъ, которыя всѣ даны были мѣстною гимназіею, представляется намъ первоначальный Казанскій университетъ въ моментъ его основанія. Едва-ли онъ заслуживалъ громкаго имени университета и естественно должно было пройти нѣсколько лѣтъ, необходимыхъ для развитія въ немъ преподаванія и пріобрѣтенія новыхъ научныхъ силъ.

Въ теченіе 1805 и 1806 годовъ назначено было въ Казанскій университетъ еще нѣсколько профессоровъ, преимущественно изъ иностранцевъ. Мы остановимся теперь на ихъ личностяхъ.

Выборъ всѣхъ профессоровъ лежалъ на обязанности одного Румовскаго; въ этомъ дѣлѣ помощниковъ не было у него никого и онъ предоставленъ былъ тутъ вполнѣ своимъ собственнымъ средствамъ и своему личному знакомству съ умственнымъ содержаніемъ того времени. Правда, его сослуживцы по Главному Правленію Училищъ и въ особенности по академіи наукъ рекомендовали ему то того, то другого иностраннаго ученаго въ профессоры, но онъ самъ и почти всегда взвѣшивалъ критически эти рекомендаціи. Нельзя не отдать полной справедливости его образованности, начитанности и большимъ свѣдѣніямъ въ разныхъ научныхъ областяхъ. Съ каждымъ изъ приглашаемыхъ имъ ученыхъ онъ велъ самъ переписку на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ или латинскомъ, вдаваясь въ этихъ письмахъ въ разныя спеціальныя подробности. Надобно замѣтить еще при этомъ, что Румовскій не хлопоталъ исключительно о преподавателяхъ тѣхъ наукъ, которыми онъ самъ занимался въ теченіе своей жизни, напротивъ, онъ имѣлъ въ виду общія цѣли, что видно изъ его собственныхъ словъ. «Послѣдуя Высочайше конфирмованному уставу Казанскаго университета, писалъ онъ министру народнаго просвѣщенія, представляя профессора Германа на каѳедру древностей, литературы и языка латинскаго, долгомъ почиталъ и почитаю стараться о наполненіи онаго достойными профессорами, преимущественно такихъ наукъ, коимъ предварительно должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, или короче сказать, мужами, кои составили

бы отдѣленіе словесныхъ наукъ». Это, впрочемъ, былъ общій взглядъ времени и самого министерства.

Первымъ изъ приглашенныхъ въ Казань иностранныхъ ученыхъ былъ докторъ Мартинъ Готфридъ *Германъ*, называемый въ Казани Мартыномъ Ивановичемъ (1754+декабрь 1822). Онъ опредѣленъ былъ въ маѣ 1805 года и началъ свое преподаваніе уже во второй половинѣ этого года.

Мартинъ Готфридъ Германъ былъ Тюрингенскій уроженецъ и родился въ небольшомъ городкѣ Киндельбрюкѣ. Начальное и общее образованіе получилъ въ Нордгаузенской школѣ, а всѣми научными познаніями своими онъ обязанъ Геттингенскому университету, гдѣ учился у знаменитаго Гейне, перваго филолога того времени, и гдѣ получилъ степень доктора. Подъ руководствомъ Гейне, на глазахъ его, были написаны Германомъ тѣ сочиненія по греческой миѳологіи на нѣмецкомъ языкѣ, которыя сдѣлали довольно извѣстнымъ имя его въ ученой Германіи [1]). Они повторяли взгляды Гейне на символическое происхожденіе миѳовъ и отличались тѣмъ же аллегорическимъ толкованіемъ ихъ; Германъ пользовался повидимому очень усердно и лекціями Гейне о миѳологіи [2]). Первое сочиненіе его было даже издано съ примѣчаніями Гейне. «Въ изъясненіи притчей, приведемъ слова современной нѣмецкой ученой рецензіи въ переводѣ Румовскаго, творецъ оказываетъ сколько учености, столько и остроумія. Догадки его суть отважны, но онъ ихъ предлагаетъ только вѣроятными и не выдаетъ ихъ за несомнѣнныя истины». Второе сочиненіе Германа, какъ недавно напечатанное, не было еще извѣстно Румовскому.

Университетской карьеры на родинѣ, не смотря на сочиненія свои, Германъ не сдѣлалъ. Намъ извѣстно, что онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ торговой академіи города Гамбурга, а потомъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Берлинѣ. Изъ этого послѣд-

---

[1]) Handbuch der Mythologie aus Homer und Hesiod. Mit Anmerk. von Hofr. Heine. 3 Bde mit einer Sternkarte. Berl. 1787—1795. 8°. Сочиненіе это, пользовавшееся въ свое время извѣстностью, было передѣлано Германомъ, въ видѣ краткаго руководства миѳологіи, два раза: для *высшихъ классовъ* гимназій (2 ч. съ 32 рис. Берлинъ, 1801) и для *низшихъ классовъ* (съ 12 рис. Берлинъ. 1802). Второе сочиненіе Германа: Die Feste von Hellas historisch-philosophisch bearbeitet etc. 2 Thle. Berl. 1803. 8°, стоитъ на той же Гейневской точкѣ зрѣнія на миѳологію, какъ и предшествовавшее. Первая часть его посвящена Наполеону Бонапарте, тогда еще первому консулу французской республики, которому Германъ восторженно покланялся; вторая—учителю его—Гейне.

[2]) См. *Voss, J. H.* Antisymbolik. I, S. 5, и *Petermann*, Religion и Mythologie der alten Griechen" въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, I, 82, стр. 47, гдѣ указано главное содержаніе перваго сочиненія Германа.

няго города онъ, вѣроятно, не задолго до опредѣленія въ Казань, переѣхалъ въ Петербургъ искать ученой службы. Здѣсь узналъ его Румовскій. Послѣдній, чтобъ вполнѣ удостовѣриться въ знаніи Германомъ латинскаго языка, такъ какъ онъ писалъ по нѣмецки, далъ ему тему для сочиненія по латыни. Небольшая статья эта на восьми страницахъ «M. Porcii Catonis Uticensis ingenium», по мнѣнію Румовскаго, написана чистымъ латинскимъ языкомъ и вообще Германъ понравился ему своимъ литературнымъ и философскимъ образованіемъ, такъ что онъ думалъ поручить ему на время и преподаваніе философіи, притомъ, пишетъ онъ въ представленіи, Германъ «человѣкъ пожилой, женатый, тихаго нрава»; эти свойства имѣли тоже значеніе для попечителя, но достоинство тихости нрава, какъ оказали послѣдствія, не оправдалось на дѣлѣ.

Германъ пріѣхалъ въ Казань въ концѣ іюля 1805 года. Румовскій, отправляя его, предполагалъ также поручить ему и должность инспектора гимназіи, но Яковкинъ справедливо встрѣтилъ непреодолимыя тому препятствія въ положительномъ незнаніи Германомъ русскаго языка и дѣло о назначеніи его инспекторомъ не получило хода. Это обстоятельство, а можетъ быть и другія личныя причины, сдѣлали Германа самымъ сильнымъ противникомъ Яковкина: тотчасъ по пріѣздѣ онъ присоединился къ врагамъ его. По немногу стала образовываться въ университетѣ нѣмецкая партія, на которую директоръ не могъ не смотрѣть подозрительно, особенно при господствовавшемъ тогда въ обществѣ и выражавшемся въ литературѣ патріотическомъ настроеніи во время первыхъ войнъ съ Наполеономъ. Съ другой стороны и иностранцевъ, не смотря, можетъ быть, на все различіе ихъ взглядовъ, убѣжденій и характеровъ, соединяли въ одно общія преданія и привычки европейскаго образованія и университетской жизни на родинѣ и чувство отчужденности, посреди враждебнаго и грубаго общества провинціи. Тутъ, даже съ русскими сослуживцами было у нихъ мало общаго и Германъ, напримѣръ, въ латинскомъ письмѣ, которое поручилъ ему совѣтъ написать въ Дерптскій университетъ, въ отвѣтъ на присланный имъ каталогъ своихъ лекцій, имѣлъ нѣкоторое основаніе сравнить свое положеніе съ положеніемъ Овидія, сосланнаго въ Понтъ [1]). «Умноженіе иностранцевъ - чиновниковъ университета,

---

[1]) „... qui quasi e republica litteraria in exilium, ut olim bonus Ovidius Roma in Pontum, missi sumus...“ (30-го іюля 1806 года). Фраза эта, тотчасъ же разумѣется доведенная до свѣдѣнія Румовскаго, возбудила сильное его негодованіе и сразу уронила его высокое мнѣніе о Германѣ. Онъ счелъ даже долгомъ своимъ донести о ней министру народнаго просвѣщенія: „Содержа-

писалъ съ своей стороны Яковкинъ (22-го августа, 1805 года), чтобы не навлекло и высшему начальству болѣе еще безпокойствъ, когда и съ нынѣшними нѣмцами ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія». И Германъ, не смотря на «тихій нравъ», засвидѣтельствованный Румовскимъ, раздражался въ совѣтскихъ засѣданіяхъ: «безпрестанно со стуломъ своимъ, пишетъ Яковкинъ, то отодвигался отъ стола, угрожая принесть жалобу не только г. министру, но и самому Государю Императору, на что я по нѣмецки принужденъ былъ тогда же сказать: къ чему, государь мой, такія угрозы? онѣ не кстати, то подвигался ко мнѣ съ лѣвой стороны, какъ будто тѣснилъ меня съ мѣста, такъ что и я немного подвинулся вправо и при дальнѣйшемъ его ко мнѣ приближеніи намѣренъ былъ совершенно подвинуться на правый уголъ стола, дабы, давъ ему мое мѣсто, привести его тѣмъ сколько нибудь въ чувствіе; но не успѣлъ ничего сдѣлать своимъ крикомъ и ни мало не возмогщи преодолѣть моего хладнокровія, самой нестерпимой для нихъ черты моего характера, схватилъ себя за голову и, сказавшись больнымъ, вышелъ изъ залы совѣта». Германъ былъ постоянно «въ одномъ комплотѣ» съ Цеплинымъ. О его горячности было донесено попечителю и тотъ не преминулъ поставить ему на видъ этотъ недостатокъ [1]).

Оригинально въ значительной степени было положеніе Германа въ Казанскомъ университетѣ, какъ перваго профессора классической древности, съ преданіями и пріемами науки, вошедшей въ

ніе письма сего, писалъ онъ, есть плодъ необузданнаго самовольства, и есть надежда, что оно со временемъ принесетъ обильнѣйшій, не взирая на мои, попеченія. Въ словахъ: qui quasi etc. проницательные словесники найдутъ можетъ быть, острую и высокую мысль, но я, не имѣя сего дара, ничего кромѣ кощунства и неблагодарности къ милостямъ монаршимъ не обрѣтаю". Германъ получилъ выговоръ.

[1]) „Je vous conseille, Monsieur,— писалъ Румовскій къ Герману,—de retenir votre vivacité; elle ne convient pas à la place, où doit régner la tranquillité et la bienséance; en outre, elle peut tourner à votre désavantage..." Германъ, еще прежде полученія этого замѣчанія, объяснялъ начальнику свою горячность слѣдующими словами: „Quand je parle, je parle naturellement de haute voix, parce que je parle pour être compris. Je parle encore plus haut, lorsque je parle en société pour être entendu de tout le monde. Je parle ainsi toujours avec vivacité et énergie et je prononce à haute voix. C'est mon naturel, et „quamvis naturam furca expellas tamen usque recurret". L'on me reproche de l'emportement, et on me fait tort. C'est selon mon avis, plutôt une vertu, lorsque l'honnête homme parle vivement pour le bien public, pour le salut de l'humanité!" (3-го сент. 1807 года). Нельзя не замѣтить, что ни въ одномъ русскомъ членѣ университетской корпораціи того времени не могло быть и десятой доли этой энергіи убѣжденія и чувства собственнаго достоинства.

жизнь европейскаго общества со времени великихъ гуманистовъ эпохи возрожденія. Геттингенская школа Гейне, къ которой принадлежалъ онъ, имѣетъ, какъ извѣстно, высокое историческое значеніе въ германской наукѣ о классической древности. Простое матеріальное знакомство съ древними языками, какъ со средствомъ понимать классическихъ авторовъ, стоявшее, конечно, въ нѣмецкихъ гимназіяхъ и университетахъ на высокой степени, школа эта превратила въ широкое и всестороннее изученіе всей древней культуры. Жизнь классическаго міра, во всѣхъ ея проявленіяхъ, сдѣлалась одною изъ самыхъ живыхъ сторонъ университетскаго преподаванія и только послѣ дѣятельности Гейне возможенъ былъ дальнѣйшій ходъ этой науки и появленіе знаменитыхъ трудовъ Фридриха Вольфа, Іоганна Готфрида Германна, Августа Бёка и и др. [1]). Казанскій Германъ правда не принадлежалъ къ числу геніальныхъ творцовъ въ наукѣ о классической древности; онъ не пошелъ дальше своего учителя; по знанію и критическому такту онъ былъ слабѣе его, но на своемъ мѣстѣ, при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы приносить пользу. Въ Казани такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ не представилось. Существеннымъ условіемъ для того, чтобы лекціи Германа могли приносить пользу его слушателямъ, было бы съ его стороны знаніе русскаго языка, но Германъ, только черезъ три недѣли по пріѣздѣ въ Казань узналъ настолько русскій алфавитъ, что могъ подписываться подъ протоколами совѣтскихъ засѣданій русскими буквами (впрочемъ успѣхи его одноземцевъ и сослуживцевъ по университету въ этомъ отношеніи были еще медленнѣе). Онъ могъ сообщаться съ своими слушателями или по латыни или на новыхъ европейскихъ языкахъ: нѣмецкомъ и французскомъ, преподаваемыхъ въ гимназіи. Естественно, что ему пришлось жаловаться на неуспѣхъ своего преподаванія.

Въ первые годы своей службы Германъ въ лекціяхъ о латинской словесности объяснялъ своимъ слушателямъ оды Горація съ тѣми обширными критическими пріемами, какіе употреблялъ учитель его Гейне; образчики его лекцій лежатъ передъ нами. Кромѣ того, по смерти адъюнкта Левицкаго, Германъ сталъ преподавать логику и психологію, пользуясь за это половиннымъ вознагражденіемъ. Послѣднее преподаваніе въ особенности затрудняло его и онъ жалуется, что не могъ въ теченіе года пройти и краткой логики. Но вина въ этомъ не его, а неприготовленныхъ слушателей.

---

[1]) См. объ этомъ: *Benfey Theod.*, Geschichte der Sprachwissenschaft in Deutschland. Münch. 1869. S. 328, flg.

Попечитель требуетъ чтенія лекцій на языкѣ латинскомъ; студенты не понимаютъ профессора и онъ по необходимости долженъ былъ объяснять латинскій текстъ на двухъ языкахъ, потому что одна половина студентовъ понимаетъ только по французски, а другая только по нѣмецки. Мы имѣемъ, однако, основаніе сомнѣваться, чтобъ и въ этихъ европейскихъ языкахъ слушатели были настолько сильны, что могли слѣдить за живымъ преподаваніемъ. Германъ жалуется въ особенности на незавидное состояніе преподаванія латинскаго языка въ гимназіи, состоявшее тогда, какъ видно изъ словъ его, почти исключительно въ заучиваніи наизусть грамматическихъ правилъ. Какъ настоящій филологъ хорошей школы, онъ разумѣется возстаетъ противъ такого безплоднаго преподаванія [1]) и проситъ попечителя распорядиться о покупкѣ достаточнаго для учениковъ числа экземпляровъ Евтропія, Юстина и Корнелія Непота и внушить учителямъ гимназіи о необходимости частаго и прилежнаго чтенія съ учениками этихъ писателей. Требованіе совершенно естественное и понятное, тѣмъ болѣе, что и прочіе приглашенные изъ за-границы профессоры находились въ одинаковомъ положеніи съ Германомъ: для всѣхъ нихъ единственнымъ языкомъ науки, на которомъ они могли и должны были объясняться съ слушателями, былъ языкъ латинскій. Это предвидѣлъ и университетскій уставъ 1804 года, который въ своемъ § 119, учреждая бесѣды профессоровъ со студентами по нѣкоторымъ предметамъ, особенно словеснымъ и юридическимъ, высказывалъ желаніе, чтобъ бесѣды эти производились преимущественно на латинскомъ языкѣ.

Чтобъ привести въ исполненіе это указаніе устава, надобно бы было, чтобъ ученики, поступившіе въ университетъ изъ единственной тогда Казанской гимназіи, были сколько-нибудь приготовлены въ латинскомъ языкѣ; между тѣмъ эта гимназія, существовавшая до основанія университета, не была вовсе приготовительнымъ къ нему заведеніемъ и имѣла свои самостоятельныя цѣли. За исключеніемъ духовныхъ заведеній нашихъ, въ которыхъ дѣйствительное знаніе и преподаваніе классическихъ языковъ и до настоящаго времени стоитъ на схоластической ступени XVII вѣка, не имѣя ничего общаго съ образовательными элементами нѣмецкихъ гимназій, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени, не было никакихъ классическихъ преданій. «Не безъизвѣстно Вашему Превосходительству, пишетъ Яковкинъ (10-го сентября 1807 года), что

[1]) „Point de salut à cette méthode ennuyante et stérile, qui ne donne ni quantité de notions communes, ni multitude de mots, ni nombre de phrases, ni le génie de la langue; méthode mieux faite pour détester une langue, qu'exciter le désir et l'ardeur de s'en rendre maitre"...

было для гимназіи время, въ которое полагаемо было и совсѣмъ изъ нея изгнать латинскій языкъ, такъ что едино токмо сопротивленіе тогдашняго инспектора (т.-е. его самого) едва могло остановить пагубное сіе намѣреніе и заключить его по крайней мѣрѣ въ одномъ классѣ, а вмѣсто его хотѣли было ввести англійскій языкъ по новозатѣянному положенію гимназіи». Мудрили и случайные командиры. Такъ казанскій губернаторъ, изъ совѣтниковъ коммерцъ-коллегіи, Кацаревъ, не смотря на то, что онъ управлялъ губерніей съ небольшимъ годъ (1802—1803), въ качествѣ попечителя гимназіи «производилъ противу латинскаго языка гоненіе». Мнѣніе губернатора раздѣляли и нѣкоторые члены гимназическаго совѣта, такъ что въ ученикахъ это гоненіе «произвело вредное о семъ языкѣ впечатлѣніе и даже отвращеніе». Основаніе университета должно было усилить преподаваніе латинскаго языка; стали преподавать сначала въ двухъ, а потомъ и во всѣхъ трехъ классахъ; всѣ казенные гимназисты обязаны были непремѣнно учиться по латыни. Всѣ эти мѣры были однако слишкомъ недавни и не могли принести вдругъ осязательныхъ результатовъ. Поэтому жалобы Германа на плохое знакомство его слушателей съ латинскимъ языкомъ, переданныя попечителемъ въ совѣтъ, имѣли основаніе. Совѣтъ, руководимый Яковкинымъ, взглянулъ на это дѣло легко; онъ обидѣлся, кромѣ того, заявленіями профессора, что экзаменныя сочиненія учениковъ гимназіи приносятся въ залу совѣта уже исправленными и требованіемъ, чтобы каждый изъ учителей латинскаго языка, въ доказательство своихъ знаній, прочиталъ урокъ въ присутствіи членовъ совѣта. Яковкинъ принялъ къ сердцу жалобы Германа и видя въ нихъ личное оскорбленіе, обвинялъ съ своей стороны профессора, что студенты не понимаютъ его «худого нѣмецкаго произношенія латинскихъ словъ», что психологія, читаемая имъ, наполнена непонятными и новыми для нихъ метафизическими терминами, что только по его убѣжденіямъ и настояніямъ Германъ имѣетъ «охотныхъ» слушателей; наконецъ, передъ попечителемъ, всѣ эти заботы о латинскомъ языкѣ онъ выставлялъ, какъ «усилія самоуправленія, тлѣющаго еще донынѣ подъ пепломъ» (онъ думалъ было, что побѣдилъ его).

Съ своей стороны Германъ справедливо доказывалъ, что лекціи его не могутъ имѣть успѣха, при незнаніи слушателями того языка, на которомъ онѣ читаются, что по той же причинѣ неисполнимъ и § 119 устава, требующій бесѣдъ со студентами по-латыни [1]). Онъ

---

[1]) Comment converser avec une jeunesse en latin, qui ne possède pas le latin? спрашиваетъ онъ.

предлагалъ для дѣйствительнаго водворенія классическаго образованія въ Казанскомъ университетѣ учрежденіе, которому наука въ Германіи главнымъ образомъ обязана своими успѣхами. Это была филологическая семинарія, по образцу заведенной въ Геттингенѣ профессоромъ Гейне, гдѣ и самъ Германъ учился. Подробно изложивъ ея устройство и цѣль, состоящую въ правильномъ приготовленіи, какъ для дальнѣйшаго ученаго развитія, такъ и для занятія учительскихъ мѣстъ въ гимназіи, Германъ справедливо доказывалъ, что такая семинарія, необходимая и при учрежденіи педагогическаго института (уставъ, глава XII), принесла бы существенную пользу. По плану его такую семинарію можно бы было составить на первый разъ изъ десяти лучше другихъ знающихъ латинскій языкъ студентовъ и трехъ учителей этого языка въ гимназіи; какъ было въ Геттингенѣ, каждый изъ нихъ долженъ получать по 100 р. въ годъ. Во главѣ семинаріи, въ качествѣ руководителя, Германъ ставилъ себя и просилъ за этотъ трудъ прибавку въ 1000 рублей къ своему жалованью. Румовскій не согласился на это предложеніе, ссылаясь на то, что на учрежденіе такой семинаріи въ штатѣ суммы не положено и указывая на могущія замѣнить ее бесѣды на латинскомъ языкѣ, требуемыя уставомъ «Намѣреніе Германа, пишетъ онъ къ Яковкину, не въ томъ состояло, чтобы охулить гимназическое ученіе, но чтобы въ сословіи, имъ по примѣру Геттингенскаго предлагаемомъ, быть главою и получить прибавку въ жалованье въ 1000 р... Не усердіе тутъ дѣйствовало». Онъ даже совѣтовалъ Герману отказаться вовсе отъ побочныхъ лекцій по философіи и сосредоточить весь трудъ свой исключительно на главномъ предметѣ своей каѳедры. Дѣло преподаванія латинскаго языка осталось такимъ образомъ въ прежнемъ видѣ, безъ правильной организаціи. Германъ не успѣлъ образовать учениковъ. О латинскихъ рѣчахъ его, писанныхъ для торжественныхъ собраній университета, о дальнѣйшихъ судьбахъ классицизма у насъ, мы скажемъ на своемъ мѣстѣ.

Первымъ преподавателемъ по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ былъ профессоръ правъ естественнаго, политическаго и народнаго Генрихъ Лудвигъ *Бюнеманъ*, пріѣхавшій въ Казань въ концѣ сентября 1805 года. Это былъ уже человѣкъ пожилой (родился въ 1752 году), нѣсколько лѣтъ служившій въ Петербургѣ, но нисколько не обрусѣвшій, тоже только чрезъ мѣсяцъ, подобно Герману, выучившійся подписываться по русски и совершенно неизвѣстный въ ученой нѣмецкой литературѣ. Каѳедру, которую занялъ Бюнеманъ, Румовскій считалъ очень важною. Изъ его представленія видно, что онъ долго и напрасно искалъ въ нѣмецкой землѣ человѣка достойнаго занять ее. Бюнеманъ самъ явился къ

нему въ 1805 году, въ Петербургѣ, какъ претендентъ на нее. Въ это время онъ былъ безъ службы. Бюнеманъ, Ганноверскій уроженецъ, candidatus juris, представилъ старыя свидѣтельства, выданныя ему нѣкоторыми профессорами Геттингенскаго университета, и въ томъ числѣ Г. Л. Бёмеромъ (сынъ *великаго* у юристовъ Бёмера), что онъ до 1773 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, слушалъ съ успѣхомъ ихъ лекціи и занимался частнымъ образомъ подъ ихъ руководствомъ разными предметами права. Когда пріѣхалъ онъ въ Россію намъ неизвѣстно, но съ 1786 года по 1800 годъ онъ былъ учителемъ географіи въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. Пять лѣтъ, до назначенія въ Казань, Бюнеманъ жилъ въ отставкѣ. Никакихъ другихъ мотивовъ къ его опредѣленію не было у Румовскаго; онъ хвалитъ только его знаніе языковъ: латинскаго и французскаго.

Бюнеманъ привезъ съ собою разныя словесныя инструкціи Попечителя, его mentis cogitata circa pacem et tranquillitatem omnium. Онъ не нахвалится въ письмѣ своемъ къ Румовскому пріемомъ, сдѣланнымъ ему и женѣ его со стороны Яковкина [1]) и своею пріятною на первыхъ порахъ обстановкою. Съ своей стороны и Яковкинъ доволенъ Бюнеманомъ; онъ радъ его безпристрастію, говоритъ о дружбѣ съ нимъ, увѣдомляетъ, что онъ вноситъ своимъ хладнокровіемъ примиреніе въ совѣтскіе споры, но не прошло и года, какъ эти отношенія измѣнились въ другія; Бюнеманъ оказался перебѣжчикомъ. Этотъ человѣкъ, которому Яковкинъ довольно характерно придавалъ эпитетъ «простенькаго», самъ проповѣдывавшій по пріѣздѣ своемъ въ Казань Friede, Freude und Einigkeit, «по слабости своей впалъ въ разставленныя для него коварственныя сѣти» или, выражаясь проще, сталъ противникомъ самовластія директора. Въ особенности возмущало послѣдняго то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, гдѣ не присутствовалъ главный врагъ Яковкина Цеплинъ, Бюнеманъ записывалъ на особой бумагѣ, для передачи ему потомъ, текстъ латинскихъ разсужденій членовъ и постановленія совѣта новыми еврейскими буквами. Такую передачу отсутствующимъ членамъ совѣтскихъ постановленій Яковкинъ считалъ противозаконною. Впрочемъ о Бюнеманѣ онъ не былъ высокаго мнѣнія и писалъ о немъ, что онъ скорѣе заслуживаетъ по слабости своей сожалѣнія, нежели взысканія. Лекціи

---

[1]) In domino directore virum probum, bonum et honestum inveni, et hucusque spes mea me de ipso non fefellit, uti etiam uxor ipsius honoratissima dignata est dignatur nos amicissima receptione apud se, ita ut non possim non justum perhibere testimonium de utriusque conjuges in nos summa benevolentia.

Бюнемана, какъ и его личность, были такого рода, что не могли положить достойное основаніе юридическому преподаванію въ Казанскомъ университетѣ. По свидѣтельству Яковкина, сами студенты жаловались на медленность преподаванія Бюнемана и просили даже позволенія не посѣщать его аудиторіи, чтобъ не терять даромъ времени. Вѣроятно главная причина заключалась въ латинскомъ текстѣ этихъ лекцій. Объемъ ихъ былъ крайне не великъ. Въ 1805—1806 году онъ читалъ Prolegomena juris naturae, что составило тетрадку in 4°, въ 56 страницъ студенческаго письма, а въ теченіе перваго полугодія 1806—1807 года лекціи по системѣ juris naturae образовали только 28 страничекъ.

Каѳедра греческаго языка и греческой словесности была замѣщена Максимиліаномъ Викентіемъ Лудвигомъ Штёрлемъ (Stoehrl) или, какъ онъ называется въ русскихъ бумагахъ,—*Сторлемъ* (1761—1812 г.). Этотъ докторъ философіи и магистръ словесныхъ наукъ былъ уроженцемъ города Праги (не видно однако ни изъ чего, чтобы Сторль былъ Чехомъ), учился въ Вѣнѣ и тамъ получилъ свои ученыя степени; по вѣроисповѣданію былъ католикомъ. Сторль жилъ въ Дрезденѣ, гдѣ у него было нѣчто въ родѣ пансіона, но онъ не задумавшись разстался съ своими учениками и охотно согласился ѣхать въ Казань. Изъ словъ Сторля въ одномъ изъ писемъ его къ Румовскому, видно, что у него былъ обширный кругъ знакомства въ русской и польской аристократіи, представителей которыхъ онъ встрѣчалъ при дворахъ вѣнскомъ и дрезденскомъ. Эти личныя знакомства доставили ему рекомендацію къ Румовскому. Въ судьбѣ Сторля принималъ большое участіе князь Адамъ Чарторыскій, знавшій его лично и переславшій къ Румовскому образчики его знаній въ греческомъ языкѣ и литературѣ и въ особенности графъ д'Антрагъ, извѣстный совѣтникъ нашего посольства въ Дрезденѣ, бывшій въ 1789 году членомъ Національнаго собранія, а потомъ вскорѣ эмигрировавшій изъ Франціи. Д'Антрагъ выставлялъ Сторля глубокимъ ученымъ, говорилъ съ восторгомъ о его достоинствахъ и совѣтовалъ поспѣшить приглашеніемъ его въ какой либо университетъ, чтобъ не потерять его. Сторль былъ немедленно назначенъ.

Никакихъ особенныхъ правъ не было у Сторля для занятія каѳедры греческаго языка и литературы. Образчики научныхъ работъ его, представленные имъ Румовскому, ничтожны. Это переводъ на латинскій, французскій и итальянскій языки небольшого гемерическаго гимна къ Вакху [1]), безъ всякаго комментарія, доказывавшаго бы

[1]) Homeri carmina. Edit. Didot. 1838. p. 566—567.

знаніе и критическій талантъ ученаго, и небольшое разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ: «Начертаніе нравственнаго воспитанія по образу Эпиктета», которое Румовскій называлъ «изящнымъ». Сильное вліяніе на попечителя, какъ кажется, имѣли рекомендаціи, особенно князя Чарторыскаго, котораго онъ называетъ «juge compétant des mérites de sçavants». На вопросъ, заданный Румовскимъ Сторлю, уже по пріѣздѣ его въ Петербургъ, о томъ, какъ онъ думаетъ преподавать въ Казани греческій языкъ и литературу, какъ первый профессоръ этого предмета, онъ отдѣлался только безсодержательными фразами; въ свободное же отъ занятій главнымъ предметомъ время, онъ брался преподавать не только основанія алгебры и геометріи, безъ примѣненія ихъ однако къ инженерному искусству и артиллеріи (jusqu'au point où ces sciences se croisent avec les écoles du génie et de l'artillerie), но даже открыть курсъ изящной словесности (cours de belles lettres) по языкамъ: нѣмецкому, французскому, итальянскому, испанскому и англійскому. Изъ этихъ заявленій Сторля видно, какъ легко смотрѣлъ онъ на главное свое дѣло и какъ мало былъ къ нему приготовленъ.

Сторль пріѣхалъ въ Казань въ ноябрѣ 1805 года. Съ слѣдующаго же мѣсяца онъ сталъ излагать греческую грамматику, толковать Горація, захватывая такимъ образомъ обязанности профессора Германа и читать миѳологію. Съ половины 1806 года, изъ отчетовъ о лекціяхъ, видно, что онъ читалъ уже греческій синтаксисъ и переводилъ со студентами различныя исторіи изъ Эліана, краткіе разговоры Лукіана, а потомъ и Одиссею и даже первое дѣйствіе Аристофановой комедіи Плутусъ; въ латинскомъ языкѣ Горація смѣнилъ Виргилій. Самъ Сторль называлъ свои лекціи «курсомъ изящной словесности» и дѣлилъ его на теоретическую и практическую части. Курсъ этотъ посвященъ былъ древности. Главною составною частію его была миѳологія, преподаваніе которой было необходимымъ условіемъ для образованія въ XVIII вѣкѣ; но въ объясненіяхъ миѳовъ Сторль, повидимому, отсталъ сильно отъ современной ему науки о древности въ Германіи: онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія александрійцевъ Евгемера и Палефата. Что касается до курса изящной словесности, то въ немъ Сторль излагаетъ то, что въ позднѣйшіе годы называлось вообще эстетикою: «Je commence par la nature, telle que les anciens nous la retracent, je fais le tableau des grandes passions, des diverses grades de la beauté, du sublime etc». Сторль объяснялъ различные роды и виды поэзіи, какъ это требовалось въ піитикѣ, съ изложеніемъ историческаго развитія каждаго. Практическая часть преподаванія заключалась въ томъ, что Сторль показывалъ своимъ слушателямъ и объяснялъ изображенія въ извѣст-

номъ сочиненіи Монфокона: L'antiquité expliquée et représentée en figures. Это могло нагляднымъ образомъ знакомить студентовъ съ художественными памятниками античнаго міра и способствовать развитію въ нихъ эстетическаго чувства, «éclairer leur esprit, en touchant plus vivement leur imagination», какъ писалъ самъ профессоръ. На сколько Сторль приносилъ своимъ преподаваніемъ пользы, намъ неизвѣстно, но изъ всего, что мы знаемъ о немъ, для насъ очевидно, что преподаваніе это имѣло самый неопредѣленный характеръ: притомъ Сторль былъ въ одинаковомъ съ Германомъ положеніи: живого общенія съ слушателями не могло у него быть. Но онъ не жаловался однако, или по мягкости своего характера, или потому, что постоянно принадлежалъ къ числу сторонниковъ и угодниковъ Яковкина. Сторлю приходилось начинать съ греческой азбуки и медленно идти шагъ за шагомъ; путь этотъ былъ труденъ и для профессора и для студентовъ и по необходимости пришлось ограничиться тѣмъ, что казалось легче и занимательнѣе. Впрочемъ Сторль скоро, какъ кажется, замѣтилъ и самъ безполезность своего преподаванія вовсе неприготовленнымъ слушателямъ, что видно изъ его представленія совѣту о необходимости завести въ Казанской гимназіи классъ греческаго языка, въ которомъ, по его предположенію, ученики должны были выучиться читать и писать по гречески и познакомиться по крайней мѣрѣ съ склоненіями и съ спряженіями. Съ разрѣшенія попечителя такое преподаваніе было и поручено учителю латинскаго языка Бѣлоусову, но оно, какъ кажется, продолжалось очень недолго, главнымъ образомъ потому, что ученики гимназіи должны были и безъ того учиться тремъ иностраннымъ языкамъ и для греческаго недоставало времени.

«По причинѣ обширнаго знанія словесныхъ наукъ», которое въ Сторлѣ очень цѣнилъ Румовскій, онъ назначилъ его первымъ библіотекаремъ Казанскаго университета и поручилъ ему разобрать всѣ книги, принадлежащія гимназіи и университету, раздѣлить по содержанію книгъ библіотеку на университетскую и гимназическую и сочинить для обѣихъ каталоги по тому порядку и расположенію, какіе Сторль признаетъ лучшимъ. Румовскій первый обратилъ вниманіе изъ Петербурга на состояніе и порядокъ библіотеки: онъ потребовалъ прежде всего списокъ сколько книгъ и кѣмъ изъ библіотеки забрано. «Однимъ профессоромъ Цеплинымъ, писалъ онъ въ совѣтъ (8-го ноября, 1806 года, № 403), къ удивленію моему, забрано восемьдесятъ одна книга; въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своевольство, которому конецъ положить почитаю своимъ долгомъ». Поэтому Румовскій поручалъ совѣту немедленно собрать всѣ находя-

щіяся у профессоровъ книги, а Сторлю довѣрялъ составить правила, по которымъ можно бы было пользоваться книгами изъ библіотеки. Еще прежде онъ вытребовалъ къ себѣ каталоги всѣхъ имѣющихся книгъ и самъ принималъ живое участіе въ выборѣ назначаемыхъ профессорами книгъ, бракуя нѣкоторыя и замѣняя ихъ по своему усмотрѣнію другими. Съ конца 1806 года начинается такимъ образомъ исторія университетскаго книгохранилища.

Первоначальная библіотека Казанскаго университета, состоявшая по каталогу Сторля въ 1807 году, изъ 1737 названій въ 4022 переплетахъ, на сумму, по позднѣйшей и разумѣется низкой и невѣрной оцѣнкѣ, 13328 р. 57¼ коп. сер., образовалась случайно, изъ разныхъ собраній, но происхожденіе ихъ весьма замѣчательно. Главныя собранія принадлежали князю Потемкину-Таврическому и очень извѣстному въ нашей церковной исторіи прошлаго вѣка Евгенію Булгарису, архіепископу Славенскому и Херсонскому (1716—1806). Происходя изъ огреченной болгарской фамиліи, переселившейся на островъ Корфу, Евгеній вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ получилъ блестящее научное образованіе, сначала въ итальянскихъ, а потомъ и германскихъ университетахъ, прославился своими сочиненіями на ново-греческомъ языкѣ и глубокими философскими знаніями. Несмотря на эти достоинства и на то, что онъ уже пріобрѣлъ славу краснорѣчиваго проповѣдника въ Македоніи, печальное политическое положеніе его родины подъ турецкимъ гнетомъ заставило Евгенія искать счастія въ другихъ странахъ. Лѣтъ шесть онъ пробылъ въ Германіи, гдѣ сблизился со многими профессорами и печаталъ свои сочиненія, сдѣлавшія имя его извѣстнымъ до такой степени, что Фридрихъ Великій въ 1769 году рекомендовалъ его Екатеринѣ въ качествѣ ученаго грека для перевода на ново-греческій языкъ ея «Наказа». По окончаніи этого перевода Императрица въ 1771 году назначила его своимъ собственнымъ библіотекаремъ. Черезъ четыре года Евгеній посвященъ былъ въ архіепископы славенскіе и херсонскіе (нынѣ Екатеринославская епархія) «по случаю переселившихся въ тотъ край иноплеменниковъ, незнающихъ русскаго языка, а исповѣдывающихъ однако православную греческую вѣру» и сдѣлался такимъ образомъ участникомъ *греческаго проекта*, занимавшаго съ 1769 года умъ и фантазію Екатерины и Потемкина. Евгеній впрочемъ управлялъ своею епархіею только до 1779 года, но жилъ до 1801 года въ Полтавѣ на покоѣ, а потомъ уже переселился въ Петербургъ въ Александро-невскую лавру, гдѣ и умеръ. Его библіотека, состоявшая главнымъ образомъ изъ сочиненій бо-

гословскихъ (здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ изданія греческихъ отцевъ церкви), философскихъ и историческихъ была, по всей вѣроятности, пріобрѣтена по распоряженію Потемкина и вмѣстѣ съ другими купленными имъ книгами, предназначалась для утвержденнаго уже Екатериною университета въ Екатеринославѣ [1]). Еще въ 1784 году Екатерина повелѣвала именнымъ указомъ князю Потемкину «основать университетъ, въ которомъ не только науки, но и художества преподаваемы быть долженствуютъ, какъ для вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, такъ и для сосѣдственныхъ намъ, наипаче же единовѣрныхъ нашихъ» [2]). Еще гигантскій городъ, долженствовавшій и по имени быть славою Екатерины, съ окружностью въ 50 верстъ, съ улицами въ 30 саж. ширины, существовалъ только въ проектѣ, а на Екатеринославскій университетъ уже ассигновалась въ годъ громадная по времени сумма въ 311,341 р. 30 к., приглашались профессора, которымъ Потемкинъ поручалъ уже разводить по берегамъ Днѣпра виноградники, покупались библіотеки, музеи...

Прошли годы. Широкіе фантастическіе планы о господствѣ надъ славяно-греческимъ востокомъ и о великолѣпныхъ городахъ, выро-

---

[1]) Что главная часть библіотеки Евгенія Булгариса вошла въ составъ Потемкинской, видно изъ старыхъ, еще до основанія Казанскаго университета написанныхъ каталоговъ ея, гдѣ находятся всѣ тѣ книги, которыя имѣютъ на себѣ собственноручную надпись Евгенія о принадлежности ихъ ему. Это нѣсколько противорѣчитъ показаніямъ біографовъ Евгенія Булгариса, что онъ завѣщалъ отдать по смерти свою библіотеку въ Александро-невскую академическую (*Евгеній*, митроп., Слов. Духовн. Писат. 1827 г. I, 162 и *Соловьевъ Петръ*, въ журн. „Странникъ" 1867 г., т. III, № 7, стр. 11), но у митрополита Евгенія говорится только о „печатныхъ книгахъ, оставшихся уже въ немногомъ числѣ", изъ чего слѣдуетъ, что главнаго собранія, при смерти Евгенія Булгариса, уже не существовало. Когда оно было пріобрѣтено Потемкинымъ—мы не знаемъ, но невѣрно также и указаніе А. И. Артемьева (статья „Прогулки по Казани". VI. Университетская Библіотека. *Губ. Вѣдом.* 1850 г. № 16, стр. 130), по которому библіотека Евгенія Булгариса поступила въ вѣдѣніе университета уже по смерти его въ 1806 году: въ дѣлахъ архивныхъ нѣтъ на это даже и намека. Поэтому нѣтъ никакой возможности говорить о составѣ Потемкинской библіотеки, какъ бы ни было это любопытно (*Владиміровъ*, Истор. Зап. I, 39). Впрочемъ, несмотря на печальную судьбу, постигшую библіотеку „великолѣпнаго князя Тавриды", понятную въ странѣ, гдѣ уваженіе къ книгѣ не составляетъ еще гражданской добродѣтели, не смотря на расхищенія людей и времени, историкъ Потемкина и его широкихъ фантастическихъ замысловъ, найдетъ и теперь въ библіотекѣ Казанскаго университета, въ нѣкоторыхъ современныхъ брошюрахъ, въ рукописяхъ, лично принадлежавшихъ Потемкину, и въ планахъ и рисункахъ еще довольно любопытнаго. Мы были бы очень счастливы, еслибъ наше указаніе возбудило чью либо провинціальную любознательность.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 16057.

ставшихъ, какъ бы по волшебству, въ безлюдныхъ пустыняхъ новороссійскихъ, уступили мало-по-малу вліяніямъ болѣе узкой исторической дѣйствительности. Смерть Потемкина и старость Екатерины отвлекли значительную долю правительственнаго вниманія отъ края, которому въ мечтахъ ихъ представлялась такая блестящая историческая будущность. Не прошло и шести недѣль по смерти Екатерины, какъ и самый городъ ея, Екатеринославъ, по указу императора Павла, переименованъ былъ въ Новороссійскъ. Громадныя постройки пріостановились вслѣдъ за смертію князя Таврическаго; университетъ не осуществился, а библіотека и другія собранія для него пріобрѣтенныя по распоряженію Потемкина, были переданы въ вѣдомство приказа общественнаго призрѣнія [1]). Нѣсколько лѣтъ эти собранія, не имѣя ни каталоговъ, ни описей, что безъ сомнѣнія еще болѣе способствовало ихъ расхищенію, безъ цѣли и назначенія, находились въ Новороссійскѣ въ томъ печальномъ видѣ, въ какомъ привыкли мы часто находить научныя пособія въ нашемъ отечествѣ, пока не вспомнили о нихъ совершенно случайно и не вспомнили въ Казани. Одинъ изъ кратковременныхъ казанскихъ военныхъ губернаторовъ при императорѣ Павлѣ генералъ-лейтенантъ де-Лассій (онъ управлялъ губерніею съ января по августъ 1798 года), въ пребываніе Павла въ Казани, дѣлая ему докладъ о возстановленіи гимназіи въ Казани, упомянулъ о находящихся безъ всякаго употребленія въ Новороссійскѣ библіотекѣ и нѣкоторыхъ собраніяхъ князя Потемкина и ходатайствовалъ о томъ, чтобъ они переданы были въ вѣдѣніе Казанской гимназіи, тогда же утвержденной Павломъ [2]). Это представленіе губернатора было немедленно утверждено [3]) и библіотека въ началѣ слѣдующаго года была доставлена въ Казань на 18 подводахъ. На перевозку деньги употреблены были изъ губернскихъ доходовъ. Безъ сомнѣнія это были только обломки первоначальнаго собранія [4]).

---

[1]) Изъ этой передачи видно, что библіотека не была частною собственностью Потемкина и что нѣкоторыя его книги и рукописи попали въ нее случайно.

[2]) Существованіе этой библіотеки могло быть извѣстно Де-Лассію и не отъ одного учителя Мари (*Владимiровъ*, I, 37), а потому ,что онъ самъ служилъ при Потемкинѣ. Де-Лассій былъ вообще человѣкъ образованный, съ твердыми и независимыми убѣжденіями. См. Записки *Энгельгардта*., М. 1867 г., стр. 209, 213.

[3]) П. С. З. Росс. Имп. 1798 г. т., XXV, № 18539.

[4]) Изъ описи, сдѣланной пріемщикомъ библіотеки, учителемъ Казанской гимназіи Богданомъ Линкеромъ, подписанной также сдатчикомъ ея новороссійскаго главнаго народнаго училища математическихъ наукъ учителемъ Василіемъ Якубовскимъ, и хранящейся въ архивѣ Казанскаго университета

Другою составною частію первоначальной библіотеки Казанскаго университета были книги, пожертвованныя въ Павловскую гимназію 26 ноября 1798 года образованнымъ казанскимъ помѣщикомъ надворнымъ совѣтникомъ Василіемъ Ипатовичемъ Полянскимъ, собранныя имъ во время его путешествій по Европѣ. Лицо это, о которомъ живыя преданія давно исчезли въ Казани, но котораго потомки по женской линіи живутъ еще въ ней, представляется во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ и не по одному тому, что онъ высказалъ своимъ пожертвованіемъ живое участіе къ учебному заведенію родного города. Къ сожалѣнію біографическія свѣдѣнія о немъ весьма неопредѣленны, случайны и вообще даютъ неясное понятіе объ этомъ человѣкѣ, на которомъ въ сильной степени отразилась умственная жизнь XVIII вѣка, даже съ ея крайностями [1]). Все-таки на темномъ фонѣ стараго провинціальнаго невѣжества Полянскій является свѣтлымъ и привлекающимъ къ себѣ явленіемъ.

Рода Полянскихъ нѣтъ ни въ бархатной, ни въ старинныхъ разрядныхъ книгахъ [2]); давно ли онъ существовалъ въ Казани— также неизвѣстно; но у Полянскаго были деревни и вообще онъ былъ человѣкомъ не бѣднымъ, хотя и не принадлежалъ къ мѣстнымъ богачамъ. Ни годъ рожденія Полянскаго (1742?), ни годъ его смерти [3]), ни мѣсто первоначальнаго образованія его намъ не-

---

(Дѣла Совѣта, 1806 года № 43), видно, какъ много было дефектовъ въ этой библіотекѣ, какъ много эстамповъ вырвано было руками вандаловъ изъ дорогихъ и рѣдкихъ иллюстрированныхъ гравюрами изданій прошлаго вѣка. Невѣжественное отношеніе общества къ умственнымъ сокровищамъ выразилось здѣсь вполнѣ. Гимназія нѣсколько лѣтъ вела переписку о дефектахъ, но ничего не добилась; сама она тоже довольно равнодушно отнеслась къ подареннымъ ей книгамъ и помѣстила ихъ въ какомъ-то подвалѣ. См- объ этомъ подробно у *Владимірова*, I, 37—31.

[1]) „Было бы весьма желательно, говоритъ А. И. Артемьевъ въ упомянутой статьѣ (*Губ. Вѣд.* 1850 г. № 16), чтобы кто-нибудь изъ лицъ, знавшихъ обстоятельства жизни В. И. Полянскаго, короче нашего, составилъ болѣе полную біографію его". Прошло двадцать пять лѣтъ и такой біографіи не явилось. Потомки Полянскаго, несмотря на вызовъ къ нимъ, не разъ повторяемый въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, не откликнулись ни словомъ, а очень можетъ быть, что фамильныя бумаги Полянскаго и уцѣлѣли. Въ нашемъ очеркѣ мы воспользовались всѣмъ, что сдѣлалось извѣстно въ печати со времени статьи Артемьева.

[2]) Только при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ упоминается дьякъ иноземнаго приказа Еремѣй, да подъячій приказа Казанскаго дворца Макаръ Полянскіе. *Разрядн. Кн.* II, 1110 и 1215.

[3]) Записки *Добрынина* въ Русс. Стар. 1871 г., т. IV, стр. 132. На любопытномъ надгробномъ памятникѣ Полянскаго, съ мистическими эмблемами, находящемся во дворѣ загороднаго казанскаго архіерейскаго дома, рядомъ

извѣстны. Изъ письма Екатерины къ Вольтеру видно, что Полянскій служилъ въ военной службѣ и служилъ въ Сибири (она называетъ его jeune officier). Онъ отличился тамъ честностью, превосходно, по порученію губернатора, разложилъ въ двухъ округахъ налоги, безъ тѣхъ притѣсненій, какія производились издавна. Губернаторъ очень рекомендовалъ Полянскаго Екатеринѣ; онъ находилъ въ немъ, кромѣ другихъ качествъ, сильное желаніе образовать себя и Екатерина доставила ему средства отправиться въ чужіе края. Безъ сомнѣнія Полянскій представлялся Екатеринѣ.

Въ маѣ 1771 года онъ уже путешествуетъ за границей и посѣщаетъ Вольтера въ Фернеѣ, какъ человѣкъ лично извѣстный императрицѣ Екатеринѣ. Вольтеръ въ восторгѣ отъ его обращенія, любезности, ума, его признательности къ императрицѣ за ея благодѣянія. Изъ писемъ Вольтера видно, что Полянскій бывалъ при дворѣ Екатерины и восхищалъ его своими разсказами о великолѣпіи этого двора, о привѣтливости императрицы, о ея трудахъ и занятіяхъ. Болѣе полугода пробылъ Полянскій вблизи Вольтера. Въ декабрѣ 1771 года фернейскій пустынникъ пишетъ къ Екатеринѣ, что «у Полянскаго сильное желаніе видѣть Италію, гдѣ онъ научился бы лучше служить Вашему Императорскому Величеству, нежели въ сосѣдствѣ Швейцаіри и Женевы; онъ давно уже ждетъ на то вашихъ приказаній и вашихъ щедротъ. Это человѣкъ весьма умный и весьма добрый; его сердце искренно предано Вашему Величеству» [1]). Деньги и на это путешествіе были также присланы Екатериною и Полянскій посѣтилъ Италію. Можно предполагать, что въ путешествіи Полянскаго сильно занимало искусство, хотя

съ памятниками семьи Юшковой (родная сестра Полянскаго Надежда Ипатовна была за мужемъ за Юшковымъ; другая же сестра его за казанскимъ прокуроромъ Романовымъ. См. *Гротъ*, Держ. V, 350—351), говорится о нравственномъ *возрожденіи* покойнаго, послѣдовавшемъ 23-го ноября 1784 года и что всего житія его было 59 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и пять дней. Этотъ счетъ относится уже къ настоящей, человѣческой жизни. См. *Справочн. Лист.* города Казани 1867 г. № 91. По указанію Добрынина, Полянскому въ 1780 году было 38 лѣтъ (стр. 121), а принимая въ соображеніе надгробную надпись, можно приблизительно опредѣлить для рожденія его 1742 годъ, а для смерти 1800 или 1801 годы. Напрасно только авторъ статейки въ Справочн. Листкѣ (г. Ильминскій), котораго нельзя не поблагодарить за любопытное указаніе, повѣрилъ на слово, что Полянскій былъ ученикомъ Вольтера, и отсюда вывелъ ненужныя нравоученія.

[1]) *Voltaire*, Oeuvres complètes. Gotha, 1788, t. IV, p. 213 и тамъ же p. 162. 223, 261, 263, 267. Свѣдѣнія о сибирской службѣ Полянскаго находятся въ письмѣ Екатерины къ Вольтеру, не напечатанномъ ни въ одномъ сборникѣ ихъ корреспонденціи и только недавно изданномъ у насъ съ черновой рукописи. См. *Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.* Спб. 1874, т. XIII, стр. 123—124,

самъ онъ не былъ художникомъ. Это видно изъ того, что по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, въ концѣ 1772 года, онъ былъ назначенъ секретаремъ Академіи Художествъ. Вольтеръ такъ полюбилъ Полянскаго, что когда дошло до него ложное извѣстіе, что тотъ, по возвращеніи въ Россію, утонулъ въ Невѣ, онъ очень о немъ сокрушался и сильно жалѣлъ его, но Екатерина поспѣшила успокоить Вольтера.

Эта личная извѣстность Полянскаго Екатеринѣ, его умъ, его образованіе, превосходное знаніе языковъ французскаго и итальянскаго, на которыхъ онъ, по свидѣтельству современника, говорилъ какъ на родномъ, даръ слова и остроуміе, увлекательное и охватывающее общество, все это, казалось, должно было обѣщать Полянскому блестящую карьеру и на служебномъ поприщѣ, и въ жизни, и въ умственной дѣятельности. Но натура Полянскаго одарена была свойствами пылкими и страстными; своей воли онъ не умѣлъ сдерживать и это повело его къ такимъ столкновеніямъ житейскимъ, которыя испортили окончательно его будущность. Главную роль въ его судьбѣ играли женщины; увлеченіе ими погубило Полянскаго. По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, кромѣ исправленія должности секретаря академіи художествъ, Полянскій служилъ еще въ коммиссіи о составленіи законовъ, подъ начальствомъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, того самаго, который былъ начальникомъ и Державина, хорошо знакомаго Полянскому, какъ видно изъ переписки его съ казанскимъ директоромъ Кауницемъ. И тутъ остался слѣдъ его дѣятельности. По свидѣтельству человѣка, хорошо его знавшаго, Полянскому въ Екатерининскомъ учрежденіи о губерніяхъ принадлежитъ XXVI глава, заключающая въ себѣ статьи «о совѣстномъ судѣ» [1]). Въ 1777 или 1778 году увлеченіе женщиной въ Петербургѣ испортило его служебное положеніе. Онъ увезъ жену какого-то Демидова; городская полиція гналась за нимъ, а Полянскій вздумалъ отбиваться отъ нея оружіемъ. За это онъ былъ отданъ подъ судъ, и во время слѣдствія надъ нимъ, сидѣлъ подъ карауломъ въ Сенатѣ. Въ отвѣтахъ на вопросные пункты, предложенные ему генералъ-полицмейстеромъ, Полянскій увлекся до того, что въ оправданіе себя говорилъ чрезвычайно смѣло и, по выраженію современника, «дописался до вершины горъ, на которыхъ сами боги обитаютъ, творя подобная всѣмъ человѣкамъ [2]). По суду Сенатъ, нашедшій въ отвѣтахъ Полянскаго оскорбленіе государыни, опредѣлилъ отрубить ему руку, но Екатерина поступила

---

[1]) Записки *Добрынина*, стр. 134.
[2]) Тамъ же, стр. 135.

въ этомъ случаѣ великодушно; она цѣнила достоинства Полянскаго простила его и только посмѣялась надъ его увлеченіемъ. Продолжать однако службу въ Петербургѣ Полянскому было уже нельзя. Въ это время первый намѣстникъ Бѣлоруссіи графъ З. Г. Чернышевъ принялъ участіе въ судьбѣ его, говорилъ въ его пользу государынѣ и съ согласія ея помѣстилъ его совѣтникомъ въ только-что открытое Могилевское намѣстническое правленіе.

Служба Полянскаго, начавшаяся въ Могилевѣ въ 1778 году, продолжалась однако очень недолго и окончилась также крупнымъ скандаломъ, имѣвшимъ болѣе рѣшительное вліяніе на судьбу его, чѣмъ петербургское приключеніе. Въ Могилевѣ узналъ его Добрынинъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ, и въ своихъ запискахъ оставилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о немъ. Вмѣстѣ ѣздили они по губерніи и открывали новыя присутственныя мѣста по уѣзднымъ городамъ. Добрынина поражали свѣдѣнія Полянскаго, его знаніе дѣла и желаніе изучить новый край. Изъ его замѣтокъ видно, что въ Полянскомъ сильно было развито честолюбіе, страсть играть первую роль въ губерніи и, пользуясь своимъ положеніемъ, распоряжаться самовластно и рѣшительно, съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему тому, что окружало его и было въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ничтожно передъ нимъ. Это разумѣется возбудило общую и сильную вражду къ Полянскому, въ особенности между наѣхавшими въ новую губернію русскими чиновниками. Выходило, что Полянскій одинъ управлялъ губерніей. И въ умственномъ отношеніи онъ стоялъ гораздо выше всего окружавшаго его общества. Изъ словъ Добрынина, темныхъ и сдержанныхъ, по его собственному боязливому отношенію къ предмету, видно, что Полянскій завелъ тогда же въ Могилевѣ масонскую ложу [1]).

Въ концѣ 1780 года пылкій не по лѣтамъ Полянскій снова увлекся женщиною. Предметомъ его увлеченія была молодая жена стараго генерала, лютеранка по вѣроисповѣданію, открыто бросившая мужа для любовника. Полянскій хлопоталъ уже о разводѣ, дѣло близилось къ благопріятному концу, какъ вдругъ обиженный супругъ прибѣгнулъ къ грубому средству отмстить за свой позоръ. Однажды, изъ служебной поѣздки, Полянскаго привезли домой избитаго и едва живого: надъ нимъ сильно поработали руки наемныхъ негодяевъ. Судъ преслѣдовалъ ихъ и они не избѣгли потомъ законнаго наказанія, но Полянскому было отъ того не легче: нравственныя и тѣлесныя передряги отозвались сильно на его здоровьѣ; пораженный

---

[1]) Тамъ же, стр. 110.

параличомъ, онъ уже до конца жизни не могъ поправиться. Разводъ генеральши былъ между тѣмъ рѣшенъ законнымъ порядкомъ, Полянскій принужденъ былъ выйти въ отставку и вмѣстѣ съ нею уѣхать въ свои казанскія деревни (впослѣдствіи онъ женился на ней и имѣлъ двоихъ дѣтей).

Послѣ шумной, исполненной треволненій и разнообразныхъ умственныхъ впечатлѣній жизни, съ подорваннымъ навсегда здоровьемъ, Полянскій воротился на родину. Впрочемъ онъ не вдругъ разстался съ дѣятельною жизнью и нѣкоторое время служилъ еще совѣтникомъ въ казанскомъ намѣстническомъ правленіи, но служилъ не болѣе года. Болѣзни и годы, и, какъ кажется, смерть малолѣтнихъ дѣтей, отодвинули навсегда въ его воспоминаніяхъ блестящую по умственнымъ связямъ и отношеніямъ молодость. Мысль о смерти появлялась, какъ извѣстно, всегда и неотразимо на пирахъ нашихъ передовыхъ людей XVIII вѣка и способствовала радикальнымъ, нравственнымъ переворотамъ въ ихъ убѣжденіяхъ, въ ихъ взглядахъ на жизнь; переходъ изъ одной крайности въ другую не только былъ возможенъ, но даже неизбѣженъ. Мы замѣтили, что еще въ Могилевѣ Полянскій устраивалъ масонскую ложу; первые годы его отставки совпадали съ сильнымъ распространеніемъ въ Россіи идей московскаго Новиковскаго кружка. Русское масонство прошлаго вѣка, согласно условіямъ нашего общественнаго развитія, никогда не могло получить того дѣятельнаго характера, какой имѣло оно въ Западной Европѣ; все оно основывалось на личномъ чувствѣ, и для такихъ людей, къ какимъ принадлежалъ Полянскій, и въ его положеніи, оно легко переходило въ мистическій піэтизмъ. Блескъ и краски наноснаго образованія и даже непрочной, чужой науки постепенно стирались въ напорѣ жизни; старая славяно-византійская кожа выходила наружу и древнія семейныя преданія снова возникали для потрясенной души, только въ модномъ покровѣ масонства. Говорить, впрочемъ, о масонствѣ въ Казани, существовавшемъ, какъ видно изъ документовъ, еще въ 1778 году и о казанскихъ масонахъ, между которыми самымъ дѣятельнымъ представляется въ 1780 году И. Панаевъ [1]), можно только гадательно покуда, за неимѣніемъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ и основываясь единственно на неясныхъ преданіяхъ. И отъ Полянскаго, разумѣется, не дошло до насъ ни одной строчки; небрежно-тупое отношеніе къ нему потомковъ сказалось вполнѣ; нравственный міръ его покрытъ туманомъ. Но для насъ ясно только то, что піэтизмъ Полян-

---

[1]) Сочиненія *Ешевскаго*, III, 447.

скаго, доходившій до вѣры въ предчувствія и предсказанія [1]), былъ личнымъ выводомъ его изъ цѣлой жизни. Онъ жилъ въ деревнѣ, въ уединеніи; въ построенной имъ часовнѣ былъ поставленъ крестъ и гробъ: тамъ онъ на колѣняхъ, со слезами, подолгу и горячо молился; туда водилъ онъ маленькихъ дѣтей своихъ и указывалъ имъ на гробъ, какъ на цѣль жизни...

Свою библіотеку, которую онъ собралъ главнымъ образомъ во время путешествія за границей, Полянскій предоставилъ въ распоряженіе новой Казанской гимназіи,—еще при жизни своей, именно 26-го ноября 1798 года; при чемъ высказалъ желаніе, чтобы за это пожертвованіе воспитывался на казенномъ содержаніи одинъ ученикъ изъ казанскихъ дворянъ по назначенію его или его наслѣдниковъ. Книги эти переданы были гимназіи только въ 1800 году, уже кажется по смерти Полянскаго, сестрами его: Натальею Юшковой и Маѳѳою Романовой [2]), но изъ какого количества состояли эти книги и какого они были содержанія—намъ неизвѣстно, такъ какъ библіотека Полянскаго совершенно слилась съ библіотекою Потемкина и съ прежнею гимназическою. Яковкинъ называетъ, однако, эту библіотеку *важною* и изъ условія, поставленнаго Полянскимъ о воспитаніи за нее на казенный счетъ одного ученика можно вывести заключеніе о ея значеніи и цѣнности [3]). Что касается до стипендіата въ память Полянскому, то изъ дѣлъ видно, что въ 1805 году, по завѣщанію Полянскаго и по согласію его наслѣдниковъ, въ память его пожертвованія, поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ сынъ титулярнаго совѣтника Петръ Рудометовъ. Совѣтъ гимназіи ходатайствовалъ предъ попечителемъ о прибавленіи къ этой фамиліи его прозванія Полянскаго, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ гимназіи. Румовскій согласился на это только по отношенію къ Рудометову и въ послѣдующее время мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о стипендіатахъ съ прозваніемъ Полянскаго. Остался еще въ одномъ изъ нынѣ существующихъ университетскихъ кабинетовъ портретъ Полянскаго, въ копіи учителя рисованія Крюкова (отца извѣстнаго московскаго профессора). Оригиналъ портрета, писанный, какъ видно изъ надписи, въ 1777 году

---

[1]) См. анекдотъ о его смерти, переданный по казанскимъ разсказамъ *И. А. Второвымъ* въ отрывкѣ изъ записокъ его, *Губ. Вѣд.* 1843 г. № 50; тамъ же 1850 г. № 16, стр. 129—130.

[2]) *Владиміровъ*, Истор. Зап. I, 41.

[3]) Сперанскій, осматривавшій Казанскій университетъ, на пути своемъ въ Сибирь, въ первой половинѣ мая 1819 года, назвалъ въ дневникѣ своемъ библіотеку Полянскаго „небольшою". См. *Корфа* „Жизнь Сперанскаго", II, 190. По его словамъ и Потемкинская библіотека представляла только „остатки".

довольно извѣстнымъ датскимъ живописцемъ Дарбсомъ, славившимся сходствомъ своихъ портретовъ, безъ сомнѣнія, остался въ семействѣ Полянскаго и существуетъ ли въ настоящее время—намъ неизвѣстно. «На этомъ портретѣ Полянскій лѣтъ 30; лицо его открытое, довольно полное; тонкія черныя брови осѣняютъ выразительные большіе черные глаза; немного приподнятый носъ и тонкія, съ улыбкою сжатыя губы, придаютъ всей его физіономіи добродушно-насмѣшливое выраженіе. Онъ одѣтъ въ теплый голубой халатъ или въ легкую шубку; между полъ виднѣется растегнутый воротъ рубашки съ манжетами; на головѣ пудреный парикъ съ короткими кудрями» [1]). Въ числѣ пожертвованныхъ Полянскимъ вещей былъ и очень хорошій современный портретъ Вольтера, по преданію лично подаренный имъ казанскому путешественнику. Онъ тоже сохранился до сихъ поръ въ университетѣ.

Личность и похожденія Полянскаго отвлекли насъ отъ профессора Сторля и отъ труда его надъ библіотекою Казанскаго университета, но мы считали своимъ долгомъ помянуть на этихъ страницахъ, посвященныхъ его прошлому, рѣдкаго и замѣчательнаго Казанца, имя котораго нѣкоторымъ образомъ сливается съ судьбами мѣстнаго просвѣщенія. Что касается Сторля, то онъ очень скоро выполнилъ возложенное на него порученіе, чему много способствовало и незначительное количество книгъ; его каталоги, его раздѣленіе книгъ, его правила для пользованія библіотекою были безпрекословно одобрены Румовскимъ. Библіотечное дѣло было любимымъ дѣломъ Сторля и онъ предался ему съ полнымъ увлеченіемъ. Самъ онъ былъ человѣкъ тихій и скромный, не любившій споровъ въ совѣтѣ университетскомъ и не интересовавшійся вопросами о самоуправленіи, поднимаемыми въ немъ. За эти качества Сторль пользовался расположеніемъ самовластнаго Яковкина. Директоръ называлъ его обыкновенно «безпристрастнымъ, чистосердечнымъ и добродушнѣйшимъ» и ссылался на его мнѣнія въ письмахъ къ Румовскому. Подобно Фуксу, онъ старался удаляться отъ всякихъ служебныхъ тревогъ. Но мягкій характеръ, скромная личность и положительное незнаніе русскаго языка очень часто приводили его въ столкновеніе съ грубыми властями провинціальнаго города. Въ концѣ 1806 года, по Высочайшему указу Правительствующему Сенату, отъ 28-го ноября 1806 года, по случаю нашихъ европейскихъ войнъ въ то время, и въ Казани была открыта при городской шестигласной думѣ такъ называемая коммиссія для разбора

---

[1]) *А. И. Артемьевъ.* „Университетская библіотека". Губ. Вѣд. 1850 г. №, 16, стр. 129.

иностранцевъ, какъ изъ природныхъ французовъ, такъ и уроженцевъ изъ странъ, подъ властью французскаго правительства состоящихъ; послѣднихъ было довольно и въ гимназіи и въ университетѣ. Всѣ они должны были являться въ коммиссію и предъявлять свои паспорты и званія; многіе жаловались на дерзость и грубости частнаго пристава Потто, распоряжавшагося въ коммиссіи, но больше всѣхъ досталось Сторлю: по его собственнымъ словамъ «on l'avait traité comme un gueux, comme le dernier des garçons de métier». Яковкинъ принялъ къ сердцу жалобы Сторля и стойко хлопоталъ за права университетскихъ преподавателей передъ начальникомъ губерніи. Высочайшимъ манифестомъ того времени, кромѣ того, отъ всѣхъ иностранцевъ требовалась новая присяга на службу, въ томъ числѣ и отъ профессоровъ. Это произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. «Кажется, что всѣ они дадутъ оную безпрекословно на вѣчное россійское подданство, писалъ къ Румовскому Яковкинъ (18-го декабря, 1806 года), потому что, кромѣ профессоровъ Сторля, Фукса и адъюнкта Эвеста, прочихъ за долги не выпустятъ изъ Россіи. Казанскому аптекарю Зассу, какъ мнѣ извѣстно, г. Германъ долженъ болѣе 2000 р., Цеплинъ болѣе 1500, Бюнеманъ болѣе 500 руб.; а жалованье забираютъ тотчасъ при началѣ наступившаго мѣсяца». Въ другой разъ Сторль принесъ формальную жалобу по латыни университетскому начальству на полицію, которая нарушила его профессорскія права и поставила на квартиру въ домъ его проходившую военную команду [1]). Кромѣ занятій по библіотекѣ, (гдѣ помощникомъ его былъ студентъ—кандидатъ Кондыревъ, любимый ученикъ Яковкина, впослѣдствіи профессоръ), и чтенія лекцій, отъ Сторля не осталось никакихъ слѣдовъ научной дѣятельности. Какъ до Казани, такъ и въ ней, онъ ничего не печаталъ. Умеръ онъ въ началѣ 1813 года.

---

[1]) Приведемъ для курьеза эту жалобу, тѣмъ болѣе, что въ ней видѣнъ взглядъ полиціи на профессора: „Anni 1807 die 15 Januarii copiae equestres a finitimis Asiae provinciis venientes et ad exercitum proficiscentes Casanam intrarunt. Manus horum militum, a quodam officiciali politiæ (квартальный) ducti, in domicilium meum, ut noctem scilicet ibi transigerent, irruperunt. Dictus ille officialis, licet admonitus, hoc habitaculum a Professore conductum esse, januam culinæ vi effregit, et coqui mei caput baculo comminuisset, nisi ille fuga se subduxisset. Cui violentiæ officialis responsi loco ad commonitionem haec verba addidit: „et si Diabolus hic habitaret loci, ego Dominus atque Herus, ego volo et jubeo, hosce milites hic . . . . . et noctem hic transigere". Non ego urgeo Professoris dignitatem per hanc violentiam fuisse laesam, sed sacrum mandatum Augustissimi Imperatoris, quo sancivit, Professorum domicilia debere esse tuta, et nullo sub praetextu laedi.

На каѳедру естественной исторіи и ботаники, вакантную за смертью въ Перми профессора Протасова, въ сентябрѣ 1805 года назначенъ былъ докторъ медицины Карлъ Ѳедоровичъ *Фуксъ* (1779—1846 г.). Человѣкъ этотъ, служившій около тридцати лѣтъ Казанскому университету и слишкомъ сорокъ лѣтъ проведшій въ Казани, до сихъ поръ еще не умеръ въ памяти отживающаго поколѣнія ея жителей. Еще часто можно слышать отъ стариковъ характерные и любопытные разсказы объ этомъ человѣкѣ, любимомъ и уважаемомъ всѣми его знавшими. Въ умственной жизни Казани онъ и жена его, казанская уроженка Александра Андреевна Фуксъ, извѣстная въ мѣстной литературѣ многими стихотвореніями и сочиненіями, описывающими бытъ нѣкоторыхъ инородцевъ Казанской губерніи (въ сочиненіяхъ этихъ принималъ непосредственное участіе ея мужъ), въ теченіе многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ такой общій для всѣхъ, свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ тѣ въ Казани, для которыхъ почему либо дороги умственные интересы. Въ тѣ годы, когда жили и дѣйствовали оба супруга, привѣтливые центры въ родѣ ихъ дома были вполнѣ возможны; въ темной жизни провинціи они составляли отрадное явленіе. Въ настоящее время нѣтъ уже условій для ихъ существованія. Не говоря о значеніи самой, въ высшей степени привлекательной личности старика Фукса, при рѣчи о собраніяхъ въ его домѣ, не слѣдуетъ выпускать изъ виду исчезнувшихъ историческихъ условій общественной жизни. Послѣдняя въ ту пору не отличалась современною пестротою и разнообразіемъ; интересы ея были весьма односторонни и одноцвѣтны. Вопросы ума, литературы, искусства, во имя которыхъ собирались нѣкоторые лучшіе казанскіе люди въ домѣ Фуксовъ, были такого отвлеченнаго, идеальнаго, общаго свойства, уходили такъ далеко отъ жизни, что на ихъ нейтральной почвѣ легко могло происходить соединеніе личностей, различныхъ и по общественному положенію, и по средствамъ, и по возрасту, и по умственному развитію. Къ чисто отвлеченнымъ вопросамъ не примѣшивалось тогда вовсе отношенія къ жизни дѣйствительной, которое придаетъ имъ теперь жгучія свойства. Въ наше время въ провинціи соединеніе людей во имя безотносительныхъ, чистыхъ интересовъ поэзіи или просто во имя образованныхъ взглядовъ едва ли возможно (другое дѣло наука, но она едва только начинается у насъ, и собранія во имя ея носятъ пока только оффиціальный характеръ). Люди нашего времени, какимъ-нибудь чудомъ собравшіеся въ гостепріимный домъ Фукса, для чтенія стихотвореній и статей, разумѣется съ современнымъ, близкимъ къ живой и дѣйствительной жизни содержаніемъ, едва ли бы разошлись мирно и съ удовлетвореннымъ чувствомъ.

Ведя разсказъ о первыхъ годахъ университетской жизни, мы считаемъ не у мѣста говорить здѣсь ни о литературныхъ вечерахъ Фуксовъ, ни о содержаніи ихъ литературной дѣятельности. Все это относится къ значительно болѣе позднему времени, но конечно, не можетъ быть обойдено молчаніемъ на нашихъ страницахъ: съ дѣятельностью Фукса и его личностью намъ придется еще часто встрѣчаться.

Современный читатель, слыша теперь передаваемые разсказы о литературныхъ собраніяхъ въ домѣ Фуксовъ и о томъ, какъ иной разъ на нихъ присутствовало въ качествѣ слушателей и слушательницъ много лицъ изъ лучшаго общества казанскаго, очень ошибется, однако, полагая, что масса привлекалась участіемъ къ тѣмъ общимъ отвлеченнымъ интересамъ литературнымъ, о которыхъ мы говорили. Весьма только незначительное меньшинство привлекалъ самъ Фуксъ съ его развитіемъ научнымъ, съ богатымъ и разнообразнымъ, опытнымъ умомъ, съ обширными свѣдѣніями во всемъ, что только можетъ интересовать образованнаго человѣка, съ своею добродушно-хитрою и тонкою ироніею. Все это цѣнить могли немногіе, и цѣнили главнымъ образомъ люди заѣзжіе, особенно иностранные путешественники, искавшіе въ старикѣ Фуксѣ знатока мѣстнаго края. Съ другой стороны стихотворныя произведенія его супруги слушались вообще съ едва скрываемой насмѣшливой улыбкой; на ея поэмы смотрѣли, какъ на тщеславную слабость свѣтской женщины того времени. Случайный бракъ Фуксовъ, о которомъ сохранилось нѣсколько юмористическихъ преданій между старожилами, для такого профессора и ученаго, какъ Фуксъ, былъ mésaillance въ духовномъ отношеніи; мужу единственно жена была обязана, если не механизмомъ стиха, можетъ быть наслѣдственнымъ даромъ въ семьѣ Каменева, къ которой она принадлежала, то выборомъ и содержаніемъ своихъ поэмъ; безъ мужа г-жа Фуксъ едва ли бы могла выйдти изъ узкой сферы своей пошленькой провинціальной свѣтской жизни; ученый и профессоръ, на сколько могъ, старался возвысить ее до себя. Прежде и больше всего къ Фуксу привлекало его служеніе обществу; во имя его посѣщались и литературныя собранія въ его домѣ и посѣщались многими. Фуксъ былъ практическій врачъ, врачъ, какъ говорится между медиками, счастливый, почти единственный въ Казани, пользовавшійся популярностью не только между разноплеменнымъ ея населеніемъ, но и въ нѣсколькихъ окрестныхъ губерніяхъ. Имя Фукса, какъ врача, было извѣстно всей Казани и любимо во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Если въ богатомъ классѣ, слишкомъ дорожащемъ жизнью и ея благами, на Фукса смотрѣли, какъ Бога, раз-

давателя жизни и смерти, то посреди семей бѣдняковъ онъ являлся не только врачомъ тѣлесныхъ страданій, но и дѣйствительнымъ помощникомъ въ нуждѣ и горѣ. Душу полную любви и участія вносилъ Фуксъ въ жилища бѣдныхъ. При обширной своей практикѣ, при томъ всеобщемъ уваженіи, которымъ онъ пользовался за свое знаніе дѣла и дѣйствительное множество счастливыхъ случаевъ излѣченія, Фуксъ могъ бы нажить большое состояніе, но онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ и въ ту пору врачамъ безкорыстнымъ, не жалѣлъ для бѣдняковъ своего времени, и ту плату, которую онъ часто неохотно бралъ съ людей зажиточныхъ, раздавалъ людямъ неимущимъ. Слава врача практика окружила Фукса не вдругъ. Началась она въ концѣ 1812 года и двухъ послѣдующихъ, когда французское вторженіе принудило многихъ жителей среднихъ губерній переселиться въ Казань и въ ней сдѣлался сильный наплывъ народонаселенія, развившій заразительныя болѣзни; апогея своей славы достигъ Фуксъ въ холерную эпидемію 1830 года. Параличъ, поразившій его въ 1842 году, долженъ былъ по необходимости прекратить его ежедневные выѣзды по многочисленнымъ больнымъ, но остальные четыре года гораздо менѣе дѣятельной жизни ни сколько не умалили всеобщей любви къ нему городского населенія, большими массами и непритворнымъ горемъ окружившаго его гробъ.

Много условій, и общихъ, и чисто личныхъ, соединилось для того, чтобъ образовать изъ Фукса врача столь опытнаго, знающаго, глубоко понимающаго и внутреннюю натуру людей, и внѣшнія условія ихъ существованія. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, когда онъ писалъ свою докторскую диссертацію и разумѣется мечталъ о будущемъ своемъ призваніи, онъ выбралъ къ ней эпиграфомъ слова Гиппократа, что «врачъ есть мудрецъ богоподобный» [1]) и первымъ тезисомъ ея поставилъ, согласно съ общимъ направленіемъ того времени и своимъ личнымъ развитіемъ и образованіемъ, необходимость для медика изученія древнихъ литературъ, греческой и латинской [2]). Его молодость и университетскія занятія совпали съ временемъ развитія въ Германіи философскихъ идей Шеллинга о природѣ, которыми увлекалось все тогдашнее молодое поколѣніе и естествоиспытателей и медиковъ. До конца жизни, не смотря на богатство чисто опытнаго знанія, Фуксъ не забывалъ этихъ синтетическихъ увлеченій своей молодости и объединяющія идеи о

[1]) Ιατρὸς γαρ φιλόσοφος ἰσόθεος.

[2]) Studium litterarum Graecarum et Romanarum medicis perquam necessarium.

природѣ были всегда любимымъ предметомъ его разговоровъ [1]. Болѣе строгая и положительная школа извѣстнаго натуралиста Блуменбаха, который былъ въ числѣ профессоровъ Фукса въ Геттингенѣ, положила конецъ его увлеченіямъ философіей и образовала изъ него естествовѣда. Не даромъ онъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ былъ единственнымъ профессоромъ естественныхъ наукъ въ Казани. Какъ медикъ, онъ принадлежалъ еще къ той старой школѣ, которая требуетъ отъ врача всесторонняго изученія природы и природа была любимымъ предметомъ занятій Фукса до самыхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Онъ былъ неутомимымъ собирателемъ; богатыя собранія птицъ и насѣкомыхъ, его гербарій, на который онъ положилъ столько многолѣтняго труда, свидѣтельствовали о постоянномъ родѣ его занятій и о любви его къ природѣ. Пріобрѣтеніе чего-либо новаго для его собраній приводило Фукса въ полный восторгъ. Надобно присоединить къ этому знанію о природѣ и любви къ ней то широкое образованіе, которымъ отличался Фуксъ, его въ высшей степени развитой вкусъ, интересъ и пониманіе искусства. Солидное знаніе классическихъ языковъ составляло фонъ его образованія; русскимъ языкомъ, и въ разговорѣ и въ письмѣ, онъ владѣлъ черезъ нѣсколько лѣтъ своей службы также свободно, какъ и роднымъ, нѣмецкимъ; одинаково хорошо онъ зналъ языки французскій и англійскій. Это не было только простое, чисто практическое, навыкомъ пріобрѣтенное знаніе: Фуксъ былъ въ высшей степени литературно-образованный человѣкъ и ни одно, сколько-нибудь выходящее изъ ряда произведеніе литературное не было незнакомо ему. Въ Фуксѣ, кромѣ того, было рѣдкое свойство, довольно часто встрѣчающееся въ натурахъ европейскихъ ученыхъ, писателей, государственныхъ людей и почти невозможное въ русскихъ людяхъ, вслѣдствіе историческихъ условій нашей духовной жизни. Это свойство состояло въ томъ, что онъ учился и развивался до конца жизни, что онъ не останавливался на первыхъ ступеняхъ своего духовнаго и научнаго развитія и радостно, съ полнымъ сочувствіемъ, встрѣчалъ въ новомъ то, что имѣло историческое значеніе, право на существованіе. Отъ того добротою и ясностью душевною вѣяло отъ «незлобиваго» старика, казавшагося увлекательнымъ юношей; прелесть чарующаго слова, полнаго утѣшенія, при-

---

[1]) Пишущему эти строки, меньше чѣмъ за годъ до смерти Фукса, доводилось по счастливому случаю, лѣтомъ, проводить по нѣскольку часовъ въ день съ этимъ глубокопочтеннымъ старцемъ; разговоръ шелъ о Спинозѣ, о его построеніи вселенной, объ Океиѣ и Шеллингѣ. Затрудненная параличемъ рѣчь Фукса, мы помнимъ, проникалась юношескимъ одушевленіемъ и оставляла сильное впечатлѣніе.

носилъ онъ къ постели больного и конечно его привлекательная личность была главнымъ ингредіентомъ въ его медицинскихъ средствахъ. Правда «рецепты Фукса, по словамъ медика, хорошо его знавшаго въ послѣдніе годы, отзывались старыми школами Гофмана, Рихтера, Гуфеланда; но при помощи его практическаго ума, они доставляли ему обильные плоды» [1]). Въ его время спеціализація медицинскихъ знаній почти не существовала. «Слѣдствіемъ было то, что въ Казани не осталось почти ни одного семейства, ни одного дома, въ который бы когда нибудь не приглашали Фукса на помощь, въ которомъ когда нибудь не была его нога» [2]).

Всю свою довольно долгую жизнь Фуксъ учился и узнавалъ; при его широкомъ умѣ, при его глубокомъ первоначальномъ образованіи, ему легче доставался, чѣмъ другому, этотъ постоянный трудъ саморазвитія. Въ особенности превосходно зналъ Фуксъ мѣстный край и всѣ разнообразныя условія его. Владѣя довольно порядочно русскимъ языкомъ уже при самомъ вступленіи въ службу казанскаго профессора («Фуксъ надѣется, писалъ къ Румовскому рекомендовавшій его попечитель московскаго учебнаго округа и товарищъ министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьевъ, что скоро будетъ въ состояніи преподавать лекціи на россійскомъ языкѣ»), Фуксъ слѣдовательно имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи главное средство приносить пользу второму своему отечеству, какъ онъ обыкновенно называлъ Россію. Новый міръ, въ которомъ поселился Фуксъ, интересовалъ въ высшей степени его чуткую любознательность и скоро сдѣлался онъ знатокомъ его. Въ немногихъ и бѣдныхъ содержаніемъ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи Фукса, посвященныя изученію края, являлись лучшимъ ихъ украшеніемъ. Начавъ наблюденіями надъ климатическими условіями города и края, надъ температурою, онъ первый заговорилъ о состояніи общественнаго здоровья при этихъ условіяхъ, первый считалъ важнымъ дѣломъ медицинскую статистику и первый представилъ цифры въ этомъ отношеніи. Это прежде всего давало ему возможность хорошо познакомиться съ мѣстными болѣзнями и удачно лѣчить ихъ, а съ другой стороны указывало раціональный взглядъ Фукса на его медицинское призваніе. Его собственныя собранія, нами уже упомянутыя, естественныхъ произведеній почти всего поволжскаго края, собранія въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своихъ совершенно по-

---

[1]) Рѣчь профессора *Китера* у могилы К. Ѳ. Фукса. *Губ. Вѣд.* 1846 г. № 22, стр. 216.

[2]) Тамъ же.

гибнія отъ невѣжества тѣхъ, кому они достались, доказываютъ, какъ зналъ хорошо Фуксъ край и въ этомъ отношеніи. Различныя мелкія племена финскихъ инородцевъ и болѣе многочисленное, когда-то господствовавшее въ краѣ татарское населеніе, въ особенности сдѣлались предметомъ его наблюденій, изученія и литературной дѣятельности. Въ эту, повидимому совершенно чуждую его медицинскому призванію область, Фуксъ вносилъ пріемы европейской науки и то развитое, честное отношеніе къ предмету, какое отличало и его современника и соотечественника, извѣстнаго орьенталиста, профессора Казанскаго университета Френа. У того и другого, какъ у европейцевъ и людей науки, не было гордыхъ и самолюбивыхъ, иногда на личныхъ интересахъ основанныхъ притязаній, дѣйствовать практически на инородческія племена края. Знаменитая и исключительно научная теза его учителя Блуменбаха: «De generis humani varietate nativa» была главною его руководительницею. Все, что было написано Фуксомъ въ этнографическомъ отдѣлѣ его изученій, до сихъ поръ не утратило относительнаго значенія для спеціалистовъ, а иное, напр. то, что собралъ онъ о Татарахъ, которые охотно лѣчились у Фукса и сильно любили его, остается образцомъ. Втягиваясь понемногу въ казанскій инородческій міръ, Фуксъ отъ этнографическаго изученія его перешелъ къ историческому; пришлось знакомиться съ восточными языками, чтобъ разбирать восточныя преданія и надписи на восточныхъ монетахъ и медаляхъ, какъ на главныхъ источникахъ мѣстной исторіи. И вотъ въ кабинетѣ Фукса, рядомъ съ произведеніями трехъ царствъ природы, прибавилось собраніе восточныхъ монетъ (оно перешло посредствомъ покупки потомъ въ нумизматическій кабинетъ университета), а въ мѣстномъ періодическомъ изданіи появилась «Краткая исторія города Казани», остающаяся до сихъ поръ лучшею [1]), не смотря на то, что она имѣла двухъ продолжателей. Фуксъ является такимъ образомъ и археологомъ и историкомъ и этнографомъ и такимъ можно признать его конечно не «подъ великимъ штрафомъ». Кажется, что посреди увлеченія этимъ новымъ предметомъ любознательности, засталъ Фукса Сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій, посѣтившій Казань въ 1819 году, проѣздомъ къ мѣсту своего служебнаго назначенія. Сдѣлавъ визитъ Фуксу, онъ записалъ въ отрывочномъ дневникѣ своемъ: «Профессоръ одинъ, Фуксъ, чудо! Многообразность его познаній. Страсть

---

[1]) *Каз. Изв.* 1817 г. №№ 67, 68 и сл. Единственный, сколько намъ извѣстно, экземпляръ отдѣльнаго оттиска этого труда Фукса, находится у казанскаго книгопродавца З. П. Рязанова.

и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ Татарскомъ и Арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ. Большое его вліяніе на Татаръ по медицинѣ» [1]). Еще одну сторону слѣдуетъ вспомнить въ разнообразныхъ интересахъ чисто духовнаго свойства, занимавшихъ сильно Фукса и занимавшихъ въ то время, когда русскіе люди смотрѣли на предметъ или съ исключительно административной точки зрѣнія или враждебными глазами: мы говоримъ объ отношеніяхъ нашего образованнаго медика къ русскимъ раскольникамъ различныхъ сектъ. Какъ протестанта и человѣка вообще въ высшей степени чуткаго на все, заслуживающее изученія, Фукса интересовало религіозное состояніе народа, посреди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ; многочисленные казанскіе раскольники не могли уйти отъ его просвѣщеннаго вниманія. Фуксъ умѣлъ съ ними сближаться, совершенно по человѣчески изучалъ ихъ разномыслія въ вѣрѣ и они были довѣрчивы къ нему. Онъ собиралъ ихъ рукописи, старопечатныя книги, не имѣя никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ ученаго любопытства. Мало того: въ тѣ темные годы, когда раскольниковъ подозрительно преслѣдовали, Фуксъ былъ вѣроятно единственнымъ въ губерніи ходатаемъ за нихъ. Пользуясь уваженіемъ властей, онъ не разъ заступался за нихъ и помогалъ имъ, даже въ ихъ кровномъ дѣлѣ. Мы знаемъ это по лежащимъ передъ нами письмамъ Фукса. Это глубокое знаніе мѣстнаго края со всѣхъ сторонъ, это широкое образованіе и уваженіе, которымъ окруженъ былъ Фуксъ со стороны всего казанскаго населенія, дѣлали его такимъ человѣкомъ, къ которому обращались за справками и указаніями всѣ, кому нужно было узнать о краѣ въ какомъ либо отношеніи. Къ Фуксу первому спѣшили иностранцы и люди заѣзжіе, не смотря на различіе ихъ цѣлей и предметовъ изученія. Къ Фуксу обращались за свѣдѣніями и указаніями: и баронъ Гакстгаузенъ, изучавшій русскую сельскую общину, и Кастренъ, знакомившійся съ финскими инородцами, А. Гумбольдтъ и А. Пушкинъ. Почти въ каждой книжкѣ заѣзжаго въ Казань туриста, а такихъ было немало въ годы дѣятельности Фукса, можно найти описаніе его гостепріимнаго дома и сочувственный отзывъ о его привлекательной личности. Фактическія доказательства всему сказанному нами о Фуксѣ мы представимъ конечно въ своемъ мѣстѣ.

Фуксъ родился 6-го сентября 1779 года въ Нассаусскомъ княжествѣ, въ городѣ Герборнѣ. У отца его, имѣвшаго титулъ consiliarius supremus regis Hollandiæ, профессора богословія въ акаде-

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, II. 190.

міи роднаго города, было 21 человѣкъ дѣтей [1]). Первоначальное образованіе Фуксъ получилъ въ домѣ родительскомъ; онъ называетъ по именамъ своихъ учителей, приготовившихъ его къ поступленію въ Герборнское высшее училище въ 1793 году. Знакомый превосходно дома съ классическими языками древности, Фуксъ имѣлъ случай и здѣсь уже слушать лекціи по разнымъ медицинскимъ наукамъ, но болѣе полное знакомство съ ними онъ получилъ во время двухлѣтняго пребыванія своего въ Геттингенскомъ университетѣ. Очевидно однако, подъ вліяніемъ такого профессора, какимъ былъ Блуменбахъ, Фуксъ съ особенною любовью занялся антропологіей и естественными науками, а между послѣдними болѣе ботаникою, что доказывается и содержаніемъ перваго печатнаго труда его. Вернувшись въ 1798 году домой, онъ засталъ свою родину въ военномъ положеніи; пламя революціонной войны проникло уже туда [2]). Фуксъ отправился въ Марбургъ и напечаталъ свою диссертацію для полученія степени доктора медицины въ томъ же году. Диссертація эта имѣла предметомъ изложеніе содержанія дѣятельности и сочиненій одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ по части естественныхъ наукъ изъ вѣка Возрожденія — Андрея Цезальпинскаго [3]). Въ его ученой дѣятельности, согласно условіямъ времени, выражалось почти полное содержаніе научнаго движенія вѣка. Имя его, какъ натуралиста и философа (1519—1603), извѣстно въ исторіи новой европейской науки не только его объясненіемъ философской доктрины Аристотеля въ ея прямомъ древнемъ смыслѣ, но и борьбою, во имя ея, съ схоластикою и вообще съ темными и фантастическими научными представленіями среднихъ вѣковъ. Въ философіи Цезальпинъ является пламеннымъ борцомъ за освобожденіе духа и эта борьба чуть не привела его къ инквизиціонному трибуналу. Болѣе значенія еще соединяется съ именемъ Цезальпина въ области наукъ естественныхъ. Здѣсь стоялъ онъ на почвѣ опыта, на сколько былъ онъ возможенъ при тогдашнихъ недостаточныхъ средствахъ. Ему первому, до Гарвея, приписываютъ доказательства

---

[1]) Въ Казани Фуксъ напечаталъ tabula genealogica familiae Fuchsianae, въ которой доводилъ свой родъ до конца XVI вѣка и велъ его отъ какого-то барона Фукса, но самъ никогда, ни оффиціально, ни частно, не титуловалъ себя барономъ. Отецъ его умеръ въ 1823 году.

[2]) Nunc vero delatus Marburgum in Cattos, cum viderem in montibus patriæ Mavortem gravidum et Bellonam bellipotentam, in sinum placidarum Musarum me condidi. Neque enim in patria videre poteram milites, castra, proelia; neque audire turbas bellicas et barritum hostilem.

[3]) *Andreas Caesalpinus*. De cujus viri ingenio, doctrina et virtute etc. Marburgi in Cattis. 1798, 4⁰.

циркуляціи крови, по крайней мѣрѣ въ легкихъ, нѣсколькими опытами, хотя слова его и не совсѣмъ точны [1]). Но въ исторіи ботаники главнымъ образомъ заключается слава Цезальпина и на эту сторону ученыхъ его изслѣдованій обратилъ преимущественно вниманіе Фуксъ. Цезальпинъ положилъ болѣе точныя основанія этой наукѣ, критически разобравъ всѣ фантастическія средневѣковыя представленія о растеніяхъ, былъ первымъ классификаторомъ, primus verus systematicus, по словамъ Линнея, при чемъ основывался для системы или дѣленія растеній на условіяхъ, заключенныхъ въ сѣмени растенія [2]). Въ его сочиненіи де Plantis находятся зародыши анатоміи и физіологіи растеній и Цезальпинъ предчувствовалъ даже Линнеево открытіе пола въ растеніяхъ. Это главное направленіе трудовъ Цезальпина, усердно изучаемое Фуксомъ, имѣло, какъ кажется, вліяніе и на его собственныя научныя занятія: онъ полюбилъ ботанику, которою занимался еще прежде. Уже въ 1794 г. фотографическое общество въ Геттингенѣ выбрало Фукса въ свои члены и говорило о его трудахъ по составленію гербарія.

Намъ неизвѣстны тѣ причины, которыя заставили Фукса оставить родину и переселиться въ Россію, но уже въ 1800 году мы находимъ его въ Петербургѣ. Здѣсь занимается онъ нѣсколько времени частною практикою и не имѣетъ какъ кажется служебнаго положенія, хотя и есть неопредѣленное указаніе на то, что онъ былъ полковымъ врачомъ. Въ 1801 году Фуксъ путешествуетъ и довольно продолжительное время по Восточной Россіи, съ естественно-научными, преимущественно ботаническими цѣлями, но на какія средства—мы не могли разыскать. Изъ его небольшого Prodromus Floræ Rossicæ Cisuralensis, представленнаго Фуксомъ при его опредѣленіи въ Казанскій университетъ профессоромъ, можно сдѣлать заключеніе о тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ былъ. Въ 1804 г., какъ видно изъ формулярнаго списка, Фуксъ назначенъ былъ врачомъ при китайскомъ посольствѣ графа Головкина, но едва ли въ дѣйствительности онъ занималъ эту должность: по крайней мѣрѣ въ подробномъ спискѣ всѣхъ чиновъ и лицъ, составлявшихъ свиту графа Головкина, записанномъ Вигелемъ [3]), имени Фукса не встрѣчается и въ то время, когда посольство только что прибыло въ Иркутскъ, онъ уже находился въ Казани. Сюда назначенъ онъ былъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники 4 сентября 1805 года, когда онъ находился въ Петербургѣ.

---

[1]) См. *Уевелль*. Исторія индуктивныхъ наукъ; переводъ *М. Антоновича*. Спб. III. 514—515.

[2]) Тамъ же, III, 373—387.

[3]) Воспоминанія Вигеля. Часть 2. *Русск. Вѣстн.* т. L. стр. 562—572.

Фуксъ явился къ своей должности въ университетъ въ началѣ декабря 1805 года и тотчасъ же приступилъ къ чтенію своихъ лекцій по руководству учителя своего Блуменбаха [1]), обращая, впрочемъ главное вниманіе на ботаническія лекціи, въ програму которыхъ входили прогулки со студентами по полямъ для собиранія растеній. На этихъ прогулкахъ, лицомъ къ лицу съ природою, Фуксъ сблизился съ нѣкоторыми изъ студентовъ, болѣе другихъ подготовленными, умѣлъ внушить имъ любовь къ занятіямъ естественными науками, т.-е. къ собиранію разныхъ произведеній природы и къ изученію ихъ въ живыхъ экземплярахъ. И студенты полюбили его страстно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ увлекался предметомъ своихъ занятій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ любовь къ природѣ и ея красивымъ явленіямъ, подъ вліяніемъ лекцій и бесѣдъ Фукса, осталась до глубокой старости. Въ особенности, какъ это видно изъ живыхъ воспоминаній Аксакова, студентамъ понравилось собираніе бабочекъ, занятіе идущее и къ веснѣ природы и къ веснѣ жизни [2]). О микроскопѣ тогда еще никто не упоминалъ; но студенты полюбили природу и сдѣлались собирателями. Ихъ добыча, въ часы лѣтнихъ недалекихъ экскурсій, расположенная по системѣ Блуменбаха, играла роль на экзаменахъ. Такое направленіе осталось надолго между казанскими натуралистами; даже въ пятидесятыхъ годахъ были между ними страстные собиратели. Направленіе это дано было Фуксомъ и нѣкоторые изъ первыхъ, любимыхъ имъ студентовъ, сдѣлались потомъ преподавателями естественныхъ наукъ въ университетѣ, напр. Тимьянскій и Кайсаровъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, Фуксъ началъ и практиковать. Въ 1806 году, по представленію Яковкина, онъ былъ назначенъ врачомъ при гимназической больницѣ: «Доброта души его, тихій характеръ, многолѣтняя опытность при врачеваніи въ полкахъ (единственное указаніе на прежнюю практическую службу медика

---

[1]) Оно было переведено на русскій языкъ *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Теряевымъ*. Спб. 1796. 8⁰, почему Яковкинъ тотчасъ же распорядился выпискою 30 экземпляровъ этой книги для студентовъ. Обстоятельство это очень помогло студентамъ, потому что Фуксъ на первыхъ порахъ читалъ свои лекціи по французски. О книгѣ упоминаетъ и Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Сем. Хрон. стр. 399.

[2]) „Собираніе бабочекъ". Разсказъ изъ студенческой жизни. *Сем. Хрон.* стр. 397—454. Мы сами лично были свидѣтелями не разъ того неподдѣльнаго, хотя нѣсколько наивнаго восторга, которымъ весь проникался В. И. Панаевъ, бывшій студентъ Казанскаго университета, тогда уже сановникъ и статсъ-секретарь, лѣтомъ, въ белѣбѣевскихъ степяхъ, гдѣ онъ писалъ свои „Воспоминанія", если ему удавалось ловко подхватить сѣткою какого нибудь кавалера Подаліріуса или Махаона.

Фукса) достойны полнаго уваженія съ моей стороны»—писалъ директоръ Румовскому (17 іюля 1806 года). Эти свойства и полное безучастіе Фукса къ тѣмъ спорамъ о самоуправленіи, которые происходили въ совѣтѣ, сдѣлали Фукса любимцемъ Яковкина.

Какъ пособіе при преподаваніи ботаники, уже съ весны 1806 года, по желанію Фукса, стали разводить первый *ботаническій садъ* (другой, по упраздненіи перваго за недостаткомъ мѣста, уже въ позднѣйшіе годы, именно въ 1829 году, былъ разведенъ на купленномъ университетомъ мѣстѣ за городомъ). Яковкинъ, какъ строитель, весьма усердно хлопоталъ о немъ, стараясь все устроить экономически. Мѣсто для сада, парниковъ и небольшой теплички было выбрано въ такъ называемомъ *губернаторскомъ* саду (прилегавшемъ къ губернаторскому дому, рядомъ съ Тенищевскимъ, составившими главный корпусъ университета). Оно было расположено на югъ и юговостокъ, по склону горы (позади настоящихъ зданій физическаго кабинета, анатомическаго театра и астрономической обсерваторіи). Сады эти были обширны, запущены, и во время рекрутскихъ наборовъ служили обыкновенно мѣстомъ укрывательства для бѣглыхъ. По распоряженію Яковкина скоро все было приведено въ порядокъ и расчищено. «Бывшая дичь и пустыня походитъ теперь на нѣчто порядочное»,—писалъ онъ. Старыя, сухія деревья были вырублены, а насажено было много молодыхъ липокъ, «что дѣлаетъ особенную красу и строенію и гимназическому корпусу», писалъ Яковкинъ. Онъ желалъ положить ботаническому саду, «хотя малое, но твердое начало». Въ своихъ Маниловскихъ мечтахъ строителя, онъ полагалъ, что садъ этотъ «по сухости мѣста весною можетъ быть со временемъ, подлѣ университетскаго строенія, *булевардомъ* для гулянья цѣлому городу, потому что лучшаго мѣста для сего въ цѣлой Казани не сыщется, и былъ увѣренъ, что выбранное имъ и Фуксомъ мѣсто «совершенно на всегда свободно отъ перемѣнъ, долженствующихъ происходить на пространствѣ, университету предоставленномъ» (письмо 14 августа 1806 года), но ошибся въ своихъ предположеніяхъ (теперь это мѣсто снова сдѣлалось пустыремъ). Мы упомянули уже, какъ Яковкинъ выписывалъ изъ Перми для ботаническаго сада кедры, тополи и лиственницы; первые почти всѣ принялись. Графу Строганову, на судахъ котораго были привезены эти деревья изъ Пермской губерніи, совѣтъ выразилъ бумагою свою признательность. Сѣмена растеній Фуксъ выписывалъ на свой счетъ, покуда на первыхъ порахъ отъ знакомыхъ ему русскихъ ботаниковъ и садоводовъ: война мѣшала ему вести сношенія съ Германіею, о чемъ онъ сокрушался.

Въ октябрѣ того же 1805 года былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ *Фридрихъ Эвестъ* (по нѣмецки писался Evst), пріѣхавшій въ Казань одновременно съ Фуксомъ. Это былъ обрусѣвшій нѣмецъ, родные котораго давно жили въ Москвѣ. Учился онъ сначала дома, потомъ въ качествѣ аптекарскаго ученика въ московской аптекѣ Биндгейма, а въ 1794 году (Эвесту было тогда 17 лѣтъ), выдержавъ въ московской конторѣ медицинской коллегіи установленный экзаменъ изъ химіи и фармацевтики, снова поступилъ въ ту же аптеку, гдѣ и оставался до 1797 года. Желанье учиться медицинѣ заставило Эвеста бросить карьеру аптекаря и искать высшаго медицинскаго образованія. Въ томъ же 1797 году онъ записался въ университетскую гимназію, а на слѣдующій годъ поступилъ въ студенты Московскаго университета по врачебному отдѣленію. Его успѣхи и прилежаніе доказываются тѣмъ, что въ 1800 году онъ получилъ золотую медаль. На слѣдующій годъ, по окончаніи медицинскаго курса, Эвестъ отправленъ былъ для усовершенствованія въ медико-хирургическую академію, гдѣ оставался четыре года. Въ 1804 году, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, онъ ѣздилъ въ городъ Липецкъ для изслѣдованія тамошнихъ минеральныхъ водъ, пользовавшихся тогда большою извѣстностью. Латинская диссертація Эвеста о химическомъ составѣ этихъ водъ и о цѣлебномъ свойствѣ ихъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ [1]) доставила ему степень доктора медицины и вслѣдъ за тѣмъ, рекомендованный Муравьевымъ Румовскому, онъ былъ назначенъ въ Казань.

Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, какъ воспитанникъ Московскаго университета, Эвестъ читалъ и лекціи по русски. Это конечно могло принести пользу студентамъ, но преподаваніе его не выходило изъ обыкновеннаго ряда, тѣмъ болѣе, что у Эвеста, какъ адъюнкта, не было опредѣленнаго предмета. Онъ читалъ то общее обозрѣніе естественной исторіи и минералогію по Блуменбаху, то химію, по руководству Шерера [2]), занимаясь весьма часто повтореніемъ съ студентами пройденнаго и не имѣя подъ руками никакой лабораторіи, то наконецъ излагалъ materiam medicam.

Преподавательская дѣятельность Эвеста не оставила никакихъ слѣдовъ въ университетской жизни; онъ и служилъ не долго (Эвестъ умеръ 25 октября 1809 года). Есть свѣдѣнія, что онъ дѣлалъ химическія изслѣдованія казанскихъ водъ, что призналъ лучшія качества за водою озера Кабана, но за недостаткомъ химическихъ

---

[1]) Dissertatio inauguralis chemico-therapeutica de aquis martialibus Lipezkiensibus. Mosquae. 1805. 4°.

[2]) Руководство къ преподаванію химіи; соч. *Александра Шерера*; пер. съ нѣм. *Василій Джунковскій*. Часть I. Спб. 1808.

орудій, долженъ былъ, по словамъ Яковкина, во многомъ останавливаться и довольствоваться только mediis reagentibus. Зато имя его, какъ поводъ къ различнымъ спорнымъ дѣламъ въ совѣтѣ, въ первые два или три года существованія университета, встрѣчается безпрерывно. Особенное дѣло о такъ называемой *болѣзни адъюнкта Эвеста*, возбудившее чрезвычайное разногласіе между его сослуживцами, членами совѣта, вызвавшее между ними сильныя пререканія и надѣлавшее множество непріятностей Яковкину, по распоряженію Румовскаго было запечатано и сдано въ архивъ на храненіе въ такомъ таинственномъ видѣ. Носились темные слухи, что оно составляетъ позоръ университету и только такой изслѣдователь старины Казанскаго университета, какимъ былъ Магницкій, позволилъ себѣ распечатать дѣло Эвеста, но снова, приложивъ свои печати и сдѣлавъ собственноручную надпись, возвратилъ въ архивъ. Уже въ 60-хъ годахъ, когда въ Казани поблѣднѣла грозная память Магницкаго, снято было это запрещеніе и то, что было скрываемо съ такою осторожностью и таинственностью, оказалось довольно простымъ и естественнымъ дѣломъ, любопытнымъ теперь историку нравовъ стараго университета.

Не прошло и мѣсяца по пріѣздѣ Эвеста въ Казань, какъ онъ уже успѣлъ заслужить полное расположеніе къ себѣ всевластнаго директора. На одну изъ своихъ многочисленныхъ должностей, именно инспекторскую въ гимназіи, Яковкинъ уже въ январѣ 1806 года рекомендуетъ Румовскому Эвеста и пишетъ, что «имѣлъ время обстоятельно разсмотрѣть милой и тихой его характеръ и привязанность къ отрочеству». Эвестъ тотчасъ же былъ назначенъ инспекторомъ. Въ концѣ марта, по словамъ Яковкина, онъ *опять* заболѣлъ, но «по *принятымъ мною дѣятельнѣйшимъ мѣрамъ* болѣзнь его почти миновалась, такъ что дня чрезъ два онъ явится къ должности» (Яковкинъ ни слова не говоритъ о томъ, какою болѣзнію одержимъ Эвестъ). «Жаль только, прибавляетъ онъ въ томъ же письмѣ, что злонамѣренные празднолюбцы готовы толковать въ худую сторону и самыя не только невинныя, но и полнаго сострадания достойныя происшествія» (10 апрѣля, 1806 года). Такъ и случилось. Въ іюлѣ того же года вновь опредѣленный профессоръ медицины Каменскій, въ письмѣ своемъ къ попечителю, изображая печальное состояніе дѣлъ въ Казанскомъ университетѣ, безотчетно управляемомъ Яковкинымъ и жалуясь на его самовластіе, упоминалъ о тѣхъ лицахъ, которымъ онъ покровительствуетъ въ ущербъ лицамъ достойнымъ: «въ числѣ ихъ одинъ (Эвестъ), писалъ онъ, *обладаемый одною изъ сильнѣйшихъ страстей*, которая рѣдко можетъ быть скрытою и столь гласно обнаружилась предъ воспитан-

никами и цѣлымъ городомъ, получилъ первое мѣсто при гимназіи чрезъ ходатайство г. Яковкина, который обошелъ достойнѣйшихъ и уклонилъ вниманіе совѣта, дабы имѣть въ немъ человѣка совершенно себѣ потворствующаго». Это письмо Каменскаго, которое и попечитель и Яковкинъ называли и оффиціально и частно доносомъ, въ части, касавшейся страсти или болѣзни Эвеста, было передано Румовскимъ на разсмотрѣніе совѣта. Живя въ Петербургѣ и не имѣя средствъ лично удостовѣриться въ справедливости того, что писалъ Каменскій или можетъ быть не желая того и слѣпо довѣряя Яковкину, онъ поднялъ такимъ образомъ въ совѣтѣ дѣло чисто личнаго свойства и самъ явился возбудителемъ крайняго раздраженія его членовъ, всегда сопровождающаго вопросы личные. Для объясненія съ одной стороны характера болѣзни Эвеста достаточно привести отрывокъ изъ письма Румовскаго къ Яковкину, писаннаго уже послѣ того, какъ разсмотрѣніе болѣзни Эвеста поставило Яковкина лицомъ къ лицу съ его врагами. Въ это время онъ уже одолѣлъ ихъ и торжествовалъ, снова пользуясь довѣріемъ попечителя; Каменскій былъ даже уволенъ и явился въ Петербургъ для объясненій. «Онъ старался клятвою меня увѣрить, писалъ Румовскій, что г. Эвестъ въ самой вещи *держится хмельнаго*, даже до того, что и въ классахъ бываетъ пьяный, а Чекіевъ (учитель рисованія въ гимназіи, вытѣсненный Яковкинымъ изъ службы) увѣрялъ меня, что г. Эвестъ и на экзаменѣ единожды былъ пьянъ, но вы его отвели. Ежели г. Эвестъ въ самой вещи таковъ, что со временемъ должно открыться, то скажите ему, чтобы постарался исправиться; инако и его также судьба постигнетъ». Румовскій какъ видно, если не увѣрился, то по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ истину, но не смотря на все это, продолжалъ слѣпо довѣряться Яковкину: онъ руководствовался тою извѣстною логикою, что необходимо поддержать авторитетъ власти, даже въ ущербъ справедливости.

Былъ ли Эвестъ дѣйствительно обладаемъ страстью пьянства и Яковкинъ скрывалъ этотъ порокъ, невозможный въ инспекторѣ гимназіи, изъ чувства личной пріязни къ Эвесту, или онъ смотрѣлъ на пьянство Эвеста глазами добродушнаго русскаго человѣка, вѣками привыкшаго къ этому пороку и нисколько имъ не возмущающагося, какъ могъ возмущаться Каменскій, человѣкъ молодой и рьяный, относившійся къ жизни и службѣ болѣе требовательно,— изъ дѣла вовсе не видно. Но Яковкинъ употребилъ всѣ средства, всю свою житейскую ловкость и изворотливость, канцелярское умѣнье отписываться, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобъ отстоять Эвеста и ему это удалось. Онъ то выставлялъ Каменскаго наглымъ и дерзкимъ честолюбцемъ, который употребляетъ всѣ усилія, чтобъ

подкопаться подъ него и самому сдѣлаться директоромъ гимназіи, то тѣмъ обстоятельствомъ, что оба, и Каменскій и Эвестъ—медики-практики, и что доноситель руководствуется завистью и личною злобою, такъ какъ на консиліумахъ у больныхъ въ городѣ «мнѣнія Каменскаго находимы были несообразными», а выбираемы были или Фуксовы или Эвестовы. Онъ утверждалъ, что въ Эвестѣ нѣтъ никакой сильной страсти и ее не замѣчалъ никто и никогда. Все объяснялъ онъ самыми мелкими, грязными мотивами, и чтобъ уронить Каменскаго въ мнѣніи попечителя, старался бросить тѣнь и на прежнюю его службу въ Москвѣ и Петербургѣ «въ разсужденіи его нравовъ». Въ своемъ длинномъ рапортѣ попечителю (21 августа 1806 года, № 91), онъ сильно вступается за Эвеста и выставляетъ его вполнѣ достойнымъ человѣкомъ. «Г. Эвестъ усерднымъ своимъ трудной сей должности исполненіемъ, ревностію къ служенію, благороднымъ обращеніемъ съ образуемымъ юношествомъ и скромнымъ своимъ характеромъ успѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе, что всѣ въ гимназіи и университетѣ его знающіе не преминутъ письменно утвердить, если благоугодно будетъ Вашему Превосходительству учинить по сему дѣлу хотя бы то поголовный спросъ». Чтобы представить болѣзнь Эвеста совершенно естественною, Яковкинъ разсказываетъ оффиціально цѣлую исторію. «Въ исходѣ марта г. Эвестъ долженъ былъ перемѣститься съ одной квартиры на другую, для чего доставилъ я ему и нужныя пособія, какъ то лошадей и людей, но заботливость его, какъ хозяина, побуждала его самого стоять по долгому времени съ открытою головою во время тогдашней снѣжной и холодной погоды, какъ мнѣ тогда же посланные мои сказывали. Чрезъ день по перемѣщеніи, бывши онъ въ банѣ, не только много употреблялъ холодной воды, по привычкѣ своей, но еще изъ хвастовства, вышедъ изъ бани лежалъ въ снѣгу. Черезъ четыре дня потомъ, получивъ извѣстіе о приключившейся ему болѣзни, долгомъ моимъ почелъ я по сочеловѣчеству и начальству, навѣстить его, и нашелъ его въ такомъ состояніи, въ какомъ обыкновенно бываютъ люди въ сильной горячкѣ, то есть съ лицомъ судорожнымъ, глазами красными, взоромъ дикимъ, говорящаго съ крайнимъ жаромъ весьма сбивчиво и отрывисто на всѣхъ ему извѣстныхъ языкахъ и людей едва узнающаго, такъ что и меня узнать едва могъ». Далѣе идетъ цѣлая исторія болѣзни, повтореніе припадковъ и перечисленіе врачебныхъ средствъ, принятыхъ Фуксомъ. Подробности и патріархальны и любопытны. Въ заключеніе Яковкинъ требуетъ настоящаго слѣдствія, которое бы доказало справедливость его словъ и вѣрность служебной присягѣ.

Румовскій предписалъ разсмотрѣть обвиненіе взведенное Каменскимъ на Эвеста въ совѣтѣ. Каждый изъ членовъ представилъ свое письменное на латинскомъ языкѣ мнѣніе о болѣзни Эвеста, но ни одинъ однакоже не рѣшился прямо обвинить его въ запойномъ порокѣ, такъ что сущность болѣзни Эвеста нисколько не выяснилась. При этомъ, такъ какъ въ протоколы засѣданія записывалось очень многое, по требованію предсѣдателя и самихъ членовъ, личности и ссоры между ними достигли крайняго раздраженія. Цѣлыхъ пять продолжительныхъ совѣтскихъ засѣданій посвящено было разбору этого страннаго дѣла и Яковкинъ имѣлъ основаніе жаловаться, что тогда всѣ прочія дѣла по гимназіи и университету остановились. Большинство держалось мнѣнія Фукса, что болѣзнь Эвеста есть «febris callida, произведшая послѣ maniam» [1]); прочіе, какъ не медики, высказывали самыя неопредѣленныя мнѣнія. Нельзя не согласиться съ словами самого Эвеста, доктора медицины, что товарищи его по службѣ рѣшились эту болѣзнь его, по его собственнымъ словамъ «для самого его тяжкую и непонятную» истолковывать совершенно несправедливо. Вообще, какъ кажется, съ Эвестомъ происходило по временамъ какое то психическое разстройство, на которое при тогдашнихъ жалкихъ врачебныхъ силахъ въ Казани, взглянули слишкомъ поверхностно или черезъ чуръ просто. Очень можетъ быть, что Эвестъ прибѣгалъ и къ неумѣренному употребленію вина. Причина нравственнаго и душевнаго разстройства Эвеста коренилась, какъ можно догадываться, въ его печальныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. Это можно заключить изъ его собственнаго чистосердечнаго разсказа на латинскомъ языкѣ, historia morbi, который находится въ дѣлѣ [2]). Въ концѣ 1807 года самъ Яковкинъ долженъ былъ доносить попечителю о «домашнихъ фамильныхъ неустройствахъ, сварахъ и раздорахъ въ семействѣ адъюнкта Эвеста», которыя причиняютъ безпокойство живущимъ вмѣстѣ съ нимъ въ казенномъ Бурнаевскомъ домѣ и «могутъ наносить

---

[1]) Самъ Каменскій называлъ болѣзнь Эвеста mania pathematica и ссылался для ея опредѣленія на сочиненія Мих. Сагара, Боазье и Пинеля. Но изъ этого опредѣленія все таки ничего не выходило, „nam cum locutus sit *de quodam affectu*, справедливо полагалъ одинъ изъ членовъ совѣта, nec adparet de quo, nec de quo summo affectus cujusdam gradu“.

[2]) Tristis idea juris sacri matrimonialis laesi ab innocentissima uxore affligebat lugentem tanquam factum verum. Me invito, licet nulli rationi inniteretur idea haec omnes alias supprimens, timidum societatem hominum fugere cogebat Summam solummodo impendebam attentionem in ea, quæ agebantur ab uxore, frustra omni opera studente satisfacere vel morosissimis postulatis meis...

также нареканіе университету». Яковкинъ, въ качествѣ начальника безполезно хлопоталъ: «совѣты, увѣщанія, примиренія, выговоры, угрозы все было съ моей стороны употребляемо для возстановленія домашняго спокойствія». По его содѣйствію Эвестъ далъ даже женѣ увольнительное письмо для свободнаго проживанія, обязавшись на содержаніе ея давать ей половину жалованья. Не смотря на это мужъ и жена сходились нѣсколько разъ и, вслѣдъ за соединеніемъ ихъ снова начинались безпорядки, сильно озабочивавшіе директора. Не помогали ни выговоры, ни угрозы донести попечителю. Въ концѣ 1807 года, въ виду неурядицъ семейной жизни, Эвестъ хотѣлъ уже выйдти совсѣмъ въ отставку и уѣхать изъ Казани, но остался однако и провелъ еще около двухъ лѣтъ на службѣ. На лекціи онъ ходилъ рѣдко, засѣданія совѣтскія часто пропускалъ, болѣзнь его повторялась не разъ и наконецъ свела въ могилу. Мы бы не упомянули о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, еслибъ они не занимали городское общество, жадное вообще до скандаловъ въ университетской жизни, не возбуждали бы переписки и сужденій въ совѣтѣ, не озабочивали попечителя и директора, который по своему личному характеру и по характеру власти того времени, считалъ своею обязанностью вмѣшиваться въ семейную жизнь членовъ университета и гордился тѣмъ, что и въ этомъ случаѣ «съ его стороны не упущено ни что, чего только требовали отъ него совѣсть, человѣчество и христіанство». Онъ видѣлъ однако, что теряетъ служба и что заботы его напрасны. «Жаль обширныхъ знаній и доброты души Эвеста, прибавляетъ онъ; но обязанность всего превыше».

Преподаваніе россійской словесности студентамъ, въ особенности какъ упражненіе въ ней, Яковкинъ считалъ необходимымъ. Онъ представлялъ о томъ нѣсколько разъ Румовскому и тотъ съ своей стороны пріискивалъ подходящаго *чиновника для россійской словесности*, какъ выражались они. Наличными силами, находящимися въ Казани, считали невозможнымъ обойтись. Преподаватель русскаго языка въ гимназіи Н. М. Ибрагимовъ, имѣвшій одинаковыя права на адъюнктство съ своими товарищами по Московскому университету и сослуживцами: Карташевскимъ, Запольскимъ и Левицкимъ, преподаватель даровитый и умѣвшій возбуждать въ ученикахъ горячую привязанность къ своему предмету и къ себѣ, не былъ однако назначенъ адъюнктомъ. Это его оскорбляло. Русская словестность временно поручена была Левицкому, но нѣкоторые студенты, особенно тѣ, которымъ Ибрагимовъ умѣлъ внушить любовь къ практическимъ словеснымъ упражненіямъ, продолжали хо-

дить къ нему въ гимназическій классъ. Ибрагимовъ и самъ добивался мѣста въ университетѣ; съ этою цѣлью онъ представилъ по начальству на разсмотрѣніе составленную имъ «Славено-россійскую грамматику» и хлопоталъ о ея напечатаніи. Главное Правленіе Училищъ препроводило ее для разбора въ Россійскую Академію, но послѣдняя не занялась ею и даже не возвратила ее. Составилъ Ибрагимовъ, шедшій вообще впередъ и принадлежавшій къ поклонникамъ Карамзина, и реторику, но мѣста въ университетѣ не получилъ. Яковкинъ, какъ видно изъ всего, очень любилъ Ибрагимова, принималъ въ немъ живое сердечное участіе и цѣнилъ его дарованія (въ печати осталось отъ него нѣсколько стиховъ), но не могъ или не хотѣлъ подвинуть его впередъ. Причины этого заключались въ нѣсколько разгульной жизни Ибрагимова и можетъ быть въ остромъ языкѣ его, котораго всѣ боялись. Въ сентябрѣ 1806 года Ибрагимовъ «воспріялъ, по милости Господнѣй, благонамѣреніе сочетаться бракомъ съ Ѳедорою, дочерью покойнаго пресвитера и духовника Данкова» [1]). Сообщая объ этомъ событіи Румовскому, Яковкинъ пишетъ, что отвелъ Ибрагимову двѣ комнаты надъ своею квартирою, «съ тѣмъ дабы новобрачныхъ имѣть къ себѣ поближе для присмотру за ихъ жизнію. Удостойте Ваше Превосходительство великодушно простить сему моему дерзновенію, имѣющему цѣлію

---

[1]) Пресвитеръ *Гавріилъ Данковъ*, воспитанникъ Невской семинаріи, извѣстенъ нѣкоторыми переводами съ латинскаго въ осмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка (см. Филарета, Обзоръ духовн. литерат. II, 168); потомъ былъ въ теченіе двадцати лѣтъ священникомъ при нашей миссіи въ Берлинѣ и наконецъ четыре года духовникомъ Великой Княгини Елены Павловны. По кончинѣ ея, узнавъ изъ газетъ, что мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ Казанской гимназіи вакантно, Данковъ обратился къ Румовскому съ прошеніемъ о немъ и былъ опредѣленъ въ концѣ 1804 года. Румовскій разсчитывалъ на него, какъ на профессора богословія въ будущемъ университетѣ. Данковъ былъ человѣкъ образованный, знакомый по видимому съ состояніемъ науки въ Германіи. „Затрудняется токмо въ выборѣ книги, по которой бы могъ преподавать лекціи, писалъ Румовскій къ министру народнаго просвѣщенія; говорилъ мнѣ о лучшихъ въ Нѣмецкой землѣ изданныхъ богословіяхъ, но я ему совѣтовалъ, для избѣжанія неудовольствія Св. Синода, взять за основаніе богословію преосвященнаго Платона, а чего въ ней недостаетъ заимствовать изъ иностранныхъ" (представленіе 9-го декабря 1804 г. № 295). Въ февралѣ 1805 года Данковъ пріѣхалъ въ Казань, былъ членомъ совѣта и принималъ участіе въ первыхъ его засѣданіяхъ по основаніи университета, но въ началѣ августа умеръ. Яковкинъ принялъ самое живое участіе въ его семействѣ, далъ вдовѣ казенную квартиру, помѣстилъ сыновей, почти не знавшихъ по русски, на казенный счетъ въ гимназію, а дочь Ѳедору выдалъ за Ибрагимова. Двѣ каѳедры: 1) богословіи догматической и нравоучительной и 2) толкованія Священнаго Писанія и церковной исторіи, положенныя уставомъ 1804 года, не скоро еще были замѣщены

своею благо общественное. Отъ Ибрагимова надѣюсь я много добраго, а особливо отъ женатаго, какъ *долженствующаго остепениться*». Но надежды Яковкина на исправленіе Ибрагимова не оправдались.

Въ ноябрѣ 1806 года пріѣхалъ наконецъ въ Казань только что назначенный адъюнктъ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка (такъ называлась тогда каѳедра) Григорій Николаевичъ *Городчаниновъ*, впослѣдствіи ординарный профессоръ, долго служившій въ Казанскомъ университетѣ, опредѣлившій вслѣдствіе своего оффиціальнаго положенія на много лѣтъ направленіе мѣстной литературной дѣятельности, хотя самъ онъ, ни по таланту, ни по научнымъ свѣдѣніямъ, не принадлежалъ къ числу выдающихся людей въ университетѣ. Слишкомъ осмидесяти лѣтъ, живя давно въ отставкѣ въ Казани, Городчаниновъ умеръ въ 1852 году (22 декабря), совершенно забытый и тогдашнимъ университетомъ и цѣлымъ обществомъ города, которое интересовалось развѣ только смѣшными сторонами въ личности и характерѣ этого мѣстнаго профессора «элоквенціи». Впрочемъ забвеніе Городчанинова было совершенно естественно и понятно. Не смотря на то, что во время своего служенія университету, Городчаниновъ писалъ довольно много стиховъ, преимущественно одъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли прямое отношеніе къ казанскимъ событіямъ, не смотря на свое положеніе профессора, которое обязывало его не останавливаться и идти впередъ, не смотря на быстрые успѣхи русской литературы, онъ остался неподвижно на той же точкѣ развитія, на которой стоялъ, когда пріѣхалъ въ Казань и съ тѣми же самыми эстетическими и историко-литературными убѣжденіями, которыя онъ вынесъ изъ школы. Это была натура совершенно не похожая на живую натуру старика Фукса. Риторъ, для котораго Карамзинъ былъ страшнымъ нововводителемъ, шишковистъ по убѣжденіямъ, Городчаниновъ не развивался дальше. При первомъ своемъ появленіи на каѳедрѣ, Городчаниновъ произвелъ невыгодное впечатлѣніе на своихъ слушателей, судя по воспоминаніямъ Аксакова, вѣрность которыхъ намъ уже не разъ случалось подтверждать. Даже для мало приготовленныхъ студентовъ 1805 года это былъ «человѣкъ бездарный и отсталый», считавшій опаснымъ писателемъ Карамзина и остановившійся на формахъ Ломоносовскаго періода русской литературы [1]). Филологическаго образованія у Городчанинова не было никакого; вопросы языка интересовали его только со стороны слога. Проходило время; содержаніе русской литературы расширялось вмѣстѣ съ развитіемъ

[1]) Сем. Хрон. и Воспом. стр. 388—389.

русскаго общества; формы смѣнялись однѣ другими, а для Городчанинова какъ бы не существовало ни этой жизни, ни этого развитія. Только попечительство Магницкаго, который очень благоволилъ, какъ мы увидимъ, къ Городчанинову, наложило окончательно печать на направленіе его литературной дѣятельности и на содержаніе его стиховъ и переводовъ. Городчаниновъ сдѣлался жаркимъ проповѣдникомъ идей и плановъ своего начальника, которые онъ распространялъ въ своихъ рѣчахъ и стихахъ. Назидательное, почти богословское содержаніе проникло въ прозу и стихи Городчанинова. Прежній тяжкій, хотя и невольный грѣхъ перевода Рейналя былъ искупленъ теперь передъ грознымъ начальникомъ переводами изъ Фенелона и Трюблета и это направленіе осталось у Городчанинова до конца жизни [1]). Въ послѣдніе годы свои Городчаниновъ погрузился весь въ старческій піэтизмъ и примѣнялъ его къ произведеніямъ русской литературы. Онъ остановился на знаменитой одѣ Державина «Богъ» и толковалъ ея выраженія то Евангеліемъ, то акаѳистами [2]). Къ счастью Городчаниновъ былъ человѣкъ робкій, слабохарактерный; эти свойства не давали ему возможности имѣть большое вліяніе на дѣла университета, а вѣчная риторика и надутыя оды возбуждали невольную улыбку. Не разъ смѣшныя стороны старика проникали и въ столичную печать; Арзамасцы смѣялись надъ его стихами и привязанностью къ Шишкову, смѣялись особенно надъ его примѣчаніями, которыми онъ снабдилъ стихотворный переводъ L'art poètique Боало, сдѣланный графомъ Хвостовымъ. Полевой въ «Телеграфѣ» отзывался о немъ съ ироніей. И Городчаниновъ умеръ, забытый всѣми [3]).

---

[1]) Уже въ отставкѣ, Городчаниновъ собралъ во второй разъ свои произведенія въ одно цѣлое: „Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ“ Каз. 1831. 8°. 552 стр. Онъ посвятилъ это собраніе митрополиту Кіевскому Евгенію, „незабвенному своему на поприщѣ ученыхъ трудовъ, мудрыми совѣтами и наставленіями отъ давнихъ лѣтъ руководителю“. Большая часть этой книги наполнена статьями, заслужившими полное одобреніе Магницкаго, вызванными имъ. С. Т. Аксаковъ, пропустившій, въ качествѣ цензора, эту книгу въ печать, могъ теперь черезъ 25 лѣтъ, познакомиться съ *новымъ* направленіемъ своего стараго учителя (см. рецензію *Полеваго* въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1831 г. ч. XLIII, № 22, стр. 241—243). Послѣ того Городчаниновъ напечаталъ еще: „Историко-критическій взглядъ на философію. Переводъ съ французскаго“. Каз. 1832. 8°, 55 стр. Это былъ оффиціальный взглядъ Магницкаго.

[2]) См. переписку Городчанинова съ Шишковымъ въ журналѣ *Маякъ соврем. просв. и образованія* 1842 г. т. III, кн. 5. и 1843 г. т. IX, кн. 18 (въ Смѣси) и „Записки, мнѣнія и переписка адмирала *А. С. Шишкова*“. Прага. 1870. т. II. стр. 27 и 438—439.

[3]) См. некрологъ его въ *Губ. Вѣдом.* 1853 г. №№ 34 и 36.

Къ Румовскому Городчаниновъ обратился самъ. Заботы о здоровьи кажется были главною причиною, почему онъ вздумалъ переѣхать въ Казань и оставить петербургскую службу. Въ литературѣ Городчаниновъ имѣлъ уже тогда довольно извѣстное имя: оно стояло въ «Новомъ словарѣ россійскихъ писателей» (Евгенія, тогда епископа Старорусскаго, викарія Новгородской митрополіи, впослѣдствіи митрополита [1]) и Городчанинову не нужно было никакихъ рекомендацій, чтобъ получить мѣсто адъюнкта въ Казанскомъ университетѣ.

Городчаниновъ родился въ 1772 году въ городѣ Балахнѣ, Нижегородской губерніи [2]) и происходилъ изъ мѣщанской семьи. Первоначально учился онъ въ Нижегородской духовной семинаріи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ концѣ 1797 года. Никакихъ подробностей о его университетской жизни намъ неизвѣстно [3]). До поступленія своего на службу, Город-

---

[1]) Словарь этотъ первоначально печатался въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія" (1804—1806 г.); издателями его были: графъ Д. И. Хвостовъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ и графъ Салтыковъ. Евгеній сталъ печатать свой словарь въ 1805 году, съ первой книжки, и продолжалъ до конца 1806 года, когда журналъ прекратился (послѣдняя біографія была Ивана Кирилова). Потомъ словарь въ цѣломъ видѣ былъ изданъ Погодинымъ. М. 1845 г. 2 ч. Краткое упоминаніе имени Городчанинова въ немъ было отчасти плодомъ дружбы къ нему Евгенія: „Вчера дописался и до вашего имени, сообщаетъ онъ Городчанинову изъ Новгорода (22 сентября 1805 г.). Прошу прислать мнѣ записку о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и мѣстѣ вашего рожденія, воспитанія, наукъ и пр. и пр. А списокъ вашихъ сочиненій есть у меня, вами привезенный. *Надобно вставить и друга въ цехъ писцовъ русскихъ*"... Подробной біографіи своей Городчаниновъ, не прислалъ однако, какъ ни просилъ о томъ Евгеній. „И вы въ цеху"—пишетъ онъ къ нему по напечатаніи свѣдѣній о немъ. См. *Сборн. стат. отдѣл. Русск. яз. и слов.* т. V, вып. I. стр 15.

[2]) „О Мининъ! гражданинъ родной моей страны,
Почтенной древностью, мнѣ милой Балахны"...

См. стихотвореніе „Къ гражданину города Балахны, Минину". Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Гр. Городчанинова. Каз. 1816. стр. 39. Въ стихотвореніи „Надгробіе моему родителю" (Сочин. и перев. изд. 1831 г. стр. 543), Городчаниновъ называетъ отца своего *купцомъ балахонскимъ* (по мѣстному выраженію—вмѣсто *балахнинскій*) и благодаритъ его за образованіе. Онъ, по словамъ его, былъ первымъ его *руководителемъ къ наукамъ*, не принуждалъ его къ торговлѣ („данный мнѣ талантъ въ товарахъ не зарылъ") и, „презирая мнѣніе непросвѣщенныхъ", доставилъ ему возможность образовать себя.

[3]) Его университетскій дипломъ долженъ находиться въ почтовомъ вѣдомствѣ, откуда поступилъ онъ на службу въ Казань. Едва ли вѣрно показаніе преосвященнаго Макарія, который получилъ списокъ писемъ митрополита Евгенія отъ сына Городчанинова въ Новгородѣ, что Евгеній и Городчаниновъ сдружились между собою въ то время, когда Евгеній, ученикъ Славяно-Греко-Латинской академіи, слушалъ лекціи нѣкоторыхъ

чаниновъ является уже литераторомъ и первое его сочиненіе было «Добродѣтельный богачъ, нравоучительная повѣсть»; М. 1791. (по указанію м. Евгенія). Нѣсколько, вѣроятно первыхъ стихотвореній его, было помѣщено въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» (1794 и 1795 г.). Въ 1797 году, по окончаніи курса, Городчаниновъ поступилъ на службу въ главное почтовое управленіе гдѣ имѣлъ званіе переводчика и дослужился въ 1804 году до чина коллежскаго асессора. Здѣсь начальникомъ его былъ извѣстный Д. М. Трощинскій, дѣлецъ Екатерининскаго времени, враждебно относившійся къ реформамъ въ царствованіе Александра, котораго Городчаниновъ называлъ своимъ благодѣтелемъ. Онъ рекомендовалъ подчиненнаго лично министру народнаго просвѣщенія. Служба въ почтовомъ вѣдомствѣ не мѣшала Городчанинову заниматься литературою и онъ писалъ стихи, большею частію оды, печаталъ комедіи и переводы, съ тѣмъ направленіемъ и содержаніемъ, какія существовали въ нашей словесности до Карамзина. Вліяніе послѣдняго нисколько не коснулось Городчанинова. Изъ такихъ сочиненій и переводовъ, извѣстныхъ намъ только по библіографическимъ указателямъ, назовемъ еще слѣдующія: 1) *Кукла Лизанькѣ* (это была единственная дочь Городчанинова отъ перваго брака), драматическое дѣйствіе для дѣтей; Спб. 1799 г.; 2) *Ренальдъ*, въ 12 пѣсняхъ, подражаніе Тассу; перев. съ франц. 3 части; Спб. 1799 г.; 3) *Митрофанушка въ отставкѣ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ; М. 1800. Наконецъ въ 1805 году появился первый томъ перевода Городчанинова извѣстнаго сочиненія аббата Рейналя: «Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи Европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ». Переводъ, съ портретомъ автора и картою, былъ изданъ по Высочай-

---

профессоровъ Московскаго университета „вмѣстѣ съ студентомъ Городчаниновымъ“ (Ж. М. Н. П. 1857 г. т. XCIV, Отд. VII, стр. 2). Это показаніе Макарія повторилъ и И. И. Срезневскій (Сборн. ст. V. I. стр. 5). Евгеній былъ пятью годами старше Городчанинова и уже въ 1788 году былъ въ Воронежѣ (*Н. С. Тихонравова*: „Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ“. въ Русск. Вѣстн. 1869 г. т. LXXXI, 25), когда тотъ еще не могъ поступить въ университетъ. Дружба ихъ, основанная на любви къ словесности, безъ сомнѣнія началась въ Петербургѣ и не раньше того времени, когда Болховитиновъ, овдовѣвъ, пошелъ въ монахи и въ 1800 году назначенъ былъ префектомъ Александро-Невской академіи. Письма Евгенія начинаются съ 1804 года, когда Евгеній уѣхалъ въ Новгородъ и прекращаются только за пять дней до его смерти, въ 1837 году. Числомъ ихъ 140. Списокъ ихъ находился у преосвященнаго Макарія и И. И. Срезневскаго. Къ сожалѣнію первый напечаталъ изъ нихъ только 32 письма (Ж. М. Н. П. XCIV. Отд. VII, стр. 1—23), а второй только отрывки. Писемъ самого Городчанинова вѣроятно не существуетъ.

шему повелѣнію; посвященъ онъ переводчикомъ Императору Александру и напечатанъ на счетъ кабинета только въ количествѣ трехъ сотъ экземпляровъ. (До 1811 года издано было 6 частей, изъ которыхъ переводъ шестой принадлежалъ В. Анастасевичу). Второе изданіе появилось гораздо позже (Спб. 1834—1835. 6 ч., уже безъ посвященія Императору [1]). По какимъ связямъ и отношеніямъ Городчаниновъ былъ переводчикомъ этой замѣчательной книги, идеи которой можетъ быть отчасти раздѣлялись молодымъ Императоромъ Александромъ и его ближайшими совѣтниками,—намъ неизвѣстно, но выборъ книги былъ указанъ переводчику и за свой трудъ онъ получилъ награду. Книга аббата Рейналя, одного изъ самыхъ ярыхъ и отважныхъ проповѣдниковъ просвѣтительнаго вѣка, потомъ, при началѣ революціи, сдѣлавшагося ея противникомъ и реакціонеромъ, принадлежала къ числу вліятельныхъ книгъ прошлаго вѣка и разомъ составила громкую славу сочинителю. Рейналь сдѣлался вдругъ великимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ къ кружку энциклопедистовъ въ Парижѣ, былъ друженъ почти со всѣми ими, раздѣлялъ ихъ идеи. Мысль самаго сочиненія возникла тамъ же. Книга эта была орудіемъ борьбы того времени. Рейналь задумалъ представить исторію европейскихъ колоній въ Америкѣ и Восточной Индіи съ конца XVI вѣка и вліяніе ихъ на Европу, ея политику, торговлю, общественное богатство и вообще развитіе въ ней цивилизаціи. Для фактической стороны такого сочиненія у Рейналя не было ни знаній, ни наукн, ни достаточныхъ матеріаловъ, ни даже времени собрать ихъ. Зато книга вполнѣ проникнута страстной полемикой времени и тогдашній читатель поглощалъ съ жаромъ страницы, исполненныя пламенныхъ выходокъ противъ всего, что называли тогда предразсудками среднихъ вѣковъ. Рейналь точно стоитъ на трибунѣ и декламируетъ съ нея, поучая правителей и народы. Это даже не его собственный трудъ, а компиляція друзей его, которыхъ убѣжденія онъ раздѣлялъ: цѣлыя страницы въ книгѣ написаны Дидро, Д'Ольбахомъ и многими другими. Второе изданіе, нѣсколько расширенное новыми документами, которые Рейналь собиралъ между тѣмъ, явилось въ 1780 году и выдержало сильное преслѣдованіе: по опредѣленію парижскаго парламента оно было сожжено рукою палача, а авторъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. За ея предѣлами онъ явился страдальцемъ за свои убѣжденія и былъ окруженъ почетомъ; и Екатерина приняла его съ уваженіемъ въ Петербургѣ. Таковъ былъ авторъ и его книга, которую пору-

---

[1]) См. объ этомъ *Полторацкаго*: „Матеріалы для словаря Русскихъ писателей" въ Русск. Вѣстн. т. XVIII. Совр. Лѣт. стр. 194—196.

чили перевести Городчанинову, какъ оффиціальному переводчику въ вѣдомствѣ почтъ. По собственному выбору онъ не взялся бы за эту книгу. Взглядовъ и убѣжденій Рейналя Городчаниновъ никогда не раздѣлялъ, а потому весьма любопытенъ фактъ появленія русскаго перевода по Высочайшему повелѣнію. Впрочемъ, говоря словами тогдашняго критика, «сочиненіе Рейналя благоразуміемъ цензуры и самого г. русскаго переводчика во многихъ мѣстахъ получило иной видъ, не измѣнивъ (?) впрочемъ ни красотъ подлинника, ни исторической истины» [1]).

Кажется, что Городчаниновъ, занимаясь службою, переводами, стихами и чисто литературными произведеніями, вовсе не думалъ объ ученой карьерѣ и о возможности явиться преподавателемъ на университетской каѳедрѣ. Мы имѣемъ основаніе думать, что первая мысль о профессорствѣ внушена ему была его ученымъ другомъ Евгеніемъ. Этотъ человѣкъ, какъ видно искренно любившій Городчанинова, переѣхалъ въ 1804 году викарнымъ епископомъ въ Новгородъ. Здѣсь, окруженный историческою, столь дорогою для него стариною, онъ съ особенною любовью занялся своими учеными изслѣдованіями. Это былъ самый блестящій періодъ его литературной дѣятельности. Оставшійся въ Петербургѣ Городчаниновъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку и доставлялъ Евгенію то книги, то разныя свѣдѣнія и факты, нужные особенно для печатавшагося тогда его словаря писателей. Евгеній безпрестанно проситъ его то поразвѣдать, то справиться относительно русскихъ писателей и ихъ сочиненій. Эти порученія продолжались потомъ и въ Казани. Интересы такого свойства мало по малу охватывали Городчанинова. Не имѣя подъ руками полнаго собранія писемъ Евгенія къ Городчанинову (они и печатались только въ отрывкахъ, служащихъ разумѣется къ характеристикѣ перваго) и ни одного изъ писемъ Городчанинова, мы не можемъ сказать утвердительно, что мысль о профессорствѣ внушена ему была Евгеніемъ. Можетъ быть тому способствовали и семейныя обстоятельства. Въ 1805 году онъ овдовѣлъ; дочь свою отдалъ къ роднымъ жены и остался, по выраженію Евгенія, «одинокимъ монахомъ и сущимъ философомъ». Евгеній даетъ ему жизненные совѣты и, выхваляя холостую жизнь, которая по словамъ его, «есть блаженство противъ жизни женатой», вовсе не годящейся для философовъ, говоритъ ему: «только ведите жизнь періодическую и не будьте праздны. Вотъ секретъ не скучать уединеніемъ». Евгеній радъ, что сердце его друга успокаивается въ объятіяхъ философской жизни. Въ особенности любопытны совѣты

---

[1]) *Мартыновъ* въ журналѣ „Лицей“ 1806 г. Іюль, ч. 3, стр. 55.

Евгенія остерегаться «убійственнаго хмельнаго газу», которые Городчаниновъ частенько забывалъ потомъ въ Казани. Эти совѣты «даны въ напутствіе отъ искренняго сердца,—пишетъ Евгеній. Помните, что вы должны беречь здоровье не для одного себя. Есть еще на свѣтѣ pars aliquota tui—Лизушка, которая имѣетъ полное право на вашу жизнь» [1]). Евгеній и потомъ принималъ живое участіе въ этой дочери Городчанинова.

Какъ мало былъ приготовленъ къ своему служенію въ университетѣ Городчаниновъ, видно изъ того, что написавъ письмо къ Румовскому объ опредѣленіи въ Казань, въ августѣ 1806 года, онъ тогда только обратился къ Евгенію съ просьбою рекомендовать ему разныя сочиненія для своего подготовленія. «Вы опять спрашиваете о книгахъ, нужныхъ для профессора словесности, отвѣчаетъ онъ (6 сентября): сами вы живете въ морѣ книгъ и не нагнетесь ощупью выбрать. Такъ и быть рекомендую вамъ слѣдующія книги, какія при первомъ воображеніи впали на память: 1. Реторика Блерова, 2. 3. Реторика и логика Рижскаго, 4. Логика Кондильяка, 5. Ролленевъ способъ словесныхъ наукъ, 6. Мейснерова теорія изящныхъ наукъ и искусствъ, книга необходимая (Мейснера купите въ Москвѣ, когда будете. Онъ только нынѣшняго года напечатанъ съ примѣчаніями переводчика. Переводъ лучше оригинала, который писанъ на нѣмецкомъ). И этого довольно для правилъ. А примѣры? Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Измайловъ и журналы (Евгеній въ литературныхъ вкусахъ былъ вообще развитѣе своего друга). Что впредь вспомню, увѣдомлю» [2]). Такимъ образомъ Городчанинову въ теоріи приходилось начинать съ начала: онъ былъ съ нею незнакомъ.

Какъ образчикъ своихъ будущихъ занятій со студентами, Городчаниновъ представилъ Румовскому «Опытъ риторическаго разбора одной строфы изъ торжественной оды г-на Ломоносова», съ эпиграфомъ изъ Квинтиліана, въ которомъ заключалось опредѣленіе и всей его будущей профессорской дѣятельности въ Казани: «Ритора должность собственная есть та, чтобы подать слушателямъ свѣдѣніе о красотахъ, находящихся въ рѣчи, да и о самыхъ порокахъ, если случатся въ оной» [3]). И этотъ эпиграфъ и свой взглядъ на

---

[1]) *И. И. Срезневскій*, „Воспоминаніе о научной дѣятельности митрополита Евгенія“. Сборн. Ст. V. 1, 49—50.

[2]) Тамъ же, стр. 54.

[3]) Потомъ онъ помѣстилъ этотъ отрывокъ въ своей книгѣ „Опытъ краткаго руководства къ эстетическому разбору по части Россійской словесности, въ пользу и употребленіе обучающагося въ Казанскомъ учебномъ округѣ юношества“. Каз. 1813. 8°. стр. 31—37. Вся эта книжка Городчанинова,

обязанности профессора словесности Городчаниновъ заимствовалъ у Ролленя, слова котораго были всегда для него руководительными: «Толкованіе писателей есть одна изъ самыхъ нужныхъ частей риторики и можно сказать, въ нѣкоромъ смыслѣ, что она въ себѣ заключаетъ всѣ прочія. Въ самомъ дѣлѣ, толкуя писателей, учитель дѣлаетъ примѣненіе правилъ и научаетъ молодыхъ людей употреблять оныя въ сочиненіи» [1]). Это была теорія словесности. Что же касается до практики, т. е. до тѣхъ образцовъ, на которыхъ повѣрялась теорія, то Городчаниновъ, какъ мы сказали, стоялъ еще передъ формами и образами до-Карамзинской эпохи. Шишковъ, его убѣжденія и взгляды, высказанные въ знаменитой книгѣ его, возбудившей полемику послѣдователей Карамзина, былъ его главнымъ авторитетомъ. «Теперь я до начатія надлежащаго курса понемногу знакомлюсь въ своемъ классѣ съ юными питомцами музъ, писалъ онъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Казань попечителю (6 дек. 1806 года), и предварительно бесѣдую съ ними о красотѣ и величіи славенскаго языка, руководствуясь для примѣровъ превосходнымъ сочиненіемъ *О старомъ и новомъ слогѣ*, дабы ввѣренная удобренію моему земля могла принести сообразные желанію и попеченію Вашего Превосходительства труды». И впослѣдствіи онъ совѣтовалъ студентамъ чаще читать книгу Шишкова: «Превосходная классическая книга! говоритъ онъ. Особливо совѣтую гг. студентамъ трудиться въ преложеніи нѣкоторыхъ псалмовъ, какъ-то дѣлали знаменитые наши стихотворцы Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Николевъ и пр.» [2]). Впрочемъ онъ уступалъ и новымъ образцамъ въ томъ случаѣ, когда они подходили къ его старой теоріи. Такъ разбиралъ онъ на лекціяхъ «Рѣчь Холмскаго къ Новгородцамъ»—Карамзина, хотя Евгеній и не одобрилъ этого выбора: «Лучше бы для классическаго разбора взять Ломоносова слово похвальное Петру Великому. А у Карамзина тутъ одни только обороты мыслей, но для учениковъ мало словеснаго краснорѣчія». Какъ руководство для своихъ лекцій Городчаниновъ выставлялъ постоянно книгу Блера [3]), а для лекцій о церковномъ краснорѣчіи—Шишкова. Въ 1807 году, по смерти адъюнкта Левицкаго, читалъ онъ и фило-

---

своимъ содержаніемъ и источниками изъ которыхъ она заимствована, указываетъ, что Городчаниновъ воспользовался вполнѣ совѣтами друга о книгахъ, нужныхъ для профессора словесности.

[1]) Ролленъ: „Способъ, которымъ можно учить и обучаться словеснымъ наукамъ". Перев. съ франц. *Ив. Крюковъ.* 8 ч. Спб. 1769. 8°. См. ч. III, гл. 3. „О чтеніи и толкованіи писателей".

[2]) Опытъ кратк. руков. стр. 48—49.

[3]) Опытъ риторики; перев. съ англ. Спб. 1791.

софію, именно нравственную часть ея, по руководству Баумейстера. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Городчанинова въ Казани была рѣчь его, читанная въ собраніи университета 30 августа 1807 года: «Разсужденіе о дѣйствіи просвѣщенія на разумъ и сердце» [1]). Какъ видно изъ заглавія, въ неи не могло быть ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и риторики. Предметъ разсужденія: «представить мысленному взору слушателей всю великость Монаршихъ къ намъ щедротъ въ краткомъ изслѣдованіи того, какимъ образомъ просвѣщеніе дѣйствуетъ на разумъ и сердце, слѣдовательно и на благополучіе человѣка»—былъ слишкомъ общаго свойства, чтобъ можно было сказать о немъ на печатномъ листѣ что-либо не выходящее изъ области фразъ. Евгеній былъ недоволенъ выборомъ предмета для рѣчи: «Чтó бы взять что нибудь для диссертаціи и поближе къ своей словесности» [2]). Евгеній умственно преобладалъ надъ своимъ другомъ; не разъ давалъ онъ Городчанинову и темы и совѣты для ученыхъ сочиненій, но не былъ въ состояніи вывести его изъ безплодной области риторической.

Сначала Городчаниновъ былъ очень доволенъ своимъ переѣздомъ въ Казань. Этотъ городъ онъ выбралъ для службы поблизости къ роднымъ своимъ, жившимъ въ Балахнѣ. Съ ними онъ не видался 22 года и прожилъ, по дорогѣ, у нихъ цѣлый мѣсяцъ. Илья Ѳедоровичъ помѣстилъ его въ покойной казенной квартирѣ, окружилъ попеченіями, снабдилъ наставленіями. Но не прошло однако и двухъ мѣсяцовъ по пріѣздѣ въ Казань, какъ Городчаниновъ въ письмахъ къ знакомымъ въ Петербургѣ и къ Румовскому сталъ жаловаться на свои болѣзни, усиливающіяся отъ казанскаго климата и серьезно помышлялъ о перемѣнѣ мѣста службы. «Сколько я доволенъ ко мнѣ благосклонностью г. директора Ильи Ѳедоровича Яковкина, человѣка почтенія достойнѣйшаго сколько радуюсь, находя отмѣнное къ слушанію моихъ лекцій усердіе въ гг. студентахъ, писалъ онъ къ Румовскому (28 января 1807 г.), столько здѣшній климатъ не благопріятствуетъ моему здоровью, само по себѣ, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, слабому. Дорога, хотя нѣсколько движеніемъ поправила оное; но онъ и то испортилъ. Въ двумѣсячное мое здѣсь пребываніе всіо сижу дома и лѣчусь и худѣю: по увѣренію здѣшнихъ жителей и самыхъ врачей, здѣсь весна и осень для слабаго моего сложенія могутъ быть бѣдственны и я предчувствую, что мнѣ этого не вынести». Городчаниновъ подалъ въ отставку. Между тѣмъ открылось мѣсто директора гимназіи въ Пензѣ и Город-

---

[1]) Спб., въ типографіи Шнора. 1808.

[2]) Сборн. стат. V, I, стр. 54.

чаниновъ началъ хлопотать о переводѣ туда, считая климатъ Пензы для своего здоровья благопріятнѣйшимъ.

Ни попечителю, ни Яковкину не хотѣлось разстаться съ Городчаниновымъ: ихъ пугала затруднительность найти на его мѣсто другого словесника. Между тѣмъ подъ жалобами на казанскій климатъ скрывалось недовольство Городчанинова своимъ адъюнктскимъ положеніемъ, печальною ролью, которую онъ игралъ въ совѣтѣ, какъ сторонникъ Яковкина и можетъ быть недовѣріе къ директору. Яковкинъ видѣлъ въ этихъ жалобахъ только «мнительность», усиленную смертью Левицкаго; даже другъ его Евгеній бранилъ Городчанинова за «ипохондрическую меланхолію», представлявшую казанскую природу въ превратномъ видѣ. Просьба объ отставкѣ была уже послана въ Петербургъ, мѣсто директорское въ Пензѣ замѣщено и Городчаниновъ передумалъ. Кажется, его успокоили тѣмъ, что поручили ему чтеніе философіи, за лишній окладъ. Совѣту пришлось дѣлать представленіе попечителю о желаніи Городчанинова продолжать службу и объяснять прежнюю просьбу его объ отставкѣ тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству Фукса, «страдалъ сильными припадками хипохондріи, отъ которой теперь, будучи совершенно свободенъ, принялъ сверхъ настоящей своей должности на себя занимать классъ философіи». Вотъ что писалъ объ этомъ эпизодѣ первоначальной службы Городчанинова Яковкинъ къ Румовскому: «Теперь совѣтъ ожидаетъ начальственнаго вашего разрѣшенія на учиненное отъ него представленіе, да и самъ г. Городчаниновъ, выздоровѣвши увидѣлъ, что бросился въ воду, не измѣривъ броду: и потому до полученія разрѣшенія его участи, рѣшился жертвовать своими знаніями и способностями университету безмездно, не имѣя ни желанія, ни охоты разстаться съ возстановляемыми его здоровьемъ и совѣта спокойствіемъ, да также (позвольте предъ моимъ Богомъ и начальникомъ сказать необиновенно) и со мною, когда онъ меня, разсмотрѣвъ короче, полюбилъ сердечно. Дружбою его, усердіемъ къ службѣ, тихимъ и постояннымъ характеромъ всякой можетъ быть доволенъ, хотя и все подъ небесами измѣняется» (2 апрѣля 1807 года).

Не долго однако и на этотъ разъ прослужилъ Городчаниновъ въ Казанскомъ университетѣ. Мысль о званіи экстраординарнаго профессора не давала ему покоя; такъ или иначе онъ хотѣлъ получить это званіе. Вѣроятно онъ сообщалъ о томъ Евгенію. «Желаю поскорѣе поздравить васъ экстра-профессоромъ,—писалъ—Евгеній, о чемъ, думаю, не упустите увѣдомить меня [1]). Въ началѣ 1808 года

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1857 г., т. XCIV. Отд. VII, 4.

Городчаниновъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ. Въ февралѣ, основываясь на ласковомъ пріемѣ министра, онъ подалъ тамъ просьбу Румовскому, въ которой, выставляя труды свои по преподаванію философіи (съ февраля 1807 года) и свои знанія по этой части, просилъ переименовать себя въ профессоры экстраординарные. До сихъ поръ всѣ университетскія званія давались лицамъ по усмотрѣнію начальства. Университетъ еще не былъ открытъ; выборовъ въ немъ не происходило никакихъ. «Право удостоенія въ высшія университетскія званія, писалъ Яковкинъ, неминуемо должно зависѣть единственно отъ мудрости, справедливости и благоволенія Его Превосходительства г. Попечителя и кавалера». На этотъ разъ попечитель какъ бы вспомнилъ впервые объ уставѣ и его § 36 [1]), такъ какъ на каѳедру философіи уже былъ опредѣленъ профессоръ Фойгтъ и предписалъ совѣту, ссылаясь на свое отсутствіе и незнакомство съ трудами и преподаваніемъ Городчанинова, поступить по указанному § и дать свое мнѣніе о томъ, заслуживаетъ ли Городчаниновъ званія профессора экстраординарнаго? Это было первое примѣненіе устава въ Казанскомъ университетѣ. Балотированія впрочемъ не происходило и мнѣніе каждаго члена совѣта было представлено попечителю отдѣльно. Всѣ единогласно отрицали въ Городчаниновѣ знаніе философіи, даже самъ осторожный Фуксъ, выражая свое убѣжденіе въ заслугахъ Городчанинова по россійской словесности, сомнѣвался въ его философскихъ познаніяхъ, достоинства которыхъ совершенно неизвѣстны въ публикѣ, а Сторль прямо заявилъ, что когда Городчаниновъ уѣзжалъ изъ Казани, то былъ не въ своемъ умѣ (signa indubia mentis conturbatae dederit). Въ особенности неблагопріятно было для Городчанинова мнѣніе вліятельнаго директора. Онъ указывалъ на то, что Городчаниновъ читалъ по Баумейстеру только нравственную философію и ту не кончилъ въ теченіе года «по частымъ своимъ болѣзненнымъ припадкамъ», что сочиненій по философіи онъ не представилъ никакихъ и проч. Искатель не получилъ желаемаго званія экстраординарнаго профессора и оскорбленный невыгоднымъ заключеніемъ о немъ совѣта, подалъ въ отставку. Уволенный отъ службы въ мартѣ 1808 года, Городчаниновъ тогда же получилъ мѣсто библіотекаря въ

---

[1]) Въ немъ говорится: „Четырехъ изъ двѣнадцати адъюнктовъ, трудолюбіемъ предъ прочими отличившихся и знаніе свое преподаваніемъ курсовъ и сочиненіями доказавшихъ, Совѣтъ по предложенію Ректора балотированіемъ удостоиваетъ въ экстраординарные профессоры, и когда они по представленію Попечителя въ званіи семъ Министромъ народнаго просвѣщенія утверждены будутъ, тогда по разсмотрѣнію Попечителя получаютъ прибавку въ жалованьѣ какую дозволитъ сдѣлать экономическая сумма“.

московскомъ отдѣленіи Медико-хирургической академіи и исправлялъ въ немъ должность ученаго секретаря до декабря 1810 года, когда снова опредѣленъ министромъ въ Казанскій университетъ на каѳедру россійской словесности уже экстраординарнымъ профессоромъ. Въ послѣдующемъ разсказѣ нашемъ мы снова встрѣтимся съ Городчаниновымъ.

Въ концѣ 1805 года совѣтъ гимназіи, разсуждая о нуждахъ постепенно возрастающаго числа членовъ университета, замѣтилъ, что «здоровье каждаго можетъ быть подвержено разнымъ болѣзнямъ» и что университетъ «по сіе время не имѣетъ достойнаго и опытнаго между своими сочленами врача, который бы, какъ сотрудникъ, поставлялъ особенною своею обязанностію пецися о сохраненіи здоровья и всевозможномъ вспомоществованіи въ приключающихся университета членамъ болѣзняхъ, а особливо, что опытомъ уже дознано, что климатъ Казани подвергаетъ въ извѣстныя времена жителей труднымъ, тяжкимъ и продолжительнымъ хроническимъ болѣзнямъ, содѣлывающимся опасными отъ опущенія въ надлежащее время потребныхъ мѣръ, и что находящіеся въ Казани врачи, каждый обязанъ будучи собственною своею должностью, не могутъ себѣ вмѣнять въ обязанность врачевать членовъ университета такъ какъ бы къ тому въ особенности по совѣсти своей обязанъ былъ сочленъ онаго [1])». Это разсужденіе побудило совѣтъ ходатайствовать предъ попечителемъ «о дарованіи университету достойнаго, опытнаго и искуснаго врача въ члены онаго». Мотивы просьбы были искренни со стороны членовъ начинающагося университета; всѣ они, по большей части пріѣзжіе люди, страдали отъ казанскаго климата и жаловались; Яковкинъ называлъ эту просьбу «гласомъ бѣдствующаго человѣчества». Желаніе совѣта Румовскій поспѣшилъ исполнить; онъ выставилъ это желаніе въ представленіи министру народнаго просвѣщенія главнымъ поводомъ къ открытію въ Казани медицинскаго преподаванія тѣмъ изъ студентовъ, которые старше другихъ и болѣе успѣли въ словесныхъ наукахъ. Что это не было дѣйствительное открытіе медицинскаго факультета въ Казани, видно изъ словъ представленія Румовскаго министру: «По сіе время *въ гимназіи* Казанской (слово университетъ даже не употреблено) преподаваемы были профессорами *пріуготовительныя студентамъ наставленія*; въ теченіе будущаго года преимущественно тѣ же наставленія будутъ продолжаемы, но по

---

[1]) Проток. засѣд. совѣта 18 ноября, 1805 года.

окончаніи года, смотря на возрастъ студентовъ, на успѣхи въ словесныхъ наукахъ и на ихъ желаніе, надобно будетъ нѣкоторымъ преподавать лекціи въ наукахъ, до прочихъ отдѣленій принадлежащихъ». На первый разъ открывалась одна изъ каѳедръ врачебнаго отдѣленія.

Первымъ дѣйствительно читавшимъ профессоромъ врачебныя науки въ Казанскомъ университетѣ былъ докторъ медицины Иванъ Петровичъ *Каменскій* (род. въ 1773 году). Уроженецъ Малороссіи, сынъ войскового товарища, онъ учился въ Полтавской семинаріи и, по окончаніи въ ней богословскаго курса, поступилъ въ 1793 году въ Московскую Медико-хирургическую академію. Учился онъ съ такимъ успѣхомъ, что еще будучи студентомъ, за сочиненіе «De ulcere ventriculi penetrante», исправлялъ два года должность прозектора. Получивъ въ 1797 году степень кандидата хирургіи, Каменскій съ годъ пробылъ при Московскомъ госпиталѣ и при родильной палатѣ Воспитательнаго Дома, а въ 1789 году, уже съ званіемъ лѣкаря, опредѣленъ въ Навагинскій мушкатерскій полкъ, гдѣ пробылъ однако очень не долго, такъ какъ въ слѣдующемъ же году поступилъ на прежнюю ученую службу—прозекторомъ въ ту же академію, гдѣ получилъ медицинское образованіе, и нѣкоторое время исправлялъ тамъ же должность адъюнктъ-профессора. Степенью доктора медицины Каменскій былъ удостоенъ по экзамену и послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: «De restringendo sordibus quamvis in primis viis praesentibus evacuantium usu». Когда вскорѣ затѣмъ Медико-хирургическая академія въ Москвѣ была упразднена, Каменскій принужденъ былъ искать другой службы и въ 1804 году поступилъ врачомъ при Ассигнаціонномъ и Заемномъ банкѣ въ С.-Петербургѣ, откуда уже перешелъ въ Казанскій университетъ.

Опредѣленіемъ Каменскаго, состоявшимся 6 января 1806 года, замѣщалась первая изъ шести медицинскихъ каѳедръ, положенныхъ для Казанскаго университета по уставу 1804 года, а именно: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, но Каменскій, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе столкновеній своихъ съ Яковкинымъ, пробылъ въ Казани очень не долго. Онъ оставилъ службу въ Казанскомъ университетѣ съ большимъ шумомъ и не имѣлъ ни возможности ни времени положить основаніе медицинскому преподаванію. Столкновенія съ Яковкинымъ произошли изъ за того, что Каменскій, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань, вмѣсто исключительнаго занятія наукой и преподаваніемъ, слишкомъ ревностно отдался хозяйственнымъ дѣламъ соединенныхъ гимназіи и университета. Въ конторѣ, гдѣ сосредоточивались и велись всѣ эти дѣла, имѣвшей тогда функцію на-

стоящаго правленія университета, съ основаніемъ университета и съ необходимостью удовлетворять постоянно возрастающимъ нуждамъ новорожденнаго высшаго учрежденія, занятій оказалось теперь больше чѣмъ вдвое. Если съ одной стороны совѣтъ управлялъ дѣлами университетскими и гимназическими, то контора, это оригинальное явленіе, существовавшее тогда только въ Казани, удовлетворяла хозяйственнымъ потребностямъ обоихъ учрежденій. Она была въ полномъ распоряженіи директора-инспектора, но члена отъ университета въ ней не было. Отсюда возникали естественно жалобы и этимъ положеніемъ дѣлъ, какъ и вообще ихъ увеличеніемъ въ конторѣ, Яковкинъ тяготился. Онъ искалъ себѣ помощника, но иностранцы, окружавшіе его въ совѣтѣ, по незнанію ими русскаго языка и мѣстныхъ отношеній, не годились для того и потому понятно, что онъ обрадовался, узнавъ о назначеніи новаго, русскаго по происхожденію профессора. Румовскій обѣщалъ ему помощника по конторѣ. «О, если бы я могъ его обрѣсти въ г. Каменскомъ, писалъ онъ къ попечителю (20 февраля 1806 года), что особенно нужно какъ по частымъ припадкамъ усерднаго моего сотрудника Баннера, такъ и по начавшимся выдачамъ суммы университетской, по крайней мѣрѣ хотя для присмотру отъ лица университета, вмѣсто того, что нынѣ *незнающіе обстоятельствъ думаютъ, что сумма университетская употребляется по однимъ токмо назначеніямъ моимъ и конторы*».

Яковкинъ ждалъ Каменскаго нетерпѣливо; по желанію Румовскаго онъ намѣревался «разсмотрѣть его покороче», и конечно обрадовался, когда тотъ наконецъ явился въ засѣданіе совѣта 10 марта 1806 года. Лекціи его начались тогда же. По его заявленію «за недостаткомъ многихъ пособій, для полнаго курса потребныхъ, онъ намѣренъ преподавать учащимся: 1) науку о костяхъ, со включеніемъ ученія объ образованіи оныхъ; потомъ 2) изъ физіологіи— о дѣйствіяхъ живого здороваго человѣческаго тѣла, сколько можно будетъ занять объясненіе оныхъ изъ разсматриванія животныхъ». Это и было исполнено имъ въ немногіе мѣсяцы 1806 года, оставшіеся до лѣтней вакаціи. О костяхъ Каменскій училъ на принадлежащемъ ему, привезенномъ съ собою скелетѣ, а связки и мышцы объяснялъ на такихъ животныхъ, строеніе которыхъ сходно съ человѣческимъ. «Остается проходить ученіе о кровеносныхъ сосудахъ, нервахъ и внутренностяхъ, коихъ организмъ поелику не разнится отъ человѣческаго, то я также намѣренъ показать на животныхъ четвероногихъ, особливо тѣхъ, кои употребляются въ пищу. Тѣмъ лучше, что сей видъ анатоміи, не производя отвращенія въ учащихся, еще къ ней не привыкшихъ, между тѣмъ представляетъ имъ такіе предметы, кои возбуждаютъ любопытство и охоту къ изслѣ-

дованіямъ строенія самаго тѣла»—писалъ Каменскій къ попечителю. Читалъ онъ шесть часовъ въ недѣлю и такъ какъ былъ единственнымъ преподавателемъ по медицинѣ и началъ свои лекціи въ половинѣ учебнаго года, то для доставленія времени ему пришлось у слушателей отнять одни часы (1-е два часа) отъ иностранныхъ языковъ и одни же отъ искусствъ.

Необходимость имѣть мертвыя тѣла для предстоящихъ анатомическихъ лекцій заставила совѣтъ тогда же ходатайствовать предъ попечителемъ снестись съ казанскимъ гражданскимъ начальствомъ о томъ, чтобы тѣла скоропостижно умершихъ были присылаемы въ университетъ. На это представленіе, черезъ три недѣли, пришла отъ Румовскаго слѣдующая резолюція: «По мнѣнію моему къ вскрытію труповъ какъ по настоящему лѣтнему времени, такъ и по неимнѣнію еще потребныхъ къ тому пособій, приступить съ удобностію не можно; но нужно чтобы для сего назначенъ былъ, внѣ университетскаго дома, гдѣ совѣтъ за способнѣе признаетъ, отдѣленной и особливой покой, и чтобы приготовлены были всѣ нужныя къ тому вещи; сколько же на то потребно будетъ суммы, сдѣлать соображеніе и мнѣ представить; а до того времени г. профессоръ Каменскій потщился бы при преподаваніи лекцій дѣлать возможныя объясненія по рисункамъ». Только къ концу 1806 года отдѣленныя для анатомическаго театра двѣ комнаты въ Тенишевскомъ домѣ готовы и на новое ходатайство предъ попечителемъ о полученіи мертвыхъ тѣлъ, Румовскій предписалъ чтобы сама контора отнеслась въ полицію или къ г. губернатору о доставленіи ихъ въ зимнее время. Думалъ также Каменскій и о томъ, что ему надобенъ будетъ прозекторъ и заранѣе представлялъ попечителю въ это званіе лѣкаря Европеуса, обучавшагося подъ его руководствомъ въ Москвѣ. Съ этимъ былъ согласенъ и Румовскій. Въ началѣ академическаго года Каменскій представилъ два списка вещей, необходимыхъ для анатомическихъ лекцій (покуда онъ употреблялъ собственныя). Однѣ изъ этихъ вещей можно было пріобрѣсть въ Казани, другія приходилось выписывать, но въ разсужденіе выписки Каменскаго находилъ «великое затрудненіе» и рѣшено было обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ попечителю въ С.-Петербургъ. Въ теченіе слишкомъ кратковременной службы Каменскаго въ Казанскомъ университетѣ изъ вещей, предназначенныхъ къ пріобрѣтенію для анатомическаго театра, едва ли было что либо куплено. Каменскій на первыхъ порахъ заботился очевидно о томъ, чтобъ обставить свое преподаваніе научнымъ образомъ и снабдить его пособіями. Проѣздомъ изъ Петербурга чрезъ Москву, онъ узналъ, что препараты и уродцы упраздненной, или какъ онъ выражается, уни-

чтоженной Московской Медико-хирургической академіи, находятся безъ употребленія и назначенія и написалъ о томъ къ Румовскому. Достоинства и свойства этихъ предметовъ Каменскому, какъ служившему въ Медико-хирургической академіи прозекторомъ, были хорошо извѣстны. Румовскій не оставилъ безъ вниманія письма профессора и тотчасъ же завелъ переписку о пріобрѣтеніи пособій для Казанскаго университета. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находилась прежняя академія, изъявилъ полное согласіе на уступку, по оцѣнкѣ, ученаго имущества академіи (главныя части его впрочемъ, а именно анатомическій кабинетъ и физическіе инструменты были уже уступлены Московскому университету); попечитель московскаго округа Муравьевъ доставилъ списокъ вещамъ и инструментамъ, отъ которыхъ университетъ Московскій отказался и Румовскій поручилъ разсмотрѣть его особой комиссіи, состоящей изъ профессоровъ Каменскаго и Фукса и адъюнкта Эвеста. Между тѣмъ Каменскій былъ уволенъ отъ службы, а остальные члены донесли, что лучшіе препараты и уродцы Московской академіи выбраны и пересланы въ Петербургскій хирургическій институтъ, что за оставшимися присмотръ былъ не надлежащій, а потому вещи могли попортиться и что вообще назначеніе цѣны имъ, безъ предварительнаго осмотра на мѣстѣ, затруднительно. Такъ устройство анатомическаго кабинета при Каменскомъ не было даже начато. О немъ вновь приходилось хлопотать другому лицу, вскорѣ занявшему ту же каѳедру.

Но преподаваніе и забота о наукѣ скоро отошли у Каменскаго въ Казани на второй планъ. Отпуская его изъ Петербурга, Румовскій намекнулъ ему о возможности быть помощникомъ Яковкину по конторѣ, на что тотъ согласился. Опредѣленіе впрочемъ зависѣло отъ согласія и удостоенія директора. Румовскій ждалъ мнѣнія Яковкина, но этотъ послѣдній медлилъ и изучалъ человѣка. Каменскій не выдержалъ и напомнилъ о дѣлѣ попечителю: «При отправленіи моемъ въ Казань, дабы имѣть честь служить въ университетѣ, попеченію вашему Высочайше ввѣренномъ, писалъ онъ черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ, я неоднократно имѣлъ счастіе слышать намѣреніе ваше препоручить мнѣ смотрѣніе за больницей и быть въ комиссіи о строеніи попеченіе имѣющей. Никогда не предполагая отказываться выполнять препорученія и приказанія начальства, я ожидалъ на то вашего повелѣнія, но медленность онаго заставила меня думать, не требуется ли, чтобы я донесъ Вашему Превосходительству о согласіи моемъ, тѣмъ болѣе, что я помню, какъ Ваше Превосходительство не оставили упомянуть мнѣ и о томъ, чтобы я познакомяся на мѣстѣ съ существомъ дѣла, письменно вамъ донесъ».

Съ тою же почтою Румовскій получилъ и рекомендацію Каменскаго отъ Яковкина: «Какъ со стороны совѣта необходимо нужно имѣть въ конторѣ еще члена университета, коему особенно можно препоручить университетскія экономическія по конторѣ дѣла, писалъ директоръ 22 мая 1806 года, то не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству предписать совѣту и конторѣ, дабы профессоръ Каменскій засѣдалъ въ конторѣ преимущественно для университетскихъ экономическихъ дѣлъ, *за что не благоугодно ли будетъ назначить ему и казенную квартиру съ дровами*, чѣмъ надѣюсь будетъ онъ особенно доволенъ, по причинѣ трудности пріисканія здѣсь квартиръ. Причиною медленности представленія о семъ Вашему Превосходительству была потребная осторожность въ выборѣ и время разсмотрѣнія человѣка». Тогда только Румовскій далъ предписаніе совѣту объ опредѣленіи Каменскаго членомъ конторы, согласно представленію Яковкина.

Но едва только Каменскій сдѣлался сочленомъ Яковкина по конторѣ, какъ оказалось, что директоръ не хорошо разсмотрѣлъ его и нажилъ въ немъ врага. «Позвольте Ваше Превосходительство признаться чистосердечно, писалъ онъ Румовскому (31 іюля 1806 года), что соприсутствіемъ его, вмѣсто ожиданной помощи и слѣдовавшей кажется признательности, *навязалъ я себѣ камень на шею* и едино только благорасположеніе Вашего Превосходительства подкрѣпляетъ еще меня въ плачевной юдоли нынѣшняго моего прискорбнаго состоянія». Каменскій одновременно повелъ аттаку и въ конторѣ и въ совѣтѣ. Онъ повидимому сталъ во главѣ всѣхъ враговъ Яковкина. Въ конторѣ Каменскій не подписывалъ многихъ опредѣленій объ уплатахъ изъ университетскихъ суммъ, начиная съ уплаты сорока пяти рублей за какой то особенный мѣхъ для химическихъ опытовъ, сдѣланный по заказу адъюнкта Эвеста университетскому машинисту Горденину и нужный Эвесту при испытаніи водъ, находя, по всей вѣроятности, сумму за мѣхъ высокою. Обстоятельство это Яковкинъ тотчасъ же постарался представить начальству весьма вреднымъ для теченія дѣлъ. «Университетскія экономическія дѣла, по причинѣ многихъ приглашеній г. Каменскаго въ присутствіе конторы и обѣщанныхъ имъ, но съ 13 августа неисполненныхъ приходовъ, теперь остановились, такъ что ни голоса не подаетъ и не соглашается подписывать опредѣленій, *особливо такихъ, кои постановлены по даннымъ отъ меня конторѣ именемъ Вашего Превосходительства предложеніямъ*. По сей же самой причинѣ и кровля на главномъ корпусѣ по наступающему позднему времени едва ли успѣетъ быть выкрашена, какъ и изъ меморій конторы Ваше Превосходительство усмотрѣть соизволите». Едва прошолъ мѣсяцъ со

времени опредѣленія Каменскаго въ члены конторы, какъ Яковкинъ хлопоталъ уже о возвращеніи прежняго порядка въ ней. «По причинѣ обнаружившихся пустыхъ споровъ и противозаконныхъ противорѣчій, также нарушенія порядка законами приказамъ предписаннаго, удаленіе Каменскаго отъ соприсутствія въ конторѣ и оставленіе теченія и экономическихъ дѣлъ обоихъ заведеній на прежнемъ, какъ было до Каменскаго, основаніи, впредь до начальственнаго распоряженія, доставить могутъ на первый случай болѣе спокойствія Вашему Превосходительству; но все сіе зависитъ отъ начальственнаго благоусмотрѣнія» — писалъ Яковкинъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма (въ началѣ сентября 1806 года) Каменскій былъ уже уволенъ отъ званія университетскаго члена въ конторѣ. Въ своемъ предложеніи Румовскій оправдывалъ безусловно всѣ распоряженія Яковкина о разныхъ денежныхъ выдачахъ, конторскіе журналы которыхъ Каменскій не хотѣлъ подписывать и иронически заключалъ: «А какъ г. профессоръ Каменскій, въ письмѣ отъ 14 августа, между прочимъ пишетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, выведенномъ изъ терпѣнія, который въ послѣдніе дни былъ мученикомъ своей должности, и не могъ предвидѣть сотой доли огорченій, которыя встрѣтили его въ конторѣ, то для спокойствія толико нужнаго по главной его должности, т. е. по должности профессора и прекращенія въ конторѣ распрей, служащихъ единственно къ остановкѣ теченія дѣлъ, увольняется онъ отъ присутствія въ конторѣ, а сумму университетскую принять конторѣ въ свое вѣдомство и въ чрезвычайныхъ выдачахъ спрашивать моего разрѣшенія» [1]).

Этому увольненію Каменскаго предшествовала личная переписка его съ попечителемъ, въ которой онъ рѣшился поколебать довѣріе Румовскаго къ Яковкину. Онъ рѣшился не вдругъ; прошло четыре мѣсяца со времени пріѣзда его въ Казань: «надобно было узнавать положеніе всего заведенія, ходъ дѣлъ и характеры лицъ, вліяніе имѣющихъ» — говоритъ онъ. Только послѣ того, какъ всѣ обстоятельства стали ему извѣстны, Каменскій сообщилъ свои наблюденія. Вотъ какую характеристику дѣлаетъ онъ лицу, всѣмъ управлявшему въ соединенныхъ университетѣ и гимназіи и пользовавшемуся полною довѣренностью попечителя: «Сожалѣю, что я вынужденъ былъ начать самымъ непріятнымъ. Сожалѣю, что долженъ писать противу такого человѣка, который пользуется совершенною довѣренностію; долго колебался, но мѣра исполнилась: дерзость и личность вывели изъ терпѣнія. Все вызвало меня, чтобы для пользы общей и чести начальника, отважиться на самый гнѣвъ его, если бы это было

[1]) Протоколы засѣд. сов. 19 сент. 1806 года.

возможно. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я старался имѣть связь съ такимъ человѣкомъ, который столь выгодно обратилъ на себя вниманіе своего начальника. Я былъ хорошо имъ принятъ сначала; имѣлъ нѣкоторую его довѣренность, старался узнать чрезъ него людей; между тѣмъ наблюдалъ его самого, и скоро стало открываться, что подъ прекраснѣйшею наружностью скрывались такія свойства, которыя ни мало ей не отвѣчали. Извините, Ваше Превосходительство! Быть не можетъ, чтобы это не было Вамъ огорчительно читать, но смѣю Васъ увѣрить, что придетъ время, когда сія истина можетъ быть разительно отдастся въ чувствительномъ и невинномъ вашемъ сердцѣ. Въ продолженіе времени находилъ я, что почти всегда въ вѣрномъ контрастѣ были тѣ хороши, коихъ онъ худо описывалъ; напротивъ того, нѣкоторые изъ самыхъ худыхъ были имъ покровительствуемы». (Здѣсь Каменскій приводитъ въ примѣръ Эвеста и слова его о немъ, или по выраженію Румовскаго «извѣтъ», дали поводъ къ особому дѣлу, возбудившему личныя страсти въ совѣтѣ, о чемъ было говорено выше). «Таковыя превратныя дѣйствія, соображаемыя съ личными видами, съ планами его пріязни или вражды противу того или другого, естественно ведутъ за собой всеобщій безпорядокъ». Каменскій указываетъ далѣе на разныя упущенія по гимназіи, на то что у учителей нѣтъ общаго плана преподаванія, на слабость успѣховъ учениковъ. Совѣтъ съ сожалѣніемъ видитъ всѣ эти безпорядки, но долженъ уступать обстоятельствамъ, «чтобъ безъ пользы не дѣлать шуму; неудовольствіе членовъ возрастаетъ; грубости чувствуются всѣми; тоны какого-то неограниченнаго ректорства становятся оскорбительны. *Человѣкъ съ обыкновенными способностями, невидавшій организма университетовъ, отставшій отъ книгъ*, имѣетъ однакожъ столько дерзости, чтобы говорить: я того и того могу сдѣлать счастливымъ или несчастливымъ... Многіе въ городѣ знаютъ его приватную жизнь, хотя онъ столько осторожен, что не выводитъ себя въ общество. *Покупка домовъ во всеобщей молвѣ*: одинъ изъ нихъ былъ проданъ за четыре тысячи пятьсотъ рублей, но отъ него отказались; онъ же потомъ взялъ въ казну за шесть тысячъ».

Нельзя сказать, чтобы эти обвиненія, кромѣ послѣдняго, имѣли опредѣлительный характеръ. Мы склонны думать, что они были вполнѣ справедливыми, такъ какъ повторяются съ разныхъ сторонъ и наблюдателями позднѣйшихъ лѣтъ, но Каменскій не могъ ихъ сдѣлать точными и опредѣленными; для этого онъ слишкомъ недолго жилъ въ провинціи и писалъ вѣроятно подъ первыми впечатлѣніями слуховъ, чѣмъ нибудь обиженный со стороны Яковкина. Послѣдній пользовался полною довѣренностью попечителя и эта

*

довѣренность давала ему тѣ «тоны какого-то неограниченнаго ректорства», о которыхъ говоритъ Каменскій. Такимъ образомъ мысль нѣмецкаго ученаго Мейнерса, что пребываніе попечителя въ томъ же городѣ, гдѣ находится университетъ, весьма вредно, такъ какъ попечитель, живя постоянно въ университетскомъ кругу, подвергается опасности поддаться вліянію партіи или кружка и уклониться отъ начала невмѣшательства во внутреннія дѣла университета [1]), мысль которую приводили въ исполненіе на практикѣ попечители Александровской эпохи, была не совсѣмъ справедлива. Румовскій, живя въ Казани, безъ сомнѣнія разглядѣлъ бы лицо, которому безусловно вѣрилъ и спасъ бы университетъ отъ будущихъ смутъ и жалкихъ пререканій между членами.

Письмо Каменскаго нисколько не поколебало довѣрія попечителя къ директору. Онъ отвѣчалъ Каменскому длиннымъ письмомъ, въ которомъ, совершенно справедливо доказавъ, что большая часть высказанныхъ имъ обвиненій слишкомъ общи, опровергалъ эти обвиненія всѣ до одного, а неопредѣленное обвиненіе *о страсти* Эвеста, которую Каменскій не желалъ назвать пьянствомъ, предписалъ разсмотрѣть въ совѣтѣ. Въ совѣтѣ Каменскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, стоялъ за отдѣленіе гимназическихъ дѣлъ и за самоуправленіе университета. Тамъ онъ повелъ борьбу съ Яковкинымъ, подкрѣпляемый нѣкоторыми членами, кончившуюся для него удаленіемъ отъ должности, какъ мы постараемся разсказать въ слѣдующей главѣ, посвященной дѣламъ совѣтскимъ. На эту борьбу Каменскій былъ вынужденъ силою обстоятельствъ. «Къ несчастію дѣла заведены слишкомъ далеко, чтобы можно было отступить съ честію; и такъ я долженъ буду защищать то, чего нѣтъ дороже для меня»... «Я долженъ имѣть дѣло съ самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ, говоритъ онъ о Яковкинѣ, которому чужда та людкость, тотъ просвѣщенный благонамѣренный образъ мыслей, то деликатное обращеніе, которыя украшаютъ человѣка его званія». Къ сожалѣнію многое въ этихъ словахъ оказалось фразою; Каменскій писалъ еще нѣсколько писемъ къ попечителю и тотъ замѣтилъ, сообщая о перепискѣ Яковкину, что онъ «инымъ голосомъ пѣть начинаетъ». Мелкій и личный интересъ проглядываетъ въ жалобахъ на Яковкина: «профессору Фуксу, по представленію г. Яковкина, дана квартира и больше и лучше моей. Секретарь конторы занимаетъ въ Тенишевскомъ домѣ цѣлое отдѣленіе нижняго этажа, пользуется конюшнею и сараемъ, между тѣмъ какъ я совершенно стѣсненъ. Извините Ваше Превосходительство,—это несносная обида!» Румовскій

[1]) М. И. Сухомлиновъ, Матер. для исторіи образ. I. 42.

справедливо могъ замѣтить, въ письмѣ къ директору: «г. Каменскій письмами своими лучше обнаружилъ качества свои, нежели ваши жалобы и учиненныя вамъ огорченія».

Борьба Каменскаго въ совѣтѣ кончилась для него очень печально. «Чтобы прекратить существующіе въ совѣтѣ Казанской гимназіи безпорядки, писалъ министръ народнаго просвѣщенія, 14 ноября 1806 года, за № 603, къ попечителю Румовскому, о которыхъ Ваше Превосходительство мнѣ представили, обуздать непослушаніе и тѣмъ отвратить вредное вліяніе ихъ примѣровъ, предоставляю Вамъ главныхъ виновниковъ неустройства: профессора Каменскаго, адъюнкта Карташевскаго и другихъ имъ подобныхъ отрѣшить ихъ отъ должностей». Яковкинъ считалъ Каменскаго главнымъ своимъ врагомъ. По словамъ его, противъ него начался *комплотъ* съ самаго пріѣзда Каменскаго въ Казани. Комплотъ этотъ собирался въ домѣ вице-губернатора, съ которымъ Каменскій былъ знакомъ. У него, и въ другихъ казанскихъ домахъ, обсуждался образъ жизни Яковкина. «Старались внушить, пишетъ онъ, что жизнь моя безпорядочна и невоздержна, и что ей одной только приписывать должно продолжаемое мною уединеніе отъ обществъ и посѣтительныхъ поклоновъ, а не приверженности моей къ должностямъ»... Каменскій, какъ кажется, не смотря на недавнее пребываніе свое въ Казани, пользовался во многихъ домахъ ея извѣстностію, какъ врачъ. Послѣ отрѣшенія отъ должности профессора, онъ даже думалъ остаться въ этомъ городѣ и жить практикою. Иронически говорилъ о своемъ врагѣ Яковкинъ: «Говорилъ почтенный Стародумъ: на умъ мода, на пряжки мода, и на докторовъ мода, межъ коими Каменскій не послѣднюю ролю играетъ на сей сценѣ. Однакожъ другъ мой статскій совѣтникъ Геркенъ и жена его, люди очень умные и безпристрастные, возъимѣли о г. Каменскомъ не такъ выгодныя мысли; они въ городѣ имѣютъ сильный голосъ». Не преминулъ Яковкинъ сообщить начальнику и о неудачныхъ случаяхъ практики Каменскаго, конечно съ особеннымъ злорадствомъ и непріязнью [1]). Но тогдашнее казанское общество, котораго Яковкинъ

---

[1]) Приводимъ отрывокъ изъ письма его, любопытный, какъ образчикъ тогдашняго положенія врача: „Г. Каменскій доказалъ себя нынѣ въ полной мѣрѣ по Казани. У жены полковника Мергасова, не болѣе четырехъ лѣтъ женатаго, на груди отъ пришибу оказалась маленькая опухлость, которую теплыми мокрыми припарками Каменскій превратилъ въ рака, а преждевременнымъ употребленіемъ хины произвелъ въ животѣ страшную обструкцію, такъ что нѣтъ уже никакихъ средствъ спасти больную и всѣ прочие врачи отказались. Отчаянный мужъ, окруженный пятерыми малолѣтними дѣтьми, просилъ врачебную управу разсмотрѣть лѣкарства и образъ лѣче-

чуждался по разнымъ причинамъ, предпочитая быть царемъ въ своемъ болотѣ, было какъ кажется на сторонѣ отрѣшенныхъ и винило Яковкина. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное отрѣшеніемъ: «Шумъ, произведенный отрѣшеніемъ и удаленіемъ, сдѣлался необычайнымъ: сколько ни приходило ко мнѣ здравомыслящихъ и благонамѣренныхъ, всякій объявлялъ мнѣ новости, а рѣдко подтвержденія прежде слышаннаго. Разнесеніе самыхъ непріятныхъ обо мнѣ слуховъ въ дворянскомъ и англійскомъ общественныхъ собраніяхъ, въ маскарадѣ и театрѣ, усильныя просьбы гг. Молоствова Порфирія и родственника его Пушкина, также почтъ-директора Карпеки къ г. Губернатору о заступленіи невинно отрѣшенныхъ и притѣсненныхъ (слѣдствія дровяного дѣла, также уклончивости и врачеванія г. Каменскаго въ ихъ семействахъ),— всѣхъ ихъ ходатайство за него предъ бывшимъ тогда въ Казани графомъ Головкинымъ (посолъ въ Китай), — обѣщаніе г. Карпеки писать о семъ происшествіи прямо къ Его Сіятельству г. Министру Просвѣщенія, якобы по старинному знакомству,—письменныя гг. Каменскаго и Германа, поданныя на меня г. графу Головкину жалобы и доносы,—увѣреніе его, будто бы онъ о семъ дѣлѣ самъ представитъ Государю Императору въ защищеніе невинности,—мятежныя совѣщанія въ вечернихъ собраніяхъ по домамъ единомышленниковъ о погубленіи меня,—повсюдное описаніе всего меня самыми постыдными и черными красками суть послѣднія *усилія издыхающей гидры...*» (Письмо 11 декабря 1806 года). Эти слова Яковкина, который имѣлъ возможность знать даже отъ кого и кому въ Петербургъ пошли съ казанскою почтою жалобы отрѣшенныхъ, эти, какъ онъ выражается, «разныя покушенія наказуемаго буйства и злобы», очень живо изображаютъ университетскую исторію въ провинціальномъ городѣ. Тѣ же сплетни и толки, такіе же крики и угрозы повторялись и много лѣтъ спустя въ подобныхъ этому случаяхъ. Всѣ увлекались волною событій и принимали участіе въ нихъ и словомъ и дѣломъ. Казанскій гражданскій губернаторъ, письмомъ на имя

нія. Изслѣдованіе сіе учинено 26 ноября, по настоянію г. Губернатора въ домѣ его и при немъ. Всѣ единогласно охулили и лѣкарства и образъ лѣченія, основываясь на самыхъ неоспоримыхъ правилахъ медицины. Каменскій, не имѣя что отвѣчать далѣе словесно, обѣщалъ управѣ дать отвѣтъ на письмѣ. Губернаторъ упрашивалъ членовъ ея пощадить его доктора, какъ человѣка женатаго и семейнаго, а отчаянный мужъ требуетъ настоятельно всей строгости законовъ. Чѣмъ окончится сія трагедія, еще неизвѣстно теперь,—только не добромъ. Такимъ же образомъ Каменскій прежде сего простуду простую почтъ-директорши Карпеки превратилъ въ чахотку, что и было причиною ея смерти". (Письмо 3 дек. 1807 года).

министра внутреннихъ дѣлъ, не говоря прямо о послѣднихъ событіяхъ, доносилъ ему о разстройствѣ всѣхъ дѣлъ въ гимназіи и объ упущеніи въ ней воспитанія вообще. Яковкину пришлось отписываться, но онъ былъ большой мастеръ этого дѣла.

Отрѣшенный Каменскій, для очищенія своей прежней службы, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ ему выдали аттестатъ, въ которомъ бы значилось, что онъ уволенъ по прошенію. Съ этою цѣлью онъ подалъ въ совѣтъ Казанской гимназіи прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ просилъ о выдачѣ ему разныхъ копій съ предписаній и протоколовъ дѣлъ, участіе въ которыхъ повело его къ отрѣшенію, и аттестата о службѣ. Тутъ, по предварительному уговору съ Румовскимъ на письмѣ, Яковкинъ не долженъ былъ исполнить этой просьбы, но онъ облекъ все дѣло въ канцелярскія формальности. Прошеніе уволеннаго тогда же Карташевскаго о томъ же предметѣ, писанное на простой бумагѣ и присланное въ совѣтъ не запечатаннымъ, было по опредѣленію совѣта возвращено ему, какъ «не по формѣ писанное и поданное». Каменскій прислалъ свое и на гербовой бумагѣ и запечатанное, но «по разсмотрѣніи его оказалось, что оно писано не по формѣ, законами предустановляемой, какъ то: писано и по самому штемпелю и слова упущены или перемѣнены противу самой формы, а потому и возвращено ему съ надписью». Черезъ нѣсколько дней Каменскій подалъ вторичную просьбу о томъ же. На этотъ разъ состоялось такое опредѣленіе совѣта, управляемаго теперь неограниченно Яковкинымъ: «Возвратить означенное прошеніе г. профессору Каменскому съ надписью, что оно написано въ противность указовъ 1723 года ноября 5 дня и 1762 года іюля 2 дня, ибо онъ въ 1-мъ пунктѣ, прежде объясненія дѣла, помѣстилъ просительные термины, кои опять повторяетъ во 2-мъ пунктѣ. Означенную же надпись на прошеніи скрѣпить одному изъ членовъ совѣта». Въ третій разъ Каменскій, «пришедъ въ комнату канцеляріи совѣта, еще до открытія засѣданія, положилъ на столъ конвертъ запечатанный и надписанный на имя совѣта, заключающій, по надписи, прошеніе его; но какъ таковая подача просьбы противна узаконенію генеральнаго регламента, то и велѣлъ я письмоводителю Курбатову оставить оной конвертъ тамъ, гдѣ онъ положенъ самимъ г. Каменскимъ, не вводя его въ дѣло и не распечатывая» (письмо Яковкина къ Румовскому отъ 15 января 1807 года).

Каменскому, какъ онъ и самъ излагалъ въ прошеніи, нужно было оправдаться; онъ хотѣлъ жаловаться: быть отрѣшеннымъ отъ должности, то есть опороченнымъ, ему было тяжело и онъ добивался получить отъ казанскаго совѣта въ копіи всѣ тѣ протоколы его, въ

которыхъ были записаны дѣла, давшія поводъ къ его обвиненію, его мнѣнія, опредѣленія совѣта и разныя предписанія попечителя и министра; онъ просилъ также, чтобъ ему выданъ былъ аттестатъ по прежней службѣ его въ Ассигнаціонномъ банкѣ, представленный имъ при опредѣленіи въ Казань и формулярный списокъ о профессорской службѣ. Наконецъ 17 января 1807 года была заслушана въ совѣтѣ четвертая просьба Каменскаго, на сей разъ оказавшаяся написанною по формѣ. Но и въ этотъ разъ онъ не получилъ желаемыхъ копій съ дѣлъ и опредѣленій совѣтскихъ. Совѣтъ, въ мотивированномъ отказѣ своемъ, ссылался на предписанія попечителя, писанныя на имя директора, которыми это запрещалось даже для членовъ совѣта, почему совѣтъ на выдачу просимыхъ копій «самъ собою рѣшиться не можетъ, да и приступить къ сему почитаетъ несоотвѣтственнымъ съ указами» (слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ указовъ отъ 1737 до 1880 года, касающихся копій съ дѣлъ тяжебныхъ и судныхъ). Что касается до прежняго аттестата и формулярнаго списка о послѣдней службѣ Каменскаго, то они были выданы ему, но только вслѣдствіе особеннаго на то разрѣшенія Румовскаго, сообщеннаго Яковкину. На выдачу просимыхъ копій Румовскій не согласился потому, что Каменскій принесъ уже на него жалобу министру народнаго просвѣщенія.

Въ то время, какъ Яковкинъ придумывалъ, съ помощью старыхъ подъячихъ, которые сидѣли въ его канцеляріи, эти хитрые извороты съ безконечными ссылками на лабиринтъ русскихъ указовъ, Свода Законовъ еще не существовало. Ему легко было жечь на медленномъ огнѣ юридическихъ крючковъ и канцелярскихъ кляузъ своихъ враговъ—профессоровъ, чуждыхъ этому темному міру, разъѣдавшему тогда юридическую жизнь Россіи и очень хорошо понятому въ то время Сперанскимъ. Съ этими печальными условіями приходилось бороться при началѣ своемъ наукѣ и университетскому преподаванію. Язва крючкотворства, желаніе прикрыть темные личные разсчеты покровомъ легальности, непонятнымъ для человѣка, искренно преданнаго наукѣ, проникала и водворялась въ молодые университеты наши. Старые профессоры ихъ, на нашей памяти, были большими законниками; они носили въ головѣ готовый запасъ ссылокъ и пугали имъ всегда молодыхъ членовъ, умѣя по своему истолковывать простой смыслъ параграфовъ университетскаго устава. Да, этотъ старый юсъ Яковкинъ, не зналъ организаціи университетовъ. Мы имѣли терпѣніе провѣрить его ссылки на указы и смѣемъ увѣрить читателя, что они совершенно правильны. Но какимъ пугаломъ должны были являться эти secreta

secretorum старыхъ указовъ для профессоровъ иностранцевъ, вовсе не знавшихъ по русски! Яковкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ мастеръ пугать ихъ.

Эта недостойная процедура мелкихъ уколовъ, которою Яковкинъ преслѣдовалъ врага своего, была извѣстна Румовскому. О всемъ директоръ сообщалъ попечителю и находилъ въ немъ одобреніе и поддержку. «Г. Каменскій опоздалъ въ намѣреніи своемъ отдалиться отъ университета, писалъ Румовскій къ Яковкину въ то время, когда уже представилъ министру объ его отрѣшеніи. Я жалѣлъ о судьбѣ его, а теперь хотя и жалѣю, но не столько». Попечитель успокаиваетъ Яковкина, ободряетъ его, напуганнаго криками казанскаго общества при отрѣшеніи непокорныхъ профессоровъ: «Произведенный отрѣшеніемъ по городу шумъ ни малѣйшаго уваженія не достоинъ. Празднымъ людямъ надобна пища, и въ то время, когда сіе пишу, я думаю, что онъ, ежели не совсѣмъ умолкъ, то весьма уменьшился». Не придаетъ онъ значенія и обѣщанію графа Головкина, данному отрѣшеннымъ, представить о ихъ дѣлѣ Государю Императору: «Навѣрное можно сказать, что Государь Императоръ жалобу ихъ отдастъ на разсмотрѣніе министру народнаго просвѣщенія, потому что отрѣшеніе послѣдовало по его предписанію». Каменскій, получивъ наконецъ аттестатъ и формуляръ, ѣздилъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ Карташевскимъ, онъ подалъ прошеніе графу Завадовскому о томъ, чтобъ въ аттестатѣ не значилось слово *отрѣшеніе*, а увольненіе по прошенію, съ одобреніемъ его профессорской службы. «Гг. Каменскій и Карташевскій *выплакали* у министра народнаго просвѣщенія, чтобы я далъ имъ аттестатъ, писалъ Румовскій, съ прописаніемъ что они по прошенію отпускаются. Графъ Головкинъ многое говорилъ г. министру въ пользу выходцевъ казанскихъ, но ничего успѣть не могъ. Они думали, что возмутятъ съ письмомъ г. губернатора весь городъ; но здѣсь есть чѣмъ заниматься». При личномъ посѣщеніи попечителя, Каменскій произвелъ на него впечатлѣніе благопріятное, тогда какъ Карташевскому за его крикъ, онъ долженъ былъ «показать двери». «Первый въ разговорахъ своихъ соблюдалъ надлежащую умѣренность». «Онъ со слезами просилъ меня, чтобы я доставилъ ему способъ къ оправданію»... Въ Казань воротился Каменскій въ іюлѣ 1807 года. И объ этомъ сообщилъ Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю: «Въ нынѣшнюю субботу возвратился г. Каменскій въ Казань; разсказы его и пускаемые по городу слухи напоминаютъ пословицу, что ни одна лиса хвоста своего не замараетъ».

Такъ кончилось кратковременное служеніе перваго медицинскаго профессора въ Казанскомъ университетѣ. Мы принуждены были

однако разсказать о немъ довольно подробно: факты характерны для первоначальной исторіи этого университета [1]).

Не скоро Румовскому удалось замѣстить даже и эту первую медицинскую каѳедру въ открывающемся Казанскомъ университетѣ, послѣ отставки Каменскаго. «Не взирая на всѣ мои старанія, ни единая каѳедра врачебнаго отдѣленія въ Казани не замѣщена по сіе время»—представлялъ онъ въ декабрѣ 1806 года министру народнаго просвѣщенія. «Три извѣстные въ Европѣ человѣка, приглашаемые мною, соглашались переселиться въ Казань, но въ самое то время, когда въ путь отправиться имѣли намѣреніе, одного послѣ другаго смерть похищала» [2]). Правда недостатка

---

[1]) По своемъ увольненіи, Каменскій жилъ нѣкоторое время и даже служилъ въ Казани. Некрологъ его (*Украинскій Вѣстникъ*, 1819 года, книжка 8-я, августъ, стр. 239) говоритъ, что онъ „преподавалъ всѣ медицинскія науки студентамъ Казанской духовной академіи; но въ книгѣ „Старая Казанская Академія“ (г. *Можаровскаго*, 1877) объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто, помѣщено только свѣдѣніе, что Каменскій былъ лѣкаремъ при академической больницѣ, преподавателемъ же медицинскаго класса было другое лицо. Въ 1809 году Каменскій перешелъ на службу въ Воронежъ акушеромъ при врачебной управѣ, а въ 1811 году занялъ каѳедру повивальнаго искусства въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ умеръ въ Кіевѣ, куда поѣхалъ по семейнымъ дѣламъ, въ августѣ 1819 года. Учитель математики въ Кіевской гимназіи Завиновскій говорилъ при погребеніи надгробную рѣчь. Она не даетъ ничего для характеристики Каменскаго, какъ профессора и человѣка. Некрологъ же выставляетъ особенно то обстоятельство, что Каменскій старался объ образованіи дѣтей своихъ; „произведенія пера старшей дочери его украшали нѣкоторыя книжки сего журнала“ („Укр. Вѣстн.“). Въ воспоминаніяхъ Роммеля (B ü l a u, Geheime Geschichten und räthselhaften Menschen, V-ter Band, Leipz. 1854. S. 525) о Каменскомъ сказано только нѣсколько словъ, какъ объ умѣломъ и ловкомъ практикѣ и преподавателѣ по его спеціальности. Въ русской ученой литературѣ имя его встрѣчается на переводѣ сочиненія Фуркроа („Химическая философія“. Владиміръ. 1799) и на небольшой брошюркѣ по діэтетикѣ („Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и другой пищи для дѣтей“. Спб. 1805. 12°). Въ Харьковѣ онъ издалъ „Латинскій словарь“ (Двѣ части. 1816—1817).

[2]) Попечитель говоритъ здѣсь по всей вѣроятности о Протасовѣ и Гедвигѣ. О первомъ было уже нами упомянуто (см. *Уч. Зап.* 1875 г. стр. 275—276). Второй былъ молодой лейпцигскій профессоръ Романъ Адольфъ, сынъ извѣстнаго въ исторіи ботаники Іоганна Гедвига, тоже профессора ботаники и медицины въ Лейпцигѣ, сочиненіе котораго Theoria generationis et fructificationis plantarum cryptogam., было увѣнчано преміей нашею Академіею Наукъ и напечатано въ Петербургѣ (1784). Весьма тонкія и трудныя наблюденія надъ тайнобрачными растеніями для втораго изданія этого сочиненія дѣланы были сыномъ подъ надзоромъ отца. Молодой Гедвигъ устраивалъ и ботаническій садъ въ Лейпцигѣ. Румовскій представлялъ его въ маѣ 1806 года на каѳедру патологіи, терапіи и клиники и чрезвычайно хвалилъ его знанія

въ желающихъ занять мѣсто профессора медицинскихъ наукъ въ Казани, особенно между иностранными медиками, находящимися въ русской службѣ, не было. Охотники являлись: ихъ привлекало и большее содержаніе, сравнительно съ жалованьемъ даже инспектора врачебной управы и независимое положеніе профессора. Румовскій однако былъ строгъ на выборъ и руководствовался въ этихъ случаяхъ, какъ и вообще при опредѣленіи профессоровъ въ Казань, или вѣскими рекомендаціями извѣстныхъ лицъ или собственною опытностью. Онъ обращался обыкновенно *съ приглашеніемъ* къ лицу, въ достоинствахъ котораго убѣждался, но не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на тѣхъ, которые сами искали мѣста [1]). Для замѣщенія

и сочиненія, въ особенности по ботаникѣ. Самъ Гедвигъ, въ письмѣ къ одному изъ академическихъ друзей своего отца въ Петербургѣ, высказывалъ полную готовность „къ болѣе широкой дѣятельности на службѣ столь же великому, какъ и благородному правительству Александра“; далекая Казань не пугала его: „гдѣ бы ни представлялся широкій кругъ для моей дѣятельности, но тамъ гдѣ я могу свободно работать для общаго блага и науки, тамъ готовъ я жить и умереть“, писалъ онъ. Гедвигъ былъ уже утвержденъ профессоромъ въ Казань, какъ 19 мая того же 1806 года умеръ въ Лейпцигѣ послѣ кратковременной болѣзни. Кто былъ третій покойникъ изъ профессоровъ врачебнаго отдѣленія, предназначенныхъ въ Казань — намъ неизвѣстно. Одновременно съ Каменскимъ, Румовскій представлялъ министру на каѳедру патологіи, терапіи и клиники полкового врача Курфирста Саксонскаго въ Кенигштейнѣ доктора медицины Вильгельма Фридриха Дрейссига, нѣкоторыя медицинскія сочиненія котораго получили такую извѣстность, что парижскій факультетъ поручилъ академику Ренольдену перевести ихъ на французскій языкъ, но Дрейссигъ предпочелъ Казани Харьковъ.

[1]) Такъ Яковкинъ, въ іюлѣ 1805 года, по просьбѣ своего вятскаго пріятеля Николая Камашева-Средняго, передалъ Румовскому желаніе инспектора Вятской врачебной управы доктора медицины Вѣнскаго университета Соломона *Либошица* занять мѣсто профессора въ Казани. „Я его лично не знаю, писалъ онъ; но зная доброту души и благородство друга моего, могу увѣрить В. П. предъ моимъ Сердцевѣдцемъ, что Камашевъ о другомъ человѣкѣ писать не сталъ бы, а особливо ко мнѣ, зная меня совершенно“. Румовскій потребовалъ его сочиненія и захотѣлъ узнать „о нихъ мнѣніе людей въ медицинѣ упражняющихся“. Давалъ ли онъ разсматривать кому либо эти сочиненія, — мы не знаемъ, но только онъ скоро возвратилъ ихъ, ссылаясь на сдѣланное уже имъ приглашеніе за границею. — Въ октябрѣ того же года директоръ нижегородскихъ училищъ Кужелевъ рекомендовалъ попечителю нижегородскаго врача-практиканта, удостоеннаго степени доктора медицины въ 1789 году Медицинскою Коллегіею въ Петербургѣ, галиційскаго дворянина и краковскаго академика наукъ свободныхъ и философіи Феликса Лаврентія *Лоевскаго*. Сочиненій у него тогда не было никакихъ. (Въ 1818 году онъ напечаталъ „Полный настоящій простонародный Россійскій Лѣчебникъ“), но рекомендація директора весьма любопытна: „пріемлю смѣлость *по долгу моему*, писалъ онъ, рекомендовать безпристрастно со сто-

медицинскихъ каѳедръ, изъ которыхъ ни одна не была занята въ Казани, послѣ отставки Каменскаго, Румовскій обратился къ лейбъ-медику Франку, прося его указать достойныхъ кандидатовъ. Франкъ въ ноябрѣ 1806 года рекомендовалъ двухъ: доктора медицины Флиса, практикующаго въ городѣ Познани, въ прусской Польшѣ, человѣка, по его словамъ научно образованнаго, напечатавшаго нѣсколько статей въ «Журналѣ практической медицины» Гуфеланда и знающаго нѣсколько языковъ, и другаго тоже доктора медицины и хирургіи *Іоанна Баптиста Брауна*, учившагося въ Вѣнскомъ университетѣ и уже три года находящагося на службѣ въ званіи прозектора при Виленской медико-хирургической академіи; Франкъ въ особенности хвалилъ его хорошія практическія свѣдѣнія въ глазныхъ болѣзняхъ. Румовскій тотчасъ же предложилъ каѳедру анатоміи Брауну, на что тотъ съ большою охотою согласился, такъ какъ не надѣялся повышенія въ Вильнѣ, гдѣ каѳедра анатоміи занята была профессоромъ Лебенвейномъ. Румовскій впрочемъ сообщилъ ему предварительно положеніе вещей въ Казани. «Такъ какъ возникающій университетъ не открытъ еще формально по малому числу дѣйствительныхъ профессоровъ, писалъ онъ ему по французски, то я долженъ предупредить васъ, что онъ соединенъ съ гимназіей и управляется по уставу ея, утвержденному покойнымъ Императоромъ, что тамъ есть совѣтъ, состоящій изъ профессоровъ и адъюнктовъ, завѣдывающій всѣмъ, что касается науки, и контора — для дѣлъ экономическихъ. Предсѣдателемъ въ совѣтѣ и конторѣ — директоръ, въ тоже время старѣйшій изъ профессоровъ; онъ правитъ должность ректора». Опредѣленіе Флиса не состоялось, Браунъ же былъ утвержденъ министромъ въ званіи ординарнаго профессора анатоміи, физіологіи и судебной медицины 15 мая 1807 года. «Въ Казанскомъ университетѣ, сообщалъ ему попечитель, нѣтъ ни ана-

---

роны его свѣдѣній, кромѣ знанія собственно принадлежащаго къ части медицинскихъ наукъ, чему онъ довольно доказалъ опытовъ десятилѣтнею здѣсь практикою, великимъ любителемъ философіи и опытной физики, которыхъ былъ профессоромъ, и свѣдущимъ въ латинскомъ и французскомъ языкахъ". Румовскій отвѣчалъ, что у него уже есть кандидаты на всѣ каѳедры.—Былъ даже случай, что одинъ изъ претендентовъ, иностранный докторъ медицины и акушерства, физикъ и акушеръ Лихтенбергскаго округа въ Гессенѣ Бонгардъ, обратился прямо въ Казань, приславъ письмо на Высочайшее имя и нѣмецкое руководство для повивальныхъ бабокъ, съ цѣлью получить каѳедру повивальнаго искусства. Въ первый разъ тогда совѣтъ гимназіи заплатилъ за заграничную посылку 11 рублей портовыхъ денегъ и долженъ былъ просить разрѣшенія у попечителя какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Сочиненіе поручено было разсмотрѣть профессорамъ Фуксу и Брауну, а мнѣнія ихъ были представлены попечителю.

томическихъ, ни хирургическихъ инструментовъ; даже самыхъ необходимыхъ нельзя тамъ пріобрѣсть». И онъ переслалъ ему 200 рублей на покупку ихъ въ Вильнѣ или проѣздомъ въ Москвѣ. Анатомическіе инструменты Браунъ купилъ въ Москвѣ; ихъ хирургическихъ же онъ не привезъ ни одного, такъ какъ въ Москвѣ не нашелъ ничего сколько нибудь порядочнаго. Онъ предлагалъ выписать нужные ему инструменты изъ Вѣны, ссылаясь на готовность услужить ему въ лучшемъ ихъ выборѣ вѣнскаго профессора анатоміи и физіологіи, и его искренняго друга, извѣстнаго Прохаски.

Выѣхавъ изъ Вильны въ концѣ іюня, Браунъ пріѣхалъ въ Казань 28 іюля 1807 года. На другой день онъ явился къ всесильному Яковкину. «Онъ еще весьма молодъ и не имѣетъ кажется еще 25 лѣтъ. Дай Богъ, чтобъ душею и служеніемъ былъ старъ», писалъ послѣдній о Браунѣ, по первому впечатлѣнію, къ попечителю (30 іюля, 1807 года). Первою заботою Брауна было помѣщеніе. Яковкинъ далъ ему въ началѣ казенную квартиру, чѣмъ онъ остался очень доволенъ, въ виду квартирныхъ неудобствъ и дороговизны въ Казани. Въ началѣ августа Браунъ представилъ въ совѣтъ, что лекціи его въ текущемъ году будутъ состоять въ преподаваніи физіологіи по курсу Прохаски, съ объясненіемъ, на сколько возможно, анатомическихъ препаратовъ, а если позволитъ время, то онъ будетъ читать и судебную медицину по книгѣ Мецгера Systema Medicinae forensis. Тогда же представилъ онъ совѣту и планъ анатомическаго театра. Оказалось, что въ проектѣ университетскихъ зданій предполагаемыхъ къ постройкѣ, представленномъ попечителю, не было ни анатомическаго театра, ни клиническаго института, ни лабораторіи. Въ сентябрѣ пошло представленіе къ Румовскому о необходимости постройки анатомическаго театра по плану Брауна, выбравшаго и мѣсто для него въ нижнемъ углу пустыря Спижарнаго, выходящаго на нижнюю улицу (т. е. то мѣсто, которое теперь занято обсерваторіею). Планъ, фасадъ и расположеніе комнатъ, представленные Брауномъ, сохранились въ существующемъ зданіи театра, но оно выстроено было не скоро. «Къ строенію театра приступить время еще не приспѣло, писалъ совѣту Румовскій. Надобно прежде воздвигнуть главное зданіе и потомъ, имѣя въ виду строенія, къ ботаническому саду принадлежащія, лабораторію, клиническій институтъ и обсерваторію, назначить мѣста гдѣ какое зданіе мѣстное положеніе удобнѣе и приличнѣе воздвигнуть позволитъ» (Предлож. 12 сент. 1807 г. № 473) и тогда же указывалъ, какъ видно изъ письма его къ Брауну (11 ноября 1807 года), на главный недостатокъ плана: «c'est la grandeur du bâtiment qui demanderait de grandes dépenses, auxquelles les circonstances actuelles ne permettent pas

aspirer». Въ 1811 году, по предложенію Руновскаго, составленъ былъ совѣтомъ университета комитетъ изъ нѣкоторыхъ членовъ, съ приглашеніемъ губернскаго архитектора, для составленія плана, фасада и смѣты анатомическаго театра. Университетъ настаивалъ на его необходимости: «Никто изъ слушателей, писалъ онъ (28 авг. 1811 г. № 373), не можетъ сдѣлать въ университетѣ постоянныхъ, надежныхъ и дальнѣйшихъ успѣховъ въ медицинскихъ наукахъ, проходя анатомію и не видя на практикѣ строенія человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ успѣхи отъ таковыхъ слушателей нынѣ чрезвычайно нужны, какъ для правительства, дабы болѣе имѣть людей способныхъ къ отправленію медицинской практики, такъ и для университета, дабы съ большею пользою гг. преподаватели по части медицины могли отправлять свою должность, а слушатели достигать высшихъ степеней и тѣмъ скорѣе содѣйствовать къ устройству медицинскаго факультета». Но прошло тридцать лѣтъ до того времени, когда анатомическія лекціи начались въ отдѣльномъ и приспособленномъ для нихъ помѣщеніи.

Большими затрудненіями было обставлено для профессора Брауна начало его преподаванія. Онъ дѣлалъ все, что могъ и сколько позволяли ему средства, въ той средѣ, гдѣ наука являлась случайною и гдѣ все преподаваніе медицины ограничивалось пока его лекціями. «Для сравнительной анатоміи, писалъ онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности, къ покровителю своему Франку, я сдѣлалъ нѣсколько сухихъ препаратовъ: что же касается до препаратовъ, которые должны храниться въ спирту, то въ Казани вовсе нельзя найти для нихъ стекляной посуды. Все, что я могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, состоитъ лишь въ томъ, что я потребовалъ спиртъ и посуду. Если получу требуемое, то у меня не будетъ недостатка въ препаратахъ, особенно по ихтіологіи; но для меня будетъ большое счастіе, если мнѣ удастся получить эти предметы въ теченіе года. Моя аудиторія состоитъ изъ трехъ слушателей, которымъ я читаю по латыни физіологію Прохаски. Анатомическихъ свѣдѣній у нихъ вовсе нѣтъ, такъ какъ предшественникъ мой демонстрировалъ имъ строеніе человѣческаго тѣла по овцамъ. Я постараюсь изучить съ ними отдѣльные органы, на сколько позволятъ то обстоятельства, чтобъ дать имъ нѣкоторыя понятія объ анатоміи» [1]).

---

[1]) Какъ велики должны были быть препятствія при преподаваніи анатоміи и какъ трудно было сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи Брауну, могутъ свидѣтельствовать слова Магницкаго объ анатомическомъ театрѣ, въ его запискѣ о Казанскомъ университетѣ, представленной министру народнаго просвѣщенія тотчасъ послѣ ревизіи: „Ничего не можетъ быть постыднѣе, говоритъ онъ, для публичнаго учебнаго заведенія, какъ то, что

Браунъ повидимому разсчитывалъ для себя въ Казани на практическую дѣятельность, но на первыхъ порахъ ея почти вовсе у него не было, да и потомъ онъ не пользовался въ городѣ особенною славою, за исключеніемъ нѣсколькихъ глазныхъ операцій. Любопытны его замѣтки въ этомъ отношеніи: «Врачъ практикъ не сдѣлаетъ себѣ фортуны здѣсь, такъ какъ русскій человѣкъ вообще рѣдко нуждается въ медикѣ. Случится заболѣть ему,—онъ идетъ въ свою баню и заставляетъ натирать спину тертою рѣдькою, или пьетъ огуречный разсолъ, прибавляя въ него обыкновенно меду для лучшаго дѣйствія: не поможетъ и это—пьетъ водку и тогда только шлетъ за докторомъ, когда смерть на носу. Здѣсь еще вовсе не знаютъ разницы между врачемъ и фельдшеромъ, такъ какъ ни одинъ искусный врачъ не захаживалъ въ эти страны, а еслибъ и случилось что либо подобное, то господа *штабные* врачи, ставящіе себя гораздо выше Гиппократа и выдающіе себя за величайшихъ врачей въ мірѣ, вовсе не дадутъ ему хода. Изъ подобныхъ людей состоитъ здѣшняя *управа* и весь практикующій цѣхъ. Моя практика ограничивается одною пока истерическою женщиною, да еще другою, у которой большая наклонность къ чахоткѣ. Глазныхъ паціентовъ еще не видалъ. Слава Богу, что жалованье въ 2000 рублей на столько достаточно здѣсь, что освобождаетъ отъ всякихъ разсчетовъ на такіе невѣрные источники дохода. Не смотря на то, что сначала все это произвело на меня въ высшей степени непріятное впечатлѣніе, теперь я уже привыкъ нѣсколько, и, если расширится кругъ моихъ знакомыхъ, я надѣюсь совершенно быть довольнымъ Казанью. Къ чему человѣкъ однако ни привыкаетъ!» А привыкать было конечно не легко, такъ какъ условія казанской жизни не походили на тѣ, посреди которыхъ выросъ Браунъ. Приведемъ еще описаніе города, сдѣланное имъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; оно любопытно, какъ наглядное изображеніе Казани болѣе чѣмъ за семьдесятъ лѣтъ до нашего времени:

„Городъ расположенъ въ остромъ углѣ, образуемомъ Казанкою, текущею съ сѣвера, и Волгою, въ которую Казанка впадаетъ. Послѣдняя про-

---

при Казанскомъ университетѣ называется *анатомическимъ театромъ*. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами, и недалеко небольшой шкапъ, съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими развыхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ остатковъ человѣческихъ тѣлъ, мужескаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются уже три года въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за городомъ“. Ср. *Θеоктистова*, Магницкій, Спб. 1865, стр. 47.

ходитъ подъ крѣпостью и до впаденія своего въ Волгу, течетъ по болотистому полю, покрытому кустарникомъ на протяженіи семи верстъ. Это поле, называемое лугомъ, лѣтомъ служитъ для пастьбы скота, а въ сырые годы обращается въ болото. Городъ очень великъ, такъ что по объему не уступитъ Вѣнѣ, но такъ раскинутъ по холмамъ и долинамъ, что въ самомъ городѣ есть площади, напоминающія степи. Холмы большею частію состоятъ изъ глины: между ними водою вымыло глубокіе овраги. Большая часть города лежитъ на болотистой равнинѣ, на Юго-Западъ, по направленію къ Волгѣ, и эта часть въ свою очередь дѣлится на двое длиннымъ озеромъ Кабаномъ (воду котораго, за неимѣніемъ лучшей, пьетъ цѣлый городъ) и отводнымъ каналомъ изъ него—Булакомъ, впадающимъ въ Казанку. Другая часть города, къ Сѣверу, лежитъ на лѣвомъ берегу Казанки. Большая часть города вообще расположена въ болотѣ. Весною, вслѣдствіе разлива Волги до самаго города, это болото становится озеромъ, такъ что лодки съ товарами по Булаку входятъ въ самый городъ. Сверхъ того, частію внутри города, частію въ его окрестностяхъ, находятся еще пять озеръ, или лучше сказать—болотъ съ стоячею водою. При здѣшнихъ сильныхъ жарахъ, вода загниваетъ и дѣлаетъ очень нездоровыми прилежащія части города. Дома по большей части выстроены изъ дерева, безъ этажей, притомъ весьма некрасивы и неудобны. Очень часто дѣлаются они добычею пламени. Такой печальный случай былъ и сегодня: отъ 6 до 10 часовъ вечера два дома, со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями, обращены въ пепелъ. Внутреннія стѣны домовъ покрыты только известью; двери не притворяются плотно, замки весьма дурны, а печи никуда не годятся; погреба встрѣчаются весьма рѣдко. Кухни вообще удалены отъ главнаго строенія, такъ какъ хозяйка считаетъ за стыдъ появляться на кухнѣ. Немногіе каменные дома непрочны. Всѣ они выстроены изъ кирпича, сдѣланнаго изъ одной глины и только на половину высушеннаго, почему онъ скоро вывѣтривается, а дома смотрятъ развалинами. Только въ крѣпости есть небольшой клочокъ мостовой, всѣ же остальныя улицы не вымощены. При сухой погодѣ можно еще ходить пѣшкомъ, но въ дождь и осенью нельзя обойтись безъ экипажа, особенно въ низкихъ частяхъ города, куда стекаетъ сверху вся вода и гдѣ грязь подымается до самыхъ осей дрожекъ. Какъ скоро однако вода стекла, размягченная глина такъ пристаетъ къ колесамъ, что пара лошадей съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ экипажъ. Въ Казани до 17/т. жителей, но число это нѣсколько уменьшается лѣтомъ, когда помѣщики разъѣзжаются по деревнямъ; зимою они возвращаются, чтобъ повеселиться. Знатныхъ фамилій, по европейскимъ понятіямъ, между ними нѣтъ однако вовсе. Большая часть населенія въ городѣ состоитъ изъ Русскихъ; Татаръ считается около 5/т.; они живутъ въ особой части города; нѣмецкихъ семействъ около ста; это по большей части ремесленники". Далѣе Браунъ сообщаетъ цѣны на жизненные припасы, замѣчаетъ, что въ теченіи двухъ большихъ постовъ чрезвычайно трудно купить мяса; „за то иностранныхъ винъ много въ Казани, но они большею частью представляютъ поддѣлку: привозятъ плохое вино изъ Тамани и въ большомъ употребленіи цимлянское".

Любопытнѣе всего для насъ на первыхъ порахъ дѣятельности Брауна въ Казанскомъ университетѣ должны бы быть его отношенія къ самовластному Яковкину, но объ этомъ у насъ мало свѣдѣній. Браунъ былъ «человѣкомъ характера чрезвычайно серьезнаго

и стойкаго», какъ выражается о немъ его пасынокъ, профессоръ К. К. Фойгтъ, и весьма сдержаннаго и осторожнаго, прибавимъ мы отъ себя. Пріѣхавъ въ Казань вскорѣ послѣ увольненія нѣкоторыхъ профессоровъ, такъ неудачно боровшихся съ Яковкинымъ, онъ очень хорошо понималъ свое положеніе, хотя и выражался объ окружавшей его жизни нѣсколько аллегорически: «Никогда ни одинъ городъ, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не производилъ на меня столь непріятное впечатлѣніе, какъ Казань, не по мѣстоположенію своему, которое весьма пріятно, но потому что все здѣсь такъ сказать находится еще въ мукахъ рожденія и потому каждый, владѣющій двумя крѣпкими кулаками, думаетъ о себѣ, что онъ призванъ быть помощникомъ въ этихъ родахъ, не смотря на слабость собственной головы. Бѣдные люди эти не знаютъ того, что нельзя вызывать на Божій свѣтъ еще несозрѣвшіе зародыши, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ и слабую жизнь. Много неловкихъ опытовъ произвели наконецъ то, что честный и миролюбивый человѣкъ едва ли рѣшится предпринять что либо для общаго блага, если не желаетъ, чтобъ съ нимъ поступлено было какъ съ этими людьми. Тутъ болѣе одной гидры, у которой надобно отрубить голову, но это сдѣлается еще не скоро: гидры живутъ и пугаютъ во мракѣ, а испорченное дѣло поправить не легко. Все это однако не должно охлаждать моего стремленія быть полезнымъ. Для меня это только предостереженіе и оно заставляетъ меня быть осмотрительнымъ и осторожнѣе приниматься за дѣло, для того чтобъ не погубить и ту частицу добра, которую я въ состояніи принести».

Эти достоинства характера были причиною, что Браунъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни своей въ Казани успѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе, не только въ средѣ близкихъ ему нѣмецкихъ профессоровъ, для которыхъ онъ былъ, по выраженію Яковкина, «оракуломъ», но и между русскими, даже въ городѣ, мало сочувствовавшемъ университету. Яковкинъ очень хорошо понималъ, что рядомъ съ нимъ, понемногу, выростаетъ въ общемъ мнѣніи человѣкъ нравственной силы, который долженъ смѣнить его и потому конечно старался представить его не въ благопріятномъ свѣтѣ въ глазахъ Румовскаго. На первыхъ порахъ онъ видимо расположенъ къ Брауну: «отъ праводушія его, особенной ревности его къ должности и откровеннаго безпристрастія здѣшній университетъ много добраго ожидать можетъ», сообщаетъ онъ попечителю (12 мая 1808 г.), но когда въ концѣ 1810 года сдѣлана была со стороны министра народнаго просвѣщенія и попечителя неудавшаяся попытка дать самоуправленіе университету, и при избраніи ректора большинство голосовъ соединилось въ пользу Брауна, Яковкинъ видимо сталъ пре-

слѣдовать его. Онъ иначе не называетъ Брауна какъ оракуломъ между нѣмцами, его общество считаетъ онъ «предосудительнымъ», жалуется на его самолюбіе, сообщаетъ о его *нетерпимомъ характерѣ* и о скупости, когда около того времени Браунъ, послѣ не утвержденія его ректоромъ, рѣшался было совсѣмъ оставить Казанскій университетъ: «Имѣя до пятидесяти тысячъ рублей, какъ знающіе увѣряютъ, (что доказывается здѣсь и тѣмъ, что разные профессоры ему должны, а учитель Стефани переводилъ ему съ русскаго на нѣмецкій языкъ ломбарда московскаго билетъ на сорокъ пять тысячъ, собранные имъ изъ долговъ въ Вильнѣ и отданные въ проѣздъ чрезъ Москву) въ процентахъ, свободно можетъ онъ жить и безъ должности; но непомѣрная его скупость того ему не позволитъ, когда онъ и здѣсь имѣетъ себѣ постояннымъ правиломъ, чтобъ и съ кухаркою не издерживать въ день болѣе пятидесяти копѣекъ на все содержаніе» (6 ноября 1811 г.) [1]). Мелкія преслѣдованія Яковкина были въ то время на столько важны, что даже такое пустое обстоятельство, какъ поѣздка Брауна на нѣсколько дней въ вакаціонное время въ сосѣдній Свіяжскъ, была поводомъ къ оффиціальной перепискѣ. «Своевольнаго отъѣзда Брауна я не хвалю, отвѣчалъ Румовскій Яковкину на увѣдомленіе его объ этомъ обстоятельствѣ, но надобно дать ему время еще посвоевольничать»; тѣмъ не менѣе онъ тогда же (21 августа 1811 г., № 848) донесъ министру, что «профессоръ Браунъ отлучился изъ Казани, не предъувѣдомя ни совѣтъ ни директора объ отъѣздѣ своемъ, въ городъ Свіяжскъ, чтобы воспользоваться временемъ отдохновенія, въ уставѣ назначенномъ» и просилъ постановленія, такъ какъ въ уставѣ ничего не сказано о правѣ отлучки безъ отпуска въ другіе города на вакаціонное время.

До этого выбора въ ректоры, столь не понравившагося Румовскому, послѣдній относился къ Брауну съ полнымъ уваженіемъ и участіемъ. У Брауна было личное дѣло. Находясь еще на службѣ въ Вильнѣ, онъ сговорилъ за себя дочь гейдельбергскаго профессора Лангсдорфа и имѣлъ намѣреніе въ каникулярное время 1807 года жениться и переѣхать уже съ женою въ Казань, но тогда не удалось это сдѣлать за военными обстоятельствами. Лѣтомъ 1808 года онъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему съѣздить въ Германію, сверхъ вакаціоннаго времени, на которое полагалось тогда только одинъ мѣсяцъ, еще на два мѣсяца, безъ вычета жалованья. Два раза пред-

[1]) Въ 1811 году Браунъ имѣлъ намѣреніе купить деревню, но гражданская палата отказала ему въ томъ, вѣроятно потому что онъ не былъ потомственнымъ дворяниномъ.

ставлялъ объ этомъ Румовскій министру, и очень энергически, но сохранить содержаніе на три мѣсяца министръ не согласился. Посылая Брауну заграничный паспортъ, попечитель писалъ ему: «Довѣріе, питаемое мною къ вашему уму и познаніямъ, побудило меня просить васъ поискать во время путешествія ученаго, который согласился бы ѣхать въ Казань въ званіи профессора патологіи, терапіи и клиники, съ нужными для того свѣдѣніями». Свадьба Брауна состоялась однако безъ поѣздки за границу [1]). Тѣмъ не менѣе онъ рекомендовалъ Румовскому Шмидтмюллера, профессора въ Ландсгутѣ, Здекауэра и Субботина, военнаго врача, котораго онъ зналъ еще въ Вильнѣ. Поступленіе ихъ въ Казанскій университетъ не состоялось однако по разнымъ причинамъ. Точно также онъ хвалилъ для замѣщенія каѳедры акушерства Бонгарда и, входя въ кругъ требованій Румовскаго и Яковкина отъ профессора, онъ писалъ о Бонгардѣ: «Le caractère moral de M-r Bonhard est tel, qu'il doit être pour l'université naissante de Kasan, si elle doit prospérer. Il est tranquille, pacifique, il aime à faire son devoir et ne se mêle pas dans les affaires, qui ne sont pas de son ressort, en un mot: il est un honnête homme». Этими моральными свойствами безъ сомнѣнія обладалъ и Браунъ или по крайней мѣрѣ онъ старался быть такимъ. Такой характеръ, въ соединеніи съ сдержанностью и стойкостью, и былъ причиною, что на долю Брауна выпала честь быть первымъ выборнымъ ректоромъ Казанскаго университета въ 1814 году, когда онъ дѣйствительно былъ открытъ, согласно уставу [2]). Высказывая

---

[1]) Отецъ невѣсты требовалъ непремѣнно, чтобъ женихъ самъ пріѣхалъ за нею въ Гейдельбергъ и долго не отпускалъ ее. Наконецъ она пріѣхала въ Москву въ декабрѣ 1808 года съ какимъ то нѣмецкимъ купцомъ, давно жившимъ въ этомъ городѣ; туда же пріѣхалъ и Браунъ изъ Казани. Свадьба была въ концѣ декабря, Браунъ тотчасъ же воротился въ Казань и, совершенно счастливый, какъ писалъ онъ къ Румовскому, занялся устройствомъ своего маленькаго хозяйства и казенной квартиры, не топленной въ его отсутствіе, гдѣ онъ не находилъ мѣста отъ страшнаго холода. Жена его умерла въ Казани черезъ четыре мѣсяца, вслѣдствіе нервной горячки, а Браунъ года чрезъ три женился на вдовѣ профессора Фойгта.

[2]) Браунъ умеръ 8 января 1819 года, на 44 году жизни, будучи выбранъ въ должность ректора на второй срокъ. Нѣсколькими недѣлями онъ не дожилъ до ревизіи Магницкаго. Съ какимъ почетомъ и уваженіемъ университетъ хоронилъ своего перваго ректора, можно видѣть изъ современнаго печатнаго описанія (*Казанскія Извѣстія* 1819 года, № 6) и изъ церемоніала, составленнаго въ совѣтѣ университета и сохранившагося въ дѣлахъ. Очевидно, что Браунъ, не смотря на уединенную жизнь свою, пользовался общимъ уваженіемъ. Для насъ въ особенности любопытно, что его, представителя свѣтской науки въ молодомъ университетѣ, и притомъ, какъ кажется католика, почтили участіемъ представители высшаго духовенства въ

*

въ своей латинской рѣчи въ торжественномъ собраніи университета по поводу его открытія, значеніе для жизни университета выборнаго ректора, когда Императоръ Александръ «mediis in castris (т.-е. въ заграничномъ походѣ) jussit, ut Rector praeesset is, qui plurimorum suffragiis creatus», Браунъ говорилъ и о личномъ чувствѣ своемъ, въ виду важной и тяжелой обязанности, возложенной на него довѣріемъ товарищей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ и на тѣ нравственныя качества, которыя всегда были вѣрными помощниками ему въ различныхъ обстоятельствахъ жизни и которыя считаетъ онъ необходимыми для ректора: conscia mens recti, vitae integritas, religiosissima officiorum cura et fiducia in Deo opt, maximo reposita» [1]).

Въ теченіе двѣнадцатилѣтней профессорской службы Браунъ читалъ по латыни: 1) физіологію, пользуясь сочиненіями по этой части учителя своего Прохаски. Вотъ конспектъ его лекцій, насколько можно было составить его изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о преподаваніи, представляемыхъ попечителю. «Отправленія нервовъ души; чувства внѣшнія и внутреннія; расположеніе и строеніе органовъ чувствъ; строеніе кровевозвратныхъ и біющихся жилъ, кругообращеніе крови; силы производящія сіе движеніе; различія движеній крови и ея употребленія и пользы; о всасываніи (absorbtio), о преобращеніи вообще (de assimilatione in genere); о голодѣ и жаждѣ, о пищѣ и питіи; о жеваніи и глотаніи; о вареніи пищи; о приготовленіи питательнаго сока и испражненіяхъ вообще, de omento, de pancreate, о селезенкѣ, о печени и желчи и объ отправленіяхъ кишекъ толстыхъ и тонкихъ; о кровотвореніи; о кровопроизвожденіи (sanguificatio); о питаніи; отдѣленіи (secretio); объ отправленіяхъ половыхъ; о различіи пола вообще; о зачатіи и рожденіи человѣка; о зародышѣ; объ обезображеніи плода или объ уродахъ, о кровяной пасокѣ, кровяномъ пирогѣ, о волокнистой части крови и о кровяныхъ шарикахъ; о воздухѣ и водѣ; о климатѣ и электричествѣ;

краѣ, единственные хранители науки въ провинціи до созданія Александровскихъ университетовъ. Въ это свѣтлое время (передъ самой однакожъ реакціонной бурей) антагонизма не было. Брауна полнымъ православнымъ обрядомъ, по личному желанію, отпѣвалъ извѣстный проповѣдникъ, архіепископъ Казанскій и Симбирскій Амвросій Протасовъ, въ церкви Покрова Богородицы, и провожалъ его въ полномъ облаченіи до церкви Грузинской Божіей Матери, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, а ректоръ семинаріи, въ которую была только что преобразована академія, архимандритъ Ѳеофанъ, говорилъ покойному надгробное слово (Браунъ былъ врачемъ при академической больницѣ).

[1]) Oratio solemnia inaug. V Julii an. 1814. p. 3.

о свѣтѣ, пищѣ, лѣкарствахъ; объ эѳирѣ, магнитѣ и вліяніи звѣздъ и организаціи; объ инстинктѣ; о силѣ производящей; о привычкѣ, темпераментѣ и собственномъ здоровьи» [1]). По открытіи университета и образованіи медицинскаго факультета, Браунъ читалъ 2) анатомію, руководствуясь сочиненіемъ Видемана. Практическая часть преподаванія сильно страдала. Часто въ отчетахъ мы встрѣчаемъ такого рода извѣстія: «Профессоръ Браунъ, за неимѣніемъ кадаверовъ, на коихъ бы нужно было показать строеніе мозга и происхожденіе нервовъ, прервалъ порядокъ автора (Прохаски) и показывалъ мозгъ на Лодеровыхъ таблицахъ». Изъ дѣлъ видно, что Браунъ нѣсколько разъ представлялъ совѣту о неимѣніи для лекцій труповъ, совѣтъ писалъ о томъ въ полицію, жаловался на нее губернатору, представлялъ попечителю, но отвѣта ни откуда не получалъ. Анатомическія лекціи происходили лишь въ зимнее время и то только въ такомъ случаѣ, если доставлялись трупы. Пришлось ограничиваться Лодеровыми таблицами и объяснять напр. внѣшнія чувства и физіологическіе процессы, «сколько можно» на препаратахъ изъ «безсловесныхъ животныхъ: четвероногихъ, птицъ, питающихся зернами, рыбъ и насѣкомыхъ».—Кромѣ упомянутыхъ предметовъ Браунъ читалъ 3) судебную медицину, по сочиненію Мецгера и медицинскую полицію по книгѣ Шрауда. Въ составъ этого курса входили слѣдующія части: «О качествахъ судебнаго врача, о вспомогательныхъ наукахъ судебной медицины; о смертельности поврежденій всякой части нашего тѣла (головы, груди, брюха) въ разсужденіи ихъ положенія и дѣйствій». Въ 1817 году онъ принялъ на себя чтеніе 4) хирургіи, за неимѣніемъ профессора этого предмета, съ половиннымъ окладомъ жалованья. До открытія университета лекціи Брауна имѣли совершенно случайный характеръ и случайныхъ слушателей; врача изъ этихъ слушателей конечно не вышло ни одного. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ у него было два студента. Эти студенты обязаны были слушать кромѣ его лекцій слѣдующіе предметы: греческую и латинскую словесность, химію и матерію-медику; одинъ изъ нихъ слушалъ кромѣ того философію, а другой технологію (вмѣсто химіи); оба занимались сверхъ того живописью. Большого труда стоило Яковкину, при опредѣленіи всякаго новаго профессора, вербовать для него добровольныхъ и недобровольныхъ слушателей. Только въ 1812 году, вѣроятно подъ вліяніемъ войны, набралось у Брауна 12 студентовъ.

---

[1]) Все это совершенно соотвѣтствуетъ оглавленію книги Прохаски: Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen. Zum Gebrauch seiner Vorlesungen. 1—2. Wien 1797. 8°.

Кромѣ упомянутой рѣчи при открытіи университета, Браунъ произнесъ и напечаталъ въ 1817 году еще рѣчь: «De circulatione sanguinis ejusque organis», p. 1—14.

Въ засѣданіе совѣта 9 октября 1807 года въ первый разъ явился, незадолго до того (3 августа) утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія профессоромъ на единственную каѳедру восточныхъ языковъ, положенную уставомъ 1804 года, докторъ *Христіанъ Мартинъ Френъ*, столь извѣстный впослѣдствіи въ наукѣ членъ С. Петербургской Академіи Наукъ. На долю этого человѣка выпало быть начинателемъ и *восточнаго отдѣленія* или факультета, которымъ когда-то гордился Казанскій университетъ и дѣйствительной, строгой науки, посвященной изученію восточнаго міра, къ чему, казалось, призывали Россію и историческія судьбы и географическое ея положеніе.

Казань этимъ восточнымъ положеніемъ своимъ была въ самомъ дѣлѣ, какъ думали тогда, предназначена для того, чтобъ сдѣлаться дѣятельнымъ центромъ изученія Востока въ Россіи. Столица когда-то сильнаго татарскаго царства, она и до сихъ поръ сохранила слѣды татарскаго періода и въ памятникахъ, и въ значительной части своего населенія, отличающейся и одеждой, и обликомъ. Въ татарскихъ слободахъ вѣетъ Востокомъ; съ минаретовъ мечетей звучатъ горловыя призыванія на молитву правовѣрныхъ. Тамъ и ученость восточная въ многолюдныхъ медресе, образовывающихъ муллъ и изучаемая иногда въ теченіе многихъ лѣтъ. Этотъ восточный характеръ города и необходимость изучать въ немъ восточные языки сознаны были очень рано, еще въ первые годы существованія гимназіи въ Казани. Уже первый директоръ этой гимназіи, тотъ при которомъ учился Державинъ, сознавалъ необходимость изученія здѣсь, на мѣстѣ, татарскаго языка: «Здѣшній городъ, писалъ онъ въ рапортѣ своемъ въ Московскій университетъ 18 сентября 1759 года, есть главный цѣлаго царства татарскаго національнаго діалекта. Не повелѣно ли будетъ завести при гимназіяхъ классъ татарскаго языка? Современемъ на ономъ отыскиваемы быть могутъ многіе манускрипты; *правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый может быть не малой свѣтъ въ русской исторіи»* [1]). Выгодность и удобства положенія Казани для изученія Востока и восточныхъ языковъ были не разъ указываемы въ разныхъ актовыхъ рѣчахъ и въ сочиненіяхъ, посвященыхъ успѣхамъ и развитію восточной словесности

---

[1]) Русская Бесѣда 1860. ч. I. Біографія Веревкина, стр. 16.

въ царствованіе Императора Николая [1]), когда собственно и существовало въ Казани восточное отдѣленіе или факультетъ.

Научное изученіе восточныхъ языковъ, начиная съ татарскаго, какъ мѣстнаго и ближайшаго, возникло изъ практическихъ потребностей, сознаваемыхъ уже въ царствованіе Екатерины II. Эта государыня, во время своего перваго путешествія по Россіи, передъ самымъ созваніемъ депутатовъ, наглядно узнала какимъ разнообразнымъ и разноплеменнымъ міромъ народовъ выпало на долю ея управлять. Безъ сомнѣнія въ самой Коммиссіи встрѣчались затрудненія при заявленіяхъ желаній депутатовъ отъ инородцевъ, и это обстоятельство, а также гуманное желаніе правительства точно знать нужды разноязычныхъ народовъ указали на необходимость имѣть знающихъ и образованныхъ переводчиковъ. Это былъ естественный ходъ науки и практическая цѣль должна была превратиться въ научную, именно ту, которая остается въ исторіи духа. Такъ успѣхи и громадное развитіе знанія о Востокѣ въ Англіи, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, обязаны началомъ своимъ сильнѣйшему стимулу въ душѣ такого практическаго народа, какъ англичане,—интересу, собственной выгодѣ, какъ это прямо и высказываетъ знаменитый орьенталистъ сэръ Вильямъ Джонсъ. Выгода привела къ научному изслѣдованію; послѣднее скрѣпило англійскія завоеванія на Востокѣ. Точно такъ и у насъ потребность въ переводчикахъ вызвала первые классы восточныхъ языковъ въ разныхъ училищахъ при Екатеринѣ. Съ 12 мая 1769 года въ Казанскихъ гимназіяхъ введено преподаваніе татарскаго языка. Указъ Императрицы Екатерины отъ этого числа на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина прямо говоритъ о необходимости переводчиковъ съ татарскаго и заключаетъ въ себѣ повелѣніе: «учредить *единожды навсегда* (послѣднимъ уставомъ гимназій 1874 года этотъ указъ Екатерины отмѣненъ) при Казанской гимназіи для охотниковъ *классъ того языка* и опредѣлить учителемъ онаго Старой и Новой татарскихъ слободъ *депутата* (т. е. въ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія) и тамошней адмиралтейской конторы толмача *Сагита Хальфина*, котораго пожаловавъ въ переводчики съ чиномъ и жалова́ньемъ противъ губернскаго переводчика, какъ его самаго, такъ и дѣтей его мы исключили изъ податнаго оклада, дабы

---

[1]) См. напр. акад. *Дорна*: „Ueber die hohe Wichtigkeit und die nahmhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland“ въ Recueil des actes, SPB. 1840, S. 93. Или: *Ковалевскаго*: „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ до настоящаго времени“. Казань. 1842. 8°.

онъ съ своей стороны къ обоимъ ему поручаемымъ должностямъ прилежаніе, а дѣти его къ наученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли [1])». Этотъ Сагитъ былъ потомъ переводчикомъ въ слѣдственной коммиссіи по Пугачевскому бунту [2]). Тотчасъ по присоединеніи Крыма оказалась опять надобность въ знатокахъ татарскаго языка, и для сношеній съ Татарами во всѣхъ учрежденіяхъ новой Таврической области должны были быть надежные переводчики и знатоки татарскаго языка. Потемкинъ за такими лицами обратился къ Казанскому генералъ-губернатору князю Мещерскому, а тотъ естественно написалъ въ гимназію. Доставила ли гимназія переводчиковъ—неизвѣстно. Но тогдашній директоръ Казанскихъ гимназій подполковникъ Иванъ Өедоровичъ Людеманъ, въ благодарность Потемкину за лично оказанныя ему милости съ самаго вступленія его въ службу россійскую, поднесъ ему въ 1785 году словарь и грамматику татарскіе, составленные по его порученію при гимназіяхъ [3]). «Нѣтъ надобности упоминать, говорилъ въ своемъ посвященіи книги Principi pacificatori Crimeae Людеманъ, о тѣхъ бѣдствіяхъ, какъ всѣмъ уже довольно извѣстныхъ, которыя Россіи отъ оной безпокойной области издревле причиняемы были, ниже о тѣхъ великихъ, также небезпримѣтныхъ выгодахъ, кои отъ нынѣшняго счастливаго оной присоединенія проистекаютъ. При таковомъ преславномъ произшествіи всевозможно присовокуплять, есть долгъ каждаго вѣрноподданнаго, но поелику до нынѣшняго времени словаря татарскаго, для дѣлъ съ онымъ народомъ потребнаго, еще не

---

[1]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе стр. 3. *Артемьева*, Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. Спб. 1874. стр. 90.

[2]) *Артемьевъ*, ibid. Сагиту принадлежитъ „Азбука татарская, съ россійскимъ переводомъ и съ обстоятельнымъ описаніемъ буквъ и складовъ". М. 1778. 8°. Она, по указанію Артемьева, служила руководствомъ при преподаваніи. Сагитъ былъ учителемъ до 1785 года, когда отказался по старости.

[3]) Рукопись библіотеки Каз. Унив. подъ № 1582: „Татарскій словарь и краткая татарская грамматика въ пользу обучающагося при Казанскихъ гимназіяхъ юношества татарскому языку. Сочиненный при оныхъ же гимназіяхъ". Прекрасный экземпляръ этотъ въ двухъ частяхъ, съ виньеткою и съ золотымъ обрѣзомъ, безъ сомнѣнія тотъ самый, который былъ посланъ Потемкину. Очень можетъ быть, что онъ остался безъ употребленія, вслѣдствіе разности нарѣчія крымскихъ Татаръ съ нарѣчіемъ казанскихъ и черезъ 15 лѣтъ снова воротился въ Казань, вмѣстѣ съ библіотекою князя Потемкина. Когда Румовскій прислалъ въ 1806 году десять экземпляровъ русско-татарскаго словаря, составленнаго въ Тобольскѣ священникомъ *Гигановымъ* (Спб. 1804 г.), Яковкинъ, какъ кажется ошибочно, писалъ, что вѣроятно списокъ Потемкинскаго словаря какъ нибудь попалъ въ Тобольскъ: „Напечатанъ онъ изъ слова въ слово съ нашимъ и со всѣми находящимися въ немъ ошибками и пропусками".

находилось, то я, имѣя дирекцію надъ Казанскими гимназіями, съ радостію предпріялъ о сочиненіи онаго, тоже и краткой татарской грамматики приложить стараніе». Принималъ ли Сагитъ Хальфинъ участіе въ составленіи этого словаря — неизвѣстно. Замѣчательно, что предпріятіе Людемана совпало по времени съ составленіемъ словарей инородческихъ нарѣчій для общаго сравнительнаго словаря, задуманнаго Екатериною. Въ 1784 году она поручила Казанскому архіепископу Антонію составить татарскій словарь [1]), какъ поручила въ тоже время такое же дѣло составленія иноязычныхъ словарей Нижегородскому епископу Дамаскину [2]), какъ поручала и другимъ, доставляя и планъ работы. Архіепископъ Антоній не обошелся безъ помощи гимназіи, которая доставила ему для этого дѣла ученика Семена Мальцева и солдата Имангула Чурикова. О словарѣ Антонія свѣдѣній у насъ не имѣется.

Послѣ Сагита Хальфина татарскій языкъ въ гимназіи преподавалъ до 1800 года сынъ его *Искакъ* [3]), а съ 1800 по 1828 годъ внукъ—*Ибрагимъ* Хальфинъ, впослѣдствіи адъюнктъ университета. Этого послѣдняго засталъ Френъ, сблизился съ нимъ, познакомился съ его помощью съ казанско-татарскимъ нарѣчіемъ, завелъ черезъ него связи съ учеными муллами и не прерывалъ съ нимъ сношеній и по переѣздѣ въ Петербургъ. По представленію Френа въ 1811 году, Ибрагимъ Хальфинъ, сверхъ учительства въ гимназіи, сдѣланъ былъ лекторомъ татарскаго языка при университетѣ. Преподаваніе семьи Хальфиныхъ не могло имѣть никакого другаго характера кромѣ практическаго; оно давало возможность изучать живой разговорный языкъ и изъ школы Хальфиновъ вышли отличные переводчики, по свидѣтельству Ковалевскаго. Этотъ практическій характеръ, необходимый для надобностей государства, считающаго въ предѣлахъ своихъ милліоны людей восточнаго племени, остался бы на долго, и въ царствованіе Александра, еслибъ не были основаны въ университетахъ каѳедры восточныхъ языковъ и, еслибъ самая наука изученія Востока не получила около того времени, подъ вліяніемъ событій историческихъ и въ области духа, особеннаго и весьма важнаго содержанія.

---

[1]) *Артемьевъ*, ibid. стр. 180.

[2]) *Русская Старина*, 1878 г. XXIII. 705—707.

[3]) Искакъ по порученію правительства перевелъ на татарскій языкъ „Учрежденіе о губерніяхъ“ и „Уставъ Управы Благочинія“, которые были напечатаны въ Спб. въ 1792 году въ особой типографіи. За трудъ этотъ Искакъ получилъ чинъ губернскаго секретаря и 1000 рублей. Во время отсутствія его для этого дѣла въ Петербургъ, должность учителя исправлялъ братъ его Измаилъ.

Дѣйствительно тогда знакомство съ Востокомъ получило особенно широкое развитіе. Не говоря уже объ успѣхахъ еврейскаго изученія. начавшагося въ Германіи со времени Лютеровой реформы и представлявшаго тогда много блестящихъ ученыхъ именъ, вспомнимъ какія событія сопровождали расширеніе свѣдѣній о Востокѣ. Египетская экспедиція Наполеона, вызвавшая ученую экспедицію, раскрыла передъ Европой впервые таинственную страну пирамидъ и чудеса ея древней мудрости, которой поучались основатели греческой цивилизаціи; Анкетиль Дю-Перронъ открылъ и издалъ отрывки знаменитой книги Ирана, трактующей о борьбѣ добра и зла съ основанія міра, труды Азіатскаго королевскаго общества въ Лондонѣ и изданія восточно-индійскихъ англійскихъ обществъ въ Батавіи, Мадрасѣ, вызванныя политическими нуждами Англіи, раскрыли мысль, поэзію, всю цивилизацію и языкъ Ведъ и браминовъ, и дали содержаніе для нѣмецкой науки. Рядомъ съ этими явленіями шло и развивалось изученіе мухамеданскаго Востока, главнымъ центромъ котораго сдѣлалось Парижское Азіатское Общество. Наука, ея содержаніе и направленіе всегда даются и создаются общимъ духомъ времени, невидимымъ вліяніемъ переживаемыхъ событій, которыя направляютъ теченіе мысли человѣческой. Такъ было и въ то время, о которомъ мы говоримъ. Для людей, потрясенныхъ сильными революціонными бурями въ концѣ вѣка, изученіе Азіи, далекаго Востока, древнихъ преданій, получило особенную, съ современнымъ почти содержаніемъ, прелесть. Это дѣлалось невольно, но иногда и высказывалось. Такъ высказалъ глубокое значеніе для современной эпохи изученія Востока одинъ изъ самыхъ развитыхъ русскихъ людей времени, сдѣлавшій потомъ, въ званіи министра народнаго просвѣщенія такъ много для изученія Востока, въ нашемъ отечествѣ [1]). «Измученные кровавыми неистовствами, совершенными во имя разума человѣческаго, мы не должны ждать повторенія потрясеній, говорилъ онъ. Мы призваны на защиту громадныхъ развалинъ, къ возстановленію, а не къ постройкѣ новаго зданія. Одинаковыя причины и насъ, какъ Неоплатониковъ, заставляютъ обратиться къ далекой древности, изучать ее. Это изученіе дастъ благородное занятіе взволнованному духу и окажетъ услуги европейской цивилизаціи, опредѣляя первоначальныя основы ея происхожденія. А въ этомъ отношеніи какой предметъ человѣческой любознательности можетъ сравниться съ изученіемъ Азіи? Расширеніе знаній объ этой обширной и чудесной странѣ можетъ быть дастъ намъ нить въ ла-

[1]) Мы говоримъ о графѣ С. С. Уваровѣ. См. его „Projet d'une académie asiatique". SPB. 1810. p. 28—29.

биринтѣ человѣческаго духа, можетъ быть откроются древніе, забытые, скрытые подъ развалинами источники и они-то дадутъ этому духу и силу и новую свѣжесть, предвѣстниковъ великихъ эпохъ, когда раждаются геніальныя созданія». «Juvat integros accedere fontes»—приводилъ онъ стихъ Лукреція, говоря объ изученіи Востока.

Отъ изученія Востока ждали обновленія Азія являлась колыбелью всемірной цивилизаціи; въ ней думали найти источники просвѣщенія, начала всѣхъ наукъ, прославившихъ европейскій Западъ; это подтверждалось и библейскими разсказами и преданіями Грековъ. Источникъ умственнаго развитія Греціи искали въ древней Индіи, въ Египтѣ; на Востокѣ—древнѣйшіе памятники исторіи; самая древняя и самая священная по религіознымъ преданіямъ наука человѣчества—астрономія родилась на Востокѣ; Востокъ — родина самаго древняго и самаго совершеннаго языка браминовъ; на немъ писаны Веды—самый древній памятникъ, предшествующій исторіи. Тогда еще не знали сравнительнаго языкознанія. «Изучать языкъ народа» значило тогда «изучать рядъ его идей». Вниманіе орьенталиста, какъ и изучающаго классическіе языки, все было сосредоточено тогда на одномъ какомъ либо языкѣ, на его грамматикѣ, на его особенностяхъ, на знакомствѣ и объясненіи его литературныхъ памятниковъ. «Аналитическое изученіе языка вводитъ насъ въ геній народа» — говорили тогда, а за изученіемъ восточныхъ языковъ скрывалось «раскрытіе забытыхъ, но вѣчныхъ и великихъ тайнъ человѣческаго развитія».

Такое обще-человѣческое, культурное и цивилизаціонное значеніе получило тогда въ Европѣ изученіе восточныхъ языковъ и литературъ, тогда какъ у насъ существовали только низшіе практическіе классы для переводчиковъ съ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми Россія входила въ сношенія или которые жили въ ея предѣлахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каѳедры восточныхъ языковъ въ уставахъ Александровскихъ университетовъ учреждены были отчасти подъ вліяніемъ общихъ европейскихъ взглядовъ на эту отрасль науки, успѣхи которой были уже извѣстны составителямъ уставовъ, но незначительное число этихъ каѳедръ (по одной на университетъ) и неопредѣленность состава каждой (она называлась вообще каѳедрою восточныхъ языковъ) указываютъ на то, что это была лишь дань духу времени, а не дѣйствительное сознаніе необходимости дать широкое развитіе этой наукѣ, особенно важной для Россіи по ея географическому положенію, международнымъ и внутреннимъ отношеніямъ и по ея исторической миссіи на Востокѣ. Между тѣмъ около того же времени государственный умъ Уварова понималъ и высказывалъ это общее гуманитарное и спеціальное для

Россіи значеніе изученія Востока: «Въ эпоху возрожденія изученія Востока, останется ли Россія позади всѣхъ европейскихъ народовъ?— говорилъ онъ въ мемуарѣ, посвященномъ тогдашнему нашему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому. Россія, сопредѣльная съ Азіей, обладательница всей сѣверной части этого материка, не можетъ не раздѣлять съ прочими народами общаго нравственнаго побужденія въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ, но у ней есть особенное, политическое побужденіе къ тому; при одномъ взглядѣ на географическую карту, оно становится яснымъ и несомнѣннымъ. Россія опирается, такъ сказать, на Азію. Сухопутная граница громаднаго протяженія приводитъ ее въ соприкосновеніе почти со всѣми народами Востока; между тѣмъ едва ли можно повѣрить тому, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ Россіи меньше всего сдѣлано для изученія Азіи. Довольно самыхъ первоначальныхъ политическихъ свѣдѣній для пониманія тѣхъ выгодъ, которыя Россія могла бы извлечь изъ серьезнаго изученія Азіи. Россія, имѣя самыя близкія сношенія съ Турціей, Китаемъ, Персіей, Грузіей, легко могла бы не только способствовать чрезвычайно успѣхамъ всеобщаго просвѣщенія, но преслѣдовать и свои, самые близкіе и дорогіе интересы. Никогда государственная польза не являлась въ такомъ согласіи съ обширными видами цивилизаціи нравственной» [1]). Этотъ упрекъ въ недостаткѣ изученія Востока, столь необходимаго для насъ въ политическомъ отношеніи, Уваровъ старался устранить потомъ, когда сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Никогда у насъ не было сдѣлано такъ много для изученія Востока; никогда не было открыто столько восточныхъ каѳедръ и факультетовъ, какъ въ его управленіе. Здѣсь конечно не мѣсто распространяться объ успѣхахъ восточнаго знанія въ министерство графа Уварова, но мы обязаны напомнить, что при немъ возникла, развилась и исчезла слава восточнаго отдѣленія въ Казанскомъ университетѣ. Правда польза, принесенная этимъ отдѣленіемъ, имѣла больше практическій характеръ; «успѣхи всеобщаго просвѣщенія» отъ изученія Востока у насъ были не очень значительны, но это уже зависѣло отъ общаго хода развитія науки и отъ особенныхъ историческихъ условій ея въ нашемъ отечествѣ. Тѣмъ не менѣе почтенныя имена Френа, Эрдмана, Ковалевскаго, Казембека, Попова, Петрова, И. Н. Березина, В. П. Васильева пріобрѣли извѣстность въ исторіи науки и способствовали славѣ Казанскаго университета. И между студентами встрѣчались, правда не многія личности, съ чистымъ и идеальнымъ, вполнѣ научнымъ, не «ташкентскимъ» рве-

---

[1]) Projet, стр. 8—9.

ніемъ, отдававшіяся изученію Востока, его мысли, его исторіи, его поэзіи. Графъ Уваровъ, какъ человѣкъ государственный, понималъ, что нашимъ завоеваніямъ на Востокѣ необходима санкція интеллигенціи, что одна только она дастъ имъ прочность. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Россія уже не «опирается, такъ сказать, на Азію»: вся средняя Азія вошла въ составъ ея. Наши завоеванія и ближайшія сношенія съ Азіей разогнали много иллюзій; таинственный покровъ снятъ съ Востока, поблѣднѣла та «дивная прелесть неправославныхъ земель», которая увлекла Грибоѣдова въ Персію, но права науки остались. Между тѣмъ мы не видимъ увеличенія нашихъ научныхъ свѣдѣній о Востокѣ, не слышимъ, чтобъ огромныя пространства, завоеванныя русскимъ оружіемъ для всемірной культуры, нуждались въ знающихъ орьенталистахъ и знатокахъ Востока [1]).

Но обратимся къ началу преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Едва только былъ учрежденъ университетъ, какъ уже Государственная Коллегія иностранныхъ дѣлъ обратилась къ Румовскому съ просьбою о переводчикахъ съ восточныхъ языковъ: «Князь Адамъ Адамовичъ (Чарторысскій) предоставилъ мнѣ имѣть честь изъясниться съ Вашимъ Пр-ствомъ, писалъ тайный совѣтникъ Вейдемейеръ (12 августа 1805 года), нельзя ли съ вашей стороны поручить ректору Казанскаго университета, или кому заблагоразсудите, чтобы приложилъ стараніе, чтобы пріискать двухъ или хотя одного искуснаго и испытаннаго въ татарскомъ и россійскомъ языкахъ человѣка, изъ находящихся въ семъ университетѣ, или и изъ постороннихъ людей, но такого, который бы при похвальномъ поведеніи, имѣя достаточное въ обоихъ языкахъ познаніе, былъ въ состояніи переводить вѣрно и безошибочно. А какъ нужно Коллегіи имѣть надежный способъ къ снабдѣнію себя и впредь хорошими татарскаго языка переводчиками, то Вашему Пр-ству

---

[1]) Еще въ 1836 году профессоръ Казембекъ, воспитанный и образованный впрочемъ Англичанами, въ рѣчи своей „О появленіи и успѣхахъ восточной словесности въ Европѣ и упадкѣ ея въ Азіи“, жаловался съ англійской точки зрѣнія, что „прихоти страсти и *собственная выгода* у насъ еще мало имѣютъ вліянія на судьбу восточныхъ языковъ“. Онъ объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что у насъ „вкусъ къ ученію не такъ замѣтенъ въ кругу средняго класса“, что у насъ „*число людей необходимыхъ для сношеній съ азіатскими племенами менѣе того, которое могутъ выпускать всѣ учебныя заведенія по сей части*“. (См. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XI, стр. 249). Слѣдовательно спросъ правительства на знатоковъ восточныхъ языковъ былъ весьма незначителенъ; оно не нуждалось въ интеллигенціи и знаніи. Вотъ почему оканчивавшіе курсъ въ восточномъ отдѣленіи выбирали весьма часто карьеру, чуждую ихъ спеціальности и должны были забывать то, чему учились.

много бы я былъ обязанъ, еслибы, сообщая мнѣ по оному предмету ваши мысли, изволили увѣдомить меня и о томъ, не можно ли распорядиться такъ, чтобы всегда трое изъ находящихся на казенномъ содержаніи студентовъ онаго университета, по склонности своей и по выбору начальниковъ, особливо приготовляемы были для означенной должности». Румовскій на другой же день предписалъ совѣту гимназіи «поискать въ Казани человѣка такихъ качествъ, какихъ требуетъ г. Вейдемейеръ и учинить ему испытаніе въ общемъ собраніи посредствомъ учителя татарскаго языка» и кромѣ того «выбрать изъ учениковъ, обучающихся татарскому языку, съ согласія ихъ и по склонности, троихъ, и ученіе ихъ такъ расположить, чтобы они наиболѣе времени употребляли на татарскій языкъ и на другіе языки». Такимъ образомъ опредѣленіе Френа было ускорено этимъ требованіемъ Иностранной Коллегіи. Сверхъ общаго числа казенныхъ воспитанниковъ, по ея желанію, предполагалось еще имѣть человѣкъ 20 для восточныхъ языковъ, человѣка четыре для татарскаго, «прочіе же 16 человѣкъ, писалъ Румовскій, должны посвятить себя не татарскому, но другимъ языкамъ, какъ-то: турецкому, персидскому, мунгальскому, китайскому и пр. Съ симъ наипаче намѣреніемъ и Френъ выписывается». Но Румовскій вѣроятно понималъ невозможность устройства такого института при одномъ профессорѣ и одномъ учителѣ татарскаго языка и не спѣшилъ этимъ дѣломъ. Рѣшились пока ограничиться однимъ татарскимъ языкомъ. Не теряя времени совѣтъ доносилъ попечителю (18 сент. 1805 г.), что директоръ-профессоръ Яковкинъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, преимущественно для обученія татарскому языку, выбралъ пятерыхъ, на что они изъявили ему собственное свое согласіе, «а что число ихъ превышаетъ предписанное, то сіе признаетъ онъ, г. профессоръ, нужнымъ для лучшаго достиженія цѣли и предполагаемой отъ сего пользы для иностранной коллегіи и для самой гимназіи». Яковкинъ распорядился удвоить для нихъ число учебныхъ часовъ, «отдѣливъ ихъ отъ искусствъ, какъ менѣе нужнаго для нихъ предмета». Онъ писалъ о неимѣніи татарскаго лексикона и просилъ купить для азіатской типографіи, существовавшей при гимназіи, гдѣ восточнаго штрифта было много, русскихъ литеръ хотя бы на три съ половиною листа, чтобъ можно было приступить къ печатанію необходимыхъ для преподаванія книгъ: букваря и этимологіи сначала, а потомъ и лексикона [1]). «Кажется

---

[1]) Румовскій немедленно прислалъ въ Казань десять экземпляровъ татарско-русскаго словаря *Гиганова*, напечатаннаго по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1804, а первоначальное руководство, состоящее въ азбукѣ и

что и шести человѣкъ для одного татарскаго не будетъ достаточно, писалъ не задолго до прибытія въ Казань Френа, Яковкинъ къ попечителю (24 сент. 1807 г.): поелику кромѣ двоихъ, предназначаемыхъ для иностранной коллегіи, какъ университету для себя особенно нужно заготовлять ихъ, такъ и приготовлять еще въ званіе учителей для такихъ губернскихъ гимназій, въ коихъ неминуемо долженъ быть назначенъ татарскій языкъ, каковы уфимская, астраханская, симбирская и другія, по причинѣ обитающихъ въ нихъ Татаръ, а особливо, что съ самаго начала обученія сему языку въ здѣшней гимназіи, *по моему предположенію* учащіеся руководствуются и въ древнемъ аравійскомъ, какъ корнѣ (?) турецкаго, персидскаго и татарскаго, различествующихъ между собою весьма не во многомъ; слѣдовательно, хотя не собственно, но уже во многомъ готовятся у насъ ученики и для обоихъ первыхъ языковъ. Надѣюсь, что г. Френъ будетъ доволенъ успѣхами ихъ и *стараніями начальства* по сей части». Для Френа же безъ сомнѣнія Яковкинъ распорядился въ лексиконѣ Гиганова, вмѣсто татарскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами, что «для умѣющаго читать по татарски совершенно ненадобно», вставлять латинскій переводъ изъ словаря Менинскаго. Это дѣлали студентъ Риттау, учившійся татарскому языку и самъ Хальфинъ, который «довольно разумѣетъ по латыни». Студента Риттау особенно хвалилъ Яковкинъ. Для большихъ успѣховъ въ татарскомъ языкѣ. Яковкинъ просилъ для Риттау разрѣшенія пожить нѣсколько времени въ домѣ Хальфина въ Татарской слободѣ [1]) и ходить даже

грамматикѣ татарскаго языка, съ правилами арабскаго чтенія, составленное Ибрагимомъ Хальфинымъ, напечатано въ Казани, 1809. 8°, 106 стр. — Азіатская типографія заведена была въ Казани, по просьбѣ оренбургскихъ, казанскихъ и другихъ губерній Татаръ для печатанія алкорановъ, молитвенниковъ и другихъ подобныхъ книгъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ маѣ 1800 года. Два стана азіатской типографіи, состоящей на содержаніи Шнора, были перемѣщены въ Казань. Она находилась въ вѣдѣніи гимназіи, а потомъ университета и впослѣдствіи слилась съ университетскою. По большей части ее сдавали по контракту Татарамъ. Цензура лежала на обязанности гимназіи и университета. Типографія эта много помогла Френу при печатаніи имъ первыхъ его сочиненій въ Казани. Съ 1800 по 1808 годъ, т. е. до пріѣзда Френа, въ этой типографіи азбукъ, корана и разныхъ назидательныхъ и богословскихъ сочиненій и стихотвореній вышло числомъ 26. (См. *Dorn*, Chronol. Verzeichn 307—308). Въ 1807 году все напечатанное, по одному экземпляру, было послано въ Ростокъ къ Тихсену.

[1]) Это сдѣлалось потомъ обычнымъ средствомъ для казанскихъ *восточниковъ*—знакомиться практически не только съ языкомъ татарскимъ, но и съ арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ, такъ какъ въ слободахъ были знатоки ихъ и заѣзжіе мухаммедане-иностранцы жили обыкновенно между Татарами.

въ мечеть для «пріобученія произношенія и познанія арабскаго языка».

Опредѣленіе Христіана Даниловича Френа профессоромъ восточныхъ языковъ въ Казанскій университетъ произошло при содѣйствіи одного изъ первыхъ казанскихъ профессоровъ, мекленбургскаго уроженца и бывшаго студента въ Ростокскомъ университетѣ Цеплина. Не прерывая своихъ связей съ родиною, онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ извѣстному орьенталисту, профессору Ростокскаго университета Олаю Гергарду Тихсену (1734—1815), знаменитому гебраисту и нумизмату, упомянулъ о томъ, что въ недавно основанномъ Казанскомъ университетѣ находится вакантною каѳедра восточныхъ языковъ и Тихсенъ немедля обратился съ письменнымъ вопросомъ къ ученику своему Френу: не пожелаетъ ли онъ занять эту каѳедру. Для Яковкина то обстоятельство, что Френъ былъ землякомъ Цеплину, врагу его въ совѣтѣ, казалось очень опаснымъ. «Профессоръ Френъ, какъ землякъ, а можетъ быть и соученикъ Цеплина, писалъ онъ Румовскому, не преминетъ свести съ нимъ тѣсную дружбу. Дай Богъ, чтобъ характеръ его не походилъ на Цеплиновъ и чтобъ предъопасеніе сіе было напрасно! въ противномъ случаѣ не оставятъ они оба возбуждать новыхъ, вящихъ безпокойствъ» (4 дек. 1806 г.).

Френу было двадцать четыре года, когда по предложенію Тихсена открылась ему возможность получить каѳедру въ Казани. Френъ родился въ Ростокѣ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ 23 мая (4 іюня) 1782 года. Изъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Френѣ [1]), мы знаемъ весьма мало существеннаго объ его первоначальномъ образованіи. Послѣ курса городской латинской школы, Френъ въ 1800 году началъ слушать лекціи въ Ростокскомъ университетѣ по богословскому факультету, гдѣ, подъ руководствомъ Тихсена, особенно пристрастился къ восточнымъ языкамъ и мухамеданскимъ древностямъ и нумизматикѣ. Въ Ростокѣ онъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ. Всего болѣе онъ обязанъ былъ лекціямъ Тихсена, такъ что лекціи, которыя онъ слушалъ въ Геттингенѣ въ 1803 году, уже не удовлетворяли Френа. Въ 1804 году Френъ напечаталъ свое первое произведеніе: «Aegyptus auctore Ibn-el-Vardi. Ex apographo Escorialensi etc». (арабскій текстъ и латинскій переводъ), Halae. Очень короткое время Френъ пробылъ и въ Тюбингенѣ, гдѣ слушалъ лекціи профессора Шнуррера. Отсюда

---

[1]) См. *Савельева*, П. „О жизни и ученыхъ трудахъ Френа". Съ портретомъ. Спб. 1855. 8⁰ и *Bernh. Dorn*, „Fraehn's Leben въ Fraehnii opusculorum dostumorum pars prima. Petrop. 1855. 8⁰ p. 407—414.

Френъ весною 1804 года переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ пробылъ два года, сначала учителемъ латинскаго языка въ извѣстномъ педагогическомъ институтѣ Песталоцци въ Бургдорфѣ, а потомъ домашнимъ учителемъ въ Обоннѣ, въ Ваатландскомъ кантонѣ. Здѣсь въ первый и какъ кажется въ послѣдній разъ посѣтило его поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго было стихотвореніе «Die Abendstunden des einsamen Fremdling's» [1]). Здѣсь же получилъ онъ изъ Ростока дипломъ на степень доктора философіи и магистра liberalium artium. Въ 1806 году въ Ростокѣ, куда онъ воротился, Френъ напечаталъ свое второе сочиненіе «Curarum exegeticocriticarum in Nahumum specimen», за которое онъ получилъ степень доктора богословіи и званіе приватъ-доцента въ Ростокскомъ университетѣ: Въ этомъ сочиненіи Френъ старался объяснить темныя мѣста еврейскаго текста въ пророкѣ Наумѣ языкомъ арабскимъ. Такимъ образомъ имя Френа пользовалось уже извѣстностью въ области изученія еврейскаго и арабскаго языковъ, когда пришлось ему собираться въ Казань. Вотъ въ какихъ словахъ, по собственному почину, рекомендовалъ въ письмѣ своемъ къ Румовскому, познанія и нравственныя достоинства молодого ученаго учитель его Тихсенъ: «Vir juvenis est in flore aetatis constitutus, quem merito suo, cum ob morum suavitatem, modestiam, vitae innocentiam, caeteraque animi et corporis ornamenta, tum ob singularem eruditionem, et strenuam, quam in litteris elegantioribus et orientalibus navavit operam, impense amo. Persicas quidem et turcicas linguas a limine solummodo salutavit, quas tamen usu et consuetudine harum gentium facile sibi familiares reddet. Gallicas, anglicas et italicas linguas quoque callet» (XVIII iunii 1806).

Съ чувствомъ молодой радости принялъ Френъ предложеніе своего учителя. Оно совпало съ желаніемъ его сердца; онъ былъ въ восторгѣ даже отъ предстоящихъ ему трудностей пути въ далекій чужой городъ, находящійся чуть не въ самой Азіи [2]). Онъ былъ

---

[1]) Оно напечатано въ Петербургскомъ нѣмецкомъ журналѣ „Ruthenia", 1807.

[2]) Vous me proposez la chaire de professeur des langues orientales à Kasan et Vous me demandez mon sentiment à cet égard. Si Vous connaissez, monsieur, mieux qu'un autre, le zèle avec lequel j'ai devoué presque tout mon tems à l'étude de ces langues, si Vous connaissez mon attachement à cette littérature et l'amour ardent, avec lequel je l'embrasse et qui va toujours en augmentant, si Vous connaissez enfin le penchant, nourri dans mon coeur il y a déjà longtems, *de saluer une fois en personne les contrées chéries de l'Orient* ou au moins de m'approcher d'elles d'avantage que je ne le suis ici sur le bord de la mer Baltique: Vous en jugerez facilement, si l'espérance que votre lettre

убѣжденъ, что въ Казани откроется ему неизвѣстная область для науки. Было и другое чувство въ душѣ Френа, совершенно понятное и созданное обстоятельствами времени, чувство политическое, которое облегчало ему разлуку съ родиною, повидимому имъ горячо любимою. Это было печальное для Германіи время, вскорѣ послѣ Іены. Несчастія Германіи, гдѣ не было простора для мысли, облегчали для людей экспатріацію и давали возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣщать, часто людьми очень достойными, вакантныя каѳедры нашихъ университетовъ. И Френъ, въ письмѣ своемъ къ Румовскому, просилъ его покровительства «à celui, qui voyant sa patrie qu'il aime tendrement, foulée aux pieds et presque anéantie, la quittera afin de chercher une autre patrie dans le sein de la grande monarchie du grand empereur de toutes les Russies». Вотъ почему между прочимъ Френъ съ такою готовностью рѣшился ѣхать въ Казань. Румовскій предложилъ ему званіе ординарнаго профессора, съ жалованьемъ въ 2000 р. и 800 рублей на путешествіе (500 р. до Петербурга и 300 р. оттуда до Казани). Но тогдашнія обстоятельства, наша война съ Наполеономъ, замедлили нѣсколько отъѣздъ Френа изъ Ростока. Румовскій затруднялся высылкою ему векселя; даже письма Тихсена и Френа писались изъ осторожности дубликатами. Переписка о замѣщеніи каѳедры Френомъ началась въ іюнѣ 1806 года, а еще въ началѣ іюля слѣдующаго года Френъ былъ въ Ростокѣ, затрудняясь выборомъ пути въ Россію. Блокада гавани въ Варнеминде и другихъ ближайшихъ къ Ростоку мѣшала выходу въ море судамъ мекленбургскимъ и любекскимъ; Френъ рѣшился ѣхать на кораблѣ американскомъ, чрезъ Копенгагенъ, не

---

hon. m'a excitée de voir peut être bientôt rempli le souhait de mon coeur, me pouvait surprendre autrement que d'une manière trés agréable. Aussi connaissez Vous mon inclination pour les voyages, Vous savez que j'ai encore l'âge où les voyages même les plus longs et les plus fatigants se font avec plaisir et sans faire beaucoup de tort à la santé, et qu'ainsi le long trajet ne saurait pas me décourager. Et fût-il même le double aussi long qu'il ne l'est pas, la pensée d'aller prendre une place où je ne serais occupé que de ma science favorite, où je pourrais agir pour elle avec succès, où *aidé par la situation favorable de l'université*, je serais à même de faire des recherches, me ferait sans doute oublier toutes les fatigues et les désagrémens qui pourraient arriver". Френъ очевидно былъ чрезвычайно радъ неожиданному предложенію и этою радостью объясняетъ даже то обстоятельство, что вздумалъ писать Тихсену не на родномъ языкѣ, а по французски: „C'est un phénoméne assez singulier, que j'ai souvent apperçu chez moi-même, qu'étant enjoué, j'aime à user de la langue des Français enjoués, qu'au contraire il me serait impossible d'exprimer des sentiments pénibles dans la langue d'un peuple, que je n'ai vu que riant et badinant".

смотря на дороговизну и окольность этого пути и 26 іюля явился къ Румовскому въ Петербургѣ. Здѣсь онъ обратился съ просьбою къ попечителю, прося его о выдачѣ ему впередъ за треть его жалованья, объясняя, что сборы въ далекій путь, желаніе обзавестись всѣмъ необходимымъ и въ особенности пополненіе библіотеки необходимыми пособіями, принудили его надѣлать долговъ въ Ростокѣ, расплатиться съ которыми онъ обязанъ еще до выѣзда изъ Петербурга. «C'est le poid de ces dettes-là, qui m'accable comme le poid d'un péché et qui m'a ôté depuis plusieures semaines toute tranquillité de mon ame»—писалъ онъ Румовскому. Лично Френъ произвелъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на Румовскаго и онъ выхлопоталъ у министра не только лишніе 100 рублей на проѣздъ отъ Петербурга до Казани (съ Френомъ было три сундука книгъ по его спеціальности [1]) и, какъ иностранецъ, онъ не находилъ другого способа доставки ихъ въ Казань, какъ везти съ собою), но и выдачу ему впередъ третнаго жалованья, конечно съ вычетомъ потомъ. «Профессоръ Френъ, писалъ Румовскій къ министру, имѣя не больше двадцати шести или семи лѣтъ, горитъ желаніемъ видѣть въ Казани Татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, и, судя по его готовности и простому, ничѣмъ не прикрашенному обращенію, имѣю причину ожидать отъ него желаемыхъ успѣховъ». Румовскій же помогъ Френу развязаться скорѣе съ петербургскою таможнею и писалъ къ Яковкину о приготовленіи ему на первое время казенной квартиры. Френъ выѣхалъ 30 августа чрезъ Москву въ двухъ кибиткахъ и на четырехъ лошадяхъ, въ сопровожденіи слуги француза, родомъ изъ Монпелье.

Десять лѣтъ профессорской жизни Френа въ Казани, десять молодыхъ и дѣятельныхъ лѣтъ, очень важны въ томъ отношеніи, что они положили основаніе строго-научному преподаванію восточныхъ языковъ въ университетѣ: передъ глазами казанскихъ ученыхъ всегда былъ примѣръ трудолюбиваго, точнаго и осмотрительнаго ученаго, умѣвшаго воспользоваться для науки тѣмъ, что давала ему окружающая его среда и мѣстность. Въ ученомъ развитіи самаго Френа пребываніе его въ Казани важно въ томъ отношеніи, что новый міръ, окружившій его, далъ направленіе его ученой дѣятельности и нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало его столь драгоцѣнныхъ для древней русской исторіи трудовъ, основанныхъ на изученіи арабскихъ историковъ и географовъ, было положено здѣсь, въ

---

[1]) Нѣсколько книгъ изъ своего запаса Френъ тотчасъ по пріѣздѣ принесъ въ даръ библіотекѣ университета, въ пользу слушателей, у которыхъ не было никакихъ руководствъ.

*

Казани, подъ вліяніемъ исторической почвы здѣшняго края и памятниковъ, преимущественно нумизматическихъ, которые онъ нашелъ здѣсь. Древній, татарскій періодъ края скоро сталъ для Френа предметомъ самаго внимательнаго изслѣдованія и едва ли что либо существенное было прибавлено послѣдующими разысканіями.

Тотчасъ по пріѣздѣ, 23 октября 1807 года, Френъ представилъ въ совѣтъ записку о томъ, что онъ намѣренъ преподавать до начала новаго года. Это была *этимологія арабскаго языка* и, «ежели позволятъ время и успѣхи слушателей», то объясненіе Африки у Абульфеды или Локмановыхъ басенъ. Не смотря на чувство радости, съ которымъ онъ приступалъ къ преподаванію любимаго имъ круга знаній («Jntranda enim palaestra a Te mihi patefacta, in qua sola multis inde annis subactus mihi placeo»—писалъ онъ Румовскому), Френу пришлось примѣняться къ новой дѣйствительности и измѣнить даже направленіе своихъ занятій. «Вы полагаете, пишетъ онъ Румовскому, что я въ состояніи распространить знакомство съ *учеными* восточными языками, почти неизвѣстными въ Россіи. Я въ состояніи сдѣлать это только отчасти; говорю—*отчасти*, потому что сознаю всю слабость моихъ силъ. Прибавьте и то, о чемъ я не долженъ молчать, что въ Россіи приходится мнѣ отказаться отъ прежнихъ занятій. Къ области моего преподаванія изъ языковъ восточныхъ, или сказать правильнѣе, изъ нарѣчій семитическихъ, принадлежали бы въ нѣмецкихъ университетахъ нарѣчія: еврейское, раввинское, талмудическое, халдейское, самаританское, эѳіопское. Здѣсь совершенно другія условія. Знаніе упомянутыхъ выше языковъ, хотя нельзя отрицать вообще важности и значенія ихъ изученія, больше всего однако служитъ для лучшаго пониманія и истолкованія книгъ Ветхаго Завѣта, вмѣстѣ съ языками сирійскимъ и арабскимъ; молодые же люди, которые будутъ слушать меня, не предназначаютъ себя къ духовному званію, поэтому я намѣренъ эту часть ученой дѣятельности моей предоставить въ настоящее время ученымъ духовной семинаріи (какъ будто бы въ ней преподавалось что либо подобное). Съ большою неохотою оставляю я эту часть моихъ занятій, такъ какъ они были главнымъ моимъ дѣломъ прежде, но радуюсь, что въ числѣ предметовъ, которые придется мнѣ излагать, находится ученый арабскій языкъ (lingua arabica erudita) и на немъ сосредоточу я теперь всю любовь и все рвеніе. Имъ я и сдѣлаю начало моихъ лекцій».

Главнымъ предметомъ преподаванія Френа въ теченіе десяти лѣтъ былъ арабскій языкъ. Онъ начиналъ съ азбуки, передавалъ грамматику и переводилъ съ арабскаго, мѣняя каждый годъ авторовъ. Онъ переводилъ басни Локмана, географическія сочиненія Абульфеды и Ибнъ эль Варди, Абульфараджа и въ особенности долго

останавливался на исторіи Мусульманъ (Тарихъ-эль муслеминъ), сочиненія Ешшайха ель Мацина; за тѣмъ шли Коранъ (главнымъ образомъ 7-я часть его Гефтіекъ), Исторія десяти визирей, поэма Эль-Борда, сочиненіе Шерефъ эдъ-динъ эль Бузири, моаллакаты и нѣкоторыя другія стихотворенія, отчасти изданныя самимъ Френомъ въ Казани [1]). Другою весьма любимою частью преподаванія Френа была восточная нумизматика, сначала куфическая, (по сочиненію Тихсена и по сочиненію Макризія «Исторія монетъ арабскихъ», а потомъ Золотой Орды. Онъ знакомилъ съ нею только «успѣвшихъ» и *приватно* «любителямъ татарскихъ древностей» излагалъ нумизматику въ продолженіе царствованія хановъ Золотой Орды, главный предметъ его ученыхъ трудовъ въ Казани. Намъ совершенно неизвѣстно много ли было этихъ «любителей» или другихъ также «кои изъявятъ желаніе учиться еврейскому, раввинскому, халдейскому, сирійскому и друг. восточнымъ языкамъ», о чемъ онъ объявилъ въ обозрѣніи университетскихъ преподаваній на 1815—1816 годъ.

Преподаваніе Френа вообще было случайно; онъ имѣлъ совершенно неподготовленныхъ слушателей и притомъ они являлись на его лекціи часто и противъ желанія и безъ призванія, по выбору и указанію директора-инспектора. Студентъ Риттау, котораго приготовлялъ Яковкинъ для Френа, скоро поступилъ въ учители гимназіи, четыре или пять его слушателей, въ началѣ профессорства, потомъ сократились до двухъ и наконецъ до одного, а въ случаѣ болѣзни или отпуска этого единственнаго слушателя, лекціи вовсе не читались. Сильно возмущался этимъ Яковкинъ. «Г. Френъ, съ самаго начала получивъ шестерыхъ слушателей, пишетъ онъ къ попечителю, занялся только съ однимъ Кручининымъ, а по смерти

---

[1]) Въ 1814 году. См. *Dorn*, Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen etc. Werke въ Bulletin de l'Acad. de St. Pétersb. 1867. t. XI, p. 310. Прося совѣтъ о напечатаніи этихъ стихотвореній, чтобъ дать какую либо книгу студентамъ для перевода, на казенный счетъ, Френъ выговаривалъ себѣ только 25 экз. и увѣрялъ, что печатаніе не будетъ въ убытокъ. „Эти двѣ арабскія поэмы пользуются большою извѣстностью у мусульманъ, писалъ онъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ будутъ покупать Татары изъ русскихъ подданныхъ, между которыми не мало ученыхъ". Въ 1810 году Френъ представлялъ въ совѣтъ о необходимости издать для своихъ слушателей не хрестоматію, которую онъ считалъ безполезною, но „Исторію Мусульманъ", отъ Магомета до династіи Атабековъ auctore Dschirsifio Ibn el 'amid, съ комментаріями и лексикономъ, и также татарскую книгу, которую бы напечаталъ Хальфинъ, съ тѣмъ, чтобъ ему и Хальфину выдано было за каждый отпечатанный листъ по десяти рублей, но представленіе это не было уважено попечителемъ, за неимѣніемъ въ штатѣ назначенной на то суммы.

его съ однимъ только Ярцовымъ, хотя и послѣ нынѣшняго производства (т. е. въ студенты) назначены къ нему еще трое, коихъ онъ *самъ собою* предоставилъ только Ярцову [1]), произведенному въ кандидаты (и Ярцовъ и Кручининъ подъ руководствомъ Френа занимались арабскимъ языкомъ съ начинающими). За 2500 рублей въ годъ заниматься только съ однимъ слушателемъ кажется весьма несовмѣстно, какъ и изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей Ваше Пр-ство всегда усматривать изволили; а между тѣмъ Ярцовъ собственнымъ своимъ особеннымъ стараніемъ столько успѣлъ въ аравійскомъ языкѣ, что съ нѣкоторою помощью лексикона свободно читаетъ и переводитъ книги, а въ татарскомъ, коего г. Френъ совсѣмъ не разумѣетъ, успѣлъ столько, что *перевелъ на татарскій языкъ мою Россійскую исторію, долженствующую вскорѣ поступить въ печать;* сверхъ того, занимаясь особенно съ троими младшими слушателями восточныхъ языковъ, наставилъ уже ихъ столько, что они весьма хорошую подаютъ надежду къ успѣхамъ въ восточныхъ языкахъ. Ежели бы благоугодно было Ярцова и еще съ нимъ двоихъ, по подобію Московскаго университета, отправить для усовершенствованія въ какой либо нѣмецкій университетъ, то *гораздо съ большею выгодою и съ лучшими успѣхами можно бы было обойтись и въ семъ дѣлѣ безъ иностранцевъ*, презирающихъ россійскій языкъ» (21 ноября 1811 года) [2]).

---

[1]) Занятія Ярцова съ новыми слушателями, состоявшія въ первоначальномъ ознакомленіи ихъ съ алфавитомъ и грамматическими правилами, допущены были съ разрѣшенія совѣта. Такія же точно приготовительныя занятія съ начинающими восточные языки велъ, съ разрѣшенія совѣта и съ согласія попечителя, въ 1809 году Кручининъ. Тотчасъ послѣ письма Яковкина, попечитель воспретилъ это.

[2]) Изъ этого Ярцова, о которомъ упоминаетъ Яковкинъ въ письмѣ своемъ и о которомъ Френъ, его любившій, отзывался всегда съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, при талантѣ, способностяхъ и знаніяхъ его, при особенной любви къ предмету, могъ бы образоваться *свой* профессоръ восточныхъ языковъ, еще до образованія восточнаго отдѣленія, еслибъ не обстоятельства. Имя его во всякомъ случаѣ достойно воспоминанія, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ Казанскаго университета на этихъ страницахъ, посвященныхъ его исторіи. Януарій Осиповичъ Ярцовъ, сынъ губернскаго секретаря, родился въ Екатеринбургѣ 10 марта 1792 года, поступилъ въ Казанскую гимназію на казенное содержаніе въ 1803 году (въ ней онъ между прочимъ учился у Хальфина татарскому языку) и, получая ежегодно награды, перешелъ въ университетъ въ 1809 году. Въ 1812 году, въ ноябрѣ, по экзамену, состоявшему изъ словесныхъ и *семи* письменныхъ вопросовъ, онъ удостоенъ былъ степени студента-кандидата восточной словесности, при чемъ Френъ далъ о немъ самый лестный отзывъ. Судя по обширной программѣ Френа для экзамена, можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить,

Въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Румовскому, написанномъ чрезъ два года своей профессорской дѣятельности, Френъ откровенно сознается въ неуспѣхѣ своего преподаванія въ Казани.

что экзаменъ былъ очень строгъ. До этого экзамена Ярцовъ, вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, подали на Высочайшее имя прошеніе въ совѣтъ университета о переименованіи ихъ изъ студентовъ „въ кадеты втораго волонтирнаго корпуса, гдѣ бы, пріуготовивъ себя нужнѣйшими воинскими познаніями, могли мы встать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго Вашего Императорскаго Величества воинства на защиту престола и государства". Попечитель не согласился уволить казенныхъ студентовъ. Ярцовъ остался при университетѣ. Въ 1814 году Астраханскій губернаторъ просилъ совѣтъ университета уволить Ярцова въ Астраханскую губернію для опредѣленія въ должность переводчика съ жалованьемъ, но совѣтъ, по новому, въ высшей степени лестному для Ярцова представленію Френа, который называлъ его Jartsovius meus, удержалъ его, увѣдомивъ губернатора, что „Ярцовъ приготовляется для занятія мѣста адъюнкта или магистра по части восточныхъ языковъ, въ вспоможеніе г. профессору Френу, въ случаѣ умножающихся слушателей". Съ какимъ трудомъ однако приходилось Ярцову заниматься своимъ дѣломъ видно изъ того обстоятельства, что ему надобно было подавать просьбу въ совѣтъ университета о выдачѣ на домъ ему арабскаго лексикона Менинскаго, доказывать въ просьбѣ, что „безъ лексиконовъ ни въ какомъ языкѣ не можно пріобрѣсть надлежащихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе въ языкахъ восточныхъ, обильнѣйшихъ и труднѣйшихъ передъ прочими", что библіотекарь тогдашній, профессоръ Броннеръ, соглашался выдать лексиконъ не иначе, какъ въ особомъ ящикѣ подъ замкомъ (ea conditione, ut illud (lexicon) in scrinio, quod hac de causa confici curabo, claustello munitum, solerter conservet) и ручался, что Ярцовъ книгъ не продастъ (vix puto periculum subesse, ne librum divendat). Ярцовъ, съ позволенія попечителя, жилъ съ 1815 года на вольной квартирѣ, въ Татарской слободѣ, для практическаго изъ разговоровъ съ учеными муллами усвоенія татарскаго и персидскаго языковъ, а въ 1816 году лѣтомъ, въ деревнѣ Саба, въ ста верстахъ отъ Казани, въ обществѣ ученаго муллы Сейфуддина, учившагося въ Бухарѣ и Самаркандѣ, путешествовавшаго по Востоку въ теченіе десяти лѣтъ и собравшаго „лучшую и многочисленнѣйшую библіотеку восточныхъ писателей въ здѣшнихъ мѣстахъ". Только съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія можно было выдать Ярцову на эту поѣздку сто рублей. Въ томъ же году Ярцовъ, послѣ экзамена и за представленную латинскую диссертацію „О восточныхъ словахъ, находящихся въ русскомъ языкѣ", которую онъ 12 мая публично защищалъ, былъ удостоенъ степени магистра словесныхъ наукъ. Не задолго до диспута, онъ читалъ по латыни публичную лекцію „De indole et consilio poëmatis Seif ül-mülk". Отдѣленіе словесныхъ наукъ доносило, что оно „почло бы нужнымъ напечатать его разсужденіе, еслибы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онаго сдѣлана была бо́льшая отдѣлка и еслибы самъ сочинитель захотѣлъ обработать предметъ свой пространнѣе", а Френъ писалъ въ Германію съ большою похвалою о немъ. Въ началѣ 1817 года магистръ Ярцовъ, по именному Высочайшему соизволенію на ходатайство тогдашняго попечителя Салтыкова, былъ помѣщенъ на штатное мѣсто канцелярскаго служителя при нашемъ Персидскомъ посольствѣ, на

Письмо это, обрисовывая положеніе ученаго нѣмецкаго профессора передъ слушателями, которымъ онъ не имѣетъ способовъ передать свои знанія, на столько любопытно, что мы сочли возможнымъ пе-

---

время пребыванія его въ Персіи, съ производствомъ жалованья по 50 руб. сер. въ мѣсяцъ. Ровно черезъ годъ воротился Ярцовъ въ Казань и тотчасъ же представилъ въ совѣтъ, правда въ черновомъ видѣ: 1) Дневныя записки о провинціяхъ отъ Тифлиса до Астрахани, 2) Разсужденіе о религіи Персіянъ и при немъ сводъ Аль-Корана и 3) Краткій журналъ путешествія по Персіи. Все это Ярцовъ предполагалъ потомъ обработать. „Поелику же, писалъ о немъ въ совѣтъ университета изъ Тифлиса (1 ноября 1817 года) нашъ посланникъ, столь извѣстный Ермоловъ, какъ благоповеденіемъ своимъ, такъ и усерднымъ исполненіемъ должности и порученій, каковыя по службѣ составляли его обязанность, заслужилъ онъ мое одобреніе, то я не преминулъ представить о немъ въ числѣ прочихъ министерству иностранныхъ дѣлъ, яко о чиновникѣ, достойномъ награды отъ монаршихъ щедротъ, и за долгъ себѣ вмѣнилъ довесть чрезъ сіе до свѣдѣнія совѣта Казанскаго университета“. Отъ Шаха Ярцовъ получилъ знакъ ордена Льва и Солнца 2 степени. Въ маѣ 1818 года Ярцовъ, уже по переходѣ Френа въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, удостоенъ совѣтомъ университета званія адъюнкта восточной словесности, но въ росписаніи лекцій на 1818—1819 годъ преподаваніе его не указано, потому что въ іюнѣ того же года поступило въ совѣтъ университета увѣдомленіе попечителя о томъ, что президентъ Академіи Наукъ представилъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ утвержденіи магистра Ярцова адъюнктомъ Академіи Наукъ по части восточныхъ языковъ. Попечитель спрашивалъ совѣтъ: нѣтъ ли препятствій къ увольненію Ярцова и есть ли собственное желаніе его быть помѣщеннымъ въ академію? Въ своемъ отзывѣ на запросъ совѣта, Ярцовъ писалъ: „Отказаться отъ столь лестнаго для меня званія я не могу, какъ потому, что оно открываетъ мнѣ новый путь и средства къ дальнѣйшему усовершенствованію, такъ особенно и потому, что я, зная пособія академическія, самъ искалъ онаго, и самъ давно уже изъявилъ мое желаніе открытымъ письмомъ къ г. академику Френу, предлагавшему мнѣ мѣсто именемъ Его Превосходительства господина президента Академіи Наукъ. Сверхъ сего *получивъ образованіе въ сихъ языкахъ попеченіями г. академика Френа* бывшаго при семъ университетѣ профессоромъ восточныхъ языковъ, *я особеннымъ для себя почту счастіемъ и нынѣ находиться подъ его руководствомъ и* отдавать труды мои на судъ его, какъ цѣнителя достойнѣйшаго и ученѣйшаго“. Впрочемъ Ярцовъ не отказывался остаться на нѣкоторое время въ университетѣ, но „съ жалованьемъ э. о. профессора и не лишаясь имени адъюнкта академіи“. Совѣтъ университета не удерживалъ Ярцова. Вскорѣ послѣ того каѳедру восточныхъ языковъ въ Казани, по рекомендаціи Френа, занялъ другой ученикъ Тихсена—докторъ Ѳ. И. Эрдманъ изъ Ростока. Съ переходомъ Ярцова въ Петербургъ, не смотря на близость къ Френу, ученая дѣятельность его прекратилась. О петербургской жизни его намъ мало извѣстно. Ярцовъ служилъ драгоманомъ въ азіатскомъ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ и послѣ изданія Френомъ въ Казани въ 1825 году на счетъ графа Румянцева текста „Исторіи Монголовъ и Татаръ“ Абулгази Багадуръ Хана, предпринялъ было русскій переводъ этого важнаго для русской исторіи сочиненія, но смерть

редать его содержаніе, извлекая его изъ замысловатыхъ и цвѣтистыхъ фразъ Френовой латыни. Френъ называетъ это письмо своею исповѣдью.

„Она не сбылась, не оправдалась, та надежда, которую вы возлагали на меня. Почему не сбылась она, почему не могла она сбыться, чья тутъ вина: моя или учениковъ моихъ или кого другаго — убѣдительно прошу васъ выслушать благосклонно мой чистосердечный разсказъ. Конечно нельзя ожидать, чтобы молодые люди, совершенно незнакомые съ наукою, мною излагаемою, успѣли много въ теченіе двухъ неполныхъ лѣтъ моего преподаванія, но я ждалъ больше. Угодно знать причины такого неуспѣха? Ихъ три главныхъ. *Первая* и важнѣйшая конечно заключается *въ полномъ незнаніи со стороны всѣхъ студентовъ латинскаго языка;* всѣ, отъ перваго до послѣдняго, страдаютъ этимъ; *вторая* состоитъ въ неосмотрительномъ выборѣ студентовъ, способныхъ слушать мои лекціи, *третья*—въ недостаткѣ лексиконовъ. Довольно и одной изъ этихъ причинъ для неуспѣха, а тутъ онѣ дѣйствуютъ всѣ три въ одно время.

„При личномъ свиданіи вы сказали мнѣ, что сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобъ ни одинъ ученикъ гимназіи не переходилъ въ студенты безъ полнаго знанія латинскаго языка. Вы сами рѣшили, чтобъ лекціи мои читались по латыни: это соотвѣтствовало и свойству предмета, и моей привычкѣ, и моему убѣжденію. Мнѣ пришлось однако имѣть дѣло съ молодыми людьми, посвящающими себя изученію языковъ, но не знающими языка латинскаго. Употребляя на лекціяхъ одинъ языкъ, я бы меньше терялъ времени, чѣмъ теперь, когда мнѣ приходится говорить иногда на трехъ языкахъ и объяснять и по французски, и по нѣмецки то, чего не понимаютъ по латыни. Съ глубокимъ сердечнымъ сожалѣніемъ пришлось однако убѣдиться, что нѣкоторые изъ моихъ слушателей вовсе не сильны и въ этихъ языкахъ. На какомъ же, спрашиваю я васъ, языкѣ долженъ я говорить съ ними? Мнѣ показалось, что я, по арабской пословицѣ, кую холодное желѣзо и, продолжая читать по латыни, и искренно жалѣлъ молодыхъ людей, которые скучали на моихъ лекціяхъ и такъ печально теряли дорогое время. Было однако и утѣшеніе; его нашелъ я въ двухъ студентахъ, которые при

графа Румянцева помѣшала его изданію (см. *Dorn*, Ueber die hohe Wichtigkeit etc. S. 88). Судьба перевода Ярцова неизвѣстна. Объ этомъ трудѣ не упоминаютъ: ни Сенковскій (Энц. Лекс. Плюшара т. I, сл. Абульгази), ни новый русскій переводчикъ хана Саблуковъ (Родословная тюркскаго племени. Соч. Абуль-Гази. Каз. 1854), ни г. Березинъ (Энц. Лекс. 1861, ч. I, сл. Абулъ-Гази), ни наконецъ Демезонъ (1874). Ярцовъ былъ очень друженъ съ нашимъ извѣстнымъ археографомъ П. М. Строевымъ и въ книгѣ *г. Барсукова* „Жизнь и труды Строева" (Спб. 1878) есть нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и отрывки писемъ его, касающихся впрочемъ больше Строева. Въ одномъ изъ отрывковъ онъ говоритъ, что занятъ переводомъ Абулъ-Гази. Ярцовъ объяснялъ восточныя слова въ „Путешествіи Аѳанасія Никитина", напечатанномъ Строевымъ въ *Софійскомъ Временникѣ*, разбиралъ иностранныя книги въ библіотекѣ графа Толстаго и былъ еще живъ въ 1856 году. Графъ Толстой писалъ о Ярцовѣ: „онъ человѣкъ съ достоинствомъ, но кажется имѣетъ грѣшокъ" (*Барсуковъ*, стр. 121).

бо́льшемъ знаніи латинскаго языка, успѣли опередить своихъ товарищей въ изученіи арабскаго, хотя латинскія свѣдѣнія ихъ весьма вообще не достаточны.

„Тяжело преподавателю, если ученики, передъ нимъ сидящіе, или мало или ничего не понимаютъ, не менѣе тяжело однако и то обстоятельство (его я называю *второю причиною* неуспѣха), если ученики эти чужды вовсе любви ко всѣмъ языкамъ и въ особенности восточнымъ. Послѣдніе требуютъ отъ изучающихъ ихъ особенной любви, сердечнаго стремленія. Человѣкъ не имѣющій твердаго характера (tenaci proposito qui caret), никогда не проникнетъ во внутреннее святилище арабскаго языка; ему не станутъ улыбаться азіатскія музы. Самое свойство предмета требуетъ такой любви. Такою любовью, если я не ошибаюсь, проникнутъ только одинъ изъ моихъ слушателей; говорятъ и о другомъ, но онъ только что зачисленъ въ студенты (Ярцовъ). Всѣ остальные, кажется мнѣ, ходятъ на мои лекціи по принужденію, противъ желанія. Этотъ одинъ—Семенъ Кручининъ—юноша, полный скромности, рвенія и старанія; одного его я и Ибр. Хальфинъ, учитель татарскаго языка, всегда хвалили; онъ одинъ ходитъ на мои приватныя лекціи о Коранѣ; его одного по совѣсти я могу рекомендовать вамъ". (Этотъ талантливый юноша вскорѣ послѣ письма Френа умеръ и Френъ искренно сожалѣлъ о немъ).

„*Третья причина* неуспѣшности преподаванія татарскаго и арабскаго языковъ заключается въ *неимѣніи словарей*. Вы конечно согласитесь, что нельзя успѣть въ изученіи языка безъ словаря. Если вамъ невозможно или по крайней мѣрѣ затруднительно устранить двѣ первыя причины неуспѣха, то въ этомъ случаѣ я разсчитываю на вашу помощь. Тутъ помочь легко" (Френъ проситъ рублей 40 на покупку словарей Менинскаго и Голія). „Эти словари много помогутъ, пока не будетъ оконченъ мой собственный критическій словарь языка арабскаго, который около двухъ лѣтъ уже поглощаетъ всю мою мысль и весь мой трудъ. Но мнѣ придется работать надъ нимъ еще года съ четыре или пять (Френъ работалъ до самой смерти надъ словаремъ). Я считаю это дѣло очень труднымъ и медленнымъ, принимая въ соображеніе точность для него необходимую и собственный планъ, котораго я намѣренъ держаться. Кромѣ того лексиконъ требуетъ и значительныхъ расходовъ, такъ какъ приходится выписывать пособія для него изъ Италіи, Франціи, Бельгіи, Испаніи. И въ этомъ отношеніи я прошу вашей помощи. Я былъ бы счастливъ, еслибъ можно было пріобрѣсти на счетъ университета нѣкоторыя изданія, слишкомъ для меня дорогія и, еслибъ при вашемъ участіи я могъ получить доступъ къ библіотекѣ петербургской Академіи Наукъ, гдѣ навѣрное, подъ слоями пыли, скрывается много драгоцѣнныхъ и мнѣ чрезвычайно необходимыхъ книгъ и рукописей. Но я отклонился отъ предмета: возвращаюсь къ юношамъ, судьба которыхъ заботитъ меня.

„Я слышу, что они предназначены быть переводчиками. Не думайте однако, что они когда либо будутъ годными для этого дѣла, безъ измѣненія или расширенія того способа, какъ они знакомятся съ языкомъ. Есть между ними такіе, которые отъ четырехъ до пяти лѣтъ уже учатся по татарски и не смотря на то не въ состояніи понимать самой легкой книги на этомъ языкѣ. Опасаюсь, что тоже можетъ случиться съ моими слушателями и въ отношеніи арабскаго языка. Но пусть они и хорошо понимаютъ арабскія и татарскія книги, пусть они вполнѣ знакомы съ грамматикою этихъ языковъ, все же они никогда не будутъ хорошими переводчиками для во-

сточныхъ языковъ. Имъ нужна практика, имъ нуженъ разговоръ на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, а этой практики у нихъ нѣтъ и ея не будетъ, пока не измѣнится самый способъ приготовленія ихъ въ переводчики. Такая практика нигдѣ не можетъ быть устроена лучше Казани, посреди мусульманъ, а между тѣмъ до сихъ поръ на эти удобства не обращали никакого вниманія. Вы сами лично указали мнѣ планъ восточнаго училища, подобнаго тѣмъ, какія существуютъ уже въ Вѣнѣ, Парижѣ и другихъ городахъ Европы, гдѣ изучающіе восточные языки живутъ вмѣстѣ и пользуются въ одно время и обществомъ европейскихъ профессоровъ, излагающихъ часть ученую и учителей мухамеданъ, которые пріучаютъ молодыхъ людей къ разговору. Вамъ извѣстно, что ни одинъ изъ русскихъ университетовъ столь не удобенъ для осуществленія этого плана, какъ Казанскій. Не откладывайте же на долго его исполненіе. Татарскія слободы, гдѣ раздаются только азіатскіе звуки (ubi non strepunt nisi soni asiatici)—въ самомъ городѣ; дома тамъ гораздо дешевле. Пусть съ молодыми людьми живетъ учитель Ибрагимъ Хальфинъ, съ которымъ они могли бы постоянно говорить по татарски, пусть поселится съ ними и какой нибудь ученый имамъ, который пріучилъ бы ихъ къ народной арабской рѣчи; полагаю, что легко найдутся и такіе, съ кѣмъ можно говорить и по персидски. Прислуга должна быть непремѣнно изъ Татаръ, чтобы студенты самою практикою жизни привыкли къ нравамъ и обычаямъ мусульманъ. Пусть они воображаютъ, что живутъ на Востокѣ. Или я очень ошибаюсь, или это единственный способъ приготовить дѣльныхъ переводчиковъ восточныхъ языковъ. Я съ удовольствіемъ готовъ удвоить число часовъ моего преподаванія чтобъ преподавать и грамматическое начало и высшія части моей науки: объясненіе трудныхъ писателей, поэтовъ, археологію, нумизматику; если желаете—буду преподавать и латинскій языкъ. Ради Бога не думайте, что я говорю все это изъ денежнаго разсчета; только изъ любви къ наукѣ и къ юношамъ я рѣшился напомнить вамъ о вашемъ же планѣ".

Почти въ такомъ видѣ, хотя и не въ Татарской слободѣ, было образовано гораздо позже при первой Казанской гимназіи такъ называемое *Восточное Отдѣленіе*, гдѣ въ обществѣ представителей разныхъ восточныхъ національностей, между которыми бывали и буддійскій лама, и бѣглый, спасшійся отъ катастрофы при Махмудѣ II, турецкій янычаръ, жили студенты, не кончившіе и кончившіе курсъ. Но во время Френа не было, да и не могло быть ничего подобнаго. Продолженіе войнъ съ Наполеономъ и отечественная война скоро измѣнили направленіе правительства при Александрѣ; гуманитарныя цѣли мало по малу забывались, стремленія съуживались. Такъ къ числу ожиданій того времени, въ сферѣ изученія восточныхъ языковъ принадлежала возможность, съ учрежденіемъ преподаванія ихъ, «открыть въ учебныя заведенія свободный входъ чадамъ Азіи», «озарить ихъ благотворными лучами истиннаго просвѣщенія». Этихъ «чадъ Азіи», воспитывавшихся въ казанской гимназіи и въ университетѣ, было самое ничтожное количество, а на сколько они были «озарены лучами истиннаго просвѣщенія»—судить мы отказываемся. «Въ прошедшій

вторникъ приходилъ ко мнѣ здѣшній старшій ахунъ отъ имени муфтія съ просьбою о принятіи тринадцатилѣтняго сына его въ гимназію для обученія, знающаго уже хорошо читать и писать по татарски, арабски, французски, а по русски и говорить, но *съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ у меня подъ особеннымъ моимъ руководствомъ* и имѣлъ бы особливый для себя столъ по ихъ обычаю, что я ему и обѣщалъ. П*римѣръ сей конечно послужитъ къ вящему распространенію просвѣщенія между мослемами*». Такъ сообщаетъ Яковкинъ Румовскому (12 янв. 1809 г.). Но дѣло ничѣмъ не кончилось. Въ 1815 году «высокостепенный» ханъ меньшой киргизской орды Ширгазый Айчуваковъ задумалъ было отдать въ казанскую гимназію двухъ своихъ сыновей и племянника, сына хана Джантюри и обратился о томъ съ просьбою къ тогдашнему Оренбургскому генералъ-губернатору князю Волконскому, который сообщилъ о томъ министру народнаго просвѣщенія. «Я увѣренъ, писалъ послѣдній совѣту, что университетъ, дабы поддержать довѣренность сего народа къ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, при малѣйшей возможности дастъ приказаніе о помѣщеніи въ гимназію означенныхъ дѣтей». Совѣтъ, съ своей стороны, распорядился сдѣлать все чтобъ угодить хану. «Для нихъ назначится, писалъ онъ между прочимъ, особенная комната, гдѣ помѣстятся еще двое или трое лучшихъ питомцевъ, кои могли бы споспѣшествовать какъ образованію ума ихъ, такъ и пріучали бы ихъ къ европейскому просвѣщенію... Какъ для стола питомцевъ никогда не приготовляются кушанья изъ свинаго мяса, по сему сіи трое киргизъ-кайсаковъ могутъ свободно продовольствоваться общимъ столомъ. Чтобъ религія, въ коей они воспитываются, не ослабѣвала въ сердцахъ ихъ, то начальство гимназіи,—въ дни особенно для нихъ священные,—можетъ отпускать ихъ для совершенія молитвъ въ мечети, подъ надзоромъ какого либо чиновника магометанскаго исповѣданія изъ служащихъ въ гимназіи». Но и эти «чада Азіи», уже «высокостепенные», не вкусили плодовъ европейскаго образованія. Ханъ повидимому шутилъ и высказалъ свое желаніе за обѣдомъ, угощая въ степной кибиткѣ заѣхавшаго къ нему генералъ-губернаторскаго чиновника по особымъ порученіямъ. Вотъ что въ заключеніе писалъ совѣту по этому дѣлу князь Волконскій: «Нынѣ высокостепенный ханъ увѣдомилъ меня, что онъ *безъ вспомоществованія отъ казны не согласенъ дѣтей своихъ и племянника отдавать обучаться на собственномъ иждивеніи въ казанскую гимназію*, но желаетъ обучить ихъ въ ближнихъ здѣшнихъ магометанскихъ школахъ. Зная достаточное состояніе хана Ширгазыя Айчувакова, я заключаю изъ таковаго его отзыва уклоненіе отъ прежняго намѣренія, и признаю перемѣну его мыслей тѣмъ основатель-

нѣйшею, что дѣти ханскія, и наипаче племянникъ, достигаютъ уже такого возраста, въ который азіатцы вступаютъ въ брачные союзы и уже получили въ управленіе особенныя отдѣленія ордынцевъ». Боязнь ли свиного мяса, которую не могли разогнать увѣренія совѣта Казанскаго университета, была слишкомъ сильна въ ханѣ или у него вовсе не было намѣренія учить дѣтей своихъ въ Казани—мы не знаемъ, но увѣрены въ томъ, что отдѣльные случаи воспитанія «чадъ Азіи» въ Казанской гимназіи, и непремѣнно на казенномъ содержаніи, происходили отнюдь не добровольно, а вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ [1]).

Если Френъ сознавалъ самъ малоуспѣшность своего преподаванія въ Казани, то зато этотъ городъ, съ своими историческими воспоминаніями изъ татарскаго періода, этотъ край «классическій въ мірѣ татарщины», по выраженію біографа Френа, съ разрушенными болгарскими городами и другими памятниками древности, долженъ былъ дать богатое содержаніе и новое направленіе научной дѣятельности Френа, посвященной, въ бытность его въ Казани, почти исключительно объясненію татарскаго періода русской исторіи. Говорить о всѣми признанныхъ заслугахъ Френа въ этомъ отдѣлѣ науки—не наше дѣло: имя Френа, начиная съ Карамзина и до историковъ и археологовъ нашихъ дней, встрѣчается въ безчисленныхъ ссылкахъ на его труды, какъ только рѣчь зайдетъ или о древнѣйшихъ мусульманскихъ извѣстіяхъ о Россіи, или о Золотой Ордѣ. Въ изученіи древней исторіи нашего края все сдѣланное Френомъ до настоящаго времени не утратило нисколько значенія и можетъ служить образчикомъ глубокаго знанія, необходимаго въ этомъ дѣлѣ (т. е. знанія языковъ восточныхъ), тонкой критики и осмотрительнаго сужденія. Новымъ изслѣдователямъ въ этой области часто приходилось лишь пользоваться тѣмъ, что было сдѣлано этимъ ученымъ.

Въ школѣ Тихсена Френъ привыкъ къ изслѣдованію монетъ, какъ историческихъ памятниковъ прошедшаго. Какъ ученый, онъ былъ совершенно чуждъ наивной страсти собирателя, но умѣлъ пользоваться монетою, какъ документомъ, который говорилъ ему объ исчезнувшей жизни. Исторія многихъ странъ Востока создалась исключительно по монетамъ и Френъ по монетамъ создалъ исторію Золотой Орды и древняго Булгара на Волгѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Казань, то нашелъ въ ней уже нѣсколько замѣчательныхъ нумизматическихъ кабинетовъ, принадлежавшихъ разнымъ иностранцамъ, жившимъ здѣсь. Въ ту пору такія собранія состав-

---

[1]) Ханъ впрочемъ посылалъ въ Казань своего секретаря „для узнанія здѣшняго учебнаго порядка". См. *Каз. Изв.* 1814 г. № 31, стр. 420.

лялись легко, край изобиловалъ древностями, монетные клады находились и исчезали, переплавляясь пудами, и Френъ нашелъ множество совершенно неизвѣстныхъ ему монетъ въ собраніяхъ Пото, Лудовика Венга и профессора Фукса, которыя естественно должны были обратить на себя его вниманіе [1]). Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ,

---

[1]) Иванъ Осиповичъ *Пото*, учредитель перваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ въ Казани, остался въ памяти у старожиловъ Казани только въ шуточномъ четверостишіи: „Madame Пото не знаетъ про то, что Monsieur Пото—играетъ въ лото“. Онъ жилъ въ Казани съ 1803 года, а до того времени имѣлъ довольно пеструю судьбу. По его собственнымъ словамъ, съ четырехлѣтняго возраста, онъ воспитывался при Вѣнскомъ дворѣ на счетъ Эрцъ-герцогини Елизаветы; черезъ восемь лѣтъ Пото поступилъ въ Штутгардтскую академію, гдѣ пробылъ четыре года, а потомъ два года вояжировалъ по Европѣ на счетъ своей благодѣтельницы. Между тѣмъ послѣдняя умерла и Пото прибѣгнулъ къ покровительству ея родной сестры, Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, которая была воспріемницею двухъ сыновей его. Въ Россіи онъ служилъ съ 1790 года то квартермистромъ въ кирасирскомъ полку, то архитекторскимъ помощникомъ, то смотрителемъ казеннаго конскаго завода, то экзекуторомъ губернскаго Правленія, то наконецъ частнымъ приставомъ въ Казани. Въ 1806 году онъ выстроилъ манежъ въ Казани и предлагалъ свои услуги въ качествѣ берейтора гимназистамъ и студентамъ; въ томъ же году онъ перешелъ на педагогическое поприще, подавалъ прошеніе на мѣсто главнаго надзирателя гимназіи и, не получивъ его, открылъ свой пансіонъ для дѣвицъ. Собраніе монетъ Пото сдѣлалъ въ Казани; главная часть его состояла изъ монетъ восточныхъ, здѣсь найденныхъ и главнѣйшія изъ нихъ описаны Френомъ въ его „Numophylacium orientale Pototianum“, Cas. 1813. 8⁰. (Это первая книга, напечатанная латинскимъ шрифтомъ въ университетской типографіи). Френъ чрезвычайно цѣнилъ собраніе Пото и въ своемъ сочиненіи высказывалъ наивное желаніе, чтобъ между *русскими магнатами* нашелся другой Борджіа, который пріобрѣлъ бы его на пользу науки и сдѣлалъ общественнымъ достояніемъ, боялся за судьбу собранія по смерти Пото и за возможность, впрочемъ совершенно естественную, перехода его въ Англію. Собраніе восточныхъ монетъ Пото было куплено университетомъ у сына этого Пото только въ 1827 году, за 2 т. руб. сер., но тѣ ли это монеты, надъ которыми работалъ Френъ—намъ неизвѣстно.—2) Личность *Лудовика де Венга*, на собраніе котораго такъ часто ссылался Френъ въ своихъ первыхъ нумизматическихъ сочиненіяхъ, намъ совершенно неизвѣстна. Изъ того обстоятельства, что Френъ, въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи, напечатанномъ въ Петербургѣ, „Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's“ ни разу уже не ссылается на Венга, а на новое казанское собраніе Д. И. Нѣлова, о которомъ прежде не упоминалъ, можно съ вѣроятностью заключить, что собраніе Венга куплено этимъ казанскимъ помѣщикомъ. (Впрочемъ изъ одной замѣтки Френа видно, что кабинетъ Венга былъ въ 1816 году уже въ Москвѣ). Нумизматическій кабинетъ Нѣлова, весьма богатый рѣдкими восточными монетами, по смерти владѣльца и по раззореніи его промотавшихся наслѣдниковъ, былъ проданъ въ Казани въ разныя руки съ публичнаго торга за безцѣнокъ. — 3) Собраніе *Фукса*, „составленное съ столь же

познакомившись съ этими собраніями, Френъ уже описывалъ монеты, и прежде всего тѣ изъ нихъ, которыя ему были отчасти извѣстны уже въ Германіи, но которыя онъ нашелъ здѣсь въ значительномъ количествѣ: монеты восточныхъ династій Саманидовъ и

достохвальнымъ рвеніемъ, какъ и необыкновенно счастливымъ успѣхомъ", по словамъ Френа, обязано своимъ происхожденіемъ также здѣшнему краю и его историческимъ условіямъ, хотя Фуксъ пополнялъ его и изъ другихъ источниковъ, чему способствовала большая медицинская практика его, и во время своихъ путешествій на Кавказъ, въ Сибирь, къ развалинамъ Сарая и т. д., или чрезъ разныхъ знакомыхъ ему лицъ. (Такъ Френъ упоминаетъ о какомъ-то армянскомъ купцѣ, который доставилъ Фуксу много монетъ). Весною 1816 года Френъ привелъ въ порядокъ кабинетъ Фукса и сдѣлалъ ему каталогъ. Это превосходное собраніе заключало въ себѣ тогда 650 монетъ, безъ множества дублетовъ. Однѣхъ монетъ джучидскихъ было болѣе 400. Описаніе Фуксова нумизматическаго кабинета сдѣлалъ Френъ уже по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, выбравъ изъ него въ хронологическомъ порядкѣ монеты хановъ Золотой Орды (Die Münzen der Chane von Ulus Dschutschi's. SPB. 1832. 4° и русскій переводъ *Волкова* „Монеты хановъ улуса Джучіева" 1832. Семнадцать таблицъ къ этому сочиненію рѣзаны были въ Казани подъ личнымъ надзоромъ Френа рѣзчикомъ печатей евреемъ Ліономъ Кальмономъ, котораго онъ и пріучилъ къ этому дѣлу. Первая его халкографія казанская, приложенная къ сочиненію Френа „De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo, Lib. I.) относится къ 1815 году. Френъ постарался, что эти рисунки „wenn auch gerade nicht sehr elegant, doch wenigsstens möglichst treu sind").—Собраніе Фукса было куплено для университета еще въ 1824 году, за 12 т. рублей ассигн; но сдача его почему то затянулась до 1832 года, а между тѣмъ профессоръ Эрдманъ, заступившій Френа въ Казани и бывшій посредникомъ при покупкѣ монетъ между университетомъ и Фуксомъ, поспѣшилъ самъ сдѣлать его описаніе („Numophylacium univers. Casan. orientale", Cas. 1826). Описаніе это было чрезвычайно странно. Френъ замѣтилъ справедливо, что въ немъ помѣщена только часть Фуксова кабинета, и при томъ неважная, что нѣтъ значительнаго количества прежнихъ монетъ Фукса, и между ними самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ, уже описанныхъ Френомъ. Нумизматическій дебютъ Эрдмана былъ неудаченъ; въ его описаніи съ трудомъ можно было узнавать уже извѣстное; на каждомъ шагу, по словамъ Френа, оно давало поводъ къ критикѣ. Есть основаніе полагать, что многія, и притомъ для науки важныя монеты изъ кабинета Фукса, не достались университету. Упреки Френа задѣли заживое Эрдмана, его земляка мекленбургца, имъ же рекомендованнаго въ Казанскій университетъ. Онъ отвѣчалъ новымъ каталогомъ монетъ въ обширныхъ размѣрахъ: „Numi Asiatici musei universitatis Caes. litterarum Casanensis" Pars I, Vol. I и II. 1834. Эти огромные два квартанта въ 827 стр., напечатанные на казенный счетъ и обращенные потомъ въ макулатуру, представляютъ курьезъ въ своемъ родѣ. Они вызвали чрезвычайно злую критику Френа, напечатанную въ Лейпцигѣ: Die Regenwürmer auf den Feldern der orientalischen Numismatik". 1836. Остроумный памфлетъ этотъ разоблачалъ глубокое невѣжество въ нумизматикѣ Востока казанскаго профессора и его претензіи. Весь безполезный трудъ Эрдмана

Буидовъ или Буваидовъ, съ конца IX и до первой половины XI вѣка [1]). Находка ихъ въ краѣ, и притомъ въ значительномъ количествѣ, указывала на древнѣйшія торговыя сообщенія народовъ, жившихъ по берегамъ Волги съ тѣми областями на восточныхъ и южныхъ окраинахъ Каспійскаго моря, которыя находились подъ властью этихъ династій. Уже это обстоятельство заставило Френа обратить самое тщательное вниманіе на ту историческую почву, которая была подъ ногами его. Въ Казани онъ не разъ слышалъ о развалинахъ Болгаръ и Билярска, которыя въ то время находились не въ такомъ печальномъ состояніи какъ теперь. Онъ не разъ бывалъ въ Болгарахъ и въ первые годы своей казанской жизни, и лѣтомъ 1817 года, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Историческая судьба города и вещественные памятники древней жизни въ его развалинахъ, а особенно свидѣтельства арабскихъ писателей о мѣстности заинтересовали его въ высшей степени, и конечно Френу мы обязаны первыми и точными свѣдѣніями о до-татарскомъ и послѣ-татарскомъ періодахъ мѣстной исторіи. До Френа это была невоздѣланная почва и для него дѣло новое.

Руководительною нитью для него въ этой области долго была нумизматика. Одобреніе Сильвестра де Саси и Тихсена [2]), для которыхъ въ трудахъ Френа раскрывалось такъ много неизвѣстнаго въ научномъ отношеніи, побудило его продолжать работать въ этомъ направленіи. Френъ знакомился съ такими монетами, какихъ онъ никогда не встрѣчалъ; онъ видѣлъ въ нихъ памятники такой исторіи, съ какою вовсе не былъ знакомъ. Таковы были напримѣръ монеты хановъ джучидскихъ или Золотой Орды, властителей Дештъ-Кипчака. Ихъ едва зналъ Френъ (только нѣкоторые экземпляры

состоялъ въ напечатаніи надписи каждой монеты и ея латинскаго перевода, не всегда вѣрнаго. Въ наукѣ каталогъ этотъ не имѣлъ никакого значенія. Новый каталогъ восточныхъ монетъ университета былъ напечатанъ профессоромъ Березинымъ въ тотъ самый годъ, когда эти монеты переселились въ Петербургъ, вмѣстѣ съ восточнымъ факультетомъ: „Catalogue des monnaies et des médailles etc. Cas. 1855. 4°. №№. 1—4494.—Въ бытность Френа въ Казани, на его глазахъ, образовалось и четвертое собраніе восточныхъ монетъ изъ мѣстныхъ находокъ, и онъ ссылался на него. Оно принадлежало товарищу его по университету профессору медицины (Іоганну Фридриху *Эрдману* (1778 — 1846), но съ переселеніемъ послѣдняго въ Дерптъ (1817) и потомъ за границу, въ Казани не осталось.

[1]) Небольшая книжка эта была напечатана Френомъ въ типографіи университета въ 1808 году на языкѣ арабскомъ, такъ какъ латинскій шрифтъ не былъ еще заведенъ.

[2]) Имъ посвятилъ онъ второе свое сочиненіе Numophylacium orientale Pototianum.

ихъ онъ видѣлъ въ Геттингенскомъ университетѣ). Въ другихъ частяхъ восточной нумизматики многіе работали до него. Здѣсь приходилось начинать съ начала. Онъ сознаетъ самъ нѣкоторую странность своего положенія, какъ ученаго нѣмца, приступающаго по монетнымъ памятникамъ, къ изученію столь важнаго въ русской исторіи періода, какимъ былъ татарскій, когда не было еще ни одного русскаго труда по этой части. Съ помощью краткаго конспекта хронологическаго и историческаго, который составилъ для Френа въ Петербургѣ землякъ его Цеплинъ, онъ приступилъ къ изученію татарскихъ монетъ и пересмотрѣлъ, по его собственнымъ словамъ, цѣлыя миріады ихъ. Результаты этихъ работъ Френа всѣми признаны въ наукѣ. «Болѣе четырехъ сотъ видовъ монетъ Золотой Орды, имъ открытыхъ, представили почти полный рядъ хановъ, прежнихъ властителей Руси—говоритъ біографъ Френа П. С. Савельевъ. Изученіе этихъ монетъ повело его къ объясненію собственныхъ именъ и титуловъ хановъ [1]), къ изслѣдованіямъ о мѣстоположеніи городовъ Орды, о русско-татарскихъ монетахъ, о происхожденіи слова «деньги» и т. д. [2]). Это была первая важная услуга русской исторіи, оказанная Френомъ, которому суждено было впослѣдствіи открыть въ восточной литературѣ еще важнѣйшіе источники для древней исторіи Руси». И самъ Френъ такъ смотрѣлъ на свои труды этого рода. Онъ требовалъ, чтобъ въ аттестатѣ, выданномъ ему изъ Казанскаго университета, между прочими учеными заслугами его, было упомянуто то обстоятельство, что онъ «нѣкоторыми своими сочиненіями, касающимися вопросовъ русско-азіатской древности, въ особенности объяснилъ, до него покрытое глубокимъ мракомъ, знаніе монетъ хановъ Золотой Орды».

Френа долго занимала мысль написать сочиненіе о булгарскомъ городѣ и объяснить его по монетамъ, памятникамъ и восточнымъ авторамъ съ того самаго времени, какъ онъ познакомился съ болгарскими развалинами и сталъ встрѣчать въ массѣ разбираемыхъ имъ восточныхъ монетъ такія, на которыхъ стоитъ имя Булгара и Биляра [3]). Значительная часть его изслѣдованій въ Казани была посвящена этому вопросу, и потомъ, когда онъ былъ уже академикомъ въ Петербургѣ, Френъ не разъ возвращался къ нему въ своихъ статьяхъ. По монетамъ слѣдилъ онъ за началомъ исламизма

---

[1]) Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus chani hordae aureae usi sunt, origine, natura atque usu. Cas. 1814. 4⁰.

[2]) De origine vocabuli rossici *деньги*. Cas. 1815. 4⁰.

[3]) Bulgharum urbem... e numis monumentisque et auctoribus illustrare in animo habeo. *Numophyl Potot*. p. 42—43.

на Волгѣ и за вѣроятнымъ началомъ монетнаго дѣла въ Булгарѣ [1]). Легенды всѣхъ извѣстныхъ ему болгарскихъ монетъ объяснены были имъ съ замѣчательною обстоятельностью; но онъ не остановился на этомъ, а пошелъ дальше. Онъ объяснялъ важнѣйшія историческія даты этихъ монетъ, имена болгарскихъ хановъ, отношенія ихъ къ халифату, указывалъ на поводъ къ чеканкѣ монеты на Волгѣ и дѣлалъ общіе выводы о степени культуры въ булгарскомъ ханствѣ. Онъ доказывалъ по монетамъ, что здѣсь, на Волгѣ, за долго до татарскаго нашествія, а именно уже въ VIII или по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ былъ распространенъ исламъ, что Булгары были сунниты секты Абу Ханифа, что они были татарско-тюркское племя, познакомившееся съ арабскимъ языкомъ посредствомъ ислама и т. д. Его занимали и надгробныя надписи въ Болгарахъ. Услышавъ, что въ Академіи Наукъ находятся копіи съ нихъ, онъ просилъ прислать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Казань. «Изъ этихъ копій булгарскихъ надписей, которыя, какъ я лично убѣдился при поѣздкѣ въ Болгары, находятся далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ были за 70 или 60 лѣтъ, когда ихъ копировали, я надѣялся извлечь какой либо положительный результатъ для татарской исторіи, пишетъ онъ, но въ просьбѣ о присылкѣ ихъ было мнѣ отказано» [2]). Френъ на столько сдѣлался знатокомъ мѣстныхъ древностей, что къ нему прибѣгали съ просьбами объяснить ихъ. Къ сожалѣнію это случалось рѣдко, такъ какъ на всѣ находки въ историческихъ мѣстностяхъ края тогда, да и долгое время спустя, смотрѣли исключительно только съ точки зрѣнія цѣнности металла [3]);

---

[1]) De numorum bulgharicorum forte antiquissimo, Liber primus et secundus. Cas. 1816. 4°. Впослѣдствіи въ Петербургѣ Френъ нашелъ еще болѣе древнюю балгарскую монету: Drei Münzen der Wolga-Bulgharen (1832).

[2]) Leipzig. Litter. Zeitung. 1815. № 134.

[3]) Такъ въ 1815 году духовная академія въ Казани прислала для объясненія въ университетъ нѣсколько мѣдныхъ вещей, найденныхъ въ развалинахъ Бюляра лѣтъ за сорокъ. Съ нѣкоторыхъ, болѣе любопытныхъ, Френъ дѣлалъ свинцовыя копіи для Тихсена, Уварова и барона де Саси. Объясненія вещей Френомъ приведены въ книгѣ г. *Шпилевскаго* „Древніе города“ и пр. стр. 357—359. Приведемъ сужденіе Френа объ одномъ мѣдномъ блюдѣ изъ болгарскихъ древностей, неизвѣстномъ г. Шпилевскому, фигуры на которомъ Френъ описалъ: „Какъ вы видите, пишетъ онъ въ заключеніе къ Тихсену, вещь эта не восточнаго, а можетъ быть нѣмецкаго происхожденія. Она служила вѣроятно подставкою для чаши, или, принимая во вниманіе металлъ, можетъ быть для умывальника. Ее занесли сюда когда-то или европейскіе путешественники или послы, а можетъ быть это была военная добыча монголо-татарскихъ ордъ“. *Leipz. Litter. Zet.* 1815, № 134.

сохранялись только не цѣнныя въ этомъ отношеніи вещи. Френъ призывалъ въ своихъ рѣчахъ и юношей-студентовъ и общество къ изученію мѣстныхъ древностей, и доказывалъ ихъ важность и значеніе для русской исторіи, говорилъ какъ много достойнаго вниманія скрывается въ камняхъ, старыхъ монетахъ, говорилъ съ глубокимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, но къ сожалѣнію говорилъ на латинскомъ языкѣ и рѣчь его была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ этой «Musarum ultima Thule», какъ называлъ онъ Казанскій университетъ, дѣло его не скоро нашло продолжателей.

Совершенно темная, полная только разнообразныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ исторія булгарскаго царства или ханства, вызывавшаго такъ много нападеній со стороны Русскихъ, начиная съ великаго князя Владиміра, отношенія древняго Булгара къ халифату и къ татарскимъ завоевателямъ отъ Батыя до Тамерлана, связь этого царства съ Казанью, судьба разныхъ болгарскихъ городовъ занимали Френа не только во время службы его въ Казани, но и потомъ. Для рѣшенія этого вопроса у него было довольно источниковъ: кромѣ памятниковъ, надписей, монетъ, онъ владѣлъ полною начитанностью во всѣхъ извѣстныхъ тогда и ему доступныхъ арабскихъ географическихъ и историческихъ сочиненіяхъ; онъ собиралъ и пользовался татарскими лѣтописями, приводя ихъ въ отрывкахъ и разбирая ихъ неоднократно критически [1]). Изъ его собственныхъ словъ видно, что онъ намѣревался писать о разныхъ вопросахъ этой темной исторіи [2]) и отъ него конечно, при глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, при его ученой осмотрительности и осторожной критикѣ, можно было ожидать дѣйствительнаго освѣщенія, но переходъ въ Петербургъ долженъ былъ дать другое направленіе его ученой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе отъ Френа, за время его казанской жизни, мы все же имѣемъ полную

---

[1]) Bülariae urbis origo atque fata, tatarice et latine. Fundgruben d. Orients. 1816. T. V. p. 205. Отрывки изъ другихъ лѣтописей въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Исторіи Абулъ-Гази въ Казани Френъ не имѣлъ, но онъ указалъ на ея важность и значеніе извѣстному любителю и покровителю историческихъ изслѣдованій о Россіи канцлеру графу Румянцеву. Послѣдній былъ въ Казани въ началѣ августа 1819 года и отсюда проѣхалъ для осмотра болгарскихъ развалинъ. Онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ ректора Брауна, Цеплина и Френа.

[2]) „Ad hujus nominis origines ipsiusque *fata Bulghariae* ad Volgam quae spectant, *peculiari libello* reservantes... *De num. Bulgh.* I. p. 26. „De *Brächimow*, quae ad Kamam fluvium sita erat, et de *Bulghar*, quas urbes passim confunderunt auctores, *tractabo* in Symbolis ad Bulghariae historiam“... Ib. II. 6. Вѣроятно много отдѣльныхъ замѣтокъ Френа есть въ его бумагахъ, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ.

и точную, хотя и очень краткую исторію древняго Булгара на Волгѣ. Если къ ней и слѣдуетъ прибавить нѣсколько новыхъ фактовъ, тогда неизвѣстныхъ, то и эти послѣдніе были пріобрѣтены для науки имъ же—Френомъ [1]). Въ Казани для изученія мѣстной исторіи и древностей онъ сдѣлалъ все что былъ въ состояніи, и примѣръ этого ученаго нѣмца, который съ такою любознательностью относился къ тому, что его окружало, касаясь его спеціальности, весьма поучителенъ. Къ сожалѣнію Френъ не зналъ русскаго языка, а потому сфера дѣятельности его была незначительна.

Мы ограничились изъ ученой дѣятельности Френа только тѣмъ, что было сдѣлано имъ въ Казани для изученія татарскаго періода русской исторіи и мѣстныхъ древностей. Изложеніе прочей научной дѣятельности Френа не входитъ въ нашъ планъ. Замѣчательно то однако, что вниманіе Френа и въ Казани было направлено главнымъ образомъ на арабскихъ историковъ, къ разработкѣ которыхъ онъ обратился въ Петербургѣ [2]). Но любимымъ трудомъ его былъ арабскій словарь. Къ нему онъ обращался ежедневно. Онъ разсчитывалъ кончить трудъ этотъ, какъ мы видѣли въ семь лѣтъ, но

[1]) Мы говоримъ здѣсь о статьѣ Френа „Geschichte Bulghar's", составляющей вторую половину часто цитируемой статьи профессора Эрдмана „Die Ruinen Bulghars", помѣщенной въ первый разъ въ *Bertuch's*, Neue allgemeine geographische Ephemeriden, 1820. VII B. S. 412—434. Принадлежность этой статьи Френу мы основываемъ на словахъ самаго Эрдмана. Этотъ образованный медикъ говоритъ: „Die historischen Notizen welche ich hier mittheile verdanke ich *fast alle* (за исключеніемъ ссылокъ на русскія лѣтописи, сдѣланныхъ проф. Цеплинымъ) dem Fleisse des Herrn Prof. Fraehn" и указанію академика Дорна, который статью эту включилъ въ сдѣланный имъ списокъ сочиненій Френа. Эта только историческая часть статьи Эрдмана, подъ названіемъ „Исторія Булгаровъ" была переведена Языковымъ въ *Сынъ От.* 1821 г. № VI, 241—252 и № VII, 289—306. Она, по своимъ многочисленнымъ указаніямъ на восточныхъ писателей, извѣстныхъ только въ подлинныхъ рукописяхъ, могла принадлежать только орьенталисту. Къ сожалѣнію безчисленныя цитаты изъ нея приводятся невѣрно съ именемъ Эрдмана. Статья Френа была написана въ 1817 году. Въ этомъ году, передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ, онъ сдѣлалъ послѣднюю поѣздку къ Болгарскимъ развалинамъ въ обществѣ Эрдмана, учителя живописи при университетѣ Крюкова (отца извѣстнаго московскаго профессора) и студента барона Юлія Врангеля. Кстати замѣтимъ, что общій видъ развалинъ, изображенія четырехъ главныхъ зданій и два плана, награвированные по рисункамъ Крюкова въ Веймарскомъ Географическомъ Институтѣ и приложенные къ статьѣ Эрдмана въ журналѣ Бертуха, даютъ отличное понятіе о состояніи знаменитыхъ развалинъ за 60 лѣтъ тому назадъ. Указаній на эти рисунки мы нигдѣ не встрѣчали.

[2]) Сюда относится его Prologus: „De auctorum etiam libris vulgatis crisi poscentibus emaculari, deque criticâ conjecturali, probans dictâ exemplo Historiae Saracenicae Elmacini". Cas. 1815. 4°.

объемъ его выросталъ постепенно вмѣстѣ съ трудностями; часто приходилось Френу жаловаться на недостатокъ въ Казани рѣдкихъ и дорогихъ пособій, жалѣть, что живетъ онъ не вблизи Парижской или Лейденской библіотеки и срокъ окончанія уже отодвигается на двадцать лѣтъ (въ 1815 году). Френъ однако въ такомъ возрастѣ, что эти двадцать лѣтъ впереди представляются ему полными безконечнаго труда.

Первый ректоръ университета Браунъ съ 1814 года завелъ въ Казани обычай печатать на латинскомъ языкѣ при окончаніи года, передъ днемъ торжественнаго собранія, которое обыкновенно происходило 5 іюля, такъ называемые *панегирики*, нѣчто въ родѣ пригласительной программы того, что будетъ происходить на актѣ. Панегирики эти обыкновенно, отъ лица ректора и совѣта, сочинялъ Френъ, считавшійся знатокомъ латинскаго языка. Онъ пользовался всякій разъ этимъ случаемъ для того, чтобъ присоединить къ панегирику какое нибудь спеціальное изслѣдованіе свое. Въ томъ же качествѣ знатока латинскаго языка, Френъ ежегодно переводилъ *обозрѣніе преподаваній* въ университетѣ и долженъ былъ составлять дипломы почетнымъ членамъ. Отъ этихъ дипломовъ требовалось тогда, чтобъ въ нихъ высказано было не только выраженіе уваженія университета къ избираемому имъ члену, но и по возможности точное опредѣленіе его научныхъ заслугъ, или вообще сдѣланнаго имъ на пользу просвѣщенія. Френу же поручено было сочинить дипломъ избранному въ почетные члены Оренбургскому Муфтію и онъ исполнилъ это порученіе съ честію. Дипломъ былъ написанъ на арабскомъ языкѣ риѳмованною прозою (sedshå), со всѣми условными красотами восточнаго краснорѣчія и съ выписками изъ Корана. Онъ былъ значительно длиннѣе обыкновенныхъ латинскихъ дипломовъ. Френъ постарался, чтобъ дипломъ этотъ, подносимый лицу, считающемуся знатокомъ арабскаго языка, сдѣлалъ честь и орьенталисту и университету. До напечатанія онъ давалъ его на разсмотрѣніе двумъ ученымъ казанскимъ мулламъ. Послѣдніе вполнѣ его одобрили и только въ двухъ мѣстахъ одинъ изъ нихъ совѣтовалъ замѣнить форму единственнаго числа формою множественнаго, съ чѣмъ Френъ и согласился. Все это Френъ съ большимъ торжествомъ сообщилъ въ Германію въ письмѣ [1]).

---

[1]) Leipz. Litter. Zeitung. 1817. №№ 24—25. Тамъ же напечатаны, кромѣ нѣмецкаго перевода этого арабскаго диплома и нѣсколько латинскихъ дипломовъ, сочиненныхъ Френомъ. Особенно замѣчателенъ дипломъ Тихсену, выбранному въ почетные члены по предложенію Френа, на что онъ испросилъ заранѣе разрѣшеніе попечителя. Дипломъ этотъ проникнутъ самымъ теплымъ выраженіемъ любви къ уважаемому учителю.

Въ жизни молодого Казанскаго университета Френъ является вообще лицомъ чрезвычайно дѣятельнымъ. Кромѣ профессорской, онъ несетъ и другія обязанности: въ 1811—1814 году онъ членъ училищнаго комитета; въ 1815—1816 году—деканъ отдѣленія словесныхъ наукъ. Его корреспонденціи о внутренней жизни этого университета и о трудахъ его членовъ, напечатанныя въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ литературныхъ газетахъ того времени, свидѣтельствуютъ о томъ участіи, какое онъ принималъ въ мало знакомой ему на первыхъ порахъ умственной жизни университета. Если его латинскія рѣчи, произносимыя въ торжественныхъ собраніяхъ университета, и по языку, и по исключительному спеціальному содержанію своему, были доступны ничтожному меньшинству, то нѣмецкая церковная община въ Казани могла восторгаться ораторскимъ талантомъ Френа, такъ какъ передъ нею и по просьбѣ ея членовъ, въ лютеранской церкви, онъ говорилъ два раза: по случаю торжества Лейпцигской побѣды и въ празднованіе занятія Парижа. Гулъ міровыхъ событій того времени достигъ и Казани, и въ сердцѣ Френа, котораго несчастія его родины заставили переселиться въ Россію, долженъ былъ съ особою силою и особеннымъ чувствомъ отразиться всеобщій восторгъ, вызванный всюду паденіемъ Наполеона. Френъ говорилъ о возвращеніи человѣчеству его нарушенныхъ, оскверненныхъ, похищенныхъ правъ, объ освобожденіи міра отъ оковъ и цѣпей, о возстановленіи престоловъ ландесфатеровъ, о паденіи деспота и тирана. Его нѣмецкое сердце съ восторгомъ отзывалось на пробужденіе Германіи, на возрожденіе старыхъ нѣмецкихъ университетовъ и ихъ подавленной свободы. Но, высказывая ненависть къ падшему притѣснителю Германіи, Френъ не распространяетъ ее на Французовъ: они для него великая нація и онъ приводитъ сказанныя въ томъ же смыслѣ слова русскаго Высочайшаго манифеста. За одно съ русскимъ народомъ и образованнымъ обществомъ Френъ говоритъ и объ императорѣ Александрѣ, какъ о героѣ и человѣкѣ, какъ о другѣ народовъ и защитникѣ ихъ свободы [1]).

Только одинъ этотъ разъ Френъ уходитъ изъ сферы науки въ область современности; событія времени сильно затронули его нѣмецкое сердце и напомнили о далекой родинѣ, пробужденной теперь для новой политической жизни. И въ университетской жизни онъ, по

---

[1]) Первая рѣчь Френа осталась въ рукописи, вторая же напечатана по нѣмецки и по русски (Каз. 1814. 4°. 51 стр.) „въ пользу россійскихъ инвалидовъ въ Казани". Это *первая печатная нѣмецкая книга* въ университетской типографіи. Наборщикъ, незнакомый съ нѣмецкимъ языкомъ, набиралъ латинскими литерами. О томъ какъ праздновалось въ Казани взятіе Парижа см. *Каз. Изв.* 1814 г. №№ 19 и 20.

его собственнымъ словамъ, бѣжалъ отъ всякихъ споровъ, искалъ только мира и согласія, ненавидѣлъ смуты и ссоры, «remotus a celebritate et a strepitu alienus, non amo nisi umbram, non delector nisi secessu» — писалъ онъ. Главною заботою его были книги, но книги по его спеціальности были дороги, особенно вслѣдствіе длиннаго пути до Казани. На это онъ жаловался даже ученымъ друзьямъ своимъ въ Германіи, которымъ онъ высказывалъ свое сожалѣніе, что не въ состояніи уже покупать столько книгъ, сколько могъ бы ихъ покупать въ Германіи, тѣмъ болѣе, что совѣтъ не разъ ему отказывалъ въ пріобрѣтеніи новыхъ книгъ, за недостаткомъ суммъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему выхлопотать разрѣшеніе на покупку за 240 р. асс. новаго изданія большого извѣстнаго словаря Менинскаго. Френа, какъ и другихъ иностранныхъ профессоровъ, сильно озабочивало сверхъ того помѣщеніе. На первыхъ порахъ онъ, подобно прочимъ помѣщался, съ разрѣшенія попечителя, на казенной квартирѣ (квартирныя деньги стали выдавать не вдругъ [1]); она дана ему была на время, пока не сыщетъ наемную, но очень скоро онъ долженъ былъ уступить ее для ожидаемаго въ Казань проф. Бартельса, человѣка семейнаго и «въ нѣмецкой землѣ званіе профессора уже имѣвшаго». Френа перевели на другую казенную квартиру, на дворѣ и потѣснѣе, но и эту послѣднюю Яковкинъ попросилъ его въ мартѣ 1808 года очистить къ пріѣзду проф. Фойгта, что весьма ему не понравилось. Пришлось нанимать квартиру, но частныя квартиры въ то время въ Казани соединены были съ большими неудобствами. Едва только Френъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ домѣ Апѣхтина, какъ квартира была занята военнымъ постоемъ. Пришлось жаловаться и доказывать права и преимущества, дарованныя профессорамъ университета Высочайшею грамотою. «Въ разсужденіи г. Френа полиція безбожно

---

[1]) Жалобы на дороговизну квартиръ часто доходили до Румовскаго. „Я сдѣлалъ представленіе, писалъ онъ Яковкину (12 сент. 1807 г.), чтобы для двухъ профессоровъ и четырехъ адъюнктовъ исходатайствованы были квартирныя деньги, разумѣя тутъ отапливаніе и освѣщеніе, и полагая, что четыре профессора помѣстятся надъ типографіей, но не по причинѣ дороговизны въ Казани, а потому что дерптскіе профессоры пользуются сею милостью. Сколь счастливы бы были петербургскіе жители, ежели бы съѣстные припасы были въ такой цѣнѣ, какъ въ Казани. Куль муки продается здѣсь по 12 р., а пудъ мяса по 4 и по 3½ рубля. Не смотря на то чиновники, получающіе въ годъ по 2000 р. и не меньше 400 р. платящіе за квартиру, не жалуются на постыдное содержаніе. Казанскій житель, недовольный 2000 рублями, въ Петербургѣ недоволенъ будетъ и 4000. Самые академики не имѣютъ больше какъ 2200 р. Кто не ограничиваетъ своихъ желаній, тотъ никогда и ни чѣмъ не будетъ доволенъ“.

отказываетъ и упорствуетъ, пишетъ Яковкинъ (въ маѣ 1808 года), когда онъ нанялъ весь корпусъ, но въ немъ же самомъ, и еще въ самыхъ лучшихъ четырехъ покояхъ, полиціею поставленъ офицеръ съ шестью солдатами». Дѣло не скоро уладилось. За то владѣлецъ дома черезъ годъ увеличилъ плату за квартиру съ 300 до 400 рублей въ годъ. Считая такую сумму высокою и опасаясь, что черезъ годъ она еще можетъ подняться, Френъ рѣшился купить маленькій домъ на Новогоршечной улицѣ (потомъ онъ продалъ его и купилъ другой—на Поповой горѣ), но у него недоставало на уплату 450 рублей. Не желая платить высокихъ процентовъ и не имѣя близкихъ знакомыхъ, которые могли бы его ссудить этими деньгами, Френъ обратился съ просьбою къ Румовскому разрѣшить выдачу ему этой суммы впередъ, въ счетъ его жалованья будущаго (т. е. 1810 года). Онъ надѣялся на благосклонное расположеніе попечителя «d'autant plus, писалъ онъ, comme je suis jeune et en bonne santé». На эту просьбу Румовскій просилъ передать Френу: «Я отъ всего сердца желаю, чтобы Господь жизнь его дотолѣ продлилъ, доколѣ ему угодно, но не могу согласиться, чтобы упомянутая сумма выдана была безъ поручительства. Ежели г. Френъ сыщетъ кого либо изъ собратій своихъ поручителемъ, то я, въ разсужденіи прописанныхъ имъ причинъ, согласенъ, чтобы 450 рублей выданы ему были изъ суммы университетской, съ вычетомъ въ продолженіе 1810 года». Поручителемъ былъ Браунъ.

Былъ у Френа въ теченіе его казанской жизни и романъ, весьма обыкновенный въ жизни профессора стараго времени, возможный всегда для людей занятыхъ и преданныхъ дѣлу, но не утратившихъ естественныхъ человѣческихъ стремленій. Въ старое время такіе случаи, особенно между иностранными профессорами, случались довольно часто. «Извѣстно, что въ Казани невозможно обойтись безъ женской прислуги, если не хочешь лишиться самыхъ необходимыхъ удобствъ», объяснялъ такой случай одинъ изъ нихъ. Уединенная жизнь, недостатокъ общества за незнаніемъ русскаго языка, пустота такъ называемой свѣтской жизни въ провинціи, глубокое ничтожество тогдашнихъ женскихъ натуръ, воспитанныхъ только въ любви къ разсѣянію и въ уваженіи къ внѣшнему блеску, понемногу пріучали профессора искать въ прекрасной половинѣ человѣческаго рода не равноправную подругу, которая могла бы раздѣлять его умственные интересы и стремленія, а хозяйку или какъ тогда выражались—*домоводку*. Это казалось и спокойнѣе и дешевле, при жизни только на трудовыя деньги. Романъ Френа былъ для него и причиной огорченій, и источникомъ сплетней, долго незабываемыхъ: черезъ восемь лѣтъ, въ извѣстномъ отчетѣ своемъ Маг-

ницкій упомянулъ о немъ съ злорадствомъ, представивъ его какъ образчикъ профессорскихъ нравовъ въ Казани. Исторія на столько рисуетъ взгляды и убѣжденія русскихъ и иностранныхъ профессоровъ, такъ какъ романъ этотъ послужилъ источникомъ служебныхъ пререканій, что мы нашли возможнымъ передать акты его читателямъ.

Вѣроятно самъ Френъ чувствовалъ нѣкоторую ненормальность своего брака, слышалъ доходящія до него сплетни, а потому и рѣшился увѣдомить о немъ попечителя слѣдующимъ латинскимъ письмомъ:

„Считаю своею обязанностью довести до вашего свѣдѣнія, что разставшись съ холостою жизнью, я вступилъ назадъ тому двѣ недѣли въ бракъ. Давно уже познакомился я съ одною дѣвушкою нѣмкою, уроженкою Москвы; я увидѣлъ, что она соединяла въ себѣ всѣ тѣ хорошія свойства, которыя необходимы для брачной жизни. Я нашелъ въ ней скромность и умѣренность, простоту и нелюбовь къ роскоши; она думаетъ только о домашнемъ хозяйствѣ и въ немъ совершенно опытна. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ она съ величайшею преданностью несла заботы о моемъ домѣ и какъ безпристрастный судья, я не находилъ никого болѣе ея достойною моей любви. И хотя я знаю, что не за долго до того времени, какъ она поселилась у меня, она разсчитывала на бракъ съ какою то вѣроломною личностью, коварно обманувшею ее пустыми обѣщаніями, но клянусь Богомъ и душею, призываю въ свидѣтели и друзей моихъ, невинность и чистота души ея остались неизмѣнными. Мнѣ казалось, что эти добродѣтели ея и честные нравы смываютъ пятно, лежащее на ней, или по крайней мѣрѣ закрываютъ его. Найдя въ душѣ этой дѣвушки полную гармонію съ моею, чего я напрасно искалъ въ другихъ, и глубокую любовь ко мнѣ, я нисколько не поколебался предложить, въ доказательство неизмѣнной любви своей, руку ей, рожденной отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей. Чистоту моего намѣренія оцѣнили и тѣ немногіе строгіе друзья, которые ближе знаютъ меня и жену мою; они были и виновниками моего намѣренія и свидѣтелями брачнаго обряда, какъ сослуживецъ мой Бартельсъ. Если иные здѣсь и не одобряютъ моего брака, то это нисколько не удивительно: я давно уже оставилъ казанскія собранія и живу исключительно для себя, для немногихъ близкихъ и для науки. Я убѣдился, что бракъ мой доставляетъ мнѣ величайшее личное счастье, а это конечно главное; другой образъ дѣйствій былъ бы противенъ моей совѣсти. Вотъ, уважаемый попечитель, все, что я счелъ нужнымъ изложить Вамъ прямо и чистосердечно, будучи совершенно увѣренъ, что по добротѣ своей вы порадуетесь радостью ближняго“.

Безъ сомнѣнія Френу было извѣстно и то, что на другой же день послѣ его брака пошло къ попечителю такое донесеніе, которое забрасывало густою грязью его интимную жизнь, и онъ желалъ и ослабить впечатлѣніе, и высказать свое убѣжденіе, но онъ конечно не догадывался съ какою безстыдною наглостью оцѣняли, съ иной точки зрѣнія, то, что считалъ онъ и обыкновеннымъ и чест-

нымъ дѣломъ съ своей стороны [1]). Агитація противъ него со стороны людей, воспитанныхъ въ правилахъ условной морали, была на столько сильна въ Казани, что одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, его сослуживцевъ, Финке—не знаемъ на сколько онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ самостоятельно и по собственному почину — подалъ, въ одно число съ письмомъ Яковкина къ попечителю, заявленіе, писанное по нѣмецки, въ училищный комитетъ о томъ, что на будущій декабрь мѣсяцъ онъ «находясь въ засѣданіяхъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Френомъ не можетъ быть спокоенъ, не можетъ сидѣть рядомъ съ человѣкомъ, который бракомъ своимъ, позорнымъ для профессора, нанесъ оскорбленіе университету». Не смотря на гуманное, полное любви и уваженія къ Френу мнѣніе одного изъ членовъ училищнаго комитета профессора физики Броннера, возставшаго противъ дикой выходки Финке, въ комитетѣ восторжествовало мнѣніе Яковкина, согласно которому членами на декабрь мѣсяцъ выбраны были профессоры Томасъ и Городчаниновъ, а о всемъ дѣлѣ, съ копіей заявленія Финке, рѣшено было представить попечителю на разрѣшеніе. Напрасно съ своей стороны Бартельсъ, мнѣніемъ котораго дорожилъ Румовскій, писалъ къ нему, побуждаемый чувствомъ дружбы и уваженіемъ коллегіальныхъ от-

---

[1]) Вотъ что писалъ Яковкинъ: „Наши иностранные чудаки не перестаютъ проказами своими наносить университету новыя причины къ безславію и нареканію, даже какъ будто нарочно стараются облагородить всѣхъ казанскихъ публичныхъ непотребницъ люди—наставники юношества, долженствующіе служить ему примѣромъ въ правилахъ нравственности и общежитія.—Примѣру сумасшедшаго слѣпца Сторля послѣдовалъ нынѣ близорукій слѣпецъ Френъ. Нѣкогда я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству, что у послѣдняго жила публичная блудница, непотребствовавшая прежде у многихъ, какъ нѣмцевъ, такъ и русскихъ, пришедшая и къ нему съ кузовомъ и—вытряхнувшая у него мальчика, признаннаго отъ Френа сыномъ. У нѣмцевъ есть обыкновеніе по три воскресенья объявлять о бракосочетавающихся; а у насъ въ Казани—видно по татарски, а не по нѣмецки—въ прошедшее воскресенье, 19 сего ноября, пасторъ послѣ обѣдни вдругъ трижды объявилъ объ имѣющемъ быть бракѣ профессора Казанскаго университета Христіана Мартина Френа съ—тутъ и запнулся и вмѣсто обыкновенной Jungfer сказалъ mit Demoiselle Jönson.—Въ понедѣльникъ совершился и бракъ—къ крайнему стыду всего университета и явному негодованію даже самихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Нѣкоторые приходили было ко мнѣ и въ воскресенье и понедѣльникъ съ представленіемъ, дабы воспрепятствовать таковому постыдному браку; но я не могъ на то рѣшиться, не находя закона на таковое дѣло. Даже располагались было и молодые члены совѣта представить въ наступающемъ совѣтѣ, что стыдно имъ сосѣдать и служить съ таковымъ чиновниковъ; но я и то отклонилъ, обѣщавъ имъ съ сею же почтою довести о семъ дѣлѣ до свѣдѣнія вашего превосходительства“ (21 ноября 1811 года).

ношеній, и объяснялъ бракъ Френа совершенно такъ какъ понимали его и самъ Френъ и Броннеръ. Онъ говорилъ, что отъ всего сердца одобряетъ его рѣшеніе, не смотря на то, что «дружескія отношенія его къ Френу, при глубокомъ уваженіи его самаго и въ особенности жены его къ мнѣнію общества должны нѣсколько пострадать». Возмутительнымъ кажется ему неожиданный поступокъ Финке, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ отношенія Френа, постоянно искалъ его общества и легко могъ воспользоваться временемъ между формальнымъ объявленіемъ о бракѣ Френа, о которомъ всѣ знали и пасторскимъ благословеніемъ, чтобъ высказать свои сомнѣнія и недовольство гдѣ слѣдуетъ. Румовскій взглянулъ на дѣло иначе. Чѣмъ руководствовался онъ, давая ходъ этому дѣлу—намъ неизвѣстно, но по его предложенію (отъ 4 янв. 1812 года) всѣ обстоятельства, сопровождавшія заявленіе Финке, переданы были на разсмотрѣніе совѣта университета. И въ совѣтѣ дѣйствительно *было разсуждаемо о свойствахъ брака профессора, о нравственныхъ качествахъ той, которую онъ предъ алтаремъ назвалъ своею женою.* Тотъ же Францискъ Ксаверій Броннеръ, честный и горячій защитникъ своего сослуживца въ училищномъ комитетѣ, человѣкъ, испытавшій такъ много въ жизни своей, полной приключеній (мы надѣемся разсказать ихъ впослѣдствіи, на основаніи его собственной автобіографіи), выступилъ и въ совѣтѣ въ обширномъ, раздѣленномъ на параграфы латинскомъ мнѣніи (Votum de recusatione domini professoris Finke sedendi in coetu scholastico cum dom. prof. Fraehn) на его защиту:

I. „Никто не имѣетъ права отказываться, говорилъ онъ, засѣдать въ коллегіи, законами установленной, съ человѣкомъ, который ни законами, ни опредѣленіемъ суда не лишенъ гражданской чести; въ противномъ случаѣ всякій злонамѣренный человѣкъ можетъ разсѣять коллегію, правительствомъ учрежденную: стоитъ только ему заявить, что не желаетъ засѣдать съ тѣми, которые ему не нравятся. Вракомъ своимъ проф. Френъ не сдѣлалъ ничего такого, что было бы запрещено законами, тѣмъ менѣе такого, за что бы онъ могъ быть лишенъ гражданской чести. Нѣтъ закона, который воспрещалъ бы бракъ съ дѣвушкой обманутой и обольщенной; несчастны такія женщины: онѣ достойны жалости, а не преслѣдованія, и на такой-то женился г. Френъ. Ergo: онъ поступилъ не противъ закона; на него нельзя смотрѣть, какъ на человѣка, лишеннаго чести гражданской; не могъ г. Финке ссылаться на законъ, отказываясь нести вмѣстѣ съ г. Френомъ служебныя обязанности.—II. Но можетъ быть есть такіе, которые желали бы заклеймить женщину, названную женою г. Френомъ, именемъ блудницы? Такое обвиненіе безчестно, хотя оно легко дѣлается, но съ трудомъ подтверждается сильными доводами. Вмѣсто несправедливаго оскорбленія чести другаго лица, пусть лучше хлопочутъ они о своей незавидной репутаціи (gloriola). Но предположимъ случай, не дѣйствительный, но худшій (онъ никого не касается), что кто либо изъ насъ женился на дѣйствитель-

ной проституткѣ, то и это никого изъ насъ не уполномочиваетъ въ отказѣ засѣдать съ нимъ въ коллегіи, прежде чѣмъ законы и судебный приговоръ признаютъ его недостойнымъ быть въ нашемъ обществѣ. Я отрицаю, чтобъ могъ и послѣдовать такой приговоръ. Нѣтъ закона, который запрещалъ бы бракъ даже съ проституткой и сама русская исторія представляетъ не одинъ примѣръ браковъ людей высокопоставленныхъ съ женщинами, не отличавшимися ни благородствомъ происхожденія, ни незапятнанною славою. Почему, допустивъ даже ложное и самое худшее предположеніе, г. Финке не имѣлъ права отказываться отъ совмѣстной службы съ г. Френомъ.— III. Но профессоръ Френъ, говорятъ, своимъ бракомъ нанесъ безславіе университету. Считаю долгомъ объявить: *честь университета зависитъ вовсе не отъ тѣхъ или другихъ профессорскихъ браковъ, а отъ познаній, нравовъ и честности самихъ его членовъ.* Никто полагаю не станетъ отрицать ни достоинствъ, ни извѣстности г. Френа въ наукѣ; но и нравственности и честности его этотъ бракъ служитъ доказательствомъ: два способа дѣйствія были предоставлены его волѣ—или скрыть фактъ или жениться. Онъ могъ конечно послѣдовать жалкому, обыкновенному и довольно употребительному примѣру людей развращенныхъ, достойныхъ осужденія не только за ничтожность характера, но и за безчеловѣчіе и за нравственную испорченность, т. е. сдѣлать ребенка подкидышемъ, отдать его тайно въ воспитательный домъ (corotrophium), лишить его правъ законнаго происхожденія и предать его всѣмъ житейскимъ страданіямъ людей такого происхожденія. Кто же рѣшится одобрить такой родъ дѣйствія и назоветъ его болѣе почтеннымъ того, какой избралъ г. Френъ? Онъ поступилъ благородно, справедливо, гуманно; честность его одержала побѣду надъ ложнымъ стыдомъ, презрѣвъ ничтожныя сплетни, онъ исполнилъ нравственный долгъ свой, какъ добрый отецъ, объявивъ женою своею ту, съ которою онъ жилъ, какъ мужъ. Вотъ почему я радуюсь и сердечно поздравляю г. Френа, что онъ рѣшился на бракъ. Конечно я желалъ бы, чтобы невѣста его была и цѣломудренна (illibata virgo), и благороднаго происхожденія, и богата, но *такъ какъ я не имѣю права давать направленіе его сердечнымъ склонностямъ*, то долженъ довольствоваться тѣмъ, что онъ своимъ честнымъ поступкомъ загладилъ чужую легкомысленность, женившись на дѣвушкѣ, происходящей отъ честныхъ родителей и, хотя не совсѣмъ съ чистымъ именемъ, но доброй душею, скромныхъ нравовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ ему одному преданной, опытной въ домашнемъ хозяйствѣ, такой, какую онъ считалъ достойною, чтобъ быть матерью его будущихъ дѣтей. Я полагаю, что слѣдуетъ презрѣть сплетни, когда у насъ столько сильныхъ доказательствъ противнаго. Не отрицаю впрочемъ желанія, чтобъ сердечныя отношенія многихъ нашихъ товарищей были лучше направлены, но полагаю мы обязаны дружески простить нашему товарищу за похвальное его рѣшеніе прикрыть свою связь покровомъ христіанской любви. Относительно же г. Финке я полагаю, что онъ своимъ дикимъ и позорнымъ отказомъ засѣдать вмѣстѣ съ Френомъ, недостойно и грубо оскорбилъ душу почтеннаго человѣка и дѣйствовалъ не гуманно, а жестоко".

Высказавъ всѣ эти доводы (rationes opinionis), Броннеръ перешелъ къ слѣдующему заключенію (conclusio):

„Такъ какъ во первыхъ г. Финке совершенно безъ всякаго права отказался засѣдать съ г. Френомъ и такъ какъ, во вторыхъ, порицая, въ про-

тивность христіанской любви, нравственную и похвальную цѣль г. Френа, нагло оскорбилъ его, я полагаю: 1) слѣдуетъ объявить, что г. Финке не имѣлъ никакого права отказываться засѣдать вмѣстѣ съ г. Френомъ и что отказъ этотъ недѣйствителенъ; 2) слѣдуетъ убѣдить г. Финке доказать приличнымъ образомъ передъ г. Френомъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ; 3) если г. Финке будетъ настаивать на своемъ отказѣ, то считать его самого отказавшимся отъ участія въ нашихъ засѣданіяхъ. Таково мое мнѣніе, по крайнему моему разумѣнію".

Это мнѣніе подписали восемь профессоровъ нѣмцевъ, даже Бартельсъ, въ засѣданіи совѣта при обсужденіи дѣла не бывшій, но подъ мнѣніемъ не встрѣчаемъ ни одной русской подписи, не смотря на то, что дѣло касалось вопросовъ общей нравственности: такъ глубока была разница въ нравственныхъ понятіяхъ и въ развитіи университетскихъ преподавателей, принадлежавшихъ къ двумъ разнымъ національностямъ, и можетъ быть уже созрѣвшій антагонизмъ этихъ національностей. Резолюція совѣта опредѣляла «считать прошеніе Финке объ увольненіи его изъ засѣданій училищнаго комитета, гдѣ присутствуетъ Френъ, не имѣющимъ никакого законнаго основанія», но адъюнктъ и секретарь совѣта Кондыревъ представилъ противное мнѣніе и протестъ. Этотъ любимый ученикъ не бывшаго въ засѣданіи Яковкина, человѣкъ самый близкій къ нему, повидимому стоялъ на легальной почвѣ, ссылался подобно учителю на законы, на непреложную волю начальства, но не высказывалъ никакихъ нравственныхъ убѣжденій, не выражалъ никакого участія къ жизни ученаго профессора и къ самому университету. Вотъ это мнѣніе:

„Его Превосходительство господинъ попечитель и кавалеръ начальственнымъ своимъ предписаніемъ *желаетъ узнать истинную справедливость о представляемомъ г. профессоромъ Финке и должное по тому разсмотрѣніе*,— почему и приказалъ совѣту изслѣдовать: 1) Отзывъ г. профессора Финке къ г. директору и кавалеру Яковкину, чтобы на мѣсяцъ декабрь сотоварищемъ его былъ назначенъ иной, а не профессоръ Френъ, и 2) причины отъ него сему полагаемыя.—Когда въ совѣтѣ прочитано было объ ономъ дѣлѣ представленіе училищнаго комитета, то г. профессоръ Броннеръ, не наблюдая положенной университетскимъ уставомъ § 55, отд. 2, очереди, началъ первый читать прежде уже изготовленный имъ свой голосъ; за тѣмъ господинъ предсѣдательствующій (Эрдманъ) собиралъ мнѣнія и голоса по очереди: имѣлъ ли г. профессоръ Финке законную причину желать заниматься дѣлами въ училищномъ комитетѣ не вмѣстѣ съ г. Френомъ? Утвержденіе было такое, что не имѣлъ. Когда же я спрошенъ былъ послѣ всѣхъ, то отвѣчалъ, что *ничего не знаю и знать не могу, ибо сперва надлежало бы узнать самыя причины* отъ господина Финке и тогда судить о семъ. Сверхъ того *дѣло воспріяло ходъ незаконнымъ порядкомъ, не соотвѣтственно предписанію начальства и кажется не безпристрастно.* 1) Незаконно потому, что члены совѣта изъ одного прочтеннаго представленія комитета ничего знать не могутъ и слѣдовательно разсуждать и заключать. Надлежало бы сперва про-

честь всѣ бумаги (?), касающіяся сего дѣла, потомъ положить какъ приступить законно къ разсмотрѣнію сего дѣла; отъ г. профессора Финке потребовать объясненія подробнѣйшаго, по какимъ причинамъ думаетъ онъ быть уволеннымъ отъ засѣданія съ г. проф. Френомъ: законнымъ ли или по одному снисхожденію къ чувствованіямъ (какъ благороднаго человѣка), желаетъ ли онъ сего только, или требуетъ? *Отъ г. Френа также слѣдовало бы потребовать обстоятельнаго историческаго свѣдѣнія въ разсужденіи жены его.* Такимъ образомъ сообщенное однимъ должно предоставить другому, дабы они другъ друга представленія, въ присутствіи совѣта, могли опровергать, подтверждать и защищать. Послѣ того совѣтъ изъ ими сказаннаго и *закономъ опредѣленныхъ справокъ* могъ бы сдѣлать заключеніе. Г. профессоръ Финке поставляетъ въ причину удаленія себя отъ сообщества съ г. проф. Френомъ то, что нанесенное отъ сего г. профессора университету безславіе нарушаетъ его душевное спокойствіе и слѣдовательно потому не можетъ онъ рѣшать съ нимъ основательно дѣлъ. Достовѣрно мнѣ неизвѣстны причины сего безславія, но я полагаю, что можетъ быть есть законы, даже естественные, кои по нѣкоторымъ причинамъ могутъ сіе позволять и кои уважаютъ человѣческія чувствованія. Кромѣ того г. проф. Финке желаетъ только перемѣны своего времени въ засѣданіи комитета. И такъ обвиненіе г. проф. Финке отъ совѣта по моему мнѣнію кажется сдѣлано безъ законнаго изслѣдованія, безъ разсмотрѣнія причинъ и слѣдовательно противозаконно.

II. „Рѣшеніе совѣта не можетъ быть соотвѣтственно и предписанію Его Превосходительства г. попечителя и кавалера, въ коемъ именно упомянуто, чтобы войти въ причины. Послѣдняго не учинено. Г. профессоръ Финке подъ именемъ безславія *можетъ разумѣть и какое либо преступленіе*, каковое же оно изъ письма г. профессора Финке—неизвѣстно. Г. профессоръ Броннеръ поданнымъ голосомъ обнаруживаетъ только нѣкоторыя черты прелюбодѣйства. Самъ г. профессоръ Броннеръ, толико усердно поступокъ г. проф. Френа защищающій, кажется признается, что онъ желалъ бы видѣть бракъ г. о. проф. Френа иной. Мнѣ изъ сего ничего неизвѣстно, *я не дерзаю ничего говорить худаго* ни объ одномъ изъ гг. профессоровъ Финке и Френѣ, желалъ бы видѣть ихъ въ мирѣ и согласіи и не разсуждать о дѣлахъ такого рода; но *воля высшаго начальства налагаетъ на меня священныя обязанности исполнять его предписанія*, согласно съ законами, честью и совѣстью“.

Если можетъ быть въ этомъ мнѣніи Кондырева и есть доля насмѣшки, безопасность которой увеличивалась для него тѣмъ обстоятельствомъ, что иностранные члены совѣта не понимали всей отнюдь не аттической соли ея, то съ другой стороны нельзя не видѣть въ немъ также и желанія скандала, желанія, происходящаго отъ ничтожности интересовъ, наполняющихъ жизнь. Съ личностью Кондырева въ разныхъ отношеніяхъ, намъ можетъ быть удастся познакомить читателя этого разсказа; онъ былъ созданіемъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета и весьма дѣятельнымъ въ той сферѣ, какую указывалъ примѣръ Яковкина; это былъ любимый ученикъ послѣдняго, раздѣлявшій взгляды его и убѣжденія. Какъ бы то ни было, бракъ Френа сильно занималъ современное общество профес-

соровъ въ Казани, да безъ сомнѣнія и городское, которое конечно не знало Френа орьенталиста, нумизмата, изслѣдователя первыхъ темныхъ періодовъ русской исторіи. Едва ли и самъ Яковкинъ зналъ это. Онъ спѣшилъ передавать въ Петербургъ собранныя имъ скандальныя извѣстія [1]).

Только этотъ эпизодъ нарушилъ спокойную, исключительно посвященную наукѣ казанскую жизнь Френа. Восточный городъ давалъ ему для изученія Востока вообще такъ много, что его не манило даже желаніе воротиться на родину въ званіи профессора. Въ 1810 году онъ былъ приглашаемъ въ Ростокскій университетъ на открывшуюся тамъ богословскую каѳедру, но рѣшительно отказался, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что онъ отсталъ отъ богословія. Та библейская экзегеза, которая занимала его въ Германіи, должна была уступить изученію Востока — съ совершенно иною цѣлью—изученія древняго періода русской исторіи. Но въ 1815 году умеръ учитель его Тихсенъ. Френа пригласили занять его каѳедру. Это приглашеніе такъ льстило научному самолюбію казанскаго профессора, что онъ нисколько не колебался принять его. Безъ сомнѣнія необходимость дослужить десятилѣтіе удержала Френа въ Казани еще на нѣкоторое время, но оффиціально онъ не объявлялъ о своемъ переходѣ въ Ростокъ. Только въ маѣ 1817 года онъ взялъ отпускъ для поѣздки въ Москву и Петербургъ. Уѣзжая онъ получилъ, согласно прошенію, отъ совѣта университета аттестатъ или свидѣтельство о всемъ ходѣ его университетской службы, объ исполненіи порученій, даваемыхъ ему совѣтомъ, о сочиненіяхъ имъ напечатанныхъ и проч. Въ Петербургѣ Академія Наукъ, воспользовавшись его пребываніемъ тамъ, поручила Френу разборъ своего минцъ-кабинета; эта работа требовала нѣсколькихъ лѣтъ и Френъ подалъ прошеніе объ увольненіи его вовсе изъ Казанскаго университета, что и послѣдовало распоряженіемъ министра народнаго про-

---

[1]) „Необычайныя дѣла влекутъ за собою необычайныя и послѣдствія. На другой день послѣ свадьбы Френовой по утру найдена у самыхъ воротъ его дома большая куча нечистотъ, въ коей усмотрѣны многіе лоскутки писемъ, писанныхъ къ проф. Герману. За сіе произошла бумажная язвительная и яростная перестрѣлка, которая говорятъ окончится только судебнымъ разбирательствомъ университетскимъ; но время все лучше окажетъ“ (5 дек. 1811 г.). Замѣтимъ, что Германъ не подписалъ мнѣніе Броннера. Страсть къ скандальнымъ разсказамъ жила въ Казани долго. Магницкій собиралъ сплетни объ университетѣ и въ Симбирскѣ, во время своего губернаторства, и на ревизіи. По нимъ онъ написалъ и отчетъ свой. Это видно изъ того между прочимъ, что исторію съ Френомъ онъ отнесъ по разсказамъ къ 1813 году. См. *Ѳеоктистова*, Магницкій, стр. 89—90.

свѣщенія 3 августа 1817 года. Въ сентябрѣ совѣтъ заслушалъ прощальное латинское письмо Френа, обращенное къ ректору, профессорамъ и адъюнктамъ.

Ученость Френа и латинскіе труды его въ Казани, о которыхъ мы говорили, не могли однако оставить глубокихъ слѣдовъ въ умственной жизни университета; единственный ученикъ его Ярцовъ, на котораго можно было бы разсчитывать, какъ на преемника Френу по каѳедрѣ, уѣхалъ въ Петербургъ въ одно время съ нимъ. Слишкомъ большія требованія отъ одного только профессора восточныхъ языковъ,—приготовленіе переводчиковъ, когда самъ профессоръ не зналъ русскаго языка, неимѣніе никакой связи преподаваемой имъ спеціальности, т. е. арабскаго языка, съ другими предметами тогдашняго курса, неприложимость этого знанія въ дальнѣйшей карьерѣ студента—вотъ тѣ причины, которыя обусловливали неуспѣхъ преподаванія Френа. Только въ старой, вѣковой умственной и научной жизни могли бы найтись для Френа дилеттанты слушатели, которые стали бы интересоваться и арабскимъ языкомъ и археологіею Востока, и восточною нумизматикою. Студенты молодыхъ русскихъ университетовъ, въ едва пробужденной умственной жизни, могли съ любовью заниматься только такими предметами, къ которымъ они были болѣе или менѣе приготовлены, которые находили примѣненіе и въ жизни ихъ окружающей, и въ той служебной карьерѣ, которую они выбирали по окончаніи курса. Наука, ея содержаніе и направленіе вездѣ находятся въ непосредственномъ отношеніи къ историческому ходу общей культуры страны. Этимъ объясняемъ мы фактъ успѣха математическаго преподаванія съ первыхъ годовъ Казанскаго университета и то обстоятельство, что съ перваго профессора до нашего времени мы видимъ въ преподаваніи этой науки преданіе безъ перерыва. Здѣсь, при передачѣ научнаго содержанія студентамъ, иностранцу профессору даже не мѣшало незнаніе имъ языка русскаго: языкъ математики былъ понятенъ для всѣхъ. Реформа Петра В., нужды жизни, историческія условія—создали и укрѣпили это направленіе у насъ. Ни отвлеченная философская мысль, толчокъ которой данъ былъ свободнымъ движеніемъ Лютеровой реформы, ни изученіе классическаго міра, тѣсно связаннаго со всею умственною жизнью Европы съ эпохи Возрожденія, какъ извѣстно, не привились къ нашимъ университетамъ и пусть преподаютъ съ этихъ каѳедръ, еслибъ это было возможно, такъ какъ и самые люди создаются страною и отъ ея внутренняго развитія зависитъ интензивность самаго таланта, величайшія свѣтила въ этихъ

наукахъ—успѣхъ ихъ преподаванія, въ научномъ смыслѣ, а не для приготовленія профессіональныхъ преподавателей, будетъ сравнительно весьма не вѐликъ. И то и другое направленіе науки въ Европѣ вызваны были исторіей; другая исторія создала другія требованія. Впрочемъ въ лицѣ перваго профессора чистой математики *Бартельса* Казанскій университетъ получилъ весьма достойнаго ученаго и человѣка [1]).

Іоганнъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ пріѣхалъ въ Казань въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ; имя его уже пользовалось нѣкоторою извѣстностью въ Германіи и тѣ же политическія обстоятельства родины заставили Бартельса, какъ и другихъ, переселиться въ Россію. Онъ родился 12 августа 1769 года въ Брауншвейгѣ. Предназначаемый родителями къ изученію ремесла, Бартельсъ получилъ первыя основанія грамотности въ школѣ-пріюта для сиротъ (Waisenhausschule). Это было нѣчто въ родѣ реальной школы, по словамъ самаго Бартельса. Потомъ онъ ходилъ въ одно изъ городскихъ училищъ, гдѣ все ученіе заключалось въ чистописаніи, (при чемъ обращалось вниманіе на грамматику), въ ариѳметикѣ и въ Законѣ Божіемъ. Позднѣе въ этомъ же училищѣ получилъ первоначальныя свѣдѣнія и землякъ Бартельса знаменитый геометръ Гауссъ (род. 1777). Бартельсу не было и четырнадцати лѣтъ, когда онъ получилъ мѣсто помощника учителя въ этой же школѣ. Надобно было работать изъ за куска хлѣба. Посвящая ежедневно семь часовъ на занятія въ училищѣ, Бартельсъ еще былъ переписчикомъ и сверхъ того составлялъ и сводилъ счеты церковные и опекунскіе за нѣкоторую плату, такъ что у него едва ли въ сутки оставалось болѣе одного часа, которымъ онъ могъ бы воспользоваться для собственныхъ занятій. Желанія Бартельса шли не далѣе приготовленія себя къ занятію мѣста городскаго счетчика, но онъ однако созналъ скоро, что масса непроизводительной работы, къ которой онъ не чувствовалъ вовсе склонности, была вредна для него и въ духовномъ и въ физическомъ отношеніи. Онъ рѣшился въ 1788 году искать высшаго образованія, хотя и сознавалъ совершенный недостатокъ приготовительныхъ свѣдѣній. Къ счастью для него, въ высшее учебное зеведеніе Брауншвейга collegium Carolinum можно было поступить безъ экзамена: для этого слѣдовало только представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и внести плату за ученіе. Упорное прилежаніе Бартельса

---

[1]) Для изложенія жизни Бартельса мы пользовались его автобіографіею заключающеюся въ предисловіи къ сочиненію «Vorlesungen über mathematische Analysis". Erster Band. Dorpat. 1833. 4°, S. I—IX, пополняя ее архивными бумагами и другими источниками.

побѣдило трудности и онъ могъ съ пользою слушать лекціи по латинскому и греческому языку; послѣдній впрочемъ онъ оставилъ потомъ за недостаткомъ времени. Сверхъ древнихъ языковъ, Бартельсъ ходилъ на лекціи и по разнымъ наукамъ и въ особенности успѣлъ въ изученіи новыхъ языковъ: французскаго, англійскаго и даже итальянскаго, такъ что безъ большого труда могъ читать прозаиковъ на этихъ языкахъ, а печатные переводы съ нихъ доставляли Бартельсу даже деньги. Бартельсъ переводилъ съ англійскаго сочиненія и статьи естественно-историческаго и географическаго содержанія. Преподаваніе математики въ браунпвейгскомъ коллегіумѣ ограничивалось алгеброй, геометріей и тригонометріей. Умѣньемъ рѣшать алгебраическія и геометрическія задачи Бартельсъ обратилъ на себя вниманіе учителя Циммермана. Онъ полюбилъ ученика и Бартельсъ говоритъ, что никогда не забудетъ благодѣтельнаго вліянія этого наставника на все его образованіе и даже на житейскія отношенія. Большое значеніе для духовнаго развитія Бартельса имѣлъ также небольшой кружокъ учащихся, къ которому онъ принадлежалъ. Обсужденіе вопросовъ науки и литературы было содержаніемъ собраній этого кружка. Всѣ члены его, по свидѣтельству Бартельса, сдѣлались или извѣстными въ наукѣ и литературѣ или полезными обществу людьми.

Университетское образованіе свое Бартельсъ началъ въ существовавшемъ тогда небольшомъ браунпвейгскомъ, университетѣ въ Гельмштедтѣ (университетъ этотъ, основанный въ 1575 году герцогомъ Юліемъ браунпвейгскимъ, былъ упразднень въ 1809 году королемъ вестфальскимъ). Бартельсъ предназначалъ себя къ судебной службѣ и выслушалъ здѣсь полный курсъ юридическихъ наукъ. Это не помѣшало однако его занятіямъ математикою, отъ которой онъ не отставалъ: у извѣстнаго тогда аналитика профессора Пфаффа въ Гельмштедтѣ, съ которымъ онъ соединенъ былъ и дружескими отношеніями, Бартельсъ слушалъ privatissimum объ интегральномъ исчисленіи. По совѣту Пфаффа, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Гельмштедтскомъ университетѣ, Бартельсъ перешелъ въ Геттингенъ, чтобъ вполнѣ посвятить себя математическимъ наукамъ. «Здѣсь не проходили сколько нибудь полнаго курса высшей математики, говоритъ онъ; тоже можно сказать и почти о всѣхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ университетахъ, почему всѣ нѣмецкіе математики этого времени были болѣе или менѣе самоучками. И студентовъ математиковъ въ Геттингенѣ было чрезвычайно мало: изъ общаго числа ихъ тогда, доходившаго до тысячи, математику изучали не болѣе шести человѣкъ». Бартельсъ надѣялся получить въ Геттингенѣ степень доктора и сдѣлаться тамъ доцентомъ. Частные уроки математики давали ему

достаточныя средства для жизни; онъ разсчитывалъ на поддержку профессоровъ математики, но сомнѣніе въ неподготовленности заставило его на время отложить намѣреніе и принять учительское мѣсто въ семинаріи Рейхенау въ швейцарскомъ кантонѣ Граубюнденъ. Воспитательное учрежденіе въ Рейхенау, основанное владѣльцами замка этого имени, у верховьевъ Рейна, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка пользовалось большою извѣстностью; здѣсь въ 1793—1794 годахъ преподавалъ математику бѣжавшій отъ революціи герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи Людовикъ Филиппъ, король Французовъ, и Бартельсъ продолжалъ курсъ для многихъ учениковъ, начавшихъ ученіе у герцога. Заведеніе это сдѣлалось потомъ собственностью извѣстнаго нѣмецкаго писателя Цшокке, но скоро перестало существовать вслѣдствіе военныхъ событій. Во время своего учительства здѣсь, Бартельсъ перевелъ съ французскаго извѣстное сочиненіе Байльи: «Исторія новой астрономіи» [1].

Посѣтивъ на короткое время родину, Бартельсъ воротился въ 1800 году въ Швейцарію и сдѣлался снова учителемъ. По его словамъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи и устройствѣ центральнаго училища кантона, основаннаго гражданами Аарау. Это была реальная школа, вполнѣ соотвѣтствовавшая швейцарскимъ потребностямъ, что доказывалось быстрымъ увеличеніемъ въ ней числа учениковъ. Но измѣненія въ устройствѣ этого училища, задуманныя по словамъ Бартельса вовсе не къ лучшему и несогласныя съ его взглядами, ему не нравились.

Въ это именно время, въ 1805 году, Бартельсъ получилъ отъ Румовскаго приглашеніе на каѳедру въ Казань. Положеніе математическаго преподаванія въ Казанской гимназіи при учителѣ Карташевскомъ, который, какъ мы видѣли, получилъ только званіе адъюнкта, было вообще удовлетворительно. Это свидѣтельствовалъ самъ Яковкинъ, не любившій Карташевскаго: «Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ гимназіи и университета, писалъ онъ (25 апрѣля 1805 г.), нуженъ кажется къ іюлю мѣсяцу еще одинъ математикъ, знающій и по латыни хорошо: старшіе и лучшіе студенты, числомъ болѣе десяти, прослушавшіе еще прежде у г. Карташевскаго курсъ математическій, съ особенною пользою могутъ заняты быть пространнѣйшимъ курсомъ высшихъ частей математики и *скорѣе прочихъ приготовлены быть къ учительской должности*». Правда, въ желаніи получить скорѣе профессора математики была у Яковкина и другая цѣль: «*противоставить имъ преграду молодому высоко-*

---

[1]) Geschichte der neuern Astronomie. Uebers. mit Anmerkk. 2 Thle. Leipz. 1796—1797. 8°.

умію» (это намекъ на Карташевскаго), но тоже самое имѣлъ въ виду и Румовскій: «Ежелибъ Богъ помогъ мнѣ доставить ихъ въ Казань (Бартельса и другого профессора), писалъ онъ (24 апрѣля 1805 года), то думаю, что молодые адъюнкты, почувствовавъ свои недостатки, принуждены будутъ отложить высокомѣрныя о себѣ мысли. Въ противномъ случаѣ сами на себя навлекутъ какія нибудь непріятности». Бартельса письмомъ рекомендовалъ Румовскому тогдашній непремѣнный секретарь нашей Академіи Наукъ Николай Фуссъ; къ нему за помощью вѣроятно и обратился Румовскій. Фуссъ препроводилъ при письмѣ мемуаръ Бартельса по математическому анализу, сочиненіе, тогда печатавшееся Бартельсомъ, называлъ его учителемъ Гаусса и хвалилъ по слухамъ его нравственный характеръ. Безъ сомнѣнія Бартельсъ, въ перепискѣ своей съ Фуссомъ, недовольный своимъ положеніемъ въ Аарау, искалъ мѣста съ ученой дѣятельностью въ Россіи. Математическое сочиненіе Бартельса нашло въ Румовскомъ компетентнаго судью и очень ему понравилось; немедленно вступилъ онъ въ переписку съ Бартельсомъ и предложилъ ему мѣсто ординарнаго профессора въ Казанскомъ университетѣ и 1000 рублей на путевыя издержки отъ Аарау. Бартельсъ также скоро изъявилъ согласіе, въ маѣ 1805 года. «Въ первыя минуты, писалъ онъ, меня испугало нѣсколько громадное разстояніе Казани отъ моего отечества, въ особенности потому, что я женатъ и у меня и у жены еще живы родители, но убѣжденіе, что я буду находиться въ кругѣ дѣятельности, соотвѣтствующемъ моимъ желаніямъ, и возможность доставить семьѣ обезпеченную и довольную жизнь, скоро разогнали всѣ мои сомнѣнія». Бартельсъ просилъ только не торопить его поѣздкою, чтобъ имѣть возможность привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла, напечатать свое сочиненіе и пожить нѣсколько времени въ Брауншвейгѣ. Бартельсъ справлялся и о состояніи математическаго отдѣла въ библіотекѣ университета. Румовскій представилъ Бартельса къ утвержденію въ іюнѣ того же года. «Разсматривая его сочиненія, писалъ онъ между прочимъ въ своемъ представленіи Главному Правленію училищъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ я, что г. Бартельсъ толь глубокія и превосходныя имѣетъ въ высшей математикѣ свѣдѣнія, что безъ всякаго прекословія можетъ онъ занять мѣсто въ числѣ искуснѣйшихъ математиковъ въ Нѣмецкой землѣ». Онъ считалъ весьма важнымъ «пріобрѣтеніе толь искуснаго математика, которому вся Германія имѣетъ мало подобныхъ», и выхлопоталъ ему не только тысячу рублей на проѣздъ, но и безпошлинный пропускъ пожитковъ на границѣ, на сумму въ 3000 рублей. Посылая вексель Бартельсу и увѣдомляя объ его утвержденіи, Румовскій просилъ его указать

только тѣ пограничные города или гавани, чрезъ которые онъ поѣдетъ, дабы заранѣе можно было сдѣлать распоряженіе по таможнѣ. Но изъ Брауншвейга, въ августѣ того же 1805 года, Бартельсъ, ссылаясь на свои домашнія обстоятельства, писалъ къ Румовскому, что онъ принужденъ отказаться отъ каѳедры въ Казани. «Я принялъ чрезвычайно лестное и выгодное предложеніе ваше, писалъ онъ, несмотря на нежеланіе семьи и въ особенности жены моей ѣхать въ такую даль, въ той надеждѣ, что для нея мысль о разлукѣ съ родными и отечествомъ перестанетъ казаться страшною, но къ сожалѣнію ошибся въ моемъ ожиданіи. Слабость здоровья еще усилила ея тоску и боязнь продолжительной поѣздки. Никакими разумными доводами я не въ состояніи убѣдить ее, тѣмъ болѣе, что теперь и на родинѣ я имѣю возможность получить занятіе, меня удовлетворяющее. Вы конечно отецъ семейства или были имъ, а потому можете нѣкоторымъ образомъ извинить мой образъ дѣйствій, который я самъ вовсе не оправдываю».

Эта будущая дѣятельность въ Брауншвейгѣ конечно могла вполнѣ удовлетворить Бартельса. Предложеніе ему сдѣлано было герцогомъ Карломъ Вильгельмомъ Фердинандомъ. Этотъ герцогъ, извѣстный военными подвигами въ семилѣтнюю войну и неудачами въ походѣ коалиціи противъ революціонной Франціи, вызвавшій озлобленное чувство Французовъ своимъ манифестомъ къ нимъ, по возвращеніи изъ этого похода, въ своемъ маленькомъ герцогствѣ Брауншвейгскомъ былъ умнымъ правителемъ, отличался бережливостью и все свое вниманіе обращалъ на развитіе внутреннихъ силъ и естественныхъ богатствъ страны. Одновременно съ Бартельсомъ приглашенъ былъ въ Брауншвейгъ и Гауссъ, геніальный математикъ, лично съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстный герцогу, который помогъ ему получить математическое образованіе въ Геттингенѣ. Гауссъ уже пользовался славою въ ученомъ мірѣ за свои Disquisitiones arithmeticae (1795) и за вычисленіе элементовъ телескопическихъ планетъ Цереры и Паллады, открытыхъ въ 1801 и 1802 годахъ, когда покровитель его герцогъ пригласилъ его въ Брауншвейгъ для устройства обсерваторіи, въ званіи ея директора. Астрономія съ конца прошлаго вѣка въ Германіи, при нѣкоторыхъ дворахъ, была настоящею science royale, ею занимались не только люди науки, но она стала въ высшей степени привлекательною для развитыхъ и образованныхъ умовъ вѣка. Всѣ умѣли обращаться съ телескопомъ и астрономическими инструментами для измѣренія небесныхъ пространствъ и разстояній. Великіе теоретическіе труды Ньютона и его послѣдователей, французскихъ математиковъ, гдѣ теорія до малѣйшихъ подробностей согласовалась съ практическимъ измѣреніемъ, подымали духъ и на-

полняли его благоговѣйнымъ удивленіемъ къ могуществу ума человѣческаго. Идеальный, нѣсколько мистическій характеръ носило преподаваніе и перваго профессора астрономіи въ Казанскомъ университетѣ Литтрова, какъ мы увидимъ впослѣдствіи и какъ мы сами слышали о томъ отъ ученика его профессора Симонова. Въ высшемъ обществѣ Европы считалось возвышеннымъ наслажденіемъ самому дѣлать астрономическія вычисленія, приходить въ восторгъ, когда теорія оказывалась вполнѣ согласною съ практикою, понимать движеніе въ небесныхъ пространствахъ и т. п. Астрономы, подобно прежнимъ составителямъ гороскоповъ, нерѣдко являлись интимными друзьями владѣтельныхъ лицъ. Таковы были отношенія Цаха къ герцогу Эрнсту Саксенъ-Готскому и потомъ къ женѣ его, у которой онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ. Для него была выстроена обсерваторія въ Зеебергѣ близь Готы и другая при собственномъ дворцѣ герцогини въ окрестностяхъ Іены [1]). Таковы же были и отношенія Гаусса къ герцогу Брауншвейгскому. Для Гаусса онъ и намѣревался строить обсерваторію. Деньги, матеріалы для постройки и превосходные инструменты были уже готовы для нея. Предполагалось соединить съ нею высшее математическое учебное заведеніе, которое дополняло бы курсъ collegium Carolinum въ Брауншвейгѣ. Главная дѣятельность при устройствѣ этого послѣдняго учрежденія должна была принадлежать Бартельсу; постройки опредѣлено было начать въ 1806 году. Будущая дѣятельность Бартельса представлялась ему отрадною; по его словамъ теперь осуществлялись молодыя мечты его—служить наукѣ и образованію юношества въ томъ самомъ учрежденіи, которому онъ былъ обязанъ и своими познаніями и счастливѣйшими днями жизни, и притомъ въ обществѣ людей, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ чувствомъ уваженія благодарнаго ученика. Въ ожиданіи этой дѣятельности, Бартельсъ жилъ безъ занятій въ Брауншвейгѣ, получая ежегодно отъ герцога 800 талеровъ, при другихъ доходахъ.

Мечтамъ и ожиданіямъ Бартельса не суждено было осуществиться, какъ и намѣреніямъ герцога. Война 1806 года положила имъ конецъ. Командуя прусскими войсками, этотъ герцогъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи подъ Ауерштедтомъ, гдѣ рѣшилась судьба и Пруссіи и его собственныхъ владѣній, вошедшихъ въ составъ но-

---

[1]) Чрезвычайно поэтическое изображеніе отношеній астронома Цаха къ герцогинѣ сдѣлано Гёте въ X гл. 1-й кн. *Wilhelm Meister's* Wanderjahre (русск. перев. въ изданіи Гербеля 1879 года, т. VI, стр. 129 сл.). См. *Forster*, „Zur Geschichte einer astronom. Episode in Wilh. Meisters Wanderjahren“ въ *Westermann's*, Deutsche Monatshefte. 1879. Iuni. S. 330—336.

ваго Вестфальскаго королевства. Едва спасшись бѣгствомъ отъ французскаго плѣна, герцогъ умеръ отъ ранъ въ началѣ ноября въ мѣстечкѣ Оттензенъ близъ Альтоны, не попавъ даже въ свою столицу вслѣдствіе запрещенія Наполеона. Съ вступленіемъ французовъ въ Брауншвейгъ, Бартельсъ перестал получать опредѣленное ему герцогомъ содержаніе и остался съ семьею безъ средствъ. Новыя власти не хотѣли его знать. Это заставило его подумать о казанскомъ мѣстѣ и обратиться съ просьбою о немъ къ Румовскому.

Румовскій очень высоко цѣнилъ Бартельса; отказъ ѣхать въ Казань не поколебалъ ни его уваженія, ни его довѣрія къ нему, а потому онъ обратился къ Бартельсу съ просьбою пріискать вмѣсто себя въ Германіи ученаго для занятія въ Казани каѳедры чистой математики. По этому дѣлу началась дѣятельная переписка между ними, продолжавшаяся года два. Бартельсъ принялъ къ сердцу порученіе Румовскаго и горячо взялся за его исполненіе. Переписка съ нѣмецкими учеными и приглашеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Казань на каѳедру чистой математики при участіи Бартельса были однако безплодны. Однихъ пугала чрезвычайная отдаленность восточнаго города отъ Европы, другіе ставили такія требованія и условія, что самъ Бартельсъ находилъ ихъ преувеличенными. По поводу желаній одного изъ пяти или шести ученыхъ, рекомендованныхъ Бартельсомъ, доктора Рёсслинга, Румовскій писалъ къ Бартельсу слѣдующее: «Я не стану разсматривать, что побудило доктора Рёсслинга выставить въ письмѣ своемъ такія чрезвычайныя требованія, но долженъ сказать, что они превосходятъ даже тѣ, при которыхъ пріѣхалъ въ Россію Эйлеръ. Не смотря на то, что въ теченіе моей пятидесятитрехлѣтней службы при Петербургской Академіи Наукъ, много изъ иностранныхъ ученыхъ было приглашаемо ею, ни одинъ изъ нихъ однако не имѣлъ подобныхъ притязаній, кромѣ д'Аламбера. Сравнивъ требованія послѣдняго съ тѣми, какія я прочиталъ въ письмѣ Рёсслинга, нахожу, что они совершенно одинаковы, за исключеніемъ одной лишней статьи, выговариваемой для себя д'Аламберомъ—находиться въ одинаковомъ рангѣ съ иностранными послами». Впрочемъ Казанскій университетъ получилъ по его рекомендаціи нѣкоторыхъ преподавателей. Потомъ, когда самъ Бартельсъ занялъ въ Казани каѳедру чистой математики, по его указанію были приглашены: докторъ Реннеръ—профессоромъ прикладной математики, другой Реннеръ, двоюродный братъ его—профессоромъ скотолѣченія и Броннеръ—физики.

Эта переписка съ Бартельсомъ о замѣщеніи математической каѳедры, уваженіе, какое имѣлъ Румовскій къ его познаніямъ и талантамъ, и увѣренность, что Бартельсъ будетъ полезенъ универси-

тету, побудили попечителя, съ согласія самаго Бартельса, предложить совѣту Казанской гимназіи избрать его въ почетные члены, а такъ какъ согласно § 38 и 39 устава 1804 года четыре изъ почетныхъ членовъ (по факультетамъ), дѣятельнѣйшіе между ними, которые «ведутъ съ университетомъ переписку, доставляютъ ему свѣдѣнія о новыхъ въ наукахъ изобрѣтеніяхъ и исправляютъ препорученія университета, касающіяся до выписыванія предметовъ, къ наукамъ относящихся», пользуются пенсіею по 200 рублей въ годъ, то и Бартельсу съ 1 января 1806 года отпускались эти деньги. Контора гимназіи донесла только попечителю, что «къ переводу отсель въ Брауншвейгъ денегъ векселями на Гамбургъ никакого способу не имѣетъ» и отправляла ихъ къ попечителю, который уже переводилъ ихъ отъ себя. Это, сколько намъ извѣстно, былъ первый случай въ Казанскомъ университетѣ примѣненія упомянутыхъ §§ устава о почетныхъ членахъ. Онъ допущенъ былъ Румовскимъ, несмотря на то, что университетъ не былъ еще открытъ и никакіе факультеты въ немъ не существовали, по личному его уваженію къ Бартельсу.

Тотчасъ по полученіи письма Бартельса о желаніи поступить опять на службу, успокоивъ его на счетъ будущей пенсіи женѣ, что сильно озабочивало ученаго, Румовскій сдѣлалъ представленіе министру въ іюлѣ 1807 года о немъ, которое было утверждено чрезъ пять дней, и любезно распорядился облегчить ему переѣздъ, а когда получилъ извѣстіе, что онъ уже на границѣ, въ Мемелѣ, то писалъ къ Яковкину, чтобъ тотъ приготовилъ ему одну изъ четырехъ квартиръ въ *новомъ строеніи*: «ежели бы паче чаянія случилось, что всѣ четыре заняты, то объявить изъ занимающихъ холостому, чтобъ очистилъ къ пріѣзду Бартельса, потому что онъ съ тѣмъ уговоромъ вызванъ, чтобъ имѣть ему казенную квартиру». Квартира должна быть такая, которую Яковкинъ признаетъ «лучше, выгоднѣе и приличнѣе для помѣщенія столь почтеннаго гостя съ семействомъ его. Г. Бартельсъ, какъ я къ вамъ писалъ, есть одинъ изъ первыхъ математиковъ нѣмецкой земли, и для того прошу васъ обращаться съ нимъ ласковѣе и оказывать ему особливое уваженіе». Нельзя не видѣть въ этой особенной заботливости Румовскаго о Бартельсѣ, уваженія къ его достоинствамъ, какъ ученаго математика.

Бартельсъ не скоро однако выѣхалъ изъ Брауншвейга; его задержали и сборы для переѣзда съ семьею, состоящею изъ жены и двухъ маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ полугодовой, и желаніе получить слѣдующее ему за нѣсколько мѣсяцевъ содержаніе. Послѣднее не удалось ему исполнить и 700 талеровъ онъ получилъ уже въ Казани, послѣ возстановленія Брауншвейгскаго герцогства.

Переѣздъ Бартельса до Казани продолжался съ конца октября до 15 февраля 1808 года съ разными, весьма непріятными приключеніями, такъ какъ онъ ѣхалъ въ собственной повозкѣ, которая ломалась. Путь шелъ на Мемель, Полангенъ, Ригу, Петербургъ; онъ самъ называетъ этотъ путь «затруднительнымъ и дорогимъ». Затрудненія увеличивались еще отъ незнанія русскаго языка и полнаго незнакомства съ способами путешествія по Россіи. «Купивъ въ Москвѣ, по совѣту людей, которыхъ я считалъ опытными въ этомъ дѣлѣ, новый зимній ходъ подъ мою повозку за 40 рублей, чтобъ не рисковать въ третій разъ жизнію моихъ дѣтей, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, я принужденъ былъ продать въ Муромѣ за 25 рублей эту повозку и купить кибитку на полозьяхъ (Kibitkenschlichten), чтобъ имѣть возможность доѣхать до Казани». Яковкинъ, предъувѣдомленный Румовскимъ, старался все приготовить къ пріѣзду Бартельса съ семьею. «Изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ профессоровъ ни одинъ, писалъ онъ, какъ я увѣренъ, не можетъ жаловаться, чтобъ мною не былъ хорошо принятъ и обласканъ, потому что успокоеніе иностранца въ незнакомомъ мѣстѣ, и особливо еще сотоварища, было всегда для сердца моего усладительнымъ долгомъ, а потому надѣюсь, что и г. Бартельсъ не будетъ имѣть причины на меня жаловаться въ чемъ либо, ежели только о чемъ просить будетъ». Къ квартирѣ, Бартельсу назначенной, онъ прибавилъ нѣсколько комнатъ въ мезонинѣ и, по казанскимъ привычкамъ того времени, устроилъ большой каретникъ изъ строильнаго сарая и конюшню на 12 стойловъ.

Бартельсъ пріѣхалъ въ Казань 15 февраля 1808 года. Предупредительная встрѣча Яковкина и удобная, совсѣмъ готовая казенная квартира произвели на него чрезвычайно пріятное впечатлѣніе; онъ и семья скоро забыли о дорожныхъ трудностяхъ. Казанская жизнь улыбалась въ будущемъ Бартельсу, какъ это видно изъ перваго письма его. Это пріятное настроеніе Бартельса еще увеличилось, когда онъ началъ 2-го марта свои лекціи и познакомился съ своими слушателями; число ихъ доходило до 15. «Бартельсъ пишетъ свои лекціи на французскомъ языкѣ, сообщаетъ Яковкинъ, по причинѣ недостаточнаго *своего* свѣдѣнія въ латинскомъ (передъ нами однако лежатъ бумаги Бартельса, писанныя на очень хорошемъ латинскомъ языкѣ), что нѣсколько примѣтно поохладило въ студентахъ привязанность къ латинскому. Много объясняетъ и по нѣмецки, но какъ формулы всѣ одинаковы, то матерія сія имъ довольно извѣстна еще и изъ россійскихъ лекцій. Окончивъ плоскую геометрію, приступилъ онъ къ тригонометріи и знаніями студентовъ отзывается весьма довольнымъ».

Въ самомъ дѣлѣ изъ тогдашнихъ писемъ Бартельса и изъ позднѣйшихъ его заявленій мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ передъ собою и хорошо приготовленныхъ и талантливыхъ слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли потомъ извѣстность въ наукѣ. «Къ величайшей моей радости, пишетъ онъ уже въ позднѣйшіе годы жизни, въ Дерптѣ, вспоминая свою профессорскую дѣятельность въ Казани, я нашелъ тамъ, несмотря на незначительное число студентовъ, необыкновенно много любви къ изученію математическихъ наукъ. Въ моихъ лекціяхъ о высшемъ анализѣ я могъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на двадцать слушателей, понемногу составилась небольшая математическая школа, изъ которой вышло нѣсколько дѣльныхъ учителей математики для русскихъ гимназій и университетовъ, особенно въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Они способствовали распространенію математическихъ наукъ въ Россіи» [1]). Можно конечно отнести успѣхъ этого преподаванія математики и на долю тѣхъ уроковъ, которые выслушали студенты Казанскаго университета еще въ гимназіи у Карташевскаго, но этотъ послѣдній оставилъ службу почти за два года до пріѣзда Бартельса; можно часть успѣха приписывать и тому, что студенты переходили къ высшему математическому курсу у Бартельса, прослушавъ пріуготовительный у магистра Никольскаго, одновременно съ нимъ пріѣхавшаго въ Казань [2]); но безъ сомнѣнія главною причиною очевид-

---

[1]) Vorles üb. mathem. Analysis, p. IX.

[2]) *Никольскій,* Григорій Борисовичъ, заслуженный профессоръ по каѳедрѣ прикладной математики, весьма извѣстная университетская личность въ позднѣйшіе годы университета, при попечителяхъ Магницкомъ и Мусинѣ-Пушкинѣ, бывшій не разъ ректоромъ и извѣстный своею строительною дѣятельностью по университетскимъ зданіямъ, личность оригинальная, религіозная, съ нѣкоторою примѣсью фанатическаго мистицизма, очень напоминающая собою извѣстную въ нашихъ литературныхъ преданіяхъ фигуру М. И. Невзорова—можетъ быть найдетъ мѣсто на этихъ страницахъ (Есть краткіе и малосодержательные некрологи его профессоровъ Суровцова. *Каз. Губ. Вѣд.* 1844 г. № 33 и Скандовскаго, *Уч. Зап. Каз. унив.* 1855 г. кн. IV, стр. 129—141). Никольскій, сынъ дьякона погоста Николы-Новаго Судогодскаго уѣзда Владимірской губерніи, получилъ образованіе во Владимірской семинаріи, а потомъ (1803—1808 гг.) въ Педагогическомъ институтѣ. Здѣсь учился Никольскій, по словамъ представленія Румовскаго министру народнаго просвѣщенія, „чистой и прикладной математикѣ съ неподражаемымъ прилежаніемъ и безподобными успѣхами“. Въ особенности понравились попечителю два его сочиненія по математикѣ и онъ былъ опредѣленъ въ университетъ со степенью магистра, съ жалованьемъ старшихъ учителей гимназіи, съ тѣмъ, чтобъ онъ могъ, подъ руководствомъ Бартельса, достигнуть званія адъюнкта математическихъ наукъ, о чемъ Румовскій особо писалъ къ Бартельсу. Лѣтомъ 1808 года Никольскій пріѣхалъ въ Казань и вотъ что чрезъ

наго успѣха преподаванія Бартельса слѣдуетъ назвать съ одной стороны—глубокое жизненное значеніе математическихъ истинъ, особенно въ ихъ разнообразныхъ практическихъ примѣненіяхъ для русскаго ума, а съ другой—высокое научное достоинство самаго преподаванія, полнаго содержаніемъ и чуждаго рутины, о которомъ съ увлеченіемъ вспоминали его ученики.

Бартельсъ пробылъ въ Казани двѣнадцать лѣтъ и въ теченіе этого времени онъ успѣлъ положить прочное основаніе математиче-

---

полгода сообщалъ о немъ Бартельсъ попечителю: „Радуюсь чрезвычайно, что все, могущее быть Вамъ сообщеннымъ мною по совѣсти касательно Никольскаго, какъ объ его талантахъ, такъ и объ его неутомимой дѣятельности и нравственныхъ свойствахъ характера, совершенно оправдываетъ счастливый выборъ вашъ и ожиданія. Если не встрѣтятся въ будущемъ такія обстоятельства, которыя могутъ помѣшать успѣхамъ этого молодаго человѣка, то я увѣренъ, что въ области математическихъ наукъ онъ будетъ украшеніемъ не только нашего университета, но и своей великой родины. По моему совѣту, съ самаго начала, онъ употребляетъ свободное отъ математическихъ занятій время, чтобъ понимать французскихъ математиковъ,—на изученіе этого языка. Съ нѣкоторою помощью съ моей стороны онъ скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи читать не только математическія, но и литературныя произведенія, напр. Лафонтеновы басни. Онъ занимается теперь, подъ моимъ руководствомъ, чтеніемъ Лагранжевой Théorie des Fonctions analytiques и Гауссовыхъ Disquisitiones. Можно надѣяться, что Никольскій чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ общедоступными въ Россіи остроумныя и всѣ части математики объемлющія, и только величайшими математиками до сихъ поръ затронутыя изслѣдованія о свойствахъ чиселъ“ (28 дек. 1808 г.). Надежды Бартельса научныхъ успѣховъ со стороны Никольскаго однако не оправдались: это былъ первый и единственный отчетъ его о занятіяхъ Никольскаго. На другой годъ Бартельсъ писалъ уже, что Никольскому мѣшаютъ то болѣзни, то уроки въ гимназіи заняться тѣми частями математики, которыя необходимы для собственной производительности. Онъ разсчитываетъ теперь только на то, что Никольскій обработаетъ свои лекціи для печати. „Вскорѣ *начальству благоугодно было* перемѣнить мое назначеніе“ (т. е. приготовленіе подъ руководствомъ Бартельса)—пишетъ самъ онъ. Въ томъ же 1808 году Никольскій сталъ читать для студентовъ „Начальныя основанія чистой математики“ и продолжалъ это до 1819 года. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ преподавать латинскій языкъ въ высшемъ классѣ гимназіи, а въ 1811 году сдѣланъ былъ секретаремъ училищнаго комитета; кромѣ того онъ несъ и многія другія обязанности. „Хотя таковыя занятія и отвлекали меня, говоритъ самъ Никольскій, отъ настоящей моей цѣли, усовершенствованія въ математическихъ познаніяхъ, въ чемъ другіе изъ почтеннѣйшихъ моихъ сотоварищей, свободные отъ постороннихъ обязанностей, имѣли великое преимущество, и труды ихъ, сообразно цѣли профессорскаго званія, награждены щедро попечительнымъ начальствомъ, но *по силамъ и возможности я не преставалъ заниматься и математическими науками* и удостоенъ былъ чрезъ три года по опредѣленіи моемъ магистромъ званія адъюнкта въ 1810 году, потомъ чрезъ три же года, въ 1814 году званія

скому преподаванію. Онъ началъ съ изложенія 1) *аналитической тригонометріи*, плоской и сферической, руководствуясь сочиненіемъ Каньоли (Cagnoli), Trigonometria piana e sferica 1789, 1804). «Это руководство, несмотря на простоту его заглавія, пишетъ онъ, доставляетъ мнѣ часто случаи дѣлать полезныя отступленія въ область высшаго анализа; будь у меня астрономическіе часы, нѣкоторыя другія пособія и удобное мѣсто для наблюденій, мои лекціи изъ

экстраординарнаго профессора, а въ прошломъ 1816 году, по кончинѣ профессора прикладной математики Реннера, почтеннѣйшему совѣту благоугодно было поручить мнѣ и чтеніе оной для студентовъ съ умноженіемъ жалованья моего 800 рубл." Замѣчательно, что по тогдашнимъ обычаямъ, каждое повышеніе Никольскаго слѣдовало по его собственному прошенію, подаваемому имъ въ совѣтъ. Такимъ образомъ успѣхъ по службѣ Никольскаго происходилъ въ университетѣ безъ ученыхъ заслугъ съ его стороны и безъ печатныхъ трудовъ. Правда въ дѣлахъ есть списокъ его рукописныхъ сочиненій, числомъ 15, но всѣ они касаются или первоначальной математики или представляютъ переводы небольшихъ статей. Два печатныя произведенія Никольскаго: „Слово о пользѣ математики", говоренное въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1816 года и другое, произнесенное имъ въ званіи ректора 17 янв. 1821 года „О достоинствѣ и важности воспитанія на христіанской вѣрѣ основанныхъ" (*Каз. Вѣстн.* 1821 г. кн. 2-я стр. 21—84) ничего не имѣютъ общаго съ наукою.—Первое свидѣтельствовало уже о томъ направленіи, какое получило министерство народнаго просвѣщенія при князѣ А. Н. Голицинѣ и выгодно рекомендовало Никольскаго въ глазахъ Магницкаго, второе было яростнымъ осужденіемъ прежней жизни университета до знаменитой ревизіи, доказывало, что въ немъ господствовалъ лишь „духъ лжемудрія, преобладанія и вольности", на борьбу съ которымъ, какъ архангелъ съ пламеннымъ мечемъ, всталъ „высокій въ христіанскихъ чувствованіяхъ и доблестяхъ попечитель". Слово проникнуто было ненавистью къ наукѣ. Никольскій на фанатическомъ языкѣ своемъ, называлъ ее „дымомъ отверзстаго студенца бездны" и „надменными волнами лжемудрія"; передъ молодыми слушателями онъ рисовалъ не чистые идеалы научныхъ стремленій, съ довѣріемъ въ разумъ, подымающимъ духъ, а образъ великаго аскета въ пустынѣ, св. Антонія, (память его празднуется въ тотъ день), житіе котораго передавалъ съ каѳедры. За участіе въ постройкахъ университетскихъ зданій и за безкорыстные и неутомимые труды въ этомъ дѣлѣ, Никольскій получилъ, согласно представленію попечителя Мусина-Пушкина и по опредѣленію Комитета министровъ, Высочайше утвержденному въ 1838 году, однако щедрую награду: ему пожаловано было 1000 десятинъ земли,—случай, сколько намъ извѣстно, единственный въ профессорской служебной карьерѣ. Такимъ образомъ заботы его о постройкѣ университетскихъ зданій, теперь къ сожалѣнію уже неудовлетворяющихъ потребностямъ болѣе развившейся научной жизни, были достаточно оцѣнены. Въ 1839 году онъ оставилъ службу при университетѣ и въ томъ же году избранъ въ почетные его члены, но разбитый параличемъ на другой годъ, Никольскій прожилъ еще въ страданіяхъ года четыре. Онъ умеръ 11 мая 1844 года.

послѣдняго отдѣла Каньоли принесли бы больше пользы и были бы гораздо интереснѣе». Дѣйствительно Бартельсъ въ первый же годъ читалъ приложеніе тригонометріи къ сферической астрономіи и математической географіи и занималъ студентовъ разными практическими задачами, напр. задачею Кеплера, опредѣленіемъ долготы и широты мѣста на морѣ и вообще нахожденіемъ видимаго разстоянія двухъ небесныхъ тѣлъ и пр. Это въ высшей степени интересовало студентовъ и развивало въ нихъ самодѣятельность. Дополняя въ этомъ послѣднемъ случаѣ Каньоли, Бартельсъ, пользовался сочиненіемъ Боненбергера (Anleit. zur geograph. Ortsbestimmung, vorzüglich vermittelst des Spiegelsextanten, 1795). До прибытія профессора астрономіи Литтрова въ 1810 году, Бартельсъ кромѣ упомянутыхъ практическихъ задачъ, излагалъ своимъ слушателямъ изъ астрономіи и первыя главы сочиненія Лапласа: «Exposition du Système du Monde». Далѣе содержаніемъ лекцій, которыя онъ мѣнялъ ежегодно, у Бартельса были: 2) *Высшая ариѳметика* (1809—1810), по Гауссу (Recherches arithmétiques); 3) *Дифференціальное* (1809—1810) и *интегральное* счисленіе (1811—1812)—по Эйлеру; 4) *Приложеніе аналитики къ геометріи* (1810—1811)—по Монжу (Application de l'Analyse à la Géométrie, 1807); 5) *Аналитическая механика* (1810—1811)—по Лагранжу (Mécanique analytique 1787); 6) *Аналитическая геометрія* (1813—1814, 1818—1819)—по Біо (Traité analytique des courbes et des surfaces du second degré (1802); 7) *Аналитическая геометрія и сферическая тригонометрія* (1815—1816)—по Гарнье (Géometrie analytique, 1813); 8) *Дифференціальное и интегральное* счисленіе (1812—1813, 1814—1815, 1816—1817, 1817—1818 и 1819—1820), по сочиненію Локроа (Traité du calcul différentiel et intégral).—Изъ этого обозрѣнія преподаванія Бартельса можно видѣть, что его слушатели знакомились, подъ его руководствомъ и при его объясненіяхъ, съ самыми вліятельными, сдѣлавшими эпоху трудами великихъ французскихъ математиковъ того времени, съ тѣмъ, что выдавалось тогда въ области идей, что господствовало въ мірѣ (понятно почему Наполеонъ отличалъ своихъ современниковъ, французскихъ геометровъ и аналитиковъ и любилъ съ ними бесѣдовать). Такимъ образомъ студенты математики Казанскаго университета, слушатели Бартельса, сравнительно съ своими товарищами, стояли на высотѣ. Большое значеніе для этихъ слушателей въ научномъ отношеніи имѣли также лекціи Бартельса по *Исторіи математики*, излагаемыя имъ по собственнымъ запискамъ. Судя по сохранившемуся конспекту, можно заключить объ ихъ широкомъ содержаніи. Это была исторія успѣховъ человѣческаго духа въ области наукъ точныхъ, начиная съ востока и древности;

въ ней было много обобщеній и естественныхъ отклоненій въ другія области, но она удерживала мысль въ сферѣ самыхъ возвышенныхъ интересовъ. «Мои лекціи, по хорошимъ успѣхамъ большинства слушателей, доставляютъ мнѣ много удовольствія»—писалъ Бартельсъ къ Румовскому въ началѣ своего курса и тоже самое повторялъ онъ и потомъ, указывая на лучшихъ учениковъ своихъ. Съ самаго начала своихъ лекцій, Бартельсъ, какъ это видно изъ замѣтокъ его, держался одной, строгой методы въ преподаваніи, считая ее лучшею для цѣли приготовленія учителей математическихъ наукъ: «Для перваго курса я выбралъ тригонометрію Каньоли. Сочиненіе это помогало мнѣ для сообщенія предварительныхъ понятій о теоріи строкъ, о дифференціальномъ счисленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало основательныя свѣдѣнія изъ обѣихъ тригонометрій. Какъ ни важна впрочемъ эта книга, но я считалъ нужнымъ во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнять ея изложеніе, держаться ея только въ общихъ чертахъ. Весьма пріятный опытъ, сдѣланный мною на моихъ слушателяхъ, доказалъ мнѣ всю цѣлесообразность моей методы. Мнѣ удалось даже слабѣйшихъ такъ подвинуть, что они въ состояніи съ довольною легкостью рѣшать почти всѣ задачи тригонометріи; въ тоже время они на столько усвоили изъ дифференціальнаго счисленія и изъ теоріи строкъ, что могутъ примѣнять это знаніе къ логариѳмическимъ функціямъ. Естественно, что было большое различіе между этими слушателями и тѣми, которые успѣли усвоить уже сообщаемыя имъ истины. На второмъ курсѣ я излагалъ теорію чиселъ по Гауссу (конечно только нѣкоторыя главы) и дифференціальное счисленіе съ большею подробностью, съ тѣмъ чтобъ приготовить моихъ слушателей къ третьему курсу, въ теченіе котораго я буду излагать аналитическую геометрію и механику».

Этими подробностями, весьма вѣроятно любопытными для того, кто желаетъ познакомиться съ исторіею науки въ нашемъ краю и съ развитіемъ у насъ университетскаго преподаванія, мы обязаны тому обстоятельству, что первый попечитель Казанскаго университета былъ математикъ, искренно любившій свою науку, желавшій ея развитія и отдававшій ей преимущество по своему оффиціальному положенію. Въ началѣ 1809 года всѣмъ студентамъ и кандидатамъ университета были прочитаны слѣдующія слова Румовскаго изъ предложенія его на имя профессора-директора (24 марта № 32): «Желалъ бы я, чтобы между студентами и кандидатами больше находилось такихъ, кои бы пріуготовляли себя къ математическимъ, физическимъ и философическимъ, нежели къ историческимъ наукамъ, потому что *первыя требуютъ напряженія разума, а послѣднія памяти*». Безъ сомнѣнія такой взглядъ попечителя, съ своей сто-

роны тоже вызывалъ бóльшее стремленіе студентовъ къ наукамъ математическимъ. Бартельсъ въ своихъ письмахъ къ Румовскому, называетъ лучшихъ учениковъ своихъ изъ перваго времени своей профессорской дѣятельности. Это были: Линдегренъ, Кайсáровъ, тогда уже магистръ, Лобачевскій младшій (Алексѣй), Симоновъ и Лобачевскій старшій (Николай Ивановичъ) [1]. За исключеніемъ перваго, остальные четыре были преподавателями въ Казанскомъ университетѣ и указаніе на ихъ способности и успѣхи Бартельсомъ сдѣлано было не даромъ.

Изъ этихъ учениковъ Бартельса долгую и честную службу сослужилъ Казанскому университету *Н. И. Лобачевскій* (1793—1856). Его ученые труды оставили глубокій слѣдъ въ физико-математическомъ факультетѣ и сдѣлали имя его извѣстнымъ и за предѣлами Россіи, а дѣятельность административная совпала съ хорошими годами нашего университета. Эта послѣдняя нисколько однако не мѣшала его научнымъ трудамъ и въ самые дѣятельные годы свои по администраціи, когда онъ былъ и деканомъ, и ректоромъ, и несъ другія разнообразныя и сложныя обязанности по управленію, Лобачевскій печаталъ свои сочиненія. Его глубокій и своеобразный умъ, въ соединеніи съ разностороннимъ образованіемъ (имъ Лобачевскій конечно обязанъ былъ гораздо больше самому себѣ, чѣмъ университету), не мельчалъ посреди мелкой дѣятельности и общественныхъ отношеній провинціальной жизни. Его независимый и самостоятельный характеръ выдержалъ такую нравственную ломку, какъ тяжелое время реакціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и попечительство въ Казани Магницкаго, не поступившись своими убѣжденіями, не измѣнивъ имъ и унеся въ старость молодое стремленіе къ наукѣ, уваженіе къ ней и восторги духовнаго наслажденія. Если спеціалисты говорятъ о его «по истинѣ глубокомысленныхъ лекціяхъ», доступныхъ однако только избранной аудиторіи, въ послѣдніе годы его жизни, то мы прибавимъ къ этому личное воспоминаніе о его публичныхъ лекціяхъ по физикѣ, гдѣ ему удавалось излагать науку популярно и гдѣ раскрывалъ онъ массу самыхъ

---

[1]) У Лобачевскихъ былъ еще старшій братъ *Александръ*, поступившій одновременно съ младшими въ гимназію (5 ноября 1802 года), избранный въ студенты университета при его основаніи (18 февраля 1805 года) и утонувшій въ Казанкѣ (19 іюня 1807 г.), когда ему минуло только 16 лѣтъ. И онъ, какъ и меньшіе братья, своими природными дарованіями обѣщалъ много. Лобачевскіе были дѣтьми бѣднаго чиновника, уѣзднаго землемѣра изъ Макарьева, Нижегородской губерніи; въ оффиціальныхъ актахъ они показаны изъ *разночинцевъ*, а это означаетъ только непринадлежность ихъ къ сословію потомственныхъ дворянъ.

разнообразныхъ свѣдѣній. Въ старые глухіе и спящіе годы провинціи, когда все было такъ смирно, гладко и довольно кругомъ, когда однообразныя явленія жизни только скользили по душѣ, не задѣвая и не возбуждая ее, такія лекціи, какъ Лобачевскаго, были отраднымъ явленіемъ. Лобачевскій читалъ просто, безъ желанія придать внѣшнюю красоту своей рѣчи, безъ реторической эмфазы и крика, но въ словахъ его слышался и его логическій умъ и широкое образованіе. Спокойнымъ, ровнымъ голосомъ онъ дѣлалъ свои широкія обобщенія, вызывалъ увлекательные образы и возбуждалъ мысль. Оставляя спеціалистамъ говорить о научныхъ заслугахъ Лобачевскаго и опредѣлять его мѣсто въ исторіи европейской науки [1]), мы скажемъ здѣсь только о его молодыхъ годахъ и отношеніяхъ къ Бартельсу.

Въ первый годъ своего студенчества (вспомнимъ, что тогда не было никакого раздѣленія на факультеты), Лобачевскій и не занимался математикой, за неимѣніемъ профессора этого предмета. «Онъ примѣтно предъуготовляетъ себя для медицинскаго факультета»— писалъ о немъ къ попечителю Яковкинъ, замѣтившій его дарованія. Но пріѣздъ Бартельса и его лекціи опредѣлили выборъ любимаго предмета для занятій со стороны Лобачевскаго и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и болѣе успѣвавшихъ другихъ учениковъ Бартельса. Съ своей стороны и Бартельсъ полюбилъ Лобачевскаго

---

[1]) См. *А. Ѳ. Попова.* „Воспоминаніе о службѣ и трудахъ Лобачевскаго". *Уч. Зап.* 1857 г. IV, стр. 153—159 и *Е. П. Янишевскаго,* „Историческая записка о жизни и дѣятельности Н. И. Лобачевскаго". Казань, 1868. 8°. Собраніе его геометрическихъ сочиненій уже напечатано Казанскимъ университетомъ и скоро должно появиться въ свѣтъ. Извѣстность въ наукѣ этихъ сочиненій началась недавно, со времени французскаго перевода ихъ, сдѣланнаго Гуэлемъ, но уже въ 30-хъ годахъ, въ то время какъ въ Россіи игнорировали труды Л—аго, или смѣялись надъ ними, Гауссъ писалъ къ Шумахеру о научномъ значеніи геометріи, построенной казанскимъ профессоромъ на гипотезѣ, отличной отъ Эвклидовыхъ началъ (См. *Льюисъ,* Вопросы о жизни и духѣ, Спб. 1876. т. II, стр. 491). Въ біографіи Лобачевскаго всего интереснѣе было бы прослѣдить какимъ образомъ развилось его глубокое абстрактное мышленіе. Лобачевскій не бывалъ въ Европѣ; двѣ-три поѣздки въ русскія столицы были кратковременны; онъ почти не оставлялъ Казани. Къ сожалѣнію и внутреннее развитіе и интимная жизнь Лобачевскаго мало извѣстны, несмотря на то, что живы еще нѣкоторые, бывшіе съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Принадлежа по женѣ къ тому, что называлось въ то время казанскимъ обществомъ, Лобачевскій появлялся и въ немъ, но представлялъ изъ себя скорѣе задумчивую, чѣмъ дѣятельную фигуру, особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Сколько намъ извѣстно, даже близкіе къ нему люди смотрѣли на него съ точки зрѣнія, раскрывающейся въ обыденной морали Хемницеровой басни „Метафизикъ".

и его заступничество не разъ помогало молодому и нѣсколько вѣтренному студенту при столкновеніяхъ съ университетскою полиціею. Инспекторскій журналъ за годы пребыванія Лобачевскаго въ студентахъ даетъ нѣсколько свидѣтельствъ объ этихъ столкновеніяхъ, причина которыхъ лежала въ живомъ характерѣ молодого студента, въ естественномъ чувствѣ свободы, которое проявлялось какъ своеволіе, въ желаніи отстоять свою самостоятельность, что считалось дерзостью. Самыя шалости характеризуютъ тогдашнихъ студентовъ. Лобачевскій, какъ и многіе изъ его товарищей, казенныхъ студентовъ, жившихъ въ университетѣ, любилъ заниматься пиротехникою. Разъ Лобачевскій сдѣлалъ ракету и вмѣстѣ съ другими пустилъ ее въ одиннадцать часовъ вечера на университетскомъ дворѣ. За это и за то, «что учинилъ непризнаніе, упорствуя въ немъ, подвергъ наказанію многихъ, совершенно сему не причастныхъ», — былъ посаженъ въ карцеръ по опредѣленію совѣта. Въ другой разъ, будучи уже правящимъ должность *камернаго студента* («Камерный студентъ есть помощникъ помощника инспектора казенныхъ студентовъ»—по опредѣленію правилъ того времени), Лобачевскій былъ замѣченъ «въ соучаствованіи и потачкѣ проступкамъ студентовъ, грубости и ослушаніи». За эти проступки онъ наказанъ былъ публичнымъ выговоромъ отъ инспектора студентовъ, лишенъ званія правящаго должность камернаго студента, 60 рублей на книги и учебныя пособія, которые только что были ему назначены «за особенные успѣхи въ наукахъ и благоповеденіе» и отпуска до разрѣшенія начальства. Все это происходило на святкахъ 1810 года. Лобачевскому шелъ 18-й годъ, онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, молодость требовала удовлетворенія, а потому совершенно естественно и простительно, что по словамъ инспекторскаго журнала «въ генварѣ мѣсяцѣ Лобачевскій первый оказался самаго худаго поведенія. Не смотря на приказаніе начальства не отлучаться изъ университета, онъ въ новый годъ, а потомъ еще разъ, ходилъ въ маскарадъ и многократно въ гости, за что опять наказанъ написаніемъ имени на черной доскѣ и выставленіемъ оной въ студентскихъ комнатахъ на недѣлю. Не смотря на сіе, онъ послѣ того снова еще былъ въ маскарадѣ». Студенческая жизнь Лобачевскаго отличалась вообще нѣсколько бурнымъ характеромъ, но изъ среды своихъ сверстниковъ онъ выдавался далеко впередъ, какъ по уклоненіямъ отъ тогдашнихъ правилъ благоповеденія, вызывавшимъ карательныя мѣры противъ него, такъ и по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ въ математикѣ. Вотъ почему только о немъ одномъ дошло до насъ *историческое изображеніе поведенія* его; проступки Лобачевскаго называются *достопримѣчательными*, ха-

14

рактеръ—упрямымъ, нераскаяннымъ, «весьма много мечтательнымъ о самомъ себѣ», его мнѣніе «получило многія ложныя понятія» (такъ въ журналѣ инспектора, помощникомъ его Кондыревымъ, было записано, что Лобачевскій «въ значительной степени явилъ *признаки безбожія»* (!)—обвиненіе, которое имѣло бы во время Магницкаго весьма печальныя послѣдствія). Требовались инспекціею противъ Лобачевскаго рѣшительныя мѣры, «самыя побудительныя средства со стороны милосердія или строгости, каковыя найдетъ благоразуміе начальства». Вопросъ о судьбѣ Лобачевскаго перенесенъ былъ въ совѣтъ. Только настоянія Бартельса и тѣхъ профессоровъ, у которыхъ Лобачевскій занимался, доставили ему возможность получить степень кандидата, а вскорѣ за тѣмъ и магистра, наравнѣ съ прочими его товарищами.

Бартельсъ считалъ Лобачевскаго лучшимъ изъ учениковъ своихъ. Вотъ что писалъ онъ къ попечителю объ успѣхахъ своихъ слушателей и въ особенности о Лобачевскомъ около того времени (приводимъ слова его въ современномъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ Румовскимъ и представленномъ имъ министру: «Послѣдніе два (Симоновъ и Лобачевскій), особливо же Лобачевскій оказали столько успѣховъ, что они даже на всякомъ нѣмецкомъ университетѣ были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они продолжать будутъ упражняться въ усовершенствованіи своемъ, то займутъ значущія мѣста въ математическомъ кругу. О искусствѣ послѣдняго предложу хотя одинъ примѣръ. Лекціи свои располагаю я такъ, что студенты мои въ одно и то же время бываютъ слушателями и преподавателями. По сему правилу поручилъ я предъ окончаніемъ курса старшему Лобачевскому предложить подъ моимъ руководствомъ пространную и трудную задачу о кругообращеніи (Rotation), которая мною для себя уже была по Лагранжу въ удобопонятномъ видѣ обработана. Въ тоже время Симонову приказано было записывать теченіе преподаванія, которое я въ четыре пріема кончилъ, дабы сообщить его прочимъ слушателямъ. Но Лобачевскій, не пользовавшись сею запискою, при окончаніи послѣдней лекціи подалъ мнѣ рѣшеніе сей столь запутанной задачи, на нѣсколькихъ листочкахъ въ четвертку написанное. Г. академикъ Вишневскій, бывшій тогда здѣсь, неожидаемо восхищенъ былъ симъ небольшимъ опытомъ знаній нашихъ студентовъ». Эти успѣхи въ математикѣ, за которые Лобачевскій получилъ вмѣстѣ съ другими благодарность отъ министра народнаго просвѣщенія и были причиною снисходительности къ нему совѣта, возведшаго его, вмѣстѣ съ прочими, въ степень магистра, т. е. оставившаго его при университетѣ (въ педагогическомъ институтѣ) съ цѣлью приготовленія къ профессор-

скому званію. Впрочемъ и самъ Лобачевскій сознагъ свое положеніе. «Вчера по позволенію явившись въ совѣтъ, пишетъ Яковкинъ, оказалъ совершенное признаніе и раскаяніе въ прежнихъ своихъ поступкахъ, публично обѣщавши совершенно исправиться, а по сему совѣтъ и рѣшился его помѣстить въ число представляемыхъ къ удостоенію званія магистровъ, дабы излишнею строгостью не привести его, какъ весьма лестную надежду дарованіями и успѣхами подающаго для университета, въ отчаяніе и не убить духъ его» (12 іюля 1811 года). Защитниками Лобачевскаго въ совѣтѣ были профессоры Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ. Румовскій утвердилъ представленіе совѣта, но далъ съ своей стороны предостереженіе Лобачевскому: «А студенту Николаю Лобачевскому, писалъ онъ въ своемъ предложеніи совѣту (7 августа 1811 г., № 787), занимающему первое мѣсто по худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того, чтобы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, — въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять принесена будетъ жалоба на него, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія г. министра просвѣщенія». Званіе магистра возлагало на него, по тогдашнимъ правиламъ, «споспѣшествованіе профессору или адъюнкту въ разсужденіе большихъ успѣховъ ихъ слушателей». Магистры должны были заниматься съ студентами повтореніемъ пройденнаго (не въ часы однако назначенные для лекцій) и «объясненіемъ слушателямъ того, что они не понимаютъ, такъ какъ многіе изъ гг. профессоровъ преподаютъ и объясняютъ лекціи на иностранныхъ языкахъ, слушатели же ихъ, преимущественно же вновь поступившіе, часто особенно въ началѣ курса, по причинѣ объясненія на иностранномъ языкѣ для матеріи совсѣмъ новой, не могутъ иногда всего понимать предлагаемаго профессоромъ ясно». За это магистры получали жалованье. Лобачевскій какъ магистръ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Бартельсу. Онъ занимался у него на дому по четыре часа въ недѣлю, и у насъ есть свѣдѣнія, что на первыхъ порахъ магистерства, предметами изученія Лобачевскаго, подъ руководствомъ Бартельса, были ариѳметика Гаусса и первый томъ Лапласовой «Небесной механики» [1]). Въ 1814

---

[1]) Считаемъ нужнымъ исправить здѣсь преувеличеніе у біографа Лобачевскаго Попова, который говоритъ, что Бартельсъ поручилъ молодому магистру объяснять для студентовъ первый томъ сочиненія Лапласа Mécanique céleste и Гаусса Disquisitiones (*Уч. Зап.* Каз. Ун. 1857, IV, 154). По подлиннымъ документамъ дѣло происходило такъ, какъ сказано въ нашемъ текстѣ.

*

году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе адъюнкта чистой математики и началъ читать свои лекціи. Курсъ его стоялъ выше курса Никольскаго, который постоянно называется *приготовительнымъ* и былъ предназначенъ для студентовъ, посвятившихъ себя математикѣ. Онъ читалъ: 1) *прямолинейную тригонометрію* и 2) *теорію чиселъ* по Гауссу и Лежандру (1814—1815 и 1815—1816). Въ 1816 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго профессора и излагалъ [1]), до перехода Бартельса въ Дерптъ: обѣ *тригонометріи*, главнымъ образомъ по тому же руководству Каньоли, которымъ пользовался и Бартельсъ и точно также обращая преимущественно вниманіе на практическую сторону, *аналитическую геометрію* по Монжу (1816—1817, 1817—1818 и 1819—1820), *дифференціальное и интегральное счисленіе* по Лакруа (1819—1819). Съ 1819 года, въ отсутствіе профессора астрономіи Симонова для кругосвѣтнаго плаванія, Лобачевскій въ теченіе двухъ лѣтъ читалъ астрономію и завѣдывалъ обсерваторіею. Развитіе глубины его преподаванія, ученые труды и обширная административная дѣятельность Лобачевскаго принадлежатъ однако къ позднѣйшимъ періодамъ университетской жизни [2]).

---

[1]) Въ дѣлахъ архива къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ и Лобачевскій и товарищъ его по университету и по службѣ Симоновъ были повышаемы въ званія адъюнктовъ, какъ и вообще о ихъ первыхъ ученыхъ опытахъ. Безъ сомнѣнія для нихъ не могло быть сдѣлано исключенія и они подверглись общей для всѣхъ процедурѣ, но *дѣлопроизводство о нихъ по какому либо случаю не сохранилось.*

[2]) Меньшого брата *Алексѣя Ивановича* Лобачевскаго Бартельсъ также хвалилъ, но „избравъ предметомъ своимъ химію, пишетъ онъ, отстаетъ онъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова". Онъ былъ моложе старшаго на одинъ годъ (род. 1794 г.), но вмѣстѣ съ нимъ поступилъ въ студенты, какъ и тотъ не разъ попадалъ на замѣчаніе инспектора, даже по окончаніи курса („20 мая пропалъ безъ вѣсти магистръ Алексѣй Лобачевскій" записано въ инспекторской книгѣ 1812 года и потомъ „17 іюня явился въ домъ своей матери изъ Нижняго Новгорода"). Одновременно съ старшимъ братомъ онъ удостоенъ званія магистра химіи и технологіи и оставленъ въ педагогическомъ институтѣ. Но старшій братъ опередилъ его по службѣ и повышеніе меньшому досталось гораздо труднѣе. Вотъ нѣсколько словъ о процедурѣ этого повышенія. Въ концѣ 1816 года, когда тотъ уже былъ э. о. профессоромъ, Алексѣй Лобачевскій вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ адъюнктскомъ званіи по химіи. Онъ представилъ два рукописныя сочиненія: 1) „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей" и 2) „О томъ, что если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи преждебывшей температуры, тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе". Разсматривавшіе эти сочиненія экстраординарный профес-

Бартельсъ же указалъ на способности и особенную любовь къ математическимъ наукамъ Ивана Михайловича *Симонова* (род. 20 іюня 1794 † 10 января 1855 года), впослѣдствіи столь извѣстнаго профессора астрономіи въ нашемъ университетѣ и ректора по назначенію отъ правительства въ теченіе десяти лѣтъ. Математическими свѣдѣніями и любовью къ астрономіи, получившею полное удовлетвореніе въ лекціяхъ Литтрова, Симоновъ первоначально обязанъ былъ Бартельсу, который принималъ въ немъ самое живое участіе. Рекомендуя Симонова попечителю, Бартельсъ писалъ, что онъ отличается какъ прилежаніемъ, такъ и особенными дарованіями, даже математическимъ геніемъ. Симоновъ былъ сыномъ купца изъ города Гороховца Владимірской губерніи, но учился въ Астрахани, гдѣ торговалъ его отецъ, и по окончаніи тамъ гимназическаго курса поступилъ въ студенты Казанскаго университета въ декабрѣ 1808 года. Отецъ его умеръ около этого времени, оставивъ жену

соръ Никольскій и адъюнктъ Дунаевъ нашли въ сочинителѣ „склонность къ глубокому вницанію въ природу физическихъ вещей и способность къ умозрѣніямъ", „отличныя способности вообще къ *умозрительному* разсматриванію природы и къ изъисканію причинъ для объясненія явленій въ оной происходящихъ, но нѣкоторый недостатокъ практическихъ опытовъ; почему отдѣленіе физико-математическихъ наукъ и совѣтъ потребовали отъ него, согласно §§ 57—59 устава, представленіе обозрѣнія науки технологіи и опыты практическихъ свѣдѣній въ ней. Лекціи химіи читалъ уже адъюнктъ Дунаевъ и совѣтъ предложилъ Лобачевскому каѳедру *технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ*. Въ обширномъ и резонномъ новомъ прошеніи своемъ, А. Лобачевскій отказался отъ предлагаемаго ему мѣста, ссылаясь на то, что онъ вовсе не имѣетъ свѣдѣній въ коммерческихъ наукахъ, что въ библіотекѣ почти вовсе нѣтъ книгъ, нужныхъ для преподаванія технологіи, что въ университетѣ нѣтъ ни моделей, ни чертежей машинъ, а въ уставѣ не назначено для технологіи ни особенной лабораторіи, ни особливой суммы для опытовъ, что онъ не видалъ ни фабрикъ, ни заводовъ, что для профессора технологіи нужны практическія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя путешествіемъ, что онъ всегда болѣе занимался химіей и имѣетъ въ ней гораздо болѣе познаній, чувствуетъ къ ней добровольное влеченіе, „почему было бы противъ честности выбрать мнѣ то мѣсто изъ двухъ, которое я могу занимать съ меньшею исправностью". А. Лобачевскій просилъ совѣтъ, если нельзя имѣть второго адъюнкта по химіи, только *титла, чина и другихъ правъ адъюнкта* и соглашался довольствоваться своимъ магистерскимъ окладомъ. На ходатайство объ этомъ совѣта, министръ отвѣчалъ отказомъ. Лобачевскій рѣшился тогда заняться технологіей и съ этою цѣлью получилъ лѣтомъ 1817 года полугодовой отпускъ для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ С.-Петербургъ, гдѣ и былъ 29 октября утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта технологіи. На другой годъ, согласно представленію попечителя, Главное Правленіе Училищъ разрѣшило А. Лобачевскому двухлѣтнее путешествіе по Сибири „для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о

и нѣсколько человѣкъ дѣтей безъ всякихъ средствъ. Симоновъ не поступилъ на казенный счетъ, но къ окончанію курса нужно было увольненіе отъ того общества, въ которомъ Симоновъ былъ записанъ чтобъ остаться при университетѣ, а въ то время сдѣлать это было не легко. Яковкинъ, по просьбѣ Бартельса, и самъ любя Симонова, устроилъ однако скоро это дѣло и Симоновъ въ концѣ 1811 года былъ возведенъ въ степень магистра и оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. «Жалко будетъ, писалъ Яковкинъ къ попечителю передъ производствомъ Симонова въ магистры, ежели университетъ лишится въ немъ достойнаго молодаго человѣка, подающаго пріобрѣтенными успѣхами весьма лестную надежду, поелику онъ начинаетъ поговаривать о вступленіи въ службу Академіи Наукъ при академикѣ Вишневскомъ, но я все еще удерживаю его надеждою на милостивое ваше къ нему распо-

---

самой Сибири, касательно металлургіи и минералогіи". Ему отпускалось въ годъ сверхъ жалованья по 1000 р. Изъ этого путешествія А. Лобачевскій воротился въ Казань 24 ноября 1820 года. Путешествіе длилось два года и доходило до Иркутской губерніи. Лобачевскій писалъ рапорты, представлялъ подробныя записки о томъ какъ онъ осматривалъ, ревизовалъ и открывалъ училища. Въ печати изъ всей этой дѣятельности Лобачевскаго не появилось ничего, да и въ бумагахъ архивныхъ не всѣ рапорты и записки въ цѣлости. Слѣды этого путешествія однако остались въ университетѣ въ большомъ количествѣ минераловъ (числомъ до 2500), собранныхъ Лобачевскимъ въ Сибири и частію присланныхъ, частію привезенныхъ съ собою. Между ними встрѣчались въ то время нѣкоторые особенные виды породъ или даже особенныя породы, иногда совсѣмъ не опредѣленныя въ системѣ минералогіи. „Большая часть сихъ минераловъ стоила мнѣ чрезвычайныхъ и изнурительнѣйшихъ трудовъ, пишетъ Лобачевскій, каковые долженъ употребить на то и всякій, кто бы захотѣлъ собрать ихъ съ такою же точностію, съ какою собраны они мною; а многіе изъ нихъ или получены мною за деньги или, весьма цѣнные, подарены мнѣ моими друзьями". Преподаваніе технологіи Лобачевскимъ продолжалось только два года. Въ началѣ 1823 года А. Лобачевскій вышелъ въ отставку по собственному желанію. Повидимому онъ разсчитывалъ на болѣе выгодную частную практическую дѣятельность въ качествѣ технолога. Нѣкоторое время онъ управлялъ мѣдоплавильнымъ заводомъ гг. Осокиныхъ, а въ 1827—1837 годахъ арендовалъ ихъ же суконную фабрику въ Казани. „Это десятилѣтіе было самымъ невыносимымъ временемъ для суконщиковъ, говоритъ авторъ статьи „Какъ добились себѣ воли казанскіе суконщики" (*Первый шагъ*, сборникъ, Каз. 1876, стр. 427—428). Арендаторъ имѣлъ крутой и необузданный нравъ, и притѣснялъ рабочихъ чрезмѣрною строгостью". Слѣдовательно дѣло шло тутъ вовсе не о новыхъ техническихъ приспособленіяхъ. Лобачевскій имѣлъ отношеніе къ фабрикѣ до ея пожара въ 1848 году, но за тѣмъ былъ безъ дѣла. Человѣкъ безсемейный, онъ велъ совершенно уединенную жизнь, чуждаясь людей и даже брата, въ особенности ненавидя женскій полъ. Онъ умеръ весною 1872 года.

ложеніе» (16 окт. 1811 года). Яковкинъ вообще принималъ въ Симоновѣ живое участіе; два года съ половиною, изъ участія къ его бѣдности, онъ держалъ его у себя неоффиціально на казенномъ содержаніи, что и давало возможность Симонову искать мѣста по окончаніи курса у академика Вишневскаго. Въ 1811 году онъ и Лобачевскій дѣлали, подъ руководствомъ и въ присутствіи проф. Литтрова, наблюденія надъ кометою того года [1]), за что они получили особую благодарность отъ попечителя. Румовскій, интересуясь какъ спеціалистъ успѣхами Симонова въ астрономіи, присылалъ ему изъ Петербурга разныя задачи. Такъ въ концѣ 1811 года Симоновъ доставилъ попечителю чрезъ Яковкина «повѣрки квадранта и выкладки о ускореніи часовъ противъ средняго времени». Въ 1813 году магистръ Симоновъ уже преподавалъ физику для чиновниковъ, желающихъ получить чинъ коллежскаго ассесора, согласно указу 1809 года, а въ 1814 году получилъ званіе адъюнкта астрономіи. При Литтровѣ Симоновъ преподавалъ: 1) *основанія практической геометріи и геодезіи*, а зимою для студентовъ занимающихся астрономіею 2) *высшую геодезію* по сочиненію Пюиссана и способъ исчисленія для опредѣленія долготы и широты мѣстъ (1814 — 1815 и 1815—1816). Съ 1816 года, послѣ отъѣзда Литтрова изъ Казани, Симоновъ, утвержденный вмѣстѣ съ Н. И. Лобачевскимъ министромъ, безъ выбора совѣтскаго, въ званіи экстраординарнаго профессора, читалъ астрономію до 1845 года, когда сдѣлался ректоромъ университета. Въ 1817 году Симоновъ провелъ полгода въ коммандировкѣ въ С.-Петербургѣ съ цѣлью усовершенствовать себя въ практической астрономіи (по уставу 1804 года было два профессора на этой каѳедрѣ: профессоръ астрономъ-наблюдатель и профессоръ теоретической астрономіи) и работалъ на академической обсерваторіи, подъ руководствомъ академиковъ Шуберта и Вишневскаго; послѣдній зналъ его еще студентомъ. Во время отсутствія Симонова, Бартельсъ обратился въ совѣтъ съ просьбою о томъ, чтобъ ему, сверхъ занимаемой имъ каѳедры чистой математики, предоставлено было преподаваніе и *теоретической астрономіи*, которую онъ и прежде, до пріѣзда Литтрова (1808—1810 гг.), преподавалъ. Совѣтъ вполнѣ согласился на это и представилъ о порученіи Бартельсу этой каѳедры «съ положеннымъ по уставу жалованьемъ». Противъ этого ходатайства возсталъ тогдашній попечитель Салтыковъ, мотивируя свое возраженіе тѣмъ, что Симоновъ до того времени преподавалъ обѣ астрономіи, что отдѣленіе одной каѳедры отъ другой можетъ имѣть вредныя послѣдствія, такъ какъ «разные профессоры могутъ имѣть

---

[1]) Напечатаны въ *Каз. Извѣстіяхъ* 1811 г. № 21.

разные методы преподаванія и тѣмъ затруднить понятіе и успѣхъ слушателей» и наконецъ тѣмъ существенно важнымъ обстоятельствомъ, что Симоновъ будетъ преподавать астрономію на русскомъ языкѣ, а Бартельсъ объясняется на иностранныхъ языкахъ. Мнѣніе попечителя въ Главномъ Правленіи Училищъ принято было въ уваженіе и Симонову поручено было преподаваніе и теоретической астрономіи, сверхъ практической. Совѣту осталось только «принять къ исполненію», но онъ все же донесъ попечителю, что Бартельсъ употреблялъ въ своихъ преподаваніяхъ россійскій языкъ, что какъ кажется было не вполнѣ справедливо [1]).

Занятія Симонова на академической обсерваторіи и вообще пребываніе его въ Петербургѣ имѣли большое вліяніе на его судьбу и выгодно зарекомендовали его въ глазахъ петербургскихъ ученыхъ и власти. По представленію Академіи Наукъ въ 1819 году, чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, Симоновъ съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ въ качествѣ астронома-наблюдателя въ извѣстную морскую экспедицію къ южному полюсу, подъ начальствомъ Беллинсгаузена и Лазарева. Экспедиція отправилась изъ Кронштадта 3 іюля 1819 года, а воротилась 24 іюля 1821 года. Въ теченіе этого двухлѣтняго путешествія, простиравшагося до 70° Ю. Ш., Симоновъ усердно дѣлалъ астрономическія наблюденія и краткій отчетъ о своихъ занятіяхъ представилъ совѣту университета, а наблюденія и результаты своего путешествія изложилъ въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета [2]), которыя тогда же были напечатаны. Для универси-

---

[1]) На другой годъ Бартельсъ, по смерти учителя Ибрагимова, получилъ въ Казанской гимназіи *высшій математическій классъ*, съ содержаніемъ въ 1100 р. ежегодно. Какъ кажется, это исканіе стороннихъ преподаваній мѣшало Бартельсу въ его собственной производительности, которая началась только по переѣздѣ въ Дерптъ. Нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ не пренебрегали лишнимъ вознагражденіемъ. Такъ Браунъ, уже будучи ректоромъ, хлопоталъ о вознагражденіи себя за исполненіе, въ теченіе десяти лѣтъ, должности прозектора по 800 р. за каждый годъ, а мы видѣли насколько онъ нуждался въ прозекторѣ при преподаваніи анатоміи.

[2]) „Слово объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта и особенно въ Южномъ Ледовитомъ морѣ“. Каз. 1822, 8°, съ эпиграфомъ изъ Давидовыхъ Псалмовъ, поставленнымъ въ угоду новому университетскому направленію и „О разности температуры въ южномъ и сѣверномъ полушаріи“. 1825. Въ рукописяхъ осталась еще большая поэма, заключающая въ себѣ стихотворное описаніе плаванія, подъ названіемъ „Востокъ“ (по имени шлюпа). Она написана довольно гладкими для того времени стихами и служитъ свидѣтельствомъ значительнаго литературнаго образованія Симонова. И потомъ Симоновъ, въ описаніяхъ своихъ путешествій и нѣко-

тетскихъ музеевъ Симоновъ принесъ въ даръ нѣсколько вещей изъ Новой Зеландіи, Отаити, съ островов Фиджи и другихъ мѣстъ. Этими подарками, какъ извѣстно, воспользовался Магницкій для доказательства своихъ излюбленныхъ идей [1]). Впрочемъ главная ученая и литературная дѣятельность этого казанскаго профессора, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ ученой Европѣ, его путешествія, его литературные труды, знакомства съ свѣтилами науки въ Европѣ, постройка обсерваторіи два раза (1833—1837) и потомъ послѣ пожара (1843—1847), его ректорство, его отношенія къ молодому поколѣнію, отличавшіеся благодушіемъ, — вся эта любопытная жизнь можетъ найти настоящее мѣсто только на позднѣйшихъ страницахъ, нашего разсказа [2]).

Воротившись изъ кругосвѣтнаго плаванія, Симоновъ уже не засталъ въ Казани своего перваго учителя. Въ 1820 году Бартельсъ получилъ приглашеніе изъ Дерпта занять тамъ вакантную послѣ

торыхъ мелкихъ статьяхъ, заботился о литературной отдѣлкѣ. Описанія явленій природы у него напоминаютъ манеру Бернарденъ де Сенъ-Пьера и Шатобріана. Этихъ писателей Симоновъ усердно читалъ.

[1]) Магницкій тотчасъ послѣ ревизіи въ отчетѣ своемъ о ней называлъ Симонова „молодымъ человѣкомъ, отличнымъ познаніями и поведеніемъ, подающимъ самую большую надежду на будущее время", а по возвращеніи изъ экспедиціи весьма любилъ его. Если можетъ быть Симоновъ и принадлежалъ къ разряду *искательныхъ людей*, то онъ не игралъ однако никакой выдающейся роли въ попечительство Магницкаго, подобно другимъ. Нѣсколько строкъ относящихся къ нему въ „Воспоминаніяхъ В. И. Панаева" (*Вѣстникъ Европы* 1867 г. т. IV, стр. 103), гдѣ Симоновъ выставленъ не совсѣмъ въ привлекательномъ свѣтѣ, едва ли могутъ быть справедливы. Въ это время Симоновъ былъ вполнѣ самостоятеленъ и не былъ *облагодѣтельствованъ* Магницкимъ. Воспоминанія Панаева, тенденціозность которыхъ не разъ была замѣчена въ литературѣ, имѣютъ цѣлью между прочимъ представить автора ихъ главнымъ виновникомъ паденія Магницкаго.

[2]) Четвертый рекомендованный Бартельсомъ слушатель его былъ Андрей Васильевичъ *Кайсаровъ*, старшій между своими сверстниками (1784—1855). Онъ стоитъ въ спискѣ первыхъ студентовъ, поступившихъ въ университетъ при его основаніи. Въ 1811 году онъ былъ уже магистромъ физико-математическихъ наукъ. „Магистръ Кайсаровъ, пишетъ о немъ Бартельсъ, весьма достойный человѣкъ, который *недостатокъ свой въ дарованіяхъ къ математикѣ замѣняетъ прилежаніемъ*. Г. профессоръ Яковкинъ весьма благоразумно предложилъ его для преподаванія физики на россійскомъ языкѣ, подъ руководствомъ проф. Броннера". Эти слова Бартельса вполнѣ справедливы. Кайсаровъ не пошелъ дальше званія адъюнкта физики, которое онъ получилъ въ 1820 году, въ наукѣ остался неизвѣстенъ, не напечаталъ ничего, читалъ лекціи, не дававшія знаній и безполезныя, но несъ много должностей при университетѣ, исполняя ихъ съ добросовѣстнымъ сознаніемъ долга. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ начальникомъ университетской типографіи и ктиторомъ церкви.

смерти Гута каѳедру чистой и прикладной математики и принялъ его. Мы не знаемъ, какія собственно обстоятельства и отношенія заставили Бартельса оставить Казань, къ которой онъ привыкъ въ теченіе двѣнадцатилѣтней жизни въ ней, гдѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ (со времени открытія университета въ 1814 году Бартельсъ постоянно былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія), гдѣ преподаваніе его, по собственному разсказу, имѣло такой значительный успѣхъ посреди цѣлой группы внимательныхъ и даровитыхъ слушателей, но должны однако сказать, что впослѣдствіи объяснимъ подробнѣе, что послѣдніе годы его казанской жизни не походили на первые. Въ 1812 году умеръ Румовскій, цѣнившій научныя достоинства Бартельса, лично уважавшій его, принимавшій самое живое участіе въ его дѣятельности, какъ человѣка науки и какъ преподавателя. У новаго попечителя Салтыкова не было ни научныхъ заслугъ, ни даже стремленія къ умственной дѣятельности въ какой либо сферѣ; въ его отношеніяхъ къ университету проглядывала скорѣе всего нелюбовь къ иностранному элементу, своею численностью далеко превосходившему русскія силы,—чувство извинительное, но не вполнѣ удобное въ международной области науки. Близкіе къ Бартельсу и вполнѣ достойные люди, какъ Френъ, Лигтровъ, Броннеръ еще раньше его оставили Казань. Бартельсъ былъ свидѣтелемъ ревизіи Магницкаго и потомъ такъ называемаго *преобразованія* университета, совершенно измѣнившаго его. Хотя Магницкій не могъ не признать заслугъ Бартельса (онъ называлъ его въ своемъ отчетѣ «человѣкомъ отлично знающимъ»), но цѣнить эти заслуги былъ не въ состояніи; онъ не видѣлъ даже успѣховъ въ его преподаваніи. «Онъ кажется лучше могъ бы быть академикомъ, чѣмъ преподавателемъ»—писалъ Магницкій и искалъ въ профессорѣ того что называлось имъ *нравственными достоинствами*. Не дѣятельность въ чистой и свободной области духа выдвигала теперь въ университетѣ впередъ человѣка, а другія дѣянія, другія свойства; нравственныя понятія спутались; лицемѣріе, ханжество, наушничество, доносы, ненависть къ уму и презрѣніе къ наукѣ стали ставить въ достоинство профессору. Безъ сомнѣнія все это хорошо понималъ Бартельсъ и это пониманіе было причиною того, что онъ уѣхалъ изъ Казани съ легкимъ сердцемъ, если не на нѣмецкую родину, гдѣ теперь, послѣ освободительныхъ войнъ, было уже меньше поводовъ къ экспатріаціи, то все же въ нѣмецкій городъ.

Разсказанное нами о Бартельсѣ въ Казани имѣло цѣлью показать и общія и частныя причины успѣха преподаванія математики въ Казанскомъ университетѣ. Пришлось коснуться отчасти и школы, т. е. учениковъ Бартельса, хотя ихъ дѣятельность переходитъ въ

другое время. Бартельсомъ мы пока прерываемъ біографическую часть нашего разсказа и обращаемся къ другимъ сторонамъ первоначальной жизни университета.

Въ исторіи Казанскаго университета, и въ первые годы его существованія, и въ эпохи гораздо позднѣйшія, любопытнымъ и крайне характернымъ, по нашему мнѣнію, явленіемъ представляются *постройки*, задумываемыя и возводимыя съ цѣлью дать пріютъ наукѣ, окружить ее необходимыми средствами и удобствами. Основывая университетъ, людямъ, стоявшимъ въ главѣ этого дѣла, прежде всего слѣдовало бы подумать объ удобномъ и достаточно просторномъ помѣщеніи для университета, но едва ли сами они имѣли ясное представленіе о немъ и его потребностяхъ и думали о неизбѣжномъ будущемъ развитіи науки и преподаванія. Мы видѣли какъ просто, посреди гимназіи, въ средѣ ея учителей и учениковъ былъ *основанъ* университетъ. Юноши, новые студенты удовлетворялись настоящимъ сознаніемъ, что ихъ произвели въ студенты; подчиненные спѣшили выполнить приказанія начальства, а попечитель Румовскій—осуществить скорѣе въ дѣйствительности идею правительства, сознавшаго необходимость науки для государства и желавшаго ея развитія. О томъ же какая будущность ожидаетъ въ Казани университетское преподаваніе никто не думалъ. Вотъ одна изъ многихъ причинъ, почему Казанскій университетъ не былъ открытъ до 1814 года, представлялъ собою что-то скорѣе напоминающее высшіе классы гимназіи, тѣснясь въ одномъ съ нею зданіи.

Только по основаніи университета спохватились пріискивать помѣщеніе для него, покупать дома, строить и перестроивать безконечное число разъ. Извѣстный авторъ мемуаровъ, Вигель, видѣвшій Казанскій университетъ въ первый годъ его существованія, высказалъ довольно странную и неопредѣленную фразу о томъ зданіи (домѣ гимназіи), гдѣ университетъ помѣщался: «Строеніе было довольно обширно, не то что послѣ, когда его распространили» [1]. Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ, догадаться трудно, но намъ по опыту извѣстно, что хроническимъ недостаткомъ Казанскаго университета являлась постоянно тѣснота помѣщеній, мѣшавшая правильному развитію преподаванія. Отсюда—періодическое возобновленіе построекъ, при чемъ первоначальное назначеніе того или другаго зданія измѣнялось по нѣскольку разъ. Конечно это зависѣло не отъ прихоти устроителей; перестройки по большей части являлись необходимыми для преподаванія, для науки, но онѣ, въ теченіе болѣе восьмидесятилѣтняго существованія университета, стоили

---

[1]) *Русск. Вѣстн.* 1864 г., т. LI, стр. 92.

году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе адъюнкта чистой математики и началъ читать свои лекціи. Курсъ его стоялъ выше курса Никольскаго, который постоянно называется *приготовительнымъ* и былъ предназначенъ для студентовъ, посвятившихъ себя математикѣ. Онъ читалъ: 1) *прямолинейную тригонометрію* и 2) *теорію чиселъ* по Гауссу и Лежандру (1814—1815 и 1815—1816). Въ 1816 году Лобачевскій былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго профессора и излагалъ [1]), до перехода Бартельса въ Дерптъ: обѣ *тригонометріи*, главнымъ образомъ по тому же руководству Каньоли, которымъ пользовался и Бартельсъ и точно также обращая преимущественно вниманіе на практическую сторону, *аналитическую геометрію* по Монжу (1816—1817, 1817—1818 и 1819—1820), *дифференціальное и интегральное счисленіе* по Лакруа (1819—1819). Съ 1819 года, въ отсутствіе профессора астрономіи Симонова для кругосвѣтнаго плаванія, Лобачевскій въ теченіе двухъ лѣтъ читалъ астрономію и завѣдывалъ обсерваторіею. Развитіе глубины его преподаванія, ученые труды и обширная административная дѣятельность Лобачевскаго принадлежатъ однако къ позднѣйшимъ періодамъ университетской жизни [2]).

---

[1]) Въ дѣлахъ архива къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ и Лобачевскій и товарищъ его по университету и по службѣ Симоновъ были повышаемы въ званія адъюнктовъ, какъ и вообще о ихъ первыхъ ученыхъ опытахъ. Безъ сомнѣнія для нихъ не могло быть сдѣлано исключенія и они подверглись общей для всѣхъ процедурѣ, но *дѣлопроизводство о нихъ по какому либо случаю не сохранилось.*

[2]) Меньшого брата *Алексѣя Ивановича* Лобачевскаго Бартельсъ также хвалилъ, но „избравъ предметомъ своимъ химію, пишетъ онъ, отстаетъ онъ отъ старшаго Лобачевскаго и Симонова". Онъ былъ моложе старшаго на одинъ годъ (род. 1794 г.), но вмѣстѣ съ нимъ поступилъ въ студенты, какъ и тотъ не разъ попадалъ на замѣчаніе инспектора, даже по окончаніи курса („20 мая пропалъ безъ вѣсти магистръ Алексѣй Лобачевскій" записано въ инспекторской книгѣ 1812 года и потомъ „17 іюня явился въ домъ своей матери изъ Нижняго Новгорода"). Одновременно съ старшимъ братомъ онъ удостоенъ званія магистра химіи и технологіи и оставленъ въ педагогическомъ институтѣ. Но старшій братъ опередилъ его по службѣ и повышеніе меньшому досталось гораздо труднѣе. Вотъ нѣсколько словъ о процедурѣ этого повышенія. Въ концѣ 1816 года, когда тотъ уже былъ э. о. профессоромъ, Алексѣй Лобачевскій вошелъ въ совѣтъ съ просьбою объ адъюнктскомъ званіи по химіи. Онъ представилъ два рукописныя сочиненія: 1) „О невидимомъ внутреннемъ движеніи жидкостей" и 2) „О томъ, что если при возвышеніи температуры тѣла претерпѣваютъ перемѣну, сопровождаемую явленіемъ огня, то сей самый огонь причиною, почему при возстановленіи преждебывшей температуры, тѣла не приходятъ въ прежнее свое состояніе". Разсматривавшіе эти сочиненія экстраординарный профес-

Бартельсъ же указалъ на способности и особенную любовь къ математическимъ наукамъ Ивана Михайловича *Симонова* (род. 20 іюня 1794 † 10 января 1855 года), впослѣдствіи столь извѣстнаго профессора астрономіи въ нашемъ университетѣ и ректора по назначенію отъ правительства въ теченіе десяти лѣтъ. Математическими свѣдѣніями и любовью къ астрономіи, получившею полное удовлетвореніе въ лекціяхъ Литтрова, Симоновъ первоначально обязанъ былъ Бартельсу, который принималъ въ немъ самое живое участіе. Рекомендуя Симонова попечителю, Бартельсъ писалъ, что онъ отличается какъ прилежаніемъ, такъ и особенными дарованіями, даже математическимъ геніемъ. Симоновъ былъ сыномъ купца изъ города Гороховца Владимірской губерніи, но учился въ Астрахани, гдѣ торговалъ его отецъ, и по окончаніи тамъ гимназическаго курса поступилъ въ студенты Казанскаго университета въ декабрѣ 1808 года. Отецъ его умеръ около этого времени, оставивъ жену

соръ Никольскій и адъюнктъ Дунаевъ нашли въ сочинителѣ „склонность къ глубокому вницанію въ природу физическихъ вещей и способность къ умозрѣніямъ“, „отличныя способности вообще къ *умозрительному* разсматриванію природы и къ изъисканію причинъ для объясненія явленій въ оной происходящихъ, но нѣкоторый недостатокъ практическихъ опытовъ; почему отдѣленіе физико-математическихъ наукъ и совѣтъ потребовали отъ него, согласно §§ 57—59 устава, представленіе обозрѣнія науки технологіи и опыты практическихъ свѣдѣній въ ней. Лекціи химіи читалъ уже адъюнктъ Дунаевъ и совѣтъ предложилъ Лобачевскому каѳедру *технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ*. Въ обширномъ и резонномъ новомъ прошеніи своемъ, А. Лобачевскій отказался отъ предлагаемаго ему мѣста, ссылаясь на то, что онъ вовсе не имѣетъ свѣдѣній въ коммерческихъ наукахъ, что въ библіотекѣ почти вовсе нѣтъ книгъ, нужныхъ для преподаванія технологіи, что въ университетѣ нѣтъ ни моделей, ни чертежей машинъ, а въ уставѣ не назначено для технологіи ни особенной лабораторіи, ни особливой суммы для опытовъ, что онъ не видалъ ни фабрикъ, ни заводовъ, что для профессора технологіи нужны практическія свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя путешествіемъ, что онъ всегда болѣе занимался химіей и имѣетъ въ ней гораздо болѣе познаній, чувствуетъ къ ней добровольное влеченіе, „почему было бы противъ честности выбрать мнѣ то мѣсто изъ двухъ, которое я могу занимать съ меньшею исправностью“. А. Лобачевскій просилъ совѣтъ, если нельзя имѣть второго адъюнкта по химіи, только *титла, чина и другихъ правъ адъюнкта* и соглашался довольствоваться своимъ магистерскимъ окладомъ. На ходатайство объ этомъ совѣта, министръ отвѣчалъ отказомъ. Лобачевскій рѣшился тогда заняться технологіей и съ этою цѣлью получилъ лѣтомъ 1817 года полугодовой отпускъ для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ С.-Петербургъ, гдѣ и былъ 29 октября утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта технологіи. На другой годъ, согласно представленію попечителя, Главное Правленіе Училищъ разрѣшило А. Лобачевскому двухлѣтнее путешествіе по Сибири „для обозрѣнія и описанія горныхъ заводовъ и сдѣланія подробныхъ замѣчаній о

времени, людей и обстоятельствъ, не для однихъ только казанцевъ и бывшихъ студентовъ [1]).

При отправленіи Румовскаго въ Казань въ началѣ 1805 года тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій поручилъ ему «обозрѣть на мѣстѣ какимъ бы образомъ можно было зданіе Казанскаго университета такъ расположить, чтобы въономъ всѣ надобности и отдѣленія университета помѣщены быть могли». Ни министръ, ни попечитель не имѣли никакого представленія о будущемъ помѣщеніи университета, и Румовскому, по пріѣздѣ въ Казань, пришлось знакомиться впервые съ мѣстными условіями и руководствоваться совѣтами хорошо знакомаго съ этими условіями Яковкина. Остановившись въ гимназическомъ домѣ, Румовскій въ немъ и положилъ основаніе университету, въ немъ же было и торжество этого основанія и розданы шпаги первымъ студентамъ изъ высшихъ классовъ гимназіи. Въ этомъ гимназическомъ домѣ, доставшемся потомъ университету, послѣдній и помѣщался совмѣстно съ нею до сентября 1811 года, когда гимназія переведена была въ первый разъ въ особый, купленный для нея и перестроенный домъ на Покровской улицѣ, гдѣ и помѣщается она въ настоящее время. Такимъ образомъ прошло слишкомъ шесть лѣтъ до отдѣленія университета отъ гимназіи и до начала устройства университетскихъ зданій. Всѣ эти шесть лѣтъ поглощены были покупкою разныхъ домовъ для университета, стройкою, перестройкою и безконечною перепискою между Петербургомъ и Казанью, между попечителемъ и директоромъ по вопросамъ строительнымъ, а по прошествіи шести лѣтъ оказалось, что университетъ вовсе не имѣлъ сноснаго помѣщенія, что онъ не могъ быть даже открытъ для преподаванія, наприм. медицинскихъ наукъ, за неимѣніемъ для того какихъ либо приспособленій. Румовскій, проживши въ Казани не болѣе двухъ недѣль, уже не возвращался въ нее. Полновластнымъ распорядителемъ все время былъ Яковкинъ.

Первоначальнымъ и единственнымъ помѣщеніемъ университета былъ гимназическій домъ (въ нынѣшнемъ главномъ университетскомъ зданіи онъ составляетъ всю восточную половину его, налѣво отъ главнаго входа). Этимъ домомъ заканчивалась Воскресенская улица; онъ стоялъ на гребнѣ обрыва, и противоположнаго ряда до-

---

[1]) До насъ первоначальною судьбою университетскихъ зданій въ Казани занимался покойный, бывшій секретарь совѣта Казанскаго университета, Н. Г. Фастрицкій. См. его статью „Нынѣшній университетскій кварталъ во второй половинѣ XVIII столѣтія“ въ газетѣ *Справочный листокъ города Казани*, 1867 года, №№ 81, 82, 83.

мовъ по обоимъ спускамъ направо и налѣво не существовало. Здѣсь былъ самый высокій пунктъ Казани (91 футъ надъ уровнемъ Волги); домъ господствовалъ надъ городомъ и былъ почти въ центрѣ его. Въ Казани нѣтъ лучше и шире видовъ, какъ съ университетской обсерваторіи или изъ оконъ зданій, обращенныхъ на обширное пространство отъ юго-востока на юго-западъ и кто изъ старыхъ студентовъ, для которыхъ этотъ видъ раскрывался во всей своей широтѣ изъ оконъ такъ называемыхъ *занимательныхъ* (въ третьемъ антресольномъ этажѣ главнаго зданія, выходящихъ во дворъ), не помнитъ этого вида, съ его увлекающимъ въ даль просторомъ, съ широкимъ, нижнимъ и верхнимъ теченіемъ Волги и съ синѣющими горами по ту сторону ея. Какъ часто, раннимъ утромъ, помнимъ мы, усталые глаза отъ ночнаго приготовленія къ майскому экзамену обращались въ раскрытыя окна къ этому волжскому простору, озаренному восходящимъ солнцемъ, мечтая сплыть куда нибудь по рѣкѣ въ родную сторонку на дощаникѣ или косной, какъ это обыкновенно и случалось до пароходовъ. Не даромъ этотъ видъ остался въ памяти Аксакова, когда онъ больной лежалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ, бывшихъ тогда больницей [1]): «Видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его суконными и татарскими слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды весною сливались съ разливомъ Волги—вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки, и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца». Эта картина была передъ глазами современниковъ, «и намъ случилось найти ея описаніе въ экспликаціи одного плана принадлежащихъ университету мѣстъ» [2]).

Въ 1796 году на этомъ гребнѣ обрыва строился домъ для губернатора; лучшаго мѣста для помѣщенія начальника края нельзя было придумать. Намъ неизвѣстно кто строилъ этотъ домъ, безспорно лучшій и обширнѣйшій въ то время въ городѣ; но въ 1798 году постройка не была приведена еще къ окончанію, и когда императоръ Павелъ пріѣхалъ въ 1798 году въ Казань, и 29 мая того года утвердилъ второе положеніе о гимназіи, возстановленной имъ безъ сомнѣнія потому, что она перестала существовать вслѣдствіе реформы образованія, послѣдовавшей при Екатеринѣ [3]), тогдашній

---

[1]) Давно уже эти комнаты обращены въ семейныя квартиры канцелярскихъ и другихъ служителей университета.

[2]) *Фастрицкій,* Универс. кварталъ.

[3]) Первое положеніе о возстановленіи гимназіи въ Казани было составлено губернаторомъ княземъ Мещерскимъ, согласно именнаго указа ему

Казанскій гражданскій губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась по положенію гимназія, д. с. с. *Казинскій* (опредѣленный изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ 14 декабря 1797 года и уволенный отъ службы 4 апрѣля 1799 года) представлялъ о помѣщеніи возстановленной гимназіи (прежній военный губернаторъ князь Мещерскій, составившій при Павлѣ первое положеніе о гимназіи, предполагалъ отдать подъ гимназію крайнюю къ выходу изъ крѣпости часть дома присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь губернское правленіе) слѣдующее: «Гимназію со всѣми ея чинами наиспособнѣйшимъ признаю помѣстить въ домъ, построенный для губернатора, который по великому пространству своему и многимъ неудобностямъ никакъ не соотвѣтствуетъ тому предмету, для коего опредѣленъ, *а для гимназіи можетъ быть наивыгоднѣйшій*, ежели подѣлать нѣтоторыя пристройки и починки, о коихъ планъ, а во что все то обойдется, смѣту, сочиненную примѣрно существующимъ здѣсь цѣнамъ съ возможной аккуратностью и соблюденіемъ пользы и выгоды казенной, представляю при семъ на усмотрѣніе» [1]). Императоръ Павелъ немедленно аппробовалъ планъ, фасадъ и прожектированныя постройки и на окончательную отдѣлку внутри и снаружи пожаловалъ 24492 руб. 90 коп. по представленной смѣтѣ, которые и были отпущены въ распоряженіе Казанскаго военнаго губернатора де-Ласси (былъ назначенъ 10 января, а уволенъ 9 августа 1798 года) изъ губернскихъ доходовъ. Отдѣлка этого дома для гимназіи продолжалась недолго и уже въ слѣдующемъ 1799 году, 24 сентября, въ него переведена была гимназія. Домъ былъ очень великъ; это цѣлая половина настоящаго университетскаго зданія; длина его 42½, саж., а глубина 11 саж. и очень красивъ снаружи, удовлетворяя украшеніями господствовавшему тогда архитектурному вкусу. Фасадъ послужилъ образцомъ для нынѣшняго: тѣ же три портика съ колоннами, числомъ восемь по рединѣ, гдѣ былъ главный входъ, и четыре по обѣимъ сторонамъ, только колонны были коринѳскаго ордена. Посрединѣ зданія возвышался большой куполъ

отъ 31 октября 1797 года; оно было представлено при докладѣ его 21 декабря того же года и немедленно утверждено. Въ Казань оно пришло при сенатскомъ указѣ отъ 17 февраля 1798 года на имя губернатора Казинскаго. Исполненія однако не было сдѣлано никакого, „по несообразности Положенія и по нерѣшенію нѣкоторыхъ статей“ по словамъ Яковкина. Поэтому военный губернаторъ Лассій въ мартѣ того же года отправилъ своего чиновника Соколова, котораго онъ сдѣлалъ потомъ директоромъ, въ Москву, чтобъ посовѣтоваться съ университетскими профессорами о передѣлкѣ перваго положенія, что и было имъ исполнено. Попечителемъ гимназіи былъ гражданскій губернаторъ.

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XXV, ст. 18539.

съ круглыми окнами и балюстрадою, а надъ главнымъ портикомъ фронтонъ треугольникомъ съ лѣпными рельефными изображеніями глобуса, лиры, математическихъ инструментовъ. Все это было и красиво, и внушительно, и говорило зрителю о назначеніи зданія. Внутреннее расположеніе залъ и комнатъ осталось почти то же, что было при первоначальной постройкѣ, но служебное назначеніе ихъ мѣнялось многое множество разъ. Во дворѣ примыкалъ къ восточной сторонѣ дома одноэтажный флигель, выстроенный глаголемъ, существующій и теперь. Познакомившись съ этимъ домомъ на мѣстѣ, попечитель писалъ о немъ въ Главное правленіе училищъ: «Онъ есть наилучшее зданіе въ Казани, и выстроенъ будучи на возвышенномъ мѣстѣ, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ... Главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что нѣтъ при немъ почти никакихъ для хозяйства строеній, или, ежели какія есть, то не соотвѣтствуютъ ни пространству, ни красотѣ дома, ни нуждамъ не только университета но ниже гимназіи» (23 марта, 1805 года, № 60).

Слѣдовательно и этотъ домъ, повидимому столь обширный и красивый, требовалъ расширенія и пристроекъ, но строительная дѣятельность получила самое широкое развитіе, когда Румовскій, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами, и конечно по совѣтамъ практическаго Яковкина, рѣшился покупать смежные съ гимназіей дома съ намѣреніемъ образовать изъ нихъ одно цѣлое для помѣщенія будущаго университета. Никому не приходила въ голову мысль о постройкѣ новаго отдѣльнаго большого зданія для него, да едва ли можно было разсчитывать тогда и на средства для того.

При покупкѣ домовъ для университета, Румовскій, въ бытность свою въ Казани, входилъ въ сношенія съ разными сосѣдними съ гимназіей домовладѣльцами о продажѣ ими своихъ домовъ въ казну. Чрезъ улицу находились два дома, принадлежавшіе тогда — Папову, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и секундъ-маіору Порфирію Львовичу Молоствову, одному изъ родоначальниковъ многочисленной Казанской дворянской фамиліи, бывшему нѣкоторое время и казанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства [1]). Извѣстны и первоначальные ихъ владѣльцы: Паповъ пріобрѣлъ свой домъ отъ маіора Жемайлова, но при переговорахъ о покупкѣ у него купчей крѣпости не оказалось; Молоствовъ купилъ свой домъ въ 1792 году у маіора Макарова. Это тотъ самый Петръ Ивановичъ Макаровъ, сынъ Казанскаго предводителя дворянства въ эпоху Пугачевщины, который въ литературѣ извѣстенъ какъ послѣдователь

---

[1]) Нынѣ дома эти на Воскресенской улицѣ принадлежатъ купцамъ: Папова—Соколову Молоствова—Крупеникову.

Карамзина, какъ критикъ Шишковскихъ теорій о слогѣ и какъ издатель журнала «Московскій Меркурій». Это былъ человѣкъ очень образованный, но попавъ, по смерти отца, молодымъ поручикомъ артиллеріи въ Петербургъ, Макаровъ, въ кругу кутящей Екатерининской гвардіи, въ нѣсколько лѣтъ прожилъ, проигралъ въ карты значительное состояніе, оставленное имъ отцомъ. Пришлось на тяжелыхъ условіяхъ продать родственникамъ и родовыя деревни, и домъ, и получать отъ нихъ годовое, незначительное по размѣру содержаніе. Макаровъ сталъ путешествовать; онъ отправился въ Англію, обошелъ часть страны пѣшкомъ (описаніе этого путешествія, подъ названіемъ «Письма изъ Лондона», онъ напечаталъ потомъ въ своемъ журналѣ), но не получая денегъ изъ Казани, Макаровъ надѣлалъ долговъ и принужденъ былъ бѣжать изъ Англіи, спрятавшись въ трюмѣ корабля. Впослѣдствіи Макаровъ расплатился съ своими англійскими заимодавцами и воротившись въ Москву, посвятилъ себя литературѣ, въ то время, съ воцареніемъ императора Александра I, получившей нѣкоторое оживленіе. Прекративъ изданіе журнала, по всей вѣроятности за неимѣніемъ средствъ и подписчиковъ, Макаровъ съ какимъ то пріятелемъ своимъ снова отправился странствовать, но по дорогѣ, гдѣ-то въ Польшѣ, умеръ 39 лѣтъ отъ роду.

Покупка домовъ у Папова и Молоствова не состоялась по высотѣ цѣны, несообразной съ дѣйствительною стоимостью домовъ, запрошенной владѣльцами. Паповъ за свой сравнительно небольшой домъ желалъ получить 35 т., а Молоствовъ просилъ за свой 45 т., тогда какъ ему самому онъ достался, по купчей крѣпости отъ Макарова, только за 15 т. Пришлось обратиться въ другую сторону и пріобрѣтать дома, стоявшіе рядомъ съ гимназіей. Ближе прочихъ, отдѣляясь отъ гимназіи небольшимъ каменнымъ заборомъ съ воротами на нѣсколькихъ саженяхъ, находился опять таки *губернаторскій домъ*, въ которомъ имѣлъ пребываніе, въ годъ основанія университета, тогдашній губернаторъ д. с. с. Мансуровъ. Еще до пріѣзда Румовскаго въ Казань, на этотъ домъ, какъ весьма подходящій, указывалъ ему въ своихъ письмахъ Яковкинъ. Первоначально домъ этотъ принадлежалъ вдовѣ тайнаго совѣтника княгинѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ Тенишевой (мужъ ея князь Василій Борисовичъ былъ прежде въ Казани губернаторскимъ товарищемъ или вице-губернаторомъ, а потомъ (1760—1764) и губернаторомъ). Отъ матери перешелъ онъ къ сыну ихъ, Дмитрію Васильевичу, бывшему въ 1797 году казанскимъ вице-губернаторомъ, а потомъ, въ царствованіе Александра Павловича, весьма дѣятельнымъ Астраханскимъ губернаторомъ, какъ это можно заключить изъ довольно значитель-

наго количества проектовъ его для устройства ввѣреннаго ему края, получившихъ силу закона [1]). Въ казну для губернатора, домъ былъ купленъ за 30 т. въ 1804 году и долженъ былъ быть перестроенъ. Снаружи этотъ домъ, въ два этажа съ 13 окнами, съ фасадомъ, по словамъ Румовскаго, очень близкимъ къ гимназическому, длиною 34 сажени, былъ очень красивъ, да и внутренняя отдѣлка его, если вѣрить воспоминаніямъ Вигеля, была очень замѣчательна. Онъ «великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила китайская торговля. Большая гостинная была обита шелковой матеріей, по которой въ китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя, и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ финифти» [2]). Надо полагать, что убранство это осталось отъ прежнихъ домовладѣльцевъ, такъ какъ для предполагаемой перестройки дома были только заготовлены матеріалы, какъ это видно изъ дѣлъ. Для попечителя и Яковкина домъ этотъ казался даже лучше гимназическаго: онъ имѣлъ корридоры въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ, и изъ нихъ были двери въ отдѣльныя комнаты, тогда какъ въ гимназическомъ домѣ всѣ комнаты были проходныя. Нравился домъ и своимъ довольно большимъ и хорошо устроеннымъ еще Тенишевыми фруктовымъ садомъ. Въ немъ, подъ хозяйственнымъ глазомъ Яковкина, зрѣли и обирались въ теченіе многихъ лѣтъ яблоки и служили лакомствомъ для студентовъ и гимназистовъ; въ немъ же происходили и сцены воровства, столь обыкновенныя въ яблочныхъ садахъ. «Въ августѣ, приказалъ я, не помню къ какому празднику (пишетъ онъ къ попечителю 27 марта 1811 года) обрать при себѣ въ Тенишевскомъ саду три корзины яблоковъ для студентовъ и питомцевъ и весьма удивился, усматривая мало яблоковъ на такихъ яблоняхъ, на коихъ прежде видно было много. На сіе работники мнѣ объявили, что приходитъ часто Татьянушка (такъ звали красивую солдатку изъ подгороднаго села Царицына, находившуюся у жившаго въ нижнемъ этажѣ Тенишевскаго дома холостого профессора Фукса въ качествѣ кухарки и экономки, съ которою онъ ѣздилъ въ Болгары—для археологическихъ изслѣдованій) обирать для Фукса. Сіе я тогда же строжайше запретилъ, приказавъ, когда она опять придетъ за яблоками, поймать ее и отвести какъ воровку въ казарму подъ караулъ, что и дѣйствительно случилось на третій день. Фуксъ для выручки ея

---

[1]) См. Полное собраніе законовъ, томы XXV, XXVII, XXVIII и XXIX.
[2]) Русскій Вѣстникъ, 1864 г., т. LI, стр. 93.

прислалъ ко мнѣ, не помню кого, сказать, что она сдѣлала то самовольно и что онъ ей впредь накрѣпко запретитъ ходить въ садъ, а потому и просилъ отпустить ее къ нему. И такъ по нахальству сей непотребницы не болѣе трехъ разъ имѣлъ я удовольствіе потчивать собственными яблоками даже и самихъ хозяевъ, студентовъ и гимназистовъ. Стыдно уже и упоминать, что Фуксъ открыто съ сею непотребницею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ ѣздитъ для прогулки въ Царицыно, что нашилъ ей много богатыхъ шелковыхъ сарафановъ, что во время публичнаго на троицкой недѣлѣ гулянья на Арскомъ полѣ около качелей, попускаетъ ей ѣздить съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четвернею, за что хотѣли было взять ее въ полицію, что водитъ ее незамаскированную съ собою въ маскарады, коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицмейстера, чтобы приказалъ ее вывести и — публично же объ ней долженъ былъ ходатайствовать самъ Фуксъ».

Сосѣднимъ съ Тенишевскимъ или губернаторскимъ домомъ (въ дѣлахъ и бумагахъ оба названія употребляются безразлично) былъ домъ, принадлежавшій тогдашнему казанскому коменданту генералъ-маіору Степану Николаевичу *Кастеллію* (теперь этотъ Кастелліевской домъ въ верхнемъ этажѣ своемъ заключаетъ квартиру ректора, а въ нижнемъ помѣщеніе музея общества археологіи, исторіи и этнографіи и студентскую библіотеку). Домъ съ дворомъ занимаетъ въ длину по Воскресенской улицѣ 19 саженъ. Въ 1805 году въ домѣ было только девять оконъ и на улицу былъ балконъ. Первоначально домъ этотъ принадлежалъ какъ кажется его строителю казанскому купцу Прянишникову, по купчей крѣпости перешелъ потомъ во владѣніе секундъ-ротмистра князя Дмитрія Васильевича Тенишева (очевидно того же, кому принадлежалъ и губернаторскій домъ), а отъ него достался Кастеллію. Послѣдній, на письменный запросъ Румовскаго: не желаетъ ли онъ продать домъ для возникшаго уже въ Казани университета, отвѣчалъ немедленно, что онъ готовъ уступить домъ свой за 10 тысячъ, «уважая потребу университета, а кольми паче почитая сіе заведеніе полезнымъ для общаго блага». Сравнительно съ цѣною Молоствовскаго дома, Кастеллій просилъ дешево. Кто былъ Кастеллій, гдѣ онъ служилъ первоначально—не знаемъ. Яковкинъ называетъ его «почтеннымъ старцемъ». Въ воспоминаніяхъ Вигеля и онъ, и жена его, Софья Васильевна, урожденная Нелюбова, появляются довольно опредѣленно: «Съ итальянскимъ прозваніемъ былъ онъ простой русскій солдатъ, не зналъ никакого иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться, чтобы выучиться

по итальянски. Жена его имѣла недостатокъ, или дурную привычку— все разсказываемое преувеличивать» [1]).

Послѣдній наконецъ изъ университетскихъ домовъ, замыкающій собою на западѣ весь кварталъ, находился на углу спуска съ Воскресенской улицы, противъ нынѣшняго дома полиціи и Воскресенской церкви и принадлежалъ съ начала 1791 года инженеръ-подпоручику Николаю Тимоѳеевичу *Спижарному*. Домъ и дворъ, примыкающій ко двору Кастеллія, занимали только 13 саженъ. Каменный двухъ-этажный домъ, въ пять оконъ, какъ и теперь, имѣлъ высокую тогда изъ теса крышу съ большимъ слуховымъ окномъ, но длина его во дворъ была гораздо короче; удлиннили позднѣйшія пристройки. Прежніе владѣльцы этого дома были: подпоручикъ Викторъ Григорьевичъ Веригинъ и премьеръ-маіорша Александра Алексѣевна Тютчева; отъ нея уже домъ перешелъ къ Спижарному по купчей крѣпости, за 800 рублей. Въ казну продавала его вдова Анна Спижарная за 6 тысячъ рублей.

Всѣ эти четыре дома составляютъ собственность университета въ настоящее время. Румовскій, ходатайствуя предъ Главнымъ Правленіемъ училищъ (23 марта 1805 года, № 60) о пожалованіи университету смежнаго съ гимназіей губернаторскаго дома и объ отпускѣ суммъ на починку его и на покупку домовъ коменданта и Спижарнаго, говорилъ въ своемъ представленіи: «Сіи четыре мѣста составляютъ *цѣлый кварталъ*, въ которомъ всѣ надобности и нужды университета удобно расположены и помѣщены быть могли». Это тѣмъ болѣе было вѣрно, что какъ домъ гимназическій, такъ и остальные три дома имѣли въ глубину обширные дворы, шедшіе подъ гору до самой Проломной улицы (такъ называемой Малой Проломной тогда не существовало); во дворѣ домовъ губернаторскаго и комендантскаго существовали сады, разведенные Тенишевыми, вырыты колодцы; надворныя строенія конечно были деревянныя; пространство же по горѣ и подъ горою до Малой Проломной представляло неогороженный пустырь и принадлежало городу, отдѣляясь отъ гимназическаго мѣста заборомъ, но заботливый Яковкинъ поспѣшилъ, въ виду пріобрѣтенія смежныхъ домовъ, выхлопотать это пустое мѣсто для университета: «Извѣстившись партикулярно, писалъ онъ къ Попечителю въ началѣ 1805 года, что купцы намѣрены просить оное мѣсто для застроенія лавками, поспѣшилъ я сдѣлать къ г. губернатору представленіе, дабы приказалъ отвести оное для гимназіи и дать планъ. Построеніе лавокъ на ономъ со временемъ можетъ доставлять гимназическому дому изрядную прибыль, потому

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1864 г., т. LI, стр. 91.

что положеніе его между двумя рынками, хлѣбнымъ и рыбнымъ, къ тому весьма выгодно и надежно: а сверхъ того, по загороженіи заборомъ, можетъ оно служить для складки дровъ и матеріаловъ, отчего чище будетъ и настоящій гимназическій дворъ, на коемъ нынѣ всѣ оные навалены». Коммерческіе разсчеты Яковкина на доходъ отъ лавокъ не оправдались: послѣднія никогда не были выстроены, но за то, по отводѣ всѣхъ пустырей, прилегающихъ ко всѣмъ университетскимъ дворамъ, эти пустыри, дворы и сады, разведенные прежними владѣльцами, дали возможность впослѣдствіи выстроить университету здѣсь нѣсколько отдѣльныхъ зданій, да и предполагаемыя въ самое послѣднее время постройки могутъ быть воздвигнуты только на этихъ мѣстахъ.

Вотъ тѣ немногія историческія свѣдѣнія, которыя удалось собрать намъ о прежней судьбѣ университетскихъ домовъ. Никакихъ воспоминаній о прошломъ не сохранилось; остались, да и то не вполнѣ, только ничего не говорящія стѣны: и фасады, и внутреннее расположеніе комнатъ, и самые сады, все это давно исчезло, только въ дѣловыхъ бумагахъ время отъ времени встрѣчаются названія домовъ по фамиліямъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Два дома связаны съ фамиліей Тенишевыхъ; родъ этотъ, очевидно татарскаго происхожденія и безъ сомнѣнія изъ здѣшняго края. Это были татарскіе мурзы, владѣвшіе населенными имѣніями, но православіе приняли Тенишевы не ранѣе половины XVIII вѣка и то только для того, чтобъ не лишиться деревень, крестьяне которыхъ были крещеными, по законамъ Петра В., подтвержденнымъ его преемниками. Изъ того обстоятельства, что двое Тенишевыхъ были довольно долгое время въ Казани и вице-губернаторами и губернаторами и владѣли домами, видно, что у нихъ были средства; были Тенишевы и въ родственныхъ связяхъ съ нѣкоторыми казанскими дворянскими родами, но исторической памяти родъ этотъ не заслужилъ. Имѣнія Тенишевыхъ перешли въ другія руки. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ были въ университетѣ студентами два брата Тенишевы, былъ деревянный домъ Тенишевыхъ, сгорѣвшій въ огромный казанскій пожаръ 1842 года, да въ началѣ 50-хъ годовъ въ продаваемомъ княгинею Тенишевою небольшомъ имѣніи недалеко отъ Казани, по поводу этой продажи, было крестьянское волненіе, прекратившееся безъ лишнихъ хлопотъ. Теперь этого рода ни въ Казани, ни въ губерніи нѣтъ. Весьма вѣроятно, что и Тенишевы какъ и прочіе прежніе владѣльцы университетскихъ домовъ, принадлежали только къ господствовавшей тогда у насъ породѣ пріобрѣтателей.

Кромѣ перечисленныхъ нами домовъ, составившихъ собственность университета, Казанской гимназіи принадлежало еще довольно

большое мѣсто, обнесенное заборомъ, за которымъ шла старинная липовая аллея, а на углу, слѣдовательно почти напротивъ нынѣшняго главнаго входа въ университетъ, стояли большіе солнечные часы. Это мѣсто вполнѣ соотвѣтствуетъ пространству, занимаемому теперь клиникой, ея садомъ и клиническимъ дворомъ, расположеннымъ на косогорѣ. На этомъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ выстроилась потомъ клиника, строился въ 1804 году для гимназіи *манежъ*, такъ какъ обученіе верховой ѣздѣ входило въ кругъ предметовъ преподаваемыхъ въ гимназіи, согласно ея положенію утвержденному императоромъ Павломъ. При частой смѣнѣ директоровъ въ то время, окончаніе постройки манежа пріостановилось, тѣмъ болѣе, что сама гимназія должна была подвергнуться реформѣ, согласно общему характеру преобразованій народнаго просвѣщенія при Александрѣ I. Счеты по постройкѣ были запутаны; поставщики и подрядчики неудовлетворялись платою и подавали жалобы. Были уже сложены четыре каменныя стѣны манежа, 16 саж. длиною и 8 шириною, и покрыты деревянною крышею. На безполезность манежа, съ цѣлью дать постройкѣ лучшее назначеніе, указывалъ Яковкинъ попечителю еще до пріѣзда послѣдняго въ Казань. «Манежъ при гимназіи, писалъ онъ, долженствовалъ быть заведенъ во исполненіе имяннаго Высочайшаго повелѣнія, *ежели бы она навсегда осталась въ нынѣшнемъ ея состояніи*, но обстоятельства по части обученія юношества вообще перемѣнились, а потому и прежнее предписаніе, кажется, должно быть подвержено перемѣнѣ». Будетъ ли открытъ манежъ или нѣтъ — неизвѣстно, а ежегодное содержаніе манежа, очень тѣснаго и неудобнаго кромѣ того, будетъ стоить казнѣ болѣе двухъ тысячъ рублей, «принося между тѣмъ малую или только мнимую пользу». А гимназія уже тогда, безъ водвореннаго въ нее университета, страдала недостаткомъ помѣщенія и расположенія комнатъ. Классы были проходные; ученики одного класса шли черезъ другой, «а сіе, прибавляетъ Яковкинъ, при обученіи юношества, повсюду ставится въ порокъ». Притомъ въ среднемъ этажѣ гимназическаго дома помѣщалась азіатская типографія (она давно уже была пріобрѣтена гимназіей, но не было ни русскаго, ни европейскихъ штрифтовъ), что составляло большое неудобство: «Одного покоя для набору, намачиванія бумаги, печатанія, развѣшиванія и уборки листовъ и другихъ типографскихъ надобностей совершенно недостаточно; тяжесть кассъ,登становъ и другихъ къ печатанію необходимо нужныхъ вещей опасна для самыхъ толстыхъ половыхъ балокъ, а стукъ, производимый печатаніемъ, неминуемо долженъ развлекать вниманіе живущихъ подъ тѣмъ же покоемъ въ нижнемъ этажѣ учениковъ во время занимація

ихъ уроками. Типографскіе служители съ ихъ семействами расположены въ двухъ покояхъ верхняго этажа, а сіе наводитъ опасность дому и предосудительно воспитанію юношества, коему нельзя воспретить не видѣть по временамъ въ сихъ постороннихъ людяхъ того, на что бы ему смотрѣть не надлежало». Это было вполнѣ справедливо, и такъ какъ для манежа собственно не было ничего еще отдѣлано, то Яковкинъ предполагалъ, воспользовавшись уже выведенными стѣнами, обративъ манежъ въ жилые покои, помѣстить въ двухъ отдѣленіяхъ дома двоихъ, а по нуждѣ и четверыхъ чиновниковъ, съ особымъ входомъ для каждаго отдѣленія: тогда казалось выгоднымъ замѣнить казенною квартирою выдаваемыя отъ казны квартирныя деньги. Въ этомъ же предполагаемомъ домѣ должна была помѣститься и типографія, со всѣми при ней служителями, даже въ случаѣ расширенія ея европейскими шрифтами; внутреннія стѣны могли быть для скорости изъ бревенъ деревянныя, и за прочность ихъ стоялъ Яковкинъ. Составлены были двѣ смѣты: одна, болѣе скромная, цѣнила всю перестройку отъ 8 до 10 тысячъ; другая, составленная губернскимъ архитекторомъ Шелковниковымъ, по которой предполагалась надстройка второго этажа и болѣе обширное помѣщеніе и для профессоровъ и для типографіи, въ увеличенномъ ея видѣ до восьми становъ, простиралась на 22898 р. Румовскій согласился съ болѣе дорогимъ планомъ перестройки, сбавивъ однако сумму до 20 тысячъ.

Эти предположенія о перестройкѣ манежа для типографіи и въ жилые покои для пріѣзжающихъ профессоровъ сдѣланы были до пріѣзда Румовскаго въ Казань, но при личномъ обозрѣніи, онъ убѣдился въ необходимости и пользѣ предположеній и въ своемъ представленіи въ Главное Правленіе училищъ, испрашивая суммы на пріобрѣтеніе домовъ Кастеллія и Спижарной, а также пожалованіе губернаторскаго дома — онъ включилъ и перестройку манежа. Для манежа уже почти готовое зданіе не годилось. «Будучи на мѣстѣ, осматривалъ я сіе зданіе, доносилъ попечитель министру, и нашелъ, что оно по причинѣ тѣсноты для манежа неудобно, потому что ширина и длина онаго кромѣ одного вольта дѣлать не дозволяетъ» (21 марта 1805 г., № 58). Оставалось сомнѣніе: выдержатъ ли стѣны манежа надстройку втораго этажа, но «архитекторъ обѣщалъ, что не приступитъ къ сооруженію прежде, нежели въ семъ удостовѣрится и для большей безопасности не приметъ надлежащихъ мѣръ». По его словамъ, если будетъ въ настоящее время отпущена сумма на перестройку, то онъ надѣется окончить ее осенью текущаго же года. Также разсчитывалъ и Яковкинъ.

Въ первые годы преобразовательной дѣятельности Александра I,

въ годы созданія университетовъ, дѣломъ образованія спѣшили: представленіе Румовскаго къ министру написано было 21 марта, а уже 25 того же марта Государь утвердилъ все, о чемъ ходатайствовалось: 1) о перестройкѣ манежа въ типографію и въ жилые покои для профессоровъ; 2) о покупкѣ домовъ комендanта Кастелія и Спижарной; 3) объ удовлетвореніи губернатора такою суммою денегъ, какая за домъ изъ казны заплачена. Казалось, что этою перестройкою и пріобрѣтенными домами можно будетъ удовлетворить требованіямъ преподаванія въ зарождающемся университетѣ: стоило только приступить къ перестройкѣ. Для Яковкина, съ его практическими наклонностями, открывалось въ постройкѣ университетскаго зданія новое поприще дѣятельности: до сихъ поръ, являясь въ гимназіи только хозяиномъ-администраторомъ, онъ не былъ еще строителемъ. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ выступаетъ передъ нами въ роли строителя; онъ душа всего и все проходитъ черезъ его руки: и масса разнаго рода строительнаго матеріала, и куча денегъ экономической и строительной суммы. Что прилипло къ его рукамъ отъ всѣхъ разнообразныхъ построекъ—сказать положительно нѣтъ никакой возможности; не могли на него отвѣтить и смѣнившіе Румовскаго слѣдующіе попечители: Салтыковъ и Магницкій, предубѣжденные противъ Яковкина, слышавшіе разсказы современниковъ, ревизовавшіе дѣятельность пресловутаго директора-инспектора. Изъ года въ годъ, по бумагамъ и счетамъ, по дѣламъ конторы и совѣта, по собственнымъ письмамъ Яковкина, мы прослѣдили его строительную дѣятельность, но пришли къ тому же убѣжденію, къ которому пришелъ и Салтыковъ, имѣвшій съ нимъ лично дѣло: «Je ne parlerai point de fraude, il faut la surprendre pour la constater, писалъ онъ по пріѣздѣ въ Казань къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому [1]), mais je vous avoue, que je la soupçonne». Но за то передъ нами совершенно яснымъ представляется характеръ этой строительной дѣятельности въ глухой и темной провинціи того времени, въ печальныхъ условіяхъ тогдашней общественности и довольно рельефно очерчивается фигура этого мощнаго заправилы-директора, ловкая и извивающаяся какъ змѣя, льстивая до приторности передъ начальствомъ, ссорящаяся и мирящаяся съ своими подчиненными грубо-патріархальнымъ образомъ.

Остановимся на этихъ университетскихъ постройкахъ, безполезно занявшихъ нѣсколько лѣтъ и стоившихъ казнѣ не мало денегъ.

---

[1]) *А. Васильчикова*, Семейство Разумовскихъ. Томъ второй, стр. 526.

Домъ Кастеллія, принятый университетомъ по описи въ маѣ того же года, былъ не отдѣланъ, хотя и покрытъ тесомъ; онъ былъ не отштукатуренъ, не отбѣленъ, не имѣлъ ни дверей, ни оконъ, хотя рамы для послѣднихъ были уже готовы; въ нижнемъ этажѣ не было ни накатовъ ни полу. Онъ только строился и почему то комендантъ вздумалъ его продавать. При пріемѣ дома открылось любопытное обстоятельство, возможное при тогдашнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ: коммендантъ, по близкому сосѣдству съ гимназіей, при директорѣ ея Лихачевѣ, бралъ заимообразно на стройку своего дома *партикулярно*, но за проценты однакожъ, какъ это видно изъ дѣлъ конторы, и кирпичъ (въ количествѣ 90 т.) и известь-кипѣлку (три куб. саж.). Домъ Кастеллія оставался въ неоконченномъ видѣ своемъ во все время попечительства Румовскаго и не приносилъ никакой пользы: точно забыли о немъ. Стѣны его были строены однако прочно. Домъ Спижарной принятъ въ казну въ іюнѣ того же года, но при написаніи купчихъ крѣпостей на имя университета встрѣтилось затрудненіе: гражданская палата отказывалась совершить купчую безъ пошлинъ и гербовой бумаги, какъ это слѣдовало по 14 ст. Высочайше дарованной университету грамоты; Румовскій представлялъ уже въ правленіе училищъ объ отпускѣ потребной на то суммы, но, по ходатайству этого послѣдняго, Высочайше повелѣно было совершить купчія безъ взысканія съ университета положенныхъ при томъ пошлинъ. Не такъ скоро возможно было воспользоваться губернаторскимъ домомъ, гдѣ жилъ самъ губернаторъ Мансуровъ. Этотъ домъ предположено было также перестроивать, для чего было уже приготовлено разныхъ матеріаловъ на сумму 3304 р. 60 к., и Яковкину желательно было пріобрѣсти эти матеріалы для будущихъ работъ по университетскимъ зданіямъ. Донося о своемъ осмотрѣ этихъ матеріаловъ, онъ писалъ, что они «таковы, каковы приличны для градоначальника», и Румовскій, вполнѣ увѣренный, что матеріалы подобной доброты не могутъ быть доставлены для конторы Казанской гимназіи, ходатайствовалъ предъ правленіемъ училищъ о пріобрѣтеніи ихъ для университета, что и было разрѣшено немедленно. Но самъ губернаторъ не скоро выѣхалъ изъ дома. Въ августѣ 1805 года онъ проситъ попечителя разрѣшить ему прожить въ домѣ всю наступающую зиму, такъ какъ о покупкѣ другого губернаторскаго дома ведется переписка. Яковкинъ, не ладившій тогда съ Мансуровымъ, побуждаетъ попечителя требовать скорѣйшаго очищенія дома, пишетъ, что домъ Баратаевой давно купленъ для губернатора, что причина медленности только свадьба Мансурова, который женится на княжнѣ Баратаевой, и Румовскій требуетъ очищенія дома уже въ февралѣ 1806 года, но гу-

бернаторъ, подъ разными предлогами, прожилъ въ немъ до мая мѣсяца этого года.

Въ какомъ видѣ представлялись тогда всѣ необходимыя нужды и потребности только что основаннаго университета, и какъ разнятся онѣ отъ настоящаго представленія объ университетѣ, мы можемъ составить себѣ понятіе изъ предписанія попечителя, даннаго конторѣ вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ покупки домовъ. Это предписаніе было обязательно, и съ нимъ необходимо должны были сообразоваться всѣ проекты и планы перестройки и соединенія въ одно цѣлое принадлежащихъ теперь университету домовъ. Давая свои указанія конторѣ, Румовскій предписывалъ ей однакожъ вовсе не касаться институтовъ: клиническаго, хирургическаго и повивальнаго, а также анатомическаго театра, обсерваторіи, химической лабораторіи и ботаническаго сада (библіотеку, имѣя въ виду скорое пріобрѣтеніе для университета большой библіотеки лейбъ-медика Франка, онъ предполагалъ потомъ размѣстить въ домѣ Спижарной). «Я думаю, писалъ онъ въ правленіе училищъ (30 марта, 1805 года, № 72), что профессоры, которымъ сіи отдѣленія будутъ ввѣрены, при нихъ жилища имѣть должны, и зданія для оныхъ нужныя не иначе воздвигнуты быть могутъ, какъ по расположенію самихъ профессоровъ, и для того въ смѣтѣ архитекторской сумма для оныхъ потребная включена еще быть не можетъ». Такимъ образомъ открытіе университета во всемъ его объемѣ по уставу 1804 года, отодвигалось въ неопредѣленное будущее, зависѣло отъ обстоятельствъ. Имѣть въ виду, при составленіи проектовъ и плановъ контора должна была слѣдующее: 1) покои для 40 или 50 студентовъ и при нихъ для профессора-инспектора; 2) покои для 12 студентовъ-кандидатовъ и при нихъ для директора; 3) для 12 магистровъ (столовая для всѣхъ ихъ общая); 4) залъ для собранія совѣта и покои для его архивы; 5) покои для университетскаго правленія съ принадлежащими къ оному казначейскою и архивою; 6) покой для библіотеки; 7) для физическаго кабинета; 8) для естественнаго кабинета; 9) залъ для публичныхъ собраній; 10) покои для преподаванія профессорскихъ лекцій. Послѣдніе, писалъ онъ конторѣ, «кажется мнѣ, что удобно можно помѣстить въ нижнемъ этажѣ губернаторскаго дома, устроивъ свѣтлый корридоръ». Изъ этого видно, какъ съужены были требованія и въ какомъ незначительномъ объемѣ представлялась тогда вся научная жизнь университета; хотя мѣста самъ попечитель предполагалъ достаточно, но онъ предназначалъ его на иное употребленіе. «По помѣщеніи сихъ надобностей, доносилъ онъ правленію, остающееся зданіе такъ расположить, чтобъ чиновники въ штатѣ назначенные, кои по должностямъ своимъ безот-

лучно при университетѣ находиться должны, помѣщены быть могли». Потомъ онъ и еще расширилъ такое употребленіе помѣщеній и конторѣ предписывалъ «прочее зданіе расположить такъ, чтобы большее число профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ служителей въ ономъ помѣщено быть могло съ необходимыми выгодами». На этихъ основаніяхъ долженъ быть составленъ конторою проектъ и планъ будущаго университетскаго зданія.

Но прежде нежели можно было приступить къ перестройкѣ купленныхъ домовъ и соединенію ихъ съ прежнимъ зданіемъ гимназіи, являлось необходимымъ не только найти для гимназіи отдѣльное помѣщеніе, но и преобразовать это учрежденіе, существующее съ 1797 года согласно положенію о немъ Павла I, сообразно уставу гимназій Александра I-го. Теперь это было странное учрежденіе, съ самостоятельнымъ кругомъ учебныхъ предметовъ, мало имѣющимъ общаго съ приготовленіемъ къ университету. Гимназія, кромѣ того, имѣла большой штатъ разныхъ учителей и чиновниковъ, которые вступили въ весьма неопредѣленныя отношенія къ зарождающемуся университету. И вотъ вопросъ *объ отдѣленіи университета отъ гимназіи* становится самымъ существеннымъ въ первоначальной исторіи Казанскаго университета; онъ занимаетъ и министровъ, и попечителей, которые, сообразно обстоятельствамъ, то спѣшатъ, то медлятъ рѣшеніемъ его, а главнымъ, дѣйствующимъ на практикѣ, въ этомъ вопросѣ лицомъ является, конечно, Яковкинъ. Рѣшеніе этого вопроса такъ и не послѣдовало во все время попечительства Румовскаго.

О пріисканіи подходящаго для помѣщенія гимназіи дома стали думать только по основаніи университета. Пріискивалъ, указывалъ и принималъ дома одинъ Яковкинъ, который въ pendant къ университетскому кварталу скоро образовалъ кварталъ гимназическій. Думали остановиться сначала на каменномъ съ двумя флигелями домѣ коллежскаго ассесора Петра Осокина (принадлежитъ нынѣ наслѣдникамъ Соболева; въ немъ до пожара 1842 года помѣщалось Дворянское собраніе, а теперь Судебная палата). Домъ этотъ былъ больше губернаторскаго; строенъ онъ былъ давно; въ немъ останавливалась императрица Екатерина во время плаванія своего по Волгѣ. Въ домѣ уже не было половъ и дверей, а штукатурка вся осыпалась. Тѣмъ не менѣе, по оцѣнкѣ губернскаго архитектора Шелковникова, домъ стоилъ 32155 р. 45 коп., «но вѣрьте Ваше Превосходительство, писалъ онъ Румовскому, что на постройку вновь подобнаго оному дома вышло бы не менѣе 35000, наипаче судя по прочности конструкціи всего строенія». Самъ же владѣлецъ, «побуждаемый усердіемъ на пользу учреждаемаго въ Казани уни-

верситета» и «по любви своей къ наукамъ», какъ писалъ онъ о томъ къ Румовскому, оцѣнивая домъ свой дороже 25 т., уступалъ его за шестнадцать тысячъ рублей. Но съ Осокинымъ дѣло разошлось, по всей вѣроятности потому, что помѣщеніе въ немъ для гимназіи найдено недостаточнымъ. Стали подыскивать другіе подходящіе помѣщичьи дома. Яковкинъ уже съ марта мѣсяца 1805 года указывалъ на домъ генеральши Великопольской, «которая получивъ нынѣ отъ отца своего другой большой каменный домъ, продаетъ оный свой прежній». Это тотъ домъ, принадлежащій теперь Императорской гимназіи, который стоитъ рядомъ съ тогдашнимъ училищнымъ флигелемъ, на углу Покровской (тогда Арской) улицы, противъ настоящей гимназіи, и заключаетъ въ себѣ квартиру директора. Просила за него генеральша 6 т. рублей, и Яковкинъ думалъ помѣстить въ этомъ домѣ, заключающемъ съ деревянною при немъ пристройкою пятнадцать комнатъ, въ верхнемъ этажѣ одного женатаго и троихъ холостыхъ чиновниковъ, а въ нижнемъ на время расположить типографію до отстройки манежа,—или употребить въ жилые покои также для двухъ чиновниковъ; потомъ предполагалось помѣстить въ немъ восточныхъ учениковъ и пансіонеровъ. Впрочемъ «передѣлка его сообразно съ обстоятельствами и нуждами гимназіи, писалъ Яковкинъ попечителю (19 декабря 1805 года), зависитъ отъ благопроизволенія; но домъ строенъ весь особенно прочно, и покойный Великопольскій былъ самъ весьма великій экономъ». Все заднее мѣсто, до назначенной по плану Покровской улицы, онъ разсчитывалъ выпросить у правительства. Румовскій, съ своей стороны, предполагалъ соединить этотъ домъ съ училищнымъ флигелемъ (гдѣ теперь канцелярія директора) и протянуть его со временемъ на пустырь, отдѣлявшій тогда училищный флигель отъ дома Гурьяновой для помѣщенія гимназіи.

Домъ генеральши Великопольской, которая тѣмъ временемъ пока шла о домѣ переписка, успѣла сдѣлаться надворной совѣтницей Моисеевой, былъ купленъ за 6 т. р. и принятъ въ вѣдомство гимназіи въ началѣ апрѣля 1806 года. Нѣсколько замедлилось принятіе его потому, что въ немъ три недѣли жилъ, съ разрѣшенія губернатора, проѣзжающій изъ Сибири въ Москву генералъ Лаба. Яковкинъ тотчасъ же распорядился помѣстить въ немъ четверыхъ гимназическихъ учителей и пятаго «безпріютнаго» директора казанскихъ народныхъ училищъ, Волынскаго. Такимъ образомъ и при покупкѣ этого дома имѣлось въ виду преимущественно помѣщеніе въ немъ чиновниковъ; тотчасъ же началась поправка печей, постройка деревянной галлереи для хода въ четвертое отдѣленіе, при чемъ пріисканные и нанятые плотники сбѣжали по неизвѣстной

причинѣ. Пришлось искать болѣе помѣстительный домъ для гимназіи, конечно между помѣщичьими. Охотниковъ продать домъ выгодно въ казну было не мало; повидимому, домами, строенными вообще не прочно, не дорожили. Такъ отставной маіоръ Лебедевъ продавалъ за 25 тысячъ рублей свой домъ, находившійся на одной линіи съ домомъ Великопольской, но отдѣленный отъ него переулкомъ и двумя домами. Выгоднѣе поэтому, собственно для помѣщенія гимназіи, было купить домъ на другомъ углу Арской улицы, какъ разъ противъ дома Великопольской, принадлежавшій гвардіи прапорщику Христофору Львовичу Молоствову. Это былъ братъ сосѣдняго университету домовладѣльца и тоже родоначальникъ многочисленной, но другой вѣтви Молоствовыхъ. Домъ уже торговали для помѣщенія губернатора, и Молоствовъ просилъ за него 24 тысячи рублей; по словамъ Яковкина домъ былъ отдѣланъ хорошо и прочно и въ немъ удобно можно было размѣстить воспитанниковъ и классы, а такъ какъ частныхъ покупателей на него въ Казани не предвидѣлось, то можно было разсчитывать и на разсрочку въ платежѣ: Молоствовъ соглашался получить половину суммы при написаніи купчей, а другую половину черезъ годъ, безъ процентовъ. Это было выгодно, такъ какъ экономическая сумма гимназіи находилась въ процентномъ обращеніи въ Московской Сохранной казнѣ.

По счету матеріаловъ и по описи, домъ Молоствова стоилъ 23831 р. 80 к., и о покупкѣ его Румовскій представилъ министру 23 марта 1806 года, № 113; на другой день докладъ министра былъ Высочайше конфирмованъ: на покупку дома разрѣшалось отпустить 24 тысячи рублей и сверхъ того гимназіи отдавались пустырь позади флигеля главнаго народнаго училища и два пустыря по сторонамъ его. Любопытно для финансоваго положенія того времени, что Румовскій, предлагая конторѣ получить означенную сумму изъ казенной палаты, писалъ: «Если же оная сумма назначена будетъ къ выдачѣ *мѣдною монетою*, то за неимѣніемъ для храненія оной мѣста въ гимназіи, предлагаю конторѣ отнестись въ казенную палату, чтобы оставила ее до истребованія у себя». Денежныя суммы гимназіи въ ея кладовой хранились тогда въ бочкахъ. Въ окончательномъ однако съ Молоствовымъ разсчетѣ по покупкѣ дома встрѣтилось непредвидѣнное затрудненіе, замедлившее поступленіе его въ вѣдомство гимназическое. Оказалось, при заключеніи купчей въ гражданской палатѣ, что домъ этотъ находится подъ казеннымъ запрещеніемъ: онъ былъ заложенъ ростовскимъ купцомъ Өедоромъ Мясниковымъ въ государственную бергъ-коллегію впредь до исправной поставки съ 1803 по 1807 годъ съ сибирскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ мѣди, желѣза и другихъ металлическихъ издѣлій въ суммѣ

20 тысячъ рублей. Трудно повѣрить, чтобы такой пріобрѣтатель, какъ Молоствовъ, получавшій съ Мясникова весьма солидные проценты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, могъ позабыть, какъ онъ объяснялъ самъ, о томъ, что домъ его заложенъ, но дѣло о покупкѣ пріостановилось. Нуждаясь, по словамъ его, въ деньгахъ, Молоствовъ, для освобожденія дома изъ подъ залога, намѣревался заложить на сумму залога соотвѣтствующее число душъ, просилъ выдать ему изъ конторы только четыре тысячи рублей подъ залогъ крестьянъ на таковую же сумму, оставляя двадцать тысячъ въ казнѣ впредь до разрѣшенія дѣла, и передавалъ самый домъ въ полное распоряженіе конторы. Эта послѣдняя справедливо не согласилась на такое предложеніе Молоствова. Безъ совершенія купчей законнымъ порядкомъ, она не могла считать этого дома принадлежащимъ гимназіи, распоряжаться имъ для нуждъ гимназіи, а тѣмъ болѣе обязываться въ предохраненіи чужой собственности. Румовскій былъ очень недоволенъ: «Поступокъ Молоствова, что утаилъ о положеніи дома своего, похвалить не можно, писалъ онъ къ Яковкину (2 августа 1806 года, № 280), и можетъ статься, что дойдетъ до свѣдѣнія Его Величества». Съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія контора должна была сама переписываться съ бергъ-коллегіей, и только въ январѣ 1807 года, по полученіи отъ нея согласія, была заключена купчая, но въ декабрѣ мѣсяцѣ домъ былъ еще занятъ, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, подъ постой для графа Головкина и его свиты, возвращающихся послѣ неудачнаго посольства въ Китай, а въ январѣ, уже съ согласія Яковкина, главнокомандующимъ милиціею седьмой области княземъ Ю. В. Долгорукимъ, «въ чемъ я отказать не осмѣлился, пишетъ онъ, зная крайнюю по городу нужду въ квартирахъ для экстренно-пріѣзжающихъ знатныхъ господъ». Было довольно при домѣ и мебели; въ описи она не находилась, и Молоствовъ, по словамъ Яковкина, согласился было отдать ее университету въ видѣ подарка, «но съ прискорбіемъ отозвался, что она вся уже еще прежде сего распродана разнымъ людямъ».

Молоствовскій домъ, въ томъ видѣ какъ онъ былъ въ годъ покупки, могъ помѣстить въ себѣ, какъ мы уже видѣли, только питомцевъ и классы (по преобразованіи гимназіи, она должна была имѣть 40 казенныхъ воспитанниковъ, до сорока пансіонеровъ и полупансіонеровъ, до сорока своекоштныхъ, т. е. приходящихъ учениковъ, и до ста кадетовъ изъ кадетскаго отдѣленія). Не было мѣста для больницы, для эконома, для квартирмейстера (по штату 1798 года). Для помѣщенія ихъ Яковкинъ тогда же подыскалъ домъ, находящійся на другомъ углу, выходящій на Черноозерскую улицу

(теперь въ немъ квартира инспектора Императорской гимназіи). Домъ этотъ принадлежалъ торговымъ фабрикантамъ татарамъ Муртазѣ и Муксину Бурнаевымъ; дворъ легко могъ быть соединенъ съ Молостовскимъ и составить одно цѣлое. Домъ конечно былъ каменный, въ два этажа, имѣлъ и флигель; комнаты въ немъ и подвалы внизу были со сводами, все было крѣпко, «все дѣлано на прочную татарскую стать», по выраженію Яковкина. Бурнаевы просили за него 11 тысячъ рублей; вытребованы были изъ магистрата присяжные оцѣнщики, признавшіе просимую цѣну невысокою. Домъ былъ купленъ очень скоро; немедленно началась въ немъ поправка печей и половъ, а въ верхнемъ этажѣ временно помѣстился профессоръ Эвестъ.

Это былъ послѣдній домъ, купленный при первомъ попечителѣ въ виду открытія университета и отдѣленія отъ него гимназіи. Мы уже знаемъ какія требованія для помѣщенія университета ставилъ Румовскій; конторѣ слѣдовало сообразоваться съ ними, хотя онъ и предоставлялъ ей право отклоняться въ незначительныхъ случаяхъ отъ нихъ, если того требовала необходимость, но онъ слѣдилъ за всѣми подробностями построекъ и перестроекъ и разсматривалъ въ Петербургѣ планы и эскизы. Въ бытность свою въ Казани, Румовскій познакомился съ губернскимъ архитекторомъ Шелковниковымъ, поручалъ ему осмотръ продаваемыхъ домовъ, просилъ его заключенія, и Шелковниковъ же первоначально составлялъ планы и эскизы перестройкамъ. Главный надзоръ надъ начавшимися постройками порученъ былъ ему. Но Шелковниковъ былъ занятъ много своими прямыми обязанностями, часто уѣзжалъ съ губернаторомъ въ уѣздные города для наблюденія за казенными постройками (тогда происходила усиленная стройка казаматовъ, казначейскихъ кладовыхъ и присутственныхъ мѣстъ). Были и другіе недостатки у Шелковникова, свойственные искони архитекторамъ: для подрядчиковъ и рабочихъ, по всѣмъ производимымъ имъ казеннымъ сооруженіямъ и подрядамъ, при выдачѣ денегъ за исполненное, предстояли постоянно крайне запутанныя, затруднительныя и обидныя хлопоты, проволочки и задержки въ полученіи денегъ, почему подрядчики и рабочіе не имѣли къ нему никакого довѣрія; они говорили Яковкину, что при постройкахъ подъ надзоромъ Шелковникова, и въ томъ случаѣ, если деньги придется получать чрезъ посредство и рекомендацію Шелковникова, они не согласятся взяться за подрядъ и въ полтора раза дороже противъ обыкновеннаго. Наблюдательному директору не нравилось кромѣ того въ Шелковниковѣ и «провождаемый имъ образъ жизни, доказываемый увеличившеюся втрое противу прежняго толстотою тѣла и безпрестанною опухловатостью лица».

частаго посѣщенія работъ отъ Шелковникова нельзя было требовать и Яковкинъ очень скоро нашелъ ему помощника въ своемъ знакомомъ, губернскомъ секретарѣ Смирновѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ постоянно на работѣ и при строильныхъ подѣлкахъ. Вотъ какъ онъ рекомендовалъ этого строителя попечителю: «Смирновъ былъ учителемъ архитектуры и рисованія въ бывшей Казанской гимназіи, по уничтоженіи коей въ 1788 году, принятъ въ Московскій университетъ по удостоенію конференціи на классъ гражданской архитектуры; въ 1794 году опредѣленъ по желанію своему въ Нижній Новгородъ губернскимъ архитекторомъ, а въ 1804 году отъ оной должности по прошенію своему уволенъ и живетъ теперь въ Казани съ сродственниками своими. Бѣдность его доказываетъ доброту души его и безкорыстіе, а тихій характеръ поневолѣ привлекаетъ къ нему особенное расположеніе» (2 мая 1805 г.). Яковкинъ просилъ попечителя назначить Смирнову жалованье до 250 рублей съ небольшою казенною квартирою. Очевидно Смирновъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Яковкину; онъ могъ на него положиться и Румовскій согласился принять его на службу на указанныхъ условіяхъ. Планы, составленіе смѣтъ и надзоръ за работами были поручены ему, хотя Шелковниковъ имѣлъ общее наблюденіе. Когда же пришло время устроивать общее большое зданіе для университета, оказалось, что Смирновъ для этой цѣли не годится и уже въ концѣ 1807 года Яковкинъ писалъ другое о немъ: «Въ разсужденіи неминуемо долженствующихъ быть строеній университетскихъ, необходимо нуженъ также и *надежный архитекторъ* особливый, потому что губернскій, будучи занятъ и безъ того много, долженъ еще отлучаться по городамъ; на одного же Смирнова, по нерасторопности его и нерѣшительности, никакъ положиться въ важномъ зданіи не можно, что я утвердительно могу донести, а всякій ли здѣшній начальникъ можетъ быть предполагаемъ довольно свѣдущимъ по части архитектуры, и особливо въ цѣнахъ и добротѣ матеріаловъ? Сверхъ того, при самомъ началѣ приготовленій къ зданію, необходимо нужно будетъ учредить особый *строильный комитетъ* изъ членовъ университета». По штатамъ 1804 года архитектору при университетѣ полагалось жалованья 450 рублей. Яковкинъ просилъ о назначеніи такого и предполагалъ еще поручить ему классы архитектуры и гидравлики въ гимназіи (по положенію Павла I), за что назначено 350 рублей и кромѣ того казенная квартира съ дровами. «На оба соединенныя оныя жалованья можетъ согласиться и надежный архитекторъ, не говоря уже о томъ, что онъ можетъ еще пріобрѣтать со стороны отъ частныхъ людей». Но при Румовскомъ такого архитектора при университетѣ не оказалось, строильнаго комитета обра-

зовано не было, а потому можетъ быть и университетское зданіе существовало только въ видѣ проектовъ и предположеній. Да и самые проекты эти составляются и представляются медленно «по причинѣ безпечности и неисправности» Смирнова. «Человѣкъ сей совершенно опустился, пишетъ о немъ Яковкинъ, такъ что для соблюденія порядка лучше будетъ съ нимъ совсѣмъ распрощаться» (26 ноября, 1807 г.) и съ этого времени поручаетъ снимать планы племяннику своему, учителю гимназіи Яковкину. Строить съ Шелковниковымъ въ виду того, что было высказано о немъ, значило «попустить все строеніе наудачу», по словамъ Яковкина, въ Казани же не было никого, кто бы могъ замѣнить Смирнова; былъ правда одинъ итальянецъ по фамиліи Дель-Медико, чиновникъ въ почтамтѣ, человѣкъ молодой и дѣло свое довольно хорошо знающій, но именно въ это время онъ перемѣстился въ Оренбургъ въ губернскіе архитекторы. Пришлось удовлетвориться старымъ и больнымъ Смирновымъ, какъ бы ни былъ онъ плохъ и какъ ни далеки были отъ дѣйствительности планы и смѣты, имъ составляемые; Шелковниковъ же умеръ въ октябрѣ 1809 года и Яковкинъ представлялъ попечителю о прикоммандированіи въ помощь къ нему инспектора Петровскаго, «какъ достаточно знающаго архитектуру», подъ особеннымъ присмотромъ члена конторы. Этимъ членомъ конторы былъ онъ самъ и въ такомъ видѣ и существовало во все время попечительства Румовскаго нѣчто въ родѣ комитета, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ разумѣется директоръ.

Первая постройка, и ближайшая къ прежней гимназіи, была перестройка уже воздвигнутыхъ стѣнъ *манежа* въ жилыя помѣщенія, что вызывалось, какъ мы видѣли, необходимостью. Работы начались съ апрѣля 1805 года копаніемъ рвовъ для фундамента внутреннихъ стѣнъ и архитекторъ Шелковниковъ, въ своемъ донесеніи конторѣ, доказывалъ, какъ мы упоминали уже, что стѣны манежа выдержатъ предполагаемую надстройку и что онъ, съ своей стороны приметъ всевозможныя мѣры для прочности строенія, но тотчасъ же оказалось, что самому ему нѣтъ времени наблюдать за работами. За то для Яковкина открылось тутъ въ первый разъ новое поприще для дѣятельности; живя по сосѣдству въ гимназіи, онъ надзиралъ самъ и безпрестанно являлся на стройку, принимая въ ней непосредственное участіе и выказывая свои хозяйственныя способности. Такъ ему удалось хитростью увеличить мѣсто, гдѣ воздвигался манежъ. Контора, подъ предлогомъ сохраненія матеріаловъ, просила у губернатора позволенія обнести вблизи манежа часть городскаго мѣста и построить для рабочихъ два балагана, что и было разрѣшено. «Настоящая же причина сего поступка, писалъ Яковкинъ, та, чтобъ со

временемъ, не трогая столбовъ забора и четырехъ между ними бревенъ (потому что далѣе кверху забрано будетъ горбылями), на томъ же основаніи вмѣсто горбылей сдѣлать заборъ рѣшетчатый, а притомъ и мѣсто для двора выиграется самое пространное. Подъ видомъ же балагановъ построены будутъ въ линію двѣ четырехсаженныя связи, кои послѣ послужатъ для профессорскихъ кучеровъ и другихъ надобностей избами, имѣющими достаточный дворъ». Этими «мнимыми балаганами», какъ онъ называлъ свою выдумку, Яковкинъ очень гордился, пріобрѣтая этою продѣлкою даромъ для двора манежа болѣе тринадцати саженъ длины во всю длину всего мѣста, хотя и долженъ былъ изъ за нихъ выдержать ссору съ полиціей, такъ какъ этою самовольною прирѣзкою линія, слѣдовавшая по Высочайше конфирмованному плану, отодвигалась направо и онъ такимъ образомъ нарушался.

Завѣренія архитектора о прочности прежнихъ стѣнъ манежа оказались однако несоотвѣтствующими дѣйствительности. При самомъ началѣ работъ явились «происшествія по строенію непріятныя и неожиданныя». Манежъ строился кой-какъ. «При отрываніи земли отъ фундамента усмотрѣно, что ровъ не во всѣхъ мѣстахъ рытъ былъ до материка, который есть твердый суглинокъ, но во многихъ заложенъ фундаментъ на насыпи, индѣ болѣе аршина въ глубь простирающейся. При закладываніи прежняго фундамента ни мало не старались заливать его порядочно известнымъ растворомъ, а набросаны только просто каменья со щебнемъ; пустоты же буту оказались наполнены льдомъ, который открытъ будучи дѣйствію теплаго воздуха, таялъ, отчего фундаментъ и опускался и отпадалъ». Несмотря на поспѣшность, съ которою строили внутреннюю стѣну, образовались сначала двѣ, а потомъ и еще одна трещины въ капитальной стѣнѣ, возведенной уже до цоколя, а 26 мая цѣлая четверть стѣны вся вдругъ свалилась сама собою въ погреба, разломавъ выведенные въ нихъ уже до сводовъ простѣнки, такъ что едва могли спастись работавшіе въ погребахъ каменьщики. Рѣшено было разломать всю стѣну до подошвы и повести ее съ материка снова. Это конечно стоило новыхъ расходовъ и архитекторъ исчислялъ ихъ въ 500 рублей. Прежній манежъ былъ срытъ до основанія; работа началась снова и продолжалась быстро, не смотря на то, что въ землѣ, оставленной къ дому Молоствова, появились также пугавшія Яковкина и идущія до самаго фундамента трещины, такъ что онъ долженъ былъ провести всю ночь на стройкѣ. До осени 1805 года вся каменная работа была кончена, выстроены стропилы и поднята крыша; съ весны 1806 года началась штукатурка, а къ осени она, печная

*

и плотничья работы были совершенно кончены, оставалось только отбѣлить строеніе внутри и снаружи и заняться внѣшними лѣпными украшеніями, которыя особенно нравились Яковкину, какъ и вообще парады всякаго рода. Явились наконецъ и эти украшенія. Подъѣздъ обставленъ былъ четырьмя небольшими колоннами; на нихъ возвышался балконъ, а въ срединѣ, во второмъ этажѣ, венеціанское окно съ фронтономъ. Этотъ фронтонъ и балконъ подъ нимъ казались Яковкину «слишкомъ просты и наги» и они украсились лѣпною работою: «медальонами и арматурою, приличною ученому мѣсту, представляющею генія съ глобусомъ, ландкартами, книгами и математическими инструментами». Эти лѣпныя украшенія стоили не дороже 150 рублей. Все мѣсто окружено было рѣшетчатымъ заборомъ, что придавало красоту зданію, «да и гимназіи обнесенная предъ нею площадь придаетъ лучшій видъ». Были насажены липки, на двѣ сажени вдоль подлѣ рѣшетчатаго забора; онѣ окружали стоявшіе и прежде здѣсь на площади солнечные часы и тянулись внизъ по горѣ аллеею. Къ осени зданіе было окончено, и въ октябрѣ 1806 года въ нижній этажъ его была уже изъ гимназическаго зданія перемѣщена типографія. Постройка однако стоила значительно дороже, чѣмъ прежде предполагалось: одного кирпичу, вмѣсто назначенныхъ по смѣтѣ 480 т., до окончанія работъ пошло 800 т. и соразмѣрно съ тѣмъ также извести, песку и работы; *мнимые* балаганы и бревенчатый заборъ стоили тоже не дешево; оказывался недостатокъ въ строительной суммѣ и Яковкинъ еще въ іюнѣ спрашивалъ попечителя изъ какой суммы повелѣно будетъ замѣнить этотъ недостатокъ. Къ концу года не былъ представленъ счетъ всѣмъ издержкамъ сверхъ первоначальной смѣты, да и былъ ли онъ потомъ повѣренъ кѣмъ либо, не видно: контрольной палаты въ то время не существовало. По окончаніи работъ Яковкинъ нашелъ однако нужнымъ ходатайствовать предъ попечителемъ о награжденіи лицъ, такъ или иначе принимавшихъ участіе въ перестройкѣ манежа. Шелковникова, который какъ мы видѣли, былъ постоянно въ отлучкѣ, за его участіе по должности архитектора въ отводѣ земли подъ «мнимые» балаганы и пустырей городскихъ позади гимназическаго и купленныхъ подъ университетъ домовъ, онъ представлялъ, по его желанію, не къ денежной наградѣ, а къ слѣдующему чину; онъ указывалъ именно «награжденіе чиномъ (онъ нынѣ губернскимъ секретаремъ), а не деньгами,—не деньгами!, коими видно со времени своего въ Казань пріѣзду запастись уже имѣлъ время и способы»: архитектора Смирнова, по его бѣдности къ 100—150 рублямъ; казначея Баннера, за его усердіе при покупкахъ къ 75 рублямъ; строиль-

наго офицера Ларіонова, завѣдывающаго матеріалами къ 50 рублямъ и пр. [1]).

Самою важною изъ предпринимаемыхъ перестроекъ, въ виду отдѣленія гимназіи отъ университета и открытія послѣдняго, должно было быть приспособленіе уже пріобрѣтенныхъ для гимназіи домовъ подъ ея помѣщеніе. Но сдѣлалось это не вдругъ и предпринятыя перестройки, по разнымъ обстоятельствамъ измѣнявшіяся въ первоначальномъ планѣ, продолжались нѣсколько лѣтъ. Сначала полагали ограничиться только Молоствовскимъ и Бурнаевскимъ домами, въ томъ видѣ, какъ они были куплены и сдѣлать лишь немногія передѣлки, больше внутри, для чего составлена была недорогая смѣта и заготовлены были матеріалы, чтобы начать передѣлки съ весны 1807 года; изъ пристроекъ самыми капитальными казались обращеніе конюшни въ жилыя комнаты, каретника въ столовую и коровника въ кухню, при чемъ разсчитывали еще воспользоваться старымъ кирпичомъ. Въ Молоствовскомъ домѣ, какъ мы видѣли, въ январѣ этого года помѣщался временно князь Долгорукой, а послѣ него сенаторъ И. И. Дмитріевъ, ревизовавшій Вятскую губернію. По отъѣздѣ послѣдняго началась уборка дома. Матеріаловъ должно было пойти всего— 30 т. кирпича и извести-кипѣлки двѣ сажени, а подряды съ каменьщикомъ заключены значительно дешевле смѣты. Предполагая начать работы тотчасъ послѣ Пасхи, Яковкинъ разсчитывалъ все приготовить для отдѣленія гимназіи къ августу мѣсяцу, но вышло иначе.

Встрѣтились затрудненія въ рабочихъ каменьщикахъ. Въ тотъ годъ въ Казани производилось много построекъ, особенно казенныхъ; рабочихъ недоставало и тѣхъ, которые на лодкахъ приплывали въ разливъ, случалось, насильно забирали на работу въ Пороховой заводъ. Но матеріалы Яковкинымъ были уже заготовлены; ихъ возили съ гимназическаго двора, и работа подвигалась, хотя очень скоро предполагаемое размѣщеніе воспитанниковъ и классовъ въ домахъ Молоствовскомъ и Бурнаевскомъ должно было измѣниться;

---

[1]) Въ этомъ домѣ, который перемѣнилъ свое прежнее названіе *манежа* и назывался *типографскимъ*, помѣщалась до 1832 года университетская типографія. Но уже съ 1815 года въ верхнемъ этажѣ стала помѣщаться клиника, первоначально состоявшая только изъ четырехъ кроватей (до 1815 года клиники вовсе не существовало). Съ постепеннымъ расширеніемъ клиники, домъ этотъ съ 1828 года стали приспособлять исключительно для нея, а типографія въ 1832 году была выведена въ занятый по найму частный домъ; въ 1838—1840 годахъ домъ этотъ былъ совершенно перестроенъ въ настоящее зданіе клиники. См. *Фойгта К.*, Отчетъ Казанскаго университета за 17 лѣтъ (1827—1844—Попечительство Мусина-Пушкина). Казань. 1844. 8°. Стр. 195—201, 239).

вмѣсто послѣдняго дома рѣшено было занять Великопольской, какъ обширнѣйшій. Работы по перестройкѣ и внутренней отдѣлкѣ осенью этого года были дѣйствительно почти кончены. На зимнюю вакацію Яковкинъ уже располагалъ перевести гимназистовъ въ дома Молоствовской и Великопольской, о чемъ доносилъ попечителю, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ и разсчисленіе, какимъ образомъ раздѣлить на двѣ половины одно прежнее хозяйство, какихъ служащихъ оставить при университетѣ и какихъ перевести вмѣстѣ съ воспитанниками въ гимназію. По смѣтѣ первоначально предполагаемыя передѣлки стоили 5974 рубля 35 коп.; отъ этой суммы были остатки, но сверхъ смѣты, съ утвержденія попечителя, были произведены и другія работы: битье свай подъ угловую столовую, рытье колодца, перекрышка крыши Бурнаевскаго дома и пр. Конторѣ эти расходы были неизвѣстны, и Яковкинъ особымъ предложеніемъ напомнилъ ей о томъ и о соизволеніи на нихъ попечителя *изъ предосторожности*, какъ онъ выражался: «поелику что только находилъ необходимо нужнымъ, то все старался всегда заблаговременно исправлять; но не рѣдко ли случается, что и за самое чистое патріотическое усердіе подвергаютъ отвѣту чиновниковъ по дѣламъ заслуживающимъ паче признательность начальства. Удостойте, в. п., милостиво простить сему моему, можетъ быть и напрасному, сомнѣнію! Цѣль моего служенія предъ в. п. совершенно открыта, но бываютъ минуты, въ кои готовъ бываю лучше нижайше просить объ увольненіи, нежели воображать, чтобъ подвергнуться каковому либо отвѣту или нареканію» (15 окт. 1807 года).

Несмотря на сдѣланныя пристройки, помѣщеніе для гимназіи въ Молоствовскомъ домѣ и въ двухъ сосѣднихъ, Великопольской и Бурнаева, оказывалось недостаточнымъ. О скоромъ отдѣленіи гимназіи и о переводѣ ея перестали думать и въ то уже время, когда работы были закончены, въ головѣ Яковкина созрѣлъ новый планъ расширенія Молоствовскаго дома въ гораздо большихъ размѣрахъ. Мѣсто позволяло увеличить его ровно вдвое: фасадъ имѣлъ 13 саж. длины и столько же пространства оставалось до ограды Воздвиженской церкви, гдѣ уже, съ разрѣшенія архіерея, была сдѣлана калитка для ближайшаго прохода воспитанниковъ на церковныя службы. Этотъ новый планъ, увеличивавшій гимназическое зданіе вдвое, и смѣты работъ были, съ согласія попечителя, составлены въ началѣ слѣдующаго 1808 года и представлены на его утвержденіе. Время и политическія обстоятельства были въ то время неблагопріятны для значительныхъ тратъ на министерство народнаго просвѣщенія и для отпуска новыхъ суммъ на постройки, несмотря на миръ, заключенный въ Тильзитѣ. «Новая война заставляетъ теперь отложить всѣ но-

выя начинанія, писалъ изъ Петербурга Румовскій (31 окт. 1807 года, № 565), и ничего болѣе не остается дѣлать, какъ блюсти то, что пріобрѣтено и учащимъ въ молчаніи помышлять о наставленіи, а учащимся о пріобрѣтеніи высшихъ знаній. Вы видите изъ вѣдомостей, что все вниманіе теперь обращается на воинство и на дѣла военныя. Аглинской министръ оставилъ уже Петербургъ, а французскаго со дня на день ожидаютъ. По симъ обстоятельствамъ не совѣтую думать о новыхъ зданіяхъ, но только объ окончаніи начатыхъ, и именно домовъ для гимназіи назначенныхъ. Хотя мною и предписано, чтобы перестройка оныхъ не превышала 5972 р. 35 к., но какъ впослѣдствіи за полезное было признано сдѣлать нѣкоторыя прибавки, то само по себѣ разумѣется, что полагаемая смѣта вѣрна быть не можетъ и ее исправить невозможно, почему вы справедливо называете сумнѣніе ваше напраснымъ».

Какъ ни сильны были препятствія, указанныя попечителемъ, очевидный недостатокъ помѣщенія въ купленныхъ для гимназіи домахъ повелъ къ перепискѣ о такъ называемой *большой пристройкѣ*, стали составляться смѣты и исчислялись суммы, которыми можно было располагать. По разсчету Яковкина, сдѣланному еще въ декабрѣ и по соображенію экономическихъ суммъ гимназіи и университета «безъ всякой нужды и опасности можно будетъ приступить къ большой корпусной пристройкѣ, предполагая ,однако, во избѣжаніе передачи, заготовлять матеріалы предварительно и въ свое время» (мѣста для склада ихъ на дворахъ и пожалованныхъ пустыряхъ было очень достаточно). «Только къ такому большому строенію съ хилымъ Смирновымъ приступить не осмѣлюсь». Очень много и кажется прежде прочаго хлопотали о внѣшности, о красивомъ фасадѣ съ куполомъ, предназначаемомъ для обсерваторіи; фасадъ этотъ сохранился и въ настоящее время почти въ первоначальномъ своемъ видѣ. Но чтобы фасадъ этотъ былъ совершенно правиленъ и входныя двери главнаго на улицу подъѣзда приходились какъ разъ по срединѣ обѣихъ половинъ зданія, необходимо нужно было для соблюденія симметріи просить у преосвященнаго позволеніе податься на сажень въ ограду къ алтарю Воздвиженской церкви и Яковкинъ разсчитывалъ на доброе къ нему расположеніе владыки. Вопросъ объ этой сажени разсматривался въ консисторіи, и съ соизволенія преосвященнаго сдѣлана была уступка ея отъ церковной ограды, хотя потомъ, когда уже стали рыть фундаментъ, «кляузникъ воздвиженскій священникъ и поклепалъ насъ, пишетъ Яковкинъ, двумя аршинами церковной земли сверхъ данной намъ сажени». Въ отношеніи Румовскаго къ архіепископу Казанскому и Симбирскому Павлу (отъ 16 марта 1808 г. № 171),

въ которомъ онъ благодаритъ его за благосклонную уступку церковной земли, мы встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя слова: «Благотвореніе ваше по истинѣ заслуживаетъ должную благодарность не токмо отъ гимназіи и обучающагося въ ней юношества, но и отъ самихъ родителей, которыхъ дѣти въ семъ заведеніи образуются; но неуповательно, чтобы мысль сія пришла кому либо изъ нихъ въ голову. Ибо между тѣмъ, какъ въ другихъ губерніяхъ дворянство и другія сословія, соотвѣтствуя мудрымъ и попечительнымъ намѣреніямъ монарха, продолжаютъ дѣлать въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній знатныя приношенія, казанское общество смотритъ на сіе съ хладнокровнымъ вниманіемъ, и въ теченіе управленія моего Казанскимъ университетомъ, смѣю сказать, Ваше Высокопреосвященство, явили первый опытъ великодушнаго пожертвованія, достойный подражанія».

Убѣдившись изъ увѣреній Яковкина, что одной экономической суммы на эту большую пристройку будетъ достаточно и что пристройка, равная дому Молоствова, необходима, Румовскій не вдругъ однако рѣшился ходатайствовать о ней передъ министромъ. Донося ему о состояніи университетскихъ и гимназическихъ домовъ, для приспособленія которыхъ въ теченіе трехъ почти лѣтъ сдѣлано было такъ мало, онъ писалъ о себѣ: «Ежели распоряженія мои недостойны благоволенія вашего сіятельства, то всенижайше прошу несовершенство ихъ приписать не недостатку моего раченія и усердія, но недостатку средствъ и преклонности моего вѣка и умаленію силъ моихъ какъ душевныхъ такъ и тѣлесныхъ. Счастливы прочіе предо мною господа попечители, которымъ для устроенія университета и для окончанія другихъ учебныхъ заведеній всевозможныя отпущены были вспоможенія» (3 янв. 1808 г. № 5). Министръ однако, согласно сдѣланному имъ докладу, разрѣшилъ эту пристройку, тѣмъ болѣе, что зданіе предполагалось выстроить въ два года и только изъ экономической суммы. Для лучшей гарантіи Румовскій предписывалъ Яковкину, чтобы при стройкѣ онъ взялъ себѣ въ помощь кого либо изъ гимназическихъ учителей, обѣщая ему за то особое вознагражденіе и чтобы подряды производились непремѣнно въ конторѣ. Изъ двухъ представленныхъ на утвержденіе фасадовъ, одного со впадиной по срединѣ и другого безъ нея,—онъ выбралъ послѣдній. Смѣта, составленная на пристройку, провѣренная инспекторомъ Петровскимъ и учителемъ Яковкинымъ (племянникомъ) и представленная попечителю, заключала въ себѣ расходу до 39 тысячъ рублей, «сумма конечно имѣющаяся еще убавиться, писалъ Яковкинъ, по причинѣ назначенныхъ на все самыхъ высокихъ цѣнъ». Какъ составлялись въ то отдаленное отъ насъ время эти строитель-

ныя смѣты, незащищаемыя какъ теперь въ своемъ абсолютномъ достоинствѣ ни урочнымъ положеніемъ, ни справочными цѣнами, доставляемыми городской управой, ни одобреніемъ строительнаго отдѣленія губернскаго правленія, можно видѣть изъ замѣчаній на нихъ, сдѣланныхъ попечителемъ: «Удивительно, что цѣна на матеріалы и въ Казани такъ возвысилась. Въ прошломъ году и здѣсь за 1000 кирпичей не платили болѣе 12 и 13 рублей. По смѣтѣ строеніе будетъ стоить около 39 тысячъ, но число сіе должно убавить, для того, что 800 четырехсаженныхъ досокъ будутъ стоить 680, а не 6800 рублей, за доски браку поставлено 1750 р., а должно быть только 175, и такъ сумма въ счетѣ показанная убудетъ 7 тысячами. Алебастру показано 100,000 пудовъ, но и 10,000 пудовъ количество было бы необъятное; тоже самое можно сказать о проволокѣ на печи». Считая количество кирпичей, извести и песку, показанное въ смѣтѣ и математически исчисляя кубическое содержаніе стѣнъ, Румовскій доказывалъ, что въ смѣтѣ этого матеріала указано вдвое больше, чѣмъ нужно. «Сіе замѣчаніе дѣлаю я, писалъ Румовскій (16 марта 1808 г. № 174) наипаче въ томъ намѣреніи, чтобы пріемщики матеріаловъ не вздумали иногда попользоваться и показать въ пріемѣ больше нежели въ самой вещи будетъ ихъ принято»... «Равномѣрно и число бревенъ четырехсаженныхъ на накаты черныхъ половъ, потолковъ, переводовъ и перегородокъ—2200 такъ велико, что изъ нихъ можно построить деревянный домъ величиною равный строющемуся» (11 мая, 1808 г. № 278). Всѣ замѣчанія Румовскаго были приняты Яковкинымъ и конторою къ свѣдѣнію; оправдывались торопливостью и неповоротливостью старика Смирнова; оказывалось, что въ представленной смѣтѣ были пропущены нѣкоторыя работы и все же исправленная смѣта сбавлена была съ 39 на 34 тысячи. Эта смѣта, по полученіи новой оцѣнки на матеріалы, была еще разъ исправлена и расходу снова полагалось болѣе 38 тысячъ, т. е. Яковкинъ стоялъ за прежнюю оцѣнку, доказывая и убѣждая попечителя, какъ выгодно, сравнительно съ другими вѣдомствами, пріобрѣталъ онъ матеріалы: кирпичъ, бревна, песокъ и проч. Онъ отрицалъ свой личный произволъ на торгахъ съ подрядчиками и поставщиками. «Главные и большіе подряды всегда производились донынѣ въ конторѣ, а только встрѣчавшіяся и нетерпѣвшія никакой медленности обстоятельства рѣшимы бывали мною, да и тѣ всегда съ особливою запискою подряда, подрядчика и условій—въ конторѣ же; различались отъ прочихъ только тѣмъ, что производились безъ контракта на письмѣ и безъ выдачи денегъ напередъ (залоговъ слѣдовательно вовсе не было), а выдавались онѣ по моему приказанію, смотря по успѣхамъ работы» (4 февраля

1808 г.). Матеріалы всегда заготовлялись заранѣе, въ болѣе удобное для того время, когда было выгоднѣе покупать, а не доставлялись подрядчиками на работы, какъ теперь. «По сей причинѣ поставлялъ я себѣ всегда правиломъ, писалъ Яковкинъ (2 іюня, 1808 г.), чтобы всякихъ матеріаловъ имѣть всегда подъ руками, какъ говорится, и въ готовности потребное количество: они всегда составляютъ наличный капиталъ, а устроеніе университета и гимназіи неминуемо имѣть ихъ обязываетъ. Ежели бы кто и вздумалъ на меня за то клеветать, то оправданіе всегда готово; а сверхъ того покупка, свидѣтельствованіе, выдача денегъ и употребленіе самое идутъ всегда по документамъ конторы по моимъ приказаніямъ, сообразно со встрѣчающимися нуждами, лишь бы только прихоти не отягощали совѣсть: а тамъ—есть Сердцевѣдецъ и Судія праведный, судяй комуждо не только по дѣламъ его но и по самымъ намѣреніямъ».

Пристройка должна быть кончена въ два года; можно было обойтись исключительно экономическими суммами, какъ гимназическою, такъ и университетскою; по новому счету Яковкина «вѣроятность усматриваемой экономіи» простиралась до 6500 р. Это успокоило попечителя и разрѣшеніе строить не замедлило. Работы каменная и плотничная могли быть окончены въ 1808 году и несмотря на то, Яковкинъ ручался, что если министръ непремѣнно пожелаетъ отдѣлить гимназію, то ее возможно будетъ размѣстить сначала въ купленныхъ домахъ, и безъ пристройки. Каменьщики явились въ началѣ мая мѣсяца, стали рыть фундаментъ, а 26 мая, по пропѣтіи молебна съ водоосвященіемъ, заложилась каменная кладка *новой гимназіи*. При рытьѣ фундамента, оказалось, что зданіе воздвигается отчасти на исторической уже почвѣ: найденъ былъ бутовый камень, щебень и множество костей и череповъ человѣческихъ; послѣдніе были снова зарыты на оградѣ Воздвиженской церкви. По преданію, существовавшему въ началѣ текущаго вѣка, во время стройки, на этомъ мѣстѣ былъ какой-то монастырь еще за долго до Пугачева.

Все лѣто и до самой глубокой осени, до заморозковъ, продолжалось строеніе новой гимназіи весьма дѣятельно и успѣшно, съ тѣми только препятствіями, что разсчеты о количествѣ матеріаловъ, нужныхъ при стройкѣ, оказывались невѣрными и матеріаловъ постепенно употреблялось больше, чѣмъ количество ихъ стояло въ смѣтѣ. Такъ, несмотря на то, что у Молоствова были каменные заборы на улицу и ограду церковную, разобранный кирпичъ которыхъ составлялъ экономію и долженъ былъ снова пойти въ дѣло, кирпича оказалось недостаточно. Трудно разобраться въ правдѣ этихъ показаній. Кирпичъ покупался дѣйствительно дешевле смѣтной цѣны

его, по 11 р. 50 к. за тысячу, «чѣмъ въ экономіи остается еще отъ каждой тысячи по 50 коп. противу смѣты, но за провозъ теперь не менѣе двухъ рублей съ полтиною платить должно по причинѣ страдной поры»—писалъ Яковкинъ (21 іюля, 1808 года). Въ августѣ уже оказывается недостатокъ въ строительной суммѣ и становится необходимымъ ассигновать еще; въ сентябрѣ опять тотъ же недостатокъ и потребовалась новая ассигновка въ 5000 рублей. Румовскій ассигновалъ только 3000 р., но этого было мало и контора, отчисливъ самовольно, для расплаты съ подрядчиками 1000 р., снова ходатайствовала о 3000 р. Спѣша окончаніемъ зданія къ зимѣ, чтобъ успѣть покрыть его крышей, для которой желѣзо экономическимъ образомъ покупалось у Макарья, Яковкинъ очень хлопоталъ о наружности, о украшеніяхъ, о томъ чтобъ зданіе имѣло внѣшній красивый видъ. Съ сожалѣніемъ разстался онъ съ идеею впадины по срединѣ фасада, на что не согласился Румовскій, но отстоялъ четверобочникъ, колонны при входѣ, напоминавшія прежнее зданіе гимназіи, гдѣ помѣщался теперь университетъ, и особенное вниманіе обратилъ на куполъ, возвышающійся на четверобочникѣ, назначаемый имъ подъ такъ называемую имъ обсерваторію, хотя Румовскій, какъ астрономъ, увѣрялъ его, что въ ней невозможно дѣлать астрономическихъ наблюденій. Сильно было также у Яковкина желаніе покрыть фальшивымъ мраморомъ залу, предназначаемую для торжественныхъ собраній, ссылаясь на дешевизну въ Казани алебастра «что хотя стоить будетъ 250 рублей дороже противъ обыкновенной штукатурки, но за то прочность и величественность замѣнятъ сію передачу». Припоминалась ему когда-то видѣнная имъ въ Петербургѣ роскошь столичнаго убранства и онъ хотѣлъ устроить нѣчто подобное и въ гимназіи, сообразуясь со средствами: «Думаю дать цвѣтъ голубой съ бѣлымъ, подобно аванзаламъ маскараднымъ въ Зимнемъ дворцѣ, что на Неву: но посмотрю, какой цвѣтъ обойдется дешевле» (10 ноября, 1808 г.). Мечты эти не осуществились однако: въ Казани мастера не нашлось, а выписанный подрядчикомъ изъ Москвы не пріѣхалъ. Къ окончанію же перестройки появился манифестъ отъ 2 февраля 1810 года и попечитель, ссылаясь на него, вовсе воспретилъ ненужную роскошь фальшиваго мрамора: «подобное украшеніе, писалъ онъ, прилично царскимъ чертогамъ, а не гимназіи». Ограничились по необходимости простою штукатуркою, стараясь придать ей «величественность, простоту и прочность» разными средствами, напр. полуколлонами, которыя «придадутъ болѣе величественности небольшому балдахину для портрета Государя Императора, предъ коимъ долженствуетъ быть поставлена каѳедра». «Справедливо, писалъ утѣшая себя Яковкинъ,

что украшеніе залы чѣмъ простѣе, благопристойнѣе и приличнѣе, тѣмъ величественнѣе оно будетъ казаться, да мы и помышляемъ только о самыхъ необходимыхъ прикрасахъ, потому что излишняя пестрота производитъ только отвращеніе».

Внутренняя штукатурка была оставлена до слѣдующаго года, какъ и предполагалось. Зданіе къ началу зимы было выведено вполнѣ, окна вставлены и крыша покрыта деревомъ, а фронтонъ желѣзомъ. Затрудненіе представлялъ только каменный четверобочникъ, но и его успѣли вывести, не смотря на рано начавшіеся морозы. Только куполъ не успѣли покрыть желѣзомъ при морозѣ въ 18°. Яковкинъ имѣлъ право гордиться быстротою работы. «Весьма тяжело было намъ 1 октября, по которое всѣ подрядчики нанимаютъ каменьщиковъ; но чванецъ елея довѣренности рабочихъ къ гимназіи еще тѣмъ болѣе наполняется, писалъ онъ, и теперь стоятъ на дѣлѣ 18 каменьщиковъ, когда другіе ни одного къ додѣлкамъ пригласить не могутъ, я надѣюсь достать ихъ и болѣе 20, дабы скорѣе вытянуть и четверобочникъ, да узрятъ благожелатели мои, какъ Господь помогаетъ въ добромъ намѣреніи и дѣлѣ. А почему, чувствую я, что не имѣю причины опасаться навлечь неудовольствіе и огорченіе Его Сіятельства графа Петра Васильевича» (6 окт. 1808 г.).

Произошелъ въ этомъ году и небольшой инцидентъ, имѣющій отношеніе къ стройкѣ. Строильный офицеръ (по штату гимназіи императора Павла, нѣчто въ родѣ экзекутора) Ларіоновъ, съ которымъ постоянно Яковкинъ ссорился и имѣлъ множество непріятныхъ, характерныхъ, какъ мы увидимъ, для времени исторій, но разстаться съ нимъ не могъ, донесъ попечителю, что квартирмейстеръ гимназіи пользуется для постройки своего дома казеннымъ лѣсомъ. Румовскій поручилъ Яковкину произвести слѣдствіе, которое и сдѣлано было казначеемъ и экономомъ, т.-е. близкими сослуживцами обвиняемаго. Въ самомъ невинномъ и уменьшительномъ, какъ кажется, видѣ представилъ Яковкинъ попечителю о случаѣ. Дѣйствительно квартирмейстеръ купилъ *маленькой домишко* за 125 рублей вмѣстѣ съ однимъ здѣшнимъ мелкопомѣстнымъ чиновникомъ, собственно только для пріѣздовъ послѣдняго, но *съ изряднымъ садикомъ* и строитъ онъ себѣ погребъ, для котораго и купилъ 50 *тонкихъ бревешекъ* за 15 рублей, что «не могши вскорѣ купить досокъ, взялъ онъ взаимообразно подъ росписку, и то съ вѣдома моего и Упадышевскаго четыре половыя трехсаженныя доски іюля 6 дня, кои опять ему и возвратилъ іюля 13 дня, *взявъ отъ него въ полученіи также росписку*, кои обѣ хранятся теперь у меня. И такъ весь доносъ Ларіонова оказался несправедливъ и основанъ единственно на какой-то злобѣ или зависти по безпокойному и свар-

ливому его характеру» (21 іюля). Этими объясненіями попечитель удовлетворился. «Вижу я, писалъ онъ, что казенный интересъ въ семъ случаѣ ничего не потерпѣлъ. Когда возвращены доски, то не было нужды ни брать, ни давать росписки. Онѣ теперь служатъ только доказательствомъ, что даваны были казенныя доски частному человѣку». Дѣло такъ и осталось, но что тогдашніе по хозяйству гимназіи чиновники жили безъ нужды, видно изъ того, что экономъ Лапшинъ, производившій слѣдствіе о доскахъ, какъ разсказываетъ Яковкинъ, велъ большую игру въ карты въ тогдашнихъ помѣщичьихъ домахъ Казани и разъ, выигравъ у помѣщика Колбецкаго 5 т. р., тотчасъ же оставилъ службу, чтобы сдѣлаться вполнѣ независимымъ пріобрѣтателемъ. Время съ тѣхъ поръ многое измѣнило.

Въ концѣ февраля слѣдующаго 1809 года начались въ зданіи строющейся гимназіи плотничныя работы, покрытіе желѣзомъ купола, штукатурка внутри и снаружи и отдѣлка внутренняя. Въ этомъ году часто въ перепискѣ попечителя съ директоромъ поднимался вопросъ о близкомъ отдѣленіи гимназіи отъ университета, а потому работы дѣятельно продолжались всю весну, лѣто и осень. Можно слѣдить по бумагамъ шагъ за шагомъ, изъ недѣли въ недѣлю, за этими работами, но едва ли это любопытно; характеръ работъ одинаковъ; тѣже препятствія раннею весною въ метеляхъ, въ морозахъ; тотъ же по временамъ недостатокъ денегъ; тѣ же жалобы на постоянно возвышающуюся дороговизну матеріаловъ; таже похвальба тѣмъ, что удалось купить то или другое дешевле, чѣмъ покупаютъ прочіе. Экономіи помогаютъ домашнія средства. Такъ, вмѣсто яри мѣдянки, для окраски крыши, пудъ которой стоилъ тогда слишкомъ сто рублей, было куплено пять пудовъ мѣдянки или синяго купоросу, называемаго въ Казани почему-то турецкимъ, по 20 рублей каждый и изъ него съ мыломъ, въ пропорціи послѣдняго 2 фунта на 1 фунтъ купороса, составлена рисовальнымъ учителемъ Колосовымъ, чрезъ вареніе, прочная зеленая краска, называемая въ Казани *мылянкою*. Все это очень патріархально, но такова была старина и таковы ея условія. Какъ бы то ни было осенью зданіе гимназіи было готово, за исключеніемъ незначительныхъ мелочей; въ началѣ ноября, для охраны его, Яковкинъ перевелъ въ службы при гимназіи семь инвалидовъ съ ефрейторомъ, а въ виду полученнаго въ декабрѣ мѣсяцѣ предписанія попечителя о предполагаемомъ отдѣленіи и переводѣ гимназіи въ будущемъ февралѣ, все зданіе отапливалось всю зиму.

Какъ опытный педагогъ, Яковкинъ позаботился также и о гигіенической сторонѣ новаго гимназическаго зданія. Казань постоянно, до вопровода устроеннаго въ 70-хъ годахъ, страдала отъ недо-

статка хорошей воды. Вода близкаго къ гимназіи Чернаго озера, заражающая и теперь весною и лѣтомъ зловоніемъ своимъ прилегающія улицы, была вполнѣ негодною и тогда, и по словамъ Яковкина «по вонючести и гнилости своей даже и на мытье половъ лѣтомъ не годится». Когда-то вода эта однако считалась самою лучшею въ Казани, но губернаторъ князь Мещерскій (1780—1792) перегналъ воду этого озера въ настоящую яму (озеро было на 70 саж. дальше), и она потеряла свои хорошія качества. Озеро Кабанъ было далеко, да и по глинистой почвѣ немощеныхъ улицъ, ѣздить за водою туда весною и осенью было крайне затруднительно, а потому большинство жителей пробавлялось болѣе или менѣе сносною водою изъ довольно многочисленныхъ колодцевъ. Съ согласія попечителя лѣтомъ 1807 года стали рыть колодецъ во дворѣ, принадлежавшемъ къ купленному для гимназіи Бурнаевскому дому. Этотъ дворъ, какъ и часть Молоствовскаго двора когда то были озеромъ, какими изобиловала Казань въ старые годы; они засыпались постепенно и многіе изъ казанскихъ старожиловъ помнятъ небольшія озера тамъ гдѣ теперь площади. Яковкинъ нашелъ старожила, который ловилъ рыбу въ этомъ озерѣ и вотъ почему въ 1861 году пристройка 1-й гимназіи въ переулокъ и смежные дома получили трещины, а зданіе Ложкинской богадѣльни чуть не разрушилось отъ опусканія насыпной почвы [1]). Всѣ казанскіе колодцы очень глубоки и этотъ, гимназическій рылся довольно долго съ разными препятствіями, но уже въ концѣ 1807 года къ изслѣдованію свойствъ его воды приступила наука въ тогдашнемъ ея состояніи. Знакомый намъ профессоръ Эвестъ дѣлалъ надъ нею нѣкоторые *химическіе* опыты. «Не имѣя колбъ (это профессоръ-то химіи), г. Эвестъ per reagentiam solummodo увѣрялъ, что на девятой сажени, когда онъ изслѣдовалъ воду съ наплавью, въ ней находилась англійская соль и чрезвычайно малая частица извести, также, по причинѣ неотстоявшейся воды, нѣкоторая часть глины». Нѣсколькими саженями ниже Эвестъ нашелъ въ ней «часть углекислаго газу, магнезіи, нѣсколько соляною кислотою растворенной, весьма малую частицу извести и случайно попавшейся глинистой земли». Изслѣдованія Эвеста подтвердилъ и казанскій аптекарь Зассъ, отъ котораго Эвестъ всегда пользовался снарядами для своихъ химиче-

---

[1]) См. *Казанскія Губернск. Вѣд.* 1861 года № 28. Авторъ статьи сообщающій въ ней о случаѣ, сильно напугавшемъ тогда Казанцевъ, разсказываетъ о разныхъ преданіяхъ и дѣлаетъ свои предположенія о трещинахъ, но не знаетъ положительнаго, приведеннаго нами факта о существованіи озера.

скихъ изслѣдованій. Словомъ вода этого колодца, по завѣренію Яковкина, «одна изъ самыхъ лучшихъ, чистѣйшихъ и здоровѣйшихъ водъ Казани». Осенью 1808 года поставленно было вертикальное ходовое колесо, «при помощи коего и ребятишки вытаскиваютъ бадьи въ восемь мѣрныхъ ведеръ» и устроенъ шатеръ съ крышею. На слѣдующій годъ однако пришлось отливать воду и чистить колодецъ [1]).

Другимъ гигіеническимъ предпріятіемъ Яковкина было устройство новой, пространной, въ двухъ отдѣленіяхъ (для здоровыхъ и больныхъ) деревянной бани, такъ какъ старая, татарская баня Бурнаевыхъ никуда не годилась. Яковкинъ надѣялся что «она обойдется многимъ дешевле противу смѣты, поелику многіе матеріалы заготовлены заблаговременно и дешевѣйшими цѣнами». Баня была выстроена въ 1809 году, крыта плоскою черепицею (первое зданіе съ такою крышею въ Казани), а вода была проведена въ баню желобьями изъ колодца.

Хлопоталъ очень Яковкинъ о куполѣ надъ зданіемъ гимназіи. Онъ постоянно называлъ его обсерваторіей и разсчитывалъ заинтересовать этимъ попечителя, какъ астронома. Судя по описанію, Румовскій не находилъ возможнымъ устроить въ самомъ куполѣ какую либо обсерваторію: «куполъ, писалъ онъ, долженъ быть устроенъ соотвѣтственный только строенію», но однако не противорѣчилъ затѣямъ Яковкина. Въ маѣ 1809 года осматривалъ однако этотъ куполъ Бартельсъ, и Яковкинъ пишетъ, что онъ весьма одобрилъ строеніе ея. Тогда же пріѣхалъ въ Казань для астрономическихъ наблюденій академикъ Вишневскій; его собирались также вести туда, но о его посѣщеніи намъ неизвѣстно. «Пріятно мнѣ было извѣстіе, что г. Бартельсъ похвалилъ внутренность обсерваторіи, пишетъ попечитель къ директору; прошу увѣдомить, что скажетъ г. Вишневскій. Онъ знаетъ Петербургскую обсерваторію и видѣлъ Берлинскую. Я предвижу напередъ, что онъ найдетъ въ ней недостатокъ, что не приняты мѣры для постановленія инструмента, l'instrument des passages называемаго. Но надобно знать, что сія обсерваторія не съ тѣмъ устроивается, чтобъ астрономъ-обсерваторъ безпрестанно

---

[1]) Мы не знаемъ, долго ли просуществовалъ этотъ Бурнаевскій колодецъ, но въ 30-хъ годахъ его не было и воду возили съ озера Кабана. Мы помнимъ легендарные разсказы о нѣкоторыхъ казенныхъ воспитанникахъ старшихъ классовъ, отличавшихся удалью и силою мышцъ, неизвѣстною современному поколѣнію. Они, чтобъ обмануть бдительный инспекторскій надзоръ, скрывались, по соглашенію съ служителями, въ пустыхъ бочкахъ изъ гимназіи, для любимой тогда и модной въ вѣкъ молодечества кулачной расправы на льду озера съ Татарами.

продолжалъ дѣлать наблюденія, а единственно для показанія какъ дѣлать наблюденія». Этимъ куполомъ восхищался Яковкинъ: «Изъ купола вышла самая просторная и веселая комната, писалъ онъ, такъ что осматривающіе посторонніе любуются». Въ самомъ дѣлѣ этому куполу подражали при нѣкоторыхъ постройкахъ въ Казани. Окна были сдѣланы такъ, какъ объяснялъ въ письмѣ своемъ Румовскій: «и каждое порознь стекло, и всѣ вмѣстѣ, и по нѣскольку могутъ быть отворяемы». Печка не могла быть устроена, потому что внутренность состояла изъ тонкихъ досокъ, но за то «со временемъ можно будетъ на ней изобразить небесное полушаріе по казанскому меридіану, на подобіе готторпскаго глобуса; но сіе зависѣть будетъ уже отъ самаго астронома». Все это были только мечты и изъ купола ровно ничего не вышло. Румовскій напомнилъ о необходимости устроить громовой отводъ и написалъ о способахъ этого устройства, но было поздно, стройка кончалась и «поелику дѣланіе отвода въ свое время пропущено, писалъ Яковкинъ, то ничего болѣе не остается, какъ предаться волѣ Божіей съ обыкновенными осторожностями». Но за то окончательная отдѣлка гимназіи успѣшно подвигалась. Уже въ іюлѣ 1809 года все было готово почти къ перемѣщенію гимназіи. Въ декабрѣ было получено предписаніе попечителя объ открытіи гимназіи въ февралѣ будущаго 1810 года, въ день основанія университета, но открытія однако не послѣдовало, годъ прошелъ и мы читаемъ въ теченіе его только окончательные разсчеты съ разными подрядчиками, видимъ заботы объ окончательной отдѣлкѣ, особенно объ убранствѣ залы. Лѣтомъ отпущено было еще 2000 рублей на покупку замковъ, шпингалетовъ, задвижекъ и пр. (классные столы и скамьи дѣлались на особую сумму). Если не удалась для залы затѣя фальшиваго мрамора, то плафонъ и стѣны ея были не только украшены лѣпною работою, но и раскрашены. «Залу новой гимназіи началъ рисовальный гимназіи учитель Флавіанъ Колосовъ раскрашивать изъ казенныхъ матеріаловъ, доносилъ Яковкинъ попечителю. На плафонѣ изображенъ будетъ балюстрадъ съ воздухомъ и двумя парящими орломъ и беркутомъ, въ когти коихъ со временемъ утвердиться должны двѣ повѣшенныя люстры; стѣны подведутся подъ видъ голубаго, а колонны и пилястры подъ видъ мясистаго мрамора. Сію работу обѣщаетъ окончить онъ къ Рождеству» (6 дек. 1810 г.). Почему на плафонѣ были изображены хищныя птицы и чего символами были онѣ—намъ неизвѣстно, да едва ли и самъ Яковкинъ могъ объяснить это.

Посмотримъ теперь какъ и когда казанская гимназія отдѣлилась отъ университета. Пресловутый вопросъ этотъ, рѣшеніе котораго связано было и съ устройствомъ особаго, удобнаго помѣщенія для

гимназіи и съ преобразованіемъ самой гимназіи, которую положеніе Павла I дѣлало совершенно особеннымъ учебнымъ заведеніемъ, не похожимъ на гимназіи, основываемыя при Александрѣ I, возникъ естественно при самомъ основаніи университета въ началѣ 1805 года и не рѣшался, какъ мы говорили уже, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ этого вопроса находилось и открытіе университета сколько нибудь въ полномъ видѣ, съ дѣятельностью факультетовъ, полнотою преподаванія и экзаменами на ученыя степени. Немногочисленные приглашенные въ Казань профессоры, русскіе и иностранцы, сами не знали цѣли и значенія своей спеціальности въ общей системѣ преподаванія; ихъ дѣятельность была и случайна и отрывочна. Что не отъ одного недостатка помѣщенія зависѣло рѣшеніе этого вопроса, видно изъ того, что и по окончаніи постройки новаго зданія гимназіи она все таки не переводилась въ назначенное ей помѣщеніе. Не зависѣло рѣшеніе этого вопроса и отъ недостатка доброй воли. Побуждаемый министерствомъ, Румовскій не могъ не желать болѣе скораго выдѣленія гимназіи изъ университета и открытія послѣдняго, тѣмъ болѣе, что это открытіе освобождало его отъ значительнаго количества дѣлъ, хотя бы по училищамъ, тяжесть которыхъ онъ чувствовалъ, въ своихъ очень преклонныхъ годахъ. Какъ ни выгодно казалось Яковкину самовластно управлять въ одно время и гимназіей и университетомъ, но и съ его стороны не могло быть придумано непреодолимыхъ препятствій къ отдѣленію гимназіи отъ университета: онъ не могъ не исполнить предписаній начальства, не могъ быть единственною и явною для всѣхъ помѣхою къ открытію университета. Какою бы злою ни представлялась эта воля его, она не могла быть достаточно сильною. Передъ нами одинъ только безспорный фактъ, что казанская гимназія положительно мѣшала скорѣйшему открытію университета и несчастною представляется намъ мысль тогдашняго министерства или попечителя Румовскаго открыть университетъ въ нѣдрахъ гимназіи, а не совершенно независимо отъ нея. Съ нею пришлось считаться и долго считаться. Мѣшала слѣдовательно открытію университета сила обстоятельствъ, независимая отъ воли.

Сначала Румовскій видѣлъ дѣйствительно препятствіе въ недостаткѣ профессоровъ; университетъ былъ имъ *основанъ* безъ преподавателей, но когда число ихъ понемногу стало увеличиваться, онъ думалъ о его открытіи, при перемѣщеніи гимназіи въ купленный для нея домъ Молоствова. Но уже въ концѣ 1807 года онъ писалъ Яковкину слѣдующее: «Изъ письма вашего отъ 5 ноября я вижу, что вы спѣшите отдѣлить гимназію отъ университета (Яковкинъ представлялъ планъ и соображенія предполагаемаго имъ размѣщенія

гимназіи съ ея казенными воспитанниками, классами, кабинетами, квартирами чиновниковъ и проч. въ купленныхъ для гимназіи домахъ), но сего такъ скоро, какъ желаете, сдѣлать невозможно по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ не послѣдняя состоитъ въ томъ, что новыя пристройки въ толь короткое время просохнуть не могли. Вторую причину полагаю я въ недостаткѣ мѣста для разныхъ чиновниковъ къ гимназіи принадлежащихъ (Здѣсь Румовскій входитъ въ разныя подробности касательно размѣщенія должностныхъ лицъ и раздѣленія хозяйства на двое)... Но главное затрудненіе въ отдѣленіи гимназіи отъ университета состоитъ: 1) что для гимназіи должно сочинить уставъ и представить на утвержденіе; 2) ежели уставъ сочиненъ и утвержденъ будетъ, какое дать имя рождающемуся университету по малому числу профессоровъ? И такъ, по мнѣнію моему, дотолѣ отдѣлить гимназію отъ университета не можно, покамѣстъ не наберется профессоровъ 12 или 16, чтобъ можно было составить четыре факультета и удовлетворить главнымъ, въ регламентѣ предписаннымъ требованіямъ» (2 дек. 1807 г. № 598). Со стороны министра повидимому высказывалось желаніе поскорѣе открыть университетъ. «Долгомъ почитаю васъ заблаговременно увѣдомить, писалъ попечитель къ Яковкину, что министръ народнаго просвѣщенія, сколько я изъ рѣчей его разумѣть могъ, будущимъ лѣтомъ прикажетъ гимназію отдѣлить отъ университета, однако я, сколько силъ моихъ будетъ, буду стараться удержать его отъ сего намѣренія» (12 февр. 1808 г. № 125). Тѣмъ не менѣе однако это, на словахъ высказываемое желаніе министра открыть университетъ, какъ мы видѣли, заставило Яковкина спѣшить пристройкою въ Молоствовскомъ домѣ, и онъ доносилъ о готовности его къ принятію гимназіи. Какъ никакое торжество въ ту эпоху ме могли обойтись безъ поэзіи, то Румовскій прислалъ въ Казань даже *кантъ*, приготовленный для открытія университета, сочиненный кѣмъ то изъ тогдашнихъ петербургскихъ піитовъ, знакомымъ ему. Попечитель поручалъ Яковкину приказать положить его «на ноту» и доставить ему. «Я бы желалъ, писалъ онъ, чтобы студенты и кандидаты, упражняющіеся въ словесныхъ наукахъ съ своей стороны постарались сдѣлать по канту, дабы изъ всѣхъ можно было выбрать лучшій» (19 окт. 1808 г. № 623). Такъ какъ петербургскій кантъ былъ положенъ на музыку [1]) и исполнялся въ самомъ дѣлѣ хорами при от-

[1]) Кантъ этотъ для хороваго пѣнія былъ положенъ на музыку первымъ учителемъ ея въ Казанской гимназіи Новиковымъ. Онъ упражнялъ въ пѣніи охотниковъ изъ гимназистовъ и студентовъ и очень желалъ остаться учителемъ пѣнія при открывающемся университетѣ. Это мѣсто ему и доставилъ

крытіи университета въ 1814 году, то мы приведемъ здѣсь его текстъ:

„Ликуй, Казань, словутый градъ,
Въ тебѣ наукамъ храмъ воздвигнутъ;
Веди въ него своихъ ты чадъ,
Да плодъ и пользу ихъ постигнутъ.

* * *

Какъ солнце землю озаряетъ
И твари всѣ животворитъ:
Такъ кроткій Александръ желаетъ
На всѣхъ Россіянъ свѣтъ пролить.

* * *

Подобнаго тебѣ не знаемъ,
Монархъ, достойный олтарей!
Отцемъ отечества дерзаемъ
Назвать,—но мало жертвы сей.

* * *

Простремъ къ Всевышнему моленье
Изъ нашихъ глубины сердецъ,
Да ниспошлетъ благословенье
И милость на тебя Творецъ.

* * *

Да будутъ всѣ твои совѣты
Согласны съ волею Его
И да не коснутся навѣты
Враговъ престола твоего“.

Согласно высказанному попечителемъ желанію и въ Казани учителемъ высшаго Россійскаго и геометрическаго классовъ и общества отечественной словесности при Казанской гимназіи членомъ Николаемъ Ибрагимовымъ также была сочинена кантата на открытіе университета, но она не была одобрена Румовскимъ: «Кантъ Ибрагимова, писалъ онъ, многимъ я показывалъ въ словесныхъ наукахъ упражняющимся, но никому не понравился» (14 янв. 1809 г. № 16). Этотъ кантъ былъ втрое пространнѣе присланнаго изъ Петербурга и не заключалъ въ себѣ ничего, кромѣ реторической амплификаціи. Приведемъ его начало.

„Сосѣдъ Европы и Асіи,
Питомецъ Волги искони,
Усыновленный градъ Россіи!
Вновь благость Неба... воспряни!“ и пр.

Яковкинъ. Партитура канта находится въ архивныхъ дѣлахъ и, очень можетъ быть, что устроители будущаго столѣтняго юбилея Казанскаго университета, руководясь идеею историческихъ концертовъ А. Рубинштейна, исполнять старую музыку этого канта, что будетъ любопытной реставраціей старины.

*

Весь 1809 годъ, начавшійся неудачнымъ кантомъ Ибрагимова, прошелъ въ толкахъ и перепискѣ по вопросу объ отдѣленіи гимназіи отъ университета, и Казань, на обращенное къ ней приглашеніе Ибрагимова—воспрянуть, не сдѣлала никакого движенія. На вопросъ попечителя о томъ: возможно ли будетъ, если не зимою этого года, то по крайней мѣрѣ будущимъ лѣтомъ отдѣлить гимназію и открыть торжественно университетъ, директоръ отвѣчалъ утвердительно, но его затруднялъ, какъ и прежде, вопросъ хозяйственный и будущее преобразованіе гимназіи, такъ какъ нельзя было ее оставить въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до сихъ поръ по положенію и штатамъ 1798 года. «Теперь нужно сочинить уставъ, примѣняясь къ уставу учебныхъ заведеній и къ прежнему уставу гимназіи», писалъ Румовскій (8 іюля 1809 г., № 395). Это дѣло сочиненія устава гимназіи затянулось. Румовскій поручалъ Яковкину сообщить свои мысли о томъ, что слѣдуетъ прибавить или убавить къ старому уставу и высказывалъ самъ свои взгляды и предположенія касательно измѣненій и множества чиновниковъ, существовавшихъ въ прежней гимназіи. Яковкинъ прежде всего и конечно съ своей точки зрѣнія, выгодной для него лично, заговорилъ объ увеличеніи штатной суммы «объ увеличивающейся съ году на годъ дороговизнѣ и съ нею купно трудности содержанія», а за тѣмъ, предвидя не безъ основанія, что открывающійся университетъ, самоуправляющійся по уставу 1804 года, выброситъ его изъ себя какъ человѣка вреднаго для успѣховъ образованія, навязаннаго университету слѣпымъ довѣріемъ попечителя и никогда не выберетъ его въ ректоры, доказывалъ, что «какъ гимназія сія (т. е. будущая) должна быть особеннымъ пріуготовленіемъ юношества для университета, *то необходимо нуженъ будетъ всегда и директоръ изъ профессоровъ*, дабы участвуя по университету, могъ тѣмъ лучше соображать нужды обоихъ заведеній и сближать ихъ къ общественной пользѣ» (26 іюля, 1809 г.). Съ этимъ Румовскій не согласился «потому что гимназія должна состоять въ вѣдомствѣ университета или, ближе сказать, училищнаго комитета, то весь университетъ долженъ пещися о взаимномъ сближеніи гимназіи съ университетомъ». Попечитель поручилъ Яковкину составить новый уставъ и штатъ пріуготовительной гимназіи въ Казани и онъ, «сообразуясь съ десятилѣтнимъ опытомъ и мѣстными обстоятельствами», дѣятельно занялся исполненіемъ порученія въ концѣ того же года. Изъ соображеній Яковкина впрочемъ ничего не вышло, дѣло откладывалось. «Гимназію не прежде въ новое строеніе перевести можно, писалъ попечитель, какъ когда министръ просвѣщенія или самъ Государь Императоръ утвердитъ ея уставъ», а время не благопріятствовало уже дѣлу о просвѣщеніи; первый пылъ

потухъ и всѣ были заняты политическими и военными обстоятельствами. Лично Румовскій желалъ теперь скорѣйшаго открытія университета; онъ разсчитывалъ въ ноябрѣ 1809 года пріѣхать въ Казань къ торжеству; для него уже приготовлялись комнаты въ домѣ Спижарной. «Ни единой почты не проходитъ, жаловался онъ въ письмѣ къ Яковкину (19 іюля 1809 г. № 419), чтобъ я, каждую почту получая пакетовъ 10 или 12, и на всякой почтѣ получаю откуда нибудь непріятныя извѣстія, или извѣстія о недостаткахъ въ училищахъ, коихъ за отдаленностью отвратить не въ силахъ. Когда Богъ поможетъ открыть университетъ, все сіе бремя ляжетъ на него и я буду поспокойнѣе». Любопытно, что толки о приближающемся открытіи университета и отдѣленіи отъ него гимназіи вызвали къ дѣятельности массу искателей мѣстъ. Много просьбъ и отъ пріятелей, и отъ постороннихъ представлялъ Яковкинъ въ Петербургъ; видно, что и тогда кандидатовъ на учительскія должности было достаточно (какого достоинства были эти кандидаты—вопросъ другой), но Румовскій отказывалъ, потому что число учителей въ гимназіи, по новому ея уставу, должно уменьшиться, а не увеличиться.

И 1810 годъ начался предположеніями о возможности открытія въ теченіе его университета. Въ этомъ году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, мѣсто стараго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго заступилъ болѣе молодой, но мало дѣятельный графъ А. К. Разумовскій. На первыхъ порахъ однакожъ управленія министерствомъ онъ интересовался дѣлами и Румовскій получилъ слѣдующее предложеніе: «По всѣмъ доходящимъ до меня свѣдѣніямъ заключаю я, что существующее на мѣстѣ управленіе Казанскимъ университетомъ ни мало не способствуетъ къ возведенію его въ цвѣтущее состояніе, а напротивъ подвергаетъ оной разстройству, что приписываютъ именно директору гимназіи Яковкину. Почетные посѣтители, обозрѣвавшіе университетъ по препорученію или изъ любви къ наукамъ и тамошніе обыватели отзываются съ невыгодной стороны о семъ чиновникѣ. По таковымъ уваженіямъ, для учрежденія управленія университетомъ и учебнымъ его округомъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, предпишите ваше превосходительство сословію профессоровъ Казанскаго университета избрать изъ нихъ ректора, установить раздѣленіе факультетовъ и сдѣлать выборъ въ деканы для каждаго изъ оныхъ; равно избрать членовъ въ правленіе университета, цензурный и училищный комитеты, словомъ распорядить все сообразно университетскому уставу, и представить мнѣ на утвержденіе (17 августа 1810 года, № 917).

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы разскажемъ о дѣйствіи этого министерскаго предложенія, о томъ какъ произошли въ Казан-

скомъ университетѣ первые выборы ректора и декановъ, что вышло изъ этихъ выборовъ, здѣсь же замѣтимъ, что предложеніе министра tranchait la question, какъ говорятъ французы. Университетъ долженъ быть открытъ, но гимназія все еще не отдѣлялась отъ нея и продолжала существовать вмѣстѣ съ нимъ и въ одномъ помѣщеніи. Нужно было только сдѣлать различныя распоряженія, которыя устранили бы затрудненія при раздѣленіи хозяйствъ. Яковкинъ съ своей стороны хлопоталъ объ обстановкѣ публичнаго собранія при открытіи университета, заказывалъ столъ для публичныхъ собраній, доски для вырѣзыванія дипломовъ и спрашивалъ попечителя что сдѣлать: «или одинъ завтракъ послѣ молебна и всей церемоніи, или балъ съ ужиномъ». Но университетъ однако и въ 1810 году не открылся, гимназія не отдѣлена отъ него, несмотря, на то, что помѣщеніе для нея было совершенно готово въ концѣ года. Яковкинъ бралъ на себя все это дѣло отдѣленія и устройства новой гимназіи. «Когда Господу угодно будетъ продлить мнѣ жизнь и здоровье, писалъ онъ, то я съ сердечнымъ удовольствіемъ пріемлю обязанность отдѣлить, устроить и образовать еще гимназію въ новомъ ея состояніи и дать всѣмъ частямъ надлежащее теченіе. Отъ должности директора я не дерзну просить увольненія прежде, нежели усмотрю и узнаю достойнаго благомыслящаго человѣка, который бы продолжалъ усовершать ея благосостояніе. Буди воля Всевышняго и судъ его надъ моимъ служеніемъ. И въ настоящемъ времени, можетъ быть (?), несу я, кромѣ профессорской, болѣе трехъ должностей, но «мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о невѣжествіяхъ моихъ. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ служенія моего при гимназіи признакомились ко мнѣ не только всѣ чиновники ея, но и посторонніе, даже изъ отдаленныхъ городовъ, а сіе весьма много дѣйствуетъ и на состояніе гимназіи».

Дѣйствительно Казанская гимназія несмотря на то, что въ сосѣднихъ губернскихъ городахъ и въ Сибири открылись свои гимназіи, пользовалась бо́льшею извѣстностью чѣмъ онѣ. Причины этой извѣстности заключались въ томъ, что она имѣла уже достаточно долгую исторію, что здѣсь были уже преданія и что отцы, кончившіе въ ней курсъ, желали естественно, чтобы и сыновья ихъ поступили въ то же самое заведеніе. Вотъ почему въ Казань привозили дѣтей и изъ тѣхъ губерній, гдѣ были уже открыты свои губернскія гимназіи. Увеличивающіеся слухи объ основанномъ въ Казани университетѣ, о правахъ и преимуществахъ, которыя предоставлялъ онъ, о легкости перехода казанскихъ воспитанниковъ въ этотъ университетъ, а особенно то обстоятельство, что въ Казанскую гимназію было возможно помѣстить мальчика на казенный счетъ и

въ крайнемъ случаѣ пансіонеромъ — увеличивало число учениковъ въ ней. Просматривая списки студентовъ въ первоначальные годы Казанскаго университета мы видимъ, что большинство исключительно поступило изъ Казанской гимназіи: гимназіи другихъ губернскихъ городовъ были слишкомъ молоды, чтобы приготовлять студентовъ. Не безъ вліянія на количество учениковъ въ Казанской гимназіи было и то обстоятельство, что въ ней съ 1798 года должно было преподаваться и отчасти преподавалось бо́льшее число предметовъ, чѣмъ въ губернскихъ гимназіяхъ и вообще образованіе въ ней давалось значительно шире. Правда такіе предметы, назначенные въ ней по положенію 1798 года, какъ тактика, гидравлика, архитектура и нѣкоторые другіе вовсе не преподавались съ самаго ея открытія, но за то здѣсь преподавались, не говоря о рисованіи, танцы, музыка, пѣніе, фехтованье и въ значительномъ объемѣ новые иностранные языки: французскій и нѣмецкій. Число учителей нѣкоторыхъ предметовъ по многолюдству учениковъ въ нижнихъ и среднихъ классахъ, такъ какъ принимали обыкновенно безъ всякаго приготовленія, доходило до трехъ и эти низшіе классы имѣли еще и параллельные. Вотъ почему Казанская гимназія представлялась учебнымъ заведеніемъ высшимъ, чѣмъ прочія губернскія гимназіи и Яковкинъ настаивалъ, чтобъ и на будущее время она осталась въ томъ же видѣ и съ тѣмъ же кругомъ преподаваемыхъ предметовъ, который былъ назначенъ Положеніемъ 1798 года и что съ уменьшеніемъ числа учебныхъ предметовъ неминуемо уменьшится и число учащихся и число поступающихъ въ студенты. Это мнѣніе Яковкина, раздѣляемое Румовскимъ, восторжествовало и гимназія осталась въ прежнемъ своемъ видѣ надолго. Когда новый попечитель Казанскаго учебнаго округа Салтыковъ, познакомившись съ нею, представлялъ въ 1814 году о необходимости преобразованія ея по общему типу гимназій, министръ народнаго просвѣщенія писалъ ему слѣдующее: «На представленіе вашего превосходительства касательно Казанской гимназіи, сообщаю, что какъ гимназія сія существуетъ по положенію, въ 1798 году Высочайше утвержденному, то нельзя дѣлать самимъ собою никакихъ въ ономъ перемѣнъ. Но поелику послѣ учрежденія въ Казани университета существованіе сей гимназіи въ настоящемъ видѣ, какъ представляете, не приноситъ надлежащей пользы; то предоставляю Вамъ составить новое для нея положеніе, сообразное надобности. Въ семъ положеніи слѣдуетъ обозначить также предметы, какіе впредь въ гимназіи преподаваемы быть должны, число учителей и другихъ чиновниковъ, должности послѣднихъ и окладное всѣхъ жалованье, равно какъ и всѣ предположенія, какія со стороны экономической съ выгодою въ дѣйство произведены

быть могутъ. Положеніе таковое, по соображеніи онаго, не оставлю я представить на Высочайшее утвержденіе, послѣ чего можно будетъ приступить къ перемѣнамъ, какія въ такомъ новомъ положеніи допущены будутъ» (24 августа 1814 года, № 2506). Слѣдовательно гимназія могла отдѣлиться въ 1811 году только въ старомъ ея видѣ, со всѣмъ многочисленнымъ персоналомъ различныхъ чиновниковъ какъ по учебной, такъ и по экономической части, съ самостоятельнымъ директоромъ во главѣ, который по Положенію 1798 года имѣлъ право безконтрольно и самовластно распоряжаться отпускаемыми по штату суммами, наконецъ съ губернаторомъ въ званіи попечителя гимназіи по тому же Положенію, что нарушало до нѣкоторой степени права попечителя учебнаго округа въ Казани [1]).

Только въ 1811 году, когда университетъ, несмотря на происшедшіе въ немъ выборы ректора и декановъ, все еще не былъ открытъ, послѣдовало наконецъ перемѣщеніе гимназіи въ давно готовое для нея зданіе. Въ концѣ августа 1811 года Яковкинъ писалъ почечителю слѣдующее: «Касательно отдѣленія гимназіи отъ университета я донынѣ ожидаю токмо начальственнаго вашего превосходительства предписанія. До открытія и образованія университета по всѣмъ его частямъ хозяйственная часть неминуемо должна оставаться въ завѣдываніи конторы, въ коей всему уже заведенъ порядокъ существующій; кого нужно будетъ со временемъ отдѣлить для университетскаго правленія, покажутъ лучше время и обстоятельства. Экономъ до совершеннаго образованія университетской хозяйственной части можетъ быть одинъ; но нужно ему въ университетъ дать еще помощника. Для помѣщенія воспитанниковъ съ надзирателями и инспектора и эконома, равно классы и прочія потребности все давно уже готово, такъ что по полученіи предписанія о перемѣщеніи (нѣтъ нужды хотя и на послѣдне утвержденномъ Высочайше положеніи о гимназіи) въ недѣлю все перемѣщено и расположено быть можетъ. Контора съ казною, часть инвалидной команды и прачешная останутся до времени на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Бѣлье столовое и посуда раздѣлятся по числу хлѣбоѣдовъ въ университетѣ и гимназіи. Поваръ особливый и служители при кухнѣ и столовой давно готовы для студентовъ; нужно будетъ только одного достойнаго наименовать тафельдеккеромъ для наблюденія порядка и отвѣтственности за цѣлость. И изъ настоя-

---

[1]) Свѣдѣнія о томъ какія и когда наконецъ сдѣланы были перемѣны въ Положеніи 1798 года и когда она была преобразована не могутъ войти въ нашъ разсказъ, но ихъ нѣтъ и въ „Исторической Запискѣ“ Владимірова.

щихъ чиновниковъ для письмоводства достаточно будетъ отдѣлить на первый только случай въ университетъ, а между тѣмъ постараюсь пріискивать еще достойныхъ и надежныхъ и объ опредѣленіи ихъ представлять на утвержденіе. Могу заблаговременно увѣрить ваше превосходительство, яко начальника и отца подчиненныхъ вашихъ, что по полученіи предписанія о перемѣщеніи гимназіи не подамъ ни малѣйшей причины къ неудовольствію ни по учебной, ни по образовательной, ни по хозяйственной частямъ, поелику какъ, гдѣ, кому и чему быть въ то время, все уже расположено заблаговременно; слѣдуетъ только машину сію новую пустить въ дѣйствіе на прежнихъ правилахъ». Румовскій конечно никому другому не могъ поручить этого дѣла, кромѣ Яковкина: «Порядочное внутреннее гимназіи устроеніе, распоряженіе классовъ и всего прочаго, доноситъ онъ министру, требуетъ опытнаго человѣка, знающаго людей къ гимназіи принадлежащихъ, рачительнаго и трудолюбиваго, какого я, кромѣ профессора Яковкина, двѣнадцать лѣтъ при гимназіи служившаго и шесть лѣтъ должность директора съ похвалою правившаго, во всемъ ученомъ казанскомъ сословіи не обрѣтаю. Й для того имѣю честь представить не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству все перемѣщеніе гимназіи и распоряженіе въ оной препоручить ему, не относяся ни къ кому въ нужныхъ случаяхъ кромѣ попечителя, и въ воздаяніе трудовъ его опредѣлить ему половину директорскаго жалованья въ штатѣ гимназіи назначеннаго, доколѣ не приведетъ въ желаемый порядокъ гимназію и не дастъ всему ученію надлежащаго ходу».

Въ августѣ получено было наконецъ предписаніе министра о перемѣщеніи гимназіи. Наканунѣ торжественнаго тогда, какъ и теперь, дня, 29 августа, отслужена была всенощная въ университетской залѣ, а на другой день профессоры университета, учителя гимназіи, прочіе чиновники, студенты и воспитанники слушали обѣдню въ Воздвиженской церкви, откуда прошли въ залу новой гимназіи. Здѣсь служили молебенъ съ водоосвященіемъ, послѣ чего всѣ учебныя и жилыя комнаты были окроплены святою водою. Начавшіеся въ тотъ же день безпрерывные дожди и страшная грязь на улицахъ замедлили однако на нѣсколько дней перемѣщеніе и только 10 сентября питомцы съ надзирателями въ первый разъ ужинали и ночевали на новомъ мѣстѣ, а 11 сентября начались и классы. Въ день коронованія, 15 сентября, послѣ обѣдни, въ залѣ новой гимназіи былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ «въ присутствіи нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ изъ генералитета и гражданскихъ чиновниковъ особъ», а также всѣхъ профессоровъ и учителей гимназіи. На этомъ собраніи Яковкинъ читалъ изъ Высочайше пожалованной

университету грамоты статьи о правахъ магистровъ, студентовъ-кандидатовъ и студентовъ; произведенные въ классныя званія приводились къ присягѣ, а удостоеннымъ въ дѣйствительные студенты раздавались отъ имени Государя Императара шпаги и наконецъ всѣ присутствовавшие угощаемы были завтракомъ. Вечеромъ зданія гимназіи и университета были иллюминованы (рапортъ Яковкина попечителю 19 сент. 1811 г. № 90 [1]).

Не долго гимназія прожила отдѣльно въ новомъ собственномъ помѣщеніи; злая судьба два раза снова соединяла ее съ университетомъ. Прошелъ ровно годъ. Бѣдствія, испытанныя отечествомъ въ войну 12 года дошли и до Казани. Яковкинъ 27 августа получилъ отъ Казанскаго губернатора отношеніе, въ которомъ говорилось, что членъ Московскаго Опекунскаго Совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ. А. М. Лунинъ увѣдомляетъ его, губернатора, что по Высочайшему повелѣнію императрицы Маріи Θеодоровны и съ соизволенія Государя Императора, Московскій Опекунскій Совѣтъ съ его экспедиціями, Екатерининское и Александровское училища (институты) переводятся въ городъ Казань и уже отправились изъ Москвы 21 августа [2]). При Опекунскомъ Совѣтѣ будетъ самъ начальствующій (Лунинъ), два директора, 12 штабъ-офицеровъ, 24 оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ; при училищахъ 160 дѣвицъ, тайный совѣтникъ Н. И. Барановъ, 2 начальницы, 14 классныхъ дамъ, два штабъ-лѣкаря, одинъ подлѣкарь и 60 обоего пола рабочихъ людей; «по неимѣнію здѣсь ни казенныхъ ни партикулярныхъ домовъ, говорилъ губернаторъ, чтобы можно было помѣстить не токмо означенный совѣтъ съ училищами, но даже ни одного изъ сихъ заведеній, онъ въ необходимости находится просить г. директора изъ ввѣренныхъ ему казенныхъ домовъ, занимаемыхъ гимназіею, очистивъ, позволить замѣстить ихъ оными училищами». Высочайшая воля была исполнена и въ началѣ сентября

[1]) Перемѣщеніе это описано въ статьѣ *Казанскихъ Извѣстій* 1811 года, отъ 27 сент. № 24, гдѣ перечислены имена всѣхъ приведенныхъ къ присягѣ магистровъ и кандидатовъ, всѣхъ получившихъ шпаги и всѣхъ переведенныхъ изъ гимназіи въ университетъ.

[2]) Нѣкоторыя подробности о путешествіи институтовъ сначала сухопутно, потомъ водою и о пребываніи ихъ въ Казани можно найти въ письмахъ императрицы Маріи Θеодоровны къ Н. И. Баранову, *Русскій Архивъ* 1870. Стр. 1500 -1509. Увезены были только тѣ дѣвицы, которыя не были взяты родителями. Императрица возмущалась особенно способомъ отправки, вынужденнымъ необходимостью: „Чего я къ крайнему прискорбію моему отмѣнить уже не могу, и о чемъ не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ, писала она, это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда? Изъ столицы Россійской!“.

питомцы съ главнымъ надзирателемъ, комнатными служителями воротились на старое мѣсто, въ университетскій домъ. Институты уѣхали обратно черезъ годъ 10 іюля 1813 года. Гимназія, по окончаніи вакацій въ августѣ воротилась въ новое зданіе, но опять не надолго, только на два года. Страшный пожаръ 3 сентября 1815 года, опустошившій цѣлый городъ, пощадившій университетъ, не пощадилъ гимназію: новое зданіе ея, о которомъ такъ много хлопоталъ Яковкинъ, всѣ ея дома, все имущество внутри зданій—погибло. Воспитанники по необходимости переселились въ университетъ и гимназія должна была въ теченіе 5 лѣтъ тѣсниться въ небольшомъ числѣ комнатъ, отданныхъ ей университетомъ тамъ, гдѣ она прежде была хозяйкою. Только черезъ пять лѣтъ, именно 27 августа 1820 года, уже въ попечительство Магницкаго, гимназія наконецъ возвратилась въ свой домъ, между тѣмъ отстроенный послѣ пожара 1815 года, но подробности событій съ 1812 года и разсказъ о томъ какимъ образомъ и кѣмъ отстраивались снова дома гимназическіе выходитъ уже за предѣлы этой главы.

Разсказомъ объ отдѣленіи гимназіи отъ университета, о покупкѣ домовъ для нея и объ устройствѣ ихъ мы невольно отвлеклись отъ университета; можетъ быть и масса представившагося намъ матеріала была причиною этого увлеченія. Но намъ казалось любопытнымъ прослѣдить эту первоначальную исторію, сопровождающую первые, робкіе шаги университета, т. е. научнаго образованія въ нашемъ краѣ. Кажется мы привели довольно доказательствъ того факта, что соединеніе гимназіи съ университетомъ мѣшало послѣднему во всѣхъ отношеніяхъ и прошло много лѣтъ до того времени, когда передъ нами явится настоящая университетская жизнь и дѣятельность. Разскажемъ теперь судьбу тѣхъ домовъ, составлявшихъ, по выраженію Румовскаго, университетскій кварталъ и которыхъ казалось вполнѣ достаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ университета.

Изъ университетскихъ домовъ, худо ли хорошо, какъ мы видѣли, былъ перестроенъ только манежъ, какъ помѣщеніе для типографіи и квартиры для пріѣзжающихъ профессоровъ. Что касается до остальныхъ домовъ, то во все время попечительствъ Румовскаго и Салтыкова о нихъ существовали только одни предположенія. Сначала принялись за дѣло очень горячо и Яковкинъ выказывалъ особенную энергію. Еще прежде чѣмъ были куплены всѣ дома, архитекторъ Шелковниковъ, для котораго нарочно были списаны статьи устава, для соображенія строенія съ надобностями универ-

ситета, составляетъ разомъ три проекта соединенія и перестройки домовъ для представленія ихъ попечителю. Предполагая начало перестройки съ весны 1806 года, Яковкинъ еще въ 1805 году покупаетъ пригнанные весною два плота бревенъ, разсчитывая, что онъ купилъ вдвое дешевле обыкновеннаго и проситъ попечителя «милостиво простить ему сіе дерзновеніе, происшедшее отъ усердія къ сохраненію казны». Принимая въ соображеніе, что въ 1805 году предстоятъ въ Казани многія казенныя постройки, что пять милліоновъ кирпича «потребно будетъ для сооруженія дѣвичьяго кавалерственнаго института, болѣе двухъ милліоновъ на построеніе каменнаго кригсъ-коммиссаріата и около милліона на поправку присутственныхъ мѣстъ, а во всѣхъ кирпичныхъ сараяхъ Казани не могутъ изготовить его въ лѣто и пяти милліоновъ», Яковкинъ, по совѣту архитектора, думалъ и предлагалъ попечителю заготовлять уже, до утвержденія проектовъ и смѣты, кирпичъ хозяйственнымъ способомъ. Сначала онъ хотѣлъ купить сараи какой-то купецкой вдовы Степановой, но эти сараи «отъ несмотрѣнія давно развалились, да и глины грунтовой въ нихъ мало», а потомъ намѣревался самъ строить сараи, доказывая всю выгоду отъ того.

Еще въ 1805 году готовы были разные проекты соединенія университетскихъ домовъ, надъ чѣмъ работали Шелковниковъ и Смирновъ. То желали соединить всѣ дома по улицѣ, такъ что выходило нѣчто очень грандіозное, но ввести въ это цѣлое и домъ Спижарнаго Румовскій не согласился, разсчитывая размѣстить въ немъ на первый случай, пока не выстроится особенное зданіе, купленную имъ библіотеку Франка. То, за исключеніемъ этого углового дома соединить только три дома подъ одинъ фасадъ съ гимназическимъ, «а между ними въ три этажа съ бельведеромъ, предназначаемымъ для обсерваторіи, построить выше обоихъ корпусовъ зданіе съ колоннадою, помѣстивъ тутъ залъ собранія съ нѣсколькими аудиторіями. Но всѣ эти проекты, эскизы, профили, а ихъ довольно въ дѣлахъ, составляемые архитекторами, разсматриваемые и одобряемые конторою, остались въ видѣ предположеній. Торопливость Яковкина въ заготовленіи матеріаловъ попечитель остановилъ слѣдующими соображеніями: «На заготовленіе кирпича, извести и проч. не могу теперь дать своего согласія, доколѣ Правленіемъ (училищъ) не утверждено будетъ расположеніе всего строенія. Прежде нежели сіе сдѣлается, пройдетъ можетъ быть года два. Сверхъ сего общее движеніе войскъ показываетъ, что мы близки къ войнѣ, и ежели Всевышнему отвратить оной не будетъ благоугодно, то я думаю, что необходимость заставитъ помедлить строеніемъ» (31 авг. 1805 г. № 277). Сверхъ этой общей причины,

появившейся вслѣдствіе войнъ нашихъ съ Наполеономъ, пріостановившей всѣ предполагаемыя въ самомъ началѣ царствованія реформы и особенно помѣшавшей вообще развитію просвѣщенія, въ Казани помѣшало устройству университета и планамъ воздвигнуть большое университетское зданіе изъ купленныхъ домовъ, самое состояніе послѣднихъ. Очевидно, что съ пріобрѣтеніемъ ихъ спѣшили, покупали ихъ необдуманно, безъ внимательнаго осмотра. Вотъ что контора гимназіи доносила попечителю при составленіи самыхъ первыхъ проектовъ и предположеній о постройкѣ университета: «По свидѣтельству архитекторовъ Шелковникова и Смирнова оказалось, что дома губернаторскій и Спижарной въ своемъ фундаментѣ не весьма надежны, притомъ и стѣны всѣ въ рвотинахъ, къ надстройкѣ неудобны, а комендантскій, хотя и твердъ, но по тонкости стѣнъ и по низости дома надстройки высокой вынести не можетъ... Корпусъ гимназическій шириною 10 саж. и 2 арш., губернаторскій—10 саж., а коменданта 8 саж.; слѣдовательно все придетъ къ переправкѣ, почему они, архитекторы, находятъ великое неудобство къ соединенію всѣхъ ихъ вмѣстѣ» (21 авг. 1805 г. № 559). Этотъ рапортъ, основанный на болѣе внимательномъ изученіи купленныхъ для университета домовъ, былъ написанъ только послѣ горькаго опыта съ обвалившеюся стѣною манежа, за прочность которой ручался Шелковниковъ. «Ради Бога остерегите Якова Михайловича (архитектора) писалъ Румовскій, чтобы съ домомъ губернатора того же не сдѣлалось, что съ манежемъ: вотъ неожиданное затрудненіе университетскому строенію». Начались опять новые проекты и предположенія пристроекъ и такихъ капитальныхъ рѣшеній, какъ даже срытіе цѣлыхъ домовъ. Архитекторъ Шелковниковъ настаивалъ сначала на срытіи первоначальнаго гимназическаго дома (угольнаго на В.); затѣмъ пошли предположенія о срытіи не его, а губернаторскаго или Тенишевскаго, на чемъ и остановились и что было дѣйствительно приведено въ исполненіе, но только гораздо позднѣе, не при Румовскомъ и не при Яковкинѣ. «Поелику нѣтъ возможности безъ ломки соединить всѣ домы подъ одинъ фасадъ, то не остается, по мнѣнію моему, иного способа какъ соединить только домъ губернаторскій съ главнымъ корпусомъ. По описанію вашему и архитек торову и сего безъ ломки сдѣлать не можно. И для того, думаю я, домъ губернаторскій разобрать до основанія, пристроить къ главному корпусу новое зданіе и расположить ихъ сообразно нуждамъ университета въ регламентѣ упоминаемымъ... Что касается до прочихъ домовъ, то о расположеніи ихъ и употребленіи надобно будетъ подумать особливо». Но въ то же самое время Румовскій собщаетъ конторѣ, что едва ли правленіе училищъ согласится на срытіе

котораго либо изъ купленныхъ домовъ. Для постройки хотя бы меньшей, напримѣръ для соединенія только гимназическаго и губернаторскаго домовъ необходимымъ однако-жъ являлось срытіе послѣдняго и чтобъ скрыть это обстоятельство отъ Правленія училищъ, Румовскій совѣтуетъ Яковкину составить такую смѣту, не упоминая о сломкѣ, «чтобъ сумма достаточна была и на разломку дома и на новое зданіе». «Я думаю, утѣшаетъ онъ себя, что не малую часть матеріаловъ въ дѣло еще употребить будетъ можно. Два соединенные дома, т.-е. то, что составляетъ теперь главное зданіе университета, кажутся ему достаточными, чтобъ въ нихъ помѣстились всѣ нужды университета, но «обстоятельства, войною угрожающія, не позволяютъ утруждать Государя объ отпускѣ суммы на перестройку всѣхъ домовъ» (11 сентября 1805 г. № 294).

Но и домъ Спижарной оказался на столько неудовлетворителенъ, что также пришли къ убѣжденію въ необходимости срыть его. «Изъ него, въ нынѣшнемъ его положеніи, пишетъ Яковкинъ, ничего хорошаго сдѣлать не можно, какъ только для сломки его онъ будетъ служить пристанищемъ и жилищемъ, да и то съ большою нуждою... нельзя безтолковѣе сострoить дому, какъ сей построенъ» (18 іюля 1805 г.). «Въ нынѣшнемъ состояніи долго простоять онъ не можетъ, да и для университета, по тѣснотѣ своей, не можетъ онъ быть навсегда полезенъ». Прежде чѣмъ рѣшили купить для гимназіи домъ Молоствова, предполагали сломать домъ Спижарной и выстроить на его мѣстѣ, протянувъ во дворъ, зданіе гимназіи, но мѣсто оказалось тѣснымъ для гимназіи, положеніе и штаты которой не могли быть измѣнены. Что касается до комендантскаго или Кастелліева дома, то, какъ мы говорили, онъ былъ купленъ не отдѣланнымъ; то входилъ онъ въ общій планъ перестройки, то исключался изъ нея. Въ концѣ 1808 года конторою былъ составленъ наконецъ планъ и смѣта на 5000 р. отдѣлки его на всякій случай, «дабы онъ до времени могъ служить на всякія встрѣчающіяся нужды университета», но домъ этотъ «по днесь оставался для университета безъ всякой пользы» и находился въ своемъ первоначальномъ, не отдѣланномъ видѣ (представленіе конторы попечителю 12 окт. 1812 г., № 1862), а смѣта тѣмъ временемъ возросла до 8257 р. 65 к.

Такимъ образомъ приспособленіе и перестройка купленныхъ домовъ для университета не выходила изъ области проектовъ и предположеній. Практическое примѣненіе ихъ отложили на неопредѣленное время и все вниманіе обращено было на перестройку Молоствовскаго дома для гимназіи съ тѣмъ, чтобъ по возможности скорѣе отдѣлиться отъ нея. Однако уже въ 1807 году мы встрѣчаемъ и

проектъ расположенія отдѣльныхъ университетскихъ зданій, независимо отъ главнаго корпуса, который долженъ былъ образоваться изъ соединенія двухъ домовъ: губернаторскаго и гимназическаго. Проектъ этотъ имѣлъ за основаніе университетскій уставъ 1804 года и принадлежалъ Яковкину. Въ общихъ чертахъ своихъ онъ заключаетъ всѣ тѣ зданія, которыя были воздвигнуты потомъ въ двадцатыхъ годахъ, конечно съ тѣми измѣненіями, которыя зависѣли отъ обстоятельствъ и времени, а также и отъ второго университетскаго устава. Очевидно, что въ составленіи этого проекта помогали Яковкину и нѣкоторые тогдашніе профессоры иностранцы. Такъ только что прибывшій въ томъ же 1807 году профессоръ анатоміи Браунъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Смирновымъ, составили подробный планъ предполагаемаго анатомическаго театра. Размѣры зданія представляются даже нѣсколько большими, чѣмъ въ настоящемъ театрѣ, оконченномъ постройкою только въ 1837 году, потому что при немъ предполагались тогда квартиры для профессора и прозектора. Разсматривая этотъ планъ Браунъ и сравнивая его съ тѣмъ, что существуетъ на дѣлѣ въ настоящее время, мы не находимъ никакой существенной разницы. За исключеніемъ измѣненій, сдѣланныхъ въ мѣстѣ, все расположеніе по университетскимъ дворамъ отдѣльныхъ университетскихъ зданій почти удержалось; сооруженія, сдѣланныя чрезъ тридцать слишкомъ лѣтъ сохранили первоначальный проектъ 1807 года. Тогда анатомическій театръ предполагали построить на углу пустыря дома Спижарной на нижнюю (мало-Проломную) улицу, вдоль ея, внизу обсерваторіи. «Въ разсужденіи эскиза анатомическому театру, писалъ Яковкинъ, имѣю честь донести, что онъ кажется архитектурою своею и величиною долженъ соотвѣтствовать величественности самаго зданія университетскаго, и особливо, что назначается для него мѣсто низкое». На другомъ, противоположномъ углу, въ симметріи съ анатомическимъ театромъ, предполагалось построить химическую лабораторію съ аудиторіею, аптекою и провизорскими кладовыми, въ срединѣ между ними, по нижней улицѣ, отдѣленіе для скотолѣченія и сельскаго домоводства; наверху, по срединѣ поперечныхъ стѣнъ, на одной сторонѣ клиническій и хирургическій институты, а на другой повивальный институтъ съ лазаретомъ родильнымъ, «ежели онъ предположенъ при университетѣ»; на мѣстѣ Тенишевскаго сада и огорода предполагали возвести особое строеніе въ одинъ этажъ для музеума съ библіотекою, съ комнатами для чтенія въ видѣ круга и аудиторіею натуральной исторіи и врачебнаго веществословія. Что касается до обсерваторіи, то и въ университетскомъ зданіи, какъ и въ гимназическомъ, Яковкинъ предполагалъ воздвигнуть ее по срединѣ главнаго

университетскаго корпуса (вышина средины этого корпуса предполагалась грандіозная—17 саженъ), «откуда весь горизонтъ открытъ» и куполъ предполагаемой обсерваторіи долженъ былъ господствовать надъ двумя другими, тоже возвышенными куполами, которые должны были подниматься по бокамъ зданія. Румовскій справедливо былъ противъ этого. Тогда, для помѣщенія настоящей обсерваторіи съ неподвижными инструментами, Яковкинъ нашелъ мѣсто надъ круглыми комнатами для чтенія музея и библіотеки; «горизонтъ того мѣста, писалъ онъ, почти отовсюду, выключая нѣсколько главнаго зданія, открытъ». Всѣ эти планы и предположенія нѣсколько разъ измѣнялись, перерисовывались, за тѣмъ посылались въ Петербургъ, на разсмотрѣніе и одобреніе Румовскаго, который дѣлалъ свои замѣчанія, но ничего опредѣленнаго не было достигнуто. Господствовала полная неизвѣстность, а между тѣмъ гимназія съ ея многочисленнымъ штатомъ и университетъ не имѣющій самыхъ необходимыхъ при преподаваніи пособій, тѣснились кое-какъ. Яковкинъ разсчитывалъ, что зданія могутъ быть готовы развѣ черезъ шесть лѣтъ, но когда начнется постройка никому не было извѣстно. Въ ноябрѣ 1811 года было получено въ Совѣтѣ Казанской гимназіи предложеніе попечителя отъ 13 октября, за № 1175 о постройкѣ анатомическаго театра и прочихъ медицинскихъ зданій, вызванное какъ представленіями совѣта, такъ и частными письмами профессоровъ Брауна и вновь назначеннаго Эрдмана; образованъ былъ комитетъ для выработки плана, въ которомъ главнымъ былъ конечно Яковкинъ. По его мысли снова обращено было вниманіе на продающіеся противъ главнаго университетскаго корпуса дома Молоствова и Папова. Ему очень хотѣлось пріобрѣсть ихъ и прежде для временнаго помѣщенія университета, если начнется перестройка. Первый домъ продавался за 45 тысячъ, а второй за три четверти этой цѣны. Дома были осмотрѣны профессорами Фуксомъ, Брауномъ и Эрдманомъ, которые и нашли ихъ для помѣщенія всѣхъ при университетѣ медицинскихъ заведеній неудобными и цѣну ихъ высокою. Вслѣдъ за симъ Яковкинъ, согласно прошенію, въ виду другихъ занятій по должностямъ, на него возложеннымъ, былъ уволенъ попечителемъ отъ предсѣдательства въ комитетѣ и мѣсто его занялъ Браунъ. Принятъ былъ къ разсмотрѣнію прежній планъ анатомическаго театра, составленный Брауномъ и новый для заведенія скотолѣченія собственно профессора Эрдмана. Эрдманъ же составилъ тогда планъ большаго клиническаго института, съ его тремя подраздѣленіями. Планы эти были одобрены и рѣшено представить ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе попечителя. Комитетъ предполагалъ строить не на университетскихъ дворахъ, а гдѣ нибудь подальше,

для чего предполагалъ просить часть городской свободной земли или купить ее у частныхъ лицъ, но не дороже какъ на двѣ или три тысячи рублей. Разрѣшенія на это представленіе не было; послѣднее передъ вакацией засѣданіе строительнаго комитета было въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, а въ іюлѣ умеръ Румовскій. Новый попечитель Салтыковъ, обозрѣвъ зданія университета доносилъ министру, что большая часть университетскихъ домовъ близка къ разрушенію, что они представляютъ чуть не развалины. Но когда самъ онъ, ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, рѣшился, въ виду необходимости и по вызову самого министерства, представить предположенія и смѣты перестроекъ университетскихъ домовъ, то получилъ отъ министра слѣдующее отношеніе: «На три представленія вашего превосходительства за №№ 561, 562 и 563, долженъ я сказать, что министерство просвѣщенія въ настоящее время, будучи крайне ограничено въ своихъ средствахъ, не имѣетъ ни малѣйшей суммы, изъ которой бы можно было сколько нибудь опредѣлить на постройки, въ упомянутыхъ представленіяхъ назначенныя, и одно средство остается только, чтобъ изъ хозяйственныхъ суммъ Казанскаго университета и тамошней гимназіи *починивать самонужнѣйшія ветхости*» (26 ноября 1814 г., № 3587).—Перестройки какъ главнаго корпуса, такъ и прочихъ университетскихъ домовъ произведены были въ позднѣйшее болѣе благопріятное для того время.

Строительной энергіи и хлопотливой хозяйственной дѣятельности Яковкина не удалось такимъ образомъ развернуться при предполагаемомъ возведеніи университетскихъ зданій. А было у него намѣреніе дѣлать большія заготовленія матеріаловъ. Такъ, сообщая попечителю о томъ, что въ Казани лѣсъ съ каждымъ годомъ становится дороже, онъ между прочимъ писалъ ему: «Когда Господь велитъ приступить къ главному университетскому зданію, то я располагаю представить вашему превосходительству объ исходатайствованіи вырубки потребнаго лѣсу въ Царевококшайскихъ лѣсахъ, безъ платежа попенныхъ денегъ: по крайней мѣрѣ и тутъ соблюдется экономія строительной университетской суммы» (23 іюня 1808 г.). Ему пришлось ограничиться лишь ремонтомъ и незначительными постройками. Такъ строилъ онъ баню. Старая гимназическая, деревянная баня, прослуживъ девять лѣтъ, пришла въ негодность; она едва стояла, скрѣпленная брусьями и болтами, а тепло въ ней не держалось болѣе. Была временно, пока исправлялась старая, перестроена небольшая другая баня изъ Тенишевскаго коровника, но она была очень мала. Хотѣлъ Яковкинъ строить сначала каменную баню, но въ виду неизвѣстности будущаго расположенія университетскихъ

зданій рѣшился остановиться на деревянной, разсчитывая, что она просуществуетъ столько же времени, сколько и прежняя. Профессоръ Фуксъ просилъ устроить въ ней особое больничное отдѣленіе, которое могло бы служить на первое время и для клиники. Эта баня съ подряду выстроена въ августѣ 1809 года за 700 рублей. Для бани необходимъ былъ колодецъ; прежняго гимназическаго колодца было недостаточно. Его стали рыть еще въ 1807 году на Тенишевскомъ дворѣ суконщики съ Осокинской фабрики, спеціалисты по этому дѣлу въ эпоху колодцевъ, а въ маѣ слѣдующаго года онъ былъ окончен совершенно; вода освящена и профессоръ Эвестъ нашелъ въ ней превосходныя качества. Особенныя заботы посвящалъ Яковкинъ прежнимъ садамъ и ботаническому саду, завѣдываемому Фуксомъ, такъ какъ они служили красотѣ внѣшняго вида и огородамъ—изъ хозяйственныхъ разсчетовъ: къ столу воспитанниковъ шла зелень изъ этихъ огородовъ. Фуксъ образовалъ ботаническій садъ изъ одного Тенишевскаго и тогда думали, что можно этимъ ограничиться. Внизу этого сада была устроена тепличка, назначенная Фуксомъ преимущественно для американскихъ и африканскихъ растеній; къ ней была пристроена небольшая оранжерея для растеній тропическихъ и плодовыхъ деревьевъ. Гряды ботаническаго сада уже въ 1808 году были засѣяны. «Между прочимъ любопытнымъ и полезнымъ, писалъ къ попечителю Яковкинъ, засѣяно мною римскою ромашкою и сѣменами копытчатаго ревеню (Rheum palmatum), полученными мною отъ родственника изъ Далматова. Листьями его, пока позволяетъ время, будемъ довольствовать лазаретный столъ во щахъ и соусѣ хлѣбномъ» (12 мая 1808 г.). Дальше по горѣ приводился въ порядокъ пустырь; сдѣланы были четыре насыпныя террасы во всю длину этого пустыря и обсажены березками. Въ ботаническомъ саду были посажены кедры и лиственницы, выписанныя изъ Пермской губерніи.

А между тѣмъ дома, купленные для будущихъ университетскихъ зданій, съ трудомъ удовлетворяя возрастающимъ потребностямъ преподаванія, переполненные частными квартирами, совершенно тѣсные для гимназіи и университета, постепенно ветшали и требовали ремонта. Деревянныя крыши протекали; при дождѣ съ потолковъ въ аудиторіяхъ капало во время лекцій; тяжесть старыхъ боровьевъ давила потолки; погреба, а ихъ было довольно, при множествѣ живущихъ, безпрестанно проваливались и проч. Въ старыхъ дѣлахъ мы находимъ часто упоминаніе подобныхъ невеселыхъ событій. «Починивать ветхости», по выраженію министерской бумаги, съ каждымъ годомъ становилось затруднительнѣе. Положеніе было невозможное.

Такова печальная, трудная, но къ сожалѣнію совершенно понятная, первоначальная исторія университетскихъ зданій въ Казани. Мы не знаемъ вообще какъ строились наши университеты и едва ли, за отсутствіемъ какой либо гласности, обращалъ кто нибудь тогда вниманіе на эти постройки, а между тѣмъ мы считаемъ исторію съ казанскими университетскими зданіями, поглотившими безъ пользы массу казенныхъ денегъ, весьма поучительною: она указываетъ намъ на положеніе науки въ нашемъ отечествѣ. Кого винить за это печальное отношеніе къ первой и насущной потребности университетской жизни? То, о чемъ прежде всего нужно было подумать, отходило на задній планъ.

Первые два министра народнаго просвѣщенія въ царствованіе императора Александра I вовсе не сочувствовали той высокой государственной идеѣ образованія, которая легла въ основаніе тогдашнихъ преобразованій, руководила реформами, открывала новые университеты. Первый, одинъ изъ случайныхъ людей Екатерининскаго царствованія, выросъ въ старыхъ понятіяхъ и конечно не могъ быть искренно преданъ ничему новому; богатый, старый и знатный и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣятельный, онъ не имѣлъ никакого сердечнаго отношенія къ дѣлу ему ввѣренному. Другой, тоже уже старикъ, избалованный барствомъ, громадными богатствами, космополитъ и съ европейскимъ образованіемъ XVIII вѣка, но чуждый всему, что не льстило его эгоизму, относился совершенно брезгливо къ своимъ обязанностямъ, скучалъ ими и скоро оставилъ министерство. Время измѣнилось, а съ нимъ и самъ государь. Дѣло образованія и университетовъ стало послѣднимъ дѣломъ, мало для кого интереснымъ. Попечитель, уже дряхлый старикъ, имѣлъ большую, почти неограниченную власть, но онъ жилъ далеко отъ Казани, и онъ, какъ мы видѣли, по дряхлости, скучалъ своими обязанностями и только ссылался на общее положеніе вещей. Ввѣрившись совершенно Яковкину, онъ смотрѣлъ на него какъ на ограждающую его каменную стѣну, а мы уже знаемъ, что это былъ за человѣкъ, самовластно дѣйствующій въ университетѣ и гимназіи. Профессоры, т. е. люди, для которыхъ дорога была разъ избранная ими наука и ея успѣхи, не имѣли ни силы, ни голоса; они должны были или льстить Яковкину и дѣлаться его соучастниками, клевретами, или вступать съ нимъ въ безплодныя пререканія. Гласности, которая одна могла бы сколько нибудь регулировать все это положеніе, помочь ему, заступиться за дѣло науки и образованія, и одна въ состояніи была бы уяснить темныя продѣлки Яковкина, тяготѣющія надъ памятью о немъ,—не существовало. И попечитель, и Яковкинъ безпрестанно враждебно

отзываются о такъ называемомъ *самоуправленіи*, всѣми силами стараются не допустить его, но и сами, несмотря на свою сильную власть, ничего не дѣлаютъ.

И все это происходило на глазахъ недоумѣвающаго и отчасти злораднаго общества, но это общество не имѣло мнѣнія, не выражало его; въ темнотѣ и безмолвіи дѣлались темныя дѣла. Оно интересовалось только внутренними событіями, личностями въ университетѣ, и намъ пора обратиться къ нимъ.

Глава III.

Устройство первоначальнаго университетскаго совѣта.—Предѣлы его компетенціи.—Недоразумѣнія и борьба совѣта съ Яковкинымъ.—Дѣло бухгалтера и учителя Ахматова.—Вопросъ о правахъ и кругѣ дѣйствій совѣта.—Увольненіе главнаго надзирателя Пухинскаго.—Разборъ вопроса о «страсти» адъюнкта и инспектора гимназіи Эвеста.—Выборъ главнаго надзирателя.—Отрѣшеніе нѣкоторыхъ профессоровъ и воспрещеніе другимъ участвовать въ засѣданіяхъ совѣта.—Отзывъ казанскаго губернатора о гимназіи.—Поступленіе студентовъ въ военную службу.—Учителя Чекіевъ и Сивковъ.—Офицеръ по строильной части Ларіоновъ и его приключенія.—Случай съ учителемъ Кизюкинымъ.

Въ уставѣ университетовъ 1804 года слѣдующими двумя параграфами (44 и 45) опредѣляется составъ и кругъ дѣятельности университетскаго совѣта: 1) «Ординарные и заслуженные профессоры составляютъ университетскій совѣтъ или общее собраніе, котораго предсѣдатель есть ректоръ» и 2) «Совѣтъ университета есть высшая инстанція по дѣламъ учебнымъ и дѣламъ судебнымъ». Въ слѣдующихъ 22 §§ (46—67) опредѣляются и перечисляются всѣ занятія совѣта, компетенція котораго, какъ извѣстно, въ то время была очень велика. Порядокъ производства дѣлъ опредѣлялся точнымъ образомъ въ тѣхъ же §§. Но университетъ въ Казани былъ только *основанъ* а *не открытъ* (не слѣдуетъ забывать этой существенной разницы, вызванной силою обстоятельствъ); онъ не отдѣлился и долго не могъ отдѣлиться отъ гимназіи, управлявшейся Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 29 мая 1798 года и эта

роковая связь съ гимназіей, какъ въ дѣлѣ о постройкахъ, разсказанномъ нами, такъ и въ зарождающейся внутренней жизни университета, была источникомъ многихъ печальныхъ явленій, бросающихъ тѣнь на первые годы университетской жизни. Въ Казанской гимназіи такого органа управленія какъ совѣтъ, съ такимъ широкимъ объемомъ, какой указанъ университетскимъ уставомъ 1804 года, не было: она управлялась собственно конторою, о чемъ мы неоднократно упоминали. Согласно § 11 положенію о гимназіи (второму, составленному военнымъ губернаторомъ де-Ласси), въ помощь директору, учреждался правда совѣтъ изъ учителей высшихъ классовъ и главнаго надзирателя, но занятія этого совѣта имѣли педагогическій характеръ и посвящались исключительно вопросамъ преподаванія. Этотъ совѣтъ образовался только въ 1800 году. Протоколовъ его засѣданій не велось. Новому, съ 1805 года, совѣту нельзя было по мнѣнію попечителя именоваться университетскимъ, хотя онъ и составился первоначально изъ двухъ профессоровъ (Яковкина и Цеплина), законоучителя или духовника, какъ его называли (протоіерея Данкова), и четырехъ адъюнктовъ, уже знакомыхъ намъ (Карташевскаго, Эриха, Запольскаго и Левицкаго). Въ первомъ собраніи этихъ лицъ правящій должность директора гимназіи, т. е. Яковкинъ, объявилъ, что «Его превосходительство господинъ попечитель приказалъ этому собранію по прежнему именоваться совѣтомъ Казанской гимназіи, хотя онъ и состоитъ большею частію изъ членовъ университета, *но въ порядкѣ и рѣшеніи текущихъ дѣлъ сообразоваться сколько возможно съ предписаніями, въ уставѣ Императорскому Казанскому университету изображенными»*. Это послѣднее обстоятельство, т.-е. требованіе попечителя сообразоваться съ уставомъ университетовъ, хотя и не вполнѣ, а «сколько возможно», когда университетъ еще не былъ открытъ, давало широкій просторъ различнаго рода недоразумѣніямъ и столкновеніямъ, такъ какъ дѣло происходило между живыми людьми. Только незадолго до своей смерти, послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній и печальныхъ исторій, источникъ которыхъ надобно искать въ неопредѣленности положенія совѣта, попечитель предписалъ ему, не высказывая однако причинъ (23 мая 1812 года, № 527), именоваться, до совершеннаго образованія университета, *совѣтомъ при Казанскомъ университетѣ.*

Первое собраніе совѣта было 27 марта 1805 года; его можно назвать учредительнымъ, такъ какъ для всѣхъ дѣло было совершенно новое. Профессоръ Цеплинъ и духовникъ Данковъ первые представили въ засѣданіе предположенія о дѣлопроизводствѣ и порядкѣ, которыя должны наблюдаться въ совѣтѣ: 1) о записываніи

дѣлъ въ протоколъ и о подписаніи протокола членами въ самомъ засѣданіи; 2) о писаніи протоколовъ въ шнуровую книгу; 3) о храненіи каждой бумаги, заслушанной въ совѣтѣ; 4) о рѣшеніи дѣлъ большинствомъ голосовъ и 5) о томъ, чтобы всѣ бумаги, идущія отъ лица совѣта и отъ его имени должны быть предлагаемы въ засѣданіи его и записаны въ протоколъ. Это было опредѣленіе лишь внѣшняго порядка, очевидно не имѣвшаго мѣста въ прежнемъ гимназическомъ совѣтѣ, и попечитель, въ особенности за статью о томъ, чтобы протоколы подписывать въ самомъ засѣданіи «для отвращенія всѣхъ могущихъ произойти недоумѣній», объявилъ Цеплину и Данкову свою чувствительную благодарность, причемъ высказывалъ надежду, «что они не преминутъ и впредь подавать собою примѣръ и совѣты, служащіе къ сохраненію тишины, согласія и пользы *гимназіи*, и совѣтъ, по опытности, благоразумію и званію ихъ съ уваженіемъ принимать оные не отречется». Потомъ, съ теченіемъ времени и съ навыкомъ къ дѣлу, этотъ внѣшній порядокъ все болѣе и болѣе опредѣлялся.

Заведенный порядокъ нѣкоторое время ничѣмъ не нарушался; дѣла обсуждались мирно; когда выслушивались рапорты дежурныхъ по классамъ офицеровъ о пропускѣ профессорами и учителями классовъ или мѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ гимназистовъ и студентовъ, прошенія родителей о пріемѣ дѣтей ихъ въ гимназію на казенное содержаніе или на свой счетъ, или объ ихъ увольненіи, когда разсматривались обозрѣнія и программы преподаванія или распредѣленіе экзаменовъ, дѣлались испытанія разнымъ иностранцамъ или ищущимъ званія учителя,—то всѣ эти вопросы и дѣла, не выходящіе изъ круга педагогической дѣятельности, рѣшались безъ всякаго затрудненія. Но вотъ при слушаніи рапорта бухгалтера Ахматова съ вѣдомостью о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ суммъ находящихся въ гимназіи за мартъ мѣсяцъ 1805 года, когда состоялось опредѣленіе представить эту вѣдомость въ подлинникѣ попечителю, два члена совѣта, тѣ самые, которымъ только что была объявлена благодарность попечителя за предложеніе ими порядка въ засѣданіяхъ, профессоръ Цеплинъ и духовникъ Данковъ не подписали этой статьи протокола, мотивируя свой отказъ въ подписи слѣдующими словами: «поелику не токмо контора распредѣляетъ всѣми издержками, а совѣтъ не имѣетъ и не получаетъ объ оныхъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то и не могли они засвидѣтельствовать справедливость оныхъ издержекъ своеручною подпискою бухгалтерскихъ счетовъ, опасаясь, чтобы въ противномъ случаѣ не отвѣчать невиннымъ образомъ за излишество или какую либо несправедливость оныхъ издержекъ». Замѣтимъ, что и потомъ всѣ

нѣмецкіе профессоры, явившіеся въ 1805 году: Германъ, Бюнеманъ, Фуксъ—не подписывали этой статьи протокола (ее скрѣпляли только Яковкинъ и адъюнкты, удостоенные этого званія по его представленію при основаніи университета), такъ что Румовскій въ концѣ года освободилъ совѣтъ отъ разсматриванія мѣсячныхъ вѣдомостей о приходѣ, расходѣ и остаткахъ гимназическихъ и университетскихъ суммъ и согласился, чтобы эти вѣдомости представлялись прямо ему отъ конторы, которая расходовала всѣ суммы, но потребовалъ однако, чтобы § 140 устава, по которому совѣтъ разсматриваетъ въ концѣ года годовой счетъ прихода и расхода университетскихъ суммъ, повѣряетъ по документамъ и свидѣтельствуетъ цѣлость остатковъ—былъ въ точности соблюдаемъ. Такимъ образомъ попечитель отдѣлялъ совѣтъ университетскій отъ гимназическаго, возлагалъ самъ на него нѣкоторыя обязанности, опредѣленныя уставомъ.

По XV главѣ этого устава 1804 года университету принадлежало управленіе и надзираніе училищъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ. Никому неизвѣстно было въ точности, что университетъ только основанъ, а не открытъ, что уставъ, опубликованный во всеобщее свѣдѣніе, остается почти мертвою буквою. И вотъ правящій должность директора Казанскаго главнаго народнаго училища Чернявскій, получивъ предписаніе попечителя Виленскаго университета князя Чарторижскаго объ опредѣленіи своемъ профессоромъ россійскаго языка и словесности въ Виленскій университетъ и не зная кому сдать свою должность, обращается въ совѣтъ Казанской гимназіи, «которому предоставлено право входить и въ дѣла здѣшняго университета», съ прошеніемъ назначить кого-либо для принятія отъ него должности. Совѣту пришлось объявить профессору Чернявскому, что «не имѣя никакого предписанія распоряжать мѣстами народныхъ училищъ, онъ не можетъ, удовлетворить его просьбѣ». Подобно Чернявскому, директоръ томскихъ училищъ надворный совѣтникъ Воронковъ, во исполненіе Высочайше конфирмованныхъ прошлаго 1804 года ноября 5 дня устава учебныхъ заведеній и штатовъ, такъ какъ онъ 23 ноября того же года опредѣленъ главнымъ правленіемъ училищъ директоромъ и завѣдываетъ училищами въ Томскѣ, Енисейскѣ и Нарымѣ, просилъ совѣтъ гимназіи приказать удовлетворить его жалованьемъ со дня опредѣленія его по іюнь мѣсяцъ, въ виду того обстоятельства, что онъ не получаетъ его. Совѣтъ долженъ былъ представить объ этомъ особеннымъ рапортомъ попечителю и просить его предписанія, какимъ образомъ поступать ему въ подобныхъ случаяхъ. Недоразумѣнія и затрудненія отъ неполнаго примѣненія устава 1804

года, съ которымъ однако, согласно предписанію попечителя, въ рѣшеніи дѣлъ совѣтъ Казанской гимназіи долженъ былъ сообразоваться «сколько возможно», встрѣчались такимъ образомъ на каждомъ почти шагу.

По XVI главѣ университетскаго устава 1804 года «о типографіи и цензурѣ книгъ», при университетѣ учреждался цензурный комитетъ. На основаніи этой главы устава не только С.-Петербургскій цензурный комитетъ и цензурный комитетъ Дерптскаго университета очень часто присылали свои сообщенія о разныхъ запрещенныхъ книгахъ и о вырѣзкахъ нѣкоторыхъ страницъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя дозволены къ обращенію, въ цензурный комитетъ Казанскаго университета, но даже и самъ попечитель препровождаетъ цензурное распоряженіе главнаго правленія училищъ, касающееся дѣйствій не открытаго еще университетскаго цензурнаго комитета. Совѣту Казанской гимназіи на такія сообщенія оставалось только опредѣлять: «Взять къ свѣдѣнію и доставить въ цензурный комитетъ Казанскаго университета, когда оный учредится». Большихъ однако недоразумѣній при примѣненіи параграфовъ устава 1804 года о совѣтѣ не могло быть до тѣхъ поръ, пока дѣла не коснулись личныхъ отношеній.

По уставу 1804 года, совѣтъ является судебною инстанціею и притомъ высшею; въ правленіе могутъ быть приносимы жалобы и на ректора. На основаніи этого поступила 3 іюня 1805 года въ совѣтъ слѣдующая жалоба бухгалтера и учителя гимназіи Ахматова:

„Когда послѣ бывшаго учителя высшаго нѣмецкаго класса Линкера остались праздные покои въ домѣ гимназіи, то на словесное прошеніе разныхъ чиновниковъ во время правившаго должность директора Лихачева, общимъ сужденіемъ чиновъ совѣта опредѣлено мнѣ занять его комнаты, потому что какъ бухгалтеру иногда случается исправлять мнѣ должность рано и поздно, днемъ и ночью, а особенно при годовыхъ отчетахъ и экстраординарныхъ случаяхъ.

„При занятіи комнатъ представлялъ я неоднократно упомянутому Лихачеву, квартермистру Михайлову, также и самому г. ординарному профессору Яковкину, что у меня полъ очень худъ и насыпи совсѣмъ не имѣетъ, такъ что при мытьѣ онаго и малѣйшей неосторожности протекаетъ вода, а при куреніи въ комнатахъ г. Яковкина даже намъ слышенъ запахъ.

„Вмѣсто того, чтобы все сіе освидѣтельствовать съ квартермистромъ или архитекторомъ и по изслѣдованіи учинить поправку и тѣмъ уклонить взаимныя наши отъ сего происходящія неудовольствія, кончилось все молчаніемъ, непрестанными ссорами между женами, а отсюда непремѣннымъ негодованіемъ между мужьями и наконецъ мщеніемъ сильнѣйшаго, такъ что 30 мая г. правящій должность директора Илья Өедоровичъ Яковкинъ, призвавъ меня, укорялъ меня свинскою жизнію и въ запальчивости при-

казалъ мнѣ, не яко благородному чиновнику, но какъ преступнику безъ суда, выбраться въ три дня изъ покоевъ, а квартермистру Михайлову строжайше запретилъ отпускать мнѣ дровъ по истеченіи сего времени. И такъ изъ единаго мщенія, во удовлетвореніе и по требованію своей жены, г. Яковкинъ нашелъ причины за шестилѣтнюю службу меня обидѣть и приговорить мнѣ наказаніе безъ всякаго изслѣдованія: кто изъ насъ виноватъ—архитекторъ, я, квартермистръ, или и самъ г. Яковкинъ, которому я о семъ относился неоднократно.

„Поелику же въ семъ дѣлѣ находятся два посредственно обиженныя лица, въ которомъ проситъ подчиненный на начальника, мстящаго за ссору женъ, слѣдовательно изъ обоихъ никто самъ себѣ судья быть не можетъ, то и прошу васъ, почтеннѣйшее собраніе, сіе дѣло разобрать и отправить на сужденіе къ главному попечителю, а для отвращенія постыдныхъ слѣдствій, которыя могутъ причинить шумъ въ городѣ, оставить меня на мѣстѣ до отвѣта попечительскаго".

Эта жалоба, принесенная Ахматовымъ лично въ совѣтъ, во время его засѣданія и положенная имъ на столъ, послѣ чего онъ, по приказанію предсѣдательствующаго Яковкина вышелъ, была первымъ случаемъ столкновенія самовластнаго директора съ членами совѣта, которые почти всѣ, за исключеніемъ очень немногихъ, питали къ нему общую нелюбовь за его высокомѣріе и произволъ. «Прочитавъ оную бумагу, усмотрѣлъ я, пишетъ Яковкинъ въ своемъ рапортѣ къ попечителю (5 іюня 1805 г., № 93), что она содержитъ въ себѣ жалобу на меня и при томъ многія частныя, ни мало до совѣта не касающіяся обстоятельства, почему, призвавъ Ахматова въ присутствіе и отдавъ бумагу ему обратно, сказалъ я, что какъ она заключаетъ въ себѣ жалобу на директора, а директоръ не подлежитъ ни суду, ни отвѣту совѣта безъ предписанія высшаго начальства, то и Ахматовъ приносилъ бы жалобу высшему начальству, а не въ совѣтъ. Однако по особенному настоянію профессора Цеплина члены совѣта рѣшились прослушать оную бумагу, не взирая на мои напоминанія». Цеплина поддержалъ секретарь совѣта адъюнктъ Левицкій и всѣ члены, прослушавши жалобу Ахматова, положили отъ имени совѣта препроводить ее къ попечителю. «Видя сіе, далъ я замѣтить собранію, продолжаетъ въ рапортѣ своемъ Яковкинъ, что таковымъ одобреніемъ явнаго ослушанія къ приказаніямъ начальства члены подаютъ вящій поводъ къ явному и умышленному нарушенію подчиненности и повиновенія» и за тѣмъ, на основаніи п. 8 § 55 устава («въ предупрежденіе того, чтобы пренія не выходили изъ границъ благопристойности»), прекратилъ засѣданіе и вышелъ изъ совѣта. Безъ него уже, «по общему согласію всѣхъ членовъ», было опредѣлено: «какъ совѣтъ самъ собою не можетъ приступить къ рѣшенію сего дѣла, то препроводить прошеніе Ахматова въ оригиналѣ къ г. попечителю при меморіи и ожи-

дать отъ него разрѣшенія и вмѣстѣ предписанія какимъ образомъ должно поступать въ подобныхъ случаяхъ».

Такъ, въ самые первые мѣсяцы по основаніи Казанскаго университета, началась въ совѣтѣ борьба его членовъ съ Яковкинымъ, который около того же времени, опредѣленіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенъ изъ правящихъ должность директоромъ гимназіи «до открытія университета», т. е. ему дано право вполнѣ независимо отъ университета управлять гимназіей по положенію 1798 года. Соображая все это происшествіе съ жалобой Ахматова, Яковкинъ видѣлъ въ поступкѣ членовъ совѣта «нарушеніе предписаннаго совѣту порядка и самоуправленіе», а въ продолженіи, въ его отсутствіе, засѣданія «невниманіе ко гласу начальства». Въ своихъ приватныхъ письмахъ къ попечителю, объясняя обстоятельства дѣла, онъ пишетъ: «Открывается теперь, что Ахматовъ служитъ только орудіемъ завистливой противу меня злобы сослужащихъ со мною обнаружившихся защитителей его дерзости и непослушанія, что доказываетъ, какъ образъ подачи его прошенія на столъ, а не въ руки, такъ и самое прошеніе, писанное знающимъ реторику, а Ахматовъ ей не учился». Сравнивая эту жалобу его съ двумя подлинными прошеніями его, посланными имъ къ попечителю, въ которыхъ онъ объясняетъ всѣ свои отношенія къ Яковкину и перечисляетъ обиды, претерпѣнныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы пожалуй согласимся, что догадка Яковкина была справедлива (хотя въ качествѣ студента Московскаго университета онъ могъ учиться въ немъ реторикѣ) и что обиженнымъ Ахматовымъ руководили тѣ, для которыхъ желательно было поднять значеніе и силу совѣта и освободить его отъ самовластнаго произвола директора. Но Ахматовъ, какъ учившійся въ первомъ русскомъ университетѣ, могъ привыкнуть тамъ къ порядкамъ существовавшимъ болѣе пятидесяти лѣтъ и не распространеннымъ, въ противность устава 1804 года, на университетъ Казанскій. «Какъ счастливы были бъ чиновники, пишетъ Ахматовъ въ прошеніи къ попечителю, еслибъ такая деспотическая власть была искоренена и участь каждаго благороднаго зависѣла бы отъ общаго собранія совѣта и вашего утвержденія».

Съ Ахматовымъ Яковкинъ былъ давно близокъ. Онъ зналъ его еще въ Петербургѣ, гдѣ до 1799 года Ахматовъ служилъ помощникомъ надзирателя въ Воспитательномъ домѣ, съ ничтожнымъ жалованьемъ 80 рублей въ годъ. При опредѣленіи Яковкина въ Казань, послѣдній пригласилъ его туда на службу, «увѣряя, пишетъ Ахматовъ, въ своемъ обо мнѣ попеченіи, словами: что есть—вмѣстѣ, чего нѣтъ—пополамъ». Одинъ изъ сыновей Ахматова былъ крест-

никомъ Яковкина. «Чуждъ самохвальства, но не постыдно могу открыться предъ в. п., пишетъ къ попечителю директоръ, что въ Петербургѣ, и въ Казани въ гимназіи, послѣ племянника моего мною воспитаннаго, нынѣшняго гимназіи учителя Яковкина, никто столько мною не облагодѣтельствованъ при гимназіи, какъ Ахматовъ». По словамъ Яковкина онъ ходатайствовалъ предъ бывшимъ директоромъ Соколовымъ о принятіи Ахматова на службу въ гимназіи, испросилъ ему 500 рублей жалованья съ квартирою и дровами, помогъ ему при переѣздѣ въ Казань, успокоилъ его по пріѣздѣ, помогалъ ему въ самыхъ крайнихъ нуждахъ постоянно и «за то во второй уже разъ въ Казани платитъ онъ мнѣ крайнейшею неблагодарностью». Сравнивая разсказъ Яковкина съ жалобами Ахматова, мы видимъ въ послѣднихъ совершенно другое. Ахматовъ говоритъ объ обидахъ и мщеніи, переносимыхъ имъ въ теченіе семи лѣтъ, жалѣетъ объ оставленной имъ службѣ при Воспитательномъ домѣ, гдѣ онъ былъ, по словамъ его, лично извѣстенъ Императрицѣ Марьѣ Θеодоровнѣ, упоминаетъ о своемъ сочиненіи по коммерческой части, за которое получилъ 500 рублей, подарокъ Императрицы, и обѣщаніе ея издать книгу на свой счетъ [1]). Всѣ непріятности съ Яковкинымъ начались по разсказу Ахматова изъ за помѣщенія, еще тогда, когда оба они жили не на казенной квартирѣ. «Встали мы на одну квартиру, всякъ по своему выбору, разсказываетъ Ахматовъ; я избралъ себѣ самую меньшую изъ пяти или шести комнатъ одну, но теплую, съ согласія г. Яковкина, потому что у меня четырехмѣсячный младенецъ, его крестникъ, былъ смертельно боленъ. Въ сіе время была зима. Ктобъ подумалъ, что при родствѣ и болѣзни младенца, оставленъ былъ гласъ и нѣжныя чувства человѣчества. Прихожу изъ должности, нахожу жену въ слезахъ, двери выломаны съ угрозными словами: «перебирайтесь въ задніе покои», то есть въ самые холодные, стужу коихъ едва ли и лютый звѣрь могъ выдержать. Спрашиваю причину. Отвѣтъ былъ: «Они мнѣ нужны, ко мнѣ ходятъ люди». Эти столкновенія по квартирѣ людей по видимому близкихъ продолжались и тогда, когда оба они заняли казенное помѣщеніе и когда учитель Яковкинъ сдѣлался сильнымъ и властнымъ директоромъ. Ахматовъ жилъ надъ комнатами, занимаемыми Яковкинымъ. Послѣдній постоянно обвинялъ своего верхняго сосѣда, что онъ не соблюдаетъ потребной чистоты, что черезъ потолокъ изъ кухни Ахматова въ залу и спальню Яков-

---

[1]) Книга Ахматова дѣйствительно была потомъ напечатана: „Италіянская, или опытная бухгалтерія, содержащая простую и двойную или италіянскую бухгалтерію и проч. Томъ I. Спб. 1809. 8⁰ (Смирдинъ, № 2337).

кина часто протекаютъ нечистоты и портятъ штукатурку. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ; пререканія и взаимныя оскорбленія, особенно между женами, повторялись безпрерывно, пока наконецъ Яковкинъ не рѣшился властію директора приказать Ахматову въ теченіе трехъ дней очистить казенное помѣщеніе, отданное имъ вновь опредѣленному главному надзирателю. Это распоряженіе и было поводомъ къ подачѣ Ахматовымъ жалобы въ совѣтъ; но прежде еще распоряженія Яковкина объ очищеніи квартиры произошла слѣдующая сцена, рисующая нравы. Заимствуемъ картинку изъ письма Яковкина къ Румовскому.

„Въ понедѣльникъ 29 мая по полудни въ четвертомъ часу произошла въ мою спальню изъ кухни Ахматова чрезвычайная течь. Жена моя и бывшій тогда у меня подлѣкарь нашъ Риттеръ, для осмотрѣнія привитой къ маленькой нашей дочери коровьей оспы, немедленно и меня о томъ увѣдомили, почему, осмотрѣвъ я оную, послалъ дочь свою сказать Ахматову о семъ происшествіи и спросить о причинѣ, но жена Ахматова отвѣчала, что у нихъ въ кухнѣ никого нѣтъ. Отъ часто происходящей изъ кухни его течи потолокъ истрескался, щекатурка отваливается и даже въ самомъ карнизѣ, хотя весьма толстомъ, подѣлались уже трещины; вновь появляющіяся на потолкѣ пятна доказываютъ его гнилость и все совокупно подвергаетъ опасности моихъ домашнихъ и меня, въ занимаемыхъ мною двухъ покояхъ подъ спальнею и кухнею Ахматова, о чемъ подробно описалъ я въ предложеніи моемъ конторѣ данномъ. Вечеромъ, въ девятомъ часу, жена моя сошла внизъ на крыльцо, чтобъ побыть на свѣжемъ воздухѣ; вскорѣ послѣ сего Ахматовъ съ женою своею и секретаремъ Прокопенкомъ пошли мимо нея со двора для смотрѣнія назначеннаго въ тотъ вечеръ фейерверка. Жена моя совершенно равнодушно начала Ахматову говорить, что отъ него изъ кухни и въ тотъ день произошла опять большая течь и что отваливающаяся по той причинѣ щекатурка подвергаетъ опасности насъ и дѣтей нашихъ. Все сіе Ахматовъ отразилъ однимъ словомъ: „враки", сказавъ сіе съ возможнымъ презрѣніемъ, а жена его начала самымъ наглымъ образомъ выговаривать женѣ моей, что это суть одни только ея происки, называя ее притомъ многократно мерзавкою, подлячкою и пьяною рожею, на что жена моя въ отвѣтъ назвала ее только сумасшедшею грубіянкою. Постыдному сему происшествію свидѣтелями были шедшій тогда съ прогулки въ гимназію учитель и библіотекарь Петровскій съ женою и стоявшій у воротъ на часахъ гимназическій инвалидъ.

„На другой день по утру въ седьмомъ часу, призвавъ къ себѣ Ахматова чрезъ квартирмейстера, выговаривалъ я ему за неопрятность и что отъ течи гніютъ накатъ и потолокъ. Онъ отговаривался въ томъ малымъ количествомъ земли подъ поломъ кухни его насыпаннымъ, а сіе самое оправданіе его и поставилъ я ему въ обвиненіе, что онъ, зная о семъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ усугубить свои предосторожности, и что теперь не время еще думать о переправкѣ одного только пола и насыпкѣ земли, а будетъ на то общая поправка въ гимназіи въ теченіе іюля. Но за сіе сталъ онъ меня самымъ наглымъ и дерзкимъ образомъ укорять въ притѣсненіи и обидѣ чрезъ то будто ему наносимыхъ. Когда же я, упрекнувъ его въ толикой противъ меня наглости и дерзости, приказалъ ему въ теченіе трехъ

дней пріискивать себѣ квартиру, то онъ съ крайнейшею грубостью отвѣчалъ мнѣ, что не дастъ себя въ обиду, что онъ самъ чиновникъ гимназіи, а жена его дворянка, что я бы и не думалъ, чтобъ онъ меня послушался и съѣхалъ на квартиру, и что онъ даже графу Сиверсу и барону Гревенсу носы утиралъ, послѣ чего и вышелъ отъ меня въ крайней запальчивости, такъ что бывшій всему сему происшествію свидѣтелемъ квартирмейстеръ Михайловъ изумился толикой наглости и грубости подчиненнаго противъ начальника".

Сообщая все это начальнику, Яковкинъ доносилъ, что ослушаніе Ахматова поддерживается членами совѣта, видимо его защищающими, что время, данное ему для очистки квартиры (три дни), онъ употребилъ на то, чтобы оббѣгать всѣхъ членовъ совѣта и вооружить ихъ противъ него, какъ своевольнаго притѣснителя, что самымъ жаркимъ защитникомъ бухгалтера явился профессоръ Цеплинъ, убѣждавшій и пресвитера Данкова воспротивиться приказанію Яковкина объ очищеніи квартиры. Передъ засѣданіемъ совѣта Цеплинъ упрашивалъ самого Яковкина отмѣнить приказаніе, но онъ не согласился, «дабы другимъ чиновникамъ не подать поводу къ презиранію приказаній начальства». Прошли и другіе данные Ахматову три дня на переѣздъ, прошло двѣ недѣли, но онъ не трогался съ мѣста. Тогда Яковкинъ приказалъ квартирмейстеру, комнатному надзирателю и дежурному по классамъ офицеру съ командою гимназическихъ инвалидовъ, изъ четырехъ человѣкъ состоящею, насильно очистить комнаты, занимаемыя Ахматовымъ. Какъ видно изъ рапорта квартирмейстера, Ахматовъ оказалъ сопротивленіе. Онъ не позволялъ выносить изъ одной комнаты ничего, въ особенности кровати, на которой лежала больная тогда жена его, «повторялъ неоднократно съ азартностью слова: «убью», «произносилъ ругательныя и поносныя слова, относящіяся до лица вашего и противъ чести вашей» говоритъ рапортъ Яковкину. Приказаніе было однако исполнено, не смотря на болѣзнь жены. «Ожесточеніе его, подстрекаемое усильнымъ защищеніемъ отъ членовъ совѣта, до такого неистовства простерлось, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, что 7 дня, въ двѣнадцатомъ часу ночи, присылалъ ко мнѣ ругательную записку, называя меня варваромъ и кровопійцею»... Яковкинъ сомнѣвался и въ болѣзни жены Ахматова: «еще всего понятнѣе, что Цеплинъ сдѣлался *прорицателемъ*, сообщаетъ онъ: онъ мнѣ въ субботу говорилъ, что жена Ахматова будетъ больна, а сегодня въ первомъ часу Ахматовъ и подалъ мнѣ въ конторѣ рапортъ, что жена его больна». Между тѣмъ самъ Ахматовъ, въ своей жалобѣ попечителю, увѣряетъ о подлинной болѣзни жены (она выкинула): «Не взирая на ея болѣзнь, противъ всѣхъ правъ и данной ему власти надъ женами, говоритъ онъ, какъ будто приговоренную къ публичному

наказанію, изъ единаго ругательства, прислалъ безразсудно холостаго лѣкаря освидѣтельствовать благородную, въ слабости отъ такой болѣзни, о которой скромность и стыдъ едва ли позволятъ объявить». Странное положеніе попечителя, которому приходилось разбираться во всѣхъ этихъ дрязгахъ и доискиваться правды. Поступилъ онъ впрочемъ мягко, прислав Ахматову объявить чрезъ контору совѣтъ, чтобъ онъ не отваживался впредь быть ослушнымъ поставленному надъ нимъ начальнику, а тѣмъ менѣе принимать съ грубостью и упорствомъ приказанія его, до гимназіи касающіяся, и грозилъ принять надлежащія и непріятныя мѣры. Яковкинъ повидимому не очень сильно настаивалъ на увольненіи Ахматова, хотя и нашелъ на его мѣсто въ должность бухгалтера какого-то свободнаго иностранца Груля, семнадцатилѣтняго писца изъ Сарептскихъ нѣмцевъ, но попечитель не утвердилъ его по незнанію имъ русскаго языка. Ахматовъ остался на службѣ по совѣту попечителя: «Поелику Ахматовъ, писалъ онъ къ Яковкину (попечитель передъ тѣмъ получилъ отъ него письмо, писанное неизвѣстно почему по нѣмецки), ни по конторѣ, ни по гимназіи отъ службы не отказывается, напротивъ того, какъ слышу, желаетъ продолжать оную, къ тому же ни по той, ни по другой должности его упущеній не видно, то по мнѣнію моему лучше оставить его на прежнемъ положеніи, дабы безпричиннымъ отрѣшеніемъ не подать повода къ предосудительнымъ толкамъ и къ новому противъ васъ со стороны товарищей негодованію и неудовольствію». На время примирился съ Ахматовымъ Яковкинъ; черезъ годъ онъ представляетъ попечителю о прибавкѣ ему жалованья въ 150 рублей въ годъ, намѣреваясь открыть особенный классъ бухгалтеріи послѣ вакаціи. Но Ахматовъ, какъ кажется человѣкъ строптиваго характера, остался недоволенъ размѣромъ прибавки и писалъ самому попечителю, что такая прибавка сдѣлана ему въ насмѣшку. Тогда только Румовскій сообщилъ совѣту, что надбавка эта весьма соразмѣрна трудамъ его, но несоразмѣрна только его высокомѣрію и, вспоминая прежнее, «для внутренняго спокойствія гимназіи», уволилъ его и отъ бухгалтерской и отъ учительской должности. Это было уже въ сентябрѣ 1806 года. Несмотря на это Ахматовъ не унывалъ и Яковкинъ два раза рапортовалъ попечителю о новыхъ грубостяхъ его, послѣдовавшихъ вслѣдъ за увольненіемъ. «Теперь остается только ожидать, пишетъ онъ, что онъ придетъ въ присутствіе конторы и или обругаетъ еще словами все присутствіе или еще и прибьетъ». Дѣло въ томъ, что Ахматова задерживали въ конторѣ сдачею бухгалтерскихъ бумагъ и документовъ; найдено было умышленное смѣшеніе суммъ и запутаніе университетскихъ счетовъ; Яковкинъ предполагалъ, что всѣ

его новыя дерзости и грубости вытекають изъ обѣщанія, даннаго имъ профессору Каменскому взбѣсить директора, вывести его изъ себя, но «благодаря Всевышнему, говоритъ этотъ, хладнокровіе мое превозмогло надъ злобою». Уволенный отъ должности, Ахматовъ вездѣ, гдѣ только могъ въ Казани, изливалъ свою злобу на Яковкина. У губернатора, къ которому онъ ходилъ жаловаться на директора, по словамъ послѣдняго, онъ называлъ его государственнымъ воромъ, притѣснителемъ, варваромъ, злодѣемъ, пьяницею; въ городѣ распускалъ слухъ, что вдовствующая Императрица, за поднесенную ей бухгалтерію особенно расположена къ нему и прислала ему на проѣздъ въ Петербургъ 400 рублей, что онъ отправляетъ туда пока только жену, а самъ остается въ Казани для обвиненія Яковкина, имѣя для того вѣрныя и неоспоримыя доказательства. Но Яковкинъ оставался совершенно спокоенъ. «Прежнія доказательства его буйства всѣ извѣстны в. п., писалъ онъ Румовскому, а при томъ аще Богъ по насъ, кто на ны?» Только въ апрѣлѣ 1807 года удалось Яковкину окончательно отдѣлаться отъ строптиваго кума своего. Дальнѣйшая судьба Ахматова намъ неизвѣстна.

Но съ Ахматовымъ, жалоба котораго на несправедливость и притѣсненія Яковкина, выслушанная въ совѣтѣ и безъ обсужденія отправленная къ попечителю, была поводомъ первыхъ споровъ въ совѣтѣ, мы удалились отъ разсказа. Попечитель, получившій кромѣ ея рапорты и различныя частныя сообщенія Яковкина, счелъ своею обязанностью на первыхъ порахъ поддержать авторитетъ власти (онъ смотрѣлъ на все это дѣло, лишь какъ на «крамолу, воздвигнутую» противъ Яковкина) и написалъ довольно строгую бумагу въ совѣтъ. Онъ говорилъ, что совѣтъ присвоилъ себѣ право ему не принадлежащее и возвращалъ жалобу Ахматова съ тѣмъ, чтобъ она отдана была ему обратно въ присутствіи совѣта. «Совѣтъ не есть судія надъ директоромъ гимназіи, говорилось въ предложеніи попечителя, и въ разсужденіи внутренняго управленія директоръ никому не подчиненъ, какъ только поставленному отъ Высочайшей власти начальнику».... «Совѣтъ, принявъ прошеніе отъ Ахматова, нарушилъ порядокъ и утвердилъ его въ неповиновеніи»... Особенно недоволенъ былъ попечитель тѣмъ, что члены совѣта постановили свое рѣшеніе тогда, когда Яковкинъ прекратилъ засѣданіе и ушелъ. «Такого поступка, противнаго Высочайше конфирмованному уставу и опасныя слѣдствія навлечь могущаго, равномѣрно никоимъ образомъ одобрить я не могу; и ежели паче чаянія моего встрѣтится подобное приключеніе, то я принужденнымъ себя найду отнестись туда, куда слѣдуетъ, о неповинующихся закону» (19 іюня, 1805 г., № 180).

Совѣтъ, выслушавъ въ засѣданіи 5 іюля строгое предложеніе попечителя, опредѣлилъ: «исполнить во всемъ пространствѣ предписаніе и впредь поступать сообразно оному». Только одинъ Карташевскій воспользовался словеснымъ позволеніемъ совѣта и подалъ особое мнѣніе или *голосъ*, по тогдашнему, чтобы объяснить хотя бы сколько нибудь обстоятельства, вызвавшія невыгодное заключеніе о совѣтѣ со стороны попечителя, «не смотря на его личное, какъ вѣроятно и другихъ членовъ желаніе заслуживать хорошее мнѣніе справедливѣйшаго начальства и не дѣлать ничего водясь духомъ раздора». Онъ доказывалъ, что не имѣлъ вовсе умышленнаго намѣренія поступать вопреки законовъ, думалъ напротивъ, что въ этомъ дѣлѣ сообразовался съ тѣми изъ нихъ, какіе только могли рѣшить его въ такомъ новомъ случаѣ. Карташевскій, въ заключеніе своего мнѣнія, приглашаетъ совѣтъ, что считаетъ онъ необходимо нужнымъ, войти въ гораздо ближайшее «разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній совѣта, который по составленію своему и предмету, вышедши изъ предѣловъ гимназическаго устава, слишкомъ ограниченъ, чтобъ подойти совершенно подъ университетскій, и находится такимъ образомъ въ какой-то рединѣ и неопредѣленномъ положеніи, что по моему мнѣнію было отдаленною причиною настоящаго происшествія». И профессоръ Цеплинъ, съ своей стороны, съ большимъ достоинствомъ, счелъ своею нравственною обязанностью объяснить попечителю въ мнѣніи, написанномъ имъ по нѣмецки, образъ своихъ дѣйствій, свидѣтельствуя глубокое уваженіе свое къ закону и къ власти. Онъ говоритъ, что, подписывая протоколъ 3 іюня, вмѣстѣ съ прочими членами совѣта, онъ дѣйствовалъ сознательно, на основаніяхъ, которыя тогда были для него субъективно убѣдительны. «Я могъ ошибиться, и это конечно для меня тяжело, говоритъ онъ, но мнѣ неизвѣстенъ законъ, который былъ противъ моего мнѣнія и голоса мною поданнаго»; онъ никакъ не думалъ, что случай этотъ не подходитъ подъ законъ и торжественно отрицаетъ съ своей стороны всякую сознательную мысль противодѣйствія закону, сколько нибудь ясному и опредѣленному. Только одинъ пресвитеръ Данковъ, который въ засѣданіи совѣта примкнулъ къ прочимъ и не проявилъ никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій, счелъ своею обязанностью, въ особомъ письмѣ къ попечителю, выгородить себя и обвинить прочихъ членовъ совѣта въ незаконномъ образѣ дѣйствій. Онъ говоритъ о непристойномъ шумѣ и крикѣ Цеплина и Левицкаго, съ горячностью противорѣчившихъ директору, о своихъ дѣйствіяхъ, клонившихся къ сохраненію порядка и благочинія, о доказательствахъ своихъ, что «таковые шумные и буйственные съ директоромъ споры свойственны болѣе необразованнымъ людямъ, нежели

благоучрежденному ученому собранію совѣта», нападаетъ на «надменныя о правахъ совѣта высокоглаголанія» и проситъ извиненія въ двухъ погрѣшностяхъ, учиненныхъ имъ во время бывшаго совѣта: 1) что онъ не вышелъ вслѣдъ за директоромъ изъ совѣта, а остался, но остался онъ съ благою цѣлью — «единственно для склоненія членовъ къ скорѣйшему окончанію вышеобъявленнаго спорнаго дѣла съ надлежащимъ притомъ соблюденіемъ достодолжнаго директорской власти уваженія и 2) что онъ согласился съ прочими на пересылку жалобы къ попечителю отъ имени совѣта «для предупрежденія тѣмъ самымъ всѣхъ дальнѣйшихъ споровъ съ господиномъ директоромъ, которые бы въ будущемъ собраніи неотмѣнно воспослѣдовали». Попечитель благодарилъ пресвитера за его безпристрастіе, но крайне недоволенъ остался мнѣніемъ или «голосомъ» Карташевскаго, который, какъ мы знаемъ, не понравился ему лично при первомъ знакомствѣ за свое «молодое высокоуміе». Карташевскій приглашалъ совѣтъ войти въ разсмотрѣніе круга дѣлъ и отношеній, ему подлежащихъ что казалось совершенно необходимымъ для избѣжанія всякихъ будущихъ недоразумѣній, такъ какъ и самъ попечитель предписывалъ въ порядкѣ и рѣшеніи дѣлъ по возможности сообразоваться съ уставомъ университетовъ 1804 года, но нигдѣ не были приведены въ ясность границы этой возможности. Мнѣніе адъюнкта Карташевскаго привело въ негодованіе попечителя. «Г. Карташевскій, приглашая къ сему совѣтъ» пишетъ онъ въ предложеніи совѣту (24 іюля 1805 г. № 228) и присвоивая паки себѣ право, принадлежащее единственно высшему начальству, вооружаетъ оный противъ постановленія, главнымъ училищъ правленіемъ и министромъ народнаго просвѣщенія утвержденнаго.... Г. Карташевскому, учиняя въ совѣтѣ выговоръ чрезъ г. директора, что преступаетъ предѣлы круга своего и не смотря на предписаніе въ концѣ предложенія моего отъ 19 іюня содержащееся вторично присвоиваетъ себѣ право, ему не принадлежащее, объявить, что ежели онъ находитъ кругъ совѣта для себя ограниченнымъ и тѣснымъ, котораго разсмотрѣнію подлежатъ однако всѣ дѣла до ученія касающіяся, то въ его волѣ состоитъ заблаговременно искать себѣ внѣ гимназіи другаго обширнѣйшаго».... Предложеніе это, согласно желанію попечителя, было заслушано не въ обыкновенномъ, а чрезвычайномъ засѣданіи совѣта. Карташевскій заявилъ, что онъ имѣетъ представить нѣкоторыя извиненія и для того взялъ копію съ предложенія. Эти извиненія и объясненія онъ изложилъ въ письмѣ.

Но вопросъ о правахъ, обязанностяхъ и кругѣ дѣйствій совѣта, состоящаго изъ профессоровъ и адъюнктовъ университета, былъ

живымъ вопросомъ, особенно для иностранцевъ, которые у себя дома привыкли къ другимъ порядкамъ, давно и исторически развившимся. Такъ не прошло и недѣли съ того времени, какъ явился въ Казань профессоръ латинскаго языка и словесности Германъ, какъ уже онъ заинтересовался этимъ вопросомъ и примкнулъ къ Цеплину, узнавъ положеніе дѣлъ и отношенія въ Казани. За подписомъ ихъ обоихъ получено было попечителемъ французское письмо, при которомъ они препроводили къ нему составленныя ими и обсужденныя прочими членами *положенія о совѣтѣ* на латинскомъ языкѣ, состоящія изъ 11 §§. Въ вступленіи къ этимъ параграфамъ высказывается мысль, что съ возрастаніемъ числа профессоровъ Казанскаго университета, которыхъ права и обязанности весьма различны отъ правъ и обязанностей, учителей гимназическихъ, настало теперь время опредѣлить болѣе точнымъ образомъ предѣлы какъ университета такъ и гимназіи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ отношеніяхъ господствуетъ полнѣйшая неопредѣленность, возбуждающая только пустые споры и напрасную трату времени [1]). Цеплинъ и Германъ писали, что намѣренія ихъ совершенно чисты и чужды личнаго интереса и честолюбія («nos intentions sont les plus pures et les plus desintéressées et elles sont bien éloignées de toute ambition quelconque»), но Яковкинъ очень хорошо понималъ и писалъ попечителю, «что новые параграфы прямо устремлены противъ профессора Яковкина, то видно изъ большей части статей. «Вси пророци избіени суть, и остахся азъ единъ на жертву Вааловымъ жрецамъ». Удостойте в. п. простить великодушно сіе мое выраженіе: человѣкъ какъ человѣкъ, поневолѣ долженъ чувствовать все стремленіе злобы и зависти; но покой не престанутъ дѣйствовать во мнѣ присяга и совѣсть, дотолѣ ни на едину іоту не отступлю отъ ихъ внушеній, и да судитъ о томъ мой Сердцевѣдецъ» (22 авг. 1805 г.). По словамъ его, для обсужденія проектированныхъ статей, члены собирались нѣсколько разъ, скрытно отъ него и не въ комнатѣ совѣта, а на квартирахъ Карташевскаго и Запольскаго; въ совѣтѣ же статьи читались дважды, но партикулярно, такъ что Яковкину не удалось сдѣлать на нихъ своихъ заранѣе приготовленныхъ замѣчаній, въ родѣ слѣдующихъ: «omnia agenda sunt praescripta et exsequenda;

---

[1]) Quum numerus professorum Imperatoriae universitatis Casaniensis in dies augeatur, quorum jura et officia multum a juribus et officiis praeceptorum gymnasii Casaniensis differunt: jam nunc tempus erit amborum horum institutorum limites paulo accuratius expendendi et definiendi. Hoc eo magis necessarium esse videtur, quum hae res inter se permixtae et incertitudo cujus curae commissae sint, jam plus una vice disputationibus futilibus, quibus tempus plerumque male teritur locum dederint.

*

posteriora expectanda. Ceterum quis membrorum consilii non est contentus jam praescriptis regulis agendorum projiciat et referat ipse suae excellentiae Domino Curatori». Въ своихъ воззрѣніяхъ на проектированныя латинскія статьи объ измѣненномъ совѣтѣ Яковкинъ не ошибался. Составителямъ проекта желательно было избавиться отъ его деспотизма и получить большій просторъ дѣйствій. Совѣтъ долженъ былъ именоваться не совѣтомъ Казанской гимназіи, а совѣтомъ профессоровъ и адъюнктовъ Казанскаго университета (§ 1). Ему предоставлялась большая свобода обсужденія своихъ дѣлъ (§ 2). Предсѣдателемъ по очереди долженъ быть одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, назначаемый срокомъ на одинъ мѣсяцъ (§ 3). Бумаги, адресованныя въ совѣтъ, должны вскрываться не иначе, какъ въ засѣданіи, для чего оно назначается въ день полученія петербургской почты (§§ 4 и 5). Только одинъ протоколъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ совѣтѣ было говорено, обсуждаемо, постановлено. Не допускается какой либо отдѣльный рапортъ о происходившемъ въ совѣтѣ, какъ не допускается какая либо прибавка въ протоколѣ (§ 7). Въ остальныхъ §§ совѣту, согласно уставу 1804 года, давались, подъ властію попечителя и въ зависимости отъ него, въ большей или меньшей степени, права предоставленныя ему закономъ, поручались дѣла учебнаго округа, предстоящія большія постройки для университета и подчинялась сама гимназія съ ея неограниченнымъ директоромъ.

На такія требованія Румовскій конечно долженъ былъ отвѣчать полнымъ отказомъ, но не желая на первыхъ порахъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ противъ только что пріѣхавшаго въ Казань и имъ приглашеннаго профессора Германа, онъ отвѣчалъ ему учтивымъ письмомъ, въ которомъ доказывалъ невозможность теперь же примѣнить къ совѣту всѣ проектированныя статьи, говорилъ, что ни онъ самъ, ни совѣтъ не имѣютъ права дѣлать какія либо измѣненія въ учрежденіи, утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія и главнымъ правленіемъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывалъ и упрекъ и угрозу. «Не смотря на мои убѣжденія и предписанія, я заключаю, писалъ онъ (подлинникъ по французски), что между членами находится нѣсколько безпокойныхъ умовъ, помышляющихъ больше о возбужденіи споровъ и ссоръ, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей, и, если это продолжится, то моя обязанность будетъ, для блага и мира въ гимназіи, принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобъ избавиться отъ этихъ людей».

Это письмо попечителя, по словамъ Яковкина, «возымѣло все ожидаемое дѣйствіе». Къ Яковкину онъ писалъ: «Изъ всѣхъ обстоятельствъ усматриваю я, что въ совѣтъ гимназіи вселился духъ не-

повиновенія и несогласія, и вмѣсто того, чтобъ господамъ оный составляющимъ стараться объ исполненіи Монаршей воли, т. е. о наставленіи юношества, нѣкоторые изъ нихъ безвременно обращаютъ мысли свои на дѣло до нихъ не принадлежащее». Яковкинъ письмо это показывалъ Эриху и «просилъ его внушить затѣйщикамъ, что всякое самомнѣніе ни мало несовмѣстно со служеніемъ, приличнымъ ученому мѣсту. Сегодняшнее засѣданіе совѣта (18 сент. 1805 г.) предъувѣряетъ въ пріятной надеждѣ къ прекращенію навсегда всѣхъ прихотей». Но онъ видѣлъ кругомъ себя общую нелюбовь и постоянно жаловался и возбуждалъ попечителя. Такъ передавалъ онъ о большомъ противъ него негодованіи за увеличеніе числа адъюнктскихъ часовъ преподаванія (на 1805—1806 учебный годъ назначено было, съ разрѣшенія попечителя преподавать: Яковкину 4 часа, прочимъ профессорамъ по 6, а адъюнктамъ по 8 часовъ въ недѣлю). Такъ, инсинуируя о безнравственныхъ свойствахъ своихъ сослуживцевъ, онъ, послѣ смерти пресвитера Данкова, послѣдовавшей осенью 1805 года, принимаетъ на казенное содержаніе въ гимназію сына его котораго потомъ выключили за малоуспѣшность, не чрезъ совѣтъ, какъ бы слѣдовало, а по *директорскому журналу:* «тому причиною имѣю недоброхотство нѣкоторыхъ сочленовъ къ сиротѣющему семейству; были явные признаки, что за безпристрастіе и доброту готовы были гнать семейство и мстить ему. Сія же самая причина побудила меня переселить Данкову въ корпусъ гимназическій, дабы она была ко мнѣ поближе и при первомъ нужномъ случаѣ могла бы имѣть потребную защиту». Прибывающіе въ Казань нѣмецкіе профессоры не могли нравиться Яковкину, потому что они не желали стать его клевретами. Сознавая за собою научное достоинство, привыкшіе къ старымъ, преданіемъ утвердившимся формамъ университетской жизни, болѣе свободные и независимые въ убѣжденіяхъ, они естественно дѣлали отпоръ его самовластію. «Съ нынѣшними нѣмцами ладить трудно, по причинѣ ихъ самомнѣнія» писалъ онъ попечителю. Но онъ умѣлъ ихъ допекать мелкими уколами, характерными для времени и его самого. «Между прочимъ во время собранія (публичнаго экзамена), съ особеннымъ сердечнымъ прискорбіемъ замѣтилъ я и наибольшая часть публики взяла на замѣчаніе, сообщаетъ Яковкинъ попечителю (11 іюля 1805 г.), что Цеплинъ пришелъ уже въ собраніе подъ конецъ большой нѣмецкой рѣчи, спустя два часа послѣ назначенныхъ къ началу собранія четырехъ часовъ по полудни». Попечитель тотчасъ же, въ особомъ предложеніи, сообщая совѣту, что происшествіе *дошло до его свѣдѣнія стороною,* требовалъ увѣдомленія: «ктобъ это былъ изъ гг. членовъ совѣта, который не соблюлъ должнаго порядка?» Въ мемо-

ріи совѣта, представленной попечителю въ отвѣтъ на это предложеніе записано: «Профессоръ Цеплинъ объявляетъ: 9 іюля послѣ обѣда текла у него кровь изъ носу, и пришелъ потому однимъ часомъ позже». Опредѣлено: донести о семъ г. попечителю.

Новый 1806 годъ начался самыми мирными отношеніями. Совѣтъ, за подписомъ всѣхъ тогда наличныхъ одиннадцати членовъ своихъ, отправилъ къ попечителю исполненное всяческихъ благопожеланій поздравленіе съ новымъ годомъ. (Этотъ обычай соблюдался каждый годъ все время попечительства Румовскаго). Попечитель, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, увѣренный въ усердіи членовъ совѣта, просилъ Всевышняго «да наградитъ ихъ здравіемъ и силами для прохожденія предлежащаго имъ поприща на пользу отечества». Говоря о стараніяхъ своихъ положить твердое основаніе Казанскому университету, «отъ котораго на весь округъ со временемъ должно проистекать просвѣщеніе», онъ гордился, что «удостоился одобренія толь многихъ мужей всякаго рода знаніями украшенныхъ». Отвѣтъ попечителя члены совѣта «слушали съ особенною сердечною радостью» и поручили Яковкину, какъ предсѣдателю, «свидѣтельствовать полную свою готовность къ точному по всѣмъ силамъ содѣйствію благотворнымъ намѣреніямъ начальства».

Общее согласіе членовъ совѣта увеличилось вскорѣ общимъ чувствомъ негодованія, сознаніемъ общей обиды, когда полученъ былъ въ Казани № 55 газеты «Der Freimüthige», издаваемой въ Берлинѣ Готлибомъ Меркелемъ. Здѣсь была помѣщена коротенькая корреспонденція неизвѣстнаго, присланная изъ Нижняго Новгорода, гдѣ въ очень туманныхъ правда выраженіяхъ, говорилось о только что учрежденныхъ университетахъ въ Харьковѣ и Казани и о ихъ положеніи посреди окружающаго ихъ невѣжества. Но и сами профессоры стоятъ ниже своей задачи—бороться съ мракомъ. Иронически говорилъ корреспондентъ о веселой казанской жизни, напоминающей Вавилонъ Апокалипсиса (die babylonische Wirthschaft und das frohliche Leben in Kazan [1]), къ которой пріѣзжіе должны подлаживаться. «Многимъ изъ сихъ господъ жаль употребить какихъ нибудь 50 рублей на покупку необходимыхъ книгъ (хотя они получаютъ достаточное жалованье), но тѣмъ дороже стоятъ имъ возліянія на алтари ихъ боговъ. Самомнѣніе, униженіе другихъ, зависть, ссоры и споры—вотъ ихъ характеристика (Eigendünkel, Verkleinerungssucht, Jalousie, Zank uns Streit und das unanständigste Be-

[1]) Apocal. c. XIV, v., 8. Cecidit, cecidit Babylon, illa magna, quae a vino irae fornicationis suae potavit omnes gentes. C. XVII, v. 5; Babylon magna mater fornicationum et abominationum terrae.

ragen im Aüsseren sind die Charakteristik dieser)... Но въ особенности обиднымъ показалось профессорамъ сравненіе ихъ съ Критянами, упоминаемыми въ Посланіи ап. Павла къ Титу (I, 12).

Много толковали объ этой корреспондеціи или «пасквилѣ», какъ она называется въ дѣлѣ, въ засѣданіи совѣта. Хотѣли сначала просить высшее начальство принудить издателя берлинскаго журнала объявить мѣстопребываніе и имя лица, приславшаго ему пасквиль и затѣмъ самаго сочинителя призвать на судъ въ Россіи, допросить о причинахъ его поступка и по признаніи судить по законамъ; но потомъ ограничились сочиненіемъ возраженія, по объему втрое больше самой корреспонденціи, которое и опредѣлили отправить къ попечителю съ просьбою помѣстить его какъ въ заграничныхъ газетахъ, такъ и въ вѣдомостяхъ, русскихъ и нѣмецкихъ петербургскихъ и московскихъ. Попечитель справедливо отозвался и высказалъ мнѣніе, что «лучше пасквиль сей презрѣть, нежели что либо на оный отвѣтствовать, потому что злобное мнѣніе частнаго и неизвѣстнаго человѣка не можетъ поколебать добраго мнѣнія начальства о профессорахъ». Но вопросъ объ авторѣ корреспонденціи сильно занималъ членовъ совѣта; конечно ни одинъ изъ нихъ не былъ имъ. Яковкинъ, знавшій въ Казани всѣхъ и вся, утверждалъ, что статья нѣмецкаго журнала написана въ Казани «нѣкоторымъ Кальмомъ, бывшимъ учителемъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, но во время послѣдней шведской войны за измѣну сосланнымъ въ Казань въ ссылку и непримиримымъ врагомъ новыхъ учебныхъ въ Россіи заведеній» [1]). Возраженіе не было напечатано и статью забыли.

Несмотря на господствовавшее въ совѣтѣ единодушіе, прежній вопросъ о значеніи новаго совѣта и правахъ его, особенно съ прибытіемъ новыхъ профессоровъ въ Казань, долженъ былъ снова возникнуть. Такъ, въ самомъ началѣ года, въ первомъ засѣданіи совѣта, при слушаніи недѣльнаго рапорта дежурнаго по классамъ офицера о числѣ пропущенныхъ уроковъ въ гимназіи и университетѣ, что дѣлалось постоянно, членамъ совѣта не понравилось то, что ихъ ставятъ на одну доску съ учителями гимназіи. Въ совѣтѣ по этому поводу было постановлено: «впредь профессоры и адъюнкты будутъ сами каждый разъ въ совѣтѣ объявлять о причинѣ своего отсутствія въ предъидущую недѣлю. Почему г. директоръ объявитъ

---

[1]) Кальмъ явился въ Казань въ царствованіе Екатерины. Онъ былъ уроженцемъ изъ Ганновера и нѣкоторое время, съ 1790 года, былъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Казанскомъ главномъ народномъ училищѣ, потомъ гдѣ-то служилъ и дослужился до чина коллежскаго ассесора. На его дочери въ 1811 году женился профессоръ-медикъ Эрдманъ.

дежурному офицеру, чтобъ въ недѣльныхъ своихъ рапортахъ ограничивалъ себя только гимназическими классами». Яковкинъ, конечно несогласный съ этимъ, пишетъ однако, что онъ «много противорѣчить не посмѣлъ, дабы оное не было причтено мнѣ въ своенравіе» и попечитель не противорѣчилъ, но прибавилъ въ своемъ предложеніи: «впрочемъ же, что надлежитъ до времени прихода и выхода не въ учрежденные часы и также до времени, когда не будетъ кто въ классахъ, то нужнымъ нахожу, чтобы оное, на основаніи установленія наблюдаемаго даже въ верховномъ правительствѣ, было означаемо и мнѣ свѣдѣнія о томъ были доставляемы».

Въ началѣ марта пріѣхалъ въ Казань первый профессоръ медицины Каменскій, человѣкъ молодой и энергическій, сразу понявшій казанскія отношенія и ту почву, на которой ему предстояло дѣйствовать. Въ его біографіи, выше, мы передали о тѣхъ столкновеніяхъ, которыя Каменскій, какъ членъ конторы, имѣлъ съ Яковкинымъ (стр. 129—130), какъ, защищая университетскія суммы отъ произвольныхъ распоряженій директора, онъ былъ уволенъ, по настоянію послѣдняго, попечителемъ отъ должности члена конторы отъ университета, которымъ былъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Еще до увольненія отъ званія члена конторы, Каменскій повелъ съ Яковкинымъ борьбу въ совѣтѣ, гдѣ для нея было уже много готовыхъ элементовъ, гдѣ у Яковкина были и прежніе враги. Какъ прежде, въ прошломъ году, споры и неудовольствія въ совѣтѣ возникли изъ за распоряженія Яковкина объ удаленіи съ казенной квартиры бухгалтера Ахматова, побудительной причиной къ чему была ссора ихъ женъ (Weiber-Affaire—по словамъ нѣмецкихъ профессоровъ), такъ и теперь противъ Яковкина вооружились за удаленіе имъ отъ должности главнаго надзирателя Пухинскаго, того самаго, для котораго, чтобъ онъ ближе былъ къ воспитанникамъ, яко-бы изъ педагогическихъ соображеній, Яковкинъ требовалъ очищенія квартиры бухгалтера. Пухинскій былъ опредѣленъ на должность самимъ попечителемъ въ январѣ 1805 года въ Петербургѣ, еще до отъѣзда его въ Казань. Изъ Казани на эту, сдѣлавшуюся тогда вакантною должность просился здѣшній дворянинъ и довольно зажиточный помѣщикъ (за нимъ по аттестату считалось 270 душъ крестьянъ), Яковъ Чемодуровъ, начавшій службу свою гвардіи сержантомъ и уволенный въ отставку штабсъ-капитаномъ. Это былъ человѣкъ еще очень молодой, но что привлекало его на службу въ главные надзиратели должность, обязывавшую по положенію о гимназіи 1798 года быть почти безотлучно при воспитанникахъ, какъ днемъ, за исключеніемъ классовъ, такъ и ночью, имѣя подъ командою своею четырехъ или пять комнатныхъ надзирателей, и быть въ полномъ подчиненіи у

директора—сказать не умѣемъ. Изъ дѣлъ не видно, чтобы Яковкинъ рекомендовалъ его (тогда онъ не былъ еще лично знакомъ съ попечителемъ), но безъ сомнѣнія прошеніе Чемодурова было послано въ Петербургъ не безъ его вѣдома. Попечитель, какъ кажется, считалъ его молодымъ и неопытнымъ и предпочелъ ему Пухинскаго. Этотъ послѣдній, родомъ изъ польскихъ шляхтичей, началъ службу свою также въ гвардіи, капраломъ въ Измайловскомъ полку, затѣмъ служилъ въ армейскихъ пѣхотныхъ и конныхъ полкахъ, а потомъ, по переименованіи въ статскій чинъ, служилъ нѣсколько лѣтъ ассесоромъ, сначала въ гражданской, а наконецъ въ казенной нижегородской палатѣ, откуда и былъ уволенъ, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ въ 1803 году съ чиномъ коллежскаго ассесора. Получивъ паспортъ въ Петербургѣ 16 января, онъ явился къ должности только 29 марта, за что получилъ выговоръ отъ попечителя. Служебное положеніе его было довольно неопредѣленно: «по положенію о гимназіи назначено ему соприсутствовать въ совѣтѣ, пишетъ Яковкинъ, а въ уставѣ университетскомъ, *съ коимъ по всей возможности стараемся въ теченіи дѣлъ соображаться*, о главномъ надзирателѣ ничего не сказано». Рѣшено было допускать Пухинскаго въ совѣтъ къ присутствію по дѣламъ воспитанія и дать ему инструкцію. Это было одобрено попечителемъ, а инструкція утверждена.

Яковкинъ, по словамъ его, съ перваго раза замѣтилъ совершенную неопытность Пухинскаго въ дѣлѣ, къ которому онъ былъ опредѣленъ и «долгомъ поставилъ препоручать ему дѣла постепенно, дабы тѣмъ лучше могъ онъ присматриваться». Но не прошло и мѣсяца по вступленіи въ должность Пухинскаго, какъ Яковкинъ сталъ сообщать попечителю о его «скрытномъ характерѣ», о его «задумчивости», доходящей до крайности. Вскорѣ онъ убѣдился, не говоря впрочемъ объ основаніяхъ для этого убѣжденія, что Пухинскій «мало надеженъ и способенъ къ главному надзирательству, особливо по образованію юношества, гдѣ иногда потребна крайнѣйшая гибкость, изъ коихъ ни той ни другой въ характерѣ его непримѣтно». Наконецъ и самое поведеніе Пухинскаго заставило Яковкина устранить его отъ должности. «Пухинскій предосудительнымъ своимъ поведеніемъ неоднократно обращалъ на себя начальственное мое вниманіе, пишетъ онъ въ особомъ директорскомъ рапортѣ къ попечителю (3 іюля 1806 г. № 62). Двукратные мои напоминанія и выговоры, въ чаяніи исправленія ему учиненныя, остались тщетными, такъ что наконецъ прошедшаго іюня 29 дня въ первомъ часу по полуночи услышанный мною необыкновенный шумъ въ его кухнѣ и кричаніе караула понудили меня идти въ его комнаты и

освѣдомиться самому о причинѣ онаго. Безобразіе, въ какомъ я увидѣлъ его шумящаго съ женщиною у него служащею, присутствіе гимназическихъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, прибѣжавшихъ на произведенный шумъ, жалобы женщины его на буйство его и драку, нераскаянность мною въ немъ замѣченная и наконецъ 30 дня въ присутствіи конторы данный мною, не принятый имъ за благо совѣтъ о подачѣ просьбы объ увольненіи отъ должности, вынудили меня наконецъ, что по тщетномъ тридневномъ ожиданіи его просьбы, сего іюля 2 дня въ вечеру, въ присутствіи же конторы во исполненіе § 12 Высочайше конфирмованнаго Казанской гимназіи перваго и § 16 втораго Положенія, объявилъ ему отдаленіе его отъ должности главнаго надзирателя, которую тогда же даннымъ ордеромъ препоручилъ комнатному надзирателю Попову». Въ письмѣ своемъ къ попечителю Яковкинъ пишетъ, что къ этому шагу принудили его «присяга, совѣсть и самая честь публичнаго заведенія». Въ тотъ же день заслушано было въ совѣтѣ предложеніе директора объ удаленіи имъ отъ должности Пухинскаго «по обнаружившимся законнымъ причинамъ», но безъ указанія ихъ, а также и о томъ, что о распоряженіи этомъ онъ въ тотъ же день донесъ попечителю. Но совѣтъ, несмотря на сдѣланное уже Яковкинымъ донесеніе попечителю, утвердивъ удаленіе, потребовалъ отъ директора объясненія причины этого удаленія для донесенія съ своей стороны попечителю. Яковкинъ не считалъ себя обязаннымъ подчиняться требованію совѣта. Опредѣленіе въ протоколѣ, и это единственный разъ, писано не секретаремъ, а рукою проф. Германа и притомъ по латыни: 1) Suspensio usque ad caussae cognitionem confirmata est; 2) Domin. prof. Iakovkyn dabit consilio causas suspensionis; 3) Concilium cognita caussa repraesentabit domino curatori rem ad decidendum. Очевидно и здѣсь совѣтъ хотѣлъ контролировать директора, желалъ принять нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что инструкцію Пухинскому составлялъ совѣтъ, а не задолго до того Яковкинъ, отдаляя отъ должности комнатнаго надзирателя Наттермана, согласно рапорту главнаго надзирателя, «по соблазнительному его поведенію», предлагалъ уволить его совсѣмъ изъ гимназіи — совѣту и по выбору же совѣта замѣстить его должность другимъ, достойнѣйшимъ.

Послѣ того какъ попечитель утвердилъ распоряженіе Яковкина и уволилъ отъ службы Пухинскаго, отъ этого послѣдняго поступила жалоба на директора, излагавшая поводъ къ увольненію нѣсколько въ иномъ видѣ. Повторилась прежняя исторія съ Ахматовымъ, повторились одинаковыя дрязги и грязь. Безъ сомнѣнія многое зависѣло здѣсь отъ тогдашней грубости нравовъ и отношеній, но стран-

но, что такихъ исторій съ Яковкинымъ не оберешься. Пухинскій жалуется на притѣсненія со стороны директора. Разсказъ его состоитъ въ слѣдующемъ: «Прошедшаго іюня мѣсяца съ 29 на 30 число, въ ночи, въ одиннадцать или въ двѣнадцать часовъ, моя наемная служанка, повидимому пьяная, заперлась въ кухнѣ, которая возлѣ самой моей комнаты. Мнѣ понадобился квасъ. Подойдя чрезъ малые корридоры къ двери кухни, требую, чтобъ мнѣ было подано что я прошу. Мнѣ отвѣтствовано было грубостями. Я повторялъ, что самъ найду лишь бы отворена была мнѣ дверь; но между тѣмъ, слыша одни ругательства, я вынулъ въ дверь вставленную раму со стеклами и сквозь окно отперъ. Помянутая служанка продолжала свои наглости, сопровождаемыя угрозами самыхъ похабныхъ мѣстъ (sic). Я хотѣлъ ее выгнать, она закричала караулъ. Г. директоръ услыша крикъ, приходитъ ко мнѣ, приписываетъ его мнѣ въ вину, не изслѣдуя настоящей тому причины и ниже приказавъ отослать той бабы подъ караулъ». Директоръ велитъ подать ему просьбу объ отставкѣ, потому что нашелъ его «въ безобразномъ видѣ». «Но въ двѣнадцатомъ часу ночи, говоритъ Пухинскій, вставъ съ постели, совсѣмъ раздѣтый, и идучи спрашивать у служанки квасу, не понимаю въ какомъ для такого дѣла и для такого времени мнѣ должно быть благообразіи? Я не ожидалъ, чтобъ г. директоръ тогда пришелъ ко мнѣ, да и самъ онъ былъ съ завязанною головою и въ одномъ халатѣ».... Далѣе Пухинскій доказываетъ, что кромѣ этого случая, директоръ ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его, что ни разу онъ не сдѣлалъ ему ни одного замѣчанія въ какомъ либо упущеніи по должности, не можетъ уличить его ни въ грубости, ни въ неподчиненіи, «ибо во всякомъ таковомъ случаѣ конечно бы онъ не упустилъ отнестись къ в. п., заканчиваетъ свою жалобу Пухинскій; но молчаніе его меня оправдываетъ».

Защитниковъ у Пухинскаго въ совѣтѣ собственно не было, но увѣдомленіе Яковкина объ его увольненіи вызвало принципіальный вопросъ. Мы видѣли, что совѣтъ вторымъ пунктомъ своего латинскаго опредѣленія постановилъ, чтобы директоръ объяснилъ совѣту причины, вынудившія его удалить Пухинскаго отъ должности. Въ засѣданіи 7 іюля Яковкинъ бумагою увѣдомилъ совѣтъ, что онъ не можетъ исполнить этого требованія совѣта безъ особеннаго предписанія попечителя, которому онъ представитъ вопросъ на разрѣшеніе. Вслѣдъ за этимъ заслушано было отдѣльное мнѣніе профессора Каменскаго, весьма любопытное по своему содержанію и дающее намъ ясное представленіе о томъ, чего добивались такъ называемые враги Яковкина и о томъ, что возбуждало тогда споры. Приведемъ его почти цѣликомъ.

„Последняя бумага г. профессора Яковкина заключаетъ въ себѣ отказъ его выполнить опредѣленіе совѣта. Онъ самъ былъ согласенъ на оное, самъ созналъ, что когда совѣтъ опредѣляетъ чиновниковъ гимназіи къ своимъ мѣстамъ, то онъ же долженъ быть извѣстенъ о причинахъ отрѣшенія или удаленія или замѣщенія ихъ другими, и онъ же, обслѣдовавъ причины, долженъ сдѣлать свое представленіе о томъ его превосходительству г. попечителю.

„Закону надобно имѣть общее дѣйствіе".

Такъ какъ дѣло касается общихъ основаній, на которыхъ стоитъ нынѣ существующій совѣтъ, то Каменскій желалъ представить попечителю слѣдующія свои соображенія:

„Его сіятельство министръ народнаго просвѣщенія, по представленію г. попечителя предписалъ, чтобъ до совершеннаго образованія университета, гимназія управлялась собственнымъ ея положеніемъ. И такъ, ежели настоящій совѣтъ, за его имя совѣта гимназіи, подводится подъ то же положеніе, то всѣ профессоры и адъюнкты, не имѣющіе должностей при гимназіи, занимаютъ въ совѣтѣ не свои мѣста и должны ихъ уступить тѣмъ учителямъ, которые назначены его членами въ § 11 Положенія о гимназіи 1798 года. Такому совѣту нельзя основываться на правилахъ университетскаго совѣта, къ которымъ однакожъ мы прибѣгаемъ, ибо они написаны въ отличныхъ видахъ и началахъ.

„Если же его превосходительству угодно, чтобъ всѣ профессоры и адъюнкты составляли совѣтъ (я говорю условно, ибо не нашелъ во всѣхъ актахъ предписанія на это)[1]) и разсуждали бы о предметахъ, до университета касающихся, и о важнѣйшихъ токмо дѣлахъ гимназіи, то кажется будетъ справедливо присвоить сему совѣту правила въ уставѣ университетскомъ предписанныя, исключивъ изъ нихъ, какія покажутся Его превосходительству для настоящаго времени ненужными или неудобоисполнимыми. Члены и предсѣдатель узнаютъ свои отношенія и будутъ имѣть вѣрную стезю, отъ которой трудно будетъ отклониться: противорѣчія, споры не найдутъ мѣста, равно какъ досады и оскорбленія, которыхъ примѣръ здѣсь могу надъ собою представить. По окончаніи разсужденія о дѣлѣ г. Пухинскаго, въ которомъ я предложилъ какое-то мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ г. профессора Яковкина, на другой день онъ далъ мнѣ прочитать предписаніе Его превосходительства 1805 года подъ № 180, прибавивъ, что и мнѣ того же должно опасаться (см. выше стр. 288). Какое жъ было удивленіе мое, когда я долженъ былъ къ оскорбленію моему понять, что за самое невинное возраженіе меня уже стращали гнѣвомъ его превосходительства, столь сильно выраженнымъ и implicite называли неповинующимся закону! Г. профессоръ Яковкинъ навѣрное не позволилъ бы себѣ такого поступка со мною, если бы не могъ сбивчиво представлять нашего отношенія съ нимъ: по крайней мѣрѣ я такъ думаю, имѣвъ счастіе служить въ непосредственномъ вѣдѣніи высшихъ начальниковъ."

Заключеніе, къ которому приходилъ Каменскій въ своемъ мнѣніи и съ которымъ согласились всѣ члены совѣта, и въ ихъ числѣ Яков-

---

[1]) Мы видѣли выше, стр. 278, что составъ и самое наименованіе совѣта, въ первомъ его засѣданіи, были объявлены Яковкинымъ согласно словесному приказанію попечителя.

кинъ, клонилось къ тому, чтобъ представить попечителю не о дѣлѣ собственно Пухинскаго, а о томъ въ какомъ положеніи находится совѣтъ. Эта мысль, какъ мы видѣли, занимала и Карташевскаго и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, но первый, по званію своему адъюнкта, не имѣлъ вѣса ни у попечителя, ни въ совѣтѣ, нѣмцы же профессоры не умѣли ее выразить въ такой ясности, какъ сдѣлалъ это Каменскій. Въ силу его заключенія совѣтъ занялся уясненіемъ своего положенія, въ виду двухъ уставовъ, часто противорѣчащихъ другъ другу, но которыми онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ руководствоваться. Въ два засѣданія разсуждаемо было о томъ 1) «что въ силу предписанія Его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, даннаго въ 1805 году подъ № 92 въ управленіи гимназіею должно слѣдовать положенію 1798 года мая 29 дня, гдѣ назначены членами совѣта директоръ оной съ пятью или шестью учителями высшихъ классовъ и главнымъ надзирателемъ, которыхъ мѣста вопреки сему занимаютъ нынѣ семь профессоровъ и пять адъюнктовъ; 2) что приказаніе слѣдовать то уставу университетовъ, то гимназическому положенію вводитъ въ производство дѣлъ неопредѣлительность, законами непозволительную; 3) что слѣдуя даже одному гимназическому положенію, невозможно избѣжать противорѣчій. Когда совѣтъ напримѣръ требовалъ, чтобы сдѣлано было новое расположеніе въ учебныхъ часахъ, чѣмъ заниматься предписано ему въ § 11 сего положенія, тогда г. директоръ объявилъ, что сіе принадлежитъ собственно ему, ссылаясь на § 4 онаго, гдѣ говорится о перемѣнахъ классовъ, что соединяясь съ полнымъ внутреннимъ распоряженіемъ гимназіи отъ одного токмо директора оной, не оставитъ никакого почти занятія совѣту».

Эти разсужденія, справедливость которыхъ сознавали всѣ, и желаніе избѣгнуть на будущее время недоумѣній, противорѣчій и споровъ, привели совѣтъ къ такому важному опредѣленію, которое, какъ мы увидимъ, не осталось безъ послѣдствій: «Просить Его Превосходительство господина попечителя, именемъ всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, чтобы онъ благоволилъ вывесть совѣтъ изъ неопредѣлительнаго положенія, въ какомъ онъ теперь находится, освободивъ его отъ текущихъ дѣлъ гимназическихъ, яко ввѣренныхъ особому управленію».

Сопровождая къ попечителю это опредѣленіе совѣта своимъ частнымъ письмомъ, Яковкинъ указывалъ въ немъ на «прихотливыя затѣи нѣкоторыхъ членовъ совѣта, возбуждаемыхъ особенно *однимъ* (Каменскимъ), что причиняетъ ему нестерпимыя мученія». Онъ жаловался именно на Каменскаго, который, какъ мы видѣли, въ качествѣ университетскаго члена конторы, усчитывалъ его на каждомъ

шагу и въ мелочахъ, высказывая недовѣріе. Жалуясь на безпрерывное себѣ противодѣйствіе со стороны членовъ совѣта тамъ, гдѣ только дѣло касалось чего либо университетскаго, на эти «камни претыканія», на эти «самые жестокіе удары, противу коихъ устоять потребна была чрезвычайная твердость», онъ однако поддерживалъ мысль и опредѣленіе совѣта объ отдѣленіи дѣлъ университетскихъ отъ гимназическихъ. «Для прекращенія обнаружившагося крайняго зла сего, писалъ онъ, не благоугодно ли будетъ предписать, согласно съ Высочайше конфирмованнымъ положеніемъ о гимназіи, учредить собственный гимназіи совѣтъ, состоящій изъ директора, инспектора, главнаго надзирателя высшихъ учителей, и чрезъ то совершенно отдѣлить гимназическія дѣла отъ университетскихъ, давъ какое прилично названіе собранію членовъ университетскихъ и предоставя ему дѣла собственно университетскія. Да и экономической части университетской отъ конторы гимназіи отдѣленіе доставило бы в. п. болѣе спокойствія, а здѣшнему управленію тишины, потому что *пустыя ученыя пренія* начинаютъ обнаруживаться и по конторѣ» (слѣдуютъ жалобы на придирчивость проф. Каменскаго). Упоминаніе въ мнѣніи послѣдняго о частномъ его разговорѣ съ директоромъ, гдѣ Яковкинъ говорилъ о неповиновеніи и стращалъ гнѣвомъ попечителя, онъ называетъ «безсовѣстнымъ оклеветаніемъ которое для сердца моего чрезвычайно тягостно, тѣмъ болѣе, что по истинно доброму моему къ Каменскому расположенію никакъ не могъ я ожидать отъ него такого поступка». Подписалъ же онъ общее опредѣленіе совѣта для того «дабы не вооружить противъ себя злобу еще болѣе и возстановить сколько возможно спокойствіе до полученія начальственнаго разрѣшенія». Яковкинъ не зналъ еще, какъ посмотритъ на дѣло попечитель.

Свѣдѣнія, полученныя Румовскимъ изъ Казани, были для него очень непріятны. И письмо Яковкина, и меморія съ протоколовъ совѣта «произвели во мнѣ великое огорченіе» пишетъ онъ директору. Онъ хочетъ знать имя того члена, который возбуждаетъ совѣтъ и требуетъ сообщить его. Относительно отдѣленія университетскихъ дѣлъ отъ гимназическихъ и образованія особаго совѣта университетскихъ членовъ онъ находитъ разныя препятствія, о которыхъ мы прежде упоминали и главный источникъ которыхъ заключался въ несчастной мысли основать университетъ, имѣющій Высочайше утвержденный уже уставъ, посреди гимназіи и неразлучно съ нею до поры до времени. «Таковой совѣтъ, какъ нынѣ существуетъ, не самъ собой я учредилъ, пишетъ Румовскій, но по согласію министра и главнаго училищъ правленія. Слѣдовательно я самъ собою и отмѣнить его не могу. Но положимъ, что я у министра и въ правленіи

успѣлъ достигнуть сего намѣренія, какимъ образомъ отдѣлить между собою дѣла экономическія гимназіи и университета, когда гимназія и университетъ, торжественно не открытый, въ одномъ и томъ же домѣ помѣщаются, и отдѣля гимназію отъ университета съ дѣлами экономическими, не нужно ли будетъ кромѣ конторы, учредить другое подобное мѣсто для дѣлъ экономическихъ? Ежели вы находите средство отвратить отъ сего расположенія могущія произойти неустройства, прошу васъ сообщить ваши мысли. Я думаю, что возможно бы было поступить по мнѣнію вашему, ежели бы купленные для гимназіи дома были въ такомъ состояніи, чтобы оную туда перевести было возможно».

Что касается до принципіальнаго вопроса, т.-е. о правахъ совѣта и объ отвѣтѣ на его представленіе, то Румовскій сообщалъ, что онъ не будетъ спѣшить отвѣтомъ и думаетъ выполнить слѣдующій планъ: «Препоручить совѣту, чтобы представилъ мнѣ свои мысли, какимъ образомъ выведенъ быть можетъ изъ неопредѣленнаго, по мнѣнію его, положенія и отъ какихъ именно текущихъ гимназическихъ дѣлъ освобожденъ онъ быть желаетъ. Когда они о семъ судить станутъ, не мѣшайтесь въ ихъ разсужденія, дайте волю писать что заблагоразсудятъ. Но отъ подписки журнала уклонитесь, ссылаясь на мое предложеніе, которымъ совѣтъ учрежденъ при положеніи основанія университету. Когда совѣтъ обнаружитъ свои мысли, кои *совершенно будутъ пахнуть безначаліемъ*, тогда я съ моими объясненіями представлю ихъ министру просвѣщенія и главному училищъ правленію... Вы видите, что планъ мною обдуманный есть такого рода, что необходимо нужно мнѣ знать имена главныхъ зачинщиковъ, и не прежде буду совѣту отвѣтствовать, какъ когда узнаю о семъ ваши мысли». Румовскій поддерживаетъ Яковкина и придаетъ ему бодрости душевной въ предстоящей борьбѣ съ совѣтомъ, которую онъ самъ повидимому вызываетъ своимъ планомъ: «Я жалѣю о вашемъ положеніи, пишетъ онъ, но увѣренъ будучи въ усердіи вашемъ къ пользѣ общества, прошу не ослабѣвать и мужаться противъ людей, коихъ ухищренія вредить вамъ не сильны, а причиняютъ только безпокойство».

Предположеннаго плана дѣйствій попечитель однако не выполнилъ. Объ отдѣльномъ мнѣніи Каменскаго онъ отвѣтилъ, что «долгомъ поставляетъ, по рѣдкости его, представить въ свое время на разсмотрѣніе высшаго начальства», а что касается до образованія особаго университетскаго совѣта, то въ предложеніи своемъ совѣту (30 авг. 1806 г., № 307), онъ далъ знать, какъ и прежде, что «по неоткрытію университета и по малому еще числу профессоровъ часть совѣта не можетъ составить цѣлаго и ссылаясь на постановленіе

главнаго правленія училищъ, которымъ образованъ настоящій совѣтъ, и что онъ долженъ быть оставленъ въ существующемъ теперь видѣ. Предложеніе это члены совѣта сочли настолько важнымъ, что въ протоколѣ опредѣлено было для незнающихъ россійскаго языка перевести его на латинскій. Но озабочиваясь спокойствіемъ въ университетѣ, будучи недоволенъ тѣми разсужденіями, въ которыя вдавался совѣтъ, по поводу страннаго смѣшенія въ немъ дѣлъ и отношеній, попечитель самъ вызвалъ распри въ совѣтѣ, былъ причиною самыхъ бурныхъ, независимо отъ незначительнаго числа членовъ, когда либо бывшихъ засѣданій. Этотъ вызовъ сдѣланъ былъ предложеніемъ (30 іюля 1806 г., № 276), въ которомъ онъ, приводя слова изъ частнаго къ нему письма профессора Каменскаго объ инспекторѣ гимназіи и адъюнктѣ Эвестѣ («человѣкъ, обладаемый одною изъ сильнѣйшихъ страстей, которая рѣдко бываетъ скрытою и столь гласно обнаружилась предъ воспитанниками и цѣлымъ городомъ, получилъ первое мѣсто при гимназіи чрезъ ходатайство г. Яковкина») предлагалъ совѣту разсмотрѣть въ самомъ ли дѣлѣ г. Эвестъ таковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ немъ г. Каменскій. По разсмотрѣніи совѣтъ долженъ былъ доставить попечителю свое мнѣніе, дабы онъ могъ принять надлежащія мѣры (см. выше стр. 107—111).

Вызывая Яковкина на доставленіе ему свѣдѣній о томъ, кто зачинщики разныхъ вопросовъ, подымаемыхъ въ совѣтѣ, отправивъ къ нему письмо, писанное Каменскимъ совершенно частнымъ образомъ и, какъ мы убѣждены, подъ вліяніемъ откровенныхъ и чистосердечныхъ убѣжденій молодости и перваго честнаго служенія въ университетѣ, Румовскій открывалъ широкую дорогу доносу и разнымъ инсинуаціямъ, на что былъ такой мастеръ директоръ. Старикъ попечитель охотно выслушивалъ всѣ дрязги и разныя сплетни о пріѣзжихъ профессорахъ, особенно о тѣхъ которые liederlich leben. У насъ въ рукахъ множество писемъ Яковкина, гдѣ щедрою рукою разлита вся эта грязь, гдѣ можно найти подробныя реляціи о разныхъ засѣданіяхъ совѣта, столь непріятныхъ ему, потому что члены старались ему доказать, что онъ не самовластный ихъ начальникъ. Судить о тогдашнихъ университетскихъ дѣлахъ исключительно черпая изъ этого мутнаго источника, какъ это дѣлалъ попечитель, значитъ составить себѣ неправильное понятіе о вещахъ; самый тонъ этихъ писемъ, изъ которыхъ сдѣлано было нами уже много выписокъ, даетъ ясное представленіе о человѣкѣ, ихъ писавшемъ и о томъ, каковы его взгляды. Но попечитель вполнѣ вѣрилъ этому человѣку; онъ смотрѣлъ на университетъ Казанскій и на его членовъ глазами Яковкина. Почти каждое засѣданіе совѣта, въ

которомъ члены его, конечно не всѣ, а нѣкоторые не согласились съ нимъ, называется Яковкинымъ «шумнымъ». Цеплинъ, Германъ, Карташевскій, а теперь, послѣ знакомства съ письмомъ о немъ къ попечителю и послѣ многихъ съ нимъ столкновеній въ конторѣ по неправильнымъ выдачамъ въ расходъ университетскихъ суммъ, особенно Каменскій—вотъ враги Яковкина, которыхъ онъ всѣми средствами старается представить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ предъ попечителемъ. Эти люди составили противъ него «комплотъ». У Каменскаго—самый безпокойный характеръ; во всѣхъ его дѣйствіяхъ онъ видитъ «умышленное сопротивленіе» всему имъ предложенному. Карташевскій отличается «буйствомъ», но теперь, послѣ замѣчанія попечителя по дѣлу объ Ахматовѣ, онъ «не осмѣливается явно себя выказывать, но по его ухищреніямъ и по сообразному для сего характеру выставился вмѣсто него Каменскій». Это орудіе замысловъ Карташевскаго (Яковкинъ увѣренъ, что онъ ищетъ мѣста инспектора въ гимназіи) и Запольскаго. «Судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, нѣсколько подозрительно мнѣ кажется и прежнее его служеніе въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ разсужденіи его нравовъ». Это человѣкъ, приверженный къ партіямъ и интригамъ. Яковкинъ убѣдился въ этомъ еще весною, гуляя съ нимъ по Тенишевскому саду. «Охуждалъ я существующія, какъ наслышался, партіи въ Московскомъ университетѣ, а онъ ихъ одобряя почиталъ необходимо нужными *для сопротивленія начинаніямъ и намѣреніямъ высшаго начальства, дабы ученыя сословія управлялись сами собою*». Каменскій до того надоѣлъ Яковкину своими ни на чемъ, по его словамъ, кромѣ sic volo, неоснованными придирками къ разнымъ выдачамъ изъ университетскихъ суммъ, что онъ проситъ попечителя (конечно для одобренія) уволить «отъ препорученнаго первенства по обоимъ заведеніямъ ему ввѣренными или избавить отъ несноснаго соприсутствованія въ конторѣ съ Каменскимъ». Мѣряя всѣхъ на свой собственный аршинъ, Яковкинъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Каменскаго и особенно въ письмѣ его къ Румовскому, видѣлъ исключительно личные мотивы, мотивы служебнаго повышенія: «онъ рѣшился очернить меня и предъ очами высшаго начальства и чрезъ то, лишивъ удостоиваемой довѣренности, добраго мнѣнія и благорасположенія, учиниться ему директоромъ гимназіи, что доказываютъ какъ слова его, сказанныя мнѣ въ университетской денежной кладовой («и я имѣю всѣ способности, дарованія и опытность дѣлать все то же, что вы дѣлаете»), что было при казначеѣ и экономѣ, такъ и въ отвѣтѣ его совѣту обнаруженныя клевета и злоба». Зная, что Румовскому, какъ попечителю, весьма непріятны распускаемыя по городу о гимназіи и объ университетѣ сплетни, Яков-

кинъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобъ не сообщить ихъ. «Особенное мое молчаніе и примѣтная унылость въ послѣднемъ сего августа 8 числа засѣданіи совѣта еще болѣе сопротивниковъ ободрили, такъ что успѣли они распустить слухи по городу, что я съ безчестіемъ отставленъ и преданъ даже суду; поелику еще и прежде сего объ обнаружившемся комплотѣ, къ совершенному стыду обоихъ заведеній, всѣмъ въ городѣ учинилось извѣстнымъ: благонамѣренные сожалѣютъ, а злонамѣренные насмѣхаются». Прося попечителя отдѣлить гимназическій совѣтъ отъ университетскаго, онъ твердитъ о «необузданности университетскихъ чиновъ» и отрицаніи ихъ заниматься гимназическими дѣлами, о сопротивленіи ихъ предписаніямъ попечителя, жалѣетъ о новыхъ и новыхъ огорченіяхъ, наносимыхъ «крамольниками попечителю, буйствомъ и дерзостью ихъ, всегда готовыхъ на самый безсовѣстный обманъ». До крайнихъ мелочей доходятъ иногда сообщенія Яковкина о тѣхъ, которые ему противорѣчатъ, въ особенности о Каменскомъ, котораго «дерзость, говоритъ онъ, совершенно выводитъ меня изъ терпѣнія и охлаждаетъ ревность къ служенію». Такъ въ одномъ изъ журналовъ конторы Каменскій назвалъ секретаря ея Сычугова «не безъ намѣренія», какъ думаетъ Яковкинъ, Бичуговымъ. «На мое напоминаніе объ его ошибкѣ, Каменскій сказалъ, что поправитъ ее переписчикъ, чѣмъ секретарь столько обиженъ, что словесно просилъ у меня позволенія подать просьбу объ увольненіи, не желая имѣть никакого дѣла съ таковымъ несноснымъ человѣкомъ». Желая сообщить попечителю на его запросъ, кто главные зачинщики споровъ и пререканій въ совѣтѣ, Яковкинъ входитъ иногда въ стилистическія и психологическія тонкости: «Въ поданномъ 9 іюля въ совѣтъ голосѣ и написанномъ 13 августа въ конторѣ журналѣ Каменскаго различіе въ слогѣ доказываетъ довольно очевидно, что первое не изъ его головы, а послѣднее при мнѣ и писано вчернѣ. Первый слогъ есть таящагося и робѣющаго выказываться (указаніе на Карташевскаго), а второй на самомъ дѣлѣ обнаружившагося его единомышленника» (т. е. Каменскаго). О Цеплинѣ и Германѣ Яковкинъ доноситъ попечителю все, что только могло ихъ уронить въ его глазахъ (см. стр. 63). Зато индефферентные нѣмцы-профессоры, именно тѣ, которые въ этихъ совѣтскихъ засѣданіяхъ были на его сторонѣ, пользуются, но только пока, его симпатіями. О хорошемъ ихъ поведеніи и благомысліи онъ считаетъ себя обязаннымъ напоминать попечителю. Профессоръ Сторль получаетъ эпитетъ «добродушнаго», говорится о добротѣ души его, о томъ ужасѣ, который наполняетъ его душу при видѣ безчинствъ, совершающихся въ совѣтѣ; «безпристрастный» профессоръ Фуксъ не

умедлитъ представить на начальственное благоусмотрѣніе мысли свои о состояніи нынѣшняго совѣта», а «посѣтившій вчера меня вечеромъ профессоръ Бюнеманъ съ благоговѣніемъ воспоминалъ мудрые совѣты в. п., данные ему при отъѣздѣ». Эти нѣмцы не принадлежали къ тому *комплоту*, который собирался противъ Яковкина въ домѣ вице-губернатора и обнаруживалъ противъ него «общую зависть и злобу» (см. стр. 133).

Предложеніе попечителя о разсмотрѣніи въ совѣтѣ: точно ли адъюнктъ и инспекторъ гимназіи Эвестъ «обладаемъ одною изъ сильнѣйшихъ страстей, которая рѣдко бываетъ скрытою», какъ пишетъ о томъ къ попечителю профессоръ Каменскій, было заслушано въ засѣданіи совѣта 16 августа и тогда же опредѣлено было разсмотрѣть вопросъ въ особомъ засѣданіи совѣта, въ которомъ не должны участвовать ни Каменскій, ни Эвестъ, ut partes (всѣ протоколы велись на латинскомъ языкѣ, копіи съ нихъ были посланы къ попечителю, а подлинники, состоявшіе изъ отдѣльныхъ мнѣній, писанныхъ частью на лоскуткахъ бумаги, были запечатаны и опредѣлено хранить ихъ секретно). Выше на стр. 107—111 мы разсказали и сущность самаго дѣла и сущность самой болѣзни Эвеста, здѣсь остается намъ передать только самую процедуру этихъ окруженныхъ канцелярскою тайною засѣданій, но совершенно извѣстныхъ жадному до университетскихъ скандаловъ былаго времени городу. Предварительно совѣтъ постановилъ принести искреннѣйшую благодарность попечителю за то, что онъ пожелалъ такъ милостиво сообщить и предложить на обсужденіе цѣлаго совѣта частное письмо, касающееся чести и доброй нравственности одного изъ его членовъ, и такимъ дѣйствіемъ подтвердилъ предъ лицомъ совѣта законъ августѣйшей императрицы Екатерины II, выраженный въ слѣдующихъ словахъ ея Наказа (§ 19): «Законы, осуждающіе человѣка по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности». Затѣмъ, обращая вниманіе на то, что существенный вопросъ во всемъ дѣлѣ заключается въ опредѣленіи того факта, въ чемъ собственно Эвестъ обвиняется Каменскимъ, и такъ какъ слова «сильнѣйшая страсть» нуждаются въ объясненіи, а самаго письма Каменскаго, изъ цѣлой связи котораго можно было бы объяснить ихъ смыслъ, въ рукахъ совѣта нѣтъ, то и опредѣлили письменно потребовать отъ Каменскаго объясненія словъ, имъ употребленныхъ. Въ слѣдующее (третье уже) засѣданіе совѣта былъ выслушанъ отвѣтъ Каменскаго, изъ котораго было усмотрѣно, чтобъ подъ словомъ «страсть» онъ разумѣлъ perturbatio mentis. Правду этихъ словъ совѣтъ рѣшилъ повѣрить поголовнымъ спросомъ всѣхъ членовъ, то есть: точно ли Эвестъ былъ подверженъ такимъ припад-

камъ, а такъ какъ профессоръ Фуксъ лѣчилъ Эвеста въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, то потребовать отъ него медицинское свидѣтельство, при чемъ Яковкинъ заявилъ свое мнѣніе, что рѣчь идетъ не о прошедшемъ, а о настоящемъ состояніи здоровья Эвеста, который теперь не страдаетъ никакимъ помѣшательствомъ. Когда стали собирать мнѣнія членовъ совѣта о припадкѣ или о здоровьи Эвеста, то явилось множество недоразумѣній. Профессоръ Цеплинъ не знаетъ о состояніи здоровья Эвеста въ какое время спрашиваютъ: до письма Каменскаго, во время этого письма или по написаніи его? Если идетъ рѣчь о настоящемъ состояніи здоровья (18 августа), то какимъ образомъ могъ его предвидѣть Каменскій въ письмѣ своемъ, писанномъ 10 іюля? О томъ времени есть свидѣтельство Фукса. Что же касается до настоящаго состоянія здоровья Эвеста, говоритъ Цеплинъ, то я видѣлъ его два дня тому назадъ и, какъ кажется мнѣ, онъ совершенно здоровъ.

Профессоръ Бюнеманъ свидѣтельствуетъ, что 10 іюля (день письма Каменскаго) онъ видѣлъ Эвеста въ этомъ самомъ совѣтѣ исполняющимъ какъ должно свою обязанность и въ совершенно удовлетворительномъ состояніи здоровья; о промежуточномъ времени, т. е. съ 10 іюля по сегодня (18 августа), ему ничего неизвѣстно: о немъ свидѣтельство долженъ дать г. профессоръ и директоръ, подъ глазами котораго Эвестъ исполняетъ свою инспекторскую обязанность. Что касается до настоящаго дня, то онъ лично видѣлъ сегодня (18 авг.) Эвеста sanum et salvum и даже говорилъ съ нимъ. Сторль, съ своей стороны, показываетъ, что онъ видѣлъ Эвеста совершенно здоровымъ не только 10 іюля, но и прежде, во все время гимназическихъ экзаменовъ и потомъ, до настоящаго дня. То же повторилъ Левицкій. Адъюнктъ Эрихъ свидѣтельствуетъ не только о добромъ здоровьи Эвеста, но и о его учености; Запольскій, что Эвестъ здоровъ; Карташевскому кажется, что онъ теперь здоровъ, но что положительно этого сказать не можетъ, такъ какъ рѣдко съ нимъ видится. Профессоръ Фуксъ видѣлъ его на этой недѣлѣ и онъ показался ему тоже вполнѣ здоровымъ. Что касается до Яковкина, то онъ далъ самое обширное показаніе, которое было сокращеніемъ его длиннаго рапорта. Онъ говорилъ, что всегда и совершенно былъ доволенъ добрыми нравами, ревностью въ исполненіи обязанностей и примѣрнымъ поведеніемъ Эвеста, что онъ, въ ежедневныхъ, при исполненіи взаимныхъ служебныхъ обязанностей, разговорахъ съ нимъ и въ бесѣдахъ его со студентами, учителями гимназіи и воспитанниками, которые питаютъ къ нему безусловное уваженіе и любовь, никогда не замѣчалъ въ немъ никакой «сильнѣйшей страсти» и что онъ никогда и ни отъ

кого изъ лицъ, принадлежащихъ къ университету и гимназіи не слыхалъ, чтобъ Эвестъ былъ обладаемъ страстью, а вся болѣзнь его, сколько онъ можетъ судить по признакамъ, была простуда. Въ четвертомъ засѣданіи совѣта прочитано и принято къ свѣдѣнію медицинское свидѣтельство Фукса о прежней болѣзни Эвеста и былъ разбираемъ, по желанію отсутствующаго профессора Каменскаго, вопросъ: можетъ ли профессоръ Яковкинъ участвовать въ этихъ засѣданіяхъ и рѣшенъ большинствомъ голосовъ утвердительно. По собраніи всѣхъ голосовъ и послѣ долгихъ разсужденій совѣтъ на предписаніе попечителя донести о томъ: точно ли Эвестъ обладаемъ одною изъ сильнѣйшихъ страстей, опредѣлилъ донести, что «Эвестъ той сильной страсти, подъ которою Каменскій разумѣетъ умопомѣшательство (perturbatio animi) не подвергался (obnoxius erat), какъ это видно изъ свидѣтельства профессора доктора Фукса, при чемъ Фуксъ выразилъ сомнѣніе въ томъ что болѣзнь эту можно назвать mania pathematica, какъ утверждаетъ это проф. Каменскій. Что касается настоящаго времени, то Эвестъ несетъ свои обязанности и пользуется полнымъ здоровьемъ (sanus est et valetudine prospera gaudet).

Читая это донесеніе совѣта, попечитель конечно не могъ составить себѣ никакого яснаго представленія о свойствѣ или характерѣ страсти или болѣзни Эвеста, какъ нельзя о томъ догадаться изъ латинскаго свидѣтельства Фукса, который болѣзнь эту называетъ просто mania, безъ эпитета pathematica. Люди сознательно или безсознательно закрывали глаза передъ истиной и не хотѣли говорить правды. Румовскій конечно не остался доволенъ, получивъ такія неопредѣленныя свѣдѣнія отъ совѣта и познакомившись изъ протокола съ нѣсколько странною процедурою дѣла, изъ которой было видно, что члены не понимаютъ собственно о чемъ ихъ спрашиваютъ. «Господа иностранные члены совѣта въ семъ случаѣ, до чести цѣлаго общества касающемся, пишетъ попечитель въ новомъ предложеніи своемъ совѣту по тому же дѣлу (6 сент. 1806 г. № 327), не могли поступить осторожнѣе, какъ потребовать объясненія отъ самого г. Каменскаго. Но россійскіе гг. члены могли объяснить имъ, что слово *страсть* не означаетъ болѣзни, которую пользовалъ г. профессоръ Фуксъ, ибо когда г. Каменскій пишетъ *обладаемый страстью*, то должно разумѣть настоящую, а не прошедшую, и предложеніе мое до настоящаго, а не до прошедшаго времени касалося». Чтобъ облегчить пониманіе гг. иностранныхъ членовъ, Румовскій выписываетъ изъ письма Каменскаго къ нему все мѣсто касающееся Эвеста («да извинитъ меня въ томъ г. Эвестъ») и чтобъ не оставить вторично въ недоумѣніи совѣтъ, онъ перево-

дитъ все это мѣсто по латыни. «Изъ сего явствуетъ, заключаетъ онъ, что г. профессоръ Каменскій, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 10 іюля, писалъ не о болѣзни или non de perturbatione mentis, въ которой г. Фуксъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пользовалъ г. Эвеста, но о страсти, которою г. Эвестъ одержимъ и нынѣ; ибо по болѣзни никого не можно включать въ число самыхъ худыхъ, и директоръ, не будучи докторъ, никакому больному покровительствовать не можетъ. По симъ причинамъ вторично препоручаю совѣту, не мѣшая посторонняго, разсмотрѣть безъ жару, но съ приличною мѣсту тишиною, въ самомъ ли дѣлѣ г. Эвестъ таковъ, какъ описываетъ его г. профессоръ Каменскій».

Второй разборъ этого курьезнаго дѣла происходилъ 19, 20 и 21 сентября. Цеплинъ и Германъ, какъ иностранцы, потребовали перевода бумаги попечителя сначала на словахъ, а потомъ на бумагѣ. Каменскій и Эвестъ не присутствовали также въ засѣданіи, но первый 20 сентября вошелъ въ собраніе совѣта и подалъ Яковкину бумагу, въ которой снова доказывалъ, что и онъ, Яковкинъ, не имѣетъ права присутствовать въ засѣданіи по этому дѣлу, такъ какъ онъ имѣетъ съ нимъ личные счеты по конторѣ. Совѣтъ однако съ нимъ не согласился и Яковкинъ предложилъ Каменскому именемъ совѣта выйти изъ засѣданія. Цеплинъ и Германъ снова требовали, чтобъ Каменскій объяснилъ смыслъ выраженій объ Эвестѣ въ письмѣ своемъ, но Яковкинъ воспротивился этому, ссылаясь на слова въ предложеніи попечителя: «не вмѣшивая ничего посторонняго». Словами Цеплина въ засѣданіяхъ 19 и 20 сентября, что онъ Яковкинъ ошибается («me errare» и «me esse in errore») директоръ обидѣлся и потребовалъ, чтобъ они были занесены въ протоколъ для представленія попечителю. «Попросилъ я профессора Цеплина, пишетъ Яковкинъ, прочитать зерцальный указъ 1724 года о благопристойности въ судебныхъ мѣстахъ. Вставши онъ со мною со стула подошелъ къ зерцалу, но отказался отъ прочтенія незнаніемъ русскаго языка». При собираніи голосовъ, сначала на словахъ, а потомъ письменно отъ каждаго, оказалось, что всѣ мнѣнія были крайне различны между собою и вывести изъ нихъ какое либо общее заключеніе для представленія попечителю не было никакой возможности, почему и рѣшено было представить ему всѣ эти мнѣнія въ оригиналахъ «дабы тѣмъ болѣе обнаружить мысли каждаго сочлена и повиновеніе къ порядку» — прибавляетъ Яковкинъ. Тѣмъ дѣло и кончилось и вопросъ о «страсти» Эвеста остался нерѣшеннымъ [1]).

---

[1]) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что загадочная по дѣлу страсть Эвеста въ дѣйствительности была просто запоемъ, которому онъ и под-

Но страсти тѣмъ не менѣе были уже сильно возбуждены какъ при разсмотрѣніи этого дѣла, такъ и нерѣшеніемъ вопроса объ отдѣленіи дѣлъ гимназическихъ отъ университетскихъ и о какой либо самостоятельности университетскаго совѣта. Борьба съ Яковкинымъ для нѣкоторыхъ членовъ совѣта принимала все болѣе и болѣе страстный и ожесточенный характеръ, а это давало послѣднему все чаще и чаще случаи и поводы доносить попечителю о всемъ происходившемъ, конечно съ своей точки зрѣнія и съ разными преувеличеніями. Мы упоминали объ опредѣленіи, сдѣланномъ 7 іюля, въ которомъ совѣтъ просилъ попечителя «вывести его изъ неопредѣленнаго положенія и избавить его отъ дѣлъ гимназическихъ». На представленіе объ этомъ отвѣта не послѣдовало и въ засѣданіи 8 августа, при слушаніи предложенія попечителя объ увольненіи Пухинскаго, согласно донесенію директора о его буйствѣ, и о пріисканіи на его мѣсто въ званіе главнаго надзирателя достойнаго чиновника, совѣтъ, несмотря на протестъ Яковкина, опредѣлилъ (самое опредѣленіе писано рукою Цеплина): «сужденіе о семъ предметѣ отложить до того времени, какъ получено будетъ предписаніе отъ г. попечителя на 1 статью опредѣленія, постановленнаго 7 іюля». Это дало возможность Яковкину обвинять своихъ враговъ, что они являются защитниками Пухинскаго, человѣка безспорно заслужившаго увольненіе и что они требуютъ оффиціальнаго предписанія попечителя, чтобъ «удостовѣриться самимъ отъ слова ли до слова объявлено это предписаніе». Онъ жаловался, что «спорящіе», отрекаясь отъ занятія дѣлами гимназическими, мѣшаютъ теченію дѣлъ, такъ что многія дѣла остаются нерѣшенными и лежатъ безъ движенія, а между тѣмъ, въ тоже самое время, двумя положеніями 1798 года о Казанской гимназіи старается доказать, что все внутреннее управленіе гимназіи предоставлено директору, что совѣтъ согласно положенію, учрежденъ только «для сдѣланія директору пособія» и что враждебные ему члены совѣта «смѣшивая дѣло до гимназіи касающееся, слѣдовательно и трактуемое по законамъ до гимназіи, съ дѣломъ единственно до университета принадлежащимъ, возмнили директора подвергнуть отвѣту предъ совѣтомъ и вмѣсто предписан-

---

вергался отъ времени до времени. Извѣстно какъ снисходительно относится къ запою русское общество, и только очень молодого Каменскаго могъ возмутить этотъ порокъ или несчастіе въ лицѣ инспектора гимназіи, чѣмъ не возмущались и во времена гораздо позднѣйшія разсказываемыхъ. По всей вѣроятности запой Эвеста увеличился, и въ августѣ 1807 года, „часто страдая болѣзненными припадками разнаго рода“, онъ уволился отъ инспекторской обязанности, а черезъ два года (въ октябрѣ 1809 года) умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

наго пособія директору, мнятъ быть его судьями и правителями, къ предосужденію высшаго, постановленнаго надъ нимъ законнаго начальства въ особѣ в. п.». Это уже съ точки зрѣнія директора и попечителя было буйствомъ, непризнаніемъ властей. Такъ «возможное примѣненіе» устава университетовъ 1804 года къ положенію о гимназіи, утвержденному при императорѣ Павлѣ, которое рекомендовалъ Румовскій при основаніи имъ университета, опредѣляя кругъ дѣйствій совѣта Казанской гимназіи, на каждомъ шагу должно было порождать недоразумѣнія.

По окончаніи разсмотрѣнія дѣла о «страсти» Эвеста, члены совѣта условились 24 сентября собраться не въ засѣданіи, а частнымъ образомъ, для окончательнаго прочтенія протоколовъ этого дѣла сличенія латинскихъ копій, запечатанія всего дѣла для храненія въ архивѣ и приготовленія бумагъ на почту. Хотя профессоръ Цеплинъ и настаивалъ на томъ, чтобъ въ это число быть оффиціальному собранію, но Яковкинъ отклонилъ это по недостатку времени. «Положившись на сіе, пишетъ онъ къ попечителю, поѣхалъ я для разсѣянія мыслей 24 дня по утру на охоту, но Цеплинъ, постаравшись собрать прочихъ членовъ, объявилъ въ 11 часовъ совѣтъ, говоря, что хотя меня и нѣтъ, но онъ старшій профессоръ (о чемъ уже и прежде многократно говаривалъ въ присутствіи совѣта, какъ и нынѣ) и потому открылъ засѣданіе, начавшееся и окончившееся только запискою, что меня въ присутствіи нѣтъ, а больше чего нужнѣйшаго, особливо по приводимымъ съ намѣреніемъ сужденіямъ своимъ о двухъ предписаніяхъ в. п. въ разсужденіи совѣту Казанской гимназіи и по дѣлу отрѣшенія главнаго надзирателя, а единственно желая поставить мнѣ въ вину только мое отсутствіе, ничего не сдѣлали, какъ будто бы только для того и собрались, чтобы я не былъ, хотя еще въ началѣ перваго часа былъ уже я дома. Безъ протокола, безъ исходящаго нумера, безъ всякаго законнаго порядка, рѣшились послать оныя затѣи и къ в. п., но въ томъ, кромѣ Цеплина, Германа, нарочно призваннаго Каменскаго уже въ продолженіи засѣданія своего и Запольскаго, прочіе не виноваты, а подписали оное, не приписавъ только къ прозваніямъ своимъ vi coactus, подобно студенту, коего принуждали къ браку. Удостойте простить сіе примѣненіе къ оному шутливому анекдоту».

На опредѣленіе совѣта по дѣлу объ увольненіи Пухинскаго: «сужденіе *о семъ предметѣ* отложить до того времени, какъ получено будетъ отъ попечителя предписаніе на первую статью опредѣленія постановленнаго 7 іюля, попечитель отвѣчалъ (30 августа 1806 г., № 308) предложеніемъ объяснить: «что гг. профессоры и адъюнкты, утвердившіе своимъ подписаніемъ таковое опредѣленіе, разумѣли

подъ словами *о семъ предметѣ*—увольненіе ли Пухинскаго или пріисканіе на его мѣсто достойнаго человѣка?» Совѣтъ или то большинство его членовъ, которое было враждебно Яковкину, прежде даже разсужденія въ засѣданіи своемъ объ отвѣтѣ на вопросъ попечителя, отвѣтилъ фактомъ избранія Пото въ главные надзиратели, что онъ имѣлъ въ виду не вторую часть попечительскаго вопроса, а первую, т. е. онъ отрицалъ право увольненія безъ вѣдома совѣта и безъ разсмотрѣнія имъ обстоятельствъ дѣла, однимъ безконтрольнымъ рапортомъ попечителю со стороны директора. Сверхъ того въ дѣлѣ имѣется заявленіе, писанное по латыни и подписанное четырьмя профессорами: Цеплинымъ, Германомъ, Бюнеманомъ (который тоже склонился на сторону враговъ Яковкина) и адъюнктомъ Запольскимъ. Это заявленіе должно было еще больше подлить масла въ огонь. Оно заключало въ себѣ обвиненіе директора въ томъ, что хотя онъ увѣдомилъ объ устраненіи Пухинскаго совѣтъ, но сдѣлалъ это черезъ четыре дня по отсылкѣ своего рапорта попечителю объ обстоятельствахъ дѣла; совѣтъ поэтому требовалъ отъ директора указать ему законъ, которымъ только одному директору гимназіи предоставляется власть устранять служащихъ при гимназіи. На это Яковкинъ отвѣчалъ вовсе однако неувѣренно, что власть эта принадлежитъ исключительно ему. Соображаясь съ предписаніемъ попечителя отъ 30 октября 1803 года, которымъ совѣту предоставлено право представлять къ утвержденію учителей и чиновниковъ гимназіи, четыре протестующіе члена совѣта полагали, что ему дано также право увольнять и разсматривать причины увольненія, особенно потому, что это упомянуто въ § 66 университетскаго устава. «Таковы были причины опредѣленія, сдѣланнаго 3 іюля, къ которому безъ возраженій присоединился и г. директоръ, обѣщавъ сообщить совѣту и причины увольненія Пухинскаго, говорятъ члены, но 7 іюля г. Яковкинъ неожиданно измѣняетъ свое мнѣніе, ссылаясь на предложеніе г. попечителя отъ 19 іюня, гдѣ говорится о *внутреннихъ*, т. е. экономическихъ (?) дѣлахъ гимназіи. Теперь уже онъ вполнѣ увѣренно принимаетъ на себя отвѣтственность увольненія, что бы онъ долженъ былъ сдѣлать еще 3 іюля и представляетъ попечителю, не присоединивъ нашего мнѣнія. 8 августа было засѣданіе, несмотря на то, что по § 64 устава этотъ день былъ еще вакаціонный. Предложено было въ немъ предписаніе в. п. на имя конторы и сообщенное ею въ совѣтъ, «чтобы оный, вмѣстѣ съ директоромъ, потщился пріискать на мѣсто Пухинскаго достойнаго чиновника», но въ виду того, что намъ не показали подлинника этого предложенія, совѣтъ не зналъ все ли предложеніе сообщается ему или только извлеченіе, почему совѣтъ также не зналъ

на какихъ условіяхъ слѣдуетъ ему дѣлать избраніе (главнаго надзирателя). Къ этому надобно присоединить и то обстоятельство, что г. Яковкинъ словесно объяснилъ совѣту, что конторѣ предоставлено право выдать аттестатъ уволенному главному надзирателю, каковое объясненіе русскіе члены совѣта считали неправильнымъ и отвергали его. Питая такія сомнѣнія, совѣтъ полагалъ, что онъ поступитъ правильнѣе, если будетъ ожидать особаго предписанія на имя совѣта и такимъ образомъ познакомится съ настоящимъ желаніемъ попечителя объ избраніи, тѣмъ болѣе, что при отсрочкѣ можно было бы намѣтить большее число кандидатовъ. Наконецъ послѣ вакацій выборъ произошелъ бы въ присутствіи большаго числа членовъ совѣта. Вотъ причины опредѣленія 6 августа 1806 года».

12 сентября г. профессоръ Яковкинъ, объясняютъ протестующіе члены, объявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ избраніе главнаго надзирателя и потребовалъ, чтобы совѣтъ приступилъ къ этому избранію. Исполняя въ точности предписаніе г. попечителя, совѣтъ, изъ двухъ заявленныхъ кандидатовъ, *выбралъ одного*, котораго по совѣсти считалъ болѣе достойнымъ и способнымъ къ должности главнаго надзирателя, а *не обоихъ*, какъ угодно было представить г. Яковкину къ утвержденію. Окончивъ всѣ опредѣленія этого засѣданія, подписавъ всѣ записанныя въ протоколъ опредѣленія, такъ какъ было уже 2 часа по полудни, члены совѣта намѣревались разойтись, какъ вдругъ профессоръ Яковкинъ вынимаетъ изъ своего кармана предложенія попечителя за №№ 307 и 308 (первое объ особомъ мнѣніи Каменскаго, второе вопросъ попечителя: что разумѣютъ профессоры и адъюнкты подъ словами: «о семъ предметѣ»). Яковкинъ требовалъ чтобы эти предписанія были заслушаны немедленно, но совѣтъ постановилъ: «понеже нѣкоторые изъ членовъ совѣта не знаютъ россійскаго языка, то сужденіе о сихъ предписаніяхъ отложить до будущаго засѣданія, переведши оныя на латинскій языкъ». Далѣе четыре члена, подавшіе это латинское заявленіе говорятъ о назначенномъ 24 сентября совѣтскомъ засѣданіи, на которое не явился самъ предсѣдательствующій Яковкинъ и въ заключеніи свидѣтельствуются совѣстью и честью своими объ уваженіи своемъ и къ законамъ и къ предписаніямъ начальства.

Таковъ былъ взглядъ тѣхъ, которыхъ Яковкинъ считалъ своими врагами и изъ которыхъ, по его мнѣнію, составился злостный комплотъ противъ его чести и служебнаго положенія. Понятно въ какихъ краскахъ представлялъ онъ попечителю всѣ эти «адскія затѣи», какъ онъ жаловался. «Я вижу, писалъ ему Румовскій, что духъ безначалія и любоначалія отъ часу въ большую приходитъ силу». «Вы терпѣли много, утѣшаетъ его Румовскій, потерпите еще; отъ

полученія письма сего черезъ недѣлю, можетъ статься, что и раньше васъ успокою».

Мы бы не останавливались такъ долго, можетъ быть увлекаемые и массою представившагося намъ матеріала, надъ этими спорами и столкновеніями разнаго рода въ совѣтѣ Казанской гимназіи, гдѣ членами были первые профессоры университета, еслибъ съ одной стороны не казалось намъ любопытнымъ прослѣдить по документамъ эту старую борьбу университета за самоуправленіе, Высочайше дарованное ему, съ тѣми, которые являлись врагами этого самоуправленія изъ личныхъ разсчетовъ и своекорыстія и, еслибъ, съ другой стороны, Казанскій университетъ, именно вслѣдствіе этой нѣсколько печальной внутренней борьбы, происходившей въ немъ, не лишился, какъ мы увидимъ, нѣсколькихъ профессоровъ, которые при другихъ обстоятельствахъ конечно принесли бы пользу ему своею дѣятельностью. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени основанія университета, какъ вмѣсто постепеннаго, естественнаго органическаго развитія, онъ сталъ уже ощущать потери; жизнь его пошла криво, какъ кривится стволъ дерева, встрѣчающій случайную, но непреодолимую преграду. Документальная и нѣсколько подробная исторія этихъ внутреннихъ волненій въ нашемъ изложеніи казалась намъ тѣмъ необходимѣе, что изъ нея читатель самъ можетъ вывести заключеніе о правыхъ и виноватыхъ въ дѣлѣ. Онъ не услышитъ нашего личнаго сужденія; его и не должно быть у протоколиста. Но тотъ же читатель имѣетъ право спросить насъ: гдѣ же наука, которую долженъ двигать впередъ университетъ, гдѣ же преподаваніе и его успѣхи, составляющіе дѣйствительную жизнь университета? На эти существенные и необходимые вопросы мы постараемся дать отвѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего разсказа. Дѣло въ томъ, что о наукѣ, о преподаваніи меньше всего встрѣчается упоминаній, какъ въ бумагахъ, такъ и въ протоколахъ совѣтскихъ засѣданій и въ обширной перепискѣ попечителя съ директоромъ и нѣкоторыми профессорами. Къ нимъ относились вообще какъ то равнодушно; никто ими не интересовался серьезно. Выше всего стояла форма; хлопотали о порядкѣ, о внѣшности и о сильной власти, думая, что въ ней заключается все. Для того, чтобы придать значеніе уму, наукѣ, образованію, надобно бы было людямъ, стоявшимъ во главѣ этого дѣла у насъ, имѣть хотя бы десятую долю государственныхъ способностей современнаго прусскаго министра Штейна, создавшаго въ то же самое время Берлинскій университетъ, положившаго основанія того Intelligenz—Staat, который сталъ зерномъ матеріальнаго могущества Пруссіи. У насъ напротивъ боялись ума.

Взаимныя враждебныя чувства между нѣкоторыми членами со-

вѣта и Яковкинымъ достигли сильнаго раздраженія, когда попечитель не утвердилъ избраннаго вмѣсто уволеннаго Пухинскаго на должность главнаго надзирателя нѣмецкими членами—Пото, а другого, не избраннаго, но за котораго сильно ходатайствовалъ Яковкинъ, Упадышевскаго. Выборъ происходилъ 12 сентября. Прошеніе Упадышевскаго было подано имъ на имя директора, прошеніе Пото—на имя совѣта. Выборы сдѣланы были простою и открытою подачею голосовъ (шары для баллотированія не были еще тогда заказаны). Пото получилъ большинство голосовъ и совѣтъ представлялъ его къ утвержденію: «Поелику г. Пото. какъ видно изъ поданнаго имъ прошенія, воспитывался въ Штутгардтской академіи (свѣдѣнія о немъ были сообщены выше, стр. 174), гдѣ конечно могъ онъ замѣтить методъ публичнаго воспитанія, а послѣ для окончанія наукъ своихъ два года путешествовалъ по другимъ иностраннымъ владѣніямъ; сверхъ сего знаетъ онъ основательно российскій, нѣмецкій и французскій языки, то посему совѣтъ избралъ его по большинству голосовъ, тѣмъ болѣе, что при знаніяхъ своихъ имѣетъ и хорошее поведеніе, что явствуетъ изъ его послужнаго списка». Представляя объ этомъ попечителю, совѣтъ дѣлалъ уже извѣстную намъ условную прибавку. Директоръ же заявилъ: Elias Iacovkin censet ambos competentes esse dignos, sed ad additam conditionem non consentit.

Дѣло въ томъ, что Яковкинъ, еще ранѣе совѣтскихъ выборовъ, сталъ хлопотать у попечителя о назначеніи не Пото, а Упадышевскаго, который прежде служилъ комнатнымъ надзирателемъ въ гимназіи (Аксаковъ сохранилъ о немъ очень сочувственное воспоминаніе) и былъ хорошо извѣстенъ Яковкину. Въ то время у Упадышевскаго былъ одинъ сынъ студентъ, а другой гимназистъ. Яковкинъ и о Пото дѣлалъ повидимому безпристрастный отзывъ, но конечно расхваливалъ какъ можно больше и съ свойственною ему реторикою своего знакомаго Упадышевскаго. «Первый изъ нихъ (Упадышевскій), писалъ онъ, праводушіемъ своимъ, опытностью, дѣятельностью, приверженностью къ священной должности образованія юношества, безпристрастіемъ, не только отъ малютокъ подчиненныхъ, но даже и отъ сверстниковъ и бывшихъ перемѣнныхъ начальниковъ (директоровъ гимназіи) заслуживалъ всегда всеобщую признательность, уваженіе, похвалу и одобреніе; а второй, воспитывавшись самъ и зная цѣну воспитанія, *имѣлъ довольно опытности и по другимъ должностямъ*. Первый человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, около 45 лѣтъ, второй едва ли и 30 имѣетъ; тотъ, ежели бы только былъ во время скучное для воспоминанія начальства (извѣстное возмущеніе гимназистовъ въ 1803 году, при директорѣ Лихачевѣ

описанное Аксаковымъ), время, похитившее лучшихъ четырехъ воспитанниковъ гимназіи, никакъ не допустилъ бы питомцевъ до такой дерзости по всеобщей къ нему приверженности и ловкости его въ обращеніи съ юношествомъ; а послѣдній питается еще только надеждою будущаго, не показывая никакихъ еще успѣховъ въ образованіи юношества. Притомъ дабы, Богъ вѣдаетъ, не усилить комплотъ зломыслящихъ, я осмѣлюсь предварительно испрашивать начальственное благорасположеніе къ Русаку, какъ совершенно извѣстному и дознанному, нежели къ иностранцу, еще неизвѣстному, дабы сколько нибудь поболѣе удостоился и я имѣть спокойствія по части надзиранія, а употребить сіе, едва ли остающееся время на исполненіе другихъ важнѣйшихъ и часто нетерпящихъ медленности препорученій достопочитаемаго мною высшаго начальства... Выборъ главнаго надзирателя предложенъ былъ совѣту сего сентября 1 числа, но *по неизготовленію противорѣчій* отъ немногихъ, особливо же подъ видомъ ожиданія разрѣшенія на протоколы отъ 7 іюля и 8 августа, отложенъ до будущаго засѣданія и я не надѣюсь ничего добраго и твердаго, частію по интригамъ, частію по пристрастію, частію по незнанію членами достоинствъ обоихъ соискателей, частію по пристрастію иностранцевъ къ иностранцамъ, а частію въ чаяніи усилить число безпокойныхъ еще однимъ важнымъ чиновникомъ гимназіи». Въ слѣдующемъ письмѣ Яковкинъ, уже послѣ выбора Пото, настаиваетъ предъ попечителемъ на утвержденіи Упадышевскаго.

Убѣждаясь приведенными нами выше рекомендаціями и просьбами Яковкина, попечитель утвердилъ его кліента. Въ своемъ предложеніи совѣту отъ 4 октября за № 355, попечитель писалъ: «Совѣтъ представляетъ мнѣ на утвержденіе Пото, съ условіемъ, когда разрѣшу 11 статью, постановленную въ совѣтѣ 8 августа сего года, утверждаясь на томъ, что ассесоръ Пото объявилъ склонность и способность свою занять упразднившееся мѣсто при гимназіи главнаго надзирателя и показалъ методъ полученнаго имъ воспитанія. Но какъ изъ сего не видно еще, чтобы онъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ способность къ должности надзирателя, и совѣтъ, хотя ему отъ меня и предложено было представить аттестаты, презрѣвъ мое предложеніе, представилъ только свое мнѣніе объ ассесорѣ Пото, а Упадышевскій былъ при гимназіи комнатнымъ надзирателемъ, правилъ должность дежурнаго по классамъ офицера, неоднократно исправлялъ должность главнаго надзирателя и тѣмъ оказалъ свою способность, какъ явствуетъ изъ аттестата, даннаго ему въ 1803 году іюля 4 дня, за подписаніемъ тайнаго совѣтника, Казанскаго губернатора и кавалера Кацарева, который между прочимъ свидѣ-

тельствуетъ, что Упадышевскій по званію своему возложенныя на него должности исполнялъ съ ревностнымъ служеніемъ, со всегдашнею похвалою и примѣрнымъ поведеніемъ, что подтверждаетъ и данный ему аттестатъ отъ Вятскаго почтамта (онъ служилъ экспедиторомъ въ Малмыжѣ по выходѣ изъ гимназіи) и г. профессоръ и директоръ Яковкинъ объявилъ письменно, что онъ обоихъ компетентовъ считаетъ достойными и г. адъюнктъ Левицкій былъ одинаковаго съ нимъ мнѣнія, то симъ опредѣляется къ должности главнаго надзирателя Упадышевскій». Предложеніе это заслушано было въ совѣтскомъ засѣданіи 17 октября. «Прошедшій совѣтъ былъ спокоенъ, пишетъ объ этомъ засѣданіи Яковкинъ, потому что главный высокій крикунъ Цеплинъ отозвался болѣзнію, а сотоварищъ его Германъ въ жару своемъ вотще посматривалъ на пустыя его кресла, да и Каменскій также не былъ по неизвѣстной причинѣ, а вмѣсто Москвы, прогулявшій въ Ядринскомъ уѣздѣ у одного знакомаго помѣщика и *четыре дня просрочившій* Карташевскій *за мнимою болѣзнію*, прислалъ только обратно свой паспортъ въ совѣтъ. Теперь обнаружились ясно его адскіе происки. Онъ предвидѣлъ, что скоро должно было ожидать начальственнаго разрѣшенія на всѣ клеветническіе ихъ ковы, а потому, дабы не быть открыту, какъ главной ихъ пружинѣ, уклонился отсутствіемъ. Но узнавъ, что весь планъ ихъ, на клеветѣ основанный, обнаруженъ съ непріятной для нихъ стороны, рѣшился просить отставку (онъ подалъ о ней тогда прошеніе въ совѣтъ), да и достойно не заслуживъ дарованнаго ему отличія и не получивъ еще диплома, требовать чина коллежскаго ассесора. Во всѣхъ сихъ обуревающихъ меня смятеніяхъ единая токмо надежда на начальственное ко мнѣ благорасположеніе и обрѣтаемая въ моей совѣсти невинность подкрѣпляютъ меня и утѣшаютъ». Но Яковкинъ умолчалъ, что въ томъ же засѣданіи секретарь совѣта Левицкій, близкій сторонникъ его, а слѣдовательно и онъ самъ, обвинялись въ канцелярской уловкѣ или подлогѣ со стороны противниковъ. Попечитель въ своемъ предложеніи совѣту писалъ, что у Упадышевскаго есть аттестаты, а о Пото, кромѣ благопріятнаго о немъ мнѣнія членовъ совѣта, ему ничего неизвѣстно. Между тѣмъ у Пото былъ формулярный о службѣ списокъ за подписомъ Казанскаго полицмейстера, который ничѣмъ не разнился отъ аттестатовъ Упадышевскаго изъ гимназіи и почтамта, такъ какъ аттестаты тогда, какъ и нынѣ, представляютъ собою лишь копіи съ формуляровъ и даются только при отставкѣ. Иностранцы совѣта знали это и тотчасъ же догадались, что формуляръ Пото не былъ посланъ. Конечно и при немъ, какъ мы знаемъ, попечитель утвердилъ бы Упадышевскаго, но уловка канцеля-

ріи бросилась въ глаза и естественно должна была возбудить страсти. Отъ лица всего совѣта Цеплинъ спросилъ секретаря: «Развѣ не былъ посланъ къ попечителю формуляръ Пото, замѣняющій собою аттестатъ?» Секретарь отвѣчалъ отрицательно. Тогда на другой вопросъ (всѣ эти препирательства происходили на латинскомъ языкѣ): «Почему не былъ посланъ формуляръ и какимъ образомъ секретарь могъ предполагать (praesumere potuisset), что совѣтъ не желаетъ посылать формуляра къ попечителю?», растерявшійся секретарь, «бывши съ намѣреніемъ разбиваемъ въ рѣчахъ своихъ», какъ рапортуетъ Яковкинъ, сказалъ, что онъ дастъ отвѣтъ совѣту въ слѣдующее засѣданіе его. Яковкинъ настаивалъ и на простомъ исполненіи (sine restrictione) предложенія попечителя. Секретарь (адъюнктъ Левицкій) въ слѣдующее засѣданіе представилъ латинское объясненіе, въ которомъ съ изворотливостью опытнаго канцелярскаго чиновника говорилъ, что «такъ какъ совѣтъ въ опредѣленіи своемъ относительно Пото вовсе не упомянулъ объ отсылкѣ его формуляра къ попечителю, то онъ, безъ согласія прочихъ членовъ, своею волею иначе и не могъ поступить». Въ заключеніе секретарь высказывалъ неудовольствіе, что одинъ членъ совѣта позволяетъ себѣ привлекать къ допросу другого члена, его, секретаря, и просилъ обо всемъ происходившемъ донести попечителю. Яковкинъ конечно поддерживалъ секретаря; его доказательство о незаконности допроса, по словамъ его, «не мало подѣйствовало: профессоръ Цеплинъ, сказавъ «eum febrem laborare, уѣхалъ домой». Вслѣдъ за симъ, за подписомъ Цеплина, Германа и Бюнемана, было отправлено непосредственно къ попечителю объясненіе всего дѣла и то странное и непонятное для нихъ обстоятельство, что аттестатъ или формуляръ избраннаго совѣтомъ и представляемаго къ утвержденію Пото не былъ посланъ къ попечителю, а были посланы напротивъ аттестаты лица не выбраннаго и не представляемаго. Въ заключеніе профессоры заявляютъ что они «протестуютъ не противъ утвержденія Упадышевскаго, а противъ того порядка (contra modum), какимъ все дѣло это объ избраніи главнаго надзирателя представлено было ему, попечителю». Объ этомъ обращеніи своемъ къ попечителю они тогда же заявили совѣту. Независимо отъ этого одинъ Цеплинъ, въ засѣданіи 31 октября, вслѣдъ за предъявленіемъ Яковкинымъ Высочайшаго указа отъ 20 января 1724 года (о чемъ постановлено: auditum et explendum est) подалъ по тому же дѣлу въ совѣтъ свое отдѣльное, также писанное по латыни мнѣніе о томъ же дѣлѣ и о поступкѣ секретаря совѣта. Онъ доказываетъ, въ противность утвержденія Яковкина, Левицкаго и ихъ сторонниковъ, желавшихъ выставить его одного зачинщикомъ, что вопросъ, почему не былъ

посланъ формуляръ Пото къ попечителю, былъ въ умѣ почти всѣхъ членовъ (in fere omnium animo erat), что спрашивалъ онъ Левицкаго не лично отъ себя, а отъ всего совѣта, что неправильно утверждение Левицкаго, что вопросъ относился къ члену совѣта: онъ былъ обращенъ къ секретарю, къ его обязанности, что онъ имѣлъ полное право сдѣлать этотъ вопросъ ему, что и не къ кому, кромѣ его, Левицкаго, обратиться было съ этимъ вопросомъ. Никто изъ членовъ совѣта не противился этому вопросу, никто не возражалъ противъ него и самъ секретарь счелъ своею обязанностью тотчасъ же отвѣчать на него. Наконецъ въ самомъ вопросѣ этомъ не было ничего противозаконнаго, ничего противнаго власти.

Кто былъ членомъ такихъ коллегіальныхъ учрежденій, какъ совѣтъ университета, того безъ сомнѣнія нисколько не удивятъ часто встрѣчавшіеся и встрѣчающіеся въ нихъ споры и пререканія, а они-то именно обыкновенно и ставятся въ вину членамъ коллегій и отъ нихъ переносятся на самыя учрежденія. Споры и пререканія совершенно естественное дѣло въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ участвуютъ живые люди: не могутъ же они быть скроены по одной мѣркѣ, да и самое дѣло, для своего успѣха, требуетъ обсужденія съ разныхъ сторонъ, а различныя точки зрѣнія даются различіемъ характеровъ, различіемъ убѣжденій, основанныхъ на разнообразіи индивидуальнаго развитія. Къ сожалѣнію о русскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, на основаніи наблюденій, мы кажется имѣемъ право сказать, что вообще къ нимъ не привыкли, что люди вѣковою привычкою освоившіеся съ произволомъ, сами не уважаютъ ихъ и этимъ неуваженіемъ своимъ даютъ въ руки оружіе многочисленнымъ ихъ врагамъ. Великая мысль Петра В. мало привилась къ русской почвѣ и не пользуется уваженіемъ. Да и самые споры и пререканія, происходящіе въ нихъ, источникомъ своимъ по большей части имѣютъ не столько понятное вообще и уважительное чувство страстности, вытекающее изъ увлеченія дѣломъ и идеею, сколько туже борьбу изъ за власти, преобладанія и слѣдовательно произвола. Въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ впередъ коллегіальный интересъ, чувство уваженія къ коллегіи, къ тому цѣлому, честь котораго должна быть дорога для всѣхъ его членовъ. Изъ протоколовъ совѣта Казанской гимназіи 1806 года видно, что объ этомъ коллегіальномъ чувствѣ напоминали своимъ товарищамъ исключительно члены-иностранцы, не всѣ впрочемъ, а только тѣ, которые были болѣе самостоятельны и не увлекались мелкими житейскими выгодами близкихъ отношеній къ Яковкину; для нихъ чувство это не было новостью. Такъ напримѣръ, когда профессоры Цеплинъ, Германъ и Бюнеманъ вынужденными нашлись прямо отъ себя уже, какъ мы видѣли, обратиться къ

попечителю съ объясненіемъ того, что происходило въ совѣтѣ по поводу задержанія формуляра избраннаго совѣтомъ Пото, когда ихъ обвиняли чуть не въ уголовномъ преступленіи, то они сочли своею нравственною обязанностью сообщить о своемъ обращеніи къ попечителю и совѣту, чтобы товарищи по коллегіи не обвинили ихъ въ тайномъ и коварномъ образѣ дѣйствій [1]).

Какъ письма въ старые годы университетской жизни, когда попечители не жили въ университетскихъ городахъ, такъ и личные доклады и нашептыванія въ болѣе позднѣйшіе, когда они жили въ непосредственной близости къ коллегіи, были весьма обыкновеннымъ и печальнымъ явленіемъ, именно потому что содержаніе этихъ нелегальныхъ сношеній имѣло предметомъ своимъ не общіе вопросы науки и преподаванія, а интересы чисто личные или интересы партіи, хлопотавшей о преобладаніи и о власти. Переписка и разговоры по вопросамъ преподаванія были весьма рѣдкими явленіями, притомъ на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи человѣческія слабости вездѣ одинаковы, а умѣнье лично быть угоднымъ весьма распространено. Въ своихъ жалобахъ попечителю на совѣтъ и на враговъ своихъ въ немъ, выставляя ихъ постоянно въ невыгодномъ свѣтѣ, врагами порядка и спокойствія, Яковкинъ постоянно ссылался на двухъ благоразумныхъ по его мнѣнію иностранныхъ профессоровъ, въ которыхъ онъ находилъ опору себѣ и которые возмущались душою явленіями, происходившими въ совѣтѣ. Эти два профессора были Фуксъ и Сторль. Заручиться ихъ поддержкою для него было важно, потому что и самъ попечитель уважалъ ихъ, несмотря на то, что Яковкинъ не стѣснялся въ своихъ сообщеніяхъ и объ нихъ, подробно сообщая напримѣръ о любовныхъ приключеніяхъ холостого Фукса; онъ часто писалъ попечителю, что они на его сторонѣ и послѣдній нѣсколько разъ напоминалъ Яковкину о желаніи получить отъ нихъ письменное изложеніе всего происходящаго въ казанскомъ совѣтѣ, чтобъ имѣть свѣдѣнія, подтверждающія то, о чемъ писалъ Яковкинъ, прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать строгими мѣрами. Фуксъ кажется уклонился отъ сообщеній. По крайней мѣрѣ въ бумагахъ мы не нашли ни одного его письма съ такимъ содержаніемъ. Но Сторль за то написалъ большое французское

---

[1]) Это объясненіе или декларація, какъ они называли ее, выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Professores Zepelin, Bünemann et Hermann, quae est eorum probitas et sinceritas, concilium faciunt certius se ad Excellentissum d. curatorem litteras dedisse, in quibus de non missis d. Potot attestatis locuti sunt, et cupiunt ut haec eorum declaratio protocollo inseratur, ne olim, se clam et insidiose egisse, accusari possint».

письмо обо всемъ томъ, что происходило въ совѣтѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Оно писано очевидно по вызову попечителя, «pour donner à son excellence une preuve éclatante de mon zèle pour le bien publique», и не безъ внушеній со стороны Яковкина, которому Сторль, по старости и слабости характера (о чемъ послѣ), вполнѣ подчинялся. «Едва только я вступилъ въ залу совѣта, чтобъ занять въ ней указанное мнѣ мѣсто, пишетъ онъ, какъ тотчасъ же получилъ формальное приглашеніе придти къ нему отъ г. адъюнкта Запольскаго; я извинился и отказался, но вотъ черезъ нѣсколько дней онъ самъ пришелъ ко мнѣ и, не давая мнѣ отдыха, увѣрялъ меня съ клятвою, что настоящее положеніе гимназіи ужасно, что не разрушивъ всего до основанія и не передѣлавъ за ново, мы рискуемъ навлечь на себя гнѣвъ августѣйшаго монарха. Особенно предостерегалъ онъ меня отъ подписанія имѣющихъ вскорѣ быть представленными счетовъ. Я выслушалъ его хладнокровно. Тѣ же рѣчи повторили мнѣ двое сослуживцевъ его друзей (Цеплинъ и Германъ). Вы знаете, что я подписалъ всѣ счеты, безъ всякихъ противорѣчій (съ неподписанія ихъ и началась оппозиція, какъ мы видѣли). Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я началъ читать лекціи и, найдя слушателей своихъ нравственными, прилежными и скромными, я не могъ уже составить такого невыгоднаго представленія о гимназіи и о лицѣ, стоящемъ въ ея главѣ, какое старались мнѣ внушить. И время доказало мнѣ, что я не ошибся.

«Не смотря на то, что заговорщики (messieurs les ligueurs) изъ этого опыта могли понять, какъ трудно уловить меня, они не пренебрегали однако никакими средствами, чтобъ переманить меня на свою сторону. Они простерли свои искушенія до того, что принудили меня вести совершенно уединенную жизнь и стараться не встрѣчаться съ ними.

«Такъ проходило время въ постоянныхъ волненіяхъ и вѣчной суматохѣ (charivari éternel), непонятныхъ для ученыхъ, которые должны служить образцами для юношества, до пріѣзда профессора Каменскаго, котораго заговорщики считали настоящимъ своимъ мессіей, спустившимся изъ Петербурга внизъ по Волгѣ, чтобъ выгнать изъ гнѣзда и освободить ихъ отъ пугала, — страшнаго профессора директора Яковкина. Съ этого времени, вмѣсто глухихъ козней, тайныхъ замысловъ мы видимъ гигантскія интриги и вражду, доходящую до скандала»... Далѣе Сторль излагаетъ, съ своей конечно точки зрѣнія, дѣло о смѣщеніи Пухинскаго, о «страсти» Эвеста, а затѣмъ старается выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ и Карташевскаго. Все, что происходило въ совѣтѣ, все это, по его мнѣнію, ложь и жалкая интрига противъ Яковкина.

Послѣдній, съ своей стороны, не жалѣлъ красокъ чтобъ вооружить попечителя на своихъ противниковъ. Иностранцы добивались права получать копіи съ предписаній попечителя, кажется для того, что при незнаніи русскаго языка, было имъ удобнѣе на просторѣ знакомиться съ содержаніемъ ихъ. Это было недозволено и Яковкинъ сообщаетъ объ «ощутительномъ внутреннемъ негодованіи», которое произвело это запрещеніе въ совѣтѣ. Въ особенности возмущался онъ тѣмъ, что и Бюнеманъ, бывшій прежде на его сторонѣ, «по слабости своей впалъ въ разставленныя для него коварственныя сѣти» и сдѣлался врагомъ ему. Само собою разумѣется, что измѣну эту онъ старается объяснить самыми низменными причинами: «Со стороны Бюнемана много тутъ должно дѣйствовать пишетъ онъ, и негодованіе противъ меня послѣ двусмысленнаго моего отвѣта на его просьбу о помѣщеніи, вмѣсто уволеннаго Груля, въ комнатные надзиратели какого-то нѣмца у него живущаго, котораго нынѣшнимъ лѣтомъ профессорша Германша нанимала къ себѣ въ лакеи, но согласиться не могли; словомъ, требовано было отъ меня, чтобъ я честью заведенія пожертвовалъ личности и просьбѣ». Бурныя сцены, происходившія въ совѣтѣ по поводу задержанія Левицкимъ формуляра Пото, Яковкинъ старается описать со всѣми подробностями: «Какое же страшное оказали проф. Германъ и Бюнеманъ негодованіе, потому что въ тотъ день Цеплинъ отозвался болѣзнію противъ онаго рапорта (секретаря), такъ что первый, разгорячившись, дважды былъ останавливаемъ мною напоминаніями». Далѣе Яковкинъ изображаетъ сцену уже приведенную нами (стр. 75) кончившуюся тѣмъ, что Германъ, сказавшись больнымъ, вышелъ изъ засѣданія. «Минутъ чрезъ десять послѣ него также и Бюнеманъ, заболѣвши вышелъ, не дождавшись конца засѣданія и не подписавъ протоколовъ». Чтобы подѣйствовать на враговъ своихъ силою законовъ, Яковкинъ берется за указы, находитъ соотвѣтственныя дѣлу статьи Генеральнаго регламента, также 1724 года. января 20 дня и 1796 года декабря 1 дня и вводитъ ихъ, чтобы напугать противниковъ, въ практику совѣтскихъ засѣданій. Онъ останавливаетъ Цеплина, желавшаго прочитать свое латинское мнѣніе ссылкою на указъ 20 января 1724 года, которымъ запрещено начинать другое засѣданіе, безъ подписанія протоколовъ послѣдняго. «Ударъ сей былъ для господъ противниковъ, пишетъ онъ, совсѣмъ неожиданный и какъ я твердо настоялъ, что не начну сего засѣданія безъ подписа протоколовъ, а они отговаривались, то для убѣжденія ихъ подалъ имъ «Юридическій словарь» съ пріисканнымъ онымъ указомъ, который профессоръ Каменскій, многократно перечитывая, объявилъ своимъ единомышленникамъ, что я

*

требую справедливо». Протоколы были подписаны, Цеплинъ опять началъ было читать мнѣніе свое, но Яковкинъ потребовалъ, чтобы выслушано было его предложеніе о содержаніи указа 1724 года и началъ диктовать его Эвесту, исправлявшему должность секретаря, но послѣ первыхъ словъ «dominus inspector proposuit» былъ остановленъ Каменскимъ, сказавшимъ, что это лишнее, что совѣтъ не для того собрался, а для выслушанія предложенія Цеплина. «Но я ему на то сказалъ, продолжаетъ свою реляцію Яковкинъ: что важнѣе? бумага ли нашего сочлена, намъ неизвѣстная, или предлагаемый для исполненія Высочайшій указъ, а Цеплинъ къ тому прибавилъ: «scribas, d. Evest, professor inspector proposuit, quod nil habuit ad proponendum». По слабости моей, щадя мое здоровье, я только пристально посмотрѣлъ на г. Цеплина, что слышали и замѣтили Сторль и Эвестъ и послѣ мнѣ выговаривали, что я не потребовалъ записывать сего въ протоколъ, удивляясь только моему хладнокровію». «Цеплинъ въ предшествовавшемъ засѣданіи не былъ, а между тѣмъ объясненіе его показываетъ, что онъ отъ слова до слова знакомъ съ рапортомъ Левицкаго». Это не нравится Яковкину; онъ убѣжденъ, что всякая бумага, поданная въ совѣтъ, должна отсутствующему члену оставаться канцелярскою тайною. Впрочемъ Эвестъ сообщилъ ему, что когда Цеплинъ и Германъ занимаютъ Яковкина своими преніями, то Каменскій и Запольскій, сидящіе противъ Эвеста, занимаются списываніемъ предложенныхъ бумагъ. «Послѣ всѣхъ таковыхъ, по чистой совѣсти и долгу присяги описанныхъ козней и злоухищреній, мнѣ остается только возопить съ Псалмопѣвцемъ: «Господи! изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему»—заключаетъ свое описаніе Яковкинъ.

Онъ умѣлъ превосходно выставляться передъ начальствомъ жертвою и пользовался случаемъ, чтобъ выпросить себѣ деньги, чинъ, орденъ или какую либо льготу. Такъ и теперь, описавши свою совѣтскую борьбу, такихъ потрясеній ему стоившую, онъ обращается къ попечителю съ слѣдующею просьбою: «Продолжающуюся во мнѣ чрезъ двѣ недѣли необыкновенную слабость, соединенную съ сильнымъ кашлемъ и другими послѣдствіями простуды и *ученой болѣзни* отъ сидѣнія происходящей, г. Фуксъ приписываетъ недостатку движенія. Правда тутъ много содѣйствуетъ безпрестанная душевная скорбь и присоединяемыя къ ней огорченія. Хотя при совершенномъ здоровьи и каждый день я имѣю много движенія при обозрѣніи обоихъ заведеній, всѣхъ домовъ, работъ, служебъ и прѣч., но самое сіе движеніе сопряжено будучи съ безпрестанными душевными занятіями, не можетъ доставлять существенной пользы къ укрѣпленію моего здоровья. Для достиженія сей послѣдней цѣли совѣтуетъ

онъ мнѣ въ свободное время выѣзжать за городъ верстъ за пятнадцать и за двадцать къ знакомымъ помѣщикамъ, дабы могли самая дорога и перемѣна воздуха тѣмъ лучше на меня дѣйствовать, да и для сего нѣтъ у меня другаго времени кромѣ субботы по полудни и воскресенья до вечера; но безъ особеннаго начальственнаго позволенія на таковыя, хотя и рѣдкія отлучки дерзнуть никакъ не смѣю, ежели не благоугодно будетъ в. п. меня разрѣшить на оныя». Позволеніе было дано безъ затрудненія.

Въ засѣданіи совѣта 23 ноября было заслушано только что полученное грозное предложеніе попечителя отъ 8 ноября за № 402 по поводу пререканій о неотсылкѣ формуляра Пото и объ обвиненіи въ умышленномъ дѣйствіи съ этою цѣлью секретаря совѣта. «Самовольство и безпорядокъ въ Совѣтѣ, пишетъ попечитель, до того простерся, что нѣкоторые изъ членовъ присвояютъ себѣ власть начальника—секретаря совѣта въ ономъ допрашивать». Секретарь нисколько не виноватъ: «Когда члены совѣта секретаря, члена своего, преступя всѣ предѣлы благочинія и взаимнаго другъ къ другу уваженія, допрашиваютъ какъ виноватаго, для чего онъ не сообщилъ мнѣ того, чего сообщить мнѣ въ протоколѣ не было положено (попечитель игнорируетъ, что аттестаты Упадышевскаго были посланы, не смотря на то, что въ протоколѣ о нихъ не было ни слова сказано), то сколь жестокому повиненъ бы онъ былъ допросу, ежели бы отважился послать ко мнѣ послужной списокъ безъ опредѣленія совѣта. Не могу я вообразить, чтобы весь совѣтъ до того позабылся, чтобъ дозволилъ кому нибудь въ общемъ собраніи самовольно допрашивать члена своего, то препоручаю директору и секретарю увѣдомить меня: кто именно октября 17 дня въ совѣтѣ присутствовали, кто имѣлъ дерзновеніе допрашивать г. Левицкаго и быть нарушителемъ тишины и спокойствія, въ совѣтѣ водворяться долженствующихъ? И впредь въ меморіи каждаго засѣданія всегда показывать имена присутствующихъ въ совѣтѣ, дабы я къ обузданію начиньщиковъ самовольства могъ принять надлежащія мѣры»... Далѣе попечитель останавливается на особомъ заявленіи, присланномъ къ нему, минуя совѣтъ, тремя профессорами, доказываетъ имъ разницу, существующую между послужнымъ спискомъ и аттестатомъ и, разсматривая послужной списокъ Пото, высказываетъ мысль, «что весь совѣтъ согласится со мною, что должность надзирателя за воспитанниками отъ должности частнаго пристава и смотрителя конскаго завода разнствуетъ какъ небо отъ земли». Что касается Упадышевскаго, то какъ прошеніе его было подано не въ совѣтъ, а директору и онъ предлагалъ его въ званіе главнаго надзирателя, то «онъ долженъ былъ оправдать свое мнѣніе, и, доста-

вляя мнѣ аттестаты его, ничего не сдѣлалъ, какъ въ точности исполнилъ мое предложеніе, за что и за попеченіе его объ общемъ благѣ свидѣтельствую ему мою благодарность, тѣмъ паче, что ежелибъ не предостерегъ онъ меня доставленіемъ аттестата г. Упадышевскаго, то основываясь на мнѣніи гг. профессоровъ Цеплина, Германа, Бюнемана и ихъ сообщниковъ, къ неизгладимому стыду моему, человѣкъ оказавшій способность быть надзирателемъ конскаго завода принятъ бы былъ къ надзиранію надъ воспитываемымъ юношествомъ. Сей странный случай принуждаетъ меня *просить директора, чтобы онъ и впредь, по долгу своему, доставлялъ мнѣ полезныя для меня и всего общества свѣдѣнія, особливо же о поступкахъ и обращеніяхъ, нарушающихъ въ совѣтѣ тишину, благочиніе и присвояющихъ власть поставленнаго надъ онымъ начальника*».

Торжествующимъ побѣдителемъ вошелъ Яковкинъ въ совѣтъ, членамъ котораго не было еще извѣстно содержаніе предложенія попечителя. «Съ самаго моего прихода въ совѣтъ г. Цеплинъ многократно выспрашивалъ меня о содержаніи объявленныхъ мною полученными двухъ предписаній в. п., пишетъ онъ къ попечителю (первое было о назначеніи Сторля библіотекаремъ, о порученіи ему составить каталогъ библіотеки, объ истребованіи немедленно всѣхъ книгъ забранныхъ профессорами и адъюнктами для повѣрки ихъ [1]) и о составленіи правилъ какъ пользоваться библіотекою); но я всякій разъ отклонялъ оное тѣмъ, что услышитъ, когда ихъ читать будутъ... При чтеніи предписанія о библіотекѣ, отзывался сперва онъ незнаніемъ о приказаніи обревизовать библіотеку, но въ томъ изобличенъ былъ профессорами Сторлемъ, Фуксомъ и Бюнеманомъ. Думалъ, что не забралъ онъ 81 книгу изъ библіотеки, но поданный отъ библіотекаря рапортъ и въ томъ его изобличилъ... Послѣднюю статью протокола составило предписаніе в. п. о допросѣ секретаря и усиліяхъ избранія Пото въ главные надзиратели. При чтеніи на россійскомъ языкѣ безпрестанно почти останавливалъ онъ протестомъ своимъ, что не онъ, а цѣлый совѣтъ допрашивалъ, ссылаясь на слова протокола; но въ томъ мною былъ изобличаемъ, что при первомъ его чтеніи сочиненныхъ имъ трехъ вопросовъ, я

---

[1]) Здѣсь было мѣсто, касающееся Цеплина, о которомъ Яковкинъ писалъ попечителю, что имъ забрано много книгъ и притомъ очень дорогихъ: „Однимъ г. профессоромъ Цеплинымъ, къ удивленію моему, забрано 81 книга, въ томъ числѣ многія дорогія, что никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ и показываетъ его своевольство, которому конецъ положить почитаю своимъ долгомъ“.

изъявилъ ему совершенное несогласіе на таковой допросъ. По многовременномъ отъ него и Бюнемана преніи и отговоркахъ едва я возмогъ возстановить тишину, чтобъ прослушать имъ латинскій онаго предписанія переводъ отъ Запольскаго, который однако не менѣе прежняго былъ прерываемъ особливо требованіями Цеплина и Бюнемана, чтобъ слушаніе перевода отсрочить до будущаго засѣданія, чему я прямо воспротивился». Несмотря на разныя придирки Цеплина и Бюнемана, которые потребовали для себя копіи съ предложенія и совѣтскаго опредѣленія, предложеніе это опредѣлено исполнить во всемъ его объемѣ. Но, заканчивая свое донесеніе попечителю объ этомъ засѣданіи, на основаніи довѣрія, которое ему только что было высказано попечителемъ, Яковкинъ уже прямо проситъ его удалить главнаго своего противника Цеплина: «Многократно уже в. п. изволили усматривать безпокойный и дерзкій характеръ г. Цеплина, пишетъ онъ; споры его безпрерывны, крикъ нестерпимъ, а усилія къ поддержанію несправедливыхъ своихъ требованій и мнѣній долженствовали быть всегда для начальства огорчительны; поборники его, полагаясь на него, какъ на каменную стѣну, въ отсутствіи его, сколько мнѣ испытать случилось, большею частью бывали спокойнѣе и не такъ дерзки. Нынѣшніе случаи совершенно обнаружили его истинный характеръ и предъ в. п., также обнаруживаютъ и то, что *потребные тишина и порядокъ дотолѣ въ совѣтѣ не водворятся, доколѣ онъ будетъ имѣть въ немъ голосъ*; а потому едино только отдаленіе его изъ совѣта возможетъ возстановить и утвердить должный и спокойный порядокъ теченія дѣлъ. Всѣ сіи обстоятельства зависятъ отъ начальственнаго благоразсмотрѣнія в. п. Съ нимъ всегда въ одномъ комплотѣ и ожесточеніи также и г. профессоръ Германъ; а простенькій Бюнеманъ болѣе достоинъ сожалѣнія по слабости своей нежели взысканія». Это желаніе Яковкина должно было очень скоро исполниться.

Предписаніе попечителя произвело сильное впечатлѣніе. Въ тотъ же день вечеромъ всѣ враги Яковкина собрались на совѣщаніе къ Герману, куда зашелъ даже и Фуксъ, навѣстившій больного хозяина. Они предполагали призвать въ совѣтъ пастора для приведенія къ присягѣ Цеплина, Германа и Бюнемана, что не они, а цѣлый совѣтъ допрашивалъ секретаря, что послѣдній самъ заявлялъ совѣту о томъ, что ему неизвѣстна разница между формулярнымъ спискомъ и аттестатомъ. Рѣшено было потребовать отъ секретаря перевода всѣхъ подходящихъ къ дѣлу законовъ для оспариванія предписанія попечителя и для жалобы уже прямо министру. На другой день и на третій были собранія у Запольскаго и у Цеплина. Все это передавалъ Яковкину Фуксъ, который «употреблялъ всѣ благоразумныя

мѣры дабы преклонить сію шайку къ должному и безпрекословному повиновенію начальству, но за свои добрые совѣты впалъ и самъ у нихъ въ подозрѣніе пристрастія и приверженности къ директору, а не къ ихъ справедливой сторонѣ». Свой собственный взглядъ на происходящее въ совѣтѣ и свое собственное убѣжденіе Яковкинъ высказываетъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ: «Соображая сколько каждый изъ членовъ университета облагодѣтельствованъ монаршими щедротами въ настоящемъ времени и обезпеченъ Императорскимъ словомъ о будущемъ состояніи собственномъ и даже въ случаѣ сиротѣющаго семейства, не могу я удержаться отъ слезъ соболѣзнованія и состраданія, что время, долженствующее посвященнымъ быть на споспѣшествованіе общественному благу, время достиженія предназначенной цѣли распространенія просвѣщенія въ университетскомъ округѣ, время устроенія и образованія самаго университета и приготовительной его гимназіи, время примѣра для учащихъ и учащихся — теряется токмо въ бездѣльныхъ спорахъ, прихотливыхъ затѣяхъ и что всего вяще?—въ какомъ то ожесточенномъ противоборствѣ священнымъ начальственнымъ намѣреніямъ и предписаніямъ. Отъ кого же изъ тринадцати токмо? — отъ трехъ или четырехъ, а не болѣе человѣкъ. — Страшусь, да не явлюся безотвѣтенъ предъ Сердцевѣдцемъ: по крайней мѣрѣ всегда тщился я по всей моей возможности исполненіемъ святѣйшихъ обязанностей пріобрѣтать и сохранять спокойную совѣсть». «Весьма жаль, прибавляетъ онъ, что ожесточеніе, нераскаянность и упорство противу начальства такъ далеко простерлись, что цѣлое заведеніе отъ нихъ страждетъ, не достигая предназначеннаго божественнаго намѣренія о просвѣщеніи и всевозможномъ споспѣшествованіи общественному благу». Выставляя себя такимъ образомъ поборникомъ общественнаго блага, Яковкинъ жаловался, что профессоры не исполняютъ своихъ обязанностей. Мы видѣли, что въ самомъ началѣ отмѣнено было записываніе дежурнымъ офицеромъ пропущенныхъ профессорами лекцій (имъ «стыдно» казалось, по словамъ Яковкина, это записываніе прихода и выхода); они сами обѣщали объявлять объ этомъ въ совѣтѣ, но не исполняютъ этого и Яковкинъ поручилъ записывать пропуски и опаздыванія камернымъ студентамъ, «будто подъ тѣмъ видомъ, дабы мнѣ по обязанности моей (инспектора студентовъ) всегда быть извѣстну и возможно бы было дать отчетъ, чѣмъ студенты во время коллегій отсутствующихъ занимались. Знающихъ о семъ замѣчаніи и сіе довольно удерживаетъ, а незнающіе, хотя бы и вздумали на меня за сіе негодовать, но я никогда не попущу наудачу ввѣренныя мнѣ заведенія, не смотря ни на какія неудовольствія».

Кончилось наконецъ и дѣло Эвеста и Каменскаго. Попечитель, разсмотрѣвъ свидѣтельства профессоровъ и адъюнктовъ объ Эвестѣ и найдя, что всѣ они содержатъ выгодныя о немъ мнѣнія и одобрительные отзывы, совершенно противорѣчащіе тому, что онъ называлъ *извѣтомъ* Каменскаго, предложилъ объявить о семъ тому и другому въ совѣтѣ и постановить протоколъ. Каменскій заявилъ, что онъ будетъ самъ писать къ попечителю по поводу его предписанія.

Между тѣмъ дѣла и отношенія приняли рѣшительный оборотъ, давно жданный и желанный Яковкинымъ. Въ началѣ ноября Румовскій писалъ къ нему: «На прошедшей почтѣ отправлено мною два непріятныхъ предложенія, которыми совѣтъ только и занимается. Я надѣюсь, что въ короткое время получитъ онъ еще третье, которое будетъ прежнихъ повкуснѣе». Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, побуждаемый извѣстіями изъ Казани, независимо отъ строгихъ предложеній, даваемыхъ имъ совѣту, Румовскій рѣшился представить министру народнаго просвѣщенія обо всемъ происходившемъ. Онъ изложилъ обстоятельства, сопровождавшія увольненіе Пухинскаго, включилъ въ представленіе все отдѣльное мнѣніе Каменскаго о преобразованіи совѣта, которое, по словамъ его, имѣло въ виду любоначаліе, а не пользу гимназіи (объ университетѣ попечитель умалчиваетъ), разсказалъ какъ былъ образованъ настоящій совѣтъ, съ утвержденія самого министра народнаго просвѣщенія и почему онъ не можетъ пользоваться *никакими правами* университетскаго совѣта по уставу 1804 года. Попечитель говоритъ, что онъ и прежде видѣлъ примѣры неуваженія со стороны совѣта къ его предложеніямъ, но «оставлялъ ихъ безъ оглашенія, потому что неизвѣстны были виновники онаго. Съ какимъ необыкновеннымъ крикомъ и съ какимъ намѣреніемъ профессоры Цеплинъ, Германъ, зачиньщикъ Каменскій и адъюнкты Карташевскій и Запольскій отвергаютъ не только директорскія, но и мои предложенія, подношу при семъ копіи съ писемъ, профессоромъ Сторлемъ къ директору Яковкину и ко мнѣ писанныхъ по случаю собранія, бывшаго іюля 7 дня, и поданнаго мнѣнія профессоромъ Каменскимъ... Упоенные духомъ неповиновенія сами себя обнаружили подписаніемъ условнаго постановленія»... Попечитель заключаетъ просьбою къ министру объ этихъ членахъ совѣта: «обратить ихъ къ должному повиновенію средствами, какія доброта вашего сердца и благоразуміе внушатъ вашему сіятельству. Ежели неповиновеніе упомянутыхъ членовъ останется не наказано и укоренится, то всѣ мои попеченія о благоустроеніи гимназіи и университета останутся тщетными» (9 окт. 1806 г., № 363). Въ письмѣ къ министру, написанномъ нѣсколько позднѣе (25 окт., № 391), Румовскій вдается

еще болѣе въ подробности. Все это неповиновеніе начальству «начало свое получило отъ любоначалія». Первый началъ Карташевскій еще въ 1805 году, затѣмъ слѣдовалъ планъ профессоровъ Цеплина и Германа, «клонящійся къ совершенному безначалію». «Видя, что покушенія ихъ къ удовлетворенію любоначалія своего не имѣли успѣха, мысли свои обратили они къ тому, чтобъ профессора Яковкина удалить отъ должности директорской или сдѣлать ему оную горькою. Въ семъ намѣреніи неоднократно присвоивали себѣ право судить директора по пустымъ жалобамъ отъ подчиненныхъ въ совѣтъ подаваемымъ и рѣдкое отъ директора было письмо, которое бы не содержало жалобъ на безпрестанныя въ совѣтѣ пререканія профессора Цеплина». По пріѣздѣ Каменскаго «сдѣлавъ директора почти безгласнымъ, положили сперва предписанія мои оставлять безъ исполненія, а потомъ явно оныя отметать, чтобъ сдѣлаться ни отъ кого независимыми». — Это письмо Румовскій заключалъ: «Не благоугодно ли будетъ, для возстановленія тишины и повиновенія, адъюнкта Карташевскаго, просящагося объ увольненіи съ чиномъ ассесора, за оказанное начальнику непослушаніе, удалить отъ гимназіи, равномѣрно и профессора Каменскаго дерзкимъ своимъ мнѣніемъ, іюля 7 дня читаннымъ, подавшаго поводъ къ ослушанію и худобу нравственнаго своего характера въ адъюнктѣ Эвестѣ обнаружившаго, удалить отъ гимназіи, а въ разсужденіи единомышленниковъ ихъ, профессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго, предписать директору Яковкину, чтобъ онъ въ полномъ совѣта собраніи, сдѣлалъ за оказанное начальнику ослушаніе выговоръ и отъ лица вашего сіятельства имъ объявилъ, что ежели кто изъ нихъ впредь вмѣсто того, чтобъ совокупными съ благомыслящими силами стараться о наставленіи и просвѣщеніи ввѣреннаго имъ юношества, отважится презирать приказанія начальника и крикомъ своимъ нарушать будетъ тишину собраній, то и онъ удаленъ будетъ отъ гимназіи». Министръ согласился на эти представленія попечителя. Предложеніе его, напечатанное выше (стр. 133), предоставляетъ попечителю право отрѣшить главныхъ виновниковъ. На основаніи его попечитель (16 ноября № 421) уволилъ профессора Каменскаго и адъюнкта Карташевскаго. Что касается прочихъ, то есть профессоровъ Цеплина и Германа и адъюнкта Запольскаго, то «поелику они наибольшее имѣли участіе въ допрашиваніи г. Левицкаго и въ совѣтѣ выходили изъ предѣловъ благопристойности, то дамъ я объ нихъ особливое предложеніе, согласное съ волею министра народнаго просвѣщенія, когда разсмотрѣно будетъ совѣтомъ дѣло о допросѣ г. Левицкаго. А между тѣмъ, чтобы доставить совѣту тишину и спокойствіе, гг. профессорамъ Цеплину

и Герману и адъюнкту Запольскому воспрещается имѣть участіе въ засѣданіяхъ совѣта».

Торжественнымъ возгласомъ, уже приведеннымъ нами (стр. 45—46), начинаетъ Яковкинъ свой отчетъ попечителю о совѣтскомъ засѣданіи (5 декабря), въ которомъ заслушано было это предложеніе попечителя и на которое особенною повѣсткою директора были приглашены всѣ члены и уже отрѣшенные отъ должности, такъ какъ предложеніе было получено наканунѣ и жалованьемъ были они удовлетворены по 4 декабря. «По прочтеніи и двукратномъ латинскомъ обоихъ предписаній переводѣ объявилъ я г. Каменскому отрѣшеніе его отъ должности и удаленіе изъ совѣта, а на его требованіе копій съ обоихъ предложеній (второе касалось дѣла о формулярѣ) отвѣтствовано ему, что еще по протоколу послѣдняго засѣданія представлено о даваніи или недаваніи оныхъ на начальственное разрѣшеніе попечителя. Послѣ сего онъ и вышелъ, благодаря за сотоварищество, только не всѣмъ». Очень хотѣлось Яковкину лично объявить объ отрѣшеніи и Карташевскому, но это не удалось. «Сотоварищъ г. Каменскаго г. Карташевскій извѣстенъ бывъ безъ всякой повѣстки о еженедѣльныхъ собраніяхъ совѣта въ среду, приглашаемъ былъ съ вечера въ совѣтъ, но дома его не получили; по утру, на другой день, въ девятомъ часу еще спалъ, а въ десятомъ и одиннадцатомъ трижды посланный къ нему солдатъ всякій разъ возвращался съ извѣстіемъ, что его нѣтъ дома, а потому опредѣлено извѣстить его объ его отрѣшеніи выпискою изъ протокола». Цеплинъ пришелъ послѣ начала засѣданія, когда оба предложенія были уже прочитаны по русски. Онъ «принесъ съ собою цѣлую кипу книгъ, выписокъ и исписанныхъ бумагъ, безъ сомнѣнія содержащихъ новыя совѣту представленія, новыя затѣи и новыя запутанія, но по выходѣ г. Каменскаго, обратившись къ г. Цеплину, объявилъ я ему объ его удаленіи отъ совѣта и, не взирая на многократныя его покушенія о выслушаніи его бумагъ, не былъ онъ допущенъ долѣе оставаться въ совѣтѣ. За нимъ гг. Германъ и Запольскій, дождавшись отъ меня извѣщенія объ ихъ удаленіи изъ совѣта, вышли. Оставшійся изъ нихъ Бюнеманъ крайне пораженъ былъ таковымъ неожиданнымъ явленіемъ». Остальные члены совѣта рапортомъ донесли попечителю свое увѣреніе, «что они всѣми силами потщатся соотвѣтствовать всѣмъ намѣреніямъ начальства яко клонящимся къ назиданію общественнаго блага».

Полная тишина господствовала теперь въ совѣтѣ, но зато большой шумъ поднялся въ городѣ, принявшемъ участіе въ университетскихъ событіяхъ (см. выписку изъ письма Яковкина на стр. 134). Эти сообщенія о впечатлѣніи, произведенномъ отрѣшеніемъ, вызы-

вались самимъ попечителемъ. «Я отсрочилъ другихъ имъ подобныхъ отрѣшить отъ должностей (что предоставлено было ему министромъ), пишетъ онъ къ Яковкину съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ увидѣть, какое графское отношеніе произведетъ въ нихъ дѣйствіе. Ежели будетъ безуспѣшно, то принужденъ буду отрѣшить всѣхъ крикуновъ и подустителей. Для того, что покамѣстъ не будетъ тишины и спокойствія въ совѣтѣ, по тѣхъ поръ много добраго быть не можетъ. Увѣдомьте меня какое предложеніе мое принесетъ вамъ облегченіе... Я ласкаю себя надеждою, что послѣ сего подарка не только вы, но и я буду спокойнѣе» (19 ноября). «Я ожидаю съ нетерпѣливостью увѣдомленія, какое дѣйствіе произвело въ совѣтѣ отношеніе ко мнѣ министра народнаго просвѣщенія, пишетъ попечитель въ слѣдующемъ письмѣ (29 ноября). Я ласкаю себя надеждою, что оно доставитъ и вамъ нѣкоторое спокойствіе духа, когда убудетъ число завидующихъ вамъ крикуновъ... Графъ хотѣлъ всѣхъ пятерыхъ отрѣшить отъ должности, но я его упросилъ, и, чтобы избѣгая шуму, дать время нѣкоторымъ опамятоваться».

Другое предложеніе попечителя отъ того же 19 ноября, за слѣдующимъ №, предписывало въ особомъ собраніи совѣта разсмотрѣть снова дѣло о вопросахъ, заданныхъ Цеплинымъ отъ лица совѣта секретарю Левицкому о неотсылкѣ формуляра Пото и разобрать: основательно ли его мнѣніе, что онъ дѣлалъ вопросы не члену совѣта а секретарю, потребовать отъ г. Германа отвѣта: на чемъ основываетъ онъ мнѣніе свое, которымъ не только себѣ, но и всякому члену присвоиваетъ право дѣлать подобный вопросъ, каковъ былъ второй, т. е. какимъ образомъ секретарь могъ предполагать, что совѣтъ не хочетъ послать формуляра? Для чего еще разъ попечитель ворошилъ это—дѣло для насъ не представляется яснымъ. Тѣмъ не менѣе дѣло опять получило ходъ и наплодило и бумагъ и пререканій. Совѣтъ опредѣлилъ: 1) «объясненіе Цеплина на второй вопросъ секретарю предложенный признать неудовлетворительнымъ, потому что оное ничѣмъ не доказано и никакихъ законовъ не приведено, чтобы членъ имѣлъ право предлагать вопросъ, подобный второму; 2) секретаремъ по положенію гимназіи и университета, предписано быть одному изъ членовъ онаго; слѣдовательно обязанность секретаря не можетъ быть отдѣлена отъ лица члена совѣта, кромѣ того, что онъ наблюдаетъ за исполненіемъ опредѣленій въ совѣтѣ постановляемыхъ, и 3) чрезъ выписку отъ имени совѣта потребовать отъ г. профессора Германа: на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, которымъ не только себѣ, но и всякому члену присвоиваетъ право дѣлать подобные вопросы, каковъ былъ второй?»

Въ этомъ засѣданіи случился эпизодъ, весьма любопытный по-

тому что онъ доказываетъ какая сильная власть была въ тѣ старые годы у предсѣдателя совѣта. Вотъ какъ о немъ разсказываетъ самъ Яковкинъ: «Г. Бюнеманъ началъ у себя на особой бумагѣ записывать новыми еврейскими буквами латинскій текстъ рѣчей, какъ о томъ предварилъ меня прежде г. Фуксъ, примѣтившій то за нимъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ. Я тотчасъ остановилъ Бюнемана въ его упражненіи, требуя отъ него должнаго вниманія къ предлагаемому. Когда же и по второмъ моемъ напоминаніи усмотрѣлъ я его занимающимся писаніемъ еврейскими буквами, то вынужденъ былъ дать ему примѣтить, что мнѣ извѣстны причина и цѣль таковаго другими буквами писанія и что таковыя записки противны законамъ. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы дать знать отсутствующимъ членамъ о статьяхъ разсуждаемыхъ и рѣшеніи ихъ. Ежели онъ рѣшится когда и впредь еще писать, то я убѣдительно настоять буду, чтобъ онъ далъ мнѣ расшифровать написанное; тогда и весь его замыселъ обнаружится къ стыду его, а въ то время только объявилъ я въ присутствіи, что каждый членъ, преждевременно и по своимъ прихотямъ объявляющій другому дѣла присутственнаго мѣста, подлежитъ не только отвѣту, но и суду; а объявляется о рѣшеніи дѣлъ чрезъ президента или секретаря по постановленному и подписанному протоколу. Прежнюю мою догадку подтвердилъ онъ усильными своими стараніями въ продолженіи разсужденія доказать, что объясненіе г. Цеплина по учиненному отъ него секретарю второму вопросу, удовлетворительно, хотя и не то подписалъ».

Въ засѣданіи 22 декабря заслушанъ былъ и отвѣтъ, писанный по французски, профессора Германа на вопросъ, заданный ему совѣтомъ. Отвѣтъ этотъ любопытенъ и мы приведемъ его въ переводѣ. «Я нѣмецъ. Въ моемъ отечествѣ секретарь отвѣтственъ за все, входящее въ его обязанность по отношенію къ мѣсту, гдѣ онъ служитъ. И это вполнѣ справедливо, потому что дѣло касается чести, нравственности и правъ цѣлаго сословія, если секретарь нерадивъ и мало внимателенъ къ своимъ обязанностямъ по должности. Это мнѣ извѣстно по опыту, потому что я самъ былъ секретаремъ уважаемаго всѣми сословія и имѣю дипломъ нотаріуса. Но идеи и законы мѣняются смотря по государствамъ. Очень можетъ быть, что есть особенности въ этомъ дѣлѣ въ России. Мнѣ онѣ неизвѣстны и я не могъ ихъ узнать, не владѣя русскимъ языкомъ, поэтому весьма возможно, что я и ошибся, не зная этихъ особенностей, но ошибка моя была невинною, а не преступною. Я взываю къ рѣшенію законному. Пусть рѣшитъ законъ: правъ ли я или ошибаюсь въ моемъ взглядѣ на отвѣтственность секретаря. Если

же законъ не рѣшитъ, я подчиняюсь охотно мудрому и справедливому рѣшенію г. попечителя [1]).

Погромъ отъ рѣшительнаго образа дѣйствій Румовскаго произвелъ сильное впечатлѣніе. Тѣ, которымъ воспрещено было участіе въ дѣлахъ и засѣданіяхъ совѣта, естественно могли ожидать себѣ отрѣшенія, подобно Каменскому и Карташевскому. Мы говорили ужѣ прежде, какія каверзы устроивалъ Яковкинъ съ двумя послѣдними, при выдачѣ имъ документовъ и при желаніи ихъ получить копіи съ бумагъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они были уволены. И они и другіе пострадавшіе конечно считали себя въ правѣ жаловаться. Все знавшій въ Казани Яковкинъ, зналъ, вѣроятно по связямъ своимъ съ почтамтомъ, по тогдашней патріархальности, отъ кого и кому отправлены жалобы эти, какъ онъ называлъ ихъ «покушенія наказуемаго буйства и злобы». «Съ прошедшею почтою, писалъ онъ, препровождены отъ пятерыхъ пять жалобъ: первая къ в. п., которую уповаю уже изволили получить; вторая—къ его сіятельству г. министру просвѣщенія, третья — къ графу Головкину, четвертая—къ графу Потоцкому (попечителю Харьковскаго округа), пятая—къ академику Шуберту» (18 дек.). Но попечитель успокоивалъ Яковкина и грозилъ. «Я думаю, что въ совѣтѣ возставится тишина, писалъ онъ. Вы видите изъ отношенія ко мнѣ министра, что онъ оставилъ на мою волю отрѣшить Цеплина, Германа и Запольскаго. Не сказалъ я объ нихъ рѣшительно ничего въ ожиданіи ихъ раскаянія. Но ежели ожиданіе мое будетъ тщетно, то принужденъ буду и ихъ отрѣшить. Пусть они только сдѣлаютъ противъ послѣд-

---

[1]) Что въ дѣлѣ объ отсылкѣ формуляра Пото было не совсѣмъ чисто, можно заключить изъ слѣдующаго. Попечитель, разсматривая этотъ формуляръ, присланный къ нему профессорами Цеплинымъ, Германомъ и Бюнеманомъ, въ своемъ предложеніи 8 ноября пишетъ, что въ немъ, въ столбцѣ, имѣющемъ оглавленіе: *къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ или нѣтъ?*—ничего не отмѣчено и требуетъ, чтобы секретарь доставилъ ему точную, имъ засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго списка Пото. Сравнивая эту послѣднюю съ тою, которую послали профессоры (обѣ онѣ находятся въ дѣлѣ) мы видимъ, что дѣйствительно, въ копіи присланной профессорами, упомянутый столбецъ пустъ, между тѣмъ какъ въ секретарской стоитъ: „къ продолженію службы способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ". Копія для нѣмцевъ профессоровъ писана рукою одного изъ писцовъ, служившихъ при гимназіи; почеркъ этой руки часто встрѣчается въ бумагахъ того времени и надобно думать что нѣмецкіе профессоры, по своей канцелярской неопытности, проглядѣли „тотъ важный пропускъ въ послужномъ спискѣ, очевидно сдѣланный преднамѣренно, но попечитель, получивъ потомъ формуляръ безъ пропуска, словъ своихъ однако не взялъ назадъ.

няго моего предписанія представленіе министру. Они воображають, что министръ о семъ не предувѣдомленъ, но ошибаются во мнѣніи своемъ, и тогда жалѣть будутъ, что не слѣдовали здравому совѣту г. Фукса. Теперь я ожидаю извѣстія что происходило въ собраніи 31 ноября, потому что это будетъ послѣднее торжество крикуновъ». Жалобы, отправленныя въ Петербургъ, не могли однако ни раздражить власти, ни ухудшить участь тѣхъ, которые пострадали. Писаны онѣ были конечно въ минорномъ тонѣ. Каменскій жаловался на то, что заявлялъ и прежде, что дѣло объ Эвестѣ разбиралось подъ предсѣдательствомъ человѣка, имѣющаго къ нему явную вражду и что въ копіяхъ съ документовъ и постановленій, для принесенія оправданія, ему было отказано, вопреки законамъ. По мнѣнію Румовскаго, требованіе Каменскаго слѣдуетъ удовлетворить, но не прежде того, какъ журналъ совѣтскій будетъ ему сообщенъ и имъ просмотрѣнъ. Карташевскій, какъ было уже говорено, уѣхалъ въ Петербургъ и лично обратился съ своими объясненіями и просьбами къ попечителю и министру. Запольскій, не столько съ жалобою, сколько съ прошеніемъ, написалъ письмо къ министру. Изъ него видно, какъ сильно боится онъ за себя, тѣмъ болѣе, что имя его почти вовсе не встрѣчается въ тѣхъ совѣтскихъ дѣлахъ, гдѣ главную роль играли другіе и только въ письмѣ Сторля онъ выставленъ впереди другихъ. Называя министра «патріотомъ просвѣщенія» и «другомъ человѣчества», онъ хлопочетъ лишь о милости, о благодѣяніи, говоря о своемъ семейномъ положеніи и о томъ, что только служба доставляетъ ему кусокъ хлѣба. «Сіятельнѣйшій графъ! заключаетъ Запольскій свое письмо — воздвигните падающаго, просящаго помощи благодѣтельной руки вашей и дайте мнѣ жизнь новую въ нынѣшнемъ мѣстѣ, или, если я не заслуживаю бытія въ ученомъ свѣтѣ, не откажите въ послѣднемъ (онъ проситъ подобно Карташевскому, на основаніи Высочайше дарованной университету грамоты, какъ прослужившій въ званіи адъюнкта два года, о чинѣ коллежскаго ассесора), дабы я могъ существовать по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь, благословляя ваше имя». — Какая разница съ этимъ письмомъ письмо Германа къ министру, писанное классическою латынью, какъ и прилично профессору римской словесности, и полное большого достоинства! «Я дожилъ до пятидесяти трехъ лѣтъ и никогда не былъ обвиняемъ ни въ какомъ преступленіи, потому что постоянно жилъ спокойно, только съ наукою и для науки («quia semper quiete ac secure commercium cum Musis habebam et innocentissimum et dulcissimum»). Но когда я услышалъ объ обвиненіи меня въ неповиненіи законамъ и начальству и исключенъ изъ совѣта, я, какъ это всегда бываетъ при неожиданностяхъ, изумился

(obstupui), потомъ опечалился, но вотъ генiй добраго Горацiя неожиданно предсталъ предо мною и шепнулъ:

Iustum et tenacem propositi virum,
Nil mente quatit solida:
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

Германъ проситъ министра: 1) позволить ему защищать свою невинность отъ злостныхъ доносовъ враговъ; это совершенно законно и въ обычаѣ и 2) сообщить ему самые доносы, сдѣлавшiе его подозрительнымъ. Онъ высказываетъ увѣренность, что министръ на будущее время, чтобы не страдала университетская наука, *не будетъ слушать тайныхъ доносовъ* и защититъ насъ всѣхъ отъ злостнаго доносчика (...spero, fore et Tu, ne nostra respublica litteraria ulterius detrimenti quid capiat, omnes clandestinas delationes timpediturus, ac nos omnes contra quemque malevolum delatorem defensurus sis»). О самостоятельномъ нравственномъ характерѣ Германа см. выше стр. 75. Были еще письма къ министру отъ Каменскаго и Карташевскаго, но въ нихъ не заключалось ничего особеннаго. Они ходатайствовали лишь о томъ, чтобъ въ аттестатахъ ихъ показано было увольненiе по прошенiю, съ одобренiемъ ихъ профессорской службы, что и было ими достигнуто, какъ мы видѣли. Всѣ эти письма конечно были препровождены министромъ на заключенiе Румовскаго. Онъ сдѣлалъ на нихъ лишь одно замѣчанiе: «Хотя въ предложенiи моемъ, данномъ совѣту объ исполненiи предписанiя вашего сiятельства точно назначены журналы, отрѣшенными отъ должности и удаленными отъ совѣта постановленные и подписанные, въ которыхъ оказали они начальнику непослушанiе, и изъ самаго предписанiя вашего сiятельства видятъ они, что главная ихъ вина состоитъ въ ослушанiи начальству, однако ни одинъ изъ нихъ въ письмахъ своихъ не признается и не раскаивается». Цеплинъ однако же молчалъ и не жаловался, но мы видѣли, изъ приведенныхъ нами мѣстъ писемъ Яковкина, что это былъ главный виновникъ нарушенiя спокойствiя въ совѣтѣ и главный врагъ его, начавшiй оппозицiю съ перваго совѣтскаго засѣданiя. Почему попечитель не отрѣшилъ его вмѣстѣ съ Карташевскимъ и Каменскимъ? Мы увѣрены, что онъ на первыхъ порахъ поцеремонился съ нимъ, какъ съ иностраннымъ ученымъ, первымъ имъ самимъ приглашеннымъ профессоромъ въ Казань. Съ русскими онъ не могъ церемониться. Теперь, прочитавъ всѣ жалобы министру, Румовскiй вспомнилъ о доказываемой ему неоднократно и настоятельно Яковкинымъ необходимости удалить и Цеплина изъ службы. «На Цеплина, какъ главнаго нарушителя тишины въ совѣтѣ, надѣются они (т. е. удаленные отъ со-

вѣтскихъ засѣданій), какъ на крѣпкую стѣну. Временное удаленіе отъ совѣта Цеплина, Германа и Запольскаго произвело уже въ совѣтѣ временную тишину, но чтобъ доставить ему спокойствіе и на будущее время, не вижу я никакого средства, писалъ попечитель къ министру (19 янв. 1807 г. № 61), какъ удалить вовсе и Цеплина отъ университета. Тогда умолкнутъ Германъ и Запольскій. И увѣренъ будучи, что потеря Цеплина для просвѣщенія юношества не можетъ быть ощутительна, осмѣливаюсь испрашивать соизволенія вашего сіятельства на совершенное удаленіе отъ университета Цеплина, какъ человѣка строптиваго и покой ненавидящаго». Министръ немедленно согласился съ этимъ представленіемъ. Въ своемъ предложеніи совѣту (24 янв. 1807 года, № 79), попечитель перечисляетъ всѣ вины Цеплина: «онъ предсѣдателю совѣта сентября 19-го говорилъ «erras» и въ другое собраніе сентября 20 дня «in errore es» (какъ далеко мы ушли отъ того времени, если теперь сказанное предсѣдателю собранія: «вы ошибаетесь» не составляетъ преступленія); онъ «самовольно сдѣлалъ собраніе, котораго созывать никто права не имѣетъ, кромѣ предсѣдателя»; онъ, «насмѣхаясь надъ директоромъ, говорилъ секретарю совѣта: scribas professor inspector in consilio proposuit quod nihil habuit ad proponendum»; онъ былъ «первый начиньщикъ допрашиванья въ совѣтѣ адъюнкта и секретаря». «По причинѣ таковыхъ проступковъ (на современный взглядъ едва ли важныхъ), тишину и спокойствіе нарушающихъ, а особливо за непослушаніе неоднократно начальству оказанное» и былъ уволенъ Цеплинъ. Яковкинъ оффиціально приглашалъ Цеплина въ совѣтъ, но тотъ не пришелъ и опредѣлено увѣдомить его объ отрѣшеніи выпискою изъ протокола. Цеплинъ подалъ сначала прошеніе съ объясненіями въ главное правленіе училищъ, но оно было оставлено безъ вниманія и возвращено ему обратно чрезъ совѣтъ для объявленія о томъ. Это объявленіе поручено было сдѣлать секретарю совѣта, для чего пригласить Цеплина, но послѣдній, какъ видно изъ доклада секретаря, не принялъ ни посланнаго къ нему, ни паспорта изготовленнаго для него и также присланнаго ему. Объ этомъ рапортомъ было донесено попечителю отъ совѣта. Лѣтомъ того же года Цеплинъ былъ уже въ Петербургѣ, какъ видно изъ письма Румовскаго къ Яковкину (15 августа, № 423): «Г. Цеплинъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, требуя нахальнымъ образомъ бумагъ, поданныхъ мною его сіятельству, для своего, какъ говорилъ оправданія. Два раза приходилъ къ графу, который про первое его посѣщеніе сказалъ мнѣ: «вчерась у меня былъ Цеплинъ и мнѣ надоѣлъ». Во второе посѣщеніе нахально ворвался въ его кабинетъ и говорилъ столь неприлично, что графъ принужденъ былъ его

выслать. Грозится жалобу принесть государю; но графъ тому, кто сіе говорилъ, отвѣчалъ: «Хорошо, онъ отрѣшенъ по моему предложенію, я и отвѣчать буду». Видно, что съ иностранными профессорами не такъ то легко было ладить, какъ съ русскими. Тѣ (Каменскій и Карташевскій) *выплакали* у министра аттестатъ, съ прописаніемъ, что они увольняются по прошенію. Съ Цеплинымъ мы еще встрѣтимся можетъ быть, когда онъ, при другихъ обстоятельствахъ, при новомъ министрѣ и новомъ попечителѣ, снова поступилъ въ Казанскій университетъ.

Что касается Германа и Запольскаго, то они притихли. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Яковкина мы не встрѣчаемъ о нихъ упоминаній, какъ не имѣющихъ права засѣдать въ совѣтѣ. Самъ попечитель спросилъ о нихъ: «Неужели гг. Германъ и Запольскій еще не одумались и продолжаютъ сѣять сѣмена, подобныя прежнимъ? пишетъ онъ въ іюнѣ 1807 года. Сторль писалъ ко мнѣ, что въ совѣтѣ по крайней мѣрѣ тишина и спокойствіе водворяются. Что касается до тайныхъ происковъ, поелику ихъ отвратить невозможно, то пусть ими занимаются сколько угодно». Уже въ мартѣ 1807 года, согласно предписанію попечителя, они приглашены были въ засѣданія совѣта съ угрозою, что если они подадутъ поводъ къ нарушенію благоустройства, то «начальство приметъ противъ нихъ тѣже мѣры, какія приняло оно въ разсужденіи ихъ соучастниковъ».

Тишина водворилась въ совѣтѣ къ удовольствію власти. Яковкинъ торжествовалъ. Споры о правахъ совѣта, поднятые тѣми, которые въ самомъ дѣлѣ воображали себѣ, будучи назначены профессорами и адъюнктами университета, что они имѣютъ преимущества, предоставленныя имъ уставомъ университета, прекратились. Тѣ новые профессоры нѣмцы, которые явились въ Казань уже послѣ событій, нами описанныхъ, Браунъ, Френъ, Бартельсъ, на ученой и преподавательской дѣятельности которыхъ мы уже останавливались въ ихъ біографіяхъ и явившіеся послѣ, въ 1808 — 1811 годахъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить, всѣ они, слыша разсказы оставшихся, особенно Германа, поняли свои отношенія и не считали возможнымъ вести открытую борьбу съ Яковкинымъ въ совѣтѣ, опираясь на права, не признаваемыя начальствомъ. Эти люди были слишкомъ преданы наукѣ, къ которой давно привыкли, и въ ней одной, посреди неприглядной казанской обстановки, находили они утѣшеніе. Мы имѣемъ основаніе думать, что нѣмецкіе профессоры Казанскаго университета, особенно въ первые годы его существованія стояли несравненно выше и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи своихъ русскихъ сотоварищей. Ихъ кружокъ дѣйствительно можетъ быть названъ интеллигентнымъ кружкомъ, несмотря на то,

что почти каждаго изъ нихъ Яковкинъ постарался облить массою грязи, къ которой онъ такъ привыкъ. Это мнѣніе не исключительно наше. Второй казанскій попечитель Салтыковъ писалъ графу Разумовскому: «Я принужденъ съ непріятнымъ чувствомъ признать, что нѣмецкіе профессоры превосходятъ нашихъ, какъ познаніями, такъ и нравственностью и это превосходство было причиною вражды, существующей между ними. Сколько бы ни любилъ я мое отечество, но эта любовь не можетъ заглушить во мнѣ чувства справедливости и я остаюсь совершенно нейтральнымъ между притѣснителями и притѣсненными. Я употребилъ всѣ способы примиренія и достигъ того, что успѣлъ смягчить ненависть и соперничество, или по крайней мѣрѣ удерживаю ихъ въ границахъ благопристойности. Я не дѣлалъ до сихъ поръ обвиненія личнаго, и, какъ ни непріятно было бы указывать на личности, я не забываю однако, что когда дѣло имѣетъ характеръ общественный, всякое личное соображеніе должно уступить силѣ истины» [1]. И Салтыковъ указываетъ далѣе на Яковкина, какъ на главную причину и прежнихъ печальныхъ событій и настоящаго весьма непріятнаго положенія вещей въ Казанскомъ университетѣ. Глухая вражда продолжалась и не могла не продолжаться, пока во главѣ всего управленія университетомъ стоялъ Яковкинъ. Эта вражда по временамъ изъ тайной дѣлалась явною, какъ мы увидимъ, наприм. при первой несостоявшейся попыткѣ выбора ректора и декановъ, когда опять таки восторжествовалъ Яковкинъ и она прекратилась только тогда, когда университетъ былъ открытъ и послѣдовало полное примѣненіе устава 1804 года.

Исторія Казанскаго университета есть оригинальная исторія; она не похожа ни на какую другую. Несмотря на то, что уставы русскихъ университетовъ почти одинаковы, исторія каждаго изъ нихъ представляетъ черты своеобразныя, вытекающія изъ мѣстныхъ условій и изъ вліянія преобладающихъ личностей. Что же дѣлать, если въ Казани преобладалъ и давалъ тонъ веселу Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ. Какъ это ни непріятно намъ лично, какъ это очень можетъ быть ни надоѣло читателю, а мы не скоро еще разстанемся съ пресловутымъ директоромъ. Теперь онъ былъ побѣдителемъ «многоглавой гидры» по его выраженію и все должно было смолкнуть передъ нимъ. «Pour ce qui regarde notre conseil, пишетъ послѣ погрома профессоръ Сторль къ попечителю, il y regne à présent une bienséance exemplaire et nous n'abusons jamais de la liberté d'opinion». Какъ побѣдитель, Яковкинъ прежде всего возблагодарилъ вышнія силы, которыхъ безъ сомнѣнія призывалъ на помощь.

---

[1]) *А. Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 525.

Въ засѣданіи 22 декабря было заслушано слѣдующее его предложеніе: «Какъ въ здѣшнемъ университетѣ не имѣется ни одного образа, то въ разсужденіи сего, по предварительному моему условію и написаны живописцемъ, здѣшняго Казанскаго монастыря, служителемъ Флавіаномъ Колосовымъ на кипарисныхъ дскахъ два образа: 1) святаго мученика Галактіона на день Высочайше конфирмованной Его Императорскимъ Величествомъ грамоты, дарованной Казанскому университету ноября 5; 2) преподобнаго Авксентія на день основанія университета—февраля 14 дня—обѣ за двадцать пять рублей» [1].—Вскорѣ послѣ этого совѣтъ обратился къ попечителю съ слѣдующимъ донесеніемъ: «Воспоминаніе достопочитаемыхъ начальниковъ есть одна изъ священнѣйшихъ сердцу обязанностей истинно признательной подчиненности. Около двухъ уже лѣтъ основанный Казанскій университетъ и болѣе седьми лѣтъ существующая Казанская, нынѣ приготовительная, гимназія, имѣя высшихъ начальниковъ своихъ въ особахъ Его Сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія и Вашего Превосходительства, коего особеннымъ попеченіямъ Высочайше ввѣрено управленіе и ходатайство всего учебнаго Казанскаго округа, не имѣютъ счастія по сіе время созерцать, по крайней мѣрѣ, обоихъ вашихъ лицеизображеній, дабы тѣмъ явственнѣе содержать всегда въ памяти и получаемыя благотворенія. По симъ убѣдительнѣйшимъ причинамъ совѣтъ гимназіи, яко мѣсто, коему препоручено внутреннее управленіе обоихъ заведеній и исполненіе предписаній высшаго начальства непремѣннымъ долгомъ своимъ поставляетъ покорнѣйше просить дабы соблаговолили, внявъ милостиво его желанію, удостоить оба заведенія лицеизображеніями Его Сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія, яко перваго высшаго ходатая своего предъ монаршимъ престоломъ и яко основателя своего и перваго попечителя». Портреты однако не были высланы.

Отдавъ такимъ образомъ Божія Богови и кесарево кесареви, Яковкинъ съ большею увѣренностью сталъ заботиться объ увеличеніи своей власти. Такъ прежде были отмѣнены *мѣсячные рапорты* по университету о чтеніи лекцій профессорами. Теперь, пишетъ онъ попечителю, «побуждаемый единственно ревностью къ общему благу, осмѣливаюсь представить, что они необходимо нужны для *содержанія во всегдашней обузданности всякихъ поползновеній* къ нерадѣнію и упущенію, когда всякій членъ увѣренъ, что объ упражненіяхъ въ аудиторіяхъ свѣдомо высшее начальство во всей под-

---

[1]) Эти иконы нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены нами и повѣшены въ залѣ совѣтскихъ засѣданій.

робности. Безъ нихъ скоро и здѣсь заведется тоже, что было въ Московскомъ университетѣ, т. е., что профессоры иные будутъ давать по три-четыре лекціи въ цѣлый годъ, какъ я о томъ наслышался отъ нашихъ москвичей университетскихъ».

Положеніе Яковкина было на столько крѣпко теперь, какъ и во все время попечительства Румовскаго, что такой, во всякое другое время важный фактъ, какъ оффиціальное письмо казанскаго губернатора Мансурова къ министру внутреннихъ дѣлъ о печальномъ положеніи гимназіи, а слѣдовательно и университета въ Казани нисколько не пошатнули его. Попечитель, получивъ отъ министра народнаго просвѣщенія копію съ этого письма, далъ съ своей стороны очень благопріятныя о Яковкинѣ объясненія ему, этому же послѣднему писалъ: «Какъ бы г. губернаторъ ни мыслилъ, я смѣю васъ и совѣтъ увѣрить, что министръ народнаго просвѣщенія мыслитъ инако». И Яковкинъ и попечитель, основывавшійся на свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ перваго, были вполнѣ увѣрены, что письмо казанскаго губернатора есть только слѣдствіе недавнихъ событій въ университетѣ, увольненія Каменскаго и Карташевскаго, произведшаго такой шумъ и толки въ городѣ, какъ мы видѣли. Самъ губернаторъ Мансуровъ, на сколько намъ извѣстна его дѣятельность, былъ въ сущности пустой человѣкъ. Ни по уму, ни по образованію онъ не интересовался, да и не могъ интересоваться дѣломъ педагогическимъ; собственно говоря, онъ былъ равнодушенъ и къ гимназіи и къ университету, но какъ представитель власти, онъ считалъ себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія выше то, что дошло до него изъ городскихъ толковъ и по всей вѣроятности изъ личныхъ жалобъ уволенныхъ, бывшихъ съ нимъ въ связяхъ знакомства. Въ обвиненіяхъ, которыя онъ формулировалъ противъ настоящаго состоянія гимназіи вообще и въ частности противъ Яковкина, не представляется намъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно, и ихъ слишкомъ общій и неопредѣленный характеръ заставляетъ предполагать, что они были написаны не съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла, а по слухамъ. Тѣмъ не менѣе Яковкинъ пріунылъ; его имя въ очень неблагопріятной окраскѣ упоминалось въ перепискѣ двухъ министровъ между собою. Но обвиненія, именно потому, что въ нихъ не заключалось ничего опредѣленнаго, опровергнуть было легко. То, что касалось собственно гимназіи, попечитель передалъ въ совѣтъ (предложеніе 22 апрѣля, 1807 года, № 244), требуя отъ него объясненія, называя въ своей бумагѣ письмо губернатора къ министру уже прямо *извѣтомъ*; на то, что касалось Яковкина, онъ отвѣтилъ самъ, постаравшись конечно защитить довѣренное лицо. Мансуровъ пишетъ, что въ Казани слышится «всеобщій ропотъ на опущеніе

воспитанія, не прикрываемое даже ни наружнымъ порядкомъ, ни наружною благопристойностью». Совѣтъ отвѣтилъ конечно, что онъ никогда и ни отъ кого не слыхалъ никакихъ жалобъ на недостатки воспитанія. Яковкинъ свидѣтельствовалъ напротивъ, что родители приходили неоднократно благодарить его за образованіе и воспитаніе дѣтей, и назвалъ довольное число именъ. Губернаторъ жаловался, что это ощущеніе образованія «рождаетъ въ первомъ возрастѣ самыя грубыя страсти». Совѣтъ справедливо нашелъ несовмѣстность самыхъ грубыхъ страстей съ первымъ возрастомъ и что порядокъ заведенный въ гимназіи съ ея открытія въ 1799 году таковъ, что обращается вниманіе и на обыкновенные проступки. Далѣе губернаторъ говоритъ, что дурное состояніе «произвело тѣ послѣдствія, что нѣкоторые пансіонеры оставили гимназію, не окончивъ ученія, а многіе, по недостатку довѣренности, не отдаютъ дѣтей своихъ». На это совѣтъ отвѣчалъ цифрами, доказывавшими противное. Словомъ губернаторъ написалъ такія неопредѣленныя обвиненія, отвѣчать на которыя было легко. Самъ онъ не зналъ очевидно гимназіи, да и не имѣлъ призванія судить о воспитаніи и ученіи. Былъ шумъ въ городѣ, но шумъ совершенно понятный и безсознательный. Яковкина не любили, но представители очень достаточныхъ семействъ въ Казани, каковы напр. Княжевичи, Безобразовы, Панаевы и др. отдавали дѣтей своихъ въ гимназію и старались непремѣнно помѣстить ихъ на казенное содержаніе, съ тѣмъ конечно, чтобъ потомъ, по окончаніи ими курса, такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательства казенной службы: быть учителемъ никому не хотѣлось тогда.

Румовскій, въ своемъ донесеніи министру, могъ поэтому съ увѣренностью говорить, что сообщенія казанскаго губернатора «основаны на внушеніяхъ людей невѣрныхъ или пристрастныхъ». Вторая половина губернаторскаго письма вся посвящена была характеристикѣ Яковкина. Къ сожалѣнію въ ней значились только, по выраженію Румовскаго, «неясно показуемые пороки» Яковкина. Губернаторъ говорилъ объ его *удаленіи отъ городскихъ обществъ* и это удаленіе онъ, какъ и другіе, объясняли тѣмъ, что Яковкинъ скрываетъ отъ общества тайные пороки. Обвиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, частое въ жизни и весьма легковѣсное. Толки по поводу отрѣшенія трехъ профессоровъ отъ службы конечно полны были негодованіемъ противъ него. «Продолжаемое мною удаленіе отъ всякихъ шумныхъ общественныхъ собраній и занятіе препорученными мнѣ должностями, не престаютъ донынѣ приписывать стыду моему и опасности показаться въ публикѣ; но время откроетъ, Всевышній оправдаетъ и совѣсть моя увѣряетъ, что кривотолки сіи совершенно ошибаются въ своемъ мнѣніи». Яковкинъ, надобно от-

дать ему справедливость въ этомъ случаѣ, былъ чрезвычайно дѣятельною натурою; у насъ есть письмо его къ попечителю, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ проходитъ его день и Румовскому легко было опровергнуть всѣ обвиненія его въ бездѣятельности, въ скрываемыхъ имъ отъ людей порокахъ. «Могъ ли бы Яковкинъ, спрашиваетъ Румовскій, исполнить всѣ разнородныя обязанности, ежелибъ былъ таковъ, какъ отзывается о немъ губернаторъ?». Онъ судитъ «по внушеніямъ людей, за неповиновеніе начальству отрѣшенныхъ». Яковкинъ «подпалъ неблаговоленію губернатора по извѣстному дѣлу о дровахъ съ Молоствовымъ, ревнуя о пользѣ гимназіи [1]), и какъ неблаговоленіе его къ Яковкину всему городу стало извѣстно, то и неудивительно, что жители казанскіе, подражая губернатору, мнѣніемъ только своимъ, а не дѣломъ, не одобряютъ качествъ, правилъ и частной жизни Яковкина». Далѣе попечитель защищаетъ его отъ приписываемаго ему произвола и отъ обвиненія его въ незаконномъ употребленіи казенныхъ денегъ и въ неправильной и невыгодной покупкѣ домовъ. Все это Румовскій считаетъ клеветою и внушеніями Каменскаго. Наконецъ губернаторъ «пріобщаетъ мнѣніе свое о талантахъ и великихъ познаніяхъ доктора Каменскаго по своей части, объ отличныхъ способностяхъ и знаніяхъ наукъ математическихъ г. Карташевскаго. Обыкновенно о знаніяхъ ученыхъ судятъ по ихъ сочиненіямъ, но неизвѣстны сочиненія, на которыхъ г. губернаторъ основалъ свое свидѣтельство... Но какъ они отрѣшены не по недостатку знанія, а за непослушаніе начальству, то и распространяться о семъ почитаю за излишнее».

Нападенія губернатора или «извѣтъ» его не причинили Яковкину никакого вреда. Они дали ему только лишній случай упражненія въ краснорѣчивыхъ реторическихъ увѣреніяхъ начальнику. «Имѣю честь донести и предъ Сердцевѣдцемъ увѣрить, писалъ онъ, что взводимая на меня клевета ни мало меня не безпокоитъ. Человѣкъ, носящій въ сердцѣ своемъ неисцѣльную рану (потеря единственнаго сына) и безпрестанно удручаемый воспоминаніемъ сиротства, особливо при обращеніи съ образуемымъ юношествомъ, не можетъ быть способенъ къ таковому безстыдному пороку (пьянству) и подавать толь предосудительный примѣръ, подвергаясь отвѣту предъ нелицепріятнымъ Судіею, или послѣ сорокатрехлѣтней опытной и, могу сказать непостыдно, дѣятельной жизни, надѣть на себя маску лицемѣрія, и чрезъ то подвергнуться угрызеніямъ внутренняго судіи».

---

[1]) Это очень любопытное дѣло, прошедшее чрезъ разныя инстанціи судебныя, дающее понятіе о господствовавшемъ въ то время произволѣ. Суть его заключается въ томъ, что Порфирій Молоствовъ самовольно отнялъ дрова, заготовленныя для гимназіи, но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ дѣлѣ.

Попечитель оффиціальнымъ предложеніемъ (21 янв. 1807 года, № 73) выражалъ свое удовольствіе совѣту, что «тишина и согласіе въ немъ водворяться начинаютъ и дѣла совсѣмъ иной видъ пріемлютъ». Невыгодное представленіе о гимназіи и университетѣ, вслѣдствіе письма губернатора, разсѣялось, но не прошло еще въ Казани впечатлѣніе, оставшееся въ умахъ послѣ отрѣшенія отъ должности профессоровъ и совѣтскихъ волненій. Недовольство внутри не прекращалось и на этотъ разъ это недовольство выразилось со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, оказавшихъ Яковкину явное и грубое неуваженіе. Трудно сказать — былъ ли этотъ случай отголоскомъ недавнихъ событій, свидѣтельствовалъ ли онъ о той внутренней распущенности, о которой говорилъ губернаторъ, но какъ бы то ни было — онъ любопытенъ, тѣмъ болѣе, что былъ первымъ, оффиціально засвидѣтельствованнымъ случаемъ сознательнаго проявленія своеволія со стороны студентовъ. Впрочемъ это были тѣ студенты, которые оставили уже университетъ для военной службы. Наша тогдашняя борьба съ Наполеономъ, мало-по-малу, но очень скоро однако обратила Россію, въ которой только что, съ воцареніемъ императора Александра I, начались вызываемыя требованіями жизни преобразованія и только что посѣяны были первыя сѣмена просвѣщенія, въ военный лагерь. Обстоятельства времени коснулись и учащейся молодежи, несмотря на ея слишкомъ незначительное число. Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, даннымъ въ 14 день марта мѣсяца 1807 года возложено было на него объявить благородному дворянскому сословію о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для облегченія благородному юношеству способа къ вступленію въ воинскую службу. Въ Высочайшемъ указѣ отъ того же числа, данномъ на имя министра народнаго просвѣщенія повелѣвалось ему сообщить чрезъ попечителей во всѣ подвѣдомственныя училища желающимъ поступить въ военную службу о томъ, что они будутъ приняты на слѣдующихъ основаніяхъ: «1) студенты, окончившіе ученіе въ университетахъ, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, куда будутъ они немедленно приняты унтеръ-офицерами и, пробывъ въ оныхъ опредѣленное время, для пріученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами и 2) неимѣющіе еще званія студентовъ и обучающіеся какъ въ гимназіи, такъ и въ другихъ училищахъ дворяне, въ возрастѣ способномъ для вступленія въ военную службу (т. е. не менѣе 16 лѣтъ отъ роду), являясь въ корпуса кадетскіе въ С.-Петербургѣ, будутъ помѣщаемы по мѣрѣ ихъ познаній, въ соотвѣтственные классы для окончанія въ оныхъ наукъ и пріученія ихъ къ воинской службѣ;

послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, равномѣрно будутъ опредѣляемы въ полки прапорщиками и корнетами». О такомъ Высочайшемъ соизволеніи немедленно было объявлено студентамъ и гимназистамъ казанскимъ, съ условіемъ однако, чтобъ на вступленіе въ военную службу было изъявлено согласіе родителей желающихъ. Попечитель, въ своемъ предложеніи (2 мая 1807 г. № 254) писалъ совѣту: «Желающихъ вступать въ военную службу студентовъ не удерживать, поелику на сіе есть Высочайшая воля». Перспектива военной службы и близкаго офицерства, составлявшаго тогда идеалъ для молодежи, взволновала умы студентовъ.

«Рескрипты Высочайшіе, данные гг. министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, писалъ къ попечителю Яковкинъ, вскружили и казеннымъ студентамъ нашимъ головы летѣть въ офицеры по военной службѣ. По сіе время (9 апрѣля) я ихъ удерживалъ подписками родителей (при отдачѣ сыновей на казенное содержаніе) и отдачею ихъ въ полное распоряженіе университета; но нѣкоторые и тому не внемлютъ. Опасаюсь, чтобы шумъ сей не произвелъ чего непріятнаго, и для того осмѣливаюсь по сему дѣлу испрашивать начальственное распоряженіе. Но ежели дозволить выпускъ казенныхъ студентовъ на сторону, то округъ никогда не можно будетъ удовольствовать учителями, особливо достойными». На это и послѣдовало предложеніе попечителя не удерживать. До половины мая подано было, съ приложеніемъ согласія родителей, кромѣ немногихъ, родителей не имѣвшихъ, 24 прошенія отъ студентовъ (это изъ общаго числа ихъ въ началѣ 1807 года—52, т. е. 44 казенныхъ и 8 своекоштныхъ) и три прошенія гимназистовъ, достигшихъ 16 лѣтъ. Мы склонны думать, что въ этомъ общемъ стремленіи патріотическое увлеченіе участвовало очень мало, несмотря на объявленное въ то же время всенародное ополченіе воззваніемъ Святѣйшаго синода. Патріотическое увлеченіе предполагаетъ сознательное чувство, воспитываемое живымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ событіямъ, понимаемымъ такъ или иначе, обсужденіемъ ихъ общественнымъ мнѣніемъ. Между тѣмъ газеты того времени или почти ничего или очень мало говорили о событіяхъ, о войнѣ, происходившей гдѣ-то далеко, за нашей западной границей. О живыхъ политическихъ толкахъ въ семьяхъ, которые возбуждали бы увлеченіе юношей, нѣтъ и помина. Если мы вспомнимъ объ указѣ правительствующаго сената 18 марта того же года, обнародованномъ повсемѣстно «о запрещеніи всякихъ неприличныхъ и развратныхъ толковъ о военныхъ и политическихъ дѣлахъ», если мы представимъ себѣ, что чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ въ подобныхъ толкахъ, кончается приличіе и начинается развратъ, то положительно

можно сказать, что отнюдь не патріотическое чувство влекло казанскихъ студентовъ, цѣлую почти половину ихъ, въ военную службу, заставляло ихъ бросать казенное содержаніе и обезпеченный кусокъ хлѣба въ будущемъ въ званіи учителя, а нѣчто совсѣмъ другое. Замѣчательно, что въ 1812 году, когда гораздо понятнѣе и сильнѣе должно было бы проявиться въ молодежи стремленіе защищать отечество, внутри котораго былъ могущественный врагъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ Казанскомъ университетѣ: только двое студентовъ, и то плохо учившихся, просились и поступили въ военную службу. Если бы подача прошеній массою произошла до времени написанія губернаторомъ своего письма о Казанскомъ университетѣ, онъ имѣлъ бы право указать на этотъ фактъ въ подтвержденіе своихъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ ученіи въ Казани и о всеобщемъ ропотѣ и недовольствѣ управленіемъ Яковкина, но фактъ случился послѣ и не прежде изданія Высочайшихъ рескриптовъ о вызовѣ въ войска учащейся молодежи. Не было разумѣется здѣсь и сознательнаго протеста противъ личности Яковкина и противъ порядковъ, заведенныхъ имъ въ гимназіи и университетѣ, хотя можетъ быть нѣкоторые изъ молодыхъ людей и жалѣли объ отрѣшенныхъ профессорахъ, о тѣхъ изъ нихъ, которыхъ успѣли полюбить. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что всѣ эти молодые люди, какъ и замѣчалъ это Яковкинъ, увлекались легкостью скоро сдѣлаться офицерами и тѣмъ обаяніемъ, которое въ то время, для дворянскаго сословія у насъ, представляла военная служба, а большинство студентовъ было дворянскаго происхожденія. Университетъ и науку имъ въ немъ преподаваемую, они бросали безъ всякаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что университетъ манилъ ихъ къ себѣ вовсе не тѣмъ научнымъ содержаніемъ, которое онъ могъ дать, а quasi-офицерскимъ мундиромъ и правами, получаемыми по окончаніи курса. Тогдашніе студенты, насколько есть у насъ данныя для сужденія, за исключеніемъ весьма немногихъ, при лучшихъ условіяхъ, и не въ то время, а позднѣе нѣсколько, ничему почти не учились. Подъ наружными формами ученія въ гимназіи и университетѣ скрывалось вполнѣ ничтожное содержаніе. Отъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые одни только имѣли настоящее и строгое представленіе объ университетскомъ преподаваніи, ихъ удаляло незнаніе языка и потому съ университетомъ они не были связаны вовсе чѣмъ либо похожимъ на духовные интересы; въ нихъ и не была пробуждена жажда этихъ духовныхъ интересовъ. Ихъ ничто не привязывало къ университету. А тутъ, въ очень близкомъ будущемъ, и при легкихъ условіяхъ, представлялась желанная возможность сдѣлаться офицерами. Ихъ немедленно, если только они приносили свидѣтельство отъ универси-

тета, отправляли въ Петербургъ, гдѣ они должны были явиться къ директору 2 сухопутнаго кадетскаго корпуса генералъ-маіору Клейнмихелю, имъ давали подорожную и прогоны до столицы, которая тоже дразнила ихъ воображеніе. Но вотъ какая сцена произошла на первыхъ порахъ отправки первыхъ *кадетовъ*, какъ стали называть переходящихъ въ военную службу студентовъ. Яковкинъ былъ убѣжденъ, что это происшествіе имѣетъ связь съ совѣтскими волненіями и съ отрѣшеніемъ трехъ профессоровъ, что «корень адскаго заговора распространился весьма далеко и глубоко». Въ понедѣльникъ 13 мая студенты Балясниковъ и Чуфаровъ (оба они, еще прежде чѣмъ сдѣлались извѣстными Высочайшіе рескрипты о призывѣ на военную службу, заявляли нѣсколько разъ Яковкину, что они вовсе не желаютъ быть учителями за получаемое казенное содержаніе, а предпочитаютъ военную службу), Кузминской, Поповъ и нѣкоторые другіе, подавшіе прошенія о поступленіи въ военную службу, пошли къ губернатору и «по извѣстнымъ побужденіямъ», какъ выражается Яковкинъ, у него, въ присутствіи вице-губернатора и нѣсколькихъ чиновниковъ, бранили весь университетъ, описывая его въ самомъ печальномъ видѣ. Они заявляли, что между профессорами, за исключеніемъ Запольскаго, нѣтъ теперь ни одного порядочнаго человѣка, что лучшіе профессоры удалены по проискамъ Яковкина, что сами они не получили никакого образованія, что имъ одна дорога—идти въ военную службу. Губернаторъ взялъ отъ нихъ какую-то подписку. По возвращеніи въ университетъ, какъ видно изъ инспекторскаго донесенія, они «стали оказывать всякое возможное своевольство», говоря, что теперь имъ не университетъ, а губернаторъ начальникъ. На другой день Яковкинъ, приготовивъ для всѣхъ аттестаты, отправилъ студентовъ, вмѣстѣ съ запечатанными аттестатами къ губернатору въ сопровожденіи адъюнкта Эвеста. Губернаторъ роздалъ имъ аттестаты по рукамъ. Узнавъ объ ихъ содержаніи, Балясниковъ и Чуфаровъ тотчасъ же явились къ Яковкину и грубо настаивали, чтобъ онъ или перемѣнилъ имъ аттестаты (поведеніе одного было названо изряднымъ, а другого средственнымъ), или написалъ бы въ нихъ, что они за дерзость, своевольство, нарушеніе порядка и нераскаянность, чѣмъ Яковкинъ объяснялъ неудовлетворительность отмѣтки въ поведеніи, вписаны въ инспекторскую шнуровую книгу. Яковкинъ отказалъ, но пусть онъ самъ разскажетъ дальнѣйшее столкновеніе свое съ студентами-кадетами:

„Среда прошла спокойно, а въ четвертокъ вечеромъ, когда я съ женою, дѣтьми моими, многими студентами и гимназистами и главнымъ надзирателемъ прохаживался въ Тенишевскомъ саду, Кузминской, довольно пья-

ный, пришелъ въ оный, чаятельно, съ намѣреніемъ, чтобъ браниться со мною; но вмѣсто того въ запальчивости, не нашедъ еще меня, обругалъ самыми поносными словами жену мою съ дѣтьми и всѣми бывшими студентами и учениками, такъ что студенты Графъ и Клепининъ вынуждены были насильно вывести его изъ саду. Балясниковъ и Кузминской, какъ на дворѣ Тенишевскомъ, такъ и на парадномъ крыльцѣ, позднѣе, въ тотъ же вечеръ, увѣрительно грозили мнѣ мщеніемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, что было въ присутствіи разныхъ чиновниковъ университета и гимназіи. *Всѣ сіи обстоятельства суть послѣдствія извѣта къ г. министру внутреннихъ дѣлъ здѣшнимъ губернаторомъ,* посланнаго въ день не почтовый, а подписаннаго 28 февраля, въ день отъѣзда гг. Каменскаго и Карташевскаго изъ Казани... Наконецъ, увидѣвъ, что для предотвращенія ихъ буйства предприняты мною начальственныя мѣры посредствомъ оставленнаго не только на ночь пикета изъ шести инвалидовъ при унтеръ-офицерѣ и квартирмейстерѣ, но и на слѣдующій день, до самаго отъѣзда кадетовъ изъ университета, не смѣли буянить, а 17 числа, распрощавшись съ своими знакомыми, также съ Запольскимъ и Германомъ, хотѣли было и изъ самихъ буяновъ нѣкоторые придти проститься со мною, но Балясниковъ и Кузминской удержали нѣкоторыхъ изъ нихъ, уповая, что я отъ себя прогоню. Не взирая на сіе буйственное запрещеніе, прощались со мною и со слезами благодарили за образованіе, воспитаніе и отеческія попеченія Выдрицкій, Трофимовъ, двое Зыковы и младшій Балясниковъ. Отъѣздъ ихъ водою до Свіяжска изъ Казани ознаменованъ также буйствомъ главныхъ зачинщиковъ. Поповъ, вздумавъ прохаживаться по борту лодки, упалъ въ воду и едва не потонулъ, за что смѣявшіеся сему буйству калачникъ и перевозчикъ нещадно отъ нихъ высѣчены приготовленными для дороги нагайками... Когда Клепининъ и Графъ, съ моего позволенія, приносили г. губернатору жалобу на буйство Кузминскаго и Балясникова, то онъ сказалъ имъ: „вотъ плоды воспитанія Яковкина"; но на сіе они съ почтеніемъ отвѣчали, что четверо записныхъ буяновъ не могутъ еще отнять чести отъ Яковкина и что цѣлое заведеніе готово подъ присягою подтвердить, что всѣ они одному особенно Яковкину обязаны за образованіе свое и отеческія его попеченія объ ихъ воспитаніи и наставленіи (сіи точныя ихъ слова не благоволите в. п. приписать моему самохвальству, чуждому моему сердцу!). Послѣ всѣхъ таковыхъ неожиданныхъ вражескихъ покушеній, и самая каменная твердость должна поколебаться; но есть Тотъ, кто и посреди смертельныхъ ужасовъ подкрѣпляетъ и утѣшаетъ невинность!"

Сколько было правды и сознательнаго чувства въ негодованіи къ Яковкину тѣхъ, которые такъ грубо выразили его къ семейству директора и въ краснорѣчивой защитѣ его поклонниковъ, о которой онъ не преминулъ довести до свѣдѣнія начальства, мы рѣшить не беремся, но невольно чувствуется какая-то фальшь и ненормальность отношеній. Совѣтъ, находившійся теперь въ полной зависимости отъ Яковкина, донесъ также съ своей стороны, со словъ его, обо всѣхъ происшествіяхъ, съ ссылкою на замѣченное и прежде дурное поведеніе буяновъ по справкѣ въ инспекторскихъ книгахъ, хотя незадолго до происшествія, этотъ же совѣтъ, по заявленію Яковкина, представлялъ о нихъ, какъ о достойныхъ къ назначенію

въ учители не только въ народныя училища, но и въ гимназіи. Какъ бы то ни было университетъ лишился вдругъ чуть не половины своихъ студентовъ. Замѣчательно, что изъ 24 уволенныхъ въ военную службу было 19 казеннокоштныхъ студентовъ, обязанныхъ служить за свое воспитаніе учителями. Только послѣ того, какъ они уѣхали изъ Казани, начальство спохватилось, что поступило неправильно. «Докладывалъ я министру народнаго просвѣщенія о студентахъ, содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ и желающихъ вступить въ военную службу, писалъ попечитель совѣту (27 мая, № 291). Его сіятельство препоручилъ мнѣ дать знать совѣту, что данный Его Императорскимъ Величествомъ указъ о студентахъ, желающихъ вступить въ военное званіе, касается до студентовъ на своемъ содержаніи обучающихся и что имъ не нарушается постановленіе, Его Величествомъ утвержденное о воспитываемомъ на казенномъ содержаніи юношествѣ, въ статьѣ 40-й предварительныхъ правилъ изображенное. И для того предлагаю совѣту, не взирая на желаніе воспитанниковъ содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ вступать въ военную службу, держаться упомянутаго постановленія». Но было уже поздно и никто изъ уволенныхъ не воротился болѣе въ университетъ.

Произволъ и самовластіе Яковкина теперь стали проявляться еще чаще, не встрѣчая отпора въ совѣтѣ. Разныхъ исторій, слѣды которыхъ сохранились въ дѣлахъ, было довольно. Въ самомъ началѣ 1807 года послѣдовало увольненіе рисовальнаго учителя гимназіи Чекіева по простому предложенію Яковкина въ совѣтъ, гдѣ онъ излагалъ свое столкновеніе съ Чекіевымъ. Чекіевъ учился въ С.-Петербургской Академіи художествъ и кончилъ въ ней курсъ въ 1796 году съ золотою медалью. Въ гимназію учителемъ онъ поступилъ въ 1799 году и былъ настолько хорошимъ учителемъ, что Румовскій выразилъ ему въ бытность свою въ Казани, въ присутствіи другихъ, особую благодарность. Чекіевъ получилъ даже чинъ титулярнаго совѣтника и прибавку жалованья. Зная мстительность и злопамятность Яковкина, мы не имѣемъ никакого повода подозрѣвать справедливость разсказа Чекіева въ его жалобѣ на увольненіе, что Яковкинъ давно имѣлъ къ нему вражду, нѣсколько разъ жаловался на него совѣту, еще до своего директорства, «ибо я не могъ отвѣчать частнымъ его видамъ»—пишетъ Чекіевъ въ своей жалобѣ. Ни откуда къ сожалѣнію не видно изъ за чего тѣснилъ его Яковкинъ, но Чекіевъ принесъ на эти притѣсненія лично жалобу Румовскому и тотъ даже обѣщалъ ему мѣсто въ университетѣ. Видя, что Яковкинъ пользуется полнымъ довѣріемъ попечителя, Чекіевъ по-

ерялъ уже всякую надежду получить университетское мѣсто, но никакъ не думалъ, что ему придется разстаться и съ гимназическимъ. Дѣло въ томъ, что для мѣста учителя рисованія въ университетѣ у Яковкина былъ уже приготовленъ свой человѣкъ. Совершенно произвольно Яковкинъ объявилъ ему 10 января о томъ, что сверхъ 8 часовыхъ уроковъ въ гимназіи, Чекіевъ долженъ еще четыре часа упражнять въ рисованіи и студентовъ. Чекіевъ спросилъ: прибавится ли ему за это жалованье, на что получилъ въ отвѣтъ, что прибавка не отъ него зависитъ, а отъ времени, обстоятельствъ и благоусмотрѣнія начальства и, что если онъ не желаетъ упражнять студентовъ, то можетъ и совсѣмъ оставить службу и при этомъ приказалъ ему съ грубымъ окрикомъ идти къ своему дѣлу. Чекіевъ шелъ за нимъ и доказывалъ ему, что онъ притѣсняетъ его, что онъ не сторожъ, на котораго дозволяется кричать и пр. Яковкинъ сказалъ, что онъ хорошо помнитъ прошедшее и пригрозилъ ему отрѣшеніемъ. Слѣдствіемъ этого столкновенія было предложеніе Яковкина въ совѣтъ объ отрѣшеніи Чекіева. Въ предложеніи говорилось о негодованіи и роптаніи Чекіева на прибавленные ему часы, о крикѣ Чекіева, о дерзости и запальчивости, о явныхъ знакахъ дерзкаго и буйнаго характера, которые могутъ «подать собою ученикамъ самый предосудительный примѣръ, при чемъ припоминались въ предложеніи и прежнія обстоятельства, то, что Чекіевъ въ 1803 году, по предписанію тогдашняго попечителя гимназіи губернатора Кацарева, выслушалъ въ присутствіи конторы и при собраніи чиновниковъ и учителей выговоръ за грубость противъ начальства, а за дерзость и неблагопристойность при зерцалѣ имъ оказанныя, онъ былъ оштрафованъ десятирублевою пенею. Изъ письма Яковкина къ попечителю видно, что Чекіевъ былъ «собесѣдникомъ» Каменскаго и это конечно служило къ усиленію негодованія Яковкина. Чекіевъ уволенъ былъ послушнымъ совѣтомъ изъ службы за дерзость и неповиновеніе начальству. «Резолюцію сію единогласно дали всѣ гг. члены въ страхъ другимъ для искорененія буйства». Впрочемъ Яковкинъ оказалъ великодушіе въ нѣкоторомъ родѣ. «Хотя на предложеніе мое всѣ гг. члены совѣта, кромѣ г. профессора Бюнемана и адъюнкта Эриха, сильно защищавшихъ продерзость Чекіева, подали мнѣніе свое, чтобы представить в. п., пишетъ онъ къ попечителю, объ отрѣшеніи его безъ аттестата, въ страхъ другимъ, за дерзкіе его слова и поступки; но я остаюсь одинъ только виновнымъ, что упросилъ ихъ, дабы просто уволить его изъ службы гимназіи по представленнымъ совѣту причинамъ (т. е. за дерзость и неповиновеніе начальству!). Не хотѣлось масла приливать къ огню, да и — рано или поздно разсудитъ меня съ нимъ Нелицепріятный». Съ своей стороны

защитники Чекіева заявили ему, что онъ «самъ долженъ знать теперешнія обстоятельства». Напрасно просилъ онъ о выдачѣ копіи съ опредѣленія совѣта и свидѣтельства за что онъ отрѣшенъ. На это сказали ему, что на выдачу такихъ копій нѣтъ еще разрѣшенія г. попечителя. Напрасно онъ просилъ защиты сначала у попечителя, говоря, что онъ не отказывается учить студентовъ и началъ уже уроки — его просьба оставлена безъ вниманія. Напрасно онъ подавалъ прошеніе и въ главное правленіе училищъ, въ которомъ писалъ о «происках» директора. «Возможно-ли, говорилъ онъ, чтобъ несчастія такого числа чиновниковъ, униженіе и безчестіе другихъ, всеобщее негодованіе города противъ него, не призвало наконецъ на него внимательнаго ока высшаго правительства. Я не могу обвинять совѣтъ: когда выбыло изъ него пять профессоровъ и адъюнктовъ, то можно съ остальными дѣлать, что хочешь». Прошеніе Чекіева было отослано въ совѣтъ безъ всякой резолюціи. Впрочемъ попечитель замѣтилъ совѣту, что ему предоставлено право увольнять только тѣхъ лицъ, которыя добровольно пожелаютъ оставить службу гимназіи, а о Чекіевѣ слѣдовало предварительно испросить согласія его, попечителя, что и слѣдуетъ дѣлать впредь всегда въ такихъ случаяхъ.

Защита гонимыхъ и преслѣдуемыхъ Яковкинымъ «по теперешнимъ обстоятельствамъ», т.-е. когда всѣ убѣдились въ его силѣ и полномъ довѣріи къ нему начальства, не могла достигнуть цѣли. А между тѣмъ Яковкинъ самъ весьма часто жаловался на обиды ему наносимыя, хотя никому не было извѣстно по какой причинѣ послѣдовала обида. Ему можно бы было съ полнымъ основаніемъ сказать тѣ слова, которыя говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ герою комедіи Островскаго: «Кто тебя, батюшка Титъ Титычъ, обидитъ—ты самъ всякаго обидишь!» Былъ въ Казанскомъ народномъ училищѣ учитель титулярный совѣтникъ Сивковъ, знакомый Яковкину еще по Петербургу. Въ прошломъ 1806 году Яковкинъ доносилъ попечителю, что Сивковъ обидѣлъ его на публичномъ экзаменѣ; въ чемъ однако состояла обида — не объяснялъ. Директоръ народныхъ училищъ принесъ съ своей стороны жалобу попечителю на Сивкова, что тотъ уклоняется отъ предписаннаго способа преподаванія, поступаетъ съ учениками жестоко и непристойно, что у него неспокойный и сварливый нравъ и что наконецъ принесена ему жалоба отъ директора гимназіи Яковкина, что Сивковъ и ему нанесъ обиду. Какъ кажется, эта обида и была главною причиною представленія директора народныхъ училищъ къ попечителю. Хотя, какъ мы знаемъ, училищный комитетъ не былъ еще открытъ при университетѣ, но Яковкинъ мнилъ себя начальникомъ и директора

и Сивкова. Въ частномъ письмѣ къ попечителю, начатомъ фразою, что «личность на службѣ мертва», онъ подкрѣплялъ представленіе директора, говорилъ, что многократные его совѣты, увѣщанія и выговоры Сивкову были напрасны, упоминалъ о его «необщежительномъ характерѣ», объ «упорствѣ и даже закоренѣлости въ собственныхъ предосудительныхъ мнѣніяхъ», о «странномъ образѣ преподаванія», о «хожденіи по родителямъ учениковъ съ тѣмъ чтобы дѣти кромѣ математики ничему не учились», объ «упорномъ пренебреженіи къ власти начальства» и пр., и приходилъ къ тому заключенію, что Сивковъ не можетъ быть терпимъ на службѣ. Попечитель представленіе директора народныхъ училищъ препроводилъ въ совѣтъ, поручивъ ему, по разсмотрѣніи представленія директора, уволить Сивкова и опредѣлить на его мѣсто кого либо изъ студентовъ Казанскаго университета. Совѣтъ опредѣлилъ собрать справки отъ сослуживцевъ Сивкова, въ залѣ собранія совѣта, при зерцалѣ (любопытно, что въ числѣ этихъ свидѣтелей и сослуживцевъ, всего за мѣсяцъ до происшествія, были тѣ самые студенты Балясниковъ старшій и Поповъ, которые, заявивъ желаніе служить въ военной службѣ, ходили жаловаться на Яковкина къ губернатору и нанесли оскорбленіе его семьѣ въ саду, что Балясниковъ предназначался Яковкинымъ учителемъ математики и физики въ открывающуюся въ Нижнемъ Новгородѣ гимназію, «на что и объявилъ онъ мнѣ свое согласіе съ благоговѣйною признательностью къ таковому лестному о немъ мнѣнію»,—пишетъ Яковкинъ въ своемъ предложеніи совѣту). Свидѣтели подтвердили справедливость донесенія директора народныхъ училищъ и Сивкова уволили, хотя все же, изъ чувства конечно человѣколюбія, нашлись и у него защитники, но несмотря на всю покорность совѣта. «Разсмотрѣніе характера Сивкова обнаружило снова *прежній духъ ратоборства*, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, такъ что г. Бюнеманъ принесъ съ собою Наказъ съ загнутыми углами листовъ для прочтенія статей, чтобы и обвиняемый былъ призванъ въ совѣтъ для вопрошенія. Я сказалъ, что по сему спору, какъ свидѣтель, упомянутый въ начальственномъ вашемъ предписаніи, никакого голоса имѣть не хочу, промолчалъ полтора часа, пока продолжалось сужденіе, но видя, что ничѣмъ, кромѣ пустыхъ разговоровъ и споровъ, не рѣшатъ сіе дѣло, наконецъ собралъ мнѣнія и увидѣвъ, что за точное исполненіе предписанія и основываясь на собранныхъ свидѣтельствахъ, подали ихъ гг. адъюнктъ Эвестъ и профессоры: Сторль, Фуксъ и Яковкинъ, объявилъ чтобы гг. спорящіе записали свои мнѣнія, ежели угодно, продиктовавъ по латыни съ согласія прочихъ протоколъ и подписалъ его, послѣ чего и четверо спорившіе также

подписали его безусловно. Старость и семейство Сивкова конечно заслуживали бы снисхожденія, но bonum publicum praeferendum est bono particulari et quidem ipsae misericordiae». Сивковъ не жаловался.

Впрочемъ у Яковкина были столкновенія съ подчиненными, которыя онъ не доводилъ до совѣта и распоряжался самъ, но считалъ нужнымъ во всѣхъ подробностяхъ сообщать ихъ попечителю. Сообщенія эти имѣли странный характеръ; Яковкинъ то ссорился, то мирился съ такими лицами, но разстаться съ ними не могъ. Таковы наприм. отношенія его къ Ларіонову, очень подробно раскрытыя въ его письмахъ и разныхъ дѣловыхъ бумагахъ. Ларіоновъ былъ назначенъ самимъ Румовскимъ, знавшимъ его въ Петербургѣ, въ виду множества предстоящихъ построекъ *офицеромъ по строильной части*. На его отвѣтственности лежали пріемъ и выдача матеріаловъ, а также и наблюденіе за состояніемъ и поддержаніемъ въ исправности купленныхъ домовъ. Ларіоновъ повидимому боялся отвѣтственности по своей обязанности и уже черезъ годъ, послѣ многихъ просьбъ къ Яковкину, обратился письмомъ къ попечителю, въ которомъ говорилъ, что онъ не архитекторъ, что дома купленные ветхи, что въ нихъ треснули своды и стѣны и что онъ боится какъ бы контора гимназіи не приписала это его безпечности. Все это главнымъ образомъ клонилось къ тому, чтобъ выпросить у Яковкина прибавку къ жалованью или награду, но Яковкинъ отказалъ и сказалъ ему, что если онъ недоволенъ службой, то можетъ подавать въ отставку — «отзывъ совсѣмъ противный содержанію моей словесной просьбы»—наивно пишетъ Ларіоновъ и на начальство свое въ Казани, «которое имѣетъ попеченіе о себѣ, а о подчиненномъ мало помышляетъ» онъ принесъ жалобу попечителю. Движенія она не получила. Почти то же Ларіоновъ въ началѣ 1807 года повторилъ въ своемъ рапортѣ въ контору, называемомъ Яковкинымъ сумасброднымъ. Въ этомъ рапортѣ говорилось о неправильномъ заготовленіи фуражу для гимназическихъ лошадей, о растратѣ, однимъ словомъ «онъ маралъ и контору и меня, писалъ Яковкинъ, и эконома и самого себя». Но для Яковкина Ларіоновъ былъ лишь «ипохондріакъ». Онъ призвалъ Ларіонова, прочиталъ ему вслухъ его рапортъ и спросилъ: онъ ли писалъ и можетъ ли писанное подтвердить. «Изъ смущенно-звѣрскаго его взора получивъ подтвержденіе, рѣшился его пощадить и не вводя въ дѣло, представить его оригиналомъ на благоусмотрѣніе в. п.», пишетъ Яковкинъ. Очень больно ему, что *я весьма посократилъ его долгоручіе*, какъ я и прежде неоднократно имѣлъ честь доносить; но едва имѣя изъ 25 рублей ежемѣсячныхъ насущное пропитаніе,

вздумалъ держать еще лошадь. Богъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ, а между тѣмъ на сторонѣ многократно поговаривалъ, что онъ писалъ уже обо всемъ въ Петербургъ къ начальству». Какъ можно догадываться дѣло шло здѣсь вовсе не о неповиновеніи власти, а потому Яковкинъ и не поднималъ его.

Вскорѣ послѣ того Ларіоновъ, встрѣтивъ въ канцеляріи квартирмейстера гимназіи Михайлова, сталъ съ нимъ браниться, а потомъ, разгорячившись, ударилъ его. Тотъ немедленно вбѣжалъ въ комнату присутствія конторы, жаловался казначею и эконому, показывая покраснѣвшую щеку. При разборѣ фактъ подтвердился вопросомъ свидѣтелей — канцелярскихъ служителей и жалоба была записана въ журналъ, но обиду квартирмейстера предоставили ему отыскивать по манифесту объ обидахъ, Ларіонову же было замѣчено, что безчиніе имъ учиненное доказываетъ неуваженіе его къ самому присутственному мѣсту. Объ этомъ происшествіи, несмотря на просьбу Ларіонова, было донесено попечителю, но Ларіоновъ остался на службѣ.

Почему то этотъ случай сильно затронулъ Яковкина и въ письмѣ къ попечителю онъ внесъ слѣдующую іеремiаду: «Всѣ таковыя и подобныя имъ стеченія, равно какъ и разстроенное безпрестанною душевною тягостью мое здоровье, почасту влагали мнѣ мысль просить мое начальство объ увольненіи отъ должности директора и инспектора, дабы въ нѣжныхъ объятіяхъ тишины семейственной заняться уединенными упражненіями на пользу отечества; но опасеніе прогнѣвить тѣмъ достопочитаемаго мною начальника донынѣ удерживаетъ, доколѣ возмогу, не взирая на ощущаемое ослабѣваніе, обѣ оныя должности еще исправлять съ неизмѣнною ревностью». Конечно въ отставку онъ вовсе не думалъ выходить.

Ларіоновъ, по словамъ Яковкина, былъ «нечувствительный и непостоянный чиновникъ». Ему обѣщано было мѣсто экзекутора по открытіи университета, но Яковкинъ имѣлъ уже на то мѣсто своего, преданнаго человѣка и вотъ почему въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, ему казалось необходимымъ представить какъ можно болѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ неугоднаго ему человѣка. «Ларіоновъ сварливостью своею и заносчивостью съ прочими сослужащими, писалъ онъ, наноситъ мнѣ часто безпокойства въ разборѣ приносимыхъ на него жалобъ, а малымъ раченіемъ къ достойному отправленію должности не подаетъ надежды съ пользою быть употребленъ впредь при университетѣ. Напротивъ того нынѣшній квартирмейстеръ Михайловъ (которому Ларіоновъ далъ пощечину) всегдашнею своею расторопностью и ревностью къ должности всегда заслуживалъ должную справедливость, а посему не благоугодно ли

будетъ Михайлова назначить въ должность экзекутора университета», писалъ онъ къ попечителю. Тотъ же Ларіоновъ, какъ мы уже упоминали, говоря о постройкахъ, вывелъ на чистую воду того же квартирмейстера Михайлова, возившаго, при помощи казенныхъ сторожей, половыя казенныя доски и бревна въ собственный домъ. Увидя на другой день главнаго надзирателя Упадышевскаго, выходившаго изъ больницы, Ларіоновъ спросилъ его: извѣстно ли ему, что Михайловъ возитъ къ себѣ казенныя доски? Упадышевскій отвѣтилъ, что онъ знаетъ это. Вскорѣ послѣ этого Яковкинъ потребовалъ Ларіонова къ себѣ. «Какъ ты смѣлъ спрашивать, спросилъ директоръ, и какое тебѣ дѣло?» Ларіоновъ объяснилъ, что онъ считалъ это своею обязанностью, по долгу службы и присяги, и на эти слова его «господинъ директоръ началъ пословицы говорить съ обидою на мой счетъ и между прочимъ сказалъ мнѣ, что отъ меня воняетъ», пишетъ Ларіоновъ. Я не могъ сіе въ скорости понять и подумалъ, что онъ меня счелъ за пьянаго, на что отвѣчалъ я, ссылаясь на самого его, что онъ меня во все продолженіе моей службы при гимназіи не видалъ пьянымъ». Яковкинъ велѣлъ ему выпить стаканъ воды, отчего тотъ еще болѣе смѣшался, и говорилъ ему: «ты буянъ, твой характеръ мерзкій и скверный» и на его оправданія, закричалъ на него: «пошелъ вонъ!» и выгналъ отъ себя. Все это, по письму Ларіонова, сдѣлалось извѣстнымъ попечителю и Яковкину конечно нужно было обвинить Ларіонова. Онъ донесъ попечителю, что Ларіоновъ громкимъ крикомъ своимъ и разговорами безпокоитъ лежащихъ въ больницѣ, что онъ сталъ выговаривать ему за это «по начальству», что Ларіоновъ «съ крайнимъ крикомъ и неистовствомъ» отвѣчалъ, что онъ его притѣсняетъ и обижаетъ, что квартирмейстеръ, входя въ больницу, не получаетъ отъ него выговоровъ, что онъ прикрываетъ квартирмейстера, что послѣдній строится въ своемъ домѣ, употребляя казенные матеріалы, что отъ крика Ларіонова проснулись и перепугались не только дѣти, но и жена его и распространяется о «безпокойномъ и сварливомъ характерѣ» Ларіонова. Жалоба Ларіонова была прислана попечителемъ къ Яковкину. «Ежели онъ въ бытность свою у васъ шумѣлъ, то достоинъ того, чтобы отъ васъ былъ высланъ, какъ онъ пишетъ, писалъ Румовскій. Но винить его не можно, что спросилъ у Упадышевскаго, извѣстно ли ему и съ чьего дозволенія вчерашній день возили казенныя доски квартирмейстеру Михайлову. Таковой вопросъ всякъ принадлежащій къ гимназіи сдѣлать могъ, не вѣдая съ чьего дозволенія возятъ казенныя доски въ другое мѣсто». Отвѣчая на это, Яковкину пришлось объяснить въ письмѣ къ попечителю, и выраженіе, столь, смутившее Ларіонова, что отъ

*

него «воняетъ». Это былъ неудачно сдѣланный имъ переводъ одной изъ латинскихъ пословицъ, какими онъ часто украшалъ свои письма: «Будучи извѣстенъ, что Ларіоновъ по латыни не знаетъ, я не могъ ему сказать пословицу: «propria laus sordet», когда онъ расхвастался, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только онъ служилъ, должность свою всегда отправлялъ онъ отлично и что поступки его были всегда благородны; вмѣсто того сказалъ я ему, что кто самъ себя хвалитъ, отъ того воняетъ». О томъ, въ какомъ видѣ было объяснено попечителю главное обстоятельство, что квартирмейстеръ пользовался казеннымъ лѣсомъ, мы уже говорили. «Весь доносъ Ларіонова оказался несправедливъ, писалъ Яковкинъ, и основанъ единственно на какой-то злобѣ или зависти по безпокойному и сварливому его характеру».

Черезъ два мѣсяца послѣ этого, Яковкинъ счелъ необходимымъ сообщить попечителю новую и очень грязную исторію съ Ларіоновымъ. «Хотя все сіе происшествіе чрезвычайно нагло и мерзко, говоритъ онъ, такъ что стыдно мнѣ описывать обстоятельства его предъ в. п., но зная дерзкій и сварливый характеръ Ларіонова, дабы онъ не вздумалъ и сдѣланный ему конторою въ удовлетвореніи отказъ употребить на зло и клевету мнѣ», онъ рѣшается привести весьма неприличный разсказъ. Мы не станемъ приводить этого разсказа Яковкина: дѣло шло о неудачномъ волокитствѣ Ларіонова за чужой женой, стряпкой, но любопытно, что контора вошла во всѣ мельчайшія подробности и ихъ-то и сообщаетъ Яковкинъ для свѣдѣнія попечителю, какъ опредѣлившему Ларіонова.

Вскорѣ послѣ этого опять происшествіе съ Ларіоновымъ, очень подробно описанное помощникомъ инспектора студентовъ кандидатомъ Кондыревымъ, впослѣдствіи профессоромъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Яковкина по предметамъ имъ преподаваемымъ, по угодливому характеру и болѣе другихъ къ нему приближеннымъ. «Ларіоновъ пришелъ въ студентскія комнаты вечеромъ въ 6 часовъ и разговаривалъ со студентами. Начался споръ о воспитаніи, скоро превратившійся въ драку между Ларіоновымъ и студентомъ Аристовымъ, котораго по всей вѣроятности поддержали товарищи. Ихъ насилу развели, но у Ларіонова оказались изодраннымъ фракъ и исцарапаннымъ лицо. По рапорту Кондырева, написанному въ духѣ Яковкина, повторяющему verba magistri, совершенно выгораживающему Аристова и прочихъ студентовъ, Ларіоновъ былъ во всемъ виноватъ. Причиною неблагоразумнаго и унизительнаго поступка г. Ларіонова, пишетъ онъ, нельзя полагать только то, что онъ въ сіе время былъ не въ надлежащемъ и своемъ видѣ, но собственность его характера; онъ часто и прежде, не внимая приказаніямъ

вашего высокоблагородія и не слушая просьбъ моихъ, чтобы не въ надлежащее время и не для нужнаго по его должности, не посѣщалъ комнатъ господъ студентовъ и не отвлекалъ ихъ отъ своихъ занятій приходилъ почти во всякое время съ утра до ночи, садился въ кругъ студентовъ, занималъ ихъ словами, кои благопристойность воспрещаетъ упоминать здѣсь, однимъ словомъ, г. Ларіоновъ, рѣдко оставляя студентовъ даже и во время обѣда, дѣлалъ на нихъ поступками и словами своими самое вредное впечатлѣніе въ отношеніи ихъ къ начальству, поведенію и ученію, развращалъ ихъ сердца и прерывалъ успѣхи къ образованію. Часто, съ горестію воздыхая при видѣ таковомъ, я умолялъ его оставить студентовъ въ покоѣ отъ своего посѣщенія; многіе изъ студентовъ сами просили его о томъ, не разъ по докладу моему вашему высокоблагородію ему воспрещаемо было, но онъ продолжалъ дѣлать свое: сколько было жалобъ, сколько неудовольствій!» и пр.

Это происшествіе, свое собственное разслѣдованіе («къ счастію, что я, бывши г. губернаторомъ [1]) приглашаемъ на балъ и ужинъ, находился дома по причинѣ продолжающагося въ лѣвой щекѣ флюса») и рапортъ Кондырева Яковкинъ передалъ на разсмотрѣніе совѣта въ противность прежняго своего взгляда на дѣла подобнаго рода. «Важность сего проступка требовала, чтобы всѣмъ членамъ совѣта извѣстны были всѣ обстоятельства»—говоритъ онъ. Ларіоновъ тоже подалъ въ совѣтъ прошеніе, въ которомъ всѣ обстоятельства дѣла излагалъ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ рапортъ, такъ и прошеніе были переведены адъюнктомъ Эрихомъ на языкъ латинскій. Совѣтъ однако не входилъ въ разсмотрѣніе этого дѣла, помня прежніе случаи, и опредѣлилъ представить его на благоусмотрѣніе попечителя. Яковкинъ писалъ послѣднему по слухамъ, что Ларіоновъ намѣренъ вовсе оставить службу при университетѣ и снова вступить въ военную, что и прежде онъ желалъ вступить въ милицію, но «покомѣ онъ останется нынѣшнимъ Ларіоновымъ, дотолѣ онъ нигдѣ спокойствія обрѣсти себѣ не возможетъ». Попечитель, на донесеніе совѣта о дракѣ между студентомъ Аристовымъ и Ларіоновымъ, отвѣчалъ, что изслѣдованіе необходимо, такъ какъ изъ рапорта Кондырева и донесенія Ларіонова нельзя правильно заключить: кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ и что совѣту, находясь на мѣстѣ, изслѣдовать это дѣло удобнѣе, чѣмъ ему въ Петербургѣ. Совѣтъ опредѣлилъ коммиссію изъ профессора Фукса и адъюнктовъ Запольскаго и Миллера для изслѣдованія, но коммиссія эта кажется

---

[1]) Тѣмъ самымъ, который такъ недавно еще писалъ о немъ въ Петербургъ въ самомъ невыгодномъ смыслѣ.

къ дѣйствію не приступала и донесенія не представила никакого. Ларіоновъ остался на службѣ. Въ мартѣ слѣдующаго года Яковкинъ снова увѣдомляетъ попечителя, что Ларіоновъ, пришедъ въ камеру конторы, куда ему безъ особливаго позыву запрещено было входить послѣ того, какъ онъ тамъ ударилъ по щекѣ квартирмейстера, оставилъ тамъ написанную имъ дерзкую бумагу. Пришелъ же онъ, «надѣясь, какъ онъ самъ всѣхъ увѣряетъ, на особенныя милости къ нему в. п. Призванный и спрошенный, Ларіоновъ подтвердилъ, что онъ писалъ этотъ пасквиль. Контора представила это дѣло также на благоусмотрѣніе попечителя, но отвѣта не получила. Къ сожалѣнію *пасквиля* (по словамъ Яковкина) въ дѣлахъ не оказалось. Вскорѣ послѣ этого у Ларіонова умерла жена и Яковкинъ сочувствуетъ его горю: «Съ плачущимъ Ларіоновымъ не можно уже было удержаться отъ слезъ и еще въ такое время, когда мимо оконъ моихъ несли тѣло покойной на мѣсто погребенія»—сообщаетъ онъ попечителю. Но видно горе Ларіонова не было глубоко, а сочувствіе Яковкина продолжительно. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти жены его, какъ на имя Яковкина, какъ директора, поступила по нѣмецки писанная жалоба отъ дивизіоннаго пастора Геринга, что «10 декабря 1809 года губернскій секретарь Андрей Герасимовичъ Ларіоновъ въ восьмомъ часу вечера пришелъ къ воротамъ его дочери Варвары, вдовствующей Гейнрихсдорфъ, и требовалъ, чтобы его впустили, но какъ его не впустили, то грозилъ онъ съ многою буйностью и нагло, будто съ нимъ два заряженные пистолета, изъ которыхъ одинъ назначенъ для его дочери, а другой для его самого; поелику же такой уголовный поступокъ запрещенъ, вышеобъявленный же *мужъ* (переводъ учителя Стефани) находится подъ вѣдомствомъ его, профессора директора, то и проситъ именемъ своей дочери ему г. Ларіонову, таковое строжайше запретить, и въ случаѣ его непослушности ему объявить, что будутъ поступать противъ него по формѣ законовъ «потому что каждый подъ покровительствомъ законовъ безопасно жить можетъ». По разсмотрѣніи этой жалобы, контора опредѣлила, что она о поступкѣ Ларіонова, сдѣланномъ внѣ гимназіи, въ изслѣдованіе входить права не имѣетъ и объявила пастору, что онъ или дочь должны просить по законамъ, а о случаѣ донесла попечителю. Ларіоновъ однако остался недоволенъ, особенно тѣмъ, что контора донесла попечителю и въ свою очередь подалъ на контору жалобу ревизовавшему тогда губернію сенатору Обрѣзкову, присовокупляя, что и прежде онъ безвинно былъ оштрафованъ 15 рублями. Сенаторъ объявилъ ему, по разслѣдованіи обстоятельствъ, что контора поступила правильно и, что если онъ по этому дѣлу опасается лишиться мѣста, то

самъ виноватъ, а если чувствуетъ себя невиннымъ, то и бояться нечего.

Несмотря на всѣ эти приключенія, Ларіоновъ продолжалъ оставаться на службѣ, какъ ни желательно было повидимому Яковкину отдѣлаться отъ него. Въ этомъ случаѣ его сила у попечителя оказывалась слабою. Почему попечитель оставлялъ безъ вниманія всякую жалобу на Ларіонова и даже ни разу не удостоилъ отвѣтомъ Яковкина ни на одно изъ его сообщеній, почему онъ терпѣлъ его на службѣ—мы не знаемъ. Но очевидно этотъ задорный чиновникъ былъ bête noire Яковкина, выводилъ его изъ терпѣнія, и онъ упорно продолжалъ сообщать начальнику своему, несмотря на молчаніе Румовскаго, о всѣхъ послѣдующихъ приключеніяхъ Ларіонова. Такъ въ декабрѣ 1810 года, хлопоча передъ попечителемъ о назначеніи экзекуторомъ въ университетъ, открытіе котораго предполагали въ скоромъ времени, хорошо извѣстнаго ему бывшаго экономомъ въ гимназіи коллежскаго ассесора Маньковскаго, онъ пишетъ: «Что же касается до Ларіонова (разсчитывавшаго также быть экзекуторомъ, согласно обѣщанію попечителя), то долгомъ моимъ поставляю донести, что при разныхъ случаяхъ, и послѣ нѣсколькихъ въ конторѣ постановленныхъ резолюцій, оказывался онъ довольно часто неисправнымъ и даже дерзкимъ, а въ домашней жизни — женившись въ февралѣ, помнится, безпутствомъ своимъ дошелъ до того, что въ октябрѣ тесть его, коллежскій совѣтникъ и человѣкъ почтенный, но имъ обруганный и прибитый, принужденъ былъ дочь свою, также имъ обруганную и прибитую, и все ея приданое отъ него взять, такъ что онъ теперь живучи, ни холостъ, ни женатъ, ни вдовъ, шатается только, куда случится, всегда съ своими насмѣшками, обидчивостью и раздорами, а никакимъ добрымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ не внемлетъ». Въ 1810 году совѣтъ заслушиваетъ жалобу наборщика университетской типографіи Крылова объ обидѣ «ругательствомъ и битьемъ», нанесенной ему Ларіоновымъ на Хлѣбномъ рынкѣ. Нѣтъ причины полагать, чтобъ сообщенія Яковкина не имѣли дѣйствительнаго основанія, хотя нельзя также не замѣтить, что ему очень хотѣлось избавиться отъ Ларіонова; мы должны удивляться этому доброму старому времени, въ которомъ не находилось средствъ удержать въ границахъ произволъ и дикія уклоненія такихъ натуръ, какъ Ларіоновъ, а сколько ихъ было тогда! И въ 1811 году Ларіоновъ снова выступаетъ на сцену. Ему запрещенъ входъ въ контору, больницу и къ студентамъ «по обнаруженному документами безпокойному его характеру». Изъ чиновниковъ гимназіи, по словамъ Яковкина, едва ли человѣкъ пять найдется кто бы на него не жаловался. Въ январѣ адъюнктъ Петровскій по-

даетъ на Ларіонова жалобу, что онъ прибилъ его мальчика и его самого обидѣлъ, «но я упросилъ Петровскаго, пишетъ Яковкинъ, бросить сіе дѣло, дабы чрезъ то не связаться съ Ларіоновымъ». Въ апрѣлѣ адъюнктъ Кондыревъ подаетъ новую на него просьбу, сперва Яковкину, потомъ въ совѣтъ, жалуясь на обиды, насмѣшки и ругательства со стороны Ларіонова. Споръ произошелъ изъ за комнаты, которую Яковкинъ отдалъ для собранія общества любителей словесности, гдѣ Кондыревъ былъ секретаремъ. Ларіоновъ, какъ смотритель домовъ, не соглашался на это, говоря, что комната эта принадлежитъ къ назначеннымъ для пріѣзда въ Казань попечителя и что у него есть предписаніе никому ихъ не отдавать. Ларіоновъ сталъ говорить дерзости Кондыреву: «ты не имѣешь никакого званія и чина, я на тебя и на всѣ твои достоинства плюю, я благородный, а ты нѣтъ» и пр. Кондыревъ въ заключеніи своей просьбы говоритъ, что «побудительною причиною оной была не личная только обида, а болѣе обида званія, чина и мѣста, мною занимаемыхъ, какъ адъюнкта, члена университета и совѣта», что «обиды, нанесенныя мнѣ губернскимъ секретаремъ Ларіоновымъ, могутъ послужить дурнымъ примѣромъ для студентовъ, кои при семъ находились, и для подчиненности впредь прочимъ». Онъ проситъ разобрать дѣло и съ виновнымъ поступить въ силу законовъ, но совѣтъ не имѣлъ права на разбирательство, такъ какъ университетскій судъ не былъ открытъ и жалобу Кондырева опредѣлилъ представить попечителю, на его благоусмотрѣніе и разрѣшеніе какъ ему поступать въ подобныхъ сему случаяхъ. На этотъ разъ попечитель поручалъ совѣту: «призвавъ Ларіонова въ собраніе, сдѣлать ему *въ послѣдніе* строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели онъ и за симъ отъ сварливости своей не воздержится и окажется въ подобномъ своевольствѣ, то никакъ болѣе терпимъ не будетъ; впредь же для подобныхъ случаевъ, до учрежденія суда университетскаго, составить комитетъ, и о всякомъ дѣлѣ, съ представленіемъ своего мнѣнія, требовать его разрѣшенія. Комитетъ былъ составленъ, а Ларіонову, только послѣ вторичнаго призыва Яковкинымъ, объявлено было предписаніе попечителя. Въ половинѣ слѣдующаго года, со смертью Румовскаго, прекращается выдающаяся роль Яковкина, а вмѣстѣ съ этимъ и его интимная переписка съ попечителемъ. Ларіоновъ, какъ кажется, уже не безпокоитъ никого.

Но, если Яковкину трудно было ладить съ бойкимъ и задорнымъ Ларіоновымъ, то по большей части онъ имѣлъ дѣло съ личностями безотвѣтными, которыя страдали отъ его деспотизма. Приведемъ въ заключеніе этой главы случай съ учителемъ латинскаго языка Кизюкинымъ (изъ студентовъ Московскаго университета), какъ дока-

зательство этой грубой власти Яковкина. Кизюкинъ обратился къ попечителю; онъ пишетъ не жалобу, а проситъ снисхожденія, о чемъ заявляетъ два раза въ письмѣ. Въ началѣ іюня 1808 года Кизюкину объявлено было отъ совѣта, что къ будущему торжественному собранію гимназіи (5 іюля) онъ долженъ приготовить латинскую рѣчь. Несмотря на краткость времени, остававшагося до акта, онъ донесъ рапортомъ совѣту, что исполнитъ обязанность. По словамъ его, онъ написалъ болѣе половины и чрезъ два дня намѣревался кончить рѣчь и представить совѣту. «Но сего іюля 2-го (приводимъ его собственныя слова) случилось мнѣ несчастіе лишиться моей одиннадцатилѣтней дѣвочки, которую я съ года возраста и до сего времени воспитывалъ такъ какъ дочь, обучивши самъ ее грамотѣ и писать, и которая къ сожалѣнію и потерѣ моей нечаяннымъ образомъ утонула въ рѣкѣ». Тѣло дѣвочки едва нашли чрезъ тринадцать часовъ; Кизюкинъ напрасно употреблялъ всѣ средства для возвращенія жизни утонувшей и, совершенно разстроенный, просилъ одного изъ сослуживцевъ довести до свѣдѣнія начальства, что онъ не въ состояніи окончить рѣчь, но директоръ приказалъ ему объявить, чтобы рѣчь во всякомъ случаѣ была кончена и представлена въ срокъ. Это было 3 іюля, когда нашли утопленницу. Въ тотъ же день вечеромъ, возвращаясь отъ приходскаго священника и проходя мимо квартиры учителя Бѣлоусова, большаго пріятеля Яковкину (онъ очень хлопоталъ передъ попечителемъ о доставленіи этому воспитаннику старой казанской духовной академіи учительскаго мѣста въ Казани), онъ подошелъ къ его открытому окну и увидѣлъ у него сидящихъ инспектора и директора. Кизюкинъ сталъ лично просить директора уволить его отъ чтенія рѣчи, но директоръ настаивалъ: «Велика ли фигура, что дѣвка у тебя утонула? Это не есть законная причина»—говорилъ Яковкинъ. «Найдя себя при случаѣ въ болѣе смущенномъ положеніи, и дабы г. директоръ уважилъ настоящее мое состояніе, въ учтивыхъ выраженіяхъ, представилъ ему я невольнымъ образомъ сравненіе сей моей потери съ потерею нѣкогда его постигшею (смерть сына), не сравнивая однако же лицъ той и другой потери, что принявъ онъ г. директоръ за личную себѣ обиду и сочтя за знакъ моего къ нему неуваженія, выразилъ въ полной мѣрѣ свое неудовольствіе». Представляя все это попечителю, Кизюкинъ прибавляетъ, что «если бы я не былъ въ такомъ положеніи, ручаться за себя смѣю, что я бы и сего сравненія употребить себя не вынудилъ». На третій день послѣ этого, Кизюкинъ былъ на урокѣ и потомъ зашелъ въ контору къ казначею за жалованьемъ. Тотъ уже сталъ отсчитывать деньги, какъ вдругъ вошелъ директоръ и не велѣлъ ему выдавать жалованья, «сказавъ притомъ, что я оказалъ

ему грубость несообразнымъ выше мною упомянутымъ сравненіемъ». Яковкинъ увѣдомилъ конечно совѣтъ объ отказѣ Кизюкинымъ окончить рѣчь, считая причину имъ выставленную, незаконною, такъ какъ утонувшая дѣвочка была дочь служанки, но умолчалъ о своемъ распоряженіи не выдавать жалованье. Кизюкинъ подалъ въ отставку, но онъ обязанъ былъ службою, срокъ которой еще не кончился. Попечитель, на донесеніе совѣта, отвѣчалъ, что онъ признаетъ обстоятельство, препятствовавшее Кизюкину окончить рѣчь, извинительнымъ и тотъ остался служить.

Не имѣемъ основаній сомнѣваться въ правдѣ разсказаннаго Кизюкинымъ.

Глава IV.

Торжественныя собранія въ университетѣ и ихъ обстановка. Первыя рѣчи профессоровъ до открытія университета въ 1814 году.—Знатные посѣтители университета и ревизоры.—Студенты; число ихъ; успѣхи.—Учители; ихъ приготовленіе и экзамены. — Курсы наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ: приготовительный и спеціальный.

Въ первые годы по основаніи университета нельзя было конечно дѣлать какія либо заключенія объ успѣхахъ учащихся; все развитіе университета принадлежало будущему и только будущее могло судить о томъ, какое новое содержаніе вноситъ университетъ въ старую жизнь. Передъ нами показная, внѣшняя сторона, публичные экзамены и торжественные акты, на которыхъ приглашаемая и собравшаяся публика могла судить по своему объ успѣхахъ студентовъ и составлять понятіе о томъ, что такое университетъ по тѣмъ рѣчамъ, какія произносились въ торжественныхъ собраніяхъ и по отчетамъ о состояніи университета за прошедшій годъ. Отчеты эти стали составляться и читаться гораздо позднѣе и долго ихъ не было. За неимѣніемъ вообще гласности, и въ особенности въ такомъ далекомъ углу какъ Казань, эти торжественныя собранія, или какъ привыкли ихъ искони называть—акты, были единственнымъ въ году случаемъ, когда общество могло что нибудь узнать объ университетѣ, единственнымъ случаемъ, когда онъ могъ дѣйствовать на общество внѣшнею, мундирною стороною своею и обстановкою, насколько позволяли ее устроить болѣе или менѣе внушительнымъ образомъ скудныя провинціальныя средства. Въ тѣ старые годы на эту внѣшнюю сторону обращали особенное вниманіе, съ тою цѣлію, чтобы дать насколько можно возвышенное понятіе обществу объ университетѣ и директоръ Яковкинъ обыкновенно развер-

тывалъ на этихъ показныхъ собраніяхъ всю свою ловкость, расторопность и изобрѣтательность. Музыка, пѣніе, разноязычныя рѣчи профессоровъ и студентовъ, непремѣнно и всегда рисунки и чертежи, раздача шпагъ торжественно тѣмъ, которые переводились изъ гимназіи въ университетъ, и въ особенности угощеніе приглашенныхъ—были тѣми приманками, которыми старались привлечь тогда какъ въ гимназію такъ и въ университетъ по возможности больше публики, особенно почетной, чиновной, дворянской, такъ какъ ея только мнѣніе господствовало тогда и признавалось. Въ Казани на акты являлись даже и богатые татары, для нихъ печатались прежде особыя приглашенія—на татарскомъ языкѣ. Ни публичныхъ лекцій, ни ученыхъ обществъ, ни университетскихъ изданій тогда не существовало, какъ вообще всякой публичности, кромѣ этихъ актовъ. Профессоры не руководили тогда ни дѣятельнымъ, ни пассивнымъ, охраняющимъ образомъ губернскою прессою, не участвовали ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ городскихъ думахъ, гдѣ въ настоящее время они могутъ съ такимъ удобствомъ и знаніемъ проявить разнообразные таланты свои, какъ ораторскіе, такъ литературные и административные и доказать свое горячее желаніе служить обществу. Были одни только акты во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти акты сохранились еще въ университетѣ съ традиціонною почти обстановкою, за исключеніемъ угощенія и раздачи шпагъ, даже съ тѣмъ самымъ выносимымъ 5 ноября «ковчегомъ» для храненія грамоты и устава (1804 года) Казанскаго университета, — «изъ цѣльнаго краснаго дерева (впрочемъ гдѣ дерево толще вершка, тамъ употреблена только толстая изъ краснаго дерева наклейка), съ львиными лапами для его поддержанія», сдѣланнымъ по рисунку знакомаго уже намъ архитектора Смирнова иностранцемъ столяромъ Эбертомъ за 125 р. ассигнаціями по заказу Яковкина въ 1805 году. Въ гимназіяхъ, сколько извѣстно, такіе акты уже не существуютъ, а если и есть они, то совершаются келейнымъ манеромъ. А жаль, что общество не можетъ судить объ успѣхахъ гимназіи, когда вспомнишь, что каждая нѣмецкая гимназія ежегодно печатаетъ свою программу и отчетъ, гдѣ читатель, кромѣ свѣдѣній о самой гимназіи, найдетъ всегда какую нибудь Rede, свидѣтельствующую о томъ, что или директоръ или учитель слѣдитъ за любимою и избранною имъ наукою и касается болѣе или менѣе интереснаго и нетронутаго въ ней вопроса, соединяя такимъ образомъ педагогію съ собственнымъ научнымъ развитіемъ.

Впрочемъ Яковкинъ жалуется, что «публика казанская на посѣщенія (экзаменовъ и актовъ) столько скупа, что кажется и не заботится каково обучаются дѣти и родственники». Первый универ-

ситетскій актъ происходилъ менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ основанія университета, послѣ экзаменовъ 9 іюля 1805 года. Яковкинъ жалѣлъ, что для него «должно будетъ съ поклонами выпрашивать императорскіе портреты», такъ какъ своихъ еще не было. Собраніе какъ видно изъ письма Яковкина, было «многолюднѣйшее предъ всѣми прочими» и «кончилось благополучно, порядочно, величественно, гдѣ нужно было, и къ полному удовольствію всей публики». Не были на актѣ однако главныя лица, обыкновенно присутствовавшія: архіерей и губернаторъ. «Архіерей поутру чрезъ протодьякона отозвался болѣзнію, а г. губернаторъ, въ пятницу поѣхавъ по какимъ-то экстреннымъ дѣламъ въ Свіяжскъ, еще не возвратился». Но «изъ имѣющихъ право носить бѣлый плюмажъ» были зато: г. вице-губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты, генералъ-маіоръ Бестужевъ-Рюминъ, Толстой, и изъ свиты посольства въ Китай братъ Фонъ Сухтелена, камеръ-юнкеръ Нелидовъ съ «лучшими» своими спутниками и начальники духовной казанской академіи. «Стеченіе было необыкновенно, а особливо дамъ, такъ что къ прежде приготовленнымъ, хотя и со стороны выпрошеннымъ, за неимѣніемъ своихъ, осьми дюжинамъ креселъ и стульевъ взяты были и отъ меня четыре дюжины»—сообщаетъ Яковкинъ. Передадимъ въ тогдашнихъ подробностяхъ какъ происходилъ этотъ актъ соединенныхъ въ то время казанскихъ университета и гимназіи, такъ какъ и послѣдующіе, до открытія университета, устраивались по его образцу [1]).

Собраніе открылось въ 5 часовъ по полудни «огромною» симфоніею. Послѣ нея учитель высшаго россійскаго класса въ гимназіи *Ибрагимовъ* читалъ *большую* русскую рѣчь «Объ успѣхахъ отечественной словесности». Послѣ рѣчи снова исполняли музыкальную пьесу, а во время ея публикѣ подносили мороженое. Вслѣдъ за тѣмъ учитель высшаго нѣмецкаго класса, духовникъ пресвитеръ *Данковъ* читалъ *большую* нѣмецкую рѣчь «Объ усовершенствованіяхъ гимназическаго ученія [2])». Въ третій разъ заиграла музыка по окончаніи

---

[1]) Описаніе этого перваго акта напечатано въ *Період. сочин.* о успѣхахъ народн. просвѣщ. 1805 г., № XIII, стр. 74—77, но въ значительно сокращенномъ видѣ.

[2]) Объ Ибрагимовѣ было уже нами говорено (стр. 111—113); о Данковѣ, законоучителѣ, тоже (стр. 112). Любопытно, что когда попечитель изъ меморіи совѣта узналъ, что Данковъ намѣренъ на актѣ произнести рѣчь „объ исправленіи нѣкоторыхъ недостатковъ или погрѣшностей въ преподаваніи гимназическихъ наставленій“, онъ счелъ нужнымъ въ особомъ предложеніи замѣтить совѣту, „что о недостаткахъ или погрѣшностяхъ какихъ бы то ни было, требующихъ поправленія, предлагать въ публичномъ собраніи неприлично, но обыкновенно предлагается о семъ на общее разсужденіе

этой рѣчи, публику потчевали медомъ и оршадомъ и затѣмъ директоръ-профессоръ, вставъ съ своего мѣста и взявъ въ руки всемилостивѣйше дарованную Казанскому университету грамоту, лежавшую на столѣ передъ каѳедрою вмѣстѣ съ оригинальнымъ уставомъ, объявилъ, что студентамъ университета предоставлено право носить шпаги и что начальство приличнѣйшимъ почло *обрядъ раздачи шпагъ* совершить торжественно при нынѣшнемъ публичномъ собраніи. Прочитавъ затѣмъ изъ грамоты параграфъ, этотъ обрядъ предписывающій, онъ вызывалъ каждаго студента поименно, а шпаги подавалъ вице-губернатору, «какъ старшему градоначальнику въ отсутствіе губернатора, который съ приличными привѣтствіями отдавалъ каждому подходившему студенту» (такимъ образомъ было роздано 32 шпаги). Въ продолженіе всей этой церемоніи, съ самаго того времени какъ Яковкинъ взялъ въ руки грамоту, вся публика стояла на ногахъ, а при вызовѣ каждаго студента, въ то время какъ онъ подходилъ, бралъ шпагу и уходилъ, «играны были маленькія, торжественныя, нарочно учителемъ музыки Нейманомъ сочиненныя пьесы на трубахъ и волторнахъ [1])».

Послѣ раздачи шпагъ директоръ-профессоръ попросилъ публику занять свои мѣста, и, обратившись къ гимназистамъ, объявилъ имена тѣхъ казенныхъ учениковъ, которые за успѣхи въ ученіи и поведеніе переводятся въ университетъ (ихъ было восемь, изъ которыхъ двое своекоштныхъ) «а ученики сіи вышедъ отъ гимназистовъ съ лѣвой руки на средину залы и оказавъ публикѣ почтеніе свое поклономъ, «переходили на правую сторону зала къ студентамъ». Послѣ этого директоръ - профессоръ обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: «Господа студенты Казанскаго университета! Доставляя вамъ одно изъ преимуществъ, предустановленныхъ отъ всемилостивѣйшаго монарха нашего Казанскому университету грамотою, долгомъ поставляю напомнить вамъ, какъ и привыкъ уже съ вами бесѣдовать, что всякое отличіе, всякая почесть даруются въ

членовъ, общество какое либо составляющихъ". Поэтому онъ предлагалъ рѣчь отмѣнить, а отца духовника просилъ представить свои замѣчанія на общее разсужденіе совѣта. Но было уже поздно, предложеніе пришло спустя нѣсколько дней послѣ акта. Къ сожалѣнію рѣчей Ибрагимова и Данкова въ архивныхъ дѣлахъ не оказалось.

[1]) На другой годъ эта торжественная раздача шпагъ на актѣ, по настоянію членовъ совѣта, была отмѣнена и шпаги раздавались по окончаніи экзаменовъ въ университетѣ только въ присутствіи студентовъ. Въ 1806 году, несмотря на настоянія Яковкина „наступающее публичное собраніе расположить сколько возможно сообразнѣе съ прошлогоднимъ", собраніе это было собственно только гимназическимъ.

поощреніе преуспѣянія, въ ободреніе подвиговъ, въ назиданіе блага общественнаго. И такъ, созерцая и изливаемыя на васъ монаршія милости и особенное вниманіе начальства вашего къ успѣхамъ вашимъ въ ученіи и нравственности, шествуйте неослабно и непостыдно предлежащимъ вамъ путемъ полезныхъ на службу отечества знаній и потщитеся являть себя достойными и предпріемлемыхъ о васъ попеченій и предначертанныхъ монаршею десницею для васъ отличій». Затѣмъ нѣкоторые студенты выходили на средину залы, къ каѳедрѣ и читали: *Василій Перевощиковъ* — оду, *Иванъ Панаевъ* — стихи, а *Петръ Кондыревъ* — благодарственную отъ имени всѣхъ студентовъ рѣчь къ портрету государя императора и къ публикѣ. По окончаніи студенческихъ стиховъ и рѣчей снова заиграла музыка, а публикѣ подносили лимонадъ и медъ, «директоръ же прочитавъ предварительно параграфъ изъ положенія о гимназіи касательно награжденія учениковъ похвальными листами и книгами, вызывалъ каждаго удостоеннаго и подавалъ генералъ-маіору Бестужеву-Рюмину и другимъ съ нимъ бывшимъ знатнѣйшимъ посѣтителямъ похвальные листы съ книгами для врученія ученикамъ, книги же спасскому архимандриту Антонію. «Таковую вѣжливость въ раздачѣ шпагъ и гимназическихъ награжденій директоръ-профессоръ почелъ нужною для вящаго привлеченія публики впредь къ будущимъ собраніямъ, равно и для того, дабы обрядъ сей сдѣлать въ очахъ публики и учащихся тѣмъ торжественнѣе»—пишетъ въ своемъ рапортѣ Яковкинъ.

По раздачѣ книгъ (безъ музыки) и похвальныхъ листовъ (съ музыкою), говорены были привѣтственныя къ публикѣ *малыя* рѣчи учениками на французскомъ, нѣмецкомъ, татарскомъ и латинскомъ языкахъ, а послѣ нихъ директоръ - профессоръ всталъ съ своего мѣста и заключилъ собраніе слѣдующимъ привѣтствіемъ публикѣ и наставленіемъ для учащихся:

„Почтеннѣйшіе посѣтители! Предстоящіе юноши, въ семъ заведеніи образуемые, удостоившись одобрительнаго вашего присутствія, въ полной мѣрѣ ощущаютъ честь пріемлемаго вами сочувствія въ ихъ подвигахъ и потщатся всегда всѣми силами удовлетворять ожиданію монарха, отечества, начальства и вашему; настоящимъ же торжественнымъ собраніемъ оканчивается предписанное годичное учебное время. Но какъ во всей природѣ успокоеніе по трудахъ состоитъ непремѣннымъ закономъ, то и вамъ, предстоящіе юноши, во исполненіе § 64 Высочайше предначертаннаго устава, возвѣщая отдохновеніе отъ настоящаго времени до 12 числа августа, обязанностью моею поставляю преподать вамъ нелестный совѣтъ, что всякое отдохновеніе долженствуетъ быть предуготовленіемъ къ новымъ трудамъ важнѣйшимъ“.

Въ заключеніе «проиграна была музыкою опять огромная (вѣроятно громкая) и скорая пьеса». Въ это время многіе «изъ любите-

лей учености обоего пола» подходили къ столу, находившемуся предъ каѳедрою и разсматривали чертежи, рисунки и другія классическія упражненія гимназистовъ. Всѣ музыкальныя пьесы на актѣ исполнены были самими студентами и гимназистами. «Удовольствіе, начертанное на лицахъ присутствовавшихъ, ясно показывало то сочувствіе, какое принимали они въ семъ торжествѣ».

Мы съ намѣреніемъ привели подробное описаніе перваго торжественнаго собранія университета и соединенной съ нимъ гимназіи для того, чтобъ можно было видѣть какими средствами и какими приманками старались привлечь тогда общество къ такому новому дѣлу какъ университетъ. Общество, о которомъ хлопотали и заботились, которому льстили и которое угощали тогда, давно потеряло свою силу и значеніе. Въ традиціонной обстановкѣ современныхъ университетскихъ актовъ, исчезли старыя наивности ихъ, многое поблѣднѣло, потеряло прежнюю окраску, наука демократизировалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и окрѣпла; она не кланяется, не заискиваетъ, не льститъ, а преслѣдуетъ гордо и свободно свои вѣчные идеалы. Въ ту пору она походила, покрайней мѣрѣ по названію и по происхожденію, на робкую Mädchen aus der Fremde, воспѣтую Шиллеромъ; теперь, благодаря Бога, она не чужая, но своя, не гостья, а почти хозяйка. И, если теперь масса званыхъ и не званыхъ наполняетъ на актахъ университетскую залу, то, хотя эта публика и не проливаетъ, какъ это было въ доброе старое время, если вѣрить его описаніямъ, «слезъ умиленія и благодарности», то мы знаемъ какія гораздо высшія и благороднѣйшія побужденія собрали ее на актъ.

Торжественное собраніе происходило тогда обыкновенно въ началѣ іюля, по окончаніи экзаменовъ какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, потомъ, когда гимназія отдѣлилась отъ университета— въ началѣ іюня, и его особенно желали сдѣлать торжественнымъ, приглашая на него и власти и представителей высшаго губернскаго общества. День 5 ноября, т. е. день подписанія императоромъ Александромъ I устава Казанскаго университета стали праздновать только въ 60-е годы, со времени университетскаго устава 1863 года. Въ первые годы поминали также и день, когда Румовскій положилъ основаніе университету, 14 февраля. Такое празднество устроилъ въ первый разъ въ 1806 году, черезъ годъ по основаніи университета, Яковкинъ. Студенты въ залѣ составили «свой домашній патріаршій (?) концертъ»; были приглашены исключительно университетскіе чиновники, угощали чаемъ и «нѣкоторыми не столь дорогими закусками». По желанію попечителя въ 1807 году воспоминаніе открытія университета должно было праздноваться особенно торжествен-

нымъ образомъ: «Желалъ бы я, пишетъ онъ, чтобы сдѣлано было публичное собраніе, въ которомъ бы читаны были двѣ рѣчи, одна на россійскомъ, а другая на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, изъявляющія благодарность Виновнику сего учрежденія».

Все было готово къ этому собранію. Городчаниновъ написалъ русскую рѣчь «О дѣйствіи просвѣщенія на разумъ и сердце», а проф. Германъ нѣмецкую: «Etwas über die Cultur der Menschheit», но попечитель вѣроятно вслѣдствіе тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ отмѣнилъ торжественное собраніе, говоря въ своемъ предложеніи, что «обстоятельства измѣнились». Онъ предписывалъ только «за изліянныя на университетъ и гимназію милости, не приглашая публики, принесть Господу Богу благодареніе слѣдующимъ образомъ: Наканунѣ того достопамятнаго дня, въ гимназическомъ домѣ, отпѣть всенощное бдѣніе, въ самый же день собравшись быть у литургіи, и потомъ въ залѣ гимназіи отпѣть благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ. Послѣ сего воспитанники садятся за столъ, *получше приготовленный*, а духовенство, присутствующихъ гг. профессоровъ, адъюнктовъ и учителей и другихъ чиновниковъ директоръ, главный и комнатные надзиратели, какъ хозяева, угощаютъ по обыкновенію. На угощеніе сіе и воздаяніе священнослужившихъ и приготовленіе воспитанникамъ только лучшаго сверхъ обыкновеннаго стола директоръ можетъ употребить до 50 рублей». Все ограничилось «церемоніей, хотя простой, но купно и величественной»: ходомъ въ церковь, объявленіемъ именъ гимназистовъ, назначенныхъ къ переводу въ университетъ, наконецъ прочитаны были торжественно «списки пожертвованій чиновъ университета и гимназіи на пользу отечества при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ. Да будутъ сіи знаки истиннаго усердія благопріятны Богу, Государю и начальству, яко же двѣ лепты вдовицы»—прибавляетъ Яковкинъ въ своемъ донесеніи.

Открытіе университета, т. е. введеніе вполнѣ устава 1804 года, съ факультетами, выбранными ректоромъ и деканами послѣдовало также въ торжественномъ собраніи въ этотъ день, т. е. 14 февраля 1814 года. Кромѣ того праздновались царскіе дни: 12 марта (день восшествія на престолъ), 22 сентября (день коронованія) и 30 августа (тезоименитства государя императора): по вечерамъ домашними концертами и дешевымъ угощеніемъ, а по утрамъ торжественнымъ ходомъ въ церковь къ обѣднѣ студентовъ, гимназистовъ и учителей. «У не бывшихъ въ церкви по предварительному наканунѣ извѣщенію, предписалъ я, пишетъ разъ Яковкинъ дежурному офицеру, отобрать отвѣты, давъ имъ на замѣчаніе, что неисполненіе приказаній начальства подлежитъ не только отвѣту, но и суду».

ужиномъ, въ первомъ часу по полуночи, а съ восьми часовъ иллюминованы были плошками и свѣчами всѣ университетскіе и гимназическіе жилые дома, какъ между тѣмъ вездѣ по городу было темно, по причинѣ отсутствія градоначальства, во избѣжаніе долженствовавшаго у него быть бала» (язвительно прибавляетъ Яковкинъ) [1]).

Въ 1808 году собственно университетскаго акта ни 14 февраля, ни 30 августа, по неизвѣстнымъ причинамъ, не было, но обычное торжественное собраніе гимназіи «было величественно и многочисленно и окончилось совершенно порядочно и благополучно». Яковкинъ снова проситъ попечителя, чтобы описаніе было пропечатано въ столичныхъ вѣдомостяхъ «для дальнѣйшаго отраженія и посрамленія всякой клеветы и зависти» [2]). Не могъ Яковкинъ не уколоть губернатора все за тотъ же доносъ: «Довольно явственно обнаружена была при семъ самимъ губернаторомъ собственная его простота, когда онъ, разсматривая классическія упражненія, отдавалъ публично справедливость успѣхамъ, порядку и рачительности всего гимназическаго корпуса. Вмѣстѣ съ нимъ случился быть на собраніи какой-то г. Собакинъ, по достовѣрному нѣкоторыхъ увѣренію, объѣздившій большую часть Европы для пріобрѣтенія большихъ познаній, говорящій на многихъ европейскихъ языкахъ и состоящій въ близкомъ знакомствѣ со всѣми нашими вельможами, что, кромѣ увѣренія нѣкоторыхъ, могъ я и изъ того замѣтить (?), когда онъ послѣ собранія, подошедъ ко мнѣ, особенно благодарилъ за успѣхи учащихся и величественность самаго собранія, приписывая ихъ здѣшнему управленію, о чемъ обѣщалъ нарочно говорить и съ его сіятельствомъ г. министромъ просвѣщенія, а я, благодаривъ его за то, присовокупилъ, что двадцатилѣтняя почти моя въ Петербургѣ служба, подъ особеннымъ его сіятельства управленіемъ, не могла еще кажется, изгладить меня изъ памяти его».

---

[1]) Очень хотѣлось Яковкину пріобрѣсти для освѣщенія университетскихъ зданій „въ знаменитѣйшіе торжественные дни", „для предписанныхъ иллюминацій", шесть *прозрачныхъ картинъ*: четыре для парадпаго крыльца и двѣ между угловыми колоннами главнаго зданія. Учителямъ живописи и рисованія приказано было составить эскизы и смѣты; совѣтъ представлялъ о заказѣ ихъ попечителю, но онъ отказалъ: „Мнится мнѣ, писалъ онъ совѣту, что иллюминаціи могутъ быть дѣлаемы съ благоприличіемъ и безъ оныхъ картинъ". Взамѣнъ ихъ у странствующаго итальянца купили транспарантъ въ видѣ пирамиды съ прорѣзнымъ *вензелемъ Государя*. Онъ очень долго служилъ.

[2]) Напечатано въ *Період. Сочин.* 1809 г. № 22, стр. 202—203. Въ этомъ описаніи сказано, что собраніе происходило въ присутствіи губернатора и вице-губернатора и что посѣтители „торжественно признали отличные успѣхи обучающагося юношества".

Университетскій актъ 14 февраля 1809 года происходилъ обычнымъ порядкомъ. Отличіе его отъ прежнихъ состояло въ томъ, что наканунѣ въ большой залѣ всѣ слушали всенощное пѣніе, а въ самый день собранія всѣ члены университета и гимназіи церемоніально ходили въ церковь, по возвращеніи же изъ нея въ залѣ былъ отслуженъ молебенъ съ водоосвященіемъ и колѣнопреклоненіемъ, «а потомъ всѣ потчеваны были завтракомъ». Актъ открылся симфоніей, за которой слѣдовала *большая* латинская рѣчь профессора греческой словесности *Сторля*: «De natura rerum sincero ac unico fonte universae aesthesis». Рѣчь эту едва ли кто либо понялъ изъ студентовъ и слушателей, которыхъ Сторль называлъ praenobilissimi, amplissimi atque doctissimi. Она посвящена была эстетикѣ вообще и говорила о природѣ, какъ настоящемъ и единственномъ источникѣ эстетическаго чувства, о pulcrum, о bonum, о magnum. Но какъ въ университетскихъ актовыхъ рѣчахъ должна была выражаться «благодарность виновнику сего учрежденія», т. е. университета, то Сторль, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей рѣчи, старается соединить отвлеченные вопросы своей темы съ современностью. Такъ восклицаетъ онъ въ началѣ, обращаясь къ природѣ: «O tu, quae mundi prisci monimentis centum diceris nominibus, sub centum sensibus nosris illudis formis, alma mater rerum, quis nostrum est, qui Alexandrum I, cimaeliorum tuorum pretiosius grata mente non affirmat? Въ первый разъ, хотя и по латыни, публично назывались въ Казани произведенія античной пластики: ватиканскій Аполлонъ, боргезскій гладіаторъ, медицейская Венера, Лаокоонъ, группа Ніобы и опредѣлялся стиль ихъ (очевидно однако Сторль знакомъ былъ съ ними лишь по Винкельману), упоминались имена Фидія и Праксителя и ихъ главнѣйшія произведенія, приводилась даже, въ латинскомъ переводѣ, нѣсколько скабрезная греческая эпиграмма къ Фидію по поводу его Юноны: «tibi, o beate, soli datum fuit Junoni visibilia mirari membra, nam ea quae infra pectus sunt, Jovi sunt reservata». Сторль, будучи библіотекаремъ, знакомилъ нѣкоторыхъ студентовъ съ произведеніями древняго искусства по тѣмъ дорогимъ описаніямъ разныхъ европейскихъ музеевъ и галлерей, которыя заключались въ Потемкинской библіотекѣ.

Послѣ рѣчи Сторля и послѣ музыки читана была кандидатомъ Кондыревымъ, по случаю болѣзни автора, рѣчь адъюнкта прикладной и опытной физики *Запольскаго* «О природѣ вообще и въ отношеніи къ человѣку» [1]). Но собраніе это особенно любопытно потому,

---

[1]) Этой рѣчи Запольскаго, какъ и его прошлогодней, въ дѣлахъ не оказалось. Она не была даже представлена попечителю.

что на немъ Яковкинъ въ первый разъ читалъ нѣчто въ родѣ отчета за исполнившееся четырехлѣтіе университета. Въ немъ не упоминалось впрочемъ ни одного имени, приводились только цифры и факты и говорилось также о развитіи учебныхъ пособій университета: библіотеки, кабинетовъ и пр. [1]). На актѣ роздано было все же 13 шпагъ «при играніи на трубахъ и литаврахъ» и въ заключеніе опять таки кандидатъ *Кондыревъ* (членъ и секретарь общества отечественной словесности) прочиталъ свою оду, очень длинную и совершенно бездарную.

Въ 1810 году ни 14 февраля, ни 30 августа не было университетскаго собранія. Годъ этотъ для Яковкина, какъ мы увидимъ, былъ по всей вѣроятности климактерическимъ: новый министръ народнаго просвѣщенія, собственная болѣзнь, наплывъ новыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, усилившихъ очень понятно собою число прежнихъ его враговъ, наконецъ отдѣленіе гимназіи, переходъ ея въ новое помѣщеніе и предполагавшееся окончательное открытіе университета, давно жданное и желанное, съ выборомъ ректора, декановъ и другихъ лицъ, все это должно было сильно его разстроивать. «Прошедшаго года въ январѣ, февралѣ, да и въ мартѣ посѣщенъ я былъ болѣзнію, пишетъ онъ (31 янв. 1811 года), а въ ноябрѣ и декабрѣ душевною скорбію, не позволявшими мнѣ заниматься въ полной мѣрѣ и соображеніи текущими дѣлами». Мы услышимъ еще его іереміады. Въ гимназіи по обычаю происходилъ актъ въ узаконенное время, по окончаніи экзаменовъ, а именно 9 іюля. Мы упоминаемъ о немъ потому, что для этого собранія *Запольскій*, повышенный незадолго предъ тѣмъ (съ 16 января) въ экстраординарные профессоры, снова приготовилъ рѣчь (читалъ ее за болѣзнью автора учитель Ибрагимовъ). Такимъ образомъ три раза сряду публика казанская имѣла удовольствіе слушать Запольскаго. Ничѣмъ инымъ мы не можемъ себѣ объяснить этого обстоятельства, какъ высказываемымъ имъ неоднократно искреннимъ стремленіемъ къ болѣе любимой наукѣ и желаніемъ перейти съ каѳедры физики на каѳедру философіи, бывшую тогда вакантною послѣ неудачной попытки занять ее Городчаниновымъ. Свое желанье онъ высказалъ еще въ началѣ 1808 года въ письмѣ къ Яковкину: «трехлѣтнее упражненіе въ сей части (онъ преподавалъ логику и другіе предметы философіи въ гимназіи) рѣшило мою преимущественную склонность въ пользу философіи, писалъ онъ. Въ теченіе сего времени не было предмета,

---

[1]) Рѣчь Яковкина „О четырехгодичныхъ упражненіяхъ Казанскаго университета“ напечатана въ *Період. Сочин.* 1810 г. № XXIV, стр. 65—74, а описаніе акта стр. 40—41.

который бы доставлялъ мнѣ столько пріятнѣйшее занятіе, какъ сія часть, и слѣдствія моихъ упражненій я имѣлъ счастіе видѣть сколько въ расположеніи учениковъ и студентовъ, посѣщавшихъ приватно классъ мой безпрерывно въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, столько и въ лестномъ вашемъ препорученіи относительно философическихъ бесѣдъ съ студентами». Попечитель увѣдомилъ, что имъ приглашенъ уже для занятія каѳедры нѣмецкій философъ. Всѣ рѣчи Запольскаго имѣютъ предметомъ своимъ вопросы нравственной философіи; рѣчь 1810 года носила заглавіе «О ближайшемъ понятіи начала нравственности». Вѣроятно это были отрывки изъ сочиненія, написаннаго имъ для упомянутой его цѣли, и мы очень сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности познакомиться съ этими рѣчами Запольскаго. Въ это время онъ уже былъ тяжело и мучительно боленъ, три операціи, одна за другой, не помогли ему и въ концѣ того же 1810 года Запольскій умеръ.

Въ 1811 году также не было университетскаго торжественнаго собранія: 14 февраля пришлось на первой недѣлѣ поста. «Завтрашній приснопамятный день основанія Казанскаго университета, по причинѣ наступившаго великаго поста, пишетъ Яковкинъ, почтить ничѣмъ болѣе не можно, какъ токмо молитвою; и потому располагаюсь въ половинѣ одиннадцатаго часа пропѣть въ большой залѣ молебенъ съ водоосвященіемъ и съ возглашеніемъ многолѣтія прещедрому основателю со всѣмъ императорскимъ домомъ, а потомъ пойти въ церковь къ часамъ. Опущеніе во весь день преподаваній съ нимъ сопряжено, но малость сію можно наградить обыкновеннымъ трудовымъ временемъ».

Въ 1812 году также не было акта и въ гимназіи, по крайней мѣрѣ мы не нашли въ бумагахъ никакихъ слѣдовъ его. Торжественныя собранія университета стали ежегодно происходить лишь съ 1814 года, со времени открытія университета; тогда же началось правильное печатаніе рѣчей и отчетовъ.

Рядомъ съ публичными собраніями, дававшими отчасти казанскому обществу представленіе объ университетѣ и дѣлавшими болѣе или менѣе извѣстнымъ его по описаніямъ, печатаемымъ въ органѣ министерства «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», откуда эти извѣстія перепечатывались въ петербургскихъ и московскихъ вѣдомостяхъ, довольно важное значеніе для распространенія идеи университета и для пріобрѣтенія болѣе или менѣе вѣрнаго понятія о томъ, что въ немъ дѣлается, были посѣщенія разныхъ знатныхъ, высокопоставленныхъ лицъ. Объ этихъ посѣще-

ніяхъ сохранилось нѣсколько слѣдовъ въ бумагахъ первоначальнаго университета. То были или случайные посѣтители, проѣздомъ попавшіе въ Казань, или оффиціальные обозрѣватели, ревизующіе сенаторы. Въ царствованіе Александра I ни одинъ министръ народнаго просвѣщенія не посѣтилъ Казанскій университетъ; это были слишкомъ знатные, слишкомъ недоступные и неподвижные сановники. Они довѣрялись вполнѣ попечителямъ и смотрѣли на дѣло университетской науки съ болѣе канцелярской точки зрѣнія. Мнѣніе страны, ничѣмъ не выражавшееся, не могло подвинуть ихъ къ живому отношенію къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что, какъ это уже не разъ было нами замѣчено, само правительство скоро охладѣло къ реформамъ, а слѣдовательно и къ университетамъ. Ревизующіе сенаторы, а ихъ, какъ извѣстно, въ то время назначали очень часто въ губерніи (то былъ единственный тогда, правда не всегда вѣрный, способъ для высочайшей власти получить истинное понятіе о положеніи той или другой части страны), знатные путешественники или оффиціальныя лица, посѣтившіе Казань, и обязаны были и могли, по своему положенію, говорить въ Петербургѣ, разсказывать о томъ, что они видѣли въ Казани и въ ея университетѣ. Эти разсказы были несравненно важнѣе ничтожныхъ и несвободныхъ сообщеній оффиціальнаго органа министерства. Понятно поэтому какое значеніе начальство университета придавало этимъ посѣщеніямъ, какъ оно старалось угодить этимъ лицамъ и показать казовый конецъ университета. Яковкину въ особенности представлялся здѣсь удобный случай показать всю свою энергію.

Первымъ такимъ посѣтителемъ былъ въ іюнѣ 1806 года возвращающійся изъ посольства въ Китай извѣстный синологъ и ученый путешественникъ графъ Янъ *Потоцкій*. Онъ осматривалъ физическій кабинетъ, библіотеку, былъ на экзаменѣ. Яковкинъ въ память его посѣщенія, подарилъ ему по два экземпляра книгъ арабскихъ и татарскихъ, напечатанныхъ въ типографіи гимназической (шрифтовъ на другихъ языкахъ еще не было), чѣмъ Потоцкій былъ очень доволенъ. Какое мнѣніе составилъ онъ объ экзаменѣ — неизвѣстно; «но при показываніи ему плановъ, чертежей рисунковъ и классическихъ въ языкахъ упражненій примѣтно было особенное его удовольствіе объ успѣхахъ учащихся» — не преминулъ похвастаться Яковкинъ попечителю.

Въ особенности интересно было посѣщеніе университета ревизующимъ сенаторомъ *Донауровымъ*, важное для Яковкина въ томъ отношеніи, что пріѣздъ сенатора въ 1808 году послѣдовалъ вскорѣ послѣ происшествій, сопровождавшихъ увольненіе профессоровъ, послѣ почти поголовнаго выхода студентовъ въ военную службу и

вскорѣ послѣ губернаторскаго письма. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда въ Казань этого сенатора въ письмахъ Яковкина слышатся унылые тоны:

„Хотя мнѣ весьма прискорбно и самому чувствовать и признаться, что зрѣніе мое тупѣетъ, такъ что подумываю объ употребленіи очковъ и силы, примѣтно ослабѣвая, разстроиваютъ здоровье, особливо отъ безпрерывныхъ и разнообразныхъ занятій по должностямъ директора гимназіи и инспектора студентовъ; но во всемъ предаваясь совершенно руководству провидѣнія, безтрепетно ожидаю можетъ быть, и скораго прекращенія бытія моего. Между тѣмъ какъ πάν ζῶον φιλοζῶον, то по крайней мѣрѣ для укрѣпленія остающихся еще во мнѣ силъ, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство о милостивѣйшемъ снисхожденіи, дабы *соблаговолить уволить меня*, хотя на нѣкоторое время, *отъ обѣихъ оныхъ должностей*, пока возстановившееся мое здоровье допуститъ меня опять неослабно шествовать нынѣшнимъ путемъ моего служенія. Впрочемъ, при ощущаемомъ въ совѣсти моей истинномъ усердіи, руководившемъ меня, при помощи и благодати Всевышняго, во все время на семъ поприщѣ, не постыдно могу говорить съ Іовомъ о моемъ директорствованіи: „нагъ внидохъ, нагъ и отхожу" и неимѣлъ никого, кто бы возмогъ по совѣсти обличить меня въ пристрастіи или корыстолюбіи".

Румовскій не понялъ къ чему клонитъ его корреспондентъ. Сожалѣя о слабости его здоровья, онъ пишетъ: «признаюсь вамъ, что заключеніе письма вашего и сравненіе съ Іовомъ меня удивляетъ и и не понимаю съ какимъ намѣреніемъ оно сдѣлано и что подало причину самому о себѣ такъ отзываться». Очевидно Яковкинъ боялся сенаторской ревизіи, боялся наговоровъ на него губернатора, такъ такъ зналъ, что у Донаурова есть значительное имѣніе въ Казанской губерніи и что поэтому онъ долженъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ Мансурову. Это онъ и объяснилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ попечителю:

„Совершенно справедливо, что ушибенная моя грудь (онъ ѣздилъ съ женою 15 августа за 25 верстъ въ гости въ деревню „къ статскому совѣтнику и кавалеру Княжевичу" и на возвратномъ пути, у архіерейскаго дома коляска опрокинулась) донынѣ часто и весьма чувствительно напоминаетъ мнѣ о слабости моего здоровья, а къ тому примѣтно тупѣющее зрѣніе требуетъ какого нибудь уклоненія отъ безпрестанныхъ бумажныхъ по текущимъ дѣламъ упражненій, равно какъ и разныя непріятности по званію начальника съ подчиненными. Ко всему оному присоединилась еще скорбь по причинѣ приключившейся продолжительной двухъ старшихъ дочерей моихъ весьма опасной горячки, растрогавшихъ родительское сердце до того, что совершенно не можно было приниматься ни за какія дѣла съ прежнимъ рвеніемъ. Къ вящему же раздраженію сердца моего и г. Каменскій (онъ продолжалъ жить и практиковать въ Казани) вздумалъ снова разсѣвать адскія плевелы, что я съ вашимъ превосходительствомъ и конторою обворовалъ университетъ и гимназію, что, какъ помнится, и прежде осмѣлился донести, на проѣздѣ моемъ въ Пензу (во время визитаціи, о которой мы

скажемъ впослѣдствіи), купилъ на наворованныя деньги 300 душъ въ Буинскомъ округѣ, да недалеко гдѣ-то отъ Казани прикупилъ еще 28. Мнѣ совершенно было извѣстно, что разсѣянные сіи слухи внушены были и пріѣхавшему г. сенатору Донаурову, съ присовокупленіемъ, кажется отъ губернатора, что ни въ университетѣ, ни въ гимназіи, ни ученія, ни порядку, ни благовоспитанія нѣтъ и что ни одинъ изъ подчиненныхъ мною недоволенъ. Внушенія сіи были причиною перваго г. сенаторомъ оказаннаго мнѣ не столь ласковаго пріема, который благожелателей моихъ обрадовалъ было до рукоплесканія. Прискорбна была душа моя даже до смерти... Итакъ предшествовавшіе обозрѣнію г. сенатора слухи, конечно съ намѣреніемъ разсѣянные, разстрогали мою и безъ того терзаемую скорбью о болѣзняхъ кровныхъ моихъ душу до того, что не упоминая только о причинахъ, необиновенно могъ я говорить слова Іова, и къ онымъ только обстоятельствамъ и отношу какъ оное въ горести моей изреченіе, такъ и то, что совѣсть мою никто въ пристрастіи, ни въ корыстолюбіи обличить не можетъ" (6 окт. 1808 г.).

Сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Михайло Ивановичъ Донауровъ, ревизующій губернію, прибылъ въ Казань 10 сентября. Ни конторѣ, ни директору о томъ, что ему поручена ревизія, не было дано знать ни изъ какого вѣдомства. Въ торжественный день 12 сентября (коронованія) Яковкинъ, съ инспекторомъ и экономомъ гимназіи, поѣхали однако къ нему въ мундирахъ, но въ этотъ день, по случаю отходящей почты, онъ никого не принималъ. Черезъ нѣсколько дней Яковкину сдѣлалось извѣстнымъ о неудовольствіи, высказываемомъ сенаторомъ, что онъ не является къ нему. Вмѣстѣ съ инспекторомъ поѣхалъ къ нему Яковкинъ 19 сентября. Сенаторъ принялъ ихъ гордо, высказывалъ неудовольствіе за позднее къ нему представленіе, настоятельно требуя всѣхъ свѣдѣній по университету и гимназіи. На замѣчаніе Яковкина, что онъ не былъ вовсе о томъ предваренъ своимъ начальствомъ, сенаторъ сказалъ, что и самые министры состоятъ подъ отчетомъ правительствующаго сената, что не можетъ существовать status in statu, что на то есть воля государя императора и согласно съ нею, онъ требуетъ всѣхъ свѣдѣній о всѣхъ заведеніяхъ по университету и гимназіи. Яковкинъ потoропился домой составлять требуемыя свѣдѣнія и писать рапортъ. Черезъ два дня, именно 21 сентября, въ 8 часовъ утра пріѣхалъ полицмейстеръ и объявилъ Яковкину, что въ 11 часовъ сенаторъ будетъ осматривать университетъ и гимназію и можетъ ли онъ принять его. Яковкинъ объявилъ, что онъ готовъ всегда принять и что самъ къ нему тотчасъ же явится со всѣми требуемыми свѣдѣніями, а между тѣмъ немедленно послалъ повѣстки, чтобы всѣ служащіе въ университетѣ и гимназіи собрались въ 10 часовъ. У Яковкина еще въ воскресенье все было готово, только денежная вѣдомость, за старостью и слабостью казначея Баннера, поспѣла лишь къ 10 часамъ.

Когда Яковкинъ явился теперь къ Донаурову съ рапортомъ и со всѣми свѣдѣніями, то сенаторъ принялъ его весьма ласково, разспрашивалъ объ университетѣ и объявилъ, что онъ о всякихъ нуждахъ и недостаткахъ обоихъ заведеній готовъ говорить съ министромъ и даже доложить государю императору. Въ половинѣ 12-го онъ пріѣхалъ въ университетъ и потомъ повторилась всѣмъ извѣстная процедура ревизованія, какъ она совершалась тогда и потомъ. У воротъ встрѣтили Донаурова двое офицеровъ, а на лѣстницѣ Яковкинъ съ секретаремъ совѣта. Его повели въ залу, гдѣ всѣ члены совѣта были уже въ сборѣ и на мѣстахъ. Донауровъ всталъ у креселъ предсѣдателя и Яковкинъ представлялъ ему всѣхъ членовъ поочередно. Свое представленіе Яковкинъ началъ было по латыни: онъ слышалъ отъ сенатора выраженіе status in statu, но тотъ просилъ его продолжать по русски. Послѣ представленія секретарь сказалъ ему привѣтственную рѣчь, чѣмъ онъ былъ крайне доволенъ. Ему показали грамоту, уставъ университета, положеніе о гимназіи, шнуровую книгу протоколовъ совѣтскихъ засѣданій, объяснили ему производство дѣлъ въ совѣтѣ, затѣмъ повели въ классъ живописи. Здѣсь ревизоръ разсматривалъ и хвалилъ упражненія студентовъ, и сказалъ, что онъ видѣлъ миніатюрный портретъ, представленный послѣ одного изъ бывшихъ въ гимназіи экзаменовъ Румовскому, который, по словамъ его, былъ поднесенъ министромъ народнаго просвѣщенія императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Это привело въ восторгъ Яковкина. Въ ближайшей аудиторіи онъ представилъ ему магистра кандидата (тогда было ихъ лишь по одному), учительскихъ кандидатовъ и студентовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ сенаторъ разговаривалъ и всѣхъ просилъ знаніями и нравственностью доставлять честь и славу Казанскому университету и гимназіи. Только что основанный ботаническій садъ на Тенишевскомъ дворѣ былъ показанъ сенатору изъ оконъ аудиторіи по причинѣ чрезвычайно вѣтреной и пыльной погоды, но онъ прошелъ по двору въ библіотеку и натуральный кабинетъ, гдѣ разсматривалъ между прочимъ и слоновыя кости, найденныя Яковкинымъ. Прошелъ сенаторъ потомъ по комнатамъ студентовъ, былъ въ больницѣ, хвалилъ все, прибавляя, что «все точно также почти и у нихъ въ институтахъ, только богатѣе». Въ большой залѣ гимназіи были представлены ревизору всѣ учители гимназіи; онъ разсматривалъ опять рисунки, чертежи, прописи и хвалилъ все видѣнное. Пройдя по всѣмъ классамъ, сенаторъ попросилъ Яковкина распустить учениковъ, потомъ зашелъ въ физическій кабинетъ, посмотрѣлъ на находившіеся тамъ инструменты, перешелъ въ столовую, присутствовалъ при началѣ обѣда, отвѣдывалъ кушанье и хвалилъ все распоря-

женіе. Проходя по комнатамъ, гдѣ живутъ гимназисты, ревизоръ осматривалъ нѣкоторые кровати и ящики и—также отдалъ справедливость. Въ конторѣ гимназіи онъ просмотрѣлъ и прочиталъ нѣсколько журналовъ ея, пересматривалъ разныя шнуровыя книги и настольный реестръ и послѣ того сказалъ: «Желалъ бы я, что во всякомъ другомъ судебномъ мѣстѣ наблюдались толикій порядокъ, исправность и точность во всѣхъ дѣлахъ». Прощаясь въ конторѣ съ Яковкинымъ, сенаторъ благодарилъ его за образцовый порядокъ всего имъ видѣннаго и объявилъ ему, что съ первою же почтою напишетъ обо всемъ подробно министру народнаго просвѣщенія, а по пріѣздѣ въ Петербургъ лично перескажетъ ему обо всемъ, да не преминетъ донести и государю императору. Яковкинъ провожалъ его до кареты. Садясь, Донауровъ еще благодарилъ его за все и на докладъ Яковкина, чтобъ позволилъ о посѣщеніи его и обозрѣніи имъ гимназіи и университета постановить журналъ въ конторѣ и совѣтѣ, сказалъ, что онъ отъ всего сердца согласенъ. На другой день Яковкинъ ѣздилъ съ секретаремъ совѣта благодарить сенатора; очень хлопоталъ онъ, чтобъ и всѣ члены совѣта in corpore сдѣлали то же, но почему-то это разстроилось. Ревизоръ снова обѣщалъ и писать къ министру и донести государю императору.

Яковкинъ послѣ этой ревизіи воспрянулъ духомъ, онъ выросъ на нѣсколько вершковъ; кошмаръ ревизіи, мучившій его такъ сильно, отлетѣлъ въ пространство. «Благодать Господня не оставила меня не только оправдать противу всѣхъ клеветъ и злобы, но даже еще превозвысить предъ ними, какъ о томъ донесено уже в. п. отъ меня, конторы и совѣта» (о ревизіи)—пишетъ онъ къ попечителю. Онъ не думаетъ уже объ отставкѣ. «Теперь, заключаетъ онъ письмо свое, мнѣ безотвѣтно было бъ предъ Господомъ оставить поприще, на неже есмь призванъ, особливо, когда всѣ адскія начинанія благожелателей моихъ по обозрѣніи г. сенатора благоволеніемъ Всевышняго обратились имъ же самимъ въ стыдъ и срамоту. Но живой о живомъ и помышляетъ: когда Господу угодно будетъ воззвать меня къ себѣ, молю, да не будетъ оставлено мое имѣющее остаться семейство!».

Это была первая ревизія университета и гимназіи; ни одинъ изъ бывавшихъ прежде въ Казани сенаторовъ не заглядывалъ въ нихъ, не интересовался ими и Яковкинъ просилъ у попечителя указаній какъ поступать въ будущихъ подобныхъ случаяхъ. Попечитель сообщилъ ему о своемъ свиданіи съ Донауровымъ: «Былъ я у Михайлы Ивановича, который мнѣ пересказалъ на словахъ все, что вы писали о его посѣщеніи. Я ему внушилъ о неблаговоленіи къ вамъ г. губернатора, не утаилъ и причины; и что

онъ мѣшается въ дѣла до него не принадлежащія, даже до того, что къ министру внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствовалъ о знаніи нѣкоторыхъ профессоровъ. Повѣствованіе мое слушалъ со вниманіемъ и по окончаніи онаго не сказалъ ни слова, изъ сего заключаю я, что губернаторъ не преминулъ внушить чего нибудь непріятнаго о гимназіи. Отзывъ его къ министру увѣряетъ, что внушенія сіи никакого не имѣли успѣха». Яковкинъ былъ обѣленъ.

Послѣ столь удачной для Яковкина сенаторской ревизіи Донаурова, онъ старался заискивать и къ себѣ и къ университету расположенія всякаго, выдающагося въ служебной іерархіи лица. Въ ту пору, а можетъ быть и гораздо позднѣе, дѣло это было далеко нелишнимъ, особенно со стороны личной. Часто совершенно ничтожные люди много выигрывали угодливостью, лестью, умѣньемъ подслужиться. Въ іюнѣ 1809 года пріѣхалъ въ Казань для смотра войскъ Оренбургскій военный губернаторъ князь Волконскій, долго управлявшій тогда пограничнымъ краемъ, человѣкъ очень добрый, но и не далекій. Яковкинъ поспѣшилъ представиться ему и Волконскій «удостоилъ его обхожденіемъ». И онъ и Фуксъ сдѣлались почти ежедневными собесѣдниками князя. Волконскій былъ на гимназическихъ и университетскихъ экзаменахъ и остался доволенъ какъ успѣхами на этихъ экзаменахъ такъ и видимымъ устройствомъ и порядкомъ настолько, что также обѣщалъ о всемъ писать министру. «По крайней мѣрѣ и сіе засвидѣтельствованіе, пишетъ Яковкинъ, послужитъ новымъ доказательствомъ о посильномъ моемъ усердіи къ достойному служенію». Какъ кажется у князя Волконскаго была нѣкоторая страсть къ лишнимъ почетнымъ титуламъ. Изъ разговора съ нимъ ловкій директоръ замѣтилъ, что Волконскій съ особеннымъ удовольствіемъ упоминалъ о томъ, что сватъ его, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, тогдашній попечитель Московскаго университета, сдѣлавшійся въ слѣдующемъ году министромъ народнаго просвѣщенія, прислалъ ему дипломъ на званіе почетнаго члена Московскаго университета, за что онъ доставилъ съ своей стороны въ кабинеты его довольно штуфовъ, сѣмянъ и растеній уральскихъ (Разумовскій былъ страстный любитель ботаники) и обѣщалъ также и въ Казанскій университетъ послать. Это обстоятельство навело Яковкина на мысль доложить князю о томъ, что и Казанскій университетъ скоро надѣется считать его въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, и тотчасъ же увѣдомилъ попечителя о своемъ предположеніи, прося его прислать образцы для дипломовъ и вообще научить его въ этомъ случаѣ, такъ какъ почетныхъ членовъ «изъ особъ наукѣ покровительствующихъ» (§ 41 устава) въ Казанскомъ университетѣ еще не было. Волконскій и

былъ такимъ образомъ первымъ почетнымъ членомъ университета.

Вообще князь Волконскій почему то особенно благоволилъ къ Казанскому университету. Онъ и его свита обозрѣвали почти готовое зданіе новой гимназіи и, по словамъ Яковкина, любовались его красотою. Волконскій пригласилъ его обѣдать и повезъ съ собою къ коменданту, вице-губернатору и къ оренбургскому именитому гражданину Карелину, жившему тогда въ Казани. Узнавъ, что профессоръ Фуксъ намѣренъ въ предстоящую вакацію съѣздить на Сергіевскія сѣрныя воды, чтобъ познакомиться съ ихъ свойствами, онъ немедленно, при Яковкинѣ и Фуксѣ, которые были тогда у него, приказалъ своему правителю канцеляріи изготовить открытый ордеръ всѣмъ исправникамъ тѣхъ округъ, через которыя лежалъ путь Фукса, давать безденежно ему лошадей, а гдѣ нужно и конвой и оказывать ему возможное содѣйствіе, какъ со стороны земской, такъ городской и военной частей. Сообщая обо всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ Волконскому, Яковкинъ въ письмѣ къ попечителю прибавляетъ: «Необходимо нужнымъ нахожу для обоихъ заведеній воспользоваться благорасположеніемъ Его Сіятельства, по пословицѣ: «брось хлѣбъ-соль назадъ, очутится впереди». Для себя лично, по отношенію къ князю Волконскому, онъ вспомнилъ эту пословицу черезъ шесть лѣтъ, когда, уже при Салтыковѣ, сталъ хлопотать о ходатайствѣ князя Волконскаго у свата, министра Разумовскаго, насчетъ денежной выдачи, въ виду его «крайне бѣднаго состоянія и многочисленнаго семейства».

Гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ Донауровская, была ревизія сенатора *Обрѣзкова*, пріѣхавшаго въ Казань въ началѣ декабря того же 1809 года. На этотъ разъ казанское губернское правленіе извѣстило, что Обрѣзкову, «яко инспектору государя императора», препоручено обозрѣть сверхъ присутственныхъ мѣстъ, всѣ публичныя заведенія и всякія отдѣльныя части. Яковкинъ немедленно явился съ рапортомъ къ ревизору. Посѣщеніе сенатора послѣдовало 20 декабря. Никакой существенной разницы въ подробностяхъ этого наружнаго обозрѣнія гимназіи и университета съ посѣщеніемъ Донаурова не было. Лишнее былъ только хоръ съ музыкой, которымъ не угощали прежняго ревизора, да жалоба неугомоннаго Ларіонова, о которой было уже упомянуто. Предлагалъ было Яковкинъ сенатору освидѣтельствовать наличность суммъ въ казначействѣ, но тотъ отказался, сказавъ, что увѣренъ въ ихъ цѣлости. Точно также благодарилъ ревизоръ за найденное имъ благоустройство и также позволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ составить журналъ о его обозрѣніи и благодарности. Но въ свитѣ

Обрѣзкова, обозрѣвавшаго университетъ, находился молодой человѣкъ, магистръ московскаго университета (Яковкинъ называетъ его адъюнктомъ), Перовскій Алексѣй, сынъ министра народнаго просвѣщенія (извѣстный впослѣдсвтіи, какъ авторъ романа «Монастырка» и какъ попечитель Харьковскаго университета). Яковкинъ сообщаетъ, что Перовскій «весьма ожидалъ и стороною требовалъ, чтобъ я въ немъ искалъ. Можетъ быть я познакомился бы съ нимъ покороче и объяснился бы съ нимъ, что знаю его уже около 20 лѣтъ, когда я обучалъ графовъ Петра и Кирилла Алексѣевичей Разумовскихъ (при Шлецерѣ), при коихъ болѣе году онъ жилъ въ лицѣ сиротки; но во время самаго обозрѣнія университета и гимназіи г. сенаторомъ почувствованная мною простуда, увеличившаяся отъ продолжавшихся въ холодноватой нашей залѣ зимнихъ экзаменовъ и съ начала генваря лишавшая меня силъ, въ теченіе генваря, февраля и марта въ томъ мнѣ воспрепятствовала. Я и видѣлъ его только трижды: при обозрѣніи съ г. сенаторомъ, въ новый годъ у губернатора и въ маскарадѣ. Всевышній видитъ кто кого обидитъ: была бы моя совѣсть чиста и спокойна».

Яковкинъ нисколько не сомнѣвался, и по всей вѣроятности это такъ и было, что министръ Разумовскій получилъ именно отъ него, Перовскаго, неблагопріятныя свѣдѣнія о директорѣ и оффиціально просилъ казанскаго губернатора увѣдомить его: «о свойствахъ Яковкина, его поведеніи и исполняетъ ли онъ возложенныя на него должности съ надлежащею исправностью и къ удовольствію казанскихъ жителей»? (17 авг. 1810 г., № 918). Объ этомъ запросѣ министра къ губернатору ничего не зналъ попечитель; министръ не обращался къ нему. Румовскій даже спрашивалъ у Яковкина: «Не слышно ли чего о содержаніи письма сего въ Казани?»

Тотъ же самый Мансуровъ, который три года тому назадъ писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ самый неблагопріятный отзывъ о Яковкинѣ, доставилъ теперь свѣдѣнія діаметрально противоположныя. «Неисповѣдимы и непостижимы судьбы творческаго Провидѣнія! восклицаетъ по этому случаю Яковкинъ. Кто повидимому токмо и совершенно не умышленно и невѣдомо, принималъ участіе въ прежнемъ оклеветаніи меня, тотъ самъ, по полученіи отношенія, увидѣвъ меня 30 августа пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіемъ, отозвалъ въ другую комнату, разговаривалъ дружески со мною долго объ ежедневныхъ моихъ занятіяхъ, и потомъ, увѣдомивъ меня о новыхъ противу меня козняхъ, клеветою и завистію устремленныхъ, просилъ меня быть совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ, а притомъ, откровенно извиняясь въ прежнемъ своемъ поступкѣ, увѣрялъ съ клятвою, что онъ никогда и не думалъ принимать участіе въ

столь подломъ и постыдномъ заговорѣ, и что донынѣ самъ онъ не знаетъ и не понимаетъ, какъ это случилось»... Приводимъ этотъ губернаторскій отзывъ о Яковкинѣ къ министру, какъ образчикъ оффиціальной правды и губернаторскаго слога того времени.

„На предписаніе, полученное мною отъ Вашего Сіятельства за № 918, о профессорѣ и директорѣ казанской гимназіи Яковкинѣ, я имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего, милостивый государь, что сей чиновникъ, имѣя свойства миролюбивыя, старается, какъ по всѣмъ отношеніямъ его извѣстно, оказывать доброхотство свое каждому, и не будучи занятъ никаковыми предосудительными пристрастіями, сохраняетъ благочиніе всегда во всякомъ мѣстѣ и особенно по ввѣреннымъ управленію его заведеніямъ. Поведеніе его: по общежитію, по хозяйству въ домашней жизни и по образу воспитыванія собственныхъ дѣтей его, пятерыхъ дочерей, коихъ онъ прямо съ отеческимъ усердіемъ и попеченіемъ старается образовать въ наукахъ, обращеніи и въ нравственности—столь хорошо и похвально, что достойно подражанія. По званію его, Яковкина, исправляетъ онъ должности по части ученой и по хозяйственной, особенно ему порученной, сколько мнѣ лично и по отзывамъ занимающихся ученостію людей, извѣстно, всегда безъ упущенія, съ должною исправностію и къ удовольствію здѣшнихъ и иногородныхъ обывателей, съ особеннымъ усердіемъ и попеченіемъ о образованіи обучающихся дѣтей; а тѣмъ самымъ, не только что отъ тѣхъ, коихъ дѣти здѣсь въ университетѣ и гимназіи обучаются, но и отъ тѣхъ, коимъ онъ, Яковкинъ, и всѣ дѣйствія его, обращаемыя для общей пользы, извѣстны, заслужилъ любовь и почтеніе. Таковымъ образомъ, изъяснивъ вашему сіятельству о профессорѣ Яковкинѣ, я присовокупляю, что онъ, по его усердію къ службѣ, поведенію и доброхотству, истинно заслуживаетъ похвалу и одобреніе, а еслибъ, къ сожалѣнію, былъ онъ инаковъ, то я, по довѣрію, коимъ ваше сіятельство почтить меня изволили, ничегобъ предъ вами не сокрылъ“.

Ясно, что въ обоихъ случаяхъ, какъ въ неодобрительномъ прежде отзывѣ объ Яковкинѣ, такъ и—теперь въ хвалебномъ—губернаторъ руководствовался какими-то посторонними соображеніями, мотивами личнаго свойства, а потому убѣдиться въ которомъ изъ отзывовъ заключается больше правды весьма затруднительно. Прежнее негодованіе на университетъ отчасти понятно со стороны лица, пользующагося неограниченною властью въ губерніи. До реформъ въ дѣлѣ просвѣщенія, т. е. до образованія главнаго правленія училищъ, казанскіе губернаторы были попечителями гимназіи по ея положенію 1797 года. Въ ней слѣдовательно высшимъ начальникомъ былъ губернаторъ; теперь пришлось поступиться этой привилегіей. Въ октябрѣ 1803 года губернаторъ получилъ отношеніе министра народнаго просвѣщенія, чтобъ онъ не входилъ болѣе въ дѣла и распоряженія по гимназіи. Inde irae. Часто и публично Мансуровъ высказывалъ, что хотя онъ и губернаторъ, но ему совершенно неизвѣстно, есть ли въ Казани университетъ или нѣтъ и находятся ли

при немъ чиновники, такъ какъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ не имѣетъ о томъ никакой бумаги и т. п. Противорѣчіе въ его словахъ и дѣйствіяхъ видно въ томъ, что въ то самое время, когда онъ доносилъ своему министру о печальномъ состояніи гимназіи и университета, адъюнктъ Запольскій отъ его имени просилъ въ совѣтѣ о разрѣшеніи сыну Мансурова, пажу, жившему при немъ, слушать въ университетѣ нѣкоторыя лекціи, для которыхъ онъ будетъ признанъ подготовленнымъ. Почему теперь губернаторъ измѣнилъ свой взглядъ на Яковкина—намъ неизвѣстно, но его оффиціальное отношеніе къ министру должно было имѣть вѣсъ въ глазахъ Разумовскаго, и онъ сообщилъ о немъ при свиданіи попечителю. Румовскій совѣтовалъ Яковкину съѣздить къ губернатору и благодарить его, а съ своей стороны передъ министромъ поддержалъ мнѣніе губернатора. Онъ «увѣрилъ министра, что почетные посѣтители, обозрѣвавшіе изъ любви къ наукамъ Казанскій университетъ, внушили ему о васъ неправду—пишетъ онъ къ Яковкину—и заставилъ его со мною согласиться». Такимъ образомъ тучи разсѣялись. Вскорѣ послѣ этого Яковкинъ, отпустивъ во временное пользованіе по просьбѣ губернатора одинъ типографскій станъ для ускоренія печатаніемъ ревизскихъ листовъ и донося объ этомъ обстоятельствѣ попечителю, прибавлялъ свое убѣжденіе, что «съ гражданскимъ начальствомъ потребно жить дружнѣе и согласнѣе».

Обрѣзковъ, воротившись въ Петербургъ въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ обозрѣнія имъ Казанской, Нижегородской и Владимірской губерній, хотя и нашелъ всѣ учебныя заведенія въ этихъ губерніяхъ «въ хорошемъ устройствѣ и успѣшности», какъ онъ писалъ о томъ министру народнаго просвѣщенія, но мнѣніе его о Казанскомъ университетѣ было причиною очень важной мѣры, предпринятой въ отношеніи къ нему въ августѣ 1810 года. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о ревизіи, онъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ говорилъ объ университетѣ, что и было сообщено имъ также и графу Разумовскому: «Казанскій университетъ, основанный въ 1804 году, до сего времени не можетъ еще почитаться совершенно открытымъ по причинѣ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ, почему и управляется онъ, какъ въ учебной, такъ и экономической своей части посредствомъ совѣта и гимназической конторы, директоромъ ея (т. е. гимназіи), а за таковымъ его неоткрытіемъ онъ и не отдѣленъ еще отъ гимназіи; сія же и наипаче университетъ имѣютъ основаніе самое обширное; но я нахожу, что столь долговременное неоткрытіе университета есть нѣкоторое помѣшательство въ дѣйствіи его на тотъ предметъ, на который онъ установленъ, тѣмъ паче, что какъ открытіе останавливается за не-

полнымъ числомъ профессоровъ, то легко можетъ оно продолжиться еще на долгое время какимъ выбытіемъ котораго либо изъ настоящихъ профессоровъ прежде прибытія новыхъ». Это мнѣніе сенатора Обрѣзкова и побудило министра народнаго просвѣщенія предписать попечителю распорядиться избраніемъ ректора, деканов и другихъ лицъ по уставу 1804 года, однимъ словомъ—открыть университетъ. Предписаніе это уже было приведено нами (см. стр. 261).

Осмотрѣнъ былъ университетъ, но конечно также поверхностно, какъ и въ прежнія ревизіи, сенаторомъ *Аршеневскимъ*, пробывшимъ въ Казани нѣсколько дней въ августѣ мѣсяцѣ 1811 года. Вѣроятно въ виду приближающейся большой войны ему поручено было объѣхать много губерній и обозрѣть, согласно высочайшей волѣ, фабрики, мануфактуры, внутреннюю промышленность и разныя производства, съ цѣлію замѣненія иностранныхъ произведеній отечественными. Въ университетѣ онъ все нашелъ конечно въ порядкѣ и обѣщалъ донести о томъ государю императору. Уже съ дороги онъ прислалъ письмо къ Яковкину, въ которомъ благодарилъ его за доставленное имъ удовольствіе видѣть университетъ и препроводилъ въ даръ для библіотеки, какъ управляющій дѣлами капитула орденовъ, по экземпляру статутовъ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра, переведенныхъ на языкъ нѣмецкій, «особенно для гг. кавалеровъ нѣмецкой націи, которые россійскаго языка не знаютъ». Но между нѣмецкими профессорами не оказалось въ то время ни георгіевскихъ, ни владимірскихъ кавалеровъ. Аршеневскій между прочимъ просилъ Яковкина «склонить гг. профессоровъ обратить вниманіе свое на отечественныя мануфактуры и употребить часть свободнаго у нихъ времени на изысканіе, посредствомъ извѣстныхъ имъ опытовъ и наблюденій, нѣкоторыхъ растеній и веществъ, могущихъ въ мануфактурныхъ производствахъ замѣнить употребляемыя для сего иностранныя произведенія». Совѣтъ изъявилъ свою готовность содѣйствовать.

Всѣ эти обозрѣнія университета разными сенаторами—ревизорами были конечно совершенно случайны, поверхностны; обращали вниманіе ревизоры, да и могли обратить только на наружную сторону. Правильнаго понятія о жизни университета, о томъ значеніи, какое университетъ имѣетъ для умственнаго развитія страны, даетъ ли онъ ей за податныя деньги съ народа хорошихъ учителей, честныхъ и дѣловыхъ чиновниковъ, знающихъ врачей, а обществу вообще людей образованныхъ, вносящихъ въ темную и безмолвную жизнь—

свѣтъ и голосъ, правду и стремленіе къ лучшему, какіе успѣхи вообще оказываетъ университетская наука, слѣдятъ ли за успѣхами ея профессоры и умѣютъ ли они пробуждать лучшіе инстинкты и стремленіе къ знанію въ студентахъ достоинствомъ преподаванія— вотъ существенные вопросы, на которые не въ состояніи была отвѣтить тогда ни одна ревизія, какъ бы внимательно и долго ни изучала она университетъ. Тѣ, которые управляли университетомъ и имѣли сильную власть, вовсе не задавались такими вопросами; они были формальными исполнителями и только, чиновниками, соблюдавшими свои выгоды. Результаты существованія и дѣятельности университета могли сдѣлаться замѣтными не вдругъ, а послѣ многихъ годовъ развитія. Извѣстно, что уже черезъ 14 лѣтъ по основаніи университета въ Казани, черезъ пять лѣтъ послѣ его открытія, былъ представленъ высшей власти очень вліятельный проектъ его закрытія, какъ учрежденія не только безполезнаго, но и вреднаго. Только злая и извращенная воля, только невѣжество и фанатизмъ могли додуматься до такого нелѣпо-торопливаго проекта. Благоразуміе государственнаго человѣка ждетъ и надѣется, какъ ждетъ долго умный садовникъ ростковъ хорошихъ сѣмянъ, въ достоинствѣ которыхъ онъ увѣренъ, если они случайно попали въ грубую и неприготовленную почву; онъ усердно поливаетъ ихъ, а не оставляетъ ихъ безъ вниманія и не выбрасываетъ ихъ отъ нетерпѣнія.

Постараемся войти въ подробности нѣкоторыхъ сторонъ внутренней жизни Казанскаго университета въ первые годы его существованія, съ которыми пока мы имѣемъ дѣло. Начнемъ со *студентовъ*. Въ 1805 году, 14 февраля, при основаніи университета, избранныхъ изъ старшихъ учениковъ гимназіи и способныхъ слушать университетскія лекціи было 33 чел.

Въ этомъ числѣ на казенномъ содержаніи	26
пансіонеровъ.	1
своекоштныхъ	6

Изъ нихъ одинъ, именно пансіонеръ на дворянскомъ содержаніи, Еварестъ *Груберъ*, впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа (въ 1858 году), вышелъ по прошенію отца еще въ іюнѣ 1805 года. Всѣ студенты эти поступили изъ Казанской гимназіи. Въ іюлѣ 1805 года, по окончаніи гимназическихъ экзаменовъ, были зачислены въ студенты еще 8 человѣкъ (6 на казенномъ содержаніи и 2 своекоштныхъ). Этимъ восьми послѣднимъ студентамъ должны были преподаваться *предварительно* профессорскія и адъюнктскія лекціи; полными студентами они сдѣлались только по по-

лученіи шпагъ). Такимъ образомъ къ началу 1805—1806 года въ Казанскомъ университетѣ было всего 40 студентовъ.

(32 казенныхъ и 8 своекоштныхъ).

Принятымъ въ число студентовъ, въ день основанія университета, также читались собственно *предварительныя* лекціи, такъ что начало курсовъ въ Казанскомъ университетѣ послѣдовало съ августа 1805 года, хотя въ іюлѣ, передъ началомъ вакаціи, студенты экзаменовались.

Обозрѣнія преподаваній, или какъ тогда называли, *расположенія наставленій* составлялись не на годъ, какъ это было впослѣдствіи, а на полгода или по семестрамъ, какъ это введено нынѣ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ. Никакихъ раздѣленій на курсы или спеціальности не существовало, хотя нѣкоторые предметы очевидно были обязательны, но которые, и для какихъ студентовъ—объ этомъ мы не нашли прямыхъ и положительныхъ указаній. Согласно распоряженію попечителя, всѣ ординарные профессоры должны были читать по шести часовъ, адъюнкты же по восьми (совершенно противоположно установившейся потомъ практикѣ, что адъюнкты или доценты читали значительно менѣе ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ). Яковкинъ, въ виду его разнообразныхъ обязанностей и должностей, читалъ только четыре часа. Но эта норма, какъ видно изъ полугодовыхъ обозрѣній преподаванія за нѣсколько лѣтъ, не всегда въ точности соблюдалась.

Къ 1-му января 1807 года было всего студентовъ . . .	52
Изъ нихъ казенныхъ	44
своекоштныхъ	8
Къ 1-му января 1808 года	40
казенныхъ.	32
пансіонеровъ.	4
своекоштныхъ	4

Въ 1807 году, какъ мы знаемъ, 24 человѣка ушло въ военную службу, но эта убыль была отчасти пополнена вновь поступившими, т. е. переведенными изъ гимназіи. Въ числѣ поступившихъ въ университетъ было 10 человѣкъ изъ Пензенской гимназіи, принятыхъ въ августѣ мѣсяцѣ 1807 года на казенное содержаніе, послѣ визитаціи ея въ началѣ года Яковкинымъ. Это былъ первый примѣръ поступленія въ студенты не изъ Казанской гимназіи. Въ числѣ этихъ пензенцевъ былъ и *Булыгинъ*, впослѣдствіи профессоръ русской исторіи. «Путь сей новъ и для учениковъ гимназіи лестенъ, а для университета полезенъ», пишетъ Яковкинъ. Булыгину, по его бѣд-

ности, съ разрѣшенія попечителя, выданы были даже прогоны на проѣздъ изъ Пензы.

Къ 1-му января 1809 года	33
Изъ нихъ казенныхъ	29
пансіонеровъ	2
своекоштныхъ	2
Къ 1-му января 1810 года	33
Изъ нихъ казенныхъ	28
пансіонеровъ	5
Къ 1-му января 1811 года	34
— казенныхъ	30
своекоштныхъ	4
Къ 1-му января 1812 года	44
— казенныхъ	31
пансіонеровъ	4
своекоштныхъ	9

Изъ этихъ чиселъ, собранныхъ нами за первыя семь лѣтъ существованія университета, легко видѣть, какъ медленно онъ развивался, пополняясь сначала исключительно учениками Казанской гимназіи; только съ 1807 года, по мѣрѣ успѣховъ учениковъ въ открываемыхъ губернскихъ гимназіяхъ, стали въ него поступать изъ Пензы сначала, потомъ изъ Астрахани и другихъ городовъ. Главною приманкою для поступленія въ студенты, какъ для родителей, такъ и для самихъ студентовъ, была возможность обезпечить себя казеннымъ содержаніемъ. Но и опредѣленное для казенныхъ студентовъ въ Казанскомъ университетѣ число 40 не всегда въ эти первые годы, занимающіе насъ пока, было замѣщено: постоянно оставались свободныя вакансіи. Яковкинъ, черезъ три года по основаніи университета, справедливо замѣчалъ попечителю, что судя по положенію вещей въ три года, 40 казенныхъ гимназистовъ едва ли будутъ въ состояніи наполнить всѣ профессорскія коллегіи, «поелику со стороны прибываетъ вступающихъ весьма мало, а университетъ и поддерживается только преимущественно казенными гимназистами». Такъ мало было въ первые годы желающихъ высшаго образованія. Всѣ казенные студенты обязаны были или служить по окончаніи курса шесть лѣтъ въ должности учителя или оставаться при университетѣ. Но учительская служба не соблазняла; ученая представляла впереди только постоянный трудъ и мало завидную, даже въ настоящее время, профессорскую карьеру. Между тѣмъ служебное гражданское поприще, при тогдашнемъ недостаткѣ образованныхъ людей и при желаніи власти имѣть ихъ на службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ, представляло путь усѣянный цвѣтами въ тѣ годы. Поступали въ казенные студенты дѣти людей состоятельныхъ и

первою заботою при окончаніи курса было такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательной службы за казенное содержаніе. «Когда крайность и бѣдность, то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, замѣчаетъ Яковкинъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы уже на службу, то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами: это характеръ казанскихъ *голоколпѣнцовъ*».

Несмотря на пріятельскія отношенія отца къ Яковкину, довольно трудно было освободиться отъ обязательной службы за казенное содержаніе старшему сыну казанскаго прокурора Александру Княжевичу, окончившему свою служебную карьеру въ царствованіе покойнаго императора въ званіи министра финансовъ. Въ прошеніи своемъ, поданномъ въ совѣтъ Казанской гимназіи, отецъ объяснялъ, что сынъ его «по слабости своего здоровья и по великой боли въ груди и по неимѣнію никакихъ нужныхъ къ ученому званію дарованій и склонности, продолжать далѣе ученія не можетъ, да и курсъ уже свой въ университетѣ окончилъ», а потому онъ «намѣренъ изъ университета его взять и послать лѣчиться въ С.-Петербургъ, опредѣля его тамъ въ службу, болѣе соотвѣтственную его дарованіямъ, склонности и здоровью». Совѣтъ препроводилъ это прошеніе къ попечителю, на его разрѣшеніе и переписка о Княжевичѣ, за воспитаніе котораго хотѣли взыскать съ него деньги, длилась около двухъ лѣтъ, пока мать, сдѣлавшаяся въ 1810 году вдовою, успѣла выхлопотать у графа Завадовскаго полное освобожденіе сына и отъ казенной службы и отъ взысканія. Были и другіе случаи, и по большей части удачные, освобожденія отъ обязательной учительской службы за казенное содержаніе, которымъ пользовались и въ гимназіи, и въ университетѣ.

Что касается до того, изъ какого сословія происходили студенты, то взявши средній изъ разсматриваемыхъ нами годовъ, именно 1808 годъ, въ которомъ было всего 40 студентовъ, мы увидимъ, что въ этомъ числѣ было:

дворянъ	16
чиновниковъ	20
купцовъ	2 [1]
иностранецъ	1
воспитанникъ	1

[1]) Въ половинѣ этого 1808 года главное правленіе училищъ постановило не принимать ни въ число своекоштныхъ, ни въ число казенныхъ студентовъ университета изъ купеческаго, мѣщанскаго и другаго подушныя подати несущаго званія (Журн. 9 Іюля, ст. IX) и о двухъ пансіонерахъ-студентахъ изъ купцовъ въ Казанскомъ университетѣ Румовскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ при увольненіи ихъ изъ университета, они ни въ какомъ случаѣ не именовались студентами.

Самый старшій изъ нихъ (не считая единственнаго, въ гимназіи не учившагося и на котораго надобно смотрѣть какъ на исключеніе, сына профессора Германа, имѣвшаго 23 года) былъ 20 лѣтъ, самый младшій—12 лѣтъ.

Мы не станемъ входить въ подробности того, что̀ слушали студенты, какіе предметы преподавались имъ, по мѣрѣ назначенія новыхъ профессоровъ, такъ какъ это старались мы изложить въ біографической части нашего разсказа. Первая глава второй части будетъ нами посвящена также этому предмету, т. е. тѣмъ новымъ профессорамъ и адъюнктамъ, которые начали свою дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ послѣ уже упомянутыхъ нами, но еще при попечителѣ Румовскомъ, по его выбору, въ 1808—1812 годахъ. Здѣсь скажемъ лишь вообще о преподаваніи и его успѣхахъ и о томъ насколько оно могло приготовить тогда учителей-спеціалистовъ, что составляло главную цѣль учрежденія казенныхъ студентовъ.

Сначала конечно не было ничего точнаго; какъ преподаваніе было случайно, при ничтожномъ количествѣ наставниковъ, такъ и слушаніе лекцій не носило опредѣленнаго характера. Тѣмъ не менѣе однако, уже съ небольшимъ черезъ годъ по основаніи университета, мы видимъ, что онъ сталъ давать учителей разныхъ предметовъ, какъ въ новооткрываемыя по губерніямъ округа гимназіи, такъ и въ народныя училища. Послѣ экзамена, въ началѣ іюля мѣсяца 1806 года, нѣкоторые изъ самыхъ первыхъ студентовъ, перешедшихъ съ небольшимъ за годъ того изъ гимназіи, были признаны совѣтомъ достойными занять учительскія мѣста. Это было объявлено имъ въ залѣ совѣта. Такое удостоеніе въ учители сдѣлано было на основаніи предложенія попечителя, желавшаго, чтобы совѣтъ указалъ на тѣхъ казенныхъ студентовъ, «которые по лѣтамъ своимъ и по пріобрѣтеннымъ познаніямъ также и въ поведеніи понадежнѣе». Требовалось согласіе и ихъ самихъ. Такіе предназначенные въ учители студенты подвергались особому экзамену изъ предмета, преподавать который имъ предстояло; имъ препоручался какой либо классъ въ гимназіи подъ руководствомъ одного изъ членовъ совѣта, преподающаго тотъ же предметъ; они обязывались исключительно и особенно заниматься на тѣхъ лекціяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ будущему ихъ учительству и наконецъ ихъ должны были обязать подпискою, чтобы чрезъ каждые четыре мѣсяца доставляли въ совѣтъ рапортъ о домашнихъ своихъ ученыхъ упражненіяхъ. Все это предписывалъ попечитель, все это принималось къ исполненію, но мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи никакихъ данныхъ для утвержденія, чтобы все это исполнялось. Впрочемъ экзаменамъ изъ предметовъ учительства подвергались почти всѣ;

нѣкоторые учили въ гимназіи по цѣлымъ годамъ, иные даже были надзирателями въ ней, по выбору Яковкина, оставаясь студентами, но получая опредѣленное вознагражденіе. Чтобы дать больше удобства предназначаемымъ въ учители студентамъ, ихъ отдѣляли въ особыя отъ прочихъ комнаты и избавляли отъ слушанія побочныхъ предметовъ. До открытія въ университетѣ педагогическаго института (уставъ 1804 года, §§ 122 — 130), что послѣдовало не ранѣе 1812 года, это приготовленіе учителей было случайно, но такъ какъ изъ казенныхъ студентовъ, т. е. обязанныхъ службою, до раздѣленія на факультеты, не было никакой дороги кромѣ учительства, то учители и назначались. Первый учитель изъ казанскихъ студентовъ уѣхалъ въ Пензенскую гимназію еще въ ноябрѣ 1806 года. Насколько они были приготовлены — вопросъ, на который отвѣтить опредѣленно мы не можемъ. Экзамены происходили въ засѣданіяхъ совѣта и производились подлежащими профессорами, но объемъ требованій опредѣленъ не былъ и конечно многое зависѣло отъ произвола. Да и требованія были иныя, чѣмъ теперь. Такъ отъ учителя исторіи и географіи Румовскій требовалъ прослушанія полнаго курса натуральной исторіи, «безъ знанія которой историческое обученіе не можетъ быть достаточно» (Предлож. въ проток. 1806 г. кн. 1, л. 20).

Что въ назначеніи учителей, въ которыхъ тогда сильно нуждались, очень много значило личное участіе Яковкина, видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ экзаменъ студента Владиміра *Графа*, находящагося въ спискѣ первыхъ студентовъ. Прочитавъ въ 65 № Московскихъ Вѣдомостей, что Пензенская гимназія вызываетъ учителя для класса чистой и смѣшанной математики и физики, онъ обратился къ попечителю съ прошеніемъ въ августѣ 1806 года объ опредѣленіи его на эту должность. Яковкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ лучшихъ. Попечитель предложилъ совѣту подвергнуть Графа экзамену. Для экзамена назначенъ былъ комитетъ изъ профессоровъ Сторля и Фукса и адъюнктовъ Карташевскаго и Запольскаго. «Студентъ сей, бывши ученикомъ, былъ всегда по всѣмъ классамъ изъ самыхъ лучшихъ и при всѣхъ экзаменахъ получаемыя имъ награжденія были совершенно безпристрастны и достойны, пишетъ Яковкинъ къ попечителю. Въ званіи студента снова онъ прослушалъ въ третій разъ полный курсъ математики и физики (т. е. менѣе чѣмъ въ полтора года), но гг. обоимъ математикамъ-адъюнктамъ, вмѣсто потребнаго поощренія и одобренія, по особливымъ, имъ только извѣстнымъ намѣреніямъ, *что-то заблагоразсудилось нарочно его сбивать*, такъ что милый сей молодой человѣкъ впадаетъ въ уныніе, не смотря на всѣ мои отеческія и начальствен-

ныя увѣщанія и увѣренія, что при предложеніи моемъ всѣ гг. профессоры отозвались о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ лучшихъ слушателей». Слѣдуетъ замѣтить, что этому Графу, какъ и нѣкоторымъ другимъ студентамъ, пробывшимъ въ университетѣ годъ съ небольшимъ, было поручаемо даже преподаваніе въ университетѣ. Такъ онъ преподавалъ вновь поступившимъ студентамъ физику, подъ руководствомъ ад. Запольскаго и уже въ началѣ 1807 года оканчивалъ съ ними курсъ математики. Все это было чрезвычайно патріархально. Насколько вѣрно было это обвиненіе экзаменаторовъ со стороны Яковкина въ несправедливости къ Графу, какой разсчетъ былъ математикамъ сбивать лучшаго ученика своего, мы не знаемъ, но попечитель повѣрилъ Яковкину, такъ какъ Карташевскій и Запольскій имѣли съ нимъ враждебныя отношенія въ совѣтѣ. «Поговоря съ дружными вамъ членами, отвѣчалъ онъ ему, особливо съ г. Сторлемъ, который основательно судить можетъ (?) о знаніи математики студента Графа, ежели его свидѣтельство будетъ выгодно, сдѣлайте отъ себя представленіе и, не смотря на пристрастіе математиковъ, я дамъ предложеніе объ опредѣленіи его учителемъ» (6 ноября 1806 г., № 404). Дѣйствительно Яковкинъ представилъ попечителю латинское письмо Сторля къ нему объ экзаменѣ Графа, которое должно было поддержать собственное его мнѣніе. Графъ экзаменовался и у Сторля, хотя предметъ его — греческая словесность и древности—не имѣлъ ничего общаго съ математикой. Графъ отвѣчалъ по русски и Сторль конечно не понималъ его, но такъ какъ экзаменъ этотъ былъ по его словамъ de rebus scientiisque notis, то онъ увѣряетъ, что отвѣтъ былъ non unintelligibile, omnia bene et recte. Послѣ него спрашивалъ Графа Фуксъ о «видахъ эѳира, называемыхъ газами, и ихъ приготовленіи» (de aetheris speciebus Gaz dictis, earumque praeparatione), — довольно хорошо. Послѣ Фукса спрашивалъ Запольскій и ему Графъ отвѣчалъ удовлетворительно, «omnia ad satisfactionen nostram satis bene et recte» («профессоръ Фуксъ занимается съ Графомъ трактатомъ о гальванизмѣ, пишетъ Яковкинъ, въ коемъ адъюнктъ физики (Запольскій) и донынѣ остается несвѣдущимъ»). Тогда пробило 10 часовъ и Сторль пошелъ на свою лекцію. Въ это время и пришелъ экзаменовать неожиданно Карташевскій (онъ считался больнымъ), и, по словамъ Сторля, явившись коварно, какъ бы ожидая его ухода, не призналъ отвѣты Графа удовлетворительными (hunc discessum meum, absentiaeque tempus d. Chort. quasi expectaverat, ille, qui prius valetudinem praetexuerat, ex insidiis prorumpit, ac omnia susque deque habet). «Я не былъ всего этого свидѣтелемъ, но передаю то, что сказалъ мнѣ студентъ Графъ, обливаясь слезами (lacrimis ora rigan-

tibus)». И Яковкинъ и Сторль очевидно смотрѣли на неудачу экзамена Графа, какъ на интригу со стороны враждебной партіи, хотя для этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Яковкинъ сильно защищалъ своего кліента. «Я же съ моей стороны, писалъ онъ, какъ старый гимназическій и настоящій студентскій инспекторъ, въ разсужденіи заслуживаемаго Графомъ аттестованія, не могу поступить безпристрастнѣе, какъ только сослаться на всѣ прежнія, ежемѣсячно вашему превосходительству представляемыя вѣдомости, изъ коихъ окажется, что и между учениками и между студентами по успѣхамъ въ наукахъ и искусствахъ, изъ коихъ послѣднихъ многіе опыты въ рисункахъ, планахъ и чертежахъ, представляемы были при разныхъ случаяхъ в. п., равно какъ и по всегдашнему благоповеденію, Графъ занималъ всегда одно изъ первѣйшихъ мѣстъ, а потому и рѣшеніе его участи объ оставленіи здѣсь или опредѣленіи въ учители въ городъ, не такъ отдаленный, предаю на начальственное милостивѣйшее къ нему усмотрѣніе». Графъ впрочемъ не былъ назначенъ тогда, въ концѣ 1806 года, учителемъ въ Пензу (туда уѣхалъ другой) и только въ январѣ 1808 года получилъ мѣсто учителя математики и физики въ Тамбовской гимназіи. У Яковкина былъ свой взглядъ на призваніе учителей и на требованія отъ нихъ знаній и въ этомъ случаѣ онъ расходился съ своими сослуживцами по университету, особенно съ иностранными профессорами. У нихъ долгая привычка къ наукѣ и знанію ставила болѣе серьезныя требованія, чѣмъ у насъ. «Осмѣливаюсь предварить в. п., пишетъ онъ, при случаѣ, подобномъ тому, что былъ съ Графомъ, что гг. мои сотоварищи требуютъ отъ нашихъ студентовъ гораздо болѣе для званія учителя, нежели сколько дѣйствительно потребно: нужна только Аріаднина нитка, а далѣе—bis docetur qui docet, какъ уже и многолѣтняя опытность оказываетъ, лишь бы молодой человѣкъ привერженъ былъ сердечно къ должности имъ занимаемой». Отчасти Яковкинъ былъ правъ и конечно чисто съ русской точки зрѣнія: старые учители знали немного, но то что усвоили они, то знали твердо; ничего расплывчатаго, ничего туманнаго не было въ ихъ дѣятельности. Весь вопросъ успѣха однако заключается въ томъ какъ воспитать эту «сердечную приверженность къ учительству», если карьера учительства избирается теперь не столько изъ сознанія призванія, сколько по необходимости накормить голодный ротъ. Не думаемъ, чтобъ у стараго времени въ нашемъ отечествѣ было больше средствъ и умѣнья воспитать эту сердечную *привязанность* чѣмъ нынѣ.

Какъ бы то ни было, уже въ самые первые годы существованія своего Казанскій университетъ приносилъ пользу странѣ, доставляя обширному восточному краю нѣсколькихъ учителей во вновь

открываемыя уѣздныя училища и гимназіи. Въ учителяхъ была сильная нужда; ихъ не откуда было взять. Но и университетъ нуждался въ слушателяхъ; случалось, что некому было читать профессору и совѣтъ дорожилъ болѣе способными студентами. Такъ, когда попечитель хотѣлъ назначить въ Оренбургъ Балясникова, по просьбѣ его, совѣтъ не желалъ его выпустить, потому что онъ хорошо былъ знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, а просилъ вмѣсто него назначить Ляпунова изъ числа «недовольно еще утвердившихся въ иностранныхъ языкахъ и не могущихъ пользоваться лекціями иностранныхъ профессоровъ». Даже самъ Румовскій дорожилъ лучшими учениками. Такъ, при назначеніи учителя въ Елабужское народное училище, онъ предлагалъ совѣту гимназіи избрать на эту должность кого либо изъ взрослыхъ учениковъ, но «не подающаго надежды»: таковъ былъ тогда недостатокъ въ людяхъ. Студентъ—кандидатъ Пестяковъ (казенный), о соблазнительномъ поведеніи котораго нѣсколько разъ докладывалъ Яковкинъ совѣту, просится на учительское мѣсто, но такъ слабъ въ знаніяхъ, что совѣтъ не рѣшается его рекомендовать. Тогда Пестяковъ подаетъ просьбу объ увольненіи вовсе изъ университета, ссылаясь на сыновній долгъ, на то обстоятельство, что отецъ его временно лишается разсудка, на разстроенныя семейныя дѣла и Румовскій, не имѣя права освободить его отъ обязательной службы, рѣшается назначить его учителемъ, и поближе къ семьѣ, несмотря на то, что «оный Пестяковъ въ знаніи языковъ слабъ и только *прежде занимался* математическими науками» (1811 г.).

Согласно § 109 устава 1804 года курсъ наукъ, который обязанъ былъ выслушать студентъ университета, дѣлился на *приготовительный* и *специальный*. Несмотря на дѣленіе университета на факультеты, специальности въ то время не имѣли еще такого развитія и такой силы, чтобъ въ каждомъ факультетѣ были свои приготовительныя дисциплины. Въ ту пору начатковъ просвѣщенія у насъ, правительство какъ кажется желало имѣть скорѣе людей образованныхъ чѣмъ специалистовъ; хотя съ развитіемъ сознанія и во власти, и въ общественномъ мнѣніи, уже бросался въ глаза недостатокъ врачебной помощи и страшная неправда, господствовавшая въ судахъ; эту послѣднюю думали въ особенности устранить образованіемъ. Упомянутый выше § устава говорилъ слѣдующее: «Между науками въ университетѣ преподаваемыми находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую службу ни избрали, и для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ

науки приготовительныя». Этого приготовленія къ университетскому преподаванію не могли дать гимназіи того времени и о немъ долженъ былъ позаботиться самъ университетъ. Въ Казанскомъ университетѣ, съ перваго года его основанія, студенты приготовительнаго курса обязаны были слушать лекціи: языковъ латинскаго и русскаго, географіи, исторіи и статистики, физики и чистой математики. Очевидно это было только повтореніемъ гимназическаго курса и курсы эти назывались вспомогательными. Они продолжались годъ, а для нѣкоторыхъ и два года. Слушали ихъ ученики гимназіи, которые признавались достойными перехода въ университетъ. Сознавали правда тогда, что къ приготовительнымъ наукамъ, «которымъ должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству» принадлежатъ сверхъ того — философія и естественная исторія, но не находили для нихъ времени въ первыхъ приготовительныхъ чтеніяхъ и эти науки читались уже послѣ географіи, исторіи, статистики и физики. Чтобы студенты не забыли совершенно новые языки, болѣе или менѣе знакомые имъ въ гимназіи, одну какую нибудь науку назначено было читать или по французски или по нѣмецки, такъ что студентъ могъ дѣлать выборъ. Но едва ли студенты, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, знали настолько иностранный языкъ, чтобъ быть въ состояніи слушать на немъ изложеніе какой либо науки; иностранные профессоры жаловались на незнаніе языковъ со стороны студентовъ. Русскую словесность и латинскую словесность обязаны были слушать казенные студенты во все время пребыванія своего въ университетѣ; отъ обязательнаго ихъ слушанія избавлены были пансіонеры и своекоштные. За приготовительными лекціями слѣдовали спеціальныя. Студентамъ, окончившимъ вспомогательные курсы, назначались совѣтомъ «матеріи для сочиненія разсужденій, по коимъ бы можно было судить объ ихъ знаніяхъ, наукъ, къ коимъ преимущественно всякъ изъ нихъ себя готовитъ» (конечно это оставалось только на бумагѣ, такъ какъ нельзя быть знакомымъ съ тою наукою, къ изученію которой только готовишься). Спеціальность выбиралась частію по желанію самихъ студентовъ, частію «по назначенію начальства и усматриваемой имъ у оныхъ къ чему большей способности». При назначеніи студентамъ лекцій обязательныхъ къ слушанію, не былъ опредѣленъ ихъ minimum, какъ теперь; было предоставлено вообще больше свободы; и это понятно при тогдашней малочисленности студентовъ. Наблюдалось, «чтобы не слишкомъ отяготить студента и тѣмъ воспрепятствовать успѣхамъ, ни дать ему много времени свободнаго и тѣмъ подать поводъ къ праздности, но примѣняясь къ его способностямъ». Въ учебное время, въ часы свободные отъ

лекцій, студентъ обязанъ былъ заниматься въ своей комнатѣ и не терять даромъ времени. Только на третій годъ давалось больше свободнаго времени студенту, съ тѣмъ намѣреніемъ «дабы онъ, пріобыкнувъ уже къ трудолюбію и въ большемъ возрастѣ, могъ употреблять сіе на главный предметъ своего зантія, напр. математику, восточные языки и проч.». Такой студентъ, сверхъ лекцій, посѣщалъ профессора на дому и пользовался его наставленіями. Такъ Бартельсъ, читавшій высшую математику, занимался только съ небольшимъ числомъ слушателей, преимущественно съ кандидатами, ходившими къ нему; приготовительные курсы по математикѣ читали другіе, наприм. Никольскій.

Въ началѣ второй половины 1811 года мы находимъ болѣе точное опредѣленіе наукъ *приготовительныхъ*, курсъ которыхъ, согласно § 109 устава долженъ быть пройденъ предварительно. Это: языки россійскій и латинскій, ариѳметика и геометрія, опытная физика и философія, естественная исторія, отечественная статистика и основанія правъ, особенно россійскаго. Эти предметы обязаны были прослушать всѣ. Тогда же, съ разрѣшенія попечителя, въ виду большого числа приготовительныхъ наукъ и недостатка времени, опредѣлена была для каждаго преподавателя четырехчасовая норма лекцій.

Такъ какъ въ тѣ годы лекціи начинались въ 7 часовъ поутру, читались до обѣда и послѣ обѣда, по четыре часа, то общее число лекцій, по 8 въ день, было 48. Разумѣется до этого числа не доходилъ ни одинъ слушатель. Мы имѣемъ таблицу количества лекцій, слушанныхъ студентами въ началѣ 1809 года. Изъ нея видно, что изъ 32 студентовъ самое большое число лекцій, т. е. по 40 ч., слушали только двое студентовъ (и это были самые талантливые изъ всѣхъ именно два брата Лобачевскихъ—Николай и Алексѣй); самое меньшее число, 16 часовъ, досталось на долю только одного, оказавшагося малоуспѣшнымъ (Въ это число не входятъ уроки искусствъ, лекціи артиллеріи и фортификаціи и пр.). Что касается до предметовъ, то россійскую словесность слушали всѣ 32 студента; затѣмъ много слушателей, именно 32 чел., было для естественной исторіи и 22 для эстетики и древностей; греческій языкъ изучали только 5, а «матерію медику» у единственнаго профессора медицины Брауна только 1 студентъ (все тотъ же Н. Лобачевскій, который, какъ извѣстно, медикомъ не сдѣлался).

Подобная же таблица дошла до насъ за учебный 1811—1812 годъ, когда число студентовъ возросло до 44. Изъ нея видно значительное усиленіе преподаванія. Число недѣльныхъ часовъ на студента больше, именно отъ 36 до 40; встрѣчается въ первый разъ

и дѣленіе на факультеты, хотя они не были еще открыты оффиціально; при чемъ оказывается, что на отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ было четыре профессора, математико-физическихъ—шесть, врачебныхъ—три и словесныхъ—девять. Самое бóльшее число слушателей было у профессоровъ, читавшихъ обязательные предметы: россійскую словесность, латинскій языкъ и естественную исторію (всѣ студенты); самое меньшее у профессоровъ: греческаго языка — 4 и восточныхъ языковъ — 1. Изъ медицинскихъ наукъ читались только: физіологія (24 студента), патологія и терапія (12 студентовъ) и судебно-врачебная наука (1 студентъ).

Глава V.

О студентахъ до открытія университета въ 1814 году.— Студенты: назначенные и дѣйствительные; младшіе и старшіе; камерные.—Правила о поведеніи.—Успѣхи студентовъ.—Иностранные языки, какъ средство.— Судьба латинскаго языка, какъ главнаго орудія преподаванія.— Мѣры къ развитію знакомства съ нимъ.

Изъ всего разсказаннаго легко заключить какъ не похожъ первоначальный Казанскій университетъ на то, что понемногу мы привыкли называть университетомъ. И преподаваніе, и успѣхи, и положеніе студентовъ были совершенно случайны. Все зависѣло отъ воли тѣхъ, въ рукахъ которыхъ была сильная власть, а слѣдовательно и произволъ. Параграфы устава 1804 года, посвященные студентамъ (собственно только казеннымъ), были чрезвычайно неопредѣленны; что касается до занятій ихъ, до контроля надъ этими занятіями, то ничего подобнаго тому, что въ настоящее время называется учебнымъ планомъ, мы не видимъ; требованія отъ испытуемаго въ той или другой наукѣ или въ цѣломъ кругѣ наукъ не были обозначены и испытаніе было совершенно произвольно; въ немъ на первый планъ выдвигались конечно прежде всего личныя отношенія. Уставъ, либеральный вообще, какъ созданіе первыхъ годовъ царствованія Александра I, предоставлялъ довольно полную свободу преподаванія и даже слушанія (въ смыслѣ конечно выбора изучаемыхъ предметовъ), но онъ вездѣ говоритъ о факультетахъ, на обязанности которыхъ лежитъ это преподаваніе, говоритъ о такихъ учрежденіяхъ при университетѣ, какъ педагогическій институтъ, а ни факультетовъ, ни этого института до открытія университета, т. е. до 1814 года, не существовало въ Казани, а потому царилъ произволъ. Въ уставѣ говорилось о *кандидатахъ*. Это не была первая ученая степень, какъ въ послѣдующихъ уни-

верситетскихъ уставахъ, 1835 и 1863 годовъ, но нѣчто другое. При университетѣ такихъ *студентовъ-кандидатовъ* полагалось 12; они были внесены въ штатъ и получали опредѣленное содержаніе. по 300 рублей въ годъ. Въ § 117 говорилось: «Студенты, окончившіе трехлѣтнее ученіе и выслушавшіе *нужные* курсы, для продолженія ученія въ которомъ нибудь отдѣленіи (ежели пожелаютъ остаться въ университетѣ), могутъ продолжать ученіе въ званіи кандидатовъ и отправлять должность *повторителей*, по надлежащемъ испытаніи». Это испытаніе опредѣлялось § 96 и происходило въ факультетскихъ собраніяхъ, которыя гарантировали его правильность. Между тѣмъ, гораздо ранѣе положеннаго трехлѣтняго срока, мы встрѣчаемъ въ Казани не только кандидатовъ, но и магистровъ (послѣдніе получали уже по 400 рублей) и очень скоро всѣ штатныя съ жалованьемъ мѣста кандидатовъ и магистровъ были замѣщены. Понятно, что условія полученія этихъ степеней были вполнѣ произвольны. Вскорѣ послѣ смерти попечителя Румовскаго и до опредѣленія Салтыкова, когда совѣтъ университета относился съ своими представленіями прямо къ министру народнаго просвѣщенія, этотъ послѣдній (графъ Разумовскій), въ своемъ предложеніи (8 авг. 1812 г. № 703) замѣтилъ, что совѣтъ произвелъ четырехъ студентовъ въ кандидаты, основываясь лишь на предложеніи профессора Яковкина и притомъ изъ рапорта совѣта не видно, чтобы эти лица прослушали трехгодичные курсы и подвергались положенному испытанію, и требовалъ донести: могутъ ли означенные кандидаты слушать профессорскія лекціи (слѣдовательно они слушали до тѣхъ поръ только курсъ *нужныхъ* или приготовительныхъ наукъ) и особливо могутъ ли слушать эти лекціи на латинскомъ языкѣ. Изъ отвѣтнаго рапорта совѣта оказалось, что степени кандидата удостоивали только по одобреніи гг. преподавателей, у которыхъ они слушали лекціи и что никакому испытанію они не подвергались. Точно также министръ замѣтилъ, что къ возведенію въ званіе студентовъ (девять лицъ въ 1812 году) «недостаточно одного рапорта, поданнаго въ совѣтъ отъ помощниковъ инспектора надъ студентами и простаго одобренія профессора Яковкина, изъясненнаго въ рапортѣ совѣта отъ 3 іюля». Что касается латинскаго языка, важность и необходимость котораго такъ сильно сознавали попечители и министръ, то совѣтъ не считалъ его необходимымъ для своекоштныхъ студентовъ; они и не учились ему, согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія.

Несмотря на незначительное число студентовъ въ университетѣ, совѣтъ или скорѣе Яковкинъ, котораго больше всего занимала внѣшняя сторона, придумывали различныя дѣленія ихъ и правила. Это

отчасти вызывалось и неопредѣленностью параграфовъ устава. Такъ желали для студентовъ опредѣлить различіе между *дѣйствительнымъ* студентомъ и *назначеннымъ* въ студенты. Всѣ поступающіе въ университетъ, по смыслу устава, должны называться студентами; права же студента предоставляются при выпускѣ только окончившему пріуготовительный и другой, особенный, курсы наукъ. Но, какъ не всѣ студенты, судя по времени вступленія ихъ въ университетъ и по познаніямъ своимъ въ немъ пріобрѣтеннымъ, будутъ одинаково успѣвать, то совѣту казалось не справедливымъ сравнивать только что поступившаго въ университетъ съ тѣмъ, который пробылъ въ немъ около трехъ или четырехъ лѣтъ. Нельзя не видѣть въ этомъ разсужденіи зародыша представленія о будущихъ курсахъ или настоящихъ семестрахъ, хотя послѣдніе имѣютъ необходимымъ условіемъ испытанія, тогда несуществовавшія. Совѣтъ, предполагая установить различіе между студентами по времени пребыванія ихъ въ университетѣ, видѣлъ въ этомъ ту пользу, что младшіе будутъ соревновать старшимъ, а эти послѣдніе не могутъ также оставаться равнодушными и постараются успѣвать съ своей стороны. До сихъ поръ студенты дѣлились на двѣ категоріи: перешедшіе изъ гимназіи въ университетъ и слушавшіе лекціи, но не получившіе шпагъ, назывались *назначенными въ студенты*, прочіе просто студентами. Первое названіе не имѣло законнаго основанія и совѣту казалось оно весьма неопредѣленнымъ, потому что изъ него не видно къ какому состоянію принадлежитъ такой назначенный: къ студентамъ или ученикамъ гимназіи, по уставу же всѣ поступающіе въ университетъ должны именоваться студентами. И вотъ совѣтъ придумываетъ названіе *младшихъ* и *старшихъ* студентовъ. Различіе между тѣми и другими заключалось въ правѣ носить шпагу. Младшіе получаютъ ее по окончаніи съ успѣхомъ курса хотя нѣкоторыхъ пріуготовительныхъ наукъ при добропорядочномъ поведеніи; получивъ шпагу, они будутъ называться либо дѣйствительными, либо старшими, либо просто студентами и пользоваться при выпускѣ предоставленными студенту правами. Этимъ постановленіемъ своимъ, представленнымъ на разрѣшеніе попечителя, совѣтъ предполагалъ между прочимъ обойти законъ о непринятіи въ студенты лицъ изъ податныхъ сословій. «Въ отдѣленіи младшихъ студентовъ, писалъ онъ, могутъ находиться и изъ купеческаго и другаго званія, поелику они не будутъ дѣйствительные студенты, а слѣдовательно и имѣть правъ, онымъ присвоенныхъ; университетъ же чрезъ то пріобрѣтетъ большее число слушателей и тѣмъ принести можетъ большую пользу для народнаго просвѣщенія» (Засѣд. 4 окт. 1811 года, ст. 17).

Попечитель такое предположеніе совѣта о раздѣленіи студентовъ на младшіе и старшіе утвердилъ (4 ноября, № 1188) въ видахъ поощренія студентовъ. Согласно его предложенію «воспитанникъ гимназіи, по испытанію допущенный къ слушанію профессорскихъ лекцій, долженъ называться младшимъ пока будетъ слушать приготовительныя науки, а по окончаніи ихъ и послѣ испытанія, пріобрѣтя всѣ нужныя свѣдѣнія для слушанія въ которомъ либо изъ отдѣленій, избранномъ имъ для своего дальнѣйшаго упражненія, получаетъ званіе старшаго и право носить шпагу и тогда тѣ только обязанъ посѣщать лекціи, которыя отъ совѣта или факультета будутъ ему назначены». Но раздѣленіе это должно относиться только къ казеннымъ студентамъ и не распространяться на своекоштныхъ. Черезъ годъ однако новый попечитель (Салтыковъ), въ своемъ предложеніи совѣту, называлъ такое, введенное совѣтомъ раздѣленіе студентовъ на младшихъ и старшихъ—напраснымъ, такъ какъ нѣтъ его въ уставѣ, и предоставилъ вопросъ о немъ будущему своему распоряженію, при личномъ осмотрѣ университета.

Хотя Яковкинъ, въ своихъ частныхъ письмахъ къ Румовскому, постоянно старался выставить свои отношенія къ немногочисленнымъ студентамъ того времени въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и говорилъ о своихъ почти родительскихъ чувствахъ къ студентамъ, о ихъ дѣтской привязанности къ нему, но изъ разсказанной нами исторіи выхода почти половины студентовъ въ военную службу и изъ различныхъ случаевъ «буйства и своеволія», какъ выражались тогда, мы знаемъ, что эти отношенія были далеко не таковы. Казалось бы очень легко устроить жизнь сорока молодыхъ людей, призванныхъ исключительно къ занятіямъ наукою, если относиться къ нимъ прямодушно и честно, но въ этихъ то отношеніяхъ и господствовала глубокая фальшь. Подъ красивою наружною фразою скрывались весьма неприглядныя отношенія. И тутъ, какъ вездѣ, мы встрѣчаемся съ безконечною и совершенно безполезною регламентаціею, которою думали помочь злу. Правилъ было множество, но изучая ихъ теперь, невольно приходишь къ убѣжденію, что источникомъ ихъ было не дѣйствительное желаніе добра и пользы, а скорѣе лицемѣріе и ложь.

При основаніи университета, по отдѣленіи студентовъ отъ гимназистовъ, Румовскій, сообразуясь какъ кажется съ порядками, существовавшими въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, вмѣсто комнатныхъ надзирателей (для гимназистовъ) учредилъ между студентами старшихъ или *камерныхъ* студентовъ, обязанныхъ надзирать въ комнатахъ за поведеніемъ своихъ товарищей, за правильнымъ употребленіемъ времени ихъ въ занятіяхъ наукою, и ра-

портующихъ начальству обо всемъ происходящемъ. Сначала такихъ камерныхъ студентовъ назначала инспекторская власть, но едва-ли приносили они пользу, а въ исторіяхъ 1807 года участвовали и камерные, какъ напр. Балясниковъ. Во всякомъ случаѣ къ товарищамъ своимъ они ставились въ ложное положеніе. Яковкинъ сильно стоялъ за пользу этого учрежденія, и въ 1807 году, для руководства камерныхъ студентовъ, составилъ правила, состоящія изъ 40 параграфовъ, и представилъ ихъ на благоусмотрѣніе попечителя. Въ нихъ мы находимъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ; что есть камерный студентъ? — «Камерный студентъ есть помощникъ помощника инспектора казенныхъ студентовъ». Любопытно, что самъ составитель правилъ задается вопросомъ: нужны ли камерные студенты (при инспекторѣ, двухъ его помощникахъ и при сорока студентахъ) и отвѣчаетъ, что они необходимы, «ибо помощникъ инспектора и самъ инспекторъ бываютъ часто сами заняты; первый собственными своими упражненіями для усовершенствованія себя въ какой либо наукѣ (онъ назначался изъ кандидатовъ, обязанныхъ слушать лекціи въ университетѣ), иногда хожденіемъ на лекціи и еще какою либо должностью; второй, не находясь вмѣстѣ со студентами, будучи занятъ сверхъ лекцій и свойственными его званію глубокомысленными (?) упражненіями (это Яковкинъ говоритъ о себѣ) и также должнымъ всякому профессору участіемъ въ устройствѣ университета, еще болѣе отвлеченъ отъ сего». Такимъ образомъ обязанности инспектора и его помощника возлагались на камернаго студента. Онъ «скорѣе можетъ усмотрѣть за всѣмъ», «лучше увидѣть достатки и недостатки ввѣренныхъ ему студентовъ». По правиламъ камерный студентъ, «ревнуя къ своей должности и пользѣ общей, постарается болѣе вникать въ занятія и поведеніе всякаго студента, поощритъ успѣвающаго, приведетъ помощью своею на путь истины блуждающаго». Камерные студенты «постараются всеконечно вести въ комнатѣ своей на иностранныхъ языкахъ разговоры и сами станутъ заниматься симъ»; «успѣхи студентовъ въ ученіи, поведеніи и занятіи въ иностранныхъ языкахъ отнесутся къ особенной чести камернаго». Словомъ камерные студенты, «какъ глазъ и ухо начальства, будутъ поступать во всѣхъ случаяхъ, какъ *патріоты отечества и мѣста воспитанія* и какъ истинно добрые и честные граждане» (§ 21). Камерные студенты выбирались всѣми студентами, въ присутствіи инспектора и его помощника, но выборъ могъ пасть только на «отличнаго предъ всѣми студентами добрымъ поведеніемъ, честностью нравовъ, правотою въ поступкахъ и чистотою души испытаннаго, также отличнаго по своему прилежанію, успѣхамъ и познаніямъ». Всѣ эти качества конечно опредѣлялись

начальствомъ, а потому выбрать можно только того, на кого оно укажетъ. Камерный студентъ писалъ и подавалъ ежедневные рапорты и годовые отчеты о своихъ товарищахъ. Регламентація простиралась до того, что кромѣ настоящихъ камерныхъ студентовъ, были еще правящіе ихъ должность. Они явились въ силу слѣдующаго параграфа правилъ: «Если настоитъ нужда въ выборѣ, а выбранный имѣетъ одну степень преимущества предъ прочими, либо въ ученіи, либо въ поведеніи, а другою нѣкоторымъ даже равенъ, то о таковомъ не доносится совѣту, и онъ считается правящимъ должность камернаго студента».

Какую пользу принесли эти камерные студенты и какъ относились къ нимъ ихъ товарищи — затрудняемся сказать, тѣмъ болѣе, что ни рапортовъ ихъ, ни отчетовъ въ дѣлахъ архива не оказалось. Какъ кажется учрежденіе это упразднилось года черезъ четыре, само собою, какъ лишнее.

Въ 1808 году появились первыя правила для поведенія студентовъ и опредѣлены были наказанія за разные проступки ихъ. До того времени, по словамъ Яковкина, какъ инспектора студентовъ, онъ «сообразовался въ этомъ дѣлѣ съ порядкомъ, заведеннымъ въ гимназіи и правилами для студентовъ въ другихъ университетахъ, благоразуміемъ и долговременною моею опытностію. Но время доказало, что сего недовольно, а необходимо нужно, чтобъ юношеству извѣстно было и наказаніе, назначенное за нарушеніе порядка въ разныхъ его отношеніяхъ; ни проступки противу справедливости, честности, пользы и благопристойности достаточно и обстоятельно не различены, ниже соразмѣрныя наказанія не обозначены». На основаніи этого онъ и представилъ составленныя имъ правила на обсужденіе и утвержденіе совѣта. «Необходимо нужно стараться, говоритъ онъ, лучше предупреждать проступки извѣстностью о качествѣ ихъ и мѣрахъ наказанія, нежели содѣланныя уже объяснять и наказывать, и притомъ въ образованіи довольно уже взрослаго юношества потребно тѣмъ болѣе предосторожностей и предусмотрительностей».

Правила, составленныя Яковкинымъ и представленныя имъ на обсужденіе совѣта, не обширны по объему: они заключаются всего въ пяти статьяхъ; цѣль ихъ—исправленіе. Панацеею противъ всѣхъ золъ является въ нихъ *черная доска*, извѣстной величины, «на коей, написавъ проступокъ, имя и прозванье студента, вывѣшивать ее въ спальныхъ комнатахъ на кратчайшее или должайшее время, сообразно проступку, для пристыженія и исправленія проступившагося и въ предостереженіе прочимъ его сотоварищамъ». По первой статьѣ «за *умышленное нарушеніе* введеннаго порядка относительно

скромности, вѣжливости и благопристойности» имя писалось на три дня и проступокъ записывался въ особую тетрадь. По второй статьѣ: «за умышленное нарушеніе порядка относительно *подчиненности*, нерадѣнія къ лекціямъ и благоповеденія — имя вывѣшивалось на цѣлую недѣлю, а проступокъ записывался въ инспекторскую журнальную книгу. Въ третьихъ ожесточенное и учащаемое нарушеніе порядка представляется на благоусмотрѣніе совѣта и тотъ уже принимаетъ сообразныя мѣры для прекращенія зла. Въ чемъ могли заключаться эти мѣры — правила не говорятъ; очевидно однако, что это былъ карцеръ, часто употреблявшійся въ тѣ годы. Хотя Яковкинъ и писалъ къ попечителю, что онъ считаетъ карцеръ «самымъ послѣднимъ средствомъ и прибѣжищемъ для исправленія юношества», но доска кажется не дѣйствовала и къ карцеру прибѣгали часто. Четвертою статьею правилъ опредѣлялось выдавать шпаги только тѣмъ студентамъ, которые прослушали курсъ приготовительныхъ наукъ, а пятою рекомендовалось всѣмъ студентамъ «дабы они въ комнатахъ между собою въ разговорахъ поставляли себѣ особенною обязанностью *между говорить собою всегда по латыни*, отчего тѣмъ скорѣе могутъ они утвердиться въ семъ языкѣ». Если эта рекомендація не осталась только на бумагѣ, то читатель легко себѣ представить можетъ эту новоявленную и обязательную латынь тогдашнихъ казанскихъ студентовъ.

Въ томъ совѣтѣ, 1808 года, гдѣ распоряжался самовластно Яковкинъ, предложенныя имъ правила не могли встрѣтить противорѣчія; они и не подвергались даже обсужденію и были представлены на утвержденіе попечителя. Изъ письма Яковкина видно однако, что профессоръ Германъ замѣтилъ съ своей стороны, что написываніемъ проступковъ студентовъ на черной доскѣ, вывѣшиваніемъ ея въ спальныхъ комнатахъ и заведеніемъ особой тетради или инспекторской книги унизилось бы достоинство университета и онъ сравнился бы съ малыми обыкновенными школами. Но мнѣніе Германа никѣмъ не было поддержано. Румовскій утвердилъ правила и остался ими доволенъ. «Вы основательно карцеръ почитаете за послѣднее средство, писалъ онъ къ Яковкину, за карцеромъ должно слѣдовать изгнаніе, consilium abeundi для своекоштныхъ. Карцеръ употребляется и въ иностранныхъ университетахъ, но тамъ всѣ учащіеся платятъ деньги читающимъ лекціи и вольны они внѣ университета располагать своимъ поведеніемъ. Здѣсь гимназіи и университеты въ другомъ положеніи; иныя и средства къ воздержанію употреблять должно».

Исключенія изъ университета за худое поведеніе въ правилахъ вовсе не полагалось и мы можемъ сказать, что въ первые годы, о

которыхъ идетъ рѣчь, и не было ни одного случая исключенія. Тѣмъ не менѣе главное правленіе училищъ, въ началѣ 1806 года, распространило на всѣ университеты имперіи постановленіе совѣта Дерптскаго университета, по которому студентъ, уволенный за дурное поведеніе, не прежде можетъ просить объ экзаменѣ для полученія академической степени, сооотвѣтственной его познаніямъ, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ и только въ томъ случаѣ, если онъ представитъ удовлетворительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи за время, проведенное имъ внѣ университета. Въ 1811 году Высочайше повелѣно было «студентовъ университета и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній, отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же о таковыхъ представлять Его Величеству».

Эта строгая мѣра стала примѣняться только гораздо позднѣе. За то совѣтъ заботился объ «ободреніи» тѣхъ, которые выдавались передъ другими отличнымъ своимъ поведеніемъ. Это болѣе соотвѣтствовало добродушію нравовъ того времени. Въ іюлѣ 1809 года Яковкинъ представилъ въ совѣтъ слѣдующій рапортъ помощника инспектора Кондырева:

„Ободреніе есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ возбужденію дѣлать все доброе, честное и должное. Обнаруженное вниманіе начальства какимъ бы то ни было способомъ поощряетъ подчиненныхъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ предпринятомъ, возбуждаетъ ревность въ другихъ сравняться съ сими и совращаетъ многихъ съ противнаго пути благоразумію. Къ употребленнымъ доселѣ ощутительнымъ ободреніямъ для улучшенія поведенія студентовъ еще можетъ быть потребны нѣкоторыя прибавленія, хотя впрочемъ и положено въ уставѣ университета отличныхъ поведеніемъ награждать медалями, но по несовершенному открытію университета сдѣлать сего всеконечно не было возможности. Въ уставѣ университета и вообще во всѣхъ постановленіяхъ и правилахъ правительства на поведеніе столь обращено великое вниманіе, что оно *всему предпочитается.* Попечительное начальство съ заботною попечительностью безпрекословно старается изыскивать случаи къ ободренію и средства“.

Рапортъ затѣмъ представляетъ нѣсколько именъ судентовъ, отличившихся своимъ поведеніемъ въ теченіе года, и дѣлитъ ихъ, по способу ободренія, на слѣдующія три категоріи: 1) заслужившіе вниманіе и открытую похвалу начальства, 2) заслуживающіе быть упомянутыми предъ начальствомъ и 3) заслуживающіе быть просто упомянутыми. Совѣтъ опредѣлилъ: собрать всѣхъ студентовъ и въ присутствіи всего совѣта отдать справедливость отличившимся, записать имена ихъ въ протоколъ и особымъ рапортомъ донести попечителю.

Если такое особенное вниманіе было обращено на поведеніе студентовъ, то у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о положительныхъ успѣхахъ студентовъ въ изученіи преподаваемыхъ имъ наукъ, за исключеніемъ немногихъ личностей, выдававшихся своими талантами, нами упомянутыхъ уже и главнымъ образомъ успѣвшихъ въ области математическихъ наукъ и то только потому, что языкъ математики и ея формулы могутъ быть справедливо названы универсальнымъ языкомъ. Мы не можемъ сдѣлать вполнѣ положительнаго заключенія объ успѣхѣ того или другого преподаванія. Учиться въ тѣ годы въ Казанскомъ университетѣ и пріобрѣтать свѣдѣнія можно было только у иностранныхъ профессоровъ, именно нѣмцевъ, приглашенныхъ Румовскимъ, но успѣвать у нихъ въ знаніи было невозможно, такъ какъ за самымъ малымъ и случайнымъ исключеніемъ, слушатели не понимали языка профессора. На это обстоятельство, постоянно парализовавшее ихъ преподавательскую дѣятельность, нѣмецкіе профессоры неоднократно жаловались. Казенные воспитанники гимназіи вовсе не знали иностранныхъ языковъ, нѣмецкій языкъ, какъ извѣстно, пользовался особенною враждою, а нѣмецкіе учители преслѣдовались нелюбовью и насмѣшками въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся поколѣній; французскій языкъ былъ нѣсколько знакомѣе, но только дѣтямъ болѣе достаточныхъ родителей, которыя могли познакомиться съ нимъ дома; въ гимназіи узнать его на столько, чтобъ свободно слушать на немъ преподаваніе, не было возможности. Уставъ 1804 года правда предвидѣлъ это печальное обстоятельство и на первый планъ выдвигалъ знаніе латинскаго языка, на которомъ предполагалось все преподаваніе профессоровъ-иностранцевъ. Но латинскій языкъ для казанскихъ студентовъ описываемаго времени былъ еще менѣе извѣстенъ и преслѣдовался бо́льшею враждою, чѣмъ даже нѣмецкій. Преподаваніе его было жалко вообще и историческая судьба его во всей странѣ была совершенно печальна. Съ латинскимъ языкомъ не соединялись у насъ, какъ это было въ европейскихъ государствахъ, тѣ могущественныя тысячелѣтнія и вѣковыя воспоминанія Римской имперіи и ея законодательства, католической церкви и схоластики, эпохи Возрожденія и гуманизма, которыя придавали высокое значеніе ему и дѣлали его орудіемъ и средствомъ обширнаго умственнаго міра. Для насъ это былъ совершенно непонятный языкъ и, чтобъ вполнѣ усвоить его, надобно было войти духомъ во всю ту могущественную умственную жизнь, для которой онъ служилъ выраженіемъ. Многіе ли были въ состояніи это сдѣлать? Уставъ 1804 года смотрѣлъ на него, какъ на общій языкъ науки, употребляемый ею со временъ школъ Карла В. Но уже съ начала XVIII вѣка европейская наука стала освобождаться

отъ него и въ преподаванiи и въ научныхъ сочиненiяхъ, и только въ медицинѣ онъ еще упорно держался, такъ какъ медики смотрѣли на себя глазами римскихъ авгуровъ. Для казанскихъ студентовъ того времени латинскiй языкъ не былъ необходимою, выгодною какъ теперь въ педагогически-карьерномъ отношенiи дисциплиною; они видѣли, по примѣру своихъ русскихъ профессоровъ, что можно быть представителемъ науки безъ всякаго знанiя латинскаго языка, что лучшiя и влiятельнѣйшiя математическiя сочиненiя времени (а математикою занимались самые даровитые студенты) писаны на простомъ и ясномъ французскомъ языкѣ; они, наконецъ, гордились тѣмъ, что незнакомство съ латынью выгодно отличаетъ ихъ отъ семинаристовъ, принужденныхъ ее изучать. Для казанскихъ студентовъ описываемаго нами времени такое знанiе латинскаго языка, чтобы они могли свободно слушать на немъ изложенiе какой либо науки, было совершенно немыслимо и всѣ попытки министровъ, попечителей и мѣстнаго начальства, чтобъ водворить въ университетѣ латинскiй языкъ, какъ орудiе науки, остались безъ всякаго существеннаго результата или вызывали только ложь донесенiй и рапортовъ и лицемѣрныя увѣренiя объ успѣхахъ, которыхъ не было да и не могло быть. Понятно, что страдало прежде всего преподаванiе.

Выше (стр. 77—79), въ бiографiи перваго профессора латинскаго языка Германа, мы сообщили свѣдѣнiя о судьбахъ латинскаго языка въ Казанской гимназiи и привели его жалобы на неподготовленность его слушателей. Эти жалобы повторялись всѣми его товарищами-нѣмцами, не знавшими какъ приблизить къ себѣ студентовъ, какъ сообщать имъ свѣдѣнiя.

Въ мартѣ 1806 года, въ засѣданiи совѣта было обращено вниманiе на § 119 устава, въ которомъ высказывалось желанiе, чтобы профессоры наукъ, особливо словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, учредили со студентами *бесѣды* о научныхъ предметахъ, въ которыхъ «исправляли бы сужденiе ихъ и самый образъ выраженiя, и прiучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли». Въ концѣ § говорилось: «*для удержанiя при университетѣ латинской литературы*, желательно, чтобы въ бесѣдахъ сихъ употребляемъ былъ преимущественно латинскiй языкъ». Совѣтъ задался вопросомъ: «не соблаговолитъ ли кто изъ гг. профессоровъ вышеобозначенныхъ каѳедръ учредить бесѣдованiя со *студентами казенными* въ извѣстное время, хотя по одному разу въ недѣлю», чтобъ донести объ этомъ попечителю. Состоялось опредѣленiе: разсуждать о семъ въ другое собранiе. Прошло однако полтора года, а обѣщаннаго разсужденiя не послѣдовало. Только письмо профессора Германа къ попечителю, въ которомъ онъ справедливо жаловался на медлен-

ность успѣховъ своихъ слушателей, приписывая ихъ тому обстоятельству, что онъ долженъ читать свои лекціи на языкѣ латинскомъ, а понимаютъ его очень немногіе, такъ что ему приходится повторять то же на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вызвало особенныя мѣры начальства къ усиленію преподаванія латинскаго языка. «Можетъ статься, пишетъ въ своемъ предложеніи попечитель (15 авг. 1807 г. № 421), что и прочіе гг. профессоры въ томъ же находятся положеніи, ежели слушатели ихъ недовольно знаютъ латинскій языкъ. Для отвращенія сего великаго неудобства необходимо нужно принять пристойныя мѣры. Изъ § 119 Высочайше конфирмованнаго устава явствуетъ, что государь императоръ желаетъ, чтобы латинская литература преимущественно удержана была въ университетѣ, и какъ всѣ гг. иностранные профессоры, зная латинскій языкъ, могутъ наставленія свои преподавать на ономъ, то кажется мнѣ, что необходимость требуетъ поставить правиломъ, чтобы ни одинъ, на казенномъ иждивеніи содержимый воспитанникъ, не производимъ былъ въ студенты доколѣ въ латинскомъ языкѣ столько не успѣетъ, чтобы разумѣть могъ на латинскомъ языкѣ преподаваемыя лекціи». Попечитель предписывалъ увеличить число часовъ преподаванія латинскаго языка, требовать отъ казенныхъ воспитанниковъ знакомства не съ двумя, а только съ однимъ новымъ иностраннымъ языкомъ, отдавать преимущество успѣхамъ въ латинскомъ языкѣ предъ успѣхами въ прочихъ предметахъ гимназическаго курса. («Мнѣ кажется, что гимназистъ, оказавшій довольные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при посредственномъ успѣхѣ въ другихъ предметахъ, достойнѣе названъ быть можетъ студентомъ «нежели не могущій разумѣть профессорскихъ лекцій, но успѣвшій въ исторіи, географіи, математикѣ и въ прочемъ, потому что всѣ въ гимназіи преподаваемыя наставленія знающій латинскій языкъ будетъ имѣть случай повторить посѣщая профессорскія лекціи»). «Ежели и совѣтъ найдетъ лучшее средство отвратить вышеупомянутое неудобство, то я готовъ на оное согласиться».

Согласно мнѣнію профессора Германа, попечитель предлагаетъ совѣту распорядиться покупкою достаточнаго количества экземпляровъ Евтропія, Юстина и Корнелія Непота и внушить учителямъ гимназіи, чтобы они съ учащимися чаще и прилежнѣе читали древнихъ авторовъ и объясняя свойства ихъ языка, не занимались одними грамматическими и скучными для юношества правилами (попечитель забывалъ, что для объясненій другого рода, не однихъ грамматическихъ, у учителей недоставало свѣдѣній). Совѣтъ, выслушавъ это предложеніе попечителя, опредѣлилъ: 1) собрать свѣдѣнія изъ дѣлъ совѣта въ разсужденіи сего предмета; 2) чтобы каждый

латинскій учитель подалъ совѣту на бумагѣ о методѣ своего ученія и 3) чтобы изъ инспекторской кладовой дано было знать совѣту, сколько находится въ ней для сихъ классовъ и какихъ латинскихъ авторовъ, о чемъ *послѣ* и доложить совѣту. Только одинъ, больше всѣхъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, профессоръ Германъ скептически возсталъ, къ великому неудовольствію Яковкина, на всѣ три пункта совѣтскаго опредѣленія. Его возраженія, писанныя по французски, находятся въ подлинныхъ протоколахъ. Онъ писалъ совершенно справедливо, не довѣряя господствующей канцелярщинѣ: 1) «Пусть собираютъ рѣшенія совѣта о латинскомъ языкѣ, но пусть и докажутъ, что они всегда исполнялись»; 2) «недостаточно одного рапорта учителей о ихъ методахъ, но надо, чтобъ они представили доказательства знанія своего въ присутствіи совѣта»; 3) «самыя книги латинскихъ авторовъ должны быть принесены въ совѣтъ». Вслѣдъ засимъ Германъ заявилъ въ совѣтѣ, что присутствуя на послѣднемъ гимназическомъ экзаменѣ, онъ убѣдился, что всѣ латинскія упражненія списывались одно съ другого: слова, фразы, грамматическія ошибки у всѣхъ были одни и тѣ же.

Создать знаніе латинскаго языка вдругъ и притомъ такое, чтобъ студентъ могъ слушать на немъ преподаваніе, очевидно было невозможно. Дѣло конечно должно было остаться въ томъ же положеніи. Способъ ученія, представленный тремя учителями гимназіи, найденъ былъ въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта сообразнымъ цѣли гимназіи, а въ инспекторской кладовой классныхъ латинскихъ книгъ оказалось достаточное количество. Яковкинъ сверхъ того распорядился о пріобрѣтеніи лишнихъ экземпляровъ на Макарьевской ярмаркѣ. Германъ одинъ, считая все это недостаточнымъ, не подписалъ протокола. Пристойными мѣрами для успѣха въ знаніи латинскаго языка совѣтъ призналъ, кромѣ упомянутой нами обязанности въ правилахъ о камерныхъ студентахъ говорить между собою по латыни, слѣдующія: 1) предписать инспектору гимназіи, что латинскій языкъ долженъ быть предпочитаемъ прочимъ языкамъ, для внушенія учителямъ онаго, съ объявленіемъ и самого предписанія Его Превосходительства и 2) ввести *бесѣды* на латинскомъ языкѣ, указанныя § 119 устава, о которыхъ было разсуждаемо полтора года тому назадъ. Близкіе къ Яковкину люди, и по его просьбѣ, сначала Бюнеманъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончавшійся, затѣмъ Эрихъ, Эвестъ и Запольскій изъявили желаніе вести со студентами бесѣды на латинскомъ языкѣ, Германъ же рѣшительно отказался, считая ихъ безполезными. Время для нихъ назначено было вечернее. Всѣ они получили искреннюю признательность попечителя за такое рвеніе, но мы положительно можемъ утверждать,

что бесѣды эти существовали только въ совѣтскихъ протоколахъ и не могли быть приведены въ исполненіе за совершеннымъ незнаніемъ латинскаго языка студентами.

Впрочемъ, какъ видно изъ рапортовъ Кондырева за этотъ годъ, Эвестъ велъ свои бесѣды на языкѣ нѣмецкомъ, а Запольскій (о философіи)—на русскомъ. Русскія бесѣды посѣщали всѣ; у Эвеста бывала только половина, а у Эриха и Бюнемана — менѣе половины студентовъ. «Все сіе зависитъ отъ трудности понятія на языкахъ иностранныхъ»—по его словамъ. Кондыревъ въ своихъ фальшивыхъ рапортахъ старается указать и успѣхи студентовъ въ латинскомъ языкѣ и подкурить начальству: «Изъ занятій самыя частыя и преимущественнѣйшія (въ студенческихъ комнатахъ) суть занятія въ познаніи языковъ и особенно переводы и чтеніе. Да и всѣ средства употреблены кажется къ успѣхамъ въ семъ со стороны начальства. Изъ инспекторской гимназической кладовой и библіотеки снабжены всѣми потребными для первоначальныхъ и послѣдующихъ въ языкахъ познаній книгами, изъ библіотеки прежде бывшей гимназической лучшія книги на иностранныхъ языкахъ поступили къ студентамъ... Нынѣ, при многократныхъ внушеніяхъ, начали заниматься, особенно нѣкоторые, и языкомъ латинскимъ, только множество часовъ учебныхъ отнимаетъ почти у каждаго большее время для его занятій»... (Проток. 2 окт. и 13 ноября, 1807 г.).

Мы видѣли, что Яковкинъ объяснялъ жалобы Германа на незнаніе студентами латинскаго языка своекорыстными и личными причинами (стр. 78), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, въ письмѣ своемъ къ попечителю, что прежнее гоненіе на латинскій языкъ должно было «произвести въ учащихся не только вредное о семъ языкѣ впечатлѣніе, но даже отвращеніе къ нему» (10 сент. 1807 г.). Въ жалобѣ Германа онъ видитъ только обидное обвиненіе начальства гимназическаго и университетскаго, т. е. себя, въ безпечности и несмотрѣніи и старается доказать, что благодаря его усиліямъ, увѣщаніямъ и настояніямъ латинскій языкъ въ послѣднее время и въ гимназіи и въ университетѣ началъ приходить «на чреду свою». Онъ увѣряетъ попечителя, что выбывшіе въ томъ году въ военную службу студенты были лучшими и надежнѣйшими слушателями, очень успѣвшими въ латинскомъ языкѣ и что остались теперь въ университетѣ большею частью младшіе и слабѣйшіе. Если дать вѣру словамъ Яковкина, то окажется, что Германъ совершенно неправъ и что латинскій языкъ процвѣтаетъ и въ гимназіи и въ университетѣ.

Тѣ палліативныя и чисто канцелярскія мѣры, которыя постановилъ совѣтъ для увеличенія знаній въ языкѣ латинскомъ, необходимомъ при слушаніи лекцій иностранныхъ профессоровъ, конечно,

не могли принести никакой пользы. На бумагѣ обстояло все благополучно, хотя Румовскій, самъ знатокъ латинскаго языка, просматривая время отъ времени латинскія упражненія учениковъ гимназіи, присылаемыя ему послѣ экзаменовъ, конечно лучшія и исправленныя, дѣлалъ свои замѣчанія о слабости успѣховъ въ латинскомъ языкѣ и предписывалъ подтверждать студентамъ, что безъ основательнаго знанія латинскаго языка, они не будутъ производимы въ дальнѣйшія ученыя степени, а ученики гимназіи не будутъ удостоены студенческаго званія, но успѣховъ конечно не могло быть.

Такъ шло дѣло въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ, пока Румовскій не получилъ снова жалобы отъ профессора иностранца, обязаннаго читать лекціи на латинскомъ языкѣ и нашедшаго такихъ слушателей, которые ни слова не понимаютъ на немъ. На этотъ разъ жалоба шла отъ человѣка, котораго онъ уважалъ и цѣнилъ, котораго онъ зналъ за талантливаго и выдающагося спеціалиста по знакомой и любимой имъ самимъ наукѣ и котораго онъ съ трудомъ пріобрѣлъ для Казани. Это былъ Литтровъ, впослѣдствіи столь извѣстный директоръ Вѣнской астрономической обсерваторіи (о его дѣятельности и отношеніяхъ въ Казани мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ). Литтровъ пріѣхалъ въ Казань въ мартѣ 1810 года. Румовскій внимательно слѣдилъ за его дѣятельностью здѣсь, за первоначальнымъ устройствомъ обсерваторіи и за ходомъ астрономическихъ наблюденій, ведя съ Литтровымъ частую переписку. Литтровъ пишетъ къ попечителю и по латыни и по французски и по нѣмецки. Содержаніе ея посвящено все исключительно почти вопросамъ о выпискѣ астрономическихъ книгъ и инструментовъ и новымъ трудамъ и наблюденіямъ по астрономіи, но иногда Литтровъ касается и своихъ личныхъ отношеній въ Казани, говоритъ о своемъ преподаваніи. Въ Казани онъ нашелъ талантливаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ молодого Симонова, сдѣлавшагося въ 1811 году, при непосредственномъ участіи Литтрова, магистромъ (см. о немъ стр. 213—217). Упоминая въ одномъ изъ писемъ своихъ (8 сент. 1811 г.) о немъ и о его наблюденіяхъ надъ кометою 1811 года, Литтровъ рекомендуетъ его, какъ молодого человѣка, чрезвычайно прилежнаго и съ большими дарованіями («ut juvenem et multae assiduitatis et praeclarae indolis»). «О, если бы я могъ сказать тоже самое о прочихъ моихъ слушателяхъ; ихъ у меня одиннадцать, но всѣ они, по вѣсу, не равняются и одиннадцатой долѣ Симонова! Ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи проспрягать латинскій глаголъ и отличить синусъ отъ косинуса: такъ мало ихъ приготовила гимназія! (Nam hi nec unum verbum latinum conjugare, nec etiam sinum a cosinu dignoscere possunt; tanta in gymnasio di-

dicerunt!). И такъ ужъ не астрономіи, а первымъ началамъ математики и латинскаго языка я вынужденъ учить своихъ студентовъ. Тѣмъ не менѣе однако, на сколько это отъ меня будетъ зависѣть, я постоянно буду стараться, чтобы и они что нибудь узнали изъ той великой науки, старѣйшимъ представителемъ которой мы почитаемъ васъ, г. попечитель [1]).

Получивъ письмо Литтрова, попечитель снова повелъ рѣчь о слабости знанія латинскаго языка въ гимназіи, а слѣдовательно и въ университетѣ. «Въ увѣреніе ваше, что я имѣлъ основательную причину сказать объ успѣхахъ въ верхнемъ латинскомъ классѣ, что они слабы, прилагаю здѣсь одинъ изъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій, сдѣланный въ присутствіи экзаминаторовъ, для того, что всѣ прочіе сему подобны. Изъ него вы видите, что учитель сказывалъ о каждомъ словѣ, какъ оное должно быть переведено на латинскій языкъ, даже до того, какъ должно перевести *были* (sum), чего въ верхнемъ классѣ дѣлать не слѣдовало. У многихъ вмѣсто ex senatu ejectos переведено ex senato и проч. (Румовскій приводитъ нѣсколько примѣровъ грубѣйшаго незнанія латинскаго языка и указываетъ на противорѣчіе этого невѣжества съ словами рапорта, подписаннаго Яковкинымъ, что ученики «имѣютъ знаніе синтаксическихъ правилъ и довольную способность переводить съ русскаго на латинскій»). Письмо оканчивается угрозою: «Все, что въ рапортѣ въ оправданіе учителей ни сказано, ни мало не опровергаетъ мнѣнія моего объ успѣхахъ верхняго латинскаго класса (того, изъ котораго поступали въ студенты), и ежели не учителямъ, то *кому* слабые успѣхи въ верхнемъ латинскомъ классѣ отнести должно? Избѣгая невыгодныхъ толковъ отъ непокорныхъ членовъ совѣта *о начальникахъ гимназіи* (т. е. повторенія того, что было въ совѣтѣ при обсужденіи жалобы Германа), не намѣренъ я ничего отвѣтствовать на рапортъ, мнѣ доставленный, до другаго подобнаго, чтобы оба вмѣстѣ представить на благоусмотрѣніе Его Сіятельства». Письмо это было писано тотчасъ по полученіи письма отъ Литтрова. Черезъ три дня Румовскій послалъ однако Яковкину выписку изъ письма Литтрова, касающуюся незнанія студентовъ языка латинскаго, тщательно очистивъ ее отъ всякихъ личныхъ намековъ, чтобы директоръ не догадался кто писалъ.

Но получивъ эту выписку, Яковкинъ, какъ и слѣдовало ожидать,

---

[1]) Эти слова латинскаго письма Литтрова приведены и по нѣмецки въ его біографіи, написанной его сыномъ и помѣщенной въ заключительномъ томѣ I. I. v. Littrow's Vermischte Schriften. Dritter Band. Stuttg. 1846, 8°. S. 574.

жестоко разсердился на повидимому неизвѣстнаго ему члена совѣта и принялъ ее за личное для себя оскорбленіе. Распросивъ отдѣльно каждаго профессора, подозрѣваемаго имъ въ авторствѣ сообщенія, сдѣланнаго попечителю, онъ три раза громко прочиталъ въ совѣтѣ злосчастную выписку, прямо смотря на Литтрова («en me fixant toujours avec des yeux étincelants» — пишетъ послѣдній). Яковкинъ скоро догадался кто писалъ, но всякое объясненіе и доказательства со стороны Литтрова возбудили бы бурю въ совѣтѣ и безконечныя пререканія о власти, о подчиненности, о неуваженіи къ начальству, столь непріятныя Румовскому, котораго Литтровъ уважалъ не только какъ попечителя, но и какъ извѣстнаго астронома, и онъ смолчалъ, «en Vous sacrifiant une partie de mon honneur», пишетъ онъ къ Румовскому. «Я не хотѣлъ доказывать истину, которую онъ самъ зналъ гораздо лучше меня, которую знали всѣ». Но Яковкинъ всѣмъ и каждому изъ сослуживцевъ Литтрова сталъ указывать на него, какъ на клеветника и лжеца и разумѣется въ этомъ же смыслѣ писалъ къ попечителю.

Литтрову нужно было представить Румовскому ясныя доказательства своихъ словъ, хотя попечитель и не требовалъ этихъ доказательствъ; онъ повѣрилъ слову честнаго человѣка и письменно благодарилъ Литтрова за его неблагодарный трудъ, взятый на себя, но Литтровъ считалъ своимъ долгомъ дать эти доказательства и представилъ ихъ въ своемъ письмѣ (31 октября 1811 года). Вотъ что онъ разсказываетъ (переводимъ съ французскаго):

„Въ прошедшую пятницу, въ часъ назначенный для моихъ лекцій, я попросилъ каждаго изъ пяти моихъ слушателей, совершенно открыто и безъ всякой тайны въ публичной аудиторіи, перевести по латыни по три строчки, писанныхъ по русски, для того чтобъ они не могли отговариваться недостаточнымъ знаніемъ языка нѣмецкаго или французскаго. Эти строчки были выписаны мною изъ моей грамматики (Литтровъ успѣлъ уже достаточно выучиться русскому языку); это были небольшіе, самые простые періоды, безъ всякихъ упущеній qui, et, cum, postquam и пр. Читая ихъ, студенты смѣялись. Я спросилъ ихъ о причинѣ ихъ смѣха. — Sie wissen, wir nicht kennen — отвѣчали они. Послѣ моихъ настояній, они попросили позволенія сходить за лексикономъ. Я позволилъ и сверхъ того обѣщалъ дать отвѣты на всѣ вопросы, ими предложенные, и латинскія слова, написанныя моею рукою надъ русскимъ текстомъ, заключаютъ отвѣты на ихъ вопросы, такъ какъ они не умѣли даже обращаться съ лексикономъ. Въ концѣ втораго часа я попросилъ каждаго подписать свою фамилію подъ тремя строчками".

Препровождая къ попечителю эти образчики знанія латинскаго языка [1]), Литтровъ говоритъ: «Краснѣю, представляя в. п., пере-

[1]) Въ архивѣ Казанскаго университета, въ дѣлахъ попечителя за 1811 годъ, при письмѣ Литтрова, сохранились въ подлинникахъ эти знаменитые образчики не mediae и не infimae latinitatis, а такой, какая могла только

водчику одного изъ труднѣйшихъ римскихъ авторовъ, оригиналы этого несчастнаго маранья (de ces méchantes barbouillages), превосходящіе все, что только есть дурнаго въ этомъ родѣ. Простите, что я мараю руки ваши этимъ позоромъ (obsenité) классической литературы. Я согласенъ — они недостойны даже презрительнаго взгляда вашего, и я не смѣлъ бы доводить васъ ими до тошноты, еслибъ, простите меня, мнѣ не нужно было защищаться. Я долженъ прибавить, что эти пять студентовъ составляютъ всю мою аудиторію. Шесть другихъ оставили меня за мѣсяцъ тому назадъ, не сказавъ мнѣ ни слова: таковъ здѣсь обычай. Мнѣ жаль этихъ пятерыхъ, оставшихся у меня: они не безъ талантовъ и желали бы, еслибъ только могли учиться, но ихъ гимназическая математика совершенно такова, какъ и латынь ихъ. Я готовъ, если угодно в. п., повторить этотъ экзаменъ изъ трехъ строкъ по русски, открыто, въ присутствіи всего совѣта».

Доказательства совершеннаго незнанія латинскаго были слишкомъ убѣдительны для попечителя.

„Я долженъ съ прискорбіемъ сказать, писалъ онъ теперь къ директору, что успѣхи казенныхъ воспитанниковъ въ верхнемъ латинскомъ классѣ— недостаточны, и почти ни единый изъ нихъ, по незнанію латинскаго языка, недостоинъ того, чтобы переведенъ былъ въ университетъ, гдѣ по большей части лекціи преподаются на латинскомъ языкѣ. Какого же успѣха должно ожидать, когда они не разумѣютъ языка, на которомъ преподаются наставленія?.. Представленные мнѣ опыты успѣховъ въ латинскомъ языкѣ доказываютъ, что при экзаменѣ дѣлана была помощь въ переводѣ и при всемъ томъ переводы вышли, кромѣ двухъ или трехъ, худы, а ежели бы они сдѣланы были безъ помощи, то вышли бы несносны. Я пишу сіе, основываясь на ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствахъ и смѣло могу сказать, что Кожевниковъ (одинъ изъ писавшихъ у Литтрова) и другіе нѣкоторые ни склонять, ни спрягать не умѣютъ. По чьему же одобренію переведены они были въ верхній латинскій классъ и потомъ въ университетъ? [1])

возникнуть въ Казани, латыни классической по отчетамъ и рапортамъ мѣстнаго начальства и невозможной, даже не варварской въ дѣйствительности. Образчики поучительные для послѣдующаго времени. Но не могли ли они повториться и не повторялись ли, буква въ букву и слово въ слово, чрезъ 10, 20, 50 лѣтъ? Одинъ переводилъ фразу: „Братъ вашъ весьма исправенъ въ своей должности“ — Frater vestrorum maximus bonus suo officia; у другаго „Не ропщи на судьбу“ выходитъ — non indigneferi in soris; третій переводилъ фразу: „Онъ пришелъ ко мнѣ въ то время, какъ я писалъ— ille venit ad mihi in eo tempore scribendi“ и т. д. И эти-то знатоки латинскаго языка должны были слушать по латыни астрономію...

[1]) Объ этомъ Кожевниковѣ Яковкинъ, въ оправданіе свое, писалъ къ попечителю, что „онъ изъ числа слабыхъ и съ весьма слабыми дарованіями, *однако благонравенъ и прилеженъ*, а по сей причинѣ, равно какъ по взрослости его и по лѣтамъ (18 лѣтъ), и удостоенъ онъ совѣтомъ къ переводу въ университетъ“.

Изъ сего я заключаю, что испытаніе дѣлается только, какъ говорятъ, pro forma, и никто имъ по надлежащему не занимается... Ежели бы вы имѣли тѣже доказательства, какія я имѣю, то бы сами, по усердію вашему вознегодовали на незнаніе нѣкоторыхъ воспитанниковъ, переведенныхъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и отзывъ ко мнѣ одного изъ гг. профессоровъ не называли бы клеветою. Я приватно увѣдомилъ васъ объ отзывѣ, ко мнѣ доставленномъ, чтобы вы поступали осторожнѣе при переводѣ въ университетъ воспитанниковъ гимназіи, а вы трижды читаете оный предъ собраніемъ и нудите меня произвесть нѣкоторый родъ слѣдствія. Поступками сего рода вы много теряете передъ своими собратіями и оскорбляете ихъ безъ всякой корысти, а потому совѣтую впредь быть поскромнѣе".

Попечитель впрочемъ приписывалъ неуспѣхъ латинскаго языка въ гимназіи только частому отсутствію и пропуску уроковъ учителями и «для обузданія такого своевольства» онъ счелъ нужнымъ сдѣлать представленіе министру «чтобы благоволилъ положить оному преграду». Для профессоровъ-нѣмцевъ вопросъ о латинскомъ языкѣ былъ самымъ существеннымъ; отъ успѣховъ въ немъ и знанія зависѣлъ и успѣхъ ихъ преподаванія. Поэтому они съ радостью выслушали въ совѣтѣ предложеніе попечителя (15 янв. 1812 г. № 31) о томъ, чтобы ученики гимназіи младшаго, средняго и верхняго латинскихъ классовъ были немедленно подвергнуты испытанію въ общемъ собраніи совѣта, безъ *учителей*, «и не въ общихъ выраженіяхъ, а о каждомъ показать порознь, сколько далеко успѣхи его простираются, чтобы успѣхи каждаго, на слѣдующемъ годовомъ экзаменѣ оказанные, можно было сравнить съ успѣхами нынѣшняго испытанія». Другимъ предложеніемъ предписывалось совѣту подвергнуть испытанію также и всѣхъ въ этомъ году переведенныхъ изъ гимназіи въ университетъ. Испытанія эти должны быть сдѣланы подробно, въ двухъ или трехъ чрезвычайныхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ, и показано которые изъ студентовъ въ состояніи пользоваться университетскими лекціями.

Экзамены начались съ 1 февраля и продолжались безостановочно весь мѣсяцъ; экзаменовали по 12 человѣкъ въ засѣданіи; протоколы были писаны, по желанію попечителя, по латыни. Изъ донесенія экзаменаторовъ попечитель увидѣлъ, что «не только успѣхи учениковъ гимназіи въ латинскомъ языкѣ совершенно слабы, но и тѣ, которые назначены къ слушанію профессорскихъ преподаваній, не могутъ совсѣмъ на ономъ пользоваться лекціями». Убѣждаясь, что такое упущеніе зависитъ не столько отъ учениковъ, сколько отъ учителей, инспектора въ классахъ и въ комнатахъ отъ надзирательскаго наблюденія, попечитель, чтобъ удостовѣриться въ способностяхъ учителей, обучающихъ латинскому языку, предложилъ совѣту (4 апр. № 333) подвергнуть и ихъ надлежащему экзамену. Вмѣсто

оказавшихся неспособными, совѣтъ долженъ былъ избрать другихъ, также по экзамену, и притомъ «такихъ, которые бы имѣли въ семъ языкѣ основательныя знанія». Совѣту предписывалось также принять мѣры, чтобы принятые въ студенты, но латинскаго языка незнающіе (довольно знающими оказались только трое), «были приведены въ состояніе съ пользою слушать лекціи, профессорами читаемыя».

Новое предложеніе попечителя (25 апр. № 382) имѣло еще болѣе рѣшительный характеръ. Изъ него видно, что попечитель убѣдился въ полнѣйшемъ незнакомствѣ учениковъ гимназіи, даже верхняго класса, съ латинскимъ языкомъ и въ самомъ печальномъ состояніи преподаванія. Чтобы помочь сколько нибудь злу, попечитель предписывалъ: 1) поручить профессору Броннеру сдѣлать новое, болѣе удобное распредѣленіе часовъ преподаванія въ гимназіи, «не взирая на возраженія неприличнымъ образомъ г. Петровскимъ (инспекторомъ гимназіи) сдѣланныя»; 2) адъюнкта Петровскаго уволить отъ инспекторской должности, а «поелику г. директоръ и профессоръ Яковкинъ многократно приносилъ мнѣ жалобу, что обремененъ многими дѣлами, то въ облегченіе его, учебную часть гимназіи поручить въ непосредственное вѣдѣніе г. Лубкина (только что назначеннаго адъюнктомъ умозрительной философіи и опредѣленнаго инспекторомъ гимназіи вмѣсто уволеннаго Петровскаго). Это былъ первый и послѣдній ударъ, нанесенный Румовскимъ при жизни Яковкину, но ударъ только его самолюбію.

Мѣры, придуманныя совѣтомъ или скорѣе комитетомъ, состоящимъ изъ профессоровъ Эрдмана Френа и Броннера (огорченный Яковкинъ не присутствовалъ) для того, чтобъ «не знающіе по латыни студенты приведены были въ состояніе съ пользою слушать профессорскія лекціи», были нѣсколько страннаго характера и едва ли достигали цѣли. Было постановлено: 1) Всѣхъ *младшихъ* студентовъ, не разумѣющихъ латинскаго языка, освободить отъ слушанія лекцій, на немъ преподаваемыхъ (этому они конечно обрадовались); 2) допустить ихъ только къ лекціямъ, читаемымъ по русски; 3) распредѣлить лекціи, читаемыя по латыни такъ, чтобы онѣ не были въ одно время и чтобъ всѣ могли ихъ слушать; 4) профессоры, читающіе лекціи по латыни, должны примѣняться къ способностямъ и къ степени познаній своихъ слушателей; 5) поручить знающимъ латинскій языкъ кандидатамъ или магистрамъ заниматься съ младшими студентами повтореніемъ и начальными основаніями латинскаго языка, за что назначить имъ жалованье особо; 6) снабдить всѣми нужными для латинскаго языка пособіями, какъ то грамматиками, лексиконами, классическими авторами; 7) каждый мѣсяцъ произво-

дить въ присутствіи совѣта испытаніе; 8) предоставить попечителю назначить награжденіе за прилежаніе и наказаніе за нерадѣніе. Попечитель согласился на эти мѣры, но не согласился на назначеніе жалованья кандидатамъ и магистрамъ, такъ какъ въ силу § 117 устава подобныя порученія вмѣняются имъ въ обязанность. О награжденіяхъ успѣвшихъ онъ замѣтилъ, что они должны состоять изъ книгъ и похвальныхъ листовъ, а наказанія изъ школьныхъ штрафовъ.

Экзаменъ латинскихъ учителей нельзя было сдѣлать такъ легко, какъ учениковъ. Дѣло затянулось. Обиженные учители (ихъ было трое) протестовали, ссылаясь на то, что они уже были экзаменованы. Экзаменъ однако же состоялся 20 мая. Результаты его были не менѣе печальны, чѣмъ у учениковъ гимназіи. Основываясь на мнѣніяхъ профессоровъ-экзаменаторовъ (всѣ нѣмцы) и собственныхъ отвѣтахъ учителей, управлявшій тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ за попечителя (Румовскій умеръ, а Салтыковъ еще не былъ назначенъ), писалъ совѣту (25 іюля 1812 г., № 667), что два учителя латинскихъ классовъ: нижняго Красновъ и средняго Упадышевскій «оказались въ семъ языкѣ крайне слабы и неспособны къ обученію онаго» [1]).

Управлявшій министерствомъ предлагалъ уволить ихъ и обученіе поручить другимъ учителямъ гимназіи, «которые по испытанію окажутся къ тому способными». Третій учитель (верхняго класса) Равичъ-Русецкій оказалъ только «нѣкоторыя погрѣшности противъ латинскаго языка», и оставить его или нѣтъ учителемъ предоставлялось рѣшенію совѣта [2]). Совѣтъ поручилъ инспектору гимназіи пріискать спо-

---

[1]) Литтровъ разсказываетъ, что на этихъ экзаменахъ учители спорили съ экзаменаторами и доказывали, что coelum во множ. числѣ coeli, praeripio въ прошедш. врем. praerepsi, pauper въ родит. пад. pauperi и пр. См. Verm Schriften, 3-er B. S. 574. Яковкинъ конечно видѣлъ въ этихъ экзаменахъ личное нерасположеніе къ нему, придирки и желаніе уронить его въ глазахъ начальства. „Зависть и злобную клевету переносить мнѣ не въ первый разъ, писалъ онъ попечителю; но есть Созерцаяй сердца и утробы и Судяй комуждо по дѣломъ его“ (16 окт. 1811 г.).

[2]) Этотъ Равичъ-Русецкій, родомъ изъ Галиціи, докторъ философіи (онъ называлъ себя бывшимъ профессоромъ Краковскаго университета) и кавалеръ ордена св. Станислава, полученнаго имъ въ польскомъ королевствѣ до третьяго раздѣла, гдѣ онъ былъ *чесникомъ* двухъ княжествъ, владѣлъ, какъ и всѣ ученые поляки прошлаго вѣка, очень хорошо и бѣгло латинскимъ языкомъ, но языкомъ далекимъ отъ классической латыни. У Русецкаго было даже нѣсколько своихъ латинскихъ печатныхъ сочиненій, по всей вѣроятности одъ и панегириковъ, но въ библіографіяхъ польскихъ мы не нашли указаній на нихъ. Инспекторъ гимназіи Лубкинъ, въ своемъ рапортѣ совѣту, писалъ, что Русецкій преимущественно отличается тѣмъ, что „имѣетъ навыкъ

собныхъ учителей (какъ будто это было легко сдѣлать), а до тѣхъ поръ дозволитъ Краснову и Упадышевскому продолжать свои занятія съ учениками, Равича же оставилъ при его должности. Инспекторъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ донесъ, что на мѣсто Краснова и Упадышевскаго онъ «и по сіе время никого желающихъ не сыскалъ, почему не угодно ли будетъ совѣту изъ студентовъ университета, образующихся (?) латинскою словесностью, по сдѣланномъ испытаніи, если окажутся способными, опредѣлить на показанныя учительскія вакансіи.

Такъ безплодно кончились попытки профессоровъ иностранцевъ поднять въ Казани преподаваніе латинскаго языка. Въ печальномъ положеніи оно оставалось до лучшаго будущаго, наступившаго не-

---

проворно говорить и писать по латыни и что предубѣжденъ будучи о собственномъ искусствѣ въ языкѣ семъ, упражняетъ учащихся только своими латинскими сочиненіями, писанными надутымъ слогомъ, употребляя ихъ вмѣсто классическихъ авторовъ которыя не только для учениковъ, но и для образованныхъ уже въ словесности бываютъ непонятны по причинѣ темноты и запутанности смысла, что учащимся безъ нужды наводитъ скуку и отвращеніе". Русецкій, по словамъ того же Лубкина, „объясняется съ учениками маловразумительнымъ польско-россійскимъ нарѣчіемъ", непонятнымъ для учениковъ, а методъ его „странный и необыкновенный, и большая часть его учениковъ учится у него безъ охоты и безъ надежды когда либо выучиться". Нѣмецкіе профессоры нашли однако Русецкаго maxime expertum in lingua latina et idoneum.

Русецкій былъ уже пожилой человѣкъ и очень странная личность. Онъ гордился своею ученостью и, какъ видно изъ его латинскаго прошенія въ совѣтъ, очень обидѣлся, что его, доктора и профессора философіи, заставляютъ держать экзаменъ ex grammatica ejusque rudimentis, но сравнивая себя съ апостоломъ Павломъ, явившимся въ Ареопагъ, онъ рѣшается предстать предъ совѣтомъ corde impavido, nullo metu, excelso animi robore fultus. Русецкій былъ съ 1800 года учителемъ въ *армейской семинаріи* въ Петербургѣ, гдѣ преподавалъ реторику и философію и кромѣ того несъ должность *инспектора наукъ*, какъ видно изъ аттестата его, выданнаго ему оберъ-священникомъ арміи и флота (26 марта 1801 года, № 63), а съ 1802 по 1808 годъ былъ учителемъ верхнихъ и среднихъ классовъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ преподавалъ древнюю и новѣйшую исторію, а также математическую и политическую географію. Затѣмъ Русецкій былъ присланъ въ Казань учителемъ самимъ Румовскимъ убѣдившимся въ его знаніи русскаго языка. Былъ онъ женатъ на русской, но жена его, еще до опредѣленія мужа въ Казань, подала прошеніе въ С.-Петербургскую консисторію о расторженіи брака за его безнравственную жизнь и дѣло это тянулось. Въ октябрѣ 1810 года Русецкій представилъ въ совѣтъ двѣ латинскія диссертаціи „для достиженія университетскаго достоинства". Онъ очень желалъ быть адъюнктомъ, просилъ о томъ попечителя, но это не удалось. Въ 1811 году, по случаю перемѣщенія гимназіи въ новое зданіе, гдѣ Русецкій имѣлъ квартиру, Яковкинъ объявилъ ему объ очищеніи ея. Русецкій долго упорствовалъ, но „увидѣвъ перевозимые столы и кровати питомческіе, нанявъ двѣ телѣги и

*

скоро. Время министерства Уварова, какъ извѣстно, благопріятствовало классическимъ штудіямъ, но сколько мы знаемъ, успѣхи ихъ въ Казани были незначительны. Салтыковъ, по назначеніи его попечителемъ, сдѣлалъ обязательнымъ латинскій языкъ и для своекоштныхъ студентовъ, но это конечно не помогло. Нелюбовь къ латинскому языку такъ укоренилась и сдѣлалась традиціонною, что не прошло и года со времени вступленія Салтыкова въ должность, какъ въ засѣданіи своемъ (14 мая 1813 г.) совѣтъ выслушалъ волю его, чтобы знаніе латинскаго языка и занятіе имъ требовалось только отъ такихъ студентовъ, которые посвящаютъ себя медицинѣ.

склавъ на нихъ свой скарбишко, 8 числа сентября уѣхалъ за Казанку въ кусты. Около сего же времени узналъ я достовѣрно о непотребной и невоздержной жизни живущей у него какой-то женщины и ея маленькой еще дочери. Почему, за день еще до его причудливаго переселенія, надѣлавшаго много шуму по городу, приказалъ я объявить ему, что ему одному готовъ дать какую нибудь квартиру на время; но подъ условіемъ, чтобъ ни бабёнки, ни дѣвчонки съ нимъ не было; а онъ не захотѣлъ съ ними разстаться. На сихъ дняхъ также достовѣрно слышалъ я, что изъ С.-Петербургскаго въ здѣшнее губернское правленіе, а изъ сего въ полицію присланъ процессъ отъ жены Русецкаго,—что онъ ее бросивъ въ Петербургѣ, связался и уѣхалъ съ нынѣшнею его женщиною. Ожидаю, что о семъ полиція сообщитъ къ намъ оффиціально" (Я. къ Румовскому, 16 окт. 1811 г.). — Эти семейныя отношенія и дѣло о разводѣ съ женою, требовавшее его личнаго присутствія въ Петербургѣ, причиняли много хлопотъ Русецкому и наводили на него страхъ. По совѣту иностранныхъ профессоровъ, не знавшихъ русскихъ порядковъ, онъ обратился даже въ совѣтъ, прося его заступничества и изложивъ въ своей бумагѣ всѣ касающіяся дѣла подробности. Совѣтъ рѣшился на ходатайство предъ попечителемъ о Русецкомъ. Салтыковъ разсердился. Въ предложеніи своемъ совѣту (2 янв. 1813 г., № 2) онъ писалъ, что „разбирательство дѣлъ, касающихся до разводовъ супружескихъ, принадлежитъ духовному правительству, а до университетскаго начальства, не смотря на всѣ приведенные въ объясненіи его пункты изъ устава, сіе ни мало не касается. А потому и не слѣдовало совѣту принимать отъ него оное объясненіе, тѣмъ менѣе препровождать его ко мнѣ и дѣлать меня повѣреннымъ г. Русецкаго". Попечитель возвращалъ обратно его объясненіе *съ надписью* и подтверждалъ, что если онъ самъ не явится или не пришлетъ довѣреннаго и, что если онъ, попечитель, въ третій разъ получитъ требованіе о немъ отъ главнаго правленія училищъ для явки въ консисторію, то принужденъ будетъ уволить его отъ должности. Повидимому, чтобъ избавиться отъ непріятнаго процесса, Русецкій еще въ маѣ 1812 года просился на 3½ мѣсяца въ отпускъ за границу въ Галицію, для полученія наслѣдства, оставшагося послѣ матери изъ дома Струсовъ, но попечитель отказалъ въ паспортѣ, такъ какъ по постановленію главнаго правленія училищъ Русецкій долженъ былъ явиться на судъ въ петербургскую консисторію. Русецкій повторилъ эту просьбу въ іюлѣ, но попечитель отказалъ снова. Тогда онъ подалъ въ отставку и былъ немедленно уволенъ.

Глава VI.

Кандидаты и магистры.—Выдающіяся личности между ними изъ казанскихъ студентовъ и лицъ постороннихъ.—Профессоры; Кондыревъ, братья Д. и В. Перевощиковы, О. Срезневскій и другіе.—Производство въ кандидаты и магистры.—Занятія тѣхъ и другихъ.

Несмотря на то, что незнаніе латинскаго языка и чрезвычайно малое знаніе иностранныхъ языковъ мѣшало первымъ студентамъ Казанскаго университета пользоваться вполнѣ знаніями и преподаваніемъ профессоровъ иностранцевъ, многіе изъ студентовъ, и очень быстро, пріобрѣтали степени .и кандидатовъ и магистровъ. Какъ пріобрѣтали они эти степени, съ которыми однако не слѣдуетъ соединять позднѣйшія понятія о нихъ,—это другой вопросъ. Очень много значили современныя условія и эти то условія выработали нѣсколько типическихъ личностей, которыя отлично могутъ служить выраженіемъ того времени и господствовавшихъ въ немъ требованій. Насколько мы знаемъ русскіе университеты, каждое время и каждое смѣняющееся въ нихъ направленіе создаютъ своихъ представителей, сохраняющихъ и въ личности своей, и въ дѣятельности, и привлекательныя и отталкивающія черты своего времени и послѣднія всего болѣе характерны. Не даромъ же говорятъ о людяхъ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ и т. д. годовъ. Типическимъ представителемъ людей, сколько нибудь сдѣлавшихся извѣстными въ первоначальные годы университета изъ студентовъ воспитывавшихся въ его условіяхъ, можетъ быть названъ, по нашему мнѣнію, *Кондыревъ*, первый кандидатъ и магистръ Казанскаго университета, а потомъ и профессоръ его. Это былъ любимый ученикъ Яковкина, дитя его сердца. Посмотримъ какъ составилась его карьера въ это время, въ чемъ успѣвалъ онъ и какъ дошелъ до профессорства. Это тѣмъ болѣе

къ сему и свои замѣчанія; 18-е и 19-е столѣтія сверхъ сего надѣюсь пройти *универсально и прагматически* по избранной впредь какой книгѣ или собственнымъ запискамъ, если только обстоятельства и время сему позволятъ; гг. студенты, какъ по сей части, такъ и по статистикѣ будутъ иногда заняты и сочиненіями. Въ *географіи*—по книгамъ того же сочинителя, обдѣлывая впрочемъ нужное, а особливо до Европы касающееся самъ, изъ другихъ источниковъ. 2) По *статистикѣ*, если совѣтъ снабдитъ меня мѣсяца чрезъ два книгами для сего принадлежащими и здѣсь въ запискѣ прилагаемыми, коихъ не нашелъ я не только въ библіотекѣ, но и здѣсь, въ Казани, и, если будетъ угодно, то статистику европейскихъ государствъ по статистикѣ Мейзеля и другимъ, передѣлывая ихъ по способу г. Ахенваля, прибавляя замѣчанія о статистикѣ прочихъ государствъ. Обо всемъономъ представляя совѣту, всепокорнѣйше прошу почтеннѣйшихъ членовъ его, *если только сіе рвеніе мое ко благу университета согласно будетъ съ истиною* (?), позволить мнѣ чтеніе сихъ предметовъ и выписать представляемыя при семъ въ реестрѣ книги, какъ для сего необходимо нужныя" [1]).

Мы нарочно привели этотъ рапортъ Кондырева, чтобъ современный читатель получилъ представленіе о фразахъ, господствовавшихъ въ то время въ университетѣ и о характерѣ преподаванія молодого, только что начинающаго преподавателя, равно какъ и о научныхъ требованіяхъ того времени. Соображаясь съ тѣми требованіями, какія еще очень недавно ставились русскому профессору, мы рѣшительно недоумѣваемъ какимъ образомъ Кондыревъ, послѣ двухлѣтняго своего пребыванія на университетской скамьѣ, гдѣ, какъ намъ уже извѣстно, онъ могъ весьма немногому научиться, брался за подобныя чтенія трехъ предметовъ. Не слѣдуетъ забывать и его возрастъ (Кондыреву было только 18 лѣтъ) и то обстоятельство, что онъ былъ и помощникомъ библіотекаря и помощникомъ инспектора (и на этой должности, какъ мы видѣли, ему весьма часто приходилось писать рапорты о поведеніи студентовъ), и въ то же время и оффиціальнымъ поэтомъ университета, такъ какъ стихи его постоянно читались на торжественныхъ актахъ. Чѣмъ объяснить эту поразительную разносторонность дѣятельности? Геніальностью натуры? но Кондыревъ былъ далеко не геніальный человѣкъ, его память давно исчезла въ университетѣ; его дѣятель-

---

[1]) Курсъ, тогда читанный Кондыревымъ, продолжался полтора года, до августа 1808 года, когда сдѣлалось извѣстнымъ о назначеніи адъюнкта Миллера, а Кондыревъ мечталъ самъ тогда уже быть адъюнктомъ. Судя по его рапорту (надобно замѣтить, что только Кондыревъ писалъ такіе рапорты), можно заключить, что онъ прошелъ все имъ назначенное и что всѣ студенты оказали успѣхи. Кондыревъ благодаритъ совѣтъ за сдѣланное ему порученіе и увѣряетъ въ готовности и „впредь исполнять всякую возложенную, моимъ силамъ и знаніямъ соотвѣтственную должность со всевозможнымъ усердіемъ".

ность не оставила никакихъ прочныхъ слѣдовъ, но зато ни о комъ изъ тогдашнихъ студентовъ Казанскаго университета, ставшихъ впослѣдствіи его дѣятелями въ званіи профессоровъ, не сохранилось такъ много въ архивѣ бумажной переписки, какъ о Кондыревѣ. Ни одинъ изъ нихъ не добился такъ быстро профессорской карьеры, какъ Кондыревъ. Мы встрѣчаемъ имя его вездѣ, во всѣхъ quasi-ученыхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ исторіяхъ тогдашнихъ профессоровъ; онъ готовъ кажется заниматься всякою наукою. Ничѣмъ инымъ, кажется намъ, нельзя объяснить этой выдающейся и шумной роли Кондырева, какъ страстнымъ желаніемъ составить себѣ карьеру, извлечь изъ университета все, что только онъ можетъ дать, и назойливостью его природныхъ свойствъ. Раскрывая предъ юношей заманчивую, легко достижимую служебную карьеру, предоставляя ему такія званія и степени, которыя сулили ему широкую жизненную дорогу, университетъ давалъ тогда совершенно ничтожное умственное содержаніе; оно усвоивалось легко, по милости начальства; послѣднее само было чуждо и далеко отъ строгихъ научныхъ требованій; оно не вызывало труда и идеальныхъ стремленій; для него важнѣе всего было благоповеденіе и подчиненность. Такія отношенія естественно развивали въ молодомъ человѣкѣ самомнѣніе. Это замѣтилъ даже и самъ попечитель Румовскій, хотя живя въ Петербургѣ, онъ рѣдко видѣлъ казанскихъ студентовъ. Передавая Яковкину въ письмѣ о томъ, что одинъ изъ подобныхъ молодыхъ людей, явившись въ Петербургъ, просилъ его перевести въ Казань (онъ былъ учителемъ гимназіи) въ университетъ съ званіемъ адъюнкта, Румовскій пишетъ: «Не знаю я, отчего казанскіе воспитанники толь высокія имѣютъ о себѣ мысли, и думаютъ, что къ полученію званія магистра или адъюнкта ничего больше не надобно, какъ побыть нѣсколько времени въ университетѣ, не показавъ особливыхъ успѣховъ и способностей для полученія ученаго званія. Желалъ бы я, чтобы гг. профессоры вредную сію мысль для нихъ самихъ истребить изъ нихъ постарались. Не безизвѣстно мнѣ, что молодые люди требуютъ ободренія, но ежели ободренія сдѣланы будутъ по ихъ предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они, возмечтавъ о достоинствахъ своихъ, перестанутъ напрягать силы разума своего и останутся навѣкъ полуучеными. Мы видимъ живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ». (30 марта 1808 г., № 196). Легкая возможность составить себѣ служебную карьеру при университетѣ для Кондырева увеличивалась еще тѣмъ, что на его глазахъ постоянно былъ живой примѣръ такой карьеры въ его покровителѣ и благодѣтелѣ— Яковкинѣ, отъ котораго все зависѣло. Расположеніе послѣдняго къ

Кондыреву оставалось неизмѣннымъ. Кондыревъ сдѣлался alter-ego своего покровителя, а похвалы и покровительство послѣдняго еще болѣе раздували его самомнѣніе.

При всякомъ удобномъ случаѣ Кондыревъ старался выдвинуться впередъ. Въ іюлѣ 1807 года утонулъ купаясь въ Казанкѣ одинъ изъ трехъ братьевъ Лобачевскихъ, очень даровитый студентъ. Погребеніе ему было устроено «соотвѣтственно важности университета» и въ церкви кандидатъ Кондыревъ говорилъ надгробную рѣчь, нѣсколько словъ которой, обращенныя къ профессору Сторлю, присутствовавшему тутъ же (Лобачевскій былъ любимымъ ученикомъ Сторля), были сказаны даже по нѣмецки. Рѣчь эта, первая студенческая рѣчь, несмотря на реторическій слогъ, была дѣйствительно прочувствована ораторомъ (она сохранилась въ бумагахъ), а по реляціи Яковкина произнесена она была «съ такимъ чувствованіемъ и выраженіемъ, что всѣ въ церкви бывшіе съ нимъ купно плакали». Яковкинъ не скупился на похвалы Кондыреву. «Своимъ преподаваніемъ и успѣхами студентовъ (Кондыревъ еще будучи студентомъ, преподавалъ нѣсколько времени предметы Яковкина, когда этотъ весною 1807 года ѣздилъ визитировать гимназіи въ Симбирскѣ и Пензѣ) превзошелъ все ожиданіе присутствовавшихъ членовъ совѣта. Этотъ молодой человѣкъ, говоритъ онъ, при *примѣрномъ своемъ поведеніи* и *отличныхъ чувствованіяхъ*, подаетъ весьма лестную надежду и достоинъ всевозможнаго одобренія». Этого то одобренія и добивался Кондыревъ. «Студентъ-кандидатъ Кондыревъ, видя обращаемое на него особенное вниманіе начальства, пишетъ Яковкинъ, порывается на предлежащемъ ему поприщѣ съ новыми силами на все полезное университету; отъ сердца его и пріобрѣтаемыхъ безпрестанно новыхъ познаній весьма много добраго ожидать можно несомнѣнно. Я вынужденъ былъ о немъ особенно представить, поелику замѣтилъ въ немъ родившееся уныніе» (30 іюля 1807 г.).

Въ уныніе Кондырева особенно приводила судьба его пресловутой статистики, которую расхваливалъ Яковкинъ. Въ декабрѣ 1807 года онъ представилъ наконецъ въ совѣтъ свою книгу, разсмотрѣнную въ цензурномъ при университетѣ комитетѣ и одобренную имъ къ печати. Кондыревъ просилъ представить книгу попечителю, безъ сомнѣнія по совѣту Яковкина, «дабы удостоенъ былъ трудъ сей поднесенъ быть по посвященію Его Императорскому Величеству. Совѣтъ ходатайствовалъ о содѣйствіи попечителя. Яковкинъ, съ своей стороны, хлопоталъ предъ попечителемъ о томъ же и высказывалъ надежду, что «приношеніе благодарности» удостоится монаршаго воззрѣнія, тѣмъ болѣе, что по письмамъ сту-

дентовъ, перешедшихъ въ военную службу и поступившихъ въ кадетскій корпусъ, онъ зналъ, что государь и великій князь цесаревичъ похвалили знанія казанскихъ студентовъ, «а весьма немногіе изъ нихъ были лучшіе» (мы видѣли выше на стр. 411, что онъ же называлъ ихъ лучшими и особенно успѣвшими въ латинскомъ языкѣ). Попечитель сообщалъ Яковкину, что онъ представитъ о ходатайствѣ совѣта министру, но отвѣта долго не было, такъ что Кондыревъ рѣшился написать къ попечителю почтительный запросъ о судьбѣ своего сочиненія. Упоминая о своемъ намѣреніи удостоиться высокаго счастія поднесеніемъ труда своего Его Императорскому Величеству, «яко перваго залога благодарнѣйшихъ моихъ чувствованій къ монаршимъ щедротамъ и попеченіямъ начальства за полученное мною образованіе въ святилищѣ наукъ, пріосѣняемомъ мудрымъ управленіемъ в. п.», Кондыревъ, «не имѣя донынѣ свѣдѣній объ участи приносимой мною жертвы на алтарь отечества», всенижайше проситъ разрѣшить его неизвѣстность. Тогда попечитель увѣдомилъ его, что по словамъ министра, книга, подносимая Государю Императору, должна быть напечатана. Онъ обѣщалъ препроводить ее для того въ совѣтъ, сдѣлавъ съ своей стороны замѣчанія на нѣкоторыя мѣста ея.

Каковы были замѣчанія Румовскаго на статистику Кондырева, за которыя автору пришлось только поблагодарить попечителя и воспользоваться ими для исправленія своего труда, мы не знаемъ. Но изъ того обстоятельства, что Румовскій прислалъ молодому автору, для его руководства, незнакомую ему печатную книгу «Статистическое описаніе Россійской имперіи» Зябловскаго и изъ предложенія попечителя совѣту отъ 14 сент. 1808 г., № 535, въ которомъ «поелику всякъ посвятившій себя въ ученое при университетѣ званіе обязанъ основательно знать языкъ латинскій», студенту-кандидату Кондыреву объявляется, «чтобы онъ свободное отъ своихъ занятій время старался употребить на усовершенствованіе свое въ ономъ языкѣ», мы въ правѣ заключить, что попечитель составилъ себѣ, несмотря на настойчивыя рекомендаціи Яковкина, не очень высокое мнѣніе объ ученыхъ заслугахъ Кондырева и его знаніяхъ.

Въ ноябрѣ 1808 года статистика Кондырева, по его просьбѣ, передана была на разсмотрѣніе вновь прибывшаго адъюнкта по всеобщей исторіи и географіи Миллера, а въ декабрѣ тому же Миллеру переданъ былъ сдѣланный имъ переводъ съ нѣмецкаго языка сочиненія Дольца «Краткое начертаніе исторіи человѣческаго рода» съ собственнымъ дополненіемъ Кондырева: «Историческое обозрѣніе новѣйшихъ годовъ». Оба труда заслужили одобреніе

Миллера, а критическія замѣчанія свои ни книгу Зябловскаго, присланную ему попечителемъ, Кондыревъ самъ представилъ Румовскому.

Съ конца этого же года, основываясь на этихъ трудахъ Кондырева, Яковкинъ сталъ просить попечителя о производствѣ своего любимца въ магистры. Повидимому онъ опасался противодѣйствія совѣта, гдѣ Кондыревъ не пользовался расположеніемъ. «Что касается до Кондырева, писалъ къ нему попечитель, то *безъ представленія совѣта* представлю министру въ свое время, чтобъ утвердилъ магистромъ или самъ его переименую («14 янв. 1809 г., № 16). Это и не замедлило послѣдовать. Въ началѣ марта Румовскій уже предложилъ совѣту «для поощренія Кондырева къ дальнѣйшимъ трудамъ» удостоить его степени магистра, съ увеличеніемъ конечно, сообразно новому достоинству, получаемаго имъ содержанія. Немедленно послѣ этого магистръ Кондыревъ входитъ уже въ совѣтъ почти съ требованіемъ напечатать его статистику на казенномъ иждивеніи «по волѣ г. министра народнаго просвѣщенія» для поднесенія государю императору. Совѣтъ, не ходатайствуя, представилъ вопросъ «на благоусмотрѣніе» попечителя. Печатаніе должно было стоить «довольной суммы». Подкрѣпляя съ своей стороны желаніе Кондырева печататься на казенный счетъ, Яковкинъ писалъ попечителю: «Кромѣ наполненной познаніями головы и очищеннаго сердца, не имѣя у себя ничего въ карманѣ, *онъ охотно соглашается отдать ихъ* (свои сочиненія) *университету за соразмѣрное вознагражденіе*... Хотя и Зябловскій былъ у меня въ учительской гимназіи слушателемъ, но необиновенно могу отдать — и долженъ — болѣе справедливости, осмотрительности, разборчивости и занимательности во всемъ Кондыреву, находя географію его лучше и новѣе обдѣланною, нежели каковая переведена г. Зябловскимъ». Кондыревъ является критикомъ Зябловскаго, съ точки зрѣнія своего учителя. Замѣчанія, сдѣланныя и представленныя имъ на «Всеобщее землеописаніе» Зябловскаго, попечитель находилъ во многомъ основательными, но возвращая ихъ обратно, онъ требовалъ, чтобъ они были исправлены и дополнены и чтобъ авторъ «всѣ замѣченные имъ въ книгѣ недостатки или что къ пополненію ея и улучшенію служить можетъ и всѣ свои поправки включилъ въ тѣ мѣста помянутаго сочиненія, гдѣ имъ быть слѣдуетъ, воздерживаясь сколько можно отъ нескромныхъ выраженій, колкости и излишнихъ умствованій». Кондыревъ и Яковкинъ ссылались на то, что «статистика» была на разсмотрѣніи у самого попечителя и имъ одобрена, Румовскій съ своей стороны объяснилъ совѣту, что замѣчанія свои онъ дѣлалъ только на нѣкоторыя мѣста сочиненія Кондырева, всего же сочиненія раз-

смотрѣть не допустили прочія его занятія. Поэтому необходимо, для напечатанія на казенный счетъ, на основаніи устава § 61, разсмотрѣніе и одобреніе совѣта. Только тогда онъ дозволитъ напечатать статистику на счетъ университетской суммы въ количествѣ 500 экз. Разсмотрѣніе было поручено Яковкину и адъюнкту Миллеру. Между тѣмъ Кондыревъ новымъ рапортомъ требовалъ напечатать на казенный счетъ и переводъ свой «Краткое начертаніе исторіи человѣческаго рода», но попечитель замѣтилъ, что книга эта не «относится къ наукамъ», а только «относящіяся къ наукамъ преподаваемымъ въ университетѣ», книги могутъ быть печатаемы на казенный счетъ, почему, по его мнѣнію, она съ большею пользою можетъ быть помѣщена въ періодическихъ сочиненіяхъ, которыя будутъ издаваться отъ общества отечественной словесности. Такимъ образомъ страстное желаніе Кондырева скорѣе печататься не было удовлетворено. Между тѣмъ только что назначенный адъюнктъ Миллеръ перешелъ на службу въ Сибирь директоромъ училищъ Иркутской губерніи, Кондыреву поручены были снова прежнія его лекціи, а вслѣдъ за этимъ онъ подаетъ прошеніе въ совѣтъ (въ декабрѣ 1809 г.) о томъ, «чтобы сдѣлать его соучастникомъ въ предполагаемомъ издаваніи отъ университета различныхъ сочиненій по части статистическихъ, географическихъ и политико-экономическихъ познаній» (а предполагалось печатать только составленныя имъ книги).

Впрочемъ и лекціи и заботы Кондырева о печатаніи своихъ сочиненій прерывались въ этомъ году разными поѣздками, частію по собственному желанію, частію по порученію начальства. Въ іюнѣ и августѣ онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ кандидатами Шоникомъ и Тимьянскимъ въ знаменитое въ исторіи казанской археологіи село Болгары «по части россійской исторіи, географіи и статистики», и для осмотрѣнія древностей болгарскихъ (его товарищи ѣздили «по части ботаники»). Описаніе Кондырева болгарскихъ развалинъ положило начало тѣмъ многочисленнымъ изслѣдованіямъ, которыя продолжаются и въ настоящее время, но Кондыреву повидимому вовсе незнакомы были труды и изученія Френа. Изъ этой поѣздки онъ вывезъ для университетской библіотеки древнія монеты, числомъ 83, и 40 разныхъ штукъ (?). Всю почти осень, съ 9 сентября, по 8 ноября, Кондыревъ, вмѣстѣ съ адъюнктомъ Запольскимъ, провелъ въ Оренбургской губерніи, куда они, согласно предложенію попечителя, были отправлены на визитацію для подробной ревизіи оренбургскихъ училищъ, вызванной ихъ печальнымъ положеніемъ. За это объявлена была Кондыреву благодарность попечителя съ записаніемъ въ протоколъ. Визитація эта представляется во многихъ отношеніяхъ очень любопытною и о ней мы скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разнообразіе и обширность преподаваній Кондырева въ слѣдующемъ году, предположенныхъ имъ и представленныхъ совѣту, вызвали со стороны попечителя слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Въ разсужденіи университетскихъ лекцій, которыя г. Кондыревъ въ теченіе наступающаго года преподавать намѣренъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что онъ столь много на себя наукъ пріемлетъ, что едва одинъ человѣкъ въ теченіе одного года въ состояніи преподать достаточныя въ сихъ наставленія». Попечитель далѣе ставитъ на видъ, что Кондыревъ въ предшествовавшемъ году не кончилъ чтеніемъ государственнаго хозяйства и статистики Россійской имперіи и притомъ всѣ лекціи намѣренъ читать по своимъ тетрадямъ, почему и предлагаетъ совѣту: «опредѣлить науки», которыя долженъ читать Кондыревъ, а въ разсужденіи тетрадей его сочиненія, поступить согласно § 26 устава, т. е. разсмотрѣть ихъ въ совѣтѣ (7 іюля 1810 г., № 521). Въ этомъ году Кондыревъ читалъ поэтому только статистику Россіи, но она была одобрена попечителемъ, и всемірную исторію по рукописи, разсмотрѣнной совѣтомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣ эти годы Кондыревъ былъ и самымъ дѣятельнымъ членомъ и секретаремъ только что возникшаго общества любителей словесности. Всѣ протоколы этого общества, всѣ сношенія его и рапорты попечителю писаны его рукою.

Въ 1811 году Кондыревъ снова является передъ нами и литераторомъ и публицистомъ. Онъ представляетъ въ совѣтъ для разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ книгу, «Странствованіе Филиппа Ефремова въ Киргизскай степи, Хивѣ, Бухаріи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе его оттуда чрезъ Англію въ Россію» [1]) и является

---

[1]) Она напечатана. Казань, въ унив-ской типографіи, 1811. 8°., 158 стр. Это *третье* изданіе, сдѣланное Кондыревымъ; оно называется передѣланнымъ, исправленнымъ и умноженнымъ. Первое изданіе—Спб. 1786, 12°; авторъ называется въ немъ еще унтеръ-офицеромъ; второе изданіе, гдѣ онъ является уже съ чиномъ надворнаго совѣтника, вышло въ 1794 году; оно не значится ни въ библіографіи Сопикова, ни въ росписи Смирдина. Авторъ, уроженецъ города Вятки, род. въ 1750 году. Служилъ онъ въ Нижегородскомъ полку и въ 1774 году, будучи уже сержантомъ, во время Пугачевскаго бунта, взятъ былъ въ плѣнъ шайкою мятежниковъ на дорогѣ между Оренбургомъ и Илецкой Защитой. Бѣжавъ изъ этого плѣна, онъ попался въ степи въ новый, къ киргизамъ, которые и продали его въ Бухару. Послѣ различныхъ приключеній, описанныхъ въ книгѣ, Ефремовъ воротился на родину въ 1782 году, служилъ въ Петербургѣ, на Кавказѣ, въ Астрахани, въ Вологдѣ и наконецъ директоромъ Бухтарминской таможни. Онъ дослужился до чина надворнаго совѣтника, а въ 1796 году императрица Екатерина подписала Ефремову жалованную грамоту на дворянское достоинство. Въ 1805 году онъ вышелъ въ отставку, а съ 1816 года жилъ съ семьею въ

дѣятельнымъ участникомъ «Казанскихъ извѣстій», которыя начали издаваться въ этомъ году, хотя желаніе имѣть при университетѣ свой печатный органъ высказывалось гораздо раньше. Въ то же время Кондыревъ былъ, какъ мы говорили уже, помощникомъ библіотекаря. Совѣтъ испрашивалъ ему по этому званію прибавку къ жалованью, но попечитель не согласился, имѣя въ виду, что сумма на этотъ предметъ еще не отпущена, а изъ прочей университетской суммы сдѣлать эту прибавку воспрещается высочайшимъ манифестомъ прошлаго года. Кондыревъ утѣшился однако тѣмъ, что вслѣдствіе выхода изъ университета недолго пробывшаго въ немъ профессора Неймана, ему поручено было на публичныхъ курсахъ преподавать въ 1811—1812 году политическую экономію по сочиненію Сарторіуса, переведенному имъ съ нѣмецкаго, а въ мартѣ того же года, вмѣстѣ съ Никольскимъ и Перевощиковымъ, утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта, по представленію попечителя. Съ этого времени онъ сдѣлался членомъ совѣта, вскорѣ секретаремъ его и Яковкинъ, которому онъ такъ много былъ обязанъ, постоянно находилъ въ немъ вѣрнаго союзника. Вслѣдъ за симъ, послѣ выхода Перевощикова, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ отставку отъ должности помощника инспектора студентовъ, эту должность, по соглашенію съ Яковкинымъ, принялъ на себя Кондыревъ. Онъ несъ эту обязанность, какъ мы видѣли, и прежде, но безъ жалованья. На этомъ посту Кондыревъ два раза сталкивался съ Ларіоновымъ, какъ нами было уже разсказано (см. выше стр. 356—357 и 360).

Ларіоновъ, въ своемъ письмѣ къ попечителю о второмъ столкновеніи съ Кондыревымъ, разсказываетъ событіе конечно иначе и дѣлаетъ слѣдующую характеристику Кондырева:

„А г. Кондыревъ, будучи молодой человѣкъ, безъ всякихъ отличныхъ качествъ и заслугъ собственныхъ въ пользу отечества, но токмо милостію начальства возвышенный въ такое званіе, можетъ нынѣ требовать себѣ повиновенія и раболѣпнаго почтенія отъ тѣхъ людей, которые нѣсколько разъ проливали кровь и подвергали жизнь свою за отечество единственно для того, чтобъ пріобрѣсть себѣ имя благороднаго человѣка; и называясь моимъ начальникомъ, да еще и съ угрозами, маша рукою предъ самымъ моимъ лицомъ, говорилъ: „Я вамъ покажу себя!“ Тогда съ болѣзненнымъ чувствомъ, отражая наглость, признаюсь в. п., отвѣчалъ я ему, что на такого начальника плюю. Засимъ онъ еще называлъ себя какимъ-то маіоромъ (вѣроятно по званію адъюнкта, какъ нынѣ профессоры въ большихъ чинахъ называютъ себя генералами). Я, примѣчая, что надменность его про-

---

Казани, получая пенсію въ 500 рублей. Здѣсь познакомился съ нимъ Кондыревъ и издалъ въ болѣе подробномъ видѣ, съ его словъ, любопытные, хотя и краткіе разсказы Ефремова (онъ былъ безъ образованія) „для распространенія познанія среднихъ странъ Азіи“.

свѣщенія и великихъ дарованій выводитъ его изъ себя, оставилъ его съ сею шуткою, что „въ нашемъ полку нынѣ комплектъ всѣхъ маіоровъ, а тебя я не знаю“ и вышелъ вонъ“.

Кондыревъ первый сталъ читать въ Казанскомъ университетѣ *политическую экономію* и сдѣлавшись потомъ профессоромъ, продолжалъ читать эту науку много лѣтъ по книжкѣ имъ изданной. Руководства для нея, по его мнѣнію, приличнаго и достойнаго, не имѣется въ русской литературѣ; диктованіе на лекціяхъ воспрещено предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія, а читать по тетрадямъ часто можетъ быть вредно для слушателей. Вотъ причины, выставленныя Кондыревымъ и побудившія его просить совѣтъ напечатать на казенный счетъ, съ одобренія профессоровъ Фойгта и Неймана, переведенную имъ съ нѣмецкаго и употребляемую уже имъ въ теченіе полутора года для преподаванія книгу: «Политическая экономія», соч. Сарторіуса [1]). Издержки печатанія и бумага не должны превышать 400 рублей. Кондыревъ, при условіи напечатанія на казенный счетъ, отдавалъ свой переводъ въ полное распоряженіе совѣта, или, при отдачѣ всѣхъ экземпляровъ ему, обѣщался уплатить издержки черезъ годъ и раньше, если будетъ имѣть къ тому возможность. Попечитель согласился на послѣднее, но съ тѣмъ, «чтобъ издержки печатанія и необходимая законная прибыль казны были вычтены изъ жалованья Кондырева въ теченіе полугода». Потомъ, по новой просьбѣ Кондырева, срокъ этотъ былъ удвоенъ. Для студентовъ, какъ казенныхъ такъ и своекоштныхъ, тотчасъ по отпечатаніи уже было куплено 25 экземпляровъ. Училища округа обязательно должны были покупать книгу, такъ что Кондыревъ въ убыткѣ не остался.

Въ самомъ началѣ 1812 года, въ качествѣ члена совѣта и секретаря, Кондыревъ выступилъ съ своимъ, нами уже приведеннымъ вполнѣ (стр. 188—190) мнѣніемъ по поводу заявленія въ совѣтъ профессора Финке о томъ, что онъ не можетъ засѣдать вмѣстѣ съ Френомъ послѣ его брака. Мнѣніе это кажется намъ интереснымъ особенно въ томъ смыслѣ, что доставляетъ данныя для сужденія о нравственныхъ свойствахъ Кондырева, не какъ Кондырева соб-

---

[1]) Книга Сарторіуса повторяла А. Смита. Ея нѣмецкое заглавіе „Von den Elementen des Nationalreichthums und der Staatswirthschaft nach Adam Smith“ (Götting. 1806). Переводъ напечатанъ и называется: „Начальныя основачія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита; соч. *Григорія Сарторіуса*. Пер. съ нѣм. *Петръ Кондыревъ*. Казань, унив-ская типографія. 1812, 8°. 291 стр. Переводчикъ, какъ видно изъ списка подписавшихся на книгу, успѣлъ распространить ее въ числѣ около 600 экз.—количество, въ какомъ и теперь не расходится книга въ Казани.

ственно,—личность его вполнѣ заурядна,—а какъ типическаго представителя личностей, воспитанныхъ въ тогдашнихъ условіяхъ нашего провинціальнаго университета и подъ вліяніемъ его покровителя. Только съ этою цѣлью мы разсказываемъ профессорскую карьеру Кондырева, вдаваясь въ подробности.

Лѣтомъ того же года Кондыревъ просится въ отпускъ въ Кіевскую губернію «для свиданія съ родителями на три мѣсяца, съ удержаніемъ получаемаго имъ жалованья». Попечитель отказываетъ «по причинѣ недовольно уважительнаго обстоятельства», побуждающаго его къ поѣздкѣ. Тогда онъ просится только на вакаціонное время, но чтобъ получить ему право на прогоны, училищный комитетъ, уже открытый при Казанскомъ университетѣ, по предложенію профессора Яковкина, ходатайствуетъ предъ совѣтомъ о томъ, что такъ какъ уволенный въ отпускъ въ Кіевскую губернію Кондыревъ будетъ проѣзжать чрезъ нѣкоторые города, гдѣ находятся училища, подвѣдомственныя Казанскому университету, наприм. въ Симбирской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерніяхъ, то и можно поручить ему сдѣлать по дорогѣ *краткое* обозрѣніе симъ училищамъ, съ свидѣтельствованіемъ наличной суммы и донести о томъ комитету. Совѣтъ вполнѣ съ этимъ согласился и далъ порученіе Кондыреву «сколько время позволитъ, сдѣлать краткое обозрѣніе училищамъ, не въ качествѣ визитатора (для этого надобно было назначеніе попечителя), но яко члена совѣта» и рапортовать комитету. Такъ подъ наружнымъ видомъ служебной пользы умѣли скрывать личныя выгоды. Поѣздка эта, въ которой такимъ образомъ Кондыревъ могъ соединить полезное для службы и пріятное для себя, не состоялась. Начались грозныя событія отечественной войны; Наполеонъ уже двигался въ предѣлахъ Россіи; манифесты и воззванія возбуждали народъ и общество; патріотическое чувство, о которомъ такъ много разсказываютъ современники, выражалось повсемѣстно и весьма разнообразно, смотря по условіямъ. И въ Кондыревѣ заговорило это чувство и даже забилась геройская военная жилка, и онъ явился «патріотомъ своего отечества», но онъ былъ адъюнктъ университета, а потому этотъ патріотизмъ долженъ былъ обнаружиться нѣсколько условно. Вотъ какой рапортъ подалъ онъ 17 іюля въ совѣтъ:

„Неожиданныя обстоятельства вдругъ совершенно воспрепятствовали отъѣзду моему въ Кіевскую губернію и не позволяютъ мнѣ воспользоваться нынѣ дарованнымъ мнѣ отпускомъ. Внимая воззваніямъ Государя Императора къ вѣрнымъ сынамъ отечества о возстаніи противъ врага нашего и *желая, по долгу своему, не щадя живота,* содѣйствовать благу общему, имѣю честь объявить почтеннѣйшему совѣту *мою готовность быть нынѣ, по востребованіи, на полѣ брани, съ тѣмъ жалованьемъ, каковое получаю и въ томъ*

чинъ, каковой имѣю (можетъ быть въ чинѣ маiора, какъ онъ объяснялъ Ларiонову), считаясь однакожъ между тѣмъ въ дѣйствительной службѣ университета, и по окончанiи войны или похода, вступивъ опять въ теперешнюю мою должность. О чемъ покорнѣйше прошу представить Его пр-ству г. попечителю и кавалеру на благоусмотрѣнiе и начальническое разрѣшенiе можно ли будетъ мнѣ въ таковомъ видѣ намѣренiе сiе исполнить".

На представленiе объ этомъ совѣта, министръ народнаго просвѣщенiя, за смертiю Румовскаго, далъ знать, что Кондыревъ нуженъ университету, и притомъ въ Казанской губернiи ополченiе не собирается. Вмѣсто поступленiя въ военную службу, Кондыревъ поѣхалъ на слѣдствiе въ Чистополь, разбирать жалобу учителя Лебедева объ обидѣ, причиненной ему почетнымъ смотрителемъ училища купцомъ и коммерцiи совѣтникомъ Плаксинымъ, получивъ на проѣздъ деньги изъ суммы на визитаторовъ отпущенной. Совѣтъ поручилъ ему въ эту поѣздку осмотрѣть и описать древности пригорода Билярска. Проѣздилъ онъ около трехъ недѣль и представилъ въ училищный комитетъ подробный отчетъ о порученномъ ему слѣдствiи, а также и дневную записку. Что же касается древностей, то изъ рапорта его видно, что онъ осмотрѣлъ восемь различныхъ древнихъ городковъ, собиралъ различныя свѣдѣнiя и вещи изъ древностей царствъ Казанскаго и Болгарскаго, но «успѣлъ въ семъ только нѣкоторымъ образомъ по многимъ встрѣтившимся затрудненiямъ». Тѣмъ не менѣе однако онъ заявилъ совѣту, и просилъ довести о томъ до свѣдѣнiя попечителя, что онъ намѣренъ сдѣлать описанiе и изъясненiе древностей болгарскаго и другихъ городовъ Казанской губернiи. Попечитель писалъ, что намѣренiе это заслуживаетъ похвалу и трудъ Кондырева принесетъ ему не малую честь, когда онъ окончитъ и представитъ его университету. Какъ кажется, Кондыревъ остался при одномъ намѣренiи. Его «Дневная записка и рапортъ въ совѣтъ» объ этой поѣздкѣ не представляютъ ничего любопытнаго (они напечатаны г. Шпилевскимъ въ его книгѣ «Древнiе города и проч.» Каз. 1877, стр. 549—552).

Въ концѣ 1812 года Кондыревъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, былъ уволенъ отъ должности помощника инспектора студентовъ, которую онъ, по его словамъ въ прошенiи о выдачѣ ему аттестата, «старался исправлять въ теченiе пяти лѣтъ всевозможно должнымъ образомъ, не щадя ни своего здоровья, ни ученаго занятiя для усовершенствованiя себя».

Такова была первоначальная карьера перваго кандидата и перваго магистра Казанскаго университета. Изложенiе его дальнѣйшей дѣятельности можетъ быть сдѣлано лишь въ связи съ последующей университетской жизнью. Кондыревъ въ только что основан-

номъ университетѣ слушалъ лекціи не долѣе двухъ лѣтъ, да и лекціи эти въ дѣйствительности были лишь продолженіемъ гимназическаго курса. Иностраннымъ профессорамъ повидимому онъ ничѣмъ не былъ обязанъ; все содержаніе его трудовъ и направленіе ихъ дано было ему единственнымъ его учителемъ и покровителемъ Яковкинымъ. Цеплину онъ едва ли былъ обязанъ чѣмъ нибудь. Отъ перваго, по всей вѣроятности, онъ заимствовалъ и свой житейскій тактъ, и умѣнье пользоваться обстоятельствами, изворотливость и угодливость начальству, и ту фальшивую фразу, господствовавшую тогда, которою прикрывались и пустота содержанія и своекорыстные интересы. Знанія Кондырева были вполнѣ ничтожны и къ тому, что заключалось въ учебникахъ Яковкина, едва-ли онъ прибавилъ что либо. Если мы остановились такъ долго на Кондыревѣ, то это потому что думали видѣть въ немъ, ошибочно или нѣтъ—не знаемъ, представителя того направленія, какое преобладало въ университетѣ и вело къ житейскому и служебному успѣху. Съ наукою его дѣятельность, кажется, не имѣла ничего общаго, хотя университетъ и развилъ въ немъ до извѣстной степени значительную любознательность: этимъ и объясняются его разнообразныя поползновенія.

Другое дѣло—науки математическія, успѣхъ которыхъ несомнѣненъ въ первоначальные годы Казанскаго университета. О немъ мы уже говорили на страницахъ этихъ разсказовъ, приводя имена нѣкоторыхъ профессоровъ изъ первыхъ студентовъ университета, дѣлающихъ честь университету и оставшихся въ исторіи науки. Сами нѣмецкіе профессоры засвидѣтельствовали въ математическомъ преподаваніи прекрасные результаты. Кто-то изъ нихъ, въ одномъ изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ литературныхъ органовъ [1]), сообщаетъ слѣдующее: «Математика является тою особенною отраслью знанія, которую молодой русскій изучаетъ съ большою ревностью и съ дѣйствительнымъ успѣхомъ. Если молодымъ людямъ 15—18 лѣтъ съ пользою могутъ быть объясняемы такія сочиненія, какъ Монжа—Analyse appliquée à la Géometrie, Лагранжа—Mécanique analytique, Гаусса—Disquisitiones arithmeticae, какъ это дѣлается на лекціяхъ профессора Бартельса, или многіе отдѣлы изъ Лапласовой Mécanique céleste на лекціяхъ проф. Литтрова, то это конечно служитъ дока-

---

[1]) *Intelligenz-Blatt* der Ienaischen Allgem. Literatur-Zeitung. 1811, Num. 80. Den 7 December, въ отдѣлѣ Literarische Nachrichten, подъ рубрикой „Universitäten". Здѣсь переименованы русскіе и иностранные профессоры и говорится о ихъ дѣятельности.

зательствомъ не совсѣмъ обыкновенныхъ талантовъ слушателей и отъ нихъ справедливо много хорошаго можно ожидать въ будущемъ. Въ классической словесности выдаются весьма немногіе, а въ восточной и того менѣе». Авторъ объясняетъ послѣднее обстоятельство недостаткомъ пособій и говоритъ, что объ увеличеніи ихъ сдѣлано уже распоряженіе. Причины неуспѣха во второй области (расширимъ ее еще науками историческими и философіей) заключались, конечно, не въ недостаткѣ учебниковъ, а лежали гораздо глубже, коренились въ историческихъ условіяхъ, во всемъ ходѣ и развитіи русскаго образованія. Точно также и успѣхи въ математикѣ и наукахъ естественныхъ, столь очевидные тогда и теперь, едва ли зависѣли только отъ достоинства преподавателей (какими при началѣ университета были Бартельсъ, Литтровъ и др.) или отъ исключительной талантливости натуръ. Правда математикѣ и наукамъ физическимъ, съ самаго основанія университета, отдавали особенное предпочтеніе; успѣхи въ нихъ вызывались и попечителемъ, математикомъ и астрономомъ. Высказанное имъ желаніе, чтобъ было больше математиковъ мы привели выше (стр. 206). Несмотря на односторонность приведеннаго нами его сужденія, что науки историческія требуютъ только «напряженія памяти», нельзя однако съ нимъ не согласиться, хотя и съ нѣкоторою оговоркою. Это напряженіе памяти должно быть гораздо сильнѣе у русскаго человѣка, чѣмъ у европейца западнаго: первому приходится погружаться въ міръ для него совершенно чуждый, далекій отъ жизни и ея сложившихся условій. Онъ не связанъ съ нимъ органически, т. е. никакими дѣятельными воспоминаніями. Для европейца прошлое (хотя бы міръ классическій) есть *его* прошлое, *родное* и дорогое ему; отъ этого прошлаго онъ можетъ всегда сдѣлать практическія посылки къ настоящему. Мозгъ западнаго европейца развивался въ теченіе вѣковъ постепенно накопляющимися впечатлѣніями, и ему во сто разъ легче дается тотъ прошлый историческій міръ, въ которомъ онъ выросъ. Вотъ почему намъ кажется, что у насъ въ ту пору, о которой мы говоримъ, да и послѣ, гораздо скорѣе и легче можно было сдѣлаться математикомъ, физикомъ, химикомъ, чѣмъ историкомъ, философомъ, классикомъ (мы конечно говоримъ не объ оффиціальныхъ представителяхъ этихъ наукъ), тѣмъ болѣе, что въ практическомъ примѣненіи его знанія ощущалась потребность на каждомъ шагу. Математическая формула не имѣетъ такого длиннаго прошедшаго, какъ формула философская, заключающая въ себѣ синтезъ и прошлаго и настоящаго: ее поэтому легче усвоить.

Что преподаваніе и лекціи, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не имѣли существеннаго вліянія на занятія студентовъ, даже въ ма-

тематическихъ и физическихъ наукахъ, можно видѣть изъ нѣсколькихъ примѣровъ выдавшихся въ это время молодыхъ людей, достигшихъ въ университетѣ степеней кандидата и магистра. Дмитрій *Перевощиковъ* [1]), извѣстный впослѣдствіи какъ профессоръ математики, ректоръ Московскаго университета и членъ Академіи Наукъ товарищъ Кондыреву, подобно ему стоящій въ спискѣ первыхъ студентовъ, подаетъ въ 1807 году прошеніе въ совѣтъ о томъ, что онъ началъ переводить книгу аббата Сори—Cours de physique и проситъ представить объ этомъ попечителю. Совѣтъ нашелъ, что сочиненіе это уже устарѣло, что послѣ него сдѣлано много открытій въ физикѣ и поручилъ адъюнкту физики и смѣшанной математики Запольскому указать для перевода студенту Перевощикову другого новѣйшаго автора. Запольскій указалъ на сочиненіе De Luc—Essai sur les différentes modifications de l'athmosphére. Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія попечителя, то онъ замѣтилъ, что ему извѣстно сочиненіе De Luc, Recherches sur les modifications etc. (2 tomes, 4⁰) и неизвѣстно его Essai, а потому потребовалъ отъ Запольскаго объясненія: одно ли это и тоже сочиненіе, и если не одно, то просилъ прислать къ нему Essai. Оказалось, по спросѣ Запольскаго, что онъ и самъ подлинно не знаетъ одно ли это и тоже сочиненіе и не видалъ его, а нашелъ заглавіе его въ Бриссонѣ и слышалъ похвалу книгѣ отъ своего бывшаго профессора физики въ Московскомъ университетѣ, для перевода же рекомендовалъ, потому что «въ нынѣшнее время особенно розысканія свойствъ и явленій атмосферы вообще составляютъ предметъ физики весьма важный». Попечитель не одобрилъ выбора: «Послѣдняя книга (Recherches), писалъ онъ, по огромности своей и по содержанію своему, мало принесетъ пользы учащимся, потому что ни о чемъ больше въ ней не предлагается, какъ о воздухѣ. Я бы совѣтовалъ избрать другую, которая бы не столь была пространна и въ которой бы не о воздухѣ единственно было предлагаемо. Такова есть книга Varenii Geographia на латинскомъ языкѣ сочиненная, для учащихъ и учащихся физикѣ преполезная, преподающая не только о воздухѣ, но и обо всемъ, что къ землѣ принадлежитъ, истинныя познанія и достойная того, чтобы переведена была на россійскій языкъ. Самъ Невтонъ трудился надъ ея переводомъ на

---

[1]) Перевощиковы принадлежали къ роду пензенскихъ небогатыхъ дворянъ. Того, что мы сообщаемъ о первоначальныхъ успѣхахъ младшаго изъ двухъ братьевъ по математикѣ въ Казани, нѣтъ въ его біографіи, помѣщенной въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета", 1855, ч. 2, стр. 209—216.

англійскій языкъ и пріобщилъ свои примѣчанія. Она переведена и на французскій и издана съ новѣйшими примѣчаніями». Указаніе это осталось безъ послѣдствій.

Д. Перевощиковъ готовился въ учители. Съ конца 1807 года онъ, подъ руководствомъ Запольскаго, два раза въ недѣлю уже читалъ студентамъ физическія лекціи. Кандидатомъ онъ почему-то не сдѣлался, а потому и не остался при университетѣ и только въ концѣ 1808 года, послѣ экзамена у Бартельса, который нашелъ его слабѣе въ математикѣ, чѣмъ Княжевичъ, Перевощиковъ, какъ студентъ казенный, былъ опредѣленъ учителемъ математики въ Симбирское главное народное училище, переименованное потомъ въ гимназію. Назначеніе это послѣдовало послѣ того какъ онъ представилъ сочиненіе «О силахъ природы», одобренное Фуксомъ и Запольскимъ и подвергся испытанію въ другихъ воспомогательныхъ наукахъ. Въ Симбирскѣ Д. Перевощиковъ не бросилъ науку и свои занятія. Уже въ маѣ слѣдующаго года онъ представилъ на разсмотрѣніе совѣта два свои сочиненія: одно по математикѣ, другое по физикѣ. Только послѣ одобрительнаго отзыва о нихъ, сдѣланнаго Бартельсомъ и Запольскимъ, попечитель удостоилъ Перевощикова званія кандидата университета, но безъ жалованья и съ оставленіемъ въ прежней должности въ Симбирскѣ. Въ августѣ 1811 года оттуда же Перевощиковъ, для полученія степени магистра, представилъ свое сочиненіе «О всеобщемъ тяготѣніи», а кромѣ того переводъ съ латинскаго ариѳметики Сегнера. Переводъ этотъ былъ разсмотрѣнъ, исправленъ и одобренъ адъюнктомъ Никольскимъ. Попечитель же съ своей стороны предписалъ напечатать эту книгу на казенный счетъ въ университетской типографіи, когда она получитъ латинскій шрифтъ и математическіе знаки, и ввести ее въ училища какъ руководство. Въ январѣ 1812 года Перевощиковъ представилъ еще новые переводы: геометріи и плоской тригонометріи. Что касается до его разсужденія «О всеобщемъ тяготѣніи», то по мнѣнію разбиравшаго его, согласно порученію совѣта, адъюнкта Никольскаго, оно: 1) «почерпнуто изъ началъ опытной физики, въ которой г. сочинитель показалъ достаточныя свѣдѣнія; 2) въ цѣломъ разсужденіи видно пристрастіе сочинителя изъяснить всѣ явленія природы изъ законовъ тяготѣнія, что несообразно съ основными силами притяженія и расширенія, наблюдаемыми во всѣхъ тѣлахъ и сохраняющими бытіе ихъ; 3) по сему разсужденію г. сочинитель можетъ быть удостоенъ степени магистра физическихъ наукъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились и члены физико-математическаго отдѣленія. Министръ не утвердилъ однако представленія совѣта о возведеніи Перевощикова въ степень магистра. Онъ указывалъ на

то, что въ уставѣ, для возведенія въ эту степень, предписаны извѣстныя правила касательно испытанія (Кондыревъ, какъ мы видѣли, не подвергался никакому испытанію), а потому требовалъ, чтобы члены физико-математическаго отдѣленія «предложили ему съ своей стороны письменно какой нибудь вопросъ по сей части». Бартельсъ задалъ слѣдующій вопросъ, посланный къ Перевощикову чрезъ директора симбирскихъ училищъ: Brevem trigonometriae sphaericae delineationem omnium ejus problematum resolutiones continentem. Отвѣтъ долженъ быть представленъ на языкѣ французскомъ. Въ апрѣлѣ 1813 года Перевощиковъ, чрезъ своего директора, представилъ свой отвѣтъ, заключающій въ себѣ краткое начертаніе сферической тригонометріи. Онъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ отдѣленіемъ физико-математическихъ наукъ и Перевощиковъ получилъ степень магистра, оставаясь на службѣ въ Симбирской гимназіи. Такимъ образомъ степень была пріобрѣтена имъ вдали отъ университета, безъ всякаго его участія и безъ его пособій. О немъ даже не было никакого ходатайства со стороны Яковкина предъ попечителемъ.

Зато онъ особенно рекомендуетъ Румовскому старшаго брата Перевощикова—*Василья*, сдѣлавшагося потомъ адъюнктомъ русской словесности въ Казанскомъ, профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ (1820—1830), дѣйствительнымъ членомъ Россійской академіи и почетнымъ членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ (онъ умеръ въ 1850 году). Оба брата знали хорошо французскій языкъ и это знаніе было главною причиною ихъ успѣховъ. Едва прошелъ годъ со времени зачисленія Василья Перевощикова въ студенты, какъ уже въ немъ является желаніе сдѣлаться литераторомъ, что начиналось тогда съ переводовъ. Конечно его попытка немедленно была доведена Яковкинымъ до свѣдѣнія попечителя. «Студентъ Перевощиковъ, писалъ онъ (27 февр. 1806 г.), одинъ изъ самыхъ лучшихъ Казанскаго университета, *взошолъ ко мнѣ рапортомъ* о намѣреніи своемъ перевести «Начальныя основанія литературы», выбранныя однимъ профессоромъ изъ сочиненій аббата Баттё, въ двухъ небольшихъ томахъ въ осьмушку, напечатанныя въ Парижѣ, въ 1802 году, *прибавивъ къ тому нужнѣйшее и о россійской литературѣ*. Для полнаго обнаруженія его чувствованій осмѣливаюсь я оный рапортъ представить оригиналомъ на начальственное благоусмотрѣніе в. п. Ежели в. п. благоугодно будетъ предписать заняться переводомъ оной книги, то не благоугодно ли будетъ о томъ чрезъ вѣдомости предварить упражняющихся въ переводахъ для предотвра-

щенія соискательства». Въ своемъ рапортѣ Яковкину Перевощиковъ говоритъ о своей «природной склонности къ словеснымъ наукамъ», о своей любви къ отечественной литературѣ и о желаніи принести нѣкоторую пользу своимъ сотоварищамъ, восполнивъ недостатокъ классной книги по словесности. Такимъ образомъ въ немъ, какъ въ братѣ его, очень рано обнаружилась спеціальность; оба они остались ей вѣрными, но едва-ли эту спеціальность могъ возбудить университетъ, гдѣ въ то время даже не было профессора русской словесности. Попечитель одобрилъ намѣреніе студента, но съ нѣкоторыми ограниченіями: «Я позволяю, писалъ онъ Яковкину, чтобы онъ занялся переводомъ сей книги, ежели она не переведена, не теряя однако же посвященнаго учебнымъ предметамъ времени. Мнѣ пріятно будетъ, ежели онъ въ трудѣ семъ успѣетъ: только желательно бы для меня было, чтобы примѣры изъ россійскихъ писателей, которые прибавлять онъ намѣренъ, *старался паче заимствовать изъ лучшихъ нашихъ писателей, какъ то: изъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и проч., а не изъ нынѣшнихъ сочинителей Аглай»*. Тогда же было послано объясненіе въ Московскія Вѣдомости о предпринятомъ въ Казани переводѣ. Попечитель впрочемъ предназначалъ Перевощикова въ учители въ открывающуюся въ Пензѣ гимназію. Въ половинѣ того же года В. Перевощиковъ и уѣхалъ туда учителемъ, но занятій какъ и младшій братъ не бросилъ. Въ январѣ 1807 года онъ доносилъ совѣту, что уже четыре мѣсяца работаетъ надъ переводомъ и надѣется скоро представить его въ общество отечественной словесности при Казанской гимназіи. Затѣмъ онъ доноситъ, что сверхъ этого перевода онъ сталъ въ Пензѣ заниматься нѣмецкимъ языкомъ, а вскорѣ представилъ и переводный трудъ,—подъ названіемъ Эстетика; это и было сокращеніе Баттё, и сверхъ того переводъ съ нѣмецкаго школьной логики Кизеветтера. Эстетика, представленная попечителю, понравилась ему, несмотря на то, что въ первой ея части онъ замѣтилъ нѣсколько ошибокъ. Онъ предписывалъ объявить Перевощикову, что такой трудъ заслуживаетъ справедливой похвалы и что онъ намѣренъ представить эту эстетику на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Это расположеніе попечителя «къ юнымъ дарованіямъ» внушило В. Перевощикову мысль просить попечителя объ опредѣленіи его при Казанскомъ университетѣ въ званіи магистра философіи и изящныхъ искусствъ. «Семейственныя обстоятельства, писалъ онъ, принудили меня выйти изъ Казанскаго университета, хотя любовь къ наукамъ удерживала въ ономъ. Нынѣ обстоятельства сіи перемѣнились, а стремленіе къ познаніямъ съ лѣтами усиливается болѣе и болѣе, но въ Пензѣ я не могу пріобрѣсть обширныхъ свѣдѣній собственными

занятіями и слѣдовательно принести всевозможную пользу обществу». Попечителю показалось преувеличеннымъ такое притязаніе и онъ отказалъ. Тогда Перевощиковъ подалъ въ отставку, но уволить его было нельзя, какъ обязаннаго прослужить шесть лѣтъ правительству за казенное содержаніе. Перевощиковъ поѣхалъ въ Петербургъ лично просить попечителя. «Съ пензенскимъ директоромъ гимназіи былъ у меня г. Перевощиковъ, пишетъ Румовскій къ Яковкину (30 марта 1808 г., № 198). Отъ него прислано было предъ тѣмъ прошеніе объ увольненіи его по слабости здоровья отъ учительской должности. Я ему объявилъ, что понесши нѣкоторый родъ гнѣва за отпускъ нѣкоторыхъ студентовъ и докладывать о просьбѣ его графу (Завадовскому) не смѣю. Тогда онъ сталъ просить, чтобъ я его перевелъ въ гимназію (казанскую), для того что онъ желаетъ пользоваться наставленіями профессоровъ. Расположеніе его я похвалилъ, но притомъ спросилъ подъ какимъ названіемъ могу я перевесть его въ Казань; на сіе отвѣтствовалъ онъ мнѣ: адъюнктомъ. Этотъ случай и вызвалъ замѣчаніе Румовскаго о томъ, что казанскіе студенты имѣютъ слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе. Но попечитель скоро однако перемѣнилъ свое мнѣніе о В. Перевощиковѣ. Оба брата были весьма талантливы; а знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками помогло имъ въ умственномъ развитіи. Лѣтомъ на актѣ Пензенской гимназіи В. Перевощиковъ читалъ рѣчь. Она очень понравилась Румовскому. «Въ непродолжительномъ времени пришлю я къ вамъ рѣчь г. Перевощикова, писалъ онъ Яковкину. Сравните ее съ рѣчами въ Казани говореными... Сей молодой человѣкъ дѣлаетъ честь Казанской гимназіи и я намѣренъ перевесть его въ университетъ по россійской словесности» (20 авг. 1808 г.). Это тѣмъ болѣе необходимо было, что въ то время профессоръ русской словесности Городчаниновъ, который, по выраженію Румовскаго «за разборъ куплета» былъ удостоенъ званія адъюнкта, вышелъ изъ Казанскаго университета, а сочиненія мѣстнаго піиты, учителя Ибрагимова, въ ту пору покровительствуемаго Яковкинымъ, хлопотавшимъ о назначеніи его адъюнктомъ въ университетъ (общая и славяно-россійская грамматика) были не одобрены Россійской академіей; такая же участь постигла и его реторику для гимназій.

Дѣйствительно въ началѣ 1809 года В. Перевощиковъ сдѣлался магистромъ россійской словесности, также какъ и прочіе, безъ всякаго испытанія требуемаго уставомъ. «Усматривая отличныя способности Пензенской гимназіи старшаго учителя Василія Перевощикова, доказанныя имъ двумя опытами представленныхъ мнѣ сочиненій его, касающихся до словесности и преподаваніемъ наставленій въ оной гимназіи, писалъ попечитель въ своемъ предложеніи

совѣту (11 февр. 1809 г., № 107), предлагаю возвесть его въ званіе магистра при Казанскомъ университетѣ. Обрадованный В. Перевощиковъ переѣхалъ лѣтомъ въ Казань. Обязанность его, согласно волѣ попечителя, заключалась въ приготовленіи студентовъ къ лекціямъ будущаго, пока еще не назначеннаго профессора словесности, по нѣскольку часовъ въ недѣлю. Вскорѣ по желанію и представленію Яковкина, В. Перевощиковъ получилъ мѣсто второго помощника инспектора студентовъ, но безъ жалованья.

Переѣздъ въ Казань и нахожденіе при университетѣ съ его научными средствами, чего такъ желалъ Перевощиковъ, должны были благопріятствовать успѣху его научныхъ занятій. Онъ намѣревается написать и представить попечителю «Всеобщее историческое и философское обозрѣніе россійской словесности», но жалуется на бѣдность университетской библіотеки. Такъ, при разсмотрѣніи русскихъ баснописцевъ, Перевощиковъ по его словамъ не могъ нигдѣ въ Казани достать басенъ Майкова. «Университетская библіотека весьма недостаточна въ разсужденіи россійскихъ, особливо прошедшаго столѣтія писателей; частныя же библіотеки наполнены книгами, непринадлежащими истинно къ словесности». На это попечитель замѣчаетъ, что почти всѣ прочіе профессоры равномѣрно жалуются. «Надобно имѣть терпѣніе, потому что сумма на пріумноженіе библіотеки назначена весьма умѣренная (въ штатахъ 1804 года даже не показана сумма на библіотеку, а только 500 р. на выписку журналовъ и газетъ); смотря на нее и гг. члены свои желанія или требованія умѣрять должны». Занятія и труды В. Перевощикова шли успѣшно. Въ концѣ 1810 года, какъ мы уже знаемъ, предполагалось, согласно желанію и распоряженію министра, открытіе университета, т.-е. выборы ректора и раздѣленіе на факультеты. Чтобъ сдѣлать это открытіе *памятнѣе*, по выраженію Румовскаго, *торжественнѣе и достопамятнѣе*, по словамъ Яковкина, предполагались въ этотъ день разныя производства и повышенія. Попечитель высказалъ желаніе, чтобъ Яковкинъ представилъ къ этому торжеству въ адъюнкты Кондырева и Перевощикова, смотря на это производство, какъ на одобреніе имъ и другимъ. Такъ это было и сдѣлано. Въ числѣ трудовъ Перевощикова, кромѣ Эстетики аббата Баттё упоминается и «Исторія россійской словесности», а въ числѣ заслугъ его выставляется основательное знаніе французскаго языка. Открытіе университета не состоялось и В. Перевощиковъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, вмѣстѣ съ Кондыревымъ и Никольскимъ, лишь въ мартѣ 1811 года.

По окончаніи перевода Баттё, В. Перевощиковъ принялся было за переводъ Лагарпова Ликея (Lycée ou cours de littérature); онъ

кончилъ уже первую часть, но узнавъ, что переводъ этого сочиненія предприняла Россійская академія и что первый томъ перевода уже напечатанъ, онъ принялся за сочиненіе Цицерона *Витія* (de Oratore). Прося у попечителя позволенія объяснять эту книгу студентамъ, онъ писалъ къ нему: «Щедроты, изливаемыя на нихъ (студентовъ) в. п., напечатлѣны въ сердцахъ ихъ; но я желалъ еще показать, что вы не ограничиваете токмо ими кругъ полезныхъ вашихъ дѣяній, что россійская словесность украшается вашими произведеніями, что всѣ Россіяне ищущіе истиннаго просвѣщенія, обязаны Вамъ благодарностію. Для сего я осмѣлился взять примѣръ изъ лѣтописей Тацитовыхъ, переведенныхъ в. п.». По разсмотрѣніи этого перевода, Румовскій, въ письмѣ своемъ къ Яковкину, высказалъ слѣдующее о немъ мнѣніе, любопытное въ томъ отношеніи, что и самъ онъ былъ очень хорошимъ переводчикомъ Тацитовыхъ Лѣтописей въ прошломъ вѣкѣ:

„Г. Перевощиковъ пишетъ ко мнѣ, что если переложеніе его Цицеронова творенія удостоится одобренія, то проситъ позволить изъяснять оное студентамъ; прошу васъ сказать ему, что переводъ его мнѣ кажется очень воленъ. Ежели бы кто нибудь переводъ его переложилъ на латинскій языкъ, то мало словъ осталось бы Цицерономъ употребленныхъ. Переводъ древняго классическаго писателя долженъ соблюсти не только мысли, но и самыя выраженія и обороты сколько возможно ближе должны подходить къ подлиннику, не нарушая свойства языка, на который сочиненіе переводится. Не взирая на сіе, долгомъ почитаю отдать справедливую похвалу его трудолюбію. Кромѣ перевода приложилъ онъ разсмотрѣніе піитики Аристотелевой Ежели оно есть его сочиненіе, то мнѣ кажется, что оно достойно того, чтобы читано было въ публичномъ собраніи, даже при открытіи университета“.

Оказалось однако, что это разсмотрѣніе піитики Аристотеля есть только переводъ изъ перваго тома курса Лагарпа.

Въ 1811 г. Перевощиковъ женился на сестрѣ своего товарища Княжевича и оставилъ должность помощника инспектора, несовмѣстимую съ научными занятіями и съ преподавательствомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году, на публичныхъ курсахъ, онъ читалъ теоретическую и практическую философію. Вскорѣ возвратился въ университетъ на службу Городчаниновъ, что не совсѣмъ было пріятно Перевощикову, ставшему какъ бы въ подчиненное отношеніе къ Городчанинову. Онъ принужденъ былъ измѣнить характеръ своего преподаванія и оставить лекціи теоріи и исторіи словесности, которыми особенно занимался. Въ 1812 году Городчаниновъ жаловался совѣту, что нѣкоторые студенты, слушающіе его лекціи, «не довольно тверды въ россійскомъ слогѣ и потому не могутъ наравнѣ съ прочими слушать дальнѣйшія его преподаванія», и просилъ совѣтъ «предписать адъюнкту Перевощикову, дабы онъ

преимущественно занимался ихъ практикою, стараясь усовершенствовать ихъ въ прозаическомъ слогѣ, руководствуясь сочиненіемъ Цицерона «Витія». Какъ мы знаемъ уже, Перевощиковъ самъ перевелъ эту книгу, но не ее имѣлъ въ виду Городчаниновъ. Нападая на употреблявшуюся тогда въ высшемъ гимназическомъ классѣ реторику Рижскаго за ея «обширность и многосложность», онъ предлагалъ ввести для преподаванія учебную книгу, составленную имъ самимъ. также по руководству Цицеронова de Oratore, но «заключавшую въ себѣ сокращеніе реторическихъ правилъ, расположенное, для вящаго облегченія памяти, по вопросамъ и отвѣтамъ» [1]).

Въ 1814 году, по открытіи университета, В. Перевощиковъ произведенъ въ экстраординарные профессоры [2]).

Четвертымъ магистромъ изъ списка первыхъ студентовъ Казанскаго университета былъ Андрей Васильевичъ *Кайсаровъ* (сынъ чиновника), учившійся и въ гимназіи и въ университетѣ на казенномъ содержаніи. О немъ мы уже упоминали (стр. 217). Кайсаровъ умеръ 16 іюля 1854 года.

---

[1]) Безъ сомнѣнія это тотъ учебникъ или классическая (т. е. классная по нынѣшнему) книга, которая обозначена подъ № 17 въ монографіи г. *Лихачева*: „Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія". Каз. 1886, стр. 25.

[2]) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Васильѣ Матвѣевичѣ Перевощиковѣ находятся въ книгѣ „Отчеты Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности", составленные *Плетневымъ*. Спб. 1852, стр. 347—349, хотя то, что здѣсь говорится о первоначальной дѣятельности Перевощикова въ Казани—совершенно невѣрно. Собраніе нѣкоторыхъ мелкихъ статей своихъ по теоріи словесности и переводовъ съ латинскаго (между прочимъ „Жизнь Агриколы"—Тацита), и съ нѣмецкаго Перевощиковъ издалъ подъ названіемъ „Опыты". Дерптъ. 1822. 8⁰. 475 стр. Въ сборникъ этотъ однакожъ не вошло много статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: „Цвѣтникъ" (Беницкаго и А. Измайлова), „Московскій Музей" (В. Измайлова), „Вѣстникъ Европы" („Матеріалы для исторіи россійской словесности", 1822 г. части 122—125). Есть нѣсколько статей Перевощикова и по русской исторіи. „Вообще гораздо болѣе осталось трудовъ его въ рукописяхъ, нежели вышло въ свѣтъ"—говоритъ Плетневъ. Подъ конецъ жизни, вслѣдствіе семейныхъ потерь, Перевощиковъ, по словамъ Плетнева, впалъ въ меланхолію, и въ припадкахъ болѣзни „нерѣдко даже истреблялъ написанное въ лучшее для него время". О его профессорской дѣятельности въ Дерптѣ см. „Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета, на память о 1802—1865 годахъ". Дерптъ. 1866, стр. 87. Единственная извѣстная намъ литературная характеристика Перевощикова, хотя и очень краткая, принадлежитъ князю П. А. Вяземскому. По его словамъ это „писатель мыслящій. Жаль только, что онъ предпочитаетъ другой прозѣ прозу Ломоносова, Хераскова, Шишкова» (*Сочиненія*, т. IX, стр. 145).—Мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ объ участіи В. Перевощикова въ изданіи „Казанскихъ Извѣстій".

Пятымъ магистромъ изъ первоначальнаго списка былъ Василій Ильичъ *Тимьянскій* (род. 1791 г.), какъ и прочіе изъ казенныхъ воспитанниковъ. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ былъ камернымъ студентомъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ своихъ товарищей онъ, по засвидѣтельствованію профессоровъ объ отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ, въ торжественномъ собраніи университета 14 февр. 1809 года, по предложенію попечителя, былъ возведенъ въ званіе студента-кандидата для продолженія наукъ. Спеціальностью его была натуральная исторія, единственнымъ профессоромъ которой былъ Фуксъ. Студенты-кандидаты переставали пользоваться казеннымъ содержаніемъ, прекращалась выдача тѣмъ, кто за отличіе пользовался этимъ, по 60 р. на книги, но за то они получали штатное жалованье по 300 р. въ годъ. Университетъ обязанъ былъ имѣть строгое наблюденіе за ихъ поведеніемъ и занятіями, а чтобъ они не теряли напрасно времени, то ихъ заставляли по прежнему слушать лекціи профессоровъ по избраннымъ ими спеціальностямъ. Профессоры, съ своей стороны, обязаны были сверхъ обыкновенныхъ своихъ лекцій, удѣлить нѣсколько часовъ для особыхъ занятій съ кандидатами. Въ свободное отъ спеціальныхъ занятій время студенты-кандидаты должны были совершенствоваться въ латинскомъ языкѣ и ходить на лекціи этого языка. Въ доказательство того, что они успѣваютъ, студенты-кандидаты, по распоряженію попечителя (19 іюля 1809 года, № 420), подвергались ежегодно испытаніямъ наравнѣ съ прочими студентами. Это распоряженіе вышло послѣ того какъ кандидатъ А. Княжевичъ, ссылаясь на свое званіе кандидата, отказался отъ экзамена, за что и данъ былъ ему «жестокій выговоръ».

Тимьянскій для полученія званія кандидата представилъ разсужденіе, которое было разсмотрѣно и одобрено Фуксомъ. Въ своемъ, писанномъ по французски мнѣніи, профессоръ называетъ Тимьянскаго «un jeune homme bien élevé et orné de grands talens pour plusieurs arts et sciences, et particulièrement pour la partie systematique de l'histoire naturelle». Диссертація Тимьянскаго можетъ дать намъ нѣкоторое представленіе о характерѣ науки о природѣ, преподававшейся тогда въ университетѣ. Этотъ характеръ совершенно общій, философскій. Разсужденіе, писанное на тему, заданную Фуксомъ, имѣетъ заглавіе: «О раздѣленіи тѣлъ естественныхъ на царства, объ основательности сего раздѣленія и пользѣ, которую оно можетъ приносить въ ученіи натуры». Оно доказываетъ необходимость этого дѣленія и разсматриваетъ общіе признаки и общія свойства каждаго царства. Не отрицая, что въ самой природѣ не существуетъ системы, что она не знаетъ ея, Тимьянскій приходитъ къ

заключенію, что система эта однако необходима, хотя у нея нѣтъ другой цѣли кромѣ вспомоществованія памяти, subsidium memoriae. Въ своемъ разборѣ сочиненія Тимьянскаго, снисходительный Фуксъ нашелъ даже, что «авторъ въ одномъ мѣстѣ развиваетъ мысль новую и смѣлую» [1]). И Тимянскій долженъ былъ получить степень магистра въ день предполагавшагося открытія университета въ 1810 году, но получилъ ее вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ 1811 году, не подвергаясь никакому экзамену и не представляя особаго разсужденія. О производствѣ многихъ лицъ въ адъюнкты, магистры и кандидаты ко дню открытія и «для особеннаго ихъ одобренія въ прохожденіи ученаго званія и для поощренія и соревнованія другимъ» сдѣлано было въ совѣтъ представленіе 5 октября 1810 года Яковкинымъ, и хотя совѣтъ и постановилъ проэкзаменовать всѣхъ имѣющихъ быть повышенными въ званія кандидата и магистра, а у представленныхъ въ адъюнкты разсмотрѣть сочиненія, но этого сдѣлано не было. Наступившіе въ совѣтѣ выборы ректора, декановъ и другихъ должностныхъ лицъ согласно уставу 1804 года, бурныя сцены во время выборовъ, жалобы и протесты со стороны русскихъ и иностранцевъ, все это было причиною, что экзамены откладывались отъ одного до другого засѣданія, и наконецъ совсѣмъ не были произведены, пока не получилось предложеніе попечителя на имя Яковкина о томъ, что повышенія въ адъюнкты и магистры утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 23 марта 1811 года. Представленіе о нихъ сдѣлано было однимъ Яковкинымъ, безъ участія совѣта. Въ числѣ магистровъ былъ и Тимьянскій (по естественной исторіи, химіи, технологіи, физіологіи съ частію анатоміи). Не выдаваясь ни талантами, ни сочиненіями, Тимьянскій преподавалъ въ приготовительныхъ курсахъ ботанику, начиная съ 1812 года, и тогда же было поручено ему смотрѣніе за ботаническимъ садомъ. По открытіи въ 1814 году университета, онъ получилъ званіе адъюнкта и сдѣлался секретаремъ отдѣленія (факультета), кассиромъ и экономомъ въ правленіи университета.

Совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ и тѣмъ же порядкомъ, одновременно съ Тимьянскимъ, возведенъ былъ въ достоинство магистра шестой изъ первоначальнаго списка студентовъ — Степанъ Францовичъ *Шоникъ* (изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, род. 1789 г.).

---

[1]) ... „une idée nouvelle et hardie (?), laquelle *selon lui* pourroit servir de caractére distinctif parmi les animaux et les plantes, savoir que les premiers s'accouplent volontairement, pendant que les derniéres ne s'adonnent à cet acte qu'inovolontairement, y étant forcées par leur organisme interne ou par des irritations extérieures, savoir des insectes, des vents etc.“.

Учился онъ исключительно у Фукса и послѣднiй въ своемъ мнѣнiи о разсужденiи Шоника называетъ его mon cher élève и рекомендуетъ его покровительству совѣта, «comme un très bon sujet, qui a fait de bons progrès dans plusieurs sciences et particulièrement dans l'histoire naturelle». Диссертацiя Шоника по естественной исторiи имѣетъ также только общiй характеръ, что лежало въ условiяхъ времени и преподаванiя. Она, какъ и у Тимьянскаго, писана на тему, заданную Фуксомъ: «Имѣетъ ли всякая часть натуральныхъ произведенiй конечную причину своего существованiя». Фуксъ хвалитъ въ ней слогъ, un stile coulant et quelquefois même élégant и нѣсколько иронически отзывается о намѣренiи своего ученика видѣть вездѣ конечную цѣль. «Je loue, cependant, говоритъ онъ, la bonne intention de M-r Schonick, en voulant tout regarder, comme absolument nécessaire dans la nature, et même prendre en protection les puces, les poux et les scorpions». Шоникъ, какъ и нѣкоторые другiе, не составилъ себѣ ученой карьеры. Знаемъ, что въ 1812 году, онъ вмѣстѣ съ профессоромъ Эрдманомъ, въ качествѣ его помощника, ѣздилъ въ Тетюши для наблюденiя надъ сѣрными ключами [1]), что въ 1813 году былъ онъ надзирателемъ въ студенческой и гимназической больницахъ, а въ 1817 году умеръ.

Такимъ образомъ изъ 26 первыхъ, поступившихъ въ 1805 году казенныхъ студентовъ, въ теченiе шести лѣтъ получили степень магистра, т. е. посвятили себя ученой карьерѣ и профессорскому званiю—шесть человѣкъ,—процентъ весьма значительный. Правда не всѣ они отличались знанiями и талантами, но всѣ сдѣлались профессорами, но мы думаемъ, что это стремленiе къ ученому званiю, независимо отъ того участiя въ судьбѣ молодыхъ людей, которое своимъ влiянiемъ принималъ Яковкинъ, вызывалось духомъ времени, тогдашними реформами правительства, высоко ставившаго науку и знанiе въ государствѣ и нуждавшагося въ людяхъ образованныхъ. Яковкину выгодно было съ своей точки зрѣнiя имѣть какъ можно больше кандидатовъ и магистровъ во ввѣренномъ ему университетѣ: этимъ свидѣтельствовалось передъ начальствомъ его служебное рвенiе и успѣхъ заведенiя. Его непосредственнаго участiя отрицать нельзя, но широкая университетская сфера дѣйствовала также значительно въ молодомъ университетѣ, несмотря на недостатокъ профессоровъ и ничтожество выносимыхъ изъ университета знанiй: мы видѣли, что лучшiе изъ перечисленныхъ нами магистровъ доказывали свои свѣдѣнiя исключительно переводами. Въ ту пору и это былъ большой успѣхъ, при господствующемъ невѣжествѣ.

---

[1]) *Каз. Изв.* 1812 г., № 18.

Что производство въ магистры происходило часто случайно, что не было постановлено для того никакихъ точно опредѣленныхъ условій, что большинство достигало этой степени даже безъ экзамена и безъ диссертаціи, какъ это введено было послѣдующими узаконеніями,—это можно видѣть изъ приведенныхъ нами примѣровъ и изъ *производства* (это выраженіе, какъ о чинахъ, было тогда въ употребленіи) въ магистры въ 1811 году, особенно богатомъ ими. Въ засѣданіи 5 іюля былъ заслушанъ рапортъ помощника инспектора Кондырева о поведеніи и занятіяхъ студентовъ въ теченіе всего академическаго года. Изъ этого рапорта видно, что особенно благонравнымъ поведеніемъ и отлично хорошими успѣхами отличились студенты: Михайло Юнаковъ, Владиміръ Булыгинъ и Доримедонтъ Самсоновъ; очень хорошимъ поведеніемъ и отлично-хорошими занятіями (въ числѣ прочихъ поименованныхъ): Алексѣй Лобачевскій и Николай Алехинъ; отличнымъ занятіемъ въ математическихъ наукахъ «занимающій первое мѣсто по своему худому поведенію» Николай Лобачевскій. Совѣтъ опредѣлилъ: «призвать студентовъ въ совѣтъ и отдать каждому изъ нихъ должную справедливость». Въ слѣдующемъ засѣданіи, черезъ два дня, это и было сдѣлано, при чемъ въ числѣ другихъ *повышены были въ кандидаты* изъ упомянутыхъ: Юнаковъ, Булыгинъ, Самсоновъ, Алексѣй Лобачевскій, Алехинъ и кромѣ того баронъ Юлій Врангель, студентомъ не бывшій, но только подвергавшійся экзамену, братъ профессора Врангеля, зятя Яковкина. Черезъ три дня послѣ этого, въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, 10 іюля, профессоръ-директоръ и инспекторъ Яковкинъ предложилъ, а профессоръ Томасъ и адъюнктъ Кондыревъ представили достойными *къ повышенію въ магистры* изъ только что произведенныхъ въ кандидаты: Михайлу *Юнакова* и Владиміра *Булыгина*, «успѣхами своими *въ историческихъ наукахъ* предъ прочими отличившихся, неоднократно писавшихъ разсужденія (слѣдовъ ихъ мы не нашли однако въ архивныхъ дѣлахъ), читанныя при годовомъ испытаніи и одобренныя членами совѣта, равно тогда же дававшія примѣрныя лекціи, разрѣшившія нынѣ имъ заданные до сорока историко-статистическихъ вопросовъ и съ отмѣннымъ успѣхомъ отвѣчавшіе на предложенные вопросы». Затѣмъ другими членами представлены въ магистры изъ кандидатовъ: Доримедонтъ *Самсоновъ* по части *словесности, особенно греческой*, по рекомендаціи проф. Сторля, а также и по латинской, и *Алексѣй Лобачевскій* по части *химіи* и *технологіи*, «большіе успѣхи въ сказанныхъ предметахъ оказавшіе, неутомимостью въ трудахъ отличившіеся и по дарованіямъ своимъ лестную надежду подающіе. Всѣ сіи четыре студента курсы наукъ уже окончили *и повторительно*, поведенія первые трое

благонравнаго, а послѣдній въ настоящее время весьма скромнаго и тихаго, и посему рекомендованные г. инспекторомъ и кавалеромъ и его помощникомъ». О *Николаѣ Лобачевскомъ*, въ виду Кондыревскаго отзыва о его поведеніи, не могло быть и рѣчи, но профессоры: Бартельсъ, Германъ, Литтровъ и Броннеръ въ томъ же засѣданіи представили, «что чрезвычайные успѣхи и таковыя же дарованія его въ наукахъ математическихъ и физическихъ могутъ рекомендовать его къ повышенію въ степень магистра». Если Н. Лобачевскій и не подвергался особому испытанію, какъ и прочіе, то вслѣдъ за утвержденіемъ въ степени магистра, онъ представилъ разсужденіе «Теорія эллиптическаго движенія небесныхъ тѣлъ», что кромѣ его и Симонова, не сдѣлалъ ни одинъ магистръ. Бартельсъ далъ чрезвычайно одобрительный отзывъ. Въ августѣ всѣ эти пять новыхъ магистровъ были утверждены попечителемъ, съ производствомъ имъ жалованья по кандидатскому окладу, такъ какъ сумма на магистровъ, положенная по штату, еще не отпускалась.

Изъ этихъ пяти новыхъ магистровъ о двухъ братьяхъ Лобачевскихъ, было уже говорено нами (стр. 207 — 215). Скажемъ нѣсколько словъ объ остальныхъ трехъ. *Булыгинъ*, Владиміръ Яковлевичъ, былъ первымъ профессоромъ русской исторіи, хотя и недолго (онъ умеръ въ 1838 году). О профессорской и ученой дѣятельности его мы говорить не будемъ, какъ относящейся къ болѣе позднему времени. Булыгинъ былъ родомъ изъ Пензы, сынъ бѣдной вдовы, мальчикъ очень скромный и прилежный, но особенными дарованіями не отличавшійся. Онъ понравился Яковкину и при его участіи, съ выдачею прогонныхъ денегъ, поступилъ изъ Пензенской гимназіи на казенное содержаніе въ университетъ. Это былъ первый студентъ не изъ Казанской гимназіи. «Благодарю Бога, писалъ Яковкинъ, что симъ прокладывается новая дорога для умноженія студентовъ». Въ университетѣ онъ ничѣмъ не выдавался кромѣ благонравнаго поведенія; былъ камернымъ студентомъ и должность эту исправлялъ «усердно и исправно». Какъ кажется это были главныя права его для полученія степени магистра.

О *Юнаковѣ*, Михаилѣ Алексѣевичѣ (род. 1790 г.), магистрѣ историческихъ наукъ, кромѣ того, что онъ, въ 1812 году, вмѣсто Кондырева, читалъ на публичныхъ курсахъ россійскую исторію, географію и статистику, по открытіи университета былъ секретаремъ отдѣленія словесныхъ наукъ, а въ 1815 году адъюнктомъ, у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Дальше этого, сколько извѣстно, онъ не пошелъ.

Самсоновъ, Доримедонтъ Петровичъ (изъ дворянъ) былъ самымъ младшимъ изъ магистровъ (род. 1793 г.). Въ гимназію поступилъ

онъ въ 1805 году, а въ университетъ въ 1809 году; слѣдовательно магистромъ сдѣлался черезъ два года по вступленіи въ университетъ. Самсоновъ замѣчателенъ тѣмъ, что былъ единственный студентъ изъ описываемыхъ годовъ Казанскаго университета, занимавшійся греческимъ языкомъ и притомъ съ любовью. Какъ случилось это— объяснить мы не умѣемъ, но по всей вѣроятности знаніе французскаго языка дало ему возможность пользоваться наставленіями профессора Сторля. Въ первый уже годъ вступленія Самсонова въ университетъ, совѣтъ представилъ его упражненія въ греческомъ языкѣ попечителю. Это были стихотворные переводы двухъ-трехъ идиллій Моска и Біона и нѣсколькихъ эпиграммъ изъ Антологіи; но переводы эти такъ и назывались *вольными* и были скорѣе подражаніями. Несмотря на греческій текстъ, выписанный рядомъ съ ними Самсоновымъ, мы убѣдились, что главное дѣло тутъ было знакомство съ французскими переводами. Изъ одного письма Сторля къ попечителю видно, что Самсоновъ три раза въ недѣлю посѣщалъ его и бралъ у него частные уроки. Въ 1812 году Сторль «по желанію *нѣкоторыхъ* слушателей» занимался также греческимъ языкомъ и древностями у себя на дому. Самсоновъ, какъ видно изъ письма В. Перевощикова къ попечителю, также приходилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми студентами полюбившими занятія словесностью, разъ въ недѣлю и къ нему. На этихъ собраніяхъ, утвержденныхъ совѣтомъ молодые люди поочередно читали свои сочиненія и переводы; исправленія дѣлались подъ руководствомъ Перевощикова. Самсоновъ перевелъ съ французскаго небольшое сочиненіе г-жи Сталь «О словесности въ отношеніи къ общественнымъ постановленіямъ» и переводъ былъ представленъ попечителю.

Сторль былъ большой идеалистъ, но послѣдніе два года жизни его въ Казани были полны разныхъ семейныхъ непріятностей, ускорившихъ его смерть. Грустно дѣлается за этого ученаго, «человѣка стараго, дряхлаго и слабаго», по выраженію Яковкина (съ начала 1810 года онъ уже не подписываетъ совѣтскихъ протоколовъ по заявленной имъ «слабости правой руки»), большого эстетика, привыкшаго къ идеальнымъ и яснымъ формамъ греческаго искусства и вдругъ очутившагося посреди казанской грязи въ началѣ XIX вѣка. Въ апрѣлѣ 1811 года, въ письмѣ къ попечителю, онъ откровенно сознается ему въ печальной житейской ошибкѣ, «qui (la faute) ne saurait être attribuée qu'au sort, qui dirige les choses de ce monde sublunaire» (совершенно греческое представленіе объ ἀναγκή). «Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія жены моей (это была иностранка, съ нимъ пріѣхавшая, старуха), я жестоко захворалъ; всѣ отчаявались въ моемъ выздоровленіи; но силы возвратились и

я съ горемъ увидѣлъ, что мое маленькое хозяйство подвергалось той же участи, какъ и я, т. е. быть уничтоженнымъ». Но продолжимъ нашу выписку собственными французскими выраженіями Сторля, такъ какъ переводъ нашъ лишаетъ ихъ трогательной наивности. «Pour le remettre un peu (т. е. le petit ménage), je voyois, qu'il me falloit une personne, qui put m'éstimer à mon âge et faite pour gouverner une maison; et je croyois de l'avoir trouvé *dans la servante* qui était entrée dans mon service deux jours après que j'avois fait le pitoyable inventaire des reliques de mes effets. *Elle étoit bonne, elle a de religion*, elle avoit été affranchie par le senat (вольноотпущенная), ce que ne contribuoit pas peu pour en avoir bonne opinion et ses manières ne ressentent nullement de l'état servile, où elle étoit née.... A la fin sur le papier susdit que j'avois donné au protopope de notre paroisse, et avec l'aveu du consistoire, j'épousais la susdite personne dans l'église de notre paroisse et le protopope nous maria à la manière du culte de l'église grecque le 10 septembre 1810...» Этотъ неравный въ умственномъ отношеніи бракъ (жена и грамотѣ не знала), къ сожалѣнію нерѣдкій между профессорами университетовъ, особенно въ провинціи, но объясняемый некрасивыми условіями жизни, былъ причиною большихъ огорченій для старика, познакомилъ его съ дѣлопроизводствомъ въ полиціи и долженъ былъ ускорить его смерть. Старикъ хвастался своимъ бракомъ. Единственный изъ всѣхъ профессоровъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, въ описываемые нами года, Сторль рапортами донесъ совѣту, что онъ вступилъ въ бракъ съ Надеждою Ивановой, что 26 іюля 1811 года, у него родился сынъ Арсонофій (sic), что и было записано въ протоколъ, но вмѣстѣ съ этими счастливыми семейными обстоятельствами, начались для старика Сторля и непріятности.

Сторль помѣщался въ типографскомъ домѣ; онъ жилъ тамъ съ самаго пріѣзда въ Казань и жилъ спокойно до брака. Но въ домѣ помѣщались также и наборщики съ семьями. Жена одного изъ нихъ Анна Соколова поссорилась съ женою Сторля и обидѣла ее, какъ пишетъ профессорша въ своей жалобѣ въ полицію, «разными поносительными словами, которыхъ здѣсь помѣстить не можно». Брань Соколовой, по словамъ Сторля, слышали всѣ живущіе въ домѣ. Сторль прежде всего пожаловался Яковкину, написавъ ему просьбу на латинскомъ языкѣ. Любопытно, какъ на латинскомъ языкѣ, передается обыкновенная брань безграмотныхъ женщинъ между собою. Жена Соколова, пишетъ Сторль, «publice dicere ausa est me Высокоблагородни non tantum non esse, sed subjunxit: plures tales esse hoc nomine indignos, et quorum ob causam, Tu, neque se, neque maritum unico digitulo non tetigeris; quod hi non necessarii sint suus autem maritus neces-

*

sarius». И Сторль объясняетъ наборщиковой бабѣ: Ego mihi nomen supraditum non dedi, Augustissimus est Imperator Russiae, qui, quos prof. publ. ord. instituit hoc compellatione decorat etc. Въ жалобѣ своей Сторль просилъ Яковкина, чтобъ онъ сдержалъ бабу и ея языкъ «ut petulantiam hujus mulieris comprimas et lascivientem linguam corrigas». Яковкинъ чрезъ смотрителя типографіи Мейснера произвелъ слѣдствіе, по которому «открылись только бабьи сплетни», въ основаніи которыхъ лежало то обстоятельство, что типографщикъ Ефимовъ былъ «чичисбеемъ» у жены Сторля. «La femme de Sokoloff, пишетъ къ попечителю Сторль, a dit que le fruit, dont ma femme est enceinte, n'est pas été moi, et que j'ai même surpris l'adultère quand il (Ефимовъ) donnoit un baiser à ma femme; comme un tel affront peut ulcérer le coeur d'une honnête femme, tout le monde le sait». Директоръ перемѣстилъ Ефимова въ другую квартиру, выгналъ какую-то вдову попадью сплетницу и т. п. Всѣми этими распоряженіями директора и самъ Сторль и жена его остались недовольны. Тогда сначала жена, а потомъ и онъ подали жалобы въ полицію, которой жаловались не только на Соколову, но и на Яковкина, вмѣшавшагося въ дѣло. Сторль былъ даже вполнѣ увѣренъ, что Соколова распускаетъ грязныя сплетни и отнимаетъ у него титулъ высокоблагородія по наущенію Яковкина. Полиція съ своей стороны черезъ контору гимназіи увѣдомила профессоршу Сторль, что Соколова ни въ чемъ не обличается, да и личная обида, по силѣ манифеста 17 апрѣля 1787 года, должна разбираться формою суда, а потому и отказала ей, при чемъ взыскала за употребленную вмѣсто гербовой бумаги простую, восемнадцать листовъ, деньги по указной цѣнѣ.

Сторль какъ кажется понялъ, что дальнѣйшее пребываніе его на казенной квартирѣ, въ типографскомъ домѣ, несовмѣстимо ни съ его спокойствіемъ, ни съ его честью. Онъ просилъ позволенія у попечителя оставить казенную квартиру. «Я бы просилъ также, пишетъ щекотливый Сторль къ попечителю, de m'accorder la somme destinée pour les professeurs qui habitent à loyer, si je ne craignois, que l'on soupçonnat ici, que je ne demande de sortir de mon logis que pour toucher cette somme». Безъ сомнѣнія суровый отзывъ попечителя о нелѣпости брака Сторля, на который онъ смотрѣлъ какъ на стыдъ и поношеніе для всего ученаго сословія казанскаго, дошелъ также черезъ Яковкина и другихъ до старика; не прекращались и домашніе сплетни и толки, передаваемые женой, и сильно волновали его. Такъ Соколова распускала слухъ, что Яковкинъ уже написалъ или напишетъ къ попечителю о необходимости увольненія его отъ службы по старости и дряхлости. Это въ особенности

безпокоило Сторля. «Il est vrai, que je suis dans ma 53-me, пишетъ онъ къ попечителю (онъ былъ гораздо старше); il est vrai que je me fais mener, lorsqu'il y a de la glace ou que la neige est très profonde, mais dans tout autre tems je puis marcher comme un autre, sans que l'on me mène; il est vrai aussi que mon oeil, gauche a souffert et que le rouge le blesse, quand je le fixe longtems, mais j'écris cette lettre sans lunettes et une dissertation latine «Sur la meilleure manière d'étudier les antiquités» — preuve convainquant que je n'ai pas perdu l'usage de mes yeux». Послѣдніе мѣсяцы 1812 года Сторль уже не читалъ лекцій и въ засѣданія совѣта не приходилъ. Онъ умеръ 27 января 1813 года.

По смерти Сторля магистру Самсонову не у кого было продолжать свои занятія греческимъ языкомъ, вѣроятно только начатыя, хотя съ 1812 года онъ, по собственному желанію, сталъ преподавать латинскій языкъ въ среднемъ классѣ гимназіи. Въ началѣ слѣдующаго года Самсоновъ подалъ просьбу о своемъ намѣреніи отправиться въ Московскій университетъ «для вящаго усовершенствованія» и это былъ первый случай командировки съ ученою цѣлью въ Казанскомъ университетѣ. Самсоновъ командированъ былъ на три года съ 17 сентября 1813 года. Въ какомъ жалкомъ видѣ было преподаваніе греческаго языка потомъ, можно заключить изъ словъ извѣстнаго донесенія Магницкаго министру народнаго просвѣщенія въ 1819 году: «Каѳедра греческаго языка существуетъ только названіемъ. Студенты не умѣютъ читать по гречески». Не отрицая нисколько справедливости этихъ словъ, вполнѣ довѣряя имъ, мы замѣтимъ съ своей стороны, что знаменитый ревизоръ, видѣвшій лучинку въ чужомъ глазу, самъ ничего не сдѣлалъ для греческаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Мы знаемъ лично отъ нѣкоторыхъ студентовъ словеснаго отдѣленія, свидѣтелей новой ревизіи генерала Желтухина, послѣдовавшей за отрѣшеніемъ отъ должности Магницкаго, что и они не умѣли читать по гречески, и въ аудиторіи Мистаки, куда пришелъ ревизующій генералъ, столько же понимавшій по гречески сколько и они, для перевода на русскій языкъ, громко произносили тарабарщину.

Не такъ легко, какъ прочимъ, досталось магистерство *Симонову* (о немъ было уже нами говорено). На него пало упомянутое нами запрещеніе принимать въ студенты лицъ изъ податнаго сословія и онъ слушалъ лекціи въ университетѣ благодаря участію къ нему Яковкина. Только вслѣдствіе ходатайствъ и писемъ Бартельса и Литтрова дано ему было попечителемъ соизволеніе подвергнуться

экзамену для того, чтобъ получить какое либо званіе. Экзаменъ этотъ происходилъ въ концѣ 1810 года и члены физико-математическаго отдѣленія признали его достойнымъ магистерскаго достоинства тогда же. Но только въ августѣ 1811 года было получено увольненіе его отъ городского общества города Гороховца Владимірской губерніи. Тогда же было сдѣлано представленіе попечителю объ утвержденіи его магистромъ, но утвержденіе это послѣдовало не вдругъ. Попечителю нужны были свѣдѣнія: кончилъ ли Симоновъ курсъ, требуемый для полученія званія магистра по специальности, какія науки онъ слушалъ, и особыя свидѣтельства всѣхъ профессоровъ по отдѣленію математическихъ наукъ о его занятіяхъ и успѣхахъ. Послѣ всего этого министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ наконецъ представленіе въ правительствующій сенатъ объ исключеніи Симонова изъ купеческаго званія для поступленія его въ службу по учебной части. Только послѣ указа сената Симоновъ былъ утвержденъ магистромъ 27 іюля 1812 года. Вслѣдъ засимъ Симоновъ представилъ и первое свое сочиненіе «О притяженіи однородныхъ сфероидовъ, ограниченныхъ поверхностями второй степени». Ссылаясь на большіе успѣхи Симонова въ практической астрономіи засвидѣтельствованные Литтровымъ, Бартельсъ хвалитъ это сочиненіе, но замѣчаетъ, что «quamvis autem D. Simonov rerum mathematicarum bene expertus sit, tamen a D-no Lobatchevsky, praesertim in partibus subtilioribus superatur».

Самые молодые изъ магистровъ 1812 года были *Алехинъ* Николай Михайловичъ (изъ дворянъ), переведенный въ университетъ въ февралѣ 1809 года (въ 1812 году было ему только 18 лѣтъ) и баронъ Юлій Васильевичъ *Врангель* (изъ эстляндскихъ дворянъ), учившійся въ Ревельскомъ высшемъ дворянскомъ училищѣ и поступившій въ университетъ только въ апрѣлѣ 1810 года (въ 1812 году ему было 20 лѣтъ). Оба они, какъ мы видѣли, удостоены были степени кандидата юридическихъ наукъ 3 августа 1811 года. Единственными профессорами юридическихъ наукъ въ томъ году были: Финке и старшій братъ кандидата баронъ Врангель. Уже въ маѣ 1812 года поступило отъ совѣта представленіе о возведеніи ихъ въ магистерское достоинство, основанное на мнѣніи Финке. Мнѣніе это заключалось въ общихъ фразахъ. О Врангелѣ Финке высказывался: «juvenis splendidi ingenii, suavissimorum morum et singularis diligentiae, cui inprimis studium juris cordi et curae est, magis magisque laudem meam et suffragationem meretur». Тоже объ Алехинѣ: «similiter de candidato Alechin judicandum esse censeo, qui summa

cum cura et amore studium juris prosequutus est; quare et eum publice laudo atque benevolentiae concilii commendo». Никакихъ разсужденій они не писали. Попечитель потребовалъ однако удостовѣренія ихъ знаній экзаменомъ, на основаніи §§ 93 и 98 устава и, если они окажутъ удовлетворительные успѣхи, разрѣшалъ произвести ихъ въ магистры. Предложеніе попечителя было заслушано въ совѣтѣ 26 іюня, а 3 іюля Финке и Врангель, въ присутствіи членовъ совѣта, произвели имъ испытаніе разомъ въ слѣдующихъ предметахъ: право естественное, частное государственное и народное, право римское и нѣмецкое, исторія правъ, россійскія уголовное и гражданское право. Отвѣты были признаны удовлетворительными и обстоятельными и они были возведены въ магистерское достоинство. Оказалось, что Врангель, своекоштный кандидатъ, былъ тринадцатымъ магистромъ (по штату ихъ было 12), а потому ему, пока не очистится вакансія, было предоставлено только кандидатское жалованье. Врангель уволился вовсе отъ службы университету въ февралѣ 1814 года. Алехинъ, начиная съ 1813 года, преподавалъ на публичныхъ для чиновниковъ курсахъ, съ 1814 года былъ секретаремъ цензурнаго комитета и умеръ адъюнктомъ въ 1819 году; Городчаниновъ написалъ стихи на его смерть [1]).

Кромѣ этихъ магистровъ, обязанныхъ Казанскому университету своимъ образованіемъ и приготовленіемъ къ ученой карьерѣ (большинство изъ нихъ стало или профессорами или адъюнктами), были еще три человѣка, долго служившіе университету, не учившіеся въ немъ, но избранные первымъ попечителемъ и присланные въ Казань. Всѣ трое стали профессорами. О первомъ изъ нихъ, Никольскомъ, было уже говорено на страницахъ этихъ разсказовъ (стр. 202—204). Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ двухъ.

Дунаевъ Иванъ Ивановичъ (род. 1788 г., умеръ въ отставкѣ въ сороковыхъ годахъ), происходилъ изъ духовнаго званія, образованіе получилъ въ Ярославской семинаріи, откуда въ 1806 году поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ. Какимъ образомъ здѣсь онъ былъ приготовленъ, у насъ свѣдѣній нѣтъ, но Румовскій, основываясь на отличномъ свидѣтельствѣ конференціи института о его знаніяхъ, назначилъ его 27 февраля 1811 года *магистромъ по части химіи и технологіи*, однакожъ «для усовершенствованія его» предлагалъ совѣту съ этою цѣлью поручить его одному изъ профес-

---

[1]) *Каз. Изв.* 1819 г. № 25. См. Сочиненія, стр. 537—538.

соровъ. Въ маѣ Дунаевъ явился къ своему служенію; дѣлать впрочемъ ему сначала нечего было, также какъ не было лица, у котораго можно было ему получить дальнѣйшее усовершенствованіе. Эвеста уже не было въ живыхъ, а заступившій его мѣсто профессоръ химіи и технологіи Вуттихъ «отсутствовалъ и неизвѣстно когда прибудетъ». Яковкинъ предполагалъ поручить Дунаеву преподаваніе химіи и технологіи съ тѣми студентами, которые поступятъ въ будущемъ 1811 — 1812 учебномъ году, а пока, чтобъ занять его предоставилъ ему двухъ успѣвшихъ уже студентовъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ занимался съ ними практически химическими и технологическими опытами и посѣщалъ съ ними казанскіе заводы и фабрики. По предложенію же проф. Эрдмана Дунаеву поручено руководствовать студентовъ лекціями съ тѣмъ, чтобъ эти послѣднія могли служить приготовленіемъ къ слушанію медицинскихъ преподаваній. Дунаевъ, по открытіи университета въ 1814 году, былъ произведенъ въ адъюнкты и затѣмъ получилъ званіе экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Магницкій, въ своемъ донесеніи 1819 года, отзывался о немъ совершенно справедливо, что «адъюнктъ Дунаевъ въ преподаваніи химіи не можетъ достаточно замѣнить хорошаго профессора сей науки». Въ 1837 году онъ былъ уволенъ *за реформою* (по уставу университетовъ 1835 года каѳедры технологіи не полагалось) и жилъ нѣкоторое время въ отставкѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и воспитывая дѣтей, въ приданой деревенькѣ жены въ Спасскомъ уѣздѣ. Ни учениковъ, ни памяти онъ не оставилъ.

Третій, присланный Румовскимъ лишь въ званіи кандидата, впослѣдствіи сдѣлавшійся профессоромъ философіи Казанскаго университета, былъ Осипъ Евсеевичъ *Срезневскій*, родной дядя нашего знаменитаго слависта и академика. Срезневскій былъ старше казанскихъ кандидатовъ; ему было уже 30 лѣтъ (онъ родился въ 1780 году). Происходилъ онъ изъ духовнаго званія и окончилъ курсъ въ Рязанской семинаріи, гдѣ сверхъ обычныхъ предметовъ, *обучался еще физіологіи, анатоміи и хирургіи.* Изъ семинаріи въ 1799 году онъ былъ отправленъ въ Московскую духовную академію, по окончаніи курса въ которой поступилъ учителемъ въ Рязанскую семинарію въ 1803 году. Здѣсь преподавалъ онъ довольно разнообразные предметы: десять мѣсяцевъ высшее краснорѣчіе и греческій языкъ, годъ—реторику и исторію всеобщую и россійскую; два года — піитику и географію всеобщую и россійскую, а также и миѳологію; два года объяснялъ публично законъ Божій; три года и десять мѣсяцевъ училъ французскому языку и три года—пасхаліи. Въ 1807 году Срезневскій по просьбѣ своей былъ уволенъ отъ учительства и поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ учился

около четырехъ лѣтъ; тамъ между прочими преподаваемыми науками, учился онъ и правамъ: естественному, частному, государственному и общему, а также политической экономіи, наукѣ о финансахъ и коммерціи. Вотъ тѣ основанія, которыя дали ему право просить Румовскаго о назначеніи его кандидатомъ юридическихъ наукъ въ Казанскій университетъ и высказывать желаніе продолжать въ немъ ученіе «для пріобрѣтенія большаго званія въ упомянутыхъ наукахъ». Онъ былъ уже, согласно просьбѣ, назначенъ учителемъ въ Екатеринбургское училище, но назначеніе въ Казань казалось выгоднѣе. «Поелику между воспитанниками Казанскаго университета, представлялъ Румовскій министру, почти никто не оказываетъ охоты къ правовѣдѣнію, а студентъ Срезневскій *прилежалъ къ оному преимущественно*, то польза Казанскаго университета принуждаетъ меня покорнѣйше просить В. С., чтобъ благоволили для Екатеринбургскаго училища опредѣлить изъ педагогическаго института студента съ меньшими въ сравненіи Срезневскаго успѣхами и не имѣющаго охоты далѣе простираться въ ученіи». Срезневскій опредѣленъ былъ кандидатомъ 22 іюня 1811 года. Въ августѣ Срезневскій пріѣхалъ въ Казань, а въ маѣ слѣдующаго года поступило въ совѣтъ представленіе адъюнкта умозрительной и практической философіи Лубкина, что кандидатъ юридическихъ наукъ Срезневскій изъявилъ ему желаніе продолжать службу и по части философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ готовность быть ему помощникомъ въ безостановочномъ преподаваніи ея. Лубкинъ свидѣтельствовалъ, что Срезневскій три раза выслушалъ курсъ философскихъ наукъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ учился, что онъ знаетъ и словесныя науки и разные языки и что онъ получилъ къ философіи «не только вкусъ, но и склонность, какъ и самъ онъ мнѣ открывался». Лубкинъ представлялъ его въ магистры философіи, а самъ Срезневскій просилъ совѣтъ подвергнуть его испытанію на эту степень. Это прошеніе подано было имъ потому, что одновременно профессоръ правъ Финке представлялъ Срезневскаго, вмѣстѣ съ Врангелемъ и Алехинымъ, въ магистры правъ. Онъ писалъ, что Срезневскій «vir eruditus assiduusque, praeclaris ingenii dotibus et doctrinae speciminibus mihi se commendavit», что онъ усердно посѣщалъ его лекціи, что на этихъ лекціяхъ онъ упражнялся практически въ римскомъ правѣ и сверхъ того перевелъ на русскій языкъ вторую часть его сочиненія «Естественное право». Соглашаясь съ представленіемъ Лубкина и нѣсколько недовольный тѣмъ, что Срезневскій нѣкоторымъ образомъ измѣнилъ ему, Финке, ссылаясь на §§ 93 сл. устава, требовалъ, чтобъ Срезневскій былъ экзаменованъ. Финке говорилъ, что Врангель и Алехинъ подвергались испытанію (examine cum iis rite peracto). Экзаменъ

этотъ не замедлилъ собою; Лубкинъ произвелъ его и Срезневскій былъ въ іюлѣ уже удостоенъ степени магистра.

Изъ его примѣра, какъ и изъ разсказанныхъ нами случаевъ производства первыхъ магистровъ въ Казани, легко видѣть какъ случайно давались эти степени, которыя вели къ профессурѣ и надолго дѣлали человѣка единственнымъ представителемъ той или другой важной науки въ университетѣ. Сравнивая это приготовленіе къ профессурѣ нашихъ молодыхъ людей съ тѣмъ, какое получали выдающіеся между иностранцами профессоры (нѣкоторые и изъ нихъ тоже случайно конечно попадали на каѳедры), нельзя не видѣть какъ ничтожно было это приготовленіе. Ни одинъ изъ нихъ до профессорства ничего не печаталъ и потомъ смотрѣлъ на это, какъ на непріятную обязанность, которую надобно отбыть. Срезневскій зналъ свою философію лишь по жалкимъ тогдашнимъ семинарскимъ учебникамъ; нѣмецкій профессоръ философіи необходимо долженъ былъ развиться подъ могущественнымъ вліяніемъ широкой развивающейся мысли въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка. Самъ Лубкинъ, рекомендовавшій Срезневскаго, недолго впрочемъ занимавшій каѳедру философіи въ Казани, былъ не больше Срезневскаго приготовленъ. На своего клiента онъ смотрѣлъ какъ на «чиновника», могущаго занять его должность въ случаѣ его болѣзни или отсутствія и такъ и называлъ его. Дѣйствительно Срезневскій былъ только чиновникомъ, занимающимъ казенное мѣсто съ хорошимъ по тому времени окладомъ и безъ сомнѣнія послѣдній игралъ главную роль въ его стремленіи къ профессурѣ. Вотъ почему намъ кажется, за исключеніемъ конечно своеобразной точки зрѣнія, что Магницкій въ своемъ отзывѣ вполнѣ вѣрно представилъ печальный успѣхъ его преподаванія: «Профессоръ философіи Срезневскій, говоритъ онъ, воспитанникъ здѣшняго педагогическаго института, слѣдуя системѣ Якоби, *руководствуется духомъ не весьма полезнымъ*, и, по счастію, преподаетъ лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два часа, спросилъ я студентовъ: въ чемъ лекція того дня состояла и ни одинъ не зналъ сего. Полагая, что присутствіе мое могло быть причиною сего страннаго разсѣянія, сдѣлалъ я нѣкоторые вопросы изъ исторіи философіи, которую они прежде слушали, но въ томъ ни отъ одного изъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта не получилъ». Это по большей части такъ было и потомъ, и не въ одной философіи: между студентами и выслушиваемой ими наукой рѣдко существовала та духовная связь, которая необходима для успѣха.

Кандидаты и магистры, въ которые по уставу производились преимущественно казенные студенты, должны были образовать при университетѣ *педагогическій* или учительскій институтъ подъ начальствомъ особеннаго директора, избираемаго изъ ординарныхъ профессоровъ. Директоръ этого учрежденія долженъ былъ представлять совѣту каждые полгода *планъ ученія* «сообразный намѣренію сего учрежденія». А цѣль педагогическаго института заключалась въ томъ, чтобы приготовить для гимназій и училищъ университетскаго округа учителей, въ которыхъ сильно нуждались. Магистры оставлялись въ университетѣ; изъ нихъ должны были выходить профессоры. Каждый магистръ, по истеченіи трехъ лѣтъ, «если общее собраніе (т. е. совѣтъ) *по надлежащемъ испытаніи* признаетъ его достойнымъ» (такого испытанія для магистровъ, насколько намъ извѣстно, въ Казанскомъ университетѣ почти не было), производится въ адъюнкты, а изъ лучшихъ магистровъ, отличившихся въ наукахъ и поведеніи, двое, черезъ каждые два года, отправлялись въ чужіе края для усовершенствованія. Но педагогическій институтъ при Казанскомъ университетѣ былъ открытъ лишь въ 1812 году и первымъ его директоромъ былъ профессоръ Броннеръ, составившій любопытный планъ занятій, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. А до тѣхъ поръ эти занятія, да и вообще положеніе кандидатовъ и магистровъ, самое возведеніе ихъ въ эти званія были вовсе неопредѣленны, зависѣли отъ случайностей, отъ личныхъ вліяній, какъ мы уже видѣли не разъ.

Положеніе кандидатовъ и магистровъ такимъ образомъ было весьма неопредѣленно, особенно ихъ занятія. Только предъ самымъ открытіемъ педагогическаго института, внесшаго нѣкоторую систему въ эти занятія, въ 1811 году стали разсуждать о томъ, чтобъ постановить какія нибудь общія правила. Яковкинъ съ своей стороны представлялъ попечителю, что правила эти должны имѣть цѣлью: *надзоръ за поведеніемъ* (всѣ кандидаты и магистры жили въ университетѣ) и *успѣхи въ занятіяхъ*. Надзоръ надобно или поручить особому чиновнику или инспектору студентовъ. Что касается до занятій, то 1) всѣ кандидаты должны заниматься на дому у профессоровъ два или три раза въ недѣлю; 2) профессоръ долженъ представлять совѣту чрезъ каждые полгода о томъ, чѣмъ занимается у него кандидатъ и какіе успѣхи оказываетъ; 3) всѣ кандидаты, кромѣ избранной ими особой науки, должны усовершенствовать себя въ знаніи языковъ латинскаго и россійскаго, почему профессоры этихъ предметовъ должны назначить особыя лекціи для кандидатовъ по два часа въ недѣлю каждый; 4) успѣхи въ этихъ двухъ предметахъ должны приниматься въ соображеніе при производствѣ

въ магистры; 5) преподаватели латинскаго и русскаго языковъ должны также рапортовать въ совѣтъ ежегодно или чрезъ полгода объ успѣхахъ кандидатовъ; 6) кандидатамъ предоставить на волю посѣщать или не посѣщать лекціи тѣхъ наукъ, занятіямъ которыми они посвятили себя, «ибо часто повтореніе того, что кандидатъ зналъ хорошо, будетъ уже излишне». Совѣтъ согласился съ этимъ, но прибавилъ еще правила для магистровъ. Чтобы и они «не упускали время», ихъ подчиняли надзору инспектора и того профессора, по части котораго они магистры. Занятія ихъ должны заключаться: 1) въ лекціяхъ для студентовъ; 2) въ помощи профессорамъ и адъюнктамъ, заключающейся въ повтореніи со студентами пройденнаго и въ объясненіи имъ того, чего они не понимаютъ; 3) въ содѣйствіи изданію «Казанскихъ Извѣстій»; 4) въ исполненіи порученій, даваемыхъ начальствомъ и наконецъ 5) въ собственномъ усовершенствованіи въ избранной спеціальности, для чего они должны находиться въ ближайшемъ и всегдашнемъ сношеніи съ тѣми профессорами и адъюнктами, «коимъ они подвѣдомы».

Попечитель остался доволенъ этими правилами, особенно по отношенію къ кандидатамъ; онъ видѣлъ въ составленіи ихъ «знакъ попеченія о исполненіи должности». Что касается до магистровъ, то онъ справедливо замѣтилъ, что магистры преимущественно должны заботиться о своемъ усовершенствованіи въ избранной ими наукѣ, а преподаваніемъ могутъ заниматься лишь тогда, когда профессоръ или боленъ или отсутствуетъ по какой либо причинѣ, повтореніемъ же пройденнаго непремѣнно въ другіе а не въ тѣ часы, которые назначены для профессора или адъюнкта. Между тѣмъ въ росписаніи преподаваній на 1811—1812 годъ помѣщены и всѣ магистры, съ согласія профессоровъ, по двумъ причинамъ, какъ сообщаетъ Яковкинъ попечителю (11 іюля 1811 года): 1) «дабы ихъ (магистровъ) занявши преподаваніемъ, *понудить* болѣе упражняться каждаго по своей части и 2) дабы имѣть преподаванія и на россійскомъ языкѣ тѣхъ наукъ, кои гг. профессорами преподаются на языкахъ иностранныхъ». Преподаваніе магистровъ естественно должно было отвлекать ихъ отъ занятій наукою, но при господствовавшемъ тогда легкомъ взглядѣ на университетское преподаваніе, да и вообще на науку, при незначительныхъ требованіяхъ отъ магистровъ, какъ мы видѣли, совѣтъ стоялъ на своемъ и ссылался на § 28 устава, по которому и магистру можно поручить преподаваніе. Магистрамъ поручалось преподаваніе такъ называемыхъ тогда пріуготовительныхъ курсовъ; такъ Шоникъ преподавалъ приготовительный курсъ естественной исторіи, а Кайсаровъ—физики для вновь поступившихъ; такъ преподавалъ Дунаевъ, за неимѣніемъ профессора, Тимьянскій,

потому что профессоръ занятъ другою частью. Совѣтъ былъ убѣжденъ, что это преподаваніе магистровъ не только не будетъ мѣшать усовершенствованію ихъ въ своей наукѣ, но «еще болѣе можетъ ускорить оное». Настаивалъ совѣтъ на необходимости преподаванія магистровъ и потому, что вновь поступившіе, особенно въ началѣ курса, не могутъ понимать преподаванія на иностранныхъ языкахъ. Изъ этого легко вывести заключеніе, что только весьма незначительное число студентовъ, только понимавшіе новые языки (о латинскомъ мы уже говорили: его никто не зналъ) могли воспользоваться наставленіями иностранныхъ профессоровъ. Совѣтъ ссылался на «мѣстныя обстоятельства» и профессоры-иностранцы по необходимости поддерживали такой взглядъ. Бартельсъ доносилъ совѣту, что Лобачевскій будетъ объяснять слушателямъ его, профессора, то «чего они не доразумѣваютъ». Такую же почти обязанность исполняли у Томаса Булыгинъ и Юнаковъ, однимъ словомъ они являлись чѣмъ то въ родѣ переводчиковъ.

Сказаннаго нами кажется достаточно для того, чтобъ составить себѣ представленіе объ успѣхахъ преподаванія въ описываемое время. Успѣхи эти зависѣли отъ тогдашнихъ условій и мы видимъ какъ трудно давались они, какъ были незначительны сравнительно съ последующимъ временемъ, когда появились лучшія условія для науки, когда усилились ея требованія. И теперь, несмотря на трудныя условія, университетъ успѣлъ однако приготовить нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ займутъ съ честью мѣсто не только на страницахъ его исторіи, но и въ исторіи развитія науки. На нѣкоторыхъ изъ нихъ правда лежитъ сильный отпечатокъ времени, мѣстной среды, той чиновнической фальши и лицемѣрной фразы, которая сдѣлалась хроническою язвою нашего образованія, но наша цѣль въ этихъ разсказахъ заключается именно въ томъ, чтобъ показать дѣйствительное состояніе университетской науки, не основываясь на однихъ оффиціальныхъ отчетахъ.

Глава VII.

Отношеніе университета къ разнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. — Ученыя экспедиціи и общества. — Ученыя начинанія Яковкина. Его палеонтологическая экскурсія и собираніе рукописей.—Изобрѣтеніе университетскаго механика Горденина.—Патріотическія пожертвованія.

Не однимъ преподаваніемъ и приготовленіемъ молодыхъ людей къ полезной общественной дѣятельности, на чемъ мы до сихъ поръ останавливались, какъ на главной цѣли университета, заявляетъ онъ свое существованіе. И какъ цѣлое, и отдѣльной дѣятельностью членовъ своей корпораціи онъ представляетъ ту великую силу, которая называется наукою. Такой организмъ, какъ университетъ, гдѣ сосредоточивается самое разнообразное знаніе, долженъ бы былъ, особенно въ глухомъ углу Россіи, какимъ былъ тогда казанскій край, играть первенствующую, вліятельную роль. Жизнь безусловно и всегда нуждается въ знаніи, но не вдругъ пробуждается въ ней потребность этого знанія, не вдругъ выросла и вліятельная наука, а потому, на первыхъ порахъ существованія университета, мы найдемъ только слабые признаки его участія въ окружающей жизни. Общество интересовалось лишь анекдотическою, сплетническою стороною университетской жизни, тогда какъ университетъ могъ приносить и прямую пользу распространеніемъ знаній въ ихъ практическомъ примѣненіи къ жизни. Публичныхъ лекцій въ современномъ ихъ смыслѣ въ описываемое нами время въ Казани вовсе не было, а такъ называемые *публичные курсы*, открытые въ университетѣ согласно указу 1809 года, *для чиновниковъ*, представляли собою только жалкое изложеніе ничтожныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ, привлекали очень мало слушателей и весьма часто оставались безъ нихъ; нужно было только записаться на нихъ, чтобъ имѣть право подвергнуться экзамену. Университетская жизнь однако

начала понемногу оказывать свое вліяніе на окружающее. Появляются, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, ученыя общества, популяризующія науку и знанія, двигающія ихъ впередъ и умѣющія привлечь въ свою среду и лицъ, чуждыхъ университету, или наконецъ чисто литературныя предпріятія и изданія, такъ какъ литературная дѣятельность могла въ ту пору исходить только отъ университета. Съ другой стороны и разныя административныя учрежденія, и частныя лица стали обращаться къ университету за помощью, которую только въ немъ и могли найти. Начало этой общественной роли университета совпадаетъ съ первыми годами его существованія и по нашему мнѣнію оно представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ намъ представленіе о научныхъ силахъ самого университета, объ ихъ характерѣ, и показываетъ, что могъ сдѣлать университетъ для общества и въ чемъ нуждалось послѣднее. Надобно впрочемъ замѣтить, что во всей этой такъ сказать практической дѣятельности университета въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, иниціатива не могла принадлежать самому университету, только что начавшему жить. По недостатку дѣятелей и научныхъ силъ, во всѣхъ почти случаяхъ начинаніе требовалось властью, бумагою попечителя. И самый уставъ вызывалъ эту дѣятельность, одобрялъ ее. Въ его § 9 говорилось: «Къ особливому достоинству университета отнесется составленіе въ нѣдрѣ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ (exactes). Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніи ихъ хозяйственной суммы». Естественно, что если цѣлое общество, основываемое при университетѣ должно было приносить ему особливую честь, то и каждый членъ университета долженъ былъ съ своей стороны «ставить себѣ» въ особливое достоинство свою ученую и литературную дѣятельность въ печати, но ей, на первыхъ порахъ университета, выдвигались непреоборимыя преграды. Онѣ заключались и въ чиновничьемъ характерѣ университетскихъ членовъ, и въ ихъ неприготовленности къ ученому труду (мы видѣли, что вся ученая дѣятельность выражалась въ переводахъ, да и то запоздалыхъ), и въ непривычкѣ къ литературной дѣятельности, и въ недостаткѣ денегъ на печатаніе, такъ какъ авторъ былъ вполнѣ увѣренъ тогда, что книга его будетъ имѣть самое ничтожное количество читателей и расходы его никакъ не окупятся (и долго спустя ученыя произведенія членовъ университета могли печататься только на казенный счетъ), и въ разныхъ другихъ причинахъ. Мы остановимся на нѣко-

торыхъ сторонахъ этой дѣятельности университета, такъ какъ въ ней раскрываются черты времени, направленіе и содержаніе тогдашняго образованія.

Первый случай, когда казанская администрація, въ лицѣ губернатора Мансурова, обратилась въ университетъ за научною помощью, произошелъ въ сентябрѣ 1806 года. Казанскія бойни находились тогда на Арскомъ полѣ и въ очень близкомъ разстояніи отъ военнаго госпиталя (это былъ домъ казанскаго губернатора во время Пугачевщины). Какъ долго потомъ, а очень можетъ быть и въ настоящее время, эти бойни распространяли страшное зловоніе, оно доходило и къ больнымъ въ госпиталь, наполняло комнаты, гдѣ они лежали. Губернатору нужно было знать: не приноситъ ли зловоніе боенъ вредъ больнымъ и не разстраиваетъ ли еще болѣе ихъ здоровье? Совѣтъ весьма сочувственно отнесся къ запросу губернатора и откомандировалъ для совмѣстнаго засѣданія съ врачебной управой весь свой научный персоналъ изъ лицъ, имѣвшихъ какое нибудь отношеніе къ дѣлу: медиковъ Фукса и Каменскаго, Эвеста, какъ доктора медицины, и Запольскаго, въ качествѣ адъюнкта физики. Изслѣдованіе сдѣлано было добросовѣстно, на мѣстѣ, и совершенно практически. Университетская коммиссія пришла къ убѣжденію, что зловоніе, временно доносимое вѣтромъ отъ боенъ въ госпиталь, не можетъ имѣть важнаго вліянія на болѣзни и смертность въ немъ. Такое заключеніе свое члены основывали на томъ, что 1) зловоніе въ госпиталь приносится юго-западнымъ вѣтромъ, случающимся въ Казани вообще очень рѣдко и притомъ госпиталь защищенъ отъ него садомъ; 2) на городъ собственно зловоніе несетъ восточный вѣтеръ, но граждане, живущіе на открытомъ мѣстѣ, въ ближайшихъ улицахъ, по замѣчанію врачей, не подвержены столько повальнымъ и другимъ важнымъ болѣзнямъ, какъ тѣ, которые живутъ вдали отъ боенъ, въ низкихъ мѣстахъ города, напр. въ улицахъ Засыпкиной и Нижне-Ѳедоровской; 3) бойни расположены на высотѣ и вѣтеръ не дозволяетъ гнилому воздуху оставаться на одномъ мѣстѣ и разноситъ его; 4) хотя въ бойняхъ и господствовалъ сильный гнилой запахъ отъ нечистоты и неопрятности, но коммиссія нашла всѣхъ живущихъ при бойняхъ совершенно здоровыми и въ ихъ числѣ одного, который служилъ тамъ тридцать лѣтъ и ни разу не былъ боленъ и наконецъ 5) если бы бойни имѣли вредное вліяніе на больныхъ въ госпиталѣ, то необходимо признать, что болѣзни отъ того происходящія, должны быть однообразны, имѣть общія свойства, усиливаться особенно лѣтомъ, когда увеличивается гнилость на бойняхъ, но все это требуетъ особаго изслѣдованія и долговременныхъ наблюденій.

Казанскій городовой магистратъ въ томъ же году обращается къ университету съ просьбою перевести полученное съ почтою на нѣмецкомъ языкѣ письмо и какое-то печатное объявленіе на имя казанскаго купечества, при немъ приложенное. Казанская полиція препровождаетъ въ 1810 году для перевода «арапскую записку, содержащую въ себѣ будто бы чародѣйство и колдовство». Профессоръ Френъ переводитъ ее. Такихъ порученій и просьбъ о переводѣ, напримѣръ манифестовъ 1812 года на татарскій языкъ, встрѣчается много и въ послѣдующіе годы. Интересно *дѣло о громоотводахъ.*

Командиръ Казанскаго порохового завода генералъ-маіоръ Реслейнъ обратился въ іюнѣ 1812 года въ совѣтъ университета съ просьбою устроить на заводѣ громоотводы, согласно описанію и чертежамъ ихъ, присланнымъ изъ артиллерійскаго департамента, который и предписалъ ему снестись съ университетомъ, въ случаѣ, если онъ не можетъ самъ, подъ своимъ надзоромъ, безъ посторонней помощи, установить громоотводы. Указать, какъ должны быть устроены они, изъявилъ согласіе проф. Броннеръ, но принималъ на себя «только то, что до науки касается». Но такъ какъ генералъ-маіоръ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, по нѣмецки не зналъ, то послѣ перваго свиданія съ Броннеромъ попросилъ и «чиновника для перевода»; въ качествѣ переводчика былъ командированъ студентъ-кандидатъ Линдегренъ. Онъ перевелъ планъ и описаніе громоотводовъ, сдѣланное Броннеромъ. Планъ Броннера и описаніе препровождены были Реслейномъ въ артиллерійскій департаментъ, но послѣдній настаивалъ, чтобъ громоотводы были устроены Броннеромъ или кѣмъ либо другимъ отъ университета, непремѣнно по его собственному описанію и чертежамъ. Броннеръ же заявилъ, что находитъ устройство, предлагаемое департаментомъ, опаснымъ для порохового завода. Другіе члены университета, сохраняя достоинство науки, также отказались отъ его исполненія.

Оказывалъ университетъ научную помощь и частнымъ лицамъ, но обращеній къ нему о ней въ первые годы было очень мало. Въ январѣ 1812 года магистръ Дунаевъ заявилъ совѣту «о вновь открывающемся естественномъ произведеніи неизвѣстнаго рода соли въ Оренбургской губерніи, составляющей довольно пространную равнину и о нуждѣ изслѣдовать оное обстоятельно на мѣстѣ». Произведеніе это было открыто въ дачахъ помѣщика Новикова въ «оренбургскихъ областяхъ». Первые опыты надъ этою солью дѣлалъ самъ Дунаевъ, повторить ихъ поручено было профессорамъ Брауну и Эрдману и адъюнкту врачебнаго веществословія Ренарду. Отзывъ Ренарда отличался восторженностью и къ самому открытію этой

соли и къ той пользѣ, которую она можетъ принести отечественной промышленности, и къ самому открывателю, магистру Дунаеву. Соль эта есть углекислый натронъ или натръ. «Это важнѣйшій и обильнѣйшій источникъ для сбереженія несмѣтнаго количества лѣсовъ, жертвуемыхъ на добываніе поташа и безъ сего примѣтнымъ образомъ истребляющихся» (вотъ какъ давно уже были жалобы на истребленіе лѣсовъ!). Что натръ для производства несравненно лучше поташа, Ренардъ доказываетъ ссылкою на англійскіе продукты. Однако, чтобы открытіе принесло общую пользу, нужны разныя условія. Необходимо узнать, какъ обширна равнина, гдѣ находится эта соль, точно ли въ ней изобиліе соли; существуютъ ли въ окрестности вспомогательныя средства для ея добыванія: воды, лѣса, судоходныя рѣки, необходимыя для устройства мыловаренныхъ и стекляныхъ заводовъ. Необходимо подробное и обстоятельное изслѣдованіе на мѣстѣ и его надобно поручить, по словамъ Ренарда «тому чиновнику, который довольно побуждаемый духомъ отечественной пользѣ, по обязанности, открылъ купно съ тѣмъ себѣ пространное поле усовершенствовать и утончать свои познанія». Этотъ чиновникъ, «отличающійся способностями и дарованіями», былъ Дунаевъ и, согласно заявленію Ренарда, совѣтъ представилъ попечителю о командированіи Дунаева на мѣсто нахожденія соли.

Попечитель, по представленію о семъ совѣта, согласился на командированіе Дунаева и на выдачу ему прогоновъ до деревни Новиковки Бугурусланскаго уѣзда и обратно, всего на 886 верстъ— 53 р. 16 коп. и сверхъ того на непредвидимые расходы и дѣланіе опытовъ 200 р. Оренбургскій генералъ-губернаторъ предписалъ также по своему вѣдомству оказывать содѣйствіе въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Дунаеву. Это была первая ученая экспедиція Казанскаго университета. Дунаевъ представилъ совѣту свой рапортъ о поѣздкѣ въ Бугурусланъ въ декабрѣ того же года, но великихъ послѣдствій отъ открытія, ожидаемыхъ Ренардомъ, не было: бугурусланской соли оказалось ничтожное количество.

Въ довольно грандіозныхъ размѣрахъ задумывалась въ 1811 году большая *ученая экспедиція* отъ всего университета, по иниціативѣ правительства, какъ видно изъ предложенія министра народнаго просвѣщенія попечителю. Происхожденіе и цѣль такихъ экспедицій, которыя должны быть посланы отъ каждаго университета, находились въ связи съ объѣздомъ Россіи сенатора Аршеневскаго, о чемъ мы упоминали выше (стр. 386). Румовскій, препровождая копію съ этого предложенія въ совѣтъ (6 іюля 1811 года, № 658), предлагалъ *немедленно* приступить къ исполненію по оному, т.-е. составить

планъ этой экспедиціи, назначить лицъ, которыя должны ее составлять, и сочинить для нихъ наставленія. Экспедиція должна была изучить разныя губерніи по части естественной исторіи, сельскаго домоводства и технологіи. Съ своей стороны попечитель находилъ, что въ составъ экспедиціи всего удобнѣе войти профессору Вуттигу «по роду его упражненій», а изъ молодыхъ людей магистру Дунаеву по естественной исторіи. Предложеніе попечителя было получено въ вакаціонное время; большинства членовъ совѣта не было на лицо и приступить къ немедленному исполненію было нельзя. Кто былъ въ отпуску, кто такъ уѣхалъ и Яковкинъ шутливо писалъ попечителю, что можетъ весьма близко сказать по св. писанію: «вси пророци розъидошася и остахся азъ единъ Илія».

Въ августѣ приступлено было къ обсужденію задачи, предложенной министерствомъ. Попечитель полагалъ и доносилъ министру, что принимая въ соображеніе малое число профессоровъ и адъюнктовъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ предполагаетъ, что экспедиціи могутъ принести пользу только Вуттигъ, по минералогіи и технологіи, а по естественной исторіи, т.-е. по зоологіи, ботаникѣ и сельскому домоводству назначалъ въ помощь Вуттигу магистра Дунаева. Этихъ лицъ онъ и указалъ въ своемъ предложеніи совѣту, но совѣтъ посмотрѣлъ на дѣло гораздо шире, согласно предложенію министра, хотя и медленно приступилъ къ занятіямъ. Только въ октябрѣ составленъ былъ особый комитетъ по ученой экспедиціи изъ профессоровъ Яковкина, Фукса, Реннера, Эрдмана, Броннера и адъюнктовъ: Петровскаго и Кондырева. Комитетъ этотъ долженъ былъ составить планъ для всей экспедиціи и *сочинить наставленія* для путешественниковъ: 1) По естественной исторіи—*Фуксъ* «особенно, что касается учености и употребленія» (?); 2) по минералогіи, физикѣ и химіи—*Броннеръ*; 3) по части *смѣшанной математики*, въ разсужденіи машинъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ и въ хозяйствѣ—проф. *Реннеръ*; 4) по части статистики и географіи, особенно какіе продукты иностранные могутъ быть замѣнены отечественными, также какіе отечественные могутъ быть усовершенствованы или умножены или вновь разведены гдѣ и тому подобное, замѣчанія въ разсужденіи фабрикъ, мануфактуръ, заводовъ и народной промышленности—проф. *Яковкинъ* и вспомоществующій ему адъюнктъ *Кондыревъ*, подъ его руководствомъ: 5) по части сельскаго домоводства и машинъ, употребляемыхъ въ Россіи—ад. *Петровскій*; 6) по части медицинскихъ произведеній, какія могутъ быть замѣнены отечественными и разведены вновь гдѣ-либо—*Эрдманнъ* и 7) по части *технологіи*—всѣ члены комитета могутъ сообщить свои замѣчанія (Вуттигъ, на котораго указы-

*

валъ попечитель, былъ въ отпуску). Комитетъ имѣлъ четыре засѣданія, въ теченіе которыхъ выработаны были и планъ и наставленія для ученыхъ путешественниковъ. Къ поѣздкѣ предназначались сначала магистры и адъюнкты, но Фуксъ первый заявилъ совѣту о томъ, что онъ самъ желаетъ лично участвовать въ экспедиціи и послалъ отъ себя просьбу о томъ къ попечителю. Онъ говорилъ въ своемъ заявленіи, что давно питаетъ желаніе объѣхать южныя провинціи Россіи, въ особенности губернію Астраханскую и Кавказъ, что онъ употреблялъ всѣ средства и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобъ приготовиться къ этому путешествію. «Кромѣ знанія языковъ ученыхъ, т.-е. классическихъ и европейскихъ, облегчающихъ вообще изслѣдованія въ естественной исторіи, кромѣ знакомства съ литературой предмета, я познакомился съ языкомъ русскимъ и въ особенности достаточно изучилъ татарскій, что будетъ мнѣ особенно полезно при изслѣдованіяхъ, говорилъ онъ. По счастливому случаю къ этимъ, такъ сказать приготовительнымъ средствамъ присоединяется еще одно благопріятное обстоятельство. Я знакомъ и нахожусь въ близкихъ сношеніяхъ съ главою кочующихъ народовъ въ тѣхъ странахъ, съ княземъ Тюменемъ, тайшею Калмыковъ. У меня есть нѣсколько любезныхъ писемъ его, приглашающихъ посѣтитъ его владѣнія. Это самый могущественный изъ кочевыхъ князей; его владѣнія тянутся отъ Волги до Гурьева; онъ хорошо знакомъ со степью, называемой Рынь-пески и никто, даже губернаторы астраханскіе не могутъ проникнуть туда безъ помощи этого князя». Фуксъ желалъ посѣтить губерніи Симбирскую, Саратовскую, Астраханскую и Кавказскую, гдѣ, по его словамъ, онъ надѣется собрать драгоцѣнныя свѣдѣнія для естественной исторіи, технологіи и для исторіи человѣчества.

Но коммиссія, какъ и всякая коммиссія, вела дѣло медленно, такъ что въ ноябрѣ было получено предложеніе попечителя поспѣшить доставленіемъ плана и наставленій для путешественниковъ. Эта медленность происходила и отъ того, что наставленія, составленныя профессорами, каждымъ по своей части, надобно было переводить съ латинскаго языка на русскій. Наконецъ все было готово, представлено попечителю, а симъ послѣднимъ министру народнаго просвѣщенія (20 дек. № 1350).

Ученая экпедиція должна была продолжаться приблизительно два года, хотя срокъ этотъ и не былъ точно обозначенъ. Районъ наблюденій и изслѣдованій—только округъ Казанскаго университета, а потому путь для экспедиціи назначался чрезъ трактъ казанскій въ губерніи Оренбургскую, Вятскую и Пермскую, а потомъ, если позволитъ время, и въ южныя части Тобольской, Томской и Иркутской

губерній (такимъ образомъ желаніе Фукса побывать у калмыцкаго князя Тюменя не могло быть исполнено). Членами экспедиціи назначались: 1) По части естественной исторіи, медицины и сельскаго домоводства—*Фуксъ*, а въ помощь ему для снятія видовъ и рисунковъ съ естественныхъ произведеній и для собиранія ихъ—кандидаты Панкратовъ и Максутовъ; 2) по части химіи, технологіи, минералогіи и металлургіи—*Вуттигъ*, въ помощь которому на первый годъ—магистръ *Лобачевскій, А.*, а на второй—*Дунаевъ*; 3) наконецъ, «по встрѣчающимся иногда обстоятельствамъ и донесеніямъ (?) ученыхъ путешественниковъ, *для статистическаго познанія* предметовъ сельскаго хозяйства и технологіи», совѣтъ нужнымъ считалъ присоединить къ членамъ экспедиція *на извѣстное время* и адъюнкта *Кондырева* (онъ желалъ быть вездѣ и во всемъ участвовать), но попечитель, въ донесеніи своемъ министру, высказался, что не находитъ основательной причину присоединенія его къ экспедиціи, особенно на неопредѣленное время. Что касается до расходовъ на экспедицію, то каждый изъ профессоровъ и адъюнктовъ удерживалъ во все время получаемое имъ жалованье и квартирныя деньги и сверхъ того получалъ въ годъ по двѣ тысячи рублей, а магистры и кандидаты также сверхъ жалованья по тысячѣ рублей. Броннеръ заявилъ въ совѣтѣ, что и адъюнктамъ слѣдуетъ дать не болѣе тысячи рублей и съ этимъ согласился и попечитель съ тою цѣлью, чтобы единственный адъюнктъ въ экспедиціи Кондыревъ получилъ не болѣе тысячи. На расходы экспедиціи, т. е. на покупку инструментовъ, собраніе разныхъ предметовъ и т. п. ученыя надобности, а также на пріобрѣтеніе повозокъ, прогоны и путевыя издержки предполагалось ассигновать ежегодно по 5000 р. Отчетность въ расходованіи суммъ должна быть ведена по существующимъ на то законоположеніямъ, а донесенія ученыя должны посылаться членами экспедиціи въ совѣтъ изъ ближайшихъ мѣстъ черезъ мѣсяцъ, а изъ отдаленныхъ черезъ три мѣсяца или какъ обстоятельства позволятъ. Каждый младшій членъ долженъ рапортовать старшему по своей наукѣ, а этотъ послѣдній уже въ совѣтъ; всѣ старшіе должны имѣть постоянно между собою сношенія и поэтому ходатайствовалось, чтобъ бумаги и посылки ихъ на почтѣ принимались за казенныя. Экспедиція должна быть препоручена благорасположенію и покровительству мѣстныхъ начальствъ.

Казанская ученая экспедиція, какъ и прочія, должна была начать свои дѣйствія съ лѣта 1812 года, но французская война помѣшала предпріятію, а потомъ, вѣроятно по другимъ соображеніямъ и вслѣдствіе измѣнившихся взглядовъ правительства на цѣль экспедиціи, перестали о ней думать. Мы лишены такимъ образомъ возможности

составить себѣ представленіе о томъ, что могли внести упомянутые нами казанскіе ученые въ общую сокровищницу свѣдѣній о естественныхъ и промышленныхъ богатствахъ Россіи, которыми можно бы было замѣнить продукты, получаемые изъ-за границы.

Дѣло изученія отечества въ разныхъ отношеніяхъ могло осуществляться только въ ближайшихъ къ Казани мѣстностяхъ и совершаться единоличными усиліями и такъ сказать домашними средствами, хотя были попытки къ основанію даже обществъ съ этою цѣлью. Попытки эти остались только попытками и замерли въ самомъ зародышѣ отъ того ли, что люди, бравшіеся за работу, не были къ ней приготовлены, отъ того ли, что не надолго хватало у нихъ энергіи или, можетъ быть отъ того, что задача вытекала не изъ собственной дѣятельности, а давалась свыше, указывалась начальствомъ, а послѣднее забывало о ней въ ряду другихъ дѣлъ. Судьба провинціальныхъ ученыхъ обществъ у насъ была къ сожалѣнію почти всегда такова, хотя успѣхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ, что и для нихъ прежде всего необходимо положительное знаніе, а не фантастическія представленія.

Инициатива перваго ученаго общества при Казанскомъ университетѣ принадлежитъ Яковкину. «Высочайшая Его Императорскаго Величества воля, заявлялъ онъ совѣту въ мартѣ 1806 года, чрезъ С.-Петербургское вольное экономическое общество изъявлена *о сочиненіи описанія каждой губерніи* Россійской имперіи по всѣмъ частямъ, сообразно присланнымъ на то образцамъ. Начинанія объ исполненіи онаго во время бывшаго Казанскаго губернатора Кацарева были неудачны, а одному, и самому ученому мужу, таковое полное во всемъ описаніе, хотя и съ помощью казанскаго гражданскаго правительства, составить никакъ невозможно». Указывая на § 9 устава объ обществахъ при университетѣ, Яковкинъ предложилъ образовать такое общество описанія губерніи Казанской, гдѣ бы каждый членъ взялъ на себя какую либо отдѣльную часть, наименовать этихъ членовъ и ихъ занятія и испросить на то соизволенія попечителя. «Наступающее лѣтнее время, говорилъ онъ, и мѣсячная лѣтняя вакація подадутъ и время и способы для личнаго обозрѣнія и учиненія потребныхъ наблюденій и опытовъ во всемъ, что окажется нужнымъ». На этотъ вызовъ самъ Яковкинъ заявилъ что онъ будетъ заниматься географическою и топографическою частью, Фуксъ—зоологіей, ботаникой и экономическими частями, Камен скій—вообще относящимися до врачебной науки предметами; адъюнкты же: Эвестъ—беретъ на себя часть химическую, а Запольскій—физическую. Совѣтъ опредѣлилъ о такомъ распредѣленіи занятій записать въ протоколъ. Попечитель съ своей стороны одо-

брилъ начинаніе членовъ совѣта, но высказалъ опасеніе, чтобы занятія по описанію губерніи не отвлекли ихъ отъ прямыхъ обязанностей преподаванія и дозволялъ отсутствіе изъ Казани для наблюденій, опытовъ и личнаго обозрѣнія только въ вакаціонное время. Получивъ это разрѣшеніе попечителя, совѣтъ обратился къ губернатору съ просьбою о томъ, «какія онъ можетъ подать ему пособія по сей части». Губернаторъ извѣстилъ очень скоро, что открывающееся общество описанія Казанской губерніи можетъ ожидать отъ него всѣхъ тѣхъ пособій, какія только отъ него будутъ зависѣть и какія онъ найдется въ возможности доставить. Только на другой годъ было послано второе отношеніе къ губернатору, въ которомъ требовалась присылка печатныхъ начертаній описанія губерній, т. е. программы для этого дѣла, разосланной вольнымъ экономическимъ обществомъ, а также и всѣхъ протоколовъ и собранныхъ извѣстій учреждавшагося во время губернатора Кацарева комитета для описанія Казанской губерніи. Были получены отъ губернатора два или три старыхъ протокола о началѣ дѣла. Изъ нихъ оказалось, что къ описанію губерніи, согласно программѣ вольнаго экономическаго общества и приступлено не было. Но и университетъ не подвинулъ дѣла впередъ. Въ бумагахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ дѣятельности общества описанія губерніи и его слѣдуетъ признать мертворожденнымъ.

Вообще въ первые годы университетской жизни мы можемъ указать только на Яковкина, какъ на такое лицо, которое бралось за разныя ученыя предпріятія и совершило нѣсколько quasi-ученыхъ поѣздокъ, съ разными цѣлями и въ разныхъ направленіяхъ. Имѣемъ основаніе положительно сказать, что это былъ самый любознательный человѣкъ въ Казани того времени, хотя любознательность эта принадлежала самоучкѣ, а не дѣйствительно строгому ученому и потому исполнена была часто самоувѣренности и фантазированія. Къ сожалѣнію, можетъ быть именно вслѣдствіе такой причины, отъ этой стороны дѣятельности Яковкина осталось очень мало слѣдовъ. Вскорѣ послѣ основанія университета, въ мартѣ 1805 года, по просьбѣ Румовскаго, онъ сообщаетъ ему, что продолжаетъ собирать извѣстія самовидцевъ о нанесенномъ злодѣемъ (Пугачевымъ) несчастіи Казани, «сколько позволяетъ и малый остающійся досугъ. Большую часть самыхъ нужнѣйшихъ свѣдѣній уже въ рукахъ имѣю; надобно только обработать по надлежащему». Въ тѣ годы этихъ самовидцевъ было довольно и сборникъ Яковкина былъ бы въ настоящее время весьма интереснымъ, но закончилъ ли онъ его и отослалъ ли Румовскому — у насъ нѣтъ свѣдѣній. Еще раньше, въ декабрѣ 1804 года, онъ послалъ попечителю *планы развалинъ Бол-*

гаръ съ описаніемъ, и *нынѣшняго состоянія Казани*, но гдѣ эти планы—не знаемъ. Въ 1808 году онъ переслалъ попечителю планъ Казани въ томъ состояніи, въ какомъ она была при царѣ Иванѣ Грозномъ. Планъ этотъ былъ скопированъ однимъ изъ учениковъ гимназіи. Яковкинъ говоритъ о немъ: «Совершенно согласно съ симъ планомъ покойный г. Штриттеръ описалъ въ своей исторіи покореніе сего города съ царствомъ его. Остатки, или лучше сказать фундаментъ большой башни, бывшей къ Булаку, донынѣ въ томъ самомъ мѣстѣ видны, гдѣ она на планѣ показана, да и соображеніе другихъ зданій съ нынѣшнимъ, во многомъ уже весьма измѣнившимся состояніемъ, доставляютъ сему плану болѣе нежели вѣроятность, если не сущую достовѣрность, хотя онъ и кажется быть сочиненъ въ позднія времена... Точно такой же планъ приказалъ я изготовить для храненія въ библіотекѣ, изъ коей онъ, *подобно нѣкоторымъ прочимъ таковымъ же, никому и ни подъ какимъ предлогомъ даваемъ быть не долженъ*» (19 мая).

Любопытною и характерною для ученыхъ пріемовъ Яковкина представляется намъ его *палеонтологическая экскурсія* для открытія *слоноваго костяка*, сдѣланная имъ осенью 1805 года. Въ іюлѣ этого года, съ нарочнымъ изъ деревни Норманки, находящейся въ пяти верстахъ отъ города Тетюши къ западу и принадлежавшей тогда подполковнику Страхову [1]), присланы были Яковкину *коренной*

---

[1]) Этотъ Страховъ, Александръ Васильевичъ, родной дядя обучавшихся тогда въ Казанскомъ университетѣ студентовъ братьевъ Панаевыхъ: Ивана, Александра, Петра и Владиміра, былъ большой и старинный пріятель Яковкина. Онъ называетъ Страхова „многолѣтнимъ другомъ моего дома и кумомъ“ и часто навѣщаетъ его въ свободное время. Въ началѣ 1812 года Страховъ очень былъ боленъ и вызывалъ къ себѣ Яковкина для личнаго свиданія „въ намѣреніи, пишетъ онъ, дабы крестницѣ своей, а моей дочери Надеждѣ, укрѣпить нѣкоторую часть изъ благопріобрѣтеннаго своего имѣнія“. Эта дочь была любимицею отца. „Въ день тезоименитства маленькой моей Надежды“, какъ подписалъ Яковкинъ на одномъ изъ писемъ своихъ къ попечителю, какъ бы вызывая его на подарокъ ей, онъ обратился къ нему съ слѣдующею просьбою: „Хотя стыдъ и запрещаетъ, но необходимость вынуждаетъ меня открыться предъ в. п. о настоящемъ моемъ положеніи. Ввѣренное мнѣ в. п. начальство по университету и гимназіи обязывало меня, для удержанія чести и важности занимаемыхъ мною должностей, къ *неминуемымъ излишнимъ расходамъ*, кои прочимъ гг. профессорамъ никакъ неизвѣстны, не будучи сопряжены съ ихъ должностями, такъ что вмѣсто того, чтобы что нибудь откладывать хотя по немногу для подрастающихъ дочерей, *долги* на мнѣ, со временемъ увеличиваясь, возросли нынѣ до полуторы тысячи рублей. Пріемъ и ознакомленіе съ родителями учениковъ, пріемы по большимъ праздникамъ поздравляющихъ подчиненныхъ по приходѣ отъ обѣдни, пріемы наибольшей части посѣтителей послѣ вся-

зубъ и *клыкъ слоновые* (безъ сомнѣнія мамонта), найденные при копаніи глины для дѣланія кирпичей, на семи аршинахъ глубины. Заинтересованный этою находкою, Яковкинъ немедленно отправился въ Норманку и, разрывая дальше, нашелъ *другой клыкъ*, длиною въ три аршина съ половиною и *черепъ*, но чрезвычайно рыхлые и легко разваливающіеся по слоямъ. Научивъ рабочихъ, съ какою осторожностью нужно разрывать дальше, Яковкинъ воротился въ Казань и немедленно донесъ попечителю о любопытной находкѣ, разсчитывая получить цѣльный костякъ слона и собрать его на проволоку для натуральнаго кабинета университета. И попечитель счелъ находку настолько важною, что донесъ о ней главному правленію училищъ, а Яковкину поручилъ уже оффиціально, сдавъ свои должности, съѣздить на мѣсто для добыванія цѣлаго слоноваго костяка.

Надобно отдать справедливость Яковкину, что добываніе слоновыхъ костей обставлено было имъ всѣми возможными предосторож-

---

кихъ публичныхъ собраній, самое пребываніе мое въ университетскомъ зданіи и *соблюденіе внѣшности по начальству* были всегда главнѣйшими причинами неминуемыхъ излишнихъ издержекъ. Я умалчиваю уже объ издержкахъ по воспитанію дѣтей моихъ, платя Новикову за музыку, Протопопову за рисованіе, студенту Упадышевскому за французскій языкъ, а исторіею, географіею, математикою и словесностью занимается племянникъ Яковкинъ. Ежели правившій прежде меня должность директора г. Лихачевъ, имѣя тысячу душъ крестьянъ, не стыдился безпокоить в. п. просьбою о назначеніи ему жалованья, хотя онъ и въ половину противъ моего не дѣлалъ никакихъ по должности издержекъ, то мнѣ, имѣющему только чистую и спокойную совѣсть, кажется, нѣтъ никакой причины предъ достопочитаемымъ начальникомъ таиться въ моей бѣдности, до которой довели меня необходимыя причины. Аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, удостойте простить моему дерзновенію, извинить понудившія меня къ тому причины и или соблаговолить милостиво снизойти къ моему настоящему положенію, или—предать забвенію сей проступокъ мой. Единое ваше начальственное отеческое ко мнѣ благорасположеніе было мнѣ споручителемъ въ томъ, что я осмѣлился открыться, донося при томъ, что единожды на всегда предавшись руководству Провидѣнія, всегда лобызаю десницу Его, чрезъ поставленное надо мною начальство меня руководившую".

Намъ неизвѣстно оставилъ ли что-нибудь Страховъ своей крестницѣ изъ благопріобрѣтеннаго имъ имѣнія, но родовое имѣніе его дѣлилось наслѣдниками въ двадцатыхъ годахъ, а какъ дѣлилось — разсказано въ повѣсти внука Страхова И. И. Панаева, извѣстнаго издателя Современника въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ, подъ названіемъ „Раздѣлъ наслѣдства" (*Отеч. Зап.* 1840 г., т. VII, отд. III, стр. 158 сл. Въ этой повѣсти старожилы казанскіе находятъ знакомыя имъ лица и въ ней можно встрѣтить даже фигуру тогдашняго попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. О самомъ Страховѣ подробности въ „Воспоминаніяхъ" его племянника В. И. Панаева (*Вѣстн. Евр.* 1867 г., т. III, глава 1).

ностями, которыя онъ считалъ необходимыми по важности, придаваемой имъ находкѣ. Надъ всѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагался костякъ, сдѣланъ былъ, при содѣйствіи помѣщика, навѣсъ отъ дождя и снѣга (раскопка происходила въ октябрѣ), земля покрыта была рогожами и соломою (морозы доходили уже до 15°). Подробный протоколъ раскопокъ, съ точнымъ опредѣленіемъ мѣста, размѣровъ его, опредѣленіе слоевъ земли, гдѣ происходила работа и гдѣ найдены были кости и перечисленіе всего того, что вырыто было съ костями слона, но къ слону не принадлежало,—все это свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою осмотрительностью и внимательностью относился Яковкинъ къ своему дѣлу. Къ рапорту приложенъ и раскрашенный планъ всей мѣстности, сдѣланный вчернѣ Яковкинымъ. Вырываемыя кости осторожно и постепенно просушивались для того, чтобъ дать имъ окрѣпнуть; черепъ, наприм. былъ на столько рыхлъ, что для того, чтобъ совсѣмъ не испортить, пришлось подрывать его и поднимать всею массою. Мало помалу открыты были и прочія части, принадлежащія къ костяку, «хотя по причинѣ чрезвычайной рыхлости и никакъ не можно было достать въ цѣлости разныхъ мелкихъ, совершенно уже истлѣвшихъ костей, по крайней мѣрѣ и сіи вынутыя можно будетъ собрать въ чаяніи, что время и обстоятельства откроютъ, что случается хотя и рѣдко въ здѣшнихъ странахъ, еще гдѣ-нибудь слоновыя кости, кои можно будетъ употребить для составленія цѣлаго костяка».

За внимательнымъ и удачнымъ добываніемъ костей начинаются собственныя научныя предположенія Яковкина объ отдаленномъ прошедшемъ слона: «Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что слонъ погрязъ въ глинистомъ жидкомъ веществѣ сперва вверхъ ногами, и погружался дотолѣ, пока тяжестію своею дошедъ до известковаго крѣпкаго слоя, поворотился на правый бокъ къ западу, имѣя голову, какъ положеніе клыковъ доказываетъ, обращенною къ востоку. На отрытомъ прежде лѣтомъ правомъ клыкѣ находящіеся явственные порубы подаютъ мнѣніе, что *онъ долженъ быть изъ числа употреблявшихся на войнѣ;* а рыхлость костянаго вещества, каковой мнѣ никогда еще видѣть не удавалось, доказываетъ, что онъ лежитъ въ землѣ болѣе времени, нежели другіе извѣстные костяки слоновые». Яковкинъ справедливо предполагаетъ, что слонъ уже мертвымъ упалъ въ глинистую массу, потому что кости не находятся въ ихъ естественномъ положеніи: передняя правая нога отрыта на аршинъ разстоянія отъ грудной кости и нѣтъ признаковъ соединенія ихъ въ глинистой массѣ. Черепокожныя и разныя ископаемыя вещества, найденныя при костяхъ, приводятъ изслѣдователя къ заключенію, что слонъ утонулъ первоначально въ водѣ,

но Яковкина незнакомаго вовсе съ геологической исторіей волжскаго бассейна, смущаетъ то обстоятельство, что мѣсто, гдѣ найденъ былъ костякъ, лежитъ на правомъ высокомъ берегу Волги, въ шести верстахъ отъ нея, и какъ Тетюши, выше волжской поверхности болѣе чѣмъ на 30 саженъ, «но по окрестностямъ ямы никакихъ еще не могъ я найти достовѣрныхъ признаковъ бытія оныхъ мѣстъ когда либо подъ водою». Яковкинъ въ заключеніе «усладительнымъ долгомъ», считаетъ засвидѣтельствовать благодарность за содѣйствіе помѣщику Страхову, «который по любви своей къ распространенію отечественнаго просвѣщенія, съ отмѣннымъ удовольствіемъ, въ продолженіе всей работы, доставлялъ всѣ потребныя пособія и людей, жертвуя споспѣшествованію открытія костяка даже полевыми нужными работами. Костякъ слоновый не былъ однако собранъ, какъ предполагалъ Яковкинъ, на проволоку, и въ геологическомъ музеѣ университета нѣтъ никакихъ указаній, въ массѣ другихъ костей, на тѣ именно, которыя были отрыты съ участіемъ Яковкина.

Въ вакаціонное время лѣтомъ 1808 года Яковкинъ ѣздилъ дней на десять чрезъ Лаишевъ до Чистополя «для осмотру развалинъ татарскаго бывшаго славнаго города Жукотина... Здѣсь онъ «измѣрялъ оставшіяся послѣ него земляныя развалины, снялъ на-черно мѣстоположеніе и лазилъ въ земляную рытвину, имѣющую видъ пещеры, о коей преданіе гласитъ, что въ ней висятъ двѣ большія на цѣпяхъ бочки съ золотомъ, но я въ ней, кромѣ известковаго капельнику и нѣсколькихъ слабыхъ плавиковъ, ничего достопамятнаго не нашелъ, почему и отъ мнимаго золота не побогатѣлъ». Во время этой поѣздки къ Жукотину Яковкинъ поднялся изъ Лаишева вверхъ по Камѣ и выше селенія Рыбной-Слободы, на правомъ берегу, видѣлъ «*славной камень Плакунъ*, точащій изъ себя безпрестанно известковую воду и имѣющій многія пустоты въ видѣ пещеръ съ накипями извести». Для университетскихъ кабинетовъ Яковкинъ собралъ подлѣ деревни Березовки, на лѣвомъ берегу Камы, много «окаменѣлостей кремнистыхъ», а выше Чистополя, изъ Берсутскихъ рудниковъ, добылъ нѣсколько штуфовъ мѣдной руды.

Въ другую лѣтнюю вакацію Яковкинъ осматривалъ развалины другого болгарскаго города — Билярска. Вообще почти каждую вакацію онъ дѣлалъ разныя поѣздки, гдѣ всегда была какая нибудь пища его любознательности и о каждой такой поѣздкѣ онъ доводилъ до свѣдѣнія попечителя. Къ сожалѣнію, онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ или рукописныхъ статей, въ которыхъ сохранились бы результаты его наблюденій. Конечно всякая поѣздка соединялась съ посѣщеніями знакомыхъ окрестныхъ помѣщиковъ, жившихъ тогда весело и беззаботно. Яковкинъ умѣлъ пользоваться лѣтомъ.

«Сіе время (т. е. поѣздки въ Билярскъ), говорилъ онъ, послужитъ нѣкогда доказательствомъ, что и отдохновеніе можно употреблять на пользу». Въ Билярскѣ впрочемъ онъ ничего не нашелъ неизвѣстнаго «кромѣ описаннаго уже въ путешествіяхъ гг. с.-петербургскихъ академиковъ». Это было настолько вѣрно, что и позднѣйшіе казанскіе археологи, въ своихъ описаніяхъ Билярска, ничего къ прежнему не прибавили. Только одному Френу, при его серьезной учености и при глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ, удалось добыть нѣсколько цѣнныхъ фактовъ для науки не столько изъ обозрѣнія всѣмъ извѣстныхъ развалинъ, въ большинствѣ случаевъ расхищенныхъ, по всей вѣроятности еще съ XVI вѣка, окрестными жителями на печи, сколько изъ изученія монетъ и нѣкоторыхъ вещей. А въ это время можно было бы сдѣлать любопытное собраніе болгарскихъ древностей, съ гораздо болѣе цѣннымъ и важнымъ содержаніемъ, чѣмъ теперь. Но тогда никто объ этомъ не думалъ. И вотъ рѣдкія вещи изъ золота и серебра: сосуды, украшенія, монеты и проч. исчезли безслѣдно; онѣ продавались невѣжественнымъ серебрякамъ въ Казани за цѣну дешевле стоимости металла; архитектурныя украшенія, гончарныя произведенія, какъ не имѣющія цѣнности, истреблялись. Теперь собираютъ только жалкіе кусочки, едва ли могущіе дать какое-либо представленіе о томъ цѣломъ, къ которому они когда-то принадлежали. И то славу Богу.

Есть слѣды, что Яковкинъ собирался написать цѣлое историческое сочиненіе о Казани. «Сегодня я рѣшился отправиться на нѣсколько дней въ Свіяжскъ, писалъ онъ попечителю въ лѣтнюю вакацію 1809 года (17 іюля), для разсмотрѣнія тамошняго монастыря библіотеки и рукописей *по части готовимой мною Казанской и о самозванцѣ Пугачевѣ исторіи»*. Сочиненіе это осталось однако лишь въ намѣреніи, но изъ Свіяжскаго монастыря Яковкинъ привезъ три рукописи, чтобъ списать ихъ въ Казани. Эти рукописи были, какъ ихъ описываетъ Яковкинъ: «*Первая* писана 1568 года и содержитъ въ себѣ самое подробное описаніе въ тогдашнемъ Свіяжскѣ всѣхъ публичныхъ зданій съ казенными вещами, всѣхъ частныхъ строеній и окрестныхъ мѣстъ съ ихъ межами, жалованныхъ и владѣемыхъ, во всемъ вѣдомствѣ онаго города. Я никогда не видалъ ее печатную» [1]). «*Вторая* содержитъ: 1) описаніе нѣкоторымъ плѣннымъ Россіяни-

[1]) Это извѣстная Свіяжская *Писцовая книга*, указанная покойнымъ Артемьевымъ въ его „Описаніи рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго университета (Спб. 1882), № LX (8416), стр. 100—104. Напрасно только описатель приписываетъ попечителю Румовскому и находку самой рукописи въ Свіяжскѣ, и распоряженіе о перепискѣ ея.

номъ произшествій древней Казани и взятія ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ; 2) описаніе взятія Астрахани и 3) описаніе посольства россійскаго въ Грузію и всѣхъ происходившихъ взаимныхъ переговоровъ. Первое изъ нихъ, помнится, я читалъ печатное, а послѣднихъ двухъ еще не видалъ [1]). Обѣ оныя рукописи писаны старинною скорописью, индѣ съ титлами, довольно легко разбираемою; *третья* писана церковнымъ уставомъ съ киноварью, называемыя *Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ*». Судя по подробному и точному изложенію содержанія ея, сдѣланному Яковкинымъ, это извѣстный сборникъ архимандрита Платона Любарскаго [2]). Копіи со всѣхъ этихъ рукописей, по распоряженію Яковкина, сдѣланы были на счетъ библіотечной суммы и и сданы имъ для храненія въ библіотеку.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многочисленность служебныхъ занятій и разнообразныя стремленія любознательности Яковкина мѣшали ему сосредоточиться, хотя бы на томъ историческомъ трудѣ о Казани, о которомъ онъ упомянулъ. Какъ профессоръ исторіи россійской, онъ описывалъ древнія историческія рукописи, а какъ профессоръ въ тоже время и статистики, онъ увлекался въ другую сторону. Насколько разнятся тогдашнія представленія о наукѣ статистики отъ настоящихъ, можетъ служить сдѣланное имъ, въ качествѣ профессора этой науки, 17 февраля того же года, когда онъ описывалъ свіяжскія рукописи, представленіе въ совѣтъ: «Поелику въ нынѣшнее только время (въ тотъ годъ какъ разъ въ это время была масляница), по Камѣ рыболовные промыслы находятся въ дѣйствіи, и осмотрѣніе и описаніе ихъ для статистическаго свѣдѣнія о Россійской имперіи полезно и необходимо, то нужнымъ находится онъ отправиться на четыре дня въ городъ Чистополь для осмотрѣнія оныхъ». Результатовъ этого осмотра не было никакихъ. Даже и разныя явленія природы не ускользали отъ его вниманія. Таковы были его «Наблюденія надъ насѣкомыми, выпавшими на снѣгу», сдѣланныя имъ на пути, когда онъ возвращался вмѣстѣ съ семьею съ богомолья изъ Седміозерной пустыни [3]).

Сознаніе принадлежности къ университету, какъ къ средоточію научнаго образованія въ краѣ, невольно поднимало людей въ ихъ

---

[1]) Первая рукопись сборника есть „Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка“ (Іоанна Глазатаго), изданная при Академіи Наукъ (кн. Щербатовымъ). Спб. 1791. 8⁰; остальныя части Сборника списаны у Артемьева, № LXII (8418) стр. 107—109.

[2]) Этотъ сборникъ напечатанъ въ приложеніи къ „Православному Собесѣднику“. Казань. 1868. 8⁰. 230 стр.

[3]) Они напечатаны въ *Каз. Изв.* 1811 г. № 29 и отвѣтъ наблюдателю, № 32.

собственномъ мнѣніи. Въ большинствѣ случаевъ это были самоучки и какъ самоучки, они очень гордились и своими знаніями, и тѣмъ, что удалось имъ сдѣлать. Мы говорили уже о томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣлъ о своихъ трудахъ студентъ Кондыревъ. Былъ при университетѣ, служившій еще въ гимназіи, механикъ или машинистъ *Горденинъ*. По всей вѣроятности механикѣ научился онъ самъ собою, безъ книгъ и безъ науки. Какъ всѣ самоучки, онъ былъ поэтому изобрѣтателемъ. Мы говорили уже о томъ *химическомъ мѣхѣ*, который былъ сдѣланъ имъ для опытовъ Эвеста. Надъ этимъ мѣхомъ, надъ его безполезностью и дороговизною смѣялся пріѣхавшій изъ Москвы профессоръ Каменскій. Яковкинъ былъ однако другого мнѣнія и сообщалъ, при представленіи этого мѣха на разсмотрѣніе совѣта: «Уповаю, что весь совѣтъ доволенъ будетъ его (Горденина) предпріимчивостью, искусствомъ и работою». Въ декабрѣ 1806 года Горденинъ является къ Яковкину *по секрету* и объявляетъ, что онъ нашелъ, какимъ образомъ *отвращать дѣйствіе французскихъ скрытныхъ* (sic) *губительныхъ батарей*, и требовалъ отъ него оффиціально, чтобъ его отправили немедленно въ Петербургъ для представленія Государю Императору, чтобы онъ могъ лично объяснить значеніе и пользу своего изобрѣтенія. Яковкинъ не удивился; очевидно онъ вѣрилъ своему машинисту, но посовѣтовалъ ему сходить сначала къ графу Головкину, нашему посланнику въ Китай, находившемуся тогда въ Казани. Головкинъ сказалъ машинисту, что онъ не имѣетъ никакого права входить въ подобныя дѣла и отправилъ изобрѣтателя къ губернатору. Послѣдній обѣщалъ разсмотрѣть изобрѣтеніе Горденина и потребовать его самого бумагою отъ начальства университета. Время однако тянулось и Яковкинъ, «не имѣя никакихъ предписаній ни о новыхъ изобрѣтеніяхъ, особливо не касающихся до ввѣренныхъ мнѣ заведеній, какъ онъ писалъ попечителю, ниже о самихъ изобрѣтателяхъ, не имѣлъ я никакого права ни власти входить въ сіе обстоятельство», но представилъ рапортомъ попечителю объ изобрѣтеніи все, что рапортомъ же донесъ ему о немъ Горденинъ. Запечатанный пакетъ Горденина, съ подлиннымъ описаніемъ сдѣланнаго имъ изобрѣтенія, Румовскій почелъ нужнымъ представить министру народнаго просвѣщенія. Министръ увѣдомилъ съ своей стороны попечителя, что въ рапортѣ Горденина онъ «не нашелъ описанія понимаемой имъ тайны» и предписывалъ истребовать отъ него объясненіе: «что онъ разумѣетъ подъ *скрытными* баттареями и описаніе о противоположномъ противъ оныхъ способѣ». Дальше этого, какъ кажется, не пошла переписка объ изобрѣтеніи Горденина и мы лишены возможности что нибудь сказать опредѣленное въ чемъ оно состояло. Горденинъ продолжалъ еще довольно

долго служить. Собственно онъ былъ машинистомъ при гимназіи; получалъ 300 р. въ годъ жалованья, на квартиру 60 р. и дровъ на двѣ печи. Для университета онъ былъ необходимъ; новыя потребности преподаванія вызывали новыя работы и онъ сталъ, по рисункамъ пріѣзжихъ профессоровъ, дѣлать инструменты, которыми оставались довольны. Безъ него, по словамъ Яковкина, «некому будетъ и циркуля починить въ Казани»; и онъ выхлопоталъ ему еще 200 рублей жалованья изъ университетской суммы.

Впрочемъ неизвѣстное намъ изобрѣтеніе Горденина совпадало съ военнымъ временемъ. Это было черезъ годъ послѣ Аустерлицкаго пораженія, когда происходили сраженія при Эйлау и Фридландѣ. Воинственно-патріотическое настроеніе, послѣ извѣстныхъ рѣчей Силы Богатырева, высказанныхъ имъ въ «Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», и подъ вліяніемъ горячихъ возгласовъ С. Глинки въ только что основанномъ имъ «Русскомъ Вѣстникѣ», распространялось. Въ университетѣ шла патріотическая подписка. Къ членамъ совѣта Яковкинъ обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«При всеобщей угрожающей любезному нашему отечеству опасности, когда довѣренность монарха къ возлюбленному своему народу толико предъ очами цѣлаго свѣта обнаружена, когда любовь народная къ своему монарху толь многими и незабвенными въ исторіи человѣчества опытами пожертвованій доказывается, мы ли, почтеннѣйшіе сочлены Казанскаго университета, мы ли пребудемъ одни въ бездѣйствіи и не потщимся ли собою показать и всѣмъ чиновникамъ Казанской гимназіи примѣръ долга къ своему монарху, истинно сыновей приверженности къ своему отечеству? Почему и предлагаю почтенному совѣту возвѣстить токмо сочленамъ университета и гимназіи, да узрятъ, колико и всѣ они не уступаютъ прочимъ вѣрнымъ сынамъ отечества въ усиліяхъ своимъ и ревности ко благу отечества противу врага всеобщаго спокойствія».

Въ тотъ же день два студента изъ состоятельныхъ допущены были въ залу совѣтскихъ засѣданій, гдѣ, «съ живѣйшими чувствованіями ревности и усердія къ пользѣ общей, представили въ жертву отечеству каждый по двадцати пяти рублей». Третій студентъ былъ Кондыревъ, но онъ въ жертву принесъ только свое «Краткое начертаніе статистики Россійской имперіи». Составлены были списки жертвователей, какъ отъ университета, такъ и отъ гимназіи, заведена была шнуровая книга для пожертвованій и обо всемъ было немедленно донесено по начальству въ Петербургъ, съ просьбою дать ходъ пожертвованіямъ. Но въ представленіи была неясность. Попечитель долженъ былъ обратиться съ вопросомъ для разъясненія: ежегодно ли, въ продолженіе войны, будутъ жертвовать озна-

ченною въ росписаніи суммою или это единовременное пожертвованіе. Такъ какъ сумма процентнаго вычета изъ жалованья была довольно значительна, то онъ находилъ, что такое ежегодное жертвованіе для жертвующихъ можетъ быть тягостно, да и неизвѣстно долго ли война продолжится. Онъ совѣтовалъ не означать времени, съ котораго и до котораго приносятся пожертвованія. У кого есть усердіе жертвовать и на будущій годъ, тогда можно возобновить представленіе. «У Мольера, писалъ онъ, есть комедія Mélicerte; въ ней пастухъ, поймавъ воробья и поднося въ клѣткѣ пастушкѣ, говоритъ: J'ai fait tantôt, charmante Mélicerte, Un petit prisonnier, que je garde pour Vous Et dont peut-être un jour je deviendrai jaloux. И заключаетъ: Le présent n'est pas grand, mais les divinités Ne jettent leurs regards, que sur la volonté; C'est le coeur qui fait tout et jamais les richesses. Въ равномъ положеніи и чиновники, желающіе сдѣлать пожертвованіе, въ разсужденіи государя находятся». Яковкинъ объяснилъ попечителю, что пожертвованія изъ жалованья дѣйствительно сдѣланы на все время войны съ Франціей, «но все сіе начинаніе предали мы на начальственное благоусмотрѣніе в. п. Ежели соблаговолите доложить его сіятельству о пожертвованіяхъ и на одинъ годъ, то и на другой не преминемъ возобновить сіи маловажные знаки преданности нашей къ отечеству и къ возлюбленному государю: чванецъ сего елея не оскудѣетъ». Но пока шла переписка между Казанью и Петербургомъ, былъ заключенъ миръ въ Тильзитѣ и война кончилась. «По заключеніи мира о пожертвованіяхъ гг. профессоровъ и адъюнктовъ представлять министру теперь будетъ не кстати,—писалъ Румовскій,—и для того совѣтую я теперь отложить сіе благое намѣреніе, а препроводить только куда слѣдуетъ внесенныя студентами деньги». Такимъ образомъ патріотическое рвеніе казанскихъ профессоровъ практическаго исхода не имѣло; все осталось только при благомъ намѣреніи. Внесенныя двумя студентами 50 рублей препровождены къ губернатору, а статистика Кондырева осталась ненапечатанною.

Военныя обстоятельства вызвавшія къ сожалѣнію сдѣлавшееся неизвѣстнымъ изобрѣтеніе машиниста Горденина, патріотическое рвеніе профессоровъ и учителей, стремленіе какъ мы видѣли, цѣлой половины студентовъ идти въ военную службу (это случилось уже послѣ заключенія мира и побудительныя причины оставленія университета состояли вовсе не въ патріотическомъ чувствѣ), принесшія не мало непріятностей иностраннымъ профессорамъ мѣры, которыя назывались «разборомъ иностранцевъ», и требованіе отъ нихъ присяги, были причиною и нѣкотораго оживленія въ преподаваніи артиллеріи и фортификаціи въ Казанской гимназіи. Оно учреж-

дено было уставомъ имп. Павла и его велъ въ описываемое нами время адъюнктъ университета, а потомъ и инспекторъ гимназіи Петровскій, часто заступавшій мѣсто архитектора при тогдашнихъ постройкахъ. Дошли до него слухи, что въ размѣрѣ калибровъ тяжелыхъ огнестрѣльныхъ орудій произошли многія перемѣны (по всей вѣроятности 'то были реформы въ русской артиллеріи, задуманныя и приводимыя въ исполненіе Аракчеевымъ) и онъ вошелъ въ ноябрѣ 1806 года съ рапортомъ въ совѣтъ о необходимости познакомиться съ ними. Яковкинъ сначала хотѣлъ помочь служебному рвенію Петровскаго казанскими средствами. Послалъ онъ къ своему знакомому полковнику Мауринову, начальнику гарнизонной артиллерійской роты, съ просьбою о доставленіи просимыхъ чертежей по новому размѣру для образца и скопированія, чтобъ познакомиться съ перемѣнами. Но у полковника не нашлось чертежей и ему были неизвѣстны перемѣны въ артиллеріи. Считая необходимымъ доставить ученикамъ свѣдѣнія объ измѣненіяхъ въ артиллерійскихъ орудіяхъ, директоръ просилъ попечителя о выпискѣ чертежей на счетъ гимназической суммы изъ С.-Петербургской артиллерійской экспедиціи, но Румовскій кажется не предпринялъ для того никакихъ мѣръ.

Глава VIII.

Визитаціи или обозрѣнія училищъ округа профессорами. — Визитація Пензенской гимназіи Яковкинымъ.— Визитація оренбургскихъ училищъ Запольскимъ и Кондыревымъ.

Въ началѣ нашей книги мы говорили о значеніи тѣхъ §§ (160—174) устава 1804 года, которые говорятъ «объ управленіи и надзираніи училищъ». Эти послѣднія должны были находиться въ полной зависимости отъ университета и подъ его управленіемъ. Мы старались въ общихъ чертахъ показать характеръ этого университетскаго управленія, необходимость и неизбѣжность тогда обстоятельства, что оно ввѣрено было до самаго устава 1835 года— университету, мы говорили о томъ, какую пользу въ то время это обстоятельство зависимости гимназій и училищъ отъ университета принесло образованію вообще и какъ оно поддерживало любовь къ нему и уваженіе къ знанію въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ такого громаднаго по пространству учебнаго округа, какимъ былъ въ началѣ этого вѣка Казанскій. По § 166 устава совѣтъ ежегодно посылаетъ изъ членовъ училищнаго комитета *визитаторовъ* или другихъ профессоровъ, поручая каждому одну или двѣ губерніи по мѣстному положенію для осмотра. Эти визитаціи поддерживали связь гимназій и училищъ съ университетомъ, періодически оживляли людей, заброшенныхъ въ дикую тогдашнюю глушь, будили ихъ нравственно и не дозволяли имъ опускаться въ гнилое болото мѣстной среды и въ рутину. Для самихъ визитаторовъ, большею частью лучшихъ профессоровъ, такія поѣздки иногда, напр. въ сибирскія губерніи, были весьма плодотворны въ отношеніи научномъ. Они дѣлали наблюденія надъ малоизвѣстною природою и надъ невиданными еще ими людьми и обществомъ. Для нѣкоторыхъ, напр. для профессора-медика Эрдмана, о которомъ намъ придется еще говорить, поѣздки эти доставили богатый матеріалъ для научныхъ наблюденій;

другіе визитаторы своимъ обозрѣніемъ сохранили много любопытныхъ фактовъ для исторіи образованія страны, почему изучать ихъ донесенія училищному комитету—не безполезно. Къ этому надобно присоединить еще то обстоятельство, что донесенія визитаторовъ обсуждались коллегіально, въ училищномъ комитетѣ, и подлежали контролю совѣта; слѣдовательно имъ была придана тогда нѣкотораго рода гласность, совершенно исчезнувшая потомъ, когда на деньги для поѣздокъ по округу стали смотрѣть какъ на добавочныя къ жалованью, и визитаторы превратились уже въ болѣе или менѣе строгихъ ревизоровъ-начальниковъ, дѣйствія которыхъ и громы были покрыты тайною. Зато болѣе снисходительные или добродушные изъ нихъ, еще на нашей памяти, изъ своихъ поѣздокъ вывозили, какъ сувениры или для подарковъ пріятелямъ, мѣстныя произведенія далекихъ странъ округа, въ родѣ колоссальныхъ сибирскихъ рыбъ, бухарскихъ халатовъ изъ Оренбурга, астраханскаго винограда и плодовъ, чугунныхъ произведеній, аметистовъ и камней—съ Урала, изящныхъ вещицъ изъ наростовъ вятской березы и т. п.

Хотя училищный комитетъ при Казанскомъ университетѣ, согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія, былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ Яковкина вмѣсто ректора лишь въ октябрѣ 1811 года, слѣдовательно дѣйствія его относятся нѣсколько къ позднѣйшему времени, чѣмъ описываемое въ этой части, но и до его открытія мы можемъ указать на двѣ любопытныя во многихъ отношеніяхъ визитаціи, вызванныя особыми обстоятельствами и исполненныя членами совѣта по предложеніямъ попечителя. Донесенія этихъ визитаторовъ вводятъ насъ въ нѣкоторыя интересныя подробности и условія тогдашняго состоянія образованія въ восточномъ краѣ и мы постараемся ихъ извлечь.

Въ началѣ 1807 года министръ предложилъ попечителю отправить кого либо изъ профессоровъ или адъюнктовъ Казанскаго университета для обозрѣнія Пензенской гимназіи, о плохомъ состояніи которой получались неутѣшительныя мѣстныя извѣстія отъ губернатора и другихъ лицъ, особенно дворянъ. Обозрѣніе гимназіи попечитель поручилъ Яковкину, какъ самому довѣренному лицу. Такимъ образомъ первымъ визитаторомъ изъ Казани былъ знаменитый директоръ. Исправлять его многоразличныя должности поручено было на время отлучки Фуксу, «по причинѣ преимущественнаго его разумѣнія россійскаго языка въ разсужденіи прочихъ иностранныхъ гг. профессоровъ», какъ говорилось въ бумагѣ попечителя совѣту.

Яковкинъ выѣхалъ 17 февраля. Путь его лежалъ черезъ Симбирскъ. Здѣсь не преминулъ онъ осмотрѣть училище, изъ котораго

*

скоро должна была образоваться гимназія. Помѣщеніе его было въ высшей степени неудобно и возмутило Яковкина. Несмотря на давно уже сдѣланное предписаніе министра о сдачѣ этого училищнаго дома въ вѣдѣніе училищнаго начальства, въ лучшей части его, почти во всей половинѣ второго этажа, расположено было дворянское благородное собраніе или клубъ. При широкой помѣщичьей жизни того времени, собраніе имѣло просторное помѣщеніе: двѣ большія переднія комнаты, зала для карточной игры, другая зала для танцевъ, большая комната «для прохлажденія», большая столовая для ужина членовъ, пространная проходная буфетная и послѣдняя комната — туалетная. Въ нижнемъ этажѣ, какъ разъ подъ карточною и танцовальною залами, были квартиры двухъ учителей, людей семейныхъ. Въ немъ не было сводовъ, а потому потолки тряслись, штукатурка отваливалась; по вторникамъ особенно, въ дни назначенные для танцовальныхъ вечеровъ, во время подписныхъ обѣдовъ и ужиновъ, учительскимъ семьямъ не было покою. Другая половина второго этажа заключала шесть классныхъ комнатъ, съ небольшою отгородкою для маленькой библіотеки, минералогическаго кабинета и физическихъ инструментовъ. Нижній этажъ, по лицевой его сторонѣ, былъ занятъ приказомъ общественнаго призрѣнія, лавкою для продажи картъ и квартирою второклассного учителя, состоящею изъ двухъ комнатъ съ перегородками. Особенно возмущало Яковкина, что во всей надворной половинѣ нижняго этажа, въ пяти очень просторныхъ комнатахъ, «располагается содержатель сего трактира, иностранный экономъ, какъ необходимо нужный чиновникъ для весельчаковъ, имѣющій особую на дворѣ пространную для съѣзжающихся обжоръ кухню, хлѣбенную, приспѣшную людскую, погреба зимніе и лѣтніе, кладовыя, сараи и конюшню; тремъ же учителямъ предоставлены два въ землѣ подъ домомъ выхода, наполняющіеся еще нынѣ заблаговременно водою, чему я очевидецъ, вмѣсто льду и снѣга для лѣта, кои въ противномъ случаѣ надобно бъ было нынѣ же набивать имъ, индѣ изъ спаленъ, а индѣ изъ первыхъ учительскихъ комнатъ... Учителя принуждены скудной запасъ свой держать въ коридорѣ, подлѣ спальни, отчего сырость и духота, а съ ними купно и болѣзни... У бѣднаго Шутихина съ самой осени больны жена и четверо дѣтей, да и самъ онъ, какъ *тѣнь* шатается, когда между тѣмъ иностранный трактирщикъ и для собакъ своихъ, двухъ датскихъ, двухъ охотничьихъ и множества постельныхъ, имѣетъ особые отхожіе покои»...

Въ Пензу пріѣхалъ Яковкинъ 25 февраля и остановился въ домѣ гимназіи, въ квартирѣ своего казанскаго ученика В. Перевощикова. Незадолго передъ тѣмъ умеръ директоръ Захарьинъ. Прежде

всего визитатору пришлось привести въ порядокъ дѣла, суммы и имущество гимназическое. Все, хотя и найдено было въ безпорядкѣ, оказалось въ цѣлости, а жалобы на гимназію и на директора, называемыя Яковкинымъ клеветою, по его распросамъ, происходили отъ личныхъ неудовольствій директора съ губернаторомъ и нѣкоторыми дворянами, хотя благомыслящіе изъ нихъ вовсе не думали жаловаться на гимназію. Многіе изъ жаловавшихся сами искали директорскаго мѣста и въ томъ числѣ сынъ губернатора. Яковкинъ совѣтовалъ попечителю, во избѣжаніе личностей, назначить директора со стороны. Какъ на пригодное для того по знаніямъ своимъ и по образованію лицо, онъ указывалъ на профессора Городчанинова, который въ то время не прочь былъ занять мѣсто директора, «потому что по мнительности своей о вредоносномъ климатѣ казанскомъ, а особливо послѣ смерти адъюнкта Левицкаго (умершаго впрочемъ вслѣдствіе запоя), онъ никакъ не соглашается остаться въ Казани». Прежняго директора Яковкинъ совершенно оправдалъ; всѣ нареканія на него призналъ онъ несправедливыми. За смерть покойнаго, какъ слѣдствіе болѣзни, вызванной огорченіями, многіе виновные должны будутъ отвѣчать, по его словамъ, предъ высшимъ начальствомъ. «Да упокоитъ его душу всевышній Мздовоздаятель!»— заканчиваетъ Яковкинъ описаніе болѣзни и смерти директора. Онъ совершенно очищаетъ и память и личность покойнаго директора Захарьина. Изъ донесенія Яковкина видно, что Захарьинъ, былъ преданъ дѣлу, любилъ гимназію, былъ вообще человѣкъ образованный и свою библіотеку, заключающую болѣе 1000 томовъ, подарилъ ввѣренному ему заведенію.

Весь слѣдующій день по пріѣздѣ, визитаторъ провелъ въ классахъ, знакомился съ учителями и учениками и способами ученія и приготовлялъ съ первыми программы публичныхъ экзаменовъ. На третій поѣхалъ съ визитами къ мѣстнымъ властямъ, начиная съ губернатора, которымъ былъ принятъ «отмѣнно почтительно», затѣмъ былъ у вице-губернатора, принявшаго его «съ открытымъ сердцемъ и душею», потомъ у преосвященнаго грузина Гаія и т. д. Еще въ Казани напечаталъ онъ приглашенія на экзаменъ въ Пензѣ и развозилъ и разсылалъ ихъ къ представителямъ общества, а 28 февраля, по прибытіи архіерея и почетныхъ посѣтителей, открылъ экзамены привѣтственною рѣчью; послѣ него говорилъ то же привѣтствіе В. Перевощиковъ. Экзаменъ начался съ общаго обозрѣнія всѣхъ частей философіи и съ логики. «Прежде сего времени вся здѣшняя публика негодовала, пишетъ Яковкинъ, что присылаютъ учителями такихъ молодыхъ людей; но послѣ экзамена едва меня не задушили благодареніями за успѣхи и отвѣты учащихся, также за

знанія учителя (Перевощикова) и толь ясное и ловкое преподаваніе толь трудной науки». Четыре дня продолжались эти публичные экзамены и сопровождались полнымъ успѣхомъ. Торжественность внѣшней обстановки, что такъ любилъ Яковкинъ, была соблюдена вполнѣ. «Экзамены наши, пишетъ онъ, г. губернаторъ почтилъ почетнымъ карауломъ изъ четверыхъ солдатъ съ ружьями, что исправно продолжается всякій разъ по утру отъ 10 часовъ до окончанія экзамена и по полудни отъ 4 часовъ также. За сію честь гимназіи оказываемую не премину я засвидѣтельствовать Его Превосходительству благодарность отъ лица гимназіи, при чемъ не оставлю рекомендовать въ его градоначальственное благорасположеніе учителей и самую гимназію». Посѣтителей и посѣтительницъ всякій разъ было довольно; имъ, по словамъ визитатора, нравились въ особенности рѣчи, произносимыя учениками послѣ всякаго экзамена. Однимъ словомъ Яковкинъ своею ловкостью и умѣньемъ показать товаръ лицомъ въ нѣсколько дней поднялъ высоко въ общественномъ мнѣніи города опозоренную гимназію. «Слышны и теперь, говоритъ онъ, уже весьма лестные отзывы объ успѣхахъ гимназіи, о величественности и порядкѣ экзаменовъ, да тутъ же и бѣдному визитатору удивляются за его терпѣніе при всѣхъ экзаменахъ и весьма частое вопрошеніе учениковъ изъ всѣхъ экзаменуемыхъ предметовъ, чего здѣсь прежде не бывало». Эта ловкая косвенная похвала самому себѣ поддерживается и выгоднымъ для него сравненіемъ: «Не произошло бы и прежде никакого нареканія, ни шуму объ гимназіи Пензенской, ежели бы прежній визитаторъ Логвиновъ, какъ я ото всѣхъ наслышался, не посрамилъ званія сего ежедневнымъ пьянствомъ и нерадивымъ обозрѣніемъ; удостойте простить великодушно моей ревности, когда донесу, и донесу сущую правду, что онъ безбожно обманулъ в. п., и не входя ни во что порядочно, писалъ и доносилъ только то, что какъ нибудь походило на обозрѣніе».

Очень ловкую и удачную защиту гимназіи отъ нареканій Яковкинъ сдѣлалъ публично, смутивъ недоброжелателей ея. Въ продолженіе перваго экзамена Яковкину сообщили, что пріѣхалъ губернскій предводитель дворянства, а съ нимъ и уѣздный, и указали ему ихъ между посѣтителями.

„По окончаніи экзамена и послѣ проговоренной ученикомъ къ собранію благодарственной рѣчи за посѣщеніе, проводилъ я преосвященнаго чрезъ два покоя до лѣстницы; а потомъ, возвратившись въ залу, при всемъ собраніи отнесся самымъ учтивымъ образомъ къ г. губернскому предводителю, что ему самому извѣстно, что нѣкоторые гг. уѣздные предводители приносили правительству жалобы на безуспѣшность Пензенской губернской гимназіи, — что я по волѣ высшаго начальства присланъ

для изслѣдованія и обнаруженія истины, — что я не имѣю чести знать оныхъ гг. предводителей лично, что по сей причинѣ относясь къ нему, покорнѣйше прошу принять на себя трудъ пригласить ихъ на нынѣшнихъ публичныхъ экзаменахъ присутствовать и *собственными своими вопросами* удостовѣриться въ успѣшности или безуспѣшности ученія въ гимназіи, тѣмъ паче, что покойный директоръ по причинѣ болѣзни своей и не зная ничего еще о назначеніи визитатора въ Пензу, не имѣлъ времени приготовить къ экзаменамъ и померъ (за четыре недѣли до пріѣзда Яковкина), — а я, пріѣхавъ только въ понедѣльникъ вечеромъ, также ни мало не имѣлъ времени пріуготовить показать публикѣ одну только маску ученія, а сверхъ того на таковыхъ чрезвычайныхъ публичныхъ экзаменахъ, нынѣ назначенныхъ, и всякій посѣтитель имѣетъ право вопросами своими въ экзаменуемомъ предметѣ удостовѣряться въ успѣхахъ ученія. Съ самаго начала моего приступа весьма примѣтно было крайнее смущеніе на лицѣ его и другого стоявшаго позади его какого-то чиновника, можетъ быть потому, что еще гораздо прежде моего пріѣзда, не знаю съ чего разнесся въ городѣ слухъ, что визитатору препоручено изслѣдовать доносы предводителей суднымъ порядкомъ и даже самихъ ихъ публично экзаменовать въ ихъ знаніяхъ, какъ о томъ меня послѣ увѣдсмилъ Перевощиковъ. На отношеніе мое г. губернскій предводитель отвѣтствовалъ мнѣ также весьма учтиво, хотя и дрожащимъ отъ смущенія голосомъ, что справедливо, что нѣкоторые гг. предводители подали ему жалобы на безуспѣшность гимназіи, — что онъ таковыхъ оффиціальныхъ бумагъ утаить никакъ не могъ, „а долженъ былъ представить правительству, что приказано ему было сдѣлать такимъ образомъ; но что съ того времени обстоятельства гимназіи совсѣмъ перемѣнились, — что онъ съ особеннымъ сердечнымъ удовольствіемъ радуется видѣннымъ имъ самимъ въ тотъ экзаменъ успѣхамъ,—и что при другомъ начальникѣ надѣются они и всегда быть довольны".

Общее довольство скрѣплено было закускою, на которую Яковкинъ пригласилъ въ занимаемыя имъ въ гимназіи комнаты всѣхъ болѣе важныхъ посѣтителей, «въ числѣ коихъ, сверхъ вице-губернатора, было четверо генераловъ, а всѣхъ, болѣе 25 человѣкъ». Но и предводители были отчасти правы, хотя обвиненія ихъ были написаны заднимъ числомъ. Пензенская гимназія только недавно, при началѣ реформъ имп. Александра I, была преобразована изъ главнаго народнаго училища, находившагося въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, а извѣстно въ какомъ печальномъ состояніи находились эти училища передъ самою реформою, особенно по недостатку знающихъ и приготовленныхъ учителей. Пока Казанскій университетъ не доставилъ гимназіи нѣкоторыхъ дѣльныхъ преподавателей, довольствовались прежними. Изъ училища въ гимназію перешло трое учителей. Двое изъ нихъ постепенно падали нравственно; имъ не было мѣста въ окружающемъ обществѣ; они перестали ходить въ классы и забросили обязанности. Одинъ изъ нихъ Базилевъ сходилъ съ ума отъ пьянства, а другой, Кулаковъ, отъ

пьянства и умеръ. Третій изъ нихъ Лундбергъ былъ уволенъ покойнымъ директоромъ за безпутство, сдѣлался его врагомъ и помогалъ предводителямъ писать на директора клеветы. Поступилъ онъ потомъ домашнимъ учителемъ къ помѣщику Стяшкину, забралъ за полтора года впередъ жалованье и проучивъ только полгода съ небольшимъ, отпросился въ сосѣдній городъ Саранскъ, гдѣ пропилъ не только всѣ деньги, бывшія съ нимъ, но и платье. Вернулся онъ въ рубищѣ, и Стяшкинъ не могъ его больше держать при дѣтяхъ, но далъ однако ему денегъ на дорогу въ Москву. Съ свойственнымъ ему апломбомъ, Яковкинъ умѣлъ поддержать значеніе образованія въ городѣ, куда оно только что начинало входить. Онъ поднялъ въ мнѣніи города опозоренную гимназію, а тѣмъ, что уѣзжая, по данному ему полномочію, намѣревался поручить управленіе гимназіи до назначенія новаго директора, своему ученику, очень еще молодому человѣку, только что сошедшему съ студенческой скамейки, Перевощикову—показалъ какое значеніе долженъ имѣть университетъ. Проникнутый «важностью званія визитатора», онъ предполагалъ въ скоромъ времени написать и представить попечителю «Замѣчанія о званіи визитаторовъ», какъ бы наставленіе для будущаго. Чтобы отклонить всякую мысль о подготовленности, объ обманѣ, онъ представилъ попечителю классныя упражненія учениковъ въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ получилъ на публичномъ экзаменѣ. «Страждущая честь публичнаго заведенія и безпристрастная справедливость, по мнѣнію моему, того требовали, хотя бы и казалось непростительно похищать драгоцѣннѣйшія минуты времени, посвященныя важнѣйшимъ общественнымъ упражненіямъ». Яковкинъ сдѣлалъ подробное донесеніе о каждомъ учителѣ и нѣкоторыхъ счелъ нужнымъ представить къ наградамъ. При недостаткахъ, замѣченныхъ имъ въ преподаваніи, въ употребленіи учебниковъ или въ какой-нибудь другой сторонѣ гимназической жизни, онъ указывалъ, какъ на образецъ, на свою, Казанскую гимназію и старался и здѣсь ввести ея порядки. Такъ какъ должность директора, по старшинству службы, правилъ старшій учитель исторіи и географіи Раевскій, очень невыгодно рекомендуемый визитаторомъ и по знаніямъ своимъ и по характеру, то онъ предписалъ ему, «чтобы въ преподаваніи ученія, учебныхъ книгахъ и внутреннемъ распоряженіи учениковъ гимназіи соображаться съ порядкомъ Казанской гимназіи, какъ извѣстнымъ для обоихъ учителей Перевощикова и Ляпунова и удостоеннымъ начальственнаго одобренія попечителя». О Раевскомъ, который чуть было своимъ экзаменомъ не нанесъ стыдъ гимназіи, еслибъ онъ не поддержалъ его, визитаторъ выражался такъ: «Человѣкъ молодой, необработанный, привыкшій только искать, а не ожидать заслугами,

сердцу моему весьма не понравился, да и послѣ не замедлилъ оправдать мое подозрѣніе». Мѣсяца черезъ два по отъѣздѣ Яковкина, ему писали изъ Пензы, что Раевскій, не обращая вниманія на его указанія, сталъ все передѣлывать по своему, такъ что визитатору снова пришлось жаловаться попечителю.

Къ 1809 году относится вторая визитація университетская, касающаяся оренбургскихъ училищъ, сохранившая для насъ нѣсколько любопытныхъ, весьма характерныхъ, но къ сожалѣнію и весьма печальныхъ фактовъ изъ исторіи просвѣщенія такого отдаленнаго края, какъ Оренбургъ, и вообще изъ исторіи нравовъ тогдашняго учебнаго персонала. Въ засѣданіи совѣта 1 сентября 1809 года заслушано было предложеніе попечителя (19 августа, № 483), что по случаю взаимныхъ жалобъ правящаго въ Оренбургѣ должность директора Протопопова и учителя Румскаго, министръ народнаго просвѣщенія предписалъ ему, попечителю, «для узнанія которая сторона права, основательны ли жалобы Протопопова на Румскаго и доносъ Румскаго на Протопопова, отправить въ Оренбургъ визитатора». Попечитель, прилагая всѣ бумаги по этому дѣлу, предлагалъ отправить въ Оренбургъ визитаторомъ адъюнкта Запольскаго, а въ помощь ему придать магистра Кондырева, «которымъ, удостовѣрясь на мѣстѣ обо всемъ, что между Протопоповымъ и Румскимъ произошло, доставить ему точныя свѣдѣнія и истинную цѣну поступковъ того и другаго». Это была главная цѣль визитаціи. Но такъ какъ директору оренбургскихъ училищъ ввѣрены были народныя училища очень обширнаго края, т.-е. нынѣшнихъ Оренбургской, Уфимской и Самарской губерній, то попечитель поручалъ визитаторамъ войти въ подробное разсмотрѣніе не только главнаго оренбургскаго училища, «но и всѣхъ въ Оренбургской губерніи находящихся училищъ, ихъ недостатковъ и способовъ оные поправить». Запольскому выданы были прогоны на три лошади, Кондыреву на двѣ; первому назначалось на путевыя издержки 150 — второму 100 рублей. Визитаторы выѣхали изъ Казани 9 сентября, а воротились 7 ноября. Порученіе свое они исполнили чрезвычайно умѣло и обстоятельно въ отношеніи къ обѣимъ задачамъ, на нихъ возложеннымъ, какъ это можно заключить изъ постоянно и подробно веденнаго ими дневного журнала о томъ, что они видѣли и что дѣлали въ теченіе своего путешествія, изъ многочисленныхъ рапортовъ ихъ попечителю какъ съ дороги, такъ и изъ Казани и изъ полнаго общаго отчета о ихъ дѣйствіяхъ. Остановимся сначала на первой и главной задачѣ визитаціи и скажемъ о директорѣ Протопоповѣ.

Въ первыхъ числахъ августа 1806 года въ Петербургѣ представлялся директору департамента народнаго просвѣщенія И. И. Мартынову и товарищу министра народнаго просвѣщенія, извѣстному писателю и близкому лицу къ государю М. Н. Муравьеву, передъ отъѣздомъ своимъ въ Оренбургъ, только что утвержденный въ званіи директора оренбургскихъ училищъ губернскій секретарь Павелъ Протопоповъ. Это былъ человѣкъ уже не очень молодой (ему было тридцать пять лѣтъ), составившій себѣ извѣстность музыкою и стихами [1]). Цѣлый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ прихотливымъ

[1]) Въ отличіе отъ большинства тогдашнихъ губернскихъ директоровъ училищъ, Протопоповъ не учился въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, устроенномъ при императрицѣ Екатеринѣ II, но прошелъ иную школу, чуждую педагогикѣ и не совсѣмъ обыкновенную. Отецъ его былъ симбирскимъ мѣщаниномъ, хотя и происходилъ изъ духовнаго званія. Вся семья Протопоповыхъ переселилась въ Казань въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, какъ это видно изъ довольно любопытныхъ записокъ меньшого брата его, Ивана Ивановича, умершаго въ Казани въ 1863 году. Записки эти не напечатаны и, касаясь почти исключительно семейныхъ событій, прерываются на отрочествѣ автора. Для него старшій братъ Павелъ (т.-е. директоръ оренбургскихъ училищъ) „замѣчательное въ родствѣ нашемъ лицо": онъ „дѣлаетъ собою честь всѣмъ намъ—„умомъ", ученостью и другими талантами". Отецъ желалъ доставить сыну духовное званіе „для возобновленія рода нашихъ предковъ" и отвезъ въ 1780 году восьмилѣтняго мальчика въ Казань представивъ его при прошеніи митрополиту казанскому Веніамину Григоровичу. Образованіе свое началъ Протопоповъ въ архіерейскомъ хорѣ пѣвчихъ. Слѣдующіе послѣ Веніамина архіепископы Антоній и Амвросій Подобѣдовъ очень полюбили талантливаго пѣвчаго, имѣвшаго большія музыкальныя способности: онъ скоро выучился играть на скрипкѣ, флейтѣ и гусляхъ. Но, желая образованія, онъ съ трудомъ уговорилъ владыку дозволить ему учиться въ семинаріи, куда и поступилъ въ синтаксическій классъ, будучи 18-ти лѣтъ. Здѣсь, въ семинаріи, его полюбили наставники и префектъ. Въ три года онъ дошелъ до богословія, но тутъ уже раздумалъ идти въ духовное званіе; его увлекало призваніе артиста и музыканта. Въ 1791 году въ Казани впервые начались театральныя представленія, пользовавшіяся особымъ покровительствомъ казанскаго губернатора кн. Сем. Мих. Баратаева. Театръ управлялся бывшимъ придворнымъ актеромъ Бобровскимъ, который и набиралъ въ труппу лицъ разныхъ званій, выбирая таланты. На сценѣ давали оперы. Протопоповъ, еще учась въ семинаріи, сдѣлался капельмейстеромъ и учителемъ пѣнія при театрѣ, съ разрѣшенія своего духовнаго начальства, и въ этомъ званіи онъ оставался до закрытія театровъ по случаю кончины императрицы. Между тѣмъ, при ходатайствѣ губернатора, Протопопову удалось отдѣлаться отъ духовной карьеры и получить мѣсто учителя въ главномъ народномъ училищѣ Казани, чѣмъ и началось его служеніе дѣлу народнаго образованія; „впрочемъ онъ только считался въ должности этой, говорятъ записки брата, получалъ и жалованье, но службы не несъ, а употреблялся на занятія по театру". Веселость характера, музыкальный талантъ сближали его съ множествомъ разнообраз-

и страннымъ названіемъ «Цвѣтникъ для благомыслія и нѣжности», онъ принесъ къ Муравьеву, какъ къ знатоку и любителю словесности. Протопопову хотѣлось посвятить свою книгу имени государя императора. На первомъ листѣ ея стояло слѣдующее стихотворное посвященіе:

„Всеавгустѣйшій царь империи Россійской,
Тебѣ подноситъ дань Россіи сынъ Асійской,
Дань генія своихъ талантовъ, сколь ихъ есть:
Въ сей дани все его и счастіе и честь.
Воззри на оную! Яви благоволенье
Безсчастну страннику въ безсмертно утѣшенье!
Царь Россовъ! Снизойди на вопль моей мольбы,
Что я есмь сирота у счастья и судьбы;
Что есть хвалы моимъ: ученью, жизни, службѣ;
Что нѣтъ лишь у меня вельможъ въ родствѣ и дружбѣ;
Что я на свѣтѣ семъ живу съ собой одинъ;
Что не фортуны я—простой природы сынъ;
Что я воспитанъ, взросъ усильствомъ нужды слезной;
Что духъ во мнѣ горитъ отечеству полезный;
Что предразсудковъ корнь и сердце изрубя,
Готовъ я въ жертву несть тебѣ всего себя".

Муравьевъ просмотрѣлъ книгу Протопопова, очень благосклонно отнесся къ нему и обѣщалъ представить ее государю, говоря увѣрительно и искренно, какъ казалось Протопопову: «Государю я доложу, но не прежде какъ по возвращеніи его изъ Франціи». Изъ разговора съ Муравьевымъ, Протопоповъ совершенно убѣдился, что получитъ въ награду перстень, примѣрно рублей въ 850, о чемъ не умедлилъ передать своему покровителю Дмитревскому, попечителю Румовскому и Мартынову и, убаюканный мечтами о Высочайшей на-

---

ныхъ лицъ. Послѣ номинальнаго учительства, Протопоповъ служилъ и въ городовомъ магистратѣ, и въ канцеляріи губернатора, и въ депо коммиссаріатскомъ и провіантскомъ, и сектетаремъ въ конторѣ гимназіи, но долго не служилъ нигдѣ: „онъ былъ безпеченъ, нѣсколько лѣнивъ и къ должности являлся почти всегда послѣ начальниковъ"—говоритъ братъ. Директоръ гимназіи, нѣмецъ Пекенъ, уволилъ его и Протопоповъ въ 1803 году отправился въ Петербургъ, гдѣ очень скоро получилъ должность помощника столоначальника въ государственномъ казначействѣ, въ экспедиціи о государственныхъ расходахъ. Въ Петербургѣ, по музыкальному таланту и по литературнымъ опытамъ, Протопоповъ сблизился съ И. А. Дмитревскимъ, знаменитымъ трагикомъ, писателемъ, членомъ россійской академіи, человѣкомъ, котораго зналъ и уважалъ весь тогдашній Петербургъ. Дмитревскій познакомилъ его съ попечителемъ Румовскимъ, который полюбилъ Протопопова, хотя самъ и не былъ поклонникомъ стихотворства, и предложилъ ему мѣсто директора оренбургскихъ училищъ.

градѣ, уѣхалъ въ «дикій край», какъ онъ называлъ мѣсто своего служенія [1]).

Не прошло однако и полугода со времени отъѣзда Протопопова въ Оренбургъ, какъ отъ учителя главнаго Оренбургскаго народнаго училища Василья Топорнина было получено Румовскимъ письмо, въ которомъ личность и поведеніе новаго директора представляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Топорнинъ писалъ, что Протопоповъ, «упиваясь всегда почти горячихъ напитковъ», этимъ «наноситъ позоръ училищу, неудовольствіе гражданамъ, а ему несносныя обиды». Сообщалось нѣсколько фактовъ. Въ день своихъ именинъ Протопоповъ пригласилъ къ себѣ учителей и пьяный сталъ выговаривать Топорнину: зачѣмъ онъ не встрѣтилъ его при пріѣздѣ привѣтственною рѣчью?—и на оправданіе, что онъ не зналъ о его пріѣздѣ, схватилъ шпагу и чуть не заколоъ Топорнина. Съ этого случая директоръ сталъ постоянно придираться къ Топорнину, и въ классѣ, при ученикахъ, говорилъ, что Топорнинъ скоро будетъ смѣненъ, а разъ пришелъ онъ въ классъ совершенно пьяный и сѣвши на стулъ уснулъ и проспалъ съ часъ времени «въ развратномъ видѣ». На другой день поутру, когда стали собираться ученики въ классы, Протопоповъ звалъ къ себѣ въ комнату 13-ти-лѣтнюю ученицу, дочь штабъ-лѣкаря Конке, подъ предлогомъ напоить ее чаемъ, но та не послушалась и не пошла, за что получила отъ него строгій выговоръ и со слезами ушла домой. Отецъ, возмущенный случаемъ съ дочерью, рѣшился было подать жалобы генералъ-губернатору на обиду, но Топорнинъ, «въ охраненіе училищнаго сословія», по знакомству съ Конке, упросилъ удержаться отъ исполненія этого намѣренія. Отецъ все же не позволилъ дочери ходить больше въ училище. Въ училищѣ директоръ, сообщаетъ Топорнинъ, «завелъ торжище распутства»; учитель татарскаго языка Яшвинъ, на глазахъ учителей, живущихъ рядомъ, водитъ къ нему распутныхъ женщинъ. О Яшвинѣ сообщаетъ возмутительно-безнравственный случай, въ грязныя подробности котораго мы входить не станемъ, но «зазорное для училища сіе происшествіе» сдѣлалось тотчасъ извѣстнымъ всему городу. Сообщивъ многіе невыгодные факты о директорѣ, учитель Топорнинъ, не видя въ будущемъ ничего хорошаго для себя со стороны директора, кромѣ угрозъ несчастіемъ, выраженныхъ въ приводимыхъ имъ въ жалобѣ словахъ Протопо-

---

[1]) Муравьевъ умеръ въ слѣдующемъ году и книга Протопопова осталась въ его бумагахъ или, по выраженію автора, „во тьмѣ и сѣни смертней“. Онъ хлопоталъ потомъ чрезъ Мартынова о томъ, чтобъ выручить ее, но кажется не успѣлъ.

пова: «Я де своимъ романическимъ штилемъ лживое представлю справедливымъ и напротивъ справедливое лживымъ, особливо надѣясь на какого-то его протектора Дмитревскаго», подалъ просьбу объ отставкѣ и только ходатайствовалъ о пенсіи «для пропитанія» большой семьи своей.

Къ этимъ фактамъ, свидѣтельствующимъ о зазорномъ поведеніи автора «Цвѣтника благомыслія и нѣжности», другой учитель главнаго Оренбургскаго народнаго училища Петръ Трапезонтовъ, въ трехъ написанныхъ около того же времени и одно за другимъ слѣдующихъ письмахъ къ Румовскому, присоединяетъ и другіе столь же, если не болѣе возмутительные. Трапезонтовъ получилъ образованіе въ петербургской учительской семинаріи и служилъ семнадцать лѣтъ. Но и ему грозило увольненіе; объ оренбургскомъ училищѣ и его персоналѣ попечитель былъ самаго невыгоднаго мнѣнія по разнымъ, доходившимъ до него съ мѣста свѣдѣніямъ. Отправляя директора въ Оренбургъ, онъ обѣщалъ ему, что пришлетъ новыхъ лучшихъ учителей (въ 1807 году и былъ такимъ образомъ назначенъ учителемъ въ Оренбургъ одинъ изъ студентовъ Казанскаго университета Честновъ, поступившій въ 1805 году). Этимъ обѣщаніемъ попечителя Протопоповъ безпрестанно пользовался, какъ угрозою противъ старыхъ учителей, чтобы «симъ способомъ уработить меня себѣ», прибавляетъ Трапезонтовъ, ссылаясь на свои и безъ того уже «какъ бы рабскія услуги» ему. Угрозы свои твердилъ Протопоповъ безпрестанно, съ самаго пріѣзда своего: «ходя по классамъ, большею частью впрочемъ пьяный, объявлялъ много разъ ученикамъ, что за устарѣніемъ всѣхъ насъ, дастъ онъ имъ учителей—*молодыхъ живчиковъ». Рабскія услуги* состояли наприм. въ томъ, что Трапезонтовъ и Топорнинъ разъ несли пьянаго до безпамятства директора «изъ однихъ гостей» до училища «чрезъ нарочитое разстояніе», и онъ надменно, или, какъ выражается Трапезонтовъ, «изъ владѣющей имъ страсти честолюбія», ставилъ такія услуги «наряду съ моею должностью». Сердился директоръ на учителей, что они не часто ходятъ къ нему въ его комнату, куда призывая безъ нужды, заставлялъ ихъ пить отъ скуки съ собою, говоря, что «всѣ непьющіе жестокосерды». Но это пьянство доходило до безобразія. Въ ночь съ 15 на 16 декабря воротился онъ совершенно пьяный и безъ памяти упалъ на пустые штофы и порѣзалъ себѣ руку до самой кости. Только въ 12 часу дня онъ сталъ звать на помощь сосѣдей учителей и просить, чтобъ послали за лѣкаремъ. «Мы ужаснулись, говоритъ Трапезонтовъ, увидя его какъ бы окунутаго въ крови съ рубашкою, и количество истекшей изъ него крови показалось бы каждому неимовѣрнымъ; я счелъ бы то

самъ безстыдною ложью и признаюсь усумнился одна ли его только была она; на кожаномъ тюфякѣ лужею стояла кровь ссѣвшись, капотъ, которымъ былъ одѣтъ, весь ею измаранъ, точно самъ онъ не знаетъ и не помнитъ какъ она изъ него текла; весь полъ кровью былъ улитъ; во многихъ мѣстахъ лежала она печеньями, самыя стѣны были ею обрызганы». На сырной недѣлѣ пьяное безобразіе директора дошло до того, что тогдашній Оренбургскій генералъ-губернаторъ князь Г. С. Волконскій, человѣкъ вообще очень добрый и простой, любившій Протопопова за его веселость, таланты музыкальные и поэтическіе, принимавшій его у себя, въ качествѣ впрочемъ домашняго шута и снисходительно смотрѣвшій на его пьянство, приказалъ ему чрезъ городничаго выѣхать изъ училища на квартиру, но онъ не исполнилъ этого, подъ предлогомъ, что не нашелъ квартиры, и остался. Сосѣди, учители, тѣснившіеся рядомъ съ его комнатами и отдѣленные отъ него только перегородками, приходили по ночамъ въ страхъ. «По часту онъ въ глубокую ночь топочетъ и кричитъ необычайнымъ голосомъ, отъ намѣренія ли то насъ безпокоить, или отъ находящаго на него умоизступленія, или отъ непомѣрнаго пьянства». Какъ мало заботился онъ объ училищѣ, объ ученіи, съ какимъ презрѣніемъ онъ относился къ нему, Трапезонтовъ приводитъ разные факты. Училище, какъ для классовъ, такъ и для помѣщенія учителей, было крайне тѣсно. У учителей было только по одной небольшой комнатѣ. «За худобою и крайнимъ холодомъ классической (т. е. классной), учители зимою, кое-какъ тѣснясь, учили дѣтей попеременно въ своихъ жилыхъ комнатахъ; отнявъ комнату у учителя, директоръ заставилъ двоихъ тѣсниться въ одной, такъ что для класса уже не было помѣщенія, и ученики стали понемногу убывать. «Когда и ни одного ученика не будетъ, говорилъ директоръ на донесеніе объ этомъ,—намъ все же станутъ выдавать жалованье». А въ библіотечной комнатѣ поставилъ для себя с...., распространяющее зловоніе; выносить его приходилось черезъ классы. Полтора мѣсяца въ четвертомъ классѣ вовсе не было ученія, потому что директоръ заставилъ учениковъ учить сочиненныя имъ стихотворныя привѣтствія ко дню именинъ генералъ-губернатора, который не принялъ этихъ привѣтствій; учениковъ принуждаетъ онъ списывать свои сочиненія и разныя разности и тѣмъ безпрерывно отвлекаетъ ихъ отъ ученія и пр.

Правда и самъ Трапезонтовъ былъ не безъ слабостей, какъ огромное большинство учителей народныхъ училищъ Екатерининскаго времени, призванныхъ къ дѣлу, ни въ комъ не находившему сочувствія. Онъ и самъ признается въ своихъ грѣшкахъ: «Не смѣю и не могу сказать, чтобъ изъятъ былъ вовсе отъ обыкновенныхъ всѣмъ сла-

бостей; но злоба, пользуясь симъ, стократно увеличила нѣкоторыя, присвоила мнѣ вовсе чуждыя, и я думаю, что и теперь онъ, г. Протопоповъ, не подтвердитъ постоянно мною исполняемаго нѣсколько уже мѣсяцевъ, какъ и всѣмъ меня знающимъ извѣстно, твердаго намѣренія къ возможному единственно избѣжанію хотя его подозрѣнія,—вовсе удаляться горячихъ напитковъ». Но дальнѣйшія жалобы, уже другихъ учителей, и тщательныя изслѣдованія визитаторовъ показали, къ сожалѣнію, что всѣ сообщенныя Топорнинымъ и Трапезонтовымъ свѣдѣнія, на которыя Румовскій въ 1807 году не обратилъ вниманія, считая ихъ лживымъ доносомъ, были вполнѣ справедливы. Оба были доведены до крайности. Трапезонтовъ подалъ также формальное прошеніе объ увольненіи отъ службы за болѣзнью, и оба были уволены. Отставка и торжество директора были для нихъ тяжелымъ ударомъ. Одинъ знакомый Яковкину коммиссаріатскій офицеръ, ѣздившій изъ Казани въ Оренбургъ, разсказывалъ ему за достовѣрное, что двое отставляемыхъ учителей приходили ночью къ директору съ оружіемъ и дрекольями, искали умертвить его и выломали даже дверь въ его комнату, но «подоспѣвшая на кричаніе караула стража воспрепятствовала имъ исполнить пагубное ихъ намѣреніе. Послѣ сего благоволящій къ Протопопову военный генералъ-губернаторъ объявилъ ему, что онъ далъ приказъ гауптвахтѣ, что по первому увѣдомленію его доставляема ему будетъ военная помощь противу всякаго насилія» (23 апр. 1807 г.).

Черезъ два года поступили къ попечителю новыя жалобы на директора Протопопова, отъ новыхъ двухъ, послѣ увольненія прежнихъ назначенныхъ, учителей. Одинъ изъ нихъ Румской, писалъ, 1) что директоръ пьяница, нахалъ, всѣми презрѣнъ, служитъ вездѣ шутомъ и музыкантомъ и, какъ говорятъ, проигрываетъ въ карты книги; 2) директоръ не радитъ объ училищѣ; собака его укусила одну служанку, провожавшую въ классъ ученицу; 3) Румской жалуется, что директоръ его отрѣшилъ самовольно, тогда какъ попечитель разрѣшилъ только лишить его квартиры въ училищѣ; 4) директоръ цѣлые три дня пропадалъ изъ училища неизвѣстно гдѣ, о чемъ Румской словесно донесъ военному губернатору. Другой учитель, Медениковъ, въ своей жалобѣ высказывалъ: 1) что директоръ ведетъ нетрезвую жизнь, извѣстную всему городу; 2) отъ такого поведенія директора училище пришло въ неуваженіе, что и естественно слѣдуетъ; 3) дѣлалъ Протопоповъ неблагопристойности предъ его женою, въ чемъ и самъ сознался.

Трудная дѣйствительно задача выпала на долю визитаторовъ разобраться во всей массѣ накопившихся на директора обвиненій и узнать настоящую правду взаимныхъ жалобъ и оправданій. Они сами

сознались въ этой трудности. «Для изслѣдованія сихъ жалобъ и доносовъ по формѣ, законами предписанной, предлежали визитаторамъ чрезмѣрныя трудности, какъ въ разсужденіи письмоводства, такъ и необходимыхъ съ оренбургскимъ городническимъ правленіемъ сношеній; притомъ же вызовъ публики къ подтвержденію нетрезваго и неблагопристойнаго поведенія г. Протопопова болѣе, можетъ быть, произвелъ бы соблазна, нежели сколько способствовалъ бы къ открытію истины, не говоря уже о той трудности, съ какою публика въ формальныя дѣла такого рода входитъ». Попробовали было они сначала, сдѣлавъ копіи съ взаимныхъ жалобъ и доносовъ, предложить каждому написать съ своей стороны объясненія и оправданія, но изъ этого ничего хорошаго не вышло: расплодились только взаимныя оскорбленія, или пустыя увертки, или просто отрицаніе. Такъ, на указаніе Румскаго, что директоръ у кн. Волконскаго служитъ шутомъ и музыкантомъ, Протопоповъ объясняетъ весьма нахально, что его сіятельство приглашаетъ его къ столу для молитвъ и собесѣдованія. На это визитаторы замѣтили, что «приглашенія директора къ столу главнокомандующаго дѣланы были имъ больше *изъ человѣколюбиваго желанія исправить поведеніе г. Протопопова*, нежели изъ особливаго къ нему уваженія, какъ узнали о томъ визитаторы частію отъ самаго его сіятельства (не сказать же ему, что онъ забавлялся съ директоромъ, какъ съ шутомъ), частію отъ приближенныхъ къ его особѣ, которые и съ своей стороны споспѣшествовали тому же благому намѣренію (?) господина главнокомандующаго». На обвиненіе учителя Меденикова, что директоръ дѣлалъ неблагопристойности его женѣ, Протопоповъ, между множествомъ грязныхъ инсинуацій, писалъ, что тутъ были взаимныя шутки, что жена учителя никогда не отказывала Протопопову съ собою шутить, что все это нелѣпыя сплетни мужа на него «въ безчисленныхъ мелочахъ по житію въ одномъ домѣ съ обоими супругами, какъ будто неугодный имъ образъ одѣянія моего, разорванные башмаки и рубашка и проч.». Все объяснялъ Протопоповъ слѣпою ревностью мужа, но объяснялъ такъ грубо и оскорбительно для женщины, что визитаторы были возмущены. На эти объясненія они съ своей стороны замѣчали: «Неблагопристойности, дѣланныя г. Протопоповымъ передъ супругою г. Меденикова, хотя и не были предметомъ изслѣдованій визитаторовъ, однакожъ, разсматривая мѣстное положеніе покоевъ, визитаторы не могутъ почитать ихъ, вопреки г. Протопопова, шутками, а полагаютъ прямо въ число оскорбленій, справедливо раздражающихъ обоихъ супруговъ. Что же касается до прочихъ показаній г. Протопопова (объ отношеніяхъ его къ женѣ Меденикова), то подобныя выраженія, на бумагѣ данныя, безъ вся-

кихъ доказательствъ, при похвальномъ поведеніи супруги г. Меденикова, одни уже должны почесться обидою, требующею воздаянія». Оставалось такимъ образомъ визитаторамъ только собирать добровольные отзывы почетнѣйшихъ чиновниковъ города въ домѣ главнокомандующаго, «куда они почти ежедневно и сами были приглашаемы къ обѣденному столу», выслушивать отзывы князя Волконскаго о невоздержной жизни Протопопова, сравнивать достовѣрные слухи о частной жизни жалующихся лицъ и наконецъ самимъ наблюдать ихъ характеры. Такъ они и сдѣлали.

Любопытная эпопея оренбургскаго директора дополнена ими нѣсколькими характеристическими чертами изъ его жизни, совершенно подтверждающими все то, что писали о немъ къ попечителю разные учители и обрисовывающими нравы такого далекаго края, какимъ былъ оренбургскій, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Характеристику директора они подвели подъ разныя рубрики, на основаніи точныхъ, собранныхъ ими показаній. 1) *Невоздержанность его* въ собственномъ домѣ, т. е. въ училищѣ, доказывается случаемъ, уже упомянутымъ въ жалобѣ учителя Топорнина, когда директоръ упалъ на штофы и такъ обрѣзался, что еслибы приглашенный учителями врачъ не подалъ ему помощи, то онъ истекъ бы кровью. Въ публикѣ же во время гулянья въ лагерѣ тептярскаго шефа, на глазахъ самого генералъ-губернатора онъ напился до того, что князь Волконскій велѣлъ отвезть его на квартиру. «Впрочемъ, прибавляютъ отъ себя визитаторы, мы его пьянаго въ теченіе цѣлаго мѣсяца не видѣли ни единожды». 2) *Вольность въ обращеніи* Протопопова переходила иногда въ такую наглость, которая непростительна, по мнѣнію визитаторовъ, для самаго юношескаго возраста. Такъ въ домѣ генерала Мансурова, гдѣ онъ давалъ дочери его уроки на фортепьяно, Протопоповъ сдѣлалъ такую неблагопристойность, что разсерженный отецъ выгналъ его и запретилъ пускать въ домъ. 3) Имѣетъ директоръ непростительную *слабость переносить* изъ дома въ домъ *вѣсти*. 4) Всѣ почетныя лица города обвиняютъ Протопопова въ грубѣйшей *неблагодарности* за пріемъ ему сдѣланный, и въ неуваженіи къ обществу. Такъ въ письмѣ къ бывшему оренбургскому гражданскому губернатору онъ называлъ жителей «трущобою ссылочныхъ корней». Будучи принятъ въ домъ на все содержаніе «изъ одной ласки» какимъ-то холостымъ генераломъ (по всей вѣроятности для развлеченія), Протопоповъ не постыдился помогать какому-то пріятелю своему, князю Колунчакову, въ написаніи ябедническаго доноса на генерала, за что постыднымъ образомъ и выгнанъ былъ изъ его дома. 5) *Легкомысліе* и *вѣтренность* Протопопова доказывается однимъ его сочиненіемъ въ стихахъ (визитаторы препрово-

дили его къ попечителю при своемъ донесеніи, но къ сожалѣнію въ дѣлѣ его не оказалось [1]), посвященномъ князю Волконскому, по случаю дня рожденія его дочери, подъ названіемъ «Волкъ и Рѣпа». «Въ семъ сочиненіи, говорятъ визитаторы, кажется будто съ намѣреніемъ г. Протопоповъ старался помѣстить такія выраженія, которыя показываютъ сколько сочинитель былъ чуждъ благопристойности, здраваго смысла и очищеннаго вкуса. Прискорбно, в. п., было намъ слышать и видѣть, какъ сіе жалкое сочиненіе служило пищею насмѣшекъ надъ директоромъ училищъ даже такимъ людямъ, которые сами впрочемъ не заслуживали никакого вниманія». б) *Слабость* его *вести себя ниже своего званія* и *служить шутомъ* довела его въ Оренбургѣ до того, что одинъ нетрезвый шефъ выстрѣлилъ ему въ затылокъ, къ счастію, холостымъ зарядомъ изъ пистолета. Къ этой рубрикѣ слабостей директора надобно причислить и случай съ нимъ въ Бузулукѣ, куда онъ ѣздилъ для обозрѣнія училища. «Здѣсь то представилъ онъ собою, говоритъ донесеніе визитаторовъ, самое постыдное и соблазнительнѣйшее ко вреду просвѣщенія зрѣлище, допустивъ нарядить себя въ хлѣбный куль, водить по улицѣ, мазать сажею, посадить подъ столъ, и на подобіе пуделя, при подачѣ стакана пунша, дѣлать всѣ его экзерциціи». «Все это слѣдовало бы почесть самою наглѣйшей клеветою, говорятъ визитаторы, но къ сожалѣнію истину происшествія засвидѣтельствовали: бузулуцкій городничій, учители и даже помѣщики въ деревняхъ живущіе, да и самъ Протопоповъ называетъ этотъ случай *одною пріятельскою шуткою*». Въ Уфѣ разсказывали визитаторамъ, что одинъ

[1]) Братъ Протопопова, въ упомянутыхъ уже запискахъ, объясняетъ странное заглавіе басни тѣмъ, что на него навели директора фамиліи (князь Волконскій былъ женатъ на статсъ-дамѣ, княжнѣ Репниной, которая впрочемъ не жила съ нимъ въ Оренбургѣ, а оставалась въ Петербургѣ). „Баснь эта, говоритъ братъ, не похожа ни на пасквиль, ни на сатиру, но критикъ назвалъ бы ее пошлою, неприличною, неумѣстною, пожалуй и неблагопристойною“. Содержаніе ея, по его словамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „Волкъ долго ходилъ и бѣгалъ по полю, искалъ чутьемъ чего либо вкуснаго, ходилъ, ходилъ и попалъ на рѣпище; тутъ открылъ рыломъ рѣпу сладкую, смачную, вкусную и потомъ съѣлъ ее“... Изъ отношеній генералъ-губернатора къ директору приведемъ еще слѣдующій разсказъ изъ тѣхъ же записокъ: „Случилось брату чѣмъ-то разсердить князя до того, что онъ схватилъ палку, отъ удара коей братъ увернулся бѣгомъ, а князь—все таки за нимъ. Такимъ образомъ бѣжали они черезъ дворъ, за ворота и по улицѣ—безъ шляпъ, растрепанные; братъ однакожъ успѣлъ скрыться. Какова картина для города: видѣть, какъ генералъ-губернаторъ за директоромъ училищъ, по улицѣ средь бѣлаго дня, бѣжитъ съ бранью и съ палкою, поднятою вверхъ! На другой день директоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ къ князю, сѣлъ за фортепьяно, сталъ фантазировать и о ссорѣ не было помину“.

холостой его пріятель, разсорясь съ Протопоповымъ за какое-то «непозволенное участіе въ удовольствіяхъ», выбросилъ его изъ окошка своего дома, и на такой поступокъ хозяина всѣ смотрѣли вовсе не какъ на обиду, не заслуженную директоромъ, а что онъ стоилъ того. Наконецъ и визитаторы замѣтили, да и самъ попечитель могъ прочитать въ бумагахъ, адресованныхъ къ начальству, «непростительныя грубости, доказывающія дерзновеніе и наглость Протопопова». Собственно Протопоповъ былъ недоволенъ попечителемъ за то, что и онъ, и учители остаются на жалованьи по старымъ штатамъ, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ введены новые штаты, а у нихъ, въ Оренбургѣ, не можетъ быть никакихъ другихъ посторонних доходовъ. Онъ писалъ въ Петербургъ къ Мартынову, что и онъ и учители, «мы всѣ вонъ глядимъ», что «моритъ его скупость начальника», жаловался, что послѣ пятнадцати лѣтъ службы онъ еще «въ подъяческомъ чинѣ», только еще губернскій секретарь!

Осмотръ и ревизія оренбургскаго училища, находившагося въ непосредственномъ вѣдѣніи Протопопова, происходили весьма медленно по его винѣ, такъ какъ онъ дѣломъ вовсе не занимался. Нужно было представить подробный отчетъ. Визитаторы, согласно уставу о народныхъ училищахъ, въ ордерѣ, данномъ ими на имя директора, требовали отъ него свѣдѣній: 1) Краткую исторію училища вообще, т. е. когда оно основано, при какомъ директорѣ и учителяхъ? При сколькихъ ученикахъ? Кто и чѣмъ были благотворители? Кто отъ самаго начала училища по настоящее время были директоры и учители, съ показаніемъ времени ихъ поступленія на службу и выхода? Сколько было съ основанія училища учениковъ? Какъ число это потомъ увеличивалось и уменьшалось? Когда было самое большее число ихъ и когда самое меньшее? 2) Исторію училища съ 1801 года; погодно требовалась подробная вѣдомость объ ученикахъ: изъ какого они званія, съ какими познаніями поступали и съ какими выходили? Сколько кончало курсъ и сколько выходило до окончанія и почему? Какіе были недостатки училища и какъ они были отвращаемы и, если не удалось отвратить ихъ, то почему? и пр. Это были такъ сказать предварительные вопросы. Затѣмъ слѣдовалъ экзаменъ учениковъ, повѣрка наличности библіотеки по документамъ и денегъ, вырученныхъ отъ продажи книгъ, повѣрка по подробному отчету и шнуровымъ книгамъ прихода и расхода денегъ по оренбургскому и другимъ училищамъ губерніи, подробное обозрѣніе училищнаго дома и архива.

Никакихъ сколько нибудь заслуживающихъ вниманія отвѣтовъ на предложенные ему вопросы директоръ не далъ, да и не былъ въ состояніи дать. Вездѣ въ училищѣ визитаторы нашли «водворив-

шійся безпорядокъ». Денежные счеты, библіотека, переписка по училищу—все представляло хаосъ. Никакихъ шнуровыхъ приходо-расходныхъ книгъ не было, а документы и бумаги визитаторы нашли въ комнатѣ Протопопова «несобранными, разсѣянными, подъ столомъ, на столѣ, на полу и по стульямъ» какъ выражаются они. Все это было перемѣшано съ его собственными письмами къ какимъ-то г-жамъ или дѣвицамъ Путиловой, Мансуровой, или съ разными письмами къ нему. Ученики его класса оказали плохіе успѣхи. Домъ училища былъ въ ужасномъ положеніи: ни жить, ни учить въ немъ долѣе было невозможно. Въ своихъ оправданіяхъ, въ поданномъ визитаторамъ рапортѣ, Протопоповъ жаловался больше на попечителя, на неисполненныя его обѣщанія на счетъ прибавки суммы на содержаніе училища и на то, что попечитель обѣщалъ рекомендовать его, «за особенное попеченіе о училищахъ ему ввѣренныхъ, министру въ особливое вниманіе» и не сдѣлалъ этого. Онъ уповалъ, что высшее начальство не обманетъ его обѣщаніями, но тщетная надежда «разстроила его здоровье и нужное для дѣлъ спокойствіе душевное», а особливо послѣ того, какъ попечитель, не обращая вниманія на увѣренія князя Волконскаго о достоинствѣ Протопопова, сталъ принимать на него учительскія ябеды и «истязать его требованіями отвѣтовъ противъ всякихъ клеветъ». Свое трехлѣтнее служеніе въ Оренбургѣ Протопоповъ называетъ «страдальческимъ». Это желаніе обвинить свое начальство въ собственныхъ погрѣшностяхъ визитаторы называютъ «странною наглостью».

Они положили много труда на приведеніе счетовъ, имущества, книгъ въ порядокъ; печальное положеніе уяснилось, хотя сами они не знали, что дѣлать дальше. На Протопоповѣ оказался недочетъ въ 600 рублей. Если для пополненія денегъ удерживать у Протопопова жалованье и оставить его служить, или сдѣлать оцѣнку его почти ничего не стоющаго имущества, то начальство, по мнѣнію визитаторовъ, получило бы большія непріятности. Но оказавшійся на Протопоповѣ недочетъ былъ однако покрытъ подпискою, устроенною въ пользу его генералъ-губернаторомъ между подчиненными, причемъ самъ онъ подписалъ сто рублей. Объяснять ли эту подписку русскимъ добродушіемъ, особенно если оно не дорого стоитъ, или любовью князя Волконскаго къ Протопопову, который такъ часто забавлялъ его и у котораго, несмотря на его пьянство, было нѣсколько талантовъ, нравящихся обществу—мы не знаемъ. Но намъ кажется, что въ этомъ участіи общества къ Протопопову выразилось нѣкоторымъ образомъ и сознаніе того вреда, который само это общество принесло ему, человѣку заѣзжему, попавшему въ дикій, по его выраженію, край, изъ болѣе интеллигентной сферы столич-

ной. А край былъ дѣйствительно дикій, на сколько можно судить по сохранившимся преданіямъ того времени. Если о гораздо позднѣйшей эпохѣ управленія графа Перовскаго въ Оренбургѣ, существуютъ разсказы, отзывающіеся для насъ чѣмъ то миѳическимъ, то легко себѣ представить что было за сорокъ, за пятьдесятъ лѣтъ до того. На этой далекой степной нашей, окраинѣ посреди разнообразныхъ народностей, полу-дикихъ и кочевыхъ, совсѣмъ еще не тронутыхъ культурою, но получившихъ военную организацію, развертывался ничѣмъ не ограничиваемый произволъ. Все напоминало въ краѣ порядки сатрапіи или пашалыка. Кутежи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и полное безправіе личности были нормальнымъ явленіемъ. Протопопову было легко увлечься общимъ настроеніемъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ выходкахъ его не трудно замѣтить отчасти и какое-то презрѣніе къ тому, что его окружало.

Намъ нѣтъ надобности входить въ тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы визитаторами для приведенія въ порядокъ оренбургскаго училища. Наша цѣль была только показать, въ чемъ состояли и могли состоять визитаціи, посылаемыя университетомъ въ училища, а изъ подробнаго, весьма тщательно составленнаго отчета Запольскимъ и Кондыревымъ можно видѣть, какую пользу могли визитаціи принести въ то время. Обвиняя Протопопова, смотря на него, на его поведеніе, какъ на источникъ всѣхъ золъ, визитаторы однако его личное нерадѣніе объ училищѣ не исключительно ставятъ ему одному въ вину. Недостатки по училищному дому зависятъ и зависѣли большею частію, говорятъ они, отъ оренбургскаго приказа общественнаго призрѣнія, а приказъ этотъ функціонировалъ въ Уфѣ (Оренбургъ былъ уѣзднымъ городомъ), а потому они считаютъ болѣе полезнымъ существованіе главнаго народнаго училища въ этомъ городѣ, гдѣ было только малое училище, чѣмъ въ Оренбургѣ. Тамъ директоръ, будучи самъ членомъ приказа по уставу, своимъ личнымъ участіемъ и вліяніемъ можетъ гораздо больше принести пользы училищу, чѣмъ на значительномъ разстояніи отъ Уфы— въ Оренбургѣ, сносясь съ приказомъ только бумагами. У визитаторовъ не было большихъ полномочій. Протопопову ничего не оставалось какъ подать просьбу объ отставкѣ, что онъ и сдѣлалъ, ссылаясь на разстройство своей жизни, здоровья и самыхъ душевныхъ силъ. Онъ настаивалъ, чтобъ приняты были отъ него бумаги и данъ былъ видъ на выѣздъ. Визитаторы могли только представить объ его увольненіи попечителю, но, принимая во вниманіе совершенную невозможность оставаться ему на мѣстѣ директора, поручили исправлять его должность старшему учителю Меденикову.

Бѣлой, принудившей на открытомъ берегу дожидаться нѣсколько времени и потомъ переправляться съ опасностью, разстроили здоровье обоихъ, особливо одного (Запольскаго) весьма много»—пишутъ въ своемъ донесеніи къ попечителю визитаторы. Изъ отчета, поданнаго учителями видно, что въ уфимскомъ маломъ народномъ училищѣ (изъ двухъ классовъ) было 78 учениковъ (60 въ первомъ и 18 во второмъ), но въ прежніе годы было ихъ значительно больше. Все это были дѣти купцовъ, мѣщанъ, солдатъ, дворовыхъ людей. Смотритель—«мѣщанинъ безъ всякихъ познаній, даже безъ свѣдѣнія читать и писать, однакоже человѣкъ ревностный»; учителями визитаторы остались вполнѣ довольны, но «претерпѣваемые недостатки лишили ихъ способовъ и времени усовершенствовать себя болѣе». Визитаторы ходатайствовали о необходимости прибавки къ ихъ скудному содержанію (210 и 120 р. въ годъ). Деревянный училищный домъ (въ немъ помѣщалась до училища богадѣльня и въ него только недавно перешло училище, а прежній, очень хорошій домъ, принадлежащій приказу, занятъ былъ губернаторомъ) развалился совершенно и потому съ 1 октября ученіе было прекращено и визитаторы никакъ не могли произвести экзамена ученикамъ. Послѣдніе впрочемъ привѣтствовали ихъ рѣчами, выученными на случай пріѣзда. О состояніи училищнаго дома было представляемо губернатору еще въ іюлѣ мѣсяцѣ и онъ два раза приказывалъ починить его, *хотя бы кой-какъ*, но архитекторъ и городничій оба раза доносили ему, что починка дома уже никакъ невозможна.

Представлялись визитаторы и гражданскому губернатору въ Уфѣ, съ письмомъ отъ князя Волконскаго. Онъ обѣщалъ конечно, что все, что зависитъ отъ него или отъ приказа, будетъ исполнено, что онъ уже назначилъ домъ для помѣщенія училища («который однакожъ почти такъ же неудобенъ и ветхъ и неудѣланъ, и клонится къ паденію, какъ настоящій»—замѣчаютъ визитаторы). Бесѣдуя съ ними, губернаторъ сказалъ между прочимъ, что директоръ училищъ состоитъ подъ его начальствомъ. «На это мы учтиво отвѣчали ему, пишутъ визитаторы, отклоняя отъ сей мысли, что Его Императорскому Величеству благоугодно было для управленія училищами составить министерство народнаго просвѣщенія, и в. п., послѣ господина министра, какъ попечитель Казанскаго университета и учебнаго его округа, есть высшій его и нашъ начальникъ, а какъ у подчиненнаго можетъ быть только одинъ начальникъ, то и единственный».—Но я, продолжалъ онъ, выдавая деньги на содержаніе училища и требуя въ ихъ издержкахъ отчета, неужели только расходчикъ, коимъ быть никакъ не соглашусь?—По крайней мѣрѣ въ прочихъ мѣстахъ, отвѣчали мы, гг. губернаторы не завѣ-

дываютъ частей министерства народнаго просвѣщенія». Между прочимъ, въ разговорѣ съ визитаторами, губернаторъ сказалъ имъ: «якобы Государь Императоръ, между всѣми богоугодными заведеніями приказа, училища соизволяетъ почитать въ числѣ послѣднихъ». Вообще, по словамъ визитаторовъ, пріемъ у губернатора былъ хотя и хорошъ, «но далеко не столь благосклоненъ, какъ у его с-ства князя Г. С. Волконскаго, который многократно съ отличнымъ уваженіемъ отзывался о начальствѣ министерства народнаго просвѣщенія, особливо о его с-ствѣ графѣ П. В. Завадовскомъ, какъ своемъ другѣ, и о в. п., также и о народномъ просвѣщеніи, да и на самомъ дѣлѣ показалъ ревность свою къ оному, отдавая, по его словамъ, 40,000 рублей на устроеніе въ Оренбургѣ для азійскихъ племенъ Неплюевскаго училища».

Въ Уфѣ визитаторы развѣдывали также о расположеніи жителей къ устройству гимназіи. Губернаторъ (онъ былъ только что назначенъ) говорилъ, что по недавнему пребыванію на мѣстѣ, не можетъ ничего сказать опредѣленнаго,. но не думаетъ, чтобы дворянство могло дать большое пособіе на гимназію. Губернскій же предводитель говорилъ другое. Въ губерніи было много бѣдныхъ дворянъ, для которыхъ воспитаніе дѣтей вдали отъ родины чрезвычайно затруднительно. Цѣль правительства въ то время, когда заводились вездѣ гимназіи и училища, была заоохотить къ пожертвованіямъ на просвѣщеніе, особенно дворянство, какъ передовое, болѣе образованное, и въ то время наиболѣе состоятельное сословіе, а потому визитаторы вступили по этому поводу въ подробные переговоры съ губернскимъ предводителемъ (имъ былъ тогда коллежскій ассессоръ Савва Осоргинъ, «достаточный дворянинъ и уважаемый своимъ сословіемъ, человѣкъ съ немалыми свѣдѣніями, повидимому желающій отличить себя и способный для сего дѣла»). При гимназіи, по уставу училищъ, необходимо было открыть и уѣздное училище, содержимое на счетъ городскихъ суммъ. На все это, какъ на постройку домовъ, такъ и на содержаніе нужны были довольно значительныя средства. Между тѣмъ въ приказѣ не было и 100,000 капитала, а городъ получалъ ничтожные доходы. Привлечь дворянство и богатыхъ уфимскихъ заводчиковъ было необходимостью, и визитаторы взяли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, «желая, какъ они выражаются, поставить его на прочныя основанія». Съ этою цѣлью они и начали переговоры съ Осоргинымъ. «Впрочемъ, говорятъ они, въ самомъ началѣ нельзя полагать, чтобы дворяне въ большомъ количествѣ отдали въ гимназію и училище дѣтей своихъ: для сего потребны примѣры и обыкновенія». Сношенія съ предводителемъ продолжались однако не долго: онъ торопился

на рекрутскій наборъ въ Челябу и просилъ писать ему туда. Доносся объ этомъ попечителю, визитаторы спрашивали попечителя: приступать ли къ перепискѣ или оставить дѣло до другого времени, напр. до устройства университета, когда онъ приметъ въ вѣдѣніе свое училища, «а государственныя сословія между тѣмъ почувствуютъ большую нужду въ просвѣщеніи». Изъ словъ предводителя однако можно было заключить, что дворянство охотно будетъ жертвовать на гимназію, что уже собирается сумма въ 10,000 рублей на постройку дома и будетъ собрана въ теченіе трехъ лѣтъ. Кромѣ того дворянство желало бы на гимназію употребить такую же сумму, собранную прежде на военное дворянское училище въ Казани, которая остается безъ всякаго употребленія по сіе время.

За болѣзнью Запольскаго, одинъ только Кондыревъ посѣтилъ существовавшій тогда въ Уфѣ пансіонъ Понса, гдѣ произвелъ испытаніе. Этотъ Понсъ былъ 64-лѣтній старикъ, французскій аббатъ, но женатый, тоже на иностранкѣ, знающей нѣсколько языковъ; при нихъ сынъ 24 лѣтъ. Вся семья жила въ Россіи около 25 лѣтъ и жена и сынъ вполнѣ владѣли русскимъ языкомъ. Пансіонъ былъ очень бѣденъ, плата за ученье весьма незначительная, а учениковъ, во время осмотра, было только 11, изъ которыхъ три женскаго пола. Курса никогда и никто не оканчивалъ. Учитъ вся семья, только катехизису посторонній преподаватель. Кондыревъ счелъ нужнымъ дать нѣкоторыя наставленія Понсу. Всѣ они клонились къ расширенію преподаванія.

Оставивъ въ Уфѣ больного товарища, Кондыревъ одинъ выѣхалъ въ Мензелинскъ для осмотра послѣдняго училища оренбургской дирекціи. Здѣсь онъ слушалъ привѣтственныя рѣчи учениковъ, испытывалъ ихъ, былъ на урокахъ учителя. Учащіеся отличились особенно въ знаніи учебника «О должностяхъ человѣка и гражданина», но и вообще успѣхи ихъ Кондыревъ нашелъ весьма удовлетворительными. Въ домѣ училища была чистота; ученики прилично одѣты и вели себя скромно. Но съ помѣщеніемъ училища та же исторія, что и вездѣ. Домъ былъ новъ и удобенъ, но подъ нимъ находился винный погребъ, служащій фундаментомъ дому: стѣны погреба или сгнили, или гніютъ, бревна вываливаются и домъ осѣдаетъ и грозитъ паденіемъ, такъ что и подпорки не помогаютъ. Два предписанія о поправкахъ были сдѣланы губернаторомъ городничему и исправнику, но къ исправленію и не приступали. Визитаторъ представилъ приказу общественнаго призрѣнія о необходимости перебрать домъ училища и перенести его на другое мѣсто. Въ училищѣ было 16 учениковъ—въ первомъ классѣ и 59 — во второмъ. Училище города Мензелинска совершенно походило на сельскую

школу. Всѣ ученики были дѣти солдатъ или крестьянъ разнаго рода, въ томъ числѣ вотяки, черемисы и татары. Поступали въ училище совершенно безграмотные и лѣтомъ отвлекались сельскими работами. Любопытно, что татары тогда (не то что теперь, когда имъ даютъ средства не ходить въ русскія училища) охотно учились въ училищѣ, больше узнавали и, по словамъ визитатора, были «особенно остры и понятны». Онъ приводитъ примѣръ одного татарина, который «назадъ тому мѣсяцъ, самъ собою явившись къ учителю и прося его обучить себя, успѣлъ въ сіе время пройти букварь и нѣсколько читать». И катехизису даже учили ихъ, но визитаторъ «находя сіе для татаръ, по основаніямъ правительства, въ разсужденіи исповѣданія вѣръ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что симъ многіе прочіе удержатся отдавать дѣтей своихъ въ училище, предложилъ словесно учителю отъ сего уклоняться».—Наконецъ Кондыревъ помирилъ довольно давно уже находившихся въ ссорѣ смотрителя съ учителемъ.

Не преминулъ Кондыревъ, проѣздомъ чрезъ Чистополь, изъ единаго искренняго желанія споспѣшествовать рвенію ко благу общему своего начальства», осмотрѣть и училище этого города, хотя это и выходило изъ рамокъ порученія. Домъ былъ наемный и нанимался у городскаго головы Плаксина, но помѣщеніе было удобно. Учениковъ въ двухъ классахъ было гораздо меньше, чѣмъ въ бѣднѣйшемъ, скорѣе похожемъ на селеніе, Мензелинскѣ,—только 19. Учитель объяснилъ, что это происходитъ отъ существованія пяти частныхъ училищъ въ городѣ, гдѣ учится до 50 человѣкъ и «сіе вѣроятно отъ раскола въ вѣрѣ».

Запольскій, поправившись, нѣсколькими часами опередилъ товарища и оба воротились въ Казань 8 ноября.

Университетскія визитаціи, какъ было уже сказано, поднимая нравственнымъ и духовнымъ образомъ тогдашнихъ учителей, разбросанныхъ вдали отъ всякихъ центровъ умственной жизни, въ глухихъ и печальныхъ городахъ и городишкахъ, желали служить также и наукѣ. Еще въ началѣ 1807 года адъюнктъ физики Запольскій предложилъ въ совѣтѣ о необходимости дѣлать *метеорологическія наблюденія* и пріучать къ нимъ студентовъ. Впослѣдствіи съ 1811 года, эти наблюденія стали печататься въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ». Въ званіи визитатора, онъ и Кондыревъ дали Оренбургскому главному народному училищу подробное наставленіе и образецъ какъ вести метеорологическія наблюденія. Они возлагались преимущественно на учителей главныхъ училищъ, но главныя училища обязаны были съ своей стороны сообщить данныя имъ наставленія и въ малыя народныя училища. Къ метеорологіи визитаторы сдѣлали разныя прибавленія, выражавшія желаніе получить самыя

разнообразныя свѣдѣнія: 1) *географическія*, куда входили описанія городовъ, примѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ губерніи или уѣздѣ, рѣкъ, озеръ, горъ, пещеръ, лѣсовъ и проч.; 2) *историческія*, гдѣ между свѣдѣніями о перемѣнахъ, происшедшихъ въ губерніи или уѣздѣ, предлагалось записывать народныя сказанія, случающіяся происшествія между народомъ, которыя могли бы показывать образъ его мыслей или быть вообще достопримѣчательными, переселенія въ губернію и изъ нея. Наконецъ 3) свѣдѣнія *статистическія*, гдѣ изложены подробно самыя разнообразныя требованія, касающіяся земледѣлія, промысловъ, ремеслъ и вообще всей народной жизни, во всемъ ея объемѣ. При этомъ наставленіе рекомендовало наблюдателямъ «всему изыскивать причины». Къ общимъ наставленіямъ визитаторы присоединяли собственно для Оренбургскаго главнаго училища, поставленнаго въ особыя условія, желаніе получить и *мѣстныя* свѣдѣнія, возможныя только въ Оренбургѣ, напр. о киргизахъ: происшествія у нихъ, описаніе избранія хана и его дѣйствій какъ правителя, замѣчательныя хищничества у киргизовъ и пр., или событія и перемѣны въ войскѣ уральскихъ казаковъ, въ сосѣднихъ азіатскихъ государствахъ и т. п. Нельзя не согласиться, что въ то время, при ничтожной подготовленности учителей вообще, при несуществованіи сколько нибудь доступной для нихъ научной литературы, при дороговизнѣ книгъ, при недостаткѣ вообще чтенія, такое общеніе съ университетомъ, такія задачи съ его стороны должны были невольно возбуждать въ учителяхъ любознательность, держать ихъ сколько нибудь въ сферѣ умственныхъ интересовъ, совершенно чуждыхъ и незнакомыхъ для окружающей ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилось въ наставленіи, «успѣшное и должное исполненіе сказаннаго отличаетъ уже всякаго чиновника и будетъ рекомендовать его ревностнымъ и искуснымъ исполнителемъ постановленій правительства».

Попечитель остался чрезвычайно доволенъ визитаторами. Онъ благодарилъ ихъ двумя весьма любезными письмами, а въ предложеніи совѣту о визитаціи сдѣлалъ очень лестный отзывъ. Оренбургскій генералъ-губернаторъ, съ своей стороны, оффиціально писалъ къ попечителю о томъ, съ какою «неутомимою бдительностью» они входили во всѣ части училищнаго управленія, о ихъ «благоразумномъ обращеніи», говорилъ, что тотчасъ послѣ ихъ отъѣзда оренбургскія училища «приняли совсѣмъ другой видъ» и заключалъ свою бумагу заявленіемъ, что «сіи гг. визитаторы, и въ особенности г. Запольскій, дѣлаетъ честь и своему начальству и ученому сословію».

Глава IX.

Литературная дѣятельность при университетѣ.—Общество любителей россійской словесности.—Начало періодической литературы въ Казани.—Цензура.

Для желаемой нами полноты картины старой университетской жизни въ Казани, намъ остается еще говорить о *литературной производительности* описываемаго нами времени, которую естественно ожидать при университетѣ, какъ центрѣ умственной жизни обширнаго края. При немъ понятно должна была образоваться, конечно не вдругъ, умственная атмосфера съ духовными интересами, стоящими выше партій и разныхъ треволненій университетской жизни. Всего естественнѣе и скорѣе слѣдовало бы ожидать этой производительности отъ нѣмецкихъ профессоровъ. Для нихъ она была привычнымъ дѣломъ; вѣковое развитіе научной дѣятельности въ Европѣ, результаты котораго усвоивались ими какъ бы независимо отъ ихъ воли, давались сами собою путемъ преемственности, представляло имъ бо́льшую возможность быть производительными, чѣмъ молодымъ русскимъ ученымъ, совершенно не привыкшимъ къ научной дѣятельности и бравшимъ свои знанія случайно, такъ сказать съ вѣтра. При томъ каждаго русскаго ученаго, если въ немъ былъ талантъ и дѣйствительное, не призрачное стремленіе къ знанію и наукѣ, должна была подавлять масса изучаемаго, парализовать его собственное творчество. Но иностранцы въ Казани были разобщены съ своею родиною и значительными пространствами и медленностью и дороговизною даже почтовыхъ сообщеній. Добыть новую заграничную книгу научнаго содержанія было во сто разъ затруднительнѣе тогда въ Казани, чѣмъ теперь. Удаленные отъ пособій и источниковъ научнаго труда, лишенные того наполняющаго бодростью умъ воздуха, который образуется около нѣсколькихъ людей, одинаково настроенныхъ и къ одной цѣли стремящихся, иностранные профессоры, чтобы не разорвать своихъ связей съ наукою, если въ нихъ были жизненныя силы, должны были бѣжать изъ Ка-

зани. Лучшіе изъ нихъ такъ и сдѣлали; нѣкоторые, какъ напримѣръ Фуксъ, предпочли практическую сторону дѣятельности, умѣли приспособиться къ новымъ условіямъ и приносить по возможности пользу, другіе же, ординарные захирѣли, зачахли умственно, запили въ Казани. Все это сознавали и сами они. Прежде всего университетская библіотека не давала имъ вовсе средствъ для такой умственной работы, къ какой привыкли они дома. Потемкинское собраніе книгъ, о которомъ мы говорили, составилось случайно; при ихъ собираніи конечно не имѣлось въ виду вовсе научныхъ цѣлей; библіотека лейбъ-медика Франка состояла исключительно изъ медицинскихъ книгъ, и притомъ тогда уже устарѣвшихъ, такъ какъ ни въ одной области знанія такъ быстро не старѣютъ теоріи и книги, какъ въ медицинѣ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ иностраннымъ профессоровъ: «Библіотека совершенно недостаточна для потребностей здѣшнихъ профессоровъ, а имъ настоящая, полная университетская библіотека тѣмъ желательнѣе должна быть, чѣмъ незначительнѣе бываетъ обыкновенно число литературныхъ пособій, которыя въ состояніи, по дальности пути, привезти съ собою ѣдущій изъ за границы ученый. И отпускаемая сумма въ количествѣ 1000 р., которая не была ни разу издержана вся, вовсе недостаточна для пріобрѣтенія книгъ и пополненія ими библіотеки, у которой до того много пробѣловъ, что часто цѣлая область знанія (ein Fach) представляется пробѣломъ. Транспортъ книгъ, по отдаленности Казани отъ границы, соединенъ съ величайшими затрудненіями» [1]). Это обстоятельство для нѣмецкаго профессора, привыкшаго владѣть полною литературою предмета, составляло главное препятствіе. Но были и другія. «Университетъ не представилъ еще ни программъ (обозрѣній преподаванія), ни диссертацій, ни рѣчей. Послѣднія правда иногда и произносились, но не могли быть напечатаны, такъ какъ университетъ не имѣлъ латинскаго шрифта. Правда есть у него русская типографія, но нѣмецкіе профессоры не могутъ ею пользоваться, сообщать же плоды своихъ досуговъ нѣмецкой публикѣ посредствомъ нѣмецкаго типографическаго станка сопряжено, по причинѣ отдаленности, съ чрезвычайными затрудненіями, что нѣкоторые и испытали на себѣ (напр. проф. Вуттигъ и проф. Реннеръ; послѣдній печаталъ свои Disquisitiones ad calculam integralem functionum finitarum spectantes — въ Митавѣ). Кромѣ того другія препятствія представляетъ недостатокъ литературныхъ пособій. Такимъ образомъ прилежный нѣмецкій ученый на Западѣ можетъ объяснить себѣ, почему его братья на Востокѣ такъ непохожи на него и такъ

---

[1]) Intelligenz-Blatt der Jen. Lit. Zeit. 1808. N. 48, S. 394—395.

измѣнились, что люди, извѣстные въ Германіи своею литературною дѣятельностью, здѣсь кажется совершенно должны отказаться отъ авторства, какъ напр. между другими, профессоръ римской литературы Германъ, который продолжаетъ однакоже и здѣсь въ тишинѣ, свои миѳологическія изслѣдованія. И, если Френъ, сочиняя свою книжку по куфической нумизматикѣ, напечатанную имъ въ Казани вскорѣ по пріѣздѣ, прибѣгнулъ къ арабскому языку, то слѣдовать его примѣру можетъ конечно не всякій, да и онъ самъ почувствовалъ все неудобство своей попытки и отложилъ продолженіе труда до полученія университетомъ латинскаго шрифта. Другого рода неудобства являются тому, кто вздумалъ бы перевести свой трудъ на русскій языкъ. Надѣются однако, когда придутъ латинскіе шрифты, образовать въ Казани общество, которое могло бы въ собственномъ журналѣ сообщать заграничной публикѣ плоды того уединеннаго досуга, въ которомъ живетъ здѣсь ученый» [1]).

Но это не исполнилось. Въ ту пору очень немногіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ, въ бытность свою въ Казани, писали что нибудь, а переводы ихъ учебниковъ и другихъ болѣе спеціальныхъ трудовъ, едва ли могли достигнуть цѣли: для русской публики, для студентовъ даже, они не годились. Общество нѣмецкихъ профессоровъ составляло отдѣльный міръ и вовсе не смѣшивалось съ русскими; даже молодые люди изъ русскихъ не сходились съ нѣмцами и послѣднимъ совершенно незнакомы были требованія и желанія русскаго общества; какъ же могли они писать и печатать для него, хотя бы и нашлись переводчики? Тутъ конечно не было ничего похожаго на національную вражду; люди расходились потому, что не имѣли ничего общаго между собою. Сначала еще было что-то похожее на сближеніе, конечно на нейтральной почвѣ, гдѣ могли соединяться всѣ. «Вчера всѣ члены университета, сообщаетъ Яковкинъ попечителю, кушали именинный пирогъ и препровели потомъ въ Тенишевскомъ саду весь день: весьма любопытно и даже пріятно было смотрѣть на сосѣдающихъ, глаголющихъ по апостольски, разными языки и совокупившихся въ Казани» (21 іюля, 1808). Потомъ борьба изъ за идеи университетскаго самоуправленія, особенно дорогого для иностранныхъ профессоровъ, борьба съ невыносимымъ самовластіемъ Яковкина разъединила людей. Въ 1810 году нѣмецкіе профессоры стали собираться по вечерамъ въ положенные дни у учителя музыки въ гимназіи Неймана, у котораго для того было удобное помѣщеніе. Эти собранія были «eine einfache Thee und Spielgesellschaft», какъ говоритъ о нихъ Литтровъ, и скоро прекратились. Яков-

---

[1]) Тотъ же Intelligenz-Blatt, 1811, N. 80, S. 634—635.

кинъ, самъ дозволившій эти собранія, послѣ совѣтскихъ засѣданій этого года, гдѣ онъ потерпѣлъ пораженіе при выборѣ въ ректоры, сталъ высказывать различныя подозрѣнія насчетъ этихъ собраній, дѣлалъ формальный и строгій допросъ бѣдному учителю, напрасно ссылавшемуся на его собственное дозволеніе и доказывавшему всю невинность собраній, сталъ говорить вездѣ о тайныхъ сборищахъ подозрительныхъ иностранцевъ и наконецъ сдѣлалъ доносъ попечителю. Попечитель писалъ уже въ предложеніи совѣту, что на квартирѣ учителя Неймана «примѣчены по вечерамъ собранія изъ разныхъ лицъ, занимающихся игрою въ карты, музыкою и тому подобнымъ, похожія на клубъ», что онъ считаетъ все это наприличнымъ ученому мѣсту и запрещаетъ собранія подъ страхомъ отказа учителю отъ казенной квартиры. Даже выписка нѣмецкой газеты, къ которой привыкли нѣмецкіе профессоры, не нравится Яковкину: «На выписку Гамбургскаго Корреспондента», пишетъ онъ попечителю (28 ноября, 1811 г.) настояли особенно гг. иностранцы, хотя онъ, по невѣрности своей для русскихъ и гроша не стоитъ, какъ и гармонирующая съ нимъ своимъ ложнымъ жужжаніемъ «Сѣверная Пчела».

Въ годъ нашествія на Россію дванадесяти языковъ было особенно много непріятностей для иностранныхъ профессоровъ въ Казани, какъ и вообще для всѣхъ иностранцевъ въ Россіи, хотя бы и обжившихся въ ней. Въ засѣданіи совѣта 24 іюля этого года было заслушано въ предложеніи попечителя Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы *сдѣлать разборъ* всѣхъ вообще иностранцевъ, живущихъ въ предѣлахъ имперіи, какъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ. Въ губерніи должны быть оставлены на мѣстѣ жительства только тѣ иностранцы «въ благонадежности коихъ начальникъ оной совершенно увѣренъ и пріемлетъ на себя точную отвѣтственность въ томъ, что они ни внушеніями личными, ни перепискам или другими какими либо сношеніями не могутъ подавать повода къ нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути порядка россійскихъ подданныхъ». Что касается до тѣхъ иностранцевъ, которые находятся на службѣ, «то взять свидѣтельства *отъ ихъ начальниковъ* въ тѣхъ же отношеніяхъ, кои выше означены». Свидѣтельства эти должны быть представлены въ министерство полиціи съ замѣчаніями начальниковъ губерніи. Неблагонадежные высылались въ разные города по усмотрѣнію того же министерства. Понятно какое дѣйствіе должно было произвести въ совѣтѣ Казанскаго университета чтеніе этой высочайшей воли, вызванной тогдашними трудными обстоятельствами. Яковкинъ торжествовалъ. «Какимъ голосомъ, съ какими глазами, прочелъ онъ намъ эту бумагу, пишетъ Литтровъ 12 сент. 1812 года къ Фуссу, тогдашнему не-

премѣнному секретарю С.-Петербургской Академіи Наукъ. Кто-то изъ насъ, не вполнѣ понявшій предложеніе, спросилъ: неужели весь *совѣтъ* долженъ ручаться? — «Не совѣтъ, закричалъ онъ: я, директоръ!» Если бы живъ былъ попечитель, то намъ нечего было бы опасаться въ этомъ случаѣ, но именно эта смерть, которая отнимаетъ силу у Яковкина, заставляетъ его бѣситься вдвойнѣ... Онъ долженъ за насъ ручаться! что ему стоитъ не поручиться, чтобы погубить насъ» и пр. [1]).

Таковы были причины, которыя мѣшали ученой и литературной дѣятельности нѣмецкихъ профессоровъ. Начало же русской литературной дѣятельности и періодической литературы въ Казани обыкновенно связываютъ неразрывно съ *Обществомъ любителей отечественной словесности*. Не думаемъ, чтобъ ему можно было приписать такое значеніе. Исторія этого общества и его дѣятельность вообще малоизвѣстны и то только по наслышкѣ [2]). Въ послѣднее время, по незнанію, стали даже распространяться преувеличенныя представленія о немъ. Мы постараемся передать по документамъ точныя свѣдѣнія объ исторіи этого общества за первый періодъ времени его существованія, къ которому относится нашъ разсказъ, т. е. до 1814 года, когда вмѣстѣ съ открытіемъ въ полномъ видѣ университета утвержденъ и уставъ общества.

Послѣ предварительныхъ домашнихъ совѣщаній, гдѣ руководящую роль игралъ извѣстный уже намъ учитель Ибрагимовъ, собственно при Казанской гимназіи образовалось *Общество вольныхъ упражненій въ россійской словесности* (таково было его первоначальное названіе). Это было «домашнее» общество, по словамъ Яковкина. Первыхъ членовъ было пять: Николай Ибрагимовъ, Александръ Васильевъ, Данило Богдановъ (всѣ трое учители русскаго языка и словесности въ гимназіи), и два студента: Василій Перевощиковъ и Петръ Кондыревъ. Уставъ или *положеніе* этого общества, имѣвшее силу нѣкоторое время, было составлено ранѣе и утверждено подписями первыхъ пяти членовъ, такъ что общество, открывая свое *первое* засѣданіе 23 апрѣля 1806 года, въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера, уже дѣйствовало на основаніи своего положенія. Оно состояло изъ слѣдующихъ 11 статей (намъ кажется, что будетъ лю-

[1]) J. J. Littrow's, Vermischte Schriften. Dritter Band. S. 575.

[2]) См. статью *Н. А. Попова* „Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, съ 1805 по 1834 годъ“. *Русск. Вѣстн.* 1859 г. т. XXIII стр. 52—98. Авторъ не имѣлъ подъ рукою подлинныхъ протоколовъ общества. То, что мы сообщаемъ о дѣятельности этого общества (1806—1814), относится къ стр. 57—58 статьи.

бопытно ихъ привести, чтобъ показать цѣль и содержаніе «упражненій»):

1) Цѣль составленія сего общества есть ревностное желаніе членовъ его усовершенствовать себя въ литературѣ, но отнюдь не славолюбіе удивлять публику своими первыми умопроизведеніями. По крайней мѣрѣ до *времени труды ихъ остаются неизвѣстными свѣту.*

2) Всякъ можетъ быть членомъ общества, кто *покажетъ нѣкоторые опыты въ сочиненіяхъ и переводахъ. Общество полагаетъ свою славу не столько во множествѣ членовъ, сколько въ достоинствѣ каждаго.*

3) Члены общества, какъ и всѣ люди, могутъ имѣть дарованія и свѣдѣнія въ различной степени; но отличность котораго нибудь да послужитъ въ пользу прочихъ, лучше всѣхъ есть лестное право всякому помогать.

4) Упражненіями членовъ могутъ быть, по произволу и способности каждаго, сочиненія, переводы и разборъ піесъ постороннихъ.

5) Подаваемыя *упражненія прочитываются всѣми членами* въ засѣданіяхъ, потомъ каждымъ особенно у себя, и наконецъ цѣнятся по общему приговору.

6) Цензура или разборъ упражненій должна быть дружескимъ совѣщаніемъ и не имѣть ничего общаго съ сатирою и насмѣшкою. Можно даже иногда уступить автору, въ чемъ онъ настоитъ сильно; ибо всякій понимаетъ себя больше, нежели другіе его.

7) Труды членовъ вносятся въ журналъ собранія трудовъ собственною рукою сочинителя или переводчика, съ подписаніемъ имени и времени.

8) Члены общества *собираются въ недѣлю* по крайней мѣрѣ *одинъ разъ*, именно *по понедѣльникамъ*, въ 6 часовъ пополудни.

9) Сочиненія и переводы, сколько бы они важны ни были, *должно представлять въ срокъ*, хотя по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, по по крайней мѣрѣ по частямъ.

10) Общество сосредоточивается въ одномъ членѣ—*первомъ*. Онъ наблюдаетъ порядокъ теченія дѣлъ, имѣя въ помощь себѣ кандидата или *второго* члена и *секретаря*, который подаетъ ему входящія бумаги для пріуготовленія ихъ къ общему разбору и записываетъ въ особенный журналъ текущихъ дѣлъ. Всякое дѣлопроизводство подписывается каждымъ членомъ.

11) Всякій членъ отвѣчаетъ за отсутствіе или за невыполненіе всего возложеннаго на него обществомъ, кромѣ необходимости. Особенно обязывается наблюдать все узаконенное въ семъ положеніи

и впредь имѣющія быть какія либо правила, въ чемъ и долженъ подписываться.

Таково было простое первоначальное устройство этого общества, имѣвшаго цѣлью усовершенствованіе членовъ въ литературѣ, т.-е. въ томъ родѣ умственныхъ занятій и пожалуй—наслажденія, который единственно былъ возможенъ и доступенъ тогда. Замѣчательно, что финансовая сторона, т.-е. сборъ съ членовъ, составляющая больное мѣсто позднѣйшихъ обществъ, совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ ничего внѣшняго и никакой торжественности. Нѣкоторыя статьи положенія, напр. первая и вторая таковы, что ихъ слѣдовало бы зарубить себѣ на память инымъ современнымъ обществамъ, гдѣ очень часто можно видѣть членовъ, собранныхъ по поговоркѣ «кто съ борку, кто съ сосенки», ничего не написавшихъ по содержанію занятій общества и ровно ничего общаго не имѣющихъ съ цѣлями и задачами общества, кромѣ такъ называемаго сочувствія, ни къ чему не обязывающаго. Видно, что молодые люди собрались съ искреннимъ влеченіемъ къ любимому дѣлу. Въ первомъ же засѣданіи читано было письмо студента Порфирія Безобразова о принятіи его въ общество: «сіе уважено съ условіемъ, дабы проситель написалъ къ слѣдующему разу какую-либо піесу», и онъ представилъ «Отрывокъ». Въ день перваго же засѣданія, Ибрагимовъ отъ лица общества вошелъ къ директору съ рапортомъ, представляя положеніе и прося его начальническаго соизволенія и покровительства. Общество собиралось каждый понедѣльникъ весьма усердно, такъ что въ теченіе перваго года своего существованія, въ 1806 году (оно не собиралось лишь въ мѣсяцъ, посвященный вакаціи), имѣло 31 засѣданіе. Пополнялось оно, хотя и не вдругъ, новыми членами. Въ іюлѣ поступили студенты: Иванъ Панаевъ и Дмитрій Княжевичъ; въ августѣ, по предложенію перваго члена Ибрагимова, «извѣстный по знанію своему и дарованію въ россійской словесности» учитель гимназіи Семенъ Бѣлоусовъ, а въ ноябрѣ студентъ Александръ Панаевъ. Въ началѣ декабря общество получило отъ директора бумагу, что попечитель изъявилъ свое согласіе на учрежденіе *при гимназіи* таковаго «сословія» россійской словесности, что онъ докладывалъ о предпріятіи министру народнаго просвѣщенія и что сей послѣдній «удостоилъ сіе начинаніе похвалы и одобренія». Яковкинъ дѣйствительно представлялъ объ этомъ «почти дѣтскомъ намѣреніи» т.-е. о началѣ общества къ попечителю, не изъ самохвальства, какъ онъ выражался, но изъ предосторожности, «для избѣжанія обидныхъ и предосудительныхъ толковъ и клеветническихъ нареканій». Онъ позволилъ собираться учителямъ и студентамъ въ одной изъ комнатъ Тенишевскаго дома, а проф. Цеплинъ, по его разсказу,

*

разъ, идя мимо, зашелъ въ эту комнату и узнавъ отъ присутствующихъ о цѣли собранія, «изъявилъ крайнее негодованіе и при всѣхъ тутъ бывшихъ сказалъ, что въ будущее засѣданіе совѣта донесетъ объ ономъ какъ противозаконномъ, поелику совѣту неизвѣстномъ, скопищѣ». Попечитель далъ свое согласіе на собранія членовъ и доложилъ о томъ министру. Графъ Завадовскій, по словамъ его, сказалъ: «Хорошо—и присовокупилъ: non erit bene nisi fuerit male». Въ этомъ и заключалось все одобреніе министра.

Такимъ образомъ первоначальныя собранія участниковъ не были обществомъ при университетѣ, учреждаемымъ на основаніи § 9 устава. О положеніи и уставѣ его не говорилось вовсе, но оно перестало существовать «приватно», какимъ оно было прежде и получило нѣкоторое оффиціальное право на бытіе. Какъ только это случилось, директоръ Яковкинъ обратился съ письмомъ къ обществу, въ которомъ заявлялъ свое желаніе «соучаствовать въ трудахъ его, сколько и когда прочія мои общественныя, не менѣе важныя должности позволятъ мнѣ возмогутъ». Вслѣдъ за начальникомъ и адъюнктъ россійской словесности Городчаниновъ, обрадованный, по его словамъ, что «отечественная словесность, сей цвѣтущій виноградъ, простирающій гроздіе свое по всему саду россійской учености пріобрѣлъ въ васъ (членахъ общества) новую отрасль къ удобренію, обогащенію и усовершенствованію нашего языка», высказалъ также членамъ общества желаніе «купно съ ними содѣйствовать въ семъ достохвальномъ подвигѣ», при чемъ препроводилъ два небольшіе опыта своихъ упражненій. Конечно «всеобщее согласіе, изъявленное единодушно», послѣдовало на высказанное ими желаніе быть членами. Въ послѣднемъ (17 декабря) засѣданіи общества 1806 года выслушано было письмо студента *Сергѣя Аксакова* о желаніи его быть членомъ общества, при чемъ было постановлено: «какъ г. Аксаковъ не приложилъ при письмѣ никакого опыта своего въ литературѣ упражненія, то извѣстить его чрезъ г. секретаря, что до выполненія имъ сего, общество не можетъ дать удовлетворительнаго ему отвѣта». Впрочемъ въ слѣдующее же первое засѣданіе (14 янв. 1807 г.) студентъ Иванъ Панаевъ представилъ стихотвореніе Аксакова «Зима» и онъ былъ принятъ въ число членовъ. Аксаковъ представилъ еще стихи «Къ соловью», но присутствовалъ только въ четырехъ засѣданіяхъ и въ мартѣ того же года оставилъ Казань [1]).

---

[1]) Н. А. Поповъ, въ упомянутой выше статьѣ, указываетъ противорѣчіе «Семейной Хроники» съ печатнымъ спискомъ членовъ (1819 г.) по времени ихъ поступленія. Вѣроятно старческая память измѣнила Аксакову: основателемъ казанскаго общества онъ не былъ.

До сихъ поръ общество усердно выполняло свою задачу. Члены собирались аккуратно разъ въ недѣлю, читали или свои произведенія или чужія, печатныя, исправляли взаимныя ошибки, спорили объ этихъ исправленіяхъ, ставили себѣ для рѣшенія разные вопросы, встрѣчающіеся напр. при переводахъ съ иностранныхъ языковъ, такъ какъ и главная дѣятельность заключалась въ переводахъ, въ родѣ вопроса: «какимъ образомъ въ языкахъ, не имѣющихъ членовъ, замѣняется сей недостатокъ и какимъ образомъ переводить?» Во второмъ уже засѣданіи члены предложили другъ другу темы для сочиненій. Эти темы указывали на простыя реторическія упражненія, какія обыкновенно задавались ученикамъ высшихъ классовъ въ гимназіяхъ въ тѣ годы, да и долго спустя. Ибрагимовъ долженъ былъ сочинить «Мысли Вадима о самодержавномъ правленіи предъ его кончиною», Васильевъ—«Какую цѣль имѣла Екатерина II, воздвигая монументъ Петру I?»; Богдановъ—«Рѣчь Святослава къ войску предъ послѣднимъ его сраженіемъ съ печенѣгами»; Перевощиковъ—«Разговоръ Минина съ Пожарскимъ, когда первый, собравъ добровольныя жертвы въ защиту отечества отъ согражданъ своихъ, проситъ послѣдняго быть военачальникомъ»; Кондыревъ—«Разсужденіе о томъ, что высокія дарованія служатъ тѣмъ къ большему вреду государства, если обращены будутъ къ частной пользѣ, обративъ примѣръ на бунтовщиковъ отечества нашего (?)»; Безобразовъ—«Человѣкъ просвѣщенный и съ дарованіями можетъ ли, безъ нарушенія законовъ совѣсти, оставить служеніе отечеству и жить самъ собой?» Сочиненія эти однако же не были всѣми написаны; представили ихъ только Безобразовъ и Кондыревъ. Самыми дѣятельными, по числу представленныхъ ими статей, были Ибрагимовъ и Кондыревъ. Тѣмъ не менѣе въ первомъ году существованія общества представлено было 36 сочиненій, большею частью мелкихъ стихотвореній, да и прозаическія статьи объемомъ не превышали двухъ-трехъ писанныхъ четверокъ. Однимъ словомъ это было такое общество словесности, какія обыкновенно составлялись тогда во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ началѣ текущаго вѣка. Молодымъ людямъ желательно было прослыть стихотворцами, тѣмъ болѣе, что это было не трудно.

По вступленіи Яковкина, а вслѣдъ за нимъ и Городчанинова въ члены, когда общество получило нѣкоторую оффиціальную санкцію, оно, хотя попрежнему называлось обществомъ состоящимъ при гимназіи, понемногу стало измѣнять свой характеръ. Ибрагимовъ, какъ подчиненный, долженъ былъ уступить свой титулъ *перваго* члена начальнику и сталъ именоваться уже *третьимъ* членомъ; Городчаниновъ по рангу—сдѣлался вторымъ. Впрочемъ Яков-

кинъ весьма рѣдко ходилъ въ засѣданія общества, хотя и надѣялся, что оно будетъ со временемъ имѣть успѣхъ. «Можетъ быть со временемъ, писалъ онъ къ попечителю, изъ *сего почти дѣтскаго намѣренія* выйдетъ что нибудь полезное отечеству». Кромѣ того, при его содѣйствіи, общество получило особую комнату для собраній, а переписка его съ иногородными членами (нѣкоторые уѣхали на службу въ Петербургъ, другіе получили мѣста учителей) стала посылаться казенными пакетами, подъ печатью гимназической конторы. Общество написало благодарность попечителю и стало ему посылать отчеты о своей дѣятельности и поздравленія съ новымъ годомъ.

Въ слѣдующемъ 1807 году былъ уже измѣненъ одинъ параграфъ первоначальнаго положенія. По предложенію Яковкина члены стали собираться по вторникамъ вмѣсто понедѣльниковъ; съ 30 апрѣля *еженедѣльнымъ* собраніямъ, какъ было опредѣлено, «встрѣтились нѣкоторыя неудобности, изъ коихъ главнѣйшею можетъ почесться та, что многіе члены, сверхъ своихъ собственныхъ обязанностей, имѣютъ и должностныя, препятствующія имъ иногда посѣщать собранія», почему «для лучшаго теченія дѣлъ» и «облегченія членовъ въ занятіяхъ», постановлено было имѣть собранія *разъ въ двѣ недѣли*, а съ 3 декабря собраніе членовъ общества, «найдя нужнымъ и необходимымъ, а особливо по причинѣ должностныхъ своихъ занятій», опредѣлило засѣданіямъ своимъ быть уже *единожды въ мѣсяцъ*. Всѣ согласились съ этимъ, кромѣ секретаря (Кондырева) «усердствующаго всегда къ обществу», какъ сказано въ протоколѣ. Несмотря на это очевидное уменьшеніе дѣятельности общества (большинство членовъ разъѣхалось или превратилось въ иногородные, которые однако ничего не присылали. Аксаковъ совсѣмъ выбылъ по своему желанію изъ членовъ), общество собиралось 29 разъ, было разобрано 77 пьесъ, конечно всего больше мелкихъ стихотвореній, такъ что внутреннее содержаніе осталось въ сущности столь же ничтожнымъ, какъ и въ первый годъ. Зато по указанію Яковкина, стали привлекаться въ иногородные члены общества директоры училищъ. Такъ въ засѣданіи 22 января принятъ въ число иногородныхъ членовъ, по предложенію Яковкина «извѣстный своими сочиненіями» директоръ оренбургскихъ училищъ Павелъ Ивановичъ Протопоповъ, похожденія котораго мы разсказывали (стр. 490 и сл.). Общество вступило съ нимъ въ переписку, которая шла теперь вся за подписью перваго члена Яковкина. «Извѣстныя знанія ваши въ отечественной словесности, писало оно къ Протопопову, и достойная похвалы любовь къ таковымъ благороднымъ занятіямъ побуждаютъ надѣяться, что вы не будете иногда простымъ только зрителемъ трудовъ членовъ его, а всеконечно

пожелаете присоединиться трудами своими къ трудамъ сего общества». Протопоповъ отвѣчалъ что онъ потщится *«въ благопріятные часы или наблюдательнаго Духа или разверзающихся источниковъ Сердца»* оправдать надежду общества, но просилъ сообщить ему постановленіе общества или уставъ его. Такъ какъ въ «Положеніи» общества, выше нами приведенномъ, не было никакихъ подробностей о занятіяхъ общества, то секретарь общества, отъ лица его, изложилъ «точный видъ» его слѣдующими «краткими словами»: «Оно уподобляется теперь еще только малому ручью, бѣгъ коего увеличиваютъ воды другими подобными ручейками и чрезъ нѣкототорое разстояніе малый ручей долженствуетъ составить рѣчку, а можетъ быть и рѣку. Общество подобно разводимому саду, долженствующему впослѣдствіи представить вмѣстѣ и собраніе благовонныхъ цвѣтовъ и красивыхъ и плодовитыхъ деревьевъ: пріятность и польза, веселость и важность суть словесность и философія; словесность и философія суть предметы занятій членовъ общества; исторія, географія не могутъ быть также исключены изъ сихъ занятій; и отечественный языкъ, отечественная словесность, все отечественное — суть предметы главнаго занятія общества». Все это конечно было въ мечтахъ и нисколько не отвѣчало дѣйствительности. Протопоповъ, получивъ такую широко-вѣщательную программу, обратился снова въ общество съ довольно ехиднымъ вопросомъ: «ожидать ли его запросовъ или самому присылать во оное, что имъ написано для читателей, и скоро ли выйдетъ въ свѣтъ?» Общество конечно предоставило ему писать «во всякомъ извѣстномъ ему родѣ, а о времени выхода въ свѣтъ трудовъ своихъ отозвалось неизвѣстностью. Тогда Протопоповъ прислалъ въ общество одно изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ книжкѣ «Цвѣтникъ для благомыслія и нѣжности», подъ страннымъ названіемъ «Антипилигримъ» а мѣсяцевъ пять послѣ того прозаическую статью изъ того же сборника подъ названіемъ «Богопоклонникъ». Оба эти произведенія оригинальнаго директора оренбургскихъ училищъ привели однако въ большое недоумѣніе общество. О «Богопоклонникѣ» оно писало автору, что «отдавая вамъ въ семъ должную справедливость, съ сожалѣніемъ однако же увѣдомляетъ, что по предположенной цѣли въ собраніе трудовъ общества піесы содержанія таковаго помѣщаемы быть не могутъ» [1]. Что касается до стихотворенія «Анти-

---

[1]) Это былъ чуть ли не единственный отказъ со стороны общества, къ сожалѣнію неизвѣстно чѣмъ мотивированный. Несмотря на то, что многія рукописи изъ первоначальныхъ годовъ общества сохранились, въ нихъ не нашлось ни „Антипилигрима“, ни „Богопоклонника“.

пилигримъ», то общество пожелало отъ автора объясненія «касательно цѣли сочиненія и причину названія «Антипилигримъ». Протопоповъ не замедлилъ отвѣтомъ и объясненіемъ, изъ которыхъ оказалось, что онъ былъ гораздо развитѣе членовъ общества. «Der Pilger oder der Pilgrim, писалъ онъ — странникъ, странствующій по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ, или для поклоненія святымъ мощамъ — un étranger, un voyageur, un pélerin. Есть поэма «Пилигримы» знаменитаго покойнаго стихотворца (Хераскова), въ коей названіе сіе положено не въ смыслѣ странствующихъ по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ или для поклоненія мощамъ, но разумѣя обыкновенныхъ людей, слѣпо гоняющихся по міру за какимъ-то счастіемъ. Я, напротивъ, выставляю въ моей піесѣ человѣка не такимъ, каковъ пилигримъ, но противоположнымъ оному; человѣка, умѣющаго быть счастливымъ не гоняясь за внѣшними дарами случая, человѣка счастливаго собственнымъ своимъ сердцемъ добрымъ и умомъ просвѣщеннымъ; человѣка, исполняющаго съ вѣрою и любовью обязанности гражданина и христіанина. А потому и назвалъ я его такъ, съ противоположною частицею по гречески αντὶ, напр. Antichristus — противникъ Христу» и проч. Что касается до отверженнаго обществомъ «Богопоклонника», то Протопоповъ ссылался на письмо самого общества, предоставлявшее ему право «слѣдуя собственному побужденію, писать во всякомъ извѣстномъ вамъ родѣ». Протопоповъ не обидѣлся отказомъ принять его сочиненіе и «желая угождать обществу», спрашивалъ его: будутъ ли приняты имъ разные сдѣланные имъ съ нѣмецкаго переводы. Общество конечно написало, что приметъ переводы съ благодарностью и понявъ теперь смыслъ «Антипилигрима», не отказывалось болѣе помѣстить его въ собраніе своихъ трудовъ, но просило только исправить или объяснить смыслъ нѣкоторыхъ непонятныхъ ему выраженій. Чтобъ показать содержаніе занятій словесностью въ обществѣ, мы приведемъ нѣкоторыя его стилистическія замѣчанія, отправленныя къ автору. Такъ напр. вмѣсто слова *бѣжитъ* предлагается — *спѣшитъ*, слово *подлецъ* — считается низкимъ; *ужасной вкусъ* — совсѣмъ неупотребительно и непонятно; *а!* — сказано прозаически; *Летою* — баснословіе смѣшано съ христіанствомъ: *царить* — говорится княжить, царствовать, но не царить и проч. [1]).

---

[1]) Протопоповъ, уволенный въ отставку, кончилъ свою жизнь въ Казани. Здѣсь былъ у него родной младшій братъ, старый учитель рисованія, Иванъ Ивановичъ, извѣстный казанскимъ старожиламъ подъ прозваніемъ „Тека“, отецъ профессора фармаціи Казанскаго университета Д. И. Протопопова († 1857). Отрывки изъ его записокъ мы приводили выше на стр. 490 — 491. Этотъ учитель рисованія въ гимназіи замѣчателенъ

Общество въ 1808 году не пріобрѣло никого изъ новыхъ членовъ. Только получивъ отъ С. Глинки первый нумеръ его «Русскаго Вѣстника» за этотъ годъ, отнеслось къ нему съ благодарностью, пригласивъ его участвовать въ своихъ трудахъ. Замѣчено

тѣмъ, что выучился искусству, не выѣзжая изъ Казани. Онъ и пріютилъ къ себѣ лишеннаго средствъ отставного директора оренбургскихъ училищъ. Переставъ быть членомъ общества любителей, Протопоповъ питалъ однако постоянное желаніе стихотворствовать и печатать съ надеждою на выручку. Доказательствомъ можетъ служить книжка: „Царь и Благодать". Лирическая поэма. Сочиненіе П. Протопопова. Казань. 1816. 8°. IV, 110 стр. Поэма эта сочинена авторомъ, по словамъ предувѣдомленія, еще въ 1813 году. „Побудительною причиною написать ее, говоритъ Протопоповъ, было уязвленное чувство патріота или слезный взглядъ на потрясенное отечество, а паче всего незаглушимое предчувствіе, что толико сильная, славная, благодатная—можно признаться, знатнѣйшая часть вселенныя—Россія, на крестѣ высящаяся, крестомъ держимая, не падетъ!" Позднее появленіе поэмы въ печати авторъ объясняетъ бѣдной подпиской, своимъ „угнетеннымъ положеніемъ" и затрудненіями со стороны цензуръ: петербургской, московской и казанской. Книга посвящена государю императору Александру Павловичу, но автору не удалось получить высочайшей награды за нее. Незнакомый съ содержаніемъ читатель едвали догадается, что поэма „Царь и благодать" есть исторія крещенія Руси при св. Владимірѣ. Владиміръ во св. крещеніи—Василій, а Василій по греч. значитъ Царь; его супруга, греческая царевна Анна—благодать. Авторъ съ особенною любовью и долго останавливается на сентиментальномъ изображеніи любви Владиміра къ Аннѣ, при чемъ греческій протопопъ Анастасъ, пустившій стрѣлу съ Херсонскихъ стѣнъ и научившій Владиміра „отнять у града водный токъ" („Протопопъ—стрѣлокъ") сравнивается съ Амуромъ:

„Стрѣла.... стрѣлы сей тайна внятна....
Не самъ ли мню стрѣльнулъ Эротъ?
Темна догадка.... но пріятна"....

Послѣ разсказа о просвѣщеніи христіанствомъ Руси, авторъ старается представить въ своихъ стихахъ всю исторію Россіи до послѣдняго времени. Напыщенность, дикій языкъ, отсутствіе всякаго поэтическаго таланта и постоянный, но вымученный и фальшивый восторгъ — вотъ отрицательныя свойства этой поэмы. Pro domo sua Протопоповъ такъ излагаетъ лѣтописный отвѣтъ Владиміра магометанскимъ посламъ:

„Главы превознесенны, троны
Въ винѣ не чтутъ вину, порокъ:
Разсудокъ, опытъ и законы
Лишь мѣру пишутъ въ немъ, урокъ.
И Царь Давидъ, пѣвецъ вѣнчанный
Даетъ вину права избранны:
Кровь веселитъ; въ немъ правду зримъ".

Этому завѣту царя-псалмопѣвца Протопоповъ остался вѣренъ до конца своей мятежной жизни. Послѣ визитаціи Запольскаго и Кондырева, будучи уволенъ отъ службы, Протопоповъ долженъ былъ еще разсчитываться съ

было, что нѣкоторые изъ иногородныхъ членовъ не присылають своихъ упражненій и не даютъ о себѣ никакихъ извѣстій, почему и опредѣлено: «увѣдомить всѣхъ иногородныхъ членовъ, что всѣ тѣ, кои будутъ впредь поступать такъ, и въ теченіе цѣлаго года не пришлютъ ни своихъ упражненій, ни о себѣ извѣщеній, исключатся

приказомъ общественнаго призрѣнія въ Уфѣ и эта причина заставила его года три оставаться въ Оренбургской губерніи. Впрочемъ нѣкоторое время онъ служилъ тамъ по Соляной Экспедиціи, а потомъ училъ дѣтей и управлялъ оркестромъ крѣпостныхъ музыкантовъ у оренбургскаго помѣщика Верстовскаго, съ которымъ сблизился общею обоимъ любовью къ музыкѣ. Въ Казань пріѣхалъ онъ въ 1813 году. Братское чувство руководило автора записокъ, въ тѣхъ мѣстахъ ихъ, гдѣ онъ говоритъ о разнообразныхъ талантахъ оренбургскаго директора, о его знакомствѣ съ древними и новыми языками, о его сочиненіяхъ, оставшихся впрочемъ въ рукописи, кромѣ упомянутой нами поэмы, о его музыкальныхъ способностяхъ. „Въ игрѣ на скрипкѣ и флейтѣ онъ не имѣлъ соперниковъ въ Казани“ но кромѣ того онъ владѣлъ віолончелью, контрабасомъ, гитарою, фортепьяно и гуслями. Протопоповъ былъ и композиторомъ, положилъ на музыку много духовныхъ стиховъ, всѣ церковныя пѣсни, поемыя на страстной недѣлѣ и довольно пѣсенъ свѣтскихъ какъ своихъ такъ и чужихъ.

Братская любовь заставила его на время забыть „дикодушную, злорадную юдоль асійскую“, какъ онъ называлъ оренбургскій край, погубившій своими нравами и обычаями этого человѣка, который можетъ быть былъ бы инымъ въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Записки брата говорятъ о его „младенческомъ сердцѣ“ и „высокой душѣ“, о „дарѣ слова“, о простотѣ его жизни („онъ незнакомъ былъ какъ съ приличіями, предупредительностью, осторожностью, такъ и съ притворствомъ, одѣвался всегда небрежно“), но вмѣстѣ съ тѣмъ и о страсти его къ горячимъ напиткамъ, что и испортило талантливую натуру. „Не видя впереди ничего лучшаго, онъ упалъ духомъ; года за два до смерти открылось у него повреждение умственныхъ способностей; онъ потерялъ разсудокъ и память“. Вино разстроило и тѣлесный организмъ: „Пищу преимущественно любилъ простую, кислую, соленую, горькую. Уксусъ, перецъ и соль шли у него и въ пирожное и въ ерофеичъ. Лукъ, хрѣнъ, рѣдька, чеснокъ, рѣпа, свекла, кислая капуста, соленые грибы и огурцы составляли его лакомство“. Самая смерть его, по разсказу брата, была такая, какая нерѣдко достается на долю талантливо-пьяныхъ русскихъ натуръ. „Недѣли за двѣ до смерти онъ какъ-то попалъ въ торговую баню (что была у Казанки за крѣпостью) и нисколько не раздѣвшись и даже не снявъ шапки, забрался на полокъ. Тамъ пробылъ онъ до того какъ не осталось ужъ ни одного человѣка. Служители, пришедшіе убирать баню, сочли его кто какъ хотѣлъ: пьянымъ, сумасшедшимъ, неблагонамѣреннымъ, выгнали. И онъ насквозь мокрый, прѣлый, ночью, въ 30 градусовъ мороза, пробираясь въ свою квартиру въ Нижне-Ѳедоровской улицѣ, позади крѣпости, по дорогѣ къ мельницѣ, и у ключа, что подъ крѣпостью, сбился съ дороги и блуждалъ, пока караульные на гауптвахтѣ у моста, замѣтивши его бродящаго, не разспросили его и не отвели его изъ состраданія домой“. Послѣдствіемъ была горячка, которая и свела его въ могилу (январь 1820 г.).

изъ числа членовъ». Собраній въ этомъ году было только десять; статей разобрано было только 20, изъ которыхъ больше половины стиховъ, проза же составляла переводы. Только учитель Бѣлоусовъ разомъ задалъ 200 вопросовъ обществу, но въ чемъ было ихъ содержаніе—намъ неизвѣстно.

Еще безплоднѣе и бездѣятельнѣе представляется четвертый годъ существованія общества. Почти всѣ члены разъѣхались даже и Бѣлоусовъ уѣхалъ учителемъ въ Малмыжъ тотчасъ же послѣ представленія своихъ 200 вопросовъ, повидимому нисколько не интересуясь ихъ дальнѣйшею судьбою и не дожидаясь на нихъ отвѣта, котораго и не послѣдовало. Съ начала года было только четыре члена: Яковкинъ, Ибрагимовъ, Васильевъ и Кондыревъ. Иногородные члены не сообщали ничего и за «несношеніе съ давняго времени», изъ нихъ двое: Городчаниновъ и Протопоповъ, дѣятельность котораго въ Оренбургѣ секретарь общества могъ воочію изучать во время визитаціи, были исключены изъ членовъ. Еслибы оставалось въ силѣ первоначальное Положеніе общества «вольныхъ упражненій въ словесности», то конечно не было бы недостатка въ членахъ, поступающихъ изъ студентовъ: литературныя занятія, упражненія въ стихотворствѣ, подъ вліяніемъ времени и господствующихъ тогда вкусовъ, привлекали ихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ общество сдѣлалось въ нѣкоторомъ смыслѣ оффиціальнымъ, съ Яковкинымъ во главѣ, ни одинъ студентъ не поступилъ въ члены. Это видно изъ того, что въ собраніяхъ общества и въ этомъ году и въ прошломъ, не разъ читались стихотворенія самаго младшаго изъ братьевъ Панаевыхъ, студента Владиміра, но въ члены онъ не поступилъ. Разсуждали въ собраніяхъ о недостаткѣ наличныхъ силъ въ обществѣ и о необходимости избранія новыхъ членовъ, но,—страннымъ образомъ, — было по этому поводу постановлено, что «общество полагаетъ, *при нынѣшнихъ его обстоятельствахъ*, избирать только изъ своего корпуса чиновниковъ». Въ чемъ заключались эти «нынѣшнія обстоятельства», изъ дѣлъ общества не видно. Такъ по приглашенію общества сдѣлался членомъ адъюнктъ Запольскій; изъ иногородныхъ принялъ участіе въ занятіяхъ общества перешедшій на службу въ университетъ В. М. Перевощиковъ, да появлялся въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ бывшій наѣздомъ въ Казани Дм. Княжевичъ. Въ обществѣ было такъ мало дѣятельныхъ членовъ, что въ тѣ мѣсяцы, когда Запольскій и Кондыревъ ѣздили въ Оренбургъ, не было ни одного засѣданія. Разсужденія членовъ въ обществѣ, какъ записано въ протоколахъ его, имѣли совершенно внѣшній характеръ. Разсуждали: 1) о потребности писца; 2) объ изданіи дневника, и опредѣлили просить г. перваго члена представить о

семъ со всѣми подробностями его пр—ству г. попечителю. Наконецъ много разсуждали *о составленіи новаго положенія для общества*, для чего въ засѣданіяхъ читали уставы разныхъ обществъ, даже медицинскихъ, и дѣлали разныя соображенія и даже представляли «предначертанія». Иногда и просто записывалось, что члены «занимались чтеніемъ сочиненій до словесности относящихся» или «разсуждали о различныхъ предметахъ.касающихся до словесности». Та широкая программа дѣятельности общества, захватывавшая даже разныя научныя сферы, о которой сообщалъ секретарь Протопопову, существовала только въ фантазіи.

Сочинены и представлены были на обсужденіе членовъ общества два проекта уставовъ: одинъ Ибрагимовымъ, состоящій изъ 37 статей, другой Кондыревымъ—изъ 68. Такимъ образомъ главная дѣятельность общества въ этомъ году состояла въ регламентаціи. И въ томъ и въ другомъ проектѣ въ первый разъ затрогивается вопросъ денежный. Ибрагимовъ, собственно для изданія трудовъ общества, опредѣляетъ, что каждый членъ, *при вступленіи*, обязывается внести десять рублей (о ежегодномъ сборѣ не упомянуто); у Кондырева каждый членъ общества вноситъ при вступленіи пятнадцать рублей, и ежегодно по десяти рублей (но не упомянуто однако, какъ поступать съ тѣми членами, которые перестанутъ вносить ежегодно): сверхъ того проектъ Кондырева требуетъ также по *пяти* рублей ежегодно съ каждаго иногороднаго члена на уплату писцу за переписку его сочиненій. По проекту Ибрагимова труды общества издаются на его счетъ и продаются въ пользу учительскихъ вдовъ и сиротъ Казанскаго округа. Болѣе практическій Кондыревъ желаетъ, чтобы изданія общества, въ силу § 9 устава, «если соблаговолитъ начальство», печатались на казенномъ иждивеніи. «Сіе однакожъ не должно быть обременительно для казны, прибавляетъ проектъ: деньги отъ продажи изданія поступаютъ въ казну дотолѣ, пока не наверстаютъ расходы казны, а далѣе поступаютъ въ суммы общества». Проектъ Ибрагимова очень строго относится къ дѣятельности членовъ общества и дѣлаетъ ее обязательною: «Всякій дѣйствительный и иногородный членъ обязанъ представить одно сочиненіе или переводъ по крайней мѣрѣ въ три мѣсяца, а большія піесы по частно. Кто не доставитъ обществу ни одного упражненія въ круглый годъ, тотъ подаетъ о себѣ предосудительную мысль, что не хочетъ быть членомъ онаго, и будетъ исключенъ изъ сословія». Болѣе мягкій и снисходительный къ слабостямъ человѣческой природы Кондыревъ высказываетъ только pia desideria о необходимости дѣятельности со стороны члена: «Хотя каждый членъ, вступивъ въ обязанности, и постарается во всей точности

исполнить ихъ, однакожъ очень бы хорошо поступлено было, если бы всякій членъ по крайней мѣрѣ чрезъ три или четыре мѣсяца, представилъ хотя одно изъ своихъ упражненій. Сіе нельзя однакожъ требовать отъ перваго, второго и третьяго членовъ, секретаря и цензора, кои и безъ того заняты много дѣлами общества. Что касается *до предмета занятій* общества, то по Ибрагимову это только словесность, состоящая изъ двухъ отдѣленій: стихотворнаго и прозаическаго. Каждое изъ этихъ отдѣленій подраздѣляется еще на нѣсколько статей, согласно господствовавшимъ въ то время теоріямъ пiитики и реторики, при чемъ напр. къ дидактической поэзіи отнесены одновременно: эпистолы или посланія, наставленія въ какой либо наукѣ и—загадки. Къ прозѣ относится между прочимъ и исторія гражданская, духовная и натуральная, но только *относительно слогу*. Нѣсколько шире, но за то весьма неопредѣленно, смотритъ на предметъ занятій общества Кондыревъ: «Хотя кажется въ издаваемыхъ трудахъ общества могутъ имѣть мѣсто только упражненія до россійской словесности относящіяся; однакожъ поелику и иностранная словесность имѣетъ или можетъ имѣть связь съ отечественною, да и *прочія нѣкоторыя части учености* почти въ такомъ же отношеніи находятся къ словесности, то и не безполезно иногда принимать въ общество піесы и упомятутыхъ двухъ послѣднихъ родовъ и помѣщать ихъ въ изданіяхъ».

Выбравъ самое существенное изъ двухъ проектовъ, мы нарочно привели ихъ особенности, чтобъ показать тотъ кругъ идей, въ которомъ вращалось общество. Не останавливаемся на подробностяхъ внѣшнихъ, особенно точно регламентированныхъ у Кондырева. На это были всегда большіе мастера русскіе ученые люди, составители уставовъ разныхъ ученыхъ обществъ. Права и преимущества членовъ также не были забыты. По Ибрагимову общество должно имѣть особую залу для собраній, кладовую для казны, книгъ и архива. У общества была печать съ изображеніемъ дракона (казанскій гербъ), обращеннаго къ восходящему солнцу, съ приличнымъ девизомъ. У Кондырева «наименованіе члена общества вносится въ послужной списокъ». Потомъ былъ прибавленъ еще и университетскій мундиръ. Разсмотрѣніемъ этихъ проектовъ и сопоставленіемъ ихъ, для выработки одного, общество занималось въ теченіе года.

Наконецъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого года поднятъ былъ и вопросъ о необходимости печатанія произведеній членовъ. Яковкинъ заявилъ, что онъ во многихъ случаяхъ замѣтилъ желаніе попечителя, чтобы общество приступило къ изданію періодическаго сочиненія. Собственная слава общества требуетъ того, но печатаніе должно быть на средства общества, а потому и необ-

ходимъ сборъ для этой цѣли съ членовъ. Поэтому и слѣдуетъ торопиться составить положеніе или уставъ и просить о его утвержденіи. Дѣйствительно попечитель ждалъ, что скоро начнется печатаніе трудовъ. Уже въ этомъ году отъ него стали поступать въ общество нѣкоторыя сочиненія лучшихъ учителей и учениковъ гимназій округа для помѣщенія «въ будущихъ періодическихъ изданіяхъ общества», такъ что послѣднему, въ своемъ отчетѣ попечителю за этотъ годъ, пришлось говорить о причинахъ почему общество до сихъ поръ медлитъ изданіемъ. Причины эти были, по словамъ отчета: 1) неопредѣленность существованія и дѣйствій общества; 2) денежные недостатки членовъ для печатанія; 3) отчасти другія ихъ должностныя занятія; 4) сомнѣніе издавать ли труды свои соединенно съ предполагаемымъ изданіемъ сочиненій отъ университета и 5) несовершенная устроенность университетской книгопечатни. Вотъ почему общество тогда же обратилось къ попечителю съ ходатайствомъ о томъ, что пока общество приступитъ само, на свои средства, къ печатанію трудовъ, было бы разрѣшено печатаніе ихъ на казенномъ иждивеніи, что, по его мнѣнію, согласно кажется будетъ съ § 9 устава, съ уплатою издержекъ изъ вырученныхъ за продажу книгъ денегъ. Это былъ первый шагъ впередъ со стороны общества. Такими заботами и поглощено было вниманіе общества въ этомъ году. Сочиненій для чтенія и разбора было представлено всего 14; изъ нихъ 6 прозаическихъ, да и изъ стихотворныхъ главное мѣсто занималъ переводъ Овидіевыхъ Метаморфозъ, сдѣланный Ибрагимовымъ. Отрывки изъ него переводчикъ нѣсколько лѣтъ сряду читалъ въ засѣданіяхъ.

Почти тою же, совершенно внѣшнею дѣятельностью занятъ былъ для общества и 1810 годъ. Окончательное составленіе устава поручено было Кондыреву, такъ какъ изъ двухъ прежнихъ проектовъ ни одинъ не былъ принятъ въ полномъ видѣ. Только въ іюлѣ общество одобрило уставъ, составленный Кондыревымъ и препроводило его для утвержденія къ попечителю. Но при этомъ общество не согласилось съ однимъ §, на принятіи котораго сильно настаивалъ Кондыревъ. Этотъ § возвращалъ цѣли общества къ первоначальному положенію 1806 года. У Кондырева, въ числѣ заботъ общества, находилась и слѣдующая: «Общество будетъ споспѣшествовать успѣхамъ отечественной словесности и поощреніями упражняющихся въ оной». Члены не согласились на включеніе этихъ словъ въ редакцію устава, говоря, что это само собою разумѣется. Очевидно Кондыревъ имѣлъ въ виду работы студентовъ и настаивалъ на включеніе этихъ словъ, чтобъ и молодые люди знали о цѣли общества. Всего важнѣе для общества въ этомъ году было полученное

имъ въ февралѣ мѣсяцѣ разрѣшеніе попечителя о томъ, чтобы труды членовъ его печатались на счетъ гимназіи въ университетской типографіи, въ каждую треть года по одной книгѣ, въ количествѣ шести сотъ экземпляровъ, при чемъ каждая книга должна состоять изъ шести или семи листовъ. При этомъ попечитель просилъ доставить ему для опредѣленія точной суммы издержекъ, что будетъ стоить печатный листъ, какія мѣры предприметъ общество для сбыванія напечатанныхъ экземпляровъ и какое одобреніе (т. е. по нынѣшнему гонораръ) общество полагаетъ трудящимся и сверхъ сего, какъ бы не довѣряя обществу, попечитель требовалъ, чтобъ каждая книжка сочиненій членовъ, прежде напечатанія, была представляема ему для прочтенія. Общество, обрадованное этимъ извѣщеніемъ, приступило немедленно къ дѣйствіямъ и усиленно занялось рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ печатанія. Вся финансовая сторона дѣла поручена была секретарю Кондыреву, который долженъ былъ представить о ней свои соображенія. Были выбраны два издателя: Ибрагимовъ и Перевощиковъ. Дѣйствительные члены, находившіеся въ Казани, вѣроятно для того, чтобъ въ болѣе приличномъ видѣ появиться въ свѣтъ, взяли свои сочиненія для исправленія и объясненія, что изъ нихъ они считаютъ достойнымъ печати, опредѣленъ составъ каждой книжки. Она должна состоять изъ *трехъ* главныхъ частей: 1) *словесности*, т. е. сочиненій и переводовъ какъ членовъ такъ и особъ постороннихъ, какъ стихами такъ и прозою; 2) *наукъ* и *искусствъ* и 3) *ученыхъ извѣстій* по части словесности и наукъ съ искусствами. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Ибрагимовъ представилъ предисловіе къ первой книгѣ трудовъ, а оба издателя оглавленіе всѣхъ піесъ, которыя должны войти въ составъ ея. Но несмотря на эту дѣятельность, изъ протокола послѣдняго засѣданія этого года (21 декабря), изъ доклада секретаря видно, что первая книжка только переписывалась. Ожидаемое печатаніе трудовъ общества было причиною, что сверхъ присланныхъ попечителемъ сочиненій, въ числѣ трехъ, были представлены и отъ директоровъ училищъ также три сочиненія.

Въ теченіе 14 засѣданій этого года, почти исключительно посвященныхъ разсмотрѣнію составляемаго устава и предположеніямъ о печатаніи первой книжки трудовъ, нѣкоторые наличные члены все же иногда читали свои сочиненія. Такъ Перевощиковъ читалъ свой переводъ изъ Лагарпа, Д. Княжевичъ продолжалъ объяснять разные сословы (синонимы) русскаго языка, Кондыревъ—свой переводъ съ нѣмецкаго «Краткое историческое обозрѣніе состоянія и хода наукъ и искусствъ», Ибрагимовъ — свой переводъ Овидія, или тоже объяснялъ сословы, или читалъ мелкія стихотворенія. Пе-

реводъ Метаморфозъ, надъ которымъ онъ трудился уже нѣсколько лѣтъ, но не кончилъ его, былъ имъ представленъ попечителю и вотъ какое мнѣніе далъ о немъ Румовскій, въ письмѣ на имя Яковкина (5 сент. 1810 г. № 657): «Здѣшніе словесники всѣ такого мнѣнія, что ежели кто хочетъ какое нибудь на иностранномъ языкѣ стихами сдѣланное сочиненіе перевести стихами же на русскій языкъ, то нужно напередъ оное перевести прозою и потомъ уже стараться стихами изобразить мысль творца, держась подлинника. Трудъ г. Ибрагимова безъ сомнѣнія заслуживаетъ похвалу, но во многихъ мѣстахъ для риѳмъ вмѣстилъ онъ то, чего въ подлинникѣ не находится. Для облегченія труда его посылаю переводъ Превращеній въ прозѣ сдѣланный и Россійскою Академіей одобренный». Этотъ отзывъ попечителя былъ прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій общества; былъ ли имъ доволенъ переводчикъ—неизвѣстно. Въ подтвержденіе мнѣнія попечителя приведемъ всѣмъ извѣстное начало Метаморфозъ по Ибрагимову:

„Пою чудесныя отъ древности дѣла,
Какъ въ новыхъ образахъ явилися тѣла.
Всеобщія вещей премѣны бывъ виною,
Вы сами, боги! въ томъ руководите мною,
Да возмогу соткать безперерывный стихъ
Отъ міроздания до позднихъ дней моихъ“.

Замѣчательно, что въ этомъ же году одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, именно Сторль, доставилъ обществу свое сочиненіе въ рукописи: «Ueber das Wahre, als Grundbegriff in dem Ausdrucke», но общество не обратило на него никакого вниманія и даже не поблагодарило автора.

По предложенію Яковкина общество пріобрѣло пять новыхъ членовъ. Это были: ректоръ Казанской академіи архимандритъ Епифаній, архимандритъ Свіяжскій Израиль (первые члены изъ духовенства въ составѣ общества), предсѣдатель уголовной палаты статскій совѣтникъ и кавалеръ св. Анны 2 степ. Иванъ Ивановичъ Сокольскій, профессоръ Фуксъ и учитель историческихъ наукъ въ высшемъ классѣ гимназіи Григорій Яковкинъ (племянникъ директора), давно уже писавшій исторію гимназій въ Казани. Первые трое не принадлежали «къ корпусу чиновниковъ» и только одинъ изъ нихъ, именно Сокольскій, представилъ двѣ эпиграммы своего сочиненія: «Кто женится—перемѣнится», «Эпитафію лѣкарю» и «Надпись кокеткѣ». Нельзя не порадоваться, хотя и заднимъ числомъ, такимъ упражненіямъ предсѣдателя уголовной палаты. Очень можетъ быть, что мирныя занятія музами, смягчающія нравы, особенно послѣ удачнаго подбора риѳмъ, были причиною иной разъ уменьшенія

числа ударовъ кнутомъ, къ которымъ приговаривала уголовная палата. Обогатившись такимъ образомъ новыми дѣятелями, общество потеряло двухъ. Учителю Яковкину удалось быть только въ одномъ засѣданіи, а вслѣдъ за нимъ, черезъ недѣлю, умеръ и Запольскій. По поводу этихъ двухъ потерь Кондыревъ заявилъ обществу о своемъ намѣреніи написать краткое жизнеописаніе покойнаго Яковкина для помѣщенія въ учебныхъ извѣстіяхъ трудовъ общества. По его же предложенію было постановлено дѣлать это по смерти каждаго члена и сверхъ того оказывать «соразмѣрно заслугамъ приличныя награды» по смерти, какъ то: чтеніе рѣчей въ похвалу умершихъ при торжественномъ собраніи, выставленіе въ комнатѣ собранія портрета, помѣщеніе о смерти въ исторіи общества, сочиненіе стиховъ и иногда чтеніе ихъ въ торжественныхъ собраніяхъ, присутствіе на похоронахъ (Кондыревъ предлагалъ еще «кратковременное ношеніе траура», но на это почему то не согласились). Запольскому, «изъ сердечной привязанности къ умершему», Кондыревъ, кромѣ біографіи, вызвался написать краткую похвальную рѣчь для торжественнаго собранія общества, «ибо сочиненія покойнаго, польза приносимая имъ въ кругу своемъ и знанія содѣлываютъ его сего достойнымъ». Все это однако не вышло изъ области благого намѣренія.

Съ каждымъ годомъ исчезаетъ въ обществѣ внутренняя жизнь и дѣятельность. Въ 1811 году пришлось доносить попечителю, что общество въ теченіе всего года было занято преимущественно выборомъ новыхъ членовъ (а засѣданій оно имѣло только шесть). За то канцелярская дѣятельность увеличилась чрезвычайно. Общество слушаетъ въ своихъ засѣданіяхъ только письма новыхъ членовъ, въ которыхъ они благодарятъ за избраніе, просятъ увѣдомить какія ихъ обязанности и обѣщаютъ свое содѣйствіе, да краснорѣчивые отвѣты имъ секретаря. Было избрано, конечно безъ всякой баллотировки, а по заявленію того или другого члена, хорошаго знакомаго предлагаемому, вновь четырнадцать членовъ, да двое вышедшіе изъ общества вновь пожелали вступить въ него. Это былъ Городчаниновъ, снова назначенный въ университетъ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, представившій въ общество при вступленіи «Надпись ко граду св. Петра», и Аксаковъ, пожелавшій снова вступить въ члены и съ этою цѣлью приславшій басню «Соловей и принцъ». Трудно сказать, что влекло этихъ лицъ къ поступленію въ общество. Вѣроятнѣе всего желаніе примкнуть къ университету, быть участникомъ болѣе интеллигентной жизни или найти любезныхъ цѣнителей своихъ талантовъ, наконецъ титулъ члена университетскаго общества. Для общества соб-

ственно они ничего не сдѣлали; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не поступило ни одного труда. Самымъ дѣятельнымъ лицомъ для общества оказался служившій тогда въ коммиссіи для составленія законовъ, издатель журнала «Улей», страстный библіографъ и антикварій *Анастасевичъ* (ему принадлежитъ составленіе извѣстнаго Смирдинскаго каталога). Онъ аккуратно присылалъ въ общество свой журналъ и писалъ довольно большія письма, въ которыхъ сообщалъ и литературныя и книжныя новости, но изъ писемъ его общество не сдѣлало никакого употребленія и только выслушивало ихъ въ чтеніи секретаря. Были здѣсь и близкіе къ Казани люди: помѣщикъ Цывильскаго уѣзда, извѣстный противникъ Карамзина и составитель лѣтописнаго свода *Н. С. Арцыбашевъ*, искавшій въ Казани для себя общества людей образованныхъ, и *Ѳ. М. Рындовскій*, женатый на сестрѣ Панаевыхъ, писавшій и печатавшій множество ничтожныхъ стихотвореній въ позднѣйшихъ казанскихъ журналахъ. Были здѣсь казанскіе профессоры: Петровскій и Никольскій, ничего для общества не сдѣлавшіе; директоръ оренбургскихъ училищъ *Лубкинъ*, послѣ уволеннаго Протопопова, сдѣлавшійся вскорѣ профессоромъ философіи въ Казани; два казанскіе протоіерея, изъ которыхъ одинъ подъ протоколами подписывался протоіереемъ, а другой протопопомъ; дивизіонный докторъ, представившій найденную имъ любопытную рукопись «Вѣроисповѣданіе и обряды извѣстной секты молоканов, или какъ они изъясняются, духовныхъ христіанъ», отданной на просмотръ архимандриту Епифанію, но послѣднимъ не возвращенной; оберъ-аудиторъ; депутатъ бугульминскаго дворянства *Федоровъ*, представившій стихотворный переводъ сатиры Буало къ Сорбонскому доктору Морелю; были два малоизвѣстные члена петербургскаго общества любителей словесносности, наукъ и художествъ, рекомендованные Дм. Княжевичемъ, ничего не приславшіе въ общество; былъ совсѣмъ неизвѣстный членъ и казначей россійской академіи Соколовъ, тогда правитель канцеляріи Румовскаго. (Его не должно смѣшивать съ другимъ Соколовымъ, непремѣннымъ секретаремъ той-же академіи, упоминаемымъ въ сатирѣ Воейкова «Домъ Сумасшедшихъ» подъ именемъ «Петръ Иванычъ Осударь»). Если что нибудь всѣ эти новые члены и сдѣлали для казанскаго общества, то эта дѣятельность должна принадлежать къ будущимъ разсказамъ нашимъ. Въ 1811 году они только были избраны. Изъ прежнихъ членовъ только архимандритъ Епифаній представилъ свой переводъ съ латинскаго статьи: «Извѣстна ли была древнимъ Америка?», а изъ новыхъ, кромѣ упомянутаго нами Федорова, Лубкинъ прислалъ свои сословы на букву Б. Были доставлены въ общество для помѣщенія въ трудахъ его нѣсколько сочиненій постороннихъ

лицъ, но общество ими не воспользовалось. О нихъ обыкновенно постановлялось: «будетъ разсматриваться», или «разсмотрѣть впредь», или поручалось дать о статьѣ свое мнѣніе тому-то, но мнѣніе это не представлялось. Въ обществѣ во весь годъ читаны были только: шарада Ибрагимова «чело—вѣкъ», какіе-то «Отрывки» Кондырева, да стихи Рындовскаго.

Въ послѣднемъ, декабрьскомъ засѣданіи общества 1812 года, секретарь заявилъ собравшимся членамъ, что впрочемъ они и сами хорошо знали, что «доселѣ съ апрѣля мѣсяца собранія быть не могло по причинѣ перестроекъ и поправокъ въ университетскихъ домахъ и военныхъ обстоятельствъ». Въ этомъ году было только три засѣданія; прочитаны были только: «Амуръ и Гименей»—стихотвореніе Ибрагимова и на трехъ страничкахъ — переводъ съ нѣмецкаго Кондырева «О всеобщемъ языкѣ» (первый, какъ основатель общества, второй какъ секретарь его, считали кажется долгомъ, хотя чѣмъ нибудь заявить о своемъ существованіи). Прочіе члены ничего не читали. Изъ чужихъ сочиненій препровождено было для помѣщенія въ трудахъ общества изъ редакціи «Казанскихъ Извѣстій», куда оно было прислано, изъ Нижняго стихотвореніе ученика гимназіи «Горная Лютня». Но въ этомъ году была разъ приведена въ исполненіе мысль Кондырева, на которой онъ сильно настаивалъ: объ одобреніи и привлеченіи къ участію въ трудахъ общества молодыхъ, начинающихъ литературныхъ талантовъ. Яковкинъ представилъ собранію двѣ рукописныя книжки, подъ названіемъ «Смѣсь, журналъ 1812 года», состоящія изъ разныхъ стихотвореній и повѣсти въ духѣ Карамзина «Евгенія и Леонисъ или платье для бала». Эти книжки заключали произведенія *младшихъ* студентовъ: Перова, Рыбушкина, В. Княжевича, Спиридонова и др. (изъ нихъ второй сдѣлался извѣстнымъ поэтомъ въ мѣстной литературѣ и былъ адъюнктомъ университета), «безъ всякаго посторонняго участія». Яковкинъ предлагалъ по исправленіи помѣстить эти произведенія молодыхъ авторовъ въ трудахъ общества и, списавъ съ нихъ копіи «въ такомъ видѣ какъ они есть» представить попечителю «для большаго одобренія упражняющихся». Это было сдѣлано и попечитель согласился, самъ исправивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи студентовъ. Библіотека общества обогатилась только двумя присланными ей свѣжими одами графа Хвостова, написанными по случаю побѣдъ надъ французами въ 1812 году.

Уставъ общества не утверждался. Еще въ концѣ 1810 года онъ былъ посланъ къ попечителю, но о судьбѣ его не было извѣстій. Положено въ декабрѣ 1812 года снова ходатайствовать о томъ же, такъ какъ общество доселѣ не видитъ «ни дѣйствительнаго утвер-

жденія начальствомъ онаго (т. е. устава), ни отрицанія». При семъ случаѣ къ прежнимъ статьямъ присовокуплены были новыя: о ношеніи членами общества университетскаго мундира, «поелику общество есть какъ бы часть университета» и о почестяхъ умершимъ членамъ. Эти почести, какъ говорено было уже, заключались между прочимъ въ составленіи некролога умершаго члена и въ напечатаніи его. А для некролога необходимы фактическія свѣдѣнія, почему, по предложенію секретаря, рѣшено было потребовать отъ каждаго члена разные служебные документы въ копіяхъ, труды его, какъ напечатанные такъ и рукописные, и извѣщеніе о намѣреніи сдѣлать то или другое, наконецъ собственное краткое начертаніе жизни. Опредѣлено было отнестись объ этомъ вообще ко всѣмъ членамъ, но представилъ документы и автобіографію только одинъ— харьковскій профессоръ И. Е. Срезневскій; прочихъ можетъ быть остановило соображеніе, что свѣдѣнія собираются въ виду смертнаго часа, для некролога.

Первая книжка общества была, какъ мы видѣли, составлена, переписана и отправлена къ попечителю, но отвѣта, какъ и объ уставѣ, не было никакого. Еще въ апрѣлѣ поручено было издателямъ составлять 2 и 3 книжки; онѣ и составлялись, но судьба первой безпокоила общество. Деньги на печатаніе отпущены; трудовъ членовъ накопилось уже довольно, а разрѣшенія нѣтъ. Положено при отчетѣ попечителю за этотъ годъ *упомянуть исторически* и о первой книжкѣ трудовъ. Составленіе 2 и 3 книжекъ вызвало снова вопросъ о составѣ книжекъ, хотя, какъ мы видѣли, составъ этотъ былъ уже точно опредѣленъ прежде. Было снова разсуждаемо: «могутъ ли входить въ труды общества, занимающагося словесностью, и предметы учености?» Рѣшено: «могутъ, но *что впрочемъ о нихъ не нужно прилагать особеннаго старанія и хотя бы оныхъ и совсѣмъ не было, то въ трудахъ можно составлять статью: науки и искусства и ученыя извѣстія*»

Въ декабрѣ только Яковкинъ заявилъ собранію членовъ о смерти попечителя Румовскаго и о назначеніи новаго попечителя Салтыкова. Выслушавъ это заявленіе, члены, согласно поговоркѣ французскихъ роялистовъ: le roi est mort—vive le roi!, постановили отъ имени общества принести новому начальнику поздравленіе со вступленіемъ въ должность и просить «начальственнаго благорасположенія его, вниманія и покровительства къ обществу». Какъ Румовскому посылалось каждый годъ отъ общества поздравленіе съ новымъ годомъ, такъ и Салтыкову послано было такое же съ 1813 годомъ. По поводу ожидаемаго пріѣзда его въ Казань, нѣкоторые изъ членовъ предлагали даже имѣть обществу торжественное собра-

ніе, но постановлено было впрочемъ не дѣлать его, а на случай присутствія въ обществѣ попечителя, «предоставить на волю гг. членамъ написать стихи, рѣчи и разсужденія, секретарю же препоручить написать историческое обозрѣніе общества».

Общество и въ этомъ году обогатилось пятью новыми членами. Изъ извѣстныхъ ему «любителей словесности» приглашены къ сочувствію въ трудахъ общества, въ званіи иногороднихъ членовъ: упомянутый нами профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Евсевьевичъ *Срезневскій* (отецъ знаменитаго слависта), и директоръ пермскихъ училищъ Никита Саввичъ *Поповъ*, авторъ «Описанія Пермской губерніи», изданнаго въ 1804 году, присылавшій и прежде нѣкоторыя свои сочиненія въ общество, а въ университетъ штуфы для минералогическаго кабинета, какъ было уже нами упомянуто. Въ званіе *дѣйствительныхъ*, т. е. живущихъ въ Казани членовъ, были избраны: *Срезневскій* Осипъ, магистръ философіи, братъ вышеупомянутаго, богоявленскій священникъ *Таліевъ* и совѣтникъ губернскаго правленія Савва Андреевичъ *Москотильниковъ* [1]). Съ

---

[1]) Это былъ памятный еще нѣкоторымъ въ Казани собиратель мистическихъ книгъ (у него была почти полная библіотека ихъ), какъ кажется мистикъ по убѣжденіямъ, находившійся въ связяхъ съ Лопухинымъ, Невзоровымъ и другими лицами, сохранившими въ первыя два десятилѣтія текущаго вѣка преданія Новиковскаго кружка. Въ литературѣ онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ въ прозѣ съ французскаго перевода Лебрена поэмы Тасса „Освобожденный Іерусалимъ“ (2 части, М. 8°. 1819). Эта знаменитая поэма итальянскаго поэта, психически разстроеннаго и отразившаго въ ней ту католическую и іезуитскую реакцію, которая началась въ Италіи съ XVI вѣка и побѣдила въ ней зародыши реформаціи, должна была нравиться мистикамъ. Изданіе перевода посвящено Москотильниковымъ Казанскому обществу любителей отечественной словесности. Изъ писемъ къ нему довольно извѣстнаго въ самыхъ первыхъ годахъ настоящаго вѣка литератора и казанскаго уроженца Гавріилы Петровича Каменева (1772 — 1803), связаннаго съ нимъ дружбою и общими литературными вкусами, видно, что переводомъ Тасса Москотильниковъ занимался уже въ 1800 году. (См. „Вчера и Сегодня“, литературный сборникъ, составленный гр. В. Соллогубомъ, книга первая. СПБ. 1845, стр. 51). Эти любопытныя письма изъ Москвы въ Казань, изданныя Н. И. Второвымъ, заключаютъ въ себѣ описаніе знакомствъ и бесѣдъ молодого казанскаго писателя съ тогдашними корифеями мистицизма въ первопрестольной столицѣ: И. В. Лопухинымъ, И. П. Тургеневымъ, Поздѣевымъ и близкими къ нимъ писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Херасковымъ. Въ этотъ избранный кругъ Москвы Каменевъ попалъ, если не ошибаемся, по рекомендаціи Москотильникова, что доказываютъ его давнія связи съ мистиками. Любопытно, что въ некрологѣ Москотильникова (1768 — 1852), напечатанномъ въ *Казанскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ* (1853 г. №№ 7 и 8), ни объ этихъ связяхъ съ мистиками и масонами, ни о его обширной библіотекѣ, ни о его вліяніи

1813 года становится уже весьма затруднительнымъ имѣть сколько нибудь точныя свѣдѣнія объ обществѣ: протоколовъ его совсѣмъ не существуетъ и передъ нами только disjecta membra. Изъ сохранившихся повѣстокъ, приглашавшихъ въ засѣданіе, подписанныхъ едва половиною казанскихъ членовъ, да и изъ этой половины многіе отказывались присутствовать, ссылаясь на болѣзни и служебныя занятія, видно, что было только два засѣданія: одно обыкновенное — 12 іюня, другое экстраординарное — 7 ноября. Рѣшительно нельзя сказать чѣмъ занимались члены въ теченіе этихъ засѣданій. Нѣтъ слѣдовъ какого либо чтенія на нихъ; не записано ни одного поступившаго въ общество сочиненія.

Въ одномъ изъ этихъ засѣданій общество узнало наконецъ о печальной судьбѣ, постигшей первую книгу его трудовъ, совершенно готовую къ изданію и представленную имъ покойному попечителю еще въ 1810 году. Возвращая ее въ совѣтъ университета, новый попечитель писалъ (предложеніе 20 янв. 1813 г. № 40), что изъ числа статей, составляющихъ эту книгу, бывшимъ попечителемъ, по разсмотрѣніи ихъ, отмѣчены къ напечатанію только *семь* (въ томъ числѣ нѣсколько стихотвореній), да и то изъ нихъ одна переводная, съ замѣчаніемъ «чтобы переводъ сей еще разсмотрѣнъ и исправленъ былъ обществомъ, по причинѣ множества встрѣчающихся

слова: въ то время мистика находилась подъ цензурнымъ запрещеніемъ. Къ сожалѣнію составитель некролога не исполнилъ своего обѣщанія: напечатать находившіяся въ его рукахъ „Воспоминанія" Москотильникова о дѣтствѣ, до поступленія на службу. Москотильниковъ былъ ярославскій уроженецъ, сынъ купца, въ молодости увлекался призваніемъ актера. Очень можетъ быть, что въ это время была еще свѣжа въ его родномъ городѣ память о знаменитомъ основателѣ русскаго театра Ѳ. Г. Волковѣ.

Главная служебная дѣятельность Москотильникова прошла въ Казани. Подъ конецъ жизни онъ былъ однимъ изъ видныхъ чиновниковъ и пользовался уваженіемъ. Послѣ управленія казанскимъ округомъ Магницкаго, изъ друга сдѣлавшагося врагомъ мистицизма, Савва Москотильниковъ сошелся съ нѣкоторыми изъ тѣхъ людей, которые не вынесли изъ университета времени Магницкаго духовныя вліянія (впрочемъ этихъ людей было весьма немного); они смотрѣли на него какъ на учителя. Мы помнимъ еще его фигуру, занимавшую насъ, какъ обломокъ стараго времени; на нее, казалось намъ падала тѣнь Шварца, Новикова, Лопухина; старческіе, уже потухшіе, но умные глаза какъ бы уходили внутрь; сѣдые, длинные до плечъ волосы и тихій, но внушительный голосъ, все заставляло смотрѣть на него съ невольнымъ уваженіемъ... Но вотъ какія біографическія данныя о Москотильниковѣ, когда онъ пожелалъ быть профессоромъ юристомъ въ только что основанномъ Казанскомъ университетѣ и написалъ о томъ попечителю, сообщилъ послѣднему Яковкинъ: „Между славящимися казанскими письмоводцами и писателями просьбъ, особенно интересующимся просителямъ (?) находится извѣстный, недавно по газетамъ отставленный съ чиномъ на-

въ немъ выраженій и оборотовъ, несвойственныхъ языку россійскому». Хотя эта книга первоначальныхъ трудовъ общества не сохранилась, но мы изъ бумаги попечителя можемъ возстановить ея содержаніе. Дозволялись къ печатанію: 1) О вкусѣ и геніи — изъ Лагарпа (члена В. Перевощикова); 2) отрывки изъ Оссіана (члена Ибрагимова); 3) Превращеніе Дафны изъ Овидія (его же); 3) четыре надписи; 5) Историческое обозрѣніе состоянія и хода наукъ, перев. съ нѣм. (Кондырева); 6) Обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи (не члена, директора Миллера), 7) Описаніе города Астрахани (не члена, директора Храповицкаго) и 8) Разныя извѣстія. Что касается до другой, и бо́льшей половины книги, то о ней говорилось слѣдующее: «Прочія же статьи имъ (Румовскимъ) не одобрены, какъ то: сужденія о синонимахъ по не русскому слогу и натянутому толкованію, стихи въ альбомъ, другу на именины, югогрифъ, шарады по искаженнымъ и чуждымъ языку русскому и низкимъ выраженіямъ; надписи, эпитафіи, надгробія и *басенникъ съ стрекозою* (?)—по недостатку или весьма слабому замыслу, а смѣсь—по страннымъ мыслямъ и не русскому слогу». Салтыковъ высказывалъ желаніе, чтобы исключенныя статьи были замѣнены другими, полезнѣйшими, «ежели есть таковыя», чтобы общество руководствовалось

дворнаго совѣтника, Савва Москотильниковъ, игравшій сначала и съ женою своею на казанскомъ вольномъ театрѣ, а по пріѣздѣ моемъ въ 1799 году въ Казань засталъ я его городовымъ секретаремъ въ здѣшнемъ магистратѣ, откуда однако отставленъ. Извѣстное несчастное казанское пожарное дѣло доставило ему чинъ титулярнаго совѣтника, знакомство съ производившимъ оное дѣло генераломъ Альбедилемъ, чинъ коллежскаго ассесора, а отставка — и надворнаго совѣтника. Нигдѣ въ школахъ не обучавшись, занялъ онъ отъ знакомыхъ нѣкоторыя понятія о литературѣ и французскій языкъ, а отъ многолѣтняго упражненія знаніе въ обыкновенной судебной юриспруденціи, которое однако при мнимо тихомъ его характерѣ, не оставило наградить его прозваніемъ *ябедника*, пишущаго обѣимъ спорящимся сторонамъ потребныя бумаги или кто болѣе дастъ. Извѣщенъ я, что онъ изготовилъ диссертацію, по коей бы удостоиться ему званія профессора россійской юриспруденціи въ Казанскомъ университетѣ.—Самыя обширнѣйшія наши познанія не важны безъ доброты души, безъ общеуважительныхъ добродѣтелей, а потому, зная его коротко и лично, священною себѣ обязанностью поставляю предварительно донести в. п. объ его качествахъ" (8 янв. 1807 г.). Находился ли всецѣло въ этотъ періодъ жизни Москотильниковъ подъ вліяніемъ мистическихъ и масонскихъ ученій, которыя, говорятъ, нравственно воспитывали людей, или судьбою уже такъ положено, что русскія натуры должны совмѣщать въ себѣ несовмѣстимое—не знаемъ. Зная свойства и характеръ тогдашнихъ законниковъ и юристовъ, мы не имѣемъ основанія заподозрить вѣрность сообщенія, сдѣланнаго Яковкинымъ: провѣрить его фактически—нѣтъ возможности.

совѣтами Городчанинова, «яко профессора краснорѣчія» и Лубкина «по усматриваемому мною знанію его языка россійскаго» и «*впредь наполняло труды свои болѣе полезнѣйшими и хорошимъ русскимъ слогомъ писанными твореніями или переводами, нежели ребяческими и маловажными сочиненіями*». Говорилось въ предложеніи и о *предисловіи*, въ которомъ заключены обстоятельства до публики вовсе некасающіяся», о необходимости его сократить и даже указывалось обществу, что должно быть высказано въ этомъ предисловіи. Таковъ былъ взглядъ начальства на труды общества. Не знаемъ какое впечатлѣніе на членовъ произвели слова и замѣчанія попечителя, но нельзя не согласиться съ его приговоромъ, тѣмъ болѣе, что общество, существуя при университетѣ, прикрываясь его именемъ, обязано было не забывать этого обстоятельства. Едва ли это приходило кому нибудь изъ членовъ общества на мысль и самъ *первый членъ* общества Яковкинъ, не написавшій для него ни строчки, не думалъ объ этомъ. Дѣйствительно общество, изъ педагогическаго почти, какимъ оно было вначалѣ, подъ его предсѣдательствомъ превратилось въ праздную забаву людей, собранныхъ въ одно цѣлое не единствомъ ясной и благородной цѣли, а всего болѣе мелкимъ самолюбіемъ.

Таже участь постигла и уставъ общества, который составляли цѣлый годъ. Съ его претензіями онъ не могъ быть утвержденъ. Пришлось снова разсматривать этотъ уставъ и дѣлать въ немъ значительныя перемѣны. Эта работа происходила въ ноябрѣ 1813 года и тогда же была представлена попечителю съ ходатайствомъ о необходимости скорѣйшаго утвержденія этого устава, «безъ коего общество ничего твердаго и основательнаго ни предпринять, ни учинить не можетъ». Министръ народнаго просвѣщенія не рѣшился однако самъ собою утвердить этотъ значительно измѣненный уставъ, а препроводилъ его съ этою цѣлью въ комитетъ министровъ «такъ какъ подобныя общества всегда должны быть утверждены правительствомъ». Въ этой инстанціи уставъ былъ наконецъ утвержденъ уже послѣ открытія университета, въ началѣ іюля 1814 года. Между тѣмъ, въ ожиданіи его, общество совершенно бездѣйствовало. Получивъ наконецъ утвержденіе, оно принесло конечно свою благодарность попечителю и прежде всего задумало устроить торжественное собраніе, но устроить его въ лѣтнее время, по отсутствію членовъ, было нельзя, а потому и отложило его до зимы. Засѣданій въ этомъ году, собственно по поводу утвержденнаго устава, для выбора разныхъ должностныхъ членовъ согласно новому уставу, и для разныхъ приготовленій къ торжественному собранію было только два: въ октябрѣ и ноябрѣ. Успѣли еще выбрать девять новыхъ чле-

новъ, трехъ дѣйствительныхъ: младшаго изъ братьевъ Панаевыхъ, Владиміра, сдѣлавшагося въ это время уже кандидатомъ словесности, магистра исторіи *Юнакова* и въ первый разъ появившагося въ этомъ году въ Казани, но столь извѣстнаго въ ней впослѣдствіи *Солнцева*. Это было первое лицо, имѣвшее въ Казани публичный диспутъ и получившее, по открытіи университета въ этомъ году, степень доктора обоихъ правъ. Шесть избранныхъ тогда же новыхъ иногородныхъ членовъ не принесли, да и не могли принести никакой пользы обществу.

Мы разсказали, и разсказали довольно подробно, можетъ быть подробнѣе даже, чѣмъ заслуживалъ то самый предметъ, исторію перваго періода казанскаго общества любителей отечественной словесности, до его *преобразованія*, какъ выражались лица, стоявшія во главѣ общества на торжественномъ собраніи, происходившемъ 12 декабря 1814 года [1]). Въ чемъ однако состояло это преобразованіе— едва ли могли сказать сами члены общества. Уставъ не представлялъ ровно ничего новаго; члены общества остались тѣ же, тотъ же предсѣдательствующій и тотъ же секретарь.

Откуда могъ повѣять новый духъ въ это по нашему мнѣнію мертворожденное общество? Откуда могли взяться новыя духовныя стремленія и новая дѣятельность? Читая тѣ «гласы ликованія», которые при открытіи «храма словесности» раздавались «на берегахъ Волги и Камы, на краю Европы и Азіи, близь сей старѣйшей части свѣта, колыбели рода человѣческаго», мы встрѣчаемся не съ новою мыслью, всегда вызываемою всякимъ преобразованіемъ, если оно совершилось для успѣха, а съ тою же пустою, безсодержательною фразою, которая раздавалась и прежде. Въ слѣдующемъ году общество, какъ оно торжественно заявило на собраніи, обѣщало начать изданіе своихъ трудовъ. Мы увидимъ, что это не было выполнено. А между тѣмъ послѣ подъема народнаго духа и страшныхъ усилій войны 1812 года, начиналась въ Россіи новая духовная жизнь, зарождалось политическое сознаніе; мысль невольно пробуждалась и углублялась въ жизнь, хотя съ другой стороны подымала голову и реакція, испуганная пробужденіемъ жизни, прикрываясь то мистицизмомъ, то простою религіозностью. Посреди этихъ, неизвѣстныхъ прежде колебаній духовнаго міра огромной страны, что могли сказать эти люди, безъ особенныхъ талантовъ литературныхъ и безъ

---

[1]) Описаніе этого собранія помѣщено въ *Казанскихъ Извѣстіяхъ* 1814 г., №№ 51 и 52 и вышло также отдѣльно, 4°. Кромѣ того напечатана отдѣльно брошюра „Торжество Казанскаго общества любителей отечественной словесности“, гдѣ помѣщенъ и уставъ. Каз. 1815. 8°. 16 стр.

знаній, запоздалые переводчики и, какъ мы видѣли, нѣсколько презрительно смотрѣвшіе на науку, собравшіеся только для того, чтобы общими усиліями составить и написать нѣчто въ родѣ *тріолета Лизетъ?*

Исторія послѣдующей дѣятельности общества выходитъ за предѣлы этой главы.

Для бóльшей полноты картины изображаемой нами жизни Казанскаго университета въ первые годы его, намъ остается разсказать *о началѣ періодической литературы* въ Казани, починъ которой принадлежалъ, если не обществу любителей отечественной словесности, то во всякомъ случаѣ университету, въ рукахъ котораго и находилось первое казанское періодическое изданіе. Съ большими, тягостными потугами народилось въ Казани это жалкое, рахитическое дитя, извѣстное теперь подъ названіемъ провинціальной прессы, мнящее руководить общественнымъ (?) мнѣніемъ провинціи, какъ ребенокъ, прыгающій на палочкѣ воображаетъ, что скачетъ на настоящемъ конѣ. Еще не была пущена въ ходъ университетская русская типографія, шрифты которой присланы были попечителемъ лѣтомъ 1808 года изъ Петербурга, какъ явился уже проектъ газеты, подъ названіемъ «Казанскія Извѣстія», потребность которой, съ увеличеніемъ города и числа въ немъ грамотныхъ людей, ощущалась всѣми. «Разговаривая съ нѣкоторыми здѣшними жителями объ имѣющей быть при университетѣ типографіи, пишетъ къ попечителю Яковкинъ, получилъ я достовѣрное извѣстіе, что университетъ и нынѣ можетъ имѣть отъ типографіи россійской до двухъ тысячъ рублей прибыли, ежели бы хотя на два листа было россійскихъ литеръ, печатая объявленія о продажахъ, подрядахъ» и проч. (11 февраля 1808 года), почему Яковкинъ и просилъ прислать шрифту хотя бы на два листа съ половиною. Въ августѣ того же года адъюнктъ Запольскій представилъ проектъ еженедѣльнаго изданія, подъ названіемъ «Казанскія Извѣстія» и Яковкинъ не умедлилъ отослать его на благоусмотрѣніе и утвержденіе, «если благоугодно будетъ», начальства.

Планъ Запольскаго вовсе не заключалъ въ себѣ политическаго отдѣла и никакихъ современныхъ извѣстій о происшествіяхъ или о распоряженіяхъ правительства. «Извѣстія» должны были удовлетворять только насущной потребности жителей Казани. Правда Запольскій приравнивалъ Казань къ столицамъ, имѣющимъ вѣдомости и высказывалъ желаніе, чтобъ и она имѣла ихъ. «Извѣстно всей просвѣщенной россійской публикѣ, что губернскій городъ Казань, по

столичнымъ городамъ, занимаетъ въ числѣ лучшихъ городовъ первое мѣсто. Она, будучи средоточіемъ торговли Сибирскаго края, имѣетъ то еще важное предъ прочими преимущество, что содержитъ въ себѣ весьма знатныя казенныя заведенія, сверхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: адмиралтейскую контору, коммиссаріатское и провіантское депо, пороховой заводъ и продажу, удѣльную экспедицію, университетъ и гимназію, духовную академію и консисторію и проч. Все сіе, присовокупя къ тому и многолюдство города, населеннаго великимъ множествомъ купечества, дворянства и другихъ разныхъ классовъ жителями, неминуемо должно поставить отношенія обывателей Казани совершенно почти въ такомъ видѣ, какъ они существуютъ въ самихъ столичныхъ городахъ. А какъ въ сихъ мѣстахъ, для свободнѣйшаго сообщенія *извѣстій о взаимныхъ нуждахъ жителей* попечительное правительство благоволило ввести въ употребленіе повременное издаваніе вѣдомостей, слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы и Казань не имѣла нужды въ подобныхъ вѣдомостяхъ, подъ какимъ названіемъ ни были бы онѣ издаваемы». Эту потребность въ вѣдомостяхъ и старается доказать Запольскій. «Стоитъ обратить вниманіе съ одной стороны на тѣхъ людей въ Казани, которые пріобрѣтаютъ себѣ даже видимымъ образомъ имущества отъ посредничества при продажахъ и покупкахъ, а съ другой на жалобы самихъ обывателей, которые принуждены бываютъ имъ платить по 10 и болѣе процентовъ съ рубля съ обѣихъ сторонъ, не говоря уже о той важной невыгодѣ, что часто сосѣдъ не знаетъ кому вещь продать, а другой у кого оную выгоднѣе купить». Запольскій наконецъ доказываетъ, что онъ вездѣ въ Казани находилъ сочувствіе къ своему намѣренію. Не говоря о губернскомъ начальствѣ, которое совершенно одобрило его мысль, онъ «не находилъ ни въ публикѣ, ни въ частныхъ собраніяхъ ни одного изъ обывателей города, кто бы не почувствовавъ прежде удовольствія нѣкотораго рода отъ моего предложенія, не изъявилъ вмѣстѣ и согласія на подписку таковыхъ вѣдомостей». Недостатка въ матеріалахъ для «Казанскихъ Извѣстій» («если бы университетскому начальству угодно было ихъ такъ назвать—въ отличіе отъ вѣдомостей столичныхъ, гдѣ помѣщаются и политическія извѣстія»), не могло быть. Эти матеріалы доставлялись бы: 1) казенными мѣстами, 2) дворянствомъ, 3) купечествомъ, 4) художниками, мастеровыми и промышленниками, 5) разнаго званія людьми (Запольскій входитъ въ подробности о томъ, какого рода матеріалъ можетъ доставляться подъ этими рубриками). Затѣмъ 6) въ «Извѣстіяхъ» помѣщаться должны разныя текущія статистическія свѣдѣнія и наконецъ 7) «*дабы сообщить казанскимъ извѣстіямъ и*

привлекательность, университетъ не излишнимъ почелъ бы: а) сообщать публикѣ свѣдѣнія о перемѣнахъ термометра, барометра и прочихъ метеорологическихъ явленіяхъ; б) также пополнять ихъ маленькими сочиненьицами, привлекающими любопытство, какъ то: загадками, логогрифами, басенками» и пр.

Для облегченія собиранія матеріаловъ, особенно оффиціальныхъ, Запольскій желалъ, чтобъ свѣдѣніе объ издаваніи «Извѣстій», если оно будетъ разрѣшено правительствомъ, было распространено повсемѣстно, какъ публикацiей въ столичныхъ газетахъ, такъ и широкимъ участіемъ администраціи, къ чему предлагалъ разныя мѣропріятія со стороны университетскаго начальства. «Наконецъ, говорилъ онъ, дабы присутственныя мѣста, по превратному ли о новизнѣ сего изданія понятію или *по худому предубѣжденію противу учебныхъ заведеній*, не могли остановить университетское начальство въ столь ревностномъ расположеніи къ дѣятельности на пользу общую, то начальство сіе весьма облегчило бы трудность своего намѣренія, если бы оно испросило къ тому содѣйствіе министровъ, имѣющихъ непосредственное вліяніе *въ губернскія начальства* (предлогъ употребленъ по теоріи Шишкова), какъ въ разсужденіи споспѣшествованія въ подпискѣ, такъ не менѣе и въ объявленіяхъ отъ присутственныхъ мѣстъ».

Въ заключеніе Запольскій подробно разсчитываетъ, какую выгоду въ рубляхъ можетъ принести это изданіе университету, говоритъ о подписной цѣнѣ, о форматѣ (по образцу тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей») и подробно останавливается на управленіи газетной части, гдѣ также беретъ за образецъ устройство этого дѣла при Московскомъ университетѣ, который тогда не отдавалъ свою газету на откупъ, а самъ издавалъ.

Таковъ былъ скромный планъ Запольскаго, но онъ не нашелъ сочувствія со стороны попечителя. «Планъ сообщенный вами «Казанскихъ Извѣстій» *толь обширенъ* (?), писалъ онъ къ Яковкину, что при настоящемъ вещей положеніи въ дѣйствіе произвести способа не имѣю. Сверхъ сего Извѣстія сіи, *когда правительство оныхъ не требуетъ, могутъ навлечь университету неудовольствіе*. Прочтите въ регламентѣ Академіи статью 115 (привилегія издавать вѣдомости) и увидите, что Академія можетъ протестовать противъ университета». Ссылка на «Московскія Вѣдомости», издаваемыя университетомъ, тоже не имѣла значенія въ глазахъ попечителя: «Московскій университетъ, прежде пожалованныхъ Академіи преимуществъ, издавалъ политическія вѣдомости», писалъ онъ. Казанскому университету, по его словамъ, можно будетъ запретить издавать Извѣстія, какъ не учебныя. «Онъ имѣетъ право издавать только то, что

служить къ просвѣщенію» (5 ноября и 17 дек. 1808 г.). Кажется, что попечитель боялся новаго, незнакомаго ему дѣла и желалъ остаться на почвѣ исключительно болѣе или менѣе научной. Противъ періодическаго изданія вообще онъ былъ однако не прочь и даже самъ сообщилъ планъ такого изданія:

„Въ § 11 утвердительной грамоты университета, писалъ онъ, сказано: въ типографіи печатается все, что по мнѣнію совѣта служитъ къ распространенію знаній въ его округѣ. Почему совѣтовалъ бы я начать изданіемъ какихъ нибудь извѣстій до наукъ относящихся. Такъ напр. сочиненіями, въ собраніи россійской словесности одобренными. Тутъ можно помѣщать извѣстія о количествѣ прибывающей весною воды, метеорологическія въ Казани наблюденія и присылаемыя также изъ другихъ гимназій и училищъ, во всѣхъ училищахъ и при испытаніяхъ въ самой Казанской гимназіи говоренныя рѣчи, кои тисненія будутъ удостоены. На сей конецъ я бы приказалъ сообщать вамъ всѣмъ училищамъ говоренныя рѣчи. Наконецъ полезнобъ было для университета (?) помѣщать сколько въ каждомъ училищѣ въ теченіе года учениковъ обучалось и сколько ихъ выбыло. На первый случай довольно бы было, чтобъ ежегодно одна или двѣ подобныя книжки были издаваемы, и не болѣе 10 или 12 листовъ составляли; въ нихъ можно помѣщать маленькія сочиненія, загадки, эпитафіи, басенки и тому подобное. Предложите мысли мои на разсужденіе совѣта. Можетъ быть и гг. профессоры не отрекутся временемъ сообщать что нибудь до наукъ касающееся, какъ напр. испытаніе водъ въ Казани употребляемыхъ, колодезной воды въ Тенишевскомъ домѣ и гимназическомъ, описаніе въ Казани встрѣчающихся древностей и проч., для прославленія имени своего не въ одной Казани. Въ извѣстія сіи не неприлично помѣстить и впредь помѣщать какія университетъ и отъ кого получилъ и получаетъ приращенія въ книгахъ, натуральныхъ вещахъ, инструментахъ и проч. сему подобномъ, не исключая и тѣхъ предметовъ, кои университетъ пріобрѣтаетъ своимъ иждивеніемъ. Ибо первое есть правило nosce te ipsum. Въ сихъ извѣстіяхъ должны быть помѣщаемы объявленія о публичныхъ лекціяхъ, кто, въ какіе дни, сколько часовъ, по какой книгѣ, преподавать будетъ на слѣдующую половину года.

Очевидно попечитель въ предлагаемомъ имъ планѣ извѣстій имѣлъ въ виду подробный отчетъ объ университетской дѣятельности и тѣ ежегодныя изданія университетскія, которыя мало помалу, съ теченіемъ времени, осуществились, но о которыхъ тогда еще никто не думалъ (первое *обозрѣніе преподаваній* было напечатано въ 1809 году). Онъ самъ объяснялъ, что такое изданіе собственно принадлежитъ секретарю университета и предлагалъ придать ему въ помощь двухъ кандидатовъ, упражняющихся въ исторіи и словесности. Ему хотѣлось имѣть, какъ онъ самъ выражается въ другомъ мѣстѣ, печатную исторію университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ, что съ заведеніемъ русской типографіи «неотмѣнно надобно печатать университету своимъ иждивеніемъ что нибудь до наукъ касающееся, особливо при началѣ своемъ такое, чтобъ публикѣ приносило удовольствіе и доставляло нѣкоторое свѣдѣніе объ упражненіяхъ въ

университетѣ». Но предлагаемый имъ планъ изданія былъ очень далекъ отъ плана Запольскаго: онъ былъ лишенъ общественнаго содержанія и характера, который Запольскій желалъ придать предполагаемой имъ газетѣ. Планъ Румовскаго былъ заслушанъ однако въ совѣтѣ и адъюнкту Эриху поручено было перевести его по латыни для раздачи иностраннымъ профессорамъ. Черезъ нѣсколько времени участвовать въ такомъ университетскомъ изданіи, по плану попечителя, изъявили согласіе: Яковкинъ, Фуксъ, Эрихъ, Запольскій, Эвестъ и Вуттигъ. Предположено было также привлечь къ изданію «Университетскаго Вѣстника» и общество любителей словесности, но оно бездѣйствовало. Дѣло ничѣмъ не кончилось; до практическаго осуществленія оно не дошло.

Между тѣмъ Запольскій, видя что планъ его изданія не нашелъ сочувствія въ попечителѣ, выбралъ другой путь, независимо отъ университета. Онъ обратился за помощью къ губернатору, потому что сама администрація сознавала всю полезность и необходимость такого изданія для себя. Губернаторъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ. «Планъ еженедѣльныхъ сочиненій отъ гражданскаго губернатора представленъ министру внутреннихъ дѣлъ тотъ самый, который Запольскій вамъ представлялъ, сообщаетъ Румовскій Яковкину. Печатаніе «Извѣстій» пріемлетъ на себя губернское правленіе, *подъ надзираніемъ г. Запольскаго* и еще какого-то отставного капитана (Зиновьева) [1]) *не только на русскомъ, но и на та-*

---

[1]) Этотъ *Зиновьевъ*, Дмитрій Николаевичъ, изъ казанскихъ дворянъ поручикъ въ отставкѣ, переименованный въ титулярные совѣтники, служилъ, вѣроятно по выборамъ отъ дворянства, въ 1809 году, засѣдателемъ въ казанской уголовной палатѣ и долженъ быть причисленъ къ немногимъ казанскимъ писателямъ, хотя писалъ онъ довольно безграмотно, какъ заключаемъ изъ его писемъ, видѣнныхъ нами. Очевидно это былъ любознательный самоучка, какихъ много являлось тогда, желавшій однако такъ или иначе примкнуть къ ученому сословію, пользовавшемуся уваженіемъ и вниманіемъ, какъ кажется, исключительно со стороны этого рода людей. Имъ напечатаны были и нѣкоторыя сочиненія: 1) „Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда". М. (въ унив-ской типогр.) 1788. 8⁰; 2) „Торжествующая добродѣтель или жизнь и приключенія гонимаго фортуною Селима, истинная повѣсть". М. 1791. 8⁰. (*Сопик.* № 3198; у *Смирдина* нѣтъ) Геннади (*Справочный словарь*, т. 2, стр. 32) ставитъ это сочиненіе отдѣльно отъ перечисленныхъ имъ сочиненій Д. Зиновьева, потому что передъ фамиліей стоитъ буква Г., но она означаетъ кажется *господинъ*. Мы основываемся на собственномъ указаніи автора; 3) „Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе", издалъ Дмитрій *Зиновьевъ*, М. 1807. 8⁰. По словамъ Дубровина („Пугачевъ и его сообщники", т. III, стр. 398)—это „выдержка изъ записки (собственно это письмо къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому) Платона Любарскаго („Сборникъ древностей". Каз. 1868., стр. 130—143), напечатан-

тарскомъ языкѣ. Время покажетъ съ какою трудностію дѣло сіе сопряжено» (4 февр. 1808 г.).

Но и получить разрѣшеніе и начать изданіе представляло тоже значительныя трудности. Это видно изъ того, что только въ концѣ 1810 года, какъ кажется, Запольскій и Зиновьевъ получили разрѣшеніе издавать свою газету. Говоримъ это неопредѣленно, потому что не знаемъ какъ велось дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и какъ, и почему предположеніе издавать газету также по татарски не состоялось. «Казанскія Извѣстія стали выходить съ 19 апрѣля 1811 года. За газетою повидимому, какъ за новымъ дѣломъ въ провинціи, слѣдили внимательно въ Петербургѣ и очень скоро, послѣ первыхъ же ея нумеровъ, пришлось издавать ее университету. Не цензурныя погрѣшности замѣтили въ ней, а нѣчто другое, чего бы конечно не было, еслибъ другой издатель, Запольскій, былъ живъ. Препровождая въ совѣтъ университета копію съ предписанія министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы во исполненіе высочайшей воли, объявленной ему отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, изданіе выходящей изъ казанской губернской типографіи газеты, подъ названіемъ «Казанскія Извѣстія», *по усмотрѣнію въ ней ошибокъ не только типографическихъ, но даже противъ языка и слога*, возложено было на кого либо изъ чиновниковъ Казанскаго университета, попечитель предлагалъ (29 мая 1811 года, № 537) совѣту возложить эту обязанность на проф. Городчанинова и адъюнкта

ной потомъ въ „Исторіи Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина" (Сочиненія, изд. восьмое, Анскаго, т. VI, стр. 396—403. и 4). „Набатъ по случаю войны съ Французами". Каз. 1807. 4°. (Это была первая книга, напечатанная въ Казани и разсмотрѣнная цензурнымъ комитетомъ при университетѣ.

Зиновьевъ, какъ помѣщикъ, занимался хозяйствомъ и представлялъ разные экономическіе опыты въ Императорское вольное экономическое общество, которое сдѣлало его своимъ членомъ-корреспондентомъ и три раза награждало его золотыми медалями. Еще въ 1806 году Зиновьевъ представилъ въ общество записку о существованіи и находкѣ имъ какого-то *водяного растенія, приносящаго орѣхи* (въ то время, да и долго спустя, наши самоучки-хозяева почти всегда обращали вниманіе на какія нибудь рѣдкости или придумывали неслыханные источники доходовъ) и общество напечатало программу задачи объ умноженіи и употребленіи этого растенія.— Въ 1807 году Зиновьевъ доставилъ въ Академію Наукъ куски сѣрнаго колчедана, найденные имъ на берегу Камы, близь Лаишева.—Въ 1809 году, по смерти директора казанскихъ народныхъ училищъ Волынскаго, Зиновьевъ просилъ попечителя опредѣлить его на эту должность, которую желалъ исправлять безъ жалованья, не оставаясь засѣдателемъ въ уголовной палатѣ. Румовскій не согласился. Зиновьевъ содержалъ типографію губернскаго правленія, гдѣ и сталъ съ 1811 года издавать уже одинъ „Извѣстія" (Запольскій умеръ въ концѣ 1810 года).

В. Перевощикова. О томъ онъ писалъ также и казанскому губернатору. Издателя обязали пока не выпускать ни одного нумера безъ подписи котораго либо изъ назначенныхъ лицъ. Совѣтъ полагалъ сначала, что Городчаниновъ и Перевощиковъ назначены лишь для предварительнаго разсмотрѣнія газеты, какъ въ отношеніи цензурномъ, такъ и по исправленію слога.

Изъ другого позднѣйшаго предложенія попечителя (26 іюня, № 635), согласно волѣ министра народнаго просвѣщенія совѣтъ увидѣлъ, что надобно спѣшить *составленіемъ плана* газеты, всецѣло поручаемой университету. Попечитель рекомендовалъ сообразоваться *сколько возможно* съ настоящимъ именемъ газеты и съ тѣмъ, что онъ сообщалъ прежде объ университетскомъ изданіи и что приведено нами выше. Онъ требовалъ свѣдѣній о томъ, что будетъ стоить годовое изданіе, сколько можетъ оно приносить доходу и назначалъ редакторами тѣхъ же лицъ. Для исполненія этого предложенія составлена была коммиссія изъ Броннера, Яковкина, Городчанинова, Кондырева, Перевощикова и Никольскаго. Ей и поручено было составленіе плана, необходимаго тѣмъ болѣе, что въ тоже время пришло еще предписаніе, что министромъ былъ указанъ въ 9 № газеты «Анекдотъ о философѣ Малербѣ», который по неприличности его не слѣдовало пропускать цензурѣ. Городчаниновъ, по старшинству, немедленно вступивъ въ свои обязанности, обратился въ совѣтъ съ рапортомъ, чтобы члены его, а равно кандидаты и магистры доставляли ему матеріалы и потребовалъ выписки «новѣйшихъ иностранныхъ изданій для избранія изъ нихъ нужнаго къ помѣщенію въ «Казанскія Извѣстія». Газета стала съ 22 августа, т.-е. съ 19 № печататься въ университетской типографіи; отъ губернской пріобрѣли за тридцать рублей только гербъ Казанской губерніи, да знакъ №, котораго не было въ запасѣ. Оказалось, что университетская типографія была уже богаче губернской, старѣйшей: въ послѣдней литеръ едва доставало на полный листъ. Печатный листъ стоилъ на сѣрой бумагѣ—5, а на бѣлой—7 копѣекъ; годовая плата съ подписчиковъ, или за пренумерацію по тогдашнему—5 р.; подписчиковъ же всего было 120.

Какъ трудно было въ тѣ годы издавать даже такую незначительную газету, какъ «Казанскія Извѣстія» и какое это непривычное дѣло было для университета, который впрочемъ желалъ повести его съ достоинствомъ, видно изъ того обстоятельства, что независимо отъ комитета для составленія плана изданія, которое должно пока продолжаться на прежнихъ основаніяхъ, былъ еще образованъ совѣтомъ особый *комитетъ для изданія* «Казанскихъ Извѣстій», въ помощь Городчанинову и Перевощикову. Въ этотъ комитетъ,

кромѣ редакторовъ, вошли: Германъ, Фуксъ, Эрдманъ, Броннеръ, Никольскій и Кондыревъ. Цѣлая инструкція изъ 12 пунктовъ была написана для него. Въ ней опредѣлялись всѣ сношенія газеты, съ кѣмъ и для какихъ свѣдѣній, рекомендовалось сдѣлать газету извѣстнѣе, не пропустить ничего изъ виду, что можетъ быть полезно къ извѣщенію или свѣдѣнію публики, принимать въ разсужденіе всякія предположенія для усовершенствованія изданія приложить всяческое попеченіе къ умноженію казенныхъ доходовъ и т. п. Комитетомъ этимъ былъ разсмотрѣнъ и потомъ одобренъ совѣтомъ въ засѣданіи 4 октября и планъ, составленный Броннеромъ и Кондыревымъ. Надобно замѣтить, что каждый изъ нихъ представилъ свой планъ; планъ Броннера, какъ незнакомаго съ языкомъ и обстоятельствами, имѣлъ болѣе отвлеченный характеръ (составитель и вышелъ вслѣдъ за симъ изъ комитета); планъ Кондырева былъ и точнѣе и обстоятельнѣе, и написанъ съ бо́льшею реторикою, что тогда нравилось. Кондыревъ исходилъ изъ той главной мысли, что университетъ долженъ оправдать довѣріе государя императора, поручившаго ему изданіе. Существенной разницы въ обоихъ планахъ однако не было; только у Кондырева былъ политическій отдѣлъ. Въ комитетѣ отдѣлъ этотъ исключили вовсе, опредѣливъ, что «къ политическимъ извѣстіямъ вдругъ приступать не намѣрены». Любопытны наивныя разсужденія Кондырева о политическихъ извѣстіяхъ въ газетѣ, показывающія чего отъ нихъ ждалъ читатель того времени, хотя это было наканунѣ войны 12 года.

„Для того, чтобы „Казанскія Извѣстія“ были занимательны, должны они приносить черезъ чтеніе ихъ *пріятность и удовольствіе*, а черезъ помѣщеніе въ оныхъ достойнаго—*пользу*. Пріятность и удовольствіе могутъ происходить преимущественно отъ удовлетворенія человѣческаго любопытства, имѣющаго опять послѣдствіемъ либо пользу, либо кромѣ сего чувствованія почти ничего другаго. При семъ случаѣ извѣстія о занимательнѣйшихъ происшествіяхъ, особенно *политическихъ*, суть для сего необходимѣйшія. Они занимая публику, доставляютъ ей случай пріятно препровождать иногда праздное время, въ обществѣ чрезъ сужденія и разговоры, и въ уединеніи чрезъ чтеніе и перемѣну образа занятій. Оставляя читателя на происшествіи не исполнившемся въ ожиданіи, побуждаютъ тѣмъ еще болѣе его вниманіе; онъ разсуждаетъ, дѣлаетъ свои заключенія и потомъ, получивъ свѣдѣніе какъ дѣйствительно случилось, поправляетъ ошибки въ сужденіяхъ, чрезъ кои болѣе познаетъ людей и ихъ дѣйствія, а тѣмъ приноситъ самъ себѣ пользу“. Политическій отдѣлъ въ газетѣ долженъ быть поэтому *занимателенъ*. „Одни ученыя и сухія извѣстія, говоритъ Кондыревъ, немногихъ могутъ занимать къ чтенію ихъ, извѣстія о нуждахъ общественныхъ и собственныхъ также не всякаго могутъ склонить къ тому, чтобы онъ читалъ сіи извѣстія, по ненадѣянности найти въ нихъ искомое... Сіе тѣмъ чувствительнѣе въ краяхъ нашихъ, гдѣ нельзя найти многихъ охотниковъ чтенія для пользы въ учености или въ усовершенствованіи чего

либо". При помѣщеніи политическихъ извѣстій Кондыревъ старается опровергнуть возраженіе, что все въ этомъ родѣ помѣщаемое въ Казани, при существованіи столичныхъ газетъ, будетъ старо и другое, что „изданіе политическихъ извѣстій университетомъ можетъ навлечь ему множество непріятностей, потому что извѣстія могутъ быть иногда помѣщаемы такія, кои потребно не обнародовать въ Россіи, но сіе будетъ зависѣть отъ выбора чиновниковъ. Всеконечно они строго должны смотрѣть за тѣмъ. Правительство съ своей стороны, когда бы воспослѣдовала таковая ошибка, можетъ сдѣлать замѣчаніе о непомѣщеніи впредь подобнаго; сего рода ошибки могутъ случиться вездѣ и со всякимъ и слѣд. не издавать посему нигдѣ политическихъ извѣстій будетъ заключеніе ложное". Какъ на источники для политическихъ свѣдѣній, Кондыревъ указывалъ, кромѣ столичныхъ еще на девять иностранныхъ газетъ на разныхъ языкахъ.

На помѣщеніе политическихъ извѣстій по этому плану Кондырева, который онъ однако вообще одобрялъ, попечитель не согласился рѣшительно. «Предложите комитету (составлявшему планъ изданія), писалъ онъ Яковкину (31 августа 1811 года), чтобы до оныхъ не касался, особливо до происшествій въ европейскихъ государствахъ случающихся, во первыхъ потому, что въ «Казанскія Извѣстія» при правленіи (губернскомъ) издаваемыя, не входили политическія извѣстія и во вторыхъ въ С. Петербургскія Вѣдомости помѣщаются они не иначе, какъ по выбору министерства иностранныхъ дѣлъ. Университету предоставлено право выписывать иностранныя вѣдомости не для политическихъ свѣдѣній, но для извѣстій до наукъ касающихся, которыя комитетъ безъ сомнѣнія и въ свои извѣстія помѣщать можетъ... Объ азіатскихъ и внутреннихъ происшествіяхъ я согласенъ, чтобъ комитетъ предписалъ всѣмъ училищамъ своего округа присылать оныхъ описаніе». Онъ вычеркнулъ политическій отдѣлъ и предложилъ помѣщать только правительственныя постановленія и то «въ случаѣ надобности». Нашелъ онъ неприличнымъ также, по плану Кондырева, помѣщеніе въ «Извѣстіяхъ» проповѣдей, романовъ, басенъ, эпиграммъ, логогрифовъ, шарадъ и пр., а также *о смерти торгашей* (?) и высказывалъ мнѣніе, что всего приличнѣе и пристойнѣе помѣщать краткое описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и городовъ, подобно недавно помѣщенному въ «Извѣстіяхъ» описанію города Свіяжска.

Въ укороченномъ видѣ удержался скромный планъ Запольскаго. *Первое отдѣленіе* заключало въ себѣ постановленіе отъ правительства; *второе*—статья занимательнаго (сюда входили: торговля, хозяйство, технологія, статистика, военные предметы и науки, числомъ девять, съ разными подраздѣленіями и подробностями, наконецъ словесность и учебныя заведенія); *третье* отдѣленіе заключало въ себѣ объявленія отъ казенныхъ мѣстъ и отъ разныхъ сословій. Планъ этотъ былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія.

Съ своей стороны министръ счелъ нужнымъ изъ наукъ, помѣщенныхъ во второмъ отдѣленіи исключить: 1) *правовѣдѣніе* (по плану въ эту рубрику слѣдовало помѣщать: замѣчательные гражданскіе и уголовные процессы, извѣстія о примѣчательныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ за оныя, особенныя заслуги искусныхъ судей и судебное устройство и законы въ другихъ земляхъ), «потому что подъ сею статьею предполагаемо было печатать такія извѣстія и разсужденія, которыя подлежатъ другому министерству, а частью и не должны быть всѣмъ извѣстны»; 2) *философію* (сюда входили: извѣстія о примѣчательныхъ, преимущественно о новыхъ философахъ, особенностяхъ ихъ системъ и дѣйствіяхъ), «по причинѣ многихъ различныхъ толкованій, могущихъ дать поводъ къ излишнимъ ученымъ спорамъ съ сочинителями книгъ по сей части» и наконецъ 3) *медицинскія извѣстія* (они заключали въ себѣ: новые методы лѣченія, медицинскія моды, медицинскія учрежденія, прививаніе простой и коровьей оспы, скотолѣченіе, скотскіе падежи и средства противъ нихъ), «потому что издается отъ Медико-хирургической академіи медицинскій журналъ, въ который могутъ быть сообщаемы статьи по сей части». По исключеніи изъ плана этихъ статей, графъ Разумовскій представилъ его на утвержденіе государя императора и получилъ высочайшее повелѣніе о приведеніи его въ дѣйствіе (8 ноября 1811 года).

Для распространенія газеты и доставленія ей матеріаловъ, попечитель отнесся о томъ ко всѣмъ начальникамъ губерній, округъ Казанскій составляющихъ и получилъ увѣренія о ихъ распоряженіяхъ въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ и о полной готовности, конечно только на бумагѣ, споспѣшествовать изданію. Съ своей стороны университетъ привлекалъ къ тому же дѣлу подчиненныхъ ему директоровъ училищъ, а для увеличенія доходовъ университета, обязалъ каждое училище, отъ Верхнеудинска до Пензы и отъ Ставрополя кавказскаго до Вятки выписывать «Извѣстія».

Попечитель со вниманіемъ читалъ «Извѣстія» и слѣдилъ за ними, довольно часто дѣлая замѣчанія редакторамъ и совѣту; онъ зналъ, что на эту первую русскую провинціальную газету обращено особое вниманіе правительства. «Усмотрѣвъ изъ объявленія университета (объ изданіи газеты въ 1812 году), пишетъ онъ совѣту (2 окт. № 1066), что между прочимъ положено помѣщать въ «Извѣстіяхъ» *эпиграммы*, и не находя примѣра въ другихъ газетахъ, почитаю несообразнымъ помѣщеніе ихъ». Въ другой разъ онъ замѣтилъ, что статьи «Извѣстій» раздробляются продолженіями на отрывки слишкомъ мелкіе «и отъ такихъ безпрестанныхъ перерывовъ матерій теряется связь и должны останавливаться память и вниманіе». Онъ

указываетъ, и довольно часто, что встрѣчаются грамматическія ошибки или предлагаетъ помѣщеніе шарадъ, логогрифовъ, загадокъ и пр. отложить до будущаго времени. Вообще попечитель высказывалъ большое участіе къ изданію. Увольняя Броннера «по незнанію имъ русскаго языка», какъ писалъ онъ въ прошеніи, отъ участія въ издательномъ комитетѣ, попечитель высказывался, что «не только г. Броннеръ, но никто изъ членовъ совѣта, во исполненіе монаршей воли, не отречется сообщать статьи, достойныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», послѣдуя примѣру профессоровъ Эрдмана и Литтрова» (2 ноября). То же самое онъ повторилъ, когда и Эрдманъ попросилъ уволиться отъ издательнаго комитета. Въ особенности попечитель старался побудить членовъ совѣта къ дѣятельности для «Извѣстій», когда оказался, что случилось впрочемъ очень скоро, именно уже въ началѣ 1812 года, положительный недостатокъ матеріаловъ для помѣщенія въ газетѣ. «Никакихъ матеріаловъ, доноситъ издательный комитетъ (28 февраля) ни отъ гг. членовъ совѣта, ни отъ гг. директоровъ, за исключеніемъ пермскаго (Попова) не поступало». Узнавъ объ этомъ, попечитель вновь приглашаетъ членовъ совѣта къ участію. «Не благоугодно ли будетъ, говоритъ онъ, каждому сообщить что либо полезное для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», чтобъ оправдать сіе возложенное по высочайшей волѣ на университетъ препорученіе»—и ждетъ отвѣта. Увидѣвъ изъ протоколовъ, что совѣтъ, выслушавъ это предложеніе, постановилъ: «записать о семъ въ протоколъ», попечитель дѣлаетъ замѣчаніе совѣту о томъ, что изъ таковаго опредѣленія вовсе не видно—намѣренъ ли совѣтъ содѣйствовать и настаиваетъ, чтобы гг. члены благоволили уважать представленіе совѣта о содѣйствіи комитету для изданія «Извѣстій».

Но и въ самомъ издательномъ комитетѣ произошелъ раздоръ между соредакторами: профессоромъ Городчаниновымъ и его адъюнктомъ В. Перевощиковымъ, на котораго первый смотрѣлъ сверху, какъ начальникъ. На упомянутое выше замѣчаніе попечителя, что статьи «Извѣстій» раздробляются на отрывки слишкомъ мелкіе, Городчаниновъ отвѣчалъ обвиненіемъ Перевощикова, доказывая, что не онъ, Городчаниновъ, а его соредакторъ виноватъ въ томъ. Труды обоихъ по изданію распредѣлены были помѣсячно и Городчаниновъ писалъ, что перерывы статей приходятся исключительно на срокъ Перевощикова, что онъ помѣщаетъ «статьи совсѣмъ ненужныя и излишнія», а помѣщаемыя имъ, Городчаниновымъ статьи, «кои сами по себѣ для публики важны, ибо одна обратила на себя вниманіе правительства, а о другой пишутъ во всѣхъ газетахъ», въ мѣсяцъ редакторства Перевощикова «непристойно прерываются». Городчаниновъ хотѣлъ быть начальникомъ. Поочередное мѣсячное

редактированіе газеты было постановлено комитетомъ для того, чтобы труды обоихъ сдѣлать равномѣрными, а съ самаго начала Городчаниновъ взялъ на себя только выборъ статей, Перевощикову же предоставилъ всю черную работу изданія, т.-е. исправленіе слога и языка статей и ихъ корректуру, на что послѣдній и жаловался. Въ объясненіи и оправданіи своемъ попечителю, Перевощиковъ говоритъ слѣдующее:

„Слыша непрестанные отзывы казанской публики, что „Казанскія Извѣстія“ незанимательны, я старался всѣми моими силами отвратить такое порицаніе. Для сего я помѣщалъ въ нихъ извѣстія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ, о всѣхъ замѣчательныхъ въ наукахъ и художествахъ изобрѣтеніяхъ, для сего я переводилъ нѣкоторыя статьи изъ Ла-Брюера, для сего написалъ, *желая представить духъ казанской* публики, „Разговоръ на балѣ“; для сего началъ было переводить изъ англійскаго стихотворца Пріора лирическое сочиненіе „Генрихъ и Эмма“, но по предписанію в. п. не помѣщать въ Казанскихъ Извѣстіяхъ ничего романическаго, остановился. Если я ошибался въ выборѣ статей, если помѣстилъ что нибудь неприличное, прошу в. п. извинить моей неопытности для добраго намѣренія“. Перевощиковъ былъ и образованнѣе и дѣятельнѣе жалкаго Городчанинова, которому онъ не могъ подчиниться, а между тѣмъ онъ „возлагаетъ на меня не токмо трудную работу выправлять въ слогѣ каждую піесу, каждое объявленіе для Казанскихъ Извѣстій, но даже и переписывать ихъ“. Перевощиковъ попросилъ увольненія отъ редакторства, ссылаясь на свои занятія по преподаванію и желаніе усовершенствовать себя. „Любя тишину и не желая нарушать ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ считаю за честь служить, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ попечителю, желаю токмо удалиться и предоставить *гонящимъ меня людямъ* дѣйствовать по ихъ произволенію“. Попечитель помирилъ редакторовъ и Перевощиковъ на время остался.

Для издательнаго комитета Извѣстій выписывалось нѣсколько исключительно нѣмецкихъ научныхъ и литературныхъ изданій, изъ которыхъ кое-что и заимствовалось, но весьма рѣдко. Комитетъ, котораго подробные протоколы за первый годъ изданія дошли до насъ, то жаловался на недостатокъ матеріаловъ, то успокоивалъ попечителя въ своихъ донесеніяхъ, что ихъ всегда будетъ довольно: «Отъ одного вспомоществованія гражданскаго начальства, пишетъ онъ, и гг. директоровъ училищъ особенно, можно имѣть новое и весьма любопытное по мѣстнымъ обстоятельствамъ для публики». Оправдывалъ комитетъ и отсутствіе профессоровъ въ числѣ вкладчиковъ изданія, въ чемъ упрекалъ ихъ попечитель: «Многіе изъ гг. профессоровъ не могутъ по своему предмету участвовать въ споспѣшествованіи, наприм. профессоры медицинскихъ, политическихъ, юридическихъ и философскихъ наукъ; другіе кромѣ учености, не легко могутъ доставлять иныя приличныя для вѣдомостей извѣстія, третьи, хотя и доставятъ таковыя, но по большей части на иностранномъ языкѣ, что требуетъ перевода». Такимъ образомъ

главный матеріалъ для Извѣстій доставляли директоры училищъ округа и учители.

Комитетъ въ первый годъ изданія усердно велъ протоколы своихъ засѣданій, гдѣ записывались разныя мѣры или къ полученію матеріаловъ или къ усовершенствованію статей. Нѣкоторые изъ этихъ протоколовъ заканчиваются самовосхваленіемъ. Такъ въ засѣданіи 25 мая 1812 года было записано, что члены «читали №№ 18, 19 и 20 Казанскихъ Извѣстій и нашли, что извѣстія сіи издаются нынѣ совершеннѣе противъ прежняго», или «разсматривали (28 мая) № 21 Извѣстій и нашли въ немъ много любопытнаго для общества». Вообще изъ протоколовъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о характерѣ редакціонной дѣятельности 75 лѣтъ тому назадъ. Попечитель до конца жизни принималъ самое горячее участіе въ журналѣ, зная, что имъ интересуются. Послѣ его смерти и послѣ того, какъ военныя событія 1812—1815 гг. отвлекли вообще вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, Извѣстія были предоставлены самимъ себѣ. Мы желали только разсказать о началѣ повременной литературы въ Казани, непосредственно связанной съ университетомъ и о условіяхъ, при какихъ она началась [1]).

Въ заключеніе этой части нашихъ разсказовъ о жизни Казанскаго университета съ перваго года его основанія и того, что мы сказали о литературной дѣятельности, появившейся тогда и вызванной университетомъ, мы должны сказать нѣсколько словъ *о цензурѣ*, такъ какъ уставъ 1804 года возлагалъ на университетъ также и дѣятельность въ этой области. Несмотря на то, что вопросъ о печатаніи книгъ и цензурѣ, этой неизмѣнной у насъ спутницѣ литературной дѣятельности, въ уставѣ посвящены самые послѣдніе параграфы (175 — 185), съ перваго же года университетской жизни является довольно обширная переписка университета съ различными

---

[1]) Исторія изданія „Казанскихъ Извѣстій“ разсказана уже г. Лихачевымъ въ его брошюрѣ „Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія“ (Приложеніе, стр. 74—83). Почему-то изданіе этого журнала онъ ставитъ въ неразрывную связь съ дѣятельностью своего героя (мы видѣли, что она была совершенно ничтожна). Свѣдѣнія, нами сообщенныя, основанныя на большемъ количествѣ документовъ, иное измѣняютъ, иное дополняютъ въ сказанномъ г. Лихачевымъ о первомъ годѣ „Извѣстій“, который только мы и имѣли въ виду. Содержаніе „Казанскихъ Извѣстій“ (1811—1819 гг.) передано въ статьѣ г. *П. Пономарева* „Полный систематическій указатель статей мѣстно-областнаго содержанія, напечатанныхъ въ Казанскихъ Извѣстіяхъ“ (приложеніе 1-е къ „Извѣстіямъ Общества археологіи, исторіи“ и проч.). Каз. 1880. 8°. 45 стр.

цензурными учрежденіями по поводу запрещенія разныхъ книгъ, частію вышедшихъ за границею на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, частію русскихъ, приготовленныхъ къ печати или даже напечатанныхъ. Большое число иностранныхъ книгъ касалось изложенія русскихъ историческихъ событій въ другомъ видѣ, чѣмъ они излагались или должны были излагаться у насъ. Изученіе дѣлъ цензурныхъ комитетовъ, существовавшихъ при университетахъ, можетъ доставить нѣсколько любопытныхъ, имѣющихъ общій интересъ фактовъ. Другая половина цензурной переписки при университетѣ касалась общихъ вопросовъ, разныхъ распоряженій и мѣропріятій цензурныхъ, которыя вводились въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ политическихъ событій. Какъ ни значительно было организовано уже тогда цензурное дѣло, но то были первые годы царствованія Александра I; строгости и преслѣдованія были еще впереди. Если въ самомъ дѣлѣ цензура является у насъ неизмѣнною спутницею литературы, подобно лунѣ, этой вѣчной спутницѣ земного шара въ его постоянномъ обращеніи вокругъ источника жизни—солнца, то надобно согласиться, что и цензура, подобно лунѣ, имѣетъ свои фазисы. Тогда была первая четверть цензуры, но все же четверть возрастанія. Литературная дѣятельность была слишкомъ слаба, ничтожна, а потому и цензурѣ дѣла было мало. Самыя запрещенія дѣлались случайно, напр. запрещенія послѣ заключенія Тильзитскаго мира разныхъ историческихъ французскихъ сочиненій о Наполеонѣ, написанныхъ роялистами и даже одной исторіи Бонапарта, переведенной съ французскаго и напечатанной въ Петербургѣ въ типографіи Шнора.

Цензурный комитетъ для книгъ, печатаемыхъ въ университетскомъ округѣ, согласно § 177 устава, открылся въ Казани 30 мая 1807 года, ранѣе многихъ другихъ функцій университета, согласно предписанію попечителя. На первый случай совѣтъ долженъ былъ избрать изъ среды своей трехъ членовъ и сообщить о томъ въ губернскія правленія губерній округъ составляющихъ. Выборовъ, какъ дѣла еще непривычнаго, не было, а изъявили свое согласіе быть членами трое: Германъ, Запольскій и Городчаниновъ, которые и были утверждены попечителемъ. Литературная дѣятельность въ губерніяхъ округа была вполнѣ ничтожна. За пять лѣтъ отъ основанія университета было разсмотрѣно только двѣ книги и то университетскіе цензоры, какъ и прилично профессорамъ, смотрѣли на порученное имъ дѣло съ другой точки зрѣнія, чѣмъ какъ требовалъ уставъ (§ 178). Первая была «Физіологическія примѣчанія на человѣка», переводъ, сдѣланный нижегородскимъ священникомъ Іоасафомъ Мартыновичемъ, присланный въ университетъ директо-

ромъ нижегородскихъ училищъ. Мнѣніе о ней цензоровъ Каменскаго и Эвеста заключалось въ слѣдующемъ: «Какъ въ книгѣ находятся многія давно уже опроверженныя гипотезы, на которыхъ авторъ основалъ свои объясненія многихъ явленій тѣла жизненностью одареннаго и сверхъ того слогъ на россійскомъ языкѣ для поучительнаго сочиненія во многихъ мѣстахъ не явственнъ, то и не можетъ быть одобрена къ напечатанію». Цензоры, чтобы смягчить суровость приговора, высказывали съ своей стороны желаніе, «чтобы переводчикъ, въ которомъ трудолюбіе весьма примѣтно, впредь занимаясь въ переводахъ, избиралъ для того книги сообразнѣйшія предполагаемой цѣли». Другая книга была прислана изъ Екатеринбурга, отъ начальника уральскихъ горныхъ заводовъ. Это было сочиненіе оберъ-берггауптмана 4 класса Германа «Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи». Цензоръ Городчаниновъ писалъ, что все сочиненіе состоитъ почти единственно изъ высочайшихъ указовъ, то вѣрность его словъ, по неимѣнію подлинниковъ, онъ (цензоръ) засвидѣтельствовать не можетъ, но въ книгѣ находятся грамматическія ошибки какъ противъ свойства русскаго языка, такъ и противъ правилъ правописанія. «Я разумѣю, прибавляетъ цензоръ, во избѣжаніе двусмысленности, только подлинныя слова сочинителя, каково предисловіе и связи въ повѣствованіяхъ».

Съ политическимъ оттѣнкомъ представляется только цензурный случай въ сферѣ книгъ, печатавшихся для татарскаго населенія нашей восточной полосы. Этотъ случай конечно чисто мѣстнаго свойства, но тѣмъ болѣе онъ кажется любопытнымъ, что показываетъ проникновеніе общихъ идей цензуры и господствовавшаго направленія въ совершенно оригинальную и повидимому чуждую литературѣ область. Случай восточной цензуры состоялъ въ слѣдующемъ. Въ азіатской типографіи, существовавшей съ 1801 года при гимназіи, а потомъ при университетѣ печатались въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, кромѣ корана и множества религіозныхъ и церковно - юридическихъ мусульманскихъ книгъ, также и книги арабскія, персидскія и турецкія, расходившіяся по всей средней Азіи и доходившія даже до Восточной Индіи. Печатаніе этихъ книгъ доставляло и доставляетъ довольно большой доходъ типографіи университета. Цензура печатаемыхъ восточныхъ книгъ принадлежала въ то время учителю татарскаго языка въ гимназіи Ибрагиму Хальфину, самая же восточная типографія была на откупу у казанскаго купца Апанаева (Впослѣдствіи, собственно для восточныхъ книгъ, была учреждена должность отдѣльнаго цензора). Но въ 1807 году Хальфинъ отказался отъ цензурнаго просмотра шести книгъ, представленныхъ для напечатанія содержателемъ типографіи,

ссылаясь на то обстоятельство, что всѣ онѣ касаются магометанской религіи и университетъ отправилъ ихъ въ Оренбургъ въ магометанское духовное собраніе, потому что книги духовнаго, не свѣтскаго содержанія печатались вообще съ одобренія муфтія, а такого одобренія на сказанныхъ книгахъ не было. Изъ шести отосланныхъ въ собраніе книгъ, двѣ возвратились для печатанія въ началѣ 1808 года, но съ указаніемъ мѣстъ исключенныхъ для печатанія, которыя «высокостепенный» муфтій не одобрилъ. Книги были сданы Хальфину для строгаго наблюденія, чтобъ исключенныя мѣста не попали въ печать. Вскорѣ Хальфинъ донесъ рапортомъ совѣту, что просматривая одну изъ одобренныхъ къ печатанію муфтіемъ книгъ, именно «Рисалей Мухамета», онъ нашелъ въ ней слѣдующую арабскую *сомнительную*, по его выраженію, молитву: «Господи! помоги тому, кто вспомоществуетъ вѣрѣ, изобличи того, кто порочитъ вѣру, помоги мусульманской или единодушной всей портѣ или войску, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ; хвала буди создавшему весь міръ!» Хальфинъ, сообщая этотъ свой переводъ совѣту университета, высказывалъ предъ лицомъ его сомнѣніе: «не будетъ ли это противно нашему отечеству?» Совѣтъ, разсматривая эту молитву, нашелъ ее «противною россійскому правительству по настоящимъ обстоятельствамъ» (тогда шла турецкая война), предписалъ Хальфину, чтобъ она не была напечатана и донесъ о томъ попечителю. «Не безполезно, по мнѣнію моему, писалъ попечитель, сообщить муфтію, что хотя помянутая книга имъ и одобрена къ напечатанію, однакожъ совѣтъ означенной молитвы съ своей стороны позволить напечатать не можетъ и опредѣлилъ оную исключить». Началась длинная переписка съ магометанскимъ правленіемъ въ Оренбургѣ. Муфтій проситъ возвратить рукопись для сличенія—вѣрно ли Хальфинымъ сдѣланъ переводъ; совѣтъ желаетъ удержать книгу, какъ corpus delicti, распоряжается чтобы Хальфинъ списалъ инкриминованные стихи, а Френъ засвидѣтельствовалъ вѣрность копіи, и отсылаетъ ее къ муфтію. Собраніе въ Оренбургѣ снова требуетъ рукописи въ подлинникѣ, не довѣряя ни копіи, ни переводу Хальфина. Объ этомъ снова доносится попечителю, несмотря на письменное представленіе Френа, который объяснялъ совѣту, что сочинитель книги «Рисалей Мухамета» писалъ эту молитву во время довольно отдаленное отъ нашего, и притомъ не касаясь ни мало христіанской вѣры и находилъ, что книга можетъ быть поэтому напечатана. Совѣтъ смотрѣлъ иначе и спрашивалъ у попечителя указанія какъ поступить ему, въ виду настойчивыхъ требованій магометанскаго собранія о возвращеніи рукописи. Попечитель совершенно раздѣлилъ взглядъ совѣта и одобрилъ его распоряженіе не отсылать

книги, «ибо чрезъ таковую пересылку можетъ самая книга утратиться». Онъ совѣтовалъ написать въ магометанское собраніе, чтобы оно поручило кому нибудь изъ казанскихъ магометанскихъ духовныхъ лицъ сличить подлинникъ съ переводомъ и увѣдомить собраніе. Не знаемъ было ли это сдѣлано, а время тянулось. Прошло почти два года со времени сомнѣнія, возбужденнаго Хальфинымъ. Содержатель типографіи жаловался, что книга уже напечатанная не выпускается въ продажу, что онъ терпитъ отъ того убытки. Въ концѣ оренбургское магометанское собраніе осталось побѣдителемъ въ борьбѣ своей съ совѣтомъ Казанскаго университета. Оно настояло на томъ, что сомнительная молитва ни мало не противна обязанностямъ магометанъ, подданныхъ правительству россійскому. Совѣтъ долженъ былъ согласиться и предписалъ выдать книгу Апанаеву.

Конецъ первой части.

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой части.

(Цифры означаютъ страницы).

Цѣна 3 рубля.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805—1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Цѣна 3 рубля.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1805—1819).

Разсказы по архивнымъ документамъ.

Н. Булича.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

времени попечительства Магницкаго, изложить и ходъ его пресловутой ревизіи (Предисловіе къ *первой* части, стр. VIII), но познакомившись ближе съ этою ревизіею, онъ убѣдился, что она была въ высшей степени поверхностна, что результаты ея были заранѣе опредѣлены, что при существованіи предвзятаго взгляда на университетъ, эта ревизія, произведенная въ нѣсколько дней, была только произвольнымъ актомъ quasi-ревизора. Вотъ почему изложеніе хода ревизіи Магницкаго, по мнѣнію автора, должно примкнуть ко всей исторіи времени Магницкаго и его дѣйствій какъ попечителя. Разсказъ объ этомъ времени не можетъ уже принадлежать къ той серіи разсказовъ, которые озаглавлены «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Время Магницкаго—это новый, большой и оригинальный отдѣлъ въ исторіи Казанскаго университета. Хотя это время достаточно знакомо автору, но разсказъ о немъ выходитъ изъ первоначальныхъ рамокъ задуманнаго имъ труда.

Точка зрѣнія автора на прошлое Казанскаго университета высказана имъ въ предисловіи къ первой части; ей онъ остался вѣренъ и считаетъ ее обязательною для себя и на будущее время, если представится возможность продолжать начатый трудъ. Какъ бы много ни заключалось анекдотическихъ подробностей въ его трудѣ, но автору казались и онѣ умѣстными, такъ какъ служили объясненіемъ другихъ, болѣе достойныхъ вниманія явленій. Въ мысли автора на первомъ планѣ были исключительно судьбы науки и тотъ характеръ ея, какой она должна была принять въ далекомъ провинціальномъ городѣ, съ его чисто восточнымъ характеромъ, въ тѣ минувшіе годы, которыхъ касаются раз-

сказы, съ его обществомъ, не чувствовавшимъ никакой потребности въ наукѣ и не выходившимъ изъ области тупого матеріализма. Государственная власть шла впереди этого общества, призывала его основаніемъ университета къ идейной жизни, къ умственному труду, а насколько успѣшенъ былъ этотъ призывъ, могутъ отвѣтить факты, собранные авторомъ въ его сочиненіи и основанные на нихъ его разсказы. Факты эти не выбирались имъ, а только группировались по извѣстнымъ рубрикамъ, главамъ и отдѣламъ для болѣе удобнаго обозрѣнія прошлой университетской жизни. Никакой посторонней цѣли, никакой партійности или пристрастія не могло быть въ его изложеніи, предметомъ котораго было давно минувшее время. Если, можетъ быть, читателю невольно приходило на мысль дѣлать иногда сближеніе съ болѣе новымъ временемъ, даже съ настоящимъ, то онъ не долженъ забывать, что замѣченное имъ явленіе есть только *пережитокъ*, survival, значеніе котораго объясняютъ археологи. Такіе остатки доисторической старины преслѣдуютъ человѣчество даже на самыхъ высокихъ ступеняхъ развитія.

Авторъ высказывалъ не разъ мысль, что разсказы его изъ прошлаго Казанскаго университета не имѣютъ ничего общаго съ тѣми почтенными трудами по исторіи нашихъ университетовъ, которые составляются къ извѣстному юбилейному году ихъ, какъ напр. Московскаго (Шевыревъ), С.-Петербургскаго (Григорьевъ), Кіевскаго (г. Владимірскій-Будановъ) и др. Сочиненія ихъ изображаютъ жизнь университета за извѣстный періодъ времени и не останавливаются на мелкихъ подробностяхъ. Точность главнѣйшихъ фак-

товъ и такъ сказать статистика прошлаго университетской жизни, заключенныя въ этихъ сочиненіяхъ, дѣлаютъ ихъ важными и необходимыми справочными книгами для историка и самой университетской науки. Труды эти кратки и поучительны. Большій, сравнительно съ ними размѣръ предлагаемыхъ авторомъ «Разсказовъ» является слѣдствіемъ того желанія его, чтобы книга его послужила сборникомъ матеріаловъ для будущаго историка Казанскаго университета. Такъ читатель найдетъ въ «Разсказахъ» большія подробности біографическія о старыхъ профессорахъ. Авторъ смѣетъ увѣрить, что свѣдѣнія имъ собранныя полны, насколько это возможно; онъ ничего не оставилъ безъ вниманія въ этомъ отношеніи. Очень можетъ быть, что въ собранныхъ имъ фактахъ заключено довольно много и мелочныхъ подробностей, но передавая ихъ онъ имѣлъ въ виду лишь болѣе опредѣленную характеристику того или другого жреца науки, чтобъ лучше понять и опредѣлить его отношеніе къ послѣдней. Судьба науки и оригинальныя условія ея существованія въ Казани болѣе всего занимали автора и понятно, что приходилось ему часто и много говорить о внѣшней обстановкѣ университета, о его отношеніяхъ къ людямъ, къ обществу и т. п. Авторъ старался основать свои «Разсказы» на подлинныхъ документахъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ личнымъ воспоминаніямъ пережитого въ долгіе годы. Эти воспоминанія должны быть извинены автору. Они были непроизвольны. Особенно многимъ воспользовался авторъ изъ переписки старыхъ профессоровъ и главное Яковкина, къ первому попечителю, сохранившейся въ

архивѣ совершенно случайно. Профессоръ Кондыревъ, нѣкоторое время исполнявшій должность правителя канцеляріи попечителя Салтыкова, доносилъ 12 мая 1816 года, совѣту университета:

„По препорученію его пр—ства г. попечителя я сдалъ изъ канцеляріи его находившіяся бумаги въ университетскую архиву. Замѣтивъ при семъ, что между оффиціальными бумагами, находилась и частная переписка нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ къ покойному г. попечителю и находя *неприличнымъ* быть оной между сими дѣлами, доносилъ я его п—ству г. попечителю: не благоугодно ли будетъ ему приказать письма сіи, въ присутствіи г. ректора и секретаря совѣта, а равно и моемъ, *предать огню*. На что Е. п. отъ 18 марта и изъявилъ свое согласіе. О чемъ для надлежащаго исполненія и имѣю честь симъ почтеннѣйшему совѣту донести“.

Авторъ не раздѣляетъ этого взгляда Салтыкова и Кондырева, какъ не раздѣлилъ его тогдашній совѣтъ [1]), и многими изъ этихъ писемъ воспользовался. Интимная сторона людей, призванныхъ служить наукѣ, распространять ее въ средѣ молодого поколѣнія, призывая его къ умственному труду, казалась ему особенно любопытною. Отъ ихъ нравственныхъ свойствъ, отъ характера ихъ отношеній къ наукѣ зависитъ очень многое, и сами они невольно становятся образцами для подражанія. Правъ ли авторъ въ этомъ случаѣ, или ошибается—судить не его дѣло. Его всегда глубоко занималъ вопросъ о необходимости преданія въ жизни и развитіи русскихъ университетовъ. Ихъ научное прошлое, за исключеніемъ анекдотической стороны, сохранившейся въ пессимистическихъ по большей части воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ, почти неиз-

---

[1]) Мысль Кондырева не была приведена въ исполненіе, хотя очевидно много не достаетъ писемъ. Его донесеніе находится въ Дѣлѣ *совѣта* 1816 года, № 168, подъ названіемъ „Собраніе бумагъ безъ дальнѣйшаго производства“.

вѣстно, а между тѣмъ наука сильна только преданіемъ, какъ и всякое развитіе. Найти эту связь настоящаго съ далекимъ прошлымъ, укрѣпить новое старымъ преданіемъ казалось автору полезнымъ.

15 марта, 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Глава X.

Глава XI.

Глава XII.

стр.

Глава XVI.

Глава XVII.

Глава XVIII.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка съ верху.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
28	39	адъюкта	адъюнкта
49	42	не послѣдствія	не лишенныя значенія послѣдствія
304	42	ень	день
304	42	сполненія	исполненія
395	31	въ неплатежѣ	на неплатежъ.
431	3	Врангелемь	Врангелемъ
450	4	Кулаковъ	Куликовъ

II.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА РУМОВСКАГО И САЛТЫКОВА.

(1804—1819 г.).

Глава X.

Иностранцы-профессоры, приглашенные Румовскимъ: 1) Іоаннъ-Фридрихъ-Христіанъ Буттигъ, профессоръ технологіи (1808—1812); 2) Иванъ Миллеръ, адъюнктъ всеобщей исторіи (1808—1810); 3) Каспаръ-Фридрихъ Реннеръ, профессоръ прикладной математики (1808—1810); 4) Теобальдъ Реннеръ, профессоръ скотолѣченія (1808); 5) Карлъ Готлибъ (Карлъ Амвросіевичъ) Фойгтъ, профессоръ философіи (1808—1811); 6) Іоаннъ-Христофоръ Финке, профессоръ правъ: естественнаго, политическаго и народнаго (1809—1814).

Изъ того, что было разсказано нами въ первой части нашей книги, легко вывести заключеніе, что вакантныя по уставу 1804 года каѳедры могли быть замѣщаемы въ Казанскомъ университетѣ почти исключительно иностранными учеными и преимущественно нѣмецкими. Этому способствовали въ то время многія условія: и бѣдность научнаго развитія въ нашемъ отечествѣ сравнительно съ успѣхами его въ Германіи, и политическое положеніе этой страны подъ гнетомъ Наполеона, и извѣстныя способности нѣмецкаго народа къ эмиграціи, съ помощью которыхъ онъ очень удобно и выгодно устраивается въ чужой землѣ. Съ 1808 года, вслѣдъ за извѣстнымъ математикомъ Бартельсомъ, біографія котораго была нами разсказана, Казанскій университетъ сталъ быстро наполняться нѣмецкими профессорами. Собравъ на родинѣ разныя справки, заведя при посредствѣ знакомыхъ или родныхъ нѣкоторыя связи въ Петербургѣ, они являлись въ русской столицѣ къ попечителю Румовскому и искали каѳедръ, доказывая разными способами свои знанія и свою пригодность для университетскаго преподаванія. Почти всѣ они, или по личному убѣжденію попечителя въ ихъ достоинствѣ, или по ходатайству нѣкоторыхъ членовъ Академіи Наукъ и другихъ вліятельныхъ лицъ въ столицѣ, согласно представленію попечителя, утверждались министромъ и ѣхали въ Казань. Весьма

понятно, что выборъ многихъ такихъ профессоровъ, зависѣвшій не отъ коллегіальнаго обсужденія ихъ научныхъ знаній и достоинствъ преподаванія, а отъ произвола власти и отъ силы вліятельной рекомендаціи, былъ иногда совершенно случаенъ и часто неудаченъ: преподаваніе оставалось жалкимъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Являлся неизвѣстный человѣкъ изъ за-границы, представлялъ разные дипломы и свидѣтельства, рекомендательныя письма извѣстныхъ ученыхъ, всегда снисходительныхъ къ непосредственнымъ ученикамъ своимъ; въ часы добраго расположенія духа находили его и знающимъ и способнымъ; искатель нравился и—получалъ мѣсто. Явившись въ Казань, при несуществованіи факультетовъ, въ университетѣ, который ждалъ еще своего открытія, такой профессоръ преподавалъ извѣстную спеціальность на свой, такъ сказать, страхъ, безъ всякаго контроля ученой коллегіи. Тѣ, отъ кого зависѣло его опредѣленіе, не думали о томъ въ какой связи съ прочими находится предметъ его преподаванія, какую пользу могъ онъ приносить неприготовленнымъ слушателямъ. У нихъ была одна формальная цѣль: какъ-нибудь замѣстить опредѣленную уставомъ и вакантную каѳедру.

Мы считаемъ необходимымъ остановиться на цѣломъ рядѣ такихъ иностранныхъ профессоровъ въ Казанскомъ университетѣ, дѣйствовавшихъ въ первые годы его существованія и опредѣленныхъ при прямомъ участіи перваго его попечителя.

Раньше другихъ заграничныхъ искателей каѳедръ въ далекой Казани явился къ Румовскому въ Петербургѣ въ началѣ 1808 года молодой человѣкъ, саксонецъ родомъ, Іоганнъ-Фридрихъ-Христіанъ *Вуттигъ* [Wuttig [1])]. По словамъ попечителя, въ его представленіи министру, Вуттигъ обучался въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ: химіи, технологіи, фармацевтикѣ, минералогіи, физикѣ и ботаникѣ. Испытанію во всѣхъ этихъ наукахъ, но преимущественно въ фармацевтикѣ, Вуттигъ подвергался въ Виленскомъ университетѣ (слѣдовательно, онъ ранѣе своего представленія Румовскому былъ уже въ предѣлахъ Россіи и отчасти знакомъ со страною). Въ другомъ русскомъ университетѣ, Дерптскомъ, гдѣ Вуттигъ занимался между прочимъ, до 1807 года физическими опытами у профессора Паррота и пріобрѣлъ по всей вѣроятности его рекомендацію, онъ публично защитилъ 2 мая 1806 года свою диссертацію «Versuch

---

[1]) Онъ родился въ Вундерслебенѣ близь Вейссензее, въ Тюрингенѣ, въ Саксоніи, 22 марта 1783 года. См. „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland“ Реке и Напирскаго, гдѣ въ указаніи года рожденія Вуттига—очевидная опечатка.

über die Gallussäure» [1]), за которую получилъ степень доктора философіи. Пріѣхавъ въ началѣ 1808 года въ С.-Петербургъ, Вуттигъ управлялъ чьею-то фабрикою купороснаго масла. «Почитая для Казанскаго университета весьма полезнымъ пріобрѣтеніе сего молодого ученаго, подающаго надежду быть, со временемъ, достойнымъ званія профессорскаго», Румовскій представилъ министру объ утвержденіи Вуттига *адъюнктомъ* химіи, фармацевтики и технологіи, такъ какъ ни одна изъ этихъ трехъ наукъ, распредѣленныхъ по разнымъ каѳедрамъ, не преподавалась еще въ Казанскомъ университетѣ (15 апр. 1808 года). Утвержденіе не замедлило послѣдовать и въ концѣ мая того же года Вуттигъ отправился въ Казань.

«Онъ человѣкъ молодой, тихаго нрава, и, сколько я судить могу, человѣкъ искусный — писалъ частнымъ образомъ попечитель къ Яковкину около того же времени. Я думаю, что г. Браунъ его знаетъ, потому что отъ Виленскаго университета имѣетъ хорошій аттестатъ». Дѣйствительно Браунъ хвалилъ Вуттига, знакомаго ему по экзамену въ Вильнѣ. «Дай Богъ, чтобъ похвала его была справедлива, пишетъ въ благодушномъ настроеніи того года директоръ къ попечителю, и чтобы чиновники университета съ благородными, безпристрастными и ко благу общему приверженными чувствованіями умножались». Въ то время и самъ Браунъ, котораго Яковкинъ такъ чернилъ впослѣдствіи, по словамъ его, былъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для университета.

Вуттигъ въ первый разъ явился въ засѣданіе совѣта 6-го іюля 1808 года, при чемъ доставилъ посланный съ нимъ попечителемъ астрономическій секстантъ. Къ началу лекцій, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ представилъ совѣту *планъ* своихъ будущихъ чтеній, исключительно посвященныхъ технологіи. На основаніи этого плана, занимавшаго Вуттига, по его словамъ, нѣсколько лѣтъ, онъ изложилъ уже въ началѣ 1809 года свою *систему технологіи*, которую и не замедлилъ представить по начальству. Изъ его конспекта этой системы можно видѣть, что Вуттигъ, живя уже нѣкоторое время въ Россіи, достаточно познакомился съ русскимъ языкомъ. Онъ занимался имъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, *упорно*, переводя въ Казани, съ помощью знакомаго намъ, вполнѣ обрусѣвшаго Эвеста, нѣмецкіе технологическіе термины на русскій языкъ.

[1]) Это небольшая брошюра въ 12°, разгонисто напечатанная и передающая результаты девяти опытовъ, сдѣланныхъ авторомъ. Румовскій, основываясь на свидѣтельствахъ, предъявленныхъ ему Вуттигомъ, говоритъ въ своемъ представленіи о немъ министру, „о разныхъ его сочиненіяхъ“, но они были напечатаны Вуттигомъ вѣроятно впослѣдствіи. До 1808 года они не указаны въ подробныхъ нѣмецкихъ библіографіяхъ Кайзера и Гейнзіуса.

Правда, встрѣчаются у него слова, напр.: *возгонять, сортучивать, стекловать, стружить, печатовать* и нѣкот. другія, но они теряются въ массѣ правильно употребляемыхъ. Свою науку, технологію, Вуттигъ дѣлитъ на *химическую* и *математическую* или скорѣе механическую. Въ каждую часть вошло великое множество производствъ и даже ремеслъ, но свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя Вуттигомъ, безъ сомнѣнія, носили только энциклопедическій характеръ, давали самыя общія, начальныя понятія и конечно не могли научить никакому производству. Съ полнымъ правомъ мы можемъ утвердительно сказать, что изъ 12 студентовъ, которые, или по собственной охотѣ, или по указанію начальства, записались въ первый годъ на лекціи Вуттига, ни одинъ не былъ знакомъ практически съ какимъ-либо производствомъ, за исключеніемъ развѣ можетъ быть, и то только наглядно, выдѣлки кожъ и варенія мыла, чѣмъ изстари славилась Казань. Студенты эти, конечно, вовсе не были приготовлены къ слушанію технологіи; они не могли заинтересоваться ею и предметъ этотъ являлся совершенно случайнымъ въ общей системѣ преподаванія.

Самъ Вуттигъ былъ человѣкъ молодой, довольно знающій, повидимому преданный своему практическому дѣлу, выгодному въ матеріальномъ отношеніи. Его имя пользовалось нѣкоторою извѣстностью между тогдашними спеціалистами. Онъ считался почетнымъ членомъ королевскаго экономическаго общества въ Лангензальцѣ и Лейпцигѣ, иностраннымъ секретаремъ горнаго общества въ Фрейбергѣ, членомъ обществъ натуралистовъ въ Іенѣ, Бреславлѣ и наконецъ въ Москвѣ [1]). Нѣсколько мелкихъ статей по технологіи были напечатаны Вуттигомъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Эту литературную дѣятельность онъ продолжаетъ и въ Казани, ища случаевъ обогатиться новыми свѣдѣніями. Такъ въ началѣ іюля 1819 года, какъ только кончились занятія въ университетѣ, Вуттигъ съ спеціальною цѣлью изученія минералогическихъ богатствъ и нѣкоторыхъ производствъ на Уралѣ, отправляется въ отпускъ въ Оренбургъ. Ѣдетъ онъ на свой счетъ (у Вуттига были нѣкоторыя средства и онъ владѣлъ даже участкомъ земли на своей родинѣ въ Вейссензее, въ Тюрингіи).

Путешествіе Вуттига на Уралъ продолжалось долѣе вакаціоннаго времени, на которое онъ былъ отпущенъ и онъ принужденъ былъ просить у Яковкина отсрочки, предполагая сдѣлать еще поѣздку въ сѣверныя части Урала. Изъ нѣмецкаго письма Вуттига къ директору, мы видимъ, что въ Златоустѣ онъ встрѣтился съ

---

[1]) Въ московскомъ „Journal des naturalistes" напечатана его французская статья „Объ очищеніи воздуха въ галерныхъ корабляхъ".

пріятелемъ своимъ минералогомъ Моромъ изъ Вѣны (имя его, впрочемъ, въ наукѣ неизвѣстно, это былъ купецъ, торгующій минералами) и путешествовалъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ нимъ по Уралу. Въ сопровожденіи двухъ студентовъ Московскаго университета и двухъ казаковъ, Вуттигъ подымался, по его словамъ, съ опасностью для жизни, на одну изъ вершинъ Урала (это была гора Таганай или Таканай) [1]), гдѣ, писалъ онъ, не ступала еще нога человѣка и куда его спутники не имѣли силъ подняться. Путешествіе было въ самомъ дѣлѣ затруднительно и Вуттигу пришлось по большей части ѣхать верхомъ. Онъ даже захворалъ и пролежалъ больной девять дней въ Казатурѣ. Не опасаясь трудностей пути и считая необходимымъ продлить свое путешествіе, Вуттигъ писалъ Яковкину, что имъ «онъ принесетъ гораздо больше пользы ихъ общему отечеству (т.-е. Россіи), чѣмъ нѣсколькими лекціями въ Казанскомъ университетѣ, хотя и это путешествіе будетъ полезно для его слушателей». Отсрочка была разрѣшена попечителемъ, подъ условіемъ, «если учиненныя Вуттигомъ замѣчанія обратятся къ усовершенствованію заводовъ». При этомъ попечитель высказывалъ желаніе, чтобъ г. адъюнктъ сообщилъ совѣту свои изслѣдованія письменно.

Вуттигъ воротился изъ своего путешествія 15-го сентября. Отчетъ свой, по которому можно судить о научныхъ результатахъ этой поѣздки, онъ вскорѣ по возвращеніи представилъ на нѣмецкомъ языкѣ въ совѣтъ; опредѣлено было поручить учителю гимназіи Стефани перевести его по русски, а подлинникъ препроводить къ попечителю. Другаго заключенія не было. Перевода въ дѣлахъ не оказалось. Болѣе же подробное описаніе Вуттигъ, какъ видно изъ его словъ, отправилъ въ Императорскую Академію Наукъ [2]), но вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ сообщить вкратцѣ и попечителю о новыхъ, сдѣланныхъ имъ на Уралѣ, *открытіяхъ* и *изобрѣтеніяхъ*. Они, какъ видно изъ письма его, заключались въ слѣдующемъ: «1) въ мѣдоплавильномъ дѣлѣ, открылъ я,—пишетъ онъ,—новый методъ съ большимъ успѣхомъ испробованный въ губерніяхъ Оренбургской и Пермской; для всей Сибири онъ будетъ очень полезенъ; 2) въ 15 верстахъ разстоянія отъ Златоуста, у горы Таганай, я нашелъ мѣстность, гдѣ расположенъ сплошной авантуринъ (родъ полеваго шпата). Такъ какъ этотъ камень (мнѣ удалось найти болѣе 20 видовъ его) по своей красотѣ и чистотѣ превосходитъ авантуринъ испанскій, а я нашелъ куски его діаметромъ въ нѣ-

---

[1]) „На Таганаѣ"—(Изъ дневника туриста). *Новости*, 1891 г., № 204.

[2]) Въ переводѣ онъ напечатанъ въ изданіи Академіи Наукъ: *Технологическій журналъ* (т. VII. ч. 1, стр. 122—139, 1810 г.), подъ заглавіемъ: „Примѣчанія г. Вуттига, учиненныя въ Уральскомъ хребтѣ".

сколько аршинъ ,то я убѣжденъ, что сдѣланные и полированные изъ него столы, колонны и вазы принесутъ Россіи новую славу. Генералъ Германъ, тогдашній начальникъ горныхъ заводовъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ Вуттигъ сообщилъ ему топографію видѣнной имъ мѣстности съ авантуриномъ, послалъ немедленно, 15-го сентября, изъ Екатеринбурга экспедицію, состоящую изъ 50 человѣкъ, для добыванія этого камня; 3) я открылъ новый видъ углекислаго стронціанита (carbonato de strontione) недалеко отъ Міасска, который думаю назвать *міасцитомъ*; 4) я убѣдился, что слюдистые блестки или листки (Blättchen) въ авантуринѣ должны получить особое мѣсто въ системѣ минералогіи; они не что иное какъ кварцъ и я называю эти листки кремнистою слюдою (Kieselglimmer); 5) въ Березовскомъ золотомъ рудникѣ я нашелъ цѣлую горную вершину изъ лабрадора, перемѣшаннаго, впрочемъ, съ бурымъ и полевымъ шпатомъ; этотъ камень былъ неизвѣстенъ прежде; 6) я открылъ новый родъ Verbascum. Кромѣ того, я нашелъ много другихъ замѣчательныхъ минераловъ, точное опредѣленіе которыхъ сдѣлаю послѣ химическаго изслѣдованія».

Еще до путешествія на Уралъ, Вуттигъ сообщалъ попечителю, что имъ написано по-нѣмецки сочиненіе «О приготовленіи сѣрной кислоты» (Sur la fabrication de l'acide sulfurique), съ присоединеніемъ необходимыхъ рисунковъ и полнаго объясненія производства. Сочиненіе это, по словамъ Вуттига, написано имъ не только для настоящихъ химиковъ, но также и для фабрикантовъ, такъ что всякій, имѣющій самыя незначительныя свѣдѣнія въ химіи и математикѣ, можетъ, пользуясь его наставленіями, и основать фабрику, и управлять ею. «Что касается до подробностей приготовленія сѣрной кислоты въ большомъ количествѣ,—пишетъ онъ къ попечителю (посредствомъ сжиганія сѣры), то это пока секретъ, извѣстный очень немногимъ и такъ какъ мнѣ удалось секретъ этотъ усовершенствовать и кромѣ того, имѣя въ виду, что практическія свѣдѣнія пріобрѣтены мною съ большимъ трудомъ, что я рисковалъ даже здоровьемъ, что полное обнародованіе этого искусства очень важно для каждаго государства (такъ какъ потребленіе сѣрной кислоты возрастаетъ съ каждымъ годомъ), я могу съ большимъ основаніемъ надѣяться, безъ особенной нескромности, получить награду за свое сочиненіе». Но Вуттигъ, вдали отъ Германіи, гдѣ бы онъ могъ продать свою рукопись издателю, не знаетъ какъ приступить къ ея напечатанію въ Россіи и обращается къ попечителю съ просьбою указать ему средства для изданія его сочиненія. Въ томъ же письмѣ къ попечителю Вуттигъ сообщаетъ, что и другое, написанное имъ сочиненіе «Fundament zu einer mathematischen Me-

thode der Chemie», совершенно готово къ печати и должно въ скоромъ времени появиться въ печати съ предисловіемъ знаменитаго, по его словамъ, Гёттлинга и проситъ позволенія посвятить эту книгу попечителю. Но такого сочиненія Вуттига ни тогда, ни послѣ не выходило. Причина этихъ сообщеній попечителю о своихъ трудахъ и сочиненіяхъ заключалась для Вуттига въ сильномъ желаніи выбраться изъ положенія адъюнкта и получить званіе экстраординарнаго профессора технологіи и фармаціи, о чемъ онъ откровенно просилъ Румовскаго передъ отъѣздомъ своимъ на Уралъ. Попечитель, получивъ его систему технологіи, отвѣчалъ ему очень вѣжливо: «Je ne suis pas le juge compétant d'un pareil ouvrage, cepandant je puis comprendre qu'il vous a coûté bien de la peine et qu'il pourra devenir un livre classique non seulement pour l'université de Kasan, mais pour toutes les autres de l'Empire, s'il venait à paraitre surtout en langue russe». Что касается до другого сочиненія Вуттига «О пріуготовлени купороснаго масла» [1]), то попечитель не находилъ способа какимъ бы образомъ издать его въ пользу автора и предлагалъ просителю представить его на разсмотрѣніе совѣта, при чемъ сообщалъ Вуттигу, что это дастъ ему случай представить министру о повышеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора *при будущемъ открытіи* Казанскаго университета. По возвращеніи съ Урала, Вуттигъ не замедлилъ внести въ совѣтъ свое сочиненіе, но въ послѣднемъ не было лицъ, которыя могли бы судить о достоинствахъ его, и все дѣло ограничилось представленіемъ случая «на благоусмотрѣніе попечителя».

По возвращеніи изъ поѣздки, научными результатами которой Вуттигъ былъ очень доволенъ и поспѣшилъ, какъ мы видѣли, вкратцѣ сообщить о нихъ попечителю, его желанія уже не ограничиваются скромнымъ званіемъ экстраординарнаго профессора. «Въ теченіе четырехъ лѣтъ,—пишетъ онъ по-нѣмецки попечителю,—я познакомился въ технологическомъ отношеніи съ главными русскими губерніями, сравнивая русскія ремесла съ состояніемъ ихъ въ другихъ европейскихъ земляхъ. Эти поѣздки я дѣлалъ изъ склонности къ наукѣ и изъ любви *къ своему второму отечеству*, на собственный счетъ [2]). И въ другихъ отношеніяхъ я много принесъ жертвъ

---

[1]) Оно было напечатано въ Германіи тогда, когда Вуттигъ давно уже оставилъ и Казань и свое „второе отечество": „Gründliche Anleitung z. Fabrication der Schwefelsäure". Berl. 1815. 8°.

[2]) Въ своемъ описаніи путешествія на Уралъ Вуттигъ говоритъ также, что онъ объѣхалъ главнѣйшія губерніи Россіи на сѣверѣ и югѣ; въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ и въ Сарептѣ онъ дѣлалъ опыты надъ золою. *Технологич. журн.*, т. VIII, ч. 1, стр. 129, 134.

наукѣ; могу назвать по имени сотни фабрикантовъ и художниковъ, которымъ я помогъ и принесъ пользу своими знаніями. Это было причиною, что со времени моего переселенія въ Россію, я истратилъ значительную часть моего состоянія, что сдѣлаетъ, можетъ быть рѣдкій нѣмецкій ученый въ Россіи. И со времени переѣзда въ Казань, я принужденъ былъ перевести изъ Германіи и еще часть моихъ собственныхъ денегъ, не смотря на мою чрезвычайно скромную жизнь. Конечно 800 рублей жалованья для меня, человѣка одинокаго, были бы вполнѣ достаточны, но 1) химическіе и технологическіе опыты, 2) покупка книгъ, 3) изученіе необходимыхъ языковъ, напр., русскаго и 4) технологическія экскурсіи—все это такія потребности, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ настоящій ученый въ практической наукѣ, какова моя. Все это стоитъ мнѣ болѣе половины жалованья. Я не могу, при настоящей дороговизнѣ, существовать поэтому на жалованье въ 800 рублей. Долженъ также подумать и о будущемъ, долженъ подумать о томъ, что *не всегда я буду одинокимъ* и что мое небольшое состояніе, которымъ я владѣю еще въ Германіи, постепенно умаляется.—Моя неодолимая привязанность къ наукамъ, кажется мнѣ, хочетъ сдѣлать меня несчастнымъ. Она была причиною, что я покинулъ мою первую родину (хотя уже юношею 21 года я имѣлъ возможность удачно начать карьеру въ саксонской горной службѣ, какъ можетъ то засвидѣтельствовать горный департаментъ въ Фрейбергѣ) и отправился туда, гдѣ живетъ покровитель наукъ (der Beschützer der Wissenschaften). Это стремленіе къ наукѣ было причиною также, что и въ Россіи я отклонилъ нѣсколько чрезвычайно выгодныхъ предложеній вступить въ практическую службу. Теперь однако наступило время, когда я, озабочиваясь моею будущностью, необходимо долженъ буду оставить науку, если в. п. не примете во мнѣ участія и не доставите мнѣ средствъ продолжать служить наукѣ. Я принесу ей себя въ жертву и буду смотрѣть, какъ на свой жребій, какъ на судьбу свою, на желаніе принести пользу наукѣ (а всѣмъ извѣстно, что я въ состояніи это сдѣлать), но я не могу побѣдить препятствія. Очень легко было бы мнѣ въ Россіи, на практической службѣ, пріобрѣсти въ короткое время богатства, но я презираю ихъ, и безъ личнаго интереса желаю работать для своего второго отечества. Въ настоящее время я прошу в. п. дать мнѣ знать *какъ можно скорѣе*: возможно ли Вамъ въ теченіе этой зимы повысить меня въ званіе ординарнаго профессора? Снова дѣлаютъ мнѣ блестящія предложенія вступить въ практическую службу (это можетъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать пермскій генералъ-губернаторъ ф. Модерахъ) и, озабочиваясь будущею судьбою своею, я прину-

жденъ буду отказаться отъ службы въ здѣшнемъ университетѣ, если Вы, в. п., ничего не сдѣлаете для меня. По обстоятельствамъ, которыя я считаю въ настоящее время невозможнымъ объяснить, я не могу болѣе оставаться на службѣ ни въ званіи адъюнкта, ни въ званіи экстраординарнаго профессора. Убѣдительно прошу в. п., если это возможно, удовлетворить моему желанію: это не только будетъ большимъ для меня счастіемъ, но и выгодно для вашего университета. Я посвящу тогда всѣ мои силы ему я вѣчно буду Вамъ благодаренъ за то, что Вы открыли мнѣ широкую дорогу къ успѣху въ наукѣ. Не безъизвѣстно конечно, в. п., что моя спеціальность, требующая чрезвычайно разнообразнаго практическаго изученія, не смотря на всю свою важность для каждаго государства, принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ спеціальностямъ, такъ что теперь во всей Европѣ только четыре технолога. Вашему превосходительству должно быть извѣстно, *что мнѣ труднѣе читать лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, чѣмъ сотнѣ другихъ профессоровъ*. Если, кромѣ всего сказаннаго, Вы пожелаете имѣть еще доказательства моихъ способностей, то я прошу Васъ обратиться къ сочиненіямъ Тромсдорфа, Гермбштедта, Гёттлинга и др., гдѣ обо мнѣ не разъ говорится съ похвалою, хотя ссылки дѣлаются пока еще на мои непечатные труды [1]).

«Но если все это недостаточно, чтобъ Вы могли представить меня въ ординарные профессоры; если недостаточно и то, что всѣ члены Казанскаго университета будутъ просить Васъ о томъ,—то я вызываюсь, съ своей стороны, взять на себя въ университетѣ обязанности двухъ профессоровъ и не только читать двойное число лекцій, но кромѣ наукъ, принадлежащихъ къ моей каѳедрѣ, преподавать еще и минералогію, такъ какъ я минералогъ. Эту столь важную для Россіи науку здѣсь никто не читаетъ; нельзя, конечно, требовать отъ профессора Фукса, чтобы онъ, при своихъ обширныхъ познаніяхъ въ прочихъ частяхъ естественныхъ наукъ, имѣлъ еще и свѣдѣнія въ минералогіи, которыхъ у него и нѣтъ.

«Но пусть будетъ что будетъ. Я теперь готовъ на все и рѣшился оставить университетъ. Я жду рѣшенія в. п. и покорнѣйше

---

[1]) Тромсдорфъ (Trommsdorff, Ioh. Bartolom., 1770–1837), профессоръ химіи и физики въ Эрфуртѣ; Гермбштедтъ (Hermbstädt, Sigismund Friedrich, 1760—1833), профессоръ химіи и технологіи въ Берлинѣ; Гёттлингъ (Götling Ioh. Friedr. Aug. 1755—1809), профессоръ химіи и технологіи въ Іенѣ. Не легкую задачу давалъ Вуттигъ попечителю искать указаній на его сочиненія въ трудахъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ: одинъ Тромсдорфъ въ первой четверти XIX вѣка напечаталъ 43, а Гермбштедтъ—42 сочиненія.

прошу съ ближайшею почтою выслать мнѣ тѣ изъ моихъ дипломовъ, которые еще остаются въ вашемъ распоряженіи».

По просьбѣ Вуттига обратился съ ходатайствомъ за него въ томъ же смыслѣ къ попечителю и тогдашній президентъ Академіи Наукъ, говорившій о Вуттигѣ, какъ о будущемъ украшеніи Казанскаго университета. Румовскій отвѣчалъ, что онъ уже обѣщалъ Вуттигу званіе экстраординарнаго профессора при открытіи университета, вмѣстѣ съ прочими адъюнктами, старшими его по службѣ, что онъ не можетъ теперь повысить его, не обижая послѣднихъ, но что въ виду его категорическаго заявленія, что онъ не можетъ служить иначе въ Казани, какъ въ званіи экстраординарнаго профессора, онъ представитъ о томъ министру народнаго просвѣщенія. Дѣйствительно, Румовскій представилъ министру въ русскомъ переводѣ письмо къ нему Вуттига. «Его сіятельство, по разсмотрѣніи письма вашего,—писалъ онъ Вуттигу (11-го ноября 1809 года),—кажется мнѣ, остался въ такихъ мысляхъ, что согласенъ онъ, по знаніямъ вашимъ, *на первый случай* утвердить васъ экстраординарнымъ профессоромъ; но когда наставленіемъ юношества, для котораго университетъ преимущественно имѣетъ честь считать васъ въ своемъ сословіи, или какимъ полезнымъ для наставленія юношества или для пользы общества отличите себя сочиненіемъ, тогда, *по засвидѣтельствованію совѣта*, наименуетъ васъ ординарнымъ профессоромъ. Вы пишете, между прочимъ, будто не безъизвѣстно мнѣ, что *на преподаваніе лекцій при университетѣ больше труда полагаете, нежели сто другихъ профессоровъ*. Признаюсь вамъ чистосердечно, я о таковомъ вашемъ трудолюбіи никакого свѣдѣнія не имѣю».

Какъ только настойчиво преслѣдующій свою цѣль: сдѣлаться какъ можно скорѣе ординарнымъ профессоромъ, Вуттигъ получилъ это письмо попечителя, какъ уже прямо отъ себя, письмомъ, на этотъ разъ писаннымъ по-русски, обратился къ самому министру. Министръ, какъ мы видѣли, требовалъ доказательствъ и сочиненій. «Поелику такихъ доказательствъ,—писалъ Вуттигъ, у меня еще болѣе, нежели в. с—ство требуете, то осмѣливаюсь предложить безпосредственно не только свидѣтельство университета (въ немъ упомянуты семь рукописныхъ сочиненій Вуттига на разныхъ языкахъ, и въ томъ числѣ на русскомъ) о моихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, но и также извлеченіе изъ моей системы технологіи. Сверхъ того, если в. с—ству угодно будетъ приказать, я буду имѣть честь представить доказательства изъ разныхъ губерній о томъ, что я въ продолженіе четырехлѣтняго моего пребыванія въ Россіи имѣю и нѣкоторыя практическія отличающія (sic) заслуги къ моему второму отечеству, касательно отправленія художествъ, такъ какъ и наста-

вленіемъ юношества въ Казанскомъ университетѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ я начерталъ свою собственную систему технологіи, которая еще не печатана, хотя по ней (?) читаютъ нынѣ въ нѣмецкихъ университетахъ, напр., въ Лейпцигскомъ, Виттенбергскомъ и др. По желанію какъ иностранной ученой публики, такъ и россійской, я написалъ обозрѣніе оной на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и ежели в. с. благоволите приказать оную напечатать, то почелъ бы себѣ за величайшую честь получить отъ Васъ дозволеніе *украсить сіе мое сочиненіе* посвященіемъ великому имени в. с.».

Не совсѣмъ пріятны были попечителю эти настойчивыя хлопоты Вуттига объ ординатурѣ, не смотря на то, что онъ, повидимому, высоко цѣнилъ его знанія. «Г. Вуттигъ писалъ ко мнѣ и требовалъ, чтобы объявленъ онъ былъ профессоромъ ординарнымъ,—сообщаетъ онъ въ Казань Яковкину,—и ежели сего не сдѣлается, то намѣренъ университетъ оставить, сказывая, что ему предлагаютъ выгоднѣйшія мѣста. Требованія его безъ обиды старшихъ адъюнктовъ, удовлетворить не нахожу я возможности, хотя знанія его и способности почитаю». И Яковкинъ, старается помочь ему: «Знанія г. Вуттига,—отвѣчаетъ онъ попечителю, съ цѣлью разсѣять его сомнѣнія,—доказываются его сочиненіями многими, *каковыхъ ни одного еще старшіе его сотоварищи не представили*, да онъ же и идетъ по своей части; почему повышеніемъ его и отданіемъ ему справедливости никто обижаться не долженъ. Весьма жаль потерять сего достойнаго чиновника, отличающагося знаніями своими *при прекраснѣйшей нравственности*».—«Я ни малѣйшаго сумнѣнія не имѣю о знаніяхъ г. Вуттига,—пишетъ съ своей стороны попечитель.— Роспись сочиненіямъ его, при опредѣленіи въ адъюнкты, служила мнѣ основаніемъ къ представленію г. министру просвѣщенія о принятіи въ университетъ адъюнктомъ, и я ему писалъ, что уважая знанія его, представлю его съ прочими къ переименованію его экстраординарнымъ профессоромъ; но онъ симъ не доволенъ, и не доволенъ потому, что одинъ можетъ столько показать услугъ, сколько сто другихъ профессоровъ, какъ изъяснялся въ письмѣ мнѣ писанномъ. Самому себя хвалить неприлично». Попечитель однако сильно разсердился, когда совѣтъ, по просьбѣ Вуттига, бумагою просилъ его возвратить ему дипломы Виленскаго, Дерптскаго и другихъ университетовъ, «по причинѣ крайней въ нихъ надобности». Онъ писалъ Яковкину: «Не могу я одобрить поступка вашего въ принятіи и предложеніи совѣту рода жалобы на меня г. Вуттига, который требовалъ отъ меня, чтобы я ему доставилъ bald möglichst его патенты. Не могъ ли онъ самъ ко мнѣ отнестися? Какъ вы, такъ и совѣтъ вмѣшались въ дѣло, до васъ не принадлежащее. Я бы могъ

ніи [1]) сообщаю я по большей части такіе опыты, которые знающій сіе дѣло легко можетъ отличить отъ поверхностныхъ наблюденій путешественника. *Я жилъ наиболѣе въ татарскихъ деревняхъ* Уракбешакѣ и др., въ которыхъ находятся обширнѣйшія фабрики, выдѣлывающія ежегодно кумачу болѣе 50 тысячъ кусковъ. *А какъ на оныхъ фабрикахъ могъ я съ рабочими людьми разговаривать безъ переводчика*, то мнѣ было гораздо легче и основательнѣе приступить къ такому изслѣдованію» (стр. 8—9). Описаніе производства кумача на казанскихъ фабрикахъ сдѣлано весьма обстоятельно Вуттигомъ.

Чтобы ѣхать въ дозволенный отпускъ, Вуттигъ въ началѣ іюня 1810 года сдалъ вещи и шнуровыя книги химическаго и технологическаго классовъ Запольскому и отправился въ Петербургъ. За границу, какъ кажется, онъ не поѣхалъ; по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ на то положительныхъ указаній, но профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ онъ числился до начала 1812 года. Въ октябрѣ 1810 года онъ былъ произведенъ даже въ ординарные профессоры. Представляя Вуттига къ утвержденію въ этомъ званіи «по случаю приближающагося торжественнаго открытія» университета, о чемъ и самъ Вуттигъ лично просилъ министра, Румовскій писалъ, что онъ основываетъ свое ходатайство «на выгодныхъ отзывахъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ о сочиненіяхъ имъ изданныхъ», на его «раченіи въ преподаваніи публичныхъ лекцій» и на словахъ самого Вуттига, сказанныхъ имъ мѣсяцъ тому назадъ, что ему предложена каѳедра въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ (какъ кажется, надежда получить каѳедру въ Германіи и была главною побудительною причиною, почему Вуттигъ желалъ оставить Казань). Ко всему сказанному Румовскій прибавлялъ въ своемъ представленіи, что «увольненіе его почитаетъ за сущую потерю для университета между прочимъ и потому, что онъ, живучи около четырехъ лѣтъ въ Россіи, пріобрѣлъ способность говорить по россійски», способ-

---

[1]) Статья „О дѣланіи бухарскаго и персидскаго кумача (перев. съ нѣм. П. Петрова). См. *Технологическій журналъ*, издав. Имп. Академіею Наукъ, т. VIII. ч. I, стр. 3—70, Спб. 1811. Статью эту отдѣльною брошюрою Вуттигъ издалъ, по отъѣздѣ изъ Россіи въ Берлинѣ: „Über die Fabrikation des Burlats bei den Bucharen u. Persen". Что Вуттигъ обращалъ вниманіе на разныя производства, которыя онъ могъ наблюдать во время своего кратковременнаго профессорства въ Казани, доказательствомъ можетъ служить также и другая статья его въ томъ же журналѣ: „Способъ наводить чернь на серебрѣ, употребительный въ Чебоксарахъ" т. XI, ч. 4 (1812 г.), стр. 44—48. Способъ этотъ, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, давно не существуетъ въ Чебоксарахъ.

ность, какъ мы знаемъ, очень рѣдкую между тогдашними нѣмецкими профессорами. Въ концѣ того же 1810 года Вуттигъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и Академіею Наукъ удостоенъ званія члена-корреспондента.

Числясь на службѣ въ Казанскомъ университетѣ и получая жалованье ординарнаго профессора, Вуттигъ однако не возвращался къ мѣсту своего служенія, не смотря на то, что срокъ его отпуска истекъ, и жилъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ однако не безъ дѣла и во всякомъ случаѣ не безъ выгоды для себя, что было совершенно естественно въ то время, при недостаткѣ у насъ людей съ положительными свѣдѣніями въ практическихъ наукахъ. Но о содержаніи практическихъ занятій Вуттига у насъ нѣтъ однако точныхъ свѣдѣній. Изъ предложенія попечителя совѣту (25 января 1811 года, № 9) мы видимъ, что министръ народнаго просвященія, по сношенію съ министромъ финансовъ, дозволилъ Вуттигу остаться въ Петербургѣ при лабораторіи монетнаго двора «для раздѣленія золота и серебра и для занятія опытами извлеченія голубой краски». Въ началѣ марта того же года Вуттигъ обратился письменно къ попечителю съ просьбою о продленіи его пребыванія въ Петербургѣ. «Какъ ни сильно желаю я возможно скорѣе воротиться въ Казань,—писалъ онъ, вижу однако, что мнѣ невозможно будетъ выѣхать ранѣе, чѣмъ черезъ шесть недѣль, частію вслѣдствіе моихъ работъ въ крѣпости (т.-е. на монетномъ дворѣ), которыя я необходимо долженъ кончить какъ для общаго блага, такъ и для моей чести, частію потому, что я долженъ ожидать здѣсь полученія писемъ изъ Тюрингена». Въ іюнѣ срокъ отпуска Вуттига былъ продолженъ попечителемъ еще на два мѣсяца, а въ началѣ октября онъ снова оставленъ въ Петербургѣ на нѣкоторое время по волѣ министра «до окончательнаго разсчета, дѣлаемаго казною съ симъ профессоромъ». Въ чемъ состоялъ этотъ разсчетъ и сколько получилъ денегъ Вуттигъ—намъ неизвѣстно.

Всѣ сношенія этого профессора съ Казанскимъ университетомъ во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ ограничились только однимъ предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ январѣ 1811 года, «о пользѣ имѣть университету ученаго коммиссіонера въ Лейпцигѣ». Въ проектѣ, представленномъ Вуттигомъ, указывается на то обстоятельство, что въ университетѣ «удовлетвореніе учебныхъ потребностей сопряжено съ чрезвычайно многими затрудненіями, отчего происходитъ непосредственно вредное вліяніе въ умственное усовершеніе ученыхъ». Онъ предлагаетъ учредить ученый коммиссаріатъ, полезный для каждаго факультета. Порученія, которыя возлагаются на коммиссіонера, двоякаго рода: 1) ученыя (напр., сооб-

щеніе краткихъ извлеченій изъ журналовъ и другихъ сочиненій, коихъ университетъ не имѣетъ, или по причинѣ большихъ издержекъ получать не можетъ; сообщеніе извѣстій о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и пр.) и 2) *покупныя* (пріобрѣтеніе книгъ для университета и продажа университетскихъ изданій). Совѣтъ нашелъ, что заведеніе такого коммиссіонера въ настоящее время *не совершенно нужно*, что одинъ коммиссіонеръ не въ состояніи исполнить всѣхъ порученій, указываемыхъ Вуттигомъ, да, кромѣ того, для такихъ дѣлъ каждый факультетъ по уставу (§§ 38—40) долженъ имѣть почетнаго члена. Проектъ Вуттига не былъ принятъ ни совѣтомъ, ни попечителемъ.

Не смотря на то, что Вуттигъ высказывалъ, какъ мы видѣли, въ письмѣ къ попечителю, по окончаніи работъ своихъ на монетномъ дворѣ, намѣреніе свое возвратиться въ Казань къ своей должности, какъ только разсчетъ казны съ нимъ будетъ конченъ, въ началѣ 1812 года онъ подалъ въ отставку и вскорѣ былъ уволенъ. Аттестатъ о службѣ былъ высланъ ему въ іюлѣ мѣсяцѣ. Какія теперь причины заставили Вуттига, получившаго званіе ординарнаго профессора, котораго онъ сильно добивался, разстаться со своимъ «вторымъ отечествомъ», — страною, гдѣ его спеціальность и находила и могла еще въ будущемъ найти такое широкое примѣненіе, гдѣ почти нетронутыя естественныя богатства представляли такъ много новаго для его наблюдательности, знаній и талантовъ, гдѣ на каждомъ шагу могли представляться ему значительныя матеріальныя выгоды,—мы не знаемъ. Онъ самъ очень хорошо понималъ важность и необходимость науки и знанія для русскихъ производствъ: «Главнѣйшее обстоятельство, препятствующее хорошему состоянію многихъ фабрикъ и мануфактуръ, состоитъ въ томъ,—писалъ онъ,— что фабриканты и художники во всей Россіи не имѣютъ основательныхъ химическихъ и менѣе того механическихъ свѣдѣній»... [1])

Оставался ли Вуттигъ еще нѣсколько времени въ Россіи или уѣхалъ тотчасъ въ Германію—намъ также неизвѣстно, но, кажется, онъ уѣхалъ изъ Россіи въ пору: судьба нѣмецкихъ профессоровъ въ ней скоро, какъ мы увидимъ, сдѣлалась очень печальною. Вуттигу, впрочемъ, не скоро удалось добиться на родинѣ продолженія своей академической карьеры, брошенной имъ въ Россіи. Онъ сталъ служить Пруссіи, государству, которое тогда справедливо клало въ основу своего будущаго могущества умъ, знанія, науку, вызывало ихъ государственными мѣрами и собирало въ Берлинѣ выдающихся ихъ представителей. Хотя съ 1812 года мы встрѣчаемъ уже сочи-

---

[1]) *Технол. журн.* т. VIII, ч. 1, стр. 135.

ненія Вуттига печатаемыми въ Германіи, но еще въ 1818 году онъ былъ только Kommissionsrath при прусскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вскорѣ однако онъ сдѣлался доцентомъ Берлинскаго университета. Умеръ Вуттигъ 23-го апрѣля 1850 года.

Каѳедру всемірной исторіи, статистики и географіи, вакантную со времени удаленія въ 1807 году профессора Цеплина, занялъ въ 1808 году, въ званіи однакожъ только адъюнкта, Иванъ *Миллеръ*. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ. Не знаемъ ничего о происхожденіи его, о томъ, гдѣ онъ учился, въ чемъ состояло его приготовленіе къ занятію университетской каѳедры и права его на нее, равно также неизвѣстно и то, чѣмъ кромѣ чьей-то, по всей вѣроятности академической, рекомендаціи о Миллерѣ, руководствовался Румовскій, представляя его на утвержденіе министру, какъ онъ дѣлалъ всегда. Что родился онъ не въ Россіи, видно изъ того, что, подобно Вуттигу, онъ именуетъ ее своимъ «вторымъ отечествомъ». Въ половинѣ 1805 года Румовскій опредѣлилъ его учителемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Астраханскую гимназію, но черезъ годъ съ небольшимъ Миллеръ уже пишетъ попечителю письмо, напоминая ему о данномъ обѣщаніи «открыть ему болѣе широкій кругъ дѣятельности» переводомъ на службу въ Казанскій университетъ. Едва ли однако Миллеръ имѣлъ точное и опредѣленное представленіе о «широкомъ кругѣ дѣятельности»; едва ли онъ сосредоточивался на какой-либо спеціальности, но, задумавъ переходъ въ университетъ, онъ все-таки желалъ заинтересовать попечителя своими наклонностями къ наукѣ, чтобы сколько-нибудь оправдать свое стремленіе къ университетской карьерѣ. «Съ нѣкотораго времени находится въ Астрахани искусный ботаникъ изъ Гёттингена, д-ръ Лондесъ, инспекторъ ботаническаго сада графа Разумовскаго въ Москвѣ,—пишетъ по-нѣмецки Миллеръ къ попечителю.—Онъ ѣдетъ въ ботаническую экскурсію на Кавказъ. Я ботанизировалъ съ нимъ много разъ въ окрестностяхъ Астрахани и собралъ значительное количество интересныхъ растеній, изъ которыхъ составлю гербарій для гимназіи. Кромѣ того, я написалъ небольшую статью, подъ заглавіемъ: «Sur la pierre fameuse de Beluges (Lapis husonis)»[1], которую Лондесъ, по возвращеніи въ

---

[1]) Это такъ называемый *бѣлужій камень* (Bulegenstein, Hausenstein), известковаго образованія, встрѣчающійся въ мочевыхъ органахъ бѣлуги. Въ старину ему приписывали родовспомогательную силу и цѣнили очень дорого.

Москву, вмѣстѣ съ семью интересными экземплярами этого камня, представить обществу натуралистовъ». Мы нарочно дѣлаемъ эти выписки изъ письма Миллера, чтобы показать, какъ далеки были эти занятія его ботаникой и зоологіей рыбъ отъ тѣхъ предметовъ, читать которые онъ былъ опредѣленъ въ Казанскій университетъ. Также не близки были къ нимъ и его «Извѣстія о славныхъ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ». Статью эту, какъ доказательство съ его стороны «служить для распространенія историческихъ, географическихъ и статистическихъ свѣдѣній новаго мнѣ отечества—Россіи» (на этотъ разъ Миллеръ пишетъ по-русски) онъ препроводилъ къ попечителю, прося его посредничества для помѣщенія ея въ какомъ-либо изъ журналовъ, издаваемыхъ Академіею Наукъ. Статья однако напечатана не была. Къ такимъ же попыткамъ доказать свои стремленія къ наукѣ была и маленькая статья Миллера «Опытъ добыванія масла изъ подсолнечника (Hilianthus annus, Linn.)», которую онъ, со свидѣтельствами сосѣднихъ хозяевъ объ успѣхѣ, сдѣланномъ имъ въ разведеніи растенія и въ добываніи масла, послалъ въ Вольное Экономическое Общество. За это онъ получилъ дипломъ на званіе корреспондента [1]). Такимъ образомъ къ ботаникѣ и зоологіи прибавилась еще и технологія. Мы не ошибемся поэтому, если за главную побудительную причину просьбы его къ попечителю вывести его въ болѣе широкій кругъ дѣятельности переводомъ на службу въ Казанскій университетъ, было то обстоятельство, какъ онъ сообщаетъ попечителю, что *«въ Астрахани очень мало представляется случаевъ пріобрѣсти что-либо частными уроками.* Хотя здѣшніе іезуиты съ годъ уже какъ устроили здѣсь пансіонъ, но число воспитанниковъ въ немъ не превышаетъ трехъ» [2]).

Въ январѣ 1808 года Миллеръ былъ утвержденъ министромъ

---

[1]) Она напечатана въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ 1808 г. ч. IX, въ „Запискахъ дѣяній“ его, стр. 36—41.

[2]) Объ этомъ іезуитскомъ пансіонѣ въ Астрахани, получившемъ въ 1806 году утвержденіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія, см. *Морошкина*, „Іезуиты въ Россіи“, ч. 2, Спб., 1870, стр. 284—288. Въ нашемъ распоряженіи есть любопытное письмо одного изъ видныхъ представителей тогдашняго астраханскаго общества Андрея Лохтина, писанное въ 1808 г. къ Румовскому. Цѣль его—защита пансіона отъ придирокъ директора Астраханской гимназіи Храповицкаго и протопопа, префекта семинаріи. Письмо объясняетъ эти придирки соперничествомъ въ желаніи имѣть нахлѣбниковъ изъ богатыхъ семействъ. Между тѣмъ, пишетъ Лохтинъ, безъ этого пансіона „какъ одного теперь въ Астрахани въ своемъ родѣ училища, дѣти наши останутся безъ ученія, что для родителей должно быть крайне прискорбно“. И у Миллера жили дѣти генералъ-маіора Попова, перешедшіе къ іезуитамъ, но Миллеръ „по благоразумію не оказалъ никакого пристрастія“.

въ званіи адъюнкта въ Казанскій университетъ, но выѣхать изъ Астрахани онъ скоро не могъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ писалъ еще попечителю, что по причинѣ господствовавшей тогда въ городѣ чумной заразы, всѣмъ отъѣзжающимъ изъ губерніи воспрещенъ выѣздъ, что по словамъ пріѣхавшаго въ Астрахань по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ медика Віена, разрѣшеніе на выѣздъ послѣдуетъ только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Свободное теперь время Миллеръ, по словамъ его, «употребляетъ значительно для усовершенствованія себя въ предметахъ моихъ, чтобы показать себя достойнымъ мѣсту, на которое в. п. меня назначить изволили». Занимается онъ также и русскимъ языкомъ и пишетъ на немъ къ попечителю: «Извините, в. п., что я осмѣливаюсь къ вамъ въ такомъ языкѣ писать, въ которомъ я только съ недавняго времени себѣ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ, каковой языкъ я однакожъ надѣюсь себѣ скоро совершенно присвоить». Озабочиваясь однако условіями своей жизни въ Казани и узнавъ, что профессорамъ и адъюнктамъ еще не отпускаются квартирныя деньги, онъ проситъ, чтобъ ему выданы были по крайней мѣрѣ «прогоненныя» (sic) деньги. Это было разрѣшено.

Только 21-го октября 1808 г. Миллеръ явился въ первый разъ по пріѣздѣ въ совѣтъ. Путешествіе его изъ Астрахани было продолжительно вслѣдствіе тогдашнихъ мѣръ противъ заразы: въ Селянскомъ карантинѣ, находившемся близь самаго города Астрахани, его продержали 12 дней, въ другомъ, на границѣ Астраханской и Саратовской губерній—40 дней и выше города Саратова еще 12 дней. Вслѣдъ за прибытіемъ Миллера въ Казань, поступила въ совѣтъ жалоба на него изъ симбирской почтовой конторы, присланная въ казанскую полицію и началось дѣло «о причиненіи Миллеромъ смотрителю Шумовской почтовой станціи Алексѣеву и почтарю Ларіону Өедорову побойства и ругательствъ». Дѣло было заурядное въ то время ѣзды на почтовыхъ. Миллеръ ѣхалъ по казенной подорожной на три лошади, *съ будущими* при немъ; изъ будущихъ лишнею была пятилѣтняя дочь, а такъ какъ осенью по закону припрягаютъ лишнюю лошадь, то Миллеръ, соглашаясь платить за четыре (изъ Симбирска до Шумовки везли его на тройкѣ), счелъ придиркою со стороны смотрителя требованіе платы за шесть лошадей. Вышли споры, брань и даже драка, но смотритель, котораго по одеждѣ Миллеръ принялъ за ямщика, считался въ 14-мъ классѣ и подалъ жалобу. Дѣло доходило до попечителя, но кончилось ничѣмъ.

Что преподавалъ адъюнктъ Миллеръ? Руководствами при преподаваніи онъ выбралъ: для исторіи—*Schlözer's*, «Allgemeine Welt-

geschichte im Auszuge», по ней читали и Яковкинъ и потомъ Кондыревъ, а для географіи—сочиненіе Пикертона. Читалъ онъ по два часа въ недѣлю. Прослѣдимъ изъ любопытства его чтенія въ первый семестръ 1809 года, такъ какъ въ концѣ 1808 года онъ ограничился лишь какимъ-то введеніемъ въ свои науки. Въ январѣ почему-то онъ излагалъ древнее состояніе Испаніи—изъ исторіи, а изъ географіи введеніе въ нее; въ февралѣ—продолжалъ исторію Испаніи, а изъ географіи—также объ Испаніи и прошелъ до Новой Кастиліи; въ мартѣ кончилъ исторію и географію Испаніи и началъ исторію и географію Португаліи; въ апрѣлѣ за болѣзнью рапорта не подалъ; въ маѣ занимался исторіею и географіею французской имперіи; въ іюнѣ продолжалъ то же самое; въ іюлѣ опять за болѣзнью рапорта не подалъ. Слушателей у него было 14, изъ которыхъ 5 на лекціи не ходили. Миллеръ, однако, не ограничился одними своими, и весьма обширными, предметами. Желаніе получать такъ называемыя *добавочныя деньги*, желаніе такъ часто, къ сожалѣнію, встрѣчавшееся и потомъ, даже въ послѣдніе годы, побудило его хлопотать о нихъ. Но Миллеръ не готовился ни къ какой специальности; читать по другой какой-либо каѳедрѣ онъ былъ не въ состояніи. «По силѣ устава Казанскаго университета,—пишетъ онъ къ попечителю,—должны быть при ономъ три лектора для преподаванія нѣмецкаго, французскаго и татарскаго языковъ, изъ которыхъ *каждому положено по 600 р.* А какъ я желаю остальное праздное *мнѣ*, отъ *теперьжней* должности, время, посвятить къ пользѣ университета, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. п. опредѣлить меня еще на должность лектора нѣмецкаго языка *съ означеніемъ упомянутаго жалованья*, и предписать о семъ куда слѣдуетъ». Попечитель разрѣшилъ согласно просьбѣ, но жалованье убавилъ, по закону, на половину, чѣмъ, разумѣется, Миллеръ остался недоволенъ. Онъ разсчитывалъ, что «сіе прирастаніе жалованья» поправитъ его состояніе, разстроенное продолжительнымъ переѣздомъ изъ Астрахани, долговременнымъ задержаніемъ на карантинахъ и запрещеніемъ везти съ собою изъ Астрахани такіе необходимые предметы, какъ постели, шубы и теплыя платья. Подлинныя свидѣтельства отъ карантинныхъ начальниковъ онъ, конечно, представилъ.

Разсчеты на «болѣе широкій кругъ дѣятельности» въ Казани (въ чемъ онъ видѣлъ этотъ широкій кругъ достаточно можно видѣть изъ изложеннаго), повидимому, не оправдались. Какъ только въ началѣ іюля кончились лекціи въ университетѣ, Миллеръ беретъ отпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ—искать лучшаго. Когда срокъ этого отпуска истекъ, попечитель продлилъ его еще на 29 дней,

«для окончанія дѣлъ», съ удержаніемъ однако-же жалованья. Но при возвращеніи Миллера въ Казань онъ далъ ему порученіе осмотрѣть по пути: Нижегородскую гимназію и состоящее при ней уѣздное училище, въ Макарьевѣ уѣздное училище и въ Чебоксарахъ и Козмодемьянскѣ два малыя училища. Для осмотра попечитель далъ ревизору подробную инструкцію, но, что было всего важнѣе для Миллера, онъ возвратилъ ему удержанное жалованье и снабдилъ его прогонными деньгами. Осмотръ Миллера имѣлъ вполнѣ поверхностный характеръ.

Поѣздка Миллера въ Петербургъ измѣнила судьбу его. Тамъ хлопоталъ онъ о лучшемъ мѣстѣ и по всей вѣроятности, при посредствѣ знакомыхъ ему нѣмецкихъ членовъ академіи наукъ, онъ заручился покровительствомъ сильнаго тогда въ администраціи лица— сибирскаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля. По его желанію, Миллеръ, въ началѣ ноября 1809 года, былъ назначенъ директоромъ Иркутской гимназіи и простился навсегда съ Казанскимъ университетомъ, которому служилъ съ небольшимъ годъ. Очевидно, на этотъ разъ выборъ Румовскаго былъ случаенъ и неудаченъ, въ чемъ онъ сознался и самъ. Яковкинъ, какъ только было получено извѣстіе о назначеніи Миллера директоромъ, писалъ къ попечителю: «Г. Миллера жалѣть нѣтъ никакой причины; это человѣкъ безхарактерный, безъ довольнаго усердія къ службѣ и безъ достаточныхъ знаній. Лекціи его состояли въ письмѣ выбора изъ прежнихъ моихъ сочиненій. Студенты были имъ весьма недовольны, а самъ онъ, чувствуя свою слабость, не посмѣлъ дать и экзамена при послѣднихъ публичныхъ» (7 дек. 1809 года). Съ этимъ заключеніемъ согласился вполнѣ и Румовскій. «О Миллерѣ и я не жалѣю,—отвѣчалъ онъ Яковкину.—Въ бытность его здѣсь (въ Петербургѣ) я узналъ его покороче, нежели при опредѣленіи въ учители, и онъ служитъ мнѣ наставленіемъ *сколь мало должно полагаться* на *одобренія постороннія*».

Уѣзжая изъ Казани, Миллеръ еще разъ обратился къ попечителю, который оставался его непосредственнымъ начальникомъ, такъ какъ Иркутская гимназія принадлежала къ Казанскому учебному округу, съ просьбою быть и въ будущемъ причисленнымъ къ Казанскому университету въ званіи корреспондента. Онъ высказывалъ желаніе принести ему пользу сообщеніемъ въ изданія его своихъ сочиненій. Одно его нѣмецкое сочиненіе «Статистическія свѣдѣнія объ Астрахани» было препровождено въ совѣтъ попечителемъ еще въ самомъ началѣ 1809 года для перевода и помѣщенія въ предполагаемыя изданія общества любителей словесности; другое «Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской гу-

берніи» было прислано для тѣхъ же изданій изъ Иркутска. Первая статья не была напечатана [1]). Попечитель назначилъ его членомъ-корреспондентомъ, но безъ жалованья. Первая просьба Миллера изъ Иркутска, адресованная къ попечителю, была о награжденіи его чиномъ, что слѣдовало по закону для опредѣляющихся въ Иркутскую губернію [2]). Въ званіи корреспондента университета Миллеръ

---

[1]) Въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" (1816 г., № 52) напечатана небольшая статейка его „Мой путь изъ Иркутска въ Киренскъ въ 1814 году".—„Историческое обозрѣніе" напечат. въ Період. сочин. объ успѣхахъ народн. просвѣщ. 1810 г. № XXVII, ст. 416—428.

[2]) Приведемъ еще для характеристики Миллера, этого неудачнаго избранника Румовскаго, два отрывка о немъ изъ писемъ Яковкина къ попечителю:

„Г. Миллеръ донынѣ еще въ Казани. Всѣ его поступки доказывали справедливость описанія его характера по письму, полученному мною подъ неизвѣстнымъ именемъ изъ Астрахани еще задолго до пріѣзда г. Миллера и представленному отъ меня тогда же на благоусмотрѣніе в. п. Главнѣйшею причиною искательства его въ Иркутскѣ должности директора есть слѣдующій чинъ, обыкновенно даемый отправляемымъ въ Иркутскъ. Честолюбіе неотмѣнно требовало пожертвовать спокойствіемъ, большимъ противъ нынѣшняго его жалованьемъ (только на 100 р.) и значительными путевыми издержками, за кои награда основана на таковыхъ же спекуляціяхъ, какъ онъ самъ говаривалъ, на каковыхъ основанъ былъ и переѣздъ его изъ Астрахани въ Казань, то-есть, на привозѣ и распродажѣ разныхъ товаровъ, между прочимъ главнѣйше женскихъ шалей; а Иркутскъ къ спекуляціямъ представляетъ гораздо больше способовъ. — Но предварительно смѣю донести в. п., что поелику не только знакомые его, но даже и облагодѣтельствовавшіе его здѣсь, въ Казани, отзываются объ его качествахъ съ весьма непохвальной стороны, то онъ еще болѣе Протопопова нанесетъ безпокойствій и огорченій какъ в. п., такъ и впредь училищному комитету. Грѣшно какъ хвалить, такъ и хулить несправедливо, а правда, ежели не въ настоящемъ, то въ будущемъ времени всегда окажется" (10 янв. 1810 г.).

„Недавно узналъ я достовѣрно о новыхъ проискахъ г. Миллера. Разспрашивалъ онъ меня прежде много о Большой Бухаріи, и о Туркменіи и о бывшемъ въ старину теченіи рѣки Аму въ Каспійское море и получилъ отъ меня нѣкоторыя старинныя карты Каспійскаго моря, въ томъ числѣ сочиненную всего прибрежья онаго бывшимъ адмираломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ еще лейтенантомъ. Разговаривалъ онъ также со многими татарами, бывавшими или жившими долго въ Бухаріи. Изъ всего того составился прожектъ, чтобы для торговли Россіи Аму провести опять въ Каспійское море, который препроводилъ онъ къ князю Григорію Семеновичу Волконскому и къ гг. министрамъ коммерціи и внутреннихъ дѣлъ, а едва ли къ г. министру просвѣщенія. надѣясь употребленъ быть въ числѣ отличныхъ чиновниковъ, въ званіи исторіографа, при посольствѣ, предполагавшемся въ Бухарію. О дальнѣйшемъ успѣхѣ ничего не могу донести; но видно, что ему не удались сіи затѣи; а потому-то уже и прибѣгнулъ онъ къ г. Пестелю" (17 янв. 1810 г.).

все же, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока онъ оставался директоромъ Иркутской губерніи (до 1815 года), дѣлалъ разныя сообщенія, которыми, впрочемъ, пользовались мало. Онъ посылалъ для кабинетовъ университета нѣкоторые мѣстные предметы: сушеныя растенія иркутской флоры, китайскія книги, минералы, штуфы и пр. За посылки получалъ онъ денежныя награды.

Мы знаемъ, что попечитель Румовскій, какъ математикъ и астрономъ, обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы каѳедры математики въ Казанскомъ университетѣ были замѣщены достойнымъ образомъ. Въ этой области знанія онъ самъ былъ судьею и ему не было надобности въ чужихъ совѣтахъ и въ чужой рекомендаціи. Мы видѣли, какъ онъ высоко цѣнилъ Бартельса, приглашеннаго имъ въ Казань на каѳедру чистой математики, какъ онъ радовался пріобрѣтенію этого достойнаго ученаго, родоначальника математическаго преподаванія въ Казани. Приглашеніе Бартельса послѣдовало въ самый первый годъ существованія университета. Но когда очень скоро послѣ даннаго имъ Румовскому обѣщанія ѣхать въ Казань, Бартельсъ отказался отъ этого намѣренія, имѣя въ виду предстоящую ему научную дѣятельность на родинѣ, въ Брауншвейгѣ, Румовскій поручилъ ему пріискать для Казанскаго университета достойнаго математика. Еще въ 1806 году Бартельсъ указалъ Румовскому, какъ на достойнаго ученаго, получившаго солидное образованіе въ Гёттингенскомъ университетѣ и приватъ-доцента его (1802—1805) доктора философіи *Каспара-Фридриха Реннера* (род. въ 1780 году) [1]). Онъ уже напечаталъ одно сочиненіе по математикѣ [2]) и изъявляя свое согласіе принять предлагаемую ему профессуру въ Казани, послалъ Румовскому еще небольшой, писанный по-французски мемуаръ «Sur les caustiques par refraction», относящійся къ трансцендентальной геометріи. «Изъ него я заключилъ,—писалъ попечитель въ своемъ представленіи къ министру,—что г. Реннеръ достоинъ званія профессорскаго». Однако, онъ предложилъ Реннеру жалованья на 500 рублей меньше, чѣмъ Бартельсу, обѣщая увеличеніе «по открытіи университета»; также

---

[1]) Это настоящее его имя. Въ нѣмецкихъ библіографическихъ каталогахъ и у *Poggendorff'a*, „Biographisch-litterarisches Wörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften“, 2-er B. Leipz. 1863, онъ называется Христіаномъ Францомъ. Русскіе звали его—Каспаръ Ѳедоровичъ.

[2]) „Anfangsgründe der Algebra“, Münster. 1805. 8°. Другое сочиненіе Реннера напечатано было имъ во время службы въ Казани: „Disquisitiones ad calculum integralem finitorum spectantes“. Mitau. 1810. 4°.

и на переѣздъ просилъ онъ у министра для Реннера нѣсколько меньше. Сообщая объ этомъ Бартельсу, Румовскій оговаривается однако: «Я полагаю, пишетъ онъ, что г. Реннеръ не сочтетъ для себя обидою, что я не ставлю его на одну доску съ вами». Вопросу, задаваемому имъ Бартельсу: знакомъ ли Реннеру языкъ латинскій,—отвѣтомъ служилъ печатный трудъ Реннера по Тациту, чѣмъ былъ очень доволенъ Румовскій, самъ переводившій римскаго историка [1]). Получивъ согласіе Реннера, Румовскій представилъ его къ утвержденію (іюнь, 1807 г.), съ тѣмъ, чтобъ выдача жалованья началась не ранѣе, какъ по явкѣ его въ Петербургъ. Деньги на проѣздъ онъ долженъ былъ получить тамъ же. Утвержденіе не замедлило послѣдовать.

Между тѣмъ Реннеръ не скоро еще пріѣхалъ въ Россію. Изъ писемъ его видно, что денегъ у него на путешествіе не было, что надобно было высылать ихъ ему, что по полученіи этихъ денегъ въ ноябрѣ, онъ не рѣшается, какъ предполагалъ сначала, сдѣлать этотъ переѣздъ моремъ, опасаясь зимнихъ бурь. Затѣмъ почему-то поѣздка Реннера откладывается до весны слѣдующаго года. Въ Штетинѣ онъ заболѣлъ, пролежалъ нѣсколько недѣль и долженъ былъ снова дожидаться денегъ на переѣздъ, такъ что къ Румовскому въ Петербургъ онъ явился лишь 20-го іюля 1808 года. Пробывъ недолго въ столицѣ, 12-го сентября этого года, послѣ двухнедѣльнаго пути, онъ могъ уже писать попечителю изъ Казани: «Je me rejouis du bonheur de vivre dans une jolie ville où de la part de mes collègues j'ai trouvé l'accueil le plus agréable». Бартельсъ, пріѣхавшій въ Казань семью мѣсяцами ранѣе, встрѣтилъ своего соотечественника и, конечно, не замедлилъ познакомить его съ новою средою. И помѣщенъ онъ былъ, по предписанію попечителя, въ отдѣленіи *новаго зданія*, на одной половинѣ съ Бартельсомъ.

Въ теченіе восьмилѣтняго служенія своего Казанскому университету, Реннеръ является передъ нами исключительно строгимъ ученымъ и профессоромъ, преданнымъ своему дѣлу. Какъ человѣкъ холостой, не имѣвшій семьи, съ самаго опредѣленія получившій званіе ординарнаго профессора, т.-е. то высшее званіе, дальше котораго нейдетъ ученый, выбравшій университетскую службу, если его не соблазняютъ выгоды административной карьеры, Реннеръ ничего не искалъ, ничего не добивался лично для себя и не участвовалъ ни въ какихъ коалиціяхъ и партіяхъ. Это была натура

---

[1]) „Lebensbeschreibung des Jul. Agricola, latein. u. deutsch, mit Anmerkk." von *K. F. Renner u. J. K. Finke*. Götting. 1808. 8.—Второе изданіе этой книжки сдѣлано было извѣстнымъ Августомъ Шлегелемъ въ 1818 году.

спокойная и ровная, жившая постоянно въ умственныхъ интересахъ. Любимымъ занятіемъ его были языки и онъ зналъ почти всѣ европейскіе. По смерти его профессоръ Германъ искалъ испанскую грамматику, взятую у него Реннеромъ. Любимымъ классическимъ авторомъ этого математика, какъ и попечителя Румовскаго, былъ Тацитъ, котораго жизнь Агриколы онъ издалъ до переѣзда въ Россію. Можетъ быть, что между языкомъ этого классика и языкомъ интегральнаго счисленія существуетъ какое-то неуловимое сходство въ сжатости выраженія и въ глубинѣ содержанія. Въ Казани Реннеръ переводилъ на нѣмецкій языкъ «Лѣтописи» Тацита и первая часть перевода была разсмотрѣна и одобрена цензурнымъ комитетомъ при университетѣ [1]). Умъ, точный и глубоко образованный, привычный къ строгой логикѣ математическихъ формулъ, полнота содержанія его лекцій, читанныхъ на изящномъ французскомъ языкѣ, все это осталось въ памяти его первыхъ слушателей, вспоминавшихъ о немъ съ уваженіемъ. Мы слышали эти отзывы отъ двухъ лучшихъ учениковъ его, которые сами сдѣлались потомъ выдающимися математиками и профессорами. Это были причины, почему, просматривая архивныя бумаги университета за все время службы Реннера, мы не могли найти ни одного случая, гдѣ бы имя его поминалось вмѣстѣ съ прочими въ какой-либо университетской исторіи. Даже богатая мелкими подробностями переписка Яковкина съ попечителемъ Румовскимъ не доставила намъ ни одного упоминанія о Реннерѣ, кромѣ приведеннаго нами выше увѣдомленія о его пріѣздѣ въ Казань. Когда, послѣ неожиданной смерти Реннера, тогдашній ректоръ Браунъ послалъ по членамъ университетской корпораціи повѣстку съ вопросомъ о томъ: не долженъ ли покойный кому-нибудь изъ нихъ или ему кто-либо, Яковкинъ сдѣлалъ на ней слѣдующую надпись: «Съ покойнымъ профессоромъ Реннеромъ никогда не имѣлъ никакой связи, ни сношеній». Только разъ онъ не выдержалъ, возмутившись, и безъ сомнѣнія сильно, безцеремоннымъ обращеніемъ съ книгами, къ какому онъ не привыкъ на своей нѣмецкой родинѣ. «Посѣтивъ вчера 29-го іюля (1813 г.) здѣшнюю университетскую библіотеку,—пишетъ онъ въ своей нѣмецкой бумагѣ, поданной имъ въ совѣтъ,—къ моему величайшему удивленію, я нашелъ въ одномъ

[1]) Это одобреніе къ печати послѣдовало незадолго до смерти Реннера. Любопытенъ латинскій рапортъ Френа въ этотъ комитетъ (collegium arbitrorum librorum vulgandorum), на которомъ основывалось одобреніе: „Praelecto libro mspto cel. professoris Renner: „C. Corn. Tacitus Jahrbücher römischer Geschichte, teutsch herausgegeben“, testor me in eo non invenisse, ex quo vel religio vel respublica vel mores boni vel alicujus fama detrimenti quid capiant“. Судьба этого перевода намъ неизвѣстна; напечатанъ онъ не былъ.

изъ ея отдѣленій нѣсколько кадокъ, наполненныхъ мукою, сохраняемыхъ тамъ г. адъюнктомъ Кондыревымъ (исправлявшимъ тогда должность библіотекаря по смерти профессора Сторля). Такъ какъ это обстоятельство необходимо должно способствовать еще большему разведенію мышей и крысъ, отчего грозитъ опасность книгамъ Императорской библіотеки, то я покорнѣйше прошу совѣтъ принять мѣры къ удаленію изъ нея кадокъ съ мукою». Бумага была подана въ вакаціонное время; Кондыревъ былъ въ отпуску, но когда этотъ хозяйственно-запасливый библіотекарь воротился и узналъ, что ключи отъ библіотеки «съ вѣдома начальства» (т.-е. попечителя Салтыкова), были переданы Реннеру и что кадки «были вынесены въ корридоръ, не весьма удобный для храненія муки», какъ онъ пишетъ въ своей оправдательной бумагѣ, поданной имъ въ совѣтъ, онъ жестоко обидѣлся, что «все сдѣлано письменно и внесено въ протоколъ для его обвиненія». Старается онъ доказать, что кадки съ мукою находились «въ деревянномъ ящикѣ, крѣпкомъ и почти закупоренномъ такъ, что едва могла пройти туда и муха», а слѣдовательно и мыши. Изъ этого объясненія Кондырева мы узнаемъ, что онъ даже жилъ нѣкоторое время въ библіотекѣ послѣ какого-то пожара. Впрочемъ. эпизодъ этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Реннеръ сталъ читать прикладную математику немедленно по пріѣздѣ, съ октября 1808 года. Началъ онъ, однако, съ коническихъ сѣченій, затѣмъ перешелъ къ объясненію кривыхъ линій и къ началамъ механики. Объяснялъ онъ, руководствуясь способомъ Монжа (Traité de statique, 1788), съ нѣкоторыми своими прибавленіями. Въ слѣдующіе за тѣмъ немногіе годы своего преподаванія, Реннеръ читалъ: *высшую механику* по Карстену и *начала оптики* по сокращенію того же автора; иногда Карстена замѣнялъ Эйлеръ (Theoria motus corporum solidorum и Dioptrica), Шмидтъ, Боссю (Traité de mécanique, 1792). Съ желающими онъ занимался *практической геометріею* «по руководству славнаго Майера» (*Mayer*, Johann Tobias, проф. физики въ Гёттингенскомъ университетѣ, 1752—1830). Читалъ Реннеръ иногда 4 часа, но чаще 6 часовъ въ недѣлю и всегда очень рано, съ 8 часовъ утра. Слушателей у него сначала было 5 человѣкъ, а потомъ осталось только трое, уже извѣстные намъ братья Лобачевскіе и Симоновъ. Кромѣ чтенія лекцій, Реннеръ, въ послѣдніе два года своей жизни, въ 1814 и 1815 году, былъ по выбору совѣта членомъ училищнаго комитета и въ 1815 году, въ званіи визитатора, въ сопровожденіи адъюкта Ренарда, дѣлалъ осмотръ училищъ Пензенской и Тамбовской губерній, заслужившій полное одобреніе университетскаго совѣта.

Не считаемъ нужнымъ входить въ подробности этого осмотра

пензенскихъ и тамбовскихъ училищъ, такъ какъ въ немъ не выступаетъ личность Реннера. Визитація эта имѣла тотъ же общій характеръ, какъ и прежнія, о которыхъ мы разсказывали въ первой части книги: Яковкина, Запольскаго и Кондырева; порядокъ осмотра былъ почти тотъ же. Только у Реннера и Ренарда была очень подробная, тщательно выработанная училищнымъ комитетомъ университета инструкція, слѣдуя которой визитаторы могли составить себѣ совершенно опредѣленное представленіе объ обозрѣваемыхъ ими училищахъ. Обширные протоколы осмотра, прекрасно переписанные, представляютъ любопытный современный матеріалъ для историка нашего просвѣщенія. Реннеръ, конечно, плохо зналъ русскій языкъ; его латинскія обращенія къ представителямъ провинціальнаго общества, собравшимся на публичные экзамены, къ корпусу учителей гимназіи или главнаго народнаго училища, были, безъ сомнѣнія; гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но спутникъ его, адъюнктъ скотоврачебной науки, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, владѣлъ вполнѣ русскимъ языкомъ. Бесѣды съ каждымъ учителемъ отдѣльно о предметѣ имъ преподаваемомъ, объ учебникахъ, о недостаткахъ училищъ въ томъ или другомъ отношеніи, письменныя заявленія отъ каждаго учителя, потребованныя визитаторами и разсмотрѣнныя въ общихъ засѣданіяхъ, а число послѣднихъ приходилось по 12 на Пензу и Тамбовъ, все это дѣйствительно должно было имѣть значеніе для успѣховъ нашего молодого народнаго просвѣщенія. Въ училищный комитетъ университета визитаторы представили 25 статей, т.-е. 25 мѣръ улучшеній или измѣненій къ лучшему въ тѣхъ училищахъ, которыя были осмотрѣны ими. Визитаторы вникали въ малѣйшія подробности и разбирали разные случаи, представившіеся имъ при обозрѣніи. Такъ въ Тамбовѣ они отстранили отъ преподаванія первоначальному чтенію и письму и изученія часослова и псалтыря мѣщанина Малина (такіе частные учителя вносили тогда въ казну 5% съ каждаго рубля получаемой ими съ учениковъ годовой платы) на томъ основаніи, что Малинъ принадлежитъ къ молоканской сектѣ и «исполняя оную секту во всей полнотѣ,—какъ рапортуетъ директоръ тамбовскихъ училищъ (20-го янв. 1816 г., № 17),—не содержитъ принятыхъ православною церковью священныхъ обрядовъ и не признаетъ единосущнаго Бога въ Троицѣ». Напрасно Малинъ, не отвергая того, что онъ «исповѣданія древнія религіи христіанской, подъ названіемъ молокановъ», два раза обращался въ совѣтъ университета съ просьбою снять съ него запрещеніе, доказывая, что онъ не склоняетъ учениковъ въ секту, что учитъ онъ по книгамъ, существующимъ «въ общую пользу»; напрасно родители учениковъ Малина, тамбов-

скіе жители, мѣщане, купцы разныхъ гильдій и частію мелкіе чиновники (было до пятидесяти подписей) заступались за учителя, свидѣтельствовали, что Малину 50 лѣтъ, что дѣти ихъ у него очень скоро выучиваются «чтенію и письму по-россійски», что онъ «тѣлеснаго наказанія никому не чинитъ, а каждаго поощряетъ ласкою и благонравнымъ наставленіемъ», что онъ не преподаетъ и не толкуетъ закона Божія,—его лишили права учить. Въ Пензѣ визитаторы явились примирителями. Взаимныя неудовольствія директора и учителя нѣмецкаго языка Цитреуса прекращены были въ присутствіи ихъ миромъ. Составленъ былъ за общимъ подписомъ «актъ миролюбія». Въ Краснослободскѣ визитаторы также къ общему удовольствію покончили дѣло, тянувшееся года два и возникшее вслѣдствіе оффиціальной жалобы городничаго на смотрителя училища іерея Любимова, часто прибѣгавшаго къ мѣрамъ жестокаго наказанія учениковъ розгами.

Если вѣрить словамъ оффиціальной переписки, а въ данномъ случаѣ мы не можемъ въ томъ сомнѣваться, то визитаторы, по словамъ письма правившаго тогда должность тамбовскаго губернатора къ попечителю Казанскаго учебнаго округа, «въ полной мѣрѣ оправдали довѣренность университета, на нихъ возложенную, для блага нашихъ еще въ юношествѣ находящихся училищъ». Съ своей стороны и визитаторы просили совѣтъ университета изъявить благодарность за покровительство и вниманіе къ наукѣ разнымъ лицамъ: Тамбовскому преосвященному Іонѣ, губернатору Безобразову, вице-губернатору Шредеру, полицмейстеру Похвисневу, Пензенскому губернскому предводителю дворянства Колокольцеву, Козловскому уѣздному предводителю, Моршанскому городскому головѣ, даже капитану Пензенской внутренней стражи Григорьеву за помѣщеніе визитаторовъ въ своемъ домѣ (купецъ Алферовъ, въ домѣ котораго назначена была полиціей квартира визитаторамъ, не пустилъ ихъ и полиція ничего не могла подѣлать) и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Въ то время просвѣщеніе еще цѣнилось и уважалось въ провинціи; признаки начинающейся и скоро наступившей реакціи, съ ея враждою къ образованію, были едва замѣтны и мы совершенно увѣрены, что перечисленныя лица съ большимъ удовольствіемъ читали выраженную имъ благодарность университетскаго совѣта за сочувствіе къ дѣлу народнаго просвѣщенія, тогда еще не заподозрѣнному.

Весною 1816 года Реннеръ, несмотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, обѣщавшее, при его умѣренной и дѣятельной жизни, по выраженію современника, «глубокую и покойную старость», захворалъ корью, усложнившеюся горячкою (вѣроятно тифомъ) и умеръ

4-го іюня 1816 г. Некрологъ его, составленный, по всей вѣроятности, кѣмъ-либо изъ его молодыхъ слушателей и напечатанный въ мѣстномъ изданіи [1]), несмотря на свою краткость, зависѣвшую отъ тогдашнихъ условій писательства, проникнутъ, однако, большимъ сочувствіемъ къ покойнику. «Знанія въ наукахъ,—говорится въ немъ,—присоединили его имя къ членамъ физикальнаго Гёттингенскаго общества, а душевныя качества ввели его въ небольшой кружокъ друзей, сѣтующихъ о своей потерѣ» [2]).

Не такъ удачно было опредѣленіе въ Казанскій университетъ другого Реннера, родственника математика, на каѳедру скотолѣченія. Проѣздомъ въ Казань, Бартельсъ познакомился съ нимъ въ Москвѣ и писалъ Румовскому, что этотъ двоюродный братъ математика—*Теобальдъ Реннеръ* (род. 4-го іюня 1779 г. въ Бременѣ), служившій тогда ветеринаромъ при московской полиціи, какъ передавали ему нѣмецкіе профессора въ Москвѣ, пользуется тамъ большою извѣстностью по своимъ познаніямъ. Бартельсъ сообщалъ, что Реннеръ скоро получитъ ученую степень и намѣренъ обратиться къ Румовскому съ просьбою о каѳедрѣ.

Въ своемъ письмѣ къ попечителю, Реннеръ передаетъ, что онъ учился въ «медико-хирургической коллегіи и славной берлинской ветеринарной школѣ», что пріѣхалъ онъ въ Россію въ 1802 году, что, несмотря на свое служебное положеніе въ качествѣ практическаго ветеринарнаго врача, онъ «посвящалъ все отъ должности свободнымъ остающееся время упражненію въ медицинскихъ и физическихъ наукахъ», что въ этомъ отношеніи онъ весьма много обязанъ Московскому университету, гдѣ въ качествѣ члена-основателя, онъ состоитъ при Императорскомъ обществѣ испытателей

---

[1]) „Казанскія Извѣстія", 1816 г., № 48.

[2]) По смерти Реннера оказались нѣкоторые неуплаченные имъ долги по текущимъ счетамъ въ Казани, не было денегъ на похороны, да отъ синдика Гёттингенскаго университета поступилъ реестръ долговъ на 412 рейхсталеровъ. По уставу 1804 года правленіе распорядилось продажею съ публичнаго торга имущества покойнаго, которое состояло въ кое-какой мебели, посудѣ, носильномъ платьѣ, бѣльѣ, книгахъ и, наконецъ, арфѣ (по описи значутся и рукописи перевода Тацита и нѣкоторыя математическія, которыя взяты были, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ сослуживцевъ). Сумма, вырученная отъ продажи, была такъ незначительна, что правленіе университета удовлетворило кредиторовъ 34 коп. за рубль. Любопытно, что болѣе чѣмъ чрезъ тридцать лѣтъ по смерти Реннера, въ 1847 году, покойнаго вспомнили почему-то на его родинѣ: ганноверскій генеральный консулъ просилъ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ доставить ему свѣдѣнія о томъ, не оставилъ ли Реннеръ послѣ себя наслѣдниковъ въ Россіи и не осталось ли послѣ него какого имущества.

природы. Упоминаетъ Реннеръ и о «нѣкоторомъ знаніи россійскаго языка», а потому,—заключаетъ онъ,—«въ семъ званіи (профессора скотолѣченія въ Казанскомъ университетѣ), ласкаюсь надеждою принести отечеству гораздо болѣе пользы, нежели всякій другой нововыписанный изъ чужихъ краевъ профессоръ въ состояніи будетъ то сдѣлать за незнаніемъ русскаго языка, ибо скотолѣчебная практика требуетъ многихъ и весьма частыхъ сношеній съ простымъ народомъ и крестьянами». Читать лекціи онъ намѣренъ или по-латыни или по-французски,—какъ угодно будетъ попечителю. Больше всего настаиваетъ онъ на своихъ научныхъ занятіяхъ: «Полученіемъ профессуры скотолѣченія въ Казани,—пишетъ онъ,—приведенъ я буду въ состояніе заняться свободнѣе обработываніемъ тѣхъ частей скотолѣченія, которыя по пріобрѣтенному мною въ путешествіяхъ моихъ по разнымъ русскимъ губерніямъ (до полиціи Реннеръ служилъ ветеринаромъ при конномъ заводѣ графа Ѳ. В. Ростопчина), довольно достаточному познанію внутренняго состоянія государства, почитаю особенно нужными для Россіи, и въ коихъ занятіяхъ теперь я часто бываю прерываемъ разными по должности дѣлами». При этомъ письмѣ, переведенномъ и писанномъ кѣмъ-либо въ Москвѣ, Реннеръ приложилъ «маленькій опытъ трудовъ» своихъ [1]).

Чтобы поскорѣе «рѣшить участь человѣка, ревнующаго посвятить всѣ силы свои служенію и пользѣ первой въ свѣтѣ монархіи», президентъ общества испытателей природы профессоръ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, рекомендовалъ Реннера весьма лестнымъ образомъ Румовскому чрезъ посредство вліятельнаго члена Академіи Наукъ, непремѣннаго секретаря ея Н. Фусса, и, сверхъ того, писалъ о немъ въ Казань къ Фуксу. Не основываясь, однако, на чужихъ рекомендаціяхъ и не считая себя достаточнымъ судьей въ ветеринарной наукѣ, попечитель не представилъ Реннера прямо отъ себя министру на утвержденіе, но въ первый разъ при назначеніи въ Казань профессора, препровождая въ совѣтъ сочиненіе Реннера, попросилъ резолюціи членовъ по части отдѣленія врачебныхъ наукъ, а оно, какъ и университетъ, было еще не открыто. Подходящихъ для сужденія членовъ, какъ мы знаемъ, было тогда въ Казани только двое: медикъ, но профессоръ естественной исторіи и ботаники Фуксъ и профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки—Браунъ. Оба они очень скоро, въ апрѣлѣ того

---

[1]) Это была небольшая статья, помѣщенная въ „Mémoires de la société des sciences naturelles de Moscou“ 1806 года: „Les observations sur l'épizootie de l'année 1805“.

же года, дали свои заключенія. Очевидно, однако, что и они не были настоящими судьями по наукѣ Реннера; самъ Фишеръ хвалилъ его только за помощь, оказываемую имъ при анатомическихъ изслѣдованіяхъ труповъ животныхъ. Фуксъ въ своемъ очень краткомъ мнѣніи восторгался красотою французскаго языка Реннера (persensi magna cum animi voluptate stilum in lingua gallica peroptime perfectum) и простотою употребленныхъ имъ средствъ (via medendi auctoris nostri cernatur in simplicitate quadam ingenua et popularitate artis). Затѣмъ онъ въ нѣсколькихъ только словахъ излагаетъ содержаніе статьи Реннера, высказывая свое удовольствіе, что Реннеръ обратилъ вниманіе на вліяніе погоды на эпизоотію (лошадиную) и сообщилъ нѣсколько исторій болѣзней. Исполняя просьбу Фишера, Фуксъ ограничился общими похвалами. Добросовѣстный же Браунъ, съ своей стороны, прямо заявилъ совѣту, что его свѣдѣнія въ ветеринарной части такъ незначительны, что онъ не въ состояніи дать своего заключенія ни о сочиненіи Реннера, ни о томъ, какого онъ званія въ университетѣ достоинъ: адъюнктскаго или профессорскаго. «Одно только я могу утвердительно сказать,—заключаетъ Браунъ,—что отъ представителя ветеринарной науки, если мы желаемъ получить отъ нея пользу, мы должны требовать весьма многихъ и разнообразныхъ познаній и медицинскихъ и естественно-научныхъ, но владѣетъ ли ими г. Реннеръ—я не знаю».

Несмотря на неопредѣленность отзывовъ, попечитель предложилъ Реннеру каѳедру скотолѣченія съ званіемъ экстраординарнаго профессора; Реннеръ старался «обезпечить себя въ разсужденіи дровъ и квартиры» и выговорилъ прибавку къ жалованью въ 300 рублей и на путевыя издержки отъ Москвы—200 рублей. Онъ былъ утвержденъ министромъ 1-го августа 1808 года и попечитель, отправляя деньги на переѣздъ къ Реннеру, просилъ его поспѣшить отправиться въ Казань и увѣдомить его о днѣ выѣзда.

Но Реннеръ, однако, въ Казань не пріѣхалъ. Тотчасъ послѣ назначенія своего, въ августѣ 1808 года, онъ писалъ Румовскому, что еще находится на казенной должности, что удерживаетъ его начальство, такъ какъ въ Москвѣ свирѣпствуетъ эпидемическая и заразительная болѣзнь въ коровахъ. Въ октябрѣ онъ писалъ, что зараза еще продолжается, что ему совѣстно оставить въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ свои служебныя обязанности, что скоро явится его преемникъ и что тогда онъ не замедлитъ отъѣздомъ своимъ въ Казань. Но этого преемника Реннеру не увольняли, за неимѣніемъ другого, изъ придворнаго конюшеннаго вѣдомства, гдѣ онъ служилъ, и Реннеръ не ѣхалъ. Прошло восемь мѣсяцевъ и Румовскій

категорически спрашиваетъ его въ іюлѣ 1809 года—не перемѣнилъ ли Реннеръ своего намѣренія. Только въ письмѣ, писанномъ въ ноябрѣ 1809 года, Реннеръ старается объяснить попечителю причины, почему ему уже болѣе не представляется возможности ѣхать въ Казань, но объясненія его очень темны. По словамъ его, онъ совсѣмъ уже былъ готовъ ѣхать въ Казань въ маѣ того же года, но внезапное страданіе груди заставило его для излѣченія провести нѣсколько времени въ деревнѣ. Тамъ, живя у родственниковъ, онъ познакомился съ особою, которая открыла ему возможность карьеры счастливой и блестящей въ томъ, однако, только случаѣ, если онъ останется въ Москвѣ, и, конечно, Реннеръ долженъ былъ воспользоваться этимъ. Правда, онъ увѣряетъ попечителя, что, получивъ его послѣднее письмо, онъ долго убѣждалъ особу, «отъ которой зависитъ его счастіе, дозволить ему выполнить обязательства, данныя имъ Казанскому университету и слѣдовать за нимъ туда», но получилъ полный отказъ. Тогда только онъ рѣшился увѣдомить Румовскаго, что онъ не поѣдетъ. Въ декабрѣ попечитель представилъ министру объ увольненіи Реннера [1]).

Тою же осенью 1808 года, въ самомъ началѣ академическаго года, когда одинъ за другимъ являлись въ Казань упомянутые нами нѣмецкіе профессоры: Вуттигъ, Миллеръ и Реннеръ, прибылъ наконецъ и *нѣмецкій философъ*, котораго давно ждали. Послѣ смерти перваго адъюнкта этой науки наукъ — Левицкаго († 1807), которому его «тучное тѣлосложеніе», по характерному выраженію Яковкина, «воспрещало заниматься умозрительностью», занять эту каѳедру очень желали, какъ мы знаемъ, и Городчаниновъ, не имѣя на то никакихъ основаній и Запольской, преподававшій логику и психологію въ гимназіи, говорившій въ ходатайствахъ своихъ о каѳедрѣ о «своей преимущественной склонности къ философіи». Въ январѣ 1808 года Румовскій сообщалъ въ Казань Яковкину: «Чтобы не затруднить г. Запольскаго, я та-

---

[1]) Изъ біографіи Теобальда Реннера напечатанной въ „Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета", ч. 2, стр. 348—349. въ которой, впрочемъ, ничего не говорится объ отношеніяхъ его къ Румовскому и Казани, видно, что въ Москвѣ онъ получилъ въ 1810 году степень доктора медицины и въ томъ же году сдѣлался тамъ экстраординарнымъ профессоромъ скотолѣченія, но служилъ не долго, до 1812 года. Въ 1816 году онъ уѣхалъ въ Германію и умеръ въ 1850 году профессоромъ сравнительной анатоміи и директоромъ ветеринарнаго института, учрежденнаго при Іенскомъ университетѣ.

кого мнѣнія, чтобы классы г. Городчанинова (по философіи) никѣмъ заняты не были, потому что въ непродолжительномъ времени отправится въ Казань профессоръ философіи Фойгтъ, бывшій прежде сего профессоромъ въ Дерптѣ, но удалившійся отъ онаго по причинѣ распрей между бывшими кураторами и внутреннихъ несогласій. Сіе обстоятельство рѣшитъ содержаніе письма, поданнаго вамъ отъ Запольскаго» (въ немъ послѣдній хлопоталъ о переходѣ на каѳедру философіи).

Кто такой былъ этотъ нѣмецкій философъ, представителемъ какой философской системы является онъ въ Казани? Начало вѣка, какъ всѣмъ извѣстно, было полно въ Германіи такимъ напряженнымъ развитіемъ философской мысли, что ея вліянія не могла избѣжать ни одна наука. Въ нѣмецкихъ университетахъ господствовали совершенно сложившіяся, съ опредѣленнымъ содержаніемъ системы; необходимо стало для всякаго образованнаго человѣка, для всякаго университетскаго слушателя въ то время принадлежать къ той или другой системѣ, jurare in verba того или другого великаго учителя. Система субъективнаго идеализма Фихте была уже вполнѣ закончена и имѣла много послѣдователей. До времени появленія Фойгта въ Казань развилась окончательно и Шеллингова система объективнаго идеализма, сложилась вся натуръ-философія его многочисленныхъ послѣдователей; всѣ главнѣйшія сочиненія Шеллинга, по которымъ исключительно занимаетъ онъ многія страницы въ исторіи науки, были написаны до 1807 года. Правда, войны съ французами и владычество Наполеона тяготѣли надъ этою могучею философскою мыслью, но намъ кажется, что эти внѣшнія обстоятельства, въ силу народнаго характера, придавали ей еще больше силы и интенсивности. Въ тотъ годъ, когда Фойгтъ собирался въ Казань, Фихте читалъ въ Берлинѣ свои знаменитыя «Reden an die deutsche Nation», которыя дѣйствительно создали *націю;* незадолго до того вышла изъ печати «Феноменологія духа» Гегеля, предисловіе къ которой авторъ дописывалъ подъ громъ іенскихъ пушекъ, долетавшій въ его уединенный кабинетъ. Казалось столь естественнымъ, и мы такъ долго думали это, до болѣе подробнаго знакомства съ архивными документами, что Фойгтъ, слушавшій лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, профессоръ *умозрительной и практической философіи,* какъ называлась каѳедра въ уставѣ 1804 г., никакъ не могъ избѣжать вліянія того сильнаго развитія философской мысли, которое господствовало въ современной Германіи, и необходимо долженъ былъ принести съ собою на каѳедру въ Казани, если не яркую окраску той или другой системы, то, по крайней мѣрѣ, слѣды ихъ вліяній. Таковъ былъ, хотя и нѣсколько позд-

*

нѣе, харьковскій профессоръ Романъ Шадъ [1]). Въ то время, когда Фойгтъ былъ уже назначенъ въ Казань, къ попечителю обратился письмомъ, съ просьбою о каѳедрѣ, довольно извѣстный въ послѣднихъ годахъ прошлаго и въ первыхъ настоящаго вѣка составитель множества популярныхъ учебниковъ по разнымъ наукамъ, но преимущественно по исторіи, бывшій тогда профессоромъ философіи въ Виттенбергскомъ университетѣ, Пёлицъ. Не будь дѣло объ опредѣленіи Фойгта уже рѣшено въ то время, очень можетъ быть, что вмѣсто него попалъ бы на каѳедру философіи этотъ нѣмецкій полигисторъ. Пёлицъ, какъ видно изъ письма его, читалъ университетскія лекціи впродолженіе 14 лѣтъ, и по разнымъ наукамъ. которыя онъ и перечисляетъ. Кромѣ философскихъ наукъ, онъ читалъ и готовъ былъ читать: и права, и финансы, и богословіе, и всеобщую грамматику, и всеобщую исторію, и географію, и статистику. Мотивы, выставляемые имъ для переселенія въ Россію, заключались въ недостаточности получаемаго имъ содержанія и въ дороговизнѣ всего, наступившей въ Виттенбергѣ вслѣдъ за войною 1806 года и побѣдами французовъ. Румовскій все же предложилъ Пёлицу профессуру въ Казани (съ точностью не знаемъ какую), но Пёлицъ, въ февралѣ 1809 года, увѣдомилъ попечителя, что обстоятельства его измѣнились, и, что несмотря на свое желаніе, онъ принужденъ отказаться. «Совершенно неожиданно,—писалъ онъ,—вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лѣстницы въ своей библіотекѣ, университетъ лишился нашего знаменитагѣ профессора Шрёкка. Послѣ его смерти здѣшняя профессура исторіи сдѣлалась вакантною и его величество (король саксонскій) передалъ ее недавно мнѣ. Въ то же время, вслѣдствіе смерти Шрёкка, перешли ко мнѣ и здѣшняя семинарія и редакція Виттенбергскаго еженедѣльнаго листка. Съ моей стороны было бы большою неблагодарностью, еслибъ я, послѣ такихъ милостей, оставилъ это государство». Пёлицу, впрочемъ, Казань была обязана такимъ замѣчательнымъ медикомъ и ученымъ, какимъ былъ рекомендованный имъ Румовскому Іоганнъ Фр. Эрдманъ. Кто же былъ этотъ первый профессоръ философіи въ Казани, гдѣ эта наука наукъ преподавалась до него исключительно по жалкимъ семинарскимъ учебникамъ, была почти неизвѣстна?

Карлъ-Теофилъ, или Готтлибъ по-нѣмецки, Фойгтъ (по-русски звали его Карлъ Амвросіевичъ) [2]) былъ уже человѣкъ не молодой.

---

[1]) См. Christ. von *Rommel*—„Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ въ сборникѣ *Фридриха Бюлау*: Geheime Geschichten und räthselhaften Menschen, 5-er Band, Leipz. 1853, S. 528 flg.

[2]) Въ небольшой автобіографіи сына его, бывшаго профессора Казанскаго университета, а впослѣдствіи попечителя Харьковскаго учебнаго

когда былъ назначенъ въ Казань. Родился онъ, судя по формуляру, въ 1759 или 1760 году, въ городѣ Луковѣ (Luckau) въ Нижнихъ Лужицахъ (Nieder-Lausitz), принадлежавшихъ тогда Саксоніи, гдѣ отецъ его служилъ акцизнымъ сборщикомъ [1]). Первоначальное школьное образованіе получилъ онъ въ училищахъ или лицеяхъ сильно понѣмеченныхъ городковъ: Лукова, Лубина (Lübben) и Хосебуза (Kotbus) этой славянской землицы, утонувшей въ нѣмецкомъ морѣ. Нѣсколько лѣтъ слушалъ онъ лекціи, преимущественно юридическія, въ Лейпцигскомъ университетѣ и въ немъ 28-го мая 1788 г. публично защищалъ, для полученія званія юрисконсульта, theses philosophico-juridicae (числомъ 6). Тезисамъ предшествовала программа исторіи гражданскаго римскаго права, написанная на шести страницахъ и не бывшая въ печати. Любопытно, что потомъ, ища получить какую-либо каѳедру въ Казани, Фойгтъ прибавилъ въ своей программѣ послѣдній параграфъ, «ut jus romanum non solum in Polonia, Suetia, in quibusdam provinciis russicis, e. g. in Livonia, Curonia, in usu fuerit et sit, sed *ut etiam quaedam constitutiones et leges Russiae cum eo plane sint concordes*».

Послѣ защиты своихъ тезисовъ, Фойгтъ нѣкоторое время жилъ въ Дрезденѣ, не оставляя научныхъ занятій, но безъ всякаго опредѣленнаго положенія. Въ это время онъ, вѣроятно, и напечаталъ нѣсколько небольшихъ статей частью юридическаго, частью философскаго содержанія, помѣщенныхъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Merkur» и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданіяхъ [2]). Вскорѣ, однако, Фойгту представился случай посѣтить Россію и остаться въ ней. Въ Россію Фойгтъ явился по приглашенію курляндскаго барона Гейнриха-Карла Гейкинга, довольно извѣстнаго дѣятеля въ эпоху послѣд-

---

округа и председателя ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, нашего уважаемаго наставника (1808—1873), Карла Карловича Фойгта (она составляетъ приложеніе ко 2 части „Исторической записки о 1-й Казанской гимназіи“—Владимірова, стр. 23—59) заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ отцѣ его, но весьма незначительныя. Онъ не говоритъ даже о годѣ его рожденія и называетъ его уроженцемъ дрезденскимъ. Самая любопытная подробность этой автобіографіи состоитъ въ томъ, что жена философа, мать автора автобіографіи, Елисавета Карловна, была дочерью лейбъ-медика Карла Эйлера и внучкою знаменитаго математика Леонгарда Эйлера. Это случайное, повидимому, обстоятельство и было, какъ мы увидимъ, причиною назначенія Фойгта въ Казань.

[1]) Въ своихъ тезисахъ Фойгтъ называетъ себя уроженцемъ города Лукова—Lusato-Luccaviensis, но былъ ли онъ славяниномъ, хотя и онѣмеченнымъ, или отецъ его былъ нѣмецъ—рѣшить не можемъ.

[2]) Указанія на эти статьи сдѣланы были такъ неопредѣленно, что мы не имѣли возможности разыскать ихъ.

няго раздѣла Польши и окончательнаго присоединенія Курляндіи къ Россійской имперіи (1751—1809) [1]). По всей вѣроятности этотъ баронъ, человѣкъ весьма образованный, знакомый съ разными нѣмецкими университетами, лично узналъ Фойгта въ Лейпцигѣ и пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ собственнаго секретаря въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ уполномоченнымъ курляндскаго герцога при русскомъ императорскомъ дворѣ (1795). Когда послѣ курляндскаго сейма (въ мартѣ 1759 г.), послы или депутаты рыцарства или дворянства и бюргерства или земства Курляндіи и Пильтенскаго округа [2]) явились въ Петербургъ съ манифестомъ объ отдѣленіи отъ Польши и актомъ о вступленіи въ русское подданство, то Фойгтъ былъ секретаремъ этой делегаціи и присутствовалъ на торжественномъ пріемѣ пословъ при высочайшемъ дворѣ (15-го апр. 1795).

Съ пріѣзда въ Петербургъ Фойгтъ не думаетъ объ ученой карьерѣ и о профессорствѣ; онъ дѣлается чиновникомъ и вступаетъ тогда же на службу протоколистомъ въ палату гражданскаго суда Курляндской губерніи, учрежденной Екатериною. Но императоръ Павелъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, упразднилъ это судебное мѣсто, возстановилъ прежнюю курляндскую конституцію и Фойгтъ дѣлается секретаремъ Пильтенской коллегіи ландратовъ, затѣмъ секретаремъ юстицъ-коллегіи. Эта служба по гражданскому вѣдом-

---

[1]) Это тотъ самый баронъ Гейкингъ, записки котораго „Aus den Tagen Kaiser Pauls". Aufzeichnungen eines kurländischen Edelmannes, herausg. v. Friedr. Rünemann (Leipz. 1886) переведены, хотя и съ сокращеніями, въ журналѣ *Русская Старина* (1887, т. LVI). Гейкингъ былъ весьма образованный человѣкъ. Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, имѣющихъ предметомъ своимъ исторію, права и законы его родины, которой онъ служилъ, какъ патріотъ, въ послѣдніе годы ея самостоятельности. Былъ онъ и маіоромъ въ русской службѣ (въ лейбъ-кирасирскомъ полку), и депутатомъ отъ Курляндіи и Пильтенскаго округа на польскомъ сеймѣ (1789—1793), и каммергеромъ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа, и оберъ-шталмейстеромъ послѣдняго курляндскаго герцога Петра Бирона. Въ 1793 году Гейкингъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ сильномъ спорѣ, возникшемъ между герцогомъ и дворянствомъ съ одной стороны и бюргерствомъ съ другой. Дальнѣйшее служеніе его разсказано въ замѣткѣ, напечатанной въ *Русск. Стар.* (1888, т. LVII, мартъ, стр. 801—804), гдѣ Гейкингъ названъ неправильно Карломъ Александровичемъ, хотя годъ рожденія и смерти его показаны тѣ же, что и у насъ. Ссылаемся на извѣстные словари: Эрша и Грубера, Didot, Biographie générale, Реке и Напирскій.

[2]) Округъ Пильтена, небольшого городка Курляндской губерніи, имѣлъ свои особыя историческія права и привиллегіи. См. подробности объ этомъ присоединеніи Курляндскаго герцогства и Пильтенскаго округа въ сочиненіи *Петра Колотова*, Дѣянія императрицы Екатерины II, часть VI, Спб. 1811, стр. 57—97.

ству прерывается на очень короткое время, всего на пять мѣсяцевъ (съ 20-го дек. 1800 по 27-е мая 1801 года) профессорствомъ въ Дерптскомъ университетѣ по каѳедрѣ *практической юриспруденціи* (der praktischen Rechts-Gelehrsamkeit). Какимъ образомъ Фойгтъ получилъ каѳедру, рѣшившись вдругъ оставить служебную карьеру—намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ также и тѣхъ обстоятельствъ, которыя вынудили Фойгта подать въ отставку изъ университета. Въ представленіи Румовскаго объ опредѣленіи Фойгта въ Казань говорится, что онъ оставилъ свое профессорство «по причинѣ несогласія, происшедшаго между дворянствомъ Курляндской и Лифляндской губерній, въ то время, когда университетъ переводили въ Митаву» [1]). Пришлось воротиться на прежнее мѣсто служенія. Въ началѣ царствованія императора Александра I Фойгтъ былъ приглашенъ въ высочайше утвержденную коммиссію для составленія законовъ въ званіи редактора формъ уголовнаго процесса, но оставался въ ней не долго и будучи выбранъ юстицъ-бургомистромъ города Нарвы, переѣхалъ туда, уже женатый, въ началѣ 1804 года.

Но своею служебною дѣятельностью въ магистратѣ города Нарвы, который не принадлежалъ еще тогда къ Петербургской губерніи, Фойгтъ не былъ доволенъ. Вѣроятно, несмотря на неудачное начало профессорской службы въ Дерптѣ, карьера профессора манила его. Онъ зналъ объ открытіи въ Россіи новыхъ университетовъ, о появленіи нѣмецкихъ профессоровъ изъ-за границы; жалованье профессора, при тогдашней дешевизнѣ жизни и при увеличеніи семьи, составляло также немаловажную приманку. Фойгтъ рѣшился обратиться съ просьбою о возможности доставить ему мѣсто профессора въ одномъ изъ русскихъ университетовъ къ непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Н. Фуссу, какъ человѣку весьма вліятельному не только въ Академіи, но вообще въ сферахъ тогдашняго министерства просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что оба они были родня по Эйлерамъ. Это послѣднее обстоятельство впрочемъ нѣсколько

---

[1]) Несогласія эти происходили собственно между *кураторами* университета. Дерптскій университетъ существовалъ преимущественно для трехъ такъ называемыхъ остзейскихъ губерній. Дворянство каждой изъ трехъ губерній имѣло право избирать куратора для завѣдыванія экономическою частью. Эти кураторы и не ладили между собою. Самое существованіе университета въ тѣ годы было весьма неопредѣленно. Основанный шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ, онъ пересталъ существовать въ началѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху войнъ Петра В. въ Лифляндіи. По присоединеніи Курляндіи къ Россіи, по вступленіи на престолъ императора Павла I, высочайшимъ указомъ былъ возстановленъ университетъ, но почему-то мѣстопребываніе ему было назначено не въ Дерптѣ, а Митавѣ.

смущало Фойгта. «Я бы весьма желалъ,—пишетъ онъ къ Фуссу чтобъ вы навели обо мнѣ справки. Я слишкомъ гордъ для того, чтобъ, искать вашего покровительства и помощи только вслѣдствіе отношеній, въ которыхъ я имѣю честь находиться къ вамъ по женѣ» [1]. Онъ проситъ обратиться за свѣдѣніями о немъ къ его бывшимъ начальникамъ по коммиссіи законовъ: барону Гейкингу, Вейдемейеру, Новосильцеву, Розенкампфу. Въ этомъ письмѣ онъ высказываетъ и причины, побуждающія его къ перемѣнѣ службы: «Моя настоящая должность и была, и находится, и всегда будетъ находиться въ полномъ противорѣчіи съ моими чувствами и убѣжденіями и я сердечно желаю разстаться навсегда съ Нарвою. Я желаю гдѣ бы то ни было получить университетскую каѳедру, лучше всего каѳедру юридическихъ наукъ (къ ней собственно я и готовился и эти науки были моими Brodt studii), но если нѣтъ такой вакантной каѳедры, то я согласенъ на каѳедру умозрительной философіи или эстетики (это мои любимые коньки). Я долженъ

---

[1]) Жена Фойгта, мать нашего профессора русской словесности Карла Карловича, была дочерью Карла Эйлера, второго сына знаменитаго математика. Карлъ Эйлеръ былъ лейбъ-медикомъ при высочайшемъ дворѣ; дочь его получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ и пользовалась, какъ свидѣтельствуетъ ея сынъ, особеннымъ вниманіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Замужъ вышла она въ 1804 году. Непремѣнный секретарь нашей Академіи Наукъ Николай Ивановичъ Фуссъ былъ женатъ на дочери старшаго сына знаменитаго математика—Іоанна-Альберта Эйлера, бывшаго въ свое время также непремѣннымъ секретаремъ Академіи (зять занялъ должность тестя и передалъ ее потомъ своему сыну Павлу). Жены Фойгта и Фусса были такимъ образомъ двоюродными сестрами.—Елисавета Карловна долго жила въ Казани, до смерти своей, въ домѣ сына профессора (въ 1852 году). Мы помнимъ еще эту маленькую, худощавую старушку, уважаемую всѣми ее знавшими. Это была живая лѣтопись за полстолѣтіе университетской жизни. Послѣ смерти мужа, она вскорѣ, съ небольшимъ черезъ годъ, вышла замужъ за профессора Брауна, перваго ректора Казанскаго университета, но овдовѣла снова (8-го янв. 1819 года). Новое вдовство внучки Эйлера продолжалось опять не долго. Есть основаніе думать, что, кромѣ высокихъ душевныхъ свойствъ вдовы, большая доза привлекательности ея личности заключалась въ родствѣ съ Фуссами. Заступившій мѣсто Френа профессоръ орьенталистъ Ѳедоръ Ивановичъ или Францъ Эрдманъ, женатый на родной племянницѣ Елисаветы Карловны Мирандѣ фонъ-Дёленъ, также овдовѣлъ (2-го мая 1821 года) и ровно черезъ годъ женился на ея теткѣ. Это третье замужество вдовы Фойгтъ продолжалось 15 лѣтъ и кончилось не новымъ вдовствомъ, а лютеранскимъ разводомъ, имѣющимъ болѣе нравственную обстановку, чѣмъ нашъ разводъ (въ 1837 году). Профессоръ Эрдманъ, человѣкъ уже не первой молодости, женился на молодой нижегородской княжнѣ Мышецкой, но прежняя жена жила нѣкоторое время съ молодыми и вела домашнее хозяйство.

однако, чтобы не упрекать себя впослѣдствіи, откровенно сознаться вамъ, если подъ юриспруденціей разумѣютъ только знакомство съ указами, что я плохой юристъ, но что я готовъ подвергнуть себя всякому испытанію въ юриспруденціи, понимая ее въ томъ видѣ, какъ она есть дѣйствительно, т.-е. какъ науку». Что касается философіи, занятіе которой для Фойгта было второстепеннымъ дѣломъ, то въ ней, по словамъ того же письма, онъ «по большей части принадлежитъ къ послѣдователямъ системы Канта, но что онъ не особенный другъ новѣйшей теоріи изящныхъ искусствъ (?) и вовсе не поклонникъ Жанъ-Поля и его Vorschule der Aesthetik». Изъ этихъ словъ можно сдѣлать заключеніе о поверхностномъ знакомствѣ Фойгта съ философіей.

Кромѣ формулярнаго списка, выданнаго ему изъ коммиссіи о составленіи законовъ, упомянутыхъ уже тезисовъ и программы римскаго гражданскаго права, Фойгтъ приложилъ къ письму своему таблицу-программу энциклопедіи юриспруденціи и небольшое рукописное (менѣе, однако, печатнаго листа) разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ о спеціальномъ юридическомъ вопросѣ «О завѣщаніяхъ военныхъ» (Von Militär-Testamenten), собственно о формахъ составленія такихъ завѣщаній въ римскомъ правѣ. Статейка была написана годомъ или двумя ранѣе. «Война! Всемірная исторія едва ли знаетъ другую подобную!—пишетъ онъ въ своемъ вступленіи.—Русскіе герои сражаются за своего обожаемаго монарха, за дорогую родину, за собственный очагъ противъ самаго жестокаго врага человѣчества! Война—вотъ страшный лозунгъ современности! Онъ раздается не только во дворцахъ властителей, но и въ хижинахъ земледѣльцевъ. Только война, это могущественное явленіе времени составляетъ единственное содержаніе разговоровъ. Не должно поэтому казаться удивительнымъ, что ученый юристъ, послѣ прогулки въ высокихъ палатахъ римскаго права, останавливаетъ вниманіе свое на законахъ, содержаніе которымъ даетъ война и подробно объясняетъ ихъ. Вопросъ de militari testamento поэтому самый современный». Но въ то время, когда Фойгтъ писалъ письмо къ Фуссу, былъ уже заключенъ Тильзитскій миръ. «Теперь миръ,—говоритъ авторъ.—Если мое вступленіе не годится болѣе, то содержаніе разсужденія долго еще будетъ находить примѣненіе, и особенно въ настоящее время въ судахъ будутъ встрѣчаться случаи, гдѣ потребуется точное знакомство съ ученіемъ о завѣщаніяхъ военныхъ». Если такимъ образомъ, на основаніи доставленныхъ имъ документовъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе о юридическомъ образованіи Фойгта и о его знакомствѣ съ римскимъ правомъ, то у насъ нѣтъ совсѣмъ данныхъ для сужденія о занятіяхъ его философіей и о его

философскихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ. И въ своемъ первомъ письмѣ къ попечителю Румовскому, писанномъ по полученіи извѣстія отъ Фусса, что онъ готовъ его назначить на каѳедру въ Казань, Фойгтъ говоритъ, что хотя его любимымъ занятіемъ всегда была спекулятивная философія, но что собственно спеціальность его—юриспруденція. Онъ сообщаетъ даже, что у него довольно полная юридическая библіотека, въ которой находятся не только рѣдко встрѣчающіяся въ Россіи сочиненія, но даже дорогія рукописи еще не напечатанныхъ законовъ (напр., эстляндское право), что онъ совсѣмъ готовъ къ чтенію лекцій по юридическимъ наукамъ, что напротивъ того, для наукъ философскихъ ему придется пріобрѣтать книги и пособія вновь, такъ какъ едва ли университетская библіотека въ Казани богата книгами по этой наукѣ. Румовскій, однако, высказывая въ письмѣ своемъ къ Фойгту сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить вполнѣ его желанію, предложилъ ему каѳедру философіи на томъ основаніи, что юридическія науки уже имѣютъ въ Казани одного представителя (это былъ Бюнеманъ, профессоръ права естественнаго, политическаго и народнаго, какъ называлась эта каѳедра въ уставѣ 1804 года), а философія—никого. Фойгтъ долженъ былъ согласиться: онъ былъ и этимъ доволенъ и обѣщалъ попечителю представить планъ философскаго преподаванія, который и принялся теперь составлять.

Въ началѣ декабря 1807 года Румовскій представилъ министру объ утвержденіи Фойгта ординарнымъ профессоромъ и о выдачѣ ему 300 р. на проѣздъ изъ Нарвы до Казани. Утвержденіе не замедлило послѣдовать (въ январѣ 1808 года) и попечитель торопилъ Фойгта получить скорѣе отставку отъ должности бургомистра и ѣхать въ Казань. Увольнительный аттестатъ, въ которомъ бургомистръ и члены магистрата «Императорскаго и торговаго города Нарвы (des kaiserlichen und Handelstadt Narva)» свидѣтельствуютъ на нѣмецкомъ языкѣ о знаніяхъ (?), способностяхъ и точности въ исполненіи Фойгта, былъ выданъ ему 7-го февраля и съ этого числа онъ сталъ получать присвоенное ординарному профессору жалованье. Румовскій не зная еще, женатъ ли Фойгтъ или нѣтъ, писалъ уже въ Казань къ Яковкину приготовить для новаго профессора казенное помѣщеніе, «гдѣ бы онъ могъ на первый случай, мѣсяца на два или на три, пріютиться». Узнавъ, что Фойгтъ женатъ, онъ уступилъ ему тѣ комнаты, которыя предназначались для собственнаго его пріѣзда въ Казань. Между тѣмъ онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о Фойгтѣ, который давно уже получилъ въ Ревелѣ деньги на проѣздъ. Сначала онъ полагалъ, что Фойгтъ находится уже въ Казани, но узнавъ, что его нѣтъ тамъ,

распорядился чрезъ Яковкина не выдавать ему жалованья со дня назначенія впредь до новаго предписанія. «Сей случай для меня новый,—писалъ онъ,—и я, не доложа министру, самъ собою рѣшить не могу». Фойгтъ хотѣлъ ѣхать немедленно, затѣмъ отложилъ свой отъѣздъ до половины апрѣля, ссылаясь на то, что въ его библіотекѣ, какъ онъ уже писалъ прежде, очень мало книгъ по философіи и онъ выписываетъ ихъ изъ Дерпта, Риги и Кенигсберга. Въ маѣ только, чрезъ посредство Фусса, Румовскій получилъ письмо отъ Фойгта, объясняющее причины его замедленія домашними обстоятельствами: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ жена его родила; роды были трудны и продолжительны; жена его заболѣла; дѣтямъ привили оспу; самъ онъ лежалъ въ постели двѣ недѣли, страдая подагрой. «Dans tous les pays du monde,—писалъ Фуссъ къ Румовскому,—объясняя промедленіе своего родственника, des empêchements de cette nature sont regardés comme légitimes. Ainsi je ne doute pas de l'indulgence que M. Voigdt trouvera auprès de votre Excellence et même auprès de Mr. le ministre». Еще нѣсколько времени задержала Фойгта въ Нарвѣ продажа мебели и прочей движимости и только 19-го іюля, послѣ настоятельнаго и довольно рѣзкаго понужденія Румовскаго, могъ онъ явиться въ Петербургъ. Въ началѣ августа только, съ женою и двумя маленькими сыновьями, Фойгтъ отправился водою изъ Петербурга въ Казань, куда пріѣхалъ послѣ плаванья, продолжавшагося цѣлый мѣсяцъ, 14-го сентября.

Явившись чрезъ недѣлю въ засѣданіе совѣта, Фойгтъ заявилъ, что «философскія его чтенія будутъ состоять въ томъ, что онъ, прочтя исторію философіи *по своимъ тетрадямъ*, будетъ обучать логикѣ, метафизикѣ, и нравоученію». Изъ латинской программы науки, составленной Фойгтомъ и представленной имъ попечителю, видно почему онъ считалъ необходимымъ предпослать изложенію философскихъ наукъ изложеніе исторіи философіи, такъ какъ наука является результатомъ всего предшествовавшаго историческаго развитія. Кромѣ логики, метафизики (психологія есть только часть ея) и нравоученія, Фойгтъ присоединялъ къ философіи естественное право, политику и эстетику, но исключалъ ихъ изъ своего курса, потому что естественное право и политика составляютъ предметъ другой каѳедры, а эстетику преподаетъ Сторль. Программа всей философіи заключаетъ въ себѣ всего 16 параграфовъ и при изложеніи науки Фойгтъ не забывалъ совѣта, даннаго ему попечителемъ «so kurz wie möglich seyn». По документамъ и мѣсячнымъ вѣдомостямъ, представляемымъ Яковкинымъ попечителю, видно, что въ 1808 году (начиная съ октября) Фойгтъ читалъ вступленіе въ философію, прошелъ философію варварскую (?) и греческую, кон-

чивъ ее на школѣ Элеатовъ; въ 1809 году онъ продолжалъ и кончилъ греческую философію до Платона (читалъ онъ только два часа въ недѣлю). На 1809—1810 годъ назначены были лекціи по исторіи философіи (2 часа) и логики (2 часа) по Снелю или Шнелю — *частію на латинскомъ, частію на нѣмецкомъ языкѣ.* Онъ продолжалъ чтеніе греческой философіи съ Платона до конца въ теченіе года (надобно замѣтить, что онъ хворалъ три мѣсяца), а изъ логики прочелъ первую ея часть: понятія, сужденія и умозаключенія. Изъ росписанія преподаваній на 1810—1811 годъ видно, что Фойгтъ уже не читалъ болѣе исторіи философіи, ограничившись изложеніемъ только греческаго ея періода. На этотъ учебный годъ назначены были: практическая или прикладная часть логики по Снелю и потомъ метафизика по собственнымъ запискамъ. Видно однако, что онъ не желалъ разстаться съ своими прежними служебными обязанностями, что философія, совершенно новый для него предметъ преподаванія, не вполнѣ поглощала его. Онъ объявилъ на тотъ же учебный годъ «Энциклопедію правъ губерній: Курляндской, Эстляндской и Лифляндской» (для желающихъ студентовъ) въ удобное время у себя на дому (уже черезъ годъ по пріѣздѣ въ Казань онъ пріобрѣлъ себѣ домъ [1]). Читалъ онъ и по-латыни по-нѣмецки, но мы уже знаемъ, какъ мало студенты Казанскаго университета были знакомы съ иностранными языками, и потому можно съ увѣренностью утверждать, что они ничего не вынесли изъ лекцій Фойгта; безъ сомнѣнія, и желающихъ слушать у него энциклопедію правъ остзейскихъ губерній не нашлось. Самъ профессоръ, обращаясь въ письмѣ къ попечителю съ заступничествомъ за студента Николая Стрѣлкова, котораго Румовскій не утвердилъ кандидатомъ въ 1809 году, по слабому знакомству его съ латинскимъ языкомъ, выставляетъ этого Стрѣлкова въ качествѣ самаго внимательнаго и прилежнаго изъ всѣхъ своихъ слушателей, увѣряетъ, что онъ проникнутъ искреннею любовью къ философіи и что онъ занимается этою наукою особенно, независимо отъ лекцій. На сколько правды заключаетъ въ себѣ эта характеристика Стрѣлкова—не знаемъ, но извѣстно, что изъ него философъ не вышелъ. Думаемъ, что перомъ Фойгта руководила снисходительность. «Меня огорчаетъ, что Стрѣ-

[1]) Изъ письма Фусса къ Румовскому видно, что домъ купленъ Фойгтомъ на занятыя деньги по необходимости очистить казенную квартиру и по дороговизнѣ наемнаго помѣщенія. Фуссъ хлопоталъ о квартирныхъ деньгахъ для родственника: „Ne serait-il pas possible et juste de lui procurer un équivalent annuel en argent?“ По представленію Румовскаго въ главное правленіе училищъ, въ концѣ 1809 года и были назначены квартирныя деньги всѣмъ профессорамъ, не имѣющимъ казенныхъ помѣщеній.

кова не произвели въ кандидаты по незнанію имъ латинскаго языка, между тѣмъ какъ почти всѣ произведенные въ настоящее время въ кандидаты знаютъ по-латыни столько же, сколько и онъ, а только онъ одинъ долженъ пострадать». Изъ этого же письма видно, что у Фойгта было только пять слушателей; обо всѣхъ ихъ онъ говоритъ, что они не пошли дальше началъ въ латинскомъ языкѣ, что онъ можетъ засвидѣтельствовать только объ ихъ внимательности. То же мягкое сердечное чувство къ юношамъ высказываетъ Фойгтъ въ другомъ письмѣ къ попечителю объ умершемъ въ августѣ 1809 года студентѣ Кручининѣ: «между моими слушателями онъ былъ первымъ, лучшимъ, у него была прекрасная голова и онъ могъ служить для другихъ примѣромъ прилежанія и порядка. Это могутъ подтвердить всѣ мои сослуживцы». Фойгтъ хлопоталъ даже о томъ, чтобъ поставить памятникъ съ приличною надписью надъ могилою этого студента Кручинина.

Составить себѣ опредѣленное представленіе о преподавательской дѣятельности Фойгта мы не имѣемъ возможности: она была слишкомъ кратковременна и скоро пресѣклась смертью; слѣдовъ этой дѣятельности совсѣмъ не осталось, хотя мы и встрѣтимся съ Фойгтомъ, какъ дѣятелемъ въ совѣтѣ въ слѣдующихъ главахъ, при изложеніи той траги-комедіи, которая разыгралась въ концѣ 1810 года по поводу первыхъ университетскихъ выборовъ въ Казани. Фойгтъ былъ человѣкъ болѣзненный. Климатъ ли казанскій повліялъ на него, или онъ пріѣхалъ уже съ зародышемъ тяжкой болѣзни — не знаемъ, но съ конца 1810 года онъ часто хворалъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ не читалъ лекцій. Умеръ Фойгтъ 13-го іюня 1811 года. Послѣ него осталась вдова съ двумя малолѣтними сыновьями. По ходатайству совѣта, тотчасъ послѣ смерти мужа, она получила въ единовременное пособіе 2.000 рублей; столько же выдано обоимъ сыновьямъ и Бартельсъ пріютилъ у себя на квартирѣ осиротѣвшую семью.

Были случаи, что нѣмецкіе профессоры, соблазненные или прелестями казанской жизни или дешевизною условій ея, побуждали товарищей или близкихъ людей въ Германіи послѣдовать ихъ примѣру и искать мѣста въ Казани. Такъ Реннеръ, вскорѣ послѣ смерти Бюнемана, единственнаго профессора правъ въ Казанскомъ университетѣ, тоже бывшаго геттингенскимъ студентомъ [1]), далъ идею проситься

---

[1]) Бюнеманъ умеръ 2-го августа 1808 года. Такъ какъ переписка съ Фойгтомъ, желавшимъ собственно получить каѳедру правъ, къ которой онъ и готовился, началась еще при жизни его, то Фойгтъ и долженъ былъ удо-

на его мѣсто своему товарищу по университету Іоанну-Христофору *Финке* (съ нимъ вмѣстѣ они переводили «Жизнь Агриколы»—Тацита и писали къ ней комментаріи). Финке былъ также гёттингенскимъ уроженцемъ (род. въ 1773 г.), учился до 1792 года въ гимназіи своего родного города и потомъ тамъ же слушалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лекціи по разнымъ юридическимъ наукамъ. Въ 1798 году онъ послѣ экзамена защитилъ въ Гёттингенѣ свою диссертацію на степень доктора правъ «De unius testis confessione». До изученія правъ Финке очень усердно занимался филологіей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и участвовалъ въ филологической семинаріи знаменитаго гёттингенскаго профессора Гейне. По пріобрѣтеніи докторской степени, Финке жилъ въ Гёттингенѣ, занимаясь практически то у прокурора, то въ качествѣ адвоката или помощника мирового судьи въ томъ же городѣ, или ассессора. Эти служебныя обязанности не мѣшали, однако, Финке и теоретически работать надъ разными сторонами и вопросами юридическихъ наукъ. Такъ въ 1806 году онъ напечаталъ въ Гёттингенѣ брошюру: «Darstellung eines Plans zum Gebrauch für Vorlesungen über gemeinen deutschen Processe», а въ то время, когда онъ рѣшился ѣхать въ Казань, только что издалъ свой переводъ толкованій Теофила на институціи Юстиніана, сочиненіе весьма важное для объясненія рим-

---

вольствоваться философіей. Бюнеманъ былъ первый изъ нѣмецкихъ профессоровъ, умершихъ въ Казани. Яковкинъ, описавъ подробно въ письмѣ къ попечителю его болѣзнь и ея теченіе (Бюнеманъ умеръ отъ водянки и гангрены), даетъ слѣдующую картину: „Церемонія погребенія Бюнемана была подобна бывшей при погребеніи Левицкаго. При тѣлѣ дежурили по два офицера изъ учителей и надзирателей и по два студента. Гробу, какъ при выносѣ изъ дому въ кирку, такъ и оттуда на кладбище, предшествовали всѣ на лицо въ гимназіи и университетѣ по причинѣ вакаціи бывшіе воспитанники, студенты, учители и члены университета, а выносили его на дроги, снимали съ нихъ и сопровождали его 12 учителей и студентовъ. Несчастная вдова его съ племянницею безутѣшны, оставшись на чужой сторонѣ, въ бѣдности, частію съ долгами. Единственная ея надежда на начальственное в. п—ства милостивѣйшее снисхожденіе къ страждущему человѣчеству. Совѣтъ съ сею почтою имѣетъ честь представить в. п. о семъ происшествіи особымъ донесеніемъ и дерзаетъ испрашивать несчастной всевозможную помощь по примѣру недавно въ московскомъ университетѣ происшедшему. (Тамъ вдовѣ проф. Грельмана, прослужившаго только полгода, назначена была пенсія). Сіе послужитъ какъ для настоящихъ профессоровъ, такъ и для имѣющихъ пріѣхать особымъ утѣшеніемъ, что остающіяся послѣ нихъ семейства благодѣтельнымъ начальствомъ покровительствуются и утѣшаются“ (4-го августа 1808 г.). Вдовѣ выдано было только годовое жалованье мужа единовременно. Впослѣдствіи, особенно послѣ смерти Финке, она бѣдствовала въ Казани.

скаго права: «Theophilus Paraphrase üb. die Institutionen Justinians». Aus d. griech. mit Anmerkk. von Ioh.-Chr. Fincke. Erster. Theil. Götting. 1809. И переводъ и примѣчанія сдѣланы были, по свидѣтельству Гейне, «felici cum successu» [1]). Финке прошелъ хорошую школу: тогдашній юридическій факультетъ Гёттингенскаго университета, по личностямъ его представлявшимъ и по силѣ научнаго знанія, пользовался большою извѣстностью.

Рѣшившись ѣхать въ Казань, Финке обратился прямо къ Румовскому съ просьбою о каѳедрѣ юридическихъ наукъ, сдѣлавшейся, какъ онъ узналъ, вакантною. Онъ разсчитывалъ, что лучшею рекомендаціею ему будутъ свидѣтельства отъ уважаемыхъ представителей юридическаго факультета въ Гёттингенѣ и заручился ими. Прилагая свидѣтельства профессоровъ Вальдека (1751—1815) и Мейстера (1755—1832), говорившихъ въ пользу его юридическихъ свѣдѣній, его трудолюбія, его готовности къ академической дѣятельности, дававшихъ лестные отзывы о его характерѣ (Finke est d'un caractère doux, aimable et à tous égards recommandable), хвалившихъ образъ его жизни (il a toujours mené une vie exemplaire et louable), онъ присоединилъ къ нимъ и свидѣтельство такой знаменитости, какъ Гейне, о полномъ знакомствѣ своемъ съ древностями и римскою литературою. Изъ письма Финке видно также, что другой извѣстный гёттингенскій ученый Мейнерсъ, принимавшій большое участіе въ судьбѣ нашихъ молодыхъ университетовъ въ началѣ вѣка и находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ попечителемъ Московскаго университета М. Н. Муравьевымъ [2]) уже нѣсколько разъ рекомендовалъ его въ Москву. Финке улыбается профессура въ далекомъ восточномъ городѣ; онъ обѣщаетъ посвятить всѣ силы свои избранной имъ дѣятельности. Даже то обстоятельство, что онъ человѣкъ семейный, его не пугаетъ—семья его будетъ съ нимъ.

Румовскій немедленно по полученіи письма отъ Финке, признавая вполнѣ достаточными представленныя имъ свидѣтельства

---

[1]) Книга была встрѣчена съ большою похвалою тогдашнею ученою критикою. См. „Goetting. Gelehrte Anzeigen", 1809. S. 1136, 1190—1191. Изданію второй части помѣшало переселеніе въ Казань. Этотъ Теофилъ, по общему признанію всѣхъ тогдашнихъ юристовъ, считался самымъ важнымъ и главнымъ пособіемъ при критикѣ и объясненіи римскаго права. „Я былъ первымъ изъ нѣмцевъ, рѣшившимся обработать этого писателя, — пишетъ Финке къ попечителю. Первое изданіе книги явилось еще въ 1803 году и встрѣчено было тогда критикою также весьма радушно, какъ это видно изъ повременныхъ изданій того года („Allgem. Hallische Liter. Zeitung", „Das juridische Journal u. Goett. gelehrte Anzeigen").

[2]) См. о немъ у *М. И. Сухомлинова*, „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I". Гл. II, стр. 40—44.

авторитетныхъ лицъ, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ. Видно, что онъ былъ радъ неожиданному предложенію, тѣмъ болѣе, что въ Казани не была замѣщена ни одна юридическая каѳедра. На первый разъ, однако, онъ поторговался и предложилъ Финке званіе экстраординарнаго профессора съ жалованьемъ въ 1500 рублей со дня пріѣзда его въ Петербургъ, 300 рублей квартирныхъ и 1000 рублей на путевыя издержки отъ Гёттингена до Казани. Финке былъ очень доволенъ, но ссылаясь на свое семейное положеніе, говоря о любви своей къ женѣ и дѣтямъ, онъ обратился съ просьбою къ попечителю объ ординатурѣ. Румовскій не встрѣтилъ никакихъ затрудненій къ тому, но только предложилъ ему условіе: по окончаніи чтенія курса правъ естественнаго, политическаго и народнаго (на эту каѳедру и предназначался Финке), не повторяя этого курса, заняться чтеніемъ лекцій по другой каѳедрѣ, именно правъ «знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ», если не скоро на эту каѳедру будетъ назначенъ какой-либо другой профессоръ. При этомъ Румовскій счелъ долгомъ познакомить Финке съ постановленіемъ главнаго правленія училищъ, состоящимъ въ томъ, что если профессоръ, получившій деньги на путевыя издержки, по какому-либо случаю вздумаетъ оставить свою службу ранѣе двухъ лѣтъ, то обязанъ возвратить полученныя имъ на проѣздъ деньги. Финке въ письмѣ своемъ къ попечителю просилъ его позволенія посвятить его имени тогда печатавшійся его переводъ комментарій Теофила. На эту просьбу Румовскій отвѣчалъ слѣдующее: «Что касается до посвященія мнѣ вашего сочиненія, то позвольте мнѣ отклонить его, такъ какъ я, будучи совершеннымъ невѣждою въ юридическихъ наукахъ, считаю неудобнымъ съ моей стороны принять его. Можетъ быть, вы найдете болѣе приличнымъ посвятить его университету». Книга вышла, однако, безъ всякаго посвященія. Финке былъ теперь вполнѣ доволенъ и писалъ попечителю въ началѣ апрѣля 1809 года о высылкѣ ему паспорта на проѣздъ (онъ ѣхалъ съ женою Юліаною-Гертрудою, двумя маленькими дѣтьми—сыномъ Арнольдомъ и дочерью Софіею и служанкою), прося вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы деньги на проѣздъ не переводились на его имя векселемъ за границу, а были вручены ему по явкѣ его въ Петербургѣ. Паспортъ былъ высланъ Финке въ концѣ апрѣля, но прошло четыре мѣсяца, а о Финке не было никакихъ извѣстій. Румовскій сильно безпокоился; онъ уже думалъ, что паспортъ потерялся на почтѣ, какъ наконецъ, Финке явился въ Петербургъ. Онъ немедленно былъ утвержденъ министромъ съ 1-го сентября. Причина запозданія Финке лежала въ семейной обстановкѣ: полугодовую дочь кормила грудью мать и семья ѣхала отъ Гёттингена до Петербурга семь недѣль. Почему-то болѣе дешевымъ пере-

ѣздомъ моремъ Финке не могъ воспользоваться и ѣхалъ сухимъ путемъ, а путешествіе по сильно разореннымъ послѣднею войною прусскимъ провинціямъ обошлось гораздо дороже, чѣмъ онъ предполагалъ. Разсчеты его продать передъ отъѣздомъ болѣе выгодно въ Гёттингенѣ движимость также не оправдались, какъ объяснялъ Финке. Французскіе поборы, ожиданіе новой войны и организація Наполеоновскаго Вестфальскаго королевства окончательно разорили его соотечественниковъ. Ему пришлось продавать свою движимость за безцѣнокъ. Дорога до Петербурга стоила ему около 900 рублей золотомъ, и въ карманѣ у Финке осталось только 50 рублей. Ко всему этому надобно было присоединить и паденіе курса: въ то время, какъ Финке заключалъ условіе о службѣ въ Казани и разсчитывалъ, что путь до нея будетъ стоить тысячу рублей, курсъ ассигнацій былъ 18½ штиверовъ, а теперь только 14½ шт. Эти обстоятельства заставили Румовскаго выхлопотать для Финке прибавку въ 300 р. къ назначенной ему на путевыя издержки суммѣ въ 1.000 р. Передъ отъѣздомъ Финке изъ Петербурга Румовскій писалъ въ Казань къ Яковкину, чтобъ онъ, по прежнимъ примѣрамъ, приготовилъ для новаго профессора, какъ человѣка семейнаго, казенное помѣщеніе и именно тѣ комнаты, которыя занималъ Фойгтъ.

Только 21-го октября и больной послѣ труднаго осенняго путешествія пріѣхалъ Финке въ Казань. Вскорѣ, однако, онъ объявилъ о своихъ лекціяхъ по предметамъ каѳедры, «по собственнымъ тетрадямъ», 6 часовъ въ недѣлю и хотя въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ о чтеніяхъ профессоровъ, представляемыхъ попечителю за конецъ 1809 и начало 1810 года (весь этотъ послѣдній годъ онъ по болѣзни, съ разрѣшенія совѣта, читалъ на дому), при имени Финке стоитъ фраза: «по новости и болѣзни рапорта не подавалъ», мы можемъ, однако, составить себѣ представленіе о его чтеніяхъ изъ письма его къ попечителю, писаннаго черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ (24-го декабря 1809 г.). Воспользовавшись желаніемъ попечителя, чтобы пройдя курсъ правъ, принадлежащихъ къ его каѳедрѣ, то-есть правъ естественнаго, политическаго и народнаго, онъ началъ чтеніе по другой каѳедрѣ, т.-е. по исторіи правъ, Финке началъ свои лекціи прямо по этой второй каѳедрѣ. Причины такого измѣненія, выставленныя имъ, были весьма разумны, особенно принимая въ соображеніе полную неподготовленность казанскихъ студентовъ. «Я счелъ своею обязанностью,—пишетъ онъ,—начать съ положительныхъ (positive) правъ, а не съ естественнаго, государственнаго и народнаго, потому что послѣднія суть не иное что, какъ философія права, изученіе которой необходимо предполагаетъ основательные

взгляды на право, требуетъ знакомства съ понятіями о положительномъ правѣ, и въ особенности потому, что положительное, какъ нѣчто историческое, легче понять и усвоить, чѣмъ философское. Мои слушатели выказываютъ прилежаніе и потому я доволенъ ими. Недостатки, встрѣчающіеся здѣсь для преподавателя—извѣстны в. п. вполнѣ и я увѣренъ, что при вашемъ попеченіи они скоро исчезнутъ». Не думаемъ однако, чтобы слушатели Финке сколько-нибудь понимали своего профессора, но во всякомъ случаѣ то положительное, тѣ факты изъ исторіи права и законодательствъ древнихъ и новыхъ народовъ, которые сообщалъ имъ Финке на своихъ лекціяхъ, могли быть скорѣе ими усвоены, чѣмъ отвлеченныя философскія понятія о правѣ. Финке сталъ такимъ образомъ съ большимъ тактомъ на настоящую дорогу. Ему желательно было сообщать положительныя свѣдѣнія. «Между новыми законодательствами,—пишетъ онъ къ попечителю, самымъ важнымъ считается Code Napoleon, но вопросъ, можно ли знакомить съ этимъ кодексомъ слушателей русскихъ университетовъ, остается для меня безъ отвѣта. Я чужестранецъ здѣсь и потому позвольте просить в. п. разрѣшить мое недоумѣніе: можно ли излагать на лекціяхъ эти законы». Румовскій отвѣчалъ Финке, что на вопросъ этотъ онъ не можетъ *въ настоящее время* дать никакого положительнаго отвѣта и посовѣтовалъ ему знакомить пока своихъ слушателей съ правами другихъ народовъ. Не могъ Финке, зная, что это будетъ особенно пріятно попечителю, не сообщить ему въ первомъ же письмѣ изъ Казани о своихъ хорошихъ отношеніяхъ къ директору: «Я не могу довольно нахвалиться. пишетъ онъ,—пріемомъ, оказаннымъ мнѣ профессоромъ Яковкинымъ: этотъ превосходный *дѣловой человѣкъ* (Geschäftsmann) выказалъ мнѣ необыкновенную доброту и дружелюбіе».

Попечитель остался очень доволенъ всѣмъ сообщеннымъ ему Финке. Онъ нашелъ, что и измѣненія, сдѣланныя имъ въ преподаваніи, вполнѣ цѣлесообразны «на сколько онъ въ состояніи былъ судить о томъ». Свои лекціи Финке началъ съ изложенія римскаго права, частью по своимъ собственнымъ запискамъ, частью руководствуясь сочиненіемъ своего учителя Вальдека. За этими лекціями слѣдовала теорія общихъ уголовныхъ нѣмецкихъ законовъ по краткому руководству другого учителя, криминалиста Мейстера. Съ 1813—1814 года Финке перешелъ уже къ главному предмету своей каѳедры и излагалъ по-латыни естественное право по своему сочиненію [1]).

---

[1]) Сочиненіе это, написанное по-нѣмецки, какъ руководство для студентовъ и слушателей, и переведенное на русскій языкъ (имя переводчика намъ неизвѣстно, хотя полагаемъ, что надъ переводомъ трудились Срезнев-

Кромѣ чтенія лекцій для студентовъ, Финке, начиная съ 1811 года, участвовалъ въ публичномъ преподаваніи для чиновниковъ, обязанныхъ службою на основаніи извѣстнаго высочайшаго указа сенату отъ 6-го августа 1809 года. Здѣсь онъ читалъ права: естественное, римское и частное гражданское, употребляя, какъ и для студентовъ, оба языка: латинскій и нѣмецкій. Эти публичныя чтенія Финке продолжались только два года. Кромѣ чтенія лекцій, Финке съ 1811 года былъ членомъ открывшагося тогда училищнаго комитета [1]), а съ 14-го февраля 1814 года, когда открытъ былъ и университетъ со всѣми его факультетами, онъ избранъ былъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Какіе слѣды въ Казанскомъ университетѣ остались послѣ преподаванія Финке, при томъ довольно кратковременнаго (онъ служилъ только пять лѣтъ), — сказать мы не беремся. Сдѣлавшійся при немъ магистромъ, а впослѣдствіи и адъюнктомъ, уже упомянутый нами Алехинъ читалъ на публичныхъ курсахъ для чиновниковъ право естественное и право римское уже на русскомъ языкѣ: вѣроятно это былъ переводъ ученикомъ лекцій учителя, [2]). Выдер-

---

скій и Алехинъ), напечатано въ Казани года чрезъ два послѣ смерти автора: „Естественное частное, публичное и народное право", 1816. 8°. XI и 312 стр. Собственно это краткій учебникъ, раздѣленный на параграфы, но онъ замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ собою первую книгу писанную по-русски, посвященную идеѣ отвлеченнаго права и толкующую о правѣ естественномъ, впервые вошедшемъ въ уставъ университетскій 1804 года. Книга сообщала слушателямъ философское понятіе о правѣ (Финке былъ послѣдователемъ Канта), столь необходимое для образованныхъ юристовъ, имѣвшихъ дѣло только съ грудою часто противорѣчащихъ другъ другу указовъ. Она вносила свѣтъ въ темное царство. „Россія имѣетъ мудрые законы, имѣетъ многія собранія законовъ, но не имѣетъ достаточныхъ *ученыхъ произведеній* касательно правовѣдѣнія", — говоритъ авторъ. Отсюда понятна та вражда реакціи 1815 года, которую выказала она противъ естественнаго права въ нашихъ университетахъ. Финке, какъ ученый нѣмецъ, снабдилъ свою книгу полною для того времени литературою предмета и былъ убѣжденъ, что она должна имѣть практическое значеніе для русскихъ юристовъ и чиновниковъ. Она продавалась по желанію автора „въ пользу русскихъ инвалидовъ, которыхъ было такъ много послѣ войны 12 года. Число подписавшихся, какъ видно изъ приложеннаго къ книгѣ списка, болѣе 600.

[1]) По поводу совмѣстнаго засѣданія въ этомъ комитетѣ Финке съ Френомъ и недружелюбнаго заявленія перваго и возникли разсказанныя нами въ первой части нашего сочиненія „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета" пререканія между профессорами въ совѣтѣ.

[2]) По всей вѣроятности онъ, главнымъ образомъ, и участвовалъ въ переводѣ учебника своего учителя. Появленіе самаго перевода вызвано было еще Румовскимъ, одобрившимъ сочиненіе Финке. При Салтыковѣ была назначена особая коммиссія, состоявшая изъ профессоровъ Городчанинова, ба-

*

жавшій испытаніе въ деканство Финке на степень магистра правовѣдѣнія въ 1814 году извѣстный впослѣдствіи профессоръ, ректоръ и казанскій прокуроръ Гавріилъ Солнцевъ не былъ слушателемъ Финке. Какъ и другихъ его нѣмецкихъ товарищей, Финке отдѣляло отъ слушателей — незначительное число ихъ, полная ихъ неподготовленность и языкъ, для нихъ непонятный. Послѣднее онъ и самъ сознавалъ, желая, чтобъ его учебникъ былъ переведенъ на русскій языкъ, «былъ понятенъ для читателей всякаго состоянія» и возбудилъ бы при такихъ условіяхъ «бо́льшую охоту къ изученію права». «Обязанность каждаго профессора,—пишетъ Финке къ попечителю,— препровождая къ нему этотъ учебникъ естественнаго права, написанный имъ по-нѣмецки, и прося его сдѣлать распоряженіе о напечатаніи русскаго перевода на казенный счетъ, — приложить прежде всего величайшее стараніе къ своему преподаванію». Учебникъ этотъ онъ началъ писать еще въ Гёттингенѣ, занимался имъ нѣсколько лѣтъ и теперь высказываетъ желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ по русски на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Неоспоримая истина, что устное преподаваніе тогда только приноситъ пользу слушателю, когда у него есть въ рукахъ и учебникъ, составленный профессоромъ, служащій и для приготовленія и для повторенія, заключающій въ себѣ какъ бы конспектъ лекцій.

2) Каждая наука имѣетъ свой языкъ; въ особенности это можно сказать о наукахъ права. Безъ знакомства съ этимъ особеннымъ языкомъ невозможно самое поверхностное знакомство съ наукою. «Этотъ техническій языкъ науки должно усвоить себѣ, однако, посредствомъ того языка, который понятнѣе всего для учащагося, слѣдовательно посредствомъ *роднаго* языка. *Въ университетахъ всѣхъ странъ, кромѣ Россіи, науки преподаются на родномъ языкѣ*. Въ Россіи ввести такое преподаваніе сразу невозможно, хотя иностранные преподаватели и пріобрѣли *нѣкоторыя* свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ, но именно недостаточность знанія ими русскаго языка можетъ смутить молодыхъ русскихъ слушателей. Отсюда неизбѣжнымъ слѣдствіемъ является фактъ, что несмотря на всю добрую волю профессора и слушателя, преподаваніе страдаетъ. Я борюсь съ

рона Врангеля и адъюнкта Лубкина для исправленія перевода. Примѣчанія же переводилъ профессоръ Солнцевъ. Цензура исключила изъ книги только §§ 172 и 177. Книга была напечатана въ количествѣ 1.000 экз., и, за покрытіемъ расходовъ по печатанію, въ комитетъ. высочайше утвержденный въ 18 день 1814 года, были отправлены правленіемъ университета собранные со всей Россіи 1.420 р. 4 к., да опекуны дѣтей покойнаго Финке успѣли продать въ пользу сиротъ его книгъ на 250 р. и отослать ихъ въ Сохранную Казну.

большими затрудненіями, чтобы студенты могли понимать меня, такъ какъ въ состояніи преподавать только на чуждыхъ для нихъ языкахъ, а они въ нихъ сами ушли не далеко. Поэтому я твердо убѣжденъ, что зло можно въ довольной степени устранить, давъ имъ учебникъ на ихъ родномъ языкѣ. На русскомъ языкѣ не существуетъ ни одного учебника по естественному праву, почему моя книга будетъ полезна для тѣхъ молодыхъ чиновниковъ, которые, согласно указу отъ 6-го августа 1809 года, должны сдать экзаменъ по этому предмету». Эта выписка даетъ намъ представленіе какъ сознательно относился Финке къ своему не совсѣмъ нормальному положенію профессора-иностранца, не знающаго русскаго языка въ русскомъ университетѣ.

Передъ нами нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ, что самъ Финке принадлежалъ къ числу весьма дѣятельныхъ профессоровъ и не щадилъ усилій для пользы своихъ слушателей, если только съ ихъ стороны встрѣчалъ готовность и рвеніе. Такъ, все лѣто 1811 года онъ занимался у себя на дому въ особые часы съ магистрами Алехинымъ и Ю. Врангелемъ, стараясь усовершенствовать ихъ въ юридической латыни (in der juristischen Latinität). И въ другіе годы не разъ Финке называетъ еще нѣкоторыя имена кандидатовъ и студентовъ, которымъ онъ читалъ частныя домашнія лекціи, сверхъ назначенныхъ по росписанію, не получая за то никакого вознагражденія, по разнымъ юридическимъ предметамъ.

Привычка къ учено-литературной дѣятельности, желаніе не покидать ея въ Казани и продолжать уже начатое не оставляла Финке, но встрѣтила неопреодолимыя препятствія. Мы говорили, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Геттингена онъ только что напечаталъ первую часть своего перевода съ греческаго комментарій Теофила къ институціямъ Юстиніана, трудъ, встрѣченный въ Германіи съ большимъ одобреніемъ спеціалистами. «Трудъ этотъ я никакъ не могу окончить здѣсь въ Казани,—пишетъ онъ въ своей просьбѣ въ совѣтъ чрезъ четыре года по пріѣздѣ (въ 1813 году),—по недостатку у меня всякихъ литературныхъ пособій. Я не имѣю никакого права надѣяться, чтобы эти пособія были пріобрѣтены для меня на казенный счетъ даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не будутъ удовлетворены самыя необходимѣйшія книжныя нужды для преподаванія, но члены совѣта должны согласиться со мною, что обстоятельство это весьма горько для меня лично. Часть продолженія этого сочиненія, начатую мною еще на родинѣ, прилагаю при семъ. Римско-греческое право до сихъ поръ еще никѣмъ не разработывалось въ Германіи. Только французы и голландцы, и то въ прежнее время, кое-что сдѣлали въ этой области. Отъ филологической

разработки этихъ законовъ со стороны англичанъ можно ожидать чрезвычайно важныхъ открытій для научнаго изученія римскаго права. У меня всегда была сильная страсть къ этой сторонѣ римскаго права и изданіемъ Теофила я положилъ начало моей собственной разработкѣ. Къ сожалѣнію, я не могу кончить моего труда надъ этимъ писателемъ. *Въ нѣсколько лѣтъ всѣ тѣ знанія, которыя я пріобрѣлъ на родинѣ по отношенію къ римско-греческому (византійскому) языку,* весьма не похожему на классическій греческій языкъ, *я долженъ буду совершенно позабыть здѣсь, въ Казани*».

Кромѣ этихъ двухъ сочиненій по римскому и естественному праву, какъ руководствъ для слушателей, Финке обработалъ, вопервыхъ, измѣнивъ его, учебникъ нѣмецкаго уголовнаго права своего учителя, гёттингенскаго профессора Мейстера. «Небольшая заслуга моя въ этомъ дѣлѣ состоитъ вообще въ томъ,—говоритъ Финке,—что я исключилъ многое, не имѣющее отношенія къ Россіи, но зато я сдѣлалъ большія дополненія, тщательно разсмотрѣлъ источники, прибавилъ общую и частную литературу предметовъ, чего совершенно не было въ книгѣ Мейстера; даже въ самой теоріи и системѣ моего предшественника я измѣнилъ кое-что, пользуясь преимущественно для исправленія Фейербахомъ по второму изданію его сочиненія». Затѣмъ онъ повторяетъ мнѣніе, высказанное имъ прежде попечителю о необходимости со стороны профессоровъ составлять учебники для своихъ слушателей по предметамъ ими преподаваемымъ. Имѣя ихъ въ рукахъ, слушатель избавляется отчасти отъ мучительнаго труда переписки, притупляющей умъ и оставляющей нѣкоторое недовольство противъ науки. Наконецъ латинскій учебникъ для извѣстной части юридическихъ наукъ, напр., для римскаго и нѣмецкаго уголовнаго права, составляетъ необходимую потребность, потому что пониманіе этихъ правъ основывается на положительномъ знаніи латинскаго языка, частью по латинскимъ источникамъ, частью потому, что права эти были обработаны классическими писателями. Это настоящій, точный языкъ науки и учебникъ подготовляетъ къ нему. Онъ даетъ въ руки ученика и грамматику, и лексиконъ этого языка. Вообще каждое положительное право должно быть и преподаваемо, и изучаемо на томъ языкѣ, на которомъ оно писано. Совсѣмъ другое отношеніе при естественномъ правѣ. Оно основано на правильныхъ умозаключеніяхъ, а они легко могутъ быть переводимы на всѣ языки міра; только положительное право заключаетъ въ себѣ много непереводимаго. Собственно римское право не можетъ быть переводимо точно ни на какой языкъ; тутъ возможенъ только перифразисъ. Поэтому въ русскихъ университетахъ необходимы латинскіе учеб-

ники по тѣмъ частямъ права, о которыхъ я говорю, хотя бы все преподаваніе велось по-русски. Извѣстно, что въ Германіи и теперь преподаютъ эти права по латинскимъ учебникамъ и оттого преподаваніе тамъ процвѣтало при мнѣ». Учебникъ этотъ, какъ видно изъ заявленія Финке, онъ представилъ попечителю (Салтыкову), но судьба его неизвѣстна. Изъ того же заявленія Финке видно, что онъ работалъ надъ составленіемъ учебника также и по римскому праву; третью часть написаннаго онъ представилъ на благоусмотрѣніе совѣта. По его словамъ, это была полная переработка книги покойнаго профессора Гофакера въ Тюбингенѣ, котораго Финке ставитъ очень высоко: «Это былъ одинъ изъ немногихъ новыхъ ученыхъ юристовъ, которые излагали римское право въ совершенно чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси другихъ правъ, черпали прямо изъ источниковъ. Языкъ его—чисто римскій юридическій языкъ; обыкновенно онъ передаетъ слова самаго закона». Кончить предпринятую переработку Финке не удалось.

Наконецъ Финке представилъ на разсмотрѣніе совѣта свой «Опытъ уголовнаго судопроизводства», заключающій въ себѣ правила, какъ должны поступать суды въ уголовныхъ дѣлахъ при слѣдствіи, разспросѣ свидѣтелей и при рѣшеніи дѣла. «Мое прежнее счастливое положеніе (въ Гёттингенѣ),—говоритъ Финке,—дозволявшее мнѣ соединять теорію съ практикою, представляло мнѣ часто случаи для наблюденія. Не разъ находилъ я, что не все справедливо и примѣнимо, чему учитъ теорія. Эти случаи вызывали меня часто на размышленіе; многое я записывалъ на память. И здѣсь уже, въ Казани, я вознамѣрился набросать свой очеркъ судопроизводства». Очеркъ этотъ Финке переслалъ къ попечителю, который представилъ его въ Коммиссію составленія законовъ. Судьба его намъ также неизвѣстна.

Изъ только что нами приведенныхъ свѣдѣній о профессорской и научной дѣятельности Финке есть полное основаніе заключить, что въ немъ молодой Казанскій университетъ имѣлъ вполнѣ достойнаго преподавателя. Особенно важно было появленіе такого преподавателя на каѳедрѣ юридическихъ наукъ, приготовляющей дѣятелей, близко соприкасающихся съ практическою стороною жизни. Ученый и честный профессоръ, какимъ былъ Финке, притомъ стоявшій въ уровень съ современнымъ развитіемъ науки, самъ принимавшій участіе въ этомъ развитіи, долженъ былъ принести большую нравственную пользу своимъ слушателямъ. Чрезвычайно было важно знакомить этихъ слушателей, которымъ по окончаніи курса приходилось вступать въ міръ безправія, въ среду ловкихъ, пронырливыхъ, безчестныхъ дѣльцовъ и взяточниковъ, дѣйствовав-

шихъ безнаказанно въ безконечномъ лабиринтѣ указовъ, какъ въ темной водѣ, съ идеями права, справедливости и высшей нравственности. Изъ всѣхъ отдѣленій стараго университета, по уставу 1804 года, отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ давало, по нашему мнѣнію, болѣе всего духовнаго и нравственнаго содержанія своимъ слушателямъ, должно было приготовлять ихъ къ распространенію идей законности и гуманности для тѣхъ темныхъ сферъ жизни, гдѣ имъ выпадало на долю дѣйствовать. Но при этомъ необходимо было, чтобъ эти идеи гуманности и законности являлись во всеоружіи науки, чтобъ представитель ихъ былъ дѣйствительно человѣкъ науки и духа, уважаемый за свою ученость всѣми, не въ одномъ только дружески расположенномъ къ нему факультетѣ, не жалкій ремесленникъ, связанный съ преподаваемою имъ наукою только въ мѣсячные сроки получаемымъ имъ жалованьемъ. Такимъ честнымъ, строгимъ и глубоко научнымъ профессоромъ и былъ, по нашему убѣжденію, Финке, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ документамъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ принести всей пользы, какую можно было ожидать отъ него: онъ дѣйствовалъ въ средѣ совсѣмъ незнакомой и чуждой; онъ говорилъ на языкѣ чужомъ, понятномъ лишь для незначительнаго меньшинства слушателей. Самая дѣятельность его, какъ профессора, насильственно прерванная смертью, продолжалась не долго. Учениковъ онъ не успѣлъ приготовить, продолжателей въ томъ же духѣ и направленіи у него не оказалось, а вскорѣ послѣ его смерти для Казанскаго и другихъ русскихъ университетовъ наступила новая эпоха, гдѣ цѣнились не наука и ея развитіе, не проповѣдуемыя ею идеи гуманности и справедливости, столь необходимыя въ то время для страны, а ненависть къ уму и развитію, прикрываемая елейными фразами, воспитывавшими лишь лицемѣріе.

Самъ Финке былъ недоволенъ своею обстановкою въ Казани и ея условіями. Представленія, составленныя имъ объ ожидающей его жизни въ этомъ городѣ вдали отъ него, оказались ложными. Повидимому, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ловкихъ практиковъ, которые вездѣ и ко всему умѣютъ приноровиться. Мы привели уже его печальныя слова, что онъ боится забыть въ Казани свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ на родинѣ. Неудачно сложилась и матеріальная обстановка. Благодаря, чрезъ полгода по пріѣздѣ въ Казань, попечителя за квартирныя деньги, онъ жалуется на сравнительную дороговизну всѣхъ безъ исключенія жизненныхъ припасовъ въ Казани, возрастающую съ каждымъ днемъ, чего онъ никакъ не предполагалъ въ Германіи. На родинѣ онъ продалъ всю свою движимость за безцѣнокъ, а по пріѣздѣ въ Казань отдалъ

послѣдніе 15 рублей ямщику. Вскорѣ по пріѣздѣ возникли долги. Въ 1810 году къ попечителю въ Петербургѣ являлся нѣсколько разъ какой-то сѣдельный мастеръ Виттендорферъ, по порученію казанскаго нѣмца Петерса, съ просьбою объ уплатѣ должныхъ Финке послѣднему по векселю 200 р., и попечитель просилъ Финке избавить его отъ посѣщеній этого человѣка. Почти всѣ нѣмецкіе семейные профессоры, недовольные своими наемными помѣщеніями въ Казани, какъ извѣстно изобилующими неудобствами, старались, если можно было достать на то средства, пріобрѣтать свои собственные, небольшіе, конечно, деревянные дома. Такъ сдѣлали Браунъ, Германъ. Фойгтъ, Френъ, Литтровъ; такъ долженъ былъ поступить, вынужденный необходимостью, и Финке. Съ помощью денегъ, взятыхъ взаймы у Брауна, онъ купилъ также домъ [1]). Въ январѣ 1812 года Браунъ подалъ прошеніе въ совѣтъ, что домъ этотъ Финке перепродалъ ему, Брауну, но безъ совершенія купчей крѣпости (вѣроятно для обезпеченія полученныхъ денегъ взаймы), а нынѣ просилъ его, Брауна, оставить этотъ домъ попрежнему въ его владѣніи, за что и обѣщался выдать ему 2.500 р., но объ этомъ не заключено между ними никакого письменнаго условія. Браунъ и обратился въ совѣтъ съ просьбою спросить г. Финке въ засѣданіи совѣта о томъ: справедливы ли всѣ обстоятельства дѣла, изложенныя Брауномъ. Несмотря на заявленіе адъюнкта Кондырева, что такое дѣло не подлежитъ разбирательству совѣта, а учрежденной для того палатѣ гражданскихъ дѣлъ, совѣтъ постановилъ потребовать выпискою изъ протокола отъ Финке, въ засѣданіи не присутствовавшаго, объясненій и удовлетворенія претензіи Брауна. Мы не знаемъ, какъ послѣдовало соглашеніе обѣихъ сторонъ, но попечитель остался весьма недоволенъ тѣмъ, что совѣтъ принялъ къ своему разбирательству дѣло, не подлежащее его компетенціи и согласился съ мнѣніемъ Кондырева. По его мнѣнію, Браунъ былъ неправъ, предъявляя свое требованіе безъ всякаго письменнаго документа, почему онъ и не можетъ считать спорный домъ купленнымъ у Финке, а г. Финке имѣетъ на него, какъ пріобрѣтеннаго у третьяго лица неоспоримое право. Домъ Финке проданъ былъ уже по смерти его, съ разрѣшенія сената, опекунами дѣтей, профессо-

---

[1]) Изъ дѣлъ совѣта 1811 года видно, что Финке купилъ домъ въ концѣ 1810 года у жены коллежскаго регистратора Анны Лавровой за 2.250 р., но при заключеніи купчей онъ заплатилъ Лавровой 1.611 р., а въ остальныхъ 639 р. выдалъ заемное письмо. Въ началѣ 1811 года продавщица представила его въ совѣтъ, но Финке внесъ деньги и онѣ были выданы по принадлежности чрезъ губернское правленіе.

рами Бартельсомъ и Эрдманомъ съ публичнаго торга и деньги съ процентами, въ количествѣ 2500 руб. по векселю были уплачены Брауну.

Насколько мы можемъ судить изъ частныхъ писемъ Финке, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, нельзя составить себѣ другого о немъ представленія, какъ о человѣкѣ безукоризненно честномъ строгомъ къ себѣ и другимъ до щепетильности, можетъ быть, иногда, въ качествѣ юриста, доводившемъ свою мораль до того, что summum jus переходило въ summa injuria; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется намъ натурою мягкою и нѣсколько болѣзненною. Въ разсказанномъ нами эпизодѣ бурныхъ совѣтскихъ засѣданій по поводу брака профессора Френа Финке нельзя осуждать такъ строго, какъ сдѣлалъ это Броннеръ. Подъ вліяніемъ шумныхъ сплетенъ провинціальнаго города и злыхъ и желчныхъ подстреканій Яковкина, которому доставляло удовольствіе возникновеніе всякой ссоры между ненавистными ему нѣмецкими профессорами, Финке написалъ къ нему частную записку о томъ, что онъ не желаетъ въ декабрѣ мѣсяцѣ сидѣть рядомъ съ Френомъ въ училищномъ комитетѣ (вѣроятно для избѣжаній столкновеній), а Яковкинъ изъ записки сдѣлалъ оффиціальное заявленіе, которое и было заслушано въ засѣданіи и возбудило бурю. Въ своей запискѣ онъ только просилъ Яковкина, согласно § 173 устава, по которому члены училищнаго комитета перемѣняются ежемѣсячно, не назначать его съ Френомъ, а съ профессоромъ Томасомъ или Городчаниновымъ. Правда, онъ оспариваетъ слова Броннера о различіи между жизнью частною и публичною, доказываетъ съ своей стороны, что существуетъ рядомъ съ честью нравственной и честь гражданина, что эту послѣднюю *намъ, иностранцамъ*, призваннымъ въ русскій университетъ, слѣдуетъ охранять и защищать съ особенными усиліями, но ему тяжело и горько утвержденіе Броннера, что онъ, Финке,—«ist ein ungerechter, ein liebloser, ein übermüthiger Mann». Кромѣ этого печальнаго эпизода имя Финке не замѣшано ни въ какихъ бурныхъ исторіяхъ совѣта описываемаго времени. Повидимому онъ избѣгалъ ихъ.

Но жизнь этого вполнѣ достойнаго, какъ намъ кажется, профессора сложилась не совсѣмъ удачно. Онъ недоволенъ былъ Казанью, не только потому что въ ней не видѣлъ онъ возможности продолжать начатые имъ ученые труды, для чего, особенно въ то время, необходимо было имѣть профессору большую силу воли, но и по вредному на его здоровье вліянію казанскаго климата, и по семейнымъ потерямъ. Здоровье его сильно разстроилось. Онъ сталъ думать о томъ, какъ бы выбраться изъ Казани, перемѣнить родъ

службы, хотя мы не знаемъ каковы были его положительныя намѣренія. Приведемъ его, любопытное по наивнымъ житейскимъ подробностямъ прошеніе, поданное въ совѣтъ университета о желаніи перемѣнить службу, отъ 15-го октября 1813 года.

«Послѣ смерти сердечно любимой жены моей, память о которой останется священною до конца дней моихъ, послѣдовавшей лѣтомъ 1810 года (слѣдовательно, менѣе чѣмъ чрезъ годъ по пріѣздѣ) здоровье мое сильно разстроилось. Для маленькихъ дѣтей моихъ и для собственнаго успокоенія я снова вступилъ въ бракъ (Финке женился на племянницѣ жены своего предшественника по каѳедрѣ—Бюнемана). Я снова сталъ счастливымъ человѣкомъ, найдя добродѣтельную спутницу жизни, сдѣлавшуюся для меня тѣмъ, чего я искалъ. Состояніе здоровья моего улучшилось. Къ моей величайшей радости, я съ усиленнымъ рвеніемъ могъ вполнѣ посвятить себя моему призванію. Но съ нѣкотораго времени, особенно съ половины прошедшей зимы, я сталъ сильнѣе, чѣмъ прежде, чувствовать вредное вліяніе казанскаго климата на мое и безъ того слабое здоровье, и значительное ослабленіе моихъ тѣлесныхъ силъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я лишился почти совсѣмъ сна; только къ утру я въ состояніи заснуть, и то на нѣсколько часовъ. Чтобы имѣть возможность работать я долженъ поддерживать себя крѣпкимъ кофе, отъ чего здоровье мое еще болѣе, безъ сомнѣнія, страдаетъ. Сверхъ того я чувствую въ лѣвомъ плечѣ сильныя боли; лишайная сыпь, этотъ весьма несносный подарокъ казанскаго воздуха, не менѣе безпокоитъ меня относительно моего здоровья, какъ и то обстоятельство, что съ начала настоящаго учебнаго года, послѣ каждой прочитанной лекціи, я чувствую себя до крайности утомленнымъ. Моя обязанность самымъ добросовѣстнымъ образомъ позаботиться о сохраненіи моей жизни и моего здоровья, особенно имѣя въ виду счастіе семьи. Какъ бы ни тяжело было для меня въ нѣкоторомъ отношеніи оставить этотъ городъ и искать другое мѣстопребываніе, но я вынужденъ къ тому,—я слишкомъ убѣдился, что здѣшній, столь измѣнчивый климатъ, все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ разстраиваетъ мое здоровье. Я бы оскорбилъ нашего уважаемаго начальника, господина попечителя, если бы, желая привести въ исполненіе высказанное мною намѣреніе, сталъ дѣйствовать не откровенно. Напротивъ, чистосердечно объясняя совѣту вышеприведенныя причины моего намѣренія искать другой родъ службы,—я надѣюсь заслужить и его благосклонное вниманіе ко мнѣ».

Заявляя все это совѣту, Финке просилъ, для представленія другому начальству, выдать ему свидѣтельство о службѣ, въ которомъ были бы перечислены всѣ его труды и занятія по университету.

Но до перемѣны службы, онъ высказывалъ обѣщаніе попрежнему нести всѣ свои обязанности по Казанскому университету съ одинаковымъ рвеніемъ и усердіемъ и продолжать тѣ ученыя литературныя работы, на начало которыхъ онъ указывалъ. Совѣтъ, конечно, выдалъ ему подобнаго рода аттестатъ. Намъ неизвѣстно, хлопоталъ ли Финке о переводѣ своемъ или объ измѣненіи рода службы, и что сдѣлано было имъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ намѣренія, но онъ не прекращалъ своей профессорской дѣятельности до самой смерти. Еще за мѣсяцъ до нея онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта; ихъ онъ рѣдко пропускалъ. Какъ деканъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ (Финке былъ первымъ деканомъ по открытіи университета) онъ еще больше былъ занятъ. Въ 1814 году въ факультетѣ были произведены два испытанія на степень доктора правъ: Іона и Солнцева. «Въ доброй волѣ сдѣлать, что-нибудь большее,—говоритъ онъ въ своемъ заявленіи совѣту,—недостатка у меня не было, но несмотря на то, что во время всей моей казанской жизни, я жилъ исключительно для моихъ служебныхъ обязанностей и моей науки и впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ удалялся отъ всякаго общества, ограниченность, недостатокъ литературныхъ связей и сношеній дѣлали невозможнымъ желаемый болѣе счастливый успѣхъ моей литературной дѣятельности». Она его болѣе всего прочаго заботила и невозможность продолжать въ Казани учено-литературную разработку права была главною и почти единственною причиною, какъ онъ самъ выражался, оставить службу въ Казанскомъ университетѣ. Какая болѣзнь свела его въ могилу (ему было всего 41 годъ), мы не знаемъ. Вредное вліяніе казанскаго климата, несмотря на печальныя санитарныя условія города и въ настоящее время, существовало, конечно, только въ воображеніи Финке. Онъ умеръ 17-го сентября 1814 года. По ходатайству совѣта Высочайше разрѣшено было выдать вдовѣ Финке и дѣтямъ его единовременно по 2.000 рублей; кромѣ того, въ пенсіонъ назначена была вдовѣ пятая часть жалованья—400 р. и такая же доля дѣтямъ. Опекунами дѣтей опредѣлены были правленіемъ университета профессоры Бартельсъ и Эрдманъ. Потомъ они часто мѣнялись, но изъ дѣла объ опекѣ надъ дѣтьми Финке, которое велось до совершеннолѣтія сына и дочери, изъ отчетовъ, которые эти нѣмецкіе опекуны отъ времени до времени представляли въ правленіе университета, мы имѣемъ полное право сдѣлать заключеніе, что опека велась ими образцово. Опекуны заплатили всѣ, конечно, незначительные, долги покойнаго профессора; выданные на долю дѣтей единовременно 2.000 р. и 400 р. пенсіи за 1814 годъ, положивъ въ сохранную казну Москов-

скаго Воспитательнаго дома на обращеніе изъ процентовъ, при совершеннолѣтіи сына и дочери въ 1824 году, обоимъ они возвратили въ количествѣ 4.057 р. 50 к. Дѣтей опекуны успѣли воспитать на ту незначительную пенсію, которая выдавалась имъ отъ казны. Вдова профессора Финке въ февралѣ 1819 года вышла замужъ за какого-то штабсъ-капитана Шутскаго и пенсія ей была прекращена; сынъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, но судьба его намъ неизвѣстна; дочь же въ 1825 году сдѣлалась женою профессора Эйхвальда.

Глава XI.

Иностранцы-профессоры, приглашенные Румовскимъ; 7) Іоаннъ-Георгъ Нейманъ, профессоръ правъ, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и политической экономіи (1809—1811); 8) Егоръ Васильевичъ баронъ Врангель, адъюнктъ Неймана, а потомъ ординарный профессоръ правъ (1809—1819); Нейманъ — вторично на службѣ (1814—1817); 9) и 10) приготовленіе къ занятію юридическихъ каѳедръ магистровъ Николая Алехина и Эльпидифора Манассеина (1814—1819); судьба обоихъ; 11) Іосифъ-Іоаннъ Литтровъ, профессоръ астрономіи (1810—1816); его дѣятельность въ Казани; заботы объ устройствѣ обсерваторіи, первыя наблюденія; казанскія отношенія Литтрова.

«За господиномъ Финке,—писалъ попечитель къ Яковкину (7-го сентября 1809 года),—въ непродолжительномъ времени будетъ слѣдовать *Нейманъ*, профессоръ правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи и политической экономіи» (послѣдняя наука соединялась по уставу однако, съ другой каѳедрой, именно съ дипломатикой). «*Указъ, изданный объ испытаніи чиновниковъ, необходимо требуетъ подобнаго человѣка*, и лучшаго сыскать въ Россіи я сомнѣваюсь. Г. Нейманъ два года съ половиною былъ при коммиссіи о сочиненіи законовъ и въ сіе короткое время *научился по-русски говорить и писать*». «По пріѣздѣ его совѣтъ долженъ будетъ перемѣнить планъ лекцій» (для чиновниковъ).

То обстоятельство, что Нейманъ (Iohann-Georg-Iosias Neumann) началъ свое служеніе въ Коммиссіи о составленіи законовъ, гдѣ безъ сомнѣнія, остались его документы и свидѣтельства о слушаніи имъ лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ, лишило насъ возможности составить представленіе о его первоначальномъ приготовленіи для каѳедры, на которую онъ назначался и о правахъ его на нее. Мы знаемъ только, что онъ родился въ Магдебургѣ въ 1780 году. Очень возможно, что подобно Фойгту, и онъ былъ приглашенъ на службу упомянутымъ нами въ біографіи Фойгта барономъ Гейкингомъ, пріобрѣлъ знакомства въ нѣмецкихъ кружкахъ Петербурга и

потомъ, въ качествѣ образованнаго юриста, прошедшаго университетскую школу, былъ приглашенъ въ Коммиссію о составленіи законовъ, гдѣ дѣлопроизводителемъ былъ Розенкампфъ. Нигдѣ въ Россіи, кромѣ этой Коммиссіи, нельзя было получить въ то время юридическаго образованія, т.-е. знакомства сначала историческаго, а потомъ и теоретическаго съ массою дѣйствующихъ законовъ, изъ которыхъ впослѣдствіе времени долженъ былъ составиться Сперанскимъ извѣстный Сводъ. Лучшіе работники въ этой Коммиссіи были почти исключительно первоначально нѣмцы, получившіе юридическое образованіе въ университетахъ, нѣкоторые изъ нихъ, а въ ихъ числѣ и Нейманъ, сдѣлались профессорами. Потомъ эта Коммиссія, долго единственная наша юридическая школа, при непосредственномъ участіи Сперанскаго, доставила университетамъ и нѣсколько русскихъ юридическихъ профессоровъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью.

Неймана рекомендовалъ Румовскому непремѣнный секретарь Академіи Наукъ Н. Фуссъ. Изъ содержанія письма Фусса видно, что многіе академики принимали живое участіе въ судьбѣ Неймана и желали доставить ему юридическую каѳедру въ Казанскомъ университетѣ. Фуссъ называетъ его ученымъ юрисконсультомъ, хвалитъ его обширныя знанія, свѣтлый и систематическій умъ и даже его краснорѣчіе. Онъ убѣжденъ, что Нейманъ будетъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для университета и можетъ со славою занять каѳедру. Въ доказательство того, что Нейманъ способенъ занять любую изъ четырехъ юридическихъ каѳедръ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ, Фуссъ приложилъ къ письму своему четыре рукописные мемуара Неймана, по одному на каждую каѳедру, но говоритъ, что самъ онъ предпочитаетъ профессорство правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ. Естественно, что для этой каѳедры Нейманъ былъ гораздо болѣе приготовленъ, чѣмъ для каѳедры правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россіи. И Фуссъ придавалъ большое значеніе тому обстоятельству, что Нейманъ быстро успѣлъ въ русскомъ языкѣ и что скоро онъ въ состояніи будетъ и преподавать на немъ. Кромѣ того, Нейманъ подъ рукою: нѣтъ надобности выписывать ученаго изъ-за-границы и дѣлать издержки на его переѣздъ.

Въ чемъ заключались четыре мемуара Неймана, доставленные Фуссомъ къ попечителю, мы не знаемъ; по всей вѣроятности это были краткія программы преподаванія по каждой изъ четырехъ юридическихъ каѳедръ отдѣленія. Но Румовскій лично познакомился съ искателемъ, говорилъ съ нимъ не разъ о будущемъ его преподаваніи и «нашелъ въ немъ все, что писалъ ко мнѣ г. Фуссъ о

его способностяхъ и знаніяхъ». Когда попечитель, имѣя особенно въ виду указъ сенату отъ 6-го августа 1809 года, предложилъ Нейману каѳедру правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и политической экономіи, предметовъ, которые должны быть читаны для чиновниковъ на языкѣ русскомъ, Нейманъ представилъ ему: 1) систематическій планъ о всѣхъ матеріяхъ, принадлежащихъ къ гражданскому и уголовному праву; 2) планъ преподаванія политической экономіи (оба на французскомъ языкѣ) и 3) краткій планъ преподаванія россійскаго права и политической экономіи (программа)— на языкѣ русскомъ.

Каѳедру правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства Нейманъ считаетъ чрезвычайно важною и самою полезною въ практическомъ отношеніи. «Для юношества,—говоритъ онъ,—необходимо изученіе національнаго права. Нельзя быть человѣкомъ государственнымъ, законодателемъ, чиновникомъ и даже хорошимъ гражданиномъ, не зная законовъ своей страны. Но въ Россіи изученіе ихъ до сихъ поръ находилось въ пренебреженіи. Знакомство съ существующимъ правомъ было доступно небольшому числу лицъ, которыя дѣлали изъ него монополію. Огромная масса указовъ вносила во всѣ дѣла и юридическіе вопросы замѣшательство и неопредѣленность. Единственный способъ научиться заключался въ продолжительной практикѣ въ судахъ или въ департаментѣ министерства юстиціи. Этотъ способъ, трудный самъ по себѣ и доступный лишь для немногихъ молодыхъ людей, не всегда можетъ быть успѣшнымъ». Только университеты, основанные при Александрѣ, и недавній указъ 6-го августа, требующій отъ чиновниковъ образованія, могутъ, какъ доказываетъ далѣе Нейманъ, способствовать положительному изученію русскаго права. Вотъ почему Нейманъ считаетъ особенно важными публичныя лекціи права. Изложивъ кратко содержаніе своего предмета, порядокъ частей его составляющихъ и порядокъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ науки, Нейманъ останавливается на методѣ преподаванія. Этотъ методъ долженъ имѣть научный характеръ и Нейманъ за образецъ принимаетъ тотъ, который одобренъ Коммиссіею составленія законовъ для ея работъ. По его словамъ, онъ будетъ очень полезенъ молодымъ людямъ въ ихъ будущей практической карьерѣ. Преподаваніе необходимо должно происходить на языкѣ русскомъ; «наука русскаго права есть наука національная»; «техническія слова въ ней опредѣлены обычаемъ». Нейманъ справедливо доказываетъ, что при преподаваніи этой науки на языкѣ латинскомъ, большинство слушателей не будутъ понимать ея, а тѣ, которые и поймутъ, пріобрѣтутъ знаніе роднаго права въ чужихъ терминахъ: «они узнаютъ право, но не языкъ

права», и сдѣлаются безполезными для практической службы. Весь курсъ Неймана долженъ продолжаться три года (два для гражданскаго права и одинъ для уголовнаго и для нѣкоторыхъ дополнительныхъ преподаваній). Необходимость такого срока, который тогда могъ показаться продолжительнымъ, онъ доказываетъ примѣромъ европейскихъ университетовъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что его будущіе казанскіе слушатели совершенно незнакомы съ наукою права, не приготовлены къ ней ни наукою права естественнаго, ни наукою права римскаго (тогда не была занята въ Казани ни одна юридическая каѳедра, а Финке еще не пріѣзжалъ). Необходимость трехлѣтняго курса вытекаетъ и изъ того, что не существуетъ ни одного систематическаго сочиненія о русскомъ правѣ, матеріалы же, собранные въ нѣкоторыхъ книгахъ (да и ихъ число весьма ограниченно), представляютъ только плохо составленныя компиляціи съ большими пробѣлами. Профессоръ русскаго права, желающій систематически излагать свою науку, долженъ самъ работать надъ предварительнымъ дѣломъ систематизированья, онъ долженъ составлять комментарій къ существующему праву. Чтобъ исполнить это трудное и важное дѣло, Нейманъ говоритъ, что онъ возьметъ себѣ въ образецъ трудъ знаменитаго англійскаго юриста Блекстона и его лекціи англійскаго права, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ. Онъ обѣщаетъ сдѣлать съ своей стороны первый опытъ составленія такого же комментарія къ русскимъ законамъ и «хотя онъ не смѣетъ надѣяться сравняться съ своимъ великимъ образцомъ, но по крайней мѣрѣ постарается проложить дорогу и предоставитъ рукамъ болѣе искуснымъ довершеніе такого важнаго труда».

Въ помощь себѣ для преподаванія Нейманъ высказываетъ желаніе имѣть адъюнкта (такого онъ имѣлъ уже въ виду и скоро получилъ, какъ мы увидимъ). Въ заключеніе онъ развиваетъ предположеніе образовать въ Казани литературное общество, по образцу парижской юридической академіи. «Главою этого общества является профессоръ русскаго права. Студенты, болѣе другихъ успѣвшіе, будутъ воспитанниками этой академіи, а потомъ и членами. Занятія будутъ имѣть исключительно цѣли практическія; здѣсь будутъ обсуждаться юридическіе вопросы и факты, вестись примѣрные процессы, даваться по дѣламъ консультаціи. Конечно, на первый разъ мы должны видѣть во всемъ этомъ только скромное начало». Нейманъ пока не имѣетъ въ виду ни одного члена будущей академіи, кромѣ предполагаемаго своего адъюнкта, но «если мнѣ предоставятъ,—говоритъ онъ,—раздавать кой-какія отличія студентамъ, болѣе прочихъ ревностнымъ и прилежнымъ, я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ предпріятія. Я льщу себя надеждою, что многіе уважаемые

чтобы пріучить ихъ къ практикѣ, «но для этого,—справедливо замѣчаетъ онъ,—надобно приготовить прежде учениковъ».

Таковы были широко задуманные Нейманомъ планы его будущаго преподаванія въ Казани (о краткихъ программахъ его мы не станемъ говорить). Нельзя не замѣтить, что на этихъ планахъ, особенно на политической экономіи, отражалось направленіе времени и то желаніе имѣть для государственной службы образованныхъ и знающихъ дѣятелей, которымъ было проникнуто тогда правительство. Планы Неймана очень понравились Румовскому. «Опыты сіи знаній г. Неймана,—пишетъ онъ въ своемъ о немъ представленіи къ министру (13-го сентября 1809 г.),—показываютъ, что онъ имѣетъ обширное свѣдѣніе о писателяхъ, особливо политической экономіи, *которая въ каждомъ государствѣ должна быть отлична* и планы сіи толь основательно кажутся мнѣ начертаны, что искуснѣйшій правовѣдецъ отдастъ имъ достойную похвалу». По словамъ Румовскаго, Нейману *извѣстны всѣ права, въ университетахъ преподаваемыя;* онъ пріобрѣлъ достаточное знакомство съ русскими законами въ Коммиссіи составленія законовъ, имѣетъ способность писать и изъяснять на русскомъ языкѣ, а для политической экономіи, которая по высочайшему повелѣнію 6-го августа необходимо должна быть преподаваема въ университетахъ, «при настоящемъ вещей положеніи способнѣйшаго человѣка отыскать я не надѣюсь». Въ началѣ октября того же 1809 года Нейманъ получилъ, за подписью Сперанскаго, выписку изъ журнала Коммиссіи составленія законовъ (въ ней онъ назывался письмоводителемъ, а по формуляру — помощникомъ редактора) объ увольненіи его отъ должности и о томъ, что онъ, «соотвѣтственно желанію, имъ изъявленному», принятъ корреспондентомъ Коммиссіи по части уголовнаго права, а 19-го октября былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета, съ выдачаю ему 400 р. на путевыя издержки. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Казань, Нейманъ, озабочиваясь полнотою и достоинствомъ своего преподаванія, которое встрѣчало тогда затрудненія, не существующія нынѣ, обратился къ попечителю съ просьбою — исходатайствовать ему разрѣшеніе пользоваться въ Казани архивомъ губернскаго правленія. Изъ этой просьбы мы видимъ, что для преподаванія русскаго права, равно какъ для систематическаго изложенія русскихъ законовъ «необходимо *требуется познаніе всѣхъ указовъ, какъ имѣвшихъ законную силу, такъ и тѣхъ, которые еще нынѣ законную силу имѣютъ*». По словамъ Неймана, сочиненія о русскомъ правѣ слишкомъ недостаточны, чтобы служить руководствомъ; собраніе печатныхъ законовъ не полно, а потому необходимо прибѣгнуть къ самимъ источникамъ. Печатный указатель за-

коновъ представляетъ пробѣлы за многіе годы (Нейманъ перечисляетъ ихъ) и эти пробѣлы должно самому восполнять изъ архивовъ. Другая просьба Неймана заключалась въ необходимости назначенія ему адъюнкта; на него, тоже служащаго въ Коммиссіи составленія законовъ, онъ указывалъ попечителю, какъ на вполнѣ достойнаго человѣка и притомъ знающаго русскій языкъ. Обѣ просьбы были удовлетворены.

Адъюнктъ, рекомендованный Нейманомъ, былъ его сослуживцемъ по Коммиссіи составленія законовъ и, безъ сомнѣнія, близкимъ къ нему человѣкомъ. Это былъ баронъ Егоръ Васильевичъ *Врангель*, сдѣлавшійся впослѣдствіе времени ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета и прослужившій въ немъ гораздо дольше, чѣмъ Нейманъ. Этотъ Врангель родился въ 1785 году въ Мейделѣ, Везенбергскаго округа, Эстляндской губерніи, и принадлежалъ къ старой баронской фамиліи Остзейскаго края. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о его образованіи и о томъ, насколько онъ былъ приготовленъ къ занятію юридической каѳедры; знаемъ только, что правамъ онъ учился въ университетахъ Дерптскомъ, Виттенбергскомъ и Вюрцбургскомъ. По окончаніи образованія и по возвращеніи на родину, Врангель тотчасъ же началъ служить въ ревизіонной коммиссіи о владѣльческихъ доходахъ въ Лифляндской губерніи, въ Дерптскомъ уѣздѣ. Онъ былъ секретаремъ этой коммиссіи и получалъ 1.500 руб. жалованья въ годъ. Черезъ годъ, по прекращеніи дѣятельности этой коммиссіи, Врангель поступаетъ въ Петербургѣ въ Коммиссію составленія законовъ подъ начальство Розенкампфа, не имѣя, впрочемъ, въ ней сначала опредѣленныхъ занятій. При новой организаціи этой Коммиссіи, при Сперанскомъ, Врангель получилъ въ ней должность письмоводителя съ жалованьемъ въ 500 руб. Служба его въ Коммиссіи одобрялась. Попечителю, въ доказательство своихъ юридическихъ знаній, Врангель представилъ въ рукописи «Исторію уголовнаго права», но о ней мы ничего не можемъ сказать, не видавъ ея. По словамъ Румовскаго эта исторія доказывала его свѣдѣнія «и купно знаніе россійскаго языка, толико для университетскаго совѣта нужнаго». Онъ былъ назначенъ вслѣдъ за Нейманомъ, съ выдачею 200 руб. на путевыя издержки.

Нейманъ былъ первымъ и единственнымъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, назначенныхъ въ Казань Румовскимъ, писавшимъ къ попечителю по-русски. Правда, письма эти даютъ намъ понятіе, что русскій языкъ чужой для Неймана, но они свидѣтельствуютъ объ его энергіи и настойчивомъ желаніи служить новому своему отечеству. Эти письма, кромѣ того, подробно разсказываютъ о его профессорской дѣятельности въ Казани. Нейманъ съ женою и съ Вран-

гелемъ выѣхали изъ Петербурга 4-го января 1810 года и только 29-го добрались до Казани. И у него мы встрѣчаемъ обычныя жалобы на дорогу; выставляются причины запозданія. Безостановочная ѣзда оказала вредное вліяніе на здоровье Неймана, а чрезъ Валдайскія горы почему-то, въ очень дурную погоду и ночью, пришлось всѣмъ идти пѣшкомъ и Нейманъ простудился. Въ Москвѣ путешественники прожили десять дней и это время Нейманъ употребилъ на покупку для библіотеки университета на 500 рублей юридическихъ и по политической экономіи книгъ, что ему поручилъ сдѣлать попечитель, взявъ книги у книгопродавцевъ на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобъ получить ихъ потомъ изъ экономической суммы университета. Порученіе это Нейманъ выполнилъ совершенно удовлетворительно, съ выгодою для университета. По его словамъ не только всѣ важныя сочиненія по-русскому праву и по политической экономіи, списокъ которыхъ онъ представилъ попечителю, но и нѣсколько другихъ были пріобрѣтены имъ. Книгопродавцы дѣлали уступки, такъ что за 638 руб. по счету приходилось платить всего 469 руб. Книги Нейманъ привезъ съ собою, для чего понадобилось отъ Москвы до Казани брать лишнюю лошадь. Другое порученіе Румовскаго заключалось въ томъ, чтобы помочь Яковкину въ составленіи объявленія на русскомъ языкѣ о содержаніи открывающихся въ университетѣ публичныхъ курсовъ, согласно указу 6-го августа 1809 г. (первое объявленіе написано было по-латыни и попечителемъ не утверждено). Новое, русское, попечитель представилъ въ главное правленіе училищъ; «кстати пріѣхали гг. Нейманъ и Врангель,— пишетъ онъ къ Яковкину,—и г. Нейманъ изрядно пишетъ порусски».

Явившись въ первый разъ въ совѣтъ 16-го февраля, Нейманъ представилъ ему очень подробное изложеніе своихъ предварительныхъ работъ по систематической обработкѣ русскаго права. Главный тезисъ его—«въ Россіи еще нѣтъ юриспруденціи»; необходимо обратиться къ самимъ источникамъ, т. е. читать указы одинъ за другимъ и дѣлать изъ нихъ выписки. Нейманъ представилъ только планъ систематическаго собранія *уголовныхъ законовъ*. Онъ соотвѣтствуетъ вполнѣ плану уголовнаго уложенія, принятому Коммиссіей составленія законовъ и Нейманъ, въ видахъ преподаванія, измѣняетъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ порядокъ. Выписки изъ указовъ доведены Нейманомъ до 1809 года. Онъ говоритъ, что на его работу обратилъ вниманіе Сперанскій, предсѣдатель въ Коммиссіи составленія законовъ, опредѣлившій на помощь къ нему для выписокъ двухъ чиновниковъ. Эту-то работу, надъ которой Нейманъ трудился, будучи еще на службѣ въ Коммиссіи, онъ представляетъ те-

перь, съ согласія попечителя, въ совѣтъ, для разсмотрѣнія ея профессорами Финке и Фойгтомъ.—Лекціи свои по уголовному праву Нейманъ началъ читать съ 1-го марта—два раза въ недѣлю по два часа, какъ это было въ общемъ употребленіи тогда въ Казани [1]).

Что касается второй науки своей, преподавать которую онъ долженъ былъ въ Казани, т. е. политической экономіи, то онъ принужденъ былъ, по отношенію къ ней, измѣнить свои намѣренія, высказанныя имъ прежде попечителю. Знаменитое сочиненіе Адама Смита, создавшее промышленный строй Великобританіи, идеи котораго господствовали въ то время вездѣ въ Европѣ и преподавались у насъ въ тѣ годы и при дворѣ и въ учебныхъ заведеніяхъ, а на практикѣ стали тогда въ первый разъ примѣняться Сперанскимъ, Нейманъ, какъ мы говорили уже, хотѣлъ самъ переводить и объяснять студентамъ. Вѣроятно, однако, указывая имъ, какъ руководство, сочиненіе Смита, Нейманъ имѣлъ въ виду недавно передъ тѣмъ появившійся русскій переводъ его [2]), но теперь, «разсматривая переводъ сочиненія Смита,—пишетъ онъ,—я примѣтилъ, что нельзя пользоваться онымъ для моихъ лекцій. Техническія слова, принятыя въ семъ переводѣ, не соотвѣтствуютъ словамъ, употребленнымъ Смитомъ, и часто г. переводчикъ не выразилъ даже смысла подлинника. Чтобъ доказать справедливость онаго утвержденія, я сравнилъ первые два листа сего сочиненія съ переводомъ, и показалъ, что на сихъ двухъ листахъ не меньше десяти разъ или употреблены слова неприличныя, или не выраженъ смыслъ сочинителя. Не могши пользоваться симъ переводомъ, я принужденъ перемѣнить планъ моихъ преподаваній по сей части, *и, будучи иностранецъ, я не въ состояніи написать на россійскомъ языкѣ краткое изложеніе системы Смита»*. Свои лекціи о политической или государственной экономіи, какъ иначе называетъ науку Нейманъ, онъ намѣренъ, однако, со второй половины года, читать непремѣнно по-русски, а руководствомъ

---

[1]) По всей вѣроятности, эти лекціи по уголовному праву вошли въ его книжку: „Начальныя основанія уголовнаго права. Сочиненіе профессора Ивана Неймана". СПБ. 1814. 8°. Это небольшая, разгонисто напечатанная книжка въ 75 стр., состоящая изъ 52 §§. Она заключаетъ въ себѣ только общія опредѣленія и не приводитъ ни одного положительнаго русскаго закона. Нѣмецкій переводъ этого сочиненія, составляющаго, повидимому, только первую часть учебника, появился въ томъ же году въ Дерптѣ: „Abriss d. russischen peinlichen Rechts", 1-er Theil. Онъ сдѣланъ однимъ изъ его слушателей въ Дерптѣ фонъ-Эссеномъ.

[2]) „Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ", соч. *Адама Смита;* перев. съ англ. Николай *Политковскій.* 4 части, СПБ. 1802—1806. 8°.

выбираетъ сочиненіе Якоба, «пока успѣю обработать краткое изложеніе системы Смита на россійскомъ языкѣ» [1]).

По отношенію къ адъюнкту своему барону Врангелю, Нейманъ желалъ, чтобы были сохранены права, принадлежащія ему по закону вполнѣ и чтобъ адъюнктъ находился въ полномъ его распоряженіи. Въ § 31 устава сказано: «Адъюнкты суть помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большей степени совершенства, и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны принять участіе». Поэтому Нейманъ предоставляетъ себѣ какъ дальнѣйшее образованіе Врангеля, такъ и указаніе ему занятій. Нейманъ желалъ, чтобы Врангель «способствовалъ ему собираніемъ матеріаловъ» и читалъ лишь «дополнительныя лекціи» для студентовъ вновь поступающихъ въ университетъ. Въ тотъ годъ Врангель былъ единственнымъ адъюнктомъ въ Казанскомъ университетѣ и, по росписанію лекцій 1810—1811 года, онъ долженъ былъ преподавать изложеніе гражданскихъ россійскихъ законовъ (по своимъ тетрадямъ); *уголовные же продолжать по начертанію профессора Неймана* (4 часа въ недѣлю). Изъ тетрадей Врангеля дошла до насъ только одна 3-я глава (о супружествѣ) изъ первой части (право личное). Въ 1810 же году, до августа мѣсяца, Яковкинъ распорядился Врангелемъ безъ вѣдома Неймана. Онъ предоставилъ ему учить *младшихъ* студентовъ, а *старшіе* должны были слушать Неймана; оба читали одни и тѣ же предметы и въ одни часы. Нейманъ не протестовалъ: «большая часть нашихъ студентовъ состоитъ изъ однихъ казенныхъ воспитанниковъ,—писалъ онъ къ попечителю,—и г. Яковкинъ, будучи ихъ инспекторомъ,

---

[1]) Нейманъ и обработалъ потомъ свой учебникъ: „Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Адама Смита. Сочиненіе профессора *Ивана Неймана*". СПБ 1817. 8° XXI, 216 стр. Книга издана главнымъ правленіемъ училищъ „въ пользу училищъ, какъ руководствующая книга для преподаванія политической экономіи". Она обработана по англійскому подлиннику. Въ своемъ предисловіи, въ видахъ безпристрастія, авторъ обѣщаетъ еще издать краткія объясненія, какъ *купеческой* (меркантильной) такъ и *земледѣльческой* (физіократической) системъ, „дабы учащіеся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣли случай сравнивать между собою положенія и правила трехъ главнѣйшихъ по сей части теорій, которыя славились во всѣхъ почти просвѣщенныхъ земляхъ и даже часто имѣли нарочное вліяніе *въ* управленіе общественныхъ дѣлъ". Такъ распространялось тогда у насъ сочиненіе Смита; въ настоящее время, съ 1884 года, оно принадлежитъ къ числу недозволенныхъ. Что касается до учебника Якоба, взятаго въ руководство Нейманомъ, то мы не въ состояніи сказать, какой это учебникъ. Учебникъ Якоба „Народное хозяйство" напечатанъ позднѣе, въ 1817 году.

безъ сомнѣнія, лучше можетъ судить о ихъ способностяхъ и объ образѣ наставленій, онымъ соотвѣтственномъ», но потомъ настоялъ, чтобы Врангель находился въ полномъ его распоряженіи. Совѣтъ представилъ объ этомъ обстоятельствѣ попечителю и послѣдній удовлетворилъ требованію Неймана.

Не вдругъ Нейманъ присмотрѣлся къ университету и къ условіямъ жизни въ незнакомомъ ему городѣ. Безъ сомнѣнія, Румовскій, которому, конечно, было любопытно издали знать, что дѣлается тамъ, и знать не изъ однихъ писемъ директора, просилъ Неймана сообщать ему свои наблюденія. «Я еще ничего не могу сказать,— говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ писемъ къ попечителю,—ни о состояніи здѣшняго университета, ни о средствахъ умножить число здѣшнихъ студентовъ, что въ будущемъ времени будетъ необходимо, *чтобы правительство не почитаетъ издержки, для онаго данныя, безполезнымъ и излишнимъ*; а я буду имѣть смѣлость представить в. п. мое мнѣніе о семъ предметѣ, когда по долгому пребыванію въ семъ мѣстѣ, я бы имѣлъ случай провѣдать здѣшнія обстоятельства, средства и затрудненія» (оставляемъ на этотъ разъ русскій текстъ письма Неймана безъ исправленія).

Черезъ два мѣсяца Нейманъ уже сообщаетъ попечителю объ успѣхѣ своего преподаванія, не смотря на то, что студентовъ у него весьма мало. Преподаваніе на русскомъ языкѣ стало привлекать и постороннихъ слушателей изъ города; нашлось двое дворянъ, «пожелавшихъ обучаться главнымъ понятіямъ и началамъ правовѣдѣнія» и Нейманъ сталъ читать имъ приватныя лекціи. Но онъ «принужденъ признаться, что начало для меня весьма трудно и что, дабы быть полезнымъ соотвѣтственно моимъ желаніямъ, *необходимо имѣть больше въ своемъ силѣ языка*». Не покидаетъ Неймана и желаніе осуществить мысль, высказанную имъ при опредѣленіи на службу попечителю, завести въ Казани *юридическій институтъ* «для образованія молодыхъ людей, посвятившихъ себя гражданской службѣ»; изъ Петербурга (вѣроятно изъ Коммиссіи законовъ) онъ получилъ сочувственныя заявленія; остается, по его словамъ, только найти домъ «который былъ бы удобенъ для такого учрежденія». Попечитель, въ отвѣтъ на эти извѣстія Неймана, любезно высказывалъ ему пожеланіе, чтобы его дѣятельность послужила примѣромъ прочимъ профессорамъ. Дальше, однако, разсказаннаго начала, дальше предположеній, дѣятельность Неймана въ Казани не пошла.

Не прошло и полугода со времени полученія попечителемъ этихъ пріятныхъ для него извѣстій, какъ условія новой для Неймана казанской жизни, постепенно раскрываясь предъ нимъ, стали

казаться ему весьма неблагопріятными. Уже тотчасъ по пріѣздѣ, онъ сталъ жаловаться на разстройство здоровья. Квартира, въ которой онъ остановился съ семьею и Врангелемъ, оставалась нетопленною въ теченіе всей зимы; она промерзла; сквозной вѣтеръ ходилъ по всѣмъ комнатамъ; пришлось немедленно искать другую, болѣе удобную. Въ началѣ сентября Нейманъ пишетъ уже попечителю «о самомъ худомъ и слабомъ состояніи здоровья». Казанскій климатъ онъ считаетъ очень нездоровымъ, для иностранцевъ же даже весьма опаснымъ. Это подтверждается, говоритъ онъ, ежедневнымъ опытомъ. Такъ, трое его сослуживцевъ, нѣмецкихъ профессоровъ, въ непродолжительное время потеряли своихъ женъ (Сторль, Браунъ, Финке); онъ самъ, не болѣе десяти дней тому назадъ, похоронилъ свою шестилѣтнюю дочку, всегда пользовавшуюся хорошимъ здоровьемъ отъ самаго рожденія. Дитя умерло, по мнѣнію Неймана, вслѣдствіе казанскаго климата, что доказывается и исторіей болѣзни. Потеря дочери и на Нейманѣ, и на женѣ его отозвалась тягостно. Другой ребенокъ, сынъ, оставленъ былъ передъ отъѣздомъ въ Казань въ деревнѣ, у кормилицы. Жена, по словамъ Неймана, сильно тоскуетъ теперь послѣ смерти дочери по оставшемся ребенкѣ; она хочетъ ѣхать за нимъ, привести его сюда. Какъ матери, и притомъ сильно разстроенной потерею дочери, Нейманъ считаетъ себя не въ правѣ отказать ей въ этой поѣздкѣ; про себя же говоритъ онъ, что сдѣлался совершенно неспособенъ исполнять свои обязанности, считаетъ необходимымъ успокоеніе и потому рѣшается просить попечителя о двухмѣсячномъ отпускѣ для поправленія здоровья и приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ важныхъ семейныхъ дѣлъ. Въ заключеніе Нейманъ говоритъ, что служа три года, онъ ни разу не пользовался отпускомъ, что попечитель изъ его занятій можетъ уже заключить, что ему нужно успокоеніе, «притомъ и для службы государства необходимы люди, полную силу имѣющіе». Получивъ эту просьбу въ письмѣ Неймана, попечитель безъ замедленія сдѣлалъ представленіе министру объ увольненіи его въ отпускъ, причемъ, въ противность закона, по которому лицамъ, берущимъ отпускъ сверхъ двадцативосьмидневнаго срока, жалованье не выдавалось, онъ, ссылаясь на служебную ревность и трудолюбіе Неймана, хлопоталъ о сохраненіи за нимъ и на время отпуска получаемаго имъ содержанія. Въ письмѣ къ Нейману попечитель совѣтовалъ ему отправиться по первому зимнему пути, «когда морозы бываютъ еще умѣренны».

Въ числѣ непріятныхъ мотивовъ, нарушившихъ душевное спокойствіе Неймана и побудившихъ его просить для успокоенія отпуска, было одно «досадное» происшествіе, о которомъ онъ выра-

жается въ слѣдующихъ словахъ: «Членъ университета былъ отъ особы, къ сему никакой власти не имѣющей, обиженъ на общенародномъ мѣстѣ. Таковое можетъ встрѣтиться съ каждымъ изъ насъ, наипаче, когда мы находимся одни и безъ свидѣтелей». Какъ видно изъ другого, нѣсколько позднѣйшаго и болѣе спокойнаго письма Неймана, это непріятное происшествіе произвело на него тягостное впечатлѣніе. Происшествіе было съ Врангелемъ и Нейманъ былъ огорченъ не только какъ другъ Врангеля, но и какъ членъ университета, по его собственному признанію. Источникъ событія коренился въ своеобразныхъ провинціальныхъ нравахъ; въ русскомъ обществѣ весьма непріятное впечатлѣніе и на долго, какъ извѣстно, произвелъ знаменитый указъ 6-го августа 1809 года объ экзаменахъ чиновниковъ; дѣйствующими лицами являлись профессоры университета. Если впослѣдствіи эти экзамены, какъ очень многія мѣропріятія наши, вводимыя въ жизнь безъ строгаго обсужденія, а подъ впечатлѣніемъ времени, обратились въ пустую формальность, дѣлались иногда источникомъ взяточничества между профессорами, то въ началѣ, при строгомъ исполненіи послѣдними своихъ обязанностей, при дѣйствительномъ экзаменѣ, они должны были породить массу недовольныхъ и быть источникомъ такихъ же, какъ и нравы, грубыхъ выходокъ. Вотъ что говоритъ Нейманъ (мы нѣсколько поправимъ полу-русскій складъ его рѣчи): «Ваше п-ство изволили ввѣрить мнѣ важную должность, опредѣливъ меня членомъ испытательнаго для чиновниковъ комитета по юридическимъ предметамъ. *Я сею должностью принужденъ неминуемо сопротивляться желаніямъ многихъ людей, а наипаче тѣхъ, кои имѣютъ большія связи и покровительство.* Какимъ образомъ можетъ быть обезпечена моя личная безопасность, когда въ здѣшнемъ городѣ могутъ имѣть мѣсто такія происшествія, какое случилось съ Врангелемъ. Въ глубинѣ совѣсти я твердо увѣренъ въ томъ, что дѣло было такъ, какъ передаетъ его Врангель. Всѣ знаютъ его за человѣка тихаго и скромнаго, который никогда и ни съ кѣмъ не заводилъ ссоры и тѣмъ болѣе это происшествіе должно было сдѣлать сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ и особенно на меня».

Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ подробности передать и причины, и обстановку происшествія, возмутившаго Неймана. Оффиціально Врангель, публично оскорбленный казанскимъ комендантомъ Кастелліемъ по поводу строгаго экзамена и неудовлетворительнаго результата его для его сына—чиновника, не жаловался; члены университета оставались безмолвными и, вѣроятно не всѣ, молча негодующими зрителями событія. Писемъ Врангеля и Яковкина (послѣдній не былъ еще тогда тестемъ Врангеля, а потому былъ скорѣе

на сторонѣ высокаго по общественному положенію въ Казани лица, чѣмъ на сторонѣ неизвѣстнаго ему адъюнкта), писанныхъ къ попечителю о подробностяхъ событія, въ дѣлахъ архива не оказалось. Вотъ что говоритъ самъ Румовскій въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Яковкину: «Сердечно сожалѣю о послѣдовавшемъ явленіи между г. комендантомъ и адъюнктомъ Врангелемъ. Предположеніе нѣкоторыхъ, что безъ всякой подлинной причины г. комендантъ никакъ не рѣшился бы остановить незнакомаго человѣка и, упрекая въ невѣжливости, ругать—кажется мнѣ основательно, *особливо какъ вы увѣряете, что г. комендантъ благороднаго характера*. Но съ другой стороны мнѣ кажется, что г. комендантъ, объясняясь съ вами, ни единой не сказалъ довольной причины, побудившей его къ удержанію Врангеля и къ называнію его: «невѣжею, повѣсою, негодяемъ и сквернавцемъ». Желалъ бы я, чтобы г. губернаторъ сыскалъ средства къ миролюбивому прекращенію. Но ежели стараніе губернатора будетъ тщетно, то дѣло или происшествіе сіе неминуемо дойдетъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и ни Врангелю, ни коменданту не принесетъ похвалы» (23-го сентября 1810 г.). По полученіи письма отъ Врангеля съ описаніемъ событія, попечитель былъ уже больше на его сторонѣ и писалъ директору: «Сожалѣю о нанесенномъ Врангелю оскорбленіи. Онъ проситъ моего совѣта, но я самъ собою въ семъ *образцовомъ* дѣлѣ, не доложа министру, никакого подать не могу. Къ несчастію его, министръ на сихъ дняхъ отправляется въ Москву, говорятъ, на два мѣсяца, и я не знаю, буду ли имѣть случай до отъѣзда его видѣть. Но, хоть бы и увидѣлъ, я думаю, что отъѣздъ его воспрепятствуетъ ему вступиться въ сіе дѣло по надлежащему. Я прошу его (Врангеля) о семъ увѣдомить. Г. Нейманъ скоро получитъ дозволеніе отлучиться въ Петербургъ, и какъ онъ знакомъ съ Сперанскимъ, то я совѣтовалъ бы препоручить г. Нейману отобрать о семъ происшествіи мнѣніе Сперанскаго, а между тѣмъ совѣтую г. Врангелю потерпѣть» (29-го сентября 1810 г.). Дѣло это впрочемъ, кончилось ничѣмъ, да и въ ту пору господствовавшаго безправія, когда въ Казани только первый Нейманъ на русскомъ языкѣ сталъ излагать понятіе о правѣ и законности, оно и должно было кончиться ничѣмъ. Трудно было такому мелкому въ глазахъ провинціальнаго общества и провинціальныхъ властей, *чиновнику*, какимъ долженъ былъ казаться какой-то адъюнктъ, бороться съ сильнымъ человѣкомъ и притомъ находящимся въ родствѣ съ самыми богатыми фамиліями города. «Г. Врангель, по миролюбивому своему характеру, пишетъ Яковкинъ къ попечителю,—дѣло съ комендантомъ оставилъ съ презрѣніемъ, чувствуя, какъ и всѣмъ извѣстно, что вся спра-

ведливость находится на его сторонѣ». Къ тому же были и прецеденты. Профессора Эвеста, о которомъ мы говорили (ч. 1-я, стр. 106—111), даже били. Было ли въ дѣлѣ коменданта съ Врангелемъ «оскорбленіе дѣйствіемъ», выражаясь современнымъ юридическимъ терминомъ,—мы не знаемъ, но о случаѣ съ Эвестомъ считаемъ не лишнимъ разсказать со словъ современника. Онъ даетъ нѣкоторое понятіе объ обществѣ, посреди котораго возникалъ университетъ. «Изъ казанскихъ происшествій осмѣливаюсь донести объ одномъ рѣдкомъ (?) и мало (?) обычайномъ, пишетъ Яковкинъ къ Румовскому.—Г. почтъ-директоръ Карпека, по причинѣ взошедшихъ на него частныхъ большихъ взысканій (болѣе 130 т. рублей), и опустошенныхъ казенныхъ почтамтскихъ сундуковъ, частью лишился послѣднихъ усилій отличія, различающаго человѣка отъ скота, а частью и по притворству многія дѣлалъ по городу нелѣпости для приведенія нѣкоторыхъ въ сожалѣніе. Больному неотмѣнно должно было лѣчиться, но по причинѣ отказу разныхъ медиковъ, упросилъ г. Эвеста навѣщать его и предписывать лѣкарства. Зато и не умедлилъ вскорѣ отблагодарить его, и именно въ прошедшую пятницу — билліардными шарами, кіями и масами, и вблизи, и въ погоню за нимъ съ крыльца» (4-го февраля 1808 г.). Эвестъ конечно не жаловался; суда бы онъ не нашелъ. То было далекое прошлое, но и на нашей памяти, въ сороковыхъ годахъ совершилось истязаніе профессора на его квартирѣ отъ докторанта (!) и его пріятелей за неудавшійся экзаменъ. По крайней мѣрѣ, Карпека кончилъ самосудомъ:

„Уничиженная гордость и отчаяніе, сообщаетъ тотъ же современникъ, сдѣлались вчера причиною рѣдкаго въ Казани происшествія и погибели цѣлаго семейства. Почтъ-директоръ Карпека, по пріѣздѣ своемъ въ Казань, назаймовалъ болѣе 130 т. рублей въ долгъ, на кои купивъ деревню, завелъ въ ней винокуренный заводъ и вступилъ въ подрядъ о поставкѣ вина. Не могши выкуривать потребнаго по подряду количества, наконецъ по безденежью и безпечности, принужденъ былъ и совсѣмъ остановить заводъ свой. Сіе обстоятельство вовлекло его въ обязанность заплатить за невыставку большую сумму. Между тѣмъ кредиторы, узнавъ о семъ, представили свои векселя ко взысканію. Къ вящему его несчастію около сего времени померла жена его, весьма почтенная, добрая и умная дама. Обнаружившіяся партикулярныя претензіи понудили чиновниковъ почтамтскихъ осмотрѣться въ разсужденіе казенныхъ денегъ, и сундукъ, вмѣсто хранившихся 25 т. рублей ассигнаціями, оказался совершенно пустъ. Какъ недостатокъ сей падалъ и на каждаго изъ нихъ, то они, употребивъ всевозможныя мѣры, *продажею людей*, разной движимости и луговъ, кое-какъ собрали 12 т. Знакомые его, казанскіе помѣщики, псовые охотники, складчиною собрали въ пользу его до 7 т.; оставшихся же все еще не доставало, а между тѣмъ вскорѣ ожидали пріѣзда г. сенатора Рунича, коему, какъ Карпека думалъ, препоручено было заглянуть и въ почтамтъ. Для избѣжанія остуды (?), Карпека

притворился сумасшедшимъ и, ѣздя по городу, производилъ разныя дурачества. Когда Руничъ проѣхалъ, то Карпека началъ было входить въ свою должность; но не видя никакихъ способовъ къ поправленію своего паденія, вчера, въ полдни, какимъ-то образомъ получивъ изъ аптеки потребное количество мышьяку, будто бы для истребленія мышей, вмѣсто нихъ принялъ его самъ, и, не взирая на усилія врачей, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, вчера, въ восьмомъ часу пополудни, испустилъ духъ свой. Оставшіеся сынъ и пятеро дочерей еще малолѣтны, такъ что и старшей изъ нихъ только десятый годъ" (14-го апрѣля 1808 г.).

Нейману очень хотѣлось уѣхать изъ Казани. Кромѣ просьбы объ отпускѣ къ попечителю, онъ просилъ еще Сперанскаго хлопотать о немъ. Дѣйствительно Сперанскій написалъ Румовскому письмо, высказывая въ немъ необходимость прибытія Неймана въ Петербургъ, такъ какъ онъ имѣлъ отъ Коммиссіи составленія законовъ «порученіе по разнымъ предметамъ сдѣлать редакціи». Отпускъ Нейману, съ сохраненіемъ содержанія, высочайше разрѣшенъ былъ 30-го сентября 1810 года. Изъ Казани же онъ уѣхалъ въ концѣ ноября. Передъ самымъ отъѣздомъ, выставляя достоинства и труды барона Врангеля по преподаванію, и въ качествѣ секретаря совѣта, заручившись также вполнѣ похвальными отзывами о Врангелѣ со стороны еще двухъ членовъ будущаго отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, Финке и Фойгта, онъ представилъ его, имѣя въ виду близкое открытіе университета, къ производству въ экстраординарные профессоры. Отпускъ Нейману на два мѣсяца считался съ 25-го ноября и ровно черезъ два мѣсяца, 25-го января, не являясь въ Петербургѣ къ попечителю, онъ обратился прямо къ министру и выхлопоталъ еще двухмѣсячную отсрочку.

Это продленіе отпуска, безъ всякаго участія въ немъ попечителя, было повидимому весьма непріятно послѣднему. «Г. Нейманъ, письмомъ отъ 25-го января, сообщаетъ онъ Яковкину, увѣдомилъ меня, что г. министръ народнаго просвѣщенія, для поправленія здоровья, продлилъ отпускъ его еще на два мѣсяца. Я слышу, что жалобу приноситъ на неласковый мой пріемъ, но думаю, что со временемъ умолкнетъ. Едва не намѣренъ ли онъ оставить университетъ. Изъ словъ его заключаю, что въ меморіи (по поводу выборовъ 1810 года), присланной ко мнѣ, онъ великое имѣлъ участіе». Слѣдовательно, онъ не могъ помириться съ дѣйствіями Яковкина, хотя и не жаловался на нихъ попечителю. Съ своей стороны и Яковкинъ никакъ не могъ видѣть въ Нейманѣ своего партизана. Замѣчаніе попечителя, выше приведенное нами, вызвано было слѣдующимъ сообщеніемъ директора: «Время отъѣзда Неймана извѣстно по актамъ совѣта. Недовѣрчивость его и подозрѣніе (не знаю, за что и почему) были такъ велики, что онъ самъ росписался, что получилъ уволь-

неніе изъ совѣта 26-го ноября, хотя и поѣхалъ уже четыре дня спустя. Онъ *крикуновъ нашихъ* умѣлъ увѣрить, что въ Петербургѣ онъ у всѣхъ въ большой силѣ, а потому и прощальные поклоны ему были самые большіе; однако-жъ весьма справедлива старинная пословица: parturiunt montes...»

Прошелъ однако, только мѣсяцъ, со времени продленія отпуска Неймана, какъ 23-го февраля попечитель получилъ отъ него формальное прошеніе объ увольненіи отъ службы въ Казанскомъ университетѣ. Въ этой просьбѣ онъ ссылался на вредное на него вліяніе казанскаго климата, на частыя болѣзни, заставляющія его пропускать лекціи, но главный мотивъ увольненія, о которомъ онъ говоритъ только въ концѣ, былъ тотъ, что онъ переходитъ на службу въ Дерптскій университетъ, куда его пригласили. Безъ сомнѣнія, переходъ этотъ былъ для него выгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ и о Казани жалѣть ему было нечего. Въ просьбѣ своей онъ, однако, высказываетъ, что давъ при опредѣленіи на службу слово попечителю «стараться сколь возможно объ образованіи молодыхъ Россіянъ», онъ отчасти исполнилъ это обѣщаніе (это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ). Въ доказательство своей дѣятельности по отношенію къ приготовленію преподавателей, Нейманъ указывалъ на своего адъюнкта Врангеля (приготовленіе его было вполнѣ независимо), составившаго систематическое изложеніе россійскихъ гражданскихъ законовъ, «что очень важно, такъ какъ ни въ одномъ русскомъ университетѣ ни однимъ еще профессоромъ не сдѣлано такого опыта». Другое лицо, для политической экономіи, Нейманъ указывалъ въ Княжевичѣ, членѣ общества любителей словесности. Нейманъ говорилъ, что этотъ молодой человѣкъ посвятилъ цѣлый годъ на изученіе юридическихъ наукъ, а въ особенности политической экономіи, «которой онъ занимался во время службы, и что сочиненія его служатъ доказательствомъ его способностей» [1]). Замѣчательно, что Нейманъ вовсе не упоминаетъ о Кондыревѣ, человѣкѣ близкомъ къ Яковкину, который послѣ него и сталъ читать политическую эко-

---

[1]) Это былъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, впослѣдствіи попечитель Ришельевскаго лицея—старшій братъ Александра, бывшаго въ царствованіе Императора Александра II министромъ финансовъ. Въ университетѣ онъ не учился, кончивъ только курсъ въ Казанской гимназіи въ 1802 году, послѣ чего поступилъ на службу въ Петербургѣ. Указъ 6-го августа 1809 года принудилъ его поучиться болѣе и, пріѣхавъ въ Казань, гдѣ у него были мать и братья, онъ, по всей вѣроятности, бралъ частные уроки у Неймана. Въ 1810 году онъ и держалъ въ Казани экзаменъ на чиновника. Съ 1807 года онъ принадлежалъ къ числу иногороднихъ членовъ общества любителей отечественной словесности, но написалъ только „О синонимахъ“.

номію. Увольненіе Неймана послѣдовало 21-го февраля 1811 года. Изъ Петербурга онъ уѣхалъ въ Дерптъ.

Такъ кончилось первое появленіе на весьма короткое время Неймана въ Казанскомъ университетѣ. Нельзя, конечно, не пожалѣть объ этомъ. Судя по его началу и по тѣмъ сочиненіямъ, которыя были изданы имъ въ Дерптѣ, думаемъ, что университетъ терялъ въ немъ знающаго и дѣятельнаго профессора, притомъ достаточно знакомаго съ русскимъ языкомъ и это знакомство, безъ сомнѣнія, увеличивалось бы съ годами. Но съ другой стороны слѣдуетъ согласиться, что переходъ Неймана въ Дерптъ былъ въ порядкѣ вещей. Онъ переходилъ почти на родину: и языкъ, и вѣра, и привычки науки и образованія были тамъ родныя ему. Такъ дѣлали и всѣ болѣе выдающіеся первые казанскіе профессоры нѣмецкаго происхожденія; они естественно искали лучшаго. Политическое состояніе Германіи заставило ихъ промѣнять родину на страну имъ вполнѣ чуждую; къ ея тяжелымъ условіямъ они никакъ не могли привыкнуть и при первой представившейся возможности, спѣшили домой. Только позднѣе стали появляться у насъ нѣмецкіе профессоры, успѣвавшіе акклиматизироваться, привыкшіе къ казанской почвѣ и роднившіеся съ туземцами. Надобно сознаться однако, что этотъ второй слой, по своему внутреннему достоинству, былъ значительно ниже перваго. Румовскій, конечно, сильно досадовалъ на переходъ Неймана въ Дерптъ, но удержать его въ Казани былъ не въ силахъ. «Въ бытность здѣсь Неймана я узналъ,—писалъ онъ въ свое утѣшеніе къ своему казанскому корреспонденту,—что онъ человѣкъ непостоянный и безпокойнаго характера. Я не думаю, чтобы онъ долго пробылъ въ Дерптѣ». Тѣмъ не менѣе Румовскій долженъ былъ сильно жалѣть, что преподаваніе юридическихъ наукъ, и притомъ на языкѣ русскомъ, столь важное для чтенія публичныхъ курсовъ чиновникамъ, должно было лишиться въ Казани Неймана. Онъ боялся, и не безъ основанія, потерять другого профессора, Врангеля. «Я слышу, что г. Нейманъ перезывалъ съ собою, или въ другое какое-то мѣсто барона Врангеля,—пишетъ онъ въ Казань.—Увѣрьте его, что ежели онъ намѣренъ остаться при университетѣ, то въ непродолжительномъ времени, а именно къ открытію университета, сдѣлаю я представленіе о переименованіи его въ экстраординарные профессоры правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства Россійской имперіи, съ жалованьемъ по 1.200 р. въ годъ. На сію статью буду ожидать вашего отвѣта». Яковкинъ писалъ: «Нейманъ дѣйствительно подманивалъ барона Врангеля съ собою, но онъ отказался. Сперва баронъ жилъ съ нимъ и столъ имѣлъ вмѣстѣ, но строптивость Неймана, причудливость и прихотливость (обѣдать въ

шестомъ, ужинать въ двѣнадцатомъ часу пополудни) принудили его нанять особую квартиру. Предположеніе в. п. о повышеніи я барону объявилъ и онъ принялъ оное съ полною сердечною признательностью къ благорасположенію о немъ в. пр—ства». «Благоразумно г. Врангель сдѣлалъ,—заключалъ весь этотъ эпизодъ попечитель,—что отказался отъ предложенія Неймана. Теперь я вижу, что онъ человѣкъ вѣтренный и причудливый. Я радъ, что онъ *бѣдный* Казанскій университетъ оставилъ» (17-го апрѣля 1811 г.).

Предполагаемое открытіе университета, какъ мы знаемъ, послѣдовало не скоро, но Румовскій сдержалъ слово: по его представленію баронъ Врангель былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ правовѣдѣнія 23-го марта 1811 года. Не прошло и мѣсяца со времени полученія въ Казани бумаги объ этомъ утвержденіи, какъ Яковкинъ писалъ уже попечителю о Врангелѣ слѣдующее: «Всеблагій промыслъ, посѣщая немощи наши отечески, срастворяетъ купно отечески же и печали наши съ радостями. Ему благоугодно было воззвать къ себѣ, противу всякаго нашего ожиданія, единороднаго моего студента Яковкина, а послѣ и воспитанника моего племянника, Яковкина же, благоугодно опять награждать меня новымъ сыномъ въ лицѣ г. экстраординарнаго профессора барона Егора Васильевича Врангеля, испросившаго отеческое наше согласіе на соединеніе своей участи съ участью дочери нашей Парасковьи. Донося о семъ отечески пекущемуся начальству, дерзаю при томъ испрашивать Богомъ даруемому сему сыну продолженіе начальственнаго в. п—ства благорасположенія, да и онъ купно со мною потщится достойнымъ прохожденіемъ своего званія заслуживать и оправдывать несомыя уже милости начальства». Черезъ пять мѣсяцевъ Яковкинъ доносилъ и о свадьбѣ: «Вчера, въ воскресенье, 15-го числа сего октября, съ помощью Божіею, совершено бракосочетаніе дочери нашей Парасковьи съ г. профессоромъ барономъ Врангелемъ». Въ промежутокъ времени между обрученіемъ и свадьбою Врангель ѣздилъ на родину въ Лифляндію къ отцу для приведенія въ порядокъ дѣлъ. «Нашедши въ Казани все, что можетъ мнѣ доставить благополучіе, — писалъ онъ къ попечителю съ просьбою объ отпускѣ,—я вознамѣрился остаться въ Казани, тѣмъ паче, что за священный долгъ почитаю ревностнымъ отправленіемъ моей должности заслуживать то поощреніе, коимъ в. п. меня удостоили» [1]).

---

[1]) Эту невѣсту и потомъ жену Врангеля, старшую дочь Яковкина, представляетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ тогдашній студентъ Казанскаго университета В. И. Панаевъ, какъ свою первую молодую любовь. Страницы, по-

Оставшись въ Казани вслѣдствіе своей женитьбы, которая, какъ кажется, и помирила его съ этимъ городомъ, сначала въ званіи экстраординарнаго, а потомъ, съ 1815 года и ординарнаго профессора правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства (онъ былъ утвержденъ въ этомъ послѣднемъ званіи 28-го марта 1815 года, Врангель въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1811—1819) преподавалъ, всегда на русскомъ языкѣ и по своимъ тетрадямъ, то уголовные, то гражданскіе законы, то судопроизводства, то исторію русскаго права, то иногда, «если найдутся слушатели», нѣкоторыя провинціальныя права. Въ эти годы онъ, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ единственнымъ профессоромъ юристомъ, читавшимъ по-русски (Солнцевъ съ 1815 года читалъ римское право по-латыни), да и во всей Россіи русскихъ юристовъ, которые могли получить тогда приготовленіе только на службѣ въ Коммиссіи составленія законовъ, подъ руководствомъ Сперанскаго и Розенкампфа, было весьма немного. Представленіе о повышеніи Врангеля въ ординарные профессоры было сдѣлано другомъ его Нейманомъ, который снова, хотя опять на короткое время, появился вслѣдъ за полнымъ открытіемъ университета, профессоромъ въ Казани, о чемъ мы сейчасъ скажемъ. Сочиненіе, представленное Врангелемъ, какъ образчикъ ученыхъ трудовъ, носило названіе «Теорія судопроизводства Россійской имперіи». Оно осталось не напечатаннымъ и въ дѣлахъ его не оказалось, такъ что единственнымъ, хотя и рукописнымъ трудомъ его, мы должны считать ту обработанную имъ главу изъ русскихъ гражданскихъ законовъ «О супружествѣ», о которой мы уже упоминали: она имѣетъ для Врангеля какъ бы символическое значеніе. Онъ былъ избранъ совѣтомъ большинствомъ 14 голосовъ противъ 3.

Недостатокъ преподавателей юридическихъ наукъ въ этомъ году обратилъ на себя особое вниманіе попечителя. «Усматриваю изъ меморій,—писалъ Салтыковъ совѣту,—что со времени отпуска г. Неймана (онъ долженъ былъ читать право естественное, публичное и народное) и увольненія совѣтомъ магистровъ Алехина (римское право) и Манассеина (право народное), лекціи оныхъ никѣмъ не продолжаются. А какъ сіе продолженіе нужно для полноты курса, то и предлагаю совѣту предложить отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ распорядиться, чтобы до возвращенія упомянутыхъ

священныя описанію этого увлеченія, по нашему мнѣнію, самыя искреннія во всѣхъ „Воспоминаніяхъ". Дѣвушка обрисована весьма симпатично и ея образъ рисуется привлекательнымъ, хотя и давно исчезнувшимъ типомъ въ провинціальной жизни. См. *Вѣстникъ Европы* 1867 г., т. III (сентябрь), стр. 221—227.

гг. профессора и магистровъ поручить кому-либо продолжать ихъ преподаванія, хотя изъ того которую - либо нужнѣйшую часть, напр., право естественное». Но въ распоряженіи отдѣленія не было лишнихъ юристовъ; ему пришлось донести только, что римское право преподаетъ экстраординарный профессоръ Солнцевъ, а адъюнктъ Срезневскій—практическую философію, которой существенную часть составляетъ и право естественное.

Кромѣ профессорства, Врангель несъ и другія разныя обязанности. Съ 1810 года онъ былъ секретаремъ совѣта, съ 1814 года къ этой должности присоединилась должность синдика (за первую, по уставу онъ получалъ прибавочнаго жалованья въ годъ—300 р., за вторую—200 р.) кромѣ того, онъ былъ членомъ экзаменаціоннаго и училищнаго комитетовъ. Но Врангель ни въ которой изъ своихъ обязанностей не выдавался ничѣмъ особеннымъ и имя его, кромѣ подписи послѣ каждаго совѣтскаго засѣданія по званію секретаря не встрѣчается почти совсѣмъ на страницахъ журналовъ или какихъ-либо совѣтскихъ дѣлъ. Визитаторомъ Врангель не ѣздилъ ни разу и изъ Казани въ теченіе десяти лѣтъ, кромѣ поѣздки предъ свадьбой, никуда не отлучался. Только разъ почему-то, въ засѣданіи совѣта, онъ сталъ просить объ увольненіи его отъ должности секретаря, но всѣ члены совѣта убѣдили его остаться. Въ другой разъ онъ противорѣчилъ въ совѣтѣ Броннеру, жаловавшемуся въ званіи директора педагогическаго института на затрудненія, встрѣчаемыя имъ при отправленіи должности, и Броннеръ поспѣшилъ извиниться.

Тихій, скромный, мягкосердечный, онъ пользовался со всѣхъ сторонъ симпатіями. «Всеблагій промыслъ, срастворяющій печали наши съ радостями», употребляя выраженіе Яковкина, благословилъ его бракъ: въ 1818 году у Врангеля былъ уже сынъ и двѣ дочери. И вдругъ, въ 1819 году, разразился надъ нимъ ударъ, который слѣдовало бы предвидѣть, но, вѣроятно, для Врангеля былъ онъ неожиданъ. Разгромъ университета послѣ ревизіи Магницкаго печально отозвался на судьбѣ Врангеля въ Казани. Вотъ какое сужденіе о всей дѣятельности барона Врангеля дѣлаетъ Магницкій послѣ кратковременной своей ревизіи Казанскаго университета въ представленіи министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (9-го апрѣля 1819 года, № 3): «Нѣтъ ничего жалостнѣе преподаванія россійскаго уголовнаго права профессоромъ Врангелемъ. Ни понятія о преподаваемомъ имъ предметѣ, ни познанія языка россійскаго, на которомъ преподаетъ, онъ не имѣетъ. Поучась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, вступилъ онъ юнкеромъ въ Коммиссію составленія законовъ (люди тогдашней реакціи чувствовали особенную ненависть

*

къ этой Коммиссіи и стоявшему въ главѣ ея Сперанскому, какъ къ врагу беззаконія и произвола) и, переѣхавъ въ Казань, изъ юнкеровъ Коммиссіи въ пять лѣтъ сдѣлался профессоромъ. *Онъ зять Яковкина»*. (Магницкій думалъ, что послѣдними словами онъ сказалъ все). Въ своемъ мѣстѣ, если обстоятельства и судьба дозволятъ намъ то, мы разскажемъ и самый ходъ ревизіи Магницкаго, предпринятой съ предвзятою цѣлью, проникнутой исключительной ненавистью къ наукѣ, и самое управленіе Магницкаго въ Казанскомъ университетѣ, превратившее этотъ университетъ въ печальную, лишенную нравственнаго и умственнаго содержанія, школу. Здѣсь мы не станемъ останавливаться на разборѣ того: правъ или не правъ былъ Магницкій въ своемъ рѣзкомъ сужденіи о Врангелѣ (мы постараемся впослѣдствіи представить тѣ историческія основанія, которыя руководили Магницкимъ въ его дѣйствіяхъ и сужденіяхъ), но скажемъ какое дѣйствіе имѣлъ на дальнѣйшую судьбу Врангеля этотъ приговоръ ревизора. Въ своемъ предложеніи совѣту Казанскаго университета (5-го августа 1819 года, № 61), *о предварительномъ преобразованіи* этого университета, предложеніи, основанномъ на докладѣ Главнаго Правленія училищъ, который удостоился въ 14-й день іюня того же года высочайшаго утвержденія, Магницкій, тогда уже не ревизоръ, а попечитель, дѣлалъ распоряженіе объ *удаленіи* изъ университета нѣсколькихъ профессоровъ, въ томъ числѣ и Врангеля. Этимъ удаленіемъ и кончилось служебное поприще Врангеля въ Казани. Любопытно, что совѣтъ, на основаніи разныхъ указовъ, приведенныхъ и подобранныхъ имъ, въ томъ числѣ и 1765 года, постановилъ, что жалованье и квартирныя деньги всѣмъ удаленнымъ и уволеннымъ должны быть прекращены выдачею не со дня полученія предложенія попечителя (20-го августа), а со дня высочайше утвержденнаго доклада Главнаго Правленія училищъ, а такъ какъ всѣ удаленные и уволенные, по закону и обычаю, получили свое жалованье и квартирныя деньги по 1-е августа (по существующему въ настоящее время порядку всѣ они успѣли бы получить и за августъ мѣсяцъ), то и опредѣлено было взыскать съ нихъ все полученное ими съ 14-го іюня по 1-е августа. Къ удовольствію удаленныхъ и уволенныхъ, этотъ совѣтъ, такъ быстро сформировавшійся въ лакействующую предъ Магницкимъ клику и запѣвшій въ унисонъ vae victis! на этотъ разъ ошибся. Новымъ предложеніемъ (6-го октября 1819 года) Магницкій распорядился выдать уже взысканное жалованье по 20-е августа, то-есть, по день полученія указа. Только одинъ Кондыревъ, впослѣдствіи времени жалѣвшій о временахъ Яковкина, выказалъ нѣкоторое гражданское мужество. На вопросъ проректора университета, обращенный къ нему пись-

менно, какъ къ библіотекарю: «нѣтъ ли какихъ касательствъ по библіотекѣ до профессора Врангеля?» (это нужно было для безпрепятственной выдачи ему паспорта на отъѣздъ), онъ отвѣчалъ: «Хотя и есть, но я за нихъ самъ отвѣтствую». Врангель уѣхалъ изъ Казани въ началѣ декабря 1819 года и навсегда [1]).

---

[1]) Жестокая аттестація Магницкаго, данная имъ на обумъ, съ заранѣе предвзятою и составленною цѣлью карать и осуждать, внушенная ненавистью къ наукѣ, къ счастію Врангеля лично для него не имѣла печальныхъ послѣдствій. Довольный своимъ положеніемъ и семейнымъ счастьемъ въ Казани, онъ никакъ не разсчитывалъ оставлять Казань, „но судьба и люди рѣшили иначе: зависть, клевета и неблагодарность заставили этого почтеннаго, добраго человѣка, послѣ девяти лѣтъ неусыпной дѣятельности и тяжкихъ трудовъ, оставить противъ воли Казань и переселиться въ 1819 году съ семействомъ въ Петербургъ“. (Беремъ эти слова изъ некролога барона Врангеля, чрезвычайно тепло и сердечно написаннаго однимъ изъ учениковъ его, правовѣдомъ перваго или второго выпуска Училища Правовѣдѣнія Б—скимъ, напечатаннаго въ *Отеч. Запискахъ* 1842 года, т. XXII, № 6, Отд. смѣси, стр. 52—57. Некрологъ этотъ и послужилъ намъ главнымъ образомъ для сообщенія свѣдѣній о послѣднихъ годахъ жизни Врангеля). Безъ службы, которая только и давала ему средства для жизни, онъ оставался недолго; 27-го іюня 1820 года, съ высочайшаго соизволенія, Врангель опредѣленъ профессоромъ *нравтвенныхъ и политическихъ наукъ* въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ. Въ томъ же году онъ снова причисленъ къ Коммиссіи составленія законовъ въ званіи чиновника по особымъ порученіямъ и въ этомъ званіи пробылъ до послѣдняго преобразованія Коммиссіи въ 1826 году (первое преобразованіе этой Коммиссіи послѣдовало въ 1809 году; послѣ него Нейманъ и Врангель и пожелали опредѣлиться въ Казанскій университетъ). Въ дѣлахъ и работахъ Коммиссіи Врангель, однако, почти вовсе не принималъ участія, такъ какъ у него и безъ того было много занятій, да и жилъ онъ въ Царскомъ Селѣ, по близости Лицея, пріютивъ у себя также, какъ и онъ уволеннаго тестя своего Яковкина. Съ 1832 года снова начинается служба Врангеля по министерству народнаго просвѣщенія. Сохраняя должность свою въ Лицеѣ, онъ назначается профессоромъ Главнаго Педагогическаго Института и въ томъ же году, и на тѣхъ же основаніяхъ, занимаетъ каѳедру *россійскаго права* въ С.-Петербургскомъ университетѣ. По преобразованіи этого университета, согласно уставу 1835 года, Врангель былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета и утвержденъ имъ 4-го февраля 1836 года. Читалъ онъ въ университетѣ россійскіе гражданскіе законы (общіе), а съ 1837—1838 года сталъ преподавать и мѣстные. Ни слова не говоря о преподаваніи Врангеля, историкъ Петербургскаго университета (*В. Григорьевъ*, „С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“. СПБ. 1870, стр. 155) упоминаетъ только о немъ, что онъ „пользовался всеобщею любовью за свой кроткій нравъ и покойный характеръ“. Въ 1835 году послѣдовало основаніе Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и баронъ Врангель опредѣленъ въ немъ инспекторомъ классовъ немедленно по основаніи. Переѣхавъ по новой

Нейманъ, однако, снова появился въ Казани, хотя и на весьма короткое время и при очень странныхъ условіяхъ. Мы говорили, что въ 1811 году, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ служебной дѣятельности въ Казанскомъ университетѣ, онъ перешелъ въ Дерптъ. Здѣсь занялъ, онъ каѳедру государственнаго и народнаго права, а также и политики, и конечно, читалъ свои лекціи по-нѣмецки. Такъ какъ, однако, на Нейманѣ сказалось сильное вліяніе его первоначальной службы въ Коммиссіи законовъ и его лекцій въ Казани, то и въ Дерптѣ, вмѣсто предметовъ каѳедры, на которую онъ былъ

обязанности своей изъ Царскаго Села въ Петербургъ, Врангель долженъ былъ отказаться отъ службы въ Лицеѣ и уволился изъ нея 23-го іюля 1837 года, получивъ въ пенсію полный окладъ жалованья и званіе заслуженнаго профессора. Въ замѣнъ этой ученой службы въ Лицеѣ, Врангель, съ 15-го іюня 1837 года, сталъ преподавать въ Училищѣ Правовѣдѣнія исторію русскаго права (гражданскаго и уголовнаго). Сперанскій, который съ самаго начала царствованія императора Николая до 1839 года работалъ надъ великимъ трудомъ своимъ, Сводомъ Законовъ, безъ сомнѣнія, по службѣ Врангеля въ Коммиссіи, постоянно оказывалъ ему вниманіе и благосклонность, посѣщалъ его и по его представленію Врангелю выпала на долю высокая честь преподавать, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, юридическія науки государю цесаревичу (покойному Императору Александру Николаевичу). Не будь злобнаго отзыва Магницкаго и удаленія изъ Казани, Врангель не могъ бы удостоиться такого высокаго довѣрія, на которое онъ „смотрѣлъ, какъ на лучшую награду трудовъ всей своей жизни“.—Воспитатель наслѣдника Жуковскій былъ очень доволенъ преподаваніемъ Врангеля: „Врангель добрый, скромный, человѣкъ чистѣйшей нравственности, былъ богатъ свѣдѣніями по своей части и постоянно усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей“ писалъ онъ къ наслѣднику цесаревичу немедленно по смерти Врангеля. „Ваше Высочество имѣли возможность оцѣнить свойства этого рѣдкаго человѣка“. Жуковскій хлопоталъ и о полномъ пенсіонѣ Врангелю, по окончаніи занятій, и о половинномъ женѣ его, по смерти мужа (См. *Русск. Архивъ*, 1883 г., Кн. 2 стр. XXXIX и LVII). О его профессорскомъ преподаваніи, со словъ некролога, мы можемъ только сказать, что у него было „твердое, нѣсколько одностороннее убѣжденіе, что единственное истинное основаніе права есть исторія, а слѣдовательно, и изученіе права должно быть исключительно основано на историческихъ изслѣдованіяхъ“. Такой исключительно историческій взглядъ на право, безъ сомнѣнія почерпнулъ Врангель изъ направленія работъ Коммиссіи о законахъ и единственная, извѣстная намъ глава его курса гражданскаго права, „О супружествѣ“, обработанная еще въ Казани, имѣетъ также историческій характеръ; философскихъ опредѣленій у него было немного. Тотъ же авторъ некролога, правовѣдъ, говоритъ о Врангелѣ съ большимъ уваженіемъ и любовью, какъ объ инспекторѣ: „Онъ имѣлъ сильное нравственное вліяніе на воспитанниковъ училища; мы всѣ любили и уважали его; необыкновенная снисходительность, кротость и добродушіе,—словомъ, вся личность его, располагали насъ открывать предъ нимъ душу, не таить отъ него нашихъ мыслей и желаній; онъ душевно радовался каждому, даже малѣйшему

назначенъ, онъ читалъ преимущественно о русскомъ правѣ и его исторіи [1]).

Предметъ этотъ былъ, конечно, совершенно новъ для дерптскихъ студентовъ и нѣкоторые изъ нихъ заинтересовались имъ. Объ его учебникѣ русскаго уголовнаго права, переведенномъ на нѣмецкій языкъ однимъ изъ его слушателей, мы упоминали уже выше. Въ современномъ нѣмецкомъ учено-литературномъ журналѣ, издаваемомъ въ Дерптѣ, мы находимъ нѣкоторыя извѣстія о трудахъ Неймана по русскому праву. Тамъ говорится, что онъ вполнѣ закончилъ обработкою свой учебникъ русскаго уголовнаго права по-русски и что этотъ учебникъ скоро долженъ появиться въ печати. Его работы по исторіи русскаго права, которыя Нейманъ намѣревается также напечатать, представляютъ нѣсколько частей. «Но при обработкѣ древнѣйшихъ русскихъ законовъ, ему пришлось дѣлать много частныхъ изслѣдованій и изысканій, которыя должны предшествовать окончательной разработкѣ исторіи права, почему эта послѣдняя и должна замедлиться еще на нѣсколько лѣтъ». Тамъ же читаемъ мы извѣстіе, что въ началѣ 1814 года, съ цѣлью выслушать сужденіе спеціалистовъ и знатоковъ дѣла, Нейманъ представилъ въ Академію Наукъ, гдѣ спеціалистомъ по русской исторіи считался тогда академикъ Кругъ, свое нѣмецкое разсужденіе: «О важности познанія и обработки древняго славянскаго права для объясненія древнѣйшихъ русскихъ законовъ

успѣху, не могъ безъ улыбки удовольствія слышать доброй вѣсти о всякомъ изъ насъ". Нѣтъ причины заподозрить искренность этихъ словъ: Врангель былъ уже въ могилѣ и это не была надгробная рѣчь. Время охлаждаетъ непосредственныя чувства и впечатлѣнія. Черезъ сорокъ лѣтъ другой правовѣдъ, по всей вѣроятности товарищъ по выпуску автора некролога, отзывался о Врангелѣ нѣсколько иронически, но и онъ не лишалъ его своей симпатіи (*В. В. Стасовъ*, „Училище правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ". *Русск. Стар.* 1880, т. XXIX, стр. 1025). Упрекаютъ Врангеля, и, конечно, не безъ основанія, что послѣ него не осталось въ печати ни одного сочиненія, ни одного учебника. Но всѣмъ извѣстно, что скромная непроизводительность, за немногими блестящими исключеніями и то въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія, составляетъ особое свойство русскихъ профессоровъ. Причины этой непроизводительности имѣютъ по большей части общій характеръ и главныя изъ нихъ заключаются въ молодости нашей науки и въ маломъ сознаніи ея необходимости для страны. Ученая же юридическая литература, по самому ходу вещей, не могла начаться ранѣе трудовъ Неволина, да и теперь она существуетъ почти исключительно въ столицахъ. Врангель умеръ 15-го іюня 1841 года, послѣ кратковременной болѣзни, на 57 году жизни.

[1]) „Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета за 1802—1865 гг." Дерптъ. 1866, стр. 121.

и вообще для русской и славянской исторіи» [1]). Извѣстный изслѣдователь древней русской исторіи и профессоръ этого предмета въ Дерптскомъ университетѣ Эверсъ, вѣроятно, обязанъ былъ Нейману нѣкоторыми свѣдѣніями въ исторіи русскаго права; онъ называетъ себя ученикомъ Неймана въ этой отрасли знанія [2]). Мы не знаемъ, однако, никакихъ печатныхъ трудовъ Неймана собственно по русскому праву, кромѣ вышеупомянутыхъ, а потому ничѣмъ не можемъ подтвердить дерптское извѣстіе о его сочиненіяхъ въ этомъ родѣ. Въ 1814 году онъ напечаталъ только двѣ небольшія на нѣмецкомъ языкѣ книжки, содержаніе которыхъ посвящено политикѣ и естественному праву; это только фрагменты, какъ онъ самъ называлъ ихъ [3]). Въ этомъ же году, по дерптскому извѣстію, и чтеніе лекцій и обработка ученыхъ трудовъ Неймана были временно прерваны поѣздкою въ Казань съ *особыми порученіями*, данными ему министромъ народнаго просвѣщенія.

Какія причины имѣлъ Нейманъ и какая цѣль была у него въ виду, чтобы тотчасъ послѣ смерти Финке, послѣдовавшей 17-го сентября 1814 года, проситься снова въ Казанскій университетъ на его мѣсто, и притомъ, какъ мы увидимъ, на самое короткое время— мы не знаемъ. Изъ бумаги министра народнаго просвѣщенія къ попечителю Казанскаго округа (19-го окт. 1814 г., № 3151) видно, что Нейманъ самъ объявилъ желаніе занять сдѣлавшуюся вакантною каѳедру правъ естественнаго, политическаго и народнаго *на одинъ годъ*, съ тѣмъ «чтобы *въ сіе время приготовить къ заступленію оной двухъ извѣстныхъ ему магистровъ, въ Казанскомъ университетѣ находящихся и по своей части оказавшихъ большіе успѣхи*». Магистры эти были: Алехинъ Николай и Манассеинъ Эльпидифоръ. Въ первое краткое пребываніе Неймана и тотъ и другой были только студен-

---

[1]) „Dörptische Beiträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst". Herausg. von *Karl Morgenstern*. Zweiter Band. Dorpat. 1815. S. 284--286.

[2]) Напечатавъ, въ своихъ „Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands" основательное изслѣдованіе Неймана сына: „Verfassung und Verwaltung Novgorods Mittelalter" (S. 257--478), Эверсъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, изданной тотчасъ послѣ его смерти (Dorpat, 1830. 8°), говоритъ, что молодой авторъ изслѣдованія о Новгородѣ „der Sohn eines mir sehr lieben Freundes des Staatsrath und Ritters Neumann ist, *welchen ich selbst als meinen Lehrer in der russischen Rechtsgeschichte dankbar anerkenne*". Изъ трудовъ Неймана въ этомъ направленіи намъ извѣстенъ только одинъ небольшой, и то въ русскомъ переводѣ: „О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ и критическій разборъ оныхъ" (сочиненіе г. N.), перев. *Мих. Погодинъ*. М. 1826.

[3]) Это: 1) „Principien der Philosophie und Moral". Leipz. 1814. 8° и 2) „Principien der Politik. Ein Fragment". Dorpat. 1814. 8°.

тами, ходили къ нему на лекціи не совсѣмъ аккуратно, какъ видно изъ мѣсячныхъ рапортовъ, и кандидатами сдѣлались въ 1811 году, когда Неймана не было уже въ Казани. Алехинъ, какъ мы видѣли, сдѣлался магистромъ въ 1812 году. Въ 1813 и 1814 годахъ онъ уже сообщалъ студентамъ *повторительныя чтенія* права и даже объ Юстиніановомъ законодательствѣ. Такія лекціи состояли въ простомъ повтореніи и, вѣроятно, распрашиваніи того на русскомъ языкѣ, что студенты выслушали у профессоровъ по-латыни. Что касается до Манассеина, который по университету былъ на одинъ годъ моложе Алехина, то ему пришлось пріобрѣтать степень магистра уже не при старыхъ порядкахъ, а съ открытіемъ университета, въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, начавшемъ свои дѣйствія еще въ 1813 году. Экзаменъ Манассеина происходилъ въ апрѣлѣ и маѣ 1814 года, еще при жизни Финке, и подъ его предсѣдательствомъ, какъ старшаго члена отдѣленія, такъ какъ избранные деканы не были еще утверждены. Нейманъ пріѣхалъ въ Казань передъ самымъ диспутомъ Манассеина; тезисы его были напечатаны; совѣтъ потребовалъ, чтобы половина этихъ тезисовъ была на латинскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобъ Манассеинъ и защищалъ ихъ по-латыни [1]). Защита тезисовъ происходила 9 декабря «съ совершеннымъ успѣхомъ« и Манассеинъ утвержденъ былъ магистромъ правъ».

Для приготовленія этихъ-то двухъ молодыхъ людей къ занятію каѳедры Финке Нейманъ и вызвался пріѣхать въ Казань на одинъ годъ. Министръ нашелъ вызовъ Неймана весьма полезнымъ для университета, опредѣлилъ его и распорядился выдать ему 400 р. на путевыя издержки. Вѣроятно, онъ находилъ вполнѣ возможнымъ со стороны Неймана. «сочиненія котораго по части правовѣдѣнія одобрены Академіею Наукъ и многими учеными особами», приготовить въ теченіе одного года двухъ малоизвѣстныхъ ему молодыхъ людей для занятія каѳедры, весьма обширной. Но чтобы придать значеніе и болѣе полное содержаніе предстоящей Нейману дѣятельности въ теченіе года, министръ далъ ему «наставленіе» или инструкцію, составленную, по всей вѣроятности, самимъ

---

[1]) Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не можемъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, какъ производились экзамены на степени магистра и доктора въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ въ первые годы по открытіи университета, а между тѣмъ, именно въ немъ, прежде другихъ начались эти испытанія: дѣлъ этого отдѣленія (потомъ юридическаго факультета) въ настоящее время въ архивѣ не существуетъ. По той же причинѣ мы не знаемъ даже заглавія диссертаціи Манассеина, конечно рукописной, и содержанія его печатныхъ тезисовъ.

Нейманомъ. Она была предъявлена совѣту. Въ инструкціи высказывалось категорическое указаніе, чтобы Нейманъ преподавалъ *токмо* лекціи гражданскаго и уголовнаго права знатнѣйшихъ народовъ и лекціи естественнаго права (какъ будто и этого было бы недовольно для Неймана), что онъ долженъ участвовать въ испытаніяхъ по сей части, но что онъ освобождается отъ всѣхъ другихъ университетскихъ дѣлъ. Взамѣнъ этого освобожденія отъ университетскихъ дѣлъ (Нейманъ избавлялся отъ обязанности ходить въ засѣданія совѣта, что можетъ быть, и не составляло для него особой прелести), Нейманъ обязывался читать *особыя лекціи* и преподавать наставленія магистрамъ Алехину и Манассеину: они должны заниматься учеными трудами подъ его руководствомъ. Нейманъ обязанъ каждые три мѣсяца доносить объ ихъ успѣхахъ попечителю, а по окончаніи года—министру. Если бы Алехинъ и Манассеинъ, противу чаянія, оказались нерадивыми или по какому-либо случаю выбыли изъ университета, то Нейманъ долженъ былъ «немедленно избрать для образованія по сей части другихъ студентовъ, оказавшихъ собственную къ занятію оной склонность». Отъ имени министра Нейманъ могъ объявить молодымъ людямъ, что начальство обратитъ на нихъ особое вниманіе, если они удовлетворятъ его ожиданія своею ревностью, *а наипаче сочиненіями своими*. Въ заключеніе этой инструкціи, касающейся занятій Неймана съ магистрами, министръ давалъ ему еще слѣдующее особое порученіе: «Сверхъ того препоручается вамъ доставлять начальству *разныя свѣдѣнія о живущихъ въ близости Казани различныхъ народахъ и о любопытныхъ древностяхъ, находящихся въ окрестностяхъ того города и въ близь лежащихъ губерніяхъ*» (а эти близь лежащія губерніи пространствомъ равнялись почти Европѣ—и все это въ одинъ годъ). Въ этомъ особомъ порученіи Нейману высказалась, по всей вѣроятности, любознательность самого графа Разумовскаго, хотя мы никакъ не можемъ уяснить себѣ, что было общаго въ собираніи этихъ свѣдѣній, съ возложенною на Неймана обязанностью приготовить двухъ магистровъ къ занятію каѳедры правъ естественнаго, политическаго и народнаго. Для собиранія, однако, этихъ свѣдѣній время преподаванія Нейманомъ лекцій должно быть расположено такимъ образомъ, чтобы онъ могъ отлучаться нѣсколько дней сряду изъ города, «не прерывая тѣмъ преподаваемыхъ лекцій».

Съ 30-го ноября Нейманъ началъ свое преподаваніе студентамъ «предварительнымъ курсомъ». Кончивъ этотъ курсъ, съ новаго 1815 года онъ сталъ преподавать: по понедѣльникамъ—право естественное, а по вторникамъ—римское. Преподаваніе заключалось

въ *диктованіи начертанія* по симъ предметамъ, но у Неймана, по его словамъ, недоставало времени, и онъ поручилъ магистру Манассеину диктовать студентамъ дополнительный къ его лекціямъ курсъ естественнаго права изъ *начертанія* этого предмета, обработываемаго Манассеиномъ подъ руководствомъ профессора; Алехинъ дѣлалъ то же съ римскимъ правомъ. Въ этомъ, сколько намъ извѣстно, и заключалось все приготовленіе двухъ магистровъ. Какъ самъ Нейманъ доноситъ совѣту, лекціи, даваемыя имъ Алехину и Манассеину, состояли въ томъ, что они, подъ руководствомъ, занимались «обработываніемъ учебныхъ книгъ по избраннымъ ими частямъ, въ которыхъ мы имѣемъ еще почти совершенный недостатокъ». Эти же составляемые ими учебники они и диктовали. Такой способъ приготовленія Нейманъ считаетъ наилучшимъ, «ибо не тотъ, кто выучилъ токмо преподаваемыя другими мысли, но кто самъ въ состояніи ихъ сравнивать, излагать кратко и ясно, и содѣйствать къ усовершенствованію науки, можетъ почесться достойнымъ званія профессора». Магистръ Алехинъ выбралъ для занятій своихъ гражданское и уголовное право знатнѣйшихъ народовъ, а преимущественно римское (успѣхи его были медленны по недостатку пособій, какъ заявлялъ Нейманъ). Манассеинъ сталъ заниматься правомъ естественнымъ, публичнымъ и народнымъ, объясняя его по системѣ Канта. «Какъ подробное изложеніе, такъ и сокращеніе— кончено имъ», говоритъ Нейманъ въ маѣ 1815 года. Но въ этомъ же маѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно Нейманъ входитъ въ совѣтъ съ представленіемъ о томъ, что въ іюлѣ, если онъ получитъ на то позволеніе начальства, ему необходимо, для окончанія семейныхъ дѣлъ, уѣхать изъ Казани, «а тѣмъ и прервутся даваемыя мною двумъ магистрамъ правовѣдѣнія наставленія». Для того, чтобъ наставленія эти оставили какіе-либо слѣды, Нейманъ посовѣтовалъ молодымъ людямъ воспользоваться §§ 128—130 устава, которыми совѣту предоставляется право каждые два года избирать изъ числа магистровъ двухъ наиболѣе отличившихся и отправлять ихъ въ чужіе края для усовершенствованія на два года. Къ жалованью, магистромъ получаемому (400 р.), должна производиться тогда прибавка изъ суммы, положенной въ штатѣ на заграничныя путешествія. Молодые люди обрадовались. Перспектива заграничной жизни улыбалась имъ, прелесть далекихъ и невиданныхъ странъ манила ихъ. И Алехинъ, и Манассеинъ въ одинъ день подали просьбы въ совѣтъ объ отправленіи ихъ въ чужіе края, при чемъ оба, считая прибавку къ жалованью магистра недостаточною для жизни за границею, изъявили готовность пополнить этотъ недостатокъ собственными средствами. Съ своей стороны Нейманъ докладывалъ совѣту,

что по его мнѣнію, магистры на столько приготовлены, что могутъ учиться за границею безъ его помощи, но что, если высшее начальство соизволитъ и на будущее время (т.-е. сверхъ года), сохранить его въ званіи профессора съ жалованьемъ и согласится на его просьбу отпустить его на четыре мѣсяца за границу, куда ему необходимо ѣхать по семейнымъ дѣламъ, то онъ готовъ сопровождать молодыхъ людей, устроить ихъ на первый разъ, если они изберутъ Лейпцигъ и даже помогать имъ въ трудахъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Нейманъ, конечно, доказывалъ безспорную пользу отправленія магистровъ въ чужіе края, не для слушанія тамъ лекцій, а для лучшей обработки начатыхъ ими учебниковъ, при помощи богатыхъ пособіями библіотекъ. Изъ нѣмецкихъ университетовъ, для будущаго пребыванія молодыхъ людей за границею, онъ указывалъ: Лейпцигскій, а потомъ Гёттингенскій. Совѣтъ съ своей стороны нашелъ отправленіе магистровъ за границу весьма полезною мѣрою (это была первая попытка въ Казани примѣненія касающихся того параграфовъ устава) и опредѣлилъ ходатайствовать о томъ передъ министромъ, согласно представленію Неймана, а также о заграничномъ отпускѣ его на четыре мѣсяца, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, по причинѣ большихъ издержекъ на путешествіе по низкому тогдашнему курсу, равно какъ и о томъ, чтобы Нейманъ оставленъ былъ въ Казани на прежнихъ основаніяхъ. Эти послѣднія заключались въ томъ, какъ мы уже видѣли, что Нейманъ избавлялся отъ всякихъ университетскихъ обязанностей, кромѣ преподаванія, и сверхъ того получалъ право отлучаться изъ города «для поправленія здоровья», безъ ущерба для лекцій (въ теченіе полугодового пребыванія въ Казани въ этотъ разъ онъ былъ боленъ два мѣсяца). Куда онъ ѣздилъ изъ Казани и на сколько правды заключалось во всѣхъ его заявленіяхъ о поѣздкахъ—сказать не можемъ.

Не ожидая рѣшенія министра на ходатайство совѣта, Нейманъ одновременно подалъ просьбу, ссылаясь на слабое состояніе здоровья, объ увольненіи его въ отпускъ на 28 дней. Вслѣдъ за нимъ такія же просьбы подали въ совѣтъ, приводя, какъ причину отпуска, семейныя обстоятельства, и оба магистра. Отпуски были разрѣшены самимъ совѣтомъ и всѣ трое уѣхали немедленно въ Петербургъ, разсчитывая, вѣроятно, лично хлопотать о заграничной командировкѣ. Но прежде чѣмъ они пріѣхали въ столицу, министръ отказалъ въ этой командировкѣ, находя отправленіе Алехина и Манассеина въ чужіе края *въ настоящее время* неудобнымъ. На отпускъ самого Неймана онъ согласился и даже оставилъ его по дѣламъ въ Петербургѣ. Что касается до пріѣхавшихъ туда же на-

шихъ магистровъ, то согласно новому представленію Неймана, сдѣланному уже непосредственно министру, графъ Разумовскій изъявилъ согласіе на то, чтобы они остались въ Петербургѣ «для усовершенствованія себя въ наукахъ и для окончанія начатыхъ подъ руководствомъ Неймана учебныхъ книгъ». Для помощи имъ и Нейманъ отложилъ свой выѣздъ въ чужіе края до будущей весны. Министръ разрѣшалъ, сверхъ того, выдавать жалованье магистрамъ, пока они будутъ оставаться въ Петербургѣ, по 1.000 р. въ годъ. Жалованье Нейману слѣдовало высылать въ Петербургъ. Когда всѣ трое остались въ Петербургѣ, попечитель Салтыковъ, безъ вѣдома котораго, кажется, сдѣлалось это переселеніе, счелъ нужнымъ замѣтить о печальномъ положеніи преподаванія юридическихъ наукъ въ Казани (см. выше, стр. 82). Нейманъ успѣлъ выхлопотать себѣ въ Петербургѣ и отпускъ за границу, съ сохраненіемъ жалованья профессора. Онъ уѣхалъ туда въ началѣ 1816 года (жалованье ему или высылалось изъ Казани въ Петербургъ, или было выплачено по возвращеніи). Въ апрѣлѣ 1817 года, воротясь въ Петербургъ, онъ снова получилъ четырехмѣсячный отпускъ, на этотъ разъ безъ сохраненія содержанія. Въ Казань онъ не возвращался болѣе, а 18-го сентября 1817 г., согласно прошенію и съ утвержденія новаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, принятъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Оставался здѣсь на службѣ Нейманъ очень недолго и уже въ слѣдующемъ 1818 году онъ снова поступаетъ въ Дерптскій университетъ на каѳедру лифляндскаго права и практическаго законовѣдѣнія [1]), читалъ, однако же, не провинціальныя права, но прежніе свои предметы: исторію русскаго права, а также русское гражданское и уголовное право. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1826 году, онъ перестаетъ быть профессоромъ и поступаетъ на службу въ собственную Е. И. В. канцелярію по составленію законовъ (2-е отдѣленіе), сохраняя, однако, и званіе, и жалованье профессора. Съ этого времени намъ ничего уже неизвѣстно о дѣятельности Неймана, но невольно приходитъ на память приговоръ о немъ Румовскаго, приведенный нами, что Нейманъ «человѣкъ непостоянный и безпокойнаго характера».

Намъ остается, для полноты исторіи первоначальнаго замѣщенія юридическихъ каѳедръ въ Казани, сказать и о судьбѣ двухъ приготовлявшихся въ Петербургѣ къ занятію ихъ магистровъ. Они остались въ Петербургѣ, согласно предписанію министра (19-го іюля 1815 года), заниматься подъ руководствомъ Неймана «для оконча-

---

[1]) „Обзоръ дѣятельности Дерптскаго университета“, стр. 118.

нія начатыхъ ими трудовъ» (составленіе учебниковъ). Жалованье имъ по 1.000 рублей въ годъ получали по довѣренности каждую треть отцы ихъ въ Казани и высылали имъ въ Петербургъ. Алехинъ, живя еще въ Петербургѣ, произведенъ былъ министромъ въ адъюнкты (3-го февраля 1816 года), почему ему сдѣлана была прибавка къ жалованью по 300 р. въ годъ. Сначала оба оставлены были въ Петербургѣ до начала 1816 — 1817 года, затѣмъ, такъ какъ судьба ихъ почему-то соединена была съ судьбою Неймана, срокъ ихъ пребыванія въ Петербургѣ продленъ до возвращенія этого послѣдняго изъ-за границы. Алехинъ возвратился въ Казань только 5-го октября 1817 года, Манассеинъ же, произведенный въ адъюнкты въ Петербургѣ (5-го января 1817 г.) полугодомъ ранѣе его, немедленно послѣ производства своего въ адъюнкты.

Какъ приготовлялись къ профессорству въ Петербургѣ молодые адъюнкты и въ чемъ состояли ихъ занятія опредѣленно сказать мы затрудняемся. Въ Петербургѣ университета не было; слушать лучшія, чѣмъ въ Казани лекціи было имъ не у кого; никакого плана у нихъ не было и никакихъ инструкцій для занятій имъ не давали. Правда, сохранились отчеты того и другого, но ихъ такъ мало и всѣ они говорятъ такъ немного, что кажется, что и писаны они были лишь для очищенія совѣсти, для сохраненія формы. Такъ Манассеинъ въ мартѣ 1816 года доноситъ, что онъ въ теченіе всего прошлаго года дѣлалъ извлеченія на русскомъ языкѣ изъ естественнаго права и перевелъ естественное право профессора Гуго [1]). Эти труды онъ отдалъ проф. Нейману, а тотъ представилъ ихъ на разсмотрѣніе высшаго начальства. Алехинъ въ маѣ того же года писалъ, что онъ въ теченіе январьской трети «изложилъ римское гражданское право, частью для того, чтобы удержать въ памяти читанное имъ, частью для того, чтобъ руководствоваться симъ систематическимъ начертаніемъ при преподаваніяхъ, когда оныя на него будутъ возложены». Ровно черезъ годъ онъ же Алехинъ доноситъ, что въ теченіе всей трети онъ «ожидалъ выписываемыхъ имъ новѣйшихъ юридическихъ сочиненій», а между тѣмъ занимался исторіей римскаго права и переводомъ первой книги институцій. Въ слѣдующемъ своемъ рапортѣ Манассеинъ (въ маѣ 1816 года) доно-

---

[1]) Сочиненія *Густава Гуго*, профессора Геттингенскаго университета (1764—1844), занимаютъ очень высокое мѣсто собственно въ исторіи изученія римскаго права: его имя стоитъ рядомъ съ Гаубольдомъ и Савиньи. Алехинъ выбралъ для перевода изъ его курса: Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, besonders des Privatrechts. Первое изданіе вышло въ Берлинѣ въ 1799 году и много разъ повторялось. Судьба оставшагося, конечно въ рукописи, перевода Алехина—намъ неизвѣстна.

сить, что въ теченіе истекшей трети онъ занимался: 1) примѣненіемъ русскихъ законовъ къ естественному праву Гуго и 2) переводомъ европейскаго народнаго права Заальфельда [1]). Болѣе рапортовъ не было. На сколько подвинулось дѣло составленія ими учебниковъ, чему придавалъ такую важность руководитель ихъ Нейманъ—намъ тоже неизвѣстно. Что касается лекцій, которыя они должны были по возвращеніи читать въ званіи адъюнктовъ, то и это чтеніе продолжалось весьма не долго. Объ Алехинѣ еще можно сказать, что онъ читалъ съ небольшимъ годъ, а о Манассеинѣ и того нельзя. Въ расписаніяхъ преподаванія на 1817 — 1818 и 1818—1819 мы встрѣчаемъ указанія на то, что Алехинъ, адъюнктъ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, секретарь отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, будетъ объяснять институціи Юстиніана, сравнивая ихъ съ законами франкогальскими, а Манассеинъ, адъюнктъ юридическихъ наукъ (безъ опредѣленія каѳедры), будетъ читать философію положительнаго права по руководству Гуго и народное европейское право по Заальфельду, но преподаваніе Манассеина и не начиналось вовсе. Алехинъ умеръ вскорѣ (въ мартѣ 1819 года), а Манассеинъ избралъ карьеру, ничего общаго съ призваніемъ и дѣятельностью профессора не имѣющую.

Казалось бы, молодому адъюнкту, только что вернувшемуся въ университетъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ столицѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ, несмотря на печальные признаки времени, было гораздо больше возбуждающихъ къ духовной дѣятельности элементовъ, чѣмъ въ глухой провинціи, и гдѣ Манассеинъ *готовился* достойнымъ образомъ занять вакантную каѳедру, казалось бы, говоримъ, слѣдовало на первыхъ порахъ отдаться всею душою своей наукѣ и ея преподаванію. Недавно еще онъ мечталъ о поѣздкѣ за границу, къ которой, впрочемъ, чтобы слушать тамъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ, онъ едва ли былъ и приготовленъ настоящимъ образомъ. Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ другое. Едва прошелъ годъ со времени его возвращенія изъ Петербурга, какъ совѣтъ университета (26-го апрѣля 1818 г.) постановляетъ, и конечно по личному желанію Манассеина, отправить его въ званіи визитатора, сначала въ Саратовъ, гдѣ готовились къ открытію гимназіи (открытіе это поручалось профессору Никольскому), а оттуда чрезъ Астрахань въ Кавказскую губернію (она заключала въ себѣ Грузію и Ставропольскую губернію и нѣкоторыя другія части Кав-

---

[1]) *Заальфельдъ*, Як. Христоф. Фридрихъ, профессоръ философіи въ Гёттингенѣ (1785—1834). Манассеинъ переводилъ его книгу: Grundriss eines Systems des europäischen Völkerrechts, Götting. 1809.

каза и входила тогда въ районъ Казанскаго учебнаго округа, а слѣдовательно находилась по вопросамъ просвѣщенія въ завѣдываніи училищнаго комитета Казанскаго университета). Визитаторское посѣщеніе Манассеина было первое въ этомъ отдаленномъ краю. Ему поручалось «обозрѣніе тамошнихъ учебныхъ заведеній и побужденіе жителей къ заведенію новыхъ». Манассеинъ уѣхалъ визитаторомъ лѣтомъ 1818 года, вѣроятно съ личною цѣлью лечиться на кавказскихъ водахъ, и уже въ октябрѣ того же года вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, присланнымъ изъ Кизляра, въ которомъ онъ высказывалъ желаніе оставить службу адъюнкта. «Эта должность, которой имѣлъ счастье удостоиться въ университетѣ, писалъ онъ,—не токмо несоотвѣтственна съ теперешнимъ состояніемъ моего здоровья, но по роду моей болѣзни еще болѣе послужитъ къ разстройству онаго, какъ по причинѣ обязанности изустно преподавать наставленія, такъ и по усиленнымъ занятіямъ, которыя предстоятъ всякому, кто истинно привязанъ къ наукамъ и желаетъ въ полной мѣрѣ удовлетворить обязанностямъ наставника и быть достойнымъ званія ученаго. Но чувствуя въ полной мѣрѣ признательность къ Казанскому университету (Манассеинъ учился на казенный счетъ), яко тому высшему учебному заведенію, въ которомъ довершилъ свое образованіе и которому обязанъ настоящимъ своимъ званіемъ, *въ доказательство искренней благодарности*, желаю, сколько силы и способности мои позволятъ, быть полезнымъ службою въ округѣ сего университета въ такой должности, которая бы болѣе соотвѣтствовала моему здоровью и доставила бы возможность возстановить оное въ прежнее состояніе». Манассеинъ говоритъ, что ему помогли кавказскія воды и теплый южный климатъ; близость этихъ водъ и заставляетъ его просить себѣ должности въ Грузіи. Въ Тифлисѣ, недавно причисленномъ къ округу Казанскаго университета, есть училище высшихъ наукъ, называемое пансіономъ [1]). Мѣсто директора въ немъ никѣмъ не было занято и Манассеинъ желаетъ получить его, обѣщая съ своей стороны «употребить всѣ усилія къ распространенію просвѣщенія въ столь отдаленномъ отечества нашего краѣ, коего жители, по мѣстному положенію, претерпѣваютъ великій недостатокъ въ средствахъ къ образованію

---

[1]) Это Тифлисское благородное училище, о которомъ Казанскій университетъ не имѣлъ до 1819 года никакого понятія, было открыто по высочайше конфирмованному проекту главнокомандующаго Грузіею князя Цыціанова. Оно основано было въ 1804 году для туземцевъ (грузинъ и армянъ) и имѣло пять классовъ, въ которыхъ было приходящихъ учениковъ 168; ученіе происходило на языкѣ русскомъ, плохо понимаемомъ туземцами. Впослѣдствіи времени изъ него образовалась губернская гимназія.

юношества». Манассеинъ желаетъ, чтобы ему поручено было устроеніе училищъ въ Кавказской губерніи, и обѣщается, въ непродолжительномъ времени, учредить три уѣздныхъ и нѣсколько приходскихъ училищъ. Совѣтъ, конечно, согласился на просьбу Манассеина и представилъ его къ утвержденію, но министръ отказалъ на томъ основаніи, что Манассеинъ не знаетъ языка грузинскаго, а исправляющій нынѣ должность директора училища Букринскій «всѣми начальниками Грузіи, какъ прежними, такъ и нынѣшними, отлично одобряется». Но принимая въ соображеніе необходимость для здоровья Манассеина жить въ южномъ климатѣ, министръ предлагаетъ ему мѣсто директора училищъ въ самой Кавказской губерніи. На это предложеніе министра Манассеинъ выразилъ согласіе, съ тѣмъ однако, чтобы онъ произведенъ былъ, по закону для отправляющихся въ службу въ отдаленные края, въ чинъ надворнаго совѣтника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая болѣе невыгодныя условія директора кавказскихъ училищъ съ прочими, Манассеинъ просилъ объ ассигнованіи ему денегъ на квартиру, на письмоводителя и на канцелярскіе расходы, и прогонныя на проѣзды по губерніи. Совѣтъ опять ходатайствовалъ согласно прошенію, но не указалъ того источника, изъ котораго можно было бы произвести требуемые Манассеиномъ расходы, а потому послѣдовалъ новый отказъ. Совѣтъ поручилъ тогда самому Манассеину указать источники. Не было на то однако, другого источника, кромѣ штатной гимназической суммы, (а гимназія была не открыта); на эту сумму онъ указывалъ и прежде, но министръ не согласился расходовать изъ нея до открытія гимназіи и Манассеинъ, высказывая, что онъ не противорѣчитъ министру, просилъ снова производить расходы до открытія гимназіи изъ нея, по открытіи же, директоръ, говорилъ онъ, по своему положенію, будетъ такъ же выгодно обставленъ, какъ и директоры въ прочихъ русскихъ губерніяхъ. Это было представлено уже попечителю, которымъ сдѣлался между тѣмъ Магницкій, не заставшій Манассеина въ Казани во время своей ревизіи. На это представленіе о назначеніи Манассеина директоромъ училищъ Кавказской губерніи совѣтъ получилъ рѣзкую бумагу Магницкаго. Къ послѣднему одновременно съ представленіемъ совѣта пришло письмо Манассеина (вѣроятно тотъ еще не имѣлъ понятія о новомъ попечителѣ), «въ коемъ проситъ онъ объ опредѣленіи его директоромъ училищъ Астраханской и Кавказской губерній, съ обращеніемъ въ его пользу окладовъ жалованья по обѣимъ губерніямъ. Во-1-хъ нужнымъ считаю дать знать совѣту, что за разрѣшеніемъ г. министра относительно штатной суммы, не могу уже входить ни въ какія по сему объясненія и представленное на оное возраженіе Манассеина нахожу неприличнымъ.

Во-2-хъ, требованіе Манассеина быть директоромъ училищъ Астраханской и Кавказской губерній, по мнѣнію моему, показываетъ человѣка болѣе заносчиваго нежели дѣйствительно могущаго быть полезнымъ. Не считая по сему особенно важнымъ, чтобы г. Манассеинъ непремѣнно былъ директоромъ училищъ Кавказской губерніи и не видя крайней нужды излишне озабочиваться доставленіемъ ему преимущественныхъ противъ другихъ директоровъ выгодъ, предлагаю совѣту увѣдомить г. Манассеина, что онъ можетъ быть опредѣленъ директоромъ училищъ Кавказской губерніи, по желанію его, съ чиномъ надворнаго совѣтника, на основаніи указа 29-го октября 1809 года, но безъ всякихъ прочихъ особенныхъ условій, а на обыкновенномъ положеніи для всѣхъ директоровъ гимназій, вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать отъ него рѣшительнаго на сіе отвѣта и, въ случаѣ несогласія, предписать ему немедленно возвратиться къ своей должности въ университетъ, а меня увѣдомить, дабы могъ быть избранъ другой на его мѣсто директора Кавказской губерніи» (28-го октября 1819 г.). Манассеину ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться. Утвержденіе Магницкій отложилъ до окончанія визитаціи и ревизіи Манассеина на Кавказѣ. Надобно замѣтить, что Манассеинъ, обревизовавъ гимназію и училища въ Астрахани, поѣхалъ на Кавказъ въ началѣ 1819 года, гдѣ и оставался вслѣдствіе распоряженія министра народнаго просвѣщенія, для устройства учебной части, съ увольненіемъ отъ прежнихъ занятій. Донесенія, дѣлаемыя визитаторомъ о существующихъ на Кавказѣ училищахъ и объ открытіи имъ новыхъ (Манассеинъ открылъ три уѣздныхъ училища: Георгіевское, Кизлярское и Моздокское и одно приходское [1]). Магницкій разсматривалъ съ большою подозрительностью, дѣлая часто свои замѣчанія и требуя чрезъ совѣтъ университета объясненій отъ Манассеина. Такое отношеніе къ нему попечителя вынудило Манассеина въ декабрѣ 1820 года обратиться въ совѣтъ университета съ прошеніемъ объ увольненіи его отъ службы. На это увольненіе онъ имѣлъ, по его словамъ, теперь право, такъ какъ своею

[1]) Описаніе торжества открытія Моздокскаго училища, сдѣланное Манассеиномъ, было напечатано. См. *Казанскія Извѣстія* 1819 года, № 52. Актъ торжества совершился съ тою полнотою, какую въ Казани любилъ Яковкинъ. Манассеинъ во всемъ слѣдовалъ своему великому образцу. Тутъ были: и крестный ходъ, и торжественныя рѣчи, русскія и армянскія, и музыка, и закуска, и выстрѣлы изъ пушекъ, и пѣніе, и сборъ пожертвованій, и иллюминація съ прозрачными картинами, и фейерверкъ „при непрерывномъ звукѣ музыки и громѣ пушекъ“, и необыкновенное стеченіе зрителей, и, наконецъ, великолѣпный балъ и ужинъ (беремъ въ общихъ чертахъ порядокъ торжества изъ описанія).

службою съ 1811 года (въ званіи кандидата) онъ «выполнилъ общую обязанность казенныхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, заключающуюся въ выслугѣ шести лѣтъ по учебной части». Въ доказательство невозможности *продолжать службу въ ученомъ званіи* при Казанскомъ университетѣ, куда и возвратиться безъ очевидной опасности для своего здоровья онъ не можетъ, Манассеинъ представилъ два медицинскія свидѣтельства. Совѣтъ опредѣлилъ, прописавъ заслуги Манассеина по службѣ по визитаціи, ревизіи и открытіи кавказскихъ училищъ, представить ихъ на благоусмотрѣніе попечителя и просить его: 1) ходатайствовать о награжденіи Манассеина знакомъ отличія, 2) возвратить ему собственныя деньги, израсходованныя имъ на разъѣзды по училищамъ, и 3) разрѣшить увольненіе съ аттестатомъ. На такое представленіе совѣта получено было предложеніе Магницкаго, въ которомъ ни слова не говорилось объ увольненіи Манассеина въ отставку; напротивъ того—онъ утверждался директоромъ училищъ Кавказской губерніи съ производствомъ ему штатнаго жалованья по 800 р. въ годъ, возвращались изъ визитаторской суммы деньги на разъѣзды, употребленныя имъ изъ своихъ собственныхъ, давался слѣдующій ему по закону чинъ и наконецъ дѣлалось обѣщаніе въ положенный срокъ представить его къ наградѣ орденомъ. Въ другомъ, слѣдующемъ предложеніи совѣту Магницкаго, послѣдній увѣдомлялъ, что получивъ отъ визитатора училищъ Розанова весьма одобрительный отзывъ объ адъюнктѣ Манассеинѣ, онъ представилъ его къ награжденію орденомъ. Что заставило Магницкаго такъ скоро измѣнить составленное имъ невыгодное представленіе о Манассеинѣ—не знаемъ. Съ мая 1821 года Манассеинъ считается уже директоромъ училищъ Кавказской губерніи. Въ теченіе цѣлаго года, за неимѣніемъ никого другаго, Манассеину привелось исправлять должность штатнаго смотрителя въ Георгіевскомъ уѣздномъ училищѣ; за это онъ, по представленію Магницкаго и съ разрѣшенія комитета министровъ, получилъ въ награду годовое содержаніе штатнаго смотрителя. Въ то же время ему пожаловали орденъ св. Анны 3 ст. и затѣмъ, еще черезъ годъ, Манассеинъ получилъ въ награду 1.000 р. Служба его въ званіи директора училищъ Кавказской губерніи, въ зависимости отъ училищнаго комитета Казанскаго университета, продолжалась до 31-го октября 1824 года, когда по высочайшему повелѣнію послѣдовало новое распредѣленіе губерній по учебнымъ округамъ и Кавказская губернія отошла къ Харьковскому округу [1]). Служба Манассеина въ

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, СПБ. Томъ первый, № 491 (стр. 1599).

*

новомъ учебномъ округѣ продолжалась недолго и въ 1827 году, по представленію управляющаго тогда департаментомъ удѣловъ Л. А. Перовскаго, которому Манассеинъ былъ лично извѣстенъ, онъ назначенъ былъ управляющимъ удѣльной конторой въ Саратовѣ. Въ этомъ городѣ онъ и умеръ 22-го января 1833 года.

Безъ сомнѣнія Манассеинъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось отдѣлаться легко отъ ученой карьеры и отъ службы профессора на каѳедрѣ. Имѣемъ основаніе думать, что болѣзнь, на которую онъ ссылался, какъ на главную побудительную причину, вынуждающую его оставить ученую карьеру, и медицинскія свидѣтельства, представленныя имъ въ подтвержденіе, были фиктивнаго характера. Званіе профессора не манило его, какъ и большинство его современниковъ, своими преимуществами. При тогдашнемъ недостаткѣ образованныхъ людей на всѣхъ поприщахъ государственной службы, при усиленномъ требованіи такихъ людей со стороны власти, всякая служба представляла молодому человѣку того времени гораздо больше выгодъ, почестей и блеска въ будущемъ, чѣмъ скромная карьера ученаго, особенно въ провинціальномъ городѣ, гдѣ она и не пользовалась никакимъ со стороны общества уваженіемъ, особенно, если профессоръ въ своей наукѣ и въ своей дѣятельности не выходилъ изъ чисто теоретической сферы. Весьма возможно, что и самъ Манассеинъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ профессурѣ, хотя у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это. Въ самомъ дѣлѣ: каково могло быть его приготовленіе къ каѳедрѣ? Этихъ мальчиковъ, казенныхъ студентовъ, какими были Алехинъ и Манассеинъ, директоръ, по своему внутреннему убѣжденію, заставлялъ слушать того или другого профессора собственно для того, чтобъ у профессоровъ были какіе-нибудь слушатели, чтобъ аудиторіи ихъ не были совершенно пусты. Манассеинъ слушалъ одного Финке въ теченіе двухъ лѣтъ и едва ли понималъ его по незнакомству съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками; Неймана и Врангеля, говорившихъ съ грѣхомъ пополамъ по-русски, ему пришлось слушать только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ 1811 году онъ былъ уже кандидатомъ, считался на службѣ, получалъ жалованье, но какъ и подъ чьимъ руководствомъ готовился онъ къ полученію степени магистра, въ чемъ состоялъ экзаменъ на эту степень, была ли, кромѣ тезисовъ, написана имъ какая либо диссертація — все это намъ неизвѣстно. При существованіи тѣхъ патріархальныхъ отношеній, какія господствовали въ университетѣ въ то время и о какихъ намъ уже не разъ случалось упоминать, надобно полагать, что все это дѣлалось чрезвычайно просто и не представляло для болѣе ловкаго юноши

никакихъ затрудненій. Двухлѣтнее пребываніе обоихъ магистровъ: Алехина и Манассеина въ Петербургѣ, подъ номинальнымъ руководствомъ Неймана, не могло принести имъ желаемой пользы: учиться имъ было не у кого, а то дѣло, которое выставлялось Нейманомъ, какъ главная ихъ обязанность, т.-е. составленіе учебниковъ или, проще сказать—переводъ ихъ съ готовыхъ нѣмецкихъ—легко могло бы дѣлаться и въ Казани. Въ какой средѣ жили они въ Петербургѣ—не знаемъ, но ужъ въ Казани они никакъ не могли найти такой умственной среды, которая пріучила бы ихъ къ научному труду. Въ нашихъ молодыхъ университетахъ, и это явленіе было совершенно естественно, не существовало никакихъ преданій научнаго свойства. Исторія создается не вдругъ и чтобъ она создалась, чтобъ появились эти преданія, столь важныя для прочности всякаго человѣческаго дѣла, необходимъ большой промежутокъ времени и множество условій, начиная съ присущей для науки свободы, которыя создаются общимъ развитіемъ страны. Вотъ почему въ тѣ ранніе годы, о которыхъ мы говоримъ, преподавать съ пользою могли только иностранные профессоры. Они приносили съ собою и знаніе дѣйствительное и историческія преданія науки; они выросли въ строгой школѣ; польза ими принесенная, была несомнѣнна и она была бы гораздо существеннѣе, если бы ихъ не отдѣляло отъ слушателей незнаніе языка. Тѣ русскіе профессоры, которые пріобрѣли свои знанія и степени въ первые годы существованія Казанскаго университета только въ немъ одномъ и о которыхъ намъ приходилось говорить до сихъ поръ эпизодически, были вполнѣ ничтожны, да и пробивались они впередъ не столько наукой, трудомъ и знаніемъ, сколько разными посторонними средствами, которыми изобилуетъ провинція. Если Манассеинъ сознавалъ свою неподготовленность къ занятію каѳедры и по этой причинѣ отказался отъ нея—это бы сдѣлало ему великую честь: но мы не думаемъ, чтобъ это было такъ: ему просто выгодно было въ житейскомъ отношеніи выбрать другой родъ службы. Сколько послѣ него было на разныхъ каѳедрахъ ничтожнѣйшихъ лицъ, которыя могли быть терпимы только въ званіи ученаго, такъ какъ не годились ни въ какой родъ службы! Долго еще университету приходилось страдать отъ неприготовленности профессоровъ. Печальная исторія приготовленія къ каѳедрѣ Алехина и Манассеина, на которой мы невольно остановились, повторялась не разъ. Еще печальнѣе было приготовленіе въ теченіе трехъ лѣтъ уже упомянутаго нами Самсонова въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ (см. часть I). До тѣхъ поръ пока не стали появляться на каѳедрахъ профессоры, обязанные своимъ приготовленіемъ Дерптскому профессорскому институту, нельзя было ожидать никакого

оживленія, никакого хода впередъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Когда же эта строгая и разумная школа перестала существовать, старая рутина, прежнія привычки взяли, къ сожалѣнію, верхъ. Случалось, что цѣлыя десятилѣтія каѳедры безполезно находились въ рукахъ совершенно жалкихъ представителей.

Никогда старый попечитель Румовскій, выписывая профессоровъ для молодого Казанскаго университета изъ Европы или съ помощью разныхъ рекомендацій членовъ нашей Академіи Наукъ находя ихъ у себя подъ рукой, такъ не радовался, какъ въ то время, когда ему удалось пріобрѣсти для Казани перваго профессора астрономіи. Это обстоятельство напоминало ему его молодость, его путешествія для астрономическихъ наблюденій, его прежнее увлеченіе наукой, которая стояла для него выше всѣхъ наукъ, хотя и должна была теперь уступить мѣсто административной дѣятельности. Ему очень хотѣлось получить для Казанскаго университета такого же дѣльнаго профессора астрономіи, какимъ былъ профессоръ математики Бартельсъ, но прошло пять лѣтъ, а онъ не выискивался. Наконецъ случай, такой же, какой былъ при опредѣленіи въ Казань и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ профессоровъ, представился. Тѣ же современныя историческія событія, Наполеоновскія войны, перевернувшія весь строй старой Европы, мѣнявшія судьбы государствъ и людей, доставили Казанскому университету перваго профессора астрономіи. Эта наука въ тѣ годы, которыми мы занимаемся, заключала въ себѣ особую привлекательную силу; ея изложеніе вѣковѣчныхъ и незыблемыхъ законовъ, господствующихъ въ безначальныхъ и безконечныхъ пространствахъ, являлось какъ бы окончательнымъ выводомъ и синтезомъ того могучаго развитія духа, которое совершалось въ человѣчествѣ въ теченіе всего XVIII вѣка. Ея преподаваніе было очень важно; его поощряли вездѣ. Человѣкъ, положившій начало этому преподаванію въ Казани, былъ Литтровъ, впослѣдствіи извѣстный и уважаемый всѣми ученый спеціалистъ. Постараемся разсказать о его появленіи въ Казани, о его дѣятельности въ ней и о его казанскихъ отношеніяхъ [1]).

---

[1]) Мы пользовались въ нашемъ изложеніи біографіей, написанной сыномъ его К. Л. Литтровымъ, директоромъ Вѣнской обсерваторіи (J. J. v. Littrow's vermischte Schriften 1846, dritter Band, S. 559—654), его собственными неоконченными очерками, написанными въ тридцатыхъ годахъ: „Bilder aus Russland“ (тамъ же, erster Band, S. 3—96), и, конечно, болѣе всего архивными документами.

Іосифъ-Іоганнъ Литтровъ (по-нѣмецки свою фамилію писалъ онъ и Lyttrof, и Littrof, и наконецъ Littrow) по происхожденію былъ нѣмецъ (онъ выводилъ своихъ предковъ изъ Лифляндіи, хотя и родился въ небольшомъ чешскомъ городкѣ Бишовъ-Тейницъ, 13-го марта 1781 года, «въ тотъ самый часъ, какъ замѣчаетъ сынъ-біографъ, когда Гершель открылъ планету Уранъ». Профессія отца его Антона— неизвѣстна. Послѣ первоначальнаго ученія въ городской школѣ, Литтровъ 13-ти лѣтъ поступилъ въ 1794 году въ гимназію города Праги. Здѣсь получилъ онъ солидное классическое образованіе и любовь къ литературнымъ занятіямъ, даже къ стихамъ. То же продолжалось въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ однако къ филологіи присоединилось и изученіе математики. Но университетскія лекціи неожиданно были прерваны въ 1801 г. военными упражненіями. По призыву извѣстнаго австрійскаго полководца эрцгерцога Карла, обращенному къ пражскимъ студентамъ и вызванному войною съ Наполеономъ, Литтровъ поступилъ въ такъ называемый легіонъ. Военная служба его продолжалась однако недолго, чрезъ девять мѣсяцевъ былъ заключенъ миръ, студенты распущены, и Литтровъ вернулся къ университетскимъ занятіямъ.

Но въ университетѣ Литтровъ не могъ никакъ остановиться на какой-либо специальности; объ астрономіи не было и рѣчи. Свобода слушанія въ нѣмецкихъ университетахъ, вслѣдствіе которой наука является дѣйствительнымъ призваніемъ человѣка, а не чѣмъ-то принудительнымъ, дала ему возможность перепробовать разныя спеціальности. Сначала, какъ и все тогдашнее юношество, сильно занимала его та философія природы, основанія которой положила система Шеллинга. Литтровъ увлекался ея широкими, часто мечтательными обобщеніями, но какъ всѣ люди положительной науки, скоро разстался съ этимъ увлеченіемъ и долго потомъ еще въ жизни, по словамъ сына, онъ жалѣлъ о потраченныхъ имъ напрасно на эту философію природы молодыхъ годахъ своихъ. Но, кажется, однако, что нѣкоторые отголоски ея идей, занимавшихъ Литтрова въ молодости, сохранились въ его извѣстномъ сочиненіи: «Wunder des Himmels». Затѣмъ Литтровъ занимался послѣдовательно лекціями юридическихъ наукъ, медицины и даже богословія, но не могъ ни на чемъ сосредоточиться.

Съ 1803 года прекращается слушаніе лекцій и Литтровъ выбираетъ призваніе домашняго наставника, живя въ семействахъ разныхъ австрійскихъ графовъ и бароновъ, то въ ихъ имѣніяхъ, то наконецъ, въ Вѣнѣ. Занятія воспитателя и учителя скоро однако перестали удовлетворять Литтрова. Онъ колеблется; то рѣшается держать экзаменъ на ученую степень по юридическимъ наукамъ, то

даже, въ качествѣ ревностнаго католика, думаетъ поступить въ монастырь. Къ счастію для Литтрова совѣтъ знакомаго ему директора реальнаго училища въ Вѣнѣ, оцѣнившаго его познанія въ математикѣ, направилъ его на ту дорогу, по которой онъ уже шелъ до конца жизни. Этотъ директоръ посовѣтовалъ ему заняться астрономіей, гдѣ именно онъ и могъ бы примѣнить свои математическія свѣдѣнія. Литтровъ нашелъ наконецъ призваніе и съ глубокимъ увлеченіемъ отдался астрономіи. Онъ сталъ дѣлать наблюденія на вѣнской обсерваторіи, находившейся въ завѣдываніи астронома іезуита Триснекера, близко сошелся съ нимъ и даже жилъ въ домѣ довольно извѣстной любительницы астрономіи въ Вѣнѣ баронессы Маттъ. Въ 1807 году, изъ Силезіи, гдѣ онъ жилъ въ домѣ барона Гастгеймба въ качествѣ наставника, Литтровъ писалъ уже первыя астрономическія письма свои къ только что упомянутому Триснекеру. Въ томъ же году (19-го ноября) по конкурсу, объявленному Краковскимъ университетомъ, за астрономическую работу, имъ представленную и найденную судьями лучшею, особенно потому что Литтровъ не имѣлъ школы и являлся нѣкоторымъ образомъ самоучкой, онъ получилъ въ этомъ австрійскомъ тогда университетѣ каѳедру астрономіи и высшей математики.

Въ Краковѣ началась первая профессорская дѣятельность Литтрова, несмотря на то, что обсерваторія тамъ находилась въ очень жалкомъ положеніи и была лишена почти всякихъ научныхъ пособій. Литтровъ былъ однако вполнѣ доволенъ, что жизнь его устроилась и научное призваніе опредѣлилось; въ іюлѣ слѣдующаго года онъ женился, скоро былъ у него адъюнктъ, необходимый при наблюденіяхъ. Тѣмъ спокойнѣе могъ онъ отдаваться наблюденіямъ неба, что счастіе на землѣ казалось было устроено. Судьба однако рѣшила иначе и скоро Литтрову, конечно противъ желанія, пришлось переселяться изъ древней столицы польскихъ королей въ прежнюю столицу царей татарскихъ.

Съ начала 1809 года всѣ признаки предсказывали войну Австріи съ Французской имперіей. Въ мартѣ началось движеніе австрійскихъ войскъ къ предѣламъ страны, но уже 30-го апрѣля Наполеонъ, разбивъ нѣсколько разъ австрійцевъ, занялъ Вѣну. Уступая давленіямъ Наполеона, своего союзника послѣ Тильзитскаго мира, императоръ Александръ I, который велъ уже тогда три войны: съ Англіей, Швеціей и Турціей, рѣшился начать и четвертую — съ Австріей. Подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына [1]) собранъ былъ корпусъ въ

[1]) Къ этому Голицыну, женатому на одной изъ племянницъ Потемкина, относятся 10 и сл. строфы оды Державина „Осень во время осады Очакова“ (1788).

числѣ 70.000 человѣкъ на австрійской границѣ; но до конца мая 1809 года онъ не переходилъ ея. Между тѣмъ часть австрійской арміи, подъ командою эрцгерцога Фердинанда, заняла Варшаву и половину тогдашняго Варшавскаго герцогства. Тогда Наполеонъ предписалъ извѣстному польскому вождю, командующему варшавскимъ корпусомъ, князю Понятовскому, двинуться въ Галицію въ тылъ австрійцамъ. «Галичане встрѣтили войска Понятовскаго, какъ освободителей» (Богдановичъ). Тогда только русскій авангардъ, какъ кажется нарочно медлившій, въ свою очередь вступилъ въ Галицію. Между русскимъ и польскимъ предводителями начались недоразумѣнія. Къ обоимъ императорамъ посылались взаимныя жалобы. Князь Голицынъ видимо былъ на сторонѣ австрійцевъ, хотя и доносилъ императору Александру, что жители Галиціи охотно готовы поступить подъ русскую державу. Цѣлью движенія какъ русскихъ такъ и польскихъ войскъ сдѣлался Краковъ, откуда австрійцы выступили, какъ только что было получено извѣстіе о пораженіи Наполеономъ ихъ арміи подъ Ваграмомъ (24-го іюня). И русскіе и поляки спѣшили предупредить другъ друга по пути къ древней польской столицѣ. Отряды тѣхъ и другихъ одновременно вступили въ Краковъ. Но преимущество численности было за поляками и собственно въ ихъ власти и остался городъ, жители котораго приняли присягу на подданство Наполеону, и отъ его имени учреждено было новое управленіе. Вслѣдствіе этого по Шёнбрунскому договору (2-го октября 1809 года) Галиція была присоединена къ Варшавскому герцогству, Россіи же достался городъ Тарнополь съ его округомъ, отошедшими снова во власть Австріи по Вѣнскому трактату. Такъ кончилась наша единственная и какъ кажется вполнѣ безкровная война съ Австрійской имперіей [1]).

Эти политическія и военныя событія должны были сильно отразиться на судьбѣ австрійскаго Краковскаго университета и его профессоровъ, которые съ выходомъ изъ города австрійскихъ властей перестали получать жалованье, а слѣдовательно и на судьбѣ Литтрова. Въ самые дни вступленія въ Краковъ корпуса Понятовскаго, у Литтрова умеръ только что родившійся первый сынъ. Вслѣдъ за этимъ разныя бѣдствія обрушились на него, по разсказу его біографа. Несмотря на всѣ его возраженія, обсерваторію обратили въ пороховой магазинъ; цѣна жизненныхъ припасовъ поднялась необычайно; всякая надежда на помощь австрійскаго правительства исчезла и нужда домашняя побуждала какъ можно скорѣе принять какія-либо мѣры.

---

[1]) Подробности у Богдановича: „Исторія царствованія императора Александра I“. 1869, т. II, стр. 435—455.

Правда, біографъ его передаетъ, что австрійскій губернаторъ Галиціи графъ Вурмзеръ выдалъ Литтрову аттестатъ, въ которомъ много говорилось о его познаніяхъ, честномъ и твердомъ характерѣ, его преданности австрійскому императору, но этотъ аттестатъ не могъ дать Литтрову того, что ему было необходимо—немедленныхъ средствъ для жизни. Можетъ быть и новый польскій ректоръ Краковскаго университета графъ Сѣраковскій просилъ Литтрова остаться въ Краковѣ на извѣстныхъ условіяхъ, но Литтровъ колебался: онъ все еще былъ австрійскій подданный. Участь его была рѣшена приглашеніемъ на каѳедру астрономіи въ Казань. Біографъ Литтрова однако или не знаетъ, или не хочетъ упоминать, что инициатива этого приглашенія исходила отъ самого профессора. Передъ нами лежитъ французское письмо Литтрова, написанное имъ 19-го августа н. с. 1809 года, слѣдовательно въ первые дни занятія Кракова корпусомъ Понятовскаго (выше нѣкоторыя числа событій мы приводили по старому стилю), обращенное къ командующему русской арміей князю Голицыну, на котораго слѣдовательно онъ смотрѣлъ, какъ на своего естественнаго покровителя. Письмо это по нашему мнѣнію любопытно: оно обрисовываетъ положеніе профессора подъ свѣжими впечатлѣніями подавляющихъ политическихъ событій времени и мы приведемъ его, извлекая болѣе выдающіяся мѣста.

Упомянувъ о томъ, что у него почти нѣтъ родины, оставленной имъ въ дѣтствѣ, Литтровъ говоритъ, что «рѣшился окончить дни свои въ литературномъ уединеніи, единственно посвященномъ наукамъ», и переходитъ къ своему настоящему положенію. «Поляки, продолжаетъ онъ, только что возвратили себѣ свою страну. Интендантъ, губернаторъ и много польскихъ генераловъ, ежедневно приходящихъ осматривать обсерваторію, безъ всякаго вызова съ моей стороны, увѣряютъ меня, что и на будущее время я могу спокойно оставаться на мѣстѣ и продолжать занятія наукою, что на всемъ пространствѣ страны они не знаютъ никого, кто бы могъ замѣстить мою каѳедру. Я убѣжденъ, что они любятъ, уважаютъ науки. но они ненавидятъ нѣмцевъ и обращаются съ ними презрительно. А я, жившій до настоящаго времени между звѣздами и ничѣмъ не вызвавшій ихъ нерасположенія къ себѣ, служившій наконецъ вѣрно своему народу, императору, я не въ состояніи допустить, чтобы меня презирали только потому, что я не полякъ. Мнѣ остается или возвратиться на родину или искать такое мѣсто, гдѣ бы я, окруженный уваженіемъ, могъ исключительно посвятить себя наукѣ. Я рѣшился наконецъ на выборъ послѣдняго. Въ другихъ мѣстахъ науку только терпятъ, въ Россіи

ее уважаютъ (въ тѣ годы слова эти пожалуй не были преувеличеніемъ). На долю счастливаго жителя этихъ обширныхъ областей выпалъ жребій служить благородному и великодушному императору, доставляющему счастіе столькимъ народамъ и находящему личное благо въ благѣ подданныхъ...»

Высказавъ все это, Литтровъ уже прямо обращается къ князю Голицыну съ просьбою доставить ему въ Россіи астрономическую обсерваторію, или каѳедру профессора высшей математики. Онъ считаетъ безполезнымъ ссылаться на аттестаты; достаточно того факта, что онъ профессоръ въ императорскомъ университетѣ, но упоминаетъ однако, что онъ выдержалъ въ Вѣнѣ очень строгій экзаменъ у самыхъ извѣстныхъ австрійскихъ астрономовъ, а въ доказательство своихъ знаній прилагаетъ нѣсколько рукописныхъ астрономическихъ трактатовъ, писанныхъ по латыни, на случай представленія ихъ какому либо университету [1]). «Выборъ города, гдѣ бы я могъ служить августѣйшему монарху и наукамъ, для меня безразличенъ, заключаетъ Литтровъ свое письмо. Мнѣ нуженъ только университетъ и при немъ библіотека, безъ которой я не могу существовать. Что касается жалованья, то я прошу только считать меня наравнѣ съ прочими астрономами и профессорами высшей математики, такъ чтобы мнѣ осталось кое-что на покупку книгъ». Сверхъ того Литтровъ проситъ средствъ на дорогу. Свидѣтельства о его познаніяхъ отъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ европейскихъ астрономовъ онъ надѣется получить скоро, какъ только возобновятся прерванныя войною почтовыя сообщенія.

Это обращеніе Литтрова къ нашему командующему войсками въ Галиціи было получено послѣднимъ 22-го нашего августа, а уже 31-го того же мѣсяца Румовскій, возвратясь откуда-то на свою петербургскую квартиру, нашелъ слѣдующую записку отъ министра Завадовскаго: «Нужно знать: можетъ ли астрономъ Литтровъ занять должность профессора при Казанскомъ университетѣ, способенъ ли онъ къ сей должности и надобенъ ли онъ тамъ». Съ поспѣшностью, какъ бы доказывающею приведенныя нами выше слова Литтрова объ уваженіи у насъ науки, Румовскій отвѣчалъ на другой же день министру, что «судя по сочиненіямъ, представленнымъ Литтровымъ князю Голицыну, онъ равно искусенъ какъ въ высшей математикѣ, такъ и въ астрономіи, и *во всей нѣмецкой землѣ мало сыщется такихъ людей, коимъ предъ Литтровымъ должно отдать преиму-*

---

[1]) Это небольшія статьи, числомъ пять, впослѣдствіе переработанныя и распространенныя, были помѣщены потомъ Литтровымъ въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ.

щество, и пріобрѣтеніе его для всякаго въ Россіи университета почитаю я драгоцѣннымъ». По уставу 1804 года астрономія дѣлилась между двумя, одинаковыя права имѣющими профессорами: профессоромъ астрономомъ-наблюдателемъ и профессоромъ теоретической астрономіи. Литтровъ, по мнѣнію Румовскаго, достоинъ занять и ту и другую каѳедру, но онъ полагаетъ что «каѳедра астронома-наблюдателя дотолѣ должна остаться праздною, доколѣ не устроена будетъ обсерваторія и не снабжена нужными инструментами». Литтровъ можетъ поэтому преподавать теоретическую астрономію, а когда «приспѣетъ время, *управлять строеніемъ обсерваторіи,* которая ежели не для *тщеславія должна быть воздвигнута,* то должна приноровлена быть къ инструментамъ, какіе нынѣ въ употребленіи». Смущаетъ Румовскаго то обстоятельство, что библіотека Казанскаго университета не богата математическими книгами, но онъ утѣшается однако тѣмъ, что Литтровъ «въ комментаріяхъ Академіи и въ книгахъ покойнаго академика Иноходцева, ежели они въ Казань отправлены, довольно найдетъ сочиненій до высшей математики и астрономіи относящихся». Но Румовскій опасается особенно другого обстоятельства, которымъ, по его словамъ, можетъ огорчиться Литтровъ, а университетъ его лишиться: «онъ вѣрно въ Краковѣ при обсерваторіи имѣлъ готовую квартиру, а въ Казани, не имѣя сего удовольствія, будетъ скорбѣть, какъ прочіе профессора и адъюнкты».

Слѣдствіемъ этого донесенія попечителя министру, было уже прямое приглашеніе Румовскаго и предложеніе Литтрову занять каѳедру астрономіи теоретической (и практической—прибавлялъ отъ себя уже, въ противность уставу, Румовскій, такъ какъ послѣдняя лежала на обязанности другого профессора, астронома-наблюдателя). По соглашенію съ министромъ, Румовскій обѣщалъ Литтрову 500 руб. въ годъ квартирныхъ денегъ, пока университетъ не будетъ въ состояніи помѣстить его въ собственномъ зданіи. Это увѣдомленіе Румовскаго было отправлено Литтрову 13-го сентября, а уже 15-го ноября н. с., слѣдовательно съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Литтровъ высказывалъ попечителю радость «de dédier mes jours sous un chef, à qui cette science doit sa fleur et son fruit le plus beau dans votre pays». Колебаній и долгой нерѣшительности со стороны Литтрова ѣхать въ страну, съ языкомъ которой и съ условіями жизни въ ней онъ былъ совершенно незнакомъ, мы не видимъ и напрасно говоритъ о нихъ его біографъ-сынъ. Была конечно естественная боязнь зимы, страшной русской зимы, представляющейся обыкновенно болѣе южному уроженцу въ необычайныхъ размѣрахъ, пугала страшная даль и неизвѣстность, при-

поминался стихъ Виргилія, вложенный имъ въ уста кумской сивиллы, о спускѣ въ подземное царство: «facilis descensus Averni, sed revocare gradum...» (VI, 126), но замедленіе въ отъѣздѣ произошло не по винѣ Литтрова. Черезъ три недѣли послѣ перваго письма своего къ Румовскому Литтровъ снова пишетъ ему, не зная, въ теченіе этого времени, ничего о своей участи и не получая никакихъ извѣстій отъ князя Голицына, который долженъ былъ снабдить его деньгами на дорогу. Онъ проситъ совѣта Румовскаго: «Поляки съ радостью предложили мнѣ каѳедру астрономіи въ Краковѣ, но я отказался. Сегодня въ третій разъ я получилъ предложеніе австрійцевъ. Они учреждаютъ университетъ въ Леополѣ (Львовѣ); у нихъ не достаетъ астронома. Всѣ прочіе краковскіе профессоры собрались уже тамъ и только я одинъ остаюсь въ непріятельской землѣ. Губернаторъ графъ Вурмзеръ приглашаетъ меня оффиціально; мои товарищи начинаютъ не довѣрять мнѣ и торопятъ меня присоединиться къ нимъ. Мнѣ нѣтъ никакой надобности бѣжать отсюда, но я не подавалъ еще оффиціальной просьбы объ отставкѣ, такъ какъ ничего до сихъ поръ положительнаго не знаю о моемъ переселеніи въ Россію. Позвольте говорить откровенно. *Я тысячу разъ предпочитаю Россію всѣмъ другимъ странамъ, даже скажу безъ колебанія, моей родинѣ*, но я опасаюсь сыграть плохую игру и не попасть ни въ одну изъ трехъ. У меня семья, а потому простите мнѣ мое раздумье: оно вызвано семейными обязанностями». Что касается до размѣра суммы, необходимой на переѣздъ, то Литтровъ опредѣленіе этого размѣра предоставляетъ попечителю, но проситъ принять въ соображеніе, что ему предстоитъ сдѣлать болѣе 2400 верстъ, что со времени занятія Кракова онъ не получаетъ вовсе жалованья, что онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ дозволенія привезти съ собою безпошлинно изъ за границы имущества на 3.000 рублей, не имѣя ничего (это предоставлялось иностраннымъ профессорамъ особымъ распоряженіемъ), что ему необходимо еще купить много книгъ по астрономіи, «которыя вѣроятно трудно будетъ пріобрѣсти на границѣ Азіи. Mais pouquoi tout cela au père de l'astronomie en Russie?, заключаетъ свое письмо Литтровъ:—nous sommes ses fils, il nous connait, il ne nous abandonnera pas».

Дѣйствительно, Румовскій распорядился немедленно. Къ князю Голицыну было послано отношеніе о выдачѣ Литтрову 1200 р. на проѣздъ изъ Кракова въ Казань (что составляло 200 червонцевъ) и паспорта. Эта переписка заняла еще нѣсколько времени, такъ что только 19-го января 1810 г. Литтровъ могъ начать продолжительную, весьма утомительную, полную и печальныхъ и комическихъ

приключеній одиссею свою до Казани. Въ Тарнополѣ, главной квартирѣ русской арміи, отъ князя Голицына онъ получилъ свой паспортъ и деньги (чрезъ двѣ недѣли послѣ ихъ свиданія князь Голицынъ умеръ, 20-го января). Нѣмецъ-чиновникъ на русской границѣ въ Оскіерно долго ставилъ разныя затрудненія къ переѣзду чрезъ границу, такъ какъ Литтровъ имѣлъ неосторожность не взять съ собой никакихъ документовъ отъ австрійскихъ властей и только подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла заставило его наконецъ согласиться на пропускъ; зато русскій унтеръ-офицеръ, на первомъ казачьемъ пикетѣ, протянулъ руку въ кибитку, попросилъ на водку и пропустилъ путешественниковъ безъ дальнѣйшихъ распросовъ. Только 2-го февраля пріѣхалъ Литтровъ въ Кіевъ и былъ, по его разсчету, на полпути. Но здѣсь живетъ онъ болѣе недѣли, а выѣхать не можетъ. Письмо отъ 9-го февраля къ попечителю можетъ дать намъ понятіе о встрѣченныхъ имъ здѣсь затрудненіяхъ. Выдали ему въ Тарнополѣ подорожную на 8 лошадей (ему нужно было столько, такъ какъ онъ везъ съ собою много книгъ):

„Мнѣ говорили, что я буду ѣхать очень быстро, между тѣмъ на дорогу отъ Лемберга до Кіева пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ. Всѣ мои настоянія, просьбы, угрозы—все было тщетно. Уже семь разъ пришлось мнѣ ѣхать на наемныхъ лошадяхъ, и за каждую милю платить по червонцу золотомъ. Позвольте мнѣ для примѣра привести только Кіевъ, гдѣ я живу уже цѣлую недѣлю. Когда 2-го февраля пришелъ я на почту, почтмейстеръ (вѣроятно смотритель станціи) сказалъ, чтобъ я явился завтра, такъ какъ сегодня лошадей нѣтъ—всѣ въ разгонѣ. Пришелъ я на другой день, но онъ былъ такъ пьянъ, что едва ворочалъ языкомъ. Когда я снова явился поздно вечеромъ—мнѣ велѣли придти 4-го и пораньше утромъ. Но въ ночь пріѣхалъ какой-то офицеръ, прибилъ почтмейстера и силою отнялъ лошадей, которыя были оставлены для меня. На мою угрозу, что я буду жаловаться губернатору, почтмейстеръ только отвѣчалъ смѣхомъ. Тогда я рѣшился дѣйствовать иначе. Послѣ подарка въ три рубля, онъ обѣщалъ 5-го, въ полдень, непремѣнно дать мнѣ лошадей, но какъ только я явился за ними, оказалось, что какой-то помѣщикъ уже забралъ ихъ себѣ. Я сослался на свои три рубля, но помѣщикъ со смѣхомъ увѣрялъ меня, что онъ далъ почтмейстеру десять рублей и прибавилъ, что кто лучше смазываетъ, тотъ лучше и ѣдетъ. Я вздумалъ было нанять вольныхъ, но съ меня запросили 40 рублей только до первой станціи. Не имѣя возможности платить такъ дорого, я наконецъ рѣшился сидѣть на почтѣ до тѣхъ поръ, пока не получу лошадей. И вотъ я сижу здѣсь сегодня, досадуя и почти безъ всякой надежды на окончательное избавленіе. Я считаю долгомъ прибавить къ этому, что то же случается со многими, почти со всѣми, за исключеніемъ военныхъ, которые силою умѣютъ настоять на порядкѣ“.

Эти неизвѣстные до сихъ поръ Литтрову обычаи должны были сильно возмущать его, пока онъ не познакомился лучше со страною. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ сознается, что причиною множе-

ства недоразумѣній и препятствій, встрѣченныхъ имъ на длинномъ пути, было незнаніе имъ людей и совершенное незнакомство съ языкомъ. Онъ не понималъ ни одного слова русскаго, и съ досады, на границѣ, рѣшился совсѣмъ не учиться по-русски. Пришлось, конечно, горько раскаяться.

Тѣ русскіе, и даже люди образованные, съ которыми встрѣчался нашъ путешественникъ, или смѣялись надъ его злоключеніями или рекомендовали ему, какъ панацею, насильственныя мѣры. Въ Кіевѣ же, въ величайшей досадѣ на почтовые безпорядки, Литтровъ, въ дорожномъ костюмѣ, отправился прямо къ губернатору (имъ былъ какой-то Ланской, очень образованный, по словамъ Литтрова, и вполнѣ владѣвшій французскимъ языкомъ человѣкъ). Разсказавъ ему обо всѣхъ непріятностяхъ, онъ просилъ помощи, просилъ научить что ему дѣлать, чтобы имѣть возможность спокойно доѣхать до Казани, пугалъ, что онъ не тронется дальше. Губернаторъ принялъ его весьма ласково, но не далъ никакого другого совѣта, кромѣ употребленія палки на почтовыхъ станціяхъ. Профессоръ сталъ доказывать, что это не совсѣмъ удобно, что онъ ѣдетъ одинъ, что ему придется, можетъ быть, имѣть дѣло съ двадцатью человѣками, которые его самого поколотятъ. Губернаторъ засмѣялся, говоря, что видно путешественникъ совсѣмъ не знаетъ Россіи, что въ ней ни одинъ мужикъ не рѣшится ударить дворянина. (Впрочемъ, при отъѣздѣ Литтрова, изъ особой любезности къ нему, онъ далъ ему въ провожатые до Казани солдата мѣстной команды). Вечеромъ въ тотъ же день губернаторъ пригласилъ Литтрова въ гости. Собравшемуся обществу ему снова пришлось передавать свои дорожныя жалобы, но онѣ вызывали не сожалѣніе, какъ онъ разсчитывалъ, а только смѣхъ, всеобщій и неудержимый. «Вы понимаете, конечно, по-русски?» спросилъ его одинъ изъ присутствующихъ, къ которому прочіе относились съ особеннымъ уваженіемъ. «Ни слова»—былъ отвѣтъ. «Но вѣдь вы знаете же русскія буквы?»—«Положительно ни одной».—«Ну, такъ я напишу вамъ латинскими буквами только два слова, но прошу васъ твердо выучить ихъ наизусть и произносить ихъ громко и съ удареніемъ при всякомъ случаѣ, когда вы сочтете нужнымъ употребить въ дѣло палку, а это, впередъ вамъ говорю, будетъ часто, если вы желаете ѣхать хорошо». При этомъ было очень гуманно замѣчено Литтрову, что нужно только остерегаться бить по головѣ или лицу, что можетъ, конечно, имѣть дурныя послѣдствія, а вообще же вовсе не слѣдуетъ стѣсняться. Сообщивъ все это, любезный господинъ присѣлъ къ столу и написалъ таинственныя слова, которыя должны были на будущее время защитить профессора при

всякомъ столкновеніи на станціяхъ и спасать его отъ противодѣйствія. Магическая формула состояла изъ слѣдующихъ словъ: «Ja potpolkovnik, a tü sobaka, k...in syn». Литтровъ испугался, когда узналъ въ переводѣ смыслъ написанныхъ словъ, но, какъ самъ сознается, часто и не безъ пользы употреблялъ ихъ на своемъ долгомъ пути въ Казань [1]).

Кто странствовалъ по Россіи въ эпоху до желѣзныхъ дорогъ, тотъ, конечно, не забылъ ни прелестей, ни неудобствъ первобытнаго пути, но ѣхать изъ Кіева до Казани въ исходѣ зимы, какъ случилось это съ Литтровымъ, было особенно затруднительно. Изъ его разсказовъ мы видимъ, какъ постепенно знакомится онъ и съ курными избами, гдѣ по необходимости приходилось ночевать для больной, беременной жены, и съ зажорами по рѣкамъ, и съ поломками экипажей, и съ быстротою ѣзды. На больной женѣ въ особенности отразились трудности пути. На нее нашло даже временное помѣшательство. Разъ на одной станціи, когда мужъ оставилъ ее одну въ повозкѣ и пошелъ въ станціонный домъ, онъ не нашелъ ея по возвращеніи. Никто не видалъ, какъ и куда она исчезла. Литтровъ послалъ людей во всѣ стороны на поиски и самъ побѣжалъ. Послѣ продолжительныхъ блужданій и едва отбившись съ помощью проѣзжаго крестьянина отъ большой стаи злыхъ деревенскихъ собакъ, Литтровъ нашелъ наконецъ свою подругу: она сидѣла на холмикѣ, покрытомъ снѣгомъ. На вопросъ: что она тутъ дѣлаетъ, бѣдная женщина отвѣчала, что пасетъ своихъ милыхъ бѣленькихъ гусятъ. Литтрову долго пришлось увѣрять больную, что ея гусята были кучками снѣга и убѣдить ее возвратиться.

Встрѣчались, конечно, на этомъ длинномъ пути и впечатлѣнія болѣе пріятныя, доставлявшія полное удовлетвореніе. Мы не ошибемся, если скажемъ, на основаніи позднѣйшихъ русскихъ воспоминаній Литтрова, что хорошее впечатлѣніе, вынесенное имъ о русскомъ народѣ и о природѣ страны, что его мягкое, любовное, такъ сказазать, отношеніе къ этому простому народу, которому онъ искренно желалъ освобожденія отъ крѣпостнаго гнета, воспитались въ его поѣздкахъ по Россіи. Первый шагъ въ русскихъ предѣлахъ былъ отраденъ для него и онъ записалъ его. «Веселость, врожден-

---

[1]) Въ Кіевѣ Литтровъ долженъ былъ оставить, помѣстивъ ее въ больницу приказа общественнаго призрѣнія, сильно захворавшую служанку, взятую имъ изъ Кракова. По выздоровленіи, она была задержана полиціей за неимѣніе письменнаго вида и о ней еще въ сентябрѣ происходила переписка между Кіевомъ и Казанью. Литтровъ выслалъ деньги для отправки ея или въ Казань, къ нему, если она того пожелаетъ, или къ родителямъ — въ Краковъ.

ная русскимъ, проявляется въ особенности въ любви къ пѣнію и вообще къ музыкѣ. Русскіе, какъ и большинство славянъ—поющая нація и совершенный недостатокъ въ музыкальномъ чувствѣ, такъ часто встрѣчающійся между нѣмцами, у нихъ весьма рѣдокъ. Эту характерную черту русскихъ я узналъ впервые, когда въ декабрѣ 1809 года, пріѣхалъ въ тогдашній пограничный городъ Тарнополь. Тогда только что прекратились ужасы войны и на жителяхъ Галиціи, надъ опустошенною страною лежала общая печаль вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ и страшныхъ потерь. Но какъ измѣнилась сцена, когда я, позднимъ вечеромъ, вступилъ на русскую границу. Только что спустившаяся съ неба ночь освѣщалась безчисленными сторожевыми огнями русскихъ, со всѣхъ сторонъ звучала музыка и веселыя пѣсни солдатъ у огней раздавались далеко за полночь. Во все время моего пути я видѣлъ въ праздничные вечера по деревнямъ сборища молодежи обоего пола и слышалъ исполненіе многоголосныхъ пѣсенъ, часто очень художественной композиціи, съ такою вѣрностью и съ такимъ чувствомъ, которое у насъ, и часто не въ такой высокой степени, пріобрѣтается только послѣ долгаго упражненія въ школѣ».

Изъ Кіева же, жалуясь попечителю на трудности и дороговизну путешествія, Литтровъ проситъ его выслать ему еще денегъ на дорогу и объяснить министру то печальное положеніе, въ которомъ онъ находился. «Я ѣду къ границамъ Азіи, пишетъ онъ, чтобы жить для своей науки, чтобы приносить пользу государству, посвящая на то всѣ мои силы, а вовсе не для того, чтобы собирать сокровища... Живу я такъ скупо, какъ только возможно, но у меня семья и я сильно безпокоюсь объ окончаніи моего пути. До сихъ поръ я ѣхалъ съ большою бодростью, исполненный прекрасныхъ надеждъ, но каково будетъ мое положеніе, когда я принужденъ буду остаться безъ денегъ между чужими людьми?» Румовскій немедленно распорядился о высылкѣ на имя директора Нижегородской гимназіи 50 червонныхъ для выдачи Литтрову.

Но пока шло это письмо Литтрова изъ Кіева отъ 9-го февраля оно было получено въ Петербургѣ лишь 1-го марта), Румовскій сильно безпокоился о судьбѣ столь нетерпѣливо ожидаемаго имъ астронома, тѣмъ болѣе, что отъ министра даже не высланъ былъ ему заграничный паспортъ. Какъ разъ въ это время происходила смѣна министровъ народнаго просвѣщенія. Графъ Завадовскій, человѣкъ уже очень старый и малодѣятельный (въ Петербургѣ о немъ говорили, что онъ шесть дней въ недѣлѣ ничего не дѣлаетъ, а въ седьмой отдыхаетъ) выходилъ въ отставку и теченіе дѣлъ пріостановилось. Наканунѣ того дня, какъ было получено кіевское письмо

Литтрова, Румовскій писалъ къ Яковкину: «Въ ожиданіи новаго министра просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, всѣ дѣла нѣсколько пріостановились. Графъ Петръ Васильевичъ входитъ только въ такія, кои не терпятъ времени, а по большей части отсылаетъ въ правленіе. По сему обстоятельству можетъ быть университетъ лишится искуснаго краковскаго профессора астрономіи Литтрова. Уже давно относился я къ его с—ству о доставленіи ему паспорта, но по сіе время не имѣю отвѣта». Обрадованный тогда же извѣстіемъ, что Литтровъ уже въ предѣлахъ Россіи и ѣдетъ чрезъ Москву въ Казань, Румовскій въ тотъ же день распорядился чрезъ директора о помѣщеніи Литтрова въ новомъ гимназическомъ строеніи, пока не получитъ онъ квартирныя деньги.

Въ Москвѣ Литтровъ жилъ нѣсколько дней; вѣроятно онъ сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ между нѣмецкими профессорами университета. Мы не имѣемъ, однако, никакихъ свѣдѣній о пребываніи его въ этомъ городѣ, кромѣ свѣдѣнія о знакомствѣ съ графомъ Разумовскимъ, пригласившимъ его обѣдать. Въ письмѣ Яковкина къ попечителю (29-го марта 1810 года) говорится, что Литтровъ просилъ директора донести попечителю о приглашеніи его графомъ А. К. Разумовскимъ (попечитель округа и вскорѣ министръ) отправиться при предполагавшемся тогда въ Бухарію посольствѣ для астрономическихъ наблюденій; «однако онъ и тогда, не давши никакого вѣрнаго обѣщанія, нынѣ совершенно отказывается отъ сей коммиссіи по причинѣ слабости своего здоровья, также опасности и трудности таковаго путешествія». Это было конечно очень пріятно попечителю.

Литтровъ пріѣхалъ въ Казань 13-го марта и, благодаря солдату, данному ему въ провожатые кіевскимъ губернаторомъ, сдѣлалъ этотъ путь гораздо удобнѣе, чѣмъ отъ границы до Кіева. Но онъ не былъ еще опредѣленъ (оффиціальное назначеніе его должно было послѣдовать по пріѣздѣ въ Россію), а потому въ Казань онъ явился лицомъ неизвѣстнымъ. Такъ и писалъ о немъ Яковкинъ къ попечителю: «Сегодня по утру (14-го марта) явился ко мнѣ незнакомый иностранецъ Литтровъ, сказавшій о себѣ и удостовѣрившій подорожною, что онъ назначенъ профессоромъ астрономіи въ Казанскій университетъ. В. п. давно уже удостоили мнѣ дать знать о приглашеніи профессора астрономіи изъ Кракова, но послѣдствія сего приглашенія мнѣ неизвѣстны. По убѣдительной просьбѣ г. Литтрова рѣшился я приказать помѣстить его въ Великопольскомъ домѣ на мѣсто г. Неймана, съѣхавшаго давно на квартиру свою, а между тѣмъ буду имѣть честь ожидать дальнѣйшихъ начальственныхъ предписаній». Неимѣніе послѣднихъ и было причиною новыхъ жалобъ Литтрова, что онъ живетъ въ чужомъ городѣ почти безъ средствъ, не

получая пока ни жалованья, ни квартирныхъ. Только 31-го марта послѣдовало утвержденіе Литтрова ординарнымъ профессоромъ, со дня пріѣзда его въ Кіевъ, т.-е. со 2-го февраля 1810 года.

Съ 16-го мая, съ перваго появленія Литтрова въ совѣтъ, начинается его профессорская дѣятельность въ Казани; въ предшествовавшее засѣданіе совѣта, куда его пригласилъ Яковкинъ, онъ не попалъ по ошибкѣ: «повѣщено ему было явиться въ совѣтъ въ одиннадцать часовъ, пишетъ директоръ, но онъ, мало зная по-русски, вмѣсто одиннадцати часовъ, понялъ одинъ, въ которое время и дѣйствительно пришелъ ко мнѣ». Но еще прежде совѣтской дѣятельности Литтровъ просилъ Яковкина «дать ему нѣсколько слушателей для предварительнаго приготовленія ихъ и пріобученія къ дѣланію наблюденій». Для этого были избраны три студента, преимущественно занимавшіеся математическими науками: Лобачевскій старшій, Линдегренъ и Симоновъ. Изъ нихъ послѣдній и занялъ впослѣдствіи времени каѳедру своего учителя. О содержаніи своихъ лекцій Литтровъ объявилъ, что онъ, «не имѣя никакой сообразной своей цѣли астрономической книги, будетъ проходить съ слушателями своими *астрономію теоретическую и практическую* по Шуберту и Лаланду, также и по своимъ тетрадямъ. Нужны были конечно инструменты для наблюденій, но они пріобрѣтены были не вдругъ. Литтровъ тотчасъ же сталъ хлопотать о покупкѣ нѣкоторыхъ, болѣе необходимыхъ, изъ за-границы, но Яковкинъ посовѣтовалъ ему обратиться съ просьбою о томъ прямо отъ себя къ попечителю. На первый разъ выданы были ему для употребленія: квадрантъ, компасъ, Грегоріанская и большая Доллондова трубы,—инструменты, присланные Румовскимъ въ прежніе годы. Пріобрѣтеніе другихъ пособій нельзя было сдѣлать скоро. «Писалъ ко мнѣ Литтровъ о нужныхъ для него инструментахъ, сообщаетъ Румовскій директору (9-го мая 1810 года), но по причинѣ предписанія министра финансовъ не можно ихъ скоро пріобрѣсть, какъ польза требуетъ и желается Литтрову. Желалъ бы я изъ письма его до инструментовъ касающееся (письмо это къ сожалѣнію не попало въ наши руки) представить министру просвѣщенія, но сообщеніе между Васильевскимъ островомъ и Адмиралтейскою стороною прервано и думаю не скоро будетъ возстановлено». Только въ сентябрѣ могъ увѣдомить Румовскій совѣтъ и Литтрова на просьбу его о необходимости пріобрѣтенія двухъ астрономическихъ часовъ Зейферта, круга Борды, сдѣланнаго Рейхенбахомъ и двухфутоваго квадранта изъ Академіи Наукъ (предполагалось, что послѣдній подаритъ Академія), что по представленію графа Разумовскаго, Государь Императоръ разрѣшилъ употребить на покупку астрономическихъ инструментовъ и на перевозку ихъ въ Казань 4.300 руб. асс.

изъ экономическихъ суммъ. Румовскій разсчитывалъ, что денегъ этихъ будетъ на первый разъ вполнѣ достаточно и что останется еще нѣкоторая сумма на книги. Съ своей стороны онъ сообщалъ Литтрову, что въ берлинскомъ альманахѣ на 1811 годъ онъ прочиталъ о продажѣ инструментовъ, оставшихся послѣ графа Гана въ Ремплинѣ, и что въ числѣ ихъ находится золотой хронометръ Арнольда цѣною въ 620 экю. Онъ совѣтовалъ Литтрову снестись съ Ортманомъ, секретаремъ въ Ремплинѣ, объ этомъ хронометрѣ письменно и купить его, если онъ еще не проданъ. При этомъ онъ дѣлалъ вычисленія о стоимости каждаго инструмента и предполагалъ возможность покупки за дарованную сумму всѣхъ перечисленныхъ выше инструментовъ. Предложеніе попечителя объ отчисленіи изъ хозяйственныхъ суммъ 4.300 руб. было заслушано въ совѣтѣ 26-го октября. Другимъ предложеніемъ попечителя, отъ 23-го ноября. о покупкѣ инструментовъ, онъ уполномочивалъ Литтрова выписать изъ Дрездена отъ Зейферта двое астрономическихъ часовъ, а Бордовъ кругъ отъ Рейхенбаха изъ Мюнхена, условившись съ нимъ въ цѣнѣ и о томъ, до какого русскаго города можно доставить означенные инструменты и что будетъ стоить ихъ пересылка.

Въ началѣ марта слѣдующаго года былъ полученъ отъ Румовскаго двухфутовый квадрантъ, уступленный Академіей Наукъ. «по ветхости своей неспособный къ употребленію» (слова Симонова), стоимостью въ 2.000 руб., но не даромъ, какъ думали, а слѣдовало заплатить за него изъ отпущенныхъ денегъ. Это тотъ самый квадрантъ, который долго служилъ Румовскому при его наблюденіяхъ («qui mihi eo carior est, пишетъ Литтровъ cum tam diu laborum meritorumque tuorum testis in diversis regionibus assistebat»). Что же касается до астрономическихъ инструментовъ, выписанныхъ изъ Дрездена и Мюнхена, то прошелъ цѣлый годъ, а были только получены нѣкоторыя книги по астрономіи на сумму 115 альбертинскихъ талеровъ. объ инструментахъ же не было никакихъ свѣдѣній. Попечитель потребовалъ отъ совѣта, чтобы ему представлена была переписка Литтрова съ Дрезденомъ и Мюнхеномъ объ инструментахъ «для того. говоритъ онъ, чтобы можно было судить, сколько по уплатѣ за часы. Бордовъ кругъ и книги должно прибавить къ 4.300 руб. на покупку хронометра, потому что по волѣ г. министра пріобрѣтеніе помянутыхъ инструментовъ должно предшествовать пріобрѣтенію хронометра». Вскорѣ послѣ этого Литтровъ заявилъ совѣту о своей дѣятельности по выпискѣ инструментовъ. Оказалось, что ни Зейфертъ въ Дрезденѣ, ни Рейхенбахъ въ Мюнхенѣ не отвѣчали ему въ теченіе всего года ни на одно письмо его, такъ что онъ принужденъ

былъ обращаться къ Боде, королевскому астроному въ Берлинѣ, и просить о его содѣйствіи. Только въ отвѣтъ на письмо Литтрова отъ 10-го октября 1810 года къ Ортману о хронометрѣ, онъ получилъ 11-го апрѣля 1811 года увѣдомленіе, что совѣтникъ Ганзенъ готовъ выписать его изъ Парижа за 620 рейхсталеровъ или 140 луидоровъ, съ тѣмъ чтобы указанъ былъ какой-либо торговый домъ въ Ростокѣ или Берлинѣ для принятія хронометра и уплаты за него. По разсчету оказалось, что ассигнованныхъ денегъ едва будетъ доставать на уплату за выписанные инструменты, хотя неизвѣстно будутъ ли они когда-либо доставлены, на провозъ же ихъ изъ за-границы до Казани («курсъ же нынѣ еще сталъ для насъ невыгоднѣе») — денегъ вовсе не было. Между тѣмъ приближался грозный 1812 годъ, который надолго прервалъ наши сношенія съ Европой. Въ томъ же году умеръ и Румовскій, которому, болѣе чѣмъ какому-нибудь другому попечителю, было близко къ сердцу дѣло астрономіи. Пришлось въ Казани и для этой науки, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, прибѣгать лишь къ *домашнимъ* и самымъ простымъ средствамъ.

Тѣми же домашними средствами должны были ограничиться и при выборѣ мѣста для астрономическихъ наблюденій, первой обсерваторіи въ Казани. «Литтровъ пишетъ ко мнѣ, сообщаетъ попечитель директору въ Казань (29-го сентября 1810 года), что г. Сторль соглашается уступить ему квартиру свою, съ тѣмъ, чтобы Сторль получалъ квартирныя деньги Литтрову назначенныя. Мнѣ кажется, что въ сей размѣнѣ никакого не можетъ быть затрудненія и я согласенъ, чтобы сіе требованіе было исполнено, потому наипаче, что Литтровъ пишетъ, что квартира Сторлемъ занимаемая удобна съ нѣкоторою маловажною перестройкою *къ учрежденію небольшой обсерваторіи*, ежели одинъ верхній покой, однимъ изъ магистровъ занимаемый, отданъ ему будетъ для помѣщенія инструментовъ. Я прошу удовлетворить его требованіе, а вверху живущаго магистра помѣстить въ покояхъ, кои занималъ г. Грипъ. На нужную для обсерваторіи перестройку употребите изъ суммы на заведеніе университета отпускаемой. Увѣдомите о семъ Литтрова». Къ этой перемѣнѣ квартиры со Сторлемъ Литтровъ вынужденъ былъ тѣмъ, что на ходатайство свое у Румовскаго о необходимости прежде всего устроить обсерваторію, онъ получилъ въ отвѣтъ, что устройство ея въ одномъ изъ казенныхъ зданій, какъ предполагалъ Литтровъ, потребуетъ новыхъ и большихъ расходовъ, и попечитель не можетъ ходатайствовать объ отпускѣ на нихъ суммъ, пока не будетъ формально открытъ университетъ. «И какую пользу въ состояніи принести обсерваторія безъ инструментовъ—заключаетъ свое увѣдомленіе Румовскій. Прежде

всего надобно думать объ инструментахъ, а потомъ уже объ обсерваторіи». Конечно Яковкинъ не преминулъ свести Литтрова въ тотъ куполъ надъ гимназическимъ зданіемъ, весьма удобный по его мнѣнію для обсерваторіи и очень его восхищавшій, о которомъ мы уже говорили. Эти «нижнюю и верхнюю обсерваторіи», какъ онъ называетъ ихъ, Литтровъ, къ особенному удовольствію Яковкина, нашелъ довольно достаточными на первый случай, но почему-то однако не остановилъ на нихъ своего выбора. Предположеніе объ устройствѣ первоначальной обсерваторіи въ мезонинѣ квартиры, занимаемой Сторлемъ, также не могло быть осуществлено, потому что Сторль «по измѣнившимся обстоятельствамъ» положительно отказался дать на то свое согласіе. Явилось тогда со стороны Литтрова другое предположеніе, одобренное попечителемъ—помѣняться квартирами съ Брауномъ, о чемъ была возбуждена переписка, но Литтрова предупредилъ Городчаниновъ; затѣмъ обратили вниманіе на казенную квартиру Реннера съ тою же цѣлью устроить въ ней обсерваторію, что наконецъ и приведено было въ исполненіе. «Только верхнія комнаты годятся для нѣкоторыхъ наблюденій, писалъ Литтровъ. Съ безопасностью я буду хранить тамъ свои инструменты, спокойно я буду дѣлать тамъ свои исчисленія вмѣстѣ съ Симоновымъ, который всею душою преданъ астрономіи; у меня поставится тамъ по особому способу труба, такъ что я довольно долго буду въ состояніи обходиться безъ пассажнаго инструмента, который всегда стоитъ очень дорого. Что касается другихъ наблюденій, то ихъ нельзя будетъ дѣлать по незначительной высотѣ комнатъ, по крайне малому размѣру въ нихъ оконъ и по выдающейся крышѣ надъ домомъ. Зимою въ этихъ комнатахъ можно будетъ видѣть развѣ только на полчаса въ день, и едва ли будетъ возможно хоть разъ взять соотвѣтствующія высоты солнца. Слѣдовало бы, снявъ всю крышу съ дома, выстроить наверху отдѣльный домикъ, но это стало бы не дешево».

Съ такими затрудненіями соединено было отысканіе помѣщенія для наблюденій, необходимыхъ при изученіи астрономіи. «Я долго мучился, обходя въ продолженіе нѣсколькихъ дней всѣ мѣста, принадлежащія къ университету и близкія къ моей квартирѣ, чтобъ исполнить ваше желаніе о необходимой близости обсерваторіи къ моему помѣщенію—пишетъ къ попечителю Литтровъ. Къ счастію я нашелъ такое помѣщеніе, которое вы вполнѣ можете одобрить. Въ углу ботаническаго сада (это было въ саду тенишевскомъ, слѣд. тамъ, гдѣ теперь зданіе анатомическаго театра) есть небольшая каменная постройка, исключительно назначенная для храненія садовыхъ инструментовъ, длиною она 36, шириною 23, а толщиною

стѣнъ $2^1/_2$ англ. ф. Домикъ хорошо сохранился и довольно крѣпокъ, чтобы поставить на него небольшой шестиугольникъ съ шестью довольно высокими окнами, хотя бы и деревянный, устройство котораго не можетъ превысить суммы въ 500 р. Нисколько не стѣсняя ботаническій садъ, онъ напротивъ того послужитъ къ его украшенію. У насъ будетъ здѣсь свободный горизонтъ, превосходное мѣстоположеніе, достаточная твердость почвы и совершенная тишина; однимъ словомъ у насъ будетъ небольшая обсерваторія, весьма чистая и удобная для всякаго рода наблюденій. Что касается разстоянія отъ моего помѣщенія, которое впрочемъ не превышаетъ двухъ сотъ шаговъ, то оно вовсе не будетъ мнѣ замѣтно. Въ двухъ нижнихъ, и теперь существующихъ, но остающихся безъ употребленія комнатахъ есть печка, а солдатъ, сторожъ ботаническаго сада, можетъ жить въ одной изъ этихъ комнатъ, охраняя также и обсерваторію, а я поставлю въ другой столъ и маленькую кровать и стану оставаться тамъ всякую ночь, когда только ясное небо позволитъ намъ дѣлать наблюденія».

Попечитель конечно былъ очень доволенъ, что за такую ничтожную сумму, какая указана была Литтровымъ, можно будетъ на первый разъ устроить довольно удовлетворительную обсерваторію. Онъ поручилъ конторѣ составить смѣту на перестройку караулки, и Литтрову, вмѣстѣ съ Симоновымъ, пришлось имѣть дѣло съ архитекторомъ университета Васильевымъ. Изъ этого вышла цѣлая строительная, хотя и весьма обыкновенная у насъ исторія. Въ январѣ 1812 года, когда эта каменная караулка, гдѣ хранились садовыя орудія, сѣмена и коренья, была еще занесена снѣгомъ, архитекторъ, если вѣрить его объясненію, поданному Яковкину, вслѣдствіе жалобы Литтрова на дороговизну смѣты и произвольное ея увеличеніе, сказалъ Литтрову, что если зданіе прочно, то постройка будетъ стоить не дороже *трехъ тысячъ*. При осмотрѣ же и при снятіи плана оказалось, что домикъ не крѣпокъ, что онъ не выдержитъ надстройки. Явилась необходимость проекта новаго, особаго зданія обсерваторіи. Смѣта увеличилась до *шести тысячъ*. Литтровъ естественно пожелалъ тогда, чтобы крыша у обсерваторіи была подвижная, а это составило прибавку болѣе чѣмъ на тысячу рублей, такъ что окончательная смѣта Васильева, испугавшая Литтрова и разрушившая его мечты о скорой постройкѣ обсерваторіи, возросла съ подвижною крышею до 7173 руб., а безъ нея до 6273 р. Архитекторъ, какъ видно изъ его объясненія, обидѣлся и высказывалъ прискорбіе, что Литтровъ надбавки къ первоначальной смѣтѣ желаетъ представить «въ смѣшномъ увеличивающемся ряду», ссылался на справочныя цѣны и въ оправданіе себя, въ

доказательство экономіи, просилъ Яковкина представить его планъ и смѣту попечителю, «чтобы благоволилъ показать петербургскимъ архитекторамъ», которые, какъ онъ надѣется, оправдаютъ его. Такое представленіе конторы, которая по прежнему вела всѣ хозяйственныя дѣла университета, и пошло къ попечителю въ мартѣ 1812 года, но не получило никакого дальнѣйшаго хода. Началась война и о какихъ-либо лишнихъ и непредвидѣнныхъ расходахъ для науки нечего было и думать, а въ іюлѣ послѣдовала и смерть Румовскаго. Литтровъ очень хорошо понялъ, что архитекторъ Васильевъ принадлежитъ всецѣло къ строительной школѣ Яковкина и даже ничего болѣе не писалъ уже къ попечителю объ устройствѣ столь необходимой ему обсерваторіи. Въ другомъ мѣстѣ мы привели отрывки тѣхъ писемъ Литтрова къ попечителю, которые доказывали вполнѣ все печальное состояніе Казанской гимназіи какъ приготовительной школы для университета и положительное отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній у студентовъ, поступавшихъ изъ этой гимназіи. Эти сообщенія возбудили глубокую ненависть и личную вражду къ Литтрову со стороны директора. Роль, которую игралъ Литтровъ въ выборахъ ректора и декановъ въ концѣ 1810 года, гдѣ онъ случайно явился соперникомъ Яковкину (о чемъ намъ придется еще говорить), еще болѣе увеличила ненависть его. Есть основаніе думать, что дѣло о перестройкѣ караулки въ обсерваторію было нарочно испорчено Яковкинымъ. Изъ его писемъ къ попечителю раскрывается его вражда, хотя онъ исключительно говоритъ о Литтровѣ, какъ о членѣ совѣта.

Только въ 1814 году, при новомъ попечителѣ Салтыковѣ и по открытіи университета, когда Яковкинъ потерялъ уже значеніе, Литтрову удалось осуществить свое желаніе и устроить обсерваторію, именно въ томъ видѣ, какъ онъ сначала предполагалъ. Въ іюлѣ этого года правленіе университета получило предписаніе попечителя объ устройствѣ обсерваторіи изъ каменной бесѣдки ботаническаго сада съ деревянною надстройкою, цѣною по примѣрной смѣтѣ въ 1300 р. Эти деньги должны были составиться изъ двухъ третей суммы, отпускаемой на обсерваторію (въ годъ отпускалось 500 руб., но такъ какъ ея не существовало, то Литтровъ, въ теченіе трехлѣтней службы своей, не тратилъ ничего), и изъ 1000 руб. взятыхъ заимообразно изъ суммы, отпускаемой на визитаторовъ (эти тысяча рублей въ сентябрѣ того же года, особымъ предписаніемъ попечителя, съ разрѣшенія министра, зачтены были безъ возврата, т.-е. не вычитая ихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ изъ суммы, ежегодно на обсерваторію отпускаемой, какъ это

предполагалось сначала). Попечитель разрѣшалъ также употребить на обсерваторію строевой лѣсъ, тесъ и другіе матеріалы, оставшіеся отъ постройки типографскаго дома. Для ускоренія дѣла вся постройка поручена была Литтрову, профессору Арнгольду и адъюнкту Симонову [1]), а правленіе только приглашалось способствовать съ своей стороны зависящими мѣрами. Согласно смѣтѣ состоялись *торги* на постройку въ правленіи, но цѣны были найдены очень высокими. Вскорѣ между членами, назначенными попечителемъ, возникли почему-то несогласія; все дѣло поручено было сначала правленію, а потомъ одному Литтрову, которому и выданы были деньги. Въ половинѣ ноября вся постройка была окончена, и Литтровъ представилъ въ правленіе университета подробный латинскій отчетъ объ издержкахъ, указывая въ немъ отдѣльную стоимость каждой части постройки и мелочей отдѣлки. Передержалъ онъ только 41 руб. 9 коп., которые и выданы были ему изъ суммы на обсерваторію ассигнованной и записаны въ первый разъ на приходъ въ шнуровую книгу (liber funiculis publicis instructus). Свой отчетъ весьма довольный астрономъ заключаетъ искреннею благодарностью: «Superest ut gratias habeam quam maximas excellentissimo domino curatori nostro, honorandissimoque universitatis Regimini, quod precibus meis indulgentes *parvi observatorii diu multumque desiderati* ...rono in litteras earumque cultores animo concedebant». Съ своей ...тороны попечитель изъявлялъ, въ особомъ предписаніи въ совѣтъ ... чрезъ правленіе, благодарность Литтрову и «усматривая великую ...ользу и честь университету отъ учрежденія обсерваторіи», отда...алъ полную справедливость его усердію.

Обсерваторія эта, перестроенная изъ старой еще тенишевской ...есѣдки, а всего вѣроятнѣе бани, по справедливому выраженію са...ого Литтрова, была *маленькою*, но она могла удовлетворять пер...ой настоятельной потребности науки; въ ней можно было учиться ...лать наблюденія; стоила же она сравнительно ничтожную сумму. ...равнивая смѣту, составленную Яковкинскимъ Браманте, со смѣтою ...иттрова, мы находимъ, напр., что по первой кирпичу требовалось ...14 т. п., извести 10 куб. саж., желѣза 150 п. и такъ далѣе въ по...обныхъ же размѣрахъ; по второй кирпичу—6 т., извести $^2/_3$ куб. с., ...елѣза 28 пуд. и пр. Но обсерваторія нуждалась въ инструментахъ.

---

[1]) Симоновъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ Яковкина, ссылаясь на то, ... онъ не участвовалъ въ торгахъ и условіяхъ съ рабочими людьми, что ...оеніе уже началось, что онъ считаетъ себя совсѣмъ лишнимъ въ произ...дствѣ его, рапортомъ просилъ правленіе уволить его отъ участія и от...тственности въ самомъ дѣлѣ, но правленіе отказало въ просьбѣ.

Прежде чѣмъ она была достроена, Литтровъ просилъ правленіе ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ отпускѣ 150 червонцевъ на покупку самыхъ необходимыхъ ему инструментовъ. Обсерваторія не имѣла хорошихъ астрономическихъ часовъ, Гадлеева секстанта, который бы имѣлъ отъ 8 до 10 дюймовъ въ полупоперечникѣ и ночной трубы или кометоискателя (Kometen-Sucher). Безъ нихъ, доказывалъ Литтровъ, нѣтъ возможности обойтись; безъ нихъ останутся безъ употребленія другіе, уже находящіеся превосходные инструменты нашей обсерваторіи. Кажется однако, что Литтровъ не дождался ихъ всѣхъ. Только въ началѣ 1815 года чрезъ петербургскаго академика Шуберта были получены астрономическіе часы цѣною въ 1000 рублей, затѣмъ въ маѣ англійскій Гадлеевъ секстантъ съ искусственнымъ горизонтомъ и зрительная труба за 602 руб. 34 коп. Одновременно должны были получиться и книги, выписанныя Литтровымъ изъ за-границы чрезъ академическаго коммиссіонера Мейера, но оказалось, что получить ихъ гораздо труднѣе [1]). Долго ли просуществовала эта обсерваторія и насколько она была полезна для заступившаго мѣсто Литтрова адъюнкта его Симонова—намъ пока неизвѣстно. Черезъ годъ понадобилось исправлять подвижную крышу, дѣлать двойныя двери въ обсерваторіи; на это, сверхъ положенной по штату суммы, отпущено было съ разрѣшенія министра еще 500 рублей. Симоновъ, вскорѣ послѣ отъѣзда своего учителя, отправился въ кругосвѣтное и къ южному полюсу плаваніе, а по возвращеніи изъ него въ 1821 году сталъ уже хлопотать о постройкѣ большой обсерваторіи на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь находится. Но только къ началу 1838 года, черезъ 22 года послѣ отъѣзда Литтрова, было готово настоящее зданіе обсерваторіи. Всякій слѣдъ маленькой обсервато-

---

[1]) Книги отправлены были изъ Ростока отъ книгопродавца Стиллера моремъ на кораблѣ и задержаны петербургскою таможнею. При морскихъ грузахъ требуется коносаментъ (фактура), а его не было. Въ простомъ свидѣтельствѣ не было обозначено сколько книгъ, какой форматъ ихъ и въ какомъ онѣ переплетѣ; за необозначеніе всего этого взыскивалась двойная пошлина. Вотъ что писалъ Мейеръ Литтрову (за неимѣніемъ подлинника, приводимъ отрывокъ изъ его письма въ переводѣ оффиціальнаго переводчика правленія университета, учителя Стефани): „Вамъ для сего (т.-е. полученія книгъ) не остается ничего иное, какъ немедленно объявлять г. министру народнаго просвѣщенія, что вы выписали сіи книги для университетской библіотеки. Нашъ министръ сообщаетъ для того съ министромъ финансовъ, сей съ министромъ таможенныхъ дѣлъ, и такъ отъ министра до министра, вѣроятно, что тюкъ напослѣдокъ дойдетъ въ руки бѣднаго коммисара въ академической лавкѣ, который симъ у васъ и проситъ объявить, какимъ образомъ ему доставить сіе добро въ Казань“.

ріи Литтрова исчезъ. Мы не можемъ точно указать мѣста, гдѣ она была [1]).

Изъ разсказаннаго видно, какъ скудно было обставлено первоначальное преподаваніе астрономіи въ Казанскомъ университетѣ, несмотря на то, что представителемъ ея былъ вполнѣ достойный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, и при тѣхъ жалкихъ средствахъ, которыя имѣлись, оказался успѣхъ. Въ декабрѣ 1810 года уже экзаменовался на степень магистра Симоновъ, обязанный впрочемъ своимъ математическимъ образованіемъ Бартельсу; лекціи Литтрова привлекли его къ астрономіи. Литтровъ постоянно хвалилъ его, какъ въ письмахъ къ попечителю, такъ и совѣту, но Симоновъ былъ одинъ; другой слушатель Бартельса и Литтрова—Лобачевскій выбралъ для занятій своихъ исключительно чистую математику. Оба они были помощниками Литтрова въ наблюденіи надъ кометою 1811 года, увидѣнною въ Казани 28-го августа. Литтровъ руководилъ ихъ. Съ 30-го августа наблюденія дѣлались изъ оконъ канцеляріи совѣта «сколько имѣющіеся нынѣ инструменты и погода дозволяли». Литтровъ свидѣтельствуетъ, что Симоновъ и при этихъ наблюденіяхъ велъ себя «ut juvenis multae assiduitatis et praeclarae indolis». «Но погода сильно не благопріятствовала, а точности наблюденій надъ кометою мѣшалъ недостатокъ астрономическихъ часовъ. Старый хронометръ Арнольда, предложенный къ покупкѣ казанскимъ помѣщикомъ, капитаномъ 2 ранга Костливцевымъ, Литтровъ не былъ въ состояніи вывѣрить по солнцу, постоянно закрытому облаками; при томъ онъ находилъ, что хронометръ этотъ не стоитъ просимой цѣны. При наблюденіи употреблялись часы, висящіе въ залѣ совѣта, но при повѣркахъ, по высотѣ солнца и по разнымъ вычисленіямъ, они оказались не совсѣмъ вѣрными; найденныя погрѣшности и ошибки доходили до $40''$ во времени или до $10'$ въ дугѣ. Фуксъ принесъ было на помощь свой хронометръ Баррода, стоющій по его словамъ 60 гиней, но онъ оказался попорченнымъ и былъ ничѣмъ не лучше самыхъ обыкновенныхъ часовъ. Эти наблюденія надъ кометою 1811 года были первыми въ Казани, «primitiae», какъ называлъ ихъ Литтровъ; въ письмѣ къ попечителю онъ откровенно высказался, что они почти ничего не стоятъ, «ut pote nullius pretii» [2]). Но какъ только въ Казани были получены хорошіе инструменты въ обсерваторію,

---

[1]) По словамъ Симонова, она была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящаго зданія обсерваторіи, именно влѣво отъ нея. См. „Описаніе астрономической обсерваторіи Казанскаго университета". Ж. М. Н. П. 1838, ч. 3-я, стр. 3.

[2]) Наблюденія эти напечатаны въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ", 1811 г. № 21.

то начались болѣе успѣшныя и правильныя наблюденія. Такъ Симоновъ, съ помощью уже Kometen-Sucher'a, въ апрѣлѣ 1815 года замѣтилъ весьма слабо освѣщенную комету, открытую въ Берлинѣ Ольберсомъ, время обращенія которой доходитъ до 73 лѣтъ [1]). Энергія не покидала Литтрова. Въ то время, когда еще онъ только задумалъ устройство обсерваторіи, не смотря на незначительность ея размѣровъ, онъ увѣрялъ Румовскаго, что эта маленькая обсерваторія, были бы только пріобрѣтены инструменты, превзойдетъ многія старыя и бо́льшія.

Преподаваніе Литтрова въ теченіе шести лѣтъ посвящено было исключительно теоретической астрономіи; она читалась четыре часа въ недѣлю. Только въ первый годъ службы, желая заинтересовать слушателей, онъ вздумалъ было читать по-нѣмецки исторію древней и новой астрономіи, но потомъ уже не повторялъ этого предмета. Какъ руководства, онъ указывалъ постоянно только Лаланда и Шуберта и свои записки. Языки, на которыхъ онъ преподавалъ, были латинскій, нѣмецкій и французскій. Вѣроятно, какъ и другіе, онъ прибѣгалъ къ нимъ поперемѣнно, примѣняясь къ силѣ пониманія студентовъ. Когда была готова его маленькая обсерваторія, онъ сталъ преподавать практическую астрономію (занимался ею съ Симоновымъ и Лобачевскимъ, какъ мы уже упоминали прежде) и училъ употребленію астрономическихъ инструментовъ—только на французскомъ языкѣ. Русскому языку онъ не выучился на столько, чтобы читать на немъ лекціи и писать. Что же мы можемъ сказать объ успѣхахъ его преподаванія? Студентовъ, которые могли бы извлекать пользу изъ его лекцій, было весьма мало. За всѣхъ отвѣчали единственные двое: Симоновъ и Лобачевскій, и еслибъ не было перваго, его адъюнкта и потомъ замѣстителя, какъ нагляднаго доказательства успѣха его лекцій, мы могли бы съ полнымъ правомъ заключить, что вліяніе это сводится къ нулю. Прочіе, бо́льшею частью невольные слушатели астрономіи, въ качествѣ казенныхъ студентовъ, вовсе не понимали языка профессора, на какомъ бы онъ ни за-

---

[1]) Сообщая объ этой кометѣ („Каз. изв.", 1815 г. №№ 36 и 68). Литтровъ для любителей астрономіи передаетъ новое важное открытіе астронома Бесселя въ Кёнигсбергѣ о движеніи неподвижныхъ звѣздъ: „Чрезъ сіе открытіе доказывается, заключаетъ Литтровъ, что законъ движенія небесныхъ тѣлъ, найденный безсмертнымъ Невтономъ для тѣлъ нашей солнечной системы, *очень вѣроятно* есть общій законъ природы, которому не только наши планеты и кометы повинуются, но даже и тѣ созвѣздія, кои лежатъ въ чрезмѣрно великомъ отъ насъ разстояніи, куда самыя лучшія наши орудія не могутъ проникнуть".

говорилъ, да и въ математикѣ для астрономіи были такъ мало приготовлены, что по выраженію самого Литтрова, уже приведенному нами въ другомъ мѣстѣ, не могли отличить синуса отъ косинуса. Въ февралѣ 1813 года Литтровъ заявилъ въ совѣтѣ, что слушатели къ нему не ходятъ и было постановлено сдѣлать имъ замѣчаніе: Лобачевскій и Симоновъ были въ это время уже адъюнктами.

Литтрову оставалось только работать въ тиши кабинета для любимой своей науки, и надобно отдать полную справедливость его энергіи и характеру, что шесть лѣтъ его казанской жизни не прошли даромъ для его научнаго развитія. Пока былъ живъ Румовскій, Литтровъ часто переписывался съ нимъ по разнымъ астрономическимъ вопросамъ, обращался къ нему за совѣтами и указаніями. Такъ онъ просилъ разъ его совѣта, говоря, что никто кромѣ его не можетъ дать его, ибо опытъ сдѣланъ былъ Румовскимъ на Ледовитомъ морѣ. Вопросъ Литтрова заключался въ слѣдующемъ: «какъ при сильномъ морозѣ избѣгнуть запотѣнія стеколъ трубы?— Мои наблюденія очень страдаютъ отъ этой случайности; ни въ Вѣнѣ, ни въ Краковѣ со мной не случалось ничего подобнаго». «О если бы я могъ говорить съ в. п. только о небѣ и о моихъ наблюденіяхъ!—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ попечителю.—Если бы я могъ удалиться отъ земныхъ, часто весьма мелкихъ интересовъ людскихъ!» Но Литтрову много приходилось писать Румовскому о своихъ отношеніяхъ къ самовластному директору, объ оскорбленіяхъ, которыя онъ принужденъ былъ выносить отъ него. Яковкинъ и его дѣйствія были и потомъ самымъ непріятнымъ казанскимъ воспоминаніемъ Литтрова. Литтровъ велъ довольно обширную ученую переписку не только съ секретаремъ нашей Академіи Наукъ Н. Фусомъ, академикомъ Шубертомъ, но и съ заграничными астрономами, хотя письма изъ Европы ходили тогда въ Казань по два и по три мѣсяца. Его статьи астрономическаго содержанія помѣщались, и въ тѣ уже ранніе годы, и въ мемуарахъ нашей Академіи Наукъ и въ европейскихъ спеціальныхъ журналахъ. Въ 1813 году Литтровъ избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, а въ Казани членомъ училищнаго комитета. По всей вѣроятности онъ долженъ былъ принять участіе въ качествѣ астронома въ большой ученой экспедиціи 1811 года, о которой мы говорили, для опредѣленія высоты и широты многихъ главныхъ по пути городовъ, но это предпріятіе было оставлено безъ исполненія по недостатку денежныхъ средствъ, истощенныхъ войною.

Литтровъ пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ своихъ

сослуживцевъ, конечно, не тѣхъ, которые принадлежали къ партіи Яковкина. Нѣмецкіе ученые въ Казани естественно должны были жить тѣснымъ умственнымъ кружкомъ близкихъ людей. Ихъ соединяли въ одно цѣлое и чувство національной солидарности, и общая правильная и серьезная школа, и болѣе глубокое сознаніе своего нравственнаго достоинства и наконецъ, лучшее духовное и эстетическое развитіе. Русскіе профессора брели врозь, хотя самодовольно презирали нѣмцевъ и пошло смѣялись надъ ними. По большей части наука была для нихъ только средствомъ; выходили впередъ они не ею, а беззастѣнчивою ловкостью, умѣя очень хорошо обдѣлывать свои дѣлишки, прикрывая ничтожное содержаніе лицемѣрными и снаружи благонамѣренными фразами.

И въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи Литтровъ не могъ пожаловаться на свою казанскую жизнь: ея формы, условія, образы онъ сохранилъ надолго потомъ въ добродушныхъ очеркахъ своихъ, Bilder aus Russland. При немъ была любимая молодая жена; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Казань у него родился сынъ Карлъ, впослѣдствіи тоже астрономъ, занявшій его мѣсто директора вѣнской обсерваторіи; онъ росъ на его глазахъ. Друзья любили его. Литтровъ купилъ домъ въ Красной улицѣ, а когда онъ сгорѣлъ, то другой, на Вознесенской. «Пансіонъ, который завелъ Литтровъ, говоритъ его сынъ, куда самыя богатыя семейства стали отдавать своихъ сыновей, былъ такъ выгоденъ для Литтрова, что онъ ничего больше и не могъ желать въ экономическомъ отношеніи». Объ открытіи этого пансіона Литтровъ представилъ въ совѣтъ въ іюлѣ 1814 года вмѣстѣ съ планомъ, при чемъ хлопоталъ, чтобы пансіонъ этотъ не былъ въ вѣдѣніи директора училищъ, а подъ непосредственнымъ начальствомъ училищнаго комитета, которому подчиненъ и самъ директоръ. Совѣтъ и попечитель разрѣшили это.

Если что мучило Литтрова въ далекомъ восточномъ городѣ, такъ это зима съ ея морозами, которую онъ съ трудомъ переносилъ. Читая его воспоминанія о казанскихъ зимахъ, пережитыхъ имъ, о громадныхъ массахъ снѣга, заносившихъ города и деревни и лежавшихъ въ теченіе полугода, о замерзавшихъ людяхъ, о поврежденныхъ ушахъ и носахъ во время получасовой прогулки по улицѣ, когда ему часто приходилось слышать восклицанія встрѣчныхъ: «Батюшка, вашъ носъ!»—о распространеніи въ огромной массѣ народа болѣзни глазъ, причину которой онъ видѣлъ въ продолжительности зимнихъ морозовъ,—невольно приходитъ въ голову, что назадъ тому 80 лѣтъ наши зимы были жесточе и суровѣе. Въ душу иностранца, привыкшаго къ болѣе мягкому климату, закрадывалась

тоска объ оставленной родинѣ и воспоминаніе лучшаго. «Я долженъ смѣяться надъ самимъ собою, говоритъ Литтровъ, когда припомню, какъ однажды въ Казани, въ половинѣ октября, когда уже все кругомъ застыло отъ холода, вслѣдствіе легкаго нездоровья, принужденъ былъ лежать въ постели и для развлеченія развернулъ дѣтскую книгу Weisse's Kinderfreund. Я раскрылъ ее случайно на томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ описываетъ свою прогулку въ концѣ ноября, въ полдень, по зеленѣющему лугу на берегу Плейссы. Слезы горя и раскаянія выступили у меня на глазахъ при мысли о томъ, что я промѣнялъ мою дорогую, мою славную родину на эти негостепріимныя, и какъ мнѣ казалось тогда, страшныя мѣста. Я улыбаюсь, когда вспоминаю о тогдашнемъ моемъ малодушіи, но слезы, которыя я не могъ удержать, имѣли серьезный смыслъ: онѣ текли изъ глубины сердца, и я не ручаюсь, что со мной повторится то же самое, если судьба приведетъ меня снова въ подобное положеніе». Желаніе оставить Казань зрѣло въ душѣ Литтрова. Это желаніе тѣмъ болѣе должно было развиваться, что исчезли причины, заставившія какъ Литтрова, такъ и другихъ его соотечественниковъ покинуть родину: войны затихли и Вѣнскій трактатъ умиротворилъ Европу. Онъ ждалъ только случая.

Случай этотъ представился въ концѣ 1815 года. Литтровъ не прерывалъ своей связи съ европейскими астрономами; имя его, какъ весьма дѣятельнаго и талантливаго ученаго, уважалось. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ довольно извѣстнаго тогда астронома Пасквича, директора университетской обсерваторіи въ Пештѣ, которая только что была окончена постройкою и снабжена наилучшими инструментами, Литтровъ получилъ приглашеніе переселиться на службу въ этотъ городъ, т.-е. на родину, въ Австрію. Пасквичъ, знавшій его прежде, писалъ ему, что самъ онъ уже старъ, что здоровье его плохо, что онъ не въ состояніи ежедневно и особенно ночью работать. Онъ искалъ себѣ помощника, но такого, который впослѣдствіи занялъ бы его мѣсто. Переписка кончилась тѣмъ, что Литтровъ выговорилъ себѣ, какъ непремѣнное условіе для перехода изъ Казани, формальное обѣщаніе со стороны власти, что онъ потомъ займетъ мѣсто директора обсерваторіи и полученіе жалованья въ суммѣ 2.000 фл. ежегодно. Тогда Литтровъ рѣшился оставить Казань.

Онъ не прямо, однако, заявилъ совѣту университета о своемъ намѣреніи оставить русскую службу, но въ февралѣ 1816 года подалъ прошеніе о шестимѣсячномъ отпускѣ за границу, къ баденскимъ (близъ Вѣны) минеральнымъ водамъ и затѣмъ въ Лембергъ, Пештъ и Вѣну. Предлогомъ къ этому путешествію, во время кото-

раго онъ отказывался отъ полученія жалованья, онъ выставлялъ разстроенное казанскимъ климатомъ свое и женино здоровья, что было засвидѣтельствовано двумя товарищами его по службѣ, профессорами медицины: Эрдманомъ и Вердерамо. Вѣроятно, тогда переговоры съ Пештомъ не были еще совершенно окончены; но уже черезъ два мѣсяца, въ своемъ новомъ прошеніи въ совѣтъ, Литтровъ положительно говоритъ, что принялъ приглашеніе въ Пештскій университетъ, считая переходъ этотъ необходимымъ для своего здоровья, «разстроеннаго казанскимъ климатомъ», а потому и проситъ совѣтъ уволить его совершенно отъ службы. Въ прошеніи онъ указывалъ и на то, что будучи опредѣленъ профессоромъ теоретической астрономіи, онъ, сверхъ этой должности «исправлялъ въ теченіе шести лѣтъ труднѣйшую изъ всѣхъ въ университетѣ и положенную по уставу, но до сихъ поръ еще не занятую должность профессора-наблюдателя по собственной своей волѣ, безъ всякаго жалованья и, сколько знаю, къ удовольствію какъ здѣшняго университета, такъ и С.-Петербургской Академіи Наукъ, которой я сообщалъ труды свои». Въ заслугу себѣ Литтровъ ставилъ и то обстоятельство, что образовалъ въ адъюнктѣ Симоновѣ «русскаго астронома, отъ котораго многаго ожидать можно». Въ заключеніе Литтровъ выражалъ своимъ сослуживцамъ благодарность «за то лестное дружелюбіе, съ какимъ они приняли меня въ свое общество» и говорилъ, что съ огорченіемъ оставляетъ многихъ, которыхъ воспоминаніе ему будетъ незабвенно». Увольненіе Литтрова отъ службы распоряженіемъ министра послѣдовало 25-го мая 1816 года, преподаваніе же, какъ теоретической, такъ и практической астрономіи, поручено было Симонову, который лѣтомъ того же года былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Литтровъ оставилъ Казань въ послѣдній день мая мѣсяца. Всѣ профессора факультета физико-математическихъ наукъ, безъ сомнѣнія и другіе, болѣе близкіе сослуживцы, провожали его до Волги. Здѣсь, на ея берегу, въ Услонѣ, былъ устроенъ прощальный обѣдъ, долго помнившійся потомъ Литтрову. Пѣли прощальныя русскія пѣсни, которыя такъ полюбились астроному. Одна изъ нихъ, сочиненная кѣмъ-то изъ близкихъ ему людей, была даже напечатана и одинъ экземпляръ ея врученъ былъ Литтрову на память. Къ сожалѣнію мы не могли прочитать этихъ прощальныхъ стиховъ въ подлинникѣ, не знаемъ кто былъ авторомъ ихъ (современное періодическое изданіе города «Казанскія Извѣстія» не заикнулось объ отъѣздѣ и проводахъ Литтрова), но изъ прозаическаго перевода, сдѣланнаго имъ самимъ, проглядываетъ искреннее чувство. Отрывокъ другой прощальной пѣсни, которую въ Россіи, по словамъ

Литтрова, знаетъ наизусть каждый ребенокъ (вѣроятно, въ то время она была распространена въ формѣ романса), пѣсни, по его словамъ, торжественно-мелодической, которую обыкновенно поютъ отъѣзжающему въ кружкѣ провожающихъ друзей, Литтровъ записалъ латинскими буквами: «Хотя и въ путь далекій—Твой путь опредѣленъ.—Отъ нашихъ душъ на вѣки—Не будешь удаленъ. Ты насъ не забывай, любезный братъ,—Прощай, прощай, прощай!» Въ первое же по отъѣздѣ Литтрова изъ Казани засѣданіе университетскаго совѣта онъ былъ выбранъ въ почетные члены университета.

Намъ нѣтъ надобности разсказывать дальнѣйшую жизнь Литтрова, всю посвященную наукѣ, въ исторіи которой имя его занимаетъ, какъ извѣстно, высокое мѣсто. И для частной жизни, и для науки, Литтровъ только выигралъ возвращеніемъ на родину. Мы имѣли въ виду только пребываніе его въ Казани, начало астрономіи въ этомъ городѣ. Но эти шесть лѣтъ казанской жизни остались въ памяти Литтрова навсегда. Вспоминались ему и темныя и свѣтлыя стороны ея. По временамъ онъ приходилъ въ дрожь отъ представленія о сѣверо-восточныхъ морозахъ; стояли въ его памяти картины страшнаго бѣдствія, пережитаго Казанью въ 1815 году, котораго онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Эти періодически повторявшіеся пожары, когда пламя пожирало $^{9}/_{10}$ цѣлаго города, должны были навсегда остаться въ памяти людей, пережившихъ бѣдствіе. Черезъ 23 года картины казанскаго пожара ожили въ воспоминаніяхъ Литтрова и онъ помѣстилъ его описаніе въ сборникѣ, изданномъ въ Пештѣ въ пользу пострадавшихъ отъ жестокаго наводненія въ 1838 году.

Но и свѣтлыя стороны казанской жизни не забывались имъ. Онъ всегда съ радостью вспоминалъ о Россіи, говоритъ его сынъ, о своей частной жизни тамъ, жалѣлъ что *внѣшнія причины* заставили его разстаться съ ней. Общественныя отношенія Казани не могли представлять для него конечно особеннаго интереса. Съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ города Литтровъ не сближался. Безъ сомнѣнія въ распоряженіи этого общества были и богатство и болѣе культурныя внѣшнія формы жизни, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніи оно тогда, какъ и потомъ, было вполнѣ ничтожно; притомъ, для сближенія съ нимъ, нужно было поступаться многимъ. Вспоминаетъ правда Литтровъ о нѣкоемъ генералѣ (въ современныхъ спискахъ онъ назывался дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ) Сергѣевѣ, человѣкѣ, по его словамъ, очень образованномъ, превосходнаго характера, съ которымъ онъ очень часто видѣлся, но разсказываетъ о немъ только для того, чтобы указать

на специфическое названіе болѣзни, которою страдалъ его знакомый. Онъ приводитъ по-русски ея названіе: «бѣлая горячка», «deren Grund aufzufinden mir nicht gelang»—прибавляетъ онъ. Описывая ея симптомы и страданія больного, «во время которыхъ жена не допускала къ мужу никого изъ посторонних и только самымъ близкимъ людямъ дозволялось его посѣщеніе», Литтровъ никакъ не догадывается какою болѣзнью страдалъ его знакомый, называя ее только очень странною. Мы, воспитанные русскою жизнью, можемъ только улыбнуться наивности иностраннаго ученаго. Въ годы жизни Литтрова въ Казани, ея общество оживилось однако новыми элементами. Будучи удалена отъ мѣстъ, гдѣ происходили военныя событія 1812 года, Казань непосредственно не страдала отъ нихъ, но она все же была довольно близка къ событіямъ и въ ней нашли пріютъ много семействъ, и семействъ очень образованныхъ изъ Москвы, такъ что Казань въ общественной жизни выиграла отъ общаго бѣдствія.

Въ особенности на первыхъ порахъ пребыванія Литтрова въ Пештѣ, когда онъ ближе узналъ директора обсерваторіи Пасквича и отношенія его на новомъ служебномъ мѣстѣ сложились не такъ благопріятно, какъ онъ разсчитывалъ, Литтрову пришлось немало жалѣть о Казани и о своей жизни тамъ. Его сильно безпокоилъ вопросъ о будущей пенсіи; годы казанской службы были зачтены съ большимъ трудомъ, а безпрерывныя столкновенія съ самовластнымъ директоромъ обсерваторіи скоро убѣдили Литтрова, что оставаться въ Пештѣ долѣе ему не представляется болѣе возможности. Правда, онъ былъ въ восторгѣ, что снова наслаждается южной весной, но къ радости примѣшивалось глубокое сожалѣніе. «Встрѣтили ли вы уже весну? пишетъ онъ къ астроному Боненбергеру, своему пріятелю (7-го марта 1817 г.). Здѣсь она царствуетъ уже три недѣли во всемъ своемъ великолѣпіи. Какіе дни! какая разница съ Казанью и однако—зачѣмъ я не остался тамъ!» Черезъ полгода мы читаемъ подобныя же жалобы и сожалѣнія. «Молю Бога о возможности скорѣе прислать вамъ побольше наблюденій съ нашей обсерваторіи, пишетъ онъ тому же лицу. Но до сихъ поръ мало имѣю на то надежды. Я обѣщалъ себѣ такъ много, съ такими свѣтлыми надеждами ѣхалъ я сюда отъ дальнихъ предѣловъ Азіи и долженъ сознаться, что жалкія ссоры и мелкія страсти испортили все. Непріятности, окружавшія меня въ Казани, еще живы въ моей памяти, но ни на одну минуту я не переставалъ жалѣть о тѣхъ славныхъ людяхъ, которыхъ я оставилъ тамъ. Ни въ одномъ университетѣ я не встрѣчалъ такой настоящей коллегіальной дружбы. На третій день по пріѣздѣ я былъ тамъ вездѣ какъ дома и мы всѣ, казалось были членами одной

большой семьи. Были ли они въ самомъ дѣлѣ лучше другихъ, соединяли ли ихъ тѣснѣе суровый климатъ и незнакомство съ языкомъ страны, гдѣ они жили, или можетъ быть потому что всѣ они воспитались въ школѣ бѣдствій, такъ какъ почти всѣ были изгнаны изъ Германіи ненавистными французами,—но жить съ ними было отрадно и, какова бы ни была моя будущая судьба, я не перестану считать годы, проведенные съ ними, лучшими въ моей жизни».

Въ это тяжелое время раздумья и непріятностей, о которыхъ онъ сообщалъ конечно и въ Россію, Литтровъ получилъ приглашенія воротиться. Фуссъ звалъ его въ Москву, Салтыковъ обратно въ Казань, Шубертъ въ Харьковъ, но не смотря на непріятности, любовь къ родинѣ пересилила ихъ и Литтровъ остался. Еще три года онъ пробылъ въ Пештѣ, но въ половинѣ 1819 года сдѣлался директоромъ Вѣнской обсерваторіи, гдѣ и оставался до самой смерти въ 1840 году). Ея переустройство и слава соединены съ его именемъ. Здѣсь, въ Вѣнѣ, ему доставляло удовольствіе видѣть у себя русскаго странника; въ числѣ его посѣтителей былъ въ 1823 году и единственный казанскій ученикъ его Симоновъ, жившій нѣсколько дней въ его квартирѣ при обсерваторіи.

Россія оставила въ сердцѣ Литтрова вообще самыя сердечныя чувства. Мы уже упоминали о его «Bilder aus Russland», въ которыхъ выражаются эти чувства и по отношенію къ русской природѣ и по отношенію къ русскому народу, который онъ полюбилъ. Приведемъ въ заключеніе еще одинъ отрывокъ въ доказательство того, въ какихъ широкихъ образахъ представлялъ себѣ этотъ иностранецъ нашу родину: «Какъ удивились мои соотечественники, услышавъ, что я рѣшился ѣхать въ Казань. По ихъ мнѣнію это было почти на концѣ свѣта и они отказывались отъ всякой надежды снова увидать меня. По другую сторону границы, напротивъ того, смотрѣли на мою поѣздку съ величайшимъ равнодушіемъ, потому что многіе русскіе лично были знакомы и съ тѣми мѣстами, и еще болѣе отдаленными. Эта поразительная разница въ возрѣніяхъ двухъ сосѣднихъ народовъ проявляется также и во многихъ другихъ чертахъ. У насъ все мелко, какъ того требуютъ наши ограниченные обычаи, тамъ все въ широкихъ, почти исполинскихъ размѣрахъ. Узкія границы нашей родины сузили наши чувства и наши воззрѣнія, тогда какъ тамъ, сообразно громаднымъ пространствамъ, гдѣ люди двигаются свободнѣе, они и развиваются гораздо шире... Когда иностранецъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Россіи, снова возвращается въ свою родную клѣтку, съ большимъ трудомъ приходится ему отвыкать въ ней отъ широкихъ идей и представленій о вещахъ и находить нѣкоторый вкусъ въ той мелкой ку-

*

кольной комедіи, которая окружаетъ его». Согласимся, что слова эти односторонни, но они даютъ понятіе объ искреннихъ чувствахъ Литтрова.

Въ Казани Литтровъ оставилъ много близкихъ друзей въ средѣ иностранныхъ профессоровъ. Казанскій корреспондентъ лейпцигской литературной газеты говоритъ о немъ, что университетъ потерялъ въ Литтровѣ чрезвычайно талантливаго и дѣятельнаго въ научномъ отношеніи члена, работавшаго въ послѣдніе годы преимущественно въ комментаріяхъ русской Академіи Наукъ, всѣ же нѣмецкіе друзья Литтрова потеряли въ немъ одного изъ самыхъ занимательныхъ людей и блестящихъ собесѣдниковъ: его живое и неистощимое остроуміе скрашивало ихъ бесѣды [1]). Но и въ тѣхъ немногихъ русскихъ слушателяхъ, которые въ состояніи были воспользоваться его преподаваніемъ, Литтровъ конечно оставилъ добрую память. Пишущій эти строки не разъ слышалъ отъ профессора Симонова полныя любви и уваженія воспоминанія о его учителѣ. Въ своихъ печатныхъ статьяхъ онъ всегда называлъ Литтрова «любезнѣйшимъ наставникомъ». Симоновъ часто передавалъ случай какъ бы нагляднаго доказательства духовнаго общенія своего съ Литтровымъ. Онъ разсказывалъ, что въ день, а можетъ быть и часъ смерти Литтрова, какъ онъ узналъ потомъ, портретъ Литтрова, всегда висѣвшій надъ рабочимъ столомъ Симонова, упалъ безъ всякой причины съ гвоздя и стекло, покрывавшее гравюру, разбилось. Симоновъ вѣрилъ, что это произошло не случайно, но слушая его разсказы, мы не думали, что придется когда-либо говорить о Литтровѣ, и не записывали ихъ тогда.

---

[1]) Leipzig. Litter. Zeitung, 1817. № 203, S. 1617—1618.

Глава XII.

Иностранцы-профессоры, приглашенные Румовскимъ: 12) Іоганнъ Фридрихъ Эрдманъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники (1810—1817); заботы его объ устройствѣ клиники; расширеніе гимназической больницы; поѣздки его въ границахъ казанскаго учебнаго округа; результаты ихъ; Сергіевскія сѣрныя воды; романъ профессора Фукса; Болгарскія развалины; описаніе губерніи и города Казани; рѣчь на актѣ; описаніе другихъ губерній; переходъ на службу въ Дерптъ; 13) Францъ Ксаверій Броннеръ, профессоръ теоретической и опытной физики (1810—1817); пересказъ его автобіографіи; переѣздъ въ Казань; перевозка его имущества изъ Швейцаріи; лекціи и устройство физическаго кабинета; организація преподаванія въ гимназіи и университетѣ; Броннеръ—директоръ педагогическаго института и инспекторъ студентовъ; отпускъ за-границу и отставка.

Изъ всѣхъ каѳедръ, принадлежащихъ къ медицинскому факультету, до 1810 года въ Казанскомъ университетѣ была замѣщена только одна, именно: анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки. Ее занималъ профессоръ Браунъ съ 1807 года, о которомъ было уже говорено. Несмотря на свои довольно обширныя связи и сношенія, переписку и старанія, Румовскій не находилъ медиковъ профессоровъ. Въ Россіи ихъ было недостаточно и для государственной врачебной службы. Съ одной стороны русскіе врачи въ тѣ годы были слишкомъ мало приготовлены, чтобы занять съ честью университетскую каѳедру, а съ другой—положеніе служащаго врача было гораздо выгоднѣе чѣмъ положеніе профессора: стоитъ только вспомнить хотя бы объ обычныхъ въ то время, но очень выгодныхъ злоупотребленіяхъ при рекрутскихъ наборахъ. Не удавалась Румовскому и выписка профессоровъ медицинскихъ наукъ изъ Германіи. Переписка, начатая съ нѣкоторыми изъ нихъ, кончилась ничѣмъ: условія, выставляемыя ими для своего переѣзда въ Казань, принять онъ не могъ, находя ихъ слишкомъ неумѣренными. Но въ февралѣ 1809 года получилъ онъ отъ приглашеннаго имъ на каѳедру и потомъ отказавшагося виттенбергскаго

профессора Пёлица извѣстіе о желаніи одного изъ его товарищей по службѣ, доктора и уже профессора *Іоганна Фридриха Эрдмана* (род. въ Виттенбергѣ въ 1778 году) занять какую-либо каѳедру въ Казани. «Этому человѣку, полному силъ и духовныхъ способностей, писалъ Пёлицъ, только 31 годъ. Онъ видѣлъ больницы Вѣны, Вюрцбурга и нѣсколько другихъ нѣмецкихъ; въ предстоящія пасхальныя феріи онъ намѣревается познакомиться съ врачебными учрежденіями Парижа (въ 1809 году онъ и объѣхалъ Францію, Верхнюю Италію и Швейцарію). У него превосходныя свѣдѣнія въ области европейскихъ языковъ, а его медицинскія лекціи собираютъ здѣсь весьма многочисленную аудиторію. Своею служебною дѣятельностью въ званіи врача и физика уѣзднаго управленія (Kreisamts und Land-Physicus) и обширною, счастливою практикою, онъ удачно соединяетъ теорію съ практикою въ медицинѣ. Но должность профессора не даетъ ему въ годъ болѣе 300 талеровъ; остальное онъ долженъ пріобрѣтать практикою. Въ медицинскомъ факультетѣ нашего университета существуетъ странный обычай, по которому бывшій здѣшній профессоръ, а теперь королевскій лейбъ-медикъ въ Дрезденѣ Леонгарди, продолжаетъ получать еще профессорское жалованье, а своему замѣстителю здѣсь выдаетъ только 200 талеровъ. Это мѣсто и занимаетъ Эрдманъ. Онъ работаетъ столько, сколько долженъ работать ординарный профессоръ, занимаетъ всю каѳедру лейбъ-медика, засѣдаетъ и подаетъ голосъ въ академическомъ совѣтѣ,—только по жалованью онъ уступаетъ прочимъ» [1]).

Пёлицъ хвалитъ и сочиненія рекомендуемаго имъ профессора. Эрдманъ, начиная съ 1795 года, учился сначала богословію, а потомъ уже медицинѣ въ томъ же Виттенбергскомъ университетѣ, въ которомъ, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ Вѣнѣ, онъ сдѣлался въ 1804 году экстраординарнымъ, а въ 1808 году ординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи. Диссертація, за которую онъ получилъ степень доктора медицины въ Виттенбергѣ, имѣла предметомъ своимъ вопросъ физики [2]). Другое сочиненіе пред-

[1]) Что Эрдманъ, несмотря на свою молодость, пользовался, какъ врачъ извѣстностью на родинѣ еще до переселенія въ Казань, имѣемъ совершенно случайное свидѣтельство современника. Казанскій дворянинъ, служившій въ чинѣ ротмистра въ партизанскомъ отрядѣ извѣстнаго Фигнера, Н. Ис. Депрейсъ, писалъ въ Казань къ своей матери въ январѣ 1814 года, изъ Зорау, саксонскаго городка близъ Виттенберга: „Жители, узнавши, что я казанскій, приходили со мной знакомиться, спрашивая о докторѣ Эрдманѣ, *котораго они почитаютъ* и къ которому я прилагаю письмецо отъ его стараго товарища изъ Зорау". (*Русск. Стар.*, т. LVIII, 1888 г., іюнь, стр. 614).

[2]) Utrum aqua per electricitatem columnae a cel. Volta inventae in elementa sua dissolvatur? Wittenb. 1802, 4°, съ рис.

мвляетъ еще смѣшанный характеръ [1]), но потомъ онъ исключиьно пишетъ уже по медицинѣ, начиная съ трактата о водянкѣ [2]). лицъ въ особенности указываетъ на знанія Эрдмана въ области іи, ссылается на лестное свидѣтельство Тромсдорфа и говоритъ, Эрдманъ желалъ бы получить въ Казани каѳедру химіи. Онъ гаетъ его весьма полезнымъ дѣятелемъ для Россіи, кромѣ премванія химіи, также и въ вопросахъ примѣненія ея къ мануфакмъ и фабрикамъ. Самъ Эрдманъ приложилъ къ письму Пѣлица ѣніе, что онъ можетъ читать: 1) химію; 2) ученіе о врачеб- средствахъ (Arzneymittellehre), т.-е. занять каѳедру врачеб- веществословія, какъ она называлась въ уставѣ 1804 года ria medica); 3) судебную врачебную науку; 4) патологію и наъ 5) терапію. При этомъ онъ указывалъ еще на нѣкоторыя сочиненія и статьи, помѣщенныя въ разныхъ нѣмецкихъ меских журналахъ.

мовскій предложилъ Эрдману немедленно, на обычныхъ въ то для выписываемыхъ изъ за-границы профессоровъ условіяхъ, незамѣщенную въ Казани медицинскую каѳедру: патологіи, и клиники съ званіемъ ординарнаго профессора. Письмо съ леніемъ объ этомъ не было получено Эрдманомъ и черезъ ѣсяцевъ недоумѣвающій Румовскій повторилъ чрезъ Пѣлица иглашеніе. Въ теченіе этого времени Эрдманъ успѣлъ сдѣвольно большое путешествіе и только воротившись осенью тенбергъ, узналъ о своемъ приглашеніи. Онъ отвѣтилъ неполнымъ согласіемъ, высказывая увѣренность, что онъ пея въ Казань не на нѣкоторое время, а навсегда. Подобно , онъ говорилъ, что «настоящія политическія перемѣны въ неблагопріятны для наукъ, что онъ радуется переселенію ъ страну, мудрое правительство которой такъ дѣятельно поствуетъ наукѣ и вообще просвѣщенію». Румовскій, не теени, сдѣлалъ свои распоряженія о высылкѣ Эрдману денегъ дъ и паспорта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимаго свидѣдля Полангенской таможни, что ѣдущій въ Россію професманъ имѣетъ право провезти съ собою вещей и товаровъ рублей. Воспользоваться этимъ правомъ, чтобъ провезти нѣсколько необходимыхъ предметовъ, стоющихъ въ Росо дороже, посовѣтовалъ Эрдману нашъ консулъ въ Лейпто же время Румовскій писалъ въ Казань (3-го марта : «Въ будущее лѣто (т.-е. черезъ два мѣсяца) ожидаю сюда

---

nta Organonomiae ex notione motus derivata. Wittenb. 1904, 4°.
de hydropis natura et curatione. Partes I—X. Wittenb. 1804—1810.

изъ Виттенберга профессора патологіи, терапіи и клиники г. Эрдмана. Съ моей стороны все къ нему отправлено. Я имѣю надежду пріобрѣсть еще профессора физики изъ Швейцаріи, рекомендованнаго Бартельсомъ, и если бы удалось замѣстить каѳедру хирургіи и повивальнаго искусства, то бы Казанскій университетъ, не взирая на не полное число профессоровъ, можно назвать полнымъ». Эрдманъ пріѣхалъ въ Петербургъ 17-го мая, почему и опредѣленіе его министромъ считается съ этого числа, а 13-го іюля былъ уже въ Казани, какъ писалъ о томъ Яковкинъ къ попечителю. Путешествіе его было совершено безъ всякихъ затрудненій. Онъ былъ холостъ и ѣхалъ одинъ.

Въ первое же засѣданіе совѣта, въ которомъ онъ присутствовалъ, Эрдманъ заявилъ о содержаніи своихъ лекцій на будущій 1810—1811 годъ. Предметомъ этихъ лекцій (по собственнымъ тетрадямъ), которыя онъ намѣревался читать по-латыни, была *органономія* или наука о законахъ организма. По окончаніи этого предмета, онъ долженъ былъ читать патологію и терапію. Часы, указанные ему для преподаванія, были послѣобѣденные: отъ 4—6 часовъ. Но профессоръ клиники былъ безъ клиники и безъ больныхъ, на которыхъ онъ могъ бы учить студентовъ, какъ врачевать страждущее человѣчество, а потому первымъ дѣломъ Эрдмана, какъ только онъ кончилъ свою органономію, въ началѣ слѣдующаго семестра, было представить въ совѣтъ университета о необходимости учрежденія клиническаго и повивальнаго института. Эрдманъ совершенно серьезно отнесся къ своей задачѣ, такъ близко стоящей къ нему, и къ представленію своему приложилъ подробно разработанный имъ на французскомъ языкѣ планъ клиники, безъ которой и самое чтеніе имъ практической науки было немыслимо.

По уставу 1804 года на содержаніе клиническаго института и университетской больницы назначено было въ годъ 5000 рублей, но сумма эта не отпускалась, такъ какъ никакой клиники не было. Соображаясь съ этою суммою, Эрдманъ и представилъ свой планъ клиническаго института; онъ полагалъ, что суммы этой будетъ вполнѣ достаточно на содержаніе клиники по его плану. Клиника дѣлилась, какъ и потомъ, на три отдѣленія: собственно клиника (внутреннія болѣзни), хирургическое и повивальное. Эрдманъ, конечно, распространялся о пользѣ и о необходимости для медицинскаго образованія клиническаго института. Число больныхъ въ клиникѣ не должно быть ниже 24 (12 для внутреннихъ болѣзней, шесть мужчинъ и 6 женщинъ; 8 въ хирургическомъ и 4 въ повивальномъ отдѣленіи). По разсчету Эрдмана, полагая мѣсяцъ на пребываніе больного въ клиникѣ и шесть недѣль на беременную жен-

щину, можно было бы для медицинскаго преподаванія имѣть въ теченіе года 272 больныхъ (144 для внутреннихъ, 96 для наружныхъ болѣзней и 32 беременности). Въ очень скромныхъ размѣрахъ опредѣлялся и персоналъ служащихъ при клиникѣ. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности плана устройства клиники, составленнаго Эрдманомъ, но считаемъ нужнымъ, для характеристики его преподаванія и взглядовъ, остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ, вызванныхъ условіями мѣста и времени. Клиника, по го словамъ, должна принимать больныхъ всякаго рода, не исклюая никого, но преимущественно въ ней должны находиться страющіе такими болѣзнями, которыя чаще всего встрѣчаются на эактикѣ. Тѣ медики, которые принимаютъ только страдающихъ лѣзнями рѣдкими и сложными, говоритъ Эрдманъ, грубо ошиются, подобно тѣмъ, которые наполняютъ клинику больными съ нородными болѣзнями. Чтобы всегда имѣть больныхъ, для успѣха еподаванія, Эрдманъ считаетъ весьма полезнымъ предоставить офессорамъ клиники право выбирать для себя больныхъ изъ госкихъ больницъ и госпиталей. Такъ какъ въ то время деньги, орыя могли бы быть собираемы за лѣченіе въ клиникѣ съ доточныхъ больныхъ, не отбирались въ пользу государственнаго начейства, а шли на улучшеніе самой клиники, то, считая это оятельство выгоднымъ, Эрдманъ настаивалъ, однако, на стро) выборѣ больныхъ, утверждая, что польза научная должна да стоять выше экономической выгоды. По плану Эрдмана при икѣ должна быть и аптека; она необходима въ цѣляхъ препоія; въ ней могли бы ученики, составляя лѣкарства *сложныя*, омиться съ фармакологіей и фармаціей. Въ планѣ Эрдмана стояла булаторія для бѣдныхъ больныхъ, приходящихъ изъ города; ы и помощь, подаваемые профессоромъ такимъ больнымъ въ тствіи студентовъ, были бы весьма полезны для послѣднихъ; дящіе больные могли бы безденежно получать и медикаменты, доходы клиники дадутъ на то средства». Въ заключеніе своана Эрдманъ высказываетъ требованіе, чтобы ни одинъ слу) медицины не былъ удостоиваемъ академической степени редставленія свидѣтельствъ клиническаго профессора, до наэкзамена, о томъ, что на его попеченіи находилось по крайрѣ шесть больныхъ (4 съ внутренними, 2 съ наружными) и ь присутствовалъ все время при одномъ по крайней мѣрѣ родовъ. Что касается акушерскаго отдѣленія, Эрдманъ дучто оно могло бы служить очень хорошею школою для моакушерокъ, но для этого онъ считаетъ необходимымъ расiе со стороны власти о томъ, чтобъ ни одна женщина въ

Казанской губерніи не допускалась къ акушерской практикѣ безъ представленія свидѣтельства отъ клиники въ томъ, что она практиковала. «Кто знакомъ съ недостатками повивальныхъ бабокъ и какой онѣ оказываютъ вредъ народонаселенію, конечно, согласится съ необходимостью предлагаемой мѣры»—заключаетъ Эрдманъ.

Совѣтъ, для разсмотрѣнія плана Эрдмана, составилъ комитетъ; профессоры Браунъ и Фуксъ вполнѣ одобрили этотъ планъ и онъ вскорѣ былъ представленъ попечителю «на его начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе». Попечитель, какъ онъ пишетъ въ своемъ предложеніи совѣту (15 іюня 1811 года), читалъ этотъ планъ учрежденія клиники «съ отмѣннымъ удовольствіемъ» и выражалъ Эрдману благодарность «за попеченіе его объ общемъ благѣ и пользѣ университета». Онъ потребовалъ затѣмъ планъ строенія, сдѣланный при помощи губернскаго архитектора или кого-либо другого при университетѣ. Зданіе для клиническаго института, по его словамъ, должно было быть построено такъ, чтобъ въ немъ были помѣщенія и для чиновниковъ, нужныхъ для института. «Я, получа планъ строенія и примѣрное исчисленіе, *ежели не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, то по крайней мѣрѣ со временемъ*, долгомъ поставлю г. министру просвѣщенія представить на благоразсмотрѣніе и просить объ исходатайствованіи потребной на зданіе суммы». Такимъ образомъ, постройка зданія, столь необходимаго для преподаванія, откладывалась на срокъ весьма неопредѣленный. Тѣмъ не менѣе совѣтъ поручилъ Эрдману и адъюнкту Петровскому, приглася губернскаго архитектора, составить планъ будущей клиники. Планъ этотъ, какъ и планъ анатомическаго театра и еще третій—зданія для каѳедры скотолѣченія были представлены въ томъ же году попечителю, но дѣло осталось безъ всякаго движенія и даже новый попечитель Салтыковъ не могъ исходатайствовать въ концѣ 1814 г. на постройку необходимыхъ для медицинскаго преподаванія зданій ни копѣйки. Профессоръ клиники по неволѣ оставался безъ клиники. Чтобы сколько-нибудь помочь этому обстоятельству и имѣть матеріалъ для практики медицинскихъ слушателей, Эрдманъ просилъ Яковкина представить попечителю о передачѣ ему, какъ профессору клиники, больницы, существующей при гимназіи и университетѣ и завѣдываемой до того времени профессоромъ естественной исторіи Фуксомъ. Это было разрѣшено (съ этою должностью соединялось и полученіе нѣкотораго добавочнаго содержанія).

Этимъ распоряженіемъ остался недоволенъ, однако, профессоръ Фуксъ, завѣдывавшій больницею съ 1806 года, не столько потому, что лишался вознагражденія въ качествѣ особаго медика, сколько

потому, что долженъ былъ оставить казенную квартиру въ университетскомъ зданіи, такъ какъ попечитель непремѣнно требовалъ, чтобы Эрдманъ жилъ вблизи больныхъ. Впрочемъ, можетъ быть, требованіе Румовскаго о переѣздѣ Фукса съ казенной квартиры основывалось на новыхъ сообщеніяхъ Яковкина о характерѣ частной жизни Фукса, о чемъ мы скажемъ еще. Всѣ резоны, какіе Фуксъ представлялъ попечителю о необходимости остаться на казенной квартирѣ, были отклонены послѣднимъ. Вскорѣ должно было оказаться, что эта больница для гимназистовъ и студентовъ, въ качествѣ клиники, была очень мало полезна. Правда, Эрдманъ занималъ въ ней медицинскихъ слушателей клиническими упражненіями, но уже въ іюнѣ 1812 года онъ доносилъ совѣту, что «такъ какъ больные все молодые люди, одного пола и почти одного возраста, то большого разнообразія въ болѣзняхъ быть не можетъ, почему и слушатели его не имѣютъ случая чрезъ сіе получить всѣ тѣ свѣдѣнія, которыхъ преподаваніями клиническими пріобрѣсть надлежало бы». Сумма на клиники, 5 т. р. въ годъ, стала отпускаться, но не могла быть расходуема безъ особаго разрѣшенія министра и Эрдманъ желалъ воспользоваться нѣкоторою ея частію, чтобы расширить больницу. Онъ представилъ въ совѣтъ о необходимости увеличить ее дозволеніемъ помѣщать въ нее служителей гимназическихъ и университетскихъ обоего пола и даже другихъ лицъ, но принадлежащихъ къ гимназіи и народному училищу, одержимыхъ *важными болѣзнями*, «чрезъ что могли бы студенты пріобрѣсти практическія познанія»; они могли бы видѣть и изучать «болѣзни, обоимъ поламъ и разнымъ возрастамъ приличныя». Комитетъ, разсматривавшій это представленіе, указалъ, что на расширеніе въ такомъ видѣ больницы не потребуется болѣе 600 р. въ годъ, почему министръ и разрѣшилъ эту сумму, «но никакъ не болѣе».

Предположеніе о постройкѣ особаго зданія для клиническаго института было совсѣмъ оставлено во все время службы Эрдмана въ Казанскомъ университетѣ. Оно осуществилось лишь въ тридцатыхъ годахъ. Но читая студентамъ со времени открытія университета въ 1814 году то *всеобщую*, то *спеціальную терапію* и *патологію* (спеціальную терапію онъ читалъ по Гекеру), показывая студентамъ *искусство писать рецепты*, занимая ихъ *состязаніями на латинскомъ языкѣ* и ведя съ ними шесть разъ въ недѣлю клиническія занятія у постели больныхъ, Эрдманъ постоянно нуждался въ клиническомъ матеріалѣ. Не удовлетворяло его и завѣдываніе гимназической и студенческой больницей въ томъ нѣсколько расширенномъ видѣ, какой получила она дозволеніемъ принимать въ

нее служителей и членовъ ихъ семействъ. По открытіи университета въ 1815 году, онъ сталъ съ большою энергіею и настойчивостью по прежнему хлопотать объ отдѣльной отъ нея и самостоятельной клиникѣ. Эрдману казалось, что теперь самое время и его условія благопріятствовали его желанію снова пустить въ ходъ задуманный имъ въ самомъ началѣ его казанской службы планъ постройки зданія для клиникъ, оставленный безъ движенія вслѣдствіе событій 1812 года. «Я не ошибусь, утверждая, что именно настало теперь время для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана. Славная война кончена; ея успѣхи должны оказать благодѣтельное вліяніе на внутреннее развитіе государства (вмѣстѣ съ Эрдманомъ это же самое думали, къ сожалѣнію ошибочно, и лучшіе русскіе люди того времени)—писалъ Эрдманъ въ своемъ французскомъ представленіи въ совѣтъ о необходимости построить клинику. Полное открытіе нашего университета показываетъ твердую рѣшимость власти, чтобы онъ выполнилъ свое назначеніе; стараніе отдѣльныхъ членовъ его образовать изъ себя вполнѣ согласное цѣлое и посвящать свою дѣятельность только благу общественному,—всѣ эти явленія доказываютъ болѣе чѣмъ когда-либо необходимость привести въ исполненіе столь важное дѣло». О важности и необходимости клиники онъ говорилъ съ точки зрѣнія европейской науки, въ идеяхъ и условіяхъ которой онъ самъ образовался [1]). Высказывая сожалѣніе о томъ, что представленный имъ въ 1811 году планъ клиники не былъ осуществленъ, Эрдманъ говоритъ, что преподаваніе медицины въ Казанскомъ университетѣ поэтому было безъ результатовъ: «нѣсколько студентовъ, подававшихъ прекрасныя надежды, оставили Казанскій университетъ и отправились оканчивать курсъ туда, гдѣ практическое преподаваніе снабжено всѣми необходимыми

---

[1]) „L'étude de la médecine n'ayant proprement de la valeur pour la société, que quand elle regarde la pratique et que le médecin l'emploie pour diminuer les plus grands maux physiques, c. à d. les maladies, on doit par conséquent, pour former les médecins faire plus d'efforts pour se procurer les secours nécessaires aux leçons pratiques, que pour former toutes les autres classes de citoyens. Pour cette raison on a regardé depuis les temps les plus reculés et chez toutes les nations cultivées les observations faites sur la nature au lit de malade comme l'un de premiers moyens propre à achever les leçons de médecine. On s'est servi pour les rendre plus faciles des hôpitaux, qui, outre le but général d'y bien soigner les malades, tendaient encore vers un plus grand, vers celui de former les médecins. L'histoire et l'expérience de tous les jours prouvent, combien d'effets salutaires les hôpitaux ont produits à cet égard, car il est à savoir, si sans cette école de la nature et des observations, il y eut eu jamais des grands médecins, et s'il y en eut aujourd'hui"? (Дѣло совѣта 1815 года, № 10).

пособіями. Боязнь, что и вновь поступившіе студенты послѣдуютъ ихъ примѣру, доказываетъ положительнымъ образомъ необходимость больницы, вполнѣ зависимой отъ университета и заставляетъ желать скорѣйшаго ея осуществленія».

Эрдманъ и на этотъ разъ вполнѣ придерживается прежняго плана. Клиника должна быть выстроена на землѣ, принадлежащей университету и вблизи его. Издержки на постройку простираются, по его разсчету, до 60 т. р. «Сумма эта конечно можетъ показаться великою, говоритъ Эрдманъ, но она не такъ пугаетъ, если мы сравнимъ ее съ издержками, сдѣланными въ другихъ университетахъ на подобныя учрежденія, и если мы представимъ себѣ пользу для общаго блага отъ такого учрежденія». Эрдманъ разсчитываетъ, что сумма, необходимая на постройку клиники легко можетъ быть найдена, если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ употребить на то остатки отъ ассигнуемой на университетъ, но никогда вполнѣ не истрачиваемой суммы—130 т. р. Но и этой траты легко избѣгнуть. Попечитель ѣдетъ на-дняхъ въ Петербургъ; онъ высказалъ желаніе отдать помѣщеніе, занимаемое имъ, на нужды университета; съ небольшими перемѣнами внутри, въ немъ легко устроить двѣ клиники, и Эрдманъ указываетъ въ чемъ должны заключаться приспособленія. Всѣ они, и сверхъ того проектируемая пристройка флигеля, не обойдутся дороже 12 т. р. Правда, тутъ нѣтъ мѣста для акушерской клиники, но для ея помѣщенія Эрдманъ указываетъ на домъ Спижарной, но онъ такъ плохъ, что грозитъ паденіемъ, а потому постройка новаго вмѣсто него будетъ конечно выгоднѣе. Всѣ эти предположенія, одобренныя совѣтомъ, не удостоились однако утвержденія. Воспользоваться для клиники квартирою попечителя (домъ Кастеллія) министръ отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что «домъ сей, устроенный для жительства попечителя, можетъ быть и впредь нуженъ будетъ для сего употребленія». Тогда Эрдманъ и вновь опредѣленный профессоръ хирургіи Вердерамо представили совѣту проектъ устройства клиники въ типографскомъ домѣ (тотъ, что былъ перестроенъ изъ манежа). Это было разрѣшено, планъ одобренъ, но съ тѣмъ условіемъ, «ежели устроеніе сіе не потребуетъ значительныхъ издержекъ и покои, въ коихъ предполагается помѣстить клиники, не заняты и не нужны для другого употребленія».

По смѣтѣ, составленной обоими профессорами и архитекторомъ адъюнктомъ Петровскимъ, устройство трехъ клиникъ въ верхнемъ этажѣ типографскаго дома, какъ разъ надъ типографскими станками, должно было обойтись въ 9898 рублей. Въ августѣ 1815 года эта смѣта и ходатайство совѣта были отправлены къ министру народнаго просвѣщенія, но въ сентябрѣ того же года пожаръ истре-

билъ большую часть города и министръ, полагая, что сгорѣли и нѣкоторыя училищныя зданія, считалъ «неудобнымъ завести клиники», остановился рѣшеніемъ и требовалъ отъ правленія объясненій. Въ виду того обстоятельства, что теперь типографскій домъ занятъ большею частью чиновниками сгорѣвшей гимназіи, а въ одной половинѣ верхняго этажа типографскаго дома находятся гимназическая и университетская больницы, правленіе, по соглашенію съ Эрдманомъ и Вердерамо, принуждено было ограничиться весьма скромными размѣрами для первоначальной клиники. Нашлись въ верхнемъ этажѣ того же дома, рядомъ съ упомянутою больницею, двѣ небольшія комнаты; въ нихъ рѣшено было помѣщать чиновниковъ и служителей, которые до того времени лѣчились на счетъ клиники на своихъ квартирахъ. Требовалось прибавить къ отпускаемой прежде суммѣ въ 600 р. еще 1400 р. въ годъ. И это должно было представлять собою клинику!

На такую комбинацію наконецъ получено было разрѣшеніе въ концѣ декабря 1815 года. Эрдманъ конечно обрадовался. Немедленно принялся онъ за устройство маленькой клиники. Сначала разсчитывалъ онъ на возможность имѣть 8 кроватей, но недостатокъ суммы принудилъ ограничиться только *четырьмя*. Вскорѣ онъ просилъ разрѣшенія принимать въ эту клинику и постороннихъ, съ платою по 15 р. въ мѣсяцъ, что должно было представлять нѣкоторую выгоду для университета [1]) и съ половины мая 1816 года имѣлъ уже 8 кроватей, вслѣдствіе чего ему отпущена была лишняя сумма въ 500 рублей. Всѣ дальнѣйшія заботы Эрдмана о клиникѣ, до перехода его въ Дерптъ, напр., ходатайство въ концѣ 1816 года завести въ клиникѣ кровати для больныхъ женщинъ, не получили осуществленія. На послѣднее ходатайство новый министръ просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи, что «въ суммахъ», слѣдовавшихъ къ отпуску на министерство просвѣщенія въ будущемъ 1817 году сдѣланы важныя убавки». Очевидно профессору клиническихъ болѣзней нечего было дѣлать въ Казани. Вести сколько-нибудь сносно свое преподаваніе не представлялось возможности.

Просматривая весьма внимательно списки студентовъ за время профессорской дѣятельности Эрдмана въ Казани съ цѣлью найти слѣды этой дѣятельности, мы убѣдились, что она по необходимости должна была имѣть случайный характеръ. При двухъ только профессорахъ: анатоміи и патологіи и частью хирургіи (Арнгольдъ и

---

[1]) Лѣчилось въ этой клиникѣ впрочемъ немного. За цѣлый годъ университетъ получилъ съ трехъ помѣщичьихъ людей, въ томъ числѣ съ проф. Кондырева, за его крѣпостного, всего 45 р. асс.

потомъ Вердерамо) университетъ не могъ приготовить настоящихъ медиковъ. Въ 1812—1813 году у Эрдмана было четыре слушателя (изъ общаго числа студентовъ 48), а въ послѣдній годъ его казанской жизни—только три (изъ 110 студентовъ). Изъ послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, медиками сдѣлались только двое: Лентовскій, впослѣдствіи (по уставу 1835 года) профессоръ дѣтскихъ и женскихъ болѣзней и Отсолигъ, бывшій потомъ директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, но оба они оканчивали свое медицинское образованіе въ Петербургѣ, въ академіи. Эрдманъ оставался такимъ образомъ безъ дѣла, несмотря на то, что у него было много задатковъ для дѣятельности: и хорошая школа, и обширная подготовка, и масса разнообразныхъ свѣдѣній, и свѣтлый умъ, и энергія характера, и наконецъ молодость. Была однако у него и дѣятельность, весьма почтенная и оставившая прочные слѣды, хотя къ сожалѣнію не въ русской литературѣ. Эта послѣдняя почти не воспользовалась его трудами, его печатными нѣмецкими сочиненіями, посвященными изученію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Какъ медикъ, Эрдманъ, сколько мы можемъ судить по его письмамъ, сочиненіямъ и документамъ, не чуждался практики, особенно въ началѣ своей казанской жизни, но никогда изъ этой практики не дѣлалъ исключительной профессіи для себя. Притомъ въ этомъ отношеніи у него былъ сильный соперникъ въ лицѣ профессора Фукса, умѣвшаго пріобрѣсти съ перваго своего появленія въ Казани весьма большую практику. Очень можетъ быть, что у Эрдмана недоставало той вкрадчивости, той общежительности и умѣнья ладить съ разнообразными человѣческими личностями и поддѣлываться къ нимъ, какія необходимы для практическаго врача. Не было ни одного года въ теченіе службы Эрдмана въ Казани, чтобы онъ не ѣздилъ изъ этого города, то для изслѣдованій, то въ званіи визитатора училищнаго комитета. Его поѣздки простирались до Астрахани къ югу, до Вятки и Тобольска къ сѣверу и сѣверо-востоку. Поѣздки эти исключительно происходили лѣтомъ, въ вакаціонное время, но наблюденія, вынесенныя изъ путешествія, надобно было обработать литературнымъ образомъ и на эту обработку безъ сомнѣнія посвящалось довольно времени, такъ какъ наблюденія, сдѣланныя во время пути, были и богаты и разнообразны. Въ этомъ отношеніи Эрдманъ, кажется намъ, продолжалъ то великое дѣло изученія нашего отечества, богатое результатами, которое дѣлали наши нѣмецкіе академики Екатерининской эпохи. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ трудахъ Эрдмана.

Въ апрѣлѣ 1811 года, слѣдовательно меньше чѣмъ чрезъ годъ по пріѣздѣ въ Казань, Эрдманъ женился на дочери уже упомя-

нутаго нами лифляндскаго уроженца Кальма [1]). По свидѣтельству Яковкина бракъ этотъ былъ счастливъ и молодые жили очень хорошо. Очень можетъ быть, что на Эрдманѣ, какъ на вновь пріѣхавшемъ, сказалось также вредное вліяніе казанскаго климата: «Г. Эрдманъ былъ отчаянно боленъ сильнымъ ревматизмомъ въ ногѣ, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, и даже самъ отчаявался въ своей жизни; но съ прошедшей субботы стало ему нѣсколько полегче. *Избави Боже университету лишиться въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ чиновниковъ!*» (16-го октября 1811 г.). Для излѣченія этого ревматизма въ правой ногѣ, Эрдманъ еще въ началѣ іюля того же года, во время вакаціи, ѣздилъ на Сергіевскія сѣрныя воды (тогда Оренбургской, а нынѣ Самарской губерніи Бугурусланскаго уѣзда) и это была первая поѣздка Эрдмана.

Эти минеральныя воды, пользовавшіяся очень большою извѣстностью въ восточной Россіи, начиная съ десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и кончая началомъ шестидесятыхъ, были когда-то любимымъ мѣстомъ для многочисленныхъ лѣтнихъ съѣздовъ помѣщиковъ нѣсколькихъ ближайшихъ губерній. Тогда кипѣла въ этомъ углу широкая, привольная жизнь. Частію съ паденіемъ крѣпостного права и обѣднѣніемъ дворянства, частію съ измѣненіемъ характера господствовавшихъ въ обществѣ болѣзней, а всего вѣроятнѣе съ успѣхами самой медицины, прежняя слава о цѣлительности сѣрныхъ источниковъ исчезла почти безслѣдно. Нынѣ это печальное, наводящее уныніе мѣстечко, гдѣ главный, хотя и весьма немногочисленный контингентъ пріѣзжихъ представляютъ только больные военнаго сословія съ однообразнымъ родомъ болѣзни; для нихъ существуетъ тамъ безплатное приспособленіе для пользованія цѣлительною силою водъ. Пишущаго эти строки, знавшаго Сѣрныя воды въ разные блестящіе годы ихъ существованія и посѣтившаго ихъ въ послѣд-

---

[1]) Къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были сообщены нами, прибавимъ еще вновь добытыя изъ архивовъ. Въ 1788 году, когда Кальмъ служилъ учителемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, во время войны со Швеціей, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что чрезъ Германію послалъ въ Швецію задѣланные въ натуральную трость чертежи нашихъ крѣпостей, батарей и пограничныхъ укрѣпленій. Посылка была конфискована и Кальма сослали въ Казань учителемъ нѣмецкаго языка въ главномъ народномъ училищѣ, за что онъ получалъ жалованья по 400 руб. въ годъ. Положеніе его въ Казани улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался учителемъ дѣтей казанскаго губернатора князя Баратаева, а потомъ онъ составилъ себѣ нѣкоторый капиталъ, какъ содержатель пансіона. На родину его не отпускали.

ній разъ въ 1887 году, поразило безлюдіе, мертвенность и опустошеніе, воцарившіяся здѣсь. Развалины, грязь и бѣдность—на каждомъ шагу. Человѣкъ, знакомый съ нѣмецкими курортами, невольно задумается о причинахъ этой непригладности и о коренномъ неумѣньи нашемъ пользоваться дарами природы. Даже та высокая и довольно широкая долина, окаймленная съ трехъ сторонъ горизонта непрерывными возвышенностями, составляющими какъ полагають начало Уральскаго хребта (на гребнѣ одной изъ нихъ и расположено мѣстечко), которая окружаетъ источники, наводитъ глубокое уныніе. Когда-то, даже въ тридцатыхъ годахъ, цвѣтущая ковыльная степь, на которой разгуливали свободно многочисленные табуны сосѣднихъ калмыковъ, давно отодвинутыхъ въ Астраханскую губернію, эта равнина представляетъ теперь тощую растительность и невольно наводитъ на мысль, что печальныя условія средне-азіатскихъ степей подвигаются какъ бы видимо на западъ. А на берегахъ одной изъ рѣкъ, извивающихся по той равнинѣ, именно Сока, въ годы путешествія Палласа, росли дубовые лѣса, въ самой рѣкѣ водились бобры. Петръ В. въ 1703 году повелѣлъ строить здѣсь изъ дубоваго лѣса городъ Сергіевскъ (нынѣ посадъ), а вокругъ него срубленъ былъ острогъ съ 14 башнями и 5 воротами, но черезъ годъ весь этотъ деревянный городъ былъ по царскому указу разобранъ до подошвы и отправленъ водою на Терекъ [1]). Петръ В. думалъ добывать здѣсь столь нужную ему для пороха сѣру и въ шести верстахъ отъ Сергіевска, у самыхъ источниковъ, бьющихъ изъ горы и осаждающихъ сѣру, былъ также построенъ дубовый острогъ съ двумя башнями и домами для мастера, 15 подмастерьевъ и переселенныхъ изъ разныхъ мѣстъ рабочихъ для заведеннаго здѣсь сѣрнаго завода (ясашныхъ крестьянъ для завода переселено было сюда 508 семей). Въ лощинѣ, куда стекаютъ сѣрные ключи, былъ вырытъ прудъ, устлано дубомъ дно его и раздѣлено на перегородки, въ которыхъ осаждалась сѣра. Но содержаніе ея было такъ незначительно, добыча была такъ ничтожна, что заводъ былъ брошенъ въ 1720 году и добываніе сѣры началось въ другомъ мѣстѣ, на берегу Волги, противъ устья Сока. Туда и были переведены работы.

Цѣлительныя свойства сѣрныхъ источниковъ вѣроятно были открыты окрестными жителями и прежде всего калмыками, у которыхъ ламы въ то же время и врачи. Есть извѣстіе, что сѣрные ключи обозрѣвались лейбъ-медикомъ Петра В. Шоберомъ, который

---

[1]) *А. Щекатова*, „Словарь географическій россійскаго государства“, часть пятая. М. 1807, стр. 908.

посѣтилъ ихъ въ 1717 году, возвращаясь съ терекскихъ теплыхъ водъ, для изслѣдованія и описанія которыхъ онъ былъ отправленъ Петромъ [1]). Первыя описанія сѣрныхъ водъ съ медицинскими свѣдѣніями и наставленіями сдѣланы были профессорами Казанскаго университета, которые очень рано, со времени распространившейся въ обществѣ извѣстности о ихъ цѣлительности, стали посѣщать ихъ. Въ 1808 году случилось здѣсь исцѣленіе богатаго помѣщика Глазова отъ тяжкой и застарѣлой болѣзни, о чемъ онъ и напечаталъ въ газетахъ. Съ тѣхъ поръ извѣстность водъ быстро распространилась въ состоятельномъ кругу помѣщиковъ и купцовъ сосѣднихъ губерній, чающихъ исцѣленія недуговъ, и число посѣтителей увеличивалось съ каждымъ годомъ. Первый изъ казанскихъ профессоровъ-медиковъ, посѣтившій Сергіевскія сѣрныя воды уже въ слѣдующемъ 1809 году, былъ Фуксъ. Онъ приглашенъ былъ для изслѣдованія дѣйствія только что сдѣлавшихся извѣстными источниковъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Волконскимъ и ѣздилъ туда на казенный счетъ. Отчетъ его о водахъ и наблюденія, сдѣланныя имъ, были отправлены княземъ Волконскимъ къ министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину. По словамъ, Фукса «haecce balnea in morbis perdomandis et praecipue in scorbuto, quasi miracula edidisse». Плодомъ этой поѣздки было также первое описаніе водъ, составленное имъ и напечатанное въ началѣ 1810 года [2]). И воды, и ихъ цѣлебность, и наконецъ, жизнь на водахъ чрезвычайно понравились Фуксу; мѣстечко это часто, до конца жизни, посѣщалось имъ. Въ 1810 году, какъ врачъ гимназической и университетской больницы, съ разрѣшенія попечителя и по представленію совѣта, Фуксъ повезъ туда двухъ гимназистовъ: Юнакова, «страждущаго неизлѣчимымъ въ костяхъ и по всему тѣлу скорбутиче-

---

[1]) *Вильгельмъ Рихтеръ*, „Исторія медицины въ Россіи“. Часть 3. М. 1820. стр. 141. Показанія Рихтера впрочемъ не точны; изъ его словъ видно, будто Шоберъ открылъ *сѣрныя ямы* и, что послѣ этого уже открытія Петръ В. повелѣлъ завести сѣрный заводъ, устроенный, какъ мы видѣли, гораздо ранѣе. Неизвѣстно на какомъ основаніи почтенные авторы статьи „К. Ѳ. Фуксъ и его время“ (*Казанск. литерат. сборникъ*, Каз. 1878, стр. 423) говорятъ, что Сергіевскія сѣрныя воды были *описаны* Шоберомъ.

[2]) Это очень рѣдкая казанская брошюра: „Краткое описаніе Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ“ (безъ имени автора). Казань. Въ университетской типографіи. 1810. 8°. 16 (разгонисто-напечатанныхъ) страницъ. Въ ней очень коротко говорится: 1) о мѣстоположеніи водъ, 2) о явленіяхъ, усматриваемыхъ въ водахъ, 3) о дѣйствіяхъ ихъ въ тѣлѣ, 4 и 5) объ образѣ ихъ внутренняго и наружнаго употребленія, 6) о составныхъ частяхъ (безъ химическаго анализа), 7) о болѣзняхъ, исцѣляемыхъ водами, 8) о діэтѣ и, наконецъ, 9) о времени употребленія водъ.

скимъ наслѣдственнымъ недугомъ» (exostosis) и другого Рудометова. На поѣздку эту выдано было пособіе. Въ этомъ году Фуксъ запоздалъ на Сѣрныхъ водахъ и не могъ явиться къ концу вакаціоннаго времени, ссылаясь на то, что лѣченіе гимназистовъ еще не кончено и что всѣ больные на водахъ, или «нашъ лагерь», какъ онъ называетъ съѣхавшихся лѣчиться, объявили ему, что они силою воспротивятся его отъѣзду.

О томъ видѣ, какой въ тѣ годы представляли Сѣрныя воды, можно составить себѣ понятіе изъ отрывка письма Фукса къ Яковкину: «J'ai trouvé un camp très vaste, couvert des tentes et des kibitki kalmoucs. Il y a ici à présent 54 familles et en tout plus de mille personnes, qui emploient les eaux minérales avec beaucoup de succès. Tout cela ressemble a un ярманка, et à la verité plusieurs marchands ont établi des boutiques et vendent plusieurs marchandises et *surtout du vin.* La plupart des familles sont venues de Simbirsk, un grand nombre du gouvernement d'Orenbourg, et quelques-unes de Cazan. Si vous seriez ici, j'en suis sûr que vous vous amuseriez beaucoup, parceque *chacun vit ici à sa manière*, *sans se gêner*, et beaucoup de personnes s'amusent avec la chasse et la pêche, qui sont toutes deux extrêmement abondantes. Je vous engagerai pour l'année prochaine d'aller voir ce superbe emplacement, d'où découlent nos eaux salutaires». — Такую же картину жизни на сѣрныхъ водахъ, съ бо́льшими деталями, даетъ и Эрдманъ, посѣтившій ихъ черезъ годъ.

„Пріѣхавшій сюда съ представленіемъ о нѣмецкихъ минеральныхъ водахъ, при первомъ взглядѣ будетъ пораженъ весьма непріятно: онъ видитъ передъ собой только временную колонію, ведущую номадную жизнь. На холмистой, покрытой травою равнинѣ, принадлежавшей прежде къ сосѣдней калмыцкой степи, разбросаны безъ всякаго порядка жилища гостей, пріѣхавшихъ сюда лѣчиться. Это или плетеныя изъ древесныхъ вѣтвей хижины, или калмыцкія и киргизскія войлочныя кибитки, или палатки; только изрѣдка попадаются между ними деревянные дома: каждый пріѣзжающій въ эту пустыню обязанъ везти съ собою и свое жилище, вмѣстѣ со всѣми прочими потребностями. Каждый по своему вкусу выбираетъ и мѣсто для поселенія. Состоятельные помѣщики изъ окрестныхъ мѣстностей посылаютъ впередъ нѣсколько крестьянъ; они окружаютъ заборомъ выбранное мѣсто, роютъ колодцы и погреба, плетутъ изъ вѣтвей домики, ставятъ кибитки, разбиваютъ палатки. Когда все готово, пріѣзжаютъ господа съ своею прислугою, а за ними тянутся небольшія стада скота: необходимо имѣть молоко, а для мяса—овецъ и барановъ. Даже ванны и котлы, кухонная и столовая посуда — привозятся издалека. Менѣе состоятельные или пріѣхавшіе изъ мѣстъ отдаленныхъ довольствуются кровомъ въ родѣ бесѣдокъ изъ ивовыхъ вѣтвей, которыя плетутъ окрестные жители, безъ всякой ограды, а часто и землянками. Между этими жилищами и вокругъ нихъ свободно пасутся пригнанныя лошади, коровы и овцы. Такъ формируется колонія, жители ко-

*

торой, побуждаемые частью необходимостью, частью естественнымъ стремленіемъ къ общественности, безъ различія состоянія и привычекъ, образуютъ одну семью, а присущая въ высшей степени русскому народу способность охотно дѣлиться съ другими своимъ и примѣняться къ обстоятельствамъ производятъ явленія, для насъ нѣмцевъ непонятныя. Кто привезъ съ собою ванну или котелъ для согрѣванія воды, снабжаетъ ими тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ; владѣлецъ коровы дѣлится лишнимъ молокомъ; кто пригналъ барановъ охотно уступаетъ кусокъ баранины, иногда и цѣлаго барана—новымъ друзьямъ; у кого свои лошади, тотъ охотно позволяетъ другому возить на нихъ воду для ваннъ.

„Какъ только устроилась жизнь, тотчасъ принимаются за развлеченія игрою въ карты, прогулками пѣшкомъ и въ экипажахъ, даже чтеніемъ, такъ какъ всякій, привезшій съ собою сколько-нибудь книгъ, охотно ссужаетъ ими другихъ; однимъ словомъ частная собственность дѣлается подъ конецъ общимъ достояніемъ и жизнь на водахъ, вообще очень однообразная, скоро получаетъ прелесть независимости и какъ бы естественной свободы. А какъ любопытны здѣсь контрасты, попадающіеся на каждомъ шагу! Вотъ выходитъ изъ калмыцкой войлочной кибитки одѣтая по французской модѣ дворянка, въ итальянской соломенной шляпѣ на головѣ, съ турецкой шалью на плечахъ, въ сопровожденіи служанки, чтобы сдѣлать визитъ своей пріятельницѣ, которая рядомъ, подъ крышею изъ ивовыхъ вѣтвей, лежитъ въ припадкѣ истерическихъ судорогъ; тамъ въ простой крестьянской избѣ, за стаканами пунша, у карточнаго стола изъ краснаго дерева, сидятъ офицеры и помѣщики; здѣсь, у низенькаго забора, стоитъ лакированная, съ зеркальными стеклами англійская карета, а за заборомъ, на открытомъ воздухѣ, кипитъ висящій на кольяхъ котелъ съ сѣрной водою для ванны, а рядомъ, на очагѣ изъ простыхъ камней, дымятся кастрюли, въ которыхъ варится обѣдъ; нѣсколько шаговъ дальше важный чиновникъ въ халатѣ идетъ въ землянку брать ванну, а слуги несутъ за нимъ бѣлье и разныя принадлежности.—Такъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ трудомъ отстаетъ человѣкъ отъ своихъ привычекъ. Впрочемъ въ настоящемъ году, для удобства гостей на водахъ, былъ привезенъ сюда цѣлый транспортъ фаянсовой посуды и другой съ иностранными винами изъ Казани, была устроена даже походная аптека, для которой я составилъ планъ; все это помѣщалось въ ивовыхъ мазанкахъ; отъ времени до времени появляются и сосѣдніе крестьяне: они продаютъ куръ, яйца, масло. Казачья команда изъ Оренбурга, расположенная бивуакомъ на одномъ изъ холмовъ, наблюдала за внѣшнимъ порядкомъ и записывала пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Наконецъ были и врачи; кромѣ командированнаго уѣзднаго, были изъ Казани, не считая меня, еще двое, одинъ изъ Симбирска и одинъ изъ Оренбурга“ [1]).

Естественно, что при такомъ характерѣ жизни на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ, при свободѣ встрѣчъ и отношеній, когда люди такъ близко и непосредственно сходятся другъ съ другомъ, при наплывѣ пріѣзжихъ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, это уединенное мѣстечко восточнаго поволжья, должно было изобиловать множе-

---

[1]) *Ioh. Friedr. Erdmann*, Reise im Innern Russlands, Zweiter Theil. Erste Hälfte. Leipz. 1825, S. 4—7.

ствомъ различнаго рода приключеній, особенно романическаго свойства. Дѣйствительно здѣсь завязывалось и развязывалось въ прежніе годы, до шестидесятыхъ, множество романовъ; здѣсь была выставка невѣстъ; въ семейной хроникѣ многихъ помѣщиковъ окрестныхъ губерній сохранились преданія объ этихъ романахъ. Очень можетъ быть, что живы еще и нѣкоторыя дѣйствующія лица, хотя вся эта старина давно отодвинулась въ глубь прошлаго, отъ котораго, по характеру самой русской жизни, не осталось никакихъ сколько-нибудь заслуживающихъ памяти преданій. Мы видѣли, что профессоръ Фуксъ, съ своими больными гимназистами, запоздалъ на Сѣрныхъ водахъ. Причина этого запозданія заключалась, по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей этого отдаленнаго прошлаго, въ романическихъ приключеніяхъ популярнаго въ Казани профессора, который вообще пользовался большимъ довѣріемъ и любовью со стороны прекраснаго пола. «Онъ имѣетъ большую здѣсь практику и довѣренность — свидѣтельствуетъ о немъ Яковкинъ. Можетъ быть скоро многое въ жизни его перемѣнится, когда, какъ я за достовѣрное слышалъ, на сей недѣлѣ онъ женится» (31-го января 1811 г.). Свадьба эта впрочемъ не состоялась и романъ дошелъ даже до разбирательства у начальства, о чемъ мы имѣемъ подробное донесеніе того же лица попечителю:

На прошедшей недѣлѣ вышли у насъ новыя свадебныя проказы. Г. профессоръ Фуксъ давно уже имѣлъ связь, переписку и взаимные подарки съ барышнею Мячковою [1]). Во время пребыванія на Сергіевскихъ водахъ она всѣмъ объявила себя невѣстою Фукса и принимала поздравленія. 1-го февраля вечеромъ пріѣхала она прямо въ квартиру Фукса въ Тенищевскомъ домѣ. 2-го февраля, часу въ десятомъ по утру, съѣхавши со двора, скрылся онъ на весь день. Давно уже у него живетъ одна солдатка, непотребная, пьяница, воровка и нахалка [2]). Нѣсколькократно напоминалъ я ему, что онъ наводитъ стыдъ и соблазнъ университету, держа у себя таковую непотребницу, и онъ, обѣщавши мнѣ многократно сослать ее, удерживалъ у себя. 2-го февраля вечеромъ часу въ осьмомъ рапортуетъ мнѣ ефрейторъ нашъ, что въ квартирѣ г. Фукса происходитъ шумъ, почему немедленно пошедъ туда, нахожу помянутую барышню Мячкову, которая объявляетъ мнѣ, что непотребница Фуксова ругаетъ ее всячески и поноситъ, что по приказанію Фуксова, хотя и отпустила она домой всѣ свои пожитки, но сама не выходитъ изъ квартиры его, что г. Фуксъ поѣхалъ прощаться съ знакомыми своими, что положено межъ ими, чтобы ей съ братьями ея и Фуксомъ въ ту же ночь отправиться за Каму въ гости (по всѣмъ увѣреніямъ, чтобъ въ селѣ невѣстиномъ повѣнчаться). Почему для возстановленія тишины при-

---

[1]) Это была дочь помѣщика Спасскаго уѣзда, но фамилія давно не существуетъ. Осталось въ одномъ углу уѣзда лишь названіе *Мячкова сада*.

[2]) Объ этой солдаткѣ „Татьянушкѣ“ было уже упомянуто въ нашей книгѣ.

казалъ я оную солдатку взять подъ караулъ.—Вечеръ и ночь прошли спокойно, а г. Фуксъ не являлся. По утру, въ шестомъ часу, ефрейторъ рапортуетъ, что гостья Фуксова выѣзжаетъ; и такъ, чтобы чего не распропало, приказалъ я комнаты запереть и поставить часового. День прошелъ въ неизвѣстности, и въ седмь часовъ вечера явившійся ко мнѣ старшій университетскій сторожъ отрапортовалъ, что г. Фуксъ пріѣхалъ. И такъ, пошедъ къ нему, узналъ, *что онъ нарочно скрывался отъ своей невѣсты* [1].— Чѣмъ кончится сія трагикомедія — еще неизвѣстно, а между тѣмъ г. Фуксъ непотребницу свою оставилъ у себя по прежнему" (6-го февраля 1811 г.).

Исторія съ барышнею Мячковою, начало которой относится къ совмѣстному пребыванію на Сергіевскихъ водахъ, сильно занимала тогда казанцевъ, но конечно больше всего Яковкина. «Женитьба г. Фукса кажется разсохлась, сообщаетъ этотъ не разъ цитированный нами современникъ, но едва ли она обойдется безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, потому что говорятъ, да и самъ я, при однократномъ только свиданіи, весьма примѣтилъ, невѣста носитъ уже съ августа залогъ, время отъ времени увеличивающій животъ ея». Попечитель съ своей стороны обращалъ большое вниманіе на всѣ доходившіе до него слухи въ Петербургъ о казанскихъ профессорахъ. «Мнѣ одинъ изъ профессоровъ писалъ, что нѣкоторые товарищи его liederlich leben. Вѣроятно, что онъ между прочими разумѣлъ и г. Фукса. Прошу неумедлить увѣдомить меня, обращается онъ къ директору, чѣмъ кончилась начатая имъ траги-комедія. Скажите ему при случаѣ моимъ именемъ, что онъ наводитъ образомъ жизни своей стыдъ въ соблазнъ всему университету, и ежели дойдетъ образъ жизни его до свѣдѣнія министра, то я опасаюсь, чтобъ онъ не уволилъ его отъ университета». Такое требованіе попечителя кажется еще болѣе поощрило Яковкина сообщить ему, съ распространенными подробностями, о разнообразныхъ любовныхъ приключеніяхъ Фукса:

„Изъ холостыхъ профессоровъ „liederlich leben" прямо можно сказать объ одномъ только Фуксѣ. Френъ, живучи въ своемъ домѣ и имѣя весьма малое обращеніе по незнанію россійскаго языка, мало можетъ быть извѣстенъ постороннимъ въ домашней своей жизни, хотя и содержитъ домоправительницею извѣстную прежде потаскуху.—Фуксъ, по переѣздѣ своемъ на казенную квартиру въ Тенищевской домъ, убралъ щегольски всѣ покои— и мѣсяца черезъ три пріѣзжаетъ къ нему изъ Петербурга какая-то англи-

---

[1]) Какъ кажется Фуксъ думалъ употребить тотъ же маневръ и передъ состоявшейся черезъ десять лѣтъ свадьбой, къ которой онъ былъ, по разсказамъ стариковъ, вынужденъ настояніями родныхъ невѣсты, болѣе энергичныхъ, чѣмъ у Мячковой; но это ему не удалось. См. упомянутую выше на стр. 146 статью въ *Каз. Литер. Сборн.* 1878 г., стр. 499.

чанка Гаттонъ, жена одного въ Петербургѣ ремесленника, съ коими онъ и тогда, видно, былъ ближе, нежели друженъ. Гостья, сперва подъ видомъ ожиданія возлюбленнаго своего супруга, остановившись у Фукса, начала хозяйствовать, распоряжать и повелѣвать даже самимъ хозяиномъ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ,—и десять,—и годъ, а сиръ Гаттонъ не является. И такъ, будто не могши дождаться, начала собираться обратно; но прежде отъѣзда удостоила недѣли съ двѣ прогостить еще у тогдашняго друга Фуксова, а нынѣ непримиримаго врага—Френа, жительствовавшаго тогда въ типографскомъ домѣ.—По отъѣздѣ лади Гаттонъ, Фуксъ принялъ къ себѣ изъ подгороднаго села Царицына простую бабу солдатку, коей ввѣрилъ совершенно какъ все домашнее свое распоряженіе, такъ и себя самого, выстроилъ ей въ Царицынѣ отличный крестьянскій домъ; при приходящихъ всѣхъ допускаетъ ей въ деревенскомъ сарафанѣ (дубасѣ) отправлять у себя должность ключницы, кухарки, кофишенки, келлермейстерины и камердинерши, —даже свободно сноситъ, когда она явно, при всѣхъ, его ругаетъ, а онъ отдѣлывается только смѣхомъ.—Для осмотрѣнія Болгаровъ, въ четвертомъ году, бралъ онъ ее съ собою въ мужскомъ платьѣ, а на Сергіевскія воды, въ третьемъ и прошломъ году, въ собственномъ ея сарафанномъ платьѣ, безъ малѣйшаго зазрѣнія и стыда. Въ прошломъ году бѣдные двое гимназистовъ, взятые Фуксомъ на воды для лѣченія, должны были смиренно испрашивать кусокъ хлѣба у сей непотребницы.—Тамъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ долговременной прежде любовной переписки и взаимныхъ подарковъ, свелъ Фуксъ самое тѣсное обращеніе съ барышнею Мячковою, которая посему публично принимала уже поздравленія и отъ почетныхъ особъ на водахъ бывшихъ, какъ помолвленная невѣста Фуксова, а хозяйствующая сарафанница бѣсилась, смѣялась и клялась, что не бывать по тому.—Съ водъ Мячкова отправилась къ сестрѣ и жила до исхода генваря, когда пріѣхавъ въ Казань прямо къ Фуксу, требовала отъ него неотмѣнно исполненія даннаго слова: поелику и я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ побудительнѣйшей къ таковому настоянію физической причины, несовмѣстной съ состояніемъ дѣвицы. Фуксъ, уѣхавши изъ своей квартиры подъ видомъ распрощанія съ пріятелями, скрывался въ городѣ трои сутки, и узнавъ, что Мячкова уже уѣхала изъ Казани къ матери своей, какъ къ единственному прибѣжищу въ заблужденіи страсти, явился вечеромъ въ свою квартиру.—Многія изъ сихъ обстоятельствъ извѣстны уже в. п. изъ тогдашняго моего донесенія.—По пріѣздѣ его пришелъ я къ нему и выговаривалъ за шумъ и безпокойства, причиненныя въ его квартирѣ; но онъ мнѣ на то съ сердцемъ сказалъ: „Развѣ думаете вы поступать со мною, какъ съ учителемъ? Знайте, что я такой же профессоръ, какъ и ты“.—Сколько ни обиденъ былъ таковой упрекъ, но я скрѣпилъ свое сердце—и наконецъ, послѣ даннаго обѣщанія исправиться, Фуксъ далъ слово, что чрезъ три дня не будетъ болѣе жить у него непотребница его, содержавшаяся тогда, по приказанію моему, подъ карауломъ въ казармѣ за причиненный въ Тенищевскомъ домѣ шумъ. Какъ онъ не учитель, то непотребницу свою удерживаетъ при себѣ и донынѣ, къ явному стыду и поношенію университета и соблазну студентовъ, что и было первѣйшею и главнѣйшею причиною рапорта моего къ в. п., *дабы больницу университетскую и гимназическую препоручить г. Эрдману*, а съ тѣмъ купно, подъ означенною въ ономъ благовидною виною, отдать ему же и занимаемую Фуксомъ квартиру.—Объ явномъ непотребствѣ, пьянствѣ и распутствѣ въ отсутствіе Фукса, въ его покояхъ, равно и явномъ оборо-

ываніи его, мерзко даже и подумать" (далѣе слѣдуетъ уже приведенный нами эпизодъ воровства яблокъ). Вотъ нѣкоторыя еще токмо изъ тѣхъ, и большею частію недавно узнанныхъ мною обстоятельствъ, что слова „liederlich leben" должны прямо относиться на счетъ Фукса.—Въ домашнюю жизнь всякаго чиновника университетскаго входить не только нѣтъ мнѣ никакой возможности, но, кажется, не имѣю на то и никакого права, потому что каждый самъ по себѣ обязанъ, оберегая собственную свою честь, оберегать чрезъ то и честь заведенія, коего онъ сочленомъ".

Вѣроятно въ то время, когда Яковкинъ описывалъ попечителю похожденія Фукса, между ними пробѣжала черная кошка. Фуксу послѣ передачи ему директоромъ выше приведеннаго замѣчанія попечителя о его поведеніи, сдѣлалось извѣстнымъ кто доставляетъ въ Петербургъ свѣдѣнія о немъ. Съ своей стороны Яковкинъ ничего такъ не боялся какъ молвы о немъ въ Петербургѣ и изложенія его собственныхъ дѣйствій, независимо отъ взгляда начальства. Онъ опасается, что Фуксъ разсказываетъ о немъ всѣмъ пріѣзжающимъ изъ Петербурга въ Казань извѣстнымъ лицамъ, которыя сходились съ нимъ. «Не довольно еще сего, пишетъ директоръ: чрезъ своихъ сира и лади Гаттонъ старался и старается меня чернить въ разныхъ почетныхъ домахъ и въ Петербургѣ. Сердце мое предъ в. п. открыто. Слава Богу, что кичливость мнѣ совсѣмъ чужда; но злобную зависть довести до такой самой подлѣйшей степени весьма непростительно, а еще постыднѣе, не щадя никакой подлости и унизительности, искать благосклонности всякаго пріѣзжаго и не только задавать тонъ и увѣрять, что одинъ только Фуксъ и есть при Казанскомъ университетѣ достойный профессоръ, прочіе же всѣ ничего не стоятъ, что самое, чрезъ своихъ возлюбленныхъ Гаттоновъ, распространять и въ Петербургѣ. Теперь-то я знаю совершенно весь постыдный характеръ сего человѣка, одинаковое со звѣремъ таковыхъ же свойствъ прозваніе носящаго. Богъ съ нимъ! Онъ его рано или поздно накажетъ».

Попечитель успокоивалъ своего постояннаго и вѣрнаго корреспондента: «Не ожидалъ я отъ г. Фукса такихъ поступковъ, какіе въ письмѣ вашемъ описаны. Что нѣкоторые изъ нашихъ господъ содержатъ домоводокъ, то дѣлаютъ они по примѣру нѣмецкихъ университетовъ. Но домоводки тамъ ведутъ себя скромнѣе, нежели наши солдатки. Поступокъ его въ разсужденіи васъ непростителенъ и еще того непростительнѣе, что не стыдится говорить, что онъ одинъ только и есть при Казанскомъ университетѣ достойный профессоръ, а прочіе же всѣ ничего не стоятъ. Здѣсь не только не слышно, что проповѣдуютъ сиръ и лади въ пользу Фукса, но ни о сирѣ ни о лади ничего не знаютъ». «Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ г. Фукса письмо, въ которомъ старается доказать, что всѣ

вѣсти, до меня дошедшія, суть клеветы [1]), и между прочимъ увѣряетъ, что весь городъ готовъ дать свидѣтельство о его добропорядочномъ образѣ жизни. Но какъ бы то ни было, онъ долженъ будетъ жалѣть, ежели барышня Мячкова письменно начнетъ просить о разрѣшеніи любовной между ими связи. По тѣхъ поръ дѣло сіе можетъ длиться, покамѣстъ не подастъ она чего-нибудь на письмѣ, и какъ бы оно ни кончилось — не принесетъ добра г. Фуксу». Вообще Фуксъ въ этомъ году запутался въ своихъ домашнихъ

---

[1]) Яковкинъ прочиталъ Фуксу отрывокъ письма попечителя, касающійся его: „Je fus stupéfait d'ètonnement et d'horreur, lorsqu'il a lu l'histoire d'une accusation aussi fausse qu'atroce", говорилъ Фуксъ и счелъ необходимымъ оправдываться въ письмѣ къ попечителю. Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ него. Фуксъ говоритъ о своемъ положеніи въ казанскомъ обществѣ: „Je jouis depuis bien longtemps de l'èstime publique, puisque (?) on m'invite pour chaque bonne société; on est enchanté de me posséder; on me dit mille choses agréables; on me comble de bienfaits. Tous les grands personnages, qui arrivent de Pétersbourg ou dé Moscou viennent faire ma connaissance. Messieurs le prince Volconsky, le comte Orlov, le prince Tenischev, le sénateur Obreskov et beaucoup de personnes de mérite distingué, ont passé plusieurs fois une soiree entière chez moi...... Pendant cette semaine beaucoup de généraux et des conseillers d'état sont venus me féliciter pour la fête de Paques, honneur dont je dois être jaloux, et qui, j'en suis sûr, n'a été accordé à aucun de nos professeurs.—Mais que diront mesdames, par ex. madame Veschnékov, dont le mari a été maréchal de la noblesse de Cazan et madame la générale Hannibal, qui avec leurs familles viennent passer la soirée chez moi une ou deux fois par semaine, que diront ces dames, lorsqu'elles entendront parler d'une pareille accusation, voudraient-elles venir chez un homme de mauvaise conduite?" Далѣе Фуксъ говоритъ, что, по мнѣнію казанскихъ дворянъ онъ былъ „le modèle pour le bon goût, la décence et la propreté, qui regnent chez moi". Наконецъ, Фуксъ ссылается на двѣ причины, „qui ôtent même le pouvoir d'être débauché par force: La première est que ma chétive figure n'est pas faite pour la moindre débauche, puisque je souffre beaucoup d'une obstruction de foie que j'ai gagné à Pétersbourg et de la gravelle, dont je suis souvent attaqué. Le moindre excès me coûtera la vie. Cela est connu à tous nos médecins de Cazan que j'ai consulté à cet égard. En second lieu j'élève deux pauvres enfants orphelins, auxquels je ne voudrais pas donner un mauvais exemple. De plus M. le général Vsevolodjsky à Moscou m'a confié l'éducation de son cousin, qui loge aussi chez moi". Трудно, конечно, разобраться въ правдѣ двухъ крайне противоположныхъ утвержденій, но сколько мы знаемъ, по разсказамъ стариковъ казанскихъ, Фуксъ, по мягкости своей натуры, будучи, кромѣ того, весьма *женолюбивъ*, подчинялся женщинамъ и позднѣе; у жены своей былъ подъ башмакомъ. Впрочемъ, по разсказу, слышанному нами отъ давно умершей старушки помѣщицы, сосѣдки по имѣнію барышнѣ Мячковой, эта послѣдняя, принадлежавшая къ тѣмъ энергическимъ женскимъ типамъ, какіе съ 19 февраля 1861 года, постепенно вымираютъ, задалась непремѣннымъ желаніемъ во что бы то ни стало женить на себѣ мягкосердечнаго Фукса.

дѣлахъ; на Сѣрныя воды онъ снова поѣхалъ: тамъ была у него обширная практика, а передъ его отъѣздомъ, въ іюнѣ 1811 года, Яковкинъ писалъ о немъ слѣдующее: «Явившаяся въ Казань на прошедшей недѣлѣ Гаттонъ возродила съ г. Фуксомъ новую непріятную интригу. Солдатка его, царицынка, убѣжала въ свое село, не забывши забрать съ собою что помягче, полегче или потяжеловѣснѣе; а дворянка барышня Мячкова приступаетъ ко мнѣ почти уже формально, чтобы вынудить у г. Фукса развязку продолжающейся уже три года любовной ихъ комедіи. Говорилъ я сегодня о семъ съ Фуксомъ для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій: но онъ увѣряетъ совсѣмъ противно, нежели какъ увѣдомляетъ и даже готовится доказать барышня Мячкова. Чѣмъ исторія сія продолжится или кончится, не премину обстоятельно донести в. п.; а барышня сія затѣваетъ и предполагаетъ многое». По возвращеніи Фукса въ Казань, его ждала новая непріятность: очищеніе казенной квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ, по требованію попечителя: ее долженъ былъ занять Эрдманъ. Напрасно онъ употреблялъ усилія, доказывая предъ начальствомъ необходимость сохранить эту квартиру по близости ея къ ботаническому саду; его заставили ее очистить. «Самъ г. Фуксъ не былъ бы столько упрямъ, да и не осмѣлился бы; но пожаловавшая его своимъ пріѣздомъ лади Гаттонъ и ожидаемый сиръ Гаттонъ много его надуваютъ. Не повезло Фуксу въ тотъ годъ, если вѣрить Яковкину, и въ излюбленномъ имъ мѣстѣ. «На Сергіевскихъ водахъ сволочью своею заслужилъ онъ всеобщее презрѣніе, а братъ Мячковой, преслѣдуя его тамъ, принудилъ скорѣе спасаться въ Саратовскую губернію, да и здѣсь въ Казани опасается онъ чрезвычайно его преслѣдованія». Дальше этого года мы не имѣемъ однако болѣе интимныхъ свѣдѣній о жизни Фукса и его приключеніяхъ. Эпизодъ его съ барышней Мячковой, такъ интересовавшій Румовскаго, повидимому, не имѣлъ послѣдствій.

Мы невольно, къ сожалѣнію, увлеклись изобиліемъ представившихся намъ архивныхъ матеріаловъ для такой когда-то крупной личности и въ городѣ и въ университетѣ, какою былъ Фуксъ. Свѣдѣнія, доставленныя Яковкинымъ, вызваны были любознательностью попечителя. Этотъ старикъ, жившій въ Петербургѣ, давно уже не думалъ о наукѣ и ея успѣхахъ. Весь преданный теперь бумажной административной дѣятельности, онъ желалъ повидимому оживить ее собираніемъ сплетенъ о томъ, что дѣлалось въ далекой Казани и ея университетѣ, ввѣренномъ его попеченію. Пріѣзжіе въ столицу отвѣчали лично на его старческіе, добродушные повидимому разспросы

отсутствующіе въ свою очередь передавали ему въ письмахъ событія съ своей точки зрѣнія, а начальникъ думалъ, что онъ всезнающъ и твердо держитъ въ своихъ рукахъ дѣло науки и образованія.

Въ медицинскомъ описаніи Сергіевскихъ минеральныхъ источниковъ Фуксъ предупредилъ Эрдмана и хотя послѣдній сдѣлалъ свои наблюденія надъ водами на другой годъ послѣ Фукса, но опубликованы по-нѣмецки они были гораздо позднѣе, не ранѣе изданія имъ книги, т.-е. 1825 года. Описаніе водъ, сдѣланное Эрдманомъ было готово уже въ августѣ 1811 года, тотчасъ по возвращеніи съ этихъ водъ, и было представлено имъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Краткое извлеченіе изъ него было напечатано въ мѣстной газетѣ [1]). Описаніе это тѣмъ важно, что Эрдманъ первый сдѣлалъ на мѣстѣ, послѣ пятидесяти опытовъ, не смотря на большой недостатокъ необходимыхъ пособій и снарядовъ, правильный химическій анализъ состава сѣрной воды. Сравнивая этотъ анализъ съ другимъ, сдѣланнымъ въ тридцатыхъ годахъ профессоромъ химіи въ Казанскомъ университетѣ Клаусомъ и съ анализомъ объявленія содержателя водъ весны 1888 года,—мы не находимъ значительной между ними разницы, несмотря на естественный ростъ науки. Описаніе Эрдмана вообще солиднѣе Фуксова. Эрдману же первому принадлежитъ проектъ такого устройства этого заброшеннаго, но все же полезнаго мѣстечка, по которому оно могло походить сколько-нибудь на нѣмецкій Bade-Ort. Наблюдательный Эрдманъ жилъ очень удобно на Сергіевскихъ водахъ: у него, какъ у медика, была хорошая квартира; онъ жилъ на всемъ готовомъ и ни въ чемъ не нуждался. Отсюда онъ дѣлалъ разныя поѣздки, изучая незнакомую страну. Такъ весьма любопытно все то, что онъ разсказываетъ о калмыкахъ, кочевавшихъ по близости, о ламѣ-врачѣ, медицинскія средства котораго онъ изучалъ и пр. [2]).

---

[1]) *Каз. Изв.* 1811 г. №№ 19 и 20. Болѣе подробное помѣщено Эрдманомъ въ современномъ журналѣ *Scherer's* Nordische Blätter, Band I, Heft I.

[2]) Сергіевскія сѣрныя воды вызвали въ литературѣ много описаній. Мы думаемъ, что изъ всей этой литературы самое замѣчательное принадлежитъ Эрдману (Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland, Zweiter Theil, Erste Hälfte, S. 1—29), но оно не было переведено по-русски и позднѣйшими описателями игнорировалось. Укажемъ еще на статью бывшаго профессора терапевтической клиники Казанскаго университета Н. А. Скандовскаго, помѣщенную въ „Запискахъ по части врачебныхъ наукъ“ С.-Петербургской медико-хирургической академіи 1843 года и отдѣльно (съ рисункомъ): „О Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ“, СПБ. 1843. 8°. 21 стр. О характерѣ прежней общественной жизни на этихъ водахъ и о печальномъ состояніи

Не проходило ни одного года, чтобы дѣятельный и любознательный Эрдманъ не дѣлалъ изъ Казани какой-либо поѣздки, для чего онъ пользовался всегда порученіями отъ университета, то съ научною цѣлью, то въ качествѣ визитатора. Наблюденія, сдѣланныя имъ во время этихъ поѣздокъ и составили содержаніе трехъ томовъ его сочиненія, посвященнаго изученію Россіи: «Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland», сочиненія, не утратившаго и теперь интереса, но къ сожалѣнію, не переведеннаго на русскій языкъ, почему вѣроятно и рѣдко встрѣчаются на него ссылки. Самъ онъ объ этомъ сочиненіи своемъ отзывается весьма скромно: «Какъ мало самому мнѣ приходило въ голову ставить мою работу рядомъ съ трудами Палласа, Георги, Гмелина, Гюльденштедта, Лепехина и Фалька, также мало и публика можетъ требовать отъ меня чего либо подобнаго. Эти люди совершали свои путешествія по указаніямъ правительственной власти, для изслѣдованія свойствъ цѣлой страны, для изученія произведеній ея природы, искусства, древностей и народовъ въ ней обитающихъ,—я же, напротивъ того, дѣлалъ свои поѣздки по порученіямъ университета, къ которому принадлежалъ тогда, для ревизіи зависимыхъ отъ него учебныхъ заведеній, для представленія рапортовъ о состояніи ихъ и отчасти предположеній къ лучшему ихъ устройству. Все, что было исполнено мною по даннымъ порученіямъ, находится въ рукахъ учрежденій. посылавшихъ меня и не можетъ интересовать обыкновенную публику. Здѣсь я представляю только то, что имѣетъ общій интересъ. Но наблюденія мои были для меня дѣломъ побочнымъ, сколько дозволяло ихъ дѣлать мнѣ свободное отъ исполненія возложенныхъ на меня порученій время и заранѣе опредѣленный маршрутъ. Не слѣдуетъ поэтому требовать отъ меня подробной топографіи посѣщенныхъ мною мѣстъ» [1]). Недостатокъ личныхъ наблюденій Эрдманъ дополняетъ значительнымъ знакомствомъ съ литературою о Россіи, не только иностранною, но и русскою (по всей вѣроятности въ переводахъ). Сужденія его о странѣ, правительствѣ, народныхъ свойствахъ и явленіяхъ русской жизни отличаются вообще большою умѣренностью, соединенною однако съ большимъ знаніемъ. Вотъ почему неизвѣстный переводчикъ общей картины русскаго характера и русскаго правленія, представленной Эрдманомъ въ его сочиненіи, называетъ его въ одномъ изъ нашихъ журналовъ 1825 года—*бла-*

этого курорта (теперь оно гораздо хуже) даетъ понятіе статья казанца *Н. А. Демерта:* „Помѣщичьи минеральныя воды" (*Отеч. Записки*, 1871 г. т. V, N. 9, Отд. I, стр. 211—260).

[1]) Предисловіе къ первой половинѣ второй части, стр. VIII—IX.

гонамѣреннымъ [1]), а рецензентъ нѣмецкой литературной газеты, напротивъ того, упрекаетъ автора за слишкомъ снисходительное, напримѣръ, отношеніе къ существовавшему тогда въ Россіи крѣпостному праву. «Едва ли можно хвалить рабство, говоритъ онъ, по той причинѣ, что найдутся добродушные господа, по человѣчески обращающіеся съ своими крѣпостными, или такіе слабые, которыми управляютъ ихъ же собственные рабы. Подобныя явленія могутъ встрѣчаться даже на Антильскихъ островахъ между рабовладѣльцами и рабами. Но возможно ли на этомъ основаніи хвалить самую сущность рабства?» [2]). Въ своихъ отвѣтахъ этому рецензенту, очевидно хорошо знакомому съ Россіей, Эрдманъ нѣсколько спутался: онъ никакъ не могъ доказать существованія въ нашемъ отечествѣ такихъ законоположеній, которыя хотя сколько-нибудь регулировали бы даже обязательныя работы крѣпостныхъ помѣщику. Но не будемъ входить въ подробности политическихъ убѣжденій профессора-клинициста: въ ту пору и въ его положеніи они не могли быть иными. Эрдману въ особенности нравилась Россія, какъ такая страна изъ всѣхъ европейскихъ, которая отличается наибольшимъ гостепріимствомъ по отношенію къ иностранцамъ. Передадимъ по возможности коротко, что сдѣлалъ онъ для изученія Россіи во время службы своей въ Казани.

Въ 1812 году, на другой годъ послѣ поѣздки на Сергіевскія воды, Эрдманъ, въ сопровожденіи магистра Шоника, ѣздилъ въ окрестности уѣзднаго города Тетюши, гдѣ находится пещера, образовавшаяся отъ весеннихъ разливовъ Волги, съ небольшимъ сѣрнымъ ключемъ. Впослѣдствіе времени разные наивные прожектеры искали тамъ сѣру, нефть, асфальтъ, устраивали заводы, но ничего не добились. Въ годъ поѣздки Эрдмана мечтали найти тутъ цѣлительные сѣрные ключи, но минеральная вода оказалась въ ничтожномъ количествѣ [3]).

Къ слѣдующему 1813 году относится самая любопытная, по нашему мнѣнію, и замѣчательная по своему археологическому достоинству, поѣздка Эрдмана, въ сопровожденіи профессора Френа на развалины древняго Булгара, въ это излюбленное мѣсто позднѣйшихъ казанскихъ археологовъ, описывавшихъ эти развалины каждый по своему, какъ Богъ на душу положитъ. Достоинству описанія Эрд-

---

[1]) „Мысли благонамѣреннаго иностранца о Россіи". *Сѣв. Архивъ* 1825 г.; ч. XVIII, N. 23, стр. 209—242.

[2]) Hallische Literatur Zeitung. 1822. № 282.

[3]) Замѣчанія Эрдмана напечатаны въ *Каз. Изв.* 1812 г., № 18 и въ его Beiträge (Erster Theil, S. 306—309): „Beschreibung einer Höhle bei Tetjusch".

мана придавало большое значеніе присутствіе такого знатока татарской древности, какимъ былъ Френъ, и мы увѣрены, что вся историческая часть описанія, все, что касается археологіи Востока въ немъ, сообщено Эрдману Френомъ. «Я видѣлъ и изслѣдовалъ развалины Булгара, пишетъ Френъ къ Моргенштерну. Я былъ въ особенномъ душевномъ настроеніи, когда бродилъ посреди этихъ почтенныхъ остатковъ древняго, исчезнувшаго татарскаго величія, когда чувствовалъ себя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда, за четыре столѣтія до нашего времени, прошелъ съ оружіемъ страшный Тимурленгъ. Несмотря на разрушающее дѣйствіе времени и все уничтожающія руки жителей села Болгаръ, которое занимаетъ только небольшую часть прежней громадной территоріи города, стоятъ еще цѣлыми четыре большія развалины и глазъ не нарадуется, смотря на стройную, высокую, прямую башню, имѣющую можетъ быть пять, а можетъ быть и болѣе вѣковъ, тогда какъ вблизи ея, гораздо ниже ея по высотѣ, поражая неуклюжестью размѣровъ и формы, колокольня русской церкви, которой нѣтъ и 80 лѣтъ, уже начинаетъ наклоняться. Мнѣ такъ хорошо было здѣсь, между развалинъ, что я намѣренъ снова посѣтить ихъ слѣдующимъ лѣтомъ» [1]).

Описаніе развалинъ Булгара, сдѣланное Эрдманомъ, есть первое обстоятельное описаніе ихъ послѣ Лепехина и Палласа. Первый, сверхъ сухого опредѣленія размѣровъ стѣнъ и ихъ разстояній другъ отъ друга, даетъ только переводъ скопированныхъ по повелѣнію Петра В. надгробныхъ надписей. Палласъ — гораздо точнѣе, но самъ сознается, что суровое время года мѣшало его изслѣдованіямъ; кромѣ того, его догадки, по словамъ Эрдмана или скорѣе Френа, не всегда удачны, да онъ и не знакомъ съ исторіей Булгара. Френа и Эрдмана, который посредствомъ камеры-обскуры снималъ каждую развалину отдѣльно, сопровождалъ университетскій живописецъ Крюковъ (учитель рисованія); онъ срисовалъ видъ всѣхъ развалинъ, а для Френа скопировалъ нѣсколько арабско-татарскихъ надгробныхъ надписей и двѣ армянскихъ. Изслѣдователи были увлечены величіемъ въ первый разъ видѣнныхъ ими развалинъ (теперь не осталось и десятой доли того, что они видѣли): «Развалины Булгара принадлежатъ безспорно къ важнѣйшимъ памятникамъ древности этого рода, говоритъ Эрдманъ. Онѣ представляютъ главный матеріалъ для исторіи забытаго народа, который когда-то могущественно правилъ колесами міровой машины. Уже самое имя,

---

[1]) *Dörptische Beiträge* Zweiter Band, 1815. S. 270—271. Письмо Френа помѣчено 2-го ноября 1813 года.

указывающее на происхожденіе многочисленнаго народа въ другихъ странахъ, болгаровъ на Дунаѣ, самая страна, которая была нѣкогда театромъ великихъ міровыхъ событій въ то время, какъ Европа, погруженная въ зимнюю спячку, жила темною жизнью среднихъ вѣковъ, богатство находимыхъ здѣсь надписей и монетъ, бросающихъ порою нѣкоторый свѣтъ въ темную область восточной исторіи и наконецъ остатки зданій, которыя въ состояніи дать понятіе о прежней культурѣ и могуществѣ исчезнувшаго государства—все это должно возбуждать жажду знанія и давать высокій интересъ описанію этой мѣстности».

Описаніе развалинъ Булгара, состоящее изъ двухъ частей: а) *описанія самихъ развалинъ*, весьма подробнаго и точнаго (при немъ приложенъ переводъ шести надгробныхъ арабско-турецкихъ надписей и трехъ армянскихъ) и б) *исторіи Булгара* [1]), было написано Эрдманомъ въ мартѣ 1817 года, передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Казани [2]). Безъ сомнѣнія онъ и послѣ 1813 года посѣщалъ еще эту любопытную мѣстность и не вдругъ составилъ свое описаніе, до сихъ поръ не утратившее своего научнаго интереса, какъ трудъ людей и серьезно подготовленныхъ къ изученію этихъ историческихъ развалинъ и высоко образованныхъ для пониманія прошлаго. Болгарскія развалины много разъ описывались различными путешественниками, то пріѣзжавшими издалека, то мѣстными [3]). За

[1]) Исторія Булгара, по словамъ Эрдмана въ его примѣчаніи, всецѣло принадлежитъ Френу, который „позволилъ мнѣ свободно пользоваться собранными имъ матеріалами“. Восточные источники, на которые постоянно ссылается эта „исторія“ и обширныя свѣдѣнія о восточной исторіи могли принадлежать только Френу. Въ другой разъ онъ посѣтилъ Булгаръ, сопровождая туда извѣстнаго любителя старины и покровителя науки въ Россіи графа Н. П. Румянцева. Своими историческими замѣчаніями и поправками помогалъ Эрдману и профессоръ исторіи Казанскаго университета Цеплинъ, при новомъ попечителѣ Салтыковѣ снова воротившійся на каѳедру. „Исторія Булгаровъ“ переведена на русскій языкъ Языковымъ (*Сынъ Отечества*, 1821 г., ч. 67, № VI, стр. 241—252, и № VII, стр. 289—306).

[2]) Сочиненіе Эрдмана въ первый разъ было напечатано въ Neue Allgemeine geographische Ephemeriden, herausgg. von *F. J. Bertuch*, Weimar, 1820. 7-er Band, viertes Stück, S. 393—434. Оно повторено, но съ нѣкоторыми сокращеніями въ его *Beiträge*, Ester Theil, 1822, Beilage, № 1. „Die Ruinen Bulghars“, S. 280—305.

[3]) Подробное изложеніе „библіографіи описаній булгарскаго городища“ даетъ г. Шпилевскій въ своей книгѣ: „Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, на стр. 195—233. Къ сожалѣнію авторъ до того безпристрастенъ, что сопоставляя всѣ эти описанія и сравнивая ихъ частности, не даетъ никакого заключенія о сравнительномъ ихъ достоинствѣ. Читатель не знаетъ кто правъ и кто ошибается.

немногими исключеніями, всѣ они были диллетантами въ восточной археологіи. Какъ это ни странно, но мы почти увѣрены, что большинство изъ нихъ не знало о существованіи сочиненія Эрдмана, оставшагося почти неизвѣстнымъ и никогда не переведеннымъ на русскій языкъ (мы говоримъ собственно объ описаніи развалинъ). Конечно изслѣдователи, время отъ времени появлявшіеся въ селеніи Болгарахъ, удовлетворяли любознательности, но имъ не слѣдовало бы знакомить публику съ своими открытіями, не справившись съ предшествовавшею литературою. Выходило до самаго послѣдняго времени очень забавно, когда многіе изъ нихъ воображали, что открыли давно открытую Америку. Мы, нѣсколько знакомые съ этою почти случайною литературою о болгарскихъ развалинахъ, имѣемъ дерзость утверждать, что все написанное и напечатанное о нихъ, послѣ статьи Эрдмана (съ участіемъ Френа)—достоинствомъ гораздо ниже ея. Прекрасные рисунки главнѣйшихъ развалинъ, сдѣланные такимъ хорошимъ рисовальщикомъ, какимъ былъ Крюковъ [1]) и воспроизведенные гравюрою на мѣди географическимъ институтомъ въ Веймарѣ [2]) весьма важны. Они даютъ и тщательно сдѣланные, хотя и въ весьма малыхъ размѣрахъ, планы нѣкоторыхъ болѣе важныхъ построекъ. Они даютъ также и представленіе о томъ видѣ развалинъ, въ какомъ онѣ находились болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ. Со времени поѣздки Эрдмана многое измѣнилось. Время, а болѣе всего хищничество окрестныхъ жителей, увозившихъ и надгробныя плиты и камни, и старые кирпичи на потребу вседневной жизни, не имѣющей основаній заботиться о старинѣ (такъ мы знали дорожку отъ крыльца до кухни въ помѣщичьемъ дворѣ, выстланную надгробными камнями съ арабскими надписями) сдѣлали свое дѣло. Нѣсколько зданій исчезло совершенно, другія разрушились, обвалились; основанія засыпаны мусоромъ; архитектурныя

---

[1]) Крюковъ, отецъ извѣстнаго въ сороковыхъ годахъ профессора латинской словесности въ Московскомъ университетѣ, былъ вольноотпущеннымъ помѣщицы поручицы Секіотовой и пріѣхалъ въ Казань изъ Симбирска въ 1806 году. Въ городѣ онъ имѣлъ большой успѣхъ своими портретами, какъ грудными такъ и миніатюрными. Образцы его работъ находятся до сихъ поръ въ университетѣ. Крюковъ явился къ Яковкину и изъявилъ ему желаніе занять мѣсто учителя живописи въ только что открытомъ университетѣ. Яковкинъ послалъ нѣсколько работъ его къ Румовскому, хвалилъ его талантъ и особенно „тихій его характеръ и благородное обращеніе". Румовскій пожелалъ, чтобы Фуксъ далъ Крюкову срисовать что нибудь изъ натуральной исторіи. Были сдѣланы рисунки нѣкоторыхъ животныхъ и растеній; они понравились и Крюковъ былъ опредѣленъ. Онъ умеръ въ 1840 году.

[2]) Тѣ же рисунки, приложенные при первой половинѣ второй части Beiträge, но повторенные уже литографіей, гораздо ниже достоинствомъ.

украшенія, глиняныя мозаики представляютъ только жалкіе обломки, да ихъ и трудно теперь собрать на мѣстѣ. Цѣль, которую имѣлъ Эрдманъ, представляя свое описаніе развалинъ, сдѣланное имъ послѣ Палласа, въ ихъ тогдашнемъ видѣ, заключалась въ томъ, чтобы нѣсколько способствовать разъясненію древней исторіи Болгарскаго царства и извлечь остатки зданій изъ забвенія для той эпохи, «когда все разрушающее время, безостановочно работающее надъ ними, измѣнитъ ихъ формы до неузнаваемости». Заботамъ казанскаго археологическаго общества высочайше ввѣрено охраненіе этихъ историческихъ памятниковъ, сохраненіе ихъ для потомства. Пожелаемъ, чтобъ это общество всегда оставалось на высотѣ такого своего призванія.

Плодомъ семилѣтняго пребыванія Эрдмана въ Казани было подробное изученіе имъ города и губерніи, преимущественно въ медицинскомъ отношеніи; но къ этой главной темѣ присоединено очень много свѣдѣній историческихъ, географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ. Сочиненіе Эрдмана, несмотря на разнообразное содержаніе свое, носитъ названіе: «Медицинская топографія губерніи и города Казани» [1]). Къ нему, кромѣ значительнаго числа таблицъ о народонаселеніи по разнымъ рубрикамъ, о господствующихъ болѣзняхъ и пр., приложенъ большой планъ Казани съ объясненіями. Въ этой топографіи, отдѣльно о городѣ и отдѣльно о губерніи, излагаются: исторія, физическія, т. е. естественно-историческія свѣдѣнія, климатъ (съ метеорологическими наблюденіями), промышленность и ремесла, населеніе и условія его жизни (въ томъ числѣ и увеселенія), заведенія для народнаго образованія и наконецъ господствующія болѣзни. «Польза такихъ медицинскихъ топографій всѣми признана [2]), говоритъ Эрдманъ она возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія числа ихъ, такъ какъ сравненіе свойствъ разныхъ мѣстностей всегда приводитъ къ новымъ результатамъ». Эрдманъ сознаетъ недостатки своего труда. Съ одной стороны онъ жалуется, совершенно впрочемъ справедливо, на недостатокъ данныхъ, особенно статистическихъ, числовыхъ и неимѣніе сотрудниковъ, съ другой на несуществованіе предшествовавшихъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ неправъ. Уже съ конца прошлаго вѣка печатались такія

[1]) Оно составляетъ первую часть его Beiträge, S. 1—344.

[2]) Мы знаемъ, что въ тѣ годы инспекторъ медицинской управы въ каждомъ губернскомъ городѣ обязанъ былъ составить такую „медицинскую топографію" и наши университетскіе визитаторы, пріѣзжая въ незнакомый городъ, старались съ самаго начала заручиться такой топографіей, чтобы оріентироваться на мѣстѣ.

медицинскія топографіи о Казани [1]), но мы къ сожалѣнію не можемъ сказать въ какомъ отношеніи находится сочиненіе Эрдмана къ предшествовавшимъ трудамъ подобнаго содержанія. Можно только утверждать, что трудъ Эрдмана мало или даже вовсе не былъ извѣстенъ мѣстнымъ ученымъ, потомъ, послѣ него, касавшимся сходнаго содержанія. Повторилось тоже, что и въ археологіи и съ такимъ печальнымъ явленіемъ, необходимымъ свойствомъ исторіи русской научной дѣятельности, лишенной преданій и преемственности въ разработкѣ, приходится невольно помириться. Эрдманъ не могъ оставить въ Казани ни школы, ни учениковъ и имя его, какъ профессора, было вполнѣ забыто.

Что самъ онъ былъ хорошо подготовленъ къ такого рода сочиненіямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на личномъ изученіи и наблюденіи, можно заключить изъ обширной, но ненапечатанной программы разныхъ вопросовъ по врачебной наукѣ, представленной имъ въ комитетъ, учрежденный при Казанскомъ университетѣ въ 1811 году, слѣдовательно только чрезъ годъ его служебной дѣятельности, по поводу предполагавшейся тогда, по желанію правительства ученой экспедиціи (о цѣли и о судьбѣ этой экспедиціи было уже разсказано нами). Вопросы, отвѣты на которые Эрдманъ предполагалъ собирать въ экспедиціи только на простанствѣ губерній, составлявшихъ районъ Казанскаго учебнаго округа, касались: 1) врачебной статистики, 2) патологіи, 3) терапіи, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія и 7) врачебнаго веществословія; при послѣдней рубрикѣ приложенъ «списокъ иностранныхъ лекарствъ, съ показаніемъ натуральныхъ тѣлъ, изъ коихъ они получаются и ихъ отечества» (см. дѣло совѣта 1811 года, № 42). Несмотря на безспорный прогрессъ, сдѣланный наукою со времени Эрдмана, многіе изъ этихъ вопросовъ, не говоря уже о томъ, что они свидѣтельствуютъ о знаніяхъ и наблюдательности составителя, весьма любопытны, потому что и въ настоящее время они составляютъ предметъ изслѣдованія земскихъ медицинскихъ коммиссій и ждутъ рѣшенія.

На университетскомъ актѣ 1815 года Эрдманъ произнесъ латин-

---

[1]) Таковы были: „Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда“ соч. *Дмитрія Зиновьева*. М. 1788. 8°. (Объ авторѣ этой книги мы говорили въ своемъ сочиненіи), и „Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе города Казани и губерніи оной“. СПБ. 1809. 8°. Это сочиненіе принадлежитъ инспектору врачебной управы Лангелю. Съ нимъ былъ очень близокъ Эрдманъ и всегда, когда оставлялъ Казань, поручалъ ему, а не Фуксу, завѣдываніе студентской и гимназической больницами.

скую рѣчь: «О выгодахъ, доставляемыхъ государству изученіемъ наукъ» [1]). Конечно эта латинская рѣчь осталась непонятною присутствующимъ, но она тогда же была переведена на русскій языкъ Срезневскимъ и напечатана. Въ ней профессоръ патологіи, клиники и терапіи вовсе не касался своей спеціальности, но говорилъ вообще о значеніи науки въ государствѣ—тема никогда не старая у насъ и для современниковъ, конечно, совершенно новая. Онъ говорилъ отъ лица и сословія ученыхъ и старался доказать вліяніе науки и занятій ученыхъ на общественное благосостояніе. Онъ возвышалъ званіе и положеніе ученаго и профессора, говорилъ о трудностяхъ, о тяжелой жизни того, кто отдаетъ всего себя наукѣ, забывая свою личность и жертвуя всѣми радостями жизни избранному труду и увлеченію наукой. Могущество государствъ и народовъ Эрдманъ прямо приписываетъ образованію. Въ доказательство онъ приводитъ примѣры изъ исторіи и другіе, имъ противоположные, доказывая этими послѣдними, что тѣ, которые боятся свѣта, боятся науки, желаютъ истребить плоды ея, руководятся не желаніемъ общей пользы, а эгоизмомъ. Только великіе въ исторіи государи покровительствовали наукѣ, говоритъ профессоръ; «только съ просвѣщеніемъ ума возвышаются до безконечности и могущество физическое, и нравственныя качества, и выгоды развитія и благосостояніе общественное». Доказательства этого положенія онъ беретъ изъ краткаго очерка различныхъ наукъ и ихъ значенія. Это приводитъ профессора къ развитію общихъ положеній о значеніи университетовъ и въ государствѣ, и въ наукѣ, и для образованія самихъ ея представителей. Онъ не согласенъ съ узкою спеціальностью какого либо одного знанія. «Только связь ихъ (nexus), соединеніе въ одно цѣлое, какъ въ университетѣ, научаетъ людей и быть дѣйствительно знающими и заботиться о благѣ общественномъ. Богословъ, законовѣдъ, врачъ, политико-экономъ и другіе, призванные быть пособниками общаго блага въ государствѣ, не одною только какою либо наукою должны образовать свой умъ, но обязаны познакомиться со многими изъ нихъ». Въ заключеніе своей рѣчи Эрдманъ говоритъ о Казанскомъ университетѣ, о его призваніи, какъ оно представлялось ему и его современникамъ, о тѣхъ обширныхъ пространствахъ четырнадцати губерній, составлявшихъ его округъ, омываемыхъ на югѣ Каспійскимъ моремъ, а на сѣверѣ Ледовитымъ океаномъ, гдѣ ввѣрено этому университету народное образованіе. Эти пространства заселены множествомъ разноплеменныхъ народовъ, частью еще ди-

[1]) De fructibus ex litterarum studio in rempublicam redundantibus. Cas. 1815. 4°. 24 p.

*

кихъ, ведущихъ кочевую жизнь въ степяхъ и тундрахъ. И эти народы, побуждаемые примѣромъ русскихъ и ихъ успѣхами въ просвѣщеніи, должны также сдѣлаться культурными, подчиниться законамъ людскости (legibus humanitatis). «Тяжкій по истинѣ трудъ предстоитъ намъ (т.-е. членамъ Казанскаго университета), но не устрашимся этой тягости и пусть она возбудитъ насъ еще къ большему напряженію нашихъ силъ: великіе намѣренія и труды ожидаетъ и великая слава»—говоритъ ораторъ. И, основываясь на исторіи, на примѣрахъ, взятыхъ имъ изъ русскаго развитія, Эрдманъ мечтаетъ, что со временемъ, благодаря Казанскому университету, и калмыки, и киргизы, и телеуты, и якуты, и тунгусы, и самоѣды, и вогулы, и остяки (о ближайшихъ къ Казани инородцахъ онъ почему-то умалчиваетъ), пріобрѣтутъ плоды образованія. Достиженіе такого успѣха кажется оратору не очень отдаленнымъ по времени; по его разсчету до него столько же вѣковъ, сколько прошло ихъ со времени господства Золотой Орды. «Вижу, какъ кочевыя племена строятъ себѣ постоянныя жилища, кладутъ основанія городамъ, образуютъ общества, полезныя государству, а изъ нихъ выйдутъ нѣкогда внуки, проникнутые любовью къ ученію и наукѣ, придутъ въ святилища музъ (т.-е. университеты) и принесутъ изъ нихъ своимъ согражданамъ просвѣщеніе. Что кажется теперь сномъ, то сбудется когда нибудь!»

Осуществить, выполнить на дѣлѣ это призваніе университета должны, по мнѣнію Эрдмана, визитаторы-профессора, о дѣйствіяхъ и поѣздкахъ которыхъ намъ не разъ уже приходилось говорить. Первая поѣздка Эрдмана, въ званіи визитатора, относится къ 1815 году. Ему предстояло обозрѣть Симбирскую, Саратовскую и Астраханскую губерніи, т.-е. гимназіи, разныя народныя училища и пансіоны въ этихъ губерніяхъ. Товарищемъ по ревизіи и спутникомъ Эрдмана былъ адъюнктъ астрономіи Симоновъ, которому тѣмъ болѣе пріятна была эта поѣздка, что онъ ѣхалъ къ роднымъ и ревизовать гимназію, давшую ему воспитаніе. Эрдманъ, какъ плохо говорившій по русски, и незнакомый съ страною, нашелъ въ немъ прекраснаго помощника. Онъ былъ очень доволенъ его обществомъ и благодаренъ за его savoir faire. Визитаторовъ сопровождалъ университетскій солдатъ-инвалидъ. Путешественники выѣхали изъ Казани 8-го іюля, чрезъ три дня послѣ университетскаго акта, на которомъ Эрдманъ читалъ свою рѣчь. Поѣздка совершена была сухопутно (настоящихъ удобствъ воднаго пути тогда не существовало) и длилась только ровно три мѣсяца. Въ Астрхани получили они извѣстіе о страшномъ пожарѣ, уничтожившемъ 2-го сентября того года Казань и поспѣшили домой.

Плодомъ этой поѣздки было описаніе всего видѣннаго въ теченіе ея, помѣщенное Эрдманомъ въ его Beiträge [1]). Мы не имѣемъ конечно возможности передавать здѣсь какой либо разсказъ объ этой поѣздкѣ (сдѣлано было 3220 верстъ), можемъ сказать только о томъ впечатлѣніи, которое производитъ описаніе путешествія на читателя. Передъ нами весьма образованный путешественникъ; вниманіе его обращено на самые разнообразные предметы и жалѣть надобно, что это описаніе не появилось тогда же въ русскомъ переводѣ. Въ нашей литературѣ въ тѣ годы, съ легкой руки Карамзина, плодились такъ называемыя сентиментальныя путешествія: Вл. Измайлова, кн. И Долгорукова, М. Невзорова, и др., не дававшія никакихъ свѣдѣній, ничего не говорившія уму. Здѣсь, напротивъ того, кромѣ разсказа о пути и о мѣстахъ видѣнныхъ, мы видимъ описаніе всего замѣчательнаго, замѣтки о разнообразныхъ народностяхъ края, наблюденія надъ нравами и обычаями, описанія нѣкоторыхъ мѣстностей, любопытныхъ или въ естественно-историческомъ отношеніи, или по продуктамъ, которые обработываетъ мѣстная промышленность и пр. Наконецъ Эрдманъ говоритъ и о личностяхъ, чѣмъ либо выдававшихся въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, съ которыми ему приходилось входить въ сношенія. Все, что относилось до дѣла, порученнаго ему училищнымъ комитетомъ университета, все это было имъ своевременно представлено куда слѣдуетъ. Объ этомъ порученіи онъ почти ничего не говоритъ въ своемъ описаніи; оно заключаетъ въ себѣ только то, что представляетъ общій интересъ. А какъ разнообразенъ этотъ интересъ, можно видѣть изъ приложеній къ этому описанію поѣздки до Астрахани. Читатель можетъ познакомиться изъ нихъ и съ состояніемъ саратовскихъ нѣмецкихъ колоній и со школами этихъ колоній, о лучшемъ устройствѣ которыхъ Эрдманъ представлялъ въ совѣтъ университета, и съ добываніемъ соли на Эльтонскомъ озерѣ, и съ химическимъ анализомъ воды этого озера, и съ описаніемъ степныхъ миражей (Luftbilder) съ попыткою объяснить ихъ, и съ астраханскими индійцами, и съ свѣдѣніями о современномъ положеніи калмыковъ и пр. Эрдманъ записывалъ и клалъ на музыку богослужебныя пѣсни индійцевъ въ Астрахани, пѣсни калмыковъ разнаго содержанія, татаръ казанскихъ, наконецъ армянъ.

Черезъ три мѣсяца визитаторы воротились въ сгорѣвшую Казань. За нѣсколько верстъ до нея восточный вѣтеръ донесъ до нихъ запахъ пожарища (это было болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ

---

[1]) Reise durch das Simbirskische, Saratowsche und Astrachanische Gouvernement im Sommer 1815. Beiträge, 2-er Theil, Erste Hälfte, S. 30—230.

пожара) и при лунномъ свѣтѣ ѣхали они посреди обширной пустыни, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ возвышались только обгорѣлыя колокольни и каменныя стѣны. Этотъ пожаръ сильно поразилъ современниковъ; преданія о немъ переходили изъ устъ въ уста очень долго, до такого же опустошительнаго пожара въ 1842 году, подобно тому какъ петербургскими старожилами передавались разсказы о наводненіи 1824 года. Эрдманъ, какъ и Литтровъ, описалъ этотъ пожаръ [1]).

Въ слѣдующемъ 1816 году Эрдманъ, въ сопровожденіи адъюнкта Ренарда, отправляется визитаторомъ въ совершенно другую сторону, но поѣздка эта интересовала его не менѣе, чѣмъ и прежнія. Въ маѣ этого года, по случаю перестройки пришедшаго въ совершенную ветхость зданія Тобольской гимназіи, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія экономическихъ суммъ директоромъ Арнгольдомъ (бывшимъ незадолго до того профессоромъ хирургіи въ Казанскомъ университетѣ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ) и наконецъ по поводу возникшаго между директоромъ и гражданскимъ начальствомъ несогласія, попечитель предписалъ совѣту отправить въ Тобольскъ визитатора. Такимъ выбранъ былъ Эрдманъ, который безъ сомнѣнія самъ вызвался на это дальнее путешествіе изъ любознательности. Не станемъ говорить о томъ, какъ визитаторы выполнили свое порученіе. Ихъ служебный осмотръ былъ весьма непродолжителенъ, донесенія ихъ сохранились и результаты поѣздки въ этомъ отношеніи интересны для желающихъ познакомиться съ первоначальной исторіей гимназіи въ Тобольскѣ. Въ этомъ городѣ предполагали, при учрежденіи въ 1803 году министерства народнаго просвѣщенія, основать университетъ для Сибири, были пожертвованія для этой цѣли; одинъ Демидовъ далъ 60.000 р., но университетъ основанъ не былъ. Проценты съ капитала, а частью и самый капиталъ шли на постройку гимназіи. Въ 1815 году оказалось, что каменный домъ ея грозитъ паденіемъ, а въ большой деревянной пристройкѣ уже три года никто не живетъ по ея негодности. Послѣ визитаціи, и по утвержденіи въ Петербургѣ новыхъ плановъ и смѣтъ постройки и перестройки, было употреблено на нихъ до 5.000 капитала, но уже въ 1824 году новый визитаторъ Словцовъ доносилъ въ Казань о негодности всѣхъ сдѣланныхъ для Тобольской гимназіи построекъ, несмотря на то, что позаботились даже о приданіи имъ внѣшней красоты: въ началѣ 1825 года, по случаю ожиданія въ Тобольскъ императора Александра Павловича, генералъ-губернаторъ западной Сибири Капцевичъ, въ бытность свою въ Тобольскѣ, приказывалъ словесно чрезъ гражданскаго гу-

[1]) Beitäge 2, 1, S. 231—237.

бернатора и городничаго, чтобы поставленная на гимназическомъ домѣ фигура (по всей вѣроятности Минерва, какъ на аѳинскомъ акрополѣ) была поправлена или совсѣмъ снята, «ибо оная не только не составляетъ никакого украшенія, но и безобразитъ все зданіе». Объ этомъ обстоятельствѣ доносилъ правленію университета директоръ тобольскихъ училищъ.

Описаніе путешествія двухъ визитаторовъ въ Тобольскъ начинается съ Вятской губерніи и носитъ тотъ же характеръ, что и прежнее. Эрдманъ доѣхалъ до Вятки, конечно сухимъ путемъ, обращая вниманіе на все то, что по пути, по его мнѣнію, казалось интереснымъ. Такъ въ Вятской губерніи онъ подробно описываетъ винокуренный заводъ помѣщика Юшкова, желѣзо-дѣлательные заводы Мосолова, вотяковъ, ихъ нравы и обычаи (въ приложеніи сообщены употребляемые ими письменные знаки), въ самой Вяткѣ—гимназію, какъ цѣль визитаціи, семинарію духовную, знакомство свое съ преосвященнымъ Гедеономъ, церкви, фабрики и пр. Изъ Вятки, чрезъ Екатеринбургъ, Эрдманъ спѣшилъ въ Тобольскъ, къ конечной цѣли поѣздки. Въ довольно подробномъ описаніи этого города особенно любопытными представляются личности, встрѣченныя тамъ Эрдманомъ, съ которыми онъ познакомился. На возвратномъ пути болѣе продолжительная остановка была въ Екатеринбургѣ. Отсюда Эрдманъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по уральскимъ заводамъ. Онѣ, и путь до Перми, дали ему матеріалы для сообщенія въ своемъ описаніи свѣдѣній о горнозаводскомъ дѣлѣ, собранныхъ и изложенныхъ довольно подробно [1]). Вся поѣздка визитаторовъ длилась два съ половиною мѣсяца и была послѣднею изъ сдѣланныхъ Эрдманомъ. Во время службы своей въ Казани изъ четырнадцати обширныхъ губерній, составлявшихъ территорію Казанскаго учебнаго округа, Эрдманъ обозрѣлъ шесть, но далекая Сибирь съ ея учебными заведеніями была еще вполнѣ неизвѣстна казанскому училищному комитету.

Какъ ни интересны были для Эрдмана всѣ эти поѣздки, доставившія ему потомъ матеріалъ для литературной дѣятельности, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Казань не удовлетворяла его какъ профессора, для котораго дорога его спеціальность. Несмотря на открытіе университета со всѣми его факультетами въ 1814 году, преподаваніе медицинскихъ наукъ не могло быть организовано немедленно, многія каѳедры оставались незамѣщенными; самъ Эрд-

---

[1]) Путешествіе въ Вятскую, Пермскую и Тобольскую губерніи въ «Beiträge», Zweiter Theil, zweite Hälfte. S. 1—202. Страницы 203—257 составляютъ приложенія.

манъ оставался безъ клиники и почти безъ слушателей. Естественно онъ сталъ подумывать объ оставленіи Казани, о пріисканіи такого мѣста для своей профессорской дѣятельности, которое могло бы его удовлетворить. Въ этомъ отношеніи у него было уже нѣсколько примѣровъ. Въ Дерптѣ, гдѣ у него были связи и гдѣ университетъ, по своей близости къ Германіи, легко пополнялся учеными изъ нея и былъ гораздо богаче обставленъ въ научномъ отношеніи изобиліемъ пособій для преподаванія, гдѣ оно происходило на языкѣ родномъ и для профессоровъ и для слушателей, въ 1817 году сдѣлалась свободною каѳедра терапіи и клиники и для ея замѣщенія избранъ былъ Эрдманъ. Вотъ почему въ началѣ іюня этого года, онъ вошелъ въ совѣтъ Казанскаго университета, всеобщимъ уваженіемъ членовъ котораго онъ пользовался, съ прошеніемъ объ отставкѣ, объясняя впрочемъ свое намѣреніе оставить Казанскій университетъ, подобно другимъ, вреднымъ вліяніемъ на него казанскаго климата (infesti climatis gravem in sanitatem vim percepi). Прежде еще этого прошенія Эрдманъ отказался отъ завѣдыванія гимназической и студентской больницей и какъ бѣденъ былъ медицинскій факультетъ въ то время силами, можно заключить изъ того обстоятельства, что за отказомъ принять на себя должность врача въ этой больницѣ со стороны профессора Вердерамо и ректора Брауна, университетъ принужденъ былъ пригласить на эту должность лицо совершенно постороннее, а именно штабъ-лѣкаря Рындовскаго, извѣстнаго болѣе въ качествѣ стихотворца и дѣятельнаго члена общества любителей словесности. Очень скоро получена была отъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицына бумага объ увольненіи Эрдмана отъ должности. Въ то время уже начинало господствовать въ этомъ министерствѣ убѣжденіе о вредѣ для русскихъ университетовъ нѣмецкихъ профессоровъ, собственно какъ вольномыслящихъ протестантовъ. Со стороны власти слѣдовательно не могло быть никакихъ желаній удержать на службѣ столь полезнаго профессора, какимъ былъ Эрдманъ: тогда думали уже не о наукѣ, а о направленіи, подозрѣвая самую науку. Къ чести однако же университетскаго сословія того времени мы должны упомянуть, что оно съ своей стороны, когда уже отставка была получена, обратилось къ Эрдману съ коллективною просьбою принять снова на себя оставленную имъ должность. Эту просьбу подписало 18 сочленовъ Эрдмана, но въ числѣ подписавшихся мы не встрѣчаемъ однако именъ Яковкина, Фукса, Городчанинова, Никольскаго: послѣдніе трое, какъ увидимъ, сдѣлались скоро дѣятельными помощиками новаго попечителя Магницкаго. Обращеніе къ Эрдману со стороны его товарищей полно глубокаго уваженія и

искренняго чувства, но оно уже не могло имѣть силы для него. «Я бы нисколько не колебался принять его, отвѣчалъ Эрдманъ, еслибъ меня не удерживали причины, для меня весьма важныя и слово, данное мною Дерптскому университету (nisi rationes, quibus commotus, missionem petii, satis graves propositum tenere, et fides litterarum universitati Dorpatensi data promissis stare iuberent»). Каѳедра Эрдмана, согласно просьбѣ Фукса, впредь до замѣщенія ея, поручена была этому послѣднему, а члены совѣта поднесли отъѣзжающему товарищу слѣдующій, напечатанный на пергаментѣ, съ возможною въ то время для университетской типографіи роскошью («commendationem splendide typis excusam» — по словамъ Эрдмана) адресъ на русскомъ языкѣ (сколько намъ извѣстно это единственный примѣръ печатнаго обращенія къ профессору со стороны его товарищей, такъ какъ дипломы на званіе почетнаго члена давно уже носятъ сухой, чисто канцелярскій характеръ): «Члены совѣта, уважая ревностное ваше служеніе въ университетѣ; многоразличные ваши труды на пользу и устроеніе онаго; точное, всегда желаннымъ успѣхомъ сопровождавшееся исполненіе разнообразныхъ порученій; рачительное содѣйствіе въ образованіи юношества; вашу готовность, всегдашнюю и безкорыстную, на вспомоществованіе болѣзновавшимъ сотоварищамъ вашимъ, ихъ семействамъ и вообще всѣмъ служащимъ въ университетѣ; ваши нравственныя правила, привлекшія къ вамъ любовь и почтеніе всякаго, постановили единодушно, кромѣ предписаннаго законами аттестата, дать вамъ сей листъ, дабы онъ свидѣтельствовалъ о дѣлахъ вашихъ предъ всѣми, а вамъ самимъ напоминалъ, что они умѣли цѣнить ваши дарованія, свѣдѣнія и добродѣтели. Данъ въ Казани октября 26-го дня 1817 года». Вскорѣ послѣ того Эрдманъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Казани, Эрдманъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ онъ говорилъ о сдѣланномъ имъ «*открытіи*, которое можетъ быть весьма полезно Россійскому государству». Оно заключалось въ слѣдующемъ: «Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, при химическихъ опытахъ, учиненныхъ мною вмѣстѣ съ г. профессоромъ Броннеромъ, касательно разложенія соляной воды Элтонскаго озера, нашелъ я въ оной невѣроятное количество *магнезіи*, которая въ надлежащее время, при хорошей погодѣ и при хорошихъ учрежденіяхъ, столь чисто можетъ быть отдѣляема, что въ состояніи будетъ совершенно замѣнять англійскую.

«Такъ какъ до сихъ поръ вещь сію Россія получала изъ чужихъ земель и платила за оную болѣ 70 т. рублей ежегодно, что

видно изъ таблицъ о россійской торговлѣ, обнародованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1812 году, то сумма сія могла бы сохраниться впредь въ государствѣ чрезъ запрещеніе ввоза иностранной магнезіи.

«Приготовленіе оной могло бы быть сопряжено съ столь малыми издержками, что въ случаѣ, ежели бы правительство захотѣло учредить заведеніе при Элтонскомъ озерѣ, то оно каждогодно не потребовало бы болѣе 20 т. рублей и, слѣдовательно, только при употребленіи сей магнезіи въ отечествѣ выигрывалось бы 50 т. рублей, кромѣ прибыли, которую могъ бы доставить вывозъ оныя за границу».

Объ этомъ заявленіи Эрдмана донесено было тогда же министру народнаго просвѣщенія, но представляло ли оно дѣйствительно выгоду и имѣло ли практическое значеніе—не знаемъ [1]).

Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, въ томъ же 1810 году, явился въ Казань утвержденный министромъ народнаго просвѣщенія съ 1-го сентября того же года ординарнымъ профессоромъ теоретической и опытной физики, вызванный изъ Аарау, въ Швейцаріи, *Францъ-Ксаверій Броннеръ*. Имя его пользуется нѣкоторою извѣстностью въ нѣмецкой поэтической литературѣ прошлаго вѣка, въ особенности по его «идилліямъ», навѣяннымъ произведеніями знаменитаго тогда швейцарца Геснера, но заключающимъ въ себѣ много субъективнаго, выражающимъ не мало обстоятельствъ пестрой, исполненной разнообразныхъ треволненій, личной жизни Броннера. Какъ ученый въ своей спеціальности, Броннеръ совсѣмъ неизвѣстенъ. Это былъ любознательный самоучка, обязанный образованіемъ себѣ самому, но судьба подарила ему и большую энергію, и разнообразныя способности. Въ теченіе семи лѣтъ казанской службы своей, Броннеръ проявилъ чрезвычайную дѣятельность, не

[1]) Эрдманъ переселился въ Дерптъ въ началѣ 1818 года, но оставался и тамъ не долго. Въ 1822 году онъ получаетъ званіе королевско-саксонскаго лейбъ-медика и живетъ уже въ Дрезденѣ. Студенты Дерптскаго университета повѣсили портретъ его въ одной изъ залъ медицинской клиники при прощаніи съ нимъ. Послѣ смерти саксонскаго короля, въ 1827 году, послѣ вторичнаго приглашенія изъ Дерпта, Эрдманъ снова занимаетъ тамъ каѳедру, но уже другую: физіологіи, семіотики и патологіи; въ слѣдующемъ году онъ мѣняетъ ее на каѳедру врачебнаго веществословія, діэтетики и исторіи медицины и занимаетъ ее до выхода въ отставку, послѣдовавшаго въ 1843 году. Онъ оставилъ Дерптъ и умеръ въ Висбаденѣ 16-го января 1846 года. См. Hirsch, Aug. „Biograph. Lexikon der hervorragenden Aerzte“. Zweiter Band, Berlin. 1885, S. 295.

столько въ качествѣ ученаго профессора, сколько какъ педагогъ и какъ воспитатель. Считаемъ поэтому не лишнимъ остановить вниманіе читателя на этомъ старомъ казанскомъ профессорѣ и нѣсколько подробнѣе обрисовать его личность.

Приглашеніе Броннера на каѳедру физики въ Казань произошло по рекомендаціи Бартельса, которому Казанскій университетъ обязанъ основаніемъ своей солидной математической школы. Бартельсъ познакомился съ будущимъ физикомъ въ Аарау, гдѣ оба они были учителями въ центральной школѣ кантона. Дѣло о приглашеніи въ Казань Броннера начиналось еще въ 1806 году, въ то время, когда Бартельсъ, отказавшись отъ предложенной ему въ Казани профессуры, жилъ въ Брауншвейгѣ и въ званіи почетнаго члена Казанскаго университета, велъ переписку съ попечителемъ Румовскимъ, рекомендуя ему ученыхъ для занятія вакантныхъ каѳедръ. Положеніе Броннера въ кантональномъ училищѣ было весьма непрочно; за недостаткомъ средствъ дирекція стала увольнять учителей, а Броннеръ былъ только наемникъ, Schul-Knecht, по его выраженію. Лѣтомъ 1806 года онъ совершенно для него неожиданно получилъ предложеніе Бартельса ѣхать въ Казань. Оно, по словамъ его, сулило ему чрезвычайно выгодную будущность, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднимало въ душѣ разныя сомнѣнія.

„Сколько вопросовъ я долженъ бы сдѣлать вамъ предварительно, чтобы съ полнымъ знаніемъ дѣла принять окончательное рѣшеніе—отвѣчалъ онъ Бартельсу. Вы хорошо понимаете, что въ моемъ положеніи нельзя отказываться отъ подобныхъ предложеній. Мнѣ необходимо найти какое-нибудь мѣсто для средствъ къ существованію. Конечно, я нѣсколько боюсь мѣстностей, расположенныхъ подъ 55° 43′ 48″ сѣв. широты и опасаюсь, что буду тамъ мерзнуть среди лѣта, но я могу разсчитывать и на высокое наслажденіе, доставляемое наблюденіями надъ незнакомой природой. Въ особенности пугаетъ меня то обстоятельство, какимъ образомъ я, не зная ни одного словечка по-русски, буду объясняться съ тамошними жителями по пути и въ Казани. Ни по-нѣмецки, ни по-латыни, ни по-французски они не говорятъ: какъ же мы будемъ понимать другъ друга? На какомъ языкѣ долженъ я вести преподаваніе? Но у меня сверхъ того большая куча книгъ, много собранныхъ минераловъ, раковинъ, насѣкомыхъ, растеній, математическихъ и механическихъ инструментовъ: сколько издержекъ, если все это должно сдѣлать путешествіе въ Азію и сколько затрудненій! Но всѣ подобныя опасенія можно, можетъ быть, и устранить. Если я дѣйствительно получу приглашеніе, они не удержатъ меня отъ поѣздки въ Россію; но между математиками я такое неизвѣстное существо (ein namenloses Wesen), чтó не въ состояніи и представить себѣ, чтобъ на меня, hominem obcurum было потрачено столько рублей. Неужели они рѣшатся пригласить меня, не имѣя обо мнѣ никакого понятія? (Броннеръ употребляетъ для выраженія этой мысли нѣмецкую пословицу: „die Katze ohne weiteres im Sacke zu

kaufen“). До сихъ поръ я не кончилъ еще моей диссертаціи „De lunulis Hippocrateis, eorumque usu gonometrico“ (sic) [1]). Я слишкомъ недавно покинулъ музу поэзіи, чтобъ слѣдовать за ея считающей и мѣряющей сестрой (т.-е. математикой) и она увлекла снова своего ученика; теперь я работаю надъ поэмою, половина которой уже окончена [2]). Мнѣ было бы тяжело бросить ее именно теперь, но черезъ полгода я буду готовъ [3]). Я однако вовсе не отказался отъ изученія математики; ежедневно размышляю надъ ея задачами и считаю; въ особенности въ дождливую погоду все мое время я посвящаю этой строгой музѣ. У меня почти кончена и готова къ печати тригонометрія“.

Далѣе Броннеръ говоритъ о своихъ занятіяхъ съ учениками школы, состоявшихъ главнымъ образомъ въ практическихъ упражненіяхъ землемѣріемъ,

„но какъ только почувствую себя свободнымъ отъ школьныхъ занятій— я убѣгаю въ лѣсъ и сочиняю стихи, стихи и вѣчно стихи. При такихъ обстоятельствахъ,—заключаетъ Броннеръ свое письмо къ Бартельсу,—вы видите сами, что хотя я и не безполезенъ для такого заведенія, какъ здѣшняя кантональная школа, но не могу имѣть никакихъ притязаній на каѳедру университета, который по всей справедливости, при своемъ возникновеніи, долженъ обращать вниманіе только на людей извѣстныхъ. Къ этому надобно присовокупить, что я не имѣю никакой академической степени: на 48 году жизни я совершенный профанъ въ этомъ отношеніи, не имѣю цеховаго достоинства, а потому и права продавать ученикамъ съ каѳедры мою мудрость. Я не думаю поэтому, мой дорогой другъ, что вы рѣшитесь предложить меня г. попечителю. При всей готовности съ моей стороны принять такое выгодное предложеніе, я не могу разсчитывать этимъ путемъ избавиться отъ моего школьнаго рабства“ (17-го августа н. с. 1806 г.).

Такою на первый разъ представляется намъ въ этомъ письмѣ скромная личность Броннера, для котораго дороже всего было его поэтическое творчество. Онъ самъ называетъ себя «уединеннымъ мечтателемъ» (ein ensiedlerischer Grübler). Бартельсъ, однако, зналъ Броннера лично и хорошо цѣнилъ въ особенности нравственное достоинство его характера и, несмотря на уклончивый, скромный отказъ самого Броннера, рѣшился писать о немъ къ Румовскому и

---

[1]) Диссертація эта, если и была кончена, осталась ненапечатанною. Гиппократъ изъ Хіоса (460—450 до Р. Х.), учившійся математикѣ въ Аѳинахъ, извѣстенъ нѣкоторыми открытіями въ геометріи. Одно изъ нихъ „луночка“ (lunula), названная по его имени, площадь, заключенная между дугами круговъ, дала поводъ ему и нѣкоторымъ позднѣйшимъ математикамъ надѣяться на возможность найти квадратуру круга. Очень можетъ быть, что и Броннеръ питалъ эту надежду.

[2]) Это была большая поэма: „Der erste Krieg in sechzig metrischen Dichtungen. 1—2. Aarau. 1810. 8°· VIII, 396, 432 S.

[3]) Только послѣ напечатанія ея въ 1810 году Броннеръ рѣшился ѣхать въ Россію.

рекомендовать его на профессорскую каѳедру въ Казань. «Я считаю долгомъ познакомить в. п. съ этимъ человѣкомъ,—писалъ онъ.— Хотя онъ по своимъ математическимъ и теоретическимъ познаніямъ не вполнѣ имѣетъ право на профессуру въ Казани, но *въ другомъ отношеніи* университетъ сдѣлаетъ въ немъ превосходное пріобрѣтеніе. Я знаю его какъ отличнаго учителя, какъ человѣка, владѣющаго большимъ запасомъ прекрасныхъ свѣдѣній въ естественной исторіи, физикѣ, механикѣ, музыкѣ и пр. Давно извѣстенъ онъ какъ замѣчательный поэтъ». Въ доказательство этого Бартельсъ ссылается на мнѣніе извѣстнаго тогдашняго критика и эстетика Эшенбурга, высказанное по поводу перваго сборника стихотвореній Броннера [1]). Содержаніе этихъ идиллій было пережито Броннеромъ: образы изображаемой имъ природы онъ видѣлъ или изъ окна уединенной монашеской кельи своей или во время долгихъ прогулокъ въ окрестностяхъ родного городка. «Отсюда наивныя подробности этихъ полныхъ прелести маленькихъ картинокъ,— прибавляетъ Эшенбургъ,—отсюда эта правда, эта свѣжесть настоящихъ красокъ. Вездѣ замѣтно чрезвычайно тонкое чувство ко всему нравственно-прекрасному, развитое наблюденіемъ отдѣльныхъ красотъ природы» [2]). Бартельсъ, рекомендуя своего пріятеля Румовскому, переслалъ и письмо его, свидѣтельствующее о его скромности. «Безъ сомнѣнія,—прибавлялъ Бартельсъ,—въ Петербургѣ знакомы съ жизнеописаніемъ Броннера».

Это жизнеописаніе Броннера [3]), заключающее въ себѣ подробную автобіографію его съ самаго рожденія, пересказъ его пестрыхъ и разнообразныхъ приключеній, доведенный почти до года изданія, есть одна изъ любопытнѣйшихъ нѣмецкихъ книгъ прошлаго вѣка. Она вводитъ насъ въ умственную жизнь католической южной Германіи, далекую отъ той, которую представляютъ намъ духовные

---

[1]) Fischergedichte und Erzählungen. Zürich. 1786. Предисловіе къ этой книжкѣ написалъ Геснеръ, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшійся, какъ о поэтическомъ достоинствѣ наивныхъ идиллій Броннера, такъ и о его личныхъ свойствахъ. Въ другой разъ онѣ были напечатаны въ собраніи всѣхъ стихотвореній Броннера: Fr. Xav. Bronner's Schriften. 1—3 Bände. Zürich. 1794. 12°.

[2]) Можно сопоставить съ этимъ сужденіемъ слова гораздо позднѣйшаго и по нашему мнѣнію самаго умнаго критика и историка нѣмецкой литературы Гервинуса: „Идилліи Броннера заимствованы изъ дѣйствительныхъ природныхъ условій, но носятъ совершенно идеальную одежду; самъ поэтъ— наивный, безыскусственный человѣкъ, но не таково его образованіе". Geschichte der deutschen Dichtung. Vierte Aufl. 1853. IV, S. 156.

[3]) *Franz Xaver Bronners,* Leben von ihm selbst beschrieben. Три части. Zürich. 1795—1797. 12°. Было и позднѣйшее изданіе.

центры протестантскихъ университетовъ ея, но все же до крайности оригинальную, тѣмъ болѣе, что въ этомъ жизнеописаніи заключаются, по выраженію Гервинуса «viel schönere Idyllen», чѣмъ въ печатномъ сборникѣ его стихотвореній. Принадлежи Броннеръ къ націи, которая какъ французская тогда, шла впереди духовнаго развитія Европы, мы увѣрены, что его автобіографія имѣла бы гораздо болѣе читателей и значенія, чѣмъ знаменитыя Confessions Ж. Ж. Руссо. Въ ней больше искренности и правды, чѣмъ въ послѣднихъ. Чтобъ познакомиться съ этимъ старымъ казанскимъ профессоромъ и съ тѣмъ духовнымъ содержаніемъ, которое онъ принесъ въ далекій городъ на востокѣ, мы сочли нужнымъ передать въ сокращеніи эту автобіографію. Первоначальный набросокъ ея составленъ былъ Броннеромъ для Геснера, но правда и искренность ея такъ понравились знаменитому швейцарскому идиллику, что онъ посовѣтовалъ Броннеру изложить свою жизнь въ болѣе подробномъ видѣ.

Броннеръ родился 23-го декабря 1758 года въ небольшомъ городкѣ Гёхштедтѣ въ тогдашнемъ княжествѣ Пфальцъ-Нейбургскомъ на сѣверо-восточной границѣ Швабіи, почти у самаго берега Дуная. И дѣдъ и отецъ его были простыми работниками на заводахъ, гдѣ выдѣлываютъ кирпичъ и обжигаютъ известь. Отецъ боролся съ страшною бѣдностью, получая на заводѣ по 15 крейцеровъ за полторы тысячи сдѣланныхъ имъ кирпичей, но отличался, по словамъ сына, терпѣніемъ, мужествомъ и выносливостью. Другой источникъ заработковъ состоялъ въ скрипкѣ и флейтраверсѣ, а зимой, когда работа на кирпичныхъ заводахъ прекращалась, онъ брался за разные способы добыванія денегъ: то приготовлялъ изъ грубой пакли пряжу для мѣшковъ и свѣтиленъ, то ткалъ изъ соломы навѣсы на двери и для покрышки грядъ, то выдѣлывалъ струны для инструментовъ, или мастерилъ клѣтки, игрушки, улья и пр., наконецъ продавалъ канареекъ и голубей. Понятно, что въ бѣдной, едва перебивающейся семьѣ, рожденіе лишняго ребенка не было большою радостью.

Съ большими, часто наивными подробностями останавливается Броннеръ на своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, рисуя и свѣтлыя и темныя стороны ихъ, особенно на первоначальномъ ученіи. Его очень рано, чтобы «скачать съ шеи» рѣзваго мальчика, отдали сначала въ школу женскаго монастыря, а потомъ къ кантору, применявшему къ мальчику жестокія тѣлесныя наказанія. Рѣдко выпадала на долю этого мальчика радость въ нуждающейся родной семьѣ и только въ жилищѣ дѣда, любившаго внука, онъ отдыхалъ и душевно, и тѣлесно. Зато поэзія окружающей природы раскрылась очень рано передъ Броннеромъ въ долгихъ прогулкахъ по лѣсамъ и го-

рамъ, по берегамъ Дуная, въ катаньи по рѣкѣ на лодкѣ, въ уженьи рыбы и въ разнообразныхъ встрѣчахъ. Воображеніе было рано и сильно возбуждено. Въ зимніе вечера, когда сосѣди собирались вмѣстѣ для общей работы, шли безконечные народные разсказы, по большей части фантастическаго содержанія и твердо удерживались въ молодой памяти. Эти сосѣди, да и вся семья были строгими католиками, но Броннеръ еще мальчикомъ заразился отъ отца нѣкоторымъ скептицизмомъ, отразившимся въ его воспоминаніяхъ (таковъ напр., анекдотъ о чудесно исцѣленной капуциномъ больной курицѣ, I, 76 сл.). Даже католическія книжки для первоначальнаго образованія, въ которыхъ заключалось такъ много фанатическаго, производили на него обратное дѣйствіе.

Успѣхъ въ пѣніи у кантора, хорошій голосъ и случайное участіе въ іезуитскомъ хорѣ имѣли слѣдствіемъ, что одиннадцатилѣтній Броннеръ, въ 1769 году, былъ принятъ въ іезуитскую семинарію сосѣдняго города Диллингена. Этотъ городъ, гдѣ имѣли мѣстопребываніе аугсбургскіе епископы, принадлежалъ въ то время имъ. Здѣсь долго, до 1802 года, существовала и высшая школа, нѣчто въ родѣ католическаго университета. И мать, и отецъ были рады, мечтая о славномъ и обезпеченномъ будущемъ сына. Латинская школа понравилась было Броннеру сначала тѣмъ, что ученикамъ давалась прекрасная пища, какой не пробовалъ онъ никогда прежде, ни дома, ни у кантора, но жестокость наказаній и истязанія остались тѣ же. Къ этому надобно присоединить и обычное лицемѣріе, господствовавшее въ подобныхъ школахъ, весьма рано подмѣченное Броннеромъ. Изъ самыхъ младшихъ учениковъ былъ составленъ такъ называемый coetus angelicus и образцомъ для жизни и дѣятельности учениковъ отцы іезуиты выбрали жизнеописаніе католическаго святаго св. Алоизія. Мальчиковъ учили самоистязанію; они бичевали другъ друга, но чтобъ удары не были слишкомъ чувствительны, они могли откупаться отъ нихъ и крейцерами и лакомствами. Строгость отношеній учителей къ ученикамъ смягчалась однако негласными услугами, оказываемыми первымъ послѣдними. Такъ, Броннеръ носилъ за монастырскія стѣны письма своего инструктора къ его любовницѣ. Четыре года пробылъ онъ въ этой іезуитской школѣ (онъ прошелъ классы, какъ они назывались: principia, rudimenta, grammatica media и syntaxis minor), выучился конечно превосходно владѣть латинскимъ языкомъ, познакомился нѣсколько съ греческимъ, за что получилъ награду и скоро сдѣлался первымъ ученикомъ. На четвертомъ году пребыванія въ школѣ, случайно пріобрѣтя книжку идиллій Геснера, онъ выбралъ этого поэта образцомъ для своего поэтическаго творчества и остался навсегда вѣренъ

ему. Скоро сталъ онъ и самъ писать стихи и поэтическое чувство его особенно развивалось во время вакацій, проводимыхъ имъ дома и въ блужданіяхъ по окрестностямъ. О нихъ онъ разсказывалъ весьма подробно.

Въ августѣ 1773 года знаменитою буллою папы Климента XIV «Dominus ac Redemptor noster» былъ повсемѣстно уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Ректоръ диллингенской школы публично объявилъ объ этомъ событіи на сценѣ школьнаго театра, вслѣдъ за представленіемъ праздничной пьесы. Извѣстіе встрѣчено было слезами и рыданіями; ученики распущены по домамъ и Броннеръ не понималъ, чѣмъ заслужили преслѣдованіе такіе добрые, полезные и ученые люди. Неизвѣстность будущей судьбы сильно безпокоила и родителей, и мальчика, которому пошелъ уже шестнадцатый годъ. Но ему скоро удалось однако поступить въ духовную семинарію или лицей города Нейбурга, гдѣ обращеніе съ учениками, по словамъ его, было еще грубѣе и деспотичнѣе, а учителя были тоже іезуиты, хотя и другія, чѣмъ въ Диллингенѣ, личности и назывались они теперь уже эксъ-іезуитами. Три года, проведенные Броннеромъ въ нейбургской семинаріи, описаны имъ также подробно, и описаніе это вводитъ насъ въ любопытныя условія насильственнаго духовнаго развитія людей въ іезуитскихъ школахъ южной Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка. Здѣсь изучалъ Броннеръ такъ называемыя тогда *первую* и *вторую* реторику, но пріобрѣтеніемъ разнообразныхъ свѣдѣній онъ обязанъ былъ не школѣ, а случайному чтенію, принявшему обширные размѣры (такъ, Броннеръ познакомился съ языкомъ итальянскимъ). Такое чтеніе преслѣдовалось эксъ-іезуитами, объявившими особенно жестокую войну тогдашнимъ нѣмецкимъ писателямъ, которые уже развивались въ условіяхъ новаго времени и подъ вліяніемъ идей, начинавшихъ тогда господствовать повсюду. Разсказъ Броннера тѣмъ любопытнѣе, что онъ совершенно спокоенъ и объективенъ, что никакой позднѣйшей рефлексіи не замѣтно въ немъ, что самъ онъ всецѣло отдается тому, что его окружаетъ, что описывая очень подробно и съ большою наивностью первыя пробужденія въ немъ чувственности и разныя монастырскія, весьма скабрезныя въ этомъ отношеніи сцены, онъ передаетъ и то, какимъ образомъ, независимо отъ постороннихъ вліяній, или не сознавая ихъ, онъ сталъ мечтать о монастырской жизни. Убѣжденія матери, желавшей видѣть со временемъ въ сынѣ епископа, сдѣлали эту мечту дѣйствительностью. Въ 1776 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, Броннеръ началъ свой новиціатъ монаха бенедиктинскаго ордена и поселился одинъ въ кельѣ, воюя съ мышами, находившимися въ ней въ изобиліи. Скоро однако пришлось ему разочароваться въ духов-

ныхъ прелестяхъ монашества. «Скоро убѣдился я, — говоритъ онъ, что со словомъ «совершенство» монахъ долженъ соединять совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ то, которое я имѣлъ, и что монашеское совершенство никакъ не можетъ быть соединимо съ мірскою наукою, а особенно съ поэзіей». «Нельзя представить себѣ ничего столь отупляющаго духъ и уродующаго здравый смыслъ человѣческій, какъ жизнь послушника» [1]). Съ одной стороны обязательное чтеніе исключительно аскетическихъ сочиненій (всякое другое чтеніе не допускалось) или ежедневное изученіе такой книги, какъ Annus Marianus, невольно вызывавшей скептическую улыбку на лицѣ читателя, съ другой ночное чтеніе и жадное изученіе запрещенныхъ книгъ, которыя надобно было тайно выкрадывать изъ монастырской библіотеки, придумывая для воровства болѣе или менѣе удачныя хитрости. Тогда Броннеръ познакомился съ французскимъ языкомъ и въ первый разъ съ идеями Руссо. Съ одной стороны обязательныя для послушника (во время новиціата) власяница и бичеваніе, съ другой—участіе въ пьяныхъ оргіяхъ старшихъ монаховъ въ ихъ дикихъ забавахъ, грязныхъ до отвращенія—изъ этого слагалась жизнь. Но Броннеръ началъ писать свои идилліи, и монашеская келья, изъ которой раскрывался прекрасный видъ на долину Дуная, перестала казаться ему тѣсною. Монахи жили въ близкомъ общеніи съ природою: весною и осенью на нѣсколько недѣль переселялись они на монастырскую дачу и проводили время посреди баварскихъ горъ и лѣсовъ въ охотѣ, рыбной ловлѣ, въ долгихъ прогулкахъ. Въ автобіографіи можно найти указанія, когда и по какому случаю былъ написанъ тотъ или другой разсказъ изъ его «Fischergedichte».

Осенью 1777 года срокъ новиціата Броннера, въ теченіе котораго онъ сильно выросъ и возмужалъ, кончился. Не безъ внутренней борьбы молодой послушникъ рѣшился окончательно постричься, торжественно произнеся обычные обѣты и клятвы juxta regulam s. patris Benedicti; онъ получилъ имя Бонифація. Изъ обѣтовъ, данныхъ Броннеромъ, особенно тяжело ему было исполнять обѣтъ цѣломудрія, тѣмъ болѣе, что судя по описаніямъ его окружающей монастырской жизни, нарушить этотъ обѣтъ представлялось много случаевъ. Но въ первый годъ монашества Броннеръ много учился. Успѣхами своими въ математикѣ онъ много былъ обязанъ о. Бедѣ, прежде бывшему іезуитскому пріору [2]). О немъ отзывается онъ съ

[1]) Говоримъ о католическомъ монашествѣ.

[1]) Свѣтское имя этого патера было Майръ (Mayr). Онъ умеръ въ 1794 году, напечатавъ нѣсколько математическихъ и богословскихъ сочиненій и проповѣдей.

большимъ уваженіемъ, хотя вообще былъ невысокаго мнѣнія о математикахъ изъ іезуитовъ. Но начальство монастыря, несмотря на древнюю ученую славу бенедиктинцевъ, не долюбливало ученыя занятія, часто приходилось выслушивать проповѣди на тексты въ родѣ: «abominabiles facti sunt in studiis suis» (Пс. 13, 1) и хитростью скрывать ночныя занятія и чтеніе современныхъ книгъ, въ томъ числѣ и Вольтера, отъ котораго приходилъ въ ужасъ пріоръ.

За математикою слѣдовало изученіе механики, конечно по іезуитскимъ, писаннымъ по латыни учебникамъ. Каковы были результаты этого изученія, видно изъ того, что Броннеръ сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ опытовъ и мечталъ о возможности perpetuum mobile, пока болѣе строгое знакомство съ основами науки не излечило его отъ этой маніи. Науки въ лицеѣ изучались не одновременно, а каждой посвящалось по году. Второй годъ посвященъ былъ изученію физики. Броннеромъ написано было разсужденіе и тезисы, которые онъ и защищалъ съ большою робостью и смущеніемъ. Практическое примѣненіе знакомства съ законами физики онъ попробовалъ сдѣлать въ изобрѣтенной имъ летательной машинѣ, работая надъ которой онъ наивно мечталъ о томъ, какъ было бы весело съ ея помощью улетѣть, подобно вольной птицѣ, далеко за надоѣвшія монастырскія стѣны. Впослѣдствіи, когда Броннеръ узналъ о первыхъ опытахъ аэронавтики, онъ, по его словамъ, думалъ сдѣлать ея примѣненіе къ своей машинѣ. Рядомъ съ точными науками шли успѣхи въ музыкѣ и игра на скрипкѣ. Послѣдними науками, которыми заканчивался курсъ, были *богословіе* и *мораль* (1780—1781). Преподаваніе первой пробудило въ душѣ Броннера разныя сомнѣнія, но онъ не останавливается на нихъ и не вдается въ подробности, прибавляя только, что воспитаніе съ дѣтства научило его избавляться очень скоро отъ сомнѣнія горячею молитвою. Преподаваніе же морали было поручено такому неудачному профессору, что ученики спали на лекціяхъ, и начальство разрѣшило имъ заниматься предметомъ въ кельяхъ и не ходить въ классы.

Съ большими подробностями зато останавливается Броннеръ на своемъ юношескомъ романѣ въ эти годы. Разсказъ о началѣ, развитіи и концѣ романа, чисто платоническаго, дышитъ искренностью; онъ полонъ идиллическими картинками. Предметомъ любви, длившейся годъ, была сестра его товарища. Дѣло ограничилось поцѣлуями и нѣжной перепиской, но кончилось замужествомъ возлюбленной, съ чѣмъ долженъ былъ примириться Броннеръ. Недостатокъ воли и характера, тяжелое сознаніе выбраннаго имъ случайно призванія, оставили въ сердцѣ его глубокую тоску, которая исчезла только впослѣдствіи, когда онъ сталъ легче смотрѣть на жизнь и

чаще встрѣчался съ женщинами. Теперь приходилось смириться и отказаться. Lerne dulden und missen—говорилъ онъ себѣ и никогда не молился такъ горячо, какъ въ эту пору сердечныхъ волненій.

Между тѣмъ Броннеръ учился прекрасно и успѣхи его были столь значительны, что пріоръ высказалъ ему предположеніе со стороны начальства послать его по окончаніи курса въ Эйхштедтъ, гдѣ былъ старый католическій университетъ, переведенный потомъ въ Ландсгутъ. Цѣль этого переселенія заключалась въ слушаніи лекцій и ученіи подъ руководствомъ извѣстнаго тогда своими знаніями и спеціальными сочиненіями эксъ-іезуита Пикеля [1]). Предметомъ занятій была высшая математика и приготовленіе въ ней къ профессорству въ нейбургской коллегіи. Перспектива полной свободы въ теченіе двухъ лѣтъ и независимость отъ строгой монастырской ферулы наполнили сердце Броннера глубокою радостью, но эта радость значительно ослабѣла, когда пришлось выполнить непремѣнное условіе этой ученой карьеры въ будущемъ и посвятиться въ Аугсбургѣ въ субдьяконы. Обѣты, связанные съ этимъ званіемъ, особенно обязательное безбрачіе, имѣли то слѣдствіемъ, что Броннеръ долженъ былъ потерять всякую надежду когда-либо оставить духовный санъ. Въ началѣ января 1782 года Броннеръ былъ уже въ Эйхштедтѣ и началъ посѣщать коллегію эксъ-іезуитовъ, живя на частной квартирѣ и такимъ образомъ пользуясь значительною, прежде неиспытанною имъ свободою. Подъ руководствомъ Пикеля онъ исключительно занялся математическими науками, начиная съ первыхъ основаній ихъ, познакомился съ сочиненіями Эйлера, Лаланда и др. Рядомъ съ изученіемъ математики, усердно шли практическія занятія землемѣріемъ и Броннеръ желалъ, по его словамъ, доказать, что монастырь не даромъ тратилъ деньги на его воспитаніе.

Въ Эйхштедтѣ Броннеръ близко познакомился съ однимъ изъ тѣхъ духовныхъ явленій, которыми въ то время наполнялась умственная жизнь Германіи. Эти новыя явленія способствовали развитію, захватывали своимъ содержаніемъ особенно молодое поколѣніе и приготовили новыя формы жизни. Провожая Броннера изъ Нейбурга въ Эйхштедтъ, учитель его Беда предостерегалъ его, что тамъ существуютъ тайныя общества, много масонскихъ ложъ и уговаривалъ его не вступать съ ними въ сношенія. Предупрежденіе это было напрасно, и Броннеръ, подобно многимъ современникамъ своимъ, былъ увлеченъ общимъ духомъ времени, и хотя повидимому

---

[1]) Этотъ ученый, Ign. Balthazar Pickel († 1818), напечаталъ нѣсколько латинскихъ учебниковъ по математикѣ и нѣмецкихъ по землемѣрію.

*

боялся тайны, но съ другой стороны именно эта тайна кажется и влекла его. При посредствѣ одного каноника, которому онъ былъ рекомендованъ своимъ прелатомъ, Броннеръ вошелъ въ общеніе и съ масонами, и съ иллюминатами. Онъ скоро самъ сдѣлался членомъ масонскаго ордена и послѣ посвященія получилъ орденское имя Аристотеля, участвовалъ въ собраніяхъ, исполнялъ письменныя на задачи работы, заключающія въ себѣ обсужденіе разныхъ нравственныхъ вопросовъ. Но Броннеру не нравилась внѣшняя сторона масонскаго ордена, начиная съ церемоніи, происходившей при принятіи въ орденъ. Мундирная одежда братьевъ, ихъ ордена на шеѣ,—вся эта внѣшняя обстановка, окружавшая масоновъ, называлась имъ смѣшными и безполезными обрядами. Нѣтъ ничего мудренаго, что ему, недовольному ни своимъ монашествомъ, ни масонскою дѣятельностью, гораздо больше понравилось общество иллюминатовъ, содержаніемъ котораго онъ былъ надолго увлеченъ до того, что самъ сталъ горячимъ приверженцемъ и привлекалъ въ орденъ своихъ друзей.

Изъ автобіографіи не видно, находился ли Броннеръ въ личныхъ сношеніяхъ съ знаменитымъ основателемъ ордена иллюминатовъ Вейсгауптомъ, дѣятельность котораго, именно въ тѣ годы, проходила въ тѣхъ же мѣстностяхъ и въ старыхъ городахъ Баваріи [1]). Подобно Броннеру, основатель иллюминатовъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ, но скоро разорвалъ съ ними и пошелъ тою дорогою, по которой увлекалъ современниковъ новый духъ вѣка. Броннеръ увлекся рѣчами иллюминатовъ, вступилъ въ ихъ общество и надолго усвоилъ себѣ образъ ихъ мыслей и убѣжденія. Правда въ организаціи этого общества, устроенной Вейсгауптомъ, онъ не пошелъ дальше первоначальныхъ степеней: онъ не долго пробылъ въ Эйхштедтѣ, а въ 1784 году курфирстъ баварскій воспретилъ въ своихъ владѣніяхъ всѣ тайныя общества. Въ 1783 году Броннеръ имѣлъ степень только *минервала* и читалъ въ кружкѣ рѣчь о безсмертіи: вскорѣ онъ сталъ illuminatus minor. Не говоря о томъ, что въ собраніяхъ общества участвовали люди всѣхъ сословій, что давало Броннеру доступъ въ самое высшее общество, чѣмъ повидимому онъ былъ очень доволенъ, изъ воспоминаній его мы имѣемъ право заключить, что въ немъ развилось глубокое уваженіе къ обществу иллюминатовъ и къ ихъ дѣятельности. Здѣсь не существовало множества пустыхъ обрядовъ, которыми окружали себя масоны. Въ дѣятельности иллюминатовъ, въ ихъ убѣжденіяхъ, онъ на-

---

[1]) *Финдель*, Исторія франкъ-масонства. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ первый. Спб. 1872. Стр. 244 сл.

ходилъ много реальнаго и полезнаго, въ особенности въ педагогическомъ отношеніи. По его свидѣтельству иллюминаты превосходно умѣли воспитывать юношей и исправлять ихъ въ случаѣ надобности, и очень можетъ быть, что онъ вспомнилъ принципы иллюминатовъ, когда болѣе чѣмъ черезъ четверть вѣка, ему пришлось встать въ самыя близкія отношенія, въ званіи инспектора, къ студентамъ Казанскаго университета.

Но зато общеніе съ иллюминатами накопляло постепенно въ Броннерѣ массу религіозныхъ сомнѣній, переживать которыя было тѣмъ мучительнѣе и невыносимѣе, что на немъ тяготѣли обѣты монашества и обѣты будущаго служителя алтаря. Сознаніе ложнаго положенія разрывало его душу, но Броннеръ былъ слишкомъ мягкою и нереальною натурою для того, чтобъ разомъ сбросить съ себя тяжесть сомнѣній и рѣшиться идти по одной какой-либо, но прямой дорогѣ. Въ концѣ 1782 года онъ посвящается въ санъ дьякона; въ апрѣлѣ 1783 года дѣлается пресвитеромъ. Страшный скептицизмъ и глубокія мученія совѣсти переживаются имъ въ торжественныя минуты посвященій. Успокоиваетъ его нѣсколько наука: астрономія доказываетъ ему и всемогущество и величіе Творца; но онъ уже читалъ сочиненія Руссо и другихъ свободныхъ мыслителей вѣка, которыхъ называетъ «предвѣстниками язычества». Первымъ, знакомымъ ему въ подлинникѣ, онъ сильно увлекается и покупаетъ даже нѣмецкій переводъ его сочиненій для того, чтобъ познакомить съ ними монаховъ, незнающихъ по-французски. Понятно какое сильное впечатлѣніе должно было имѣть на Броннера сочиненіе Руссо: «Profession de foi du vicaire savoyard». Подъ его вліяніемъ, въ первой мессѣ имъ отслуженной, онъ горячо молилъ Творца, чтобы онъ сдѣлалъ его «жрецомъ истины, учителемъ добродѣтели».

Осенью 1783 года кончилось ученіе Броннера въ Эйхштедтѣ; съ грустью простился онъ съ новыми друзьями, съ братьями по ордену и съ свободою. Съ тяжелымъ чувствомъ возвратился Броннеръ въ свою монашескую келью въ Донаувертѣ, и привычный монастырскій порядокъ сдѣлался ему теперь, послѣ относительной свободы, еще болѣе невыносимъ чѣмъ прежде, особенно, когда пришлось ему исполнять священническія обязанности. Напрасно читаетъ онъ въ назиданіе себѣ религіозныя книги, даже написанныя протестантами: онѣ не удовлетворяютъ его больше. Напрасно онъ изучаетъ философію, знакомится съ Лафатеромъ, съ новыми явленіями въ этой наукѣ въ Германіи—съ идеями о философіи исторіи Гердера, съ Критикою чистаго разума Канта: все это не можетъ примирить его съ сознаніемъ ложнаго положенія. Напрасно отказы-

вается онъ отъ денегъ за заказываемыя ему мессы: онъ видитъ, что заказчики недовольны, считаютъ его даровые молебны недѣйствительными и несутъ свои деньги другому, который не стѣсняется платою за духовную помощь. Начнетъ ли онъ нравоучительную проповѣдь и нечаянно замѣтитъ вдругъ въ толпѣ слушателей въ церкви—Minnchen, предметъ его перваго чистаго юношескаго увлеченія и синій туманъ стоитъ въ глазахъ молодаго проповѣдника и насилу удается ему докончить въ видѣ слабаго лепета свою орацію. Приходится ему и исповѣдывать, и несмотря на увѣреніе, обращенное къ самому себѣ, что исповѣдь знакомитъ съ людьми, Броннеръ не доволенъ и этою обязанностью. Нѣкоторое спасеніе отъ мучащаго его томленія онъ находитъ по прежнему въ поэзіи и идилліи; одна за другой пишутся онѣ имъ, но не могутъ замѣнить ему дѣйствительности. Развлеченіе находитъ онъ и въ землемѣрныхъ работахъ, въ межеваніи, по порученію прелата, монастырскихъ владѣній, но скоро этотъ начальникъ монастыря становится во враждебныя отношенія къ Броннеру. Очень короткое время ему удается поддерживать переписку съ иллюминатами, но и она скоро прекращается, а чтеніе свѣтскихъ книгъ и вліятельныхъ сочиненій времени, чтеніе тайкомъ, по ночамъ, дѣлается извѣстнымъ, возбуждаетъ подозрѣнія; даже самъ любимый имъ прежній учитель Беда возстаетъ противъ такого чтенія. Наконецъ его мучитъ несовмѣстимое съ монашествомъ чувство ревности: онъ подозрѣваетъ свою чистую Minnchen въ преступной связи съ какимъ-то монахомъ одного съ нимъ монастыря. Положеніе становится невыносимымъ.

И вотъ, постепенно развиваясь, назрѣваетъ въ душѣ его мысль о бѣгствѣ. Приходила она и прежде въ голову, но не доставало ни воли, ни средствъ привести ее въ исполненіе. Теперь рѣшеніе созрѣло. Но какъ отдѣлаться отъ монастыря? Можно бы деньгами, этимъ универсальнымъ средствомъ, откупиться отъ монашества въ Аугсбургѣ, но денегъ-то и не было у Броннера. Нельзя было ему идти этою прямою дорогою, приходилось выбрать окольную, кривую. Бѣгство являлось необходимостью, единственною возможностью. Но куда бѣжать? Въ Германіи католической не было конечно пріюта бѣглому монаху, нельзя было найти и средствъ для жизни; для спокойнаго существованія въ протестантской Германіи — необходимо было перемѣнить вѣру, на что Броннеръ не могъ рѣшиться. Единственною нѣмецкою страною, гдѣ можно было пріютиться ему и куда была открыта дорога—была Швейцарія. Естественно Броннеръ и остановился на ней. Съ любопытными подробностями разсказываетъ онъ приготовленія, весьма ловко и хитро обдуманныя, для приведенія въ исполненіе задуманнаго предпріятія и побѣду надъ

препятствіями. Въ одеждѣ послушника, отпущеннаго на время для свиданія съ родными (иначе нельзя было объяснить встрѣчнымъ тонзуру), рано утромъ 29-го августа 1785 года, онъ наконецъ бѣжалъ изъ монастыря, отправивъ все необходимое, съ помощью знакомаго, впередъ съ почтою въ Базель. Драматическимъ интересомъ полонъ его разсказъ о восьмидневномъ странствованіи то пѣшкомъ, то въ дилижансахъ на югъ, мимо роднаго Гѐхштедта, Диллингена, Лаунингена, Ульма, Шафгаузена, рейнскаго водопада. На каждомъ шагу Броннеръ, до перехода въ Швейцарію, боялся, что его узнаютъ и воротятъ, но все обошлось счастливо. Зато въ Базелѣ, гдѣ думалъ онъ найти спасеніе, его ожидали непріятности. Монастырскія власти скоро хватились бѣглеца, разузнали куда направилъ онъ свое бѣгство и прислали въ Базель формальное обвиненіе Броннера въ томъ, что поддѣлавъ ключи, онъ обокралъ монастырь, захвативъ разныя монастырскія драгоцѣнныя вещи, золотыя монеты нумизматическаго собранія и пр. Базельская полиція узнала Броннера при входѣ въ городскія ворота и немедленно арестовала его. Началось слѣдствіе. Незнавшая предѣловъ злоба монаховъ однако ошиблась; изъ Донауверта, при требованіи о задержаніи и выдачѣ Броннера, былъ присланъ списокъ якобы похищенныхъ предметовъ; при обзорѣ же сундука бѣглеца не нашлось въ немъ ничего подозрительнаго. Счастливый случай помогъ Броннеру. При осмотрѣ вещей его, одинъ изъ городскихъ депутатовъ узналъ по разнымъ признакамъ о принадлежности Броннера къ ордену масоновъ и будучи самъ масономъ, принялъ въ немъ горячее участіе. Когда сенатъ этого торговаго города Базеля не нашелъ возможнымъ дозволить Броннеру пребываніе въ своихъ стѣнахъ въ виду лежавшаго на немъ обвиненія въ воровствѣ, депутатъ-масонъ посовѣтовалъ ему перебраться въ Цюрихъ, гдѣ представлялось больше возможности найти необходимую работу и даже далъ ему письмо туда къ ратсгерру Фюссли. Броннеръ пѣшкомъ ушелъ въ Цюрихъ.

Этотъ городъ въ то время представлялъ замѣчательный умственный центръ, съ большимъ литературнымъ движеніемъ, чему способствовали условія швейцарской свободы. Нѣсколько выдающихся людей, участниковъ этого движенія, частью туземцевъ, частью переселенцевъ жили здѣсь. Ратсгерръ Іоганнъ Рудольфъ Фюссли (der jüngere), которому былъ рекомендованъ Броннеръ, миніатюристъ-живописецъ и издатель-основатель большого словаря художниковъ всѣхъ странъ, былъ однимъ изъ членовъ многочисленной и чрезвычайно образованной семьи художниковъ и знатоковъ искусства. Но первый визитъ свой Броннеръ, явившійся въ Цюрихъ безъ всякихъ средствъ, сдѣлалъ знаменитому тогда Лафатеру. Онъ былъ

давно знакомъ съ его многочисленными сочиненіями и составилъ себѣ очень высокое мнѣніе о его умѣ, вѣротерпимости и любви къ человѣчеству. Личное знакомство, однако, повело къ разочарованію. Очевидно, Лафатеръ былъ изъ Баваріи предупрежденъ кѣмъ-либо о посѣщеніи его Броннеромъ. Отсюда его рѣзкое обращеніе съ «бѣглымъ монахомъ». Броннеръ откровенно высказалъ Лафатеру внутреннее состояніе свое, убѣжденіе, что онъ не можетъ удовлетвориться догматико-католическою системою, въ которой былъ воспитанъ и почему онъ считаетъ также невозможнымъ для себя перейти въ протестантство. Лафатеръ назвалъ его деистомъ, не захотѣлъ принять участія въ волненіяхъ его совѣсти и прямо отвѣчалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь ему, настоятельно совѣтуя воротиться въ Донаувертъ и подвергнуться обыкновенному въ такихъ случаяхъ наказанію. Броннеръ, ссылаясь на обширность и разнообразіе связей Лафатера, просилъ его не о матеріальной помощи, а о заступничествѣ чрезъ папскаго нунція въ Люцернѣ о снятіи съ него монашескихъ обѣтовъ, но и въ этомъ отказано было. При прощаніи Лафатеръ сунулъ въ руку посѣтителя монету въ 4 бацена и пристыженный Броннеръ уже не являлся болѣе къ этой цюрихской знаменитости.

За то Фюссли принялъ его ласково. Съ его помощью мало-помалу устраивается жизнь бѣглеца на чужой сторонѣ; онъ получаетъ возможность заработывать и поступаетъ въ наборщики нотъ по какой-то новой системѣ. Незнакомое дѣло шло сначала медленно, но энергія не покидала и скоро Броннеръ работалъ, какъ и другіе, глубоко радуясь, что можетъ существовать на свои средства. Довольный въ этомъ отношеніи, онъ заводитъ знакомства въ Цюрихѣ, чему помогало то обстоятельство, что владѣя довольно большимъ и хорошо обработаннымъ въ монастырскомъ хорѣ голосомъ, Броннеръ сталъ принимать участіе въ публичныхъ концертахъ. На одномъ изъ нихъ онъ встрѣтился съ литературною знаменитостью того времени въ Цюрихѣ — Соломономъ Геснеромъ, принявшимъ въ немъ теплое участіе и пригласившимъ его къ себѣ. Любопытно, что Геснеръ, узнавъ хорошо Броннера и обстоятельства его жизни, совѣтовалъ ему ѣхать искать счастія въ Россію и обѣщалъ ему свою рекомендацію, говоря, что у него много друзей въ Петербургѣ. Броннеръ жалѣлъ, что не послѣдовалъ тогда же этому совѣту, но чрезъ четверть вѣка привелъ его въ исполненіе. Пылкая дружба съ сыномъ Геснера — Генрихомъ еще болѣе сблизила Броннера съ симпатичною и добродушною личностью идиллика и съ его семьею. Броннеръ былъ въ полномъ восторгѣ отъ сердечной доброты старика и въ минуты откровенности передалъ ему, что и

самъ пишетъ идилліи. Въ Цюрихѣ, во время экскурсій въ горы и на озера, посреди великолѣпной природы, несмотря на стѣсненное положеніе Броннера, эти идилліи писались еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, показывались Геснеру и одобрялись имъ. Какъ литераторъ, Броннеръ сталъ участвовать въ Цюрихской газетѣ, съ восторгомъ получилъ первый гонораръ и сшилъ на него новое платье. Онъ былъ вполнѣ доволенъ Цюрихомъ.

Между тѣмъ прежнія монастырскія власти на родинѣ и католическое духовенство въ Аугсбургѣ не теряли надежды воротить Броннера въ лоно католической церкви. Онъ сталъ получать письма изъ Аугсбурга съ разными, весьма впрочемъ неопредѣленными предложеніями о выгодахъ въ будущемъ, но, главною темою этихъ писемъ было возвращеніе. Началась довольно длинная переписка. И по убѣжденіямъ цюрихскихъ друзей, и по собственнымъ наблюденіямъ и опыту, Броннеръ боялся, что его обманутъ и не исполнятъ обѣщаній, а потому желалъ уяснить свое положеніе и требовалъ гарантій. Многое его влекло на родину: и старый отецъ, и сердечныя связи и, вѣроятно тоска по ней; это была мягкая натура. Но, опасаясь обмана, онъ ставилъ категорически и съ своей стороны требованія. Броннеру хотѣлось во что бы то ни стало избавиться отъ монашества; для этого необходимо было папское разрѣшеніе, а затѣмъ дозволеніе сдѣлаться католическимъ священникомъ какого-либо прихода, съ чѣмъ онъ мирился. Надобно было писать разныя просьбы и Броннеръ, по его собственному признанію, долженъ былъ лицемѣрить, не имѣя возможности откровенно высказать причины, заставлявшія его бѣжать отъ монашества. Въ письмахъ своихъ къ католическимъ властямъ, Броннеръ, по совѣту друзей, не дѣлалъ рѣшительнаго шага, пока не получится это разрѣшеніе или освобожденіе отъ монашества (dispensatio). Одновременно съ этимъ и розенкрейцеры старались увлечь его къ себѣ.

Наконецъ, Броннера увѣдомили, что разрѣшеніе пришло, что съ его стороны надобно только въ видѣ покаянія, въ теченіе десяти дней, выполнить нѣкоторыя церковныя экзерциціи и онъ будетъ только свѣтскимъ священникомъ. Но извѣстно, что свѣтскій священникъ не можетъ существовать безъ прихода, дающаго какой-либо доходъ для жизни (beneficium, Pfründe); между тѣмъ о приходѣ не было и рѣчи, а это было самое больное мѣсто и сдѣлалось потомъ источникомъ большихъ огорченій для Броннера. Не прежде однако, какъ получивъ засвидѣтельствованную копію (copia videmata) съ папской диспензаціи, Броннеръ рѣшился, по совѣту Геснера, послушаться зова аугсбургскихъ католическихъ властей и сталъ готовиться къ отъѣзду, оставивъ у друзей въ Цюрихѣ всѣ

копіи съ переписки, веденной имъ по поводу возвращенія. Передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Цюриха Геснеръ отдалъ въ печать сборникъ его первыхъ идиллій «Fischergedichte». Рыбачьими поэмами называются онѣ потому, что главное занятіе жителей той мѣстности. гдѣ былъ монастырь, была рыбная ловля, изобильная въ то время въ Дунаѣ. Къ книжкѣ написано было Геснеромъ и предисловіе. Въ немъ говорилось между прочимъ и о самомъ Броннерѣ: «Во время пребыванія своего въ Цюрихѣ, своими талантами, наивностью скромныхъ отношеній своихъ къ людямъ, тонкимъ пониманіемъ всего добраго и благороднаго, заслужилъ онъ общее уваженіе; всѣ люди съ познаніями и вкусомъ были его друзьями. Въ его поэмахъ отражается его личный характеръ». Въ Аугсбургѣ потомъ уже получилъ онъ экземпляръ своей книжки и восемь луидоровъ гонорара, по одному за печатный листъ.

Броннеръ выѣхалъ изъ Цюриха 14-го іюля 1786 года. Всю дорогу на родину, которую онъ сдѣлалъ теперь гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый путь, благодаря деньгамъ ему присланнымъ, его мучило тяжелое сознаніе двусмысленнаго положенія своего и невѣріе въ призваніе, которое ждало его въ будущемъ. Глубоко сожалѣлъ Броннеръ, что долженъ будетъ скрывать свои дѣйствительныя убѣжденія, что ему придется снова читать мессы, исповѣдывать и пр., словомъ исполнять всѣ обряды и всѣ церемоніи, предписываемые католичествомъ, не вѣря въ значеніе и пользу дѣлаемаго имъ передъ людьми. Но его утѣшало сознаніе, что онъ будетъ не даромъ мученикомъ, что онъ сдѣлается учителемъ народа, научитъ его истинѣ и принесетъ дѣйствительную пользу учительствомъ. Въ Аугсбургѣ духовныя власти оказали ему на первыхъ порахъ ласковый пріемъ. Освобожденіе отъ церковнаго отлученія за нарушеніе монашескихъ обѣтовъ заключалось въ церемоніи, состоявшей изъ двухъ частей: первая, торжественная—въ церкви съ разными обрядами—для міра (pro foro exteriori), вторая, уединенная—для совѣсти (pro foro interiori), для чего потребовались десятидневныя молитвы и поклоны въ ближайшемъ монастырѣ кармелитовъ. Все это было выполнено Броннеромъ, но зато сколько упрековъ внутреннихъ долженъ былъ онъ сдѣлать себѣ за свое малодушіе и недостатокъ воли. И это тѣмъ было печальнѣе, что духовныя власти оставались не расположенными къ нему за отказъ отъ монашества.

Эта часть автобіографіи Броннера вводитъ насъ въ самую средину духовной жизни южной Германіи, въ самый разгаръ совершавшейся тогда борьбы стараго католичества и напирающей со всѣхъ сторонъ свободной мысли. И это происходило какъ разъ передъ секуляризаціей духовныхъ властей и епископствъ. Но эти от-

ношенія слишкомъ далеки отъ насъ, имѣютъ свой спеціальный интересъ, да и трудно вообще разобраться въ этой подпольной борьбѣ строгихъ католиковъ, протестантовъ, скрытыхъ іезуитовъ, масоновъ, иллюминатовъ. Одною изъ выдающихся личностей въ этой борьбѣ, часто упоминаемой Броннеромъ, былъ сначала ингольштадтскій, а потомъ диллингенскій профессоръ Зайлеръ (1751—1832), напечатавшій множество сочиненій. Его лекціи слушалъ Броннеръ и довольно вѣрно, какъ свидѣтельствуетъ и Гервинусъ, сохранилъ его нравственный образъ. Его подозрѣвали въ связяхъ и съ протестантами и съ иллюминатами; между тѣмъ это былъ іезуитъ и въ своихъ лекціяхъ въ Диллингенѣ говорилъ противъ разума. Понятно, что Броннеръ, посреди окружающей его борьбы самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ интересовъ, долженъ былъ бояться всего и всѣхъ. По опредѣленію духовныхъ властей, которому онъ безропотно подчинился, онъ долженъ былъ въ ноябрѣ 1786 года переселиться въ тотъ же Диллингенъ, гдѣ учился прежде, жить въ томъ же іезуитскомъ монастырѣ. Ему дали мѣсто помощника библіотекаря и заставили учиться исторіи, съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи времени онъ сталъ ея преподавателемъ. Такимъ образомъ всѣ данныя ему обѣщанія оказались ложными. Онъ весь во власти іезуитовъ, живетъ въ жалкой комнатѣ, собираетъ матеріалы, впрочемъ по собственному выбору, для исторіи императора Генриха IV и слушаетъ лекціи Зайлера. Къ довершенію непріятностей, его не только считаютъ, но и объявляютъ опаснымъ человѣкомъ, заставляютъ исполнять при епископѣ обязанности архидьякона или по цѣлымъ днямъ заниматься канцелярскою работою въ регистратурѣ. Только прогулки въ родной городокъ, свиданія въ немъ съ старымъ отцемъ и бѣдными родными, да нѣкоторыя любовныя похожденія, о которыхъ упоминаетъ онъ весьма скромнымъ образомъ, служили ему развлеченіемъ и нѣсколько смягчали его увѣренность, что онъ кругомъ обманутъ. Тогда вновь поднимается въ душѣ его, успокоивая и утѣшая, любимая мечта, сдѣлаться пасторомъ, священникомъ на родинѣ.

Съ начала 1788 года Броннеръ опять въ Аугсбургѣ и въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Снова служитъ онъ въ церквахъ, визитируетъ съ епископомъ разные монастыри, въ томъ числѣ и женскіе, страдаетъ отъ недостатка денегъ и мучится канцелярскою работою въ регистратурѣ. Онъ продолжаетъ однако попрежнему писать стихи, гуляя по окрестностямъ; его бодрость поддерживаетъ переписка съ цюрихскими друзьями, сообщившими ему и печальную, вызвавшую въ Броннерѣ слезы горя, вѣсть о смерти столь любимаго имъ Геснера. Но кругомъ него было столько ханжества, вражды, спле-

тенъ, что становилось невыносимо. Невольно возникало и росло въ душѣ желаніе жить подъ другимъ небомъ, «гдѣ меньше духовнаго гнета, гдѣ больше простора человѣческой мысли, гдѣ легче удовлетворяется и страсть къ наукѣ». Какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Броннеръ снова рѣшается бѣжать, насильственно вырваться на свободу. Онъ уже все приготовилъ для бѣгства, уже уложился, но свиданіе съ отцомъ, которое онъ считалъ прощальнымъ, заставило его измѣнить намѣреніе. Онъ нѣжно любилъ отца; ему жалко было разстаться съ нимъ, остававшимся безъ всякой помощи и этотъ старикъ, строгій католикъ, убѣдилъ его, говоря, что «лучше терпѣть голодъ, чѣмъ жить въ лютеранской землѣ».

Было трудно жить безъ средствъ и на католической родинѣ. Броннеру приходилось остаться вѣчнымъ писцомъ въ канцеляріи, получая 150 флориновъ въ годъ. И вотъ начинаются хлопоты, чтобъ добиться положенія сельскаго священника, съ доходомъ хотя бы въ 300 фл. въ годъ. Броннеръ разсчитывалъ, что служа только раннія обѣдни, онъ будетъ имѣть много свободнаго времени для научныхъ занятій. Почти добился онъ исполненія этого желанія, какъ неожиданно другой, болѣе ловкій искатель, перебилъ у него мѣсто. Снова начинаетъ онъ хлопотать о beneficium, но для полученія прихода нужно было много заплатить въ Римѣ; самая низшая цѣна за beneficium была 127 скуди, а взять ихъ было неоткуда. И вотъ Броннеръ даетъ себѣ слово добиться этого права на приходъ (Habilitation) даромъ, «хотя бы весь Аугсбургъ и всѣ римскіе агенты были противъ него». На этотъ разъ онъ выказалъ силу характера. Несмотря на то, что дѣло доходило до Рима, что папа сказалъ о Броннерѣ: «tous ces moines apostates sont ou des fous ou des coquins», Броннеръ, благодаря можетъ быть тому, что добиваясь права на приходъ, искренно, въ глубинѣ души, сулилъ Ватикану, всѣмъ нунціямъ и кардиналамъ судьбу іерусалимскаго храма и его служителей, онъ добился своего: право на приходъ было получено; оставалось только указать на дѣйствительный beneficium, найти его. Сообщая всѣ подробности объ этихъ хлопотахъ, Броннеръ, вѣроятно для развлеченія читателя, проводитъ передъ нимъ цѣлый рядъ наивныхъ, иногда не совсѣмъ скромныхъ и часто забавныхъ встрѣчъ и отношеній своихъ съ разными Ленхенъ, Лизетами, Ленорами.

Около трехъ лѣтъ прожилъ еще Броннеръ въ тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ, не имѣя силъ разорвать опутывавшія его узы и мало успѣвъ въ заботахъ объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія. Въ сентябрѣ 1789 года онъ получаетъ мѣсто регистратора въ духовной канцеляріи; жалованье его увеличи-

вается до 400 гульденовъ въ годъ, но зато автобіографія за это время наполняется постоянными жалобами на непріятную службу. Съ тяжелымъ чувствомъ говоритъ онъ, что принужденъ цѣлые дни возиться съ ворохомъ бумагъ, наполненныхъ юридически-каноническимъ безсмысліемъ, что не можетъ высказать ни одной здравой человѣческой мысли, что не имѣетъ права въ его положеніи издать свободно и смѣло написанную имъ книгу, иначе, какъ подъ чужимъ именемъ, что онъ, за массою ненавистной ему работы, не въ состояніи сколько-нибудь удовлетворить томящую его жажду знанія. Къ службѣ своей онъ чувствуетъ полное отвращеніе; она въ совершенной дисгармоніи съ его убѣжденіями. Переписывая и регистрируя безчисленные акты въ своей канцеляріи, Броннеръ возмущается массою заключающихся въ нихъ несправедливостей, въ доказательство чего онъ передаетъ нѣсколько случаевъ. Служба отнимаетъ у него то время, которое онъ могъ бы употребить съ большею пользою для своего духовнаго развитія; усталый — вечеромъ онъ не способенъ ни на что. Только въ письмахъ своихъ къ цюрихскому другу, молодому Геснеру, звучатъ еще бодрыя ноты. Онъ сообщаетъ ему, что непріятная работа не задавитъ его духъ, увѣряетъ, что убѣжденія его по прежнему крѣпки, душа и смѣла и свободна, что несмотря ни на что, онъ не погибнетъ въ бездѣятельности, не подчинится силѣ гнетущихъ обстоятельствъ, подобно жалкому рабу. Изъ его словъ видно, что онъ много читаетъ, особенно философскихъ сочиненій. Съ трудомъ преодолѣваетъ онъ и усвояетъ себѣ философскія положенія «Критики чистаго разума», но усвояетъ ихъ настолько, что по словамъ его, эти положенія развиваются имъ реально въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ написанныхъ имъ въ то время идиллій. Занимаясь, сколько возможно было, физикой и математикой, Броннеръ самъ изготовляетъ электрическую машину. Но постоянное желаніе его добиться какого-нибудь небольшаго прихода или получить по крайней мѣрѣ мѣсто священника, служащаго раннія обѣдни (Frühmesserstelle), не приводится въ исполненіе. Настойчивость его вызываетъ неудовольствіе тѣхъ, къ кому онъ обращается. Въ тяжелыя минуты онъ приходитъ въ отчаяніе, убѣждается, что онъ не дождется ничего въ Аугсбургѣ. Опять возникаютъ и растутъ въ головѣ его планы искать спасенія въ бѣгствѣ; но чѣмъ жить? на какія средства питаться? — эти вопросы останавливали его. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней раздумья и отчаянія Броннеръ рѣшился испробовать ограничить свое питаніе хлѣбомъ и водою. Послѣдствіемъ такого рѣшенія была сначала сильная слабость, а потомъ очень опасная болѣзнь, чуть не уложившая его въ гробъ. Во время этой болѣзни Броннеръ всего

болѣе боялся католическаго священника, который придетъ его напутствовать. Зато самъ онъ сочинялъ и записывалъ горячія и искреннія молитвы къ Богу, прося его, чтобы онъ вывелъ его изъ невыносимаго положенія. Выздоровленіе пришло скоро. Прогулки и стихи снова оживили его. Въ это время, по желанію сына Геснера, для какого-то мецената, Броннеръ сталъ описывать событія своей жизни.

Между тѣмъ политическія событія времени, скоро измѣнившія государственный строй половины Европы, должны были измѣнить многое и въ томъ углу католической Германіи, гдѣ жилъ Броннеръ. Отзвуки французской революціи доносились сюда. Французы были уже въ Трирѣ. Кобленцскій курфирстъ бѣжалъ вмѣстѣ съ дворомъ своимъ въ Аугсбургъ. Мы говорили уже, на основаніи разсказовъ Броннера, какія партіи, какія идеи господствовали въ то время въ этомъ католическомъ германскомъ центрѣ. Впереди всѣхъ были іезуиты, по прежнему господствовавшіе, несмотря на декретъ папы объ уничтоженіи ордена. Во главѣ ихъ въ Аугсбургѣ стоялъ Зайлеръ, любопытный споръ свой съ которымъ записалъ Броннеръ. Повинуясь духу времени, передъ революціей, они, по его выраженію, надѣли тогда маску просвѣщенія. Они желали, и тѣмъ болѣе, что это было выгодно, идти за этимъ духомъ времени, представлялись свободно-мыслящими, или, употребляя тогдашнее выраженіе, aufgeklärt. Они, въ угоду неопредѣленнымъ стремленіямъ времени, вмѣстѣ со многими, занимались и алхиміей, работали и надъ Grand oeuvre. Источникомъ всей этой дѣятельности было конечно всегда присущее имъ стремленіе къ власти. Но революція принудила снять маску, открыла карты и они очутились въ весьма неловкомъ положеніи. Въ Аугсбургѣ, при дворѣ курфирста Кобленцскаго, всякое сочувствіе къ пробужденному для новой политической жизни народу заподозривалось, считалось уже преступленіемъ. На французовъ смотрѣли какъ на хищныхъ звѣрей. Названія: свѣтлая голова, человѣкъ просвѣщенный, иллюминатъ, якобинецъ, бунтовщикъ, благодаря іезуитамъ, сдѣлались теперь синонимами.

Въ это замѣчательное для южной Германіи время, когда въ строго-католическую жизнь ея общества, особенно молодаго поколѣнія, проникали событія сосѣдней Франціи и сильно волнующія новыя идеи, порожденныя этими событіями, Броннеръ, увлекаемый этимъ движеніемъ, жалуется въ своей автобіографіи на то, что время его проходитъ только въ совершеніи обязанностей, въ силу которыхъ онъ не вѣритъ. Онъ разсказываетъ съ досадою, какъ приходится ему освящать на пасху яица, окорока, пироги и пр., на срѣтенье—восковыя свѣчи, въ день св. Іоанна—вино и т. д., 3-го

февраля на память св. Блазія—«blaseln», т. е. раздавать его дары (по Legenda aurea этотъ святой помогалъ въ болѣзняхъ горла), а въ среду на первой недѣлѣ великаго поста (Aschermittwoche)—посыпать подходящихъ къ нему въ церкви пепломъ. Особенно недоволенъ онъ католическимъ праздникомъ тѣла Господня, corpus Domini (онъ учрежденъ въ XIII вѣкѣ). Глубокій разладъ между его убѣжденіями и дѣятельностью сильно мучитъ его. Онъ искренно, горячо жалѣетъ о темномъ народѣ, его невѣжествѣ, объ обманѣ, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ его. Планы, такъ долго лелѣемые имъ—придти на помощь этому народу поученіемъ, сдѣлаться учителемъ и проповѣдникомъ, разбились о силу вещей, подобно планамъ фантазировавшей молочницы, по его собственному сравненію. Онъ усердно готовится къ проповѣди, учится громко говорить, но цензура духовныхъ властей искажаетъ его проповѣди и его не часто пускаютъ на каѳедру. Его обязанности по службѣ въ канцеляріи возрастаютъ и не оставляютъ ему почти вовсе свободнаго времени для занятія наукою или поэзіей. Онъ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тайнаго секретаря, долженъ писать и переписывать всѣ тѣ акты духовные и бумаги Аугсбургскаго княжества, которыя власть считаетъ необходимымъ сохранить въ тайнѣ. Правда за это увеличеніе работы ему обѣщаютъ дать со временемъ приходъ, именно въ деревнѣ, какъ онъ всегда мечталъ, но время уходитъ и онъ скоро убѣждается, что ждетъ онъ напрасно, что его только обманываютъ. Онъ скоро замѣчаетъ, что только самые плохіе студенты богословія назначаются сельскими патерами и получаютъ приходы, что духовная власть поступаетъ въ этомъ случаѣ систематически: надобно чтобъ народъ оставался въ прежнихъ мракѣ и невѣдѣніи.

По временамъ Броннеръ переодѣтый посѣщаетъ театръ, разсказываетъ нѣсколько забавныхъ случаевъ, дающихъ понятіе или о хитрости и злобѣ католическаго духовенства Баваріи или о глубокомъ невѣжествѣ, въ которое погруженъ простой народъ, описываетъ разныя встрѣчи, особенно съ женщинами; ими онъ увлекается попрежнему. Занимается онъ также механикой и подробно описываетъ придуманную имъ числительную машину для умноженія и дѣленія большихъ чиселъ, но настоящая, любимая имъ жизнь, вся проходитъ въ мечтѣ. Идеалъ его будущей жизни заключается въ твердомъ рѣшеніи ожидать успѣха и счастія только отъ самого себя, полагаясь исключительно на собственныя силы, ни отъ кого не зависѣть. И вотъ въ головѣ его ткутся различные планы о будущемъ: хочется жить бѣднымъ, но независимымъ. Увлекаясь чтеніемъ путешествій—а въ концѣ прошлаго вѣка ихъ появлялось много и они были лю-

бимымъ чтеніемъ—Броннеръ задумывается о томъ, гдѣ бы поселиться ему на будущее время, хотя любимою страною все же остается Швейцарія. Онъ составляетъ и записываетъ цѣлый планъ жизни *лѣснаго жителя* (Waldbewohner), нѣчто въ родѣ робинзонады, пишетъ подробный инвентарь всѣхъ условій подобной жизни, реестръ всего что нужно, перечисленіе всѣхъ родовъ будущей дѣятельности.

Какъ и прежде, когда Броннеръ былъ монахомъ, такъ и теперь, и на этотъ разъ еще сильнѣе, сладкія мечты о свободной жизни и полной независимости отъ іерархическихъ оковъ, оживляются въ немъ съ каждымъ днемъ. Невыносимѣе съ каждымъ часомъ становится для него отправленіе обязанностей его сана и противорѣчіе послѣднихъ съ его внутренними убѣжденіями. Жизнь въ Аугсбургѣ особенно тяжела для него: здѣсь нѣтъ у Броннера ни одного близкаго человѣка, которому бы онъ могъ довѣриться. Кругомъ однѣ только интриги и сплетни лицъ при духовномъ дворѣ; всѣ эти лица хлопочутъ только о самихъ себѣ и подставляютъ ножку другъ другу. Скоро сознаетъ Броннеръ, что планъ его жизни въ лѣсу можетъ быть приведенъ въ исполненіе только въ самомъ крайнемъ случаѣ. При условіяхъ подобной жизни пришлось бы забыть и о всякой наукѣ, отказаться отъ всѣхъ удобствъ, принести навсегда въ жертву независимости все, что пріятно и дорого человѣку. И Броннеръ начинаетъ обдумывать новые планы будущаго: какъ сдѣлаться вполнѣ свободнымъ, какъ совсѣмъ перестать быть духовнымъ лицомъ. Событія французскаго переворота, происходившія такъ близко отъ него, имѣли могущественное вліяніе на образъ его мыслей. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ вліяніи:

„Сравнивая декреты и распоряженія представителей французскаго народа съ окружавшимъ меня іерархическимъ строемъ, враждебнымъ всякому прогрессу, я сознавалъ всю тягость моего положенія. Читая газету, я узнавалъ, что силою декрета осуществляется напримѣръ такая новая идея, проведеніе въ жизнь которой считалось возможнымъ развѣ чрезъ двѣсти лѣтъ. Сердце усиленно билось у меня и я благословлялъ страну, избранную провидѣніемъ поднять свой народъ свѣтомъ и силою разума на высшія ступени человѣческаго развитія. Никому не навязываю я этихъ моихъ мыслей, но высказываю ихъ, какъ мое искреннее убѣжденіе. Тѣмъ, кто злорадно кричалъ о настоящихъ неудачахъ Франціи, или тономъ пророка сулилъ ей бѣдствія въ будущемъ, я отвѣчалъ: „Человѣкъ только что начавшій постройку дома, не долженъ требовать возможности жить въ немъ удобно, пока постройка доведена только до половины“. Я чувствовалъ такое уваженіе къ новымъ французскимъ законодателямъ, что мнѣ и на мысль не приходило сомнѣваться въ здравомъ умѣ и честности хотя бы одного депутата. Любимою мечтою моею сдѣлалась жизнь въ этой свободной и счастливой странѣ. Какая отрадная перспектива развертывалась впереди!

Передо мной лежала какъ бы только что открытая, неизвѣстная прежде страна, гдѣ каждому честному человѣку дозволено и думать, и писать, и дѣлать все что ему прилично, не опасаясь преслѣдованій или лишенія гражданскихъ правъ".

Броннеръ думалъ было сначала отправиться прямо въ Страсбургъ и принять тамъ присягу, требуемую новыми законами отъ каждаго священника и въ званіи prêtre assermenté учить истинѣ и добродѣтели, согласно внутреннему убѣжденію. Но при всей его увѣренности въ храбрости и патріотическомъ пылѣ столь любимыхъ имъ новыхъ республиканцевъ, онъ не могъ не опасаться, что нѣмцамъ удастся на нѣкоторое хотя бы время овладѣть Эльзасомъ и тогда его положеніе сдѣлалось бы затруднительнымъ. Съ другой стороны онъ былъ справедливо увѣренъ, что и тамъ, во Франціи, духовныя лица несутъ такія же обязанности, какъ и въ южной Германіи. Онъ передумалъ и рѣшился остаться въ Аугсбургѣ пока не кончится война. Въ ожиданіи этого Броннеръ обратился къ механикѣ. Онъ остановился на усовершенствованіи ткацкаго станка и прядильной машины. Посѣщая аугсбургскихъ ткачей, Броннеръ убѣдился въ несовершенствѣ производства и ему удалось, какъ онъ разсказываетъ съ восторгомъ, придумать особую, вполнѣ удобную прядильную машину. Въ чемъ состояло его изобрѣтеніе—изъ разсказа не видно, но изготовивъ модель, онъ убѣдился, что машина его будетъ стоить дорого.

У Броннера явилось тогда новое намѣреніе. Онъ рѣшилъ переселиться во Францію, къ которой направлены были теперь всѣ симпатіи его и заняться тамъ торговлею, не приводя однако въ исполненіе этого намѣренія, пока не будетъ заключенъ миръ. Явились между тѣмъ причины, которыя заставили его, не дожидаясь конца войны, рѣшиться на бѣгство. Слѣдя, подобно многимъ своимъ современникамъ, съ большимъ волненіемъ за событіями, особенно за совершающимися во Франціи, Броннеръ очень желалъ читать французскую газету и узнавать изъ нея свѣжія новости, но это было затруднительно. Читалъ онъ правда у своего начальника по духовной канцеляріи, намѣстника курфирста французскій Монитёръ; онъ называлъ это чтеніе своимъ «демократическимъ праздникомъ», но удавалось это ему рѣдко. Узнавъ, что въ одной изъ аугсбургскихъ кофеенъ получается «Страсбургскій Курьеръ», онъ, хотя и переодѣтый (католическимъ духовнымъ запрещено было посѣщать кофейни, содержимыя лютеранами), сталъ приходить туда часто за свѣжими извѣстіями. Нѣкоторое время никто не замѣчалъ Броннера, но разъ изъ только что прочитаннаго извѣстія, что Лафатеръ въ Цюрихѣ говорилъ рѣзкую проповѣдь противъ французской республики и ея

дѣйствій, въ кофейнѣ завязался оживленный общій споръ и Броннеръ принялъ въ немъ участіе, тѣмъ болѣе, что изъ писемъ цюрихскихъ друзей своихъ зналъ подробнѣе о рѣчи Лафатера. Всѣ обратили на него вниманіе и очень скоро сдѣланъ былъ курфирсту доносъ о немъ, какъ о неблагонадежномъ человѣкѣ; обвиненіе заключало въ себѣ 4 пункта; на Броннера стали смотрѣть косо, обращались съ нимъ холодно и высокомѣрно, особенно ближайшій его начальникъ, намѣстникъ курфирста. Какъ разъ въ это время сдѣлались свободными два прихода, но Броннеру не только не дали одного изъ нихъ, а заставили еще писать его самого представленіе о передачѣ приходовъ другимъ лицамъ. Передъ нимъ открывалась непріятная перспектива сидѣть въ особомъ исправительномъ домѣ для духовныхъ лицъ, устроенномъ въ окрестностяхъ Аутсбурга. Тогда только Броннеръ рѣшился немедленно бѣжать.

Какъ человѣкъ чрезвычайно точный и аккуратный, какимъ онъ оставался всю жизнь, Броннеръ строго обдумалъ свое намѣреніе. Для себя онъ написалъ весьма подробно всѣ основанія, которыя бы говорили и за и противъ его бѣгства, и долго разсуждалъ о каждомъ, пока не рѣшился. Причинъ за бѣгство оказалось значительно больше; притомъ онѣ были полновѣснѣе. Любопытно, что въ числѣ 11-ти основаній для бѣгства онъ записалъ и надежду испытать въ будущемъ радости супруга и отца. Но для этого надобно было совсѣмъ оставить духовный санъ и Броннеръ сознается, что это слѣдовало бы сдѣлать давно. Изъ причинъ, говорившихъ противъ бѣгства, одна и самая главная—покинуть безъ средствъ къ существованію своего стараго отца—была теперь устранена. Отецъ жилъ на общественный счетъ въ богадѣльнѣ; небольшой домъ свой онъ продалъ, имѣлъ такимъ образомъ деньги, да и сынъ разсчитывалъ посылать ему со временемъ. Но конечно главныя причины, заставившія его рѣшиться, носили вполнѣ нравственный характеръ. Это вопервыхъ страстное желаніе свободы: «serviat aeternum, qui timet esse liber»—говорилъ онъ себѣ и во вторыхъ глубокое сознаніе бездны, лежавшей между его убѣжденіями и житейскимъ положеніемъ. Броннеръ убѣдилъ себя, что онъ поступитъ гораздо честнѣе и нравственѣе, уходя, чѣмъ оставаясь на мѣстѣ. И теперь, какъ и въ другихъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, онъ возсылаетъ самую искреннюю и теплую молитву къ провидѣнію и записываетъ ее.

Любовь къ свободѣ невольно указывала ему на Францію, гдѣ онъ рѣшился поселиться и конечно въ родственномъ Эльзасѣ. Несмотря на господствовавшую тогда въ южной Германіи ненависть къ этой странѣ и ея народу, Броннеръ горячо вѣритъ въ ея сча-

стливое будущее. «Судьба Франціи не можетъ быть такъ печальна, какъ желаютъ того аристократы—говоритъ онъ. Было бы странно, еслибъ этотъ энтузіазмъ къ свободѣ и къ родинѣ, этотъ смѣлый полетъ духовныхъ силъ, въ соединеніи съ такимъ умомъ и военными способностями, не побѣдили бы въ концѣ концовъ. Явственно, что провидѣніе дозволило явиться такому великому событію предъ глазами изумленнаго міра не для пустой игры; это не ракета, которая подымается въ воздухъ, лопается съ трескомъ и изчезаетъ. Въ событіяхъ заключается великое поученіе человѣчеству; ими подымается оно на высшую ступень развитія. Франція по всей вѣроятности не погибнетъ; но если и должно случиться самое худшее, если Эльзасъ будетъ отдѣленъ отъ нея, то у меня достанетъ храбрости раздѣлить судьбу моихъ свободныхъ согражданъ и удалиться въ другую свободную провинцію» (III, 230). Но прежде Эльзаса Броннеръ рѣшилъ отправиться въ Швейцарію.

Не станемъ останавливаться на подробномъ описаніи его приготовленій къ бѣгству. Точный и осмотрительный, Броннеръ сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобъ и приготовленія эти, и самое бѣгство окружены были глубокою тайною. Все это читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ описано весьма живо. Разныя препятствія, случайныя или подозрительныя встрѣчи, которыя могли бы задержать его или вовсе помѣшать бѣгству, все это изображено съ большимъ талантомъ. Онъ устроилъ всѣ свои дѣла, обратилъ въ деньги все, что только можно было, большую часть своей библіотеки и пожитковъ отправилъ впередъ чрезъ коммиссіонерскую контору, не возбуждая ни догадокъ, ни подозрѣній и для бѣгства выбралъ самое удобное время, когда и курфирстъ и соборный пробстъ Аугсбурга, въ прямой зависимости котораго онъ находился, уѣхали въ Мюнхенъ. На прощаньи, которое теперь, онъ былъ увѣренъ, было окончательное, Броннеръ оставилъ два письма, копіи съ которыхъ онъ напечаталъ въ автобіографіи; одно, очень смѣлое, гдѣ онъ не стѣсняясь высказываетъ свои убѣжденія, находящіяся въ совершенномъ разладѣ съ тѣми, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ въ монастырѣ—къ курфирсту, другое, болѣе мягкое, но столь же ядовитое, полное личныхъ уколовъ—къ его намѣстнику. Броннеръ говоритъ, что онъ хотѣлъ щадить послѣдняго, потому что, несмотря на то, что тотъ постоянно обманывалъ его, онъ все же былъ ему обязанъ нѣсколько и даже нѣкоторое время жилъ въ его домѣ. Очень хотѣлось ему передъ отъѣздомъ издать анонимно написанное имъ въ видѣ пародіи, имѣвшей цѣлью взбѣсить католическое духовенство, сочиненіе: «Святыя аптеки въ окрестностяхъ Аугсбурга», гдѣ осмѣивалось множество находящихся тамъ фиктивныхъ релик-

вій, помогающихъ въ самыхъ разнообразныхъ недугахъ, но почему-то однако раздумалъ это сдѣлать.

Снова, послѣ записаннаго имъ молитвеннаго обращенія къ провидѣнію, Броннеръ начинаетъ свое бѣгство 14-го іюля 1793 года. На этотъ разъ путь его былъ нѣсколько восточнѣе, чѣмъ первый, но съ такими же опасеніями и предосторожностями, какъ и тогда. Теперь однако у него была опредѣленная цѣль: его манила страна, только что завоевавшая себѣ свободу и условія жизни въ ней. Прежде онъ бѣжалъ только отъ монашества, теперь отъ всего сознательно пережитаго и прочувствованнаго гнета іерархически-католическаго государства. Для Броннера уже перестала давно имѣть значеніе старинная нѣмецкая поговорка: «Unter Krummstabe ist gut zu wohnen». Онъ весь проникнутъ революціонными идеями. При видѣ старыхъ рыцарскихъ замковъ, встрѣчающихся на пути, онъ высказываетъ ихъ: «Кому при взглядѣ на этотъ огромный дворецъ, представляющій такой сильный контрастъ съ бѣдными жилищами земледѣльца, не придетъ въ голову мысль о произволѣ и насиліи? Меня нисколько не удивляетъ, что при началѣ французской революціи крестьянинъ съ такимъ злорадствомъ жегъ замки. Великолѣпное зданіе казалось оскорбляло взоры бѣдняка: «на счетъ страны, на мой счетъ, изъ поту моихъ предковъ и частью моего, говорилъ онъ, выстроены эти твердыни насилія». Въ другомъ мѣстѣ Броннеръ повторяетъ почти тоже самое о громадныхъ фабричныхъ зданіяхъ, пробуждающихъ такую же тяжелую идею о контрастѣ между роскошью фабриканта и нищетою рабочаго (III, 319).

Пользуясь аккуратно веденнымъ имъ дневникомъ, Броннеръ, какъ и въ первое время, очень подробно описываетъ путь свой. Часть его сдѣлалъ онъ пѣшкомъ, часть на лошадяхъ. Онъ записываетъ все, что сколько нибудь останавливало на себѣ его вниманіе, случайныя встрѣчи и приключенія. Дорога шла чрезъ Боденское озеро и по Альпамъ, не безъ опасности погибнуть въ ущельяхъ, чему онъ не разъ подвергался. Броннеръ шелъ бодро и весело, мечтая о будущей свободной жизни, въ началѣ пути боясь однако погони и весьма непріятно поражаясь, когда при случайныхъ встрѣчахъ люди узнавали въ немъ монаха или священника. Вздохнулъ онъ въ первый разъ свободно на границѣ аугсбургскаго духовнаго округа и съ глубокимъ чувствомъ радости вступилъ на почву Швейцаріи, которую онъ называетъ страною свободы и трудолюбія по преимуществу. Прелести горной природы, простая жизнь швейцарскихъ пастуховъ и сыроваровъ, въ жилищахъ которыхъ ему приходилось останавливаться и подкрѣпляться для дальнѣйшаго пути,—все это прочувствовано его сердцемъ. «Не говорите мнѣ, пишетъ онъ, что

міръ идиллій существуетъ только въ головѣ поэта: въ дѣйствительности онъ внѣ его; нужно владѣть только искреннимъ чувствомъ, да душею не унылою, а открытою для всякаго явленія (III, 341).

Отслуживъ наканунѣ, противъ всякаго личнаго желанія, а по просьбѣ знакомыхъ женщинъ, въ окрестностяхъ Цюриха, послѣднюю свою обѣдню, Броннеръ пришелъ въ этотъ городъ 24-го іюля, пробывъ въ дорогѣ десять дней. Первое посѣщеніе Броннера въ Цюрихѣ было въ домъ Геснера, того человѣка, который такъ обласкалъ его въ первый разъ. Этотъ столь прославленный въ XVIII вѣкѣ идилликъ былъ для него не только образцемъ въ поэтическомъ творчествѣ, но и вообще идеаломъ человѣка. Онъ называлъ его «поэтомъ невинности и природы». Вдова Геснера и сынъ его сердечно привѣтствовали бѣглеца. Другіе цюрихскіе друзья, а ихъ было довольно много у Броннера, съ большою радостью обняли его. Все улыбалось ему. По его словамъ это было самое счастливое время его жизни. Все отправленное имъ изъ Аугсбурга, по адресу конторы извѣстнаго цюрихскаго издателя-книгопродавца Орелли, Броннеръ получилъ въ цѣлости. Нашелъ онъ скоро и удобное помѣщеніе. Устроивъ его по своему вкусу, онъ въ теплой молитвѣ выразилъ свою благодарность провидѣнію. «Меня упрекали, говоритъ онъ, что въ своей книгѣ я часто упоминаю о молитвахъ и привожу ихъ; но моя цѣль изобразить человѣка вполнѣ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ». Слова эти, по нашему мнѣнію, доказываютъ искренность его автобіографіи. Снова принимается Броннеръ за свои идилліи, весьма часто играетъ на скрипкѣ, стараясь, какъ говоритъ онъ, выразить въ звукахъ чувства своего сердца. Знакомыхъ у него было много; время незамѣтно проходило въ посѣщеніяхъ въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ; были и встрѣчи съ разными особами прекраснаго пола, описанныя, какъ и всегда Броннеромъ съ большими подробностями, съ цѣлью упомянуть о встрѣченныхъ имъ «моральныхъ опасностяхъ». Тогда же вышли въ свѣтъ два томика его Neue Fischergedichte und Erzählungen, за которые онъ получилъ отъ издателя ихъ Орелли очень хорошій, по словамъ его гонораръ.

Прежде чѣмъ рѣшиться привести въ исполненіе свое намѣреніе отправиться во Францію, Броннеръ наводитъ справки. Кто-то изъ его друзей въ Страсбургѣ, на вопросы Броннера о поѣздкѣ, отговаривалъ его, но въ случаѣ настоятельнаго желанія, если онъ захочетъ быть священникомъ, совѣтовалъ обратиться къ епископу департамента Верхняго Рейна. Представленіе Броннера о присяжномъ священникѣ во Франціи было далеко отъ дѣйствительности. Онъ вообразилъ, что это идеальный учитель народа, что стоитъ только вести скромную и уединенную жизнь, учить народъ, согласно

своимъ убѣжденіямъ, правдѣ, нравственности и добродѣтели, учить думать, и что въ этомъ будетъ состоять вся его служба, за что онъ будетъ получать и жалованье. Онъ былъ увѣренъ, что у него будетъ много свободнаго времени для изготовленія разныхъ машинъ для фабрикъ. Какъ только вышли въ свѣтъ его «сочиненія», онъ написалъ въ Кольмаръ письмо къ епископу; въ немъ онъ откровенно высказалъ свои убѣжденія, восторгъ свой отъ революціи и свое пламенное желаніе сдѣлаться французскимъ гражданиномъ въ званіи священника, тождественномъ, по его мнѣнію, съ званіемъ учителя. Недавно изданный декретъ республики воспрещалъ, подъ угрозою смертной казни, переходъ французской границы всѣмъ иностранцамъ; но Броннеръ надѣялся, что онъ, какъ чтитель свободы, найдетъ въ этой странѣ и убѣжище и безопасность. Кольмарскій епископъ немедленно увѣдомилъ его, что послѣдній декретъ до него не касается, что онъ найдетъ мѣсто и совѣтовалъ торопиться. Нѣкоторые изъ цюрихскихъ друзей его, ближе знакомые съ обстоятельствами, предостерегали Броннера. Онъ написалъ другое письмо къ епископу съ разными вопросами и сомнѣніями, но всѣ они разрѣшены были епископомъ въ благопріятномъ смыслѣ. Онъ упрекалъ Броннера за недовѣріе, но послѣдняго повергъ снова въ недоумѣніе крестикъ, поставленный передъ подписью: онъ увидѣлъ въ этомъ крестикѣ пастырское благословеніе, которому не вѣрилъ и—задумался.

То было критическое время для новорожденной республики. Австрійскія войска проникли далеко въ Эльзасъ; Броннеръ легко могъ попасть къ нимъ въ руки; страна эта была разорена до нищеты, а союзники даже составили проектъ выморить ее голодомъ. Напрасно друзья его въ Цюрихѣ убѣждали его не оставлять этотъ городъ, нашли даже ему большую и пріятную для него работу: составленіе ученаго каталога предметовъ по естественнымъ наукамъ, пожертвованныхъ городу; напрасно секретарь французскаго посольства на отрѣзъ отказалъ ему въ выдачѣ паспорта въ Кольмаръ: ничто не могло побѣдить его рѣшимости. Броннеръ слишкомъ вѣрилъ въ храбрость французовъ и побѣду ихъ, а чтобъ не умереть съ голода, онъ забралъ съ собою нѣсколько современныхъ книгъ, въ которыхъ трактовалось о растеніяхъ, кореньяхъ, ягодахъ и грибахъ, годныхъ на пищу. Онъ думалъ вездѣ, въ лѣсу и въ полѣ и даже на улицѣ, найти свой столъ и взялъ между прочимъ съ собою «Аугсбургскую поваренную книгу» съ тою цѣлью, чтобъ самому и готовить (списокъ всѣхъ этихъ очень полезныхъ для путешественника книгъ онъ напечаталъ, III, 458). Важнѣе всего однако былъ то, что онъ умѣлъ свой литературный гонораръ, состоящій изъ свѣтленькихъ луидоровъ, такъ ловко спрятать на себѣ, хотя

прибѣгалъ для этого къ самымъ оригинальнымъ способамъ, что ихъ не нашли голодные французы на пограничныхъ таможняхъ.

Въ день своего рожденія (ему исполнилось тогда 35 лѣтъ), 23-го декабря 1793 года, Броннеръ простился съ своими друзьями и, съ зонтикомъ въ рукѣ, съ новымъ республиканскимъ календаремъ и маленькимъ Эльзевиромъ, весьма похожимъ на католическій бревіарій (молитвенникъ), но заключающимъ въ себѣ стихотворенія Катулла, Тибулла, Проперція и Марціала въ карманѣ, да съ однимъ изъ руководствъ какъ различать съѣдобныя травы и коренья, однако безъ паспорта, Броннеръ отправился въ свое полное разочарованій путешествіе въ обѣтованную страну свободы. Часть пути, до Базеля, прошелъ онъ довольно благополучно, но хотя при встрѣчахъ, на задаваемые ему вопросы на счетъ его личности, Броннеръ вездѣ назывался «механикомъ изъ Аугсбурга», всѣ принимали его за патера: «точно у меня на лбу написано, что я патеръ»—говорилъ онъ. Первымъ дѣломъ его въ Базелѣ, чтобъ не походить на патера, было купить сѣрые чулки и свѣтлый галстухъ, но и это не помогло: такъ сильно вліяли и іезуитское воспитаніе, и жизнь въ монастырѣ, и многолѣтнія привычки. Въ Базелѣ же Броннеръ надѣялся выхлопотать себѣ паспортъ, но и это не удалось: его выдавали тогда только природнымъ швейцарцамъ. Онъ рѣшился идти на удачу.

На границѣ, у французскихъ бараковъ, Броннера не пускаютъ дальше. Его цюрихскій паспортъ не дѣйствителенъ: онъ не визированъ французскимъ посланникомъ. Когда, обращаясь къ стражѣ съ просьбою о пропускѣ, онъ назвалъ присутствующихъ: meine Herren!, его называютъ «citoyen» и объявляютъ ему, что всѣ клички и титулы упразднены во Франціи. Послѣ чрезвычайно строгаго осмотра въ таможнѣ, его ведутъ къ sous-général, который долженъ рѣшить его участь. Передъ этою республиканскою властью Броннеръ сильно оробѣлъ сначала, особенно потому, что не могъ бѣгло говорить по французски. Ему замѣтили, что «республиканцы ненавидятъ лицемѣріе и робость» и позволили ему объяснить свои желанія на нѣмецкомъ языкѣ. Броннеръ держитъ цѣлую рѣчь. Въ ней горячо говоритъ онъ о своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ, о своемъ пламенномъ желаніи сдѣлаться французскимъ гражданиномъ, что для исполненія этого желанія онъ готовъ пѣшкомъ сходить въ Россію и обратно. Слова эти привели въ восторгъ присутствующихъ: «Écoutez, citoyens! n'est il pas enragé?»—говорили они, на что Броннеръ отвѣчалъ: «Heureuse la France! si ma rage aurait pris tous les français». Слова эти были покрыты общими рукоплесканіями. Все это благопріятно подѣйствовало на генерала, но онъ замѣтилъ,

что жалованья священника, несмотря на обѣщанія епископа, ему не дадутъ. Тогда Броннеръ заявилъ, что если ему и не дадутъ жалованья, то онъ готовъ все терпѣть, лишь бы только сдѣлаться французскимъ гражданиномъ, готовъ питаться одними кореньями и при этомъ указалъ на одно изъ своихъ руководствъ, какъ приготовлять ихъ въ пищу. Надъ такимъ рѣдкимъ энтузіастомъ посмѣялись, но паспортъ выдали ему, отказавшись даже отъ платы за него. Его предупредили однако, что онъ долженъ держаться прямой дороги въ Кольмаръ и не уклоняться отъ нея въ сторону, подъ угрозою гильотины.

Любопытно описаніе этого путешествія и первыхъ шаговъ Броннера въ странѣ, о которой онъ мечталъ. Ему встрѣчались новые люди: національные гвардейцы, якобинцы верхомъ въ своихъ колпакахъ, крестьяне, то громко, то въ полголоса жаловавшіеся на безбожіе и ужасы, распространяемые національнымъ собраніемъ. Гостинницы по дорогѣ были почти всѣ закрыты: ни нанимать прислугу, ни покупать припасы на ассигнаціи, сильно упавшія въ цѣнѣ. не было возможности. Въ одной изъ такихъ auberges, ея хозяинъ жаловался путешественнику, что ему съ семьей оставляютъ на пропитаніе самую малую, необходимую часть припасовъ, все остальное переписано; что заставляютъ продавать по таксѣ и притомъ на ассигнаціи. Когда онъ увидалъ у Броннера въ рукахъ звонкую монету, то угостилъ его и скорѣе и охотнѣе. Броннера поразило обращеніе солдатъ республики съ служанками въ auberge. «Гражданинъ! чему вы удивляетесь?—говорили ему: это современные нравы, общій обычай теперь, съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ церквей». «Конечно, размышлялъ онъ о католической Франціи: въ странѣ. гдѣ нравственность не усвоена сознательнымъ ученіемъ и наставленіемъ, гдѣ она не сдѣлалась достояніемъ сердца и убѣжденія, а была чѣмъ то побочнымъ при догматической религіи, гдѣ религія заключалась лишь въ обрядахъ и церемоніяхъ, въ такой странѣ и не могло быть иначе. Какъ только эти обряды и церемоніи были упразднены декретомъ, а ихъ не трудно упразднить, должны были пасть и религія и нравственность. Только тамъ они не могутъ быть ничѣмъ искоренены, гдѣ они глубоко усвоены сердцемъ; тамъ только они одни могутъ спасти народъ отъ нравственной гибели».

И лично Броннеръ долженъ былъ испытать нѣсколько непріятностей. Кондукторъ дилижанса, присутствовавшій при его объясненіяхъ съ sous-général, увидавъ его за столомъ въ гостинницѣ, кричитъ хозяину: «гони его вонъ! Это попъ отступникъ и бѣшеный якобинецъ!» Въ другомъ мѣстѣ его назвали шпіономъ, а встрѣчная толпа, разглядѣвъ что на немъ не было республиканской кокарды.

обозвала его «аристократическимъ животнымъ» и едва не прибила. Первымъ дѣломъ его въ Кольмарѣ было купить и надѣть трехцвѣтную кокарду. Дорога въ этотъ городъ была также полна множествомъ разочарованій для путешественника. Передъ нимъ развалины полевой часовни: распятіе и разбитые куски статуй святыхъ лежатъ въ мусорѣ. «Я не могу объяснить себѣ, говоритъ онъ, какимъ образомъ столь религіозный католическій народъ можетъ смотрѣть равнодушно на это разореніе дорогой для него святыни, не приходя въ негодованіе. Боюсь, что дѣло разума и свободы этимъ жестокимъ, страстнымъ нападеніемъ на народныя вѣрованія, потеряетъ все, тогда какъ оно выиграло бы отъ умѣренности». Броннеръ видѣлъ, какъ народъ, проходившій мимо, только вздыхалъ, поднималъ къ небу глаза или съ горемъ отворачивался. Никто однако не выражалъ громко волнующія его чувства: всѣ боялись гильотины. Въ одной изъ гостинницъ, узнавъ, что Броннеръ патеръ, его гораздо лучше накормили.

Епископъ кольмарскій, на обѣщанія котораго положился Броннеръ, былъ уже сѣдой, пожилой человѣкъ, но онъ оказался вполнѣ безсильнымъ и не имѣющимъ никакого значенія въ городѣ, гдѣ силу имѣли только республиканскія власти. Онъ передалъ Броннеру, что хотя большинство церквей и обращено теперь въ храмы разума, но есть еще и такія, въ которыхъ продолжается католическое служеніе; онъ высказалъ желаніе, чтобы Броннеръ былъ его помощникомъ и несъ всѣ обязанности патера. Онъ обѣщалъ ему даже постороннюю работу, съ платою за нее: разборъ старыхъ документовъ, доставленныхъ изъ упраздненныхъ монастырей и церквей. Эта перспектива не радовала Броннера; она слишкомъ не походила на составленный имъ себѣ идеалъ свободнаго учителя народа; онъ видѣлъ, что долженъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ amanuensis—рабомъ епископа. Къ счастью у этого послѣдняго не было власти привести въ исполненіе свои обѣщанія.

Между тѣмъ то, что Броннеръ видѣлъ въ Кольмарѣ (а записанное имъ весьма любопытно, представляя въ живыхъ образахъ тогдашнее революціонное движеніе), нисколько не успокоивало его, напротивъ того увеличивало его разочарованіе. На главномъ порталѣ кольмарскаго собора, огромными золотыми буквами на черной доскѣ находилась свѣжая надпись: Temple de la raison—и горькое чувство раздумья проникаетъ въ душу Броннера. Народъ идетъ въ этотъ храмъ не по убѣжденію, а изъ любопытства и по принужденію. Точно ли это храмъ разума, того разума, того естественнаго закона природы, о которомъ такъ много писали великіе современные учители? Можно ли силою декрета уничтожить вѣковыя пред-

убѣжденія? Не падутъ ли вмѣстѣ съ ними и основы нравственности, на которыхъ они держались? Броннеръ сознается, что самъ онъ смотрѣлъ на этотъ храмъ косо и съ боязнью. По другую сторону собора кучка санкюлотовъ окружала, очень весело болтая, какой-то деревянный помостъ, похожій на эстраду или сцену, окрашенную въ красную краску. Оказалось, что это гильотина. Ея столбы и орудіе увезли для казней въ сосѣдній городъ Роффахъ. Отвратительная машина, считавшаяся орудіемъ свободы, конечно должна была еще усилить тягостное впечатлѣніе. Дальше, на довольно большой площади, передъ какою-то церковью, въ безпорядочную кучу сброшены были алтари, колонны, церковныя скамьи, статуи святыхъ, рамы священныхъ картинъ, исповѣдальни и пр. Все было разбито, разломано, но охранялось, какъ національная собственность, стражею изъ двухъ санкюлотовъ. Не понималъ Броннеръ какимъ образомъ народъ, молча, безъ сопротивленія, позволилъ такое обращеніе съ его святынею. Большою дерзостью, чѣмъ-то очень жестокимъ казалось ему возбуждать со стороны власти ежедневно понятное недовольство народа этимъ зрѣлищемъ поруганія дорогихъ и священныхъ ему предметовъ. Въ глубину души его проникалъ ужасъ.

Епископъ кольмарскій, несмотря на то, что онъ присягалъ конституціи, оказался, какъ узналъ Броннеръ, весьма интолерантнымъ. На праздникъ Рождества, послѣ долгихъ просьбъ духовенства, власти города позволили открыть для церковной службы іезуитскую церковь, съ тѣмъ, чтобъ ею воспользовались по очередно и католики и лютеране. Епископъ однако ни за что не хотѣлъ уступить лютеранамъ. согласиться съ ними въ часахъ службы. Это не понравилось свободно-мыслящему Броннеру и у него исчезла всякая охота служить съ нимъ. Однако они пошли вмѣстѣ въ comité du district. Одинъ изъ членовъ его насмѣшливо встрѣтилъ епископа, называя его citoyen и прямо объявилъ Броннеру, что онъ явился во Францію не во время, что дѣлать ему здѣсь нечего, такъ какъ попы упразднены, что самое лучшее воротиться ему въ Германію. Во время изслѣдованія побужденій, заставившихъ Броннера явиться въ Кольмаръ, нѣкоторые изъ членовъ заявили, что онъ былъ обманутъ, что надобно наказать обманщика епископа, взыскавъ съ него сумму издержекъ, употребленныхъ Броннеромъ на дорогу. Надъ нимъ смѣются, что онъ говоритъ о просвѣщеніи, а самъ выглядываетъ попомъ и вѣритъ глупому епископу. Отъ президента этого комитета его повели къ національному агенту: этотъ добродушно вошелъ въ его затруднительное положеніе, и узнавъ, что онъ писатель, предложилъ ему мѣсто переводчика на

нѣмецкій языкъ французскихъ распоряженій правительства — въ городскомъ управленіи; но содержаніе переводчика оказалось слишкомъ недостаточнымъ. Когда въ комитетѣ выслушали новую рѣчь Броннера, въ которой онъ высказалъ свои республиканскія убѣжденія и свою любовь къ Франціи, ему было предложено мѣсто оратора въ храмѣ разума. Охотно соглашаясь на такое предложеніе, онъ высказалъ однако опасеніе, что поученія его едва ли будутъ въ духѣ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ теперь обученіе народа. «Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣтили ему: мы вамъ скажемъ чему учить». Такая зависимость оратора показалась Броннеру хуже прежней цензуры его проповѣдей соборнымъ пробстомъ.

Для характеристики смутныхъ понятій окружающаго Броннера общества республиканцевъ въ Кольмарѣ очень любопытны его воспоминанія. Такъ, во время споровъ въ комитетѣ о Броннерѣ, одинъ изъ защищавшихъ его членовъ сказалъ: «Клянусь душею, онъ честный человѣкъ и патріотъ». Другой членъ, по профессіи врачъ, немедленно останавливаетъ его за нереспубликанское выраженіе: «Душа, душа! человѣкъ есть матерія»! Въ свою очередь третій членъ комитета называетъ этого врача собакою, за то что онъ не признаетъ души. Во время этихъ споровъ о Броннерѣ, которые могли бы кончиться для него гильотиною, онъ сидѣлъ у окна въ другой комнатѣ и читалъ своего карманнаго Марціала. Эту книжку приняли за молитвенникъ и указали президенту. Дѣло разрѣшилось смѣхомъ и это спасло Броннера. Посѣтилъ онъ и «храмъ разума». Все, что только могло напоминать прежнюю церковь и католическое богослуженіе, было выброшено. Тамъ, гдѣ былъ главный алтарь, возвышалась теперь сцена; на ней поднималась высокая, огнедышащая гора—олицетвореніе всемогущей якобинской *горы*. На ея склонѣ находились изображенія свободы и истины, нѣсколько ниже—храбрости и индустріи. Это были фигуры, расписанныя красками на доскахъ и вырѣзанныя. Можетъ ли эта театральная обстановка, спрашиваетъ себя Броннеръ, замѣнить для народа прежній алтарь? Здѣсь не было ничего, что говорило бы уму, сердцу, даже чувствамъ. На сцену выступило начальство департамента: разные чиновники въ якобинскомъ одѣяніи, въ трехцвѣтныхъ шарфахъ и повязкахъ. Заиграли трубы, флейты и органъ. Всѣ присутствующіе подъ акомпаниментъ этой музыки, пропѣли марсельезу, каждая строфа которой заканчивалась веселымъ ça ira. Одинъ изъ республиканскихъ чиновниковъ сообщилъ со сцены извѣстіе о снятіи осады Тулона и другія политическія новости, за тѣмъ раздалъ печатные листки патріотическихъ пѣсенъ. Всѣ закричали: vive la république или ça va и тѣмъ богослуженіе разуму кончилось.

Когда послѣ него Броннеръ отправился обѣдать къ тому кольмарскому гражданину, который звалъ его въ учители дѣтей своихъ, онъ увидѣлъ другія явленія. Дѣти молились Богу передъ обѣдомъ и послѣ него; были и другіе случаи религіознаго настроенія, подмѣченные имъ и прежде. И Броннеръ убѣдился, что все это невѣріе вокругъ него было напускное, что-то въ родѣ моды, которою хвастались и щеголяли передъ народомъ. Большинство атеистовъ, въ глубинѣ сердца, хранили наивную вѣру, какъ и ихъ жены; имъ хотѣлось щеголять только современнымъ образомъ мыслей, какъ это дѣлаютъ новички и выскочки. Чуть они замѣтятъ, что новое для нихъ почему либо невыгодно, они возвращаются назадъ, къ вѣрѣ, внушенной имъ съ дѣтства. Это болтуны, пустомели. Все это приводило Броннера въ раздумье. За совѣтомъ пошелъ онъ къ Пфефелю [1]), рѣшившись поступить такъ какъ онъ скажетъ. Пфефель говорилъ ему о господствующемъ кругомъ хаосѣ, о невѣрности существованія; по его словамъ лучше жить милостыней въ Швейцаріи, чѣмъ оставаться въ Эльзасѣ. И Броннеръ рѣшился уйти. На прощаньи съ городомъ, онъ былъ въ засѣданіи amis réunis или якобинцевъ, но оно нагнало на него только скуку пустотою содержанія и произнесенныхъ рѣчей. Вечеромъ передъ «храмомъ разума», по случаю взятія Тулона, былъ разложенъ большой костеръ. Нѣсколько паръ санкюлотовъ и женщинъ плясали вокругъ огня. Плясали и кричали они точно бѣшеные. Это напомнило Броннеру пляски дикихъ канадцевъ. Множество зрителей и зрительницъ этого дикаго веселья стояли на помостѣ гильотины, не чувствуя отвращенія къ страшной машинѣ. Кругомъ гремѣла музыка и раздавались патріотическіе гимны.

На другой день, очень холодно простившись съ епископомъ, виновникомъ его неудачнаго посѣщенія Франціи, Броннеръ отправился обратно тою же дорогою, хотя едва добился пропуска. Это возвращеніе описано уже очень кратко и самое любопытное и забавное въ немъ—разсказъ о томъ, какъ онъ умудрялся скрыть отъ голодныхъ французовъ свои луидоры. Глубокая радость проникла въ его душу, когда онъ вступилъ въ предѣлы Швейцаріи.

---

[1]) Это былъ нѣмецкій поэтъ, кольмарскій уроженецъ (1736—1809), довольно извѣстный въ нѣмецкой литературѣ прошлаго вѣка, какъ авторъ басенъ, сказокъ и театральныхъ пьесъ. Ослѣпши въ очень молодыхъ годахъ, онъ работалъ много и былъ даже практически дѣятеленъ: такъ имъ основана была въ Кольмарѣ военная школа, упраздненная во время революціи. Пфефель, хотя и не былъ въ связи съ нѣмецкими писателями, но въ Кольмарѣ пользовался общимъ уваженіемъ. *Gervinus*, Gesch. d. deutschen Dichtung, IV, 99.

«Я, какъ Улиссъ, говоритъ онъ, готовъ былъ пасть ницъ и цѣловать почву этой мирной страны». Но Францію онъ любилъ, жалѣлъ о ней. Явленіе противоположнаго порядка съ тѣмъ что онъ видѣлъ въ Кольмарѣ, поразило его въ небольшомъ пограничномъ городкѣ Меллингенѣ, гдѣ онъ ночевалъ. Здѣсь, въ гостинницѣ, онъ встрѣтилъ большую толпу эмигрантовъ, украшенныхъ орденами и крестами, епископовъ, маркизовъ, кавалеровъ ордена св. Лудовика. Броннеръ видѣлъ, какъ они шли къ обѣденному столу, строго соблюдая ранги и достоинство, какъ они садились за столъ съ разными церемоніями. Поразилъ его ихъ разговоръ, ихъ сплетни. «Бѣдная Франція! писалъ онъ. Еслибъ на эту страну ниспала хотя бы тысячная доля тѣхъ бѣдствій, которыя эти французы сулили и пророчили ей, забывая, что говорятъ о своей родинѣ, то междоусобія, убійства, война, голодъ, моръ и прочія бѣдствія давно должны бы были обратить ее въ пустыню».

Въ первыхъ числахъ января 1795 года Броннеръ воротился въ Цюрихъ изъ своего неудачнаго путешествія въ обѣтованную землю свободы. Сердце его сжималось въ ожиданіи насмѣшекъ и упрековъ, но все обошлось благополучно, друзья, ему преданные, встрѣтили его ласково. Свою жизнь устроилъ онъ въ Цюрихѣ такъ, что скоро сталъ вполнѣ ею доволенъ, тѣмъ болѣе, что и работа нашлась по душѣ. Это было описаніе предметовъ естественно-историческаго собранія, принадлежащаго городу. Вскорѣ потомъ онъ сдѣлался редакторомъ цюрихской газеты, издаваемой Орелли; нашлись и другія литературныя занятія, такъ что существованіе его было довольно обезпечено, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ бережливый и неприхотливый.

На началѣ этой цюрихской жизни прерывается автобіографія Броннера (послѣдній томъ ея вышелъ въ 1797 году). Желаніе познакомиться съ этою оригинальною личностью, которой предстояла довольно значительная дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ, заставила насъ изложить его подробный разсказъ. Останавливаясь на главныхъ событіяхъ его жизни, мы старались указать и на его внутреннее развитіе и на его приготовленіе къ научной дѣятельности. Несмотря на все желаніе наше быть краткимъ по возможности (болѣе полуторы тысячи страницъ текста мы изложили на 36 страницахъ), разсказъ нашъ о Броннерѣ вышелъ изъ намѣченныхъ нами рамокъ. Мы смотримъ однако на трудъ нашъ, какъ на матеріалъ для будущихъ историковъ русскаго просвѣщенія, а потому намъ казалось, что передача автобіографіи Броннера заключаетъ въ себѣ и общій интересъ. Это весьма оригинальная, мало извѣстная, притомъ глубоко—искренняя личность. Весьма жаль,

что у насъ нѣтъ никакихъ записанныхъ Броннеромъ подробностей о его казанской жизни, кромѣ журналовъ, веденныхъ имъ о поведеніи студентовъ и кандидатовъ. При его наблюдательности и внимательномъ отношеніи къ окружающему, у насъ въ рукахъ были бы драгоцѣнные матеріалы. Въ концѣ третьей части Броннеръ даетъ торжественное обѣщаніе не продолжать далѣе своей автобіографіи. «Четвертая часть никогда не появится»—говоритъ онъ. Это потому, что по его убѣжденію, о близкомъ и новомъ нельзя писать откровенно. По его сравненію, разсказы о современникахъ, съ которыми живешь въ одномъ мѣстѣ, похожи на портреты, висящіе въ школьномъ помѣщеніи: рѣзвыя дѣти бросаютъ въ нихъ шарики изъ жеванной бумаги, пририсовываютъ къ нимъ усы, чубуки, носы. Фигуры не могутъ остаться въ первоначальномъ видѣ. Броннеръ поэтому боится, что хорошіе люди мало будутъ имѣть охоты водить дружбу съ человѣкомъ, который вздумаетъ показать свѣту ихъ дѣйствія и мнѣнія, можетъ быть въ превратномъ видѣ.

По «безпристрастнымъ наблюденіямъ надъ самимъ собою», по его собственнымъ словамъ, мы можемъ возстановить нравственную и духовную личность Броннера. Это человѣкъ, въ которомъ воображеніе пересиливаетъ прочія душевныя силы. Боязнь людей заставившая его идти въ монахи; ревность, принудившая его къ бѣгству; любовь къ житейскимъ удобствамъ, воротившая его вновь въ духовное званіе; страсть къ изобрѣтенію разныхъ машинъ,—ей не давало простора это званіе, — возбудившая въ немъ смолкнувшее чувство свободы,—все это усиливалось отъ преобладанія воображенія. Лучшимъ внутреннимъ качествомъ своимъ Броннеръ считаетъ твердую волю; отсюда его упорство, постоянство въ дѣйствіяхъ. Эти свойства были воспитаны іезуитскимъ монастыремъ, его жестокою, рабскою системою. Но какою собственно наукою интересовался Броннеръ больше всего—изъ его автобіографіи мы не видимъ. Онъ самъ разсказываетъ, что въ заботахъ о развитіи разума, онъ долженъ былъ переходить отъ одной науки къ другой: отъ занятій словесностью къ математикѣ, потомъ къ философіи, исторіи, богословію и юридическимъ наукамъ; наконецъ къ механикѣ, минералогіи, химіи, вообще къ естествознанію. И все это большею частью по чужимъ указаніямъ, безъ строгой подготовки и системы. Такая пестрота занятій должна была помѣшать основательности его свѣдѣній. Сознается онъ съ болью въ сердцѣ и въ томъ, что много времени и дѣятельности онъ растратилъ прежде на занятія, которыя кажутся ему теперь пустыми. Это были его «идилліи»; онъ говоритъ о нихъ, что онѣ вполнѣ безполезны, и въ послѣднее время уже никакъ не могли возбуждать интересъ своимъ содержаніемъ.

О нѣсколькихъ годахъ, проведенныхъ Броннеромъ въ Цюрихѣ, послѣ неудачнаго путешествія во Францію, у насъ вовсе нѣтъ свѣдѣній. Долго ли издавалъ онъ цюрихскую газету—мы не знаемъ. Дѣло приведенія въ порядокъ и составленія описанія цюрихскаго музея, исполненное Броннеромъ по порученію городскихъ властей, помогло ему, какъ намъ кажется, составить и свое собственное собраніе естественно-историческихъ предметовъ, проданное имъ потомъ Казанскому университету. Въ 1802 году его положеніе упрочилось. Въ этомъ году кантонъ Аарау основалъ у себя школу нѣсколько выше средней, и Броннеръ получилъ въ ней мѣсто преподавателя математики и физики. Въ этомъ званіи онъ оставался семь лѣтъ до того времени, какъ рѣшился переѣхать въ Казань. По словамъ его перваго латинскаго письма къ Румовскому, писаннаго 10-го сентября н. с. 1809 года (первое приглашеніе черезъ Бартельса, въ 1806 году, не имѣло почему-то послѣдствій), видно, что Броннеръ преподавалъ тамъ, въ кантональной школѣ, не одни первоначальныя только основанія математики, знакомилъ учениковъ не съ легкими только опытами физическими; по его словамъ, ученики Аарауской школы были знакомы съ анализомъ, съ обѣими тригонометріями, съ исчисленіемъ кривыхъ и вообще съ законами механики и «натуральной философіи». Это даетъ намъ очень неопредѣленное представленіе о преподавательской дѣятельности Броннера въ школѣ, но онъ увѣряетъ, что ученики ея съ успѣхомъ оканчивали курсъ въ нѣмецкихъ университетахъ и во французскихъ военныхъ училищахъ. Броннеръ считаетъ себя однако вполнѣ достойнымъ занять каѳедру физики, а въ особенности математики, въ университетѣ, о чемъ и обращается съ просьбою къ попечителю, упоминая о томъ, что онъ слышалъ о жалованьи профессора: «cui muneri annuos reditus duorum millium aureorum Rossicorum (vulgo Rubel») и сверхъ того о квартирныхъ. Имѣя значительную библіотеку, большія, по его словамъ, собранія физико-математическія и естественно-историческія, онъ просилъ и о денежномъ пособіи для перевозки ихъ въ далекій городъ, sub plagam coeli adeo remotam». Въ заключеніе письма Броннеръ представляетъ списокъ своихъ сочиненій, какъ печатныхъ (всѣ они литературнаго содержанія), такъ и рукописныхъ. Между этими послѣдними (они не были и потомъ напечатаны), кромѣ двухъ историческихъ: «Объ обращеніи саксовъ въ христіанство Карломъ В.» и «Исторіи церкви и воспитанія во время швейцарской революціи 1798—1803 гг.» (только собраніе матеріаловъ), мы встрѣчаемъ и учебники: алгебры, геометріи, тригонометріи, физики и прикладной математики. Неизвѣстно на сколько все это было обработано.

Очень скоро, какъ это было въ его привычкахъ, по полученіи этого письма, Румовскій, полагаясь конечно больше всего на рекомендацію уважаемаго имъ Бартельса, представилъ министру народнаго просвѣщенія объ утвержденіи Броннера на вакантную каѳедру физики (занимавшій ее Запольскій, умершій въ слѣдующемъ году, долженъ былъ перейти на каѳедру философіи) на тѣхъ условіяхъ, какія онъ выставилъ въ своемъ письмѣ. На путевыя издержки отъ Аарау до Казани, «чтобъ не упустить случая къ пріобрѣтенію столь достойнаго и опытнаго профессора», Румовскій просилъ выдать 1400 рублей ассигнаціями. Министръ изъявилъ согласіе, о чемъ Броннеръ былъ немедленно увѣдомленъ. Но почтовыя сообщенія въ тѣ годы были медленны. По точному разсчету Броннера, письмо изъ Петербурга въ Аарау приходило на сороковой день. Только 2-го февраля н. с. 1810 года Броннеръ увѣдомилъ Румовскаго, что онъ съ глубокою радостью и благодарностью принимаетъ предложенную ему каѳедру теоретической и опытной физики, что постарается какъ можно скорѣе освободиться отъ своихъ обязанностей въ Швейцаріи и начнетъ немедленно укладывать свои собранія, но онъ долженъ подчиниться общему уставу аарауской школы: каждый преподаватель ея, въ случаѣ намѣренія выйти въ отставку или перейти на другое мѣсто, обязанъ увѣдомить о томъ начальство за четверть года впередъ, а потому онъ не можетъ выѣхать ранѣе конца мая мѣсяца. Условіе полученія имъ подъемныхъ денегъ на переселеніе въ Казань, сообщенное ему Румовскимъ, по которому онъ долженъ возвратить сполна всю выданную ему сумму, если задумаетъ оставить службу до истеченія двухъ лѣтъ, нисколько не смущаетъ Броннера. «Я намѣренъ совершенно поселиться въ Казани, пишетъ онъ, и, если выдержитъ мое здоровье, остаться тамъ навсегда». Хотя Броннеру шелъ тогда 52 годъ, но онъ считаетъ себя вполнѣ крѣпкимъ, «viribus adhuc vigentibus», и утѣшается тѣмъ, что можетъ наконецъ посвятить всѣ свои силы одной опредѣленной дѣятельности и въ ней сдѣлать что нибудь достойное общаго одобренія. Несмотря на предостереженія своихъ цюрихскихъ друзей, на разныя запугиванія о низкомъ курсѣ нашего рубля, о затрудненіяхъ по поводу военныхъ событій того времени, Броннеръ твердо рѣшился и проситъ только выслать ему 500 р. впередъ и паспортъ [1]). Только въ началѣ іюня Броннеръ получилъ отвѣтъ на

---

[1]) Любопытно что Броннеръ проситъ обозначить въ паспортѣ, что ѣдетъ *съ женою и служанкою* („имя послѣдней я не могу еще назвать, пишетъ онъ, такъ какъ не знаю еще кто рѣшится ѣхать съ нами въ такую даль“). Едва ли впрочемъ можно утвердительно сказать, что Броннеръ былъ же-

это письмо, вексель на 500 р. и паспортъ, такъ какъ попечитель долженъ былъ еще вести предварительную переписку съ разными вѣдомствами. Всего болѣе безпокоился онъ о своихъ книгахъ, разныхъ естественно-научныхъ предметахъ и вещахъ для домашняго употребленія. Изъ переписки видно, что онъ, какъ человѣкъ аккуратный и домовитый, весьма заботился о своемъ имуществѣ. Немедленно были отправлены чрезъ Лейпцигъ, на границу въ Мемель, четыре большіе и тяжелые ящика, вѣсомъ 18 центнеровъ; за ними послѣ его отъѣзда, должны были слѣдовать и другіе. «О, какъ тяжело, пишетъ онъ, продавать за ничтожную цѣну многое, что было собрано годами, отказываться отъ разныхъ мелкихъ, но необходимыхъ и полезныхъ вещей и разрывать давнія и дорогія связи! Я беру съ собою только десятую часть того, что имѣю. И пересылка того, что я отправляю изъ моихъ вещей, несмотря на все желаніе ограничить себя, какъ можно болѣе, будетъ стоить очень дорого, такъ что я опасаюсь какимъ образомъ устроюсь я по пріѣздѣ въ Казань». Въ этомъ «лабиринтѣ страховъ» онъ возлагаетъ всю надежду на доброе участіе къ нему попечителя.

Только 1-го сентября пріѣхалъ Броннеръ въ Петербургъ, и съ этого числа былъ утвежденъ въ должности. Поѣздка стоила дорого; оказалось, что ассигнаціонный рубль по тогдашнему курсу стоилъ менѣе полтины, и денегъ не достало, а сухопутный фрахтъ неимовѣрно дорогъ. Румовскій, сознавая это, выхлопоталъ у министра прибавку къ суммѣ, отпущенной на подъемъ, въ количествѣ 350 рублей, чѣмъ Броннеръ остался очень доволенъ. Вещи и книги, отправленныя имъ изъ Аарау, пришли гораздо позже, въ то время какъ онъ уже былъ въ Казани. Уѣзжая, онъ далъ довѣренность получить ихъ изъ таможни самому попечителю, такъ какъ знакомыхъ въ Петербургѣ у него не было никого. Каждый профессоръ пользовался правомъ привезти безпошлинно изъ заграницы вещей на 3 т. р., но ящики Броннера не были оцѣнены, а потому таможня не выдавала ихъ. Рѣшено было, снова послѣ долгой переписки, чтобы таможня отправила ихъ за своею печатью въ Казань, гдѣ они и будутъ осмотрѣны членами мѣстнаго магистрата.

Полученіе вещей, отправленныхъ Броннеромъ изъ Швейцаріи, сильно замедлилось, и эта медленность, огорчавшая его чрезвычайно, доводившая его почти до отчаянія, вызвала обширную переписку

натъ: по всей вѣроятности онъ только собирался „испытать радости супруга и отца“—по его выраженію, но это ему не удалось. Семейная жизнь осталась несбывшеюся мечтою. И въ Петербургъ, и въ Казань онъ пріѣхалъ одинъ, и мы не встрѣтили указанія, что онъ былъ женатъ. Во всѣхъ бумагахъ и въ формулярныхъ спискахъ онъ значится холостымъ.

его съ попечителемъ. Въ Казань онъ пріѣхалъ 12-го октября, а въ половинѣ февраля слѣдующаго 1811 года ящики еще не были получены. Основываясь на §§ IX и XV Высочайшей утвердительной грамоты Казанскаго университета, которыми все получаемое изъ заграницы для университета и его научныхъ цѣлей, или привезенное или выписанное оттуда приглашеннымъ профессоромъ на сумму не свыше 3 т. р. не подлежитъ обложенію пошлиной, не вскрывается въ таможняхъ, а лишь на мѣстѣ, въ присутствіи членовъ магистрата, и поручивъ полученіе своихъ ящиковъ Румовскому, какъ попечителю университета, Броннеръ былъ совершенно спокоенъ за ихъ судьбу. Вещи, какъ писалъ Румовскій, получены уже въ Петербургѣ; Броннеръ ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ, надѣясь что по хорошему зимнему пути онѣ скоро прибудутъ въ Казань и вмѣсто того, изъ письма попечителя, онъ узнаетъ, что онѣ не отправлены далѣе и находятся въ Петербургѣ третій мѣсяцъ. Въ Казань, не желая медлить, пріѣхалъ онъ, по словамъ его, налегкѣ, съ однимъ дорожнымъ мѣшкомъ, живетъ онъ неудобно, терпитъ много лишеній, въ надеждѣ скораго прибытія своего имущества. «И вотъ, въ Петербургѣ, въ безопасной такъ сказать гавани, послѣ множества приплатъ, вся моя надежда рушится». Онъ упрекаетъ попечителя: зачѣмъ онъ не объявилъ на таможнѣ, что ящики принадлежатъ университету, какъ это недавно было сдѣлано для вещей профессора Эрдмана, зачѣмъ онъ не принесъ жалобы на таможню, вскрывшую ящики даже въ отсутствіе Румовскаго и нарушившую такимъ образомъ университетскія права, зачѣмъ онъ довелъ его «до несчастія потерпѣть убытки и быть обокраденнымъ». Съ горькимъ чувствомъ пишетъ онъ: «Мои лучшіе физическіе и математическіе инструменты, прекрасныя, съ трудомъ пріобрѣтенныя карманныя изданія классиковъ, какихъ теперь и купить нѣтъ возможности, много небольшихъ испробованныхъ и вывѣренныхъ физическихъ инструментовъ, напр. два термометра, два ареометра, вѣсы, масштабы, мѣдный инструментъ для землемѣрія, манускрипты, корреспонденція, все новое бѣлье, двѣ постели, нѣсколько предметовъ домашняго хозяйства, платье и пр.,—все это въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отдано на произволъ таможенныхъ чиновниковъ! Изъ письма в. п. я вижу, что вы не позаботились даже приказать запаковать мои ящики, а между тѣмъ требуете, чтобы я прислалъ вамъ реестръ всего въ нихъ заключающагося, но къ чему—развѣ для того, чтобъ знать потомъ чего недостаетъ. Какъ печальна участь честнаго человѣка, отдавшаго свою собственность въ руки отечески расположеннаго къ нему защитника и попечителя и убѣдившагося, что несмотря на эту защиту, у него могутъ быть по-

хищены лучшія вещи. Много ночей не сплю я отъ этого печальнаго извѣстія». Его инструменты, вещи столь дорогія ему, представляются ему разбитыми, разграбленными, несмотря на тройные крѣпкіе, швейцарскіе замки, которыми онъ снабдилъ свои сундуки. Они конечно, должны быть сломаны. «Поспѣшите, на сколько можете, обращается Броннеръ къ попечителю, вырвать хотя бы остатки изъ рукъ таможенныхъ гарпій... Большое счастье для меня, что мои минералы и дорогія раскрашенныя гравюры естественно-историческихъ предметовъ, не были мною отправлены и остались пока въ Швейцаріи. Весь гонораръ, полученный за мое послѣднее сочиненіе, состоящее изъ 52 листовъ, я употребилъ на покупку книгъ по физикѣ, чтобы имѣть въ далекой Казани научныя пособія; все уложено было въ два сломанные теперь сундука. Кто знаетъ, какія воровскія руки завладѣли моимъ добромъ? Плоды заботъ многихъ лѣтъ по всей вѣроятности погибли». Посылая списокъ того, что находится въ сундукахъ, вскрытыхъ таможнею, Броннеръ говоритъ, что изъ этого списка можно видѣть, что его вещи не представляютъ ничего недозволеннаго, что всѣ онѣ, посредственно или непосредственно, служатъ къ пользѣ университета, но онъ опасается, что будетъ пропущено время, удобное для отправки сундуковъ въ Казань, что скоро можетъ настать распутица.

Вещи и сундуки Броннера дошли до Казани только въ послѣднихъ числахъ марта и опасенія, что они пострадаютъ отъ весенней распутицы, оправдались въ нѣкоторой степени. Броннеръ жалуется, что при свидѣтельствѣ этихъ вещей его, было поступлено гораздо строже, чѣмъ было съ другими профессорами въ подобныхъ случаяхъ. Прежде просили только отпереть сундуки въ присутствіи магистратскаго чиновника, съ профессорами обращались учтиво и любезно, только съ нимъ почему-то съ особою строгостью, на его вещи смотрѣли какъ на контрабанду. Пришлось трое сутокъ ждать законнаго осмотра. Полицейскіе чины, два магистратскихъ чиновника, секретарь, депутатъ отъ университета, понятые (послѣдніе въ качествѣ оцѣнщиковъ) собрались въ его квартирѣ. «Вскрывали сундуки, разбирали и разсматривали все, составляли реестръ всего до самыхъ незначительныхъ мелочей; торговцы мяснаго ряда были приглашены для оцѣнки книгъ и инструментовъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ, и такъ какъ они ничего не смыслили, то я вынужденъ былъ, хотя мнѣ это было весьма непріятно, помогать имъ, чтобъ только кончить скорѣе. Меня мучили два дня». Одинъ изъ сундуковъ не былъ вскрытъ на таможнѣ, но половина вещей, въ немъ заключавшаяся и большое количество книгъ испорчены. Въ другомъ, вскрытомъ въ Петербургѣ, все было подмочено, смерзлось, предста-

вляло массу чего-то съ трудомъ раздѣлимаго; все было сложено кое-какъ, не такъ, какъ укладывалъ самъ Броннеръ; многихъ предметовъ значительной цѣнности, обозначенныхъ въ его реестрѣ, на лицо не оказалось. Въ теченіе двухъ недѣль не могли быть вполнѣ просушены книги. «Кромѣ продолжительнаго и тягостнаго ожиданія моихъ вещей,—писалъ Броннеръ къ попечителю,—я несу чувствительный для меня убытокъ и я могъ бы имѣть полное право на вознагражденіе со стороны господъ, причинившихъ его, но не желаю портить процессомъ начало моей службы» (Румовскій писалъ ему, что онъ можетъ жаловаться судебнымъ порядкомъ). «Лучше перенести съ покорностью убытокъ, чѣмъ приносить безполезную жалобу суду. Большая часть книгъ можетъ быть высушена и исправлена». Онъ проситъ поэтому попечителя сообщить министру финансовъ, что онъ не имѣетъ намѣренія искать чего либо съ таможенныхъ чиновниковъ, причинившихъ ему столько горя, заботъ и убытковъ, хотя съ своей стороны онъ нравственно убѣжденъ въ похищеніи весьма дорогихъ предметовъ, напр. футляра съ прекрасными математическими инструментами и пр.: составлялъ онъ свой реестръ вещей только по памяти и очень возможно («только возможно, а не вѣроятно»—оговаривается онъ), что онъ и ошибся. Все, что писалъ Броннеръ къ попечителю о состояніи вещей, полученныхъ имъ изъ петербургской таможни, подтверждаетъ также и Яковкинъ въ своемъ письмѣ: «Многія вещи раскрадены видно въ таможнѣ; многія дорогія книги подмочены; главнѣйшіе же состоятъ въ математическихъ инструментахъ и книгахъ» (4-го апрѣля 1811 г.). Какъ бы то ни было, половину своего домашняго и ученаго имущества Броннеръ получилъ наконецъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ; въ Швейцаріи оставалось еще многое, тоже упакованное имъ самимъ и приготовленное къ отправкѣ. На эту отправку у него недоставало денегъ, и мы увидимъ, какъ съ помощью энергіи и настойчивости, онъ добился ихъ.

Свой собственный путь до Казани Броннеръ совершилъ весьма удачно. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ подробностей, какъ онъ уѣхалъ. Зная его любовь къ описанію видѣннаго и испытаннаго на пути, любовь, развернувшуюся такъ широко въ его автобіографіи, мы имѣли бы право ожидать, что и этотъ путь по странѣ ему вполнѣ незнакомой, любопытной для него во многихъ отношеніяхъ, путь, которымъ онъ былъ вполнѣ доволенъ, описанъ имъ съ такими же подробностями. И дѣйствительно есть свидѣтельство его самого, что онъ записывалъ свои дорожныя впечатлѣнія [1]). Сохра-

---

[1]) Въ первомъ же письмѣ къ попечителю изъ Казани Броннеръ пишетъ: „Salvum me incolumemque per tantas viarum ambages Casanum per-

нилось ли это описаніе—не знаемъ, но сколько намъ извѣстно, въ печати оно не существуетъ. Изъ писемъ Румовскаго видно, что Броннеръ поѣхалъ водою въ Казань въ сопровожденіи какого-то казанскаго купца, бывшаго по дѣламъ въ Петербургѣ, о которомъ писалъ къ нему Бартельсъ. Въ домѣ этого купца онъ и остановился на первый разъ. Въ Казань пріѣхалъ онъ 12-го октября. Предувѣдомленный о пріѣздѣ его Яковкинъ помогъ ему устроиться, а дружески расположенный къ нему Бартельсъ поспѣшилъ познакомить его съ новыми товарищами. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ онъ уже присутствовалъ въ засѣданіи совѣта и сталъ подписывать по русски, сначала впрочемъ печатными буквами, его протоколы. Броннеръ попалъ какъ разъ въ тѣ засѣданія совѣта, въ которыхъ было много шума и споровъ по поводу неутвержденныхъ выборовъ въ должности ректора и декановъ, о чемъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Это было непріятно ему: «graviter autem tuli, illo me tempore eidem (concilio) accensum, quo inter professores origo quaedam contentionum versari videtur». Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта директоромъ и инспекторомъ студентовъ Яковкинымъ было заявлено, что студентовъ, желающихъ учиться физики у Броннера, нашлось восемь. По письму его къ попечителю можно заключить, что онъ представилъ въ совѣтъ составленныя имъ тетради для преподаванія физики, но что собственно онъ читалъ въ 1810—1811 году—намъ неизвѣстно. Мѣсячныхъ рапортовъ о пройденномъ Броннеръ не подавалъ, какъ это обязаны были дѣлать всѣ профессора, или «по новости дѣла», или «по неизвѣстной причинѣ». Только въ рапортѣ за сентябрь 1811 года мы встрѣчаемъ указаніе, что онъ «толковалъ въ физическихъ главахъ часть аэрометріи—гиннометрію господина Лапласа (de altitudinibus barometro metiendis)» съ опытами. Изъ послѣдующихъ печатныхъ росписаній преподаванія видно, что Броннеръ читалъ свой главный предметъ, физику, или по своимъ тетрадямъ — по латыни, или по руководству Грена — по французски. За тотъ же сентябрь 1811 года видно, что физикѣ училось 15 студентовъ (изъ общаго числа—44), но неизвѣстно сколько изъ 15 студентовъ приходилось на долю собственно Броннера, такъ какъ физику преподавалъ еще магистръ Кайсаровъ, подъ руководствомъ Броннера.

Несмотря на то, что Броннеръ, подобно всѣмъ своимъ товари-

---

duxit Numen; nec itineris incommodis laesus, nec adversis rerum eventibus fractus, sed diversissimis, *quas conscripsi*, gentium regionumque observationibus peramoene distentus, rebusque novis non parum recreatus, locum futurae sortis meae attigi, praevieque nunc ejusdem in domo mercatoris hospitor, qui animo tam benevolo huc me advexit“.

щамъ иностранцамъ, жаловался на вредное дѣйствіе на него казанскаго климата и на мучившую его лихорадку, онъ, какъ видно изъ письма его къ попечителю, не прерывалъ своихъ лекцій въ началѣ своей службы, не терялъ всегда присущей ему бодрости духа. За то сильно смущало его другое обстоятельство:

„Три дня назадъ тому, писалъ онъ, мы съ горемъ похоронили нашего коллегу Запольскаго; тяжкая болѣзнь унесла его въ могилу. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое знаніе русскаго языка! Ежедневно сознаю я, что мы, иностранцы, могли бы приносить гораздо больше пользы, еслибъ были въ состояніи свободно говорить по русски. О непрерывномъ и связномъ академическомъ чтеніи указаннымъ мнѣ студентамъ нечего и думать, хотя нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ хорошими математическими свѣдѣніями. За то нѣтъ ни одного изъ нихъ, который былъ бы настолько силенъ въ латинскомъ языкѣ, чтобы былъ въ состояніи легко понимать лекцію, читанную по латыни. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ однако же довольно хорошо понимать мои, въ видѣ афоризмовъ, диктуемыя положенія (я ихъ объясняю потомъ по нѣмецки или по французски); другіе же не умѣютъ правильно записать и то, что я диктую. Тоже самое можно сказать и объ ихъ познаніяхъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Одни довольно хорошо понимаютъ по нѣмецки, другіе не знаютъ ни слова. Нѣкоторые очевидно занимались болѣе французскимъ языкомъ, но ни однимъ изъ этихъ языковъ они не владѣютъ вполнѣ. Впрочемъ языкъ французскій, именно разговорный, болѣе кажется распространенъ, чѣмъ нѣмецкій, и мнѣ часто приходится сожалѣть, что самъ я мало упражнялся въ немъ. Дѣйствительно мнѣ, какъ и многимъ моимъ сослуживцамъ, чрезвычайно трудно быть понятнымъ для студентовъ. Чтобъ сообщить мысль нужно употребить много трудныхъ повтореній. Для меня крайне необходимо выучиться постепенно по русски; этому дѣлу я посвящаю теперь ежедневно по два часа. Этого настоятельно требуютъ и часто получаемыя русскія бумаги, и дѣла совѣтскія, и нужды ежедневной жизни. Въ высшей степени непріятно мнѣ было чувствовать этотъ недостатокъ знанія русскаго языка недавно, когда мнѣ случилось присутствовать на экзаменахъ въ гимназіи. Какъ я мало понималъ! Какъ я мало былъ въ состояніи составить собственное понятіе объ успѣхахъ учениковъ!“

Это незнакомство съ русскимъ языкомъ долго мѣшало Броннеру исполнить данное попечителемъ порученіе: написать ему подробно о Казанскомъ университетѣ, сообщить свои наблюденія о людяхъ и дѣлахъ въ немъ. Успѣхи въ изученіи были однако медленны, давались съ трудомъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ писалъ: «Вечеромъ, въ одинъ изъ дней масляницы, я былъ на представленіи комедіи («Модникъ»), разыгранной не безъ таланта нашими студентами (между ними были и мои слушатели). Увы! Тутъ я убѣдился, какъ незначительны еще мои успѣхи въ русскомъ языкѣ! Я не понималъ и двадцатой доли; съ какимъ трудомъ усвоиваю я значеніе отдѣльныхъ выраженій!»

Въ первые же дни по пріѣздѣ Броннеръ, съ свойственной ему

энергіей, сталъ хлопотать *о физическомъ кабинетѣ*, безъ пособій котораго не могли быть читаны и его лекціи. Инструментовъ и предметовъ физическаго кабинета, пріобрѣтенныхъ собственно для университета, оказалось весьма немного; большая часть принадлежала гимназіи, тогда не отдѣленной еще отъ университета. Увидавъ одинъ инструментъ, умѣло сдѣланный университетскимъ механикомъ Горденинымъ, Броннеръ похвалилъ его искусство и высказалъ надежду, что съ его помощью онъ будетъ въ состояніи исправить многое испорченное и приготовить нѣсколько простыхъ инструментовъ, для которыхъ нѣтъ надобности въ слишкомъ тонкой работѣ. Но всѣ инструменты, очевидно почти совсѣмъ не употребляемые [1]), собраны были въ неболь-

[1]) Лекціи физики читалъ до Броннера адъюнктъ, потомъ э. о. профессоръ Запольскій, о которомъ мы упоминали уже много разъ, по разнымъ случаямъ. Лекціи эти имѣли совершенно отвлеченный характеръ и, сколько намъ извѣстно, не сопровождались никакими опытами. За годъ до пріѣзда Броннера, Запольскій, желавшій перейти на каѳедру философіи, въ которой, по словамъ его, онъ чувствовалъ больше призванія, читалъ на торжественномъ актѣ рѣчь по своей спеціальности: „О природѣ вообще и въ отношеніи къ человѣку“. Содержаніе этой рѣчи и ораторскіе пріемы, употребленные Запольскимъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что заключалось въ его лекціяхъ по физикѣ. Можно было бы думать, что отвлеченный взглядъ на природу въ этой рѣчи есть отголосокъ той философіи природы, которая въ послѣднихъ годахъ прошлаго и первыхъ настоящаго вѣка получила такое сильное развитіе въ Германіи, по вліянію идей Шеллинга, но въ рѣчи Запольскаго вовсе не видно знакомства съ этими идеями, хотя изрѣдка и встрѣчаемъ въ ней термины Шеллинга. „Берусь трепещущею рукою, говоритъ ораторъ, поднять завѣсу, которая отъ вѣка и донынѣ закрывала отъ ока смертныхъ благодѣтельницу нашу природу“. Рѣчь дѣлится на двѣ части. Первая говоритъ „о природѣ самой по себѣ“ (an sich). Это—„единая матерь всѣхъ видимыхъ существъ“; вездѣ въ природѣ можно видѣть только одни измѣненія вещества, но количество его не мѣняется. Эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе дѣйствій трехъ силъ природы: механической, химической и органической. Нѣкоторые примѣры, приводимые въ рѣчи, служатъ доказательствомъ дѣйствія этихъ силъ. Силы природы управляются законами; законы эти — „чудная необходимость“ и „недремлющая производительность“, но человѣкъ не въ состояніи постигнуть въ природѣ „причины дѣйствующія и конечныя“: здѣсь положенъ предѣлъ разуму человѣческому. Поэтому ораторъ не можетъ „удержаться, чтобы не потребовать самаго строгаго отвѣта съ тѣхъ, „которые когда либо дерзали защищать управленіе въ мірѣ случая или непремѣнныхъ нѣкоторыхъ судебъ“.—Вторая часть рѣчи трактуетъ „О природѣ въ отношеніи къ человѣку“. Здѣсь ораторъ входитъ уже въ область психологіи и все имъ высказанное сводится къ утвержденію, что „природа есть единственный, просвѣщеннѣйшій нашъ наставникъ и нѣтъ никакой другой книги, которую бы намъ, во всю жизнь нашу, съ толикимъ вниманіемъ читать надлежало“. Очевидно все это было очень далеко отъ содержанія опытной физики.

шой тѣсной комнатѣ, такъ что пробраться къ нимъ и взять какой либо изъ нихъ въ руки было крайне затруднительно. Насущною необходимостью считалъ поэтому Броннеръ прежде всего озаботиться, при помощи Яковкина, прісканіемъ болѣе просторнаго помѣщенія для физическаго кабинета, который соединялся бы съ особою физическою аудиторіею, съ камерою, удобною для оптическихъ опытовъ и съ химическою лабораторіею. Приготовляясь представить обширный планъ устройства физическаго кабинета, который былъ бы достоинъ университета, Броннеръ однако высказывалъ опасеніе, что обстоятельства времени неблагопріятны для исполненія его, но считалъ обязанностью съ своей стороны сдѣлать достойное начало, положить хорошее основаніе. «Конечно меня не обманываетъ слѣпая надежда, пишетъ онъ, пріобрѣсти вдругъ много инструментовъ, создать полный физическій кабинетъ, но предо мною все таки имѣется въ виду утѣшительная перспектива, что теперь, при отдѣленіи университетскаго имущества отъ гимназическаго и при очищеніи университетскихъ зданій отъ помѣщенія гимназіи, найдется въ нихъ удобное мѣсто для физическаго кабинета. Вѣроятно также, что мнѣ отпустятъ на первый разъ довольно значительную сумму, что дастъ возможность ревностно взяться за дѣло и при каждогодной, хотя и менѣе значительной прибавкѣ, можно будетъ скоро образовать значительный кабинетъ, приносящій честь университету. Такой только кабинетъ можетъ послужить къ дальнѣйшему научному развитію физическихъ знаній. Ибо *я не думаю, что академическій преподаватель долженъ оставаться при томъ, что было сдѣлано другими, но его обязанность идти впередъ, успѣвать, создать что нибудь свое и зайти дальше своихъ предшественниковъ*». Броннеръ, ссылаясь на свои прежнія, въ теченіе многихъ лѣтъ, занятія практической механикой, надѣется, что при пособіи будущаго кабинета (въ Аарау было крайне бѣдное и незначительное собраніе инструментовъ), онъ скоро будетъ въ состояніи сообщить о своихъ собственныхъ изобрѣтеніяхъ. Эти широкіе планы и мечты Броннера, какъ это было и въ другихъ случаяхъ, должны были конечно остаться безъ исполненія.

Въ январѣ 1811 года было формально передано въ его завѣдываніе то, что носило названіе физическаго кабинета. Въ началѣ февраля Броннеръ вслѣдъ за симъ представилъ въ совѣтъ университета большое латинское мнѣніе, состоящее изъ двухъ частей: 1) о состояніи тогдашняго физическаго кабинета и 2) о тѣхъ инструментахъ, которые онъ считаетъ необходимыми пріобрѣсти. Уже при первомъ взглядѣ на то, что носило названіе физическаго кабинета въ Казанскомъ университетѣ, Броннеръ убѣдился, что у него вовсе нѣтъ

пособій при преподаваніи [1]). Онъ боялся даже принимать на свою отвѣтственность вещи по каталогу и потому просилъ совѣтъ назначить кого-либо изъ своихъ членовъ, знакомаго съ русскимъ языкомъ, чтобы онъ присутствовалъ при пріемѣ и отмѣчалъ въ шнуровой книгѣ, что испорчено и чего вовсе нѣтъ на лицо. Это поручено было Фуксу. Главная забота Броннера была, однако, посвящена будущимъ условіямъ преподаванія; его надѣялся онъ обставить лучшими пособіями, сообразно требованіямъ современной науки. Съ этою цѣлью онъ представилъ довольно полный реестръ тѣхъ физическихъ инструментовъ, которые, по его мнѣнію, необходимо было пріобрѣсти, раздѣляя ихъ на три рубрики: 1) тѣ инструменты и вещи, которые можно выписать только изъ за-границы, чрезъ корреспондентовъ; 2) тѣ, что можно купить въ большихъ городахъ, напр. Берлинѣ, С.-Петербургѣ, Москвѣ и наконецъ 3) тѣ, что можно купить или въ иностранныхъ стекольныхъ лавкахъ, или заказать на заводахъ. На одинъ изъ такихъ заводовъ, существовавшихъ тогда близь Казани, именно Юшкова, Броннеръ и указывалъ. Всѣ инструменты и вещи назначались при преподаваніи общихъ свойствъ тѣлъ, или отдѣльныхъ частей науки, какъ она понималась тогда: динамики, статики, механики, гидростатики, гидравлики, аэростатики, акустики, пирометріи, оптики, діоптрики, ученія о цвѣтахъ, катоптрики, термологіи, электричества, гальванизма, магнетизма, физической астрономіи. Само собою разумѣется, что профессоръ хлопоталъ и о достойномъ помѣщеніи инструментовъ будущаго физическаго кабинета и о приличной аудиторіи [2]). Рядомъ съ этимъ обширнымъ помѣщеніемъ для кабинета и аудиторіи, Броннеръ предполагалъ еще двѣ комнаты, спеціально устроенныя и снабженныя всѣмъ нужнымъ для оптическихъ опытовъ и для физико-химической лабораторіи.

Какъ первый профессоръ физики въ Казанскомъ университетѣ, очевидно хорошо знакомый съ состояніемъ науки въ Европѣ и съ тѣми пособіями, какими она обставлена тамъ, Броннеръ считалъ такимъ образомъ своею нравственною обязанностью озаботиться о достойномъ преподаваніи ея. Мы знаемъ, что университетъ открылся безъ всякихъ пособій для преподаванія. О нихъ никто не думалъ,

---

[1]) „Reperi autem vasa complura diffracta, partesque non paucas instrumentorum aut laesas aut vario modo pessum datas, aut omnino deperditas, quorum naevos vel defectus in catologo a me privatim conscripto solerter annotavi“.

[2]) „Destinetur eidem aula (sive ut ajunt Sala) magna, alta, lucida, ornata in medio mensarum serie, triaque ad latera scriniis vitro occlusis: ex parte lateris quarti separetur cancellis nitide fabrefactis locus auditorii physici, subselliis instruendus“.

и хотя по штатамъ и отпускалась извѣстная сумма на учебно-вспомогательныя заведенія университета (на физическій кабинетъ въ годъ 500 р.), но она не тратилась, за неимѣніемъ свѣдущаго лица. Прошло только четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Броннеръ пріѣхалъ въ Казань; онъ еще не вполнѣ ознакомился съ обстоятельствами и думалъ, что дѣло устроится весьма легко, особенно, если совѣтъ университета, съ своей стороны, будетъ усердно ходатайствовать передъ попечителемъ объ отпускѣ необходимой на устройство кабинета и покупку инструментовъ суммы. Размѣръ ея онъ не указывалъ и потому что, какъ человѣкъ пріѣхавшій издалека, онъ не могъ знать точныхъ цѣнъ, и вообще по своей неопытности въ покупкахъ этого рода, но высказывалъ однако соображеніе, что пріобрѣтеніе однихъ инструментовъ, не считая того, что будетъ стоить устройство помѣщеній, обойдется никакъ не менѣе 6 тыс. рублей. Изъ письма его къ попечителю видно, что вся сумма должна быть еще значительно больше: «Ограничиваясь указаніемъ на сумму 6 т. р., писалъ онъ, я подражалъ тѣмъ архитекторамъ, которые, чтобъ не напугать собственниковъ строющагося дома, предлагаютъ имъ въ началѣ только половину издержекъ, объясняя другую половину необходимостью довести до конца зданіе». Ежегодно отпускаемой на физическій кабинетъ суммы, въ количествѣ 500 руб., понятно, не достанетъ на эти расходы; необходима особая сумма и экстраординарная щедрость: «liberalitate non ordinaria hisce in primordiis opus est». Совѣтъ, съ своей стороны, опредѣлилъ всю эту записку Броннера и реестръ необходимо - нужныхъ для физическаго кабинета пріобрѣтеній «представить на благоусмотрѣніе попечителя». Дѣло положено было въ долгій ящикъ, и попечитель, найдя только въ представленіи Броннера «между прочимъ, что многія части къ физическимъ инструментамъ принадлежащія повреждены, а иныхъ не достаетъ», для приведенія ихъ въ надлежащее состояніе и для закупки разныхъ нужныхъ мелочей, разрѣшилъ выдать Броннеру 200 рублей изъ суммы, отпускаемой на физическій кабинетъ и снабдить его шнуровою на записку прихода и расхода книгою. Исправленіе инструментовъ поручено было машинисту Горденину. Шнуровая книга была необходима по существующему порядку, и Броннеръ понялъ это. «Тотчасъ по пріѣздѣ въ Казань, сообщаетъ онъ попечителю, въ виду крайней необходимости для преподаванія, заказалъ я для кабинета нѣсколько небольшихъ вещей, но меня предупредили, сказавъ, чтобъ я не дѣлалъ этого, что такой заказъ будетъ мнѣ же въ убытокъ. *Я вижу, что живу здѣсь въ какомъ-то условномъ мірѣ церемоній* (in einer Welt der Umständlichkeiten), *въ которомъ нельзя дѣйствовать такъ прямо, какъ въ Швейцаріи.* Здѣсь

недостаточно одного честнаго показанія, за что куплена извѣстная вещь; никто этому не вѣритъ; необходимо доказать каждую самую ничтожную бездѣлицу расхода письменными документами (mit Schwarz auf Weiss belegen können) для того, чтобъ счетъ былъ признанъ правильнымъ. Все это конечно имѣетъ свои основанія, и я постараюсь точно слѣдовать существующему обычаю».

Судьба главныхъ пріобрѣтеній для почти не существующаго физическаго кабинета, судьба устройства особой большой аудиторіи, удовлетворяющей современному состоянію науки, а также и судьба помѣщенія самого профессора (Броннеръ доказывалъ необходимость близости этого помѣщенія къ кабинету)—все это зависѣло отъ силы и убѣдительности представленія Румовскаго министру; на это и надѣялся Броннеръ. Напрасно однако онъ старался съ своей стороны убѣдить попечителя дѣятельно взяться за хлопоты. «Подумайте, в. п., писалъ онъ, что честь и польза университета требуютъ устройства хорошаго физическаго кабинета; сдѣлайте всевозможное съ вашей стороны, чтобы были даны для того необходимыя суммы. Въ настоящемъ положеніи вещей я могу преподавать только теоретическую физику; объ опытной и о прикладной математикѣ не можетъ быть и рѣчи. Конечно не къ чести вашего управленія отнесется, если вы не согласитесь на значительные расходы для этой цѣли. Я не позволяю себѣ сомнѣваться, в. п., что вы употребите дѣятельныя усилія съ своей стороны для достиженія цѣли, и если будетъ даровано немного, то я скорѣе припишу это военнымъ обстоятельствамъ, чѣмъ недостатку желанія съ вашей стороны». Всѣ эти убѣжденія были напрасны. Въ февралѣ 1811 года, когда хлопотали о физическомъ кабинетѣ въ Казани, о войнѣ будущаго года еще не думали; но прежній пылъ къ университетамъ уже остылъ; на нихъ смотрѣли уже другими глазами. О покупкѣ инструментовъ для физическаго кабинета Румовскій писалъ Броннеру, что пріобрѣтеніе ихъ можетъ послѣдовать не вдругъ, а по немногу, начиная съ самыхъ необходимыхъ. Сумму въ шесть тысячъ рублей, назначенную Броннеромъ, онъ считалъ недостаточною, но чтобъ получить и ее, по его словамъ, надобно выждать благопріятнаго случая. На счетъ кабинета, аудиторіи и лабораторіи слѣдуетъ ожидать времени, когда отдѣлится гимназія отъ университета (это препятствіе встрѣчалось на каждомъ шагу въ первые годы существованія университета) и на это должно послѣдовать распоряженіе министра. Такимъ образомъ Румовскій вовсе даже не дѣлалъ представленія объ отпускѣ суммъ. По всей вѣроятности, онъ считалъ его безполезнымъ.

Въ 1813 году только, совершенно случайно, удалось университету сдѣлать для физическаго кабинета пріобрѣтеніе, которому тогда

придавали очень большое значеніе и цѣнили его дорого. Считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ пріобрѣтеніи, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, извлеченныя нами о немъ изъ архива, даютъ нѣкоторое понятіе о тогдашнемъ взглядѣ на преподаваніе физики. Въ февралѣ этого года нѣкто оберъ-кригсъ-коммиссаръ 6 класса Турчаниновъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому съ *покорнѣйшимъ прошеніемъ*. Въ немъ излагалъ онъ слѣдующее:

„Съ вѣрою въ душѣ, съ правдою на языкѣ, 17 лѣтъ служа государю и отечеству безпорочно, со дня моего вступленія въ оберъ-офицерскій чинъ; сперва со шпагою, потомъ съ фитилемъ въ рукѣ; несчастное случившееся со мною приключеніе, отъ коего я теперь совсѣмъ глухой, нисколько не слышу, понудило меня оставить сію любезную для меня службу, приняться за перо вступленіемъ въ штатъ коммиссаріатской, но и тутъ судьба моя нанесла мнѣ къ продолженію службы новый ударъ: гнѣвъ покойнаго государя Павла Петровича на коммиссаріатъ (по нынѣшнему это интендантство; извѣстно, что Императоръ Павелъ въ одинъ день уволилъ во всей Россіи интендантскихъ чиновниковъ). Управляя я въ Тобольскѣ, при Сибирскомъ корпусѣ, оберъ-кригсъ-коммиссаріатскою коммиссіею, будучи ни въ чемъ невиненъ и непричастенъ, удостоился получить высокомонаршую ко мнѣ милость увольненіемъ съ награжденіемъ оберъ-кригсъ-коммиссарскаго чина и ношеніемъ мундира. И такъ, удалясь въ 1798 году въ тихое убѣжище къ моей родительницѣ, на заводы Пермской губерніи въ Екатеринбургской округѣ состоящіе, будучи по глухотѣ моей лишенъ всякаго общества, потому что неиначе должно со мною изъясняться какъ на письмѣ. Не желая въ семъ мірѣ остаться тунеядцемъ, въ праздности, *посвятилъ дни свои наукѣ*, избравъ и прилѣпясь *къ физической*, стараясь обучать собственныхъ своихъ мастеровъ, въ послѣдствіи чего и успѣлъ, и трудъ мой къ желанію моему въ полной мѣрѣ вознаградился. Трудами моими и иждивеніемъ соорудилъ я славную *электрическую машину;* не къ самохвальству моему могу сказать, что по сильному ея дѣйствію и красотѣ своей, не уступитъ она лучшимъ академическимъ и почесться можетъ изъ числа первѣйшихъ машинъ въ нашемъ государствѣ“.

По подробному описанію этой машины, составленному самимъ русскимъ Эдиссономъ того времени, она могла производить около 250 опытовъ. Было собственно у Турчанинова двѣ машины, различались онѣ величиною діаметра стекляныхъ колесъ; при первой были баттареи лейденскихъ банокъ, а вторая имѣла «полный лѣчебный ко врачеванію болѣзней приборъ» и съ ея помощью можно было показывать разные фокусы. Турчаниновъ такъ описываетъ ихъ:

„Во время посѣщенія знаменитыхъ любителей, стоящіе у пушекъ канониры салютуютъ довольно громкими выстрѣлами, а изъ мортиръ мечутъ бомбы; потомъ надъ крѣпостью блистаетъ молнія, и ударъ въ трубу комендантскаго дома его разрушаетъ; потомъ ударъ въ шпицъ бастинской (крѣпостной) башни взрываетъ на воздухъ стоящій внизу башни пороховой магазинъ; потомъ въ родѣ часоваго корпуса представлено волнующееся море во время бури, гдѣ люди на ботахъ и обломкахъ кораблей спасаются отъ

потопленія, между тѣмъ какъ молнія ударяетъ въ корабельныя мачты, расшибая ихъ, и маленькіе искусственные корабли погружаются въ волнахъ. Для приданія виду крѣпости, сдѣлана итальянской архитектуры церковь, гауптвахта, народъ съ офицерами и знаменемъ, солдатскія казармы, надъ крѣпостными воротами башня съ часами". (Расхваливая красоту отдѣлки разныхъ частей и принадлежностей машины, изобрѣтатель говоритъ, что онъ на сооруженіе ея употребилъ пять лѣтъ, что она стоитъ ему самому около шести тысячъ рублей; одного стекла выписано было болѣе чѣмъ на четыре тысячи рублей). „А какъ ваше сіятельство есть начальникъ и покровитель всѣхъ наукъ и художествъ, говоритъ въ своемъ прошеніи Турчаниновъ, то посему въ надеждѣ и повергаюсь подъ милостивое высокое ваше покровительство. Не ищу я в. с. изъ алчнаго корыстолюбія прибыли *но ищу своей я славы къ прославленію своего имени* въ познаніи сей науки и художества; ибо сія вещь въ разсужденіи Сибирскаго края не имѣетъ той цѣны и есть почти мертвая; рѣдко весьма ученѣйшіе мужи ее посѣщаютъ, почему весьма подолгу стоитъ безъ дѣйствія, а тѣмъ самымъ, теряя свое достоинство и купно съ онымъ мою славу, и имя мое останется забвенно, и пятилѣтній мой трудъ въ ничто обратится".

Несмотря однако на увѣреніе, что онъ ищетъ только славы, а не прибыли, Турчаниновъ подъ конецъ высказываетъ желаніе продать свою машину «въ знаменитый» Казанскій университетъ за *семь тысячъ рублей*. За эту сумму онъ обязывался доставить машину въ Казань, устроить двѣ комнаты въ зданіи университета, необходимыя для помѣщенія всѣхъ вещей, сдѣлать шкафы, поставить и привести машину въ дѣйствіе, обучить управлять ею и производить опыты, и наконецъ привести въ порядокъ и прочій физическій кабинетъ въ университетѣ. По прошенію Турчанинова министръ просвѣщенія предписалъ отправить на мѣсто нахожденія машины въ вакаціонное время 1813 года кого-либо изъ чиновниковъ университета, который бы могъ судить о достоинствѣ машины, заслуживаетъ ли она быть пріобрѣтенною и стоитъ ли просимой Турчаниновымъ цѣны. Для исполненія этого предписанія министра, попечитель Салтыковъ назначилъ адъюнкта Кондырева и магистра химіи Дунаева, давши имъ еще порученія по училищамъ въ Вяткѣ и Перми. Совѣтъ съ своей стороны присоединилъ къ нимъ магистра Юнакова. На Сысертскомъ заводѣ, гдѣ находилась машина, они прожили болѣе десяти дней, продѣлали всѣ опыты и подробно описали всѣ части и принадлежности ее составляющія. Полный реестръ множества предметовъ, принадлежащихъ къ машинѣ, былъ составленъ ими и представленъ совѣту.

Убѣдили ли Турчанинова молодые магистры или взяло верхъ въ немъ желаніе славы, а можетъ быть и награды, но только онъ отказался отъ полученія денегъ за свою машину и пожертвовалъ ее университету на пользу науки и для удовольствія знатныхъ посѣтителей. Лѣтомъ 1814 года вся машина, со всѣми составными ча-

стями своими, была перевезена въ Казань. Дорогою однако, какъ это видно изъ донесенія Броннера, были украдены два ящика, но надѣялись, что съ помощью власти воры будутъ отысканы («sed fures ubique persequitur modo auctoritas publica»), да разбился большой стекляный кругъ, главная часть машины, но щедрый жертвователь замѣнилъ его на свой счетъ другимъ, такихъ же размѣровъ и формы. Броннеръ придавалъ очень большое значеніе этому пріобрѣтенію физическаго кабинета. «Если бы кто нибудь, при моемъ переселеніи сюда, предсказалъ мнѣ, что университетъ нашъ изъ Сибири получитъ богатѣйшіе дары для физическаго кабинета, вещи, сдѣланныя искуснѣйшими мастерами, я никогда бы не повѣрилъ тому. Тѣмъ не менѣе это случилось». Броннеръ оцѣнивалъ весь подарокъ Турчанинова въ 12 т. рублей. Изъ каталога 1814 года, подписаннаго Броннеромъ и адъюнктами, можно видѣть, что даръ Турчанинова представлялъ собою полную коллекцію того времени по электростатикѣ. Это былъ цѣлый кабинетъ. Въ немъ было восемь отдѣловъ, заключавшихъ почти всѣ извѣстные приборы по электричеству, даже измѣрительные приборы, напр. мѣрительную банку Лана; насосы для выкачиванія воздуха и пр. Не однѣ электрическія игрушки интересовали Турчанинова. При слушаніи донесенія Броннера въ совѣтѣ, Кондыревъ заявилъ, что жертвователь готовитъ для университета же и гальваническую машину. Постановлено было, что совѣтъ, «уважая важность сего пожертвованія и усердіе г. Турчанинова къ пользѣ университета, не почитаетъ себя въ силахъ достойно его возблагодарить, почему проситъ г. попечителя представить его с—ству г. министру объ исходатайствованіи г. Турчанинову у монаршаго престола достойной награды и поощренія». Имѣло ли это ходатайство какой либо результатъ — намъ неизвѣстно. Министерство только публиковало во всеобщее свѣдѣніе о такомъ значительномъ пожертвованіи [1]), но и эта публикація сдѣлана была по особому ходатайству совѣта, согласно рапорту профессора Кондырева, уже послѣ смерти Турчанинова (онъ умеръ 2-го марта 1815 года). Пожертвованіе его объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что сынъ Турчанинова, губернскій секретарь, служилъ въ университетѣ канцелярскимъ чиновникомъ. Незадолго до смерти, по представленію того же Кондырева, Турчаниновъ былъ выбранъ въ члены-корреспонденты университета, а по смерти, совѣтъ университета опредѣлилъ поставить въ память его въ физическомъ кабинетѣ его портретъ, «когда онъ получится» и рекомендовать мини-

---

[1]) *Казанскія Извѣстія*, 1815 г., № 61.

сtру принять сына благотворителя «въ особенное начальственное покровительство» [1]).

Если Броннеръ не успѣлъ ничего сдѣлать для устройства физическаго кабинета, столь необходимаго для его лекцій, то за то ему удалось выхлопотать лично для себя пособіе. Мы знаемъ, что половина его собраній, цѣнимыхъ имъ очень дорого, оставалась въ Швейцаріи. Все это было имъ упаковано въ четырехъ ящикахъ, но на перевозку недоставало средствъ. Въ этихъ ящикахъ находилось полное, по словамъ его, собраніе минераловъ, прекрасныя раковины, гербарій, дорогія книги по естественнымъ наукамъ, много сочиненій по физикѣ, пріобрѣтенныхъ имъ послѣ первой отправки своего имущества, матеріалы рукописные и манускрипты сочиненій, приготовляемыхъ имъ къ печати, ландкарты, разные домашніе предметы и наконецъ разобранныя части изобрѣтенной имъ машины для тканья брабантскихъ кружевъ. Мы нарочно списываемъ эту накладную Броннера, чтобы показать разнообразіе его занятій. Изъ отпущенныхъ ему на подъемъ и на перевозку имущества 1.750 рублей, по его разсчету, одинъ фрахтъ вещей отъ Аарау до Казани, вслѣдствіе паденія курса, стоилъ 930 рублей; его собственный переѣздъ, также по его разсчету, стоилъ 2.500, такъ что онъ издержалъ всего 3430 рублей, слѣдовательно болѣе на 1.680 рублей, чѣмъ онъ получилъ отъ министерства. Перевозка предметовъ, оставленныхъ имъ въ Швейцаріи, должна стоить по меньшей мѣрѣ 1.200 рублей, а потому Броннеръ долженъ бы былъ издержать собственныхъ денегъ, сверхъ полученныхъ, еще 2.880 рублей. Получить эти деньги и становится теперь, когда онъ представилъ свои соображенія объ устройствѣ физическаго кабинета и о необходимыхъ для него пріобрѣтеніяхъ, главною заботою Броннера. Объ этомъ онъ пишетъ убѣдительныя письма къ попечителю, но не желаетъ получить эту сумму даромъ. Здѣсь мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ занимался и минералогіей. «Я охотно предлагаю, пишетъ онъ, ежегодно, даромъ, читать въ здѣшнемъ университетѣ лекціи по минералогіи и показывать на нихъ слушателямъ минералы. Много статей въ извѣстныхъ нѣмецкихъ минералогическихъ сочиненіяхъ (напр. Leonhards Jahrbücher) могутъ свидѣтельствовать в. п., что для того у меня довольно знаній и опыта, почему и состою членомъ Іенскаго минералогическаго общества. Такого полнаго собранія минераловъ, какое есть у меня, здѣсь не существуетъ, а я ежедневно долженъ нуждаться въ нихъ для физическихъ опытовъ. Физику они крайне

---

[1]) Мы напрасно искали этого портрета и вообще какихъ либо слѣдовъ пожертвованія Турчанинова въ физическомъ кабинетѣ университета.

необходимы, особенно при физическихъ опытахъ». Кромѣ чтенія лекцій по минералогіи, Броннеръ предлагаетъ, также даромъ, нѣсколько часовъ въ недѣлю, вести со студентами бесѣды на языкѣ латинскомъ. Такое упражненіе считалось тогда необходимостью, такъ какъ лекціи иностранныхъ профессоровъ были недоступны слушателямъ; бесѣды заводились еще и прежде, въ 1807 году, но конечно существовали только на бумагѣ. Сверхъ этихъ бесѣдъ, за просимую имъ сумму, Броннеръ писалъ попечителю, что онъ готовъ, нести всякія обязанности, которыя ему угодно будетъ возложить на него. «При необходимости устроиться здѣсь не безъ значительныхъ издержекъ, я не имѣю возможности сберечь что либо на выписку моего имущества; только великодушное благоволеніе ваше можетъ вывести меня изъ тяжелаго затрудненія».

«Съ сокрушеннымъ сердцемъ» (avec serrement du cœur) читалъ эту просьбу Броннера попечитель и увѣдомилъ его, что исполненіе ея не зависитъ отъ него: «Это такая милость, которою и министръ, безъ вѣдома государя, не уполномоченъ располагать», и потому онъ посовѣтовалъ Броннеру обратиться прямо отъ себя съ просьбою къ министру и умолять его объ участіи и помощи. Получивши это письмо, Броннеръ немедленно написалъ и отправилъ свое прошеніе къ министру, снова обращаясь къ попечителю съ самыми убѣдительными просьбами вступиться за него и ходатайствовать передъ министромъ. Прошло однако четыре мѣсяца, въ теченіе которыхъ, какъ видно изъ писемъ, Броннеръ находился въ большомъ волненіи касательно результата своей просьбы. Что Румовскій съ своей стороны расположилъ министра въ пользу Броннера видно не только изъ того, что онъ сообщилъ ему въ началѣ августа о томъ, что министръ потребовалъ его заключенія о просителѣ и о состояніи экономической университетской суммы, но изъ самаго текста той бумаги, которою разрѣшалась выдача просимой суммы. Румовскимъ составлена была и докладная записка, которую министръ народнаго просвѣщенія представилъ государю императору объ этомъ дѣлѣ. Въ засѣданіи совѣта 31-го августа выслушана была копія съ отношенія министра народнаго просвѣщенія къ попечителю Казанскаго учебнаго округа отъ 8-го августа о томъ, что «Государь Императоръ, по докладу его сіятельства, повелѣть соизволилъ профессору Казанскаго университета Броннеру изъ хозяйственныхъ суммъ университета выдать двѣ тысячи девятьсотъ двадцать семь рублей въ добавокъ къ суммѣ, полученной имъ на путевыя издержки и провозъ вещей его, съ тѣмъ однакожъ, чтобы Броннеру вмѣнено было въ обязанность сверхъ физическихъ лекцій, преподавать въ университетѣ наставленія въ минералогіи, и въ продолженіе двухъ лѣтъ

дважды пройти весь курсъ минералогіи по кабинету имъ собранному [1]) и *что прошеніе Броннера уважено не только въ разсужденіе знаній его и усердія, но и тихаго и кроткаго его нрава, толико нужнаго для сохраненія спокойствія въ университетѣ»*. Это должно было быть объявлено Броннеру въ засѣданіи совѣта, при чемъ предписывалось *внушить совѣту*, почему именно уважено прошеніе Броннера и снова повторялись тѣ же самыя слова предписанія. Броннеръ былъ боленъ и не присутствовалъ въ томъ засѣданіи совѣта, гдѣ было читано это внушеніе совѣту. «Mais cet éloge, inséré et au mandat du ministère et au réscrit de votre excellence, писалъ онъ въ благодарственномъ письмѣ своемъ къ попечителю по поводу полученія денегъ, et distingué à la lecture par le ton bien significatif d'admonition, comme on le me racontait, a choqué en quelque manière mes collegues, et je crains, qu'il aurait suscité l'envie et aliéné les cœurs de moi, s'il était possible de douter de ma droiture et de lingénuité de mon caractère». Несмотря на болѣзнь, онъ нашелъ однако въ себѣ достаточно вдохновенія, чтобы излить чувства благодарности въ «Одѣ по случаю тезоименитства государя императора», которую и приложилъ къ своему письму. На какомъ языкѣ она была написана и какая была судьба ея—не знаемъ. Что касается до «тихаго и кроткаго характера» Броннера, доставившаго ему такую чрезвычайную милость, то Румовскій вѣроятно составилъ себѣ о немъ понятіе по сообщеніямъ Броннера о совѣтскихъ дѣлахъ и спорахъ, по попыткамъ его къ примиренію враждовавшихъ партій и по тому обстоятельству, что Броннеръ ладилъ съ Яковкинымъ. Дѣйствительно въ письмахъ послѣдняго мы не встрѣчаемъ ни одной жалобы на Броннера, да и вообще упоминаній о немъ, кромѣ эпитета «почтенный старичекъ». О характерѣ и содержаніи миролюбивыхъ сообщеній Броннера скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Кромѣ этихъ сообщеній, Румовскій остался особенно доволенъ исполненіемъ со стороны Броннера одного его порученія, имѣвшаго большой интересъ для всѣхъ иностранныхъ профессоровъ. Выше, мы

---

[1]) Минералогическаго кабинета въ то время еще не было, кромѣ случайно купленныхъ или присланныхъ штуфовъ и камней. Въ іюлѣ того же года Яковкинъ предполагалъ было купить собраніе минераловъ, состоящее изъ 570 кусковъ, продававшееся послѣ умершаго надворнаго совѣтника П. Л. Молоствова, и попечитель разрѣшилъ уже эту покупку за триста рублей на счетъ суммы кабинета естественной исторіи, но требовалъ, чтобы профессоръ Броннеръ предварительно осмотрѣлъ это собраніе и рѣшилъ: будетъ ли полезно оно для университета. Броннеръ покупку не одобрилъ, находя въ собраніи мало замѣчательныхъ и годныхъ для университетскаго музея предметовъ.

приводили жалобу Броннера, что студенты не понимаютъ его лекцій по своему незнакомству съ тѣми языками, на которыхъ онъ можетъ преподавать. На это попечитель отвѣчалъ ему: «Давно уже я требовалъ отъ совѣта, чтобъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи переводились въ университетъ только тѣ, которые въ состояніи понимать латинскія лекціи профессоровъ и вы вполнѣ правы, высказывая свое недовольство тѣмъ, что они не понимаютъ васъ; но совѣтъ долженъ помочь этому. Прошу васъ сообщить мнѣ ваши мысли о необходимомъ устройствѣ латинскихъ классовъ въ гимназіи и объ экзаменахъ. Конечно слѣдуетъ желать, чтобъ гг. профессоры и въ своемъ собственномъ интересѣ, и для пользы университета, выучились со временемъ по русски, но было бы несправедливо требовать, чтобъ они знали языкъ немедленно по пріѣздѣ. Можетъ быть однако, что нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благоразумные, послѣдуютъ вашему примѣру» (т. е. станутъ учиться по русски). На слова попечителя, что совѣтъ долженъ помочь съ своей стороны болѣе основательному знакомству студентовъ съ латынью, Броннеръ отвѣчалъ, что онъ не ясно представляетъ себѣ положеніе совѣта. «Я постараюсь въ слѣдующемъ письмѣ, говоритъ онъ, откровенно представить это положеніе и дать вамъ подробныя свѣдѣнія о способѣ, какъ ведутся дѣла въ совѣтѣ. Но прежде, чѣмъ я сообщу в. п. мои замѣчанія о гимназическихъ классахъ и о методѣ ученія въ нихъ, мнѣ необходимо собрать точныя свѣдѣнія и предварительно справиться у г. директора Яковкина о цѣляхъ разныхъ распоряженій, дабы то, что можетъ быть и цѣлесообразно, по недостаточности знанія обстоятельствъ, я не могъ бы счесть за нецѣлесообразное» (10 февр. 1811 г.). Только въ іюлѣ послѣ присутствія на экзаменахъ въ гимназіи, Броннеръ сообщилъ попечителю обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи преподаванія въ Казанской гимназіи, откуда поступалъ главнѣйшій контингентъ студентовъ, свѣдѣнія какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о недостаткахъ имъ замѣченныхъ. «Я хорошо знаю, что объ этомъ вы получаете, писалъ онъ попечителю, много рутинныхъ донесеній, но статься можетъ, что ваши отеческія заботы найдутъ также что нибудь полезное въ правдивомъ и чуждомъ всякаго личнаго интереса разсказѣ человѣка вполнѣ искренняго, имѣющаго въ виду только вашу славу и благо учрежденія, вами управляемаго:

„Съ радостью, смѣшанною съ сожалѣніемъ, было замѣчено мною, что много молодыхъ людей проявляютъ значительные успѣхи въ русскихъ сочиненіяхъ и въ отвѣтахъ своихъ по исторіи, географіи, исторіи естественной и пр.: что же касается языковъ иностранныхъ, латинскаго, французскаго, ариѳметики, то самые лучшіе были до того слабы, что быть довольнымъ было невозможно. Позвольте мнѣ раскрыть источникъ этого неуспѣха въ самой глубинѣ его.

Я собиралъ справки, сколько это было возможно, никого не оскорбляя; взгляните на результатъ собранныхъ мною свѣдѣній.

I. Во всѣхъ *низшихъ* классахъ, гдѣ начинающіе учатся языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому и ариѳметикѣ, находится такое множество учениковъ, что одинъ учитель не въ состояніи ничего сдѣлать съ ними, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія, съ которыми они принимаются, чрезвычайно разнообразны: одни почти совсѣмъ не умѣютъ читать, другіе же гораздо лучше подготовлены.—II. Почти у всѣхъ учениковъ въ классахъ нѣтъ въ рукахъ книгъ: грамматикъ, лексиконовъ, хрестоматій, такъ что въ классѣ, состоящемъ изъ 60 учениковъ, съ трудомъ можно найти два или три необходимыхъ учебника.—III. Уроки распредѣлены до того несчастнымъ образомъ, что ученіе ежедневно прерывается и предметы мѣшаютъ другъ другу. Сегодня напр. ученики въ латинскомъ классѣ учатся по латыни; завтра нѣкоторые изъ этихъ же учениковъ должны идти во французскій классъ, послѣ завтра къ учителю нѣмецкаго языка, а въ теченіе этихъ двухъ дней преподаватель латинскаго языка продолжаетъ свои наставленія съ тѣми учениками, которые явились къ нему, между тѣмъ какъ ученики, бывшіе въ классахъ французскомъ и нѣмецкомъ, потеряли уже нить наставленій, не слушая его уроковъ; учитель продолжаетъ свои уроки и не можетъ постоянно повторяться. Всѣ преподаватели единогласно жалуются на это печальное смѣшеніе уроковъ, не позволяющее ученикамъ пользоваться непрерывнымъ и послѣдовательнымъ ученіемъ. Всѣ тѣ изъ нихъ, съ которыми я говорилъ о причинахъ, мѣшающихъ успѣху, единогласно указывали на это дурное распредѣленіе уроковъ.

„Чтобы устранить *первый недостатокъ*, я счелъ своею обязанностью предложить сегодня совѣту, чтобы онъ просилъ в. п. назначить къ учителямъ самыхъ низшихъ классовъ языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и ариѳметики, къ каждому изъ нихъ, по одному помощнику. Совѣтъ одобрилъ мое мнѣніе, съ прибавленіемъ условія, если число учениковъ будетъ больше 50. Но я не думаю, чтобы для всѣхъ предметовъ одно количество должно быть критеріемъ необходимости помощника, такъ какъ русскій языкъ, естественная исторія, географія, исторія и пр., т. е. предметы, допускающіе коллективное преподаваніе одного *разсказывающаго* учителя, могутъ быть съ пользою преподаваемы и бо́льшему числу учениковъ.—*Второму недостатку* можно помочь, если вы дадите предписаніе, чтобы для классовъ были выбраны извѣстные авторы и чтобы всякій, принятый въ классъ ученикъ, приносилъ съ собою грамматику и лексиконъ того языка, которому онъ учится.—Противъ *третьяго недостатка* будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать лучшее и внимательнѣйшее распредѣленіе уроковъ, такъ какъ и прежде они были распредѣлены гораздо лучше чѣмъ теперь“.

Свѣдѣнія, сообщенныя Броннеромъ попечителю о положеніи преподаванія латинскаго языка въ Казанской гимназіи, доказывали весьма убѣдительно, что знаменитый педагогъ-директоръ, которому такъ безусловно довѣрялъ Румовскій, думалъ только о себѣ, о своихъ дѣлишкахъ, а не объ обязанностяхъ, соединенныхъ съ его службою. Все, что писалъ Броннеръ, было не новостью для попечителя. Это было повтореніе жалобъ профессора Германа, Литтрова и безъ сомнѣнія другихъ, хотя они и не писали о томъ къ попечителю. Эти

жалобы вызывались естественною силою вещей. Мѣры для усиленія знакомства учениковъ гимназіи съ языкомъ латинскимъ были тогда необходимостью, незнаніе его дѣлало совершенно безполезными всѣ усилія приглашенныхъ иностранныхъ профессоровъ, большинство которыхъ были вполнѣ достойными лицами. «Пока всѣ профессора не выучатся говорить по русски, крайне необходимо, чтобы они въ латинскомъ языкѣ находили средство сообщать студентамъ свою науку»—писалъ Броннеръ. Между тѣмъ, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ имъ, знаніе латинскаго языка было до крайности ничтожно. Въ высшемъ классѣ, изъ котораго переходили въ университетъ, въ русскомъ текстѣ, писанномъ подъ диктовку, надъ каждымъ русскимъ словомъ диктовалось его значеніе по латыни; учитель указывалъ падежъ и время, чтобы не было ошибокъ и, несмотря на то, переводы изобиловали ими. Тѣмъ не менѣе изъ 33 учениковъ высшаго класса 17 были назначены въ студенты. Латинскіе переводы ихъ были отправлены къ попечителю и онъ нашелъ въ нихъ массу ошибокъ, свидѣтельствовавшихъ, что писавшіе не понимали учителя.

Замѣтки о состояніи гимназіи, представленныя Броннеромъ попечителю и его предположенія о лучшемъ устройствѣ ея чрезвычайно понравились послѣднему. Очевидно онъ высоко цѣнилъ и знанія и опытность Броннера. «Чтобы устранить недостатки гимназіи, указанныя въ письмѣ вашемъ, писалъ попечитель къ нему, я не вижу другаго средства, какъ поручить г. директору, при участіи вашемъ, привести въ порядокъ преподаваніе сообразно вашимъ идеямъ. Но какъ трудъ этотъ не входитъ въ ваши обязанности, не смѣю предложить его вамъ, не получивъ на то вашего согласія и потому прошу васъ извѣстить меня, согласны ли вы взять его на себя». Говоря о средствахъ къ устраненію трехъ главныхъ недостатковъ гимназіи, указанныхъ Броннеромъ, попечитель снималъ съ себя отвѣтственность за нихъ и указывалъ на свои прежнія распоряженія и предписанія, которымъ не слѣдовалъ совѣтъ. Объ учебникахъ онъ прямо поручалъ Броннеру назначить тѣ изъ нихъ, какіе онъ сочтетъ полезными и опредѣлить ихъ число, сообразно съ числомъ учениковъ. Броннеру предоставлялось право дѣйствовать въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, не соображаясь съ тѣми указаніями, какія даны директору. Самое трудное дѣло—распредѣленіе преподаванія, такъ чтобы оно шло безъ перерыва и учителя не мѣшали бы другъ другу, поручалось также Броннеру. Одно только предположеніе Броннера, заявленное имъ также и въ совѣтѣ, именно о томъ, чтобы къ преподавателямъ, въ случаѣ, если въ классѣ будетъ болѣе 50 учениковъ, назначались помощники, не можетъ быть

приведено въ исполненіе, такъ какъ эти помощники должны получать сверхштатное жалованье, между тѣмъ какъ 8 пунктомъ высочайшаго манифеста отъ 5 февраля 1810 г. не дозволено дѣлать никакихъ сверхштатныхъ назначеній.

Послѣдствіемъ сообщеній Броннера было предложеніе попечителя совѣту, въ которомъ онъ возлагалъ на кого либо изъ профессоровъ, вмѣстѣ съ директоромъ, «сдѣлать вновь сколько возможно удобнѣйшее расположеніе классовъ, времени и упражненій» и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалъ никого не принимать на казенное содержаніе въ гимназію «кто не будетъ порядочно наученъ читать и писать по россійски, по латыни, по французски и по нѣмецки, тѣмъ наипаче, что для сего есть особливое въ Казани главное народное училище». Въ гимназію нерѣдко, даже на казенный счетъ, поступали совсѣмъ безграмотные. Черезъ четыре года пребыванія тамъ, они переходили въ университетъ и должны были слушать нѣмецкихъ профессоровъ, представителей нѣмецкой науки, которую серьезно понять на языкѣ латинскомъ и усвоить не въ состояніи, мы въ томъ увѣрены, и молодые люди, подготовленные восьмилѣтнимъ изученіемъ классическихъ языковъ въ современныхъ гимназіяхъ и снабженные аттестатами зрѣлости.

Въ своемъ предложеніи совѣту, возлагая на кого либо изъ профессоровъ устройство, вмѣстѣ съ директоромъ, гимназическаго преподаванія, попечитель не называлъ Броннера, не получивъ еще на то его согласія. Яковкинъ предложилъ въ помощники себѣ профессора Томаса, но нѣкоторые изъ членовъ совѣта указали на Броннера, что было отклонено директоромъ, замѣтившимъ, что онъ не довольно хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ. Броннеръ промолчалъ, не высказавъ того, что писалъ ему попечитель, но на другой день пошелъ къ Яковкину и послѣ долгихъ объясненій съ нимъ, добился того, что и его онъ принялъ въ эту коммиссію, хотя и не совсѣмъ охотно. «Il me semble, писалъ къ попечителю Броннеръ, qu'il avait seulement peur, de se jeter, en me choisissant, dans une prolixité des affaires concernantes le gymnase. La manière un peu amère, avec laquelle m-r le directeur annonçait cet ordre (назначеніе Броннера членомъ коммиссіи), témoignait déjà qu'il n'aimait pas une nouvelle recherche de défauts au gymnase».

Броннеръ представилъ попечителю въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезвычайно обстоятельный, стоившій ему большого труда, отчетъ о дѣйствіяхъ коммиссіи, душею которой онъ былъ. Ему приходилось бороться съ хитростью Яковкина и ловкостью клеврета его—инспектора Петровскаго, отрицавшихъ существованіе какихъ либо безпорядковъ въ распредѣленіи классовъ. Броннеръ переписалъ ежене-

дѣльные рапорты 30 учителей за сентябрь обо всѣхъ ученикахъ, посѣщавшихъ ихъ классы, имена всѣхъ учениковъ списалъ по алфавиту, затѣмъ составилъ каталогъ учениковъ, посѣщавшихъ тѣ или другіе классы и вывелъ изъ всего этого общую таблицу, изъ которой ясно было видѣть всякому, что ученики гимназіи посѣщаютъ безъ всякаго порядка тотъ или другой классъ, какъ имъ вздумается, что преподаваніе предметовъ постоянно прерывается, что учители имѣютъ полное основаніе жаловаться на безпорядокъ, а успѣхи учениковъ по необходимости должны быть ничтожны. Все это понялъ и инспекторъ, но считалъ невозможнымъ помочь злу; трудность бороться съ нимъ пугала его. Броннеръ самъ составилъ новое распредѣленіе классовъ, которое вполнѣ одобрилъ инспекторъ. За то Яковкинъ не хотѣлъ и слушать его, ссылаясь на множество своихъ занятій, медлилъ собирать комитетъ и Броннеръ долженъ былъ просить попечителя понудить его къ этому. Онъ жаловался также и на нерадѣніе и полную неспособность учителей и указывалъ на необходимость избавиться отъ нихъ. Плодомъ всѣхъ этихъ педагогическихъ занятій Броннера было назначеніе внезапныхъ экзаменовъ (examina subitanea) сначала учениковъ гимназіи, а потомъ и учителей, мѣры, какъ мы разсказывали уже, оставшіяся безъ результата. Расположеніе часовъ преподаванія латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ въ гимназіи, сдѣланное Броннеромъ съ тою цѣлью, чтобъ учители не мѣшали другъ другу, было введено «для примѣрнаго исполненія» на одну недѣлю, но удержалось ли оно на долго — мы не знаемъ. «Мнѣ кажется, что г. директоръ Яковкинъ подозрѣваетъ, что я былъ обвинителемъ въ плохой латыни студентовъ передъ попечителемъ; въ совѣтѣ онъ всегда обращался ко мнѣ и къ сосѣду моему Литтрову. Можетъ быть, пишетъ онъ къ попечителю, такое убѣжденіе его увеличитъ трудность успѣха при приведеніи въ дѣйствіе моихъ плановъ относительно гимназіи».

Несмотря на то, что попытка Броннера къ заведенію правильнаго порядка въ гимназіи и къ усиленію въ ней преподаванія латинскаго языка не имѣла большого успѣха, попечитель Румовскій, изъ переписки съ Броннеромъ и изъ знакомства съ его планами, составилъ себѣ очень высокое представленіе о его педагогическихъ способностяхъ. Онъ рѣшился ввѣрить его завѣдыванію *педагогическій институтъ*, дѣятельность котораго опредѣлялась §§ 122—130 университетскаго устава 1804 года. Учрежденіе это при университетѣ, имѣвшее цѣлью приготовлять учителей для гимназій и училищъ университетскаго округа изъ кандитатовъ и магистровъ, воспитывавшихся на казенный счетъ, не имѣло еще директора и не было открыто. «Помнится мнѣ, что г. Фойгтъ избранъ былъ директоромъ

педагогическаго института (это было въ концѣ 1810 года, при общихъ выборахъ, которые не были утверждены)—писалъ Румовскій къ директору (17 авг. 1811 года). По смерти его я не нахожу другаго достойнаго къ сей должности, какъ г. Броннера, и вижу, что всѣ почти прочіе иностранные не пекутся о благосостояніи гимназіи и университета». По представленію Румовскаго Броннеръ и былъ утвержденъ первымъ директоромъ педагогическаго института при Казанскомъ университетѣ 28 мая 1812 года, съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ; по штату отпускалось 500 р., но 100 р., согласно предложенію попечителя, удерживались на книги для студентовъ-кандитатовъ. Впрочемъ черезъ два года эти удержанныя деньги были возвращены Броннеру и онъ сталъ получать полностью. Увѣдомленіе объ этомъ назначеніи заслушано было въ совѣтѣ 7 августа; 27 августа Броннеръ присягалъ на эту должность и подписалъ свое клятвенное обѣщаніе по латыни. Назначены были для студентовъ-кандидатовъ четыре особыя комнаты налѣво отъ параднаго крыльца; самъ же Броннеръ почему-то отказался отъ казенной квартиры, предлагаемой ему, и предпочелъ пока остаться въ наемной, находящейся впрочемъ вблизи университетскаго зданія. Въ началѣ сентября онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, собравъ въ первый разъ порученныхъ ему кандидатовъ. По списку ихъ оказалось восемь; трое изъ нихъ жили внѣ университета. Помѣщеніе для педагогическаго института было приспособлено для кандидатовъ и магистровъ только въ 1813 году, когда гимназія переведена была изъ университета въ собственный домъ. Изъ дѣлъ правленія видно, что всѣ кандидаты и магистры жили довольно просторно, что у каждаго была своя особая комната съ перегородкою, съ чуланомъ, съ подваломъ, гдѣ могли храниться съѣстные припасы; на двѣ комнаты полагалась особая кухня. Кромѣ того была общая комната, conversatorium, гдѣ всѣ кандидаты могли собираться или для бесѣдъ или для общихъ занятій чтеніемъ, музыкой и т. п. Броннеръ весьма заботился объ устройствѣ этихъ помѣщеній и часто входилъ въ контору, а потомъ въ правленіе университета, съ своими представленіями о разныхъ исправленіяхъ.

Отъ этой педагогической дѣятельности Броннера остался въ дѣлахъ, сохраняемыхъ въ архивѣ, его любопытный латинскій журналъ за все время его директорства, съ 13 сентября 1812 года по 9 сентября 1817 года (Protocollum directoris instituti paedagogici), писанный его собственною рукою. Журналъ этотъ имѣетъ только личный характеръ, хотя онъ прошнурованъ и скрѣпленъ печатью, но печать эта собственная. Въ этомъ журналѣ онъ записывалъ почти ежедневно, кромѣ дней, когда самъ былъ боленъ, все, что

видѣлъ, обходя кандидатскія помѣщенія, всѣ разговоры свои съ молодыми людьми, а также и замѣчанія имъ дѣлаемыя. Кромѣ этого журнала весьма любопытны и латинскіе отчеты Броннера, которые онъ, согласно § 124 устава, представлялъ каждые полгода совѣту. Воспитанный, какъ мы знаемъ, въ очень суровой іезуитской школѣ, а потомъ подъ строгимъ надзоромъ бенедиктинскихъ монаховъ, пріученный къ вѣковымъ формамъ порядка, онъ, въ этомъ журналѣ своемъ, является передъ нами какимъ то идеальнымъ инструкторомъ. Кандидатовъ и магистровъ, какъ мы видѣли, было весьма немного, а потому ему было легко познакомиться съ каждою отдѣльною личностью вполнѣ, изучить ее совершенно. Журналъ начинается его разговоромъ съ ввѣренными его попеченіямъ молодыми людьми; онъ съ перваго разу задаетъ имъ 16 вопросовъ, касающихся ихъ знаній въ языкахъ (разговоръ происходитъ на трехъ языкахъ; во всѣхъ они сильно хромаютъ и въ особенности въ языкѣ латинскомъ): о томъ откуда они родомъ, сколько каждому изъ нихъ лѣтъ, гдѣ и въ какомъ году они родились, о ихъ происхожденіи, о родителяхъ, родственникахъ и близкихъ, о томъ, гдѣ они провели лѣто и что видѣли замѣчательнаго, о занятіяхъ и развлеченіяхъ, о наукѣ, которою каждый изъ нихъ преимущественно занимается, о книгахъ, которыя имъ необходимы и т. п. Всѣ отвѣты на эти разнообразные вопросы должны были быть сначала написаны, а потомъ высказаны устно; первые къ сожалѣнію не дошли до насъ, хотя они и были собраны Броннеромъ, какъ видно изъ журнала; вторые записаны имъ съ удивительною аккуратностью, со всѣми подробностями ошибокъ противъ языка. Передъ нами чрезвычайно пестрая картина: точно какая-то безформенная, расплывающаяся масса принимаетъ по немногу опредѣленныя очертанія; мы знакомимся съ исчезнувшими давно условіями жизни и съ личностями въ этихъ условіяхъ. Вотъ напр. кандидатъ Гроздовскій, 22 лѣтъ, занимающійся юриспруденціей и философіей, но любящій особенно общество, игру на гитарѣ, флейтѣ и кларнетѣ. Первый вопросъ, который обыкновенно задавалъ кандидатамъ Броннеръ, при первомъ знакомствѣ съ ними, имѣлъ цѣлію узнать на сколько сильны они въ латинскомъ языкѣ. Гроздовскій отвѣчалъ на него по французски: «Je sais quelque chose en latin, mais pas tout».—Когда я спросилъ его: «Potes ne intelligere quae loquor?, онъ долго вслушивался молча и когда я повторилъ вопросъ и объяснилъ его по французски, онъ далъ наконецъ отвѣтъ: «Je sais la signification *potes,* mais non *intelligere*». Въ томъ же родѣ были и остальные кандидаты.

Трудно было пріучить аккуратному Броннеру этихъ молодыхъ людей къ какому нибудь порядку, къ сколько нибудь серьезному

отношенію къ жизни, къ занятіямъ и сознанію обязанностей, но кажется, что его настойчивость и упорство имѣли нѣкоторый успѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался уваженіемъ за свой откровенный и честный характеръ. Жалѣть надобно, что это серьезное отношеніе къ дѣлу продолжалось не долго, что вскорѣ послѣ выхода Броннера изъ университета, насталъ періодъ Магницкаго. Въ это время, полное фразъ и толковъ о нравственности и религіозномъ воспитаніи юношества, мы увидимъ крайнюю нравственную распущенность молодыхъ людей. То была эпоха воспитанія фальшивыхъ, лицемѣрныхъ и исключительно своекорыстныхъ характеровъ. Въ это время преобладала фраза, казавшаяся благонамѣренною, но прикрывавшая собою и незнаніе жизни и ея требованій, и глубокое презрѣніе къ ней и народу, а чаще всего личные разсчеты и своекорыстіе. Трудно было Броннеру пріучить своихъ молодыхъ людей къ веденію журнала (diarium), въ которомъ долженъ былъ заключаться въ самомъ краткомъ видѣ перечень занятій днемъ, содержаніе того, что было ими прочитано и т. п. (quid ad sui perfectionem in studiis egerit, legerit vel composuerit); онъ требовалъ, чтобъ они писали его ежедневно и потомъ составляли мѣсячные отчеты о себѣ. Кандидаты долго не могли понять на что ему нуженъ такой журналъ: очевидно ихъ не пріучали никогда думать о себѣ и о своихъ обязанностяхъ. Броннеръ не разъ долженъ былъ объяснять имъ пользу такого сознательнаго отношенія къ себѣ самимъ. Они желали всячески отдѣлаться отъ такой неслыханной ими прежде обязанности. Сначала никто не писалъ и Броннеръ долженъ былъ самъ указать, какъ писать и въ чемъ долженъ былъ заключаться дневникъ. За тѣмъ пошли частныя отговорки: одинъ не успѣлъ, другой просто забылъ, третій ссылался на то, что у него болитъ палецъ, у четвертаго болѣла голова и проч. Панкратовъ, на вопросъ Броннера: готовъ ли у него дневникъ? отвѣчалъ, что онъ написалъ его по русски,—въ надеждѣ, что Броннеръ не спроситъ его,—но когда тотъ попросилъ его показать написанное, то оказалось, что кандидатъ солгалъ. Броннеръ уличилъ его во лжи. Дневники онъ требовалъ непремѣнно на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, лучше извѣстномъ кандидату, или на латинскомъ. Чтобы уличить кандидатовъ во лжи, къ которой они часто прибѣгали, Броннеръ повѣрялъ показанія дневника другими свѣдѣніями, собираемыми отъ профессоровъ и съ разныхъ сторонъ.

Обходя или очень рано поутру или вечеромъ поздно, но всегда въ неопредѣленные часы дня комнаты кандидатовъ, Броннеръ заставалъ ихъ довольно часто на распашку, иногда въ занятіяхъ, ничего общаго съ приготовленіемъ къ учительству не имѣющихъ, а потому

часто приводилось ему уходить, дѣлая отеческія внушенія, говоря о нравственныхъ требованіяхъ и побуждая къ дѣятельности («non sine multis paternis monitionibus, adhortans ad bonos mores et activitatem»), доказывая даже вредъ для здоровья отъ того неправильнаго образа жизни, который возмущалъ его. Часто заставалъ онъ кандидатовъ въ постели по утру, когда лекціи уже начались, гналъ запоздалыхъ въ аудиторіи, будилъ отъ послѣ-обѣденнаго сна, прекращалъ карточную игру, уличалъ того, отъ котораго несло запахомъ горѣлаго вина («Sresnevskium odorem vini adusti spargentem»), или выводилъ на чистоту притворныя болѣзни. По словамъ его, онъ пріучалъ кандидатовъ къ правильной жизни, ко сну въ опредѣленное время, къ раннему вставанью («monui eos serio et paterne, regulari vitae rationi assuescerent, tempore debito lecto decumberent, ac mane surgerent, pretiosas esse studiis horas matutinas»). Въ особенности трудно было Броннеру пріучить кандидатовъ къ чистотѣ. Небрежность ихъ въ этомъ отношеніи сильно возмущала его и онъ являлся тутъ болѣе строгимъ («vehementes feci reprehensiones, severius comminans»). Любопытно однако, что при всемъ этомъ, повидимому мелочномъ вторженіи въ жизнь молодыхъ людей, уже взрослыхъ, съ долголѣтними привычками, мы въ цѣломъ журналѣ Броннера, съ педантизмомъ записывавшаго и самые пустые случаи, не нашли ни одного намека на недовольство кандидатовъ этими мѣрами, на какую либо грубость съ ихъ стороны или неповиновеніе. Безъ сомнѣнія нравственное содержаніе личности Броннера внушало къ нему полное уваженіе, не допускало никакихъ выходокъ. Совершенно въ другія отношенія былъ онъ поставленъ къ студентамъ, когда сдѣлался инспекторомъ. Только съ однимъ кандидатомъ, Ярцевымъ, повидимому вышло у Броннера столкновеніе, но это произошло по особому случаю. Объ этомъ единственномъ и даровитомъ ученикѣ орьенталиста Френа мы уже говорили въ нашей книгѣ. Изъ журнала Броннера видно, что Ярцевъ отвѣчалъ на предложенные ему вопросы лучше всѣхъ кандидатовъ, что знанія его въ иностранныхъ языкахъ были значительны, что кругъ его свѣдѣній и число прочитанныхъ имъ книгъ, не по одной его спеціальности, было обширно. Но Ярцевъ, при всей своей талантливости, былъ увлекающеюся натурою, почему можетъ и имя его осталось безслѣднымъ въ наукѣ о Востокѣ. Сначала не понравилось Броннеру извѣстіе «Iarzovium venereo morbo laborare», что оказалось впрочемъ пустяками, и его безпорядочный образъ жизни; за злоупотребленіе свободой онъ наказалъ его тѣмъ, что не позволилъ ему въ теченіе мѣсяца выходить безъ спроса изъ университета. Онъ просилъ Эрдмана оказать Ярцеву медицинскую помощь, дѣлалъ ему

строгіе упреки и заставилъ его дать подписку въ томъ, что онъ выполнитъ объявленное ему и одобренное попечителемъ наказаніе. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и въ журналѣ Броннера мы находимъ слѣдующій разсказъ о Ярцевѣ:

„По выздоровленіи отъ простуды, осматривая кандидатскія комнаты, я нашелъ, что деревянныя перегородки и чуланы (parva cubicula lignea), сдѣланы удовлетворительно и что всѣ кандидаты этимъ довольны. Но, въ номерѣ Ярцева я увидѣлъ молодую женщину, моющую бѣлье, кандидата же не было дома. Написавъ ему записку, въ которой потребовалъ, чтобъ онъ принесъ мнѣ свой журналъ и что мнѣ необходимо кое о чемъ съ нимъ объясниться, я положилъ записку на столъ. На другой день онъ принесъ мнѣ журналъ, небрежно написанный. На вопросъ мой: что это за молодая женщина (muliercula), которую я видѣлъ въ вашей комнатѣ? — онъ отвѣчалъ, что она его экономка (culinae procuratrix) и кухарка. Я ему говорю: „Но кто же позволилъ вамъ ввести женщину въ педагогическій институтъ? Онъ мнѣ на это: „Меня заставила это сдѣлать экономія; прежде я голодалъ, хотя и тратилъ на пищу 15 рублей въ мѣсяцъ (кандидаты получали жалованье и должны были сами заботиться о пищѣ), а она довольна и тремя рублями въ мѣсяцъ; она и моетъ и варитъ, мнѣ же все попадались молодыя женщины; ни пожилой, ни старухи я не нашелъ“. Я сказалъ ему, что въ педагогическомъ институтѣ невозможно позволить кому либо имѣть при себѣ служанку, что ему необходимо съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ условиться о столѣ въ семейномъ домѣ, а служанку онъ обязанъ отпустить немедленно, что мнѣ придется обо всемъ этомъ доложить попечителю и что онъ долженъ ждать себѣ наказанія за такое неприличное мѣсту поведеніе. Когда я доложилъ объ этомъ случаѣ попечителю, тотъ сказалъ мнѣ: „Изумляюсь дерзости этого кандидата: привести въ институтъ дѣвку *безъ чьего либо дозволенія*“ (absque ulla permissione) и приказалъ немедленно ее выпроводить. Когда на слѣдующій день я объявилъ Ярцеву этотъ приказъ, сильно разгорячился юноша, называя меня своимъ преслѣдователемъ, упрекая меня дерзко въ несправедливости по отношенію къ нему. Я возражалъ ему, что его собственная безнравственность принудила меня принять эти мѣры противъ него, что мнѣ тяжело прибѣгать къ нимъ, но что онѣ необходимы для его же пользы. На это отвѣтилъ онъ мнѣ, что долженъ будетъ теперь умереть съ голоду, что не имѣя болѣе дѣвушки-кухарки, ему очень дорого будетъ обходиться столъ вмѣстѣ съ другими, что некому теперь будетъ мыть ему бѣлье, на что я замѣтилъ ему, что онъ долженъ жить въ этомъ отношеніи, какъ и всѣ прочіе. Въ сильномъ раздраженіи онъ вскочилъ и грозилъ мнѣ, что немедленно пойдетъ жаловаться на меня попечителю. „Идите и жалуйтесь“, сказалъ я, видя, что онъ забываетъ всякое приличіе. Когда онъ шелъ отъ попечителя, то встрѣтился со мною на дорогѣ и не снялъ шапки. „Развѣ вы не знаете вашей обязанности?“—спросилъ я. — „Знаю!“ — отвѣчалъ онъ грубо. Попечитель, когда я пришелъ къ нему, сказалъ мнѣ, что онъ уже говорилъ съ Ярцевымъ. Я разсказалъ про встрѣчу. — Черезъ два дня, осматривая комнаты кандидатовъ, я увидѣлъ, что Ярцевъ сидитъ у печки въ мрачномъ расположеніи духа. Я спросилъ его: отпустилъ ли онъ свою дѣвушку, какъ приказывалъ попечитель. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ отвѣтилъ, что отпустилъ. „Говорилъ мнѣ Фревъ, сказалъ я Ярцеву, что вы жаловались ему на меня, будто я прогналъ домой того *мальчика*, кото-

раго вы учили въ своей комнатѣ. Вы знаете, что это ложь. Тѣмъ не менѣе я объявляю вамъ, что вы можете держать мальчика при себѣ, пока похвальнымъ образомъ занимаетесь его воспитаніемъ и ученіемъ". Мальчикъ этотъ былъ гимназистъ, котораго Ярцевъ училъ татарскому языку. Ничего не отвѣтилъ онъ мнѣ на это, только стоялъ и улыбался. Я сказалъ ему тогда: „въ такомъ видѣ вы по крайней мѣрѣ кажетесь любезнымъ" и ушелъ".

Этимъ эпизодъ съ Ярцевымъ могъ бы и кончиться, но при дальнѣйшихъ своихъ осмотрахъ кандидатскихъ комнатъ, Броннеръ находилъ уже комнату Ярцева запертою и на двери висѣлъ замокъ. «На вопросъ мой, сдѣланный Максютову—«гдѣ же Ярцевъ?» онъ отвѣчалъ улыбаясь и едва удерживаясь отъ смѣха, что онъ не знаетъ, что Ярцевъ все время былъ дома до обѣда». Все это заставило Броннера весьма подозрительно относиться къ Ярцеву и когда въ 1814 году астраханскій губернаторъ просилъ попечителя и университетъ о переводчикѣ съ восточныхъ языковъ, Броннеръ, желая отдѣлаться отъ Ярцева, совѣтовалъ попечителю послать его туда, указывая на его дурные нравы, но попечитель и Френъ ставили выше всего его способности.

Кандидатовъ на учительство, находившихся подъ надзоромъ Броннера, было немного, а потому ему легко было ладить съ ними и находиться въ близкихъ, почти дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ. Изъ его журнала или протокола можно видѣть, что онъ часто разговаривалъ съ ними, интересовался ихъ занятіями, указывалъ на книги для чтенія, знакомилъ ихъ съ лучшими методами, на сколько это зависѣло отъ возможности взаимнаго пониманія. Узнавъ, что Самсоновъ (кандидатъ) читаетъ съ большимъ увлеченіемъ сочиненія Руссо, которыми въ молодости и онъ сильно восторгался въ монастырѣ, Броннеръ, какъ самъ онъ разсказываетъ, старается доказать молодому человѣку необходимость обдуманнаго и критическаго отношенія къ этому мыслителю, говоритъ, что многія изъ положеній Руссо должны быть отвергнуты. «Я совѣтовалъ ему, чтобы онъ сначала познакомился съ настоящей, серьезной философіей и тогда, когда онъ вполнѣ проникнется ея здравыми положеніями, ему безопаснѣе будетъ читать такія сочиненія, какъ Руссо, у котораго нѣтъ строгихъ основаній. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что уже познакомился съ доброю и здравою философіею на лекціяхъ покойнаго профессора Запольскаго.

Броннеръ, какъ мы знаемъ, былъ поэтъ и главная поэтическая его дѣятельность заключалась въ его идилліяхъ, о которыхъ мы уже говорили. Несмотря на ничтожное знаніе казанскими студентами нѣмецкаго языка, до нѣкоторыхъ изъ нихъ могло дойти свѣдѣніе о поэтическихъ произведеніяхъ ихъ профессора и директора педагоги-

ческаго института, пользовавшихся тогда извѣстностью и въ самой Германіи. Нашелся одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ, который въ казанскомъ періодическомъ изданіи, сказалъ нѣсколько словъ вообще объ идилліи и изложилъ содержаніе одной изъ идиллій Броннера, подъ названіемъ «Треножникъ». «Читатели, мало знакомые съ лирою нашего пѣснопѣвца, украшающаго нынѣ закатомъ дней своихъ *цвѣтущія долины казанскія*, безъ сомнѣнія захотятъ видѣть нѣкоторые листки съ гирляндовъ украшающихъ вѣнецъ его Музы» [1]). Мы не сомнѣваемся, что и тогдашній кандидатъ, слушавшій лекціи Перевощикова и начавшій писать стихи именно въ это время, В. И. Панаевъ, направленіемъ своей тогдашней поэтической дѣятельности, выборомъ для нея идилліи, былъ обязанъ Броннеру, хотя и не думаемъ, чтобъ онъ знакомъ былъ въ подлинникѣ съ произведеніями послѣдняго. Еще въ 1813 году Броннеръ записалъ въ своемъ журналѣ, что онъ представилъ попечителю идилліи Панаева и тотъ обѣщалъ ихъ прочитать, а потомъ хвалилъ ихъ. Эти идилліи, положившія, какъ извѣстно, основаніе служебной карьерѣ Панаева, своимъ содержаніемъ свидѣтельствовали только о пустотѣ жизни, окружавшей молодаго человѣка. По нашему мнѣнію это чисто внѣшнія, вымученныя произведенія, хотя по признанію автора [2]), въ

[1]) *Казанскія Извѣстія* 1815 г. №№ 49, 51 и 53. Статья „Нѣчто о Броннеровыхъ идилліяхъ" принадлежала тогдашнему студенту *Бередникову* Якову Ивановичу, но она не кончена, вѣроятно потому, что послѣ экзаменовъ въ іюнѣ 1815 года, Бередниковъ, получившій на торжественномъ актѣ публичную похвалу за отличные успѣхи (по словесности) и хорошее прилежаніе, оставилъ вскорѣ Казанскій университетъ, чтобы кончить свое образованіе въ Московскомъ. Бередниковъ, впослѣдствіи столь извѣстный археологъ, ординарный академикъ, дѣятельный участникъ археологической экспедиціи Строева, членъ и главный редакторъ археографической коммиссіи и почетный членъ Казанскаго университета (1793—1854), по свидѣтельству его біографа (*Плетневъ*, Академикъ Я. И. Бередниковъ въ „Извѣстіяхъ Акад. Н. по отдѣленію русскаго языка и словесности", т. III, стр. 321—352), еще въ дѣтствѣ „пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ". Это конечно дало ему, увлекавшемуся тогда словесностью и писавшему стихи, возможность познакомиться съ идилліями Броннера. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1814 г. № 14 помѣщенъ переводъ двухъ идиллій Броннера: „Куры" и „Выздоравливающій Эдонъ", принадлежащій В. М. Перевощикову, тогда экстраординарному профессору русской словесности. Изъ примѣчанія издателя (Каченовскаго) видно, что онъ перевелъ нѣсколько Броннеровыхъ идиллій для этого журнала. Четырнадцать идиллій Броннера, имъ переведенныхъ, напечатаны въ его „Опытахъ" (Дерптъ, 1822). Въ Казанскомъ университетѣ Бередниковъ учился съ 12 іюня 1813 по 8 іюля 1815 года.

[2]) *Воспоминанія*. Вѣстн. Евр. 1867 г. т. III, стр. 227.

одной изъ нихъ онъ изобразилъ свою любовь къ дочери Яковкина. Если идилліи Броннера, по выраженію казанскаго переводчика ихъ Бередникова «сіи картины живописнѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ сняты съ природы», съ чѣмъ согласны и нѣмецкіе критики, если онѣ глубоко прочувствованы, какъ видно изъ автобіографіи Броннера, то къ блѣднымъ по краскамъ, бѣднымъ содержаніемъ и творчествомъ идилліямъ этого казанскаго Теокрита въ высокой степени примѣнима извѣстная эпиграмма Пушкина «Русскому Геснеру». Даже Батюшковъ смѣялся надъ ними. «Кто такой Панаевъ? спрашиваетъ онъ Гнѣдича. Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шаликова и тминъ, спрыснутый водою» (Соч. III, 457). По словамъ же самого Панаева, онъ «старался подражать Геснеру вездѣ, гдѣ дозволяли то слабыя его способности и трудность стихосложенія» (Предисловіе).

Въ званіи директора педагогическаго института, представивъ въ первый разъ въ октябрѣ 1812 года, согласно § 124 устава, *планъ ученія* для готовящихся къ учительской должности, Броннеръ не повторялъ его однако чрезъ каждые полгода, какъ того требовалъ этотъ §, опредѣливъ разъ навсегда, сображаясь съ предметами преподаванія въ гимназіи, какими науками должны заниматься кандидаты. За то онъ каждые полгода представлялъ отчеты о занятіяхъ кандидатовъ наукою и о тѣхъ повторительныхъ или скорѣе подготовительныхъ урокахъ, которые они должны были вести съ младшими, только что вступившими въ университетъ и весьма неподготовленными, какъ мы знаемъ, студентами. При такихъ отчетахъ прилагались также и упражненія кандидатовъ, сочиненія ими написанныя. Отчеты обыкновенно читались въ засѣданіяхъ совѣта, но не обсуждались, а сочиненія и упражненія, по открытіи университета въ 1814 году и по образованіи факультетовъ, препровождались на разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ. При незначительномъ числѣ кандидатовъ на учительскія должности въ то время. Броннеру было нетрудно съ самаго начала поставить это дѣло удовлетворительнымъ образомъ.

Были ли однако какіе либо видимые результаты дѣятельности Броннера въ званіи директора педагогическаго института, сказать трудно, но отчеты его проникнуты значительною долею пессимизма. Онъ самъ говоритъ, что всѣ старанія его пріучить къ труду кандидатовъ посредствомъ указаній съ его стороны и участія въ этихъ трудахъ имѣли самый незначительный результатъ (exiguus effectus). «Ни одинъ изъ кандидатовъ, говоритъ онъ, не занимается наукою съ дѣйствительнымъ рвеніемъ и любовью. Безъ принужденія

они не умѣютъ повиноваться. Подъ самыми пустыми предлогами, они отдѣлываются отъ посѣщенія лекцій. Немногіе изъ нихъ еще могутъ подавать нѣкоторую надежду; другіе же никакой. Панкратовъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ своего роднаго, между тѣмъ какъ на французскій языкъ указалъ, какъ на главный предметъ своихъ занятій. Панаевъ, избравшій также этотъ языкъ, нѣсколько знакомъ съ нимъ, но многаго не понимаетъ, не знаетъ правилъ, не имѣетъ ни практики, ни достаточнаго запаса словъ. Несмотря на все это, оба кандидата, подъ различными предлогами, но въ дѣйствительности изъ тайнаго самолюбія, съ пренебреженіемъ относились къ наставленіямъ покойнаго лектора французскаго языка и никогда не посѣщали его аудиторіи, несмотря на мои настоянія. Точно таковъ и Поповъ, вовсе не понимающій по нѣмецки и не желающій ходить на лекціи къ Лейтеру». Жалуется наконецъ Броннеръ и на то, что нѣкоторые изъ кандидатовъ, уѣхавъ на рождественскіе праздники неизвѣстно куда, не воротились до сихъ поръ (конецъ января), что Максютовъ, уѣхавшій на лѣтнія вакаціи, воротился только 21 декабря, объясняя свое отсутствіе множествомъ мѣстъ, въ которыхъ онъ перебывалъ, и на вопросъ: отчего онъ опоздалъ?—представить могъ только одну отговорку: «J'étais indisposé». За эти отлучки Броннеръ представлялъ совѣту сдѣлать вычетъ изъ получаемаго кандидатами жалованья, что совѣтъ и постановилъ. Изъ всѣхъ донесеній Броннера совѣту о педагогическомъ институтѣ мы имѣемъ полное основаніе сдѣлать заключеніе, что приготовленіе кандидатовъ учительства было самое жалкое, что ни одного порядочнаго сколько нибудь учителя этотъ институтъ при Броннерѣ и не могъ доставить, несмотря на всѣ его старанія.

Дѣятельность Броннера, какъ директора педагогическаго института, заслужила благодарность попечителя Салтыкова, а сослуживцы его, профессоры университета оцѣнили его умѣнье обращаться съ молодыми людьми тѣмъ, что при баллотировкѣ въ должность инспектора студентовъ, происходившей согласно предписанію попечителя 22 іюня 1814 года (прежній инспекторъ профессоръ Браунъ, недолго несшій эту обязанность послѣ Яковкина, будучи избранъ ректоромъ, отказался отъ нея), Броннеръ получилъ больше всѣхъ избирательныхъ шаровъ. Онъ отказался сначала, ссылаясь на плохое знакомство свое съ русскимъ языкомъ и прося выбрать вмѣсто него кого либо болѣе знакомаго съ этимъ языкомъ. Тогда сдѣланъ былъ вторичный выборъ, по которому наибольшее число избирательныхъ балловъ получилъ профессоръ Томасъ, но этотъ рѣшительно отказался, ссылаясь на то «что хотя онъ, послѣ внимательнаго приготовленія и въ надеждѣ на снисходительность аудиторіи, можетъ довольно

сносно объяснять и излагать по русски, но когда ему приходится говорить безъ приготовленія и объ обыкновенныхъ предметахъ въ жизни (praesertim de rebus in vita familiari obviis), онъ не на столько знакомъ съ русскимъ языкомъ, чтобъ не ошибаться противъ правилъ грамматики и не возбуждать смѣха неупотребительными словами и реченіями («ne praeposteris verbis phrasibusque risum moveam»). Это должно вредить достоинству инспектора и ронять его въ глазахъ студентовъ въ случаѣ, когда ему приходится уговаривать ихъ или убѣждать». Другой мотивъ отказа со стороны Томаса заключался въ томъ, что инспектору необходимо жить въ самомъ зданіи университета, для того чтобъ находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ со студентами, а у него свой домъ, продать который онъ не можетъ въ скоромъ времени. Совѣтъ уважилъ эти причины и тогда Броннеръ объявилъ, что онъ «готовъ взять на себя эту должность и попытаться можетъ ли онъ удовлетворить ея обязанностямъ («huic officio humeris submittere, atque tentare, num ejusdem obligationibus satisfacere queam»).

Историческимъ документомъ служебной дѣятельности Броннера въ званіи инспектора студентовъ (1814—1817) можетъ служить «Книга о поведеніи студентовъ, заведенная до него немедленно по основаніи университета въ 1805 году и доведенная до 1820 года. Какъ и журналъ по педагогическому институту, часть этой книги, писанная Броннеромъ по латыни, представляетъ его дневникъ, въ который онъ вносилъ почти ежедневно все имъ пережитое въ званіи инспектора, всѣ свои отношенія къ студентамъ и разныя событія въ этомъ мірѣ, который находился подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Эта книга чрезвычайно любопытна, потому что даетъ намъ матеріалы для изображенія быта казанскихъ студентовъ за семьдесятъ слишкомъ лѣтъ до нашего времени. Надобно замѣтить, что искренній Броннеръ относился вовсе не формальнымъ образомъ къ своей обязанности и, сравнивая имъ записанное съ тѣмъ, что въ той же книгѣ писали его предшественники и послѣдующіе инспектора, нельзя не отдать полной справедливости и его наблюдательности и его желанію принести пользу общему дѣлу воспитанія. Предполагая въ одной изъ послѣдующихъ главъ этой части остановиться болѣе подробно на бытѣ студентовъ, на ихъ отношеніяхъ и къ университетскому начальству, и къ жизни ихъ окружавшей, мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ тѣми любопытными данными, которыя заключаютъ въ себѣ дневныя записки Броннера. Можно замѣтить здѣсь одно только, что при внимательномъ разсмотрѣніи этого журнала, у читателя должно исчезнуть всякое представленіе о томъ «добромъ, старомъ времени», какое невольно можетъ быть возни-

каетъ у нѣкоторыхъ, при возвращеніи къ воспоминаніямъ о прошломъ. Молодость—прекрасное время жизни и понятно, что впечатлѣнія ея окрашиваются въ весенній розовый цвѣтъ въ воспоминаніяхъ, но этотъ цвѣтъ весьма часто тускнѣетъ и исчезаетъ, когда мы познакомимся съ дѣйствительными историческими фактами. Они говорятъ другое. Передъ нами возникаютъ такія явленія, которыя къ счастію мыслимы только въ давно исчезнувшихъ общихъ условіяхъ жизни, окружавшихъ университетъ въ первые годы его существованія. По мѣрѣ увеличенія съ годами числа студентовъ, вопросъ объ урегулированіи ихъ отношеній къ университету, объ устройствѣ ихъ жизни, о пріученіи ихъ къ извѣстнымъ формамъ, необходимымъ въ общежитіи, о развитіи въ нихъ любви къ занятіямъ,—являлся самымъ существеннымъ. Что-то до крайности безформенное, дикое, грубое, лишенное умственныхъ и нравственныхъ интересовъ представляетъ намъ это сборище молодыхъ людей, незнакомыхъ ни съ какою дисциплиною воспитанія, плохо развитыхъ въ умственномъ отношеніи и совершенно случайно попавшихъ подъ университетскую крышу, съ единственною цѣлью получить тѣ привилегіи, которыя давались тогда высшимъ образованіемъ, но получить ихъ безъ труда, а при помощи тѣхъ средствъ, какія преобладали въ окружающей жизненной средѣ. Нельзя безусловно винить за все это молодыхъ людей. Они были дѣтьми времени и обстоятельствъ, служили вѣрнымъ выраженіемъ той жизни, которая ихъ воспитала. Въ годы господствованія Яковкина, продолжавшіеся до смерти попечителя Румовскаго и назначенія Салтыкова, ближе разсмотрѣвшаго знаменитаго директора, число студентовъ было весьма незначительно; отношенія были вполнѣ патріархальныя и, если и пробивались наружу какія-либо болѣе серьезныя исторіи (не въ томъ конечно политическомъ смыслѣ, какъ смотрятъ на нихъ теперь), то ловкость Яковкина умѣла замять дѣло; передъ глазами посторонняго зрителя почти все было шито и крыто. О студенческихъ правилахъ при немъ, объ особомъ званіи «камернаго» студента, товарища-надзирателя за нравственностью другихъ, мы уже говорили въ первой части. Когда въ 1814 году университету даровано было самоуправленіе, опредѣленное уставомъ, то рядомъ съ самымъ насущнымъ вопросомъ о приведеніи въ какой либо порядокъ преподаванія (мы знаемъ, что въ этомъ отношеніи господствовалъ полный хаосъ), возникъ совершенно естественно и вопросъ о студентахъ, вызванный силою вещей. И занятія и поведеніе студентовъ должны были обратить особое вниманіе нѣмецкихъ профессоровъ, въ рукахъ которыхъ былъ теперь университетъ послѣ его открытія. Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ исторію попытокъ этихъ профессоровъ, имѣвшихъ цѣлью создать изъ Казанскаго университета

учрежденіе, сколько нибудь похожее на тѣ, которымъ сами они были обязаны своимъ приготовленіемъ къ научной дѣятельности. И въ томъ и другомъ вопросѣ мы еще встрѣтимся съ Броннеромъ. Какъ былъ имъ устроенъ лучшій порядокъ преподаванія въ Казанской гимназіи, о чемъ было уже говорено, также точно много труда было положено имъ на устройство преподаванія и въ университетѣ, на распредѣленіе наукъ по факультетамъ; въ этомъ отношеніи онъ много работалъ, и послѣ Френа сталъ составлять и печатать латинскія обозрѣнія преподаваній.

Эта дѣятельность Броннера въ званіи директора педагогическаго института и потомъ инспектора должна была поглощать много времени и конечно отвлекать его отъ чтенія лекцій. О нихъ мы не можемъ составить себѣ никакого яснаго представленія, кромѣ тѣхъ указаній, какія находятся въ печатныхъ обозрѣніяхъ лекцій. Физику Броннеръ читалъ четыре часа въ недѣлю или по своимъ тетрадямъ или по руководству Фишера («Lehrbuch der mechanischen Naturlehre») и Греена; минералогію, которую онъ обязанъ былъ прочитать два раза въ двухгодичный курсъ, за деньги, полученныя имъ на перевозку его вещей изъ Швейцаріи (на эти лекціи посвящалось также четыре часа въ недѣлю), онъ излагалъ по разнымъ сочиненіямъ. Эта минералогія, читанная имъ по нѣмецки, заключала въ себѣ, какъ это можно видѣть изъ одного его рапорта: 1) философію минералогіи или науку о свойствахъ минераловъ (de caracteribus), на основаніи началъ Вернера; 2) ориктогнозію или науку о познаніи простыхъ минераловъ, составляющихъ четыре класса и 3) геогнозію или науку о минералахъ сложныхъ. При чтеніи минералогіи, Броннеръ пользовался какъ пособіями, таблицами Леонгарда, своими собственными таблицами и своимъ минералогическимъ собраніемъ. Когда въ 1815 году онъ во второй разъ кончилъ свой двухлѣтній курсъ минералогіи, то донося объ этомъ совѣту, онъ высказывалъ готовность преподавать и впредь эту науку, но уже съ какимъ нибудь вознагражденіемъ. Министръ утвердилъ это вознагражденіе въ количествѣ 800 р. ежегодно вмѣсто 1000 р., какъ представлялъ совѣтъ, «доколѣ онъ будетъ читать сію науку». Съ 1815 года Броннеръ присоединилъ къ изложенію минералогіи и конхіологію по собственному собранію раковинъ. Чтеніе минералогіи было возложено на Броннера конечно потому, что предмета этого никто не читалъ, что не было профессора минералогіи. Поэтому онъ крайне былъ удивленъ, когда въ «извѣщеніи о преподаваніи наукъ», напечатанномъ на 1815—1816 годъ, прочелъ, что адъюнктъ естественной исторіи Василій Тимьянскій будетъ также проходить *минералогію* «сколько сіе возможно по малочисленности штуфовъ въ универси-

тетскомъ минеральномъ кабинетѣ находящихся». Онъ поспѣшилъ донести совѣту объ этомъ обстоятельствѣ и просить его распорядиться, чтобы Тимьянскій и Фуксъ условились между собою какія части естественныхъ наукъ читать имъ, кромѣ минералогіи. Лекцій по этой наукѣ Тимьянскій и не начиналъ.

Невольно приходимъ къ убѣжденію, что результаты преподаванія Броннера были весьма незначительны, если не вполнѣ ничтожны. Ни одного ученика ни по физикѣ, ни по минералогіи онъ не оставилъ послѣ себя въ Казани. Его дѣятельность преимущественно посвящена была педагогическому институту, инспекторству и разнымъ проектамъ организаціоннаго свойства, имѣвшимъ задачею болѣе правильное устройство преподаванія какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ работалъ очень много и ни одинъ нѣмецкій профессоръ не оставилъ столько бумагъ и донесеній послѣ себя, сколько оставилъ ихъ Броннеръ. Несмотря однако на высказанное имъ Румовскому при своемъ опредѣленіи твердое намѣреніе остаться въ Казани до конца жизни, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ ней, въ душѣ Броннера постепенно созрѣваетъ намѣреніе оставить свою разнообразную дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ и переселиться въ любимую имъ Швейцарію. Какія побудительныя причины были у него къ тому, кромѣ можетъ быть недовольства казанскою жизнью и тоски по родинѣ, къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, за неимѣніемъ письменныхъ данныхъ. Безъ сомнѣнія онъ высказывалъ ихъ въ интимномъ кругу своихъ нѣмецкихъ сотоварищей. Но самый кругъ этотъ постепенно разрушался: одни умирали, можетъ быть, отъ вліянія суроваго и непривычнаго климата; другіе понемногу уходили, переселяясь или въ Дерптъ, или за-границу, или въ Императорскую Академію Наукъ (Френъ), находя такое переселеніе болѣе удобнымъ и для жизни, и для своей научной дѣятельности. Съ 1815 года министерство народнаго просвѣщенія у насъ приняло направленіе, весьма неблагопріятное для нѣмецкой, особенно преподаваемой профессорами протестантами, науки. На нихъ стали смотрѣть неблагосклонно. Изъ воспоминаній харьковскаго профессора Роммеля [1]) можно составить представленіе о ихъ положеніи въ русскихъ университетахъ въ это время. Безъ сомнѣнія они всѣ, за немногими исключеніями, были чутки къ признакамъ времени и переписывались другъ съ другомъ. Въ концѣ 1816 года

---

[1]) „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit von Chr. von Rommel“ въ сборникѣ *Фридриха Бюлау*: Geheime Geschichten und rätselhafte Menschen. V Band, 1854, S. 421—600.

въ совѣтѣ Казанскаго университета было заслушано предложеніе исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія (князя А. Н. Голицына) отъ 28 ноября, № 3822, о томъ «что профессоръ Харьковскаго университета Шадъ [1]) *за обнаруженныя имъ правила* удаленъ отъ должности и высланъ за границу, такъ какъ онъ, по препорученію совѣта, издалъ на казенный счетъ, для употребленія въ училищахъ, извѣстную на латинскомъ языкѣ, изданную во Франціи Ломондомъ книгу подъ заглавіемъ: «De viris illustribus Romae, въ которой онъ сдѣлалъ прибавленія и выраженія, для юношества соблазнительныя и вредныя. Кромѣ сего онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Institutiones juris naturae», заключающую въ себѣ также мѣста неприличныя въ сочиненіяхъ, писанныхъ для наставленія юношества. Сверхъ сего диссертаціи искавшихъ получить въ Харьковскомъ университетѣ степень доктора Гриневича и Ковалевскаго оказались *поддѣланными и списанными съ диссертаціи Шада и съ тетрадей, по коимъ онъ преподаетъ свои лекціи.* Причемъ препоручается, что если находятся въ Казанскомъ университетѣ и учебныхъ заведеніяхъ, ему подвѣдомыхъ, упомянутыя изданныя профессоромъ Шадомъ книги, были бы оныя, во исполненіе Высочайшей воли, истреблены».

Броннеру было почти 60 лѣтъ; одинокій и безсемейный старикъ, онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ Казанью; дружеское нѣмецкое обще-

---

[1]) Вѣроятно Броннеръ былъ лично знакомъ съ Шадомъ. Судьба ихъ почти одинакова. Какъ и Броннеръ, Романъ Шадъ выросъ и развился въ тѣхъ же условіяхъ и въ той же южной Германіи; родились они въ одномъ и томъ же году. И Шадъ былъ воспитанъ іезуитами, поступилъ въ монахи бенедиктинскаго ордена, бѣжалъ отъ монастырскаго гнета и описалъ свои приключенія (Lebens und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben 2 Bde. Erfurt, 1803—1804) и послѣ бѣгства увлекся философіей, сначала Фихте, а потомъ Шеллинга. Сдѣлавшись первымъ профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, онъ читалъ въ немъ всѣ философскіе предметы и былъ послѣдователемъ Шеллинга. Въ противоположность скромному Броннеру, Шадъ, по разсказу Роммеля, отличался рѣзкимъ языкомъ, насмѣшливостью и цинизмомъ, за что былъ нелюбимъ, особенно русскими профессорами. Когда въ министерствѣ стали господствовать идеи Жозефа де Местра, возбудившія недовѣріе къ нѣмецкимъ профессорамъ, Шадъ былъ обвиненъ въ атеизмѣ. Его процессъ и высылка изъ Россіи долго занимали общественное мнѣніе въ Германіи, а Шадъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не уступаютъ безъ протеста. Онъ печаталъ при жизни свои возраженія и очень жаль, что подробное описаніе пережитаго и видѣннаго имъ въ Харьковѣ, приготовленное уже къ печати, было имъ передъ смертью, если вѣрить тому же Роммелю, продано, по недостатку средствъ, русскому посланнику въ Берлинѣ Алопеусу. См. еще о немъ *М. И. Сухомлинова*, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, стр. 92—93 и примѣч. 139.

ство, въ которомъ только онъ и вращался, распадалось; близкіе ему люди уходили одинъ за другимъ. При чрезвычайно скромной и простой жизни, у него безъ сомнѣнія накопились сбереженія (онъ получалъ, какъ профессоръ, 2000, за минералогію 800 р., за директорство въ педагогическомъ институтѣ 500, по должности инспектора казенныхъ студентовъ 400 рублей, наконецъ квартирныя, хотя въ послѣдніе годы, послѣ пожара 1815 года, помѣщался въ университетскомъ домѣ). На эти сбереженія онъ вѣроятно разсчитывалъ провести спокойную старость въ любимой имъ Швейцаріи. Съ 1815 года онъ началъ собираться и ликвидировать дѣла. Въ совѣтъ онъ подалъ прошеніе, въ которомъ прописалъ всю свою дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ и просилъ выдать ему въ томъ удостовѣреніе или аттестатъ. Совѣтъ удовлетворилъ его просьбу и кромѣ той дѣятельности Броннера, о которой было говорено, въ этомъ аттестатѣ были указаны и другія ея стороны. Такъ находящійся подъ его завѣдываніемъ физическій кабинетъ «приведенъ имъ въ отличный порядокъ и хозяйственнымъ распоряженіемъ отпускаемыхъ на сей предметъ суммъ значительно пріумноженъ» (этотъ кабинетъ впрочемъ сильно пострадалъ во время сентябрьскаго пожара 1815 года, отъ неосторожныхъ попытокъ вынести вещи); Броннеръ велъ съ самаго начала своей службы метеорологическія наблюденія (они начаты были еще Запольскимъ) и печаталъ ихъ въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ»; два раза былъ избираемъ членомъ училищнаго комитета; принималъ участіе въ составленіи новаго положенія о Казанской гимназіи (какъ мы знаемъ, она существовала по особому положенію и штатамъ, утвержденнымъ еще при императорѣ Павлѣ; теперь ее вводили въ общую систему средняго образованія, согласно реформамъ просвѣщенія при Александрѣ I). Сверхъ того Броннеръ участвовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ и исполнилъ нѣсколько мелкихъ порученій совѣта, напр. дѣлалъ «изысканія лучшихъ противъ пожаровъ средствъ», что все перечислялось въ аттестатѣ [1]). Больше всего совѣтъ ставилъ въ заслугу Броннеру несеніе имъ должности инспектора казенныхъ студентовъ. «Въ семъ званіи, говорилось въ

---

[1]) Единственнымъ печатнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Броннера въ Казани была его небольшая статья, помѣщенная въ мѣстномъ изданіи, вѣроятно кѣмъ либо переведенная съ нѣмецкаго: „Водяной столбъ, видѣнный на Волгѣ близь Казани“ (*Казанск. Извѣстія*, 1816 г., № 47). Смерчъ этотъ, разразившійся ливнемъ между Верхнимъ и Нижнимъ Услонами, надъ деревнею Воробьевкою, объясняется авторомъ съ точки зрѣнія тогдашней науки, но въ описаніи говорилось объ опустошительныхъ дѣйствіяхъ ливня: „Вода, протекая съ полей чрезъ овраги сильнымъ потокомъ, уносила встрѣчавшійся ей срубленный лѣсъ и мосты, снесла одну довольно большую жит-

аттестатѣ, старается онъ какъ объ усовершенствованіи въ наукахъ ввѣренныхъ ему питомцевъ, такъ равномѣрно и о нравственномъ ихъ образованіи; посѣщаетъ часто и во всякое время комнаты, разсматриваетъ ихъ занятія, ежемѣсячно прочитываетъ въ собраніи студентовъ свидѣтельства преподавателей объ успѣхахъ и прилежаніи слушателей, съ приличными при томъ наставленіями» и т. д. Очевидно Броннеръ пользовался расположеніемъ своихъ сослуживцевъ, хотя и не въ такой степени, какъ Эрдманъ. Любопытно, что въ засѣданіи совѣта 24 августа 1815 года, когда ректоръ докладывалъ списокъ чиновниковъ, выслужившихъ узаконенное число лѣтъ для ихъ производства въ слѣдующіе чины, онъ предложилъ также о награжденіи орденами профессоровъ Броннера и Эрдмана. Тогда члены совѣта, на первыхъ порахъ дарованнаго ему самоуправленія, единогласно согласились просить попечителя и министра о награжденіи орденомъ также и ректора «за его отличную службу и дѣятельность». Это ходатайство совѣта не было однако уважено.

Съ 1816 года Броннеръ сталъ продавать университету свои естественно-историческія собранія, о которыхъ онъ такъ много заботился.

ницу, и вымывая въ оврагахъ камни, изъ коихъ *иные вѣсили 50 пудъ, катила ихъ съ такою силою*, что они, ударяясь о деревья, ломали даже самые крѣпкіе дубы". Было ли въ этихъ словахъ преувеличеніе—не знаемъ: но привилегію на описанія грандіозныхъ явленій природы въ Казанской губерніи имѣлъ тогда губернаторъ, которымъ былъ дѣдъ знаменитаго современнаго намъ писателя—графъ Илья Толстой. Прочитанное имъ въ мѣстномъ листкѣ описаніе смерча было для него новостью; донесенія объ явленіи онъ не получалъ и потому „о столь важномъ происшествіи" онъ далъ предписаніе земскому суду донести рапортомъ, но и судъ не имѣлъ никакихъ донесеній и только теперь, по полученіи губернаторскаго предписанія, волостной голова Услона и писарь объяснили, что „надъ рѣкою Волгою оказалась *обыкновенная радуга*, а не столбъ", что „вода повредила только два небольшіе моста на сухихъ овражкахъ стоящіе", что она не сносила „ни лѣсу, ни житницы, ни молодаго скота" и только „на усадьбахъ замыла иломъ огурцы". Губернаторъ, донося объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ, спрашивалъ правленіе университета оффиціально: „Съ чего въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" помѣщена изъясненная статья, когда земскій судъ съ отобраннаго отъ мѣстнаго начальства свѣдѣнія доноситъ о противномъ"? (*Каз. Изв.* № 51). Черезъ три недѣли, въ томъ же мѣстномъ органѣ (№ 58) напечатана записка адъюнкта Тимьянскаго, бывшаго на самомъ мѣстѣ опустошенія и такъ сказать произведшаго слѣдствіе. Записка подтверждаетъ прежнія свѣдѣнія статьи Броннера. На сторонѣ ли мѣстной администраціи или университетскихъ ученыхъ была правда—могли рѣшить только наблюдательные и мыслящіе современники событія. Эта статья Броннера, въ сокращеніи, чрезъ тридцать лѣтъ, была перепечатана въ другомъ мѣстномъ органѣ (*Губернскія Вѣдом.* 1845 г., № 46) и редакторъ не высказывалъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности явленія, свойственнаго морямъ.

Сначала, въ сентябрѣ этого года, были проданы имъ раковины. Это по словамъ дѣлавшаго представленіе о покупкѣ адъюнкта Тимьянскаго, «богатое собраніе, заключающее въ себѣ большую часть видовъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ родовъ» было пріобрѣтено университетомъ за 1000 р., на общія средства кабинета естественной исторіи, на который по уставу 1804 года отпускалось въ годъ 600 р., съ добавленіемъ 400 рублей заимообразно изъ суммы экономической. Въ слѣдующемъ году профессоръ естественныхъ наукъ Фуксъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ о покупкѣ и минералогическаго собранія Броннера. Оно, по словамъ Фукса, «состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ различныхъ штукъ и заключало почти всѣ породы минераловъ, кромѣ немногихъ новѣйшихъ, которыхъ въ скоромъ времени невозможно было получить». Собраніе заключало (приведемъ тогдашнее описаніе съ его давно неупотребительной терминологіей): «1) *ориктогностическую* часть простыхъ минераловъ, заключающую въ себѣ извѣстныя четыре главныя отдѣленія т. е.: *земли* и *камни*, *соли*, *возгараемыя* (Inflammabilien) и металлы; 2) *геогностическую* часть, содержащую въ себѣ сложные камни, т. е. камни первобытныхъ горъ (Urgebirgsarten): порфиръ, траппы (Trapp-Formation), флецовые камни, брячи, брекчіи или обломочныя породы, песчаные камни, вулканическія и псевдовулканическія произведенія и пр.; 3) *окаменѣлости*, имѣющія многоразличныя достопримѣчательныя формы, по большей части хорошо отобранныя штуки». Все собраніе минераловъ, нѣмецкій каталогъ котораго былъ составленъ Броннеромъ, расположено было по системѣ Вернера, согласно таблицѣ Леонгарди. Броннеръ желалъ получить за него 3000 р., да за большой шкафъ съ ящиками, въ которомъ хранились минералы, 80 рублей (шкафъ этотъ оказался очень скоро неудобнымъ и заказано было другое помѣщеніе). Продажную цѣну Фуксъ находилъ умѣренною; по его мнѣнію собраніе могло стоить 5000 р. Онъ считалъ очень полезнымъ пріобрѣтеніе собранія и просилъ совѣтъ не пропускать благопріятнаго случая. Совѣтъ, уважая ученый авторитетъ Броннера, и зная, что онъ многіе годы трудился надъ составленіемъ своего собранія, подобнаго которому и за такую умѣренную цѣну невозможно пріобрѣсти въ Казани, ходатайствовалъ предъ министромъ о покупкѣ за 3080 рублей изъ экономической суммы, съ тѣмъ чтобъ она пополнялась ежегоднымъ отчисленіемъ суммы въ 500 р. изъ 600 рублей штатной, на кабинетъ естественной исторіи отпускаемой. Это было разрѣшено очень скоро (17 іюля 1817 года) и Фуксъ принялъ собраніе въ свое завѣдываніе. Преподаваніе всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ, въ теченіе шести лѣтъ, должно было вслѣдствіе этой покупки, ограничиться пособіями, на которыя имѣ-

лось только 100 рублей въ годъ. Въ декабрѣ 1823 года оставалось еще долгу въ экономическую сумму 530 р. и когда въ то же время совѣтъ, по представленію профессора Эйхвальда, ходатайствовалъ объ ассигнованіи ежегодно 2000 рублей на кабинеты зоологическій и зоотомическій, то въ удовлетвореніи этого ходатайства было отказано и разрѣшено только не отчислять послѣдніе 530 р. долгу [1]).

Вслѣдъ за представленіемъ совѣта о покупкѣ этого минералогическаго собранія, Броннеръ послалъ просьбу къ министру народнаго просвѣщенія, въ которой, жалуясь на то, что въ теченіе семилѣтней разнообразной службы своей Казанскому университету, часто страдалъ мѣстною лихорадкою, что она снова стала мучить его въ настоящемъ году, будучи сопровождаема страданіями скорбутными, ревматическими и ипохондрическими (scorbuticis rheumaticis ac hypochondricis malis), что ему скоро исполнится шестьдесятъ лѣтъ и что онъ мучится такимъ страстнымъ желаніемъ увидать родину, что не достаетъ душевныхъ силъ бороться съ болѣзнью (ut desint animo vires, quibus huic morbo resistam), просилъ о шестимѣсячномъ отпускѣ его въ Швейцарію (24 іюня 1817 года). Для устраненія всякихъ препятствій къ этому отпуску, совѣтъ, къ которому съ просьбой о томъ же обратился Броннеръ, немедленно сдѣлалъ выборъ лицъ, которыя должны были временно исполнять его обязанности: проф. Германа—въ директоры педагогическаго института и проф. Брейтенбаха въ инспекторы студентовъ; преподаваніе физики и завѣдываніе кабинетомъ поручено было магистру Кайсарову. Просьба объ отпускѣ Броннера разсматривалась въ комитетѣ министровъ и восходила на высочайшее утвержденіе. Разрѣшеніе получено было въ Казани 5 сентября, Броннеръ поспѣшилъ немедленно сдать всѣ свои должности, все, что находилось у него изъ казеннаго имущества и 13 сентября получилъ свой аттестатъ и заграничный паспортъ. Вѣроятно онъ и уѣхалъ немедленно.

Въ мартѣ слѣдующаго 1818 года кончался срокъ его отпуска. Броннеръ однако не явился, а въ началѣ апрѣля ректоръ предъявилъ совѣту письмо Броннера къ нему изъ Аарау, въ которомъ онъ пишетъ, что только 7 февраля 1818 года прибылъ онъ въ этотъ городъ (намъ неизвѣстно, какъ и гдѣ онъ путешествовалъ въ те-

[1]) По наведеннымъ нами справкамъ минераловъ изъ коллекціи Броннера въ настоящее время въ университетскихъ собраніяхъ не существуетъ. Раковины же почти всѣ (онѣ, числомъ 592, принадлежали къ морскимъ породамъ) сохранились, за исключеніемъ весьма немногихъ въ зоологическомъ кабинетѣ университета. По всей вѣроятности это сохраненіе надобно приписать аккуратности, историческому чувству и уваженію къ преданію двухъ нѣмецкихъ профессоровъ зоологіи, завѣдывавшихъ означеннымъ кабинетомъ послѣ Броннера: Эйхвальда и Эверсмана.

ченіе пяти почти мѣсяцевъ), что до возвращенія его къ сроку въ Казань, ему остается только двѣ недѣли на пребываніе въ Аарау, и въ такое короткое время онъ не въ состояніи окончить свои дѣла, почему и проситъ разрѣшить ему новый отпускъ до ноября (это уже болѣе чѣмъ на полгода). Комитетъ министровъ разрѣшилъ этотъ новый отпускъ до 1 ноября. Прошелъ и этотъ срокъ. Въ засѣданіи совѣта 13 ноября ректоръ заявилъ о новомъ, полученномъ только 9 ноября, письмѣ Броннера отъ 8 сентября н. с. Въ письмѣ этомъ Броннеръ жаловался, что онъ только $^{5}/_{17}$ сентября получилъ увѣдомленіе о продленіи ему отпуска, слѣдовательно ждалъ отвѣта на свою просьбу девять мѣсяцевъ, что въ виду этой медленности онъ сталъ предполагать, что министръ отказалъ ему въ отпускѣ, что оставаясь все время безъ жалованья, онъ вынужденъ былъ принять предложенное ему прежнее мѣсто въ школѣ кантона и соединенное съ этимъ обязательство не ранѣе оставить это мѣсто, какъ черезъ три мѣсяца со дня перваго о томъ заявленія. «Имѣя въ виду противодѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ моему опредѣленію въ школу, несмотря на общее ко мнѣ расположеніе, писалъ онъ, я бы съ удовольствіемъ отказался отъ этого предложенія, но предполагая, что вовсе не получу изъ Казани продленія отпуска, что тамъ я уже потерялъ мѣсто и не скоро найду другое подобное въ Германіи, я вынужденъ былъ необходимостью принять предложенное мнѣ мѣсто учителя». Изъ этого обстоятельства Броннеръ выводилъ необходимость новой и гораздо продолжительнѣйшей отсрочки отпуска и представлялъ въ доказательство слѣдуюющій разсчетъ: «Письмо до Казани идетъ по почтѣ обыкновенно 52 дня, 10 дней нужно положить на время, пока совѣтъ обсудитъ и рѣшитъ дѣло; вѣроятно болѣе 90 дней потребуется на то, пока придетъ разрѣшеніе комитета министровъ; считайте опять 10 дней, пока увѣдомленіе будетъ отправлено ко мнѣ и 52 дня, пока оно дойдетъ до меня, за тѣмъ снова 90 дней, пока я законнымъ образомъ получу право оставить занимаемое мною мѣсто въ школѣ и на поѣздку въ Казань—еще 90 дней. Все это составитъ сумму изъ 394 дней, т. е. 13 мѣсяцевъ, при чемъ надобно предположить еще, что въ теченіе этого времени не встрѣтится какой либо неожиданной задержки и самъ я буду ѣхать безъ препятствій». Броннеръ просилъ новаго отпуска уже на годовой срокъ, до конца 1819 года. «Я опасаюсь, что едва ли будетъ возможно получить такой отпускъ и прошу васъ предложить этотъ случай на обсужденіе совѣта университета», писалъ онъ къ ректору и просилъ увѣдомить о послѣдствіяхъ.

Слушаніе этого письма и просьбы Броннера въ совѣтѣ имѣло не послѣдствія, лишенныя значенія и есть основаніе думать, что

возникшее по этому поводу дѣло было одною изъ побудительныхъ причинъ скоро послѣдовавшей ревизіи университета Магницкимъ. Въ засѣданіи 12 ноября профессоромъ Арнгольдомъ, о личности и объ отношеніяхъ котораго намъ придется еще говорить, было заявлено особое мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи онъ высказывалъ: 1) «Г. Броннеръ уволенъ въ отпускъ 1817 года въ августѣ мѣсяцѣ и находится уже годъ и два мѣсяца въ отпуску; нынѣ же, по доброму желанію своему вступивъ въ другую службу, желаетъ удержать за собою и мѣсто при университетѣ Казанскомъ, каковое желаніе его, полагаю я, незаслуживающимъ уваженія, потому что оно не имѣетъ законнаго основанія, и потому болѣе, что *университетъ претерпѣваетъ нужду въ преподавателѣ (коего г. магистръ Кайсаровъ въ полномъ смыслѣ замѣнить не можетъ)*, между тѣмъ какъ въ дѣйствительномъ намѣреніи г. Броннера весьма сомнѣваться должно; 2) г. Броннеръ, бывши при университетѣ, занималъ должность инспектора студентовъ и директора педагогическаго института, каковыя должности, за отсутствіемъ его, поручены до возвращенія его другимъ. Не охуждая распоряженій отправляющихъ тѣ должности, почитаю однакоже временное ихъ отправленіе *причиною тѣхъ разстройствъ между студентами о коихъ дѣла остаются и нынѣ еще нерѣшенными*. Почему полагаю сообразнѣе и для лучшаго благоустройства по сей части полезнѣе или утвердить нынѣ состоящихъ исправляющими должности, или учинить снова избраніе въ инспекторы и директоры института».

Совѣтъ, не обсуждая мнѣнія Арнгольда, но «уважая личныя достоинства г. Броннера и наипаче то, что онъ доселѣ еще числится при университетѣ, не будучи вовсе изъ онаго уволенъ», представилъ все дѣло на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. «испрашивая начальственнаго по сему предмету разрѣшенія, *дабы не лишиться сего достойнаго чиновника*». Но и Арнгольдъ, съ своей стороны, представилъ при рапортѣ копію съ своего мнѣнія министру. Прочитавъ въ этомъ мнѣніи сужденіе о Кайсаровѣ и свѣдѣнія *о разстройствахъ между студентами*, князь Голицынъ предложилъ совѣту (14 дек. 1818 года, № 2950) увѣдомить его въ точности: «имѣлись ли въ виду совѣта таковыя обстоятельства и почему могли быть терпимы подобныя разстройства? При семъ случаѣ надлежитъ принять во вниманіе средства къ приведенію всего того въ лучшій порядокъ и, если университетъ надѣется найти достойнаго и способнаго профессора къ замѣнѣ Броннера въ мѣстѣ имъ тщетно занимаемомъ, то въ прекращеніе затрудненій, отсутствіемъ его производимыхъ, представить мнѣ объ опредѣленіи таковаго. Отправляющимъ же временно должности инспектора студен-

товъ и директора педагогическаго института предписать нынѣ же, подъ строгою ихъ отвѣтственностью, чтобы исполняли во всей точности возложенное на нихъ дѣло какъ слѣдуетъ и какъ бы они дѣйствительно въ помянутыя должности опредѣлены были. Въ противномъ случаѣ, при открывшихся безпорядкахъ и упущеніяхъ, взыскано сіе будетъ не только съ нихъ, но и съ членовъ совѣта, коихъ обязанностію есть соблюденіе во всѣхъ частяхъ должнаго порядка и благоустройства. На сіе буду ожидать обстоятельнаго отъ совѣта донесенія».

Вслѣдствіе этого строгаго предписанія министра, возникло цѣлое дѣло, не лишенное любопытныхъ подробностей, такъ какъ и рапортомъ Арнгольда и министерскимъ предписаніемъ затрогивались и обвинялись личности. Въ главѣ, посвященной студентамъ, мы остановимся на подробностяхъ директорства Германа и инспекторства Брейтенбаха, временно исправлявшихъ должности Броннера, и на тѣхъ случаяхъ разстройства, о которыхъ упоминалось. Что касается Броннера, то дальнѣйшей отсрочки отпуска онъ не получилъ и былъ уволенъ отъ службы лишь въ маѣ 1820 года, согласно представленію министру уже новаго попечителя Магницкаго «по причинѣ долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, сверхъ даннаго ему срока и потомъ продолжительной еще отсрочки». Для объявленія Броннеру объ его увольненіи чрезъ посредство нашей миссіи, министръ, съ своей стороны, отнесся къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени университетъ не имѣлъ уже никакихъ сношеній съ Броннеромъ.

Вспоминалъ ли Броннеръ о далекомъ городѣ за Волгой—мы не знаемъ. Весьма жаль, что онъ не напечаталъ никакихъ воспоминаній о своей семилѣтней профессурѣ въ Казани; при его наблюдательности и значительномъ литературномъ талантѣ, навѣрное мы получили бы живое и любопытное изображеніе отдаленной жизни и нравовъ стараго университета, вышедшее изъ подъ пера посторонняго наблюдателя. Очевидно однако, что онъ былъ очень доволенъ возвращеніемъ въ Швейцарію. Какъ и прежде живетъ онъ умственными интересами, забытыми въ Казани, пишетъ и печатаетъ и даже, вѣроятно подъ вліяніемъ снова увидѣнной имъ природы своей придунайской родины и Швейцаріи, возвращается къ излюбленному имъ роду поэзіи. Новая книжка идиллій свидѣтельствуетъ, что онъ снова живетъ сердцемъ, какъ въ молодые годы [1]). Очень можетъ быть, что въ этой книжкѣ есть и образы нашего русскаго востока, но мы незнакомы съ нею. Трудно однако предположить, чтобы окружавшая его казанская жизнь могла дать ему содержаніе

[1]) Lustfahrten ins Idyllenland, Gemüthliche Erzählungen u. neue Fischergedichte, 2 Bdch. Aarau, 1833. 12°.

для его наивныхъ, сердцемъ прочувствованныхъ идиллій. Годы оказали свое сокрушительное дѣйствіе на него, и въ Казани онъ уже не могъ найти тѣхъ простодушныхъ и добрыхъ Minchen и Lenchen, которыя вдохновляли его въ дни его молодости, или смотрѣлъ на нихъ иными глазами. Въ этомъ уныломъ и некрасивомъ городѣ онъ, какъ это мы видѣли изъ его собственныхъ словъ, сильно тосковалъ и по родинѣ, и по дорогой ему Швейцаріи. Въ нѣмецкихъ профессорскихъ семействахъ сохранялось преданіе, что любимою прогулкою Броннера были лѣсистые склоны нагорнаго берега р. Казанки, находящіеся на сѣверной сторонѣ города и заросшіе безпорядочно березникомъ, дубомъ и липками. Говорятъ, что Броннеръ первый далъ этимъ глинистымъ холмамъ названіе Швейцаріи, утвердившееся за ними. Надобно думать, что глубока была тоска его по любимой странѣ, если эта жалкая мѣстность напоминала ему ея величавые образы [1]).

На Броннерѣ мы прерываемъ на время рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ Казанскаго университета изъ первыхъ лѣтъ его существованія, чтобъ обратиться къ внутренней жизни этого учрежденія и познакомиться съ *совокупною* дѣятельностью этихъ профессоровъ, посвященною наукѣ и преподаванію.

---

[1]) Въ Аарау Броннеръ остался до конца своей долгой жизни, но у насъ нѣтъ никакихъ подробностей объ этомъ послѣднемъ періодѣ ея. Сколько времени онъ служилъ преподавателемъ въ школѣ кантона — тоже неизвѣстно. Въ самые послѣдніе годы онъ былъ еще секретаремъ правительства въ кантонѣ, завѣдывалъ архивомъ и библіотекою города. Постоянно бодрый и дѣятельный, онъ до самаго конца не покидалъ литературныхъ занятій, хотя эти занятія не имѣли ничего общаго съ наукою, которую онъ преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ. Изъ сочиненій, напечатанныхъ имъ въ послѣдніе годы жизни, назовемъ: 1) Abenteuerliche Geschichte Herzog Werner's von Urslingen, Anführer eines grossen Räuberheeres in Italien um d. Mitte des 14—ten yahrhunderts. Nebst e. Uebersicht d. Gesch. d. Herzoge v. Urslingen am Schwarzwalde, Aarau. 1828. 8⁰. 2) Anleitung Archive u. Registraturen nach leichtfassl. Grundsätzen einzurichten etc. Aarau. 1832. 8⁰. Послѣдняя печатная книга Броннера посвящена описанію кантона, гдѣ онъ жилъ: „Der Kanton Aargau, histor. geograph., statist. geschildert, Ein Hand u. Hausbuch für Kantonsbürger u. Reisende. 2 Bde. St. Gallen, 1844. 8⁰. Есть извѣстіе, что Броннеръ въ этотъ періодъ его жизни перешелъ въ протестантство, что свидѣтельствуетъ о новомъ религіозномъ направленіи его (*М. И. Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи. Спб. 1889. Томъ первый, стр. 101). До этого времени, несмотря на то, что онъ былъ, употребляя современное выраженіе, „свободнымъ мыслителемъ“, онъ не хотѣлъ разстаться съ католичествомъ, въ которомъ родился и воспитался. Броннеръ умеръ 17 августа 1850 года, 92 лѣтъ отъ роду.

Глава XIII.

Дѣятельность совѣта до открытія университета: неопредѣленность положенія; открытіе «публичныхъ преподаваній». Заботы объ устройствѣ преподаванія; о часовыхъ и двухчасовыхъ лекціяхъ; науки приготовительныя и спеціальныя. Предполагавшееся открытіе университета согласно уставу 1804 года: первые выборы ректора и декановъ въ 1810 году. «Дѣло о горячности профессора Фойгта». Волненія и пререканія между профессорами, какъ слѣдствіе неудавшихся выборовъ. Неутвержденіе выборовъ. Планъ профессора Броннера организаціи университетскаго преподаванія по отдѣленіямъ и факультетамъ.

Въ 1810 году, когда, какъ мы видѣли изъ разсказанныхъ нами біографій нѣкоторыхъ профессоровъ, университетъ пріобрѣлъ довольно много новыхъ преподавателей, совѣтъ въ первый разъ высказалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ въ началѣ года, и высказалъ совершенно ясно всю неопредѣленность, въ какой находилось преподаваніе. Хотя университетскій уставъ 1804 года и дѣлилъ (гл. III § 23) все «ученое сословіе» на четыре факультета, приготовлявшіе каждый своихъ спеціалистовъ, но университетъ не былъ открытъ и факультеты не существовали. Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ появленія въ университетъ новыхъ представителей той или другой науки, количество преподаваній увеличивалось, и естественно возникалъ вопросъ: какимъ студентамъ слушать новаго профессора, и какую связь имѣетъ этотъ новый предметъ преподаванія съ прежними занятіями студента. Яковкинъ, самовластно распоряжавшійся наклонностями и желаніями казенныхъ студентовъ (въ жизни и занятіяхъ собственно своекоштныхъ студентовъ царилъ полный хаосъ, и они повидимому ничего не дѣлали), по личному выбору и усмотрѣнію назначалъ къ новому профессору слушателей. Руководствовался онъ въ этомъ случаѣ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, но несмотря на частые призывы въ своихъ письмахъ «Сердцевѣдца», какъ свидѣтеля чистоты его намѣреній, самъ онъ далеко не былъ сердцевѣдцемъ, и его назначенія были произвольны и случайны.

Преподаванiе не имѣло успѣховъ. Профессоры читали опредѣленное уставомъ число часовъ: студенты тоже, судя по наружности, ходили на лекцiи; ихъ утреннiе и послѣобѣденные часы были наполнены изученiемъ разныхъ предметовъ, не имѣвшихъ часто никакого отношенiя между собою. Въ началѣ 1810 года должны были открыться при университетѣ и *публичныя преподаванiя*, согласно указу 6 августа 1809 года для чиновниковъ, или для тѣхъ лицъ, которыя должны были со временемъ подвергнуться экзамену для чинопроизводства. Объ этихъ публичныхъ курсахъ «для чиновниковъ, службою обязанныхъ», существовало самое смутное представленiе: положительно не знали, кто будутъ слушатели ихъ, не знали, кого можно заставить являться на нихъ. Притомъ эти курсы увеличивали трудъ нѣкоторыхъ профессоровъ безъ особеннаго за то вознагражденiя, и это должно было вести къ сокращенiю числа лекцiй для студентовъ. Какъ извѣстно, эти курсы не имѣли никакого успѣха, и все дѣло ограничилось лишь экзаменами въ комитетѣ, образованномъ подъ предсѣдательствомъ Яковкина изъ преподавателей на этихъ курсахъ [1]). Они состояли изъ трехъ отдѣленiй наукъ: юридическихъ, словесныхъ и математическихъ съ физическими. Кромѣ Финке, читавшаго по нѣмецки, и Бартельса—по французски, остальные преподаватели, большею частiю магистры, читали по русски. На первый разъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1810 года, на слушанiе этихъ курсовъ записалось 26 человѣкъ; изъ нихъ 16 были канцеляристами, подканцеляристами, копiистами и протоколистами (приводимъ ихъ современные титулы); изъ прочихъ десяти четверо были губернскими секретарями, трое губернскими и трое коллежскими регистраторами. Изъ казанскихъ присутственныхъ мѣстъ больше всего, а именно 16 слушателей доставила казенная палата, вѣроятно потому что предсѣдатель ея былъ любителемъ просвѣщенiя, да гимназiя по настоянiю Яковкина, прислала 6 человѣкъ изъ служащихъ при ней; прочiя присутственныя мѣста Казани имѣли по одному представителю. Сначала, какъ видно изъ разсказаннаго, было большое рвенiе. «Кромѣ того въ каждый разъ приходитъ еще

---

[1]) Первыми экзаменовавшимися въ казанскомъ комитетѣ чиновниковъ, въ январѣ 1810 года, были: сынъ надворнаго совѣтника и вмѣстѣ дѣйствительнаго камергера Мусина-Пушкина и его племянникъ. Они „обучались на дому всѣмъ предписаннымъ въ указѣ предметамъ, кромѣ правъ“ и оказались достойными аттестатовъ. Это были два будущiе попечители Казанскаго учебнаго округа: столь извѣстный впослѣдствiи М. Н. Мусинъ-Пушкинъ и В. П. Молоствовъ. Въ числѣ первыхъ же слушателей изъ чиновниковъ находился въ спискахъ и третiй казанскiй попечитель, тогда губернскiй секретарь Еварестъ Груберъ, служившiй въ почтамтѣ.

болѣе 20 человѣкъ не записавшихся, такъ и любопытствующихъ; въ числѣ послѣднихъ бываютъ и высшіе чиновники съ орденами»— сообщаетъ Яковкинъ (16 мая 1810 года). Съ годами рвеніе ослабѣло, любопытство исчезло, и курсы перестали собирать слушателей, тѣмъ болѣе, что и творецъ указа объ экзаменахъ чиновниковъ, Сперанскій, скоро попалъ въ опалу.

Въ началѣ 1810 года сила вещей заставила подумать и начальство и членовъ совѣта о необходимости распредѣлить преподаваніе всѣхъ предметовъ, регулировать его. Еслибъ открытъ былъ университетъ и существовали факультеты, по которымъ распредѣлялись бы слушатели, вопроса о такомъ регулированіи и не было бы возбуждено. Теперь его ставило само начальство. Въ 1810 году лекціи читались 17 профессорами, 4 адъюнктами и магистрами, да 3 учителями и лекторами. Если положить minimum по 5 часовъ въ недѣлю на каждаго преподавателя, то всѣхъ недѣльныхъ часовъ выходило 120; съ прибытіемъ каждаго новаго профессора являлось затрудненіе въ назначеніи ему часовъ преподаванія. Кромѣ отсутствія факультетовъ, отсутствовали и курсы, по которымъ распредѣлялось бы ознакомленіе слушателей съ тою или другою наукою. Затрудненіе въ особенности встрѣтилось въ началѣ 1810 года, когда вдругъ явились два профессора: Нейманъ и баронъ Врангель и лекторъ французскаго языка Шарпіо.

Съ начала этого года Яковкинъ былъ боленъ и не могъ выходить изъ квартиры. «Привыкши ежедневно быть занятъ и ходить всюду для осмотру», писалъ онъ къ попечителю, «претерпѣваю нестерпимую скуку, тѣмъ болѣе, что ни читать, ни писать (у него болѣли глаза и письмо писано чужой рукой), ниже говорить по причинѣ кашля не могу». Предсѣдательство въ совѣтѣ передано было имъ Фуксу. По соглашенію съ больнымъ директоромъ, Фуксъ представилъ въ совѣтъ свое предложеніе о различныхъ измѣненіяхъ касательно преподаванія, вызываемыхъ настоятельною потребностью, сознаваемою всѣми, но съ мѣрами, предложенными Фуксомъ, не могли согласиться прочіе члены совѣта и, считая измѣненія необходимыми, предлагали съ своей стороны болѣе, по ихъ мнѣнію, раціональныя. Привыкши, послѣ разгрома совѣта въ 1808 году, не встрѣчать никакого противодѣйствія своимъ дѣйствіямъ, Яковкинъ былъ конечно крайне недоволенъ. Вотъ какъ онъ писалъ попечителю о возбужденныхъ въ совѣтѣ преніяхъ по поводу предложенія Фукса:

„Послѣднія, весьма шумныя, какъ я слышалъ достовѣрно и какъ о томъ обѣщалъ донести в. п. г. Фуксъ, навѣщавшій меня вчера поутру, засѣданія совѣта предполагаютъ *возникающій снова духъ крамолы*, прежде благо-

получно и совершенно истребленный. Отъ 7 февраля я имѣлъ честь донести в. п. объ изготовленномъ мною, и, какъ слышалъ, представленномъ на начальственное благоусмотрѣніе, росписаніи публичныхъ лѣтнихъ лекцій. Съ симъ сопряжена должна быть перемѣна времени разныхъ нынѣшнихъ лекцій, отъ чего *расположеніе лекцій удобнѣе выходитъ по часу нежели по два, какъ было донынѣ.* Должно также назначить время для профессора Неймана, адъюнкта Врангеля и лектора Шарпіо, *до нынѣ остающихся безъ всякаго дѣла.* Но, вопреки всякаго безпристрастнаго разсужденія, г. Френъ *преемникъ по отчизнѣ Цеплина,* по причинѣ увольненія въ отпускъ единственнаго его слушателя Ярцова остающійся безъ всякаго публичнаго занятія, совершенно воспротивился оной перемѣнѣ, а г. Фойгтъ обѣщалъ присутствію совѣта написать и представить *систему всѣхъ лекцій университетскихъ,* коей преподаватели обязаны бы были слѣдовать, притомъ, чтобъ уничтожить классы искусствъ, какъ ненужные, и преподаванія магистровъ, какъ несовмѣстныя съ ихъ профессорскими преподаваніями. Опасаюсь, чтобы по причинѣ тихаго характера г. Фукса, *буйный сей духъ не укоренился глубже;* но не имѣя еще теперь ни силъ, ни крѣпости, ниже порядочнаго голоса, долженъ быть до совершеннаго выздоровленія только простымъ слышателемъ всѣхъ таковыхъ *непріязненныхъ козней.* Что далѣе воспослѣдуетъ, не премину со всѣми обстоятельствами представить на начальственное благоусмотрѣніе".

Мы имѣемъ полную возможность по подлинному дѣлу провѣрить эти сообщенія Яковкина и увидѣть въ чемъ заключался этотъ «возникающій, буйный духъ крамолы» между профессорами послѣ двухъ лѣтъ вынужденной тишины. Дѣло было очень просто и, касаясь преподавательской дѣятельности каждаго профессора, должно было естественно вызвать ихъ общее живое участіе въ рѣшеніи вопроса, ставшаго на очередь. Вопросъ этотъ возбудилъ Фуксъ, заступившій больного Яковкина въ званіи предсѣдателя совѣта. До сихъ поръ Яковкинъ постоянно одинъ составлялъ росписаніе лекцій, назначалъ часы преподаванія для вновь опредѣленныхъ профессоровъ, выбиралъ для нихъ слушателей, однимъ словомъ распоряжался въ этомъ отношеніи въ университетѣ также самовластно и произвольно, какъ и въ гимназіи. Мы видѣли однако изъ приведенныхъ нами выписокъ изъ писемъ Броннера къ попечителю, какъ ничтожны были успѣхи учениковъ гимназіи, и какой хаосъ господствовалъ въ ней по отношенію къ преподаванію. Фуксъ, безъ сомнѣнія по соглашенію съ Яковкинымъ, «занимаясь распоряженіемъ лекцій», имѣя въ виду, что явились новые профессоры, часы преподаванія которыхъ до сихъ поръ еще не назначены, что нужно выдѣлить еще по три часа каждый день для публичныхъ преподаваній чиновникамъ, не находилъ возможнымъ найти свободные часы. Затрудненіе это конечно не существовало бы, еслибъ университетъ былъ открытъ со всѣми факультетами, еслибъ студенты распредѣлены были по спеціальностямъ, и если бы опредѣлена была постепенность изученія различныхъ факультетскихъ предметовъ, вызвавшая потомъ распре-

дѣленіе и занятій и самихъ студентовъ на курсы и семестры. Чтобы помочь встрѣтившемуся затрудненію, Фуксъ, конечно съ одобренія Яковкина, предложилъ перемѣнить употребительное тогда двухчасовое преподаваніе (преподаватель читалъ лекцію два часа сряду) на одночасовое. Въ своемъ предложеніи, заслушанномъ въ совѣтѣ 26 февраля 1810 года, онъ доказывалъ выгоды такого измѣненія укоренившагося обычая: «1) находилось свободное время для лекцій новыхъ преподавателей; 2) студентъ не всякія лекціи можетъ слушать въ теченіе двухъ часовъ сряду, не ослабѣвъ во вниманіи; 3) не для всѣхъ преподавателей и всегда удобно говорить или имѣть сряду два часа, отчасти по другимъ должностямъ ихъ; 4) если кому нибудь нужно время продолжительнѣе часоваго, то сіе не препятствуетъ такому имѣть оное и сряду два часа; 5) вниманіе слушателя въ теченіе часа не можетъ ослабѣть, напротивъ онъ, будучи внимательнѣе, будетъ успѣвать болѣе; 6) впредь способнѣе можно будетъ дѣлать распоряженія чтеній при потребныхъ случаяхъ; 7) двухчасовое время, бывшее сначала при меньшемъ противъ теперешняго числѣ учащихъ удобнымъ, при умноженіи числа преподавателей содѣлывается неудобнымъ.—*Статью сію особенно предлагаю разсужденію и благоусмотрѣнію совѣта*».

Вопросъ объ относительныхъ выгодахъ двухчасоваго или одночасоваго чтенія профессорскихъ лекцій, подразумѣвая это чтеніе однимъ и тѣмъ же студентамъ, не представляется конечно важнымъ. Знакомый съ этимъ преподаваніемъ, знаетъ также, что никогда профессоръ не читаетъ двухъ часовъ сряду, не выходя изъ аудиторіи (мы конечно говоримъ о теоретическихъ лекціяхъ); слѣдовательно пространныя объясненія Фукса или лучше сказать Яковкина, о выгодахъ того или другого порядка чтеній, были по меньшей мѣрѣ излишни. На этомъ вопросѣ члены совѣта долго и не останавливались. Но предложеніе Фукса заключало въ себѣ нѣсколько другихъ сторонъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ урегулированію университетскаго преподаванія вообще; вопросъ объ открытіи факультетовъ назрѣлъ самъ собою, и само начальство университета, въ лицѣ Фукса, поднимало его, если не въ его точномъ смыслѣ, то предлагая обсужденію членовъ совѣта приведеніе въ лучшій порядокъ существующаго уже пять лѣтъ въ университетѣ преподаванія, не приносящаго результата. Въ предложеніи Фукса прямо высказывались между прочимъ разные недостатки существующаго порядка вещей: 1) «Какъ съ нѣкотораго времени, *по стекшимся обстоятельствамъ* (?), *многіе изъ студентовъ имѣютъ излишекъ свободнаго времени*, то для предостереженія ихъ отъ вреднаго празднолюбія и укорененія большей привычки заниматься, нужнымъ пред-

ставляется мнѣ *положить имъ болѣе часовъ учебныхъ*». Предложеніе такимъ образомъ констатировало фактъ неуспѣшности главнаго дѣла университета, т. е. приготовленія научно образованныхъ, полезныхъ для государства дѣятелей. «Ожиданіе отечества требуетъ истинной пользы отъ студентовъ, воспитывающихся отъ щедротъ монаршихъ и долженствующихъ быть сподвижниками его славы, говорилось въ предложеніи (очевидно слогъ Яковкина). Возрастъ студентовъ не есть еще возрастъ здраваго сужденія и слѣдовательно попускать имъ свободу въ занятіяхъ значитъ сдѣлать ошибку и оставить имъ путь къ цѣли сумнительной. Посему занятія студентовъ и успѣхи требуютъ особеннаго вниманія». Больше прочихъ часовъ преподаванія должны имѣть всѣ «назначенные въ студенты», т. е. только что поступившіе въ студенты; болѣе свободныхъ часовъ получали тѣ изъ студентовъ, которые пробыли въ университетѣ годъ или два. Всѣ студенты, какъ казенные, такъ и своекоштные должны были выслушать *курсъ наукъ приготовительныхъ* [1] и сверхъ того «потомъ или тогда же *въ указѣ отъ 6 августа 1809 года изображенныхъ*» (при этомъ предложеніе забывало спеціальное назначеніе тогдашнихъ казенныхъ студентовъ: готовиться въ преподаватели гимназіи и народныхъ училищъ по предметамъ, преподающимся въ нихъ). «Окончившихъ курсы наукъ приготовительныхъ *и въ указѣ 6 августа 1809 года упомянутыхъ* (какъ кажется Яковкинъ не имѣлъ яснаго представленія о публичныхъ курсахъ для чиновниковъ, только что тогда учрежденныхъ) *можно бы раздѣлить впредь по отдѣленіямъ наукъ* для большихъ успѣховъ». Такимъ образомъ вопросъ о раздѣленіи студентовъ по факультетамъ поднимался самъ собою. Мѣры для развитія успѣховъ студентовъ, рекомендуемыя разбираемымъ нами предложеніемъ Фукса или скорѣе Яковкина, носили впрочемъ исключительно дисциплинарный характеръ и не представляли собою ничего новаго: «1) всякій преподающій каждомѣсячно испытываетъ слушателей и сообщаетъ г. инспектору студентовъ свои замѣчанія, а 2) инспекторъ обязанностію себѣ поставитъ входить въ причины отъ чего сіе (?) происходитъ; 3) не прослушавшій съ успѣхомъ пріуготовительные курсы не могъ бы быть производимъ въ студенты; 4) за приходомъ, выходомъ и вниманіемъ слушателя во время преподаванія смотрѣть строго, для чего и учреждены въ каждой аудиторіи старшіе студенты; 5) напомнить студентамъ, что неокончившему упомянутые курсы не слѣдуетъ вы-

---

[1]) Въ чемъ состоялъ этотъ курсъ и какое неопредѣленное представленіе соединялось съ нимъ, было уже разсказано въ первой части нашей книги.

давать при выпускѣ аттестатъ съ правомъ студента; 6) нынѣ же, дабы увѣриться, кто изъ студентовъ и какъ прослушалъ пріуготовительные курсы, *сдѣлать въ нихъ каждому испытаніе* и кто оказался бы слабъ, долженъ слушать оное снова; 7) для поощренія успѣховъ установить *разныя одобренія*, наприм. замѣчаніе ежемѣсячное о занятіяхъ студентовъ, прочтеніе при собраніи студентовъ, по опредѣленію совѣта, именъ отличившихся, медали и т. д. «Предложеніе Фукса наконецъ дѣлало обязательнымъ для всѣхъ вообще студентовъ слушаніе публичныхъ лекцій для чиновниковъ, открытыхъ въ 1810 году, и дѣлало «занятіе въ россійскомъ правовѣдѣніи предметомъ особеннаго вниманія». Послѣдняя статья предложенія не могла быть принята безъ разрѣшенія попечителя, но, пока оно получится, пройдетъ много времени и безъ пользы для студентовъ, а потому Фуксъ и спѣшилъ представить эту мѣру на благоусмотрѣніе совѣта.

Предложеніе Фукса было заслушано въ первый разъ въ совѣтѣ 26 февраля. Оно заняло вниманіе всѣхъ членовъ и тогда же было постановлено: «по причинѣ важности бумаги поручить оную г. адъюнкту барону Врангелю перевести на нѣмецкій языкъ, и потомъ предоставить каждому члену совѣта дать объ ней свое мнѣніе». Бумага дѣйствительно касалась очень важныхъ вопросовъ, посвященныхъ лучшему и правильному устройству всего преподаванія въ университетѣ, съ нею тѣсно связано было понятіе о факультетскихъ спеціальностяхъ, о раздѣленіи студентовъ по факультетамъ, какъ это было постановлено въ университетскомъ уставѣ 1804 года, но не было приведено въ исполненіе въ Казани. Дѣло должно было интересовать въ значительной степени тѣхъ новыхъ, свѣжихъ еще профессоровъ, біографіи которыхъ мы представили въ предъидущихъ главахъ этой книги. Понятно, что въ совѣтѣ возникло оживленіе, не существовавшее со времени погрома и увольненія нѣкоторыхъ профессоровъ три года назадъ тому. Дѣло касалось всѣхъ; всѣ призваны были разсуждать о немъ согласно уставу 1804 года, возлагавшему заботы о содержаніи и достоинствѣ университетскаго преподаванія на членовъ совѣта, а не на канцелярію, совершенно чуждую наукѣ. Конечно, эта пробудившаяся дѣятельность совѣта не могла понравиться Яковкину, самовластно управлявшему университетомъ. Привыкшій къ очень выгодному для него лично самоуправству, онъ долженъ былъ увидѣть въ этомъ оживленіи совѣтскихъ засѣданій столь ненавистное ему самоуправленіе. Такъ и сообщалъ онъ попечителю почти на другой день послѣ перваго совѣтскаго засѣданія, посвященнаго обсужденію предложенія профессора Фукса.

Первое мнѣніе по поводу предложенія Фукса было представлено

въ совѣтъ профессоромъ Фойгтомъ; его подписали Браунъ, Френъ, Бартельсъ, Реннеръ и Финке. Яковкинъ очевидно не желалъ обсужденія этого мнѣнія въ совѣтѣ: «по слабости моей, я усталъ до крайности, пишетъ онъ къ Румовскому, и упросилъ отложить чтеніе сей тетради, листовъ изъ четырехъ состоящей, до будущаго засѣданія», но, какъ видно изъ подлиннаго протокола засѣданій, члены совѣта потребовали, чтобы мнѣніе Фойгта было представлено на благоусмотрѣніе попечителя. Это и было сдѣлано, но препровождая къ попечителю мнѣніе Фойгта, забыли послать то предложеніе Фукса, по которому это мнѣніе было подано, и Румовскій, на этотъ разъ не раздѣлившій мнѣніе своего директора о вредѣ самоуправленія («что касается до лекцій», писалъ онъ Яковкину, «то согласно было бы съ уставомъ, ежели бы расположеніе оныхъ дѣлано было въ общемъ собраніи совѣта»), потребовавъ доставить къ нему предложеніе Фукса, писалъ, чтобы это предложеніе, а также и замѣчанія Фойгта «для лучшаго разумѣнія» были препровождены къ нему не на нѣмецкомъ, а на русскомъ или французскомъ языкѣ. При этомъ Румовскій высказывалъ желаніе, чтобъ «и прочіе гг. профессоры представили свои мнѣнія по сему предмету». Тогда обѣщалъ онъ предложить совѣту и свое мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически разъяснялъ то, чего не понимали ни Яковкинъ, ни Фуксъ, сдѣлавшій вмѣсто него свое предложеніе совѣту: «Предварительно долженъ сказать», писалъ онъ къ Яковкину, «что лекціи должны быть двояки: однѣ собственно для студентовъ, а другія *для публики, по указу, послѣдовавшему въ разсужденіи производства*».

Мнѣніе профессора Фойгта, подписанное большинствомъ нѣмецкихъ товарищей его, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ гораздо ближе, чѣмъ всѣ русскіе профессоры того времени, научное образованіе которыхъ въ большинствѣ случаевъ было случайно, знакомъ съ организаціей университетскаго преподаванія въ Германіи. Это нѣмецкое университетское преподаваніе и было тѣмъ идеаломъ, который онъ желалъ осуществить въ Казани. Съ этой точки зрѣнія онъ и разбиралъ предложеніе Фукса, подробно останавливаясь на каждомъ пунктѣ его. Начиная съ перваго §, Фойгтъ не согласенъ ни съ однимъ. Такъ, по его мнѣнію, совершенно противоположному мнѣнію Фукса, не только что поступившіе въ число студентовъ должны имѣть наибольшее число часовъ для слушанія университетскихъ предметовъ, а напротивъ того—число слушаемыхъ лекцій можетъ быть увеличиваемо лишь въ слѣдующіе годы. Въ первый годъ должны изучаться «основанія знаній пріуготовительныхъ и вспомогательныхъ» въ особенности языкъ латинскій, въ которомъ такъ слабы наши студенты. Конечно Фойгтъ былъ противъ мысли, выраженной въ

предложенiи, заставить всѣхъ студентовъ слушать публичныя лекцiи для чиновниковъ, согласно указу 6 августа 1809 года. Онъ разъяснялъ Яковкину, что эти публичныя лекцiи и назначены только для служащихъ чиновниковъ или для вольныхъ слушателей, намѣревающихся посвятить себя гражданской службѣ. «Казенные студенты, обязанные по окончанiи курса преподавать различныя науки въ гимназiяхъ», писалъ Фойгтъ, «должны исключительно посвящать свое время изученiю будущаго предмета своего преподаванiя, а не терять время на занятiя науками, неимѣющими ничего общаго съ ихъ будущею дѣятельностью. Обширное и трудное изученiе римскаго права и русскихъ законовъ потребуетъ хорошо употребленнаго времени отъ 4 до 5 лѣтъ. Гдѣ возьметъ студентъ, изучающiй полный курсъ этихъ наукъ, еще время для изученiя той науки, которую онъ обязанъ преподавать въ качествѣ учителя гимназiи? Цѣль нашего педагогическаго института, заключающаяся въ приготовленiи учителей математики, физики, исторiи, географiи и проч., съ принятiемъ предложенiя г. Фукса, будетъ совершенно неосуществима. Для чего наприм. медику посѣщать юридическiя лекцiи и почему онъ, не слушавъ ихъ, не имѣетъ права получить свидѣтельство на званiе врача?» Далѣе, изъ словъ мнѣнiя Фойгта видно, что Фуксъ, для приданiя большаго авторитета своему предложенiю, заявлялъ въ засѣданiи 26 февраля, что попечитель именно требуетъ, чтобы всѣ безъ исключенiя студенты посѣщали юридическiя лекцiи. Въ такомъ случаѣ Фойгтъ соглашался измѣнить свой взглядъ, но просилъ показать подлинное предложенiе попечителя «для того, чтобы мы могли пунктуально соображаться съ волею, всегда для насъ священною, нашего уважаемаго начальника».

Понятiя о содержанiи университетскаго курса были въ то время довольно смутны, особенно въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ отдѣленiя (факультеты) не были еще открыты. Это было совершенно естественно въ странѣ, гдѣ наука была дѣломъ новымъ и мало извѣстнымъ. Самый уставъ 1804 г. выражался въ этомъ отношенiи чрезвычайно неопредѣленно. Въ немъ вовсе не показано было наприм. время, въ теченiе котораго можетъ быть пройденъ университетскiй курсъ. Студентъ, поступившiй въ университетъ, долженъ былъ сначала познакомиться съ такими науками, «которымъ необходимо должны учиться всѣ желающiе быть полезными себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую бы службу ни избрали». Студентъ могъ переходить въ «главное (?) отдѣленiе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянiю», только «прослушавъ эти «прiуготовительные» или для всѣхъ наукъ нужные курсы. Онъ могъ оставить университетъ по окончанiи этого *приготовительнаго* курса

и получалъ въ томъ отъ университета аттестатъ, не познакомившись такимъ образомъ ни съ одною спеціальностью (§§ 109, 110). На слушаніе этихъ «нужныхъ курсовъ» полагался трехлѣтній срокъ, и перешедшіе въ отдѣленіе (факультетъ) студенты носили уже названіе кандидатовъ. Въ современныхъ русскихъ университетахъ спеціальность опредѣляется съ перваго семестра, существуютъ приготовительныя или вспомогательныя науки по каждому отдѣльному факультету. Тогда этого не было, господствовала страшная путаница представленій о томъ, что должны слушать студенты въ такъ называемыхъ приготовительныхъ курсахъ; здѣсь рѣшающимъ авторитетомъ былъ обыкновенно произволъ Яковкина. Профессору Фойгту пришлось доказывать въ своемъ мнѣніи, что казанскій студентъ не можетъ посѣщать всѣ читаемые въ университетѣ курсы, что на это нужно употребить по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ жизни, что такой студентъ въ состояніи будетъ узнать ex omnibus aliquid, но за то ex toto—nihil. Какія однакоже науки должны считаться *приготовительными*—этого не опредѣляетъ проф. Фойгтъ, говоря, что существуютъ различныя о томъ мнѣнія со стороны ученыхъ, но за то онъ и его товарищи возстали противъ частаго повторенія экзаменовъ, считая ихъ полезными только разъ въ теченіе года, противъ неумѣреннаго употребленія наградъ и поощреній, а также противъ замѣны двухчасовыхъ лекцій, какъ это было въ употребленіи—одночасовыми. «Замѣна эта», по словамъ нѣмецкихъ профессоровъ, «будетъ весьма непріятна для тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ университетскихъ зданій и въ особенности въ дурное время года, когда казанскія улицы едва проходимы».

Предложеніе Фукса и мнѣніе по этому поводу Фойгта были разсмотрѣны попечителемъ. Познакомившись съ ними, Румовскій писалъ совѣту, что находитъ болѣе полезнымъ соблюдать тотъ порядокъ, который существуетъ въ другихъ университетахъ, и былъ за двухчасовыя лекціи, такъ чтобъ профессоръ читалъ свои лекціи дважды въ недѣлю и каждая лекція продолжалась два часа; если же, по недостатку времени, необходимость заставитъ прибѣгнуть къ одночасовому чтенію, то такія лекціи должны читать только профессоры, имѣющіе казенныя квартиры. Попечитель былъ также противъ мнѣнія Фукса, «чтобъ всѣ студенты безъ разбора слушали лекціи для чиновниковъ службою обязанныхъ», такъ какъ это несовмѣстимо съ спеціальнымъ приготовленіемъ къ учительству.

Что касается *наукъ приготовительныхъ*, на которыя указывали §§ устава, то самъ Румовскій имѣлъ о нихъ смутное представленіе. Вѣроятно указаніе на нихъ въ уставѣ, напечатанномъ и обнародо-

ванномъ значительно ранѣе устава гимназій, явилось вслѣдствіе сознанія неудовлетворительности гимназическаго курса. На Западѣ, гдѣ наука выросла совершенно свободно изъ потребностей жизни, гдѣ она отвѣчала этимъ потребностямъ, какъ напр. изученіе классическихъ языковъ и римскаго права, не могъ конечно быть поднятъ вопросъ о наукахъ приготовительныхъ. У насъ, гдѣ введеніе науки и университетскаго преподаванія зависѣло исключительно отъ власти, содержаніе ея опредѣлялось произвольно или мѣнялось въ угоду временнымъ настроеніямъ. Въ то время, когда стали заботиться объ устройствѣ преподаванія въ Казанскомъ университетѣ, опредѣленіе содержанія науки предоставлено было самому университету. «Подъ именемъ пріуготовительныхъ наукъ разумѣю я тѣ», писалъ Румовскій, «*кои необходимо нужно знать тому, кто желаетъ быть отечеству полезенъ* (это было повтореніе опредѣленія въ § 109), *какой бы родъ службы ни избралъ, и кои нужны для уразумѣнія физическихъ и умозрительныхъ наукъ, въ университетѣ преподаваемыхъ*. Въ числѣ оныхъ можно кажется (?) положить, не говоря о россійскомъ, латинскій языкъ, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, курсъ физики экспериментальной и философіи. При преподаваніи, особливо двухъ послѣднихъ, полезно бы было дать слушателямъ понятіе и о прочихъ (?) наукахъ, дабы, по окончаніи пріуготовительныхъ, учащіеся могли себѣ избирать науку, которой преимущественно посвятить себя желаютъ. Желалъ бы я, *чтобы совѣтъ точнѣе опредѣлилъ, какія науки должно считать пріуготовительными и поступающіе въ университетъ первый годъ или два ими бы наипаче занимались*». Очевидно Румовскій сознавалъ полную неподготовленность тѣхъ молодыхъ людей, которые поступали въ университетъ. «Судя по всей строгости, ученикъ, окончившій ученіе въ гимназіи долженъ имѣть достаточное свѣдѣніе о нужныхъ познаніяхъ къ слушанію лекцій, но какъ способности учащихся различны и знанія учителей не могутъ равняться съ знаніями профессоровъ, то, по мнѣнію моему, каждый ученикъ, удостоенный принятъ быть въ университетъ, нося званіе студента, долженъ, для своей пользы и общественной, прослушать въ университетѣ выше сего упомянутыя, *или какія совѣтъ заблагоразсудитъ назвать пріуготовительныя лекціи;* послѣ чего сдѣлать испытаніе, и кто изъ нихъ окажется слабъ, заставить оныя слушать вновь, а довольно успѣвшимъ *совѣтъ или инспекторъ назначаетъ* какія лекціи учащійся впредь посѣщать долженъ. Испытаніе сіе не должно смѣшивать съ годовымъ, въ уставѣ предписаннымъ».

Попечитель, препровождая это сужденіе свое о предложеніи Фукса и о мнѣніи Фойгта и другихъ нѣмецкихъ профессоровъ,

предлагалъ совѣту «заимствовать изъ него то, что найдетъ нужнымъ и полезнымъ въ настоящемъ университета положеніи». Совѣтъ поручилъ Эриху перевести бумагу попечителя на латинскій языкъ и раздать переводъ всѣмъ членамъ, не знающимъ русскаго языка. Только къ концу года поступили мнѣнія нѣкоторыхъ профессоровъ о томъ, что такое они понимаютъ подъ названіемъ *наукъ приготовительныхъ*. Мнѣнія эти были однако весьма разнообразны, смотря по спеціальнымъ наукамъ, къ которымъ требовалось приготовляться. Профессоръ Сторль ограничился общимъ опредѣленіемъ, что приготовительныя науки тѣ, «quae ad excolendum animum atque ingenium studiosorum acuendum conferunt».—Яковкинъ, отвѣчая на вопросы, поднятые въ засѣданіи совѣта, и противорѣча на этотъ разъ Фуксу и себѣ, стоялъ за двухчасовыя лекціи на слѣдующихъ, высказанныхъ имъ основаніяхъ: «а) Преподавателю никакъ не можно расположиться, чтобы въ продолженіе одного только часа объяснить все имъ предположенное, со всѣми обстоятельствами, потребными для слушателей. б) Никакъ не можно предполагать, чтобъ точно съ началомъ часа начиналось и преподаваніе, частію по причинѣ невѣрности часовъ и опаздыванія преподавателей, частію по причинѣ перемѣны мѣста и перехода студентовъ изъ одной аудиторіи въ другую, а частію и по причинѣ случающагося *особливо въ сіе время* (?) исполненія студентами естественныхъ нуждъ, такъ что каждое преподаваніе никакъ не можетъ начаться прежде четверти часа, а потому и оставалось бы для дѣйствительнаго чтенія только три четверти часа, въ кои сдѣлать много никакъ невозможно». 3) Третье основаніе—науки съ опытными доказательствами. Что касается наукъ приготовительныхъ, то въ опредѣленіи ихъ содержанія Яковкинъ согласенъ съ сужденіемъ о томъ попечителя. Это «науки, кои всякому, какъ обучающемуся для ученаго званія, такъ и готовящемуся на службу отечеству, потребны по крайней мѣрѣ энциклопедически». Изъ перечисленія ихъ, сдѣланнаго Яковкинымъ, мы видимъ, что всѣ эти науки составляютъ учебные предметы гимназическаго курса. Для прохожденія курса этихъ приготовительныхъ наукъ въ университетѣ, Яковкинъ назначалъ три года; съ этимъ временемъ «и гг. преподаватели обязаны сообразоваться продолженіемъ своихъ курсовъ», заключалъ онъ. Все это даетъ намъ весьма печальное представленіе о состояніи научнаго преподаванія въ первые годы существованія Казанскаго университета. Какіе успѣхи могло сдѣлать оно, если студенты не были вовсе къ нему приготовлены? Кому изъ этихъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ условіяхъ того времени, по большей части избалованныхъ тогдашними, теперь давно исчезнувшими условіями жизни, могло придти

въ голову желаніе посвятить себя какой-то для него совершенно непонятной научной специальности, которой и мѣста не было собственно въ окружающей его жизни, послѣ трехъ лѣтъ приготовленія къ этой наукѣ? Какую пользу могли принести нѣмецкіе профессоры, приглашенные именно для преподаванія специальностей факультетскихъ? Для насъ совершенно ясно, что дѣло шло здѣсь собственно о гимназическомъ курсѣ, о тѣхъ знаніяхъ, безъ которыхъ немыслимо было слушаніе университетскихъ лекцій, а не о приготовительныхъ для специальнаго курса наукахъ. Такъ и профессоръ Фойгтъ въ новомъ мнѣніи своемъ, вызванномъ предложеніемъ попечителя, говорилъ, что «о наукахъ собственно пропедевтическихъ специальныхъ (de disciplinis vero propaedeumaticis specialibus) придется разсуждать въ послѣдствіи, когда увеличится число преподавателей и учащихся». Фойгтъ, какъ и всѣ его товарищи, стоялъ главнымъ образомъ за усиленіе познаній въ латинскомъ языкѣ, безъ чего лекціи ихъ не могли приносить пользы. Профессоръ Браунъ въ своемъ мнѣніи говорилъ, что и онъ считаетъ приготовительными науками тѣ же, что были поименованы въ предложеніи попечителя, но прибавлялъ, съ своей стороны, что для студента-медика необходимы предварительныя свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ и химіи. И прочіе нѣмецкіе профессоры, каждый отдѣльно, представили также свои мнѣнія, при чемъ каждый болѣе или менѣе смотрѣлъ на дѣло съ собственной точки зрѣнія, имѣя въ виду свою специальность. Такъ Френъ особенно требовалъ усиленія знаній въ латинскомъ языкѣ, такъ какъ почти всѣ главнѣйшія пособія для изученія арабскаго языка и литературы писаны на этомъ языкѣ. Профессоръ русскаго права Нейманъ желалъ, конечно для наполненія своей аудиторіи, чтобы были допущены къ слушанію лекцій по наукамъ, преподаваемымъ въ силу указа 6 августа 1809 года, *всѣ вообще студенты*, «буде они сами сіе пожелаютъ». И по отношенію къ своекоштнымъ студентамъ Нейманъ былъ за предоставленіе имъ полной «свободы слушанія». «Этимъ студентамъ, принятымъ на основаніи свидѣтельства директора гимназіи или частнаго испытанія въ университетѣ, кажется мнѣ удобно», писалъ онъ, «самимъ предоставить выборъ лекцій неограниченно, *чтобы они не предпочитали ученіе въ другихъ россійскихъ университетахъ ученію въ здѣшнемъ по причинѣ большихъ ограниченій, здѣсь постановленныхъ*».

Самое обширное и обстоятельное по содержанію мнѣніе, названное имъ *мемуаромъ*, представилъ на французскомъ языкѣ Финке. На науки приготовительныя или вспомогательныя, по словамъ Финке, можно смотрѣть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или безотносительно, или по отношенію къ другимъ наукамъ, для кото-

рыхъ онѣ служатъ пособіемъ или приготовленіемъ. Содержаніе такихъ наукъ зависитъ или отъ потребностей общихъ, или отъ потребностей частныхъ. По отношенію къ просвѣщенію общему, къ развитію вообще ума и сердца, необходимыми являются однѣ науки, и Финке ихъ указываетъ и опредѣляетъ; по отношенію къ особеннымъ цѣлямъ университетскаго преподаванія, будетъ ли это учительство или изученіе какой либо факультетской спеціальности, эти науки будутъ уже имѣть другое содержаніе. Въ особенности много и съ большимъ увлеченіемъ говоритъ въ своемъ мнѣніи Финке о культурномъ и образовательномъ значеніи древне-греческой литературы, греческихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ, сравнивая ихъ съ римскими подражателями. Въ его словахъ, полныхъ энтузіазма, сказалось вліяніе той широкой классической школы, которая со временъ Возрожденія развивалась въ Германіи, и которой самъ Финке былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Конечно и въ этомъ увлеченіи надобно видѣть интересъ частный: Финке спеціально занимался римскимъ правомъ на византійской почвѣ, изучалъ и издавалъ комментатора Теофила, писавшаго по гречески. Собственно на приготовительныя науки, лекціи по которымъ требовалъ уставъ университета и попечитель, Финке смотрѣлъ правильно какъ на повтореніе гимназическаго курса и считалъ это повтореніе весьма полезнымъ и необходимымъ. Оно вызывалось и неудовлетворительнымъ состояніемъ гимназическаго преподаванія, и новымъ характеромъ его. «Повтореніе будетъ дѣлаться другими преподавателями, по другому болѣе широкому методу, способствующему большему развитію ума», говоритъ Финке. «Гимназическіе уроки посвящаются преимущественно изученію языковъ, причемъ главное вниманіе обращается на грамматическія правила. Кромѣ того ученикъ гимназіи смотритъ на изучаемое имъ въ ней, какъ на дѣло памяти, тогда какъ студентъ долженъ усвоить себѣ духъ языка, изучать сочиненія поэтовъ и прозаиковъ за заключающееся въ нихъ содержаніе, цѣнить ихъ по внутреннему достоинству и вообще понимать смыслъ того, что изучаетъ». И Финке какъ и другіе, жалуется на положительное незнаніе студентами латинскаго языка. Безъ знакомства съ нимъ Финке считаетъ ничтожнымъ всякое образованіе. Но самымъ важнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго необходимо предварительно, представляется, по словамъ Финке, вопросъ о порядкѣ, въ какомъ должны слушать эти лекціи приготовительныхъ наукъ казенные студенты университета. Ему кажется недостаточнымъ трехлѣтній срокъ для нихъ. Дѣло совѣта опредѣлить этотъ порядокъ и время приготовительнаго курса; Финке предлагаетъ поэтому образовать изъ членовъ совѣта, читающихъ

эти приготовительныя науки, особую коммиссію для опредѣленія этого порядка и установленія срока. Съ другой стороны большое затрудненіе представится еще тогда, когда придется опредѣлять содержаніе тѣхъ вспомогательныхъ и приготовительныхъ наукъ, которыя необходимы, какъ введеніе въ науки спеціальныя, факультетскія. «Каждый профессоръ можетъ лучше судить о своей наукѣ; онъ одинъ знаетъ какія необходимы ей науки приготовительныя и вспомогательныя, и какой принять планъ изученія». Финке вообще недоволенъ существующимъ въ Казанскомъ университетѣ порядкомъ вещей. Планъ ученія настоятельно необходимъ. Студенту часто приходится изучать науки, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ главной спеціальности, избранной имъ для будущей дѣятельности. Эта путаница понятій и представленій будетъ еще увеличиваться со временемъ, по мѣрѣ увеличенія числа профессоровъ. «При всей доброй волѣ быть полезнымъ, при самомъ широкомъ образованіи и при величайшей способности понимать отношенія, въ какихъ находятся другъ къ другу разныя науки, инспекторъ казенныхъ студентовъ всегда будетъ въ затрудненіи при указаніи каждому студенту тѣхъ лекцій, какія онъ долженъ посѣщать. Возможно-ли, чтобы одинъ человѣкъ былъ въ состояніи установить цѣлую систему лекцій, которую могли бы признать и удовлетворительною, и разумною и преподаватели, и студенты всѣхъ факультетовъ университета?» Въ Казанскомъ университетѣ и былъ такой человѣкъ, отъ котораго все зависѣло — Яковкинъ. Финке приводитъ и свой личный опытъ. Почему, спрашиваетъ онъ, студенты, слушающіе, по указанію Яковкина, лекціи профессора русскаго права Врангеля, не должны вслѣдствіе этого посѣщать уже его лекціи посвященныя правамъ древнихъ и новыхъ народовъ и въ особенности римскому? Указывая на § 51 устава, по которому общему собранію университетскаго совѣта предоставлено между прочимъ «учрежденіе порядка времени и распоряженіе курсовъ въ университетѣ *такъ чтобы науки слѣдовали въ естественной ихъ связи*, и студенты въ продолженіи оныхъ могли бы пользоваться всѣми наставленіями, кои нужны для будущаго ихъ званія», Финке ходатайствовалъ въ своемъ мемуарѣ предъ попечителемъ:

1) о точномъ опредѣленіи того, что для казенныхъ студентовъ должно разумѣть подъ названіемъ наукъ вспомогательныхъ или приготовительныхъ; 2) о томъ, чтобы казенные студенты въ этихъ именно наукахъ и въ особенности въ языкѣ латинскомъ подвергались самому строгому экзамену; 3) чтобы не выдержавшіе этого экзамена проходили въ другой разъ этотъ подготовительный курсъ; 4) чтобы былъ опредѣленъ общій порядокъ лекцій этого курса;

5) наконецъ о томъ, чтобы инспекторъ казенныхъ студентовъ не имѣлъ права произвольно соединять лекціи наукъ приготовительныхъ съ лекціями по наукѣ специальной, чтобы въ этомъ отношеніи онъ обязанъ былъ войти въ соглашеніе съ профессорами, читающими лекціи по наукамъ спеціальнымъ. Тогда возможно будетъ привести въ систему все университетское преподаваніе; всѣ лекціи будутъ читаться въ опредѣленное заранѣе время и не будетъ надобности сокращать число профессорскихъ часовъ преподаванія до четырехъ, когда каждому можно будетъ имѣть и шесть часовъ.

Мы нарочно привели всѣ эти подробности изъ мнѣній разныхъ профессоровъ относительно урегулированія преподаванія. Легко видѣть, что въ томъ положеніи, въ какомъ представляется оно въ этихъ мнѣніяхъ, оно имѣло весьма жалкій характеръ и не могло приносить никакой существенной пользы. Настоятельною надобностью являлось открытіе университета со всѣми его факультетами, и тогда только возможно бы было устроить преподаваніе и тѣхъ приготовительныхъ наукъ, которыя различны въ каждомъ факультетѣ. Всѣ мнѣнія, сущность которыхъ мы привели, изображаютъ дѣло такъ, что приготовленія гимназическаго какъ бы не существовало въ ту пору для молодыхъ людей, поступающихъ въ Казанскій университетъ. Всѣ эти мнѣнія были своевременно представлены совѣтомъ попечителю на его благоусмотрѣніе. Мы знаемъ, что онъ читалъ ихъ, но не постановилъ никакого рѣшенія, не далъ своего предписанія. Дальнѣйшихъ разсужденій по вопросу о приготовительныхъ курсахъ въ томъ году въ совѣтѣ не было. Черезъ годъ, въ одномъ изъ іюльскихъ засѣданій совѣта 1811 года, профессоръ-директоръ (т. е. Яковкинъ) предложилъ о необходимости постановленія мнѣнія совѣта по поводу прошлогодняго «въ разсужденіи назначенія совѣтомъ пріуготовительныхъ наукъ, коихъ всякій изъ учащихся въ университетѣ долженъ выслушать полные курсы». Въ виду того, что послѣ полученія упомянутаго предложенія попечителя поступили въ университетъ вновь нѣкоторые члены, было опредѣлено: при выпискѣ изъ протокола совѣта, препроводить къ нимъ въ копіяхъ предложеніе попечителя, и «когда подадутъ они о семъ дѣлѣ свое сужденіе, собрать потомъ для разсужденія и заключенія о томъ особенный совѣтъ». Въ засѣданіи 24 августа 1811 года было разсуждаемо снова о томъ, какія науки разумѣть подъ именемъ *пріуготовительныхъ*, и совѣтъ, въ донесеніи о томъ попечителю (26 авг. 1811 г.), высказалъ свое согласіе съ мнѣніемъ попечителя, о которомъ мы говорили выше. Этими приготовительными науками онъ считалъ: языки россійскій и латинскій, ариѳметику и геометрію, исторію и географію, опытную физику и философію (въ чемъ по-

слѣдняя состояла, опредѣлено не было), «присовокупляя къ тому естественную исторію, отечественную статистику и *основанія правъ, особенно россійскаго*». Очевидно главное содержаніе наукъ приготовительныхъ заключалось въ гимназическомъ курсѣ. Его-то именно и приходилось устраивать при университетѣ, но никакой организаціи его не послѣдовало. На представленіе совѣта отъ попечителя отвѣта не было. На слѣдующій 1812 годъ было не до того; въ іюлѣ этого года умеръ Румовскій, первый поднявшій вопросъ о приготовительныхъ наукахъ. Новый попечитель сталъ хлопотать о скорѣйшемъ полномъ открытіи университета, и въ ноябрѣ того же 1812 года является уже первое дѣленіе университета на факультеты. Требованіе отъ студентовъ знаній въ наукахъ приготовительныхъ оставалось однако въ силѣ довольно долго, до 1819 года, несмотря на то, что университетъ былъ открытъ. Въ этомъ году (20 января) было высочайше утверждено *Положеніе о производствѣ въ ученыя степени* [1]). По выслушаніи этого положенія въ совѣтѣ университета, исправляющій должность ректора, проректоръ Солнцевъ заявилъ, что по случаю этихъ новыхъ правилъ объ экзаменахъ на ученыя степени, «прежнее положеніе о слушаніи студентами въ *теченіе двухъ лѣтъ* только однѣхъ приготовительныхъ наукъ уже неудобно къ исполненію». Для соображеній по этому вопросу былъ образованъ тогда же особый комитетъ. Онъ состоялъ изъ декановъ и по одному члену отъ каждаго факультета. Магницкій, уже назначенный тогда попечителемъ, разомъ пріостановилъ дѣятельность этого комитета и явился противникомъ «пріуготовительныхъ наукъ», несмотря на то, что своимъ распоряженіемъ онъ упразднялъ §§ 109—111 университетскаго устава 1804 года. Усмотрѣвъ изъ меморій за іюнь мѣсяцъ, ему представленныхъ, о томъ, что отдѣленіе физико математическихъ наукъ установляетъ «повторительныя лекціи» для началъ математики, Магницкій написалъ совѣту Казанскаго университета слѣдующее предложеніе: «Такъ называемыя *повторительныя лекціи* для какой бы то ни было науки я нахожу вовсе несообразными съ планомъ университетскаго ученія и *неприличными*, ибо онѣ не что иное суть какъ доучиваніе недоученныхъ подъ какимъ бы то званіемъ ни было. Если предполагается, что желающіе быть допущенными къ слушанію университетскихъ курсовъ знаютъ уже начала оныхъ, то репетиторскія лекціи не нужны; если же не знаютъ, то не должны быть принимаемы въ университетъ. *Для на-*

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Спб. 1864. стр. 1134—1145.

чалъ наукъ существуютъ гимназіи; неприлично университету учреждать оныя у себя» (29 сент. 1819 г. № 189). Магницкій забывалъ однако, что приготовительные курсы въ университетѣ вытекали изъ необходимости, изъ сознанія ничтожной подготовленности молодыхъ людей къ слушанію настоящихъ университетскихъ лекцій, которыя являлись такимъ образомъ вполнѣ безполезными. Значительное большинство студентовъ выходило изъ казанской гимназіи, жившей все еще подъ уставомъ, утвержденнымъ императоромъ Павломъ и вовсе неприспособленной къ тому, чтобы приготовлять молодыхъ людей къ слушанію университетскихъ лекцій: въ ней учили весьма разнообразнымъ предметамъ, всему понемногу, или собственно говоря — ничему. Директоромъ этой гимназіи былъ Яковкинъ, принадлежавшій къ той неперерождающейся и постоянно расцвѣтающей и до нашихъ дней, породѣ директоровъ, которыхъ справедливо можно назвать *педагогическими нигилистами*. Впослѣдствіи, и весьма долго, университетъ гарантировалъ успѣхъ своего преподаванія строгостью пріемныхъ экзаменовъ при поступленіи въ университетъ.

Практическій результатъ всѣхъ этихъ разсужденій былъ только тотъ, что всѣми членами совѣта была отвергнута перемѣна двухчасовыхъ лекцій на одночасовыя. Противъ нея былъ на этотъ разъ и Яковкинъ. «Могу однако и теперь донести в. п.», писалъ онъ попечителю, «что ни мое, ни прочихъ моихъ сотрудниковъ мнѣнія не будутъ согласны на таковую несообразную перемѣну, тѣмъ болѣе, что и во время моей болѣзни посѣщавшіе меня гг. профессоры между разговорами приписывали таковую перемѣну и уменьшеніе времени паче подозрѣнію въ лѣности, нежели нуждѣ, и съ особеннымъ огорченіемъ разговаривая о сей матеріи, опасались, чтобъ и в. п. не возымѣли невыгоднаго и непріятнаго о всѣхъ чиновникахъ университетскихъ мнѣнія. Впрочемъ во всемъ теченіи дѣлъ по совѣту и университету донынѣ, слава Богу, все тихо, спокойно и порядочно» (16 мая, 1810 года).

Тишина и порядочность, столь любезныя сердцу Яковкина, продолжались однако не долго. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ спокойствіе было нарушено самымъ жестокимъ образомъ. Въ первой части нашей книги мы не разъ останавливались на ненормальной связи, установившейся между казанскою гимназіею и основаннымъ, но не открытымъ согласно уставу 1804 года Казанскимъ университетомъ. Положеніе послѣдняго было въ высшей степени не-

опредѣленно. Этою неопредѣленностью естественно тяготились и сами профессоры, главнымъ образомъ иностранцы, привыкшіе къ условіямъ дѣйствительной университетской жизни и недовольные самовластіемъ директора, совсѣмъ «незнакомаго съ организмомъ университетовъ», какъ выражался одинъ изъ нихъ. Это было причиною разныхъ университетскихъ столкновеній и совѣтскихъ «исторій», о которыхъ мы уже разсказывали. Отдѣленіе гимназіи отъ университета и открытіе послѣдняго въ полномъ его видѣ, съ выборнымъ ректоромъ и деканами, не разъ было темою переписки между попечителемъ и Яковкинымъ. Сообщались разныя предположенія, дѣлались нѣкоторыя приготовленія, впрочемъ идиллическаго характера, напр. сочинялись и въ Петербургѣ, и въ Казани стихотворные канты на открытіе университета и клались на музыку, но дѣло не двигалось. По всей вѣроятности причины этой медленности заключались въ недостаткѣ энергіи и въ бездѣятельности весьма стараго лѣтами Румовскаго. Можетъ быть, съ открытіемъ университета, онъ боялся нѣкотораго умаленія своей власти, а съ другой стороны весьма вѣроятно, что ему гораздо пріятнѣе было имѣть дѣло съ Яковкинымъ, на котораго онъ вполнѣ полагался и который отвѣчалъ за все, чѣмъ съ самоуправляющимся университетомъ и съ уважающими себя профессорами. Не знаемъ, вполнѣ ли вѣрилъ Румовскій сердечнымъ письменнымъ изліяніямъ Яковкина, но эти льстивыя завѣренія директора, повторяясь часто по разнымъ поводамъ, должны были имѣть свою долю вліянія на слабое человѣческое сердце. Такъ, по поводу случайной ошибки, допущенной имъ въ печатномъ объявленіи о публичныхъ курсахъ для чиновниковъ, оправдывая себя болѣзнью, Яковкинъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Шестилѣтнее мое подъ отечественнымъ в. п. начальствомъ служеніе оправдать меня можетъ предъ очами в. п., что чувствованія самовольныя были всегда чужды душѣ моей; а ежели когда на что рѣшался, донося однако тотчасъ в. п., то находилъ необходимымъ для непотерянія времени и соблюденія казны. Порокъ властолюбія и любоначалія, свидѣтельствуюсь Сердцевѣдцемъ, также никогда не обладалъ мною, и особливо еще послѣ претерпѣнной мною потери единороднаго моего первенца. Вашему п—ству чувствованія моего служенія всегда я старался сыновне обнаруживать; они неизмѣнны; бѣдность моя доказываетъ мое безкорыстіе, а нѣсколько-кратныя моленія объ избавленіи меня отъ начальствованія суть свидѣтели бывшаго мнѣ всегда сроднымъ смиренія. Конечно: propria laus sordet, но это есть сердечное сыновнее признаніе предъ отеческимъ начальствомъ. По множеству и разнообразію дѣлъ, чувствую, свойственно мнѣ погрѣшать; но погрѣшности мои, будучи неумышленны, ни мало не тяготятъ ни сердца,

ни совѣсти моей, и искреннее въ нихъ признаніе всегда готово» (20 іюня, 1810 г.).

Въ томъ же 1810 году, когда въ совѣтѣ шли разсужденія о болѣе раціональномъ устройствѣ преподаванія и о приготовительныхъ наукахъ, открытіе университета казалось болѣе близкимъ чѣмъ прежде. Въ маѣ полученъ былъ отъ попечителя изъ Петербурга ящикъ краснаго дерева для баллотированія съ 30 костяными шариками [1]), который опредѣлено было хранить при архивѣ. Попечитель съ своей стороны писалъ къ Яковкину и вызывалъ совѣтъ, «чтобы открытіе университета сдѣлать памятнѣе», произвести разныхъ молодыхъ людей, однихъ въ адъюнкты, другихъ въ экстраодинарные профессоры, сообщалъ, что прилично будетъ въ день открытія провозгласить нѣсколько почетныхъ членовъ. «Не худо бы было подъ рукою навѣдаться угодно ли будетъ преосвященному и г. губернатору принять сіе званіе. Объ отцѣ ректорѣ я не сомнѣваюсь. О нѣкоторыхъ господахъ любителяхъ наукъ я здѣсь навѣдаюсь. Московскій университетъ, и въ разсужденіи множества почетныхъ членовъ, не долженъ намъ служить примѣромъ. Казанскій университетъ помоложе Московскаго и число членовъ Казанскаго должно быть меньше». Яковкинъ, вслѣдствіе предписанія попечителя, представилъ совѣту списокъ вещей нужныхъ къ открытію университета, и совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на пріобрѣтеніе ихъ.

Всѣ эти распоряженія и приготовленія источникомъ своимъ имѣли желаніе новаго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, занявшаго этотъ постъ въ апрѣлѣ 1810 года, открыть Казанскій университетъ сообразно уставу 1804 года. Мы разсказали въ первой части нашей книги тѣ причины, которыя вызвали министра на эту мѣру. Казанскій университетъ представлялся ему въ весьма неприглядномъ видѣ, свѣдѣнія, доходившія до него съ разныхъ сторонъ, особенно отъ лицъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго Казанскую губернію сенатора Обрѣзкова, изображали его въ полномъ разстройствѣ, и общій голосъ считалъ виновникомъ этого разстройства директора Яковкина. Мы привели и самый текстъ предложенія министра Румовскому объ открытіи университета, гдѣ

---

[1]) Ящикъ этотъ очень долго служилъ при баллотированіи (онъ хранится теперь въ архивѣ, представляя изъ себя очень красивую столярную игрушку въ родѣ шкатулки Буоля). Только при дѣйствіи устава 1863 года, когда число членовъ совѣта превысило число прежнихъ костяныхъ шариковъ 1810 года, сдѣланъ былъ новый, болѣе вмѣстительный ящикъ, но за то болѣе грубой формы. Теперь и этотъ послѣдній, вслѣдствіе измѣненныхъ условій университетской жизни, остается безъ употребленія.

онъ говоритъ и о свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до него объ Яковкинѣ [1]). Эта воля министра, изложенная въ предложеніи попечителя совѣту, была заслушана послѣднимъ въ засѣданіи 13 сентября. Опредѣлено было начать выборы въ слѣдующемъ же засѣданіи совѣта, которое было назначено на 16 сентября, въ 11 часовъ утра, при чемъ предсѣдателемъ собранія, по общему согласію, избранъ былъ профессоръ директоръ и кавалеръ Яковкинъ. Въ назначенный день собравшіеся ординарные профессоры, числомъ тринадцать (двѣнадцать изъ нихъ были иностранцы и только одинъ русскій—Яковкинъ) приступили наконецъ къ избранію ректора и декановъ. Не было ли времени иностраннымъ профессорамъ согласиться между собою (между временемъ полученія предписанія о баллотировкѣ и самимъ актомъ ея прошло три дня), или и между ними, подъ вліяніемъ климата и окружавшей ихъ русской среды, господствовалъ коренной разладъ, свойственный русскимъ людямъ, у которыхъ личные разсчеты идутъ всегда впереди общественнаго дѣла, только выборы эти оказались неудачными. На должность ректора никто не былъ выбранъ. Къ великому огорченію своему Яковкинъ на это званіе изъ двѣнадцати шаровъ получилъ въ свою пользу только три избирательныхъ. Зная тогдашнія отношенія членовъ совѣта между собою, мы можемъ сказать съ полною достовѣрностью, что въ пользу его подали голоса: Фуксъ, Сторль и Нейманъ. Изъ болѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ членовъ нѣмецкой коллегіи профессоровъ, только Браунъ и Литтровъ получили наибольшее число голосовъ, но все же ни одинъ изъ нихъ выбранъ не былъ: они получили по ровну, по шести шаровъ. Профессоръ Германъ не получилъ ни одного избирательнаго шара. Вслѣдъ за первою неудачною попыткою избрать ректора, приступлено было къ выборамъ декановъ тѣмъ же количествомъ наличныхъ ординарныхъ профессоровъ. Въ званіе декана отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ былъ избранъ Фойгтъ (большинствомъ 8 противъ 4 голосовъ); деканомъ физическихъ и математическихъ наукъ Бартельсъ (9 противъ 3); въ деканы отдѣленія врачебныхъ наукъ оба наличные члены этого отдѣленія были избраны одинаковымъ числомъ голосовъ (7 противъ 5); въ деканы отдѣленія словесныхъ наукъ

---

[1]) Свѣдѣнія эти должны быть весьма любопытны. Безъ сомнѣнія они, какъ и многое другое, находятся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, авторъ настоящаго сочиненія не имѣетъ никакой возможности пользоваться этимъ архивомъ, документы котораго безъ сомнѣнія придали бы труду его больше полноты и содержанія. Министру графу Разумовскому свѣдѣнія могли быть доставлены и прямо, лицомъ къ нему весьма, какъ извѣстно, близкимъ—Перовскимъ (Алексѣемъ), бывшимъ въ Казани, въ свитѣ ревизовавшаго губернію сенатора Обрѣзкова.

избранъ Яковкинъ (9 голосовъ противъ 3) [1]. Продолжать выборы назначено было на слѣдующій день, т. е. 17 сентября, но въ это засѣданіе избранъ былъ только секретарь совѣта, такъ какъ председатель собранія Яковкинъ заявилъ, что по причинѣ головной боли засѣданія продолжать не можетъ. Эта симулированная, а можетъ быть и дѣйствительная головная боль, вслѣдствіе волненія отъ необходимости подвергнуть свою личность общему суду сослуживцевъ по коллегіи, послѣ единоличныхъ успѣховъ, произошла вслѣдъ за инцидентомъ, такъ описаннымъ въ слѣдующей бумагѣ Яковкина, которую онъ внесъ въ первое затѣмъ засѣданіе совѣта, бывшее 21 сентября:

„Сего сентября 17 дня, по учиненному наканунѣ того дня предположенію, постановлено было продолжить, а ежели время позволитъ и окончить избираніе чиновниковъ, въ уставѣ университета назначенныхъ. Засѣданіе открыто въ началѣ двѣнадцатаго часа подписываніемъ списковъ предшедшаго избранія, въ которое время предложилъ я совѣту, во исполненіе § 48 устава университету даннаго, завести книгу для вписыванія причинъ отсутствующихъ членовъ, такъ какъ тогда г. профессора Фойгта въ присутствіи не было и о причинѣ небытія знать отъ него не дано, на что всѣ гг. члены совѣта согласились. По окончаніи сего, въ 35 минутъ двѣнадцатаго часа, пришелъ въ собраніе и г. профессоръ Фойгтъ, коему, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, объявилъ я *со всею должною благопристойностью* объ учиненномъ прежде его приходу предположеніи. Выслушавъ сіе г. Фойгтъ съ горячностью зашумѣлъ и взявъ бумагу началъ что-то писать съ примѣтнымъ каждому жаромъ. Не подавъ къ сему ни малѣйшей причины, приступилъ я къ избранію секретаря совѣта по изготовленному списку и дошелъ уже до половины избираемыхъ. Въ то время г. профессоръ Фойгтъ, дописавъ свою бумагу показалъ ее читать гг. профессорамъ Литтрову, Финке, Френу и Бартельсу, изъ коихъ каждый, прочитавъ ее, пожималъ плечами, примѣтно удивлялся и возвращая оную бумагу г. Фойгту, говорилъ съ нимъ, и, какъ казалось, уговаривалъ его, но онъ еще тѣмъ болѣе горячился до того, что въ 55 минутъ двѣнадцатаго часа (какая точность у Яковкина), соскочивъ съ своего мѣста, вырвалъ изъ рукъ у г. Литтрова написанную имъ бумагу и, взявъ съ канапе свою шляпу, хотѣлъ уйти, будучи притомъ уговариваемъ и удерживаемъ г. Литтровымъ. Почему вынужденъ я былъ многократно спрашивать *съ надлежащею пристойностью* о причинѣ его ухода для вписанія въ протоколъ; но онъ и болѣе разгорячившись, ничему не внималъ, и вдругъ отъ канапе побѣжалъ ко мнѣ, сломалъ въ четверо листъ и бросилъ передъ меня на столъ; потомъ сѣвъ опять на свое мѣсто, горячился и шумѣлъ, не внимая увѣщаніямъ гг. Литтрова и Неймана. Усмотрѣвъ таковую непристойность и нарушеніе предписаннаго порядка, просилъ я гг. сочленовъ, чтобъ записать о семъ въ протоколъ, но никто словесно не заявилъ на то своего согласія. Кромѣ только что, г. профессоръ Нейманъ, подошедъ ко мнѣ, извинялъ г. Фойгта въ горячности и въ шумѣ.

---

[1]) Изъ этого видно, что нѣмецкіе профессоры не желали только имѣть въ Яковкинѣ ректора.

приписывая оное какому-то недоразумѣнію, а г. профессоръ Литтровъ приписывалъ всѣ оные поступки болѣзни г. Фойгта, увѣряя, что въ сіе самое время воспослѣдовалъ съ нимъ пароксизмъ. Первому отозвался я, что свидѣтельствуюсь всѣми гг. членами, не говорилъ ни одного двусмысленнаго слова, но и затѣмъ г. Фойгтъ продолжалъ свой разговоръ съ жаромъ, что и онъ такой же публичный ординарный профессоръ, какъ и я. Г. же Литтрову отозвался я, что каждый больной законами увольняется на сіе время отъ исправленія публичной должности, почему г. Фойгту, извѣстивъ совѣтъ о причинѣ своего отсутствія, не слѣдовало бы и приходить въ совѣтъ. Послѣ сего вторично предлагалъ я записать въ протоколъ *о разгоряченіи г. Фойгта*, о шумѣ его и нарушенномъ порядкѣ засѣданія, убѣждая къ исполненію сего перваго по мнѣ члена г. профессора Германа, но и тогда ничего не сдѣлано. Вынужденъ бывъ таковыми поступками, объявилъ я всему собранію, что не оставлю донести о семъ высшему начальству, присовокупя при томъ, что свидѣтельствуюсь всѣми гг. членами, не подалъ я ни малѣйшей причины къ неудовольствію и безпорядку, оказанному г. профессоромъ Фойгтомъ. Между тѣмъ г. Фойгтъ занялся писать другую бумагу; почему видя возстановившееся въ совѣтѣ спокойствіе, возобновилъ я избраніе и старался оное окончить. Предъ самымъ окончаніемъ, въ 45 минутъ перваго часа, г. Фойгтъ, подошедъ ко мнѣ, уже благопристойно подалъ вторую, написанную имъ бумагу, которую я и принялъ; и какъ оную, такъ прежде брошенную ко мнѣ на столъ, помѣтивъ своею рукою, отдалъ г. секретарю совѣта для храненія и должнаго по нимъ постановленія въ слѣдующее собраніе, чего для обо всѣхъ вышеписанныхъ происшествіяхъ, для прекращенія впредь въ засѣданіяхъ совѣта таковыхъ безпорядковъ и наблюденія надлежащей благопристойности по силѣ § 55 устава Казанскаго университета, долгомъ моимъ поставляю предложить совѣту, о чемъ отъ меня уже и Его пр—ству, господину д. с. с. и кавалеру попечителю Казанскаго университета и учебнаго его округа Степану Яковлевичу Румовскому донесено“.

Совѣтъ постановилъ сообщить копію съ предложенія директора профессору Фойгту и копіи съ него же, вмѣстѣ съ копіями двухъ прошеній, поданныхъ Фойгтомъ, прочимъ членамъ совѣта. Такъ возникло дѣло «О горячности г. профессора Фойгта» (Дѣла совѣта 1810 года, № 29). Выборы тѣмъ не менѣе продолжались. Въ засѣданіи 23 сентября избирались члены училищнаго комитета, при чемъ и въ этомъ случаѣ оказалось у Яковкина меньшее количество избирательныхъ шаровъ, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ. Въ этомъ именно засѣданіи профессоръ Нейманъ предложилъ заняться перебаллотированіемъ между гг. профессорами, имѣющими равное число избирательныхъ балловъ въ выборахъ къ званію ректора. Онъ ссылался въ этомъ случаѣ на конецъ 14 ст. указа 14 декабря 1766 года, гдѣ говорится о выборѣ депутатовъ отъ дворянъ въ Коммиссію объ Уложеніи: «Ежели же случится равное число голосовъ у двухъ или трехъ, или и больше, то паки ихъ однихъ перебаллотировать и до того продолжать сей порядокъ, покамѣстъ одному превосходное число шариковъ его одобряющихъ, достанется». Тогда, вслѣдствіе отказа

*

Яковкина, профессоръ Браунъ собиралъ голоса о томъ — долженъ ли участвовать въ немедленномъ перебаллотированіи г. профессоръ и директоръ Яковкинъ, или нѣтъ. Всѣ объявили, что онъ долженъ участвовать. Самъ же Яковкинъ, поддерживаемый Сторлемъ, и на этотъ разъ Фойгтомъ, настаивалъ на томъ, чтобъ перебаллотированіе ректора отложить до окончанія всѣхъ выборовъ, но прочіе члены были противнаго мнѣнія и перебаллотировка состоялась: избраннымъ оказался, большинствомъ семи противъ четырехъ голосовъ—Браунъ (профессоръ Фуксъ не присутствовалъ за болѣзнью) [1]. Въ слѣдующія затѣмъ засѣданія (24 и 26 сентября) совѣтъ исключительно занимался баллотированіемъ разныхъ лицъ, согласно уставу. Прежде всего нужно было перебаллотировать лицо въ деканы медицинскаго факультета, такъ какъ единственные два представителя медицины въ Казанскомъ университетѣ: профессоры Браунъ и Эрдманъ получили одинаковое количество избирательныхъ шаровъ, но первый былъ уже избранъ въ званіе ректора, а потому совѣтъ согласился съ мнѣніемъ проф. Фойгта, что остается одинъ только представитель медицинскаго факультета, unum-unicum membrum, какъ выражался въ совѣтѣ по латыни Фойгтъ. Eligere ex uno unico, говорилъ онъ, есть contradictio in adjecto, называемое въ логикѣ противорѣчіемъ внутреннимъ и онъ, какъ профессоръ философіи, не можетъ возставать противъ такой логической аксіомы. Поэтому Фойгтъ доказывалъ, что Эрдманъ, какъ единственный представитель медицинскаго факультета, безъ всякаго выбора, долженъ быть рекомендованъ въ деканы. Съ своей стороны Эрдманъ убѣждалъ, что пока Браунъ не утвержденъ ректоромъ, оба они должны быть избираемы въ деканы. Это мнѣніе свое онъ просилъ только записать въ протоколъ, такъ какъ большинство членовъ совѣта приняло мнѣніе профессора Фойгта.

За рѣшеніемъ этого вопроса происходила перебаллотировка членовъ училищнаго комитета, при чемъ Яковкинъ получилъ наибольшее число шаровъ, затѣмъ послѣдовали выборы: синдика (адъюнктъ баронъ Врангель), секретаря цензурнаго комитета (магистръ Кондыревъ), директора педагогическаго института (въ пользу одного только Фойгта высказалось наибольшее число голосовъ—шесть противъ шести), и наконецъ секретаря училищнаго комитета (магистръ Перевощиковъ). Библіотекарь избираемъ не былъ, такъ какъ имъ недавно былъ назначенъ попечителемъ профессоръ Сторль; точно

---

[1]) „Положенные 7 согласныхъ и 4 несогласныхъ для Брауна, также 7 несогласныхъ и 4 согласныхъ для Литтрова обнаруживаютъ учиненное прежде о томъ согласіе"—сообщаетъ Яковкинъ.

также не баллотированъ былъ инспекторъ студентовъ, которымъ съ 1806 года, по назначенію попечителя, былъ Яковкинъ. Этимъ закончились выборы къ предполагаемому вскорѣ открытію университета, и о результатахъ ихъ было немедленно представлено попечителю. Самые выборы однако, какъ мы увидимъ, утверждены не были, и университетъ открылся только чрезъ четыре года.

Въ своихъ частныхъ письмахъ къ попечителю, Яковкинъ доносилъ о всѣхъ подробностяхъ выборовъ. О «безпорядкѣ, произведенномъ криками и непристойными поступками профессора Фойгта», онъ немедленно донесъ и оффиціальною бумагою, какъ мы видѣли уже, и письмомъ. «Впрочемъ, в. п., сами, по донесенію совѣта и по числу избирательныхъ и неизбирательныхъ для каждаго балловъ, усмотрѣть соблаговолите, *сколько пристрастно было каждое избраніе*, о чемъ, думаю, не преминутъ донести в. п. и особенно нѣкоторые изъ гг. профессоровъ»—писалъ Яковкинъ тотчасъ послѣ первыхъ дней выборовъ. Дѣйствительно Сторль, сдѣлавшійся по личнымъ разсчетамъ, хотя и на короткое время, сторонникомъ и самымъ близкимъ человѣкомъ Яковкина, не безъ участія вѣроятно послѣдняго, написалъ латинское письмо къ Румовскому, полное разныхъ сплетней. Письмо это и было послано Яковкинымъ. Препровождая его къ Яковкину для отправки въ Петербургъ, Сторль возбуждалъ его къ энергическому дѣйствію и увѣрялъ въ полной своей преданности: «Vale et quae agis agi fortiter ut virum decet, заключалъ онъ свое письмо къ директору, non tibi deero». Хотя у насъ въ рукахъ нѣтъ письма Сторля къ попечителю, но изъ его записки къ Яковкину знаемъ, что оно было наполнено все разными инсинуаціями съ цѣлью протестовать противъ выбора Брауна въ ректоры, такъ какъ этимъ послѣднимъ надѣялся и разсчитывалъ быть тогдашній покровитель Сторля—Яковкинъ [1]). Такіе извѣты и инсинуаціи, подъ тайною письма къ начальнику, и въ послѣдующее, даже новѣйшее время, были вовсе не рѣдкимъ между профессорами явленіемъ. Письмо Сторля протестовало самымъ энергичнымъ образомъ противъ выбора Брауна. Онъ доказывалъ, что выборъ этотъ не былъ свободнымъ выборомъ. Браунъ «подступалъ, по словамъ Сторля, ко всѣмъ нѣмецкимъ про-

---

[1]) Сторль ссорился съ Брауномъ довольно часто въ качествѣ сосѣда по казенной квартирѣ. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ своихъ къ попечителю, онъ передаетъ между прочимъ слѣдующее: „Dominus Brown, mihi amicus, ego illi amicissimus, vicinus proximus meus, ab ancillula sua totum se dirigi sinit; hinc jurgia litesque perpetuae; atque id eo usque invaluit, ut ille ad me ingressus, minatus mihi sit, se domesticos meos in carcerum publicum missurum et fustigationi publicae—innocentes, ut postea apparuit, traditurum“ etc.

фессорамъ, возбуждая ихъ противъ русскихъ, осыпая послѣднихъ бранью, злословя ихъ и представляя себя святымъ [1]), говоря, что онъ перевернетъ все вверхъ дномъ, и обѣщая имъ золотыя горы, если будетъ ректоромъ». Увлеченный ненавистью къ Брауну или искательствомъ передъ всемогущимъ пока Яковкинымъ, Сторль не стѣснялся обвинять перваго даже въ политической неблагонадежности. По увѣренію его Браунъ «постоянно былъ противникомъ на словахъ и императорскаго величества и законовъ: онъ обѣщалъ, что непремѣнно введетъ писаніе совѣтскихъ протоколовъ на языкѣ нѣмецкомъ» [2]).

Выборы естественно должны были возбудить волненіе въ средѣ профессоровъ. Это былъ первый опытъ. Яковкинъ, какъ мы уже хорошо знаемъ, былъ врагомъ самоуправленія; недолюбливалъ его и Румовскій и предполагаемое рѣшеніе открыть Казанскій университетъ явилось противъ воли его, было дѣйствіемъ новаго министра. Естественно, что Яковкинъ старался выставить и самые выборы и разные факты, съ ними соединенные, въ самомъ непривлекательномъ видѣ. «Сказывалъ мнѣ г. Фуксъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ попечителю, «что профессоръ Германъ оббѣгивалъ всѣхъ сочленовъ, въ томъ числѣ и его, и униженно умолялъ избрать его инспекторомъ». На самого Яковкина и процедура выборовъ, и непріязненныя отношенія къ нему большинства членовъ совѣта должны были произвести весьма непріятное впечатлѣніе. Онъ захворалъ дѣйствительно, или чаще сталъ жаловаться на свое нездоровье. Сильнѣе въ письмахъ его къ попечителю высказывается разладъ между нимъ и гг. нѣмцами, рисуемыми имъ величайшими интриганами. Конечно больше всего онъ не любитъ Брауна, выбраннаго ректоромъ. «Г. Браунъ—душа сего сословія, снабжая ихъ бѣдность деньгами на векселя по десяти процентовъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ этого времени [3]), «а о первыхъ, самонужнѣйшихъ отъ меня

---

[1]) Ille omnes germanos prof. accessit, illos excitans contra Russos, conviciis et maledictis eos obruens et sancte se obstringens, se omnia sursum deorsum versurum et aureos montes pollicitus illis, si Rector fierit“.

[2]) Semper in ore Imperatoris majestatem et leges ejus clare ambobus adversetur: nam protocollum germanica lingua se introducturum promisit.

[3]) Мы привели уже одно свидѣтельство Яковкина о томъ, что Браунъ былъ человѣкъ денежный, а это было въ то время большою рѣдкостью между иностранными профессорами въ Казани. Изъ одного письма Румовскаго къ Яковкину можно видѣть, что Брауну, въ видахъ безъ сомнѣнія вѣрнаго и хорошаго дохода съ крѣпостной силы, а не изъ увлеченія привольною дворянскою жизнью того времени, очень хотѣлось быть казанскимъ помѣщикомъ, но для этого нужно было сдѣлаться дворяниномъ.

по пріѣздѣ каждаго изъ нихъ пособіяхъ, и совсѣмъ позабыли. Господь знаетъ и созерцаетъ... Въ наказаніе всѣмъ имъ началъ было я въ совѣтѣ говорить по русски; но опасаюсь навлечь неудовольствіе в. п., *да и по латыни многіе изъ нихъ знаютъ весьма плохо* (?), такъ что на латинскія мои предложенія отвѣчаютъ по нѣмецки. Довольно было и такъ глупости просить отъ в. п. для совѣта переводчика». Представленіе о необходимости переводчика дѣйствительно было сдѣлано въ совѣтѣ однимъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, но дальнѣйшаго хода не получило. Около того же времени у Яковкина умеръ родной племянникъ его, учитель гимназіи Яковкинъ. Смерть эта, по его собственнымъ словамъ, была въ высшей степени тяжела для него. Онъ пишетъ о своемъ «горестномъ и слабомъ состояніи». «Когда 28 ноября г. профессоръ Нейманъ спрашивалъ меня, о чемъ донести в. п., то я отвѣчалъ: донесите—плачетъ только, какъ и дѣйствительно было. Прошу только у Господа, да очиститъ возмущенный источникъ воды души моея.—Да будетъ Его святая воля во всемъ».

Выборъ Брауна въ ректоры былъ величайшею непріятностью для Яковкина; это былъ сильный ударъ его самолюбію. Онъ начинаетъ скромничать и малодушничать въ письмахъ къ попечителю. «Ежели служеніе мое благоугодно предъ в. п., пишетъ онъ Румовскому, то дерзнулъ бы я испрашивать милостивой довѣренности на званіе *непремѣннаго засѣдателя* [1]); но да будетъ воля твоя. Сею одною токмо должностью достаточно заняться человѣку усердному, мнѣ же извѣстно, что чѣмъ кто болѣе занимаетъ, тотъ тѣмъ болѣе и отвѣчаетъ». Успокоившись, Яковкинъ желаетъ особенно остаться директоромъ. «Отъ должности директора я не дерзну просить увольненія», пишетъ онъ, «прежде нежели усмотрю и узнаю достойнаго благомыслящаго человѣка, который бы продолжалъ усовершенствовать ея благосостояніе. Буди воля Всевышняго и судъ Его надъ моимъ служеніемъ... Чрезъ двѣнадцать лѣтъ служенія моего при гимназіи признакомились ко мнѣ не токмо всѣ чиновники ея, но и посторон-

---

„Г. Браунъ писалъ ко мнѣ о доставленіи ему патента изъ герольдіи“, говоритъ попечитель. „Прошу ему объявить, что доставленіе онаго не въ моей власти. Патенты чиновникамъ въ 7 классѣ состоящимъ самъ Государь изволитъ подписывать и министръ просвѣщенія давно уже подалъ Государю имена чиновниковъ для подписанія. На чужое имя покупать маетность или деревню сопряжено съ великими неудобствами и я ему не совѣтую“ (27 окт. 1810 г.).

[1]) По уставу 1804 года этотъ непремѣнный засѣдатель былъ членомъ правленія. *Онъ не избирался, а назначался попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ* (§ 5).

ніе, даже изъ отдаленныхъ городовъ; а сіе весьма много дѣйствуетъ и на состояніе гимназіи».

Эти слова въ письмѣ Яковкина вызваны были предположеніемъ Румовскаго, что онъ будетъ ректоромъ университета, и что ему не будетъ уже времени заняться какъ прежде гимназіей: «При отдѣленіи гимназіи отъ университета», писалъ онъ, «надобно думать кому препоручить дирекцію гимназіи. До открытія университета я надѣюсь, что вы не отречетеся отъ оной. Но когда откроется университетъ *то кромѣ профессорской должности вамъ достанется три* и управлять гимназіей не достанетъ вамъ времени».

Между тѣмъ дѣло «о горячности г. профессора Фойгта», начатое въ совѣтѣ выше приведеннымъ нами предложеніемъ Яковкина, никакъ не способствовало успокоенію умовъ, возбужденныхъ выборами: напротивъ того оно обостряло отношенія. Содержаніе бумаги, поданной Фойгтомъ Яковкину въ отвѣтъ на его выговоръ (Verweis) и требованіе завести книгу для записыванія причинъ опозданія профессоровъ, было весьма скромно. Фойгтъ объяснялъ: 1) что онъ опоздалъ всего на 11 минутъ, что онъ повѣрилъ свои часы въ прошломъ засѣданіи по совѣтскимъ и никакъ не думалъ, что послѣдніе отставали, и только въ тотъ же день переведены были впередъ, чего онъ не могъ знать, живя за двѣ версты отъ университета; 2) что ему часто, придя въ совѣтъ въ назначенное для засѣданія время, приходилось ждать начала цѣлый часъ; вчера засѣданіе началось полчасомъ позже и «могъ ли онъ знать, что именно сегодня всѣ будутъ точны и взыскательны; 3) многіе изъ его сослуживцевъ не рѣдко и прежде опаздывали, но имъ не дѣлалось никакого выговора; нѣкоторые не являлись въ совѣтъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а другіе по цѣлымъ третямъ года не ходятъ въ совѣтъ, не представляя никакой уважительной причины своего отсутствія. «Почему только я получаю выговоръ за то, что опоздалъ на 11 минутъ? Для меня дорога моя честь, я дорожу честнымъ исполненіемъ долга, а потому и прошу совѣтъ это мое объясненіе представить на благоусмотрѣніе попечителя, дабы я не лишился его благосклонности, которою пользуюсь какъ и другіе». Вотъ буквальное содержаніе той бумаги, которая была «сломана» Фойгтомъ по выраженію Яковкина и брошена имъ передъ нимъ на столъ. Что касается до его горячности, до его неумѣренныхъ жестовъ и крика, что такъ возможно въ собраніяхъ при отстаиваніи своего мнѣнія, то это можно объяснить, и знавшіе его сослуживцы такъ и объясняли, его болѣзненною раздражительностью. Напрасно

однако эти сослуживцы старались пріостановить разборъ дѣла Фойгта; напрасно они убѣждали Яковкина не доносить объ этомъ случаѣ попечителю. «Правда», писалъ одинъ изъ нихъ, Эрдманъ, къ директору, «у васъ въ рукахъ оружіе противъ него, но отъ вашего великодушія вполнѣ зависитъ не дѣлать употребленія изъ этого оружія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ уваженіе, заслуженное вами за вашу умѣренность въ совѣтскомъ засѣданіи, еще болѣе увеличится». Очевидно хладнокровіе и умѣренность Яковкина и то, что онъ былъ близкій человѣкъ къ попечителю, пугали нѣмецкихъ профессоровъ. Въ томъ же самомъ засѣданіи Фойгтъ, избранный въ деканы нравственно-политическихъ наукъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности, ссылаясь на слабое здоровье, но «узнавъ», какъ онъ пишетъ въ другомъ прошеніи, «что по причинѣ слабаго здоровья нельзя отказываться отъ наложенной должности», онъ взялъ назадъ это прошеніе.

Дѣло получило дальнѣйшій ходъ и въ совѣтѣ оно росло, какъ комъ снѣга, накопляя постепенно бумаги на бумаги. Въ засѣданіи 12 октября профессоръ Германъ, по болѣзни не присутствовавшаго Фойгта, представилъ въ совѣтъ его «всепокорнѣйшее объясненіе и оправданіе» по поводу заявленія, сдѣланнаго Яковкинымъ о поведеніи Фойгта во время выборовъ. Бумага эта была изложена въ плохомъ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ очевидно какимъ-либо нѣмцемъ, а такъ какъ совѣтъ состоялъ въ большинствѣ изъ нѣмцевъ, то и опредѣлено было просить Фойгта, «ежели ему угодно», представить латинскій или нѣмецкій оригиналъ своего объясненія. При этомъ совѣтъ, принимая во вниманіе, что «таковые случаи и впредь могутъ быть, и никакого опредѣленнаго при совѣтѣ переводчика нѣтъ», опредѣлилъ представить это обстоятельство на благоразсмотрѣніе г. попечителя. Это опредѣленіе подписалъ и Яковкинъ, а между тѣмъ мы видѣли выше, что онъ приписывалъ исключительно Брауну просьбу о необходимости переводчика въ совѣтѣ.

«Объясненіе» и «оправданіе» Фойгта представляетъ собою только распространеніе той бумаги, которую онъ написалъ въ засѣданіи во время выборовъ и положилъ на столъ передъ Яковкинымъ. Эта бумага внесена была въ совѣтъ, по желанію его нѣмецкихъ членовъ, въ отсутствіе Яковкина, за что Фойгтъ и приноситъ благодарность совѣту. Тонъ его довольно длиннаго объясненія— тонъ обиженнаго человѣка. Изъ словъ заявленія Яковкина о томъ, что онъ предложилъ завести книгу для записыванія причинъ отсутствія членовъ совѣта въ засѣданіяхъ («такъ какъ тогда г. профессора Фойгта въ присутствіи не было и о причинахъ небытія знать отъ него не дано»), Фойгтъ дѣлаетъ заключеніе, что заве-

деніе этой книги вызывается исключительно имъ, и это сильно его возмущаетъ. «И такъ для меня?» – спрашиваетъ онъ. «Почему именно для меня? Почему именно въ то время, когда разъ только опоздалъ на нѣсколько минутъ, тогда какъ о заведеніи такой книги не было ни разу рѣчи прежде при частомъ опаздываніи и при частомъ совершенномъ отсутствіи другихъ членовъ совѣта? Точно г. профессоръ Яковкинъ выжидалъ перваго случая моего опозданія или неприбытія въ засѣданіе совѣта». Фойгтъ скорбитъ о томъ обстоятельствѣ, что его имя будетъ стоять первымъ во вновь заведенной книгѣ о нерадивыхъ посѣтителяхъ совѣта. Онъ сознается, что почувствовалъ жестокое оскорбленіе, а потому не могъ быть спокойнымъ и терпѣливымъ, но находитъ оскорбительнымъ для себя чтеніе ему хорошо знакомыхъ §§ университетскаго устава, гдѣ говорится о соблюденіи порядка въ засѣданіяхъ совѣта. Онъ приводитъ доказательства постояннаго уваженія, оказываемаго имъ Яковкину, говоритъ о своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему, и тѣмъ болѣе оскорбительными кажутся ему придирки директора и выговоръ (der Verweis) за то, что онъ опоздалъ на 11 минутъ. По счету Яковкина Фойгтъ опоздалъ на 35 минутъ, но послѣдній доказываетъ, ссылаясь на профессора астрономіи Литтрова, что стѣнные часы въ комнатѣ совѣтскихъ засѣданій шли впередъ сравнительно съ «истиннымъ временемъ».

Что касается до «горячности» и произведеннаго имъ вслѣдствіе ея «шума», о которомъ говоритъ Яковкинъ въ своей бумагѣ, то причину этой горячности Фойгтъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ, доказывая, что дѣло изложено Яковкинымъ въ противность истинѣ: «Когда я написалъ свое оправданіе и оно было читано нѣкоторыми изъ гг. членовъ совѣта, то желая потомъ *торжественно* (solenniter) вручить его г. предсѣдателю совѣта, попросилъ возвратить мою бумагу, ея на лицо не оказалось, я не могъ найти ее. *Спрашиваю всякаго, знакомаго хотя бы только съ начальными основаніями* эмпирической психологіи: какое впечатлѣніе это исчезновеніе моей оправдательной бумаги должно было произвести на меня, столь жестоко обиженнаго и оскорбленнаго? Какая другая мысль могла возродиться въ моей возмущенной душѣ, какъ не та, что отъ меня не принимаются ни извиненія, ни оправданія, что *меня лишаютъ права, принадлежащаго послѣднему крѣпостному человѣку!!* Я чувствовалъ себя разбитымъ (zermalmt), уничтоженнымъ, лишеннымъ чести и всякаго права, изверженнымъ (hors de loi)!! Милосердый Боже! И я былъ ординарнымъ профессоромъ, имѣющимъ право выбирать другихъ въ должности! Какое противорѣчіе!!»

Очевидно Фойгтъ, какъ это и объясняли нѣкоторые, ближе

знавшіе его нѣмецкіе коллеги, былъ человѣкъ болѣзненный, нервно разстроенный, волновавшійся изъ пустяковъ и преувеличивающій. Потрясенный исчезновеніемъ бумаги, написанной въ оправданіе, онъ заявляетъ, что принужденъ оставить собраніе, что не будетъ принимать участія въ выборахъ, пока не найдется его бумага. Когда, взявъ свою шляпу, Фойгтъ сталъ уже уходить изъ собранія, къ нему подошелъ проф. Литтровъ и подалъ ему найденную имъ бумагу, но «въ сломанномъ видѣ» (вѣроятно или сложенную, какъ складываютъ листъ, или скорѣе измятую, такъ какъ Фойгтъ, волнуясь, показывалъ ее и давалъ читать своимъ сослуживцамъ- (Яковкинъ въ своемъ заявленіи писалъ, что «Фойгтъ» сломалъ въ четверо листъ и бросилъ бумагу на столъ). Это успокоило его. Опровергая далѣе выставленныя противъ него Яковкинымъ обвиненія, Фойгтъ останавливается и на томъ обвиненіи, что онъ «сломалъ бумагу». «Я не понимаю», пишетъ онъ, «какимъ образомъ подача *сломаннаго* прошенія можетъ быть сочтена преступленіемъ. Не *ломаются* ли почти всѣ прошенія въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ? Не отдаются ли они, иногда даже запечатанными, предсѣдателю или секретарю?» Вѣроятно однако, что Яковкинъ нашелъ бы какія-либо подходящія къ случаю слова указа относительно *сломанной* бумаги, несмотря на положительную увѣренность Фойгта въ томъ, что онъ знакомъ съ законами: «Я», говоритъ онъ, «который въ теченіе 17 лѣтъ, несъ въ Россіи обязанности консулента (Rechts-Consulent), секретаря, судьи и предсѣдателя суда, полагаю, могу быть увѣренъ въ себѣ, что знаю, какимъ образомъ бумаги должны быть подаваемы по формѣ». Не можетъ далѣе Фойгтъ понять, слѣдуетъ ли назвать непристойными и законопротивными слова его, что онъ такой же ординарный профессоръ, какъ и Яковкинъ, если слова эти касались общаго дѣла и произнесены были имъ публично, для огражденія нарушаемыхъ, принадлежащихъ ему правъ.

Длинное объясненіе проф. Фойгта, представленное въ совѣтъ сначала въ чьемъ-то плохомъ русскомъ переводѣ, было, по порученію совѣта, повторено и въ подлинникѣ, который разосланъ былъ для прочтенія «членамъ, не умѣющимъ Россійскій языкъ». Нѣмецкій оригиналъ объясненія Фойгта былъ заслушанъ въ совѣтскомъ засѣданіи 19 октября 1810 года. По прочтеніи объясненія проф. Литтровъ представилъ письменное заявленіе слѣдующаго содержанія: «Большая часть бумаги проф. Фойгта, заслушанной сегодня въ засѣданіи совѣта, *не заключаетъ въ себѣ ничего кромѣ неправды*. Чтобы таковое мнѣніе мое стало яснымъ для прочихъ членовъ, я постараюсь снабдить его лучшими доказательствами и прошу, что-

бы оно было занесено въ протоколъ» [1]). Объ этомъ конечно тотчасъ же было донесено попечителю. Фойгтъ, вѣроятно къ большому своему удивленію, нашелъ противника въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ. Всѣ прочіе члены совѣта опредѣлили: согласно просьбѣ проф. Фойгта, отослать его объясненіе къ попечителю и сообщить его въ копіяхъ всѣмъ членамъ совѣта, «чтобы каждый могъ представить совѣту свои замѣчанія, которыя ему кажутся нужными». Такимъ образомъ дѣло «о горячности Фойгта увеличивалось въ размѣрахъ».

Очень скоро, по поводу неудавшихся выборовъ и шума, произведеннаго Фойгтомъ, была получена отъ попечителя слѣдующая строгая бумага:

„Изъ меморіи сентября 21 дня къ прискорбію моему усматриваю я, что прежде нежели совѣтъ преобразованъ, и ни ректоръ, ни деканы еще не утверждены, *въ собраніи профессоровъ возникаютъ уже неустройства. Г. профессоръ Браунъ, не бывъ утвержденъ ректоромъ, сбираетъ уже голоса, а г. Фойгтъ шумѣть начинаетъ*, что заключаю я изъ того, что предложеніе г. профессора и директора Яковкина всѣ гг. члены, не сдѣлавъ никакого замѣчанія, утвердили, и для того предлагаю совѣту доставить мнѣ бумаги, кои г. Фойгтъ подавалъ и кидалъ предъ предсѣдателя, дабы я, для прекращенія впредь подобныхъ происшествій, могъ представить оныя и донесеніе г. Яковкина министру народнаго просвѣщенія на благоусмотрѣніе. Между тѣмъ *предлагаю предсѣдательствующему и совѣту, чтобы въ управленіи университета и гимназіи никакой отмѣны безъ вѣдома моего не было дѣлано, до открытія университета*".

Выслушавъ это предложеніе попечителя, совѣтъ постановилъ исполнить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ просить попечителя, «дабы онъ благоволилъ отложить представленіе о семъ дѣлѣ Его сіят—ству г. министру до полученія объясненія г.г. членовъ».

Въ засѣданіи 26 октября, когда было заслушано это предложеніе Румовскаго, было доложено также и объясненіе Литтрова о дѣлѣ проф. Фойгта, но обсужденіе этого объясненія отложили до слѣдующаго засѣданія, однако и въ немъ оно не разсматривалось «за множествомъ другихъ дѣлъ». Оно, хотя и было прочитано уже въ декабрьскомъ засѣданіи совѣта, но въ это время страсти уже достаточно улеглись и самъ Литтровъ просилъ, чтобы мнѣніе его не обсуждалось. Оно однако было постановленіемъ совѣта пріобщено къ «дѣлу о горячности проф. Фойгта», гдѣ и можно познакомиться

---

[1]) „Scripti illius a D-no Prof. Voigt hodie concilio traditi *bona pars non nisi res falsas continet:* quae mea sententia, utpote etiam, si aliis visum fuerit, argumentis paullo melioribus a me demonstranda, ut in protocolum universitatis inseratur, rogo".

съ его содержаніемъ. По отношенію къ Фойгту оно нѣсколько рѣзко, но несправедливымъ назвать его нельзя. Оно отчасти оправдываетъ и Яковкина. Какъ бы мы ни судили этого человѣка, съ именемъ котораго въ теченіе десяти лѣтъ связаны были судьбы Казанскаго университета, въ какомъ непривлекательномъ свѣтѣ ни представлялась бы намъ эта личность, пронырливая, льстивая, своекорыстная, унижающаяся передъ высшими и гордящаяся передъ подчиненными, нельзя однако отнять у нея достоинства сдержанности въ характерѣ и умѣнья владѣть собою. Для этихъ житейскихъ достоинствъ вовсе нѣтъ надобности въ широкомъ умственномъ развитіи или въ глубокомъ нравственномъ содержаніи характера. Они, мы увѣрены въ томъ, легко соединяются съ значительными дозами наглости и безстыдства.

Ошибка Фойгта, по словамъ Литтрова, заключалась въ томъ, что совершенно спокойную рѣчь Яковкина, начатую имъ еще до прихода Фойгта въ засѣданіе, о необходимости завести согласно § 48 университетскаго устава, особливую книгу, въ которой записывались бы причины отсутствія или опозданія членовъ, онъ принялъ на свой счетъ и понялъ, какъ выговоръ начальства, къ нему обращенный. Увлеченный ложно понятымъ имъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, онъ не хотѣлъ слушать ни одного изъ своихъ сочленовъ, старавшихся увѣрить его въ противномъ. Источникъ огорченія Фойгта, на которомъ онъ основываетъ свое длинное, представленное имъ въ совѣтъ самооправданіе, былъ ложенъ въ своемъ основаніи. «Напрасно», говоритъ Литтровъ, «профессоръ Фойгтъ эту бумагу свою украсилъ такъ старательно всяческими реторическими фигурами, поставилъ въ разныхъ мѣстахъ ея двойные и тройные восклицательные знаки. Чистая, голая правда, выражаясь на бумагѣ, пренебрегаетъ такими мелочными средствами; не помогутъ они и неправдѣ». Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Литтровъ подробно разбираетъ самооправданіе проф. Фойгта, сравнивая его съ бумагою Яковкина, внесенною имъ въ совѣтъ. Литтровъ не видитъ въ дѣйствіяхъ директора ничего предосудительнаго, ничего личнаго по отношенію къ Фойгту. Онъ напоминаетъ послѣднему, что предложеніе Яковкина завести книгу для записыванія причинъ опозданія и неявки членовъ совѣта было сдѣлано имъ прежде, въ то засѣданіе, когда было прочитано предложеніе министра о производствѣ выборовъ. О поведеніи Фойгта Литтровъ судитъ весьма рѣзко. Это поведеніе, по словамъ его, можно объяснить только или состояніемъ опьяненія или безуміемъ. «Вотъ причина», пишетъ онъ, «моего тогдашняго заявленія, что я считаю проф. Фойгта больнымъ. Съ моей стороны это были слова сожалѣнія, питаемаго къ человѣку,

высоко цѣнимому мною за другія заслуги и только увлеченному тогда бурею страсти, но выраженіе жалости смѣняется у меня выраженіемъ неудовольствія на человѣка, продолжающаго повторять то, что было высказано имъ въ жару страсти». Литтровъ разсказываетъ всѣ обстоятельства дѣла. «Напрасно старались мы» (сочлены Фойгта), продолжаетъ онъ, «и общими просьбами, и убѣжденіями, успокоить его и привести въ сознаніе, но убѣдившись, что старанія наши напрасны, стали уговаривать его отложить объясненіе до слѣдующаго засѣданія, но и это не удалось». Бумагу, заключавшую объясненіе Фойгта, Литтровъ, посовѣтовавшись съ Френомъ и Бартельсомъ, въ надеждѣ образумить впослѣдствіи Фойгта, спряталъ въ карманъ (по его словамъ это значило «отнять ножъ у больнаго»). Раздраженіе Фойгта описано въ бумагѣ Литтрова даже болѣе яркими красками, чѣмъ у Яковкина, уговаривавшаго расходившагося профессора, который билъ кулаками по столу, спокойно и съ достоинствомъ, напоминавшаго Фойгту о приличіи и указывавшаго на зерцало. Въ заключеніе длиннаго мнѣнія своего Литтровъ высказываетъ, что перомъ его руководила любовь къ истинѣ, и проситъ представить его мнѣніе на благоусмотрѣніе попечителя. Рѣзкость мнѣнія Литтрова можно объяснить развѣ тѣмъ возбужденіемъ умовъ, какое было въ профессорской средѣ вслѣдствіе неудавшихся выборовъ. Фойгта слѣдовало скорѣе жалѣть, чѣмъ обвинять: это былъ больной человѣкъ. Мы уже говорили, что около того же времени, какъ случился съ нимъ разсказанный нами инцидентъ, Фойгтъ уже пересталъ читать лекціи по болѣзни, а въ іюнѣ слѣдующаго 1811 года его уже не было въ живыхъ.

Хотя по собственному желанію Литтрова, высказанному имъ въ засѣданіи совѣта 9 ноября 1810 года, его, изложенное нами выше мнѣніе о поведеніи Фойгта не было обсуждаемо въ совѣтѣ на томъ основаніи, что о томъ же предметѣ, т. е. поведеніи Фойгта, было представлено попечителю коллективное мнѣніе, подписанное Брауномъ, Френомъ, Бартельсомъ, Реннеромъ, Финке, Нейманомъ, Эрдманомъ и самимъ Литтровымъ, но самое дѣло продолжало разбираться въ совѣтѣ и волновать умы. Коллективное мнѣніе нѣмецкихъ профессоровъ старалось очень подробнò и вполнѣ объективно разсмотрѣть, чтò было справедливо въ утвержденіяхъ обвиненія Яковкина и самооправданія Фойгта и чтó противорѣчило истинѣ. Такихъ пунктовъ оказалось въ бумагѣ девять. Стараясь быть безпристрастными, эти члены совѣта указывали на горячность Фойгта, какъ на фактъ, не подлежащій спору. Они говорили, что ни одинъ изъ членовъ совѣта ни словомъ, ни дѣломъ не воспротивился бы занесенію въ протоколъ случая бывшаго въ совѣтѣ, но они обвиняли

Яковкина именно въ томъ, что онъ дѣйствовалъ самолично, и, не составивъ протокола, не спросивъ мнѣнія совѣта, прямо отъ себя обратился съ донесеніемъ къ попечителю.

Въ своей бумагѣ попечитель, какъ мы видѣли, по донесенію Яковкина, обвинялъ проф. Брауна, выбраннаго послѣ вторичной баллотировки, въ томъ, что не будучи еще утвержденъ ректоромъ, онъ позволилъ себѣ собирать голоса въ совѣтѣ. Проф. Браунъ былъ, какъ мы знаемъ, излюбленнымъ ректоромъ нѣмецкихъ профессоровъ, а потому естественно было со стороны ихъ выступить на его защиту. Особенная, писанная по французски записка (mémoire), подписанная восемью членами и представленная ими попечителю, посвящена этому обстоятельству. Она передаетъ его такимъ образомъ:

«Г. профессоръ и кавалеръ Яковкинъ, приступая къ выборамъ и говоря о порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ, предложилъ собранію профессоровъ руководствоваться закономъ 14 декабря 1766 года, опредѣляющимъ порядокъ, наблюдаемый при выборахъ въ коммиссію о составленіи законовъ, такъ какъ университетскій уставъ не даетъ никакихъ подробностей о такомъ порядкѣ. Какъ только г. профессоръ и кавалеръ Яковкинъ былъ избранъ предсѣдателемъ выборовъ (président de l'élection), порядокъ избранія былъ опредѣленъ согласно упомянутому закону». Хотя предсѣдатель самъ предложилъ этотъ законъ въ руководство, но не обратилъ вниманія на случай, предусмотрѣнный этимъ закономъ, когда двое или нѣсколько избираемыхъ получатъ одинаковое количество голосовъ въ свою пользу, и продолжалъ выборъ декановъ. При этомъ профессоры Браунъ и Эрдманъ получили также одинаковое число голосовъ, но на это также не обращено было вниманіе, и въ слѣдующемъ засѣданіи избирали секретаря. Наконецъ 23 сентября, послѣ избранія членовъ училищнаго совѣта, профессоръ Нейманъ, какъ юристъ, сдѣлалъ представленіе совѣту о необходимости перебаллотированія тѣхъ членовъ совѣта, которые. при избраніи въ ректоры, получили одинаковое количество голосовъ и прочелъ самый текстъ закона. Это заявленіе было поддержано многими, но противъ него былъ предсѣдатель собранія, профессоръ Яковкинъ. Онъ не отрицалъ прямаго смысла закона, но выставлялъ другія основанія своему мнѣнію, что было конечно странно съ его стороны, такъ какъ онъ зналъ законъ и самъ же предложилъ имъ руководствоваться при выборахъ. Къ мнѣнію Яковкина присоединились профессоры Сторль и Фойгтъ, вѣроятно испуганный возникшимъ дѣломъ о его горячности и желавшій помириться съ Яковкинымъ (Фуксъ не присутствовалъ по болѣзни). Основываясь на п. 6 § 55 устава, въ которомъ говорится, что «остающійся при противномъ мнѣніи пріобщаетъ оное за своимъ

подписаніемъ къ дневной запискѣ, послѣ чего не отвѣчаетъ уже за общее опредѣленіе», эти трое приводили какъ причину своего несогласія слѣдующее мнѣніе: «дабы кто либо изъ гг. профессоровъ при единовременномъ избраніи впослѣдствіи не могъ бы обремененъ быть тремя или четырьмя особенными должностями». Намъ ясно однако, что это странное опасеніе, высказанное Яковкинымъ, было просто съ его стороны уловкою или крючкомъ, чтобы помѣшать избранію ректора. Это поняли очень хорошо и прочіе члены совѣта, потребовавшіе буквальнаго исполненія закона и повторенія баллотировки въ ректоры тѣхъ лицъ, которыя получили равное число голосовъ въ свою пользу. Тогда Яковкинъ объявилъ, что онъ и двое другихъ профессоровъ, раздѣляющихъ его мнѣніе, не примутъ участія въ этомъ повтореніи баллотировки, и положилъ три шара на столъ въ то мѣсто, гдѣ клались шары лицъ избираемыхъ, а слѣдовательно не принимающихъ участія въ баллотировкѣ. Такой поступокъ со стороны Яковкина конечно былъ непріятенъ большинству членовъ совѣта. Они опасались, что отказъ трехъ членовъ отъ баллотировки или ихъ исключеніе сочтутъ свыше достаточною причиною для признанія недѣйствительности и всей баллотировки. Незаконность заявленія Яковкина была сознана скоро и тѣми двумя профессорами, которые были на его сторонѣ. Вѣроятно убѣжденные доказательствами своихъ сочленовъ, Сторль и Фойгтъ заявили теперь, что они примыкаютъ къ большинству и примутъ участіе въ баллотировкѣ. Только одинъ Яковкинъ твердо стоялъ на своемъ мнѣніи, доказывая, что онъ не обязанъ принимать участіе въ повторительной баллотировкѣ, и спрашивая совѣтъ: не хотятъ ли его принудить къ тому? Во время возникшихъ по этому поводу преній, многими членами совѣта было замѣчаемо Яковкину, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо принужденіи, такъ какъ онъ самъ поставилъ вопросъ: «an debeo?», но что все сводится къ вопросу: не есть ли его обязанность, какъ члена совѣта, согласиться съ общимъ опредѣленіемъ и принять участіе въ повтореніи баллотировки. Чтобы положить предѣлъ этимъ безполезнымъ спорамъ, Яковкину было замѣчено, что если онъ будетъ настаивать на своемъ мнѣніи, никто не можетъ заставить его принять участіе въ баллотировкѣ, но что необходимо записать отказъ его въ протоколъ, указать причины его, и тогда балотировка произойдетъ безъ него. Не давая никакого заключенія на это желаніе совѣта, Яковкинъ требовалъ, чтобы совѣтъ рѣшилъ: долженъ ли онъ принять участіе въ повторительной баллотировкѣ или нѣтъ, потому что, какъ онъ самъ говорилъ, онъ не можетъ принять этого участія, пока совѣтъ не рѣшитъ формально этого вопроса, но въ случаѣ, если совѣтъ выскажется утвердительно объ этомъ

вопросѣ, и онъ подастъ свой голосъ за повтореніе баллотировки. Какъ ни странно казалось бы собирать голоса по такому вопросу, но совѣтъ не медля удовлетворилъ просьбу Яковкина, а между тѣмъ въ этихъ спорахъ и пререканіяхъ ушло даромъ очень много времени; напрасно профессоръ Браунъ два раза просилъ Яковкина собрать голоса. Онъ отказалъ въ этомъ, выставляя предлогомъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, будучи противнаго мнѣнія. Тогда Браунъ обращается съ просьбою къ Яковкину указать кого-нибудь изъ членовъ совѣта, кто бы вмѣсто него могъ собрать голоса, на что и получилъ отвѣтъ: «ipse petas». Вслѣдствіе этого Браунъ и собралъ голоса по вопросу: обязанъ ли Яковкинъ принять участіе во вторичной баллотировкѣ, которая, согласно опредѣленію совѣта, должна была немедленно послѣдовать, и вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ единогласно.

Профессоры, подписавшіе записку, представленную попечителю, замѣчаютъ, что для совѣта было чрезвычайно важно, чтобы въ постановкѣ вопроса не было ничего двусмысленнаго. «Если профессоръ и кавалеръ Яковкинъ отказался подать свой голосъ, то совѣтъ не могъ принудить его подать его, но онъ могъ рѣшить: было ли обязанностью со стороны профессора и кавалера Яковкина, какъ члена того же совѣта, подать свой голосъ вслѣдствіе единогласнаго рѣшенія этого совѣта. Сравнивая поведеніе проф. Брауна съ поведеніемъ проф. Яковкина, легко убѣдиться, что первый имѣлъ въ виду общее благо, и что его обязанностью было привести къ окончанію дѣло выборовъ, согласно предписаніямъ г. министра и г. попечителя. Мы всѣ положительно увѣрены, что профессора Брауна нельзя обвинить ни въ чемъ».

Нѣмецкихъ профессоровъ огорчаетъ предположеніе, что все дѣло представлено попечителю въ извращенномъ и для нихъ оскорбительномъ видѣ. Слова попечителя въ его предложеніи отъ 13 октября, что проф. Браунъ дозволилъ себѣ собирать голоса въ совѣтѣ прежде, чѣмъ былъ утвержденъ ректоромъ, наводятъ ихъ на это предположеніе, не говоря уже о знакомой имъ хорошо, обычной тактикѣ Яковкина. Они стараются поэтому возстановить истину въ настоящемъ ея видѣ: Браунъ не только не былъ утвержденъ ректоромъ во время собиранія имъ голосовъ, говорятъ они, но тогда не было и приступлено еще ко вторичной баллотировкѣ, а слѣдовательно не было и рѣшено еще: выскажется ли большинство за него или за Литтрова. То обстоятельство, слѣдовательно, что Браунъ не былъ еще утвержденъ ректоромъ, не имѣетъ никакого отношенія къ факту собиранія имъ голосовъ.

Съ большимъ достоинствомъ заключаютъ свою оправдательную

записку нѣмецкіе профессоры. Они, по словамъ ихъ, вовсе не имѣютъ намѣренія обвинять кого-либо, не желаютъ касаться поступковъ другихъ лицъ въ засѣданіи 23 сентября, такъ какъ они не имѣютъ отношенія къ Брауну. «Смѣемъ увѣрить в. п.», говорятъ они, «этимъ доказательствомъ нашей умѣренности, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ очевидной для всѣхъ необходимости оправдать одного изъ членовъ совѣта, обвиненнаго передъ Вами безъ всякаго основанія». Они увѣряютъ наконецъ попечителя. что какъ въ засѣданіи 23 сентября, такъ и въ прочихъ, даже въ томъ, въ которомъ забылся профессоръ Фойгтъ, господствовалъ полный порядокъ, а потому совѣтъ не считаетъ себя заслуживающимъ упрека, сдѣланнаго попечителемъ въ предложеніи отъ 13 октября.

Другое мѣсто упомянутой бумаги Румовскаго предлагало предсѣдательствующему и совѣту, «*чтобы въ управленіи университета и гимназіи никакой отмѣны безъ вѣдома моего не было дѣлано, до открытія университета*». Слова эти также вызваны были донесеніемъ Яковкина о собираніи голосовъ Брауномъ и высказывали недовольство со стороны попечителя воображаемымъ имъ началомъ самоуправленія. Объясненіе нѣмецкихъ профессоровъ касается и этого пункта. Ничего подобнаго не приходило имъ въ голову и не могло придти, по словамъ ихъ, до утвержденія результатовъ выборовъ. Но, ссылаясь на предложеніе министра народнаго просвѣщенія (17 августа 1810 года, № 917), въ которомъ прямо поручалось попечителю «предписать *сословію профессоровъ* Казанскаго университета избрать изъ нихъ ректора, установить раздѣленіе факультетовъ и сдѣлать выборы въ деканы для каждаго изъ оныхъ», они стояли на томъ, что дѣйствія ихъ вполнѣ законны и согласны съ волею высшаго начальства, но что перемѣны никакой не произошло, и совѣтъ, въ настоящемъ его видѣ, по отношенію къ завѣдыванію гимназіей, можетъ назваться скорѣе гимназическимъ, чѣмъ университетскимъ. Что у профессоровъ, занимавшихся выборами по предписанію начальства, не было никакого намѣренія дѣлать какія-либо измѣненія въ управленіи гимназіей и университетомъ, доказательствомъ можетъ служить то, что профессоръ и кавалеръ Яковкинъ былъ единогласно выбранъ предсѣдателемъ избирательнаго собранія профессоровъ, на что онъ и изъявилъ согласіе. Управленіе гимназіей и университетомъ остается попрежнему въ его рукахъ, и нѣмецкіе профессоры твердо убѣждены, что они только исполнили свой долгъ и не сдѣлали ничего противозаконнаго.

Мы читали всѣ эти профессорскія бумаги заключающія въ себѣ защиту дѣйствій какъ Брауна, такъ и цѣлаго совѣта. Писаны онѣ

на разныхъ языкахъ, нѣкоторыя переведены и по русски. Въ разнообразныхъ видахъ онѣ представлялись и попечителю, такъ что онъ выразилъ совѣту свое недовольство ихъ излишествомъ: «Я получилъ меморію отъ 1 ноября на двухъ разноцвѣтныхъ листахъ», писалъ онъ въ своемъ предложеніи совѣту (26 декабря 1810 года), «двумя разными руками писанную и осьмью гг. профессорами подписанную, защищающую поступокъ въ собираніи голосовъ г. Брауна. Вскорѣ потомъ доставлена мнѣ еще копія съ той же меморіи, тѣми же гг. профессорами подписанная. Но какъ для меня предовольно одного подлинника, то копію, какъ для меня ни мало не нужную, возвращаю въ совѣтъ для храненія».

Получило конецъ и «дѣло о горячности профессора Фойгта», породившее такое разногласіе въ членахъ совѣта и возбудившее даже неудовольствіе противъ Фойгта въ средѣ его соотечественниковъ, наприм. въ такой достойной уваженія личности, какою былъ Литтровъ. Въ засѣданіи 7 декабря того же 1810 года Яковкинъ предложилъ совѣту просить г. попечителя, чтобы для прекращенія между членами университета всякаго несогласія и распри, «дѣло въ разсужденіи г. профессора Фойгта оставить безъ всякаго изслѣдованія и предать его забвенію». Съ этимъ предложеніемъ согласились: Броннеръ, Бартельсъ, Френъ, Сторль и конечно самъ Фойгтъ, давно успокоившійся, но остальные, а именно: Литтровъ, Эрдманъ, Финке, Реннеръ и Браунъ были несогласны и требовали, чтобы все дѣло, со всѣми къ нему относящимися бумагами, было представлено попечителю. Какія основанія имѣли эти члены для продленія этого въ сущности ничтожнаго дѣла, мы не можемъ догадаться. Попечитель согласился съ первыми: «Похваляя миролюбивое мнѣніе гг. профессоровъ Броннера, Бартельса, Френа, Сторля и Яковкина о горячности г. Фойгта въ собраніи оказанной», писалъ онъ 29 декабря 1810 года, «я съ ними согласенъ, чтобы дѣло сіе предано было забвенію, съ тѣмъ, чтобы совѣтъ объявилъ ему (Фойгту), что я для соблюденія тишины и согласія въ совѣтѣ, для общаго блага необходимо нужныхъ, желаю и прошу г. Фойгта, чтобы онъ миролюбіемъ загладилъ отъ излишней горячности сдѣланную ошибку».

Что касается до утвержденія выборовъ, произведенныхъ въ совѣтѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и о результатахъ которыхъ было представлено попечителю 27 сентября 1810 года, то они не были утверждены. Разсчеты попечителя на выборъ Яковкина не оправдались. Еще до полученія донесенія о выборахъ, въ отвѣтъ на просьбу Яковкина, увѣреннаго въ томъ, что его не выберутъ ректоромъ и просившаго о мѣстѣ засѣдателя, Румовскій пи-

салъ ему: «Ежели я не преклоню графа (Разумовскаго), чтобы государь, по крайней мѣрѣ на первой годъ, утвердилъ васъ ректоромъ, то къ заведенію (sic) непремѣннаго засѣдателя никого достойнѣе и способнѣе васъ не знаю». Брауна, сильно обнесеннаго передъ нимъ Яковкинымъ, онъ не желалъ видѣть ректоромъ. По поводу прекращенія «дѣла о горячности Фойгта», Румовскій писалъ Яковкину: «предложеніе ваше о преданіи забвенію горячности г. Фойгта открыло козлищъ и овецъ (т.-е. непокорныхъ и покорныхъ). Благодарю васъ за оборотъ, который вы къ сему открытію употребили. Мнѣ удивителенъ паче прочихъ г. Эрдманъ, который вскорѣ послѣ горячности Фойгтомъ оказанной, писалъ къ вамъ объ оставленіи безъ взысканія дѣла сего. Видно, что г. Браунъ великое имѣетъ вліяніе на сердца своихъ сообщниковъ, обманывающихся, можетъ быть, что онъ будетъ утвержденъ ректоромъ. Когда я, сообщивъ вамъ экстрактъ изъ меморіи (о выборахъ), желалъ имѣть отъ васъ объясненіе, то не требовалъ отъ васъ ни лжи, ни клеветы, но истиннаго изложенія съ какими обстоятельствами происходило перебаллотированіе. Ежелибъ вы, не соглашаясь на перебаллотированіе, сказали: поелику указъ 1766 года касается до выбора депутатовъ (Екатерининской коммиссіи объ уложеніи), а въ уставѣ университета ничего о равенствѣ балловъ не сказано, то надлежитъ отдать на рѣшеніе начальства приступать ли къ перебаллотированію, тогда, думаю, я избавился бы отъ затѣйливой меморіи гг. профессорами мнѣ доставленной. Теперь можете вы чтеніемъ ея насладиться. Я совѣтую и въ другихъ подобныхъ, напередъ пріуготовленныхъ предложеніяхъ отклонять затѣи. Г. Нейманъ тотчасъ прилетѣлъ ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ, но когда я ему показалъ нѣкоторыя нелѣпости въ меморіи содержащіяся, и оказалъ свое неудовольствіе, то съ того времени болѣе не является».

Примѣненіе закона 1766 года къ перебаллотировкѣ лицъ, избираемыхъ въ ректоры, можетъ быть и ошибочное въ этомъ случаѣ, могло составить только формальное препятствіе. Сущность дѣла ничего не теряла. Предложеніе министра было исполнено: ректоръ, деканы и прочіе избираемые университетскіе чины, согласно уставу, были избраны. Между тѣмъ Румовскій все медлилъ донесеніемъ министру о результатахъ выборовъ, вѣроятно собирая для себя казанскія справки. По прошествіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ полученія имъ донесенія о выборахъ, онъ писалъ Яковкину: «На будущей недѣлѣ надѣюсь сдѣлать министру просвѣщенія представленіе о избранныхъ большинствомъ балловъ гг. профессоровъ къ должностямъ по университету со званіемъ ихъ сопряженнымъ» (29 дек. 1810 г.).

Дѣйствительно 4 января 1811 года отправлено было Румовскимъ донесеніе министру народнаго просвѣщенія о казанскихъ университетскихъ выборахъ. Вѣроятно ему не удалось преклонить графа Разумовскаго къ тому, чтобы Яковкинъ былъ назначенъ ректоромъ хотя бы на одинъ годъ и пришлось дѣлать представленіе объ утвержденіи выбраннаго ректора. Изложивъ результаты всѣхъ выборовъ, попечитель останавливается довольно подробно на инцидентѣ перебаллотированія лицъ, получившихъ одинаковое число шаровъ въ званіе ректора. Перебаллотированіе это онъ считаетъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, а потому проситъ министра отвергнуть его на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) «противъ него протестовалъ предсѣдатель», 2) «оно сдѣлано спустя цѣлую недѣлю послѣ перваго и выиграно время составить заговоръ, какъ писалъ ко мнѣ одинъ изъ профессоровъ», 3) «въ немъ профессоръ Браунъ, не бывъ еще утвержденъ ректоромъ, присвоилъ себѣ право собирать голоса, принадлежащее предсѣдателю совѣта и спрашивалъ: долженъ ли въ немедленномъ перебаллотированіи участвовать профессоръ Яковкинъ?» и наконецъ 4) «второе баллотированіе сдѣлано было безъ вѣдома начальства».

Таковы были причины, побудившія Румовскаго не придавать никакого значенія перебаллотировкѣ. Ему очевидно не хотѣлось имѣть ректоромъ Брауна, и потому изъ двухъ кандидатовъ на эту должность, получившихъ равное число шаровъ, хотя это число составляло только половину ихъ, онъ остановилъ свой выборъ на профессорѣ астрономіи Литтровѣ и «*зная тихій нравъ его для соблюденія согласія и спокойствія въ университетѣ*», онъ просилъ министра утвердить ректоромъ Литтрова. «Тихій нравъ» въ ректорѣ такимъ образомъ былъ идеальнымъ требованіемъ со стороны власти въ эпоху Румовскаго. Позднѣйшія эпохи представляли свои ректорскіе идеалы, случалось радикально противоположные, смотря по измѣняющимся настроеніямъ времени и въ угоду той или другой внутренней политикѣ (мы конечно говоримъ о тѣхъ случаяхъ и тѣхъ годахъ, когда назначеніе ректоровъ не зависѣло отъ выбора членовъ совѣта). Ректоры, кромѣ «тихаго нрава», назначались и за «дѣятельное благочестіе», и за «стойкость характера», и по личному расположенію начальства, и за популярность между студентами, и за хозяйственныя способности, и за либерализмъ, и за консерватизмъ убѣжденій и пр., но едва ли кто-либо изъ назначаемыхъ удостоивался вниманія за свои научныя достоинства и за успѣхи слушателей. Даже въ званіе декана отдѣленія врачебныхъ наукъ Румовскій представлялъ не Брауна, а Эрдмана. Прочихъ результатовъ выборовъ попечитель не измѣнялъ и представлялъ объ утвер-

жденіи согласно совѣту. Замѣтивъ только, что училищный комитетъ составляютъ, согласно избранію, «члены россійскаго языка не умѣющіе», а такъ какъ «всѣ отношенія училищнаго комитета къ училищамъ Казанскаго округа и отношенія училищъ къ комитету должны быть на россійскомъ языкѣ», Румовскій отъ себя уже представлялъ къ утвержденію членами этого комитета поступившихъ уже послѣ выборовъ въ университетъ профессоровъ: ординарнаго Томаса и экстраординарнаго Городчанинова. Яковкина, выбраннаго также въ члены училищнаго комитета, попечитель считалъ и безъ того уже обремененнымъ разными должностями: онъ полагалъ необходимымъ сохранить его въ званіи инспектора студентовъ и въ особенности директора гимназіи. Вмѣстѣ съ открытіемъ университета должна быть переведена въ готовый уже для нея домъ и гимназія, и это перемѣщеніе гимназіи и устройство ея на новомъ мѣстѣ могли быть поручены по мнѣнію Румовскаго только одному человѣку въ Казани—Яковкину. Панегирикъ его послѣднему былъ уже сообщенъ нами.

Самая существенная сторона въ представленіи попечителя министру объ открытіи университета заключалась въ финансовыхъ условіяхъ, въ необходимости отпускать на Казанскій университетъ сумму гораздо болѣе значительную, чѣмъ какая отпускалась прежде. На университетъ до этого времени, кромѣ квартирныхъ денегъ, отпускаемо было въ годъ около 65 т. рублей. Румовскій просилъ теперь министра отнестись къ государственному казначею, чтобы съ наступающаго (1811) года, «по примѣру прочихъ университетовъ, отпускаема была вся сумма всемилостивѣйше Государемъ Императоромъ на Казанскій университетъ пожалованная съ тѣмъ, чтобы остатки оной отъ неполнаго числа профессоровъ и другихъ чиновниковъ бывающіе, отдаваемы были въ государственные банки для приращенія. Оніи со временемъ послужатъ на покупку Молоствова дому, положеніемъ своимъ толико выгоднаго для университета и для заведенія порядочнаго ботаническаго сада, или на построеніе обсерваторіи, или другаго нужнаго зданія для университета безъ отягощенія казны». Сверхъ того на переводъ гимназіи и на открытіе университета, представляя роспись по мнѣнію совѣта нужныхъ вещей, Румовскій ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ хозяйственной суммы до трехъ тысячъ рублей.

Не знаемъ въ точности, какія основанія имѣлъ министръ народнаго просвѣщенія для того, чтобы не утвердить это представленіе Румовскаго о ректорѣ, деканахъ и другихъ лицахъ, выбранныхъ согласно уставу и объ открытіи наконецъ университета. Сколько намъ извѣстно, оффиціальнаго отвѣта на представленіе попечителя

не послѣдовало. Можно догадываться, и по всей вѣроятности это такъ и было, что открытію университета въ Казани помѣшала уже всѣми предвидимая война съ Наполеономъ и необходимость большихъ расходовъ для нея. Всякая лишняя трата пугала. Перечитывая частныя письма Румовскаго къ Яковкину, писанныя имъ въ 1811 и 1812 годахъ, мы не встрѣчаемъ ужъ въ нихъ намека на близкое открытіе университета; за то очень часто попечитель упоминаетъ о господствовавшей тогда въ высшихъ сферахъ экономіи, особенно при тогдашнемъ чрезвычайно низкомъ курсѣ. По его словамъ эту экономію «во всемъ здѣсь наблюдать стараются»; «правительство не о прибавленіи штатныхъ суммы, но объ уменьшеніи ея помышляетъ», пишетъ онъ въ мартѣ 1811 года. Особеннымъ манифестомъ въ февралѣ этого года воспрещено было употреблять экономическую сумму на непредвидѣнныя нужды университета, да и «отпускъ штатной суммы сопряженъ съ такою трудностью, что графъ (Разумовскій) принужденъ былъ жалованье и квартирныя деньги новопроизведеннымъ возложить на экономическую сумму». Въ письмѣ отъ іюля того же года Румовскій сообщаетъ, что онъ расходъ въ 250 рублей для публичнаго собранія принужденъ былъ уменьшить до 50 руб. «Или вы не знаете», пишетъ онъ, «что нынѣ деньгами располагать не дозволено такъ, какъ располагали начальники до манифеста. Ежели министръ финансовъ замѣтитъ расходъ въ 250 р. для публичнаго собранія, то легко можетъ статься, что я принужденъ буду внесть въ казну отъ себя 200 р. Въ августѣ 1811 года (въ этотъ срокъ дѣлались представленія въ то время объ отпускѣ суммъ на будущій годъ), Румовскій опять вошелъ къ министру съ представленіемъ объ отпускѣ на разныя потребности университета, перечисленныя имъ, еще 23100 рублей, съ тою «цѣлью, писалъ онъ, *дабы оставляя университетъ въ настоящемъ его положеніи*» (слѣдовательно теперь уже между попечителемъ и министромъ не было рѣчи о полномъ открытіи университета) «*кромѣ нѣкоторыхъ отмѣнъ*, доставлены были ему способы принести всю пользу, какая отъ него по справедливости ожидается и къ чему гг. профессоры, особливо нѣкоторые изъ нихъ, подаютъ несомнѣнную надежду. Ежелижъ вашему с—ству благоугодно будетъ», заключаетъ свое представленіе Румовскій, «чтобы университетъ въ будущемъ году *совершенно* открытъ былъ, то пріемлю смѣлость покорнѣйше просить объ ассигнованіи къ отпуску съ начала онаго полной по штату суммы, за исключеніемъ жалованья профессорамъ и адъюнктамъ, котораго достаточно будетъ отпускать по числу ихъ дѣйствительно при университетѣ состоящемъ» (17 авг. № 838). Представленіе это не имѣло результата. Не можетъ быть кажется

сомнѣнія въ томъ, что открытію университета воспрепятствовало тогдашнее состояніе финансовъ, но въ Казани этого не знали и нѣмецкіе профессоры, еще черезъ годъ послѣ выборовъ, о которыхъ мы говорили, надѣялись на скорое открытіе университета. Въ письмѣ отъ 25 сентября 1811 года, напечатанномъ въ нѣмецкомъ заграничномъ журналѣ [1]), между прочимъ говорилось слѣдующее: «Выборы еще не утверждены, и открытіе университета не воспослѣдовало, но видно, что оно будетъ скоро. По крайней мѣрѣ гимназія переведена уже въ другое зданіе». Но все однако осталось по старому и открытія университета пришлось ждать почти четыре года.

Выше мы разсказали довольно подробно о тѣхъ разсужденіяхъ въ совѣтѣ, которыя возникли въ немъ совершенно естественно, въ виду несуществованія отдѣленій или факультетовъ: о наукахъ приготовительныхъ и главныхъ или факультетскихъ. Это былъ вопросъ насущной важности; онъ касался близко каждаго профессора. Мы видѣли, какъ неопредѣленно отвѣтилъ на всѣ эти разсужденія Румовскій но будучи доволенъ упорядоченіемъ ученія въ гимназіи, что поручено было имъ Броннеру, и дѣйствіями этого профессора въ качествѣ директора педагогическаго института, онъ просилъ его письмомъ представить совѣту «планъ преподаваній» на будущее время *«съ означеніемъ наукъ какъ пріуготовительныхъ, такъ и въ отдѣленіяхъ преподаваемыхъ, коихъ чтеніе необходимымъ полагаетъ для ученаго образованія»*. Планъ этотъ, писанный по латыни собственноручно и каллиграфически, съ большою аккуратностью Броннеромъ, разработанный имъ въ примѣненіи къ наличнымъ преподавательскимъ силамъ Казанскаго университета, былъ представленъ имъ въ совѣтъ въ августѣ 1812 года [2]). Онъ былъ разсматриваемъ «въ особенныхъ собраніяхъ каждаго отдѣленія», какъ значится въ совѣтскомъ протоколѣ, начиная съ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ. Мы знаемъ, что оффиціально эти отдѣленія не существовали; деканы ихъ, избранные въ 1810 году, не были утверждены, но тѣмъ не менѣе сила вещей заставляла самовольно принять раздѣленіе на отдѣленія, когда дѣло касалось обсужденія какого-либо спеціальнаго вопроса. Вопросъ назрѣлъ самъ собою. Изъ протоколовъ видно, что планъ обсуждался съ большимъ интересомъ. Уже 9 сентября

---

[1]) Intelligenz-Blatt der Jenaischen Litteratur-Zeitung, № 80 (1811).

[2]) Studiorum academicorum series et ordo, Universitati Casaniensi accomodatus, a professore Bronner propositus, nunc insertis omnibus desideratis correctionibus ab eodem emendatus et a concilio academico in sessione 11 septembris, 1812, approbatus.

заслушаны были въ совѣтѣ представленія собраній отдѣленія о планѣ Броннера, и мнѣнія этихъ отдѣленій переданы были Броннеру для того, чтобы онъ могъ ими воспользоваться, а до окончательной редакціи весь планъ Броннера долженъ былъ циркулировать между всѣми членами университета, такъ чтобъ каждый могъ высказать о немъ свое мнѣніе въ совѣтѣ. Очень скоро весь планъ былъ одобренъ, и совѣтъ опредѣлилъ представить его на благоусмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія (по смерти Румовскаго и до назначенія новаго попечителя, всѣ представленія университета шли прямо къ министру) [1]). На основаніи этого плана, составлено было и обозрѣніе преподаваній съ 1 октября 1812 года, о чемъ было также немедленно донесено г. министру. Мы не станемъ входить въ подробности этого плана Броннера, такъ какъ вскорѣ послѣ того послѣдовавшее открытіе университета и образованіе факультетскаго преподаванія дѣлали его излишнимъ. Онъ любопытенъ, какъ свидѣтельство о замѣчательной организаціонной способности Броннера, но собственно факультетское преподаваніе представляется у него довольно скуднымъ, такъ какъ должно было сообразоваться съ наличными преподавательскими силами. Болѣе подробно говорилось въ планѣ о двухлѣтнемъ курсѣ наукъ приготовительныхъ [2]). Наукъ этихъ или предметовъ перечислялось очень много, потому вѣроятно, что казанская гимназія не могла дать университету хорошо подготовленныхъ слушателей. Науки *главныя* или *окончательныя* по терминологіи Броннера (principales или definitivæ) или факультетскія должны были преподаваться въ каждомъ факультетѣ по три года и только въ медицинскомъ курсѣ требовалъ пяти лѣтъ преподаванія, на два года больше.

Представленіе совѣта о предметѣ столь важномъ для университета, какъ правильная организація преподаванія, едва ли обсуждалось принципіально въ высшихъ министерскихъ сферахъ Петербурга. Предметъ мало кого интересовалъ тамъ, да и не было надле-

---

[1]) Въ своемъ частномъ письмѣ къ графу Разумовскому, говоря о томъ, что онъ составилъ этотъ планъ, „profitant du loisir que nous içi permet la distance de scènes guerrières, d'ailleurs si fatales aux sciences“, Броннеръ разсказываетъ и объ употребленной имъ стратагемѣ для того, чтобъ планъ имъ составленный не встрѣтилъ противодѣйствія въ совѣтѣ: „Mais réflechissant que tout mon travail seroit à pure perte, si je n'engageois pas M-r Iacovkine, notre Plénipotentiaire, a me séconder, et même à aider l'exécution, j'ai pris le parti de renoncer à la petite gloire d'apparaitre comme le seul auteur de l'amélioration de nos études et de lui proposer moi-même. qu'il vouloit permettre, que je fasse le rapport en (au) nom de nous deux directeurs“.

[2]) Cursus biennis litterarum propaedeuticarum.

жащихъ силъ для его обсужденія. На представленіе совѣта взглянули совершенно канцелярскимъ образомъ, вѣроятно навели справку въ дѣлѣ и отписали почти буквально то же самое, что покойный Румовскій сообщалъ совѣту по тому же поводу два года тому назадъ «Похваляя усердіе г. профессора Броннера относительно *поправленія* (?) преподаваемыхъ въ университетѣ наставленій», гласило предписаніе министра, «предлагаю изъ представленнаго имъ на сей конецъ въ совѣтъ плана, заимствовать нынѣ то, что совѣтъ признаетъ наиболѣе нужнымъ почерпнуть изъ него, прочее же, что касается вообще до расположенія порядка ученія и учебнаго времени, отложить до *предбудущаго* новаго курса. Тогда совѣтъ имѣетъ въ расположеніи лекцій сообразоваться съ симъ планомъ, сколько по усмотрѣнію его польза и нужда того будетъ требовать». Но изъ другого донесенія совѣта, весьма скоро послѣдовавшаго вслѣдъ за первымъ, министръ увидалъ, что расположеніе лекцій, сдѣланное Броннеромъ, уже приведено въ исполненіе, и преподаваніе начато по этому плану, «то мнѣ и не остается другаго», писалъ онъ въ предложеніи, «какъ дать свое согласіе» (4 ноября 1812 г. № 806).

Глава XIV.

Дѣйствія совѣта до открытія университета. Постепенное увеличеніе дѣятельности. Управленіе училищами округа и училищный комитетъ. Чистопольское дѣло: голова Плаксинъ и учитель Лебедевъ. Характеръ дѣлъ училищнаго комитета, разбираемыхъ совѣтомъ. Дѣленіе на факультеты въ первый разъ. О правахъ экстраординарныхъ профессоровъ. Столкновеніе Яковкина съ профессоромъ Германомъ. Вопросъ о переводѣ русскихъ бумагъ для нѣмецкихъ профессоровъ. Уколъ самолюбію Яковкина, какъ директору гимназіи. Личные счеты. Обида Брауномъ адъюнкта Петровскаго. Патріотизмъ 1812 года. Разборъ въ совѣтѣ частныхъ долговъ профессора Германа и его старанія о прибавкахъ къ профессорскому жалованью. Его же жалобы на нарушеніе казанской полицией профессорскихъ привиллегій. Послѣдніе годы его дѣятельности въ Казани до увольненія Магницкимъ. Экзаменный комитетъ и обвиненіе въ «лакомствѣ». Разборъ въ совѣтѣ дѣла по жалобѣ жены лектора татарскаго языка Хальфина на мужа.

Сила вещей должна была понемногу оказывать свое дѣйствіе. Несмотря на то, что университетъ не могъ быть открытъ, необходимость заставляла постепенно увеличивать его функціи. По уставу 1804 года(§§ 160—174) университету предоставлено было «надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ»; онъ обязанъ былъ «прилагать особенное и неутомимое попеченіе» о томъ, чтобъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища «учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно». Университету предоставлено было право выбирать для каждой губерніи округа директора училищъ и представлять его чрезъ главное правленіе училищъ на утвержденіе министра. Смотрителей же училищъ и учителей въ гимназіи и въ училища университетъ избиралъ или опредѣлялъ непосредственно самъ, или по представленію губернскихъ директоровъ. Для надзиранія за училищами и управленія ими, для производства всѣхъ дѣлъ по учили-

щамъ учреждался *училищный комитетъ*. Онъ долженъ былъ избираться на годъ изъ шести ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Все управленіе училищъ зависѣло отъ него. Онъ посылалъ ежегодно визитаторовъ, «поручая каждому одну или двѣ губерніи для осмотра». Эти визитаторы могли быть или изъ членовъ комитета, или изъ другихъ профессоровъ. Ежегодный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и о состояніи училищъ комитетъ обязанъ былъ представлять совѣту, а послѣдній уже, по разсмотрѣніи, препровождалъ его къ попечителю и министру. Секретаремъ комитета былъ одинъ изъ адъюнктовъ или магистровъ. Свои сношенія съ посторонними присутственными мѣстами комитетъ могъ производить лишь чрезъ посредство университетскаго правленія.

Громадный учебный округъ, ввѣренный попеченію Казанскаго университета и его училищнаго комитета, заключалъ въ себѣ губерніи: Казанскую, Оренбургскую (въ нее входили кромѣ Оренбургской, нынѣшнія Уфимская и Самарская), Астраханскую, Кавказскую (нынѣ Ставропольская), Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Томскую и Иркутскую, послѣднюю съ такими отдаленными училищами, какъ Нерчинское, Троицкосавское и Якутское. Этимъ пространствомъ, правда въ то время почти пустыннымъ по отношенію къ просвѣщенію, но значительно бо́льшимъ, чѣмъ вся Европейская Россія управлялъ въ учебномъ отношеніи самолично попечитель до конца 1811 года. Самъ онъ, проѣхавшись лишь разъ въ началѣ 1805 года изъ Петербурга въ Казань и по всей вѣроятности лично познакомившись только съ тѣми гимназіями и училищами, которыя встрѣчались на пути, никуда по старости не выѣзжалъ болѣе изъ Петербурга. Въ первой части нашей книги мы разсказали довольно подробно о двухъ визитаціяхъ въ попечительство Румовскаго, сдѣланныхъ по его предписаніямъ Яковкинымъ—пензенской гимназіи и адъюнктами Запольскимъ и Кондыревымъ—оренбургскихъ училищъ. Эти осмотры, соединенные со слѣдствіями, вызывались вопіющими безпорядками, столь естественными въ то время въ некультурной, оставленной на произволъ дали. Кому и какое дѣло было здѣсь до просвѣщенія, до училищъ, пользу и значеніе которыхъ едва понимали? Самое управленіе Румовскаго носило совершенно канцелярскій характеръ и велось исключительно бумажнымъ образомъ. Новыя училища открывались весьма рѣдко; успѣхъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ уже послѣ, когда открылся училищный комитетъ при университетѣ. Изучая «входящія» въ годы попечительства Румовскаго и просматривая большое количество рапортовъ и отчетовъ, поступавшихъ въ его канцелярію отъ губернскихъ директоровъ, мы пришли

къ убѣжденію, что попечителю не было и возможности перечитать всю эту массу. Ею, по всей вѣроятности только слегка, пользовались канцелярскіе чиновники для составленія годовыхъ отчетовъ въ главное правленіе училищъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда получалось частное письмо, разсказывавшее о какомъ-нибудь изъ ряда вонъ выходящемъ казусѣ гдѣ-нибудь въ гимназіи или училищѣ, казусѣ, о которомъ кричала вся губернія, начиналось изслѣдованіе, поднималось дѣло. Но поднимать подобныя дѣла едва ли было кому выгодно и глубокій миръ царилъ посреди глубокаго невѣжества. Не даромъ Румовскій, и Яковкинъ такъ часто хлопотали и говорили о тишинѣ и спокойствіи.

Между тѣмъ дѣла именно такого скандальнаго и вопіющаго свойства накоплялись. Судить ихъ заглазно, производить о каждомъ изъ нихъ слѣдствія изъ Петербурга не представлялось возможности, и вотъ именно такіе случаи, если мы не ошибаемся, и были причиною того, что попечитель и министръ рѣшились наконецъ, несмотря на господствовавшую вездѣ экономію, приступить къ открытію училищнаго комитета при университетѣ. Въ засѣданіи совѣта 31 августа 1811 года заслушано было прошеніе чистопольскаго головы, второй гильдіи купца и коммерціи совѣтника Василія Семеновича Плаксина объ обидѣ, причиненной ему учителемъ чистопольскаго малаго народнаго училища Андреемъ Николаевымъ Лебедевымъ. Въ этомъ прошеніи, писанномъ на листѣ гербовой бумаги 30-ти копѣечнаго достоинства, по титулѣ и по пунктамъ, проситель объяснялъ, что учитель Лебедевъ, въ поданномъ имъ отъ себя въ чистопольское городническое правленіе донесеніи, «описалъ несодѣйствующія совсѣмъ причины, во первыхъ яко бы жена моя Марья Семенова была въ изступленіи, забывши свой полъ, состояніе, благопристойность и законы, изъ своихъ рукъ стегнула плетью его ученика Романа Халукминова, г-на Аристова человѣка, а во вторыхъ въ тотъ же самый часъ будьто и я пришелъ къ нему въ училище, въ замѣшательствѣ, и въ горячности не спросилъ его ни о произшествіи дѣла, ни о знаніи (?), говорилъ ему язвительныя и колкія слова, забывши благопристойность, должность свою и мѣсто, дѣйствовалъ и повелѣвалъ у него въ училищѣ самовластно, и что о семъ отъ него будетъ рапортовано высшему начальству». Плаксинъ отрицаетъ факты, разсказанные учителемъ, и говоритъ, что «оглашеніе учителемъ Лебедевымъ въ чистопольскомъ городническомъ правленіи произнесено къ единственному поношенію и оскорбленію нашей чести, въ нарушеніе изданнаго прошлаго 1787 года апрѣля 21 числа о спокойствіи и тишинѣ манифеста 13 пункта». Съ своей стороны Плаксинъ съ женою подали въ чистопольскій уѣздный судъ встрѣчную жалобу

на учителя, съ просьбою произвести слѣдствіе и дать имъ удовлетвореніе порядкомъ уголовнымъ, но уѣздный судъ жалобы этой не принялъ и указалъ просить на Лебедева въ университетѣ. Сверхъ того Плаксинъ узналъ, какъ онъ пишетъ въ своемъ прошеніи, что учитель Лебедевъ, сверхъ поданной имъ въ городническое правленіе жалобы, вошелъ съ подобною же, но «спустя не малое время», къ правящему должность директора народныхъ училищъ Смирнову, въ которой онъ прописалъ тѣ же обстоятельства, что и въ жалобѣ въ городническое правленіе «и съ дальною еще клеветою»: тамъ онъ «начально на жену мою писалъ, якобы она ученика изъ своихъ рукъ *стегнула плетью*, а къ правящему должность директора въ рапортѣ написалъ совсѣмъ другое произшествіе, какъ то будьто она того ученика изъ своихъ рукъ *сѣкла плетью*, слѣдовательно доносъ его одинъ съ другимъ показался не только несогласнымъ, но и совсѣмъ клевещущимъ меня и жену мою обстоятельствомъ». Указывая на это противорѣчіе въ обстоятельствахъ взводимаго на него и жену обвиненія, доказывая, что это обвиненіе потому въ сущности и является клеветою, Плаксинъ говоритъ въ своемъ прошеніи, что онъ также въ этомъ смыслѣ подалъ объясненіе правящему въ Чистополѣ городническую должность уѣздному судьѣ Михайлову, вслѣдствіе предложенія и запроса казанскаго гражданскаго губернатора, но дошло ли это объясненіе по назначенію—ему неизвѣстно. Это и заставило Плаксина обратиться въ университетъ и просить «съ чистопольскихъ народнаго училища учителемъ Лебедевымъ за сдѣланное мнѣ съ женою поношеніе и укоризну повелѣть въ удовольствіе мое поступить по законамъ и о томъ учинить, какъ Вашего Императорскаго Величества законы повелѣваютъ». Совѣтъ, выслушавъ это прошеніе, записалъ его въ протоколъ, но находя, что «училища Казанскаго учебнаго округа въ вѣдомство университета еще не поступили, а состоятъ подъ собственнымъ управленіемъ г. попечителя, то не имѣя права приступить къ разбирательству по сему дѣлу», опредѣлилъ: представить его на начальственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе попечителя». Въ одинъ день съ этимъ представленіемъ совѣта попечитель получилъ рапортъ и отъ правящаго должность директора училищъ Казанской губерніи и о томъ же происшествіи.

Поводомъ къ чрезвычайному раздраженію госпожи Плаксиной вѣроятно была какая-нибудь шалость мальчиковъ, жившихъ при учителѣ. Помѣщеніе для училища и квартира учителя находились по найму въ домѣ Плаксина. Въ 9 часовъ вечера, 2 іюля, больной Лебедевъ былъ разбуженъ страшнымъ крикомъ, съ трудомъ поднялся, пошелъ на крикъ и въ заднихъ сѣняхъ своей квартиры увидѣлъ, по его словамъ *странное зрѣлище*: «Сама г-жа Плаксина

коммерціи совѣтника жена, была въ изступленіи, забывши свой полъ, состояніе, благопристойность и законы, изъ своихъ рукъ сѣкла плетью ученика, а за что—ему учителю неизвѣстно, потому что она не дала ему о его проступкѣ знать». Далѣе описывается появленіе самого головы и коммерціи совѣтника на сцену дѣйствія, какъ онъ «повелѣвалъ самовластно» и какъ приказалъ своимъ людямъ трехъ учениковъ, жившихъ у учителя «свести со двора, несмотря ни на ночное время, ни на юныя лѣта ихъ, ни на его учителя убѣжденія», не слушая увѣреній учителя, что по уставу о народныхъ училищахъ, учителямъ дозволяется имѣть у себя воспитанниковъ. Право это Плаксинъ отрицалъ и грозилъ учителю смѣною отъ должности. Такой поступокъ Плаксина побудилъ правящаго должность директора, во время обозрѣнія чистопольскаго училища, спросить «тамошнее благородное общество» о поведеніи Лебедева: оно отозвалось о немъ наилучшимъ образомъ. Тогда директоръ отнесся къ казанскому гражданскому губернатору, «дабы благоволилъ, по ввѣренной ему высочайше въ управленіе Казанской губерніи власти, показаннаго главу Плаксина и жену его предписаніемъ своимъ отъ поступковъ нарушающихъ законныя постановленія въ руководствѣ данномъ учителямъ и подтвержденныя сего года марта 18 дня предписаніемъ г. министра просвѣщенія, *чтобы съ учащимися поступать ласково и не употреблять никакихъ наказаній*, удержать».

Едва ли мы ошибемся, полагая, что именно эта чистопольская исторія, рисующая намъ тогдашніе нравы уѣзднаго города и неумирающее самодурство Титъ-Титычей, была ближайшимъ поводомъ къ ходатайству Румовскаго предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи при Казанскомъ университетѣ училищнаго комитета для передачи ему всѣхъ дѣлъ по гимназіямъ и училищамъ обширнаго учебнаго округа. Румовскій чувствовалъ себя уже не въ силахъ управлять имъ. О случаѣ въ Чистополѣ онъ зналъ еще прежде рапортовъ изъ частныхъ писемъ. По представленію его, министръ 19 сентября 1811 г. изъявилъ на учрежденіе училищнаго комитета свое согласіе «для ближайшаго управленія всѣми училищами къ округу принадлежащими». Членами комитета утверждены были министромъ ординардые профессоры: Германъ, Броннеръ, Френъ, Финке, Томасъ и экстраординарный профессоръ Городчаниновъ (незадолго до этого назначенія онъ снова перешелъ на службу въ Казанскій университетъ). Число шесть для членовъ этого комитета было опредѣлено § 162 устава, и согласно этому же § предсѣдателемъ былъ ректоръ, но Румовскій, «до утвержденія его», поручилъ предсѣдательство старшему профессору Яковкину. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ всѣмъ директорамъ округа, чтобы они о

всѣхъ дѣлахъ своихъ съ этого времени относились въ комитетъ. Только на текущій 1811 годъ онъ дѣлалъ исключеніе для отчетныхъ вѣдомостей, необходимыхъ при составленіи общаго отчета и для ежемѣсячныхъ вѣдомостей о свидѣтельствѣ денежныхъ суммъ. для соображенія съ прежде присланными.

Училищный комитетъ немедленно образовался и первая дѣятельность его должна была быть по необходимости посвящена кляузному чистопольскому дѣлу. Препровождая въ совѣтъ полученныя имъ по этому дѣлу бумаги, попечитель поручалъ ему изслѣдовать это дѣло «по мѣстному удобству», и если по изслѣдованію покажется справедливымъ показаніе Лебедева о поступкахъ Плаксина въ училищѣ, то въ такомъ случаѣ просить должной защиты у его п—ства г. гражданскаго губернатора. Совѣтъ по принадлежности препроводилъ это дѣло въ только что образованный въ томъ же засѣданіи училищный комитетъ. Этотъ послѣдній донесъ съ своей стороны весьма скоро совѣту о томъ: не благоугодно ли будетъ ему отправить одного изъ членовъ совѣта въ званіи визитатора въ чистопольское народное училище *для точнаго розысканія дѣла* объ обоюдныхъ жалобахъ коммерціи совѣтника Плаксина и учителя Лебедева. Суммы, положенной по штату на визитаторовъ, хотя училищный комитетъ и былъ открытъ, однако еще не отпускалось, и на представленіе о томъ совѣта попечитель отвѣтилъ, что отправленіе въ городъ Чистополь визитатора слѣдуетъ отложить до будущаго 1812 года. Прошелъ однако почти годъ, пока отпущены были суммы, и только въ засѣданіи 4 сентября 1812 года секретарь совѣта заявилъ о нерѣшенной жалобѣ чистопольскаго учителя Лебедева. Тогда совѣтъ постановилъ для окончанія этого дѣла отправиться въ Чистополь визитаторомъ адъюнкту Кондыреву, причемъ поручено было ему осмотрѣніе и описаніе древностей пригорода Билярска.

Изъ «дневной записки», веденной аккуратнымъ Кондыревымъ и представленной имъ въ совѣтъ, а равно изъ «дѣла объ обидѣ, причиненной коммерціи совѣтнику Плаксину учителемъ чистопольскаго училища Лебедевымъ», можно познакомиться довольно подробно какъ съ дѣйствіями визитатора-слѣдователя, такъ и съ характерною обстановкою самого дѣла и съ старыми уѣздными нравами. Выѣхавъ изъ Казани 29 сентября, онъ уже дѣйствовалъ въ Чистополѣ 1 октября: посѣтилъ училище, принялъ рапортъ, написалъ отношенія въ городническое правленіе, въ городовой магистратъ и земскій судъ, посѣтилъ городничаго и пригласилъ его къ содѣйствію въ примиреніи гг. Плаксина и Лебедева. Приготовивъ такимъ образомъ все для будущаго слѣдствія въ Чистополѣ, Кондыревъ на другой ень выѣхалъ въ Билярскъ для исполненія другого порученія со-

вѣта—изученія древностей этого болгарскаго города. «По полуночи въ часъ, 3 октября, пріѣхалъ въ пригородъ Билярскъ», пишетъ онъ въ «дневной запискѣ». «По утру имѣлъ нужныя совѣщанія съ священниками сего пригорода, муллами, случившимися тутъ на базарѣ и старѣйшинами, въ разсужденіи древностей Билярска, прося послѣднихъ объявить, чтобы всѣ находимыя вещи мнѣ показали, а которыя и продали. *Волненіе народное о томъ, будто бы я французъ* и прочія народныя заключенія понудили вечеромъ оставить Билярскъ, не осмотрѣвъ его и удалиться въ ночь въ близь лежащую татарскую деревню Кулабаево Маразина (Кульбаева Мараса) дотолѣ, пока жители Билярскіе не получатъ съ посланнымъ въ Чистополь отъ земскаго суда обо мнѣ отвѣта» [1]). Объѣхавъ нѣсколько татарскихъ деревень и посѣтивъ нѣкоторые изъ сосѣднихъ городковъ, Кондыревъ воротился 7 октября въ Чистополь. Весь слѣдующій день посвященъ былъ Кондыревымъ подробному осмотру училища, ознакомленію съ методою и способами преподаванія Лебедева и испытанію учениковъ. 9 октября явился къ Кондыреву для производства слѣдствія командированный, согласно его отношенію, изъ городового магистрата ратманъ Князкинъ. Съ нимъ онъ имѣлъ совѣщаніе «касательно порядка въ дѣлопроизводствѣ», затѣмъ посѣтилъ городничаго, который доставилъ ему случай говорить лично съ Плаксинымъ о примиреніи, но послѣдній на «обоюдное безобидное обоихъ ихъ примиреніе однакожъ не согласился». Тогда Кондыревъ приступилъ къ формальному слѣдствію, которое продолжалось три дня: 10, 11 и 12 октября.

Послѣ допроса различныхъ свидѣтелей, показывавшихъ подъ присягою и по прочтеніи всѣхъ бумагъ, писанныхъ по этому случаю разными лицами и въ разныя присутственныя мѣста, дѣло выяснилось вполнѣ. Того противорѣчія въ показаніяхъ учителя Лебедева, очевидно придуманнаго Плаксинымъ для того, чтобъ выставить жалобу учителя клеветою, т. е. что жена его и «стегнула» и «сѣкла» изъ своихъ рукъ ученика, въ бумагахъ не оказалось: Лебедевъ вездѣ писалъ, что она сѣкла. Мало этого: одна изъ свидѣтельницъ, подъ присягою показала, что человѣкъ Плаксиной, уже послѣ сѣченія, держалъ за волосы ученика Халупминова въ то время, какъ сама Плаксина била его по щекамъ. Слѣдствіе однако не выяснило причину крайняго раздраженія Плаксиной. Только изъ свидѣтельскихъ показаній видно было, что она кричала учителю: «твои ученики озорничаютъ», а Халупминовъ чѣмъ-то обидѣлъ ея сына. Ни

---

[1]) О результатахъ, весьма впрочемъ ничтожныхъ, археологической экскурсіи Кондырева, мы уже говорили.

мужъ, ни жена, на посланные имъ Кондыревымъ вопросы (передъ слѣдователями Плаксинъ не согласился писать, объявивъ, что онъ лучше напишетъ на дому), что было сдѣлано два раза, не отвѣтили, а велѣли сказать, что оба они больны, почему рѣшено было отобрать отвѣты чрезъ городничаго. Вѣстовой послѣдняго заявилъ присутствію, что Плаксинъ, когда онъ явился къ нему въ первый разъ, взялъ у него изъ рукъ бумагу, но тотчасъ же отдалъ ее назадъ, сказавъ, что онъ уже довольно писалъ, что будетъ съ нихъ и того что есть, а во второй разъ взялъ его за руку, поворотилъ назадъ и сказалъ ему: «поди вонъ, а то велю людямъ въ шею выгнать». Изъ другихъ показаній выяснилось, что факты, разсказанные въ жалобѣ учителя, въ дѣйствительности были еще рѣзче. Плаксинъ, спустившись внизъ, въ помѣщеніе училища, кричалъ на учителя, попрекалъ его прежними отношеніями, говорилъ, что онъ вывелъ его въ люди [1]) и проч. Плаксинъ ударилъ его въ грудь такъ, что онъ едва могъ удержаться на ногахъ, ругалъ его дуракомъ, с..... сыномъ, кричалъ, что сейчасъ же велитъ согнать мальчиковъ дубьемъ со двора и, несмотря на всѣ просьбы учителя—подождать хотя бы до утра, сердце развоевавшагося домовладѣльца не смягчилось. Плаксинъ закричалъ своихъ людей и приказалъ имъ немедленно тащить полусонныхъ мальчиковъ изъ комнатъ училища и со двора, несмотря на ночное время. «Сначала Плаксинъ», показываетъ одна свидѣтельница подъ присягою, «велѣлъ было ихъ на конюшнѣ сѣчь», но послѣ сказалъ своимъ служителямъ: «сейчасъ же чтобы ихъ не было на дворѣ, хоть перекинь черезъ заборъ, а одного мальчика, Якова Веселова, стащили съ постели сонпаго». Мальчики ночевали у сосѣдняго мѣщанина Панова, который и привелъ ихъ на другой день босыхъ, въ однѣхъ рубашкахъ. Не довольствуясь этимъ, Плаксинъ немедленно же отказалъ въ квартирѣ и училищу. Смотритель учи-

---

[1]) Изъ дѣла не видно, каковы были эти прежнія отношенія и былъ ли чѣмъ-либо Лебедевъ обязанъ Плаксину. Этому учителю въ 1812 году было 25 лѣтъ, происходилъ онъ изъ духовнаго званія, въ учительскіе кандидаты казанскаго главнаго народнаго училища поступилъ онъ изъ Казанской духовной академіи, учительствовалъ въ Чистополѣ съ 1808г. и былъ всегда на отличномъ счету у начальства. Въ октябрѣ 1809 года попечитель извѣстилъ главное правленіе училищъ, что по отношенію испр. долж. директора училищъ Казанской губерніи чистопольская городская дума, *за отличное Лебедева по должности прилежаніе*, согласно съ уставомъ учебныхъ заведеній, прибавила 100 р. въ годъ и опредѣлила для приращенія библіотеки и на книги для бѣдныхъ учениковъ отпускать отъ 25 до 50 рублей въ годъ. См. *Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія*. Спб. 1810. № XXVI стр. 249--250.

лица, выбранный магистратомъ, мѣщанинъ Бородинъ былъ въ ту же ночь на мѣстѣ происшествія, но Плаксина не видалъ, хозяйка же сидѣла у окошка и объявила ему: «намъ не надобно училища, нанимайте гдѣ хотите квартиру немедленно».—«Хорошо, сударыня», показываетъ Бородинъ, «и съ тѣмъ ушелъ. На другой день по утру искалъ квартиры—не могъ противорѣчить головѣ и на третій день, по многому исканію, нашелъ квартиру у купца Тихонова, куда и переведено училище»; подъ училище же нанималась у Плаксина квартира погодно. Несмотря на неоднократныя настоянія и посылки, Кондыревъ не добился отъ Плаксина никакихъ отвѣтовъ. Есть впрочемъ одна бумага имъ подписанная. Въ ней онъ повторяетъ прежнюю свою жалобу и стоитъ на мнимомъ противорѣчіи въ разсказѣ учителя, что жена его и «стегнула плетью», и «сѣкла плетью». Эту бумагу онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Сверхъ того, требовать отъ меня отвѣтъ—въ чемъ же: приходилъ ли я 2 іюля въ 9 часовъ по полудни 1811 года въ училище? Если приходилъ, то по какому поводу? Что говорилъ тогда съ учителемъ и что говорилъ тогда учитель? и о прочемъ сему подобномъ. Напротивъ чего и вынуждаюсь сказать: если бы тому происшествію не минуло слишкомъ четырнадцать мѣсяцевъ, то я могъ бы объяснить такъ, какъ оное было». Такимъ образомъ Плаксинъ уклонился отъ дачи какихъ-либо отвѣтовъ, «удержалъ у себя вопросы, кои требовалось возвратить и сверхъ того написалъ неблагопристойныя слова обоимъ членамъ»—сообщалъ передъ своимъ отъѣздомъ Кондыревъ чистопольскому городничему.

Ревизія Кондырева и слѣдствіе, имъ веденное, выяснили многое. Такъ газеты начала настоящаго вѣка, преимущественно «Московскія Вѣдомости» и органъ главнаго правленія училищъ—«Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» наполнялись извѣстіями о различныхъ пожертвованіяхъ со стороны обществъ и частныхъ лицъ, дѣлаемыхъ въ пользу народнаго просвѣщенія. Существовало высочайшее повелѣніе о печатаніи именъ благотворителей; отъ лица правительства жертвователямъ объявлялась признательность; имена ихъ публиковались во всеобщее свѣдѣніе. Въ годовыхъ отчетахъ и на торжественныхъ актахъ разныхъ учебныхъ заведеній перечислялись всѣ пожертвованія и благотворенія (вопросъ о добровольномъ характерѣ ихъ никѣмъ не поднимался). Казалось, что общество съ любовью и усердіемъ сознаетъ, внимая словамъ монарха, необходимость и пользу просвѣщенія, науки, училищъ и искреннимъ образомъ готово на щедрыя пожертвованія. Трудно судить теперь, насколько въ этихъ печатныхъ извѣстіяхъ о пожертвованіяхъ было правды, но вотъ что случилось въ Чистополѣ. Въ № VIII упомя-

нутаго выше оффиціальнаго «Періодическаго сочиненія», на стр. 95, въ § 17 напечатано, что «бывшій чистопольскій градской голова Антонъ Колпаковъ, въ прошломъ 1804 году, не только отвелъ для училища въ домѣ своемъ способный къ тому флигель, по причинѣ недостатка въ казенномъ строеніи, но и объявилъ бывшему директору училищъ Лихачеву, что онъ намѣренъ собственнымъ иждивеніемъ выстроить особенный каменный домъ для училища со всѣми къ тому принадлежностями. Собраніе членовъ главнаго училищъ правленія положило изъявить должное уваженіе къ таковому г. Колпакова усердію чрезъ помѣщеніе сей статьи о расположеніи его жертвовать собственностью для пользы общественной».

Прошло пять лѣтъ, и въ 1809 году новый директоръ училищъ Казанской губерніи Смирновъ писалъ въ чистопольскую градскую думу, что при обозрѣніи чистопольскаго училища, онъ не только не нашелъ выстроеннаго Колпаковымъ дома, но не видѣлъ и никакихъ матеріаловъ для постройки приготовленныхъ, почему и просилъ думу, призвавъ Колпакова, спросить его: желаетъ ли онъ выстроить подъ училище домъ, или нѣтъ? Колпаковъ очень скоро объяснилъ, что и было сообщено директору, что во время его служенія городскимъ головою, онъ нашелъ помѣщеніе училища неудобнымъ и тѣснымъ и, «дабы мѣсту сему, яко значительному для общаго блага заведенію дать лучшій видъ», рѣшился отдать подъ училище отдѣльный флигель при домѣ своего отца, хотя самъ имѣлъ въ немъ надобность. Директоръ Лихачевъ, по словамъ Колпакова, нашелъ новое помѣщеніе училища довольно удобнымъ, благодарилъ его лично и склонялъ его, какъ главу градскаго общества, къ постройкѣ цѣлымъ обществомъ особаго для училища дома, съ тѣмъ чтобъ оно навсегда оставалось въ одномъ мѣстѣ. «Зная совершенно въ ономъ необходимость, но не полагая однако надежды, чтобы градское общество согласилось на выстройку его, тѣмъ паче, что градскихъ доходовъ въ думу поступаемыхъ и на единое содержаніе его (училища) едва бываетъ достаточно, объявилъ о семъ г. директору Лихачеву и притомъ изъявилъ свое усердіе, что онъ со временемъ намѣренъ училище сіе въ пристойномъ города мѣстѣ выстроить каменное, со всѣми къ нему принадлежностями, собственнымъ своимъ иждивеніемъ. Каковое намѣреніе онъ, Колпаковъ, и теперь не перемѣнилъ и выстроить оное со временемъ постарается, а что по нынѣ сего выполнить не могъ, то сіе не по чему другому произошло какъ единственно отъ неудачливаго по торговымъ оборотамъ производства». Флигель собственный подъ училище Колпаковъ, хотя и отвелъ, но никакъ не даромъ, а получая за него изъ городскихъ денегъ по 90 рублей въ годъ. Выслушавъ объясненія

Колпакова, городская дума опредѣлила: записать обо всемъ въ журналъ, что дума «по сему обстоятельству купецкаго сына Колпакова за вызовъ и непостроеніе чрезъ пять лѣтъ училища и сверхъ того за полученіе имъ самимъ за три года два мѣсяца и девять дней квартирныхъ денегъ двухъ сотъ осьмидесяти семи рублей двадцати пяти копѣекъ *признаетъ не оскорбляющимъ честь и имовѣріе гражданина*, а какъ присутствіе думы само собою не входитъ ни въ какое разбирательство, то объ ономъ представить въ Казанское губернское правленіе доношеніемъ». Это было сообщено директору. Таково было пожертвованіе Колпакова. Въ 1809 году помѣщеніе училища въ его флигелѣ оказалось тѣснымъ и неудобнымъ, и оно было переведено въ домъ Плаксина, но уже за 150 рублей въ годъ. Когда Кондыревъ производилъ свое слѣдствіе, училище уже помѣщалось, за весьма приличную плату, послѣ ночной исторіи съ Плаксинымъ, въ маломъ каменномъ домѣ купца Колпакова, и Кондыревъ рапортовалъ совѣту, что въ домовладѣльцѣ видно уклоненіе отъ прежняго его обѣщанія. По возвращеніи Кондырева въ Казань, училищный комитетъ не бросилъ вопроса о понужденіи Колпакова и представлялъ о томъ въ декабрѣ 1812 года новому попечителю въ Петербургъ, но Салтыковъ просилъ дѣло это отложить до пріѣзда въ Казань.

Смотрители училищъ обыкновенно избирались городскими думами; этимъ думали привлечь къ участію въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія городскія общества. Съ открытія чистопольскаго училища въ 1796 году ихъ было десять. Что за люди были эти смотрители, видѣть можно изъ отзыва Кондырева о послѣднемъ изъ нихъ, десятомъ, бывшемъ при слѣдствіи — Бородинѣ. «Смотритель нынѣшній», пишетъ онъ, «есть самый обыкновенный и совершенно необразованный мѣщанинъ, едва разумѣющій читать и писать. Онъ не можетъ имѣть въ обществѣ никакого значительнаго голоса, будучи же не свѣдущъ въ дѣлахъ ученыхъ, совершенно не на своемъ мѣстѣ находится и не можетъ содѣйствовать по сей части успѣхамъ училища. Онъ опредѣленъ вопреки нынѣшнимъ законнымъ постановленіямъ и предписаніямъ министра просвѣщенія гражданскимъ начальствомъ. По отзыву г. учителя должность смотрителя по большей части исполняется имъ, «ибо въ противномъ случаѣ они не только вспомоществовали бы училищу, но и сдѣлали бы учителю препятствіе, а въ дѣлахъ производили бы медленность. Смотрители сіи не получаютъ никакого жалованья и совершенно зависятъ отъ градскихъ думъ». Въ виду того, что около того же времени былъ утвержденъ министромъ почетнымъ смотрителемъ училища капитанъ Бужениновъ (онъ же и предводитель чистопольскаго

дворянства) [1]), который, по словамъ Салтыкова, можетъ имѣть надзоръ и управлять училищемъ, Бородинъ былъ уволенъ. Этому почетному попечителю поручалось, въ случаѣ отреченія купца Колпакова отъ своего обѣщанія, напомнить ему, что о пожертвованіи имъ дома было возвѣщено съ благодарностью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и «что потому можетъ быть нужнымъ и справедливымъ почтется возвѣстить о томъ противное». Въ августѣ 1813 года Бужениновъ писалъ попечителю Салтыкову, что воздѣйствіе его на Колпакова не привело къ благопріятнымъ результатамъ. Онъ писалъ, что Колпаковъ «явно отъ обѣщанія своего уклоняется съ тѣмъ чтобы оное никогда не исполнить». Попечитель наивно воображалъ, что этотъ жертвователь, а такихъ и въ то время, и потомъ, было конечно не мало, испугается какого-то печатнаго заявленія о немъ, котораго и читать то будетъ некому, что онъ не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія.

Что касается до слѣдствія объ обидѣ, причиненной учителю Лебедеву чистопольскимъ городскимъ головою и коммерціи совѣтникомъ Плаксинымъ, то хотя Кондыревъ тотчасъ же убѣдился въ совершенной правотѣ перваго, но не доносилъ о результатахъ изслѣдованія болѣе года. Въ декабрѣ 1813 года, въ своемъ рапортѣ университетскому совѣту, онъ писалъ, что цѣлый годъ дожидался отъ чистопольскаго нижняго земскаго суда справокъ по дѣлу, а теперь и получить ихъ не надѣется. Очевидно вліяніе Плаксина въ Чистополѣ было очень сильно. Все дѣло, со всѣми документами, Кондыревъ однако представилъ въ совѣтъ. Онъ писалъ, что «учитель Лебедевъ не только правъ, но еще обиженъ Плаксинымъ, равномѣрно обида нанесена отъ него, Плаксина и всему училищу; кромѣ того г. Плаксинъ оболгалъ учителя мѣстомъ присутственнымъ и по дѣлу своему не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, почему и *долженъ быть судимъ уголовнымъ порядкомъ и подвергнуться законному осужденію*». Кондыревъ просилъ совѣтъ снестись объ упомянутыхъ

---

[1]) Почетные попечители, существовавшіе, если не ошибаемся, до 60-хъ годовъ, обыкновенно жертвовали ежегодно въ пользу училища опредѣленную сумму. Бужениновъ жертвовалъ 500 р. Должность эта была установлена высочайшимъ указомъ 26 августа 1811 года, по представленію министра графа Разумовскаго. На должность эту „избирались тѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, кои наиболѣе благорасположены къ наукамъ“. Впослѣдствіи ежегодный взносъ, не свыше 300 р., представлялся легкимъ способомъ для почетныхъ попечителей, не служа, получать чины. „Какъ должности эти точно не опредѣлены“, то министръ почти черезъ два года по ихъ учрежденіи (14 мая, 1814 года) предлагалъ Казанскому университету составить для нихъ инструкцію.

справкахъ съ губернскимъ правленіемъ или губернаторомъ, «отъ коего можно требовать, чтобы г. Плаксинъ преданъ былъ здѣсь, въ Казани, суду, при чемъ долженъ находиться и депутатъ отъ университета». На отношеніе къ губернатору, 4 декабря 1813 года посланное, совѣтъ не получилъ никакого отвѣта и больше чѣмъ черезъ годъ, а именно 27 января 1815 года тотъ же Кондыревъ доносилъ совѣту, что онъ почитаетъ дѣло чистопольское уже рѣшеннымъ, «поелику по воспослѣдовавшему высочайшему манифесту 1814 года 30 августа, дѣла таковаго рода должны предаться забвенію». И кляузное дѣло, которымъ началась дѣятельность только что открытаго училищнаго комитета при Казанскомъ университетѣ, было сдано въ архивъ.

Несмотря на замедлившееся открытіе университета жизнь его съ различными проявленіями ея и функціями постепенно развивалась, вызываемая силою вещей. Это можно видѣть изъ разныхъ фактовъ. Въ августѣ 1811 года совѣтъ разсуждаетъ о томъ, что «нѣкоторыя суммы, положенныя въ штатѣ и нынѣ не отпускаемыя, получать университету необходимо нужно, *дабы достигать съ пользою предполагаемой заведенію его цѣли*». Между суммами, объ отпускѣ которыхъ на 1812 годъ совѣтъ постановилъ ходатайствовать, были суммы: на журналы и газеты (очевидно иностранцы-профессоры нуждались въ нихъ), на содержаніе обсерваторіи, необходимой для профессора астрономіи Литтрова, на клиническій институтъ и университетскую больницу, о которыхъ усиленно хлопоталъ дѣятельный клиницистъ Эрдманъ и проч. Эти разсужденія въ совѣтѣ уже свидѣтельствуютъ о зарожденіи въ немъ самоуправленія, яснѣе сознающаго то, что необходимо для университета и науки. — Увеличеніе различныхъ функцій въ университетѣ вело къ увеличенію письмоводства, къ расширенію и канцелярской дѣятельности. До августа 1811 года совѣтъ имѣлъ только одного письмоводителя. Теперь совѣтъ сознавалъ, что число дѣлъ значительно увеличилось, да и впредь должно увеличиться еще болѣе; открываются постоянные комитеты и временныя коммиссіи, а потому совѣтъ представилъ попечителю о необходимости имѣть трехъ письмоводителей вмѣсто одного и просилъ объ отпускѣ потребной на то суммы. Попечитель однако на это представленіе отвѣтилъ необходимостью ждать, пока не будетъ отпускаема на предметъ этотъ положенная сумма. Отвѣта министра на его общее представленіе объ отпускѣ суммъ на университетъ еще не послѣдовало, а потому нужно соблюдать экономію. До отпуска суммъ онъ рекомендовалъ, сознавая однако не-

обходимость увеличенія дѣлопроизводства, «смотря по надобности, употреблять прочередно студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая однакоже отъ настоящей ихъ должности». Такое распоряженіе не казалось тогда страннымъ: по представленію совѣта, сдѣланному около того же времени, попечитель разрѣшалъ письмоводителя совѣтскаго Климова помѣстить на казенное содержаніе въ числѣ готовящихся въ студенты къ слушанію профессорскихъ и адъюнктскихъ преподаваній въ университетѣ.

Увеличеніе письмоводства и канцелярской работы по совѣту, расширеніе объема его протоколовъ и жалобы профессоровъ на продолжительность засѣданій находятся въ необходимой связи съ постепеннымъ открытіемъ разныхъ органовъ университета. Въ особенности много работы доставлялъ совѣту училищный комитетъ, гдѣ сосредоточивались самыя разнообразныя дѣла обширнаго учебнаго округа. Этотъ комитетъ велъ обширную переписку и вся финансовая сторона дѣла лежала на немъ (онъ завѣдывалъ и расходами суммъ, и отчетностью); онѣ входилъ въ сношенія съ мѣстными властями и съ обществами городскими въ ихъ различныхъ отношеніяхъ къ училищамъ; онъ опредѣлялъ и увольнялъ учителей, разбиралъ разныя дрязги, производилъ слѣдствія на мѣстѣ, посылая своихъ членовъ въ званіи визитаторовъ. Архивныя дѣла училищнаго комитета хранятъ для будущаго историка нашего народнаго просвѣщенія драгоцѣнные, до сихъ поръ нетронутые матеріалы. Нѣтъ сомнѣнія, что такая же масса драгоцѣннаго матеріала должна заключаться и въ дѣлахъ болѣе поздняго времени, когда завѣдываніе училищами и гимназіями губерній, составляющихъ округъ, перешло, вслѣдствіе новаго университетскаго устава, непосредственно къ попечителю. Мы предполагаемъ конечно условіе, если дѣла эти перейдутъ въ первобытной свѣжести и въ полной сохранности къ потомству, какъ сохранилъ ихъ университетъ, когда управлялъ училищами. Изучая старыя дѣла университетскаго училищнаго комитета, мы пришли однако къ грустному заключенію, основанному на тяжеломъ впечатлѣніи, необходимо выносимомъ изъ этого своеобразнаго чтенія. Казалось, какъ отрадно было бы знакомиться съ этою только что вспаханною нивою, еще свѣжею и сырою, на которой стали едва пробиваться первые, робкіе, нѣжные, блѣдно-зеленые ростки знанія и ученія, освѣщенные теплымъ весеннимъ солнцемъ. Первые годы царствованія императора Александра I, это, по выраженію Пушкина, «дней Александровыхъ прекрасное начало», его заботы о просвѣщеніи напоминали въ самомъ дѣлѣ вешнее тепло, но не свѣжую ниву, только что вспаханную и засѣянную, встрѣтили мы, какъ можно было бы ожидать, а что то дикое и грубое.

испорченное и сгнившее, гдѣ росли и зрѣли только сорныя травы и слышался запахъ вовсе неплодотворнаго перегноя. И невольно западаютъ въ душу грустные вопросы; кому и для чего нужно было это знаніе, о которомъ повидимому заботились только свыше? Возможна ли пересадка чужого растенія, выросшаго въ иныхъ, благопріятныхъ условіяхъ на совершенно неподготовленную почву? и пр.

Изучая старые годы въ жизни Казанскаго университета и дѣятельность его профессоровъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждались весьма часто различныя представленія училищнаго комитета (этотъ комитетъ, хотя и имѣлъ нѣкоторое самостоятельное значеніе, почему-то, за окончательнымъ рѣшеніемъ, обращался постоянно въ совѣтъ, сообщая очень часто и весьма подробно весь ходъ дѣла), мы должны были бы коснуться и этой стороны дѣятельности стараго университета, т. е. управленія училищами. Въ этихъ дѣлахъ такъ много интереснаго и мало знакомаго; они даютъ намъ яркія картины и старыхъ нравовъ, и стараго быта, но подробное изложеніе этой стороны университетской дѣятельности расширило бы и безъ того увеличивающіеся размѣры нашего изслѣдованія. Нѣкоторыхъ дѣлъ этого рода мы уже касались эпизодически. Чтобъ показать, чѣмъ занимался совѣтъ по дѣламъ училищъ, мы возьмемъ, и не по выбору, только одинъ 1819 годъ, и посмотримъ, какого рода были эти дѣла, отнимавшія время у представителей университетской науки. Первое впечатлѣніе, какое выносишь изъ этихъ дѣлъ, то, что герои ихъ, люди, на обязанности которыхъ было сѣять сѣмена знанія и просвѣщенія, стояли гораздо ниже высокой задачи своей.

Въ началѣ января 1819 года училищный комитетъ доноситъ, что директоръ училищъ Иркутской губерніи окончилъ слѣдствіе *о продажѣ учителемъ Нерчинскаго уѣзднаго училища Чернышевымъ спирта по селеніямъ* и о требованіи имъ подводъ безъ прогоновъ. Въ іюлѣ уже поступило другое донесеніе директора о немъ, что «оный Чернышевъ, по худому своему поведенію, *безнадеженъ къ продолженію ученой службы* (еще бы!) и проситъ удалить его отъ должности учителя». — Тогда же заслушано было донесеніе, гдѣ училищный комитетъ ходатайствовалъ о выдачѣ учителю 2-го класса, и рисованія уфимскаго уѣзднаго училища Круглополову, хотя бы въ половинномъ числѣ, жалованья, квартирныхъ и свѣчныхъ денегъ за три мѣсяца, въ которые онъ былъ уволенъ отъ должности директоромъ оренбургскихъ училищъ, а другую половину почислить въ уплату *потраченныхъ имъ казенныхъ денегъ,* а затѣмъ о дозволеніи со стороны совѣта «почетному попечителю Либену взять изъ полиціи принадлежащіе учителю Круглополову два фрака, брюки и три

сюртука, конечно, ничего незначущіе, но по полученіи сего будетъ ему удобнѣе заплатить остальныя причитающіяся съ него деньги».— Изъ третьяго январьскаго же донесенія комитета мы узнаемъ, что учитель ишимскаго уѣзднаго училища Булатниковъ *обращается въ пьянствѣ и разныхъ буйствѣнныхъ поступкахъ*. — Въ февралѣ совѣтъ увольняетъ учителя 2 класса свіяжскаго уѣзднаго училища Звегинцева отъ исправленія должности рисовальнаго учителя *по чрезвычайному трясенію рукъ*, отъ чего онъ обучать рисованію не въ состояніи. — Въ апрѣлѣ слушается донесеніе директора астраханскихъ училищъ *о развратномъ поведеніи учителя французскаго языка астраханской гимназіи Дюро* и что до увольненія его должность учителя французскаго языка поручена другому, *а онъ Дюро, дабы не дѣлалъ болѣе соблазна, отданъ подъ арестъ въ полицію*. Этотъ Дюро, обучавшійся сначала въ московскомъ, а потомъ с.-петербургскомъ коммерческихъ училищахъ «языкамъ и наукамъ, относящимся къ торговлѣ», началъ службу въ пермскомъ губернскомъ правленіи, откуда перешелъ учителемъ нѣмецкаго языка, а потомъ французскаго, въ пермскую гимназію. Въ Перми у него произошла скандальная исторія съ директоромъ, котораго онъ обвинялъ во взяткахъ, и за это перевели его въ Астрахань («изъ многихъ, какъ прежде въ бытность учителя Дюро въ Пермской гимназіи», опредѣлялъ совѣтъ университета, «такъ и нынѣ производившихся въ училищномъ комитетѣ дѣлъ, явствуетъ неспособность онаго Дюро къ дальнѣйшему прохожденію учительскаго званія»). Въ Астрахани Дюро, какъ видно, нисколько не сдерживалъ себя; правящій должность директора астраханскихъ училищъ доносилъ въ августѣ 1818 года училищному комитету слѣдующее:

„Учитель французскаго языка Дюро, бывъ 15 августа у Астраханскаго архіепископа и кавалера Гаія на публичномъ обѣдѣ, ежегодно даваемомъ Его высокопреосвященствомъ въ день храмоваго Астраханскаго собора праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, до того напился пьянъ, что забылъ всю благопристойность, надѣлалъ множество непріятностей, какъ высокопочтенному хозяину дома, такъ и посѣтителямъ, чѣмъ заставилъ астраханскаго полиціймейстера вывести себя изъ сего публичнаго собранія. Въ то самое время какъ онъ былъ выводимъ, исцарапалъ квартальному офицеру лицо и изорвалъ на немъ бѣлье, за что былъ отведенъ въ градскую полицію. Почему училищный комитетъ истребовалъ предписаніемъ отъ 21 сентября № 711 отъ учителя Дюро объясненіе, въ которомъ онъ отъ 9 октября самъ сознался, что онъ можетъ быть выпилъ лишнюю рюмку за столомъ, отчего будто бы жаръ и безъ того бывшій у него отъ лихорадки, такъ умножился, что онъ самъ себя не помнилъ, при чемъ удостовѣрялъ онъ училищный комитетъ, что подобнаго никогда впредь съ нимъ Дюро не случится. Да и директоръ Храповицкій, чрезъ котораго оное объясненіе въ комитетъ прислано было при рапортѣ его Храповицкаго, отъ 9 октября

за № 514, засвидѣтельствовалъ комитету, что послѣ сего происшествія учитель Дюро по 9 октября (т. е. меньше двухъ мѣсяцевъ), велъ себя очень хорошо и если будетъ вести себя таковымъ похвальнымъ образомъ, то онъ можетъ быть оставленъ при Астраханской гимназіи. По таковому удостовѣренію учителя Дюро и засвидѣльствованію директора, училищный комитетъ поручилъ г. директору имѣть надъ нимъ, Дюро, особенный надзоръ и подтвердилъ учителю Дюро, чтобы онъ остерегался отъ подобныхъ поступковъ, въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ по законамъ. Но какъ директоръ отъ 20 марта сего 1819 года № 96, донесъ совѣту университета, что всѣ убѣжденія и обѣщанія какъ его директора такъ и г. визитатора Манассеина остались тщетными, ибо учитель Дюро 19 марта по полудни въ 5 часовъ, *опять напившись пьянъ, ходилъ по улицамъ въ столь развратномъ видѣ, что самая благопристойность не позволила ему, директору, того объяснить*, почему онъ, директоръ, и просилъ совѣтъ за дурное поведеніе отставить учителя Дюро, какъ неблагонадежнаго чиновника, отъ службы, а между тѣмъ, *дабы не сдѣлать въ городѣ соблазна, отдалъ его, Дюро подъ арестъ полиціи*". Совѣтъ уволилъ его по неспособности.

Въ маѣ 1819 года училищный комитетъ доноситъ совѣту университета, что «тобольская гимназія *дѣла привести въ порядокъ въ самоскорѣйшемъ времени не можетъ по той причинѣ, что они въ совершенномъ безпорядкѣ* и посему проситъ снисхожденія, если замедлитъ скорымъ оныхъ окончаніемъ». Нельзя сказать, чтобы чувствовался повальный недостатокъ въ людяхъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ (вмѣсто Дюро немедленно же былъ утвержденъ иностранецъ города Сарбика, вѣроятно Saar-Brücken, Вильгельмъ Беръ), но оказывались ищущіе учительскихъ мѣстъ, конечно за жалованье, никому не нужные туземцы. Такъ пензенскій гражданскій губернаторъ, въ маѣ того же года, относился въ правленіе университета о желаніи открыть при пензенской губернской гимназіи *новаго класса россійскаго практическаго законовѣдѣнія и начальныхъ основаній римскаго права* (?) съ опредѣленіемъ для сего учителемъ дворянина прапорщика Соколова и о награжденіи его при вступленіи чиномъ 9 класса. По предположенію губернатора этотъ классъ долженъ былъ замѣнить тѣ публичныя преподаванія, которыя уже давно существовали при Казанскомъ университетѣ для чиновниковъ обязанныхъ службою. Совѣтъ университета не могъ согласиться съ предложеніемъ губернатора по совершенно основательнымъ причинамъ: 1) потому, что такіе курсы разныхъ наукъ, согласно Высочайшему повелѣнію могутъ существовать только при университетахъ; 2) потому, что по пункту 6 утвердительной грамоты университета одни только кандидаты, магистры и доктора «могутъ быть опредѣляемы по части ученія безъ экзамена», Соколовъ же не имѣетъ никакой ученой степени и представилъ только аттестатъ на званіе студента Московскаго университета, что совершенно недо-

статочно для званія учителя гимназіи; 3) потому, что у совѣта нѣтъ уважительныхъ причинъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о награжденіи прапорщика Соколова чиномъ 9 класса; 4) потому, что пензенское дворянство о жалованьи учителя юридическихъ наукъ не сдѣлало никакого опредѣлительнаго постановленія, Соколовъ же принимаетъ на себя преподаваніе безъ жалованья только на три года. Совѣтъ предложилъ Соколову явиться на экзаменъ въ университетъ для полученія права на преподаваніе юридическихъ наукъ въ качествѣ старшаго учителя гимназіи, но Соколовъ разумѣется не явился.

Въ іюнѣ училищный комитетъ входилъ съ представленіемъ въ совѣтъ «о неисправности по должности штатнаго смотрителя и учителя 1-го класса ставропольскаго (Симбирской губ.) уѣзднаго училища Твердышева, который *весьма худо обходится съ учениками, не исполняетъ предписаній директора, тратитъ училищную сумму безъ дозволенія начальства и весьма худо ведетъ приходо-расходныя книги.* Совѣтъ уволилъ Твердышева и предписалъ всѣмъ директорамъ посѣщать ввѣренныя имъ училища два или три раза въ годъ, «если на сей предметъ особая назначена будетъ сумма». Оказалось однако, что Твердышевъ не былъ уволенъ до октября мѣсяца. Въ сентябрѣ директоръ симбирскихъ училищъ доносилъ совѣту, что онъ «для обузданія» учителя Михаила Твердышева потребовалъ его въ Симбирскъ, чтобы отдать подъ присмотръ отца, симбирскаго купца, и ходатайствовалъ о сохраненіи ему половиннаго оклада жалованья на содержаніе его, до совершеннаго выздоровленія. Въ доказательство ненормальности Твердышева директоръ представилъ его рапортъ, въ которомъ онъ проситъ снабдить его деньгами для поѣздки въ Петербургъ «для донесенія лично Его Императорскому Величеству о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ». Совѣтъ предписалъ освидѣтельствовать здоровье Твердышева чрезъ врачебную управу, а директоръ черезъ мѣсяцъ представлялъ объ удаленіи Твердышева, безъ всякаго освидѣтельствованія, «*а по причинѣ его неполнаго ума*». Совѣтъ уже строго предписалъ директору, чтобъ онъ доставилъ свидѣтельство врачебной управы. Въ ноябрѣ оно было и доложено совѣту и изъ него, къ общему удивленію, оказалось, что Твердышевъ здоровъ и совѣтъ предписывалъ теперь директору, «чтобы онъ относительно Твердышева *сдѣлалъ надлежащія распоряженія* (?) и что имъ учинено будетъ, донесть совѣту». Въ декабрѣ тотъ же директоръ представляетъ новое лѣкарское, вѣроятно однако не отъ врачебной управы, свидѣтельство о томъ, что Твердышевъ оказался *помѣшаннымъ въ умѣ*, и что потому занятіе его должности онъ поручилъ другому, и какъ кажется.

брату, Александру Твердышеву. Думаемъ, что эти противорѣчія въ донесеніяхъ директора и въ медицинскихъ свидѣтельствахъ можно съ вѣроятностью объяснить тѣмъ, что помѣшательство Твердышева было временное: онъ страдалъ отъ delirium tremens. Очень можетъ быть, что къ тому же роду болѣзни принадлежали и страданія учителя 1 класса тюменскаго уѣзднаго училища Тихонова, о которомъ училищный комитетъ доносилъ совѣту въ іюлѣ мѣсяцѣ, что онъ съ 30 января отказывается отъ исправленія своей должности «по причинѣ чувствуемой имъ въ груди и головѣ боли». Совѣтъ еще 26 мая предписалъ директору тобольскихъ училищъ доставить свѣдѣнія: скоро ли Тихоновъ получитъ облегченіе и вступитъ въ исправленіе своей должности, а за то, что директоръ удѣлялъ больному самовольно половинный окладъ жалованья, сдѣлалъ ему строгій выговоръ. На это полученъ былъ отвѣтъ съ рапортомъ штатнаго смотрителя тюменскаго училища, что учитель Тихоновъ физически совершенно здоровъ, что назначенное ему въ выдачу *жалованье* за февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы, *онъ не принимаетъ*, *какъ не заслуженное имъ*, хотя и не имѣетъ другихъ средствъ къ содержанію, *а полученное имъ предписаніе почему не ходитъ къ должности и скоро ли вступитъ въ отправленіе ея, онъ изорвалъ* и выбросилъ въ окно. Изъ лѣкарскаго свидѣтельства видно, что Тихоновъ *страдаетъ ипохондріей* и совѣтъ постановилъ «уволить его впредь до выздоровленія».

Въ Астрахани не только учитель французскаго языка Дюро вытрезвляется въ полиціи, но тому же режиму подчиняются и другіе учителя. Въ августѣ того же наудачу взятаго нами 1819 года директоръ астраханскихъ училищъ Храповицкій рапортуетъ «*о предосудительныхъ поступкахъ* учителя латинскаго языка въ гимназіи Востокова, *о причиненіи имъ въ нетрезвомъ видѣ обидъ* учителямъ Гортеру и Волочкову и что *оный Востоковъ имъ*, *директоромъ отправленъ подъ арестъ въ градскую полицію*», а преподаваніе латинскаго языка поручено имъ учителю Шутихину. Этотъ Востоковъ и его отношенія къ директору Храповицкому занимали довольно продолжительное время вниманіе членовъ совѣта. Еще въ іюлѣ этого года попечитель далъ знать училищному комитету, что астраханскій директоръ коллежскій ассессоръ Храповицкій изъявилъ желаніе перейти на службу по вѣдомству министерства финансовъ, а потому поручалъ уволить Храповицкаго, возложивъ временно отправленіе его должности на одного изъ старшихъ учителей. Вслѣдствіе этого совѣтъ предписалъ учителямъ астраханской гимназіи Попову и Востокову (посаженному въ полицію) принять отъ Храповицкаго всѣ дѣла и имущество училищныя по описямъ и пр. Теперь, полу-

чивъ рапортъ Храповицкаго о «предосудительныхъ поступкахъ Востокова», совѣтъ устранилъ его отъ пріема казеннаго имущества и замѣнилъ его учителемъ Игнатьевымъ, но предоставилъ однако Востокову право находиться при сдачѣ и пріемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ замѣчалъ Храповицкому, что ему не слѣдовало самовольно удалять Востокова отъ должности безъ разрѣшенія начальства и требовалъ немедленнаго допущенія его къ исправленію должности учителя. Что касается рѣзкой мѣры, принятой директоромъ, совѣтъ замѣчалъ ему, что «слѣдовало бы принять другія мѣры въ отвращеніе безпорядка, *дабы гимназія въ общемъ мнѣніи какъ нынѣ не терпѣла*». На жалобу учителей Волочкова и Гуртера объ обидѣ ихъ въ нетрезвомъ видѣ Востоковымъ отъ послѣдняго потребовали объясненія, а между тѣмъ отъ него поступило въ училищный комитетъ донесеніе *о неэкономномъ якобы употребленіи дровъ въ гимназіи и о прочемъ*. Словомъ завязывалось дѣло и грозило принять широкіе размѣры. Совѣтъ университета, препровождая всѣ имѣющіеся у него документы къ визитатору Манассеину, поручалъ ему «изслѣдовать дѣло *строжайшимъ образомъ* и, если нужно, пригласить, снесшись съ кѣмъ слѣдуетъ, по гражданской части чиновника для совокупнаго слѣдствія по соприкосновеннымъ къ сему дѣлу обстоятельствамъ». Отъ самого Востокова въ сентябрѣ былъ тоже полученъ рапортъ. Въ немъ онъ сообщаетъ, что подъ разными предлогами не былъ допущенъ къ принятію должности отъ директора астраханскихъ училищъ Храповицкаго и просоединяетъ, что «г. *Храповицкій замѣшанъ въ злоупотребленіи о препровожденіи мѣдныхъ денегъ за границу* [1]) и потому желалъ въ скоромъ времени

---

[1]) Контрабанда мѣдною монетою, тайно сплавляемою въ Персію, была самымъ обычнымъ и всѣмъ извѣстнымъ явленіемъ въ Поволожьи. Мѣдныя монеты царствованія Екатерины II, Павла и первыхъ лѣтъ императора Александра I, особенно барнаульскія мѣдныя деньги, съ соболями (достоинствомъ отъ 10 коп. до полушки), составляютъ какъ извѣстно, большую рѣдкость въ русской нумизматикѣ. Все это ушло за нашу восточную границу и главными факторами въ этой торговлѣ были, какъ кажется, казанскіе татары—купцы. Контрабанда была выгодна, потому что въ кострюляхъ напр мѣдь была втрое или вчетверо дороже, чѣмъ въ монетѣ. Особенно дорого цѣнилась мѣдная монета, чеканившаяся въ Барнаулѣ изъ мѣстной руды. Тогда не умѣли порядочно отдѣлять серебро отъ мѣди, и въ монетѣ заключалась нѣкоторая примѣсь благороднаго металла. Въ Казанскомъ университетѣ, во время существованія въ немъ отдѣленія восточныхъ языковъ былъ лекторъ персидскаго языка хаджи Миръ-муминовъ, родомъ изъ Персіи, человѣкъ уже значительно зрѣлыхъ лѣтъ. Мы помнимъ его въ началѣ сороковыхъ годовъ какъ онъ желалъ познакомиться съ русскимъ языкомъ по „Краткой грамматикѣ Греча“ и вытверживалъ наизусть ея правила и осо-

выѣхать изъ Астрахани». Вслѣдствіе этого сообщенія совѣтъ, до окончанія дѣла о деньгахъ, и не выдавалъ аттестата.

Приводимъ для характеристики Востокова, представляющагося намъ чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Кихота, слова, сказанныя ему инспекторомъ врачебной управы, посѣтившимъ его во время болѣзни: «Зачѣмъ ты ссоришься съ начальникомъ? Лежалъ бы, да жалованье бралъ. Хочешь ты исправить *паршивую* гимназію». (Дѣло училищнаго комитета, 1819 года, № 156).

Намъ совершенно неизвѣстно, насколько Храповицкій былъ подготовленъ къ педагогической дѣятельности и каковъ былъ его образовательный цензъ, но знаемъ, что это былъ человѣкъ любознательный; отъ него сохранилась рукопись «Описаніе Астрахани», которую онъ доставилъ въ Казань въ качествѣ члена общества любителей русской словесности. Профессоръ Эрдманъ, какъ визитаторъ ревизовавшій астраханскую гимназію въ 1815 году, въ собраніи училищнаго комитета заявилъ, что при испытаніи учениковъ этой гимназіи онъ усмотрѣлъ весьма слабые успѣхи. Эта гимназія, представляя излюбленный по количеству казенныхъ прогоновъ пунктъ для будущихъ визитаторовъ и ревизоровъ округа, и много лѣтъ спустя не выдвигалась предъ другими. Было потребовано отъ директора объясненіе и указаніе способовъ къ улучшенію. Храповицкій представилъ «Разсужденіе о причинахъ останавливающихъ народное просвѣщеніе и о способахъ какимъ об-

---

бенно ея исключенія, вѣроятно потому что существительныя тамъ риѳмовались. Изъ года въ годъ, съ началомъ вакаціоннаго времени онъ уѣзжалъ на родину и увозилъ съ собою воднымъ волжскимъ путемъ ящики, наполненные собранною имъ въ теченіе года мѣдною монетою. Это всегда удавалось ему, но разъ случилась неудача. У старика въ Персіи были семья, взрослые дѣти, но, какъ восточный человѣкъ, онъ былъ значительно любострастенъ и потому заводилъ въ Казани на учебный годъ временную молодую жену изъ татарокъ, которую, какъ приходила вакація, отпускалъ на основаніяхъ шаріата (*давалъ талакъ*), выдавая ей небольшое вознагражденіе. Одна изъ этихъ женъ, Сахибъ, болѣе ловкая чѣмъ другія, и имѣвшая уже ребенка, такъ какъ хаджи держалъ ее года два, замѣтила незаконную торговлю мужа и узнавъ отъ него, что онъ разведется съ нею, рѣшилась употребить въ свою пользу накопленный мѣдный капиталъ. Нѣсколько пудовъ монеты было запаковано въ два солидные ящика. Жена, пользуясь прощальными визитами мужа, какъ кажется съ помощью родныхъ, весьма ловко очистила ящики, замѣнивъ деньги кирпичами. Лично мы видѣли выраженіе бѣшенства Миръ-муминова, воротившагося къ ученымъ занятіямъ по окончаніи вакаціи въ Казань, его горящіе глаза, слышали его энергическія жалобы не столько впрочемъ на вѣроломство разведенной жены, сколько на то, что ему пришлось платить за провозъ въ Персію за пуды казанскаго кирпича.

разомъ вкравшееся зло должно искоренить», за которое получилъ отъ министра благодарность. Хотя это разсужденіе и заключаетъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей и фактовъ, но способы, рекомендуемые Храповицкимъ къ искорененію зла, чисто внѣшняго характера. Кромѣ того изъ жалобы издателя «Восточныхъ извѣстій» Вейскгопфена Салтыкову, мы знаемъ Храповицкаго, которому была первоначально поручена цензура этого астраханскаго листка, за самаго придирчиваго цензора. Въ 1812 году, еще штабсъ-капитанъ, хотя и утвержденный директоромъ, Храповицкій прислалъ попечителю Румовскому слѣдующій проектъ учено-торговаго путешествія по сосѣдней Персіи:

„Со дня опредѣленія меня въ астраханскую гимназію директоромъ, всѣми мѣрами старался я собрать достовѣрныя свѣдѣнія касательно нынѣшняго политическаго состоянія Персіи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы могли оныя послужить въ пользу настоящихъ торговыхъ связей, невыгодныхъ до сего времени для россійскаго собственно купечества, но все собранное мною не удовлетворяетъ еще моему желанію, которое состояло въ томъ, дабы я могъ представить начальству точное описаніе Персіи, какъ то: ея торговлю, промышленность и проч. Для выполненія сего, рѣшился я нынѣшнею весною отправить туда на собственномъ моемъ иждивеніи двухъ изъ иностранцевъ путешественниковъ, о чемъ 14 февраля донесъ в. п., ибо Россіяне, по незнанію персидскаго языка и военныхъ обстоятельствъ не могутъ проникнуть во внутрь Персіи. Изъ отправляющихся туда аптекарь Блюмъ, имѣя очень хорошія свѣдѣнія въ химіи и натуральной исторіи, а особливо въ ботаникѣ, занимался бы розысканіемъ тамошнихъ и привозимыхъ туда произведеній, особливо врачебныхъ, и на основаніи прилагаемаго при семъ въ копіи контракта 4-го пункта, долженъ былъ бы выполнять и другія препорученія, какія могло бы начальство чрезъ меня ему поручить. Другой, зная хотя немного тамошній языкъ, былъ бы переводчикомъ и помощникомъ первому въ осмотрѣ персидскихъ фабрикъ и въ знаніи торговыхъ связей, а приведеніемъ всего того въ извѣстность можетъ быть облегчилось бы попеченіе правительства уравнять торговый балансъ между россійскою и персидскою торговлею, и могли быть сдѣланы полезныя открытія по части наукъ; но *по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ* здѣшніе іезуиты и многіе иностранцы, въ томъ числѣ и аптекарь Блюмъ, подверглись какому-то подозрѣнію, ибо нѣкоторыхъ взяли подъ стражу, а у другихъ опечатаны бумаги. Я просилъ правившаго въ то время астраханскою губерніею г. вице-губернатора, дабы онъ увѣдомилъ меня: находитъ ли онъ аптекаря Блюма виновнымъ или нѣтъ, однако отвѣта не получилъ, почему и принужденъ былъ объ ономъ же просить новаго Астраханскаго губернатора, который съ своей стороны обнадежилъ меня, что не замедлитъ меня объ ономъ увѣдомить. Всѣ, которые аптекаря Блюма знаютъ, отзываются о немъ очень хорошо; къ тому же у іезуитовъ и у нѣкоторыхъ другихъ бумаги распечатаны и они отъ подозрѣнія освобождены, слѣдовательно я полагаю, что и аптекарь Блюмъ скоро будетъ освобожденъ, то если в. п. угодно будетъ ему препоручить сдѣлать какія наблюденія во время путешествія по Персіи, то покорнѣйше прошу объ оныхъ меня увѣдомить, ибо на основаніи вышеупомянутаго контракта онъ обязанъ ихъ выполнить“.

Дѣлалъ ли какія либо порученія Румовскій астраханскому аптекарю Блюму, отправилъ ли Храповицкій путешественниковъ въ Персію, мы не знаемъ. Весьма вѣроятно, что широкіе планы о торговыхъ сношеніяхъ съ Персіею, о которыхъ Храповицкій такъ фразисто писалъ Румовскому, кончились только «препровожденіемъ мѣдныхъ денегъ за границу», какъ сообщалъ Востоковъ, тѣмъ болѣе что это было выгодно. Учитель же Востоковъ, какъ донесъ совѣту въ сентябрѣ правившій должность директора учитель Поповъ, «освободясь изъ подъ надзора полиціи, пришелъ въ гимназію и отломалъ у дверей квартиры учителя Гуртера замокъ, съ намѣреніемъ выгнать его изъ оной» (вѣроятно Гуртеръ, во время полицейскаго ареста Востокова, занялъ принадлежащую ему квартиру). Черезъ нѣсколько времени тотъ же Поповъ препровождаетъ въ совѣтъ свидѣтельство астраханской врачебной управы, что «Востоковъ одержимъ припадками (?) наружными любострастной болѣзни», и что онъ отказался отъ исправленія своей должности будто бы по причинѣ разстроеннаго здоровья. Жалобы Востокова и доносы правившаго должность директора учителя Попова продолжались болѣе года; совѣтъ все это выслушивалъ, часто и опредѣлялъ, противорѣча самому себѣ въ этихъ опредѣленіяхъ, и препровождалъ всѣ бумаги къ визитатору Манассеину. Только въ октябрѣ пришло отъ послѣдняго донесеніе, что онъ приступилъ къ подробному слѣдствію о неурядицахъ въ астраханской гимназіи и «относительно подозрѣнія, павшаго на гимназію въ разсужденіи провоза мѣдныхъ денегъ», и заручившись содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, далъ разнымъ лицамъ вопросные пункты и потребовалъ объясненій отъ нихъ. Слѣдствіе о мѣдной монетѣ Манассеинъ вскорѣ прекратилъ, такъ какъ въ Астрахани учреждена была по высочайшему повелѣнію особая слѣдственная коммиссія насчетъ вывоза мѣдныхъ денегъ за границу. Впослѣдствіи оказалось, что не только Храповицкій, но и учитель Игнатьевъ были замѣшаны въ мѣдной контрабандѣ. Несмотря на эти дѣйствія Манассеина, Востоковъ продолжалъ присылать свои донесенія и жалобы на самого слѣдователя. Такъ «по случаю представленій его г. визитатору Манассеину о сохраненіи законнаго порядка при повѣркѣ пріема должности отъ директора Храповицкаго, г. визитаторъ не хотѣлъ принять оныхъ, *называлъ его безпокойнымъ человѣкомъ и угрожалъ, что приметъ противъ него, Востокова, мѣры*». Почему Востоковъ проситъ у совѣта законной себѣ защиты, и притомъ представляетъ: не благоугодно ли будетъ принудить директора Храповицкаго *переправить классы и директорскія комнаты на его счетъ*, имъ, безъ разрѣшенія на-

чальства, для своихъ собственныхъ удобствъ переправленныя, *а за домъ для уѣзднаго училища, купленный имъ съ невыгодою для казны, «взыскать употребленную на то сумму»*. Очевидно Храповицкій принималъ съ своей стороны разныя мѣры, чтобы директорская должность и все казенное имущество приняты были отъ него не Востоковымъ, какъ распорядился первоначально совѣтъ, а кѣмъ-либо другимъ, болѣе къ нему благожелательнымъ. Новое донесеніе Востокова, что сдача должности и имущества была произведена въ два дня и притомъ въ учебные часы, вызвало со стороны совѣта университета замѣчаніе, что онъ считаетъ пріемъ этотъ, сдѣланный учителями Поповымъ и Линдегреномъ, «слишкомъ скороспѣшнымъ и въ сіе время (т. е. въ два, дня) невмѣстительнымъ». Съ слѣдующею почтою отъ Востокова получается новый рапортъ, что *слѣдствіе по его жалобамъ производится пристрастно*, и въ подтвержденіе того прописываетъ въ своемъ рапортѣ 9 пунктовъ. Дѣло астраханской гимназіи, директора Храповицкаго и учителя Востокова переходитъ и въ слѣдующій 1820 годъ, но мы, рѣшившись ограничиться только однимъ годомъ, не пойдемъ за нимъ дальше. Кажется, Храповицкій перешелъ въ вѣдомство министерства финансовъ, къ чему очевидно приготовлялся въ Астрахани торговлею съ Персіею мѣдною россійскою монетою.

Въ сентябрѣ 1819 года училищный комитетъ доноситъ совѣту, препровождая и подлинный рапортъ директора училищъ пензенской губерніи, что въ этомъ рапортѣ *заключаются угрозы противъ начальства и грубость*. Въ октябрѣ директоръ пермскихъ училищъ, представляя къ утвержденію въ должности почетнаго смотрителя чердынскаго училища надворнаго совѣтника Прокофьева, *представляетъ ложный формулярный о службѣ его списокъ*. По смыслу указа въ должность почетнаго смотрителя должны избираться люди безпорочной службы и доброй нравственности, а представляемый Прокофьевъ неоднократно былъ подъ судомъ, формуляръ же о томъ умалчиваетъ. Въ октябрѣ же училищный комитетъ доноситъ совѣту объ увольненіи учителя чебоксарскаго приходскаго училища Нагаткина отъ должности, по причинѣ его *болѣзни ипохондріи* и о томъ, что учитель рисовальнаго искусства Кавказской губерніи ставропольскаго уѣзднаго училища Покотиловъ *состоитъ подъ судомъ за лихоимство*. Совѣтъ требуетъ объясненія: «когда и по какому случаю Покотиловъ за лихоимство преданъ суду, гдѣ производится сіе дѣло и въ какомъ оно нынѣ положеніи».—Учитель рисовальнаго искусства въ той же многострадальной астраханской гимназіи Протопоповъ жалуется, что директоръ Храповицкій не принялъ поданнаго имъ на его имя донесенія *о незаконномъ поступ-*

къ учителя Волочкова въ рисовальномъ классѣ съ ученикомъ Никитскимъ, *съ причиненіемъ ему удара въ лицо, послѣ чего Волочковъ вытащилъ его вонъ изъ класса.* Въ ноябрѣ училищный комитетъ доноситъ, что учитель 1 класса бузулукскаго уѣзднаго училища Яковъ Ильинъ съ начала августа *совсѣмъ не ходилъ за пьянствомъ.*—Въ томъ же ноябрѣ почетный смотритель лаишевскаго уѣзднаго училища Груберъ рапортуетъ совѣту объ удаленіи изъ лаишевскаго приходскаго училища учителя Глейнига—*за нерадѣніе къ должности, за худое поведеніе, нетрезвость и буйство.*—Училищный комитетъ отправляетъ депутата при слѣдствіи въ Оренбургъ по случаю *обиды, нанесенной женѣ* учителя татарскаго языка оренбургскаго главнаго народнаго училища Чанышева оренбургскимъ плацъ-адъютантомъ.—Въ началѣ декабря спасское, казанской губерніи, уѣздное училище рапортуетъ, что классы въ немъ принуждены закрыться, такъ какъ въ немъ открылось, по распоряженію властей, рекрутское присутствіе.

Таковъ скорбный листъ, свидѣтельствующій о крайне неутѣшительномъ состояніи и первоначальнаго и средняго образованія въ обширномъ казанскомъ учебномъ округѣ 70 лѣтъ тому назадъ. «Есть отчего въ отчаянье придти!» невольно припоминается болѣзненный крикъ поэта, когда читаешь такой печальный мартирологъ просвѣщенія.

Мы взяли факты только за одинъ годъ, случайно нами выбранный, годъ въ особенности замѣчательный потому, что это было время полнаго развитія началъ просвѣщенія, введенныхъ въ жизнь нашей школы министерствомъ князя А. Н. Голицына, началъ нравственно-религіознаго воспитанія, отъ которыхъ надѣялись получить такіе благіе результаты. Вездѣ было усилено преподаваніе закона Божія, ежедневно, предъ началомъ классовъ, читался Новый Завѣтъ, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что великія, глубоко-нравственныя истины, полныя неизсякаемой любви къ человѣчеству, заключенныя въ Евангеліи, плохо прививались къ жизни. Въ ней повидимому царилъ мракъ до-Петровскаго времени. Напрасно старались бы мы искать въ документахъ того времени фактовъ болѣе отраднаго свойства, свидѣтельствъ о томъ успѣхѣ, который дѣлаетъ образованіе страны, о вліяніи просвѣтительныхъ началъ на дикую и грубую жизнь. Фактовъ этихъ и свидѣтельствъ мы не найдемъ. Передъ нами только внѣшняя жизнь училищъ: опредѣленіе, увольненіе и переводъ чиновниковъ, или факты въ родѣ приведенныхъ нами, да цифровыя данныя, которымъ едва ли можно вполнѣ вѣрить. Удастся ли будущему изслѣдователю сквозь калейдоскопически-пестрыя клѣточки безчисленныхъ рубрикъ quasi-статистическаго ха-

*

рактера, изъ которыхъ состоятъ и нынѣшніе отчеты директоровъ и инспекторовъ, извлечь дѣйствительныя данныя духовнаго прогресса страны—сказать тоже не можемъ.

Съ конца 1812 года мы встрѣчаемся уже *съ раздѣленіемъ на отдѣленія* или факультеты, хотя насчетъ этого мы не знаемъ никакого начальственнаго распоряженія. О результатахъ экзаменовъ для полученія степени студента-кандидата Ярцевымъ и Рыбушкинымъ доноситъ совѣту отдѣленіе словесныхъ наукъ. Въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ происходитъ то же.

Любопытно, что въ 1812 же году совѣтъ пересталъ именоваться совѣтомъ гимназіи. Чрезвычайно удивился Яковкинъ, когда получилъ бумагу съ новою надписью и съ адресомъ—въ совѣтъ университета. «При основаніи Казанскаго университета», писалъ онъ въ рапортѣ попечителю, «по начальственному предписанію в. п. повелѣно: оному и казанской гимназіи управляемыми быть отъ совѣта казанской гимназіи, каковымъ онъ донынѣ и именовался. Но съ послѣднею минувшаго марта 26 числа полученною почтою, всѣ предписанія надписаны на имя совѣта при Казанскомъ университетѣ. По сей причинѣ осмѣливаюсь испрашивать начальственное в. п. предписаніе,—подъ какимъ именемъ отнынѣ быть совѣту: подъ именемъ ли совѣта казанской гимназіи, или подъ именемъ совѣта при Казанскомъ университетѣ?» Въ засѣданіи 5 іюня Яковкинъ заявилъ, что попечитель, «въ начальственномъ своемъ на имя его. 23 мая, за № 527, данномъ предписаніи соизволилъ приказать, чтобы управленію университета и гимназіи *по учебной и образовательной части* именоваться, до совершеннаго образованія университета, *совѣтомъ при Казанскомъ университетѣ*». Это было самоличное распоряженіе Румовскаго; онъ созналъ наконецъ странность того обстоятельства, что совѣтъ гимназіи (хотя и состоитъ онъ изъ профессоровъ) распоряжается дѣлами университетскаго преподаванія. Хозяйственная часть осталась по прежнему въ вѣдѣніи конторы гимназіи.

Волненіе по поводу неудавшихся и неутвержденныхъ выборовъ въ сентябрѣ 1810 года и то раздраженіе, какое, какъ мы видѣли, господствовало въ то время въ совѣтѣ, улеглись не скоро. Съ одной

стороны члены совѣта какъ будто съ особеннымъ усердіемъ принялись за изученіе смысла различныхъ параграфовъ устава, стараясь съ помощью ихъ познакомиться болѣе точнымъ образомъ съ организаціей университетскаго устройства, съ другой нѣсколько эпизодовъ совѣтскихъ засѣданій свидѣтельствуютъ о глубокомъ недовольствѣ со стороны всѣхъ членовъ совѣта Яковкинымъ, какъ главнымъ виновникомъ неудачи выборовъ.

Какъ мало члены университетскаго совѣта были знакомы съ практикою университетской жизни и съ уставомъ университета вообще (собственно говоря съ нимъ приходилось и рѣдко справляться, и самый совѣтъ оффиціально еще назывался совѣтомъ казанской гимназіи, а не университета), видно изъ того, что въ одномъ изъ августовскихъ засѣданій совѣта въ 1811 году шли длинныя разсужденія о томъ, «что на предбудущее время необходимо нужно разрѣшить сомнѣніе нѣкоторыхъ: могутъ ли гг. экстраординарные профессоры имѣть такой же голосъ, какъ и ординарные въ университетскомъ совѣтѣ при избраніи?» Сопоставляя другъ съ другомъ разные параграфы устава, въ которыхъ говорится объ экстраординарныхъ профессорахъ, и замѣчая, что ни въ которомъ изъ нихъ не было сдѣлано точнаго опредѣленія названія экстраординарный, и не указано различіе его отъ ординарнаго (за исключеніемъ положительнаго опредѣленія, что ректоръ избирается только изъ ординарныхъ профессоровъ), и ссылаясь на то обстоятельство, что Московскій университетъ, въ противность § 162 устава, выбралъ въ члены училищнаго комитета экстраординарнаго профессора (*Москов. Вѣдом.* 1810 г. № 5), нѣкоторые члены совѣта полагали, что не существуетъ никакой разницы между разными наименованіями профессоровъ. Другіе отрицали это, говоря, что экстраординарные могутъ только избирать, но не сами быть избираемы въ должности, кои положено занимать ординарнымъ профессорамъ. Обо всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ опредѣлено было представить на благоусмотрѣніе и рѣшеніе попечителя. Любопытно, что поднятый совѣтомъ вопросъ Румовскій не могъ рѣшить самъ и спрашивалъ разрѣшеніе министра: «должны ли экстраординарные профессоры имѣть участіе въ выборахъ или нѣтъ?» Вопросъ, впрочемъ довольно ясный и изъ устава, былъ разрѣшенъ министромъ конечно въ положитильномъ смыслѣ: «экстраординарные профессоры должны участвовать въ выборахъ, ибо § 32 университетскаго устава исключаетъ изъ сего права только однихъ адъюнктовъ».

Раздраженіе и неспокойное состояніе духа, вслѣдствіе неудавшихся выборовъ и обманутой надежды получить наконецъ послѣ долгихъ ожиданій самоуправленіе, которое избавило бы членовъ совѣта отъ произвола и начальнической грубости Яковкина, этого полномочнаго министра (plénipotentiaire), какъ называлъ его Броннеръ, выразилось въ разныхъ личныхъ столкновеніяхъ. Какую силу и какое значеніе имѣлъ Яковкинъ, указывавшій изъ Казани Румовскому образъ дѣйствій, и какъ слушался послѣдній полномочнаго директора, можетъ служить доказательствомъ инцидентъ съ проф. Германомъ, съ которымъ никогда не ладилъ Яковкинъ. Выше мы говорили объ экзаменахъ чиновниковъ, службою обязанныхъ по закону 1809 года, упомянули и о томъ, что вслѣдствіе многовѣковой, но естественной язвы, какъ ракъ поѣдающей общественный организмъ нашего отечества, въ экзаменаціонномъ комитетѣ мало по малу должно было внѣдриться взяточничество. Яковкинъ первый формулировалъ обвиненіе въ немъ профессора Германа. «Сварливость послѣдняго», писалъ онъ къ попечителю, «и *слышимое лакомство отъ экзаменуемыхъ* выводятъ изъ терпѣнія, а какъ на мою часть досталось много предметовъ для экзаминованія, то не благоугодно ли будетъ в. п. отдѣлить отъ меня всеобщую исторію, географію и статистику съ частію хронологіи для г. профессора Томаса, да ему же препоручить и испытаніе въ иностранныхъ языкахъ» (экзаменаторомъ въ иностранныхъ языкахъ былъ Германъ). Въ одинъ день съ этимъ письмомъ (14 марта 1811 года), уже оффиціальнымъ рапортомъ, какъ предсѣдатель комитета для испытанія чиновниковъ, Яковкинъ доносилъ, что «по случаю заданныхъ мною, какъ экзаминаторомъ россійскаго языка, двоимъ экзаминуемымъ гг. Груберу и Феодорову переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго на россійскій языкъ, *членъ экзаменнаго комитета иностранныхъ языковъ* г. профессоръ Германъ объявилъ споръ, записанный въ протоколѣ того же дня, что разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ на россійскій языкъ принадлежитъ ему, а не мнѣ. *А какъ г. профессоръ Германъ по русски нисколько не знаетъ*, то по званію предсѣдательствующаго въ ономъ комитетѣ о семъ дѣлѣ имѣю честь представить на начальственное в. п. благоусмотрѣніе и разрѣшеніе». Получивъ письмо и рапортъ Яковкина, попечитель немедленно далъ предложеніе, которымъ утверждалъ, согласно письму директора, профессора Томаса членомъ экзаминаціоннаго комитета по предметамъ Яковкина, а послѣднему поручалъ разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ на языкъ россійскій «*по незнанію онаго нисколько г. профессоромъ Германомъ*».

Надобно полагать, что Яковкинъ и цѣлый совѣтъ, заслушавшій

это предложеніе въ засѣданіи 5 мая 1811 года и опредѣлившій исполнить предписаніе попечителя, поняли его въ томъ смыслѣ, что Германъ исключается изъ членовъ экзаменаціоннаго комитета. Конечно и попечитель имѣлъ это въ виду, получивъ свѣдѣнія о «лакомствѣ» Германа. Въ письмѣ къ попечителю Яковкинъ сообщалъ: «Прошедшее засѣданіе совѣта совершенно обнаружило, какъ чувствованія г. проф. Германа, такъ и усилія его остаться въ экзаменномъ комитетѣ. Вскорѣ послѣ того слышалъ я новыя подтвержденія, *что онъ даже требовалъ, чтобъ экзаминуемые приходили къ нему въ домъ на поклонъ и не съ пустыми руками.* По выслушаніи предписанія в. п., я ему подтвердилъ еще, что онъ уволенъ изъ экзаменнаго комитета по незнанію русскаго языка (eum liberatum esse a coetu examinatorio propter ignorantiam linguae Rossicae). Онъ чрезвычайно разгорячился и сказалъ мнѣ, что я самъ не понимаю ни по нѣмецки, ни по французски и никогда не задавалъ экзаминуюшимся никакихъ темъ для сочиненій (me non callere nec teutonice, nec gallice (что конечно было правда) et nunquam dedisse examinandis quaedam themata ad componendum). На первое отвѣчалъ я, что не его дѣло судить о моихъ знаніяхъ, а о послѣднемъ обѣщалъ предложить для удостовѣренія въ комитетѣ экзаменномъ, что и дѣйствительно исполнилъ въ засѣданіи 5 дня, о чемъ отъ имени его имѣю честь съ сею же почтою представить особливымъ рапортомъ: поелику всѣмъ экзаменованнымъ, какъ изъ самыхъ дѣлъ комитета оказалось, надписываемы были предложенія каждому собственною моею рукою, кромѣ одного Княжевича, извѣстнаго уже сочиненіями своими и переводами, какъ сочлена разныхъ обществъ Россійской словесности. Потомъ онъ говорилъ еще, что члены экзаменнаго комитета назначены министромъ, а потому в. п. и не можете его отъ онаго уволить. Наконецъ просилъ еще съ предписанія копію, но я отклонилъ сіе тѣмъ, что онъ самъ слышалъ оное и потому нѣтъ надобности давать копію.—Судя по его горячкѣ, можно предполагать, чтобъ онъ не вздумалъ о семъ писать къ г. министру, потому что сказалъ мнѣ съ жаромъ: «Вы обвиняете меня въ незнаніи русскаго языка: увидите, что будетъ» (tu inculpasti mihi ignorantiam linguae rossicae; at videbis quid erit).

Къ министру Германъ не писалъ, но въ очень спокойномъ по тону письмѣ къ попечителю, въ которомъ вовсе незамѣтно *жара*, упоминаемаго Яковкинымъ, онъ разсказываетъ совершенно иначе чѣмъ послѣдній, какъ произошло у нихъ столкновеніе. «В. П. угодно было уволить меня отъ должности члена экзаменнаго комитета, потому что я не знаю русскаго языка. По прочтеніи этого предложенія, мною была сказана пара словъ профессору Яковкину о нашихъ

дѣйствіяхъ въ сказанномъ комитетѣ. Между прочимъ проф. Яковкинъ утверждаетъ, что мною были сказаны слова: «Sie haben keine Themata aufgegeben — Вы не задавали темъ экзаминующимся» (очень возможно, что Яковкинъ не понялъ нѣмецкой фразы и латинскій переводъ его былъ слишкомъ воленъ и выражалъ совершенно иное). «На основаніи этихъ словъ моихъ проф. Яковкинъ затѣваетъ противъ меня цѣлый процессъ. Я не помню, что собственно было мною сказано, но если я и сказалъ что нибудь въ этомъ родѣ, то я ничего иного не могъ сказать, какъ только: «Sie haben kein anderes als Themata aufzugeben—Вы только и дѣлали, что задавали темы». Иной мысли я и не могъ высказать, потому что проф. Яковкинъ всегда задавалъ эти темы экзаминующимся въ моемъ присутствіи и я своими глазами видѣлъ отвѣты ихъ, хранящіеся въ дѣлахъ комитета». Германъ объясняетъ промахъ Яковкина незнакомствомъ его съ языкомъ иностраннымъ» [1]), а за тѣмъ спѣшитъ увѣрить попечителя, что онъ вовсе не врагъ тишины и спокойствія и избѣгаетъ всякой ссоры.

Въ отвѣтъ на это письмо Германа, попечитель тотчасъ же написалъ новое предложеніе совѣту, что объ исключеніи проф. Германа изъ экзаменнаго комитета въ его прежнемъ предложеніи отъ 13 апрѣля вовсе не было рѣчи, а сказано только, что проф. Яковкину, сверхъ настоящей его профессіи, препоручается въ ономъ комитетѣ также и разсмотрѣніе переводовъ съ иностранныхъ языковъ на Россійскій, по незнанію сего языка проф. Германомъ. Онъ «не исключается изъ комитета, но долженъ въ ономъ оставаться для испытанія въ знаніяхъ иностранныхъ языковъ».—Выше, на стр. 327 мы привели латинскую фразу Яковкина, произнесенную безъ сомнѣнія съ нѣкотораго рода злорадствомъ и имѣвшую весьма опредѣленный и точный смыслъ, что Германъ увольняется (или исключается) изъ экзаменаціоннаго комитета. Всѣ члены совѣта такъ и поняли бумагу попечителя. Теперь, когда попечитель придавалъ ей другой смыслъ, писалъ, что объ увольненіи Германа не было и рѣчи. Яковкинъ также заговорилъ другое, особенно, когда члены совѣта потребовали отъ него объясненій. «Послѣднее сего іюня 14 дня засѣданіе совѣта обнаружило новыя противъ меня козни и интриги, какъ изъ особливаго съ сею почтою представляемаго рапорта в. п. усмо-

---

[1]) „C'est une méprise de la part du prof. Iakowkin, qui peut très facilement avoir lieu dans une langue étrangère, quand on ne la possède pas en perfection. Le même arrive à moi dans la langue russe, que je donne quelques fois un autre sens à une phrase ou par inadvertance ou par une erreur de l'oreille“.

трѣть изволите»—писалъ онъ Румовскому. «По выслушаніи предписанія о препорученіи мнѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на россійскій, я только и сказалъ о семъ г. Герману, *а участвовать или не участвовать ему въ комитетѣ ничего не говорилъ, не видя ничего о томъ въ предписаніи*, и находя въ указѣ объ экзаменахъ повелѣніе объ однихъ только переводахъ на россійскій языкъ, *а не объ эстетическомъ и мозголовномъ разбираніи какого нибудь автора*, какъ то всегда дѣлалъ съ экзаминуемыми г. Германъ».

Изъ вопроса о томъ, быть ли профессору Герману членомъ экзаменаціоннаго комитета или нѣтъ, вышелъ цѣлый совѣтскій инцидентъ, увеличившій конечно переписку съ попечителемъ. По выслушаніи предписанія попечителя, профессоръ Френъ сдѣлалъ председателю вопросъ: «объясненіе содержанія каждой бумаги имъ, г. председателемъ, по латыни, дѣлается ли по обязанности его или изъ доброй воли»? Яковкинъ отвѣтилъ, что дѣлается это вовсе не по обязанности, а «*для большаго вразумлѣнія дѣла гг. членамъ россійскаго языка не разумѣющимъ*». Попечителю онъ писалъ слѣдующее: «Объясненіе содержанія на латинскомъ языкѣ о каждой прочтенной въ совѣтѣ бумагѣ донынѣ давалъ я единственно *для доказанія по всѣмъ текущимъ дѣламъ моего безпристрастія* (?); но послѣдствія открываютъ, что и самое доброе мое намѣреніе стараются перетолковать въ дурную сторону; а по сему и долженъ держаться только преимущественно своего природнаго россійскаго языка, дабы чрезъ то показать различіе между обязанностію и доброю волею» (19 іюня, 1811 года). Выслушавъ объясненіе Яковкина, проф. Браунъ началъ говорить «*какъ бы отъ лица совѣта*» и требовалъ занести въ протоколъ, «что совѣтъ таковымъ объясненіемъ доволенъ быть не можетъ, понеже отъ того происходятъ часто ошибки», и указалъ на случай съ Германомъ, когда проф. Яковкинъ совершенно понятно и ясно сказалъ, что Германъ уволенъ изъ экзаменаціоннаго комитета, что ввело въ заблужденіе и прочихъ членовъ совѣта.

Въ протоколѣ этого засѣданія совѣта (секретаремъ совѣта былъ зять Яковкина баронъ Врангель) не записано никакихъ дальнѣйшихъ преній по этому дѣлу. Разсуждаемо было только о томъ: сообщить ли мнѣніе Брауна для свѣдѣнія и для дачи съ своей стороны о немъ заключенія всѣмъ отсутствовавшимъ въ этомъ засѣданіи (а ихъ было 8 человѣкъ) или только тѣмъ, которые не явились по законной причинѣ (Бартельсъ и Броннеръ), и даже собирались по этому поводу голоса, и баллотировкою было рѣшено сообщить только двумъ послѣднимъ, законно отсутствующимъ. Но въ рапортѣ попечителю отъ совѣта, подписанномъ Яковкинымъ и барономъ Врангелемъ, внесено такъ много посторонняго, съ такими

подробностями переданы всѣ дебаты, что для насъ очевиднымъ является желаніе Яковкина какъ можно больше дискредитировать Брауна въ мнѣніи попечителя и выставить себя. Въ этомъ рапортѣ мы находимъ напр. якобы заявленіе большинства членовъ, что они никогда за себя Брауну не поручали подавать мнѣніе и вписывать его въ протоколъ, что это большинство членовъ совѣта разумѣетъ по русски довольно хорошо и слышитъ всѣ читаемыя бумаги ясно. Между тѣмъ въ этомъ же рапортѣ приписывалось Брауну мнѣніе о необходимости имѣть при совѣтѣ особаго переводчика и что нѣкоторые члены (конечно меньшинство) полагали просить попечителя о переводчикѣ, «ибо они, не зная языка, не возмогутъ знать безъ переводчика о чемъ идетъ въ совѣтѣ разсужденіе и слѣд. не могутъ давать на сіе своего заключенія». Это желаніе переводчика, можетъ быть кѣмъ-либо и высказанное, даетъ поводъ въ рапортѣ распространяться о незаконности такого желанія, о неимѣніи назначенныхъ на этотъ предметъ суммъ, о томъ, что и самый переводъ, безъ знанія со стороны членовъ русскаго народа и русскихъ законовъ, едва ли будетъ въ состояніи принести какую-либо пользу, что переводъ на нѣмецкій или другой какой-либо языкъ иностранный всякой бумаги, заслушанной и обсуждаемой въ совѣтѣ, поведетъ къ большой тратѣ времени, что члены университета, участвуя въ различныхъ комитетахъ и факультетскихъ собраніяхъ, исполняя разныя порученія и т. п., не могутъ во всѣхъ случаяхъ имѣть при себѣ переводчиковъ, а слѣдовательно должны учиться по русски. Рапортъ выражаетъ наконецъ патріотическую мысль, что «отправленіе дѣлъ на иностранномъ языкѣ среди Россіи и народа русскаго, *и можетъ быть не имѣющаго обязанности разумѣть иностранный*, будетъ несправедливо и незаконно».

Оригинальное явленіе представлялъ изъ себя этотъ совѣтъ Казанскаго университета, гдѣ зачастую случалось члены рѣшительно не понимали о чемъ идетъ дѣло, какое содержаніе имѣетъ та или другая изъ только что прочитанныхъ секретаремъ и поступившихъ для обсужденія и рѣшенія бумагъ. А между тѣмъ въ этомъ же университетѣ функціонировали различные комитеты: цензурный, экзаменаціонный для чиновниковъ и училищный. Особенно послѣдній терялъ значительно отъ незнакомства многихъ членовъ его съ русскимъ языкомъ. Сюда поступала масса бумагъ со всѣхъ концовъ огромнаго округа, дѣла не столько касавшіяся преподаванія, сколько чисто денежныя и, согласно духу времени и общества, по большей части, какъ мы уже видѣли, кляузныя. Иностранцамъ, незнакомымъ ни съ языкомъ, ни съ нравами, трудно было разобраться въ этихъ дѣлахъ. О томъ, какой вредъ приносило преподаванію это незнаніе

языка своихъ слушателей, мы уже не разъ говорили и приводили собственныя жалобы лучшихъ нѣмецкихъ профессоровъ. Этотъ вредъ мы видѣли лично. Между нѣмецкими профессорами юридическаго факультета сороковыхъ годовъ въ Казанскомъ университетѣ былъ одинъ, незнавшій вовсе по русски и читавшій свои лекціи на языкѣ французскомъ (прочіе нѣмцы, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, читали по русски). Это былъ профессоръ международнаго права и дипломаціи Винтеръ, умершій отъ холеры осенью 1847 года [1]). Студенты юридическаго факультета во всѣ времена учились незавидно: всегда у нихъ въ умѣ была впереди житейская практика, для которой нѣтъ надобности въ какой-либо наукѣ. Экзаменъ въ маѣ у Винтера происходилъ конечно въ присутствіи членовъ факультета, но репетиціи передъ Рождествомъ дѣлались имъ самимъ и одонолично. Студенты конечно не могли отвѣчать Винтеру ни на какомъ иностранномъ языкѣ и употребляли отечественный. Находились нерѣдко такіе забавники, которые вмѣсто тезисовъ международнаго права и изложенія трактатовъ, съ совершенно серьезными лицами, разсказывали и такіе анекдоты, уснащая ихъ отечественными идіотизмами, что студенты другихъ факультетовъ, нерѣдко собиравшіеся на репетиціи Винтера въ его аудиторію въ ожиданіи шутокъ, должны были употреблять нечеловѣческія усилія, чтобъ не расхохотаться и не испортить дѣла товарищамъ.

Намъ кажется поэтому, что Яковкинъ, въ своихъ жалобахъ на положительное незнакомство нѣмецкихъ профессоровъ съ языкомъ русскимъ, что естественно затрудняло ходъ дѣлъ, былъ вполнѣ правъ. «О дѣлахъ обоихъ комитетовъ по постановленнымъ въ нихъ протоколамъ, имѣю честь представить меморіи съ сею же почтою для не опущенія времени», писалъ онъ попечителю. «Крайнее затрудненіе происходитъ какъ въ объясненіи отъ меня по латыни самихъ матерій, такъ особливо еще въ переводѣ на россійскій языкъ самихъ гг. профессорами написанныхъ замѣчаній, а потому, хотя и весьма желалось представить ихъ отъ имени будущаго совѣта, но переводъ, особливо техническихъ словъ и переписка всего едва ли позволятъ изготовить все уже къ будущей почтѣ. По полученіи ихъ в. п. сами усмотрѣть соблаговолите, сколько трудно обработывать (?)

[1]) Винтеръ впрочемъ занимался не столько наукой, сколько поэзіей и въ теоріи и практикѣ. Въ Казани онъ напечаталъ: Dichtlehre als philosophische Theorie der wissenschaftlichen Dichtkunst. 1840. 8° и писалъ, но напечатать не успѣлъ, нѣмецкія трагедіи. Чтобы иллюстрировать нѣкоторыя сцены изъ нихъ, онъ приглашалъ для того одного изъ своихъ слушателей, имѣвшаго талантъ въ живописи, но не понимавшаго по нѣмецки, и разсказывалъ содержаніе по французски.

гг. иностранцевъ. Въ училищной комитетъ снова поступило много бумагъ, кои, какъ хотятъ гг. избранные на нынѣшній мѣсяцъ члены, неотмѣнно должны обработать сами, а мнѣ — за всѣхъ трудиться—сверхъ силъ моихъ».

По поводу рапорта совѣта о недоразумѣніи на счетъ профессора Германа, котораго сочли уволеннымъ отъ званія члена экзаменаціоннаго комитета, попечитель конечно защитилъ Яковкина. Въ своемъ предложеніи онъ сообщалъ, что г. директоръ только *изъ доброй воли* для незнающихъ профессоровъ россійскаго языка, предлагаетъ бумаги на латинскомъ языкѣ, что винить въ недоразумѣніи его предложенія одного директора нельзя, потому что предложеніе было читано въ совѣтѣ и переведено на нѣмецкій языкъ секретаремъ барономъ Врангелемъ и что, если бы число незнающихъ по русски превосходило число знающихъ, то и въ такомъ случаѣ не винить, а благодарить должно г. директора. Въ заключеніе попечитель сообщаетъ, что переводчика въ штатѣ не положено, и даетъ слѣдующій начальственный совѣтъ профессорамъ иностранцамъ: «Правительство справедливую имѣло причину предполагать, что иностранные ученые среди Россіи, гдѣ всѣ дѣла отправляются на россійскомъ языкѣ, не погнушаются со временемъ научиться россійскому языку, по крайней мѣрѣ столько, сколько нужно для разумѣнія дѣлъ на россійскомъ языкѣ предлагаемыхъ» (13 іюля 1811 года). Второй попечитель казанскій Салтыковъ, присутствуя въ совѣтѣ университета 2 апрѣля 1813 года, «изволилъ предложить, какъ это записано въ протоколъ, чтобы къ поданнымъ въ совѣтъ представленіямъ на россійскомъ языкѣ было бы присовокупляемо содержаніе оныхъ вкратцѣ на языкахъ нѣмецкомъ или латинскомъ». Но какъ плохо и мало выучивались въ то время нѣмецкіе профессора по русски, можно видѣть изъ того, что Германъ, проживъ въ Казани 14 лѣтъ, подписывался на документахъ; «коллежкой саведникъ».

Не беремся рѣшить—имѣло ли недоразумѣніе, возникшее въ совѣтѣ въ засѣданіе его 18 октября того же 1811 года, источникомъ незнаніе иностранными профессорами русскаго языка, или нѣкоторые изъ нихъ желали сознательно нанести въ извѣстномъ смыслѣ легкій уколъ самолюбію и начальническому самомнѣнію нелюбимаго ими директора. Заслушано было предложеніе попечителя, въ которомъ сообщалось о новомъ законѣ, чтобы всѣ лица, на имя которыхъ даны будутъ высочайшіе указы или рескрипты и на пожалованье орденами, представляли отъ себя съ нихъ, кромѣ секретныхъ, засвидѣтельствованныя копіи въ правительствующій сенатъ. Попечитель, согласно замѣчанію министра, что законъ этотъ не всегда наблюдается чиновниками, подвѣдомыми министерству просвѣщенія.

предлагаетъ подтвердить его всѣмъ директорамъ казанскаго округа для распоряженій и съ ихъ стороны. Совѣтъ опредѣлилъ: «сообщить предложеніе попечителя въ училищный комитетъ и контору, *а также г. профессору, директору и кавалеру Яковкину, какъ директору казанской гимназіи, дабы и онъ съ своей стороны далъ знать о семъ кому надлежитъ»*. Самъ Яковкинъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи и опредѣленіе было постановлено девятью нѣмецкими профессорами, а съ отдѣльнымъ мнѣніемъ противъ нихъ оказались четыре русскіе адъюнкта, бывшіе на сторонѣ Яковкина, и единственный нѣмецъ, примкнувшій къ нимъ, поклонникъ Яковкина—Сторлъ. Сущность отдѣльнаго мнѣнія лицъ, несогласныхъ съ большинствомъ, заключалась въ томъ, что директору Яковкину нѣтъ надобности дѣлать особое сообщеніе, такъ какъ всѣ дѣла идутъ чрезъ его руки и исполненіе по нимъ лежитъ на его отвѣтственности. Это сообщеніе директору предписанія попечителя имѣло бы смыслъ, *еслибъ шло отъ университета, а не отъ совѣта сей же гимназіи*; совѣтъ не можетъ дѣлать предсѣдателю своему сообщеній, «ибо сообщенія дѣлаются отъ одного равнаго присутственнаго мѣста другому и между таковыми же частными особами; равномѣрно совѣтъ не могъ бы дать предсѣдателю своему предписанія, или доносить и рапортовать. Объявить учителямъ гимназіи предписаніе попечителя слѣдуетъ инспектору. Удивительные законники были эти молодые адъюнкты нашего университета (Кондыревъ, Никольской, Петровской, Перевощиковъ), хотя между ними собственно не было ни одного юриста, но когда въ составъ совѣта со временемъ вошли и юристы, то кляузы и крючки стали обыденнымъ явленіемъ, стали глубокою и мучительною язвою организма, и наука теряла отъ этого.

Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій совѣта Яковкинъ, получившій сообщеніе совѣта (оно, какъ опредѣленное большинствомъ, должно было быть исполнено), «обратилъ это сообщеніе совѣту» и доказывалъ, что объявить учителямъ предписаніе попечителя слѣдовало инспектору гимназіи, а не ему. Онъ ссылался при этомъ на *генеральный регламентъ* и выписывая изъ него опредѣленіе обязанностей президента, называлъ мнѣніе большинства членовъ несоотвѣтствующимъ законамъ, 4, 6 и 8 главамъ этого регламента, указу 31 декабря 1765 года и наконецъ, §§ 55, 132 и 149 университетскаго устава (параграфы эти впрочемъ опредѣляли дѣйствія ректора, непремѣннаго засѣдателя и синдика, но всѣ эти три должности не существовали, такъ какъ университетъ открытъ не былъ и обязанности ихъ соединялись въ одномъ Яковкинѣ). По выслушаніи этого предложенія профессора и директора составилось новое большинство членовъ (изъ прежняго большинства не пришло четверо:

Эрихъ, Френъ, Реннеръ и Литтровъ), а къ тремъ адъюнктамъ (Перевощиковъ тоже не явился) и Сторлю присоединились теперь: Фуксъ, Эрдманъ, Врангель и Городчаниновъ. Это большинство постановило: принять обратно сообщеніе, сдѣланное директору и о предписаніи попечителя сообщить инспектору гимназіи для объявленія учителямъ съ подпискою. Только одинъ независимый Броннеръ въ своемъ отдѣльномъ, писанномъ по латыни мнѣніи, высказался прямо противъ принятія обратно отъ директора сдѣланнаго ему сообщенія. Броннеръ заявилъ слѣдующее: «Выслушавъ протестъ г. директора и кавалера Яковкина, неприсутствовавшаго въ засѣданіи, противъ сообщенія ему совѣтомъ, чтобы предложеніе высшей власти было объявлено при его посредствѣ въ казанской гимназіи, и обсудивъ обвиненіе въ незаконности этого сообщенія, я съ своей стороны заявляю мое убѣжденіе что совѣтъ и не могъ передавать что либо для исполненія непосредственно подчиненному г. директора (т. е. инспектору), но долженъ былъ это сдѣлать чрезъ посредство директора. Почему полагаю возвратить обратно сообщеніе г. директору и кавалеру не какъ предсѣдателю совѣта, а какъ директору гимназіи, не какъ дѣло ему извѣстное просто только для исполненія и не съ тою цѣлью, чтобъ сдѣлать ущербъ его власти, но въ томъ смыслѣ, чтобы предложеніе начальства было объявлено тѣмъ лицомъ, которому принадлежитъ дирекція гимназіи» [1]). Браунъ написалъ по русски свою фразу, о которой Яковкинъ конечно счелъ долгомъ сообщить Румовскому. «Въ прошедшемъ засѣданіи совѣта обратилъ я ему сдѣланное мнѣ отъ него сообщеніе», пишетъ онъ, «яко противное узаконеніямъ. Цѣлые полтора часа, въ среду по полудни, въ засѣданіи не могъ я добиться отъ гг. иностранцевъ никакого рѣшенія. почему и принужденъ былъ дѣло сіе обратить въ вопросъ, требуя отъ каждаго рѣшительный голосъ; но и тутъ нѣкоторые старались отвѣчать или условно, или съ раздѣленіями (cum distinctionibus), а одинъ изъ нихъ, при собираніи голосовъ, отрекшись прямо

---

[1]) „Audita protestatione D. Equitis et Directoris Iakovkin contra communicationem ipsi absenti factam alicujus decreti auctoritatis superioris, ut id ejus interventu etiam in gymnasio Kasanensi promulgetur, atque perpensa accusatione illegalitatis ejus communicationis, pro mea parte declaro, me censuisse concilium non posse immediate subordinato D-ni Directoris quidquam ad exequendum tradere, sed id solum mediante Directore fieri posse. Quare votavi, illud venerabile decretum reddendum Domino Equiti et Directori non tamquam Praesidi concilii, sed tanquam Directori gymnasii, nec tanquam rem ei notam, sed simpliciter exequendam, nequaquam, vero animo dominium quoddam in eum affectante, sed tantum eo sensu, ut jussa superiorum per illum promulgentur, cui directio gymnasii incumbit“

подать свое мнѣніе, по окончаніи совѣта подписалъ въ протоколѣ: «ad 7 по незнаній саконовъ не могу подать мнѣніе свое, проф. Браунъ»... При семъ случаѣ не могу я умолчать, в. п. и о томъ, что гг. иностранцы, подъ видомъ незнанія законовъ и россійскаго языка, уклоняются, какъ будто законно, и отъ обработыванія дѣлъ, кои потому и лежатъ только на однихъ русскихъ или знающихъ русскій языкъ—и не довольствуясь латинскимъ моимъ объясненіемъ дѣла, весьма часто требуютъ точнаго и полнаго перевода всей бумаги, чѣмъ не только теченіе дѣлъ затрудняется, *но и засѣданія весьма отяготительно и безъ всякой законной причины длятся, какъ* и послѣднее продолжалось отъ 12 до исхода третьяго часу по полудни». Эта жалоба на непроизводительную трату времени конечно заключала въ себѣ истину, но класть обвиненіе за нее только на однихъ иностранцевъ едва ли было справедливо. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во множествѣ другихъ, источникомъ продолжительныхъ преній и разнаго рода пререканій преимущественно были личные вопросы, большею частію совершенно формальнаго свойства. Не пропадала ли и потомъ, въ далеко позднѣйшіе годы, когда въ университетѣ не было ни одного иностраннаго профессора и тѣ изъ профессоровъ, которые носили иностранныя фамиліи, не заключали въ себѣ ничего иностраннаго, масса времени на пренія, поднятыя изъ ничтожныхъ личныхъ интересовъ, или изъ за такой же формалистики, какую въ данномъ случаѣ выказали сателлиты Яковкина? Я не говорю о тѣхъ дебатахъ, которые до устава 1884 года захватывали иногда нѣсколько засѣданій совѣта, когда дѣло шло о замѣщеніи той или другой каѳедры въ университетѣ. Эти дебаты были вполнѣ производительны: обсуждалась публично и со всѣхъ сторонъ годность человѣка для профессорской каѳедры; совершенно были понятны опасенія за судьбу науки на 25 или 30 лѣтъ въ преподаваніи, понятна и боязнь ввѣрить на продолжительный срокъ молодыхъ людей человѣку, въ которомъ нельзя быть увѣрену. Но большинство продолжительныхъ преній имѣло, если не явно, то въ подкладкѣ источникомъ своимъ преимущественно личные интересы. Не заключается ли этотъ печальный недостатокъ въ самомъ характерѣ русскаго общества, чуждаго самодѣятельности, весьма равнодушнаго къ вопросамъ общаго свойства и въ особенности идейнымъ, боящагося ихъ и оживляющагося только тогда, когда затрогиваются интересы личные. Всѣ наши общественныя собранія, какъ мы убѣдились долгою житейскою практикою, носятъ именно такой характеръ. Не заимствовали ли его иностранцы въ университетѣ у насъ?

Личные счеты весьма часто появлялись въ совѣтскихъ засѣданіяхъ. На нихъ обращали особенное вниманіе, и эти немногіе годы, которые

прошли со времени неудавшихся выборовъ въ концѣ 1810 года до полнаго открытія университета, отличались особеннымъ раздраженіемъ въ этомъ отношеніи. Яковкинъ, какъ мы уже упоминали, особенно не любилъ Брауна и потому что онъ былъ избранъ ректоромъ, и потому что пользовался авторитетомъ въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Очень можетъ быть, что и Браунъ, опираясь на этотъ авторитетъ, держалъ себя гораздо самостоятельнѣе другихъ и нерѣдко наносилъ уколы Яковкину. Согласно § 140 устава годовой счетъ прихода и расхода университетскихъ суммъ заключается въ первыхъ числахъ января. Совѣтъ свидѣтельствуетъ цѣлость оставшейся суммы и свидѣтельство это скрѣпляетъ подписью присутствующихъ, въ 1811 году съ этими отчетами опоздали. Яковкинъ послалъ отчеты для подписи на квартиры членовъ совѣта 13 февраля, нѣкоторые профессора подписали, но Браунъ не согласился подписать ихъ на дому, ссылаясь на смыслъ § 140 и подпись была остановлена до засѣданія, тѣмъ болѣе, «что другіе члены видно не посмѣли подписывать, не видя его подпису, выключая однако почтеннаго старичка г. Броннера», какъ сообщаетъ попечителю Яковкинъ. Въ засѣданіи 13 марта 1812 года слушано было предложеніе попечителя о томъ, что онъ предписалъ конторѣ гимназіи устроить особый сарай для дровъ въ квартирахъ профессоровъ Сторля и Брауна (оба они жили въ типографскомъ домѣ), съ тѣмъ, чтобъ балаганъ, который нынѣ занимается ихъ дровами, по близости и удобности его, перестроить для помѣщенія типографскихъ служителей. Браунъ замѣтилъ, что это невѣрно и Яковкинъ сейчасъ же потребовалъ записать въ протоколъ слова, сказанныя Брауномъ, что «контора представила попечителю фальшивыя извѣстія по этому дѣлу». Не умѣемъ сказать, какимъ образомъ изъ за этихъ словъ, можетъ быть и не точно переданныхъ, едва не возгорѣлось уголовное дѣло. Браунъ отрицалъ приданный Яковкинымъ словамъ его такой смыслъ, что контора *постоянно* доноситъ фальшиво попечителю, но только въ настоящемъ случаѣ онъ доказывалъ, что въ сказанномъ балаганѣ хранятся не дрова, и что имъ пользуются только по временамъ для просушки вымытаго бѣлья и для варенія кваса (pro coquendo kwas). Можетъ быть Яковкинъ и удовлетворился этими объясненіями и дѣло было пріостановлено.

Близкій и преданный Яковкину человѣкъ, инспекторъ гимназіи и адъюнктъ гражданской и военной архитектуры Петровскій, очень хлопотавшій, какъ мы разсказывали, о пособіяхъ къ изученію послѣдовавшихъ во время первой войны съ французами въ 1806 году измѣненій въ размѣрѣ калибровъ тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій, вошелъ 15 февраля 1812 года съ слѣдующею жалобою въ совѣтъ на Брауна:

„По возложенной на меня должности инспектора гимназіи, будучи въ классахъ, дожидался я прибытія г. профессора, директора и кавалера для начатія экзамена (въ это время шли повѣрочныя испытанія въ латинскомъ языкѣ, производимыя профессорами университета въ гимназіи, и весьма непріятныя для Яковкина и его клевретовъ), вдругъ входитъ ко мнѣ г. профессоръ Браунъ и приказываетъ внести учительской изъ класса столъ въ залу собранія. Я спрашиваю: „для чего?"—Г. профессоръ Браунъ отвѣчаетъ: „писать ученикамъ на экзаменѣ". На отвѣтъ мой, что безъ г. профессора, директора и кавалера я приказаній его исполнять не могу, г. профессоръ Браунъ, сказавъ, что г. профессоръ Яковкинъ боленъ, и на экзаменъ не будетъ, приказываетъ стоявшему въ корридорѣ сторожу нести въ залу столъ. Я отвѣчаю г. профессору Брауну, что г. профессоръ, директоръ и кавалеръ скоро будетъ, и учтиво прошу дождаться его. Несмотря на сіе, г. профессоръ Браунъ *приказываетъ грозно* сторожу нести столъ. При сказанномъ мною сторожу словѣ: „Погоди"—г. профессоръ Браунъ вдругъ на меня вскрикиваетъ:—„Такъ ты не приказываешь; я тебѣ это докажу!" и забывъ правила взаимныхъ обязанностей, при находившихся тутъ г. учителѣ Упадышевскомъ и почти всѣхъ средняго латинскаго класса ученикахъ, началъ кричать на меня самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и потомъ ушелъ въ залу. Но спустя нѣсколько минутъ опять входитъ ко мнѣ и сдѣлавъ прежній вопросъ: „Такъ ты не приказываешь?" началъ вторично кричать и дѣлать мнѣ угрозы, не взирая, что при сей соблазнительной сценѣ находились почти всѣ ученики. Дабы не подать имъ большаго соблазну, я за необходимое почелъ оставить г. проф. Брауна и уйти въ другую половину классовъ, но и при семъ случаѣ г. проф. Браунъ не переставалъ вслѣдъ за мною кричать и дѣлать мнѣ угрозы. Бывши таковой же членъ совѣта какъ и г. профессоръ Браунъ, я никакъ не полагалъ подлежать чьимъ либо повелѣніямъ, кромѣ предсѣдателя совѣта, какъ непосредственнаго моего начальника, но и отъ него слова *ты* я никогда не имѣлъ случая слышать. Не ища удовлетворенія въ лично нанесенной мнѣ обидѣ, прошу покорнѣйше совѣтъ гимназіи *изслѣдовать публично причиненную мнѣ обиду въ присутствіи учениковъ во время отправленія моей должности*, которые видя меня, такъ какъ ближайшаго своего начальника, столько г. проф. Брауномъ пренебреженна, притѣсненна и обругана, по незрѣлости ума своего и по поданному имъ соблазнительному поводу, легко могутъ выйдти изъ правилъ благопристойности, уваженія и подчиненности. Въ причинѣ, недопустившей меня удовлетворить приказанію г. проф. Брауна, ссылаюсь и на г. проф Френа, сдѣлавшаго мнѣ однажды таковое же требованіе, и на отвѣтъ мой ему ни мало не негодовавшаго, въ истинѣ же показаннаго въ просьбѣ ссылаюсь на г. учителя Упадышевскаго и учениковъ средняго латинскаго класса».

И вотъ начинается новое кляузное дѣло, порождающее пререканія, поддерживающее недоразумѣнія и раздраженіе между членами совѣта. По всей вѣроятности источникъ такихъ дѣлъ находился въ нравахъ того времени, гдѣ уваженіе къ личности распространено было въ весьма незначительной степени, да и самая личность въ большинствѣ случаевъ цѣнилась не по внутреннему достоинству своему, не по нравственнымъ свойствамъ, а въ силу внѣшнихъ прерогативъ: чиновъ, денегъ, происхожденія, что всегда импонируетъ не-

развитой и грубой массѣ. Дѣла подобнаго рода, именно вслѣдствіе такихъ причинъ, случались повидимому нерѣдко, и мы разсказывали о нѣкоторыхъ изъ нихъ собственно для того, чтобъ представить характеристику нравовъ того общества, посреди котораго зарождался университетъ и бросались первыя сѣмена европейскаго просвѣщенія. Дѣла этого рода по уставу 1804 года разбирались университетскимъ судомъ (§§ 143—159), но университетъ открытъ не былъ, суда этого не существовало, и по поводу разсказаннаго нами столкновенія экзекутора Ларіонова съ Яковкинымъ и Кондыревымъ попечитель предлагалъ совѣту: «впредь, для подобныхъ случаевъ, до открытія суда университетскаго, *составить комитетъ* и о всякомъ дѣлѣ, съ представленіемъ его мнѣнія, требовать моего разрѣшенія». Тогда же (засѣданіе 19 іюня 1811 года) такой комитетъ и составленъ былъ изъ профессоровъ Томаса, Эриха и адъюнкта Никольскаго, подъ предсѣдательствомъ Яковкина. Комитетъ этотъ существовалъ и теперь, но когда заслушана была совѣтомъ жалоба Петровскаго (28 февраля 1812 года), профессоры Литтровъ и Броннеръ заявили, что они о всемъ этомъ дѣлѣ сами донесли попечителю, при чемъ они же (къ нимъ присоединились еще Бартельсъ и Эрдманъ) выразили передъ совѣтомъ сомнѣніе о томъ: имѣетъ ли право учрежденный въ прошломъ году временный комитетъ входить въ разбирательство дѣлъ между членами совѣта. Въ виду этихъ заявленій опредѣлено было представить о дѣлѣ попечителю и просить его разрѣшенія. Что помѣшало этому дѣлу принять широкіе размѣры—мы не можемъ сказать. Удовлетворился ли попечитель тѣми свѣдѣніями, которыя доставлены были ему Литтровымъ и Броннеромъ, или онъ догадался наконецъ, что виновникомъ жалобы Петровскаго былъ врагъ Брауна—Яковкинъ, но только на рапортъ совѣта о происшествіи отъ него не послѣдовало никакого рѣшенія, и «дѣло по прошенію адъюнкта Петровскаго объ обидѣ причиненной ему профессоромъ Брауномъ», хранящееся въ архивѣ, состоитъ только изъ двухъ бумагъ: самого прошенія и состоявшагося перваго опредѣленія совѣта.

Судя однако по письму Яковкина къ попечителю, можно думать, что первый желалъ, чтобы это кляузное дѣло кончилось миролюбиво; формальнаго разбирательства онъ не хотѣлъ допустить: «Разборъ между гг. Брауномъ и Петровскимъ», пишетъ онъ, «произошелъ въ моемъ отсутствіи и безпристрастіе мое въ семъ дѣлѣ доказывается долговременнымъ ожиданіемъ взаимнаго ихъ примиренія, равно какъ увѣщаніями моими и просьбами неоднократными о возстановленіи согласія, поелику безпокойствія и кромѣ сего меня уже измучили и убили духъ мой» (7 мая 1812 года). Главнымъ ви-

новникомъ этихъ безпокойствъ былъ, по убѣжденію Яковкина, Браунъ. Онъ жалуется на «скрытность» послѣдняго, на его «тайныя намѣренія», на «отчужденіе отъ всѣхъ благомыслящихъ». «Ежели только есть (?) Взыскующій и Созерцающій сердца и утробы», пишетъ онъ, «то г. Браунъ много долженъ будетъ предъ нимъ отвѣчать за всѣ происки и возмущенія, производимыя имъ по университету. Кажется, что это же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ выбытія его изъ Вильны. Господь судитъ комуждо по дѣломъ его. Свидѣтельствуясь Сердцевѣдцемъ, могу признаться откровенно предъ в. п., что не помощи и содѣйствія какого-либо въ отправленіи дѣлъ имѣю я всегда отъ гг. иностранныхъ членовъ, но всегда болѣе помѣшательствъ и недовѣрчивости, т. е. они ложно думаютъ какъ будто бы я и самъ себя не оберегаю». О Браунѣ мы уже говорили и думаемъ что характеристика его, сдѣланная Яковкинымъ, пристрастна.

Адъюнктъ Петровскій впрочемъ нашелъ въ то же самое время удовлетвореніе въ новой открывшейся для него дѣятельности, вызванной тѣми тяжелыми испытаніями, которыя переживало наше отечество въ 1812 году. Въ совѣтскомъ засѣданіи 7 февраля этого года Яковкинъ сдѣлалъ заявленіе, что «нѣкоторые изъ студентовъ желаютъ и *имѣютъ надобность обучаться артиллеріи и фортификаціи*, особенно же изъ дворянъ своекоштнаго содержанія, назначая себя для военной службы; а какъ университета г. адъюнктъ гражданской и военной архитектуры, инспекторъ гимназіи Петровской словесно заявилъ ему, г. директору, что онъ преподаваніе въ университетѣ своей части наукъ съ удовольствіемъ на себя пріемлетъ, то и предлагаетъ дѣло сіе на благоразсмотрѣніе совѣта». Желаніе многихъ казанскихъ дворянъ, чтобы науки эти были преподаваемы въ Казанскомъ университетѣ, подтвердилъ и проф. Эрдманъ, имѣвшій значительную практику въ городѣ. Совѣтъ, съ своей стороны, «почитая сказанныя науки нужными для общественной пользы», представилъ объ этомъ попечителю. Послѣдній изъявилъ свое согласіе, и для класса артиллеріи и фортификаціи были назначены первые послѣобѣденные часы по субботамъ. Объ успѣхахъ этого преподаванія, о числѣ студентовъ, обучавшихся у Петровскаго артиллеріи и фортификаціи, у насъ къ сожалѣнію нѣтъ свѣдѣній.

Въ теченіе всего 1812 года воинственное чувство поддерживалось выслушиваніемъ правительственныхъ сообщеній и манифестовъ о военныхъ событіяхъ. Эти сообщенія, оффиціально присылаемыя въ совѣтъ, заносились въ протоколы его засѣданій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти правительственныя сообщенія вызывали въ средѣ

профессоровъ патріотическія чувствованія, которыя усиливались еще массою пріѣзжихъ въ Казань, уходившихъ отъ врага на востокъ Россіи. Такъ 19 іюля 1812 заслушанъ былъ въ совѣтѣ привезенный курьеромъ манифестъ отъ 6 іюля *о сборѣ внутри государства новыхъ силъ, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой.* «Всѣ члены университета», говорилось въ рапортѣ къ попечителю, «изъявили свою готовность всѣми силами содѣйствовать къ общему благу, не щадя ни имущества, ни живота. Совѣтъ, разсуждая какимъ образомъ участвовать въ общемъ всѣхъ сословій *возстаніи*, опредѣлилъ представить слѣдующія, имъ предлагаемыя мѣры, на благоусмотрѣніе в. п.: 1) гг. члены медицинскаго отдѣленія объявили, что они, въ случаѣ воззванія военныхъ врачей, примутъ на себя пользованіе военныхъ въ Казани находящихся госпиталей; 2) профессору Аргнгольдту предоставляется по его желанію упражнять гг. студентовъ медицины и охотниковъ (?) въ хирургическихъ пріемахъ; 3) испросить у здѣшняго г. коменданта, по числу инвалидной команды (т. е. университетскихъ сторожей-инвалидовъ), потребное количество ружей, для упражненія оной въ военной экзерциціи, что и препоручить коллежскому секретарю Ларіонову (его военныя способности засвидѣтельствованы были достаточно энергіей, которую онъ проявилъ въ различныхъ столкновеніяхъ съ сослуживцами, какъ мы разсказывали въ первой части); 4) взрослыхъ питомцевъ (гимназіи) обучать маршу и эволюціямъ больничному надзирателю, отставному капитану Селезневу и 5) студентовъ и желающихъ изъ чиновниковъ университета и гимназіи упражнять въ артиллерійскихъ пріемахъ предоставляется г. адъюнкту Петровскому. Мѣры эти всѣ были одобрены попечителемъ.

Въ началѣ сентября совѣтъ университета просилъ у казанскаго коменданта генералъ-маіора Есипова 1-го доставить въ университетъ нѣкоторое количество ружей для обученія инвалидовъ. Комендантъ въ своемъ отношеніи совѣту, сообщалъ, что у него «во ввѣренномъ ему полку недостаетъ означеннаго числа ружей, требуемаго совѣтомъ, для показанія же питомцамъ *эволюцій на время* унтеръ-офицеръ Мехринъ при семъ посылается». Весьма вѣроятно, что вмѣстѣ съ бѣдствіями 12-го года исчезъ и воинственный пылъ въ университетѣ. Въ росписаніи лекцій на 1813 — 1814 годъ адъюнктъ Петровскій, преподававшій все время артиллерію и фортификацію въ казанской гимназіи по уставу ея, утвержденному имп. Павломъ, уже не преподаетъ этихъ наукъ студентамъ, а только *военную и гражданскую архитектуру*. Мало того: съ слѣдующаго 1814—1815 года прекращается преподаваніе и военной архитектуры; остается одна гражданская.

Личныя нападенія на Яковкина усилились въ особенности послѣ смерти Румовскаго. Новый попечитель Салтыковъ, какъ это мы не разъ уже замѣчали, не благоволилъ къ Яковкину и былъ на сторонѣ иностранныхъ профессоровъ. Въ маѣ 1813 года совѣтъ получилъ за № 304 предписаніе попечителя о томъ, что имъ усмотрѣно требованіе инспектора студентовъ (Яковкина) и его помощника Булыгина къ конторѣ, о пріобрѣтеніи для студентовъ разныхъ учебниковъ и пособій на сумму болѣе чѣмъ на 300 рублей, такъ какъ учебники эти, находившіеся въ рукахъ студентовъ, были взяты прежде изъ гимназической кладовой и теперь отобраны инспекторомъ гимназіи (она только что перешла тогда въ свое собственное помѣщеніе). Попечитель замѣчалъ: «какъ штатная сумма отпускается на студентовъ сполна, на каждаго по 200 р., въ числѣ коей и классическія ихъ надобности (учебники и пр.), то посему студенты должны бы имѣть отъ прошедшихъ годовъ оставшіяся, собственно имъ принадлежащія книги, которыя по выходѣ студентовъ должны оставаться въ университетѣ, за исправностью и бережливостью коихъ, инспекторъ смотрѣніе имѣть долженъ. *Назначеніе же книгъ въ покупку слѣдуетъ предоставить совѣту*, котораго члены гг. профессоры, каждый по своей части, долженъ назначить сочиненіе, употребляемое имъ для руководства, соотвѣтственно устава § 26. Сіи книги, ежели можно преимущественно на россійскомъ языкѣ, слѣдуетъ выписать сообразно суммѣ на сей предметъ назначенной». Попечитель требовалъ свѣдѣній: почему по сіе время не были закуплены для студентовъ нужныя книги на получаемую сумму; неимѣнію книгъ слѣдуетъ отчасти приписать худые успѣхи студентовъ. Выслушавъ это предложеніе попечителя, совѣтъ поручилъ архиваріусу перевести его на французскій или нѣмецкій языкъ къ первому слѣдующему засѣданію совѣта, 23 мая, что и было имъ исполнено. Въ этомъ засѣданіи Яковкинъ по болѣзни не присутствовалъ и совѣтъ потребовалъ отъ конторы, которая все еще по прежнему вѣдала хозяйственныя дѣла какъ университета, такъ и гимназіи, разныхъ свѣдѣній по студенческому хозяйству съ явною цѣлью контроля надъ Яковкинымъ въ той области, гдѣ онъ никогда не допускалъ себя контролировать. Свѣдѣнія эти были слѣдующія: «1) Было ли всегда полное число казенныхъ студентовъ, т. е. 40 человѣкъ? 2) Когда не было полнаго числа, на что именно употреблена остающаяся сумма? и 3) Какъ изъ отпускаемыхъ на содержаніе каждаго студента денегъ не куплены классическія пособія, то на что именно употреблена сія сумма?» Предсѣдателемъ конторы былъ тогда все еще Яковкинъ, а членомъ отъ университета профессоръ Аргнгольдтъ. Совѣтъ рѣшилъ также спросить и Яковкина, какъ

инспектора студентовъ: какія книги были имъ приняты, и требовалъ ли онъ денегъ на покупку оныхъ? Секретарь совѣта, баронъ Врангель, зять Яковкина, заявилъ отъ его имени, что онъ представитъ въ самомъ непродолжительномъ времени свое объясненіе касательно того, что относится къ нему, какъ къ инспектору студентовъ.

Въ слѣдующее, 4 іюня, засѣданіе совѣта было заслушано объясненіе Яковкина о покупкѣ имъ учебниковъ для студентовъ, а также и сообщеніе конторы казанской гимназіи, заключающее въ себѣ справку о расходахъ на студентовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1805—1812). Эта справка заключала въ себѣ только голыя цифры, при чемъ многое оставалось темнымъ, а за нѣкоторые годы даже не указывалось, сколько было казенныхъ студентовъ. «Какъ дѣло сіе не найдено еще довольно яснымъ», говорилось въ опредѣленіи совѣта по этому поводу, то предположено было учредить особый комитетъ изъ профессоровъ Брауна, Броннера и Арнгольдта. Но адъюнктъ Никольскій протестовалъ противъ всѣхъ трехъ членовъ комитета; Врангель противъ профессора Броннера, а Финке, Ренардъ и Врангель противъ Арнгольдта. И Врангель и Никольскій были сторонниками Яковкина; Финке и Ренардъ были противъ Арнгольдта, какъ члена той же конторы, гдѣ предсѣдательствовалъ Яковкинъ. Въ виду такого разногласія между членами, опредѣлено было представить обстоятельства дѣла на благоусмотрѣніе попечителя. Противъ комитета возсталъ и Кондыревъ. Онъ представилъ слѣдующее любопытное мнѣніе: «По многимъ другимъ важнѣйшимъ дѣламъ, требующимъ отъ совѣта особеннаго вниманія для пользы университета и подвѣдомыхъ ему мѣстъ, сходнѣе казалось бы составлять для оныхъ комитеты, а не для сихъ, притомъ же нынѣ комитетовъ столь много, что увеличеніе числа ихъ стѣснитъ главную цѣль университета, ученіе. А потому полагаю составленіе особаго для сего комитета, а не разсмотрѣніе онаго дѣла обыкновеннымъ порядкомъ, въ собраніи совѣта, излишнимъ, равно какъ и обременительнымъ для его превосходительства г. попечителя разрѣшать таковыя *распространяющіяся дѣла* и заниматься ими, а чрезъ то отвлекать вниманіе отъ важнѣйшаго для блага университета». Такимъ образомъ желаніе многихъ членовъ разобрать болѣе точнымъ образомъ хозяйственную сторону управленія Яковкина, къ которому очевидно былъ нерасположенъ новый попечитель, не осуществилось. Тѣмъ не менѣе прежняя власть директора была поколеблена. Онъ перестаетъ ходить въ засѣданія совѣта, и во главѣ его членовъ, подписывавшихся подъ протоколами по старшинству, вмѣсто его имени стоятъ фамиліи Германа, а если онъ почему либо не пришелъ, то Брауна. Уже самое требованіе отъ него отчета о томъ,

какія книги и на какую сумму выписывалъ онъ для казенныхъ студентовъ, походило на придирку. Онъ легко доказалъ, что всѣ книги такого рода были избираемы и одобряемы постановленіями совѣта, но время его власти прошло, и на каждомъ шагу приходилось ему получать уколы своему самолюбію. Такъ въ засѣданіи того же 4 іюня 1813 года Яковкинъ, въ званіи инспектора студентовъ, вошелъ въ совѣтъ съ объясненіемъ, что по вопросу объ обязательномъ для всѣхъ студентовъ изученіи нѣмецкаго языка, которое должно быть отнесено къ наукамъ приготовительнымъ, лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ «ни мало не предваривъ, а миновавъ по сему дѣлу инспектора студентовъ, отнесся самъ собою прямо и непосредственно въ совѣтъ, а чрезъ то поступилъ въ противность учиненнымъ о наблюденіи законнаго постепеннаго порядка постановленіямъ». Эта жалоба Яковкина о нарушеніи дисциплины (въ прежнее время, при жизни Румовскаго, Лейтеръ поступилъ бы совершенно иначе) не встрѣтила никакого сочувствія въ совѣтѣ. Большинствомъ голосовъ членовъ его поступокъ Лейтера не признанъ противнымъ законамъ.

Въ томъ же засѣданіи совѣта былъ заслушанъ рапортъ профессора Аргольдта, какъ члена конторы, гдѣ онъ высказываетъ свое мнѣніе касательно объясненія Яковкина о пріобрѣтеніи книгъ для студентовъ и оспариваетъ его утвержденіе, что онъ исполнялъ только волю покойнаго попечителя, никогда не дозволяя себѣ самовольныхъ распоряженій. Между тѣмъ въ бумагѣ Аргольдта говорилось о всѣмъ извѣстномъ самовластіи Яковкина, назывался онъ ничѣмъ неограниченнымъ ректоромъ (послѣднее слово впрочемъ было частію выскоблено и частію замѣнено другимъ). На защиту Яковкина, и очень горячую, выступилъ зять его баронъ Врангель. По выслушаніи рапорта Аргольдта, онъ выразился объ этой бумагѣ: «Ce sont des *кручки*». Слова эти возмутили въ сильной степени проф. Литтрова, уже выучившагося въ Казани понимать смыслъ нѣкоторыхъ болѣе другихъ употребительныхъ изъ бытовыхъ идіотизмовъ россійскаго языка. Онъ громко упрекалъ Врангеля за неприличіе его словъ, оскорбляющихъ достоинство совѣта [1]). Аргольдтъ слова Врангеля понялъ такъ, что тотъ называетъ его самого «крючкомъ», и заявлялъ, что такое «выраженіе несовмѣстно моему званію и паче прискорбно мѣсту присутственному въ полномъ собраніи, о чемъ симъ прошу

---

[1]) Comme m-r le prof. Wrangel trouvait dans l'écrit de m. le prof. Arnold un mot (c'était le mot innocent *Recteur*), rasé et corrigé et comme il disait hautement à m-r le prof. Arnold: „ce sont des *кручки*“, j'étais indigné d'une telle indécence et je repondais à m-r Wrangel ouvertement, qu'il doit avoir honte de parler ainsi indecemment devant tous les membres du conseil“.

довесть до свѣдѣнія высшаго начальства». Съ своей стороны и секретарь, баронъ Врангель, записалъ свое довольно длинное оправданіе и объясненіе, почему онъ является защитникомъ Яковкина. «Въ своей бумагѣ проф. Арнгольдтъ между прочимъ пишетъ, что г. инспектору студентовъ *была предоставлена власть ректора.* Я сказалъ ему откровенно, что сіе явная несправедливость, ибо нѣтъ никакого предписанія, предоставившаго г. инспектору подобную власть». Врангель доказываетъ, что Яковкинъ былъ только инспекторомъ студентовъ и старшимъ профессоромъ, почему и предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ; возлагать на него отвѣтственность ректора было бы несправедливо. Врангель нашелъ, что Арнгольдтъ выскоблилъ написанное имъ въ рапортѣ слово *ректоръ* и замѣнилъ его словомъ «предсѣдатель», «но поправленіе бумаги поданной и уже рукою предсѣдательствующаго помѣченной, несообразно съ постановленіемъ производства». Далѣе Врангель старается доказать, что замѣна Арнгольдомъ слова *ректоръ* словомъ *предсѣдатель*, доказываетъ, что онъ не почиталъ слово ректоръ столь невиннымъ, какъ Литтровъ. Профессору Арнгольдту должно быть извѣстно изъ генеральнаго регламента, что предсѣдатель никакой не имѣетъ власти касательно дѣлъ: онъ ничего не можетъ рѣшить или предпринять безъ согласія своей коллегіи. Возмущаетъ Врангеля и защита Арнгольдтомъ покойнаго попечителя Румовскаго отъ мнимыхъ нападеній на него Яковкина въ его «объясненіи». Совершенно неправильно видитъ онъ въ словахъ инспектора такой смыслъ, что будто бы онъ приписываетъ «нерадѣнію по умышленности» (собственныя слова Арнгольдта) покойнаго Румовскаго недостатокъ въ книгахъ. «Сіи несправедливости, трогая меня», говоритъ Врангель, «вынудили меня употребить слово *крючки*, не называя однакоже г. Арнгольдта *крючкомъ*, какъ онъ утверждаетъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь всѣми присутствующими.... Ежели я преступилъ неумышленно границы порядка, то г. профессоръ Литтровъ, сдѣлавъ мнѣ самъ собою съ горячностью произнесенный выговоръ и внеся его сверхъ того въ протоколъ, можетъ быть еще болѣе нарушилъ узаконенный порядокъ и оказалъ мнѣ больше несправедливости. Ежели я нарушилъ правила благопристойности, то по генеральному регламенту единственно предсѣдательствующій имѣлъ право напомнить мнѣ вѣжливо о моемъ поступкѣ... Выговоръ я могу получить токмо отъ начальника, а никогда и ни подъ какимъ предлогомъ отъ сочлена, не имѣющаго даже права напоминать мнѣ въ подобныхъ случаяхъ. *Я преступилъ порядокъ въ негодованіи, защищая отсутствующаго и такого, котораго я почитаю и почитать обязанъ какъ отца*, но г. профессоръ Литтровъ нарушилъ установленный порядокъ изъ за посторонняго, который присутствуя также, самъ

могъ себя защищать. Я не желалъ, чтобъ сей споръ сдѣлался оффиціальнымъ, но г. профессоръ Литтровъ, внеся свой выговоръ въ протоколъ, доказалъ, что онъ имѣлъ такое намѣреніе».

Странными дѣлами не рѣдко приходилось заниматься совѣту въ то время, когда университетскій уставъ 1804 года не получилъ еще въ Казани полнаго примѣненія. Въ сентябрѣ 1811 года, намъ неизвѣстно по какому поводу, профессоръ латинской словесности Германъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о желаніи своемъ войти въ полное подданство Россіи и о томъ, чтобъ его привели къ присягѣ. Желаніе Германа было тотчасъ исполнено и попечителю донесено было о томъ, что присяга Герману учинена была на законномъ основаніи, и что ему выдано было въ томъ свидѣтельство. Попечитель донесъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія. Въ отвѣтъ на это донесеніе, графъ Разумовскій писалъ, что совѣтъ взялся не за свое дѣло, что приведеніе къ присягѣ на подданство принадлежитъ гражданскому начальству, а потому присяга, уже сдѣланная Германомъ, должна считаться тою присягой, какую Германъ обязанъ былъ принести при вступленіи своемъ на службу, если она не была имъ принесена тогда. О желаніи же своемъ вступить въ полное подданство Россіи Германъ долженъ подать прошеніе въ губернское правленіе, которое, по узаконенному порядку сдѣлаетъ о томъ представленіе правительствующему сенату. Попечитель предлагалъ поэтому совѣту извѣстить губернское правленіе, что проф. Герману сдѣлана присяга не на подданство, а только на вѣрность въ отправленіи должности, и совѣтовалъ «впредь не мѣшаться въ такія дѣла, кои принадлежатъ до гражданскаго начальства». Оказалось однако, что поправить промахъ совѣта было затруднительно: Германъ въ Петропавловской лютеранской церкви въ С.-Петербургѣ принималъ уже присягу при вступленіи въ должность. Пришлось увѣдомить губернское начальство, что совѣтъ вмѣшался не въ свое дѣло.

Занимался совѣтъ довольно долго и въ разные годы *долгами профессора Германа*. О началѣ его дѣятельности въ Казани, о его жалобахъ попечителю на незнаніе студентами латинскаго языка, на которомъ онъ излагалъ свои лекціи по римской литературѣ и римскимъ древностямъ, о его столкновеніяхъ въ университетскомъ совѣтѣ и съ Яковкинымъ, о воспрещеніи ему за это участвовать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ намъ приходилось говорить въ первой части

нашей книги. Начиная съ 1807 года, въ имѣющихся у насъ матеріалахъ, мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы Германа на свое весьма стѣсненное въ матеріальномъ отношеніи положеніе въ Казани. Были ли тому причиною непрактичность и неумѣнье вести свои дѣла, или плохія условія семейной жизни (вся семья Германа состояла изъ четырехъ членовъ: его, жены и троихъ дѣтей, сына 18 лѣтъ и двухъ дочерей: Генріетты—19 лѣтъ и Каролины—9 лѣтъ; сынъ былъ уже студентомъ), или можетъ быть онъ въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ представлялъ себѣ на родинѣ условія казанской жизни, ея довольство, ея удобства — сказать опредѣленно не можемъ. Чисто научные интересы, вынесенные имъ изъ университетской жизни Германіи, постепенно тускли и затирались посреди новой обстановки, которая не допускала не только ихъ преобладанія, но даже и существованія: сынъ, который можетъ быть на родинѣ постепенно привыкъ бы къ строгой школѣ и пошелъ бы отцовской дорогой, сталъ даже забывать родной языкъ въ Казани, въ печальномъ кружкѣ распущенныхъ и пьяныхъ товарищей. Судя по отзывамъ Яковкина, сынъ Германа не приносилъ родителямъ утѣшенія, ни успѣхами въ ученіи, ни поведеніемъ. Въ 1808 году онъ желалъ пріобрѣсти званіе студента-кандидата и съ этою цѣлью написалъ на четырехъ страницахъ сочиненіе «Flora Casaniensis», которое и одобрилъ равнодушно-снисходительный Фуксъ, но на испытаніи, произведенномъ по предложенію попечителя Брауномъ, Френомъ, Бартельсомъ, Запольскимъ и Эрихомъ, свѣдѣнія Германа оказались неудовлетворительными, и попечитель не утвердилъ его студентомъ-кандидатомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ представилъ разсужденіе: «Von der Aehnlichkeit zwischen die Thieren und Pflanzen», одобренное также Фуксомъ и попечитель утвердилъ его студентомъ-кандидатомъ безъ испытанія, но и безъ жалованья. Можетъ быть вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства онъ вышелъ изъ университета и поступилъ въ военную службу; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. И вотъ въ письмахъ Германа-отца къ попечителю Румовскому, съ тѣхъ поръ какъ была снята съ него опала за противодѣйствіе въ совѣтѣ Яковкину, мы знакомимся съ различными попытками его устроиться лучше въ Казани: всѣ эти попытки однако какъ то не удавались. Въ началѣ 1807 года его сильно занимаетъ желаніе завести въ Казани пансіонъ (мы знаемъ, что такой пансіонъ былъ у Литтрова). Германъ сообщаетъ попечителю, что многіе изъ его казанскихъ знакомыхъ давно уже дѣлаютъ ему предложеніе брать на воспитаніе и обученіе малолѣтнихъ сыновей ихъ, учить ихъ, устроивъ у себя на дому пансіонъ, для приготовленія ихъ въ публичныя училища. Германъ пишетъ, что какъ ни лестно было для него это довѣріе, но онъ долго не

рѣшался, сознавая всѣ затрудненія, соединенныя съ этимъ дѣломъ, но наконецъ согласился, однако подъ условіемъ одобренія со стороны попечителя. По словамъ его, заведеніе такого пансіона принесетъ двоякую пользу: съ одной стороны облегчивъ воспитаніе сыновей для тѣхъ семействъ, которыя не имѣютъ возможности нанимать гувернеровъ, а съ другой стороны пансіонъ доставитъ нѣкоторую выгоду и его собственной семьѣ, содержаніе и воспитаніе которой, по его словамъ, сильно его озабочиваютъ теперь, «когда здѣсь все съ каждымъ днемъ дѣлается дороже».

Попечитель не сдѣлалъ никакихъ затрудненій къ открытію Германомъ пансіона. Не знаемъ—успѣлъ ли онъ открыть его, сколько отдано было ему учениковъ на воспитаніе, на какія выгоды могъ онъ разсчитывать, но едва прошло четыре мѣсяца послѣ письма его къ Румовскому, какъ Германа уже занимаетъ новое предпріятіе, и предпріятіе болѣе научнаго содержанія и болѣе свойственное профессору. Мы приводили его жалобы на то, что онъ не знаетъ какъ объясняться съ своими слушателями. «Я обязанъ говорить съ ними разомъ на трехъ языкахъ», пишетъ онъ къ попечителю, «для того чтобы они что-нибудь поняли. По латыни — согласно приказанію в. п., по нѣмецки и по французски — по необходимости, такъ какъ одна часть моихъ слушателей понимаетъ по французски, а другая по нѣмецки. Отсюда понятно, что успѣховъ быстрыхъ мои слушатели дѣлать не могутъ». О причинахъ малаго знанія латинскаго языка, на что жаловались, какъ мы знаемъ, всѣ иностранные профессоры, онъ говоритъ, хотя и на плохомъ французскомъ языкѣ, совершенно ясно. Его жалобы написаны какъ бы въ настоящее время; мы читали ихъ какъ будто вчера [1]). Онѣ служатъ доказательствомъ, что исторія повторяется, и что существуютъ два противоположные способа изученія классическихъ языковъ въ гимназіяхъ: одинъ — для развитія ума, другой — для его отупленія. Съ цѣлью помочь злу, Германъ дѣлаетъ попечителю предложеніе открыть въ Казанскомъ университетѣ *филологическую семинарію* по образцу существующей въ Геттингенѣ, которая и по словамъ его, и какъ это извѣстно, приготовила много достойныхъ филологовъ и была

---

[1]) „En un mot c'est que mes auditeurs sont trop faibles dans la langue latine, et cela durera aussi longtemps, que les précepteurs du gymnase ne lisent pas autant que possible, les auteurs latins avec la jeunesse et qu'ils continueront de n'expliquer et de n'inculquer que les régles grammaticales. Point de salut à cette méthode ennuyante et stérile qui ne donne ni quantité de notions communes, ni multitude de mots, ni nombre de phrases, ni le génie de la langue; *méthode mieux faite pour détéster une langue, qu'exciter le désir et l'ardeur de s'en rendre maitre*".

разсадницею лучшихъ методовъ преподаванія языковъ классическихъ. Директоромъ этой семинаріи, въ которой было 12 слушателей, и въ ихъ числѣ Германъ, былъ извѣстный Гейне. Германъ подробно объясняетъ, въ чемъ состояли занятія этихъ семинаристовъ, которые получали по пятидесяти дукатовъ въ годъ на свое содержаніе. Предвидя, что попечитель укажетъ ему, что глава XII университетскаго устава, трактующая о педагогическомъ институтѣ, дѣлаетъ излишнимъ рекомендуемую имъ семинарію, Германъ убѣждаетъ, что эта семинарія имѣетъ спеціальную цѣль — приготовлять солидныхъ филологовъ, превосходныхъ учителей, des docteurs de sciences, чего не въ состояніи сдѣлать педагогическій институтъ. По разсчету Германа расходы на такую филологическую семинарію въ Казани не превысятъ 2 т. рублей въ годъ, но если и эта сумма покажется большою, онъ уменьшаетъ число семинаристовъ до 10 и назначаетъ имъ въ содержаніе только по 50 р. въ годъ. Германъ считаетъ полезнымъ также обязать учителей латинскаго языка въ казанской гимназіи быть участниками этого учрежденія «не только для того, чтобъ усовершенствоваться въ знаніи латинскаго языка, но и для того, чтобъ научиться искусству объяснять древнихъ авторовъ, методѣ болѣе легкой и вѣрной, болѣе краткой и пріятной учить по латыни и знакомить учениковъ съ писателями основательно, со вкусомъ и съ пользою. Чтобы не обидѣть самолюбія этихъ господъ, Германъ считаетъ возможнымъ отдѣлить ихъ отъ студентовъ и заниматься съ ними отдѣльно; съ тою же цѣлью, содержанія получаютъ они вдвое, т. е. по 200 р. Та же сумма назначается ежегодно на покупку лучшихъ изданій латинскихъ авторовъ. Въ директоры такого института Германъ предлагаетъ конечно себя, да и никого другаго онъ не могъ тогда предложить въ Казани. «Но эта должность требуетъ не только подготовительныхъ работъ, библіотеки, состоящей изъ лучшихъ изданій латинскихъ авторовъ и другихъ книгъ, касающихся римскихъ древностей, но еще и умственныхъ усилій, не совсѣмъ обыкновенныхъ (pas communs), чтобы всѣмъ направлять, а потому я льщу себя надеждою, что в. п. будете столь милостивы и щедры, что пожелаете вознаградить меня за столь нелегкіе и полезные труды *увеличеніемъ получаемаго мною жалованья на тысячу* рублей въ годъ». Германъ хочетъ увѣрить попечителя, что онъ далекъ отъ мысли о личной выгодѣ и что только одно искреннее и горячее желаніе быть полезнымъ на сколько онъ можетъ, *новому отечеству*, руководитъ имъ, и что онъ съ удовольствіемъ откажется отъ предпріятія гораздо болѣе выгоднаго, т. е. отъ задуманнаго имъ открытія пансіона. Съ такою прибавкою онъ разсчитываетъ жить вполнѣ удобно съ своею

семьею, не прибѣгая ни къ какимъ постороннимъ рессурсамъ, особенно, если осуществится надежда получать обѣщанные профессорамъ 500 р. въ годъ на квартиру и отопленіе. Попечитель очевидно не обратилъ вниманія на предложеніе Германа и не согласился на устройство въ Казани филологической семинаріи. Едва-ли впрочемъ она могла бы принести какую-нибудь пользу, при полномъ незнакомствѣ профессора съ русскимъ языкомъ. Но Герману очевидно необходимо было во что бы то ни стало получить *добавленіе* къ своему профессорскому жалованью, котораго ему было недостаточно.

Въ 1807 году умеръ Левицкій; каѳедра философіи до опредѣленія Фойгта была вакантна, и Германъ проситъ попечителя поручить ему преподаваніе философіи, предоставивъ получать за это вознагражденіе въ размѣрѣ половины оклада годоваго жалованья. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ каѳедръ дѣлалось потомъ весьма часто, дѣлается иногда и теперь, но тогда это была первая попытка получить «добавочныя деньги». Германъ по крайней мѣрѣ обязывался по обоимъ предметамъ читать вдвойнѣ, двѣнадцать часовъ въ недѣлю. Онъ увѣрялъ попечителя, что такое соединеніе двухъ каѳедръ сдѣлаетъ казнѣ ежегодную экономію въ 1000 р., а впослѣдствіи можетъ изъ этихъ остатковъ образоваться фондъ для поощренія студентовъ и учителей гимназіи за латинскій языкъ.

Въ январѣ слѣдующаго 1808 года, уже не прикрываясь никакими предлогами научными и преподавательскими, Германъ прямо объясняетъ попечителю свое стѣсненное матеріальное положеніе. «При недостаткѣ квартиръ въ Казани въ первое время послѣ моего пріѣзда, я не имѣлъ возможности нанять за пятьсотъ или шестьсотъ рублей въ годъ приличнаго помѣщенія и вынужденъ былъ, чтобъ не платить дороже чѣмъ дозволяли то мои средства, купить небольшой домикъ и устроить его по возможности удобно для себя и для своей семьи (домъ этотъ былъ впрочемъ въ залогѣ у статскаго совѣтника Карла Богданова Берстеля). Я заключилъ условіе объ уплатѣ въ извѣстные сроки, небольшими суммами, въ надеждѣ, что я буду получать проценты съ моего капитала, помѣщеннаго въ королевскомъ берлинскомъ банкѣ. Но я не могу разсчитывать получить въ настоящее время ни капитала, ни процентовъ, вслѣдствіе полнаго разгрома Пруссіи, а такъ какъ одинъ изъ сроковъ уплаты приближается, то это обстоятельство приводитъ меня въ страшное затрудненіе». Германъ разсказываетъ, что всѣ усилія его найти деньги были напрасны и онъ принужденъ безпокоить попечителя просьбою разрѣшить выдачу ему впередъ жалованья за треть года. Свои просьбы, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ,

Германъ чередуетъ съ разными документами, имѣющими болѣе или менѣе прямое отношеніе къ его занятіямъ по каѳедрѣ. Онъ посылаетъ попечителю то образчики своихъ лекцій, состоящіе или въ объясненіяхъ латинскихъ авторовъ, или въ переводахъ на языкъ французскій и нѣмецкій, то выписки изъ разныхъ критическихъ отзывовъ о его сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Германіи, то конспектъ преподаванія римскихъ древностей, но рефреномъ къ каждому изъ такихъ сообщеній всегда является просьба о деньгахъ. Такъ посылая попечителю конспектъ древностей, Германъ прилагаетъ при немъ прошеніе на имя министра о выдачѣ обѣщанныхъ профессорамъ на квартиру и отопленіе 500 р. въ годъ. Тутъ же онъ сообщаетъ, что разсчитываетъ, при будущемъ открытіи университета, получить какую нибудь второстепенную должность, напримѣръ директора педагогическаго института, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что если университетъ откроется, то должности, опредѣленныя уставомъ, будутъ замѣщаться уже по выборамъ.

Согласно просьбѣ Германа третное жалованье было выдано ему впередъ, что же касается до квартирныхъ денегъ, то министръ приказалъ объявить ему, что на нихъ, раньше дѣйствительнаго открытія университета, разсчитывать нельзя. Въ началѣ слѣдующаго 1809 года Германъ опять въ критическомъ положеніи. Оно вызываетъ новыя жалобы и новыя просьбы съ его стороны. Снова у него вычитаютъ, конечно съ его согласія, цѣлую третью часть его жалованія въ пользу кредиторовъ, согласно закону. Но его пугаетъ то обстоятельство, что кредиторы потребуютъ больше трети; они обратились въ судъ, а этотъ послѣдній въ совѣтъ, который, не зная, какъ поступить въ этомъ случаѣ, испрашиваетъ рѣшенія попечителя. Послѣдній успокоилъ Германа, написавъ въ совѣтъ, что по закону нельзя дѣлать вычетовъ свыше трети жалованья. Довольно любопытно подробное изложеніе, сдѣланное Германомъ въ одномъ изъ писемъ его къ попечителю, уже въ концѣ этого года, его печальнаго матеріальнаго положенія и происхожденія долговъ. Причины долговъ этихъ заключаются, по его словамъ, въ слѣдующемъ: «Дороговизна квартиръ, которая принуждала занимать деньги за большіе проценты; невѣрность здѣшней прислуги; тяжкая болѣзнь моей жены, возвращавшаяся пять разъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ; общая дороговизна въ настоящее время и высокій, отъ 7 до 8 копеекъ лажъ на ассигнаціонный рубль при промѣнѣ,—вотъ что разорило меня и грозитъ полною нищетою. Треть моего жалованья удерживается кредиторами; пятьсотъ рублей стоитъ квартира и отопленіе; другіе пятьсотъ рублей уходятъ на пищу и на плату

прислугѣ, такъ что отъ жалованья у меня остается только 335 р. на содержаніе мое съ семьею. Ясно, что денегъ этихъ недостаточно для сколько нибудь приличнаго содержанія профессорской семьи, состоящей изъ четырехъ лицъ. Чтобы помочь бѣдѣ и не умереть отъ холода и голода, я мало по малу распродалъ часть серебра и золотыхъ вещей, привезенныхъ мною изъ Германіи, другую же заложилъ. Въ настоящее время все, что было у меня изъ денегъ — прожито; я не имѣю никакихъ средствъ спастись отъ полной нищеты; я уже вижу семью безъ платья и безъ рубашекъ, и не имѣю никакихъ способовъ дать приличное образованіе дѣтямъ, которыя въ немъ нуждаются». Изложеніе этого печальнаго въ финансовомъ отношеніи положенія Германа предшествовало двойной просьбѣ его къ попечителю спасти его тѣми средствами, какія находятся въ его распоряженіи. Средства эти заключаются въ замѣщеніи двухъ вакантныхъ мѣстъ въ Казанскомъ университетѣ: каѳедры всеобщей исторіи (послѣ увольненія Цеплина) и мѣста лектора нѣмецкаго языка. Доказывая довольно наивно передъ попечителемъ необходимость для успѣха знаній замѣщенія обѣихъ должностей, Германъ проситъ поручить ему которую либо изъ нихъ. Просьба эта осталась, также какъ и другія, безъ удовлетворенія.

Дѣла о долгахъ профессора Германа начались въ 1809 году и велись изъ года въ годъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Собственно компетенціи совѣта они не подлежали (совѣтъ по п. 6 § 51 устава разсматривалъ изъ дѣлъ, не касающихся науки и преподаванія, только тяжебныя дѣла, перенесенныя изъ правленія), но университетъ не былъ открытъ, а потому и пришлось разбирать и судить долги Германа совѣту. Въ январѣ 1809 года казанскій уѣздный судъ, въ отношеніи своемъ въ совѣтъ, сообщалъ, что на требованіе этого суда явиться въ его присутствіе для платежа должныхъ Германомъ итальянцу Якову Моттцу денегъ, профессоръ подалъ объясненіе, что явиться, безъ позволенія главнаго его начальства, не можетъ. Судъ не принялъ этого отзыва въ уваженіе и требовалъ черезъ совѣтъ, чтобы Германъ или его повѣренный непремѣнно явился въ судъ. Принимая въ соображеніе, что дѣло проф. Германа не можетъ зависѣть отъ рѣшенія *нынѣшняго* совѣта, совѣтъ представилъ о случаѣ попечителю. Это распоряженіе было сообщено и уѣздному суду. Попечитель писалъ совѣту, что хотя правленіе и университетскій судъ, къ которымъ принадлежитъ дѣло Германа, не учреждены еще при Казанскомъ университетѣ, «однакожъ университетъ чрезъ то не лишается своихъ преимуществъ», и потому онъ предписывалъ совѣту потребовать отъ уѣзднаго суда, чтобы онъ или доставилъ документы Германа въ должныхъ день-

гахъ, или приказалъ самому кредитору лично явиться въ совѣтъ и, если окажется, что Германъ дѣйствительно долженъ, то «удерживать изъ его жалованья третью часть для платежа каждому изъ заимодавцевъ» [1]). Противъ предъявленныхъ ему документовъ кре-

---

[1]) Долги, взыскиваемые съ Германа были весьма разнообразны. Въ 1808 г. онъ долженъ былъ итальянцу Якову Мотти или Моттцу по векселю— 45 р. 60 к.; аптекарю Андрею Андреевичу Зассу, по двумъ заемнымъ письмамъ, изъ которыхъ второе, съ поручительствомъ жены Германа Марьи Ивановны на сумму 912 р.; въ 1809 году поступило взысканіе отъ вдовы московскаго профессора Грелльмана, у которой жена Германа купила въ 1805 г. въ Москвѣ, при поѣздкѣ въ Казань, коляску за 375 р. асс., но денегъ не уплатила, и отъ крестьянина Свіяжскаго уѣзда деревни Гребеней Василія Бушуева по роспискѣ Германа, писанной по нѣмецки, гдѣ онъ называетъ крестьянина Bürger, за купленный у него овесъ, за уплатою 25 р.—остальные 45 р.; въ 1810 году, по новому заемному письму, аптекарю Зассу—400 р.; по счету казанскаго мѣщанина Петра Иванова за забранные въ его лавкѣ разные панскіе товары (преимущественно атласныя бѣлыя ленты, лайковыя перчатки и лино-батистъ, вѣроятно для выѣздовъ старшей дочери, 75 р. 7½ коп.); въ 1811 году, по требованію казанскаго совѣстнаго суда, по счету казанскаго мѣщанина Ларіона Спиридонова, должныхъ съ 1808 года за шитье башмаковъ женѣ и дѣтямъ 86 р. 65 коп.; аптекарю Якову Дальке за лѣкарства въ 1809 и 1810 гг. — 71 р. Въ 1812 году никакихъ взысканій съ Германа въ совѣтъ не поступало. Въ 1813 году губернскому секретарю Филиппу Пульхеровскому по заемному письму—250 р.; коллежскому секретарю Дю-Виларду — 220 руб. Объ уплатѣ долга Пульхеровскому не было сдѣлано никакого распоряженія для вычета третьей доли, такъ какъ заемное письмо было кредиторомъ утрачено, о чемъ было имъ сдѣлано объявленіе въ полицію, но въ 1816 году Пульхеровскій, чрезъ казанское губернское правленіе, представилъ ко взысканію новый, уже опротестованный вексель на 310 рублей, на погашеніе котораго и вычтены были деньги изъ жалованья Герману въ 1817 году. Если такъ много и отъ столь различныхъ лицъ поступало взысканій о неуплаченныхъ долгахъ съ Германа, то былъ случай, впрочемъ единственный, что и онъ въ свою очередь принужденъ былъ обращаться въ судъ съ прошеніемъ о взысканіи. Въ 1818 году Германъ подалъ въ казанскій совѣстный судъ прошеніе о взысканіи съ коллежскаго ассесора штабъ-лѣкаря Дмитрія Саханскаго взятыхъ имъ отъ него, Германа, *за проданную дѣвку Авдотью Максимову*, которая нынѣ находится у продавца Саханскаго — денегъ 275 рублей, да за лѣкарства имъ, Германомъ, на лѣченіе той дѣвки, когда она у него находилась, употребленныя 75 р., всего 350 р. и объ отобраніи снесеннаго оною дѣвкою платья, цѣною на 75 руб. Совѣстный судъ потребовалъ и получилъ весьма скоро объясненіе отъ Саханскаго по прошенію Германа и резолюціею своею постановилъ: „противу объясненія отвѣтчика Саханскаго потребовать доказательство“, но Германъ доказательства этого, несмотря на повтореніе требованія суда, не представилъ въ теченіе всего 1819 года (въ это время произошла ревизія Магницкаго и увольненіе Германа) и только въ декабрѣ этого года совѣстный судъ былъ извѣщенъ совѣтомъ, что Германъ въ вѣдомствѣ университета не состоитъ болѣе.

диторами, Германъ не дѣлалъ никакихъ возраженій, признавалъ себя должнымъ и контора распорядилась о законномъ вычетѣ изъ его жалованья. Только противъ заемнаго письма Засса въ 400 руб., признавая его силу, Германъ въ бумагѣ своей, поданной въ совѣтъ, дѣлалъ нѣкоторыя возраженія, почему совѣтъ и опредѣлилъ: «предоставить гг. профессорамъ юриспруденціи Нейману и Финке дать о семъ къ слѣдующему собранію мнѣніе свое». Мнѣніе, поданное Нейманомъ, не касается вовсе сущности возраженій Германа; онъ высказываетъ только, что совѣтъ компетентенъ разбирать это дѣло, о чемъ уже имѣется предложеніе попечителя. Самъ Германъ, въ своемъ латинскомъ объясненіи совѣту, признавалъ, что онъ долженъ Зассу 400 руб. (это сверхъ уже уплаченныхъ ему 912 р.), что онъ подписалъ заемное письмо, и вовсе не отказывается заплатить долгъ, но не сейчасъ и не въ текущемъ году, а начиная съ апрѣля мѣсяца будущаго 1811 года, ежемѣсячно третьею частью жалованья. Онъ объясняетъ и причины, почему онъ до указаннаго имъ срока платить не желаетъ: онъ только что заплатилъ Зассу болѣе 900 рублей, между тѣмъ какъ было условлено, чтобъ въ 1809 году заплатить только 500 р. съ процентами, а остальные въ 1811 году, но «проситель, выходя изъ моего дома, унесъ вѣроломно и безъ моего вѣдома писанное нами условіе, чтобы лишить меня доказательствъ, а потому и требуетъ теперь немедленной уплаты». Кромѣ того Германъ объясняетъ, что онъ далъ Зассу въ закладъ свой совершенно новый инструментъ (фортепьяно), цѣною въ четыреста рублей, а «тотъ, кто даетъ въ займы подъ закладъ», пишетъ онъ, «не имѣетъ права требовать уплаты ранѣе трехъ лѣтъ». Несмотря на все это, чтобы избавиться отъ платежа процентовъ, я старался найти покупателя для своего инструмента; покупщикъ видѣлъ фортепьяно, но нашелъ его до того испорченнымъ, что исправленіе его будетъ стоить почти сто рублей: кредиторъ позволялъ играть на инструментѣ людямъ вовсе незнакомымъ съ музыкой. Наконецъ Германъ заявилъ, что онъ долженъ въ университетское казначейство 200 р., которые обязанъ заплатить прежде, чѣмъ покроется долгъ Зассу. Всѣ эти обстоятельства совѣтъ отдалъ на разсмотрѣніе профессоровъ юриспруденціи: Неймана и Финке. Первый, «немогши ничего сказать рѣшительнаго о судѣ университетскомъ», указалъ на предписаніе попечителя о вычетѣ третьей части изъ жалованья, и совѣтъ препроводилъ все дѣло для исполненія въ контору гимназіи. Послѣдняя «по причинѣ противорѣчія, изъявляемаго Германомъ и за силою 91 ст. Учрежденія о губерніяхъ и Устава о банкротахъ 2 части VIII отдѣленія, 67 пункта», не могла приступить къ рѣшенію дѣла и препроводила его обратно въ со-

вѣтъ, извѣстивъ при этомъ, что заимообразной выдачи Герману 200 р. изъ университетскаго казначейства по дѣламъ конторы не оказалось. Всѣ эти обстоятельства совѣтъ, затрудняясь рѣшеніемъ, представилъ на «начальственное благоусмотрѣніе» попечителя, «съ покорнѣйшимъ испрошеніемъ разрѣшенія и на предбудущіе подобные сему случаи». Прежде чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ отъ попечителя, спорное и почти уголовное дѣло Германа съ Зассомъ уладилось какою-то полюбовною сдѣлкой, содержаніе которой намъ неизвѣстно. Зассъ подалъ въ іюнѣ 1810 года прошеніе въ совѣтъ, изъ котораго видно, что онъ сдѣлалъ Герману въ платежѣ денегъ отсрочку и взялъ отъ него другое обязательство. Германъ, съ своей стороны, представилъ въ совѣтъ латинское объясненіе съ просьбою возвратить ему бумагу, обвиняющую Засса въ похищеніи документа и уже прямо сознавался, что «въ этой бумагѣ заключаются ошибки и вкрались въ нее повидимому несправедливыя обвиненія» [1]).

Всѣ долговыя обязательства Германа, какъ только они чрезъ совѣтъ поступали въ контору гимназіи, вѣдавшую суммы и денежныя дѣла университета, погашались постепенно вычетами третьей доли его содержанія. Герману приходилось существовать на двѣ трети получаемаго имъ жалованья, и изъ бѣдственнаго положенія онъ не выходилъ. Это впрочемъ былъ, сколько мы знаемъ, единственный примѣръ между нѣмецкими профессорами того времени, человѣка, который не могъ устроиться такъ, чтобы жить независимо на жалованье и не прибѣгать къ долгамъ. Такое зависимое положеніе вынуждало его весьма часто обращаться, какъ мы видѣли, къ первому казанскому попечителю съ просьбами о помощи, о постороннемъ заработкѣ. Въ ноябрѣ 1814 года, въ тотъ годъ когда университетъ былъ уже открытъ и Германъ по выбору состоялъ въ должности декана отдѣленія словесныхъ наукъ, а слѣдовательно и получалъ добавочныя къ жалованью профессора, онъ снова входитъ, теперь уже въ правленіе университета, съ прошеніемъ о выдачѣ ему квартирныхъ денегъ съ 1805 года, съ того времени, какъ онъ поступилъ на службу, ссылаясь на то, что всѣ, и младшіе его по службѣ профессора, жили въ казенныхъ квартирахъ, профессоры же Дерптскаго университета удостоились получить отъ щедротъ монаршихъ, въ прибавку къ получаемому ими жалованью, на квартиру, дрова и свѣчи еще 500 рублей, а онъ принужденъ былъ нанимать помѣщеніе изъ жалованья. Прежнія неоднократныя просьбы его о томъ къ покойному попечителю остались безъ уваженія. Съ

---

[1]) „... in scriptum istud quidam errores ac minus verae criminationes irrepsisse videantur“.

1810 года онъ, Германъ, какъ и всѣ прочіе, получаетъ квартирныя деньги, но наемъ квартиръ до того времени ввелъ его въ неоплатные долги, почему онъ и проситъ выдать ему квартирныя деньги за прежніе годы въ видѣ вспоможенія. Германъ ссылается на свою старость (ему было 64 года), которая дѣлаетъ для него уплату долговъ невозможною, на то, что онъ, по порученію попечителя Румовскаго, «занимался въ теченіе двухъ лѣтъ со студентами прохожденіемъ философіи» (оффиціальныхъ указаній на это обстоятельство мы однако не имѣемъ), называетъ себя «безвинно несущимъ неудовольствія чиновникомъ» и упоминаетъ о томъ, что онъ русскій подданный (присягою на подданство повидимому онъ думалъ помочь своему матеріальному разстройству). Это прошеніе Германа было написано на имя министра народнаго просвѣщенія и препровождено къ нему на благоразсмотрѣніе. Правленіе университета съ своей стороны уважило представленные Германомъ доводы. Какъ ни убѣдительными казались эти доводы, но министръ отказалъ, сообщивъ, что квартирныя деньги отпускаются лишь съ 1810 года, что въ его распоряженіи нѣтъ ихъ за прежніе годы, что подобная выдача Герману дастъ поводъ и прочимъ профессорамъ желать и требовать, чтобъ квартирныя деньги выданы были имъ за то время, когда еще не существовало постановленія о производствѣ таковыхъ. Напрасно Германъ выхлопоталъ свидѣтельство изъ правленія университета о томъ, что поступившіе послѣ него на службу профессоры въ Казани: Сторль, Фуксъ, Френъ, Браунъ, Бартельсъ и Реннеръ жили на казенныхъ квартирахъ (впрочемъ не все время),—ему никакъ не удалось получить просимаго.

Считаемъ удобнымъ въ этой главѣ, посвященной дѣятельности совѣта, черезъ который проходило такъ много различныхъ личныхъ дѣлъ профессора Германа, покончить разсказъ и о всей дѣятельности этого старѣйшаго профессора Казанскаго университета. Имя его, различныя его отношенія, весьма часто встрѣчаются и въ дѣлахъ, и на страницахъ протоколовъ совѣта и правленія. Его отношенія, его долги, его столкновенія съ различными личностями обрисовываютъ намъ старые университетскіе нравы и положеніе самого университета въ городѣ, который вовсе въ немъ не нуждался. У Германа, какъ и у Сторля (о дѣлѣ Сторля мы разсказывали въ *первой* части нашей книги), были столкновенія съ казанской полиціей вслѣдствіе нарушенія его профессорскихъ правъ, высочайше дарованныхъ. Въ 1808 еще году, задумавъ, какъ мы видѣли, заведеніе пансіона и считая свой маленькій домъ на Грузин-

ской улицѣ тѣснымъ для этой цѣли, Германъ нанялъ въ Суконной домъ статскаго совѣтника Поспѣлова и немедленно просилъ контору снестить съ кѣмъ слѣдуетъ объ освобожденіи дома Поспѣлова отъ постоя, занявъ имъ *по соразмѣрности* собственный его домъ. Самъ онъ лично отъ себя просилъ о томъ же полицію, но она не уважила его просьбы; онъ написалъ большое французское съ жалобою письмо къ губернатору, но и оно осталось безъ всякаго дѣйствія. На отношеніе конторы полиція дала такой отвѣтъ, который, по словамъ рапорта совѣта, доносившаго объ этомъ дѣлѣ попечителю, «привилегіи высочайше дарованныя членамъ Казанскаго университета подвергаетъ нѣкоторой якобы неопредѣлительности». И обращеніе къ коллегамъ профессорамъ съ просьбою заступиться за него, обижаемаго полиціей, которая осмѣливается не признавать права, дарованныя университетскимъ профессорамъ, и большое письмо къ казанскому губернатору (и то и другое писаны по французски) выражаются съ большимъ жаромъ и полны реторическими фразами въ духѣ того времени и той школы, которая воспитала Германа. Сущность дѣла заключается въ томъ, что, предполагая открыть мужской пансіонъ, для помѣщенія котораго его собственный домикъ былъ недостаточенъ, Германъ нанялъ домъ Поспѣлова, болѣе обширный. Домовладѣлецъ уступилъ ему что-то, но заключилъ съ нимъ условіе, чтобы всѣ слѣдующія съ дома повинности уплачивались Германомъ. Послѣдній разсчитывалъ, что, какъ скоро онъ займетъ наемный домъ, то этимъ самымъ онъ уже освобождается отъ платежа городскихъ повинностей и постоя. Полиція взглянула на дѣло однако иначе. Она доказывала, въ отношеніи своемъ въ контору, 1) что у Германа есть свой собственный домъ, который и освобожденъ отъ повинностей; 2) что Германъ нанялъ другой болѣе обширный домъ для устройства въ немъ частнаго пансіона, а потому онъ не можетъ быть освобожденъ отъ повинностей, такъ какъ по п. 12 утвердительной грамоты университетамъ, жилища профессоровъ (собственные дома или квартиры) свободны отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ, *если лично ими занимаются.* Германъ смотрѣлъ на эти резоны, выставляемые полицейскими властями, какъ на придирки, какъ на несправедливое нарушеніе правъ, какъ на ограниченіе и даже полное непризнаніе закона. Онъ убѣжденъ и высказываетъ это убѣжденіе, что казанская полиція въ особенности почему-то не любитъ профессоровъ [1]). Конечно, нельзя согласиться со словами Гер-

---

[1]) „J'ai porté mes plaintes à la police, elle a été sourde, elle ne veut pas entendre les plaintes des professeurs, elle ne veut pas, à ce qui parait, les protéger et défendre contre les insultes et les attaques d'une populace effrenée (?).

мана. слишкомъ обобщающими отношенія казанской полиціи къ профессорамъ, но нельзя не вспомнить о времени и о тогдашнихъ нравахъ. Безъ сомнѣнія просвѣщенный и гуманный законодатель, утверждавшій уставъ 1804 года, имѣлъ въ виду эти нравы и ту среду, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать профессоръ, являвшійся для того общества чѣмъ то въ родѣ миѳическаго единорога. Онъ хотѣлъ оградить этого незнакомаго звѣря отъ разнообразныхъ невзгодъ житейскихъ, дать ему удобства и тишину для занятій ума. Здѣсь источникъ привилегій профессора, которыя должны были служить ему защитою отъ притязаній, тяжелыхъ особенно въ то время, когда въ обществѣ было мало чувства законности и много произвола. Конечно, съ общимъ культурнымъ развитіемъ страны, значительно цивилизовались и прежніе держиморды; они стали по внѣшности походить на молодую гвардію, но и въ настоящее время нельзя не признать, не говоря о высокопоставленныхъ въ губернской іерархіи домовладѣльцахъ, что гораздо удобнѣе быть домовладѣльцемъ совѣтнику губернскаго правленія или члену городской управы, въ ихъ отношеніяхъ къ полиціи, чѣмъ профессору. Слова высочайше утвержденной грамоты о привилегіяхъ профессорскихъ жилищъ говорятъ: «Дома профессоровъ освобождены отъ постоя на тотъ конецъ, чтобъ они могли свободнѣе упражняться въ своихъ предметахъ». Но въ двухъ флигеляхъ дома нанятаго Германомъ, были поставлены на постой солдаты. Это сильно возмущало его; солдатъ не сводили по его требованію и онъ жаловался губернатору въ весьма энергическихъ выраженіяхъ, хотя и нѣсколько забавно [1]). Ни краснорѣчіе Германа, ни заступничество совѣта, обвинявшаго

Mon fils, par exemple, a été presque tué par un de mes cochers, votre Excellence a donné ses ordres pour examiner l'affaire. Personne n'y a touché. J'ai fait arrêter, il y a quinze jours un homme, qui m'a volé, la police l'a mis en liberté sans faire la moindre recherche la dessus, et actuellement ce coquin me rit au nez" etc.

[1]) „Par ce procédé la police de Casan m'accable, contre la volonté de sa Majesté Impériale de tous les désagremens et inconveniens, desquels sa Majesté a voulu gracieusement délivrer ses professeurs, c'est à dire de tout fracas militaire, de tous les démelées avec les magistrats respectifs, de tous les procés, de toutes les distractions, incompatibles avec les muses, qui ne désirent que de tranquillité, de paix, de solitude, de silence, pour n'être pas interrompues dans leurs meditations, et leurs travaux paisibles et bienfaisants à l'humanité. Voilà tout le contraire avec moi dans se moment. Le militaire, logé dans les ailes, court, saute, chante, traverse à tout moment ma cour, se bat avec mes chiens, fait le diable à quatre et tout ce fracas me dérange, m'interrompt dans mes méditations, me rend incapable de m'aquitter de mes devoirs, comme il faut, parce que mon étude donne justement dans cette cours".

полицію въ нарушеніи правъ, не помогло. Въ 1812 году совѣтъ хлопоталъ, чтобы полиція не взыскивала постойныхъ денегъ съ домовъ проф. Френа и Томаса, но тогда это вызывалось общею потребностью: «по случаю нахожденія нынѣ въ Казани во многомъ количествѣ войскъ и сенатскаго штата чиновниковъ», писала полиція, «дома эти отъ постоя освобождены быть не могутъ, потому наиболѣе, что жители города всѣ вообще онымъ отягощены». Переписка съ губернаторомъ и попечителемъ не повела ни къ чему. То же повторилось съ профессоромъ Брейтенбахомъ, жаловавшимся совѣту на нарушеніе правъ профессора и просившимъ о томъ, чтобъ былъ сведенъ казенный постой рядовыхъ изъ того дома, гдѣ онъ квартировалъ. Казанская квартирная коммиссія, увѣдомляя правленіе, что рядовые изъ занимаемаго Брейтенбахомъ каменнаго корпуса сведены, прибавляетъ: «а которые квартируютъ въ особой казармѣ деревяннаго строенія, тѣхъ свести не слѣдуетъ и они ему, г. Брейтенбаху, въ занятіяхъ своимъ предметомъ никакого помѣшательства чинить не могутъ» (12 апр. 1815 г.). Потомъ и самъ совѣтъ нѣсколько иначе сталъ понимать права и преимущества, дарованныя высочайшею властью профессорамъ. Такъ, когда казанская городская полиція увѣдомила въ январѣ 1815 года правленіе университета, что профессоръ Германъ, живущій въ своемъ домѣ на Грузинской улицѣ «отказывается платить положенныхъ съ его дома, по приговору общества на содержаніе бутошныхъ служителей и прочихъ печныхъ (sic) денегъ», и вопросъ переданъ былъ правленіемъ по протесту Германа на обсужденіе совѣта, послѣдній большинствомъ девяти голосовъ противъ семи, опредѣлилъ: печныя деньги платить и профессорамъ.

Въ мартѣ 1817 года Германъ еще разъ дѣлаетъ попытку получить вторую каѳедру, именно философіи, безъ всякаго сомнѣнія имѣя въ виду поправить лишними деньгами свои обстоятельства. Теперь, когда съ открытіемъ университета онъ сталъ управляться самъ, Германъ обращается уже прямо въ совѣтъ, ссылаясь на то, что министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ разрѣшилъ на будущее время занимать профессорамъ двѣ каѳедры, если они способны къ тому (намъ впрочемъ совершенно неизвѣстно такое распоряженіе). «И время и силы», говоритъ Германъ, «позволяютъ мнѣ взять на себя обязанности и другой каѳедры, и именно философіи». Мотивы, которые побудили Германа къ этому предложенію и которые какъ бы маскируютъ невысказываемую имъ конечно главную причину, состоятъ 1) въ томъ, что каѳедру философіи вотъ уже полтора года занимаетъ одинъ изъ нашихъ адъюнктовъ, но философія такая обширная наука, что преподаваніе однимъ профес-

соромъ ея разнообразныхъ дисциплинъ совершенно немыслимо; 2) онъ Германъ, имѣетъ право на преподаваніе философіи, такъ какъ по особому распоряженію покойнаго попечителя онъ *три года* (теперь онъ прибавилъ еще одинъ годъ) преподавалъ этотъ предметъ; 3) онъ надѣется, что голоса нѣкоторыхъ прежнихъ его учениковъ, съ которыми онъ имѣетъ теперь честь засѣдать въ совѣтѣ, соединятся въ его пользу, и этимъ они представятъ доказательство, что труды его не были напрасны; 4) чтобъ доказать годность свою (meine Brauchbarkeit), какъ преподавателя философіи, тѣмъ изъ настоящихъ сочленовъ, которые незнакомы съ его трудами, Германъ ссылается на свою рѣчь, читанную имъ на университетскомъ актѣ прошлаго года [1]. «Конечно, говоритъ онъ,—это краткій, бѣглый очеркъ, но и его достаточно для доказательства, что я не совсѣмъ незнакомъ ни съ древней, ни съ новой философіей, что мнѣ извѣстно сдѣланное въ ней древними и то, что заимствовали изъ нихъ новые, на сколько послѣдніе усовершенствовали или испортили древнія ученія, какія сокровища для новой философіи можно извлечь еще изъ древнихъ писателей и какъ ихъ извлекать» и проч. Совѣтъ большинствомъ опредѣлилъ представить просьбу Германа на благоусмотрѣніе г. министра. Но и на этотъ разъ попытка Германа не имѣла успѣха. Представленіе совѣта и просьбу Германа князь Голицынъ передалъ на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Послѣднее не признало нужнымъ поручить каѳедру философіи другому профессору, тѣмъ болѣе что Германъ имѣетъ уже свою собственную каѳедру, а такъ какъ совѣтъ отлично одобряетъ настоящаго преподавателя философіи Срезневскаго (въ январѣ того же года, т. е. за два мѣсяца до заявленія Германа онъ былъ избранъ въ экстраординарные профессоры большинствомъ 14 голосовъ противъ 4), то министръ и утвердилъ его въ этомъ званіи. Германъ впрочемъ нѣсколько успокоился. Въ засѣданіи 30 іюня того же года, на время отсутствія уѣзжавшаго въ Швейцарію профессора Броннера, Германъ былъ избранъ совѣтомъ исправляющимъ должность директора педагогическаго института и оставался имъ до отставки. Впрочемъ отставка эта послѣдовала весьма скоро, какъ только что окончилась ревизія Магницкаго. Первое же предложеніе его, какъ попечителя казанскаго учебнаго округа, называвшееся «О предварительномъ пре-

---

[1] „Commentatio de usu ac praestantia litterarum graecarum latinarumque". Cas. 1816. 4°. 26 pag. Содержаніе этой рѣчи, написаной впрочемъ прекрасною латынью, заключаетъ въ себѣ лишь общія мѣста и не можетъ служить доказательствомъ основательнаго знакомства Германа съ философіей, какъ онъ увѣряетъ.

образованіи Казанскаго университета» (5 авг. 1819 г., № 61), заключало распоряженіе объ увольненіи профессоровъ Германа и Эриха—*по старости*, съ пенсіономъ (половинная пенсія эта была въ суммѣ 1000 р.). Въ отчетѣ Магницкаго по ревизіи Казанскаго университета, представленномъ имъ министру народнаго просвѣщенія (9 апр. 1819 г.) о Германѣ, какъ профессорѣ вовсе не упоминается, не дѣлается никакой характеристики его преподаванія, какъ было съ другими. Но Магницкій очевидно понялъ, что преподаваніе его было безполезно. «Каѳедры профессоровъ Германа и Эриха *могутъ оставаться на время праздными»*, писалъ онъ въ вышеупомянутомъ предложеніи своемъ совѣту университета, *«ибо слабое знаніе студентовъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ препятствовало бы высшему оныхъ преподаванію»*. Точно также Германъ не угодилъ Магницкому и какъ временный директоръ педагогическаго института, какъ умѣли ему угождать другіе, которые этимъ и выигрывали у него. Еще въ маѣ 1816 г. Германъ, который никакъ не могъ справиться съ своими долгами, подалъ прошеніе въ совѣтъ о «дачѣ ему казенной квартиры, когда откроется первая ваканція на оную». Совѣтъ согласился предоставить Герману первую свободную квартиру, «буде въ оной не будетъ нужды для другихъ чиновниковъ университета, кои по должности обязываются жить неотлучно при университетѣ». Случай занять казенную квартиру и представился вскорѣ Герману, когда по выбору совѣта онъ сталъ за Броннера исправлять должность директора педагогическаго института. Вотъ что Магницкій, въ своемъ донесеніи министру о ревизіи, писалъ объ этомъ учрежденіи: «Институтъ педагогическій существуетъ только по имени и весьма страннымъ образомъ. Тѣ самые студенты, которые живутъ въ университетѣ, окончивъ якобы академическій курсъ, числомъ два, подъ именемъ кандидатовъ, почитаются педагогическимъ институтомъ. Преподавателями сего мнимаго института считаются два магистра. Ни книгъ, ни пособій, ни преподаванія въ институтѣ, ни даже комнаты для онаго нѣтъ. *Есть одно дѣйствительно существующее въ семъ воображаемомъ заведеніи: прибавка къ жалованью профессора, именуемаго его директоромъ и цѣлый, почти особенный домъ для его помѣщенія»*.

Выше мы привели обвиненіе Германа, сдѣланное Яковкинымъ въ письмѣ къ попечителю Румовскому въ «лакомствѣ отъ экзаменуемыхъ» (конечно отъ чиновниковъ, подвергавшихся испытанію для полученія чина, согласно указу 6 авг. 1809 г.). Насколько справедливо было это обвиненіе во взяткахъ, которое въ видѣ сплетенъ и преданія повторялось потомъ долго, собственно по отношенію къ Герману, опредѣлительно сказать не можемъ. Въ дѣ-

лахъ архива не сохранилось никакихъ письменныхъ слѣдовъ, подтверждающихъ это обвиненіе, да и странно было бы, если бъ такіе слѣды сохранились: они свидѣтельствовали бы объ уголовномъ дѣлѣ. Есть указанія на неправильность дѣйствій комитета для экзамена гражданскихъ чиновниковъ въ отчетѣ о ревизіи Магницкаго. Комитетъ этотъ, въ годъ ревизіи, состоялъ изъ Яковкина, зятя его Врангеля и профессора Бартельса, не знающаго русскаго языка. Магницкій говоритъ объ «общемъ въ городѣ нареканіи на этотъ комитетъ», говоритъ что экзамены происходятъ не въ комитетѣ, а на дому у профессоровъ и приводитъ примѣръ злоупотребленій въ лицѣ титулярнаго совѣтника Яшерова, котораго онъ лично зналъ въ Симбирской губерніи «за человѣка неученаго», дѣлающаго ошибки противъ правописанія, а между тѣмъ онъ «получаетъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія, разрѣшаетъ задачи алгебры, совершенно ему неизвѣстной, а на вопросы о правахъ и политической экономіи даетъ отвѣты, совершенно смысла не заключающіе и доказывающіе, что онъ не умѣлъ даже пересказать того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской, но между тѣмъ Яшеровъ получилъ аттестатъ и по оному чинъ 8 класса. Подобныхъ сему экзаменовъ изъ 16, комитетомъ произведенныхъ, большая половина». Нѣтъ основанія подвергать сомнѣнію справедливость этихъ словъ, и знакомый съ нравами и привычками того времени пойметъ, что тогдашнему чиновнику, для полученія повышенія по службѣ, а слѣдовательно и для увеличенія жалованья, для того *чтобы не остаться вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ*, какъ говорили тогда (для избавленія себя отъ этого чина ѣздили на службу въ Сибирь, на Кавказъ; это замѣняло экзаменъ, котораго сильно боялись)—было выгодно расплатиться, хотя бы и весьма порядочнымъ кушемъ. Думаемъ, что и самъ Яковкинъ не былъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что экзамены чиновниковъ давали ему возможность угождать разнымъ важнымъ особамъ, родственники которыхъ экзаменовались, въ чаяніи пріобрѣсти себѣ на будущее время защитниковъ и покровителей. Въ декабрѣ 1810 года, послѣ слушанія лекцій у Неймана въ теченіе года, началъ сдавать такой экзаменъ на чинъ племянникъ вятскаго губернатора фонъ-Веймарнъ. Яковкинъ, Германъ и Бартельсъ весьма скоро проэкзаменовали его. Остался главный экзаменъ изъ правъ, гдѣ экзаменаторомъ долженъ былъ быть Нейманъ, а онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

„Веймарнъ явился ко мнѣ“, пишетъ Яковкинъ къ попечителю, и „объявилъ, что какъ г. губернаторъ, такъ особенно еще генералъ-губернаторъ Модерахъ, предписываютъ ему скорѣе явиться къ новой должности по гор-

ной службѣ. И такъ, дабы за неоконченнымъ экзаменомъ не оставался онъ здѣсь по напрасну, предложилъ я въ субботу совѣту о избраніи экзаменаторовъ по юриспруденціи; почему на время отлучки г. Неймана, назначены для сего въ экзаменный комитетъ проф. Финке—для римскаго и естественнаго правъ, а адъюнктъ Врангель—для частнаго и уголовнаго съ приложеніемъ къ россійскому законодательству, и для политической экономіи. И при семъ случаѣ *г. оракулъ* Браунъ *не преминулъ оказать своего самолюбія*, требуя, дабы Веймарнъ для удостовѣренія представилъ совѣту присланные ему отъ начальства приказанія, не довольствуясь тѣмъ, что Веймарнъ самъ пришедъ во время экзамена, объявилъ мнѣ словесно, какъ предсѣдательствующему, о причинѣ понуждающей его поспѣшить окончаніемъ экзамена. Извѣстно, что всякая наука на всякомъ языкѣ имѣетъ свои собственныя техническія слова, а потому для всякаго, слушавшаго науки на природномъ языкѣ, сколь должно быть тягостно отвѣчать на французскомъ или нѣмецкомъ,—для г. Бартельса,—языкѣ на всѣ чинимые вопросы. Зная совершенно матерію, но не зная техническихъ иностранныхъ словъ, и самый хорошо знающій покажется ничего не знающимъ,—какъ и происходило многократно при экзаменуемыхъ, спрашивавшихъ у меня россійскаго значенія встрѣчавшихся техническихъ словъ. На таковые случаи не благоугодно ли будетъ предписать для обучавшихся на отечественномъ языкѣ прикомандировать въ экзаменный комитетъ кого либо по той самой части, знающаго россійскій языкъ,—а иначе,—кажется, скоро мы навлечемъ на себя негодованіе и роптаніе“.

Такими хитросплетеніями желалъ Яковкинъ объяснить очевидно не совсѣмъ удачный экзаменъ Веймарна. При выдачѣ аттестата ему, встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что проф. Финке отказывался дать удовлетворительный отзывъ объ отвѣтахъ по наукамъ юридическимъ. Отвѣты были и словесные и письменные, и Яковкинъ обвиняетъ Финке въ томъ, что въ своихъ отзывахъ о нихъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Послѣ словесныхъ отвѣтовъ Веймарна, по разсказу Яковкина, Финке объявилъ, что отвѣтами этими онъ очень доволенъ (вѣроятно экзаменаторъ не понималъ вполнѣ того, что говорилъ Веймарнъ по русски), разсмотрѣвъ же дома письменные отвѣты, онъ донесъ совѣту, что эти послѣдніе весьма посредственны. Былъ выданъ какой-то временный аттестатъ, а всѣ обстоятельства дѣла пошли на разсмотрѣніе попечителя, которому жаловался съ своей стороны и самъ Веймарнъ, прося предписать комитету выдать ему полный аттестатъ. «Кажется скрываться тутъ должна какая нибудь личность», писалъ объ этомъ экзаменѣ Яковкинъ къ попечителю. Честный Финке, узнавъ, что все дѣло отправлено по начальству, написалъ также вполнѣ откровенное письмо Румовскому. Оказывается изъ него, что Веймарнъ, хотя и жилъ довольно долго въ Казани, но публичныхъ лекцій для чиновниковъ не посѣщалъ, что онъ не читалъ ни одной юридической книги, какъ самъ сознался Финке, но *бралъ частные уроки у Неймана*. Этотъ послѣдній на-

писалъ для него нѣсколько вопросовъ по правамъ русскому и уголовному, что и дало возможность Веймарну довольно порядочно отвѣчать въ этой части экзамена, тѣмъ болѣе, что, «какъ я узналъ», пишетъ Финке, «для него были переписаны отвѣты, которые онъ и выучилъ наизусть. Весьма сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ что либо отвѣтить на другіе вопросы, если бы я ихъ предложилъ. Въ римскомъ правѣ Веймарнъ оказался совершенно незнающимъ («il a prouvé la plus grande ignorance dans le droit romain»). То же слѣдуетъ сказать объ отвѣтахъ письменныхъ. До Финке дошли обвиненія въ «личности». Онъ не считаетъ достойнымъ оправдываться: «Je haïs les personalités dans l'exercice de mon emploi», пишетъ онъ: «la religion et la loi sont la régle de ma conduite». Нѣтъ основаній заподозрить правду этихъ словъ. Разсмотрѣвъ документы экзамена, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Яковкина, чтобы тутъ должна скрываться какая-либо личность. Письменные отвѣты на написанные впереди ихъ вопросы очень напоминаютъ весьма краткій катехизисъ и очевидно были заучены. Безъ сомнѣнія вопросы были составлены заранѣе, были чѣмъ то въ родѣ программы, по которой экзаменовались всѣ, и были переведены съ латинскаго или нѣмецкаго подлинника. Изъ римскаго права Веймарнъ отвѣчалъ на 14 вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «В. Что есть наслѣдство? О. То, что одинъ оставляетъ по смерти свое владѣніе другому. В. Что должно наблюдать при сдѣланіи завѣщанія? О. 1) приономъ должно (быть) семь свидѣтелей произвольно дѣйствующіе и въ сіе время способны; они должны соблюдать единодѣйствіе» и пр. То же самое было и съ правомъ естественнымъ. Финке говоритъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ въ совѣтъ, что изъ 14 вопросовъ по римскому праву Веймарнъ отвѣтилъ только на 6, а изъ 13 вопросовъ по праву естественному только на 4. Адъюнктъ Врангель по уголовному праву и по политической экономіи призналъ отвѣты удовлетворительными. Германъ экзаменовалъ Веймарна въ иностранныхъ языкахъ и свидѣтельствовалъ, что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ, говоритъ на немъ довольно свободно и можетъ переводить съ него на языкъ русскій; по французски же онъ въ состояніи читать только легкаго автора. Яковкинъ же, и по своимъ наукамъ, и въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ, которыхъ самъ не зналъ, и въ языкѣ россійскомъ, который Веймарнъ, по его словамъ, знаетъ «по правиламъ грамматики», далъ весьма одобрительное свидѣтельство. По отношенію къ языку русскому съ Яковкинымъ согласиться нельзя: письменные отвѣты Веймарна преисполнены ошибками противъ грамматики, и ошибками весьма грубыми.

Трудно поэтому, пожалуй даже невозможно, формулировать опре-

дѣленнымъ образомъ обвиненіе кого либо въ «лакомствѣ» или во взяточничествѣ по поводу экзаменовъ, но что оно было, что оно чуть не открыто существовало, въ этомъ не сомнѣвались, но это мало кого шокировало. Разсказывали, и на нашей памяти, съ шутками и смѣхомъ, о дипломахъ, купленныхъ за деньги, о приготовленіи на дому у профессоровъ, о томъ, какъ положительные неучи и пошляки, но находившіеся въ какомъ-либо родствѣ съ университетскими властями или профессорами, легко и играючи получали кандидатскія степени, платя деньги за написанныя для нихъ диссертаціи и т. п. Все это было въ порядкѣ вещей; болѣзнь была старая, къ ней привыкли, такъ что естественно приходилось мириться съ нею. Если бы общество нуждалось въ наукѣ, его контролирующій голосъ конечно могъ бы оказать большую помощь и нравственному развитію, и дѣлу умственнаго успѣха, но это общество придавало значеніе только диплому и правамъ, которыя соединены съ нимъ. Поэтому въ старыхъ дѣлахъ университета мы не найдемъ уличенныхъ и наказанныхъ случаевъ взяточничества, котораго не отвергалъ никто. Если и всплывалъ на поверхность какой-нибудь случай этого рода и доходилъ до совѣта, то недоумѣвали, что съ нимъ дѣлать, какъ поступить. Такъ въ мартѣ 1813 года училищный комитетъ доносилъ совѣту университета, по дѣлу, возникшему въ пермской гимназіи между ея директоромъ и учителемъ французскаго языка Дюро, что послѣдній въ своемъ объясненіи говоритъ, что *директоръ вызывалъ сдѣлать ему подарокъ*. «Если овесъ и сѣно можно наименовать подарками», пишетъ училищный комитетъ, «то настояніе директора было на эти вещи, кои получалъ г. Дюро отъ своихъ родственниковъ, живущихъ въ селѣ Ильинскомъ. Времени же, когда г. директоръ вызывалъ сдѣлать ему таковые подарки, учитель Дюро точно опредѣлить не можетъ, ибо и въ объясненіи его значится, что это случалось частовременно. Что же касается до того, что г. директоръ требуетъ свидѣтелей по сему предмету, то г. Дюро осмѣливается донести, что *таковыя дѣла обыкновенно производятся одинъ на одинъ и не письменно, а словесно*». Вотъ слѣдовательно причина, опредѣленно указанная французскимъ учителемъ, почему столь обыкновенныя дѣла «о лакомствѣ» не выходили на свѣтъ Божій. Училищный комитетъ недоумѣваетъ, какъ поступить ему въ настоящемъ случаѣ «для открытія истины»: можно ли, напримѣръ, и директора, и Дюро, привести къ клятвѣ, т. е. къ присягѣ въ томъ, что каждый изъ нихъ говоритъ по чистой совѣсти и это свое недоумѣніе представляетъ на благоусмотрѣніе совѣта. Послѣдній, находя что дѣло это, заключающееся въ обоюдныхъ жалобахъ, *принадлежитъ къ дѣламъ гражданскимъ*, «въ коихъ только въ самыхъ

важныхъ случаяхъ, и то съ великою предосторожностью, допускаются къ присягѣ, *сумнѣвался въ томъ, можно ли сіи слова почесть столь важными* (т. е. обвиненіе французскимъ учителемъ Дюро директора во взяткахъ), чтобъ привести касательно оныхъ кого либо изъ тяжущихся къ клятвѣ», а потому испрашивалъ на это начальственнаго разрѣшенія. Но и попечитель (тогда былъ имъ уже Салтыковъ) ничего не рѣшилъ. «Какъ совѣтъ Казанскаго университета», писалъ онъ, «состоитъ изъ ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ, преподающихъ въ наукахъ наставленія и раздѣляющихся по различію наукъ на факультеты или отдѣленія, то въ ономъ совѣтѣ и находятся профессоры правовѣдѣнія, которымъ предлагаю отдать на рѣшеніе дѣло, касающееся директора пермской гимназіи и учителя французскаго языка Дюро». Согласно этому предложенію совѣтомъ дана была выписка изъ протокола профессору Финке, какъ старшему въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ (9 апр. 1813 года), но Финке не представилъ никакого мнѣнія. Дѣло не получило дальнѣйшаго хода и поднесеніе, и принятіе подарковъ, хотя бы въ формѣ овса и сѣна, остались неуясненными обстоятельствами, да и должны были остаться такими по своему характеру. «Лакомство» является такимъ образомъ фактомъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ, почти никого не возмущающимъ, но никогда не всплывавшимъ наружу, никогда не доходившимъ до слѣдствія и суда, какъ оскорбленіе законовъ и общественной нравственности. Что такое какъ не «лакомство» нахлѣбники - студенты изъ богатыхъ помѣщичьихъ или купеческихъ семей, жившіе преимущественно у вліятельныхъ и ловкихъ профессоровъ не въ то время, о которомъ мы пишемъ, а нѣсколько позднѣе, въ тридцатые и въ началѣ сороковыхъ годовъ? Это нахлѣбничество, приносившее семейному профессору весьма хорошую прибавку къ жалованью, гарантировало, и очень часто, столбовому Митрофану и безпрепятственные переходы изъ курса въ курсъ, и полученіе желаннаго диплома, столь необходимаго для служебной карьеры [1]). Само начальство, въ лицѣ попечителей, несмотря на ихъ

[1]) Едва ли это „лакомство", въ формѣ профессорскихъ пансіонеровъ, не было общимъ явленіемъ во всѣхъ россійскихъ университетахъ того времени. Хозяйственные „жрецы науки", „профессора-пріобрѣтатели" были вездѣ. „У меня теперь одиннадцать пансіонеровъ, съ которыхъ не беру меньше восьмисотъ рублей съ каждаго", сообщаетъ Погодинъ въ 1830 году въ письмѣ своемъ къ Шевыреву, а съ другихъ, при урокахъ, тысячу пятьсотъ и тысячу двѣсти. *„Это приноситъ мнѣ хорошій доходъ и, кромѣ содержанія себя и семейства, остается въ скопъ"*. См. *Н. Барсукова*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга 3-я, Спб. 1890, стр. 185.

сильную власть, смотрѣло равнодушно на это явленіе, не возмущалось имъ нисколько. Оно само было воспитано въ тѣхъ же понятіяхъ.

Вопросъ о «лакомствѣ» однако отвлекъ насъ отъ разсказа о судьбѣ самаго стараго изъ казанскихъ профессоровъ. Германа, уволеннаго, какъ мы видѣли, послѣ ревизіи Магницкаго, по высочайшему повелѣнію, 14 іюня 1819 года «по старости лѣтъ». Если при полномъ жалованіи профессора и при добавочномъ содержаніи въ званіи декана или директора педагогическаго института, онъ никакъ не могъ устроить свою жизнь и хозяйство, вѣроятно вслѣдствіе семейныхъ неурядицъ, то существовать на тысячу рублей половинной пенсіи ему было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе что съ него, какъ и съ прочихъ уволенныхъ, стали взыскивать немедленно и жалованье и квартирныя деньги, полученныя съ 14 іюня по 1 августа, а экзекутору было предписано, чтобъ онъ принялъ мѣры объ очищеніи квартиръ, «не продолжая далѣе трехъ дней». Въ декабрѣ того же года Германъ получилъ отъ университета увольнительное свидѣтельство, но выѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся какъ нибудь устроиться, онъ не имѣлъ никакихъ средствъ и ему, какъ человѣку не служащему, конечно никто бы не далъ въ займы. Германъ обратился съ просьбою къ министру просвѣщенія о помощи и по его представленію комитетъ министровъ опредѣлилъ выдать уволенному профессору на путевыя издержки, для выѣзда его изъ Россіи, единовременно тысячу рублей. За границу Германъ однако не поѣхалъ, а жилъ съ годъ въ Петербургѣ въ очень бѣдственномъ положеніи: и тутъ пришлось ему еще платить изъ своей половинной пенсіи за чинъ статскаго совѣтника, пожалованный ему при выходѣ въ отставку. «Я, благодаря Бога, совершенно здоровъ», пишетъ Германъ въ началѣ апрѣля 1820 года къ директору университета Владимірскому, этому alter ego попечителя Магницкаго, жившаго постоянно въ Петербургѣ (Владимірскій, какъ видно изъ этого письма Германа, содѣйствовалъ своимъ ходатайствомъ о выдачѣ ему денегъ на путевыя издержки),—«но жена моя все болѣетъ и горюетъ о нашемъ теперешнемъ, весьма неутѣшительномъ положеніи. Сначала я разсчитывалъ на прибавку къ ежегодному пенсіону еще тысячи рублей, по крайней мѣрѣ нѣкоторую надежду на это мнѣ милостиво подавалъ попечитель Магницкій, но до сихъ поръ все это весьма неопредѣленно и полученіе прибавки представляется крайне затруднительнымъ. Дай Богъ, чтобъ надежда не обманула меня. На тысячу рублей едва можетъ жить прилично и одинокій молодой человѣкъ, что же сказать о человѣкѣ моихъ лѣтъ, моего положенія и притомъ съ женою». Изъ письма видно, что Владимір-

скій принималъ очень теплое участіе въ судьбѣ Германа и былъ съ нимъ близокъ. Германъ проситъ его замолвить слово попечителю, чтобы все профессорское жалованье его было обращено въ пожизненный пенсіонъ и «въ случаѣ крайности, по любви къ человѣчеству, помочь словомъ и дѣломъ его несчастной замужней дочери, оставшейся въ Казани. Богъ не забудетъ этого добраго вашего дѣла» [1]). Послѣднія строки письма Германа заключаютъ просьбу о высылкѣ ему пенсіона по третямъ въ Петербургъ (пенсіи выплачивались тогда изъ университетскихъ суммъ) и о томъ, чтобы вычетъ за чинъ статскаго совѣтника дѣлался бы также частями, по третямъ: «удержать разомъ всю сумму значило бы окончательно разорить меня»—говоритъ онъ. При пересылкѣ пенсіи Германа въ Петербургъ удерживали съ него же и страховыя деньги, что составляло для него разсчетъ, но въ іюнѣ того же 1820 года Германъ обратился къ Магницкому съ просьбой, очень можетъ быть сознавая свою неразсчетливость въ расходахъ, чтобы пенсія выдавалась ему не по третямъ, а помѣсячно. Тогда, по распоряженію министра, вся пенсія по 1 января 1821 года доставлена была въ Петербургъ, а страховыя деньги были уплачены изъ департаментскихъ суммъ. Получить въ пенсію полный окладъ жалованья, несмотря на личныя хлопоты свои въ Петербургѣ, Герману такъ и не удалось. Очевидно однако, что жить на тысячу рублей въ годъ представлялось невозможнымъ; этой суммы недостаточно было и для жизни за границей; притомъ Германъ, сколько мы знаемъ, порвалъ всякія сношенія съ родиною и отсталъ совершенно отъ того развитія, которое получила его спеціальность тамъ въ то время, какъ въ Казани онъ дѣлалъ только долги. Герману надобно было искать какихъ-либо средствъ къ жизни сверхъ пенсіи. Въ январѣ 1821 года Германъ и опредѣленъ былъ пасторомъ по вѣдомству саратовской евангелической конторы, и тогда же, по высочайшему повелѣнію онъ переименованъ былъ изъ статскихъ въ консисторіальные совѣтники, при чемъ дано было соизволеніе оставить за нимъ по смерть и получаемый имъ пенсіонъ, перешедшій потомъ къ его вдовѣ. Какъ устроился Германъ въ Саратовѣ и вышелъ ли онъ изъ нужды, такъ сильно тяготѣвшей надъ нимъ въ Казани, у насъ нѣтъ къ сожалѣнію свѣдѣній, и не-

---

[1]) Это была младшая дочь, Каролина, вышедшая замужъ въ 1817 году за аптекаря Дальке, которому былъ долженъ Германъ за лѣкарства жены. Къ сожалѣнію о судьбѣ этой дочери профессора мы ничего не знаемъ. Ея мужъ, der privilegirte Apotheker Iakob Gottlieb Dalke aus Pommern, вѣроятно скоро оставилъ Казань. Изъ знакомыхъ мнѣ стариковъ нѣмцевъ, которые могли бы помнить его, всѣ до одного умерли.

смотря на всѣ наши старанія, мы не могли получить ихъ. Каѳедра римской словесности послѣ Германа въ Казанскомъ университетѣ долго оставалась незамѣщенною никѣмъ. Въ силу условій, о которыхъ мы не разъ упоминали, Германъ, хотя и былъ ученикомъ знаменитаго филолога Гейне, не могъ приготовить себѣ замѣстителя.

Примѣромъ того, какія странныя дѣла до открытія университета приходилось иногда разбирать совѣту, можетъ служить «Дѣло по прошенію жены лектора татарскаго языка Хальфина о разныхъ притѣсненіяхъ, чинимыхъ ей мужемъ ея» (1814 года). Совѣтъ обратился какъ бы въ магометанскую консисторію. Въ декабрѣ 1813 года жена лектора татарскаго языка Хальфина, Хабиба Искандерова подала въ совѣтъ на высочайшее имя и по пунктамъ, на гербовой бумагѣ, прошеніе съ жалобою на мужа и съ просьбою о защитѣ. Изъ прошенія видно, что Хабиба, 17 лѣтъ тому назадъ, вышла за Хальфина въ замужество и прижила съ нимъ четверыхъ дѣтей, живучи въ согласіи, но напослѣдокъ онъ ее билъ, ругалъ и выгналъ вонъ изъ дому (по всей вѣроятности онъ обзавелся другою, молодой женой), а дѣтей держитъ у себя и между тѣмъ взялъ у нея заимообразно 42 рубля и отнялъ ея имущество. Жена Хальфина проситъ совѣтъ о возвратѣ ей денегъ и имущества и о выдачѣ ей съ дѣтьми на пропитаніе какой-либо суммы, или о помѣщеніи ея въ домѣ мужа. Выслушавъ это прошеніе, совѣтъ опредѣлилъ препроводить его къ старшему ахуну для разбора по мухамеданскимъ законамъ. Узнавъ о такомъ опредѣленіи, мужъ просительницы лекторъ Хальфинъ, съ своей стороны, также обратился въ совѣтъ съ просьбою не посылать прошенія жены его къ ахуну, такъ какъ «онъ имѣетъ съ симъ ахуномъ нѣкоторыя дѣла, касающіяся до частной моей жизни и потому почитаетъ его пристрастнымъ къ рѣшенію этого дѣла», а чрезъ губернское правленіе къ указному муллѣ другаго прихода. Совѣтъ находился въ затрудненіи, недоумѣвая какъ ему поступить, не зная, какъ выражалось опредѣленіе, «на сколько совѣту нужно вникать, въ сіе и подобныя тому дѣла», а потому и предложилъ профессорамъ юридическаго отдѣленія представить къ слѣдующему засѣданію свое заключеніе. Два наличные тогда профессоры-юристы: Финке и баронъ Врангель, ссылаясь на п. 9 указа 28 мая 1767 года («Въ дѣла непринадлежащія до свѣтскихъ правленій, яко то въ женитьбы мужей отъ живыхъ женъ и въ выходъ женъ замужъ за другихъ мужей, свѣтскимъ командамъ отнюдь не мѣшаться, а просителямъ объявлять о томъ, чтобъ они били челомъ въ надлежащихъ духовныхъ правительствахъ, также въ партикулярныя

мужей съ женами несогласія не мѣшаться, развѣ какое при томъ произойдетъ грабительство или кража»), говорили, что совѣтъ не имѣетъ права входить въ разбирательство дѣла Хальфиныхъ, или предписывать разобрать его чиновникамъ магометанскаго закона. Но, обращая вниманіе на уставъ университетскій, юристы высказывали сомнѣніе и приходили къ другому заключенію, тѣмъ болѣе, что уставъ, какъ законъ, изданъ позднѣе. Онъ даетъ университету собственный судъ и расправу. «Въ случаѣ тяжбы члена или подчиненнаго университету съ какимъ нибудь частнымъ человѣкомъ или обществомъ, дѣло производится въ правленіи университета, ежели отвѣтчикъ къ нему принадлежитъ... Въ дѣлахъ уголовныхъ, правленіе, учиня первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное куда слѣдуетъ». Отсюда юристы выводятъ заключеніе, что правленію принадлежитъ судъ и расправа во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, къ *которымъ также принадлежатъ дѣла по ссорамъ супружескимъ*. «Университетъ», заключаютъ они, «обязанъ не лишать себя правъ ему дарованныхъ произвольнымъ толкованіемъ законовъ, но онъ также обязанъ слѣдовать и общимъ законамъ, касающимся сего дѣла». Заключеніе юристовъ состояло въ томъ, чтобъ представить и все дѣло, и мнѣніе ихъ попечителю на его разрѣшеніе.

Неизвѣстно, какъ бы стали разбирать это дѣло въ совѣтѣ (университетъ еще не былъ открытъ и правленіе не существовало), если-бы послѣдовало рѣшеніе попечителя въ утвердительномъ смыслѣ, но въ тотъ же день, какъ состоялось опредѣленіе совѣта, несогласные супруги Хальфины, явясь въ совѣтъ, объявили, «что происшедшее между ними несогласіе они прекращаютъ миролюбіемъ и обѣщаются другъ другу оказывать должное супружеское уваженіе, мужъ содержать хорошо жену, а она имѣть къ мужу уваженіе и быть скромною и по поданной отъ жены и мужа въ совѣтъ просьбѣ дальнѣйшаго иска никакого имѣть не хотятъ и сіе утверждаютъ».

Въ двухъ послѣднихъ главахъ (XIII и XIV) мы старались показать *дѣятельность университетскаго совѣта* въ переходное время, т. е. до формальнаго открытія университета. Какой характеръ приняла эта дѣятельность по открытіи университета, измѣнилась ли она къ лучшему, получила ли успѣхъ университетская жизнь, преподаваніе и научные труды со времени открытія и до годовъ попечительства Магницкаго, сильно измѣнившаго университетъ, — мы раз-

скажемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Прежде однако, чѣмъ мы перейдемъ къ новой университетской жизни, считаемъ необходимымъ остановиться на *старыхъ казанскихъ студентахъ*, ихъ бытѣ, ихъ нравахъ, ихъ отношеніяхъ къ поставленной надъ ними власти, ихъ успѣхахъ и занятіяхъ; наконецъ мы должны познакомиться *съ новыми личностями профессоровъ*, приглашенныхъ въ университетъ и принесшихъ конечно съ собою и новые предметы преподаванія и новую дѣятельность.

Глава XV.

Школа и жизнь. Могущественное вліяніе жизни на школу. — Педагогическое безсиліе казанской гимназіи, откуда поступало большинство студентовъ. — Дѣло ученика Ивана Сокольскаго. — Яковкинъ, какъ педагогъ; собранія для декламаціи. — Донесеніе инспектора Лубкина о безуспѣшности казенныхъ воспитанниковъ гимназіи. — Опредѣленіе неудачныхъ казенныхъ учениковъ въ писцы и канцеляристы. — Дѣла о бѣглыхъ ученикахъ гимназіи: Богдановичѣ, Маньковскомъ, Ларіоновѣ. — Дѣла: 1) о выбитіи глаза ученику Иванову; 2) о причиненной обидѣ ученику Вячеславу Манасеину; 3) о противозаконныхъ поступкахъ ученика Дмитрія Путилова съ инспекторомъ Броннеромъ. — Стремленіе учениковъ гимназіи и студентовъ, особенно казенныхъ, поступить въ военную службу. — Разсужденія о мѣрахъ къ исправленію студентовъ. — Нѣсколько случаевъ прямого нарушенія даннаго обязательства прослужить въ учебной службѣ шесть лѣтъ за казенное содержаніе. — Обсужденіе поведенія студентовъ. — Составленіе и изданіе «Правилъ благочинія».

Сравнивая исторію университетскаго образованія и университетскихъ нравовъ и обычаевъ въ Европѣ и у насъ, конечно независимо отъ времени, отъ продолжительности существованія университетовъ тамъ и въ нашемъ отечествѣ, мы невольно должны остановиться на бьющей каждому въ глаза глубокой и радикальной разницѣ внутреннихъ сторонъ университетской жизни въ Европѣ и у насъ. Того, что составляетъ главную силу просвѣщенія европейскаго, того, что называется *преемственностью развитія*, мы не найдемъ у насъ. Знакомясь съ исторіею какого-либо германскаго университета, мы видимъ стройное развитіе науки, которою интересуется цѣлое общество; преемникъ умершаго или вышедшаго въ отставку профессора продолжаетъ его дѣло; онъ идетъ дальше своего предшественника, но онъ усвоилъ результаты его духовной дѣятельности, съ уваженіемъ говоритъ о нихъ своимъ слушателямъ, которые въ свою очередь представятъ изъ себя цѣлое историческое

поколѣніе съ опредѣленнымъ духовнымъ содержаніемъ, но находящимся въ непосредственной связи съ прошлымъ. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Наша духовная жизнь и наша университетская наука живутъ какими-то странными скачками; ходъ ихъ развитія въ высшей степени неровенъ и напоминаетъ затруднительный ходъ экипажа по ухабистой или кочковатой дорогѣ, когда его кидаетъ изъ стороны въ сторону. Бывали печальныя эпохи въ жизни нашей родины, когда сознаніе умственныхъ интересовъ, вообще чрезвычайно слабое въ нашемъ обществѣ, смолкало почти совершенно. Понятно, что въ нашихъ университетахъ не сохраняется никакихъ духовныхъ традицій, за исключеніемъ развѣ анекдотическаго свойства. Отъ того наши университетскія поколѣнія такъ не похожи другъ на друга, такая глубокая бездна лежитъ между ними. Отцы не узнаютъ себя въ сыновьяхъ: такъ чужды они другъ другу по своимъ убѣжденіямъ, по идеаламъ, къ которымъ они стремятся, по духовнымъ интересамъ. Бывали времена, когда и не найдешь этихъ интересовъ, когда жизнь становится невыносимо тяжелою, когда человѣкъ теряетъ всякую вѣру въ прогрессъ и впадаетъ въ мрачный пессимизмъ, и когда единственнымъ идеаломъ, хотя и ужаснымъ по своему содержанію, становится безучастное отношеніе ко всему окружающему.

Мы говоримъ собственно о духовномъ содержаніи, такъ неустойчивомъ у насъ и безпрестанно мѣняющемся. Оно опредѣляется у насъ не самодѣятельностью общества, не свободнымъ развитіемъ, а дается какъ бы свыше, независимо отъ человѣческой воли, представляетъ что-то стихійное, какъ ненастье, буря или гроза. Подъ такими стихійными вліяніями, предвидѣть которыхъ нѣтъ возможности, живетъ наша измѣнчивая школа, воспитывающая русскихъ людей для жизненной дѣятельности, для предполагаемаго честнаго служенія родной странѣ. Сколько разъ мѣнялось ея направленіе и содержаніе, а потому, несмотря на то, что со временъ Петра В. исполнилось двѣсти лѣтъ существованія нашей образовательной школы, намъ приходится такъ часто встрѣчаться въ жизни съ твердою массою стариннаго невѣжества, котораго только вскользь, едва, коснулось образованіе, не будучи въ состояніи пробить его толстую кору. До сихъ поръ наша школа не только не воспитываетъ людей, давая часто ничтожныя, безполезныя или вполнѣ тенденціозныя свѣдѣнія, скоро и безъ сожалѣнія забываемыя людьми, выходящими изъ школы въ жизнь, но она не въ состояніи дѣйствовать сколько-нибудь сильнымъ и благотворнымъ образомъ на самую жизнь. У насъ нѣтъ никакой преемственности культуры, и старая ненависть къ образованію, господствуетъ безконтрольно. Могущество условій

русской жизни неизмѣримо сильнѣе, къ сожалѣнію, могущества идеи.

Желая представить характеристику студентовъ Казанскаго университета и ихъ нравовъ въ годы нами описываемые, во время попечительства Румовскаго и Салтыкова, желая познакомиться съ внутреннимъ міромъ этого студенчества, его жизненными интересами, мы по необходимости должны были опредѣлить ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на эту часть нашей работы. Молодое поколѣніе университета изслѣдуемыхъ нами годовъ необходимо должно было обратить на себя наше вниманіе. Какъ и другія, ему предшествовавшія и за нимъ послѣдовавшія поколѣнія, оно принесено было въ жертву всепоглощающему Молоху жизни; оно было созданіемъ могущественныхъ условій породившей и воспитавшей его жизни, лишенной почти всякаго умственнаго, а слѣдовательно и нравственнаго содержанія. Въ борьбѣ съ жизнью школа вообще безсильна, и такъ часто раздающіяся въ послѣднее время обвиненія нашего университетскаго преподаванія въ его якобы тлетворномъ вліяніи на молодежь и вообще нашей школы, для которой съ особенною, впрочемъ. недальновидною хитростью, придумывается содержаніе, сегодня одно, завтра другое, не въ состояніи выдержать критики. Еслибъ еще это образовательное содержаніе школы цѣнилось само по себѣ, если-бъ уважалось его внутреннее содержаніе—мы глубоко были бы благодарны ему, но не въ немъ суть: оно только средство для совершенно постороннихъ ему цѣлей вліянія и формированія молодыхъ умовъ. Вотъ почему молодое поколѣніе у насъ, за весьма незначительными исключеніями, ничего почти не выноситъ изъ этой школы, кромѣ ненависти къ ней, когда жизненный опытъ дастъ позднее и напрасное сознаніе о безполезно потраченныхъ школьныхъ годахъ. Собственно *о знаніи* не было вовсе заботъ, и потому молодые люди не выносили ничего въ жизнь, кромѣ глубокаго эгоизма, кромѣ заботъ о личной карьерѣ. Школа, пріучала ихъ служить не общественнымъ интересамъ, не родинѣ и ея развитію, а только себѣ. Такимъ образомъ она по-своему формировала все будущее страны и въ этомъ случаѣ нельзя не повторить народную поговорку: «что посѣешь, то и пожнешь». Но и сама школа подчинялась вліянію жизни, и то направленіе внутренней государственной политики, которое необходимо отражается на содержаніи нашей школы, должно было конечно вредить внутреннему достоинству ея. Мѣры, предпринимаемыя изъ опасенія временныхъ увлеченій молодежи, которыя прошли и забылись очень скоро и въ которыхъ неповинно ни научное, ни обще-образовательное содержаніе школы, носили чисто внѣшній характеръ, а потому и не могли дать добраго направленія, лучшаго

содержанія естественнымъ увлеченіямъ молодости. Желали пріучить къ труду, и къ этому должна особенно стремиться дѣятельность школы, но трудъ этотъ являлся постылымъ, и своимъ внутреннимъ содержаніемъ не могъ заинтересовать трудящагося. Заучиваніе, и нерѣдко усиленное, учебниковъ по Закону Божію и текстовъ было не въ состояніи развить настоящую, сердечную религіозность, создаваемую чувствомъ, примѣромъ, усвоеніемъ нравственныхъ истинъ христіанства. Наши педагоги, за весьма малыми исключеніями, были или совершенными нигилистами въ педагогическомъ смыслѣ, нисколько не любящими даже тотъ предметъ, который преподаютъ они, или карьеристами, умѣвшими только льстить начальству податливому на лесть, и ловко показывавшими ему фальшивую, но красивую внѣшность, или сухими, съ черствымъ сердцемъ, формалистами, чувствовавшими не любовь, а скорѣе ненависть къ воспитанникамъ.

Все высказанное нами возникло изъ изученія старыхъ дѣлъ архива Казанскаго университета. Мы старались уяснить себѣ изучаемые нами факты, понять, какимъ образомъ могли они появиться и въ какомъ отношеніи находятся они къ окружающей и создавшей ихъ жизни. Мы вовсе не претендуемъ на званіе историка мѣстнаго высшаго образованія, но намъ глубоко дорогъ умственный успѣхъ страны, и мы желали бы уяснить себѣ тѣ препятствія, какія создаетъ сама жизнь и ея условія этому успѣху. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ предшественниковъ. Намъ ничего не даютъ весьма немногія, скудныя по содержанію и по горизонту наблюденія, личныя воспоминанія нѣкоторыхъ старыхъ воспитанниковъ Казанскаго университета и казанской гимназіи. Эти ничтожные мемуары носятъ только внѣшній и въ большинствѣ мелочной характеръ; притомъ ихъ весьма немного. Насъ не удовлетворяютъ и тѣ шаблонныя объясненія различныхъ, такъ называемыхъ «студенческихъ исторій» и «волненій» (впрочемъ болѣе новаго, совсѣмъ близкаго къ намъ времени), которыя мы встрѣтили въ статьяхъ напр. Шестакова, Аристова, Григорьева, написанныхъ кажется pro domo sua, или состоящихъ въ выборкахъ изъ архивныхъ дѣлъ, какъ у гг. Ѳирсова, Чумикова и др., имѣющихъ скорѣе анекдотическій, чѣмъ историческій характеръ. Можно ли напр. допустить правду такихъ объясненій студенческихъ волненій, начиная съ конца 50-хъ годовъ, какъ напр. пролетаріатъ (?), или искать подстрекателей, совратителей и вожаковъ въ людяхъ не русскаго происхожденія, въ лицахъ посторонних (?). Эти и подобные имъ изслѣдователи рѣшительно забываютъ о жизни, о ея всемогущемъ вліяніи на самую школу, которая если и можетъ съ своей стороны вліять на жизнь, то очень медленно, не вдругъ создавая ея хорошія и дурныя условія. Люди являются

созданіями жизни, а не школы. И школьные дѣятели въ свою очередь не уйдутъ отъ вліянія жизни; она передѣлаетъ ихъ по своему, и въ ея рукахъ они появятся несамостоятельнымъ орудіемъ внѣшнихъ условій, въ безусловную справедливость которыхъ они можетъ быть и не вѣрятъ. Въ послѣднее время очень часто говорятъ объ отношеніи школы къ семьѣ и о воспитательномъ значеніи школы, но возможно ли послѣднее при всемогущемъ вліяніи жизни на школу? Плохая жизнь создаетъ и плохую школу и плохую семью. Какое воспитаніе можетъ дать изуродованная, испорченная семья, когда эта семья является произведеніемъ жизни, воспитывающей и воспитателей и педагоговъ. Если въ русской семьѣ такъ часто повторяются явленія атавизма, если ея невѣжество такъ грубо-консервативно, то это и служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ слабости умственнаго образованія въ странѣ и ничтожнаго вліянія школы.

Явленія, происходившія въ казанской гимназіи, которая почти одна подготовляла тогда, въ годы нами описываемые, весь контингентъ университетскихъ слушателей въ Казани, могутъ подтвердить высказанныя нами общія замѣчанія.

Воспитательное безсиліе старой школы доказывается слѣдующимъ высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 27 апрѣля 1811 года: «Казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ университетскихъ и другихъ высшихъ училищъ изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и *уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ*, по исключеніи вовсе изъ упомянутыхъ заведеній, отсылать въ военную службу, изъ дворянъ же таковыхъ представлять Его Величеству съ тѣмъ, чтобы о каждомъ воспитанникѣ, подвергнувшемъ себя таковому наказанію, представляемо было г. министру просвѣщенія, съ означеніемъ вины каждаго и изъ какого кто званія». Первое примѣненіе этого высочайшаго повелѣнія послѣдовало къ ученику Казанской гимназіи изъ разночинцевъ Ивану Сокольскому [1]). Главный надзиратель гимназіи Упадышевскій доносилъ 13 августа 1811 года директору Яковкину, что этотъ Сокольскій «многократно замѣчаемъ былъ въ своевольствѣ, буйствѣ, воровствѣ и пьянствѣ, но не взирая на всѣ *предпринимаемыя мною по начальству* и даже собственно вашимъ высокоблагородіемъ *мѣры* (въ чемъ онѣ заключались — неизвѣстно), увѣщанія и *приличныя наказанія*, не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправленію. Сего августа 11 дня, бывши съ вакаціи за безпорядочные его поступки присланъ въ

[1]) Дѣло *совѣта* 1811 года, № 66 „Объ отсылкѣ въ военную службу Ивана Сокольскаго“.

гимназію отъ дяди его, убѣжалъ изъ гимназіи, скрывался въ непотребныхъ домахъ и уже 13 числа поутру узнанъ надворнымъ совѣтникомъ г. Волковымъ, задержанъ и представленъ *съ найденными при немъ деньгами,* двадцатипяти-рублевою ассигнаціею». Совѣтъ, разсмотрѣвшій это донесеніе Ушадышевскаго, въ засѣданіи своемъ 16-го того же августа, опредѣлилъ, основываясь на выше приведенномъ высочайшемъ повелѣніи, представить о Сокольскомъ на благоусмотрѣніе г. попечителя и присовокуплялъ съ своей стороны, что Сокольскій «не подаетъ никакой надежды къ исправленію и сверхъ того для прочихъ соблазномъ своимъ служитъ вреднымъ примѣромъ». По докладѣ министромъ Государю Императору, согласно предписанію министра попечителю, Сокольскій былъ отосланъ въ распоряженіе казанскаго коменданта Есипова. Съ своей стороны Румовскій предписывалъ «чтобы сей случай могъ послужить и другимъ въ примѣръ, исполнить сіе (т. е. объявленіе Сокольскому, что онъ отдается въ военную службу) при собраніи учениковъ, «прочтя предъ ними предписаніе о семъ министра». Въ декабрѣ того же года Сокольскій былъ доставленъ въ Оренбургъ. Изъ дѣла о немъ, гдѣ проступки его перечислены лишь въ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, мы видимъ, что Сокольскому въ то время было уже 18 лѣтъ, что въ гимназію онъ поступилъ мальчикомъ 11 лѣтъ и всѣ семь лѣтъ былъ на казенномъ содержаніи, т. е. считался лучшимъ и по успѣхамъ и по поведенію. Страннымъ явленіемъ представляется намъ поэтому какъ бы вдругъ оказавшаяся его безнадежность и неисправимость, вызвавшія примѣненіе къ нему самой тяжкой мѣры наказанія, какая только существовала тогда для воспитанниковъ учебныхъ заведеній. На комъ лежитъ печальная вина этой ранней, но глубокой испорченности: на семьѣ или на учебномъ заведеніи? Думаемъ, что на послѣднемъ, такъ какъ Сокольскій былъ оторванъ отъ семьи и всецѣло, въ теченіе семи лѣтъ, находился въ интернатѣ казанской гимназіи, подъ воспитательнымъ вліяніемъ ея начальства, а пресловутый Яковкинъ считался у перваго попечителя выдающимся и опытнымъ педагогомъ.

Но вся дѣятельность этого опытнаго педагога носила чисто внѣшній характеръ. Онъ хотѣлъ пускать пыль въ глаза красивою внѣшностью, ловкими фразами, что особенно дѣйствуетъ на провинціальную публику, которая не въ состояніи разобрать скрытую подъ мишурою фальшь и пустоту содержанія. Таково, кажется намъ, его предложеніе совѣту, сдѣланное 25 октября того же 1811 года: «Дабы возбудить болѣе соревнованія къ успѣхамъ въ учащихъ и учащихся въ гимназіи, то весьма нужнымъ и полезнымъ усматриваю я учредить въ гимназіи, *послѣ каждаго ежемѣсячнаго инспек-*

торскаго осмотра классовъ (?), въ первое воскресенье наступившаго мѣсяца, въ восемь часовъ поутру (тогда, какъ видно, по воскресеньямъ, гимназистовъ не посылали къ обѣднѣ), въ залѣ гимназіи, собранія, въ коихъ бы учениками высшихъ классовъ, *съ приличною декламаціею*, въ присутствіи всѣхъ учителей и учениковъ, читано было по одному, признанному отъ инспектора и учителя самымъ лучшимъ, упражненію на россійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ, а иногда также на греческомъ и татарскомъ. Къ симъ собраніямъ приглашать гг. членовъ университета, да и постороннимъ входъ не возбранять». Совѣтъ, находя такое учрежденіе воскресныхъ декламаторскихъ классовъ нужнымъ и полезнымъ, далъ о томъ знать, *для всегдашняго исполненія*, инспектору гимназіи и представилъ рапортомъ попечителю. Послѣдній изъявилъ съ своей стороны согласіе на «декламаціонныя упражненія», и они начались весьма скоро. Это было простое чтеніе разныхъ классныхъ упражненій (безъ сомнѣнія главное участіе въ отдѣлкѣ этихъ упражненій принимали гимназическіе учителя, напримѣръ въ баснѣ, сочиненной на французскомъ языкѣ Иваномъ Сычуговымъ), чтеніе переводовъ съ русскаго на французскій, латинскій и обратно. Долго ли существовали эти упражненія—свѣдѣній нѣтъ у насъ, но со времени попечительства Магницкаго по воскресеньямъ упражненій этихъ не могло быть, такъ какъ гимназисты обязаны были ходить въ церковь къ божественной литургіи. Но еще въ 30-е и 40-е годы, на публичныхъ актахъ 1-й казанской гимназіи, гимназисты выходили съ рѣчами, сочиненными преподавателями на разнообразнѣйшихъ языкахъ, преподаваемыхъ въ гимназіи и въ существовавшемъ тогда при ней восточномъ отдѣленіи, начиная съ санскритскаго и китайскаго. Они произносили скороговоркой, какъ попугаи, слова и звуки, смысла которыхъ, какъ мы положительно знаемъ, не понимали.

Мы не можемъ входить въ подробности устройства и характера жизни въ интернатѣ казанской гимназіи, но ея воспитательное, въ смыслѣ нравственномъ, и образовательное значеніе, въ смыслѣ усвоенія въ ней знаній, было, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, вполнѣ ничтожно. На казенныхъ воспитанникахъ этой гимназіи, на ея пансіонерахъ и полупансіонерахъ, лежалъ постоянно особый и въ высшей степени печальный оттѣнокъ. Въ архивѣ этой гимназіи безъ сомнѣнія найдется множество возмутительныхъ фактовъ глубокой нравственной распущенности, за которые едва-ли можно огульно винить семью, пославшую дѣтей своихъ учиться въ гимназію, и, главнымъ образомъ, на казенный счетъ. Мы обращаемъ здѣсь вниманіе только на тѣ факты, которые вышли за предѣлы собственной гимназической администраціи и сохранились въ дѣлахъ универси-

тетскихъ вслѣдствіе зависимости гимназіи отъ университета. Эти факты и дѣла о нихъ, подымаемыя болѣе энергичными инспекторами, на совѣсти которыхъ лежалъ можетъ быть тяжелымъ гнетомъ упрекъ въ безполезной тратѣ казенныхъ денегъ, свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ педагогическомъ безсиліи гимназіи. Такъ, инспекторъ гимназіи и адъюнктъ университета Лубкинъ представляетъ университету въ 1812 году [1]) объ исключеніи вовсе изъ гимназіи казенныхъ воспитанниковъ: Александра Накрапина, Николая Скрубскаго и Николая Васильева (всѣ они происходили изъ дворянъ). Въ своемъ представленіи Лубкинъ писалъ объ этихъ ученикахъ: «несмотря на *долговременное ихъ пребываніе* въ гимназіи, они, по причинѣ лѣности и вѣтренности, остаются безуспѣшными и *нимало не соотвѣтствующими своей цѣли по званію казенныхъ воспитанниковъ*. А какъ всѣ они уже взрослы и притомъ своевольны, то и нѣтъ надежды, чтобы они удобно могли поправиться. Почему не разсуждено ли будетъ за благо, ихъ, на основаніи Положенія о гимназіи, изъ оной выключить, въ примѣръ прочимъ». Дѣло это по представленію совѣта доходило чрезъ попечителя до министра народнаго просвѣщенія. Послѣдній, разрѣшая исключеніе учениковъ, не подающихъ надежды, поручалъ попечителю «дать на замѣчаніе начальству гимназіи, что не надлежало держать учениковъ столько времени (всѣ они пробыли въ гимназіи по 9 лѣтъ), когда оное не усматривало отъ нихъ никакой пользы». Въ другомъ дѣлѣ, разбиравшемся въ совѣтѣ по представленію того же инспектора Лубкина, является передъ нами казенный воспитанникъ Ѳедоръ Сумароковъ, который «будучи призванъ имъ для объясненія въ разсужденіи *частаго его отбыванія отъ классовъ* (а онъ жилъ подъ кровлей самой гимназіи, на глазахъ у инспектора и надзирателей), *особливо латинскихъ* (тогда увеличилось требованіе знанія въ латинскомъ языкѣ для возможности слушать лекціи иностранныхъ профессоровъ), *рѣшительно объявилъ, что онъ не намѣренъ учиться* по причинѣ недостаточныхъ своихъ *способностей*, такъ какъ онъ, *въ продолжительную бытность свою въ гимназіи* (никакъ не менѣе 9 лѣтъ), *доселѣ еще ни въ чемъ не успѣлъ*». Всѣ учителя отозвались съ худой стороны о его успѣхахъ, способностяхъ и прилежаніи. Главный надзиратель не одобрилъ его поведенія. «И какъ онъ уже находится во взрослыхъ лѣтахъ», заключалъ свой рапортъ Лубкинъ, «то и подаетъ о себѣ мало впредь надежды» [2]). Въ слѣдующемъ году Лубкинъ доноситъ, что «значущее количество, какъ казенныхъ и

[1]) Дѣло совѣта 1812 года, № 137.
[2]) Дѣло совѣта 1812 г., № 88.

пансіонеровъ, такъ и своекоштныхъ учениковъ гимназіи *оказываются безуспѣшными по всѣмъ классамъ*, несмотря на то, что около 3 лѣтъ и болѣе въ гимназіи находятся, что заставляетъ *подозрѣвать о ихъ безнадежности къ успѣхамъ* [1]). По словамъ инспектора они подаютъ другимъ поводъ къ лѣности и небреженію своей должности. Онъ представляетъ объ исключеніи такихъ, а также и своекоштныхъ, «кромѣ тѣхъ изъ нихъ, кого родители согласятся принять на себя обязанность употребить зависящія отъ нихъ мѣры для исправленія, но такъ чтобъ *исправленіе было очевидно въ теченіе полугода*». Такимъ образомъ предполагалось какъ бы массовое исключеніе.

Если значительная доля отвѣтственности за такой видимый всѣмъ неуспѣхъ и за такую распущенность гимназистовъ падаетъ на начальство гимназіи, съ главою его Яковкинымъ, то у насъ нѣтъ данныхъ для возможности всецѣло выгородить отъ отвѣтственности за неуспѣхъ и за слабое пониманіе нравственныхъ и другихъ обязанностей и самыя семьи воспитанниковъ гимназіи. Изъ рапорта того же Лубкина совѣту университета отъ 22 января 1813 года [2]) видно, что казенные воспитанники Филатовы, отпущенные на лѣтнюю вакацію въ началѣ іюля, не явились въ теченіе болѣе чѣмъ полугодія, и гдѣ находятся—неизвѣстно, а отпущены они были въ Саратовъ, къ отцу ихъ, артиллеріи маіору. Такіе случаи невозвращенія въ срокъ для продолженія ученія изъ отпуска на вакаціонное время очевидно были нерѣдки и конечно происходили по волѣ родителей, вслѣдствіе чего совѣтъ опредѣлилъ: «Сообщить въ саратовское губернское правленіе, *дабы оно побудило отца* оныхъ Филатовыхъ къ высылкѣ его дѣтей, а попечителю представить: не благоугодно ли будетъ *объявить всѣмъ родителямъ, кои дѣтей своихъ на казенномъ содержаніи находящихся, разными предлогами и умыслами стараются отъ ученія уклонить*, по исключеніи ихъ дѣтей, что отъ нихъ взысканы будутъ издержки казною на образованіе ихъ употребленныя». Такое объявленіе, съ разрѣшенія попечителя, и было напечатано въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ». Филатовы были вытребованы въ гимназію, но отецъ вскорѣ выразилъ желаніе, чтобы сыновья его оставили гимназію (очень можетъ быть, что онъ сознавалъ безполезность дальнѣйшаго ихъ тамъ пребыванія), и съ него взыскано было за шестилѣтнее пребываніе сыновей въ гимназіи 2349 р. 99 к.—Подобно Филатову поступила съ своимъ сыномъ и Скрубская, полковница. Его приняли на казенный счетъ

---

[1]) Дѣло совѣта 1813 г., № 11.
[2]) Дѣло совѣта 1813 г., № 16.

по именному высочайшему повелѣнію, когда казенные воспитанники гимназіи не были еще обязаны службою. Съ 1805 по 1813 годъ Скрубскій воспитывался на счетъ казны. Въ 1813 году, согласно прошенію матери, въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ былъ уволенъ въ Тобольскъ для свиданія съ родственниками. Отпускъ этотъ былъ возобновленъ «по болѣзни и весенней распутицѣ» еще на 29 дней, и вслѣдъ за этимъ получено было прошеніе Скрубской объ увольненіи сына вовсе изъ гимназіи для опредѣленія его въ военную службу. Съ разрѣшенія попечителя онъ былъ уволенъ безъ взноса денегъ за свое воспитаніе.

Съ казенными воспитанниками гимназіи, принимавшимися по всей вѣроятности безъ строгаго выбора, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ вліяній и соображеній, стоющими казнѣ весьма дорого, образовать и обучить которыхъ гимназія была вполнѣ безсильна, не знали что дѣлать и какъ ихъ утилизировать. Тотъ же инспекторъ Лубкинъ, заступившій мѣсто Петровскаго, клеврета Яковкина, въ январѣ 1814 года доносилъ совѣту университета о казеннокоштныхъ ученикахъ гимназіи: Пулькинѣ, Михайловѣ, Рудометовѣ и Павлѣ Сычуговѣ, въ выраженіяхъ намъ уже знакомыхъ, что ученики эти, несмотря на давность своего пребыванія въ гимназіи, *«никакихъ почти не оказываютъ успѣховъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ, и какъ они возрастны, то не предвидится надежды* и впредь, чтобъ они могли соотвѣтствовать цѣли казеннаго воспитанія. Сычуговъ же объявилъ мнѣ, что онъ *и склонности отнюдь никакой не имѣетъ къ званію ученому»* [1]). Лубкинъ представляетъ ихъ всѣхъ къ исключенію изъ гимназіи, а съ цѣлью чѣмъ-нибудь вознаградить для гимназіи и университета ихъ безполезное пребываніе въ первой, предлагаетъ «опредѣлить ихъ къ письменнымъ дѣламъ по университету, при конторѣ, или другихъ мѣстахъ учебнаго вѣдомства, *дабы они, безъ дальнѣйшей потери времени и ущерба казнѣ, положенныя для казенныхъ воспитанниковъ лѣта непремѣнно выслужили, и чтобъ потому употребленное на нихъ иждивеніе никакъ не осталось втуне»*. О Рудометовѣ [2]) Лубкинъ сообщалъ, что онъ самъ вызывается на такую службу, «если только при жалованьи онъ будетъ пользоваться казенною квартирою и столомъ вмѣстѣ съ питомцами». Нельзя въ настоящее время без

---

[1]) Дѣло совѣта 1814 г., № 11.

[2]) Это тотъ Рудометовъ, сынъ титулярнаго совѣтника, который согласно завѣщанію извѣстнаго Полянскаго, пожертвовавшаго свою библіотеку университету, былъ первымъ стипендіатомъ (казеннымъ воспитанникомъ) съ присвоенною ему фамиліею—Полянскаго. См. объ этомъ—нашей книги часть 1-я.

улыбки читать о томъ наивномъ способѣ, какимъ думалъ инспекторъ Лубкинъ хотя бы нѣсколько вознаградить казну за потраченныя ею совершенно безполезно, благодаря безсилію и неумѣнью гимназическихъ педагоговъ, на воспитаніе этихъ учениковъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, значительныя суммы. Совѣтъ однако одобрилъ представленіе Лубкина и представилъ мѣру его, какъ весьма полезную, на утвержденіе попечителя. Его разрѣшеніе послѣдовало очень скоро, и совѣтъ навелъ справки въ различныхъ университетскихъ учрежденіяхъ о томъ, не нуждаются ли которые либо изъ нихъ въ канцелярскихъ служителяхъ. Дѣйствительно въ училищномъ комитетѣ нашлись мѣста для трехъ, съ жалованьемъ въ годъ по 150 и по 100 рублей. Казалось дѣло устроилось.

Между тѣмъ дежурный офицеръ гимназіи Поповъ, въ своемъ рапортѣ инспектору, писалъ, что на объявленіе его Сычугову, чтобъ онъ шелъ къ бухгалтеру «для переписыванія нужнѣйшихъ щетовъ, онъ съ дерзостью отвѣчалъ, что сего не послушается и *не пойдетъ, потому что не писецъ».* Главный надзиратель не могъ побѣдить его строптивости ни увѣщаніями, ни угрозами. Рудометовъ и Михайловъ, спустя мѣсяцъ по объявленіи имъ чрезъ инспектора о постановленіи совѣта, написали, что они согласны быть писцами; Пулькинъ, ссылаясь на слабость зрѣнія, находилъ себя неспособнымъ къ письменнымъ дѣламъ и просилъ опредѣлить его учителемъ въ нижній классъ народнаго училища. Что касается Сычугова, то онъ твердо стоялъ на своемъ первомъ рѣшеніи. Онъ писалъ, что не находитъ себя способнымъ ни къ какимъ письменнымъ дѣламъ, что онъ способенъ только къ военной службѣ, въ которую и желаетъ быть опредѣленнымъ. Попечитель согласился на опредѣленіе Михайлова и Рудометова въ канцелярскіе чиновники. Рѣшеніе же участи Сычугова было пока отложено попечителемъ, но черезъ нѣсколько времени онъ служилъ уже, безъ сомнѣнія противъ своего желанія, писцомъ при совѣтѣ гимназіи, не теряя однако надежды поступить въ военную службу и добиваясь достигнуть этого разными путями. Въ маѣ 1815 года генералъ-маіоръ и кавалеръ Желтухинъ 1, принадлежавшій къ роду богатыхъ когда-то казанскихъ помѣщиковъ, писалъ оффиціально совѣту гимназіи слѣдующее: «*Покровительствуемый мною* бывшій питомецъ гимназіи, а нынѣ служащій при совѣтѣ оной Павелъ Сычуговъ объявилъ мнѣ свое рвеніе служить подъ моимъ начальствомъ въ военномъ званіи, почему и прошу оный совѣтъ, дабы онъ представилъ кому слѣдуетъ объ увольненіи его, Сычугова, изъ гимназіи для опредѣленія въ военную службу. При семъ долгомъ поставляю изъяснить, что *примѣченныя мною въ немъ способности къ сему новому званію подаютъ*

лестную надежду, что щедроты монарха, коими онъ пользовался, воспитываясь въ гимназіи, вознаградятся съ избыткомъ на полѣ чести и славы».

Убѣдившись ли громкими фразами генерала, что Сычуговъ военный геній и будущій герой, или желая угодить сильному въ провинціи лицу, совѣтъ гимназіи, тогда уже отдѣленной отъ университета, сдѣлавъ совѣту послѣдняго весьма лестный отзывъ о Сычуговѣ, писалъ, что онъ, «въ продолженіе своей службѣ при совѣтѣ, былъ всегда рачителенъ и велъ себя похвально, *а званіе письмоводителя не удовлетворяетъ его желанію служить съ большею пользою».* Онъ только въ наукахъ худо успѣвалъ и мало подавалъ надежды быть полезнымъ въ учительскомъ званіи, но всегда былъ хорошаго поведенія. Совѣтъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Сычугова отъ обязательной службы и увольненіи его изъ гимназіи. Министръ однако не согласился. Онъ писалъ, что Сычуговъ долженъ исполнить свою обязанность (т. е. служить писцомъ) и что «безвременнымъ увольненіемъ его данъ будетъ и другимъ поводъ искать того же».

Не удалось и Пулькину избавиться отъ канцелярской службы. Въ прошеніи своемъ, поданномъ на Высочайшее имя и на гербовой бумагѣ въ правленіе университета, онъ повторялъ прежнюю просьбу свою, что не можетъ, по слабости зрѣнія, заниматься бухгалтерскими дѣлами, и просилъ объ опредѣленіи его учителемъ, утверждая, что «знаетъ правила ученія россійскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ». Послѣ экзамена на должность учителя, произведеннаго ему въ училищномъ комитетѣ, оказалось однако, что Пулькинъ не можетъ занять мѣсто ни въ уѣздномъ, ни въ маломъ народномъ училищѣ—такъ были ничтожны его свѣдѣнія. И Михайловъ оказался неспособнымъ быть даже писцомъ. Пришлось представлять попечителю объ исключеніи обоихъ ихъ вовсе изъ гимназіи, и Салтыковъ, на основаніи § 29 первоначальнаго Положенія о гимназіи, предписалъ ихъ «исключить изъ гимназіи безъ аттестатовъ и возвратить родителямъ или родственникамъ обратно, а гг. *инспектору и директору дать знать, чтобы они неспособныхъ представляли въ началѣ ученія и поступленія въ гимназію, дабы долговременнымъ содержаніемъ ихъ въ гимназіи казна не теряла издержки безплодно».* Такая же участь постигла и Рудометова-Полянскаго, который самъ вызывался, какъ мы видѣли, быть писцомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя когда онъ сдѣлался имъ, повытчикъ правленія Черновъ доносилъ, что Рудометовъ «съ самого поступленія въ число канцелярскихъ служителей, поручаемыя ему дѣла исправляетъ весьма нерадиво, занимается мало, *а иногда и ничего*; напоминанія членовъ пра-

вленія и секретаря оставляетъ безъ вниманія». Согласно представленію правленія Рудометовъ, за дурное поведеніе и нерадѣніе къ должности, былъ исключенъ вовсе изъ службы и вѣдомства университета. Факты, приведенные нами изъ дѣлъ, были не единичны. Въ 1815 году два казенныхъ воспитанника, братья Спиридоновы, послѣ многолѣтняго и вполнѣ безплоднаго ученія въ гимназіи, были опредѣлены въ число канцелярскихъ чиновниковъ гимназіи и университета. Все это служитъ печальною иллюстраціею казанской гимназіи описываемаго нами времени и свидѣтельствуетъ о полномъ педагогическомъ безсиліи ея, а между тѣмъ она почти исключительно доставляла молодыхъ людей въ университетъ.

Какая дисциплина существовала въ казанской гимназіи, можно видѣть изъ дѣла о самовольной отлучкѣ учениковъ: Богдановича и Маньковскаго [1]). Главный надзиратель гимназіи Петровъ доноситъ совѣту ея, что казеннокоштный питомецъ Ипполитъ Богдановичъ самовольно и неизвѣстно куда отлучился 11 сентября и не явился до 19-го. По приказанію директора дано было знать объ этомъ въ казанскую градскую полицію для скорѣйшаго розысканія Богдановича. Полиція и представила въ гимназію 19 сентября этого бѣглаго ученика Богдановича и вмѣстѣ съ нимъ другого, своекоштнаго, Алексѣя Маньковскаго. Оба они были задержаны въ Чебоксарахъ городской полиціей и чрезъ внутреннюю стражу препровождены въ Казань. Совѣтъ казанской гимназіи опредѣлилъ допросить бѣглыхъ учениковъ: «какія причины понудили ихъ къ столь необыкновенному поступку». Они были отдѣлены отъ прочихъ учениковъ и до разбирательства дѣла содержались подъ арестомъ. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстны показанія учениковъ о причинахъ, заставившихъ ихъ бѣжать. «Какъ изъ показаній ихъ совѣтъ гимназіи ничего не усматриваетъ болѣе кромѣ своевольства и лѣности», говорилось въ его донесеніи, «между тѣмъ таковой ихъ поступокъ навлекаетъ на гимназію непріятное мнѣніе общества, и поступокъ ихъ можетъ послужить вреднымъ примѣромъ для прочихъ учениковъ, то совѣтъ гимназіи поставляетъ необходимымъ долгомъ представить сіе совѣту Императорскаго Казанскаго университета, дабы онъ благоволилъ довести сіе до свѣдѣнія высшаго начальства, *котораго рѣшеніе, по своей назидательности для блага общественнаго, впредь можетъ охранить гимназію отъ подобнаго своевольства въ оной учащихся»*. Гимназія сама слѣдовательно сознаетъ, что она не въ состояніи удержать своихъ воспитанниковъ отъ бѣгства. Оба бѣглеца имѣли по 16 лѣтъ, но бѣгство ихъ произошло отъ причинъ, не имѣю-

---

[1]) Дѣло совѣта 1817 г., № 52.

щихъ ничего общаго съ вліяніемъ какой-либо увлекающей книги (недавніе случаи, подобные этому, приписываютъ обыкновенно вліянію разсказовъ Майнъ-Рида). Совѣтъ университета представилъ все дѣло попечителю. «Необыкновенный и можно сказать единственный сей поступокъ», писалъ совѣту Салтыковъ, «случившійся во все время моего правленія, обращаетъ по важности своей особенное мое вниманіе. Хотя изъ сдѣланнаго слѣдствія *усматриваю я ребяческую ихъ дерзость, происшедшую отъ лѣности и желанія вступить въ военную службу*» (вотъ слѣдовательно тотъ главный стимулъ, который побудилъ ихъ къ бѣгству изъ гимназіи; военною службою увлекались тогда и великовозрастные гимназисты и, какъ мы увидимъ, студенты университета); «но мнѣніе и довѣренность общества къ заведенію (sic) казанской гимназіи чрезъ сіе весьма много претерпѣваетъ. Какъ главная обязанность директора гимназіи, яко ближайшаго начальства должна состоять въ неослабномъ смотрѣніи за ввѣреннымъ ему заведеніемъ, то и нахожусь я должнымъ приписать сіе его упущенію. Почему и почитаю нужнымъ предложить, дабы онъ впредь обращалъ большее вниманіе свое на поведеніе учащихся, сообразно уставу учебныхъ заведеній, статьи VII, § 76, чрезъ что вѣроятно подобныхъ сему проступковъ не будетъ и гимназія избавится отъ невинныхъ (?) на себя нареканій». Такимъ образомъ Яковкинъ получилъ выговоръ; авторитетъ его со смертью Румовскаго палъ. Салтыковъ сдѣлалъ и распоряженіе о наказаніи виновныхъ: Маньковскаго, какъ своекоштнаго, а потому не въ полномъ распоряженіи гимназическаго начальства находящагося, имѣющаго болѣе средствъ чѣмъ его товарищъ и вовлекшаго послѣдняго въ проступокъ, рѣшено было удалить вовсе изъ гимназіи, «Богдановичу же, при собраніи членовъ гимназическаго совѣта и всѣхъ его товарищей, объявить всю важность сдѣланнаго имъ проступка и внушить, что снисходя младости лѣтъ, раскаянію и бѣдному состоянію, оставляютъ его по прежнему въ гимназіи съ тѣмъ, чтобы онъ примѣрнымъ поведеніемъ и ученіемъ загладилъ сдѣланное имъ заблужденіе. Между тѣмъ лишить его отпуска по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ до исправленія, что возлагаю въ полной мѣрѣ на директора гимназіи, дабы онъ привелъ на путь истины сего заблудившагося птенца и тѣмъ возвратилъ бы хорошаго воспитанника гимназіи, на коего уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ употреблено значительное казенное иждивеніе».

Салтыковъ, называя случай съ воспитанниками гимназіи Богдановичемъ и Маньковскимъ «единственнымъ», ошибался однако За нѣсколько дней до начала этого дѣла профессоръ Вердерамо подавалъ прошеніе въ казанское губернское правленіе *о розысканіи уж-*

зеннаго изъ казанской гимназіи ученика Григорія Сергѣева Ларіонова [1]) сенатскимъ регистраторомъ Елагинымъ (съ какою цѣлью, при какихъ обстоятельствахъ и куда былъ увезенъ Ларіоновъ—изъ дѣла не видно). Полиціи казанская и нижегородская розыскивали его одновременно съ исчезнувшимъ также студентомъ Бринкомъ.— Дѣло о нихъ сдано было въ архивъ въ январѣ 1822 года и изъ него видно, что оба они, и Ларіоновъ и Бринкъ, были уже въ это время исключены изъ списковъ гимназіи и университета.

Весьма любопытно для характеристики педагогическихъ пріемовъ и порядковъ, существовавшихъ въ казанской гимназіи, дѣло о полупансіонерѣ ея Павлѣ Ивановѣ, производившееся въ 1818 году [2]). Оно рисуетъ и личности гимназическихъ воспитателей и ихъ отношеніе къ ввѣренному дѣлу. Несмотря на значительный объемъ этого дѣла (оно заключаетъ въ себѣ 236 скрѣпленныхъ листовъ), мы изложимъ вкратцѣ его содержаніе, считая это необходимымъ для преслѣдуемой нами цѣли. Разсматривалось оно, на основаніи устава, въ правленіи Казанскаго университета, но всѣ документы были препровождены изъ совѣта гимназіи. Разслѣдованіе было обставлено всевозможными формальностями и длилось довольно долго вслѣдствіе допросовъ множества лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу. Оно началось слѣдующимъ рапортомъ главнаго надзирателя гимназіи Петрова, поданнымъ имъ директору Яковкину:

„Сего іюня 7 дня, т. е. въ субботу, въ 2 часа по полудни, полупансіонеръ гимназіи Павелъ Ивановъ былъ мною уволенъ для свиданія съ пріѣхавшимъ сюда яранскимъ исправникомъ Трофимовымъ, сослуживцемъ отца его и *будто бы* (?) *доставившимъ ему, Иванову, извѣстіе о кончинѣ его матери*. Я приказалъ Иванову наистрожайше явиться въ гимназію чрезъ полтора часа, и чтобы онъ ни подъ какимъ предлогомъ въ другое мѣсто, а особливо къ своему брату, учителю свіяжскаго приходскаго училища (онъ тоже былъ прежде воспитанникомъ казанской гимназіи), проживающему здѣсь за болѣзнями, не уходилъ. Изъ нѣсколькихъ опытовъ, зная ненадежное поведеніе его, нашелъ я необходимымъ сдѣлать ему подтвержденіе и предостеречь. Но онъ, Ивановъ, 8 числа, т. е. въ воскресенье, въ 6 часовъ вечера, былъ привезенъ въ гимназическую больницу. Получивъ о семъ увѣ-

---

[1]) Это былъ впослѣдствіи очень извѣстный въ Казани и коренной ея житель, губернскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, весьма долго служившій по этому вѣдомству, но замѣчательный большою сердечною добротою. Онъ умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ въ чинѣ генералъ-маіора. Розыскивавшій его профессоръ Вердерамо былъ женатъ на родной его сестрѣ.

[2]) Дѣло это (*по правленію* университета 1818 года, № 104) носитъ слѣдующее заглавіе: „О выбитіи глаза неизвѣстными людьми ученику казанской гимназіи Павлу Иванову, объ отрѣшеніи учителя казанскаго главнаго народнаго училища Иванова и объ увольненіи надзирателя Петрова вовсе изъ вѣдомства оной гимназіи“.

домленіе, я не медля пошелъ туда и увидѣлъ, что *Ивановъ имѣлъ пьянствомъ обезображенный видъ, какъ лица, а особливо костюма.* Начавъ съ нимъ говорить, тотчасъ *я приметилъ, что онъ былъ очень пьянъ;* началъ мнѣ разсказывать въ несвязныхъ выраженіяхъ какимъ образомъ кто-то изъ встрѣтившихся съ нимъ на дорогѣ разбилъ ему правый глазъ, такъ что, по осмотрѣ моемъ, я нашелъ, что этотъ глазъ совершенно закрытъ; еще я примѣтилъ, что на правой щекѣ осталась запекшаяся кровь. *Таковое соблазнительное для прочихъ зрѣлище, какъ не имѣющее мѣста въ благоустроенныхъ* (?) *заведеніяхъ,* побудило меня приказать ему Иванову немедленно удалиться изъ гимназіи. А какъ и прежде нѣсколькократно оный Ивановъ былъ замѣчаемъ въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ, о чемъ я и докладывалъ в. в—дію, и какъ самые рѣзкіе опыты показываютъ его, Иванова, неисправимость, то, дабы гимназія не могла *подвергнуться новому нарєканію* за поведеніе его, Иванова, и чтобъ предохранить прочихъ отъ таковаго соблазнительнаго примѣра, честь имѣю симъ представить все сіе на начальственное благоусмотрѣніе".

Совѣтъ гимназіи потребовалъ, по выслушаніи этого рапорта главнаго надзирателя, чрезъ полицію (тогда всѣ эти и подобные имъ случаи производились формально и письменно; сохранялась такимъ образомъ какъ бы память о старинной волокитѣ) отобрать свѣдѣнія отъ исправника Трофимова, а чрезъ директора училищъ Николаева отъ учителя Иванова: былъ ли у нихъ ученикъ Ивановъ? Въ какое время? Сколько времени пробылъ? Въ какомъ видѣ былъ? Куда и съ кѣмъ отправился? Казанская полиція, въ отвѣтъ на требованіе гимназіи, препроводила рапортъ квартальнаго надзирателя Попова, которому поручено было разслѣдованіе. Изъ этого рапорта видно: 1) по показанію домовладѣлицы, гдѣ жилъ не бывшій тогда дома старшій братъ потерпѣвшаго ученика, дѣвки покойнаго губернскаго землемѣра князя Багратіона, Агафьи Даниловой, и по объясненію самого Трофимова, что ни Ивановъ, ни Трофимовъ не видали изувѣченнаго гимназиста, что 8 и 9 іюня онъ не приходилъ къ нимъ и они ничего не знаютъ о немъ въ эти дни; 2) что ямщика того, который привезъ въ гимназію Павла Иванова, и бившихъ его людей онъ розыскать не могъ. Съ своей стороны квартальный дѣлалъ заключеніе: «Едва ли и объясненіе его, Иванова, что будто ему то побойство причинено было неизвѣстными двумя человѣками, на дорогѣ, идучи изъ Горшечной къ Мясному ряду, справедливо, *ибо дѣвка Данилова и г. Трофимовъ объяснили совсѣмъ противное его ссылкѣ,* изъ чего и видно, что Ивановъ *скрываетъ справедливость причиненнаго ему побойства* гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и поступки свои. «Что противное объяснили Данилова и Трофимовъ—изъ показаній ихъ не видно, да объ этомъ не упоминается и во время всего хода слѣдствія. Слѣдуетъ замѣтить, что дни 8 и 9 іюня, когда случилось

происшествіе, были тогда послѣдними днями Троицкой недѣли, а на Арскомъ полѣ, куда заходилъ Ивановъ, что видно изъ его собственныхъ словъ, во всю эту праздничную недѣлю происходитъ полный пьяный разгулъ; драки и побои въ прежніе годы и до послѣдняго времени, при малочисленности и испорченности самой полиціи, были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ.

Старшій братъ, учитель Ивановъ, въ своемъ объясненіи, поданномъ имъ директору училищъ, сообщалъ совѣту гимназіи, на вопросы ему заданные, что 8 іюня родной его братъ ученикъ гимназіи:

1) въ квартирѣ у меня не былъ; 2) ни въ какое время дня; 3) ни въ какомъ видѣ; 4) ни одинъ, ни съ кѣмъ либо другимъ, потому что я совсѣмъ за нимъ не посылалъ, да и не имѣлъ надобности его видѣть, и дѣйствительно во весь тотъ день не видалъ; 5) въ моей квартирѣ ничего въ тотъ день происходить не могло; слѣдовательно 6) поелику онъ совсѣмъ 8 іюня въ квартирѣ моей не былъ, то ему и не можно было куда либо изъ оной въ тотъ день выходить ни одному, ни съ кѣмъ другимъ. Почему, *гдѣ братъ мой Павелъ Ивановъ 8 іюня былъ и что съ нимъ случилось въ тотъ день 8 іюня я совсѣмъ не зналъ, а должны о семъ знать тѣ особы, коихъ надзору онъ вѣренъ*".

Не довольствуясь этимъ, нѣсколько рѣзкимъ объясненіемъ своимъ, учитель Ивановъ вошелъ въ совѣтъ гимназіи съ слѣдующею жалобою:

„Принимая сердечное участіе въ несчастіи моего брата, тѣмъ болѣе, что главный надзиратель Петровъ нарушилъ законы, налагающіе на него обязанность къ поданію помощи каждому питомцу, живущему въ гимназіи такъ какъ и моему брату, который, *бывъ лишенъ всякаго пособія*, можетъ быть во всю жизнь будетъ въ полной мѣрѣ *чувствовать жестокость главнаго надзирателя*.... На другой день послѣ случившагося съ братомъ моимъ несчастія, т. е. 9 числа поутру, узналъ я отъ студента Казанскаго университета Можарова, что братъ мой находится въ его квартирѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, куда я пришедши съ Можаровымъ, увидѣлъ брата моего лежащаго на дворѣ и облитаго кровью, текущею изъ глаза. Въ ту же минуту поѣхалъ я къ г. профессору и доктору Адаму Ивановичу Арнгольдту, но не заставъ его дома, принужденъ былъ просить г. лѣкаря Николаева, чтобъ онъ подалъ помощь моему брату. Г. Николаевъ сдѣлалъ ему всевозможное вспоможеніе, по совѣту коего я не могъ брата моего представить въ то же самое время по слабости его отъ многаго истеченія крови изъ глаза въ гимназическую больницу. Когда же силы его нѣсколько подкрѣпились, то я спрашивалъ его: какимъ образомъ случилось съ нимъ сіе несчастіе, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что 8 сего іюня выпросился онъ безъ записки у главнаго надзирателя Петрова сходить къ пріѣзжему изъ Яранска г. Трофимову, и что не сыскавши его квартиры, былъ на Арскомъ полѣ, откуда возвращаясь довольно поздно, былъ встрѣченъ неизвѣстными пьяными людьми, идущими на гору Новой Горшечной улицы, изъ коихъ одинъ ударилъ его кулакомъ по глазу, отъ чего онъ упалъ безъ чувствъ. Опомнившись отъ обморока, просилъ онъ ѣхавшаго мимо извозчика довести его до моей квартиры, но не доѣзжая до оной, вторично лишился

чувствъ отъ чрезвычайной боли. Извозчикъ, видя сіе, и повидимому испугавшись, снялъ его съ дрожекъ и оставилъ на землѣ близь квартиры юнкера учебнаго батальона Морозова, который видя сіе, донесъ его съ помощью студента Можарова и его двороваго человѣка до его квартиры по ближайшему разстоянію оной, гдѣ онъ и провелъ ночь. 9 числа іюня, въ 5 часу по полудни, отправилъ я брата моего въ больницу казанской гимназіи, изъ которой чрезъ самое короткое время главный надзиратель Петровъ, вѣроятно самъ собою, выгналъ его вонъ, не оказавъ ни малѣйшаго состраданія и должной по обязанности его помощи. Выгнанный братъ мой, въ крайнемъ изнеможеніи силъ, принужденъ былъ прибѣгнуть ко мнѣ, а отъ меня отвезенъ былъ опять въ больницу, гдѣ и ночевалъ. 10 числа въ 7 часовъ утра братъ мой явился ко мнѣ въ слезахъ, и отъ слабости силъ и боли глаза едва стоящій на ногахъ, сказывая, что главный надзиратель лишилъ его пристанища, выгнавъ вонъ и сказавъ, чтобъ онъ шелъ куда хочетъ, и что *ежели онъ еще осмѣлится придти въ больницу*, то велитъ изъ оной выгнать его въ шею. *Братъ мой скитался какъ преступникъ, осужденный къ изгнанію.* Больно мнѣ было видѣть родного брата въ такомъ бѣдственномъ состояніи, и, хотя по родству долженъ бы я былъ принять его къ себѣ, но не имѣя средствъ къ облегченію болѣзни его, не могъ на то рѣшиться; сверхъ того, опасаясь, чтобъ не подвергнуть себя гнѣву моего родителя за то, что еслибъ я принялъ къ себѣ моего брата, и съ нимъ вмѣстѣ отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ его болѣзни, потому что родитель мой отдалъ сына своего лично въ гимназію, въ полный ея надзоръ и попеченіе. Въ такомъ случаѣ принужденъ былъ я довести сіе до свѣдѣнія г. казанскаго губернатора графа Ильи Андреевича Толстаго. *По приказанію Его Сіятельства я послалъ моего брата въ третій разъ въ гимназію*, который просилъ главнаго надзирателя не о помощи, въ которой онъ ему отказывалъ, но единственно о позволеніи ночевать въ гимназіи; но главный надзиратель, *вмѣсто должнаго сожалѣнія, снова выгналъ его и заставилъ провести ночь на улицѣ.* Когда же 11 числа извѣстился я, что почтеннѣйшій совѣтъ принялъ участіе въ судьбѣ моего несчастнаго брата, приказалъ подать всевозможныя средства къ возвращенію его здоровья, то пришедши въ больницу освѣдомиться о его состояніи, увидѣлъ я брата моего, пишущаго дрожащею рукою объясненіе по приказанію главнаго надзирателя, который требовалъ сего съ грозною миною. *Тутъ узналъ я отъ брата моего, что до сихъ поръ не видалъ его еще докторъ;* почему я просилъ его, чтобъ онъ оставилъ писать и не подвергался бы опасности лишиться и послѣдняго глаза. Главный надзиратель за сей мой поступокъ выгонялъ меня изъ больницы и запрещалъ ходить туда и впредь. Въ то же время пошелъ я къ профессору и доктору Арнгольдту и первый извѣстилъ его о болѣзни моего брата чрезъ двое сутки послѣ случившагося съ нимъ несчастія, разсказавъ при томъ ему о поступкахъ главнаго надзирателя Петрова со мною и съ братомъ моимъ, и просилъ его покровительства. Почтенный докторъ искусствомъ своимъ открылъ закрытый брату моему глазъ, объявивъ при томъ, что если бы ранѣе подана была помощь, то можно бы было надѣяться на совершенное излѣченіе глаза, а теперь нѣтъ уже надежды, и братъ мой долженъ на вѣкъ остаться лишеннымъ онаго. А потому и прошу сіе мое прошеніе принявъ, записать подлинникомъ въ протоколъ, разсмотрѣть означенные поступки и учинить законное рѣшеніе. Съ бумаги же (т. е. съ рапорта

Петрова), послужившей поводомъ къ истребованію отъ меня объясненія, выдать мнѣ засвидѣтельствованную копію, дабы я о ходѣ сего дѣла могъ подробно извѣстить моего родителя".

Чего другого, а quasi-педагогической строгости не занимать было тогдашнему начальству гимназическому. Правда и то сказать, что кромѣ этой строгости, въ сущности очень легкой для выполненія, при условіяхъ нашей жизни, едва ли и было какое-либо другое достоинство у этого начальства. Отсюда тотъ крайне грустный фактъ, нерѣдко наблюдаемый и нами, что много русскихъ людей, выходя изъ воспитавшей ихъ школы, выносятъ въ жизнь, и весьма часто, чувство озлобленности, не сохраняя свѣтлыхъ воспоминаній. Нашлись однако и тогда члены гимназическаго совѣта, которые осудили бездушную строгость Петрова и сочувственно отнеслись къ жалобѣ учителя Иванова, брата пострадавшаго ученика, возмущаясь предложеніемъ главнаго надзирателя изгнать немедленно этого несчастнаго ученика, безъ уясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ его несчастіе. Такъ членъ совѣта гимназіи адъюнктъ Самсоновъ, въ особомъ, поданномъ имъ мнѣніи, указывалъ на то, что «главный надзиратель, говоря въ рапортѣ своемъ о худомъ поведеніи ученика Павла Иванова, упустилъ обстоятельство, которое, думаю, совѣту знать было необходимо, именно, что питомецъ имѣлъ несчастіе вечеромъ 8 іюня лишиться случайно глаза». Самсоновъ справедливо упрекаетъ главнаго надзирателя за его безчеловѣчіе, за то что онъ «не только не озаботился подать помощь страждущему, но еще нѣсколько разъ выгонялъ его изъ гимназической больницы и не давалъ ему въ заведеніи, попеченіе котораго ему ввѣрено, никакого пристанища». Самсоновъ съ своей стороны предлагаетъ подробно изслѣдовать: справедливы ли слова учителя Иванова о дѣйствіяхъ Петрова и собрать показанія отъ всѣхъ тѣхъ, о комъ онъ упоминаетъ въ своемъ прошеніи. Въ особенности настаивалъ онъ на спросѣ самого главнаго надзирателя, между прочимъ: «для чего, пороча поведеніе питомца Иванова, отпускалъ онъ его безъ записки?» или: «почему, представивъ 11 іюня рапортъ о худомъ поведеніи питомца и объ исключеніи его изъ гимназіи, не давалъ прежде знать совѣту о его поведеніи?». Въ заключеніи своего мнѣнія Самсоновъ доказывалъ законность удаленія главнаго надзирателя отъ должности секретаря и отъ засѣданія въ гимназическомъ совѣтѣ на время, пока будетъ разсуждаемо о дѣлѣ питомца Иванова. Съ мнѣніемъ Самсонова вполнѣ согласился другой членъ совѣта Илья Запольскій. Съ своей стороны онъ прибавилъ нѣсколько ехидный вопросъ Иванову (учителю): почему онъ, минуя ближай-

шее гимназическое начальство, рѣшился безпокоить г. гражданскаго губернатора и искать у него защиты выгнанному главнымъ надзирателемъ изъ больницы, своему брату питомцу Иванову?

Главный надзиратель конечно не остался въ долгу у своихъ обвинителей и въ новомъ донесеніи своемъ совѣту гимназіи постарался объяснить мотивы своихъ дѣйствій и выставить въ благопріятномъ свѣтѣ свое умѣнье воспитывать и свой педагогическій тактъ:

„Іюня 8 числа сего 1818 года я замѣтилъ“ писалъ въ своемъ донесеніи Петровъ, „что ученикъ казанской гимназіи Павелъ Ивановъ, какъ до начатія утреннихъ классовъ, такъ и находясь въ моемъ географическомъ классѣ, *былъ весьма задумчивъ; за обѣденнымъ столомъ также былъ мраченъ.* Въ 2 часа по полудни онъ проситъ у меня позволенія увидѣться съ какимъ-то пріѣхавшимъ изъ Яранска бывшимъ исправникомъ Трофимовымъ, знакомымъ его отцу. Тутъ я спросилъ его о причинѣ примѣченной мною въ немъ задумчивости. Онъ, заплакавъ, отвѣчалъ, что упомянутый Трофимовъ сообщилъ брату его Николаю Иванову (это былъ третій, самый младшій братъ, учившійся въ гимназіи и жившій въ ней) печальное извѣстіе о кончинѣ родной ихъ матери. *По сострадательности и обязанности наставника я старался его успокоить.* Окончивши сей разговоръ, онъ повторилъ еще свою просьбу, дабы, какъ онъ увѣрялъ, услышать лично отъ Трофимова описаніе ея кончины. *Не хотѣвши увеличить прискорбіе его,* позволилъ я ему увидѣться съ онымъ Трофимовымъ; но чтобъ чрезъ полтора часа онъ непремѣнно явился въ гимназію, *строжайше подтвердилъ ему избѣгать свиданія съ своимъ братомъ, учителемъ Ивановымъ по тѣмъ причинамъ, кои я неоднократно слышалъ* какъ отъ обоихъ учениковъ Ивановыхъ, равно и отъ многихъ постороннихъ (причины эти не были однако выяснены во все время производившагося слѣдствія), *и будучи обязанъ я болѣе предупреждать проступки учениковъ, нежели послѣ за таковые съ нихъ взыскивать. Здѣсь изложена причина, побудившая меня по человѣчески уважить требованіе ученика Иванова.* Когда пришелъ срокъ его отпуска, а между тѣмъ онъ еще не явился, то я рѣшился ожидать его сколько законами позволительно (?)...“

Далѣе Петровъ передаетъ появленіе въ больницѣ Иванова ученика, привезеннаго неизвѣстно кѣмъ, и несвязный разсказъ его, что по отпускѣ изъ гимназіи, онъ пробылъ съ 2 до 9 часовъ у Трофимова, въ его квартирѣ на Новой Горшечной улицѣ, и что при возвращеніи его въ гимназію, по дорогѣ къ Мяснымъ рядамъ, напали на него двое пьяныхъ, одинъ толкнулъ его въ бокъ, другой ударилъ кулакомъ въ правый глазъ, что извозчикъ довезъ его до квартиры его брата, учителя; тамъ провелъ онъ остатокъ ночи и тутъ же въ ихъ комнату входила иногда хозяйка дома, что братъ приглашалъ для помощи лѣкаря Николаева и весь день до 5 часовъ вечера онъ провелъ безотлучно въ квартирѣ своего брата. (Выше мы видѣли, что разсказъ этотъ, переданный Петровымъ, противо-

рѣчитъ показаніямъ Трофимова и хозяйки дома, гдѣ жилъ учитель, собраннымъ квартальнымъ надзирателемъ и объясненію брата, учителя Иванова). Петровъ продолжаетъ:

„Между тѣмъ весьма ясно примѣтилъ я, что платье на немъ было въ пуху, въ необыкновенныхъ (?) пятнахъ, сапоги по швамъ разорваны, лицо опухлое, на лѣвой щекѣ отъ уха остатокъ запекшейся крови, тупое произношеніе словъ и *разительнѣе всего, во время разговора, сильный запахъ, какой бываетъ всегда отъ пьяныхъ*. По всѣмъ симъ признакамъ я заключилъ, что *разсказъ его былъ вымышленный*, и что причины какъ поврежденія глаза, такъ равно и столь безобразнаго состоянія были совсѣмъ иныя. Для подтвержденія моихъ замѣчаній призвалъ я въ больницу комнатнаго надзирателя Сычугова, который подтвердилъ мое мнѣніе, да и больничный надзиратель Пономаревскій примѣтилъ то же. Здѣсь еще не упоминаю я о питомцахъ, бывшихъ свидѣтелями *сего, ибо невинность ихъ и неопытность таковыхъ наблюденій едва ли въ состояніи сдѣлать* (?). Послѣ чего я приказалъ оному ученику Павлу Иванову немедленно изъ больницы выдти и имѣть проживаніе у своего брата учителя Иванова, замѣтивъ ему, что *гимназія, какъ заведеніе благоустроенное, въ коемъ одно только благонравіе* (?) *имѣетъ мѣсто, никогда не терпѣла въ нѣдрахъ своихъ подобнаго распутства* (!!). О всемъ этомъ я немедленно донесъ г. директору, который и самъ лично видѣлъ ученика Иванова и нашелъ мое донесеніе истиннымъ. На другой день по утру я, къ величайшему моему удивленію, встрѣтилъ Иванова опять въ больницѣ и вторично приказалъ выдти. *Безъ особеннаго приказанія начальства я не смѣлъ позволить ему, Иванову, остаться въ такомъ развратномъ состояніи между благовоспитывающимися* (?) *учениками*, а особеннаго отдѣленія для подобныхъ зазорнаго поведенія учениковъ больница не имѣетъ. Тогда же я подалъ обо всемъ этомъ происшествіи рапортъ на имя г. директора гимназіи. Въ 9 часовъ вечера того же дня явился ученикъ Ивановъ опять въ гимназію *въ нетрезвомъ видѣ*, чему еще свидѣтелемъ былъ дежурный комнатный надзиратель Поляковъ, и я тѣмъ болѣе не могъ позволить ему остаться здѣсь. Хотя 11 дня, въ присутствіи совѣта гимназіи, при слушаніи предложеннаго директоромъ моего о семъ рапорта, призванъ былъ оный ученикъ Павелъ Ивановъ и подтвердилъ все то о случившемся съ нимъ, что разсказывалъ мнѣ и 9 числа; равномѣрно повторилъ и тѣ наставленія, кои я дѣлалъ ему въ предосторожность отъ свиданія съ братомъ. По окончаніи засѣданія, когда онъ явился ко мнѣ въ квартиру, то при г. магистрѣ Кайсаровѣ подтвердилъ то же. Въ исполненіе опредѣленія совѣта, я немедленно препроводилъ его въ больницу, и въ 4 часа по полудни, самъ пришедши туда, приказалъ ему, при всѣхъ находившихся тамъ питомцахъ и студентахъ, написать на бумагѣ все, что онъ знаетъ подробнѣйшаго о случившемся съ нимъ съ 8 по 11 число іюня. Всякое отлагательство могло произвести непреодолимыя препятствія къ открытію истины и *въ законномъ уличеніи его, Павла Иванова, въ вымышленныхъ разсказахъ*. Это мое мнѣніе подтвердилъ самый рѣшительный опытъ. Въ то время какъ онъ уже успѣлъ написать значительную часть показанія, является братъ его, учитель Ивановъ, и, узнавъ, что мы дѣлаемъ, вдругъ схватываетъ бумагу, беретъ къ себѣ и *приказываетъ ему, ученику Иванову, и впредь подобнаго не писать и ни въ чемъ предъ начальствомъ гимназіи не признаваться*; а въ короткихъ выраженіяхъ научаетъ его отвѣтамъ,

кои заключали въ себѣ тожъ самое, что Павелъ Ивановъ объявлялъ и прежде. Я напомнилъ ему, учителю Иванову, о мѣстѣ, гдѣ онъ находится, о противозаконномъ его поступкѣ и совѣтовалъ удержаться; но онъ, не внимая сему, началъ произносить лично мнѣ различныя дерзости. Тогда я, призвавъ квартермистра гимназіи, приказалъ ему вывести учителя Иванова изъ больницы, а еслибъ онъ, Ивановъ оказалъ упорство, то исполнить сіе съ помощью инвалидной команды. По удаленіи учителя Иванова, я спросилъ ученика Иванова: „намѣренъ ли онъ теперь начать снова свое показаніе?“. — Онъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительно, что совсѣмъ не намѣренъ; что обо всемъ этомъ подано уже (братомъ) прошеніе въ управленіе Казанскаго университета.

„Соображая изложенныя обстоятельства сего дѣла въ прошеніи учителя Иванова, поданномъ въ совѣтъ гимназіи, *ясно видна лживость того и другого брата.* А посему обязанностью своею поставляю доложить совѣту гимназіи, что для открытія сей, столь важной для чести заведенія истины, *необходимы мѣры рѣшительныя* (?), и что *пристрастіе, съ какимъ разсматривалось* сіе дѣло нѣкоторыми гг. членами совѣта, клонящееся только къ какому-то обвиненію собственно меня, *сіе пристрастіе безпрепятственно даетъ способъ укрываться распутству и избѣгать должнаго возмездія.* Что ученикъ Павелъ Ивановъ безнадеженъ ко всякому дальнѣйшему исправленію, и что пороки его не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ заведеніи, сіе доказывается и тѣмъ, что онъ *Павелъ Ивановъ неоднократно былъ уличаемъ въ похищеніи различныхъ вещей какъ у своихъ товарищей, такъ и у постороннихъ.* За таковые предосудительные поступки онъ былъ подвергаемъ строгимъ, законнымъ наказаніямъ (очевидно однако, что эти наказанія его не исправили) по приказанію г. директора; въ надеждѣ же на его исправленіе и внимая чистосердечному повидимому раскаянію, а особливо изъ состраданія къ недостаточному состоянію его отца и немалочисленному семейству, онъ былъ оставляемъ въ гимназіи по прежнему. Но послѣдній его проступокъ ясно показалъ, что всѣ наистрожайшія предварительныя мѣры будутъ уже тщетны и что онъ, ученикъ *Ивановъ, при первомъ удобномъ случаѣ безусловно готовъ къ самымъ позорнымъ проступкамъ.* Дальнѣйшая терпимость таковаго разврата показала бы болѣе безпечность начальства нежели великодушіе, ибо обязанность воспитанія состоитъ въ отдаленіи соблазнительныхъ примѣровъ, которые и въ лѣтахъ зрѣлыхъ пагубны и совершенно неистребимы въ лѣтахъ юныхъ“,

Въ заключеніи своего донесенія, Петровъ жалуется снова на пристрастіе нѣкоторыхъ, нами уже упомянутыхъ членовъ гимназическаго совѣта и проситъ все дѣло, для дальнѣйшаго сужденія, перенести въ правленіе Казанскаго университета. Мы привели такимъ образомъ въ выраженіяхъ подлинныхъ бумагъ всѣ обстоятельства этого дѣла, вѣроятно весьма громкаго въ свое время и надѣлавшаго шуму въ городѣ. Какъ бы мы ни разсматривали эти подробности (дальнѣйшее слѣдствіе, веденное правленіемъ университета, не прибавило къ нимъ ничего существеннаго, какъ мы увидимъ), какъ бы мы ни взвѣшивали показанія противныхъ сторонъ, все же приходится только развести руками и выразить недоумѣніе

по вопросу: на чьей сторонѣ находится истина. Удаленные временемъ и необходимымъ развитіемъ, для котораго много значитъ 70 лѣтъ, мы не въ состояніи никакъ и представить себѣ ту глубокую нравственную испорченность шестнадцатилѣтняго юноши, о которой такъ настойчиво твердитъ главный надзиратель, увѣряя, что всѣ разсказы его и брата о несчастномъ случаѣ не заключаютъ въ себѣ ничего кромѣ лжи. Мальчикъ задумчивый, печальный, весь въ слезахъ, просится у надзирателя сходить къ пріѣзжему изъ родного города сослуживцу его отца, узнать подробности о недавней смерти матери и возвращается чрезъ полторы сутки весь избитый, въ изорванномъ платьѣ, съ вышибленнымъ глазомъ и совершенно пьяный, какъ показываетъ надзиратель. Какое же сердце у него, какое нравственное развитіе, если смерть родной матери служитъ предлогомъ у него для распутства и пьянства? Кстати замѣтимъ, что никого не спрашивали, когда умерла мать Иванова и какимъ образомъ Трофимовъ видѣлъ только младшаго брата и ему передалъ печальное извѣстіе, такъ что и въ этомъ случаѣ справедливость является проблематическою. Намъ кажется совершенно естественнымъ, что Ивановъ, не найдя квартиры Трофимова, завернулъ на сосѣднее Арское поле, гдѣ широко развернулся праздничный разгулъ и уходя съ него, при спускѣ въ оврагъ (а этими оврагами въ то время была изрыта вся эта мѣстность), былъ избитъ пьяными встрѣчными гуляками изъ простонародья, питавшими ненависть къ студентамъ и гимназистамъ. Но и директору гимназіи Яковкину, и главному надзирателю Петрову безъ сомнѣнія также естественно представлялись ложью отвѣты ученика Павла Иванова и желаніе со стороны брата скрыть настоящія его похожденія, хотя послѣдній показанія свои вызывался подтвердить клятвою. Эти противорѣчія и недомолвки даютъ намъ вѣрное представленіе о нравахъ того времени и о томъ печальномъ состояніи, въ какомъ находилась казанская гимназія при Яковкинѣ.

Перенесеніе дѣла въ правленіе университета, при чемъ оно усложнилось еще жалобою старшаго надзирателя Петрова на обиду, причиненную ему учителемъ Ивановымъ (онъ, по словамъ Петрова, «самымъ дерзкимъ образомъ укорялъ меня незнаніемъ моимъ собственныхъ моихъ обязанностей въ отношеніи къ моей должности, нагло кричалъ и приводилъ различные, вымышленные имъ случаи моей несправедливости, заключивъ все это тѣмъ, что я, по его мнѣнію, нисколько не заслуживаю занимать то мѣсто, какое предоставлено мнѣ закономъ и высшею властію»), нисколько не способствовало къ открытію истины. Если главный надзиратель жаловался на учителя Иванова, то съ своей стороны и этотъ писалъ правленію,

что въ жалобѣ Петрова заключена ложь, что продолжать брату писать показаніе по требованію главнаго надзирателя онъ запретилъ изъ опасенія потери и другого глаза, что бумаги, на которой уже было написано начало показанія, онъ не вырывалъ и не пряталъ въ карманъ и проч. Врачи Вердерамо и Фуксъ дали свидѣтельство, что ученикъ Ивановъ потерялъ глазъ окончательно, но что для общаго состоянія его здоровья это безразлично; въ свидѣтельствѣ не говорится однако о томъ, что помощь, поданная во время, могла бы спасти глазъ, какъ говорилъ, а въ своемъ письменномъ показаніи правленію и написалъ профессоръ Арнгольдтъ, призванный въ гимназическую больницу. Снова спрошены были правленіемъ по вопроснымъ пунктамъ, на которые они должны были дать письменные отвѣты въ присутствіи членовъ: потерпѣвшій ученикъ Ивановъ и главный надзиратель Петровъ; (на вопросъ почему онъ препятствовалъ ученику Иванову оставаться въ больницѣ и не пригласилъ врача, Петровъ отвѣтилъ: «по обязанности моей врачъ тогда только приглашается въ подобныхъ случаяхъ, когда воспитанникъ получитъ болѣзнь или какое либо повреждение, находясь въ самой гимназіи, а *внѣ ея получившій такое разительное повреждение и столь сомнительнымъ случаемъ едва ли не долженъ остаться на попеченіи тѣхъ, у кого онъ имѣлъ хотя бы временное пребываніе*»). Совершенно естественно, что Петрову необходимо было теперь, для своего оправданія, выставить въ самомъ черномъ свѣтѣ прежнее поведеніе ученика Иванова, но факты имъ приводимые и подтвержденные директоромъ Яковкинымъ усугубляютъ въ значительной степени печальное представленіе о состояніи нравственности воспитанниковъ казанской гимназіи:

„Главные проступки ученика Иванова, нарушающіе порядокъ благоустроеннаго заведенія состояли *въ кражѣ чужихъ вещей*. а) Зимою, въ началѣ 1817 года, онъ укралъ у полупансіонера гимназіи Павла Алехина изъ комода суконные брюки, которые, по его же сознанію, найдены мною въ сундукѣ его, внѣ гимназіи. б) По его наущенію полупансіонеръ гимназіи Щегловъ укралъ въ домѣ архіерея Амвросія (Щегловъ былъ воспитанникомъ этого владыки) четыре серебряныя ложки, нанковый сюртукъ, брюки и одинъ рубль денегъ, 1817 года іюля 6 дня, бывши по билетамъ отпущены оба изъ Казани 30 іюня, но для исполненія своихъ предпріятій оставшіеся здѣсь. По прошенію архіерея я самъ отыскалъ какъ ихъ обоихъ, равно и всѣ украденныя вещи возвратилъ въ цѣлости. Обо всемъ неукоснительно было донесено г. директору, который, хотя и приказывалъ мнѣ подавать особые рапорты для исключенія ихъ, однако я, по приказанію г. директора, *прилично наказавъ ихъ изъ* снисхожденія къ 12-ти лѣтнему возрасту Щеглова и изъ сострадания къ Павлу Иванову, взялъ на себя обязанность исправить ихъ и отдалилъ всѣ случаи къ безпорядкамъ, не выпуская обоихъ изъ гимназіи никуда, и какъ самъ, такъ равно и всѣ комнатные надзиратели нан-

строжайше примѣчали за каждымъ ихъ проступкомъ. Дѣйствительно, казалось мнѣ, что ученикъ Павелъ Ивановъ исправился, но настоящій случай подтвердилъ, что при первомъ соблазнительномъ обстоятельствѣ онъ готовъ повергнуться во всѣ преступленія".

Спрошены были также указанные обѣими сторонами студентъ Можаровъ и Анфимовъ, дворовый человѣкъ его, профессоръ Арнгольдтъ, юнкеръ Морозовъ, комнатные надзиратели Сычуговъ и Поляковъ, магистръ Кайсаровъ, квартирмейстеръ Ушмарскій, студенты: Кругликовъ, Сычуговъ и Антроповъ (всѣ они находились въ больницѣ общей тогда для студентовъ и гимназистовъ, когда явился туда ученикъ Ивановъ), больничный надзиратель Пономаревскій, лѣкарь Николаевъ, первоначально подавшій пособіе Иванову и друг. Любопытна разница въ показаніяхъ этихъ свидѣтелей; на вопросъ наприм. заданный правленіемъ нѣкоторымъ изъ нихъ: былъ ли Павелъ Ивановъ пьянъ, когда его привезли въ гимназію?» студентъ Можаровъ и человѣкъ его Анфимовъ, юнкеръ Морозовъ и студенты Кругликовъ и Антроповъ показывали, что они или не замѣтили, что Ивановъ былъ пьянъ, или не могутъ утверждать или отрицать того, или говорили: «кажется не былъ пьянъ», или не слыхали того запаха, какой бываетъ отъ пьяныхъ. Только комнатные надзиратели Сычуговъ и Поляковъ заявили. что отъ ученика Павла Иванова они слышали тотъ винный запахъ, какой бываетъ отъ пьяныхъ. Почему главный надзиратель, отпуская Иванова на полтора часа изъ гимназіи, запретилъ ему заходить къ его брату учителю, въ чемъ можно было обвинить этого послѣдняго и въ чемъ могло заключаться его вредное вліяніе—осталось также не разъясненнымъ. Директоръ училищъ казанской губерніи, на предписаніе правленія университета объ учителѣ Ивановѣ доносилъ, что имъ не было замѣчено никакихъ неблагопристойныхъ его поступковъ, что никто не приносилъ на него письменныхъ жалобъ (жаловалась только одна квартирная хозяйка въ неплатежѣ денегъ, но и эти деньги всѣ сполна уплачены). Никакихъ другихъ свѣдѣній объ учителѣ Ивановѣ не было.

Что касается до членовъ гимназическаго совѣта: Упадышевскаго, Запольскаго и Самсонова, на пристрастіе которыхъ жаловался Петровъ, то смыслъ ихъ объясненій заключался въ томъ, что все ихъ *пристрастіе* основывалось на человѣколюбіи: они настаивали на принятіи Иванова, лишившагося глаза, въ гимназическую больницу, а касательно его поведенія и нравственности дѣлать заключеніе отказывались, такъ какъ не принимаютъ никакого участія въ управленіи гимназіи по части надзора за поведеніемъ воспитанниковъ. Изъ прочихъ мѣстъ объясненій этихъ лицъ видно, что Яковкинъ долго отказывался помѣтить и внести жалобу учителя Иванова въ прото-

колъ и сдѣлать по ней какое-либо постановленіе. Всѣ они высказывали недоумѣніе о важныхъ проступкахъ Иванова, о которыхъ никогда до того времени не заявлялось въ совѣтѣ; они ничего не знаютъ и о мѣрахъ къ исправленію нравственныхъ недостатковъ Иванова со стороны главнаго надзирателя и какимъ образомъ послѣдній, будучи увѣренъ въ испорченности ученика Иванова, отпустилъ его въ праздничный день въ неизвѣстный домъ и около двухъ сутокъ не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Видно, что ученикъ Ивановъ былъ сильно запуганъ и грознымъ видомъ, и обращеніемъ съ нимъ главнаго надзирателя. «Петровъ, самовольно призвавъ его въ совѣтъ», писалъ Самсоновъ, «пристрастно вынуждалъ изъ него отвѣты, и не давая кончить одного, перебивалъ и тотчасъ же требовалъ другого. Странность такого поступка со стороны г. Петрова такъ меня поразила, что я и самъ не зналъ: въ совѣтѣ ли я или въ какомъ иномъ мѣстѣ? Невниманіе же г. директора къ такой непристойности еще болѣе утвердило во мнѣніи, что всѣ несвязные отвѣты запуганнаго воспитанника нужно было замѣчать только г. Петрову, такъ какъ онъ одинъ, безъ всякаго согласія на то гг. сочленовъ, домогался отъ него оныхъ, повидимому въ качествѣ непосредственнаго его начальника, ибо нѣсколько разъ громогласно повторялъ ему: *я вашъ, сударь, начальникъ! я вашъ начальникъ!*». Защищаясь отъ обвиненій Петрова, Запольскій доказываетъ, что онъ добивался только «видѣть и знать убѣдительнѣйшія доказательства распутству воспитанника Иванова». Доказательства этого распутства были вполнѣ голословны и только потомъ, послѣ увѣчья ученика Иванова, и главный надзиратель, и директоръ заговорили о воровствѣ, но когда пріучился Ивановъ къ пьянству, никто изъ нихъ не упоминалъ. «При томъ г. Петровъ, охуждая въ рапортѣ своемъ поведеніе онаго Павла Иванова», говоритъ Запольскій, «на вопросъ: зачѣмъ сдѣлалъ довѣріе и отпускалъ, вопреки своей обязанности, распутнаго мальчика безъ записки и поруки?» отвѣчалъ, что «оный Ивановъ четыре мѣсяца былъ очень хорошаго поведенія. Какъ же сообразить, что одинъ и тотъ же воспитанникъ, изъ очень хорошаго, во время короткаго отпуска своего сдѣлался такъ дуренъ, что уже надежды никакой нѣтъ къ его исправленію? И кто повѣритъ. чтобы четырнадцатилѣтній или пятнадцатилѣтній ребенокъ въ нѣсколько часовъ могъ надѣлать столько неистовствъ, что совѣтъ долженъ прибѣгнуть къ послѣдней рѣшимости—изгнать его? *И въ семъ ли состоитъ цѣль заведенія, монаршими щедротами на общую пользу воздвигнутаго?*. Дѣло объ изгнаніи воспитанника Иванова было рѣшено въ гимназическомъ совѣтѣ, какъ мы знаемъ, въ первое же засѣданіе. Директоръ согласился съ протестовавшими про-

тивъ изгнанія членами и Ивановъ былъ отправленъ въ больницу гимназіи, но потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, Яковкинъ, какъ бы забывъ прежнее рѣшеніе совѣта, сталъ на сторону главнаго надзирателя и не только не удерживалъ его «въ предѣлахъ благопристойности», какъ выражается Запольскій, но самъ изъявлялъ различныя неудовольствія на протестантовъ. Когда послѣдніе настаивали у директора на томъ, чтобы выслушана была жалоба брата, учителя Иванова, на Петрова, поданная имъ въ совѣтъ, Яковкинъ «съ видомъ величайшаго неудовольствія возгласилъ: *Молчать! молчать! прошу не въ свое дѣло не соваться! Я знаю что дѣлаю! Не вы меня, а я поставленъ васъ учить!*» Видно, что и въ гимназическомъ совѣтѣ, какъ и въ университетскомъ, при началѣ университета, какъ мы уже знаемъ, Яковкинъ желалъ дѣйствовать вполнѣ самовластно. Но времена перемѣнились. Тамъ онъ могъ еще давить своимъ престижемъ, опираясь на довѣріе Румовскаго, и боязливыхъ нѣмецкихъ профессоровъ, заѣхавшихъ Богъ знаетъ куда, и молодыхъ адъюнктовъ, своихъ воспитанниковъ, выведенныхъ имъ въ люди и всѣмъ ему обязанныхъ. Здѣсь, благодаря тому, что новый попечитель Салтыковъ не благоволилъ къ Яковкину, благодаря самоуправленію, дарованному въ 1814 году университету, отъ котораго зависѣла гимназія, люди сдѣлались гораздо самостоятельнѣе. Они могли теперь свободно писать въ правленіе университета и высказывать жалобы на Яковкина, теперь уже не всемогущаго, несмотря на его аррогантный тонъ. Въ одно изъ засѣданій директоръ говорилъ такъ: «*Стыдно тѣмъ, которые защищаютъ негодяя мальчишку, да до моихъ ушей дошло, что нѣкоторые изъ гимназическихъ чиновниковъ ходятъ къ учителю Иванову бражничать да метать на право и на лѣво.* На вопросъ: къ кому бы относилось сіе? г. директоръ сказалъ, что *это не на вашъ счетъ, что это такъ.* «А если такъ», возразилъ Упадышевскій, «то позвольте доложить, что здѣсь не мѣсто разсказывать постороннее. Г. директоръ еще нѣсколько разъ въ другія засѣданія разсказывалъ *о худомъ поведеніи учителя Иванова, о поступкахъ его въ Елабугѣ* и много другого, чего ужъ за давностью припомнить не могу, нашимъ же и дѣльнымъ словамъ, мѣста не было»—пишетъ Запольскій.

Шестой уже мѣсяцъ длилось это несчастное дѣло во взаимныхъ пререканіяхъ и въ медленной процедурѣ бумажнаго слѣдствія, производимаго правленіемъ университета. Между тѣмъ потерпѣвшій воспитанникъ Ивановъ, уволенный за невзносомъ на содержаніе его денегъ, живетъ у брата своего учителя, а въ классы по неизвѣстной причинѣ не ходитъ; оказалось, что посѣщать классы не допускаетъ главный надзиратель, какъ это видно изъ жалобы брата

учителя. Казанская полиція не сообщаетъ правленію университета требуемыхъ свѣдѣній, не розыскиваетъ нѣкоторыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, не отвѣчаетъ на бумаги. Правленіе университета жалуется на полицію губернскому правленію. Въ январѣ 1819 года является въ Казань и отецъ Иванова, служившій судьею въ Ярaнскѣ, чтобы принять личное участіе въ дѣлѣ. Въ прошеніи, поданномъ имъ въ правленіе университета, дѣло о сынѣ онъ называетъ уже дѣломъ «о жестокихъ поступкахъ главнаго надзирателя Петрова съ сыномъ моимъ, отъ которыхъ сынъ мой лишился глаза и намѣреніе мое отдать въ военную службу осталось тщетнымъ». Онъ ставитъ на видъ правленію, что ждетъ рѣшенія почти семь мѣсяцевъ и теперь принужденъ взять отпускъ и собственно для этого дѣла оставить на время службу. Ни слѣдствіе, ни рѣшеніе дѣла не подвигались однако и отецъ рѣшился принести жалобу министру народнаго просвѣщенія. Князь Голицынъ предписалъ правленію университета поспѣшить собраніемъ нужныхъ справокъ и рѣшеніемъ дѣла, а потомъ представить это дѣло дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому по прибытіи его въ Казань. Въ виду такого оборота дѣла, правленіе обратилось уже къ власти губернатора съ жалобою на медленность казанской полиціи и губернскаго правленія въ доставленіи необходимыхъ по дѣлу справокъ, а справки эти заключались въ вопросѣ: «не были ли когда чиновниками градской полиціи и въ особенности квартальнымъ надзирателемъ Поповымъ (высказанное имъ подозрѣніе, что потерпѣвшій ученикъ Павелъ Ивановъ лжетъ, дѣлая свои показанія, мы привели выше на стр. 387) замѣчены въ какихъ либо непристойныхъ поступкахъ ученикъ гимназіи Павелъ Ивановъ и братъ его, учитель казанскаго народнаго училища Александръ Ивановъ». Хотя губернаторъ графъ Толстой, какъ видно изъ его отношенія, и «строжайше подтвердилъ» доставить требуемыя справки, но ихъ не доставляли и только ровно черезъ годъ, а именно 6 іюня 1819 года, предложена была къ разсмотрѣнію правленія выписка изъ всего дѣла (одна она заключаетъ 60 страницъ мелкаго письма). По пункту 3-му, согласно этой выпискѣ «изъ просьбъ и показаній по этому дѣлу учителя Александра Иванова видно, что братъ его *склоненъ къ легкомыслію*», а по 4 п. присутствующіе въ совѣтѣ гимназіи: магистръ Самсоновъ, учители Запольской и Упадышевскій, при подачѣ по сему дѣлу голосовъ и объясненій, не соблюли узаконеннаго указомъ 1765 года, декабря 31 дня въ отдѣленіяхъ 1 и 2 предписанія. Дѣло было признано *суднымъ* и въ засѣданіе правленія приглашенъ былъ синдикъ. Въ концѣ выписки записаны справки о долгахъ главнаго надзирателя и множество узаконеній, болѣе или менѣе примѣнимыхъ къ дѣлу.

начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и указовъ Петра В. и кончая законами Екатерины II. Приложена также справка изъ дѣлъ училищнаго комитета о старшемъ Ивановѣ, учителѣ главнаго народнаго училища 2 класса, которому шелъ только 20 годъ. Учился онъ въ казанской гимназіи, былъ учителемъ до Казани въ Елабугѣ и Свіяжскѣ. Изъ этой справки видно, что его начальники, штатные смотрители, обвиняли его въ непослушаніи, дерзостяхъ, въ неприлежаніи къ должности, въ томъ что въ классъ ходитъ онъ съ трубкой, что во время класса безчеловѣчно наказалъ розгами десятилѣтняго мальчика и вообще въ нерадѣніи. Тѣмъ не менѣе въ формулярномъ спискѣ за 1818 годъ онъ аттестованъ «къ продолженію службы способнымъ и достойнымъ».

Іюня 12-го 1819 года, слѣдовательно черезъ годъ послѣ происшествія, правленіе рѣшило наконецъ дѣло. Оно безусловно обвинило главнаго надзирателя за то, что онъ не принялъ Иванова въ больницу, изгонялъ его изъ нея и оставивъ его 4 сутокъ безъ помощи, былъ причиною того, что Ивановъ навсегда лишился зрѣнія (главный надзиратель въ это время былъ уже удаленъ отъ должности Магницкимъ). Обвинило оно также и директора Яковкина за непринятіе надлежащихъ мѣръ (и онъ тогда уже долженъ былъ подать увольненіе отъ должности директора). Потерпѣвшаго ученика Иванова правленіе признало скрывавшимъ истину и совершенно пьянымъ въ то время, когда онъ получилъ ударъ, почему и опредѣлило, такъ какъ онъ исключенъ изъ гимназіи за невзносъ денегъ въ качествѣ полупансіонера, то и впредь не принимать его, по худому его поведенію. Брата его, учителя Иванова, правленіе обвинило въ томъ, что онъ не захотѣлъ принять брата въ свою квартиру и не оказалъ заботливости въ пособіи ему. Въ его показаніяхъ и жалобахъ оно нашло только расположеніе къ тяжбамъ и строптивый характеръ; это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что онъ приносилъ жалобу на Петрова губернатору, а не правленію университета. Считая обвиненія его, приведенныя выше изъ дѣлъ училищнаго комитета, вполнѣ справедливыми и приводя въ своемъ постановленіи тотъ фактъ, что когда, въ исходѣ 1817 и въ началѣ 1818 года, Ивановъ перемѣщаемъ былъ изъ елабужскаго въ свіяжское училище и почему-то имѣлъ квартиру въ казенномъ университетскомъ домѣ, онъ былъ высланъ изъ нея за распутство покойнымъ ректоромъ Брауномъ, правленіе находило, что по строптивому его характеру и поведенію, онъ не долженъ быть терпимъ въ ученомъ званіи. Но какъ онъ, за полученное имъ въ гимназіи казенное содержаніе, не выслужилъ шестилѣтняго термина, то правленіе опредѣлило оставить его въ учительскомъ званіи, обязавъ подпискою исправить свое поведеніе.

Замѣчая далѣе, что «бумаги и объясненія учителей Самсонова, Запольскаго и Упадышевскаго наполнены излишними и неприличными къ дѣлу выраженіями и заключая изъ этого, что между ними и бывшимъ директоромъ Яковкинымъ и Петровымъ существуютъ давнишнія личныя неудовольствія», правленіе ставитъ это имъ на замѣчаніе и «долгомъ своимъ поставляетъ внушить имъ удержаться впредь отъ таковыхъ дѣйствій и не выходить изъ предѣловъ своего званія, удаляясь, сколько возможно личныхъ неудовольствій и недоброжелательствъ другъ противъ друга, въ чемъ обязать ихъ подпискою». Съ этимъ опредѣленіемъ правленія объ Ивановѣ не согласился однако новый попечитель. «Онъ замѣченъ былъ и мною», писалъ Магницкій (10 октября 1819 года, № 232), «въ бытность мою въ Казани человѣкомъ строптивымъ и виновенъ потому уже, что допустилъ младшаго брата до такой степени развращенія». Согласно его представленію министру, Ивановъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а Петровъ уволенъ вовсе изъ вѣдомства гимназіи. Учитель Ивановъ принятъ былъ потомъ на службу въ казанскую казенную палату по управленію питейнаго сбора. Деньги 250 рублей, за невзносъ которыхъ былъ уволенъ изъ гимназіи его братъ, были взысканы съ отца, послѣ долгой переписки въ концѣ 1820 года. Такъ кончилось это кляузное дѣло, повидимому многихъ интересовавшее и представившее намъ довольно яркую картину и характера и содержанія воспитанія въ казанской гимназіи, самой старой въ округѣ и имѣвшей гораздо больше учениковъ, чѣмъ прочія.

Если въ дѣлѣ ученика Павла Иванова начальство гимназіи высказало столько невниманія и жестокости къ своему искалѣченному воспитаннику, то при случаѣ оно умѣло заступиться за учениковъ и не давать ихъ въ обиду. Это видно изъ дѣла «О причиненной обидѣ ученику гимназіи *Вячеславу Манасеину* въ каѳедральномъ соборѣ полковникомъ Траскинымъ» [1]). Въ жалобѣ Манасеина, поданной имъ въ совѣтъ гимназіи, разсказывается, что 21 мая, въ царскій день, онъ отправился съ матерью своей и дядею Петромъ Ивановичемъ Филипповичемъ и его женою въ Благовѣщенскій соборъ къ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Амвросій. «Въ продолженіе сей литургіи я стоялъ по лѣвую сторону амвона, недалеко отъ царскихъ дверей», пишетъ ученикъ Манасеинъ въ своей жалобѣ, очевидно продиктованной ему и сочиненной родителемъ, — «когда было пропѣто многолѣтіе о здравіи августѣйшей фамиліи и когда г. губернаторъ и многія особы обоего пола прикладывались къ животворящему кресту, я, по примѣру другихъ, съ достодолжнымъ благого-

---

[1]) Дѣло правленія 1816 года, № 58.

вѣніемъ также приблизился, въ увѣренности, что сей священный обрядъ и мнѣ, яко христіанину, позволенъ быть можетъ. Лишь только я успѣлъ сіе исполнить, какъ вдругъ г. полковникъ Траскинъ прокричалъ мнѣ весьма громко слѣдующее:—ты прежде отца и матери въ петлю не суйся!—потомъ приложась къ кресту и мгновенно возвратясь, *толкнулъ меня въ грудь столь сильно*, что еслибъ не многолюдство поддержало меня, то я долженъ былъ бы упасть. При семъ случаѣ сказалъ онъ:—«Даромъ, что ты, подлецъ, *каналья студентъ*, я тебя велю сейчасъ оттащить на гауптвахту, дай только мнѣ выйти изъ церкви!»—Я, по данному знаку отъ моихъ родныхъ, видѣвшихъ таковой поступокъ и слышавшихъ столь дерзкія слова г. полковника Траскина, немедленно удалился; послѣ сего г. Траскинъ изъ церкви вышелъ». Манасеинъ указалъ и свидѣтелей сцены, сначала только двухъ: полицмейстера Симонова и служащаго у министра полиціи коллежскаго ассесора Изюмова.

Совѣтъ гимназіи принялъ дѣятельное участіе въ напрасной обидѣ ученику, безъ сомнѣнія главнымъ образомъ потому, что отецъ Манасеина былъ лицо не бѣдное, и въ губерніи вліятельное. Дѣло это, согласно тогдашнему обычаю и духу времени, поведено было совершенно формальнымъ образомъ и конечно, какъ всѣ подобныя дѣла, быстро увеличилось въ объемѣ. Совѣтъ гимназіи, разсмотрѣвъ жалобу, представилъ ее правленію университета, прося его ходатайства у высшаго начальства. Правленіе университета, на основаніи Высочайшаго указа сенату 17 февраля 1816 года, сообщило о семъ управлявшему тогда губерніей казанскому вице-губернатору. Этотъ «для законнаго разсмотрѣнія» препроводилъ отношеніе университетскаго правленія въ губернское, а это послѣднее увѣдомило университетское: «Какъ изъясненное въ отношеніи правленія университета происшествіе *открывается бывшимъ* (sic) при здѣшнемъ полицмейстерѣ Симоновѣ, которому слѣдовало бы принять къ удержанію отъ того законныя мѣры, то поручить слѣдствіе совѣтнику гражданской палаты Каратееву, вмѣстѣ съ депутатами со стороны военной и университета. Депутатомъ отъ университета, «поелику изъ чиновниковъ гимназіи нѣтъ ни одного, который занимался бы юриспруденціей, которой вовсе въ гимназіи не преподается», назначенъ былъ экстраординарный профессоръ Солнцевъ. Слѣдственная коммиссія препроводила въ правленіе университета отвѣты Траскина на заданные ему вопросные пункты и просила «взять отъ кого слѣдуетъ и доставить ей надлежащее противъ отвѣтовъ доказательство, въ коемъ должны быть помѣщены всѣ доводы, нужные для открытія правоты жалующагося и достаточные для опроверженія отвѣтовъ, ежели оные въ чемъ либо съ истиною несогласны». Изъ от-

вѣтовъ Траскина видно, что онъ рѣшительно отрицаетъ тѣ «ругательныя изъясненія», которыя выставлены въ жалобѣ ученика Манасеина, онъ замѣтилъ только его какъ онъ подходилъ къ кресту и приложившись, увидя подходящаго губернатора графа Толстого, *толкнулся* въ него, Траскина, слѣдовавшаго за губернаторомъ. Онъ ничего не сказалъ тогда Манасеину, но спросивъ о немъ у полицмейстера и узнавъ отъ него, что это ученикъ гимназіи, замѣтилъ ему, что онъ прежде всѣхъ подошелъ къ кресту и торопясь толкнулся въ него, «каковое дѣйствіе, по мнѣнію его, предосудительно». Въ томъ, что онъ показываетъ правду, Траскинъ ссылается на архіепископа Амвросія, губернатора, полицмейстера, уѣзднаго Лаишевскаго предводителя дворянства. Траскинъ увѣряетъ, что несправедливое показаніе ученика Манасеина произошло «отъ неудовольствія, которое имѣетъ на него отецъ Манасеина по причинѣ, что на него г. Траскинъ жаловался казанской градской полиціи съ требованіемъ учинить изслѣдованіе о побойствѣ, причиненномъ батальона ему ввѣреннаго унтеръ-офицеру да рядовому и о прочемъ». Такимъ образомъ и здѣсь встрѣчаемся мы съ кляузою и съ невозможностью добиться истины. Траскинъ подкрѣпляетъ свое оправданіе указаніемъ разнорѣчій въ жалобѣ ученика Манасеина и въ прошеніи отца его, который и отъ себя лично также принесъ жалобу начальнику Траскина генералъ маіору Соковнину. Отецъ жаловался на Траскина, что онъ оттолкнулъ локтемъ въ сторону, «азартно осыпая его ругательствами, какъ самаго низкаго раба», сына его, *приближавшагося къ кресту*, между тѣмъ какъ въ жалобѣ сына сказано, что онъ успѣлъ уже приложиться; кромѣ того отецъ вовсе не упоминаетъ о словахъ: «прежде отца и матери не суйся» и пр.

Въ своихъ «доказательствахъ» ученикъ Манасеинъ стоитъ на томъ, что было имъ написано въ жалобѣ, ссылаясь на свидѣтелей указанныхъ имъ прежде и на толпу богомольцевъ, окружавшихъ ихъ, именъ которыхъ онъ не знаетъ, утверждая, что онъ не сдѣлалъ ничего противнаго благочинію и благопристойности, что нареканія и угрозы Траскина были напрасны, что онъ обиженъ имъ. «Истину моей невинности», говоритъ онъ, «можетъ подтвердить то обстоятельство; что г. полковникъ Траскинъ, по подачѣ родителемъ моимъ г. казанскому коменданту просьбы и полученіи отзыва отъ университетскаго правленія въ здѣшнемъ губернскомъ правленіи, *самъ искалъ средства прекратить дѣло примиреніемъ съ моимъ родителемъ*». И губернаторъ, графъ Толстой, призвавши чрезъ полицмейстера отца обиженнаго ученика гимназіи, упрашивалъ его помириться съ Траскинымъ, говоря, что ежели Траскинъ по честолюбію своему, не будетъ просить у него извиненія, то онъ г. губер-

наторъ, самъ за него станетъ просить извиненія. Губернаторъ приглашалъ также къ себѣ и Яковкина и просилъ его покончить дѣло миромъ; отъ этого не отказывался и отецъ. Что касается до обстоятельства личной ссоры, о неудовольствіи отца за жалобу на него о побойствѣ унтеръ-офицера и рядового батальона внутренней стражи, то въ «доказательствахъ» своихъ ученикъ Манасеинъ объяснялъ: «Родитель мой сказанныхъ военныхъ чиновъ никогда не бивалъ, а приведены были оные въ ночное время сотникомъ и будочниками 1-й части съ человѣкомъ родителя моего, прибитымъ и ограбленнымъ до рубашки. Всѣ они были отправлены родителемъ въ полицію, но она *надлежащаго удовлетворенія не сдѣлала* и просьбу оставила безъ дѣйствія. Неудовольствіе родителя ближе всего могло относиться къ полицейскимъ чиновникамъ, чѣмъ къ Траскину, а потому *въ моей жалобѣ нѣтъ ничего выдуманнаго отъ личности*».

Дѣло затягивалось. Оно перешло и въ слѣдующій 1817 годъ. Въ сентябрѣ 1816 года слѣдствіе было окончено Каратеевымъ, но губернское правленіе предписало ему еще дополнить его. Прежній депутатъ отъ университета Солнцевъ куда-то выѣхалъ изъ Казани, назначенъ былъ вмѣсто него другой юристъ—баронъ Врангель. Приходилось спрашивать такихъ свидѣтелей, какъ архіепископъ и казанскій губернаторъ, но Каратеевъ доносилъ, что онъ не спрашивалъ этихъ двухъ послѣднихъ особъ «по важности ихъ»; другіе выѣхали изъ Казани; Изюмова отвелъ Траскинъ, говоря, что онъ имѣетъ дружество съ Манасеиномъ. Губернское правленіе предписало слѣдователю точно удостовѣриться въ послѣднемъ обстоятельствѣ, спросить отсутствующихъ чрезъ мѣстную полицію и сообщало Каратееву, что онъ въ правѣ отъ лица коммиссіи отнестись и къ архіепископу и къ губернатору. Только 16 апрѣля 1817 года, слѣдовательно почти чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ начатія дѣла, губернское правленіе сообщило правленію университета объ окончаніи и результатахъ слѣдствія. «Какъ по оному слѣдствію», говорилось въ отношеніи, «того, чтобы г. полковникомъ Траскинымъ сдѣлана была ученику гимназіи Манасеину обида неоткрыто, и выставленные имъ свидѣтели: полицмейстеръ Симоновъ, подполковникъ Евсевьевъ и учитель Полянскій *показали за присягою противное ссылкѣ его Манасеина*, а изъ удостовѣренія Его Высокопреосвященства Амвросія, архіепископа казанскаго и симбирскаго и г. гражданскаго губернатора видно, что благочиніе и порядокъ никакимъ дѣйствіемъ со стороны г. Траскина нарушены не были, а потому, не находя нужнымъ спрашивать во свидѣтельствѣ коллежскаго ассесора Изюмова, на котораго отъ г. Траскина объявлено достаточное сомнѣніе»—губернское правленіе заключаетъ, «что *жалоба отъ уче-*

ника Манасеина принесена неправильная и хотя слѣдовало бы съ нимъ поступить по строгости законовъ, но какъ онъ есть несовершеннолѣтній и состоитъ въ вѣдомствѣ Казанскаго университета, то сообщить въ правленіе онаго, дабы благоволило, сообразно лѣтамъ. сдѣлать законное постановленіе къ воздержанію его впредь отъ подобныхъ поступковъ».

Правленіе университета сообщило объ этомъ конторѣ гимназіи. Что сдѣлала послѣдняя, какому наказанію подвергла она ученика Манасеина изъ дѣла не видно. Возбужденіе подобнаго дѣла возможно было только въ то время. Вмѣстѣ съ произволомъ въ тѣ годы господствовала глубокая формалистика; тяжебныя дѣла встрѣчались на каждомъ шагу и усложнялись разными побочными обстоятельствами. Весьма вѣроятно, что ученикъ Манасеинъ забѣжалъ, какъ не дисциплинированный мальчикъ, первый къ кресту въ соборѣ; очень можетъ быть, что Траскинъ, принимая въ соображеніе его военный характеръ, привычку къ требованіямъ подчиненности и личныя непріязненныя отношенія, ссору съ отцомъ гимназиста, обругалъ весьма грубо послѣдняго. Если отецъ Вячеслава Манасеина чувствовалъ обиженнымъ себя за сына, ему слѣдовало бы самому имѣть дѣло съ Траскинымъ, а не заставлять несовершеннолѣтняго мальчика писать жалобы и подвергаться формальному судебному слѣдствію. Такое явленіе, странное въ настоящее время, было обычнымъ въ эпоху чисто формальнаго суда и семьи мало тронутой развитіемъ.

Трудно конечно рѣшить, какая доля отвѣтственности за глубокую нравственную испорченность молодыхъ людей, поступавшихъ въ Казанскій университетъ въ описываемые нами первые годы его существованія, должна пасть на семью съ одной и на гимназію съ другой стороны. Какова семья, таковы и дѣти, а сама семья создается условіями, содержаніемъ всей окружающей жизни. Когда кругомъ царитъ безправіе и произволъ, когда нигдѣ въ жизни нельзя встрѣтить ни духовнаго, ни нравственнаго интереса, тогда чего же добраго ждать отъ семьи, а слѣдовательно и отъ школы въ воспитательномъ отношеніи? Пусть хорошая школа развиваетъ въ своихъ ученикахъ самые высокіе нравственные идеалы, но если эти идеалы не находятъ мѣста въ дѣйствительности, то они безполезны, пожалуй вредны и не представляютъ ничего заманчиваго для молодыхъ людей, которыхъ жизнь успѣла уже воспитать по своему. У большинства эти идеалы сразу улетучиваются и исчезаютъ. Вотъ почему школѣ и ея дѣятелямъ скорѣе приходится подлаживаться къ окру-

жающей дѣйствительности, чѣмъ влiять на нее. Трудно предположить, чтобъ воспитанники казанской гимназiи въ ней только и ея условiями прiучались къ кражѣ вещей; между тѣмъ обвиненiе въ этомъ проступкѣ мы встрѣчаемъ весьма часто, и конечно источникомъ этого явленiя была дѣйствительная жизнь, гдѣ главнымъ стимуломъ являлась личная нажива, не разбирая способовъ къ тому. Какiя воспитательныя начала найдемъ мы въ семьѣ «пошехонской» старины, гдѣ преобладающимъ интересомъ было спряженiе глагола «урвать», гдѣ господствовала увѣренность, что все можно купить. Правда, въ этой семьѣ господствовало, да и теперь еще сохранилось понятiе о такъ называемомъ «благовоспитанномъ человѣкѣ» (un homme bien élevé), но этотъ воспитанный по понятiямъ свѣта человѣкъ, въ нравственномъ смыслѣ весьма часто представляетъ полную ничтожность. Его *внѣшнее* воспитанiе не мѣшаетъ ему дѣлать всевозможныя гадости отъ жизни на чужой счетъ и до присвоенiя чужого. Эти мысли невольно пришли намъ въ голову при знакомствѣ съ любопытнымъ и характернымъ случаемъ съ профессоромъ Броннеромъ, инспекторомъ студентовъ. Случай этотъ породилъ опять цѣлое дѣло [1]). Приведемъ разсказъ объ этомъ случаѣ въ прошенiи самого Броннера, поданномъ имъ въ правленiе университета въ современномъ переводѣ съ латинскаго оригинала:

„10 ноября с. г. *Дмитрiй Путиловъ* объявилъ мнѣ, что онъ былъ ученикомъ здѣшней гимназiи, но теперь экзаменовали его въ университетѣ 9 ноября. Г. ректоръ (по его словамъ) далъ ему позволенiе слушать профессорскiя лекцiи, на что и спрашивалъ у меня назначенiя лекцiй. Я, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что онъ сказалъ правду, назначилъ ему лекцiи, какiя долженъ посѣщать, съ тѣмъ, чтобы прилежно занимался науками. Сегодня, пришедшiй ко мнѣ лекторъ Лейтеръ объявилъ, что питомцы гимназiи очень удивляются тому, что Путиловъ, несвѣдущiй въ наукахъ, принятъ въ число студентовъ, а на вопросы, заданные ему, какимъ образомъ онъ, Путиловъ, достигъ сей цѣли, отвѣчалъ, что онъ зналъ, какъ то сдѣлать (конечно не изъ уроковъ гимназiи, а изъ жизни), подкупивши г. профессора Броннера („quod ego dona acceperim (2000 г.) a Putilow“). Питомцы, говоря между собой, разсердились, что профессоръ Броннеръ такимъ постыднымъ образомъ поступилъ, въ чемъ онъ (Путиловъ) мнѣ (Лейтеру) и признался. Г. Лейтеръ, слышавъ между собою разговаривающихъ объ ономъ питомцевъ: Ивана Останкова и Николая Рейнсдорфа, подтвердилъ имъ, чтобы они такiе ложные разговоры впредь не распространяли, на что они отвѣтствовали, что готовы всегда свидѣтельствовать, что Дмитрiй Путиловъ имъ то сказывалъ“. Броннеръ доноситъ правленiю: 1) „что Путиловъ его обманулъ; 2) обезчестилъ его постыднымъ денежнымъ подкупомъ въ присутствiи питомцевъ, а тѣмъ отвлекая ихъ отъ прилежанiя къ ученiю, *думая, что и*

---

[1]) Дѣло о противозаконныхъ поступкахъ ученика *Путилова* съ профессоромъ Броннеромъ. *Правл.* 1814 г., № 150.

они могутъ пріобрѣсти то за деньги, что пріобрѣтается прилежаніемъ". Онъ проситъ правленіе наказать Путилова, „лжеца и клеветника безстыднаго" и „принудить его въ присутствіи питомцевъ сознаться, что ложно онъ такіе слухи распространялъ". Но правленіе не могло уже исполнить этой просьбы Броннера и дать нравственное удовлетвореніе профессору: Путиловъ еще 5 ноября былъ уволенъ изъ гимназіи и оставилъ Казань [1]).

Выставляя разные случаи, рисующіе внутренній распорядокъ казанской гимназіи, мы касались только такихъ дѣлъ, которыя восходили на сужденіе и рѣшеніе начальства, тогда—правленія университета. Что дѣлалось внутри гимназіи и что не доходило до свѣдѣнія этого начальства—этого мы не касались; полное изученіе нравственно-воспитательной стороны гимназіи, ничтожной, сколько

---

[1]) Путиловъ, Дмитрій Азаровичъ, оставилъ однако Казань не навсегда. Прошло сорокъ лѣтъ со времени случая съ Броннеромъ; многое измѣнилось въ этотъ длинный промежутокъ времени, не измѣнился только глубокій консерватизмъ нравственной распущенности въ русской жизни. Путиловъ былъ уже въ старческомъ возрастѣ (лѣтъ 55). Онъ былъ женатъ и овдовѣлъ. Вскорѣ по увольненіи изъ гимназіи (года черезъ два), поступилъ онъ въ военную службу, въ 1819 году перешелъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, получилъ чины корнета, поручика и въ 1826 году вышелъ въ отставку. Съ 1829 года и до 1854 года онъ служилъ по выборамъ дворянства депутатомъ самарскаго дворянства. За эту службу по выборамъ онъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора и сдѣлался кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степ. Это былъ богатый самарскій помѣщикъ, послѣдній вѣроятно изъ дѣятельныхъ Могикансвъ крѣпостного права и въ качествѣ богатаго землевладѣльца—коннозаводчикъ. По формуляру у него было до 1000 душъ крестьянъ и до 18 тысячъ десятинъ земли, домъ въ Самарѣ и шесть домовъ на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ. Тотъ же формуляръ, въ графѣ о судимости, упоминаетъ о томъ, что онъ былъ подъ судомъ по двумъ дѣламъ: 1) за дозволеніе (скорѣе приказаніе) своимъ крестьянамъ произвести порубку лѣса въ дачахъ помѣщицы Лопатиной и 2) за растлѣніе своей дворовой дѣвки. Но эти два дѣла были, кажется, самымъ ничтожнымъ процентомъ тѣхъ дѣлъ, большею частью весьма некрасиваго содержанія, которыя сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Самарской и сосѣднихъ губерніяхъ. Разсказы о его продѣлкахъ были любимою темою въ послѣдніе годы крѣпостного права для разговоровъ холостой компаніи послѣ выпивки. Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ, если не ошибаемся въ семидесятыхъ годахъ, было помѣщено нѣсколько разсказовъ и ходившихъ о немъ анекдотовъ, но у насъ нѣтъ желанія отыскивать эту статью, чтобы сдѣлать точную ссылку. Пишущій эти строки очень давно, въ сороковые годы, встрѣчался съ Путиловымъ и выслушивалъ изъ устъ его разсказы о немъ самомъ, которыми онъ хвастался. Это былъ человѣкъ большого росту, чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, отличавшійся физической силою и остроуміемъ. Осталась въ памяти какая-то его собственная пародія (Путиловъ писалъ и стихи) на

можно судить по приведеннымъ нами примѣрамъ, увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Случаи, нами разсказанные, служатъ какъ бы объясненіемъ грубыхъ студенческихъ нравовъ и множества возникавшихъ тогда жалобъ, слѣдствій и дѣлъ, съ которыми теперь мы обязаны познакомиться, чтобы знать, чѣмъ въ дѣйствительности, а не оффиціально былъ тогда университетъ. Намъ не разъ приходилось говорить о томъ, что студенты того времени ничему не могли научиться у своихъ нѣмецкихъ профессоровъ, къ слушанію лекцій которыхъ они вовсе не были подготовлены. Естественно, что ходить на лекціи такимъ молодымъ людямъ было невыносимо скучно и, подъ разными предлогами, они старались освободить себя отъ этой непріятной обязанности. «Каждый день замѣчалъ я», рапортуетъ помощникъ инспектора Кондыревъ Яковкину (12 марта 1812 года) *«неходящихъ на лекціи многихъ студентовъ*. Завелъ о томъ записку. Сегодня десять студентовъ спокойно сидѣли въ спальныхъ комнатахъ вокругъ стола и разговаривали—всѣ изъ аудиторіи Томаса». Когда Кондыревъ сталъ записывать ихъ фамиліи, «студентъ Смирновъ *вышелъ изъ предѣловъ всякаго повиновенія и оказался буйнымъ* (въ чемъ заключалось это буйство—Кондыревъ не объясняетъ). Такое расположеніе духа Смирнова онъ замѣчалъ и прежде; «подобные поступки», говоритъ Кондыревъ, «заслуживаютъ особенное вниманіе и наказаніе. Въ іюнѣ магистръ Юнаковъ доноситъ тому же Яковкину, что Смирновъ «оказался буйнымъ, грубымъ и дерзкимъ противъ эконома Звѣрева», жалуется на его «неисправленіе и ожесточеніе». Смирнова приговорили къ выговору, но этотъ

„Людмилу" Жуковскаго. И вотъ этотъ-то легендарный самарскій помѣщикъ въ 1854 году является въ Казань, нанимаетъ большую квартиру и подаетъ ректору Казанскаго университета прошеніе о допущеніи его къ экзамену на званіе чиновника 2 разряда. Какая цѣль имѣлась въ виду у Путилова получить это безполезное и ненужное ему званіе—сказать не умѣемъ, но думаемъ, какъ утверждали и тогда, что кромѣ насмѣшки надъ университетомъ и надъ профессорами, которыхъ этотъ господинъ хотѣлъ купить, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ Броннера—другой цѣли у него не было. Въ городѣ ходило много толковъ объ этомъ инцидентѣ. Говорили, что Путиловъ держалъ съ кѣмъ-то пари, что онъ экзаменъ выдержитъ. Не думаемъ, чтобъ Путиловъ давалъ деньги членамъ комитета для пріема въ студенты, но знаемъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, падкихъ на угощеніе, онъ не скупился угощать. Экзаменъ происходилъ въ два пріема: весной 1854 года, когда Путиловъ выдержалъ удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ тогдашняго гимназическаго курса, кромѣ латинскаго языка, на которомъ запнулся, и въ сентябрѣ, когда и изъ этого предмета получилъ удовлетворительную отмѣтку. Мы не встрѣчали тогда Путилова и въ экзаменѣ его не участвовали. См. Дѣло объ утвержденіи въ званіи чиновника 2-го разряда коллежскаго ассесора Д. Путилова. *Сов.* 1854 г.

выговоръ не былъ еще приведенъ въ исполненіе, какъ 4 іюля Яковкинъ заявляетъ въ засѣданіи совѣта, что этотъ же Смирновъ, вмѣстѣ съ студентомъ Филипповскимъ, въ комнатѣ подлѣ физическаго кабинета сожгли пороховой фонтанъ. За это опять послѣдовалъ выговоръ. Очевидно, что Смирновъ, хотя и былъ казеннымъ студентомъ, но не имѣлъ никакой склонности къ занятіямъ наукой. Идеаломъ его, какъ и множество другихъ студентовъ того времени, была военная служба и вѣроятно онъ и осуществилъ его. О судьбѣ его ничего неизвѣстно. Въ 1812 году въ іюлѣ онъ взялъ отпускъ въ С.-Петербургъ, слѣдовательно въ то время, когда уже началась отечественная война, и безъ сомнѣнія немедленно же былъ принятъ въ какой-либо полкъ. Помощникъ инспектора Юнаковъ доноситъ 17 сентября того же года, что Смирновъ изъ отпуска не воротился [1]). Что касается до порохового фонтана, который былъ сожженъ Смирновымъ и Филипповскимъ въ зданіи университета, то фейерверки, пусканіе ракетъ, бураки и проч., все это было самымъ любимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ невиннымъ изъ развлеченій тогдашнихъ студентовъ, хотя начальство университета относилось къ этому строго. Фейерверки сжигались обыкновенно на озерѣ Кабанѣ, почти съ самого основанія университета, и полиція очень часто доводила до свѣдѣнія университетскаго начальства объ этой любимой забавѣ студентовъ, которые за нее обыкновенно наказывались карцеромъ. Въ іюлѣ 1813 года командующій казанскимъ артиллерійскимъ гарнизономъ маіоръ Богомоловъ увѣдомилъ совѣтъ университета, что порохъ можетъ быть отпускаемъ студентамъ только тогда, когда они представятъ записку отъ инспектора [2]). Полиція грозила тѣмъ даже, что донесетъ министру полиціи, если студенты не оставятъ этой забавы.

Очень много хлопотъ, а также и значительную переписку возбуждало не прекращавшееся желаніе студентовъ и особенно казенныхъ, отдѣлаться отъ обязательной шестилѣтней службы въ званіи учителей и уйти въ военную службу, бывшую тогда идеаломъ дѣятельности для молодыхъ людей. Въ первой части нашего сочиненія. посвященнаго прошлому Казанскаго университета («Изъ первыхъ лѣтъ» и пр. I, стр. 345—349), мы привели фактъ увольненія въ военную службу 24 студентовъ (изъ нихъ 19 было казенныхъ). Это было въ 1807 году, въ годъ ополченія и высочайшихъ рескриптовъ. которые призывали учащуюся молодежь на службу въ войско. Мы

---

[1]) Дѣло о худыхъ поступкахъ младшаго студента Африкана Смирнова и объ увольненіи его въ отпускъ въ С.-Петербургъ. *Сов.* 1812 г., № 39.

[2]) Дѣло *Сов.* 1813 г., № 92.

отрицали тогда, что это стремленіе въ военную службу вызвано было сознательнымъ патріотическимъ чувствомъ; это доказывается тѣмъ, что изъ студентовъ, поступившихъ тогда въ военную службу, три четверти было казенныхъ, желавшихъ этимъ отдѣлаться отъ обязательной службы. Въ 1812 году повторилось то же явленіе и также точно нѣтъ основаній видѣть въ немъ глубокое патріотическое увлеченіе. Только теперь не такъ легко было оставить университетъ желающимъ. Въ 1812 году первымъ сталъ проситься въ военную службу студентъ Сергѣй Сычуговъ, братъ того ученика гимназіи, который хотѣлъ уйти также въ военную службу (см. выше, стр. 381—382). Зная изъ распоряженія Румовскаго, что онъ не иначе можетъ быть уволенъ въ военную службу, какъ прослуживъ шесть лѣтъ въ званіи учителя, или по взносѣ денегъ, казною на его содержаніе употребленныхъ, Сычуговъ обратился съ просьбою прямо къ министру народнаго просвѣщенія. Изъ нея видно, что съ 1800 года онъ учился въ казанской гимназіи на казенномъ счету, а потомъ, съ 1807 года, продолжаетъ ученіе въ университетѣ. А какъ онъ по бѣдности своей денегъ сихъ (за 12 лѣтъ) внести не въ состояніи и не имѣетъ, по его словамъ, «ни малѣйшаго рвенія содѣлаться образователемъ юношества, то на основаніи §§ 101 и 117 университетскаго устава (совершенно не идущихъ къ дѣлу, какъ замѣтилъ и министръ) проситъ уволить его изъ университета для опредѣленія въ военную службу. Министръ, возвращая эту просьбу, предложилъ совѣту «объяснить Сычугову, что онъ приготовляемъ былъ не къ военной службѣ, и слѣдовательно не можно его уволить въ оную послѣ того какъ университетомъ употреблено на приготовленіе его къ учительской должности не малое иждивеніе, при чемъ внушить, что *во всякомъ родѣ службы можно быть полезнымъ отечеству*, если только съ ревностью исполнять возложенную правительствомъ обязанность».

Едва ли подобные совѣты студентамъ Казанскаго университета могли имѣть практическое значеніе, могли заставить ихъ заниматься для обязательной службы въ званіи учительскомъ. Новый попечитель Салтыковъ былъ также противъ увольненія въ военную службу:

„Усматриваю я", писалъ онъ совѣту, „изъ списка, что въ Казанскомъ университетѣ находится казенныхъ студентовъ: старшихъ 9, да младшихъ 15, всего только 25 человѣкъ, при томъ же изъ числа послѣднихъ многіе гг. профессоры, какъ видно изъ представленія ихъ къ предмѣстнику моему, *почитаютъ даже не совсѣмъ способными къ слушанію лекцій по ихъ нетвердости въ иностранныхъ языкахъ*: по сему самому никакъ не могутъ быть уволены въ корпусъ волонтеровъ, находящійся при 2 кадетскомъ корпусѣ, ни студенты Данковъ и др., ни студентъ Сычуговъ, о которомъ совѣтъ возобновляетъ ходатайство, по той причинѣ, что по столь недостаточному

числу оныхъ *самъ университетъ имѣетъ въ нихъ необходимую нужду, дабы гг. профессоры не оставались совсѣмъ безъ занятій*" [1]).

Не помогла студентамъ, просившимся въ военную службу, реторика, въ которой они были особенно сильны, изучая ее на урокахъ и упражняясь въ ней въ классахъ декламаціи, устроенныхъ Яковкинымъ. Въ своемъ коллективномъ прошеніи на Высочайшее имя, студенты эти пишутъ, что «горя усердіемъ къ любезному отечеству и ревнуя содѣлаться достойными изліянныхъ и изливаемыхъ на насъ щедротъ монаршихъ», они просятъ о переименованіи ихъ изъ студентовъ въ кадеты 2-го волонтернаго корпуса (по манифесту 6 іюля 1812 года), «гдѣ бы», заключаютъ они, «мы, приготовивъ себя важнѣйшими воинскими познаніями, могли стать въ сонмѣ достославнаго и побѣдоноснаго Вашего Императорскаго Величества воинства на защиту престола и государства». Изъ справки о ихъ успѣхахъ и занятіяхъ, потребованной министромъ, видно, что всѣ они учились почти исключительно у русскихъ профессоровъ: Яковкина, Городчанинова, Перевощикова, Шоника. У Врангеля, читавшаго по русски, одинъ Данковъ; онъ же слушалъ Броннера, вѣроятно потому что съ дѣтства зналъ языкъ нѣмецкій, но не особенно прилежно, non praecipuo studio, какъ свидѣтельствовалъ этотъ профессоръ. Только одинъ Ярцовъ, объ успѣхахъ котораго въ восточныхъ языкахъ мы говорили (часть 1-я, стр. 166—169), выдавался передъ прочими своими свѣдѣніями. Это былъ единственный слушатель Френа; его и хвалилъ и любилъ профессоръ и потому энергически протестовалъ противъ поступленія его въ военную службу: «Talem igitur subito ardore impetuve juvenili ad arma abripi nollem». Совѣтъ рѣшилъ: всѣ прошенія казенныхъ студентовъ о поступленіи въ военную службу возвращать назадъ и не давать имъ хода.

Еще до открытія университета въ совѣтѣ не разъ поднимались разсужденія о томъ: какими способами заставить заниматься студентовъ, вовсе не подготовленныхъ семьею и школою къ слушанію университетскихъ лекцій, совершенно не понимавшихъ ни цѣли образованія, ни надобности его въ жизни. Въ засѣданіи 6 ноября 1812 года, по выслушаніи рапорта инспектора гимназіи, адъюнкта Лубкина, уже приведеннаго нами (выше, стр. 378) о неуспѣшности ученика гимназіи Сумарокова, совѣтъ опредѣлилъ: «предоставить гг. членамъ совѣта къ будущему совѣту представить свои мнѣнія

---

[1]) Дѣло по прошеніямъ казенныхъ студентовъ: Сычугова, Ярцова, Данкова, Климова, Андреева и учениковъ Скрубскихъ о поступленіи въ военную службу. *Сов.* 1812 г. № 46 и другое дѣло того же года, № 130.

какимъ образомъ прекратить непослушаніе и нерадѣніе къ наукамъ, воспитанниками и студентами оказанныя». Въ это же засѣданіе совѣта было выслушано донесеніе помощника инспектора студентовъ Юнакова, который, подобно другимъ своимъ сослуживцамъ, писалъ, что студенты часто не посѣщаютъ лекцій, что онъ «старался всѣми силами отвратить ихъ отъ таковыхъ поступковъ, но видя нхъ почти ежедневно продолжающими поступать по прежнему», считаетъ долгомъ донести объ этомъ. Такимъ образомъ начались въ совѣтѣ разсужденія о мѣрахъ исправленія студентовъ, съ которыми не знали какъ поступать [1]).

Не всѣ профессоры принимали участіе въ этихъ разсужденіяхъ, и мѣры, ими придумываемыя къ тому, чтобъ пробудить въ студентахъ интересъ къ умственному труду и уваженіе къ знанію, и тогда какъ и въ позднѣйшее, близкое къ намъ время, при составленіи такъ называмыхъ «правилъ», имѣли чисто внѣшній, формальный характеръ. Никому не приходило въ голову, что глубокій историческій порокъ коренится въ самомъ складѣ и въ условіяхъ русской жизни; искали причинъ ближайшихъ и думали, что цѣли легко достигнуть принудительными средствами, строгостью и т. п. Профессоръ Томасъ находилъ напр., что «ненависть къ наукѣ (litterarum odium)», замѣчаемая теперь во многихъ ученикахъ гимназіи и студентахъ, источникомъ своимъ имѣетъ «чрезвычайное, по большей части увлеченіе военною службою (magna ex parte oriatur ex nimio castrorum amore)», и потому, чтобы прекратить это, необходимо, по мнѣнію Томаса, распоряженіе министра или особый указъ, чтобы студенты, воспитавшіеся на счетъ казны, принимались въ военную службу не иначе, какъ только по представленіи ими свидѣтельства отъ университета о хорошемъ поведеніи и о прилежаніи къ изученію наукъ. Лубкинъ, по почину котораго возникъ собственно вопросъ «касательно мѣръ въ разсужденіи студентовъ и учениковъ казенныхъ, безуспѣшныхъ по лѣности, своевольныхъ и уклоняющихся отъ своего назначенія», дѣлитъ этотъ вопросъ на двѣ части: 1) Что слѣдуетъ *теперь же* съ таковыми учениками и студентами дѣлать? и 2) Какія мѣры нужны *впредь*, дабы подобныхъ имъ сколько возможно менѣе было?

1) „Поелику всѣ почти изъ таковыхъ грозятъ своею готовностью поступить въ военную службу, то нынѣ не уволить ихъ, *а отослать для опредѣленія въ оную, какъ въ наказаніе имъ, такъ и въ примѣръ другимъ*. Ибо *они сами, обязавшись приготовлять себя къ ученымъ (?) должностямъ, въ замѣ-*

---

[1]) Дѣло о прекращеніи (sic) средствъ, относящихся до лѣнивыхъ учениковъ, къ ихъ грубостямъ и непослушанію. *Сов.* 1812 г. № 104.

щеніи коихъ великія находятся затрудненія по недостатку людей, тѣмъ самымъ не только не сдержали своего слова и обманули правительство, но и втунѣ обратили казенное иждивеніе, употребленное на нихъ единственно въ сказанной, предполагаемой объ нихъ надеждѣ. Но какъ не всѣ одинаково виновны, то о тѣхъ, которые вели себя хорошо, отмѣчать при отправленіи ихъ въ воинскія команды, что они отправляются только по безнадежности своей и неспособности къ занятію ученыхъ должностей; о другихъ же—по причинѣ ихъ дурнаго и строптиваго характера. *О первыхъ*—чтобы не лишить ихъ перспективы къ выслугѣ; *о послѣднихъ*—дабы примѣръ ихъ внушилъ остающимся товарищамъ, что упорностью и вольничаньемъ противу начальства они не могутъ выиграть, а все потеряютъ".

П) „Чтобы впредь подобныхъ сему не соотвѣтствующихъ своей цѣли казенныхъ воспитанниковъ сколько возможно было менѣе, то кажется необходимо нужно всѣхъ ихъ, въ разсужденіи вниманія къ своей должности (?), *поставить между двумя неизбѣжными крайностями.* Ибо изъ опытовъ извѣстно, что люди не утвердившіеся еще въ своихъ правилахъ, рѣдко исполняютъ свои обязанности охотно, если не видятъ въ томъ прямой для себя необходимости". Въ чемъ однакоже заключались, по мнѣнію Лубкина, эти крайности или альтернативы, которыя должны уничтожить зло, онъ не объясняетъ или говоритъ о томъ, какъ метафизикъ, весьма туманно; вообще онъ далекъ отъ дѣйствительности, ничего практическаго не предлагаетъ и нисколько не касается главнаго источника зла—безсилія господствовавшей педагогической системы и неприготовленности молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ. Мѣры, предлагаемыя Лубкинымъ—старыя мѣры, оставшіяся безъ результата: „Не принимать на казенный коштъ учениковъ мало подающихъ надежды о себѣ или со стороны своихъ способностей или со стороны расположенности своей къ ученому званію" (это совершенно понятное правило давно уже существовало, но люди, призванные исполнять его, не исполняли). „Если такіе приняты, то съ таковыми принимать надлежащія (?) мѣры или къ исправленію ихъ (?), или къ скорѣйшему удаленію".

Сторль, съ своей стороны, предлагалъ, чтобы такихъ учениковъ и студентовъ, которые не хотятъ учиться и стремятся въ военную службу, совѣтъ призвалъ и увѣщевалъ. Кондыревъ свои мѣры раздѣлилъ на нѣсколько рубрикъ: 1) «Совершенно худыхъ, безнадежныхъ выключить въ военную службу» (т. е. отдать въ солдаты, что считалось тогда самымъ жестокимъ наказаніемъ). 2) Подающихъ надежду (?) на исправленіе — *въ военную службу на краткое время*, съ возвращеніемъ опять въ университетъ или гимназію» (слѣдовательно военная служба является не только наказаніемъ, но и мѣрою педагогическою). 3) При *худыхъ только дарованіяхъ* (?) уволить безъ свидѣтельства о поведеніи. 4) На казенное содержаніе принимать тѣхъ, кои въ среднемъ классѣ и подаютъ надежды (?). 5) Избирать въ надзиратели надъ учениками изъ *студентовъ, съ прибавкою къ ихъ надзирательскому жалованью по сту рублей*, при казенномъ столѣ; ихъ нужно двойное число, чтобъ они занимались съ учениками повтореніемъ *и смотрѣніемъ за поведеніемъ ихъ.* 6) Преподаватели

обязаны прилежно замѣчать кто ходитъ къ нимъ на лекціи и показывать о томъ въ мѣсячныхъ рапортахъ совѣту». И эти мѣры очевидно были непрактичны и также не могли принесть пользы, какъ и распоряженіе совѣта вслѣдъ за всѣми рзсужденіями о вопросѣ: «казеннымъ студентамъ и воспитанникамъ гимназіи прочесть и подтвердить всѣ предписанія, запрещающія казеннымъ воспитанникамъ вступать въ другое званіе кромѣ ученаго»: всѣ эти предписанія давно были извѣстны, но именно ихъ-то и хотѣли нарушить стремящіеся въ военную службу. И попечитель также, съ своей стороны, дѣлалъ *предписаніе* о внутренней дисциплинѣ; но онъ видѣлъ довольно вѣрно, хотя и не вполнѣ точно, симптомы ея нарушенія, не задумываясь однако надъ историческою и общественною причиною этихъ симптомовъ:

„1) Подтвердить отъ моего имени всѣмъ казеннымъ ученикамъ гимназіи и студентамъ, чтобы съ ихъ стороны строго и съ точностью было наблюдаемо *чинопочитаніе* и что неповиновеніе ихъ доказываетъ, что они отнюдь неспособны къ военной службѣ, въ которую они просятся и гдѣ повиновеніе почитается душею порядка и благоустройства. Но когда они и за симъ моимъ подтвержденіемъ будутъ упорствовать и нарушать порядокъ, то противъ сего приняты будутъ такія мѣры, которыя заставятъ ихъ раскаяться. 2) Чтобы студенты и ученики не уклонялись отъ ученія, то смотрѣть, чтобы при начатіи онаго никто изъ нихъ не оставался въ комнатахъ и *предписать* смотрителямъ (?), чтобы они за симъ имѣли неослабное наблюденіе, преподавателямъ же и учителямъ имѣть списки кто у нихъ долженъ быть въ классахъ; ежели же кто изъ студентовъ или учениковъ не явится къ ученію, то за таковымъ въ то же время посылать дежурныхъ офицеровъ; въ случаѣ же отзыва о болѣзни, дѣлать лѣкарское свидѣтельство. 4) Усматриваю я изъ меморіи, что и самые *гг. учители гимназіи уклоняются часто отъ своей должности,* обыкновенно отзываясь болѣзнію, то объявить и имъ, чтобы они прилежнѣе и исправнѣе проходили свою обязанность и въ случаѣ ихъ отлучекъ отъ оной подъ предлогомъ болѣзни, дѣлать также и имъ лѣкарское свидѣтельство“.

Всѣ эти мѣры и распоряженія съ чисто пальятивнымъ характеромъ были безсильны заставить заниматься студентовъ и отвлечь ихъ отъ военной службы, ставшей идеаломъ для большинства. Обязательства, даваемыя студентами и ихъ родителями прослужить за казенное содержаніе шесть лѣтъ въ званіи учителя или вообще при университетѣ, носили или безсознательный характеръ, или давались со скрытою цѣлью такъ или иначе обойти ихъ при случаѣ. Если бы окончаніе въ университетѣ курса не давало никакихъ служебныхъ правъ, то безъ сомнѣнія онъ былъ бы пустъ въ тѣ годы, которые мы описываемъ. А тутъ представлялась двоякая возможность, весьма выгодная для родителей: воспитать даромъ дѣтей своихъ, да еще пріобрѣсти для нихъ служебныя права.

Могли ли уничтожить зло этой спекуляции какія-либо предписанія? И родители, и сыновья умѣли обходить всякое предписаніе, въ доказательство чего приведемъ слѣдующій случай. Салтыковъ, препровождая въ совѣтъ 17 іюня 1813 года, отношеніе къ нему главнокомандующаго московскимъ ополченіемъ графа Маркова, требуетъ свѣдѣній: «можно ли *законнымъ порядкомъ* исключить изъ штата университета студента Павла Овчинникова?» Это только что послѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій и подтвержденій. Совѣтъ, ссылаясь на прежнее предписаніе министра, донесъ, что увольненіе Овчинникова, какъ казеннаго студента, въ воинскую службу, не соотвѣтствуетъ этому предписанію: Овчинниковъ долженъ прослужить шесть лѣтъ въ «ученомъ званіи». Изъ бумаги графа Маркова оказалось, что онъ принялъ казанскаго студента Овчинникова въ ополченіе московской силы и назначилъ въ 3 егерскій полкъ еще въ 1812 году «по желанію его къ защитѣ отечества». Выходитъ, что онъ, не служа, числился въ полку уже съ годъ, но «по случаю безпрестанныхъ маршей» Марковъ не успѣлъ о томъ увѣдомить попечителя Салтыкова [1]). Независимо отъ сообщенія Салтыкову, Марковъ писалъ о томъ же и къ министру. Послѣдній предписалъ не считать болѣе Овчинникова, получившаго уже чинъ прапорщика, въ вѣдомствѣ университета. Когда было объявлено объ этомъ Овчинникову, онъ тотчасъ подалъ просьбу въ совѣтъ о выдачѣ ему аттестата о поведеніи и успѣхахъ, а также и паспорта, безъ котораго онъ не можетъ ни явиться къ мѣсту своего служенія, ни проѣхать туда. При собираніи свѣдѣній о пребываніи Овчинникова въ университетѣ, инспекторъ, профессоръ Браунъ далъ свидѣтельство, что съ самаго его вступленія въ должность инспектора, съ 13 іюля 1813 года, Овчинниковъ велъ себя крайне дурно, почему попечитель вошелъ уже съ представленіемъ къ министру, «чтобы его за худыя качества и дурное поведеніе соблаговолено было отдать въ военную службу» (въ наказаніе). Зачисленіе въ военную службу казеннаго студента и производство его въ прапорщики, безъ вѣдома университетскаго начальства, было сюрпризомъ для послѣдняго. Оказалось что еще за годъ до этого, отецъ Овчинникова записалъ сына въ московское ополченіе, гдѣ и самъ служилъ, и тотъ, живя въ Казани, числился въ полку. Согласно предписанію министра, Овчинникову былъ выданъ аттестатъ, но въ немъ прописано было неодобрительное свидѣтельство Брауна. По поводу

[1]) Дѣло объ увольненіи изъ университета казенныхъ студентовъ: Овчинникова, Сычугова, Данкова, Андреева и кандидата Сидорова. *Сов.* 1813 года, № 84.

этого свидѣтельства Овчинниковъ подалъ въ совѣтъ университета длинное, на двухъ гербовыхъ листахъ прошеніе, изъ котораго видно между прочимъ, что въ гимназіи и университетѣ онъ былъ на казенномъ содержаніи 14 лѣтъ. Не скрываетъ онъ того, что узнавъ о распоряженіи министра не считать его студентомъ и о томъ, что онъ прапорщикъ, онъ пересталъ учиться: «Съ сего самаго времени всѣ мои чувствованія, всѣ мои помышленія», говоритъ онъ, съ свойственною школѣ Яковкина реторикою, «отклонены были болѣе на предметъ воинской Его Императорскаго Величества службы, и вслѣдствіе того, когда только могъ, всегда и всюду искалъ случаевъ видѣться и бесѣдовать съ г.г. опытными воинскими офицерами, научаясь (?) отъ нихъ мастерству и подвигамъ воинскимъ, къ которымъ себя приготовлялъ. Но совсѣмъ тѣмъ однакоже ни на пядь не отступалъ отъ прежнихъ правилъ, руководствовавшихъ поступками моими въ теченіе четырнадцатилѣтняго пребыванія моего въ гимназіи и университетѣ» (ссылается на Эриха, Городчанинова и Петровскаго). Опровергая неблагопріятное мнѣніе о немъ Брауна, Овчинниковъ старается доказать, что если поведеніе его было дурно, то инспекторъ обязанъ былъ донести объ этомъ гораздо прежде совѣту, что раньше онъ никогда не слыхалъ отъ Брауна ни увѣщаній, ни «исправленій», а только угрозы. Инспекторъ считаетъ дерзостью, говоритъ Овчинниковъ, что онъ, безъ вѣдома университета, пожелалъ опредѣлиться въ военную службу; но на это была воля отца; доказываетъ, что не онъ самъ, а отецъ подавалъ прошеніе главнокомандующему московскимъ ополченіемъ. Овчинниковъ жалуется на строгость и придирки Брауна. За то, что онъ «на короткое время отлучился на квартиру отца посѣтить его страждущаго тяжкою болѣзнью, что не воспрещалось до того времени строго», Браунъ «заточилъ меня самъ собою, безъ всякаго къ совѣту отношенія, въ карцеръ, въ которомъ я во все время моего ученія не сиживалъ и гдѣ *отъ ужасовъ тьмы, пустоты и гнилаго воздуха*, ощутивъ всю горесть души моей, тоску и отчаяніе, и представя себѣ, что по правиламъ университета предаются таковому наказанію за важнѣйшія преступленія и не иначе, какъ по опредѣленію совѣта, въ семъ мучительномъ состояніи, сочтя такой поступокъ г. инспектора *насиліемъ*, дерзнулъ сіи горестныя мои чувствованія *сообщить отцу моему*, прося его ходатайства о свободѣ». Эту жалобу сына отецъ представилъ попечителю; послѣдній принялъ ее за дерзость противъ начальства и продлилъ время содержанія въ карцерѣ. «Вѣроятно ли, говорилось въ бумагѣ Салтыкова, чтобы человѣкъ, обыкшій и утвердившійся всегда держать себя по строгимъ правиламъ, въ мигъ и какъ бы нарочно для

новаго инспектора, съ самаго перваго дня его вступленія, развратился?».

Прошеніе Овчинникова оканчивается требованіемъ, чтобы Браунъ объяснилъ, что разумѣетъ онъ подъ словомъ *дурно*, въ его поведеніи, въ чемъ состояло его худое поведеніе, въ какихъ порокахъ онъ былъ замѣченъ и почему инспекторъ не доносилъ о томъ прежде совѣту; словомъ Овчинниковъ требуетъ слѣдствія надъ инспекторомъ. Неблаговоленіе попечителя, по словамъ Овчинникова, онъ заслужилъ потому, что безъ его вѣдома подана просьба отцомъ о поступленіи сына въ военную службу, минуя его, непосредственнаго начальника, но Овчинниковъ оправдывается тѣмъ что просьба эта была подана въ 1812 году, до вступленія Салтыкова въ должность. Попечитель грозилъ «написать его» въ солдаты, когда онъ былъ уже прапорщикомъ. За это только и Браунъ, по словамъ Овчинникова, не могъ его терпѣть. Высказавъ все это, онъ проситъ о перемѣнѣ дурного аттестата на хорошій. Совѣтъ однако отказалъ ему въ этой просьбѣ.

Одновременно съ Овчинниковымъ министръ рѣшилъ также и дѣло о студентахъ Андреевѣ, Сычуговѣ и Данковѣ, которые подавали просьбы о поступленіи въ военную службу. «Если они не пріобрѣли еще столько познаній, сколько нужно для учительскаго званія», писалъ министръ къ Салтыкову, и не стараются о пріобрѣтеніи оныхъ, можно ихъ опредѣлить, если не въ учители, то въ другія (?) по учебной части должности, *дабы прослужили въ оныхъ узаконенный срокъ;* но теперь же строго предпишите, дабы впредь, при избраніи учениковъ въ казеннокоштные студенты, *обращаемо было больше вниманія и принимаемы были въ число таковыхъ тѣ только, которые показали уже дарованія и склонность свою къ ученію*, равнымъ образомъ отнюдь не принимать въ оные тѣхъ, кои по какимъ либо недостаткамъ, какъ-то: *косноязычіе* (казенный кандидатъ Сидоровъ былъ уволенъ за этотъ недостатокъ) и проч. къ учительской должности способны быть не могутъ». Андреевъ и Данковъ исключены были безъ аттестатовъ. Любопытны фразы, какъ они росписались въ выслушаніи ими распоряженія о нихъ министра народнаго просвѣщенія: «Когда высшее начальство признало насъ достойными таковаго жестокаго наказанія, то долгъ нашъ требуетъ почитать повелѣнія онаго священными и безпри(е)кословно повиноваться».

Такимъ образомъ и министръ повторялъ распоряженія всѣмъ извѣстныя. Въ какія другія (?) должности по учебной части можно опредѣлять съ пользою ни на что негодныхъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи и университета, министръ не указывалъ, да

едва ли онъ самъ сознавалъ значеніе и содержаніе этихъ предполагаемыхъ имъ должностей. Выше мы приводили примѣръ трехъ казенныхъ воспитанниковъ, которые оказались неудобными и негодными даже въ канцелярскіе чиновники. Существовало предписаніе покойнаго попечителя Румовскаго отъ 11 сентября 1811 года, въ которомъ говорилось, въ виду недостатка суммъ, отпускаемыхъ на университетъ и увеличенія письмоводства: «Смотря на надобности употреблять для письмоводства по очередно студентовъ и кандидатовъ, не отвлекая одакоже ихъ отъ настоящихъ должностей». Въ 1813 году Яковкинъ, тогда еще инспекторъ студентовъ, послалъ двухъ изъ нихъ: Сычугова и Климова, «по необходимости», къ бухгалтеру гимназіи для переписки балансовъ и вѣдомостей о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, не болѣе какъ на три дни. Оба они, жаловался Яковкинъ совѣту, «оказали непослушаніе». Совѣтъ опредѣлилъ заключить ихъ въ карцеръ на недѣлю, а директору и инспектору поручилъ пригласить другихъ; послушались ли другіе намъ неизвѣстно [1]).

Какъ казенные студенты не желали быть писцами, такъ и отъ прямой своей обязанности быть учителями, для чего собственно они и готовились, поступая на казенное содержаніе, они также отказывались; слѣдовательно всѣ мѣры, предписываемыя начальствомъ, внушенія и распоряженія, такъ часто повторяемыя, оставались безъ результатовъ. Правленіе университета 8 октября 1815 года за № 1638, сообщало совѣту слѣдующее: «Студенты казеннаго содержанія Бутлеръ (по другимъ спискамъ Бутлеровъ) и Веригинъ, опредѣленные совѣтомъ въ учительскія должности, первый въ томское, второй въ семеновское уѣздныя училища, правленіемъ сего 7 октября впущены были въ присутствіе для приведенія ихъ на сіи должности къ присягѣ и отправленія къ должностямъ, но они дерзновенно отъ принятія присяги отказались, говоря, что не хотятъ занять назначенныхъ имъ мѣстъ». Считая этотъ поступокъ студентовъ буйнымъ противъ начальства, совѣтъ представилъ о немъ попечителю. Вслѣдъ за этимъ отецъ Веригина, титулярный совѣтникъ, вошелъ въ совѣтъ съ просьбою, чтобъ онъ не опредѣлялъ его сына въ уѣздные учители, такъ какъ онъ неспособенъ къ учительскому званію, обязуясь съ своей стороны за пользованіе сыномъ казеннымъ содержаніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вносить каждогодно, «по бѣдному своему состоянію», по 250 рублей. Совѣтъ возвратилъ прошеніе истцу, высказавшись, что онъ не можетъ перемѣнить свое рѣшеніе. Другой,

---

[1]) Дѣло о чинимыхъ грубостяхъ Яковкину студентами Сычуговымъ и Климовымъ. *Сов.* 1813 г. № 15.

казенный студентъ Бутлеръ, также представилъ свое объясненіе совѣту, въ которомъ писалъ, что несогласенъ поступить на службу учителемъ въ томское уѣздное училище *по силѣ Высочайше дарованной дворянству свободы* и просилъ объ увольненіи его въ «волонтирный корпусъ» или опредѣленіи учителемъ въ нижегородское уѣздное училище. Совѣтъ и это прошеніе возвратилъ съ надписью. Представленіе объ этомъ инцидентѣ попечителю вызвало слѣдующее предписаніе:

„Совѣтъ представляетъ мнѣ о дерзости и буйствѣ студентовъ Бутлера и Веригина, въ правленіи университета оказанныхъ. Признавая порядокъ за душу всякаго заведенія, по долгу своему я желаю содѣйствовать къ отвращенію всего нарушающаго оный, однакожъ, по донесенію совѣта *въ упомянутомъ случаѣ ни къ чему не могу основательно приступить* дотолѣ, пока совѣтъ не дастъ должнаго по сему опредѣленія, въ коемъ бы изобразилъ свое мнѣніе, а не просто представлялъ на разсмотрѣніе, о чемъ ему же было предписываемо" (очевидно самъ попечитель не зналъ какъ поступить). Ибо дерзости и буйства имѣютъ свои степени, а потому и наказанія должны быть различны. Почему и предлагаю совѣту вникнуть: какая степень дерзновенія и буйности, сими студентами оказанная и чего потому заслуживаютъ, дабы я съ основательностью могъ представить о томъ его с-ству г. министру, или принять при семъ мѣры остановить таковой безпорядокъ. Впрочемъ совѣтъ представитъ мнѣ о семъ мнѣніе и г. безсмѣннаго засѣдателя; кромѣ того, призвавъ въ присутствіе совѣта сихъ студентовъ, взять съ нихъ объясненіе и объявить отъ имени моего, что неповиновеніе ихъ строго будетъ наказано, коль скоро они и нынѣ покажутъ къ исполненію должнаго упорство".

Дѣло объ опредѣленіи Веригина и Бутлера въ уѣздные учители, вслѣдствіе бумажнаго производства, мало помалу измѣнялось и получало иной видъ. Профессоръ-визитаторъ Никольскій обратился въ совѣтъ съ просьбою: не благоугодно ли ему будетъ студенту Веригину, назначенному учителемъ въ Семеновское училище, дать какое либо иное назначеніе, «такъ какъ имъ, при обревизованіи сего училища 3 сентября, найдено только 9 учениковъ изъ бѣднаго состоянія, изъ которыхъ ни одинъ не умѣетъ порядочно читать по русски, и сіе происходитъ отъ того, что въ городѣ Семеновѣ около половины гражданъ записные старообрядцы. Потому настоящее число училищныхъ чиновниковъ слишкомъ достаточно для сего училища».— Отецъ Бутлера также вошелъ въ совѣтъ университета съ прошеніемъ, «чтобы сына его, студента Капитона Бутлера, впредь до воспослѣдованія рѣшенія *на особенную его просьбу*, не посылать въ томское уѣздное училище въ учители, а помѣстить на имѣющуюся ваканцію въ нижегородское уѣздное училище, такъ какъ *онъ, при своей старости имѣетъ только одного сына, а отдаленіе его въ Томскъ будетъ ему и женѣ его весьма прискорбно*». Подобно отцу

Веригина, и онъ предлагаетъ выплачивать погодно по 250 рублей впредь до уплаты всей суммы, употребленной казною на воспитаніе и содержаніе его сына. Въ чемъ заключалось мнѣніе безсмѣннаго засѣдателя Никольскаго—мы не знаемъ, такъ какъ не нашли его при дѣлѣ; оно было представлено совѣтомъ «на благоусмотрѣніе» попечителя и на его разрѣшеніе; студентамъ же *предписано* пока слушаніе лекцій по прежнему. Объясненія обоихъ, назначенныхъ въ учители и отказавшихся принять присягу на должность, требуемыя попечителемъ состояли въ томъ, чте Веригинъ чувствуетъ себя неспособнымъ и проситъ уволить его вовсе отъ *сидячей должности* по причинѣ болѣзни, а Бутлеръ проситъ о томъ же, потому что чувствуетъ себя совсѣмъ неспособнымъ къ учительству. Получивъ всѣ затребованныя имъ свѣдѣнія, попечитель предложилъ совѣту, что обоихъ казенныхъ студентовъ: Веригина и Бутлера «можно уволить изъ университета, если они представятъ поручителей съ достаточнымъ залогомъ въ уплатѣ въ извѣстное время слѣдующей казнѣ за содержаніе ихъ суммы; когда же въ скоромъ времени не представятъ оныхъ, то имѣетъ университетъ сообщить въ губернское правленіе *о высылкѣ ихъ къ учительскимъ должностямъ*, въ которыя они назначены». Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ, студентъ Бутлеръ подалъ въ совѣтъ прошеніе о снабженіи его аттестатомъ и паспортомъ, приложивъ и запись въ вѣрномъ платежѣ суммы за содержаніе его на казенномъ коштѣ, которая подписана требуемыми попечителемъ поручителями. Совѣтъ однако призналъ эту запись неудовлетворительною и возвратилъ ее обратно, требуя другой, въ законной формѣ.

Если сыновьямъ представлялась весьма нежелательною карьера въ званіи учителя хотя бы и гимназіи, то отцамъ также нежелательно было взносить за нихъ вдругъ за нѣсколько лѣтъ деньги за содержаніе и ученіе, иногда за 14 и 15 лѣтъ. Вопросъ объ этомъ возникалъ уже къ 1807 году, при первомъ выпускѣ кончившихъ курсъ студентовъ въ Казанскомъ университетѣ. Мы говорили тогда, что на казенное содержаніе поступали иногда дѣти людей состоятельныхъ, но первою заботою при окончаніи курса было такъ или иначе отдѣлаться отъ обязательной службы за казенное содержаніе, и привели любопытное мнѣніе объ этомъ Яковкина: «Когда крайность и бѣдность», писалъ онъ, «то всячески испрашиваютъ казеннаго содержанія дѣтямъ, а когда усматриваютъ, что они почти готовы на службу» (болѣе выгодную конечно при тогдашнемъ недостаткѣ людей во всякомъ родѣ службы), то тотчасъ и желаютъ распоряжать ихъ участью сами: это характеръ казанскихъ *голоколѣнцевъ*». Отцы и матери нашихъ семействъ вовсе

не считали нравственною своею обязанностью сами воспитывать и учить дѣтей, да едва ли, въ большинствѣ случаевъ, и были способны на то. Вся забота ихъ заключалась въ томъ, чтобъ отдать дѣтей въ казенное заведеніе и чтобъ это стоило какъ можно дешевле. Бутлерову выданъ былъ аттестатъ, въ которомъ значилось, что онъ долженъ университету службою за полученное имъ казенное содержаніе. Тогда отецъ его, коллежскій ассесоръ Семенъ Григорьевъ Бутлеровъ, которому безъ сомнѣнія вовсе не хотѣлось платить порядочную сумму за сына, завелъ почти тяжбу съ правленіемъ университета [1]). Онъ вошелъ 11 марта 1815 г. въ правленіе съ прошеніемъ на Высочайшее имя, что вслѣдствіе поданной имъ же прежде просьбы, сынъ его, казенно-коштный студентъ Капитонъ, послѣ трехъ лѣтъ пребыванія въ университетѣ и по окончаніи имъ курса, получилъ о томъ свидѣтельство, но въ немъ «*прописано неизвѣстно мнѣ по какимъ законамъ*, что я по сему свидѣтельству никакого не имѣю права просить объ опредѣленіи сына ни въ военную, ни въ гражданскую службу, по нахожденію его въ университетѣ на казенномъ содержаніи». Ректоръ объяснилъ ему, что по закону сынъ его или долженъ выслужить шесть лѣтъ учителемъ, или взнести за все время деньги. Но ни того, ни другого разумѣется не хочется отцу, и онъ пускается въ разныя увертки въ своемъ объясненіи. Бутлеровъ-отецъ жалуется на бѣдность (помѣщикъ онъ былъ не бѣдный), на то, что кромѣ сына, есть у него еще семья (жена и дочь), что онъ первоначально училъ сына на своемъ囲коштѣ три года «и когда въ Императорской казанской гимназіи *усмотрѣны въ немъ успѣхи и дарованія* и видя мой недостатокъ *помѣщенъ онъ на казенное содержаніе безъ особенной (?) моей просьбы и тогда отъ начальниковъ не былъ я предваренъ* о таковомъ впослѣдствіи могущемъ быть сверхъ желанія принужденіи и требованіи; *да и теперь не вижу на то* Вашего Имп-скаго Вел-ства Высочайшей на то воли». Самъ ли Бутлеровъ придумалъ эти крючки, которыми онъ хотѣлъ запугать правленіе, или сочинялъ ихъ какой либо наемный законникъ—не знаемъ. Проситель ссылается на разные параграфы университетскаго устава, на «Наказъ» о сочиненіи проекта Россійскихъ узаконеній (гл. X, § 365, въ которомъ говорится: «Мало такихъ случаевъ, которые бы болѣе вели къ полученію чести, какъ военная служба; защищать отечество свое, побѣдить непріятеля онаго есть первое право и упражненіе, приличествующее дворянамъ»), на указъ 1 октября 1780 года, манифестъ

[1]) Дѣло объ увольненіи казеннаго студента Капитона Бутлерова изъ университета для опредѣленія въ дѣйствительную службу. *Сов.* 1815 г., № 95.

6 сент. 1802 г. и др. «И изъ всѣхъ сихъ узаконеній видя я», продолжаетъ отецъ Бутлеровъ, «свободную волю сыну моему къ избранію рода службы отечеству, и признавая, какъ онъ себя и я, *замѣчая по темпераменту его неспособнымъ къ службѣ въ учительскомъ званіи и зная, что ни въ какомъ ученомъ званіи за ученіе недостаточнаго дворянскаго юношества* по окончаніи ученія употребленныхъ на содержаніе ихъ казенныхъ денегъ ни съ кого обратно требовано еще не было, и на то Высочайшаго повелѣнія не вижу». Бутлеровъ ссылается на случаи съ казенными студентами: Журавлевымъ [1]) и Овчинниковымъ, которые выпущены были изъ университета съ разрѣшенія министра: «и сынъ мой въ благодарность за воспитаніе и образованіе его въ другой службѣ по способности его можетъ заслужить отечеству и принести пользу». Всѣ эти доводы отца клонятся къ тому, чтобы правленіе выдало сыну *полный* аттестатъ, съ которымъ онъ могъ бы поступить на другую службу.

По этому прошенію, содержаніе котораго мы изложили, совѣтъ собралъ справки и опредѣлилъ: «Какъ оный Бутлеровъ вообще не подаетъ никакой надежды быть полезнымъ для ученаго званія, то и представить прошеніе на благоусмотрѣніе его сіят-ства г. министра, присовокупивъ, что совѣтъ не находитъ возможнымъ освободить его отъ взноса денегъ». Изъ справки оказалось, что еще въ 1803 году мать Бутлерова вошла съ прошеніемъ о помѣщеніи сына ея на казенное содержаніе, что предписаніе попечителя объ обязательной службѣ казенныхъ воспитанниковъ послѣдовало еще въ февралѣ 1805 года, при открытіи университета, и Бутлеровъ тогда же былъ помѣщенъ на казенное содержаніе, такъ какъ въ 1803 году казенныхъ вакансій не было, а въ 1811 году переведенъ въ университетъ; что попечителямъ предоставлено было право, въ случаѣ неспособности молодыхъ людей къ учительскому званію, и, если того требовали обстоятельства, освобождать отъ обязательной службы, но

---

[1]) Журавлевъ, казенный студентъ, подалъ въ началѣ марта 1814 г. прошеніе попечителю о необходимости вступить ему въ дѣйствительную службу и о выдачѣ ему аттестата. Онъ ссылался на бѣдственное положеніе своей матери (отецъ удаленъ изъ общества, есть малолѣтняя сестра); долгъ отца увеличивается съ каждымъ годомъ. „Успѣхи въ наукахъ мои не столько значительны“, пишетъ онъ, „чтобы я могъ въ скоромъ времени получить какое либо академическое достоинство“. Попечитель отвѣтилъ сначала, что прошеніе Журавлева противно предписаніямъ высшаго начальства, но потомъ, вѣроятно убѣжденный личными просьбами Журавлева, представилъ министру объ увольненіи Журавлева, которое и было разрѣшено. Дѣло *Сов.* 1814 г., № 44.

съ тѣмъ чтобъ родители или родственники ихъ вносили употребленныя на ихъ содержаніе и воспитаніе деньги. Все это было объявлено ректоромъ университета Бутлерову отцу. Совѣтъ находитъ весьма невѣроятнымъ, чтобы отецъ не зналъ, что жена его, хотя бы и въ его отсутствіе, подала просьбу о помѣщеніи сына въ гимназію на казенный счетъ; не могъ не знать онъ и о распоряженіи касательно службы казенныхъ воспитанниковъ, доведенномъ до общаго свѣдѣнія. «Ежели онъ не желалъ видѣть сына въ ученомъ званіи», доносилъ совѣтъ, «то могъ бы взять его тотчасъ же изъ гимназіи; но онъ оставилъ его почти десять лѣтъ на казенномъ содержаніи». Отъ себя совѣтъ также замѣчалъ, что студентъ Бутлеровъ оказываетъ единственно склонность къ военной службѣ, а къ *ученой показываетъ отвращеніе и неспособность* и по посредственнымъ его дарованіямъ и познаніямъ нельзя ожидать отъ него пользы въ ученой службѣ, тѣмъ болѣе, что онъ противъ желанія въ нее поступать». Министръ еще потребовалъ отъ совѣта по этому дѣлу свѣдѣній: было ли объявлено родителямъ Бутлерова объ обязательной службѣ ихъ сына и взята ли съ нихъ подписка, что это обязательство имъ извѣстно? За доставленіемъ этихъ свѣдѣній совѣтъ обратился къ Яковкину. Изъ донесенія его видно, что распоряженіе попечителя было имъ объявлено *всѣмъ* родителямъ, желающимъ помѣстить сыновей своихъ на казенное содержаніе *и отъ всѣхъ ихъ взяты были обязательства съ подпискою*, что видно изъ дѣлъ гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія (?), что и Бутлеровъ далъ такое обязательство, «ежели же обязательство сіе не находится при дѣлахъ, то *должно полагать* (?), что оно было въ числѣ двухъ обязательствъ, которыя при снятіи архива отъ бывшаго архиваріуса Шнора, удаленнаго отъ сей должности по нерадѣнію, оказались утраченными». Кромѣ того, писалъ Яковкинъ, всѣ поступавшіе на казенное содержаніе были принимаемы только по предписаніямъ попечителя, который безъ упомянутыхъ обязательствъ не согласился бы никогда на такое принятіе. Отецъ Бутлерова не имѣетъ права отзываться незнаніемъ закона и обязанностей казенныхъ воспитанниковъ, извѣстныхъ всякому въ Казани, тѣмъ болѣе, что въ 1812 году сыну его было отказано по той же самой причинѣ, когда онъ просился въ военную службу. Министръ не согласился на увольненіе Бутлерова. По всей вѣроятности отцу пришлось выплатить деньги, а сынъ, сколько намъ извѣстно, былъ военнымъ.

Бутлерову потому не удалось безъ взноса денегъ поступить въ военную службу по свободѣ дворянства, какъ онъ выражался, что ему выданъ былъ такой аттестатъ, съ которымъ онъ не могъ быть [illegible]тъ, такъ какъ на немъ уже лежалъ долгъ обязательной службы.

Выдача такого свидѣтельства отъ университета послѣдовала вслѣдствіе новаго распоряженія министра «не выдавать уѣзжающимъ въ отпускъ студентамъ Казанскаго университета никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ паспорта». Такое распоряженіе вызвано было случаемъ съ казеннымъ воспитанникомъ Максутовымъ, его продѣлкою избавиться отъ обязательной службы въ званіи учителя. Этотъ Максутовъ былъ уже кандидатомъ естественной исторіи и кончилъ такимъ образомъ полный курсъ; перспектива уѣзднаго учителя гдѣ нибудь въ Сибири ему конечно не улыбалась. Въ 1814 году, уѣзжая на вакацію тамбовской губерніи елатомской округи въ деревню Бесѣдки, онъ, «для полученія наслѣдства и по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ», беретъ отпускъ сверхъ вакаціоннаго времени на 28 дней; затѣмъ «для приведенія дѣлъ въ порядокъ» просится въ отпускъ въ С.-Петербургъ на два мѣсяца. Для этой поѣздки выданъ былъ ему паспортъ. Между тѣмъ, на слѣдующій годъ, департаментъ государственныхъ имуществъ увѣдомилъ совѣтъ (1 іюля 1815 года, № 1030), что Максутовъ опредѣленъ на службу въ этотъ департаментъ. Донесено было министру народнаго просвѣщенія о такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, особенно потому, что Максутовъ былъ казеннымъ воспитанникомъ. Министръ въ виду того, что Максутовъ уже опредѣленъ на службу и переименованъ въ соотвѣтствующій чинъ, предложилъ его уволить изъ университета, но *поставилъ на видъ совѣту*, что Максутовъ не былъ бы опредѣленъ на службу, еслибъ университетъ не выдалъ ему свидѣтельства о правахъ его, гдѣ вовсе не было сказано объ обязательной службѣ его по учебной части за казенное содержаніе [1]).

Потребность въ учителяхъ для открываемыхъ довольно часто въ то время уѣздныхъ, большихъ и малыхъ народныхъ училищъ, съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ былъ при университетѣ училищный комитетъ, завѣдывавшій всѣми училищами округа, сознавалъ и совѣтъ, а между тѣмъ тѣ, на кого разсчитывали для замѣщенія этихъ мѣстъ, исчезали изъ вѣдомства университета совершенно безслѣдно: конечно они искали лучшаго. Недостатокъ людей для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ въ училищахъ озабочивалъ и власть, и высшее управленіе просвѣщенія. Еще въ 1811 году именнымъ Высочайшимъ указомъ сенату 10 ноября повелѣно студентовъ, поступающихъ въ университетъ изъ состояній въ окладѣ положенныхъ *и которые пожелали бы посвятить себя ученому званію*, или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде окончанія ими полнаго курса ученія въ университетѣ. По-

---

[1]) Дѣло *Сов.* 1814 г. № 173.

томъ, въ министерство графа Разумовскаго, было предписано: «въ предупрежденіе, чтобы люди изъ состояній, въ окладѣ положенныхъ, которые, по представленіямъ учебнаго начальства утверждены въ службѣ по учебной части, по исключеніи ихъ изъ окладовъ, въ скоромъ времени не переходили въ другой родъ службы, *брать съ нихъ всегда подписки, что они таковую службу продолжать будутъ не менѣе шести лѣтъ*». Слѣдуетъ замѣтить, что эта мѣра обязательной службы, предписанная для лицъ податныхъ состояній Высочайшимъ указомъ, распространялась одинаково какъ на казенныхъ, такъ и на своекоштныхъ студентовъ. Только впослѣдствіи въ министерство князя Голицына, въ 1819 году, вышло распоряженіе, что «своекоштнымъ слѣдуетъ дать полную свободу продолжать службу по учебной части, сколько пожелаютъ и не вступать даже вовсе въ оную, хотя бы и изъ подушнаго оклада освобождены были». Но при этомъ предписывалось наблюдать, чтобъ они непремѣнно кончили курсъ ученія [1].

Въ октябрѣ 1817 года въ совѣтѣ было разсуждаемо о студентахъ, «*кои полагаются за неблагонравное ихъ поведеніе заслуживающими быть выпущенными въ уѣздные учителя*». Такихъ студентовъ оказалось тогда шесть. Для «изслѣдованія сего дѣла» образованъ былъ комитетъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ; комитетъ этотъ состоялъ изъ восьми человѣкъ; онъ долженъ былъ собрать всѣ справки о поведеніи студентовъ, опредѣлить — кто изъ казеннокоштныхъ заслуживаетъ этого наказанія. Чья была идея посылать въ уѣздные учители какъ бы въ наказаніе, какъ въ ту эпоху въ наказаніе повелѣно было отдавать въ солдаты, изъ дѣла не видно, но комитетъ повидимому идеи этой не раздѣлялъ и въ своемъ опредѣленіи, представленномъ имъ въ совѣтъ, онъ просилъ исключить изъ университета «за нерадѣніе и грубость» только одного студента, а прочихъ пятерыхъ предлагалъ оставить при университетѣ «съ подтвержденіемъ и обязательствомъ, чтобы они впредь вели себя сообразно цѣли ихъ воспитанія». Для лучшей постановки дѣла приготовленія учителей, комитетъ съ своей стороны предлагалъ, чтобы правящій тогда должность инспектора студентовъ имѣлъ тщательный надзоръ за ними и посѣщалъ ихъ комнаты, при чемъ высказывалось желаніе, чтобы студенты помѣщены были въ смежныхъ комнатахъ одного зданія и были «обезпечены касательно ихъ

---

[1]) Дѣло о томъ, чтобы казеннокоштные студенты и молодые люди въ учительское званіе поступающіе *съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада*, непремѣнно обязывались прослужить въ учебной службѣ шесть лѣтъ. См. 1819 г. № 140.

хозяйственной жизни» (въ чемъ заключалась «необезпеченность» комитетъ однако не говорилъ). Онъ предлагалъ также помощника инспектора Востокова, «яко навлекшаго на себя негодованіе всѣхъ студентовъ», удалить отъ должности. О дальнѣйшихъ разсужденіяхъ комитета мы еще скажемъ.

Если въ уѣздные учители опредѣляли за нерадѣніе, лѣность и дурное поведеніе, то естественно за такою мѣрою слѣдовало ожидать полнаго неуспѣха образованія, о которомъ заботились весьма немногіе, да и то болѣе бумажнымъ образомъ. Въ предъидущей главѣ этой части (стр. 312—323) мы привели только за одинъ 1819 годъ цѣлый рядъ дѣлъ училищнаго комитета, служащій весьма грустной иллюстраціей того печальнаго положенія, въ какомъ находилось начальное и среднее образованіе въ казанскомъ округѣ, каковы были нравственныя качества преподавателей; о полномъ педагогическомъ безсиліи казанской гимназіи мы привели, какъ кажется намъ, убѣдительныя доказательства. Конечно не могло все это быть скрыто отъ власти, какъ бы ни отуманивали ея пониманіе разными реторическими фразами, но мѣры, ею употребляемыя и рекомендуемыя, были вполнѣ безсильны и не были въ состояніи дать благіе результаты. Еще въ началѣ 1814 года тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій писалъ попечителю Салтыкову (31 января, № 32):

„Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію усматривая, что *учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности*. Въ прекращеніе сего предпишите ваше превосходительство, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, то таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ“.

Нельзя безъ улыбки читать эти наивныя предписанія, когда знаешь дѣйствительность и знаешь изъ множества случаевъ прошлаго, что слова предписаній не имѣли никакой силы и никакого дѣйствія. А большинство этихъ пьянствующихъ учителей нашего округа вышли и изъ казанской гимназіи, и изъ университета, воспитываясь на казенный счетъ.

Вопросъ о поведеніи студентовъ, какъ внѣ университета, вполнѣ ввѣренныхъ инспекціи и университетскому суду, такъ и въ стѣнахъ университета, долженъ былъ необходимо обратить на себя внима-

ніе начальства. Съ назначеніемъ новаго попечителя звѣзда всемогущаго Яковкина неминуемо должна была закатиться. Мы знаемъ, что Салтыковъ весьма высоко ставилъ, и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, иностранныхъ профессоровъ Казанскаго университета, отдавалъ имъ преимущество предъ русскими. Они-то безъ сомнѣнія сообщили новому начальству весьма неутѣшительныя свѣдѣнія о порядкахъ управленія Яковкина, о ничего недѣланіи казанскихъ студентовъ, которые весьма рѣдко посѣщали лекціи, да едва ли и могли чему-нибудь и научиться на нихъ, будучи совсѣмъ неприготовлены къ университету. Преподаваніе русскихъ профессоровъ вовсе незнакомыхъ съ настоящею наукой, по большей части было не чѣмъ инымъ, какъ только повтореніемъ гимназическаго курса и на этихъ лекціяхъ студенты еще успѣвали. У иностранныхъ же профессоровъ, было одинъ-два слушателя, *назначенныхъ*, чтобы аудиторіи не оставались пустыми, произволомъ Яковкина, да и эти немногочисленные слушатели, какъ видно изъ жалобъ самихъ же профессоровъ, весьма рѣдко ходили на лекціи и профессоры часто по мѣсяцамъ не читали. Дѣло ученія не шло впередъ. За то, когда Салтыковъ, по пріѣздѣ въ Казань, познакомился ближе и съ обществомъ провинціальнаго города и съ правами тогдашнихъ студентовъ, которые конечно были не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ нравовъ этого общества и семей, онъ, собирая факты, слыша о возмутительныхъ случаяхъ грубой распущенности казанскихъ студентовъ, о которыхъ говорилъ весь городъ, долженъ былъ приписать все это неустройство нерадѣнію начальства и первымъ дѣломъ его, какъ только онъ осмотрѣлся въ Казани, было увольненіе Яковкина отъ должности инспектора студентовъ. Попечитель 6 іюня 1813 года предложилъ совѣту, на мѣсто просящаго увольненія Яковкина, выбрать другое лицо изъ ординарныхъ профессоровъ. Черезъ четыре дня избранъ былъ Браунъ (большинствомъ 13 противъ 3). Сдаточная вѣдомость о пріемѣ, которую требовалъ Салтыковъ, представлена не была, потому что, по словамъ Яковкина въ донесеніи его въ совѣтъ, у него не было на рукахъ никакихъ казенныхъ вещей, кромѣ журнальной инспекторской книги. Браунъ вступилъ въ должность 6 іюля.

Въ 1813 году въ Казанскомъ университетѣ студентовъ всего было: а) казенныхъ—23, б) пансіонеровъ—4 и в) своекоштныхъ—15; всѣхъ студентовъ — 42 человѣка. Несмотря на такое незначительное число молодыхъ людей, имѣющихъ еще спеціальную обязанность трудиться надъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ, что одно въ состояніи наполнить всю человѣческую жизнь, тѣ, которые призваны были вести эту семью молодыхъ людей по пути

умственнаго развитія, приготовляя юношей къ будущему ихъ призванію—честному и сознательному служенію родной странѣ, не умѣли ладить съ ними. Они могли только жаловаться на распущенность, взваливая всю отвѣтственность за нее на нихъ же, этихъ молодыхъ людей, печальныхъ жертвъ общественнаго развитія, или прибѣгать къ разнымъ бумажнымъ мѣрамъ, правиламъ и инструкціямъ, по большей части не приносившимъ видимой и ощутительной пользы. Вотъ что писалъ Салтыковъ совѣту (17 сентября 1813 года № 540), вѣроятно послѣ долгихъ бесѣдъ съ новымъ инспекторомъ:

„Ежедневныя жалобы инспектора студентовъ относительно своевольства и непослушанія, вкоренившихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, заставляютъ меня употребить строжайшія мѣры для отвращенія вредныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ необузданной молодости. Сіи проступки, противные законному учрежденію и *могущіе быть приписаны ихъ неопытности и незнанію постановленій, не могли однакоже достигнуть такой степени своевольства безъ послабленія прежняго надъ ними начальства* (т. е. Яковкина). Инспекторъ, въ силу § 113 устава, есть блюститель порядка и благочинія студентовъ; привыкшіе къ онымъ молодые люди не могутъ вдругъ сдѣлаться дерзкими. Г. инспектору и помощникамъ его предписываю наблюдать строго, чтобы *чинопочитаніе* (это было излюбленное словечко Салтыкова; наблюденіе его спасало отъ всѣхъ золъ, по его убѣжденію) никогда не было нарушаемо и подтвердить студентамъ казеннымъ, что уставъ обязываетъ ихъ продолжать службу не менѣе шести лѣтъ въ *ученомъ* (?) званіи, что сопротивленіе въ семъ случаѣ доказываетъ непослушаніе волѣ монарха и неблагодарность за воспитаніе, которое получаютъ отъ щедротъ его. Поелику нѣкоторые изъ нихъ отзываются незнаніемъ устава, то предписываю гг. помощникамъ выписать статьи изъ устава и предварительныхъ правилъ, относящихся до обязанностей студентовъ и дать имъ оныя для чтенія. Также ни одинъ студентъ не имѣетъ права отлучаться безъ воли инспектора; *совѣту же предлагаю, въ силу § 121 устава, сочинить правила благочинія для студентовъ*“ [1]).

О содержаніи первыхъ правилъ для поведенія студентовъ, составленныхъ въ 1808 году Яковкинымъ, весьма краткихъ и неясныхъ, мы уже говорили. Очевидно они оказались недостаточными. По выслушаніи предложенія попечителя, совѣтъ опредѣлилъ дать выписку изъ протокола инспектору студентовъ объ этомъ и ему же поручить составленіе новыхъ правилъ благочинія, чего требовалъ попечитель; эти правила должны быть представлены въ совѣтъ для его разсмотрѣнія. Въ слѣдующее же засѣданіе совѣта (24 сентября) Браунъ представилъ составленныя имъ на латинскомъ языкѣ *правила благочинія для студентовъ* (Regulae pro formandis moribus studiosorum). Совѣтъ, выслушавъ ихъ, опредѣ-

[1]) Дѣло о разныхъ грубостяхъ и своевольствѣ студентовъ и о сочиненіи правилъ благочинія для оныхъ. *Сов.* 1813 г. № 108.

лилъ: «сообщить эти правила всѣмъ членамъ совѣта порознь, съ тѣмъ, дабы они могли пріобщить свои примѣчанія; а собравъ всѣ мнѣнія, препоручить ихъ гг. профессорамъ Финке, Брейтенбаху, Врангелю и адъюнкту Кондыреву (изъ нихъ образованъ былъ комитетъ) для окончательнаго соображенія». Финке, какъ старшій изъ профессоровъ, былъ въ немъ предсѣдателемъ. Первымъ дѣломъ его, согласно примѣчаніямъ, сдѣланнымъ Броннеромъ на правила благочинія, составленныя Брауномъ, было просить совѣтъ распорядиться собраніемъ всѣхъ прежнихъ министерскихъ распоряженій, а также и сдѣланныхъ попечителями о казенныхъ студентахъ, постановленій о наказаніяхъ, налагаемыхъ за нехожденіе на лекціи и другія нарушенія порядка, хотя бы въ извлеченіи. Секретарю совѣта поручено было доставить всѣ эти свѣдѣнія профессору Финке, который желалъ такимъ образомъ познакомиться съ вопросомъ исторически. Можетъ быть это собираніе справокъ, а можетъ быть и желаніе со стороны Финке и нѣкоторыхъ другихъ составить правила благочинія какъ можно полнѣе, чтобы они могли быть примѣняемы въ наивозможно большемъ количествѣ случаевъ, были причиною медленности въ работахъ комитета. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ перваго предписанія своего совѣту о составленіи правилъ, въ виду увеличивающихся своевольствъ между студентами, о чемъ доносилъ ему инспекторъ Браунъ, Салтыковъ 25 февраля 1814 года, *вторично* предлагаетъ совѣту «въ непродолжительномъ времени» сочинить правила и представить ихъ ему на разсмотрѣніе. Прежде чѣмъ комитетъ представилъ эти правила, одинъ изъ членовъ этого комитета адъюнктъ Кондыревъ, независимо отъ общей работы, представилъ совѣту свое личное мнѣніе. Въ этомъ мнѣніи Кондыревъ желалъ повидимому высказать свой личный взглядъ на составляемыя правила для студентовъ, чего онъ желалъ бы отъ этихъ правилъ. Нельзя не видѣть также въ словахъ Кондырева довольно замѣтнаго, хотя и скрытаго антогонизма между профессорами русскими и иностранными, которые теперь, наканунѣ открытія университата, становились преобладающими и численно, и особеннымъ расположеніемъ къ нимъ попечителя. Приведемъ in extenso это мнѣніе:

„Будучи членомъ совѣта (Кондыревъ не считаетъ себя членомъ комитета для составленія правилъ), учрежденнаго для устроенія и усовершенствованія всего относящагося къ цѣли университета и подвѣдомыхъ ему училищъ, долгомъ службы и совѣсти почитаю представить на безпристрастное благоусмотрѣніе нижеслѣдующее: *Университетъ нашъ не получилъ еще никакого твердаго особеннаго своего характера и все (?) еще ожидаетъ въ немъ образованія*. Такимъ образомъ и полныя правила для студентовъ досelѣ еще не были начертаны, выключая самонужнѣйшаго, что можно ви-

дѣть изъ инспекторской шнуровой книги: сіе откладываемо было до совершеннаго устроенія университета. Между тѣмъ необходимость правилъ сихъ велика. Многое изъ прежде наблюдаемаго студентами, нынѣ повидимому оставляется; новаго, по чемъ бы они поступали, еще ничего нѣтъ, и такъ явственно что произойти должно. *Кромѣ того подобныя перемѣны рѣдко могутъ имѣть хорошія послѣдствія.* Почему необходимо начертать не одни правила благочинія, но *вообще правила, разсматривая студента во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣхъ сторонъ, касательно его ума и сердца, нравственности, поведенія, занятій и ученія,* дабы онъ могъ быть со временемъ истинно полезенъ государю и отечеству на службѣ, начальству какъ подчиненный, обществу какъ членъ, семейству какъ отецъ".

Кондыревъ повидимому желаетъ, чтобы университетъ взялъ на себя обязанность вполнѣ воспитать молодого человѣка и забываетъ о научномъ содержаніи университетскаго образованія. Но онъ признаетъ необходимость правилъ. Такія правила для студентовъ существуютъ въ университетѣ Дерптскомъ, въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и, кажется, говоритъ Кондыревъ, въ университетѣ Виленскомъ. Тоже можно сдѣлать и у насъ: написать правила, по утвержденіи начальствомъ напечатать и давать всякому при поступленіи. «Но правила сіи», говоритъ Кондыревъ, «*должны быть написаны съ великимъ тщаніемъ, нравоучительно (?), полно, ясно, а при семъ обращено вниманіе на наше правительство, разные роды службъ, отечественные нравы и обыкновенія, народный духъ и разныя состоянія*». Такая широкая задача составляемыхъ уже комитетомъ правилъ, какую высказываетъ Кондыревъ, очевидно служитъ намъ доказательствомъ, что на университетъ онъ смотрѣлъ какъ на какое-то воспитательное заведеніе и притомъ съ національнымъ характеромъ, а потому, между строками его широковѣщательной программы, можно читать недовольство тѣмъ, что члены комитета для составленія правилъ—люди не русскіе, не знаютъ русскаго быта и мало знакомы со страною и ея учрежденіями. Предполагая практическій характеръ будущихъ студенческихъ правилъ, Кондыревъ предлагаетъ въ составъ комитета лицъ изъ казанскихъ профессоровъ, извѣстныхъ уже своею долгою опытностью въ воспитательномъ дѣлѣ, какъ бы забытыхъ совѣтомъ при выборѣ членовъ комитета:

„Для исполненія сего нужно составить *особенный комитетъ* изъ особъ, кромѣ учености, особенно опытностію по симъ дѣламъ преисполненныхъ. Таковыми я по совѣсти своей почитаю: 1) г. профессора *Яковкина*, уже слишкомъ тридцать лѣтъ воспитаніемъ и надзоромъ надъ россійскимъ юношествомъ занимающагося, особенно въ здѣшней гимназіи какъ инспекторъ и директоръ, и въ университетѣ, какъ инспекторъ. *Опытъ могъ научить его многому касательно мѣстнаго положенія и обстоятельствъ.* 2) Г. проф. *Броннера*, столь много по сей части въ *важныхъ чинахъ* (?) въ иностран-

ныхъ земляхъ, при общей похвалѣ занимавшагося и слѣдовательно успѣвшаго ближе узнать полезнѣйшее и вредное при семъ въ чужеземныхъ учебныхъ заведеніяхъ, чего можетъ намъ русскимъ, и неизвѣстно. Кромѣ того онъ показалъ уже и здѣсь опыты своей общеполезной дѣятельности при разныхъ случаяхъ и какъ директоръ педагогическаго института и 3) г. адъюнкта *Лубкина*, также всю жизнь при разныхъ россійскихъ учебныхъ заведеніяхъ находившагося и притомъ начальствующею особою по части смотрѣнія надъ воспитанниками, педагогіею практически и теоретически занимавшагося и здѣсь потому, по мудрому благоусмотрѣнію его превосходительствомъ покойнымъ попечителемъ въ гимназію инспекторомъ опредѣленнаго".

Кондыревъ извиняется предъ членами совѣта, что онъ указываетъ только на трехъ этихъ, поименованныхъ имъ членовъ. «Такое предпочтеніе, говоритъ онъ, произошло единственно по моему безпристрастному наблюденію и сужденію, учиненное изъ желанія истиннаго добра мѣсту служенія»..... «Отличное порученіе принести умомъ и опытностью своею», заключаетъ онъ, «столь важную пользу въ составленіи помянутаго начертанія останется на всегда памятникомъ ревности, дѣятельности и просвѣщенія сихъ членовъ и всеконечно будетъ лестною наградою; *но совѣтъ за успѣшное дѣло можетъ представить о нихъ и его превосходительству*, какъ высокому своему покровителю». Совѣтъ опредѣлилъ перевести рапортъ Кондырева на нѣмецкій языкъ и по выслушаніи сдѣланнаго перевода, 8 апрѣля, постановилъ: представить рапортъ на благоусмотрѣніе попечителя и на его разрѣшеніе также и вопросъ, возникшій въ совѣтѣ: *принадлежитъ ли г. Кондыревъ къ комитету сочиненія правилъ благочинія для студентовъ, составленному по опредѣленію совѣта* изъ гг. профессоровъ Финке, Брейтенбаха и Врангеля и *сего г. Кондырева, который избранъ совѣтомъ потому, что онъ, какъ русскій, лучше знаетъ нравы своихъ соотечественниковъ и* притомъ долгое время исправлялъ должность помощника инспектора студентовъ, или не принадлежитъ, такъ какъ въ предложеніи г. попечителя (18 марта, № 163) онъ не упомянутъ. Попечитель утвердилъ конечно Кондырева членомъ; затѣмъ, согласно просьбѣ профессора Финке, какъ предсѣдателя комитета, отсрочилъ (18 марта, № 163) на шесть недѣль представленіе правилъ благочинія. Въ этотъ разрѣшенный срокъ правила и были наконецъ представлены 15 апрѣля 1814 года. Кондыревъ однако не принималъ никакого участія въ составленіи ихъ, будучи вѣроятно обиженъ тѣмъ, что совѣтъ не обратилъ никакого вниманія на его рапортъ и не выбралъ ни одно изъ указанныхъ имъ опытныхъ въ педагогіи лицъ въ члены комитета, и даже о его правѣ быть членомъ поднималъ вопросъ. Финке, какъ старшій членъ этого коми-

тета, представляя совѣту кодексъ правилъ (они были и составлены собственно имъ и переписаны его рукою, а только одобрены Брейтенбахомъ и Врангелемъ), писалъ, что онъ эти правила представлялъ также и на разсмотрѣніе адъюнкта Кондырева, «но онъ постоянно и упорно отказывался отъ моего приглашенія, утверждая, что онъ не членъ нашей коммиссіи» (¹).

Правила или *законы благочинія*, составленные профессоромъ Финке и на которые онъ положилъ много труда, представляютъ первую попытку со стороны нѣмецкихъ профессоровъ, весьма мало знакомыхъ съ русскою жизнью и съ русскою молодежью, упорядочить эту недисциплинированную воспитаніемъ, полную дикой разнузданности и атавизма, молодежь. Правила относятся ко всѣмъ студентамъ какъ казеннымъ, такъ и своекоштнымъ, а также и къ кандидатамъ университета. Они, по словамъ Финке, заключаютъ въ себѣ общій полицейскій распорядокъ (generalem politiae ordinationem, Polizeiordnung). Въ предисловіи къ кодексу Финке говоритъ, что онъ, при составленіи правилъ, больше всего основывался на университетскомъ уставѣ, пользовался имъ преимущественно, дѣлая во многихъ мѣстахъ ссылки на его параграфы; много пользы также принесли ему правила Дерптскаго университета, на которыя онъ смотрѣлъ, почему-то восторгаясь ими, какъ на собственныя «aurea dicta» государя императора. Система и порядокъ изложенія принадлежатъ самому Финке и онъ строго наблюдаетъ за сохраненіемъ ихъ во всѣхъ отдѣлахъ своего «Начертанія». Правила говорятъ объ обязанностяхъ студентовъ, о ихъ привилегіяхъ и наконецъ о взысканіяхъ или наказаніяхъ за нарушеніе правилъ и несоблюденіе обязанностей Обязанности дѣлятся на общія и частныя, на обязанности къ самому себѣ, къ членамъ университета и къ публикѣ не академической. По представленіи этого «начертанія», совѣтъ опредѣлилъ: 1) перевести правила, составленныя Финке, на русскій языкъ; 2) переводъ этотъ представить немедленно ректору университета, который 3) для поспѣшнѣйшаго теченія дѣла сего передастъ оный каждому факультету, назначивъ быть собранію каждаго же изъ оныхъ въ теченіе четырехъ дней для сдѣланія на начертаніе сіе своихъ замѣчаній; 4) факультетъ, по окончаніи засѣданій, сообщитъ ректору свои замѣчанія для предложенія оныхъ совѣту.

Русскій переводъ правилъ, составленныхъ Финке, представленъ былъ однако не тотчасъ, а мѣсяца черезъ два, передъ самымъ

(¹) „...atamen is sprevit constanter et tenaciter meam invitationem, affirmans se non esse illius commissionis membrum“.

началомъ вакаціоннаго времени и тогда же былъ препровожденъ на разсмотрѣніе въ отдѣленія или факультеты. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ успѣло разсмотрѣть ихъ еще до вакаціи, другія гораздо позднѣе, такъ что полное разсмотрѣніе всего кодекса, составленнаго Финке, могло послѣдовать только въ засѣданіи 31 марта 1815 года, уже послѣ смерти составителя. Но эти правила благочинія были уже разсмотрѣны въ факультетскихъ собраніяхъ, большинство членовъ совѣта сдѣлало на нихъ и вообще, и въ частности множество замѣчаній, такъ что совѣтъ уже не входилъ въ подробности и частности, а нашелъ болѣе удобнымъ остановиться на краткой редакціи правилъ, сдѣланной врачебнымъ отдѣленіемъ и на замѣчаніяхъ этого отдѣленія. Оно состояло тогда собственно изъ двухъ профессоровъ: ректора Брауна и Эрдмана и по всей вѣроятности предпочтеніе, оказанное совѣтомъ редакціи врачебнаго отдѣленія, основывалось на томъ, что главное участіе въ этой редакціи принималъ ректоръ, которому, когда онъ былъ еще инспекторомъ студентовъ, и поручено было первоначально составить правила благочинія. Эти правила «кратко и ясно выведенныя» и были утверждены попечителемъ (14 іюня 1815 года), напечатаны (только въ количествѣ 200 экземпляровъ) и опредѣлено было раздавать ихъ каждому вновь поступающему студенту. «Законы» же Финке, вмѣстѣ со всѣми высказанными по поводу ихъ мнѣніями какъ факультетовъ, такъ и отдѣльныхъ профессоровъ, опредѣлено сдать въ архивъ.

Деканъ медицинскаго факультета Эрдманъ въ своемъ латинскомъ представленіи въ совѣтъ говоритъ, что чѣмъ проще, яснѣе и короче будутъ написаны правила, тѣмъ больше будутъ они имѣть силы. «Законы» Финке слишкомъ обширны и многословны. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ рубрикъ и подраздѣленій, дѣлятся на 120 артикуловъ или параграфовъ и заключаютъ въ себѣ очень много лишняго и посторонняго, касаясь не одной только студенческой жизни, но и другихъ сторонъ университета. Съ другой стороны «Законы» Финке весьма любопытны, потому что представляютъ намъ попытку нѣмецкаго профессора-идеалиста, привыкшаго къ яснымъ и точнымъ формуламъ римскаго права, которое онъ преподавалъ на лекціяхъ, регулировать нравы русской молодежи, которая не приносила изъ родной семьи никакихъ нравственныхъ основъ для жизни и дѣятельности, а изъ безсильной въ воспитательномъ смыслѣ тогдашней гимназіи приносила съ собой въ университетъ обычные пороки закрытаго заведенія и никакой привычки, никакого уваженія къ умственному труду. Финке въ самомъ дѣлѣ былъ наивный идеалистъ: онъ весь полонъ любви къ молодымъ людямъ; у него идеальное представленіе объ университетѣ и университетскихъ слушателяхъ

Поэтому иные §§ его «законовъ» скорѣе совѣты, чѣмъ правила, предписываемыя категорически. Въ нихъ рекомендуются: религія, благочестіе, скромность и многія другія хорошія качества и добродѣтели. Финке включилъ въ свои правила или законы много такого, что рѣшительно непримѣнимо къ русскимъ студентамъ и что можетъ быть было внесено профессоромъ въ «законы», какъ воспоминаніе его нѣмецкой родины. Такъ, въ правилахъ упоминаются разныя, никогда не существовавшія въ нашихъ университетахъ преступленія: подозрительныя сообщества, *не получившія дозволенія отъ совѣта* (§ 34), торжественныя шествія (Fakelzug) безъ разрѣшенія, хотя бы общество (?) имѣло въ виду въ будущемъ общую пользу, ношеніе какого либо оружія (§ 35), дуэли и др. Многія правила слишкомъ мелочны, имѣютъ претензію слишкомъ многое регулировать и доходятъ иногда до двусмысленности, напр. § 28: «Студенты должны на лекціи сидѣть тихо, пристойно, слушать со вниманіемъ и проч. и безъ необходимой нужды не выходить изъ покоя (und verlassen nie ohne erhebliche Ursache das Zimmer)». Финке не былъ знакомъ хорошо ни съ русской жизнью, ни съ русской молодежью. Иныя правила у него черезчуръ суровы и вовсе не могутъ назваться студенческими, а скорѣе принадлежатъ къ общеполицейскимъ. Запрещается, наприм. студентамъ «безмѣрно скорая ѣзда по улицамъ». «Но кто же, спрашиваю, сочтетъ это проступкомъ, когда это въ общемъ употребленіи въ Россіи (Sed quis, quaeso, rem, quae in Rossia ubique moris est, vitio verteret)?» замѣчаетъ Эрдманъ. Заботы о порядочности въ житейскихъ отношеніяхъ въ правилахъ могутъ иногда невольно вызвать улыбку на уста русскаго читателя. Повидимому Финке совсѣмъ игнорируетъ русскую семью. Такъ § 24 гласитъ: «Полезной бережливости наипаче студентъ долженъ научиться. Тотъ, кто не имѣя недостатка во всѣхъ нужныхъ вещахъ, надѣлаетъ въ продолженіе года болѣе долговъ, чѣмъ онъ въ состояніи заплатить, *лишается права располагать имуществомъ своимъ и будетъ препорученъ особливому вѣдѣнію опекуна*». Это уже прямое вторженіе въ частную жизнь: какъ будто у студента нѣтъ ни родителей, ни близкихъ. Такія правила какъ это, очевидно входили въ мысли Финке и отъ того, что онъ видѣлъ кругомъ себя, въ казанской жизни, безчисленные примѣры той непорядочности въ жизни, противъ которой возстаетъ въ этомъ §, и отъ того, что онъ имѣлъ весьма высокое понятіе объ университетѣ, считая его призваннымъ даже нравственно воспитывать юношество русское. Это понятіе объ университетѣ высказывается въ § 23: «Университетъ для студентовъ есть *судилище* (?), но также и заведеніе для *нравственнаго* и ученаго ихъ образованія. Онъ

есть вѣчный памятникъ благости монарха, доставляющей юношамъ тѣ выгоды, коими въ частномъ состояніи они никогда не могли бы наслаждаться». Не знаемъ, много ли студентовъ того времени смотрѣли на университетъ этими глазами профессора Финке, но, очевидно, самъ онъ считалъ студентовъ полноправными гражданами. Такъ отъ студента вмѣсто подписки и обязательства въ соблюденіи правилъ, § 14 требуетъ только подачу руки ректору, противъ чего высказался физико-математическій факультетъ. Но зато у Финке есть и лишняя формалистика: для казенныхъ студентовъ въ «законахъ» точно опредѣлены часы, когда они должны вставать и когда ложиться спать. Хожденіе ко всенощной и къ обѣднѣ въ праздничные дни обязательно для нихъ непремѣнно съ помощниками инспектора и пр.

Правила благочинія или «законы», составленные профессоромъ Финке, вызвали, какъ мы уже говорили, замѣчанія какъ факультетовъ, такъ и нѣкоторыхъ профессоровъ, напр. Эрдмана, Брейтенбаха, Френа, Лубкина, Юнакова и др. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе всѣхъ этихъ замѣчаній, въ особенности потому, что вліяніе ихъ отразилось на краткой редакціи правилъ, сократившей очень многое въ первоначальномъ кодексѣ. Но нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній весьма любопытны, потому что даютъ намъ представленіе о господствовавшихъ тогда взглядахъ. Такъ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, какъ кажется намъ, смотрѣло скептически на самыя правила вообще. Повидимому оно не вѣрило благотворному дѣйствію правилъ, и это потому, что большинство членовъ его были русскіе люди, сами прошедшіе оба курса: и гимназическій и университетскій и на себѣ испытавшіе недѣйствительность какихъ бы то ни было правилъ, которыя сдерживаютъ дисциплинированныя нѣмецкія натуры, но не годятся для русскихъ. Это отдѣленіе настаивало на необходимости точнѣе опредѣлить власть инспектора, увеличить эту власть сколько возможно, сдѣлать инспектора начальникомъ. Иное писалъ нѣмецкій составитель безъ всякаго знакомства съ характеромъ и условіями русской жизни. Такъ § 16 въ первоначальномъ кодексѣ Финке говоритъ: «Находящійся при студентѣ *провождающій* (der Begleiter oder Führer (?) eines angekommenen Studierenden), или *надзиратель* (мы пользуемся современнымъ переводомъ, сдѣланнымъ подъ надзоромъ самого Финке) долженъ представить о себѣ свидѣтельство, если желаетъ въ семъ качествѣ пребывать въ университетѣ и, подобно всѣмъ студентамъ, подверженъ законамъ и постановленіямъ университета». На это физико-математическое отдѣленіе справедливо замѣтило: «Кто разумѣется подъ провожающимъ? Часто и *дворовый*

человѣкъ заступаетъ сіе мѣсто подъ именемъ *дядьки* и тогда едва ли можно требовать, чтобы онъ, *не желая, а долженъ будучи* остаться съ господиномъ своимъ, подвергался, подобно всѣмъ студентамъ, законамъ и постановленіямъ университета?»—Любопытны нѣкоторыя замѣчанія адъюнкта Лубкина по инымъ §§ «законовъ» Финке. Такъ по поводу дозволенія, заключающагося въ § 30, упражняться студентамъ въ зданіи университета вокальною музыкою, Лубкинъ замѣчаетъ: «Подъ именемъ *вокальной музыки* конечно разумѣется здѣсь пѣніе пѣсенъ. Противу сего ничего вообще сказать не можно, но могутъ быть и такія пѣсни, коихъ пѣніе въ казенномъ и публичномъ домѣ отнюдь не можетъ быть позволительно. Равно и благопристойныя пѣсни можно пѣть такимъ образомъ, что университетъ будетъ походить на питейный домъ. Для того нужно сдѣлать нѣкоторыя ограниченія, не предоставляя студентамъ всего на произволъ». Тамъ, слѣдовательно, гдѣ нѣмецкій профессоръ довѣрялъ такту юношей, тамъ русскій профессоръ, переводя на русскій языкъ иностранное слово «вокальная музыка», непремѣнно ожидалъ чего-то дурного и предосудительнаго. Такова глубокая разница въ нравахъ и понятіяхъ. Другое замѣчаніе Лубкина заключаетъ въ себѣ недовѣріе къ университетскому суду, постановленному уставомъ. Онъ полагаетъ, что наказанія за нѣкоторые проступки, назначаемые правилами, не будутъ имѣть силы и дѣйствительности. По поводу § 36 «законовъ» Финке, Лубкинъ говоритъ: «Строгое преслѣдованіе упорства противъ установленнаго порядка, забіячество, *а особливо дерзость на словахъ или на дѣлѣ противъ начальствующихъ*, или подобныя тому грубыя преступленія, должны быть судимы и разсматриваемы на основаніи общихъ россійскихъ узаконеній». Это лучше всѣхъ *домашнихъ*, даже *строжайшихъ* наказаній, высказывается нѣсколько иронически Лубкинъ, не довѣряя правиламъ, не довѣряя и студентамъ. «Студенты почитаютъ себя гражданами въ государствѣ», говоритъ Лубкинъ, «только не подлежащими общей ихъ повинности, а потому и имѣющими какъ бы нѣкоторую привилегію на своевольство». Любопытно, что Кондыревъ, говорившій съ такою реторическою эмфазою о значеніи составляемыхъ правилъ и законовъ, выставлявшій дѣло это чрезвычайно важнымъ, имѣющимъ огромное значеніе для будущаго, ни разу не обмолвился тѣмъ или другимъ замѣчаніемъ на счетъ отдѣльныхъ параграфовъ правилъ. Вѣроятно, онъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что столь опытный и столь старый педагогъ, какимъ считался очень долго Яковкинъ, не былъ избранъ въ члены комитета для составленія правилъ. И Яковкинъ совершенно устранился отъ этого дѣла и не принималъ въ обсужденіи его никакого участія.

*

Эти правила благочинія были задуманы и выполнены нѣмецкими профессорами, которые считали ихъ настоятельно необходимыми, предполагая, что они въ состояніи помочь горю и способствовать къ искорененію той умственной и нравственной распущенности, которая била въ глаза въ студенческихъ нравахъ того времени. Приведемъ слѣдующее весьма любопытное сравненіе нашего Казанскаго университета съ подобными же разсадниками знанія въ Европѣ, сдѣланное деканомъ врачебнаго отдѣленія, профессоромъ Эрдманомъ:

„Если мы бросимъ взглядъ на старые европейскіе университеты, особенно прославившіеся тѣмъ, что дали образованіе многимъ великимъ людямъ, многимъ ученымъ, то найдемъ, что въ этихъ учрежденіяхъ для науки господствуетъ особый *духъ*, который можно назвать по его свойствамъ,—*академическимъ* (der akademische Geist). Отличительнымъ признакомъ этого духа является его *свобода*, первое основаніе которой могло заключаться первоначально въ тѣхъ правахъ или привилегіяхъ (Vorrechten), которыя дарованы были университетамъ и въ теченіе длиннаго ряда годовъ придали этимъ учрежденіямъ особый, оригинальный характеръ, существенно отличающій ихъ отъ другихъ образовательныхъ заведеній. Историческое развитіе человѣческаго духа въ различные періоды его жизни сдѣлало необходимымъ это различіе“.

Далѣе Эрдманъ говоритъ объ университетской молодежи и ея нравахъ, о неизбѣжно переживаемомъ ею бурномъ періодѣ, о необходимости со стороны руководителей осторожныхъ и гуманныхъ отношеній къ этой молодежи, рекомендуетъ довѣріе къ ней. Критическій возрастъ, переживаемый студентомъ, больше чѣмъ всякое другое время жизни, нуждается въ разумномъ руководствѣ. Нѣтъ ничего хуже грубаго принужденія въ этомъ возрастѣ. Эрдманъ говоритъ о необходимости свободы для студентовъ, но при этомъ оговаривается, что разумѣетъ не ту неограниченную ничѣмъ свободу, при которой возможны, какъ въ современной Германіи, появленіе и дѣятельность разныхъ орденскихъ соединеній и Landsmannschaft`овъ, «но я глубоко убѣжденъ», говоритъ онъ, «что безъ существованія академической свободы, много дѣльныхъ головъ будутъ отвлечены отъ науки и совершенно останутся неразвитыми». Всѣ эти мысли объ академической свободѣ Эрдманъ высказываетъ какъ бы мысли общія, безъ примѣненія къ окружавшей его дѣйствительности. Другой вопросъ, по словамъ его, состоитъ въ томъ: долженъ ли нашъ, Казанскій университетъ имѣть вообще такой свободный характеръ? Способенъ ли онъ принять этотъ свободный характеръ теперь? Можетъ ли онъ и въ настоящее время быть такимъ? Едва ли это возможно. Для того, чтобы изъ академической свободы не выросли произволъ и злоупотребленія, необходимо требуется твердость нравственныхъ основъ, а для этой нравственности — доброе воспитаніе,

ясное сознаніе своего назначенія и своихъ обязанностей. Обращаясь къ тому, что окружаетъ его, Эрдманъ ставитъ вопросъ: «У кого же изъ нашихъ студентовъ можно найти это приготовленіе, это хорошее воспитаніе?» и даетъ, къ нашему сожалѣнію, отвѣтъ вполнѣ отрицательный: «Могу сказать, что ни у одного. *Вотъ почему необходимы принудительныя мѣры, большая строгость полицейскихъ распоряженій, чѣмъ въ заграничныхъ университетахъ».* Эрдманъ конечно не вдается въ изслѣдованіе глубокихъ, историческихъ и соціальныхъ причинъ, почему для русскаго студента нужно значительно больше строгости, чѣмъ для студента германскаго. По всей вѣроятности причины эти были ему не такъ ясны и доказательны, какъ для насъ теперь, но разсужденія объ этихъ причинахъ увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ разсказываемой нами старой исторіи. Эрдманъ требуетъ поэтому примѣненія къ Казанскому университету тѣхъ *принудительныхъ мѣръ*, которыя заключаются въ краткихъ правилахъ благочинія, составленныхъ медицинскимъ факультетомъ, деканомъ котораго былъ онъ. «Эта строгая внѣшняя дисциплина необходима въ настоящее время», говоритъ Эрдманъ, «для укрѣпленія добрыхъ побужденій и ослабленія злыхъ». Не нужно однако забывать, и онъ высказываетъ это категорически, того необходимаго условія, что это внѣшнее принужденіе должно быть *законно* (legal). Чтобъ подсластить эту горькую для русскаго студента пилюлю, Эрдманъ рекомендуетъ преподаваніе *курса нравственной философіи* и *чтеніе нравственныхъ сочиненій* (!!).

Изъ всѣхъ разсужденій въ комитетѣ и совѣтѣ видно, что правиламъ для студентовъ приписывали весьма большое значеніе, думали, что они въ состояніи излѣчить нравственныя болѣзни разъѣдающія студенчество, ожидали отъ нихъ очень многаго. Но parturiunt montes... Правила эти, на составленіе и обсужденіе которыхъ было употреблено почти полтора года, утвержденныя попечителемъ и министромъ, были напечатаны къ началу 1815 — 1816 учебнаго года по латыни и по русски, подъ заглавіемъ «Краткое изложеніе правилъ для наблюденія Императорскаго Казанскаго университета студентамъ». Въ исторіи казанскаго студенчества это была вторая редакція правилъ (о первой Яковкинской редакціи, весьма краткой, гдѣ мѣрою исправленія являлась черная доска, мы уже говорили, ч. 1-я, стр. 404—405). Эта вторая редакція была нѣсколько распространеннѣе первой; она увеличена была нѣсколькими параграфами прописной морали, но едва ли и она могла имѣть воспитательное значеніе и ужъ никоимъ образомъ не могла осуществить блестящія ожиданія составителей. Приведемъ, какъ историческій документъ, русскій текстъ этихъ правилъ. Онъ дастъ намъ нѣкоторое понятіе

о томъ, чего желали тогда отъ студентовъ члены совѣта, обдумывавшіе правила и забывавшіе, что правильное воспитаніе, вкоренившіяся нравственно-честныя привычки и убѣжденія создаются не правилами, а семьею, обществомъ, глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ религіи, вѣками, посвященными на практическое усвоеніе вѣчныхъ истинъ евангелія...

1) „Каждый студентъ повинуется постановленіямъ университетскимъ.

2) „Желающій поступить въ число студентовъ вопервыхъ является къ ректору, который разсмотрѣвъ аттестатъ отъ какой либо гимназіи данный, ежели найдетъ оный удовлетворительнымъ, или подвергнувъ его испытанію отъ назначенныхъ для сего членовъ совѣта, отсылаетъ его въ правленіе.

3) „Имя студента, давшаго въ присутствіи правленія обязательство, что онъ будетъ вести себя сообразно университетскимъ постановленіямъ, вносится правленіемъ въ списокъ, и въ доказательство сего получаетъ отъ свидѣтельство.

4) „Получивши оное, опять является къ ректору, который даетъ наставленіе какія проходить ему пріуготовительныя науки.

5) „Онъ обязывается назначенныя ему пріуготовительныя науки слушать съ прилежаніемъ, вниманіемъ и тщательностью.

6) „Преподаванія повторять для укорененія ихъ въ памяти.

7) „Оказывать университетскому начальству повиновеніе, членамъ совѣта почтеніе, товарищамъ дружелюбіе, а всѣмъ и каждому учтивость и благопріятство.

8) „Блюсти себя отъ развратныхъ нравовъ, особенно пьянства, безстыдства и коварства.

9) „Не играть въ денежныя игры.

10) „Кто испортитъ умышленно вещь казенную или частной особѣ принадлежащую, тотъ строго (?) будетъ наказанъ.

11) „Студентъ, претерпѣвшій обиду, не долженъ приступать къ отмщенію.

12) „Онъ долженъ искать право свое вопервыхъ предъ лицомъ ректора, потомъ предъ правленіемъ, наконецъ предъ совѣтомъ университетскимъ.

13) „Студентъ, желающій оставить университетъ, не прежде получитъ отъ совѣта свидѣтельство о его поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, пока не заплатитъ долги свои.

„Тѣ студенты, которые будутъ послѣдовать симъ правиламъ, не только удостоятся одобренія начальства, но получатъ въ свое время *почести и награды;* такъ напримѣръ:

a) „Они пользоваться будутъ правомъ носить шпагу.

b) „За точное и надлежащее рѣшеніе вопросовъ, предлагаемыхъ отъ университета съ награжденіемъ за рѣшеніе оныхъ, получать будутъ медали.

c) „Студентъ, окончившій трехлѣтній университетскій курсъ и доказавшій каждому преподавателю, у котораго обучается, свое стараніе, прилежаніе и ревностное исполненіе своихъ обязанностей, получитъ аттестатъ и по оному, при вступленіи въ службу, чинъ 14 класса.

d) „Студентъ, оказавшій удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, можетъ предстать на испытаніе кандидатское, магистерское или докторское, и ежели окончитъ оное съ похвалою, получитъ степень, которой признанъ будетъ достойнымъ.

„Студенты, нарушающіе *умышленно* университетскія постановленія, по непокорности, упрямству и высокомѣрію, подлежатъ *наказаніямъ* меньшимъ или большимъ, соразмѣрно преступленіямъ; такъ напримѣръ:

a) „Выговору ректора наединѣ.

b) „Выговору въ присутствіи правленія.

c) „Замѣчанію въ присутствіи совѣта.

d) „Публичному извиненію.

e) „Заключенію подъ стражу.

f) „Исключенію изъ числа студентовъ до времени исправленія (?).

g) „Исключенію изъ университета навсегда.

h) „ Исключенію изъ университета *съ безчестіемъ*, о чемъ доносимо будетъ съ изъясненіемъ преступленія исключаемаго, главному правленію училищъ и сообщаемо другимъ университетамъ.

i) „Отсылкѣ въ уголовный судъ".

Послѣ знакомства съ этими правилами, намъ остается только удивляться тѣмъ фразамъ, частію уже приведеннымъ нами выше, которыя говорились и писались при составленіе ихъ, и тѣмъ несоразмѣрнымъ съ дѣйствительностію результатамъ, какіе предполагались отъ ихъ примѣненія къ нравамъ студенческимъ. Дѣло вѣковъ поправить не легко, и разсказы о различныхъ случаяхъ студенческой жизни во время составленія этихъ правилъ и въ немногіе годы до времени попечительства Магницкаго, замѣчанія и наблюденія надъ жизнію и нравами студентовъ, сдѣланныя инспекторами послѣ Яковкина: Брауномъ, Броннеромъ, Брейтенбахомъ, которые мы передадимъ, послужатъ убѣдительнымъ доказательствомъ полнаго безсилія этихъ правилъ и ничтожности ихъ вліянія. Въ самомъ дѣлѣ: не вполнѣ ли банальными представляются намъ первые 13 параграфовъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые говорятъ о нравственныхъ обязанностяхъ? Можно ли ими не только исправить глубоко испорченные нравы тогдашнихъ студентовъ, внушить имъ любовь къ знанію, къ умственному труду, отучить ихъ отъ пьянства, отъ картежной игры, отъ дикихъ проявленій разнузданнаго разгула? Тѣ *почести* и *награды*, о которыхъ говорится во второмъ отдѣлѣ правилъ, не составляютъ ли онѣ скорѣе правъ, принадлежащихъ студенту, чѣмъ награды? Если правила въ третьемъ отдѣлѣ, *о наказаніяхъ*, представляютъ цѣлую лѣстницу ихъ, то почему не указано какая ступень этой лѣстницы соотвѣтствуетъ тому или другому проступку студента? Не правилами, какъ бы они хитро и тщательно ни были обдуманы (кромѣ разумѣется чисто формальныхъ) создаются нравы университетской молодежи, а другими средствами. Мы убѣждены въ полномъ безсиліи всевозможныхъ правилъ благочинія. Но дайте этимъ юношамъ такое знаніе, которое бы наполнило душу и заняло ихъ умъ, въ которомъ не было бы ничего при-

нудительнаго, мертваго, глубоко презираемаго, какъ безполезная обязанность, внушите имъ влеченіе къ этому знанію, увѣренность въ его могуществѣ надъ жизнью, подарите имъ, съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ, благородныя общечеловѣческія чувства и идеалы, каковы бы они ни были: идеалы чувства, науки, вѣры, свободы, идеалы общественные и соціальные, и вы не узнаете этихъ юношей. Какъ бы жестоко ни поступила съ ними жизнь потомъ, выбивая и обливая своею грязью эти молодыя мечты, но много человѣческаго, много свѣтлаго и бодрящаго останется на старость. «Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ!» говоритъ великій русскій писатель.

Познакомимся теперь съ нравами и событіями изъ жизни студенческой въ описываемое нами время.

Глава XVI.

Студенты до двадцатыхъ годовъ.—Источники для изученія нравовъ казанскихъ студентовъ.—Неподготовленность тогдашнихъ студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій и ихъ умственная неразвитость.—Нехожденіе на лекціи.—Характеръ слушанія лекцій.—Жалоба штабъ-лѣкаря Кельца.—Новые инспекторы студентовъ послѣ Яковкина: Браунъ, Броннеръ и Брейтенбахъ.—Грубости студентовъ.—Законъ Божій, какъ воспитательное средство, и введеніе его въ университетское преподаваніе.—Увѣщанія инспекторовъ.—Пьянство студентовъ; различные случаи и проступки ихъ, соединенные съ этою слабостью, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и внѣ его.—Дѣла о студентахъ: Замятинѣ и Бабановскомъ.—Комитетъ для разбора своевольствъ между студентами и его взгляды на инспекцію и поведеніе студентовъ вообще.—Проступки студентовъ: Попова, Сапожникова, Соловьева, Уфимцева и другихъ.—Снисходительный взглядъ членовъ совѣта на проступки студентовъ.—Устройство жизни и хозяйства казенныхъ студентовъ.—Фиктивное существованіе спеціальнаго (факультетскаго) преподаванія въ университетѣ.—Энергическія дѣйствія студентовъ при казанскихъ пожарахъ.

Три четверти вѣка, отдѣляющія насъ отъ студенческихъ нравовъ въ описываемые нами годы, значили бы много въ общемъ развитіи общества, если бы оно дѣйствительно шло впередъ, усвоивая и не забывая нравственныя пріобрѣтенія предшествовавшихъ поколѣній и накопляя такимъ образомъ жизненный опытъ. Несмотря на слабость этого нравственнаго развитія въ русскомъ обществѣ, мы все же увѣрены, что живемъ въ лучшее сравнительно время, что умственный успѣхъ замѣтенъ, что количество знанія увеличилось, что окружаютъ насъ теперь все же лучшіе, сравнительно съ прежними, нравы молодого поколѣнія, и во всякомъ случаѣ иные, не похожіе на прежніе. Мало придется намъ касаться на этихъ страницахъ идейнаго содержанія, духовной атмосферы, окружавшей тогдашнее студенчество; нѣсколько разъ было замѣчено нами, что для студентовъ за весьма малыми, не-

значительными исключеніями, интересы духа и знанія почти вовсе не существовали. Этому найдемъ мы многочисленныя доказательства въ дѣлахъ совѣта и правленія, въ протоколахъ, въ журналѣ, веденномъ инспекторами, подъ названіемъ «Книга о поведеніи студентовъ», начатая въ первый мѣсяцъ по основаніи университета (5 марта 1805) и доведенная до 1820 года, т. е. до времени Магницкаго и до появленія имъ приглашенныхъ новыхъ лицъ, которыя должны были дать новое направленіе и новое содержаніе жизни студентовъ Казанскаго университета. Книга эта весьма замѣчательна, особенно потому, что въ ней сохранилось множество случаевъ изъ студенческой жизни, представляющихъ живыя картины этой жизни, записанныя такимъ тонкимъ и талантливымъ наблюдателемъ, какимъ безъ всякаго сомнѣнія можно назвать Броннера. Всѣ дѣла, даже уголовнаго свойства, въ которыхъ были замѣшаны студенты, разбирались тогда внутреннимъ университетскимъ судомъ, собственно правленіемъ университета, а потому въ архивѣ его находятся драгоцѣнные матеріалы для достаточно полной характеристики нравовъ тогдашняго поколѣнія студентовъ. Надобно замѣтить однако, что матеріалы эти касаются главнымъ образомъ казенныхъ студентовъ, жившихъ въ стѣнахъ университета и находившихся подъ постояннымъ надзоромъ, но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы обобщить сохранившіеся факты и распространить ихъ и на своекоштныхъ студентовъ. Послѣднихъ было весьма немного, и они находились въ постоянномъ общеніи съ казенными, какъ мы и увидимъ. Нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что студенты первыхъ лѣтъ Казанскаго университета были подчинены университетскому суду. Это сохранило отъ забвенія исчезнувшіе нравы и даетъ возможность изслѣдователю познакомиться съ этими нравами. Не такъ счастливъ будетъ тотъ, кто захотѣлъ бы ближе, по источникамъ и документамъ, узнать жизнь, нравы и обычаи современной университетской молодежи, которая внѣ университета, за нарушеніе не формальныхъ университетскихъ правилъ, а общихъ законовъ и постановленій, подчинена общему суду. Источники для изслѣдованія подобнаго рода придется искать въ архивахъ мировыхъ судей или окружного суда. Для сравненія съ прошлымъ, для констатированія нравственнаго успѣха университетской молодежи, факты эти или спрятаны слишкомъ далеко, или и совсѣмъ недоступны. Въ провинціальныхъ періодическихъ листкахъ совершенно случайно проскальзываютъ иногда свѣдѣнія о буйствѣ на улицѣ или о неблаговидныхъ поступкахъ такъ называемыхъ репортёрами молодыхъ «интеллигентовъ»; въ обществѣ, въ разговорахъ весьма часто циркулируютъ разсказы о разбирательствахъ у того или другого изъ миро-

выхъ судей города, гдѣ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ обрисовываются нравы и условія жизни учащейся въ университетѣ молодежи; весьма рѣдко, но зато крайне рельефно и ясно освѣтитъ нравственное развитіе современныхъ студентовъ какой-нибудь уголовный процессъ, разбиравшійся въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ, возмутительное содержаніе котораго проникнетъ случайно въ общество. Обо всемъ этомъ конечно не скажетъ правды связанная житейскими условіями провинціальная пресса. Чаще всего она скроетъ кричащій фактъ или постарается затемнить и извратить правду въ угоду разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Въ этой прессѣ кромѣ того до сихъ поръ еще сохранилось то слѣпое идолопоклонство передъ «молодымъ поколѣніемъ», которое провозглашено было выдающимися органами печати въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Пора однако убѣдиться, что всякое молодое поколѣніе, т. е. духовный и нравственный міръ его, создается только жизнію и условіями его окружающими. Оно не что иное какъ только созданіе жизни. Была конечно пора, когда въ русскомъ обществѣ пользовался дѣйствительнымъ почетомъ такъ называемый «человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ», хотя это образованіе весьма часто улетучивалось подъ вліяніемъ условій окружающей жизни, и случалось, что «человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ» переставалъ и совсѣмъ походить на человѣка. Въ настоящее время ошибиться будетъ труднѣе: внѣшній знакъ подскажетъ современному скептику, что онъ дѣйствительно имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, прошедшимъ всѣ требуемые семестры университетскаго курса.

Какой успѣхъ сдѣлало это образованіе въ три четверти вѣка, отдѣляющія насъ отъ эпохи нами описываемой, въ чемъ измѣнились въ этотъ періодъ нравы университетской молодежи—пусть судитъ будущій изслѣдователь внутренней жизни Казанскаго университета, если она будетъ для него также глубоко интересна, какъ для пишущаго эти строки. Позволяемъ себѣ однако надѣяться, что факты, нами собранные и тщательно изученные, послужатъ ему точкою отправленія, и постараемся изложить эти факты съ полнымъ безпристрастіемъ.

Несмотря на заботы Яковкина и прочихъ слѣдовавшихъ за нимъ инспекторовъ студентовъ о такъ называемомъ *наполненіи* аудиторій слушателями, т. е. объ отысканіи для вновь прибывающихъ профессоровъ студентовъ, несмотря на увѣреніе, еще въ 1811 году сдѣланное передъ совѣтомъ Яковкинымъ, что «число учащихся теперь, въ сравненіи съ прежнимъ, несравненно болѣе, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что аудиторіи нѣмецкихъ профессоровъ были по большей части пустыми. Одинъ, много два

слушателя—вотъ то число студентовъ, передъ которымъ профессору приходилось излагать свою науку. Конечно у него должна была пропадать всякая энергія. Не могло быть и никакого живого общенія между профессоромъ и слушателемъ, тѣмъ болѣе, что оба они были разобщены незнаніемъ языковъ, на которыхъ они говорили. «Наполненіе аудиторій», то есть приглашеніе студентовъ идти записаться слушателемъ у того или у другого профессора, сопровождалось различными хитростями, уговорами и увѣщаніями со стороны инспекторовъ. «Всѣ слушатели», писалъ Яковкинъ въ 1811 году, «кромѣ нѣкоторыхъ, заняты особенно приготовительными науками», а мы знаемъ что эти приготовительныя науки заключали въ себѣ только гимназическій курсъ, да и тотъ былъ для нѣкоторыхъ такъ затруднителенъ, что по представленію Броннера ихъ слѣдовало возвратить назадъ, въ гимназію («aliqui incapaces in gymnasiam remittendi») [1]. Первоначально этотъ приготовительный курсъ длился два года, но въ 1815 году Броннеръ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, чтобы этотъ курсъ, согласно желанію нѣкоторыхъ профессоровъ, сталъ трехгодичнымъ: такъ мало были приготовлены слушатели къ пониманію наукъ спеціальныхъ, въ университетѣ преподаваемыхъ. Броннеръ расположилъ этотъ курсъ тогда же на три года, раздѣливъ предметы на *необходимые* (necessariae) и *украшающіе* (ornantes), слушаніе которыхъ было предоставлено на произволъ студентовъ [2]. Въ томъ же дѣлѣ, гдѣ говорится о необходимости продленія курса приготовительныхъ наукъ еще на одинъ лишній годъ, находится не лишенное значенія свѣдѣніе о томъ, какъ безпорядочно былъ устроенъ самый пріемъ студентовъ въ университетѣ. Попечитель Салтыковъ писалъ совѣту, что до его свѣдѣнія дошло, что студенты принимаются во всякое время, отчего, по словамъ его, вступившіе въ теченіе года не получаютъ настоящей пользы. Онъ предписалъ поэтому принимать только въ началѣ курса.

Естественно, что при малой подготовкѣ студентовъ къ слушанію лекцій и въ виду того, что имъ снова приходилось повторять тотъ же гимназическій курсъ, который они прошли въ гимназіи и который не могъ уже интересовать ихъ, имъ скучно было ходить на лекціи. У инспекторовъ и ихъ помощниковъ, у нѣкоторыхъ профессоровъ, которыхъ мучило сознаніе, что они противъ воли не читаютъ, мы находимъ частыя жалобы на *уклоненіе отъ лекцій*, какъ выражались тогда, на лѣность и нерадѣніе студентовъ, изъ которыхъ

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 60б.

[2]) Дѣло, на какомъ основаніи полагается для студентовъ трехгодичный курсъ ученія и о приниманіи въ университетъ студентовъ въ началѣ каждаго курса, а не во всякое время. *Сов.* 1815 г. № 50.

очень многіе или рѣдко посѣщали аудиторіи, или вовсе не ходили въ нихъ. Профессоръ астрономіи Литтровъ доноситъ въ январѣ 1813 года совѣту, что ему часто, въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, по цѣлымъ часамъ, приходилось ожидать единственныхъ двухъ своихъ слушателей Макарова и Перелѣшина и уходить безъ чтенія лекцій. А эти два студента были еще спеціалистами, и отецъ Перелѣшина, флота капитанъ-командоръ, письменно изъявлялъ благодарнось совѣту и гг. преподавателямъ за образованіе его сына, увольняемаго изъ университета со степенью кандидата. Въ книгѣ о поведеніи Броннеръ очень часто записываетъ то о томъ, то о другомъ студентѣ, что онъ вовсе не посѣщаетъ лекцій; «nunquam adfuit». Стоитъ внимательно изучить этотъ собственноручно писанный имъ съ большою аккуратностью и вниманіемъ журналъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что собственно лекціи существовали только номинально. Въ этомъ увѣряютъ насъ и многочисленные рапорты, подаваемые инспектору его помощниками. Юнаковъ наприм., часто доноситъ, что при утреннемъ посѣщеніи имъ комнатъ казенныхъ студентовъ, онъ часто находитъ въ то время, когда уже начались лекціи, студентовъ, вмѣсто того, чтобъ быть въ аудиторіи, или спящими, или просто лежащими на кроватяхъ, или наконецъ играющими усердно въ шашки, лото и карты (самою распространенною тогда игрою, требующею нѣкотораго сосредоточенія мыслей, была между студентами, какъ это видно изъ книги о поведеніи, — бостонъ). Весною казенные студенты весьма часто прятались, чтобъ не ходить на лекціи, въ бесѣдкахъ Тенишевскаго сада, и помощники инспектора насильно выгоняли то того, то другого въ аудиторіи профессоровъ, остававшихся безъ слушателей. Прятались и въ пустыя аудиторіи, уходя во время лекціи изъ аудиторіи; конечно рѣдкихъ удавалось субъ-инспекторамъ воротить и водворить обратно. Такъ какъ лекціи въ тѣ годы начинались въ 8 часовъ по утру, то существовало распоряженіе о томъ, чтобы студенты вставали въ 7 часовъ, но ихъ трудно было поднять и въ 10. Обыкновенно вставали они весьма недобровольно, и чрезвычайно часто изъ за поздняго вставанья происходили непріятныя столкновенія съ помощниками инспектора.

Эта распущенность, это почти нежеланіе ходить на лекціи и учиться могутъ быть объяснены только ничтожностью умственныхъ интересовъ, почти не существовавшихъ въ средѣ студентовъ того времени. Какими средствами воспитать эти интересы, какъ заставить студентовъ учиться—это конечно приходило въ голову и инспекторамъ и профессорамъ, но ни къ чему иному не могли они прибѣгнуть, какъ только къ обычнымъ въ то время наказаніямъ, или къ увѣщаніямъ, имѣвшимъ столько же силы, сколько имѣетъ ея го-

рохъ, брошенный въ стѣну. Съ своекоштными студентами церемонились меньше: ихъ исключали за нехожденіе на лекціи, иногда въ продолженіе долгаго времени. Такъ былъ уволенъ студентъ Африканъ Смирновъ, уѣхавшій изъ Казани на лѣтнюю вакацію и не возвращавшійся полтора года. Опаздывали и многіе другіе. Рѣдко кто возвращался къ началу лекцій, иные (напр. Веригинъ) возвращались съ лѣтней вакаціи въ февралѣ и мартѣ слѣдующаго года. Да и какой интересъ могли имѣть для студентовъ занятія умственныя или научныя, если ихъ примѣняли, какъ мѣру наказанія? Такъ студенту Бабановскому, за то, что онъ 6 іюля 1815 года въ университетскомъ саду высѣкъ розгами десятилѣтнюю дочь сторожа при астрономической обсерваторіи, посаженному на три дня въ карцеръ по опредѣленію правленія на хлѣбъ и на воду, Броннеръ задаетъ переводы съ латинскаго языка на русскій. Студентъ Шоникъ, посаженный въ карцеръ на тотъ же срокъ, и также на хлѣбъ и на воду, долженъ поработать въ уединеніи надъ рѣшеніемъ нѣсколькихъ математическихъ задачъ. Студентовъ Шутихина Петра, Базилева, фонъ Гине и Эрнста Фика, не присутствовавшихъ на церковной службѣ наканунѣ Вербнаго воскресенія, какъ было сдѣлано о томъ распоряженіе инспекціи, Броннеръ, прочитавъ имъ приличную нотацію, удерживаетъ у себя съ 8 до 10 часовъ вечера, заставляя ихъ переводить съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій языкъ. Евреинова студента, въ наказаніе за какой-то проступокъ, заставляютъ переводить отрывки изъ комедій Грессе, вѣроятно потому что онъ зналъ французскій языкъ; Чашковъ за нерадѣніе, переводитъ изъ хронологіи Вольфа и т. п.

Когда умственный трудъ является чѣмъ-то принудительнымъ, родомъ наказанія, тогда конечно невозможно ожидать какой-либо любви къ нему со стороны уже взрослыхъ и совершенно физически развитыхъ студентовъ. Изъ инспекторовъ того времени больше прочихъ возмущался этою умственною неразвитостью и глубокимъ отчужденіемъ отъ всякаго знанія Броннеръ, и при всякомъ удобномъ случаѣ читалъ или высказывалъ студентамъ и порицаніе, и увѣщанія. На какомъ языкѣ объяснялся онъ со студентами: по латыни или по нѣмецки—мы не знаемъ, но увѣрены, что студенты или не понимали его, или не слушали. «Я порицалъ за лѣность», пишетъ онъ въ своемъ журналѣ, «гг. Кожевникова, Чхейзе и де-Роберти, которые не могли мнѣ ни назвать, ни показать что-либо ими писанное, сочиненное или прочитанное [1]). Чаще чѣмъ кто либо дру-

[1]) ... qui nihil scripti, nihil compositi aut lecti denominare aut monstrare poterant" (p. 56a).

гой изъ инспекторовъ, Броннеръ доноситъ совѣту о безуспѣшности казенныхъ студентовъ и проситъ совѣтъ принять какія-либо съ его стороны мѣры противъ этого нерадѣнія, называя студентовъ по именамъ и указывая, чѣмъ каждый изъ нихъ не хочетъ заниматься. Совѣтъ не нашелъ никакой другой болѣе дѣйствительной мѣры, кромѣ слѣдующей: «*предписать* студентамъ Перимову и Лебедеву снова прослушать лекціи, для коихъ въ прошломъ году записались, Таушеву прослушать курсъ исторіи, Сычугову, чтобъ окончилъ приготовительный курсъ прежде, нежели приступитъ къ факультетскимъ наукамъ, Оффенбергу, чтобъ продолжалъ науку, которой посвятилъ (?) себя» и т. д. Предоставляемъ читателю судить: могла ли быть дѣйствительнымъ стимуломъ и возбуждать стремленіе къ пріобрѣтенію знанія такая канцелярская форма, какъ предписаніе [1]). За неуспѣхъ и нерадѣніе въ теченіе года студенты, по представленію Броннера, получали или замѣчанія со стороны совѣта, или заставляли ихъ слушать вторично тѣ же самыя лекціи, какъ двухъ Молоствовыхъ, Нюхтилова, Борисова и Перимова. На сколько дѣйствительно и полезно было это вторичное слушаніе лекцій, можно судить по тому, что черезъ полгода послѣ перваго представленія своего въ совѣтъ, Броннеръ снова входилъ съ бумагою «о принужденіи къ слушанію прошлогоднихъ лекцій студентовъ Молоствовыхъ и Перимова, «*кои за нерадѣніе*, по опредѣленію совѣта слушать должны» [2]). Въ той же бумагѣ своей совѣту, инспекторъ Броннеръ представлялъ о томъ, чтобъ оставить еще на годъ Красицкаго, «который, хотя третій годъ слушаетъ, но не всѣхъ выслушалъ приготовительныхъ курсовъ», а Красицкій желалъ слушать спеціальныя лекціи юридическихъ наукъ. Совѣтъ утвердилъ представленіе Броннера. Тогда Красицкій подалъ жалобу на Броннера въ тотъ же совѣтъ; въ ней онъ писалъ, что «по волѣ родителей» желаетъ посѣщать лекціи по части юриспруденціи, но не допускаетъ его къ слушанію оныхъ инспекторъ Броннеръ. Красицкій проситъ оградить его отъ несправедливыхъ ограниченій Броннера. Жалоба Красицкаго была переведена на нѣмецкій языкъ и сообщена предварительно ректоромъ Броннеру, который и объяснилъ совѣту въ чемъ дѣло. Профессоръ Солнцевъ, извѣстный впослѣдствіи казанскій юристъ, нашелъ однако возможнымъ обвинить Броннера, называя его объясненіе незаконнымъ и пристрастнымъ, такъ какъ переводъ жалобы Красицкаго былъ переданъ Броннеру ректоромъ заблаговременно, а слѣдовательно незаконно; притомъ Броннеръ, участвуя въ засѣданіи совѣта, гдѣ об-

[1]) Протоколы совѣта 1815 года, стр. 67а.
[2]) Протоколы совѣта 1816 года, стр. 101а, 144а.

суждалась жалоба студента Красицкаго, явился судьею въ собственномъ дѣлѣ и поступилъ также несправедливо. Броннеръ съ большимъ достоинствомъ и довольно рѣзко отвѣтилъ по латыни на крючекъ Солнцева, и совѣтъ оставилъ жалобу Красицкаго безъ послѣдствій [1]). Болѣе можетъ быть дѣйствительною была мѣра, которую стали принимать послѣ того, какъ казенныхъ студентовъ перевели съ казеннаго стола и полнаго содержанія на стипендіи, выдаваемыя имъ помѣсячно, или, какъ выражались тогда, *на жалованье* [2]). Въ концѣ каждаго мѣсяца всѣ казенные студенты и кандидаты должны были представлять инспектору свидѣтельства о своемъ прилежаніи (testimonia diligentiae suae), выданныя имъ профессорами за посѣщеніе лекцій и за занятія въ аудиторіяхъ. Свидѣтельства эти разсматривалъ инспекторъ и съ своей стороны ставилъ отмѣтку о поведеніи, послѣ чего уже студентамъ выдавалась безпрепятственно стипендія за мѣсяцъ. На сколько эта мѣра, если она примѣнялась строго и справедливо, въ чемъ можно и сомнѣваться, достигала цѣли, по русской практической поговоркѣ: «не бей палкой, бей рублемъ», утвердительно сказать не можемъ, но въ инспекторскомъ журналѣ Броннера мы не рѣдко найдемъ запись, что такіе-то и такіе студенты вовсе не представили свидѣтельствъ о своемъ ученіи и занятіяхъ («nondum reddiderint rationem studiorum suorum inspectori»).

Конечно главная причина неуспѣха преподаванія заключалась въ томъ, что профессоры и слушатели не понимали другъ друга, отчего часто возникали взаимныя жалобы. Распредѣляли слушателей по профессорамъ обыкновенно инспекторы, но что принимали они за основаніе распредѣленія, не знаемъ. Безъ сомнѣнія они руководствовались просто личными соображеніями, произволомъ, выборомъ самихъ студентовъ, которымъ почему-либо нравится тотъ, а не этотъ профессоръ, но едва ли руководствовались факультетскимъ значеніемъ той или другой науки въ системѣ приготовленія къ какой-либо научной спеціальности. Въ сентябрѣ 1814 года инспекторъ Броннеръ поручаетъ своему помощнику Юнакову *уговаривать* вновь поступившихъ въ студенты (8 человѣкъ), чтобы они больше записывались на лекціи философіи Лубкина, чѣмъ Срезневскаго, котораго они уже слушали въ прошедшемъ году въ гимназіи, и объ этомъ распоряженіи увѣдомить Срезневскаго. Вѣроятно въ этомъ случаѣ Броннеръ руководствовался тѣмъ сообра-

---

[1]) Протоколы совѣта 1816 г., стр. 160а и 1817 г., стр. 3а,б, 5б, 6а. 8б.

[2]) О мѣрѣ этой, существовавшей недолгое время и вообще неудавшейся, мы скажемъ подробно въ этой же главѣ.

женіемъ, что студентамъ, только что поступившимъ для слушанія приготовительныхъ наукъ, будетъ все же интереснѣе выслушать уже знакомыя имъ логику и метафизику у новаго профессора, чѣмъ повтореніе стараго. Непониманіе языка заставляло студентовъ слушать охотнѣе лекціи у знакомыхъ ихъ учителей гимназіи, читавшихъ также въ университетѣ, чѣмъ у нѣмецкихъ профессоровъ. Между тѣми же вновь поступившими студентами и проф. и деканомъ Германомъ въ томъ же сентябрѣ возникли недоразумѣнія, или, какъ выражается Броннеръ, ссора (querelae). Германъ жаловался на неравенство въ познаніяхъ латинскаго языка своихъ слушателей, что мѣшаетъ усвоенію ими его лекцій, студенты же, съ своей стороны, на то, что съ трудомъ понимаютъ его лекціи. Чтобъ найти выходъ изъ обоюдныхъ затрудненій, Броннеръ отъ себя лично приглашаетъ преподавать по четыре часа въ недѣлю латинскій языкъ учителя Ибрагимова и поручаетъ помощнику Юнакову послать написанныя имъ латинскія письма какъ къ Ибрагимову, такъ и къ Герману о томъ, а студентамъ сказать, чтобы они посѣщали Ибрагимова [1]). Въ ноябрѣ того же года совѣтъ поручаетъ Броннеру найти для проф. Брейтенбаха хотя бы одного слушателя, который сталъ бы спеціально заниматься преподаваемой имъ наукой—технологіей. Броннеръ, послѣ разспросовъ, продолжавшихся съ мѣсяцъ, донесъ совѣту, что нашелся одинъ только студентъ Кручининъ, который желалъ бы поучиться технологіи (для полученія степени кандидата этой науки), но не зная нѣмецкаго языка, затрудняется теперь же приступить къ изученію технологіи, а проситъ дать ему срокъ на годъ, для лучшаго ознакомленія съ нѣмецкимъ языкомъ [2]).

Характеръ слушанія лекцій соотвѣтствовалъ всему строю тогдашней университетской жизни и студенческимъ обычаямъ. Если молодымъ людямъ скучно было слушать нѣмецкихъ профессоровъ, которыхъ они не понимали, то нельзя положительно утверждать, чтобы они внимательно и сознательно слѣдили за чтеніемъ знакомыхъ еще имъ съ гимназіи русскихъ профессоровъ. Много фактовъ говорятъ о совершенно другомъ. Въ октябрѣ 1814 года студентъ Павелъ Красицкій приноситъ инспектору жалобу на проказы, которыя дозволили себѣ на лекціи профессора Никольскаго двое его товарищей: де-Роберти и Лохтинъ, бросавшіе въ него, Красицкаго, кусочки дерева и шарики изъ жеванной бумаги (ligni frustula chartaeque comestae globulos). Въ совѣтскомъ засѣданіи въ маѣ 1816 года нѣкоторые изъ профессоровъ жаловались на шумъ и стукъ, производимые студентами какъ въ классахъ, такъ и въ III студенческой

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 57а,б.
[2]) *Тамъ же*, стр. 76а,б.

комнатѣ, въ домѣ Тенищевскомъ, куда входятъ толпою, и во время лекцій занимаются музыкою, мѣшая другимъ. Лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ жалуется инспектору, что на его лекціи студенты Шицъ, Кулаковъ и Веригинъ громко хохотали и раскрывали окна при сквозномъ вѣтрѣ. Всѣ они были наказаны заключеніемъ на нѣсколько часовъ въ карцеръ. Студенты весьма часто вышучивали своихъ наставниковъ. Филаретъ Базилевъ, за грубость и оскорбленіе профессора Кондырева и за то, что онъ обманулъ профессора Томаса, пришедшаго въ университетъ читать лекціи, сказавъ, что онъ опоздалъ, и что всѣ студенты уже разошлись, что все было ложью, былъ посаженъ въ карцеръ.—Братъ его Петръ Базилевъ подвергся тому же наказанію за рѣдкое посѣщеніе аудиторіи Лейтера и за то, что съ шумомъ войдя въ нее, когда уже началась лекція, немедленно вышелъ и гулялъ по корридору съ товарищами, болтая во время лекціи, и даже не снялъ шапки передъ лекторомъ, когда тотъ прошелъ мимо него.—Студентъ Араповъ въ классѣ учителя Полиновскаго произвелъ шумъ, прибилъ слушателя Севрюгина и изломалъ столы. На той же лекціи студента Страхова товарищи вытѣсняютъ съ лавки или «выдавливаютъ», такъ что онъ падаетъ.—Въ корридорѣ, у самыхъ дверей аудиторіи Полиновскаго, во время его лекціи, студентъ Андреяновъ «ссорится съ матерью г. танцмейстера Фавра», а университетскій сторожъ Терентьевъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу о сломаніи столовъ, разсказываетъ видѣнныя имъ подробности во время «плетенія имъ лаптей». Почему-то студенты, записавшіеся слушать математическія лекціи, неохотно ходили слушать молодого и потомъ столь извѣстнаго профессора Лобачевскаго и предпочитали ему другого математика—Никольскаго. Думаемъ оттого, что первый относился гораздо серьезнѣе къ своему дѣлу и былъ строже второго. Студенты Веригинъ и Мухачевъ просятъ въ 1816 году Броннера позволить имъ посѣщать математическія лекціи Никольскаго, говоря, что Лобачевскій очень рѣдко приходитъ. Броннеръ убѣдилъ ихъ подождать, говоря, что профессоръ по всей вѣроятности не здоровъ. Черезъ нѣсколько времени являются другіе два студента: Иконниковъ и Евреиновъ и жалуются Броннеру, что они не въ состояніи понимать лекцій Лобачевскаго,—такъ какъ онъ говоритъ не объ употребленіи логариѳмовъ, а о ихъ происхожденіи. Студенты просятъ позволить имъ слушать Никольскаго, излагающаго вторую часть алгебры. Броннеръ успокоилъ ихъ и разрѣшилъ имъ, ежели пожелаютъ, ходить къ обоимъ профессорамъ [1]).

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 64,б 80,б 84б 85б, 87,а 88,б 101а.

Слушать Никольскаго вмѣсто Лобачевскаго студенты предпочитали вѣроятно и потому еще, что на его лекціяхъ было вообще веселѣе. Что дѣлалось на этихъ лекціяхъ, которыя были публичными и читались собственно для чиновниковъ службою обязанныхъ, можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе довольно любопытное дѣло, возникшее въ 1816 году по жалобѣ штабъ-лѣкаря Кельца на студентовъ Попова и Кругликова [1]). Просьба этого старшаго штабъ-лѣкаря, коллежскаго ассессора и кавалера, посѣщавшаго публичныя лекціи съ цѣлью держать экзаменъ на доктора (у него сынъ былъ уже студентомъ и ходилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ университетъ), состояла въ жалобѣ на обиду, сдѣланную имъ студентомъ Поповымъ. Кельцъ отецъ еще 3 сентября услышалъ отъ студента Беттихера, что студентъ Поповъ, въ собраніи всѣхъ студентовъ, находившихся на лекціи кандидата Востокова, сказалъ Беттихеру: «И ты связался съ этимъ г.... Кельцомъ». Обиженный штабъ-лѣкарь проситъ съ Поповымъ *поступить по законамъ*. Какая подкладка была у всей этой пестрой исторіи, слѣдственнымъ порядкомъ разбиравшейся правленіемъ, мы не можемъ теперь догадаться, такъ какъ и правленіе не разыскивало причинъ взаимныхъ жалобъ и ссоръ между студентами, и какое къ нимъ отношеніе имѣлъ штабъ-лѣкарь. Съ самаго поступленія въ число студентовъ молодого Кельца (по журналу Броннера оно состоялось 30 сентября), товарищи почему-то не взлюбили его, и между ними довольно часто происходили ссоры: Броннеръ въ своемъ журналѣ записалъ 15 октября, что студентъ Беттихеръ передалъ ему о томъ, что Сычуговъ Михаилъ прибилъ кулаками молодого Кельца (studiosum Kelz pugnis male tractasse etc.), и что ему помогалъ Поповъ. Броннеръ посадилъ Сычугова въ карцеръ, а Попова заставилъ извиниться предъ Кельцомъ. Октября 17 прибѣжалъ къ Броннеру отецъ Кельцъ съ жалобою на Попова за оскорбленіе, нанесенное ему имъ въ аудиторіи проф. Никольскаго, прежде прихода профессора. Ноября 5 Попова за это заперли на нѣсколько часовъ въ карцеръ, но на другой день въ аудиторіи онъ снова оскорбилъ Кельца отца, и его снова посадили. Тогда Кельцъ принесъ уже формальную жалобу на Попова въ правленіе и написалъ увѣдомленіе Броннеру, что онъ нѣкоторое время не будетъ ходить на лекціи, пока не уляжется волненіе студентовъ.

Одновременно съ формальною жалобою Кельца отца, тотъ же Беттихеръ, который передалъ ему оскорбительныя слова Попова,

---

[1]) Дѣло наченьшееся 1816 года ноября 9 дня по просьбѣ штабъ-лекаря Кельца съ жалобою на студентовъ Попова и Кругликова. *Правл.* 1816 г., № 89.

подалъ инспектору Броннеру тоже письменную жалобу на обиду, сдѣланную ему студентомъ Отсолигомъ [1]). «Обиженъ я г. Отсолигомъ», писалъ Беттихеръ, «который называлъ меня нѣсколько разъ *подлецомъ*, ухватя меня за грудь, также говорилъ мнѣ, что не прежде перестанетъ, покуда не выживетъ меня изъ университета. Я, спрося его за что онъ называетъ меня подлецомъ, то отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ сіе и предъ лицомъ ректора и инспектора скажетъ. Сентября же 3-го называлъ меня г. Поповъ подлецомъ и говорилъ сіи слова:—И ты связался съ этимъ... Кельцемъ».

Произведя изслѣдованіе, Броннеръ обѣ просьбы, и Кельца и Беттихера, представилъ ректору университета. Онъ считалъ все это дѣло важнымъ и не желалъ, чтобы судъ принадлежалъ ему одному, особенно потому что смотрѣлъ на Кельца, какъ на важнаго чиновника («principalis homo sit in dignitate constitutus»). Первоначально ссора между Отсолигомъ и студ. Беттихеромъ вышла изъ за того, что первый назвалъ второго бездѣльникомъ за защиту Кельца отъ побоевъ Мих. Сычугова. Броннеръ думалъ, что эта ссора кончилась миролюбиво послѣ того, какъ онъ заставилъ просить прощенія и у Беттихера, но этотъ подаетъ теперь новую жалобу на Попова. Броннеръ считаетъ необходимымъ передать теперь все дѣло на разсмотрѣніе ректора и правленія: «необходимы сильныя устрашающія средства для того, чтобъ прекратить эту увеличивающуюся вражду въ средѣ студентовъ» [2]). Взаимныя обвиненія возрастали въ числѣ. Беттихеръ жаловался на Отсолига, что онъ и другіе нарочно толкали его въ грязь, когда онъ шелъ въ университетъ; Отсолигъ жаловался на отца Кельца, что тотъ хотѣлъ бить его, и на Беттихера, что онъ долженъ ему 5 рублей и не платитъ. Беттихеръ доказывалъ, что деньги эти проиграны въ карты, а это воспрещено правилами и т. д. Все это событія изъ тогдашнихъ студенческихъ нравовъ самыя обыденныя, часто встрѣчавшіяся, грубоватыя шалости испорченныхъ мальчиковъ, которые никѣмъ не воспитывались и ничему не учились. Мы привели ихъ случайно изъ дѣла, представляющаго намъ между прочимъ любопытный образчикъ какъ читались въ то время лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Этотъ образчикъ въ новой жалобѣ Кельца:

„Ноября 6 дня по утру пришелъ я лекцію г. профессора Никольскаго посѣтить, гдѣ студентъ Поповъ пришелъ ко мнѣ и началъ мнѣ дѣлать уп-

---

[1]) Впослѣдствіи довольно извѣстный медикъ, директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ и почетный членъ Казанскаго университета.

[2]) „Res in longam inter studiosos animositatem vergere videtur, ni forte adhibeatur remedium, quo terreantur“...

реки: какъ я смѣлъ на него ложно доносить, не знавши законовъ. Я ему отвѣтилъ: оставьте меня въ покоѣ, а если думаете, что ложно на васъ донесъ, то жалуйтесь на меня; между прочимъ (?) онъ продолжалъ. Я принужденъ былъ идти къ инспектору жаловаться, который пришелъ и взялъ его съ собою. Возвратившись на лекцію къ г. профессору Никольскому, хотѣлъ я сѣсть и сказалъ студенту Кругликову: „подвиньтесь", который сего не хотѣлъ, говоря мнѣ, что самъ хочетъ тутъ сидѣть; также сказалъ: „опять Попова взяли"; я же повторилъ, чтобъ онъ подвинулся и онъ сѣлъ дальше. *На лекціи у г. проф. Никольскаго, въ продолженіи двухъ часовъ продолжалась безпрестанно ходьба, хохотъ, разговоры и заглядываніе въ двери, въ числѣ коихъ студентовъ находился и ст. Кругликовъ, заглядывалъ въ дверь, смѣялся и дразнилъ г. проф. Никольскаго. Напослѣдокъ меня вывели изъ терпѣнія. Я нашелся принужденнымъ уйти съ лекціи, сказавши студентамъ, что сего нельзя сносить и, попросивши у г. проф. Никольскаго прощенія за то, что безпокоилъ его, ушелъ.* Вышедши изъ двери, студентъ Кругликовъ смѣялся и дразнилъ меня, также плюнулъ передо мною, но я ушелъ, не говоря ни слова. Почему и прошу поступить съ ними по законамъ, во первыхъ—для общаго спокойствія, во вторыхъ—для меня, ибо мнѣ теперь потрѣбно спокойствіе для достиженія своей цѣли, чтобъ приступить можно было къ экзамену".

Правленіе начало формальное слѣдствіе. Оно призвало противъ жалобы лѣкаря Кельца въ присутствіе студентовъ Попова и Кругликова, спрашивало ихъ и отобрало письменныя показанія. Изъ показаній Попова выяснилось, что грубыя слова, имъ произнесенныя, никакъ не могли относиться къ Кельцу отцу, на котораго онъ не имѣлъ неудовольствія личнаго, но будучи обиженъ однажды, въ присутствіи многихъ товарищей студентомъ Кельцемъ, употребилъ слова эти на счетъ сына. Ноября 6, до прихода еще профессора Никольскаго, лѣкарь Кельцъ, явившись въ большую аудиторію, началъ укорять его, Попова, въ причиненной обидѣ, и когда онъ началъ оправдываться и объяснилъ, что онъ ничего противъ него не имѣетъ, Кельцъ просилъ забыть все происшедшее и придти къ нему, Кельцу, для лучшаго объясненія въ его квартиру, отъ чего онъ, Поповъ вѣжливымъ образомъ отказался, выставляя причиною, что опасается, чтобы въ квартирѣ его не было поступлено съ нимъ также, какъ съ студ. Отсолигомъ (онъ былъ побитъ). Симъ онъ, Кельцъ раздражился и *призвавъ инспектора въ самое то время, когда проф. Никольскій уже читалъ свою лекцію, съ азартомъ приступилъ къ самому тому мѣсту, на которомъ Поповъ находился, началъ на него кричать столь сильно, что по словамъ студентовъ нельзя было слышать лекціи въ другихъ аудиторіяхъ*, произнося на его счетъ обидныя слова въ присутствіи его товарищей и инспектора». Кругликовъ также отрицалъ всѣ обвиненія Кельца, доказывалъ, что говорилъ съ нимъ вѣжливо и, если онъ вышелъ изъ аудиторіи, то это потому, что *его вызвалъ почтальонъ* (съ лекціи?), для полученія

объявленія о посылкѣ, присланной отъ родителей, за которой онъ и пошелъ на почту.

Никольскій, которому сдѣлалась извѣстною картинка, нарисованная Кельцемъ, порядковъ, существующихъ на его лекціи, счелъ своимъ долгомъ, рапортомъ въ правленіе, опровергнуть свѣдѣнія, доставленныя Кельцемъ. Отрицая разныя преувеличенія его, Никольскій говоритъ однако, что «по многочисленности слушателей въ семъ классѣ и потому, что показывая въ семъ классѣ математическія задачи на доскѣ, *я не могу всякій разъ наблюдать за уклоняющимися отъ порядка, дѣйствительно на заднихъ столахъ бываетъ иногда небольшой шумъ, какъ-то недавно замѣченъ мною Беттихеръ* (его-то именно и не любили студенты) *въ разговорахъ и смѣхѣ; хохоту же никогда не происходило*... Во время же преподаванія моего 6 ноября никто столько не надѣлалъ шуму, какъ г. Кельцъ, что случилось слѣдующимъ образомъ. Пришелъ онъ, г. Кельцъ въ классъ мой съ инспекторомъ казенныхъ студентовъ Броннеромъ, и въ крайнемъ гнѣвѣ, указывая на студента Попова, требовалъ, чтобы сей студентъ, какъ обидчикъ его, Кельца, подвергнутъ былъ наказанію. При семъ случаѣ г. Кельцъ въ гнѣвѣ весьма громко кричалъ слова, имѣвшія слѣдующій смыслъ: что онъ не хочетъ терпѣть обидъ отъ такихъ молодыхъ людей, каковыхъ тысячи бывали у него подъ командою, что онъ искорѳнитъ сіи безпорядки, что будетъ жаловаться г. министру просвѣщенія. Имѣя уваженіе къ лѣтамъ и заслугамъ г. Кельца и принявши во вниманіе то, что онъ, будучи увлеченъ страстью, произносилъ сіи слова, я пропустилъ ихъ безъ всякаго замѣчанія». Дѣло это кончилось ничѣмъ. Поповъ былъ еще прежде подвергнутъ наказанію и правленіе уже не повторило его. Кругликовъ былъ оправданъ, и это было объявлено Кельцу.

Происшествіе съ Кельцемъ мы привели собственно для того, чтобъ читатель получилъ нѣкоторое представленіе о характерѣ аудиторій описываемаго времени въ Казанскомъ университетѣ и объ отношеніи слушателей къ профессорамъ. Ясно для насъ, что въ этихъ аудиторіяхъ не было вовсе уваженія къ знанію. Между тѣмъ аудиторія Никольскаго была самая многочисленная; математику, т. е. повтореніе тогдашняго гимназическаго курса, обязаны были выслушать всѣ, и можетъ быть это стеченіе слушателей всякаго рода и было причиною того, какъ мы видѣли, что студенты предпочитали его Лобачевскому, преподавателю болѣе строгому и научному. Кажется, что Никольскій *искалъ*, выражаясь языкомъ современныхъ намъ публицистовъ извѣстнаго лагеря, *популярности*, а для этого

въ то время не потребовалось серьезности преподаванія. Во время попечительства Магницкаго, Никольскій принадлежалъ къ числу его любимцевъ и умѣлъ плыть по теченію, что, какъ извѣстно, и не трудно, и выгодно. Отъ старыхъ студентовъ, его слушателей, мы знаемъ, что, нарисовавъ на доскѣ два треугольника, Никольскій начиналъ свое доказательство ихъ равенства словами: «*Съ помощью Божіею эти два треугольника равно потому-то*» и пр. Было ли это кощунствомъ съ его стороны, или искреннимъ убѣжденіемъ—не знаемъ.

Послѣ Яковкина, принужденнаго подать въ отставку, инспекторомъ студентовъ былъ избранъ Браунъ, но оставался имъ недолго, не болѣе года, такъ какъ былъ выбранъ и утвержденъ ректоромъ, а съ 20 іюля 1814 года вступилъ уже въ должность выбранный инспекторомъ проф. Броннеръ. Мы не разъ уже упоминали, что Брауна особенно не любилъ Яковкинъ, потому что тотъ стоялъ во главѣ нѣмецкой партіи и пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ. Теперь, когда и попечитель Салтыковъ гораздо больше цѣнилъ иностранцевъ, Браунъ и другіе всѣми средствами старались раскрыть порядки или скорѣе безпорядки, господствовавшіе при Яковкинѣ. Прежде, именно при немъ, студенческіе нравы и проступки студентовъ, если и дѣлались предметомъ обсужденія въ совѣтѣ, то только въ общихъ чертахъ. Помощникъ инспектора доносилъ инспектору о «своеволіи» студентовъ, объ ихъ «ослушаніи», иногда о «буйствѣ», о «дерзости», но по какому случаю происходили эти проступки, въ чемъ они проявлялись, чѣмъ они были вызваны,—объ этомъ не говорилось вовсе или упоминалось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Съ выходомъ въ отставку Яковкина, обращено было, какъ мы уже знаемъ, гораздо больше вниманія на поведеніе студентовъ, которое всѣми почиталось неодобрительнымъ. Стали доискиваться причинъ; высказывалось порицаніе прежнимъ порядкамъ и дѣйствіямъ прежняго инспектора. Сначала Яковкинъ старался оправдываться, нападать въ свою очередь на своихъ хулителей. Такъ, по поводу представленія, сдѣланнаго въ совѣтъ Брауномъ, гдѣ онъ противится совершенно резонно принятію въ студенты двухъ учениковъ казанской гимназіи Назарова и Оффенберга, потому что они не изъ высшихъ классовъ, Яковкинъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ ссылался на уставъ гимназіи, это допускающій, такъ какъ ученикъ гимназіи долженъ только представить свидѣтельство отъ гимназіи съ какимъ онъ прилежаніемъ и успѣхомъ проходилъ науки. Послѣ того какъ съ нимъ не согласились, Яковкинъ былъ совершенно безучастенъ.

Брауну неоднократно приходилось доносить совѣту о грубостяхъ

и дерзостяхъ, которыя онъ встрѣчалъ со стороны студентовъ своимъ распоряженіямъ или замѣчаніямъ, имъ сдѣланнымъ. Трудно сказать положительно чѣмъ вызывались эти грубости? Не думаемъ, чтобъ вызывались они личностью самого Брауна, который пользовался общимъ уваженіемъ. Весьма возможно, и мы почти въ томъ увѣрены, что на грубость казанскіе студенты вызывались національностью Брауна, хотя мы никакъ не можемъ представить себѣ въ тѣ годы такой нелюбви къ нѣмцамъ профессорамъ, какая проявилась въ концѣ 50-хъ годовъ. Всего вѣроятнѣе, что выдающаяся грубость студентовъ коренилась въ нравахъ общества и въ воспитаніи, которое давала имъ тогдашняя казанская гимназія, а больше всего въ бездѣліи, въ общей распущенности и въ неимѣніи вовсе умственныхъ интересовъ, безъ которыхъ студенческая среда необходимо должна была становиться грубою. Въ октябрѣ 1813 года Браунъ доноситъ совѣту университета, что имъ сдѣлано распоряженіе, въ виду того, что своекоштные студенты, посѣщая казеннокоштныхъ во время лекцій, мѣшаютъ заниматься послѣднимъ, о запрещеніи первымъ ходить въ комнаты казенныхъ въ несвободное отъ классовъ и занятій время. Ноября 8 онъ увидѣлъ своекоштнаго студента *Павла Перова* въ комнатѣ казеннокоштныхъ, говорящаго весьма громко, что дѣлалъ онъ и прежде, и приказалъ ему удалиться. «Но означенный студентъ Перовъ, вмѣсто послушанія, которое онъ долженъ былъ оказать, сказалъ: почему другихъ не высылаете изъ комнатъ? На что я отвѣчалъ ему, что если и другіе замѣчены будутъ въ подобныхъ безпорядкахъ, то съ таковыми будетъ поступлено также. Однакожъ Перовъ оказалъ мнѣ различныя грубости, сдѣлался непослушнымъ и съ дерзостью отказался исполнить мое приказаніе». Браунъ просилъ принять мѣры для отвращенія подобнаго непослушанія. Совѣтъ призвалъ Перова и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, инспектору же предоставилъ, ежели кто изъ своекоштныхъ впредь въ подобныхъ поступкахъ окажется, выводить таковыхъ изъ комнатъ чрезъ служителей. Черезъ нѣсколько дней Браунъ снова вошелъ въ совѣтъ съ описаніемъ другого подобнаго случая:

„По прочтеніи гг. студентамъ предписанія Его превосходительства г. попечителя, коимъ подтверждается *наблюденіе чинопочитанія* я выговаривалъ студенту *Чашкову* за грубые поступки его, оказанные г. адъюнкту Кондыреву въ библіотекѣ и его непочтеніе, на что оный Чашковъ очень дерзко отвѣчалъ мнѣ, что онъ поступилъ такъ грубо съ ад. Кондыревымъ, потому что сей запрещалъ ему входить въ дальнѣйшія комнаты, библіотекою занимаемыя, на что, по его мнѣнію, онъ не имѣлъ никакого права. Я сказалъ ему на сіе, что это должно быть такъ, что г. Кондыревъ испросилъ на то моего согласія касательно всѣхъ гг. студентовъ, а Чаш-

ковъ отвѣтствовалъ мнѣ съ тою же дерзостью, что и я не имѣю права возбранять ему входъ въ библіотеку, не исключая ни одной комнаты ею занимаемой. Послѣ сего я выходилъ уже изъ комнаты, какъ упомянутый Чашковъ закричалъ мнѣ: „Эй, послушайте, вы! У меня пропала шапка: отыщите ее". Находя, что Чашковъ, будучи грубъ самъ по себѣ, *ни мало не исправленъ воспитаніемъ*, прошу совѣтъ принять *какія нибудь мѣры* для удержанія его впредь отъ подобныхъ проступковъ".

Наказаніе, совѣтомъ Чашкову назначенное, было трехдневное содержаніе на хлѣбѣ и водѣ за особеннымъ столомъ, а имя его, съ надписаніемъ его проступка, т. е. грубостей противъ начальства, было вывѣшено на черной доскѣ. Браунъ повидимому рѣшительно терялся съ русской молодежью, ввѣренной его попеченію, не зналъ, какія мѣры принять ему, чтобы обуздать ея своеволіе, просилъ этихъ мѣръ у совѣта, но тотъ также не имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи и предлагалъ только мѣры карательныя, которыя могли можетъ быть исправить шаловливыхъ дѣтей, но не имѣли никакого значенія по отношенію къ взрослымъ и глубоко испорченнымъ юношамъ. Въ мартѣ 1814 года, въ своемъ рапортѣ совѣту, Браунъ придумалъ мѣру для нравственнаго воспитанія студентовъ, которая пришла ему на умъ, какъ протестанту.

„Замѣчая частыя изъ университета и безъ позволенія отлучки студентовъ *Бобылева* и *Кожевникова*, я рѣшился привести ихъ въ надлежащее повиновеніе *посаженіемъ* перваго студента *на хлѣбъ и на воду* на полторы сутки, а послѣдняго на однѣ сутки. Приказавъ исполнить сіе моему г. помощнику, услышалъ отъ него, что студентъ Бобылевъ отрекся исполнить мое приказаніе. По сему я рѣшился самъ лично наказать ихъ *посаженіемъ во время стола обѣденнаго за особый столъ*; но они вчерашняго числа и мнѣ ни малѣйшаго не оказали повиновенія. *Не находя способовъ кои бы достаточны были къ тому, чтобъ привести ихъ въ послушаніе*, я вынужденъ просить почтеннѣйшій совѣтъ принять въ отвращеніе сего надлежащіе мѣры. При чемъ почитаю нужнымъ упомянуть и о слѣдующемъ. Замѣчая неоднократно самъ, и слыша отъ моихъ помощниковъ, что *студенты нерѣдко обнаруживаютъ злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ* [1]), я почитаю нужнымъ просить совѣтъ обратить на сіе особенное вниманіе. Поелику таковыя ихъ мысли и подобныя онымъ служить могутъ бичемъ, разрушающимъ благоденствіе общественное, и сіи лжеумствованія очень легко прельщаютъ молодыхъ людей, то и прошу почтеннѣйшій совѣтъ *немедленно при-*

---

[1]) У насъ вовсе нѣтъ данныхъ, которыя могли дать поводъ Брауну сдѣлать такое заключеніе о распространеніи въ средѣ казанскихъ студентовъ вольнодумства по отношенію къ предметамъ религіи. До этой бумаги Брауна мы не встрѣтили ни одного указанія на возможность существованія такого религіознаго скептицизма. Если онъ и былъ, то его нельзя никакъ объяснить вліяніемъ знакомства съ скептическими сочиненіями прошлаго вѣка, напр. съ Вольтеромъ, сочиненія котораго Магницкій „извергалъ" изъ библіотеки: наши студенты ихъ не читали.

нять сообразныя для уничтоженія сего мѣры. Мнѣ кажется, что *сіе проистекаетъ отъ худаго, темнаго и несовершеннаго ихъ познанія священныхъ истинъ. И такъ, по моему мнѣнію, надлежало бы выбрать изъ среды гг. членовъ университета* (?) *человѣка, который бы обязанностью поставилъ утвердить ихъ въ незыблемыхъ основаніяхъ религіи*".

Совѣтъ постановилъ: 1) сдѣлать Кожевникову и Бобылеву строжайшій выговоръ и 2) просить г. попечителя объ опредѣленіи, сообразно § 22 устава, способнаго *чиновника, которому бы можно было препоручить классъ христіанскаго законоученія* [1]). Необходимость опредѣленія такого *чиновника* (?) по закону Божію и для религіознаго наставленія студентовъ указана была Салтыковымъ почти за годъ до донесенія Брауна въ совѣтъ. Вотъ что писалъ попечитель (23 мая 1813 года), основываясь на разныхъ собранныхъ имъ и сообщенныхъ фактахъ: «Дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ гг. студентовъ и питомцевъ (т. е. учениковъ гимназіи) не наблюдаютъ во время службы церковной должной благопристойности и отъ того смущаютъ молящихся постороннихъ людей. За нужное почитаю замѣтить, что нарушеніе порядка и благочестія, особенно въ храмѣ Божіемъ, доказываетъ въ надзирателяхъ неусмотрительность, а *въ воспитанникахъ невѣжество и своеволіе*. Къ вящему моему прискорбію таковыя вѣсти, до сего времени отъ меня утаенныя, сообщены мнѣ посторонними особами, и потому наставники, заслуживающіе нареканія за таковое съ ихъ стороны послабленіе, подаютъ мнѣ болѣе причинъ не довѣрять ихъ донесеніямъ, поелику *они умалчиваютъ о многихъ безпорядкахъ* не только въ моемъ отсутствіи случившихся, но и по другимъ частямъ ежедневно оказывающихся. Образованіе юношества зависитъ отъ примѣровъ. Благонравіе, благомысліе и доброе поведеніе воспитанниковъ зависятъ отъ нравственности и усерднаго наблюденія особъ, ими управляющихъ,—слѣдовательно всякое неустройство на ихъ отвѣтственности». Такимъ образомъ и попечитель видѣлъ въ отношеніяхъ студентовъ къ церковной службѣ не проявленіе религіознаго скептицизма и то, что называлось и тогда еще волтерьянствомъ.

---

[1]) Въ § 22 университетскаго устава 1804 года, гдѣ перечисляются каѳедры четырехъ отдѣленій или факультетовъ, въ главѣ объ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, поставлены два профессора: 1) богословія догматической и нравоучительной и 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, но обѣ эти каѳедры не были замѣщены до самого попечительства Магницкаго. Мысль прибѣгнуть къ религіозному вліянію для нравственнаго воздѣйствія на испорченныхъ казанскихъ студентовъ, за шесть лѣтъ до Магницкаго, принадлежитъ такимъ образомъ нѣмецкому профессору и протестанту.

а слѣды дурного воспитанія, невѣжества, своеволія и распущенности нравственной. Ни семья, ни школа не могли внушить имъ добрыхъ нравовъ, а тогдашніе руководители-педагоги конечно ставили выше идеи своекорыстные интересы. Что вліяніе преподаванія нравственно-религіозныхъ истинъ компетентными лицами не всегда достигало цѣли и не всегда служило нравственнымъ цѣлямъ, это мы увидимъ изъ характеристики студенческихъ нравовъ во время попечительства Магницкаго, когда введено было усиленное преподаваніе закона Божія. Къ сожалѣнію о томъ, что могло бы дѣйствительно служить и нравственному воспитанію молодыхъ людей, и преуспѣянію родной страны, т. е. о дѣйствительномъ, не мнимомъ и наружномъ, существующемъ только на бумагѣ и въ оффиціальныхъ отчетахъ знаніи, не думали тогда вовсе. Этого знанія боялись, не довѣряли ему, и въ такомъ отношеніи къ нему слѣдуетъ искать причинъ неуспѣха. Не будь этой боязни мысли и знанія, не было бы и тѣхъ крайностей, съ которыми привелось выступать потомъ на борьбу [1]).

Почему Браунъ, представляя о необходимости ввести преподаваніе закона Божія, согласно уставу, по двумъ незамѣщеннымъ каѳедрамъ, рекомендовалъ совѣту выбрать для того *человѣка изъ среды профессоровъ*,—отвѣтить на это мы не можемъ [2]), равно какъ

---

[1]) Законъ Божій какъ-то неопредѣленно преподавался вообще въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ до 1811 года, хотя намъ положительно извѣстно, что предметъ этотъ былъ обязателенъ. Не знаемъ чѣмъ, если только не запрещеніемъ іезуитовъ тогда, объяснить выслушанную совѣтомъ Казанскаго университета въ предложеніи попечителя отъ 28 сентября 1811 года, № 1032, Высочайшую волю, объявленную чрезъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода (князя А. Н. Голицына) „дабы отнынѣ навсегда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, *не изъемля изъ сего и состоящихъ подъ управленіемъ иностраннаго духовенства*, обучаемо было юношество закону Божію, и чтобы при ежегодныхъ испытаніяхъ всегда начинаемъ былъ экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія, приглашая къ сему всегда, въ особо назначаемый день, почетное духовенство, а въ городахъ, гдѣ существуютъ архіерейскія каѳедры, и самихъ епархіальныхъ архіереевъ“. Въ предложеніи попечителя предписывалось исполнить въ точности эту высочайшую волю въ казанской гимназіи и сообщить о томъ къ исполненію всѣмъ директорамъ училищъ округа, но о введеніи преподаванія закона Божія въ университетъ рѣчи пока не было.

[2]) Хотя въ уставѣ объ этомъ не говорится, но естественно предполагать, что для замѣщенія двухъ богословскихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, необходимы были люди съ богословскимъ образованіемъ, а такихъ въ средѣ членовъ тогдашняго совѣта не было. Броннеръ записываетъ иначе: „Rogavimus in concilio Excellentissimum, ut velit *hominem ecclesiasticum*, optimae indolis, philosophum et sapientem, qui praelectiones religioso-morales habeat studiosis et candidatis“.

и на вопросъ: почему Румовскій не позаботился замѣстить эти каѳедры съ первыхъ годовъ Казанскаго университета. Первая попытка введенія этого предмета въ университетскій курсъ сдѣлана была, какъ мы видѣли, инспекторомъ Брауномъ съ цѣлью нравственно-религіознаго вліянія на студентовъ. На представленіе о томъ совѣта никакого однако отвѣта получено не было, и только черезъ четыре года, какъ разъ передъ ревизіей Казанскаго университета Магницкимъ, когда уже вполнѣ сложились новыя требованія касательно университетскаго преподаванія, въ годы полнаго развитія идей, господствовавшихъ въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына, проф. Городчаниновъ также подаетъ рапортъ въ совѣтъ о необходимости введенія въ университетское преподаваніе закона Божія. «Какъ членъ университета», писалъ онъ, «священнымъ долгомъ себѣ поставляю кратко представить почтеннѣйшему совѣту онаго, о такомъ предметѣ, который по важности своей, всеобщее заслуживаетъ вниманіе, а именно: юные питомцы музъ, образуясь подъ благотворною сѣнію сего величественнаго, многовѣтвистаго древа наукъ, не имѣютъ счастія вкушать спасительныхъ плодовъ того ученія, которое есть начало и конецъ премудрости, которое всѣ человѣческія познанія освящая, на незыблемомъ утверждаетъ ихъ основаніи. Я говорю о изученіи *закона Божія*. Кому неизвѣстно сколь это вредно для нравовъ еще неопытныхъ и страстями быстро увлекаемыхъ молодыхъ людей, сколь пагубно для самого ума, ученіемъ вѣры непросвѣщаемаго! Когда и въ низшихъ казанскаго учебнаго округа училищахъ преподается *законъ Божій*, то не прискорбно ли видѣть, что питомцы высшаго наукъ сословія еще не пользуются симъ счастіемъ, которое въ ихъ возрастѣ тѣмъ для нихъ нужнѣе, чѣмъ преклоннѣе сердце къ разврату, а умъ къ заблужденію». Совѣтъ опредѣлилъ навести объ этомъ справку. Справка эта была доложена на другой годъ, именно 8 марта 1819 года, когда въ томъ же засѣданіи совѣта было заслушано предложеніе министра о близкой ревизіи университета по Высочайшему повелѣнію Магницкимъ и о томъ, чтобы совѣтъ по всѣмъ дѣламъ относился уже прямо къ нему. Изъ справки оказалось, что Браунъ, какъ мы видѣли, еще въ 1814 году предлагалъ совѣту замѣстить каѳедру богословія для борьбы съ *лжеумствованіями* студентовъ (это было новое, модное оффиціальное слово, которое вошло скоро въ общее употребленіе, какъ нынѣ выраженіе — *превратныя идеи*; Брауну оно было неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что студентовъ нельзя было обвинить не только въ «лжеумствованіи», но и въ какомъ-либо умствованіи вообще). Совѣтъ представилъ ревизору ходатайство «о дозволеніи пригласить пре-

подавателя по части богословскихъ наукъ изъ духовныхъ лицъ, полагая оному жалованья изъ оклада на сію каѳедру отпускаемаго». Изъ предписанія министра, одновременно полученнаго совѣтомъ (22 февраля, № 664), видно, что каѳедры богословія, положенныя уставомъ, не были замѣщены до того времени въ Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ, что на это обстоятельство обратило уже вниманіе главное правленіе училищъ, которое нашло, что «хотя образованіе богослововъ для духовнаго званія и имѣетъ свой надлежащій ходъ и дѣйствіе по учрежденнымъ именно для сего духовнымъ училищамъ и академіямъ, но симъ не отнимается ни право, ни обязанность ученой части гражданской всѣмъ и каждому изъ воспитанниковъ своихъ, къ какому званію и состоянію ни приготовляли бы они себя, открывать путь къ пріобрѣтенію достаточныхъ свѣдѣній въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, толико существенныхъ и необходимо нужныхъ для каждаго человѣка вообще. Свѣдѣнія сіи конечно не должны быть въ такой обширной подробности и полнотѣ предметовъ какія пріобрѣтаются посвящающими себя въ званіе богослововъ и въ духовный санъ (уставы университетовъ, отнеся двѣ каѳедры этого предмета къ отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ, желали повидимому сохранить за ними научный характеръ), но со всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакого другого званія въ обществѣ, ни случая въ жизни, въ которыхъ христіанину не слѣдовало бы учреждать своихъ поступковъ сообразно ученію Божія откровенія. Сія наука потому есть общая для каждаго воспитывающагося, и конечно не менѣе, но *болѣе нужная всѣхъ общихъ вспомогательныхъ наукъ*». Согласно этому предложенію министра, каѳедра *по части богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія* замѣняетъ прежнія двѣ и учреждается какъ бы вновь при Казанскомъ университетѣ, для преподаванія по оной уже студентамъ всѣхъ факультетовъ, а не только въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, какъ это было по университетскому уставу. Совѣтъ долженъ былъ предварительно представить Магницкому: на какомъ основаніи и правилахъ учредить эту каѳедру. Онъ и донесъ, что предполагаетъ ввести преподаваніе христіанскаго законоученія, «богословіе догматическое и нравственное, библейскую и церковную исторію съ археологіею», два раза въ недѣлю, четыре часа. Новый попечитель увеличилъ число часовъ преподаванія до шести. Въ ноябрѣ того же года совѣтъ университета, изъ отношенія къ нему архіепископа Казанскаго узналъ, что должность профессора богословскихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ поручена архимандриту Ѳеофану, ректору казанской духовной семинаріи.

О томъ, какое нравственное влiянiе на нравы студентовъ, на исправленiе ихъ испорченности имѣло возстановленiе или скорѣе учрежденiе забытой каѳедры богословiя, была ли она въ состоянiи передѣлать вѣковыя привычки и могущественное влiянiе жизни, мы скажемъ уже впослѣдствiи, если будемъ въ состоянiи довести нашъ разсказъ до времени попечительства Магницкаго. Мы знали многихъ живыхъ свидѣтелей этихъ замѣчательныхъ годовъ Казанскаго университета. Не имѣющiе ничего общаго ни съ предшествовавшимъ, ни съ послѣдующимъ временемъ въ жизни университета, эти годы являются передъ нами какимъ-то случайнымъ явленiемъ, имѣвшимъ только временное значенiе. Для проведенiя въ жизнь студентовъ господствующихъ идей, начиная съ конца 1819 года, т. е. года ревизiи и назначенiя попечителемъ Магницкаго, нужны были новые люди: они и явились скоро, но въ теченiе полугодiя, тотчасъ по увольненiи отъ инспекторства и отъ службы проф. Брейтенбаха (апрѣль—октябрь) правилъ должность инспектора человѣкъ, воспитывавшiйся въ Казанскомъ университетѣ почти съ самаго основанiя его и знавшiй всѣ его порядки. Это былъ скромный и тихiй адъюнктъ, потомъ профессоръ русской исторiи Булыгинъ. Ему досталось въ теченiе полугодiя вводить новыя исправительныя мѣры, придуманныя новымъ начальствомъ, пока не прiѣхалъ вновь назначенный избранникъ Магницкаго директоръ педагогическаго института и инспекторъ студентовъ. Въ журналѣ или дневникѣ Булыгина, который онъ велъ по заведенному обычаю во время исправленiя должности инспектора, являются уже эти новыя мѣры, прежде неизвѣстныя, посреди обычныхъ проявленiй жизни и привычекъ студентовъ того времени. Булыгинъ ежедневно. и не одинъ разъ въ день, подобно своимъ предшественникамъ, обходитъ комнаты, въ которыхъ живутъ студенты. И поздно утромъ, и тотчасъ послѣ обѣда, и въ часы, назначенные для лекцiй, Булыгинъ, обходя, въ званiи инспектора, студенческiя комнаты, застаетъ ввѣренныхъ попеченiю его молодыхъ людей то спящими, то за картами, то играющими, вмѣсто того чтобъ быть на лекцiи, въ мячъ въ Тенищевскомъ саду, по большей части неодѣтыми или полуодѣтыми, иныхъ, по его выраженiю, «въ предосудительномъ состоянiи» или въ «безобразномъ видѣ и въ «сомнительномъ поведенiи». Булыгинъ разбираетъ претензiи разныхъ лицъ, пришедшихъ къ студентамъ за уплатою мелочныхъ долговъ, даетъ выговоры и увѣщанiя за обиду, нанесенную однимъ студентомъ другому, разбираетъ случаи, когда одинъ студентъ прибьетъ другого (Шпцъ—Турикова) или отниметъ у него цѣнную вещь, наприм. серебряный рубль, или сердоликовую печать и т. п. Выговоры, увѣ-

щанія, саканье подъ арестъ и въ карцеръ слѣдуютъ быстро другъ за другомъ, за нехожденіе на лекціи, за грубость, за продолжительную отлучку изъ университета безъ дозволенія, за пьянство въ самихъ студенческихъ комнатахъ и въ трактирѣ, за буйство въ нетрезвомъ видѣ не только въ студенческихъ комнатахъ, но и на улицѣ. Булыгина, какъ и Броннера возмущаетъ удивительная нечистота въ студенческихъ комнатахъ и нечистоплотность самихъ молодыхъ людей. При всѣхъ усиліяхъ, дѣлаемыхъ нами, чтобъ перенестись въ то время и его условія, мы не въ состояніи найти въ приведенныхъ нами калейдоскопическихъ картинкахъ, сдѣланныхъ съ извѣстною долею инспекторской наблюдательности, какихъ-либо признаковъ того, что называлось тогда *лжеумствованіемъ* и считалось главнымъ порокомъ современности. Ни одинъ старый инспекторъ не замѣтилъ ни разу въ журналѣ, чтобы студенты увлекались какимъ-либо чтеніемъ, прятали при входѣ его какую-либо книгу, да такихъ книгъ въ ту пору и не было. Рядомъ съ этими картинками изъ студенческаго быта того времени, мы встрѣчаемъ на немногихъ страницахъ журнала, веденнаго Булыгинымъ, и запись о его дѣйствіяхъ съ цѣлью «противодѣйствовать «лжеумствованію» или грубости, испорченности и нерадѣнію студентовъ. Булыгинъ записываетъ, что онъ посылаетъ или водитъ студентовъ ко всенощной, къ обѣднѣ, къ молебну («августа 12 посылалъ въ церковь для принесенія Господу Богу моленія о дарованіи успѣха въ ученіи при наступающемъ курсѣ. За молебномъ, пѣтымъ въ залѣ университета предъ начатіемъ ученія, замѣтилъ дьякона (!) и младшаго Бовина худо себя державшими, почему послѣ молебна далъ имъ выговоръ публично»). Вслѣдствіе ордера, полученнаго отъ проректора Солнцева по распоряженію высшей власти, съ 27 сентября 1819 года, относительно учрежденія чтенія слова Божія у студентовъ, въ каждый праздникъ передъ обѣднею, Булыгинъ *предписалъ* всѣмъ кандидатамъ, студентамъ и университетскимъ слушателямъ собираться въ университетъ каждый праздникъ непремѣнно. «Для вящихъ успѣховъ» въ чтеніи слова Божія, Булыгинъ вытребовалъ у начальства нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта съ русскимъ переводомъ. Въ журналѣ, въ теченіе октября и ноября, пока Булыгинъ не здалъ своей должности, мы очень часто находимъ его записи, что онъ занимался со студентами чтеніемъ Новаго Завѣта или водилъ ихъ къ той или другой божественной службѣ въ ближайшую къ университету церковь (собственная была устроена при Магницкомъ). Мы не знаемъ однако, въ чемъ заключалось это чтеніе слова Божія при Булыгинѣ: имѣло ли оно объяснительный характеръ, занимался ли Булыгинъ со студентами толкованіемъ тѣхъ и другихъ

мѣстъ евангелія, или это было простое чтеніе, какъ выполненіе наружное предписаній начальства. О томъ, какое вліяніе эта новая система воспитанія молодыхъ людей, основанная на началахъ религіозныхъ, на текстахъ св. писанія, на «дѣятельномъ благочестіи», за которое давали награды и даже золотыя медали, имѣла на воспитаніе студентовъ, каково было ея дѣйствіе, мы можемъ уяснить себѣ только при знакомствѣ съ событіями изъ жизни студентовъ при Магницкомъ. Новая система воспитанія была дѣйствительно новою. Все должно было измѣниться въ университетѣ.

Если Браунъ думалъ исправить зло съ помощью церковнаго ученія и богословскими лекціями, такъ какъ придумываемыя и назначаемыя имъ наказанія не помогали, то Броннеръ, прошедшій самъ строгую школу, считалъ съ своей точки зрѣнія, возможнымъ достигнуть той же цѣли строго обдуманными по его мнѣнію педагогическими пріемами, системою и увѣщаніями. Тотчасъ по вступленіи въ должность инспектора, познакомившись съ казенными студентами, онъ распредѣлилъ ихъ по комнатамъ такъ, что прилежнѣйшіе и благонравнѣйшіе (diligentiores et intemerati), нерадивые и заслуживающіе порицанія (negligentiores et vituperio contaminati) жили бы отдѣльно другъ отъ друга. За 16 рублей онъ завелъ двѣ книги: красную и черную. Имена лучшихъ и достойныхъ похвалы записывались въ красную книгу. Броннеръ былъ вообще человѣкомъ наблюдательнымъ и прежде всего, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своемъ журналѣ, посвятилъ особыя заботы ознакомленію съ нравами студентовъ, посѣщая каждые два часа ихъ комнаты, разговаривая со студентами, наблюдая за ними и наставляя ихъ словами. Въ журналѣ Броннера записано по латыни содержаніе нѣкоторыхъ увѣщательныхъ рѣчей его, сказанныхъ имъ при разныхъ случаяхъ въ назиданіе студентамъ. Не знаемъ, на какомъ языкѣ говорилъ онъ со студентами, но по всей вѣроятности они мало понимали его и краснорѣчіе Броннера пропадало даромъ. Отдѣливъ лучшихъ отъ худшихъ, Броннеръ устроилъ такъ, что они и обѣдали не вмѣстѣ, а въ разное время. Въ первый разъ, когда это было приведено въ исполненіе, Броннеръ, придя въ столовую, увидѣлъ, что и лучшіе и худшіе сидѣли вмѣстѣ. «Я приказалъ первымъ удалиться. Послѣ сильнаго противодѣйствія, они ушли наконецъ. Оставшіеся желали узнать причину такого наказанія. Я сказалъ имъ, что вотъ уже болѣе года они постоянно не слушаютъ распоряженій начальниковъ, осмѣиваютъ ихъ, пренебрегаютъ ими, каждаго инспектора оскорбляютъ постоянно повторяющимися пустыми выходками (unumquem-

que inspectorum offendisse perpetuis tricis). Я все ждалъ до настоящаго времени, дѣйствовалъ снисходительно, просилъ, уговаривалъ, но только даромъ терялъ и слова, и трудъ. Даже только что поступившихъ, новичковъ, вы стали соблазнять на дурное. Наконецъ и надо мною вы осмѣливались насмѣхаться. Я вынужденъ теперь отдѣлить соблазнителей и наказать непокорныхъ. Я не перестану, пока вы не образумитесь. Я говорю здѣсь не о немногихъ и случайныхъ дѣйствіяхъ вашихъ, не объ одномъ какомъ либо проступкѣ, но о дурномъ поведеніи всѣхъ васъ, о непослушаніи вашемъ, безпорядочной жизни, невѣжествѣ, нерадѣніи, развратѣ. Не безпокойтесь: я сумѣю исправить на хлѣбѣ и на водѣ виновныхъ» [1]). Каждый мѣсяцъ въ залѣ университета, послѣ завтрака, Броннеръ собиралъ казенныхъ студентовъ и торжественно читалъ рецензію о каждомъ изъ нихъ, составленную изъ отзывовъ профессоровъ и учителей, изъ собственныхъ наблюденій и донесеній субъ-инспекторовъ, и изъ таблицы ихъ общихъ отмѣтокъ и специальныхъ занятій. «Я уговаривалъ нерадивыхъ исправиться, хвалилъ хорошихъ и похвалы достойныхъ, упрашивалъ ихъ твердо держаться праваго пути и заключилъ: «теперь вы находитесь въ томъ возрастѣ, когда можете приготовить для себя и хорошую жизнь въ зрѣлыя лѣта, и счастливую старость; что посѣете то и пожнете. Не забывайте же моихъ наставленій!» Такія наставленія Броннеръ дѣлалъ ежемѣсячно, читая свои «рецензіи», т. е. публично объявляя студентамъ, кто изъ нихъ и какъ велъ себя въ теченіе мѣсяца. Для выслушанія выговоровъ, получающіе ихъ приглашались къ черной доскѣ [2]). Едва ли однако «жалкія слова» Броннера оказывали какое-либо вліяніе на его молодыхъ слушателей, на которыхъ не дѣйствовали всѣ исправительныя мѣры, принимаемыя университетскимъ начальствомъ. Всего вѣроятнѣе, что надъ нимъ только смѣялись, тѣмъ болѣе, что по добротѣ своей онъ рѣдко приводилъ угрозы свои въ исполненіе. Читая въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Казани, передъ праздникомъ Рождества Христова 1817 года свою «рецензію» за истекшій мѣсяцъ, содержаніемъ рѣчи своей, обращенной къ студентамъ, Броннеръ выбралъ проповѣдь воздержанія. Тема конечно имѣла практическое содержаніе и самое близкое отношеніе къ жизни, такъ какъ именно невоздержностью, и особенно пьянствомъ, отличались казанскіе студенты того времени. Броннеръ говорилъ «о необходимости воздержаться для праздника Рождества отъ пьянства и другихъ излишествъ, развивалъ мысли, что человѣкъ честный,

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 62а.

[2]) Книга о поведеніи, стр. 63б и 86а.

вѣжливый, добрый, отличается отъ негодяя, злаго и грубаго тѣмъ, что сознаетъ свои обязанности, умѣетъ себя сдерживать, человѣкъ же неразвитой и невѣжественный неспособенъ и веселиться порядочно, не умѣетъ сдерживаться, не владѣетъ собой, впадаетъ въ излишества и грязнитъ своимъ безсмысліемъ дѣйствительное удовольствіе» [1]). Не думаемъ, чтобъ эта проповѣдь имѣла какое-нибудь значеніе, могла дойти до чьего-либо сердца изъ слушателей Броннера. Самъ же онъ, въ томъ же журналѣ разсказываетъ, что когда онъ входилъ въ большую аудиторію для чтенія своей рецензіи, то услышалъ звукъ лопнувшей хлопушки, начиненной порохомъ (clangor excitatus est chartula, pulvere detonante infecta), что разбилъ ее студентъ Шицъ, а хлопушки раздавалъ студентъ Добровольскій.

На вопросъ о томъ, уважали ли студенты вообще своего инспектора, читавшаго имъ такія, конечно полныя искренности наставленія, думаемъ, что отвѣчать приходится отрицательно. Доказательства можно въ изобиліи найти въ собственныхъ записяхъ Броннера въ журналѣ. Такъ 5 октября 1814 года, въ то время какъ онъ былъ въ столовой и наблюдалъ за обѣдающими студентами, кто-то изъ нихъ сзади бросилъ въ него кускомъ хлѣба. «Я притворился», пишетъ онъ, «что не замѣтилъ; но уходя изъ столовой, снова почувствовалъ ударъ и быстро обернувшись, увидѣлъ, что кусокъ летѣлъ по направленію отъ Николаева. Я тотчасъ же приказалъ выйдти ему изъ столовой и лишилъ его достоинства камернаго студента. Вскорѣ за тѣмъ вышелъ также сидѣвшій съ нимъ рядомъ Пивоваровъ, и Броннеръ услышалъ, какъ этотъ студентъ говорилъ, что бросалъ не Николаевъ и что онъ знаетъ, кто настоящій виновникъ. Услышавъ это, я велѣлъ ему назвать его, но онъ притворно увѣрилъ, что я не понялъ его». Черезъ три дня послѣ этого Броннеръ записываетъ, что когда онъ ночью входилъ чрезъ садовую дверь, то былъ легко раненъ въ лобъ и очень сильно въ плечо обрушившимися брусьями двери, камнями и глиняными цвѣточными горшками, наполненными землею (corruentibus tignis lapidibusque ac vasis plantarum fictilibus terra oppletis laesus): «Студенты устроили эту западню (decipulam), чтобъ я получилъ при входѣ ударъ». Броннеръ передалъ этотъ случай попечителю, и тотъ конечно вы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 866: „monens praesertim, ut abstineant feriis Christi natalitatis ab inebriationibus aliisque excessibus; dignosci hominem honestum, probum, urbanum ab inhonesto, improbo et rudi ex eo, quod homo ad probos mores formatus, sciat sibi et in jucunditate sua temperare, malesanos vero ac rusticos nescire, quomodo honeste gaudeant, semper intemperantes, suique impotentes in excessus prolabi, veraque gaudia suis ineptiis inquinare etc“.

сказалъ сожалѣніе. Тотчасъ послѣ этого случая, обходя спальни студентовъ, Броннеръ нашелъ въ первыхъ двухъ все въ порядкѣ, а изъ третьей всѣ перешли въ четвертую, гдѣ и забавлялись. Стекла дверей изъ педагогическаго института были замазаны известью и другими нечистотами для того, чтобъ оттуда не видно было, что дѣлается въ четвертой камерѣ. Въ ней господствовалъ страшный шумъ, раздавались веселые и торжествующіе крики. Насилу уговорилъ Броннеръ студентовъ перестать и заставилъ потушить огни. На другой день онъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобъ въ его присутствіи были задѣланы сообщенія между студенческими комнатами, для того чтобъ не могли мѣшать одни изъ нихъ другимъ. Студенты конечно остались недовольны этимъ и грозили, что будутъ жаловаться совѣту на Броннера. На слѣдующій день въ столовой, когда по окончаніи обѣда лучшихъ студентовъ, начался обѣдъ худшихъ, Броннеръ замѣтилъ, что послѣдніе садились за столъ съ большимъ шумомъ и ругательствами, направленными противъ нѣмцевъ (magno cum tumultu et injuriis, Teutonicae genti inustis), и это подъ надзоромъ магистровъ, его помощниковъ. Одинъ изъ нихъ докладываетъ потомъ инспектору, что студенты собираются поколотить его, а служитель передаетъ, что двое студентовъ, большого роста, снова устраиваютъ для него западню. Возникло цѣлое дѣло и началось слѣдствіе. Студентъ Кожевниковъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, подалъ ректору бумагу, въ которой говорилъ, что студенты Уфимцевъ, Ардашевъ, Григорій Саханскій и Шелудко-Тектоновъ устроили засаду или западню (decipulam), чтобъ убить Броннера. Узнавъ, что дѣло повели порядкомъ уголовнымъ, Броннеръ ходатайствовалъ о дисциплинарномъ. Ректоръ сообщилъ Броннеру, что Уфимцевъ сознался, другіе же отрицали свое участіе. Чѣмъ кончилось это дѣло—намъ неизвѣстно, но изъ замѣтокъ Броннера объ отношеніяхъ его къ студентамъ едва-ли можно вывести заключеніе, что наставленія его доходили до сердца студентовъ и что послѣдніе и цѣнили его, и уважали [1]).

Не нужно забывать, что это были далеко не дѣти, а ужъ очень взрослые молодые люди, съ пороками вовсе не дѣтскими, часто глубоко испорченные. Слова и увѣщанія едва ли могли подѣйствовать на нихъ и исправлять ихъ было уже, кажется, поздно. Къ числу дурныхъ привычекъ казанскихъ студентовъ, въ эти первые годы университета, принадлежало *пьянство.* Нѣсколько характерныхъ картинокъ этой привычки сохранилось въ журналѣ Броннера. Едва только вступилъ Броннеръ въ должность инспектора, какъ долженъ

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 60—64.

былъ дать выговоръ студентамъ Тиранову и Шелудко-Тектонову за то, что они напились пьяными на завтракѣ (jentaculum) или на пирушкѣ данной младшими студентами въ честь старшихъ (безъ всякаго сомнѣнія завтракъ этотъ происходилъ въ стѣнахъ университета). За прилежаніе ихъ однако, оказавшееся по справкѣ, Броннеръ не внесъ ихъ имена первыми въ *черную* книгу. Это случайное пьянство было еще простительно вслѣдствіе того, что причина его была общая пирушка, но вотъ прибѣгаетъ со всѣхъ ногъ къ Броннеру помощникъ его Булыгинъ и объявляетъ, что студентъ Николаевъ пьянъ съ самаго ранняго утра до того, что не въ состояніи держаться на ногахъ и что онъ громко кричитъ: «пить хочу, до смерти хочу» (bibere volo, donec moriar). Несмотря на свою лихорадку, Броннеръ немедленно побѣжалъ въ студенческія комнаты, но нашелъ виновнаго уже спящимъ; поручилъ товарищамъ смотрѣть за нимъ и прислать, когда пройдетъ хмѣль (evaporata crapula). На другой день Николаевъ пришелъ къ Броннеру въ слезахъ и прося прощенія. Броннеръ указалъ ему на важность его проступка, а въ наказаніе лишилъ его трехъ обѣдовъ. Съ согласія отца, онъ позволилъ ему жить дома, но потребовалъ, чтобы онъ велъ дневникъ и приносилъ его на просмотръ инспектора каждыя 10, 20 и 30 числа мѣсяца [1]). Студенты напивались въ камерахъ. Разъ вечеромъ въ 9 часовъ Булыгинъ докладываетъ, что нѣсколько студентовъ пьяны. «Посѣтивъ *первую* камеру», записываетъ Броннеръ, «я прежде всего увидѣлъ Левитскаго, лежащаго на половину въ кровати, на половину свѣсившись съ нея, Бабановскаго пьянаго и тоже спящаго и т. д. Обходя прочія камеры, во второй нашелъ студентовъ и гостей ихъ: Телешева, кандидата Скворцова и др. занимающимися музыкою или спокойно играющими въ карты. На вопросъ мой: какой справляютъ они праздникъ, отвѣчали, что нѣтъ никакого праздника; но запахъ вина доказывалъ, что они говорятъ неправду. Попросивъ ихъ, чтобъ они недолго мучили своею музыкой больныхъ въ сосѣдней комнатѣ больницы, я перешелъ въ третью комнату, гдѣ нашелъ всѣхъ преспокойно ужинающими». Конечно и это пьянство не прошло безъ упрековъ и наставленій со стороны Броннера: онъ говорилъ, что пьянство унижаетъ человѣка, что пьяница постепенно опускается, грозилъ наказаніями, для того кого онъ видѣлъ пьянымъ въ первый разъ, болѣе легкими, а Бабановскому обѣщалъ исключеніе, такъ какъ онъ попался уже не въ первый разъ, и ссы-

---

[1]) Казеннымъ студентамъ часто позволяли тогда жить у родственниковъ, и Броннеръ завелъ, чтобъ такіе доносили ему три раза въ мѣсяцъ о своемъ ученіи и научныхъ занятіяхъ.

лался при этомъ на циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, уже приведенный нами, который «грозитъ отставкою даже самимъ учителямъ и прочимъ чиновникамъ за пьянство».

Иногда однако Броннеръ считалъ свои личныя распоряженія и увѣщанія по случаю пьянства недостаточными и доносилъ правленію, чтобы оно разобрало, судило и наказало студентовъ. Такъ онъ донесъ о пьянствѣ, въ которомъ участвовали многіе студенты 30 ноября 1816 года, въ день св. ап. Андрея Первозваннаго, вѣроятно по случаю именинъ кого-либо изъ нихъ. Какъ кажется, именинникомъ былъ новичекъ Добровольскій, давшій на угощеніе 25 рублей, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ деньги эти были возвращены ему. Самъ онъ впрочемъ не принималъ участія въ праздникѣ и ушелъ изъ университета, а когда на другой день потребовалъ, чтобы ему возвратили деньги, студенты объявили ему, что деньги ему не возвратятъ, *потому что здѣсь такъ водится*. На слѣдствіи показанія студентовъ сводились только къ тому, что было ихъ, пьяныхъ студентовъ, человѣкъ двадцать, что всѣ собрались въ одной изъ комнатъ казенныхъ студентовъ, принесли съ собою краснаго вина, сахару и сдѣлали пуншъ, показывали всѣ, что были пьяны, не скрывали этого. Правленіе приговорило этихъ пировавшихъ студентовъ (уличенныхъ свидѣтельскими показаніями оказалось девять человѣкъ) за пьянство и за драку съ кучеромъ, дворовымъ человѣкомъ Петрашевскаго, который пришелъ въ гимназію (тогда, послѣ пожара 1815 года, ее снова перевели въ зданіе университета) за дѣтьми своего барина, къ карцеру на разные сроки [1]).

Слѣды пьянства Броннеръ видѣлъ въ комнатахъ казенныхъ студентовъ и вечеромъ, и по утру. «Посѣтивъ вчера вечеромъ (1 декабря 1816 года), въ половинѣ девятаго, камеры студентовъ», доноситъ онъ правленію, «я нашелъ почти всѣхъ уже спавшими въ трехъ камерахъ, но студентъ Ардашевъ, совершенно одѣтый и въ глубокомъ снѣ, лежалъ на одной кровати съ Бѣляевымъ, также спящимъ. Я разбудилъ Ардашева и приказалъ ему лечь на свою кровать. Въ четвертой камерѣ, на постели Ардашева, сидѣлъ только что проснувшійся Пулькинъ (своекоштный); весь блѣдный, онъ надѣвалъ на себя шубу. Я велѣлъ ему идти домой. На полу я видѣлъ слѣды пьянства (signa madita vomitus)».—Случаи напиться представлялись нерѣдко. Такъ въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла (29 іюня, 1817 года) Броннеръ также доноситъ, что разбуженный ночью, въ первомъ часу, онъ нашелъ у дверей университета сту-

---

[1]) Дѣло начавшееся 1816 года, декарбя 2 дня, 1817 года февраля 8 дня о пьянствѣ и шалостяхъ студентовъ. *Правл.* 1816 г., № 98.

дента Дмитрія Соловьева въ сильномъ спорѣ со сторожемъ. «Мнѣ сказали, что Соловьевъ лежалъ сначала въ сѣняхъ, которыя ведутъ въ студенческія камеры, но при моемъ приходѣ онъ вскочилъ и пытался убѣжать. Я велѣлъ, для спокойствія, увести его въ карцеръ. Обходя затѣмъ студенческія камеры, у самаго входа я увидѣлъ на полу слѣды пьянства (vomitu conspurcatum vidi solum), а на полу, возлѣ кровати студента Михайлова, громко храпящаго студента Уфимцева, далѣе на постели, совершенно огаженной слѣдами пьянства (vomitibus), которыми покрытъ былъ и полъ у самой кровати, лежалъ студентъ Иконниковъ. На другой день пришелъ ко мнѣ Уфимцевъ, прося, чтобъ я наказалъ его и извинялъ свое пьянство празднованіемъ своихъ именинъ». Трое виновныхъ не были казенными студентами, и такъ какъ, по словамъ Броннера, наказаніе ихъ не принадлежало къ его компетенціи, то онъ и просилъ ректора озаботиться ихъ исправленіемъ.

Тяжело становится на душѣ, когда изъ желанія уяснить себѣ безсиліе нашей интеллигенціи и причины этого безсилія, намъ приходится поневолѣ знакомиться съ такими отвратительными картинками паденія этой, такъ называемой у насъ «интеллигенціи», совершенно равнодушно нарисованными Броннеромъ. И на этихъ представителяхъ молодого поколѣнія почіютъ надежды страны! И ихъ-то приходится называть будущими дѣятелями прогресса! Могла ли дѣйствовать на этихъ испорченныхъ юношей проповѣдь о томъ, что человѣчество развивается только умомъ, что «знаніе есть сила»? Приводя на мысль могущественный и неумолимый законъ наслѣдственности, мы невольно вспоминаемъ длинный рядъ поколѣній, на которыхъ лежали эти физическіе и нравственные слѣды пьянства, обратившіе на себя вниманіе Броннера. Какъ печальныя тѣни встаютъ передъ нами множество видѣнныхъ нами въ жизни лицъ худосочныхъ, золотушныхъ, съ явными признаками прогрессивнаго паралича, безсильныхъ на добро, безсильныхъ на всякую дѣятельность и живущихъ, какъ звѣри, только шкурными интересами. Какъ избавиться отъ ужаснаго наслѣдія, какъ создать «новую породу людей»? На вопросъ этотъ едва ли кто въ состояніи отвѣтить и остается возложить всѣ надежды лучшаго на могущественную силу времени или на независящій отъ воли человѣческой катаклизмъ. Почти повальное пьянство казанскихъ студентовъ описываемаго времени, при бѣдности ихъ умственнаго развитія, представляющее такъ много общаго съ повальнымъ пьянствомъ разореннаго сѣверовосточнаго села, гдѣ люди пьютъ тѣмъ больше, чѣмъ они бѣднѣе дѣлаются, свидѣтельствовало о глубокой нравственной испорченности и соединялось съ такими явленіями и случаями въ студенческой жизни, отъ

которыхъ дѣйствительно можно придти въ отчаяніе. Приведемъ нѣсколько фактовъ сначала изъ записей Броннера, а потомъ и изъ дѣлъ того времени. «Магистръ Юнаковъ (помощникъ инспектора) принесъ мнѣ писанную студентомъ Тирановымъ жалобу на студентовъ Николаева, Филипповскаго, Кожевникова и Пивоварова, что они ночью на 25 сентября 1814 года *высѣкли его розгами* (eum virgis ceciderint). Сентября 28 я приступилъ *торжественно* или публично (solenniter) къ слѣдствію по дѣлу Тиранова, въ присутствіи магистровъ и переводчиковъ». Рѣшеніе о наказаніи виновныхъ, въ присутствіи всѣхъ студентовъ было объявлено Броннеромъ въ большой залѣ для диспутовъ, и было записано въ *черной книгѣ* [1]). Наказаніе очевидно не имѣло большого нравственнаго вліянія, и Броннеръ записываетъ: «Въ тотъ день и въ тотъ часъ, когда было сдѣлано объявленіе о наказаніи, одинъ изъ виновныхъ, Филипповскій, нанесъ обиду словами магистру Юнакову». О случаѣ этомъ Броннеръ донесъ ректору. Ректоръ сказалъ ему, что онъ съ своей стороны сдѣлалъ выговоръ Юнакову за то, что тотъ участвовалъ со студентами въ пирушкѣ у экзекутора и что отъ этого происходитъ вредная фамильярность. Филипповскому же Броннеръ предложилъ: или публично просить прощенія у Юнакова, или высидѣть сутки въ карцерѣ. Экзекуторъ также получилъ выговоръ за устройство пирушки. Веригинъ бьетъ кулакомъ солдата за то, что тотъ близко подошелъ къ нему въ то время, когда онъ передавалъ что-то по секрету товарищу.—Его же, за сдѣланные долги и за непослушаніе, оказанное ректору, садятъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду на трое сутокъ.—У казеннаго студента Шоника въ его камерѣ изъ шкатулки посредствомъ подобраннаго ключа крадутъ 13 рублей денегъ. Этотъ же самый Шоникъ бьетъ кулаками жену Гедлера, эконома въ дворянскомъ собраніи за то, что она не отпустила ему вина безъ денегъ. Призванный ректоромъ для объясненій, Шоникъ отвѣчалъ ему грубо и дерзко, за что и посаженъ въ подвальный (subterraneus) карцеръ на три дня. Броннеръ поручаетъ Булыгину убѣдить въ послѣдній разъ этого же Шоника, чтобъ онъ не уходилъ на цѣлые дни изъ университета и не отлучался по ночамъ, какъ это было имъ не разъ замѣчено, когда онъ по ночамъ обходилъ спальни студентовъ. Заниматься онъ вовсе не хотѣлъ, и ему было объявлено, что

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 58б. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстна причина этого линча, исполненнаго студентами надъ своимъ товарищемъ. Броннеръ, въ своихъ краткихъ отмѣткахъ, не вдается въ подробности, а тѣ asta specialia и specialissima, принадлежащія къ этому дню, на которые онъ ссылается въ своемъ журналѣ, въ архивѣ университетскомъ не существуютъ.

если онъ не станетъ учиться, то его не выпустятъ изъ карцера, но потомъ ему позволено было ректоромъ съѣздить къ отцу и привезти денежный взносъ за казенное содержаніе, которымъ онъ пользовался (pecunia liberationis). Онъ и вышелъ изъ университета.

Личныя оскорбленія между самими студентами и между студентами и посторонними лицами, т. е. оскорбленія дѣйствіемъ, были явленіемъ вовсе не рѣдкимъ въ тѣ годы. Броннеру часто приходилось разбирать возникавшія по этимъ поводамъ дѣла. Нѣкоторые случаи въ этомъ родѣ мы уже приводили. Упомянемъ еще нѣсколько изъ болѣе характерныхъ и могущихъ дать намъ понятіе о нравахъ и привычкахъ студентовъ. Сычуговъ Петръ даетъ пощечину Шицу за оскорбленіе ему нанесенное. Оно состояло въ томъ, что Шицъ сказалъ адъюнкту Юнакову о Сычуговѣ, бывшемъ на его лекціи, что онъ не записываетъ, а только скрипитъ перомъ. Сычуговъ былъ наказанъ тремя часами пребыванія въ карцерѣ.—Доносятъ Броннеру, что студентъ Куликовъ прибилъ ученика гимназіи Трескина, что онъ же Куликовъ, вмѣстѣ со студентомъ Александромъ Сапожниковымъ и съ помощью Шица, разбросали въ банѣ платье и сильно избили гимназиста Заруцкаго. Помощникъ инспектора Востоковъ докладываетъ, что вчера (2 дек. 1816 года) студенты Поповъ, Бѣляевъ и Михайло Сычуговъ прибили какого-то крѣпостного сапожника, а Поповъ билъ еще студента Ивана Фика.—Слуга Кайсарова жалуется на Сычугова за то, что тотъ ударилъ его.—«Нашелъ», записываетъ Броннеръ, «студента Михайлова пьянымъ, лежащимъ въ постели. На распросы, сдѣланные потомъ: гдѣ и по какому случаю онъ напился, Михайловъ ложно показалъ, что былъ у брата и сознался потомъ, что выпилъ лишнее съ друзьями по неосторожности. Строго упрекнувши его, я приказалъ ему принести его тетрадки и, найдя въ нихъ доказательства его прилежанія, простилъ».—Поповъ Александръ запирается въ карцеръ за то, что кредитору своему, пришедшему требовать съ него должныя ему деньги, надавалъ пощечинъ.—Студентъ Нюхтиловъ жалуется на своекоштнаго студента Евреинова, что тотъ, войдя въ его камеру, прибилъ его палкою. Сказалъ ему сначала, что приносилъ книгу Востокову, но какъ тотъ попросилъ его придти позднѣе, то онъ и зашелъ къ нему, Нюхтилову. Были въ камерѣ и другіе студенты. Начался общій разговоръ: и тотъ и другой были пьяны. Въ сущности трудно объяснить изъ за чего возникла ссора и драка. Евреиновъ отозвался презрительно о какомъ то медальонѣ или образкѣ, висѣвшемъ на шеѣ Нюхтилова на красной лентѣ; за это Нюхтиловъ грубо обругалъ его; Евреиновъ схватилъ палку и прибилъ его.— Ночью на 8 мая 1817 года Броннеръ видѣлъ студентовъ Соловьева, Иконникова и Уфимцева совер-

шенно пьяными; Соловьевъ сначала лежалъ въ корридорѣ передъ спальнями студентовъ, а потомъ убѣжалъ.—На другой день, между 9 и 10 часами вечера тотъ же Соловьевъ, въ пьяномъ видѣ ворвался въ первую камеру студенческую, гдѣ жилъ Знобишинъ съ нѣкоторыми товарищами, и прицѣливаясь изъ пистолета, грозилъ студенту Бабановскому, что пуститъ въ него пулю, такъ что тотъ въ испугѣ побѣжалъ въ уголъ сѣней, а Соловьевъ преслѣдовалъ его, пока не явился въ камеру Востоковъ (помощникъ инспектора) и, не безъ личной опасности, угрозами и просьбами, не уговорилъ его отдать пистолетъ и уйдти домой. Но долго еще онъ, уже будучи во дворѣ кричалъ сквозь окна разныя ругательства Востокову, пока усталость не заставила его уйдти. Виновникъ этого пьянаго буйства былъ приговоренъ къ заключенію въ карцеръ на двѣ недѣли, какъ за этотъ, такъ и за другіе проступки, но онъ взломалъ карцеръ черезъ нѣсколько дней и снова былъ посаженъ на тотъ же срокъ, не считая уже высиженныхъ имъ дней.

Помощникъ инспектора Востоковъ доноситъ 27 сентября 1817 года уже новому инспектору Брейтенбаху слѣдующее:

„Сего 1817 года сентября 26 дня вечеромъ нѣкоторые изъ студентовъ въ *нетрезвомъ видѣ имѣли и оказывали различнымъ образомъ умышленіе противъ студента Телешева*: 1) поставили окно въ корридорѣ у его комнаты, замѣтивъ, что онъ въ тѣ минуты долженъ идти въ свою комнату, запнуться и упасть съ онымъ окномъ; 2) студенты Александръ Поповъ, Александръ Маклаковъ и Валеріанъ Знобишинъ не менѣе трехъ разъ приходили отбивать дверь комнаты, гдѣ живетъ оный студентъ Телешевъ, чтобы ворваться въ оную; 3) читали ему, Телешеву, ругательные стихи; 4) первые: Поповъ и Маклаковъ подходили съ улицы къ окну оной комнаты и стучали необыкновенно въ оконницу, и шумѣли на улицѣ. О семъ сегодня приносилъ мнѣ жалобу самъ студентъ Телешевъ. Все сіе они чинили, начавъ съ 10 часовъ по полудни до 2 часовъ за полночь, и потому только, что онъ Телешевъ *показалъ сущую правду по дѣлу слушателя Бѣляева*, происходившему въ правленіи отъ 13 по 18 того-жъ сентября“ [1]).

Всѣмъ этимъ студентамъ данъ былъ «строжайшій выговоръ «въ присутствіи ректора. Дѣло о Бѣляевѣ заключалось въ томъ, что онъ за что-то былъ избитъ товарищами. Другое дѣло объ исключеніи изъ университета студента *Григорія Саханскаго* производилось въ правленіи по жалобѣ, поданной инспекторомъ Брейтенбахомъ и представляетъ нѣкоторыя любопытныя частности по разногласію членовъ касательно его сущности. Востоковъ доноситъ инспектору,

---

[1]) Объ исключеніи изъ университета студента Григорія Саханскаго, тутъ же о студентахъ: Поповѣ, Маклаковѣ и Знобишинѣ. Дѣло *Правл.* 1817 г. № 109.

что онъ, исполняя его приказаніе, *за неоднократное ослушаніе*, объявилъ Саханскому приказаніе идти въ карцеръ на одинъ день, но онъ, на такое объявленіе, отвѣтилъ рѣшительно, что въ карцеръ не пойдетъ. Брейтенбахъ прислалъ четырехъ служителей силою отвести его въ карцеръ, но Саханскій вырвался у нихъ и убѣжалъ, сначала въ комнату студентовъ Парначева и Шутихина, гдѣ и заперся. Находя почему-то неудобнымъ оставаться долѣе въ этой комнатѣ, Саханскій, разбивъ два стекла въ окнѣ, выскочилъ изъ нея и пробрался въ комнату студентовъ Сычуговыхъ, гдѣ и остался. По показанію солдатъ, посланныхъ силою взять Саханскаго въ карцеръ, въ той комнатѣ находятся и другіе студенты, но они, или желая скрыть Саханскаго, или боясь его, дверей не отворяютъ. Востоковъ проситъ у своего начальника инструкціи: «въ оной ли комнатѣ *до надлежащаго времени*, держать его чрезъ приставленіе къ оной караула, который и теперь тамъ находится, или поступить иначе?» Правленіе университета, по полученіи этого рапорта Брейтенбаха, потребовало Саханскаго къ слѣдствію и объясненій отъ него. Онъ показалъ, что въ карцеръ по приказанію инспектора, а потомъ и ректора, не пошелъ потому что въ немъ было холодно и никакихъ другихъ причинъ къ извиненію не имѣетъ.

Правленіе университета, по изслѣдованіи дѣла о Саханскомъ и его неповиновеніи начальству, представило о немъ совѣту университета. По правиламъ его должно было посадить въ карцеръ на 12 часовъ «за самоуправство и участвованіе въ дракѣ», но онъ, какъ мы видѣли, не пошелъ въ карцеръ, отбился отъ него. Тогда правленіе сдѣлало слѣдующее опредѣленіе: «Какъ сентября 28 дня было теплоты одинъ градусъ, почему извиненіе Саханскаго не заслуживаетъ никакого вниманія. А какъ онъ Саханскій, такимъ неповиновеніемъ помощнику инспектора, г. инспектору и г. ректору подалъ примѣръ своимъ товарищамъ къ несносной дерзости, непокорливости начальству и возмутительному духу, то правленіе полагаетъ заключить его въ карцеръ на три дни и запретить ему ходить въ студенческія комнаты, *а для обузданія прочихъ студентовъ отъ таковыхъ дерзновенныхъ поступковъ*, исключить Саханскаго изъ университета безъ аттестата, съ опубликованіемъ въ московскихъ и С.-петербургскихъ вѣдомостяхъ» [1]). Совѣтъ постановилъ: Саханскаго, въ примѣръ прочимъ, опредѣлить учителемъ перваго класса курганскаго уѣзднаго училища, препоручивъ его особенному надзору мѣстнаго начальства. Училищному комитету дано о семъ знать

[1]) Дѣло объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ. *Сов.* 1817 г. № 17.

для немедленнаго отправленія Саханскаго въ Курганъ. Въ одно время съ назначеніемъ Саханскаго, совѣтъ полагалъ выпустить въ уѣздные учители, въ наказаніе за дурное поведеніе еще 6 студентовъ, и для этого, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 424—425), былъ образованъ комитетъ, который не согласился съ этою мѣрою.

Саханскому конечно сильно не хотѣлось ѣхать въ отдаленный Курганъ, и какъ только онъ узналъ о своемъ назначеніи туда учителемъ, такъ тотчасъ же подалъ просьбу въ совѣтъ и въ ней высказывалъ свое раскаяніе. «Чувствуя въ полной мѣрѣ мое преступленіе и признавая себя совершенно виновнымъ въ ослушаніи противу начальства», писалъ онъ, «я не имѣю ничего представить почтеннѣйшему совѣту къ пощадѣ меня въ опредѣленномъ наказаніи, кромѣ чистосердечнаго моего раскаянія и рѣшительнаго впредь обѣщанія исправиться въ моей запальчивости и по мѣрѣ того усугубить мое прилежаніе въ наукахъ, дабы заплатить университету за иждивеніе на меня употребленное и за попеченія почтеннѣйшими наставниками къ образованію меня приложенныя,—заплатить выгоднѣйшимъ и похвальнѣйшимъ образомъ, нежели какъ въ званіи учителя курганскаго уѣзда». Несмотря на очевидную сочиненность и неискренность этого раскаянія, доказываемыя и риторическими фразами, употребленными Саханскимъ, совѣтъ, по собраніи голосовъ, большинствомъ ихъ опредѣлилъ: оставить его впредь до усмотрѣнія перваго проступка, поручивъ его особенному смотрѣнію отца и, заставивъ его раскаяться предъ товарищами, заключить его на недѣлю въ карцеръ. — Противъ этого опредѣленія большинства членовъ совѣта заявлены были противныя мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ: инспектора Брейтенбаха, ректора и профессора Солнцева, которыя и были заслушаны въ слѣдующемъ засѣданіи, 23 октября 1817 года. Брейтенбахъ настаивалъ на томъ, чтобы первое опредѣленіе совѣта не было отмѣняемо. Онъ указывалъ на лживость Саханскаго и привелъ въ доказательство ея, что при допросѣ его въ правленіи университета, на вопросъ, заданный ему тогдашнимъ синдикомъ проф. Врангелемъ: «почему онъ, не взирая на полученное отъ правящаго должность инспектора приказаніе не ходить въ горницы казенныхъ студентовъ, пошелъ туда, отвѣчалъ, что онъ этого приказанія не слыхалъ». Далѣе онъ разсказываетъ недавній случай съ Саханскимъ. «Вчера, 19 числа сего мѣсяца, послѣ обѣда въ три часа, я осматривалъ горницы казенныхъ студентовъ» (слѣдовательно 4 часа спустя послѣ того, какъ Саханскій былъ выпущенъ изъ карцера), и я нашелъ въ горницѣ напротивъ библіотеки, за перегородкою, студентовъ: Гр. Саханскаго, Александра Попова, Николая Куликова и своекоштнаго студента Гаврилу Кругликова *за*

карточнымъ столомъ. Послѣдній собиралъ въ поспѣшности карты и положилъ ихъ въ боковой карманъ. Я требовалъ отъ него потомъ выдать карты и въ два раза я получилъ отъ него приложенную игру картъ. Карточный столъ впрочемъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ много начертанъ былъ мѣломъ, и изъ колоды также явно было, что они играли вчетверомъ. Впрочемъ студентъ Саханскій *еще не записался* (это въ октябрѣ!) *въ реестръ слушаемыхъ въ семъ году лекцій* и такъ я не знаю чѣмъ онъ занимается?.) Прошу повелѣнія какъ мнѣ поступить».

Мнѣнія прочихъ членовъ носили больше формальный характеръ. Такъ ректоръ Браунъ старался доказать, что коллегія не можетъ измѣнять своихъ опредѣленій, что измѣненіе это предоставлено только начальству, что иначе уничтожатся всякій порядокъ и повиновеніе. Почти такого же содержанія было мнѣніе Вердерамо, и изъ него видно, что отмѣненное опредѣленіе (о высылкѣ Саханскаго учителемъ въ Курганъ) было постановлено главнымъ образомъ ординарными профессорами. — Солнцевъ, въ качествѣ остроумнаго юриста, доказывалъ, что Саханскій «учинилъ раскаяніе не во время производства о немъ и не въ продолженіе принимаемыхъ надъ нимъ начальствомъ исправительныхъ мѣръ, но уже послѣ приговора совѣтскаго о немъ состоявшагося». «Таковое его раскаяніе я сомнѣваюсь почесть за истинное, а мню оное вынуждено было страхомъ учиненнаго приговора и надеждою чрезъ принесеніе раскаянія избавиться заслуженнаго наказанія»... Далѣе Солнцевъ возстаетъ противъ ослабленія наказаній и перемѣны ихъ, доказываетъ, что это будетъ дурно вліять на студентовъ, которые всегда найдутъ легкое средство «чрезъ невмѣстное раскаяніе» вымаливать себѣ прощеніе. Совѣтъ такимъ измѣненіемъ своихъ опредѣленій покажетъ въ дѣлахъ непостоянство сужденій а потому потеряетъ отъ подчиненныхъ мѣстъ приличное коллегіи уваженіе и даже у студентовъ навлечетъ невыгодное о себѣ мнѣніе».

Совѣтъ всѣ отдѣльныя мнѣнія и два уничтожающія одно другое опредѣленія представилъ на благоусмотрѣніе попечителя. На это представленіе Салтыковъ писалъ (12 ноября, 1817 года) слѣдующее: «Какъ изъ всѣхъ полученныхъ мною представленій не усматриваю я въ чемъ именно состоятъ проступки Саханскаго, дабы чрезъ подробное и ясное оныхъ обозначеніе могъ я судить о важности имъ сдѣланнаго, почему не могу прежде сего дать разрѣшеніе на сіе, доколѣ не получу должнаго дополненія къ сдѣланному уже мнѣ представленію. При чемъ вынужденнымъ нахожусь дать на замѣчаніе, что таковое упущеніе неоднократно было мною находимо, о чемъ я давалъ совѣту съ своей стороны на замѣчаніе». Въ дополненіе къ

объясненію проступковъ Саханскаго, совѣтъ ничего не могъ представить больше того, что нами было уже разсказано. Мы узнаемъ только одинъ весьма любопытный фактъ, но безъ всякихъ подробностей, да и самое дѣло это не значится ни въ какихъ архивныхъ описяхъ: Саханскій, при вступленіи своемъ въ университетъ за соучастіе *въ умыслѣ противъ инспектора студентовъ*, о чемъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и за драку съ студентами, былъ заключенъ въ карцеръ.

Всѣ приведенные нами выше случаи и разсказы изъ студенческой жизни рисуютъ намъ нравы студентовъ и ихъ столкновенія между собою въ стѣнахъ университета, гдѣ вредъ наносился только образованію и ученію и непривлекательныя событія не выходили наружу. Это были домашнія дѣла. Но архивные документы оставили намъ также не мало случаевъ, гдѣ пьянство и нравственная распущенность студентовъ Казанскаго университета входили въ соприкосновеніе съ лицами посторонними, которыя страдали отъ того, или обнаруживались передъ обществомъ, которое, каково бы оно ни было, должно было получить самое неблагопріятное представленіе объ университетѣ, о молодыхъ людяхъ въ немъ воспитываемыхъ и о наставникахъ, не знавшихъ, что съ нимъ дѣлать и какимъ образомъ внушить имъ самыя элементарныя понятія о нравственности и о долгѣ. Очевидно однако, что это было не дѣломъ университета, несмотря на то, что только что составленныя правила поведенія, обязательныя для всѣхъ и перепечатанныя нами въ концѣ предшествовавшей главы, проникнуты главнымъ образомъ убѣжденіемъ, что университетъ долженъ дать нравственное воспитаніе студентамъ, которые не вынесли его изъ подъ отеческой кровли. Если бы университетъ заботился о знаніи дѣйствительномъ, а не фиктивномъ, то очень можетъ быть, что всѣ эти толки о нравственности, столь частые въ то время, вовсе и не раздавались бы: знаніе внутреннею, интензивною силою своею, глубокою правдою своего содержанія само исправило бы испорченныхъ молодыхъ людей и сдѣлало бы ихъ полезными гражданами. Но въ знаніи, въ наукѣ никто не нуждался [1]); молодые

---

[1]) Пишущій эти строки былъ печально пораженъ случайно попавшимися ему цифрами оффиціальнаго отчета, по которому оказалось, что въ 1889 году, изъ числа лицъ стоящихъ во главѣ фабрикъ, заводовъ и другихъ подобныхъ заведеній, пользующихся покровительственными пошлинами, отъ завѣдывающихъ которыми требуется техническое образованіе, 93% оказалось нигдѣ не учившимися.

люди, вступавшіе въ университетъ, были вовсе не приготовлены къ усвоенію университетскихъ лекцій, а тѣ, которые должны были читать эти лекціи, были разъединены съ своими слушателями незнаніемъ языка. Съ этими условіями, которыми было обставлено къ сожалѣнію все наше образованіе, необходимо примириться, и какъ бы мы ни возмущались событіями, сохранившимися въ архивныхъ дѣлахъ, не слѣдуетъ ихъ однако игнорировать. Эти совершившіеся факты очень уясняютъ и прошедшее и настоящее нашего образованія, объясняютъ намъ, чего намъ ждать въ будущемъ, на кого и на что приходится надѣяться.

Пьянство во всѣхъ этихъ «исторіяхъ» играло главную роль и было источникомъ и причиною почти всѣхъ непривлекательныхъ случаевъ, на которые намъ, для полноты и правдивости нашихъ разсказовъ, необходимо обратить вниманіе. Казанскій полицмейстеръ въ своемъ отношеніи въ совѣтъ университета (3 сентября, 1813 года), пишетъ [1]), что студентъ Замятинъ «бывъ въ весьма нетрезвомъ видѣ», завелъ ссору съ купцомъ Парашинымъ, торгующимъ фруктами и прибилъ его и прикащика его Второва. Они хотѣли за буйство, произведенное имъ въ лавкѣ, представить его въ полицію и повели, но на Черномъ озерѣ Замятинъ сталъ отъ нихъ отбиваться, закричалъ *караулъ*, на крики наѣхалъ полицмейстеръ и съ помощью солдатъ едва могли задержать Замятина и отвести въ полицію. Послали за инспекторомъ студентовъ (Брауномъ), который, по словамъ полицмейстера, «много ему внушалъ».

По бумагѣ полицмейстера началось дѣло. Совѣтъ потребовалъ отъ Замятина письменное объясненіе. Изъ этого объясненія видно, что въ лавкѣ онъ хотѣлъ что-то купить, но съ него, по словамъ его, запросили вдвое, и Замятинъ сказалъ сидѣльцу Второву, что требуютъ съ него лишнее, на что Второвъ отвѣтилъ: «Гдѣ это купить тебѣ, кутейнику, дурьей породѣ?» Отсюда ссора. Онъ замахнулся на сидѣльца палкою, но былъ удержанъ. Полицмейстеръ взялъ его «не яко обиженнаго, но уже яко обидчика», но бить и обидѣть онъ не могъ, потому что въ лавкѣ было трое, а онъ одинъ [2]). Объясненіе это было препровождено къ полицмейстеру для допросовъ Парашина и Второва. Между тѣмъ полицмейстеръ прислалъ и другое отношеніе въ совѣтъ. Изъ него видно, что Замятинъ, не отвѣ-

---

[1]) Дѣло по отношенію казанскаго полицмейстера Симонова о томъ, что онъ взялъ *въ буянствѣ* студента здѣшняго университета Замятина. *Сов.* 1813 г. № 105.

[2]) Замятинъ поступилъ въ студенты изъ духовной академіи въ маѣ 1812 года, по увольненіи синодомъ изъ духовнаго званія.

чая на вопросъ полицмейстера: по какому поводу онъ кричалъ *караулъ*, «такъ разгоряченнымъ образомъ *разительнымъ произношеніемъ словъ* (?) ругалъ его». Приглашенный въ полицію Браунъ, «видя его въ большомъ безобразіи и пьяномъ видѣ, ничего не сказалъ какъ только, чтобъ по вытрезвленіи прислать его въ университетъ съ описаніемъ грубости Замятина. Приложенныя при отношеніи полицмейстера длинныя объясненія Парашина и Второва по содержанію почти одинаковы; кажется писало ихъ одно лицо. Оба они только отрицаютъ. По словамъ Парашина Замятинъ, «въ пьянствѣ злоеобычный или неспокойный», стращалъ его наказаніемъ плетьми, а по показанію сидѣльца Второва, Замятинъ ему знакомъ и прежде, даже жилъ у него на его иждивеніи, безъ всякой платы. Замятинъ, говорилъ онъ, увеличилъ свою брань и продолжалъ оную въ разныхъ неприличныхъ ученому человѣку изъясненныхъ словахъ»; Второвъ даже рекомендовалъ его въ учители къ какому-то знакомому его купцу Филимонову. И Замятинъ и купцы считали себя обиженными, такъ что дѣло въ подробностяхъ не разбиралось, несмотря на то, что для иностранныхъ профессоровъ выписка изъ дѣла была переведена на языкъ нѣмецкій. Замятинъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета по неимѣнію средствъ содержать себя, и былъ уволенъ 3 ноября 1813 года. Дѣло постановлено было считать поконченнымъ. При увольненіи однако Замятину не было выдано никакого аттестата, и онъ не получилъ такимъ образомъ никакихъ правъ, для чего именно онъ и поступалъ въ университетъ, а потому въ мартѣ слѣдующаго года, «найдя средства къ содержанію себя», пожелалъ окончить начатые курсы и просилъ снова принять его въ студенты. Замятинъ былъ принятъ, но продолжалъ вести ту же пьяную жизнь и не занимался. Разсчитывая, что лишнее время пребыванія въ университетѣ поможетъ ему получить аттестатъ, дающій служебныя права, уже въ сентябрѣ того же года онъ подалъ опять просьбу объ увольненіи. Уволенъ онъ былъ тогда уже вовсе изъ университета, но безъ аттестата, съ однимъ только свидѣтельствомъ «якобы еще не окончилъ курса приготовительныхъ наукъ». Тогда Замятинъ подалъ жалобу на совѣтъ министру просвѣщенія, прибѣгнувъ въ ней къ реторикѣ, бывшей тогда въ такомъ ходу:

„Теперь же чувствую себя совершенно несчастливымъ, проведши болѣе четырнадцати лѣтъ въ ученіи (?), будучи четыре года въ духовной академіи студентомъ и содержась во все продолженіе моего ученія на собственномъ иждивеніи отца моего, чувствую не малую потерю моего здоровья, имѣя отъ роду 26 годъ и лишась аттестата, *какъ вѣрнаго руководителя къ счастью*, совершенно теряюсь въ своихъ мысляхъ. Ваше сіятельство! Единственную и послѣднюю надежду полагаю на великодушіе, Вамъ свойственное. *Не по-*

гасите въ груди моей того огня, который пылаетъ ревніемъ къ отечественной службѣ, удостойте благосклоннаго вниманія мою нижайшую просьбу, дабы соизволено было предписать совѣту Казанскаго университета о снабженіи меня полнымъ аттестатомъ, перемѣнивъ данное мнѣ свидѣтельство, *да съ новымъ (?) жаромъ и усердіемъ потеку на поприще службы нашего отечества*".

Не довольствуясь этою просьбою на имя министра, Замятинъ подалъ еще другую на Высочайшее имя. Трудно сказать, какое дѣйствіе вообще имѣла эта ложная реторика въ то время на людей, на которыхъ хотѣли дѣйствовать ею. Въ ней слышится глубокая неправда тогдашнихъ общественныхъ отношеній, и на насъ она оказываетъ дѣйствіе совершенно противоположное тому, на которое разсчитывалъ самъ составитель фразъ. Замятинъ однако не выигралъ. Объясненія, данныя совѣтомъ на запросъ министра, были не въ пользу Замятина, и аттестата онъ не получилъ.

Вечеромъ въ 10 ч. 27 іюня 1815 года ректоръ Браунъ получилъ отъ проф. Литтрова записку; въ ней, со словъ служителя при астрономической обсерваторіи Кабанскаго, передавался некрасивый случай, героемъ котораго былъ студентъ Бабановскій [1]). По словамъ Броннера студентъ этотъ—Викторъ Петровичъ Бабановскій, молодой человѣкъ, имѣющій около 15 лѣтъ. Пріѣхалъ онъ изъ Тобольска; въ университетѣ только первый годъ. Онъ цѣлые дни ничего не дѣлаетъ и *очень любитъ водку*. Кабанскій знаетъ его въ лицо. По разсказу Литтрова, Бабановскій «пришелъ вчера послѣ обѣда въ ботаническій садъ и встрѣтилъ тамъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, дочь Кабанскаго, которая тамъ играла. Онъ, сдѣлавъ пучекъ розогъ изъ крапивы, высѣкъ ее, вѣроятно изъ шалости, такъ какъ дѣвочка ничѣмъ его не обидѣла, но сѣкъ такъ больно, что дѣвочка кричала не своимъ голосомъ больше часу. Я считаю необходимымъ довести этотъ случай до вашего свѣдѣнія».

Началось въ правленіи слѣдствіе, которое вели ректоръ и Броннеръ. Первое показаніе дѣлалъ отецъ дѣвочки, прибѣжавшій въ садъ на крикъ дочери и увидѣвшій ее лежащею внизъ лицомъ, а Бабановскій сѣкъ ее по голому тѣлу крапивой (natibus nudis adplicatis verberibus). На вопросъ Кабанскаго: «Что ты дѣлаешь?»— Бабановскій отвѣчалъ очень грубо [2]), а когда солдатъ сказалъ, что

---

[1]) Дѣло о шалости студента *Бабановскаго*, сѣкшаго солдата Кабанскаго дочь дѣвочку въ Тенищевскомъ саду крапивой, содержащее въ себѣ одни показанія. *Правл.* 1815 г. № 88.

[2]) Онъ отрицалъ въ непечатномъ выраженіи болѣе ужасное преступленіе, въ совершеніи котораго его могли бы заподозрить, и Броннеръ замѣчаетъ послѣ изслѣдованія: „videbatur res non adeo turpiter tractata, qualis primo momento apparuerit".

пойдетъ жаловаться Ивану Осиповичу (Брауну), Бабановскій закричалъ на него: «Какъ ты смѣешь, с. с., со мной, благороднымъ говорить; за это, с. с., пройдешь сквозь строй. Я самъ благородный и отецъ у меня полковникъ». Когда Броннеръ получилъ записку отъ ректора, тотчасъ же пошелъ отыскивать Бабановскаго, и въ томъ же Тенищевскомъ саду встрѣтилъ его и двухъ его товарищей: Лохтина и Веригина. Они побѣжали ему на встрѣчу и стали ему жаловаться на то, что солдатъ Кабанскій оскорбилъ Бабановскаго, что его дочь рвала въ саду крыжовникъ, что Бабановскій только выгонялъ ее изъ сада крапивою. Спрошенная въ присутствіи правленія дѣвочка показала, что Бабановскій сѣкъ ее и высѣкши, сѣлъ въ бесѣдкѣ. Бабановскій съ своей стороны жаловался на отца дѣвочки, что онъ сжалъ его руку до синеты. Броннеръ сдѣлалъ выговоръ Лохтину и Веригину за ихъ ложь и за то, что они несправедливо вступились за Бабановскаго, а Литтровъ передавалъ еще, что они говорили ему грубости. Спрошены были и другіе студенты, но всѣ они старались выгородить своего товарища, и дѣло кончилось для виновника этой «шалости» трехдневнымъ арестомъ въ карцерѣ.

Въ камерахъ казенныхъ студентовъ, съ тѣхъ поръ какъ они перешли съ казеннаго содержанія на жалованье и должны были сами заниматься своимъ хозяйствомъ, нерѣдко появлялись и женщины разнаго рода, что особенно возмущало цѣломудреннаго Броннера, не забывшаго еще своего монашескаго воспитанія. О подобномъ случаѣ съ Ярцевымъ мы уже передавали, а вотъ и другой разсказъ такого же содержанія изъ журнала Броннера: «Посѣщая спальни студентовъ (10 апрѣля 1816 года), я нашелъ въ камерѣ Тенищевскаго дома, въ 9 часовъ вечера (огни не были зажжены) студентовъ вокругъ кровати Попова, который сидѣлъ и игралъ на гитарѣ. Когда я обернулся къ противоположной кровати, мнѣ бросились въ глаза двѣ фигуры: одна лежала на кровати (это былъ Петръ Базилевъ), другая сидѣла около него. Я не разглядѣлъ сначала и подумалъ, что это сидитъ какой-либо студентъ, но подойдя ближе, узналъ въ этой фигурѣ, сидящей на кровати у Базилева, женщину—кухарку и служанку, нанятую студентами безъ моего вѣдома. Пораженный такою дерзостью, я сдѣлалъ строгій выговоръ и женщинѣ, и студентамъ; ей немедленно приказалъ уйдти, угрожая, что завтра же выгоню ее изъ зданія университета. Удалившись на короткое время, я снова воротился въ ту же камеру и засталъ студентовъ въ жаркомъ общемъ спорѣ и съ ними ту же женщину. Тогда, возбужденный гнѣвомъ (ire percitus), я вытолкнулъ

ее изъ спальни, ударивъ ее пинкомъ ноги (calce eandem feriens). На другой день я попросилъ ректора, чтобъ онъ приказалъ удалить эту женщину изъ университета, что и было сдѣлано экзекуторомъ. Петра же Базилева я не могъ посадить въ карцеръ, такъ какъ онъ не былъ еще вполнѣ отстроенъ. Прошло только двѣ недѣли послѣ этого случая, какъ Броннеру снова пришлось дѣлать выговоръ тому же студенту Петру Базилеву за то, что снова была взята кухарка безъ вѣдома начальства; она однако скоро была отпущена, безъ противодѣйствія со стороны студентовъ.—Студентъ Мокаровъ, за оскорбленіе дочери солдата, дѣвушки Авдотьи Никитиной, по приказанію ректора наказывается выговоромъ.—«Въ 2 часа же пополудни», записываетъ Броннеръ, «прибѣжала ко мнѣ служанка профессора Брейтенбаха (онъ жилъ въ самомъ зданіи университета), съ жалобою на студента Базилева младшаго (Ивана), что онъ, въ отсутствіе профессора, вошелъ въ его спальную и сталъ приставать къ ней (ab ipsa petiisse obscoena), но когда она отказала ему, онъ надавалъ ей пощечинъ. Войдя въ камеру студентовъ, я увидѣлъ Ивана Базилева на постели, уже раздѣтымъ; онъ притворился спящимъ и совершенно отрицалъ обвиненіе. Я приказалъ ему идти за собою и скоро мы встрѣтили ту же женщину, которая немедленно узнала Базилева и повторила въ его присутствіи свою жалобу, почему я увелъ его въ мою подземную келью (in cellam meam subterraneam—вѣроятно подвалъ) и продержалъ его тамъ до 9 часовъ вечера. Послѣ увѣщаній, сдѣланныхъ мною ему, чтобъ онъ не оскорблялъ болѣе этой дѣвушки, я отпустилъ его» [1].—Эта же самая горничная Брейтенбаха была обижена (male tractata), какъ мы увидимъ, студентами Соловьевымъ и Уфимцевымъ, главными забіяками и героями пьяныхъ похожденій.—На студента Шутихина, котораго инспекторъ Брейтенбахъ называетъ quasi dux studiosorum, служитель-солдатъ приноситъ жалобу, что онъ избилъ его. Шутихинъ получаетъ за это выговоръ и даетъ обѣщаніе воздерживаться на будущее время отъ такой грубости.—По опредѣленію правленія студенты Маклаковъ и Петровъ приговариваются къ осьмидневному содержанію въ карцерѣ за то, что прибили студенческаго повара-солдата [2].

Не станемъ приводить многочисленные случаи различныхъ грубостей, оказанныхъ студентами инспектору, его помощникамъ, а также и ректору. Упоминанія объ этихъ случаяхъ нерѣдко встрѣчаются въ «Книгѣ о поведеніи», а нѣкоторые были уже приведены

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 79б, 80а, 81а, 89б.

[2]) Тамъ же, стр. 90б, 91б.

нами. Въ записяхъ не указываются причины и подробности этихъ грубостей и непослушанія, а потому у насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ для правильнаго сужденія о нихъ. Не знаемъ, чѣмъ объяснить эти явленія: грубостью ли общей нравовъ студентовъ, лишенныхъ всякаго воспитанія и культурнаго вліянія, или неумѣньемъ тѣхъ, которые должны были слѣдить за поведеніемъ студентовъ и направлять ихъ на прямую и честную дорогу. Одно только можно утверждать съ увѣренностью: студенты нисколько не уважали представителей непосредственнаго надзора, поставленныхъ надъ ними, и ни одинъ изъ профессоровъ не пользовался у нихъ популярностью (употребимъ этотъ современный намъ терминъ), то есть ни у одного изъ нихъ они не учились. Помощниками инспектора были большею частью молодые люди, только что окончившіе курсъ и почти товарищи тѣхъ, надзоръ за которыми былъ ввѣренъ имъ. О довольно часто упоминаемомъ нами помощникѣ инспектора Востоковѣ [1]), о которомъ комитетъ отозвался, что онъ привлекъ на себя *общее студентовъ неуваженіе*, Броннеръ записалъ, что онъ нерадиво отправляетъ свою должность и не водитъ ихъ въ церковь, какъ ему было то приказано имъ, Броннеромъ. Повторивъ ему вновь это приказаніе, онъ заставилъ его написать сочиненіе «Объ обязанностяхъ помощника инспектора» (De officiis adjutoris inspectoris) и погрозилъ ему, что помѣститъ въ его комнату для совмѣстнаго житья кандидата Чашкова. Онъ замѣчаетъ, что такое сочиненіе и было представлено Востоковымъ. По увольненіи его, на его мѣсто былъ опредѣленъ Саханскій, о фальшивомъ раскаяніи котораго мы разсказали (стр. 475—476). О «худомъ отправленіи должности имъ и другимъ помощникомъ Самсоновымъ очень скоро Брейтенбахъ вынужденъ былъ донести совѣту. Такимъ образомъ трудно было ожидать какой-либо дѣйствительной помощи въ дѣлѣ наблюденія за нравственностью студентовъ отъ помощниковъ инспектора, воспитанныхъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ и не отличавшихся свойствами, которыя бы внушали къ нимъ уваженіе. «Ибо всѣми лучшими педагогами признано за неоспоримую истину», говоритъ упомянутый нами комитетъ о студентахъ и ихъ поведеніи, «что внутреннее въ воспитанникахъ почтеніе къ воспитателямъ своимъ есть первое и необходимое условіе успѣшнаго нравственнаго обра-

---

[1]) О его похожденіяхъ въ Астрахани и ссорѣ его съ директоромъ Храповицкимъ мы разсказывали выше, стр. 317 сл. Онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его отъ должности помощника инспектора, вслѣдствіе неблагопріятнаго о немъ отзыва особаго комитета, образованнаго для сужденія о поведеніи студентовъ „для лучшаго достиженія цѣли образованія“.

*

зованія» [1]). Прошло только два года со времени составленія всѣми профессорами и всѣми факультетами правилъ благочинія для студентовъ, а между тѣмъ очевидно правила эти не принесли существенной пользы и признаковъ благочинія въ средѣ студентовъ трудно было замѣтить. Всѣ нарушенія порядка и благопристойности приписывались обыкновенно несмотрѣнію начальства, слабости инспекторскаго надзора. А между тѣмъ требованія, какія выставлялъ къ инспекторской дѣятельности комитетъ, были таковы, что выполнить ихъ едва ли было возможно. Комитетъ, составленный изъ молодыхъ экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ и одного только ординарнаго, профессора Аргнольда, который повидимому самъ мѣтилъ на должность инспектора. Брейтенбахъ былъ выбранъ инспекторомъ уже потомъ, когда стало извѣстно, что Броннеръ навсегда остался въ Швейцаріи. Аргнольдъ старался уколоть его при всякомъ удобномъ случаѣ и высказывалъ такое преувеличенное мнѣніе о должности инспектора, что едва ли ее можно было выполнить. Комитетъ этотъ питалъ увѣренность, трудно сказать чистосердечную-ли, что университетъ и можетъ, и долженъ заняться нравственнымъ воспитаніемъ студентовъ. Онъ писалъ (съ намеками на Брейтенбаха), представляя на усмотрѣніе совѣта «*тѣ мѣры, какія по мнѣнію его должны быть приняты для достиженія оной цѣли*» (то есть водворенія устройства и благонравія въ обществѣ студентовъ):

1) „Вмѣнить г. и. д. инспектора въ непремѣнную обязанность стараться *предотвращать худые поступки студентовъ отеческою попечительностью*, исправлять дурныя наклонности благоразумными мѣрами, укоренять въ сердцахъ ихъ чувство ко всему доброму и изящному, любовь къ отечеству, благочестіе, *привержсенность къ религіи отцовъ нашихъ* и къ добрымъ (?) отечественнымъ нравамъ, а всего того нельзя достигнуть безъ знанія обычаевъ и языка россійскаго“ (Аргнольдъ учился въ медико-хирургической академіи и слѣдовательно зналъ русскій языкъ).

2) „Вмѣнить ему въ таковую же обязанность вступать въ ближайшее сношеніе со студентами, обратить на образованіе ихъ отеческую попечительность, *быть для нихъ единственнымъ* (?) *руководителемъ во всѣхъ случаяхъ* и особенно въ тѣхъ, въ коихъ они не могутъ еще по молодости своей руководствоваться собственнымъ разсудкомъ, и въ случаѣ проступковъ заниматься изслѣдованіемъ ихъ *непосредственно,* сообразно § 118 устава университетскаго“ [2]).

---

[1]) Дѣло объ ослушаніи студентовъ противу начальства и чинимыхъ грубостяхъ. *Сов.* 1817 г. № 117.

[2]) Инспекторъ, „удостовѣрясь на мѣстѣ, принимаетъ надлежащія мѣры“ и т. д. Комитетъ нападалъ на и. д. инспектора Брейтенбаха. Онъ обвинялъ его въ неисполненіи своихъ обязанностей. Таковы пункты: 1) Студенты пользуются совершенной свободою отлучаться изъ университетскихъ зданій

3) „Вмѣнить ему же въ таковую обязанность *дѣлать строгій и справедливый надзоръ поведенія студентовъ* и, отличая благонравныхъ отъ дурныхъ, первыхъ ободрять отличіями, а вторыхъ исправлять наказаніями, съ проступкомъ соразмѣрными“.

4) „Внушать необходимость и пользу подчиненности и безпрекословнаго повиновенія начальству“.

Такимъ образомъ комитетъ, критикуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ недавно составленныя правила, замѣчая напр. «что въ нихъ нѣтъ надлежащей постепенности и соразмѣрности въ наказаніяхъ, кои состоятъ только въ заключеніи въ карцеръ», «простерши виды свои далѣе», открылъ *причины дурнаго поведенія* студентовъ, стоящія внѣ ихъ: это—«нѣкоторыя упущенія и недостатки въ надзорѣ за студентами». Но комитетъ ни словомъ не обмолвился о томъ, что студенты не хотятъ ничему учиться и не могутъ учиться, такъ какъ не сознаютъ въ ученьи надобности, не приготовлены къ нему, да и кругомъ не видятъ нигдѣ примѣровъ примѣненія въ жизни этого знанія. Условія жизни и окружающая ихъ дѣйствительность, ихъ неумѣренное наслѣдственное пьянство влекли въ другую сторону. Посмотримъ еще на студентовъ не въ розовыя стекла юношескихъ воспоминаній, а въ фактахъ дѣйствительности.

Въ маѣ 1816 года профессоръ Солнцевъ заявилъ въ засѣданіи совѣта, что студенты ходятъ по городу въ пьяномъ видѣ, что полиція забираетъ ихъ и проч. На просьбу Броннера назвать по фамиліи кого-либо изъ такихъ студентовъ, Солнцевъ не отвѣтилъ. Но это была правда, и жалобы на безобразія казанскихъ студентовъ были общими. «Сегодня (8 іюня 1816 года) принесены мнѣ жалобы на студента Шутихина, что онъ пьянъ, на Знобишина, Парначева и Бѣляева, что позднею ночью, бѣгая по улицамъ, они ругали ночныхъ сторожей и бросали въ нихъ каменья. Послѣ строгаго слѣдствія оказалось, что шестеро студентовъ, ночью съ 7 на 8 іюня, послѣ моего обхода спаленъ между 10 и 11 часами, уйдя изъ университетскаго дома, побѣжали сначала по улицамъ къ Черному озеру, театру, останавливаясь на Красной улицѣ, въ Кузнечномъ

по своему произволу во всякое время. 2) Г. и. д. инспектора рѣдко посѣщаетъ комнаты студентовъ и—3) Онъ основывается при сужденіи о студентахъ больше всего на донесеніяхъ помощника своего Востокова, *самъ не входитъ* въ изслѣдованіе проступковъ студентовъ, доноситъ только ректору и правленію, даже тогда, когда по ввѣренной ему власти могъ бы самъ собою произнести приговоръ виновному и изложить на него соотвѣтственное проступку наказаніе, не обременяя своими донесеніями высшей власти.

ряду, въ Княжевической рощѣ [1]), не входя однако ни въ одинъ домъ. Дозоръ ночной остановилъ ихъ и сдѣлалъ имъ допросъ, но струсившіе студенты вырвались у дозора и скрылись въ ворота, рядомъ съ домомъ Спижарнаго. Когда дозорные солдаты стали смѣяться надъ ихъ трусостью, четверо студентовъ: Шутихинъ, Зюбишинъ, Парначевъ и Бѣляевъ, разсерженные этими насмѣшками, подбѣжали къ другимъ, южнымъ воротамъ и выйдя изъ нихъ, встали на горкѣ, къ западному спуску, вооружившись камнями, которые и начали бросать сверху, въ проходящихъ по склону и въ оврагѣ дозорныхъ солдатъ. Студенты Левицкій и Телешевъ, одинъ съ Чернаго озера, а другой изъ театра, воротились ранѣе. Всѣ они были посажены въ карцеръ по приказанію ректора, на разные, смотря по винѣ, сроки». Во время чтенія мѣсячной вѣдомости за май о лучшихъ и худшихъ студентахъ, Броннеръ велѣлъ прочитать также для свѣдѣнія студентамъ, его отношеніе къ коменданту (militiae magister), которымъ онъ проситъ его студентовъ, бродящихъ ночью по улицамъ и не имѣющихъ при себѣ инспекторскаго разрѣшенія на выходъ изъ университета, брать подъ караулъ.— Какіе странные случаи бывали тогда въ жизни студентовъ, объясняемые конечно нравами эпохи, можно видѣть изъ слѣдующей записи Броннера: «Ночью 23 апрѣля (1817 года) четверо служителей привели изъ дому дворянскаго собранія пьянаго студента Можарова. Онъ не могъ заплатить по общей подпискѣ (symbola — складчина) слѣдующихъ съ него денегъ 100 рублей. Я приказалъ солдатамъ-служителямъ караулить его, находящіеся же при немъ 20 р. взялъ и отправилъ для уплаты части долга въ управленіе дворянскаго собранія (domus nobilium»). Приложена росписка въ полученіи. Черезъ нѣсколько дней того же Можарова садятъ въ карцеръ за драку съ полицейскими. — Сильно въ особенности возмутила Броннера некрасивая выходка студента Попова, сдѣланная въ томъ же дворянскомъ собраніи, гдѣ былъ тогда маскарадъ. «Я не могу скрыть отъ васъ» (т. е. отъ членовъ правленія), писалъ Броннеръ въ своемъ докладѣ по латыни, «что сдѣлалъ ночью съ 4 на 5 февраля (1817 года) студентъ Поповъ. Онъ ушелъ изъ университета съ нѣсколькими товарищами своими въ домъ дворянскаго собранія. Тамъ, говорятъ, или вслѣдствіе ссоры, происшедшей между ними, или потому что

---

[1]) Эта роща, теперь уже давно не существующая, получившая свое названіе или отъ дома Княжевича или отъ того, что принадлежала ему, была расположена по высокому берегу Казанки, теперь уже значительно обвалившемуся, на право отъ Односторонки Өедоровскаго монастыря, которому также грозитъ паденіе въ Казанку. Въ 30-хъ годахъ еще существовали на мѣстѣ рощи сады и колокольные заводы.

онъ былъ пьянъ, Поповъ захотѣлъ раньше чѣмъ обыкновенно дѣлалъ онъ въ эти дни (тогда была масляница), уйдти изъ собранія. Подойдя къ служителямъ, у которыхъ хранились шубы, онъ потребовалъ подать ему его шубу, стоившую не дороже 20 рублей, которую онъ взялъ на время у товарища своего Бѣляева. Покуда ее довольно долго искали, онъ вдругъ закричалъ: «Я нашелъ свою шубу, схватилъ чужую, стоющую рублей 400 съ вѣшалки, и надѣвъ, убѣжалъ изъ сѣней. Такъ разсказываетъ Гедлеръ, содержатель въ дворянскомъ собраніи буфета (cauponam), повторяя то, что самъ слышалъ отъ своихъ служителей. Раннимъ утромъ явились ко мнѣ и собственникъ шубы, и служитель Гедлера, принесли и самую шубу студента Попова, на которой висѣлъ значекъ № 17; студенты немедленно узнали ее какъ принадлежащую Бѣляеву, у котораго взялъ ее Поповъ на подержаніе. На вопросы мои, сдѣланные Попову, онъ отвѣчалъ, что ушелъ изъ маскарада (a Bacchanali) безъ шубы, въ одномъ только домашнемъ платьѣ. Испуганный однако моими разспросами, онъ сознался наконецъ и возвратилъ шубу Гедлеру, говоря что надѣлъ чужую потому, что не нашли его собственной и сказалъ служителю, что возвратитъ ее на другой день поутру. Я не умѣю и не могу извинить безстыдство человѣка, который за шубу цѣною въ 20 рублей, взялъ чужую, стоющую 400 рублей, но считаю необходимымъ донести о томъ правленію для назначенія наказанія такому наглецу». Поповъ за эту продѣлку наказанъ былъ карцеромъ, но посаженъ въ него только въ началѣ мая. Выпущенъ онъ былъ на свободу ранѣе назначеннаго срока, но не поблагодарилъ за это сокращеніе срока ректора, какъ училъ его Броннеръ, такъ что ректоръ хотѣлъ снова наказать его, но простилъ [1]).—Пропуская разные «дерзновенные поступки», «буйства», какія-то «дерзости», сдѣланныя какимъ-то студентомъ кому-то на Воскресенской улицѣ или обиду, нанесенную Бѣляевымъ человѣку инструментальнаго мастера Экселя, мы остановимся еще на нѣкоторыхъ, болѣе характерныхъ случаяхъ. Въ декабрѣ 1817 года исправляющій должность инспектора профессоръ Брейтенбахъ вошелъ въ правленіе университета съ слѣдующимъ рапортомъ:

„Послѣ того какъ мнѣ 24 числа с. м. учинено было объявленіе, что казенный студентъ *Александръ Сапожниковъ* унесъ у живущаго съ нимъ въ одной горницѣ товарища Егора Виноградскаго изъ его столоваго ящика денегъ 45 рублей 40 коп. я велѣлъ онаго тотчасъ призвать и допрашивать въ присутствіи синдика г. адъюнкта Юнакова и инспекторскаго помощника магистра Самсонова. Сначала оный отрекался, но когда дали ему уразумѣть, что онъ уже довольно уличенъ, и что онъ чрезъ отриновеніе

---

1) Книга о поведеніи, стр. 81б, 82а, 88б и 89б.

привлечетъ себѣ еще большій стыдъ и наказаніе, то онъ признался и далъ о семъ приложенную росписку. Сіе приключеніе дошло до свѣдѣнія всѣхъ студентовъ и лучшая часть оныхъ тѣмъ весьма раздражена и стыдятся имѣть между ними таковаго товарища, и вѣроятно тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени *въ публикѣ очень громко разговариваютъ, что студенты крадутъ*. При семъ за обязанность почитаю еще покорнѣйше объявить, что сей Сапожниковъ, особливо *около четырехъ недѣль велъ весьма распутную жизнь съ нѣкоторымъ (?) своекоштнымъ студентомъ, который при продажѣ кушака*, какъ публично говорятъ, *обманулъ своего отца на 2000 р.*, за что онъ Сапожниковъ и получилъ отъ помощника студентовъ Саханскаго выговоръ. Впрочемъ имѣю я еще честь объявить, что Сапожниковъ, послѣ того какъ онъ въ учиненномъ воровствѣ признался, велѣлъ заключить 24 числа с. м. въ университетскую темницу и что его сегодня (28-го) по утру, по приказанію г. ректора, изъ оной выпустилъ". *Росписка виновнаго*. „1817 года декабря 28 дня, въ присутствіи правленія, я нижеподписавшійся казенный студентъ Александръ Сапожниковъ показалъ: у студента Виноградскаго взялъ онъ, Сапожниковъ, изъ столоваго ящика его 45 р. 40 к. декабря 21 дня во 2 часу пополудни, въ небытность Виноградскаго и другихъ студентовъ никого въ комнатѣ, а какъ столикъ былъ запертъ, то онъ Сапожниковъ, поднявши столовую доску, вынулъ изъ стола показанныя деньги. Декабря съ 12 дня ведетъ онъ, Сапожниковъ, себя особенно худо по причинѣ сообщества съ бывшимъ вольнымъ слушателемъ Киромъ Борисовымъ, съ которымъ нѣсколько ночей проводилъ онъ, Сапожниковъ, въ непотребныхъ домахъ, отлучаясь изъ университета самовольно".

Проф. Брейтенбахъ приводитъ выписку изъ журнала Броннера за весь 1816—1817 годъ о Сапожниковѣ. Оказывается, что онъ стоитъ самымъ послѣднимъ въ спискѣ reprehendorum (достойныхъ публичнаго выговора). Онъ мало прилеженъ и неодобрительнаго поведенія. Былъ наказанъ два раза за дерзости ученику гимназіи Заруцкому и за буйство въ квартирѣ помощника инспектора. Правленіе, по разслѣдованіи дѣла, опредѣлило и представило о томъ попечителю: исключить изъ университета Сапожникова «въ страхъ другимъ» и отослать его въ военную службу, а вольнаго слушателя Борисова, «яко болѣе года на лекціи въ университетъ не ходившаго, *исключить съ опубликованіемъ*». Попечитель не согласился только на отсылку Сапожникова въ военную службу, «ибо сіе послѣднее наказаніе постановлено токмо для тѣхъ студентовъ, кои уличены будутъ въ важныхъ преступленіяхъ». Отъ Сапожникова были отобраны всѣ казенныя вещи и книги и подтверждено ему, чтобъ онъ удовлетворилъ всѣхъ своихъ кредиторовъ [1]). Если проступокъ Сапожникова можетъ быть названъ «кражею со взломомъ», то встрѣчались и «подлоги». Въ книгѣ о поведеніи (стр. 51 б) записанъ (29 апрѣля 1813 года) слѣдующій случай: «Его пр—ство г. попе-

---

[1]) Дѣло о студентѣ Сапожниковѣ, *Правл.* 1817 г., № 134.

читель приказалъ наказать посаженіемъ въ карцеръ на трое сутокъ младшаго студента Капитона Бутлерова (того самаго, который такъ энергически хотѣлъ отдѣлаться отъ обязательной службы по учебному вѣдомству, см. выше, стр. 418—424), *замѣченнаго въ подписываньи подъ чужую руку*». Подробностей объ этомъ однако мы не имѣемъ никакихъ.

Была подана жалоба въ правленіе университета тремя рядовыми университетской инвалидной команды на одного кандидата Филипповскаго, что онъ *билъ ихъ*, а одного изъ нихъ, Никитина — особенно, «привязывалъ къ затылку и груди горчицы съ тѣстомъ и прикладывалъ къ головѣ снѣгу». Какимъ образомъ правленіе записало эту жалобу (можетъ быть со стороны Филипповскаго это была медицинская помощь) — мы не знаемъ, производства по дѣлу не было никакого, и давалъ ли какое-либо объясненіе Филипповскій правленію—неизвѣстно [1]).

Свіяжскій городничій, въ отношеніи своемъ въ правленіе университета, 22 іюня 1818 года, № 609, сообщаетъ: «Сего іюня 22 числа свіяжскій земскій исправникъ г. капитанъ и кавалеръ Есиповъ и помощникъ Лазаревъ словесно принесли мнѣ жалобу, что пришедши къ нему, г. Есипову въ домъ, называющійся *якобы* Казанскаго университета студентъ Петръ Рѣшетниковъ *въ пьяномъ видѣ* и требовалъ отъ него, Есипова, какого-то билета дворовому человѣку, для торгу на ярмаркѣ въ селѣ Утяковѣ, неприличнымъ образомъ называя себя *офицеромъ* [1]), и сверхъ сего обидѣлъ ихъ непристойными словами, въ ихъ домѣ, и даже при мнѣ кричалъ съ азартомъ». За это и за неимѣніе вида, онъ былъ взятъ въ полицію и оттуда отосланъ въ университетъ. Высидѣлъ два дня въ карцерѣ [2]).

Лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ жалуется ректору университета на живущаго у него въ домѣ (Лейтеръ содержалъ пансіонъ) студента Рейнсдорфа, что онъ кричалъ на него. Дѣло началось изъ простой шалости студента. Въ пансіонѣ Лейтера воспитывались сыновья генералъ-маіора Рылѣева и Рейнсдорфъ часто игралъ съ ними. Разъ онъ, играя, схватилъ ихъ за уши. Мальчики вырвались и побѣжали отъ него и уронили столъ со свѣчею на немъ. Крѣпостной дядька ихъ вступился за дѣтей и вѣроятно очень рѣзко, такъ что студентъ обидѣлся, сталъ ругать дядьку и хотѣлъ даже бить, еслибъ не удержалъ его Лейтеръ. «Вы всегда защищаете дядекъ,

---

[1]) Дѣло о битіи кандидатомъ Филипповскимъ инвалидовъ Никитина, Макарова и Петрова. *Правл.* 1818 г., № 35.

[2]) Дѣло о дурныхъ поступкахъ студента Рѣшетникова, учиненныхъ въ городѣ Свіяжскѣ. *Правл.* 1818 г., № 96.

а не учениковъ или студентовъ» — упрекнулъ онъ Лейтера. Тотъ началъ указывать на его проступки, припомнилъ, какъ онъ 22 октября, *напившись до пьяна* въ трактирѣ со студентомъ Араповымъ, пришелъ домой въ пьяномъ видѣ. Рейнсдорфъ сталъ кричать на Лейтера: «Какъ ты смѣешь это говорить мнѣ? Я благородный человѣкъ!» Рейнсдорфъ былъ вызванъ въ правленіе для допросовъ, но чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно [1]).

Казанская полиція отнеслась (5 декабря 1817 года, № 7106) въ правленіе университета: «Вдова, *написавшаяся изъ дворянъ* (?), *иностранка* (?) Катерина Васильева по мужѣ Рыщева, въ объявленіи, поданномъ въ полицію, пишетъ: «25 ноября, во время бывшаго пожара, пріѣхавъ къ ней въ домъ, состоящій на Односторонкѣ у Ѳедоровскаго монастыря, на ямской лошади, по примѣтамъ ея, здѣшняго университета студенты три человѣка, и изъ коихъ она якобы признала (но не объясняя почему именно) по фамиліи Уфимцева, другаго Баранова, и послѣдній—ей неизвѣстный, безъ всякой причины причинили ей ругательство, выбивъ въ трехъ окнахъ, съ поломаніемъ рамъ, стекла, и *унесли грабительски* стоющую 70 рублей гитару, убранную бармаутовыми (?) костями (не перламутромъ ли?), два платка гарнитуровыхъ, стоющихъ 20 рублей и шаль купавинскую, красную, въ 35 рублей». Полиція проситъ правленіе допустить къ обыску поличнаго частнаго пристава Хлѣбникова при чиновникѣ университета. Для изслѣдованія назначенъ былъ синдикъ университета Юнаковъ, но изслѣдованія не было и дѣло было пріостановлено вѣроятно за примиреніемъ. Впрочемъ такихъ исторій, какая была въ домѣ «иностранки Рыщевой», въ тѣ годы, да и долго потомъ, до усиленія бдительности полиціи и до дѣятельности мирового суда, было не мало. Онѣ ставились въ особую честь студентамъ; ими гордились какъ молодечествомъ [2]).

Броннеръ записывалъ въ своемъ журналѣ и такія нравственныя уклоненія, о которыхъ говорятъ только при «закрытыхъ дверяхъ». Безъ сомнѣнія привычка къ нимъ пріобрѣтена была въ гимназіи [3]), гдѣ

---

[1]) Дѣло о причиненной обидѣ студентомъ Рейнсдорфомъ лектору Лейтеру. *Правл.* 1818 г., № 150.

[2]) Дѣло по жалобѣ иностранки Рыщевой на студентовъ Уфимцева, Баранова и третьяго неизвѣстнаго о причиненныхъ ими въ домѣ ея буйственныхъ поступкахъ и грабительствахъ. *Правл.* 1817 г., № 125.

[3]) „Observavi (15 сент. 1814 г.) cum non exiguo animi dolore, D-um Tchcheise commilitonis sui de-Roberti in amplexu haerentem, manum versus virilia hujus juvenis dirigere. Dissiluerunt me videntes, sed retro tergum meum subridendo jocati sunt, cum pertransissem. Severe dein eos redargui, atque D-um Tchcheise separavi a de-Roberti camera"... (стр. 56а)... „Cubilia visitans

она существовала долго. Уваженіе къ женщинѣ, отличающее культурнаго въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова человѣка отъ дикаря, не составляло достоинства тогдашняго казанскаго студента. Доказательства тому мы найдемъ въ архивныхъ дѣлахъ.

«Вчера (12 марта 1816 года), въ 9 часовъ вечера», пишетъ по латыни Броннеръ въ донесеніи своемъ въ правленіе, «прибѣжала ко мнѣ молодая служанка профессора Брейтенбаха (она уже два раза встрѣчалась въ этой книгѣ, какъ предметъ ухаживаній студентовъ), въ слезахъ и горько рыдая, съ жалобою, что два какіе-то студента, когда она вышла изъ дому за покупками, нагло пристали къ ней и хватали ее, но когда она стала сопротивляться (cumque eorum tactus ferre nollet), они стали бить ее и таскать за волосы. Быстро обойдя всѣ студенческія комнаты, я нашелъ вездѣ тишину и всѣхъ по мѣстамъ. *Нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ пьянства.* Попросивъ жену Брейтенбаха помочь мнѣ и быть переводчицею, я распросилъ дѣвушку о наружныхъ примѣтахъ драчуновъ. По словамъ ея, оба были высокаго роста; одинъ одѣтъ въ сюртукъ; русые волосы у обоихъ; носы длинные; именъ ихъ она не знаетъ». Виновные не были найдены и только впослѣдствіи открылось, что это были Соловьевъ и Уфимцевъ, герои весьма громкой исторіи, довольно долго занимавшей и городъ, такъ какъ потерпѣвшія принадлежали къ высшему казанскому обществу, и университетское начальство, не знавшее какъ поступить ему во всей этой исторіи, которая дошла во многихъ своихъ подробностяхъ до свѣдѣнія петербургской власти. Передадимъ ее по документамъ и по разсказу Броннера [1]).

Не прошло и часу по возвращеніи Броннера съ поисковъ за обидчиками горничной Брейтенбаха, какъ уже самъ Брейтенбахъ,

---

(12 февр. 1816 г.), et in cameram domus Tenischew intrans, reperi D-um Иванъ Базилевъ et D. Ардашевъ lecto decumbentes unà, ita ut unus alterum inhoneste tangere videretur, multis cum petulantiis et clamitationibus, ceteris aspicientibus. Omnes vehementer reprehendi. Ardaschew jam altera vice reus. Citavi Ardaschew'um cum consortio mensae in camera Tenischew semper abesse jussi, dedi dies 3 ad aliam mensam quaerendam, accessum postea omnem prohibui, et comminatus sum, si tertio peccaverit, ipsum fore remotum in scholam circularem longe dissitam. Весьма жаль (переводимъ дальше), что такой даровитый молодой человѣкъ погибаетъ даромъ, что для сохраненія отъ соблазна нравственности прочихъ, жертва необходима, а въ его власти или образумиться или погибнуть"... (стр. 78а)... „Reperi (17 апр. 1816 г.) studiosum Levitsky in camera II penes Ardaschew in propinquo lecto decumbentem" (стр. 80а) etc... Изъ инспекторовъ описываемаго нами времени одинъ только Броннеръ замѣтилъ эти явленія и преслѣдовалъ ихъ.

[1]) Дѣло о причиненіи студентомъ *Соловьевымъ* и вольнымъ слушателемъ *Уфимцевымъ* дѣвицамъ *Поповой* и *Глуховой* обиды. *Сов.* 1817 г., № 94.

въ 10 часовъ вечера, приводитъ къ нему чьего-то лакея со вздутою щекою (gena intumescente) и передаетъ ему, что двѣ благородныя дѣвицы (одна изъ нихъ Попова), ѣхавшія въ саняхъ со своимъ слугою и кучеромъ, были остановлены среди улицы двумя пьяными студентами, напуганы нападеніемъ ихъ на слугу и на кучера, а слуга осыпанъ пощечинами, выброшенъ изъ саней (traha) и избитъ. Дѣвушки побѣжали, громко крича о помощи, къ Брейтенбаху (онъ жилъ на казенной квартирѣ, въ типографскомъ домѣ, гдѣ нынѣ клиника). Увидѣвъ это, студенты, оставя въ покоѣ и слугу и кучера, убѣжали, но слуга, преслѣдуя ихъ, замѣтилъ, какъ они вошли въ главныя двери университетскаго зданія. Убѣдившись, что ихъ замѣтили и за ними гонятся, студенты снова выскочили, сами крича «караулъ»! (vigilias urbis inclamantes ipsi), чтобы побудить караульщиковъ или стражу задержать преслѣдующаго ихъ лакея барышенъ («это достаточно показываетъ, что они не совсѣмъ были пьяны»—замѣчаетъ Броннеръ). Тѣмъ не менѣе, настигаемые слугою, они подбѣжали къ окошку комнаты, гдѣ живетъ студентъ Поповъ, и одинъ изъ преслѣдуемыхъ, ударившись головою въ окно, разбилъ стекло, и оба они влѣзли одинъ за другимъ въ окно спальни, призывая студентовъ-товарищей на помощь.

На услышанный шумъ въ зданіи университета прибѣжалъ помощникъ инспектора Востоковъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ позвалъ экзекутора. Между тѣмъ Броннеръ и Брейтенбахъ, вмѣстѣ съ лакеемъ, обошли всѣ камеры, отыскивая виновниковъ буйства; тамъ не было ихъ, и только въ кухнѣ Востокова, прибѣжавшаго на шумъ, нашли студента Соловьева, лежавшаго въ постели (остается открытымъ вопросъ: зналъ ли уже Востоковъ о своемъ гостѣ, или Соловьевъ спрятался въ кухнѣ въ то время, когда Востоковъ вышелъ на шумъ). Соловьевъ лежалъ пьяный, съ распухшимъ, багроваго цвѣта лицомъ, щеки были изрѣзаны (разбитымъ стекломъ) и въ крови. Броннеръ немедленно распорядился взять его подъ арестъ. Запертый въ карцеръ, онъ неистово кричалъ и вопилъ, стучалъ въ дверь кулаками, топалъ ногами, страшнымъ воемъ, ругательствами и проклятіями проявляя свое бѣшенство.

Когда уводили Соловьева, выскочилъ откуда-то и побѣжалъ товарищъ его; онъ былъ замѣченъ, но за темнотою нельзя было узнать навѣрное въ лицо бѣгущаго. Востоковъ и экзекуторъ утверждали, что это былъ Уфимцевъ, но напрасно искали его вездѣ въ университетскомъ зданіи: его и слѣдъ простылъ. Была осмотрѣна та комната, въ которой жилъ Поповъ и гдѣ было разбито окно. На другой день къ инспектору Броннеру пришли Востоковъ и Уфимцевъ. Этотъ послѣдній сознался и спрашивалъ: что съ нимъ будетъ.

Броннеръ приказалъ ему идти подъ арестъ и о всемъ событіи представилъ подробный рапортъ правленію университета. Съ своей стороны и обиженныя барышни подали жалобу. Правленіе постановило: допросить всѣхъ свидѣтелей въ своемъ присутствіи и совершенно формальнымъ образомъ, подъ присягою.

Первымъ свидѣтелемъ явился Яковъ Андреевъ, дворовый человѣкъ покойнаго статскаго совѣтника А. В. Попова, доставшійся по раздѣлу внучкѣ его, Попова, дѣвицѣ Маргаритѣ, дочери артиллеріи полковника Василія Алексѣевича Глухова (онъ былъ командиромъ казанскаго порохового завода). Онъ разсказалъ, что 12 марта, часу въ 9 вечера, ѣхалъ онъ съ госпожею своею и съ дѣвицею Анною Александровною Поповою (теткою Глуховой) мимо университетскихъ зданій *въ открытыхъ саняхъ*, парою и, на спускѣ подъ гору къ Кузнечному ряду (нынѣ: мимо университетской клиники на Николаевскую площадь), встрѣтили двухъ весьма пьяныхъ студентовъ (оказались потомъ они Соловьевымъ и Уфимцевымъ), которые, на крикъ ихъ кучера: *пади! начали ругаться скверно-матерными словами* и когда онъ, Андреевъ, сталъ ихъ уговаривать, что неприлично имъ такъ дерзко вести себя въ присутствіи двухъ благородныхъ дѣвицъ, *то они ударили его въ щеку и начали его бить*, отъ чего подшибли ему глазъ до багроваго знака. При этомъ одинъ изъ студентовъ ударилъ и госпожу его Маргариту Васильевну *въ лицо* такъ сильно, что она отъ того сдѣлалась больною. Послѣ сего показанные студенты побѣжали на типографскій дворъ, гдѣ онъ, Андреевъ, дожидался ихъ. Въ скоромъ времени они вышли оттуда, хотѣли его снова бить, но онъ, спасаясь отъ нихъ, бѣжалъ и оглядываясь, примѣчалъ ихъ движенія. Не найдя его, Андреева, студенты побѣжали на главное крыльцо университетскаго корпуса, гдѣ начали бить нижніе онаго корпуса окошки, гдѣ живутъ студенты, и кричали «караулъ»; одинъ влѣзъ въ окно, а другой убѣжалъ во дворъ.

Нѣсколько иначе объясняетъ это происшествіе въ своемъ рапортѣ Востоковъ, представляя нѣкоторыя неизвѣстныя подробности. По его разсказу въ то же время, т. е. въ 10 ч. вечера того дня, прибѣгаетъ къ нему кандидатъ Чашковъ и передаетъ, что у нихъ въ комнатѣ первое съ улицы окошко кѣмъ-то разбито. Увѣдомивъ объ этомъ экзекутора, онъ пошелъ въ комнату съ разбитымъ окномъ, но ничего не могъ узнать. Только что успѣлъ онъ возвратиться въ свои комнаты, какъ вбѣгаетъ къ нему солдатъ Филипповъ, говоря, что еще бьютъ окна въ студенческихъ камерахъ. «Я тотчасъ выбѣгаю къ часовому, кричу чтобъ онъ скорѣе смотрѣлъ, и, если можно, схватилъ бы тѣхъ, кто бьетъ окна»—пишетъ

Востоковъ. «Потомъ иду въ тѣ камеры, гдѣ разбили окошки и вижу *пролѣзающаго сквозь разбитыя* оконницы студента Соловьева» (выше, мы видѣли, что когда Броннеръ и Брейтенбахъ искали по всему университету виновныхъ и нашли Соловьева въ его кухнѣ, Броннеру не было извѣстно, что его помощникъ видѣлъ его въ разбитомъ окнѣ). «На вопросъ мой:—что это значитъ? Соловьевъ прося помощи отъ меня, сказалъ мнѣ, что его били и преслѣдовали какой-то Мансаръ съ какими-то людьми. Я, тотчасъ же, отсылая его къ экзекутору, вхожу въ свои комнаты, чтобы взять шапку и верхнюю одежду и идти лично дать о семъ знать экзекутору и немедленно извѣстить г. профессора-инспектора Броннера. Въ эту минуту входитъ ко мнѣ означенный студентъ Соловьевъ, требуя отъ меня вторично той же помощи. Лицо у него и руки были въ крови, а губа разбита. Кровь на немъ была отъ того, что разбивши окошко, пролѣзъ сквозь оное, а губа разбита вѣроятно (?) отъ преслѣдовавшихъ его. За нимъ входитъ другой студентъ, г. Уфимцевъ, который, какъ я примѣтилъ, былъ гораздо трезвѣе Соловьева. Онъ сего послѣдняго началъ успокоивать, внушая ему, что таковой искъ (?) можетъ онъ отложить до утра, и беретъ его отъ меня изъ комнаты. Послѣ я взялъ экзекутора и вмѣстѣ шли въ камеру съ разбитыми окнами и на крыльцѣ, что къ университетскому правленію, увидали уже профессора-инспектора и профессора Брейтенбаха и что потомъ было—объ этомъ больше можетъ разсказать проф. Броннеръ. Впрочемъ долгомъ почитаю извѣстить, что въ эти же самыя минуты г. профессоръ-инспекторъ, я и проф. Брейтенбахъ и съ экзекуторомъ обошли всѣ студенческія комнаты и нашли всѣхъ внутрь университета живущихъ студенттовъ *въ должномъ порядкѣ, но никакихъ признаковъ пьянства не было*».

Главный виновникъ Дмитрій Соловьевъ (18 лѣтъ, род. въ Симбирскѣ, сынъ отставнаго титулярнаго совѣтника) показалъ, что весь день до вечера онъ провелъ съ товарищемъ Уфимцевымъ, въ восьмомъ часу были въ студенческихъ комнатахъ и оттуда пошли на квартиру къ нему, Соловьеву, а потомъ онъ, Соловьевъ, пошелъ обратно провожать Уфимцева въ университетъ. Когда спускались они съ Лецкой горы къ университету, сани, запряженныя парою лошадей, наѣхали на нихъ сзади и такъ сильно толкнули его, что онъ упалъ. Вставши, онъ будто бы остановилъ лошадей и сказалъ кучеру и лакею, что онъ возьметъ ихъ на «съѣзжую». За это оба они стали его ругать и одинъ изъ нихъ сшибъ Соловьева съ ногъ и, удерживая его, Соловьевъ уронилъ его на себя. За тѣмъ прибѣжалъ другой и оба начали бить Соловьева. Успѣвши вырваться отъ нихъ, онъ побѣжалъ на типографскій дворъ, а слѣдомъ за нимъ

и Уфимцевъ. Оба спрятались въ передней комнатѣ больницы, гдѣ никого не было, или Соловьевъ, по темнотѣ, какъ замѣчаетъ онъ самъ, примѣтить никого не могъ. Когда вышли они изъ больницы, то услышали крики: «вотъ они! держи!» Это заставило ихъ, ища спасенія, побѣжать къ парадному университетскому крыльцу, но оно было заперто и Соловьевъ сталъ стучать въ студенческія окна, крича, чтобы товарищи выслали солдата посмотрѣть (?) кто за ними гонится. Не дождавшись никого, Соловьевъ выбилъ оконницу и влѣзъ въ комнату, гдѣ живетъ студентъ Поповъ.

Показаніе Уфимцева (сынъ пермскаго 2-й гильдіи купца, 20 лѣтъ) разнится отъ показаній его товарища. Изъ него видно, что на квартирѣ Соловьева они *пили бѣлое вино и пуншъ.* Пристяжная лошадь сшибла съ ногъ Соловьева, за что онъ ругалъ кучера матерно, а *лошадей не останавливалъ.* Тогда лакей и кучеръ (?) соскочили съ своихъ мѣстъ и напали на Соловьева. Онъ, Уфимцевъ, защищалъ Соловьева, но кучера и лакея не билъ и къ санямъ оба не подходили. Вырвавшись, оба они вмѣстѣ вошли въ комнаты больницы, *гдѣ Соловьевъ умылся водой, поданной ему сторожемъ, гдѣ былъ огонь.* Вышли они на типографскій дворъ, гдѣ увидѣли бѣгущихъ по улицѣ людей; бросились къ парадному крыльцу. Уфимцевъ вбѣжалъ на университетскій дворъ, въ студенческія комнаты, а потомъ на квартиру свою, у бухгалтера.

Одновременно съ донесеніемъ Броннера о происшествіи, въ правленіе университета поступила также и *жалоба обѣихъ дѣвицъ*, Поповой и Глуховой. Такъ какъ правленіе было тогда судебной инстанціей, то жалоба была формальная, по пунктамъ, на гербовой бумагѣ и подана на Высочайшее имя. Она повторяла показаніе служителя Андреева, съ нѣкоторыми новыми подробностями:

„Встрѣтились съ нами, *въ весьма нетрезвомъ положеніи*, два человѣка и на обыкновенный кучерской крикъ: *пади!* они *ругали самыми непотребными словами, кои и помѣстить здѣсь неудобно.* Хотя человѣкъ Андреевъ и старался о удержаніи ихъ отъ таковыхъ, дерзко и ругательно произносимыхъ словъ, при насъ будучи благородныхъ дѣвицахъ уговаривать, но они, вмѣсто наблюденія благопристойности, начали его, Андреева, бить, отчего подшибли глазъ, да изъ насъ *меня, Маргариту въ тожъ время ударили по лицу толь сильно*, что я отъ того и отъ нанесеннаго мнѣ страху, сдѣлалась больною.—Когда встрѣтившійся съ нами ѣхавшій на гору Мансаръ [1]) упрошенъ былъ мною, Анною, остановиться и дать защиту, то онъ, поговоря съ ними,

---

[1]) Это былъ французъ, подававшій въ томъ же 1817 году прошеніе въ совѣтъ университета, объ учиненіи ему экзамена въ фехтовальномъ и танцовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ съ дозволеніемъ давать уроки.

какъ видно ему людьми извѣстными, тогда одинъ и его кучера ударилъ (?), отчего Мансаръ отъ насъ уѣхалъ, а они побѣжали на типографскій дворъ. Далѣе они увидали Андреева и хотѣли снова его бить, но онъ скрылся, примѣчая всѣ ихъ движенія и поступки, *съ произнесеніемъ словъ сожалѣнія, что не удалось и другой барышнѣ кстати дать изрядной пощечины*". (Далѣе въ прошеніи излагается то же, что и въ приведенныхъ нами показаніяхъ и все заключается просьбою поступить съ виновными студентами „по законамъ").

Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ въ правленіи новый допросъ студентовъ, которые теперь противорѣчили въ своихъ показаніяхъ и обвиняли другъ друга. Сначала Уфимцевъ повторялъ прежнія свои показанія, но за тѣмъ прибавилъ: «Въ это время проѣзжалъ танцмейстеръ Мансаръ. Кучеръ пересталъ бить Соловьева, который жаловался Мансару на кучера и показывалъ боевые знаки и кровь, а когда Мансаръ оставилъ ихъ, то Соловьевъ подбѣжалъ къ санямъ, *ударилъ по лицу Маргариту Васильеву*, и оба они, какъ въ первомъ допросѣ показано, побѣжали въ типографскій домъ. Изъ за рѣшетки видѣли они бѣгущихъ за ними *людей Попова* (?) и старались отъ нихъ убѣжать. Самъ онъ дѣвицу не билъ въ лицо и *не говорилъ о другой барышнѣ* (себя онъ выгораживаетъ), и удерживалъ Соловьева. Послѣдній, съ своей стороны, опровергалъ показаніе товарища, что ударилъ дѣвицу Маргариту; видѣлъ Мансара, но что съ нимъ говорилъ—не помнитъ. Послѣ всѣхъ давалъ показаніе танцмейстеръ французъ Мансаръ подъ присягою. По его словамъ онъ видѣлъ не двухъ, а одну только неизвѣстную ему госпожу, которая сказала, что она обижена какими-то уходившими впередъ къ университету людьми ругательствомъ и побойствомъ и просила оказать ей защиту. Мансаръ подъѣхалъ къ неизвѣстнымъ людямъ, увидѣлъ, что ихъ было четверо, и хотѣлъ съ ними говорить. Одинъ изъ четырехъ, *избитый и въ крови*, называя меня по имени и отчеству, сказалъ о себѣ, что онъ студентъ университета Соловьевъ. Когда я симъ четыремъ говорилъ, что имъ стыдно драться и особенно обижать женскій полъ, то изъ числа оныхъ одинъ кучера моего ударилъ по шапкѣ. Кто онъ былъ—не знаю. По словамъ госпожи двое было дворовыхъ людей ея. «Во избѣжаніе худаго послѣдствія», Мансаръ сѣлъ въ сани и велѣлъ кучеру ѣхать домой. Слышалъ только сзади голосъ: «*Колотите! колотите его!*» По темнотѣ—были ли пьяны имъ встрѣченные,—замѣтить не могъ.

То чисто формальное судопроизводство, съ подборомъ разныхъ уликъ и доказательствъ, со ссылками на самыя разнообразнѣйшія узаконенія, мало знакомыя кому-либо и едва ли примѣнимыя къ студентамъ, не могло дать яснаго и сознательнаго убѣжденія въ пра-

вотѣ или виновности тѣхъ, которые подлежали суду. Оно пріучало и студентовъ къ уверткамъ и хитростямъ, и никакъ не могло способствовать къ укорененію въ нихъ нравственныхъ убѣжденій, не приводило ихъ къ сознанію несправедливости ихъ дѣйствій. Опредѣленіе правленія по дѣлу состояло въ слѣдующемъ:

„1) Правленіе пришло къ убѣжденію, что *драка* происходила между студентомъ Соловьевымъ и дворовыми людьми *обоюдная*, при которой дворовому человѣку Андрееву подшибенъ глазъ до багроваго пятна, а студенту Соловьеву разбито было лицо, почему оба они, по узаконенію въ *Морскомъ уставѣ* (точно происшествіе случилось на кораблѣ), 5 книги, главы XIII, въ 96 пунктѣ толкованію изображенному и по указу 1732 года, января 3 дня подлежатъ наказанію.

„2) Госпожи дѣвицы Попова и Глухова жалобы своей о причиненной обидѣ имъ *вопервыхъ* произнесеніемъ студентомъ Соловьевымъ обще съ Уфимцевымъ непотребныхъ, дерзкихъ и ругательныхъ словъ, а дѣвица Глухова въ нанесенномъ ей по лицу сильномъ ударѣ якобы Уфимцевымъ, по узаконенію, изображенному въ процессахъ—во 2 части, въ отдѣленіи 2-мъ, не доказали, изъ прошенія же ихъ видно, что онѣ, дѣвицы, обоихъ студентовъ не знали и что Уфимцевъ ударилъ дѣвицу Глухову сіе написано ими, какъ видно съ показанія двороваго человѣка Андреева, которое показаніе подвержено не малому сомнѣнію, ибо когда онъ Андреевъ въ правленіи, въ присутствіи Уфимцева, спрошенъ былъ: можетъ ли онъ узнать того, кто причинилъ ударъ госпожѣ его, отозвался, что за темнотою узнать ихъ не могъ; когда же призванъ былъ Соловьевъ, то онъ показалъ, что Соловьевъ ударилъ его, а Уфимцевъ госпожу его. Напротивъ сего Уфимцевъ показалъ что, ни онъ, ни Соловьевъ къ санямъ не подходили, а потомъ, противъ прошенія госпожъ дѣвицъ утверждалъ онъ, Уфимцевъ, что Соловьевъ, подбѣжавъ къ санямъ, ударилъ дѣвицу Глухову по лицу, но Соловьевъ, отрекаясь отъ того показалъ, ударилъ ли кто ее, Глухову не знаетъ. Но сіи разнообразныя показанія ихъ, *безъ постороннихъ уликъ*, равно и показаніе о семъ двороваго человѣка Андреева, за силою процессовъ главы 3, о свидѣтеляхъ, отдѣленій 12 и 15-й, за основаніе принять не можно.—*Приказали*: 1) Какъ госпожи дѣвицы Анна Попова и Маргарита Глухова, въ обидѣ студентомъ Соловьевымъ и вольнымъ слушателемъ Уфимцевымъ произнесеніемъ ругательныхъ словъ на счетъ оскорбленія чести ихъ и въ причиненномъ дѣвицѣ Глуховой по лицу ударѣ, жалобы своей, сообразно вышеприсанннымъ узаконеніямъ, не доказали, то правленіе ихъ, Соловьева и Уфимцева, за силою узаконенія въ Наказѣ о составленіи проекта новаго уложенія, главы X, отдѣленія 189, обвинить въ томъ не можетъ, почему, на основаніи Высочайшаго манифеста, состоявшагося 1787 года, апрѣля 21 дня, предоставить имъ, дѣвицамъ Поповой и Глуховой, *просить о семъ съ доказательствомъ и уликами* узаконеннымъ порядкомъ гдѣ слѣдуетъ.—2) А какъ студентъ Соловьевъ и вольный слушатель Уфимцевъ, въ противность даннымъ имъ правиламъ, п. 8, будучи въ нетрезвомъ видѣ, буйными своими поступками нарушили благопристойность и сдѣлали прочимъ соблазнъ и безпокойство, то за таковые ихъ поступки оштрафовать, на основаніи § 151 устава *содержаніемъ въ карцерѣ четырнадцать дней*, потомъ *обязать ихъ подпискою*, чтобы они впредь отъ таковыхъ предосудительныхъ поступковъ, а паче пьянства воздерживались, подъ опасеніемъ преданія ихъ суду граж-

данскому, на основаніи § 154 устава. Копія съ постановленія выдана была дѣвицамъ 11 мая 1817 года.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что обиженныя дѣвицы остались недовольны судомъ правленія. Самый фактъ грубаго оскорбленія отрицался; требуемыхъ уликъ и доказательствъ, несмотря на указаніе одного изъ участниковъ, у нихъ не было. Вѣроятно по желанію родныхъ онѣ рѣшились жаловаться на правленіе высшей власти. Ихъ повѣренный, коллежскій секретарь Петровъ, представилъ въ правленіе формальную довѣренность дѣвицъ и просилъ выдать ему копію съ рѣшенія. Довѣренному поручалось заявить неудовольствіе, если дѣло рѣшено не въ пользу обиженныхъ и жаловаться на правленіе въ совѣтъ. Такая апелляція была узаконена § 153 устава университетскаго [1]). Но потерпѣвшія очевидно не знали объ осьмидневномъ срокѣ для этой апелляціи и не воспользовались имъ; рѣшеніе правленія вошло въ законную силу. Тогда обѣ обиженныя дѣвицы обратились съ письменною жалобою къ министру народнаго просвѣщенія князю Голицыну и просили допустить ихъ къ апелляціи въ совѣтъ. Въ засѣданіи совѣта 1 августа и заслушано было отношеніе министра къ попечителю округа о дозволеніи дѣвицамъ апелляціи на рѣшеніе правленія. Министръ находилъ, что къ оправданію студентовъ нѣтъ ни малѣйшаго повода, какъ рѣшило и само правленіе, и *домашнее наказаніе,* опредѣленное правленіемъ (двухнедѣльный карцеръ), не удовлетворяетъ обиды, и что дѣвицамъ слѣдуетъ предоставить просимую имъ апелляцію. Это рѣшеніе министра было, предварительно слушанія его въ совѣтѣ, объявлено полиціей обиженнымъ, но повѣренный ихъ и теперь пропустилъ срокъ. Между тѣмъ обвиняемые Соловьевъ и Уфимцевъ уже въ началѣ іюля кончили трехгодичный курсъ и подали прошенія объ увольненіи изъ университета, почему совѣтъ, имѣя въ виду пропущенный для апелляціи срокъ, увѣдомилъ правленіе, что для увольненія ихъ изъ университета, препятствій болѣе нѣтъ. На томъ же основаніи совѣтъ возвратилъ довѣренному дѣвицъ Поповой и Глуховой Петрову обратно его апелляціонную жалобу, ссылаясь на то, что прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня постановленія правленія, чту студенты между тѣмъ кончили курсъ и уволены изъ университета, а потому совѣтъ предоставляетъ дѣвицамъ, «буде онѣ недо-

[1]) „По всѣмъ прочимъ дѣламъ тяжущіеся, получивъ по своему желанію копію съ объявленнаго правленіемъ опредѣленія, ежели недовольны рѣшеніемъ, имѣютъ право взносить апелляцію въ университетскій совѣтъ, не *позже осьми дней* со дня объявленія рѣшенія, и въ такомъ случаѣ исполненіе по опредѣленію правленія отлагается до рѣшенія совѣта“.

вольны рѣшеніемъ, искать въ томъ судебномъ мѣстѣ, коему подвѣдомы стали вышедшіе изъ университета студенты».

О рѣшеніи совѣта попечитель донесъ министру. Исправлявшій тогда его должность Козодавлевъ (18 окт. 1817 г., № 3097) въ письмѣ къ Салтыкову высказывалъ неудовольствіе, что совѣтъ, несмотря на предписаніе князя Голицына, не допустилъ до апелляціи дѣвицъ, которыя два раза приносили жалобу, доказывая, что срокъ для апелляціи прошелъ не по ихъ упущенію, а вслѣдствіе медленности переписки. Козодавлевъ былъ на ихъ сторонѣ. «Къ тому же не показываетъ безпристрастія», писалъ онъ, «со стороны правленія и то обстоятельство, что во время сихъ переписокъ студентъ Соловьевъ и вольный слушатель Уфимцевъ уволены изъ университета. По всѣмъ симъ причинамъ не остается ничего инаго дѣлать теперь, какъ поставить на видъ университету, что таковое уклоненіе отъ исполненія предписаній начальства предосудительно въ порядкѣ службы и *не дѣлаетъ чести университету*». Козодавлевъ проситъ подтвердить объ исполненіи предписанія князя Голицына и его о томъ увѣдомить. Ибо *просительницы въ противномъ случаѣ будутъ имѣть право принести свою жалобу* высшему правительству на начальство университетское. И Салтыковъ, съ своей стороны, находилъ увольненіе студентовъ, не испросивъ на то разрѣшенія у высшаго начальства, *неосторожнымъ*. Это «не приноситъ ни малѣйшей чести совѣту», писалъ онъ, «навлекаетъ порицаніе цѣлому заведенію и впредь можетъ навлечь весьма непріятныя послѣдствія» (23 окт. № 191).

Вслѣдствіе этихъ начальственныхъ настояній совѣтъ сообщилъ въ ноябрѣ казанскому губернскому правленію объявить дѣвицамъ Глуховой и Поповой, что онѣ могутъ подать апелляціонную жалобу. Дѣло дѣвицъ совѣтъ разсматривалъ только въ мартѣ 1818 года и по разсмотрѣніи нашелъ: «1) что просительницы Глухова и Попова поданною нынѣ своею жалобою отыскиваютъ свою обиду *уголовнымъ судомъ*, соображаясь со статьею 154 устава, совѣту не присвоено права уголовнаго суда; 2) что Соловьевъ и Уфимцевъ уже выбыли изъ университета, и первый, какъ чиновникъ, а второй, какъ состоящій въ окладѣ, не подлежатъ вѣдомству университета, на основаніи же указа 1723 года, апрѣля 30 дня, подтвержденнаго и другими законами, повелѣно просить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чиновники въ вѣдомствѣ состоятъ, совѣтъ, по приведеннымъ узаконеніямъ, «не осмѣливаясь безъ разрѣшенія высшаго начальства приступить къ производству уголовнаго суда надъ лицами, университету неподвѣдомыми, проситъ на сей предметъ разрѣшенія попечителя» (28 марта, № 132).

*

Совѣтъ для удовлетворительнаго рѣшенія дѣла обиженныхъ дѣвицъ нашелъ съ своей стороны еще юридическое препятствіе: «По общимъ законамъ члены того судилища, изъ котораго дѣло по апелляціи внесено въ высшую инстанцію, не могутъ участвовать во вторичномъ разсмотрѣніи того дѣла, почему г. ректору и членамъ правленія не слѣдовало бы присутствовать въ совѣтѣ при разборѣ апелляціонныхъ дѣлъ, но какъ о семъ въ уставѣ Казанскаго университета нѣтъ предписаній, а въ ст. 47 сказано, что никакое опредѣленіе совѣта не дѣйствительно, если сдѣлано въ отсутствіе ректора, то совѣтъ онаго удалить его безъ разрѣшенія начальства не почитаетъ себя въ правѣ. Въ уставѣ же Дерптскаго университета предписано удалять членовъ правленія въ такомъ случаѣ, выбравъ одного изъ членовъ совѣта предсѣдателемъ собраній совѣта, имѣющихъ предметомъ разборъ апелляціонныхъ дѣлъ (слѣдовательно уставъ Дерптскаго университета составленъ болѣе обдуманно и въ немъ нѣтъ указаннаго противорѣчія), почему совѣтъ проситъ соизволенія попечителя руководствоваться въ дѣлахъ апелляціонныхъ правилами, изображенными о семъ предметѣ въ уставѣ Дерптскаго университета. Попечитель на это представленіе разрѣшилъ совѣту объявить дѣвицамъ, чтобы онѣ просили на обидѣвшихъ ихъ студентовъ тамъ, гдѣ они находятся. О примѣненіи же устава Дерптскаго университета къ дѣламъ апелляціоннымъ Салтыковъ представилъ министру. Вопросъ этотъ разсматривался въ главномъ правленіи училищъ, но былъ рѣшенъ отрицательно, чтобы не усиливать формальной стороны судопроизводства.

Приведенныхъ нами примѣровъ и случаевъ изъ жизни казанскаго студенчества думаемъ весьма достаточно для того, чтобы читатель составилъ себѣ опредѣленное представленіе о нравахъ студентовъ за описываемые нами годы. Много темнаго, грубо-невѣжественнаго найдемъ мы въ этихъ нравахъ. Слабость или порокъ пьянства встрѣчается на каждомъ шагу. Подъ вліяніемъ вина мы видимъ забвеніе самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій. Передъ нами среда почти вовсе нетронутая умственнымъ развитіемъ и не сознающая его надобности, но уже признающая права, которыя даются за пребываніе въ университетѣ и наивно гордящаяся ими или своимъ происхожденіемъ, свободою или вольностью, предоставленною дворянамъ указомъ императора Петра III. «Смѣешь ты, такой-сякой, разговаривать со мною такимъ образомъ: я сынъ полковника», говоритъ одинъ студентъ: «я офицеръ!» — хвалится другой. Араповъ бьетъ палкой на лекціи студента Севрюгина, говоря, что онъ иначе вос-

питанъ и не хочетъ слушать такихъ замѣчаній отъ «купца» и проч. Все это были наслѣдственные недостатки, все это было отраженіемъ жизни, окружающей студентовъ, которой они безсознательно подчинялись и дурныя стороны которой разглядѣть не могли. Что могло пересоздать этихъ юношей, такъ чтобъ отъ этихъ поколѣній остался сколько-нибудь прочный слѣдъ въ исторіи страны? На вопросъ этотъ трудно отвѣчать удовлетворительно. Мы увѣрены, что коренной недостатокъ этихъ юношей былъ недостатокъ умственнаго развитія, невѣжество, которое были не въ состояніи излѣчить ни приготовлявшая ихъ къ университету гимназія, ни высшее преподаваніе его. Образованіе, наука, умъ никому не нужны были въ окружающемъ студентовъ обществѣ; подъ отеческой кровлей въ нихъ не зарождалось никакихъ желаній лучшаго, никакихъ сколько-нибудь благородныхъ стремленій. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, не существовало еще того сильнаго стимула, который создался въ самое послѣднее время, когда всеобщее оскудѣніе и бѣдность поневолѣ заставляютъ прибѣгать къ знанію, какъ къ средству, могущему спасти отъ голода. Ощущенія голода въ описываемое нами время не могло быть; средства давались легко, даже незаконная нажива, встрѣчавшаяся на каждомъ шагу, была во сто разъ для пріобрѣтателя безопаснѣе, чѣмъ теперь. Не нужно забывать, что тогда ученіе и образованіе существовали лишь для привилегированныхъ классовъ; они были роскошью и принимали исключительно свѣтскій характеръ, не были необходимостью, средствомъ для добыванія куска хлѣба. Эти привилегированные классы не нуждались; на что имъ нужно было ученіе? При всемъ нашемъ искреннемъ желаніи быть снисходительнымъ къ этимъ разсказаннымъ нами случаямъ изъ старой студенческой жизни, мы не можемъ однако помириться съ очевидною глубокою испорченностью молодого поколѣнія, хотя нельзя не сожалѣть о немъ, какъ о печальной жертвѣ печальныхъ обстоятельствъ, его окружавшихъ. Современники однако были гораздо снисходительнѣе насъ. Они не возмущались тѣмъ, что возмущаетъ насъ; они не видѣли недостатка знанія и образованія въ студентахъ, который для насъ очевиденъ. Мы упоминали о комитетѣ, образованномъ изъ молодыхъ преимущественно членовъ совѣта, для обсужденія вопроса о томъ: дѣйствительно ли нѣсколько студентовъ, на которыхъ инспекторскій надзоръ въ концѣ 1817 года указывалъ, какъ на совершенно безнадежныхъ къ исправленію, «*должны привлечь на себя столь строгое наказаніе, каково помѣщеніе ихъ на мѣста учителей?*» Мы нарочно подчеркнули слова, употребленныя комитетомъ, чтобъ показать странный взглядъ членовъ комитета: и для него, и для большинства совѣта мѣсто уѣзд-

наго учителя представляется наказаніемъ, а между тѣмъ казенныя стипендіи собственно и учреждались для того, чтобы могли быть приготовлены хорошіе учители въ уѣздныя училища, такъ какъ гимназій въ округѣ было весьма мало. Какую полезную дѣятельность можно было ожидать отъ этихъ учителей, посылаемыхъ какъ бы въ ссылку? Какъ сами они должны были смотрѣть на свое призваніе, которое противъ воли ихъ и сознательно, какъ наказаніе, налагалось на нихъ совѣтомъ и начальствомъ?

Имена студентовъ, поведеніе которыхъ подлежало обсужденію комитета, встрѣчались всѣ въ тѣхъ исторіяхъ и случаяхъ некрасиваго свойства, которые переданы нами выше въ этой главѣ. Для насъ поступки этихъ студентовъ возмутительны, конечно, болѣе или менѣе; объясненіе ихъ мы ищемъ въ гнилой общественной средѣ, создавшей ихъ. Комитетъ напротивъ былъ гораздо мягче: онъ находилъ возможность если не оправдать вполнѣ эти поступки, то найти ихъ заслуживающими снисхожденія. «Комитетъ признаетъ», говорилось въ его донесеніи въ совѣтъ, «поступки, учиненные этими студентами въ разное время, говоря вообще, дурными и *благовоспитаннымъ юношамъ несвойственными*. Будучи далекъ отъ той мысли, чтобы почитать ихъ нестоющими вниманія начальства, комитетъ думаетъ однакоже, что *во всѣхъ учиненныхъ оными студентами проступкахъ не замѣчается ни духа буйства, ни ожесточенія*... Комитетъ судитъ о важности проступка по намѣренію, съ какимъ онъ сдѣланъ, и, смотря съ сей точки на проступки помянутыхъ студентовъ, *почитаетъ всѣ ихъ шалостями, только молодости свойственными и требующими по тому самому, что онѣ шалости, одного предотвращенія чрезъ бдительный надзоръ*, а не дѣяніями злонамѣренными, которыя по уваженію причиняемаго ими вреда, должны непремѣнно влечь за собою строгое наказаніе. Комитетъ, при разсматриваніи поведенія тѣхъ студентовъ, *не могъ опустить изъ виду самой нравственности ихъ* (?) и сдѣлавъ надлежащія освѣдомленія касательно сего, *нашелъ новыя причины къ извиненію сдѣланныхъ оными проступковъ. Онѣ заключаются въ нравственномъ каждаго образованіи*, улучшеніе коего и исправленіе въ потребныхъ случаяхъ должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ занятій Казанскаго университета (?), въ коемъ, говоря словами устава его (§ 1), юношество приготовляется для вступленія въ различныя званія государственной службы («къ чему оно способно быть не можетъ безъ добрыхъ нравовъ»). Поставленныя нами въ скобкахъ слова прибавлены комитетомъ, и въ уставѣ ихъ нѣтъ. Соглашаясь съ абсолютною справедливостью смысла ихъ, мы не можемъ согласиться со взглядомъ комитета, что главнѣйшее занятіе уни-

верситета есть улучшеніе и исправленіе нравовъ. Въ уставѣ говорится только, что университетъ есть «вышнее ученое сословіе для преподаванія наукъ учрежденное». Несмотря на господство тогда взгляда высказаннаго комитетомъ, имѣющаго смыслъ фразы, несмотря на существованіе многихъ кодексовъ благочинія для студентовъ, нравы не исправились, такъ какъ добрые нравы — продуктъ исторіи, а не надзора.

Комитетъ вдавался во внимательное изученіе каждой личности студента, подлежащей его сужденію. Такъ, въ одномъ онъ объяснялъ проступокъ оскорбленнымъ самолюбіемъ, самонадѣянностью, молодостью, но видѣлъ въ виновномъ (изъ чего?) «ревность къ наукамъ; другой вовлекался въ проступки легкомысліемъ; третій также легкомысліемъ и самомнительностью (комитетъ замѣчалъ въ немъ хорошія умственныя способности), четвертый—упрямъ и т. п. Въ чемъ однако проявлялись эти отвлеченныя свойства молодыхъ людей—мы не видимъ. Проступки студентовъ, найденные комитетомъ неважными, наказывались домашнимъ выговоромъ, письменнымъ обязательствомъ вести себя лучше, порученіемъ особому надзору и т. п. въ то время, какъ совѣтъ находилъ этихъ студентовъ вполнѣ безнадежными и хотѣлъ совсѣмъ избавиться отъ нихъ, посылая ихъ въ уѣздные учители отдаленныхъ городовъ. Вовсе не глубоко комитетъ вдавался и въ разсмотрѣніе существующихъ причинъ неустройствъ въ студенческой средѣ. Онъ видѣлъ эти причины въ слабости надзора, но на это можно было бы возразить, что инспекторъ Броннеръ, занимавшій эту должность три года, имѣлъ неусыпный надзоръ; дѣятельнѣе и наблюдательнѣе его мы не въ состояніи представить себѣ другого инспектора. За тѣмъ комитетъ находилъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, что надзоръ не раздѣленъ между инспекторомъ и его помощниками. Ему бросалось въ глаза то, что студенты (мы говоримъ собственно о казенныхъ студентахъ, такъ какъ своекоштные не подлежали вовсе надзору) размѣщены въ разныхъ отдѣльныхъ комнатахъ, зданіяхъ и даже внѣ (?) университета. Наконецъ причины неустройствъ комитетъ усматривалъ въ томъ обстоятельствѣ, что «нѣтъ надлежащей постепенности и соразмѣрности въ наказаніяхъ, кои состоятъ только въ заключеніи въ карцеръ». Это замѣчаніе было несправедливо, такъ какъ въ правилахъ благочинія, приведенныхъ нами выше, эта постепенность въ наказаніяхъ была соблюдена, но заключеніе въ карцерѣ случалось чаще, такъ какъ эта мѣра считалась дѣйствительнѣе прочихъ. Комитету казалось, что все устроится хорошо, если студенты будутъ помѣщены въ смежныхъ комнатахъ въ университетскихъ зданіяхъ и имъ воспрещено будетъ жительство внѣ университета (нѣкоторые изъ

казенныхъ студентовъ отпрашивались жить въ городѣ у близкихъ родныхъ), и отъ студентовъ отвращены будутъ всѣ заботы о хозяйствѣ.

Помѣщеніе всѣхъ казенныхъ студентовъ въ смежныхъ комнатахъ комитетъ считаетъ «необходимымъ для возстановленія порядка, благоустройства и благонравія между студентами». Это въ особенности настойчиво доказывалъ членъ комитета проф. Аригольдъ. Ректоръ же заявилъ, что въ томъ не видитъ никакой надобности, и изъ за этого мнѣнія возникъ довольно горячій споръ. «Не позволивши мнѣ окончить изъясненіе моего мнѣнія», пишетъ Аригольдъ, «начали нѣкоторые гг. профессора, въ особенности проф. Цеплинъ и Бартельсъ (оба деканы) требовать, въ настойчивыхъ выраженіяхъ, записать въ протоколъ, что я опорочиваю распоряженія правленія». Они доказывали, что нѣтъ средствъ иначе размѣстить студентовъ и что настоящее размѣщеніе утверждено попечителемъ. Оспаривая это утвержденіе и «побуждаясь истиннымъ усердіемъ къ славѣ университета», Аригольдъ проситъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ. Увѣряя, что попечитель согласится, если ему докажутъ пользу лучшаго размѣщенія, измѣнить настоящее, Аригольдъ высказываетъ лесть попечителю: «Всякъ изъ членовъ совѣта», говоритъ онъ, «имѣя счастіе служить подъ начальствомъ достопочтеннѣйшаго г. попечителя М. А. Салтыкова, долженъ знать неутомимыя попеченія Его п-ства о благоустройствѣ и усовершенствованіи сего университета, кои служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ, что онъ не отринетъ способовъ, предполагаемыхъ для благоустройства необходимыми». Разсѣянность въ разныхъ университетскихъ корпусахъ казенныхъ студентовъ чрезвычайно затрудняла надзоръ и давала возможность и разнымъ шалостямъ и исторіямъ некрасиваго свойства. Это сознано было наконецъ совѣтомъ, и о лучшемъ размѣщеніи студентовъ онъ представилъ попечителю, который и предписалъ совѣту (12 марта 1818 года, № 81), дабы принялъ лучшее попеченіе *о удобнѣйшемъ размѣщеніи* студентовъ по комнатамъ, непремѣнно въ какомъ-либо одномъ корпусѣ зданія сообразно съ обстоятельствами, нынѣ существующими въ университетѣ. Вскорѣ всѣ студенты размѣщены были въ главномъ зданіи.

Желаніе комитета избавить студентовъ отъ хлопотъ хозяйственныхъ было совершенно естественно и понятно, такъ какъ эти хлопоты служили лишнимъ поводомъ для молодыхъ людей не учиться, не ходить на лекціи и были источникомъ разныхъ происшествій, ничего общаго съ ученіемъ не имѣющихъ. Кому неизвѣстна неспо-

собность русскихъ студентовъ, какъ необходимое слѣдствіе національной исторіи, устраивать сколько-нибудь сносныиъ образомъ благое общее дѣло. Не ходя далеко, гдѣ мы найдемъ такія же аналогичныя явленія, стоитъ только вспомнить о печальной судьбѣ въ Казанскомъ университетѣ въ шестидесятые и семидесятые годы студенческихъ: библіотеки, столовой, взаимопомощи, чтобъ убѣдиться въ полной организаціонной неспособности русской молодежи, не умѣющей взяться за дѣло и затемняющей прекрасную цѣль совершенно чуждыми ей стремленіями. Мы удовлетворяемся исключительно только фразами. Какъ краснорѣчиво пишутся разные уставы и проекты. Какъ много разговоровъ тратится при составленіи ихъ и какъ мало стройнаго, настоящаго дѣла выходитъ изъ этой крикливой болтовни. И въ описываемые нами годы происходили такія же явленія, тѣмъ болѣе печальныя, что сама власть и начальство въ университетѣ не умѣли и не знали, какъ устроить обстановку жизни казенныхъ студентовъ. Самый уставъ въ этомъ отношеніи былъ неполонъ.

По примѣрному штату Казанскаго университета, въ его первоначальномъ уставѣ 1804 года, полагалось на 40 казенныхъ студентовъ 8000 рублей, по 200 рублей на каждаго, но ни слова не говорилось о томъ, какъ должна быть устроена жизнь этихъ молодыхъ людей и ихъ хозяйство. Правда, въ уставѣ упоминается, что казенные студенты содержатся иждивеніемъ университета (§ 114), что кандидаты и магистры имѣютъ общій столъ со студентами (§ 118), но и только. О хозяйственной обстановкѣ, о необходимости значительнаго инвентаря для нея, объ экономѣ, о кухнѣ и т. п. не было сказано ни слова. На ассигнованные по штату для казеннаго студента 200 р. смотрѣли какъ на *жалованье*. Между тѣмъ это жалованье не было выдаваемо, да и не могло быть выдано, потому что съ выдачею его исчезалъ надзоръ. Выдача стипендій студентамъ въ настоящее время дѣлается въ томъ предположеніи, что получаютъ ихъ зрѣлые люди, хотя бы на основаніи лѣтъ и аттестата зрѣлости, притомъ настоящіе студенты не имѣютъ надъ собою никакого надзора въ отношеніи нравственности, зависятъ отъ общаго, для всѣхъ подданныхъ равнаго суда, а не университетскаго. Дѣло исключительно формальной инспекціи облегчилось до послѣдней крайности: это только канцелярія, для которой важно, чтобы были въ порядкѣ бумаги, а нравственный надзоръ—не ея дѣло. Всего этого не могло быть въ годы, о которыхъ мы говоримъ. На инспекціи лежало очень много обязанностей и выполнить ихъ было нелегко, хотя бы напримѣръ удовлетворительно устроить содержаніе казенныхъ студентовъ на скудныя штатныя средства. Съ ноября 1805 года,

когда былъ основанъ Казанскій университетъ внутри существовавшей уже гимназіи и появились первые, въ незначительномъ числѣ студенты, содержаніе ихъ было совмѣстное съ воспитанниками гимназіи; былъ одинъ общій экономъ, общій инвентарь, все хозяйство было общее для обоихъ заведеній; изъ общей суммы, назначенной на студентовъ, отпускалось на каждаго столько, сколько и на гимназиста. Прошло нѣсколько лѣтъ; содержаніе вообще сдѣлалось гораздо дороже, особенно послѣ войнъ съ французской имперіей и послѣ сильнаго паденія нашего курса. Еще въ началѣ 1813 года контора гимназіи, завѣдывавшая до совершеннаго отдѣленія университета отъ гимназіи всею хозяйственною частью—имѣла разсужденіе объ этой дороговизнѣ. «Какъ содержаніе казенныхъ студентовъ столомъ и одѣяніемъ, наравнѣ съ гимназическими воспитанниками *и еще съ превосходствомъ въ количествѣ пищи и одѣянія*, по нынѣшнему времени контора находитъ для казны весьма тягостнымъ», то она и спрашивала въ офиціальной бумагѣ инспектора студентовъ Брауна и его помощниковъ: «имѣютъ ли они въ виду лучшее средство и удобность, чтобы *казеннымъ студентамъ, вмѣсто нынѣшняго всего казеннаго содержанія выдавать положенное по штату жалованье?*» [1]). Отвѣтить на этотъ вопросъ было тѣмъ болѣе необходимо, что скоро предстоялъ переходъ гимназіи въ свой собственный отдѣльный домъ, со всѣми принадлежащими воспитанникамъ гимназіи вещами и служителями, однимъ словомъ со всѣмъ хозяйствомъ, которое теперь для студентовъ нужно было заводить вновь. Вопросъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ и студентамъ, и очень можетъ быть, что по совѣту инспекціи они обратились къ попечителю съ прошеніемъ, высказывая въ немъ желаніе, чтобы жалованье имъ производилось *наличіемъ*. Сообщая объ этомъ совѣту (14 апрѣля, № 191), попечитель пишетъ: «по соображенію моему съ узаконеніями университетскаго устава, я нахожу необходимымъ, дабы студенты не отвлекались отъ ученія и сообразно другимъ заведеніямъ, сдѣлать слѣдующее распоряженіе [2]).

1) „Студенты должны быть довольствованы столомъ казеннымъ и деньги на то, по смѣтѣ 76 р. 65 к, должны быть вычитаемы изъ положенной на содержаніе ихъ общей суммы (предполагалось содержать не 40 казенныхъ студентовъ, а только 30). 2) Опредѣленные по штату (гимназіи): на кровать—12 р„ тюфякъ 19 р. 60 к., одѣяло 7 р. 50., простыни—3 р. 75 к., наволочки

---

[1]) Дѣло объ исключеніи студентовъ на жалованье имъ положенное. *Правл.* 1814 г. № 9.

[2]) Дѣло по предписанію г. попечителя и прошенія студентовъ о производствѣ имъ жалованья. *Сов.* 1814 г. № 56.

2 р. 44 к., простыни подъ одѣяло—6 р., на содержаніе прачки, шитье и починки—5 р. 32 к., на столовое бѣлье и на посуду—12 р. 50 к., полотенцы—90 к., всего 70 р. 1 к. вычитаемы были изъ суммы, на содержаніе ихъ отпускаемой, остальную же: на платье, рубахи и проч.—120 р. можно выдавать имъ по прошествіи каждаго мѣсяца, если они согласны, на слѣдующемъ *обстоятельствѣ* (sic): а) чтобъ бѣлье они имѣли всегда чистое и смѣняли по крайней мѣрѣ каждую недѣлю; б) чтобы они ходили въ опрятной одеждѣ и каждый имѣлъ непремѣнно форменный мундиръ; 3) если кто нибудь изъ нихъ окажется худымъ хозяиномъ, и не будетъ имѣть нужнаго изъ обуви, книгъ и проч., таковымъ не производить жалованье, но отдавать оное *исправнѣйшему изъ нихъ* (?) для продовольствія.

„Поручаю совѣту, призвавъ гг. студентовъ въ присутствіе, объявить сіе мое предложеніе и отобрать отъ нихъ отвѣтъ: согласны ли они на сіи условія или нѣтъ, и буде согласны, то обязать ихъ въ томъ подпискою и донесть мнѣ“.

Совѣтъ сообщилъ это инспектору студентовъ съ тѣмъ, что ежели студенты единогласно на сіе условіе согласятся, онъ представилъ бы ихъ подписки. Казенные студенты черезъ четыре дня представили въ совѣтъ свое объясненіе. Въ немъ они отвѣчаютъ на каждый пунктъ предложенія попечителя и даютъ намъ очень хорошій образчикъ той житейской практичности, какою отличались люди того поколѣнія. У студентовъ была одна цѣль: получить въ свою пользу по возможности больше денегъ. На *первый* пунктъ, о довольствованіи казеннымъ столомъ, они отвѣчаютъ, съ свойственною времени реторикою: «Видя столь благодѣтельную предусмотрительность почтеннѣйшаго начальства, мы съ удовольствіемъ объявляемъ на сіе свое согласіе». На *второй* пунктъ предлагаемыхъ попечителемъ условій, они весьма резонно замѣчаютъ: «Въ 1805 году щедротами Августѣйшаго Монарха нашего положено основаніе здѣшнему университету, и еще прежде онаго существовала Императорская Казанская гимназія. Студенты и воспитанники оныхъ необходимо имѣли всѣ потребности, какъ-то: кровати, тюфяки, посуду и проч. Оныя вещи, переходя отъ однихъ къ другимъ, дошли наконецъ и до насъ. *Невозможно думать, чтобы за всѣ сіи вещи, находящіяся въ употребленіи столь долгое время, не было заплачено надлежащее количество денегъ, о чемъ безъ сомнѣнія сдѣлано уже и донесеніе высшему начальству.* И такъ, ежели угодно почтеннѣйшему начальству *дозволить намъ пользоваться вышеупомянутыми вещами, и вмѣстѣ деньгами за оные полагаемыми* (!), то мы съ признательностью остаемся довольными». Далѣе студентамъ не нравится предполагаемый вычетъ за простыни, полотенцы и т. п., что все они надѣются получить отъ родныхъ своихъ «*или по крайней мѣрѣ платить за нихъ дешевѣйшую цѣну.* И такъ деньги, на оныя остающіяся, могутъ доставлять намъ другія потребности. Содержаніе казенной

прачки также не будетъ нужно, потому что мы будемъ нанимать для себя свою. Сверхъ же сего намъ довольно извѣстно, что студенты, опредѣлявшіеся въ учители, или другія университетскія должности, всегда получали тюфякъ, одѣяло, двѣ подушки и двѣ перемѣны наволочекъ, также рубашки, чулки, мундирную или сертучную пару и проч. Въ семъ сказанномъ благотворительномъ распоряженіи начальства мы свидѣтельствуемся бывшимъ почтеннѣйшимъ нашимъ инспекторомъ г. профессоромъ и директоромъ гимназіи И. Ѳ. Яковкинымъ. Мы, обучаясь въ университетѣ, имѣемъ ту же цѣль назначенія, какъ и наши предшественники и потому кажется имѣемъ полное право пользоваться таковыми же выгодами. И такъ, ежели почтеннѣйшее начальство, уважа всѣ представленныя нами причины, благоволитъ выдать намъ прочее жалованье — 195 р. въ годъ, то мы необходимымъ почитаемъ замѣтить слѣдующее: получая оное помѣсячно, мы не можемъ сдѣлать на оное ничего изъ платья, почему и осмѣливаемся просить почтеннѣйшій совѣтъ представить его п-ству, дабы жалованье выдать намъ по крайней мѣрѣ за первую треть вдругъ». Въ заключеніе этого объясненія студенты обѣщаютъ сохранять чистоту, опрятность и разсчетливо употреблять свое жалованье. Подписалось ихъ 18 человѣкъ.

Студенты требовали такимъ образомъ денегъ больше, чѣмъ предлагалъ имъ попечитель. Онъ, на первыхъ порахъ, какъ и писалъ совѣту (30 апрѣля 1814 года), не согласился удовлетворить ихъ требованія и предложилъ правленію, *впредь до особаго разсмотрѣнія*, довольствовать ихъ по прежнему казеннымъ столомъ, одеждою и прочимъ. Но это скоро было отмѣнено. Эконому было предписано озаботиться немедленно шитьемъ сюртуковъ и брюкъ для студентовъ, *которые крайне нужны имъ*. Между тѣмъ 17 студентовъ заявили, что они желаютъ получить за сюртучныя пары деньгами. По справкѣ, доставленной экономомъ, поручикомъ Булыгинымъ, стоимость сюртучной пары составляетъ 26 р. 40 к., и попечитель разрѣшилъ выдать эти деньги каждому изъ высказавшихся за полученіе не натурою; потомъ деньгами замѣнена была выдача суконныхъ картузовъ и проч. Вскорѣ студенты согласились и подписали заявленіе, что они готовы теперь получать по прежнему предписанію попечителя, по 120 р. въ годъ. Это согласіе было нѣсколько вынуждено: изъ донесенія правленію университета въ сентябрѣ 1814 года помощника инспектора Юнакова видно, что многіе студенты жалуются ему ежедневно на неполученіе различныхъ казенныхъ вещей, «а всѣ вновь переведенные изъ гимназіи получили весьма ветхое бѣлье, ни мало неспособное къ ношенію». Предписано было эконому и кассиру немедленно исполнить эти требованія, но все оста-

лось по прежнему. Юшаковъ снова писалъ: «Хотя и доносимо было мною уже правленію, что вновь поступившіе студенты не обмундированы и что въ обмундировкѣ терпятъ они крайнюю нужду, но какъ протекло уже послѣ поданія рапорта болѣе трехъ недѣль, а исполненія по оному никакого не сдѣлано, то принявъ, въ уваженіе неотступныя на сіе жалобы гг. студентовъ, долгомъ почитаю донести о семъ правленію и просить понудить кого слѣдуетъ скорѣе приступить къ обмундированію студентовъ вновь поступившихъ на казенное содержаніе». Новый экономъ А. Тимьянскій (уже только для студентовъ) доносилъ съ своей стороны правленію, что «ему доселѣ не дано никакой инструкціи, въ которой бы означено было: сколько должно стоить одѣяніе студента, когда оно должно быть изготовляемо и кѣмъ, какіе сроки разнымъ вещамъ», и потому просилъ такой инструкціи. И дѣло было новое, и экономъ былъ новый, такъ какъ передъ самымъ началомъ университетскаго курса, передъ поступленіемъ новыхъ студентовъ, гимназія вмѣстѣ съ прежнимъ экономомъ, въ іюлѣ 1814 года, перешла въ собственное помѣщеніе. Правленіе предписало эконому гимназіи доставить требуемыя свѣдѣнія эконому университетскому, какъ новичку въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя, разрѣшилъ, чтобы изъ суммы въ 8 т. рублей, на содержаніе въ Казанскомъ университетѣ студентовъ опредѣленной, вмѣсто 40 студентовъ, «доколѣ настоящая дороговизна продолжится», содержимо было 30 студентовъ. Это распоряженіе министра, уменьшающее число казенныхъ студентовъ и увеличивающее годовое содержаніе каждаго, сдѣлалось извѣстнымъ студентамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1815 года они подали въ правленіе новое прошеніе, въ которомъ высказывали, что они теперь «согласны совершенно быть на своемъ содержаніи, ежели каждый станетъ ежегодно получать жалованья по 250 рублей». Прошеніе это подписали 22 человѣка. Правленіе высчитало, что при сокращеніи числа студентовъ, отпускаемой на содержаніе ихъ суммы придется по 266 р. $66^1/_2$ коп. на каждаго въ годъ, и соглашаясь на просьбу студентовъ, представило министру о выдачѣ каждому изъ нихъ въ годъ по 250 руб., а остальные употребить на *классическія надобности*, какъ-то: столы, доски, губки, мѣлъ, чернила и на содержаніе двухъ сторожей, причемъ доносило, что «по малому числу пансіонеровъ въ университетѣ, вся вообще экономія студентовъ такъ мала, что вообще *трудно находить опытныхъ экономовъ по малому жалованью изъ суммы студентовъ производимому*». Министръ 25 февраля 1815 года разрѣшилъ согласно представленію правленія. Впро-

чемъ надобно замѣтить, что нѣкоторые студенты, весьма немногіе, заявили желаніе остаться на казенномъ содержаніи: тогда дѣлали другой разсчетъ. Отчетъ неопытнаго эконома о недолго просуществовавшемъ студенческомъ хозяйствѣ представленъ былъ не скоро. Началась довольно длинная переписка. Заготовленные ранѣе запасы пришлось продавать съ публичнаго торга; до іюня 1815 года никто на эти торги не явился, а потому многое сгнило, другого недоставало, несмотря на точность контрольнаго счета (пересчитаны были даже огурцы (5220), приготовленные для соленья). Студенты должны были сами хозяйничать.

Эти молодые люди, до сихъ поръ находившіеся подъ опекою и проявлявшіе свою самостоятельность только въ распущенности, въ томъ, что на языкѣ инспекціи того времени называлось своевольствомъ и буйствомъ, привыкшіе къ безпорядочности, должны были теперь сами о себѣ заботиться и устраивать свою жизнь на получаемое ими жалованье. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ устроилось самостоятельное хозяйство студентовъ, а было бы весьма любопытно знать это: характеръ этого хозяйства и тогдашнія организаціонныя попытки этихъ студентовъ могли бы дать намъ достаточно любопытнаго матеріала для общихъ заключеній о свойствахъ этой молодежи, которая знакома намъ преимущественно по случаямъ отклоненія отъ нравственныхъ правилъ, приведеннымъ нами въ настоящей главѣ. Ни одинъ изъ современниковъ этой эпохи студенческой жизни не записалъ своихъ воспоминаній: очевидно прошлое не могло ихъ интересовать, и ни мѣсту своего воспитанія, ни духовнымъ пріобрѣтеніямъ, вынесеннымъ ими изъ университета, они не придавали никакого значенія, да и существовали ли эти пріобрѣтенія? Вопросъ этотъ остается открытымъ. То былъ вѣкъ наживы и пріобрѣтенія; жизнь полна была волчьею жадностью и никому, никакого дѣла не было до умственныхъ интересовъ. Изъ только что приведенной нами переписки студентовъ съ попечителемъ на счетъ выдачи имъ *жалованья*, мы знаемъ ихъ практическія свойства. Насколько эти практическія свойства проявились въ устройствѣ студентами своего собственнаго хозяйства, намъ однако неизвѣстно. Знаемъ, что самый внимательный изъ тогдашнихъ инспекторовъ, Броннеръ былъ вообще недоволенъ этою мѣрою, вызванною больше всего финансовыми соображеніями о недостаткѣ средствъ на содержаніе студентовъ, которымъ начальство предоставляло только помѣщеніе. «Увѣдомило меня правленіе университета», записываетъ Броннеръ [1]), «что ни-

---

[1]) Книга о поведеніи, стр. 68а.

нистръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ выдавать каждому стипендіату казны по 250 р. въ годъ, на которые они должны и питаться и одѣваться. Но ректоръ объявилъ мнѣ, что никому однако изъ казенныхъ студентовъ не будетъ дозволено имѣть столъ внѣ университетскихъ зданій, исключая тѣхъ, у кого есть родственники въ городѣ; остальные же пусть по ихъ желанію имѣютъ столъ или у кандидата Ярцева или у магистра Кайсарова, или у адъюнкта Тимьянскаго или у какого либо преподавателя, человѣка семейнаго и живущаго въ университетѣ». Такимъ образомъ начальство позаботилось съ самаго начала о нѣкоторыхъ гарантіяхъ порядка въ этомъ отношеніи, но изъ разсказовъ того же Броннера, выше нами приведенныхъ, мы видѣли случаи нахожденія кухарокъ въ студенческихъ спальняхъ, приходившихъ вѣроятно для составленія menu на слѣдующій день. «Весьма затруднительною дѣлается теперь, вслѣдствіе этой мѣры, инспекція», заключаетъ Броннеръ; теперь изъ за хозяйственныхъ заботъ и хлопотъ, люди довольно спокойные прежде, начнутъ бродить по городу, забывать, что надобно идти на лекціи, не станутъ сидѣть дома. Оба мои помощника, магистры, хотятъ отказаться отъ своей должности; они пришли ко мнѣ и высказали жалобу, что теперь, при новыхъ порядкахъ, должны лишиться единственной своей выгоды—пользоваться даровымъ столомъ вмѣстѣ со студентами. Я обѣщалъ имъ употребить ходатайство о вознагражденіи за эту потерю деньгами».

Мнѣніе, высказанное Броннеромъ, заключало въ себѣ много правды. Подробностей, какъ мы замѣтили уже, мы не имѣемъ, но безъ сомнѣнія студенческое хозяйство шло незавидно, и молодые люди еще меньше стали учиться. Впрочемъ этотъ порядокъ существовалъ недолго. Едва прошло два года, какъ невыгоды его сознаны были и совѣтомъ университета, и начальствомъ. Изъ приведеннаго нами мнѣнія комитета о неустройствахъ между студентами, заслушаннаго въ совѣтѣ 25 января 1818 года, одинъ пунктъ, именно о необходимости избавить студентовъ отъ хозяйственныхъ заботъ, въ которыхъ видѣли одну изъ главныхъ причинъ неустройствъ, былъ признанъ совѣтомъ заслуживающимъ полнаго вниманія, и члены, большинствомъ голосовъ, опредѣлили: «предоставить комитету *изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою и составить для сего смѣту*». Комитетъ однако отклонилъ отъ себя исполненіе этого порученія. Онъ писалъ:

„Поелику съ своей стороны онъ находитъ довольствованіе казенныхъ студентовъ въ здѣшнемъ университетѣ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою несогласнымъ, *вопервыхъ* съ особеннымъ предписаніемъ

высшаго начальства, которымъ требуется производить казеннымъ студентамъ жалованье, а не содержать ихъ казенною пищею и одеждою; *во вторыхъ*—съ выгодами казны и *въ третьихъ* съ своимъ собственнымъ (т. е. комитета) мнѣніемъ, то какъ по симъ причинамъ, такъ еще и потому, что на содержаніе студентовъ, при настоящемъ распорядкѣ, достаточно и той суммы, которая опредѣлена Высочайше утвержденнымъ штатомъ Казанскаго университета и распредѣляется по предписанію начальства на 30 студентовъ вмѣсто 40, онъ и не можетъ принять на себя составленіе требуемой въ оной выпискѣ смѣты, равно и изысканіе средствъ къ удобнѣйшему довольствованію студентовъ на прежнемъ основаніи казенною пищею и одеждою. Въ отвращеніе недоразумѣній по сему дѣлу комитетъ считаетъ для себя долгомъ изъяснить при семъ сказанное имъ въ представленіи совѣту под. ст. 7: „отвратить *по возможности* затрудненія и заботы студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни. Въ числѣ причинъ неустройства между студентами комитетъ нашелъ, сверхъ означеннаго имъ въ представленіи его совѣту, еще и то, что нѣкоторые студенты, не держа стола дома, составляютъ изъ сего довольно благовидный для себя предлогъ къ безвременнымъ отлучкамъ, коихъ имъ и возбранять почти нельзя, не смотря на то, что *онѣ не могутъ быть терпимы*, ибо разрушаютъ столь необходимый въ общественныхъ заведеніяхъ порядокъ. Помышляя о средствахъ противу сего зла, *комитетъ призналъ за необходимое, чтобы студенты, всѣ безъ исключенія, готовили себѣ столъ дома*, а какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ сего учинить невозможно безъ особенныхъ распоряженій со стороны совѣта, то комитетъ и представлялъ его благоусмотрѣнію изысканіе средствъ къ отвращенію встрѣчающихся въ упомянутомъ дѣлѣ затрудненій и съ тѣмъ вмѣстѣ къ облегченію самихъ студентовъ касательно хозяйственной ихъ жизни, которая должна быть расположена соотвѣтственно вышеприведенному. Поелику же совѣтъ, *по причинѣ невыразумѣнія*, отклонился отъ изысканія оныхъ средствъ, то комитетъ беретъ смѣлость представить о нихъ поименно на благоусмотрѣніе совѣта:

„1) Казенные студенты, *всѣ безъ исключенія*, должны быть въ смежныхъ комнатахъ, такъ при томъ, чтобы они имѣли подъ руками все необходимое для хозяйства, какъ погреба, чуланы, кухню и проч. 2) Постановить, чтобы студенты, всѣ безъ исключенія, имѣли столъ свой дома, *соединяясь въ общества* (?). 3) Постановить въ обязанность помощниковъ инспектора казенныхъ студентовъ имѣть столъ со студентами общій. 4) Поручить инспектору казенныхъ студентовъ, вмѣстѣ съ его помощниками, имѣть надзоръ за самымъ ходомъ хозяйства студентовъ, придерживаясь сказаннаго въ предложеніяхъ Его превосходительства г. попечителя“.

Несмотря на то, что студенты были очень довольны, получая каждый въ годъ по 250 р. на пищу и одежду, оказалось вскорѣ, что этой суммы недостаточно. Въ концѣ 1818 года правящій должность инспектора профессоръ Брейтенбахъ уже писалъ въ рапортѣ совѣту о недостаточномъ содержаніи студентовъ. Совѣтъ опредѣлилъ: испросить у г. министра народнаго просвѣщенія прибавку къ ежегодному жалованью казенныхъ студентовъ, а также и кандидатовъ по 50 рублей въ годъ «въ уваженіе возвысившейся дороговизны ихъ содержанія», но ходатайство это уважено не было, а въ

слѣдующемъ году казенные студенты распоряженіемъ начальства переведены были опять на прежнее, устраиваемое казною содержаніе. Самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи продолжалась недолго, съ небольшимъ три года. «По распоряженію бывшаго г. министра народнаго просвѣщенія (графа Разумовскаго)», писалъ въ своемъ предложеніи совѣту новый попечитель Казанскаго университета Магницкій (16 октября 1819 года, № 257), «деньги, назначенныя по штату на содержаніе студентовъ Казанскаго университета, раздаются имъ въ видѣ жалованья и они сами, распоряжая и занимаясь своимъ хозяйствомъ, отвлекаются отъ своихъ занятій попеченіями, несовмѣстными ихъ лѣтамъ, *и могутъ дѣлать разныя вредныя употребленія изъ ввѣренныхъ имъ денегъ.* Найдя сіе весьма вреднымъ для добраго воспитанія, я испрашивалъ приказанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ сего распоряженія и объ обращеніи студентовъ на казенное содержаніе, на что и получилъ разрѣшеніе». Съ этого времени и до конца пятидесятыхъ годовъ, до движенія, возбужденнаго крымскою войною, казенные студенты, живя въ университетѣ, пользовались казеннымъ содержаніемъ. Все ихъ участіе въ хозяйствѣ состояло или въ дежурствѣ по очереди на кухнѣ, или въ непрестанной войнѣ съ экономами.

На самостоятельное хозяйство студентовъ смотрѣли въ годы, къ которымъ относятся наши разсказы, какъ на источникъ (конечно не одинъ, а въ числѣ другихъ) продолжающихся *разстройствъ* между студентами, но излѣчить зло, помочь укрѣпиться добрымъ началамъ думали только различными правилами, разными предупредительными мѣрами, о которыхъ имѣли самое общее, отвлеченное представленіе. «Своевольство и худая нравственность студентовъ», говорилось въ цитированномъ нами не разъ донесеніи комитета, «наносящая заведенію нареканіе и недовѣріе отъ публики, должна обратить все вниманіе совѣта, имѣющаго право и обязанность по силѣ 7 п. утвердительной грамоты *дѣлать частныя и подробнѣйшія постановленія въ разсужденіи внутренняго устройства.* Но мѣры, предпринимаемыя донынѣ къ возстановленію благоустройства между студентами состоятъ единственно въ наказаніяхъ за преступленія. Онѣ не излишни, но недостаточны. Ибо правила здравой педагогики поставляютъ первымъ средствомъ къ сохраненію благонравія мѣры предупредительныя, предотвращающія случаи къ распутству и укореняющія въ сердцахъ юношей любовь къ добродѣтели и отвращеніе ко злу». Невольно за этими красивыми фразами чувствуется пустота содержанія и, еслибы спросить этого ритора-моралиста: въ чемъ заключаются эти рекомендуемыя имъ предупре-

дительныя мѣры (вѣдь начало ихъ лежитъ въ семьѣ, въ надзорѣ матери)—онъ не былъ бы въ состояніи отвѣтить. Нельзя обвинить тогдашнихъ инспекторовъ въ неисполненіи своихъ обязанностей и въ недостаткѣ бдительнаго съ ихъ стороны надзора. Особенно Броннеръ не былъ скупъ на выговоры, на убѣжденія; онъ замѣчалъ малѣйшій безпорядокъ въ комнатахъ студентовъ, дѣлалъ указанія на мелочныя отклоненія отъ порядка. Казенные студенты не имѣли права безъ спросу уходить изъ университета и, если напримѣръ не ночевали дома, или уходили на четыре дня на охоту, то наказывались. Броннеру не нравилось, если онъ заставалъ студентовъ пляшущихъ подъ гитару, или обонялъ запахъ сожженнаго фейерверка и табаку въ комнатахъ. Рядомъ съ преслѣдованіемъ мелкихъ отступленій отъ порядка, мы видимъ, что допускаются разные случаи, объясняемые общественными нравами и привычками того времени. Студенты, отличавшіеся практичностью, очень любили прибѣгать тогда къ лоттереямъ. Это былъ легкій способъ сбыть ненужныя вещи за дорогую цѣну. Этотъ способъ до сихъ поръ въ большомъ употребленіи въ провинціи, даже безъ разрѣшенія властей. Броннеръ настоялъ, чтобъ на лоттерею было испрашиваемо дозволеніе. Такъ, студенту Макарову позволено было разыграть въ лоттерею дорогія золотыя вещи и мѣха, доставшіеся ему послѣ смерти матери (на сумму 1426 р.) не иначе какъ съ дозволенія отца, разрѣшенія ректора и полиціи. За то другой студентъ Знобишинъ, вздумавшій разыграть въ лоттерею свои вещи и книги безъ разрѣшенія, получилъ строгій выговоръ. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности надзора за студентами Казанскаго университета: думаемъ, что собранныхъ и изложенныхъ нами фактовъ довольно для знакомства съ бытомъ и нравами этихъ студентовъ. Ко времени ревизіи Магницкаго, то есть къ началу 1819 года существовало почти общее убѣжденіе въ полномъ «разстройствѣ» студентовъ. Въ этомъ убѣжденіи сказалось безсиліе надзора, полное неумѣнье пріучить студентовъ къ порядочности, къ труду, къ исполненію обязанностей и къ умственнымъ занятіямъ. Мы привели выше (стр. 250) отрывки изъ предписанія министра народнаго просвѣщенія (14 дек. 1818 года), основаннаго на рапортѣ профессора Арнгольда объ этихъ *разстройствахъ* между студентами. Съ этого времени стали особенно обращать вниманіе на поведеніе студентовъ. Совѣтъ постановилъ «навести справки въ дѣлахъ совѣта и правленія, какъ и по инспекторскимъ книгамъ, были ли неустройства между кандидатами и студентами и какія». Правленіе, уже отъ 16 января 1819 года, представило полныя справки о студентахъ: кто изъ нихъ и въ чемъ былъ замѣченъ. Собственныя справки совѣтъ получилъ

изъ своей канцеляріи, а затронутые рапортомъ или скорѣе доносомъ проф. Аригольда директоръ педагогическаго института проф. Германъ и и. д. инспектора проф. Брейтенбахъ представили также свои оправданія, разныя свидѣтельства и справки и, чтобы не быть судьями въ своемъ дѣлѣ, вышли изъ засѣданія совѣта. Разсужденій же по существу вопроса не было, и только было опредѣлено всѣ эти справки и объясненія представить министру. Въ слѣдующемъ февралѣ проректоръ Солнцевъ сдѣлалъ для той же цѣли надзора два предложенія, какъ бы возстановляющія прежнихъ камерныхъ студентовъ, существовавшихъ при Яковкинѣ: «1) нужно имѣть въ комнатахъ студентовъ *старшихъ*, изъ числа ихъ самихъ, для усиленія за комнатными (?) студентами надзора, избираемыхъ, о чемъ уже сдѣлано предварительное отъ него, проректора, распоряженіе; 2) нужно также имѣть старшихъ студентовъ и по классамъ каждаго преподавателя, *для усиленія надзора за приличіемъ* (вызвано же было чѣмъ нибудь такое странное предложеніе) и хожденіемъ въ классы студентовъ. Почему не угодно ли будетъ совѣту принять сіе предложеніе на уваженіе и привести касающееся до него въ надлежащее исполненіе». Совѣтъ поручилъ или предоставилъ самому проректору привести эти предложенія его въ исполненіе, но могла ли эта возобновленная старая мѣра оказать какую-нибудь дѣйствительную пользу, было весьма сомнительно. Тогда же въ первый разъ заведенъ былъ списокъ студентовъ, съ показаніемъ «когда они поступили въ университетъ, гдѣ обучались прежде, чьи дѣти и когда уволены изъ университета». Ждали ревизіи Магницкаго, приготовлялись къ ней; ждали новыхъ людей и новыхъ порядковъ. Насколько все это измѣнило бытъ казанскихъ студентовъ къ лучшему, что дало это время студентамъ—здѣсь уже не мѣсто говорить. Свой разсказъ о студентахъ мы довели до этого знаменательнаго времени. Нельзя не замѣтить однако, что первыя распоряженія новаго попечителя свидѣтельствовали о полномъ его незнаніи источника «неустройствъ» и печальной нравственной испорченности казанскихъ студентовъ. Магницкій былъ, какъ извѣстно, проповѣдникомъ обскурантизма, этого страннаго явленія въ странѣ и безъ того не свѣтлой. Какъ исторически создалось это явленіе у насъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но кому же неизвѣстно, что мѣры, имъ принятыя, могутъ вызвать только улыбку сожалѣнія на лицѣ человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ прошлымъ. Студентамъ того времени были рѣшительно чужды умственные интересы; они ничего не читали, за исключеніемъ безъ сомнѣнія тѣхъ безчисленныхъ переводныхъ романовъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которые въ изобиліи появлялись тогда въ литературѣ, не имѣвшей

*

еще возможности и силы сколько-нибудь сознательно разработывать темы изъ родной жизни. Магницкій же искалъ причины неустройствъ между студентами въ ихъ «лжеумствованіи», навѣянномъ чтеніемъ «вредныхъ» книгъ. Въ предложеніи отъ 19 сентября 1819 г., № 148, данномъ совѣту, попечитель писалъ, что «разсматривая реестръ книгамъ и пособіямъ, составляющимъ студенческую библіотеку, онъ нашелъ въономъ заглавія *книгъ или безбожныхъ, или противныхъ нравственности*, какъ то: «Курсъ философіи Снеллія» (переведенный Кондыревымъ и Лубкинымъ и напечатанный въ Казани, весьма невинный курсъ), «Oeuvres de Voltaire» (нѣсколько разрозненныхъ томовъ), Maupertuis «La figure de la terre», Фергюсона «Начальныя основанія нравственной философіи», Corani, caput primum (пріобрѣтено Френомъ для спеціалистовъ по восточнымъ языкамъ) и нѣкоторыя другія. Магницкій предписывалъ совѣту «немедленно изъять ихъ изъ студенческой библіотеки и замѣнить ихъ другими, соотвѣтствующими цѣли воспитанія». Мы положительно увѣрены, что казенные студенты ихъ вовсе не читали, и распоряженіе Магницкаго можетъ быть выражено французской поговоркой «chercher midi à quatorze heures».

Мы не разъ уже замѣчали, что для студентовъ Казанскаго университета въ то время, о которомъ мы говоримъ, не существовало почти вовсе какихъ-либо умственныхъ интересовъ, если не считать устройства домашнихъ спектаклей въ зданіи университета, но и о нихъ извѣстіе въ это время мы находимъ только въ 1817 году; даже литературныя упражненія, занимавшія самыхъ первыхъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ Аксаковъ, были повидимому чужды имъ. По крайней мѣрѣ мы не можемъ назвать ни одного имени, которое сколько-нибудь было извѣстно въ области литературы. Литературная дѣятельность общества любителей россійской словесности становится чрезвычайно вялою, а при Магницкомъ было еще хуже. Студенты избѣгали лекцій всѣми возможными способами и подъ самыми разнообразными предлогами. Они питали полную увѣренность, что знаніе, какъ знаніе само по себѣ, вовсе не нужно въ окружающей жизни, и ничто въ ней, съ другой стороны, не давало имъ повода смотрѣть на университетскую науку, какъ на Brodwissenchaft. Что такое былъ университетъ въ годы, о которыхъ говоримъ, можетъ дать намъ полное представленіе слѣдующее предложеніе (или циркуляръ) министра народнаго просвѣщенія 30 сентября 1814 года, № 2912:

„Учрежденіемъ въ имперіи университетовъ желало правительство доставить способы юношеству *почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени*. Дабы болѣе пріохотить каждаго продолжать ученіе въ сихъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ установлены для тѣхъ, кои въ нихъ образованы будутъ, разныя по службѣ выгоды, какъ то по 26 ст. Высочайше утвержденныхъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, студенты, *по окончаніи ученія*, должны быть принимаемы въ службу 14-мъ классомъ, а именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 6 день августа 1809 года, повелѣно въ восьмиклассные чины и выше производить тѣхъ только, которые предъявятъ свидѣтельство одного изъ состоящихъ въ имперіи университетовъ, что *обучались въ немъ съ успѣхомъ въ наукахъ, гражданской службѣ свойственныхъ*, или, что представъ въ университетѣ на испытаніе, заслужили на ономъ одобреніе. *Цѣль сихъ постановленій состояла въ томъ, чтобъ разнымъ частямъ гражданской службы доставить способныхъ и ученіемъ образованныхъ чиновниковъ*. Изъ доходящихъ однако свѣдѣній усматривается, *что многіе, желая воспользоваться помянутыми по службѣ выгодами, вступаютъ въ университеты на весьма короткое только время, и потомъ тотчасъ оставляютъ оные, дабы имѣть только университетскіе аттестаты*. Въ отвращеніе сего, соотвѣтственно разуму помянутыхъ постановленій, прошу, в. п. распорядиться, чтобы полные аттестаты отъ Казанскаго университета выдаваемы были тѣмъ только студентамъ, *которые окончатъ полный курсъ ученія*, прочимъ же студентамъ, которые не пройдутъ полнаго курса ученія, *выдавать аттестаты съ означеніемъ времени бытности ихъ въ университетѣ*, и съ присовокупленіемъ, *что какъ они не окончили курса ученія, то и не распространяется на нихъ сила указа 1809 года* и 26 ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“ [1]).

Это предложеніе министра народнаго просвѣщенія было объявлено всѣмъ казанскимъ студентамъ, собраннымъ въ главной аудиторіи. Сейчасъ однако встрѣтилось и недоразумѣніе, о которомъ Салтыковъ и представилъ министру. Онъ спрашивалъ министра о томъ: 1) что же слѣдуетъ считать окончаніемъ курса для студента? Слѣдуетъ ли ограничиваться при этомъ *приготовительными науками*, какъ это и опредѣлено § 110 устава («студентъ, *выслушавшій курсы, для всѣхъ наукъ* (?) *нужные*, и желающій оставить университетъ, получаетъ въ торжественномъ собраніи аттестатъ за подписаніемъ правленія и съ приложеніемъ печати университета»); 2) курсъ приготовительныхъ наукъ при университетѣ продолжается по утвержденному министромъ плану Броннера, два года (выше было указано, что срокъ этотъ былъ продленъ еще на одинъ годъ), но поступаютъ нѣкоторые молодые люди съ таковыми познаніями и способностями, что *по прошествіи перваго года оказываютъ всѣ нужныя познанія во всѣхъ наукахъ въ двухгодничномъ приготовительномъ курсѣ положенныхъ*, имѣя полное довѣріе профессоровъ и выдержавши экзаменъ изъ всѣхъ наукъ, требуютъ полные студен-

---

[1]) Дѣло по предписанію начальства о томъ, чтобы выдавать тѣмъ только студентамъ университетскіе аттестаты, которые окончатъ полный курсъ ученія. *Сов.* 1814 г. № 148.

ческіе аттестаты; 3) иногда являются молодые люди, «образовавшіеся въ какомъ либо публичномъ училищѣ» и имѣющіе весьма хорошія познанія; они на основаніи §§ 93 и 107 устава Казанскаго университета, требуютъ экзамена изъ всѣхъ наукъ, въ приготовительномъ курсѣ положенныхъ на званіе студента, по испытаніи оказываютъ надлежащія познанія и признаются общимъ собраніемъ достойными званія студента, послѣ чего и требуютъ полнаго аттестата». Дѣйствительно въ уставѣ 1804 года, при сравненіи его съ совершенно основательнымъ предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія Салтыкову, заключалось противорѣчіе. Являлся молодой человѣкъ, или со способностями, или хорошо подготовленный, сразу выдерживалъ экзаменъ и получалъ наименованіе студента, а съ нимъ по уставу и аттестатъ, и всѣ тѣ служебныя права, которыя исключительно заставляли поступать въ университетъ. Это было недоразумѣніе, и на представленіе Салтыкова министръ графъ Разумовскій разрѣшилъ его (30 ноября 1814 г. № 3607) слѣдующимъ образомъ:

„1) На окончаніе полнаго курса ученія для студентовъ, *не желающихъ поступить въ какой либо особый факультетъ* (странное для насъ представляютъ явленіе эти студенты, поступающіе въ университетъ и не желающіе (?) поступать въ какой либо факультетъ), по § 117 университетскаго устава опредѣленъ трехлѣтній срокъ (но тогда такіе студенты выслушавшіе въ теченіе трехъ лѣтъ, *нужные курсы* и желающіе продолжать ученіе въ факультетѣ или отдѣленія носятъ уже званіе кандидата) и таковымъ только студентамъ, которые окончили трехлѣтнее ученіе, на основаніи § 110 устава, должно выдавать полные студентскіе (?) аттестаты. 2) Курсъ приготовительныхъ наукъ, какъ выше сказано, долженъ продолжаться чрезъ три года, а потому *всѣ студенты должны прослушать при университетѣ трехлѣтній курсъ*. — 3) Не обучавшимся въ университетѣ, *хотя бы они и имѣли познанія, какія требуются отъ студентовъ* (т. е. знаніе приготовительнаго курса наукъ), *не выдавать студенческихъ аттестатовъ;* ибо таковымъ предоставляется подвергать себя испытанію, въ указѣ 6 августа 1809 года для гражданскихъ чиновниковъ постановленному".

Это разрѣшеніе графа Разумовскаго или его распоряженіе уничтожало, по нашему мнѣнію, самую идею университета, его существенное значеніе. Самъ же онъ говорилъ, что цѣль университета есть приготовленіе образованныхъ, т. е. свѣдущихъ чиновниковъ по разнымъ родамъ службы: учителей, медиковъ, юристовъ. Недостаткомъ ихъ и страдала тогда страна, что прекрасно было сознано высшею властью, основывавшею университеты. Приготовительныя науки, которыя должны быть выслушаны студентомъ непремѣнно въ теченіе трехлѣтняго курса, были не что иное, сколько намъ извѣстно, какъ только повтореніе гимназическаго курса, почти нераспространеннаго.

Въ Казанскомъ университетѣ преподавателями этихъ приготовительныхъ наукъ были тѣ же учители казанской гимназіи или русскіе профессоры и адъюнкты. Для большинства казенныхъ студентовъ эти курсы являлись только повтореніемъ того, что они учили съ грѣхомъ пополамъ въ гимназіи и что уже надоѣло. По циркуляру министра выходило, что даже хорошо приготовленные и знающіе должны были слушать эти приготовительныя, для всѣхъ нужныя науки. Понятно, что студенты ничего не дѣлали, что ходить на лекціи имъ было скучно, что наукъ спеціальныхъ, факультетскихъ, никто не слушалъ, потому что слушать ихъ приходилось у профессоровъ иностранцевъ, говорившихъ на непонятномъ языкѣ. Спеціалистовъ поэтому университетъ не былъ въ состояніи приготовить. Между тѣмъ настоятельная надобность для государства въ спеціалистахъ, особенно медикахъ, заставила министра уже въ 1818 году дѣлать распоряженія объ увеличеніи числа стипендіатовъ казенныхъ собственно для обязательной шестилѣтней службы по медицинской части. Три года готовиться къ факультетскому курсу казалось очень долгимъ срокомъ для молодыхъ людей, а между тѣмъ званіе студента давало имъ легко права, столь важныя въ жизни. Въ іюнѣ 1819 года составлены были правила для испытанія студентамъ, окончившимъ этотъ трехлѣтній курсъ приготовительныхъ наукъ для перехода въ отдѣленія или факультеты. Какой успѣхъ и какой характеръ получили спеціальныя науки во время попечительства Магницкаго и преподаваніе по факультетамъ, мы скажемъ со временемъ, когда придется говорить объ [этой эпохѣ Казанскаго университета.

Оканчивая эту главу, посвященную нравамъ казанскаго студенчества и его характеристикѣ, мы должны сознаться, что отъ знакомства съ молодымъ поколѣніемъ въ первые годы университета знакомства, вынесеннаго изъ ученія дѣйствительныхъ фактовъ прошлаго, сохранившихся въ архивныхъ бумагахъ, у насъ остается въ душѣ чрезвычайно тяжелое чувство. Изъ этой, по лѣтамъ еще по видимому юной сферы, вѣетъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ. Глубокая испорченность свидѣтельствуетъ не о юности, и безотрадно становится на душѣ. Нѣтъ никакихъ основаній винить тогдашнее университетское молодое поколѣніе за его разсказанные нами недостатки, за его испорченность и пороки, за его стремленія, въ которыхъ было мало свѣтлаго, человѣческаго, за то, что у него не было никакихъ идеаловъ, которые могли бы скрасить молодую жизнь

и дать ей больше содержанія. Эти темныя стороны, это извращеніе нравственное были не вполнѣ произвольны. Много печальныхъ фактовъ русской жизни и ея условій соединились въ одно для того, чтобъ сдѣлать это молодое поколѣніе такимъ, какъ изображаютъ его документы. Было бы очень долго разсматривать эти факторы, тѣмъ болѣе, что передавая факты и событія, мы всегда старались объяснить ихъ исторически и отчасти оправдать. Но было бы очень печально, еслибъ мы не вынесли изъ изученія прошлаго казанскаго студенчества ни одного отраднаго впечатлѣнія. Были къ счастію случаи, когда и этимъ столь практическимъ, какъ знаемъ ихъ, юношамъ суждено было проявлять «благіе порывы», когда они могли дѣлаться «рыцарями на часъ». Объ этомъ также свидѣтельствуютъ архивныя дѣла. Студенты оказывали дѣйствительную помощь казанскимъ жителямъ во время частыхъ и опустошительныхъ пожаровъ, которыми Казань была извѣстна до самаго послѣдняго времени. Изъ студентовъ можно было бы образовать превосходную вольную пожарную команду. Мы говоримъ это какъ очевидцы бѣдственныхъ казанскихъ пожаровъ сороковыхъ годовъ, когда студенты дѣйствительно показали себя героями, спасая университетскія зданія, дома и квартиры профессоровъ. Если въ эти сороковые годы, при страшныхъ размѣрахъ пожаровъ и ужасныхъ буряхъ, городская пожарная команда, управляемая полиціей, была не въ состояніи принести никакой существенной помощи, даже защитить отъ открытаго грабительства, этого вѣчнаго спутника русскихъ пожаровъ, если сила пламени превосходила силу полицейской охраны, то въ годы нами описываемые городъ во время большого пожара являлся вполнѣ беззащитнымъ (мы сами видѣли, какъ цѣлая улица, конечно вся состоящая изъ деревянныхъ домовъ, оставленныхъ обитателями, увезшими всѣ свои пожитки, улица совершенно безлюдная, обхватывалась огнемъ отъ дома къ дому, какъ будто они были бумажные, чрезвычайно быстро). Опустошительность казанскихъ пожаровъ зависѣла и отъ характера построекъ, и отъ мѣстоположенія города, и отъ тѣхъ періодическихъ сухихъ бурь, которыя носятся постоянно надъ городомъ въ извѣстное время года, когда именно и случаются сильные пожары (май, конецъ августа и начало сентября). «Городъ Казань, лежащій по ту сторону Волги, составляющей по старому опредѣленію границу Европы и Азіи», говоритъ очевидецъ большого пожара, 3 сентября 1815 года, профессоръ Литтровъ [1]),

---

[1]) „Der Brand von Kasan". Vermischte Schriften. Erster Band. Stuttgart, 1846 S.

«имѣетъ только 50000 жителей, но также обширенъ какъ Вѣна, такъ какъ дома отдѣлены другъ отъ друга садами и даже незастроенными вовсе пространствами. Казалось бы такое расположеніе города должно спасать его отъ опустошительныхъ пожаровъ. Несмотря однако на это, Казань постигло такое пожарное бѣдствіе, какому, сколько мнѣ извѣстно, не подвергался ни одинъ городъ въ теченіе послѣдняго столѣтія, за исключеніемъ Москвы, но тамъ пожаръ длился двѣ недѣли, тогда какъ Казань превратилась въ пепелъ въ какіе нибудь десять часовъ». Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ этого страшнаго бѣдствія; ихъ можно найти у современниковъ [1]). Подробности эти были ужасны (по Литтрову сгорѣло $^7/_{10}$ домовъ, изъ 2500 или около того—1800, въ томъ числѣ и крѣпость, со всѣми каменными домами своими и церквами, несмотря на окружающую ее каменную стѣну). Городъ былъ вполнѣ безпомощенъ; ни остановить разливъ пламени, ни бороться съ нимъ не было никакой возможности. Всѣ помыслы были сосредоточены лишь на личномъ спасеніи или чего-нибудь изъ имущества. Такіе большіе пожары, какіе переживала Казань въ разныя эпохи своего существованія до послѣдняго времени, представляютъ намъ картину полнѣйшей безпомощности. Кто видалъ пожары въ нашихъ селахъ и деревняхъ, три четверти которыхъ происходитъ отъ поджоговъ, тотъ можетъ составить себѣ довольно вѣрное представленіе о прежнихъ казанскихъ пожарахъ и получить понятіе о характерѣ русскаго народа во время общественнаго бѣдствія. Нѣтъ ничего печальнѣе того равнодушія и безучастія, съ которыми собравшаяся толпа смотритъ на чужое бѣдствіе, какъ горятъ чужіе дома, въ то время какъ застигнутые въ расплохъ пожаромъ, хозяева этихъ горящихъ домовъ или выгоняютъ свой скотъ изъ хлѣвовъ или спасаютъ свои бѣдные пожитки. Распространенію пламени полный просторъ. Нѣтъ ни воды, ни топоровъ, ни багровъ и пр., да и не кому было бы дѣйствовать ими при полномъ равнодушіи всѣхъ окружающихъ. Для того, чтобы дѣятельно бороться съ общественнымъ бѣдствіемъ, для того, чтобъ работать и помогать на немъ, необходима извѣстная доля чувства и нравственнаго развитія. Этихъ элементовъ нѣтъ въ нашемъ сельскомъ народѣ. То же самое явленіе повторялось и во время прежнихъ казанскихъ пожаровъ, только нужно прибавить къ нему еще грабежъ подгородныхъ крестьянъ, пользовавшихся общею

---

[1]) Кромѣ Литтрова, довольно вѣрно, хотя и въ общихъ чертахъ, описавшаго видѣнные имъ ужасы въ самый день пожара, и на другой день, когда онъ обошелъ все пожарище, укажемъ на статьи „Казанскихъ Извѣстій“ 1815 года, №№ 71 и слѣд.

сумятицей и наживавшихся во время пожара. Но въ Казани все же мы встрѣтимъ личности, у которыхъ могло проявиться чувство человѣколюбія и побудить ихъ къ дѣятельной помощи ближнему, даже до самоотверженія. Этотъ лучшій, болѣе гуманный, чуждый эгоизма, или на время забывшій его элементъ — были студенты Казанскаго университета. Ихъ дѣйствія на казанскихъ пожарахъ представляютъ свѣтлую страницу въ исторіи казанскаго студенчества. Конечно въ этихъ дѣйствіяхъ не было никакой правильной организаціи; это было увлеченіе, но увлеченіе чистое, человѣческое, какое только бываетъ въ молодости. Это былъ свѣтлый порывъ, свойственный только молодости, но непремѣнно сколько-нибудь затронутой развитіемъ. Случаи, гдѣ дѣйствовали студенты, записаны были Броннеромъ въ его журналѣ. «Сгорѣлъ прекрасный домъ вдовы дворянки по сосѣдству со мною (5 апрѣля 1815 года). Много студентовъ сбѣжалось, чтобъ спасти мои пожитки, если то нужно будетъ» [1]). Нѣсколько прежде этой записи, именно въ октябрѣ 1814 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевъ, фигурирующій въ казанскихъ воспоминаніяхъ Литтрова (см. выше, стр. 129—130), въ отношеніи, присланномъ имъ въ совѣтъ университета, изъявляетъ «искреннѣйшую благодарность» студентамъ за помощь при пожарѣ 23 октября 1814 года. Студенты были собраны и имъ объявлено было это, вмѣстѣ съ благодарностью и отъ совѣта [2]). Но въ особенности энергично, дружно и много дѣйствовали студенты во время большого пожара 3 сентября 1815 года. Броннеръ записалъ въ своемъ журналѣ, что «эта книга» (т. е. журналъ, въ который онъ писалъ), была спасена студентами изъ пламени со всѣмъ его имуществомъ. Упомянувъ о томъ, что студенты постоянно оказывали помощь при казанскихъ пожарахъ и профессорамъ университета, и близкимъ своимъ, и роднымъ, неизвѣстный авторъ статейки, помѣщенной въ мѣстномъ періодическомъ изданіи [3]), говоритъ о студентахъ: «И нынѣ, 3 сентября, они себя таковыми же показали. Въ то время, когда все было въ смятеніи, они старались сберегать имѣніе многихъ профессоровъ, вытаскивали и охраняли оное; не менѣе того оказали дѣятельность также и въ охраненіи нѣкоторыхъ домовъ, защищая ихъ въ ночи отъ огня (пожаръ продолжался съ 10 ч. утра до 8 по полудни), даже и въ самомъ университетскомъ кварталѣ; носили воду, таскали

---

1) Книга о поведеніи, стр. 68б.

2) Дѣло по отношенію д. с. с. Сергѣева о засвидѣтельствованіи благодарности студентамъ за дѣятельность ими оказанную при бывшемъ пожарѣ. *Сов.* 1814 г., № 134.

3) Казанскія Извѣстія, 1815 г., № 81.

доски, были на крышѣ и т. п.; въ томъ числѣ, порадоваться должно, были дѣти или сродственники и знатнѣйшихъ здѣсь особъ и фамилій. Таковыя дѣти всеконечно будутъ всегда вѣрною утѣхою и для сердецъ родителей. Такъ *студенты и не бываютъ только праздными зрителями при пожарахъ несчастіи ближняго*; съ чернію они не стыдятся помогать ближнему; не словами, а дѣломъ не стыдятся, ибо вѣдуютъ по религіи христіанской хорошо, что и самъ Богъ болѣе всѣхъ печется о тваряхъ своихъ и что должно подражать дѣламъ Божіимъ; не стыдятся, *ибо знаютъ примѣры въ иныхъ земляхъ, что тамъ и знатнѣйшія особы при пожарахъ помогаютъ дѣломъ и простыми зрителями не бываютъ. Одушевляемыя чувствомъ вѣры, сердца ихъ къ человѣколюбію подвигаются и просвѣщеніемъ, искореняющимъ предразсудки*». Далѣе современникъ-публицистъ высказываетъ нѣсколько общихъ, но совершенно вѣрныхъ мыслей о значеніи просвѣщенія и его вліяніи на развитіе и успѣхъ страны, но при этомъ требуетъ непремѣнно отличать просвѣщеніе отъ полупросвѣщенія: «для сего стоитъ только посмотрѣть на бѣдной народъ—дикой и на богатый народъ—образованный. Какъ мало слышно у послѣдняго о тѣхъ бѣдствіяхъ (пожарахъ), кои столь часто случаются у перваго!»

Совѣтъ университета въ засѣданіи 17 сентября какъ бы увѣковѣчилъ прекрасную дѣятельность казанскихъ студентовъ на страшномъ пожарѣ 3 сентября. Ректоръ университета доложилъ совѣту *о примѣрной ревности и мужествѣ*, съ каковыми гг. студенты во время большого пожара всѣмъ гг. членамъ университета угрожавшаго (тогда сгорѣли дома Броннера, Брейтенбаха и Вердерамо, но студенты спасли ихъ пожитки; они отстаивали дома и другихъ профессоровъ или вытаскивали ихъ имущество) и даже постороннимъ оказали помощь. Рѣшено было отъ лица ректора и совѣта выдать студентамъ «похвальный листъ» или «аттестатъ». Этотъ документъ, сочиненный по латыни профессоромъ Френомъ, былъ съ разрѣшенія попечителя напечатанъ и, скрѣпленный большою университетскою печатью, выданъ каждому студенту въ общемъ ихъ собраніи, какъ памятникъ ихъ прекрасной дѣятельности на пожарѣ и какъ свидѣтельство того, что они вкусили плодовъ дѣйствительнаго просвѣщенія. Дипломъ этотъ говорилъ о самоотверженіи «совершенно добровольномъ, съ которымъ студенты бросались на помощь («nec erat qui vos cogeret, qui posceret, qui vocaret»), не боясь огня, презирая опасность, упоминалъ, что благодаря энергической дѣятельности студентовъ, ничто принадлежащее профессорамъ и служащее наукѣ не погибло, что къ этому больше всего они стремились («in id omnes intendere nervos, ne quid sarcinarum,

ne quid sacrorum musis instrumentorum flammis his abolitum post hac deplorarent doctores vestri»). Нельзя не согласиться съ тою общею мыслью, присутствующею, какъ въ печатной статьѣ современника, такъ и въ дипломѣ Френа, что только дѣйствительное просвѣщеніе есть источникъ человѣколюбія и дѣятельной помощи ближнему. Пока не просвѣтится дѣйствительно, а не фиктивно только молодое поколѣніе селъ и деревень, до тѣхъ поръ оно будетъ только празднымъ зрителемъ чужого бѣдствія, наводящимъ этимъ равнодушіемъ уныніе и ужасъ на посторонняго зрителя.

Глава XVII.

Неудачныя попытки замѣщенія вакантныхъ каѳедръ.—Профессоры опредѣленные въ послѣдніе два года жизни Румовскаго, до открытія университета: 1) Іоаннъ Михаилъ Томасъ (Иванъ Григорьевичъ), ординарный профессоръ всемірной исторіи, статистики и географіи (1810—1819); 2) Адамъ Ивановичъ Арнгольдъ, экстраординарный профессоръ хирургіи и повивальнаго искусства (1812—1814); директоръ тобольскихъ училищъ (1815—1817); ординарный профессоръ хирургіи (1817—1819); 3) Іосифъ Христофоръ (Осипъ Христофоровичъ) Ренардъ, адъюнктъ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности (1812—1817); 4) Филиппъ Леонтьевичъ Брейтенбахъ, ординарный профессоръ технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ (1812—1819); 5) Александръ Степановичъ Лубкинъ, ординарный профессоръ умозрительной и практической философіи (1812—1815); 6) Г. Н. Городчаниновъ, ординарный профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, возвратившійся въ Казань (1811—1819).

Въ первые годы по основаніи Казанскаго университета попечителю Румовскому довольно скоро удавалось замѣщать каѳедры, и уже въ 1810 году почти большинство факультетскихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, были заняты. Преподавали на нѣкоторыхъ весьма достойные ученые нѣмецкіе, имена которыхъ извѣстны почетнымъ образомъ въ исторіи европейской науки, и хотя именно эти-то лучшіе люди недолго оставались въ Казани, и одинъ за другимъ переселялись или на родину, или въ такія мѣста, гдѣ было больше простора и удобствъ для ихъ научной дѣятельности, но они, въ особенности математики, оставили учениковъ въ Казани, слѣдовательно живую и продолжительную память о себѣ. Въ это первое время было нѣсколько благопріятныхъ условій для того, чтобы дѣльные германскіе ученые сами искали профессорскихъ каѳедръ въ отдаленной Казани. Первые, реформаторскіе годы цар-

ствованія императора Александра I, когда власть желала такъ много сдѣлать для просвѣщенія страны, когда громко сознавались ею недостатокъ просвѣщенія и необходимость науки, гуманныя идеи молодого государя, его стремленія къ законности, его уваженіе къ знанію вызывали сочувствіе мыслящихъ людей Европы. Они привѣтствовали пробужденіе цѣлой обширной и великой страны, казалось, жаждавшей новой и лучшей жизни. И это было въ то время, когда Германія стонала подъ гнетомъ Наполеона и почти теряла свою самостоятельность. При такихъ условіяхъ было естественно переселеніе лучшихъ людей науки въ малоизвѣстную, но привлекательную по новымъ ея условіямъ страну. Румовскому легко удавалось замѣщать въ началѣ университета пустующія каѳедры; онъ могъ даже иногда дѣлать и выборъ. Но прошли годы. Старый попечитель еще болѣе состарѣлся и его прежняя энергія ослабѣла, да наконецъ изъ донесеній, изъ писемъ и изъ сообщеній близкихъ къ нему лучшихъ профессоровъ, онъ догадался, что предполагавшаяся имъ возможною передача науки студентамъ Казанскаго университета на языкѣ латинскомъ, котораго они совсѣмъ не знали, или на родномъ языкѣ профессора—совершенно немыслима, и что большія ожиданія пользы отъ ученыхъ иностранныхъ профессоровъ не оправдались. Время измѣнило многое и у ученыхъ германскихъ, которыхъ прежде манила карьера въ молодой, пробужденной къ умственной жизни странѣ, можетъ быть потому что самыя историческія условія измѣнились, а можетъ быть и вслѣдствіе сообщеній изъ Казани соотечественниковъ, охота къ переселенію въ далекій, за границу Европы лежащій городъ пропала. Румовскому пришлось искать около себя, пользоваться тѣми людьми, которые были подъ руками. Но эти случаи были и рѣдки, и не могли быть удовлетворительными. Часто надежда замѣстить каѳедру обманывала. Въ 1810 году, на которомъ мы остановились, въ медицинскомъ факультетѣ было всего два профессора: Браунъ и Эрдманъ, и приготовленіе медиковъ, особенно нужныхъ для войска, было немыслимо. Въ это время упразднялось московское отдѣленіе Медико-хирургической академіи и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, указалъ на возможность пополнить незамѣщенныя въ Казани медицинскія каѳедры изъ этого источника. Румовскій и обратился къ начальству академіи съ предложеніемъ: «не согласятся ли нѣкоторые изъ *читающихъ лекціи на россійскомъ языкѣ* занять свободныя въ Казани каѳедры»? Прежде Румовскій требовалъ отъ кандидата на каѳедру и солидныхъ сочиненій, и извѣстности въ ученомъ мірѣ. Теперь онъ уже не могъ предъявлять такихъ требованій. «Ежели изъ гг. профессоровъ никто не пожелаетъ

вступить въ Казанскій университетъ», писалъ онъ, «то покорно прошу увѣдомить: нѣтъ ли между учащимися въ академіи такихъ, *кои въ ученомъ свѣтѣ ни сочиненіями по медицинскимъ наукамъ, ни по преподаваемымъ въ оныхъ наставленіямъ, будучи еще неизвѣстны*, восхотѣли бы вступить въ Казанскій университетъ, подвергнувъ себя испытанію, сообразному той степени, на какую поступить желаютъ». Вслѣдствіе этого письма экстраординарный профессоръ московскаго отдѣленія Медико-хирургической академіи, докторъ медицины и хирургіи *Мироновичъ* изъявилъ желаніе занять каѳедру хирургіи. Опредѣленіе его однакоже не состоялось, вѣроятно потому, что Румовскій началъ переписку съ другимъ лицомъ. Теперь искатели каѳедръ сами уже начали обращаться къ попечителю, ища мѣстъ.

Въ августѣ 1810 года обратился письменно къ Румовскому нѣкто *Венцеславъ Ганаузеккъ* (Hanausegg), докторъ медицины и коллежскій ассесоръ, врачъ Екатеринбургскаго мушкатерскаго полка въ Оренбургѣ. Онъ искалъ каѳедры по materia medica (врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности — по уставу 1804 года). Этотъ претендентъ на каѳедру былъ родомъ чехъ, первоначальное (гимназическое) образованіе получилъ въ Прагѣ, а медицину изучалъ въ теченіе пяти лѣтъ въ Вѣнѣ. Три года онъ получалъ русскую стипендію по 1000 р., выхлопотанную ему русскимъ посланникомъ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, который и принялъ его на русскую службу; а потомъ, послѣ экзамена въ С.-петербургской медико-хирургической академіи, онъ получилъ степень доктора медицины. По его словамъ, ему было 39 лѣтъ; онъ говорилъ на языкахъ: чешскомъ, рутенскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ. «Принужденный вести жизнь на границѣ съ кочевниками (in loco nomadibus confini vitam degere), не имѣя возможности слѣдить за успѣхами науки, Ганаузеккъ весьма желалъ бы перейти на службу въ Казанскій университетъ и просилъ о томъ, приложивъ одобрительный аттестатъ о службѣ отъ своего начальника, дивизіоннаго доктора. Румовскій, немедленно по полученіи этого письма, представилъ о Ганаузеккѣ министру, указывая на то, что врачебное отдѣленіе въ Казани имѣетъ только двухъ профессоровъ; «наполнить прочія каѳедры, сколько я ни прилагалъ старанія», писалъ попечитель, «я не могъ; онѣ остаются праздны». Румовскій въ особенности цѣнилъ этого кандидата потому, что «будучи родомъ изъ Богеміи, въ продолженіе службы своей пріобрѣлъ довольное знаніе россійскаго языка для преподаванія наставленій». Онъ испросилъ у министра разрѣшенія предложить искомую каѳедру Ганаузекку и, получивъ его,

не теряя времени, увѣдомилъ кандидата о томъ прося его поторопиться увольненіемъ изъ полка (12 сентября 1810 года). Отвѣта долго не было, и Румовскій безпокоился. «По сіе время не имѣю я отвѣта отъ доктора въ Оренбургѣ находящагося», писалъ онъ (8 декабря, 1810 г.) къ Яковкину. «Кажется, что *неприлично, чтобы цѣлый факультетъ составляли два только человѣка*. Не имѣете ли вы случая или средства навѣдаться о причинѣ его молчанія». Изъ письма Ганаузекка отъ 4 января 1811 года оказалось однако, что медицинская экспедиція военнаго департамента отказалась уволить его «по недостатку лѣкарей въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ» для поступленія въ вѣдомство Казанскаго университета, развѣ господину министру народнаго просвѣщенія угодно будетъ самому снестить по сему предмету съ г. военнымъ министромъ». Румовскій и просилъ министра о такомъ ходатайствѣ съ его стороны. Не знаемъ, принималъ ли графъ Разумовскій въ этомъ дѣлѣ личное участіе, но Ганаузеккъ каѳедры не получилъ.

За годъ до смерти перваго профессора по каѳедрѣ умозрительной и практической философіи—Фойгта, искалъ ее занять докторъ правъ и философіи Эргардъ Готтлибъ *Стекъ*, или Штекъ (Steck). Въ доказательство знаній своихъ онъ представилъ два сочиненія: одно, напечатанное въ Ригѣ въ 1805 году: «Начертаніе исторіи философіи (Die Geschichte der Philosophie, I-er Thl. Die Weltweisheit der Alten»), а другое рукописное латинское изъ области права: «De principiis successionis legitimae ex indole juris Romani Germanicique commentatio». Прочитавъ эти сочиненія, Румовскій нашелъ въ нихъ, по его словамъ, обширныя свѣдѣнія и знаніе греческаго языка. «Изъ личнаго знакомства я убѣдился», писалъ онъ, «что университетъ получитъ въ немъ «*человѣка тихаго и кроткаго нрава, и что для университета драгоцѣннѣе, могущаго преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ*». Стекъ служилъ консулентомъ въ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Получивъ извѣстіе о смерти Фойгта, Румовскій предложилъ Стеку освободившуюся каѳедру. Стекъ 14 августа 1811 года изъявилъ[1] свое согласіе и писалъ, что черезъ четыре недѣли онъ совершенно освободится отъ многихъ порученныхъ ему дѣлъ, но на другой день, 15 августа, онъ уже отказался, ссылаясь именно на эти дѣла и на невозможность передать ихъ кому-либо другому. Стекъ писалъ свои письма по русски, но этотъ русскій языкъ изобличалъ въ немъ только нѣмца.

Какіе странные искатели каѳедръ появлялись въ то время, можно видѣть изъ сохранившагося письма какого-то Андрея Андреева, жившаго въ Казани въ собственномъ домѣ, въ приходѣ Грузин-

ской Божіей Матери. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и дослужился до чина коллежскаго совѣтника. Всѣ его отношенія къ Румовскому состояли въ томъ, что онъ когда-то учился у него математикѣ въ «артиллерійскомъ инженерномъ (?)» шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1779 году оставилъ службу въ этомъ корпусѣ и по 1805 годъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ; «опытами и прилежаніемъ пріобрѣлъ свѣдѣнія *о порядкѣ дѣлопроизводствъ разнаго рода въ присутственныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи»*. Послѣдняя служба его была въ званіи оберъ-секретаря въ комитетѣ для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на рѣшенія правительствующаго сената. Это былъ очевидно практическій юристъ, но письмо его свидѣтельствуетъ о полной безграмотности. Въ Казань онъ пріѣхалъ въ 1811 году для образованія двухъ малолѣтнихъ сыновей, привлеченный «славою о порядкѣ и способахъ ученія въ Казанскомъ университетѣ и гимназіи»—и въ надеждѣ помѣстить ихъ на казенное содержаніе. Не имѣя никакого понятія о наукѣ, не справляясь даже съ уставомъ университета, этотъ искатель каѳедры одновременно (мартъ 1812 года) подалъ прошеніе министру народнаго просвѣщенія и написалъ письмо къ попечителю о помѣщеніи его въ Казанскій университетъ для *преподаванія практическаго порядка всѣхъ употребляемыхъ въ Россіи судопроизводствъ* (?). Прошеніе и письмо остались безъ послѣдствій.

Кандидатомъ на вакантную каѳедру всемірной исторіи, географіи и статистики послѣ оставившаго ее адъюнкта Миллера, уѣхавшаго въ ноябрѣ 1809 года директоромъ училищъ въ Иркутскъ, явился вскорѣ *Томасъ*, Іоаннъ Михаилъ, или Иванъ Григорьевичъ, какъ его звали въ Казани. Выписывать этого кандидата издалека—надобности не было. Онъ жилъ въ самой Казани и оттуда обратился письмомъ, сначала къ Румовскому (7 марта 1810 года), а послѣ уже, не получая никакого отъ него отвѣта, къ министру графу Разумовскому (25 сентября 1810 года). Письмо имъ полученное министръ препроводилъ къ попечителю вмѣстѣ съ небольшою латинскою рукописною статьею или, какъ называлъ ее авторъ, диссертаціею на 39 разгонисто писанныхъ крупнымъ почеркомъ страницахъ въ малую четвертку: «Animadversiones nonnullae in historiam universalem scribendam, addiscendam et docendam». Сочиненіе это было написано въ томъ же 1810 году, когда Томасъ сталъ искать каѳедры въ Казанскомъ университетѣ и, сколько мы знаемъ, было его единственнымъ трудомъ. Министръ поручилъ Румовскому разсмотрѣть эту диссертацію и въ случаѣ, если искатель найденъ будетъ способнымъ, представить его для опредѣленія.

Томасъ не былъ конечно коренныиъ казанскимъ жителемъ, но какъ человѣкъ, получившій образованіе въ германскихъ университетахъ, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ близкія отношенія къ нѣмецкимъ профессорамъ, которые и посовѣтовали ему искать каѳедры. Изъ его писемъ мы узнаемъ и нѣкоторыя біографическія данныя о немъ. Томасъ родился въ 1770 году въ Кобургѣ, въ верхней Саксоніи. Прослушавши послѣ кобургской гимназіи лекціи въ университетахъ Гальскомъ и Іенскомъ, Томасъ, по его объясненію, не имѣя средствъ для того, чтобъ получить желаемую имъ академическую степень «comme mes moyens se refusaient au désir, que j'avais de prendre un grade académique»), Томасъ сдѣлался въ 1792 году на родинѣ кандидатомъ теологіи. Съ этого года Томасъ, какъ это обыкновенно водилось съ молодыми, не выдающимися ничѣмъ людьми, пока не откроется какое-либо мѣсто, сдѣлался домашнимъ учителемъ и въ этомъ званіи провелъ нѣсколько лѣтъ въ Франконіи, Швейцаріи и наконецъ въ Лифляндіи. Здѣсь, именно въ Дерптѣ, онъ былъ выбранъ въ пасторы-дьяконы и конректоры училища. Но доходы съ этой должности были, по словамъ его, слишкомъ недостаточны для содержанія семьи (Томасъ былъ женатъ и имѣлъ уже сына), а потому онъ въ слѣдующемъ году рѣшился принять мѣсто гувернера или воспитателя сына казанскаго помѣщика, надворнаго совѣтника и дѣйствительнаго камергера Мусина-Пушкина [1]). Въ этомъ домѣ Томасъ пробылъ 7 лѣтъ и девять мѣсяцевъ. Воспитаніемъ Мусина-Пушкина и тѣмъ, что его воспитанникъ получилъ «блестящій аттестатъ» («un certificat brillant») отъ испытательнаго комитета (для чиновниковъ) Казанскаго университета, Томасъ очень гордился. По окончаніи воспитанія будущаго казанскаго попечителя, уѣхавшаго на службу въ Петербургъ, Томасъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ другому богатому казанскому помѣщику Алексѣю Ѳедоровичу Моисееву. Придавая большое повидимому значеніе для полученія каѳедры тому, что въ теченіе 19 лѣтъ былъ воспитателемъ молодыхъ людей, Томасъ выставляетъ также свое знаніе различныхъ языковъ: онъ свободно говоритъ по латыни, по французски и по нѣмецки и сдѣлалъ уже довольно успѣховъ въ языкѣ русскомъ «pour ne pas jouer un personnage muet dans des compangnies russes et pour être en état de m'énoncer devant mes auditeurs en leur langue maternelle, au cas qu'il plût à Votre Excellence de me l'ordonner». Въ заключеніе письма Томасъ увѣряетъ Румовскаго, что онъ не найдетъ никого другого, кто бы, подобно ему, такъ привыкъ къ казанскому

---

[1]) Это былъ отецъ столь извѣстнаго впослѣдствіи попечителя Казанскаго и С.-Петербургскаго учебныхъ округовъ.

климату и былъ поэтому въ состояніи исполнять обязанности по должности профессора. У него отличное здоровье: «Ma santé pendant 8 ans, n'a reçu aucune atteinte du climat de Kazan, ordinairement si redoutable pour les étrangers nouvellement arrivés». Наконецъ Томасъ указываетъ и на то, что онъ пользуется довѣріемъ дворянства.

Румовскій конечно весьма обрадовался такому профессору, за которымъ не было надобности отправляться за море. Онъ не справлялся даже о личности Томаса у своего постояннаго казанскаго корреспондента, которому довѣрялъ. О сочиненіи Томаса попечитель отозвался самымъ лестнымъ образомъ. Онъ цѣнилъ его особенно за то достоинство, что не было въ немъ лишней учености. «Диссертацію его читалъ я дважды съ надлежащимъ вниманіемъ», пишетъ онъ въ своемъ представленіи министру, «и нахожу, что предложенія его о преподаваніи и сочиненіи всеобщей исторіи основательны, что мысли его здравы и во многомъ согласны съ мнѣніемъ другихъ писателей, изображены ясно и чистымъ латинскимъ языкомъ. По недостатку профессоровъ при Казанскомъ университетѣ, знающихъ россійскій языкъ, вмѣняю я г. Томасу и *то въ немалое достоинство, что онъ въ состояніи лекціи преподавать на россійскомъ языкѣ* (Румовскій лично не зналъ Томаса и вѣрилъ ему на слово) *съ лучшимъ успѣхомъ, нежели какой-нибудь глубокомысленный критикъ на иностранномъ языкѣ»* [1]). Но всего дороже попечителю въ этомъ кандидатѣ на профессуру былъ его личный характеръ, о которомъ сообщалъ Томасъ въ своемъ письмѣ, вѣроятно справившись о вкусахъ Румовскаго. Приведя въ своемъ представленіи министру объ утвержденіи Томаса ординарнымъ профессоромъ слѣдующее мѣсто изъ письма его: «De plus, comme j'ai mis l'étude de ma vie à vivre en bonne harmonie avec tout le monde et à éviter soigneusement tout ce qui pourrait blesser ou offenser les autres, j'espère qu'avec des sentiments si paisibles je ne manquerais pas de gagner la confiance et l'amitié de messieurs collègues futurs», Румов-

---

[1]) Безъ сомнѣнія Румовскому понравилось особенно слѣдующее мѣсто въ сочиненіи Томаса: „Professor igitur, omni evitata prolixitate, copiosiorem rerum expositionem historiae particulari relinquat. Sed ut aureum illud praeceptum: ne quid nimis! rarissime a mortalibus observatur, ita et historiae professores saepissime in id peccant, cum imperiti, tum et periti. Illi, omnibus, quae annalibus consignata legunt, pro gravibus habitis, nunquam ad finem perveniunt. Hi vero saepe, nimio incensi amore in nonnullas haud raro parvi momento materias, quas multo ruminarunt, aut de quibus ipsi libros composuerunt, animo paterno resistere nequeunt, quin omnia de ista re cogitata minutatim auditoribus enarrent. Quo vitio doctissimi professores imprimi laborare solent, cum minus ad auditorum commoda spectent, quam gloriae studio inser-

скій говоритъ: «въ короткое время попечительства моего, *и недавно* я испыталъ колико нужно таковое качество для спокойствія всего сословія и смѣю сказать для моего».

Томасъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ 19 декабря 1810 года. Въ засѣданіи совѣта 25 января слѣдующаго года, новый профессоръ заявилъ, что *всеобщую исторію* онъ будетъ преподавать по напечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1799 году книгѣ: «Всемірная исторія въ трехъ частяхъ», *географію* по Gatterer, «Kurzer Begriff der Geographie», а *статистику* по *Meusel*, «Lehrbuch der Statistik». Руководства эти не перемѣнялись во все время служенія Томаса профессоромъ. Это не былъ ученый, который могъ бы слѣдить за развитіемъ своей науки и усвоить ея успѣхи. Преподаваніе его едва-ли приносило пользу, и даже неизвѣстно были-ли у него слушатели, знаніе же русскаго языка, чѣмъ былъ такъ доволенъ Румовскій, не было на столько сильно, чтобъ онъ могъ читать на немъ лекціи. Главная цѣль его—добиться спокойнаго мѣста профессора и жалованья, которое обезпечивало бы жизнь его и семьи, была достигнута. Тѣмъ драгоцѣннымъ нравственнымъ свойствамъ, которыя такъ высоко ставилъ Румовскій въ своемъ донесеніи о немъ министру: любви къ тишинѣ и миролюбію Томасъ не измѣнялъ во все время своей службы. Онъ не искалъ ничего, да и не ссорился ни съ кѣмъ. Остался онъ также и учителемъ домашнимъ у помѣщика Моисеева и лѣтнія вакаціи проводилъ въ его селѣ Черемышевѣ. Какъ профессоръ всеобщей исторіи, предмета не спеціальнаго, Томасъ, немедленно послѣ своего опредѣленія, сдѣлался членомъ экзаменаціоннаго для чиновниковъ комитета и оставался имъ до 1815 года; три года 1811—1814 онъ былъ членомъ училищнаго комитета, но и въ томъ и другомъ комитетѣ дѣятельность его не имѣла ничего выдающагося.

И самъ Томасъ, не подражая въ этомъ случаѣ большинству своихъ сослуживцевъ, отказывался отъ разныхъ другихъ должно-

---

viant. Quare saepius accidit, eruditissimorum deserta, minus vero celebrium, sed sedulo agentium, quod ad rem pertinet, auditoria stipata esse studiosis"— p. 24—25. Такимъ образомъ Томасъ не былъ ученымъ и на лекціяхъ желалъ быть занимательнымъ, увлекать своимъ предметомъ: иного и нельзя было ожидать отъ домашняго учителя или гувернера, какіе были воспитателями въ то время въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ. Чтобы сказалъ Магницкій о Томасѣ, еслибъ прочиталъ въ его диссертаціи похвалу „славному во всемъ мірѣ Вольтеру“, который говорилъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть авторомъ скучной книги: „Toto orbe celebris Voltarius nihil pejus cognovit, quam libri taediosi esse auctorem“—p. 38. Томасъ желалъ быть популярнымъ.

стей по университету, даже если онѣ соединялись съ матеріальною выгодою. Такъ, въ августѣ 1812 года, когда профессоръ Фуксъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности члена гимназической конторы, въ которой все время до открытія университета сосредоточивались денежныя и хозяйственныя дѣла, и попечитель предложилъ совѣту вмѣсто Фукса для управленія экономическою частью университета, пока не образуется университетское правленіе, выбрать другого члена, совѣтъ выбралъ Томаса. Въ засѣданіи совѣта, въ которомъ происходилъ этотъ выборъ, Томасъ не участвовалъ и, узнавъ, что донесеніе о немъ уже отправлено для утвержденія, немедля послалъ письмо къ министру, отказываясь отъ должности члена конторы. Онъ писалъ, что выборъ этотъ сдѣланъ въ его отсутствіе и безъ его согласія, что онъ совершенно незнакомъ съ хозяйственными дѣлами и что онъ очень занятъ своею профессорскою должностью. Министръ согласился съ доводами Томаса и вмѣсто него назначилъ Арнгольда. Въ другой разъ, уже въ 1814 году, когда выбирали въ совѣтѣ, послѣ Брауна, избраннаго ректоромъ, инспектора студентовъ и больше избирательныхъ шаровъ оказалось въ пользу Броннера, отказывавшагося отъ этой должности по незнанію русскаго языка, вмѣсто него избранъ былъ отсутствовавшій снова въ засѣданіи Томасъ. И на этотъ разъ, поблагодаривъ членовъ совѣта за честь, оказанную ему выборомъ, Томасъ также отказался, ссылаясь на то, что онъ недовольно еще знаетъ русскій языкъ, что «не имѣлъ случая въ другихъ университетахъ научиться надзиранію надъ студентами», и наконецъ потому, что у него есть свой домъ, а будучи испекторомъ, ему пришлось бы жить въ университетѣ.

Въ октябрѣ 1816 года Томасъ вошелъ однако самъ въ совѣтъ университета съ просьбою о дозволеніи занять ему постороннюю должность, которая была ему вполнѣ по наклонностямъ. Нѣмецкое евангелическо-лютеранское общество, въ виду преклонныхъ лѣтъ тогдашняго пастора, предложило Томасу, по отставкѣ его, быть пасторомъ. Томасъ, несшій эти обязанности въ Дерптѣ, принялъ предложеніе, но съ условіемъ, если начальство дозволитъ ему сохранить съ званіемъ пастора и профессорскую должность. Ходатайствуя у совѣта объ этомъ дозволеніи, Томасъ объяснялъ, что ему будетъ удобно соединить обѣ должности, что обязанности пастора будутъ отвлекать его только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, а небольшія поѣздки для исправленія должности проповѣдника могутъ быть легко дѣлаемы во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не встрѣтилъ препятствій къ удовлетворенію просьбы Томаса и же-

ланія казанскаго лютеранскаго общества. Онъ былъ опредѣленъ «дивизіоннымъ проповѣдникомъ» (Divisions Prediger» [1]). Вѣроятно потому что пасторомъ былъ ординарный профессоръ университета и членъ училищнаго комитета, директоръ симбирскихъ училищъ не нашелъ съ своей стороны затрудненія удовлетворить желаніе симбирскаго лютеранскаго общества и представить ходатайство въ совѣтъ университета о дозволеніи этому обществу, въ воскресные и табельные дни, до выстройки церкви, отправлять богослуженіе свое въ залѣ дома симбирской гимназіи принадлежащаго, съ тѣмъ, что оно принимаетъ на себя отопленіе въ зимнее время и отвѣтственность за всякое могущее произойти поврежденіе. Это было разрѣшено въ октябрѣ 1818 года министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ разъ Симбирскъ по обязанностямъ пастора, Томасъ сдѣлалъ визитъ директору училищъ Гапонову. «Не смотря на мои слова, что я не имѣю никакого порученія отъ университета для осмотра гимназіи», доноситъ Томасъ совѣту въ маѣ 1819 года, «директоръ, не обращая вниманія на мое сопротивленіе, повелъ меня (me quasi reluctantem duxit) по классамъ гимназіи и въ моемъ присутствіи спрашивалъ изъ ариѳметики, всеобщей исторіи, латинскаго языка и русской словесности. На всѣ вопросы ученики отвѣчали чрезвычайно скоро и все прочее въ гимназіи нашелъ я въ добромъ порядкѣ». Это счелъ своимъ долгомъ донести совѣту Томасъ, особенно хваля изъ присутствовавшихъ и видѣнныхъ имъ учителей—Скворцева. Совѣтъ постановилъ объявить директору, а равно и учителямъ, «и преимущественно г. Скворцеву», благодарность за «найденное по учебной и хозяйственной части хорошее устройство».

Отъ должности профессора Томасъ былъ уволенъ въ августѣ 1819 года вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами, тотчасъ послѣ ревизіи Магницкаго. Какія обвиненія собственно противъ него, кромѣ только того, что онъ былъ, подобно большинству, нѣмецъ, могъ выставить ревизоръ—не знаемъ. Пасторомъ Томасъ оставался также недолго. Тотъ же князь Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который опредѣлилъ его, 27 февраля 1822 года, уволилъ его согласно прошенію. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

---

[1]) Это названіе происходитъ отъ того, что казанскій лютеранскій пасторъ получаетъ содержаніе изъ военнаго вѣдомства и находится въ зависимости отъ него.

Въ 1812 году была замѣщена одна изъ вакантныхъ каѳедръ медицинскаго факультета, гдѣ, какъ мы знаемъ, было очень мало профессоровъ. Кандидатомъ на эту каѳедру явился медико-хирургъ, служащій при казанскомъ адмиралтействѣ Адамъ Ивановичъ *Арнгольдъ* [1]). Надобно думать, что это былъ петербургскій, уже обрусѣвшій, нѣмецъ. Былъ онъ сыномъ пріѣхавшаго въ Россію ювелира и учился первоначально практически въ какой нибудь петербургской аптекѣ. Въ 1804 году, лѣтъ 19 отъ роду, Арнгольдъ поступилъ «по охотѣ» изъ провизоровъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ и учился съ небольшимъ года три, переходя изъ класса въ классъ съ наградами, состоящими изъ книгъ, какъ значится въ его формулярѣ. Въ августѣ 1807 года Арнгольдъ, въ званіи *кандидата медико-хирургіи*, опредѣленъ въ С.-Петербургскій морской госпиталь и въ томъ же году получилъ высочайшую награду по представленію конференціи академіи «за превосходное производство разныхъ важнѣйшихъ операцій въ хирургической клиникѣ» (формуляръ писанъ самимъ Арнгольдомъ). Въ ноябрѣ 1808 года произведенъ въ лѣкари и опредѣленъ въ балтійскій корабельный флотъ; 1809 году произведенъ въ старшіе лѣкари, а въ 1811 году—въ медико-хирурги, а за годъ до того, именно 19 ноября 1810 года, опредѣленъ къ казанскому адмиралтейству. По словамъ того же curriculum vitae, написаннаго самимъ Арнгольдомъ и названнаго имъ почему-то формуляромъ, онъ изобрѣлъ (?) инструментъ для особенныхъ операцій—*горжеретъ* (Gorgeret) *съ подвижнымъ путеводителемъ и иглу желобоватую для аневризмы*. Наконецъ Арнгольдъ указываетъ и на свой литературный трудъ: переводъ сочиненія Лангенбека: «О производствѣ операцій камнесѣченія», къ чему сдѣлалъ свои прибавленія и примѣчанія. Переводъ этотъ не былъ однако напечатанъ, но служилъ доказательствомъ, что Арнгольдъ владѣлъ русскимъ языкомъ, хотя и писалъ на немъ неправильно. Румовскій былъ доволенъ, найдя такого медика для университета.

Попечитель лично зналъ Арнгольда въ то время, какъ послѣдній служилъ въ Петербургѣ, но какого рода было это знакомство—намъ неизвѣстно. Въ припискѣ къ первому письму Арнгольда изъ Казани Румовскому, жена его называетъ попечителя «милостивымъ благодѣтелемъ». Самъ Арнгольдъ въ письмахъ свидѣтельствуетъ

---

[1]) Фамилія его по нѣмецки пишется Arnholdt, по русски же и пишется и печатается разнообразно: Арнголдтъ, Арнголдъ, Арнгольдтъ и Арнгольдъ. Такъ какъ въ послѣдней формѣ это имя уже упоминалось и печаталось нами, то мы и удерживаемъ ее.

глубочайшее почтеніе женѣ попечителя Аграфенѣ Яковлевнѣ и проситъ поцѣловать за него «милую Анниньку» (вѣроятно дочь попечителя). Безъ сомнѣнія, по порученію Румовскаго, Арнгольдъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, посѣтилъ Яковкина. «Въ субботу по утру въ первый разъ посѣтилъ меня г. медико-хирургъ Адамъ Ивановичъ Арнгольдъ», пишетъ онъ попечителю, «а въ воскресенье вечеръ провелъ у насъ и съ женою своею, осматривалъ ужинный столъ студентовъ и питомцевъ. Онъ снова увѣрялъ меня въ отеческомъ в. п. ко мнѣ благорасположеніи, котораго заслуживать и быть достойнымъ поставляю я себѣ всегда священнѣйшею обязанностію» (6 февр. 1811 г.). Можно думать, что знакомство съ Яковкинымъ было указано Арнгольду еще въ Петербургѣ самимъ попечителемъ; но мысль пристроить себя къ Казанскому университету въ званіи преподавателя одной изъ медицинскихъ спеціальныхъ наукъ возникла въ Арнгольдѣ самостоятельно. Оглядѣвшись въ Казани, онъ узналъ въ какомъ неопредѣленномъ и печальномъ положеніи находилось дѣло медицинскаго преподаванія въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ было только два профессора медика. Какъ человѣкъ ловкій и искательный, какимъ мы знаемъ его, онъ гораздо больше думалъ о выгодной практикѣ, чѣмъ о наукѣ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ безкорыстныхъ благодѣтелей человѣчества, какіе все рѣже и рѣже появляются въ сословіи медиковъ, и очень скоро понялъ матеріальныя выгоды положенія клиническаго профессора при тогдашнемъ всеобщемъ недостаткѣ медиковъ, и значительную по тому времени разницу въ содержаніи получаемомъ медикомъ при какомъ-то казанскомъ адмиралтействѣ и профессоромъ университета.

Еще прежде визита своего къ Яковкину, которымъ онъ сондировалъ почву, Арнгольдъ, ссылаясь на «милостивое расположеніе» попечителя къ нему и къ его женѣ, уже прямо обращается къ Румовскому съ просьбою объ опредѣленіи его въ университетъ. «Безчисленные множества юношей (сохранимъ на этотъ разъ, чтобъ показать степень его знакомства съ русскимъ языкомъ, его правописаніе) прославляютъ высокое имя в. п., яко благотворца своего, благодарятъ своимъ образованіемъ и счастіемъ. Я, будучи *преданъ пламеннымъ рвеніемъ къ наукамъ* (?), прибѣгаю къ покровителю оныхъ, къ в. п. и прошу принять меня въ ваше начальство, удостоить высокаго вашего покровительства. При Казанскомъ университетѣ имѣется ваканція адъюнкта хирургіи. Я занимался всегда наиболѣе сею частью медицины и съ удобностью таковую должность исполнить могу. Находясь при казанскомъ адмиралтействѣ, имѣю слишкомъ много времени для исполненія онаго (слѣдователь-

но Арнгольдъ разсчитывалъ совмѣстить обѣ должности). Почему покорнѣйше прошу в. п. помѣстить меня на помянутую ваканцію по штатному положенію» (14 янв. 1811 года). Черезъ недѣлю послѣ перваго письма своего и перваго знакомства съ Арнгольдомъ, Яковкинъ сообщаетъ уже попечителю, что этотъ искатель каѳедры снова посѣтилъ его и говорилъ *о предположеніи самого попечителя* пристроить его и при университетѣ по части хирургической. «Рѣшеніе его участи зависитъ отъ благорасположенія в. п.», писалъ директоръ, «особливо, что онъ, живучи въ самомъ городѣ Казани (а не въ Адмиралтейской слободѣ), свободно и удобно можетъ отправлять должность и въ университетѣ» (13 февр.). Попечитель однако не соглашался на то, чтобъ Арнгольдъ совмѣстилъ свое адъюнктство въ университетѣ съ должностью военнаго врача при адмиралтействѣ. «Изъ аттестата г. Арнгольда я заключаю, что полезно бы было пріобщить его адъюнктомъ къ университету по части хирургіи», писалъ онъ Яковкину, «но я напередъ скажу, что графъ (министръ просвѣщенія) не инако согласится принять его адъюнктомъ, какъ чтобы получилъ увольненіе отъ настоящей должности, точно такъ какъ случилось съ докторомъ Ганаузеккомъ, который по сіе время тщетно просилъ объ увольненіи» (9 марта, 1811 года). Это было объявлено Яковкинымъ претенденту, «но онъ никакъ не надѣется получить увольненіе отъ врачебнаго начальства», писалъ директоръ, «а полагалъ было, кажется, быть вмѣстѣ и при адмиралтейской конторѣ, и при университетѣ. Впрочемъ обстоятельства лучше покажутъ, какимъ образомъ помочь ему будетъ возможно» (27 марта, 1811 года).

Не ранѣе какъ черезъ годъ послѣ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ Арнгольдомъ для полученія мѣста адъюнкта въ Казанскомъ университетѣ, ему удалось достигнуть предположенной цѣли. Для этого онъ долженъ былъ съѣздить въ Петербургъ, лично хлопотать о своемъ назначеніи и отказаться отъ возможности совмѣстить двѣ должности и два жалованья. За то онъ былъ опредѣленъ (29 февр. 1812 г.) уже не адъюнктомъ, а экстраординарнымъ профессоромъ хирургіи и повивальнаго искусства, что приносило тогда 1200 рублей жалованья и 500 руб. квартирныхъ, до назначенія казенной квартиры. Мы не знаемъ подробностей его поѣздки въ Петербургъ вѣроятно въ самомъ началѣ 1812 года, но знаемъ, что до своего опредѣленія, Арнгольдъ, въ первый же годъ пребыванія своего въ Казани, старался различными способами рекламировать себя и свое врачебное искусство. Такъ непосредственный начальникъ Арнгольда капитанъ командоръ Перелешинъ, въ оффиціальномъ письмѣ своемъ на имя Яковкина (14 апрѣля 1811 г., № 1369), пишетъ, что опре-

дѣленный недавно къ казанскому адмиралтейству медико-хирургъ Адамъ Арнгольдъ изъяснилъ ему рапортомъ, что «онъ Россіи, *сему любезному отечеству* (?), обязанъ своимъ образованіемъ и въ благодарность того, желая оказать свое усердіе въ помощи страждущимъ болѣзнями, паче наружными, какъ то: глазами, каменною и прочими, требующими къ изцѣленію операціи каждаго рода, предлагаетъ бдительную въ томъ свою услугу къ изцѣленію ихъ, *не взирая на состояніе и корысть*, почему и проситъ объ ономъ распубликовать». Изъ этого же письма Перелешина мы узнаемъ, что находившійся тогда въ Казани для набора рекрутъ въ Черноморскій флотъ капитанъ-лейтенантъ Матвѣевъ донесъ Перелешину, что Арнгольдъ посредствомъ операціи излѣчилъ его отъ болѣзни (въ настоящее время легко излѣчимой, но мы не рѣшаемся привести здѣсь ея названіе), «которою страдалъ около пяти лѣтъ и при всемъ стараніи многихъ врачей въ Кіевѣ, Николаевѣ и Казани въ теченіе того времени не получилъ никакого облегченія. Арнгольдъ же доставилъ ему совершенное выпользованіе». Сообщая все это, Перелешинъ проситъ, «если благоугодно будетъ предлагаемое медико-хирургомъ Арнгольдомъ усердіе и услугу къ пользованію больныхъ принять во уваженіе и не оставить сдѣлать о семъ по ввѣренной вамъ части чрезъ кого слѣдуетъ объявленіе, *дабы страждущіе въ болѣзняхъ требовали отъ него*, Арнгольда, помощи въ изцѣленіи отъ оныхъ». Контора гимназіи, которой было передано Яковкинымъ письмо Перелешина, опредѣлила сообщить его совѣту и поручила квартермистру объявить о содержаніи бумаги всѣмъ находящимся при гимназіи и университетѣ чиновникамъ по экономической части и прочимъ служителямъ [1]). Совѣтъ, выслушавъ бумагу Перелешина, опредѣлилъ записать ея содержаніе въ протоколъ. Какъ только появился первый періодическій листокъ въ Казани, такъ Арнгольдъ воспользовался имъ для печатной рекламы о себѣ [2]).

---

[1]) Дѣло по объявленію г. директоромъ отношенія г. капитанъ-командора Перелешина о предлагаемыхъ медико-хирургомъ Арнгольдомъ услугахъ въ помощи страждущимъ болѣзнями. *Конторы*, 1811 г., № 70.

[2]) Въ № 17 (9 авг. 1811 г.) „Казанскихъ Извѣстій“ напечатано: „Пріѣхавшій сюда медико-хирургъ Адамъ Арнгольдъ дѣлалъ операцію въ домѣ коллежскаго ассесора и кавалера Пыхачева дворовому его человѣку, у котораго вырѣзалъ между плечъ наростъ, величиною болѣе фунта, и вынялъ сало съ проросью на подобіе коровьяго вымя; оный человѣкъ послѣ сей операціи излѣчился. О учиненіи сей операціи имѣющимъ таковую же надобность симъ къ свѣдѣнію публикуется.—Въ № 18 (16 авг.) живущій въ Чебоксарахъ коллежскій регистраторъ Кузьма Матвѣевъ выражаетъ „чувствительную благодарность“ Арнгольду за операцію раздробленія камня 11-лѣтнему сыну его, „поелику прочіе медики сей болѣзни ослабить не могли“.

Новый и молодой профессоръ является передъ нами такимъ образомъ не столько ученымъ (прежніе искатели каѳедръ обыкновенно представляли болѣе или менѣе длинный списокъ своихъ сочиненій, какъ права на каѳедру), сколько юркимъ и ловкимъ въ достиженіи цѣли. Аргнгольдъ пріѣхалъ изъ Петербурга, откуда выѣхалъ 26 марта, въ Казань въ концѣ іюня. Изъ его рапорта видно, что поѣздка эта происходила въ сильную весеннюю распутицу, что во время пути, а въ особенности при переправахъ чрезъ рѣки, онъ «претерпѣвалъ великія опасности» и, доѣхавъ до Рыбинска, остался въ этомъ городѣ весновать. Арнгольдъ ѣхалъ на казенные прогоны, такъ какъ получилъ отъ Румовскаго оффиціальное порученіе обревизовать на пути гимназію и уѣздное училище въ Нижнемъ, что и было имъ исполнено въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ. Намъ неизвѣстны, за недостаткомъ документовъ, подробности этой ревизіи. Рапортъ о ней, или, какъ выражался Арнгольдъ, «плодъ изслѣдованія, заключающій стремленіе его къ истинѣ», до насъ не дошелъ, но изъ частнаго письма его къ попечителю отъ 15 мая узнаемъ, что училищныя дѣла въ Нижнемъ были очень запутаны, и что онъ долженъ былъ употребить «неусыпныя старанія», чтобы распутать ихъ. Онъ нашелъ значительную разницу между суммами внесенными и *въ наличіи* находящимися, но позволилъ директору взнести эту разницу въ наличіе. «Причины сему суть: состраданіе къ многолюдному его семейству, долговременная служба и то, что сей недостатокъ оказался по его оплошности и упущенію, ибо онъ зналъ уже три недѣли ранѣе о моемъ назначеніи ревизоромъ, чѣмъ я прибылъ, и имѣлъ бы случаи исправиться; но казенный интересъ сохраненъ свято и посему прошу покорнѣйше простить сію смѣлость». Уѣзжая изъ Нижняго, Арнгольдъ въ своемъ предложеніи директору нижегородской гимназіи (Кужелеву) указалъ въ 8 пунктахъ нѣкоторыя замѣченныя имъ отступленія отъ устава, производящія безпорядки. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что «чиновники не дѣлаютъ должнаго уваженія предъ своимъ начальствомъ, равно и другъ другу не оказываютъ предъ учениками должнаго уваженія и вѣжливости». Онъ замѣтилъ *суровое* обращеніе учителей съ учениками, что первые слишкомъ обременяютъ память вторыхъ, заставляя ихъ только заучивать наизусть, но никакъ «не пріучая ихъ къ трудолюбію и не возбуждая въ нихъ охоту и привязанность къ наукамъ и на будущія времена». Арнгольдъ нашелъ, что §§ 51 и 52, по которымъ училища должны вести записки «заведеннымъ и впредь заводимымъ училищамъ, равно историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія о губерніи» вовсе не исполняются. Далѣе Арнгольдъ указывалъ директору на нечистоту, най-

денную имъ въ гимназическихъ строеніяхъ и на множество живущихъ въ нихъ безъ всякаго на то права и т. п. Практическіе результаты этой ревизіи Арнгольда намъ неизвѣстны.

Арнгольдъ привезъ съ собою отъ попечителя Румовскаго принесенную имъ въ даръ университету Доллондову трубу, мѣдную, съ мѣднымъ приборомъ, съ объективнымъ микроскопомъ, въ особомъ краснаго дерева ящикѣ, съ пьедесталомъ или стативомъ изъ того же дерева. Съ своей стороны Арнгольдъ подарилъ университету человѣческій скелетъ и особо черепъ, а также наполненные воскомъ сосуды, состоящіе изъ двухъ рукъ и трехъ ногъ. Труба отдана была для наблюденій профессору Литтрову, а анатомическіе препараты «до времени» препровождены въ кабинетъ естественной исторіи». Уѣзжая изъ Петербурга, искательный и предпріимчивый профессоръ, кромѣ казенныхъ прогоновъ до Казани, успѣлъ выхлопотать себѣ лишнее мѣсто при университетѣ, мало общаго съ наукою имѣющее, но за то оплачиваемое. Вскорѣ послѣ пріѣзда Арнгольда въ Казань, членъ гимназической конторы, въ которой сосредоточивались, какъ мы знаемъ, всѣ денежныя и хозяйственныя дѣла гимназіи и университета, профессоръ Фуксъ, исполнявшій эту должность послѣ отставленнаго профессора Каменскаго (см. о немъ нашей книги, часть первая, стр. 129—130) лѣтъ шесть, писалъ попечителю: «Ваше пр—ство изволили сдѣлать мнѣ честь увѣдомить меня чрезъ г. проф. Арнгольда (не знаемъ, было ли это увѣдомленіе сдѣлано письмомъ, или на словахъ) *о желаніи вашемъ, чтобъ я оставилъ мѣсто члена въ конторѣ гимназіи.* Съ радостію готовъ я исполнить повелѣніе в. п., тѣмъ болѣе, что самая справедливость требуетъ, чтобъ другой изъ моихъ собратій принялъ на себя труды, которыми я столь долгое время занимался въ конторѣ. Увольненіе меня отъ конторы я почту милостію в. п., *ибо время сіе я могъ бы употребить съ большею пользою на ученыя наши занятія*, которыя не менѣе конторскихъ дѣлъ, требуютъ прилежанія и рачительности». Румовскій очевидно желалъ, чтобы членомъ конторы вмѣсто Фукса, которымъ былъ недоволенъ Яковкинъ, сталъ Арнгольдъ. Фуксъ немедленно подалъ прошеніе объ отставкѣ, но письмо его пришло въ Петербургъ уже послѣ смерти Румовскаго и было распечатано министромъ графомъ Разумовскимъ. Очевидно онъ ничего не зналъ о желаніи Румовскаго назначить членомъ конторы Арнгольда и на представленіе совѣта объ увольненіи профессора Фукса, предписалъ: «доколѣ не учредится университетское правленіе, избрать изъ числа профессоровъ другаго и онаго представить на мое утвержденіе». Вслѣдствіе этого предписанія, въ засѣданіи 25 августа, былъ выбранъ, какъ мы уже передавали, профессоръ Томасъ, о чемъ и

было донесено министру. Выборъ этотъ состоялся безъ вѣдома избраннаго Томаса, въ совѣтѣ отсутствовавшаго, и онъ обратился письмомъ къ министру, высказывая въ немъ, что выборъ этотъ сдѣланъ безъ его согласія, что онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ хозяйственныхъ и крайне занятъ своею должностью, будучи сверхъ того членомъ училищнаго и экзаменнаго комитетовъ. Томасъ просилъ не назначать его. «Такъ какъ нельзя сдѣлать ему въ семъ принужденія», писалъ совѣту министръ (3 октября, 1812 г. № 756), «и мнѣ извѣстно (безъ сомнѣнія изъ письма или просьбы самого Арнгольда), что предмѣстникъ мой назначалъ къ сему экстраординарнаго профессора Арнгольда, *который при обозрѣніи нижегородской гимназіи* доказалъ, что онъ не несвѣдущъ въ дѣлахъ сего рода, почему и можетъ быть онъ назначенъ членомъ въ контору на мѣсто профессора Фукса, доколѣ не учредится университетское правленіе [1]). Мы увидимъ скоро, что это членство въ конторѣ совмѣстно съ Яковкинымъ имѣло для Арнгольда, какъ и для его предшественника Каменскаго, роковое значеніе.

Передъ началомъ лѣтняго вакаціоннаго времени Арнгольдъ, въ рапортѣ совѣту, указалъ на тѣ сочиненія, которыми онъ намѣренъ пользоваться при преподаваніи по занимаемой имъ каѳедрѣ: 1) Въ *хирургіи*—сочиненіемъ академика Ивана Ѳедоровича Буша «Руководство къ преподаванію хирургіи», 3 т., располагая курсъ такимъ образомъ: *общую хирургію*—въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ; *операторію*—въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ; остальное время—*о болѣзняхъ органовъ* въ особенности. 2) *Акушерство*—по сочиненію Фрорипа, съ такою только разницею въ порядкѣ: сначала собственно акушерство, а по окончаніи его *о болѣзняхъ женскихъ* и *дѣтскихъ*. Присутствующіе въ совѣтѣ доктора медицины и прочіе члены нашли этотъ планъ преподаванія полезнымъ для учащихся, и онъ былъ внесенъ въ списокъ общихъ преподаваній по университету. Лекціи свои Арнгольдъ началъ съ августа 1812 года. Какой успѣхъ могли онѣ имѣть, можно заключить изъ слѣдующаго любопытнаго письма его, писаннаго 22 іюля къ Румовскому, за два дня до полученія въ Казани извѣстія о его смерти:

„Имѣя честь быть членомъ Казанскаго университета, долгомъ моимъ поставляю бдѣть о пользѣ его неусыпно; почему, разсматривая состояніе здѣшняго университета, а паче по медицинской части, и находя, что *еще нѣтъ ни малѣйшаго успѣха, даже и въ основаніи ея*, долгомъ поставляю представить сіе вашему превосходительству. Нѣтъ еще ни одного студента

---

[1]) Дѣло объ увольненіи г. проф. Фукса отъ присутствія въ конторѣ и объ опредѣленіи на его мѣсто проф. Арнгольда. *Сов.* 1812 г. № 75.

медицины, ибо ни одинъ изъ нихъ, даже два и три года обучающіеся, не имѣетъ познаній въ анатоміи, ни практически, ни теоретически, а въ протекшемъ году она вовсе и не преподавалась профессоромъ. По сему видно, что студенты не имѣютъ познаній тѣла человѣческаго, а съ тѣмъ и физіологіи. Слушали же они судебную науку, которая основываясь на познаніяхъ терапіи, хирургіи и акушерства, должна быть преподаваема въ окончаніи курса; сіи же студенты слушаютъ патологію и не знавъ терапіи, руководствуются въ пользованіи больныхъ. Съ таковымъ распоряженіемъ никогда не можемъ мы достичь предположенной цѣли. Я покорнѣйше прошу в. п. приказать назначить нѣсколько человѣкъ студентовъ собственно къ медицинѣ и раздѣлить предметы ея на классы по систематическому порядку, для чего при семъ табели (росписаніе преподаванія) С.-Петербургской медико-хирургической академіи представить честь имѣю».

Письмо это, только помѣченное Разумовскимъ числомъ полученія, не имѣло никакого дѣйствія, и у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько преподаваніе самого Арнгольда способствовало успѣху медицинскихъ наукъ вообще въ Казанскомъ университетѣ. Въ мартѣ слѣдующаго 1813 года Арнгольдъ вошелъ рапортомъ въ совѣтъ, прося его разсмотрѣть и одобрить, какъ руководство для преподаванія и для напечатанія, переведенныя имъ съ языка нѣмецкаго «таблицы Мартенса, знаменитаго нѣмецкаго акушера», польза которыхъ, по словамъ его, признана въ Германіи. Представленіе Арнгольда передано было совѣтомъ на разсмотрѣніе отдѣленія врачебныхъ наукъ, уже образовавшагося тогда, хотя и не открытаго. Врачебное отдѣленіе представило совѣту очень скоро мнѣнія трехъ своихъ членовъ, которые всѣ не совсѣмъ одобрительно отзывались объ избранномъ Арнгольдомъ руководствѣ. Фуксъ находилъ, что «хотя эти таблицы довольно изрядно расположены и конечно достойны быть переведенными, но должно признать ихъ *весьма недостаточными* и неудобными для совершеннаго руководствованія студентовъ, посвятившихъ себя сей наукѣ». Онъ высказывалъ желаніе, чтобъ вмѣсто Мартенса принято было въ руководство сочиненіе «славнаго Штейна».—Эрдманъ, не отрицая достоинства таблицъ Мартенса, ссылался на мнѣніе самого сочинителя, что таблицы его скорѣе должны служить для повторенія, чѣмъ какъ основательное руководство при преподаваніи; онѣ очень кратки. Эрдманъ считаетъ гораздо болѣе основательнымъ руководствомъ сочиненіе Фрорипа (Froriep). Браунъ всецѣло присоединился къ этому послѣднему мнѣнію, присовокупивъ, что нельзя и сравнивать оба сочиненія другъ съ другомъ.—На эти мнѣнія членовъ врачебнаго отдѣленія Арнгольдъ немедленно представилъ въ совѣтъ свой отзывъ. По его словамъ, онъ еще въ прошломъ году указалъ на сочиненіе Фрорипа, какъ избранное имъ руководство при лекціяхъ

родовспомогательнаго искусства. Но оно не существуетъ въ русскомъ переводѣ, и студенты не могутъ имъ пользоваться. Для того, чтобы сколько-нибудь содѣйствовать успѣхамъ учащихся, онъ перевелъ таблицы Мартенса, съ цѣлью пользоваться ими при лекціяхъ практическаго родовспомогательнаго искусства. Арнгольдъ не отвергаетъ употребленія сочиненія Фрорипа, но оставляетъ его *для опредѣленнаго предмета*, т. е. для чтенія по немъ лекцій, но окончивъ теоретическую часть и приступая къ практическимъ занятіямъ, онъ предполагаетъ употреблять для руководства таблицы Мартенса. «Члены медицинскаго отдѣленія», заключаетъ Арнгольдъ, «отвергаютъ мое представленіе, говоря, что таблицы Мартенса неспособны для руководства въ родоврачебной наукѣ, но я и не утверждалъ этого и не могъ утверждать, будучи профессоромъ сей науки» [1]). Единственное пріобрѣтеніе для преподаваемой Арнгольдомъ науки, сдѣланное въ 1813 году, былъ доставленный имъ въ анатомическій театръ трупъ младенца, чтобъ «употреблять его при практическихъ занятіяхъ со студентами надъ фантомомъ для показаній различныхъ положеній младенца въ родахъ» [2]). Не знаемъ, были ли слушатели у Арнгольда, и какіе успѣхи они оказывали, но въ самомъ началѣ слѣдующаго 1814 года онъ доноситъ рапортомъ совѣту, что студенты «нынѣ окончили уже общую патологію, пройденную г. проф. Эрдманомъ, и полагаетъ, что они способны потому къ слушанію и понятію общей или медицинской части хирургіи». Онъ проситъ совѣтъ позволить ему заняться преподаваніемъ хирургіи, «дабы онъ могъ обширную ея часть окончить съ будущимъ годомъ». Отдѣленіе врачебныхъ наукъ нашло намѣреніе Арнгольда полезнымъ и совѣтъ предоставилъ ему привести его въ дѣйствіе. Вѣроятно для этого преподаванія общей хирургіи Арнгольдъ вскорѣ послѣ того, именно 4 февраля, просилъ совѣтъ выписать для студентовъ избранную имъ въ руководство хирургію Буша сочиненіе Беттхера «Краткое изложеніе отборныхъ хирургическихъ повязокъ въ пользу молодыхъ лѣкарей» (перев. съ нѣм. М. Митрофановъ. Спб. 1803). По два

---

[1]) Дѣло по рапорту э. о. проф. Арнгольда о позволеніи издать на россійскомъ языкѣ таблицы Мартенса по части родоврачебнаго искусства. *Сов.* 1813 г. № 50 и протоколы сов. 1812 г. стр. 87 б. Таблицы эти были напечатаны въ университеской типографіи въ 1813 году, подъ названіемъ: „Обозрѣніе практическаго родоврачебнаго искусства, начертанное докторомъ Францъ — Гейнрихъ Мартенсомъ“, переводъ съ нѣмецкаго профессора Арнгольда.

[2]) Дѣло о выдачѣ проф. Арнгольду на покупку стекляной банки и двухъ ведеръ спирту для сохраненія умершаго младенца въ анатомическомъ театрѣ, денегъ 25 рублей. *Конторы* 1813 г., № 26.

экземпляра того и другого сочиненія были пріобрѣтены на деньги, отпускаемыя на содержаніе студентовъ [1]).

Намъ неизвѣстно, началъ-ли Арнгольдъ преподаваніе общей хирургіи, и кто были два его слушателя, но преподаваніе его должно было прекратиться въ силу особенныхъ обстоятельствъ. Въ слѣдующее же засѣданіе, а именно 11 февраля, совѣтомъ была заслушана бумага попечителя такого содержанія: «Препровождая при семъ въ оригиналѣ рапортъ конторы казанской гимназіи, предлагаю совѣту изслѣдовать изображенные въ ономъ *поступки* профессора Арнгольда, взять съ него по сему объясненіе и довесть до свѣдѣнія моего, потомъ вмѣстѣ съ симъ, по списаніи съ рапорта копіи, представить его мнѣ обратно. А какъ господину профессору директору по этому дѣлу, какъ предсѣдателю конторы, голосъ не слѣдуетъ, то препоручить собраніе голосовъ проф. Брауну». Началось новое кляузное дѣло, какихъ было довольно въ первые годы Казанскаго университета. Совѣтъ потребовалъ къ будущему собранію своему объясненіе отъ Арнгольда, а адъюнкты, присутствовавшіе въ совѣтѣ, заявили, что они не имѣютъ права подавать голоса въ другихъ дѣлахъ кромѣ ученыхъ (§ 32 устава говорилъ, что адъюнкты имѣютъ право «подавать голоса по учебнымъ предметамъ, но не имѣютъ участія въ выборахъ»). Считая это неяснымъ, совѣтъ представилъ вопросъ на разрѣшеніе попечителя.

Мы не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго представленія о дѣятельности вообще члена конторы по хозяйственной части до времени открытія дѣйствій университетскаго правленія, на долю котораго достались всѣ хозяйственныя дѣла. Единственнымъ памятникомъ служебной дѣятельности Арнгольда, какъ члена конторы, было предпринятое имъ или взятое имъ на себя *очищеніе колодниками гимназическихъ дворовъ* [2]). Почему это дѣло, для котораго существовалъ достаточный комплектъ разныхъ гимназическихъ и университетскихъ чиновъ, которымъ оно было гораздо ближе, чѣмъ для профессора хирургіи, взялъ на себя Арнгольдъ — сказать не можемъ. Вѣроятно иниціатива принадлежала самому профессору. «По предписанію Его пр—ства» (попечителя), писалъ онъ конторѣ, «имѣю начать чистку дворовъ съ будущаго понедѣльника (2 мая 1813 года) колодниками военнаго казамата, коимъ будетъ производиться двадцать пять копѣекъ въ день на пищу, которую прошу приказать (выдавать) кому слѣдуетъ, дабы не остановлять работы.

---

[1]) Протоколы совѣта 1814 года, стр. 14б, 21а.

[2]) Дѣло по рапорту г. проф. Арнгольда объ очищеніи колодниками домовъ. *Конторы*, 1813 г. № 34.

десять копѣекъ будетъ выдаваться деньгами; сколько же человѣкъ— буду съ вечера доносить. Помянутыхъ колодниковъ конвой будетъ военный, но за недостаткомъ нужно дать имъ въ помощь гимназическихъ инвалидовъ, а сколько—также съ вечера требовать буду. Прошу мнѣ отпустить подъ росписку пятьдесятъ рублей». Всего денегъ потребовано было Аргольдомъ въ три раза — 125 рублей, изъ которыхъ онъ возвратилъ 2 р. 70 коп. Кромѣ того онъ вытребовалъ для свозу нечистотъ: казенныхъ лошадей, рогожъ изъ старыхъ кулей, деревянной посуды и наконецъ для рабочихъ по ушату въ день квасу *втораго налива* (первый шелъ студентамъ и питомцамъ), то есть пожиже. Очень можетъ быть, что этимъ способомъ очистки дворовъ, Аргольдъ хотѣлъ доказать возможность вести это дѣло и болѣе удовлетворительнымъ образомъ, и гораздо дешевле, чѣмъ оно велось прежде единолично Яковкинымъ, которому Салтыковъ не довѣрялъ. Директоръ по уставу гимназіи былъ главою конторы. На вмѣшательство члена отъ университета въ хозяйственныя распоряженія собственно по гимназіи онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на нарушеніе своихъ правъ. Отсюда столкновенія. Но личное веденіе дѣла очищенія дворовъ профессоромъ хирургіи, только что начавшимъ свой курсъ, представляется намъ весьма страннымъ.

Поступки Аргольда въ конторѣ, которые вслѣдствіе предложенія попечителя предстояло разобрать и обсудить совѣту, заключались, какъ видно изъ рапорта конторы попечителю въ томъ, что когда въ январѣ 1813 года, по контракту съ казанскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ходяковымъ, надобно было заплатить ему по счету имъ представленному, за вставку новыхъ стеколъ и перемазку старыхъ 401 р. 91 коп. Аргольдъ въ журналѣ конторы, при подписаніи его, написалъ: «большое количество вставленныхъ стеколъ въ прошедшей трети отъ 17 августа (sic), но неизвѣстное, заслуживаетъ строжайшаго изслѣдованія и должно быть представлено попечителю; до тогожъ времени денегъ не выдавать». Журналъ этотъ былъ уже подписанъ Яковкинымъ и понятно, что въ словахъ Аргольда онъ увидѣлъ недовѣріе къ нему, обвиненіе и личную обиду. Рапортъ конторы, написанный конечно самимъ Яковкинымъ, доказывалъ, что слова Аргольда вписаны въ журналъ въ противность генеральнаго регламента 6 главы и устава Казанской гимназіи, высочайше утвержденнаго въ 1798 году, въ § 16 котораго узаконено: «всѣ вѣдомости квартермистра повѣрять и отвращать всякую потерю казны директору гимназіи»; это подтверждено въ 1805 году главнымъ правленіемъ училищъ и министромъ народнаго просвѣщенія, такъ что самое участіе Аргольда въ этомъ дѣлѣ является тоже незаконнымъ. Въ своемъ объясненіи въ совѣтъ Аргольдъ доказы-

валъ, что о дѣлѣ въ засѣданіи конторы не было вовсе разсуждаемо, что рапорта квартермистра, свидѣтельствующаго дѣйствительное количество вставленныхъ стеколъ, онъ не видалъ и нашелъ уже совсѣмъ готовый журналъ. Сумма, подлежащая къ уплатѣ за вставку новыхъ стеколъ и перемазку прежнихъ, естественно показалась ему большою, и онъ считалъ необходимымъ обратить на это вниманіе начальства, что квартермистръ, принимавшій этотъ домъ (съ половины 1812 года до августа 1813 года гимназическій домъ былъ занятъ Московскимъ Екатерининскимъ институтомъ), представилъ опись всего, что онъ принялъ, но ее не сравнили со счетомъ контрагента. Арнгольдъ доказываетъ наконецъ законность своего участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ конторы, членомъ которой онъ назначенъ министромъ, имѣетъ полное право разсуждать о каждомъ дѣлѣ и свободно подавать свой голосъ, что контора не находится въ единоличномъ завѣдываніи директора (на это было указано и въ предписаніи министра 12 сентября, 1812 года, № 739) и проч.

Какъ только совѣту предписано было заняться слѣдствіемъ по жалобѣ Яковкина, какъ этотъ послѣдній и въ совѣтъ подалъ жалобу, но уже форменную, на высочайшее имя и по пунктамъ. Эта новая жалоба написана довольно рѣзко; въ ней опровергается все то, что Арнгольдъ высказывалъ въ своемъ объясненіи для оправданія своего «поступка». Яковкинъ даже не видитъ въ томъ, что Арнгольдъ написалъ въ журналѣ, «правильной конструкціи» и смысла, что, говоритъ онъ, «въ 6 главѣ генеральнаго регламента воспрещается подъ наказаніемъ». Ссылаясь на предложеніе Румовскаго отъ 11 іюня 1806 года, которымъ опредѣлялся проф. Каменскій членомъ конторы и поручалось ему якобы только *веденіе экономическихъ дѣлъ по части университета*, чего строго держался уклончивый Фуксъ, Яковкинъ доказываетъ, что Арнгольдъ вмѣшался не въ свое дѣло, нарушивъ уставъ Казанской гимназіи, имѣющей особыя права свои. Арнгольдъ, говоритъ онъ, «чрезъ таковое публичное меня поношеніе и присвоеніе мнѣ самовластія, сдѣлалъ мнѣ обиду, въ противность военнаго устава 151 артикула и морскаго 5-й книги главы 1, пункта 4-го и высочайшаго манифеста о тишинѣ и спокойствіи, состоявшагося 1787 года апрѣля 21 дня, 13 и 16 статей» (на манифестъ этотъ Яковкинъ часто ссылался). Арнгольдъ немедленно вытребовалъ отъ совѣта копію съ формальной жалобы Яковкина и съ своей стороны подалъ на нее объясненіе, гдѣ уже самъ жалуется на сдѣланную ему обиду. «Г. Яковкинъ поноситъ меня непонимающимъ, изобличающимся, неудобопонятнымъ, къ весьма чувствительной личной меня обидѣ, съ каковыми выраженіями входящія въ судебныя мѣста бумаги всегда возвращаются подавате-

лямъ ихъ обратно». Собственноручная запись его мнѣнія въ журналѣ не считается Аргольдомъ противозаконною, такъ какъ онъ дѣлалъ это и прежде и такія записи вошли давно въ обычай въ совѣтѣ.

Всѣ бумаги, относящіяся къ слѣдственному дѣлу о поступкѣ Арнгольда въ конторѣ, были переведены на нѣмецкій языкъ для иностранныхъ профессоровъ; въ совѣтѣ всѣ онѣ читались. Объясненія Арнгольда, какъ первое, такъ и второе, были заслушаны въ совѣтѣ; опредѣлено было разсмотрѣть все дѣло въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, но почему-то это разсмотрѣніе откладывалось. Можетъ быть недовольный этой медленностью и видя въ ней признакъ личнаго къ себѣ нерасположенія, Арнгольдъ вошелъ въ совѣтъ 18 марта съ слѣдующимъ прошеніемъ: «Находясь съ 3 октября 1812 года членомъ конторы казанской гимназіи, прилагалъ я неутомимое стараніе къ исполненію моихъ обязанностей, соотвѣтственно учиненной мною присягѣ и удостоивался благоволенія начальства. Нынѣ, *по слабости здоровья*, должность сію исполнять болѣе не въ состояніи безъ особаго вреда моему слабому здоровью. Посему покорнѣйше прошу почтеннѣйшій совѣтъ уволить меня отъ сей должности и о выполненіи оной въ теченіе одного года и пяти мѣсяцевъ снабдить меня свидѣтельствомъ». Совѣтъ опредѣлилъ: представить эту просьбу на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе попечителя. Салтыковъ, который былъ на сторонѣ Арнгольда, желавшаго повидимому въ угодность начальству раскрыть неправильныя хозяйственныя дѣйствія Яковкина по конторѣ гимназіи, написалъ совѣту укорительную бумагу, что онъ до сихъ поръ не приступалъ къ разслѣдованію дѣла о поступкѣ Арнгольда въ конторѣ и предписывалъ вторично немедленно приступить къ слѣдствію (8 апрѣля). Въ тотъ же день, въ засѣданіи совѣта, опредѣлено было для разсмотрѣнія дѣла составить комитетъ изъ гг. профессоровъ Финке, Литтрова, Городчанинова и адъюнкта Лубкина. Но и этотъ комитетъ, тотчасъ по своемъ образованіи, долженъ былъ распасться. Адъюнктъ Лубкинъ подалъ слѣдующій рапортъ:

1) „Предсѣдательствующій въ конторѣ г. профессоръ Яковкинъ есть купно и директоръ гимназіи. Потому я, какъ инспекторъ оной, въ разсужденіи г. Яковкина, составляю лицо субалтерное и зависимое, не смотря на нѣкоторыя относительно сего ограниченія, сдѣланныя при опредѣленіи меня въ настоящую инспекторскую должность. Но начальникъ, доколѣ въ званіи своемъ пребываетъ, кажется не можетъ быть судимъ отъ подвѣдомыхъ ему или отъ подчиненныхъ: и сіе одно было бы для него, по его званію уже обидою, даже и въ такомъ случаѣ, ежели бы по изслѣдованію нашлось, что онъ не правъ. А потому и голосъ мой по сему дѣлу не только не можетъ быть дѣйствителенъ но и законнымъ образомъ, какъ думаю, можетъ быть отведенъ со стороны Яковкина.

2) „Сіе же самое обстоятельство, что г. Яковкинъ директоръ, а я инспекторъ гимназіи, дѣлаетъ еще другія неудобства въ разсужденіи помѣщенія меня въ число членовъ комитета для разбирательства дѣла между г. Яковкинымъ и г. Аргнгольдомъ. Ибо, если бы надлежало дать мнѣ свой голосъ не въ пользу г. Аргнгольда, то онъ можетъ отвести оный тѣмъ, что я такъ поступилъ по пристрастію, изъ опасенія, дабы тѣмъ не раздражить на себя директора, и не подвергнуть себя чрезъ то впредь могущимъ быть неудовольствіямъ, каковыя онъ мнѣ яко начальникъ гимназіи сдѣлать можетъ. Если же мнѣніе мое будетъ противъ г. Яковкина, то сей также можетъ протестовать противу онаго тѣмъ, что я по должности своей имѣя съ нимъ сношеніе, такъ поступилъ по какому либо скрытному съ моей стороны на него неудовольствію, имѣя въ виду тѣмъ ему отплатить, или ослабить вліяніе его въ гимназіи на мою часть. При томъ же не скрываю я и того, что съ г. Аргнгольдомъ имѣю я семейное знакомство и потому, сообразно законамъ, и не могу участвовать въ слѣдственномъ дѣлѣ до него касающемся".

Попечитель Салтыковъ, на представленіе совѣта о томъ, имѣютъ ли право адъюнкты участвовать въ спорномъ и тяжебномъ дѣлѣ между Яковкинымъ и Аргнгольдомъ, не далъ никакого отвѣта. За него обсудилъ этотъ вопросъ Лубкинъ, говорившій въ дополненіе къ своему объясненію:

„По силѣ устава университета (§ 147): „дѣла и жалобы, касающіеся до профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ университета поступаютъ въ правленіе", а правленіе по § 131 состоитъ изъ декановъ отдѣленій, которые должны быть ординарные профессоры. И поелику адъюнкты, на основаніи § 44, не входятъ даже собственно въ составъ университетскаго совѣта и имѣютъ право (§ 32) только присутствовать въ общихъ собраніяхъ и подавать голосъ по учебнымъ только предметамъ, какъ сіе именно означено, то за таковымъ ограниченіемъ адъюнкты и не могутъ быть назначаемы для изслѣдованія какихъ либо тяжебныхъ и другихъ дѣлъ къ учебной части никакого отношенія не имѣющихъ: поелику сіе принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ профессоровъ ординарныхъ. А посему, если подобныя порученія возлагать по необходимости надобно на адъюнктовъ, то въ опредѣленіи совѣта именно надлежитъ обозначать обстоятельства, такую необходимость производящія, дабы отвратить тѣмъ жалобы происходить могущія на постановленія совѣта съ указанными узаконеніями несообразныя".

Удивительные законники были эти профессоры въ первые годы Казанскаго университета, какъ это можно видѣть даже въ заявленіи Лубкина, до мелочей изучившаго университетскій уставъ 1804 года. Впрочемъ это можетъ относиться только къ русскимъ профессорамъ, нѣмецкіе же коллеги ихъ, незнакомые съ языкомъ, не могли различать такія тонкости. Такъ Литтровъ, отказавшійся одновременно съ Лубкинымъ отъ участія въ дѣлѣ и выбранный въ комитетъ заочно, причинами отказа своего выставлялъ *во первыхъ*, что дѣло, подлежащее разсмотрѣнію, такого рода, что для него необходимо совершенное знаніе русскаго языка, онъ же знакомъ только съ первона-

чальными его основаніями. *Вторая* причина та, что для разбора этого дѣла необходимы юристы, а онъ совсѣмъ незнакомъ съ наукою юриспруденціи («quam nunquam ne a limine quidem salutavi»). *Третья* причина, по словамъ Литтрова, та, что всѣмъ извѣстна ссора его съ проф. Яковкинымъ по поводу преподаванія латинскаго языка въ гимназіи, почему и самый законъ воспрещаетъ ему участвовать въ обсужденіи этого дѣла. Выслушавъ всѣ эти заявленія и сознавая, что избранный имъ комитетъ для разсмотрѣнія спорнаго дѣла между Яковкинымъ и Аргольдомъ, за отказомъ двухъ членовъ, не можетъ приступить къ дѣйствію, совѣтъ опредѣлилъ представить это на разрѣшеніе попечителя. Отвѣта однако на это представленіе не послѣдовало, и только на прошеніе Аргольда уволить его, по слабости здоровья, отъ должности члена въ конторѣ, Салтыковъ писалъ (8 апрѣля): «предлагаю совѣту объявить г. Аргольду, что я *нахожу необходимымъ* присутствовать ему членомъ въ конторѣ и потому уволить его отъ сей должности не могу. *Но для большей удобности* (?) *предлагаю, исправивъ комнаты со службами, занимаемыя предъ симъ г. проф. Яковкинымъ* (переѣхавшимъ въ домъ гимназіи), назначить для жительства г. Аргольду». Изъ дѣлъ архива и изъ протоколовъ совѣтскихъ засѣданій не видно, чтобы совѣтъ изслѣдовалъ «поступки» Аргольда въ конторѣ гимназіи, какъ предписывалъ попечитель.

Намъ поэтому совершенно неизвѣстны причины, которыя заставили Аргольда оставить профессуру и начать службу педагогическую, ничего общаго съ хирургіею не имѣющую. Уже въ маѣ мѣсяцѣ того же года Аргольдъ продаетъ университету всѣ, какіе были у него, хирургическіе инструменты на сумму 900 рублей: ясно, что онъ разрываетъ вполнѣ съ своей профессіей. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ одобрило это пріобрѣтеніе, и попечитель тотчасъ же разрѣшилъ заплатить за инструменты деньги изъ суммы на клиническій институтъ отпускаемой. Число этихъ «медико-хирургическихъ» инструментовъ, какъ называлъ ихъ самъ Аргольдъ, простиралось до 56. Сколько мы можемъ судить, не будучи спеціалистомъ, это были самые простые инструменты: ножи, ножницы, пилы, щипцы, пенсеты, крючки, иглы, спринцовки, бритвы и т. п. Мало общаго съ хирургіею имѣетъ также его литературный трудъ, впрочемъ только предполагаемый, о которомъ онъ доносилъ совѣту слѣдующимъ рапортомъ:

„Весьма просвѣщенными націями признано, сколь необходимо знаніе медицинской полиціи, и сколь полезно распространеніе таковыхъ сочиненій, кои сію часть врачебной науки трактуютъ. На россійскомъ языкѣ не имѣются еще таковыя сочиненія; посему, желая съ моей стороны споспѣшество-

вать сколько нибудь распространенію полезныхъ сочиненій въ Россіи на отечественномъ языкѣ, предпринялъ я перевесть „Краткую систему медицинскаго законодательства“ Вильдберга (Kurzgefasstes System der medicinischen Gesetzgebung, 1804) и дополнить оную прибавленіями и примѣчаніями. Намѣренъ будучи въ скоромъ времени открыть подписку на оную книгу, имѣю честь представить оную почтеннѣйшему совѣту съ покорнѣйшею просьбою подвергнуть оную книгу цензурѣ (т. е. оригиналъ) и по окончаніи дать мнѣ копію съ рецензіи и мнѣнія совѣта“.

Отдѣленіе врачебныхъ наукъ нашло книгу полезною для распространенія въ Россіи, какъ это видно изъ донесенія его совѣту отъ 17 іюня, но переводъ книги остался только въ намѣреніи Аргнольда. Хотя въ росписаніи лекцій на 1814 годъ, утвержденномъ совѣтомъ, и значится, что Аргнольдъ будетъ преподавать *хирургію* по Бушу и *правильное искусство* по Фрорипу, но едва-ли онъ началъ это преподаваніе. Уже 15 сентября 1814 года онъ подалъ попечителю прошеніе, въ которомъ писалъ, что онъ *по слабости здоровья своего* продолжать службу профессора университета не можетъ, и просилъ *для поправленія здоровья* (?) опредѣлить его директоромъ тобольской гимназіи; мѣсто это сдѣлалось тогда вакантнымъ. Попечитель, «уважая дѣятельность и хорошія качества его», извѣстилъ объ этомъ совѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ общее собраніе его доставило ему, попечителю, мнѣніе на желаніе, изъявленное Аргнольдомъ. Совѣтъ нашелъ его способнымъ къ исправленію должности директора, такъ какъ по § 161 устава избраніе директоровъ предоставлено было ему. Министръ 17 октября утвердилъ Аргнольда директоромъ, а попечитель Салтыковъ, сообщая объ этомъ совѣту, предписывалъ выдать ему надлежащій аттестатъ. Въ немъ, согласно этому предписанію заключался панегирикъ:

„Г. Аргнольду предмѣстникомъ моимъ (Румовскимъ) поручено было въ 1812 году обревизовать и привесть въ ясность весьма запутанныя дѣла нижегородской гимназіи, что и было имъ исполнено съ отличною точностью, успѣхомъ и похвалою; потомъ опредѣленъ онъ былъ, за неучрежденіемъ университетскаго правленія, членомъ конторы казанской гимназіи, для управленія экономическою университетскою частью, коею и управлялъ до открытія университета, равнымъ образомъ исправлялъ онъ и всѣ особыя начальства порученія съ отличнымъ усердіемъ, точностью, дѣятельностью, безкорыстіемъ и благонравіемъ, безъ всякой за то платы и воздаянія. Признавая отличныя услуги Аргнольда въ пользу и для чести университета, долгомъ почитаю изъявить ему при семъ совершенную и отличную мою благодарность, надѣясь, что онъ и впредь, по новой его должности. будетъ столь же полезенъ, какъ былъ при университетѣ“.

Этотъ панегирикъ выражалъ личныя чувства особаго благоволенія попечителя къ Аргнольду, но коллеги его вѣроятно смотрѣли на него съ другой точки зрѣнія. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года

во время выборовъ передъ открытіемъ университета, Арнгольдъ не выбранъ былъ ни на одну должность. Это обстоятельство сильно задѣло его самолюбіе и по всей вѣроятности было причиною, что онъ отказался отъ профессорства. Можетъ быть впрочемъ его соблазнялъ и чинъ, который въ тѣ годы имѣлъ большое значеніе. На основаніи указа 21 марта 1810 года онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники, но съ тѣмъ, чтобы прослужилъ въ тобольской губерніи непремѣнно три года.

Тобольская служба Арнгольда продолжалась недолго: не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ принужденъ былъ оставить директорство и съ помощью весьма благоволившаго къ нему попечителя Салтыкова, снова искать и добиться профессорской должности въ Казанскомъ университетѣ. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности служебной дѣятельности Арнгольда въ званіи директора тобольской гимназіи, хотя эти подробности могли бы служить любопытной характеристикой времени и его отношеній къ дѣлу народнаго образованія въ Сибирскомъ краѣ. Тотчасъ по прибытіи въ Тобольскъ, Арнгольдъ вступилъ въ отправленіе должности директора съ 1 января 1815 года [1]). Изъ донесеній его училищному комитету Казанскаго университета [2]) видно, что канцелярію гимназіи, съ которой Арнгольдъ прежде всего познакомился, онъ нашелъ въ полномъ безпорядкѣ; всѣ бумаги, безъ различія входящихъ отъ исходящихъ, безъ всякаго порядка годовъ, безъ номеровъ и безъ описи, лежали въ одной кучѣ, такъ что по словамъ Арнгольда, не было возможности привести ихъ въ какой-либо порядокъ. Затѣмъ идутъ указанія на *несообразности въ счетахъ*, на недостатокъ суммы въ количествѣ 359 р. 24 к., очевидно растраченной предшественникомъ Арнгольда барономъ Эйбеномъ; библіотека найдена была въ совершенной неисправности. Недостатки въ суммахъ по отчетнымъ вѣдомостямъ оказались и въ тобольскомъ уѣздномъ училищѣ и по тарскому малому народному училищу, и въ Туринскѣ, и въ Тюмени. Не досчитывались разныхъ суммъ, или вырученныхъ отъ продажи учебныхъ книгъ, присылаемыхъ изъ департамента народнаго просвѣщенія, или пожертвованныхъ вслѣдствіе настояній начальства городскими думами и обществами на разныя училищныя нужды. Не видно однако

---

[1]) Рѣчь его по этому случаю была напечатана въ университетской типографіи. 1815.

[2]) Дѣло объ опредѣленіи э. о. профессора Арнгольда директоромъ тобольской гимназіи. По *Училищн. комит.* 1814 г. № 158.

изъ переписки, было ли возбуждено дѣло о растратѣ и были ли приняты какія-либо мѣры къ восполненію недостающихъ суммъ.

Изъ педагогическихъ мѣропріятій Арнгольда повидимому совершенно случайныхъ, мы укажемъ на одно, какъ кажется, имъ самимъ придуманное [1]). «Для поощренія юношества къ ученію», доноситъ Арнгольдъ училищному комитету (29 мая 1815 г.), «заведены мною нѣкоторыя игры, къ коимъ во время отдохновенія между и послѣ классовъ допускаются *въ награду* всѣ рачительные ученики. Напротивъ нерадивые въ то же время остаются въ классахъ и должны заниматься ученіемъ. Сіи мѣры наказанія и награды имѣютъ весьма хорошее вліяніе на успѣхи и прилежаніе учащихся». Другая мѣра, которую Арнгольдъ думалъ было привести въ дѣйствіе и съ этою цѣлью написалъ отношеніе къ тобольскому гражданскому губернатору, возбудила противъ него сильное неудовольствіе мѣстныхъ властей [2]). Между высочайше утвержденными предварительными правилами народнаго просвѣщенія 1803 года, на самой зарѣ царствованія Александра I, когда люди, окружавшіе молодого императора, придавали такъ много значенія наукѣ и просвѣщенію, находилась 24 статья. На основаніи этой статьи «никто не могъ быть опредѣленъ къ гражданской должности не кончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ, основанномъ сообразно правиламъ народнаго просвѣщенія». Это высочайшее постановленіе, «которое весьма споспѣшествовать бы могло успѣхамъ народнаго просвѣщенія», Арнгольдъ прописалъ въ своемъ отношеніи къ губернатору или просилъ его исполнять эту статью. Арнгольдъ или забылъ, или не зналъ, что Тобольскъ находится въ Сибири, странѣ, управляемой не общими законами всей страны, а особенными постановленіями и главнымъ образомъ могущественнымъ произволомъ ни отъ кого независимыхъ генералъ-губернаторовъ, а въ тѣ годы эту должность занималъ исторически извѣстный своимъ произволомъ генералъ-губернаторъ Пестель. На бумагу Арнгольда, посланную имъ лично отъ себя, какъ директора, безъ всякаго предписанія о томъ со стороны училищнаго начальства, губернаторъ взглянулъ какъ на незаконное вторженіе въ границы предоставленной ему власти и жаловался Пестелю. Для того времени ст. 24 предварительныхъ правилъ имѣла идеальный характеръ: едва ли и въ европейской Россіи она могла быть строго исполняема.

---

[1]) Дѣло о заведеніи директоромъ тобольскихъ училищъ для прилежныхъ учениковъ нѣкоторыхъ игръ. По *Училищн. комит.* 1815 г. № 104.

[2]) Дѣло по представленію директора тобольскихъ училищъ о неопредѣленіи неокончившихъ ученіе въ какомъ либо учебномъ заведеніи къ должностямъ гражданскимъ. По *Училищн. комит.* 1815 г. № 112.

Однимъ словомъ Арнгольдъ своими дѣйствіями и распоряженіями возбудилъ къ себѣ сильное негодованіе сибирскаго начальства, которое не замедлило жаловаться на него его непосредственному начальству. Не прошло и полутора года со времени опредѣленія Арнгольда въ Тобольскъ, какъ совѣтъ университета выслушалъ предложеніе попечителя Салтыкова (отъ 4 мая 1816 года № 107) о томъ, «чтобъ тобольскихъ училищъ директоръ Арнгольдъ *удерживался отъ употребленія экономическихъ суммъ* (для перестройки пришедшаго въ ветхость дома гимназіи), а для избѣжанія многихъ другихъ неустройствъ, могущихъ произойти отъ его распоряженій, особливо отъ возникшаго между нимъ и гражданскимъ начальствомъ несогласія, поручаю послать въ Тобольскъ *визитаторовъ*». Такъ какъ визитаторами этими были уже избраны деканъ врачебнаго отдѣленія Эрдманъ и адъюнктъ Ренардъ, то совѣтъ и поручилъ первому, при обозрѣніи тобольскихъ училищъ, «разсмотрѣть принесенныя на директора жалобы (см. выше, стр. 166) и для того снабдить его всѣми нужными по сему дѣлу свѣдѣніями» [1]). Визитаторы давно уже уѣхали, когда совѣтъ получилъ еще предписаніе, теперь уже отъ министра (отъ 28 іюля № 167), дополняющее наши свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Арнгольда въ Тобольскѣ, «о неоднократномъ изъявленіи Сибирскаго генералъ-губернатора Ив. Борисовича Пестеля *негодованія* на директора тобольской гимназіи Арнгольда, *причиняющаго несогласіе съ гражданскимъ начальствомъ разными притязаніями*, при чемъ отдаются на разсужденіе совѣта мѣры, могущія споспѣшествовать общей пользѣ по учебной части, не нарушая порядка, и что въ сношеніяхъ съ гражданскими чиновниками относительно веденія ученыхъ записокъ, директоръ Арнгольдъ и учители *не оказываютъ никакого уваженія*, а тѣмъ наипаче директоръ обвиняется въ нарушеніи сего правила (?) и отъ того вредитъ общей пользѣ» [2]).

Въ Тобольскѣ визитаторы произвели формальное дознаніе и заставили Арнгольда дать письменные отвѣты на девять вопросныхъ пунктовъ, составленныхъ ими на основаніи оффиціальныхъ жалобъ тобольскаго губернатора и поддерживающаго его Сибирскаго генералъ-губернотора [3]). Арнгольдъ обвинялся: 1) въ томъ, что требовалъ отъ тобольской градской думы учрежденія трехъ приходскихъ училищъ, *минуя гражданское правительство*, не зналъ, что такое

---

[1]) Протоколы совѣта 1816 г., стр. 55а.

[2]) Протоколы совѣта 1816 г., стр. 95б.

[3]) Собраніе бумагъ по визитаціи тобольской дирекціи за 1816 годъ. Дѣло *Училищн. комит.* 1816 г. № 253.

открытіе зависитъ отъ разрѣшенія генералъ-губернатора и поспѣшилъ ихъ открытіемъ; 2) Арнгольду неизвѣстно было распоряженіе гражданскаго начальства объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ по Тобольской губерніи, по мѣстнымъ и другимъ обстоятельствамъ, только въ тѣхъ знатнѣйшихъ селеніяхъ, гдѣ имѣетъ пребываніе частный коммисаръ, и что онъ требовалъ отъ земскихъ начальствъ принудительныхъ мѣръ для скорѣйшаго заведенія училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и денежнаго сбора на оныя; 3) что не было понудительной причины въ сношеніяхъ съ гражданскимъ правительствомъ о выполненіи 24 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія; 4) что Арнгольдъ, въ противность устава училищъ 1804 года § 80, отлучился отъ публичнаго испытанія учениковъ гимназіи, изъ Тобольска въ Курганъ, Ялуторовскъ, Тюмень и Туринскъ, не извѣстивъ губернатора заблаговременно и всю публику чрезъ полицію; 5) въ томъ, что, испрашивая 1 декабря 1815 года отъ гражданскаго губернатора подорожную на проѣздъ въ Березовъ и получивъ ее, Арнгольдъ не обратилъ вниманія на сообщеніе губернатора, что въ Березовской округѣ обитаютъ только одни остяки и самоѣды, что не было ему никакой цѣли отправиться изъ Березова въ Обдорскъ, гдѣ происходилъ сборъ ясака и пробылъ тамъ во время ярмарки восемь дней, не показавъ въ рапортѣ, что въ Березовѣ онъ собралъ въ пользу училища 499 р. 50 коп. [1]); 6) въ томъ, что Арнгольдъ, затребовавъ отъ гражданскаго губернатора свѣдѣнія по описанію тобольской губерніи и, получивъ вмѣсто нихъ (собираніе такихъ свѣдѣній лежало на обязанности директоровъ) описаніе, сдѣланное землемѣромъ Филимоновымъ, не вос-

---

[1]) Это было самое серьезное обвиненіе Арнгольда, но въ отвѣтахъ своихъ онъ объяснилъ, что хотя изъ бумаги губернатора онъ и видѣлъ, что въ Березовской округѣ живутъ одни только ясашные и что потому, онъ, губернаторъ, не рѣшался приглашать ихъ къ пожертвованію въ пользу постройки училищнаго дома, „но я предполагалъ“, пишетъ обвиняемый, „что и ясашные, по воззванію государя императора ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, могутъ усердствовать въ пользу народнаго просвѣщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ, любопытствуя видѣть житіе и обряды остяковъ и самоѣдовъ, рѣшился отправиться въ Обдорскую крѣпостцу потому болѣе, что время было праздничное и употреблено было на поѣздку собственное иждивеніе. По приглашенію Арнгольда, въ квартирѣ исправника, коммиссаръ, обдорскій князь, другіе остяки и самоѣды пожертвовали около 90 рублей въ пользу заводимаго въ Березовѣ училищнаго дома; деньги эти должны храниться у исправника. Въ Березовѣ городничій Захаровъ уговаривалъ общество на пожертвованіе дома; была устроена подписка и по ней значилось подписной суммы дѣйствительно 499 р. 56 к. на постройку или покупку дома, а неналичныхъ, которыя должны быть еще собраны.

пользовался имъ и, не смотря на запрещеніе генералъ-губернатора входить за помянутыми свѣдѣніями, помимо мѣстнаго начальства, въ присутственныя мѣста, учитель Лепехинъ, по приказанію Арнгольда, требовалъ отъ тюменскаго городничаго доставить подобныя свѣдѣнія о городѣ Тюмени, и далѣе, что Арнгольдъ о предписаніи генералъ-губернатора, запретившаго сообщать Арнгольду какія-либо свѣдѣнія, на его требованія, отозвался «неправильными и неприличными выраженіями, сужденіями и дерзкимъ отзывомъ; 7) что Арнгольдъ, на частыя предложенія губернатора представить для ходатайства съ его стороны объ исправленіи весьма ветхаго зданія гимназіи не захотѣлъ этого сдѣлать; 8) что Арнгольдъ не руководствовался никакими правилами о формѣ сношеній своихъ съ гражданскимъ губернаторомъ и «обращалъ форму сношеній въ видъ партикулярныхъ писемъ»; наконецъ 9) что 28 іюня Арнгольдъ, неизвѣстно по какому случаю, отбылъ въ городъ Тюмень и только при этомъ отъѣздѣ въ первый разъ сообщилъ губернатору, что управленіе гимназіей въ свое отсутствіе поручаетъ учителю Набережному, а прежде такихъ сообщеній не дѣлалъ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться подробно на объясненіяхъ, сдѣланныхъ Арнгольдомъ по каждому обвинительному пункту. Очевидно, что директоръ тобольской гимназіи не умѣлъ снискать къ себѣ личнаго расположенія сибирскаго высшаго начальства вслѣдствіе неправильно составленнаго имъ представленія о своей самостоятельности и о подчиненіи и отчетности своихъ только одному непосредственному казанскому начальству, т. е. университету. Онъ писалъ напримѣръ губернатору «отношенія», тогда какъ тотъ желалъ бы получать отъ него рапорты. Прежде, въ Казани, положеніе его какъ профессора было гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ положеніе директора гимназіи въ Тобольскѣ. Онъ не зналъ, что въ Сибири ему придется имѣть дѣло не съ начальниками, дѣйствующими по законамъ, а съ сатрапами, руководствовавшимися въ тѣ далекіе годы личнымъ произволомъ, властями, для которыхъ «законъ не писанъ». Когда визитаторы обратились въ Казань и представили совѣту университета 8 сентября вопросные пункты, данные ими Арнгольду, его отвѣты и свое мнѣніе, совѣтъ, по разсмотрѣніи всего этого, пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Онъ находитъ главную причину неудовольствій въ томъ, что директоръ Арнгольдъ, *стараясь объ открытіи уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, употреблялъ иногда мѣры, которыя гражданское правительство находило несовмѣстными съ постановленіями о управленіи сибирскими краями и почитало доказательствомъ дѣйствовать независимо отъ губернскаго начальства.* Хотя намѣренія ди-

ректора были похвальны, но *онъ заслуживаетъ порицаніе за то, что находясь при должности въ Сибири, онъ не старался узнать постановленія сего края* и чрезъ таковое нерадѣніе подалъ поводъ къ неудовольствіямъ и равномѣрно за то, что *прежде экзамена предпринялъ путь въ уѣздные города* и не употреблялъ въ своихъ сношеніяхъ законную форму. *Удаленіе его изъ Тобольска кажется необходимымъ, но какъ исправность его и усердіе къ службѣ одобряются визитаторами,* то просить г. попечителя представить о семъ г. министру» [1]).

На это донесеніе совѣта попечитель предоставилъ ему отнестись прямо отъ себя къ министру объ Арнгольдѣ и просить о переводѣ его директоромъ въ Симбирскъ, а симбирскаго директора Гапонова перевести на его мѣсто [2]). Министръ однако, безъ сомнѣнія по настояніямъ сибирскаго генералъ-губернатора, постоянно жившаго въ Петербургѣ, не согласился на такую комбинацію. Въ своемъ предписаніи совѣту (12 дек. 1816 г. № 4003) онъ требовалъ, чтобъ Арнгольдъ остался по прежнему на своемъ мѣстѣ и подтверждалъ ему, что «*если онъ не удержитъ себя въ порядкѣ,* правилами службы предписанномъ, то лишится, своего мѣста». На основаніи этого предписанія министра, совѣтъ опредѣлилъ: сдѣлать Арнгольду выговоръ, препроводивъ къ нему копію съ этого предписанія, а такъ какъ Гапоновъ былъ незадолго до этого переведенъ за что-то учителемъ въ иркутскую гимназію, то предписать ему немедленно отправиться обратно въ Симбирскъ, а о выдачѣ ему прогонныхъ денегъ отъ Иркутска просить его сіятельство г. министра» [3]). Какъ только Арнгольду сдѣлалось извѣстнымъ это распоряженіе министра, онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ, мотивируя его тѣмъ, что ему необходимо быть въ Москвѣ для раздѣла имѣнія между родственниками, но какъ человѣкъ ловкій и практическій, онъ очень хорошо понималъ какое значеніе имѣютъ личныя хлопоты, лесть и поклоны—у источника власти въ Петербургѣ, гдѣ жилъ и благоволившій ему попечитель Салтыковъ. Сдавъ должность, наличное имущество и деньги гимназіи старшему учителю Набережному и получивъ жалованье за январскую треть, Арнгольдъ выѣхалъ немедленно изъ Тобольска. Въ началѣ марта онъ былъ уже въ Казани, гдѣ «по слабости здоровья и весьма худой дороги», выхлопоталъ себѣ вторичный отпускъ на 28 дней. Воспользовавшись пребываніемъ въ Казани и познакомившись съ университетскими дѣлами

---

[1]) Протоколы совѣта 1816 г. стр. 120а.

[2]) Тамъ же стр. 140б.

[3]) Протоколы совѣта 1817 г. стр. 1а.

Арнгольдъ рѣшился сдѣлать попытку снова попасть на каѳедру, которая теперь представляла ему и больше выгодъ, и больше спокойствія, чѣмъ директорство въ гимназіи. Что онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ отсталъ отъ науки, что онъ продалъ всѣ свои хирургическіе инструменты, что три года онъ не вырывалъ даже и зубовъ—все это не приходило ему въ голову, какъ не приходило оно ни одному изъ его современниковъ, кромѣ тѣхъ, которые черпали знаніе изъ дѣйствительнаго его источника—на Западѣ. Арнгольдъ видѣлъ впереди только солидный для того времени окладъ профессора и прибыльную практику. Представляя при прошеніи своемъ въ совѣтъ аттестатъ о службѣ, Арнгольдъ говорилъ и о прежней службѣ своей профессоромъ, продолжавшейся два съ половиною года и называемой имъ теперь *многоуважаемой* (Арнгольдъ былъ опредѣленъ по старому режиму, а не по выборамъ, которымъ теперь предстояло ему подвергнуться). Онъ говорилъ, что только «для поправленія слабаго здоровья» онъ просилъ попечителя назначить его директоромъ въ Тобольскѣ (поѣздка за полярный кругъ, въ Обдорскъ въ самую средину зимы, въ Крещенье, не свидѣтельствуетъ однако о слабости его здоровья). О своей службѣ въ должности директора Арнгольдъ говоритъ, что онъ «прилагалъ всевозможное стараніе о исполненіи возложенныхъ на меня обязанностей со всею точностію для пользы народнаго просвѣщенія, но непредвидѣнныя отношенія вовлекли меня въ величайшія затрудненія, обратили на меня неблагорасположеніе гражданскаго начальства, и тѣмъ самымъ привели въ невозможность исполнять обязанности мои съ пользою для заведеній, управленію моему ввѣренныхъ» [1]).

Такія причины выставлялъ Арнгольдъ для объясненія желанія своего *обратнаго перемѣщенія* въ Казанскій университетъ и теперь уже не экстраординарнымъ профессоромъ, какимъ выходилъ изъ него, такъ какъ не имѣлъ степени доктора, а ординарнымъ. Каѳедру, которую онъ желалъ теперь занять, указывалъ уже другую, именно врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности. Нѣтъ свѣдѣній у насъ, насколько Арнгольдъ былъ приготовленъ къ этой каѳедрѣ, но она была свободна, а потому ее легче было получить. Каѳедру хирургіи, на которую Арнгольдъ былъ назначенъ въ 1812 году, занималъ профессоръ анатоміи и ректоръ Браунъ. Недостатокъ профессоровъ и много пустующихъ

---

[1]) Дѣло объ увольненіи директора тобольскихъ училищъ Арнгольда на 28 дней въ городъ Москву и объ увольненіи его вовсе отъ директорской должности. *Сов.* 1817 г. № 18.

каѳедръ вызвали незадолго до прошенія Арнгольда особую мѣру, дополнявшую въ нѣкоторомъ отношеніи уставъ 1804 года. По докладу министра просвѣщенія, утвержденному Государемъ Императоромъ въ 3 день января 1817 года, разрѣшено было профессорамъ занимать, кромѣ одной, и другую каѳедру съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ половиною штатнаго жалованья. Этимъ разрѣшеніемъ въ Казанскомъ университетѣ воспользовались, какъ мы увидимъ, тогда же въ довольно широкихъ размѣрахъ. Ректоръ Браунъ, первый заявилъ въ совѣтѣ желаніе занять праздное въ университетѣ мѣсто профессора хирургіи (онъ еще прежде того сталъ преподавать эту науку). Совѣтъ опредѣлилъ представить объ этомъ министру «такъ какъ хирургія имѣетъ *теперь* (?) связь съ анатоміею» [1]). Это представленіе совѣта было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія (25 апрѣля 1817 года, № 1033). Все это было очень хорошо извѣстно Арнгольду, и потому-то онъ и выбралъ для себя каѳедру врачебнаго веществословія и просилъ «въ случаѣ несоизволенія на сію покорнѣйшую просьбу, уволить его отъ должности директора тобольскихъ училищъ для пріисканія приличнаго мѣста». На счетъ чина надворнаго совѣтника, который былъ данъ ему какъ отправлявшемуся на службу въ Сибирь, на основаніи закона, Арнгольдъ писалъ, что лѣта, положенныя указомъ 9 декабря 1799 года, въ чинѣ 8 класса выслужилъ съ избыткомъ, какъ явствуетъ изъ аттестата, а потому считаетъ возложенный на него чинъ надворнаго совѣтника «заслуженнымъ трудами и похвальною службою», а не за поѣздку въ Сибирь полученнымъ. «Впрочемъ», заключаетъ свое прошеніе Арнгольдъ, «еслибы почтеннѣйшее начальство мое почло незаслуженнымъ помянутый чинъ, то осмѣливаюсь покорнѣйше донесть, что я съ покорностью готовъ сложить съ себя оный, но ѣхать обратно въ Тобольскъ не могу, какъ *по слабости здоровья*, такъ въ особенности по вышеизъясненнымъ причинамъ, по коимъ я, при всемъ усердіи ко благу просвѣщенія, долженъ быть безполезенъ для тамошнихъ заведеній».

Къ прямому опредѣленію или выбору (совѣтъ разсуждалъ о способѣ удовлетворенія просьбы Арнгольда) въ ординарные профессоры по указанной имъ каѳедрѣ, встрѣтилось препятствіе въ распоряженіи, сдѣланномъ попечителемъ Салтыковымъ (14 іюля, № 153). Это распоряженіе имѣвшее источникомъ своимъ заботы объ увеличеніи экономическихъ средствъ университета, состояло въ томъ, «чтобы *до времени* (?) университетъ ограничивался числомъ

---

[1]) Протоколы совѣта 1817 г. стр. 26а.

профессоровъ, нынѣ въ ономъ находящимся, и чтобы вакантныя каѳедры, какъ было и до сего времени, занимаемы были экстраординарными профессорами и адъюнктами, если только для сего оныхъ достаточно, такъ какъ *отъ неполнаго числа ординарныхъ профессоровъ составится важная отрасль экономической суммы*, которая послужитъ на поправленіе учебныхъ при университетѣ заведеній и на ихъ усовершенствованіе, и чтобы совѣтъ, при устроеніи заведеній, въ смѣтахъ имѣлъ великую разсчетливость, дабы таковыя заведенія устраивались постепенно, слѣдуя § 136 устава». Это распоряженіе попечителя утверждено было вскорѣ министромъ [1]). Совѣтъ поэтому и отказался удовлетворить прошеніе Арнгольда, «не приступая къ установленному §§ 57 и 58 устава изслѣдованію о знаніи и о достоинствахъ ищущихъ профессорскихъ мѣстъ», но опредѣлилъ представить копію съ своего опредѣленія министру. Вслѣдствіе этого представленія Арнгольдъ былъ уволенъ отъ должности директора.

Личное ходатайство въ Петербургѣ и житейская ловкость Арнгольда успѣли однакожъ поставить дѣло опредѣленія его вновь въ Казанскій университетъ такъ удачно, какъ вѣроятно онъ самъ и не разсчитывалъ. Совѣтъ, въ двухъ представленіяхъ своихъ (№№ 331 и 358), почти одновременно пошедшихъ къ министру, противорѣчилъ самому себѣ. Въ первомъ онъ препровождалъ просьбу Арнгольда о перемѣщеніи его въ Казанскій университетъ ординарнымъ профессоромъ врачебнаго веществословія, а вторымъ испрашивалъ порученіе профессору Вердерамо, сверхъ занимаемой имъ каѳедры, и другую—ту же каѳедру врачебнаго веществословія. Министръ передалъ оба представленія на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ. Здѣсь «принято было въ уваженіе и *личное засвидѣтельствованіе* г. попечителя Казанскаго университета о надворномъ совѣтникѣ Арнгольдѣ, который прежде сего служилъ профессоромъ по части хирургіи». Правленіе, основываясь на этомъ, положило *опредѣлить его, Арнгольда, на имѣющуюся вакантную каѳедру хирургіи ординарнымъ профессоромъ, яко извѣстнаго уже знаніемъ своимъ по оной*, а ректора Брауна уволить отъ преподаванія хирургіи (мы видѣли выше, что министръ, согласно представленію совѣта, незадолго до того поручилъ ему преподаваніе по оной), которую онъ принялъ на себя за неимѣніемъ особаго профессора по сей части, впредь до опредѣленія онаго. Сверхъ того, при ректорской должности, двѣ столь обширныя каѳедры занимать затруднительно и невозможно».

---

[1]) Протоколы совѣта 1815 г. стр. 88а и 99б.

Профессоромъ хирургіи снова назначенъ былъ Арнгольдъ 5 августа 1817 года, а 7 того же августа, по предложенію попечителя, поручена ему должность доктора гимназической больницы, «съ производствомъ опредѣленныхъ выгодъ», до опредѣленія профессора клиники. Торжествующимъ возвратился такимъ образомъ Арнгольдъ въ Казань, тѣмъ болѣе, что по видимому и дорога ему ничего не стоила. Ему выданы были прогонныя деньги, а изъ рапорта нижегородской гимназіи училищному комитету университета отъ 10 сентября 1817 года, № 432, съ приложеніемъ росписки Арнгольда, мы узнаемъ, что онъ везъ какія-то казенныя вещи, отправленныя изъ С.-Петербурга попечителемъ Салтыковымъ (въ первый разъ онъ также везъ, какъ мы видѣли, на казенный счетъ Доллондову трубу отъ Румовскаго) и взялъ изъ гимназичесской суммы «для разсчета съ рабочими людьми» заимообразно триста рублей. Мы не нашли однако никакихъ указаній на то, какія казенныя вещи Арнгольдъ привезъ съ собою. Тотчасъ по прибытіи его въ Казань, за переходомъ Эрдмана въ Дерптскій университетъ, ему препорученъ былъ и клиническій институтъ.

Вторичная служба профессора Арнгольда въ Казанскомъ университетѣ на каѳедрѣ хирургіи продолжалась также недолго: всего около двухъ лѣтъ, до окончанія ревизіи Магницкаго. Слѣдовательно и по краткости времени этой служебной дѣятельности едва-ли можно полагать, чтобъ отъ нея остался глубокій слѣдъ. Изучая немногіе сохранившіеся слѣды этой дѣятельности въ архивныхъ документахъ, мы пришли къ убѣжденію, что собственно преподавательской дѣятельности со стороны Арнгольда и не было. Хотя въ росписаніи преподаванія на 1818—1819 учебный годъ и напечатано, что онъ будетъ читать студентамъ хирургію по сочиненію Буша, но мы очень сомнѣваемся, чтобъ это было въ дѣйствительности. Изъ студентовъ, которые могли бы учиться у него, мы знаемъ только одного Отсолига. Для наступающаго курса 1818 — 1819 года Арнгольдъ представилъ правленію о необходимости пріобрѣтенія *моделей*, которыхъ университетъ не имѣлъ, и просилъ «для построенія ихъ и пріобрѣтенія хирургическихъ «снарядовъ и повязокъ» отпустить ему 250 рублей изъ клинической сумму. Сумма эта не была еще назначена вообще; чтобы получить просимую имъ часть ея, необходима была длинная переписка, такъ что лишь въ ноябрѣ разрѣшено было выдать Арнгольду требуемую имъ суммы, отчетъ объ употребленіи которой онъ представилъ лишь въ іюлѣ 1819 года. Въ теченіе этого времени Арнгольдъ доносилъ правленію университета: «какъ сумма сія не ассигнована, то и затрудняюсь я въ преподаваніи хирургическихъ наставленій и сознаю невозможнымъ препо-

давать безъ сего пособія съ успѣхомъ» [1]). Преподавалъ ли Арнгольдъ въ это время хирургію или нѣтъ — мы положительно сказать не можемъ, но какъ разъ въ половинѣ этого учебнаго года, послѣдняго въ профессорской дѣятельности Арнгольда, отдѣленіе врачебныхъ наукъ входитъ 3 февраля 1819 года, послѣ смерти профессора Брауна, въ совѣтъ съ представленіемъ о «порученіи Арнгольду лекцій по анатоміи, физіологіи и судебной врачебной наукѣ, *безъ жалованья*, впредь до опредѣленія настоящаго сихъ наукъ профессора». Въ этомъ же представленіи отдѣленіе просило совѣтъ снестись съ казанскимъ губернаторомъ, чтобъ онъ благоволилъ предписать кому слѣдуетъ о доставленіи впредь въ анатомическій театръ университета человѣческихъ труповъ, необходимо нужныхъ для преподаванія [2]). Вслѣдъ за симъ самъ Арнгольдъ представляетъ совѣту просьбу поручить ему вполнѣ каѳедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, а на занимаемую имъ каѳедру по части хирургіи пригласить другого профессора [3]). Не знаемъ, какъ объяснить эту частую измѣнчивость Арнгольда по предметамъ его преподаванія, но очевидно, что какъ представленіе врачебнаго отдѣленія о порученіи Арнгольду преподаванія анатоміи безъ жалованья, такъ и ходатайство его самого оставить хирургію и перейти на каѳедру анатоміи, дѣлались безъ взаимнаго соглашенія отдѣленія и профессора. Совѣтъ потребовалъ заключенія по послѣднему ходатайству Арнгольда отъ врачебнаго отдѣленія. Заключенія этого довольно долго не давало отдѣленіе, такъ что и д. ректора послѣ смерти Брауна проректоръ Солнцевъ заявилъ въ засѣданіи совѣта, что лекціи анатомическія остаются безъ чтенія (покойный Браунъ успѣлъ въ этомъ году пройти только вкратцѣ одну остеологію), и просилъ совѣтъ сдѣлать по этому предмету какое-либо окончательное распоряженіе, такъ какъ ходатайство Арнгольда о перемѣнѣ каѳедры не получило еще разрѣшенія. Совѣтъ просилъ отдѣленіе поспѣшить своимъ представленіемъ по этому дѣлу. Въ представленіи, заслушанномъ въ совѣтѣ 28 февраля, отдѣленіе настаивало на временномъ только порученіи профессору Арнгольду чтенія по каѳедрѣ анатоміи, считая преподаваніе анатоміи и физіологіи «предпочтительно необходимымъ», согласиться же на обмѣнъ каѳедръ, предлагаемый Арнгольдомъ, оно не можетъ, такъ какъ самъ совѣтъ, по смерти Брауна, объявилъ конкурсъ на замѣщеніе

---

[1]) Дѣло по рапорту г. проф. Арнгольда о покупкѣ моделей и хирургическихъ инструментовъ. *Правл.* 1818 г., № 118.

[2]) Протоколы совѣта 1819 года, стр. 27а.

[3]) Тамъ же, стр. 31.

каѳедры анатоміи и измѣнить это опредѣленіе совѣта отдѣленіе не имѣетъ права. Арнгольдъ же настаивалъ на своемъ, доказывая, что онъ не въ состояніи принять на себя преподаваніе по двумъ каѳедрамъ, какъ желаетъ того отдѣленіе, по неимѣнію времени и по недостатку прозектора и нужныхъ препаратовъ [1]). Мы имѣемъ основаніе думать, что если бы въ представленіи отдѣленія не стояла прибавка о *безденежномъ* преподаваніи анатоміи, то со стороны Арнгольда препятствій къ совмѣстительству не нашлось бы. Совѣтъ опредѣлилъ представить о перемѣнѣ каѳедры Арнгольдомъ министру, а пока повтореніе пройденнаго поручить студенту Отсолигу, подъ наблюденіемъ декана (Вердерамо) [2]). Арнгольдъ, какъ видно изъ донесенія экзекутора совѣту, отказался и отъ принятія анатомическихъ вещей, какъ было постановлено совѣтомъ «за неимѣніемъ времени», и принять ихъ долженъ былъ орд. проф. Вердерамо [3]). Но и хирургію Арнгольдъ едва ли преподавалъ. Въ засѣданіи совѣта 12 іюня того же года проректоръ Солнцевъ читалъ записку о небывшихъ на лекціяхъ нѣкоторыхъ гг. преподавателей, «при чемъ оказалось, что проф. Арнгольдъ *съ давняго времени въ лекціяхъ не бывалъ* и причины отсутствія сего не объявилъ». Совѣтъ единогласно опредѣлилъ: потребовать отъ Арнгольда объясненія о причинахъ его отсутствія. На этотъ запросъ Арнгольдъ отвѣтилъ слѣдующее: «будучи занятъ по порученному мнѣ высочайшимъ повелѣніемъ построенію казанскаго военнаго госпиталя и *разстроенъ здоровьемъ моимъ* (мы уже видѣли, что Арнгольдъ постоянно жаловался на слабость здоровья), долженъ былъ на нѣсколько времени оставить преподаванія свои, а потому и прошу почтеннѣйшій совѣтъ не вмѣнить мнѣ оное въ вину» [4]). Что же касается до исправленія Арнгольдомъ зданія казанскаго военнаго госпиталя, то оно доказываетъ намъ съ одной стороны большую житейскую ловкость Арнгольда и умѣнье устраивать свои дѣла, съ другой—недостатокъ людей съ техническимъ образованіемъ въ военномъ вѣдомствѣ. Мы знаемъ только начало этого дѣла. Министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ сообщаетъ совѣту Казанскаго университета (23 марта 1819 г. № 1298), что проф. Арнгольдъ, въ письмѣ своемъ къ нему отъ 5 декабря прошлаго года, изложилъ свое мнѣніе касательно исправленія строенія казанскаго военнаго госпиталя

---

[1]) О томъ, что заключалось тогда въ анатомическомъ театрѣ, можно видѣть изъ донесенія проф. Вердерамо. Дѣло *Сов.* 1818 г. № 127.

[2]) Протоколы Совѣта 1819 года, стр. 37а.

[3]) Тамъ же, стр. 44.

[4]) Дѣло о нехожденіи проф. Арнгольда на лекціи. *Сов.* 1819 г. № 177.

и просилъ его ходатайства о доведеніи о томъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. И письмо, и планъ, представленные Арнгольдомъ, князь Голицынъ препроводилъ къ начальнику главнаго штаба, сообщившему все это на разсмотрѣніе военнаго министра. Затѣмъ начальникъ главнаго штаба увѣдомляетъ князя Голицына, что военный министръ призналъ полезнымъ поручить профессору Арнгольду исправленіе зданій казанскимъ военнымъ госпиталемъ занимаемыхъ, *съ отпускомъ потребной на то суммы* изъ коммиссаріатскаго вѣдомства, прикомандировавъ въ помощь къ Арнгольду университетскаго архитектора, съ тѣмъ, чтобы исправленіе это было произведено подъ надзоромъ казанскаго коменданта. Изъ бумаги начальника главнаго штаба князя Волконскаго видно, что все дѣло объ участіи Арнгольда въ перестройкѣ зданій госпиталя, на которую была ассигнована сумма въ количествѣ 172642 р., было доложено Государю Императору, соизволившему утвердить планъ перестройки. Арнгольду, какъ видно изъ той же бумаги, позволялось «жить въ перестроенномъ зданіи, по высушкѣ сырыхъ покоевъ, для пробы» (?). Ему поручалось также составить смѣту для исправленія стараго строенія «по методѣ его» для обращенія въ казармы. Такимъ образомъ Арнгольдъ является передъ нами и зодчимъ, но намъ ничего неизвѣстно, какъ исполнилъ онъ порученіе военнаго вѣдомства, вызванное имъ самимъ. Если онъ и довелъ до конца перестройку, то уже не будучи профессоромъ Казанскаго университета [1]).

Не совсѣмъ удачно было для Арнгольда исполненіе имъ должности врача гимназической больницы, въ которой лѣчились студенты. На первыхъ порахъ, познакомившись съ больницею, онъ счелъ долгомъ своимъ донести правленію университета (12 августа 1818 г.) о неустройствахъ въ ней, имъ замѣченныхъ. Онъ нашелъ тамъ: 1) кровати и столики деревянные, до того безобразные, что они совершенно неприличны были бы даже и въ солдатскихъ больницахъ; 2) тюфяки, частію набитые сѣномъ, частію перьями, были, за долговременностью, совершенно ветхіе; подушки при нихъ худыя, одѣяла—ветхія и безобразныя, кружки—оловянныя и поломанныя. Обо всемъ этомъ онъ представлялъ директору Яковкину, но тотъ отозвался неимѣніемъ суммъ на устройство новой обстановки. Поэтому Арнгольдъ и просилъ правленіе «приказать помянутыя неисправности, подъ руководствомъ моимъ исправить, а вещи вновь построить». Все это кончилось однако ничѣмъ, такъ какъ правленіе предложило Арн-

[1]) Дѣло о порученіи профессору Арнгольду исправленія зданій, казанскимъ военнымъ госпиталемъ занимаемыхъ. *Сов.* 1819 г. № 136.

гольду объ исправленіяхъ отнестись въ контору гимназіи.—Должность врача въ этой больницѣ доставила однако не мало непріятностей Арнгольду. Такова его ссора, разбиравшаяся судебнымъ порядкомъ университетскимъ правленіемъ, съ главнымъ надзирателемъ гимназіи Петровымъ, тѣмъ самымъ, на котораго жаловались учители гимназіи въ дѣлѣ «о выбитіи глаза ученику Иванову», разсказанномъ нами въ одной изъ предшествовавшихъ главъ. Новое дѣло сущность котораго мы считаемъ полезнымъ изложить для болѣе полной характеристики Арнгольда [1]), не возникло бы однако никоимъ образомъ, если бы попечителемъ оставался Салтыковъ, чрезвычайно благоволившій Арнгольду, какъ это было уже не разъ нами замѣчено. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для объясненія причинъ этого благоволенія. Но Салтыковъ, живя въ Петербургѣ, близко видѣлъ какъ измѣнялось направленіе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; до него доходили слухи, распускаемые въ Петербургѣ, о неурядицахъ въ Казанскомъ университетѣ; онъ зналъ вѣроятно о готовящейся ревизіи Магницкаго и 4 августа 1818 года былъ уволенъ по прошенію. У Арнгольда не стало сильнаго защитника. Нападать можно было теперь безнаказанно.

Въ своемъ прошеніи, поданномъ имъ 8 сентября 1818 года въ правленіе, Арнгольдъ жалуется на «обиды, претерпѣваемыя имъ со стороны посторонняго въ отношеніи больницы человѣка—главнаго надзирателя Петрова. Обида состояла въ томъ, что Петровъ пригласилъ въ больницу профессоровъ: Брауна, Вердерамо и Фукса для совѣщанія о болѣзни питомца Попова, не давъ знать о томъ ему, Арнгольду. Эти профессоры, не найдя въ больницѣ врача, не могли и совѣщаться. «*Петровъ входилъ въ разсмотрѣніе больнаго и его лѣкарства и отзывался обо мнѣ, въ присутствіи студентовъ, моихъ слушателей, съ весьма невыгодной стороны* и между прочимъ сказалъ, что двое питомцевъ померли въ бытность мою при больницѣ, изъ коихъ одинъ погибъ невинно». Арнгольдъ проситъ правленіе «воспретить Петрову входить въ дѣла и распоряженія по больницѣ, потому что она не подлежитъ его надзору. Правленіе потребовало отъ Петрова объясненія на эту жалобу. Его длинное объясненіе представлено было лишь черезъ два мѣсяца. Въ немъ Петровъ говоритъ, что *не безъ причины* онъ почелъ необходимымъ доложить директору о сомнительномъ состояніи здоровья *уже покойнаго* пан-

---

[1]) Дѣло по жалобѣ профессора хирургіи Адама Арнгольда о причиненной ему обидѣ главнымъ надзирателемъ казанской гимназіи Петровымъ относительно худаго пользованія имъ, Арнгольдомъ, въ больницѣ питомцевъ гимназіи. *Правл.* 1818 г. № 124.

сіонера Попова и директоръ приказалъ просить означенныхъ въ бумагѣ Арнгольда профессоровъ, извѣстя о томъ и его. По словамъ Петрова, онъ дѣлалъ эти приглашенія лично, дважды былъ и у Арнгольда, но не засталъ его дома и просилъ домашнихъ передать ему о причинѣ его прихода. И надзиратель больницы Фавръ могъ извѣстить его, зная заранѣе о предполагавшемся консиліумѣ. Далѣе, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Арнгольда, идутъ у Петрова уже прямыя обвиненія его, какъ невнимательнаго врача:

„Будто я входилъ въ разсмотрѣніе больнаго и его лѣкарства?"—изъясняю, что безъ дальняго разсматриванія больнаго, можно было понимать тягостное его состояніе, выражаемое охриплыми стонами, икотою и кашлемъ; а лѣкарства я разсматривать не могъ, не имѣя медицинскихъ познаній; только поставлялъ на видъ посѣтившимъ профессорамъ, что на сигнатуркѣ лѣкарства Попову написано было „pro gymnasio" и пояснялъ, что и на большей части бланокъ съ лѣкарствами бываютъ подобныя надписи, отчего, предполагаю, могутъ легко лѣкарства даваться ошибкою и не тѣмъ больнымъ, для которыхъ назначаются. Кромѣ того я отвѣтствовалъ на вопросы гг. профессоровъ Брауна и Вердерамо, желавшихъ знать о времени болѣзни Попова и отвѣтствовалъ потому, что надзиратель больницы и помощникъ доктора Фавръ, на всѣ вопросы ихъ давалъ единообразные отвѣты: *„не знаю"* или *„не могу знать"*. И дѣйствительно не могъ ничего знать, ибо сказалъ ясно, въ присутствіи всѣхъ тутъ бывшихъ, что ни рецептовъ, ни больничнаго журнала онъ не читывалъ, который журналъ, по его словамъ, для чего-то не помню хранится въ квартирѣ г. Арнгольда, а не въ самой больницѣ, какъ сіе учреждено на основаніи гимназіи и строго соблюдалось всѣми прежде бывшими докторами. Я даже усомнился въ существованіи онаго журнала, но къ удивленію моему, 6-го числа, въ 12 часу утра, увидѣлъ оный журналъ представленнымъ отъ г. Арнгольда на консиліумѣ гг. профессорамъ Брауну и Вердерамо. Я примѣтилъ, что сей журналъ былъ весьма тщательно сберегаемъ, а чистота его, одинаковость почерка и самыхъ чернилъ были только сомнительными свидѣтелями давняго его существованія. И такъ здѣсь не разсматриваніе лѣкарствъ было, а разсматриваніе больнаго, который уже болѣе полугода былъ подвергаемъ различнымъ перемѣнамъ болѣзни и конечно внимательное, продолжительное, непрерывное пользованіе его, Попова, не только спасло бы ему жизнь, но и возвратило бы ему прежнее, цвѣтущее его здоровье.

„Здѣсь для ясности, прилагаю времяисчисленіе, когда онъ, покойный Поповъ, вступалъ въ больницу, и когда изъ оной былъ выпускаемъ. Въ 1818 году, сдѣлавшись боленъ лихорадкою, вступилъ 30 января, выпущенъ 5 февраля, вступилъ 11 февраля, выпущенъ—17, вступилъ 28 февраля—выпущенъ 7 марта, вступилъ 24 марта—выпущенъ 6 апрѣля, вступилъ 13 апрѣля, выпущенъ 6 мая; вступилъ 7 мая, выпущенъ 13 іюня. Въ продолженіе іюня и іюля страдалъ сильною одышкою; вступилъ въ больницу 9 августа, а 17 сентября волею божіею померъ. Представляю просвѣщеннымъ врачамъ судить о пользѣ и вредѣ таковаго *непостояннаго способа лѣченія больныхъ* въ казенномъ заведеніи...

5) „Упоминаетъ г. Арнгольдъ (въ своей жалобѣ), будто я говорилъ что двое питомцевъ померли въ бытность его Арнгольда при больницѣ. Изъ-

ясняю, что померли двое питомцевъ при немъ до 10 сентября, а 14 еще одинъ; слѣдовательно въ нынѣшнемъ году, съ 15 апрѣля по 17 сентября, при г. Арнгольдѣ всего померло въ гимназической больницѣ трое питомцевъ. Это доказывается и рапортами его, г. Арнгольда, въ контору гимназіи...

6) „Будто я говорилъ, что одинъ изъ умершихъ, именно Алексѣй Новиковъ погибъ невинно? На сей пунктъ отвѣтствую. Когда, по приказанію г. директора, я просилъ профессоровъ Брауна, Вердерамо и Фукса въ гимназическую больницу для совѣщанія о болѣзни покойнаго казеннокоштнаго ученика Новикова, то по окончаніи консиліума, оные профессора именно сказали, что *призваны поздно и что прервать болѣзни уже нельзя*". Слѣдственно я, по здравому смыслу и безошибочно могу заключить, что *еслибы г. Арнгольдъ имѣлъ болѣе попеченія о больныхъ питомцахъ, то конечно приглашалъ бы гг. врачей на совѣщанія заблаговременно* и долженъ былъ бы, какъ искусный врачъ, хорошо знать когда можно еще воспользоваться совѣтами другихъ врачей къ спасенію болящихъ, и таковыя приглашенія какъ видно изъ приведеннаго отзыва гг. профессоровъ, могли бы извлекать изъ опасности здоровье и самую жизнь больныхъ учениковъ гимназіи. А онъ г. Арнгольдъ, не только ихъ не приглашаетъ, но еще и сѣтуетъ на тѣхъ, кои по состраданію, по должности и по святости присяги необходимо должны при всякомъ случаѣ пещись о безопасности ввѣренныхъ имъ питомцевъ".

Далѣе главный надзиратель Петровъ оправдывается отъ обвиненія Арнгольда, что будто бы онъ хотѣлъ судить о свѣдѣніяхъ его въ лѣченіи. Объ этомъ онъ и не мыслилъ. «Когда начальство признало его, г. Арнгольда съ достаточными познаніями врача», говоритъ Петровъ, «то я обязанъ считать и всегда считаю священными таковыя признанія. Однако законы требуютъ отъ каждаго служащаго не только познаній въ должности, но и исполненія оной съ усердіемъ, дѣятельностью и внимательностью». И вотъ, въ доказательство того, что Арнгольдъ не отличался ни усердіемъ, ни дѣятельностью, ни внимательностью, Петровъ приводитъ нѣсколько доказательствъ. Арнгольдъ вовсе не велъ журнала о болѣзни, и если бы онъ велся, какъ слѣдуетъ, то не было бы напримѣръ такого случая (приведемъ одно изъ доказательствъ), что казенно-коштный питомецъ гимназіи Николай Михайловъ былъ признанъ *безнадежно глухимъ*, такъ какъ при записываніи, или по приказанію записывать помощнику своему, Арнгольдъ не рѣшился бы записать, что *въ ушахъ Михайлова барабаны прогнили*, а это онъ утверждалъ предъ врачебнымъ отдѣленіемъ, когда Михайлова свидѣтельствовали по опредѣленію совѣта университета Врачебное отдѣленіе повѣрило Арнгольду и опредѣлило, что Михайловъ потерялъ слухъ безвозвратно. Онъ былъ уволенъ съ казеннаго кошта, избавился отъ обязательной ученой или учебной службы. «Но на сихъ дняхъ только я точно удостовѣрился», заключаетъ Петровъ, «извѣстіемъ изъ С.-Петербурга, что онъ, Михайловъ находится въ оной столицѣ, имѣетъ

совершенно здравый слухъ и опредѣляется, ежели уже не опредѣлился въ военную службу».

Правленіе университета потребовало 20 ноября 1818 года отъ Арнгольда, чтобы онъ, на объясненіе Петрова, представилъ свое «показаніе съ доказательствами», и такъ какъ Арнгольдъ медлилъ съ нимъ, то правленіе въ другой разъ потребовало немедленно представить его. Это показаніе и было представлено имъ 23 декабря. Не станемъ останавливаться на подробностяхъ его объясненій, не имѣющихъ впрочемъ ничего спеціально медицинскаго и ограничивающихся или категорическимъ отрицаніемъ, или укоромъ обвинителю. «Каждый врачъ, по опытамъ, съ горестью сознаетъ», пишетъ Арнгольдъ, «что часто чистѣйшее усердіе и совершеннѣйшія знанія не въ силахъ отвратить смертельнаго слѣдствія роковой болѣзни; требовать же отъ врачей совершенства и могущества Божія, требовать непремѣннаго изцѣленія каждой болѣзни и поставлять смерть, постигающую и самихъ царей, въ вину и охужденіе врачу, означало бы нелѣпость, свойственную токмо грубому невѣждѣ». Весь отзывъ Петрова Арнгольдъ считаетъ для себя *тяжкою обидою* и проситъ правленіе защитить его на законномъ основаніи. Копія съ показанія Арнгольда препровождена была немедленно правленіемъ къ Петрову съ требованіемъ отвѣтнаго объясненія. Нѣсколько разъ повторялось это требованіе до 14 августа 1819 года, но Петровъ молчалъ и только 5 ноября этого года правленіе постановило: за выбытіемъ изъ вѣдомства университетскаго Арнгольда и Петрова, все дѣло сдать въ архивъ. Но гораздо прежде этого, именно 15 апрѣля 1819 года, Арнгольдъ подалъ въ совѣтъ университета прошеніе уволить его отъ должности врача при гимназической больницѣ «по слабости здоровья» и по другимъ занятіямъ на него «возложеннымъ по высочайшему повелѣнію». Арнгольдъ былъ немедленно уволенъ и должность врача при гимназической больницѣ снова была поручена профессору Фуксу [1]).

Въ 1818 году довольно обыденное происшествіе, случившееся въ казенной квартирѣ Арнгольда, было поводомъ къ возникновенію цѣлаго дѣла, оффиціальной переписки и къ слѣдствію. Экзекуторъ университета Ушмарскій донесъ правленію о томъ, что Арнгольдъ сообщилъ ему, что «находящаяся у него въ услуженіи крѣпостная женщина Василиса, якобы съ намѣреніемъ зажгла вѣникъ въ печкѣ и бросила на полъ, отъ чего могъ бы произойти пожаръ, еслибъ онъ,

---

[1]) Дѣло объ увольненіи профессора Арнгольда отъ должности доктора гимназической больницы и о препорученіи оной г. проф. Фуксу. *Сов.* 1819 г. № 100.

Арнгольдъ, вскорѣ не взошелъ въ комнату и не прекратилъ все оное къ опасности предвидимое». Донесеніе это экзекуторъ долженъ былъ сдѣлать на бумагѣ, оффиціально, по просьбѣ, какъ онъ пишетъ, самого Арнгольда. Правленіе приказало экзекутору взять крѣпостную женку Арнгольда подъ караулъ и самого его увѣдомило о томъ выпискою изъ журнала. Какъ только Арнгольдъ получилъ эту выписку изъ журнала, такъ сейчасъ же донесъ рапортомъ, что приведенные экзекуторомъ въ бумагѣ его факты ложны: 1) происшествіе случилось въ его кухнѣ въ его отсутствіе и прекращено не имъ, а по распоряженію жены Арнгольда; 2) пожаръ начался въ то время, когда готовила кушанье крѣпостная дѣвка жены—Авдотья, а не Василиса, какъ показываетъ экзекуторъ; 3) происшествіе считалъ онъ, Арнгольдъ «важнымъ для безопасности общей» и потому, призвавъ экзекутора, объявилъ ему о томъ съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ розыскъ о немъ по горячимъ слѣдамъ, былъ ли случай преднамѣренный или произошелъ онъ по неосторожности, и донесъ о томъ ректору. «Экзекуторъ, не учиня должнаго слѣдствія, извѣстилъ меня на другой день, что онъ о происшествіи докладывалъ ректору и что ректоръ приказалъ ему увѣдомить меня, что я дѣвку мою могу наказать дома, и для того предлагалъ взять солдатъ». Далѣе Арнгольдъ пишетъ, что случай произошелъ отъ неосторожности, какъ оказалось по его собственному изслѣдованію, «а по сему и не могу дать женщину Василису подъ караулъ, но впрочемъ, какъ дѣвка Авдотья еще не наказана, то и предаю ее распоряженію правленія». Правленіе приказало: дѣвку Авдотью въ присутствіи синдика о описанномъ въ рапортѣ экзекутора разспросить, а г. проф. Арнгольду дать выписку, чтобъ онъ имѣлъ за своими людьми строжайшій присмотръ. Далѣе, въ слѣдующемъ рапортѣ, экзекуторъ доноситъ, что Арнгольдъ не отдаетъ ему уже ни той, ни другой изъ предполагаемыхъ виновницъ пожара, и что онъ теперь уже вовсе не стоитъ на утвержденіи преднамѣренности. Тѣмъ не менѣе однакоже, 11 іюля 1818 года, дѣвка г-жи Арнгольдъ Авдотья была допрошена синдикомъ университета Юнаковымъ и по ея показанію выходило, что помело въ нижней кухнѣ профессора Арнгольда зажжено было не ею Авдотьею, а кучеромъ Серафимомъ, но было ли это сдѣлано имъ съ намѣреніемъ или нѣтъ—ей неизвѣстно. Синдику предписано было спросить кучера и изъ его словъ оказалось, что онъ «загребая помеломъ кухонную печку, вдругъ спрошенъ былъ своимъ бариномъ, профессоромъ Арнгольдомъ, почему второпяхъ, надлежащимъ образомъ не осмотрѣвши помело, положилъ его подъ печку. Будучи принужденъ немедленно ѣхать съ г. проф. Арнгольдомъ онъ не имѣлъ случая въ скоромъ времени побывать въ своей кухнѣ, возвратившись же домой часа чрезъ три, онъ услы-

халъ, что отъ неосмотрительности его, отъ оставшейся въ комнатѣ искры, загорѣлось самое помело и произошло отъ сего подъ печкою пламя». Синдикъ замѣтилъ ему, чтобъ онъ впредь былъ остороженъ, а Арнгольду подтверждено имѣть за служащими у него людьми строжайшій присмотръ. Этимъ подтвержденіемъ Арнгольдъ остался недоволенъ и нашелъ нужнымъ донести правленію, что онъ «никогда своимъ людямъ потачки не давалъ и худыхъ ихъ поступковъ не скрывалъ и что онъ не заслуживаетъ этого подтвержденія», такъ какъ виноватъ экзекуторъ, не сдѣлавшій изслѣдованія [1]).

Изъ литературныхъ трудовъ Арнгольда, кромѣ упомянутаго нами перевода «Таблицъ Мартенса», принятаго имъ въ руководство при преподаваніи, перевода съ нѣмецкаго небольшого сочиненія Августа Геккера «О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года» (Казань, 1814, 8°), мы можемъ указать еще на одну рѣчь его, произнесенную въ торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1818 года: «Разсужденіе объ отношеніи общаго организма къ особенному и вліяніи воздуха и воды на здравіе человѣка» [2]). Разсужденіе это не имѣетъ ничего общаго не только съ наукою, которую Арнгольдъ преподавалъ въ университетѣ, но и вообще съ наукою, заключая въ себѣ не факты, добытые изслѣдованіемъ, а общія мѣста. Намъ нѣтъ надобности поэтому входить въ подробное разсмотрѣніе его. Начавъ издалека, съ довременнаго хаоса, Арнгольдъ, подъ конецъ своей рѣчи, спускается въ область гигіены и останавливается на доказательствахъ съ одной стороны «сколь для благоденствія каждаго необходимъ *воздухъ* чистый и сколь строго должно соблюдать чистоту его какъ въ городахъ вообще, такъ и въ частныхъ домахъ въ особенности», и съ другой, что «столь же необходимую потребность для человѣка, животныхъ и всѣхъ въ природѣ дѣйствій составляетъ *вода*, которая распространена повсюду въ нѣдрахъ земли и въ воздухѣ, въ тѣлахъ твердѣйшихъ, мягкихъ и жидкихъ». Мѣстный интересъ представляли приведенныя Арнгольдомъ доказательства необходимости для здоровья хорошей воды и весьма краткій очеркъ мѣропріятій болѣе просвѣщенныхъ народовъ для полученія чистой и здоровой воды. «Опыты доказываютъ», говорилъ ораторъ-профессоръ, «что во всѣхъ мѣстахъ, коихъ народы прилагали и прилагаютъ ревностное попеченіе о сохраненіи въ свѣжести и чистотѣ хорошей естественной воды, или улучшеніи худой, отвращеніе жесточайшихъ болѣзней и долговременное на-

---

[1]) Дѣло о произшедшемъ было въ квартирѣ г. проф. Арнгольда пожарѣ. *Прав.д.* 1818 г. № 91.

[2]) 23 стр. 4°.

слажденіе добрымъ здравіемъ вѣнчали и вѣнчаютъ дѣятельность и благоразуміе жителей». И вотъ Арнгольдъ желаетъ вызвать своимъ краснорѣчіемъ жителей Казани на заботы о чистой и хорошей водѣ. «Высокопочтеннѣйшее дворянство», обращается онъ прежде всего къ передовому сословію, «вы, кои составляете опору престола царскаго и щитъ отечества, вы, кои въ ту бѣдственную и славную для Россіи годину, когда лютый врагъ истреблялъ огнемъ и мечемъ западные предѣлы Имперіи и когда великій монархъ нашъ пригласилъ васъ къ отраженію дерзкаго сего непріятеля» и т. д. «Именитое купечество, пламенные соревнователи благороднаго дворянства! вы, кои всегда и во всѣхъ случаяхъ, отъ трудовъ и избытковъ своихъ повергали значительныя дани на пользу общую» и пр. Арнгольдъ, говоря, что эти передовыя сословія казанскихъ жителей знаютъ какъ великъ недостатокъ хорошей воды въ Казани, призываетъ ихъ «ознаменовать себя на жертву для общаго и частнаго благоденствія». Жертва эта должна имѣть задачею своею оградить озеро Кабанъ, заключающее въ себѣ лучшую воду, отъ различныхъ засореній, которыя портятъ ее. Не вдаваясь ни въ какія подробности техническія, Арнгольдъ, въ очень общихъ словахъ, указываетъ на тѣ мѣры, которыя могли бы служить къ оздоровленію озера, этого единственнаго тогда хранилища воды, употребляемой въ пищу жителями Казани. «Слѣдуетъ дать движеніе водѣ», говоритъ онъ, «очистить Булакъ, наконецъ обвести Кабанъ, наипаче тамъ, гдѣ онъ окруженъ строеніями, валомъ или набережною засыпавъ ее пескомъ, дабы вода во время весны, осени и сильныхъ дождей, со всѣхъ сторонъ и со всякими нечистотами къ Кабану стекающая и тѣмъ искажающая добрыя качества струй его, проходя сквозь песокъ, оставляла въ немъ всю мутность и вредоносность свою». Сильно сомнѣваемся, чтобы предлагаемый Арнгольдомъ проектъ очищенія кабанной воды могъ быть приведенъ въ исполненіе на практикѣ. Слова его не возбудили рвенія ни въ высокопочтеннѣйшемъ дворянствѣ, владѣвшемъ въ ту пору большими средствами, ни въ именитомъ купечествѣ, торговавшемъ тогда на наличныя деньги, если не изъ яснаго сознанія непрактичности мѣръ, предлагаемыхъ Арнгольдомъ, то изъ увѣренности въ правотѣ исторической казанской татарской пословицы, что «кабанная вода человѣка *мягчитъ*». Напрасно увѣрялъ ораторъ передовыя сословія Казани, что по реализаціи предлагаемаго имъ проекта «безъ сомнѣнія улучшится свойство кабанской (sic) воды и будетъ доставлять вамъ и потомкамъ вашимъ пріятное и здоровое питье; тогда вы вѣрно не увидите въ водѣ сей тѣхъ насѣкомыхъ, кои нынѣ даже невооруженный глазъ усматриваетъ тысячи въ одномъ ста-

канѣ». Напрасно соблазнялъ профессоръ будущихъ жертвователей благословеніями потомства, «клянясь именемъ благодарности къ одолженіямъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ бы водрузили вы памятникъ усердія къ выгодѣ собственной и ближнихъ, вѣчно былъ бы возжигаемъ вамъ ѳиміамъ чистѣйшей признательности отъ позднѣйшихъ жителей казанскихъ». Никого не убѣдило его краснорѣчіе, и пятьдесятъ лѣтъ послѣ рѣчи Арнгольда Казань пила все ту же неоздоровленную кабанную воду, да и теперь цѣлая четверть жителей пробавляется ею въ такъ называемыхъ «нездоровыхъ» частяхъ города.

Трудно въ настоящее время представить, чтобы ораторская рѣчь профессора на актѣ могла быть вымѣнена на живой товаръ, а между тѣмъ это случилось съ рѣчью Арнгольда. По требованію правленія университета заплатить за выданные Арнгольду отпечатанные экземпляры его рѣчи деньги, онъ отвѣтилъ, что изъ 450 экз. получилъ только 350 и просилъ доставить остальные экземпляры. Изъ этихъ 350 экз. имъ послано 125 экз. въ тобольскую гимназію, гдѣ былъ директоромъ, 15—въ пермскую и 15 въ томскую, но такъ какъ ни книги не возвращены, ни деньги ему не заплачены, то Арнгольдъ и просилъ правленіе предписать о высылкѣ ему денегъ за книги. Правленіе распорядилось сдѣлать это немедленно. Правящій должность директора тобольской гимназіи отвѣтилъ, что экземпляры рѣчи Арнгольда, въ какомъ количествѣ ему неизвѣстно, присланы были чрезъ канцелярію училищнаго комитета безъ всякаго предписанія и не на имя гимназіи, а на имя бывшаго старшаго учителя Менделѣева, при частномъ письмѣ Арнгольда. Менделѣевъ распоряжался продажею, какъ своею собственностью, продавалъ экземпляры учителямъ и прочимъ гражданамъ, но получилъ ли онъ съ покупщиковъ деньги, или нѣтъ, никому это неизвѣстно. Бывшій директоръ Набережнинъ, котораго Арнгольдъ и рекомендовалъ университету на свое мѣсто, получая отъ Менделѣева экземпляры рѣчи, разсылалъ ихъ по уѣзднымъ училищамъ, но получалъ ли за нихъ деньги—тоже неизвѣстно. Въ документахъ гимназіи на приходѣ не было записано ни книгъ, ни денегъ за нихъ. Когда онъ, Вознесенскій, сталъ получать отъ уѣздныхъ училищъ деньги за рѣчь Арнгольда, а именно изъ ишимскаго—10 р., тарскаго—10 р., березовскаго (гдѣ жили ясашные остяки и самоѣды)—10 р. и изъ курганскаго—12 р., всего 45 р., то счелъ долгомъ частнымъ образомъ увѣдомить о томъ профессора Арнгольда и спрашивалъ его: какимъ образомъ отправить къ нему эти деньги — формально или партикулярно, но отвѣта получить не удостоился. Онъ написалъ только тобольскому смотрителю Протопопову, чтобы онъ взялъ эти деньги у него, Вознесенскаго, *для*

совершенія купчей крѣпости на купленнаго Аргольдомъ у бывшаго учителя Пискарева—калмыка. Эти деньги и выданы были подъ росписку, остальные же 20 р. «я готовъ переслать по первому требованію Арнгольда или начальства» — заключалъ Вознесенскій. Пермскій директоръ выслалъ 15 р., томскій же только за 5 экз., купленныхъ имъ для училищъ, остальные же 10 экз. прислалъ обратно. Денегъ однако за экземпляры своей рѣчи, какъ видно изъ дѣла, Арнгольдъ не получилъ. Уже потомъ, когда онъ былъ уволенъ, правленіе вычитало изъ причитающагося ему жалованья не только за напечатаніе рѣчи въ типографскую сумму 87 р. 26 к., но и за другіе долги и даже взыскиваемые ишимскою городскою думою съ Арнгольда, когда онъ былъ тобольскимъ директоромъ—25 р. 35 к. Изъ дѣла видно также, что правленіе, уже въ новомъ составѣ своемъ, постановило (30 января 1820 года) считать покупку 10 экз. рѣчи Арнгольда для березовскаго училища (какъ въ награду ученикамъ) незаконною, купленные 10 экз. за 10 р. исключить изъ училищнаго имущества, какъ ненужные и присовокупить къ собственности Сосунова. Оказалось однако изъ дальнѣйшей переписки, что экземпляры рѣчи куплены были березовскимъ штатнымъ смотрителемъ собственно для награжденія при публичныхъ испытаніяхъ учениковъ училища, отличившихся поведеніемъ и прилежаніемъ, а потому оныя рѣчи въ теченіе прошлыхъ лѣтъ и розданы всѣ безъ остатка» [1]).

Высочайшимъ указомъ сенату 19 іюля 1819 года вслѣдствіе ревизіи Магницкаго, Арнгольдъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими своими сослуживцами, былъ *удаленъ* изъ университета. Какъ только Арнгольду сдѣлалось это извѣстнымъ (22 августа), онъ немедленно подалъ прошеніе правленію университета о выдачѣ паспорта «для проѣзда и проживанія въ С.-Петербургѣ» (какая участь постигла порученную ему перестройку военнаго госпиталя—намъ неизвѣстно), но правленіе отказало ему въ видѣ, такъ какъ онъ удаленъ изъ университета и указало обратиться къ гражданскому начальству. Въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія, представленномъ послѣ ревизіи Казанскаго университета (9 апрѣля 1819 года), Магницкій называетъ Арнгольда человѣкомъ «незнающимъ языка латинскаго и неумѣвшимъ доселѣ собрать остова человѣческаго тѣла, коего незнаніе хирургіи обличается представляемымъ у сего спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій», а онъ преподаетъ хирургію [2]). Другое

---

[1]) Дѣло о истребованіи г. проф. Арнгольду денегъ за разосланную имъ рѣчь. *Правл.* 1819 г. № 129.

[2]) Справедливъ ли былъ рѣзкій отзывъ Магницкаго — пусть судятъ спеціалисты. Приведемъ перечисленіе операцій, сдѣланныхъ Арнгольдомъ

обвиненіе Магницкаго состояло въ томъ, что Арнгольдъ безъ всякихъ правъ и основаній, вѣроятно вслѣдствіе особаго расположенія къ нему попечителя Салтыкова, пользовался казенною квартирою, состоявшею изъ 11 комнатъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе того: былъ ли правъ или нѣтъ Магницкій въ своемъ рѣзкомъ приговорѣ о дѣятельности Арнгольда какъ профессора. Изъ того, что собрано нами объ Арнгольдѣ, о его дѣятельности какъ профессора и о его нравственной физіономіи, нельзя, полагаемъ, составить убѣжденіе, что это былъ достойный профессоръ, преданный своему дѣлу. Мы принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ необходимыми для успѣха преподаванія и науки въ русскомъ провинціальномъ университетѣ высокія личныя и нравственныя достоинства профессора и уваженіе его къ наукѣ, именно потому что среда представляетъ такъ много случаевъ къ нравственному паденію. Нѣмецъ по происхожденію, Арнгольдъ не былъ однако приготовленъ старою, строгою нѣмецкою школою, какъ нѣкоторые, упомянутые нами его нѣмецкіе предшественники въ Казанскомъ университетѣ. Онъ стоялъ гораздо ниже ихъ. Это былъ нѣмецкій профессоръ въ Казани, употребляя приведенное имъ самимъ выраженіе тогдашнихъ казанскихъ квасниковъ, *втораго налива*. Пользуясь личнымъ благорасположеніемъ двухъ попечителей, умѣя ловко снискивать это благорасположеніе, Арнгольдъ очевидно хлопоталъ не о достоинствѣ преподаванія, а о личныхъ выгодахъ. Начавъ, какъ мы видѣли, свою врачебную дѣятельность въ Казани безцеремонною рекламою, Арнгольдъ съ небольшимъ черезъ два года бросаетъ профессію, которую рекламировалъ, и продаетъ всѣ свои хирургическіе инструменты, до щипцовъ для выдергиванія зубовъ включительно. Ни изъ чего однако не видно, чтобъ къ этой продажѣ его вынуждала крайность. Когда не повезло ему въ Тобольскѣ, онъ возвращается на прежнюю каѳедру, но очень скоро, безъ всякой основательной причины, отказывается отъ прежней профессуры и желаетъ перейти на другую, но и тутъ не проявляетъ никакой дѣятельности. Конечно съ такими представителями знанія успѣхъ науки и образованія былъ немыслимъ. Они способны были

за два полные года его университетской дѣятельности—за 1813 и 1818 годы. Въ первомъ было сдѣлано пять операцій: 1) извлеченіе бѣльма, 2) и 3) изсѣченіе камня, 4) изсѣченіе мѣшечной опухоли на лѣвомъ плечѣ и 5) изсѣченіе кисти лѣвой руки; въ 1818—семь операцій: 1) аневризма, 2) изсѣченіе яйца (умеръ), 3) извлеченіе конца веретена изъ ляшки мальчика, 4) изсѣченіе мѣшечной опухоли на внутренней сторонѣ щеки, 5) отсѣченіе плечевой кости, 6) отсѣченіе передняго (?) плеча конца (?) локтя и 7) изсѣченіе 3 пальцевъ и нѣсколькихъ костей ладони.

рованіямъ» (23 янв. 1811 г.). Съ своей стороны и Ренардъ «высказывалъ попечителю желаніе увѣрить совѣтъ какимъ нибудь сочиненіемъ о достаточномъ своемъ знаніи помянутыхъ наукъ». На это попечитель писалъ совѣту (9 февр. 1811 г. № 183): «По малому числу членовъ къ медицинскому факультету принадлежащихъ, предлагаю совѣту избрать изъ фармацевтики нѣсколько вопросовъ и предложить г. Ренарду ихъ на объясненіе и по полученіи отвѣтовъ доставить мнѣ о знаніи его мнѣніе совѣта». Еще прежде этой бумаги, выгодный отзывъ о Ренардѣ представилъ попечителю профессоръ Фуксъ, а попечитель съ своей стороны, согласно съ мнѣніемъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ достоинство Ренарду ставилъ, «что онъ столько свѣдущъ въ россійскомъ языкѣ, что можетъ преподавать на ономъ наставленія». Ренарда уже не было въ Казани, и совѣтъ поручилъ Яковкину увѣдомить его объ этомъ предписаніи попечителя. Ренардъ отвѣтилъ, что ранѣе двухъ мѣсяцевъ не можетъ быть въ Казани, и просилъ совѣтъ вопросы по фармаціи, на которые онъ долженъ сдѣлать письменные отвѣты, переслать ему въ Пермь. Совѣтъ однако не согласился на это, такъ какъ отвѣты должны быть написаны въ его присутствіи, и требовалъ, чтобъ Ренардъ явился лично. Въ началѣ іюня 1811 года Ренардъ представился членамъ совѣта, и послѣдній поручилъ профессорамъ медикамъ: Фуксу, Брауну и Эрдману подвергнуть его испытанію. Были заданы четыре вопроса по фармаціи, на которые Ренардъ долженъ былъ написать свои отвѣты въ присутствіи экзаменаторовъ: 1) откуда добывается камфора, составъ ея, что приготовляется изъ нея въ аптекахъ и какіе ученые писали о ней; 2) какіе извѣстны составы изъ ртути и какъ ихъ приготовлять; 3) какія правила должно наблюдать при собираніи растеній и наконецъ 4) какія растенія находятся въ пермской губерніи и какими изъ нихъ можно замѣнить привозныя иностранныя». Вопросы эти были заданы Ренарду на языкѣ нѣмецкомъ, отвѣты же *по требованію экзаменаторовъ были писаны по русски*, при чемъ русскій текстъ исправленъ. Экзаменъ, какъ видно изъ письма Яковкина, писаннаго въ тотъ же день, продолжался отъ одиннадцатаго часа до шести пополудни. Всѣ четыре отвѣта не заключали болѣе десяти строкъ каждый. Экзаменаторы дали довольно удовлетворительный отзывъ, при чемъ въ своемъ донесеніи въ совѣтъ изложили отвѣты Ренарда гораздо обширнѣе его самого [1]). Этотъ отзывъ съ одобреніемъ совѣта и представленъ былъ имъ попечителю. Впрочемъ слѣ-

---

[1]) Протоколы Совѣта 1811 г. стр. 17б, 28а, 52б, 57б и 67б.

дуетъ замѣтить, что мнѣнія экзаменаторовъ нѣсколько расходились между собою. Тогда какъ всегда снисходительный Фуксъ, одобряя въ общемъ отвѣты Ренарда, объяснялъ ихъ недостатки тѣмъ, что у него не было никакихъ пособій и книгъ и дано было для отвѣтовъ слишкомъ мало времени, отзывы Брауна и Эрдмана были не такъ одобрительны и подробно говорили о недостаткахъ Ренарда. Яковкинъ, въ письмѣ къ попечителю, сообщая между прочимъ, что «въ чиновникѣ семъ (т. е. Ренардѣ) пріемлетъ весьма большое участіе Карлъ Өедоровичъ Модерахъ (пермскій генералъ-губернаторъ), постарался до нѣкоторой степени набросить тѣнь на справедливость экзаменаторовъ: «Когда я 7 дня сего іюня по законной причинѣ не могъ соприсутствовать въ совѣтѣ, то явившійся тогда для экзамена г. Ренардъ имѣлъ случай замѣтить *многіе опыты любоначалія и празднословія гг. моихъ сотоварищей иностранцевъ*, о чемъ не преминетъ и самъ изустно объясниться, когда пріѣдетъ въ Петербургъ, какъ о томъ самъ онъ меня предувѣдомилъ».

На основаніи этихъ мнѣній и сообщеній было сдѣлано Румовскимъ представленіе министру объ опредѣленіи Ренарда адъюнктомъ. Попечитель отнесся къ дѣлу опредѣленія съ большою осмотрительностью. Пріобрѣтеніе для университета Ренарда онъ считаетъ весьма полезнымъ «по малому числу ученыхъ, врачебное отдѣленіе составляющихъ, особливо для преподаванія наставленій въ фармаціи на россійскомъ языкѣ», но онъ не скрываетъ отъ министра, что мнѣнія профессоровъ, экзаменовавшихъ Ренарда, были различны и излагаетъ ихъ содержаніе. «Читая мнѣніе профессоровъ Брауна и Эрдмана, на трехъ листахъ кругомъ написанное и на которое употреблена цѣлая недѣля», пишетъ онъ въ своемъ представленіи, «легко видѣть я могъ, что они безъ пособія книгъ сочинить онаго не могли и *что въ сужденіи ихъ личность имѣла участіе* (это на основаніи сообщеній Яковкина). Вопросы предложены были на нѣмецкомъ языкѣ, Ренардъ, отвѣтствуя на россійскомъ, перевелъ оные на россійскій, то гг. профессоры и переводъ его находятъ недостаточнымъ, будто бы г. Ренардъ искалъ при университетѣ мѣсто переводчика». Румовскій не бралъ на себя рѣшеніе вопроса: кто изъ экзаменовавшихъ Ренарда былъ правъ. «Не въ состояніи будучи судить основательны ли отвѣты Ренарда», говоритъ онъ, «сообщилъ я г. академику Озерецковскому предложенные ему вопросы, отвѣты его и судъ объ оныхъ гг. профессоровъ Брауна и Эрдмана, чтобъ онъ принялъ трудъ разсмотрѣть какъ отвѣты Ренарда, такъ и сужденіе объ нихъ гг. профессоровъ и сообщилъ мнѣ мнѣніе свое о знаніяхъ Ренарда. Г. академикъ отозвался въ пользу Ренарда, согласно со свидѣтельствомъ Фукса, а о судѣ гг. профессоровъ Брауна и Эрдмана

изъяснился, *что какая нибудь личность побудила ихъ отозваться невыгодно о познаніяхъ г. Ренарда.* Сіе явствуетъ изъ четвертаго вопроса, въ которомъ вопрошаемо было: какія лѣкарственныя растенія могутъ собираемы быть въ пермской губерніи и какими произрастеніями можно замѣнить нынѣ употребляемыя? Г. Ренардъ въ отвѣтѣ своемъ исчислилъ 29 растеній, кои преимущественно въ пермской губерніи могутъ быть собираемы и 6 наименовалъ произрастеній, кои съ пользою вмѣсто иностранныхъ могутъ быть употребляемы. На отвѣтъ сей между прочимъ замѣчаютъ гг. Браунъ и Эрдманъ, что они, какъ иностранцы, имѣя несовершенное свѣдѣніе о пермской губерніи, не могутъ точно судить о травахъ, въ оной растущихъ, однако утверждаютъ, что сомнѣваться не можно, что число растеній отъ Ренарда поименованныхъ, знатно можетъ быть увеличено, потому что большее число врачебныхъ травъ въ казанской губерніи находится, а пермская губернія, по различію климата и почвы, еще вящще споспѣшествуетъ къ различію произрастеній. По сему ихъ умствованію надлежало бы заключить, что въ странахъ, ближе къ полюсу лежащихъ, еще большему должно быть числу произрастеній и большему въ оныхъ различію, нежели въ казанской губерніи».

Основываясь на мнѣніи Озерецковскаго, а также и профессора Фукса о знаніи Ренарда въ фармаціи, попечитель представилъ министру объ утвержденіи его въ званіи адъюнкта въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ, собственно для преподаванія фармаціи и врачебнаго веществословія *на россійскомъ языкѣ*, съ жалованьемъ по штату 800 р. и квартирными 200 руб. Кромѣ предполагаемаго въ Ренардѣ знанія русскаго языка, попечитель, въ своемъ представленіи министру, высказывалъ увѣренность, что Ренардъ «*приличнымъ званію своему поведеніемъ, знаніемъ обязанности, кротостью и раченіемъ*, пермскимъ генералъ-губернаторомъ, духовенствомъ и гражданствомъ засвидѣтельствованными, *съ избыткомъ наградить можетъ недостатки, въ отвѣтахъ его усмотрѣнные*». Согласно этому представленію министръ и утвердилъ Ренарда адъюнктомъ 28 августа, дозволивъ ему для устройства дѣлъ пробыть въ Перми два мѣсяца. Изъ дѣлъ и изъ протоколовъ видно однако, что и Ренарду, для полученія должности адъюнкта, пришлось съѣздить въ Петербургъ, вѣроятно для личнаго ходатайства о себѣ. Въ засѣданіи совѣта 3 сентября директоръ заявилъ, что Ренардъ, проѣздомъ изъ Петербурга, являлся къ нему 20 октября и просилъ о томъ, чтобы дозволенное ему двухмѣсячное увольненіе въ Пермь считать со времени его проѣзда чрезъ Казань. Въ Перми однако Ренардъ нѣсколько запоздалъ по случаю простуды и пріѣхалъ въ Казань 28

декабря. По приведеніи къ присягѣ на службу 7 февраля, Ренардъ заявилъ письменно совѣту о томъ, что онъ будетъ преподавать и по какимъ руководствамъ. Читать онъ будетъ на русскомъ «*матерію медику* по Лезеке, съ присовокупленіемъ статей виртембергской фармакопеи и словаря академика Севергина (?) и *врачебное веществословіе* по сочиненію профессора Фишера, присоединяя наблюденія гг. Марелота, Лемера и Бенера; съ своей стороны директоръ заявилъ объ удобныхъ для чтенія Ренарда часахъ и что студенты предварительно для его аудиторіи назначены. Чтенія должны происходить 4 часа въ недѣлю, и хотя Ренардъ просилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ назначить ему еще двѣ часовыя лекціи, но первоначальное число ихъ не измѣнилось. Изъ печатныхъ росписаній лекцій на слѣдующіе годы мы видимъ, что Ренардъ преподавалъ: *естество* (sic) *историческую часть матеріи медики; о приготовленіи медикаментовъ по Вилье и Менху; фармацевтическую химію* по Вилье и Тромсдорфу (объясняя преподаванія свои практическими упражненіями и собственными наблюденіями на россійскомъ языкѣ).

Кромѣ чтенія лекцій Ренардъ несъ и другія обязанности. Такъ въ самомъ началѣ службы онъ былъ назначенъ смотрителемъ или надзирателемъ публичныхъ курсовъ, начавшихся при университетѣ согласно указу 6 августа 1809 года, а послѣ открытія въ 1814 году университета, былъ выбранъ секретаремъ отдѣленія врачебныхъ наукъ, какъ кажется именно за знаніе имъ русскаго языка. Какъ смотритель курсовъ, Ренардъ очень внимательно и усердно несъ свои обязанности и часто доносилъ совѣту о томъ, кто записался на эти курсы и кто посѣщаетъ ихъ. Свѣдѣнія эти представляютъ нѣкоторый интересъ для того, кто хорошо знакомъ съ старою Казанью и съ образовательнымъ цензомъ ея общества въ тѣ и послѣдующіе годы. При Ренардѣ, когда онъ былъ смотрителемъ курсовъ, произошелъ случай, обрисовывающій канцелярскіе нравы и обычаи того времени. Пермское губернское правленіе писало совѣту Казанскаго университета (25 мая 1812 года, № 15522):

„Онаго университета отдѣленія врачебныхъ наукъ адъюнктъ и надзиратель публичныхъ курсовъ Ренардъ, при присланномъ въ сіе правленіе отъ 4 сего мая, № 22 сообщеніи: „По возложенной на меня совѣтомъ университета должности надзирателя курсовъ публичныхъ преподаваній для чиновниковъ службою обязанныхъ, препровождаетъ пять экземпляровъ извѣщеній о имѣющихъ начаться съ 1 числа мая по высочайшему, августа 6 дня 1809 года указу публичныхъ въономъ университетѣ преподаваніяхъ для чиновниковъ гражданскою службою обязанныхъ съ тѣмъ, чтобы желающіе пользоваться сими преподаваніями поступили согласно съ предписанными въ упомянутомъ высочайшемъ указѣ привилегіями. *Опредѣлено:* Какъ вышеозначенная бумага получена *въ видѣ сообщенія, каковыми корреспонден-*

товаться съ губернскимъ правленіемъ университетскій чиновникъ отъ своего лица права не имѣетъ, потому что губернское правленіе, по высочайшему учрежденію о губерніяхъ, поставлено въ достоинствѣ на ряду съ государственными коллегіями, и слѣдовательно по сей привилегіи по дѣламъ до Императорскаго университета касающимся, не можетъ оно получать сообщеній иначе, какъ отъ имени самого университета или университетскаго правленія, и для того, препроводя вышеозначенное отношеніе съ приложенными при немъ экземплярами, въ Императорскій Казанскій университетъ при отношеніи, проситъ его, дабы благоволилъ выдать ихъ обратно г. адъюнкту Ренарду, не имѣющему права присылать сюда отъ имени своего отношенія".

При слушаніи въ совѣтѣ этого сообщенія пермскаго губернскаго правленія и при наведеніи справокъ о тѣхъ законахъ, которые были въ немъ упомянуты, Ренардъ представилъ и свой отзывъ по дѣлу. Вѣроятно наученный болѣе его опытными университетскими юристами, онъ доказывалъ, что само губернское правленіе «поступило въ совершенную противность сего высочайшаго узаконенія (учрежденія о губерніяхъ) 129 и 130 статей вступленіемъ въ теперешнюю переписку съ совѣтомъ университета», что онъ только исполнялъ порученіе совѣта какъ членъ его, что разсылка извѣщеній была прямою его обязанностью и при томъ «оныя объявленія не заключаютъ сношеній, ниже принадлежатъ къ какому либо судебному производству и не составляютъ мнимой пермскимъ губернскимъ правленіемъ корреспонденціи». Ренардъ, какъ видно изъ его отзыва, разсылалъ извѣщенія во всѣ присутственныя мѣста округа, и только изъ пермскаго губернскаго правленія были они возвращены. Совѣтъ опредѣлилъ: представить вопросъ на начальственное благоусмотрѣніе попечителя. Представленіе совѣта было получено Румовскимъ и помѣчено имъ наканунѣ смерти, и уже потомъ министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, съ которымъ университетъ сносился непосредственно до назначенія Салтыкова, писалъ совѣту (1 августа, № 678): «На рапортъ совѣта замѣчаю, что отзывъ пермскаго губернскаго правленія основателенъ; совѣтъ поступилъ не только противъ высочайшаго учрежденія о губерніяхъ, но и противъ устава университетскаго, поручивъ адъюнкту Ренарду войти въ сношеніе съ губернскими правленіями по случаю извѣщенія о публичныхъ преподаваніяхъ для чиновниковъ службою обязанныхъ, когда сего права не предоставлено и училищному комитету, какъ явствуетъ изъ ст. 174 устава. И потому предписываю въ подобныхъ случаяхъ держаться узаконеннаго порядка [1].

Вѣроятно знаніе русскаго языка было причиною, что нѣмецкіе профессоры, отправлявшіеся на визитацію, выбирали его своимъ то-

---

[1]) Протоколы *Сов.* 1812 г. стр. 93[а], 127[б].

варищемъ. Такъ онъ ѣздилъ съ Реннеромъ для осмотра тамбовскихъ и пензенскихъ училищъ въ 1815 году (см. выше, стр. 28—29) и съ Эрдманомъ въ 1816 году—въ Тобольскъ (стр. 166), но самостоятельнаго значенія во время этихъ визитацій не имѣлъ. Насколько онъ зналъ русскій языкъ можетъ служить доказательствомъ единственное, до насъ дошедшее письмо его къ попечителю, писанное въ началѣ службы (11 марта 1812 года). Оно начинается слѣдующими строками, дающими намъ понятіе о степени знакомства его съ русскимъ языкомъ (копируемъ ихъ буквально): «Простите со свойственнымъ вамъ снисхожденіемъ смелости юноша (ему было 30 лѣтъ) решившагося лишить Васъ нѣсколько минутъ неусыпнымъ Вашимъ, и можетъ быть наисладчайшіе минутъ Вашего спокойствіе сими строками». Цѣль письма Ренарда состояла въ томъ, чтобъ довести до свѣдѣнія попечителя о недостаточности квартирныхъ денегъ адъюнкту, что за 200 рублей нельзя найти сколько - нибудь сносную квартиру въ Казани (Ренардъ былъ холостъ), не говоря уже о дровахъ. Онъ испрашиваетъ позволенія остаться, пока это возможно, въ тѣхъ трехъ комнатахъ въ университетскомъ зданіи, въ которыхъ онъ временно жилъ. Другая просьба его, имѣвшая прямое отношеніе къ его лекціямъ въ университетѣ, состояла въ желаніи устроить при своей каѳедрѣ хотя бы небольшую аптеку не для надобности университетской и гимназической больницъ, что стоило бы дорого, но небольшую рецептурную аптеку, собственно для практическихъ занятій студентовъ. Отвѣта какого-либо на это письмо или распоряженій со стороны попечителя не послѣдовало, и Ренардъ не повторялъ больше своихъ просьбъ.

Нѣтъ никакихъ у насъ свѣдѣній ни о лекціяхъ Ренарда, ни объ успѣхахъ его малочисленныхъ и случайныхъ слушателей. Будучи только адъюнктомъ, Ренардъ хотя и участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта, но оставался вовсе безъ голоса. Ни въ какихъ исторіяхъ университетскихъ имя его не встрѣчается. Самая смерть его, послѣдовавшая «по немаловременной болѣзни 7 октября 1817 года (онъ служилъ такимъ образомъ нѣсколько менѣе пяти лѣтъ) не была замѣчена мѣстною тогдашнею прессою, которая не сообщила о немъ даже некролога. Но приведеніе въ порядокъ оставшагося послѣ него имущества. уплата его долговъ «такъ какъ Ренардъ занимался и посторонними порученіями», переписка съ разными присутственными мѣстами образовали цѣлое, весьма толстое дѣло, которое закончилось лишь въ 1826 году. Дѣло это велось правленіемъ университета и представляетъ нѣкоторыя особенности, но вдаваться въ подробности мы не находимъ возможности, такъ какъ въ разсказахъ нашихъ о смерти профессоровъ Финке и Реннера мы ука-

зали на дѣятельность правленія въ такихъ случаяхъ. Здѣсь не было только опекуновъ, какъ у Финке. Правленіе вмѣстѣ съ лицами, командированными губернскимъ начальствомъ, сдѣлало опись оставшагося имѣнія, разобрало бумаги, вызывало должниковъ и кредиторовъ покойнаго чрезъ объявленіе въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ», напечатало извѣщеніе о его смерти въ Московскихъ, С.-Петербургскихъ и Гамбургскихъ вѣдомостяхъ. Все имущество Ренарда, для продажи съ публичнаго торга, оцѣнено было въ 1054 р. 88 коп.; выручено было 1882 р. 62 к., да книгъ продано отдѣльно на 266 р., присоединяя заслуженное жалованье 14 р. 10 к., получилось всего 2172 р. 72 коп. Различныхъ долговыхъ претензій по роспискамъ, по указаніямъ живыхъ свидѣтелей и по искамъ (тутъ же расходы по погребенію и аукціонисту) уплачено 1335 р. 41 к. и сверхъ того портному Гутопу по счету — 242 р., уплаченные уже въ 1820 году. Не уплачены долговыя претензіи безъ доказательствъ: 1) иностранцу Эндерсу 39 р. 70 к. и 2) дѣвицѣ Агафьѣ Даниловой—54 р. Наслѣдникамъ въ Гамбургъ было выслано 501 р. 61 к.

Желая составить себѣ какое-нибудь представленіе о личности Ренарда, мы разсматривали списокъ проданныхъ съ аукціона вещей, но вещи эти по всей вѣроятности пріобрѣтались случайно и онѣ весьма разнородны, кромѣ конечно предметовъ необходимыхъ для домашняго употребленія. Встрѣчается довольно много вещей китайскихъ, преимущественно изъ одеждъ; татарскія женскія одежды и головные уборы женскіе съ жемчугомъ и монетами, одежды тунгузскія и якутскія; были музыкальные инструменты: флейты, семиструнная гитара, арфа, фаготъ; самые дорогіе предметы были въ минералогическомъ собраніи Ренарда, которое онъ предполагалъ незадолго до смерти разыграть въ лотерею. Была и библіотека состоявшая изъ 172 названій; были и картины, но ни содержаніе ихъ, ни достоинство въ спискѣ не показаны. Всего любопытнѣе нахожденіе между вещами Ренарда, назначенными къ продажѣ, кареты на лѣтнемъ ходу, оцѣненной въ 100 рублей (лошадей однако и упряжи въ аукціонномъ спискѣ не значится). Ѣздилъ ли Ренардъ въ этой каретѣ—мы не знаемъ, но мы видѣли карету въ спискѣ вещей, оставшихся послѣ Финке, и Яковкинъ ѣздилъ въ каретѣ. Въ тѣ годы вѣроятно представлялась возможность не только профессорамъ, но и адъюнктамъ ѣздить въ собственныхъ каретахъ, тогда какъ теперь въ собственныхъ каретахъ ѣздятъ лишь тѣ профессоры, которые взяли за женами хорошее приданое или клиницисты, имѣющіе прибыльную практику. Всѣ вещи Ренарда, сколько мы можемъ судить, проданы были очень дешево.

Какъ у Арнгольда былъ калмыкъ, такъ и у Ренарда оказался

такой же. Въ іюнѣ 1818 года было доложено правленію, что послѣ Ренарда «остался *калмыченокъ*, показанный въ данномъ свидѣтельствѣ изъ Коряковской таможенной заставы 1815 года января 24 дня семи лѣтъ, по азіатскому названію *Аталбай*, рожденный отъ плѣнныхъ калмыка и калмычки и промѣненный на заставѣ на товаръ за 50 рублей». Этотъ докладъ сдѣланъ былъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ смерти Ренарда и неизвѣстно, гдѣ жилъ и чѣмъ питался этотъ мальчикъ въ теченіе этого времени. Правленіе опредѣлило: «Какъ на покойномъ Ренардѣ долговыя стоятъ претензіи, на уплату которыхъ, по продажѣ всего имѣнія, денегъ будетъ недостаточно, почему въ казанское губернское правленіе сообщить, дабы оное благоволило сдѣлать законное постановленіе о продажѣ калмыченка Аталбая имѣющему право на владѣніе крѣпостными людьми». Губернское правленіе отвѣтило, что не видя на калмыченка узаконеннаго акта, приступить къ требуемой продажѣ не можетъ и просило доставить такой актъ. Дѣло, по представленіи акта на калмыченка, для исполненія перешло въ казанскій уѣздный судъ. Послѣдній, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ 1819 года, сообщилъ правленію университета, на основаніи высочайшихъ указовъ: 9 января 1757 года, 23 мая 1808 года и 30 апрѣля 1819 года, слѣдующую резолюцію: «Хотя бы Ренардъ и имѣлъ на владѣніе калмыченка выпись, исполнить требованіе университета, т. е. продать его, невозможно, но къ сему открыто и то, что *калмыченокъ не приведенъ въ вѣру греческаго исповѣданія* и на него, въ продолженіе слишкомъ трехъ лѣтъ отъ выдачи свидѣтельства, не взято изъ гражданской палаты владѣнной записи, то по сходствію указа 9 января 1757 года, сей уѣздный судъ и опредѣляетъ: *калмыченка Аталбая изъ рабства освободить нынѣ же и о приведеніи его въ греко-россійское исповѣданіе, а потомъ объ отсылкѣ въ казенную* палату для приписки въ какой родъ жизни пожелаетъ, представить казанскому губернскому правленію». Такимъ образомъ смерть Ренарда послужила свободѣ человѣка, но какъ воспользовался Аталбай этою свободою—намъ неизвѣстно. Религія Будды, вошедшая въ кровь и плоть этихъ инородцевъ, примиряла ихъ съ неволею. Сколько передъ нами въ памяти возстаетъ этихъ несчастныхъ созданій, жертвъ старой барской прихоти, забитыхъ и приниженныхъ, игравшихъ по большей части роль домашнихъ шутовъ, то съ чулкомъ въ рукахъ, то за стуломъ своего барина у обѣденнаго стола! Случалось, что они и мстили, не сознавая того, за печальное рабство: широкія скулы, узкіе глаза, приплюснутый носъ у нѣкоторыхъ потомковъ барскихъ родовъ, — наглядно свидѣтельствуютъ объ этой безсознательной мести.

Смерть Ренарда ускорила также свободу и другого инородца— молодаго киргиза, принадлежавшаго бывшему казанскому прокурору Козьмѣ Михайловичу Сперанскому, родному брату знаменитаго государственнаго мужа. Ректоръ и правленіе желали опредѣлить судьбу этого киргиза. Изъ письма Брауна къ М. М. Сперанскому (тогда онъ былъ еще пензенскимъ губернаторомъ) видно, что киргизъ этотъ, купленный лѣтъ семь тому назадъ братомъ Сперанскаго въ Тюмени, а у кого неизвѣстно, привезенъ былъ имъ въ Казань и отданъ въ услуженіе покойному адъюнкту Ренарду, у котораго находился пять лѣтъ. Имя киргизу было Есень, а по крещеніи стали звать его Алексѣемъ Ивановымъ. Не имѣя свѣдѣній, гдѣ находится бывшій казанскій прокуроръ, ректоръ просилъ Сперанскаго увѣдомить его о томъ и сообщить, слѣдуетъ ли мальчика отправить къ нему, для чего нуженъ былъ видъ, а на проѣздъ и содержаніе деньги. Сперанскій отвѣтилъ изъ Пензы (15 марта 1818 года), что братъ его по болѣзни уже другой годъ живетъ въ Георгіевскѣ, у кавказскихъ водъ и просилъ «киргизца отдать на время кому либо въ услуженіе, хотя бы то было и безъ всякой платы» — до распоряженій владѣльца. Уже изъ Сибири, на новое отношеніе къ нему правленія о томъ же киргизцѣ, черезъ годъ (16 мая 1819 года), Сперанскій писалъ, что въ качествѣ уполномоченнаго брата, онъ даетъ знать правленію, что мальчикъ Алексѣй Ивановъ, на котораго никакихъ *укрѣпленій* не имѣется, жилъ у брата его только въ услуженіи и долженъ быть вольнымъ.

Слѣдующій по времени пріѣзда своего въ Казань ординарный профессоръ технологіи и наукъ относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ *Филиппъ Леонтьевичъ фонъ-Брейтенбахъ*, какъ звали его по русски, былъ опредѣленъ также при жизни попечителя Румовскаго и принадлежалъ къ числу нѣмецкихъ, заграничныхъ ученыхъ. Онъ самъ пожелалъ переселиться въ Россію и выбралъ Казань, гдѣ какъ онъ узналъ отъ дерптскаго профессора Зегельбаха, каѳедра технологіи, по выходѣ въ отставку Вуттиха, была свободна. Брейтенбахъ родился въ Майнцѣ въ 1770 году и учился въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ: Эрфуртскомъ, Майнцскомъ и Гёттингенскомъ. Съ 1792 года онъ уже служилъ ассесоромъ верхняго земскаго суда въ Гейленштадтѣ; въ 1795 году опредѣленъ членомъ эрфуртскаго главнаго суда, а въ 1801 году промѣнялъ эту служебную дѣятельность на профессорскую, сдѣлавшись въ Эрфуртѣ ординарнымъ профессоромъ наукъ камеральныхъ и касающихся финансовъ. Начиная съ 1800 года и до самаго отъѣзда своего въ Россію,

Брейтенбахъ напечаталъ очень много по предметамъ, относящимся къ той каѳедрѣ, которую онъ занималъ. Въ извѣстномъ библіографическомъ каталогѣ Кайзера [1]) мы насчитали тринадцать сочиненій его, напечатанныхъ въ Берлинѣ, Веймарѣ, Лейпцигѣ и Эрфуртѣ (1800 — 1810 г.); (по пріѣздѣ же въ Россію, Брейтенбахъ уже ничего не печаталъ и писалъ только служебныя бумаги). Въ счетъ Кайзера не входятъ статьи Брейтенбаха, помѣщенныя въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ. Сочиненія его (нѣкоторыя изъ нихъ и въ двухъ частяхъ, и солиднаго размѣра) трактуютъ о винокуреніи, о добываніи торфа и каменнаго угля, о запасныхъ магазинахъ, о хмѣлеводствѣ, объ откармливаніи скота (Fleischökonomie), о кормовыхъ травахъ, о льноводствѣ и о разныхъ растеніяхъ, годныхъ для пряжи, о плодовыхъ деревьяхъ, о добываніи масла изъ разныхъ растеній (die Oelökonomie), о пряныхъ кореньяхъ, извѣстныхъ въ торговлѣ, и о растеніяхъ, употребляемыхъ въ мануфактурѣ, о лѣсоводствѣ и наконецъ начало большого сочиненія, первая часть котораго вышла изъ печати передъ самымъ отъѣздомъ Брейтенбаха въ Россію: «Allgemeine deutsche Landwirthschaftsschule», Erfurt. 1811. Мы не имѣемъ возможности сдѣлать какое либо съ нашей стороны заключеніе о научномъ достоинствѣ этихъ сочиненій, но кажется большая часть ихъ дѣйствительно имѣла отношеніе къ каѳедрѣ технологіи или скорѣе къ тому, что называлось тогда экономіей, которую Брейтенбахъ и преподавалъ въ Эрфуртскомъ университетѣ. Самъ о себѣ, въ первомъ письмѣ своемъ къ Румовскому, Брейтенбахъ говорилъ, что онъ «уже 15 лѣтъ считается между такими писателями по экономіи, сочиненія которыхъ хорошо распространяются (seit 15 Jahren unter den Schriftstellern im ökonomischen Fache gezählt werde, deren Bücher guten Abgang haben»). Румовскій, въ своемъ представленіи министру о Брейтенбахѣ, говорилъ, что «сочиненія его отлично одобрены учеными обществами». «Въ полученныхъ отъ прусскаго короля и отъ великаго герцога франкфуртскаго Карла рескриптахъ» (Франкфуртъ сталъ вольнымъ городомъ послѣ Вѣнскаго конгресса), писалъ попечитель, «содержатся весьма лестные отзывы не только о учености и обширныхъ свѣдѣніяхъ, но и отмѣнной нравственности его». Къ свидѣтельствамъ этихъ аттестатовъ и въ доказательство знакомства своего съ наукою, требующею многихъ практическихъ свѣдѣній, Брейтенбахъ присовокуплялъ и то, что для увеличенія своихъ свѣдѣній по экономической и технологической наукамъ, онъ объѣздилъ большую часть Германіи

---

[1]) Vollständiges Bücher-Lexicon von *Chr. Gottl. Kayser*. Erster Theil. Lpz 1834. S. 339—340.

и чувствуетъ себя въ силахъ примѣнить эти свѣдѣнія къ Россіи [1]). Онъ проситъ попечителя сообщить ему, если онъ согласенъ на опредѣленіе его на службу въ Казань, на какомъ языкѣ придется читать ему лекціи. «Въ экономикѣ и технологіи, которыя въ послѣдніе годы сдѣлали такіе исполинскіе успѣхи, слѣдуетъ предпочесть всякій новый языкъ и въ ихъ числѣ нѣмецкій—латинскому», пишетъ онъ. Но особенно пріятно было Румовскому заявленіе Брейтенбаха, что «имѣя хорошій навыкъ къ изученію иностранныхъ языковъ, и по своимъ лѣтамъ будучи еще способенъ къ пріобрѣтенію новыхъ познаній, надѣется онъ въ короткое время столько научиться россійскому языку, сколько нужно будетъ для яснаго наономъ преподаванія».

Какія причины заставляли Брейтенбаха думать о переселеніи въ Россію и высказывать твердое желаніе избрать себѣ новую родину, мы не знаемъ. Политическія убѣжденія его неизвѣстны; онъ былъ уже не молодъ и холостъ. Разсчитывать на большое содержаніе у него не было ни основаній, ни надобности, но въ первомъ же письмѣ своемъ (18 іюля 1811 года) Брейтенбахъ высказываетъ заботу о томъ, чтобъ ему достало денегъ на переѣздъ, въ особенности потому, что у него большая библіотека по его спеціальности, которую онъ считаетъ необходимымъ перевезти съ собою. «Вы знаете», пишетъ онъ Румовскому, «что нѣмецкіе ученые небогаты, и все что я могу принести въ жертву новому отечеству съ моей стороны — это сумма въ 100 дукатовъ, на которую можно уменьшить выдаваемое на переѣздъ». Въ сентябрѣ того же года Румовскій представилъ министру народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ему пригласить Брейтенбаха и, получивъ согласіе, тотчасъ же увѣдомилъ послѣдняго. Въ первыхъ числахъ января 1812 года попечитель представилъ министру объ утвержденіи Брейтенбаха ординарнымъ профессоромъ съ положеннымъ жалованьемъ, которое будетъ считаться со времени его пріѣзда въ С.-Петербургъ или Москву и съ выдачею ему на переѣздъ 300 червонцевъ, которые должны быть ему переведены въ Эрфуртъ. При этомъ попечитель представлялъ на разрѣшеніе министра четыре вопроса, предложенные ему Брейтенбахомъ: 1) «Библіотека моя по части наукъ и финансовъ», пишетъ Брейтенбахъ, «стоитъ по крайней мѣрѣ 3000 рублей. Мнѣ сказано, что я долженъ буду заплатить за нее пошлины, потому что однѣ только непереплетенныя книги ввозить дозволено безъ пошлины. Если подлинно существуетъ такой законъ, то спрашиваю:

[1]) . . . „Und mich stark genug fühle die durch Anschauung geworbenen Kenntnisse auf das Local Russlands anzuwenden“.

касается ли онъ и до моей библіотеки, или въ разсужденіи меня сдѣлано будетъ изъятіе; 2) взимаются ли пошлины съ ношеннаго платья, бѣлья, стараго серебра и драгоцѣнныхъ вещей?; 3) поелику курсъ на ассигнаціи нынѣ весьма низокъ, то не разумѣются ли подъ 3000 рублями, на какую сумму дозволяется мнѣ безпошлинно привезти вещей, серебряные рубли?; 4) мнѣ сказано, что я безденежно получу подорожную на двѣ подводы, что крайне для меня было бы пріятно, но если понадобится мнѣ больше подводъ, то долженъ ли я платить?». Наконецъ Брейтенбахъ, въ заключеніи своего письма, пишетъ еще: «Ежели съ библіотеки, которой провозъ и безъ того дорого стоитъ, взяты будутъ пошлины, то я принужденъ буду большую ея часть оставить въ Эрфуртѣ».

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти вопросы, естественно представлявшіеся иностранцу, незнакомому со страною, были разрѣшены вполнѣ удовлетворительно для Брейтенбаха. Министръ согласился и утвердилъ его, но мы не знаемъ никакихъ подробностей о его переѣздѣ, который онъ долженъ былъ сдѣлать чрезъ Петербургъ. Знаемъ только изъ переписки, что онъ ѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи «домоводки», какъ переводилъ Румовскій слово Haushälterin, Каролины Августы Копфъ изъ Альтштадта и слуги Іоганна Бекка [1]). Неизвѣстно, засталъ ли Брейтенбахъ въ Петербургѣ въ живыхъ Румовскаго, но въ совѣтѣ Казанскаго университета онъ явился въ первый разъ 4 сентября 1812 года, а въ слѣдующее засѣданіе, 9 сентября, былъ приведенъ къ присягѣ, послѣ чего заявилъ, что онъ выбираетъ руководствомъ книгу Бекмана. Этимъ сочиненіемъ Брейтенбахъ пользовался постоянно, до времени своей отставки въ 1819 году; въ послѣдующіе годы, кромѣ технологіи, онъ читалъ еще *сельское домоводство*, тоже по Бекману, и *о лѣсоводствѣ* (послѣдній предметъ—по собственнымъ запискамъ), но все по нѣмецки.

---

[1]) Были ли полезны Брейтенбаху его спутники дорогою, доѣхали ли они съ нимъ до Казани—намъ неизвѣстно. но вотъ что онъ пишетъ въ одной изъ просьбъ къ министру о вознагражденіи его за пожарные убытки: „во время переѣзда своего въ 1812 году изъ Эрфурта въ Казань, по случаю занятія французскими войсками мѣстъ, чрезъ которыя онъ долженъ былъ проѣзжать, *потерялъ библіотеку которую онъ собиралъ* въ теченіе 20 лѣтъ“ (вѣроятно только нѣкоторыя книги, которыя онъ взялъ съ собою, такъ какъ большая библіотека его была имъ оставлена въ Эрфуртѣ и впослѣдствіи онъ желалъ продать ее университету); „сверхъ того, дорогою, во время сна, украдены у него золотые часы съ репетиціею и золотою цѣпочкою и 44 червонныхъ и на сіе путешествіе прибавилъ онъ большую часть собственныхъ денегъ“.—*Дѣло* объ объявленіи проф. Брейтенбаху рѣшенія на просьбу его относительно вознагражденія его потери во время бывшаго въ Казани пожара. *Сов*, 1819 г. № 137.

Это значится по печатнымъ росписаніямъ лекцій. На 1816—1817 годъ обязательнымъ предметомъ для слушанія остается одна только технологія, прочіе же предметы, къ которымъ присоединилась въ этомъ году еще *энциклопедія камеральнаго дѣла* по Шмальцу, читаются только для желающихъ, но ихъ, какъ кажется, не нашлось, и въ росписаніи лекцій на 1818 — 1819 годъ, послѣдній служенія Брейтенбаха, остались только технологія и сельское домоводство. Много ли было слушателей у Брейтенбаха, кто были они и какъ успѣвали эти слушатели въ усвоеніи технологическихъ знаній—отвѣтить на это съ полною достовѣрностью мы не въ состояніи. Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше (стр. 449), о томъ съ какимъ трудомъ, и то не скоро, инспекторъ студентовъ Броннеръ могъ найти для Брейтенбаха одного только слушателя по технологіи, да и тотъ просилъ отсрочки на годъ, пока выучится по нѣмецки, чтобъ имѣть возможность понимать профессора, можно думать, что слушателей этихъ было немного. Найти хотя одного было необходимо вслѣдствіе предписанія попечителя Салтыкова (14 ноября 1815 года, № 237), въ которомъ онъ высказывалъ желаніе. «чтобы г. проф. Брейтенбахъ, избравъ одного изъ способнѣйшихъ казенныхъ студентовъ, употребилъ особенное стараніе на обученіе онаго какъ технологіи, такъ и сельскому домоводству, на тотъ конецъ, чтобы таковой былъ въ виду для поступленія въ кандидаты. магистры и адъюнкты по сей части, какъ подобное дѣлали уже нѣкоторые профессора». Въ представленіи совѣту на слѣдующій годъ (22 марта 1816 года) Брейтенбахъ пишетъ, что «*въ то время не было ни одного изъ таковыхъ, который могъ бы съ успѣхомъ слушать мои лекціи.* Въ прошломъ мѣсяцѣ просили меня: бывшій студентъ Александръ Брынкъ и служащій при здѣшней гимназіи учитель чистописанія Петръ Васильевъ о выслушаніи у меня полнаго курса: 1) технологіи, 2) сельскаго домоводства и 3) лѣсоводства, *дабы по окончаніи курса и выдержаніи кандидатскаго экзамена посвятить себя дальнѣйшему образованію въ сихъ частяхъ.* Изъ ревности къ намѣренію его превосходительства г. попечителя и изъ любви къ новому своему отечеству, я согласился исполнить желаніе гг. Васильева и Брынка, а потому, кромѣ хожденія ихъ на мои публичныя лекціи, читаю я имъ у себя на дому шесть часовъ въ недѣлю упомянутыя три части». Брейтенбахъ проситъ совѣтъ наконецъ 1) довести объ этомъ до свѣдѣнія попечителя и 2) спросить Васильева и Брынка — будутъ ли они согласны, по окончаніи курса и по выдержаніи экзамена, принять ученое званіе. Спрошены были оба занимающіеся технологіею: Брынкъ и Васильевъ, но они, за общимъ ихъ подписомъ, дали довольно уклончивый отвѣтъ. «При

избранія сихъ наукъ», писали они, «мы полагали главнѣйшею цѣлью то, чтобы по пріобрѣтеніи надлежащихъ свѣдѣній въ оныхъ, имѣть средство быть полезными членами любезному своему отечеству и служить въ ученомъ или въ другомъ званіи, смотря по обстоятельствамъ и способностямъ нашимъ. Если мы, по удостоеніи степеней кандидатовъ, возчувствуемъ въ себѣ достаточныя силы нести званіе ученаго, то мы съ искреннѣйшею признательностью готовы будемъ принять всякое назначаемое намъ отъ почтеннѣйшаго совѣта благоприличное мѣсто» [1]). Ни изъ того, ни изъ другого однако не вышло спеціалиста по технологіи. Васильевъ, и тогда уже учительствующій, не покидалъ педагогической карьеры, а Бринка разыскивали полиціей, какъ исчезнувшаго неизвѣстно куда (см. выше стр. 385). Въ спискѣ о количествѣ слушателей у каждаго профессора, представленномъ Магницкому при началѣ его ревизіи, у Брейтенбаха значилось слушателей: по технологіи — 6, а по сельскому домоводству — 4 (не надобно забывать однако, что въ этомъ числѣ показаны и слушатели публичныхъ курсовъ). Кто были эти десять слушателей—неизвѣстно. Вообще мы не можемъ составить себѣ никакого яснаго представленія о какихъ-либо успѣхахъ слушателей Брейтенбаха, такъ какъ нельзя предполагать знанія нѣмецкаго языка у русскихъ студентовъ. Въ январѣ 1813 года Брейтенбахъ, ссылаясь на свидѣтельства профессоровъ медиковъ Эрдмана и Брауна, просилъ совѣтъ, по причинѣ его глазной болѣзни, дозволить студентамъ слушать его лекціи на дому. Совѣтъ однако не согласился на эту просьбу, указывая на то, *что студенты не имѣютъ теплой одежды* (!), а въ городѣ сильное повѣтріе кори, но такъ какъ Брейтенбахъ и самъ боленъ, и въ университетъ являться не можетъ, то и рѣшено освободить его отъ чтенія лекцій до поправленія здоровья. Вѣроятно однако онъ скоро излѣчился отъ глазной болѣзни. Это видно изъ того, что чрезъ три недѣли послѣ заявленія о ней совѣту, Брейтенбахъ уже доносилъ ему, что сочетался законнымъ бракомъ съ дочерью статскаго совѣтника Берстеля Анною. Въ слѣдующемъ 1814 году мы находимъ, только въ дѣлахъ исключительно, слѣды преподавательской дѣятельности Брейтенбаха. Въ іюнѣ этого года, слѣдовательно незадолго до окончанія лекцій (вакація начиналась въ половинѣ іюля), представляя правленію университета, что онъ занимался до того времени со своими слушателями только теоретически технологіей и указывая на необходимость имѣть имъ практическія свѣдѣнія, Брейтенбахъ проситъ правленіе «истре-

---

[1]) Дѣло о препорученіи г. проф. Брейтенбаху для обученія технологіи и сельскому домоводству, одного казеннаго студента. *Сов.* 1815 г., № 110.

бовать ему отъ г. гражданскаго губернатора бумагу ко всѣмъ казеннымъ и частнымъ фабрикантамъ, чтобы они позволили ему осматривать подвѣдомыя имъ заведенія». Кромѣ того онъ просилъ подорожную для объѣзда всей губерніи такого рода, чтобъ по ней можно было получать лошадей столько, сколько понадобится. На мелочные расходы, при посѣщеніи фабрикъ и заводовъ въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ, Брейтенбахъ просилъ выдать ему сто рублей. Но въ штатѣ университетскомъ на технологію особой суммы положено не было, а потому правленіе просило разрѣшить отпускъ просимой Брейтенбахомъ суммы изъ источника, какой благоугодно будетъ начальству указать ему. Попечитель разрѣшилъ выдачу изъ суммы на поѣздки визитаторовъ назначенной [1]). Какія фабрики и мануфактуры были осмотрѣны Брейтенбахомъ съ его слушателями, какія были сдѣланы имъ замѣчанія по обзору, и на что были израсходованы выданныя ему деньги — намъ неизвѣстно. Онъ не представилъ никакого отчета, такъ что предшественникъ его Вуттигъ, о дѣятельности котораго было нами разсказано, стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше его.

Съ начала 1815 года Брейтенбахъ совсѣмъ не читаетъ лекцій и 15 мая дѣлаетъ заявленіе, что, желая вознаградить потерянное время, онъ станетъ читать ежедневно. Мы знаемъ уже, что въ этомъ году у него не было ни одного слушателя. Въ мартѣ 1815 года Брейтенбахъ изъявилъ желаніе вступить въ русское подданство и принялъ присягу. Въ томъ же году 3 сентября онъ и профессоръ Вердерамо пострадали отъ общаго казанскаго пожара. У обоихъ сгорѣли дома и оба они выхлопотали разрѣшеніе, какъ потерпѣвшіе, жить на казенныхъ квартирахъ, получая квартирныя деньги, что было разрѣшено имъ, но только до 1 сентября слѣдующаго 1816 года. Брейтенбахъ началъ немедленно хлопотать о возмѣщеніи ему потерь, понесенныхъ отъ пожара. Въ томъ же самомъ году онъ подалъ въ совѣтъ заявленіе объ общей вмѣстѣ съ женою потерѣ отъ пожара имущества на 3222 рубля, но рѣшенія по этому заявленію не послѣдовало никакого. Прошло больше трехъ лѣтъ. Брейтенбахъ снова сталъ хлопотать о возмѣщеніи ему потерь и въ началѣ 1819 года подалъ о томъ прошеніе самому министру, начавъ съ перечисленія всего утраченнаго имъ при переѣздѣ въ Россію и опредѣляя сумму убытковъ въ 6000 руб., но онъ выбралъ весьма неудачный моментъ: это было передъ самою ревизіею Магницкаго. Министръ передалъ прошеніе Брейхтенбаха ревизору, который, на-

---

[1]) Дѣло о выдачѣ проф. Брейтенбаху на расходы при осмотрѣ казенныхъ и частныхъ фабрикъ денегъ 100 рублей. *Правл.* 1814 г., № 87.

ведя подробныя справки на мѣстѣ, донесъ князю Голицыну, что Брейтенбахъ еще въ 1815 году подавалъ просьбу о понесенномъ имъ убыткѣ на 3222 р., въ вознагражденіе чего онъ и занималъ безденежно казенную квартиру съ сохраненіемъ квартирныхъ денегъ въ теченіе года, да чрезъ гражданскаго губернатора изъ казанской пожарной коммиссіи онъ получилъ 600 р., что съ квартирными деньгами составило 1100 р. Отвѣтъ самого же Брейтенбаха на запросъ проректора, представленный Магницкимъ въ подлинникѣ, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ немъ показана прежде просимая сумма въ 3222 р., тогда какъ теперь онъ уже проситъ о 6000 рубляхъ. На основаніи такого донесенія Магницкаго, министръ предложилъ совѣту Казанскаго университета (30 апрѣля 1819 года № 1390): *«объявить профессору Брейтенбаху о несообразности его требованій и что при томъ, изъ отзывовъ о службѣ его, не видно ничего такого, что могло бы дать ему особенное право на какую либо награду»* [1]).

И 1816 годъ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній объ успѣшности преподаванія Брейтенбаха. Въ концѣ предшествовавшаго года, согласно предписанію министра народнаго просвѣщенія, необходимо было отправить въ Оренбургъ визитатора для слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ правящаго должность директора оренбургскихъ училищъ Чекіева. Такимъ визитаторомъ былъ выбранъ совѣтомъ Брейтенбахъ. Въ первое же засѣданіе совѣта 1816 года, именно 3 января былъ представленъ имъ рапортъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. При производствѣ изслѣдованія и обозрѣнія оренбургскихъ училищъ Брейтенбахъ доносилъ совѣту, что онъ имѣлъ счастіе пользоваться покровительствомъ оренбургскаго генералъ-губернатора князя Гр. Сем. Волконскаго и совѣтъ опредѣлилъ послать князю отъ себя признательность. Не станемъ, изъ боязни увеличить уже все сказанное о Брейтенбахѣ, входить въ подробности его дѣйствій въ Оренбургѣ и въ разсмотрѣніе самого дѣла о Чекіевѣ, представляющаго любопытныя черты времени. Совѣтъ, имѣя въ виду, что на Чекіева поступили и другія жалобы, поручилъ училищному комитету, вмѣстѣ съ профессорами правъ Врангелемъ и Солнцевымъ, разсмотрѣть все дѣло и представить о немъ свое мнѣніе совѣту. На основаніи донесенія этого комитета, образованнаго совѣтомъ для разбора дѣла Чекіева, министръ народнаго просвѣщенія (24 февраля 1817 года № 634) предложилъ

---

[1]) Дѣло объ объявленіи профессору Брейтенбаху рѣшенія на просьбу его относительно вознагражденія его потери во время бывшаго въ Казани пожара. *Сов.* 1819 г., № 137.

уволить Чекіева отъ занимаемой имъ должности, а совѣтъ опредѣлилъ поручить профессору Брейтенбаху обревизовать оренбургское главное народное училище, принять отъ Чекіева дѣла, деньги и училищныя вещи, почему снабдить его инструкціею и снестись съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Какъ видно изъ дѣла [1] и изъ журнала правленія, Брейтенбахъ еще въ мартѣ 1817 года, получилъ на 4 лошади прогоновъ отъ Казани до Оренбурга 168 р. 96 коп., отправился ревизовать оренбургское училище, а въ іюнѣ того же года, по предложенію ректора, сдѣланному въ совѣтѣ, онъ снова былъ отправленъ въ Оренбургъ для открытія въ городахъ Бузулукѣ и Мензелинскѣ уѣздныхъ училищъ. На этотъ разъ онъ получивъ прогоновъ нѣсколько больше, а именно 352 р. 2 к., но такъ какъ Брейтенбахъ, какъ видно изъ его нѣмецкаго представленія правленію, сдѣлалъ еще лишнія поѣздки: изъ Оренбурга въ Уральскъ и обратно—600 в., въ имѣніе бузулуцкаго предводителя дворянства и обратно—60 в. и въ имѣніе Румянцово маіорши Румянцевой, туда и обратно—48 в., а всего 708 верстъ, то правленіе. хотя и спросило училищный комитетъ: какія надобности имѣлъ Брейтенбахъ быть въ означенныхъ мѣстахъ, но не дождавшись отвѣта, выдало еще дополнительные 84 р. 96 коп. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ Брейтенбахъ сдѣлалъ три поѣздки въ Оренбургъ и оренбургскую губернію и всю первую половину 1817 года онъ совсѣмъ не читалъ лекцій. Эти частыя поѣздки Брейтенбаха въ Оренбургъ вызвали предложеніе попечителя Салтыкова (12 октября 1817 года, № 186) о томъ, «чтобы г. профессоръ Брейтенбахъ (въ іюнѣ того же года по случаю отпуска Броннера въ Швейцарію. онъ былъ выбранъ исправлять должность инспектора студентовъ) по знанію имъ мѣстныхъ обстоятельствъ и личнаго знакомства съ начальниками оренбургской губерніи, *продолжалъ дальнѣйшее производство по письменнымъ сношеніямъ объ открытіи училищъ въ упомянутой губерніи, но вторично отъ университета не отлучался, ибо сдѣланная имъ довольно долговременная отлучка лишила слушателей его необходимыхъ лекцій, которыя никѣмъ преподаваемы не были»* [2]). Въ іюлѣ 1816 года, въ промежутокъ между первою и второю поѣздкою въ Оренбургъ, Брейтенбахъ хлопоталъ снова о поѣздкѣ по казанской губерніи для осмотра существующихъ въ ней заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, съ цѣлью «соединенія

---

[1]) Дѣло объ отправленіи профессора Брейтенбаха для обревизованія оренбургскаго главнаго народнаго училища и открытія училищъ тамошней губерніи, равно и для обозрѣнія училища уральскаго. *Правл.* 1817 г. № 54.

[2]) Протоколы Совѣта 1816 г. стр. 102 а, б.

теоретическихъ наставленій съ практикою», и просилъ о выдачѣ ему для этой цѣли на поѣздку 300 рублей. Представлено было о разрѣшеніи министру народнаго просвѣщенія. Просимая сумма была разрѣшена довольно не скоро, и Брейтенбахъ взялъ деньги подъ расписку лишь въ январѣ слѣдующаго 1817 года.

Сопоставляя всѣ эти факты о различныхъ и частыхъ поѣздкахъ Брейтенбаха, мы естественно приходимъ къ заключенію, что онъ, если и преподавалъ что-нибудь, то весьма недолго и собственно на публичныхъ курсахъ; обязательныхъ студентовъ у него не было. Между тѣмъ въ засѣданіи совѣта въ мартѣ 1817 года онъ заявляетъ желаніе занять еще каѳедру сельскаго домоводства за половинное жалованье ординарнаго профессора, на основаніи уже приведеннаго нами высочайшаго указа отъ 3 января 1817 года, ссылаясь на то, что «онъ уже четыре года занимается безденежно прохожденіемъ сельскаго домоводства и что онъ ученому совѣту извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ». Министръ разрѣшилъ. Въ октябрѣ 1816 года Брейтенбахъ предложилъ совѣту купить его библіотеку, оставленную имъ въ Эрфуртѣ, состоящую изъ книгъ по части технологіи и коммерческихъ знаній и ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи моделей разныхъ машинъ на сумму отъ 2 до 3 тысячъ рублей. Совѣтъ нашелъ пріобрѣтеніе и книгъ и моделей полезнымъ и передалъ представленіе Брейтенбаха правленію, но тамъ дѣло это неизвѣстно почему не получило хода.

1818 годъ прошелъ для Брейтенбаха совершенно спокойно, безъ всякихъ волненій, но слѣдующій, 1819 годъ, былъ роковымъ для него, какъ и для многихъ его сослуживцевъ. Ревизія Магницкаго рѣшила судьбу его. «Профессоръ сельскаго домоводства и технологіи Брейтенбахъ», писалъ въ своемъ донесеніи министру Магницкій, «преподаетъ лекціи сихъ тщетныхъ (?) наукъ весьма недостаточно на нѣмецкомъ языкѣ. Занимаетъ двѣ каѳедры для жалованья и имѣетъ въ одной 6, а въ другой 4 слушателя потому только, что отправляя должность инспектора студентовъ, можетъ онъ принудить и принуждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кои разумѣютъ по нѣмецки, ходить къ нему на лекціи». Столь же неблагопріятенъ былъ отзывъ о немъ, какъ объ инспекторѣ. Это «человѣкъ слабый въ отношеніи своей должности; онъ навѣщаетъ студентовъ весьма рѣдко, т. е. чрезъ нѣсколько дней и они живутъ безъ всякаго за ними присмотра. Когда сдѣланъ былъ мною вопросъ о числѣ ихъ, то для узнанія онаго собирались отъ профессоровъ свѣдѣнія о числѣ слушателей на ихъ лекціяхъ» (?). Дальше говорится о неопрятности въ комнатахъ казенныхъ студентовъ, о нечистотѣ кухни и проч. Вѣроятно нѣкоторыя изъ замѣчаній своихъ Магницкій высказывалъ

во время самой ревизіи, такъ что Брейтенбахъ, еще до полученія въ Казани распоряженій послѣ ревизіи, отказался по болѣзни отъ исправленія должности инспектора и жалованье за нее было прекращено ему съ іюня мѣсяца. Брейтенбахъ былъ удаленъ изъ университета и слѣдовательно лишенъ пенсіи. Отправляясь въ Петербургъ, онъ просилъ совѣтъ выдать ему свидѣтельство о его службѣ въ Казанскомъ университетѣ, о томъ, что онъ преподавалъ и какъ онъ исполнялъ и другія обязанности на него возлагаемыя, «соображаясь съ послужнымъ спискомъ, дѣлами совѣта и аттестаціями г. ректора». Совѣтъ представилъ о такой просьбѣ новому попечителю, который согласился на выдачу свидѣтельства Брейтенбаху, но съ тѣмъ, чтобъ «таковое выдано было не по аттестату бывшаго ректора Брауна (благопріятному), какъ Брейтенбахъ въ просьбѣ пишетъ, а по послужному списку» [1]).

---

[1]) Дѣло о выдачѣ свидѣтельства бывшему профессору Брейтенбаху. *Сов.* 1819 г. № 238. Дальнѣйшая судьба Брейтенбаха намъ достаточно извѣстна. Сначала, по всей вѣроятности, онъ прожилъ нѣсколько времени въ Казани (у тестя было имѣніе въ Лаишевскомъ уѣздѣ), а потомъ отправился въ Петербургъ искать служебной дѣятельности. Кажется онъ сдѣлалъ поѣздку и на родину и прожилъ въ Германіи едва ли не два года. Въ 1824 году Брейтенбахъ имѣлъ случай быть представленнымъ Канкрину (впослѣдствіи графу) и снискалъ его благорасположеніе. Въ 1826 году Канкринъ назначилъ его директоромъ состоящаго въ то время въ вѣдѣніи министерства финансовъ форстъ-института, переименованнаго въ 1829 году въ Лѣсной институтъ. Въ этой должности Брейтенбахъ оставался до 1837 года, когда Лѣсной институтъ былъ преобразованъ и получилъ военное устройство. Директоромъ назначенъ былъ военный генералъ графъ Ламздорфъ, а Брейтенбахъ былъ сначала причисленъ къ министерству финансовъ, но послѣ, въ 1839 году, вышелъ въ отставку, оставаясь на жительствѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1845 году. Жена его, казанская уроженка, умерла гораздо прежде него—въ началѣ 30-хъ годовъ. Плодомъ этого брака были три дочери, изъ которыхъ двѣ старшія вышли замужъ за лицъ нѣмецкаго происхожденія. Какъ въ Казани, такъ и въ Петербургѣ, Брейтенбахъ ничего не печаталъ, ничего не писалъ, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ. Вся литературная дѣятельность его, весьма плодовитая до переѣзда въ Россію, прекратилась въ новомъ для него отечествѣ, гдѣ она повидимому оказалась ненужною, такъ какъ для различныхъ производствъ у насъ, для фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ, для сельскаго домоводства и лѣсоводства вовсе не требовалось тогда, да и долго потомъ, научныхъ свѣдѣній и образованности. До послѣдняго дня службы Брейтенбаха графъ Канкринъ очень благоволилъ къ Брейтенбаху, но директоръ департамента государственныхъ имуществъ, которому былъ подчиненъ Лѣсной институтъ, Дубенскій, не долюбливалъ его, частью потому что Брейтенбахъ весьма плохо зналъ русскій языкъ до конца жизни (слѣдовательно его способность къ

Послѣднимъ профессоромъ, избраннымъ еще Румовскимъ и опредѣленнымъ въ Казань при его жизни, былъ профессоръ философіи, преемникъ перваго преподавателя этой науки Фойгта—*Александръ Степановичъ Лубкинъ*, весьма недолго занимавшій эту каѳедру. Лубкинъ, костромичъ родомъ, родился по всей вѣроятности въ 1770 или 1771 году, учился первоначально въ костромской семинаріи и по окончаніи въ ней курса отправленъ былъ для приготовленія къ учительству въ С.-Петербургскую Александро-Невскую академію, гдѣ учился до сентября 1792 года. Тогда онъ былъ назначенъ учи-

---

изученію языковъ, которою онъ хвалился передъ Румовскимъ, спасовала, встрѣтившись съ особенностями языка его „новаго отечества“), но главнымъ образомъ за нераспорядительность по хозяйственной части (не даромъ же онъ держалъ при себѣ до женитьбы „домоводку“) и за жестокія тѣлесныя наказанія, которымъ онъ подвергалъ воспитанниковъ института. (Родного племянника жены своей—Берстеля, учившагося въ 1 кадетскомъ корпусѣ, во время каникулъ въ Казанской губерніи, онъ наказалъ такъ жестоко розгами, что тотъ пролежалъ въ больницѣ около двухъ недѣль послѣ этой экзекуціи). Воспитанники Лѣсного института не любили Брейтенбаха, преподаватели не уважали его. На ходъ преподаванія Брейтенбахъ не оказывалъ никакого вліянія, безъ сомнѣнія потому, что не зналъ языка; это мѣшало ему также хорошо вникать въ содержаніе дѣловой переписки и отчетности; за то онъ строго слѣдилъ за внѣшнею чистотою, преслѣдовалъ всякій наружный безпорядокъ. Эти послѣднія заботы о внѣшности совершенно противорѣчатъ отзыву Магницкаго о найденной имъ нечистотѣ въ комнатахъ казенныхъ студентовъ.

Въ маѣ 1829 года Брейтенбаха посѣтилъ въ Петербургѣ бывшій слушатель его Васильевъ (см. о немъ выше, стр. 588—589) и получилъ отъ него разрѣшеніе осмотрѣть форстъ-институтъ и дачу его. Вѣроятно онъ подробно осмотрѣлъ эти заведенія, какъ и другія петербургскія, и описалъ ихъ, но его „Дневныя записки“ (Каз. 1868) не были кончены печатаніемъ, которое прервано было на пятомъ листѣ.

Всѣми свѣдѣніями о Брейтенбахѣ, послѣ того какъ онъ оставилъ университетъ, мы обязаны благосклонной любезности г. члена совѣта министерства государственныхъ имуществъ и бывшаго директора Лѣсного корпуса Ѳ. В. Арнгольда, уважаемаго автора книги „Русскій лѣсъ“, не отказавшаго нашей просьбѣ сообщить то, что ему извѣстно о Брейтенбахѣ. Приносимъ ему глубочайшую благодарность за просвѣщенное участіе къ нашему труду. Эта благодарность тѣмъ болѣе глубока и искренна съ нашей стороны, что мы вовсе не избалованы легкостью собирать какія либо свѣдѣнія о старыхъ казанскихъ профессорахъ. Такъ, желая узнать наприм. о жизни въ отставкѣ профессоровъ Германа и Арнгольда, переселившихся послѣ увольненія въ два большіе города Поволожья, мы обращались съ просьбами о доставленіи намъ хотя бы копій съ формуляровъ по новому мѣсту служенія этихъ профессоровъ, къ двумъ лицамъ, успѣшно подвизающимся на педагогическомъ поприщѣ, лично намъ извѣстнымъ, но не получили отъ нихъ не только какихъ либо свѣдѣній, но даже и отвѣтовъ на наши покорнѣйшія просьбы.

телемъ нѣмецкаго языка и математики въ костромскую семинарію, но въ 1797 году сдѣлался префектомъ семинаріи и сталъ уже преподавать философію, не оставляя ее до конца жизни. Успѣхъ этого преподаванія, выдающіяся способности и нравственныя достоинства Лубкина были причиною, что 5 марта 1801 года онъ былъ переведенъ на службу въ *армейскую* семинарію, гдѣ отправлялъ должность ректора и также преподавалъ философію по собственнымъ рукописямъ. Служба по духовному вѣдомству продолжалась однако недолго. Лубкинъ вышелъ изъ духовнаго въ *свѣтское званіе* по собственному своему желанію, но какія причины побудили его къ этому шагу—намъ неизвѣстно. Около того же времени онъ женился и 18 октября 1806 года поступилъ во 2-е отдѣленіе С.-Петербургского педагогическаго института *смотрителемъ за поведеніемъ студентовъ* (т. е. инспекторомъ). На этой должности, какъ мы полагаемъ, Лубкинъ сдѣлался лично извѣстнымъ Румовскому, оцѣнившему его достоинства. Румовскій и опредѣлилъ его 26 мая 1810 года директоромъ народныхъ училищъ оренбургской губерніи. Какъ только попечитель узналъ о смерти Фойгта, такъ поручилъ (въ октябрѣ 1811 года) находящемуся при немъ правителю дѣлъ надворному совѣтнику Соколову написать Лубкину и спросить его: не согласится ли онъ занять въ Казанскомъ университетѣ свободную каѳедру умозрительной и практической философіи *на положеніи адъюнкта* (Лубкинъ не имѣлъ ученой степени, а экстраординарными и ординарными профессорами преимущественно назначались заграничные ученые, имѣвшіе отъ своихъ университетовъ степень доктора). Лубкинъ съ большою радостію принялъ это предложеніе и тотчасъ отвѣтилъ Соколову. Эта радость была тѣмъ сильнѣе, что жизнь въ Оренбургѣ, которая такъ по сердцу пришлась его предшественнику, упомянутому нами музыканту и поэту Протопопову, сильно не нравилась Лубкину. «Признаюсь, милостивый государь мой Дмитрій Михайловичъ», писалъ онъ Соколову, «что пріятное ваше письмо, хотя сверхъ всякаго чаянія, но подоспѣло весьма кстати. Худыя обстоятельства здѣшнихъ училищъ, которымъ едва ли еще скораго окончанія ожидать можно, съ чѣмъ вмѣстѣ преграждаются и личныя мои, яко семейнаго человѣка, выгоды. Жестоко мнѣ здѣсь наскучило. Повѣрите ли вы, что другой уже годъ живу здѣсь я такъ, какъ бы черезъ день надо было перебираться на другое мѣсто. Никакъ еще не можно основаться на чемъ либо, ниже расположиться въ прокъ, по причинѣ встрѣчающихся часто обстоятельствъ, требующихъ перемѣны квартиры, а также и по причинѣ ожиданія, что скоро заставятъ переселяться въ Уфу... Таковая безнадежность и колеблемость обстоятельствъ сносна быть можетъ только для чело-

вѣка одинокаго, *а я отъ сего въ одинъ годъ семью людей прожилъ* (?), при всемъ томъ, что жилъ въ такомъ уединеніи, какъ бы держалъ трауръ, стараясь даже избѣгать знакомства не только чтобы искать его. И такъ нынѣшнему случаю я крайне радъ. Чувствительнѣйше благодарю васъ за участіе по сему дѣлу, вами въ пользу мою пріемлемое. Конечно, если бы я здѣсь завелся домомъ, и стоялъ уже на твердой ногѣ, тогда бы могли встрѣтиться въ разсужденіи перемѣны мѣста значущія затрудненія. Но теперь? Теперь сіе для меня ничуть не страшно, ибо живу я такъ, какъ бы былъ еще въ дорогѣ, окончанія которой не могу дождаться». Самому попечителю Лубкинъ доноситъ: «на занятіе въ Казанскомъ университетѣ каѳедры философіи я не только совершенно согласенъ, но и сочту себѣ за особенную милость и благодѣяніе, если в. п. сего удостоить меня благоволите, поелику между прочими, также для меня относительно сего причинами, *я никогда не терялъ изъ виду искать и пользоваться случаемъ, дабы начатое нѣкогда мною по части философіи, а нѣсколько и нынѣ* продолжаемое усовершить и привести къ окончанію» (20 дек. 1811 г. Оренбургъ).

Къ сожалѣнію мы не знаемъ, въ какихъ выраженіяхъ попечитель Румовскій представлялъ Лубкина на утвержденіе министра, но утвержденіе послѣдовало быстро, именно 2 февраля слѣдующаго 1812 года, и 27 марта Лубкинъ уже явился въ засѣданіе совѣта, о чемъ и было немедленно донесено попечителю. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго появленія своего въ совѣтѣ, Лубкинъ подалъ ему представленіе о томъ, какого плана и порядка онъ будетъ держаться при преподаваніи имъ *умозрительной и нравственной философіи*. Нѣмецкій предшественникъ Лубкина профессоръ Фойгтъ, такъ недолго служившій, былъ скорѣе юристъ, чѣмъ философъ, какъ мы говорили. Вліянія на слушателей онъ не могъ имѣть никакого, да едва ли кто нибудь и слушалъ его, не понимая языка профессора. Тѣмъ болѣе должно быть любопытно, что говорилъ о своей наукѣ второй профессоръ философіи въ Казанскомъ университетѣ, русскій по происхожденію и обязанный своимъ философскимъ образованіемъ исключительно духовной нашей школѣ, гдѣ только и можно было въ то время познакомиться съ философіей. Лубкинъ былъ первымъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, который всѣмъ своимъ образованіемъ былъ обязанъ духовной школѣ: семинаріи и академіи, гдѣ образованіе, начиная съ переноса духовной науки въ концѣ XVII вѣка изъ Кіева въ Москву, имѣло уже нѣкоторыя преданія, имѣло и силу, по крайней мѣрѣ въ области отвлеченныхъ знаній. Во всякомъ случаѣ Лубкинъ былъ гораздо полезнѣе своего предшественника на каѳедрѣ. Какъ и Фойгтъ, Луб-

кинъ не былъ послѣдователемъ какой-либо одной философской системы, но по различнымъ причинамъ. Первый не занимался философіей, былъ чуждъ ей, несмотря на общее увлеченіе философіей, этой «наукой наукъ», въ Германіи въ то время, какъ онъ учился, приготовляясь быть чиновникомъ. На каѳедру философіи онъ попалъ случайно. Лубкинъ *не могъ быть* послѣдователемъ какой либо одной германской системы, потому что съ наукой онъ знакомился не въ нѣмецкихъ университетахъ, а въ духовной академіи, хотя и зналъ основательно нѣмецкій языкъ и знакомъ былъ съ нѣмецкой философіей. Его планъ преподаванія былъ слѣдующій:

„1) Поелику основательное свѣдѣніе логическихъ правилъ составляетъ необходимую предуготовительную часть для всѣхъ познаній, размышленія и строгаго изслѣдованія требующихъ, а притомъ и слушатели мои не получили еще твердаго основанія въ сей наукѣ: для того и преподаваніе философическаго курса нужнымъ почитаю начать съ *логики*. (Какъ учебную книгу, могущую служить пособіемъ при повтореніи, Лубкинъ рекомендуетъ учебникъ логики на нѣмецкомъ языкѣ, изданный главнымъ правленіемъ училищъ: Grundriss der allgemeinen Logik für die Gymnasien des russischen Reichs и тотъ же учебникъ, но болѣе подробный: Ausführliche Erklärung des Grundrisses der allgemeinen Logik, zum Gebrauch der Lehrer). Впрочемъ при изустномъ преподаваніи располагаюсь я только придерживаться порядка оной, предоставляя себѣ, по мѣрѣ надобности, въ разсужденіи содержанія, дѣлать нѣкоторыя дополненія и перемѣны изъ имѣющихся у меня письменныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ для изданія вторымъ тисненіемъ логики прежде мною сочиненной [1]).

2) „Для частей умозрительной философіи, относящихся къ *метафизикѣ*, не вѣдаю я никакой удовлетворительно способной учебной книги, которою бы можно было прямо руководствоваться. Ибо всѣ оныя, кромѣ частныхъ нѣкоторыхъ недостатковъ, не смотря на изящность нѣкоторыхъ въ другихъ отношеніяхъ, *наполнены духомъ сектическаго догматизма, основывающагося на пристрастномъ уваженіи къ прославившемуся начальнику какой-либо философской секты*. Слѣдовательно, если бы и избрать какую-либо изъ сихъ книгъ себѣ въ руководники, то половину, а можетъ быть и болѣе времени, на преподаваніе подлинной науки нужнаго, надлежало бы употребить для опроверженія такого догматизма, и для необходимыхъ по поводу сего въ системѣ науки перeправокъ, что послужитъ только къ ненужному и излишнему затрудненію, особливо учащихся. Впрочемъ, хотя бы въ другихъ краяхъ и были способныя учебныя по части метафизики книги, какъ напримѣръ сочиненная Федеромъ [2]), который наименѣе придерживался какой либо *секты*, но по нынѣшнимъ обстоятельствамъ (1812 года) великая предстоитъ

[1]) „Начертаніе логики, сочиненное и преподанное въ армейской семинаріи *Александромъ Лубкинымъ*". Спб. 1807. 8°.—Доказательствомъ знакомства его съ языкомъ нѣмецкимъ можетъ служить переводъ его сочиненія *Цахаріэ*: „Четыре времени года въ ихъ сокращеніи или четыре части дня", подражаніе Томсону. Спб. 1805. 16°.

[2]) *Feder* (Joh. Georg Heinr) „Grundsätze der Logik und Metaphysik"— много изданій.

трудность въ выписываніи таковыхъ книгъ и снабденіи ими слушателей. Упражнявшись прежде въ преподаваніи философіи нѣсколько лѣтъ, по сказаннымъ выше обстоятельствамъ, принужденнымъ я наконецъ нашелся *составить свой курсъ наукъ, къ такъ называемой метафизикѣ относящихся.* И поелику и въ послѣдующее за тѣмъ время симъ предметомъ заниматься я не оставлялъ, выправляя и дополняя свое сочиненіе, то нынѣ остается только оное еще снова пересмотрѣть и выправить для изданія въ свѣтъ. Потому, если совѣтъ заблагоразсудитъ, согласенъ и преподавать части умозрительной философіи по собственной моей на россійскомъ языкѣ рукописи, для частнаго же употребленія желающимъ студентамъ *приготовить для нихъ сокращенія въ возможно уменьшенномъ видѣ,* каковыя предварительно и имѣю представить на разсмотрѣніе совѣта.

3) „Что касается до *нравственной философіи,* то по моему мнѣнію преподаваніе оной должно быть начато по окончаніи уже курса теоретической философіи, поелику одно внушеніе совѣсти не можетъ имѣть надъ человѣкомъ довольной силы безъ предварительнаго увѣренія его о нѣкоторыхъ умозрительныхъ истинахъ, на нравственность имѣющихъ вліяніе. Впрочемъ, поелику нынѣ, и весьма правильно, нравственная философія отдѣляется отъ философіи правъ, то и содержаніе оной слѣдуетъ кажется ограничивать только однимъ закономъ совѣсти. По сей причинѣ, если не пріискана будетъ какая либо способная въ семъ отношеніи учебная нравственной философіи книга, то въ такомъ случаѣ также могу принять на себя преподаваніе нравственной философіи *по своей рукописи,* относительно чего предварительно нужнымъ почитаю представить о семъ мои мысли. Весь *курсъ нравственной философіи* приличнымъ образомъ *можетъ быть кажется раздѣленъ на три части.* Изъ нихъ въ 1-й имѣютъ быть объяснены общія понятія до нравственности, обязанностей, закона и права относящіяся, и, предложено объ основаніяхъ и началахъ нравственности въ человѣкѣ; во 2-й представлено быть можетъ аналитическое изложеніе естественныхъ законовъ или предписаній совѣсти, приспособляясь къ разнымъ отношеніямъ, въ каковыхъ люди между собою находятся; часть 3-я будетъ содержать въ себѣ *ѳеику,* или изложеніе способовъ, разумомъ обрѣтаемыхъ къ нравственному себя усовершенствованію и къ отвращенію препятствій къ тому, противополагаемыхъ чувственною природою человѣка и обстоятельствами, въ каковыхъ онъ находится.

„Если слушатели мои, развлекаемые многими учебными предметами, успѣютъ за мною слѣдовать, то курсъ умозрительной философіи (логика и метафизика) располагаюсь я окончить въ теченіе одного года, а въ теченіе другаго пройти съ ними нравственную философію, употребивъ остающееся, если будетъ, время, на ознакомленіе ихъ съ нѣкоторыми новѣйшими философическими сектами, или, если сіе признано будетъ ненужнымъ, на сокращенное повтореніе всего пройденнаго“ [1]).

Мы привели этотъ планъ преподаванія Лубкина, представленный имъ въ совѣтъ, для характеристики этого новаго профессора такой науки, которая одна въ тѣ годы, да и много лѣтъ потомъ у насъ, могла дать въ университетахъ молодымъ людямъ общее развитіе укрѣпить ихъ умъ, дать ему содержаніе и развить обще-человѣче-

---

[1]) Донесеніе совѣта попечителю 8 апрѣля 1812 года, № 224.

скія чувства и прочыя нравственныя убѣжденія. Кому изъ образованныхъ русскихъ людей неизвѣстно то вліяніе философіи, какое имѣла она на нѣкоторыя выдающіяся личности въ исторіи русскаго духовнаго развитія, особенно на тѣ, которыя черпали ея основанія прямо изъ источника, въ германскихъ университетахъ. Въ царствованіе Екатерины это могущественное культурное вліяніе науки наукъ сказалось на молодыхъ людяхъ, учившихся въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ Радищевымъ; при Александрѣ I оно выразилось въ дѣятельности нѣкоторыхъ государственныхъ людей, учившихся въ Гёттингенѣ: ближе къ намъ—въ литературной дѣятельности московскаго кружка, посреди котораго усвоивались Шеллинговы идеи; еще ближе—вліяніе ученія Гегеля на людей съ такимъ противоположнымъ направленіемъ, какъ Бѣлинскій и славянофилы. Не надобно забывать однако, что вліяніе это имѣло лишь общій характеръ: слагалось, собственно говоря, только міросозерцаніе, понятіе о жизни, объ исторіи и пр., но метафизика системъ рѣшительно не усвоивалась русскимъ умомъ. Начиная съ Магницкаго, преподаваніе философіи въ нашихъ университетахъ, подъ сильнымъ вліяніемъ разныхъ тенденцій и, какъ говорятъ у насъ, теченій, господствовавшихъ во внутренней политикѣ, пережило столько разнообразныхъ фазисовъ, такъ часто и такъ странно заподозривалось, что цивилизующее, нравственное значеніе философіи для общаго развитія совершенно утратилось. Изъ выписаннаго нами краткаго конспекта будущихъ чтеній Лубкина можно видѣть серьезность содержанія предположеннаго имъ къ чтенію курса философіи, хотя этотъ курсъ составленъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ преподавалась тогда философія въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Требовать отъ Лубкина, чтобъ онъ слѣдовалъ какому-либо выдающемуся философу было бы, думаемъ, несправедливо. Намъ именно и нравится въ немъ это критическое отношеніе его къ одной излюбленной системѣ, философской доктринѣ, или *сектѣ*, какъ выражается самъ онъ. Кажется Лубкинъ дѣйствительно хлопочетъ о наукѣ, о ея строгомъ содержаніи и развитіи; при томъ, и это мы ставимъ ему въ особую заслугу, онъ чуждъ господствовавшей тогда реторики.

Планъ преподаванія Лубкина, представленный попечителю, былъ утвержденъ, нѣмецкія руководства по логикѣ, указанныя имъ, были выписаны: сокращенное въ числѣ 12, пространное въ 6 экземплярахъ, но едва-ли планъ преподаванія былъ выполненъ въ дѣйствительности Лубкинымъ и въ теченіе перваго академическаго года его службы. Даже и руководства стали другія. Лубкинъ былъ человѣкъ семейный. Въ годъ поступленія его на службу, у него было четверо дѣтей (три сына и одна дочь), изъ которыхъ старшему было только

шесть лѣтъ. Жить на адъюнктское жалованье (800 р. и 200 квартирныхъ) представлялось затруднительнымъ. Пришлось искать заработковъ сверхъ адъюнктскаго жалованья, на что быть можетъ Лубкинъ разсчитывалъ еще въ Оренбургѣ. Не прошло и мѣсяца со времени пріѣзда его въ Казань, какъ онъ уже былъ опредѣленъ (25 апрѣля), вмѣсто больного Петровскаго, инспекторомъ гимназіи. Лубкинъ скоро увидѣлъ однако, что, добросовѣстно неся эту обязанность, онъ не въ состояніи будетъ выполнить все то, на что онъ указывалъ въ своемъ планѣ, какъ преподаватель. Вѣроятно предвидя это, Лубкинъ сталъ хлопотать о другомъ преподавателѣ философіи. «По каѳедрѣ умозрительной и практической философіи въ здѣшнемъ университетѣ», представлялъ онъ въ совѣтъ, «состою *чиновникомъ* одинъ только я. И, если болѣзнь или другое какое-либо обстоятельство встрѣтиться могущее, воспрепятствуетъ мнѣ быть въ классахъ, то въ такомъ случаѣ и преподаваніе философскихъ лекцій по необходимости должно остановиться, что замедляя съ одной стороны курсъ науки, съ другой можетъ быть вредно и для успѣховъ слушателей, почему признаю полезнымъ, дабы по части сей въ виду находился какой либо другой сверхъ меня чиновникъ, который бы въ нужномъ случаѣ могъ вмѣсто меня преподавать философію, *не отступая отъ моего плана*». Чиновникъ по части философіи, котораго представлялъ совѣту Лубкинъ, былъ Срезневскій, кандидатъ юридическихъ наукъ. Мы говорили уже о немъ («Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у—та», ч. 1-я, стр. 456—458). Срезневскій, по словамъ Лубкина, трижды проходилъ курсъ философскихъ наукъ: въ рязанской семинаріи, въ московской академіи и С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Попечитель разрѣшилъ Срезневскаго, тогда еще кандидата (17 іюня, 1817 года), «употреблять для преподаванія лекцій въ такомъ только случаѣ, когда адъюнктъ Лубкинъ отвлеченъ будетъ отъ оныхъ экзаменами по должности инспектора гимназіи, которые требовать будутъ личнаго его присутствія». Съ тѣхъ поръ однако, какъ Срезневскій получилъ степень магистра, съ 1813—1814 года, преподаваніе философіи было распредѣлено между ними обоими, Лубкинымъ и Срезневскимъ: первый сталъ читать философію *практическую*, второй—теоретическую. И руководства выбраны были другія. Въ 1813 году, 13 марта, адъюнкты Лубкинъ и Кондыревъ вошли въ совѣтъ съ представленіемъ, что они начали переводить съ нѣмецкаго «Начальный курсъ философіи Снелля [1]), и просили совѣтъ одобрить его для общаго упо-

---

[1]) „Начальный курсъ философіи", сочиненіе *Снелля*. Пять частей. Казань. 1813—1814. 8°.

требленія, «находя съ своей стороны оный для сего способнѣйшимъ». Попечитель Салтыковъ разрѣшилъ, чтобы деньги, слѣдуемыя за напечатаніе этого курса, были уплачены университетской типографіи не тотчасъ по отпечатаніи, а по мѣрѣ распродажи книги [1]). И Лубкинъ, и Срезневскій стали съ того же года читать по Снеллю, а въ 1814—1815 году присоединили къ нему и Якоба. Оба эти нѣмецкіе философы признаны были потомъ Магницкимъ весьма вредными. Лекціи Лубкина были обязательными для всѣхъ студентовъ. Изъ его рапорта въ совѣтъ въ декабрѣ 1812 года видно, что въ продолженіе ноября мѣсяца онъ прошелъ съ своими слушателями *чистую логику* (должно быть это былъ очень краткій курсъ), что всѣхъ студентовъ, которые обязаны были слушать его, было 41 и онъ дѣлилъ ихъ на три категоріи: постоянно ходившихъ на лекціи—14, небывшихъ по болѣзни—3, изрѣдка приходившихъ—11 и вовсе не ходившихъ—13.

Должность инспектора гимназіи поручена была Лубкину безъ всякой просьбы съ его стороны. «Хотя отправленіе подобныхъ должностей», писалъ онъ попечителю, «не весьма можетъ быть лестно для того, кто извѣдалъ оныя своимъ опытомъ, но милостивое довѣріе начальства всегда было дороже для меня собственнаго спокойствія и потому, хотя бы я и хотѣлъ, но не смѣю и не могу отрицаться отъ принятія сего, возлагаемаго, на меня отъ в. п. порученія». По желанію Румовскаго, Лубкинъ долженъ былъ сообщить ему, въ какомъ положеніи онъ нашелъ гимназію. Новый инспекторъ пишетъ, что знакомъ съ нею только съ недѣлю, а потому не можетъ сказать ничего точнаго и опредѣленнаго, надѣется донести обстоятельно уже по окончаніи экзаменовъ и узнать причины общей неуспѣшности учащихся, но и предварительно уже онъ можетъ сообщить, «что по крайнему недостатку въ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ, едва ли успѣхи учащихся могутъ быть болѣе, нежели каковы суть, хотя бы не присоединялось къ тому другихъ причинъ и препятствій». Сообщить эти свѣдѣнія попечителю уже нельзя было за его смертію. При открытіи университета въ 1814 году, Лубкинъ произведенъ былъ въ экстраординарные профессоры и хотя содержаніе его по службѣ теперь сдѣлалось значительнѣе, но онъ въ томъ же году вынужденъ былъ, 4 іюня, обратиться въ совѣтъ съ прошеніемъ объ увеличеніи его. За инспекторство онъ получалъ только половинное жалованье. Между тѣмъ для этой должности, говоритъ онъ, «долженъ я употреблять все дневное время, такъ что

[1]) Дѣло о томъ, что гг. адъюнкты Кондыревъ и Лубкинъ переводятъ на россійскій языкъ философію, сочиненную г. Снеллемъ. *Сов.* 1813 г., № 41.

доколѣ продолжаются классы, я ничѣмъ прямо заняться не могу по причинѣ ежечасныхъ почти развлеченій по сей должности; и въ семъ отношеніи получаю я жалованья изъ гимназіи противу каждаго въ оной учителя несравненно меньшее. Не говоря о таковой несоразмѣрности (?), слѣдствіемъ такого развлеченія есть еще и то, что я, жертвуя всѣмъ своимъ временемъ службѣ, не могу для себя имѣть выгодныхъ занятій (какъ будто онъ не получаетъ жалованья экстраординарнаго профессора), дабы собственными трудами пріобрѣтать нѣчто (?) и симъ образомъ дополнять къ моему жалованью недостающее для безбѣднаго себя содержанія». Далѣе Лубкинъ сообщаетъ, что у него многочисленное семейство (11 человѣкъ), что жалованья изъ университета и гимназіи едва достаетъ на пропитаніе, что у него подростаютъ дѣти, нужно учить ихъ, а онъ не имѣетъ времени самому это дѣлать и не въ состояніи нанять для нихъ учителя, что онъ задолжалъ во время своихъ прежнихъ переѣздовъ и не знаетъ какъ и чѣмъ уплатить долги. Лубкинъ проситъ совѣтъ исходатайствовать ему полученіе полнаго инспекторскаго жалованья по штату и указываетъ на то, что не получаетъ въ званіи экстраординарнаго профессора слѣдующихъ по штату ему 500 р. квартирныхъ денегъ, какъ живущій на казенной квартирѣ, между тѣмъ какъ квартира эта, по ея неудобности и сырости, стоитъ не дороже 200 рублей. Совѣтъ опредѣлилъ испросить у г. попечителя «во уваженіе заслугъ профессора Лубкина начальственнаго снисхожденія къ его просьбѣ». Салтыковъ отвѣтилъ, что если Лубкину выгоднѣе получать квартирныя деньги, то онъ можетъ воспользоваться квартирными деньгами экстраординарнаго профессора Кондырева, что же касается до прибавки къ жалованью, то въ настоящее время онъ сдѣлать этого не можетъ, но при этомъ изъявляетъ благодарность Лубкину за усердную его службу [1]).

Черезъ годъ послѣ этой просьбы, получившей какъ видно неполное разрѣшеніе, Лубкинъ снова дѣлаетъ попытку передъ совѣтомъ увеличить свое содержаніе. Очевидно большая семья и недостаточность содержанія вынуждали его къ тому. Онъ подаетъ 7 мая 1815 года въ совѣтъ большую латинскую просьбу объ удостоеніи его званіемъ ординарнаго профессора. «Non honoris ambitio titulorumque mania ad id me impellit», говоритъ онъ въ просьбѣ, «cum namque dignitatis civilis gradum (чинъ VII класса) in imperio

[1]) Дѣло по прошенію г. инспектора гимназіи э.-о. профессора Лубкина объ исходатайствованіи ему за инспекторскую должность, по примѣру другихъ чиновниковъ гимназіи, полнаго штатнаго жалованья и квартирныхъ по званію э.-о. профессора. *Сов.* 1814 г. № 84.

nostro Rossico jam dum possideo, cui professores ordinarii ex statutis adnumerantur». Побудительнымъ мотивомъ выставляетъ онъ снова невозможность жить съ семьею, теперь уже изъ 12 членовъ состоящею, при увеличивающейся на все дороговизнѣ, на жалованье экстраординарнаго профессора. Въ доказательство того, что онъ заслуживаетъ просимаго имъ производства, Лубкинъ представляетъ совѣту составленныя имъ рукописи: 1) *Логики* по Якобу, но во многихъ мѣстахъ подлинникъ, гдѣ нужно, или распространенъ, или сокращенъ; 2) *Метафизики*, состоящей изъ четырехъ частей, съ присоединеніемъ пятой, заключающей въ себѣ теорію религіи, какъ естественной, такъ и откровенной, т. е. положительной. Объ этой очень существенной части метафизики, гдѣ находился камень преткновенія для философовъ, особенно въ то время, когда уже стали слышаться нападенія на свободную мысль, Лубкинъ высказываетъ свои воззрѣнія, въ которыхъ не могло быть ничего такого, что заслуживало бы порицанія [1]). Кромѣ этихъ сочиненій, находящихся въ рукописи, Лубкинъ упоминаетъ объ *Учебникѣ логики*, имъ составленномъ и напечатанномъ въ С.-Петербургѣ, и о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ (in ephemeridibus), которыя сдѣлали имя его не безызвѣстнымъ и за границею («quae mihi etiam in exteris non plane contemnendum nomen dederunt»), что именно и побудило покойнаго попечителя Румовскаго пригласить его на каѳедру философіи. Совѣтъ и прошеніе и сочиненіе Лубкина препроводилъ на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Отдѣленіе донесло, что члены его знакомы съ сочиненіями Лубкина, знаютъ, что онъ давно занимаясь философіей, пріобрѣлъ въ этой наукѣ опытность и твердыя познанія, имѣетъ основательныя свѣдѣнія во многихъ языкахъ и другихъ предметахъ учености, наконецъ «зная духъ *отечественнаго* народа, правительства и вѣры, тѣмъ удобнѣе можетъ занимать каѳедру философіи. Совѣтъ единогласно выбралъ Лубкина въ ординарные профессоры, и министръ утвердилъ его въ этомъ званіи 15 іюня 1815 года.

---

[1]) Hoc in opere meo id mihi maxime incumbendum putavi, ut expositis quae sola ratione humana, sibi relicta, de homine, mundo et Deo, vel cognosci vel saltem rationaliter credi possunt, praecaverem ne haec scientia, tanto abusui exposita, palam, vel occulte sit patriae religioni inimica, moribusque et civitati noxia, ut quae non instruendo quam destruendo magis juvenum ingenio inseruiret. Ideoque quantum id freti potuit, omnem sectae speciem evitare curavi, principia solummodo sanae rationis cuique obvia et clare secutus... *Non enim scholae vel sectae, sed vitae societatique humanae philosophandum esse existimabam.*

Вскорѣ послѣ этого утвержденія, на университетскомъ актѣ 5 іюля 1815 года, Лубкинъ читалъ свое «Разсужденіе о томъ, возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи» [1]). Это было первое торжественное собраніе послѣ открытія Казанскаго университета и Лубкинъ, посвятивъ въ своемъ вступленіи къ рѣчи нѣсколько словъ воспоминанію «сего достопамятнаго для здѣшнихъ краевъ событія», останавливается на объясненіи цѣли университета, безъ сомнѣнія смутно сознаваемой его слушателями. Цѣль эта—«образованіе юныхъ гражданъ», «приготовленіе ихъ къ будущему ихъ званію, къ будущему служенію въ государствѣ, котораго они суть дѣти». Понятно, что при крайней молодости въ то время нашей университетской науки и въ томъ обществѣ, посреди котораго говорилъ ораторъ, для него важнѣе науки казалось нравственное воспитаніе молодого человѣка. «Надобно напередъ образовать человѣка въ человѣкѣ», говорилъ Лубкинъ, «дабы видѣть въ немъ добраго и полезнаго гражданина, нужно предварительно (?) раскрыть въ людяхъ ихъ человѣчество, и тогда уже можно ожидать отъ нихъ гражданъ, вѣрныхъ своему отечеству»... Какъ профессоръ, преподающій нравственную философію, Лубкинъ конечно выше всего ставитъ ученіе о нравственности. «Нравственное воспитаніе человѣка», говоритъ онъ, «всегда было почитаемо основаніемъ къ образованію разумному и общежительному»... Важнѣйшею, ежели не главною цѣлью всѣхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній *должно быть поставлено нравственное образованіе человѣка*, яко основаніе всякаго образованія, къ каковому онъ безъ предосужденія своей человѣческой природы можетъ быть способенъ»... Нельзя не согласиться съ Лубкинымъ, что вопросъ о томъ, какъ сообщить молодому человѣку добрую нравственность — есть самый важный въ наукѣ воспитанія, но другой вопросъ: *какое дать прочное основаніе нравоученію, какъ сообщить ему надлежащую твердость и убѣдительность* — составляетъ самую трудную задачу любомудрія. Эта задача, выражаемая ораторомъ вопросомъ: «возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи» или «возможна ли истинная и непоколебимая нравственность безъ всякаго отношенія къ религіи?» и составляетъ всю тему рѣчи.

Не станемъ входить въ подробное изложеніе развитія этой темы у Лубкина. Она могла быть изложена только въ одномъ направленіи, но рѣчь даетъ намъ свидѣтельство о значительной силѣ логическихъ доказательствъ профессора, въ особенности въ тѣхъ мѣ-

---

[1]) Казань, 1815. Стр. 1—40. 4°.

стахъ ея, гдѣ онъ полемизируетъ съ основаніями критической философіи, съ нравственными постулятами Канта, развитыми въ его критикѣ практическаго разума. Нигдѣ однако Лубкинъ не говоритъ въ своей рѣчи о томъ вліяніи, какое имѣетъ на нравственныя убѣжденія человѣка дѣйствительное знаніе, которое съ своей стороны представляетъ глубоко-могущественную воспитательную силу. Этого вопроса онъ и не касается.

Недолго однако Лубкинъ пользовался преимуществами званія ординарнаго профессора. Онъ умеръ 30 августа того же года, послѣ короткой болѣзни. Небольшой некрологъ его, помѣщенный въ мѣстной газетѣ вскорѣ послѣ смерти его [1]), написанный кѣмъ-либо изъ близкихъ къ нему людей (по всей вѣроятности Срезневскимъ), полонъ выраженіемъ искренняго чувства къ покойному и даетъ намъ довольно ясное представленіе о личности Лубкина. Передавъ о его обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣніяхъ въ самыхъ различныхъ и многочисленныхъ областяхъ знанія, современникъ говоритъ о его сочиненіяхъ, между которыми называетъ его «глубокомысленныя разсужденія о *критической философіи*, принятыя съ похвалою въ Германіи» (безъ сомнѣнія въ нѣмецкомъ переводѣ, но намъ неизвѣстно заглавіе этой статьи, помѣщенной вѣроятно въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ журналѣ), далѣе, замѣтивъ, что «преподаваніе философіи, какъ важнѣйшей части изъ учености, полезно и успѣшно только при профессорѣ природномъ русскомъ», даетъ и нравственную характеристику Лубкина: «Неутомимое его прилежаніе, точность въ исполненіи и усердіе по всѣмъ должностямъ университетскимъ, какія ему поручались, увѣнчеваемы были совершеннымъ и желаемымъ успѣхомъ. Не менѣе важная черта въ его характерѣ была тихость нрава, постоянство, доброта, честность, кротость, скромность и благочестіе. Сей примѣрный сынъ отечества, своими дѣлами доказавшій пользу свою, сей примѣрный подчиненный, былъ вмѣстѣ примѣрнымъ собесѣдникомъ и отцомъ семейства». Неизвѣстный авторъ некролога разсказываетъ о глубокомъ уваженіи къ покойному, о скорбныхъ чувствахъ студентовъ, сослуживцевъ и многихъ знакомыхъ, проявившихся у гроба и во время похоронъ Лубкина. «Одинъ изъ членовъ университета», говоритъ онъ, «намѣренъ издать какъ описаніе погребенія сего, такъ краткое жизнеописаніе покойнаго, рѣчь и стихи особою тетрадкою въ память достопочтеннаго сего мужа, оставившаго безутѣшными въ горести какъ супругу и пятеро милыхъ дѣтей, такъ и своихъ, и друзей». Совѣтъ немедленно началъ ходатайство о пенсіи (служба Лубкина продол-

---

[1]) Казанскія Извѣстія, 4 сентября, 1815 года, № 71.

жалась нѣсколько болѣе 20 лѣтъ) и высочайшимъ указомъ 3 февраля слѣдующаго 1816 года вдовѣ и дѣтямъ назначено было единовременно 2000 р. и пенсіи съ 30 августа 1815 года по 500 р. той и другимъ въ годъ. Вдова съ дѣтьми скоро переѣхала въ Костромскую губернію, гдѣ Буйская дворянская опека назначила ее опекуншею. Пенсію ей пересылали сначала Кондыревъ, а потомъ Солнцевъ.

Въ ноябрѣ 1817 года вдова Лубкина, безъ сомнѣнія по совѣту друзей покойнаго мужа, вошла въ совѣтъ Казанскаго университета съ прошеніемъ, при которомъ представила четыре части *метафизики*, состоящія изъ онтологіи, умозрительной психологіи, космологіи и естественнаго богословія. Покойный мужъ, по ея словамъ, намѣренъ былъ издать это сочиненіе; оно было отдано въ цензурный комитетъ при университетѣ, который и одобрилъ его къ напечатанію. Предположеніе это было извѣстно и многимъ членамъ совѣта и самому начальству. Лубкина проситъ совѣтъ, чтобы въ память заслугъ ея мужа и изъ уваженія къ бѣдности осиротѣвшаго многочисленнаго семейства, возбуждено было ходатайство у престола милосерднаго монарха о напечатаніи метафизики на казенный счетъ въ количествѣ 1000 экземпляровъ, съ тѣмъ чтобъ, по распродажѣ ихъ всѣхъ, заплачены были изъ вырученной суммы издержки печатанія, а остальное было бы обращено въ пользу сиротъ. Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, которому было передано на разсмотрѣніе сочиненіе Лубкина, согласно мнѣнію члена своего Срезневскаго, уже извѣстнаго намъ, нашло печатаніе выгоднымъ и полезнымъ, о чемъ и было представлено попечителю. Салтыковъ согласился съ ходатайствомъ совѣта и отказалъ только въ просьбѣ, прибавленной съ своей стороны совѣтомъ, о дозволеніи преподавать по этой книгѣ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, потому что тамъ предписано употреблять метафизику сочиненія Якоби [1]). По смѣтѣ, составленной факторомъ типографіи Бокельманомъ, всѣ расходы по печатанію 1200 экз., кромѣ переплета, исчислены были въ 1730 рублей, на что и согласилась вдова, а совѣтъ поручилъ въ апрѣлѣ 1818 года, съ своей стороны, профессору Солнцеву имѣть надзоръ надъ печатаніемъ. Но Солнцевъ, какъ видно изъ жалобы Лубкиной министру народнаго просвѣщенія, присланной въ апрѣлѣ слѣдующаго года, то есть черезъ годъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ вовсе изданіемъ книги не занимался, имѣя другія занятія и особенно будучи обремененъ должностью ректора, которую поручено ему исправлять, и

[1]) Дѣло о напечатаніи метафизики покойнаго профессора Лубкина въ пользу дѣтей его. *Сов.* 1817 г. № 139.

печатаніе идетъ крайне медленно. А потому Лубкина и проситъ министра о подтвержденіи правленію имѣть попеченіе за печатаніемъ и поручить за этимъ надзоръ профессору Городчанинову, на котораго она особенно надѣется по дружбѣ его съ покойнымъ мужемъ. Изъ этой только просьбы вдовы князь Голицынъ узналъ, что разрѣшено печатать метафизику Лубкина (это разрѣшеніе дано было Салтыковымъ безъ вѣдома министра), на счетъ университетской суммы и строго подтвердилъ совѣту университета, чтобы впредь, безъ его вѣдома, никакихъ подобныхъ разрѣшеній изъ казенныхъ суммъ дѣлаемо не было. Были уже отпечатаны первыя три части метафизики Лубкина и набиралась четвертая; явились уже желающіе пріобрѣсти книгу и присылали за нее деньги въ типографію по 10 рублей за экземпляръ (статскій совѣтникъ Андрей Ивановичъ Лохтинъ, елабужскій протоіерей Павелъ Юрьевъ, директоръ тамбовскихъ училищъ 3 экз.), какъ новый попечитель университета Магницкій (28 августа 1819 года, № 106) предложилъ совѣту *остановить печатаніе метафизики Лубкина* и рукопись доставить къ нему [1]). Это было разумѣется немедленно исполнено; печатаніе было прекращено, распоряженіе же о томъ, чтобъ напечатанное было истреблено, сдѣлано было позже.

Ранѣе всѣхъ этихъ профессоровъ, назначенныхъ еще при Румовскомъ и выбранныхъ имъ, воротился въ Казанскій университетъ уже служившій ему профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго Г. Н. Городчаниновъ [2]). Мы знаемъ, что въ 1808 году, будучи адъюнктомъ по своей каѳедрѣ, онъ вышелъ въ отставку, оскорбленный тѣмъ, что совѣтъ не согласился на избраніе его въ экстраординарные профессоры по свободной тогда каѳедрѣ философіи. Не то чтобы Городчаниновъ по влеченію и убѣжденію желалъ промѣнять свое краснорѣчіе и стихотворство на философію, но этимъ способомъ, думалъ онъ, легче добиться своей цѣли. Хотя онъ, по смерти Левицкаго, въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, и

---

[1]) Дѣло о напечатаніи метафизики профессора Лубкина. *Правл.* 1819 г. № 76. Первыя двѣ части разсматривались профессоромъ Городчаниновымъ, а 3 и 4-я — Срезневскимъ. — При всемъ нашемъ стараніи найти погибшую книгу, печатавшуюся, какъ мы видѣли, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, мы никакъ не могли попасть на ея слѣдъ. Все изданіе было истреблено, но когда—неизвѣстно.

[2]) О немъ, о его личности, дѣятельности по каѳедрѣ и о его отношеніяхъ къ университету мы разсказали въ *первой* части нашего сочиненія „Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у-та, стр. 113—124.

продолжалъ чтеніе вмѣсто него, и какъ кажется по тетрадкамъ покойнаго, но съ философіей онъ не имѣлъ ничего общаго, что и доказали ему всѣ до единаго его сослуживцы въ своихъ мнѣніяхъ, представленныхъ Румовскому [1]). Дѣло заключалось въ простомъ

---

[1]) Мнѣнія эти, писанныя всѣ по латыни, несмотря на очень понятную со стороны нѣмецкихъ профессоровъ, по незнанію ими русскаго языка, сдержанность, довольно любопытны, какъ мнѣнія современниковъ. Для большинства ихъ Городчаниновъ извѣстенъ только какъ переводчикъ „знаменитаго творенія Рейналя (celeberrimi operis Raynali)". Н. П. Лихачевъ, въ своемъ обстоятельномъ библіографическомъ изслѣдованіи о Городчаниновѣ и его сочиненіяхъ (Казань 1886. 8°), говоря (стр. 18—21) объ этомъ переводѣ, перечислилъ всѣ свѣдѣнія о его изданіяхъ и предположенія о переводчикахъ. Эти предположенія сводятся къ тому, что Городчаниновъ переводилъ не одинъ. Но ни г. Лихачеву, ни пишущему это, не были извѣстны мнѣнія современниковъ. Сплетня это или фактъ—рѣшить не беремся, но въ латинскомъ мнѣніи профессора и библіотекаря Сторля, въ его сужденіи о Городчаниновѣ, находится извѣстіе, что большая часть перевода принадлежитъ другому лицу — какому-то коллежскому ассесору *Турпину* („librum abbatis Raynal, quem se (т. е. Городчаниновъ) ex idiomate gallico in idioma rossicum transtullisse asserit, collegiorum assessor Turpin sibi vindicet, maxima saltem ex parte"). Кстати объ этой книгѣ и ея изданіяхъ. Въ изслѣдованіи Н. П. Лихачева о профессорѣ Городчаниновѣ мы находимъ извѣстіе (стр. 20—21) объ объявленіи Городчанинова, приложенномъ имъ къ № 63 „Казанскихъ Извѣстій" 1819 года. Изъ этого объявленія видно, что Городчаниновъ „рѣшился приступить" ко второму изданію своего (?) перевода книги и открываетъ подписку на нее, что *двѣ первыя части его уже отпечатаны и выдаются подписчикамъ*". Г. Лихачевъ прибавляетъ, что онъ не могъ достать этого изданія, предполагая вѣроятно, что его печаталъ самъ Городчаниновъ въ Казани. Мы можемъ положительно утверждать, основываясь на документахъ, что въ университетской типографіи въ Казани такого изданія предпринято не было и объявленіе о немъ Городчанинова вѣроятно сдѣлано было случайно и составляетъ большую, любопытную для характеристики профессора краснорѣчія и времени, рѣдкость. Въ двухъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ „Казанскихъ Извѣстій" 1819 года мы не нашли такого объявленія и если оно и находится въ экземплярѣ г. Лихачева, то первыя двѣ части уже отпечатанныя, по всей вѣроятности относятся ко *второму изданію,* появившемуся въ тридцатыхъ годахъ; весьма возможно, что онѣ были уже отпечатаны въ 1819 году въ С.-Петербургѣ, но поступить въ продажу, вслѣдствіе тогдашнихъ цензурныхъ условій, не могли до 1834 года. Самыя объявленія о подпискѣ, нѣтъ сомнѣнія, уже не повторялись и исчезли. Печатаніе и выходъ въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Рейналя, уже сильно общипаннаго „благоразуміемъ цензуры" въ первомъ изданіи, для профессора Казанскаго университета во времена Магницкаго было бы тяжкимъ преступленіемъ, а Городчаниновъ сдѣлался вскорѣ persona grata знаменитаго попечителя. Слѣдуетъ также замѣтить, что переводилъ онъ Рейналя вовсе не изъ сочувствія къ идеямъ этого французскаго писателя, а только изъ за гонорара. Безъ сомнѣнія Магницкій и не узналъ объ объявленіи.

житейскомъ разсчетѣ: жалованье экстраординарнаго профессора было вдвое больше адъюнктскаго. Несмотря на личныя и чужія просьбы у Румовскаго въ Петербургѣ, несмотря на заступничество такого сильнаго покровителя, каковъ былъ тогда Трощинскій, Городчанинову не удалось добиться званія экстраординарнаго профессора даже по занимаемой имъ каѳедрѣ краснорѣчія и стихотворства. Причина со стороны попечителя, кромѣ неблагопріятныхъ отзывовъ сослуживцевъ, заключалась въ томъ, что въ Казанскомъ университетѣ, по лѣтамъ службы, оказывалось старше его четверо адъюнктовъ, производство которыхъ попечитель откладывалъ до торжества открытія университета. Какими путями Городчаниновъ добился того, что черезъ два года, 9 декабря 1810 года, былъ назначенъ въ Казань экстраординарнымъ профессоромъ — на это у насъ нѣтъ документовъ. Впрочемъ и теперь Городчаниновъ едва ли могъ быть вполнѣ доволенъ: хотя онъ и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, но жалованье оставлено ему было адъюнктское, только съ добавкою 400 р. изъ экономическихъ суммъ университета. Случилось такъ вслѣдствіе канцелярской путаницы: казенная палата весьма долго не получала никакихъ распоряженій отъ государственнаго казначея о выдачѣ Городчанинову жалованья, и цѣлый годъ ему пришлось жить на адъюнктское.

Въ засѣданіе совѣта въ первый разъ снова Городчаниновъ явился 15 февраля 1811 года, а чрезъ недѣлю представилъ совѣту, что будетъ «проходить съ своими слушателями: *лирическую поэзію* и изъяснить имъ *красоты псалмовъ Давидовыхъ*, съ показаніемъ *важности, силы и краткости славянскаго языка*, разсмотрить нѣкоторыя *Ломоносовы* и *Горацiевы оды*, держась правилъ сего же лирика въ посланіи его ad Pisones. По временамъ, для *прозаическаго краснорѣчія*, будетъ читать нѣкоторыя мѣста изъ Цицероновыхъ рѣчей. Кромѣ сего желаетъ сообразно § 119 устава Казанскаго университета, заняться однажды въ недѣлю *бесѣдою со студентами* во время, какое будетъ назначено отъ совѣта». Изъ этой краткой програмы можно видѣть, что лекціи Городчанинова представляли совершенно теоретическій характеръ и мало имѣли отношенія и къ русской словесности, и къ русскому языку. Въ послѣдующіе годы, до Магницкаго, въ програму преподаванія Городчанинова входили: «*Эстетическій разборъ* славнѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ — по правиламъ Баттё и частію Мейнерса» и *наставленія въ языкѣ славянскомъ*, при чемъ онъ руководствовался книгою Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ» (собственно «для слушателей, желающихъ пріобрѣсть въ россійской словесности болѣе свѣдѣній»). Въ слѣдующіе годы, вѣроятно для разнообразія по правиламъ реторики,

«эстетическій разборъ славнѣйшихъ россійскихъ стихотворцевъ» назывался уже «лучшія пiитическія сочиненія россійскія съ разборомъ оныхъ по эстетическимъ правиламъ г. Баттё». Также разнообразилъ Городчаниновъ и преподаваніе языка славянскаго: въ одинъ годъ онъ руководствовался, для показанія красоты его книгою Шишкова, на другой годъ псалмами Давида, потомъ снова царь Давидъ уступалъ свое мѣсто Шишкову. Никакихъ другихъ, особенно внутреннихъ измѣненій, не было въ преподаваніи, и только время Магницкаго должно было наложить свою, болѣе своеобразную печать на него. Въ чемъ заключались «бесѣды со студентами», продолжавшіяся впрочемъ недолго, мы не знаемъ, только Румовскій, за намѣреніе вести ихъ, «не могъ оставить безъ похвалы» Городчанинова, какъ онъ выражался въ предложеніи своемъ совѣту [1]). Въ ноябрѣ 1812 года Городчаниновъ представилъ совѣту университета «трудъ свой, предпринятый для студентовъ, посвятившихъ себя россійской словесности и въ учительскія по сей части званія приготовляемыхъ». Это былъ «Опытъ краткаго руководства къ эстетическому разбору по части россійской словесности». Книга эта была напечатана въ 1813 году; она разсматривалась въ отдѣленіи словесныхъ наукъ и была имъ одобрена. Въ августѣ 1813 года Городчаниновъ проситъ совѣтъ «назначить ему новыхъ слушателей изъ класса адъюнкта Перевощикова (читавшаго тотъ же предметъ, поелику его слушатели всѣ кончили курсъ россійской словесности») [2]).

Не задолго до открытія университета, Городчаниновъ снова начинаетъ жаловаться и грозитъ необходимостью оставить профессуру, чтобы искать болѣе прибыльныхъ для себя занятій. «Не находя достаточнымъ получаемаго мною по званію экстраординарнаго профессора жалованья (sic) къ содержанію *немалаго моего семейства*, и не имѣя здѣсь, въ Казани, никакого другаго дохода, я принужденъ входить въ долги. Сіе поставляетъ меня въ печальную необходимость, противъ воли и желанія моего, *пріискивать себѣ другое мѣсто*, гдѣ бы я могъ безъ долгу содержать себя съ семействомъ моимъ. Для сего потребно мнѣ предварительное отъ совѣта свидѣтельство, каковымъ прошу покорнѣйше почтеннѣйшій совѣтъ меня снабдить». Городчаниновъ самъ указываетъ то, что должно помѣщаться въ этомъ свидѣтельствѣ, кромѣ носимой имъ должности экстраординарнаго профессора: званіе редактора «Казанскихъ Извѣстій» (съ іюля 1811 по мартъ 1813 года), члена училищнаго комитета (съ ноября 1811 года), что онъ издалъ книгу, выше нами упомянутую

---

[1]) Протоколы совѣта 1811 года, стр. 36а.
[2]) Протоколы совѣта, 1813 г., стр. 155б.

«Опытъ руководства» и пр. и наконецъ, «что къ чести университета, какъ членъ онаго, я нѣсколько споспѣшествовалъ и другими изданными моими *стихотвореніями*, за которыя удостоенъ весьма для меня лестнымъ его пр—ства господина попечителя отзывомъ, каковой имѣю честь представить при семъ въ подлинникѣ» [1]). Послѣдующее вскорѣ открытіе университета доставило ему званіе ординарнаго профессора, а черезъ годъ послѣ того и должность декана словеснаго отдѣленія, что казалось бы должно было успокоить его. Несмотря однако на это, въ началѣ 1817 года (9 января) Городчаниновъ подаетъ въ совѣтъ прошеніе объ оставленіи службы въ университетѣ «для вступленія въ вѣдомство министерства юстицій, гдѣ ваканція открыться можетъ». Причиною этой, по словамъ его, печальной необходимости, является опять казанскій климатъ, не благопріятствующій будто здоровью его и всего семейства, изнуряемаго лихорадкою. Мы не можемъ дать вѣры этому показанію. По представленію совѣта министръ согласился на увольненіе Городчанинова для вступленія въ вѣдомство юстиціи «на такомъ основаніи как онъ проситъ, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы до вступленія въ означенное министерство онъ не числился только при университетѣ, а дѣйствительно исправлялъ настоящую свою должность» (Городчаниновъ просилъ, чтобы начальство благоволило *уволить его не прежде, какъ по то самое число*, «*когда могу я поступить въ вѣдомство министерства юстиціи*»). Въ іюнѣ того же года Городчаниновъ подалъ однако другое прошеніе. Изъ него мы узнаемъ, по словамъ его, что «въ вѣдомствѣ министерства юстиціи», куда онъ намѣренъ былъ перейти, не открылось для него такое мѣсто, которое бы и способностямъ его соотвѣтствовало и состоянію здоровья его, въ разсужденіи климата, приличествовало» [2]).

Лучшіе дни пришли для Городчанинова со вступленіемъ въ должность попечителя Магницкаго. Тогда онъ сдѣлался однимъ изъ излюбленныхъ исполнителей его мѣръ и предначертаній. Новое время и новыя требованія были съ особенною, конечно нѣсколько грубоватою чуткостію, уловлены Городчаниновымъ. Не знаемъ, насколько измѣнился характеръ его преподаванія, но всего рельефнѣе и сильнѣе замѣчается измѣненіе направленія въ содержаніи литературной дѣятельности Городчанинова, преимущественно піитической, для чего можетъ дать матеріалы такъ тщательно составленная упомя-

---

[1]) Протоколы совѣта 1814 г., стр. 21, а, б.

[2]) Дѣло объ увольненіи вовсе отъ службы университета п. о. профессора Городчанинова. *Сов.* 1817 г., № 3.

нутая мною книга г. Лихачева. Пользуясь его точнымъ указаніемъ хронологіи произведеній Городчанинова, мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о содержаніи поэтическаго творчества Городчанинова въ двѣ такія различныя эпохи Казанскаго университета, какъ годы съ его основанія до ревизіи и— время Магницкаго. На своей лирѣ профессоръ умѣлъ брать струны, затрогивающія современность, звучащія по камертону Магницкаго. Городчаниновъ, хоть и неуклюжимъ образомъ, старался подлаживаться къ тѣмъ идеямъ и къ тому содержанію, которыя читались въ предписаніяхъ начальства; лично для него это было выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Съ 1811 года, со времени вторичнаго поступленія Городчанинова въ Казанскій университетъ, мы нѣсколько лѣтъ прислушиваемся къ торжественнымъ одамъ и кантатамъ, которыми поэтъ, какъ новый Тиртей, воспламенялъ сердца казанцевъ. Эти громкіе звуки выражали патріотическія чувства, возбужденныя великими событіями 1812 года. Тутъ и голоса вѣрноподданныхъ при чтеніи манифестовъ, и торжество побѣдъ надъ французами, и воспѣваніе благодѣяній мира, и привѣтствіе храброму казанскому ополченію, и выдающіяся современныя событія въ казанской жизни и проч. Начиная съ 1820 года—иныя, не столь торжественныя, но можетъ быть болѣе прочувствованныя и во всякомъ случаѣ болѣе близкія по времени и болѣе выгодныя темы затрогиваетъ университетскій бардъ. Онъ промѣнялъ стихи на прозу. Самъ онъ уже съ другимъ наружнымъ видомъ: одѣтъ во вретище; глава посыпана пепломъ; содержаніе чисто великопостное. Это— переводы изъ проповѣдей Фенелона, отрывки изъ Боссюэта, переложенія притчъ и т. п. Городчаниновъ въ силу такого настроенія примиряется даже съ казанскимъ климатомъ. Его здоровье укрѣпляется и чаще, безъ вреда этому здоровью, онъ прибѣгаетъ, какъ это видно изъ обстоятельнаго изслѣдованія Н. П. Лихачева, къ помощи откупнаго нектара.

Городчаниновымъ, воротившимся въ Казань, мы оканчиваемъ разсказъ о профессорахъ, приглашенныхъ Румовскимъ. Этого перваго профессора русской словесности впрочемъ весьма вѣрно оцѣнилъ Магницкій тотчасъ послѣ ревизіи въ своемъ донесеніи. Профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка Городчаниновъ—*человѣкъ весьма доброй нравственности* и знаетъ языкъ правильно, но подаетъ невыгодное мнѣніе о своемъ вкусѣ, ибо дѣлаетъ критическій разборъ, въ видѣ образцовыхъ твореній, одамъ графа Хвостова, преподаетъ и печатаетъ оный. Не отнимая достоинства отъ сего поэта, позволительно желать, чтобы разбору его твореній предшествовалъ разборъ Ломоносова, Державина и

Жуковскаго». При слѣдующемъ попечителѣ Салтыковѣ уже не было ни одного, собственно имъ приглашеннаго преподавателя. Вскорѣ открылся самоуправляющійся университетъ. Опредѣленіе профессоровъ уже зависѣло отъ выборовъ и къ разсказу объ открытіи университета, о его дѣятельности, которая не вошла въ прежнія главы, и о новыхъ, немногихъ профессорахъ, мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

Глава XVIII.

Новый попечитель послѣ Румовскаго.—Постепенное измѣненіе взглядовъ на наши университеты.—Личность Салтыкова и біографическія о немъ свѣдѣнія.—Характеристика его дѣятельности, какъ попечителя.—Отношеніе его къ Яковкину и борьба съ нимъ.—Мотивы для открытія университета.—Выборы должностныхъ лицъ и утвержденіе ихъ.—Возвращеніе удаленнаго въ 1807 году профессора Цеплина.—Распоряженія по открытію университета и первыя дѣйствія отдѣленій.—Торжество открытія 5 іюля 1814 года.—Отношеніе общества и мѣстной газеты.—Первыя самостоятельныя распоряженія совѣта.—Отношеніе университета къ казанской гимназіи; паденіе значенія Яковкина; составленіе новаго положенія для гимназіи.—Замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.—Правила объ испытаніяхъ на ученыя степени.—Іоаннъ Готтлибъ Іонъ, первый докторъ (обоихъ правъ) въ Казанскомъ университетѣ.—Лица, ищущія ученыхъ степеней.—Приготовленіе молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности: магистръ Самсоновъ и кандидатъ Лентовскій.—Два выбранные по открытіи университета профессора: 1) Эмануилъ Вердерамо, профессоръ повивальнаго искусства (1815—1819) и 2) Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ, профессоръ правъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ (1815—1822).—Искатели каѳедръ.—Занятіе профессорами вторыхъ вакантныхъ каѳедръ за половинное жалованье.—Заключеніе.

Извѣстіе о смерти перваго попечителя Казанскаго университета, послѣдовавшей 8 іюля 1812 года, было заслушано въ засѣданіи совѣта 24 іюля. На немъ постановлено было отпѣть, при собраніи всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ чиновъ панихиду по покойномъ въ ближайшей къ университету городской Воскресенской церкви [1]). Министръ народнаго просвѣщенія увѣдомляя совѣтъ о смерти Румовскаго, предписывалъ по всѣмъ дѣламъ, впредь до опредѣленія новаго попечителя, относиться непосредственно къ нему. Такая прямая переписка университета съ министромъ продолжалась

[1]) Казанскія Извѣстія 1812 года, № 30.

недолго. Изъ предписанія графа Разумовскаго отъ 19 сентября того же 1812 года, за № 1252, члены совѣта узнали, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа быть дѣйствительному камергеру Михаилу Александровичу Салтыкову, къ которому и слѣдуетъ съ этого времени относиться со всѣми представленіями по дѣламъ. По выслушаніи этого предписанія министра, совѣтъ въ засѣданіи своемъ 12 октября, препоручилъ профессору Городчанинову сочинить новому начальнику поздравительное письмо на россійскомъ языкѣ отъ имени совѣта, а профессору Френу на языкѣ латинскомъ [1]). Въ одномъ изъ первыхъ предписаній своихъ на имя совѣта Салтыковъ увѣдомлялъ, что онъ намѣренъ пріѣхать въ Казань вскорѣ послѣ наступленія новаго года. Съ начала февраля 1811 года, по распоряженію Салтыкова, бумаги на его разрѣшеніе уже болѣе не посылались въ Петербургъ, и самъ онъ пріѣхалъ въ Казань 4-го марта и остановился въ университетѣ [2]).

Съ первымъ годомъ попечительства М. А. Салтыкова соединенъ какъ извѣстно, самый важный фактъ въ исторіи Казанскаго университета—его открытіе, согласно уставу 1804 года. Этого открытія самоуправляющагося университета во всѣхъ частяхъ его организма, давно ждали какъ иностранные члены университетскаго сословія, привыкшіе вѣковыми преданіями къ корпоративному самоуправленію университетовъ на своей родинѣ, такъ и русскіе профессоры. «Наконецъ всѣми толико желанный день насталъ!» восклицаетъ одинъ изъ нихъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ на актѣ торжественнаго открытія университета (Вас. Перевощиковъ). «Мы торжествуемъ *полное, во всѣхъ частяхъ сообразное священной волѣ великаго нашего монарха открытіе* Казанскаго университета». Румовскій, на долю котораго досталось положить основаніе этому университету, пытался, вслѣдствіе однако же категорически высказанной воли министра народнаго просвѣщенія (см. нашей книги ч. 1-я, стр. 261—262 и выше стр. 256 и слѣд.) также открыть университетъ, но едва ли онъ самъ искренно желалъ этого открытія и сочувствовалъ ему. Съ одной стороны онъ боялся умаленія своей власти, въ силу которой для успѣха университета и науки онъ повидимому искренно вѣрилъ, чуждаясь однако эгоистическихъ мотивовъ; съ другой стороны Румовскій принадлежалъ, какъ это можно заключить изъ его собственныхъ заявленій, къ тому къ сожалѣнію немалочисленному разряду русскихъ людей, которые не вѣрятъ спо-

---

[1]) Протоколы совѣта 1812 г., стр. 116 б. и 156 а.

[2]) Казанскія Извѣстія 1813 года, № 10.

собности роднаго народа своего къ лучшему и болѣе свободному устройству, независимо отъ власти все направляющей и все указующей. Можетъ быть, это недовѣріе имѣетъ своимъ источникомъ и непривычку только. Надобно вспомнить также и старость Румовскаго, которая безъ сомнѣнія и была главною причиною, что онъ, со времени первой поѣздки своей въ Казань въ февралѣ 1805 года, для основанія университета, въ теченіе своего семилѣтняго управленія университетомъ и округомъ, ни разу уже не былъ въ этомъ городѣ, а объ округѣ не имѣлъ никакого личнаго представленія. Эта старость внушала ему тѣ нѣсколько разъ приведенныя нами и высказанныя имъ по многимъ поводамъ желанія спокойствія, нарушаемаго разными вполнѣ неизбѣжными и естественными университетскими исторіями и столкновеніями. Старость Румовскаго была также причиною того, что онъ безусловно довѣрялъ Яковкину и на многое смотрѣлъ его глазами, а послѣднему было выгодно преувеличивать и пугать старика. Румовскій былъ человѣкомъ науки, спеціалистомъ и академикомъ по астрономіи, но онъ не учился въ университетѣ, вовсе не былъ знакомъ съ внутреннимъ устройствомъ его въ тѣхъ странахъ, гдѣ университеты давно существуютъ, гдѣ ихъ формы и условія сложились исторически. Надобно отдать справедливость Румовскому, особенно въ первые годы его попечительства, что онъ умѣлъ выбирать кандидатовъ на профессорское званіе. Человѣкъ съ большимъ и многостороннимъ образованіемъ, знатокъ французской литературы, очень хорошій для своего времени переводчикъ Тацита, Румовскій, полагаясь на свои силы, могъ оцѣнить знанія многихъ ученыхъ и права ихъ на каѳедру. Много благопріятствовало этому и самое время, когда положено было основаніе Казанскому университету, когда придавали такое значеніе наукѣ и высшему образованію въ нашемъ отечествѣ. Въ скоромъ времени однако такой взглядъ на науку измѣнился. Надвигающаяся на насъ военная гроза съ европейскаго Запада, откуда мы заимствовали эту науку, скоро перемѣнила непрочныя убѣжденія. Въ это время Карамзинъ, забывшій свои молодыя увлеченія подъ вліяніемъ преувеличеній революціи, читалъ въ Твери императору Александру I свою «Записку о древней и новой Россіи», гдѣ мы находимъ первыя нападенія на университеты. Многое заставило понемногу власть измѣнить свой взглядъ на высшее образованіе. Иностранныхъ ученыхъ стали подозрѣвать въ неблагонадежности политической. Для многихъ изъ нихъ былъ весьма непріятенъ такъ называемый тогда оффиціально «разборъ иностранцевъ», и мы говорили, что въ послѣдніе годы попечительства Румовскаго ему или вовсе не было изъ кого выбирать, или приходилось довольствоваться такими про-

фессорами, какіе встрѣчались случайно. Въ послѣдніе два года своей жизни, послѣ неудачнаго опыта въ 1810 году, Румовскій вовсе не думалъ объ открытіи университета. Между тѣмъ первымъ и самымъ важнѣйшимъ дѣломъ новаго попечителя было именно это открытіе университета, на которое не рѣшался или котораго не желалъ Румовскій. Тѣмъ болѣе любопытною кажется намъ личность Салтыкова, рѣшившагося на это открытіе; интересны и мотивы, которые побудили его.

Михаилъ Александровичъ Салтыковъ принадлежалъ къ извѣстному древнему роду Салтыковыхъ, появившемуся еще въ первой половинѣ XIII вѣка въ Новгородѣ въ лицѣ выѣхавшаго изъ Пруссіи Михаила Прушанина, какъ это можно видѣть изъ родословныхъ книгъ [1]). Родъ этотъ потомъ распался на нѣсколько вѣтвей, и казанскій попечитель принадлежалъ къ той изъ нихъ, которая не выдавалась ни высокимъ служебнымъ положеніемъ, ни матеріальнымъ благосостояніемъ. Салтыковъ получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выходили въ то время лучшіе представители русской образованности, носившей совершенно свѣтскій характеръ и основанной исключительно на французской литературѣ и на французскомъ языкѣ. Послѣднимъ Салтыковъ владѣлъ въ совершенствѣ. Родившись въ 1769 году и принадлежа къ аристократіи Петербурга, Салтыковъ, какъ сверстникъ, часто находился въ обществѣ будущаго наслѣдника престола Александра Павловича и по нѣкоторымъ указаніямъ [2]) принадлежалъ къ числу его друзей въ первые молодые его годы, хотя не выдавался между ними ни большими способностями, ни вліяніемъ, да и потомъ, когда нѣкоторые его товарищи сдѣлались государственными людьми и пошли въ гору, Салтыковъ остался далеко позади. Какъ большинство современниковъ, онъ поступилъ въ военную службу, которую началъ въ 1787 году въ чинѣ поручика, и въ послѣдніе годы царствованія Екатерины обратилъ на себя общее вниманіе быстрыми служебными повышеніями. Въ теченіе двухъ лѣтъ Салтыковъ дослужился до чина маіора, а въ 1794 году произведенъ въ подполковники. Онъ находился при князѣ Потемкинѣ и участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 годовъ [3]). Онъ дѣлалъ успѣхи и при дворѣ Екатерины, чему много способствовало его блестящее свѣтское образованіе и кра-

---

[1]) *Долгорукій*, кн. П. В. „Россійская Родословная книга“, ч. 2, стр. 68—85.

[2]) *Гречъ Н. И.* „Записки о моей жизни“. Спб. 1886, стр. 247 и XLVII.

[3]) *Современникъ* 1854 г., т. XVIII, отд. III, стр. 4 (статья Гаевскаго о Дельвигѣ). См. еще примѣчаніе г. Саитова въ юбилейномъ изданіи *Сочиненій Батюшкова*, т. III. стр. 696—697.

сивая наружность [1]). Долго-ли продолжался его фаворъ—неизвѣстно, но онъ не принесъ ему большихъ матеріальныхъ выгодъ, какъ это было съ другими любимцами. Во все кратковременное царствованіе императора Павла Салтыковъ оставался не у дѣлъ; онъ нигдѣ не служилъ. По свидѣтельству Греча императоръ Александръ предлагалъ ему какое-то мѣсто, но Салтыковъ отказался, сказавъ, что онъ намѣренъ жениться и желаетъ жить въ уединеніи. Дѣйствительно онъ вскорѣ женился по страстной любви на одной изъ дочерей французской швейцарки, содержательницы славившагося тогда въ Петербургѣ пансіона для дѣвицъ, Елизаветѣ Францовнѣ Ришаръ [2]) (другая дочь Анна вышла замужъ за Клейнмихеля и была матерью столь извѣстнаго любимца императора Николая Павловича, управлявшаго министерствомъ путей сообщенія и сдѣланнаго впослѣдствіи графомъ). Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Салтыкова въ дѣйствительные камергеры, и въ его царствованіе онъ числился по иностранной коллегіи до самаго опредѣленія его попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Какъ послѣдовало это назначеніе—у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія онъ былъ хорошо извѣстенъ лично министру графу Разумовскому, съ которымъ вмѣстѣ принадлежалъ къ одному кругу общества. Право на занятіе столь важной въ то время должности, какою была должность попечителя университета и округа, давало ему значительное по тому времени образованіе, правда нѣсколько одностороннее, такъ какъ все оно основывалось на большомъ знаком-

---

[1]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій пишетъ (1 марта 1794 года) къ князю А. Б. Куракину: „Platon Zouboff переходитъ въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ князь Потемкинъ. Мѣсто его занимается Салтыковымъ, сыномъ А. М. и внукомъ М. М., бывшаго въ вотчинной (коллегіи)“. *Русск. Арх.* 1876 г., стр. 385.

[2]) Жена Салтыкова умерла въ Казани 4 ноября 1814 года. Несмотря на замѣчаніе Греча, что Салтыковъ „жилъ съ нею не очень счастливо“ (Записки, стр. XLVII), онъ былъ такъ огорченъ ея смертью, что оффиціально, хотя и на словахъ, заявилъ на другой же день ректору университета Брауну, что онъ „препорученною ему отъ высшаго начальства должностью, по дѣламъ относящимся до управленія Казанскаго университета и округа заниматься нынѣ не можетъ, а по сему поручаетъ всѣ дѣла до него относящіяся направлять къ г. ректору, а въ случаѣ власть его превышающихъ, доносить его с—ству г. министру“. Такое положеніе дѣлъ продолжалось десять мѣсяцевъ. Салтыковъ, предложеніемъ совѣту отъ 11 сент. 1815 года, № 116, возстановилъ прежній порядокъ и вступилъ въ отправленіе своей должности. Не знаемъ могли-ли сколько-нибудь утѣшить огорченнаго мужа „Стихи на кончину Ея пр—ства Е. Ф. Салтыковой, сочиненные учителемъ казанской академіи *Михаиломъ Полиновскимъ*, искавшимъ мѣста при университетѣ и вскорѣ его получившимъ. Они были напечатаны въ прибавленіи къ № 46 „Казанскихъ Извѣстій“ 1814 года. Намъ кажется, что звуки

ствѣ съ французскою литературою и преимущественно съ французскими мыслителями и философами XVIII вѣка. Въ то время, когда основывали и открывали у насъ университеты, когда приходилось ухаживать за наукой какъ за нѣжнымъ растеніемъ, отъ попечителя недостаточно было требовать только однѣхъ административныхъ способностей. Необходимо было и нѣчто другое: знаніе, образованность и уваженіе къ наукѣ. Если вѣрить воспоминаніямъ желчнаго Вигеля, хорошо знавшаго Салтыкова, то второй казанскій попечитель отличался большимъ самомнѣніемъ, высоко ставилъ свои способности и достоинства, не искалъ ничего изъ самолюбія и думалъ, какъ всѣ подобные ему, что «правительство обязано ихъ награждать употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную; какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести безъ всякаго труда сами собою должны были къ нему приходить» [1]). Изъ характеристики Салтыкова, сдѣланной тѣмъ же Вигелемъ, выходитъ также, что этотъ человѣкъ не отличался дѣятельностью, былъ вообще лѣнивъ и неспособенъ на какую-либо иниціативу. По словамъ того же автора записокъ Салтыковъ, какъ и другіе молодые люди, близкіе къ императору Александру, въ самые первые годы его царствованія, увлекался идеями, пущен-

---

лиры этого „огорченнаго юнаго сына волжскихъ музъ“, какъ называетъ себя поэтъ, могли только увеличить скорбь объ утратѣ. Онъ говоритъ:

„Взойдетъ румяная Аврора;—
Но нѣтъ! Ее не возбудитъ.
Вдохнетъ въ цвѣты весной жизнь Флора,
Но ахъ!.. Ее не оживитъ.
Ни свистъ свирѣпыхъ аквилоновъ,
Ни шумъ кипящихъ, бурныхъ водъ,
Ни громъ среди стихійныхъ споровъ,—
Ничто ее не развлечетъ.
Напрасно, Салтыковъ почтенный,
Ты тяжки вздохи издаешь:
Прахъ хладный изъ могилы темной
Ничѣмъ, ничѣмъ не воззовешь“.

Поэтъ успокоиваетъ надеждою загробнаго свиданія:

„Тамъ, тамъ съ супругою любезной,
Увидишься опять порой (?).
Тамъ, тамъ въ странѣ надзвѣздной
Съ ней вкусишь радость и покой!“

И оффиціальный поэтъ университета, Городчаниновъ старался утѣшить вдовца, напечатавъ въ той же газетѣ, въ прибавленіи къ № 48, свое „Элегическое изліяніе сердца къ другу музъ“.

[1]) Воспоминанія *Вигеля*, ч. 3-я, стр. 62—63.

ными въ оборотъ первыми ораторами французскаго національнаго собранія. Въ обществѣ того времени его считали свободомыслящимъ, чуть не якобинцемъ. Онъ былъ большимъ поклонникомъ Руссо, но конечно все это только на словахъ и въ разговорахъ. Какъ попечитель онъ держался исключительно обычной канцелярской рутины, и едва ли у него было въ головѣ сколько-нибудь опредѣленное представленіе о требованіяхъ, которымъ должно было удовлетворять университетское преподаваніе. Тѣмъ не менѣе репутація свободномыслящаго оставалась за нимъ довольно долго, и когда съ новымъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ явилось другое, противоположное прежнему направленіе, когда стали высказывать недовѣріе къ наукѣ, когда возникло убѣжденіе въ положительномъ вредѣ нѣкоторыхъ наукъ, Салтыковъ, передъ самой ревизіей Магницкаго, вызванной по всей вѣроятности свѣдѣніями, доставляемыми въ министерство о состояніи университета, счелъ собственное свое положеніе неловкимъ и подалъ въ отставку. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ сенаторомъ въ московскіе департаменты и былъ почетнымъ опекуномъ. Отецъ Салтыкова переводилъ и печаталъ во второй половинѣ прошлаго вѣка нѣсколько легкихъ французскихъ произведеній литературы (см. «Роспись» *Смирдина*, №№ 7252, 8629 и 8797), и сынъ также любилъ русскую литературу, переводилъ съ французскаго и писалъ комедіи, какъ передаютъ современники, но ничего не печаталъ. Послѣ отставки отъ попечительства, онъ постоянно въ Москвѣ вращался въ обществѣ выдающихся современныхъ русскихъ писателей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ единственная дочь его Софья Михайловна вышла за лицейскаго товарища Пушкина, поэта барона Дельвига. Даже и потомъ Салтыковъ являлся въ домѣ Елагиныхъ и слѣдовательно въ позднѣйшемъ московскомъ литературномъ кружкѣ [1]). Въ собраніяхъ писемъ Батюшкова и Пушкина имя Салтыкова встрѣчается много разъ, и когда образовалось извѣстное литературное общество Арзамасъ, Салтыкова стали считать въ немъ почетнымъ членомъ. «Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу, будущему своему тестю», пишетъ въ октябрѣ 1825 года барону Дельвигу Пушкинъ [2]). Въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ (1833), онъ поручаетъ Нащокину доставить Салтыкову денегъ 2525 рублей и взять отъ него росписку. Батюшковъ также отзывается о немъ съ большою любовью и уваженіемъ. На сколько заключаетъ въ себѣ правды рѣзкій отзывъ о немъ Греча [3]): «Причудливостью своею и дурнымъ нравомъ онъ

[1]) Русскій Архивъ 1870 г., стр. 675.

[2]) Сочиненія Пушкина. Изданіе литер. фонда, VII, стр. 165.

[3]) Записки, стр. XLVII.

заставлялъ забывать многія свои добрыя качества и умеръ никѣмъ неоплаканный»—рѣшить не беремся. Онъ умеръ 6 апрѣля 1851 года въ Москвѣ, когда ему шелъ уже 83-й годъ.

Дѣятельность Салтыкова какъ попечителя представляла исключительно только высшую инстанцію, такъ какъ безъ его утвержденія и безъ его предписанія не могла быть приведена въ исполненіе никакая мѣра. Едва ли этотъ попечитель былъ въ состояніи понимать нужды молодого университета, начавшаго свое существованіе въ такой восточной и дикой дали и посреди въ высшей степени неблагопріятныхъ условій. Въ теченіе нашего разсказа, говоря о той или другой сторонѣ университетской жизни, мы уже нѣсколько разъ приводили разныя предложенія Салтыкова или отрывки изъ нихъ, по тому или другому поводу. Изъ нихъ и изъ изученія сборниковъ предложеній Салтыкова по университету, въ вѣдѣніи котораго находился и округъ, мы пришли къ убѣжденію, что главное вниманіе Салтыкова обращено было на внѣшнія стороны университетской жизни: онъ замѣчаетъ въ студентахъ недостатокъ чинопочитанія, ихъ неприличное поведеніе во время церковныхъ службъ, что все было конечно въ большинствѣ случаевъ указано ему тѣми профессорами, съ которыми онъ сблизился, главнымъ образомъ иностранцами, весьма нерасположенными къ Яковкину. Салтыковъ указываетъ на грамматическія ошибки въ бумагахъ, ему представляемыхъ и, хотя сознаетъ, что эти ошибки принадлежатъ собственно писцу, но считаетъ необходимымъ указать на «неусмотрительность» лица, подписавшаго бумагу [1]). Особенное вниманіе обратилъ Салтыковъ на наружный видъ университетскихъ и гимназическихъ зданій, который долженъ былъ поразить его, пріѣхавшаго изъ столицы, своею крайнею неряшливостью. Несмотря на архитектоническія фантазіи Яковкина, который такъ краснорѣчиво описывалъ въ своихъ письмахъ къ покойному попечитетю лѣпныя украшенія возводимыхъ вновь или перестраиваемыхъ имъ зданій, несмотря на украшеніе фронтоновъ алебастровыми статуями и бюстами боговъ Олимпа и знаменитыхъ мужей и мудрецовъ древности, все это было весьма неприглядно. Едва оглядѣвшись въ новомъ мѣстѣ своей дѣятельности и не успѣвъ еще представить министру болѣе подробный отчетъ о томъ, что онъ нашелъ въ Казани [2]), Салтыковъ писалъ въ частномъ письмѣ къ графу Разумовскому:

---

[1]) Протоколы Совѣта 1813 г., стр. 63 б.

[2]) Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности пользоваться петербургскимъ архивомъ министерства народнаго просвѣщенія и потому лишены

„Прежде чѣмъ познакомить васъ съ состояніемъ заведеній, ввѣренныхъ моимъ попеченіямъ, я полагаю, что будетъ не безполезно сообщить вамъ вкратцѣ содержаніе мною видѣннаго, съ тою цѣлью, чтобъ воспользовавшись вашими замѣчаніями, я могъ бы представить подробности вашему сіятельству въ оффиціальномъ рапортѣ. Плачевный видъ, представляемый внѣшностью зданій, кучи мусора и нечистоты, покрывающія дворы, свидѣтельствуютъ о развалинахъ, о ветхости, совершенно не соотвѣтствующей зданію такого недавняго происхожденія. Такое нерадѣніе тѣмъ болѣе неизвинительно, что эта часть администраціи, столь важная для сохраненія здороваго воздуха какъ внутри зданій, такъ и внѣ ихъ, требуетъ только чисто физическаго наблюденія и издержекъ весьма незначительныхъ, если человѣкъ будетъ вѣренъ принципу исполненія своей обязанности, требующей только вниманія и ежедневныхъ заботъ [1]). Въ настоящее время все это находится въ такомъ упадкѣ, что суммы, ассигнуемыя по штату на ремонтъ, едва ли будутъ въ состояніи предупредить развитіе зла, особенно принимая во вниманіе чрезвычайную дороговизну матеріаловъ, которая здѣсь на мѣстѣ въ особенности, продолжаетъ возрастать съ быстротою по истинѣ изумительною. Пожаръ, уничтожившій недавно одинъ изъ нашихъ домовъ, я приписываю отчасти случайности, отчасти недостатку надзора, хотя въ дѣйствительности огонь не могъ бы произвести такія опустошенія, еслибъ городская полиція была лучше устроена. Трубы не дѣйствовали за недостаткомъ лошадей. Не существовало ни порядка, ни дѣятельности; полная путаница въ направленіи работъ, замедленіе въ оказаніи помощи, совершенная неопытность въ исполненіи обязанностей въ пожарныхъ случаяхъ. Многое бы можно было сказать о мѣстной администраціи отдаленныхъ губерній (тогда пожарная команда совершенно не зависѣла отъ городскаго самоуправленія), но ваши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя опытомъ и ваши собственныя наблюденія не нуждаются въ дополненіи моими [2]).

Тотъ же самый пожаръ, свидѣтелемъ котораго довелось быть Салтыкову въ первые мѣсяцы по своемъ пріѣздѣ въ Казань, вызвалъ съ его стороны слѣдующее предложеніе совѣту (30 апр. 1813 г. № 256), въ которомъ онъ высказывалъ уже почти прямо свое неудовольствіе Яковкину:

„По кратковременному пребыванію въ Казани и многоразличнымъ занятіямъ по дѣламъ университетскимъ, не могъ я еще заняться разсмотрѣніемъ *внутренняго распоряженія до пожарной части относящагося;* полагалъ однакожъ, что управляющій вмѣсто ректора (т. е. Яковкинъ) не упускалъ

возможности приводить подлинныя слова донесеній Салтыкова по начальству. Донесеніями Румовскаго мы пользовались по черновымъ или „отпускамъ", сохранившимся въ казанскомъ университетскомъ архивѣ. Такихъ черновыхъ въ бумагахъ времени Салтыкова не сохранилось.

[1]) Вѣроятно такой взглядъ попечителя былъ причиною того, что проф. Арнгольдъ, какъ мы видѣли выше (стр. 544), чтобы угодить начальству, взялся за очистку дворовъ.

[2]) *Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ. Томъ II, стр. 524—525. Письмо было писано 12 мая 1813 года.

изъ виду, чтобы исполняемо было все то, что по сей части до законнаго благоустройства относится, нынѣ же *нахожу и по сей части крайнее упущеніе*, такъ что исключая причины, пожаръ произведшей 23 числа сего мѣсяца, усиліе и распространеніе онаго приписать должно *нерадѣнію довѣренныхъ и управляющихъ чиновниковъ*. Ибо вопреки узаконенія, нѣтъ и не было воды ни на крышѣ, ни на подволокѣ, ни даже вблизи дома, коею бы вначалѣ очень легко огонь потушить можно было, при усиленіи же онаго не было ни лѣстницъ, ни багровъ, ни трубъ (кромѣ одной ручной), университетскихъ и гимназическихъ. Предлагаю совѣту подтвердить всѣмъ живущимъ въ казенныхъ домахъ, чтобъ неусыпно смотрѣли за огнемъ, и въ случаѣ какой либо неосторожности доносили конторѣ; равно предлагаю предписать конторѣ, чтобы приняла дѣятельнѣйшія мѣры для отвращенія оныхъ упущеній и впредь строжайшимъ образомъ исполняла свои обязанности“ [1]).

Виновникомъ того печальнаго положенія, въ какомъ нашелъ Салтыковъ не только одинъ внѣшній видъ университетскихъ домовъ, который прежде всего долженъ былъ естественно обратить на себя его вниманіе, онъ считаетъ Яковкина и убѣжденіе въ томъ уже прямо высказываетъ министру графу Разумовскому въ письмѣ, отрывки котораго мы уже приводили. «Въ теченіе почти девяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Казанскій университетъ», пишетъ Салтыковъ, «профессоръ Яковкинъ, игравшій первую роль при его основаніи, управлялъ имъ, при отсутствіи покойнаго попечителя, съ постоянною и почти неограниченною властью. Предсѣдатель въ совѣтѣ, въ конторѣ, въ различныхъ комитетахъ, инспекторъ студентовъ, директоръ гимназіи, его управленію должно приписать всѣ безпорядки. До организаціи университета вся административная власть находилась въ его рукахъ. Надобно признать, что онъ злоупотреблялъ ею, хотя въ свое оправданіе онъ ссылается передо мною постоянно на то, что попечитель не обращалъ никакого вниманія на его представленія, которыя часто имъ повторялись. Независимо отъ его неспособности, одной дурной репутаціи его достаточно было бы для удаленія его отъ управленія. Онъ не можетъ служить примѣромъ для юношества ни въ отношеніи нравственности, ни въ отношеніи способностей и знаній. Я не буду говорить о казнокрадствѣ; необходимо поймать на немъ, чтобы убѣдиться, но долженъ сознаться, что я подозрѣваю его. Расходы прошлаго года на постройки и на ремонтъ доходятъ до 11,880 рублей, суммы, которая покажется весьма значительною тому, кто взглянетъ на эти зданія, большинство которыхъ грозитъ паденіемъ. Между тѣмъ, когда я упрекаю его контрастомъ такой суммы съ результатами ея употре-

[1]) Протоколы *Сов.* 1813 г., стр. 96 а, б.

бленія, онъ закрываетъ мнѣ ротъ, говоря, что онъ не укралъ ея, что я могу сдѣлать обыскъ въ его сундукахъ и что представленные имъ мнѣ документы могутъ служить оправдывающимъ его доказательствомъ. Такія рѣчи даютъ мѣрку человѣка (de pareils propos donnent la mesure de l'homme—Салтыковъ писалъ по французски). Присоедините къ этому лесть, которою онъ старается скрасить свое поведеніе, между тѣмъ какъ она раскрываетъ всю его гнусность. Вотъ въ какомъ отношеніи я нахожусь къ Яковкину». Чтобы сколько-нибудь познакомиться хотя бы съ наружнымъ состояніемъ ввѣренныхъ ему заведеній, Салтыковъ, желая имѣть, какъ онъ писалъ совѣту, свѣдѣніе, въ какомъ состояніи находятся строенія университетскія и гимназическія и «чтобы получить полное и подробное свѣдѣніе о прочныхъ и ветхихъ частяхъ каждаго оныхъ дома порознь по наружности, равно какъ и по внутренности», предложилъ совѣту образовать съ этою цѣлью комитетъ изъ назначенныхъ имъ самимъ профессоровъ: Брауна, Броннера, Арнгольда, Петровскаго и Никольскаго. Комитетъ этотъ образовался конечно, но слѣдовъ его дѣятельности мы не нашли. Безъ всякаго сомнѣнія открытіе университета, выборы, новая дѣятельность согласно уставу, отвлекли членовъ этого комитета отъ исполненія указаннаго имъ попечителемъ дѣла. На разные запросы попечителя о положеніи того или другого вопроса, или по преподаванію или по хозяйственной части, обращенные къ Яковкину, послѣдній весьма умѣло и хитро отписывался, и Салтыковъ былъ не въ состояніи формулировать противъ него какое-нибудь опредѣленное обвиненіе и только удалось заставить его отказаться отъ инспекторства студентовъ. Напротивъ, конечно безъ вѣдома Салтыкова, въ первые годы его попечительства, Яковкинъ удостоился даже получить значительную по времени денежную награду. Какъ удивился вѣроятно Салтыковъ послѣ всего того, что онъ сообщалъ графу Разумовскому о Яковкинѣ, прочитавъ въ началѣ слѣдующаго 1814 года, бумагу отъ него, что Государь Императоръ, «по положенію комитета гг. министровъ, учиненному согласно моему представленію, вслѣдствіе полученныхъ мною отношеній отъ г. оренбургскаго военнаго губернатора князя Волконскаго и покойнаго попечителя Казанскаго университета Румовскаго, повелѣть соизволилъ профессору сего университета Яковкину, въ награду усердной службы его, выдать единовременно двѣ тысячи рублей изъ хозяйственной университетской суммы». Искательный Яковкинъ давно уже успѣлъ пріобрѣсти покровительство такого сильнаго въ то время лица, какимъ былъ оренбургскій генералъ-губернаторъ князь Г. С. Волконскій, первый почетный членъ Казанскаго универ-

ситета, избранный имъ по инипіативѣ конечно Яковкина [1]). Помочь послѣднему, умѣвшему жаловаться на свое бѣдственное положеніе, на обремененіе большою семьею, на долги и проч. князю Волконскому было очень легко: съ министромъ народнаго просвѣщенія они были въ сватовствѣ, такъ какъ родной сынъ Волконскаго, извѣстный больше подъ фамиліей князя Репнина (впослѣдствіи малороссійскій генералъ-губернаторъ), былъ женатъ на старшей дочери графа Разумовскаго. Министръ, несмотря на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, основываясь на разсказахъ родного ему человѣка графа Перовскаго, посѣтившаго Казань въ свитѣ сенатора Донаурова. былъ весьма невыгоднаго мнѣнія о Яковкинѣ, теперь повидимому смотрѣлъ на него иными глазами. Въ ноябрѣ 1814 года Салтыковъ донесъ министру народнаго просвѣщенія, что Яковкинъ самъ собою взялъ изъ гимназической суммы впередъ жалованье. Министръ конечно предписалъ попечителю сдѣлать виновному отъ его имени строгій выговоръ и подтвердить ему, что если онъ еще сдѣлаетъ такой поступокъ, то будетъ преданъ сужденію по законамъ. Графъ Разумовскій предписывалъ (26 ноября 1814 года, № 3584) остановить у Яковкина жалованье по званію профессора, «доколѣ изъ онаго пополнится взятая имъ впередъ изъ гимназіи сумма». Но онъ же какъ бы и оправдывалъ его проступокъ. «Директоръ Яковкинъ», писалъ онъ Салтыкову, «обремененъ семействомъ и нужды его заставили можетъ быть забрать впередъ жалованье. Онъ получаетъ только половинное жалованье по званію директора гимназіи, хотя, какъ извѣстно мнѣ, неоднократно просилъ о произведеніи ему и другой половины жалованья. Убѣждаясь долговременною службою его и *большимъ семействомъ*, требующимъ отъ него содержанія своего, прошу Васъ увѣдомить меня: не находите ли вы удобности, чтобы и другая половина жалованья (директора) была ему выдаема?»

Полагаемъ, что для Салтыкова этотъ вопросъ, поставленный ему графомъ Разумовскимъ о прибавкѣ жалованья Яковкину только что получившему высочайшую денежную награду, звучалъ весьма горькой ироніей или насмѣшкой. Намъ неизвѣстно, какъ, но очевидно хитрый директоръ успѣлъ поддѣлаться къ министру. «Большое семейство» сильно помогало его искательству и какъ вообще многіе ловкіе люди русскіе, онъ умѣлъ выдвигать впередъ эту «армію спасенія» и извлекать изъ нея матеріальныя лично для себя выгоды. Въ этой же бумагѣ министръ пишетъ: «*А какъ извѣстно мнѣ*» (очевидно, что извѣстіе это никѣмъ инымъ не могло быть сообщено министру, какъ

[1]) См. нашей книги, часть 1-я, стр. 381—382.

только самимъ Яковкинымъ въ свое оправданіе), «что учителю гимназіи Измайлову, по приказанію вашему также выдано въ августѣ мѣсяцѣ сего года впередъ триста рублей, то прошу васъ распорядиться, дабы впредь подобныя незаконныя выдачи казенныхъ суммъ пресѣчены были». Трудно было Салтыкову бороться, а тѣмъ болѣе побѣдить Яковкина, на сторонѣ котораго былъ теперь и министръ. У него было привилегированное положеніе, измѣнить которое онъ не имѣлъ власти самъ, а министръ или не желалъ, или не рѣшался. «Ваше превосходительство доносите», писалъ министръ, «что поступокъ Яковкина (самовольное полученіе впередъ жалованья) заставилъ васъ предписать университетскому правленію (оно уже было открыто тогда), дабы оно приняло всѣ гимназическія суммы въ свое казначейство подъ непосредственное вѣдомство. На сіе долгомъ считаю замѣтить, что *вина одного члена не даетъ права къ нарушенію высочайше утвержденныхъ уставовъ Казанской гимназіи*, отмѣнять дѣйствіе которыхъ не иначе можно, какъ съ высочайшаго же соизволенія». Министръ предписывалъ попечителю до преобразованія этой гимназіи, которое должно было, по его словамъ, послѣдовать скоро, привести экономическую часть гимназіи въ прежній порядокъ, согласно прежнему уставу. И попечитель долженъ былъ предписать совѣту, членамъ котораго онъ поручалъ обревизовать всѣ суммы, находящіяся въ конторѣ, какъ университетскую, такъ и гимназическую, чтобъ онъ завѣдывалъ гимназіею, согласно уставу университета «наблюдая при томъ, чтобы внутреннее управленіе гимназіи въ точности основано было на особенномъ положеніи высочайше оной дарованномъ» (то есть, чтобы власть директора нисколько не нарушалась [1]).

За этимъ уставомъ Императорской казанской гимназіи, высочайше утвержденнымъ Павломъ Петровичемъ въ 1798 году, какъ за каменною стѣною, крѣпко сидѣлъ Яковкинъ, спокойно перенося нападенія попечителя и не признавая его власти. Не зная, какъ подчинить гимназію власти университета, согласно уставу 1804 года, а слѣдовательно и своей, Салтыковъ сдѣлалъ представленіе о ея преобразованіи, говоря въ немъ, что эта гимназія въ настоящемъ ея видѣ, послѣ основанія въ Казани университета, не приноситъ надлежащей пользы. Министръ поручилъ вслѣдствіе этого Салтыкову составить новое положеніе для гимназіи, которое обѣщалъ, по разсмотрѣніи и одобреніи, представить на утвержденіе высочайшей власти. Мысль министра, какъ видно изъ его предложенія попечителю, состояла въ томъ, чтобы уже существующую въ Казани гим-

---

[1]) Протоколы *Сов.* 1814 г., стр. 147а.

назію соединить съ предполагаемою губернскою, согласно тому типу, какой выработанъ былъ тогда уставомъ такихъ гимназій, такъ чтобъ существовало одно только заведеніе, приготовляющее въ университетъ (26 ноября 1814 года, № 3585). Между тѣмъ Салтыковъ представилъ такой планъ преобразованной въ Казани гимназіи, сущность котораго заключалась только въ ограниченіи власти директора, гимназія же могла продолжать свое существованіе рядомъ съ губернскою. Министръ не утвердилъ этотъ планъ, считая съ своей стороны невозможнымъ, чтобъ въ тогдашней Казани нашлось достаточное число учащихся для всѣхъ трехъ заведеній. Преобразованіе гимназіи такъ и не состоялось при Салтыковѣ.

Не удалось Салтыкову вполнѣ отдѣлаться отъ Яковкина, который сильно ему не нравился, во все время своего попечительства. Какимъ образомъ заставилъ онъ его подать въ отставку отъ должности инспектора казенныхъ студентовъ, съ чѣмъ сопряжено было пользованіе большою казенною квартирою, намъ неизвѣстно. Выбранный, по предложенію Салтыкова, на его мѣсто инспекторомъ Браунъ, былъ немедленно имъ утвержденъ въ этой должности (2 іюля 1813 года), но не скоро удалось Салтыкову выжить Яковкина изъ казенной квартиры, которую онъ, какъ мы видѣли и предоставилъ тотчасъ своему любимцу Арнгольду, поссорившемуся съ Яковкинымъ. Изъ за этой квартиры Салтыкову пришлось даже вступить въ бумажную канцелярскую полемику съ Яковкинымъ. Послѣдній, остававшійся на казенной квартирѣ, съ согласія попечителя, до Пасхи 1814 года, при переходѣ въ собственный домъ, обратился въ контору гимназіи, гдѣ былъ предсѣдателемъ, 4 марта 1814 года (правленіе университета еще не существовало), съ предложеніемъ, что въ его казенной квартирѣ «сдѣланы имъ для удобности пять перегородокъ и шестой въ спальнѣ альковъ съ четырьмя колоннами, подъ мраморъ раскрашенными, съ лѣпною работою и раскрашенною на холстѣ и деревѣ завѣсою, что все я сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ и стоитъ мнѣ самому триста рублей. Почему, ежели конторѣ угодно будетъ, чтобы остались сіи перегородки и альковъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, то я соглашаюсь ихъ уступить за означенную сумму, а безъ нихъ занимать оные покои нѣтъ удобности» [1]. Въ разсказахъ нашихъ о постройкахъ, сдѣланныхъ подъ главнымъ надзоромъ Яковкина, намъ не

---

[1]) Дѣло *конторы* по объявленію г. профессора директора гимназіи Яковкина о томъ, что по выѣздѣ съ казенной квартиры, не можетъ онъ имѣть болѣе за домами университетскими главнаго присмотра и сохраненія между живущими въ оныхъ должнаго порядка. 1814 г., № 37.

разъ случалось говорить о его архитектурныхъ вкусахъ и объ особенной любви его къ лѣпнымъ работамъ и поддѣлкамъ «подъ мраморъ». Нѣтъ сомнѣнія, что и казенная квартира его, для представительности, о которой онъ очень заботился, была украшена имъ по его вкусу. На сколько участвовало въ этомъ его «собственное иждивеніе»—вопросъ другой, и отвѣтить на него положительно мы не можемъ. Контора, получивъ такое извѣщеніе отъ Яковкина, принимая во вниманіе бывшій примѣръ разрѣшенія прежнимъ попечителемъ выдачи 45 рублей профессору Фуксу за сдѣланыя имъ поправки въ квартирѣ своей въ Тенищевскомъ домѣ, при передачѣ ея профессору Эрдману, опредѣлила выдать Яковкину за перегородки и альковъ 300 р. и представила объ этомъ попечителю. Салтыковъ не согласился на это. «Такъ какъ перегородки и альковъ съ колоннами, подкрашенными подъ мраморъ» предписывалъ онъ правленію, «сдѣланныя въ квартирѣ профессора Яковкина и оцѣненныя имъ въ 300 рублей, суть его собственныя прихоти, то предлагаю конторѣ разсмотрѣть прежде: нѣтъ ли надобности въ другихъ издержкахъ къ общей, а не къ частной пользѣ предназначенныхъ. Буде найдется сумма, изъ которой можно будетъ почислить 300 рублей для уплаты Яковкину за перегородку альковы, то предоставляю ему повторить свое прошеніе. Приведенный же примѣръ профессора Фукса, коему выдано 45 рублей по предложенію покойнаго попечителя, не можетъ служить примѣромъ для послѣдующихъ подобныхъ обстоятельствъ, ибо сіе поощритъ всякаго чиновника къ подобнымъ требованіямъ, а такъ какъ нельзя опредѣлить границъ роскоши и прихотямъ, притомъ между 45 и 300 рублями соразмѣрность уже не малая, то и можно полагать, что и впредь возродятся таковыя же самовольныя заключенія». Это было объявлено Яковкину, но остается неизвѣстнымъ, увезъ ли онъ перегородки алькова въ собственный домъ, или предоставилъ пользоваться ими даромъ проф. Арнгольду.

Оставляя черезъ нѣсколько дней эту занимаемую имъ казенную квартиру въ университетскомъ домѣ, Яковкинъ заявилъ въ присутствіи конторы, что по случаю своего выѣзда съ квартиры онъ не можетъ уже болѣе имѣть за домами университетскаго главнаго присмотра и наблюдать за сохраненіемъ между живущими въ нихъ должнаго порядка. Когда объ этомъ конторою донесено было попечителю, Салтыковъ предложилъ ей спросить у Яковкина, «какія онъ придумаетъ мѣры для наблюденія чистоты и порядка въ домахъ гимназическихъ, отъ коихъ онъ также не близко жительствуетъ?» На этотъ ироническій вопросъ Салтыкова Яковкинъ весьма спокойно отвѣтилъ, что по должности директора гимназіи онъ «какъ прежде, такъ и нынѣ священною обязанностью и непремѣннымъ

долгомъ поставляетъ себѣ имѣть наблюденіе по гимназіи, на основаніи высочайше утвержденнаго 1798 года мая 29 дня устава: относительно же жительства его, то онъ нынѣ ближе къ гимназіи имѣетъ домъ, въ сравненіи разстоянія главнаго корпуса отъ гимназіи». Обязанность наблюдать за чистотою и порядкомъ въ домахъ университетскихъ попечитель поручилъ теперь Арнгольду. Для него же была *исправлена* и бывшая квартира Яковкина. Контора вскорѣ однако перестала существовать. Для университета ее замѣнило правленіе.

Изучая дѣятельность Салтыкова, какъ попечителя, мы невольно должны придти къ тому убѣжденію, что онъ не стоялъ на высотѣ своего призванія. Въ тѣ первые годы Казанскаго университета, когда только начиналась университетская наука, отъ попечителя требовались, думаемъ, иныя условія, чѣмъ потомъ, когда эта наука окрѣпла достаточно, когда корпорація профессоровъ нѣсколько попривыкла къ самоуправленію и къ сознанію своего собственнаго достоинства и своихъ собственныхъ обязанностей передъ страною, передъ властью и передъ молодымъ поколѣніемъ, которое она призвана была приготовить къ полезному и честному служенію родинѣ. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, на долю попечителя, особенно въ такомъ далекомъ отъ всего развитого городѣ, какимъ была тогда Казань, выпадали не однѣ обязанности администраціи или репрессіи, какъ потомъ, а болѣе широкая, болѣе плодотворная дѣятельность. Онъ долженъ былъ явиться защитникомъ науки и высшаго преподаванія; онъ долженъ былъ поднять званіе профессора въ окружающемъ его грубомъ обществѣ; онъ долженъ былъ импонировать этому обществу своимъ властнымъ авторитетомъ и высокимъ положеніемъ. Немного было задатковъ для всего этого у Салтыкова, и онъ какъ-то безслѣдно стушевался при одномъ слухѣ о предстоящей ревизіи Магницкаго. Большой самостоятельности въ его дѣйствіяхъ мы не видимъ. Покойный Румовскій, въ своемъ завѣщаніи, отказалъ университету всѣ сочиненія Эйлера, портретъ императора Александра Павловича, собраніе разныхъ латинскихъ диссертацій и географическихъ картъ, принадлежавшихъ впрочемъ къ библіотекѣ Франка, которая почти вся досталась Казанскому университету. Салтыковъ, вскорѣ послѣ этого, въ сентябрѣ 1813 года, жертвуетъ также университету книгъ суммою на 300 рублей и нѣсколько птичьихъ чучелъ [1]). Совѣтъ

---

[1]) Протоколы совѣта 1813 г., стр. 177а.

опредѣлилъ изъявить попечителю живѣйшую благодарность за его пожертвованіе и испросить у него соизволеніе довести объ этомъ пожертвованіи чрезъ казанскія газеты до свѣдѣнія публики, на что онъ и согласился [1]). Въ слѣдующемъ году онъ снова пожертвовалъ нѣсколько книгъ; все это были старыя французскія книги.

Какъ человѣкъ получившій поверхностное французское, чисто свѣтское образованіе, ничего общаго съ наукою не имѣвшее, хотя онъ превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ, Салтыковъ естественно долженъ былъ больше тяготѣть къ нѣмецкимъ членамъ университета, съ которыми говорилъ конечно по французски. Онъ ставилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ выше русскихъ (между послѣдними онъ благоволилъ больше всего къ Кондыреву, большому мастеру на мелкія послуги начальству), но вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно понималъ всю безполезность ихъ преподаванія казанскимъ студентамъ, не знавшимъ ни одного иностраннаго языка. «Что касается до успѣховъ преподаванія», писалъ онъ къ графу Разумовскому въ большомъ французскомъ письмѣ, уже не разъ нами цитированномъ, «то кромѣ недостатка учебныхъ книгъ и другихъ пособій этого рода, успѣхамъ студентовъ мѣшаетъ положительное незнаніе ими иностранныхъ языковъ, особенно латинскаго, такъ что иностранные профессора должны выбирать одно изъ двухъ: или пользоваться переводчиками [2]), если таковые найдутся, или читать передъ слушателями, которые ихъ не понимаютъ. Это неудобство будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока профессорскія каѳедры не будутъ замѣщены русскими. Невозможно требовать, чтобы иностранцы выучились русскому языку. Для этого у нихъ нѣтъ ни времени, ни средствъ; кромѣ того такое изученіе будетъ безплод-

---

[1]) Казанскія Извѣстія 1813 г., № 42.

[2]) Въ концѣ ноября 1812 года подалъ Салтыкову прошеніе объ опредѣленіи его адъюнктомъ по медицинѣ, *съ тѣмъ, чтобъ переводить по русски слушателямъ лекціи профессора Эрдмана*, находящійся при московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ штабъ-лѣкарь коллежскій ассесоръ Калайдовичъ (братъ извѣстнаго археолога). Министръ, по представленію Салтыкова, утвердилъ его 19 декабря. Успѣшны ли были его переводы—намъ неизвѣстно, но уже въ маѣ слѣдующаго года, Калайдовичъ, въ новомъ прошеніи Салтыкову писалъ, что „чувствуя изнеможеніе во всемъ моемъ тѣлѣ отъ вліянія здѣшняго воздуха, для поправленія здоровья, намѣренъ возвратиться въ Москву, гдѣ по открытіи Московскаго университета и благороднаго пансіона, займу прежнее мѣсто". Изъ этого прошенія видно однако, что съ февраля онъ читалъ лекціи *гигіены*. Изъ этой науки, по его словамъ, онъ „*выписывалъ сокращенныя правила и преподавалъ слушателямъ на письмѣ для сохраненія въ памяти*". Согласно этому прошенію Калайдовичъ былъ уволенъ.

нымъ для людей, находящихся въ извѣстномъ возрастѣ. Я долженъ сознаться, съ нѣкоторымъ чувствомъ досады, что профессора нѣмецкіе превосходятъ нашихъ, какъ по познаніямъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и такое превосходство должно было произвести раздоръ, господствующій между ними. Какъ бы я ни любилъ свое отечество, но эта любовь не въ состояніи заглушить во мнѣ чувство справедливости до такой степени, чтобы быть нейтральнымъ между притѣснителями и притѣсненными. Я прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ примиренія и мнѣ удалось нѣсколько успокоить ненависть и соперничество, или удержать ихъ по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ благопристойности. До сихъ поръ я никого еще лично не обвинялъ, но если мнѣ тяжело указывать на личности, я не въ состояніи однако забыть, что такъ какъ вопросъ поставленъ объ общемъ дѣлѣ, то всякое постороннее соображеніе должно исчезнуть передъ истиною». Далѣе слѣдуютъ жалобы на Яковкина и его обвиненія, выше нами приведенныя. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Салтыковъ былъ на сторонѣ нѣмецкихъ профессоровъ. Посѣтивъ въ началѣ своего попечительства какъ-то разъ засѣданіе совѣта, онъ предложилъ, чтобъ къ представленіямъ, подаваемымъ въ совѣтъ на языкѣ русскомъ, непремѣнно было присоединяемо краткое содержаніе бумаги на языкахъ латинскомъ или французскомъ [1]. Нѣкоторыя предложенія его, болѣе важныя по содержанію, переводились по опредѣленію совѣта на французскій языкъ.

Кажется намъ, что желаніе избавиться отъ непріятнаго ему во многихъ отношеніяхъ Яковкина, убѣжденіе, что не даромъ питаютъ къ самовластному директору нелюбовь уважаемые имъ нѣмецкіе профессоры и полная увѣренность, что Яковкинъ не будетъ выбранъ на предстоящихъ выборахъ должностныхъ лицъ по университету при его открытіи, побудили Салтыкова сдѣлать министру представленіе объ этомъ открытіи. Особенно недовѣрялъ Салтыковъ Яковкину въ завѣдываніи хозяйственной или финансовой частью. Уѣзжая въ началѣ іюля изъ Казани для обозрѣнія училищъ казанскаго округа, Салтыковъ предложилъ, чтобы хозяйственною частью, по неоткрытію еще правленія университета, завѣдывала не контора гимназіи, какъ это было съ самаго основанія въ 1805 году университета, а временный комитетъ по выбору членовъ совѣта изъ ординарныхъ профессоровъ. Этотъ выборъ и послѣдовалъ 3 іюля 1813 года и комитетъ, немедленно утвержденный попечителемъ, со-

---

[1]) Протоколы совѣта 1813 г., стр. 81а.

ставился изъ нѣмецкихъ профессоровъ, получившихъ большинство избирательныхъ шаровъ: Брауна, Бартельса, Литтрова, Броннера и Томаса. Яковкинъ не баллотировался, потому что получилъ разрѣшеніе на отпускъ и долженъ былъ выѣхать изъ Казани. Въ іюльское во время вакаціи 1813 года засѣданіе совѣта, очевидно уже послѣ отъѣзда Салтыкова, проф. Арнгольдъ, явившись въ весьма немногочисленное собраніе членовъ совѣта, большинство которыхъ разъѣхалось на вакацію, предъявилъ совѣту, «по приказанію» попечителя, при своемъ рапортѣ, предложеніе министра къ попечителю отъ 11 іюля № 1691 слѣдующаго содержанія: «*По причинамъ изъясненнымъ въ представленіи* в. п. № 381, я согласенъ, чтобы въ Казанскій университетъ избраны были ректоръ, деканы и для прочихъ должностей чиновники, съ учрежденіемъ правленія и суда, соотвѣтственно уставу сего университета». Къ сожалѣнію мы не знаемъ этого представленія Салтыкова министру, и потому намъ неизвѣстны тѣ мотивы, какіе излагалъ онъ, ходатайствуя о полномъ открытіи, но думаемъ, что не ошиблись, высказавъ выше предположеніе, что главная причина ходатайства заключалась въ желаніи избавиться отъ Яковкина, который и Салтыкову и многимъ изъ сослуживцевъ его профессоровъ представлялся тормазомъ, мѣшающимъ дальнѣйшему развитію жизни молодого университета.

Получивъ бумагу попечителя вмѣстѣ съ копіею предписанія министра о предстоящихъ выборахъ, совѣтъ поручилъ временному комитету представить къ слѣдующему засѣданію мнѣніе свое о порядкѣ, который долженъ быть наблюдаемъ при избраніи. Порядокъ этотъ былъ опредѣленъ, написанъ, представленъ совѣту и утвержденъ попечителемъ безъ измѣненій, за исключеніемъ того, что выборъ проректора и просекретаря сочтенъ ненужнымъ и признана возможность выбора секретаря изъ экстраординарныхъ профессоровъ, что немного измѣняло требованіе устава. Попечитель предложеніемъ 3 сентября предписалъ начать выборы. Эти выборы и произведены были въ засѣданіи совѣта на другой же день, 4 сентября. По большинству голосовъ ректоромъ былъ избранъ профессоръ *Браунъ;* въ деканы отдѣленій: нравственно-политическихъ наукъ *Финке*, физико-математическихъ *Бартельсъ*, врачебныхъ *Эрдманъ*, словесныхъ *Германъ*. Въ званіе библіотекаря—*Реннеръ*, указывавшій, какъ мы говорили, что библіотека стала мѣстомъ храненія муки для хозяйственнаго помощника библіотекаря Кондырева. Въ секретари совѣта—*Томасъ*, который однако тогда же протестовалъ противъ этого выбора, и наконецъ въ синдики былъ избранъ баронъ *Врангель*. Послѣ Томаса былъ выбранъ въ секретари Фуксъ, но и онъ отказался; тогда вмѣсто него въ секретари выбранъ син-

дикъ баронъ Врангель, профессоръ экстраординарный. Такимъ образомъ въ Казани образовался чисто-нѣмецкій университетъ: по крайней мѣрѣ въ числѣ главнѣйшихъ должностныхъ лицъ его не было ни одного русскаго. Уже послѣ совершившихся выборовъ заслушана была бумага попечителя, который предлагалъ отложить избраніе библіотекаря «впредь до предбудущаго времени», такъ какъ настоящее состояніе библіотеки вовсе не требуетъ, чтобъ въ ней находились два лица, когда уже есть одинъ, который дѣйствительно служитъ (это былъ помощникъ библіотекаря Кондыревъ и Салтыковъ благоволилъ къ нему). Это тѣмъ болѣе будетъ полезно, писалъ Салтыковъ, что штатная сумма, отпускаемая на библіотекаря, можетъ быть употреблена въ пользу библіотеки, бѣдной многими изданіями.

Когда представленіе Салтыкова о совершившихся выборахъ было получено въ Петербургѣ, министръ замѣтилъ, что въ числѣ избранныхъ лицъ недостаетъ еще членовъ училищнаго комитета, а потому Салтыковъ предложилъ совѣту избрать и ихъ, «или утвердить старыхъ, тѣмъ болѣе, что они утверждены были самимъ г. министромъ народнаго просвѣщенія». Въ этой же бумагѣ министръ, повидимому нѣсколько недовольный тѣмъ, что не выбрано было ни одного русскаго, замѣтилъ, что по уставу (§ 68) секретарь университетскаго совѣта «долженъ быть искусенъ въ россійскомъ и иностранныхъ языкахъ нынѣ употребительныхъ». Въ знаніи послѣднихъ или, по крайней мѣрѣ языка нѣмецкаго, судя по фамиліи, министръ повидимому не сомнѣвался, но желалъ знать: искусенъ ли Врангель въ языкѣ россійскомъ. Попечитель вслѣдствіе этого просилъ совѣтъ объяснить познанія въ русскомъ языкѣ Врангеля, который выбранъ также и въ синдики, а по мнѣнію министра и въ этой должности необходимо лицо, свѣдущее въ русскомъ языкѣ. Совѣтъ объяснилъ, что Врангель три года уже отправляетъ должность секретаря совѣта на россійскомъ языкѣ, «объясняя текущія дѣла и на иностранныхъ языкахъ для лучшаго уразумѣнія мало знающихъ россійскій языкъ членовъ»; что онъ родился въ Лифляндіи и «слѣдственно по законамъ состоитъ россійскимъ подданнымъ», и потому находитъ Врангеля способнымъ и достойнымъ къ отправленію должности какъ синдика, такъ и секретаря. Послѣдніе выборы были членовъ въ училищный комитетъ (совѣтъ не согласился съ предложеніемъ попечителя утвердить прежнихъ членовъ, вѣроятно потому, что въ числѣ ихъ и предсѣдателемъ комитета былъ Яковкинъ). Эти выборы происходили 28 ноября; большинство голосовъ получили ординарные профессоры (по уставу ихъ должно быть шесть, § 162) Бартельсъ, Реннеръ, Литтровъ и Броннеръ и.

съ разрѣшенія попечителя, два экстраординарныхъ профессора: Эрихъ и Городчаниновъ (единственный русскій—для русскаго языка). Такимъ образомъ одержана была полная побѣда надъ Яковкинымъ, не получившимъ никакой выборной должности по университету, что было безъ сомнѣнія пріятно и торжествующимъ иностранцамъ, и самому попечителю. Съ этого времени Яковкинъ остается въ тѣни и, несмотря на свое служебное старшинство, теряетъ всякое вліяніе. Давніе враги его торжествуютъ. Еще выборные ректоръ и деканы не были утверждены, какъ въ Казанскій университетъ воротился самый непримиримый и ожесточенный врагъ Яковкина, считавшій себя выше его по службѣ и ведшій съ нимъ, хотя и недолго, всего года два по основаніи университета, постоянную войну, за что, по представленію Румовскаго, онъ былъ удаленъ изъ службы въ январѣ 1807 года. Это былъ профессоръ дипломатики и политической экономіи—Цеплинъ. Почти семь лѣтъ не было его въ Казани, но намъ ничего неизвѣстно, гдѣ и въ какихъ занятіяхъ, служебныхъ или другихъ, провелъ эти годы «главный, высокій крикунъ», какъ называлъ его Яковкинъ, да и вообще его личность и дѣятельность представляются намъ загадочными; немного мы знаемъ и о первыхъ годахъ его службы въ университетѣ (часть 1, стр. 62—64). По представленію Салтыкова, по всей вѣроятности основанному на рекомендаціи его бывшихъ сослуживцевъ - соотечественниковъ, въ средѣ которыхъ онъ видимо пользовался расположеніемъ, Цеплинъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по прежде занимаемой имъ каѳедрѣ еще 9 октября 1813 года. По распоряженію министра выдано было ему заимообразно изъ суммъ главнаго правленія училищъ на проѣздъ до Казани — 400 р. Въ Казань воротился онъ въ мартѣ 1814 года и первымъ дѣломъ его было принести въ даръ университету нѣсколько книгъ разнаго содержанія и на разныхъ языкахъ, которыя онъ пожертвовалъ еще въ 1807 году, но не успѣлъ тогда сдать за скоростью отъѣзда. По случаю смерти декана отдѣленія нравственно - политическихъ наукъ Финке, по выбору въ октябрѣ 1814 года, Цеплинъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Утвержденіе избранныхъ ректора, декановъ и прочихъ чиновъ университетскихъ, указанныхъ въ уставѣ 1804 года, послѣдовало однако не очень скоро. Только въ засѣданіи совѣта 18 апрѣля 1814 года былъ заслушанъ высочайшій указъ, данный 24 февраля въ главной квартирѣ въ Шомонѣ (Chaumont) на имя министра народнаго просвѣщенія, объ утвержденіи ректоромъ университета на три года ординарнаго профессора Брауна и предложеніе министра на имя попечителя объ утвержденіи декановъ всѣхъ четырехъ от-

дѣленій, синдика, секретаря совѣта и непремѣннаго засѣдателя, согласно избранію, и о повышеніи, по случаю открытія университета, нѣкоторыхъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные (Городчаниновъ и Эрихъ), адъюнктовъ въ эктраординарные и т. д. Попечитель съ своей стороны предлагалъ сдѣлать всѣ распоряженія къ открытію университета, донести въ непродолжительный срокъ, сколько и какія суммы потребуются къ отпуску въ университетъ въ текущемъ году, сверхъ тѣхъ, какія уже назначены, и приготовить все къ открытію правленія, собранія отдѣленій и пр., а потомъ и самого университета. Совѣтъ опредѣлилъ: открыть правленіе университета *подъ именемъ комитета правленія университета* (для насъ совершенно не ясно, почему было придумано такое названіе, такъ какъ въ комитетъ этотъ вошли всѣ тѣ лица, которыя входятъ въ составъ правленія), и комитету этому поручить исполненіе всего того, что требуетъ предписаніе попечителя: 1) составить подробную вѣдомость о суммахъ, 2) приготовить все къ открытію университета и его частей, 3) пріобрѣсти всѣ предметы, которые необходимы для открытія и пр., однимъ словомъ распорядиться всѣмъ. Въ засѣданіи совѣта 22 апрѣля, въ которомъ Яковкинъ не былъ, приведены были въ присутствіи попечителя къ присягѣ ректоръ, всѣ утвержденные чины и получившіе повышеніе въ званіяхъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 29 апрѣля рѣшено было, кому и какія рѣчи читать въ день торжественнаго открытія университета.

Одновременно начались также дѣятельность и устройство отдѣленій или факультетовъ, причемъ естественно было, что обращалось больше всего вниманія на внѣшнія стороны. Такъ, прежде другихъ, *отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ*, въ первомъ засѣданіи своемъ 4 мая того же 1814 года, 1) озаботилось избраніемъ секретаря. По уставу онъ долженъ быть выбранъ изъ адъюнктовъ, но въ отдѣленіи таковыхъ не оказалось, а потому изъ трехъ принадлежащихъ къ нему магистровъ: Булыгина, Срезневскаго и Алехина по баллотировкѣ оказался выбраннымъ второй. 2) Деканъ предложилъ о необходимости имѣть для засѣданій факультета особую комнату, или по крайней мѣрѣ общую съ другимъ какимъ-либо факультетомъ, а въ этой комнатѣ столъ достаточной или большой величины, покрытый зеленымъ сукномъ и при немъ 12 креселъ. Далѣе требовались разныя канцелярскія принадлежности для письмоводства, шкафъ для храненія дѣлъ и бумагъ, особая факультетская печать, разныя шнуровыя книги и т. п. 3) Факультетъ разсуждалъ о почетныхъ членахъ по случаю предстоящаго открытія университета, сначала по § 37 изъ «мужей, прославившихся ученіемъ и дарованіями», и прежде всего *объ учености* и заслугахъ двухъ

лицъ: министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго и государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева [1]). Кромѣ почетныхъ членовъ, деканъ отдѣленія предложилъ еще избрать въ иногородные почетные члены въ силу §§ 38 и 39, съ жалованьемъ по 200 р. (въ качествѣ членовъ корреспондентовъ), королевскаго великобританскаго надворнаго совѣтника доктора правъ и ординарнаго профессора правъ въ Гёттингенскомъ университетѣ Густава Гуго, извѣстнаго по своимъ знаніямъ и трудамъ (мы знаемъ, что Финке слушалъ его лекціи) и по § 41 устава («изъ особъ науки покровительствующихъ и мужей ученіемъ знаменитыхъ»)—дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Густава Розенкампфа. «Факультетъ желалъ бы», говорилось въ его представленіи совѣту, «пріобщить къ числу почетныхъ членовъ и много другихъ почетнѣйшихъ особъ, еслибъ не сомнѣвался, чрезъ многочисленные выборы ослабить уваженіе къ сему достоинству» [2]).

Отдѣленіе *физико-математическихъ наукъ*, въ своихъ засѣданіяхъ 30 апрѣля и 5 мая, постановило также ходатайствовать о предметахъ внѣшней обстановки. Въ ней, сравнительно съ отдѣленіемъ нравственно-политическихъ наукъ, мы нашли только 6 лишнихъ стульевъ, малый столъ для секретаря, зерцало, теку или портфейль для разноски бумагъ по гг. членамъ, съ 13 ключами къ замку на ней и три экземпляра печатнаго устава университета. Согласно желанію совѣта и это отдѣленіе разсуждало о почетныхъ членахъ. Оно раздѣлило ихъ на два класса: почетные члены *покровители* и почетные члены—*корреспонденты*. Подобно прочимъ отдѣленіямъ и это единодушно опредѣлило поднести дипломы почетнаго члена покровителя графамъ Разумовскому и Румянцеву. Наконецъ отдѣленіе просило совѣтъ изъявить его пр—ству г. попечителю желаніе отдѣленія, чтобы онъ соизволилъ принять на себя званіе почетнаго члена Казанскаго университета. Кромѣ этихъ трехъ указаны были отдѣленіемъ еще четыре: академики Фуссъ и Шубертъ, д. с. с. Мартыновъ и капитанъ 1-го ранга Крузенштернъ. Наконецъ членовъ-корреспондентовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, большею частью профессоровъ разныхъ университетовъ отдѣленіе указало—19 [3]).

Отдѣленіе *врачебныхъ наукъ* доносило совѣту, что въ засѣданіи своемъ 2 мая, оно выбрало въ секретари единогласно своего адъюнкта Ренарда. Что же касается до почетныхъ членовъ, то, кромѣ извѣстныхъ тогда лейбъ-медиковъ и лейбъ-хирурговъ: Вилье, Крей-

[1]) Протоколы совѣта 1814 г., стр. 81а, б.
[2]) Протоколы совѣта 1814 г., стр. 86б, 87а.
[3]) Протоколы совѣта. 1814 г., стр. 82а, 87б.

тона, Лейтона, Франка и Рихтера, оно намѣтило девять членовъ-корреспондентовъ [1]).

Отдѣленіе *словесныхъ наукъ*, въ двухъ своихъ первыхъ засѣданіяхъ 2 и 5 мая, какъ видно изъ донесенія его совѣту, разсуждало также подробно о своей внѣшней обстановкѣ; въ перечисленіи требуемыхъ имъ для канцелярской дѣятельности предметовъ мы не встрѣтили бо́льшаго числа ихъ, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ. только шнуровыхъ книгъ понадобилось почему-то больше, именно шесть. Секретаремъ, по большинству голосовъ, избранъ магистръ Юнаковъ. Почетными членами оно признало конечно прежде всего министра графа Разумовскаго, но «кромѣ покровительства и ревностнаго содѣйствія на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія», отдѣленіе указывало на «особенно отличившихся и пріобрѣвшихъ славу чрезъ труды свои по части словесности»: Державина, Дмитріева, Шишкова, графа Хвостова и переводчика греческихъ классиковъ и директора департамента народнаго просвѣщенія И. И. Мартынова (перечислялись всѣ ихъ титулы и чины). Изъ иностранныхъ ученыхъ, безъ сомнѣнія по указанію Френа, рекомендовался въ почетные члены и сверхъ того въ члены-корреспонденты, съ жалованьемъ въ 200 рублей — извѣстный оріенталистъ, профессоръ въ Ростокѣ Тихсенъ, учитель Френа [2]). Всѣ намѣченные и указанные факультетами почетные члены и члены-корреспонденты были потомъ избраны совѣтомъ и утверждены министромъ просвѣщенія.

Между тѣмъ временный комитетъ, образованный изъ членовъ правленія, дѣятельно работалъ надъ выполненіемъ порученной ему задачи, приготовляя все нужное къ открытію университета. Онъ составилъ подробныя вѣдомости о суммахъ, которыя должны быть отпущены на Казанскій университетъ въ его полномъ видѣ послѣ открытія, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже получались. Наведены были точныя справки о томъ, сколько отпускалось въ прежніе годы для предполагаемаго, но несостоявшагося полнаго открытія университета. Оказалось, что начиная съ 1808 года, ежегодно ассигновалось на открытіе университета по 2000 р., что всей суммы съ этою цѣлью ассигнованной въ теченіе шести лѣтъ, по апрѣль 1814 года, состояло 12691 р. 29½ к., изъ которыхъ на разныя потребности, преимущественно на мебель, обстановку, канцелярскія принадлежности и проч., было израсходовано 7707 р. 20½ к. и поступило въ хозяйственную университетскую сумму 4564 р. 49¾ к. Оставшейся суммы, оказалось, было достаточно на предстоящіе по от-

[1]) Тамъ же, стр. 82а, 87а.
[2]) Тамъ же, стр. 82б.

крытію университета расходы, и комитетъ, соображаясь съ нею, составилъ списокъ вещей и разной мебели, необходимыхъ для правленія и для факультетовъ, принимая во вниманія тѣ заявленія, которыя были сдѣланы самими факультетами. Наконецъ комитетъ составилъ «*обрядъ* какимъ порядкомъ торжествовать открытіе Казанскаго университета» [1]). Все это черезъ совѣтъ пошло на утвержденіе попечителя, который согласился, какъ на пріобрѣтеніе всѣхъ предметовъ, перечисленныхъ въ спискахъ, за исключеніемъ почему-то большого зеркала, такъ и на обрядъ открытія [2]).

Согласно составленному комитетомъ и начальствомъ утвержденному *обряду* или церемоніалу, днемъ открытія Казанскаго университета назначено было 5 іюля. За нѣсколько дней до этого знаменательнаго въ судьбахъ университета дня, или наканунѣ его, казанскіе жители, на листахъ большого формата, получили слѣдующее печатное на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и татарскомъ съ лапидарною разстановкою строкъ извѣщеніе:

«По повелѣнію державнѣйшаго великаго Государя Александра I, Императора и самодержца всероссійскаго, данному среди звука оружій и грома побѣдъ на полѣ брани, подъятой ко благу человѣчества, для защищенія попранныхъ и угнетенныхъ правъ европейскихъ народовъ и возвращенія свободы и мира, имѣетъ совершиться сего 1814 года іюля 5 дня торжественное *открытіе* Императорскаго Казанскаго университета, щедротами монаршими *утвержденнаго* 1804 года ноября 5 дня, и *основаннаго* 1805 года февраля 14 дня. О чемъ, по приказанію Его превосходительства, г. дѣйствительнаго камергера, Казанскаго университета и его учебнаго округа попечителя, Михаила Александровича Салтыкова, извѣщая почтеннѣйшихъ оо: пастырей и наставниковъ церкви, гг. военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, и чиновниковъ и другихъ покровителей и споспѣшествователей просвѣщенія, и всѣхъ, всякаго состоянія любителей наукъ и познаній, къ соучаствованію въ семъ торжествѣ здѣшнихъ музъ усерднѣйше проситъ и приглашаетъ ректоръ сего университета Иванъ Браунъ, медицины докторъ и профессоръ».

Вмѣстѣ съ этимъ приглашеніемъ разосланы были также печатныя

---

[1]) Дѣло объ открытіи университета, правленія университетскаго и объ учрежденіи временнаго комитета правленія, о утвержденіи ректора, декановъ, непремѣннаго засѣдателя, синдика и секретаря и о выпискѣ для правленія законныхъ книгъ. *Правл.* 1814 г. № 46.

[2]) Протоколы совѣта 1814 г., стр. 90б., 96а.

на трехъ языкахъ *програмы* торжественнаго акта. Эти извѣщенія и програмы почетнымъ лицамъ города, съ приглашеніемъ ихъ на актъ и послѣ него на обѣденный столъ, развозили нѣкоторые, нарочно для того избранные молодые адъюнкты и магистры, между которыми самымъ дѣятельнымъ и расторопнымъ оказался адъюнктъ и секретарь отдѣленія медицинскихъ наукъ Ренардъ которому поручены были заботы и о столѣ. По приглашенію ректора, наканунѣ дня открытія, всѣ члены университета, магистры, кандидаты и всѣ студенты въ мундирахъ должны были собраться въ большой залѣ главнаго корпуса для выслушанія всенощнаго бдѣнія, но это было потомъ нѣсколько измѣнено, и всѣ собравшіеся, въ 7 часовъ вечера, церемоніально рядами пошли въ ближайшую къ университету Воскресенскую церковь, гдѣ и слушали всенощную. На другой день, рано по утру, къ зданію университета явился «для охраненія порядка», *почетный караулъ*, какъ выразился современный хроникеръ, изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 24 рядовыхъ учебнаго гренадерскаго батальона, присланный казанскимъ комендантомъ. Къ 7 часамъ утра собрались въ большую университетскую залу ректоръ, профессоры, адъюнкты, магистры, всѣ чиновники университета. Здѣсь совершено было водоосвященіе соборнымъ протоіереемъ, а послѣ него, согласно заранѣе утвержденному обряду, всѣ собравшіеся по повѣсткѣ, имѣя въ главѣ своей ректора, шли церемоніальнымъ порядкомъ въ Воскресенскую церковь. На бархатныхъ подушкахъ впереди профессора несли высочайше пожалованные университету утвердительную грамоту и уставъ. Эти акты были помѣщены на подушкахъ по обѣ стороны царскихъ вратъ, на приготовленныхъ заранѣе мѣстахъ. Литургію совершалъ архіепископъ казанскій и симбирскій Павелъ въ сослуженіи трехъ архимандритовъ монастырей: Свіяжскаго, Спасо-Преображенскаго и Зилантовскаго и главныхъ представителей бѣлаго казанскаго духовенства. Въ церкви присутствовали всѣ наличныя губернскія власти, за исключеніемъ губернатора Мансурова, не бывшаго по болѣзни, много дворянъ и чиновниковъ. Никакихъ рѣчей, случаю приличныхъ, представителями духовной власти въ храмѣ произнесено не было, и по окончаніи литургіи попечитель и всѣ чины университета возвратились тѣмъ же торжественнымъ порядкомъ въ университетскую залу. Послѣ чиновъ университетскихъ, прибыли въ залу архіепископъ съ главными представителями духовенства, участвовавшими въ литургіи и всѣ приглашенныя почетныя лица города. Принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству и всему августѣйшему дому, благодѣтельному начальству, пекущемуся о просвѣщеніи, учащимъ и учащимся. Послѣ

того архипастырь съ представителями духовенства, генералитетъ, высшіе чиновники и дворяне приглашены были университетскимъ начальствомъ къ обѣденному столу, который былъ накрытъ на сто человѣкъ въ другой сосѣдней залѣ. Обѣдъ былъ ранній, начался никакъ не позже 1 часу по полудни [1]). Во время обѣда былъ

[1]) Въ дѣлѣ объ открытіи университета сохранились и списки всѣхъ приглашенныхъ лицъ, и menu обѣда, и стоимость его, перечислены также и всѣ другіе расходы, употребленные на открытіе. Это былъ единственный крупный расходъ на декорумъ, сдѣланный въ теченіе почти девяностолѣтняго существованія университета и, сравнивая его съ подобными же расходами на торжества въ настоящее время, мы не можемъ считать его весьма значительнымъ. Содержатель трактира и буфета въ дворянскомъ собраніи Гедлеръ взялъ за обѣдъ по 2 р. съ каждаго приглашеннаго лица (со стороны университета ему предоставлены были: кухня, дрова, караулъ и услуга). „Что отъ стола останется, то ему не возвратится, а обращено будетъ на угощеніе архіерейскихъ пѣвчихъ (для нихъ, музыкантовъ и слугъ куплено было ведро ерофеича—въ 8 р.) и на ужинъ студентовъ. Кофе, водка и весь столовый приборъ—Гедлеровы; небольшая закуска—10 рублей. Обѣдъ былъ двухъ родовъ: постный (для духовенства) изъ 11 блюдъ и скоромный—изъ 10 блюдъ. Винъ разныхъ (шампанскаго 2 б.—30 р., цымлянскаго—24 б.—24 р. краснаго, бѣлаго и проч.), пива и меду на 145 рублей и аккуратные распорядители нѣмцы выговорили себѣ у виноторговца Куса (тогда всѣ винные погреба Казани принадлежали нѣмцамъ и вина въ нихъ были настоящія) право возвратить за ту же цѣну неоткупоренныя бутылки, а также и всѣ порожнія. Не станемъ входить во всѣ подробности угощенія и множества мелкихъ расходовъ; угощаемы были также и студенты, кандидаты и магистры, но обѣдъ ихъ стоилъ весьма дешево, всего 35 р. 92 к., считая въ томъ числѣ 3 штофа водки и 5 бутылокъ бѣлаго вина; угощаемы были, какъ на провинціальныхъ свадьбахъ, солдаты охранители порядка, кучера, лакеи, музыканты военные и евреи и пр. За вечернее угощеніе (конфекты, варенье лимонадъ, чай, ромъ и проч.) заплачено было Гедлеру 124 рубля. Всѣ счеты составлялъ, повѣрялъ и сводилъ э. о. профессоръ Никольскій, только что выбранный и утвержденный „безсмѣннымъ засѣдателемъ“ правленія, и въ первый разъ онъ вступилъ тогда въ отправленіе новыхъ обязанностей (по § 132 устава „безсмѣнный засѣдатель есть ближайшій помощникъ ректору въ дѣлахъ къ правленію и университетскому суду принадлежащихъ. Онъ наипаче печется, чтобъ въ отправленіи текущихъ дѣлъ соблюдаемъ былъ порядокъ, сохранены были законы и непоколебимы были полезныя и опытомъ утвержденныя постановленія“). Всѣхъ расходовъ по торжественному открытію университета, за исключеніемъ немногихъ, особенныхъ, было на сумму 690 р. 99 коп. По первоначально составленной смѣтѣ расходъ былъ высчитанъ въ 400 р., на что согласился и попечитель; передержку свыше этой суммы члены, по предварительному согласію, приняли на себя, но такъ какъ передержка эта значительно превысила смѣту, то Салтыковъ, весьма довольный тѣмъ, что университетскій праздникъ сошелъ блистательно, прибавилъ еще 200 рублей изъ хозяйственной суммы университета. Не нужно забывать, что издержки высчитаны были на рубли ассигнаціонные.

провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора, причемъ играла инструментальная музыка. Послѣ обѣда, до начала акта, всѣхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ было три «богатыхъ татарина», члены университетской корпораціи развлекали показываніемъ и объясненіемъ различныхъ рѣдкостей и достопримѣчательностей. Пили и кофе, но ликеровъ и разныхъ pousse-café не было: въ этихъ принадлежностяхъ обѣда уже состоитъ прогрессъ новаго времени.

Въ четыре часа попечитель въ короткихъ словахъ объявилъ всѣмъ присутствующимъ о цѣли собранія, и актъ открылся чтеніемъ учредительной грамоты университету высочайше дарованной. Читалъ ее одинъ изъ профессоровъ. Послѣ музыкальной симфоніи, слѣдовавшей за этимъ чтеніемъ, читаны были высочайшій указъ объ утвержденіи ректора университета и предписаніе министра объ утвержденіи декановъ и производствѣ разныхъ выбранныхъ на должности и въ ученыя достоинства лицъ. За тѣмъ провозглашены были имена разныхъ лицъ, избранныхъ и утвержденныхъ въ званіи почетныхъ членовъ университета. Во главѣ ихъ стояло имя министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго. Послѣ прочтенія именъ почетныхъ членовъ исполненъ былъ при акомпаниментѣ музыки въ хоровомъ пѣніи *кантъ*, положенный на музыку учителемъ музыки въ казанской гимназіи, а потомъ и въ университетѣ— Новиковымъ. Кантъ этотъ, по свидѣтельству современника, былъ сочиненъ еще прежде при предполагавшемся открытіи университета. за шесть лѣтъ до того времени, бывшимъ попечителемъ университета и округа Румовскимъ и былъ присланъ имъ изъ Петербурга въ концѣ 1808 года [1]). Затѣмъ слѣдовала латинская рѣчь ректора. Въ ней выражалась глубокая благодарность монарху за открытіе университета, за то, что вдали отъ Россіи, посреди войны и при звукахъ оружія онъ не забылъ о мѣстопребываніи казанскихъ музъ («sedem Musarum Casaniensium mox inter media arma cogitabat»). Браунъ и за себя, какъ за перваго выборнаго ректора, сознавая всю тяжесть возложенныхъ на него обязанностей, благодаритъ создателя университета — монарха и торжественно обѣщаетъ не отступать въ теченіе всей будущей службы своей отъ того, что онъ старался во все время жизни своей наблюдать, какъ глубокое сердечное убѣжденіе: сознаніе справедливости, чистоту жизни, религіозную заботу объ обязанностяхъ службы и твердую вѣру и надежду на Бога («conscia mens recti, vitae integritas, religiosissima

[1]) Казанскія Извѣстія 1814 г., № 28, стр. 382—383.—Объ этомъ кантѣ мы уже говорили и привели изъ него нѣкоторые отрывки. См. „Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у-та“, часть 1-я, стр. 259.

officiorum cura et fiducia in Deo opt. maximo reposita»). Коротенькая рѣчь Брауна, въ которой онъ въ общихъ чертахъ говорилъ о значеніи университета, закончилась сначала обращеніемъ къ попечителю, заключающимъ въ себѣ краткій панегирикъ и выражающимъ благодарность, какъ за желанное для всѣхъ открытіе университета, такъ и за его любезное и полное привѣтливости обращеніе съ учащими и учащимися. Нѣсколько словъ обращено къ коллегамъ-профессорамъ и къ студентамъ (cives academici). Первыхъ призывалъ новый ректоръ къ строгому и честному исполненію обязанностей, возложенныхъ на нихъ, а вторыхъ къ неустанному труду въ пріобрѣтеніи знаній, столь необходимыхъ для жизни.

Рѣчь Брауна смѣнилась музыкальною пьесою, а вслѣдъ за нею профессоръ Городчаниновъ прочелъ свою «Оду на всеобщій миръ въ Европѣ», состоящую изъ 20 строфъ. Мѣстнаго интереса въ этихъ вымученныхъ стихахъ почти не было. Поэтъ выражалъ ту же самую мысль, какъ и Браунъ въ своей рѣчи. Онъ также высказывалъ благодарность монарху, за то, что

„Среди кровавой лютой брани
О музахъ вспомнилъ Ты Казани;
Се новый блескъ Тобой имъ данъ!
. . . .
Гдѣ солнца краснаго восходъ,
Среди *безплодныя пустыни*
Наукъ благоухаютъ крины“...

За одой—хоръ музыки и кантъ, послѣ чего на каѳедру вступилъ э. о. профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго—*Василій Перевощиковъ*. Въ своей необширной рѣчи профессоръ желалъ, по его словамъ, предложить слушателямъ «О пользѣ наукъ вообще *и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета*». Это была самая содержательная, несмотря на краткость свою, рѣчь изъ произнесенныхъ на торжествѣ. Въ основу ея ораторъ положилъ слова приписываемыя Сократу: «Всякая добродѣтель есть знаніе; всякій порокъ есть невѣжество», и исходя изъ этой мысли, онъ приводилъ нѣсколько фактовъ изъ близкой, окружавшей его дѣйствительности казанской, которые противорѣчили словамъ Сократа. Онъ упоминалъ о знакомыхъ ему отцахъ и матеряхъ, которые признавались ему, что учатъ дѣтей единственно изъ подражанія другимъ, а сами не видятъ отъ наукъ никакой пользы; онъ возставалъ противъ господствовавшаго убѣжденія, что «невѣжественные простолюдины всегда здоровѣе людей образованныхъ». Наука особенно необходима намъ. «Мы, жители Казани, обитаемъ въ климатѣ суровомъ», говорилъ ораторъ, «и, что несравненно гибельнѣе, въ климатѣ сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ. Нѣтъ у насъ весны;

лѣтомъ сильный жаръ и пронзительный осенній холодъ смѣняются непрестанно и быстро; осенью мы тонемъ въ грязи; зимою наши термометры замерзаютъ отъ лютыхъ морозовъ. Притомъ окружена Казань стоячими, гнилыми болотами; не имѣетъ чистой воды, сего перваго и важнѣйшаго средства для поддержанія здоровья. Книги метрическія доказываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится. Посему намъ-то особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. Людямъ просвѣщеннымъ возможно все: они сильны измѣнить самую природу». Глубокая вѣра въ могущество знанія и науки проникаетъ слова оратора. «Просвѣщеніе раждаетъ и самую любовь къ отечеству. Грубый человѣкъ имѣть ее не можетъ»—говоритъ онъ. Науки наконецъ «приводятъ къ утѣшительной, благотворной, святой вѣрѣ». Конечно не обошлось и безъ преувеличеній; большая часть ихъ должна быть отнесена на счетъ господствовавшаго во времени реторическаго вкуса; другая объясняется молодою вѣрою оратора, который всего ждалъ отъ только что открывшагося университета. «Главная польза, какую Казанскій университетъ приносить можетъ», говорилъ онъ, «состоитъ въ образованіи полезныхъ членовъ для всѣхъ званій государства. Отсюда выйдутъ *купцы* (?), дальновидные (?) въ торговыхъ соображеніяхъ; отсюда выйдутъ знающіе судьи; отсюда выйдутъ искусные *воины* (?); отсюда наконецъ выйдутъ и наставники юношества просвѣщенные, благоразумные, которые спасительнымъ свѣтомъ наукъ озарятъ *и самыя хижины* (это при крѣпостномъ правѣ?), слѣдовательно водворятъ въ нихъ возможное на землѣ счастіе».—Послѣ рѣчи Перевощикова, по обычаю, какъ это всегда дѣлалось на тогдашнихъ актахъ, были розданы шпаги шести студентамъ, а одному выдана награда за прилежаніе и успѣхи. Въ заключеніе всего пропѣты были многочисленнымъ хоромъ стихи сочиненія профессора Кондырева въ честь Государя Императора, выражающіе благодарность за открытіе университета.

Вечеромъ приглашенное общество долго еще не расходилось, наполняя залу. Гостей угощали чаемъ, прохладительными напитками, вареньемъ, мороженымъ. Народъ пѣшій и множество пріѣхавшихъ въ экипажахъ казанскихъ жителей толпились въ концѣ Воскресенской улицы, у университета, гдѣ у параднаго входа главнаго зданія выставленъ былъ транспаранъ, какъ говорили тогда, или прозрачная аллегорическая картина, безъ которой рѣдко обходились торжества того времени и акты университета, обыкновенно назначаемые въ день открытія, 5 іюля. Прозрачная картина изготовлена была учителемъ живописи Крюковымъ; она была весьма большихъ

размѣровъ и изображала *торжество музъ* въ присутствіи его виновника — Государя Императора [1]). Всѣ дома университета были иллюминованы [2]).

Такъ совершилось наконецъ это открытіе университета, котораго давно ждали и желали, но едва-ли, кромѣ весьма немногихъ профессоровъ иностранцевъ, привыкшихъ въ Европѣ къ формамъ университетскаго самоуправленія, кому-либо представлялось ясно то, чего теперь достигли. Если внимательнѣе присмотрѣться и къ нимъ, то придется сознаться, что и они, получивъ самоуправленіе, смутно сознавали какую пользу въ состояніи принести они болѣе свободною своею дѣятельностью странѣ, для которой они были чужды во многихъ отношеніяхъ, не зная ея языка, не понимая ея исторіи и нравовъ. Добиваясь чрезъ новаго попечителя открытія университета, согласно уставу, они кажется имѣли въ виду не столько общую пользу, сколько возможность избавиться отъ невыносимаго и своекорыстнаго гнета Яковкина. Личное чувство руководило ими, но общее дѣло съ открытіемъ университета нисколько не подвинулось. Мы по прежнему не видимъ ни успѣха въ преподаваніи, ни научныхъ трудовъ. Изъ разсказовъ нашихъ, помѣщенныхъ въ этой второй части ихъ, изъ біографій профессоровъ, изложенныхъ нами, можно было видѣть, что дѣятельность университета и послѣ его открытія не представляетъ никакихъ особенныхъ, новыхъ явленій, которыя свидѣтельствовали бы о чемъ-либо лучшемъ. То же безсиліе въ организаціи университетской жизни, и въ теченіе пяти лѣтъ прошедшихъ со времени открытія университета, и до назначенія попечителемъ Магницкаго, мы не видимъ ни одного новаго профессора (за исключеніемъ Вердерамо и Солнцева), котораго бы приготовилъ факультетъ какъ достойнаго замѣстителя каѳедры, а этихъ каѳедръ было такъ много пустующихъ тогда. Если нѣкоторыя и замѣщались, то не лицами новыми, а тѣми, которые уже существовали на лицо и понемногу подвигались отъ студента и кандидата до званія профессора. Вотъ почему, излагая жизнь Казанскаго университета въ первые годы его существованія, мы не дѣлали никакой разницы между годами до полнаго открытія университета и годами послѣ него. Все происшедшее въ попечительства Румовскаго и Салтыкова казалось намъ совершенно одинако-

---

[1]) По счету Крюкова стоимость картины была 298 р. 30 к. Одного коленкору, тогда болѣе дорогого чѣмъ теперь, пошло на 113 р. 40 к.

[2]) 500 плошекъ стоили 75 р.

вымъ. Мы соединили разные годы въ одно цѣлое и разсказали нѣсколько подробно о фактѣ открытія уноверситета не потому, чтобъ мы придавали этому факту большое, особенное значеніе, а потому, что намъ любопытно было взглянуть на общество, въ средѣ котораго открывался университетъ. Намъ придется весьма немного прибавить къ тому, что было разсказано нами о дѣятельности совѣта послѣ того, какъ онъ сталъ самостоятельнымъ, и разсказать двѣ-три біографіи новыхъ профессоровъ, поступившихъ послѣ открытія.

Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находилось къ молодому университету казанское общество, чего оно ждало отъ него—остается для насъ едва-ли разрѣшимымъ вполнѣ. Было бы очень грустно, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго, сказать, что это общество было вполнѣ равнодушно. Лучшіе представители его, приглашенные новымъ ректоромъ, собрались на торжество открытія, какъ собирались они и на обыкновенные акты, слушали рѣчи, стихи, музыку и пѣніе, угощались разными яствами и питіями въ честь университетской науки, но ни дѣйствительнаго уваженія къ ней, какъ къ могущественной силѣ, ни сознанія ея потребностей и значенія для государства, мы не найдемъ въ этомъ обществѣ. Если мы обратимся за свѣдѣніями къ тогдашней казанской прессѣ, которая по банальной фразѣ должна быть выразительницею общественнаго мнѣнія, то мы не найдемъ и здѣсь ничего кромѣ приторной реторики. Вотъ что говоритъ современный хроникеръ:

„Многочисленное собраніе особъ разныхъ званій, чиновъ, состояній, вѣръ и пола, согласовало чувствованія свои съ чувствованіями университета, ликовствовало о мудромъ, добродѣтельномъ и великомъ отцѣ Государѣ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, щедротами коего основанъ и воздвигается въ столицѣ бывшаго царства татарскаго храмъ просвѣщенія, долженствующій проливать свѣтъ свой отъ Кавказа до Кыхтака въ Америкѣ (?), почти отъ предѣловъ Малороссіи и московскихъ до китайскихъ, среди многочисленныхъ племенъ народовъ, въ шалашахъ, кибиткахъ, пещерахъ (?) и палатахъ (почему-то забыта изба), оживлять пособіемъ своимъ промышленность, земледѣліе, торговлю, жизнь общественную и возбуждать въ груди различныхъ во всемъ народовъ единую любовь къ матери Россіи и единое усердіе къ отцу-Государю. Какой проницательный умъ и какой патріотъ (а кто изъ русскихъ не патріотъ?), не восхищался настоящимъ празднествомъ музъ казанскихъ, гласъ радости коихъ пренесется вскорѣ быстро по берегамъ рѣкъ Волги, Оки, Камы, Бѣлой, Иртыша, Тобола, Енисея, Лены, Анадыра, по хребтамъ Кавказа, Рифея, горъ сибирскихъ, у береговъ морей Каспійскаго, Ледовитаго, Восточнаго, Охотскаго и прочихъ! Кто не благословлялъ Александра, насаждающаго въ отдаленныхъ предѣлахъ своей Имперіи вертоградъ, долженствующій въ потомствѣ принести отечеству и человѣчеству плоды, отъ сѣмянъ коихъ въ пустыняхъ прозябнутъ новые вертограды. Здѣсь Европа подаетъ руку Азіи и гордая, древ-

няя въ сѣдинахъ своихъ Азія смиряется предъ юною образованною Европою“ [1]).

На другой день послѣ торжества открытія, ректоръ университета, открывая засѣданіе совѣта, обратился къ членамъ съ рѣчью на латинскомъ языкѣ, въ которой изложилъ *выгоды и преимущества, пріобрѣтенныя университетомъ вмѣстѣ съ его открытіемъ* (въ чемъ состояли эти выгоды и преимущества по мнѣнію Брауна, мы не знаемъ, такъ какъ рѣчь эта не сохранилась), и при этомъ упомянулъ о ходатайствѣ предъ высшимъ начальствомъ г. попечителя, содѣйствіемъ котораго университетъ *вступилъ въ свои права*. Совѣтъ опредѣлилъ: принести попечителю за его содѣйствіе лично и in corpore свою благодарность [2]). Съ своей стороны и Салтыковъ благодарилъ университетъ въ своемъ предложеніи совѣту: «Долгомъ своимъ поставляю изъявить сочленамъ почтеннаго правленія университета совершенную мою благодарность за дѣятельность, ревность и усердіе понынѣ и при открытии наипаче оказанную. Я увѣренъ, что примѣръ ревности и неутомимости къ пользѣ университета усугубитъ усердіе и въ прочихъ его членахъ, что *благонравіе и кротость ихъ водворятъ спокойствіе, дружелюбіе и единодушіе между всѣми сочленами университета*». Особенную благодарность изъявляетъ попечитель адъюнкту Ренарду за труды имъ добровольно понесенные при устройствѣ праздника и учителю живописи Крюкову за «кротость (?), усердіе, безкорыстіе и искусство, съ коимъ всегда исполняетъ онъ свои обязанности и особо оказанныя при сдѣланномъ ему порученіи о написаніи прозрачной картины».

Никакихъ особенныхъ видимыхъ перемѣнъ въ университетѣ тотчасъ за его открытіемъ не послѣдовало. Только члены совѣта, сильно занятые приготовленіями къ этому открытію и безпрестанными засѣданіями совѣта, которыя отвлекали ихъ отъ прямыхъ обязанностей, вспомнили о § 46 устава, назначающемъ обыкновенныя засѣданія совѣта единожды въ мѣсяцъ, для того, «чтобъ они не прерывали порядка въ преподаваніи» наукъ и опредѣлили общимъ собраніямъ быть на вторую середу каждаго мѣсяца. Внѣшняя сторона засѣданій и дѣятельности совѣта, которая всецѣло зависѣла прежде отъ Яковкина, должна была естественно обратить на себя вниманіе членовъ на первыхъ порахъ самоуправленія, особенно членовъ нѣмецкихъ, весьма мало знакомыхъ и съ нравами, и съ языкомъ, и съ самими законами и различными постановленіями

---

[1]) Казанскія Извѣстія 1814 г., № 28.

[2]) Протоколы Совѣта 1814 г., стр. 123а.

и распоряженіями начальства. Послѣднихъ накопилось множество въ девять лѣтъ существованія университета, а ихъ необходимо было знать, чтобъ руководствоваться ими, ссылаться на нихъ. Вотъ почему въ первыя засѣданія совѣта послѣ открытія университета мы встрѣчаемъ въ протоколахъ, что въ засѣданіи читается уставъ университетскій и безъ сомнѣнія объясняется и переводится, что попечитель находитъ нужнымъ напомнить совѣту о необходимости, при представленіи къ нему какого нибудь рѣшеннаго дѣла по большинству голосовъ, доставлять и отдѣльныя мнѣнія, если таковыя были. Попечитель предписывалъ также совѣту (6 декабря, 1815 года, № 286) «о сдѣланіи вѣрнаго оглавленія по хронологическому порядку, а равно о снятіи по тому же порядку копій съ *предписаній имѣющихъ свойство правилъ*, для наблюденія или разрѣшенія въ разныхъ случаяхъ, министерскихъ и попечительскихъ, съ основанія университета сдѣланныхъ совѣту и конторѣ гимназіи, совѣту, правленію и училищному комитету университета». Попечитель требовалъ, чтобъ «таковыхъ оглавленій и собраній копій съ предписаній» было изготовлено четыре экземпляра. Сдѣлать эти сборники конечно нѣмецкіе члены совѣта сами не могли, такъ какъ едва-ли были знакомы съ дѣлами, а потому попечитель уже отъ себя поручалъ это дѣло секретарю совѣта барону Врангелю, въ знакомствѣ котораго съ русскимъ языкомъ онъ убѣдился, профессорамъ Кондыреву и Солнцеву и наконецъ секретарямъ правленія и училищнаго комитета.

Членъ совѣта и бывшій предсѣдатель его Яковкинъ, болѣе прочихъ конечно знакомый со всѣми мѣропріятіями и распоряженіями начальства за годы съ основанія университета, всегда въ своихъ бумагахъ и заявленіяхъ ссылавшійся на всевозможные законы, со времени открытія университета и утвержденія ректора и выборныхъ должностныхъ лицъ по университету, совершенно стушевывается. Недовольный новымъ положеніемъ вещей, огорченный непріязненнымъ отношеніемъ къ нему попечителя, видя вокругъ себя торжествующихъ враговъ, онъ перестаетъ даже ходить въ засѣданія совѣта и не принимаетъ никакого участія въ университетскихъ дѣлахъ. Ограждая свою самостоятельность и независимость отъ университетскаго совѣта уставомъ гимназіи 1798 года, Яковкинъ, какъ предсѣдатель совѣта гимназіи и ея директоръ, нѣкоторымъ образомъ старается даже нанести ущербъ университету. Въ январѣ 1815 года онъ входитъ въ правленіе университета съ требованіемъ возвратить въ гимназію натуральный кабинетъ, состоящій изъ 128 банокъ съ животными, и библіотеку князя Потемкина-Таврическаго, что все по повелѣнію императора Павла передано было въ

собственность гимназіи при ея возрожденіи и преобразованіи въ 1798 году. Собранія эти самъ Яковкинъ передавалъ университету при его основаніи. Совѣтъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи музея натуральной исторіи при университетѣ, «гдѣ отъ онаго больше пользы ожидать можно при преподаваніи лекцій, нежели въ гимназіи. Что же касается до библіотеки, то совѣтъ, въ отвѣтѣ своемъ гимназіи, сослался на предписаніе министра отъ 29 августа 1812 года, № 729, въ которомъ говорилось: «отдѣленныя изъ библіотеки казанской гимназіи по распоряженію бывшаго попечителя для составленія университетской библіотеки книги—считать принадлежащими университету». Кажется, что Яковкинъ или забылъ самъ объ этомъ предписаніи, или думалъ, что другіе забыли о немъ. Теперь и музей натуральной исторіи, согласно предписанію министра, присоединенъ былъ *вовсе* къ университетскому кабинету [1]). Благодаря тому, что Яковкинъ со времени назначенія попечителемъ Салтыкова потерялъ свое вліяніе и не пользовался расположеніемъ власти, непосредственно подчиненные ему учители, члены гимназическаго совѣта, стали гораздо самостоятельнѣе и старались эманципироваться отъ директора. Выше (стр. 397—398) мы привели ихъ жалобу на его грубый тонъ, при разборѣ университетскимъ правленіемъ въ 1818 году дѣла объ ученикѣ гимназіи Ивановѣ, привезенномъ въ нее съ выбитымъ глазомъ. Противодѣйствіе Яковкину учителей началось еще раньше. Въ декабрѣ 1815 года комитетъ, составленный изъ профессоровъ Бартельса, Цеплина и Солнцева, разсматривалъ представленное при рапортѣ инспектора гимназіи распредѣленіе зимнихъ экзаменовъ, исправленное директоромъ послѣ того, какъ оно было составлено всѣми преподавателями. Послѣдніе остались недовольны замѣчаніями и измѣненіями, сдѣланными Яковкинымъ. «Нужно ли уже собираться для совѣщанія о пользѣ ученыхъ предметовъ», писали они въ своей жалобѣ, «когда директоръ самъ собою имѣетъ власть и право предупреждать таковыя совѣщанія, давать рѣшительныя опредѣленія мѣсту, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, вводить новыя и перемѣнять прежнія учрежденія по учебной части» и т. д. Члены гимназическаго совѣта просятъ представить этотъ вопросъ или ихъ недоумѣніе на разрѣшеніе власти. Комитетъ находитъ съ своей стороны такое представленіе ненужнымъ, потому что собираться для совѣщаній по учебнымъ вопросамъ члены имѣютъ не только право, но и обязанность; это ясно опредѣлено законами; размѣръ власти директора также ясно обозначенъ какъ уставомъ гим-

---

[1]) Протоколы Совѣта 1815 г., стр. 46, 196.

назіи, такъ и другими узаконеніями. Замѣчанія директора Яковкина комитетъ изъ профессоровъ находитъ правильными и согласными съ пользою учащихся; они только *несогласны съ узаконеніями по своей внѣшней формѣ.* Комитетъ такимъ образомъ поддержалъ уже разшатанный авторитетъ директора. По словамъ его члены совѣта гимназіи, назвавъ замѣчанія директора «безполезными», «устранились отъ границъ их обязанностей», что же касается до директора, то комитетъ нашелъ, что онъ долженъ былъ писать свои замѣчанія *особо на бумагѣ* или въ видѣ мнѣнія или предложенія, а не на оборотѣ поданнаго ему инспекторомъ росписанія. Совѣтъ опредѣлилъ: предписать членамъ гимназическаго совѣта, чтобы они были въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе, внушить имъ, чтобъ они не наносили другъ другу неудовольствій, директору же Яковкину предписать, чтобъ онъ въ подобныхъ случаяхъ руководствовался «не только внутреннею, но и внѣшнею формою, въ законахъ изложенною». Такимъ образомъ самъ совѣтъ университета сталъ поддерживать поколебленный авторитетъ Яковкина [1]).

Положеніе казанской гимназіи послѣ реформъ по народному образованію въ началѣ царствованія императора Александра, съ ея особыми правами и преимуществами и почти независимой отъ университета, представляло теперь странную аномалію. Въ Казани необходима была такая гимназія, которая бы была приготовленіемъ къ университету, между тѣмъ, какъ мы говорили уже, съ преобразованіемъ существующей почему-то медлили, да и сама она постепенно приходила въ упадокъ. Это сталъ сознавать и самъ министръ, теперь уже новый, князь Голицынъ, заступившій мѣсто графа Разумовскаго. Долго строившаяся съ большими архитектоническими затѣями Яковкинымъ, она только одинъ годъ исполняла свое назначеніе (съ августа 1811 года по августъ 1812 года, когда на два года, вслѣдствіе нашествія Наполеона, ея помѣщеніе заняли два московскіе для дѣвицъ института). Послѣ возвращенія ихъ въ Москву, гимназія перешла снова въ свое помѣщеніе, но не надолго: въ пожаръ 3 сентября 1815 года она сгорѣла и съ тѣхъ поръ уже никакъ не могла отстроиться надлежащимъ образомъ, несмотря на значительныя отпускаемыя на то суммы. Гимназія, съ своимъ пансіономъ и со всѣми служащими при немъ, и съ хозяйствомъ, со времени пожара, помѣщалась въ домахъ университета, сильно стѣсняя его. Совѣтъ университета въ засѣданіи своемъ 25 октября 1818 года выслушалъ слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 8 октября, № 2359:

---

[1]) Протоколы Совѣта 1815 года, стр. 118б, 119а.

„Университетское правленіе представило объ отпускѣ на содержаніе казанской гимназіи на текущій 1818 годъ „къ положенной на оную по штату суммѣ, еще 18000 рублей. Между тѣмъ и отъ директора гимназіи коллежскаго совѣтника Яковкина получено увѣдомленіе, что *гимназія сія находится въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи*, и что на отстройку оной еще въ іюнѣ мѣсяцѣ назначено 30000 рублей, но понынѣ къ удовлетворенію сей надобности ничего не сдѣлано и гимназія должна отъ сего претерпѣвать стѣсненіе и неудобства... Еще въ 1814 году предписано было попечителю составить новое положеніе и новый штатъ. И хотя таковое положеніе имъ было и представлено, но онъ *составилъ оное сообразно Царскосельскому лицею* и предполагалъ, дабы окончательные (вѣроятно послѣдніе) курсы преподаваемы были чиновниками университета, да и вообще расположеніе онаго несоотвѣтственно цѣли, то бывшій министръ просвѣщенія предлагалъ попечителю передѣлать оное, при чемъ изъяснилъ ему на какомъ основаніи, по мнѣнію его, должна быть учреждена сія гимназія. Въ прошломъ 1817 году, когда отпущено было для гимназіи, сверхъ опредѣленной по штату суммы, еще десять тысячъ рублей, главное правленіе училищъ поручило попечителю войти въ ближайшее изслѣдованіе и разсмотрѣніе дѣла и донести, въ разсужденіи содержанія на будущее время гимназіи, какъ равно и о томъ: нужна ли оная на томъ обширномъ основаніи, на какомъ теперь находится, при существованіи университета и еще особо предположенной губернской гимназіи, мѣсто которой занимаетъ нынѣ главное народное училище, *но на всѣ сіи предписанія отъ попечителя не было получено доселѣ никакого донесенія*".... Далѣе говорится, что въ дѣлахъ попечителя (по выходѣ его въ отставку) былъ отысканъ новый уставъ для гимназій, составленный совѣтомъ ея въ 1818 году, но совѣтъ этотъ находилъ оклады въ новомъ штатѣ положенные недостаточными. Директоръ Яковкинъ, съ своей стороны, представилъ на новый уставъ пространныя замѣчанія, но совѣтъ не обратилъ на нихъ вниманія, не сдѣлалъ ни объясненій, ни возраженій. Вотъ почему новое положеніе и не могло быть представлено попечителемъ къ утвержденію. Министръ, вслѣдствіе всего этого, предлагалъ совѣту университета: „доставить вопервыхъ обстоятельное свѣдѣніе о нынѣшнемъ состояніи казанской гимназіи относительно содержанія оной, представивъ вѣдомость всѣхъ суммъ, подлежащихъ къ расходу и какія нужны къ нимъ дополненія. За симъ имѣетъ университетъ обратить все свое вниманіе на сіе *заведеніе, состоящее въ такомъ упадкѣ, какъ директоръ оной изъясняетъ*, и представить мнѣ: почему допущено было оное до таковыхъ недостатковъ и не принято надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію столь накопившихся требованій, отчего всѣ оныя произошли, и не было ли при семъ и отъ кого именно, каковыхъ упущеній... Таковое донесеніе предлагаю университету доставить немедленно безъ всякаго потерянія времени и *тотчасъ, предварительно же употребить возможныя средства къ поправленію упущеннаго*, а между тѣмъ заняться составленіемъ новаго положенія и штата для гимназіи, которые представить не позже какъ въ концѣ текущаго года; при этомъ принять въ соображеніе, что *губернская гимназія существовать уже не должна* (такимъ образомъ самъ министръ какъ бы стоялъ за прежній типъ гимназіи). Далѣе министръ входитъ въ различныя подробности положенія и заключаетъ свое предписаніе слѣдующею тирадою: „При семъ случаѣ нахожу нужнымъ замѣтить, что *университетъ вообще оказывается во многихъ случаяхъ и по другимъ дѣламъ неисправнымъ и мало радящимъ объ исполненіи*

лежащихъ на немъ обязанностей. Медленность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, упущеніе и несвойственное и безпорядочное употребленіе разнородныхъ суммъ на предметы не относящіеся до того (?) и истощеніе чрезъ то всѣхъ средствъ къ содержанію, суть видимыя всего того послѣдствія. По сему, поставляя все сіе на видъ, нахожусь въ необходимости требовать, дабы отнынѣ обращаемо было лучшее вниманіе на пользу службы и благо университета и подвѣдомыхъ ему заведеній; въ противномъ случаѣ принужденъ буду приступить къ мѣрамъ строгости противъ виновныхъ, хотя сего желалъ бы избѣгнуть и имѣть напротивъ всегда причины къ изъявленію признательности и удовольствія за усердіе къ службѣ и исправность [1])".

Предложеніе министра по своему тону было какъ бы провозвѣстникомъ близящейся ревизіи университета. Совѣтъ немедленно опредѣлилъ поручить составленіе новаго положенія для гимназіи, собравъ для того всѣ нужныя свѣдѣнія, профессорамъ: Яковкину, Солнцеву и Срезневскому, и все это исполнить немедленно. Подымался вопросъ о томъ: долженъ ли быть членомъ этого комитета Яковкинъ, но рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Комитетъ немедленно взялся за порученное ему дѣло. Педагогическихъ собственно вопросовъ онъ не касался и обратилъ все свое вниманіе на внѣшнее состояніе гимназіи и на положительный недостатокъ средствъ къ ея лучшему устройству. Оказалось, что причиною печальнаго положенія гимназіи былъ пожаръ 1815 года. До него она находилась въ цвѣтущемъ состояніи; у ней была значительная экономическая сумма. Теперь большая часть этой суммы пошла на поправку сгорѣвшихъ домовъ, и этотъ вѣрный источникъ для удовлетворенія встрѣчающихся нуждъ гимназіи изсякъ. Бывшій попечитель Салтыковъ распорядился тогда составленіемъ новаго устава и штата, которые и написаны были на языкѣ латинскомъ (вѣроятно для иностранныхъ профессоровъ). Потомъ перевели ихъ по русски и прошло не мало времени, пока стали ихъ разсматривать въ университетскомъ совѣтѣ. Разсматривались при этомъ также и замѣчанія, представленныя директоромъ, инспекторомъ и главнымъ надзирателемъ. Затѣмъ опредѣлено было все дѣло препроводить для разсмотрѣнія и соображеній во всѣ отдѣленія или факультеты, но изъ перваго же, именно нравственно-политическихъ наукъ, оно было взято къ попечителю, и дальше не имѣло движенія. Такимъ обра-

---

[1]) Дѣло о доставленіи свѣдѣній, почему казанская гимназія пришла въ крайнее разстройство и упадокъ, почему университетъ не исполняетъ въ скорости предписаній начальства и о составленіи новаго положенія для казанской гимназіи и о донесеніи: не состоитъ ли кто виновенъ въ упущеніи относительно гимназіи и о прочемъ. *Сов.* 1818 г., № 107.

зомъ этою медленностью въ веденіи дѣла тормозился вопросъ объ улучшеніи положенія гимназіи. Самъ совѣтъ гимназіи, опасаясь подпасть отвѣтственности, вошелъ въ февралѣ того же 1818 года въ совѣтъ университета съ представленіемъ объ обращеніи вниманія на печальное состояніе гимназіи. Совѣтъ университета призналъ причины такого состоянія, указанныя совѣтомъ гимназіи, вполнѣ основательными и съ своей стороны, представляя о томъ попечителю, указалъ, что и его крайне затрудняетъ и стѣсняетъ помѣщеніе гимназіи въ его зданіяхъ и просилъ о необходимо нужныхъ распоряженіяхъ, но на свое представленіе не получилъ никакого отвѣта. Не дѣйствовало ли въ этомъ случаѣ на Салтыкова приведенное уже нами распоряженіе министра, что нельзя думать объ отпускѣ какихъ-либо новыхъ суммъ, а слѣдуетъ ограничиваться лишь починкою ветхостей»? Гимназія вотъ уже четвертый годъ (1818) со времени пожара помѣщена была въ университетскомъ зданіи такъ тѣсно, что классы находились въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ были и спальни учениковъ. Это было замѣчено и в. кн. Михаиломъ Павловичемъ, посѣтившимъ Казань въ 1817 году. Яковкинъ свидѣтельствуетъ въ своемъ представленіи, что гимназія не могла иначе и дѣйствовать, какъ только представлять начальству о нуждахъ ея настоящаго положенія, но начальство-то и бездѣйствовало. Въ заключеніе приводятся разсчеты о вздорожаніи въ четыре раза цѣнъ на всѣ продукты въ Казани съ 1798 года, когда былъ утвержденъ уставъ гимназіи.

Не станемъ входить въ разсмотрѣніе всей дѣятельности комитета, собравшаго всевозможныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи гимназіи и, главное, о финансовой сторонѣ вопроса, объ употребленіи отпущенныхъ на гимназію въ разное время послѣ пожара суммъ. Членовъ, безсмѣннаго засѣдателя Никольскаго, секретарей совѣта и правленія никакъ нельзя упрекнуть въ бездѣятельности. Уже 4 ноября, то есть черезъ полторы недѣли по полученіи строгаго предписанія министра отъ 8 октября, совѣтъ представилъ ему и объясненіе Яковкина и объясненіе университетскаго правленія объ употребленіи 30 т. рублей, отпущенныхъ на гимназію и множество различныхъ счетовъ и вѣдомостей. Между тѣмъ министръ торопилъ этимъ дѣломъ. По всей вѣроятности, не получивъ еще перваго донесенія, онъ снова предписывалъ совѣту *о скорѣйшемъ исполненіи предписанія его* отъ 8 октября, а по полученіи помянутаго представленія совѣта, остался имъ недоволенъ:

„Главное правленіе училищъ“, писалъ министръ народнаго просвѣщенія 27 ноября, № 2775, „находитъ представленіе совѣта отъ 4 ноября вовсе неудовлетворяющимъ требованіямъ Его сіятельства отъ 8 октября изъязнен-

нымъ; ибо *оно, равно какъ и вообще представленія Казанскаго университета по счетнымъ и денежнымъ дѣламъ, весьма неосновательно, недостаточно, запутанно и показываетъ несоблюденіе должнаго порядка въ веденіи счетовъ.* Вслѣдствіе того, согласно заключенію главнаго правленія училищъ, Его сіятельство подтверждаетъ университету снова, дабы оный привелъ въ настоящую ясность все то, что требовалось предписаніемъ отъ 8 октября сего года, не довольствуясь токмо однимъ словеснымъ описаніемъ (?) обстоятельствъ, но точнымъ на самомъ дѣлѣ показаніемъ нынѣшняго дѣйствительнаго состоянія гимназіи"... Указывая далѣе свои требованія въ шести пунктахъ, министръ очевидно требуетъ подробностей: „все то, что въ отношеніи къ симъ вопросамъ слѣдуетъ быть объяснено о суммахъ и о лицахъ къ гимназіи принадлежащихъ, должно быть представлено *не въ сплошномъ описаніи*, но въ вѣдомостяхъ, надлежаще ясно составленныхъ, не смѣшивая однѣхъ суммъ и однихъ предметовъ съ другими". Далѣе бумага министра указываетъ на извѣстныя азбучныя требованія финансовой отчетности, которыя были однако не въ домекъ членамъ тогдашняго совѣта.

Далѣе въ совѣтѣ университета читанъ былъ уставъ казанской гимназіи, вновь составленный директоромъ ея Яковкинымъ, дѣлаемы были на него замѣчанія разными членами относительно неудобствъ въ нѣкоторыхъ частяхъ его, и затѣмъ онъ былъ препровожденъ «для учиненія въ немъ надлежащихъ и полезныхъ перемѣнъ» къ профессорамъ Солнцеву, Никольскому и Срезневскому. Уставъ этотъ заключалъ въ себѣ 120 §§; также подробно составлены были и штаты дли гимназіи. Въ передѣланномъ профессорами и исправленномъ ими уставѣ заключалось уже 127 §§. На проектъ этотъ представлены были мнѣнія еще нѣкоторыми профессорами. Такъ тогдашній инспекторъ гимназіи Кондыревъ указывалъ на то, что составители устава, очевидно имѣвшіе, хотя и невполнѣ сознательно, цѣль образовать изъ гимназіи приготовительное для университета заведеніе, не имѣли права отнимать отъ гимназіи названіе «Императорской», данное ей ея основателемъ. Онъ стоялъ на томъ, чтобъ остались по прежнему и инспекторъ, какъ наблюдатель за успѣхами въ ученіи, и главный надзиратель, слѣдящій за поведеніемъ, считалъ необходимымъ сохранить въ гимназіи преподаваніе артиллеріи и фортификаціи на томъ основаніи, что «Казань отъ С.-Петербурга въ дальнемъ разстояніи и не всѣ могутъ поступать въ кадетскій корпусъ», и т. п. Любопытно мнѣніе профессора математики Бартельса, преподававшаго тогда въ гимназіи свой предметъ съ годовымъ окладомъ жалованья въ 1100 р., писанное по французски. Бартельсъ является въ своемъ мнѣніи противникомъ составителей устава и какихъ-либо измѣненій. «Нашъ министръ, предлагая намъ составить новое положеніе для казанской гимназіи», пишетъ онъ, «имѣлъ, какъ кажется, двѣ цѣли: 1) уменьшеніе расходовъ и 2) если возможно, улучшеніе преподаванія». Разсматривая проектъ новаго

устава съ этихъ двухъ исходныхъ точекъ зрѣнія, Бартельсъ не является недовольнымъ имъ. Сумма, назначенная на годовое содержаніе гимназіи, составляетъ 37 т. р. «Въ теченіе двухъ лѣтъ, вслѣдствіе постоянно возрастающей дороговизны, получился дефицитъ въ 18 т. р. Прибавляя половину этой суммы къ назначенной по штату, мы получимъ 46 т. рублей, именно ту сумму, которой достаточно будетъ на годовое содержаніе гимназіи. А по проекту новаго устава требуется сумма въ 54800 рублей, слѣдовательно на 8800 рублей больше, чѣмъ заключалось въ прежнемъ проектѣ.—Что касается до учебной части гимназіи, то, по словамъ Бартельса, многаго нужно въ этомъ отношеніи пожелать ей. «Но у какого учебнаго заведенія нѣтъ своихъ недостатковъ, и въ особенности у такого, какъ казанская гимназія, гдѣ преподается такъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ изъ различныхъ потребностей воспитанниковъ». Новый уставъ не устраняетъ этихъ невыгодныхъ условій. Здѣсь такое же разнообразіе предметовъ преподаванія, какое существовало и прежде. Для чего же вводить въ гимназію новое положеніе, польза котораго ничѣмъ не доказана? Бартельсъ не желаетъ никакихъ измѣненій; онъ увѣренъ, что гимназія и въ прежнемъ видѣ своемъ была полезна, и указываетъ на многихъ сочленовъ своихъ въ университетскомъ совѣтѣ, которые кончили съ успѣхомъ въ ней курсъ. Онъ желаетъ только необходимаго увеличенія штатной суммы на ея содержаніе и опредѣленіе ближайшаго отношенія гимназіи къ университету. «Я такого мнѣнія», говоритъ въ заключеніе Бартельсъ, «что совѣтъ гораздо лучше поступитъ, если откровенно сознается Его сіятельству г. министру, «что онъ не можетъ представить ему такого новаго положенія для гимназіи, которое, сокращая расходы на нее, давало бы такіе результаты, какъ теперь».

Совѣтъ университета 16 декабря 1816 года, № 1147, представилъ министру народнаго просвѣщенія проектъ новаго устава гимназіи со всѣми сдѣланными на него замѣчаніями и съ отдѣльными мнѣніями профессоровъ Кондырева и Бартельса—на благоусмотрѣніе и утвержденіе, присовокупивъ съ своей стороны ходатайство о томъ, чтобы азіатская типографія, поступившая въ вѣдомство казанской гимназіи по указу правительствующаго сената 18 сентября 1800 года, согласно просьбѣ татаръ казанской, оренбургской и другихъ губерній о «снабдѣніи ихъ книгами магометанскаго исповѣданія, коими они нуждаются и покупаютъ дорогою цѣною» (доходы съ типографіи получала гимназія) отнынѣ и навсегда была исключена изъ подъ вѣдомства гимназіи и сдана университету въ непосредственное его завѣдываніе.

На представленіе это не послѣдовало однако никакого отвѣта

изъ Петербурга, потому вѣроятно, что тамъ была уже рѣшена необходимость ревизіи Магницкаго и будущему попечителю предоставлено было озаботиться и возстановленіемъ приведенной въ упадокъ казанской гимназіи, и ея преобразованіемъ, которое становилось крайне необходимымъ. Въ предложеніи министра отъ 13 февраля 1819 года, № 549 сообщается о порученіи, данномъ Магницкому произвести ревизію и предлагается университету «остановиться всѣми представленіями къ Его сіятельству по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему училищъ кромѣ самонужнѣйшихъ, по прибытіи же въ Казань г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Магницкаго, представлять Его превосходительству на разрѣшеніе, какъ по уставу положено дѣлать представленія попечителю округа». Такимъ образомъ совѣтъ, исполняя предписаніе министра народнаго просвѣщенія о составленіи новаго устава для казанской гимназіи и дѣлая подробное изслѣдованіе тѣхъ причинъ, которыя привели ее въ упадокъ, работалъ совершенно безполезно въ теченіе года. Магницкій засталъ гимназію въ недостроенномъ видѣ и въ теченіе своей весьма непродолжительной ревизіи конечно не могъ самъ познакомиться съ положеніемъ гимназіи, узнать причины ея упадка послѣ тѣхъ блестящихъ представленій о ней, какія существовали во время попечительства Румовскаго, на основаніи донесеній Яковкина. Ревизоръ долженъ былъ положиться на мнѣніе другого лица, которому онъ сталъ съ перваго знакомства съ нимъ особенно довѣрять. Это былъ тогдашній безсмѣнный засѣдатель правленія и профессоръ математики Никольскій. «Совершенное разстройство сего заведенія во всѣхъ его частяхъ не буду излагать нынѣ совѣту», писалъ въ своемъ предложеніи Магницкій (16 марта 1819 года, № 2), «ибо профессоръ Яковкинъ подалъ мнѣ просьбу объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы и объ освобожденіи его нынѣ, по причинѣ болѣзни, отъ управленія сею гимназіею. Профессоръ Никольскій *недавно обнаружившій всѣ неустройства хозяйственнаго управленія гимназіи* (въ качествѣ члена вышеупомянутой коммиссіи для изслѣдованія причинъ разстройства гимназіи и для составленія новаго для нея устава, Никольскій, какъ безсмѣнный засѣдатель правленія, дѣйствительно много работалъ надъ изученіемъ хозяйственнаго управленія гимназіи, но то, что онъ представилъ коммиссіи, не заключало въ себѣ прямыхъ обвиненій Яковкина), представленъ нынѣ мною къ принятію должности г. Яковкина *до преобразованія самой гимназіи, которая въ настоящемъ положеніи оставаться не можетъ* (жалованье директора Никольскій сталъ уже получать съ 19 марта). Преобразованіе это тѣмъ болѣе казалось необходимымъ ревизору не столько потому, чтобъ гимназія дѣйствительно прихо-

товляла къ университету, сколько потому, что въ это время въ главномъ правленіи училищъ составлялось уже *росписаніе учебныхъ предметовъ* для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, согласно новому направленію, которое усилилось со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына. Главнымъ участникомъ въ составленіи этого росписанія, гдѣ изгонялись одни предметы, другіе же вводились не на основаніи какихъ-либо педагогическихъ соображеній, а въ угоду внутренней политики, былъ именно Магницкій. Онъ совершенно справедливо былъ убѣжденъ, что то новое вино, частью заграничнаго, частью домашняго производства, которое онъ долженъ былъ теперь приготовлять въ Казани, не слѣдуетъ вливать въ старые мѣха. «Такъ какъ виновность всей конторы гимназической и особенно эконома», писалъ онъ, «могла бы препятствовать г. Никольскому дѣйствовать на возстановленіе порядка сими самыми лицами потеряннаго, то предлагаю въ тоже время замѣнить эконома г. Псаломщикова и главнаго надзирателя г. Петрова другими, надежнѣйшими». Указывая на нѣкоторые, совершенно лишніе расходы, истощающіе отпускаемую на содержаніе гимназіи сумму, Магницкій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о томъ, какъ велась отстройка гимназическаго дома послѣ пожара 1815 года. Замѣчанія эти вытекали не изъ личныхъ наблюденій ревизора, а сообщены были ему Никольскимъ, извѣстнымъ намъ потомъ за отличнаго строителя многихъ университетскихъ зданій, и теперь благополучно существующихъ. «Смерть архитектора Мари», писалъ онъ въ своемъ упомянутомъ выше предложеніи совѣту, «подастъ благовидный поводъ къ пріостановленію перестройки гимназическаго дома и подробнѣйшему разсмотрѣнію подряда на оную сдѣланнаго. При поверхностномъ обозрѣніи сего зданія представились слѣдующія замѣчанія: а) въ новой пристройкѣ онаго оставшіеся своды ненадежны; по неопытности строителя сдѣланы они слишкомъ плоски и безъ нужнаго разстоянія: упадшій изъ нихъ сіе доказываетъ; б) стѣны ведены не вездѣ по отвѣсу; в) надъ заломъ настланъ накатъ слишкомъ тонкій и подтяжки балокъ сего наката прикрѣплены къ ненадежнымъ откоснымъ бревнамъ; г) откосныя угловыя стропилы утверждены не такъ какъ должно; д) въ крышѣ примѣчены скважины и течь». Вслѣдствіе всего этого Магницкій предложилъ совѣту нарядить немедленно особую коммиссію, которая, осмотрѣвъ зданіе, предохранила бы казну отъ лишнихъ издержекъ. Учебная и нравственная части гимназіи найдены были ревизоромъ также вообще въ неудовлетворительномъ положеніи, но въ подробности онъ не вдается, высказывая только надежду, что новый директоръ приведетъ все

въ надлежащій порядокъ [1]. Что касается до прежняго директора Яковкина, вынужденнаго подать въ отставку, не дожидаясь результатовъ ревизіи, а въ виду явнаго неблаговоленія, высказаннаго ему Магницкимъ, то онъ оставался еще нѣкоторое время профессоромъ, когда вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами университета былъ не только *удаленъ* изъ службы, но и лишенъ пенсіи. Но о дальнѣйшей судьбѣ его и литературной дѣятельности, насколько онѣ намъ извѣстны, мы можетъ быть разскажемъ въ своемъ мѣстѣ, если намъ придется говорить о Казанскомъ университетѣ при Магницкомъ.

Одною и, какъ намъ кажется, важнѣйшею прерогативою самоуправляющагося университета, является право, въ теченіе многихъ вѣковъ ничѣмъ не нарушаемое въ нѣмецкихъ университетахъ, которые послужили образцами для нашихъ, наполнять пустующія каѳедры по собственному выбору. Мы понимаемъ университетскую корпорацію, какъ нѣчто цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, однимъ направленіемъ, и этотъ интересъ цѣлаго предполагаетъ со стороны корпораціи естественное желаніе сохранить цѣлостность своего характера и одинаковость убѣжденій выборомъ на вакантную каѳедру лицъ, подходящихъ подъ господствующій и уже укрѣпившійся строй. Никакихъ политическихъ партій въ европейскомъ смыслѣ, судя строго и какъ бы мы внимательно ни наблюдали, не было въ нашихъ университетахъ, какъ не существуетъ ихъ и въ обществѣ. Бывали профессоры отставшіе отъ наукъ, обремененные семействомъ, преслѣдующіе такъ сказать династическіе интересы, что выражалось иногда въ желаніи пристроить къ какому-либо университетскому мѣстечку «роднаго человѣка» (давно замѣченная русская общественная черта), сами желавшіе получить какую-либо должность административную сверхъ профессорской, или усиленно хлопотавшіе о своемъ на лишній срокъ выборѣ въ то время, когда онъ зависѣлъ отъ корпораціи, и съ этою цѣлью подбиравшіе *партію*. Источникъ дѣятельности такой партіи былъ эгоизмъ, собственная выгода. Рядомъ были болѣе молодые, болѣе свѣжіе профессоры, для которыхъ наука являлась дорогою какъ наука, а не какъ средство для полученія профессорскаго жалованья и соединенныхъ съ званіемъ преимуществъ, чуждавшіеся личныхъ интересовъ и ставившіе выше ихъ достоинство университета и успѣхъ науки. Понятно, что между тѣми и

---

[1] Дѣло о безпорядкахъ по университету и казанской гимназіи, найденныхъ г. ревизоромъ д. с. с. Магницкимъ, объ увольненіи и удаленіи нѣкоторыхъ чиновниковъ университета и гимназіи. Сов. 1819 г., № 71.

другими въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно при выборахъ въ должности или на каѳедру, должна была возникать борьба, должны были образовываться партіи, но что же было въ нихъ политическаго? Если и говорили, что въ университетѣ есть партіи съ политическимъ оттѣнкомъ, то такое увѣреніе единственнымъ основаніемъ имѣло инсинуацію, орудіе самое употребительное въ борьбѣ партій. Такъ и не въ однихъ университетахъ стоитъ дѣло: то же можно видѣть и въ обществѣ, и въ прессѣ. Одна партія — это интересы личные, своекорыстные, другая —общіе интересы страны, ея развитіе. Правда, и та и другая прикрываются громкими фразами, увѣряя, что хлопочутъ о благѣ общемъ, но внимательный наблюдатель легко разгадаетъ тщету фразъ.

Главнымъ средствомъ для хорошаго выбора достойныхъ лицъ на вакантныя каѳедры въ университеты для корпораціи являются *испытанія на ученыя степени* (кандидата, магистра, доктора). Уставъ 1804 года опредѣлилъ (§§ 93—105) внѣшній порядокъ этихъ испытаній, но въ чемъ состояли научныя требованія для той или другой степени—это было неизвѣстно. До открытія университета производились, правда, нѣкоторыя лица въ степень магистра, напримѣръ, Кондыревъ, В. Перевощиковъ и др., но безъ какого бы то ни было экзамена. Такъ перваго предлагаетъ совѣту попечитель Румовскій въ 1809 году удостоить степени магистра «для поощренія къ дальнѣйшимъ трудамъ». Вслѣдствіе такого же предписанія степень магистра получилъ и Перевощиковъ [1]). Теперь, когда университетъ былъ открытъ и всѣ функціи его стали дѣйствовать, экзамены на ученыя степени должны были происходить часто, тѣмъ болѣе, что полученіе каѳедры въ университетѣ обусловливалось уже ученою степенью, дававшею право, а не тѣмъ или другимъ воззрѣніемъ начальства. Такою степенью была докторская. Первымъ желавшимъ подвергнуться испытанію на степень доктора математическихъ наукъ былъ магистръ Симоновъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ астрономіи и ректоръ, подавшій о томъ просьбу въ совѣтъ университета 14 февраля 1814 года, еще до открытія университета Дѣло было повидимому совершенно новое для университета, и совѣтъ поставленъ былъ въ затрудненіе. Опредѣлено было представить просьбу Симонова на разрѣшеніе попечителя. Совѣтъ спрашивалъ его: «1) во всѣхъ ли къ отдѣленію принадлежащихъ наукахъ проэкзаменовать просящихъ экзаменъ на докторское достоинство, или токмо именно въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ желаетъ получить сіе достоинство; 2) должны ли входить въ экзаменъ тѣ *приготовительныя науки*,

---

[1]) См. нашей книги ч. 1-я, стр. 428 и 441.

которыя по утвержденному г. профессора Броннера плану признаны таковыми?» Вопросы эти поставили конечно въ тупикъ попечителя, который зналъ о томъ гораздо меньше, чѣмъ спрашивающіе. Чтобы выйдти изъ затрудненія онъ предложилъ совѣту «въ непродолжительномъ времени отнестись къ Московскому университету, неоднократно возводившему въ докторскія достоинства разныхъ отдѣленій, съ испрашиваніемъ формы дипломовъ и испытанія для производства въ докторское достоинство» [1]. Совѣтъ, вслѣдствіе этого предложенія попечителя, и обратился въ Московскій университетъ за свѣдѣніями, но отъ него не скоро однако было прислано увѣдомленіе. Въ своемъ отношеніи, полученномъ въ Казани чрезъ два мѣсяца, ректоръ Двигубскій благодаритъ отъ лица Московскаго университета Казанскій за честь ему сдѣланную вопросомъ, посылаетъ формы дипломовъ и извѣщаетъ касательно экзаменовъ на высшія ученыя степени, что и «здѣшній университетъ, въ разсужденіи производства оныхъ, взошелъ теперь съ представленіемъ къ высшему начальству, какое же послѣдуетъ разрѣшеніе о томъ, не преминетъ увѣдомить Казанскій университетъ». Еще не было получено это отношеніе Московскаго университета, какъ письмоводитель попечителя Х. Герке подалъ въ совѣтъ прошеніе о проэкзаменованіи его въ силу устава на степень доктора по отдѣленію словесныхъ наукъ. Совѣтъ, имѣя въ виду приведенное выше предложеніе попечителя, по большинству голосовъ, опредѣлилъ ожидать отвѣта Московскаго университета [2]. Когда это постановленіе сдѣлалось извѣстнымъ попечителю, онъ принялъ сторону меньшинства и въ своемъ новомъ предложеніи совѣту говорилъ, что касательно отношенія въ Московскій университетъ онъ имѣлъ въ виду «болѣе науки приготовительныя и воспомогательныя». Поэтому, кажется ему теперь, откладывать испытаніе Герке не слѣдуетъ, а такъ какъ «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета» (т. е. по его открытіи), согласно уставу, дѣло производства испытаній принадлежитъ факультету, то и слѣдуетъ препроводить безъ отлагательства прошеніе Герке въ отдѣленіе словесныхъ наукъ. Салтыковъ при этомъ случаѣ рекомендуетъ руководствоваться при испытаніи знакомымъ намъ уже планомъ Броннера.

Какъ и въ чемъ происходилъ экзаменъ въ словесномъ отдѣ-

---

[1]) Протоколы Совѣта, 1814 года, стр. 316.—Дѣло по прошеніямъ магистра физико-математическихъ наукъ Симонова и друг. о учиненіи экзамена на докторскую степень, и о порядкѣ при предстоящихъ диспутахъ въ производствѣ въ магистры и доктора наблюдаемомъ. *Сов.* 1814 г., № 31.

[2]) Протоколы Совѣта 1814 г., стр. 69а.

ленiи Герке, ищущаго докторской степени и желавшаго испытанiя особенно *въ краснорѣчiи, стихотворствѣ и языкѣ россiйскомъ,* и сверхъ того *въ словесности новѣйшихъ языковъ*, именно англiйскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и французскаго—изъ дѣла не видно. Экзаменъ этотъ, какъ видно изъ донесенiя факультета, согласно § 97 устава, былъ по словамъ этого § только *предварительнымъ искусомъ*; онъ производился деканомъ и приглашенными имъ двумя профессорами вспомогательныхъ наукъ. Этотъ искусъ былъ выдержанъ Герке удовлетворительно, и отдѣленiе, на основанiи того же § 97 устава, просило совѣтъ о назначенiи для *публичнаго испытанiя* двухъ депутатовъ. Депутатами этими со стороны совѣта были избраны профессоры Лубкинъ и Литтровъ. Въ ихъ присутствiи происходило новое засѣданiе словеснаго отдѣленiя по дѣлу объ испытанiи Герке, причемъ подняты были разные вопросы о требованiяхъ, какiя слѣдуетъ предъявлять изъ главныхъ и побочныхъ предметовъ ищущимъ степени доктора по различнымъ наукамъ преподаваемымъ въ отдѣленiи: 1) краснорѣчiя, стихотворства и языка россiйскаго; 2) латинской словесности; 3) восточныхъ языковъ; 4) греческой словесности и 5) историческихъ наукъ. Одобренъ былъ порядокъ испытанiя на основанiи § 98 устава и возникли споры о томъ, на какомъ языкѣ производить испытанiе. Большинствомъ голосовъ опредѣлено было: въ словесности россiйской и россiйской исторiи, географiи и статистикѣ употреблять языкъ латинскiй или россiйскiй, въ прочихъ же наукахъ дозволяется употреблять одинъ только латинскiй. Всѣ эти вопросы были представлены отдѣленiемъ на разрѣшенiе совѣта, а потому экзаменъ Герке былъ отложенъ до этого разрѣшенiя.

Съ своей стороны совѣтъ не скоро приступилъ къ обсужденiю вопросовъ, поднятыхъ отдѣленiемъ словесныхъ наукъ и представленныхъ имъ на разсмотрѣнiе совѣта. Въ засѣданiи 22 iюня, прежде разсмотрѣнiя предположенiй отдѣленiя о докторскихъ степеняхъ по разнымъ наукамъ, опредѣлено было: дать выписки во всѣ факультеты, *исключая медицинскаго*, о томъ, чтобы они представили въ совѣтъ «формы производства экзаменовъ на высшiя университетскiя степени». Что касается экзамена Герке, то отдѣленiю предоставлялось учинить ему докторскiй экзаменъ сообразно § 98 устава. Много споровъ и отдѣльныхъ мнѣнiй возбудилъ вопросъ о языкѣ, на какомъ должно быть производимо испытанiе. Нѣмецкiе члены совѣта поддерживали въ этомъ вопросѣ опредѣленiе отдѣленiя, но большинствомъ голосовъ рѣшено было: предоставить отдѣленiямъ сообразоваться съ § 103 устава. Въ немъ говорилось: «Слѣдуя общему правилу магистерскiе и докторскiе *диспуты* (а не все испы-

таніе, о которомъ шла рѣчь) должны происходить на латинскомъ языкѣ; но *отдѣленіе, по причинамъ до учености касающимся*, можетъ дозволить оные на россійскомъ, по прошенію испытуемаго».

Въ засѣданіи 21 октября (ст. 7) прежде всего ректоръ предложилъ на разсмотрѣніе совѣта «порядокъ при предстоящихъ диспутахъ и производствѣ въ доктора наблюдаемый». Эти два 1) ordo de disputationibus и 2) ordo de promotionibus, писанные по латыни, заключаютъ въ себѣ описаніе той внѣшней обстановки, которая должна быть наблюдаема при диспутахъ и промоціяхъ. Это безъ сомнѣнія въ то время еще сохранявшіеся въ нѣмецкихъ университетахъ отголоски того средневѣковаго декорума, который съ незапамятныхъ временъ окружалъ университетскую науку. Мольеръ въ своемъ «Le malade imaginaire», какъ извѣстно, осмѣялъ очень остроумно эту академическую помпу. Иное изъ нея сохранилось до настоящаго времени, но многое исчезло. Такъ напр., вышла изъ употребленія музыка, при звукахъ которой происходило провозглашеніе новаго доктора, представленіе его попечителю, ректору и членамъ совѣта [1]). Вслѣдъ за симъ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ представило въ совѣтъ мнѣнія своихъ членовъ относительно производства испытаній на высшія университетскія степени, и въ засѣданіи 21 октября постановлено было образовать коммиссію изъ ректора, четырехъ декановъ и профессоровъ Броннера и Лубкина. Этой коммиссіи поручено было сдѣлать *общее положеніе о производствѣ экзаменовъ просящимъ высшія ученыя степени*. Коммиссія эта 1 февраля 1815 года, въ дополненіе къ тѣмъ §§ устава, въ которыхъ говорится о производствѣ экзаменовъ на ученыя степени, признала нужнымъ постановить еще слѣдующее:

1) „Согласно мнѣніямъ факультетовъ, науки къ одному отдѣленію причисленныя, но по своей особенности неимѣющія между собою необходимой связи, должны составлять (?) *подотдѣленія факультетовъ*; такъ что имѣющіе преимущественныя по симъ наукамъ свѣдѣнія могутъ быть производимы въ университетскія степени, соразмѣрно своему знанію (?). Что согласно мнѣніямъ факультетовъ и изображено на прилагаемой при семъ таблицѣ, въ коей кромѣ главныхъ наукъ, означены и вспомогательныя. Такимъ образомъ нравственно-политическій факультетъ раздѣленъ на четыре, физико-математическій на четыре, а словесный на пять отдѣленій.

2) „Относительно сего въ нравственно-политическомъ отдѣленіи, противу мнѣнія его та сдѣлана отмѣна, что юридическія науки соединены съ полити-

---

[1]) „Finita caerimonia sub strepitu fidium (какого-то струннаго инструмента), Decanus cum promoto ex cathedra descendet (деканъ сидѣлъ на каѳедрѣ гораздо большаго размѣра, чѣмъ докторантъ), Curatori illustrissimo, Rectori magnifico et toti Senatui academico eum commendans“ (§ 5).

ческими, но такъ, что для юриспрудента политическія науки составляютъ вспомогательныя, а для политика таковыми суть юридическія.

3) „Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ противу мнѣнія онаго почтено нужнымъ такую сдѣлать отмѣну, чтобы изъ восточной словесности тѣ только были экзаменованы, которые по сей собственно части ищутъ университетскихъ степеней, а прочіе, къ сему же отдѣленію принадлежащіе, чтобъ отъ того были изъяты; поелику восточная словесность съ другими къ сему отдѣленію принадлежащими науками связи не имѣетъ, и поелику несправедливо было бы требовать въ оной свѣдѣній отъ каждаго, кто словесностью занимается и по сей части хочетъ получить ученую степень.

4) „При предварительномъ испытаніи, кромѣ надлежащихъ свѣдѣній въ общихъ предуготовительныхъ (sic) наукахъ, нужно особенно смотрѣть, чтобы экзаминующійся основательно зналъ *природный* (?) языкъ и достаточно былъ бы опытенъ въ правильномъ письменномъ израженіи своихъ мыслей, или могъ бы на ономъ сочинять по правиламъ реторики.

5) „*Вопросы* по жеребью выбираемые, словесные и письменные, *должны относиться только до главныхъ или коренныхъ наукъ испытуемаго*, вообще изо всѣхъ (?), а не изъ каждой порознь (?), по четыре для доктора и по два для магистра на основаніи § 98 устава [1])".

Это мнѣніе коммиссіи не встрѣтило никакихъ противорѣчій со стороны членовъ совѣта, и въ засѣданіи 5 февраля 1815 года постановлено было представить правила на благоразсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія. Въ представленіи этомъ, иниціатива котораго шла отъ университета, а не отъ высшей власти, изложенъ весь ходъ этого дѣла, очевидно интересовавшаго членовъ университета и важнаго для нихъ въ научномъ отношеніи. Совѣтъ руководствовался желаніемъ, чтобъ «во всѣхъ отдѣленіяхъ производство сихъ дѣлъ имѣло ходъ однообразный и постоянный (исключено отдѣленіе медицинскихъ наукъ, руководствовавшееся докладомъ, 22 августа 1808 года высочайше утвержденнымъ). Прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ отъ министра, самое дѣло возбудило еще въ средѣ совѣта нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ. Такъ въ засѣданіи 25 сентября ректоръ предложилъ вопросъ: можно ли допускать до экзаменовъ на университетскія степени не имѣющихъ аттестатовъ о своихъ познаніяхъ? Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, на основаніи § 141 устава, по которому «студентъ по выслушаніи пріуготовительныхъ курсовъ», можетъ требовать испытанія и *получить степень, какую заслужилъ своими успѣхами* (слѣдовательно прямо и доктора). Это постановленіе было утверждено попечителемъ. Въ томъ же засѣданіи ректоромъ

---

[1]) Такимъ образомъ требуется для доктора только двойное количество отвѣтовъ, сравнительно съ магистромъ, но нигдѣ не опредѣляется степень и характеръ знанія. Тоже и въ уставѣ. Вообще составленныя коммиссіей правила страдаютъ большою неясностью.

было доложено о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся при производствѣ экзаменовъ на университетскія степени «въ разсужденіи тѣхъ, которые не обучавшись въ университетахъ, требуютъ испытанія на степень кандидата, магистра или доктора, не имѣя равно основательныхъ познаній въ каждой, къ отдѣленію принадлежащей наукѣ (мы увидимъ, что охотниковъ получать ученыя степени, нигдѣ не учившись, въ то время было много), какъ напримѣръ почетный смотритель училища (онъ же и предводитель дворянства чистопольскаго уѣзда) титулярный совѣтникъ Бужениновъ, который «не имѣя познанія латинскаго языка, требуетъ экзамена на степень кандидата словесныхъ наукъ» (въ правилахъ, представленныхъ на утвержденіе министра, свѣдѣнія въ латинской словесности необходимо требуются). Это было донесено попечителю, но Салтыковъ. вѣроятно недовольный тѣмъ, что совѣтъ, минуя его, представилъ прямо министру составленныя имъ правила испытанія на ученыя степени, сдѣлалъ замѣчаніе, что совѣтъ, основываясь на этихъ правилахъ, поступаетъ неправильно по отношенію къ Буженинову, такъ какъ въ правилахъ рѣчь идетъ о степеняхъ магистра и доктора, а не о кандидатской. Онъ предлагаетъ донести: отъ чего произошло такое разногласіе и доставить ему общія правила. Почему-то попечитель видитъ, что коммиссія, составлявшая правила «смѣшала высшія ученыя степени съ низшею». Съ своей стороны онъ замѣчаетъ, что по §§ 95 и 98 устава слова «наука, предметъ, языкъ отдѣленія» почитаются за одно», и требуетъ «изъяснить ему полагаемое совѣтомъ соотношеніе § 22 отд. IV устава (въ немъ перечислены каѳедры словеснаго отдѣленія) съ испытаніемъ кандидатскимъ, равно и причину, для чего въ донесеніи упоминается о § 103, касающемся производства диспутовъ докторскихъ и магистерскихъ на латинскомъ языкѣ и исключая изъ сего и § 119, гдѣ говорится объ учебныхъ бесѣдахъ и упражненіи въ разговорахъ на латинскомъ языкѣ казенныхъ студентовъ, приготовляющихся къ ученой службѣ и какимъ образомъ примѣнено сіе къ кандидатскому испытанію постороннихъ особъ?» Салтыковъ высказывалъ недовольство свое, находя неполноты въ донесеніяхъ совѣта, но въ настоящемъ случаѣ онъ очевидно неясно понималъ то, въ чемъ упрекалъ совѣтъ и нѣсколько путалъ, какъ это за частую случается съ властью, весьма достойною во многихъ отношеніяхъ, но желающею иногда настоять на своемъ авторитетѣ въ предметахъ, выходящихъ за предѣлы ея умственной компетенціи. Совѣтъ отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ:

1) „Въ своемъ донесеніи онъ имѣлъ въ виду правила о производствѣ испытаній для полученія университетскихъ степеней, а потому предпола-

гаемое въ ст. 1 и 2 раздробленіе факультетовъ на подраздѣленія относится также до кандидатовъ. Ежели же въ ст. 3 только говорится о степени магистра и доктора, то сіе потому, что § 96 устава ясно показываетъ какъ поступить при производствѣ испытанія на степень кандидата.

2) „Совѣтъ ссылается на ст. 22 отд. IV устава по той причинѣ, что изъ сей статьи видно какія науки въ отдѣленіи словесныхъ наукъ должны быть преподаваемы, а въ § 96 между прочимъ сказано относительно испытанія на степень кандидата: „деканъ предлагаетъ испытуемому задачи, касающіяся до наукъ къ отдѣленію принадлежащихъ.

3) „Что въ § 103 предписано о диспутахъ на латинскомъ языкѣ магистровъ и докторовъ, потому что кандидаты по § 96 вообще не обязаны къ диспутамъ, и что полагать должно, что ежели для полученія степени магистра требуется удобность свободно объясняться на латинскомъ языкѣ, то и для полученія кандидата нужны нѣкоторыя познанія онаго языка, тѣмъ болѣе, что познаніе латинскаго языка нужно даже для полученія званія студента, какъ явствуетъ изъ § 107 устава, въ сравненіи съ § 5 устава учебныхъ заведеній (гдѣ латинскій языкъ показанъ обязательнымъ предметомъ преподаванія) и что совѣтъ притомъ имѣлъ въ виду предписаніе его пр—ства г. попечителя отъ 9 января 1813 года, № 11, коимъ изъявляетъ свое несогласіе на возведеніе студента Рыбушкина въ званіе кандидата „*потому что при испытаніи оказался слабымъ* въ философіи, математикѣ, физикѣ и *наипаче въ латинскомъ языкѣ, который каждому студенту знать нужно*“ (такимъ образомъ совѣтъ уличаетъ попечителя въ противорѣчіи съ самимъ собою); наконецъ, что въ докладѣ 7 іюня 1811 года Высочайше утвержденномъ о предоставленіи 9 класса учителямъ латинскаго языка, изображены ясно важность и потребность латинскаго языка, равно и соотношеніе его съ словесными науками. Совѣтъ, основываясь на сихъ постановленіяхъ, не сомнѣвался въ томъ, что для поступающихъ изъ студентовъ въ кандидаты нужно знаніе латинскаго языка, но не могъ сіе распространить на титулярнаго совѣтника Буженинова, не обучавшагося въ университетѣ, почему и опредѣлено испрашивать о семъ начальственное разрѣшеніе“.

Съ этимъ постановленіемъ совѣта по прошенію Буженинова и съ защитою своего мнѣнія, высказаннаго тѣмъ же совѣтомъ передъ попечителемъ, не согласился экстраординарный профессоръ Кондыревъ. Онъ поддерживалъ попечителя и отчасти Буженинова, съ которымъ былъ знакомъ по своимъ поѣздкамъ въ Чистополь, когда производилъ слѣдствіе по дѣлу Плаксина. Не приводя его доводовъ, составляющихъ повтореніе предложенія попечителя, остановимся на его взглядѣ на латинскій языкъ, на его значеніе въ наукѣ и въ общемъ образованіи. Взглядъ этотъ представляется вообще любопытнымъ:

„Я такого мнѣнія, что языкъ латинскій весьма нуженъ, *но не для народнаго образованія* (?), а для ученыхъ, по общему употребленію онаго ими; однакожъ и здѣсь не во всѣхъ случаяхъ и въ одинаковой степени необходимъ. Въ университетахъ, по смыслу § 109 устава о наукахъ приготовительныхъ, латинскій языкъ нельзя къ онымъ причислить. Но онъ есть вспомогательный предметъ учености и въ нѣкоторыхъ наукахъ нельзя сдѣлать безъ него извѣстнаго успѣха: тамъ знанія его неотмѣнно слѣдуетъ

требовать большаго. Простирать за должные предѣлы требованіе, чтобы всякій зналъ латинскій языкъ болѣе нужнаго, значило бы тоже, что и унижать его важность для ученыхъ, т. е. его распространенію (?) вредить. Ибо чего нельзя или не нужно исполнять, а исполнять предписывалось бы, то будетъ исполняемо только изъ формы, либо и не будетъ исполняемо. Нужное употребленіе и знаніе латинскаго языка и донынѣ осталось и впредь (?) останется при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само правительство желаетъ сего нужнаго знанія и употребленія, и всякій обязанъ исполненію воли его содѣйствовать. Но цѣнить познаніе латинскаго языка выше познанія въ наукахъ по какой либо части испытуемаго, вредно для распространенія просвѣщенія въ любезномъ моемъ отечествѣ, гдѣ о семъ распространеніи надлежитъ прилагать большое попеченіе. *Доколѣ своекоштнымъ студентомъ никто въ нашемъ университетѣ не могъ быть безъ знанія латинскаго языка, дотолѣ ихъ было впятеро менѣе нынѣшняго:* что же истинно полезнѣе? Образованный человѣкъ будетъ таковымъ и безъ знанія латинскаго языка; онъ даже можетъ быть и извѣстнымъ писателемъ по какой либо части; но потому, что онъ не знаетъ латинскаго языка, нельзя не признавать его писателемъ и человѣкомъ свѣдущимъ. Повторю еще, что излишнее, напряженное въ чемъ либо и неестественный ходъ чего либо не могутъ оставаться таковыми навсегда".

Кондыреву такимъ образомъ и на мысль не приходило то образовательное значеніе латинскаго и вообще древнихъ языковъ, которое стали доказывать у насъ гораздо позднѣе, ссылаясь на примѣръ Европы. Для него знаніе латинскаго языка являлось печальною необходимостью для науки, но и она въ его время давно уже обратилась къ языку родному. Все имъ сказанное, сказано потому по словамъ его, что онъ не могъ этого не высказать, «будучи оживляемъ чувствомъ справедливости въ душѣ и любовію къ пользѣ отечества въ сердцѣ, а равно руководствуясь благоразуміемъ». Исходя изъ этого чувства, Кондыревъ говоритъ между прочимъ: «касательно знанія латинскаго языка *потребно уваженіе къ постороннимъ (?) соотечественникамъ, занимавшимся наукою по любви къ ней* (Бужениновъ искалъ кандидатской степени для дальнѣйшаго производства въ чины) въ сравненіи съ тѣми, кои ищутъ степени, дабы быть дѣйствительно въ ученой службѣ и притомъ въ университетѣ». Съ своей стороны и попечитель не остался въ долгу передъ совѣтомъ; защищая себя, онъ замѣчаетъ совѣту, что тотъ дѣлаетъ различіе между предписаніемъ и его исполненіемъ, а въ заключеніе говоритъ, что «возраженія, показывающія неудобство въ исполненіи моихъ предложеній, я всегда пріемлю съ уваженіемъ, въ противномъ случаѣ совѣтъ подвергается отвѣтственности». Этими пререканіями дѣло, поднятое самимъ совѣтомъ и очень важное для него, какъ близко стоящее къ успѣху науки и преподаванія, повидимому пріостановилось. У насъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, было ли представлено министерству народнаго

просвѣщенія съ такимъ трудомъ и такъ медленно составленное факультетами и совѣтомъ положеніе о производствѣ въ ученыя степени. Если оно было представлено, что вѣроятнѣе, то не разсматривалось вовсе. Прошли два почти года. И вотъ, какъ это часто случалось и потомъ, департаментъ министерства народнаго просвѣщенія требуетъ отъ Казанскаго университета тѣхъ свѣдѣній, какія давно уже были имъ представлены: «доставить въ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнія какимъ порядкомъ происходитъ въ немъ производство въ ученыя степени студентовъ (?), кандидатовъ, магистровъ и докторовъ, отъ какихъ мѣстъ (?) выдаются на званія сіи свидѣтельства или дипломы, то есть отъ правленія, отъ факультета или отъ совѣта, представляются ли удостоиваемые означенныхъ званій университетскому совѣту для утвержденія въ оныхъ, при чемъ приложить формы свидѣтельствъ, аттестатовъ и дипломовъ, выдаваемыхъ на каждую ученую степень». (13 ноября, 1816 года, № 3632). Страннымъ представляется намъ это значительно запоздалое требованіе высшей власти, регулирующей науку и просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ, черезъ тринадцать лѣтъ существованія министерства народнаго просвѣщенія. А между тѣмъ свѣдѣнія, которыя теперь потребовались вдругъ, касались самой существенной стороны дѣятельности вѣдомства: отъ правильнаго устройства экзаменовъ на ученыя степени, требованій отъ экзаменующихся, точно опредѣленныхъ, зависѣлъ будущій успѣхъ университетскаго преподаванія и науки въ странѣ; этимъ правильнымъ устройствомъ гарантировались и раціональность и полезность нашихъ университетовъ на будущее время. Что испытанія на ученыя степени не были правильно устроены, что необходимо было разумно составленное положеніе объ этой сторонѣ университетской дѣятельности, можно видѣть изъ того, что понадобилось высочайшее повелѣніе, на основаніи положенія комитета гг. министровъ, чтобы «университеты впредь прямо въ доктора, минуя предписанное въ университетскомъ уставѣ испытаніе и производство въ магистры, не производили, за исключеніемъ медицинскихъ производствъ, для каковыхъ существуютъ особыя правила, высочайше утвержденныя» (предложеніе министра н. пр. 23 ноября 1816 года, № 3763). Второе высочайшее повелѣніе, также циркулярно сообщенное по университетамъ министромъ, какъ и первое, того же числа, состояло въ томъ, что «по случаю незаконнаго производства юридическимъ факультетомъ Дерптскаго университета въ доктора правовѣдѣнія *Вальтера* и *Вебера*, упомянутое производство ихъ не считать дѣйствительнымъ и отобрать отъ нихъ дипломы на докторское званіе, преградивъ имъ вовсе ходъ по производству въ ученыя степени и

запретивъ всѣмъ университетамъ въ Имперіи подвергать ихъ испытанію, если бы они стали искать онаго». Наконецъ третье высочайшее повелѣніе, также того же 23 ноября, циркулярно разосланное по русскимъ университетамъ министромъ просвѣщенія, заключалось въ томъ, что «для точнѣйшей отвѣтственности при производствѣ на будущее время въ ученыя степени, сообразить всѣ до сего касающіяся узаконенія и съ особымъ мнѣніемъ внесть записку на уваженіе комитета гг. министровъ». Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія министръ сдѣлалъ распоряженіе (19 декрбря 1816 года, № 4121) циркулярно, по всѣмъ университетамъ, «дабы университетъ *до учиненія по сему предмету окончательнаго положенія, остановился производствомъ въ ученыя степени, исключая званій медицинскихъ»* [1]. Эта пріостановка производствъ въ ученыя степени, дѣла столь необходимаго и столь важнаго въ жизни университета, непосредственно связаннаго съ наукою, ея интересами и преподаваніемъ, продолжалась ровно два года: только 31 января 1819 года, № 346 министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ прислалъ въ Казанскій университетъ въ копіяхъ высочайше утвержденные въ 20 день января: 1) докладъ главнаго правленія училищъ и 2) положеніе о производствѣ въ ученыя степени, по которому впредь и поступать [2].

Было бы невозможно объяснить, почему вдругъ, въ концѣ 1816 года, понадобилась такая усиленная дѣятельность со стороны министерства народнаго просвѣщенія для пересмотра всѣхъ правилъ о производствѣ въ ученыя степени въ русскихъ университетахъ, еслибъ скрыты были отъ насъ тайныя пружины, вызвавшія эти мѣропріятія, и факты, обратившіе на себя вниманіе высочайшей власти. Въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ со времени утвержденія императоромъ Александромъ I университетскихъ уставовъ, министерство народнаго просвѣщенія ни разу не подумало о томъ: есть ли необходимость въ особомъ положеніи о производствѣ въ ученыя степени по университетамъ послѣ тѣхъ §§ устава, въ которыхъ говорилось о производствѣ испытаній и объ удостоеніи учеными степенями ищущихъ нхъ. Изъ приведеннаго нами требованія, сдѣланнаго департаментомъ просвѣщенія и вопросовъ имъ поставленныхъ, легко сдѣлать заключеніе, что само министерство не имѣло объ этомъ дѣлѣ сколько-нибудь яснаго представленія. Иниціатива регу-

---

[1]) Дѣло о доставленіи высшему начальству: а) какимъ образомъ дѣлаются производства въ ученыя степени, б) какимъ образомъ и на будущее время ихъ производить и т. д. *Сов.* 1816 г., № 154.

[2]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Спб. 1864, стр. 1134—1145.

лированія этого дѣла въ Казанскомъ университетѣ принадлежала самому университету, какъ мы это видѣли, но на свое представленіе онъ не получилъ никакого отвѣта. Московскій университетъ, одновременно съ Казанскимъ, также занялся этимъ вопросомъ и тоже вошелъ съ представленіемъ о немъ. Очевидно, что наскоро составленные §§ университетскаго устава (93—105), говорившіе о правилахъ, касающихся производства въ ученыя степени, были неудовлетворительны. Хотя образцомъ для нашихъ университетовъ взяты были нѣмецкіе, но въ послѣднихъ, какъ извѣстно, существуетъ только одна степень доктора, недающая какихъ-либо особыхъ правъ, а тѣмъ болѣе чиновъ. У насъ была цѣлая градація степеней, а между тѣмъ ни соотношеніе ихъ между собою, ни требованія, предъявляемыя къ каждой, ни объемъ знаній по каждой, ни промежутки времени между ними не были опредѣлены вовсе. Не случись въ Казанскомъ университетѣ желанія сильнаго въ то время лица, какимъ былъ письмоводитель попечителя Салтыкова какой-то Герке, пожелавшій вдругъ почему-то получить степень доктора по отдѣленію словесныхъ наукъ, ссылаясь на свои знанія европейскихъ языковъ и безъ сомнѣнія надѣясь на авторитетъ своего начальника, видимо ему покровительствовавшаго, вопроса о наилучшемъ положеніи для экзаменовъ на ученыя степени вовсе и не подымалось бы. Само министерство также никогда не подняло бы его, и все обстояло бы благополучно, еслибъ не ненавидимая столь многими гласность, та могучая сила, которая силою вещей и умственнымъ развитіемъ призывается на служеніе странѣ и ея успѣху, оказывая самую существенную помощь, гласность, столь непріятная невѣжеству, своекорыстію и весьма распространенному въ людяхъ желанію «ловить рыбу въ мутной водѣ». Считаемъ нужнымъ однако оговориться: наши слова относятся не къ русской прессѣ, а къ европейской періодической печати. Къ ней въ тѣ годы прислушивались, даже опасались ея, и извѣстія изъ Россіи, ею сообщаемыя, ловились и обращали на себя вниманіе даже верховной власти. Вотъ какого рода «извѣстіе изъ Лифляндіи» было напечатано въ одномъ изъ распространенныхъ тогда нѣмецкихъ журналовъ [1]). Приведемъ его въ современномъ русскомъ оффиціальномъ переводѣ:

„Случилось происшествіе, которое здѣсь и въ Петербургѣ привело всѣхъ въ удивленіе. Нѣкоторый г. Вальтеръ, бывшій прежде театральнымъ портнымъ въ Ревелѣ, пріобрѣтя въ С.-Петербургѣ оборотливостью въ раз-

---

[1]) „Zeitung für die elegante Welt". Leipzig 1816. № 254 (немедленно послѣ полученія № въ Петербургѣ и начались мѣропріятія, разсказанныя нами).

ныхъ дѣлахъ большое имѣніе, успѣлъ получить себѣ магистерскій (?) дипломъ изъ какого-то нѣмецкаго университета (если не ошибаюсь—изъ Эрлангенскаго). Съ онымъ явился онъ въ Дерптъ и умѣлъ желаніямъ своимъ дать такую силу, что *при извѣстномъ соблюденіи главнѣйшихъ правилъ*, дѣйствительно былъ возведенъ въ званіе доктора правъ. Сказываютъ, что разныя издержки его простирались до 30,000 рублей. *Званіе доктора дало ему поводъ къ испрошенію себѣ чина коллежскаго ассесора, который онъ также получилъ, и даже сдѣланъ былъ членомъ коммиссіи о составленіи законовъ.* Коль же скоро узнали какого свойства было сіе его докторское званіе, то возстало всеобщее негодованіе вмѣстѣ съ насмѣшками надъ портнымъ, явившимся законодателемъ. Началось съ отставки отъ должности проректора и по особому, именному Его Императорскаго Величества указу, г. докторъ лишенъ всѣхъ своихъ достоинствъ. Въ Дерптѣ выдумали весьма странное средство поправить сію ошибку. Объявили, что возведенные университетомъ въ званіе докторское, съ упущеніемъ исполненія нѣкоторыхъ правилъ, могутъ не прежде быть признаны докторами, пока снова еще разъ не явятся въ Дерптъ для пополненія всего опущеннаго. Нѣкоторые, въ увѣренности, что они по всей справедливости заслужили дипломы свои, полагаютъ, что если что либо и упущено, то въ этомъ вина университета, а не ихъ. Все вышеупомянутое есть достовѣрное произшествіе. Весьма любопытно знать, какому штрафованію подвергнется университетъ“ [1]).

Корреспондентъ такимъ образомъ сообщаетъ событіе уже совершившееся, но къ сожалѣнію ни изъ этой статьи лейпцигскаго журнала, ни изъ другихъ источниковъ и документовъ намъ неизвѣстно. какимъ образомъ обнаружился этотъ случай покупки докторства. былъ ли онъ единственнымъ явленіемъ въ Дерптскомъ университетѣ. или оно повторялось изъ году въ годъ. Какъ проникнуть въ тайны факультетскихъ совѣщаній объ удостоеніи кандидатовъ учеными степенями? Но дерптская исторія получила большую гласность. Оказалось, что приходится считаться съ дѣйствительнымъ фактомъ. Проректоръ Дерптскаго университета Гизе въ оффиціальной статьѣ. напечатанной въ «Inländishe Blätter», газеты, издававшейся въ Ригѣ (1817 г. № 12), называетъ эту лейпцигскую корреспонденцію «смѣсью правды и лжи», дополняетъ и исправляетъ ее. Вальтеръ, докторъ (извѣстно, какая существенная разница между докторами нѣмецкихъ университетовъ и нашихъ) Эрлангенскаго университета, дѣйствительно получилъ степень доктора правъ въ Дерптскомъ 19 іюля

---

[1]) Дерптскій университетъ при докторскомъ экзаменѣ производилъ довольно значительный денежный сборъ. Экзаменующій профессоръ получалъ 15 р. серебромъ, деканъ 12 р., секретарь 4 р., каждый изъ трехъ педелей по 2 р. и т. д. Послѣ всей передряги, главное правленіе училищъ уничтожило этотъ сборъ, признавъ его самопроизвольнымъ и незаконнымъ. Между тѣмъ онъ существовалъ 15 лѣтъ, какъ законное постановленіе. См. *М. И. Сухомлинова*, „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“. Томъ первый. Спб. 1889. Стр. 144.

1816 года. Все это производство происходило въ составѣ исключительно юридическаго факультета и прочимъ членамъ университета оно было неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что это было во время вакаціи и большинства ихъ не было въ Дерптѣ. По окончаніи вакаціи, согласно предложенію попечителя Клингера (онъ вскорѣ вышелъ въ отставку), совѣтъ разсматривалъ удостоеніе, сдѣланное юридическимъ факультетомъ степенью доктора правъ Вальтера и другого, тоже Эрлангенскаго доктора, Вебера. Предсѣдателемъ этого совѣта, въ которомъ не принимали участіе, какъ подсудимые, члены юридическаго факультета, былъ проректоръ, Эверсъ, только что выбранный. Въ октябрѣ того же года этотъ университетскій судъ призналъ производство Вальтера и Вебера несогласнымъ съ правилами университетскаго устава, а потому и недѣйствительнымъ, что и было представлено на утвержденіе начальства. Во время этого слѣдствія оказалось, что и *при другихъ производствахъ того же юридическаго факультета не соблюдены въ точности постановленія* и потому совѣтъ опредѣлилъ разсмотрѣть и ихъ. Тогда Эверсъ отказался отъ должности проректора, и вмѣсто него выбранъ Гизе. Новое изслѣдованіе привело къ заключенію, что всѣ другія производства въ докторскія степени по юридическому факультету неправильны, а потому всѣхъ произведенныхъ докторовъ правъ слѣдуетъ признать недѣйствительными, о чемъ совѣтъ и представилъ министерству, полагая съ своей стороны впрочемъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ, которые ему извѣстны какъ болѣе достойные, можно было бы дозволить явиться въ Дерптъ для дополнительнаго испытанія, не лишая ихъ докторства. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по этому дѣлу, рѣшено было лишить докторской степени не только Вальтера и Вебера (они не могли быть допущены къ новому испытанію), но и всѣхъ прочихъ докторовъ юридическаго факультета Дерптскаго университета, но послѣднимъ дозволено было, при соблюденіи всѣхъ правилъ, находящихся въ уставѣ относительно пріобрѣтенія ученыхъ степеней, вновь пріобрѣсти докторское достоинство. По высочайшему же повелѣнію совѣтъ, согласно § 84 устава, судилъ профессоровъ юридическаго факультета за нарушеніе ими законовъ. Свой приговоръ совѣтъ представилъ также въ министерство, и по доведеніи о немъ до свѣдѣнія Государя Императора, по положенію комитета министровъ, высочайше повелѣно ректора Штельцера, члена юридическаго факультета и декана этого же факультета Кёхи удалить вовсе изъ университета и впредь никогда не опредѣлять на службу. «Ректоръ», говорится въ этомъ повелѣніи, «не можетъ оправдываться незнаніемъ университетскаго устава и какъ членъ юридическаго факультета, долженъ былъ знать о противо-

законности испытанія, и какъ ректоръ долженъ былъ остановить сіе производство». Остальные члены юридическаго факультета оставлялись на своихъ мѣстахъ, но имъ повелѣно было сдѣлать въ присутствіи совѣта строгій выговоръ, «съ подтвержденіемъ, дабы впредь были осмотрительнѣе». Запрещалось кого-либо изъ нихъ выбирать въ ректоры, «пока не оправдаютъ себя къ пріобрѣтенію совершеннаго во всемъ довѣрія», и до опредѣленія новыхъ профессоровъ вмѣсто уволенныхъ, имъ не дозволялось ни производить испытанія, ни давать университетскія достоинства, но только продолжать свои лекціи по прежнему. Нарушеніе правилъ испытанія на ученыя степени, опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ, со стороны юридическаго факультета Дерптскаго университета, какъ видно изъ предложенія министра (13 мая, 1817 года, № 1503) совѣту Казанскаго университета, состояло въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не было сдѣлано предварительно магистерскаго экзамена, а прямо на степень доктора; 2) для словесныхъ и письменныхъ экзаменовъ задано было вопросовъ меньше, чѣмъ положено въ уставѣ; 3) вмѣсто трехъ лекцій—читана была только одна; 4) факультетъ не требовалъ себѣ представленія диссертацій прежде публичнаго защищенія оныхъ. Эти четыре пункта отступленія отъ правилъ устава и были причиною распоряженія, сдѣланнаго по всѣмъ университетамъ о составленіи цѣлаго кодекса правилъ или положенія о производствѣ въ ученыя степени и о пріостановкѣ испытаній до утвержденія этого положенія. Но могло ли оно гарантировать, какъ бы точно и обдуманно ни было составлено, отъ злоупотребленій, состоявшихъ въ факультетскихъ поблажкахъ, вызываемыхъ самыми разнообразными причинами? На вопросъ этотъ человѣкъ, хорошо знакомый съ университетской практикой, долженъ, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Ни тепло, ни холодно для власти, завѣдывающей высшимъ надзоромъ за жизнью нашихъ университетовъ, было бы отъ того, что въ томъ или другомъ изъ нихъ явились бы два или три плохіе доктора. И мало ли ихъ въ дѣйствительности бывало? Кому незнакомы тощенькія диссертаціи прежнихъ лѣтъ на ученыя степени Дерптскаго университета, писанныя почти всегда по латыни и дававшія права? Между тѣмъ университетъ этотъ привлекалъ русскихъ юношей въ 20-е, 30-е, 40-е годы европейскою постановкою преподаванія и корпоративнымъ духомъ студенчества. Все было бы шито и крыто, все осталось бы по прежнему, еслибъ не гласность и не статья лейпцигскаго журнала. Очевидно была другая какая-либо причина, кромѣ формальнаго нарушенія правилъ, тѣхъ чрезвычайно строгихъ мѣръ, какія приняты были властью по отношенію къ профессорамъ юристамъ. Упоминаніе въ корреспонденціи о

30.000 рублей, которыхъ стоила будто бы степень доктора Вальтеру, по всей вѣроятности и дало поводъ къ строгимъ мѣрамъ, хотя объ этой причинѣ не упоминается ни въ одномъ послѣдовавшемъ тогда по этому поводу распоряженіи. Проректору Гизе, въ его полемической статьѣ, сумма, указанная въ лейпцигской корреспонденціи, кажется только слишкомъ большою. Онъ защищаетъ отъ обвиненія цѣлый университетъ съ прочими тремя факультетами, кромѣ юридическаго, между тѣмъ какъ корреспондентъ распространяетъ обвиненіе въ «лакомствѣ» на всю университетскую корпорацію, «дабы тѣмъ показанной имъ суммѣ издержекъ при производствѣ испытанія дать больше вѣроятія»—говоритъ Гизе. Кому однако изъ русскихъ людей неизвѣстно, какъ трудно уличить кого-либо во взяткахъ?

Какъ только получено было Казанскимъ университетомъ требованіе департамента министра народнаго просвѣщенія, о доставленіи свѣдѣній, какъ производятся испытанія на ученыя степени, свѣдѣнія эти были немедленно собраны и доставлены. Изъ донесенія видно, что правила, указанныя въ §§ устава, исполняются строго, но все различіе въ требованіяхъ, предъявляемыхъ ищущимъ ученыхъ степеней заключалось въ объемѣ экзаменовъ—различіе чисто внѣшнее. Такъ экзаменъ на кандидата заканчивается въ 2—3 засѣданія факультета; вопросовъ письменныхъ задается ищущему степени по два изъ наукъ главныхъ и вспомогательныхъ. Магистръ подвергается экзамену въ теченіе 4—5 засѣданій; вопросовъ рѣшаетъ онъ 4; для доктора число засѣданій и число вопросовъ удвоивается. Какъ лекціи, требуемыя отъ магистра и доктора, такъ и диссертація на степень и защита ея передъ тремя оппонентами должны быть на языкѣ латинскомъ. Изъ донесенія совѣта, основаннаго на представленіяхъ факультетовъ, видно, что въ Казанскомъ университетѣ правила, постановленныя уставомъ, соблюдались «свято и ненарушимо». До конца 1816 года, когда было послано это донесеніе и послѣдовала пріостановка производства въ ученыя степени, въ Казанскомъ университетѣ по экзамену (мы уже приводили случаи повышенія въ магистры безъ всякаго испытанія а просто какъ производство въ чинъ по волѣ попечителя) утверждены были въ докторскомъ достоинствѣ (правъ) двое: Богданъ Іонъ и Гавріилъ Солнцевъ; въ магистерскомъ тоже двое: по правовѣдѣнію Эльпидифоръ Манассеинъ и по восточной словесности Ярцевъ. Кандидатовъ за все это время произведено было 18; цѣлая половина ихъ, именно 9 человѣкъ, приходилась на долю отдѣленія наукъ словесныхъ.

Первымъ докторомъ (правъ) въ Казанскомъ университетѣ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, иностранецъ, саксонскій уроженецъ Іоганнъ Готлибъ или Богданъ *Іонъ*, подавшій въ совѣтъ университета латинское прошеніе о желаніи своемъ подвергнуться узаконенному испытанію и получить степень доктора обоихъ правъ (pro gradu doctoris utriusque juris) еще 6 ноября 1812 года. Онъ не былъ ни магистромъ, ни даже кандидатомъ. Изъ его curriculum vitae. приложеннаго къ прошенію, видно, что онъ родился въ Зондерсгаузенѣ въ 1784 году, что, получивъ среднее образованіе въ одной изъ саксонскихъ гимназій, онъ поступилъ въ 1803 году въ университетъ Гёттингенскій, гдѣ слушалъ лекціи по самымъ разнообразнымъ предметамъ, перечисленнымъ имъ въ прошеніи, отдавая впрочемъ преимущество наукамъ юридическимъ, въ теченіе 7 лѣтъ. Какія обстоятельства заставили Іона переселиться въ Россію, именно въ Москву, и сдѣлаться студентомъ Московскаго университета, что видно изъ свидѣтельства, выданнаго ему 22 августа 1812 года, какъ разъ передъ занятіемъ Москвы французами, ректоромъ университета Геймомъ, намъ неизвѣстно; въ Московскій университетъ онъ поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ 1810 году. Здѣсь желалъ онъ подвергнуться испытанію на степень доктора, но этому воспрепятствовало нашествіе французовъ. Изъ поданнаго имъ прошенія видно. что его сочиненіе, представленное имъ на тему, заданную отдѣленіемъ нравственно-политическихъ наукъ Московскаго университета: «De fundamento juris puniendi et primario poenarum fine, re juridice et philosophice considerata», было награждено золотою медалью. Война 1812 года привела Іона въ Казань. Совѣтъ университета, выслушавъ его прошеніе, опредѣлилъ: препроводить его для проэкзаменованія въ отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ (оно, какъ и университетъ, открыто не было оффиціально и декана въ немъ не было также). Старшій изъ членовъ этого отдѣленія Финке. на имя котораго было писано предложеніе совѣта объ экзаменѣ Іона, въ виду того, что это былъ первый случай испытанія на ученую степень, которое должно быть произведено согласно уставу въ отдѣленіи, подъ предсѣдательствомъ декана, сдѣлалъ и представилъ совѣту нѣкоторыя возраженія. Онъ говорилъ, что въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ факультетовъ, не существуютъ и деканы, что самъ университетъ не открытъ торжественно, а потому Финке справедливо заключалъ, что безъ особеннаго предписанія попечителя нельзя допустить студента Іона къ экзамену на степень доктора. Финке говорилъ, что въ Казанскомъ университетѣ совершенно неизвѣстна внѣшняя сторона испытаній на ученыя степени, не существуетъ даже форма дипломовъ, выдаваемыхъ на степени. До

сихъ поръ многіе студенты повышались въ степень кандидатовъ и многіе кандидаты въ степень магистровъ не нами, профессорами, а по волѣ покойнаго попечителя. Если и происходили до сихъ поръ иногда, хотя и очень рѣдко, нѣкоторые магистерскіе экзамены, то въ чрезвычайно краткомъ видѣ, вовсе не по установленной формѣ; мы не читали диссертацій этихъ экзаменующихся, не слышали ихъ пробныхъ лекцій, не присутствовали на ихъ диспутахъ. Поэтому Финке и просилъ совѣтъ: 1) представить все имъ высказанное на благоусмотрѣніе г. попечителя и 2) просить его разрѣшить о студентѣ Іонѣ: a) можно ли допустить его къ испытанію; b) не должны ли быть дополнены тѣ §§ устава, которые относятся къ испытанію и c) можно ли студента Іона признать докторомъ правъ *противъ правилъ* (extra ordinem), и подъ какою формою можно предоставить ему права и привилегіи докторской степени.

Такимъ образомъ изъ представленія профессора Финке и изъ бумаги имъ поданной, можно видѣть недостаточность постановки вопроса объ испытаніяхъ и о производствѣ въ ученыя степени въ Казанскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ русскихъ, причемъ нѣмецкихъ профессоровъ, а можетъ быть и самого Іона сбивало понятіе о степени доктора, существующее въ германскихъ университетахъ, съ ея незначительными требованіями сравнительно съ тѣми, какія были постановлены въ первый разъ въ нашихъ уставахъ въ началѣ царствованія Александра I. Дерптскій университетъ, какъ мы видѣли, опираясь на дарованное ему самоуправленіе, разрѣшилъ недоразумѣнія и неясности устава въ этомъ отношеніи путемъ практическимъ, въ Казани прибѣгли къ авторитету власти. На представленіе совѣта объ экзаменѣ иностранца Іона попечитель отвѣчалъ, что «хотя въ Казанскомъ университетѣ не учреждены еще факультеты и не назначены деканы», но были, однако, случаи производства испытаній (впрочемъ только по медицинскому факультету), для чего составлялись временные комитеты, и такой изъ членовъ юридическаго отдѣленія попечитель предлагалъ образовать и теперь для экзамена Іона, руководствуясь при этомъ правилами, заключающимися въ уставѣ. Объ этомъ дано было знать профессору Финке, какъ старшему изъ юридическихъ профессоровъ; онъ же былъ и предсѣдателемъ комитета для экзамена. Экзаменъ собственно, начиная съ предварительнаго *искуса* (§ 97), произведеннаго деканомъ и двумя приглашенными имъ профессорами (Германомъ и Томасомъ) и кончая защитою диссертаціи, продолжался съ 11-го марта 1813 по конецъ 1814 года. Ассистентами отъ прочихъ факультетовъ были профессоры Никольскій и Лубкинъ. Іонъ отвѣтилъ на четыре заданные ему вопроса изъ римскаго права — письменно по

латыни (отвѣты эти впрочемъ занимаютъ каждый объемомъ никакъ не болѣе одной страницы); далѣе изъ правъ всеобщаго уголовнаго германскаго, естественнаго или, какъ оно называется въ протоколѣ. природнаго, отвѣчалъ также письменно изъ каждаго предмета на четыре вопроса или вынутые по жребію или «въ тайнѣ хранимые» предсѣдателемъ. Эти послѣдніе отвѣты писались уже по нѣмецки. что правилами не возбранялось, и потому были обширнѣе по объему. Затѣмъ шли отвѣты словесные или изустные, на четыре вопроса изъ правъ: римскаго, уголовнаго судопроизводства и естественнаго—по латыни; изъ русскихъ уголовныхъ законовъ (у профессора барона Врангеля), русскаго гражданскаго права и законовъ о судопроизводствѣ (у него же) — по нѣмецки. Содержаніе всѣхъ отвѣтовъ, сдѣланныхъ Іономъ было довольно подробно записано въ протоколѣ. Въ засѣданіи комитета 1 іюля 1813 года, по окончаніи испытаній, которыя продолжались четыре мѣсяца, Финке заявилъ, что, на основаніи § 99 устава, онъ задалъ Іону для *публичныхъ лекцій* три вопроса изъ правъ: естественнаго, римскаго и уголовнаго. Черезъ недѣлю, именно 8 іюля, Іонъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ факультета, нѣкоторыхъ членовъ совѣта и постороннихъ лицъ читалъ на латинскомъ языкѣ двѣ свои лекціи по естественному и уголовному праву (эти лекціи писаны Іономъ и сохранились въ дѣлѣ). Что касается до лекціи по римскому праву (она также находится въ дѣлѣ и по объему своему значительно больше первыхъ двухъ, взятыхъ вмѣстѣ), то чтеніе ея послѣдовало уже черезъ полгода, именно 14 февраля 1814 года, вѣроятно потому, что докторантъ не былъ достаточно подготовленъ, въ уставѣ же сроки экзаменовъ опредѣлены не были. Это обстоятельство вызвало со стороны одного изъ депутатовъ, адъюнкта Лубкина, слѣдующій протестъ, поданный имъ въ совѣтъ:

„Экзаменующійся въ здѣшнемъ университетѣ иностранецъ г. Іонъ нынѣ свой экзаменъ почти уже окончилъ, такъ что теперь не болѣе ему остается. какъ выдержать диспутъ. Но касательно полноты дѣланнаго ему испытанія я нахожу нѣкоторыя затрудненія, о которыхъ и поставлю долгомъ представить совѣту на разсмотрѣніе, а именно:

1) „Г. Іонъ требуетъ возвышенія на степень доктора въ Россіи и въ университетѣ россійскомъ, изъ чего и надлежитъ заключать, что онъ службу проходить намѣренъ въ Россіи по части юридической. Но для сего необходимо нужно знать, кромѣ права философическаго и иностранныхъ, паче право россійское, а для сего необходимо знаніе языка россійскаго, по крайней мѣрѣ такое, чтобы не затрудняться въ надлежащемъ разумѣніи изданныхъ и издаваемыхъ узаконеній и указовъ. Однакоже онъ въ россійскомъ языкѣ экзаменованъ не былъ“ (Лубкинъ забываетъ, что уставъ этого и не требуетъ).

2) „Въ учебномъ планѣ университета, сочиненномъ проф. Броннеромъ,

одобренномъ совѣтомъ и утвержденномъ отъ высшаго начальства, въ числѣ вспомогательныхъ наукъ по части правъ, поставлены также, какъ помнится, политическая экономія, судебная медицина и статистика. Послѣдняя, а особливо россійская, для россійскаго доктора правъ кажется необходима, поелику безъ сего не можетъ онъ дѣлать надлежащаго примѣненія философическаго или иностраннаго правовѣдѣнія къ законамъ россійскимъ, положительнымъ и мѣстнымъ. А въ уставѣ университета значится, что требующій университетскаго достоинства долженъ быть также испытываемъ и въ наукахъ вспомогательныхъ. Сіе однакоже при испытаніи г. Іона изъ виду также упущено.

3) Экзаминующимся для полученія степени доктора предписано уставомъ давать *практическія задачи*, смотря по свойству науки, въ коей экзаминуются. Посему и г. Іону слѣдовало бы задать для разрѣшенія, или по крайней мѣрѣ для приготовленія къ оному, какой либо вымышленный или истинный, гражданскій или уголовный процессъ. Поелику непростительно было бы доктору правъ не умѣть сдѣлать того, что можетъ и долженъ дѣлать всякій повытчикъ въ присутственныхъ мѣстахъ обрѣтающійся.

„Наконецъ къ замѣчанію совѣта нахожу нужнымъ поставить въ виду еще слѣдующее. Г. Іонъ первыя свои двѣ лекціи давалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1813 года, а послѣднюю не прежде, какъ по прошествіи уже послѣ того седьми мѣсяцевъ, но таковой промежутокъ времени въ экзаминующемся долженъ быть значителенъ, поелику и непосредственно знающему свое дѣло, въ таковой срокъ не трудно будетъ надлежащимъ образомъ приготовиться. Что же касается до самыхъ лекцій, то по прочтеніи ихъ экзаминующимся, надлежало бы ихъ немедленно и на мѣстѣ *скрѣпить по листамъ, дабы онѣ авторомъ не могли быть подмѣнены новыми*, или находящіяся или найденныя, ежели будутъ въ нихъ, ошибки и ложныя положенія, послѣ не могли быть поправлены или передѣланы, что такожде упущено“ (были-ли у Лубкина какія либо основанія для высказыванія этихъ подозрѣній,—не знаемъ).

Хотя это мнѣніе Лубкина и было совѣтомъ препровождено въ латинскомъ переводѣ на заключеніе отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, но, сколько видно изъ дѣла, оно не разсматривалось и осталось безъ результата. Въ началѣ іюня 1814 года Іонъ представилъ отдѣленію свою латинскую диссертацію, написанную имъ для полученія искомой степени [1]). Въ теченіе вакаціоннаго времени диссертація эта была разсмотрѣна членами факультета и, съ разрѣшенія совѣта, состоялся 31 октября первый въ Казанскомъ университетѣ публичный диспутъ. Деканомъ по смерти Финке былъ уже Цеплинъ, воротившійся на занимаемую имъ прежде каѳедру.

---

[1]) Dissertatio inauguralis „De jure puniendi, non nisi in statu civili fundando“. Это была первая печатная и притомъ докторская диссертація, написанная иностранцемъ (Sondershusano-Thuringensis). Она посвящена была попечителю Салтыкову (26 стр. изъ нихъ 4 составляютъ заглавіе и посвященіе, Casani, 4°). Тезисы вѣроятно не были напечатаны. Книжка составляетъ библіографическую рѣдкость.

Диспутъ былъ не особенно блестящимъ, какъ это видно изъ представленныхъ оппонентами мнѣній. «Съ отвѣтами имъ данными вообще можно быть довольнымъ», представлялъ профессоръ Врангель, «и ежели они не всѣмъ казались удовлетворительными, то кажется главная тому причина малое упражненіе въ диспутатахъ по діалектической методѣ, самое разсужденіе доказываетъ хорошія юридическія познанія». Кондыревъ писалъ о докторантѣ, что хотя «онъ и не могъ отвѣтствовать удовлетворительно *по формѣ диспутовъ* (?), однакожъ на многіе вопросы отвѣтствовалъ такъ, что показалъ довольныя свѣдѣнія въ правѣ естественномъ и на мои вопросы отвѣчалъ хорошо». Въ томъ же родѣ писалъ о защитѣ диссертаціи и Лубкинъ, ожидавшій отъ нея повидимому бо̀льшаго: «dissertationem suam defendit non quidem plane ex voto et expectatione de eo habita», но это можетъ быть зависѣло отъ причинъ постороннихъ, такъ какъ на экзаменѣ Іонъ показалъ достаточныя знанія. Совѣтъ, основываясь на донесеніи факультета и на приведенныхъ нами отдѣльныхъ мнѣніяхъ, утвердилъ Іона докторомъ обоихъ правъ и тотчасъ же сдѣлалъ о томъ донесеніе министру. Опредѣленной формы для дипломовъ тогда еще не существовало, и Іону выдано было только предварительное свидѣтельство.

Въ томъ же самомъ засѣданіи совѣта, на основаніи мнѣній Кондырева и Лубкина и представленія отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, былъ утвержденъ послѣ публичнаго защищенія тезисовъ, извлеченныхъ изъ диссертаціи (сама она не была напечатана), въ степени доктора правъ губернскій секретарь Солнцевъ. Самое производство экзамена и дѣло о немъ въ архивѣ не сохранилось, но Солнцевъ сдѣлался вскорѣ профессоромъ. О судьбѣ Іона намъ ничего неизвѣстно.

Послѣ открытія университета, когда онъ получилъ право удостоивать учеными степенями лицъ, ищущихъ ихъ, охотниковъ получить ихъ было не мало. Одни искали ученыхъ степеней для служебныхъ выгодъ, другіе изъ честолюбія. Въ засѣданіи совѣта 15 іюля 1815 года ректоръ представилъ сочиненія коллежскаго секретаря Новикова (учителя музыки при университетѣ), который просилъ удостоить его по онымъ степени *магистра музыки*. Странно, что ректоръ принялъ такую просьбу и передалъ ее на заключеніе совѣта. Послѣдній долженъ былъ объявить Новикову, что въ уставѣ университета нѣтъ такой степени и отказать просителю [1]).—Въ за-

---

[1]) Протоколы совѣта 1815 г., стр. 57а.

сѣданіи совѣта 15 декабря того же года слушано было прошеніе мѣстнаго ученаго, имя котораго имѣетъ значеніе въ исторіи разработки науки русской исторіи, члена казанскаго общества любителей русской словесности, С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и соревнователя общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ Николая Сергѣевича *Арцыбышева* [1]), слѣдующаго содержанія:

„Преданъ будучи Казанскому университету по служенію (онъ былъ почетнымъ попечителемъ Цывильскаго уѣзднаго училища) и по чувствамъ моимъ, имѣю я честь представить ему сочиненіе мое, въ трехъ томахъ (въ рукописи), подъ названіемъ *Приступа къ Повѣсти о Русскихъ*, сочиненіе, которому пожертвовалъ я тринадцатью лучшихъ лѣтъ моей жизни, многими выгодами политическаго и экономическаго бытія и даже отчасти моимъ здоровьемъ. Вознагражденнымъ за все то почелъ бы я себя конечно, ежелибъ Казанскій университетъ, найдя трудъ мой не безполезнымъ, *удостоилъ меня безъ экзамена докторскаго сана*; тѣмъ болѣе, что сотоварищи мои на стезѣ наукъ (?) привлечены бы были чрезъ то къ большимъ усиліямъ для усовершенствованія ихъ въ нашемъ отечествѣ. Въ таковомъ случаѣ употреблю я всѣ мои способы издать какъ можно скорѣе четвертый и окончательный томъ помянутаго сочиненія. Ежелижъ, при всѣхъ моихъ напряженіяхъ, трудъ мой не могъ еще заслужить одобренія высшаго ученаго мѣста, то нижайше прошу Казанскій Императорскій университетъ возвратить мнѣ рукопись, дабы могъ я заблаговременно сдѣлать ей другое предназначеніе [2])“.

Совѣтъ опредѣлилъ: дать знать г. Арцыбышеву, что по силѣ §§ 97, 98 и 99 устава онъ не имѣетъ права возводить въ ученыя степени безъ экзазена. Странно, что Арцыбышевъ не справился объ этомъ предварительно. Очень можетъ быть, что предполагая полную самостоятельность только что открытаго университета, Арцыбышевъ думалъ что его удостоятъ докторской степени honoris

---

[1]) Мы печатаемъ эту фамилію съ такимъ правописаніемъ, основываясь на собственной рукописи историка. Фамилія эта, въ словарѣ *Венгерова* (I, 818—826), въ статьѣ г. Иконникова, напечатана, какъ кажется, невѣрно.

[2]) Зная, что совѣтъ Казанскаго университета состоитъ преимущественно изъ нѣмцевъ, Арцыбышевъ приложилъ къ своему прошенію нѣмецкое стихотвореніе „Die Lebenskost“, въ видѣ captatio benevolentiae (онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ какъ получилъ образованіе въ петербургскомъ нѣмецкомъ пансіонѣ). Мы не приводимъ его, но въ дополненіе библіографіи сочиненій Арцыбышева, упоминаемыхъ въ словарѣ г. Венгерова, назовемъ по его собственнымъ указаніямъ: 1) „*Рогнѣда* или разореніе Полоцка“, повѣсть (*Сѣв. Вѣст.* 1804 г.) и 2) „*Случай* или доказательство бытія Божія“, ода (тамъ же, 1805 г.). Арцыбышевъ называетъ еще двѣ свои оды, тогда въ рукописи: „Пѣснь на возстановленіе всеобщаго мира“ и „Безсмертіе“, ода. „О мелочныхъ и бѣглыхъ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ, по разнымъ журналамъ разсѣянныхъ, я не упоминаю“, заключаетъ онъ.

causa, но такое удостоеніе сдѣлалось возможнымъ только по университетскому уставу 1863 года. Однако мысль объ удостоеніи докторскою степенью безъ экзамена лицъ, выдающихся своею ученостью и трудами пришла въ голову профессору Кондыреву, и въ одно изъ осеннихъ засѣданій 1816 года онъ подалъ въ совѣтъ рапортъ о удостоеніи званія докторовъ безъ испытанія людей прославившихся отличною ученостью и сочиненіями», но совѣтъ не далъ никакого хода этому представленію и опредѣлилъ только принять его къ свѣдѣнію [1]). Что касается Арцыбышева, совѣтъ, увѣдомляя его о томъ, что онъ не имѣетъ права въ силу устава и особаго подтвержденія министра никого удостоивать степенью доктора безъ экзамена, высказывалъ въ своемъ письмѣ къ нему надежду, «что сіе не будетъ для васъ препятствіемъ получить званіе, котораго вы столько достойны и съ вашими познаніями не будетъ для васъ затруднительно подвергнуться испытанію, которое дастъ совѣту пріятное для него право исполнить ваше желаніе». Любопытенъ отвѣтъ Арцыбышева:

„Осчастливенъ будучи лестнѣйшимъ для меня отношеніемъ онаго почтеннѣйшаго совѣта о моихъ сочиненіяхъ отъ 27 текущаго декабря за № 773, обязанностью моею почитаю на то донести слѣдующее: Представленная мною въ Императорскій Казанскій университетъ русская исторія подъ названіемъ *приступа къ повѣсти о русскихъ*—есть уже мое испытаніе. И буде напряженіе мое показать ученому свѣту Европы и моего отечества *первое, критикою очищенное бытописаніе наше,* къ доставленію мнѣ просимаго докторскаго званія недостаточно, то все прочее и тѣ слабыя мои познанія, которыя совѣтъ столь благоволительно ко мнѣ почитаетъ во мнѣ великими, къ желанію моему способствовать отнюдь не могутъ. Кромѣ обрядовъ, IX главою университетскаго устава предписываемыхъ. поприщу жизни моей вовсе чуждыхъ, не могу я подвергнуть себя испытанію болѣе потому, что ко вреду наукъ оправдаю совершенно мнѣніе тѣхъ, которые убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривали меня въ теченіе тринадцати лѣтъ отстать отъ моего многотруднаго предпріятія, *увѣряя, что я дѣлаю дѣло безполезное и трачу только время, въ которое занятія другаго рода могли бы доставить мнѣ разныя, немаловажныя выгоды*“... Арцыбышевъ убѣдительно проситъ совѣтъ представить все то, что онъ высказалъ въ двухъ своихъ письмахъ, на разрѣшеніе министра и, если и это съ правилами университетскими не будетъ согласно, возвратить ему его рукописи, „дабы я заблаговременно могъ сдѣлать изъ нихъ другое употребленіе“.

Грустная очевидно нота слышится въ словахъ Арцыбышева, когда онъ передаетъ увѣренія многихъ, и вѣроятно близкихъ ему людей, о безполезности его занятій наукой. Очень можетъ быть, что онъ хотѣлъ знать мнѣніе другихъ людей, которые по своему

---

[1]) Протоколы совѣта 1816 года, стр. 120а.

оффиціальному положенію призваны исключительно заниматься наукою, желалъ получить въ нѣкоторомъ родѣ санкцію университета, наивно забывая, что весьма часто патентованные жрецы на жалованьи занимаются всѣмъ чѣмъ угодно, только не наукой. Въ самомъ дѣлѣ Арцыбышевъ представлялъ въ тѣ годы весьма рѣдкое явленіе посреди окружающаго его общества, потому можетъ быть, что получилъ образованіе въ петербургскомъ нѣмецкомъ пансіонѣ. Состоятельный помѣщикъ, въ глухой цывильской деревнѣ, со всѣхъ сторонъ оркуженный финнскими инородцами, рѣдко наѣзжая въ губернскій городъ, въ которомъ конечно не находилъ отрады для ума, онъ весь преданъ умственнымъ интересамъ, много пишетъ, много печатаетъ, посылая статьи свои въ петербургскіе и московскіе журналы и мечтая возсоздать русскую исторію въ ея дѣйствительномъ видѣ, не такъ какъ искажена она, по его мнѣнію, подъ перомъ Карамзина. Посреди окружающаго общества, съ его исключительно плотоядными интересами, Арцыбышевъ безъ сомнѣнія принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ единицамъ, которыя съ уваженіемъ смотрѣли на зарождающійся университетъ, пока неуспѣвшій еще проявить жизненной силы своей, искалъ съ нимъ сближенія и общенія, но нашелъ только формальное отношеніе къ дѣлу.

Какіе странные были въ тѣ годы искатели ученыхъ степеней и какіе удивительные экзамены производились профессорами по распоряженію совѣта, въ доказательство можно привести нѣсколько дѣйствительныхъ случаевъ. Одновременно съ Арцыбышевымъ подалъ прошеніе, писанное на гербовой бумагѣ и по пунктамъ, въ астраханскую гимназію (для передачи въ совѣтъ Казанскаго университета) учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ ней Іосифъ фонъ Вейскгопфенъ. Въ прошеніи онъ высказывалъ, на основаніи § 50 устава учебныхъ заведеній, желаніе быть удостоеннымъ докторскаго званія, но заочно и конечно безъ испытанія. Причиною необходимости такого заочнаго производства въ докторы Вейскгопфенъ выставлялъ то, что онъ, какъ издатель періодическаго сочиненія, выходящаго въ Астрахани «Восточныя Извѣстія» [1]), и какъ преподаватель двухъ языковъ въ гимназіи, не можетъ лично предстать въ университетъ, а посылаетъ вмѣсто себя свои труды, «какъ свидѣтелей своихъ занятій». Труды эти даютъ очень смутное представленіе о Вейскгопфенѣ какъ ученомъ. Это: 1) «метафизическое сочиненіе» по его собственному опредѣленію, подъ названіемъ «Pro-

---

[1]) См. о немъ *Леонтьева Н. П.* „Іосифъ Антоновичъ Фонъ Вейскгопфенъ, издатель первой астраханской газеты *Восточныя Извѣстія* (1813—1816 гг.). Астрахань. 1885. 8°.

babilia de origine mali»; 2) «театральное сочиненіе: Der gute Sohn»; 3) «грамматическое сочиненіе» на русскомъ языкѣ: «Руководительная тетрадь для преподованія нѣмецкаго языка» въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ классахъ гимназіи и 4) тоже для французскаго языка въ 1-мъ классѣ. Если этихъ «свидѣтелей» будетъ не довольно, какъ доказательствъ его знанія, Вейскгопфенъ готовъ явиться и лично для испытанія по части словесныхъ наукъ, если только дозволено будетъ ему на время прекратить изданіе «Восточныхъ Извѣстій», чѣмъ онъ, по его собственнымъ словамъ, «единственно старается отличиться». Совѣтъ увѣдомилъ Вейскгопфена, что онъ долженъ явиться лично для экзамена [1]).

И самъ совѣтъ имѣлъ весьма смутное представленіе о своихъ обязанностяхъ. Онъ распространялъ свою компетенцію на разныя свободныя и несвободныя художества и искусства, желалъ быть экспертомъ во многомъ [2]). Выше (этой же части стр. 496) мы упоминали о французѣ Мансарѣ, фигурировавшемъ въ одной изъ студенческихъ исторій. Этотъ Мансаръ подалъ въ іюнѣ 1817 года прошеніе въ совѣтъ «объ учиненіи ему экзамена въ фехтовальномъ и танцовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ съ дозволеніемъ давать уроки». Хотя совѣтъ, какъ видно изъ протоколовъ, не далъ хода этому прошенію, но Мансаръ имѣлъ полное основаніе подать свое прошеніе объ экзаменѣ: онъ основывался на примѣрѣ. Дѣйствительно до него, въ апрѣлѣ того же года, иностранецъ Иванъ Матонъ, «принявшій присягу на вѣчное россійское подданство», какъ значится въ его документѣ, подавалъ прошеніе объ учиненіи ему испытанія въ фехтовальномъ искусствѣ и о снабженіи его свидѣтельствомъ о знаніи «съ дозволеніемъ давать уроки». Совѣтъ поручилъ тогда профессорамъ Вердерамо и барону Врангелю, *знающимъ фехтовальное искусство*, учинить Матону испытаніе и донести совѣту». Въ слѣдующее засѣданіе совѣта оба они донесли, что «экзаминовали иностранца Ивана Матона въ фехтовальномъ искус-

---

[1]) Дѣло объ удостоеніи докторскихъ степеней титулярнаго совѣтника Арцыбышева и учителя Астраханской гимназіи Вейскгопфена. *Сов.* 1815 г. № 122.

[2]) Въ ноябрѣ 1817 года, согласно отношенію правленія университета, совѣтъ назначаетъ какъ экспертовъ, для освидѣтельствованія штукатурной работы университетскихъ домовъ, совмѣстно съ архитекторомъ, профессоровъ Арнгольда и Симонова и адъюнкта Петровскаго, какъ будто для того было недостаточно членовъ правленія. Содержаніе рапорта ихъ состоитъ лишь въ томъ, что штукатурная работа началась слишкомъ поздно и до сихъ поръ не кончена, что начались морозы и потому прочности произведенныхъ работъ опредѣлить невозможно. Протоколы Совѣта 1817 г., стр. 108а, 117б.

ствѣ и нашли, что онъ съ пользою можетъ давать въ ономъ наставленія». Матону выдано было на то дозволеніе отъ университета [1]). Если, какъ мы видѣли нѣсколько выше, совѣтъ отказалъ учителю музыки Новикову удостоить его степени магистра этого искусства, то онъ не отказывался дѣлать испытаніе въ музыкѣ. Такъ въ маѣ 1817 года совѣтъ поручалъ профессорамъ Броннеру и Эриху, «знающимъ правила композиціи», и учителю музыки Нейману сдѣлать испытаніе въ музыкальномъ искусствѣ отставному губернскому регистратору Ѳедору Тефлингеру, подавшему о томъ прошеніе и представившему сочиненія, до этого искусства относящіяся. Экзаменаторы донесли, что Тефлингеръ, имѣетъ основательныя свѣдѣнія въ музыкальномъ искусствѣ, и совѣтъ снабдилъ его аттестатомъ [2]).

Въ мало утѣшительномъ видѣ представляется въ эти первые годы Казанскаго университета со времени его открытія, такая существенная сторона ученой дѣятельности университета, какъ экзамены на ученыя степени будущихъ профессоровъ и преподавателей. Мы указали на всѣ экзамены, произведенные въ послѣднія пять лѣтъ со времени открытія университета (1814—1819) до преобразованія его Магницкимъ. Ихъ очень немного и нѣкоторые изъ нихъ ничего общаго не имѣютъ съ наукою. Собственно говоря послѣ открытія университета было только два полныхъ экзамена на доктора правъ: Іона и Солнцева, со всѣми условіями, требуемыми уставомъ и положеніями, съ публичными лекціями, диспутами при защитѣ тезисовъ и пр. Да и тутъ полнымъ можно назвать только экзаменъ Іона. Солнцевъ, не будучи воспитанникомъ Казанскаго университета, да и никакого другого, какъ мы увидимъ, не имѣя кандидатской степени, началъ съ экзамена на магистра, и этотъ экзаменъ во время самаго производства какимъ-то страннымъ образомъ перешелъ въ докторскій, и онъ получилъ степень доктора обоихъ правъ. Какъ это случилось — объяснить довольно трудно, потому что дѣла о производствѣ этого экзамена не существуетъ. Мы знаемъ только латинское заглавіе его диссертаціи. Солнцевъ былъ единственный преподаватель въ эти годы, получившій по экзамену степень доктора. Всѣ остальные преподаватели того времени, учившіеся въ Казанскомъ университетѣ, профессоры и адъюнкты, между которыми было нѣсколько вполнѣ достойныхъ людей,

---

[1]) Тамъ же, стр. 46б, 56б.

[2]) Протоколы Совѣта 1817 года, стр. 54б, 62а. Тефлингеръ потомъ былъ учителемъ музыки въ университетѣ до сороковыхъ годовъ.

со славою и честью служившихъ университету, были только магистрами, получившими эту степень или по простому производству, сдѣланному попечителемъ для ихъ поощренія, или по экзамену, мало имѣющему общаго съ тѣми требованіями, какія предлагаются теперь ищущему этой степени. Эти преподаватели, дѣлавшіеся постепенно адъюнктами, экстраординарными и ординарными профессорами, въ тѣ годы были: Алехинъ, Булыгинъ, Дунаевъ, Кайсаровъ, Кондыревъ, Лобачевскіе, В. Перевощиковъ, Петровскій, Симоновъ, Тимьянскій, Шоникъ, Юнаковъ, Ярцевъ. Не всѣ изъ нихъ долго служили университету.

Не въ лучшемъ положеніи представляется намъ въ эти годы (1814—1819) и приготовленіе молодыхъ людей къ будущей профессорской дѣятельности. О томъ, какъ неудачно приготовлялись, подъ руководствомъ профессора Неймана въ Петербургѣ, для занятія юридическихъ каѳедръ, два молодые кандидата Казанскаго университета: Алехинъ и Э. Манассеинъ, мы уже разсказали [1]). Столь же неудачны были приготовленія молодыхъ людей внѣ Казани и по другимъ факультетамъ, да и было ихъ только два случая: въ отдѣленіи словесныхъ и медицинскихъ наукъ (математики не были куда-либо посылаемы). Разскажемъ, какъ приготовлялся къ занятію каѳедры греческаго языка *Самсоновъ*, получившій впослѣдствіи должность адъюнкта. Мы упомянули о командировкѣ его въ Московскій университетъ на три года, съ 17 сентября 1813 года [2]). Самсоновъ былъ уже магистромъ словесныхъ наукъ и занималъ должность учителя высшаго латинскаго класса въ казанской гимназіи, занимался, подъ руководствомъ Сторля, греческимъ языкомъ, на сколько успѣшно—намъ неизвѣстно. Командировку онъ получилъ не по представленію словеснаго отдѣленія, а по собственному желанію и по собственной просьбѣ. Точно ли у Самсонова было сильное и сознательное желаніе изучать греческій языкъ и словесность, знатоковъ которыхъ по смерти Сторля въ Казани не было, или побудили его къ ѳому какія-либо другія, побочныя, личнаго свойства причины — не знаемъ, но только въ августѣ 1813 года онъ обратился съ письмомъ къ министру народнаго просвѣщенія, прося командировать его въ Московскій университетъ *для усовершенствованія себя въ древней и особенно въ греческой словесности*. Онъ просилъ только сохранить ему магистерское жалованье (400 р. въ годъ) во время его московскаго пребыванія, за что онъ будетъ служить Казанскому университету. Министръ выразилъ на это пол-

---

[1]) См. этой части стр. 93—101.

[2]) Изъ первыхъ лѣтъ Каз. у-та, ч. 1-я, стр. 453—454.

ное согласіе. Совѣтъ, не теряя времени, отнесся немедленно въ совѣтъ Московскаго университета, рекомендуя ему «своего питомца, отличавшагося прилежаніемъ и успѣхами» и «препоручая его покровительству и благорасположенію гг. начальствующихъ и управляющихъ въ Московскомъ университетѣ, въ полномъ увѣреніи, что трехгодичное пребываніе г. Самсонова въ обширномъ ученомъ кругу древнія россійскія столицы не только послужитъ къ собственной его пользѣ и распространенію его знаній, но и удовлетворитъ ожиданіямъ здѣшняго университета, каковыя онъ по всей справедливости предполагать можетъ въ разсужденіи сего своего воспитанника». Самсоновъ получилъ паспортъ въ началѣ октября и уѣхалъ.

Прошло болѣе года. О магистрѣ Самсоновѣ и его московскихъ занятіяхъ наукою не было никакихъ извѣстій, но въ Казани его не забыли. Какъ видно изъ письма его къ ректору Брауну отъ 1 декабря 1814 года, онъ получилъ чрезъ товарища своего по университету магистра Юнакова запросъ начальства: почему онъ не присылаетъ до сихъ поръ отчета о своихъ занятіяхъ и ничего не увѣдомляетъ о себѣ. Оправдываясь, онъ приводитъ ту причину, что университетъ долго послѣ его отъѣзда не былъ открытъ (?), и что уѣзжая изъ Казани, онъ не получилъ отъ университета никакой инструкціи о своихъ обязанностяхъ. «Я не зналъ», пишетъ онъ, «ни кого, ни чрезъ сколько времени, ни о чемъ именно извѣщать долженъ. Въ уставѣ сказано, что отпускаемыя въ иностранныя государства должны чрезъ три мѣсяца увѣдомлять университетъ о успѣхахъ; я не принадлежалъ къ числу сихъ, и думалъ, что отъ меня потребуютъ отчета по моемъ возвращеніи». Изъ письма его далѣе видно, что онъ слушалъ двѣ лекціи въ недѣлю греческаго языка (объясненіе 6 книги Иродіана или Геродіана и IX-ю пѣсню Одиссеи); три — латинскаго языка (5-я книга Ливія и нѣкоторыя сатиры Горація). Оба древніе языка читались Тимковскимъ. Разъ въ недѣлю въ 1813—1814 году Самсоновъ слушалъ археологію у Каченовскаго (въ этомъ году ея не читаютъ) и нѣсколько разъ былъ на лекціяхъ у Мерзлякова. Не считая себя въ правѣ судить о достоинствѣ слушаемыхъ имъ лекцій, Самсоновъ замѣчаетъ однако, что Тимковскій ограничивался почти однимъ переводомъ на русскій языкъ изъясняемыхъ имъ авторовъ, а Каченовскій читаетъ очень бѣгло. Дома занимается онъ языкомъ греческимъ. «Сравнивая прежнія познанія въ ономъ съ нынѣшними», говоритъ онъ, «нахожу, что я нѣсколько успѣлъ; но сравнивая ихъ съ тѣми, какія надлежитъ имѣть, къ стыду моему долженъ сознаться, что они крайне ограничены *и я сомнѣваюсь буду ли я въ состояніи, по*

своемъ возвращеніи, читать лекціи сего языка (если то угодно будетъ университету)». Самсоновъ жалуется на чрезвычайный недостатокъ пособій, на то, что рѣдко имѣетъ случай пользоваться совѣтами людей опытныхъ, что въ библіотекѣ недостаетъ многихъ древнихъ классическихъ писателей, нѣтъ почти ни одного изъ новѣйшихъ ученыхъ изданій ихъ. И въ латинскомъ языкѣ, по тѣмъ же причинамъ, онъ не можетъ похвалиться успѣхами, хотя и говоритъ, что этимъ предметомъ заниматься удобнѣе. Изъ занятій, не имѣющихъ прямого отношенія къ избранной имъ спеціальности, Самсоновъ указываетъ на переводъ, начатый имъ еще въ Казани книги «De la littérature considerée dans ses rapports avec les institutions sociales». Переводъ этотъ имъ конченъ и исправленъ въ Москвѣ [1]). Вотъ все, что высказалъ Самсоновъ о своихъ занятіяхъ. Въ концѣ этого отчета-письма находятся жалобы на недостатокъ средствъ; сначала онъ пользовался даровою квартирою, вѣроятно у знакомыхъ, но это продолжалось только четыре мѣсяца, и затѣмъ ему пришлось платить по 40 рублей за квартиру въ мѣсяцъ, что одно превышаетъ все получаемое имъ жалованье магистра, не упоминая о другихъ потребностяхъ жизни, совершенно необходимыхъ. Ему хотѣлось бы обратиться за помощью къ университету, но его удерживаетъ неизвѣстность, какъ будетъ принята его просьба. Самсоновъ жалуется и на болѣзнь, выдержанную имъ нѣсколько разъ и на то, что недостатокъ средствъ не позволялъ ему лѣчиться. Сравнивая однако московскую жизнь съ казанскою, онъ находитъ первую гораздо удобнѣйшею второй для занятій. «Здѣсь имѣю болѣе времени, не будучи занятъ ни повторительными уроками, ни составленіемъ таблицъ для «Казанскихъ Извѣстій», ни развлекаемъ знакомствами. И если бы было облегчено нѣсколько мое состояніе, тогда, надѣюсь, успѣхи были бы гораздо значительнѣе: время, по необходимости часто употребляемое на помышленіе о средствахъ какъ жить, могло бы быть посвящено наукамъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что Самсоновъ писалъ правду и былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ письмѣ и въ сдѣланныхъ имъ заявленіяхъ. Но въ университетѣ Казанскомъ были вообще недовольны его поступкомъ, просьбою обращенною имъ прямо къ министру и желаніемъ учиться въ Московскомъ университетѣ. Очень можетъ быть,

---

[1]) Изъ нѣкоторыхъ словъ Самсонова видно, что переводъ этотъ уже печатался въ Москвѣ, но сколько мы знаемъ, въ свѣтъ не появлялся. Намъ неизвѣстенъ также авторъ французскаго оригинала, хотя по заглавію книга напоминаетъ нѣсколько сочиненіе г-жи Сталь: „Sur la littérature, considerée dans ses rapports avec l'état moral et politique des nations“.

что онъ понималъ ничтожность своихъ ученыхъ занятій съ старикомъ и чудакомъ Сторлемъ. Но и этотъ наставникъ умеръ. «Сей поступокъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, навлекъ на меня негодованіе всѣхъ почти профессоровъ», писалъ Самсоновъ Брауну. «Всѣ говорили: развѣ нѣтъ у насъ своихъ знатоковъ греческаго языка, хотя никто не заступилъ мѣсто покойнаго Сторля. Послѣ его смерти я совершенно безъ всякаго призрѣнія, если можно такъ выразиться, остался: никто не принималъ ни малѣйшаго участія въ моихъ занятіяхъ. Знаю, что молодые люди должны сами искать въ старшихъ: я и старался бы пріобрѣсти ихъ благосклонность, еслибъ не опасался получить въ отвѣтъ презрительной улыбки. Кто бы согласился, хотя два-три часа въ недѣлю терять для моей пользы? Если бы нашелся столь великодушный, тогда бы я не имѣлъ права ѣхать изъ Казани. Впрочемъ пусть всякій судитъ о моемъ поступкѣ какъ ему угодно. Объ одномъ прошу: если университетъ надѣется отъ меня какой-либо пользы, то пусть доставитъ средства сдѣлаться *достойнымъ* членомъ онаго; если же онъ мною недоволенъ, то пусть позволитъ мнѣ, пока здоровье мое не доведено до крайняго разстройства, оставить себя (т. е. университетъ), дабы я имѣлъ еще время пріучиться къ новому роду какой-либо службы». Считая вѣроятно совершенно достаточнымъ это подробное и откровенное письмо на имя ректора (1 декабря, 1814 года), Самсоновъ представилъ за майскую треть слѣдующаго 1815 года свой отчетъ въ нѣсколькихъ строчкахъ, прося о пособіи, заявляя о крайней нуждѣ, препятствующей его занятіямъ. Отчетъ этотъ былъ заслушанъ въ совѣтскомъ засѣданіи 12 мая, и рѣшено было представить просьбу Самсонова на разрѣшеніе министра, но къ этому совѣтъ присовокуплялъ съ своей стороны, что *не предвидитъ пользы отъ пребыванія его въ Москвѣ*. Въ представленіи къ министру включены были и всѣ откровенныя подробности, высказанныя Самсоновымъ въ письмѣ къ ректору, которыя должны были набросить невыгодную тѣнь на него и стараніе снять съ университета обвиненіе въ безучастіи къ его занятіямъ, которое сдѣлалъ Самсоновъ. Упоминалось о томъ, что «библіотека Казанскаго университета богата хорошими изданіями по части древней словесности», и что профессоръ греческой словесности Эрихъ съ удовольствіемъ принялъ бы на себя способствовать Самсонову въ его занятіяхъ, что онъ заявлялъ и прежде, тотчасъ по смерти профессора Сторля. Совѣтъ однакожъ признавалъ всю недостаточность магистерскаго жалованья для жизни и занятій въ Москвѣ.

Министръ предложилъ отозвать Самсонова изъ Москвы для занятій въ Казани, о чемъ немедленно былъ увѣдомленъ Московскій

университетъ для объявленія Самсонову. Въ Москвѣ ему выданы были деньги на проѣздъ въ Казань, куда онъ и отправился 20 сентября. Когда черезъ десять дней Самсоновъ воротился въ Казань и донесъ о томъ совѣту, послѣдній немедленно потребовалъ отъ него подробный письменный отчетъ о его занятіяхъ за все время пребыванія въ Москвѣ. Отчетъ этотъ Самсоновъ дѣйствительно представилъ очень скоро, но нельзя его назвать подробнымъ никоимъ образомъ. Тѣ же самыя свѣдѣнія, какія находились въ письмѣ его къ Брауну, повторяются и въ новомъ отчетѣ. Прибавлено о томъ, что онъ слушалъ лекціи Каченовскаго по русской исторіи и Мерзлякова по русской словесности и о домашнихъ занятіяхъ. Эти послѣднія состояли, по словамъ его, въ чтеніи авторовъ, которыхъ имѣлъ съ собою или могъ доставать у своихъ знакомыхъ. Меньше всего успѣлъ онъ въ греческомъ языкѣ, для изученія котораго поѣхалъ въ Москву, «ибо и лексиконъ сего языка могъ я достать только въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ». По словамъ его онъ читалъ однако Эліана, Аполлодора и отрывки другихъ писателей. Изъ латинской словесности Самсоновъ приводитъ сочиненія почти всѣхъ классическихъ писателей какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ, съ которыми онъ якобы знакомъ. Изъ особыхъ трудовъ сверхъ классическихъ литературъ, Самсоновъ говоритъ, что онъ составилъ словарь для учебной книжки De viris illustribus urbis Roma, перевелъ комментаріи и дополнилъ ихъ своими. На русскомъ языкѣ перечитывалъ знаменитѣйшихъ писателей и участвовалъ (?) въ составленіи *новой русской грамматики*, которая скоро будетъ издана кандидатомъ Московскаго университета Калайдовичемъ.—Во французскомъ языкѣ онъ «старался усовершенствоваться какъ посредствомъ разговоровъ, такъ и чтеніемъ отличнѣйшихъ произведеній». Упоминаетъ также вновь о переведенной имъ книгѣ.

Совѣтъ очевидно не довѣрялъ Самсонову и по выслушаніи этого отчета опредѣлилъ: 1) предписать Самсонову представить совѣту тѣ письменныя занятія, о которыхъ онъ писалъ въ отчетѣ, и 2) просить совѣтъ Московскаго университета, дабы онъ благоволилъ истребовать у гг. преподавателей, у коихъ Самсоновъ слушалъ лекціи, аттестаціи и препроводить ихъ въ Казань (это было постановлено по большинству голосовъ, такъ что очевидно у Самсонова были защитники). Самсоновъ въ другомъ своемъ представленіи ходатайствовалъ, «основываясь на мнѣніи нѣкоторыхъ почтенныхъ людей и на собственномъ сужденіи», о напечатаніи на казенный счетъ и введеніи, какъ руководства въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ округа книги, изданной Ломондомъ De viris illustribus съ примѣчаніями, переведенными на русскій языкъ и дополненными

имъ, Самсоновымъ. Приготовленная къ изданію эта книга оставлена имъ въ Москвѣ. Ее не можетъ онъ представить потому, что, какъ ему пишутъ изъ Москвы, она послана на разсмотрѣніе къ Евгенію, архіепископу калужскому; переводъ же книги «Considération» уже печатается, и существованіе этого перевода удостовѣрить можетъ профессоръ Перевощиковъ, «слова котораго, какъ члена совѣта и сужденіе, какъ профессора русской словесности, думаю, могутъ быть приняты въ уваженіе». Всѣ прочія письменныя работы Самсонова оставлены, по словамъ его въ Москвѣ, кромѣ небольшого отрывка изъ перевода «Андріянки» [1]), который онъ и представляетъ совѣту въ черновомъ видѣ. «Ежели совѣтъ недоволенъ поданнымъ мною отчетомъ», заключаетъ Самсоновъ, «то покорнѣйше прошу его привести себѣ на память, что я при отъѣздѣ моемъ не получилъ отъ него ни малѣйшаго наставленія, какія обыкновенно даются отправляющимся куда-либо отъ своего мѣста». Совѣтъ послѣ этого поручилъ профессорамъ Френу и Эриху «выбрать изъ какого-либо греческаго сочиненія статью и заставить оную г. Самсонова у себя дома письменно переводить, на что ему дать мѣсяцъ». Френъ и Эрихъ должны были разсмотрѣть этотъ переводъ и донести о немъ совѣту. Отрывокъ перевода «Андріянки» Самсоновъ долженъ былъ переписать и снова представить въ совѣтъ. Обо всемъ этомъ было донесено попечителю, сдѣлавшему замѣчаніе совѣту, что онъ не представилъ ему о возвращеніи Самсонова.

Гораздо раньше назначеннаго срока профессоры Френъ и Эрихъ донесли по латыни совѣту, что они нѣсколько измѣнили порученіе имъ данное и вмѣсто того, чтобъ заставить Самсонова переводить въ теченіе мѣсяца у себя на дому какой-либо отрывокъ, такъ какъ о сдѣланномъ въ ихъ отсутствіи они не могли бы составить правильнаго сужденія («quum de eo quod absentibus nobis actum sit, idoneum judicium ferri a nobis vix possit»), то и посовѣтовали ему переводить въ ихъ присутствіи. На это онъ вполнѣ согласился. Они предложили ему перевести отрывокъ изъ сочиненія Палефата περὶ ἀπίστων (о невѣроятныхъ вещахъ) выбранную ими главу «объ улиткѣ дающей пурпуровую краску» (murex). «Отрывокъ этотъ», по словамъ экзаменаторовъ, «весьма удобопонятенъ; его легко можетъ перевести всякій ученикъ, который только недавно сталъ учиться по гречески; онъ и выбранъ былъ нами потому, что его можно перевести не обращаясь къ пособію словаря. Но Самсоновъ объявилъ намъ, что безъ лексикона переводить онъ не можетъ, и мы должны были согласиться съ этимъ. Онъ переводилъ 16 и 18 ноября, справляясь

[1]) „Andria", уроженка острова Андроса, одна изъ комедій Теренція.

почти о каждомъ словѣ въ лексиконѣ. Смыслъ отрывка, впрочемъ весьма легкаго для разумѣнія, онъ понялъ вообще вѣрно, хотя иногда и ошибался. Надобно сожалѣть однако, что онъ весьма мало знакомъ съ языкомъ, не знаетъ самыхъ употребительныхъ словъ: не свѣдущъ въ грамматикѣ и не могъ отвѣчать на самые простые наши вопросы о склоненіяхъ и спряженіяхъ». Френъ и Эрихъ совѣтовали Самсонову приложить особое стараніе къ изученію грамматическихъ формъ греческаго языка, мало знакомыхъ ему и посредствомъ чтенія усвоить себѣ большее количество словъ, такъ какъ и то и другое было имъ не исполнено въ Москвѣ, *«если онъ въ состояніи побѣдить свою нелюбовь къ греческому языку, въ которой онъ намъ сознался»* (si modo animum quem sibi ad his litteris prorsus alienum esse ipse confessus est, mutaverit). Что мнѣніе Френа и Эриха было справедливо, доказательствомъ можетъ служить приложенный къ дѣлу черновой латинскій переводъ Самсонова небольшого упомянутаго отрывка изъ Палефата. Совѣтъ, согласившись съ мнѣніемъ профессоровъ Френа и Эриха, представилъ о томъ попечителю, а отъ Самсонова потребовалъ объясненія *«по какой части словесности* (?) *онъ желаетъ посвятить себя, почитая себя преимущественно къ оной способнымъ?»* Нѣтъ никакого сомнѣнія, что греческимъ языкомъ Самсоновъ сталъ заниматься не по собственному сознательному желанію, а по наряду Яковкина для «пополненія аудиторіи» Сторля.

Вскорѣ Самсоновъ представилъ въ совѣтъ переписанный имъ переводъ отрывка изъ «Андріянки» и полученную изъ Москвы книгу «De viris illustribus», а вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ, что желаетъ преимущественно заниматься словесностью россійскою. Книга «De viris illustribus» и отрывокъ изъ «Андріянки» препровождены были на разсмотрѣніе профессоровъ Эриха и Городчанинова съ тѣмъ, чтобъ они дали о нихъ заключеніе. Профессорамъ русской словесности Городчанинову и Перевощикову поручено особенно заниматься съ Самсоновымъ, а самому ему былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ не занимался греческимъ языкомъ, для чего отправленъ былъ въ Москву. Городчаниновъ нашелъ переводъ отрывка изъ «Андріянки» — «довольно хорошимъ», но сравнить его съ подлинникомъ онъ былъ не въ 'состояніи, и намъ кажется, что больше обращалъ вниманія на французскій переводъ Теренція, чѣмъ на подлинникъ. Другого мнѣнія былъ попечитель. Онъ счелъ нужнымъ предложить совѣту, «чтобы магистръ Самсоновъ, *для пользы университета*, кромѣ россійской словесности, занимался и латинскою. Для успѣховъ въ семъ совѣтъ долженъ оказать ему съ своей стороны всевозможное содѣйствіе, доставить оному удобную для занятій квартиру, или дозволить сойти на свою, препоручить его особенному ру-

ководству профессоровъ по части латинской словесности и сдѣлать все, что клониться будетъ къ пользѣ университета и сего г. магистра, прилагая о немъ отечески начальственное попеченіе». Объ этомъ предписано было профессорамъ Герману и Эриху, а также и самому Самсонову. Между тѣмъ получено было отношеніе совѣта Московскаго университета, на запросъ Казанскаго, о занятіяхъ Самсонова. Изъ отношенія видно, что по свидѣтельству декана профессора Тимковскаго, Самсоновъ слушалъ у него лекціи по греческой и латинской словесности съ особеннымъ прилежаніемъ и успѣхомъ, гг. же профессоры Мерзляковъ и Каченовскій объявили, что Самсоновъ лекцій ихъ никогда не слушалъ, а потому они ничего вѣрнаго сообщить о немъ не могутъ. Совѣтъ потребовалъ отъ Самсонова объясненій, но кажется, онъ никакихъ не представилъ [1]).

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, у кого и какимъ предметомъ занимался Самсоновъ послѣ разсказаннаго нами его неудачнаго изученія греческаго языка и греческой словесности въ Московскомъ университетѣ. Но въ началѣ декабря того же 1816 года совѣтъ получаетъ отъ министра народнаго просвѣщенія князя Голицына прошеніе или жалобу Самсонова, писанную на его имя, и предложеніе доставить по ея содержанію объясненіе. Жалоба эта была направлена противъ ректора. Самсоновъ объяснялъ въ ней, что, числясь слишкомъ пять лѣтъ магистромъ при Казанскомъ университетѣ, онъ рѣшился просить совѣтъ удостоить его званія адъюнкта. Въ тѣ годы инціатива повышенія въ университетскихъ должностяхъ не принадлежала еще отдѣленію или факультету; всякій желающій того или ищущій повышенія долженъ былъ самъ хлопотать о себѣ и подавать прошеніе по начальству. Когда открылся университетъ, вслѣдствіе прошенія происходилъ выборъ. Такую просьбу Самсоновъ и желалъ подать, если представленное имъ сочиненіе (намъ неизвѣстно какое) будетъ одобрено, но ректоръ, увидавъ эту просьбу, запретилъ вписывать ее въ протоколъ и сказалъ будто бы Самсонову, что право производить въ адъюнкты предоставлено ему. Считая отказъ этотъ противнымъ правиламъ и оскорбительнымъ для себя и ставя свидѣтелемъ такого оскорбленія весь университетъ, какъ онъ выражался, Самсоновъ и принесъ свою жалобу министру. Началось по этому дѣлу слѣдствіе. Совѣтъ предоставилъ ректору подать объясненіе, а отъ Самсонова потребовалъ свѣдѣній: гдѣ и при комъ подано было имъ прошеніе, и что разумѣетъ онъ подъ словами «оскорбительный

---

[1]) Дѣло по предложенію г. попечителя объ отпускѣ на три года въ Московскій университетъ для дальнѣйшаго усовершенствованія магистра Самсонова съ оставленіемъ при немъ его жалованья. *Сов.* 1813 г., № 119.

отказъ». Всѣ члены совѣта должны были письменно отвѣтить на вопросъ, поставленный ректоромъ: кто былъ свидѣтелемъ оскорбительнаго отказа? Никѣмъ однако не было подтверждено, что ректоръ высказался о правѣ производить въ адъюнкты, какъ принадлежащемъ лично ему; никто не могъ объяснить также, что было оскорбительнаго въ отказѣ ректора принять просьбу Самсонова, всѣ только подтверждали фактъ непринятія просьбы и то, что ректоръ объяснялъ свой отказъ тѣмъ, что по каѳедрѣ русской словесности есть уже ординарный и экстраординарный профессоры (Городчаниновъ и Перевощиковъ). Любопытно мнѣніе давно замолкшаго въ совѣтѣ Яковкина: «Объ отказѣ принятія ректоромъ просьбы я ничего не знаю», писалъ онъ; «слѣдовало бы кажется магистру Самсонову подать просьбу свою въ совѣтъ, а не прямо къ г. министру, въ чемъ я признаю его виновнымъ противъ законовъ, изданныхъ по сему предмету. Исканіе высшаго академическаго достоинства зависѣть должно отъ признательности и удостоенія начальства, а не отъ самохотѣнія. Предлагаю не угодно ли будетъ занять г. магистра Самсонова обученіемъ студентовъ греческому языку (?), коего словесность высочайше предписана по уставу университета». Онъ упорно вѣрилъ въ непогрѣшимость своего выбора.

Скоро послѣ того поступили въ совѣтъ объясненія какъ Самсонова, такъ и ректора. Первый конечно стоялъ на своемъ и приводилъ разныя подробности о томъ, какъ онъ подавалъ свою просьбу, но въ жалобѣ министру, какъ мы видѣли, онъ выставлялъ свидѣтелями отказа ректора и словъ его, что право производить въ адъюнкты предоставлено ему — весь университетъ; теперь же пишетъ онъ, слова эти произнесены были ректоромъ *наединѣ*, но въ томъ, что они были дѣйствительно произнесены, онъ «готовъ принять очистительную присягу». Въ старой русской жизни, до введенія новаго судопроизводства, въ обыкновенныхъ житейскихъ разговорахъ, эта *очистительная присяга*, сколько помнится, была въ большомъ употребленіи, хотя въ дѣйствительности, не на словахъ, прибѣгали къ ней чрезвычайно рѣдко. Всякая торговка на базарѣ готова была принять очистительную присягу въ томъ, что гнилой товаръ, продаваемый ею — дѣйствительно свѣжій. Можетъ быть, въ томъ же смыслѣ говорилъ и ищущій званія адъюнкта. Смягчаетъ теперь Самсоновъ и смыслъ употребленнаго эпитета «оскорбительный» къ слову отказъ. Это значитъ уже, по его словамъ—горестный или прискорбный, потому что въ званіи магистра (безъ экзамена) онъ состоитъ съ 1811 года, слишкомъ шесть лѣтъ, и многіе изъ его товарищей удостоились уже, по его словамъ, слѣдующихъ степеней (Самсоновъ смѣшиваетъ должность со степенью). Ректоръ,

какъ мы говорили, свой отказъ вписать просьбу Самсонова въ протоколъ, мотивировалъ тѣмъ, что по русской словесности есть уже два профессора, и что второй изъ нихъ, Перевощиковъ, получаетъ только адъюнктское содержаніе, именно то, о которомъ для себя хлопочетъ Самсоновъ. Онъ писалъ кромѣ того, что Самсоновъ, проведя два года въ Московскомъ университетѣ для усовершенствованія себя въ греческой словесности, оказалъ на экзаменѣ въ ней слабые успѣхи, что оставивъ этотъ, избранный имъ самимъ предметъ, рѣшился заниматься россійской словесностью, но успѣхи его и въ ней до сихъ поръ «никакими опытами не доказаны». Оба объясненія: и ректора и Самсонова представлены были министру, который нашелъ основательнымъ объясненіе ректора объ отказѣ Самсонову въ производствѣ его въ адъюнкты и предложилъ объявить о томъ ему [1]).

О чемъ было написано разсужденіе Самсонова по русской словесности—мы не нашли свѣдѣній, но получивъ отказъ въ адъюнктствѣ, согласно предписанію министра, онъ очень сузилъ свои желанія и въ апрѣлѣ слѣдующаго 1817 года уже заявлялъ совѣту, что желалъ бы, до пріѣзда назначеннаго учителя Измайлова, занять, теперь безъ жалованья, высшій классъ латинскаго языка въ гимназіи, гдѣ онъ и до поѣздки въ Москву преподавалъ [2]). Въ слѣдующемъ 1818 году мы видимъ Самсонова въ званіи помощника инспектора, на котораго жалуется за нерадѣніе по должности заступающій мѣсто инспектора профессоръ Брейтенбахъ. Въ гимназіи, вмѣсто высшаго латинскаго, онъ на должности высшаго россійскаго языка и «занимается порученіями (?) отъ казанскаго общества любителей словесности». Самсоновъ былъ и однимъ изъ редакторовъ въ этомъ году «Казанскихъ Извѣстій». По прошенію, тогда же поданному имъ, онъ былъ уволенъ отъ редакторства и отъ должности помощника инспектора [3]). Такъ кончилось приготовленіе Самсонова на каѳедру греческаго языка и словесности. Въ концѣ 1819 года, уже при попечителѣ Магницкомъ, онъ все еще былъ магистромъ, но за службу свою былъ награжденъ чиномъ коллежскаго ассесора.

Столь же неудачно было приготовленіе для занятія каѳедры въ медицинскомъ факультетѣ кандидата медицины Лентовскаго. Въ

---

[1]) Дѣло о жалобѣ г. магистра Самсонова на г. ректора, что не принялъ у него прошенія объ удостоеніи званія адъюнкта по части россійской словесности. *Сов.* 1816 г. № 162.

[2]) Протоколы Совѣта 1817 г., стр. 43а.

[3]) Протоколы Совѣта 1818 г., стр. 38б, 51а.

іюнѣ 1816 года отдѣленіе врачебныхъ наукъ, прилагая прошеніе этого кандидата объ увольненіи его отъ учительской обязанности (учившіеся медицинѣ казенные студенты весьма часто поступали въ учители; они не могли быть врачами, такъ какъ при двухъ наличныхъ профессорахъ, не многое могли они усвоить), просило совѣтъ объ утвержденіи Лентовскаго кандидатомъ практической медицины, а имѣя въ виду, что въ Казанскомъ университетѣ не существуютъ еще всѣ институты, нужные для врача, объ отправкѣ Лентовскаго на казенный счетъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Отдѣленіе высказывало надежду, что Лентовскій по окончаніи курса возвратится въ университетъ «для занятія должности къ какой окажется способнымъ» [1]). Совѣтъ представилъ объ этомъ министру, который и согласился съ экономическою однако оговоркой: «если только на содержаніе Лентовскаго въ С.-Петербургѣ требуется отъ университета не больше той суммы, какая нынѣ на его издерживается» (300 р. въ годъ). Лентовскій немедленно подалъ прошеніе о выдачѣ ему прогонныхъ денегъ до С.-Петербурга, съ обязательствомъ возвратить ихъ изъ своего содержанія, если министръ не согласится на эту выдачу. Въ Лентовскомъ, вѣроятно какъ въ прилежномъ студентѣ, принималъ участіе ректоръ Браунъ, какъ членъ медицинскаго факультета. По его заявленію совѣтъ рѣшился ходатайствовать у министра о нѣкоторой прибавкѣ къ его жалованью, въ виду крайней его недостаточности. Отправленный кандидатъ долженъ былъ представлять отдѣленію каждую треть года отчеты о своихъ занятіяхъ. Это было постановлено вслѣдствіе неудачнаго опыта съ Самсоновымъ. Министръ разрѣшилъ прибавить 300 р. къ жалованью, получаемому Лентовскимъ изъ суммы на «путешествіе въ чужіе края адъюнктовъ изъ Россіянъ, отличившихся талантами». Аккуратный Лентовскій уже 1 января слѣдующаго 1817 года прислалъ свой первый отчетъ факультету за истекшую треть года [2]). Въ октябрѣ однако того же года медицинскій факультетъ, не высказывая основаній (за первую треть этого года Лентовскій также представилъ отчетъ) проситъ совѣтъ предписать кандидату, чтобы онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ приготовился къ испытанію «и по окончаніи сего времени» возвратился обратно въ университетъ. Получивъ такое предписаніе, нарушающее условія его отправки, Лентовскій ходатайствуетъ о позволеніи ему остаться въ С.-Петербургѣ по 14 августа будущаго 1818 года съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ выслушать полный курсъ медицинскихъ наукъ,

---

[1]) Протоколы Совѣта 1817 года, стр. 61б, 87б, 92б, 125б, 141б.

[2]) Протоколы Совѣта 1817 года, стр. 1а, 7б, 103а, 114а, 123б.

что и было ему разрѣшено. Курсъ медицинскихъ наукъ онъ дѣйствительно окончилъ въ Петербургѣ и въ концѣ 1818 года возвратился въ Казань. Но медицинскій факультетъ предложилъ ему снова ѣхать въ С.-Петербургъ, чтобы выдержать въ академіи экзаменъ на степень доктора. Лентовскій на это предложеніе донесъ совѣту, что онъ не въ состояніи ѣхать на свой счетъ въ С.-Петербургъ, и что онъ прямо отъ себя отнесся къ министру съ просьбою объ опредѣленіи его уѣзднымъ врачомъ [1]). Дѣйствительно, по предписанію министра отъ 1 февраля 1819 года, Лентовскій, получившій въ академіи званіе лѣкаря второго отдѣленія, былъ назначенъ уѣзднымъ врачомъ въ Казанской губерніи.

Такъ неудачно кончилось и это приготовленіе къ будущей академической дѣятельности. Въ этихъ неудачахъ Самсонова и Лентовскаго, какъ и въ прежнихъ случаяхъ съ Алехинымъ и Манассеиномъ, оказывается, по нашему мнѣнію, безсиліе преподаванія, существовавшаго въ первые годы Казанскаго университета, и полная неподготовленность студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій, которыхъ они въ большинствѣ случаевъ не понимали, такъ какъ иностранные профессоры не могли читать по русски. Исключеніе должны составить только студенты-математики, которыхъ и не отправляли никуда приготовляться къ ученой службѣ, но это было потому, что математика говоритъ на универсальномъ языкѣ, равно доступномъ для каждаго, кто владѣетъ способностью пониманія и извѣстнымъ развитіемъ. Съ открытія университета до назначенія попечителемъ Магницкаго (при немъ начались уже другіе порядки для пополненія каѳедръ) были только эти четыре, разсказанные нами случая приготовленія къ каѳедрѣ. Впрочемъ Лентовскій впослѣдствіи воротился въ Казанскій университетъ профессоромъ, но изображеніе его служебной и научной дѣятельности выходитъ за предѣлы настоящей книги. Лентовскій служилъ уже подъ дѣйствіемъ устава 1835 года, былъ ординарнымъ профессоромъ женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, завѣдывалъ клиникой и не покидалъ каѳедры до начала 50-хъ годовъ. Много любопытныхъ разсказовъ сохранилось объ этомъ старикѣ. Наука медицины шла впередъ, гдѣ-то далеко, въ неизвѣстной Лентовскому Германіи, создавались новыя теоріи, изобрѣтались разнообразные инструменты, кипѣла научная дѣятельность, но профессоръ оставался чуждъ всему этому новому движенію, держался усвоенныхъ имъ въ десятыхъ годахъ вѣка медицинскихъ воззрѣній, упорно отстаивалъ ихъ, давая пищу насмѣшкамъ болѣе молодыхъ сослуживцевъ.

---

[1]) Протоколы Совѣта 1817 года, стр. 166.

Вопросъ о приготовленіи достойныхъ замѣстителей на вакантныя каѳедры являлся самымъ существеннымъ вопросомъ въ жизни нашихъ университетовъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали дѣйствовать съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія. Иностранные профессоры, какія бы достойныя научныя силы они ни представляли собою, скоро оказались непригодными и почти безполезными. Понятно, что приготовлять университетскихъ преподавателей собственными силами при такомъ положеніи вещей оказалось немыслимымъ, доказательствомъ чего могутъ служить приведенные нами четыре неудачные примѣра Казанскаго университета. Не нужно забывать и того, что въ той глухой провинціальной средѣ, которая окружала этотъ университетъ, не было никакихъ возбуждающихъ поводовъ для молодого человѣка къ занятію наукой, къ увлеченію ею. Напротивъ въ этомъ обществѣ господствовала скорѣе безсознательная инстинктивная ненависть къ наукѣ, кромѣ разумѣется той, которая имѣла сколько-нибудь практическое содержаніе. На каѳедрахъ, занятыхъ русскими, доморощенными преподавателями, выслушивались только разорванные, несвязанные идеей клочки знаній, пріобрѣтенные и нахватанные случайно или пустыя фразы. Молодой человѣкъ могъ заниматься чѣмъ угодно лишь не наукой, и этимъ онъ выигрывалъ въ мнѣніи почти всѣхъ и даже университетской корпораціи. Съ такими вкусами и убѣжденіями онъ садился на каѳедру. Все это продолжалось довольно долго, до графа Уварова, который первый изъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія, понимая глубокое значеніе науки въ государственной жизни, обратилъ серьезное вниманіе на вопросъ о приготовленіи дѣльныхъ преподавателей въ университетахъ. При немъ былъ учрежденъ дерптскій профессорскій институтъ и организовано отправленіе молодыхъ людей за границу. Въ строгой научной школѣ могло быть только это приготовленіе къ достойному замѣщенію университетской каѳедры. Въ самомъ дѣлѣ молодые люди, возвратившіеся въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ въ наши университеты изъ дерптскаго института или изъ нѣмецкихъ университетовъ, впервые положили основаніе дѣйствительно научнымъ занятіямъ и сильно возбуждали студентовъ къ умственному труду, хотя на этихъ молодыхъ ученыхъ, почти на всѣхъ и со всѣхъ сторонъ, сыпались и тогда обвиненія въ «исканіи популярности». Прошло не болѣе двухъ десятилѣтій, если не меньше, и уваровская система приготовленія достойныхъ университетскихъ преподавателей, вслѣдствіе измѣнившагося направленія, была оставлена. Всякому извѣстны тѣ глубоко-серьезныя причины, которыя заставили министерство Головина обратить преимущественное вниманіе на этотъ вопросъ.

Естественно, что въ годы, о которыхъ мы ведемъ разсказъ.

первые годы самоуправленія Казанскаго университета, замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ, которое предоставлено было теперь корпораціи, могло совершаться только случайно, безъ особенно строгаго выбора. Впрочемъ до ревизіи Магницкаго такихъ случаевъ всего было два, и не университетъ искалъ преподавателей, а они сами обращались къ нему съ просьбами объ опредѣленіи. Остановимся на этихъ случаяхъ и посмотримъ, что принесли университету эти новыя, уже «выборныя» личности профессоровъ.

Первымъ такимъ избранникомъ былъ вольнопрактикующій докторъ медицины и хирургіи *Эмануилъ Вердерамо*, подавшій въ декабрѣ 1814 года прошеніе въ совѣтъ университета объ опредѣленіи его профессоромъ повивальнаго искусства [1]). При прошеніи были приложены его сочиненія и дипломъ. Прошеніе и приложенія были препровождены въ отдѣленіе врачебныхъ наукъ для отвѣта на вопросъ: способенъ ли проситель къ просимой имъ должности? Не прошло и двухъ недѣль, какъ медицинское отдѣленіе, разсмотрѣвъ сочиненія Вердерамо, донесло совѣту, что не находитъ никакого препятствія къ опредѣленію его ординарнымъ профессоромъ по указанной имъ каѳедрѣ. Исполнивъ требованія § 56 устава, то есть разсмотрѣвъ сочиненія (это было сдѣлано факультетомъ) и собравъ «свѣдѣнія о нравственности кандидата» (какъ это дѣлалось—намъ неизвѣстно), совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи своемъ 8 января 1815 года, большинствомъ голосовъ избралъ Вердерамо въ ординарные профессоры, а министръ утвердилъ его 31 января [2]). Вся процедура опредѣленія совершилась очень быстро; очевидно Вердерамо, несмотря на краткость своего пребыванія въ Казани, пользовался уже расположеніемъ многихъ. Отдѣленіе медицинскихъ наукъ разсмотрѣло его диссертацію, за которую онъ получилъ въ Виленскомъ университетѣ степень доктора медицины «Dissertatio medico-practica de methodo mercurium adhibendi in morbis syphiliticis» (было ли оно напечатано -- не знаемъ). Три какія-то сочиненія Вердерамо на языкѣ итальянскомъ только упоминаются, но разсмотрѣны не были. Они касались различныхъ частей медицины. Наконецъ была представлена имъ рукопись «О повивальномъ искусствѣ» на языкѣ латинскомъ. Эти сочиненія дали полное право отдѣленію врачебныхъ наукъ признать Вердерамо достойнымъ званія

---

[1]) Вердерамо слѣдовательно не получалъ приглашенія отъ университета, какъ говоритъ его родственникъ Ларіоновъ въ некрологѣ своего отца Г. С. Ларіонова (3 декабря 1870 г.). См. *Казанскія губернскія вѣдомости* 30 дек. 1870 г., № 101.

[2]) Дѣло объ избраніи доктора Вердерамо профессоромъ публичнымъ ординарнымъ повивальнаго искусства. *Сов.* 1814 г., № 169.

публичнаго ординарнаго профессора, «тѣмъ болѣе потому»—доносило отдѣленіе, «что онъ обязался преподавать студентамъ хирургическія операціи *по своему начертанію* (значитъ онъ писалъ и по хирургіи) дотолѣ, пока мѣсто профессора хирургіи при университетѣ занято не будетъ» (Аргольдъ въ это время уѣхалъ въ Тобольскъ).

Кто былъ этотъ новый профессоръ и какимъ образомъ попалъ онъ въ Казань? На вопросы эти мы можемъ дать достовѣрные и довольно обстоятельные отвѣты. Эмануилъ Вердерамо или Мануилъ Осиповичъ, какъ звали его въ Казани, былъ родомъ изъ тогдашняго Неаполитанскаго королевства, изъ города Лечче (Lecce) [1]). Въ 1815 году, согласно его записи, ему было 37 лѣтъ, слѣдовательно онъ долженъ былъ родиться въ 1778 году. Въ 1803 году онъ получилъ степень доктора философіи, медицины и хирургіи въ самой древней европейской медицинской школѣ (civitas hippocratica) въ Салерно, на берегу Неаполитанскаго залива [2]). Въ ней и учился Вердерамо.

Съ 1805 по 1811 годъ, т. е. до отъѣзда своего изъ Италіи, онъ былъ въ королевскомъ неаполитанскомъ университетѣ адъюнктомъ у профессора повивальнаго искусства и хирургіи, а въ 1811 году поѣхалъ въ Россію чрезъ Тріестъ и Радзивиловъ. Въ Вильнѣ Вердерамо получилъ отъ университета степень доктора медицины, давшую ему право практиковать въ предѣлахъ Россіи. Во время войны 12-го года Вердерамо служилъ военнымъ врачомъ, но гдѣ—изъ документовъ не видно. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Казань и вскорѣ послѣ пріѣзда пристроился къ Казанскому университету. Причина пріѣзда Вердерамо была семейная. Тутъ былъ и романъ и экономическій разсчетъ, и мы не въ состояніи рѣшить, который изъ этихъ двухъ факторовъ былъ преобладающимъ. Суть дѣла была такая.

Въ концѣ прошлаго вѣка былъ въ Казани дворянинъ и помѣщикъ Сергѣй Епифановъ Ларіоновъ, владѣвшій вмѣстѣ съ тремя братьями родовымъ имѣніемъ въ свіяжскомъ уѣздѣ. Служилъ онъ въ артиллеріи, гдѣ дослужился до маіорскаго чина. Вердерамо называетъ его

---

[1]) Небольшой, но главный городъ провинціи Terra d'Otranto въ южной Италіи (въ древности Licia), по дорогѣ изъ Бари въ Отранто. почти у самаго берега Адріатическаго моря.

[2]) Еще въ X вѣкѣ множество больныхъ стекалось сюда изъ разныхъ концовъ Италіи для чудеснѣйшаго исцѣленія отъ мощей св. Матѳея, патрона Салерно и трехъ святыхъ мучеництъ. Съ XI вѣка салернитанскіе монахи стали учиться медицинѣ у врачей греческихъ и арабскихъ, и уже во время крестовыхъ походовъ медицинская школа въ Салерно, послужившая прототипомъ для всѣхъ медицинскихъ факультетовъ въ Европѣ, пользовалась большою извѣстностью. Она перестала существовать въ 1827 году, но чудесныя исцѣленія продолжаются по прежнему.

«храбрымъ и добрымъ». По разсказу его внука, онъ участвовалъ въ 1788 году въ составѣ дѣйствующей арміи при взятіи Очакова и потомъ служилъ въ Севастопольской артиллерійской командѣ до 1804 года. Въ этомъ году Ларіоновъ съ командою и полевыми орудіями былъ отправленъ на Іоническіе острова, въ Корфу, гдѣ уже находились русскія войска [1]). Съ этого времени онъ былъ командиромъ всей артиллеріи на Іоническихъ островахъ и комендантомъ крѣпости въ Корфу, гдѣ и умеръ 21 декабря 1809 года, незадолго до отправки нашихъ войскъ и кораблей на родину [2]). Ларіоновъ былъ женатъ въ первый разъ на Авдотьѣ Ѳедоровнѣ Югариной, или Юхориной, дочери артиллерійскаго генералъ-маіора, отъ которой имѣлъ дочь Евдокію. Эта жена умерла въ 1800 году. Ларіоновъ вскорѣ женился на дочери перекопскаго коменданта, національность которой намъ неизвѣстна, Иринѣ Карловнѣ Любергъ или Лубергъ. Съ нею онъ и жилъ въ Корфу. Плодомъ этого брака были: сынъ Григорій (род. въ 1803 или 1804 году) и дочь Марія. Понятно, что дѣти, несмотря на услуги крѣпостной семьи, говорили больше по итальянски, чѣмъ по русски. Молодая вдова съ двумя малолѣтними дѣтьми и падчерицею, вмѣстѣ съ русскими войсками, была перевезена изъ Корфу въ Италію на небольшихъ лодкахъ, во избѣжаніе англійскихъ крейсеровъ, въ Лечче, гдѣ былъ сборный пунктъ [3]). Здѣсь, въ родномъ своемъ городѣ, познакомился со вдовою Вердерамо и въ началѣ февраля 1811 года, слѣдовательно не задолго до переѣзда въ Россію, который и рѣшенъ былъ по этому случаю, женился на вдовѣ и «принялъ отеческое попеченіе объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ Ларіонова», какъ самъ онъ пишетъ въ одной изъ своихъ тяжебныхъ бумагъ, переведенной съ итальянскаго языка товарищемъ его по службѣ, извѣстнымъ казанскимъ полиглотомъ профессоромъ Солнцевымъ [4]), «а также о вдовѣ Иринѣ Кар-

---

[1]) Во время итальянскаго похода Суворова, или вслѣдъ за нимъ, русскій адмиралъ Ушаковъ, командуя союзнымъ флотомъ (русскіе и турки) покорилъ послѣ бомбардировки о. Корфу и выгналъ французовъ изъ Неаполя и Рима. Республика семи Іоническихъ острововъ по Аміенскому миру въ 1801 году была признана подъ покровительствомъ Россіи и Турціи и въ Корфу былъ нашъ гарнизонъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса Іоническіе острова перешли подъ покровительство Великобританіи.

[2]) По Тильзитскому миру 1807 года о. Корфу долженъ быть сданъ адмираломъ Сенявинымъ французамъ.

[3]) См. *Броневскаго*, „Записки морскаго офицера", ч. 4-я, Спб. 1819, стр. 262.

[4]) Дѣло о доставленіи отъ г. профессора Вердерамо казанской палатѣ гражданскаго суда свѣдѣній о малолѣтнихъ дѣтяхъ умершаго маіора Ларіонова. *Правл.* 1817 г., № 61.

ловой, доставляя имъ содержаніе, приличное состоянію ихъ и обстоятельствамъ, болѣе изъ сострадавія, видя ихъ въ иноплеменной землѣ, безъ родственниковъ, безъ покрова и безъ всякаго пособія къ содержанію себя по смерти храбраго и добраго маіора Ларіонова оставшихся, *бывъ между тѣмъ удостовѣряемъ вдовствующею Ириною Карловною въ томъ, что всѣ издержки на ихъ употребляемыя, будутъ возвращены по прибытіи въ Россію, гдѣ оная вдова надѣялась получить по наслѣдству съ тѣми малолѣтними дѣтьми имѣніе по смерти отца ихъ и ихъ дядей имъ принадлежащее»* (у умершаго Ларіонова, кромѣ живого брата Григорія, были два брата Дмитрій и Петръ, также покойные). На другой годъ по пріѣздѣ въ Казань, Вердерамо даже вдвойнѣ породнился съ Ларіоновыми. Въ началѣ апрѣля 1815 года онъ доноситъ совѣту университета, что по смерти жены, послѣдовавшей въ декабрѣ 1814 года, вскорѣ по пріѣздѣ въ Казань, онъ началъ страдать болѣзнью, сопровождаемою судорогами (morbum convulsionum contraxit). По прошествіи нѣкотораго времени онъ думалъ, что выздоровѣлъ, но болѣзнь оказалась упорною и сверхъ того онъ сталъ страдать ипохондріей. Эти страданія заставили Вердерамо просить объ отпускѣ на три недѣли, чтобъ удалиться изъ города на три или четыре мили, и дыша чистымъ воздухомъ, излѣчиться отъ болѣзни. Въ настоящемъ своемъ состояніи онъ не находитъ возможности исполнять свои обязанности, какъ бы желалъ. *Чистый* воздухъ казанскихъ окрестностей на столько помогъ Вердерамо, что онъ скоро пересталъ быть вдовцомъ, и уже 5 мая, съ разрѣшенія казанской духовной консисторіи, обвѣнчался на падчерицѣ покойной жены своей дочери маіора Сергѣя Ларіонова отъ перваго брака—Евдокіи [1]).

Мы остановились на этихъ фактахъ семейной жизни Вердерамо, потому что двойной бракъ его со вдовою маіора Ларіонова, а потомъ съ его дочерью отъ перваго брака его же, былъ источникомъ разныхъ тяжебныхъ дѣлъ и исковъ, веденныхъ Вердерамо во все время его кратковременнаго служенія въ Казани. Онъ такъ много занятъ былъ этимъ тяжебнымъ дѣломъ, такъ часто приходилось ему писать разныя бумаги, объясненія и жалобы то на латинскомъ, то на родномъ итальянскомъ языкѣ, которыя переводились на русскій канцелярскій языкъ и оффиціальными и не оффиціальными переводчиками, что тяжба о наслѣдствѣ сиротъ Ларіоновыхъ и въ ихъ числѣ жены Вердерамо, должна была отнять у профессора много времени въ ущербъ его прямымъ обязанностямъ. Мы не

---

[1]) . . . „и сталъ такимъ образомъ изъ отчима зятемъ молодыхъ Григорія и Маріи Ларіоновыхъ"—говоритъ сынъ перваго. L. c.

знаемъ подробностей содержанія тяжбы. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ; производилось оно и въ свіяжской дворянской опекѣ, и въ казанской палатѣ гражданскаго суда, и въ университетскихъ совѣтѣ и правленіи и наконецъ въ сенатѣ. Послѣ трехъ покойныхъ братьевъ Ларіоновыхъ, и въ ихъ числѣ отца сиротъ, остался въ живыхъ четвертый братъ, поручикъ Григорій, жившій въ своемъ имѣніи свіяжскаго уѣзда. Въ его рукахъ находилось фактически и имѣніе братьевъ Ларіоновыхъ (было ли оно раздѣлено или нѣтъ— изъ бумагъ сохранившихся въ университетскомъ архивѣ не видно). Намъ неизвѣстно также, велико ли было это имѣніе, состоявшее изъ крѣпостныхъ душъ и земли. Григорій Ларіоновъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей умершаго брата своего маіора Сергѣя Ларіонова и отчеты по имѣнію долженъ былъ представлять въ свіяжскую дворянскую опеку; были ли наслѣдники у другихъ двухъ покойныхъ братьевъ Ларіоновыхъ, намъ тоже неизвѣстно, какъ не знаемъ и того, насколько опекунъ заботился объ участи сиротъ, жившихъ съ матерью сначала на о. Корфу, а потомъ въ разныхъ городахъ Италіи, и доставлялъ ли онъ какія-либо средства для ихъ жизни тамъ. Изъ прошенія на высочайшее имя, поданнаго опекуномъ Григоріемъ Ларіоновымъ въ совѣтъ университета съ жалобою на «незаконные и корыстолюбивые требованія» Вердерамо, какъ онъ выражается, видно, что опекуномъ онъ сдѣлался и принялъ на свое попеченіе дѣтей брата *по завѣщанію* умершей жены Вердерамо. Послѣ ея смерти, послѣдовавшей въ 1814 году, Вердерамо вскорѣ женился на ея падчерицѣ и тогда только началъ искъ противъ опекуна. Изъ письма къ нему Вердерамо, въ которомъ, онъ называетъ его «любезный дядюшка» [1]), видно, что Вердерамо нѣсколько разъ, черезъ разныхъ лицъ, предъявлялъ денежныя требованія къ этому дядѣ и отъ сиротъ, а болѣе отъ себя, на что получалъ отвѣтъ, что послѣ смерти его все достанется племянникамъ. Недовольный этимъ, Вердерамо, не довѣряя вѣроятно искренности, правдѣ и законности такого обѣщанія, предъявилъ ему на письмѣ свои требованія. Эти «корыстолюбивыя» требованія заключались, какъ видно изъ письма, представленнаго Ларіоновымъ, въ слѣдующемъ: «отдайте мнѣ седьмую часть послѣ жены моей Ирины Карловны и слѣдующую часть Евдокіи Сергѣевнѣ (второй женѣ) и доходъ, который вы получили съ имѣнія (трехъ братьевъ), который *мнѣ* по всѣмъ правамъ принадлежитъ (?), потому что я пять лѣтъ содер-

---

[1]) Дѣло о доставленіи отъ г. профессора Вердерамо казанской палатѣ гражданскаго суда свѣдѣній о малолѣтнихъ дѣтяхъ умершаго маіора Ларіонова. *Сов.* 1817 г., № 61.

жалъ жену мою съ тремя дѣтьми». Вердерамо проситъ выяснить ему: сколько доходу получилъ опекунъ и согласенъ ли онъ заплатить эти деньги. Далѣе требуетъ онъ за содержаніе дочери Ларіонова по 200 р. въ годъ; иначе не хочетъ держать ее у себя. «Я самъ человѣкъ не богатый». Соглашается Вердерамо, чтобы крѣпостные люди, слѣдующіе на долю Евдокіи Сергѣевны, жили бы по прежнему въ деревнѣ и пахали землю (то есть не обращали бы ихъ въ дворовыхъ), «а мы будемъ получать отъ нихъ хлѣбъ, сѣно, солому и прочее; теперь дайте намъ кучера, потому что я плачу въ годъ 120 рублей». Соглашается Вердерамо, если у опекуна нѣтъ наличныхъ денегъ, получить отъ него вексель Очень длинную бумагу, съ большимъ аптекарскимъ счетомъ, писанную на итальянскомъ языкѣ и переведенную Солнцевымъ, представилъ Вердерамо въ отвѣтъ на жалобу опекуна и по требованію казанской гражданской палаты вслѣдствіе указа сената отъ 17 января 1817 года. Въ этомъ объясненіи Вердерамо высчитывалъ всѣ сдѣланныя имъ издержки на семью Ларіоновыхъ съ 1811 года по 1817 годъ: 1) на содержаніе дѣтей (въ томъ числѣ и жены, оставляя всякія подробности расходовъ, аккуратно обозначенныя—5650 р.; 2) содержаніе трехъ крѣпостныхъ людей (мужъ, жена и сынъ), «зачитая услуги. оказанныя ими семейству»—600 р.; 3) путевыя издержки для всѣхъ отъ Тріеста до Казани—3400 р.; весь счетъ «по истинѣ вѣрный и съ христіанскимъ чувствованіемъ полагаемый», говоритъ Вердерамо въ русскомъ переводѣ, такимъ образомъ представляетъ сумму въ 9650 (на ассигнаціи). У насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрить дѣйствительность этихъ расходовъ, какъ дѣлаетъ это опекунъ, называя требованія Вердерамо «корыстолюбивыми». Кто знаетъ, какъ странно и несправедливо и къ сожалѣнію довольно часто *опекаются* въ нашемъ отечествѣ сироты (глаголъ опекать давно уже получилъ ироническое значеніе), не столько вслѣдствіе недостаточности закона, сколько вслѣдствіе низкаго нравственнаго уровня русскаго общества, тотъ не найдетъ преувеличенія въ слѣдующей характеристикѣ опекуна, сдѣланной Вердерамо и пошедшей въ сенатъ:

„Виновникомъ стѣсненія и бѣдности оныхъ осиротѣвшихъ дѣтей Ларіонова и жены моей Евдокіи Вердерамовой состоитъ ихъ дядя родной по отцу поручикъ Григорій Епифановъ сынъ Ларіоновъ, который *вопреки законовъ* самопроизвольно распоряжалъ и распоряжаетъ всѣмъ имѣніемъ, сиротамъ принадлежащимъ, не доставляя никакихъ годовыхъ отчетовъ о доходахъ, имъ незаконно удержанныхъ, который дядя ихъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго должнаго попеченія о своихъ племянникахъ, но только хотѣлъ у себя ихъ имѣть тогда уже, когда они, будучи вынуждены обстоятельствами, начали просить въ судебныхъ мѣстахъ о возвращеніи имъ принадлежащаго отцовскаго имѣнія, который скрывалъ и нынѣ силится скры-

вать качество, количество и положеніе того имѣнія, не уважая законныхъ требованій, законными лицами чиненныхъ, который не хочетъ представить подлинныхъ документовъ, касающихся до наслѣдственнаго имѣнія и, не уважая родства, ниже законныхъ требованій, стѣсняетъ судьбу и участь сиротъ".

Случай весьма обыкновенный. Тогдашніе законы къ сожалѣнію допускали, если не ошибаемся, правоспособность не достигшихъ совершеннолѣтія. Малолѣтній сынъ Ларіонова, вмѣстѣ съ своими сестрами часто подписывалъ, безъ сомнѣнія руководимый тѣми юристами, которые помогали Вердерамо, прошенія въ разныя присутственныя мѣста объ отысканіи имѣнія имъ принадлежащаго и объ опредѣленіи опекуновъ. Этимъ воспользовалась партія дяди. Экзекуторъ университета Сычуговъ, тоже родственникъ опекуна Ларіонова, называвшій его дядею, къ которому мальчикъ заходилъ иногда изъ гимназіи, научилъ его написать письмо къ дядѣ. Въ немъ онъ извиняется, что подписалъ на него жалобу, и увѣряетъ, что «его принудилъ это сдѣлать Вердерамо», а самъ онъ не желаетъ вовсе вести тяжбу съ дядею. Этимъ признаніемъ конечно воспользовался опекунъ. Въ своихъ письмахъ къ дѣтямъ дядя обѣщаетъ имъ подарки. Вердерамо узналъ объ этой перепискѣ и подалъ жалобу на Сычугова въ правленіе университета, обвиняя его въ развращеніи нравовъ мальчика и въ оскорбленіи его чести. Началось подробное судебное изслѣдованіе дѣла въ правленіи. Обвиненіе Вердерамо подтвердили своими показаніями профессоры Брейтенбахъ и Солнцевъ и кандидатъ Филипповскій. Потребованы объясненія отъ старшаго надзирателя Петрова, ученика Ларіонова и экзекутора. Послѣдній отрицалъ все, въ чемъ его обвиняли, хотя не отрицалъ того, что заставилъ ученика Ларіонова переписать письмо, будто бы небрежно имъ написанное и потому, по его мнѣнію, непочтительное, на лучшей, синей бумагѣ. Съ своей стороны онъ, не отвергая того, что ученикъ Ларіоновъ говорилъ про него, высказываетъ мнѣніе, что послѣдній, по малолѣтству своему, могъ быть наученъ къ тому другими. Свидѣтели подтвердили, что ученикъ Ларіоновъ показывалъ на Сычугова въ ихъ присутствіи. Показаніе, отобранное отъ самого ученика, говорило, что онъ переписывалъ только письмо, сочиненное Сычуговымъ, просьбы же объ отысканіи наслѣдства онъ подписывалъ не по принужденію, а съ согласія Вердерамо. Все это изслѣдованіе дѣла было отправлено правленіемъ въ свіяжскую опеку, а экзекутору Сычугову подтверждено было, чтобъ онъ не вмѣшивался не въ свои дѣла. Вердерамо остался однако недоволенъ тѣмъ, что Сычуговъ не былъ приговоренъ къ какому-либо наказанію. Объясняя это правленію, онъ указывалъ на противорѣчія въ словахъ Сычугова, на недостатокъ слѣдствія и требовалъ, чтобы все

дѣло перенесено было въ совѣтъ для сужденія по законамъ. Это было исполнено. Совѣтъ, для постановленія по дѣлу, составилъ комитетъ изъ профессоровъ Фукса, Томаса, Эриха и адъюнкта Срезневскаго. Комитетъ этотъ нашелъ, что необходимо сдѣлать къ слѣдствію дополненія, но такъ какъ дѣла, перенесенныя въ высшую инстанцію, на основаніи указа 28 іюля 1800 года, не возвращаются для дополненія въ тѣ мѣста, откуда они поступили, то совѣтъ опредѣлилъ разсмотрѣть это дѣло подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго профессора Яковкина, «какъ управляющаго прежде въ качествѣ директора университетомъ». Въ засѣданіи этомъ не должны участвовать члены правленія, а только истецъ, свидѣтели Солнцевъ и Брейтенбахъ и прикосновенныя къ дѣлу лица. Этотъ новый составъ судей сталъ приводить къ присягѣ свидѣтелей, собирать новыя свѣдѣнія и недостающіе документы, но окончательнаго рѣшенія не постановилъ [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что составители университетскаго устава 1804 года, предоставляя совѣту и правленію вести судебныя дѣла, въ которыхъ замѣшаны были личные и имущественные интересы профессоровъ, имѣли въ виду освободить ихъ отъ многихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ веденіемъ процесса въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ и дать имъ болѣе возможности и болѣе свободы посвящать свое время дѣлу, къ которому они призваны. Въ дѣйствительности вышло однако иначе, какъ мы видѣли это уже въ разныхъ мѣстахъ нашихъ разсказовъ. Тяжелая бумажная форма процесса, съ ссылками на самые разнообразные, часто противорѣчащіе другъ другу указы и законы, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, цѣликомъ была перенесена въ университетскій судъ, давая просторъ ябедѣ и крючку и отнимая массу времени у профессоровъ. Иногда случалось, что патентованные юристы, доктора правъ и профессоры юридическаго факультета, должны были пасовать передъ наторѣвшими юсами и выслушивать ихъ наставленія въ незнаніи законовъ. Такъ это случилось въ разсказываемомъ нами дѣлѣ, когда попечители несовершеннолѣтней жены профессора Вердерамо профессоръ Солнцевъ и архитекторъ Мари подали жалобу въ казанскую палату гражданскаго суда на свіяжскую дворянскую опеку, «что она не удовлетворила ихъ просьбу и

---

[1]) 1) Дѣло о претензіи г. профессора Вердерамо на экзекутора Сычугова, что онъ вмѣшивается въ дѣла совсѣмъ къ нему непринадлежащія относительно имѣнія. *Правл.* 1816 г., № 96.—2) Дѣло объ отдачѣ въ совѣтъ дѣла по жалобѣ г. проф. Вердерамо на экзекутора Сычугова. *Сов.* 1816 г., № 64.

не побудила опекуна поручика Ларіонова доставить въ непродолжительномъ времени въ Казань на свой счетъ бричку и коляску г-жи Вердерамо для оцѣнки ихъ присяжными цѣновщиками, и въ случаѣ порчи и поврежденія ихъ взыскать съ него. Ларіонова, деньги, согласно требованію Вердерамо, въ ея удовлетвореніе». Гражданская палата, возвращая жалобу попечителямъ, писала: «находящаяся подъ попечительствомъ несовершеннолѣтняя жена Вердерамо, хотя при совѣтахъ ихъ попечителей, но сама собственно распоряжаетъ принадлежащимъ ей имѣніемъ, а слѣдовательно какъ искъ о доставленіи надлежащаго ей, такъ и жалобы по сему случаю, согласно съ существующими узаконеніями, должны быть отъ нея лично, или чрезъ уполномоченныхъ ею законнымъ образомъ, а не отъ нихъ, попечителей, которые могутъ совѣтовать только въ дѣлахъ». Далѣе, касаясь, сущности иска, гражданская палата писала: «Экипажи, отыскиваемые Вердерамо, какъ по справкѣ съ опекунскими свѣдѣніями изъявилось, никогда во управленіи подъ вѣдѣніемъ дворянской опеки не были, а слѣдовательно, по ненахожденію уже нынѣ и самой Вердерамо въ опекунскомъ попеченіи, не подлежатъ иску». Растрату же надобно взыскивать не въ опекѣ, а въ судебныхъ мѣстахъ [1]). Въ претензіяхъ на заботы о воспитаніи малолѣтняго Ларіонова соперничали между собою дядя и опекунъ, и зять Вердерамо Въ 1816 году Вердерамо вноситъ въ казанскую гимназію 200 р. и проситъ опредѣлить мальчика полупансіонеромъ, не испросивъ на то согласія опекуна, между тѣмъ какъ онъ уже опредѣленъ туда по просьбѣ опекуна. Гимназія «сдѣлала его зависимымъ» отъ Вердерамо, по словамъ опекуна, и, несмотря на представленія свіяжскаго предводителя дворянства, признала Вердерамо распорядителемъ судьбы ученика Ларіонова. «Съ того самого времени», жалуется опекунъ, «онъ, держа его у себя въ домѣ, не выпуская для наукъ и въ классы(?) одиннадцать мѣсяцевъ, а малолѣтній племянникъ, будучи 12 лѣтъ, въ невѣжествѣ теряя златое время дней его безъ наукъ, *а о религіи и понятія не имѣетъ*, что кажется, можетъ чрезъ то священное(?) училище сіе лишиться довѣрія публики отъ несправедливаго сего притѣсненія» [2]).

[1]) Дѣло по сообщенію казанской гражданской палаты съ препровожденіемъ доношенія незаконно поданнаго попечителями несовершеннолѣтней жены профессора Вердерамо профессоромъ Солнцевымъ и архитекторомъ Мари, для отдачи онаго г. Солнцеву. *Правл.* 1818 г. № 103.

[2]) Сыну Ларіонова, писавшему некрологъ отца, не было ничего извѣстно о тяжбѣ Вердерамо и сиротъ съ опекуномъ дядею, иначе онъ не упоминалъ бы о „нѣжныхъ заботахъ старика дяди“. L. c.

Не знаемъ, какъ и когда кончился процессъ съ опекуномъ, къ какому рѣшенію пришелъ сенатъ и получили ли жена Вердерамо и дѣти Ларіонова наслѣдственное имѣніе свое, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что процессъ этотъ, длившійся все время службы Вердерамо въ Казанскомъ университетѣ, занималъ его гораздо больше, чѣмъ преподаваніе и научныя занятія. Вердерамо вовсе не зналъ русскаго языка, въ медицинскомъ же факультетѣ, какъ мы знаемъ, были только случайные и рѣдкіе слушатели. Вотъ что, судя по «Извѣщенію о преподаваніи наукъ», читалъ Вердерамо въ тѣ полные учебные годы, которые онъ служилъ въ Казанскомъ университетѣ. Въ 1815—1816 году: *повивальное искусство* по своей рукописи и показывалъ(?) *хирургическія операціи* по сочиненію Сабатье на латинскомъ языкѣ. Въ томъ же году онъ заявилъ готовность преподавать желающимъ *итальянскій языкъ*, но сколько было этихъ желающихъ и были ли они вообще—свѣдѣній нѣтъ. Въ слѣдующемъ году однако было по его просьбѣ выдано ему совѣтомъ свидѣтельство, что онъ читалъ итальянскій языкъ безъ платы. Наконецъ въ исходѣ декабря этого же года Вердерамо заявилъ совѣту, что по окончаніи родоврачебной науки, онъ намѣренъ преподавать «по просьбѣ студентовъ» *о венерическихъ болѣзняхъ*, слѣдуя книгѣ Сведьери. Совѣтъ одобрилъ это намѣреніе. Въ 1816—1817 году повивальное искусство уже не преподавалось; за то читались *начала системы нынѣшней хирургіи*—по сочиненію Генриха Каллисенія; продолжалось преподаваніе о *хирургическихъ операціяхъ* и Вердерамо обѣщалъ, если будутъ трупы, показать *клинико-хирургическія операціи* вмѣстѣ съ *способомъ дѣлать перевязки*—по латыни. Въ 1817—1818 году мы видимъ, что «начала системы нынѣшней хирургіи» замѣнены лекціями о болѣзняхъ *мочевыхъ путей*. Въ 1818—1819 году наконецъ ординарный профессоръ повивальнаго искусства и деканъ медицинскаго факультета Вердерамо, кромѣ своего предмета, по рукописи читаетъ еще *materiam-medicam* по руководству Рейнгольда Шпильмана [1]). Вердерамо читалъ въ недѣлю обыкновенно главный, выставляемый имъ предметъ—четыре часа. Чтенія прочихъ предметовъ были случайны, а потому нисколько неудивительнымъ должно казаться ихъ разнообразіе. Впрочемъ это разнообразіе предметовъ составляетъ характерную черту многихъ преподаваній въ то время.

---

[1]) *Sabatier* (1732—1811): „De la médecine operatoire", 1796.—*Swediaur* или *Swediauer* (1748 — 1824): „Traité sur les symptomes, les effets, la nature et le traitement des maladies syphilitiques", 1-е изд. 1798.—*Callisen Heinrich* 1740—1824): „Principia systematis chirurgiae hodiernae". Kopenh. 1788—1790—*Spielmann Jac. Reinh.*: (1722—1783): „Institutiones materiae medicae", Strasb. 1774

Остались отъ Вердерамо и нѣкоторыя литературные труды, написанные и напечатанные въ Казани. Впрочемъ ихъ немного и всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ его научною спеціальностью. Оказывается, что Вердерамо былъ поэтомъ на родномъ языкѣ. Въ первое годичное торжество открытія университета 5 іюля 1815 года (Il giorno festivo dell' installazione della Cesarea università in Casan) онъ напечаталъ и произнесъ итальянскій *сонетъ* ad Alessandro I и латинскую эпиграмму (въ смыслѣ надписи). Въ 1817 году, по случаю прибытія въ Казань 27 августа великаго князя Михаила Павловича (in occasione del fausto suo arrivo a Casani), Вердерамо напечаталъ и поднесъ (in controsegno di fedeltà) итальянскій сонетъ и латинскую эпиграмму [1]). На актѣ университетскомъ 5 іюля 1818 г. Вердерамо читалъ латинскую рѣчь, исключительно реторическаго содержанія, состоящую изъ общихъ только мѣстъ: «Scientaa ac virtutes ad gloriam parant viam» [2]). Не находимъ возможности привести изъ нея хотя бы одну мысль, стоящую вниманія. Вѣроятно и немногимъ сослуживцамъ оратора, понимавшимъ по латыни, было скучно ее слушать.

Для Вердерамо, какъ и для многихъ его сослуживцевъ, 1819 годъ, когда происходила ревизія Магницкаго, былъ послѣднимъ годомъ служенія въ Казанскомъ университетѣ, но вовсе не вслѣдствіе этой ревизіи. Напротивъ того, въ своемъ донесеніи министру, представленномъ тотчасъ послѣ ревизіи (9 апрѣля 1819 года, № 3), ревизоръ, дѣлая оцѣнку достоинствъ профессоровъ медицинскаго факультета, а ихъ было всего три, не считая студента Отсолига, и рѣзко отозвавшись, какъ мы видѣли, объ Арнгольдѣ, хвалитъ Вердерамо: «За профессора врачебнаго веществословія, фармацевтики и врачебной словесности преподаетъ профессоръ медицины и хирургіи докторъ Вердерамо, *человѣкъ отлично и достойный въ научномъ свѣтѣ извѣстный.* Онъ же преподаетъ и лекціи повивальнаго искусства». Поэтому мы не можемъ выяснить себѣ, за несущество-

---

[1]) Casan. Impresso del università. 6 p. 4°. Посѣщеніе великимъ княземъ университета вдохновило также и оффиціальнаго университетскаго поэта Городчанинова. И онъ поднесъ ему „Надпись на прибытіе". Замѣтимъ кстати, что догадка Н. П. Лихачева, этого внимательнаго изслѣдователя жизни и сочиненій Городчанинова (Казань, 1886 стр. 37), о стихахъ его по этому случаю — невѣрна. Изслѣдователь говоритъ, что онъ не могъ достать привѣтствія Городчанинова. Оно напечатано (4°, 2 стр.) и состоитъ изъ слѣдующихъ шести строкъ: „Изъ благосвѣтлыхъ трехъ Россіи днесь свѣтилъ, Какъ благотворная, прекрасная планета, Отъ солнца Росскаго исполненная свѣта, Течетъ на горизонтъ Казанскій Михаилъ. Казань, отрадъ полна, и сердцемъ и устами Гласитъ: Се Михаилъ, се Ангелъ Божій съ нами!"

[2]) Casani, 1818. 4°. 22 p.

*

ваніемъ въ архивѣ данныхъ для того, причинъ его отставки, на которой онъ настоялъ. Дѣйствительно ли причиною выхода въ отставку была болѣзнь Вердерамо, или домашнія обстоятельства, неотложно требовавшія его возвращенія на родину, или окончаніе того тяжебнаго дѣла, по наслѣдству жены его и дѣтей Ларіонова, для котораго, какъ кажется, главнымъ образомъ онъ и переселился въ Казань, или можетъ быть Вердерамо вѣрно предчувствовалъ непрочность положенія своего какъ профессора при будущемъ попечителѣ,—все это вопросы, отвѣтовъ на которые у насъ нѣтъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года, когда еще не было ничего извѣстно въ Казани о результатахъ ревизіи Магницкаго, Вердерамо, ссылаясь на свое слабое здоровье и на ушибъ руки (a forte contagione ad bracchium accepta), просилъ совѣтъ разрѣшить ему читать лекціи на дому въ теченіе 28 дней, что и было ему разрѣшено. Повидимому однако здоровье его не поправлялось и, задумавъ оставить Казань и службу при университетѣ, онъ представилъ въ совѣтъ университета о пріобрѣтеніи отъ него собственныхъ инструментовъ, необходимыхъ для хирургіи, на сумму четыреста рублей. По заявленію профессора Фукса, нашедшаго эту сумму сходною, инструменты были пріобрѣтены [1]). Такимъ образомъ и Вердерамо, какъ Арнгольдъ, навсегда разставался съ инструментами, необходимыми ему по профессіи. Въ октябрѣ, снова ссылаясь на разстроенное здоровье свое, требующее лѣченья, и на семейныя обстоятельства, Вердерамо проситъ совѣтъ университета исходатайствовать ему шестимѣсячный отпускъ на родину, въ Неаполитанское королевство, въ городъ Лечче, и выдать ему видъ на проѣздъ. На представленіе объ этомъ совѣта новый попечитель посмотрѣлъ весьма неблагосклонно. «Г. Вердерамо, недавно еще обязавшемуся преподавать по двумъ разнымъ медицинскимъ каѳедрамъ», писалъ Магницкій (25 ноября 1819 г., № 448), «нѣтъ благовидной причины проситься внезапно въ отдаленный отпускъ, или по крайней мѣрѣ долженъ обождать, чтобы кто-нибудь для замѣны его былъ пріисканъ, тѣмъ болѣе, что аттестаты и свидѣтельства, коихъ онъ проситъ, показываютъ, что онъ возвратиться не расположенъ» [2]). Вслѣдствіе такой резолюціи, ему объявленной, Вердерамо тотчасъ же подалъ прошеніе уже объ окончательной отставкѣ, высказывая въ немъ, что по семейнымъ обстоятельствамъ, онъ никакъ не можетъ остаться на службѣ до конца академическаго года, и на упрекъ Магницкаго о двухъ каѳедрахъ

---

[1]) Дѣло о покупкѣ у г. профессора Вердерамо хирургическихъ инструментовъ. *Правл.* 1819 г., № 138.

[2]) Дѣло объ увольненіи профессора Вердерамо въ Неаполитанское королевство, въ городъ Лицію. *Сов.* 1819 г., № 324.

замѣчаетъ, что онъ взялъ на себя другія преподованія не изъ денежнаго интереса (non ex interesse quodam expectato), но для общаго блага и по распоряженію совѣта (sed ex studio ad bonum puplicum promovendum, et ex dispositione ipsius consilii)». Послѣ того Вердерамо былъ уволенъ отъ службы согласно прошенію (23 января 1820 года). Весною этого года Вердерамо уѣхалъ на родину. По словамъ его родственника онъ былъ живъ еще въ 1870 году. Намъ неизвѣстны ни годъ его смерти, ни дѣятельность его въ отставкѣ. Знаемъ только, что въ концѣ 50 годовъ жена его и взрослыя уже дѣти жили въ городѣ Лечче.

Совершенно также случайно появился на каѳедрѣ по выбору совѣта профессоръ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ *Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ*, бывшій нѣкоторое время проректоромъ и ректоромъ университета. Въ годы управленія Магницкимъ казанскимъ учебнымъ округомъ, послѣ насильственной отставки, Солнцевъ сдѣлался губернскимъ прокуроромъ, и въ этой должности, а потомъ уже въ полной отставкѣ долго пользовался большою популярностью въ городѣ Казани, и о немъ сохранилось множество разсказовъ, изъ которыхъ конечно нѣкоторые имѣютъ легендарный характеръ. Предполагая въ своемъ мѣстѣ говорить о дѣятельности Солнцева въ послѣдующее время, при Магницкомъ, мы ограничимся въ этой главѣ краткимъ разсказомъ о томъ, какъ Солнцевъ сдѣлался докторомъ правъ и профессоромъ, и о его дѣятельности до ревизіи Магницкаго, основываясь исключительно на достовѣрныхъ документахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи. Солнцевъ родился 22 марта 1786 года [1]). Учился Солнцевъ сначала въ

---

[1]) Это собственное показаніе Солнцева, повторенное имъ три раза, при чемъ онъ прибавляетъ еще болѣе точное опредѣленіе времени, что рожденіе его случилось „matutino tempore, hora sexta, circa Annunciationis Sanctae Mariae Deipurae nostrae festum“. Три раза въ теченіе своей жизни, какъ кажется уже въ концѣ ея, Солнцевъ принимался, къ сожалѣнію по латыни, писать свои записки или автобіографію, подъ заглавіемъ „Vita et gesta Gabrielis de Solncew“. Но, натура сангвиническая, подвижная и страстная, часто предававшаяся увлеченіямъ и излишествамъ въ чисто русскомъ вкусѣ, Солнцевъ былъ настолько неусидчивъ, что изъ этой автобіографіи, имъ задуманной, мы имѣемъ только нѣсколько весьма небрежно написанныхъ страницъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ собственно воспоминаній ни о дѣтствѣ, ни объ ученіи, ни о томъ, какъ онъ сдѣлался профессоромъ и все сводится къ формуляру. Довольно любопытно желаніе Солнцева, основываясь на „Родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ“, изданной Миллеромъ, гдѣ часто встрѣчается старая фамилія *Сонцовыхъ* или *Сонцевыхъ*

дмитровскомъ духовномъ училищѣ, когда отецъ его сталъ священникомъ въ этомъ городѣ, а затѣмъ въ сѣвской семинаріи, которая была переведена потомъ въ Орелъ. По окончаніи курса въ послѣдней, онъ не захотѣлъ идти въ духовное званіе, а поступилъ на службу въ орловское губернское правленіе «съ оставленіемъ при дѣлахъ по должности губернатора». Здѣсь получилъ онъ первый гражданскій чинъ въ 1809 году.

Въ 1811 году Солнцевъ, по желанію своему, перемѣщенъ въ канцелярію седьмаго департамента правительствующаго сената, находящагося въ Москвѣ, гдѣ онъ оставался всего одинъ годъ, до дней Бородинскаго сраженія, когда надобно было оставлять Москву. Солнцевъ пробылъ въ Москвѣ на службѣ въ сенатѣ всего одинъ годъ. Нѣкоторые біографы Солнцева [1]) придаютъ очень большое

и князей *Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ*, связать происхожденіе своихъ предковъ съ этимъ древнимъ родомъ. На это указываетъ и претенціозная французская частица de, поставленная передъ фамиліей въ латинскомъ заглавіи автобіографіи. Но не имѣя документовъ, Солнцевъ пишетъ, что не рѣшается ни утверждать, ни доказывать эту связь родовъ. Тѣмъ не менѣе Солнцевъ говоритъ о родственной связи своихъ предковъ съ разными дворянскими фамиліями Орловской губерніи: Третьяковыми, Сусловыми и др., передаетъ преданія, что предки его Солнцевы когда-то были богаты, но что имѣнія ихъ были отняты какимъ-то вельможею Гурьевымъ, что предки эти служили въ военной и преимущественно въ конной службѣ, охраняя русскія границы, что одинъ изъ нихъ былъ въ плѣну у татаръ крымскихъ и успѣлъ бѣжать изъ плѣна, что, перейдя уже въ духовное сословіе предки его носили дома, вмѣсто подрясниковъ, казакины и чапаны, къ которымъ привыкли въ прежней военной жизни. Когда перешли его предки въ духовное званіе—Солнцевъ не знаетъ. Родился Солнцевъ въ подгородномъ селѣ Радогощъ, имѣніи князей Голицыныхъ, рядомъ съ городомъ Дмитровымъ Орловской губерніи. Тамъ отецъ его, до постриженія въ священники, служилъ капельмейстеромъ у Голицыныхъ, у которыхъ были и оркестръ и хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ. Священникомъ отецъ Солнцевъ былъ сначала въ Сѣвскѣ, а затѣмъ въ селѣ Сусловѣ Дмитровскаго уѣзда. При этомъ случаѣ Солнцевъ припоминаетъ одного изъ Голицынскихъ дворовыхъ пѣвцовъ, отцовскаго ученика, одареннаго необычайнымъ талантомъ и знаніемъ музыки — Мисцова. Для усовершенствованія его посылали даже въ Италію. По возвращеніи оттуда, не смотря на свои таланты и музыкальные успѣхи, этотъ несчастный рабъ, за любовь свою къ одной изъ крѣпостныхъ пѣвицъ князя Голицына, былъ жестоко наказанъ розгами и опредѣленъ въ самыя низкія служительскія должности. Потомъ Солнцевъ встрѣчался съ нимъ и въ лучшихъ обстоятельствахъ, но не передаетъ, какимъ образомъ онъ могъ освободиться изъ рабства. Вообще записки Солнцева, видѣвшаго много людей и много испытавшаго, могли бы быть очень любопытны, еслибъ у него былъ какой-нибудь литературный талантъ и сколько-нибудь привычки писать, да не выбери онъ латинскій языкъ, который его связывалъ.

[1]) *Агафоновъ Н. Я.* „Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева“ (отд. отт. изъ „Справочнаго Листка“). Казань. 1864. 16°.

значеніе его московской жизни, говорятъ о слушаніи имъ университетскихъ лекцій, объ изученіи имъ многихъ новѣйшихъ языковъ, но на все это нѣтъ никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, и не слѣдуетъ забывать, что Солнцевъ въ теченіе всего этого московскаго года служилъ. Въ 1812 году, передъ самымъ занятіемъ французами Москвы, Солнцевъ общимъ присутствіемъ 6, 7 и 8 московскихъ департаментовъ сената, для спасенія отъ непріятеля текущихъ дѣлъ сената и при немъ архивовъ: вотчиннаго, помѣстнаго и другихъ былъ командированъ съ 12-ю сенатскими курьерами, къ которымъ присоединены были графомъ Ростопчинымъ нѣсколько инвалидныхъ служителей, сначала до Нижняго, а потомъ и до Казани, подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора московскихъ департаментовъ Столыпина. Транспортъ слѣдовалъ на перекладныхъ обывательскихъ телѣгахъ. Была особая инструкція: предъ каждымъ городомъ и селеніемъ по тракту составлять военный вагенбургъ и окружать его карауломъ. Но Столыпинъ не провожалъ транспорта, а прямо изъ Москвы съ израненнымъ подъ Бородинымъ роднымъ братомъ своимъ уѣхалъ въ замосковскія помѣстья. На дорогѣ изъ Москвы въ Нижній Солнцевъ нагналъ своего знакомаго капитана артиллеріи Ждамирова, сопровождавшаго по распоряженію Ростопчина изъ Москвы на перекладныхъ 300 пушекъ безъ канонировъ, и просилъ его, для общей безопасности дѣлъ и пушекъ, примкнуть къ сенатскому транспорту. Въ городѣ Меленкахъ, по разсказу Солнцева, они застали французскихъ мародеровъ и промышленниковъ провіанта и фуража для французской арміи. Для устрашенія жителей, французы стрѣляли по крышамъ города, «но мы выстрѣлами изъ нѣсколькихъ частныхъ ружей сенатскихъ курьеровъ прогнали французскихъ мародеровъ и фуражировъ изъ города въ лѣсную дачу». Не сообщая никакихъ подробностей о дальнѣйшемъ пути, Солнцевъ упоминаетъ только, что транспортъ благополучно прибылъ въ Казань. Дѣла сената въ цѣлости сданы были 22 ноября 1812 года казанскому губернатору Мансурову, а пушки въ крѣпость коменданту Есипову. «А какъ гг. сенаторы московскихъ департаментовъ, прибывъ также въ Казань, присутствія своего не открывали, за отсутствіемъ просителей и отвѣтчиковъ, то я и рѣшился службу мою по канцеляріи правительствующаго сената оставить и *поступить въ ученую* при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, при коемъ общества любителей отечественной словесности былъ я дѣйствительнымъ членомъ». Какими сочиненіями своими участвовалъ Солнцевъ въ трудахъ этого общества, намъ неизвѣстно. Вообще точныхъ свѣдѣній о началѣ жизни его въ Казани, о знакомствѣ его съ профессорами университета у насъ

нѣтъ. Въ упомянутыхъ мною попыткахъ на составленіе своей автобіографіи Солнцевъ часто противорѣчитъ оффиціальнымъ документамъ. Такъ онъ говоритъ, что подалъ въ университетъ прошеніе о допущеніи къ экзамену для полученія ученой степени магистра юридико-политическихъ наукъ еще въ 1813 году, а въ свѣдѣніяхъ, для составленія формуляра (и то и другое писано его собственною рукою) значится, что онъ служилъ еще въ канцеляріи 7 департамента совѣта и получалъ тамъ награды до апрѣля 1814 года, когда вышелъ въ отставку и получилъ аттестатъ о службѣ для пріисканія другого мѣста. Имѣемъ полное основаніе полагать, что явившись въ Казань случайно въ 1812 году, какъ человѣкъ любознательный, бойкій умомъ, знающій нѣсколько иностранныхъ языковъ, кромѣ латинскаго, онъ завелъ знакомства въ ученомъ казанскомъ мірѣ, примкнувъ къ обществу любителей словесности, но не остался въ Казани, а воротился на службу въ Москву. Тѣмъ не менѣе мысль сдѣлаться профессоромъ въ отдѣленіи нравственно - политическихъ наукъ, гдѣ было такъ мало членовъ, назрѣла въ немъ въ Казани. По его словамъ, такъ какъ въ Казани не было присутствія сената, по недостатку сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и чиновниковъ, онъ «въ свободное время *прослушалъ* здѣсь *курсъ юридико-политическихъ и философскихъ наукъ*». Возвратившись въ Москву онъ въ послѣднее время московской службы, а можетъ быть и прежде, до 1812 года, посѣщалъ лекціи университета и тамъ, и задумалъ наконецъ получить степень магистра. Служба университетская казалась ему предпочтительнѣе другой, и онъ воротился въ Казань.

Ничего неизвѣстно намъ о приготовленіи Солнцева къ магистерскому экзамену и о томъ, какимъ образомъ достались научныя свѣдѣнія ему, незнакомому съ университетскою школою. «Болѣе всего одолженъ я моими юридико-политическими и философскими свѣдѣніями лекціямъ знатнѣйшихъ профессоровъ Геттингенскаго университета»—говоритъ Солнцевъ, подразумѣвая конечно сочиненія ихъ, но чьи и какія—этого онъ ни разу не сказалъ. Самое производство экзамена представляется очень темнымъ, сравнительно съ одновременно происходившимъ экзаменомъ Іона, о которомъ мы разсказали (см. выше стр. 673 — 677). При экзаменѣ Іона соблюдены были строго всѣ формы, хотя этотъ экзаменъ происходилъ минуя магистерскую степень. Диссертація Іона была единственная печатная юридическая диссертація въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Мы упоминали, что дѣла объ экзаменѣ Солнцева не сохранилось въ архивѣ; протоколы совѣтскихъ засѣданій представляютъ также весьма скудныя свѣдѣнія. Въ засѣданіи совѣта 29 апрѣля 1814 года было заслушано прошеніе губернскаго секретаря Солнцева «о учи-

ненiи ему на законномъ основанiи испытанiя *на степень магистра правовѣдѣнiя* и о причисленiи его въ службу университета». Прошенiе это для исполненiя передано было въ отдѣленiе. — Въ засѣданiи 21 октября того же года слушано было донесенiе отдѣленiя нравственно-политическихъ наукъ, что *экзаменующiйся на докторскую степень* губернскiй секретарь Солнцевъ 24 октября въ 12 часовъ будетъ читать вторую публичную лекцiю, а 19 ноября отдѣленiе уже просило совѣтъ о назначенiи времени для публичнаго защищенiя диссертацiи Солнцева и о позволенiи *напечатать тезисы* (но не самую диссертацiю, которая только прилагалась). Тезисы, кажется, были напечатаны, но намъ не случилось видѣть ни одного ихъ экземпляра [1]). Наконецъ въ засѣданiи 2 декабря было заслушано донесенiе экстраординарныхъ профессоровъ Врангеля, Лубкина и Кондырева о совершенномъ успѣхѣ публичнаго защищенiя *положенiй изъ диссертацiи* выбранныхъ экзаменующагося на степень доктора губернскаго секретаря Солнцева. Въ званiи доктора обоихъ правъ онъ утвержненъ былъ 17 декабря [2]).

Вотъ все, что намъ извѣстно о чрезвычайно быстромъ сравнительно съ Iономъ производствѣ Солнцева въ степень доктора. И экзаменъ на магистра, превратившiйся въ докторскiй, и искусъ, и публичныя лекцiи, и множество письменныхъ отвѣтовъ, требуемыхъ уставомъ, и написанiе диссертацiи и защита ея,—все это, для чиновника сенатскаго, не учившагося въ университетѣ, продѣлано было менѣе чѣмъ въ полгода, и въ этомъ срокѣ нужно считать и лѣтнее вакацiонное время. Не имѣя въ нашемъ распоряженiи подлиннаго дѣла объ этомъ экзаменѣ, мы никакъ не можемъ объяснить себѣ, особливо принимая въ соображенiе требованiя нашего времени отъ докторской степени въ русскихъ университетахъ, такой чудесной и необыкновенной быстроты. Очевидно то положенiе о производствѣ въ ученыя степени, которое было составлено и утверждено для руководства въ докторы вслѣдствiе неправильнаго производства въ эту степень въ Дерптѣ, еще не дѣйствовало. Самъ Солнцевъ такъ говоритъ объ этомъ производствѣ въ докторы: «Какъ на ономъ испытанiи показалъ я гораздо больше свѣдѣнiй, *нежели какiя требуются для магистра* (требованiя же эти однако опредѣлены не были), о чемъ командированные университетомъ для предварительнаго тентамена или экзамена профессоры наукъ юри-

---

[1]) Диссертацiя Солнцева имѣла слѣдующее заглавiе: „De successione ab intestato secundum juris Rossici principia, respectu quoque non minus habito ad jus Instinianaeum".

[2]) Протоколы совѣта 1814 г., стр. 79а, 145а, 153б, 157б.

дико-политическихъ, философскихъ, математическихъ, историческихъ и древностей (?) донесли въ тоже время университетскому совѣту, то и допущенъ я былъ, въ дополненіе магистерскаго экзамена, и къ испытанію докторскому, согласно поданному мною въ совѣтъ прошенію». При утвержденіи въ степени доктора, по разсказу Солнцева, съ него былъ взятъ вмѣсто присяги *юраментъ* въ полномъ присутствіи совѣта, «что бы я, гдѣ бы ни находился, охранялъ и защищалъ права Казанскаго университета, что и было мною исполняемо и нынѣ (когда?) исполняется не опустительно». Мы не встрѣчали въ дѣлахъ нигдѣ такого *юрамента* или формы его.

Не теряя напрасно времени, Солнцевъ 8 марта слѣдующаго 1815 года подаетъ въ университетскій совѣтъ прошеніе, по формѣ того времени на высочайшее имя, объ опредѣленіи его экстраординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ «съ приложеніемъ къ онымъ россійскаго законодательства». Читать эти лекціи Солнцевъ желаетъ или по собственнымъ тетрадямъ, или «по сочиненію какого-либо писателя по симъ частямъ извѣстнаго, къ чему много способствовать мнѣ можетъ знаніе многихъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, польскаго, итальянскаго и частію греческаго». Кромѣ чтенія по этой каѳедрѣ, Солнцевъ высказываетъ желаніе со студентами, «опредѣлившими себя преимущественно изученію россійскаго права, заниматься и по сей части, а наипаче практическимъ судопроизводствомъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, въ которомъ пріобрѣлъ я опытныя познанія чрезъ долговременное прохожденіе мною сенатской службы». Въ дополненіе къ степени доктора, полученной имъ по экзамену, одобренныхъ пробныхъ лекцій на языкѣ латинскомъ и диссертаціи «О наслѣдствѣ безъ завѣщанія», Солнцевъ «въ подкрѣпленіе своего прошенія», представляетъ свои *сочиненія*, правда «по краткости времени и по недостатку нужныхъ пособій несовершенно-обработанныя». Сочиненія эти были: 1) тетради римскаго права на латинскомъ языкѣ (потомъ подъ названіемъ «Систематическое начертаніе римскаго права»); 2) тетради общаго германскаго уголовнаго права, сокращеннаго по системѣ Грольмана[1] («Изложеніе теоріи уголовнаго права г. Грольмана»); 3) краткое обозрѣніе исторіи россійскаго законодательства вообще,—по русски и 4) историко-юридическій трактатъ, содержащій въ себѣ обозрѣніе правъ древнихъ и новыхъ народовъ — на латинскомъ языкѣ. Второе и третье сочиненія не были еще окончены Солнцевымъ. Потомъ упо-

---

Grolmann, K. L. W. профессоръ Гиссенскаго у — та: „Grundsätze der Kriminalrechtswissenschaft". Первое изданіе—Giessen, 1798.

минаются еще сочиненія по разнымъ предметамъ, напр. «общее уголовное право» и нѣкоторыя другія, всѣ повидимому оставшіяся въ рукописяхъ. Мы никогда ихъ не видѣли и поэтому не имѣемъ никакого представленія объ этихъ трудахъ Солнцева, изъ которыхъ ничего не было напечатано. Нельзя не удивляться только дѣйствительно уму и дарованіямъ Солнцева, который, несмотря на постоянную восьмилѣтнюю дѣятельность служебно-практическую въ орловскомъ губернскомъ правленіи и въ московскихъ департаментахъ сената, успѣлъ написать эти сочиненія, трактующія почти о всѣхъ дисциплинахъ, входившихъ тогда въ составъ юридическаго факультета. Насколько однако были самостоятельны эти труды Солнцева, представляющіе свидѣтельство о разнообразіи его познаній — не знаемъ. Потомъ, послѣ недолгой службы въ университетѣ, когда онъ насильственно долженъ былъ оставить ее и промѣнять на практическую службу, онъ не имѣлъ уже возможности и времени обработать можетъ быть на скоро набросанные труды, по всей вѣроятности только конспекты. Печальныя условія жизни заглушили потомъ въ Солнцевѣ всякую преданность теоріи. Наука не терпитъ измѣны и въ своемъ вѣчномъ шествіи впередъ, какъ гордая женщина, не оглядывается на своихъ случайныхъ поклонниковъ.

Отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ поручило немедленно разсмотрѣть эти сочиненія Солнцева своимъ: членамъ барону Врангелю и Нейману. Къ нимъ присоединился потомъ и Кондыревъ. Всѣ мнѣнія (они не сохранились) были весьма благопріятны для Солнцева, и по большинству голосовъ отдѣленія онъ признанъ былъ достойнымъ занять просимое имъ мѣсто. Въ слѣдующее засѣданіе совѣта 15 мая онъ избранъ *единогласно* экстраординарнымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ народовъ. Каѳедра была не замѣщена, и министръ утвердилъ его 9 іюня [1]). Въ томъ году началъ Солнцевъ свои лекціи (4 часа въ недѣлю по *римскому праву*, руководствуясь сочиненіемъ Вальдека (*Waldeck Ioh. Peter* (1784—1815); «Institutiones juris civilis Heineccianae emendatae» etc. Götting. 1784), но по своимъ рукописямъ (не было ли это просто сокращеніе книги Вальдека). Сверхъ того Солнцевъ занималъ своихъ слушателей *юридическими состязаніями*. Въ чемъ они состояли—однако неизвѣстно. Въ половинѣ 1815—1816 года, въ январѣ Солнцевъ доноситъ совѣту, что онъ кромѣ публичныхъ лекцій руководствовалъ студетновъ въ языкѣ

[1]) Дѣло объ избраніи доктора правъ Солнцева экстраординарымъ профессоромъ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. *Сов.* 1815 г., № 27.

латинскомъ. Въ доказательство этого онъ представилъ четыре тетради трудовъ студента Сычугова, котораго «намѣренъ занять собственными сочиненіями по части правъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ» [1]). Вообще занятія Солнцева были весьма разнообразны, какъ въ этомъ такъ и въ послѣдующихъ годахъ. Разсматривая формулярный списокъ Солнцева, мы невольно приходимъ въ изумленіе отъ возможности со стороны профессора университета нести такъ много самыхъ разнообразныхъ обязанностей, почти ничего общаго съ предметомъ каѳедры его не имѣющихъ. Онъ и членъ училищнаго комитета, постоянно занятый массою дѣлъ обширнаго по пространству округа, и участвуетъ въ различныхъ, составляемыхъ весьма часто комитетахъ, и правитъ должность синдика, и читаетъ лекціи по второй каѳедрѣ за половинное жалованье, и несетъ разныя административныя должности по университету и т. д. Солнцевъ пишетъ множество конечно недолговѣчныхъ уставовъ. Все это изобиліе совершенно постороннихъ дѣлъ должно было естественно отвлекать Солнцева отъ про-

---

[1]) Протоколы Сов. 1816 г. стр. 3а.—Этотъ Сычуговъ, очевидно считавшійся лучшимъ студентомъ у Солнцева, въ концѣ 1816 года, по представленію факультета, былъ удостоенъ степени кандидата, намѣреваясь, какъ онъ и говорилъ въ своемъ прошеніи, немедленно подвергнуться испытанію на степень магистра. Въ слѣдующемъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, конечно по совѣту своего руководителя, Сычуговъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета, въ которомъ писалъ: „Посвятивъ себя изученію правовѣдѣнія и преимущественно россійскаго, поставляю необходимымъ, для возможнаго усовершенствованія себя по сей части, *познать на опытѣ уголовное судопроизводство*". Просьба его заключалась въ томъ, чтобъ ему, на основаніи главы 36 генеральнаго регламента, дозволено было упражняться въ казанской палатѣ уголовнаго суда практикою по дѣламъ, въ оной производимымъ. Совѣтъ отнесся объ удовлетвореніи просьбы Сычугова въ палату. Послѣдняя пришла въ недоумѣніе. Вѣроятно просьба Сычугова, который „не объявлялъ желанія поступить на гражданскую службу, на каковой предметъ позволено молодыхъ дворянъ 36-ою главою ген. регл. принимать въ приказы, была первою въ практикѣ палаты. Послѣдняя писала совѣту университета: „чтобъ студенты университета могли быть допущены къ приватнымъ въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ занятіямъ, на какомъ правѣ и съ обязанностью и отвѣтственностью того не сказано". Палата, для разрѣшенія своего недоумѣнія, представила это обстоятельство на разрѣшеніе губернскаго правленія. Это послѣднее увѣдомило, что Сычугова, *какъ не обязаннаго присягою на вѣрность службы* къ производству дѣлъ допустить воспрещено. Безъ присяги допущеніе Сычугова оно находитъ „невозможнымъ да и не нужнымъ по учрежденію при Казанскомъ университетѣ факультета (!) практическаго правовѣдѣнія (?)". Вѣроятно губернское правленіе принимало Солнцева за весь факультетъ, но странно, что этотъ практикъ не зналъ порядковъ. См. *Дѣло* объ удостоеніи своекоштнаго студента Ивана Сычугова званія кандидата правовѣдѣнія и о позволеніи ему заниматься практически въ дѣлахъ казанской уголовной палаты. *Сов.* 1816 г., № 151.

фессуры, не дозволяло ему обработать какъ слѣдуетъ хотя бы одинъ курсъ изъ того разнообразія предметовъ, которые онъ преподавалъ, и не давало возможности напечатать хотя бы одно сочиненіе научнаго содержанія. Это былъ типъ профессора-дѣльца, какихъ въ то время, да и долго спустя было очень много въ нашихъ университетахъ. Преимущество Солнцева предъ массою такихъ профессоровъ-дѣльцовъ заключалось въ его дарованіяхъ, умѣ, огромномъ трудолюбіи въ началѣ дѣятельности, пока не засосала его грязная тина провинціи; другіе же дѣльцы-профессоры были созданы какъ бы для этой жизни, случайно или искательствомъ попавъ на каѳедру.

Не прошло полнаго года со времени полученія Солнцевымъ званія экстраординарнаго профессора, какъ 24 мая 1816 года, онъ входитъ съ новымъ прошеніемъ въ совѣтъ о возведеніи его въ званіе ординарнаго профессора. При прошеніи были приложены два новыя, или изъ прежнихъ передѣланныя имъ, сочиненія по римскому праву: «Doctrinae juris romani civilis et criminalis monogrammata» и «Institutiones juris civilis romani ex genuinis fontibus deductae et antiquitatibus illustratae». Отдѣленіе признало за эти сочиненія въ Солнцевѣ *прилежаніе* и, «въ уваженіе его познаній въ наукахъ и языкахъ, и особеннаго знанія юридической практики», сочло его достойнымъ просимаго званія. Очевидно отдѣленіе не разбирало сочиненій и вовсе не представило рецензіи. Выборъ состоялся 27 іюня, но не единогласно, какъ было въ первый разъ, а 10 голосами изъ 16. Представленіе пошло отъ совѣта не чрезъ попечителя, находившагося въ то время въ С.-Петербургѣ, а прямо къ министру. Послѣдній (4 августа, № 2536) сообщалъ совѣту, что онъ «отлагаетъ впредь до дальнѣйшаго времени утвержденіе Солнцева, «тѣмъ болѣе, что онъ принятъ въ университетъ прямо въ экстраординарные профессоры и въ семъ званіи находится съ небольшимъ годъ». Изъ переписки, возбужденной Салтыковымъ съ ректоромъ по поводу избранія Солнцева видно, что попечитель обидѣлся представленіемъ совѣта прямо министру, минуя его, или *безпосредственно*, какъ выражался онъ. Уставъ требовалъ въ § 58 объ избраніи предварительнаго представленія попечителю; несмотря на напоминаніе со стороны Салтыкова объ этомъ, представленіе было сдѣлано прямо министру. «Долгомъ поставляю изъявить вамъ негодованіе», писалъ попечитель къ ректору, «и повторить, что приказанія, напоминающія о наблюденіи устава, подвергаютъ нарушающаго оный, строгости законовъ». Онъ и воспротивился утвержденію Солнцева (это былъ первый случай) и въ числѣ возраженій главнѣйшимъ выставлялъ приведенное нами прежде предписаніе министра отъ 13 іюля того же года о невыборѣ въ теченіе нѣкотораго времени ординар-

ныхъ профессоровъ изъ соображеній экономическихъ. Ректоръ въ своемъ заявленіи, сдѣланномъ имъ въ совѣтѣ, доказалъ правильность представленія министру прямо, что вытекало изъ распоряженія самого Салтыкова, а распоряженіе министра ограничиться числомъ нынѣ находящихся въ университетѣ ординарныхъ профессоровъ было получено уже послѣ избранія Солнцева. Попечитель остался однако недоволенъ противодѣйствіемъ Брауна, не хотѣвшаго съ нимъ согласиться. Онъ писалъ: «Упорство, обнаруженное въ случаѣ избранія гг. Лобачевскаго и Симонова, обнаружило также неуваженіе къ моимъ мнѣніямъ и посѣяло взаимную недовѣрчивость между мною и нѣкоторыми членами, первенствующими въ совѣтѣ». Солнцевъ не оставался бездѣятельнымъ и лично хлопоталъ о себѣ. Какъ только въ управленіе министерствомъ вступилъ князь А. Н. Голицынъ, Солнцевъ обратился къ нему письмомъ, прося о производствѣ, оставивъ его при жалованьи экстраординарнаго профессора, но Голицынъ не нашелъ удобнымъ отмѣнить распоряженіе своего предшественника и отказалъ. Только на слѣдующій годъ, ровно черезъ годъ послѣ перваго своего представленія, совѣтъ, тоже по новому прошенію Солнцева, рѣшился вновь сдѣлать представленіе и на этотъ разъ чрезъ Салтыкова, и министръ, «*основываясь на похвальномъ отзывѣ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа*», утвердилъ 23 іюля Солнцева ординарнымъ профессоромъ [1]).

Въ слѣдующіе годы, до назначенія попечителемъ Магницкаго, Солнцевъ продолжаетъ читать *римское право*, затѣмъ *общее германское уголовное право*, и кромѣ того, въ часы удобные для слушателей—*главнѣйшіе законы евреевъ и египтянъ*, а въ 1819 году, по случаю смерти адъюнкта Алехина, онъ принимаетъ на себя и его чтенія по римскому праву,—все это по латыни и по своимъ рукописямъ. Кромѣ того занимаетъ своихъ слушателей *юридическими состязаніями* и «продолжаетъ частныя свои упражненія по юридическимъ наукамъ со студентами и кандидатами правъ, *дабы пріучить ихъ доказывать каждую статью изъ правъ словесно и письменно*, какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ». Такимъ образомъ, преподаваніе Солнцева носило преимущественно практическій характеръ, согласный съ его прежнею служебною дѣятельностью. Въ 1819 году Солнцевъ представилъ въ отдѣленіе большое мнѣніе свое о преподаваніи наукъ юридическихъ. Ему онъ прида-

---

[1]) Дѣло объ удостоеніи г. э. о. проф. Солнцева званія ординарнаго профессора правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ. *Сов.* 1816 г., № 72.

валъ именно такой практическій характеръ [1]). Такого же содержанія была повидимому и рѣчь его на актѣ 1819 года (ненапечатанная): «De necessariis benemeriti jurisconsulti requisitis». Что касается до «тетрадей» или, какъ называлъ ихъ Солнцевъ, «сочиненій» его, то это было не что иное, какъ краткіе курсы тѣхъ предметовъ, какіе читалъ онъ, или переведенные въ сокращеніи съ какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго руководства, или имъ составленные. Такихъ краткихъ курсовъ наукъ изъ тѣхъ лѣтъ мы знаемъ нѣсколько. Лекціи не читались тогда, а диктовались, и безъ сомнѣнія заучивались наизусть, и это являлось необходимостью, такъ какъ слушатели не разумѣли по латыни. Въ этихъ «тетрадяхъ» нельзя поэтому искать слѣдовъ самостоятельной разработки науки.

Съ 1818 года для Солнцева уже невозможна была вообще научная работа, къ какой онъ и не былъ склоненъ по натурѣ. Онъ весь погруженъ въ заботы и труды административныхъ должностей. Онъ избранъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, оставаясь членомъ училищнаго комитета, по болѣзни секретаря совѣта барона Врангеля, правитъ эту должность до его выздоровленія, а въ декабрѣ того же года, когда опасно заболѣлъ ректоръ Браунъ, вскорѣ и умершій, Солнцевъ, на основаніи § 21 устава, былъ выбранъ, впрочемъ послѣ Врангеля, который не могъ взять на себя эту обязанность какъ секретарь, въ проректоры. Какъ и прежде, Солнцевъ и въ этомъ году занятъ разными порученіями совѣта, всецѣло на него возлагаемыми. Такъ онъ сочиняетъ уставы: медицинскаго института, предполагаемаго къ учрежденію при университетѣ, казанской гимназіи, сочиняетъ правила для старшихъ комнатныхъ студентовъ, разсматриваетъ дѣла по азіатской типографіи, предсѣдательствуетъ въ коммиссіи для осмотра перестраиваемаго зданія гимназіи, для разбора смѣты, подрядовъ и проч. Еще больше подобной работы выпало на его долю, когда нужно было приготовить массу затребованныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ университетской дѣятельности и по округу для предстоящей ревизіи. Все это могъ выполнить въ университетѣ въ то время только одинъ Солнцевъ. Въ февралѣ 1819 года министръ предписалъ по случаю смерти Брауна, не приступая къ новому выбору, править должность ректора Солнцеву, впредь до распоряженія. Во время ревизіи Магницкаго Солнцевъ, какъ исправляющій должность ректора, игралъ конечно главную, выдающуюся роль. Онъ знакомилъ ревизора съ университетомъ, съ профессорами, съ лицами,

---

[1]) Протоколы совѣта 1819 года, стр. 76а.

учрежденіями и дѣлами. Намъ неизвѣстно однако, насколько взгляды и сужденія Солнцева отразились въ распоряженіяхъ и мнѣніяхъ ревизора. Магницкій въ своемъ донесеніи министру писалъ о Солнцевѣ слѣдующее:

«Въ семъ факультетѣ (нравственно-политическихъ наукъ) одинъ профессоръ Солнцевъ преподаетъ лекціи на латинскомъ языкѣ (это ставилъ онъ въ особую заслугу, не обращая вниманія на то, что студенты его не понимаютъ); один онъ занимается своею частью съ прилежаніемъ, имѣетъ собраніе нужныхъ для нея авторовъ, составляетъ записки и принялъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы студенты ходили на лекціи». Въ лицѣ и дѣятельности Солнцева сосредоточивался весь факультетъ послѣ ревизіи. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи: «За выбытіемъ изъ университета многихъ наличныхъ профессоровъ юридико-политическихъ наукъ, г. новымъ попечителемъ университета Магницкимъ, съ утвержденія и г. министра народнаго просвѣщенія, сверхъ занимаемыхъ мною каѳедръ съ добавочнымъ по онымъ жалованьемъ, возложены были на меня университетскія преподаванія правъ россійскихъ: гражданскаго, уголовнаго, полицейскаго, государственнаго, даже правъ и обязанностей публичныхъ нотаріусовъ или маклеровъ, съ ихъ судопроизводствомъ, права естественнаго, частнаго, публичнаго, народнаго, права народнаго практическаго, съ объясненіемъ притомъ представительныхъ правительствъ: англійскаго, французскаго, шведскаго и правъ американскихъ, правъ провинціальныхъ литовско-польскаго и ганзеатическихъ городовъ, правъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго». Полагаемъ, что со времени основанія университета никогда не преподавалось въ юридическомъ факультетѣ столько разнообразныхъ дисциплинъ въ отдѣльности, сколько ихъ насчиталъ для себя одинъ Солнцевъ. Благосклонность Магницкаго къ Солнцеву выразилась и въ томъ, что по его представленію Солнцевъ былъ въ ноябрѣ 1819 года утвержденъ на одинъ годъ ректоромъ. Впрочемъ благосклонностью начальства новый ректоръ пользовался недолго. Заключалась ли причина размолвки въ неподатливомъ характерѣ Солнцева, или не понялъ онъ духа новаго времени и его требованій, какъ понимаютъ ихъ ловкіе русскіе люди, въ томъ числѣ и профессоры-хамелеоны въ эпохи перемѣнъ въ направленіи внутренней политики, или, гораздо вѣрнѣе, онъ и самъ не придавалъ ровно никакого значенія тѣмъ §§ естественнаго права, конечно чужимъ, за изложеніе которыхъ съ каѳедры пострадалъ (да въ нихъ и не было ничего опаснаго), но только черезъ два года онъ не былъ уже не только ректоромъ, но и профессоромъ Казанскаго университета. Впрочемъ разсказъ объ этомъ

столкновеніи Солнцева съ Магницкимъ выходитъ уже изъ рамокъ нашего сочиненія, посвященнаго первымъ годамъ университета и изображающаго его жизнь при двухъ первыхъ его попечителяхъ: Румовскомъ и Салтыковѣ [1]).

Со времени открытія университета и до попечительства Магницкаго совѣтъ только два раза по собственной иниціативѣ и по выбору замѣстилъ пустующія каѳедры. Мы разсказали, какимъ образомъ сдѣлались профессорами Вердерамо и Солнцевъ, люди не имѣвшіе до тѣхъ поръ никакого отношенія къ университету. Произошло это, какъ мы говорили, совершенно случайно. Не женись Вердерамо гдѣ-то въ Тріестѣ или въ Неаполитанскомъ королевствѣ на вдовѣ казанскаго помѣщика, не сопровождай Солнцевъ транспортъ съ архивными дѣлами московскихъ департаментовъ сената въ 1812 году въ Казань,—конечно ни тотъ, ни другой не были бы на каѳедрахъ Казанскаго университета. Замѣщеніе въ большинствѣ случаевъ вообще происходило случайно, безъ достаточныхъ основаній. Такъ Солнцевъ въ январѣ 1819 года вдругъ предлагаетъ совѣту предоставить давно вакантную послѣ смерти Финке каѳедру естественнаго права экстраординарному профессору русской словесности В. Перевощикову, не имѣя по видимому для того никакихъ другихъ основаній, кромѣ того, что Перевощиковъ при жизни ординарнаго профессора Городчанинова не могъ сдѣлаться ординарнымъ по той же каѳедрѣ. Солнцевъ заявлялъ:

„Со времени смерти орд. проф. Финке курсъ естественнаго права былъ прерываемъ *отсутствіемъ* преподавателей по сей части, какъ, наприм., отсутствіемъ п. о. п. Неймана и адъюнкта Манассеина (читавшихъ вмѣсто Финке), а за таковымъ прерываніемъ лекцій и не можно ожидать отличныхъ успѣховъ по сей части. Препорученіе же лекцій различнымъ чиновникамъ, по различію образа преподаванія и выбора системъ, также имѣть можетъ многія неудобности. Нынѣ же г. адъюнктъ естественнаго права Манассеинъ (см. о немъ выше, стр. 94—101), отправленный визитаторомъ въ кавказскую губернію, кромѣ того, что препоручено ему для открытія училищъ по кавказской губерніи оставаться для сего въ тамошнемъ краѣ, вошелъ прошеніемъ въ совѣтъ объ утвержденіи его въ директоры тифлисскаго училища, о чемъ и представлено Его с-ству г. министру. А какъ онъ, проректоръ, и другіе члены совѣта *признаютъ единодушно достоинства и способности по сей же части* э. о. профессора Перевощикова, то и предложилъ:

---

[1]) Какимъ образомъ Солнцевъ пересталъ быть ректоромъ и профессоромъ, было нами разсказано въ статьѣ: „Университетскій судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго". *Ученыя Записки Каз. у-та* (по отдѣленію историко-филологическихъ и политико-юридическихъ наукъ). 1864 года. Вып. I, стр. 267—288.

не угодно ли будетъ отъ лица совѣта предложить э. о. Перевощикову: *не пожелаетъ ли онъ быть ординарнымъ профессоромъ естественнаго права* и, буде пожелаетъ, то и *препоручить ему предварительно сочинить и представить совѣту конспектъ по части естественнаго права для дальнѣйшаго по сему предмету послѣдствія*" (конспектъ, какъ доказательство знакомства съ предметомъ каѳедры, былъ идеею Солнцева.—Въ томъ же засѣданіи совѣта потребованы были „для достиженія высшихъ степеней", такіе конспекты отъ адъюнктовъ Тимьянскаго, Алехина и Юнакова).

Предложеніе Солнцева было принято единогласно, а Перевощиковъ изъявилъ свое согласіе представить конспектъ по естественному праву и въ томъ же мѣсяцѣ былъ выбранъ *единодушно* [1]). Утвержденъ однако онъ не былъ и впослѣдствіи перешелъ на службу въ Дерптскій университетъ, гдѣ былъ профессоромъ русской словесности. Являлись охотники занять вакантныя каѳедры исключительно впрочемъ изъ медиковъ, такъ какъ въ то время одно только спеціально-медицинское образованіе было устроено у насъ довольно правильно. Лицъ же способныхъ занять вакантныя давно каѳедры по другимъ факультетамъ надобно было искать днемъ съ огнемъ. Въ концѣ 1814 года, какъ только открылся университетъ, и совѣтъ получилъ право выбирать профессоровъ, на каѳедру врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности въ званіи ординарнаго профессора просился томскій городской и уѣздный врачъ, вышедшій въ отставку въ 1810 году и жившій въ Симбирскѣ *Бриль-Крамеръ*, докторъ медицины, хирургіи и философіи. Онъ обѣщалъ читать науки по указанной имъ каѳедрѣ «съ легкостью» на россійскомъ языкѣ, и представлялъ свою диссертацію «о параличѣ», а также *общее разсужденіе о формаціи* въ доказательство правъ своихъ на каѳедру. Отдѣленіе врачебныхъ наукъ признало сочиненіе его о фармаціи *совершенно неудовлетворительнымъ*, диссертація же его не представляла ничего особеннаго и не имѣла никакого отношенія къ предмету каѳедры. Искателю каѳедры было отказано [2]). Въ началѣ слѣдующаго года явился еще претендентъ на каѳедру—надворный совѣтникъ *Ѳедоръ Ивановъ Шлегель*. Учился онъ въ Вѣнскомъ университетѣ и въ 1792 году получилъ тамъ степень доктора медицины, хирургіи и повивальнаго искусства и вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ на службу въ Россію, гдѣ и получилъ мѣсто врача въ городѣ Бабиновичи Могилевской губерніи, служилъ затѣмъ врачомъ при кадетскомъ корпусѣ въ Шкловѣ, потомъ при Московскомъ университетѣ, но безъ жалованья, «сверхъ должности

---

[1]) Протоколы совѣта 1819 года, стр. 8б—9а и 25б.

[2]) Дѣло по прошенію симбирскаго доктора Бриль-Крамера объ опредѣленіи его орд. проф. врачебнаго веществословія въ Казанскій университетъ. *Сов.* 1814 г., № 141.

занимаясь медицинскими сочиненіями». Такъ одно изъ нихъ «О трудныхъ родахъ» онъ посвятилъ вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, за что былъ награжденъ золотыми часами, а другое «О истребленіи болѣзни, называемой Plica polonica» (колтунъ)—Государю Императору, за что получилъ бриліантовый перстень [1]). Послѣ того Шлегель находился врачомъ и при московскомъ воспитательномъ домѣ, и при архивѣ иностранной коллегіи, а въ 1813 году вышелъ по слабости здоровья въ отставку. Въ своемъ прошеніи онъ указывалъ, что въ Казанскомъ университетѣ имѣются три *порожнія* каѳедры: клиническая, акушерская и хирургическая, и просилъ принять его на ту, «на какую по благоусмотрѣнію начальства разсудится замѣщеніемъ удостоить». По полученіи мнѣнія отъ медицинскаго факультета, по опредѣленію совѣта, секретарь баронъ Врангель увѣдомилъ Шлегеля, что ваканціи замѣщены въ отдѣленіи врачебныхъ наукъ, кромѣ хирургіи, и просилъ представить сочиненія до хирургіи относящіяся, а ежели таковыхъ нѣтъ, то *«общее разсужденіе о хирургіи на латинскомъ языкѣ,* о предметѣ оной, о ея пространствѣ, успѣхахъ, о настоящемъ ея состояніи, удобнѣйшемъ способѣ преподавать оную и разныхъ писателяхъ, лучшимъ образомъ оную объяснившихъ». Отвѣта не послѣдовало [2]).—Третьимъ претендентомъ медикомъ, на каѳедру акушерства, является въ 1818 году акушеръ симбирской врачебной управы *Владимірскій.* О желаніи его получить каѳедру было предложено совѣту попечителемъ, но врачебное отдѣленіе, разсматривавшее его сочиненія, признало ихъ неудовлетворительными и совѣтъ отказалъ; Владимірскій жаловался на пристрастіе отдѣленія министру. Но любопытный эпизодъ съ этимъ Владимірскимъ, который при Магницкомъ былъ первымъ *директоромъ* Казанскаго университета, можетъ быть разсказанъ и объясненъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ примѣровъ, нами приведенныхъ, можно видѣть, что самъ университетъ, въ первые годы своего существованія, былъ положительно безсиленъ наполняться и развиваться собственными средствами, внутренними силами приготовлять замѣстителей для вакантныхъ каѳедръ. Какъ ни печально это явленіе, но оно было совершенно понятно и легко объясняется исторіей. Развитіе нашихъ университетовъ, созданныхъ въ началѣ царствованія Александра I,

---

[1]) Оба эти сочиненія, сколько намъ извѣстно, напечатаны не были, но два другія напечатаны въ 1819 и 1823 годахъ. См. *Смирдина*". „Роспись", №№ 4789 и 4794.

[2]) Дѣло объ опредѣленіи въ Казанскій университетъ профессоромъ хирургіи надворнаго совѣтника Шлегеля. *Сов.* 1815 г., № 28.

*

больше всего подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, которыми была проникнута верховная власть до 1811 года, и изъ тогдашняго убѣжденія этой власти въ необходимости просвѣщенныхъ и образованныхъ людей въ государствѣ, происходило не органически и, сколько мы знаемъ изъ изученныхъ нами внимательно фактовъ, при самомъ незначительномъ участіи общества. Старые европейскіе университеты, напримѣръ итальянскіе (собственно университетами они и не могли называться сначала, такъ какъ не претендовали на универсальность), развились вполнѣ органически, изъ живой потребности общества въ той или другой необходимой тогда наукѣ. Изложеніе ея съ каѳедры, иногда устроиваемой на площади, по недостатку удобнаго помѣщенія, какъ наприм. въ Болоньѣ, привлекало тысячи слушателей. Другія науки развивались уже постепенно, годами, изъ той же общественной и глубокой потребности. Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ не было недостатка ни въ ученыхъ, ни въ профессорахъ. У насъ были совершенно иныя условія въ тѣ годы. Спеціальнаго приготовленія къ той или другой каѳедрѣ не могло быть, потому что не было кому приготовлять (это былъ circulus vitiosus); польза иностранныхъ ученыхъ оказалась сомнительною, отъ немногихъ изъ нихъ остались слѣды. Каѳедры вакантныя замѣщались счастливымъ случаемъ, хотя, какъ мы видѣли, для медицинскаго факультета не было недостатка въ искателяхъ, готовыхъ читать любой предметъ, лишь бы были у него въ рукахъ тетрадки. Но что это были за кандидаты! Между тѣмъ факультеты лишены были преподаваній по многимъ предметамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ какими же знаніями выходили изъ университета тѣ молодые люди, которые должны были именно познаніями служить странѣ? Такое множество незамѣщенныхъ каѳедръ привело министерство народнаго просвѣщенія въ концѣ 1816 года къ тому докладу, утвержденному Государемъ Императоромъ въ 3 день января 1817 года, о которомъ мы уже упоминали. На основаніи его всякій профессоръ могъ читать и другой предметъ по другой каѳедрѣ, если онъ одного факультета, слѣдовательно занимать другую каѳедру, но за половинный окладъ жалованья. Первымъ воспользовался этою льготою э. о. профессоръ Никольскій, которому, безъ ходатайства о томъ совѣта, разрѣшено было министромъ производить за преподаваніе *смѣшанной математики,* пока не будетъ опредѣленъ профессоръ сей науки, по 800 р. въ годъ. Какъ только такое распоряженіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Казанскомъ университетѣ, такъ уже въ слѣдующемъ февралѣ ректоръ Браунъ объявилъ въ совѣтѣ желаніе занять праздное при университетѣ мѣсто профессора хирургіи «за половину по штату опредѣленнаго на сей предметъ

жалованья». Совѣтъ, имѣя въ виду, что Браунъ уже преподаетъ безденежно хирургію, что *эта наука имѣетъ тѣсную связь съ анатоміей,* что Браунъ съ перваго года службы своей какъ профессоръ анатоміи, не имѣетъ прозектора и несетъ его обязанности, представилъ это все на утвержденіе министра. Мы разсказали уже, что это ходатайство не было уважено, потому что нужно было опредѣлить на каѳедру хирургіи воротившагося изъ Тобольска Арнгольда. Тогда совѣтъ, желая угодить ректору, сталъ ходатайствовать, на основаніи представленія отдѣленія врачебныхъ наукъ, о назначеніи ректору, въ вознагражденіе понесенныхъ имъ въ теченіе 10 лѣтъ службы трудовъ, за исправленіе должности прозектора, такъ какъ сумма жалованья по этой должности не полагалась штатомъ, въ размѣрѣ адъюнктскаго содержанія, т. е. по 800 р. въ годъ [1]). Ходатайство не получило успѣха. — Вслѣдъ за Брауномъ въ томъ же засѣданіи изъявляетъ желаніе занять вторую каѳедру съ половиннымъ содержаніемъ, сельскаго домоводства, профессоръ технологіи Брейтенбахъ, у котораго и по своему предмету не было слушателей, какъ мы знаемъ. — За нимъ просятъ о второй каѳедрѣ, конечно на тѣхъ условіяхъ: Вердерамо, Германъ—о философіи (ему было отказано), Бартельсъ — о каѳедрѣ теоретической астрономіи, хотя онъ уже получалъ по 1100 р. въ годъ за высшій математическій классъ въ гимназіи (онъ получилъ также отказъ, такъ какъ каѳедру занялъ Симоновъ). Наконецъ и профессоръ натуральной исторіи Фуксъ заявилъ совѣту о желаніи своемъ занять вторую каѳедру патологіи, терапіи и клиники, но уже не за половинный окладъ, а за полное, положенное по штату годовое жалованье. Попечитель, въ отвѣтъ на это писалъ, что ходатайства этого удовлетворить невозможно, да и примѣра подобнаго не бывало, а сверхъ того на эту каѳедру просится Владимірскій [2]). Столько ходатайствъ о добавочномъ жалованьи послѣдовало въ первый же годъ послѣ распоряженія. И при Магницкомъ, который нападалъ на профессоровъ, занимающихъ по двѣ каѳедры, этотъ обычай, вызываемый необходимостью, существовалъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Солнцева, и можетъ быть еще въ большей степени. Какъ бы ни были обширны свѣдѣнія у профессора, но вторая каѳедра, занимаемая имъ, несмотря можетъ быть на свое важное значеніе, всегда оставалась второстепенною для него. Для нея онъ уже не

---

[1]) Дѣло о производствѣ г. ректору Брауну за исправленіе должности прозектора при анатомическомъ театрѣ жалованья по 800 р. въ годъ. *Сов.* 1817 г., № 114.

[2]) Протоколы совѣта 1817 года, стр. 17б, 26а, 36б. 51б, 107б, 124б.

могъ приготовить себѣ преемника и заинтересовать предметомъ студентовъ.

Открытіе университета, котораго такъ сильно желало большинство профессоровъ, и полученное вмѣстѣ съ нимъ самоуправленіе, можетъ быть и потому, что новая жизнь университета продолжалась недолго, всего шесть лѣтъ, ни въ чемъ существенномъ не измѣнило университетъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, при Румовскомъ. Салтыковъ, какъ мы уже говорили, былъ вообще на сторонѣ профессоровъ иностранцевъ, и въ его мнѣніи они стояли гораздо выше своихъ русскихъ коллегъ. Но это предпочтеніе, оказываемое, имъ первымъ, не имѣло никакого вліянія на взаимныя отношенія членовъ совѣта между собою. Оно не породило, какъ можно было бы ожидать, враждебности съ національнымъ оттѣнкомъ, какъ это было въ гораздо позднѣйшіе годы. Напротивъ мы видимъ совершенно спокойное настроеніе большинства и, изучая протоколы совѣтскихъ засѣданій, мы не встрѣтили ни разу такихъ бурныхъ сценъ и пререканій, какъ происходили до открытія во время диктаторства Яковкина. Если попечитель Салтыковъ и высказывалъ иногда свое недовольство тѣми или другими дѣйствіями совѣта, то это недовольство выражалось только въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, обыкновенно дѣлаемыхъ имъ въ письмахъ къ Брауну. Салтыковъ былъ, какъ человѣкъ свѣтски образованный, любимъ всѣми, хотя у него и были свои избранники, какъ Арнгольдъ напримѣръ, но они не могли уже имѣть такой власти, какую имѣлъ при Румовскомъ Яковкинъ. Несмотря на то, что съ открытіемъ университета совѣтъ получилъ значительную самостоятельность, что попечитель являлся какъ бы только посредникомъ между самоуправляющимся университетомъ и министромъ, которому принадлежала высшая санкція, онъ много бы могъ сдѣлать полезнаго для университета и для цѣлаго громаднаго округа, еслибъ имѣлъ авторитетъ власти и понималъ значеніе университетской науки. Но это былъ человѣкъ добрый, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабый. Отсюда его повидимому полное равнодушіе къ ввѣренному ему дѣлу и дѣлу такого большого значенія, какъ научные и умственные интересы страны— хотя бы только въ одной части ея. По всѣмъ даннымъ и по изучённымъ нами документамъ, Салтыковъ самъ работалъ мало. Управленіе имѣло канцелярскій, совершенно равнодушный характеръ. Салтыковъ разгорячался только въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось ему, на дѣлѣ или на бумагѣ, задѣвали его самолюбіе. Проживъ года два не болѣе въ Казани и сдѣлавъ кратковременную поѣздку въ одну изъ губерній округа, онъ едва ли могъ хорошо познакомиться

съ дѣломъ и людьми. Потерявъ въ Казани жену, Салтыковъ, какъ мы видѣли, на цѣлый годъ отказался принимать участіе въ дѣлахъ, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда влекли его свѣтскія связи и отношенія. Уѣзжая, онъ предложилъ ректору Брауну «о всѣхъ текущихъ дѣлахъ относиться по-прежнему прямо къ высшему начальству (министру), а мнѣ сообщать только обо всѣхъ увѣдомленія, ибо до возвращенія моего въ Казань, съ соизволенія князя А. Н. Голицына, *я не буду заниматься подробно дѣлами*, а только тѣми, гдѣ необходимо требуется мое посредничество» (21 августа 1816 г. № 200). При такомъ характерѣ управленія ни самое дѣло, ни университетъ, не могли быть дороги Салтыкову. Какъ только узналъ онъ, что готовится пресловутая *ревизія* университета Магницкимъ, онъ поспѣшилъ выйти въ отставку, не имѣя гражданскаго мужества встрѣтить на мѣстѣ совершенно равнаго ему въ правахъ ревизора. Очень можетъ быть, что предоставляя полный просторъ Магницкому, онъ самъ разсчитывалъ выиграть въ служебномъ отношеніи и дѣйствительно скоро сдѣлался сенаторомъ. Ревизія эта являлась неизбѣжнымъ фактомъ вслѣдствіе измѣнившагося взгляда и направленія въ дѣйствіяхъ власти. Никакими особенными, вопіющими злоупотребленіями и якобы полнымъ (?) разстройствомъ университета не вызывалась эта ревизія. За неимѣніемъ гласности, она вытекала главнымъ образомъ изъ массы сплетень, возникавшихъ всегда въ пустомъ провинціальномъ обществѣ, постоянно нерасположенномъ къ университету. Магницкій любовно прислушивался къ нимъ и собиралъ ихъ въ Симбирскѣ; онѣ были ему и его единомышленникамъ на руку. Изъ тѣхъ фактовъ, которые мы собрали и изложили въ нашемъ сочиненіи безпристрастный читатель увидитъ, что исторія этого университета не могла быть другою, какою была, что не злая, всегда устранимая человѣческая воля дѣйствовала здѣсь, а вполнѣ могущественные, неизбѣжные историческіе факторы. Нельзя не вспомнить смысла когда-то знаменитаго положенія Гегеля (второй его половины), не оправдывающаго дѣйствительность, а объясняющаго ея разумность, ея raison d'être и неизбѣжность:

„Was wirklich ist, das ist vernünftig“.

Ревизія вытекала изъ глубокаго незнанія страны (Магницкій только слышалъ звонъ, но не понималъ его смысла), изъ своекорыстнаго чувства, изъ честолюбія, изъ стремленія сдѣлать карьеру и т. п., но никакъ не изъ желанія добра родинѣ. Для того, чтобъ умѣть дѣлать добро, нужно понимать, въ чемъ оно состоитъ. Назначеніе Магницкаго было, выражаясь по современному, *подтянуть* университетъ, хотя это «подтягиваніе», по нѣмецкому выраженію, на-

правлялось in's Blaue. Этотъ знаменитый терминъ изъ военной дисциплины долженъ быть хорошо знакомъ тому, кто слѣдитъ за исторіей русскаго духовнаго развитія. Университетъ дѣйствительно былъ «подтянутъ». Онъ получилъ совершенно новый видъ; явились новые люди, рабски выполнявшіе предначертанія власти съ новымъ ея направленіемъ. Но разсказъ о *ревизіи и попечительствѣ Магницкаго*, представляющій въ высшей степени любопытныя страницы изъ исторіи нашего духовнаго развитія, не можетъ уже принадлежать къ серіи разсказовъ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», которые мы, какъ и намѣревались прежде, довели только до этого знаменательнаго времени.

Въ засѣданіи совѣта 8 марта 1819 года было заслушано предписаніе г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (отъ 13 февраля, № 549) о Высочайшемъ порученіи дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому *обозрѣть Казанскій университетъ и подвѣдомыя ему училища*. Въ тотъ же самый день, 8 марта, за № 1 получено было совѣтомъ и первое предписаніе ревизора, пріѣхавшаго наканунѣ въ Казань, съ требованіемъ разнообразныхъ свѣдѣній для успѣха предстоящихъ дѣйствій своихъ. Извѣстіе объ этомъ конечно произвело большой эффектъ и въ университетѣ, и въ самомъ городѣ. Безъ сомнѣнія неожиданное появленіе ревизора, имѣвшаго большія полномочія, могло походить на заключительную нѣмую сцену гоголевскаго ревизора. Тѣ, которыхъ близко касалась эта ревизія, растерялись, пугаясь предстоящихъ перуновъ, намъ же, на исторической перспективѣ почти трехъ четвертей вѣка, бросающихъ ретроспективный взглядъ на исторію университетской науки, ясенъ настоящій смыслъ событія. Это былъ не дѣйствительный ревизоръ, желавшій изучить на мѣстѣ университетъ, уважающій науку и духовное развитіе, желающій имъ успѣха. Съ большими данными ему, полномочіями и властью, съ громаднымъ самомнѣніемъ, съ хвастовствомъ и познаніями, напоминающими гоголевскаго героя, но безъ его простодушія и доброты, Магницкій только могъ вредить, а не приносить пользу. Исторія иначе и не можетъ смотрѣть на всю его дѣятельность.

I.

Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ второй части.

(Цифры означаютъ страницы).

II.

Алфавитный указатель фамилій студентовъ, упоминаемыхъ во второй части.

Цѣна **3** рубля.

